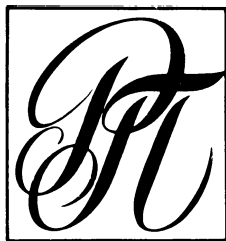

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

1800–1917

*биографический
словарь*

РУССКИЕ
ПИСАТЕЛИ
1800-1917

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

11—20 вв.

*серия
биографических
словарей*

НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКВА
НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
НАУЧНО-ВНЕДРЕНЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ФИАНИТ

1999

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ 1800–1917

*биографический
словарь*

**4
М-П**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
П. А. НИКОЛАЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Н. БАСКАКОВ, Б. Л. БЕССОНОВ, Н. Б. ВОЛКОВА,
В. Э. ВАЦУРО (заместитель главного редактора), Б. Ф. ЕГОРОВ
(заместитель главного редактора), С. П. ЗАЛЫГИН,
А. В. ЛАВРОВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ, Ю. М. ЛОТМАН, Ю. В. МАНН,
К. Д. МУРАТОВА, В. А. МЫСЛЯКОВ, Н. Н. СКАТОВ,
В. П. СТЕПАНОВ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, В. А. ТУНИМАНОВ,
В. Е. ХАЛИЗЕВ, М. Н. ХИТРОВ (заместитель главного редактора),
К. М. ЧЕРНЫЙ (заместитель главного редактора),
А. П. ЧУДАКОВ, И. Г. ЯМПОЛЬСКИЙ.

МОСКВА
НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
НАУЧНО-ВНЕДРЕНЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ФИАНИТ

1999

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Заведующая редакцией Т. А. ГАНИЕВА

Редакторы разделов:

1800—1840-е гг.: ведущие научные редакторы кандидат филологических наук Л. М. ЩЕМЕЛЕВА, Н. П. РОЗИН, научный редактор М. К. ЕВСЕЕВА.

1850—1870-е гг.: научные редакторы Л. Ф. БОРОВЛЕВА, Л. С. ЛИТВИНОВА, А. К. РЯБОВ, при участии Ю. Г. БУРТИНА.

1880—1890-е гг.: научные редакторы С. М. АЛЕКСАНДРОВ, З. И. РОЗАНОВА.

1900—1910-е гг.: научные редакторы Л. Н. КЛИМЕНЮК, кандидат филологических наук Л. И. ЛЕБЕДЕВА.

Транскрипция, иллюстрирование: научный редактор И. П. ОЛОВЯННИКОВА.

Редактор Т. М. БУДАРИНА.

В консультировании различных разделов тома принимали участие доктор филологических наук Н. А. БОГОМОЛОВ, кандидат педагогических наук А. И. РЕЙТЛАТ, К. М. ПОЛИВАНОВ.

Рецензент тома — академик Российской академии наук М. Л. ГАСПАРОВ.

АРХИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛОВАРЯ

Консультант — Б. Л. БЕССОНОВ

Российский государственный исторический архив (РГИА): С. И. ВАРЕХОВА, Б. М. ВИТЕНБЕРГ, Н. М. КОРНЕВА, Г. Г. ЛИСИЦЫНА, В. М. ЛУПАНОВА, Л. М. СЕСЕЛКИНА.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): З. И. ПЕРЕГУДОВА, И. Н. ЗАСЫПКИНА, Л. В. КРЯЧКОВА.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА): Н. Ю. МУРАВЕЙНИКОВА, Е. В. КАРЕВА, Н. Н. СВИНЦОВА, Н. Г. СНЕЖКО.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ): В. Н. ГУДКИН-ВАСИЛЬЕВ.

Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГИАМ): В. В. АЛЕКСАНДРОВА, Г. Ю. БОРИСОВА.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА): С. Р. ДОЛГОВА.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ): Л. Н. ИВАНОВА, Т. В. МИСНИКЕВИЧ, А. Г. НОСОВА, Н. А. ПРОЗОРОВА, М. В. РОДЮКОВА, Л. К. ХИТРОВО, Н. А. ХОХЛОВА.

В томе использованы также материалы, представленные Российским государственным архивом литературы и искусства (РГАЛИ), Отделами рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), Российской национальной библиотеки (РНБ), Архивом внешней политики России (АВПР), Отделами рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, Театральной библиотеки г. Санкт-Петербурга, Центральным архивом Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦАФСБ), республиканскими и областными архивами страны. Редакция выражает благодарность сотрудникам Государственного Литературного музея и архивных учреждений, принимавшим участие в подготовке тома.

В подборе иллюстраций приняли участие сотрудники Музея ИРЛИ Т. А. КОМАРОВА, В. С. ЛОГИНОВА, Л. Е. МИСАЙЛИДИ, А. П. ХОЛИНА.

Консультанты-библиографы: кандидат филологических наук Ю. Г. КОНДРАТЬЕВА, Г. А. ПЕТРОВА (РГБ), О. В. МИЛЛЕР (ИРЛИ; 1800—1840-е гг.), Л. Ф. КАПРАЛОВА (РНБ).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ОТДЕЛЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Зам. главного редактора издательства кандидат философских наук Н. М. ЛАНДА, ведущий научный редактор Главной редакции кандидат филологических наук Г. В. ЯКУШЕВА.

Литературно-контрольный редактор Т. Н. ПАРФЕНОВА.

Группа библиографии — Т. Н. КОВАЛЕНКО (руководитель группы), ст. редакторы Н. С. САПРИЦКАЯ, В. Н. СЕЛЕЗНЕВА. Внештатная библиограф: Г. М. ИГНАТОВА, С. К. КОРОТКИХ, И. А. КУДРЯВЦЕВА, В. Н. ЯКОВЛЕВА.

Редакция иллюстраций — А. В. АКИМОВ (зав. редакцией), ст. художественные редакторы М. К. МОРЕЙНИС, Л. П. МУШТАКОВА, при участии художественного редактора О. И. ЗОБИНОЙ.

Корректорская — Ж. А. ЕРМОЛАЕВА (зав. корректорской), ст. корректоры М. Д. ШТРАМЕЛЬ, Л. С. ВАЙНШТЕЙН, В. Н. ИВЛЕВА, Е. А. КУЛАКОВА, С. Ф. ЛИХАЧЕВА, А. В. МАРТЫНОВА, А. С. ШАЛАЕВА.

Производственный отдел И. А. ВЕТРОВА (зав. отделом).

Ведущий технический редактор Т. Ф. АЛЕКСАНДРОВА.

Копировально-множительная лаборатория — Л. Ф. ДОЛГОПОЛОВА, В. И. КЛИМОВА, Г. В. МЕЩАНИНОВА.

Первый зам. директора Н. С. АРТЕМОВ.

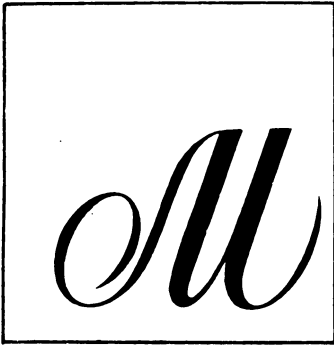
Оформление художника Б. К. МИРОШИНА.

ИЗДАТЕЛЬСКО-КОМПЬЮТЕРНЫЙ ОТДЕЛ НВП ФИАНИТ

Кандидат физико-математических наук И. В. МАМОНТОВ (верстка), Л. С. ПУШКИНА (набор).

Федеральная целевая программа книгоиздания России

В финансировании тома принимал участие Международный фонд «Культурная инициатива»

МЕЛЬНИЦКИЙ Всеволод Петрович [12(24).2.1827, Новгород. губ. — 16(28).9.1866, Петербург (?); похоронен на Смоленском православ. кладб.], автор путевых очерков, редактор ж-ла «Мор. сб-к». Из валдайских дворян. Учился в Штурманском уч-ще (Кронштадт), затем в Мор. корпусе (1843—45), при выпуске произведен в мичманы. В 1849 совершил плавание за границу на корабле «Смоленск». В 1850 участвовал в описании финских шхер; в этом же году дебютировал в печати: ст. «Пошлина и навигация по Зунду и Бельтау» («Мор. сб-к», № 12). В 1852 прикомандирован к Мор. ученому к-ту, где работал над составлением Мор. устава. Участник Крымской войны 1853—56 (служил в Кронштадте флаг-офицером у нач. соединенных дивизий флот-адмирала П. И. Рикорда). Зимой 1854—1855 вновь прикомандирован к Мор. ученому к-ту. Капитан-лейтенант (1859), капитан 2-го ранга (1866). Умер от холеры.

Собственно лит. произв. М. многочисленны. Повесть в 4 рассказах «Вечера в кают-компании» (СПб., 1856), сюжеты к-рой основаны на анекдотич. происшествиях, целиком укладываются в рамки жанра «морских историй». Опубл. два цикла путевых очерков: «Шхеры Финского залива» (отд. изд. — СПб., 1852) и «Переезды по России в 1852 г.» («Совр.», 1853, № 6—8, 11). Сочетавшие живописные и эмоц. описания виденных картин, сцен и достопримечательностей с любопытными этногр. наблюдениями Финляндии, Поволжья и Кавказа и по-военному точными геогр. сведениями и статистич. таблицами, путевые очерки М. являлись одновременно увлекательным и полезным чтением (ср. оценку, данную первой книге в рец. П. А. Кулиша: «записки веселого, умного и наблюдательного путешественника» — «Совр.», 1853, № 1, с. 15—19). М. писал также стихи, печатавшиеся анонимно в «Пантеоне» и «Живописном сб-ке» (не выявлены).

С нач. 50-х гг. М. сотрудничал в «Мор. сб-ке», где поместил неск. спец. статей: «Общий обзор французского морского законодательства» (1853, № 11—12) и др. Со 2-й пол. 50-х гг., в русле предреформ. эволюции нек-рых офиц. изд., «Мор. сб-к» начал менять направление, превращаясь из узкоспец. ж-ла в издание для широкого читателя (см.: Шелгунов и др., I, 114—16, 184). Дейтельное участие в этом процессе, к-рый был инициирован и поддерживался руководителем Мор. мин-ва, пред. РГО вел. кн. Конст. Ник., принимал М., назначенный пом. редактора И. И. Зеленого (1855), а затем редактором ж-ла (с 1860 и до кон. жизни). При М. значительно расширился неофиц. отдел, к сотрудничеству в «Мор. сб-ке» были привлечены И. А. Гончаров, А. С. Афанасьев-Чужбинский, А. А. Потехин, А. Н. Майков, М. Л. Михайлов, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, С. В. Максимов; последний вспоминал о М. как о «литературно образованном человеке, успевшем написать множество прекрасных и дельных статей ... человеке гуманно-воспитанном, обладавшем прекрасным сердцем и привлекавшем к себе многими симпатичными чертами» (РМ, 1890, № 2, с. 39). По заданию Мор. мин-ва организовывались этногр. экспедиции писателей в разл. местности России (их мат-лы частично публиковались в ж-ле).

Сам М. выступал как один из осн. авторов, писал статьи по мор. и воен. быту («Ощущение быта пленных в настоящую войну» — 1856, № 4), по экономич. проблемам («Русское общество пароходства и торговли» — 1856, № 12; «Первый в России частный пушечный завод» — 1864, № 11, и др.). Початал ист. исследования «Адмирал П. И. Рикорд и его современники» (1856, № 2, 3, 6, 13; отд. изд. — СПб., 1856, ч. 1; не окончено) и «История вмешательства России, Англии и Франции в войну за независимость Греции» (1862, № 4, 5, 10, 12; отд. изд. — СПб., 1862; выходило под ред. М., в соост. участвовали Г. Н. Палеолог и А. Сивинис), в к-рых обычно цитируются редкие и ранее не публиковавшиеся ист. докт-лы. Источниковедч. ценность таких публ. подчеркивалась А. Н. Пипиным (рец. на монографию о Рикорде — «Совр.», 1857, № 1), впрочем, не без оснований отмечавшим рыхлость, растянutosть и отрывочность работы М., представлявшей собой, в сущности, свод сырого мат-ла. Среди публ. М. выделяются статьи о педагогике в ее применении к воспитанию воен. моряка. Разделяя вкл. взгляды сотрудничавшего с ж-лом с кон. 50-х гг. Н. И. Пирогова, в т. ч. высказанные в его ст. «Вопросы жизни», и указывая на недостатки системы образования в Мор. корпусе, М. замечал: «Цель морского корпуса — образовать из кабинетных ученых, не физиков и литераторов, а деятелей практических...» («Ответ флотского офицера на статью [Из одного места разные восты]» — «Мор. сб-к», 1856, № 13, с. 73; см. также: «Прошедшее и будущее в воспитании моряка», 1856, № 7).

По инициативе М. в «Мор. сб-ке» регулярно появлялись рецензии на новые книги, имеющие отношение к мор. тематике. Сам он выступил с рец. на кн. «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова (1858, № 6), «Народные беседы» Д. В. Григоровича (1860, № 11), «Рассказы и повести старого

моряка» Н. Бестужева (1860, № 13) и др.; отклики М. представляют некоторый интерес, в т. ч. как взгляд моряка-профессионала.

Лит.: «Мор. сб-к», 1866, № 10 (некролог, библи. сведения). Брокгауз; Венгеров. Источ.: ОМС; ПНЭкр.; ИДРДВ; Ревякин А. И., Островский и его современники. Библи. М.—Л., 1931; Боград. «Совр.», Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 3928; ф. 4, оп. 1, № 24 (некрологи — вырезки из неустановленных печатных изд.). В. М. Боканов.

МЕМОРСКИЙ Михаил Фёдорович (? — не ранее 1820), литератор, автор учебников и уч. пособий. Биогр. сведения крайне скудны (б. ч. — в его книгах). Вероятно, по происхождению принадлежал к провинц. обедневшему дворянству или сел. духовенству. Получил неплохое образование: знал франц., нем. и лат. языки, читал антич. и совр. европ. авторов. В 1794—95 учитель частного Арбатского нар. уч-ща в Москве. Пед. представления, сформировавшиеся не без влияния идей франц. просветителей и подкрепляемые ссылками на авторитеты Сократа, Вергилия, Сенеки, Декарта, М. изложил в кн. «Зеркало, в которое всякому человеку смотреть должно, или Должности человеческие» (М., 1794; посв. М. Д. Мещанинову, по всей видимости, финансировавшему изд.); идеалом М.-педагога стала Др. Греция, в к-рой «воспитание детей почиталось государственным предметом», а одной из осн. добродетелей была «любовь к отечеству».

Одновременно М. давал дома уроки детям гр. П. А. Ефимовского, к-рым посвятил свой первый учебник «Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества, в вопросах и ответах состоящая» (ч. 1—2, М., 1794; переизд. до 1857). С небольшими изменениями и под новым назв. «Арифметика в вопросах и ответах, расположенная по новейшему методу ... для легчайшего обучения детей» [ч. 1—2, М., 1823; список рец. см.: Боград. ОЗ(1)] этот учебник издавался почти ежегодно вплоть до 1917 и стал настольной книгой для детей на протяжении целого века (ср. упоминание «Арифметики...» Л. Н. Толстым, рвавшимся в 1886 за ее исправл. переизд. как учебника для народа — ЛН, т. 69, ч. 2, с. 94). Аналогично построен и др. изв. учебник М. — «Новая российская грамматика в вопросах и ответах ... к легчайшему обучению малолетнего юношества, с присовокуплением краткой поэзии» [т. с. поэтики. — Ред.] (М., 1801), прочно лидировавшая среди неакадемич. грамматик 1-й четв. 19 в. (до 1825 — 13 изданий; переизд. до 1868). М. принадлежат также «Латинская грамматика, в вопросах и ответах, вновь исправленная» (М., 1810; предшеств. изд. не найдено).

Популярность учебников М. объясняется краткостью и простотой сюжета, привлекательностью вопросно-ответной системы изложения мат-ла, изобавляющей как учеников, так и «горе-писателей» от излишних хлопот («Белинский», I, 115). Однако уже в 20-е гг., после выхода грамматик Н. И. Греча и А. Х. Востокова, «Новая рос. грамматика» устаревает (см.: МТ, 1826, ч. 10, с. 148—55, а также замечание П. А. Вяземского в разборе открыток из 3-й гл. «Евгения Онегина» А. С. Пушкина — ст. «Об альманахах 1827 г.», Вяземский II, 23) и в 30-е гг. удаляется незначимо иронич. реплик В. Г. Белинского, часто вспоминающего «бесмертную грамматику», «для своего времени довольно сносно», однако теперь превращающуюся в «явление допотопное, ископаемое ... что пред нею все анахронизмы в мире!» (Белинский, III, 43; ср. сходные иронич. замечания

А. Д. Галахова, посв. «Арифметике...» М. — ОЗ, 1841, № 7; 1843, № 12).

В последние годы 18 в. М. наскелет оставляет учительскую деятельность и занимается «правлением вотчин» тамбов. помещика (его имя обозначает криптонимом К.И.А.Г.). Перемена рода занятий сказалась на характере его лит. продукции: М. переводит брошюру «Полезное изобретение о размножении и приведении в лучшее состояние конских заводов» (М., 1799; посв. М. П. Нарышкину), обобщает «на опыте ... дознанные экономические замечания» и нар. сельскохозяйств. календарь в «практическом сочинении» «Сельский приказчик, или Полевая книжка, с четырьмя бухгалтерскими таблицами, служащая к легчайшему управлению сельскими конторами» (М., 1804; посв. А. З. Дурасову).

Одновременно с публикацией учебников и книг прикладного характера М. занимался и собственно лит. сочинительством. В 1795 в Москве вышел в его пер. авантюрный франц. ром. «Всяк своему счастью есть кузнец, или Непреоборимая верность Монеа и Марии» (посв. очередному меценату М. — А. Ф. Кокошкину) с развлекательным сюжетом, включающим и сентимент. переписку героев; в 1802 — пер. (с франц.) соч. Ж. Ф. Мимольта «Новый Фоблас, или Приключения Фрорбеля» (Смоленск; 2-е изд., ч. 1—4, СПб., 1804; имя переводчика указано в кн.: Сопиков). Позднее М. выпускает в форме ежесем. издания эпистолярный ром. «Сатирический театр, или Зрелище людей нынешнего света» (М., 1808) — компиляция собств. переводов сатирич. произведений Ж. Ж. Руссо, К. Ф. Геллерта и Г. В. Рабенера, перемежающихся авт. рассуждениями о дурном воспитании детей учителями-французами, об отсутствии полковых библиотек и т. п. Среди включенных в роман стихотворений — общензв. сатирич. ода Г. Р. Державина «Вельможа», вложенная в уста одного из героев без указания авторства и т. о. приписанная собств. перу М.

Значит. часть ориг. творчества М. представляют исполненные публиц. пафоса книги — отклики на злободневные полит. события: воен. кампании 1805—07 и Отеч. войну 1812. Так, присоединение России к континент. блокаде (1807) нашло отражение в кн. «Дух, или Мысли англичанина на Воробьевых горах, оплакивающего нынешнее состояние англичан» (М., 1807), монологе старика-англичанина, оставшегося в «приятной российской стороне» и обращающегося к соотечественникам, «разрушившим согласие с Россией, с сим благополучным всем народам пристанищем», с призывом «одуматься». В кн. «Англичане в Дании,

или Действие настоящей войны» (М., 1807; посв. Д. П. Черевину), явившейся откликом на бомбардировку англ. войсками Копенгагена, пацифист. настроения М. нашли выражение в не связанных между собой драм. сценах с пестрым набором действующих лиц (англ. король, солдаты, офицеры, мирное население, торговцы-евреи и др.); демокр. симпатии автора (сочувствие к неграм-невольникам) сочетаются с наивным монархизмом (противник войны король противопоставляется парламенту и министрам — гл. виновникам несчастий простых людей). Близки по характеру к названным произв. книги М. «Отчаянный султан» (анонимное изд., автор установлен по кн.: Сопиков) и «Театр нынешней войны, или Бенингсен и Бонапарте в армиях» (посв. гр. Н. И. Зотову; обе — М., 1807), призванные продемонстрировать ничтожество врагов России и «снятие русского оружия». В кн. «Сон Бонапарта, виденный им в Париже в самую ту ночь, когда он расположен был отправиться в армию, для вступления со оною в российские пределы, взятый из достоверных сведений» (М., 1813; анонимно; автор установлен по кн.: Каталог рус. книг 6-ки имп. С.-Петерб. ун-та, т. 2, СПб., 1902) зафиксировано фольклорно-мифол. представление о Наполеоне как о «кровожажущем герое», к-рый видит пророческий сон о гибели от «белого царя» (Александра I). Кн. «Русские славятся и торжествуют в Париже, с кратким описанием сей столицы, и отчаяние Наполеона Бонапарте, бывшего обладателя сего знаменитого града» (М., 1814; посв. И. А. Маслову) представляет собой краткий очерк событий Отеч. войны 1812, совмещенный с изложенным в форме диалогов париж. путешводителем. Произведения М. отмечены стилистич. эклектизмом и размытостью жанровых границ, присущими низовой лит-ре.

В нач. 1810-х гг. М. продолжает выпускать уч. пособия для школьников: «Микроскоп всемирной истории, или Сокращенный повествователь ... с присовокуплением зерна Российской истории» (М., 1811), «Краткая священная история церкви ветхого и нового завета...» (М., 1809, 1816; анонимно; предположит. атрибуцию М. 1-го изд. см. в кн.: Сопиков; авторство 2-го изд. указано в кн.: Б-ка Смирдина; в переработанном виде пособие выходило до 1858). Опираясь на «Universalis Lexicon» Дрезденского ун-та, сочиняет объемную «Новейшую и пространнейшую всеобщую географию, или Подробнее описание пяти частей света...» (ч. 1—4, М., 1814), не лишнюю курьезных нелепостей в рассказе об азиат. странах; в описании

Тамбов. губ. М. делает автобиогр. отступление, явившееся одним из последних свидетельств о его жизни: указывая на свое проживание в 1806 в с. Мокром Шацком у., попутно сообщает о том, что «мучился ... почти ежечасно от судорожных припадков», но побывал на Липецких водах и «возвратился оттуда невредим» (с. 91).

В библиогр. (Венгеров. Источ.; Сопиков; Б-ка Смирдина) принято разделять Михаила и Константина Менделевич. Имя последнего стоит на учебниках «Полная рос. грамматика с присовокуплением краткой истории славянского языка...» (М., 1823) и «Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества...» (ч. 1—2, М., 1815; 1829). Тождество этих учебников с пособиями М. позволяет предположить, что часть изданий М. выпускал под псевд., вероятно, по коммерч. соображениям (ср.: комм. С. А. Венгеров, с замечанием о «популярности» М., вызванным скудостью биогр. данных о нем — в кн.: Белинский В. Г., ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 509—10; Маслов).

Лит.: Белинский (ук.); Половцов В., Краткая летопись грамматич. деятельности в России, СПб., 1847, с. 36, 38; Веснин Л., Ист. обзор учебников общей и рус. географии (1710—1876), СПб., 1876, с. 136—38. + Гейнади; Брокгауз; Венгеров. Источ.; Венгеров. Рус. кн.; Сопиков; Богра. ОЗ (1); Маслов.

Архивы: РГБ, ф. 233, к. 58, № 15; к. 35, № 55 (библиогр. заметки о М.); ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 5, 7; оп. 5, д. 11 (целые мат-лы; в т. ч. о возвращении М. в 1813 для исправления рукоп. «Наблюдатель нынешних чрезвычайных происшествий, случившихся во время нашествия неприятеля в Россию» и «Светлейший князь Голенищев-Кутузов и Генералиссимус: князь италийский Суворов в храме бессмертия», а также о подаче им в 1820 «для 2-го изд.» рукоп. «Катинька, или Найденное дитя» (изд. с этим назв. — пер. соч. Ф. Г. Дюкре-Доменни, вып. полнотный не М., а переводчиком нач. 19 в. К. Кириченко-Остроумовым, — выпускалося дважды: М., 1802: Орел, 1820. — Т. Н.); РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 785 (о судебном деле по поводу перизд. «Арифметики» и «Рос. грамматики», 1828 г.) (справка Л. М. Сосолкиной).

Т. Ф. Немцова.

МЕНДЕЛÉВИЧ Родион Абрамович (осн. псевд. Р. Меч; 1867 — 28.4.1927, Москва), поэт, журналист. Из семьи бедного еврея-ремесленника. Брат изв. скульптора И. А. Менделевича (1887—1952). В юности служил мальчиком у др. своего брата — портного. Рано начал писать стихи, с 1885 в течение ряда лет ак-

тивно печатался в газ. «Новости дня». Вначале был близок к поэтам-самоучкам Суриковского лит.-муз. кружка, особенно дружил с поэтом и прозаиком, участником и составителем коллективных сб-ков писателей-самоучек С. В. Лютовым (1866—97), однако влияние суриковцев оказалось неглубоким, и в последующих стих. М. характерные для них тематика и интонации менее ощутимы. А. П. Чехов, познакомившись с М. (по своей инициативе), в 1885 рекомендовал его Н. А. Лейкину: «человек забытый, голодающий, представляющий нечто бесформенное и неопределенное», но стихи его выделяются на фоне «московской чепухи» — «и свежи, и гладки, и коротки. Попадались такие, что хоть на музыку перекладывай» (Письма, I, 162; резко отрицат. реакция Лейкина, отметившего неопределенность стихов, избитость тем, и возражения Чехова — там же, 170, 400; о муз. переложениях стихов М. из сб. «Молодые победы» см.: Иванов). М. нередко бывал дома у Чехова, к-рый и позднее опекал его, «устраивая» в разл. издания (см. «Ключки воспоминаний» М. — «Раннее утро», 1914, 2 июля; в чеховской б-ке сохранились две книги М. с дарств. надписями, см.: Балухатый). В дальнейшем М. так и остался преим. «газетным» поэтом, обслуживавшим десятки изданий: ж. «Будильник» (1886—1914), «Развлечение» (1887—1909), «Осколки» (1888—1904), «Стрекоза» (1888—1911), «Искры» (1901—07), «Всемирная илл.» (1912—16), «Рус. сатирич. листок» (1880—1910-е гг.), газ. «Рус. листок» (1890, 1900), «Моск. листок» (1901—17), «Бирж. вед.» (1904), «Раннее утро» (1908—14), «Театр. газ.» (1914) и др. В них он выступал в осн. как стихотворец-репортер, с злободневными, в т. ч. сатирич., откликами, отмеченными зачастую живостью непосредств. впечатлений: «надо было удивляться способности Менделевича схватывать все события и мелочи московской жизни и тут же воспроизводить их в стихотворной форме» [Белосусов (1), с. 39]. С нач. 1900-х гг. во многих газетах он печатал также стихотв. рекламные тексты (под псевд. Дядя Михай), постепенно все более и более превращаясь в газетного поденщика; ср. его собств. признание — в сб-ке, изданном к 25-летию газетной деятельности: «Увы! Я только — тень поэта/ Кропотель жалкий/ злобы дня!.../ Меня подталкивала муза:/ Нам, Родья, надо есть! Пиши!/ И вот опять строчил стихи я, —/ Нечесерпаем рифм запас!» («Раннее утро», М., [1910], с. 1).

Лирич. стих. и поэмы М. были собраны в его кн. «Молодые победы» (М., 1889), «Святочные поэмы» (М.,

1897) и «Мечты и явь» (М., 1901). При нек-ром жанровом разнообразии (в сб-ки включены опыты в таком достаточно редком жанре, как сонет) и определ. уровне версификац. умелости стихи тем не менее лишены индивидуальности: в осн. это навязчивые вариации мотивов и фразеологии, традиционных для поэзии 80-х гг. («Он сказал мне: „Мой брат, мой измученный брат!... / Ты ль страдаешь один...“» — «Долго, долго терзалась усталая грудь...»), меланхолич. пейзажные зарисовки, порой с прямолинейной аллегоричностью, романсные «перелеты» в духе А. Н. Апухтина и др. («Ночи душистые, ночи пахучие...»), отклики на полит. события (нек-рые из них М. перепечатывал по несколько раз, «приурочивая» к разл. поводам) и т. п.

Начало 1-й мировой войны, настроения, царившие в Европе в первые военные дни, М. описал в заметках очевидца [сб. «Застигнутые войной» (Русские туристы в 1914 г.) ...], М., 1914]. Позднее в погоне за заработком издавал агитацион. ура-патристич. стихотв. брошюры: «Вильгельм в аду» (М., 1914), «Сказка о Вильгельме-пруссакке, Франце-Балде и русском казаке» (М., 1915), «Степка-Растрепка доброволец» (М., 1915). События 1917 отразились в брошюре на «сенсационную» тему «Голос с того света, или Гришка Распутин в гостях у Сатаны» (М., 1917).

После Окт. революции М. — сотрудник отдела моск. хроники в «Правде» (1918—23), пост. фельетонист «Известий Моссовета»; печатался в газ. «Известия», «Гудок», «Беднота», «Голос трудового крестьянства», ж. «Тачка» (1918—19), «Крокодил» (1923) и др. Чл. Союза драматич. и муз. писателей (с 1918).

Др. произв.: стихотв. переложения сказок «Кот в сапогах» (М., 1890), «Дюймовочка» (М., 1891); стихотв. брошюры «Женщины-герои. Сестра Татьяна и Катя-доброволец» (М., 1915), «Слава сибирякам героям!» (М., 1915).

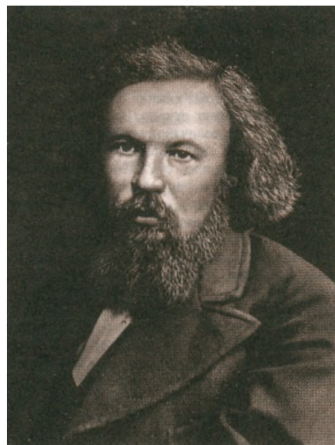
Изд.: [Стих.] — В кн.: Стихотв. сатира: Кобзарь. — В кн.: Венок России Кобзарю, М., 1889.

Лит.: Чехов (ук.); Балухатый С., Б-ка Чехова. — В кн.: Чехов и его среда, Л., 1930, с. 259; Гиляровский В. А., Избр., т. 2, М., 1960, с. 188; ЛН, т. 68 (ук.). — Хроколки, 1927: «Правда», 29 апр.; «Журналист», № 5, Венгеров. Источ.: Смирнов-Сокольский: Алым. и сб-ки (1, 2); Писатели совр. эпохи (2); Иванов; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 331, оп. 51, № 54 (письма А. П. Чехову, 1885—1902); ф. 625, оп. 1, № 40 (письмо С. В. Лютову, 1887); ИРЛИ, ф. 273, оп. 1, д. 387 (письмо П. В. Быкову, 1894); ЦИАМ, ф. 31, оп. 3, д. 2193 (ценз. мат-лы); РГАЛИ, ф. 675, оп. 2, № 407 (л. в. в Союзе драм. и муз. писателей). А. И. Рейнштам.

МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович [27.1(8.2).1834, Тобольск — 20.1(2.2).1907, Петербург; похоронен на Волковом кладб., химик, экономист; публицист, обществ. дея-

тель. Из культурной сиб. семьи. Правнук (по тобольской линии) Вас. Як. Корнильева — владельца типографии, издателя первого в Сибири ж. «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—91). Семнадцатый ребенок директора Тобольской г-зии. В детстве испытал влияние друживших с его семьей ссыльных декабристов — М. А. Фонвизина, А. М. Муравьева, И. А. Анненкова, Н. В. Басаргина (мужа сестры М.). Решающим в дет. и юношеские годы стало воздействие матери, Марии Дм. (ум. 1850), чья волевая настойчивость, нравств. принципы определили во мн. жизненную судьбу М.; заветы матери считал «священными». В 1849 окончил Тобольскую г-зию, где обучался словесности у П. П. Еринова, с к-рым поддерживал дружеские отношения (позднее женился на его падчерице Феозве Никитичне Лещевой; в 1865 содействовал очередному изд. «Конька-Горбунка»). Рано потеряв отца (1847),

М. переезжает в Москву к брату матери В. Д. Корнильеву, присутствует на встречах дяди с изв. писателями (о започавшемся М. визите Н. В. Гоголя см.: Добротин, Карпило, с. 108). В 1850 поступил на естеств.-матем. ф-т петерб. Главного пед. ин-та, к-рому, по собств. признанию, «обязан всем своим развитием» (см.: Макареня, Нутрихин, с. 13); окончил курс с золотой медалью (1855). В 1856 защитил магистерскую дис. по химии, в следующем году утверждён приват-доцентом Петерб. ун-та. 1859—60 проводит в науч. командировке за границей (Париж, Гейдельберг, Карлсруэ).

В Гейдельберге становится главой кружка рус. науч. молодежи, знакомится с И. М. Сеченовым, сближается с А. П. Бородиным, поддерживает отношения с семьей Т. П. Пассек и с Марко Вочков. Среди его знакомых — писатель Л. Ф. Де-Роберти, придавший узнаваемые черты М. молодому учёному «шестидесятнику», герою своей пов. «Гурин» (РВ, 1861, № 7/8); впоследствии сын М., И. Д. Менделеев (см. о нем ниже), в своих восп. ретроспективно сближал мо-

лового М. с образом Базарова из «Отцов и детей» И. С. Тургенева (см.: Младенцев, Тищенко, [т. 2], с. 353, 366).

В 60-е гг., по возвращении в Россию, общается с Н. Н. Страховым (их знакомство относится ко времени совместного обучения в пед. ин-те). Более интенсивной становится пед. и науч. деятельность М.: он продолжает преподавать в Петерб. ун-те (1862—90), читает лекции в Инж. академии (1862—66), Технологич. ин-те (1862—72) и др. уч. заведениях. Уже в это время проявились его качества прирожденного педагога и яркого лектора (позднее слушатели отмечали его дар «захватывать аудиторию и мощно властвовать над нею» — М. в восп. современников, с. 125, 128—30). В 1865 защитил докт. дис. (о водно-спиритовых растворах; в дальнейшем расчеты М. легли в основу рецепта классич. рус. водки) и получил звание проф. Петерб. ун-та по кафедре технич. химии. В 1869 М. открыл один из осн. законов естествознания — периодич. закон химич. элементов. Выходит в свет гл. его труд «Основы химии» (в. 1—5, СПб., 1869—71; выдержал при жизни М. 8 изд.).

Классич. «Основы химии», содержащие формулировку периодич. закона, признаны в ученой среде «таким же величайшим проявлением человеческого гения, как „Божественная комедия“ Данте, как „Страшный суд“ Микеланджело, как 9-я симфония Бетховена» (А. А. Байков — М. в восп. современников, с. 64). В восприятии мл. современников-символистов значение труда М. далеко выходило за рамки чисто научного («химическое эвангелие», по определению, приводимому А. Белым, — I, 414), а образ М. обрел отчетливо мифологизированные черты. Периодич. система представляла наглядным воплощением мировой гармонии, «неким космическим, песню поющим органом» (там же). А. А. Блок, сблизившийся с семьей М. в кон. 90-х гг. (17 апр. 1903 общался с его дочерью Л. Д. Менделеевой), считал М. одним из провозвестников нового миропонимания, хранителем сокровенного «всезнания»: «Он давно и все знает, что бывает на свете. Во все проник... Его знание самое полное» (письмо Л. Д. Менделеевой, 1903 — ЛН, т. 89, с. 130). А. Белый, изучавший «Основы химии» в 1899, находил в них «обилие прекрасных творческих парадоксов», «огненные прозрения» (письмо Э. К. Метсру — РГБ, ф. 167, оп. 3, № 7), а М. называл Савофром. Образ ученого-демиурга дополнял характерный внеш. облик М. в поздние годы (по отзыву современника, «красивей и выразительнее головы не найти даже у Доре в его иллюстрациях», см.: Макареня, Нутрихин, с. 99).

В 1876 М. избран чл.-к. АН. В этом же году принял активное участие в бурной полемике о спиритизме, инициированной медунич. сеансами, организаторами к-рых выступили А. Н. Аксаков, А. М. Бутлеров и Н. П. Вагнер, возглавлял науч. комиссию Рус. физич. об-ва по изучению спиритич. явлений. Выступления М. сделали его имя широко известным в журналист. и писательских кругах. Он познакомился и неск. раз беседовал о «медиумизме» с Ф. М. Достоевским, к-рого, по свидетельству сына М., «очень уважал», хотя его творчество ценил не слишком высоко («дорогу с помощью таких людей найти трудно!» — см.:

Младенцев, Тищенко, [т. 2], с. 355, 367). Результаты работы комиссии были обобщены М. в трех «Публичных чтениях о спиритизме» (прочитаны в дек. и апр. 1876; опубли. в изданном им сб. «Мат-лы для суждения о спиритизме», СПб., 1876).

Выступая с резкой критикой спиритизма как вышенауч. течения, пытающегося, однако, прикрыть оккультную основу псевдонауч. оболочкой (спириты «помирлили сказку с наукой», там же, с. 322), и особенно опасным считая спиритич. увлечения ученых-естествоиспытателей, М. осн. внимание уделял опытно-эмпирич. проверке выводов сторонников спиритизма, выявлению фальсификаторских приемов медунич. и т. п. Такая позиция вызвала неприятие Достоевского, неоднократно затрагивавшего спиритич. тему в «Дневнике писателя». Будучи столь же яростным противником «отравительной гипотезы» спиритизма — свидетельства разложения рус. общества, — Достоевский тем не менее утверждал, что спиритизм неистребим логич. опровержениями и что деятельность комиссии лишь усиливает к нему интерес (см.: Волгин, Рабинович). Сам М. к концу исследований также усомнился в возможности полностью искоренить обществ. заблуждения («думалось, имеем дело с научным вопросом, оказалось — это вопрос совсем какой-то другой» — «Мат-лы для суждения о спиритизме», с. 382), но все же усилил комиссии призывал несправедливым (см. также позднюю ст. «Спиритические узлы», НВ, 1904, 18 мая).

На протяжении 70-х гг. и позднее выступал в печати по вопросам просвещения, развитие к-рого считал исключительно важной, приоритетной задачей правительства (кн. «Заметки о народном просвещении России», СПб., 1901).

В «Заметке по вопросу о преобразовании гимназий» (СПбВед, 1871, 1 мая) он обосновал необходимость демократизации уч. заведений, выдвинул идею непрерывного образования; критикуя реформу 1866—71 (введение классич. г-зий и реальных уч-щ), резко протестовал против построения системы просвещения на «классич.» основах, доказывал важность включения в гимназии. курс естествознания и более глубокого изучения рус. языка. В 1876 участвовал в полемике по проекту нового ун-тского устава, существенно ограничивавшего права ун-тов, в т. ч. выступал против М. Н. Каткова: «За и против». В защиту «Антошки — Homo Novus» [псевд. Каткова. — *Ред.*] («Голос», 1876, 11 февр.).

В последующих работах М. неоднократно возвращался к критике «классицизма», к-рый понимал широко — как мировоззрение отживавшей эпохи, основанное на бесплодных, по его мнению, умств. построениях, не проверенных опытом и наблюдениями, а потому ведущих к самозабвению, разочарованию и отчаянию; такую мировоззренческую противопоставлял философию «жизненного реализма» — объективное, «по здравому смыслу», отношение к действительности, лишенное идеологич. предвзятости идеализма и материализма; «реалистич.» (с чертами позитивизма) подход позволяет человеку, согласно М., полностью овладеть материальными силами, а затем приводит к науч. изучению и овладению сферой духа (см.: Соч., т. 24, с. 253; т. 20, с. 232).

В 1880 при выдвижении М. в академики его кандидатуру забаллотировали, что было с возмущением воспринято отеч. и заруб. науч. общест-

венностью. Исход выборов предопределялся мнением академич. руководства, не принимавшего предложенную М. программу коренного пересмотра принципов деятельности Академии и изменения ее структур (см. не изданную при жизни М. ст. «Какая же Академия нужна в России?» — НМ, 1966, № 12, публ. Б. С. Мейлаха; то же в изд.: «Границ познанию...», с. 220—68; о противоборстве академич. «партий» вокруг кандидатуры М. см.: Князев).

В это же время происходит драма в личной жизни М., связанная с его увлечением молодой художницей А. И. Поповой и нежеланием первой жены дать развод (лишь благодаря вмешательству друга М. — А. Н. Бекетова развод был получен и М. общался с Поповой в 1882).

Конеч 70-х — нач. 80-х гг. самим М. ощущаются как «переходное время» (см. в кн.: Архив М., 1951, с. 82). Расширяется круг его знакомств: на менделеевских «средах» собираются художники, критики (среди друзей М. — А. И. Кунинджи, Н. А. Ярошенко, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. В. Стасов), он встречается с Тургеневым, Вл. С. Соловьевым, В. М. Гаршиным и др. М. обобщает свои практич. иссл. в области промышленности и сел. хозяйства (результаты изучения нефтяных промыслов, опытов на полях его «сельскохозяйств. станции» — в имени Боблово, и др.), постепенно вырабатывает собств. концепцию социально-экономич. развития России, размышляет о философии науки, ее роли в обществ. прогрессе, о соотношении рационального (научного) и худож. способов познания мира. Волновавшие его в этот период проблемы отразились в кн. «Нефтяная промышленность в северо-американском штате Пенсильвании и на Кавказе» (СПб., 1877), насыщенной живо воспроизведенными впечатлениями от поездки в Соединенные Штаты для изучения нефтяного дела (лето 1876). Разочарованный амер. действительностью эпохи пром. кризиса, М. опровергает взгляд на Америку как на страну процветания и неограниченных будущих возможностей («новая заря не видна по ту сторону океана»), считает ее отражением «средних и худших сторон европ. цивилизации», а амер. веру в индивидуальность в ее предельном развитии противопоставляет убежденность в том, что «для цивилизации неделимое есть общественный организм...» (с. 145—50); в будущем ключевую роль в судьбах мира М. отводит славному (в более поздних трудах корректирует негативную оценку Америки и указывает, что в организации экономич. жизни Соединенные Штаты могут служить примером для России). Подобные идеи звучат и в др. работах: анализируя понятия частного и общего (статья «Единица» — «Свет», 1877, в. 11) или проводя ана-

логии между новыми явлениями в естествознании и живописи (ст. «Пред картиною А. И. Куинджи» — «Голос», 1880, 13 ноября), М. акцентирует мысль о необходимости отрешения от индивидуализма, от поклонения лишь «уму и духу людскому» ради возможности развития «единицы высшего порядка — семьи, общества, государства, человечества» (Соч., т. 24, с. 247, 243) — тезис, ставший одним из центральных в позднейших его трудах (ср. также размышления М. о «новой религии» — в кн.: «Семейная хроника в письмах...», с. 198—202). В этот же период окончательно формируется полит. кредо М. — «постепенность», т. е. убежденность в благотворности только постепенных, хотя и неуклонных изменений в обществ. жизни (о совпадении его «постепенности» взглядов с воззрениями Тургенева см. в кн. М. «Заветные мысли», [в. 1—4], СПб., 1903—04, с. 223—24; ср. свидетельство В. И. Вернадского о консерватизме воззрений М. — М. в восп. современников, с. 69).

В марте 1890, после неудачной попытки помешать подавлению студенч. волнений и конфликта с мин. нар. просвещения И. Д. Деляновым, М. оставил ун-тскую кафедру. С 1891 выступает как автор и редактор химико-технич. и фабрично-заводского разделов «Энци. словаря» Брокгауза и Ефрона. В 1893 избран чл. Академии художеств. С 1892 и до конца жизни занимал должность ученого хранителя (с 1893 управляющего) Гл. Палаты мер и весов, не прекращая кипучей практич. деятельности и в др. областях (труды по воен. делу, воздухоплаванию, судостроению и др.).

Мемуаристы, в подробности воссоздавшие облик М. этого периода, отмечали его поразительную работоспособность и внутр. силу, сохранявшуюся до старости «природную диалектику сибиряка, не подавлявшуюся никогда никакому лоску», импульсивный, взрывной темперамент, порождавший трудности в общении, но и — непосредственность (временами почти детскую) реакций: «он был смесью простоты, наивности и недоступной сложности» (Озаровская, с. 72, 132 и др.).

В 1899 М. по поручению мин. финансов С. Ю. Витте, с к-рым сблизился в 90-х гг., совершил поездку по Уралу и Сибири. Ее результатом стала изданная под редакцией М. кн. «Уральская железная промышленность в 1899...» (СПб., 1900; отрицат. отзыв К. А. Скальковского см. в его кн.: «Очерки и фантазии», СПб., 1903) — своеобразная «энциклопедия» фабрично-заводского Урала, включающая одновременно и личные восп. («Поездка в Тобольск») и сохраняющая непосредственность путевого дневника, к-рый фиксирует «счастливые случайности дорожных встреч» (с. 418), портреты людей, впечатления от уральской природы.

В последние годы М. много времени посвящал научно-филос. публицистике; суммируя свои изыскания в области экономики, пром. развития, в вопросах просвещения и гос. устройства Рос. империи, он рассматривал проблемы развития России в контексте общемировых процессов. Итоговыми стали кн. «Заветные мысли» ([в. 1—4], СПб., 1903—04; отклики: В. В. Протопопов — «Петербург. газ.», 1904, 13 июня, приб.; М. О. Меньшиков — НВ, 1904, 4 июля; А. Перепёлкин — «Голос Москвы», 1907, 20 июля, и др.), основанная на анализе данных первой переписи населения 1897 работа «К познанию России» [СПб., 1906; 7-е изд., СПб., 1912; отклики: А. С. Суворин — НВ, 1906, 15 июля; там же, 16 июля; «Нева», 1906, № 1; РИ, 1906, 1, 2 авг., и др.] и опубликованные посмертно «Дополнения к познанию России» (не окончены; 1—2-е изд. — СПб., 1907; рец.: РИ, 1907, 31 мая).

Убежденный приверженец промышленного (капиталистического) пути развития России как залога ее будущего благосостояния, М. утверждал приоритетность «покровительства, политики», т. е. продуманной системы правительства, мер по стимулированию и защите рос. промышленности и торговли, обосновывая необходимость такого протекционист. подхода и в фундаментальных, посв. специальным проблемам, но не лишенных публицистичности, работах («Толковый тариф...», в. 1—3. СПб., 1892; «Учение о промышленности...», т. 1, в. 1—2. СПб., 1900—01, не окончена; и др.), и в популярных статьях, зачастую очеркового, пропагандист. или полемич. характера: «О возбуждении промышленного развития в России» («Вест. промышленности», 1884, № 2), «Письма о заводах» («Новь», 1885, т. 3, № 10; т. 6, № 21; т. 7, № 1) и др. Выступая за ускоренный рост городов, М. тем не менее отвергал идеи насильственного разрушения традиц. крестьянского хоз. уклада, считал возможным развитие промышленности «на общинных началах» («Заветные мысли», с. 182; «Учение о промышленности», в. 1, с. 36, 63).

Три последние книги М., несмотря на нек-рую неопределенность и внутр. противоречивость, наиб. полно отражают его концепцию ист. развития общества и понимание им совр. эпохи. Пытаясь нащупать границы применимости точных методов в сфере социальных явлений, М. исследует закономерности обществ. жизни, привлекая для анализа обширный статистич. мат-л (демографич., экономич. и т. п. данные). Основа его концепции — «антимальтузианский» тезис о зависимости уровня благосостояния стран от темпов роста их населения (от «размножения людского»). М. был убежден в том, что неизбежное достижение всеми странами «промышленной эпохи» позволит со временем отказаться от «классич.» войн, революций и т. п., верил в возможность обеспечить человечеству бесконечное развитие и духовное процветание через соединение промышленности с наукой и просвещением (см.: «Учение о промышленности», в. 1, с. 18—19). М. предвидел мн. глобальные (в совр. термино-

логии) проблемы 20 в., в т. ч. крупные войны с участием России, проблемы неравномерности социально-экономич. развития разных стран, загрязнения окружающей среды и т. п., однако считал их успешно разрешимыми, если отмеченный им процесс образования «мировых» держав закончится выработкой междунар. соглашений или образованием «особых видов Соединённых Штатов» («Дополнения к познанию России», с. 11). Насущным требованием времени М. называл сильную гос. власть, способную гармонизировать личные, обществ. и гос. интересы, в пренебрежении таким сочетанием видел причину распространения «ложного учения» социалистов, следствия к-рого «очевидны: застой и неизбежность порабощения новыми или свежими народами, чуждыми утопич. увлечений» («Заветные мысли», с. 243). В грядущей истории, по М., одно из ведущих мест будет принадлежать народам Азии (в т. ч. густонаселенному Китаю), и роль «срединной» России, «стоящей между мотомом Европы и наковальней Азии», будет состоять в «объединении двух важнейших частей человечества» — Запада и Востока («К познанию России», с. 1; «Заветные мысли», с. 246).

Общественно-экономич. взгляды М., выразившиеся в его последних трудах, очевидно противостоят идеям Л. Н. Толстого, за выступлением к-рого М. следил, хотя отзывался о нем резко и уклонялся от личного знакомства (в отношении к нем-рым др. проблемам их позиции были объективно близки, ср., напр., трактатов Толстого темой спиритизма в «Плодах просвещения»). Толстой, прочитавший кн. «К познанию России», заинтересовался статистич. данными, но концепцию М. подверг резкой критике: «Как ужасно безразветленно и просто глупо Менделеевское разномыслие» (дневник, 24 авг. 1906 — LV, 237). Блок, с пристальным вниманием следивший за публицистич. М., находил «в неприимчивости двух начал — менделеевского и толстовского» трагедию России (Блок, V, 325).

В работах 1900-х гг. наиб. отчетливо проявилось своеобразие стиля М.: неоднократные повторения ключевых тезисов, тяжеловатый и усложненный синтаксис (следы привычки к лекторской устной интонированной речи), обилие примечаний, зачастую имеющих самостоятел. смысловую ценность и законченность, многочисл. отступления, что не мешает, однако, восприятию его текстов как эмоционально окрашенного авторского монолога.

Старший сын М. (от второго брака), Ин. Дм. Менделеев (1883—1936) — физик, метролог. В посл. годы жизни отца участвовал в подготовке его кн. «К познанию России»; посмертно издал кн. М. «Дополнения к познанию России» (Летопись жизни и деятельности М., с. 512). В молодости дружил с Блоком, к-рый посвятил ему стих. «Был вечер поздний и байровый» (1902, посв. в рукописи) и «Заключение спора» (1903), отразившее их филосо. споры (см.: Блок; Блок. Зап. кн., оба — ук.; ЛН, т. 89, с. 320 и по ук.; т. 92, ук.). Автор филос. соч. «Мысли о познании» (1909), «Оправдание истины» (1910), «Метод математики. Логика и философия математики. Знаний» (1913), с предисл. проф. А. В. Васильева; все — СПб.). «От критицизма к

этич. гносеологии. Опровержение критицизма проф. А. И. Введенского...» (Клин, 1914). Его «Восп. об отце Д. И. Менделееве» (отпубл. в сокр.: М. в восп. современников; полностью — Младенцев, Тищенко, [т. 2]) — ценный источник о жизни М.

Др. произв.: очерки «Воздушный полет из Клина во время затмения» (СВ, 1887, № 11—12), «Будущая сила, покоящаяся на берегах Дона» (там же, 1888, № 8—12), статьи «Подъем рус. промышленности в царствование имп. Ал-дра Ал-дровича» (НВ, 1894, 26 окт.), «Оправдание протекционизма» (там же, 1897, 11 июля).

Изд.: Соч., т. 1—25, М.—Л., 1934—54 («Зачетные мысли» см. в т. 23—24; «К познанию России» и «Дополнения...» — в т. 21; отпубл. с купюрами; подборку ценз. изъятий см.: «Зачетные мысли» [гл. 9, отрывки] — «Независимая газет», 1994, 4 янв.; Независимая М. — НМ, 1994, № 6, публ. и предисл. И. Молчанова; Зачетные мысли. Полное изд. (первые после 1905 г.), М., 1995; «Границы познанию предвидеть невозможно», М., 1991 (вступ. ст. Ю. И. Соловьева); С душою о благе российском. Избр. экономич. произв., Новосибир., 1991 (вступ. ст. С. В. Казанцева); [Дневники 1861—62 гг.] — в кн.: Науч. наследство, т. 2, М., 1951; Архив М., т. 1. Автобиограф. мат-лы. Сб. док-тов, Л., 1951.

Лит.: Толстой; Достоевский; Горький; Блок; Блок. Зап. кн.; Блок в восп.; Пассек; Белый (все — ук.); Меньшиков М. О. Письма к близким (Л. Толстой, Менделеев, Верещагин). — НВ, 1904, 4 июля; Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди М. Восп. о М. его племянники. Н. Я. Губкиной (урожд. Капустинской), СПб., 1908; Временник ПД, 1913, П., 1914, с. 34—55 (письмо М. А. Добролюбову, 1858); Менделеев А. И. М. в жизни, М., 1928; Озаровская О. Э. М. по восп. О. Э. Озаровской, М., 1929; Князев Г. А. М. и царская АН (1858—1907). — «Труды Ин-та истории науки и техники». Сер. I. Архив истории науки и техники, в. 6, М.—Л., 1935; Младенцев М. Н., Тищенко В. Е. М., его жизнь и деятельность, т. 1, М.—Л., 1938; [т. 2]. Ун-тский период. 1861—1890 гг., М., 1993 (Науч. наследство, т. 21; предисл. Ю. И. Соловьева; в прил. — перепечатка М. 1867—81 гг.; восп. сына М. — И. Д. Менделеева; восп. М. Н. Младенцева) (не окончена, мат-лы к т. 3 — С.-Петерб. отд. Арх. РАН, ф. В. Е. Тищенко, № 978); Писаржевский О. Н., Менделеев, М., 1949 (ЖЗЛ); Екимов А. А., К истории написания и появления в свет работы М. «К познанию России» (1906). — «Вестник ЛГУ», 1957, № 5 (сер. экономика, философия и права, в. 1); сего же, М. в жизни и творчестве А. Блока. — РЛ, 1960, № 1; Гольдштейн А. Б., Вблжнн Толстого, М., 1959 (ук.); Борисов К. М., А. И. Герцен и М. — «Вопросы философии», 1962, № 4; Новое о Репине, Л., 1969, с. 102 (письмо И. Е. Репина к М., 1904); Утков В. Г., Дороги «Конья-Горбунок», М., 1970, с. 61—64; Орлов В. Н., Пути и судьбы, Л., 1971, с. 680—82; Волгин И. Л., Рабинович В. Л., Достоевский и М.: антиспиритич. диалог. — «Вопросы философии», 1971, № 11; Громыко М. М., Сиб. купцы Корнильевы. — «Изд. Сиб. отд. АН СССР», 1972, № 6 (сер. обществ. наук, в. 2); сс же, Сиб. знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850—54, Новосибир., 1985, с. 153—57; М. в восп. современников, 2-е изд., М., 1973 (сост. А. А. Макареня, И. Н. Филимонова); Смирнов Г. В., Менделеев, М., 1974 (ЖЗЛ); Добротин Р. Б., Карпило Н. Г., Бха Д. И. Менделеев, Л., 1980; Макареня А. А., Нутрихин А. И., М. в Петербурге, Л., 1982; Фигуровский Н. А., Д. И. Менделеев, 2-е изд., М., 1983; Летопись жизни и деятельности М., Л., 1984 (сост.: Р. Б. Добротин, Н. Г. Карпило, Л. С. Керов, Д. Н. Трифонов); Копылов В. Е., М. и Зауралье, Тюмень, 1986; Макареня А. А., Рысев Ю. В., Д. И. Менделеев, 3-е изд., М., 1988; Керов Л. С., Гасанова Н. В., Боболов — одна из творч. лабораторий М., Л., 1990; ЛН, т. 87, 89, 90 (ук.). + Некрологи, 1907; НВ, 23 янв. (М. О. Меньшиков);

«Голос Москвы», 23 янв. (А. Перепелкин); там же, 24 янв.; Известия АН, 6 сер., 1907, т. 1, № 3, с. 51—54 (Н. Н. Бекетов). Брокгауз; НЭС; Бюогр. словарь профессоров СПб. ун-та; ПНкр.; ССБ; БСЭ; ФЭ; ИДРДВ; Д. И. Менделеев. Библ. ук. трудов, [в. 1—3], Л., 1969—78.

Архивы: РНБ, ф. 479; Музей-архив М. при ЛГУ, ф. 1; Петерб. горный ин-т (л. ф.); РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1286 (письмо И. И. Срезневскому, 1868); ф. 459, оп. 1, № 2623 (письма А. С. Суворину, 1875—1907); ф. 2862, оп. 1, № 69 (письма родным; копии); ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 2533 (письмо к А. Ф. Кони).

А. К. Рябов, Л. Д. Клейн, М. М. Казбек-Казиева.

МЕНЦОВ Фёдор Николаевич [10(22).2.1818, Петербург — 4(16).2.1848, там же; похоронен на Смоленском кладб.], поэт, критик, автор статей по ориенталистике. Сын небогатого чиновника (в 1830—1840-х гг. надзирателя в госпитале при Петерб. почтамте). В 1827—28 девятилетний М., получивший начальное образование, числился копиистом в Почтовом деп. Мин-ва внутр. дел. В 1828—34 учился во 2-й петерб. г-зии, по окончании 6-го класса поступил в Петерб. ун-т (1834). Одновременно дебютировал в печати стихотворениями: «Старина» (ЛПРИ, 1834, 1 июля), «Италия» («СО и СА», 1834, т. 46, № 48), «Солдат» (там же, написано ок. 1832). В ун-те изучил неск. вост. языков [по сведениям А. В. Старчевского, был учеником О. И. Сенковского (позднее, при изд. «Энци. лексикона» А. А. Плюшара, его пл. помощником), к-рого боготворил и называл своим «вторым отцом», — ИРЛИ, ф. 583, № 32, л. 10 об., 44, № 87, л. 113; сообщено В. Э. Вацууро]; окончил со званием кандидата вост. филологии (1838). В студенч. годы завел лит. знакомства (ср. стих. «В. А. Жуковскому» — ЛПРИ, 1837, 6 нояб.). Для «Энци. лексикона» Плюшара (т. 9, 10, 12—16, СПб., 1837—1839) написал ок. 110 статей (гл. обр. по индологии, а также «Гёте», «Данте» и др.).

После годичного сотрудничества в «Журнале Мин-ва нар. просвещения» [статья «Незеджерд III, последний государь Персии, до покорения ее аравитянами» — 1838, ч. 17, № 3 (краткий отзыв Н. А. Полевого: СО, 1838, т. 3, с. 54)], «Взгляд на литературу, науки и искусства гиндусов» — 1838, ч. 18, № 4] в мае 1839 М. поступил (в чине губ. секр.) в редакцию ж-ла, где прослужил до конца жизни (в июне 1843 определен чиновником Археогр. комиссии с оставлением при редакции; коллеж. ас. — 1847). Здесь он опубликовал неск. статей (1839—40, 1842—43, 1845), представляющих собой высокопрофессиональные реферативные обзоры мат-лов иностр. печати (автор определял их жанр как «сокращение», но источники указывал редко). В 1839—44 М. много писал для рубрики «Обозрение русских газет и журналов...»: рассматривал лит-ру по

философии, статистике, географии, промышленности, технологии, сел. хозяйству и — практически всегда — «изышную словесность». В 1840—45 печатал в ж-ле (а в 1842—1844 и в «С.-Петерб. ведомостях») отзывы на отд. книги (список его рец. см. в кн.: [Галанин], с. 133; Межов В. И., Систематич. каталог рус. книг, продающихся в книжном магазине А. Ф. Базунова, СПб., 1869, ук. и № 5264, 10320).

Подчеркнутая беспристрастность М.-критика, обдуманная взвешенность и эмоциональная скупость его критич. оценок отталкивали одних (ср. иронию В. Г. Белинского: «критик основательно тонкий» — V, 189) и импонировали другим (ср. сочувств. отзыв об «основательных разборах» М. в кн.: Плетнев П. А., Первое двадцатипятилетие Импер. С.-Петерб. ун-та, СПб., 1844, с. 81). Остерегаясь резкости суждений, М. был точен в похвалах — выделял прозу А. Ф. Вельмана, Н. В. Гоголя, В. И. Даля, В. Ф. Одоевского, поэзию М. Ю. Лермонтова, одним из первых заметил Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова («Русская поэзия приобрела в нем один из тех свежих и сильных талантов, которые много обещают в будущем» — ЖМНП, 1840, ч. 27, № 7, отд. VI, с. 63—64). Настоящий вкус, с к-рой М. возвращается к поэзии молодого Некрасова (ср.: ЖМНП, 1840, ч. 25, № 3; 1841, ч. 31, № 7; о нетривиальности высоких оценок ес см.: Верховский Г. П., С чего начинается Некрасоведение. — В сб.: О Некрасове. Статьи и мат-лы, в. 4, Я., 1975), позволяет предположить их личное знакомство (о творч. использовании Некрасовым перевода М. из В. Гюго «Падение Содомы и Гоморры» см.: Вацууро). М.-критик демонстративно опирался в оценках лишь на собств. вкус, что, однако, не исключало его живого интереса к проблемам эстетики (его рукоп. трактат «Мысли об изящном», по-видимому, не сохранился — см.: Чежин, 1848, с. 3)).

Кроме изнурительной журн. работы М. много и успешно занимался репетиторством (с бедными — бесплатно; ср. также письмо М. к А. Н. Очкину по поводу одной благотворит. акции — СПбВед, 1846, 4 апр.), но вино, карты, «слабоств.» и бытовая неупорядоченность поглощали добытые тяжким трудом деньги. Подчеркивая свою неслепоту, имел «изысканно неопытный костюм» («Чежин», 1852, с. 44), годами не менял шортку, избегал общества литераторов и ученых (поддерживал только деловые отношения). Высокий, плотный, заикающийся, с копной рыжих волос, М. искал уединения загородных прогулок («на все, кроме поэзии и истинно прекрасного, он смотрел с особенной философской точки и, казалось, ни к чему в мире не был слишком привязан» — Смирновский П. Л., Еще о Менцове. — «Вед. Петерб. гор. полиции», 1848, 24 марта).

В поэтич. творчестве М. (выявлено более 50 стих. — «СО и СА», 1834—35; ЛПРИ, 1834—38; БлЧ, 1835, 1838—39; МН, 1835—36; СО,

1837, 1839, 1847—48; «Пантеон», 1840; «Лит. приб. к ЖМНП», 1840; ЛГ, 1842—43, 1847—48) осн. место занимают ориентальные мотивы («Молодая аравитанка. Газель» — «СО и СА», 1835, т. 51; «Три возраста жизни. Подражание арабскому» — ЛПРИ, 1835, 1 июня; «Грусть паши» — МН, 1836, ч. 8, кн. 1) и перепевы «унылой» элегии 1820-х гг. («Последнее прощанье» — ЛПРИ, 1835, 30 окт.; «Воспоминания» — СО, 1848, № 1). Не поднимавшая выше среднего уровня массовой поэзии того времени (ср. мнение Н. А. Полевого — СО, 1839, № 3), хотя и пользовавшаяся определ. известностью (стихи цитировались, «разбирались» на эпитафии), поэтич. продукция М. позволяет отнести его к «бenedиктовской» школе в рус. поэзии (см.: Вацуро, с. 277).

Немногочисленные прозаич. зарисовки М. из петерб. быта («Положенный день. Сцена из семейной жизни» — СО, 1836, ч. 179; «Красотка (Петербургский рассказ)» — ЛГ, 1848, 8 янв.) не выделялись из потока журн. беллетристики.

В ист.-лит. трудах постоянно упоминают М. с его братом Ник. Меншовым (1814—46), напад. сов. изв. гравером, также служившим в Археогр. комиссии, печатавшим статьи и переводы в «Журнале Мин-ва нар. просвещения» (список соч.: [Галанин], с. 133; о нем: ЖМНП, 1836, ч. 10, № 5; с. СХХVII—СХХVIII; 1840, ч. 26, № 6, отд. I, с. 176; ч. 27, № 8, отд. III, с. 14—15; Отчеты о занятиях и изданиях Археогр. комиссии за двадцатипятилетие ее существования..., СПб., 1860, с. 41; Смирновский, указ. соч.; Мокрицкий А. Н., Дисциплина художника. М., 1975, ук.).

Др. произв.: «Биография Жана-Батиста Пекелена Мольера» («Пантеон», 1840, № 12), «Нечто о мистерирах» (там же, 1843, № 11).

Изд. Об-к критич. статей о Некрасове (сост. В. Зелинский), ч. 1, М., 1886; 3-е изд., М., 1906.

Лит.: Отчет Об-ва посещения бедных за второе полугодие от 9 нояб. 1846 по 9 мая 1847 г., ..., СПб., 1847, с. 9; (Чижин Г. Г.), Слов. слов о жизни и учено-лит. трудах М. — СО, 1852, кн. 9 (наиб. полная библиограф. библиогр.); Плетнёв А. А., Отчеты Имп. Акад. наук по ОРЯС за первое десятилетие его учреждения, СПб., 1852, с. 80, 109; Воронов А. С., Ист.-статистич. обозрение уч. заведений С.-Петерб. ун-та с 1829 по 1853 г., СПб., 1854, прил., с. 53; Григорьев В. В., Имп. С.-Петерб. ун-т в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, с. LXXV; Зотов В. Р., Петербург в сороковых годах. — ИВ, 1890, № 5, с. 311; Старчевский А. В., Восп. старого литератора. — Там же, 1890, № 9, с. 329—30; Модалевский Л. Б., Б-ка Пушкина. Новые материалы. — ЛН, т. 16—18, М., 1934, с. 986, 1023—24; Анникина А., Бухштаб Б., Первые печатные отзывы о стихотворениях Некрасова. — ЛН, т. 53—54, М., 1949, с. 81—84; Равич Л. М., Библиография в «Журнале Мин-ва нар. просвещения» (Из истории рус. журналистики). — Тр. Ленингр. гос. библиотечного ин-та, т. 5, Л., 1959, с. 55—56, 59—60, 64; Вацуро Т. Э., К лит. истории стих. Некрасова «Землетрясение». — «Некрасовский сб-к», т. 5, Л., 1973; Гаркави А. М., Малюза. декларация Некрасова. — Там же, т. 8, Л., 1983; Осповат А. Л., Неск. замосток к лит. биографии Тютчева. — ЛН, т. 97, кн. 2, М., 1989, с. 499. — Некрологи, 1848: «Вед. Петерб. гор. полиции», 9 марта (Г. Г. Чижин); СПбВед., № 30; ЛГ, 12 февр. (А. А. Красавский?). [Галанин И.]. Указатель повременных изданий Мин-ва нар. просвещения с 1803 по июнь 1864 гг., неофци.

часть, СПб., 1865, с. 133; История ист. науки в СССР. Дооктябрьский период. Библи., М., 1965 (ук.); Тартаковский П. И., Рус. поэзия и Восток. 1800—1950. Опыт библиографии, М., 1975 (ук.); Брокгауз; Венгеров. Источ.; Лерм. энц.; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 25, л. 3299 (биограф. мат-лы) [справка Н. М. Корневой].

А. А. Ильин-Тамич.

МЕНШИКОВ, Меншиков Павел Никитич [9(21)*.8.1809, Петербург — 14(26).12.1879, там же; похоронен на Тихвинском кладб. Александр-Нев. лавры], драматург. Из купцов (в 1835 вместе с отцом и братьями возведен в дворян. достоинство). По окончании С.-Петерб. высшего уч-ща в 1829 определен в Общественную канцелярию мин. финансов по кредитной части в чине коллеж. регистратора. В дальнейшем служил в Мин-ве внутр. дел: младшим (1833—37), а затем старшим (1838) пом. столоначальника 1-го отд. канцелярии, чиновником по распоряжению министра (1844—47). В 1856 заседатель в С.-Петерб. палате гражд. суда, в 1860-е гг. — в Палате уголовного суда Петерб. губ. Умер в чине статского советника.

В 1840—50-е гг. близок к кругу ж. «Современник» и «Отч. записки», в к-рых в осн. печатался. Близко сошелся с Мих. Ал-др. Языковым (1811—85), литератором, участником кружка В. Г. Белинского, дир. Петерб. стекольного завода. В кругу знакомых (к к-рому принадлежали И. А. Гончаров, А. В. Никитенко, А. А. Краевский, А. В. Дружинин) славился гостеприимством и друж. «духуловскими обедами» (Никитенко, III, 110). В 1857 путешествовал по Европе, в Париже встречался с Гончаровым и Никитенко (см.: Гончаров, VIII, 296—97). С 1859 член только что учрежденного Об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в 1864 кандидат в члены К-та, в 1865—67 и 1878 чл. ревизионной комиссии об-ва. Участвовал в проведении Ломоносовского юбилея (1865).

На лит. поприще дебютировал «драматической фантазией» из жизни чиновничества «Торжество добродетели. Очерки канцелярской жизни» («Пантеон», 1840, ч. 1, № 1/3). Тесно связанная с натуральной школой, пьеса принадлежит к переходному жанру драматизированных очерков-картин (см.: Лотман Л. М., А. Н. Островский и рус. драматургия его времени, М.—Л., 1961, с. 43). В том же году поместил в «Пантеоне» комедию «Благородные люди» (ч. 2, № 4/6; в репертуаре: 1864—68, 1887), к-рую Белинский назвал «картинной современных нравов» (IV, 291), выделив ее вместе с «Торжеством добродетели» из потока драм. произведений последних лет (ОЗ, 1840, № 7; 1841, № 1). В последующих произв. — «драм. рассказы»

«Богатая невеста» (ОЗ, 1845, № 5), отмеченном влиянием Н. В. Гоголя (Белинский, IX, 397), «истории в роде комедии» «Шутка» («Совр.», 1847, № 5; отд. изд. — СПб., 1847; рец.: ОЗ, 1847, № 7; (В. Н. Майков) — «Совр.», 1847, № 6), комедии «Причуды» («Совр.», 1850, № 8; рец. (А. А. Григорьева), ранее приписывавшаяся А. Н. Островскому, — «Москв.», 1850, ч. 5, № 17, атрибутирована В. Я. Лакшиным — ВЛ, 1958, № 6, с. 220; др. отзыв — ОЗ, 1850, № 12, отд. VI, с. 135), пьесе «Хороший человек» («Совр.», 1855, № 10) — М. обличает чванство, корыстолюбие и цинизм малообразованного столичного дворянства, противопоставляя ему бедных чиновников и провинциальных мелкопоместных дворян, сохранивших пылкость чувств и оригинальность ума. Сюжетной пружиной чаше становится комич. ситуация неудавшейся женитьбы (или замужества). В основе сюжета «драматической фантазии» «Выгодное предприятие» («Совр.», 1849, № 5) — история лопнувших начинаний шайки дельцов-мошенников.

Критика, в целом благожелательно настроенная по отношению к М. — «умному и наблюдательному автору» («Москв.», 1850, ч. 5, № 17, отд. IV, с. 22), умеющему «подмечать живую сторону русской жизни и русской речи» (Дружинин А. В., Дневник, 1854. — См. в его кн.: Повести. Дневник, М., 1986, с. 293), — указывала на рыцарство композиции его пьес, размытость осн. конфликта, несоразмерность частей произв., излишнее увлечение мелочами в ущерб целостной картине и пр. Трактует эти особенности, присущие и лучшим вещам М. («Шутка», «Причуды»), как дань «физиологическому» подходу к изображению действительности (осознававшегося и самим автором, — ср. жанровые определения и подзаголовки), рецензенты относили сочинения М. к «драм. рассказам», «физиологиям в драм. форме» («Совр.», 1847, № 6, отд. III, с. 97).

В драм. сценах «Старый литератор» («Совр.», 1852, № 4) М. пытается поставить эстетич. проблемы. Проводя в диалоге двух литераторов сравнение совр. лит-ры с лит-рой 1820-х гг. (обычно и не всегда к месту цитируя критич. разборы), М. подводит к выводу о превосходстве лит-ры середины века, освободившейся от оков нормативности и значительно расширившей диапазон тем. Дружинин, отметив односторонность и поверхностность взгляда автора, отнес пьесу к самым слабым его трудам (БдЧ, 1852, т. 113).

Пьесы 1840-х гг. были переизданы М. в составе сб. «Сочинения. [1840—1847]» (т. 1, СПб., 1858), ку-

да вошла и его повествоват. проза, в т. ч. «сказка» «Умные люди», в к-рой развернуты картины жизни и быта разных гор. сословий, объединенные «сказочным» мотивом поиска умного человека. В 1861 М. опубликовал пов. «Диета души. Гельсингфорская легенда» («Совр.», 1861, № 4), близкую по проблематике (обличение столичного общества «на водах») и построению (растянутость сюжета, включение комич. эффектов) к его пьесам.

Лит.: Белинский (ук.); Григорьев, Театр. критика (ук.); XXV лет. 1859—1884. Сб-к., об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1884, с. 51, 151; Об-во для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1885, с. 32—33; Майков В., Критич. опыты, СПб., 1891, с. 318; Алексеев А. Д., Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова, М.—Л., 1960 (ук.); Зограф Н. Г., Малый театр второй пол. XIX в., М., 1960, с. 571; Рус. повесть XIX в., Л., 1973 (ук.); Очерки истории рус. театр. критики. Кон. XVIII — первая пол. XIX в., Л., 1975 (ук.); Очерки истории рус. театр. критики. Вторая пол. XIX в., Л., 1976 (ук.). — Брокгауз: Венгеров. Источ.: Мельер ТЭ; ИРДТ: Муратов (1); Адрес-календари на 1834—38, 1845—47, 1857, 1864/65 гг. (СПб.); ПНскр.; Мяснов.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 3306 (дело о дворянстве Меншиковых, в т. ч. копия м. с.); ф. 777, оп. 1, д. 1592 (цел. мат-лы — о запрещении публ. в «Пантее» «арам. ансклопта» «Особенное несчастье», 1841 г.) [справка В. М. Лупановой], ф. 1349, оп. 4, 1837, д. 40 (ф. с. 1837 г.) [справка А. И. Рейтблата].

К. Р. Антонов.

МЕНЬКОВ Пётр Кононович [3(15).6.1814*, по др. сведениям — 2(14).6.1815**, г. Кашин Твер. губ. — 9(21).10.1875, Петербург; похоронен на кладб. Новодевичьего мон.), воен. деятель, очеркист, мемуарист, журналист. Из дворян. Сын поручика. Воспитанник 1-го кадет. корпуса (1825—33), после службы в 13-й арт. бригаде в Кашине (1833—1837) был отправлен в Николаев. акад. Ген. штаба, по ее окончании приписан к Ген. штабу (1840) с назначением в 4-й пех. корпус в Киеве. Первая публикация М. — кн. «Военно-статистич. описание Киев. губ.» (б. м., 1847). В 1848—50 дежурный штаб-офицер при Гл. штабе действующей армии в Варшаве.

В 1849 был арестован по несоответ. подозрению в умысле получить секретные документы из архива III отл., необходимые для его работы над кн. «Воен. история Малороссии» (не окончена), в то же время в его бумагах была найдена записка с негативной характеристикой николаевской армии. На основании М. «покажлся» в написании «подобной нелепости» (РС, 1888, № 3, с. 782), был возвращен на службу.

В 1849 участвовал в подавлении венг. восстания; по поручению и под руководством фельдмаршала И. Ф. Паскевича (канцелярий к-роgo заведовал в 1850—53) составил «Описание воен. действий рос. войск против венг. мятежников в 1849 г.» (СПб., 1851). В 1853—55 — в штабе Дунайской армии; сост. критич. заметки «Немцы и Дунай» («Рус. заграничный сб-к», Б.—Париж — Лондон, 1858, в. 1, ч. 1), в к-рых в тоне просторечной солдат. байки про-

тивопоставил бездарные действия генералитета (в осн. нем. происхождения) здравому смыслу рус. солдат. Широкое распространение получила солдат. песня «Под Силистрию ходили» (1854; в кн.: Вольная рус. поэзия второй пол. XVIII — первой пол. XIX в., 2-е изд., Л., 1970, с. 693—95; БПбс), в к-рой М. использовал популярный «митрофановский» размер песни «За горами за долами» (Митрофанов С., Песни русские известного охотника..., СПб., 1799), иронически сопоставив реальность бесполовых распоряжений командования с благополучием офиц. реляций. Песня стала прямой предшественницей «севастопольских песен» Л. Н. Толстого, к-рому Е. Г. Бушканец приписывал и эту песню (РЛ, 1960, № 3, с. 178—85); однако А. М. Новикова убедительно обосновала авторство М. (Уч. зап. Моск. обл. Пед. ин-та им. Крупской, т. 122, в. 8, М., 1963, с. 3—47).

С 1855 — в Севастополе (был контужен), вел офиц. «Журнал обороны Севастополя»; заметки, очерки и бытовые зарисовки публиковал в «Рус. инвалиде» (под псевд. Пётр Кашин). Нек-рые мат-лы с разрешения М. были использованы в рассказах А. Ф. Погосского и в работе Н. Ф. Дубровина «Трехсот-сорока-девятинедневная защита Севастополя» (СПб., 1872). В неподцензурном очерке «Журнал Севастополя» («Рус. заграничный сб-к», в. 1, ч. 2, Б.—Париж—Лондон, 1858) М. дал хронику обороны за июль 1854 — февр. 1855, в к-рой критически представил воен. администрацию России, включив шаржированные портреты А. С. Меншикова, Д. Е. Остен-Сакена, П. С. Нахимова и др. М. — инициатор и активный деятель к-та по организации музея обороны в Севастополе; завещал почти все свои средства на его создание (РИ, 1875, 12 нояб.).

После отставки (1858) М., переехав в Петербург, был назначен (1859) редактором ж. «Воен. сб-к», к-рый поддерживал и популяризировал воен. реформы Д. А. Милютина (высокую оценку Милютину дея-

тельности М.-редактора см.: РС, 1888, № 3, с. 773).

Положение редактора офиц. органа ограничивало возможности критич. выступлений; статьи, не пропущенные цензурой, М. рекомендовал Н. А. Некрасову для «Отеч. зап.», с к-рыми поддерживал связь. По неясным причинам не состоялась публ. пер. М. драмы В. Гого «Мартин Делорм» в «Отеч. зап.» (см.: ЛН, т. 51—52, с. 382, 456). С янв. 1869 в ведение ред. «Воен. сб-ка» была передана газ. «Рус. инвалид». В 1872 М. по состоянию здоровья оставил пост редактора и был назначен чл. Военно-ученого к-та.

В 1858, 1864 и 1870 М. совершил продолжит. поездки по Зап. Европе (см. его очерки «Беглые заметки из-за границы», «Воен. сб-к», 1864, № 10). В 1870 подружился в Мариненбале с И. А. Гончаровым («Огни», кн. 1, П., 1916, с. 186—89).

На протяжении всей жизни М. вел записи, к-рые позднее были сведены А. М. Зайончковским в хронологически последоват. дневник — «Записки» (т. 1—3, СПб., 1898), охватывающие период 1833—75. Составитель исключил из текста значит. часть заметок 1860—70-х гг. «по несвоевременности печатания их» и тексты, относящиеся к лит. и обществ. жизни Петербурга, ввиду «резкости в характеристике деятелей» (Записки, т. 2, с. 325). Опубл. часть отражает детство М., учебу в акад. Ген. штаба, службу в Царстве Польском, Житомире (описан быт провинц. общества, отношения рус. и польск. общины) и Петербурге — редактирование «Воен. сб-ка» и «Рус. инвалида» (акцентируя близость к реформаторам, особенно к Милютину, и свое свободомыслие, М. скромные успехи редактируемых им печатных органов стремится списать на происки недоброжелателей и влияние цензуры). Дневник содержит большое число достоверных деталей, характеризующих армейскую среду, и выдает склонность М. объяснять многие полит. коллизии личными отношениями действующих лиц. Поэтому важное место занимает в дневнике подробные, психологически мотивированные, колкие и остроумные характеристики видных деятелей той эпохи (Паскевич, Д. А. и Н. А. Милютин, Н. О. Сухозанет, А. И. Барятинский и др.), что делает дневник не только ценным источником сведений о закулисной стороне полит. борьбы, но и необычным для воен. среды образцом рус. мемуаристики.

Лит.: Никитенко (ук.); Герцен (ук.); Максеев Н. Н. Г. Чернышевский — ред. «Воен. сб-к», М., 1950; Зайончковский П. А., Воен. реформы 1860—70-х гг. в России, М., 1952; Дукельский В., Генерал-тамблатчик: чем обернулся П. Менькову его записки. — «Родина», 1993, № 3—4. — Некролог, 1875: ПЛ, 11 окт.; «Новости», 11 окт.; «Голос», 12 окт.; РИ, 10 окт., 12 нояб.; «Гражданин», 1876, № 4. Венгеров. Источ.: Брокгауз; Воен. энциклопедия, т. 15, СПб., 1914; СИЭ; БСЭ; ИДРДВ; Мяснов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 375, ф. 265, оп. 2, № 1627 (письмо А. П. Мансурова от 22 февр. 1874 с биогр. сведениями о М.); РГИА, ф. 1343.

оп. 25, д. 3312, л. 4, 1825 г. (выписка из историч. книги)* [справка С. И. Варсковой]; РГВИА, ф. 167; ф. 1, оп. 1, д. 30465 (п. с. 1867 г., с до-
бавлениями по 1872 г.)** [справка Н. Ю. Мурав-
сейниковой].

Н. П. Соколов.

МЕНЬШИКОВ Михаил Осипович [23.9(5.10).1859, г. Новоржев Псков. губ. — 20.9.1918, г. Валдай Новгород. губ.; похоронен на кладб. возле храма св. апостолов Петра и Павла], публицист, лит. критик. Отец — коллеж. рег.; мать — из обедневшего дворян. рода. Детство М. прошло в с. Заборье Опочецкого у. Псков. губ. По окончании Опочецкого уездного уч-ща (1870—73) поступил в Кронштадт. мор. технич. уч-ще (окончил в 1878), где был

«инициатором и редактором школьного ж. «Неделя»» (И. Ювачёв — «Мор. сб-к», 1927, № 10, с. 73). Участвовал в ряде мор. экспедиций; очерки о плавании на фрегате «Князь Пожарский», опублик. в «Кронштадт. вест.» (1878—79; в 1884—89 печатал в нем рассказы из мор. жизни), составили кн. «По портам Европы» (СПб., 1879). В кон. 70-х гг. печатался в газ. «С.-Петербург. вед.», «Голос». В 1883 сблизился в Кронштадте с С. Я. Надсоном (восп. М. о нем см.: Кн. «Недели», 1897, № 2, 3; а также в кн. М.: Критич. очерки, СПб., 1899), по рекомендации к-рого П. А. Гайдебуров пригласил М. сотрудничать в газ. «Неделя», где тот сначала публиковал судебные очерки. С 1887 — младший производитель работ Картографич. части Гл. гидрографич. управления. В 1892 вышел в отставку в чине штабс-капитана. В 90-х гг. стал секретарем редакции, ведущим лит. критиком и публицистом «Недели» и «Книжек «Недели»», сотрудничал в газ. «Русь».

Часто замещая ред.-издателя «Недели», М. однажды чуть было не стал жертвой возмущенного читателя. 20 марта 1896 Н. И. Жданов, ге-

рой корреспонденции «Красноярский бунт» («Неделя», 1896, № 10, б.п.), разоблачавший его как несправедливого земского начальника, выстрелом в упор ранил М. (о процессе над Ждановым см.: «Неделя», 1896, № 24—26; сочувственное письмо Л. Н. Толстого М. от 24 марта 1896 — т. LXIX). Впоследствии М. вспоминал этот эпизод в ряду других, «когда жизнь держалась на волоске», видя в нем дурачное предзнаменование («Дневник 1918», с. 33).

В числе характерных выступлений этого времени по вопросам обществ. нравственности — ст. «Совесть и знание» (РМ, 1895, № 7), в к-рой М., полемизируя с В. А. Гольцевым, отстаивал определяющее значение совести по отношению к знанию и их единство в «нравственном просвещении». С сент. 1900 М. фактически заведовал «Неделей».

Взгляды М. 90-х гг. (народничество с христианско-либеральной окраской) наиб. полно выразились в кн. «Думы о счастье» (Кн. «Недели», 1894, № 3—7; отд. изд. — СПб., 1898; 2-е изд., СПб., 1901; отзывы: Н. Минский — «Новости и бирж. газ.», 1899, 28 янв., и др.), в к-рой дана романтич. критика гор. цивилизации и выдвинут идеал органически цельной культуры, связанной с сел. трудом, близкой к природе и к Богу. Манера письма М. в ранних работах несколько архаична, порой дидактична (дневниковая самооценка М. 1918: «О, мое беспросветное резонерство» — «Рос. архив IV», с. 42). Отношение критики было разноречивым: А. И. Богданович определил позицию М. как «выродившееся народничество на буржуазной подкладке» (МБ, 1898, № 11); М. А. Протопопов оценил книгу как «эпич. поэму», к-рой присуща «глубокая серьезность», «тихая задумчивость и почти молитвенная сосредоточенность» (РМ, 1898, № 11, с. 148, 152). Кн. «О любви» (под назв. «Элементы романа» — Кн. «Недели», 1897, № 6—12; отд. изд. — СПб., 1899; 2-е изд., Ставрополь, 1994), рассматривающая круг традиционных этических вопросов и осуждающая несовместимое с христианством неумеренное воспевание и преувеличение роли половой страсти (с древнейших времен до Ш. Бодлера), вызвала резко критич. отклики (Розанов В., Кроткий демонизм. — НВ, 1897, 19 нояб.; то же в его кн. «Религия и культура», т. 1, М., 1990; Марков Е., Идиллия и действительность. — НВ, 1897, 9 дек.; Протопопов М., По поводу одной сердитой книжки. — РМ, 1899, № 2, и др.). Позднее М. продолжил полемику с Розановым (и с Д. С. Мережковским) на страницах «Нов. времени» («Das Ewigweibliche», «О гробе и колыбели» и др. — см. в кн.: Письма к ближним, СПб., 1902), а также как участник Религ.-филос. собраний (см.: «Нов. путь», 1903, № 2, с. 88—89; № 6, с. 261—62); принимая культуру эл-

линизма далеко не во всем, а лишь исторически («в язычестве было много потенциального христианства»), М. выступал против совр. сторонников «нового язычества», к-рые вслед за Ф. Ницше отрицают христианство как «религию рабов»: «В символизме новой поэзии, в эгонизме новой философии, в теориях новой политики, в диких линиях и диких красках искусства — язычество необоримо действует на средние умы и подчиняет себе даже талантливых людей» («Поганое в паганизме» — в кн.: Письма к ближним, СПб., 1902, с. 462, 456); в ст. «Титан и пигмей» (НВ, 1903, 23 марта) М. сочувственно привел мнение протонереса Иоанна Кронштадтского, назвавшего направление ж. «Нов. путь» сатанинским. Позицию М. поддержали митрополит Антоний (Валковский) в письме от 20 окт. 1902 и протопресвитер Иоанн (Янышев) в письме от 21 марта 1904 (Личный архив О. М. Меньшиковой).

В статьях, опублик. в «Книжках «Недели»» на рубеже веков, М. выразил предчувствие духовных и социальных катастроф, трагедию богоотступничества («Кончина века» — 1900, № 12) и отметил характерные черты времени: пессимизм, скептицизм и безверие интеллигенции, разрушение традиций («Нашествие дикарей» — 1899, № 12, с. 173), разочарование в идее свободы («Язва нигилизма обезобразила прекрасные черты свободы и заставила отшатнуться от нее» — «Смысл свободы», 1896, № 2, с. 335; статью поддержал Л. Н. Толстой: «Читал собравшимся друзьям вашу прекрасную статью... и очень хвалил» — LXIX, 75), декадентство как кризисное мировоззрение [см., напр., ст. «Критические декадансы» (1893, № 7), в к-рой М. защищал Н. Г. Чернышевского от «неслыханной расправы» А. Л. Волынского]. Собранные в кн. «О писательстве» (СПб., 1898; рец.: А. Фаресов — ИВ, 1898, № 11; резко критич. отзывы: А. Волынский: «настоящее половое обилие мест и докучливых моралистических назиданий» — СВ, 1898, № 10—12, с. 212; А. Пыпин) — ВЕ, 1898, № 12; МБ, 1899, № 1, б. п.) и в кн. «Критич. очерки» (т. [1]—2, СПб., 1899—1902; рец.: ИВ, 1902, № 7) статьи вызвали у современников значит. интерес (так, А. П. Чехов 30 мая 1895 писал М.: «Ваши статьи наводят на тысячу мыслей» — Письма, VI, 62). Отмечая упадок лит-ры конца века, М. объяснял его общим «упадком духа» в совр. европейском обществе («прогресс убил культуру»), отказом лит-ры от высокого пророческого назначения, господством натурализма («Лит. бессилие и его причины» — Кн. «Недели», 1892, № 1; «О лит-ре и писате-

лях» — там же, № 11, 12; «Пределы лит-ры» — там же, 1893, № 10; все 3 вошли в кн. «О писательстве»). В нек-рых статьях М. предвосхищает идеи О. Шпенглера о возникновении «цивилизации без культуры», Х. Ортеги-и-Гассета об экспансии массового сознания в культуру: «в лит-ру хлынул народ, хаос мышления к-рого не перестал быть хаосом, сделавшись громким» («О писательстве», с. 1). Подобные мысли М. высказывал и позднее, напр. в ст. «Преступное слово» (НВ, 1907, 31 мая), с иронией отмечая неожиданное для себя совпадение с взглядами К. И. Чуковского («Спасите!» — «Судьба народа», 1907, 30 апр.) на совр. скандальную прессу.

Из современников М. выделял Чехова как последнего крупного писателя «золотого века» рус. лит-ры: «Без воли и совести» (Кн. «Недели», 1893, № 1; о «Палате № 6»), «Критич. заметки» (там же, 1897, № 5; о пов. «Мужики»; статья, смелостью и неожиданностью оценок вызвавшая критич. нападки на М.: так, вопреки мнению о «хмуrom пессимизме» писателя, М. отмечал «едва уловимые настроения прекрасной, бодрой души, все созерцающей точно в солнечном свете»), «Три стихии» (там же, 1900, № 3; о пов. «В овраге»; две первые с измененным, третья под тем же назв. вошли в «Критич. очерки»).

Одним из существенных моментов позиции М. (близкой взглядам К. Н. Леонтьева) было его отрицательное отношение к «иронической школе, аналитической, обличительной» в рус. лит-ре 19 в. и даже к «злой иронии гоголевской школы» («Литературная хворь» — Кн. «Недели», 1893, № 6, с. 206, 211; ср. также более поздний вывод: «Наша ... большая и злобная обличительная лит-ра есть не столько лечение, сколько сама болезнь» — «Дневник 1918», «Рос. архив IV», с. 118); «обличительный» тон не принимал и у высокоочиненных писателей, в т. ч. у Чехова.

Ряд статей в «Критич. очерках» посвящен анализу творчества А. С. Грибоедова («Оскорбленный гений» — Кн. «Недели», 1895, № 3), А. К. Толстого («Поэт рус. возрождения» — там же, № 11), Н. С. Лескова («Художественная проповедь» — там же, 1894, № 2; «Прикрытый грех» — там же, 1899, № 8), Л. Н. Толстого («Работа совести» — там же, 1893, № 11; «Сбилесь с дороги» — там же, 1895, № 5; реп.: Л. Никифоров — там же, 1896, № 3) и др.

М. был в дружеском общении и переписке со многими литераторами. В 1892 он познакомился (частично на почве увлечения толстовством) с Лесковым, к-рый писал о нем А. И. Фарсому 17 сент. 1893: «... признаю его за человека очень умного, с большим знанием лит-ры и с выдающимися способностями к разносторонней критике и анализу» (ХI, 559; здесь же опубли. 11 писем Лескова к М., остальные 36 — в ИРЛИ, индив. фонд, № 22574; некролог «Памяти Н. С. Лескова» — «Неделя», 1895, 26 февр.). У Лескова М. познакомился с В. Мухомовым (Л. И. Веселитской), с к-рой долгие годы поддерживал творческие и дружеские контакты. В числе близких друзей М. — О. А. Фрибс, с к-рой он познакомился у Я. П. Полонского в 1898 (ей по-

святил ст. «Антипод Максима Горького». — НВ, 1912, 15 апр.).

Незадолго до смерти М. записал в дневнике: «Никого я так не любил в жизни, как Толстого и Чехова» (опубл.: «Огонек», 1985, № 5, с. 21). Познакомившись в 1891 у Гайдебуровых, Чехов и М. переписывались до 1904 (сохранилось 48 писем Чехова и 60 писем М. — РГБ, ф. 331, к. 51, № 55; 3 письма М. опубл.: ЗапГБЛ, в. 8, М., 1941). О ст. «Клевета обожания» (Кн. «Недели», 1899, № 10), в к-рой М. полемизировал с Мережковским по поводу творчества А. С. Пушкина, Чехов писал автору: «... образцовая критич. статья, это настоящая литература» (Письма, VIII, 335). Вместе с тем Чехов осуждал нек-рые выступления М. в «Нов. времени» (в частности, против Н. К. Михайловского; см.: Чехов. Письма, XII, 509). Отношения М. с Толстым за полтора десятилетия претерпели серьезные изменения. Они познакомились в 1894, когда М. был последователем религиозно-этич. учения Толстого. Ст. «Работа совести» (Кн. «Недели», 1893, № 11) — возможно, единственная поддерживающая позицию Толстого, высказанную им в ст. «Неделание» (1893); высокую похвалу этой публикации М. см. в письме Толстого к Лескову от 10 дек. 1893. Толстой особо выделял статьи М. «Китайская стена» («Неделя», 1893, 12 сент.), «Ошибки страха» (Кн. «Недели», 1896, № 4—6), «Красивый цинизм» (там же, 1900, № 9; о произв. М. Горького, полемизируя с к-рым, М. утверждал, что «не безумство храбрых спасет мир, его спасет мудрость кротких»; о Горьком и ст. «Вожди народные» — там же, № 10). Принципиальные разногласия с Толстым-публицистом возникли позже: М. не принимал толстовского отрицания гос-ва, церкви, армии как институтов «зла». Резко выступая против «христ. анархизма» на страницах «Нового времени»: ст. «Две души Л. Н. Толстого» (1909, 23 авг.), «Страдает ли гр. Л. Н. Толстой?» (1910, 13 апр.), М. причислял Толстого к врагам России, «осужденной им на разрушение». Несмотря на глубокие идейные расхождения, контакты между ними не нарушились: М. всегда ценил в Толстом выдающуюся личность и художника слова. Статья «Памяти Л. Н. Толстого» (НВ, 1910, 9 нояб.) вызвала серьезные возражения архиепископа Николая (Рождественского), упрекавшего М. за панегирик еретике (см. в кн.: Духовная трагедия Л. Толстого, М., 1995, с. 160). Позднее М. вновь возвращается к толстовской теме в статьях «Очень сложное самоубийство» (НВ, 1910, 14 нояб.), «Кризис толстовства» (там же, 20 нояб.).

Постоянно стремясь в своих суждениях к «норме», равновесию, «золотой середине» (в противоположность своему антиподу и соратнику по «Нов. времени» Розанову), М. уже на страницах «Недели» заявил о себе как умелый публицист. Острую полемику, напр., вызвала его ст. «Дознание» (Кн. «Недели», 1895, № 8; под назв. «Серпуховской циник» вошла в сб. «Народные заступники и др. нравственно-бытовые очерки», СПб., 1900; подробнее см. в ст. Мантейфель А. П.). После закрытия «Недели» (из-за финансовых неурядиц) М. перешел в «Нов. время» и стал с апр. 1901 (по март 1917) одним из ведущих и наиб. плодотворных публицистов газеты, имевшим большое влияние на широкие круги читателей (в т. ч. сел. учителей). Этот переход был воспринят радикальной интеллигенцией, и прежде всего Михайловским, как измена «Неделе» и ее принципам (Михайловский Н. К., Последние соч., т. 2, СПб., 1905, с. 447—55). М., в свою очередь, видя в «Нов. времени» газету не к.-л. одной партии, а широко взятую «рус. национального направления», газету как «парламент мнений», не считал, что утратил в ней независимость своих суждений («Библейский титул г. Михайловского» — в кн.: Письма к близким, СПб., 1904, с. 30—44). В. В. Шульгин в своих восп. утверждал, что М. имел в «Нов. времени» «такое положение и влияние, что решительно ни от кого не зависел. Его политические анализы и прогнозы не щадили ни «левых», ни «правых», ни азефов, ни Столыпина» (опубл.: газ. «Домострой», 1991, 22 янв.).

С дек. 1901 М. вел в «Нов. времени» пост. рубрику «Письма к близким» (под этим назв. выходили ежесмес. журн. книжки, к-рые составляли ежегодники «Письма к близким», т. 1—15, СПб., 1902—16). Продолжая жанровые традиции «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского (ср. также «Маленькие письма» А. С. Суворина), М. обращался к широкому кругу духовно-нравственных, социальных, полит., бытовых и др. вопросов, так или иначе связанных с ист. судьбами России. Многогранность проблематики и охвата жизненных явлений, интенсивность работы (3—4 статьи в неделю) обусловили содержательную ценность «Писем» как своеобразной летописи (при всей субъективности оценок) предвз. эпохи. Характер выступления М. в этот период определялся его общественно-полит. идеалом, к-рый сложился в нач. 1900-х гг.: монархич. власть с парламентским представительством и нек-рыми конституционными свободами, способная защитить традиц. ценности рус. общества и оздоровить нар. жизнь

(«Сильная машина» — НВ, 1905, 6 февр.; «Твердая власть» — 26 окт.). В окт. 1905 по просьбе С. Ю. Витте М. составил проект манифеста и конституционных начал, к-рые «шли несравненно далее того, что было сделано 17 октября и всеми последующими узаконениями» (Витте С. Ю., Восп., т. 2, М., 1960, с. 557; см. также: К истории создания манифеста 17 октября. Публикация А. В. Островского и М. М. Сафонова. — «Сов. архивы», 1985, № 5, с. 62—64; Милуков П. Н., Восп., М., 1991, с. 216). Позиция М., неоднократно высказанная в его выступлениях, была направлена на укрепление государственности: «Быть или не быть сильной власти — это то же самое, что быть или не быть России...». Видя, что страна переживает «страшную государственную болезнь», М. полагал, что она «унаследована в самом зачатии государственности» («Власть как право» — НВ, 1907, 21 авг.). Нормальность или ненормальность тех или иных форм гос. строя зависит, с его т. з., от «единодушия народного», к-рое эти формы поддерживает или не поддерживает («Общая неудача» — НВ, 1910, 25 марта). В кризисной ситуации «нар. представительство (Гос. дума. — Ред.) мешает власти, но и власть в каких-то важных отношениях мешает народу» («Утомление власти» — НВ, 1910, 11 сент.). «Неуспешность» совр. государственности, к-рая «не достигает своих целей», неизбежно вела к катастрофе, предчувствованной М. еще при жизни П. А. Столыпина: «Революция во втором ее акте провозглашена» («Хирургическая мера» — НВ, 1910, 11 дек.).

Будучи одним из создателей Всерос. соцюз (1908), М. в ряде статей формулировал его цели: «восстановление рус. национальности, но только как господствующей, но и государственно-творческой» («Русское пробуждение» — НВ, 1910, 23 янв.; «Национальный съезд» — 1914, 23 янв.). Поставив целью создать широкую общерус. партию, М. критиковал Гос. думу, и прежде всего октябристов как главную партию в ней, за дразнь, трусость и разногласия («Нашим младотуркам» — НВ, 1909, 15 апр.), крайне правых — за экстремизм и грубость (пост. оппонент М. — кн. В. П. Мещерский; см., напр.: «Гражданин», 1912, № 43, 48). Правительством, с т. з. М., должно быть двоянство («Дворянство и власть» — НВ, 1909, 24 февр.), представительство в Думе должно «только люди государственного единодушия», т. е. «гос. партия» («Кто у власти» — НВ, 1910, 6 марта; «Общая неудача» — там же, 25 марта). В 1912 он выступил с инициативой реформы Думы, предлагая удалить из нее тех инородцев, к-рых считал враждебными России, и представителей «заведомо преступных» партий («Дума о Думе» — НВ, 1912, 9 июня; см. также ст. «Хозяева Туркестана» — 1908, 22 нояб.).

Созидателями и хранителями духовных основ нац.-ист. жизни России М. почитал прежде всего православных святых (кн. Ольгу, Серафима Саровского), из современников — Иоанна Кронштадтского, по словам М., «величайшего представи-

теля» христианства вообще («Памяти святого пастыря» — НВ, 1908, 23 дек.; «Завещание отца Иоанна» — 25 дек.). М. иногда резко критиковал православное духовенство за его слабость и пассивность, видя в них причину растущего в обществе безверия, падения нравственности, нигилизма («Дни раскаяния» — НВ, 1905, 13 марта; «Расстройство церкви» — 1908, 9 февр.; «Борьба с одичанием» — 1913, 30 июля; эти и др. статьи М. вызвали полемику: А. Квилюнов Е., Так ли мы виноваты?, СПб., 1905; Светский И., По поводу статьи «Мир или Борьба», М., Житомир, 1908; Ш.-в. А., Открытое письмо М. по поводу его статьи «Борьба с одичанием», Владимир, 1913).

Популярность М. снижали острые статьи о падении нравов в деревне и «власти тьмы», о физич. и нравственном здоровье, преодолении бедности,

М. О. Меншиков. Рис. И. С. Куликова. 1914. Архив О. М. Меншиковой.

сел. благоустройстве («Нужда великая» — НВ, 1904, 31 марта; «В деревне», 1909, 4, 6, 8 авг., и др.). М. критиковал правительство за попустительское нар. пьянству, невнимание к нуждам народа, слабую армию («Спазмы сердца» — НВ, 1905, 12 окт.; цикл статей под общим назв. «Пьяный бюджет» — 1907, март — дек.; «Казна и пьянство» — 1913, 23 апр.; «Есть ли у нас флот?» — 1904, 25 июля, и др.). А. С. Суворин в 1904 записал, как о фельетоне М. (в к-ром он утверждал, что флота у нас нет) докладывали царю: «Царь выразил удивление, что в газете можно было это напечатать. Потом сказал, что наказывать не надо, а достаточно сделать внушение» («Дневник», М., 1992, с. 372).

В ряде выступлений М. на страницах «Нов. времени» о «еврейской опасности», создавших ему в либеральных («Рус. богатство») и рев. кругах репутацию журналиста-охранителя и антисемита («верный сторожевой пес царской черной сот-

ни» — Ленин, XX, 142), он писал о постепенном «внутреннем завоевании» страны евреями, о том, что рус.-япон. война 1904 «есть чуть не прямое следствие евр. агитации в тех странах, где печать и биржа в руках евреев» («Великая тревога» — НВ, 1904, 14 февр.; резко отрицат. отзыв: В. Мясотин — РБ, 1904, № 3, с. 161—65, 2-я паг.; полемику М. с А. В. Амфитеатровым на эту тему см.: ст. «Журнальные горланы» — «Письма к ближним», СПб., 1904, с. 197—210; Амфитеатров А. В., Листки. — «Русь», 1904, 17 февр., 3 марта). М. считал, что России грозит «инородческий заговор», к-рый имеет «конечной целью лишение почти всех наших завоеваний в Европе — отторжение Финляндии, Прибалтийского края, Польши, Западного края и Кавказа» (НВ, 1906, 7 янв.). Отвергая деятельность рев. организаций как партий «еврейской смуты» («Революция и бунт» — НВ, 1905, 16 нояб.; «Лужи крови» — 1907, 26 апр.), М. считал, что и черносотенные группы не в меньшей степени вредят делу обновления России («Помеха работе» — НВ, 1906, 19 окт.; «Чернила и кровь» — 1909, 1 окт.). Позиция М. в этих вопросах во многом определяла лицо газеты.

Гос. национализм уживался у М. с культурологич. взглядами, согласно к-рым национализм есть «развитие в себе наивысшей человечности»: «Все трогательное и великое под солнцем, все благородное, что дошло до нас от Египтян, Вавилонян, Евреев, Персов, Индусов, Греков, Римлян, средних вековых и новейших саропейцев, — все это „моё“, все это признано мной и усвоено навски с страстным желанием вынести в себя и передать потомству» («Что такое национализм» — НВ, 1916, 31 янв.; «Спор о красоте» — 19 февр.).

В разгар 1-й мировой войны (с авг. 1914 М. вел в «Нов. времени» рубрику «Должны победить»), как бы подводя итоги жизни своего поколения, писал: «Разве нынешняя всеветная катастрофа не свидетельствует о банальности людей, родившихся в средние десятилетия девятнадцатого века?.. Мечтали все мы, кажется, о свободе — и дождались попытки к неслыханнейшей тирании, какую помнит мир. Мечтали о равенстве — и дождались всеветного грабежа. Мечтали о братстве, об „алюминиевых дворцах“ — и дождались ураганного огня и удушающих все живое газов...» («О лучшем будущем» — НВ, 1915, 23 авг.).

В статьях М. после февр. 1917 — тревога, смятение, надежды на «народоправство» с оттенком фатализма («что порешит совокупная воля народная, то и будет»). Недавно еще убежденный конституционный монархист, долгие годы считавший «единение царя и народа» залогом ист. существования Рос. империи, М. вскоре после отречения Николая II признал, что «старый порядок рухнул от неуважения к свободе», и при-

зывает «с бодрым сердцем» готовиться к Учредит. собранию, «не оглядываясь, как жена Лота, на оставленный Содом» («Жалеть ли прошлого?» — НВ, 1917, 7 марта). В «минуты роковые» почувствовавший совершающееся ист. предательство («все отшатнулись от монархии»), М. решительно обвинил в этом одну сторону: «Была измена, но со стороны монархии, со стороны самодержавия, преступно обманувшего народ» («Кто кому изменил» — НВ, 1917, 18 марта). Как временную меру, позволяющую избежать голода, М. уже в 1916 допускал введение «всеобщей трудовой повинности» (отклик: В. Кузьмин-Караваев — ВЕ, 1916, № 5, с. 399—400), а в 1917 писал о необходимости прибегнуть, по примеру Германии, к «государственному социализму» с такой крайностью, как «принудительный всеобщий труд» («Три опасности» — НВ, 1917, 9 марта). Переживая неудачи на фронте, М. горько сетовал на беспомощность правительства, не способного преодолеть развал страны. Мрачные прогнозы М. распространялись и на социалистич. вариант полит. устройства России: «... много шансов, что они (социалисты. — Ред.) скомпрометируют свою систему. Как монархию сделали бездарной и преступной, так, пожалуй, удаться сделать и с социализмом» (запись в дневнике от 5 авг. 1917). Фактически лишенный возможности заниматься обществ. и публич. деятельностью, М. писал Розанову о своем бедственном положении (письмо от янв. 1918 — РГАЛИ, ф. 419, оп. 1, № 530). Оставшись с большой семьей (6 детей) практически без средств к существованию, М. некоторое время работал канторским служащим в Валдае. Ездил к И. Д. Сытину в Москву, переписывался с ним в надежде на возобновление лит. деятельности.

В 1918 арестован и после шестидневного заключения расстрелян на берегу Валдайского озера Чрезвычайным полевым штабом Новгородской ЧК. В предсмертных письмах к жене М. сообщал, что члены ЧК не скрывали: суд над ним есть акт мести за его «погромные» статьи («обвинение сплошь ложное, но они ищут не правды, а мести» — «Рос. архив IV», с. 229—31). В «Известиях» (1918, 22 сент.) сообщалось о «монархическом заговоре», по главе к-рого якобы стоял М., и издания газ., «призывающей к свержению сов. власти». 17 окт. 1918 после панихиды в киевском Софийском соборе слово о М. произнес митрополит Антоний (Храповицкий) (газ. «Наша Родина», К., 1918, 22 окт.). В 1993 М. реабилитирован.

Др. произв.: «Руководство к чтению морских карт, русских и ино-

странных» (СПб., 1891), «Люция Абоских и вост. части Аландских шхер» (СПб., 1892), рассказы: «Несчастный» («В добрый час», СПб., 1895; отзыв: «Нов. слово», 1896, № 4, б.п.), «Исповедь» (НВ, 1906, 26 февр.), «Красное знамя» (НВ, 1906, 18 дек.; отд. изд. — СПб., 1906), «Цари Востока (Святочная сказка)» (НВ, 1910, 3 янв.).

Изд.: Начала жизни. Нравственно-филос. очерки. СПб., 1901; Памяти Д. И. Менделеева. — В кн.: Д. И. Менделеев в восп. современников. 2-е изд., М., 1973; Из записных книжек. — Альм. «Прометей», т. 12, М., 1980; Из писем к близким, М., 1991 (сост. М. Б. Постелова); Дневник 1918, письма М. — В кн.: Рос. архив IV. М. О. Меньшиков. Мат-лы к биографии, М., 1993; Статьи М. — В кн.: Рос. судьбы. Святая Ольга, Владимир святой, М., 1996.

Лит.: Блок (ук.); Горький (ук.); Короленко, Х. 386; Перцов (ук.); Толстой (ук.); Чехов (ук.); Пругавин А., Письмо в редакцию. — «Жизнь», 1899, № 6, с. 456 (о крупном пожертвовании М. на нужды голодающих Самар. губ.); Пильский П., Критич. статьи, т. 1, СПб., 1910; Спасский П. Н., В защиту Ветхозаветных Патриархов, Новгород, 1914; еп. Никон (Бессонов), Орлы и Вороны. (Мысли по поводу статьи М.), [К., 1915]; Юрьевский Б., Памяти М. — НВ (Белград), 1921, 23 апр.; Короленко. Петерб. сб-к, П., 1922, с. 95—96; Гиппиус З. Н., Живые лица, т. 2, Прага, 1925, с. 82; Миклулич В., Встречи с писателями, Л., 1929 (ук.); Поссе В. А., Мой жизненный путь, М.—Л., 1929 (ук.); Лесков Н. С., Собр. соч., т. 11, М., 1958; Рус. лит-ра (1. ук.); Лесков А. Н., Жизнь Николая Лескова, т. 1—2, М., 1984 (ук.); Кризис самодержавия в России. 1895—1917, Л., 1984 (ук.); Меньшикова М. В., За что? (Как убили моего мужа М. О. Меньшикова). — «Кубань», 1989, № 10; Соловьев В. С., Лит. критика, М., 1990 (ук.); Соловьев Ю. Б., Самодержавие и дворянство в 1907—1914 гг., Л., 1990 (ук.); Гончаров С., Голубь выше Сокола (о жизни и творчестве М.). — «Москва», 1993, № 6 (здесь же статьи М., публ. М. Б. Постелова); Шлемин П. И., Наш отношение и права человека в России. Диалоги с М., М., 1993; Кожин В. В., Загадочные страницы истории XX в. «Черносотенцы» и революция, М., 1995, с. 137; ЛН, т. 84, кн. 1 (ук.); т. 90 (ук.), т. 95 (ук.). — Брокгауз: НЭС; Венгеров. Источ.: ЛЗ; Муратова (1, 2; ук.); Мяснов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2169; ф. 459, оп. 2, № 152—683 (переписка с А. С. Суворова); № 913 (письма читателей к М.); ф. 452, оп. 1, № 2628 (письма А. С. Суворова); оп. 2, № 280 (письма Суворова); ф. 240, оп. 1, № 160 (письма А. И. Куприна); ф. 122, оп. 2, № 49, оп. 1, № 900 (переписка с И. И. Горбуновым-Посадовым); РГБ, ф. 386, к. 94, № 41 (письмо В. Я. Брюсова); ф. 249, к. 3876 (письма В. В. Розанову); ф. Дост./Л., к. 6, № 71 (письма А. Г. Достоевской); ИРЛИ, ф. 303, № 450 (письма Л. Л. Толстому); ф. 402, оп. 2, № 348 (письма к М. В. Ватсон); оп. 4, № 62 (письма С. Я. Надсон); шифров. фонд, № 5528 (письма В. Л. Кипу); № 12258 (письма Я. П. Полонскому); РГАВМФ, ф. 434, оп. 2, д. 1221 (м. с.); ф. 417, оп. 4, д. 3698 (дело об увольнении); ф. 406, оп. 3, д. 813, 827, 953 (п. с.); личный архив О. М. Меньшиковой (Москва), дочери М.

А. А. Гумеров, при участии М. Б. Постелова.

МЕРДЕР Надежда Ивановна [урожд. Свечина; псевд. Северин; 1839 (по др. сведениям — 1837), Саратов — 13(26).3.1906, Москва], прозаик. Из семьи полковника в отставке, управляющего удельным Саратов. округом, богатого помещика. В 13 лет лишилась матери. Воспитывалась теткой В. Н. Воейковой, племянницей Г. Р. Державина. Училась в саратов. Марини. ин-те. В 1858 вышла замуж за К. П. Мердера и в 1859

переехала в Петербург. Первая изв. публ. М. — пов. «Крепостные артисты» («Светоч», 1862, кн. 5; подпись Н. Первов). Разойдясь с мужем в 1865, осталась без средств к существованию с 7-летним сыном на руках.

Лит. труд стал для нее единств. источником дохода. А. К. Шеллер-Михайлов устроил ее в ж. «Дело», где в 1877—79 публиковались ее повести и рассказы. В 80-х гг. она печаталась в «Живописном обозр.», «Вест. Европы», «Рус. мысли», «Рус. богатство», «Наблюдателе»; в 90-х гг. — в «Ист. вест.», «Ниве», «Рус. вест.», «Гусляре», «Свете». В прозе М., разнообразной по жанрам (ист. и бытовые романы, повести, рассказы, очерки), начиная с пов. «Не в порядке вещей» (ОЗ, 1877, № 2, 3), доминирует нравственно-бытовая проблематика: брак, семья, судьбы брошенных детей и обольщенных девиц. Ее произв. мелодраматичны, изобилуют сценами роковых страстей, кровавой мести, самоубийств. Н. С. Лесков (с к-рым М., считая его своим учителем, состояла в переписке литературно-дружеского характера — РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, № 260), называл ее романы «нарочито любовственными» (Быковы П. В., Силуэты далекого прошлого, М.—Л., 1930, с. 159). Трилогия «История одного развода» (РМ, 1881, № 3, 6—11; рец.: «Набл.», 1882, № 11), «Вся чужая» (РМ, 1885, № 7—10) и «Сумрак» («Дело», 1886, № 2—8) представляет собой семейную хронику (автобиограф. мотивы), герои к-рой каждый по-своему пытаются уйти от «гнетущей тоски и пустоты жизни». В ром. «Брошенные» (ЖО, 1887, № 8... 37) — иронически поданный образ «переловой женщины», не пожелавшей стать «глупой жертвой семейного деспотизма» и посвятившей себя проблемам дет. воспитания, забыв при этом собств. детей, что уравнивает ее нравственно с мужем — свет-

ским обольстителем. В ром. «Танькина карьера» (РО, 1894, № 7—12) — драм. история падения крест. девочко-сироты, из прислуги в пестерб. доме превратившейся в проститутку и жестоко мстящей за поруганную молодость. В ист. ром. «Авантюристы» (Собр. соч., т. 1), «Фамильная хроника Воротынцевых» (ИБ, 1891, № 1—7; отд. изд. под назв. «Воротынцевы», СПб., 1891) и др. история России 18 — нач. 19 вв. — лишь повод для рассказа о близких М. нравах «доброго старого времени». Для воссоздания в своих произв. быта М. использует семейные архивы, восп., записки и устные рассказы, ист. исследования, в т. ч. К. Валишевского, консультируется с С. Н. Шубинским и П. И. Бартеневым (рецензенты отмечали «чрезвычайно правдиво и выпукло» нарисованные ею картины нравов — «Север», 1891, № 42).

Оценки М. в критике расходятся: от «мало кем читаемой» и «совершенно непопулярной» (К. Воеводский — ИВ, 1906, № 5, с. 557—569) до «маститой» (С. К. Эфрон — там же, № 4, с. 242—44; см. также: Глинский Б., «Ист. вест.», за 35 лет. — ИВ, 1915, № 1, с. 187—89). Ст. з. рецензента «Рус. мысли», М. — «действительно пишущая», но без «большой духовной работы и стройного архитектурного плана» (1891, № 6, с. 294). И. С. Тургенев одобрительно отозвался о рассказе М. «Вдовец» (ВЕ, 1882, № 10), посчитав его началом романа (Тургенев. Письма, XIII, 61—62). Сб. рассказов «Блаженные» (СПб., 1889) вызвал положительн. отклики («Гусляр», 1889, № 19; ИВ, 1889, 26 апр.). Нек-рые критики отрицали наличие в произв. М. убедительно раскрытых психол. типов («Набл.», 1882, № 11, с. 80—83), отмечали недостаток органич. связи между отдельными хорошо написанными частями («Свет», 1878, № 9, с. 310; 1879, № 3, с. 150).

Русофильство, верность православию, полит. консерватизм М., проявившиеся в любви к дворян. нравам и быту, наиб. ярко выражены в пов. «Без почвы» (СПб., 1889), о к-рой «Сев. вест.» писал: «Г-жа Мердер впряглась в пристяжку к кн. Мещерскому и г. Буренину» (1890, № 9, с. 96; ср. положит. отзыв об этой повести: ИВ, 1890, 4 янв.).

На основе устных рассказов обитательниц дворян. гнезд М. создает ряд мемуарных очерков: «Восп. о В. И. Анненковой» (ИБ, 1902, № 10), восп. о С. А. Леонтьевой-Левинской (подробно цит. в кн.: Таубе М. Ф., Памяти С. А. Леонтьевой-Левинской, СПб., 1904), «Люди былого времени. Из рассказов В. И. Анненковой...» (РА, 1906, № 1), «Из далекого прошлого. (Тетушка В. Н. Воейкова)» (ИБ, 1909, № 11, 12), по сюжетной увлекательности и живости деталей не уступающих романам. Так, напр., эпизод о бегстве «Оленьки Сократовны» (дочери дом. врача отца М.), с характерной для М. негативной оценкой «прелестей свободной любви» в духе «полудекоковских» романов, предвосхищает иронич. взгляд на супругу Н. Г. Чер-

нышевского в ром. В. В. Набокова «Дар».

Высоко ценя литературу, рассчитанную на «избранных» (см., напр., ее отзыв о М. Метерлинке в письмах А. С. Суворину — РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2629), сама М. писала в осн. для т. н. пестрого читателя. Этим отчасти объясняются характерные для ее стиля сбоя, немотивированные в потоке авт. повествования переходы от франц. фраз к жаргонным, просторечным выражениям.

В пьесах М. остается верна себе: интерес к бракоразводным проблемам — в основе фарса «Супружеское счастье» (СПб., 1884; с 1883 по 1914 ставился в т-рах Москвы и Петербурга; рец.: С. Васильев («С. Флёр») — МВед, 1889, 11 сент.; «Артист», 1889, № 2; БВед, 1892, 18 дек.; 1893, 11 мая; 1900, 2 июля), в к-ром мужа, убившего свою жену, и его адвоката объединяет мужская солидарность; жен. судьбы в любовных перипетиях — в комедиях «Наседка» (СПб., 1889; пост. тогда же в т-ре Корша; отрицат. рец.: РМ, 1889, № 10; С. Васильев — МВед, 1889, 25, 26 сент.) и «Генеральша Матрена» («Сцена. Драм. сб-ка», в. 25, М., 1895; рец.: «Набл.», 1896, № 5; по поводу претензий В. А. Крылова на авторство этой пьесы — переписка М. с разными лицами — ГЦТМ, ф. 169; см. также: Эфрон С. К., Восп. о В. А. Крылове. — ИВ, 1906, № 4, с. 242—44). Пьесы М. не пользовались большим успехом. В 1885 она пыталась инсценировать «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского (рукоп. — ИРЛИ), переписывалась с А. Г. Достоевской (одобрявшей пьесу). Инсценировка была запрещена цензурой как произв., «лежащее позорным пятном на рус. помещичье сословие» (РГИА, ф. 776, оп. 26, д. 4).

В 1900—03 М. жила в Варшаве (куда по службе переведен был ее сын), интересовалась историей Польши, думая написать роман из эпохи перед 2-м разделом (18 в.). С 1903 и до конца жизни — в Москве. Революцию 1905 М. объясняла утратой нравств. критериев, «туманом новых идей», распространением католицизма (см. ее «Призыв к русским людям» — МВед, 1906, 8 янв.; см. также переписку с П. И. Бартеневым — РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 597—98). Корни совр. зла обнаруживала в Чернышевском, стремившемся, как она полагала, к «уничтожению понятий о Родине, о чести, о Боге, о совести и долге» («Из письма к издателю „Рус. архива“» — опубли.: РА, 1909, № 6, с. 218—20).

Изд.: Собр. соч., т. 1—10, П., 1915—18; рассказы «Из жизни пестерб. детей (Нишечки)». — В кн.: Петерб. святочный рассказ, Л., 1991.

Лит.: Достоевский (ук.); Лесков, XI, 433—34; Ясинский И. И., Лит. восп. — ИВ,

1898, № 2, с. 568; Соколов С. Д., Саратовцы — писатели и ученые. — «Труды Саратов. ученой арх. комиссии», в. 33, 1916, с. 154—56 (библ.); Дризен Н. В., Лит. восп. — «Весь мир», 1918, № 29, с. 7, 9—10; Орнатская Т. И., Степанова Г. В., Романы Достоевского и драм. цензура. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Мат-лы и иссл., т. 1, Л., 1974, с. 283; ИРЛТ, т. 6, 7 (ук. на фам. Северин); Лит. процесс и журналистика (2, ук.). — Некрологи, 1906: МВед, 17 марта; ИВ, № 4; ТИИ, № 12; «Мирный труд», № 3 (А. Каут). Брокгауз; Голицын; Венгеров. Источ.; Мельер; Гранат; Смирнов-Сокольский; Масанов.

Архивы: ГЦТМ, ф. 169; письма М. — ИРЛИ, ф. 343, № 76 (С. Н. Шубинскому); ф. 134, оп. 3, № 1083 (А. Ф. Коню); ф. 36, оп. 2, № 292 (В. П. Буренину); ф. 446, № 167 (Р. И. Сементковскому); РНБ, ф. 874, № 43, 46, 49, 52, 55, 77, 82, 85, 93, 97, 101, 106 (Шубинскому); РГБ, ф. Дост/ II, к. 6, № 73 (А. Г. Достоевской); РГАЛИ, ф. 2304, оп. 1, № 613 (А. А. Яблочников); ф. 2, оп. 1, № 894 (Ю. Н. Говорухо-Отроку); ф. 230, оп. 1, № 54 (В. А. Крылову); РГВИА, ф. 395, оп. 23, д. 271 (указ об отставке И. В. Свечина 1834 г.); оп. 51, д. 1022 (п. с. Конст. Павл. Мердера 1859 г.).

М. Ф. Максимова.

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич [2(14).8.1865, Петербург — 7.12.1941, Париж; похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа вместе с женой З. Н. Гиппиус], прозаик, поэт, критик, публицист, переводчик, лит.-обществ. деятель. Отец, Серг. Ив. (1821—1908), потомок укр. рода Мережки, — столоничаль-

ник при имп. дворе, действит. тайный советник; мать, Варв. Вас. (урожд. Чеснокова) — дочь управляющего канцелярией петерб. обер-полицеймейстера (умерла в 1889). М. был младшим из сыновей [в семье было 9 детей; Конст. Сер. Мережковский (1855 — ?), приват-доцент С.-Петерб. ун-та (дисс. «Мат-лы к познанию животных пигментов», 1883), печатался в Тр. Об-ва естествоиспытателей; хранитель Зоотомич. кабинета, 1878—86; см. о нем: Биограф. словарь профессоров СПб. ун-та, т. 2]. М. рос под духовным влиянием матери (ее образ воссоздан в автобиогр. поэме «Старинные октавы» — ЗР, 1906, № 1—4): «У него не было ни одного друга ... Он, в

сущности, был совершенно одинок, и вся сила любви его сосредоточилась ... в одной точке: мать» (Гиппиус-Мережковская, 1951, с. 43). В 1875—83 М. учился в 3-й петерб. г-зии, с авг. 1883 — студент историко-филол. ф-та Петерб. ун-та, к-рый закончил в 1888 (см.: ЦГИА СПб., ф. 114, оп. 3, д. 23357). Летом 1888 в Боржоме М. познакомился с З. Н. Гиппиус, после свадьбы (8 янв. 1889, в Тифлисе) Мережковские на долгие годы обособились в Петербурге: сначала в квартире на Вережской ул., затем — в доме Мурузи на Литейном проспекте, д. 24 (осень 1889 — май 1912), и позднее — на Сергиевской ул., д. 83 (напротив Таврич. сада); у М. с 1890 до 1917 (с перерывами) собирались писатели и видные представители столич. интеллигенции. Гиппиус на всю жизнь стала ближайшим духовным спутником М., вдохновительницей и соучастницей его идейных и творч. исканий. Прожив вместе 52 года, «не разлучаясь ... ни разу, ни на один день» (Гиппиус-Мережковская, 1951, с. 5), «они сумели сохранить каждый свою индивидуальность, не поддаваясь влиянию друг друга. ... Они были „идеальной парой“, но по-своему. ... Они дополняли друг друга. Каждый из них оставался самим собой» (Одоевцева И., На берегах Сены, М., 1989, с. 44).

«Лет 13-ти начал писать стихи» («Автобиограф. заметка». — В кн.: Венгеров. Лит.-ра 20 в., т. 1, с. 290). В 1880 М. встретился с Ф. М. Достоевским, к-рому читал свои стихотв. опыты; в нач. 1880-х гг. сблизился с С. Я. Надсоном и «полюбил его, как брата» (там же, с. 291; письма М. к Надсону 1883—84 — «Новое ЛО», 1994, № 8). Лит. дебют М. — стих. «Нарцисс» в лит. сб-ке «Отклик» (СПб., 1881); 4 его стих. печатаются в «Отеч. зап.» (1883, № 11; 1884, № 1). С 1885 стихи М. публикуются в ж-лах «Вест. Европы», «Живописное обозр.», «Наблюдатель», «Сев. вестник». Через Надсона М. сблизился с А. Н. Плещеевым, к-рый содействовал его знакомству с маститыми писателями старшего поколения (И. А. Гончаровым, А. Н. Майковым, Я. П. Полонским) и сотрудниками ж-ла «Сев. вестник» — Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским, В. М. Гаршиным, В. Г. Короленко. Михайловский и Успенский были два моих первых учителя. Я ездил в Чудово к Глебу Ивановичу и проговорил с ним всю ночь напролет о том, что тогда занимало меня больше всего, — о религиозном смысле жизни» («Автобиограф. заметка», с. 292). В том же году М. совершил путешествие по Волге, Каме, в Уфим, и Оренбург. губернии, «беседовал с

крестьянами, собирал и записывал наблюдения» (там же).

Первая кн. М., принесшая ему лит. известность, — «Стихотворения. (1883—1887)» (СПб., 1888) — была выдержана в тематич. и стилистич. тональности творчества восьмидесятников, с характерными для нее народнич. и надсоновскими мотивами; М. обыгрывает на свой лад мотивы одиночества, сомнений, разочарований в высоких устремлениях. В то же время в кн. намечен пересмотр народнич. заветов: «Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу! / Я слишком слаб; в душе — ни веры, ни огня...» (1887; с. 22); «ближним» задан ускоренный процесс «жалкого мира отчаянья и муки» (с. 68) поэт предпочитает порывы к высшему идеалу, грезы о неведомом «новом рае» («Кораллы», 1884). Наряду с лирикой лично-исповедального характера в кн. включены образцы ист. поэзии, переложения лит. памятников («Протопоп Аввакум», «Уголин», «Орваси» и др.), вариации на классич. лит. и ист. темы, выдержанные в традициях объективно-описательного письма, пластич. и красочно-декоративных поэтич. композиций А. Н. Майкова.

Сборник был сочувственно встречен критикой (РБ, 1888, № 1; «Набл.», 1888, № 1). Михайловский назвал М. «одним из видных наших молодых поэтов»: «Мысль его почти всегда ясна, стихом он владеет прекрасно» (СВ, 1888, № 3, отд. II, с. 138). В то же время указывалось, что красота и гладкость стихов М. «есть произведение головы, а не создание сердца» (РМ, 1888, № 6, отд. III, с. 276).

К кон. 1880-х гг. относятся первые опыты М. в лит. критике — из числа наиб. ранних обобщ. истолкований творчества А. П. Чехова и Короленко.

В ст. «Старый вопрос по поводу нового таланта» (СВ, 1888, № 11; перепеч. в кн.: Чехов А. П., В сумерках. Очерки и рассказы, М., 1986) М. не применил утилитарно-направленного подхода к творчеству Чехова, с похвалой отмечал в рассказах «молодого беллетриста» «чуждое, неуловимое ... волнение, лиризм и тонкую бытовую наблюдательность, сочетание „мистического чувства природы и бесконечности с трезвым здравым реализмом“, защищал органически развивающийся талант писателя от обвинений в отсутствии «сознательной намеренной тенденции» (с. 79, 77, 85, 94). Приоритетность критериев эстетич. критикиказывается и в ст. «Рассказы Вл. Короленко» (СВ, 1889, № 5), в к-рой, подчеркивая тематич. новизну произв. писателя (исследование «исключительных, самостоятельных, активных типов из народной среды», пребывающих «в страстном искании новой веры»), М. особое внимание уделяет характеристике его худож. приемов (в т. ч. тапение к скульптурности, в противоположность Гаршину и Чехову — «колоритам типичанской школы», — с. 12, 15, 23).

В этих статьях, а также в ст. «Руссо» (РБ, 1889, № 11), где обосновывается взгляд на франц. писателя как на эгоцентрика, «очарованного и ослепленного богатством своей ... внутренней жизни» (с. 67), уже прослеживаются осн. черты критич. метода М. — предпочтение личностного и отвлеченно-метафизич. подхода социально-историческому, попытки

обнаружить «тайные» импульсы, обуславливающие творч. деятельность писателя и выстраивающие ее разрозненные проявления в целостное идейно-психол. единство.

Решит. поворотом от позитивистского к религ. мирозерцанию, ощущению мистич. тайны бытия отмечена кн. М. «Символы. (Песни и поэмы)» (СПб., 1892), в к-рую вошли напечатанные ранее «петерб. поэма» «Смерть» (СВ, 1891, № 2—3; отчасти стилизована под «Евгения Онегина» и «Медного всадника»), поэма «Вера» (РМ, 1890, № 3—4), «драм. сказка» «Возвращение к природе» (в первой публ. «Сильвио» — СВ, 1890, № 2—5; по мотивам пьесы П. Кальдерона «Жизнь есть сон»). Поэма «Легенда о Франциске Ассизском» (ЛПН, 1891, № 3) и стих. из раздела «Песни и легенды» («Пророк Исайя», «Марк Аврелий», «Коллизей» и др.) отразили нарастающий интерес М. к теме «вечных спутников» человечества, к со- и противопоставлению двух типов европ. культуры — языческой и христианской.

Критика выделяла в «Символах» поэму «Вера» — за «живой тип совр. героя» (П. П. Перцов) — РБ, 1892, № 11, отд. II, с. 68), отмечала мастерство М. во владении стихом (Н. Чубаров — РО, 1892, № 7; 6. п. — РМ, 1892, № 7); в то же время А. Л. Волынский четко сформулировал те осн. упреки, к-рые на разные лады будут предъявляться едва ли не всем последующим книгам М.: отсутствие живого, искреннего чувства, «претенциозная аффектация», «сухая и раздражающая диалектика» (СВ, 1892, № 4, отд. II, с. 65; см.: его же — СВ, 1893, № 3; 1896, № 3).

При всей риторичности самовыражения, религ. идеи М. были связаны с его индивид. переживаниями, и эта связь стала гл. формирующим началом творч. личности М.; Плещеев писал о нем летом 1891: «...он не может ни гулять, ни есть, ни пить без того, чтоб не разглагольствовать о бессмертии души и о разных других столь же выспренных предметах» (см. в кн.: Письма рус. писателей к А. С. Суворину, Л., 1927, с. 131).

Попытку переосенить традиц. демокр. идейного катехизиса М. принял в семейно-бытовой психол. мелодраме «Гроза прошла» («Труд», 1893, № 1; здесь радикально-обществ. лагерь представлен в сниженно-сатирич. виде) и в особенности в лекциях «О причинах упадка рус. лит.-ры» (прочитана в Петербурге 26 окт. 1892 в Рус. лит. обществе; повторно — 8 дек. 1892) и «О новых течениях совр. рус. лит.-ры» (15 дек. 1892). Лекции легли в основу кн. «О причинах упадка и о новых течениях совр. рус. лит.-ры» (СПб., 1893), воспринятая как манифест нового движения; давая обзор творчества крупнейших классиков рус. лит.-ры 19 в. и писателей-современников в мистико-символич. духе, М. провозглашал смену «удушающего мертвенного позитивизма» «художе-

ственным идеализмом», выделяя три определяющих элемента нового искусства — мистич. содержание, символы и расширение «худож. впечатлительности».

Хотя М. не был склонен резко противопоставлять новые задачи достижениям лит-ры прошлого — а напротив, опирался на классиков как провозвестников «нового идеализма» и не предлагал развернутого обоснования символист. эстетики, его кн. была встречена гл. обр. с осуждением, как вызов классич. завстам: А. М. Скабичевский назвал М. «именником ... родной рус. лит-ры» («Новости и бирж. газ.», 1893, 11, 18 марта; ср. отзыв И. Иванова — РВед, 1893, 1 марта). Михайловский полагал, что писатель «думает удовлетворить свою жажду в безводной, давно высохшей пустыне и принимает миражи за действительность» («Рус. отражение франц. символизма» — РБ, 1893, № 2, отд. II, с. 66); напротив, Ю. Н. Говоруха-Отрок (под псевд. Ю. Николаев) поддержал М. в его отходе от общественного утилитаризма и обращении к «бесконечному и бессмертному» (МВед, 1893, 29 апр.). Развитие концепции книги — в статьях М. «Мистич. движение нашего века» («Труд», 1893, № 4), «Неоромантизм в драме» (ВИЛ, 1894, № 11), «Новейшая лирика» (там же, 1894, № 12), трактующих «академические» мотивы как симптом разложения «больных детей большого века» (там же, с. 160) в прежних верованиях и попытку поиска нового идеала.

«Новые стихотворения. 1891—1895» (СПб., 1896) М. воплощают те же особенности мироощущения и взгляды на совр. эпоху; открывающее сб. стих. «Дети ночи» было воспринято как манифест декадентского искусства: «Мы для новой красоты/ Нарушаем все законы./ Преступаем все черты; / Мы — над бездною ступени./ Дети мрака, солнца ждем». Превращение М. в «печального приписешника клики декадентов» (ЛПН, 1896, № 9, стб. 210), похвалы язычеству, греху, «дерзости преступления» встретили единодушную отповедь в лит. среде (б. п. — «Новое слово», 1896, № 11; П. (О.) Морозов — «Обр.», 1896, № 12).

Мн. проблемы, затрагиваемые в стих. 1890-х гг., развиваются и в рассказах М. из совр. жизни: конфликт между высокими порывами и косной действительностью («Пророк» — «Набл.», 1891, № 12; «На новом Замокворещи» — ЛПН, 1895, № 6), темы «бессилия души» совр. героя («Княжна Диспина» — там же, 1895, № 8), романтич. стремления к совершенной красоте, дающей новое осмысление и ощущение жизни («Любовь» — ЖО, ежемес. лит. прил., 1898, № 5; «Ангел» — «Дом. б-ка», 1899, № 1). При этом худож. проза М., как и его поэзия, по формальным параметрам была вполне традиционна и общедоступна, что отчасти облегчало его писательскую судьбу в отличие от др. крупных приверженцев «нового» иск-ва 1890-х гг. В это время М. широко печатался в популярных изданиях («Рус. мысль», «Вест. Европы», «Труд», «Мир Божий», лит. приложения к «Ниве» и др.), в первой пол. 1890-х гг. — один из ближайших сотрудников ж-ла «Сев. вестник», отставившего (под руководством Во-

лынского) «идеалистические» концепции.

С весны 1891 и затем почти ежегодно М. предпринимает заграничные путешествия, знакомится с иск-вом и культурой Средиземноморья; впечатления от Парфенона и др. памятников эллинист. иск-ва (весна 1892) открывают ему красоту языч. мира, гармонию утраченного рая. М. переводит др.-греч. классиков — роман Лонга (на т. л. — Лонгус) «Дафнис и Хлоя» (СПб., 1896; 2-е изд., СПб., 1904), трагедии (многократно переиздававшиеся отдельными книгами): Эсхила — «Скованный Прометей» (ВЕ, 1891, № 1), Софокла — «Антигона» (ВЕ, 1892, № 4), «Эдип царь» (ВИЛ, 1894, № 1—2), «Эдип в Колоне» (ВЕ, 1896, № 7), Еврипида — «Ипполит» (ВЕ, 1893, № 1), «Медea» (ВЕ, 1895, № 7).

И. Ф. Анненский отмечал «легкий стих, отличный литературный язык, местами чувствительность и искреннее ошушение» переводов М., но указывал и на их недостаточную филолог. точность (ЖМНП, 1908, № 12, с. 236); «слабое понимание текста и духа переводимых творений» у М. констатировали также Г. Г. Зоргефрей («Лит. вест.», 1902, № 4, с. 417) и И. И. Холоних (ЖМНП, 1908, № 12).

«Античные» пристрастия М. преломились в его первом ист. ром. «Смерть богов. (Юлиан Отступник)» (первонач. назв. «Отверженный» — СВ, 1895, № 1—6; отд. доработ. изд. — СПб., 1896; 2-е изд., СПб., 1902; 3-е изд., СПб., 1906), составившем первую часть трил. «Христос и Антихрист»; в центре сюжета — история жизни императора Юлиана, стремившегося к восстановлению язычества, быт, нравы, идейная борьба в Римской империи 4 в. «Смерть богов» уже заключает в себе осн. черты поэтики всех последующих ист. романов М. Это роман «археологический» — с подробной реконструкцией событий и картин прошлого, строго соответствующих документально зафиксированным фактам, насыщенный инкорпорированными в текст цитатами из первоисточников (растворенными, как правило, в диалогах героев), с широким вовлечением в действие подлинных ист. лиц. И вместе с тем — роман «идеологический», в к-ром действие и персонажи (почти лишены индивид. психологии, одержимые «страстями ума», исканием «последних» истин) служат гл. обр. выявлению и аргументации определ. комплекса метафизич. идей. Природа такого повествования двойственна — исторична и антиисторична одновременно, поскольку «музейная» подлинность ист. реконструкций и точность худож. зрения и обобщения у М. совмещаются с организацией повествоват. целого под знаком «теории», надсторической концепции, нередк. оборачивающейся априорной схемой.

Осн. коллизия «Смерти богов» — в непримиримом противоречии двух типов культуры, языческой и христианской: мир эллинист. — светлый, воплощающий полноту земной жизненной красоты, с его культом телесной и душевной естественности (религия плоти) и тяготением к безмятежной созерцательности — противостоит миру христианства — мрачному, скорбному, исполн. мученичества, подавляющему естеств. влечения человека, но дающему взамен, вместе с полной религ. переживаний, приобщение к запредельному, к высшей жизни (религия духа). Метафизич. ущербность и нецельность языч. культ. посюсторонней жизни и, с др. стороны — враждебного жизни аскетич. фанатизма, насаждаемого христ. верой в потусторонний мир, должны, согласно концепции М., быть преодолены в грядущем синтезе «двух враждующих мудростей» (предвозвещаемо героиней романа Арсиноей, прошедшей свой драм. путь к христианству). При этом клонящийся к закату антич. мир (колоритно воссозданный также в рассказе «Пир» — ЛПН, 1896, № 8) обрисован автором с большей симпатией, чем мир торжествующего «черного» христианства, хотя М. с безусловной худож. убедительностью показал невозможность реставрации язычества, необратимость ист. процесса. В образе антихристианина Юлиана акцентированы черты трагически обреченного героя, уже «отравленного» чувством христ. любви и милосердия, идеей возвыш. страдания (все эти противоречия позволили видеть в нем разнovidность совр. нишеанского типа).

Роман М. стал первым крупным произв. «нового» иск-ва, выявившим к себе серьезное и вдумчивое отношение (А. Б. (огданович) — МБ, 1895, № 11; (А. Г. Горнфельд) — РБ, 1895, № 11); критике подверглась «академическая» и нишеанская позиция М. (Энгельсгардт Н. Поклонение злу. — Кн. «Недели», 1895, № 12; Оболенский Л. Влечение к древности. — Там же, 1896, № 10; П. А. Ачкасов — РБ, 1896, № 1), его нападки на традиц. мораль и ист. христианство (Глинский Б. Б., Очерки рус. прогресса, СПб., 1900, с. 404—16; М. К-ский — СО, 1895, 4 июля), а гл. герой разоблачался как «ничтожный и жалкий декадент чисто современного пошиба» (б. п. — РМ, 1895, № 11, с. 547). А. В. Амфиотаров в ст. «Рус. литератор и римский император», сопоставив текст романа с первоисточниками, привел ряд важных наблюдений, касавшихся специфики творч. метода М., пришел к выводу, что «Смерть богов» — «все же очень сильная и талантливая проповедь веротерпимости и пантеизма на гностический лад» (Амфиотаров А., Лит. альбом, [СПб., 1904], с. 152).

Многочисл. критич. очерки М. 1890-х гг.: о Плинии Младшем («Труд», 1895, № 4), Марке Аврелии, Кальдероне (там же, 1891, № 21, 24), М. Монтене (РМ, 1893, № 2), Гончарове, А. Н. Майкове («Труд», 1890, № 24; 1891, № 4) и др. — объединены в кн. «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (СПб., 1897; 2-е изд.,

СПб., 1899), вызвавшей не меньший резонанс в лит. среде. Книга представляет собой, в противовес утилитарно-обществу, тенденциозной критике, образец критики «аристократической» и субъективно-психологической; цель М. — воссоздание и осмысление облика каждого из «вечных спутников» в его неповторимых индивидуальных чертах и непреходящем значении. Особую известность приобрел очерк об А. С. Пушкине: М. ярко показал всеобъемлющее значение поэта как своего рода олимпийского первоисточника для последующего развития рус. лит-ры, как воплощения изначальной эстетич. гармонии.

Книга вызвала ряд сочувств. отзывов; критич. дарование М. признавали и литераторы, отрицавшие или скептически относившиеся к его принципам субъективной критики, в т. ч. В. Д. Спасович (ВЕ, 1897, № 6; то же — в кн.: Спасович В. Д., Соч., т. 9, СПб., 1900, с. 313—370), Б. В. Никольский (ИВ, 1897, № 11) и Горьфельд (РБ, 1897, № 3).

В сер. 1890-х гг. М. неоднократно бывал в Италии (Рим, Флоренция, Таормина), выплывавшая замысел ром. о Леонардо да Винчи; весной 1896 посетил родное селение Леонардо (описав эту поездку в очерке «Селение Винчи» — «Cosmopolis», 1897, № 1), повторил путешествие по городам Италии, продланное некогда Леонардо вместе с Франциском I. Интерес к итал. и в целом зап.-европ. истории и культуре эпохи Возрождения сказался в серии новелл 1895—1897 гг. (см. раздел Др. произв.); часть их вошла в кн. М. «Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV в.» (М., 1902; 2-е более полн. изд., СПб., 1904).

Роман «Воскресшие боги. (Леонардо да Винчи)» — вторая часть трилогии «Христос и Антихрист» — вышел отд. изданием в 1901 (СПб.; 3-е изд., СПб., 1906).

Намерение печатать его в «Сев. вестнике» не было осуществлено из-за прекращения отношений (летом 1897) с руководителем журнала Волынским (по причине идейных разногласий, а также под влиянием разрыва личных отношений Гиппиус с Волынским); первые 7 глав ром. появились в ж. «Начало» (1899, № 1—4), полностью — в ж. «Мир Божий» (1900, № 1—12).

Идейная концепция и худож. приемы «Смерти богов» получили в «Воскресших богах» дальнейшее развитие. Целиком основанный на ист. свидетельствах — жизнеописании Леонардо, его записи и трактаты, исследовательские работы о нем и его эпохе, — роман дает широкую и многоплановую панораму итал. жизни конца 15 — нач. 16 вв., осмысленной под знаком противостояния двух «бездн» — духа и плоти, блеска языч. культуры (флорентийский двор Лоренцо Медичи) и аскетич. фанатизма (проповедник Дж. Савонарола). Помимо этих оппозиций, в романе обозначаются также антитезы: природа — искусство, действие — созерцание, путь любви — путь по-

знания, чувство — разум, свобода — истина, причем М. не отдает предпочтение тому или иному члену оппозиции, уравнивает их ценностный статус («небо вверх» — «небо вниз»). Так, один из гл. персонажей, ученик Леонардо Джованни Бельтраффио, богоскатель, мученик внутренней раздвоенности и «герой пути», пытается обрести истину между двумя непримиримыми для него сферами — воскресшим «олимпийским» миром иск-ва и познания и «галлилейским» миром веры и отречения от жизни. Леонардо («Боготворец», самовластный, Богоподобный человек» — стих. М. «Леонардо да Винчи», 1895), предстающий как художник-демиург, к-рый знаменует одновременно самодостаточность личностной исключительности, вмещающей и примиряет все метафизич. антитезы: демонизм гениальности и рассудочного аналитизма, торжество эстетич. начала, независимость познания и творчества от этич. критериев. В романе ощутимы ницшеанские и «декадентские» настроения, культ аристократизма, элементы эстетизированной апологии зла и симпатии к «макиавеллистическому» пониманию государственности.

В «Воскресших богах», как и в «Смерти богов», подчеркивается тщетность попыток воскресить мир первозданной язч. радости и пророчествуется синтез двух глобальных типов мироустройства и мировосприятия — языческого и христианского, сопрягающийся в сознании М. с рус. нап. идея (финал романа — сон рус. иконописца Евтихия, в к-ром Иоанн Предтеча является с лицом Леонардо) (сочувств. рец.: В. Мирский (Е. А. Соловьев) — ЖдВ, 1902, № 2; Д. (П.) Шестаков — МИ, 1902, № 1; др. отзывы — см.: Фомин).

Намерение М. приступить к созданию 3-й части трилогии вытеснилось новым замыслом — «Человек-бог и Богочеловек, — иначе Христос и Антихрист в русской литературе» (письмо М. к П. П. Перлову от 4 авг. 1899 — РЛ, 1991, № 3, с. 133), к-рый обрел форму большого лит.-критич. и филос. исследования «Л. Толстой и Достоевский» (МИ, 1900—1901; 1902, № 2; отд. изд. — т. 1, СПб., 1901; 4-е изд., СПб., 1909; т. 2, СПб., 1902; 3-е изд., СПб., 1909); осн. работу над ним М. вел вне России (зима 1899—1900 — Рим, весна 1900 — Сицилия и Флоренция, лето 1900 — Германия). Этот замысел предполагал коррекцию прежних идейных установок.

«Когда я начинал трилогию „Христос и Антихрист“, мне казалось, что существуют две правды: христианство — правда о небе, и язычество — правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд — полнота религиозной истины. Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом — кощунственная ложь; я знал, что обе правды — о небе и о земле — уже соединены во Христе Иисусе» (авт. предисл. в кн.: Мережковский Д. С., ПСС, т. I, М., 1914, с. VI).

При работе над иссл. о Л. Н. Толстом и Ф. М. Достоевском М. был вдохновлен идеей Новой Церкви, окончательно оформившейся у М. в

1899. «Неохристианство» М. было не приходом в лоно ортодоксальной церкви, а пророчествованием о новом, апокалипсич. христианстве, исповеданием Третьего Завета, или Церкви св. Иоанна, — религии св. Духа, третьей ипостаси Божественной Троицы, соединяющей религию Отца и религию Сына в новом и окончательном единстве — Христе грядущем.

Проблема соотношения двух «правд» — Божьей и человеческой — рассматривалась М., как и его др. глобальные антитезы, едва ли не во всех жанрах и на протяжении десятилетий, постоянно уточняясь в бесчисл. модификациях: «Или жизнь без Христа, или христианство без жизни. Мы не можем принять ни того, ни другого. Мы хотим, чтобы жизнь была во Христе и Христос в жизни» (из кн. М. «Гоголь», СПб., 1909, с. 230—31). Концепция «нового христианства» (взятая в ист. аспекте, она, в разные периоды, получала у М. различное социальное наполнение, см. ниже) вызвала критику как со стороны ортодоксально-церк. христианства (см., напр., «Странник», 1903, № 7), так и совр. религ. философов (см.: С. Соловьев; Бердяев; Розанов В. В.; Франк). По мнению С. Л. Франка, «Третье откровение» («религия св. Духа»), соединяющее земное и небесное, призвано у М. «освятить доселе антирелигиозное и внерелигиозное культурное творчество, примирить религию с мирской жизнью и тем завершить „богочеловеческий процесс“» (Франк, с. 341).

Толстой и Достоевский в религиозно-мистич. интерпретации М. — два грандиозных образа-символа рус. культуры, каждый из к-рых с совершенной полнотой воплотил одну из двух метафизич. «бездн» — бездну плоти (Толстой) и бездну духа (Достоевский); примирение этих двух начал, тезиса и антитезиса, в синтезе — «духовной плоти» — становится прерогативой христианства эсхатологического; соединение «правд» Толстого и Достоевского видится М. как начало нового религ. действия, к исполнению к-рого призвана Россия.

Развертывание этих концепций осуществляется у М. путем историко-философского, психологич., эстетич. анализа жизни и творчества писателей (в противоположность господствовавшим в критике публицистич. и социологич. методам), позволяющего говорить об исследовании М. как о целой «эпохе в истории русской критики»: «Впервые в этой книге так искусно использованы детали биографических материалов. Впервые именно деталь, частности, незначительный случай подмечается и, становясь в связь с целым, делается красноречивым и знаменательным» [Грифцов Б., Три мыслителя, М., 1911, с. 117—118; сочувств. отзыв Л. Шестова: «О книге Мережковского» — МИ, 1901, № 8/9; в то же время Шестов порицал М. за предпочтение схем «живому хаосу» («Власть идей» — МИ, 1903, № 1/2, с. 82)].

В критике особо отмечались тщательный «прокурорски-обвинительный тон» в отношении Толстого и «восторженность описанной пины» в отношении Достоевского (А. Богоданович) — МБ, 1901, № 11, отд. II, с. 4, 10; К. Ар-

сеньс — ВЕ, 1901, № 5; Н. Михайловский — РБ, 1902, № 9, 10; в ответной полемич. реплике «Отцы и дети» рус. либерализма» (МИ, 1901, № 23) М. предостерегал от преклонения перед мнимым «христианством» Толстого с его «буддийским нигилизмом». Высокую оценку получил исл. М. в символистской среде; В. Я. Брюсов полагал, что М. в нем «дает самую убедительную проповедь христианства, какая когда-либо была написана на русском языке» [«Вехи. III. Черт и Хам» — «Весь», 1906, № 34; Брюсов в (2), с. 180; другие рещ. — см.: Фомина].

На рубеже веков активизируется обществ. деятельность М. и Гиппиус, направл. к объединению единомышленников и сочувствующих их религ.-филос. исканиям; многолетним духовным и жизненным спутником Мережковских стал критик Д. В. Философов, один из учредителей ж. «Мир искусства», к к-рому они были близки, позднее — церк. деятель А. В. Карташёв (1875—1961) — религ. публицист, историк церкви. Как духовного наставника воспринимали М. молодые поэты-символисты — Андрей Белый, А. А. Блок и др.; в кругу единомышленников и сочувствующих его исканиям М. стал осознаваться безусловным лидером, по словам А. Белого, «когда по вечерам приходили друзья, близкие, поклонники, Мережковский развешивался во всю свою величину: казался большим и близким, родным, но далеким, пронизанным лучами одному ему ведомого восторга: казался прекрасным, был своим собственным художественным произведением... Здесь, у Мережковско-го, воистину творили культуру...». Вокруг Мережковского образовался целый экспорт новых течений, из которого все черпали. Все здесь когда-то учились, ловили его слова» (Белый А., Арабески, М., 1911, с. 414).

Весной 1901 в доме Мережковских начались интимные домашние богослужения, мыслившиеся как прообраз общего религ. действия, чаемой «Новой Церкви». В окт. 1901 М. — осн. инициатор и один из пяти «членов-учредителей» (наряду с Философовым, В. В. Розановым, В. А. Тернавцевым и В. С. Миролюбовым) Религ.-филос. собраний в Петербурге, задуманных как дискуссионный центр, способствующий преодолению разлада между интеллигенцией и церковью и поиску путей религ.-обществ. возрождения России; на собраниях, продолжавшихся с 29 ноября 1901 до их запрещения (в результате нападков охранит. и ортодоксально-церк. печати) 5 апреля 1903, М. выступал как один из самых активных и темпераментных полемистов, стремясь в споре с православными иерархами связать постулаты христ. религии и церкви с насущными совр. проблемами.

В 1903—04 М. — один из руководителей религ.-филос. и лит. журнала «Новый путь» (офиц. редактор — Перцов, с лета 1904 — Философов),

печатавшего стенограммы Собраний (см.: Записки Петерб. Религ.-филос. собраний. 1902—1903 гг., СПб., 1906) и статьи, отражавшие проблематику диалога между интеллигенцией и духовенством; в лит. отделе журнала преобладали произв. символистов, хотя и проводилась общая линия на преодоление эстетского индивидуализма и крайностей «декадентства» — под знаком устремления к положит. религ. идеалу.

З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, Д. С. Мережковский. 1910.

В «Новом пути» была опубликована кн. М. «Судьба Гоголя. Творчество, жизнь и религия» (1903, № 1—3; отд. изд. — «Гоголь и черт», М., 1906; 2-е изд. — «Гоголь. Творчество, жизнь и религия», СПб., 1909). Личность и творчество Н. В. Гоголя истолковывались в ней как проявление борьбы писателя с метафизич. злом — чертом, воплощающимся в «н(о)уменальной середине сущего, отрицании всех глубин и вершин — вечной плоскости, вечной пошлости» (ч. 1, гл. 1), в хлестаковщине и чичиковщине; трагич. судьба Гоголя, пытавшегося спастись от зла путем ухода от мира, в «черном», монаш. христианстве, — веский для М. аргумент в обоснование идеи необходимости нового христианства.

Среди б. ч. негативных отзывов (б. п. — «Странник», 1903, № 7; Н. (И.) Коробка — ЖМНП, 1904, № 5; Горюфелль А. Г., Книги и люди. Лит. беседы. I, СПб., 1908, с. 278—80) выделялась оценка А. Белого: подлинная «магия слов», позволяющая «пробить брешь верную в глубины духа действительные, но обычно спящие в человечь» (ЗР, 1906, № 4; Белый А., Арабески, с. 430).

Начало 1900-х гг. для М. — время пристального внимания к российской нац. проблематике, стремления к познанию религ. души народа: в частности, интерес к сектантству побуждает М. и Гиппиус совершить с

15 июня по 8 июля 1903 путешествие к местам нар. паломничества — на озеро Светлояр (Нижегород. губ.), скрывающее, по нар. легенде, невидимый град Китеж. Эти идейные тяготения были отчасти обусловлены работой над заключит. частью трилогии «Христос и Антихрист» — романом «Антихрист. Петр и Алексей» (НП, 1904, № 1—5, 9—12; «Вопросы жизни», 1905, № 1—3; отд. изд. — СПб., 1905; 2-е изд., СПб., 1906). В

нем М. стремился не только к реконструкции переломной петровской эпохи, но и к созданию историософской, символически-провиденциальной картины, проливающей свет сквозь образы прошлого на грядущие судьбы России и мира. Центральные образы романа — Пётр I и царевич Алексей — воплощают, соответственно, «языческие» и «христианские» устремления в их противоположной направленности, являя тем самым две правды и две неправды одновременно. Они также включаются в ряд иных смысловых оппозиций: религия Бога Отца (Пётр, в к-ром акцентированы черты грозного, жестокого зиждителя и законодателя, воплощает патерналистское начало) — религия Бога Сына (любовь и всепрощение, слабость и кротость Алексея); «западнический» путь — путь национальной самобытности; последний М. видит в духовных традициях и искушениях старообрядцев и сектантов; Петровское же государство, по М., — пример «ложного синтеза», внешнего смещения русского и европейского. Православной церкви, разлагаемой союзом с «демонической» силой самодержавия, противостоит грядущая церковь «Белого, Иоаннова Евангелия» (ее провидит в

Русское богословство: З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Филосов. Шарж Р. М. Журнал «Сатирикон», 1910, № 12.

финале герой-богослов Тихон). В отзывах критики, по преим. одобрит., в частности с особой похвалой констатировалась разоблачит. обрисовка высшего православного духовенства (А. Богданович) — МБ, 1905, № 7; Н. Никольский — «Православно-рус. слово», 1905, № 14; др. рец.: Чуновсов М. (Ясинский и И. И.), Старомосковский Гамлет. — «Беседа», 1905, № 11; А. А. Измайлов — «Нов. илл.», 1905, № 18; Е. (А.) Ляшский — ВЕ, 1905, № 12).

Трилогия «Христос и Антихрист» — наиб. значит. плод деятельности М.-беллетриста. Романы трилогии построены по единому композиционно-смысловому плану, в каждом из них изображается переходная ист. эпоха (от язычества к христианству, от Средневековья к Возрождению, от древней к новой России), раздираемая непримиримыми противоречиями. Соответствия между ними подчеркнуты символич. мотивами и образами, переходящими из романа в роман (античная статуя Венеры — «белой дьяволицы» и др.), типологич. родством героев, выполняющих сходные идейно-сюжетные функции — рисующих «симметричные линии» в творимом «философском балете» (Коган П., Очерки по истории новейшей рус. лит-ры, т. 3, в. 3, М., 1911, с. 80—81). В каждом романе фигурируют носитель идеи грядущего века — религ. синтеза (учитель Юлиана Максим Эфесский — Кассандра — Иоанн, сын Громова), «ищущий» герой, мечущийся между двумя истинами и осознающий неполноту каждой (Арсинья — Джованни Бельтраффио — Тихон

Запольский), группы персонажей — приверженцев односторонних истин.

Главные герои трилогии, отчасти противопоставляемые (Леонардо — гений созерцания, Петр — гений действия), также уподобляются друг другу как титанич. носители полустины, убежденные язычники-индивидуалисты, бессознательно близкие грядущему христианству. В «Христе и Антихристе» сконцентрированы осн. структурообразующие принципы поэтики символистской прозы: универсалистские и мифопоэтич. концепции соединены с историческим, «книжным», «цитатным» материалом; целостная картина мира вырастает из переосмысления символики, отшлифованной в ходе эволюции мировой культуры и осознаваемой как особая метафизич. реальность, подчиняющая себе реальность эмпирическую и пророчествующая о реальности истинной.

В 1900-е гг. М. постепенно перестает выступать как поэт; его кн. «Собрание стихов. 1883—1903 г.» (М., 1904; с добавлением поэмы «Старинные октавы» — «Собрание стихов. 1883—1910 г.», СПб., 1910) имела итоговый характер. Отчасти по причине формально-стилевого «архаизма» она была встречена похвалой за красочность, эффектность и «своего рода литературную благовоспитанность» (А. П. Налимов — «Природа и жизнь», 1904, № 6, стб. 414), за ясность пластич. образов (б. п. — РМ, 1904, № 7); М. А. Кузмин, указав на принадлежность М. «по корням и даже приемам к поэзии Полонского, Фофанова и более всего Надсона», заключал, что «не в поэзии — сила автора», «не на поэзию направлено его устремление» («Аполлон», 1911, № 2, с. 58—59). К осознанию этого, видимо, пришел и сам М., сосредоточившийся с сер. 1900-х гг. на злободневной публицистике и лит. критике.

Такой крен был во многом обусловлен новым идейным сдвигом М., определившимся в ходе диспутов на Религиозно-философских собраниях и под решающим воздействием рев. событий 1905 (см.: «Автобиограф. заметка», с. 294). От убежденности в положит. религ. силе рус. самодержавия, его связи с православием (самое нач. 1900-х гг., время противостояния М. заветам «либерализма») он отрекается в пользу противоположного тезиса: самодержавие — от Антихриста, насыщенная задача — соединение «нашего Бога с нашей свободой» («Революция и религия» — РМ, 1907, № 2, [отд. II], с. 85). Теперь пути «нового религ. сознания», ведущие к «новому» христианству, открываются для М. в «религ. общественности» (см. брошюру М. «Зачем воскрес? Религ. личность и общественность», П.,

1916), в слиянии задач социально-политич. революции и революции религиозной. Общественно-политич. индифферентизм М. вытесняется все более последоват. радикализмом, неприятием всей консерват. гос. системы старой России. Погружение в «общественность» сопровождается активизацией личных контактов (сближение с Н. А. Бердяевым, А. С. Глинкой-Волжским, А. Белым и др.), особенно заметной в месяцы рев. подъема; квартира Мережковских становится «своего рода психологическим магнитом, куда тянулись философствующие лирики и лирические философы» (Чулков Г., Годы странствий. Из книги восп., М., 1930, с. 129).

Новый «символ веры» М. обусловил новые акценты в интерпретации рус. классиков. В очерке «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского» («Весы», 1906, № 2—4; отд. изд. — СПб., 1906) М. приходит к выводу, что сознат. реакционер Достоевский был бессознательным революционером и апокалиптиком-визионером, сквозь личину православия, самодержавия и народности провидевшим контуры религ. революции и новой теократии. В ст. «О Чехове» («Весы», 1905, № 11; в последующих изд. — «Чехов и Горький») М. порицал воплощенную в творчестве обоих писателей безрелигиозность — бессознат. религию рус. интеллигенции, влекущую в бездну разрушения и хаоса и оборачивающуюся духовным «босаячеством». В очерке «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (РМ, 1909, № 3; отд. изд. — СПб., 1909) М. изобразил поэта «Каином русской литературы», изгоем и богоборцем, осуществлявшим метафизич. бунт против основ мироздания; пафос действия, воплощенный в личности поэта, М. проецирует на насущные задачи религ. обновления.

Ряд печатных выступлений М. отражал его позицию по отношению к полит. событиям 1905—06 гг.; важнейшее из них — ст. «Грядущий Хам» («Полярная звезда», 1905, № 1 — под назв. «Мещанство и рус. интеллигенция», № 3; отд. изд. — «Г. Грядущий Хам. П. Чехов и Горький», СПб., 1906), в к-рой он предостерег совр. общество от недооценки мощных сил, препятствующих делу освобождения, обществ. и религ. обновления. Согласно концепции М., интеллигенция, концентрирующей в себе начала духовного благородства, свободы и культуры и воплощающей «живой дух России», противопоставляет начала духовного рабства и хамства, питаемые стихией мещанства, безличности, седины и пошлости; у «грядущего на царство мещанина» — три лица: настоящее — «лицо самодержавия,

мертвый позитивизм казенщины», прошлое — «лицо православия, воздающего кесарю Божие», будущее — «лицо хамства, идущего снизу — хулиганства, босаячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц» (Мережковский Д. С., ПСС, т. 14, М., 1914, с. 37). Последнее из этих «лиц» М. распознавал, в частности, в нарождавшемся большевизме. Он призывал Н. М. Минского, предоставившего газету «Новая жизнь» большевикам и напечатавшего там свой «Гимн рабочим», выйти «из социал(ь)-демократического болота»: «„Гимн рабочим“ меня огорчил: „из развалин, из пожарниц“ — ничего не возникнет, кроме Грядущего Хама» (письмо к Л. Н. Вилькиной от 14 нояб. 1905 — в кн.: Ежегодник РО ПД. 1991, СПб., 1994, с. 232; публ. В. Н. Быстрова). При этом М. отрицал возможность использования символа Грядущего Хама применительно к к.-л. обществ. классу, соотнося его лишь с общими свойствами личности и ее отношении к Богу [«О благородстве пролетариата». (Ответ г. Минскому)» — «Свобода и культура», 1906, № 2].

Два с пол. года (25 февр. 1906 — 12 июля 1908) Мережковские провели в Париже; в числе целей загранич. пребывания — живое знакомство с европ. религ. и обществ. жизнью, а также с рос. полит. эмиграцией: «В Париже я сблизился с рус. эмигрантами-революционерами. Мне казалось и теперь мне кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю свою жизнь ... В сходении с ними я пережил ... глубочайшую связь русского освобождения с религиозными судьбами России» (фрагмент из «Автобиограф. заметки» М., изъятый цензурой, — ИРЛИ, № 24384). Близе всего Мережковские сошлись с социалистами-революционерами — И. И. Фондаминским (Бунаковым), Б. В. Савинковым. В Париже М. написал (в соавторстве с З. Гиппиус и Философовым) драму «Маков цвет» (РМ, 1907, № 11; отд. изд. — СПб., 1908), в сюжете к-рой преломилась актуальная обществ. проблематика, а также подготовил (вместе с ними же) антимонархич. и антицерк. сб. статей на франц. языке, посвящ. рассмотрению религ. значения рус. революции: «Le Tsar et la Révolution» (Р., 1907; нем. пер. — «Der Zar und die Revolution», Münch.—Lpz., 1908); часть работ этого сб.-ка, а также ст. «Последний святой» (РМ, 1907, № 8, 9) с оценкой духовного подвига Серафима Саровского и критикой церк. ортодоксии составили кн. М. «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (СПб., 1908).

Даже сочувствующие богословской позиции М., стремившиеся к объединению идеолов «безбожного» интеллигента-революционера и

мистика-сектанта, говорили о его обреченности на одиночество: «никто не признает его совсем своим» (Е. Кузьмин — «Вост. тоссофин», 1908, № 5/6, с. 92); о том, что М. в новой книге «закрашивает, гипнотизирует, но не убеждает», писал и А. Белый («Весы», 1908, № 6; то же — в его кн.: Арабский, с. 436). Бердяев видел в построениях М. силу религ. прозрений и слабость в конкретных оценках действительности, «ощущений живых людей», удавленность мистич. идеи революции от революции в ее «эмпирических пределах», подчеркивал несодержательность социализма, максимализма с максимализмом религиозным («Мережковский о революции» — «Моск. еженедельник», 1908, № 25, с. 4—5, 7—8).

Во 2-й пол. 1900-х гг. М. активно сотрудничает в либеральной периодике — ж. «Рус. мысль», газ. «Речь», «Рус. слово», участвует в символистских «Весах»; по возвращении в Россию, с 1908 он — один из руководителей Религ.-философ. общества в Петербурге. Полемика, пафос выступлений М. этого времени направлен против полит. реакции и переоценки рев. заветов рус. интеллигенции (ст. «Семь смиренных», содержащая резкую критику идеологии сб. «Вехи», — «Речь», 1909, 26 апр.), против попыток примирения со старой рус. государственностью (полемика с П. Б. Струве; ответные выступления — в кн.: Струве П., Patriotica, СПб., 1911, с. 109—27, 439—43). Эти произв., проникнутые осознанием глубокого неблагополучия всего обществ. уклада и тревожными предчувствиями катастрофич. конца, объединены в сб.-ках М. «В тихом омуте» (СПб., 1908) и «Большая Россия» (СПб., 1910). В них окончательно определяется характерная для М. стилистика лаконичной «газетной» статьи, построенной на обыгрывании образных антитез и параллелей, на неожиданных сравнениях и ассоциациях. В отзывах отмечалось, что, при всей яркости, эффектности и видимой убедительности, предпринимаемые М. сопоставления разнородных явлений и понятий грешат искусственностью и преднамеренностью («А. Г. Горнфельд» — РБ, 1910, № 3; Ч. Ветринский (В. Е. Чешинин) — ВЕ, 1910, № 3).

В 1900-е гг. у М. вызревает замысел второй, после «Христа и Антихриста», трилогии, связанный с его интересом к рус. истории кон. 18 — начала 19 в. В Париже М. написал драму «Павел I», задуманную как 1-я часть драм. трилогии (за ней должны были последовать «Александр I» и «Николай I»); 2-я и 3-я части, однако, были осуществлены в форме романов («Александр Первый» и «14 декабря»). Сюжетную основу «Павла I» (РМ, 1908, № 2; отд. изд. — СПб., 1908; под назв. «Смерть Павла I», Б., 1908) составила история заговора против императора и его убийства; вопреки традиц. трактовкам, М. видит в Павле трагич. личность, стремящуюся придать гос. деятельности религ. смысл.

Петербург. издание драмы сразу по выходе в свет было конфисковано, а против М. возбуждено судеб. преследование за «дерзостное неуважение к верховной власти» (на судеб. процессе 18 сент. 1912 М. был оправдан, а запрет с издания снят). М. О. Гершензон назвал пьесу неудачной, персонажей — «элементарными до крайности», разработку психологии — «в духе „испанских“ драм» (ВЕ, 1908, № 8, с. 762; подпос. М. Г.; ср.: В. А-в — ИВ, 1913, № 4). Брюсов, напротив, считал, что «Павел I», быть может, — лучшее, что создал Д. Мережковский как художник» («Весы», 1908, № 6; то же — в кн.: Брюсов (2), с. 270).

Романы М. «Александр Первый» (РМ, 1911—12; отд. изд. — т. 1—2, СПб.—М., 1913, три изд.; под назв. «Александр I и декабристы», Б., 1925) и «14 декабря» (П., 1918; 2-е изд., Париж, 1921), герои к-рых разведены по двум станам — придворный круг и круг дворян-оппозиционеров, проникнуты идеями несоместности самодержавия с истинно христ. самосознанием, порочности офици. православия (воздающего «зверю» Божие) и убежденностью в спасит. для будущей России связи освободит. движения с религ. возрождением. (К таким воззрениям приходит гл. герой романов и выразитель взглядов автора декабрист князь Валериан Михайлович Голицын.) Изображаемые в романах конфликты заметно модернизированы под знаком идеи «религ. общественности».

Александр I обрисован как человек внутренне противоречивый. Он одержим памятью об убийстве отца и видит в готовящемся заговоре неизбежное возмездие. Перлов (считавший, что М. после обращения «в радикальную веру» «потерпел несомненный ущерб своей писательской значительности») увидел в Александре I в исполнении М. «соевр. литературного неврастеника», а в декабристах — «тонконогогих» интеллигентов новых времен» («Лже-Александр» — ИВ, илл. прил., 1913, 18 мая, с. 9—10).

Неприятие авт. тенденциозности, упреки в погрешности против ист. правды были осн. критич. акцентом в многочисл. откликах на «Александра Первого» (Садовской Б., Олелевантные тени. — СЗ, 1913, № 1; то же — в его кн.: Лодох. Ст. и заметки, П., 1916; Э. Серебряков) — «Вест. знания», 1912, № 6; Н. (Я.) Абрамович — «Новая жизнь», 1912, № 3; Иванов-Разумник — «Заветы», 1913, № 1; Л. Войтовский — «Киса. мысль», 1913, 22 марта). Вместе с тем отмечалось, что поднятые в ром. проблемы «ставятся в перспективу „вечности“» (Голиков В., Лики авторов и лики жизни. — «Вест. знания», 1913, № 1, с. 124), разработаны с «артистической законченностью» (Аничков Е., Белые павлины нашей скуки. — «Новая жизнь», 1912, № 7, стб. 136).

Роман «14 декабря» вызвал менее широкую реакцию в печати, но в целом более сочувственную (при этом обращалось внимание на актуальность романа в свете свершившейся революции); отмечалось, что декабристы освещены в нем «сиянием мученичества и всей полнотой авторской симпатии» (М. О. Цетлин — СЗ, 1921, № 5, с. 261), что автор «игру творческого воображения уверенной рукой ведет по установленным путям исторической правды» (М. Л. Слоним — «Воля России», Прага, 1921, 26 мая).

К разработке ист. сюжетов М. обращался в 1910-е гг. и в жанре драматургии. Пьеса «Романтизм» (П., 1917; пост. — Александрин. т-р, 1916) воскрешает эпизод из семейной хроники

Бакуниных (у М. — Кубанины), описанный в кн. А. А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина» (1915), — борьбу Михаила, романтика-максималиста, за «освобождение» сестры Вареньки от сковавших ее брачных уз. Трагедия «Царевич Алексей» (П., 1920; Прага, [б.г.]; пост. — Б. Драматич. т-р, 1920) написана по сюжетной канве «Петра и Алексея». Пьеса «Будет радость» (П., 1916; пост. — МХТ, 1916), написанная на совр. сюжет, продирижована идеей сращения религии «отцов» (старых общественников-радикалов) и религии «детей» («декадентство» и богоскательство) в «религиозной общестственности» (реп.: *Одинокий Дий* (Н. В. Туркин) — «Пегас», 1916, № 2; Л. С. — «Летопись», 1917, № 1; В. Брюсов — УР, 1916, 4 февр.).

В 1910-е гг. М. приобрел репутацию маститого и влиятельного писателя, он был одним из немногих, получивших широкое признание за границей (романы и др. книги М. издавались в переводах на осн. европ. языки) «Из наших современных писателей он единственный, пожалуй, которого образованный европеец удосужился прочесть и которым интересуется» (Чулков Г., Наши спутники, М., 1922, с. 57). Творчество М. высоко ценили ведущие зап.-европ. писатели — среди них Г. Брандес (см.: Брандес Г., Собр. соч., т. 19, СПб., 1913, с. 113—25) и Т. Манн (см.: Манн Т., Художник и общество. Ст. и письма, М., 1986, с. 37—38, 85—86, 398—400). В М. видели живое воплощение традиции, идущей от Достоевского, Толстого и Вл. С. Соловьева, — традиции максималистского отношения к лит-ре под знаком высшего идеала, как к религиозно-обществ. делу; подобно В. Г. Белинскому, М. воспринимался как «центральная натура» своей эпохи, «новый тип ... культурно-критич. сознания, в котором ... разрешаются разрозненные звуки нашей умственной культуры» (Бестужев В. (Гиппиус Вл. В.), Лит.-обществ. смена. — «Голос жизни», 1915, № 9, с. 18). В то же время воздействие М. на умы современников оставалось неглубоким; незначит. было и число его идейных приверженцев и последователей; М. воспринимался как один из тех, «кого слушают, кем возмущаются или восхищаются ... но к кому все одинаково холодно, кого не любят, не чувствуют с ним своего родства» (М. R. V., Религ. демократ. — «Всеобщий ежемесячник», 1910, № 1, с. 155). Причину этого без оснований находили в рационалистичности М. («Самая грусть его — холодная» — Розанов В., 1990, с. 313), в сомнительности его попыток «создать новую религию на основе чужого религиозного опыта» (Лундберг Е., М. и его новое христианство, СПб., 1914, с. 2), в специфич. «книжности», претворявшейся в «мертвое мастерство» (заглавие статьи о М.: Иванов-Разумник, Творчество и критика, т. 2, СПб., 1911).

Критич. неприятие писательского метода М. особенно усилилось в те же 1910-е гг., когда в его творч. опыта обозначились самоповторы, деваляция в использовании образно-смысловых антитез и стилиевых приемов. М. дистанцируется по отношению к соратникам-символистам, порицая их за эстетскую отрешенность от насущных жизненных проблем и даже за «измену тому святому, абсолютному, что было в рус. революции» («Балаган и трагедия» — РСЛ, 1910, 14 сент.). Одновременно он переосмысливает с т. зр. «религиозной общестственности» культурное значение ведущих фигур демокр. интеллигенции. В лекции «Завет Белинского. Религиозность и общестственность русской интеллигенции» (П., 1915) М. расценивает Белинского как прообраз всей рус. интеллигенции, акцентирует в личности критика подвижническое, мученическое начало и видит в его духовных уст-

Д. С. Мережковский. 1910.

ремлениях бессознат. поиски веры, «христианство без Христа» (с. 24). Сходным пафосом проникнута кн. М. «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» (П., 1915); в ней, в согласии со своим излюбленным методом полярных противопоставлений, он возвеличивал Н. А. Некрасова как поэта, провозвестника будущего религ. народничества, а в кумире символистов Ф. И. Тютчева усматривал глубинный нигилизм и атеизм, скрытые под маской внешней религиозности и славянофильства.

Эта концепция была однозначно воспринята как беспочвенная и преданмерная (Крючков Д., Печальная эволюция. — «Вершины», 1915, № 25), двусмысленная по своим оценкам как Некрасова: «явно желанный (и, кажется, тайно неимый)», так и Тютчева: «явно гонимый (и тайно сава ли не более близкий автору)» (Перцов П., Тайны г. Мережковского. — НВ, илл. прил., 1915, 7 марта, с. 9); книга дала основание Б. М. Эйхенбауму и Ю. А. Никольскому для полного отвержения критич. метода М. («рассудочность, облеченная в импрессионистич. формы») и оценки его «тайновысказывания» как литературного фокусничества («Д. С.

Мережковский-критик» — СевЗ, 1915, № 4, с. 130, 145). Не вывали в целом сочувств. резонанса и сб-ки статей М. 1910-х гг. (впервые опубли. в газ. «Речь», «Рус. слово», «День», ж-л «Голос жизни» и др. изд.) — «Было и будет. Дневник 1910—1914» (П., 1915) и «Невоенный дневник. 1914—1916» (П., 1917; на обл. загл.: «От войны к революции. Дневник 1914—1917»).

Февральскую рев-цию 1917 М. встретил с большим подъемом; по своим полит. установкам он солидаризировался с А. Ф. Керенским в первые месяцы его гос. деятельности (см.: Колоницкий Б., А. Ф. Керенский и Мережковские в 1917 г. — ЛО, 1991, № 3). Октябрьскую рев-цию воспринял как контрреволюц. путч, уничтоживший все завоевания демократии и отдавший Россию во власть нового тиранич. правления: «царя-Зверя», символизировавшего прежний самодержавный строй, сменил, по убеждению М., «народ-Зверь», предавший свою свободу и обернувшийся Торжествующим Хамом (ст. «1825—1917» — «Веч. звон», 1917, 14 дек.); «революционной демократии» в обличье большевизма он противопоставляет заветы «революционной аристократии», восходящие к декабристам и хранимые подлинной рус. интеллигенцией («Революционная демократия» — «Новые вед.», 1918, 6 июня). 24 дек. 1919 М., Гиппиус, Философов и их секретарь поэт В. А. Злобин (1894—1967) выехали из Петрограда в Гомель и в янв. 1920 нелегально перешли польскую границу. Последующие 10 месяцев, проведенных в Варшаве, были заняты активной антибольшевист. деятельностью (основание газ. «Свобода», общение с Савинковым и общие усилия, направл. к организации воен. интервенции против Сов. России и формированию рус. отрядов при польских войсках, аудиенция у Ю. Пилсудского). После подписания польско-советского перемирия в Минске, разочаровавшись в поляках и в Савинкове и пережив расхождение с Философовым, в ноябре 1920 М. и Гиппиус переехали из Варшавы в Париж, где прожили оставшуюся часть жизни. Под ред. и с предисл. М. был издан публицистич. сб. «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1921); большевизм рассматривался в нем как воплощение абсолютного метафизич. зла, но также обличалась и бурж. Европа, обусловившая духовный кризис всей христ. культуры, к-рый разрешился рос. трагедией.

Непримиримая позиция Мережковских в отношении Сов. России, убежденность в желательности интерн. интервенции для ликвидации большевистской власти обусловили их отчуждение от «левых» полит. центров рус. эмиграции, стоявших на более умеренных позициях; для «правых», монархич. кругов был непримлем их идейный радикализм.

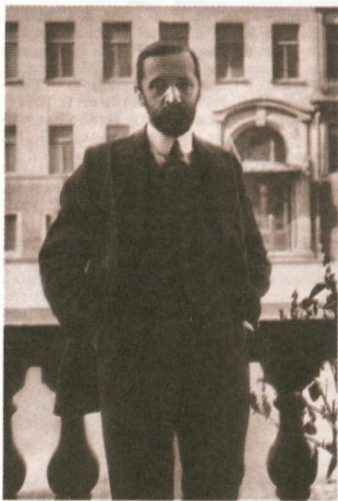
Общее неприятие вызвали тяготения М. к итал. фашизму и увлечение фигурой Б. Муссолини (в к-ром он позднее разочаровался); М. «вовсе не склонен был безгранично восторгаться диктаторами и их политическими программами», но сам живя метафизикой, «в каждом новом очередном вожде подозревал такого же, как и он, метафизика» (Т е р а п и а н о Ю., Лит. жизнь рус. Парижа за полвека, Париж — Н.-Й., 1987, с. 30—31). В 1939 М. выступил по радио с приветств. речью Гитлеру, организованной — без ведома Гиппиус, отвергавшей нацизм, — Злобиным; в ней он «сравнивал Гитлера с Жанной д'Арк, призванной спасти мир от власти дьявола» (там же, с. 94; перепеч.: «Независимая газ.», 1993, 23 июня), после чего был подвергнут бойкоту в эмигрантской среде (как свидетельствует Гиппиус, известия о завоеват. действиях гитлеровцев в России заставили его пересмотреть свою позицию). На протяжении 1920—30-х гг. М. продолжал оставаться в центре интеллектуальной жизни эмиграции, был пост. сотрудником ведущих изданий — ж. «Совр. записки» и газ. «Возрождение»; в февр. 1927 по инициативе М. и Гиппиус было организовано общество «Зеленая лампа», ставшее средоточием лит. жизни русского Парижа. Выдвигался претендентом на Нобелевскую премию.

В первое десятилетие эмиграции М. стремится выявить первоисток метафизич. начал, обусловивших возникновение христианства (вся история, по М., — пророчество об Иисусе Христе) и раскрывающих его эсхатологич. смысл в древнейшей истории и культуре; переклечение осн. внимания на эти темы было формой протеста против неприемлемого настоящего и поиском сдерживающей преобладающей духовности в далеком прошлом, просецируемом на грядущее времена: романная диалогия «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (СЗ, 1924, № 21—22; отд. изд. — Прага, [1925]) и «Мессия» (СЗ, 1926, № 27—29; 1927, № 30—32; отд. изд. — т. 1—2, Париж, 1928) реконструирует картины жизни Крита и Египта 14 в. до н. э.

В «Рождении богов» драм. конфликт строится на столкновении идеи звероподобного божества, воплощающего агрессивную, плотскую природу древнего культа, и идеи страдающего Бога, утверждающего новое понятие святости и несущего откровение о благой природе высшего начала (подлинности этой идеи, юная хрица Дю, обрисовывается как протокристианка, а мистерию Голгофы предвозвещает добровольной жертвенной гибелью на костре халдейского купца Таммузадада). Критика отмечала мозаичность, избыточную детализированность повествования (В. Т. (Ретяков) — «Сегодня», Рига, 1925, 20 июня), но признавала и мастерство М., сумевшего наполнить «мрачный археологический материал» «страшной и страшной жизнью» (Т. Таманин (Т. И. Манухина) — ПН, 1925, 9 июля).

В «Мессии» в центре внимания — духовная трагедия фараона Ахенатона (Аменхотепса) IV, идеального государя-мироворца и религ. реформатора, проповедующего пришествие Богочеловека, религию кротости и любви в чуждом этим началам мире: «В „Мессии“ бьется именно наше, западное сознание, только преломленное другой эпохой ... сцена буга написана человеком, вышедшим и помнящим нашу революцию» (Г. Раевский — ПН, 1927, 13 янв.; ср. отзыв В. Ф. Ходасевича — «Ю. Мерезковский: „Возрождение“, Париж, 1927, 18 авг.; то же — в кн.: Ходасевич В., Колесников Тренюжик, М., 1991, с. 536—39).

Осн. произв. М. эмигрантского периода относятся к жанру худож.-философской эссеистич. прозы. Первая книга этого ряда — «Тайна Трех. Египет и Вавилон» («Окно», кн. 1—2, Париж, 1923 — под назв. «Египет — Озирис»; СЗ, 1923, № 15—17 — под назв. «Тайная мудрость Востока»; отд. изд. — Прага, 1925) — примыкает к «египетской» диалогии: в ней предприняты те же

Д. С. Мерезковский. Париж. 1940.

попытки уловить «тень Христа» и «Тайну Трех» — Отца, Сына и Святого Духа — в незапамятной древности, служившей фундаментом последующего духовно-культ. строительства.

Верный своему принципу бинарных оппозиций, М. намечает два противоположных типа культуры, воплощенных в Египте (начала мира, благости, красоты и легкости, чувство обретенного Бога) и Вавилоне (начала трагедии и дисгармонии, греха, наказания и искупления: «воля к ужасу» и «окаменелая судорога») и в совокупности дающих образ того полусимволич. духовного «востока», к-рый определил основы европ. культуры: в верованиях Египта и Вавилона М. «находит великие прорицания, великие истины, совпадающие с самым существом, с сокровенным смыслом христианства» («Сегодня», 1925, 12 сент.).

Кн. М. «Тайна Запада. Атлантида — Европа» (Белград, 1930; переизд.: М., 1992) рассматривает предания о гибели «первого человечества» — снова в перспективе судеб совр. историко-культ. стадии. М. Алданов отметил «огромный ученый аппарат, редкий литературный дар» (СЗ, 1931, № 46, с. 491) этой исследоват. фантазии, близкой по пафосу к идеям О. Шпенглера о «закате Европы», а Б. Ю. Поплавский расценил книгу как «опыт непрерывного интеллектуального экстаза», осуществленный «в библейском ощущении эсхатологического страха» («Числа», кн. 4, Париж, 1930—31, с. 162). Историко-биографич. книга М. «Наполеон» (т. 1 — «Наполеон-человек», т. 2 — «Жизнь Наполеона», Белград, 1929; переизд.: М., 1993 — по посл. А. Н. Николькина) также включает в себя, несмотря на строго документальную основу, элемент фантазии: Наполеон, по М., один из отмеченных высшей силой гениев, связывающих начала и концы всемирной истории («иногое творения тварь, человек иного космического цикла» — т. 1, 1929, с. 148), дан сквозь призму солнечного мифа, преданий об Атлантиде, мифологич. образов Аполлона и Диониса, Гильгамеша и т. п.

Итоговой по сути работой М. эмигрантских лет стало исследование «Иисус Неизвестный» [т. 1—2 (ч. 1—2), Белград, 1932—34; переизд.: «Октябрь», 1992, № 11—12, 1993—94; публ. Иг. Васильева] — попытка раскрыть «подлинный лик» непонятого, еванг. Иисуса на основании нового прочтения и истолкования священных текстов, апокрифов, ист. преданий и свидетельств.

Свою задачу М. видит в преодолении двухтысячелетней инерции восприятия Евангелия, неподвижных канонов и подготовке истинного приобщения к Христу — чтобы через это познание прийти к «церкви будущего века». Б. П. Вышеславцев, отметив чуждость исследования традициям богослов. познания, видел в нем проявление абсолютно оригинального «метода интуитивного разгадывания чудесного», «чтения метафизич. шифра», даруемого «способностью изумления, потусторонним слухом, чувством парадоксальности и неслыханности того, что возвещает Евангелие» (СЗ, 1934, № 55, с. 432, 431). (В отзывах эмигрантской критики преобладали высокие оценки, что и значит, степени общности объяснений общим отношением к М. как к живому классику.)

Логическим продолжением «Иисуса Неизвестного», отражавшим ту же эсхатологич. концепцию Третьего Царства Духа, явились книги М., образующие цикл «Лица святых от Иисуса к нам»: «Павел — Августин» (1936), «Франциск Ассизский», «Жанна д'Арк» (обе — 1938; все изд. в Берлине). В образах святых акцентируются черты, намечающие их внутр. путь от Евангелия «временного» к Евангелию «вечному». К этим работам примыкает испл. «Данте» (т. 1—2, Брюссель, 1939), вкл. жиз-

неописание поэта (т. 1) и трактовку его личности и творчества с тех же позиций (т. 2), — последняя книга М., изданная при его жизни. В ходе работы над нею М. написал (1937) сценарий неосуществл. кинофильма «Данте» (опубл. Т. Пахмусс вместе со сценарием «Борис Годунов» — совместной работой М. и Гиппиус: Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Данте. — Борис Годунов. Киносценарии. Н.-Й., 1990).

Посмертно напечатаны филос.-биографические эссе, относящиеся к серии «Лица святых от Иисуса к нам»: «Испанские мистики. Св. Тереза Иисуса» («Возрождение», 1959, № 92, 93), «Св. Иоанн Креста» («Новый журнал», Н.-Й., 1961, № 64, 65; 1962, № 69) и «Маленькая Тереза» [отд. изд. — Анн Арбор, 1984; под ред. Т. Пахмусс] (все — в кн. М.: «Испанские мистики», Брюссель, 1988; под ред. Т. Пахмусс), а также его эссеистич. трилогия «Реформаторы. Лютер, Кальвин, Паскаль» (Брюссель, 1990; под ред. Т. Пахмусс); написана во 2-й пол. 1930-х гг. и ранее опубл. (в 3 выпусках) во франц. переводе: «Luther» (Р., 1941), «Calvin» (Р., 1942), «Pascal» (Р., 1941).

В историю рус. лит-ры М. вошел как один из наиб. характерных и последоват. выразителей символистского мироощущения, видевший в творч. акте форму воплощения универсальных жизнестроительных концепций и осмысливавший все явления истории как форму становления единой, телеологически развивающейся мистич. идеи. Максимализм его установок сказывался в преимуществ. внимании к гигантским фигурам, красочным в здании мировой цивилизации, в специфич. механизме худож.-филос. мышления, приводимом в действие изначально заданными глобальными метафизич. антитезами и их бесчисленными частными модификациями. В произв. М. собственн. худож. творчество, ист. описание, лит. критика и эссеистика, филос. анализ, мистич. пророчества, религ. проповедь сливаются в некое синтетич. единство. Важнейшая примета всех творч. опытов М. — их «вторичность», «книжное» происхождение (что опять же является характерной особенностью символистского самосознания, тяготеющего к подведению культурно-ист. итогов). Культура прошлого была «как бы бассейном, откуда черпал обильно Мережковский», но он «первый показал, что существует особого рода талантливость, заключающаяся в способности ... пылать, так сказать, заемым светом ... во всем этом была жизнь — и жизнь очень напряженная и яркая» (Абрамович Н., По-

следний роман М. — «Новая жизнь», 1912, № 3, стб. 148).

Др. произв.: новеллы «Рыцарь за пражкой» («Нива», 1895, № 52), «Любовь сильнее смерти» (итал. новелла), «Наука любви» (переложение новеллы Дж. Фиорентино; обе — СВ, 1896, № 8), «Железное кольцо» (ВИ, 1897, № 1—3), «Превращение» («Нива», 1897, № 7—8), «Сан-Сатиро. Из флорентийских легенд А. Франса» (СВ, 1895, № 11; вольное переложение одним. новеллы А. Франса; драм. сцены «Дмитрий Самозванец» («Возрождение», 1957, № 66—68); «Тайна русской революции» (1939) («Человек», 1997, № 2—3; публ. и вступит. заметка А. Богословского).

Изд.: ПСС. т. 1—17. СПб.—М., 1911—13; ПСС. т. 1—24. М., 1914 (Б-ка «Рус. слова»); Собр. соч. т. 1—4. М., 1990 (сост. общая ред., вступ. ст. О. Н. Михайлова); [Стихи]. — В кн.: Поэты 1880—1890 (биогр. справка, прим. Л. К. Долгополова); Христос и Антихрист. т. 1—4. М., 1989—90 (вступ. ст. и комм. З. Г. Миши); Избранное. Романы, стихи, эссе, испл., Кипинев, 1989 (сост., послесл. А. И. Горло); Воскресшие боги. Леонардо да Винчи, М., 1990 (послесл. Д. Панченко); Павел I. — Александр I. — Боянская Россия. М., 1989 (сост., вступ. ст. О. Н. Михайлова); Мережковский Д. С. 14 декабря. — Гиппиус-Мережковская З. Н., Дмитрий Мережковский, М., 1991 (вып. ст. М. «Грядущий Хам»; сост., вступ. ст. О. Н. Михайлова); Рус. новелла нач. XX в., М., 1990; В тихом омуте. Ст. и испл. разных лет, М., 1991; «Большая Россия». Избранное, Л., 1991 (изд. подготовлено С. Н. Савельевым); Акрополь, М., 1991 (изд. подготовлено С. Н. Поваровым); Зап. книга 1891 г. — В кн.: Пути и миры рус. культуры, СПб., 1994 (публ. М. Ю. Кореневой); Эстетика и критика. т. 1, М., 1994 (изд. подготовлено Е. А. Андриушенин и Л. Г. Фризманом); Л. Толстой и Достоевский..., М., 1995 (послесл. М. Ермолаева; комм. А. Архангельской и Ермолаева).

Письма: А. Г. Достоевского — «Минувшее», [в.] 9. Париж, 1990 (публ. Э. Гаретто); М. Э. Златковскому — «Вильнось», 1990, № 1 (публ. А. Иокубайтиса); П. П. Перцову — РЛ, 1991, № 2, 3 (публ. М. Ю. Кореневой); О. Л. Костеиной — «Лица. Биогр. альм.», [в.] 1, М., СПб., 1992 (публ. А. В. Лаврова); Л. Н. Вилькиной — Ежегодник РО ПД, 1991, СПб., 1994 (публ. В. Н. Быстров); В. В. Розанову — «Рос. лит.-исл. журнал», 1994, № 5/6 (публ. А. М. Ваховской); Переписка З. Н. Гиппиус, М., Д. В. Filosofova с В. Я. Брыковым (1901—1903). — Там же (публ. М. В. Толмачева; вступ. заметка и комм. Т. В. Воронцово); Письма М. к А. П. Чехову. — В кн.: Чеховиана. Чехов и «серебряный век», М., 1996 (комм. А. И. Долотовой).

Биогр. мат-лы: Гиппиус-Мережковская З., Дмитрий Мережковский, Париж, 1951; Блок (ук.); Блок. Зап. кн. (ук.); Брюсов (1, ук.); Белый, II—III (ук.); Перцов (1, ук.); А. Блок и А. Белый. Переписка, М., 1940 (ук.); Терапиано Ю., Встречи, Н.-Й., 1953; его же, Лит. жизнь рус. Парижа за полвека, Париж — Н.-Й., 1987 (ук.); Струве Г. Рус. лит-ра в изгнании, Н.-Й., 1956; 2-е изд., Париж, 1984 (ук.); Оловцова И., М. и Гиппиус. — В еск. кн.: На берегах Сены, Париж, 1983; Бенуа А. Мои восп., 2-е изд., [т.] кн. 4—5, М., 1990 (ук.); Адамович Г. Одиночество и свобода, СПб., 1993, с. 26—37; Берберова Н. Курсив мой, М., 1996 (ук.).

Лит.: Говоров К. (Медведский К. П.), Собр. поэты. Критич. очерки, СПб., 1889; Волынский А. Л., Рус. критики, СПб., 1896, с. 751—772; его же, Борьба за идеализм, СПб., 1900, с. 297—310, 365—79; его же, «Книга великого певца», СПб., 1904, с. 167—99, 200—17, 430—45; Меньшиков М. О., Критич. очерки, т. 2, СПб., 1902; Розанов В., Среди иноязычных. (Д. С. Мережковский). — МИ, 1903,

№ 7—8; то же. — НП, 1903, № 10; то же. — В его кн.: О писательстве и писателях, М., 1995; его же, О себе и жизни своей, М., 1990 (ук.); Анничков Е., Лит. образы и мнения. 1903 г., СПб., 1904, с. 159—68; Михайловский Н. К., Последние соч., т. 1, СПб., 1905, с. 75—79; т. 2, с. 252—308, 338—41, 435—38; Бердяев Н., Sub specie aeternitatis, СПб., 1907, с. 338—73; его же, Типы религ. мысли в России. Новое христианство. — РМ, 1916, № 7; то же. — В его кн.: Философия творчества, культуры и искусства, т. 2, М., 1994; его же, Самопознание, Париж, 1949 (перезд.: М., 1991; ук.); Розанов Н. П., О «новом религ. сознании» (М. и Бердяев), М., 1908; Чуковский К., От Чехова до наших дней, 3-е изд., СПб.—М., 1908, с. 197—216; Горнфельд А. Г., Книги и люди. I, СПб., 1908 (ст. «М. и черт»); Минский Н., На обществ. темы, СПб., 1909, с. 206—39; Гофман М., Д. С. Мережковский. — В кн.: Книга о рус. поэтах последнего десятилетия, СПб.—М., [1909]; Базаров В., На два фронта, СПб., 1910, с. 167—211; Белый А., Лит. эл. М., 1910, с. 134—51; Франк С. Л., О т. н. «новом религ. сознании». — В его кн.: Философия и жизнь, СПб., 1910; Щеглова Л. В. (В. А. Ш.), Мережковский, СПб., 1910; Бохановский В. Ф., Богословство, СПб., 1911, с. 134—51, 243—52; Грифцов Б., Три мистика. В. Розанов, Д. Мережковский, Л. Шестов, М., 1911; Иванов-Разумник, Творчество и критика, СПб., 1911, с. 110—79; его же, Заветное, П., 1922, с. 22—24, 107—22, 159—64; Захаревский А., Религия. Психол. параллели, К., 1913, с. 100—45; Измайлов А., Пестрые знамена. Лит. портреты безвременья, [М., 1913], с. 123—46; Лундберг Е., М. и его новое христианство, СПб., 1914; Долгинин А., Д. Мережковский. — В кн.: Вейсгеро. Лит-ра 20 в., т. 1, кн. 3/4, с. 295—356; Иванов Вяч. И., Родное и вселенское, М., 1917, с. 75—84; Евсеев-Максимов В., Максимов Д., Из прошлого рус. журналистики, Л., 1930, с. 88—92, 118—124, 131—254; Рус. лит-ра (1, 2, 3; ук.); Лавров А. В., Архив П. П. Перцова. — В кн.: Ежегодник РО ПД, 1973, Л., 1976; Миш П. К. О некоторых «неомифологич.» текстах в творчестве рус. символистов. — В кн.: Блоковский сб., [в.] 3 — Творчество А. А. Блока и рус. культура XX в., Тарту, 1979; Кувакин В. А., Религ. философия в России. Нач. XX в., М., 1980, с. 75—105; Миш П. Г. А. Блок в полемике с Мережковскими. — В кн.: Блоковский сб., [в.] 4 — Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики, Тарту, 1981; Лит. процесс и журналистика (2, ук.); Рус. лит-ра и журналистика (2, ук.); Поваров С., Траектория нашествия (О лит.-эстетич. концепциях М.), — ВЛ, 1986, № 11; его же, «Люди разных мечтаний», (Чехов и М.), — ВЛ, 1988, № 6; Герасимов Ю. К., Драматургия символизма. — В кн.: История рус. драматургии. Вторая пол. XIX в., нач. XX в., Л., 1987, с. 553—56, 584—88; Савельев С. Н., Идеальное банкротство богословствования в России в нач. XX в., Л., 1987, с. 32—40, 47—76, 94—106, 132—44, 146—58, 169—80; Зайцева Б., «Иисус неистовый». Памяти М. — В его кн.: Мои современники, Лондон, 1988; Пономарева Г. М., Петерб. миф в ром. М. «Петр и Алексей». — В кн.: Анциферовские чтения, Л., 1989; ее же, Источники образа «Божьей матери всех скорбящих радости» в ром. М. «Петр и Алексей». — Уч. зап. ТГУ», в. 897, 1990; ее же, Заметки о семантике «перепутанных цитат» в ист. романах М. — В кн.: Классицизм и модернизм. Сб. статей, Тарту, 1994; Из архива Мережковских. Ранние годы эмиграции. — «Новый журнал», 1990, кн. 180 (публ. Т. Пахмусс); Ходасевич Вл., Колесблenny треножник, М., 1991 (ук.); Колосаева Л. А., М.-романист. — Изв. ОЛЯ, 1991, № 5; Фризман Л. Г., Пушкин в концепции М. — Там же; Никитина М. А., «Заветы» реалистов в романах старших символистов. — В кн.: Связь времен, М., 1992; Дворцова Н. П., Пришвин и М. — ВЛ, 1993, № 3; ее же, М. Пришвин и его «вечные спутники» (Д. Мережковский, В. Розанов, А. Ремизов), гл. 2, Тюмень, 1995; Корсенева М. Ю., М. и нем. культура. (Нишис и Гете. Притяжение и отталкивание). — В кн.: На рубеже XIX и XX вв., Л., 1991; Рус. идея. В кругу писателей и мыслителей рус. зарубежья, т. 1—2, М., 1994 (ук.); Мережковские чтения. (Мат-лы Конференции в ИМЛИ, 1991 г.) (в печати); Фридендер

Г. М., М. и Достоевский. — В кн.: Достоевский. Мат-лы и испл. [в.] 10, СПб., 1992; его же, М. и Генрик Ибсен. (У истоков религ.-филос. идей М.). — РЛ. 1992, № 1: Соболев А. Л., Мерзковский в Париже. (1906—1908). — В кн.: Лица. Биограф. альм., [в.] 1, М.—СПб., 1992; Ильин И. А., Творчество М. — В его кн.: Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции, М., 1993; Де-фье О. В., М. и новое эстетич. сознание серебряного века рус. культуры. — В кн.: Время Дягилева. Универсални серебряного века. Третьи Дягилевские чтения, в. 1, Пермь, 1993; Каграманов Ю., Божье и вражде. Вчитываясь в Мерзковского. — «Континент», М.—Париж, 1994, № 81; Ваховская А. М., Ист. роман М. «Антихрист. Петр и Алексий»: субъективное толкование или прозрение? — «Рос. литературоведч. журналы», 1994, № 5/6: Бойчук А. Г., «Члужарный старец»: «сейд» М. в «Кубке метелей» А. Белого. — Изв. ОЛЯ, 1995, № 2; Чудаков А. П., Чехов и М.: два типа художественно-филос. сознания. — В кн.: Чеховина. Чехов и «серебряный век», М., 1996; Chuzeville J., D. Merezkowski: l'âme russe et nous, P., 1922; Gras M., Die Religionsphilosophie von D. S. Merezkowski mit besonderer Berücksichtigung der Lehre der drei Testamente, München, 1953; Spengler U., D. S. Merezkowski als Literaturkritiker, Luzern — Fr./M., 1972; Bedford C. H., The Seeker: D. S. Merezkovsky, Lawrence (Kansas), 1975; Rosenthal B. G., D. Merezkovsky and the Silver Age. The development of a revolutionary mentality, The Hague, 1975; Stammler H., Russian metaphysics: Merezkovsky's religious understanding of the historical process. — «California Slavic Studies», 1976, v. 9; Clowers E., The integration of Nietzsche's ideas of history, time and «Higher Nature» in the early historical novels of D. Merezkovsky. — «Germano-Slavica», 1981, v. 3, № 6; Pachmuss T., D. S. Merezkovsky in exile. The master of the genre of biographic-romancer, N.Y., [а.о.], 1990; ЛН, т. 85, 86 (ук.); т. 92, кн. 1, 5 (ук.); т. 98, кн. 1, 2 (ук.). — Брокгауз: Венгров. Источ.; НЭС: ЛЭ; КЛЭ (здесь и в иск-рых др. источниках опечатка в дате рожд. — 1866); Фомина А. Г., Библ. новейшей рус. лит-ры. — В кн.: Венгров. Лит-ра 20 в., т. 2, кн. 5, с. 182—90 (в т. ч. лит-ра о М. 1888—1914 гг. — свыше 500 номеров); Муратова (1, 2; ук.); Фостер; Казак; Рус. эмиграция (ук.); Абызов, ч. 3; Алексеев; Писатели рус. зарубежья. (1918—1940). Справочник, ч. 2, М., 1994 (ст. А. Н. Николокина); Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 481; ИРЛИ, ф. 177; РГАЛИ, ф. 327; Amherst Center for Russian Culture (Амхерст, Масс., США); University of Illinois, The Russian and East European Center (Иллинойс, США). А. В. Лавров.

МЕРЗЛЯКОВ Алексей Фёдорович [17(28).3.1778, монастыр. слобода Далматово Казан. (позже Перм.) губ. — 26.7(7.8).1830, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], критик, теоретик лит-ры, поэт, переводчик; педагог. Род. в семье небогатого купца. По настоянию дяди, служившего правителем канцелярии перм. ген.-губернатора А. А. Волкова, был помещен в Перм. гл. нар. уч-ще, где «оказывал удивительные в учении успехи» (РА, 1881, кн. 1, с. 422). Ода М. на мир с Швецией была отправлена А. Волковым пред. Комиссии по нар. уч-щам П. В. Завадовскому как свидетельство успехов просвещения во вверенной ему губернии; по решению комиссии была напечатана в «Рос. магазине» Ф. О. Туманского под загл. «Ода, сочиненная Пермского гл. нар. училища тринадцатилетним учеником Алексеем Мерзляковым, который кроме сего училища нигде нигде ни воспитания ни учения не имел» (1792, ч. 1; отд. изд. не сохр.; см.: РА, 1881, кн. 1, с. 422—423). По тому же решению М. был

определен на казенный счет в г-зию при Моск. ун-те (1793—98).

Вся дальнейшая судьба М. была связана с Моск. ун-том: принят в 1798, в том же году произведен в бакалавры, что давало ему право временно преподавать в ун-тской г-зии. В 1804 магистр, тогда же занял кафедру рос. красноречия и поэзии. М. Н. Муравьев, товарищ мин. нар. просвещения, вызывает М. в Петербург — очевидно, с намерением отослать его для совершенствования за границу; препятствием к этому, возможно, стала вызывающая несветскость поведения М. [ср. запись М. Муравьева о нем: «manners and fashion» (манеры и мода) — в кн.: Шевырев С. П., История имп. Моск. ун-та, М., 1855, с. 346]. Пребывание в Петербурге (с 1804) в «лучшем кругу писателей, ученых и мужей государственных» осталось в памяти М. как «счастливейшее в жизни» (там же, с. 345, 346). По возвращении в Москву он получает звание адъюнкта, в 1807 экстраординарный, а в 1810 ординарный проф. красноречия, стиховорства и языка русского. В 1817—18 и с 1821 по 1828 был деканом словесного отд. Моск. ун-та.

Лит. деятельность М. (исключая указ. «Оду...») началась в 1796 публикациями стих. в тесно связанном с ун-том ж. «Приятное и полезное препровождение времени». [Принадлежность атрибутированных ему А. Н. Неустроевым (в «Указателе к рус. поврем. изд. и сборникам за 1703—1802 гг.», СПб., 1898, с. 384) эпиграмм и песни, напечатанных в «Чтениях для вкуса, разума и чувствования» (1792—93, ч. 5, 12) под инициалами А. М. и А. Ф. М., маловероятна].

На рубеже веков (1798—99) М. сходитсся с Анд. Ив. Тургеневым и, через него, с В. А. Жуковским. Влияние личности Анд. Тургенева, «бли-

стательных» «достоинств» его души («Пусть говорят злые люди, что я искал быть знамен с тобою для моих собственных выгод по месту моему и состоянию...» — ГАРФ, ф. 1094, оп. 1, д. 110, л. 4; письмо М. 1799) было не только биографически, но и творчески значимым. Под его воздействием М. переживает увлечение нем. лит-рой, прежде всего Ф. Шиллером и И. В. Гёте, чье творчество во многом формирует эмоц. строй и тип жизненного поведения участников этого круга. Совместно с Анд. Тургеневым и Жуковским М. переводит «Страдания молодого Вертера» (см.: Жирмунский В. М., Гете в рус. лит-ре, Л., 1981, с. 60—63) и «Коварство и любовь» (первый пер. остался неопубл., второй, вероятно, не был завершен). В 1799 они задумывали альм. «Сочинения М. Ж. Т.» (по начальным буквам фамилий: Мерзляков, Жуковский, Тургенев), к-рый должен был состоять из переводов и критич. разборов нем. авторов и открываться стих. М. «Слава» (см.: Истрин, 1911, с. 39; отд. изд. «Славы» — М., 1801) — подражанием «Песни к радости» Шиллера, ставшей своего рода гимном кружка. В 1801 трое молодых авторов основывают Дружеское литературное общество, куда также входили Анд. и Мих. Кайсаровы, А. Ф. Воейков, Ал-др И. Тургенев и С. Е. Родзянко. М. — автор устава общества и, наряду с Анд. Тургеневым, один из его корифеев; произнес речь на открытии общества 19 марта, а также речи «О деятельности» и «О трудностях учения» (ИРЛИ, ф. 309, № 618). Взгляды М. того времени отличались энтузиастическим свободолобием, характерным для нач. alexandrovskogo царствования, в наибольшей мере они сказались в его «Оде на разрушение Вавилона» (ВЕ, 1805, № 11), связанной с известием о гибели Павла I, и переводах од Тиртея.

После отъезда Анд. Тургенева на дипл. службу и его смерти (1803) Дружеское общество распадается; в 1806 Жуковский писал Ал-дру Тургеневу: «Мне кажется, что Мерзляков (хотя с ним мне всегда было весело быть вместе, потому что он человек необыкновенный) не был со мною таков, каким бы я желал его видеть... между нами не было искренности» (Жуковский В. А., Письма А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 21).

Во 2-й пол. 1800 — нач. 1810 гг. вокруг М. складывается новое лит. общество (сведения о к-ром довольно скудны — см.: «Тр. ОЛРС», 1817, ч. 7, с. 94—95): Ф. Ф. Иванов, Н. Ф. Грамматин, С. В. Смирнов. Лит. собрания в доме Ф. Иванова, в к-рых участвовали Воейков, Н. И. Ильин, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков, А. М. Пушкин и др., «тогдашние

дружеские беседы» явились, по позднему свидетельству М., «предтечами» «Общества любителей рос. словесности», открывшегося в 1811 (там же, с. 106, 107). М. был одним из организаторов Общества, его временным Председателем, регулярным участником заседаний и одним из ведущих авторов (вкладчиков) изданий ОЛРС: «Трудов...» (ч. 1—20, 1812—1821) и «Сочинений в прозе и стихах» (ч. 1—7, 1822—28).

В эти же годы М. приобретает известность как литератор. Его стихи печатаются в «Вестнике Европы», «Аглае» (1808), «Утр. заре» (1803—1808), офиц. ун-тских изданиях типа «Торжество. слова на полувековой юбилей имп. Моск. университета...» (М., 1805). Особую известность приносят М. песни, мн. из них он создает в содружестве с композитором Д. Н. Кашиным в 1803—06 и публикует в издаваемом Кашиным «Журнале отечества, музыки» (1806), а также в «Вестнике Европы», «Новейшем и полном рос. общенарод. песеннике» (М., 1810) и др. Обращение к песенному жанру тесно связано с популярной в Дружеском лит. обществе идеей «народности», видевшем в рус. песнях «русские нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть» — ст. М. «Слово о духе, отличительных свойствах поэзии первобытной и о влиянии, какое имела она на нравы, на благосостояние народов» (М., 1808, с. 14). Вместе с тем, полагая песенный нар. жанр «плодом уныния, сладкого севотания, страсти тихой и нежной» («Тр. ОЛРС», 1820, ч. 17, с. 74), он перерабатывал фолькл. источники в духе сентиментального романса или элегии. От предшественников песенного жанра (А. П. Сумароков, И. И. Дмитриев и особенно Ю. А. Нелединский-Мелецкий) М. отличает усвоение фолькл. материала как «своего», общедоступно-национального; в песнях М. «первым умел быть народным, как Крылов в своих баснях» ((М. Максимович) — «Денница на 1831 г.», М., с. XII; см. также: Белинский, I, 63). Песни М., с преобладающими мотивами любви, разлуки, измены, приобрили исключит. популярность, а нек-рые из них — «Среди долины ровныя» (не опирающаяся на конкр. фолькл. источник и имеющая автобиографич. психол. подтекст; объединяет темы разлуки влюбленных, духовного одиночества и тоски по родной стороне; опублик.: ВЕ, 1811, № 2, под загл. «Одиночество»), «Я не думала ни о чем в свете тужить», «Ах, что ж ты, голубчик, не весел сидишь», «Чернобровой, черноглазой...» и др. песни 1805—1810-х гг. (все вошли в сб. М. «Песни и романсы», 1830) — действительно стали народными; широко исполнявшиеся в различных, в т. ч.

лит.-театр., кругах, они со временем дошли до «скромных провинциальных углов» (Гончаров, VII, 261). На стихи М. писали музыку А. Е. Варламов, А. Л. Гурилев и др.

Переводч. деятельность М. связана преим. с теми антич. авторами, в к-рых он усматривал особую близость к природе и естеств. простоте нравов; излюбленным жанром оказывается эклога: пер. «Эклог» Вергилия (в качестве приложений вошли идиллии Феокрита, Биона, Мосха) восторженно встречен «Рус. вестником» С. Н. Глинки, увидевшим в нем «изображение нашей родной простоты» (РВ, 1808, № 2, с. 217), пер. «Идиллий г-жи Дезульер» (оба — М., 1807) вызвал сочувств. рец. Н. Ф. Остолопова («Любитель словесности», 1806, № 12 — вышел в 1807). Большое историко-лит. значение имел пер. «Послания к Пизонам» Горация (ВЕ, 1807, № 14; полностью — УЗ, кн. 6, М., 1808; в переработанном виде — «Амфион», 1815, № 10—12) — отражение пост. интереса М. к классич. образцам нормативной эстетики (пер. «Поэтики» Аристотеля остался неизд.).

С 1808 М. публикует фрагменты перевода «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, работе над ним отдает мн. времени; законченный в целом в 1813 (РА, 1865, кн. 1, с. 114), пер. напечатан по материальным соображениям лишь полтора десятилетия спустя. В 1807—08 М. совместно с И. Дубровиным покупает типографию и выпускает в ней 18 книг (см.: Клейменова Р. Н., Книжная Москва первой пол. XIX в., М., 1991, с. 148). В эти же годы он, вероятно также с коммерч. целями, переводит пьесы А. Коцебу и либретто итал. опер (перечень — ИРДТ, т. 2; Жихарев, I, 104).

Наибольшую популярность приносит М. его преподават. деятельность. «Это ж одним только Мерзляковым можно в такие лета иметь у себя полную аудиторию», — писал Ал-др Тургенев отцу в 1804 (Истрин, 1911, с. 129). По словам студента М., юриста Ф. Л. Морошкина, он «отроду не слыхал такой величественной декламации и такого могущественного дара импровизировать. Голос у Мерзлякова был тенор-бас, глуховатый, гибкий и благородно-унылый... Этот голос производил на слушателей действие, подобное раскатам грома, теряющегося на горизонте» (Барсуков, IV, 49—50). С лекционными курсами связан цикл изд. М. пособий по эстетике и теории литературы: «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических» (М., 1809, 1817, 1821, 1828), «Краткое начертание теории изящной словесности» (ч. 1—2, М., 1822), «Конспект лекций рос. красноречия и поэзии»

(М., 1827) и «Краткое руководство к эстетике» (М., 1829). Все эти труды представляют собой незначительные переработанные переводы (с нем.) «Очерка теории и лит.-ры изящных искусств» (1783) И. И. Эшенбурга, дополн. примерами из рус. словесности; в качестве учебных пособий использовались до 1840-х гг.

В нач. 1810-х гг. слава М. лектора и критика достигает кульминации. Его прочитанное на открытии ОЛРС «Рассуждение о рос. словесности в нынешнем ее состоянии» («Тр. ОЛРС», 1812, ч. 1), где обсуждались проблемы рус. языка и давался краткий обзор ист. развития рус. лит.-ры в 18—19 вв., произвело огромное впечатление на лит. круги: «Сравнение Ломоносова с Державиным превосходно, не знаю, кто у вас в Питере мог бы так написать» (из письма Вяземского Батюшкову — ИРЛИ, ф. 19, № 28, л. 10). Небывалым успехом пользовался цикл из десяти лекций по теории лит.-ры, прочитанный М. весной 1812 в доме кн. Б. В. Голицына (изложение цикла М. Т. Каченовским — ВЕ, 1812, № 7, 9; его реконструкция З. А. Каменским — в кн.: Рус. эстетич. трактаты..., т. 1, с. 390—95), где «собиралось множество слушателей: и литераторы, и люди светские, и вельможи, и дамы высшего круга» (Дмитриев, с. 160) и где, по несколько иронич. формуле Вяземского, писателям выдавались «в храм славы пропуска для будущей субботы» (стих. «К Жуковскому», 1813). Часть лекций («О гении, об изучении поэта, о высоком и прекрасном», «О талантах стихотворца», «Об изящной словесности, ее пользе, цели и правилах» и др.) была напечатана в «Вестнике Европы» (1812—13) и ж. «Амфион» (1815, № 7). В лекциях М. касался традиц. для классич. эстетики вопросов о нравств. цели иск-ва, о соотношении в нем удовольствия и пользы, о законах, на основании к-рых строится худож. произв. и их этич. и гносеол. предпосылки, о природе гениальности и др. Часть курса включала в себя «общие правила поэзии и красноречия»; его продолжение, к-рое М. предполагал посвятить рассмотрению самих образцов, т. е. «лучших сочинений древних и новейших, иностранных и отечественных» (ВЕ, 1812, № 7, с. 229), не состоялось из-за нач. Отеч. войны 1812.

Довоенные годы были наиб. благополучными и в личной жизни М.: «Нет человека любезнее его, когда он нараспашку» (Жихарев, I, 34); он сближается с семейством Ф. М. Вельяминова-Зернова и проводит много времени в его подмосков. имении в Жодочах. Дочь хозяйки А. Ф. Вельяминова-Зернова была предметом безнадежной (из-за разницы в

социальном положении) любви М. и адресатом его лирики. Отъезд семьи на три года из Москвы кладет конец этим отношениям. В 1815 М. женится на Л. В. Смирновой, сестре своего товарища С. В. Смирнова, совместно с к-рым приступает к изд. ж. «Амфион».

На страницах «Амфиона» (1815) печатались произв. Батюшкова, Жуковского, Д. В. Давыдова, Вяземского, Ф. Иванова, С. Г. Саларёва, а также издателей журнала. Центральной публикацией был обширный цикл статей М., посв. «России» М. М. Хераскова (№ 1...9), в к-ром крайне почтительная интонация по отношению к автору первой рос. эпопеи сочеталась с довольно беспощадным анализом композиции, системы персонажей, сюжетной механики, использования элементов чудесного и проч. Вместе с тем полностью лишенный этикетных оговорок разбор «России», сделанный П. М. Строевым («Совр. наблюдатель», 1816, № 1, 3), вызвал возмущение М.: в последних статьях цикла он дал отповедь молодому критику и несколько смягчил тон своих рассуждений о поэме.

Изд. «Амфиона» было прекращено, поскольку М. в кон. 1815 возобновил свои публич. лекции — на этот раз в доме А. Ф. Кошкиной. В ходе этих 24 лекций (абонемент на к-рые стоил исключительно дорого — 50 руб.) М. вновь повторил «сокращенно общие правила красноречия и поэзии» и перешел к изложению «правил различных родов сочинений и разбору знаменитейших рос. писателей» («Амфион», 1815, № 10/11, с. 186). Особое место в курсе занимала теория и практика (на рус. материале) драм. иск-ва, анализ драматургии А. П. Сумарокова, комич. оперы А. О. Аблесимова «Мельник» и особенно творчества недавно умершего В. А. Озерова, все трагедии к-рого стали предметом подробного рассмотрения (фрагменты разборов опубл.: ВЕ, 1817, № 4...14).

Критич. система М. внутренне конфликтна. С одной стороны, он убежден в том, что «искусство вообще есть следствие правила» (ВЕ, 1813, № 7/8, с. 229), начала литературы «составляют науку обширную и глубокую, требующую труда и тщания» («Тр. ОЛРС», 1812, ч. 1, с. 81), что «вкус при всех прихотях своего нрава, непостоянстве и уклонениях, существует один, и лучший» (ВЕ, 1812, № 21/22, с. 25), с другой — видит в самих этих правилах лишь «следствие наблюдений, сделанных человеком над собственными своими чувствами» (ВЕ, 1813, № 7/8, с. 211), а во вкусе — Протeya, избегающего «оков всякой власти, всякого закона» («Тр. ОЛРС», 1818, ч. 10, с. 12).

Подобного рода противоречия определяют стиль мысли М., полагавшего, напр., что автор трагедии, берущийся за ист. сюжет, обязан «сохранять нравы и обычаи священные того времени» (ВЕ, 1817, № 5, с. 293) и одновременно «сближать их сколько можно» с современными (там же, с. 298). Эстетич. антиномии разрешаются выведением на первый план фигуры безусловно авторитетного критика, судьи; именно критика «при всех волнениях и изменениях вкуса», «подобно кормчему проводит корабль образованности и просвещения среди скал и бурь в пристань чести и славы» («Соч. в прозе и стихах», ч. 2, 1822, с. 11—12); в др. месте М. уподобляет фигуру критика «наблюдателю», объясняющему ход светил — творцов «в области изящного».

Очевидно, что в роли такого критика, рос. Аристотеля, М. видел себя. «Вот где система!» — говаривал наш Мерзляков, указывая на сердце, — вспоминал Н. И. Надеждин (Надеждин, с. 451). Такая позиция обуславливала и его чрезвычайно высокую требовательность; даже анализируя такие вершинные, с его точки зрения, достижения рус. лит-ры, как ода М. В. Ломоносова «На день восшествия» («Тр. ОЛРС», 1817, ч. 7) или ода Г. Р. Державина «На взятие Варшавы» («Амфион», 1815, № 7), он обращает внимание и на их слабость. Критич. разбор в концепции М. — это последовательное и по возможности полное рассмотрение всех элементов произв. с исчислением его красот и погрешностей — отсюда огромные размеры многих его статей.

Печатные выступления М. о текущей лит-ре немногочисленны и носят случайный и чисто комплиментарный характер: разбор стих. В. В. Капниста «К несчастному», рец. на перевод Горация Г. В. Сокольским, «О сочинениях г-жи А. А. Наумовой» («Тр. ОЛРС», 1819, ч. 15, 16; 1820, ч. 20). Вместе с тем он достаточно определенно, хотя и в общей форме, высказывался как против карамзинистского культа безделок и малых жанров, так и архаизирующих тенденций шишковистов. По словам Батюшкова, в 1810—11 он называл «уродливую поэму князя Шихматова ... мозаикой славянских слов» (Батюшков К. Н., Соч., т. 2, М., 1989, с. 18). Проявленная М. осторожность в оценке явлений совр. лит-ры свидетельствовала о его с ней глубоком расхождении. Так, резкую критику баллады как жанра, не предусмотренного классич. поэтикой, содержало его «Письмо из Сибири» («Тр. ОЛРС», 1818, ч. 11), прочитанное им на заседании ОЛРС в присутствии Жуковского и вызвавшее скандал. Еще более глубокое неприятие

вызывала у него романтич. поэма: он критиковал на занятиях стихи А. С. Пушкина (РС, 1884, № 12, с. 589) и, чувствуя глубокий конфликт с временем, был вынужден искать поддержки у Д. И. Хвостова: «Мы не принадлежим уже к нынешнему веку, ибо у нас... что неделя, то новый век литературы ... новые рода и новые законы для сочинений! ... что от нынешних романтиков приобрели язык наш, поэзия, вкус, и особенно нравственность (в поэмах «Цыган», «Разбойников» и «Чернецов») и что они теряют или уже потеряли. Мы умрем спокойно и отрадно, сиятельнейший граф, потому что видели великих песнопевцев, умели любить их и им удивляться» (письмо Хвостову от 27 апр. 1825 — РС, 1892, № 8, с. 409). Драматизм позиции М. усугублялся тем, что, не находя теоретич. оправдания новой словесности, он в глубине души чувствовал ее достоинство. «Читая „Кавказского пленника“ он, говорят, плакал» (С. П. Шевырев — «Биогр. сл. ...», с. 96). О выступлении воевавшего против романтизма «профессора Мерзлякова, бывшего в душе романтиком» вспоминает также Н. Н. Мурзакевич (Моск. ун-т в восп., с. 91). Оказавшись по долгу ун-тской службы цензором «Бахчисарайского фонтана» и предисловия к нему Вяземского — лит. манифеста романтизма, — М. способствовал выходу книги в свет. «Мерзляков уступил и написал мне ответ, в коем обнажается его добрая душа. Жаль, что он одурел в университетской духоте» (ОА, III, 13), — писал Ал-дру Тургенев Вяземский (28 февр. 1824), чье отношение к М. было, как и у др. арзамасцев, заставших период его лит. славы, сложным и неустойчивым. Более юный Пушкин сохранял в адрес М. устойчивый скептицизм, хотя и выражал в нач. 1820-х гг., по восп. С. Е. Рачца, живую заинтересованность в его критич. отзывах (Пушкин в восп., I, 391). «Добрый пьяницей, но ужасным невеждой» назвал Пушкин М. сразу после его кончины (Пушкин, XIV, 159).

Закат М. во 2-й пол. 1810—20-х гг. отражается также в его поэтич. творчестве, где все большее место занимают стихи на случай, к-рые он должен был писать по своей должности в ун-те: «Глас радования восхитенных муз по случаю... прибытия в ... Москву государя императора Александра Первого» (ВЕ, 1816, № 16), «Стихи... при открытии новой... аудитории [в университете]» (ВЕ, 1819, № 13), «Ода на ... день Священнейшего ... Миропомазания ... императора Николая I» (ВЕ, 1826, № 21), «Гений отечества и муз» (в кн.: Речи, произнесенные в торжестве собрании имп. Моск. ун-та, М., 1828) и др. Даже его лекционная деятель-

ность утрачивает свой ученый систематизм, превращаясь в череду вдохновенных импровизаций: «Сколько раз случилось мне, почему-то его любимцу, — вспоминал Д. Н. Свербеев, — прерывать его крепкий неподвижный сон за полчаса до лекции, тогда второпях начинал он пить из огромной чашки ром с чаем... Дай мне книгу взять на лекцию, — приказывал он мне, указывая на полки. — Какую? — Какую хочешь... И что же? Развертывается книга и начинается превосходное изложение» (Моск. ун-т в восп., с. 66). Но как профессор М. остается популярным. В конце 1817 вокруг него обзаводятся «маленькая академия» (РС, 1879, № 10, с. 350), в к-рую входят, в частности, Раич и Ф. И. Тютчев.

Университетская служба, вынуждавшая к творч. самоограничению, не спасала М. от постоянных материальных затруднений, усугублявшихся его нараставшим с годами пристрастием к спиртному. Он, по собств. признанию, «убивает себя и время на скучные уроки, которые доставляют только насущное и ничего не дают впрок» (письмо Жуковскому от 4 июня 1825 — РА, 1871, кн. 1, стб. 0154—0155). В числе учеников М. были П. Я. Чаадаев, И. И. Лажечников, И. В. Киреевский, М. Ю. Лермонтов (преподавал ему в Моск. ун-тском благородном пансионе теорию красноречия, давал дом. уроки в 1828—30) и др. В 1825 при посредстве Жуковского ему удалось выхлопотать субсидию на издание «Подражаний и переводов из греч. и лат. стихотворцев» (т. 1—2, М., 1825—26) и пер. «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (М., 1828). Неосуществленным осталось намерение издать курсы публич. лекций, к-рые составили бы «шесть добрых томов» (РА, 1871, кн. 1, стб. 0152). «Подражания и переводы...», куда вошли соч. Эсхила, Софокла, Еврипида, Гомера, Вергилия, Каллимаха, Сафо, Пиндара, Горация, Феокрита, Биона, Мосха, Тибулла, Проперция, Овидия вызвали более и менее сочувств. отклики в «Соревнователе» (1825, № 5), «Моск. телеграф» (1825, № 16) и др. П. И. Шаликов в изд. им «Дам. журнале» назвал М. «великим талантом» (1826, № 19, с. 31). В то же время помещенная в качестве введения к сборнику ст. М. «О начале и духе древней трагедии и о характерах трех греч. трагиков» подверглась суровой критике Д. В. Веневитинова, студента М. (СО, 1825, № 12; см. также: «Лит. критика 1800—1820-х гг.», обвинившего его в отсталости теоретич. представлений. С тех же позиций ранее критиковал «Краткий курс риторики» В. Ф. Одоевский («Мнемозина», 1824, кн. 1). Перевод «Освобожденного Иерусалима», к-рый М. считал

делом своей жизни, прошел полностью незамеченным.

В последние годы жизни М. пытается отстоять свой приоритет как создателя рус. гекзаметра (в связи с пер. «Илиады» Н. И. Гнедичем, о чем писали М. П. Погодин и Надеждин: МВ, 1830, № 4; возражения А. А. Дельвига — ЛГ, 1830, 17 марта) и в области «народных песен» — в это время входили в моду песни Дельвига (письмо Погодину — Барсуков, III, 169). За месяц до смерти он отправляется с чтением стих. «Юбилей» (ВЕ, 1830, № 12) на торжестве. заседание ун-та со словами: «Так я докажу же моим врагам, что у меня есть силы» (Барсуков, III, 171). Во многом итоговый сб. Мерзлякова «Песни и романсы» (М., 1830; факсимильное переизд.: М., 1988), вышедший в свет вскоре после его смерти, вызвал восторженный отзыв Надеждина («Телескоп», 1831, № 5) и сочувств. рец. Н. А. Полевого (МТ, 1831, № 3), отметившего, впрочем, что творчество М. принадлежит миновавшему периоду лит.-ры. 17 июня 1831 Вяземский в письме Пушкину сообщал, что «Университет не позволил Погодину прочесть на акте похвальное слово Мерзлякову. Каченковский сказал, что это не стоит внимания» (Пушкин и н., XIV, 177).

Изд.: Стихотворения, т. 1—2, М., 1867; Стихотворения, Л., 1958 (БГБ; с полной библиогр.); М.; вступ. ст. и прим. Ю. М. Лотмана; Мастера рус. стихотв. перевода, т. 1, М., 1968 (БГБ; 2-е изд.; вступ. ст., подг. текста и прим. Е. Г. Эткинда); Песни и романсы; Песни рус. поэтов; Рус. эстетич. трактаты первой трети XIX в., т. 1, М., 1974; Лит. критика 1800—1820-х гг., М., 1980 (ук.).

Лит.: Пушкин; Жихарев; Белинский; Герцен; Добролюбов; Чернышевский; Дмитриев (все — ук.); ОА; III; Полесвой Н. А., Полевой К. А., Лит. критика, Л., 1990 (ук.); К-в (Снегирев И.). Вост. об. М. — ЛГ, 1845, 22, 29 марта, 26 апр.; (Шеллерс С. П.), Мерзляков А. Ф. — В кн.: Чт. ст. проф. и преподавателей Моск. ун-та, ч. 2, М., 1855, с. 152—100; Сушков Н. В., Обзор к пометам к книгам... — «Рут», т. 3, М., 1854, с. 262—74; Панаев В. И., Вост. — ВЕ, 1867, № 9, с. 202; Мизко Н. А., Ф. Мерзляков. Биографическо-критич. очерк. — РС, 1879, № 1; Белоруссов И. М., Зачатки рус. лит. критики, в. 2 — М. как теоретик и критик, В., 1888; Виноградов Ф. А., А. Ф. Мерзляков. Опыт лит. характеристики. — В кн.: Отчет о состоянии 6-й С.-Петерб. г-зии за 1907—1908 уч. г., СПб., 1908; Истрин В. М., Дружеское лит. общ-во 1801 г. (по мат-лам архива бр. Тургеневых). — ЖМНП, 1910, № 8; 1913, № 3; сго же, Младший тургеневский кружок и Ал-др И. Тургенев. — В кн.: Архив Тургеневых, в. 2, 1911; Барсуков (ук.); Трубицын (ук.); Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма, В. Ф. Одоевский, т. 1, М., 1913, с. 49—56; Резанов В. И., Из размышлений о соч. В. А. Жуковского, в. 2, П., 1916 (ук.); Бродский Н. Л., М. Ю. Лермонтов. Биография, т. 1, М., 1945, с. 74—81; Роткович Я. А., Очерки по истории преподавания лит.-ры в рус. школе, М., 1953 (Изд. Акад. пед. наук, в. 50); Лотман Ю. М., А. С. Кайсаров и литературно-обществ. борьба его времени, Тарту, 1958, с. 35—50 (Уч. зап. ТТУ, в. 63); сго же, М. как поэт. — В его кн.: Избр. статьи, т. 2, Т., 1992; Мордовченко Н. И., Рус. критика первой четв. XIX в., М.—Л., 1959 (ук.); Кан-Новикова Е., Рассказы о песнях (Среди долины ровныя...), М., 1963; Егуннов А. Н., Гомер в рус. переводах XVIII—XIX вв., М.—Л., 1964 (ук.); Гиллельсон

М. И., П. А. Вяземский, Л., 1969 (ук.); Гудонов Я. И., Очерки истории рус. лит. песни XVIII—XIX вв., В., 1972, с. 39, 53—56; Возникновение рус. науки о лит.-ре, М., 1975 (ук.); Очерки истории рус. театр. критики, Л., 1975, с. 106—11; Рус. лит.-ра и фольклор. (Первая пол. XIX в.), [в. 2], Л., 1976 (ук.); Домалевская Н. В., О романах и «рус. песнях» М. — В кн.: Проблемы сюжета и жанра худож. произв., в. 7, А.-А., 1977; Совалин В. С., Взаимодействие книжного и устного стиха в поэзии М. — В кн.: Проблемы изучения нар.-поэтич. творчества, в. 5, М., 1978 (Моск. обл. пед. ин-т); Колесникова Н. М., Эстетич. проблемы просветит. классицизма в творчестве М. — «Вест. МГУ, сер. 7 — Философия», 1979, № 5; Шайтанов И. О., Забытый спор. — ВЛ, 1980, № 2; Новикова А. М., Рус. поэзия XVIII — первой пол. XIX в. и нар. песни, М., 1982, с. 70—89; Скоченная А. Д., Моск. Парнас, М., 1983, с. 24—35; Мильман В. Г., Критика и борьба лит. направлений. (Драматургия В. Озерова в оценке М.). — В кн.: Проблемы истории и методологии лит.-ведения и лит. критики, Душанбе, 1982; сго же, Рус. поэзия кон. 10-х — нач. 20-х гг. XIX в. и критико-теоретич. взгляды и суждения М. — В кн.: Лит. процесс в его жанровом и стилистическом разнообразии, Таш., 1987; Ваууров В. Э., Вильолайнен М. Н., Письма Адам. Тургенева к Жуковскому. — В кн.: Жуковский и рус. культура, Л., 1987 (и ук.); Лермонтов в восп. (ук.); Busch W., Horaz in Russland, München, 1964; ЛН, т. 4/6, с. 289—91, 336, 446, 450, 512, 997—998; т. 4/3/4, с. 292—96, и др.; т. 4/5/4/6, с. 258—60, и др.; т. 5/6, с. 321—28; т. 5/8 (ук.); т. 5/9 (ук.); т. 6/0, кн. 1 (ук.). — Некрологи, 1830: ВЕ, № 13 («М. Т. К.» (Чеченовский)); «Галатея»; № 31; ДЖ, № 33 (эпиграфия М.); № 36: МТ, № 13; Брокгауз; Венгеров. Источ.; Сл. ОЛРС; Мзьер: КЛЭ; БСЭ; СДР; Лерм. энц.; Иванов; Черейский; ИРДТ, т. 1, 2; Муратова (1); Клейменова Р. Н., Систематич. роспись изданий ОЛРС..., М., 1981; Масалов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 564, № 91, 388, оп. 1, № 176—77, 13925/7 XXVI 64; 3007/ХII в. 52 и др. (стх., оригиналы и копии); РНБ, ф. 286, оп. 2, № 295 (письма М. к В. А. Жуковскому; сиена «Кассандра в чертогах Агамемнона»); ГАРФ, ф. 1094, оп. 1 (письма М. к Адам. Тургеневу).

А. Л. Зорич

МЕРКЛИ Михаил Маркович [псевд. Иероним Южный; 28.9 (10.10).1817* (по др. данным — 1818**), Москва — 28.9 (10.10).1846, там же; похоронен на Миусском кладб., поэт, прозаик, дворянин. Сын купца 3-й гильдии, уроженца Риги, ставшего учителем и инспектором Моск. практич. коммерч. академии. В 1829—32 учился в моск. пансионе И. И. Галушки. С осени 1832 слушатель Моск. ун-та, в 1833 принят на мед. отд. ун-та, в кон. 1833 по состоянию здоровья переведен на словесное отделение. Тогда же дебютировал в «Дамском журнале» — переводами из А. Ламартина (обнаружив тяготение к меланхолич. романтич. поэзии: «Одиночество», «Вечер» — 1833, № 10, 49/50) и orig. стих., посв. драматич. судьбе избранной личности («Гробница Наполеона», «Странник» — 1833, № 24, 51/52).

В авг. 1834 по желанию родителей оставил ун-т и в сентябре того же года поступил в Медико-хирургич. акад. (моск. отд.). Студентом издал в Москве два сб-ка: «Стихотворения» (1835), «Стихотворения» (1836, 1837). Во многом незрелые стихи юного М. изобилуют звучными, «роскошными» эпитетами: «опаловый отлив», «лазурный небосклон», «без-

молвные черты» и т. д.; однако у находившегося в плену традиц. романтич. клише («одиночество», «безотрадная» и «неведомая» тоска, мечты о любви и несбывшемся счастье) М. все-таки пробивается личная интонация в выражении чувства. Отд. темами и мотивами (земли и неба, идеального мира, довременного увядания души, странничества) поэзия М. напоминает раннюю, не печатавшуюся и неизвестную ему, лирику М. Ю. Лермонтова, но без ее энергии отрицания [ср., напр., стих М. «Мой мир» («Я создал мир себе иной») и «Русскую мелодию» Лермонтова]. В лирике М. предпринята попытка разрушить условно-поэтич. образ поэта, что связано с поисками новой романтич. доминанты — лирич. «Я» (в т. ч. в посланиях С. П. Вейделю — «Ты полюбил мои мечтания...» и М. Н. Лихонину — «Рано жизнь в груди проснулась...»). По-видимому, во 2-й пол. 1830-х гг. М. общается с П. С. Мочаловым (см. письмо М. к нему, б. д. — ЦГТМ, ф. 178, № 42, л. 12).

«Библиотека для чтения» отзывалась о сб-ках иронически (1835, т. 9; 1837, т. 21); В. Г. Белинский, рецензируя сб-к 1835, хотя и отметил, что М. «человек не без образования, не без смысла и даже не без ... таланта», но все же назвал стихи посредственными и посоветовал автору не печатать их «целыми книгами» (I, 203).

В 1837 М. под криптонимом М-Р-К издал ром. «Борис Годунов и Россия в XVII столетии» [ч. 1—3, М.; атрибутирован А. И. Рейтблатом («Сов. библиография», 1987, № 2, с. 43); переиздан в Москве в 1847, 1870 и 1895 под тем же назв., а в 1853 и 1869 — анонимно, под назв. «Князь Василий Сицкий. Роман из времен царя Бориса Федоровича Годунова»]. Определяя свой роман как «полусторический», М. в предисловии пояснил, что гл. интерес сосредоточен на лице вымышленном. В центре повествования — романтич. герой (князь Сицкий), прошедший через многочисл. испытания и утраты, через измену отечеству — во имя любви — и обретающий в монастыре надежду на искупление и возрождение в лучшем мире; в романе, написанном легким и живым слогом, органически сплавлены лирич. эпизоды и бытовые сцены, картины нар. жизни.

Весной 1839, будучи студентом 4-го класса, М. оставляет Мед.-хирургич. акад. по состоянию здоровья. С этих пор выступает преим. в петерб. прессе — со стихами, в к-рых, наряду с прежними мотивами («Пигмалион» — СО, 1840, № 1), все сильнее начинают звучать мысли об очищающей силе раскаяния и неотвратимости смерти: «Могила», «Борьба и победа», «Две кончины»

(СО, 1840, № 2; 1842, № 9, 10), «Слезы и песни», «К***» («Не думай, что венец поэта...»), «К***» («Прости меня, что холодно встречаю...») (ЛГ, 1843, 16 мая, 22 авг., 24 окт.); публикует также драм. соч. (в стихах и прозе) — о трагич. участии художника («Доменкино» — там же, 1843, 18 июля; ср. патетич. аполонич. творч. дара в «Борисе Годунове...» — изд. 1870, с. 31—32, 39—42; «Поэзия — цепь, сковывающая небо с землею, душу с телом» — с. 41), о неотвратимости тяготеющего над человеком рока («Requiescat in pace!», «Астролог» — ЛГ, 1842, 22, 29 нояб.; 1843, б. 13 июня).

В 50-х гг. о творчестве М. неоднократно с теплотой отзывался А. А. Григорьев. Считая, что М., как и мн. художники 30-х гг., не справился с закружившим его романтич. вихрем, критик (в незаконч. ст. «Стих. Ивана Козлова») с явным пристрастием оценивал дарование поэта («...сколько смелости, огня и силы в таланте Иеронима Южного» — «Sertum Bibliologicum», П., 1922, с. 243) и полагал, что лучшие из его стихов должны войти в антологию рус. романтич. поэзии.

Изд.: [Переводы из А. Ламартина]. — В кн.: Франц. элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989 (изд. подготовлено В. Э. Вацуру и В. А. Мильчиной).

Лит.: Григорьев А. А., Великий трагик. [О П. С. Мочалове]. — В кн.: Григорьев А. А., критик, с. 150; его же, Исх-во и нравственность, М., 1986 (ук.); Горбунов И. Ф., Соч., т. 3, ч. 1. СПб., 1907, с. 22. + Нистрем К., Моск. адрес-календарь..., т. 3, 1842; Венгеров. Источ.; МНЭкр.; Масанов.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 103, д. 133** (студенч. дело); ф. 433, оп. 55, д. 109* (док-ты в фонд Моск. мед.-хирургич. акад.); ф. 31, оп. 5, д. 88, лл. 72 об. — 73 (сведения о подвиге в моск. цегуру в 1833 альм. М. и А. Юрьева «Не тронь меня», — ис изд.) [с использованием мат-лов, указанных А. И. Рейтблатом]; РГАЛИ, ф. 819, оп. 1, № 597 (автограф неопубл. стих. М. «Ты хороша! я о тебе мечтаю...» — в фонде П. И. Орловой-Савиной); РГБ, ф. 231. Погдин/II, 38.37 (письмо М. П. Погдину, 1841). И. А. Зайцева.

МЕРКУРЬЕВА Вера Александровна [24.8(5.9).1876, Владикавказ — 20.2.1943, Ташкент], поэтесса. Дочь чиновника-землемера. Окончила Владикавказ. жен. г-зию (1889—95). Смолоду болезненная (глухота, сердечные приступы, нервные расстройство), жила во Владикавказе, с редкими наездами в Москву (1906, 1909, 1914; при поддержке художника В. В. Переплётчикова). Дет. стихотв. опыты М. были одобрены Я. П. Полонским (письмо от 1885 — не сохр.). Первые сохранившиеся стихи — 1890. Ок. 1909 начинается дружба с Е. Я. Архипповым, «общее поклонение символизму (-стам)» (автобиография — РГАЛИ, ф. 2209, оп. 1, № 28). Первое (предположительно) выступление в печати — заметка о лекции А. А. Каменской «Осн. учения теософии» («Терек», 1912, 29 сент.; краткое изложение

этой заметки см.: «Вест. теософии», 1912, № 11, с. 86—87; с 1912 по 1917 М. — в списке участников ж-ла). Путь исканий М., по словам Архиппова, «проходит через теософию, аскетизм, православие — без завершительного слияния с каким-либо течением» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 52). В 1914 после перерыва вновь начинает писать стихи. В марте 1917 (после смерти матери) переехала в Москву, осенью принесла стихи Вяч. И. Иванову, к-рый в письме «Салону поэтов» от 21 июня 1918, отметив у М. «дарование необыкновенное, силу и смелость чрезвычайные», отнес ее к «лирикам труднейшим»: будучи новатором, она «не принадлежит ни к одной из наличных групп нашего новаторства», открывая «совсем непредвиденные возможности» (РГАЛИ, ф. 2209, оп. 1, № 51); по его рекомендации в 1918 подборка ее стихов под назв. «Души неживых вещей» напечатана в альм. «Весенний салон поэтов» (М.). В 1917—20 живет в Москве, служит, голодает, много пишет; рукоп. сб. «Тщета» (1915—20; РГАЛИ) — ок. трети написанного ею за всю жизнь. Кроме Вяч. Иванова (его письма к М. см.: РЛ, 1991, № 1; публ. К. Г. Петросова), была дружна с И. Г. Эренбургом (его заметка о М. и др. поэтессах — «Новости дня», 1918, 13 апр.), вела знакомство с А. Н. Толстым, О. Э. Мандельштамом, М. И. Цветаевой, Г. И. Чулковым, М. О. Гершензоном, Н. А. Бердяевым и др.

Самоощущение М., с самых первых стихов, — «я уродец и калека», «мир велик, а я мал» («но я — мир», напоминает ей Вяч. Иванов в помете на письмо М. от 19 дек. 1917 — РГБ, ф. 109, к. 29, № 23, л. 21—22). Отсюда неверие в себя («верить нужно не себе, а тому, что знаешь в себе», — отвечает Вяч. Иванов), взгляд на себя со стороны, раздвоение, ноты индийского аскетизма, сократовского «это не для меня», метерлинковского «Сокровища смиренных», вни-

мание к стихам Е. Ю. Кузьминой-Каравасовой. М. стремится к бескачественности, это сближает ее лирич. героиню с дантовскими безличностями («ни в Элизий, ни в Эреб») и в то же время с божеством (к-рое тоже бескачественно); по аналогии с этим она представляет и Россию на ее пути самоотречения и праведных бедствий. Любовь в ее стихах — жертвенна («беречь чужое счастье»); она изображает и Вяч. Иванова как бы бодисатвой, к-рый достиг спасения, но отрекся от него, чтобы спасти других. Финальный образ ее «Тешты» — поэт как облако (как у П. Б. Шелли): оно все свое берет из мира и отдает миру, оно без пола (среднего рода), без облика, без голоса, но его голосом говорят и камни, и вода, и ветер. В этом пантеистич. мире нет места Богу («не вечен Бог, но вечен мир»), лучше быть преходящим, чем сущим), церкви она не признает и даже Вяч. Иванова укоряет за церковность. Другой, параллельный образ — поэт как зритель и творец иного, подлинного мира, днем ничтожный (как у Пушкина), а вдохновенной ночью всевластный; отсюда повторяющиеся у М. образы греч. Кассандры, к-рой никто не верит, и рус. юродивой, к-рую никто не понимает. Вдохновение и плоды его не принадлежат поэту, оттого у М. нет потребности печататься. Ее стилистика опирается на символизм, но более иронична, с горьким гротеском, с резкими переборами архаич. слов (и даже грамматич. форм) и разговорной интеллигентской речи; строгие формы венков сонетов и пр. сочетаются у нее со смело расшатанными рифмами; интересны ее стилизация нар. стиха и опыты ритмич. и рифмованной прозы (большая композиция «Мечтание о Вячеславе Созвездном»). Вяч. Иванов находил в М. (кроме своей «школы») сходство с А. А. Ахматовой, В. В. Бородаевским и А. К. Герцык (в тех же пометах); сама же М., преклоняясь перед Ахматовой, считала более близкой себе Цветаеву (ответ на анкету Архиппова — РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 46).

В 1920—32 — во Владикавказе (1926 — публикация 11 стихов в альм. «Золотая зурна»; рец.: Л. Шумский — «Власть труда», Владикавказ, 1926, 26 нояб.), в 1932—41 — в Москве (1937 — книга переводов Шелли; второй сб-к стихов «Дикий колос», неизд.). В писат. организацию ее рекомендовали Мандельштам, Б. Л. Пастернак и др.; жила в бедности, дружила с А. С. Кочетковым, С. В. Шервинским и др. печатавшимися поэтами. Познакомилась с Ахматовой (письмо М. о ней к К. Л. Архипповой опубли.: Requiem, М., 1989, с. 101—102). Умерла в эвакуации.

Лит.: Петросов К. Г., Забытая поэтесса. — «Коломенская правда», 1989, 12, 18, 21 апр.; его же, Лит. Старик, М., 1991, с. 10—18, 23—25, 37—43 и др.; Гаспаров М. Л., «Кассандра». — «Октябрь», 1989, № 5; его же, Вера Меркурьева: стихи и жизнь. — Альм. «Лица», в. 5, М.—СПб., 1994; его же, Вера Меркурьева — неизв. поэтесса крута Вяч. Иванова. — В кн.: Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Hdbb., 1993; Эренбург И., Люди, годы, жизнь, т. 1, М., 1990 (ук.). — Козымин: Dictionary of Russian Women Writers, Westport — L., 1994.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2209; ф. 1458, оп. 1, № 70, оп. 2, № 26 (письма Е. Я. Архиппову), оп. 1, № 52 (статья Архиппова о творчестве М.); ф. 548, оп. 1, № 360, 464 (письма Чулковому); ф. 1190, оп. 1, № 28 (письмо М. И. Цастасовой); РГБ, ф. 109, к. 29, № 93 (письма Вяч. Иванову); к. 45, № 41, 42 (стих. М.); ф. 620, к. 68, № 13 (письма К. И. Чулковскому).

М. Л. Гаспаров, при участии С. Ю. Матура.

МЕРТВАГО Александр Петрович [8(20)*.8.1856, Казань — не ранее 1918, Москва?], публицист, мемуарист. Из родовитой, но небогатой дворянской семьи. Внук Д. Б. Мертваго. М. с 1868 учился в пансионе при Уч-ще правоведения в Петербурге (в уч-ще не поступил), затем (1870—75) во 2-й казан. г-зии, где

увлекался театром, участвовал в рукоп. ж-ле, готовился к сдаче экстерном (не окончил). Загоревшись идеей создания идеальной сел. общины из тружеников-интеллигентов (под влиянием соч. франц. утописта Ш. Фурье «Записки дурака» и «Писем из деревни» А. Н. Энгельгардта), в 1878 М. получил согласие Энгельгардта приехать к нему в имение Батищево Смоленской губ., где вместе с др. энтузиастами работал два сезона на рабочим, учился практике и теории земледелия. В Батищеве, затем в Петербурге знакомится с народнич. молодежью (И. И. Гриневецкий, А. М. Калмыкова и др.), но не сближается с ними. С 1879 (по 1886) находился под негласным надзором полиции (ГАРФ, ф. 102, оп. 1900, д. 1879, л. 1). Первая публикация — ст. «Кулак ли разорвет крестьян?» (НВ, 1880, 6 марта). В 1881—82 изу-

чал во Франции огородничество, слушал лекции в Сорбонне. В 1882 сближился с рус. эмиграцией, группировавшейся вокруг П. Л. Лаврова. По возвращении селится рядом с Батищевым, в д. Буково, пытается жить работой на земле. В 1887—93 печатается в «Земледельч. газ.», «Журнале сел. х-ва и лесоводства», «Нов. времени» и др.

С 1894 редактирует еженед. «Хозяин» (в 1899—1906 его издатель), в организации к-рого М. принял активное участие (в 1907—11 выходил под назв. «Нужды деревни»).

Журнал, сохраняя свою с.-х. направленность, печатал многочисл. мат-лы на обществ.-полит. темы: жизнь селства, развитие кооперации, проблемы антисемитизма, голода и пр. Редактура ж-ла стала гл. делом М. Цель его как редактора: привлечь внимание общества к проблемам деревни («будить ... хозяйственную мысль» — «Нужды деревни», 1911, № 1, стб. 1—2) и одновременно способствовать измнению самого общества, сознания. М. не отрицал необходимости освободит. движения (ИРЛИ, ф. 377), но при этом видел гл. задачу человека «в области реформирования человечества» ... «реформировать себя самого» («Нужды деревни», 1910, № 8). После 1906 в ж-ле помещались отчеты о деятельности Думы и Гос. совета. Переодически ст. писал сам М., всего, по его сведениям, более 500 (об одной из них отзывался М. Горький в 1904: «В „Хозяин“ превосходная статья Мертваго о холостстве нашей прессы, превосходная!», XXVII, 326). Издание получило 8 предостережений, 2 раза останавливался выход. В ж-ле печатались П. А. Костычев, В. В. Докучаев, К. А. Тимирязев, В. А. Анзымиров, М. А. Энгельгардт, кн. Д. М. Оболенский. С 1907 ж-л начал выходить в Москве на субсидии товарищества И. Д. Сытина. В эти годы он стал более популярным: число подписчиков, однако, не поднималось (св. 5 тыс.), «постепенно издание умерло своей смертью» (ИРЛИ, ф. 377).

В 1895 вышла книга М. «Не по торному пути (Сельскохозяйственные воспоминания)» (3-е изд., СПб., 1900) — о годах работы у Энгельгардта, с рядом его писем к М., о созданной его учениками сельскохозяйств. коммуне, о своем опыте хозяйствования, заруб. впечатлениях и пр. Сочетая худож. конкретность описаний и диалогов с деловыми агрономич. и экономич. соображениями и статистич. выкладками, мемуары М. представляют собой значит. лит.-публик. документ эпохи, своего рода продолжение «Писем из деревни» Энгельгардта в условиях экономич. кризиса 80—90-х гг. (В печатном тексте мемуары сокращены по ценз. соображениям. В рукописи — описание Петерб. ун-та, лекций Д. И. Менделеева, знакомства с народниками в 1880—81, студенч. волнений.) Рецензенты приветствовали критич. взгляд М. на устоявшееся офиц. мнение о сел. общине (РМ, 1895, № 7, с. 342), а также на интеллигенцию, «занятую спасением души по Энгельгардту, Толстому, Марксу, отказавшуюся от работы собств. ума» (МБ, 1895, № 7, с. 207—13).

Взгляды М., практика-естественника, на явления ист., социального, культурного порядка наиб. ярко и последовательно выражены в книге

статей «В тумане нашей намечающейся культуры» (М., 1908). Среди ее тем: пьянство, преступность, школа, интеллигенция, социализм и др. Под культурой М. понимает пл. обр. трудовую культуру нации, полагая, что не цивилизация, создающая «внешние» блага, и не гуманистич., просветит. теории, а выработка новых трудовых качеств ведет человечество к бесконечной цели самосовершенствования. Мысли М. казались парадоксальными, они шли вразрез не только с офиц. взглядами, но и с традиц. представлениями либеральной интеллигенции. Совм. с С. Н. Прокоповичем написал кн. «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся» (М., 1907), к к-рой в своих работах обращался В. И. Ленин. С 1910 М. регулярно печатался в газ. «Утро России», «помещая статьи, освещающие разл. вопросы социальной, полит., экономич. деятельности людей с естественно-историч. т. з.» (из автобиогр. — ИРЛИ, ф. 377), писал о близости войны Германии с Россией или Англией за передел мира («Близость большой войны», УР, 1911, 25 окт.; эту статью А. А. Блок назвал «пророческой» — Блок, Ш, 296).

Был знаком с И. С. Аксаковым, Л. Н. Толстым, к-рые хорошо знали семью М. В 1900, посещая Толстого, просил у него статью о голоде в Тульской губ.; в 1911 опубли. ст. «Первая любовь Л. Н. Толстого» (УР, 12 июня) об его увлечении З. М. Молоствовой, тетушкой М.

Из переписки М. и полиц. мат-лов известно, что М. был одним из активных, «крайних» деятелей Вольного экономич. об-ва, в нач. 1900-х гг. встречался с А. И. Иванчиним-Писаревым, А. В. Пешехоновым, В. В. Савинковой. В 1902 вместе с Н. К. Михайловским, В. Д. Набоковым, В. Г. Короленко, Горьким выбран в к-т по празднованию 200-летия периодич. печати в России. В Москве поддерживал связь с В. Г. Чертковым, после смерти Л. Н. Толстого помогал разбирать архив писателя (РГАЛИ, ф. 555, оп. 1, д. 3662); был знаком с И. А. Бунинным. Вместе с Анзиминовым активно участвовал в работе Об-ва деятелей печати, помогал семье М. А. Энгельгардта, его сыну Б. М. Энгельгардту, впоследствии изв. литературоведу, к-рый называл М. «одним из образованнейших петербуржцев» (РГАЛИ, ф. 319, № 48). В 1914 пишет продолжение своих «Воспоминаний», обещая отдать их С. П. Мельгунову по просьбе последнего. В 1911 тяжело заболел. Последнее прижизненное упоминание о М. — 18 янв. 1918.

Др. произв.: «О разработке пустотей во Франции и у нас» (СПб., 1888, 2-е изд., 1892), «Село Климово и его хутора...» (СПб., 1891), «Сель-

скохоз. вопросы нечерноземной России» (СПб., 1891), «В чужих краях» (СПб., 1901).

Изд.: [Статья] Буржуа и буржуй. — «Mcgarolis-express», 1991, № 2: [Отрывки из «Воспоминаний»]. — «Сельская молодежь», 1991, № 6: [Статья]. — «Даугава», 1992, № 5.

Лит.: Фарсцов А. И., Семидесятники, СПб., 1905; Анзиминов В., Сестели и жнцы. — «Моск. газета-копейка», 1911, № 13; Ватацн М. П., Быль минувшего. — ИВ, 1913, № 1—7; Алтунян А., Журнал «Хозяин» и его редактор. — «Сел. жизнь», 1989, 26 нояб. + Брокгауз; Венгеров. Источ.: БСЭ-2; Масанов. Архивы: РГАЛИ, ф. 319; ИРЛИ, ф. 377; ГАРФ, ф. 102, оп. 1881, д. 1299 (донесения полиции), оп. 1889, д. 512; ЦГА Татарстана, ф. 309, оп. 1, д. 1411, 1415 (биогр. сведения).

А. Г. Алтунян.

МЕРТВАГО Дмитрий Борисович [5(16).8.1760, село Мертвовщина (?) близ Алатыря (позже Ардатов. у. Симбирской губ.) — 23.6(5.7).1824, Москва; похоронен в Симоновом мон.], мемуарист, гос. деятель. Из старинного дворян. рода; дед А. П. Мертваго. По свидетельству брата, «основательный ум, чтение, наблюдательность ... заменяли ему недоста-

ток учения» (РВ, 1857, № 1, с. 54). В детстве пережил тяжелое потрясение, повлиявшее в значит. степени на формирование его личности: в 1774 семья Мертваго попала в плен к Е. И. Пугачёву, отец М. (отставной майор) был повешен в своей деревне, и 14-летний М., сам чудом спасшийся от гибели, принял на себя попечение о матери, младших братьях и сестрах (см. «Записки», гл. 1). [Позднее публикация фрагмента «Пугачевщина» (РВ, 1857, № 1) вызвала недовольство министра нар. просвещения (см.: Письмо М. Н. Каткова В. П. Безобразову, 1857 — РГБ, ф. Полт., п. 36, № 2; Никитенко, I, 457, 538)].

Записанный в 1775 унтер-офицером в гвардию, фактически начал служить с 1779 сержантом, но вскоре перешел в стат. службу (1781). Определен прокурором в Оренбург, где служил в течение 5 лет, к-рые, по собств. признанию, «провел... самым

праздным образом» («Записки», стб. 38). В 1786 перевелся (в чине надв. сов.) в Уфу советником в гражд. палату; в 1787—97 советник Уфимского губ. правления. Обнаружившееся в эти годы честолюбие М. заключалось в «непреодолимой склонности прославиться добрыми делами» (там же, стб. 142): он проявил себя «безукоризненно честным и умным администратором» (Арнольдов, с. 233), у башкир имел славу «доброго судьи» («Записки», стб. 53, 90), строгого, но справедливого. Нетерпимость к мздоимству и корыстолюбию (сам М. во все годы службы не имел «достаточного состояния»), а нередко испытывал крайнюю нужду) приводила его к конфликтам — как с сослуживцами, так и с начальством, — постоянно сопутствующим служебной карьере М., независимо от занимаемой должности. «Неподкупная его честность была известна всем; но не всем, может быть, было известно, до какой строгости и чистоты возводилась эта честность во всех его служебных отношениях: мог ли такой человек не иметь врагов по службе?...» — писал С. Т. Аксаков, крестник М. (Аксаков, 1857, с. 128), неоднократно упоминавший о семействе Мертваго (их общих встречах в Уфе и в родовом оренбурге. поместье М. Старой Мертвовщине) в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука» (ближайшая подруга матери Аксакова — родная сестра М. Ек. Дмитр. Чичагова).

В 1792 приехал в Петербург, где познакомился с Г. Р. Державным. Общность взглядов («понятия мои ему понравились» — «Записки», стб. 65) переросла в многолетнюю дружбу. Державин покровительствовал М. по службе («забыл-ся обо мне не менее самого меня» — там же, стб. 81); М. наблюдал за делами оренбург. деревни и винокурного завода Державина (письма Державина к М. опубли.: Державин, V—VI). У М. хранился портрет поэта, выполненный Я. Л. Боровиковским, со стихот. надписью М.: «Певца Феликса здесь нам кисть изображает...» (опубл.: Державин, IX, 506).

С 1797 служил в Петербурге воен. советником Провиант. экспедиции. Ген.-майор (1798 или 1799). В нач. 1802 вышел в отставку, но уже осенью того же года по протекции Державина получил место гл. надзирателя крым. соляных озер. В 1803 назначен таурик. губернатором. В 1804 женился на Варв. Марковне Полторацкой (посредником выступил приятель М. и родственник его невесты президент АХ А. Н. Оленин; в браке 3 сына и 5 дочерей).

В 1807 занял значит. должность ген.-провиантмейстера в Воен. мин-ве под начальством А. А. Аракчеева, в то время воен. министра; постоянные притеснения Аракчеева трижды заставляли М. подавать прошение об отставке, к-рое в 1810 было удовлетворено (с этого времени б. ч. живет в имении в Твер. губ.). Отмечаемые современниками незаурядные деловые качества М. (его относили к числу тех, кто «здорово судит о делах и лучше знают свое Отечество, нежели многие министры» — РА, 1872, кн. 2, стб. 2403) высоко

ценились и при дворе, и лично Александром I (о встречах с ним М. тоже рассказывал в мемуарах); в 1812 предполагалось определение М. начальником неск. объединенных губерний (проект не был осуществлен), затем его неоднократно уговаривали вернуться на службу. В 1817 был назначен сенатором в Москву с производством в тайные советники. По личному распоряжению Александра I участвовал в расследованиях злоупотреблений чиновников (во Владимире, Астрахан. губ. и на Кавказе).

По настоянию Державина М. составил свои «Записки», к-рые начал писать в 1807, а продолжил во время последней отставки (опубл.: РА, 1867, прил. к кн. 3; отд. оттиск — М., 1867). В «Записках» М. рассказывает о «суровых, крутых поворотах счастья являющих приключениях своих» (стб. 335—36) — характерных для 18 — нач. 19 вв. перипетиях продвижения по служебной лестнице, зависящего не столько от личных достоинств, сколько от интриг, протекции, расположения или немилости влият. особ. Неподкупность, твердость, благородство, личная независимость выставлены силой, позволяющей мемуаристу преодолеть превратности судьбы. Ист. ценность мемуаров во многом определяется обстоят., нередко скрупулезным изложением хода дел, к-рым был причастен М. К тексту «Записок» органично примыкает опубл. в составе «Дополнений к „Запискам“» (РА, 1868, кн. 1) духовное завещание М., подводящее итог его жизненному опыту, продолжающее и развивающее последние наставления его отца. Наиб. яркие страницы мемуаров — фрагменты о пугачевщине, о мрачной эпохе произвола Павла I, портреты гос. сановников, в т. ч. Аракчеева, основавшего «силу свою и достоинство власти» «единственно на чистом самовластии» («Записки», стб. 234). Несомненный интерес представляют полит. и экономич. соображения автора (в т. ч. о Крыме, Литве), свидетельствующие о его глубокой заинтересованности в вопросах рус. государственности. Рецензент отмечал, что «Записки» М. рисуют «картину порядков и условий нашей администрации ... начерченную человеком ученым и свидетелем честным» (ВЕ, 1868, № 3, с. 478; см. также восторг. отзывы: РИ, 1867, 23 сент.; «Голос», 1867, 1 сент.). Последние годы жизни близко сошелся с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Пользовавшийся М. доктор Ф. П. Гааз описал его «христ. кончину» (ИВ, 1913, № 4, с. 33—35).

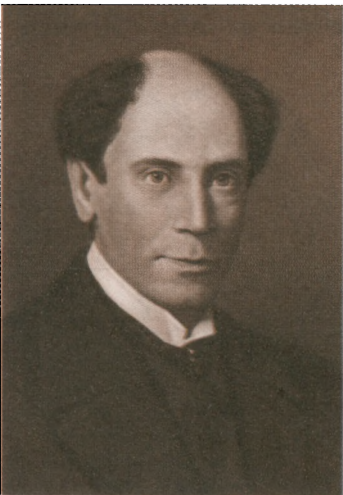
Изд.: [Глава о Пугачевском восстании]. — В кн.: Рус. быт по восп. современников. XVIII в., ч. 2, в. 2, М., 1922; Автобиограф. записки. — «Рус. словесность», 1994, № 1 (публ. и вступ. слово Т. А. Алпатовой).

Лит.: Державин (ук.): Аксаков С. Т. Восп. о М. — РВ, 1857, № 3; Арнольд М. (А.), Д. Б. Мертвого. — В кн.: Сб. ист. и статистич. мат-лов о Симбирск. губ., Симбирск, 1868; Островская Н., Д. Б. Мертвого. — «Дет. отдых», 1887, № 11—12; Ватаги М. (П.) [внучка М.], Быль минувшего. — ИВ, 1913, № 2—4. + МНкр.: Брокгауз; Вещеров. Источ.: ИДРДВ; СИЭ.

Архивы: ГИМ, ф. 445, № 83, ч. 129 а, № 84, ч. 129 б (биограф. мат-лы, док-ты, письма); РГБ, ф. 41, к. 108, № 39 (письма К. Я. Булгакову), ф. Бенк., к. VI, № 6 (письмо Е. И. Бенкендорфу); РНБ, ф. 247 (Г. Р. Державина: переписка); письма к М. — А. А. Аракчеева, М. Б. Барклая-де-Толли, Д. В. Давыдова, Н. С. Моравинова, М. М. Сперанского и др.

М. К. Есеева

МЕТНЕР Эмилий (Эмиль Карл) Карлович [лит. псевд. Вольфинг; 7(19).12.1872, Москва — ночь с 10 на 11.7.1936, Дрезден], литератор, муз. критик, философ. Старший брат композитора Н. К. Метнера, двоюродный брат композитора А. Ф. Гедике. Потомок нем. семей Метнеров (Medtner) и Гедике (Goedicke), пере-

селившихся в Россию в кон. 18 — нач. 19 вв. (см. письмо П. Д. Эттингера от 27 сент. 1921 — в кн.: Н. К. Метнер. Восп. Статьи. Мат-лы, М., 1981, с. 290—300); отец М. — один из директоров акционерной компании «Моск. кружевная фабрика». В 1893, по окончании 5-й моск. г-зии, М. поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та, к-рый окончил в 1899 с дипломом 1-й степени (ЦИАМ, ф. 418, оп. 307, д. 507); затем занимался адвокатурой. С нояб. 1902 служил цензором в Н. Новгороде (именно он подписал разрешение на выход «Стихов о Прекрасной Даме» А. А. Блока); в марте 1906 вышел в отставку (гл. обр. по идейным соображениям; ср. запись М. от 1 февр. 1906: «Исключительно материальные соображения вынуждают меня не швырять отставки в лицо одному из самых гнусных правителей, которое когда-либо стояло во главе народа» — РГБ, ф. 167, к. 23, № 9, л. 181 об. — 182) и возвратился в

Москву, где жил в последующие годы (время от времени наезжая в Германию).

Лит. деятельность М. началась с публикаций в газ. «Моск. ведомости» в 1894—99 (в 1894—96 помощник секретаря редакции): корреспонденции, реферативные статьи, переводы, объединенные муз. тематикой (за подписями: Э. М., Эм.); в 1896 М. печатает там же (за подписью М-р) очерки о Турции (29 сент., 3 окт.) и Болгарии (10, 13, 14, 27 окт., 30 нояб., 15, 16 дек.), основанные на личных впечатлениях. С янв. 1903 по окт. 1904 М. сотрудничал в екатеринослав. газ. «Приднепров. край», где печатал (за подписью Э.) цикл статей «Школа и образование», а также статьи на общесететич. темы («Романтизм и Ницше» — 1904, 28 сент., 5, 12 окт.) и отклики на новейшие изд. рус. символистов — на ж. «Нов. путь» (1903, 7, 10, 13 марта), альм. «Гриф» (1903, 3, 4 июля) и «Сев. цветы» (1903, 9, 10 июня), «симфонии» (1903, 15, 16 дек.) и «Золото в лазури» А. Белого («Поэзия и критика» — 1904, 1 июня). М. приветствовал в них стремления преодолеть «прежнее утилитарно-позитивное миросозерцание» и «ответить на запросы совр. сознания», однако противопоставлял близкие ему символист. филос.-теургич. идеи, созвучные филос. эстетике нем. романтизма, «экстравагантному декадентизму» («Нов. путь» — 1903, 13 янв.); наиб. значит. и перспективными для развития «нового» иск-ва он находил первые творч. опыты Белого, с к-рым М. познакомился весной 1902 и к-рый вскоре стал одним из его ближайших друзей и духовных спутников (см. стих. «Старинный друг», посв. М., — в кн.: Белый А., Золото в лазури, М., 1904).

Белый содействовал приобщению М. к моск. лит. среде. В 1906—09 М. постоянно печатает в ж. «Золотое руно» (под псевд. Вольфинг) статьи и корреспонденции на муз. темы: «„Скупой рыцарь“ и „Франческа да Римини“, оперы Рахманинова, на сцене Большого Московского театра» (1906, № 1), «Музыкальная весна» (1906, № 5), «Отголоски юбилея Шумана» (1906, № 11/12), «Sixtus Beckmesser redivivus. (Этюд о „новой“ музыке)» (1907, № 2), «Модернизм и музыка» (1907, № 3; 1908, № 5), «Борис Бугаев против музыки» (1907, № 5), «Вагнеровские „фестшпили“ 1907 г. в Мюнхене. (Заметки невагнериста)» (1907, № 7—10; 1908, № 1—4), «Эстрада» (1908, № 11/12; 1909, № 2/3, 5), «О музыкальной критике» (1909, № 6—10), «Дом песни» (1909, № 11/12). Эти публикации составили основу книги М. (Вольфинга) «Модернизм и музыка. Статьи критические и полемические. (1907—1910).

Приложения. (1911)» (М., 1912), в к-рой последние муз. новации затрагивались в тесной связи с общими культурологич. вопросами. Решительно ниспровергая муз. модернизм (творчество Р. Штрауса, М. Рegera), М. предпринимал фронтальный опыт критики совр. культуры, растратившей, по его мнению, свое высокое предназначение в сомнит. эффектах и внеш. самоценных приемах; беспочвенному модернист. новаторству, совр. худож. упадочничеству и пессимизму М. противопоставлял символич. иск-во положит. ценностей, идеи культурной преемственности, традиционализма, единства подлинной культуры с основами нар. творчества. Концепции М. были отмечены догматич. германофильством, проповедью «арийства» (М. был приверженцем «арийского мирозерцания» Х. С. Чемберлена), в противовес «неарийским» элементам, якобы чуждым европ. культуре (к-рая сводилась преим. к «нордическо-германскому началу»); соответственно «муз. германизм» («нем. музыка великой эпохи» — И. С. Бах, В. А. Моцарт, Л. ван Бетховен, Р. Вагнер) противопоставлялся «музыкальному юдаизму», проявление к-рого М. усматривал в «господстве эстрадно-рекламного духа» и «интернационально-еврейской виртуозности» (с. 117; подробнее см.: Постолтенко К. Ю., Н. К. и Э. К. Метнер: парадокс нац. самоидентификации. — «De Visu», 1994, № 1/2; то же — «Опыты», 1994, № 1). Муз. общественность встретила книгу М. отрицательно, хотя и признала ее «одним из самых крупных явлений на горизонте нашей музыкально-эстетич. литературы» (Сабанеев Л., Муз. беседы. — «Музыка», 1912, № 94, с. 756).

Деятельность М. во 2-й пол. 1900-х гг. была весьма неравномерна по интенсивности в связи с частыми припадками неврастения, усугубленными тяжелой семейной драмой: его жена Анна Мих. (урожд. Братенши) предпочла ему обожаемого им брата, композитора Н. К. Метнера. Невозможность порвать отношения с братом усиливала душевную травму. В 1909 М. организует в Москве (совместно с Белым и Эллисом) изд-во «Мусагет» (предприятие субсидирует его близкий друг Ядвига Фридрих, с к-рой он познакомился осенью 1907, затем подолгу жил в ее доме в Пильнице, близ Дрездена), объединявшее приверженцев символизма религ.-филос. ориентации; с «Мусагетом» сближаются Вяч. И. Иванов, Блок, а также моск. литераторы из окружения Белого.

Изд-во изначально задумывалось как некоммерческое, «идейное» предприятие, ориентированное на узкий круг просвещенных читателей, как союз единомышленников. В центре внимания «мусагетского» объединения были теоретич.

ко-эстетич. и культурологич. аспекты, осмыслившиеся как базис «подлинного» символизма; кроме того, М. во главу угла выдвигал идею преемственности по отношению к нем. философской и худож. культуре: «...тут царствовали тени Гете, Вагнера и немецких мистиков» (Степун, с. 208). В 1910—16 «Мусагет» выпустил в свет 44 издания: книги Белого, Блока, Вяч. Иванова, С. М. Соловьева, Эллиса и др. рос. авторов, переводные произв. [в их числе — «Нибелунги. Всемирная история на основании сказания» Р. Вагнера (М., 1913) со статьей М.]

Под ред. М. и Белого в «Мусагете» с 1912 издавался филос.-эстетич. ж. «Труды и дни» (последний, 8-й в. — в 1916); общие принципы издания М. обосновал в ст. «„Мусагет“». Вступительное слово редактора» (1912, № 1): цель «мусагетского» объединения — стремление к преодолению культурного кризиса современности, искание и проложение путей к новой, органич. культуре, творч. деятельности на объективно-идеалистич. основе, сочетающая худож. и филос. подходы, с опорой на традиции неогматич. и духовно-преемственного мышления; универсальные символы культуры, провозглашаемой «Мусагетом», — Гёте, осуществивший грандиозный синтез положительной культуры, и Вагнер (синкретич. фигура, соединяющая в своем творчестве поэзию, музыку и религию). В согласии с этими приоритетами М. учредил в «Трудах и днях» отделы «Goetheana» (к-рому предпослал программное «Введение» — 1913, № 1/2) и «Wagneriana», где печатал свои мифол. «Наброски к комментарию» (к «Кольцу Нибелунга») (1912, № 4—6; 1913, № 1/2); в «Трудах и днях» М. опубли. также ст. «Лист» (1912, № 1) и цикл статей «Инвективы на музыкальную современность» (1912, № 2—3).

В 1912 между М. и Белым обозначился конфликт, приведший к идейному расколу внутри «Мусагета»; Белый, став приверженцем антропософии Р. Штейнера, стремился проповедовать это учение в «мусагетских» изданиях, М. с доктринальной последовательностью противодействовал «окультистич.» экспансии и отстаивал ранее определенные культурологич. установки. В результате этого размежевания М. стал (в нояб. 1912) единственным ред. «Трудов и дней»; в марте 1915 его отношения с Белым были разорваны. Резкую критику антропософии содержала полемич. кн. М. «Размышления о Гете. Кн. 1. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и окультизма» (М., 1914), посв. обстоят. анализу трудов Штейнера «Мировоззрение Гете» («Goethes Weltanschauung», 1897) и «Гете как отец новой эстетики» («Goethe als Vater einer neuen Ästhetik», 1889).

Аргументация М. направлена к установлению пропастей между гетевством и антропософией, к констатации противоречий в доводах Штейнера и их превращения в самолюбивый внешне-исправительски разглагольственный хаос» (с. 43); интерпретации Штейнера, по М., направлены лишь

к использованию Гёте «для своих (пусть очень высоких и нравственно-безупречных) целей» (с. 330), к адаптации мировоззрения Гёте для нужд штейнерианской мистич. исологии. Резкую отповедь взглядам и доказательствам М. содержит исследование Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том „Размышлений о Гете“» (М., 1917).

Деятельность М. в «Мусагете» была фактически приостановлена в связи с началом 1-й мировой войны, к-рая застала его за границей. 20 июля 1914 М. писал А. М. Метнер из Мюнхена: «... для меня Россия и Германия два отечества, равно о любимых. Вот почему эта в полном смысле слова братоубийственная война является для меня самым ужасающим событием моей жизни...» (Метнер Н. К., с. 159). С 1914 М. живет в Швейцарии (Цюрих), бывает наездами в Германии, тогда же сближается с швейц. психологом и философом культуры К. Г. Юнгом [его письма к М. (1917—36) — РГБ, ф. 167, к. 14, № 62; письма М. к Юнгу — в архиве последнего в Цюрихе]. В 1916 М. приступил к подготовке 4-томного собр. соч. Юнга на рус. языке, к каждому тому написал обширное введение; при жизни М. вышли в свет (в Цюрихе в 1929 под маркой «Мусагет-«Психол. типы» Юнга под его ред. и с предисл. (пер. С. А. Лорие), посмертно — т. 2 («Libido, ee метаморфозы и символы») и т. 3 («Опыт изложения психоаналитич. теории [и др. статьи]») «Избр. трудов по аналитич. психологии» Юнга (изд. Психол. клуба в Цюрихе, 1939). Отд. изданием («Über die sogenannte Intuition», Zürich, 1923) был опубли. цикл лекций М., прочитанных в цюрихском Психоаналитич. клубе (1922; более позднее назв. — Психол. клуб).

Др. произв.: «Meister Nikisch» (Zürich, 1921).

Лит.: Метнер Н. К., Письма, М., 1973 (ук.; сост. и ред. З. А. Алетян); Белый (ук.); Жирмунский В. Гете в рус. лит-ре (Л., 1937, с. 589—90; Лосев А. Проблема Р. Вагнера в прошлом и настоящем. — В кн.: Вопросы эстетики, в. 8, М., 1968, с. 107—111, 113; Волков С., Редько Р. А. Блок и некр-ые муз.-эстетич. проблемы его времени. — В кн.: Блок и музыка. Сб. ст., Л.—М., 1972, с. 105—110; Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С., А. А. Блок между «Мусагетом» и «Сиринью». (Письма к М.). — В кн.: Блоковский сб., [в.]: 2, Тарту, 1972; Келдыш Ю. В. Муз. полемика. — В кн.: Рус. худож. культура кон. XIX — нач. XX в. (1908—1917), кн. 3, М., 1977 (ук.); Шагинян М., Человек и время. История человеческого становления, М., 1982, с. 393, 400, 413—14, 424—31, 459; Лавров А. В., «Труды и дни». — В кн.: Рус. лит-ра и журналистика (2, ук.); Толстых Г. А. Изд-во «Мусагет». — В сб.: Книга. Иссл. и мат-лы, сб. 56, М., 1988; Степун Ф., Былшес и несбыточное, т. 1, Лондон, 1990, с. 267—71, 283; Морозова М. К. Мои восп. — НН, 1991, № 6 (публ. Е. М. Буромской-Морозовой); Эткинд А., Эрос непозн. мифического. История психоанализа в России, СПб., 1993, с. 71—82; В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров. — ВЛ, 1994, № 2—3 (публ. и вступ. ст. В. Сапова); Cheron G., The Mediner papers at the Library of Congress. — «The Andrej Belyj Society Newsletter», 1989, № 8, p. 13—18; Ljunggren M., The dream of rebirth. A study of Andrej Belyj's novel «Peterburg», Stockh., [1982] (index); Idem, The Russian Mephisto. A study of the life and work of

Emilii Medtner, Stockh., 1994 (в прил. — переписка М. и К. Г. Юнга). — МЭ.

Архивы: РГБ, ф. 167; ф. 190 (изд-во «Музагет»); Гос. центр. музей муз. культуры им. М. И. Глинки, ф. 132. А. В. Лауров.

МЕЧНИКОВ Илья Ильич [3(15).5.1845, имение Панасовка в д. Ивановке Купянского у. Харьков. губ. — 2(15).7.1916, Париж; урна с прахом М. хранится в Пастеров. ин-те (Париж)], биолог, автор научно-популярных книг, мемуарист. Из семьи дворянина, ремонтера гв. полка, потомка молд. бояр из рода Спадаренко

(от *sprada* — рум. «меч», символ знатности; отсюда Мечниковы). Внук (по матери) Л. Н. Неваховича. Брат Л. И. Мечникова. М. окончил 2-ю харьков. г-зию (1856—62) с зол. медалью, через 2 года — естеств.-ист. отд. Харьков. ун-та со званием кандидата. В 1864—67 занимался эмбриологией в лабораториях Гисена, Гёттингена, Мюнхена, Неаполя. Защитив магистерскую (1867) и докторскую (1868) дис., стал приват-доцентом Петерб. ун-та (1868—70). С 1870 ординарный проф. кафедры зоологии и сравнит. анатомии Новорос. ун-та (Одесса). Из-за интриг, чинимых ун-тской администрацией и коллегами, а также обструкций со стороны леворадикального студенчества, к-рому М. казался ретроградом, он в 1882 вышел в отставку (см. его «Рассказ о том, как и почему я поселился за границей» — РВед, 1909, 18 окт.). Совм. с Н. Ф. Гамалеей основал в 1886 первую в России бактериологич. станцию для прививок против бешенства (об обществ. резонансе на это событие см.: «Письмо-разъяснение» — «Врач», СПб., 1886, 30 окт.). Выхав в 1887 за границу, М. занимал должность зав. лабораторией (1888—1905), а затем и зам. директора (1905—16) Пастеров. ин-та в Париже (его статьи, посв. ин-ту, см.: РСл, 1909, 21 нояб., 1913, 1 нояб.). Был чл. акад. наук почти всех стран мира (в т. ч. поч. член Пе-

терб. АН с 1902), мн. науч. об-в и ин-тов. Лауреат Нобелев. пр. (1908; совм. с П. Эрлихом) за открытие фагоцитоза и создание клеточной теории иммунитета (осн. труд М. по этому вопросу — «Невосприимчивость в инфекционных болезнях», СПб., 1903).

М. сочетал интенсивную разработку науч. проблем с их популяризацией, причем, по словам современника, «самые спец. вопросы и открытия в области науки он так просто излагал, что они невольно захватывали своим интересом» (Спирс С. П., Толстой о Мечникове. — РСл, 1909, 3 июня). Первая публ. М. — рец. на «Курс геологии» И. Леваковского — появилась в «Моск. вед.» (1861, 8 нояб.), когда ее автору было 16 лет. В 1863 он предложил ж-лу М. М. Достоевского «Время» критич. разбор теории Ч. Дарвина (статья не была опублик. в связи с закрытием изд.). Сопражнение микро- и макрокосма, стремление установить закономерности развития низших существ по аналогии с высшими (борьба за существование) привели М. к созданию фагоцитарной теории («Мое пребывание в Мессине» — РВед, 1908, 31 дек.), позволившей рассматривать старость как болезнь, поддающуюся излечению, а смерть как результат «самоотравления организма», что положило начало геронтологии. Размышления о природе жизни и смерти, о том, есть ли смысл в человеческом существовании (пессимистич. воззрения М. на этот счет отразились в ранней неоконч. ст. «Самоубийство. Антропологич. очерк» — ААН, ф. 584, оп. 1, № 288), составляют ядро его научно-популярной и филос. «трилогии» — «Этюды о природе человека» (М., 1903; впервые на франц. яз. — Р., 1903; рец.: «Нов. путь», 1904, № 10), «Этюды оптимизма» (М., 1907; впервые на франц. яз. — Р., 1907; рец.: РВед, 1907, 15 мая) и «Этюды о половом вопросе» (не окончены, 1915—16; опублик.: Академич. собр. соч., т. 16), — написанной с позиций «своеобразного позитивизма в стиле „moderne“» (В. Таланкин — «Вера и разум», Х., 1913, № 20, с. 234). Согласно М., целесообразная человеческая деятельность продолжается до «появления „инстинкта смерти“... когда человек чувствует себя уже удовлетворенным продолжительностью своей жизни и начинает желать небытия» (Академич. собр. соч., т. 16, с. 283). Учение о достижении возраста «естественной смерти» путем совершенствования питания и гигиены, а также полового просвещения и воздержания М. назвал «ортобиозом», пропагандируя жизнь, основанную на исправлении дисгармонии человеческой природы: патологич. старости, преждевременной смерти, противоречий

между половым созреванием и возрастом вступления в брак и т. д. Пример «правильной жизни» он старался подать сам. Рассматривая человека прежде всего как биологич. особь, М. подчас был склонен принимать особенности собств. жизни за модель человеческого развития. Так, свой путь от юношеского пессимизма к оптимизму зрелости он распространял на историю мировой лит-ры: напр., эволюция взглядов И. В. Гёте (от «Страданий молодого Вертера» к «Фаусту») и М. Метерлинка (см.: «Книга Метерлинка о смерти» — РСл, 1913, 17 июля). Пессимизм творчества Дж. Байрона, М. Ю. Лермонтова М. объяснял их возрастной психологией. С трактовкой М. мировоззрения А. С. Пушкина как пессимистического полемизировал Д. Н. Овсяннико-Куликовский в ст. «Ценность жизни» (ВЕ, 1915, № 5). Возражения современников вызвал и отрицат. ответ М. на вопрос о бессмертии души (см., напр.: Толстой К. К., Корни беспробудного пессимизма, СПб., 1909). М. полагал, что если уж «невозможно жить без веры, то последняя должна быть верою в могущество науки» (РГАЛИ, ф. 1348, оп. 1, № 538). Активность М., выступавшего в печати почти по всем осн. вопросам биологии, да и науки вообще, объясняется его убеждением в том, что именно науч. мировоззрение призвано обеспечить прогресс (в т. ч. и духовный) человечества. Итоги филос. наблюдений гигиениста и физиолога подведены в его кн. «Сорок лет искания рационального мировоззрения» (М., 1913; рец.: Мокеевский П., Смерть и Логос. — РБ, 1913, № 1), вобравшей в себя статьи и выступления, опублик. в периодике с 1871 по 1910. Оценивая с т. з. ортобиоза филос. идеи своих ближайших предшественников и современников, М. отвергал интуитизм А. Бергсона, критиковал Г. Спенсера и Ф. Ницше за «антиколлективизм» (не соответствующий науч. прогнозам о развитии общества). Ближе всех М. был А. Шопенгауэру, чьи взгляды на смысл жизни претерпели сходную эволюцию.

М. опубли. ряд автобиогр. мат-лов («Памяти Н. А. Умова» — РСл, 1915, 4 февр.), мемуарных портретов ученых и обществ. деятелей («А. О. Ковалевский» — ВЕ, 1902, № 12; «Восп. о Сеченове» — ВЕ, 1915, № 5; «О Н. И. Пирогове» — РСл, 1910, 13 нояб.; «Восп. о Витте» — РСл, 1916, 28 февр., и др.), а также очерки по истории биологии и медицины в России и за рубежом («Мученики науки» — «Нов. слово», 1909, № 7; «Основатели совр. медицины. Пастер — Листер — Кох», М., 1915, и др.). Их лит. достоинство — в отсутствии какой бы то ни было «литературности»: четкость изложе-

ния, точность наблюдений, бесстрашность повествования — приемы и методы науч. исследований, перенесенные в область лит. формы.

Через брата Л. И. Мечникова М. познакомился с А. И. Герценом («я увлеклся им как литератором, но все, что у него касалось политики, на меня не производило впечатления» — «Страницы восп.», с. 78), М. А. Бакунным (его теории М. считал «поверхностными» — Мечникова, с. 45), тесно общался с П. Л. Лавровым, поддерживал отношения с П. Д. Боборыкиным и В. М. Дорошевичем, переписывался с М. Горьким (к-рый хотел привлечь М. к участию в ж. «Летописи»). Принципиальные расхождения М. с Л. Н. Толстым в отношении к естеств. наукам, к «опрошению» (ст. «Закон жизни»). По поводу нек-рых произв. гр. Л. Толстого — ВЕ, 1891, № 9; см. также рубрику Н. К. Михайловского «Лит-ра и жизнь»: РМ, 1892, № 1—3) и месту женщины в обществе (см.: Тенеромо И. Б., Толстой и Мечников о женщинах, СПб., 1910), по мнению рус. публики, как будто не мешали их глубокой взаимной симпатии («День у Толстого в Ясной Поляне» — РСЛ, 1912, 30 сент.). Но в частных беседах Толстой утверждал, что позитивист. взгляды М. объясняются его «кастрированным нравственным чувством» (ЛН, т. 90, кн. 4, с. 133). В свою очередь, М. считал, что Толстой должен нести ответственность за подготовку Революции 1905—07 своими публик. «проповедями».

М. был ред. мед. отд. НЭС, написал для него ряд статей. Переводил и редактировал переводы книг А. Любена, П. Топинара, П. Бера и др.

Изд.: Академич. собр. соч., т. 1—16, М., 1950—64; Страницы восп., М., 1946; Куванова Л. К., Бастркова М. С., Рукон. материалы М. в Архиве АН СССР. Науч. описание, тексты, М.—Л., 1960; Письма (1863—1916), М., 1974; Письма к О. Н. Мечникову, т. 1—2, М., 1978—80.

Лит.: Горький (ук.); Толстой (ук.); Крылов П., Мир невидимой борьбы. — РБ, 1893, № 8; Сб-ж, посв. М. в память пребывания его в Петербурге 14—26 мая 1909 г., СПб., 1909; Михайловский Н. К., Борьба за индивидуальность. — Собр. соч., 5-е изд., т. 1, СПб., 1911; Заленский В. В., И. И. Мечников. — ВЕ, 1915, № 5; Штрайх С., Еврейские отношения М. — «Нов. путь», 1916, № 26; Происхождение М. — «Евр. неделя», 1916, № 29; Овсянников-Куликовский Д. Н., Радость познания — радость бытия. Памяти М. — ВЕ, 1916, № 12; Фатеев А. Н., Гимназич. и студенч. годы М., П., 1916; Омелянский В. Л., И. И. Мечников, его жизнь и труды, П., 1917; Памяти М. Торжеств. соединенное заседание... 5 февр. 1917 г., Каз., 1918; Чистович Н. Я., И. И. Мечников, Б.—П.—М., 1923; Мельник М. И., И. И. Мечников. Жизнь — труды — мировоззрение, Х., 1924; Мечникова О. Н., Жизнь М., М.—Л., 1926; Безредка А. М., История одной идеи. Творчество М., Х., 1926; Кондаков Н. П., Восп. и думы, Прага, 1927; Музей памяти М. (сб. ст.), М.—Л., 1930; Тимирязев К. А., Собр. соч., т. 1—10, М., 1937—40 (ук.); Гремьяцкий М. А., И. И. Мечников. Его жизнь и работа, М., 1945; Зильбер Л. А., Мечников и его учение (к 100-летию со дня рождения), М., 1945; Каневский

А. Е., Пастер и М., Новосиб., 1946; Белкин Р. И., И. И. Мечников — великий рус. биолог, 2-е изд., М., 1953; Заленский С. Я., И. И. Мечников, М., 1957; Могилевский Б. Л., И. И. Мечников, М., 1958; Гольдштейн А. Б., Вспл. т. 1—3, М., 1960 (ук.); Блинкин С. А., И. И. Мечников, М., 1972; Резник С. Е., И. И. Мечников, М., 1973; Фролов В. А., Опередивший время, М., 1980; Mémoires, publiées à l'occasion du jubilé de Elie Metchnikoff, P., 1921; Zeiss H., Elias Metchnikow. Leben und Werk, Jena, 1932; Burnet E., Un européen. Elie Metchnikoff, Tunis, 1966; Mardus E., Man with a microscope, N.Y., 1968. + Некрологи, 1916: ВБ, 4 июля; МВед, 5 июля; «Изв. Имп. АН», № 18; РСЛ, 6 июля; ВЕ, № 10. Хижняков В. В., Вайндрах Г. М., Хижнякова Н. В., Творчество М. и лит-ра о нем. Библ. ук., М., 1951; Биограф. словарь профессоров СПб. ун-та: Зиссес; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Гранат; БСЭ; Большая мед. энци., т. 15, М., 1981.

Архивы: ААН, ф. 584; РГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 389 (письма Л. Ф. Пантелееву); ф. 1348, оп. 1, № 538 (письма Ф. П. Кеппелю); РГБ, ф. 259, п. 17, № 19 (письма в ред. «Рус. слова»). А. Б. Рогачевский, Е. М. Гушанская.

МЕЧНИКОВ Лев Ильич [18(30).5.1838, Петербург — 18.6.1888, кантон Невшатель, Швейцария; похоронен на кладб. в Кларане], географ, историк, публицист. Брат И. И. Мечникова. Первонач. образование получил в петерб. пансионе (Мечникова, с. 4), с 1850 в Уч-ще правоведения, к-рое оставил по болезни. В

1851 с семьей переехал в Харьков, где учился во 2-й г-зии (из пед. характеристики: «разбрасывается»), по окончании (1855) — на мед. ф-те ун-та. В марте 1856 исключен (предположительно — за участие в студенч. волнениях). В 1857 стал студентом петерб. Медико-хирургич. акад., затем физ.-матем. ф-та ун-та. Одновременно обучался живописи в АХ, языкам (перс., тур., араб.) в Ин-те восточных языков. По окончании ун-та с 1859 переводчик рус. дипл. миссии на Бл. Востоке; после конфликта с секретарем миссии получил отставку, устроился торг. агентом Об-ва мор. перевозок Срединного и Чёрного морей. В 1860 уехал в Венецию продолжать занятия живо-

писью («Я создан быть только художником»), однако вскоре, воодушевленный выступлением Дж. Гарибальди, решает организовать «славянский легион». Из-за угрозы ареста бежал в Ливорно, где вступил в армию Гарибальди, сражался офицером артиллерии, получил тяжелое ранение легких и ног, что усугубило врожденную хромоту М. Находясь на излечении в Неаполе, познакомился с А. Дюма-отцом, сотрудничал в его ж. «Независимый» («Indépendante»; ж-л выходил на франц. и итал. языках; подробное см.: РВ, 1861, т. 35, с. 427—33; М. помещал в нем заметки из неаполитан. жизни с собствен. илл.). В 1862 М. начал издавать свою газ. «Бич» («Flagello»), однако власти, не удовлетворенные ее направлением, вскоре «отобрали редакцию». В эти годы Италия — одна из осн. тем публикаций М. в рус. периодике: «Записки гарибальдийца» (РВ, 1861, № 9—11) — рассказ участника похода за освобождение Неаполитанского королевства, содержащий мн. ярких портретных характеристик, по жанру приближается к худож. очерку; статьи по истории Италии («Совр.», 1862, № 2—5; 1863, № 6, 7; 1864, № 5, 7, 10; РСЛ, 1864, № 7; «Дело», 1872, № 5, 6, 12), обзоры совр. итал. лит-ры и иск-ва (РВ, 1861, № 12; «Совр.», 1863, № 12; РСЛ, 1864, № 1, 3). Позднее М. перевел роман соратника Гарибальди В. Оттолини «Гарибальдийцы» («Дело», 1880, № 6—11; см.: Потапова З. М., Рус.-итал. лит. связи, М., 1973, с. 172, здесь же анализ статей М. об итал. лит-ре — с. 44—54). Вел переписку с Н. Г. Чернышевским об итал. событиях, предлагал «Современнику» план статей; известны 4 письма М. (см.: Процесс Н. Г. Чернышевского, Саратов, 1939, с. 65—67; ответные письма не найдены). В показаниях Чернышевского на суде М. упомянут как один из корреспондентов «Современника» (Чернышевский, XIV, 723).

В 1863 М. во Флоренции встречается с А. И. Герценом, публикует в «Колоколе» письмо «Точка поворота» (1863, 1 сент.) в защиту польск. восстания. В отчете III отд. за 1863 сообщается: «... на митингах в пользу Польши неоднократно говорил речи, направленные против рус. правительства» (КА, 1923, т. 3, с. 206). Герцен хорошо знал и ценил М.: из всей «молодой эмиграции» «один Мечников умеет писать» (XXVIII, 10).

М. испытал сильное влияние идей П. Ж. Прудона. Излагая его теорию, М. пишет, что Прудон смотрит на собственность как на условие личной инициативы, свободы человека, порабощенного гос-вом. Собственность есть кража при сохранении гос-ва. Поэтому Прудон, по мнению М.,

приходит к идее анархизма — безгосударств. будущности человечества. М. разделяет это убеждение, называя Прудона «гениальным публицистом», «учителем» («Колокол», 1864, 15 мая. — В кн.: Колокол, в. 7, М., 1963, с. 1524). М. вместе с тем возражает мнению Прудона о преимуществе системы европ. равновесия перед нац. независимостью народов, считая нац. идею единств. основой будущего европ. порядка.

В связи с этим М. рассматривает полит. строй России как «союз гос-ва со всем, что есть затертого, безличного, полуужено и всего менее способного к движению и развитию в народе» (там же, с. 1523). «Колокол» Герцена публикует работу М. «Противники государства на Руси» («Les antagonistes de l'état en Russie», 1868, № 8—13; изд. в кн.: «Колокол», Газета Герцена и Огарева, Ж., 1868—69, М., 1978), в к-рой с достаточной полнотой выражены взгляды М. на будущее России: история всех стран есть борьба правителей, власти с нац. началами, центрическими стремлениями к автономии. Учреждения, уравновешивающие эти силы и не дающие развиваться деспотизму, существуют лишь в Европе, в России же деспотизм самодержавия безграничен и против него в истории выступают внесосударств. силы — крестьяне, раскольники, казачество, «составляющие динамичный и перспективный элемент борьбы за свободу».

В 1866 М. вместе с семьей переезжает в Швейцарию, вступает в 1-й Интернационал, присоединяется к М. А. Бакунину, с к-рым познакомился еще в Италии (см. восп. М. об этом — ИВ, 1897, № 3). Избран распорядителем кассы взаимопомощи рус. эмигрантов (Герцен, XIX, 324). Вместе с Н. Я. Николадзе редактирует ж. «Современность» (вышло 7 номеров, 20 апр. — 15 сент. 1868). Переводит и редактирует 2-й том «Записок» П. В. Долгорукова (Кантор Р. М., В погоне за Нечаевым, 2-е изд., Л.—М., 1925, с. 61). Под разными псевд. много печатается в рус. периодике («Б-ка для чтения», «Рус. слово», «Отч. зап.», «Дело», «Вест. Европы» и др.), гл. обр. статьи о науч. и худож. жизни Европы, используя свободное знание осн. европ. языков (об этом периоде жизни М. подробно см. его «Очерки швейцарской жизни и нравов» — ОЗ, 1868, № 5, 7).

Во время революции 1868—74 в Испании М. находится там (с офиц. удостоверением корр. «С.-Петербург. вед.») и публикует очерки «Поездка в Испанию» (ОЗ, 1869, № 2—5, 8, 11, 12) — рассказ о жизни разл. провинций с бытовыми и портретными зарисовками, осн. на личных впечатлениях, дополняют рассуждения автора о совр. полит. ситуации, нац. характере испанцев, ист. экскурсы, что сообщает беллетристич. путевым заметкам фактич. полноту и аналитичность.

Осложнения, вероятные при возвращении в Россию («республиканец», «красный»), способствовали решению М. ехать в Японию, где в 1874—76 по приглашению Гин-ва просвещения в Токийском ун-те он

преподавал рус. язык. М. предложил «Отч. запискам» проект сотрудничества (ЛН, т. 13—14, с. 361—62); известно письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина о согласии взять япон. записки (XIX, кн. 2, с. 147), к-рые не были опубл. Капитальный ист.-геогр. труд М. «Японская империя» («L'empire japonais», Genève, 1883, с его рис. в японском стиле; отрывки: «Эра просвещения Японии» — «Дело», 1876, № 10, 1877, № 2; «Мэй-Дзи...», Каз., 1905) принес ему известность в кругу ученых и вызвал читательский интерес. В 1876 из-за обострившейся болезни (туберкулез, малокровие) М. вернулся в Швейцарию (по дороге посетил США, о-ва Тихого океана). Становится сотрудником высланного из Франции за участие в Париж. коммуне выдающегося ученого-географа Э. Реклю — работает вместе с ним и П. А. Кропоткин над «Всеобщей географией» (т. 1—19, окончена в 1896). Публикует статьи в России: «В недрах родной земли» («Дело», 1877, № 11, 12), «Хлебный вопрос в Америке и Европе» («Дело», 1880, № 5, 6) и др. Хронич. голод рус. населения объясняет «несостоятельностью коренных осн. экономич. быта» (там же, 1880, № 6, с. 134). Всего М. написано неск. сотен работ по вопросам науки, обществ. жизни, лит. критики, иск-ва. В 1883 Невшательская АН предлагает М. кафедру сравнит. географии и статистики в Лозаннском ун-те, к-рую он занимает до конца жизни. Широкою известность принесла М. кн. «Цивилизация и великие исторические реки» («La civilisation et les grands fleuves historiques», Р., 1889) — посмертное изд. курса лекций М. 1885—86, осуществленное Реклю с его же предисловием. Уже франц. издание вызвало многочисл. положит. рец. (РМ, 1890, № 10, с. 463—64: «перевод на рус. яз. был бы очень желателен»; ВЕ, 1890, № 8; ИВ, 1890, № 2, с. 476: «столько новых и блестящих идей»; СВ, 1892, № 6; Вл. Соловьёв — «Вопросы философии и психологии», 1891, № 5, кн. 9). По мнению Г. В. Плеханова, «замечательная книга М. задает самые осн. вопросы философии и истории и для нек-рых из них дает вполне удовлетворительное решение» (Соч., т. 7, М.—Л., 1925, с. 17, 30). Вл. С. Соловьёв, высоко оценивая схему ист. развития М. («выгодно отличается ... большой определенностью и фактич. бесспорностью своей главной основы»), вместе с тем упрекал М. за то, что в ней не нашлось места христианству (Соловьёв В. С., Собр. соч., т. 6, СПб., 1907, с. 309, 310). На рус. языке книга М. — первое в отеч. мысли (наряду с лекциями В. О. Ключевского по рус. истории) исследование связей истории и культуры с

феноменами природы (почвой, климатом, рельефом) — была издана полностью в 1924 (М.). Идеи М. позднее получили развитие в трудах А. Л. Чижевского, изучавшего зависимость ист. событий от космич. процессов (солнечная активность и пр.). По словам Реклю, М. хотел написать продолжение «Цивилизации...» — книгу «Цель жизни» — о будущем человечества. Эта цель — создание «морали солидарности» силами всех людей для подчинения природы новому обществу.

Сохранились письма М. (окт. — нояб. 1886) писательнице Л. Ф. Макаковой (о ее мемуарах «М. и мое знакомство с ним» см.: ЛН, т. 63, с. 500) по поводу соч. Л. Н. Толстого, в частности пов. «Смерть Ивана Ильича» (прототип гл. героя — старший брат М. — Иван; см.: Салтыков-Щедрин, XVIII, кн. 2, с. 71—73), в к-рых М. осуждает непротивленчество Толстого («Прометей», 1967, т. 2, с. 154—61). После смерти М. его жена О. Р. Скарятина (история их знакомства описана М. в пов. «Смелый шаг» — «Совр.», 1863, № 11) пишет по просьбе Кропоткина восп. о нем (не окончены, хранятся — ГАРФ, ф. 6753, оп. 1, д. 88, л. 1—24; часть их использована в ст. А. К. Лишиной «Рус. гарибальдеец Л. И. Мечников». — В кн.: Россия и Италия, М., 1968). Ближко знавшие М. отзывались о нем как о богатом одаренном человеке. «У него была натура необыкновенно подвижная, отзывчивая, художественная; но он никак не мог остановиться на выборе определенной деятельности и разбрасывался. Это помешало ему произвести все то, на что была способна его ... природа» (Мечников, в. с. 37). Кое в чем совпадающую, но более жесткую характеристику дал М. И. Венюков, знавший М. по Швейцарии: не без иронии он назвал его «юношей в 50 лет», «парнем на все руки», хотя признавал в М. и талант, и ум (Венюков М. И., Из восп., кн. 3, Амстердам, 1901, с. 39, 40).

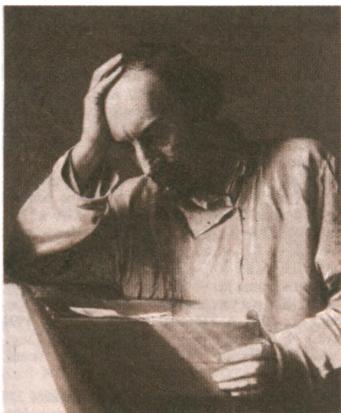
Лит.: Чернышевский (ук.); Масло-вич Н., К биографии М. — ИВ, 1897, № 6; Мечникова О. Н., Жизнь И. И. Мечникова, М.—Л., 1926; ЗапГБЛ, в. XII, М., 1951, с. 54; Романенко В. М., Борьба М. против малютства, социал-дарвинизма и расизма. — «Вопросы философии», 1956, № 5; Семенов И. Е., Рус. гарибальдеец М. — Уч. зап. ин-та Кирг. Гос. ун-та, в. 5, Фрунзе, 1958; Невлер (Вилин) В. Е., Это гарибальдийский стражник, М., 1963; Никитин Н. П., Л. И. Мечников. — В кн.: Экономика, география в СССР, М., 1965; Галактионов А. А., Никандров П. Ф., М. и его историко-социол. концепция. — Науч. доклады высшей школы. Филос. науки, 1968, № 6; Сиваков М. А., Философия и социология М. — В кн.: Из истории рус. философии XIX — нач. XX вв., М., 1969; Атаров Н., Дальцева М., Описан мечом, 2-е изд., М., 1978; Карташева К. С., Дороги Л. Мечникова, М., 1981; Лебедев Т. А., Критика анархич. концепции обществ. прогресса Л. И. Мечникова. — В кн.: Развитие XXVI съездом КПСС теории науч. коммунизма, М.,

1982; Константинов В. Н., М. о роли физико-геогр. среды в развитии общества. — «Филос. науки», 1988, № 5; его же. Рос. социолог Лев Мечников, Владимир, 1994; ЛН, т. 41—42 (о М. и Герцене), т. 62 (письма Герцену и Огареву). + Некрологи, 1888: РБ, № 7: ИВ, № 9; Языков, в. 8; Брокгауз; НЭС; Гранат; БСЭ; Масанов.

Изд.: Цивилизация и великие ист. реки. Стат., М., [1995].

Архивы: РГАЛИ, ф. 1636; ГАРФ, ф. 6753 (Н. В. Кончешкой; биогр. свед. и док-ты, фото, рукописи), ф. 109. 3 экз., л. 25, 28, 44 и др. (биогр. мат-лы). В. И. Мильдон.

МЕШКОВ Николай Михайлович [10(22).3.1885, Москва — 11.8*. 1947, г. Муром Владимир. обл.], поэт. Из крест. рода д. Б. Горки Покров. у. Владимир. губ. Дед «сделался впоследствии подрядчиком в Москве, надел крупное состояние и приобрел потомств. почетное гражданство» (автобиография — ИРЛИ,

ф. 377, 1-е собр., № 1944, л. 1); отец, Мих. Ив., потерял в 15-летнем возрасте. Мать, Серафима Ал., — из старинного купеч. рода Ашукиных, «некогда очень богатого, но теперь разорившегося» (там же). Учился в 4-й Моск. г-зии; помещал стихи в гимназич. лит. ж-ле; «по отвращению к казенной науке и из отвращения ко всякого рода аттестатам, ушел из 5-го класса» (биогр. справка, записанная со слов М. в 1920-х гг., — РГАЛИ, ф. 1890, оп. 1, № 5). По собств. признанию, в 1904—06 увлекался рев. движением, «был в 1905 г. арестован и сидел в Таганской тюрьме» (ИРЛИ, ф. 377). В 1906 опубликовал стих. М. «В тяжелый год» («Вокруг света», № 43), с темой нар. горя. С этого времени печатал стихи и, реже, рецензии в Моск. ж-лах, в т. ч. «Студенч. жизни» (рец. на сб-к стихов С. А. Алякринского — 1910, № 36; атрибуция Р. Д. Тименчика). Стал чл. Моск. лит.-худож. кружка, посетителем телешовских «сред», завязал знакомства с И. А. Бунными, Н. С. Ашукиным, И. И. Горбуновым-Посадовым, Н. Я. Абрамовичем, Эллисом, С. Я. Рубановичем, участниками лит.-муз. кружка «Сердара» — композитором Б. Б. Красным, поэтом А. И. Гурьевым, С. Н. Дурьлиным. Позже, в нач. 1914,

разговор Б. Л. Пастернака с М., допустившим, очевидно, антисемит. выпады, послужил одной из причин раскола группы «Лирика», бывшей по составу фактически продолжением «Сердарды» (см. письмо Пастернака К. Г. Локсу от 27 янв. 1914 — «Минувшее», в. 13, М.—СПб., 1993, с. 182—83). В нач. 1910-х гг. М. посещал салон Л. Н. Столицы, сближался с кругом изд-ва «Жатва» — А. Альвингом, Е. Е. Курловым, участвовал в альм. «Жатва» (1912).

Уже в первой книге стихов М. «Снежные будни» (М., 1911; книга вышла в изд-ве «Порывы» В. П. Португалова, с к-рым М. был дружен) отчетливо обозначились гл. черты поэтич. манеры М.: пристрастие к «сезонно-календарной» теме (стих. «Апрельский вечер», «Мартовский вечер», «Утро в декабре», «Сентябрь», «На Святой», «На Страстной», «Канун Рождества», «Великий Пост» и т. д.), разрабатываемой под очевидным влиянием поэтов 19 в., прежде всего А. Н. Майкова; «консервативность» в области версификации (практически все стихи написаны четырех- и пятистопными ямбами с правильным чередованием мужских и женских рифм); приверженность к традиционно «поэтической» лексике (постоянно «струящиеся» свет, дым, воздух и «мерцающие звезды»; «бледная луна», «серебряный мороз», «реюющие тени»; весенняя тема неизменно сопровождается «грачами» и «ручьями») в сочетании с насыщенностью текста атрибутами сел. и гор. быта (великопостные «запахи редьки, кваса и грибов», «древние иконы», «игра в бабки» мальчишек, «самовары», «святочные гаданья, калки замерзшей воды в сенях и т. п.).

Как книгу, «от к-рой зовется» и к-рую «ни хвалить, ни бранить... нельзя: она не волнуется, охарактеризовал «Снежные будни» В. Ф. Ходасевич («Моск. газ.», 1911, 2 сент.; подп. К. В.). Наивность в подборе эпитетов и рифм, иногда граничащая с пародией (дважды использованные рифмы «туманя»/«Аня», «елжанка»/«с вареным банком»), вызвала нарекания критиков (см., напр., рец. В. Л. Львова-Рогачевского — СМ, 1911, № 7; подп. В. Л.-Р.). М., к-рый «чуть не по календарю описывает в стихах весь год, но несмотря на отдельные меткие эпитеты... не может достичь того, чтобы все эти „описания для описания“ не сливались в одно мутное пятно», В. Я. Брюсов отнес к «нереалистам» [РМ, 1913, № 8; цит. по: Брюсов (2), с. 410].

Если в стихах первой книги М. критикам еще чудилось влияние А. А. Блока (А. Бартенев [А. Альвинг] — «Жатва», кн. 3, М., 1912) и А. Белого («лучисто-снежная красота», «снежно-белая царица моей мечты»), то уже во второй кн. «Стихотворения» (М., 1914), посв. Бунину («в знак неизменной любви и глубокого уважения») и включившей почти все стихи первой книги, с несомненностью отразилась ориентация М. на реалистич. традицию рус. лирики. Своеобразным манифестом можно считать статью М. «Поэзия

Ивана Бунина» («Путь», 1912, № 12), где в качестве важнейших достоинств поэзии выделены «верность «заветам Пушкина и Тургенева», «мотив ... счастья жизни и радости бытия», природа как «главная вдохновительница» поэта (с. 24, 25).

Благожелательные рецензенты отмечали у М. пристрастие к зарисовкам интерьера усадеб и особняков, «манеры Левитана» в исполнении сел. пейзажей, «постоянную набожность» и «истинную религиозность» (Л. Н. Столица — «Свободный журнал», 1914, № 11, стб. 132, 133), а также «акварельность» в изображении деревни и старой Москвы (В. Бруснин — СМ, 1914, № 12). Резко критически откликувавшаяся на книгу С. Я. Парнок охарактеризовала стихи М., как «сумму строк с одинаковым количеством слогов и ударений и с рифмой-наклейкой на конце строки», а в сжато-неукоснительном переживании календаря из позиции взгляда через окно автора, «вызывающего» стихи, ей увиделся образ нового Обломова (СвЗ, 1915, № 2, с. 221; подп. А. Полянин).

Публиковал стихи также в ж. «Маяк» (1909—13), «Путь» (1912—13), «Жизнь» (1913), «Нов. жизнь» (1914—15), «Свободный журнал» и др. В целом же в лит. ситуации 1910-х гг. стихи М. воспринимались в одном ряду с опытами др. поэтов реалистич. ориентации (Ашукин, Н. Ф. Бернер, А. И. Буллеев, П. Н. Петровский и др.), в осн. — круга сб-ков «Жатва».

После 1917 состоял во Всерос. союзе писателей, участвовал в ряде лит. группировок 1920-х гг. («Кифара», «Лит. особняк» и др.). В 1920 в книжной Лавке писателей выступался авт. рукоп. сб-к из 13 стих. «Стихи о любви» (см. в кн.: Новобасманная, 19, М., 1990, с. 118; воспроизведение обложки — с. 100). В 1923 опублик. сб. стихов «Четыре времени года» (М.), продолжающий главные темы его предвр. сб-ков. В 1920-х гг. работал технич. редактором Ред.-издат. отдела ЦК Союза рабочих бумажников. В марте 1936 был арестован. После 5 лет лагерей был в ссылке, работал сторожем в больнице в Муроме. Реабилитирован в 1990.

Изд.: [Стихи]. — В сб.: Чтец-декламатор. Б., 1922; Времена года в рус. поэзии, М., 1924; ЛО, 1993, № 1/2 (вступ. ст. О. Сушковой).

Архивы: ИМЛИ, ф. 434, № 16 (автобиография); РГАЛИ, ф. 1182—1—22 (рукописи сб. «Стихи о любви»); ГЛМ, Н-в 1706; ИРЛИ, ф. 377 [справка Н. А. Прозоровой]; ЦА ФСБ [справка А. И. Шишкина: № 10/А—2, 11.01.95; 10/А—1020*, 21.3.95]. К. М. Памятов.

МЕЩЁВСКИЙ, Мещовский Александр Иванович (ок. 1792 — ок. 1820, Оренбург), поэт, переводчик. Из дворян. Учился в Моск. ун-тском благородном пансионе (среди наставников выделял Н. Н. Сандунова), в кругу к-рого высоко ценилось его «замечательное дарование» (Сушкова в Н. В., Моск. ун-тский благородный пансион, М., 1858, с. 77; см. также с. 32). Дебютировал стихотв. пер. из О. Ракана — «Уединение» — в пансион. издании «Утренняя заря» (см.: «Избр. соч. из „Утренней зари“», ч. 1, М., 1809). В «Вест. Евро-

пы» В. А. Жуковского опубликовались «чувствительные» стихи М. «Щастие уединенного» (1809, № 9), «Меналк и Дамет» (подражание 1-й эклоге Вергилия), «Дружба», басня «Орел и Чиж» (все — 1810, № 1).

Дальнейшая судьба М. реконструируется по отрывочным сведениям в его письмах. Пройдя через какие-то житейские неурядицы и безденежье, М., «гонимый всеми иступлениями молодости, ... бросился ... наконец в военную службу» (письмо П. А. Вяземскому, 6 февр. 1817 — Роскина, с. 538) — в 1812 поступил юнкером в Астрахан. кирасир. полк. Месяц спустя страх смерти, «при неумении управлять конем и палахом» казавшейся неизбежной, «мысли о ранее претерпенных ... несчастьях» внушили М. «бедственное желание сбросить с себя ... оковы необдуманной службы» (там же, с. 539). Попытка оставить полк в воен. время была приравнена к дезертирству, М. был разжалован в рядовые без права выслути и в нач. 1814 сослан в Оренбург, где жил в бедности, зарабатывая на жизнь уроками. Попытки заступничества за М., в т. ч. покровительствовавшего ему ген. Д. И. Герценберга, приезжавшего в Оренбург Н. Г. Волконского (ему посв. стих. М. «К Н. Г. В...му», сочетающее элегич. интонацию со стилем «шинельной оды», — РНБ), оставались безрезультатными.

Судьба М. явилась предметом особой заботы Жуковского, знавшего М. еще с пансиона, и Вяземского (не знакомые лично, переписывались с 1817): они помогали М. деньгами, отдавали в печать его произв., тиснено пытались хлопотать за него (в т. ч. через Н. М. Карамзина — см. письма Карамзина Жуковскому и Вяземскому, 1817 — РА, 1869, кн. 2, стб. 1386; «Старина и новизна», 1897, кн. 1, с. 28). Предполагалось участие М. в готовившемся в 1816 «арзамасском» ж-ле; имя М. постоянно мелькает в переписке арзамасцев: «Мещевский должен быть приемным Арзамаса ... дело идет о сотворении поэта и спасении человека» (письмо Жуковскому А. И. Тургеневу, янв. 1817. — В кн.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 171 и др. по ук.; см. также: РС, 1901, № 4, с. 135; Батюшков К. Н., Соч., т. 1—3, СПб., 1885—87, ук.; ОА, т. 1, ук.; Ежегодник РО ПД, 1979, Л., 1981, с. 110—111 и др.). В судьбе М. принимали участие Ф. И. Толстой (РА, 1896, № 10, с. 208), А. П. Елагина (РС, 1883, № 9, с. 537—38, 541).

Жуковский и Вяземский подготовили к печати, но не успели издать сб-к стихов и переводов М. (РНБ). Значит, часть произв. сб-ка была опубликована в периодике (атрибутированы по рукописи сб-ка): в

«Вест. Европы», 1817 (6. п. или подписанные криптонимом М., иногда с пометой «Оренбург») — «Романс Едальвине», «К Нине» (№ 2), «Пловец» (№ 3), «Вечерняя песнь» (№ 5), «К луне» (вольный пер. с нем.) (№ 6), «Стихи на счет престелной девушки, которую зовут Надеждою» (№ 8), «Мальвина» (№ 14), а также в «Соревнователе», 1818 (заочно был принят в члены ВОЛРС; печатался за подписью А. М...й) — «Плач над прахом Лауры» (ч. 2, № 5), «На смерть (В. А.) Г(аббе)» (ч. 3, № 5). Отд. публикации стихов М. появлялись и в 1820-е гг.: «Месия» (НА на 1826 г., СПб., 1825), «Горесть пастушки» («Опыт рус. анфологии», СПб., 1828) и др. Значит, место в творчестве М. занимают переводы, в т. ч. из Л. Г. Козегарте-на («Эдгар и Альвина» — ВЕ, 1817, № 11; «Два цветка» — РНБ), Ф. Маттиссона («Аделаида» — ВЕ, 1817, № 5), Ф. Шиллера («Эдвин», вольный пер. баллады «Рыцарь Тоггенбург» — опубли.: Поэты 1790—1810), И. В. Гёте («Присутствие милой» — ВЕ, 1817, № 5).

По мнению Ю. М. Лотмана, М. явился своего рода двойником Жуковского, доводившим до предела то, что у самого Жуковского было обогатоено непоследовательностями и отступлениями (М. — «выпрямленный Жуковский»). Одна-ко незаурядность таланта спасала М. от эпитонства. «Легко владея интонациями, введенными в поэзию Жуковским, он часто предпочитает стиль тёмный, синтаксис запутанный, возрождая поэтику „трудных“ лириков XVIII века и пере-кликаясь с архаистами из лагеря „Бесседы“» (Поэты 1790—1810, с. 37—38).

Излюбленные жанры М. — романс и баллада, встречаются также стихи «на случай». Свообразие М. отмечено в единств. изв. отзыве современника — П. М. Головина, в 1819 писавшего П. И. Шаликову о М.: «Ума, силы, таланта много, вкусу меньше, рассудка также; чувство глубокое, но не изящное, ... он не изыщен в своей поэзии: важный недостаток, особенно для поэзии легкой» (ДЖ, 1829, № 51, с. 186).

Не удовлетворяясь «мелочами», М. стремился поприобовать себя в «чем-нибудь большем» (письмо Вяземскому, 14 февр. 1817 — РГАЛИ) — переложил пов. Карамзина «Наталья, боярская дочь» четырёхстопным хореем (отрывок опубли.: СО, 1817, № 52; полное изд. — СПб., 1817) и пов. Жуковского «Марьяна роща» амфибрахией (СПб., 1818, обе подписаны криптонимом А. М.). В основном придерживаясь оригиналов, М. разворачивает фрагменты прозаич. текста в монологи и диалоги, вводит ситуации и описания, характерные для баллад, заменяет слова «среднего стиля» синонимами-славянизмами, вводит постоянные эпитеты, сравнения, перифразы.

В 1819 М. перевел трагедию Вольтера «Смерть Цезаря» (выбор пьесы,

постановка к-рой в России была запрещена цензурой, очевидно, сделан по совету Вяземского — см. письмо Вяземскому, 3 янв. 1817, РГАЛИ) и пытался передать первое явление через Головина и Шаликова М. Т. Каченовскому для публикации в «Вест. Европы». В последнем письме к Вяземскому (3 дек. 1819) умирающий от чахотки М. писал, что переведет трагедию Вольтера «Брут», если проживет еще шесть-семь месяцев (РГАЛИ).

После смерти М. его имя использовал А. Ф. Воейков, поместивший в «Новостях лит-ры» стих. П. И. Колошина «Деревица» (1825, окт.), «Призрак» (1825, дек.) за полной подписью М. Подавая в 1824 в цензуру стих. Колошина «К артельным друзьям», Воейков назвал его автором покойного М. Сомнительным представляется также авторство приписанного им М. пер. из Гёте «Присутствие милой» (НЛ, 1824, дек., с пометой «Оренбург, 1815») — ср. более удачный пер. М. того же стих., указанный выше.

Изд.: Поэты 1790—1810.

Лит.: [Барсуков Н. П.], Заметка о М. — РА, 1868, № 6, стб. 938—39; Зейлици К. К., Жизнь и поэзия В. А. Жуковского, СПб., 1883, с. 105 и др.; Шипулинский Ф. А. Мещевский. (Забытый смышленый поэт). — «Искусство», 1927, кн. 2—3; [Боровкова-Майкова М. С.], Арзамас и арзамасские протоколы, Л., 1933 (ук.); Соколов А. Н., Очерки по истории рус. поэмы XVIII и первой пол. XIX в., М., 1955, с. 256—57; Роскина Н. А., Новое о поэте М. — ЛН, т. 60, кн. 1, М., 1956 (см. также ук.); Лотман Ю. М., Ист.-лит. заметки. Незв. стихотворения М. — Уч. зап. ТГУ, в. 104, Тарту, 1961; Жирмунский В. М., Байрон и Пушкин, Л., 1978, с. 236; Арзамас, т. 1—2, М., 1994 (ук.). + Брокгауз; Венгеров (Сл., Источ.); Смирнов-Сокольский; Масанов (не учт. псевд. А. М...й).

Архивы: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 296, 339 (рукописи сб-ков стихов и переводов М.); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2308 (письма П. А. Вяземскому, 1817—19), ф. 198, оп. 1, № 110 (письма В. А. Жуковскому). Г. В. Зикова.

МЕЩЕРСКАЯ Капитолина Сергеевна, княгиня [урожд. Мальцова (Мальцева), по второму мужу Дорнан; 8(20).7.1839* — после 1900 (после 1918?)], поэтесса, прозаик, переводчица и журналист. Отец — Сер. Ив. (1810—93), ген.-майор, крупный заводчик (см. о нем: Брокгауз, мать — Анаст. Ник., урожд. Урусова (1820—94).

Владислав Мальцовых в Орлов, Калуж. и Смоленской губ. с десятками заводов соединились собств. ж. д. в 200 верст. По отзывам Л. Н. Толстого, хорошо знавшего семью М. и неоднократно гостившего у них и в имениях, и на вилле в Крыму, отец был «... не аристократичный и не слепой, но очень истинный властью» (Голосы той. LXXXIII, 497), а мать М. «... милая и почем-то ужасно смешная женщина — навившая кака-то... негритворная» (там же, XLVIII, 71). О ее роли при дворе, близких отношениях с вел. кн. Марией Николаевной, а затем и имп. Марией Александровной подробнее см.: Тютчева А. Ф., При дворе двух императоров, М., 1828—1829 (ук.).

Атмосфера роскоши, интенсивной светской, салонной и придворной жизни способствовала раннему и всестороннему развитию характера М. Благодаря начитанности и образованности М. была лектрисой императрицы. В 1859 (по др. данным, когда М. было ок. 16 лет) она вышла замуж за кн. Н. В. Мещерского, однако отсутствие к.-л. духовных интересов у мужа, отмечавшееся еще Я. П. Полонским, бывшим репетитором молодых Мещерских и писавшим об атмосфере в их доме: «душно — как в тюрьме», привело к разводу. В 60-е гг. М. слыла нигилисткой. Ее первые лит. опыты остались в рукописи (из изв. стих. «Ты мне сказал: пора, пора придет», 1864, пов. «Рита», 1865, сб. стихов «Костер мой не погас», 1868).

В 1872 М. вышла замуж за банкира Шарля Дорiana (сына франц. полит. деятеля левой ориентации, бывшего мин. обществ. работ) и с тех пор жила преим. за границей. Была связана с рус. рев. эмиграцией, в частности с П. Н. Ткачевым, К. М. Турским, П. В. Григорьевым, редакторами ж. «Набат», к-рый, по-видимому, поддерживала материально. В 1879 в Женеве, в Рус. типографии («Набата»?) вышел сб. «Стихотворения княгини Т. Мещерской» (инициал Т. означает Тола — производное от Капитолина), в к-рый вошли в осн. стих., написанные на родине в кон. 1860-х — нач. 1870-х гг. Сб. к М. — это своего рода лирич. дневник в поэтич. посланиях к близким и знакомым [часто скрытым за легко угадываемыми инициалами: бабушке кн. Е. П. Урусовой (посвящением ей открывается сб.), поэту Н. А. Цертелеву, Н. М. Столыпиной, отцу, мужу и т. д.], в нем отразились события и жизненные ситуации, воспоминания и впечатления о путешествиях, образы родных мест (Москва, Пенза, Среднечиково, Нескучное и т. д.).

Тяготением М. к поэтич. штампам («безумное волнение», «измученная душа» и т. п.) обусловлено появление во мн. стихотворениях сб. как традиц. романтич. образа лирич. героя (а не героини, что потребовало бы более индивидуализир. психологич. разработки) — не понятного людям художника, изгнанника («Скорбный поэт», «Параша»). В этот ряд включаются и романтич. вариации («Из Гейне», «Ей (Из Лонгфелло)» и др.); в сб-к вошел также пер. двух сцен «Манфреда» Дж. Байрона. Более непосредственны стихотворения, обращ. к близким и знакомым, связанные с памятными местами («Среднечиково», «Вечерняя проповедь в Сорренте», да-

тируемое 1 дек. 1875); впрочем, пейзажем (наиб. удавшийся М. жанр) в них обычно следует развешенная отвлеченная медитация. Иногда ориг. поэтич. идея — напр., мотив встречи «без цели» в стих. А. Н. Гончарову — воплощается в образах на грани беззвучия («И вот пить лет плывет пузырь наш мыльный...»). Неровна и поэтич. техника М.: при относительн. метрич. разнообразии рифмовка традиционна, в нек-рых строках отсутствует вовсе.

Вероятно, печаталась М. и в рус. легальной печати (так, стих. «Лесу Нескучному» из ее сб-ка было перепечатано под псевд. L. Dorian в «Живописном обозр.» (1882, № 48), в к-ром сотрудничали Ткачев и Григорьев), однако поиски ее публикации до сих пор не проводились.

М. деятельно участвовала в лит. жизни Парижа, печатала статьи и новеллы в ж.-лах, переводила на франц. яз. П. Б. Шелли (драмы «Ченчи», «Освобожденный Прометей», «Эллада» и др.) и А. Ч. Свунберна («Ода статуе Виктора Гюго» и др.), была заведующей лит. салонов демократич. и радикального направления, особенно салона В. Гюго, «ученицей и близким другом» к-рого она стала в последние годы его жизни. На деньги М. в Женеве (1888) и в Париже (1889) издавалась газ. «Свобода. Полит. орган рус. интеллигенции» [ред. С. Княжнин (С. М. Коган) и Турский].

В кон. 1888, когда в ред. «Свободы» начались трения, М., во избежание «всяких недоразумений и толков» о ее отношении к газете, готова была разделить «почетный и ответственный пост редактора» (см. ее «Письмо в редакцию», «Свобода», 1888, № 15). Однако в 1889 издание прекратилось; в марте того же года, по-видимому, также не без помощи М., Турский выпустил газ. «Борьба» (Париж, № 1/2, редакторы не обозначены, номер оказался единственным). В «Свободе» (1888, № 6/7) была помещена и единств. известная в рус. печати краткая «Библио-заметка» на кн. стихотворений М. на франц. языке (вероятно, на «*Poemes lyriques*», Р., 1888). Оставляя «разбор нового труда» М. до след. номера (не появился), рецензент ((К. М. Турский)) отмечал «высокое понимание автором роли поэта» на материале стих. «Песнь нигилиста», в к-ром поэтесса желает перо свое обратить в «расклевывающее лезвие» и выжечь на челе утратителей народных платно позора. В «Свободе» лишь одно стих. М. «Родная песня» напечатано за ее подписью (1888, № 15), но, вероятно, и в этой газете, и в «Борьбе» есть ее стихи без подписи или под псевд., напр., в «Свободе»: «Пушкину» (№ 2, 1888, подписи: Волыный), «На смерть Надсона и Гаршина» (№ 5, б/п), «Vire Major (Из В. Гюго)» (№ 6/7, б/п) и др.; в «Борьбе»: «Пролог к яблбам» (перевод Барбье, б/п), «Хмельная ночь (по А. Мюссе)» (подпись: Г—), а также перевод отрывка из «Правды о России» В. Т. Стэнда.

В последующие годы М. переводила с англ. на франц., а также выпустила в Париже несколько книг на франц. яз.: поэтич. сб-ки «*Le Livre de vers lyriques*» (1890), «*Vesperales*» (1894), «*Roses remontantes*» (1897), пьеса «*La Belle madame Hesselin*» (1899). Ряд прозаич. сб-ков повестей и рассказов («*Ames slaves*», 1890; «*Invincible race*», 1899) и пьеса «*Tamara*» (1891) посвящены рус. тематике.

Совпадение с биографией М. имеющихся сведений о писательнице Н. А. Арнольди, достоверная биография к-рой неизвестна, позволяет

предположить, что Арнольд — псевдоним М. (рус. анаграмма от L. Dorian).

Лит.: Фсмельди А. М., Виктор Гюго. Его лит. эпоха, жизнь, труды и мысли. 2-е изд., СПб., 1912, с. 89; Тихомиров Л., Воспоминания. М.—Л., 1927 (ук.); Моруа А., Олимпико, или Жизнь Виктора Гюго, М., 1983, с. 598—99; Письма А. Ч. Свунберна Толе Дорнан (18, за 1883—93 гг.). — В кн.: Swinburne A. Ch., *Letres*, v. 4—6, New Haven, 1960—62 (ук. в v. 6). + Голицын; Брокгауз; НЭС; Южаков; Венгеров. Источ.; Венгеров. Список; СКРНЭП; *La Grande Encyclopedie*... (год рожд. М. — 1850 указан неверно); *Nouveau Larousse illustré*...; Массанов (ошибочно указан псевд. Т. Мещереза; не указаны псевд. Dorian L., Dorian T., Dorian Tola).

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 1127, л. 7 (копия м. с.); [справка Д. И. Соколова]; РГВИА, ф. 400, оп. 14, д. 476 (п. с. отца М.); [справка Е. В. Каревой].

Б. М. Шахматов.
МЕЩЕРСКАЯ Софья Сергеевна, княгиня [урожд. Всеволожская; 19(30).11.1775 — 4(16).10.1848, Москва; похоронена в Новодевичьем мон.], автор и переводчица религ.-нравств. книг для народа. Из древнего дворян. рода. Сестра Н. С. Всеволожского. Двоюродная тетка Н. В. Всеволожского и (по мужу)

А. В. Мещерского (1810—67). Бабушка В. П. Мещерского. Получила дом, образование, владела англ., франц., нем. языками. Жена секунд-майора Ив. Сер. Мещерского (1775—1851). Жила в имении Мещерских Лотошино Старичковского у. Твер. губ., в Москве и Петербурге (крут ее общения в числе других составляли А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, а также Карамзины и Гончаровы, с к-рыми породнились в браках дети М.). После разорения Мещерских в Отеч. войну 1812, когда они, движимые патриотич. чувством, взяли на себя подрады по снабжению армии провiantом, М. сама стала вести дела своего мужа.

Пользовалась в семье большим авторитетом. Ее суждения, высказываемые «без околичностей», никем не оспаривались, потому что «всегда были верны». Высокая, неизменно в белом чепце, из-под к-рого видне-

лись два длинных белых локона, и черном кашемировом платье «самого простого фасона», М. была «женщиной строгой жизни»: соблюдала посты и «все правила церкви» (Мещерский, с. 12—13). Глубокая приверженность православию сочеталась у М. с англманством (на мировоззрение и образ жизни оказал влияние англ. методизм).

Приняла активное участие в организации и деятельности Рос. Библийского об-ва (1812—26), в к-ром состояли также ее муж, деверь — обер-прокурор Синода П. С. Мещерский, сестра — А. С. Голицына (1774—1838; о ее лит. опытах см.: Голицын). В соответствии с задачами об-ва (распространение Библии среди иноверцев и христиан), созданного по примеру Брит. Библий. об-ва, М. занимается благотворительностью, посещает тюрьмы, больницы, приюты, где читает и разъясняет Библию. Переводит и приспосабливает для народа издания Брит. религ. об-ва, т. н. Religious Tracts Society (в т. ч. произв. Дж. Аддисона, К. Бьюкенена, С. Уокера, Р. Пинкертон), а также сама составляет разл. переложения библ. текстов: «К страждущим» (СПб., 1813; 4-е изд. — 1819), «Разговоры матери с детьми о духовных предметах» (СПб., 1819), «Три разговора священника с прихожанами о истинном пути к спасению» (СПб., 1813; 2-е изд. — 1819), «Известия о распространении христианства между языческими народами и магометанами во всех частях света» (СПб., 1817) и др., делает извлечения из соч. Тихона Задонского и митрополита Михаила (Десницкого); пер. М. его проповедей на англ. яз. опубликованы в кн.: Pinkerton, p. 468—86. Степень доступности этих изданий для народа подвергалась сомнению (Флоровский, с. 148), но попытка воплощения религ. тем на рус. (а не на церк.-славянском) яз. имела очевидное значение, способствуя появлению рус. перевода Нового Завета. При участии М. было издано ок. 100 книг и брошюр (анонимно или с указанием авторства «некоторой благочестивой дамы»), получивших назв. «мейеровских» (по имени книгопродавца), общим тиражом более 400 тыс. экз. (неполный их перечень см.: Б-ка Смирдина, ч. 1, № 757, 778, 818, 969—1005). Издания М., пользовавшиеся изв. спросом (ср. письмо М. М. Сперанского дочери, 1816 — РА, 1868, кн. 2, стб. 1113), продавались по низким ценам, бесплатно раздавались малоимущим и рассылались по распоряжению А. Н. Голицына по епархиям (М. затратила на них более 10 тыс. руб.).

М. завоевала дружеское расположение мн. церк. иерархов: митрополита Михаила (Десницкого), архи-

мандрита Иннокентия (Смирнова) (см. Письма преосв. Иннокентия, епископа пензенского и саратовского, к кн. С. С. Мещерской, 1817—1819, М., 1875), митрополита Филарета (Дроздова), впоследствии отпевавшего ее. С кон. 1810-х гг. М. выступала в роли духовной наставницы Александра I.

Христ. воззрения М. оказали значит. влияние на императора, вытеснив его увлечение религ. мистицизмом баронессы В. Ю. Крюденер (1764—1825), рус.-франц. писательницы (см.: Голицын), также участвовавшей в издании религ.-наравств. брошюр. Договорившись одновременно начать чтение Библии, М. и Александр I синхронно читали по две главы в день; их переписка на эту тему уничтожена М. перед смертью (одно письмо к ней Александра I опублик.: РА, 1886, кн. 3). Перед отъездом в Таганрог в 1825 император посетил М. в Лотошине.

В 1830—40-е гг. М. переписывалась на религ.-филос. темы (в т. ч. о сакральности библейского текста, о сближении христ. исповеданий) с П. Я. Чаадаевым; ей адресованы т. н. «Два письма к кн. Софии М.» Чаадаева, распространявшиеся в списках. Отдавая должное авторитету М., «вся жизнь которой посвящена была осуществлению искренней и просвещенной религии» (Чаадаев, т. 2, с. 137), Чаадаев считал свои взаимоотношения с М. примером того, что «серьезные религиозные убеждения, самые разнородные, всегда симпатизируют друг с другом» (там же, с. 109).

Лит.: Чистович И. А., История пер. Библии на рус. яз., ч. 1, СПб., 1873, с. 82, 130—31; Грелле де Мобилье С., Зап. квакера о пребывании в России. — РС, 1874, № 1, с. 3—5, 9, 23—25; Жмыкин В., Иннокентий, епископ пензенский и саратовский. — «Христ. чтение», 1884, № 5/6, с. 783, 793—95; Мещерский А. В., Востп., М., 1901, с. 12—13, 24—25; Стеллецкий Н., Кн. А. Н. Голицын и его церк.-гос. деятельность, К., 1901, с. 77—78, 84, 100, 106, 143—45, 155; Пыпин А. Н., Иссл. и статьи по эпохе Ал-ра I, т. 1, П., 1916 (ук.); Флоровский Г., Пути рус. богословия, Париж, 1988 (ук.); Чаадаев П. Я., ПСС и избр. письма, т. 1—2, М., 1991 (ук.); Pinkerton R., Russia ..., L., 1833, p. 357—60, 366, 412. + Геннадий: Брокгауз; Венетров. Источ.: Межов; Голицын; МНкр.: Черейский.

Архивы: РГБ, ф. 103, л. 1032, № 29 (письма П. Я. Чаадаеву); ф. 265, к. 193, № 31 (письмо Ф. В. и С. Ю. Самаринным); РГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 327 (письма Ф. Н. Глинке); ф. 501, оп. 1, № 153 (письма А. И. Тургеневу); ф. 819, оп. 1, № 330 (письма П. И. Орловой-Савиной); РНБ, ф. 52, № 244 (два письма Александра I к М., 1816—17). М. Ф. Максимова.

МЕЩЕРСКИЙ Александр Васильевич, князь [7(19).3. 1810—10(22).2. 1867, Петербург; похоронен в Сергиевой пустыни под Петербургом], поэт-дилетант. Сын коллеж. сов. В. П. Мещерского. Родственник С. С. Мещерской (двоюродный племянник ее мужа). В 1823—29 учился в Царскосельском лицее (5-й выпуск), где подружился с М. Д. Деларю, Я. К. Гротом [письма М. к Гроту см. в кн.: Грот К. Я., Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные акад. Я. К. Гротом, СПб., 1911] и начал писать стихи. Грот вспоминает, что М. и Деларю «в замечательной степени успели раз-

вить свой талант ... под руководством» Н. Ф. Кошанского. Посетивший лицей А. С. Пушкин читал их стихи. и «ободрил молодых поэтов», посоветовав, однако, М. «не писать французских стихов» (Грот Я., Пушкин, его лицейские товарищи и наставники, 2-е изд., СПб., 1899, с. 43). Выпущенный из лицея с чином 9-го класса, служил в Деп. внеш. торговли Мин-ва финансов (1830—31). В 1831 определен в Гл. штаб по воен. поселениям; управляющий делами Строительного к-та Деп. воен. поселений (1833); переводчик Инспекторского деп. Воен. мин-ва (1834—1835). В нач. 1830-х гг. М. «близко знаком» с А. В. Никитенко (Никитенко, I, 388).

Начал печататься в лицейском альм. «Царское Село» (СПб., 1829): стих. «Весна», «Желание» и «Весна и осень» (посв. М. Д. Деларю). Позже помещал свои произв. в тех же изданиях, что и Деларю: стих. «Станцы» — в «Сев. цветах на 1832 г.» (СПб., 1831), «Заточение» — в «Одесском альм. на 1839 г.» (Од., 1838). В стихах М. очевидно влияние тем и ритмико-синтаксич. фигур поэзии Пушкина («Но кто либул, страдал и пел страданье / ... Тот любит шум в редющем лесу, / Иль мертвый сон багряно-желтой сени / И осени бледнейшей красу» — «Весна и осень»); позднее переводил на франц. язык стих. Пушкина (в письме А. Н. Верстовскому просит позволения опубликовать с музыкой Верстовского свой пер. «Черной шали», выплненный тонич. стихом, — ПЦТМ), П. А. Вяземского (РГАЛИ).

С 1836 по 1856 служил в Варшаве: в Правительств. комиссии внутр. и духовных дел и нар. просвещения (с 1849 управляющий греко-унитскими делами), в канцелярии с.и.в. статс-секретариата Царства Польского (с 1854). Действит. стат. советник (1855), камергер (1856). С 1858 до конца жизни гофмейстер двора вел. кн. Екатерины Михайловны (временно исполнял должность с кон. 1856). Член гл. правления училищ (с 1861).

В справочной лит-ре М. часто идентифицируют с его троюродным племянником Ал-дром Вас. Мещерским (1822—1900).

Изд.: Сев. цветы на 1832 г., М., 1980.

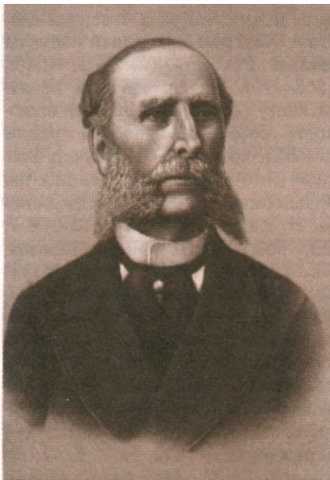
Лит.: Грот и Плетнев, I, 139; Ваууро, с. 177, 237; Кобеко Д., Имп. Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843, СПб., 1911, с. 274, 291—92. + Список чинам в гражд. службе состоящим, СПб., 1841; Адрес-календарь... на 1860—61 гг., ч. 1—2, ... на 1866—1867 гг., ч. 1—2 (СПб.); Руммель В. В., Голубцов В. В., Родословный сб-к рус. дворян. фамилий, т. 2, СПб., 1887, с. 48; Памятная книжка лицеев, СПб., 1911; ПНкр., Черейский.

Архивы: РГАИ, ф. 472, оп. 35 (145/982), л. 11; ф. 533, оп. 1, д. 36 (бюгр. мат-лы, в т. ч. ф.с. 1857, 1862 гг.) [справка Н. М. Корневой]; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 891 (пер. стих. П. А. Вяземского «Я пережил и многое и многих...» на франц. яз.); ф. 123, оп. 1, № 148 (письмо

кн. А. М. Горчакова к М.); ГПТМ, ф. 53, № 250 (письмо) А. Н. Верстовскому, 1854).

Г. В. Зыкова.

МЕЩЕРСКИЙ Александр Васильевич, князь [14(26).4. 1822, Петербург — 22.12.1900 (4.1.1901), Москва; похоронен в с. Лотошине Старицкого у. Твер. губ.], мемуарист, стихотворец, обществ. деятель. Из дворян Верейского у. Мать — урожд. баронесса Фитингоф; в родстве с Трубецкими, Всеволожскими, Ка-

рамзинными, Ливен. Двоюродный брат В. П. Мещерского. М. — дядя Ал. Ал. Игнатьева (1877—1954), дипломата, ген.-лейтенанта, автора восп. «Пятьдесят лет в строю». Детство провел в с. Ошейкине Волоколамского у. Получил дом. воспитание. В 1834 переехал в Москву. В 1838 поступил юнкером в улан. Оренбург. полк; с 1839 — корнет. О своей жизни до 1844 М. подробно рассказал в кн. «Из моей старины. Воспоминания» (РА, 1900, кн. 2—3; 1901, кн. 1; отд. изд., доп. — М., 1901); восп. писались незадолго до смерти и остались незавершенными. Осуждая либеральные идеи 2-й пол. 19 в. и видя в совр. молодежи «утилитаризм и мелочный расчет», М. с умилением вспоминал о времени своей молодости — о дворян. среде, «не противоречащей началам религии и нравственности», о Николае I, «идеальном типе царя», о богомольном купечестве, о слугах «добрых и верных». Среди светских знакомых М. были лит. и обществ. деятели. В отрочестве он встречался с П. Я. Чаадаевым, А. А. Перовским (А. Погорьским), М. Ф. Орловым, С. А. Соболевским, К. П. Брюкловым, был дружен с ровесниками — А. В. Сухо-Кобылиным и особенно с А. К. Толстым (к-рый, как и Я. П. Полонский, был влюблен в сестру М. — Софью Вас.; см.: Мещерская С. В., Воспоминания, Тверь, 1902).

Зимой 1839 познакомился с М. Ю. Лермонтовым (отрывок из восп. М. перепечатан в кн.: Лермонтов в восп.). По свидетельству дочери М., в его архиве хранились «несколько писем Лермонтова», а также автограф стих. «Ветка Палестины» (Мещерская Е. А., Трудовое крещение. — НМ, 1988, № 4, с. 217). В 1841 М. жил в Петербурге в семье П. А. Вяземского как товарищ П. П. Вяземского; в Ревеле, Гельсингфорсе и Царском Селе — в семье Карамзиных (был дружен с А. Н. Карамзиным), где познакомился с А. К. Шернваль, Д. Н. Блудовым, Е. П. Ростопчиной, А. О. Смирновой-Россет, И. П. Мятлевым, К. И. Тютчевым; бывал на вечерах М. Ю. Вильгорского. В 1844 познакомился с супругами Винардо, видел И. С. Тургенева. Восп. М., охватившие такой разнообразный круг современников, показывают их глазами светского человека.

В 1845 М. вызвался охотником от л.-гв. Гусар. полка на Кавказ, участвовал в Даргинской операции, был ранен. Вернувшись в том же году в Москву, стал адъютантом моск. ген.-губернатора. В 1848 обвенчался с гр. Е. С. Строгановой. В 1850 вышел в отставку по болезни в чине ротмистра и до 1853 лечился за границей. В 1855, во время Крымской войны, вновь поступил на воен. службу в чине подполк. для особых поручений к новорос. и бессараб. ген.-губернатору (см. его «Записку о размене в Г. Одессе пленных войны 1854—1856 гг.» — РА, 1899, кн. 3). По поручению имп. Марии Александровны раздавал пособия раненым защитникам Севастополя.

В 1855 опубли. на франц. яз. сб. «La question d'Orient» (СПб.), содержащий пять «песен в комическом роде по поводу совр. полит. событий и между прочим пер. изв. рус. стихотворения „Вот, в воинственном азарте / Воевода Пальмерстон...“» (стих. В. П. Алферьева «На нынешнюю войну»; рец.: СПбВед, 1855, 4 июня; МВед, 1855, 13 мая; «Journal de St. Petersburg», 1855, 13 avr., p. 2877—78).

В 1860—63 М. служил в Мин-ве внутр. дел. В 1867 уволен от воен. службы в чине ген.-майора. С 1872 по 1875 моск. губ. предводитель дворянства. Основал Петровско-Александров. пансион-приют и был его поч. опекуном (см. письмо М. Н. Каткову — РГБ, ф. 120, к. 7, № 7).

Опубли. неск. публиц. и экономич. брошюр: «Объяснит. записка к проекту устава поземельного банка рус. земства» (СПб., 1866), «Речи, произнесенные в Моск. дворян. собрании в 1869 г. ... по вопросу о Банке» (М., 1869) и др. По словам И. С. Аксакова, М. был сторонником «аристократического» направления,

к-рое стремилось «„поднять“ значение дворянства и даже обособить его в смысле политическом, придав ему нек-рые привилегии» (РА, 1895, № 12, с. 477). Одним из средств сохранить за дворянством ведущую роль в жизни гос-ва М. считал ин-т майоратов (см. его брошюру «О заповедных имениях. Ист. очерк», СПб., 1888; 2-е изд., М., 1894). М. защищал права дворянства только от «черни», но не от правительства, не одобряя дворян. оппозиции. Пост. оппонентом М. в Моск. дворян. собрании был Ю. Ф. Самарин, хорошо знакомый ему с детства. М. отзывался о нем как об «упорном и опасном противнике». После громкого скандала, вызванного обсуждением вопроса об участии дворянства в нар. образовании [М. требовал избавить общество «от резонирующей исключительно о правах своих грамотной черни» (РГАДА, ф. 1379, оп. 1, л. 1654); Самарин резко возражал ему (см.: Сухотин С. М., Из памятных тетрадей. — РА, 1894, № 9, с. 56—57; «Журналы Моск. губ. училищного совета за 1874 г.», СПб., 1890, с. 105)], М. покинул пост предводителя. Александр II, бывший в этом конфликте на стороне М., возвел его в 1875 в звание штаб-майора двора. С 1883 предводитель дворянства Полтав. губ. В 1890—96 чл. Совета по уч. части в Моск. уч.-ше орден св. Екатерины и Александров. ин-те.

В 1860—90-х гг. чл. К-та Моск. об-ва любителей художеств. Издал «Альбом хромолитографич. видов из разных городов Испании, снятых А. В. Мещерским и художником Эйбнером» (СПб., 1868; сохранились черновые наброски его «Записок об Испании» в форме писем — РГАДА, ф. 1379, оп. 1, № 1097). За этот труд М. был удостоен звания поч. вольного общника АХ.

В сб. М. «Стихотворения» (СПб., 1881; 2-е доп. изд. — 1884, 3-е изд., 1890; отрицат. рец.: «Неделя», 1884, № 20; см. также: В. П. Буренин — НВ, 1882, 4 июня) преобладают «альбомные» мадригалы; есть и романсы (в т. ч. подражания Г. Гейне), пер. на франц. яз. стих. Н. А. Некрасова «Прости, не помни дней падения...», полит. стихотв. фельетоны («Послание китайцам»), куплеты («Как жутко нам»), «шутки», написанные в подражание А. К. Толстому («Любовь и Эскулап»). Стихотв. опыты М. в осн. любительского характера, иногда не вполне грамотные («Я на твоей груди забыла все мученья / Которых испытала будучи одна»; «И след его хранил любимый наш диван»). Среди неопубл. черновики — стих. «На смерть Достоевского», в к-ром М. возмущается чествованием «каторжника», «лжепророка», севящего «крямолу».

В лит-ре (Черейский; Венгеров. Источ.: Памятная книжка лицесов, СПб., 1911) часто смешивается с Ал-дром Вас. Мещерским (1810—1867).

Лит.: Барсуков (ук.); Павловский И. Ф., К истории полтав. дворянства. 1802—1902, т. 1, Полтава, 1906; его же, Полтавы, Полтава, 1914. + Некролог: «Новости дня», 1900, 24 дек.; РА, 1901, кн. 1 (П. И. Бартенев). Венгеров. Источ.: Лерм. энц.

Архивы: ГИМ, ф. 240; РГАДА, ф. 1379; ф. 17, д. 298, 300, 304; РГБ, ф. 120, к. 49, № 39 (письмо М. Н. Каткова М.); РГАЛИ, ф. 637, оп. 1, № 25 (материалы для словаря Языкова).

Г. В. Зыкова.

МЕЩЕРСКИЙ Алексей Павлович, князь [5(16).2.1797 — 21.1(2.2).1858, Москва; похоронен в Новодевичьем мон.], автор путевых записок. Из дворян Орлов. губ.; последний представитель одной из ветвей старинного княжеского рода. Сын наив. советника. Вступил в службу подпорщиком в л.-гв. Семёновский полк (1815). Переведен штабс-капитаном в Троицкий пех. полк (1820). Уволен по болезни майором (1827). Скончался скоропостижно от «антонова огня» (гангрены), случившегося в результате перелома ноги.

В 1839 совершил путешествие по Европе, описанное им в кн. «Записки русского путешественника: Голландия, Бельгия и Нижний Рейн» (М., 1842) и «Очерки берегов Рейна и Швейцарии. Из записок рус. путешественника» (М., 1844; отрывки опубл.: СП, 1841, 24 дек., 1842, 9, 10 и 12 янв.). Записки содержат подробное описание достопримечательностей (соборов, замков, музеев, библиотек), устройства гос. и частных заведений (фабрик, больниц, школ, тюрем, приютов); в публици. подтексте угадываются монархич. симпатии и патриотич. настроения автора [ср. панегирик Петру I, навязанный посещением Саардама (совр. Зандам): «Он обновлялся зарею величия России...»], выступающего противником республиканского духа Вел. франц. рев-ции. Книжки М. вызвали многокисл. и б. ч. доброжелат. отзывы критики («П. Н. Кудрявцев» — ОЗ, 1842, № 7; (П. А. Плетнёв) — «Совр.», 1842, т. 28; (Н. А. Полевой) — РВ, 1842, № 4; П. А. Корсаков — СО, 1842, № 5; БлЧ, 1842, т. 52, 1844, т. 64). Отмечались умение автора находить в «исчерпанном» рус. лит-рой предмете, каковым представлялась Европа, новое и занимательное, особенно в наиб. близкой ему сфере — архитектуре и искусстве, образованность путешественника, позволившую ему обогатить непосредств. впечатления «умного наблюдателя» ист. сведениями из книг, хороший слог и вкус М. Неоднозначное понимание жанра путевых записок нашло отражение в противоречивых откликах «Москвитянина», в 1842 упрекавшего М. в том, что он злоупотребляет собств. «я» (№ 11, Н. Пельт), в 1844 сетующего, что автор мало описывает свои чувства и

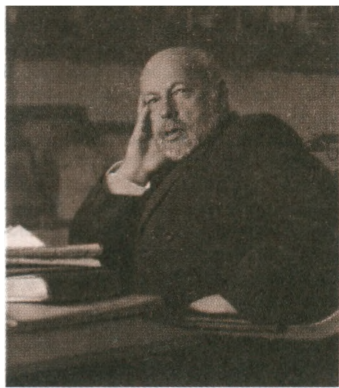
похождения (№ 6), а также у рецензента «Лит. газеты» (1842, 17 мая), к-рый иронизировал над его «эрудицией записного дилетанта», не найдя в зап. «живого, современного человека» (ср. отрицат. отзыв: ОЗ, 1844, № 8). Упоминаемые в некрологе (МВед) статьи М., «рассеянные по разным повременным изданиям, русским и иностранным», не выявлены.

Лит.: Некрологи, 1858: МВед, 30 янв.; СП, 5 февр.; Месясислов на 1859, с. 342. Руммель В. В., Голубцов В. В., Родословный сб-к рус. дворян. фамилий, т. 2, СПб., 1887, с. 47; Березин; Венгеров. Источ. (М. ошибочно назван поэтом); МНскр.

Архивы: РГВИА, ф. 395, оп. 88, 1827 г., отд. 2, д. 266 (ф.с. 1827 г.) [справка Е. В. Каревой]; РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 1475 (прошение С. С. Уварову, 1841, о ценз. прохождении соч. М.); ф. 1343, оп. 46, д. 579 (имуществ. дела) [справка Л. М. Сесёлкиной].

М. Ф. Максимова.

МЕЩЕРСКИЙ Владимир Петрович, князь [11(23).1.1839, Петербург — 10(23).7.1914, Царское Село], публицист, прозаик, издатель-редактор. Сын подполковника гвардии П. И. Мещерского и Е. Н. Карамзиной; внук С. С. Мещерской и Н. М. Карамзина; двоюродный брат А. В. Мещерского (1822—1900). За-

кончив Уч-ще правоведения (1857), служил по судебному ведомству до 1862, чиновником особых поручений при министре внутр. дел до 1867, после чего в чине д. стат. сов. и звании камергера причислен к Мин-ву нар. просвещения (с 1866 М. назначена ежегод. прибавка к жалованью в 1500 руб. как внуку Карамзина — РГИА*, л. 65).

В 60—70-х гг. выступал как публицист в газ. «Сев. пчела», «Рус. инвалид», «Моск. вед.», ж. «Рус. вест.», пока не создал, на частные пожертвования, газету-журнал «Гражданин» (в 1872—77 изд., в 1883—1914 изд. и ред.). «Гражданин» выходил с разной периодичностью: ежедневно, еженедельно, 2 раза в неделю, его выпуск прерывался на неск. лет. Получил назв. «княжеского органа», т. к. значит. часть его номеров составляли публицистика и беллетристика М.

М.-публицист подверг «патриотич.» критике гос. бюрократию и высший свет, одновременно обьявив войну рев. нигилизму, либерализму, распространение к-рых обьяснял уступками общества и правительства «духу времени». Призывал к возрождению роли дворянства, усилению самодержавия и церкви. Обществ. взгляды М. претерпели нек-рую эволюцию. Поначалу, в 60-х — нач. 70-х гг. он пишет о «благотетельном значении» реформ, пытается соединить идеи земства и «твердой власти»: «Очерки нынешней обществ. жизни России» (в. 1—2, СПб., 1868—70). Либер. критика приняла книгу осторожно, признав полезность собранных автором фактов (излюбл. лозунг М. — «изучать Россию»), но отметив тяготение к направлению газ. «Моск. ведомости» М. Н. Каткова («Дело», 1868, № 7; ОЗ, 1868, № 8; БВед, 1868, 14 июня; ВЕ, 1870, № 12; «Неделя», 1871, № 1; и др.). Боязнь новых реформ, особенно конституционных, к к-рым шла Россия, вынудила М. выступить более определенно. Он призвал «к реформам ... поставить точку, ибо нужна пауза ... чтобы дать жизни сложиться» («Вперед или назад» — «Гражданин», 1872, № 2, с. 42; ср. разъяснение М. «Что значит точка к осян. реформам?» — «Гражданин», 1872, № 12); с легкой руки А. С. Суворина (СПбВед, 1872, 5 нояб.) за ним утвердилось прозвище «князь Точка». По мере размежевания полит. сил охранительство М. становилось все более откровенным (требование «опеки» над обществом) — сб. «Речи консерватора» (в. 1—2, СПб., 1876; острополюмич. отклики 1876: В. В. Марков — СПбВед, 24 янв.; П. Д. Боборыкин — там же, 25 янв.; И. Ф. Василевский — НВ, 25 янв.; Г. А. Ларош — «Голос», 29 янв.; в защиту М. выступили: МВед, 14 марта; ДБ, 12 июня). В связи с покушением А. К. Соловьёва на Александра II М. обвинил рус. интеллигенцию в «нигилизировании», идущем от «незнания России». С целью «вернуться к народу» предложил перенести центр гос. жизни из «ложного» Петербурга в «естественную» Москву, созвать церковный Собор, установить «дежурства» дворян по уездам, перенести ун-ты в малые города («В улику времени», СПб., 1879; отзывы 1879: «Дело», № 9; ОЗ, № 9). Полит. цели М. пытался реализовать и средствами лит. критики, печатаясь анонимно в осн. в «Гражданине» (напр., «Заметки досужего читателя» — «Гражданин», 1874, начиная с № 9; атрибутируются по автобиограф. упоминаниям). Так, в его прочтении Вронский и Каренин — «из одной глыбы изваянные» идеальные герои дворянского кодекса, опора гос-ва («„Анна Каренина“ под ножом

критики. По поводу статей Громеки», СПб., 1885, с. 22; псевд. Князь Кемский). В то же время М. выступил против «духовно отравленного лицемерия» поздней публицистики Л. Н. Толстого («Гражданин», 1891, 11 февр.).

В 1863 напечатал небольшим тиражом поэму «Тавриада» (СПб.) — шутивно-подобострастное описание увеселений «малого двора» (как образчик безвкусицы ее высмеял А. С. Суворин — СПбВед, 1872, 8 окт.; ответ М. — «Гражданин», 1872, 23 окт., с. 253—54); позднее М. изредка публиковал дилетантские стихи («Стихотворения», СПб., 1884).

Кратковременным, но громким успехом в 70-е гг. пользовались романы М. — сатира на космополитич. высшую бюрократию, нравы велико-светского общества (как правило, печатались за подписью К. В. М.). Особую известность получили ром. «Один из наших Бисмарков» («Гражданин», 1872—73; отд. изд., т. 1—2, — СПб., 1874, 1876, 1894), в к-ром М. создал «под Щедрина» карикатурный образ высшего чиновника, недалекого, самодовольного консерватора, чуждого запросам рус. жизни (отклик 1874: «Голос», № 12; СПбВед, № 12; БВед, 1875, 30 янв.), и его продолжение — ром. «Граф Обезьянинов на новом месте» (т. 1—5, СПб., 1879; отрицат. рец. 1879: А. С. Суворин — НВ, 9 дек.; ОЗ, № 12). Критика разных направлений сходилась в определении метода М. как «фотографического» (Суворин: «точно в замочную скважину смотрел»), легко угадывая реальных лиц, в т. ч. в гл. герое — П. А. Валуева, в силу чего «Граф Обезьянинов...» был временно арестован и вызвал дебаты в ценз. ведомстве (РГИА, ф. 776, оп. 20, № 157). Ключ к нашумевшим скандальным историям читатели находили и в романах из светской жизни: «Женщины из петерб. большого света» («Гражданин», 1873—74; отд. изд., т. 1—3, — СПб., 1874, 1875, 1879; иронич. отзыв В. П. Буренина — СПбВед, 1874, 31 дек.; анонимная пародия — «Дело», 1875, № 6; по замечанию Н. С. Лескова — Х, 389 — этот роман по популярности превзошел толстовскую «Анну Каренину»; его продолжением стали ром.: «Княгиня Лиза», СПб., 1882; «Недоразумение», СПб., 1885), «Лорд-апостол в большом петерб. свете» («Гражданин», 1875—76; отд. изд., т. 1—4, — СПб.—М., 1876; реальная основа романа раскрыта М. в кн. «Письма к лорду Редстоку», СПб., 1876) и др. В антиингилистич. романах, претендующих на панорамное изображение (нигилизм «от подвала до бельэтажа»), «развращение молодежи» М. объяснял ослаблением религиозности общества и за-

силием либеральных и буржуазных («власть денег») воззрений: «Тайны современного Петербурга» («Гражданин», 1875—76; отд. изд., т. 1—4, — СПб., 1876—77; отрицат. рец.: «Дело», 1876, № 6; (Н. К. Михайловский?) — ОЗ, 1877, № 11; Г. А. Ларош — «Голос», 1876, 18 апр.), «Курсистка» (т. 1—2, СПб., 1886—1887) и др. Как романист М. тяготеет к открытой назидательности, авт. пристрастность проявляется в нарочитых сюжетных ходах, в т. ч. мелодраматич. и «чудесных», в схематизме характеров. Памфлетные вкрапления (напр., историк Любомиров в «Тайнах совр. Петербурга» — карикатура на Н. И. Костомарова) придавали скандальную остроту тенденциозности М. Критика отмечала, что чрезмерно плодотворный М. «быстро истощивает данный ему скромный талант», утрачивая остатки «внеш. наблюдательности» [ОЗ, 1878, № 11, с. 118; ср.: Достоевский, ХХХ (1), 43]. Тем не менее М. продолжал писать великосветские и памфлетные романы до 1900-х гг. все с той же торопливостью и однообразием.

В многочисл. отзывах современников М. предстает личностью малопривлекательной; «он держит себя надменно и подобно гуся расхаживает в обществе» (Дневник С. М. Сухотина 1871 г. — РА, 1894, № 7, с. 436). В то же время энергия и упорство М. в отстаивании консерват. позиции, а также нарочито-доверит. тон его публицистики и не в последнюю очередь «слабые и подобострастные приемы», «привычность... и умение влезть в душу» (Витте С. Ю., Восп., т. 3, М., 1960, с. 576, 581) в общении с сильными мира, в т. ч. литературного (см., напр., письма И. С. Тургеневу — ИРЛИ, № 5759; Ф. М. Достоевскому — ИРЛИ, № 29777; РГБ, ф. 93, П. к. 6, № 77), поначалу способствовали его широкому лит. контактам.

В 70-е гг. М. стремился объединить вокруг «Гражданина» писателей (среди них — А. Н. Апухтин, А. Н. Майков, Достоевский, Н. Н. Страхов, М. П. Погодин, А. Ф. Писемский, Н. С. Лесков, Вас. И. Немирович-Данченко, Т. И. Филиппов, К. П. Победоносцев), многие из к-рых посещали его «среды». Сколько-нибудь единой группы М. создать не удалось. В апр. 1874 от редактора «Гражданина» отказался Достоевский (ред. с янв. 1873) после ряда резких столкновений с М. как издателем [подробнее — в ст. Ф. М. Достоевский; см. также: Достоевский, ХХVII, 161—66, ХХХ (2), 22—24, — статьи Достоевского, подписанные псевдонимами М. с целью корректировки общей ред. позиции]. Кратким было сотрудничество с М. и других писателей (Лесков о М. в 1875: «за что ни возьмется, все ополтит... ему не худо бы запретить писать...» — Х, 393). С нач. 80-х гг. «среды» (позднее — «пятницы») утратили значение литературных, превратившись в собрания чиновников, искавших покровительства у М., близкого в 60-е и в 80-е гг. к Александру III, а в 1902—04 и с 1913 к

Николаю II (см. переписку М. с ними: «Oxford Slavonic papers», v. 10—11, 1962—64), от к-рых он, постоянно нуждавшийся в деньгах и выпрашивавший их, с 80-х гг. добился крупных субсидий на изд. «Гражданина» (до 80 тыс. ежегодно — см.: Витте, т. 3, с. 581; Половцов А. А., Дневник гос. секретаря, т. 2, М., 1966, с. 140; Феоктистов, с. 247; кроме того, с 1897 получал ежегод. пенсию «за заслуги на лит. поприще» — РГИА*, л. 40). М. также издавал и редактировал ж. «Добро» (1881), «Воскресение» (1887—1894), «Дружеские речи» (1903—05), газ. «Русь» (1894—96), для к-рых добивался «обязательной» подписки (НВ, 1881, 11 апр.).

Близость к престолу М. особенно афишировал в «Дневнике», к-рый публиковал в «Гражданине» начиная с 1877 (отд. изд. — СПб., 1883—[1901]) и к-рый привлекал читателей как источник новостей и слухов из правительств. сфер. Свою влияние М. использовал для воздействия на внутр. и внеш. политику (участвовал в разработке манифеста 26 февр. 1903, предостерегал Николая II против вступления в войну с Японией, затем с Германией; в его салоне «подбирались министерские кандидатуры и готовились реп. акци. мероприятия» — Извольский А. П., Восп., М., 1989, с. 163). Придворные связи М. использовал и для крупных финансовых махинаций, в к-рых неоднократно уличался [см.: «Всепопдавший отчет гос. контролера за 1894 г.», СПб., 1895, с. 118; НВ, 1895, 19 авг.; Феоктистов, с. 244—45; Короленко В. Г., Суррогаты гласности для высочайшего употребления. — «Освобождение» (Штутгарт), 1903, 2 февр.].

Имел репутацию мужеложца (Половцов, т. 2, с. 197, 440; в 1887 об этом писала франц. газ. «Figaro», см.: РНБ, ф. 124, оп. 2, № 553); за откровенные намеки на это обстоятельство в фельетоне «Темы дня. Кн. Мещерский. Опыт некролога» (подпись Бука (П. А. Крушеван) газ. «Знамя» (1903, 17 июня) была приостановлена Деп. полиции на 1 месяц (ГАРФ, ф. 102, 00, 1905 г., д. 13, ч. 5).

Подводя итоги своей лит. деятельности М. со свойственной ему аффектированной чувствительностью сокрушался по поводу «бессилия убедить» рус. читателей, что он «честный человек» (см.: «30-летие издания ж. „Гражданин“», СПб., 1901, с. 1). С той же целью написаны «Мои воспоминания» (ч. 1—3, СПб., 1897—1912; отрицат. рец. Б. Б. Глинского — ИВ, 1898, № 3), открывающие мн. подробности внутр. жизни высших офиц. сфер и содержащие тенденциозные характеристики А. К. Толстого, Ф. И. Тютчева, Достоевского, Ю. Ф. Самарина, Каткова, Победоносцева.

Став одной из самых одиозных фигур рус. журналистики («явление,

поистине позорящее Россию» — Шелгунов Н. В., Соч., 3-е изд., т. 3, СПб., 1904, с. 842), М. был подвергнут чуть не всеобщему ostrакизму. Даже его единомышленники — Катков (см. письма М. к нему — РГБ, ф. 120, к. 7, № 2), Победоносцев (см.: Письма Победоносцева к Александру III, т. 1—2, М., 1925—1926, ук.; К. П. Победоносцев и его корреспонденты, М.—П., 1923, ук.), В. Г. Авсеенко (НВ, 1900, 3 окт., восп.) — относились к М. с осторожностью, переходящей в стремление отмежеваться; И. С. Аксаков, принимая в 1880 предложение М. о сотрудничестве в газ. «Русь», поставил условием анонимность (РГБ, ф. 359, к. 8228, № 3). М. вызывал сочувствие у В. В. Розанова, считавшего, что он («яркое дарование»: «сколько тонкости и остроты в языке и мысли») и его «Гражданин» окружены «зоной предубеждения», как в свое время Ф. В. Булгарин (М. «требует розги», «но ведь он же никого не сечет» — см.: Розанов В. В., Лит. очерки, 2-е изд., СПб., 1902, с. 218), однако это мнение расходилось с позицией большинства современников (см., в частности, отклик Михайловского на отзыв Розанова в кн.: Последние соч. Н. К. Михайловского, т. 1, СПб., 1905, с. 194; Короленко: «ультрадворянин и охранитель-крепостник», «старый шут, заведомый развратник», «уличный хищник», «посмешище всей печати и всей читающей России». — Короленко В. Г., Дневник, т. 4, Полтава, 1928, с. 177, 311); что же касается своеобразия лит. слога М., то, его неправомерности, косноязычие были расценены в рус. журналистике как проявление безграмотности.

Др. произв.: «Изо дня в день. Записки сел. священника» (СПб., 1875, анонимно; отрицат. отзыв: Лесков, Х, 189); пов. «Десять лет из жизни редактора журнала» [СПб., 1869; анонимный пасквиль на Н. А. Некрасова; отрицат. рец. 1869: ОЗ, № 5; Незнакомец (А. С. Суворин) — СПбВед, 18 мая]; романы: «Хочу быть русскою» (СПб., 1877, 1895; отрицат. рец. Н. К. Михайловского — ОЗ, 1877, № 1), «Дневник Ольги Николаевны» (СПб., 1885).

[Прототипом героев двух этих романов — гр. Ростовского и гр. Тютинина — послужил Ф. И. Тютчев (М. печатал его стихи в «Гражданине», расходился с ним в нек-рых полит. вопросах; написал о нем некролог, значительно отрецензированный Ф. М. Достоевским, — «Гражданин», 1873, № 31; полемика об авторстве: Н. Ф. Бельчиков — «Былое», 1925, № 5; А. В. Архипов — РЛ, 1975, № 1).]

«Один из наших Мольтке» (СПб., 1890), «Святоши большого света» (СПб., 1891), «Мужчины петерб. большого света» (т. 1—4, СПб., 1897), «Письма отца к сыну (старого правоведа к новому) и сына (минист-

ра) к отцу. (Из прошлого)» (СПб., 1897; комедии: «Болезни сердца» (СПб., 1885; отрицат. отзыв П. Д. Боборыкина — «Новь», 1886, № 8), «Миллион» (ЛПГ, 1887, янв.) — обе пост. в Александрин. т-ре, 1886; корреспонденции: «Правда о Сербии» (СПб., 1877), «Кавказский путевой дневник» (СПб., 1878; иронич. рец.: ОЗ, 1878, № 2); публицистика: «Что нам нужно? Размышления по поводу последних событий» (СПб., 1880; об угрозе рева. террора, процесс В. И. Засулич; отзывы 1880: РБ, № 3; ОЗ, № 4); «История царствования имп. Александра II» (СПб., 1882, анонимно).

Лит.: Достоевский (ук.); Короленко (ук.); его же, ПСС, СПб., 1914, т. 5, с. 419—20 (против «басни» М. об отказе Лит. фонда помочь Достоевскому); т. 6, с. 259—69, 310—24, 337—41; Михайловский; Тургенев; Салтыков-Щедрин; Чехов; Горький; Михневич; Семевский; Феоктистов (все — ук.); Ленин, XXIV, 20—21; «Россия», 1901, 16 окт. (В. М. Дорошевич); Кутузов П., Основы патриотич. убеждений кн. Мещерского, М., 1902; Слонимский Л., О великой лжи нашего времени. К. П. Победоносцев и кн. Мещерский, СПб., 1908; Чужой А., Из закулисных влияний. Кн. В. П. Мещерский и А. В. Кривошеин. — «Рус. прошлое», 1923, № 5; Петы «Искры», Л., 1955 (ук.); Дневник П. А. Валуева, т. 2, М., 1961 (ук.); Толстой А. К., Собр. соч., т. 4, М., 1964, с. 394; Соловьев Вл. С., Стихи и шуточные письма, Л., 1974, с. 148, 255—60; Полонский Я. П., Соч., т. 1, 1986, с. 236; Зайончковский П. А., Рус. самодержавие в конце 19 столетия, М., 1970, с. 74—81; Далин В. М., Последние Романовы и кн. Мещерский. — В кн.: Вопросы истории внешней политики СССР и междунар. отнош., М., 1976; Твардовская В. А., Идеология пореформ. самодержавия, М., 1978 (ук.); Соловьев Ю. Б., К истории происхождения манифеста 26 февр. 1903. — «Вспомогат. ист. дисциплины», в. 11, Л., 1979; Ананьич Б. В., О тексте манифеста 26 февр. 1903 г. (Из архива В. П. Мещерского). — Там же, в. 15, Л., 1983; Кризис самодержавия в России. 1895—1917, Л., 1984 (ук.); Порох В. И., Кн. В. П. Мещерский против Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. История. Философия. Литература, Саратов, 1982; Викторевич В. А., Достоевский и В. П. Мещерский. — РЛ, 1988, № 1; его же, К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. — В кн.: Достоевский. Матлы и исследования, в. 7, Л., 1987; Богданович А. В., Три последних самодержца, М., 1990 (ук.); ЛН, т. 51—52, с. 385—89 (письма М. к Н. А. Некрасову), т. 97(1), с. 523—24 (письмо Ф. И. Тютчева к М.); Неизданные письма к А. Н. Островскому, М.—Л., 1932. + Некрологи, 1914: НВ, 11 июля; МВед, 12 июля; «День», 11 июля; ИВ, № 8; НВ, 1897, 11 янв. (биография); Языков; Брокгауз; НЭС; Венгеров. Источ.: Гранат; БСЭ; КЛЭ; Мельер; Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: РГАДА, ф. 1378 и в составе ф. 2105; ПЦТМ, ф. 170; РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2645 (письма А. С. Суворину); ф. 195, оп. 1, № 2312 (письма к П. А. Вяземскому); ИРЛИ, ф. 659, № 127 (письма И. Ф. Горбунову); № 16868 (письма А. Н. Майкову); № 12266 (письма Я. П. Полонскому); № 9071 (письма Е. М. Феоктистову) и др. (см. ук.); РГИА, ф. 733, оп. 121, д. 219 (ф. с. 1902 г.); ф. 560, 565, 776 (матлы по издатель. деятельности М.); ф. 1622 (письма к С. Ю. Витте).

В. А. Викторевич.

МЕЩЕРСКИЙ Элим Петрович, князь [7(19).11.1808; по др. сведениям — 26.10*(7.11).1808, Петербург — 2.11.1844, Париж; похоронен в Казан. клдб. в Царском Селе], поэт, переводчик, публицист (писал на рус. и франц. яз.); дипло-

мат. Отец, П. С. Мещерский, — прокурор Святейшего Синода, през. Рос. Библ. об-ва, мать, Е. И. Чернышьева, — сестра А. И. Чернышьева, пред. Гос. совета при Николае I. Получил дом. образование; в 1825, сдав экстерном экзамены, аттестован в Петерб. ун-те. С 1823 определен в Гос. коллегию иностр. дел актуариусом, с 1826 в должности переводчика числен к имп. миссиям в Саксонии и Сардинии (произведен в камер-юнкеры). В 1828—30 в качестве атташе служил в Дрездене, в 1831—33 — в Турине. В эти годы М. ежегодно по несколько месяцев проводит в Мюнхене и Веймаре, где живет, разойдясь с мужем, его мать. Веймарский двор (юный М. был представлен И. В. Гёте — Дурыйн С., Рус. писатели у Гёте в Веймаре. — ЛН, т. 4/6, с. 234—36) становится для него воплощением традиционалистской Германии (впоследствии он настойчиво противопоставлял ее рева. Франции), по к-рой испытывал пост. ностальгию (см.: Le Duc de Broglie, Le secret du roi, [v.] 1, P., 1878, p. 270—71); в 1827 веймарским герцогом М. был пожалован в кавалеры ордена Белого сокола. Веймару посвящены стих. «Когда, устав в пути от оскорблений рока» (вошло в сб. «Черные розы»), статьи преим. 1830-х гг. (на рус. яз. см., напр., «Веймар» — СП, 1846, 3 дек.).

Лит. деятельность М. началась речью «О русской литературе», произнесенной в об-ве «Атенеум» в Марселе (1830) и в осн. использовавшей идеи П. А. Вяземского из его предисл. к «Бахчисарайскому фонтану» А. С. Пушкина (опубл.: «Revue de Provence», 1830; отд. изд. — «De la littérature russe», Marseille, 1830; на рус. яз. в том же году напечатана в «Лит. газ.», 12 нояб.; благодетель разбор О. М. Сомова — ЛГ, 1831, 26 янв.). В речи обнаружились лит. симпатии М., исповедовавшего умеренный романтизм (нововведения не должны вредить истинному вкусу и здравому смыслу) и делавшего ак-

цент на нац. источниках иск-ва. Речь М. «с успехом знакомит Европу с Россией» (Погодин М., Год в чужих краях, ч. 3, М., 1844, с. 79) и «завлекла французов пуститься за князем в эту не изведенную ими страну» (А. Башуцкий) — «Илл.», 1847, № 27, с. 43). В дальнейшем, продолжая знакомить франц. публику с рус. лит-рой, М. опубли. ст. «О рус. сатире в различные эпохи развития рус. общества», «Поэзия козаков» («Rapport littéraire de l'Europe», 1834, t. 2).

В 1832 М. получает отпуск для поездки в Россию и, пробыв в Петербурге 3 месяца, уезжает в Париж (причислен к рус. посольству); еще раз в Петербурге — в 1836, посещал салоны В. Ф. Одоевского, Карамзиных, встречался с М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым, М. И. Глинкой, с к-рым познакомился в 1831 в Турине, и др. Однако дипл. карьера мало интересует М. Его амбиции — лит. и культуртрегерского характера: дать французам верное представление о России, способствуя культурным связям между двумя странами. М. назначают при посольстве спец. корреспондентом С. С. Уварова и первым рус. культурным аташе в Париже (о многолетней переписке М. с Уваровым, а также А. А. Краевским см.: Мазон, р. 292—303). Доставляемые Уварову лит. корреспонденции, в к-рых М. рассказывал о франц. лит. новинках, в т. ч. к. религ.-филос. соч., помещались анонимно в «Журнале Мин-ва нар. просвещения» в течение 1834—37. М. таким образом негласно влиял на репертуар ж-ла.

В Париже он содействовал приобретению рус. двором док-тов, связанных с историей маонства (Мазон, р. 290—399), в 1832—33 замышлял кн. «Raison du Christianisme» («Смысл христианства») — антологию трудов христ. философов и публицистов, к-рая могла бы стать, по его мысли, «грандиозной персонаификацией» «Гения христианства» Ф. Р. Шатобрена (ср. также проспект неосуществившегося замысла журнала — там же, с. 302—03).

Используя информацию М., Уваров, однако, в целом воспринимал его как исполненного призрачных химер идеолога и отказал в финанс. поддержке его издат. планов (в 1836 на место М. назначен Я. Н. Толстой). Воззрения М. на будущность наций тесно были связаны с мыслью о величии России, ее ист. мессианстве, а также с убеждением в том, что царствование Николая открыло «русскую эру» для Европы (знаменитая формула Уварова: «самодержавие, православие, народность» вполне отвечала его собств. устремлениям). Монархич. и правосл. национализм М. отличался более энтузиазмом, чем глубокой познаний и цельностью концепции (Мазон, р. 404), что проявилось и в напечатанной по следам польского восстания религ.-полит. брошюре (оживленно обсуждавшейся в России) — резком возращении на статьи, направленные против по-

литики рус. правительства: «Lettres d'un Russe...» («Письма русского...»; Nice, 1832); пренебрежительно-отрицательно воспринята Вяземским («письма несколько синодские ... много ... самохвальства ... ребяческого жара и болтовни» — РА, 1868, кн. 2, стб. 621) и с одобрением И. И. Дмитриевым (см.: Снытко, с. 37); в поддержку и развитие высказанных в брошюре идей к М. обратился с пространным письмом в 1833 кн. А. А. Шаховской (опубл.: РА, 1908, кн. 1, с. 25—47).

С детства близкий (через отца) к религ. движению конца царствования Александра I, М. за границей испытал сильное воздействие филос.-религ. идей Ф. Баадера и Л. Э. Ботена (состоял в переписке), философия к-рых открыла ему путь синтеза истинной религии и науки. Свои взгляды он изложил в компилятивном трактате «О вере в науку» («De la foi dans la science» — опубл.: Мазон, р. 246—70; рукопись — РГАЛИ) (имевшем точки соприкосновения со ст. И. В. Киреевского «О рус. литературе»), утверждавшем идею нравств. силы рус. народа, не испорченного рационализмом, способного стать центром науч. и христ. возрождения в Европе. В мистич. интуитивизме М. усматривал источник того истинного христ. знания, что может послужить объединению Востока и Запада, пришедшего, по М., в духовный, религ. и полит. упадок (Мазон, с. 444—45), установлению диалога между католичеством и православием [сам Ботен отнесся скептически к рус. интерпретации своих идей М. (Мазон, р. 274)]. При всем увлечении католич. философией М. оставался православным. На книгах, посылаемых друзьям, обычно подписывал «Православному православный»; тем не менее Ж. де Местр утверждал, что «Бональд своими идеями привел к католич. вере рус. князя Мещерского» (Мазон, р. 294).

Номинально М. считался на службе при посольстве в Париже до 1840, когда был вновь прикомандирован к миссии в Турине. Тем не менее до самой смерти осн. местом пребывания М. оставался Париж, где он был одной из центральных фигур лит. салонов Е. Мещерской, посещаемого многими лит. знаменитостями того времени: О. Барбье, А. де Виньи, О. Балзаком, Э. Дешаном (ему посвящен ряд стих. М.; фрагменты переписки с ними, их отклики на соч. М. опубл.: ЛН, т. 31/32), а также русскими, увлеченными католич. идеей: среди них — П. Я. Чаадаев, доверивший М. «Первое философическое письмо» [Лемке (2), с. 427—28], Григ. Шувалов, трудившийся над обрашением России и ставший впоследствии членом ордена варнавитов (Melun A. de, Mémoires, P., 1891, р. 179—82; Ancelot V., Un salon de Paris: 1824 à 1864, P., 1866, р. 98). Сам М. был принят в католич. лит. салонах С. П. Свечиной и г-жи Сиркур.

В 1839 М. женился на дочери С. П. Жихарева, Варв. Степ. Жихаревой (в ранней юности он пережил краткое, но бурное увлечение ее матерью), юной красавицей, пользовавшейся успехом в свете (РА, 1900, кн. 3, с. 295; ОА, IV, 24). Письма М. к невесте составили своего рода психол. роман (частично опубл.: Мазон).

Как поэт М. был более известен во Франции, чем в России; из рус. стих. опубл.: «К молодой девушке» («Новогодник» Н. В. Кукольника, СПб., 1839) и «Поэзия» (альб. «Утр. заря» В. А. Владиславлева, СПб., 1839), разрабатывающее мотив мессианского предназначения России (часть рус. и переведенных с франц. стихов М. опубл.: ЛН, т. 31/32). Первый и единств. прижизненный поэтич. сб. «Les Boréales» («Сев. сияние»; Р., 1839) М., согласно романтич. традиции, приписал умершему поэту В. де Г. (Б. де Ж. — инициалы будущей жены М. — Варвары Жихаревой) [иронич. отзыв А. И. Тургенева (ОА, IV, 49—50, 62) и хвалебный — в указ. рец. А. П. Башуцкого: «страсть поэта ... врачует все тайные страдания разума и сердца» («Илл.», 1847, № 27, с. 44; ср.: СП, 1847, 18 февр.)]. С поэтич. точки зрения сб-к был лишен яркого индивидуального начала, являя собой виртуозную парافразу характерных для романтизма тем и мотивов (демонич. искушения и наслаждения, образ демона, спасаемого ангельской красотой, мотивы земли и неба, рая и ада и др.). Сам М. не только не скрывал вторичного характера своей поэзии, но и сознательно его демонстрировал, обильно вводя в собств. стихи фрагменты из А. де Виньи, Сент-Бёва, О. Барбье, Шатобриана, А. Ламартина. Уже после смерти М., стараниями его матери и друзей, была выпущена кн. «Les roses noires» («Черные розы»; Р., 1845), открывавшаяся поэтич. посланиями изв. франц. друзей М., в т. ч. В. Гюго (см. его отзыв о М. в рус. прессе — СП, 1845, 4 апр.). Первую часть кн. составили драм. опыты, среди них «Артемон Матвеев», драм. поэма из рус. истории, уже ранее издававшаяся («Ag-témonn Matvéieff», Р., 1843; благоприятный отклик Н. И. Греча в его кн.: Парижские письма, СПб., 1847, с. 237—39), а также подражания В. А. Жуковскому, Пушкину, И. В. Гёте и др. Вторая часть включала лирич. стихи, песни, романсы и баллады, с ощутимыми следами ритмики и тематики ранних стихов А. де Мюссе и Гюго; от 1-го сб-ка они выгодно отличались богатством воображения, экспрессией и «почти парнасской чистотой формы» (Мазон, р. 205). На фоне типично романтич. текстов особое место заняло стих. «Ma chimère» («Моя химера») — ода Св. Руси, продолжающая идеи его религ. публицистики и ставшая своего рода духовным завещанием поэта.

М. имел все данные хорошего переводчика (РС, 1882, № 4, с. 228—235; «La Revue nouvelle», 1847, t. 713, р. 284—94); переводил в осн. совр. ему поэтов, знакомых франц. читателя с рус. романтиками (Пушкиным, Жуковским, Е. А. Баратыным,

ским, В. Г. Бенедиктовым, И. И. Козловым, Н. М. Языковым и др. — всего 55 поэтов). Посмертно опубликована 2 тома переводов М. из рус. поэзии: «Les poètes russes, traduits en vers français» (Р., 1846). Современники (Погодин и др.) отмечали европ. образованность и «русский дух» М., благородство натуры (из дневников Фарнгагена фон Энзе — РА, 1875, кн. 2, с. 347), красивую внешность и экзальтированность человека, исполненного романтич. причуд.

«В его прекрасной душе было два недостатка: слабость и непостоянство... Он не верил во зло, поэтому был жертвой и мучеником всю жизнь», — писала графиня Даш (Dash, Mémoires des autres, [pt.] 4, Р., 1896—97, p. 215—229; Мазон, с. 396, 401; с ошибкой в написании фам.). При жизни М. стал героем легенды: в качестве одного из персонажей появился в повести Ш. Мориса де Сент-Агс «Под каштанами» (1842), ему посвящен роман П. Нибуайе «Эли: история русского поэта» (1852), переизданный под назв. «Любовь поэта» (1859).

Умер от водянки, сопровождавшейся истощением, о чем Гоголь упомянул незадолго до своей смерти в письме к Языкову 5 июня 1845.

Лит.: Батюшков, I, 442; Барсуков (ук.); Каратыгина А. М., Воспоминания. — РВ, 1881, № 5, с. 117; Снегирев И. М., Дневник, т. I, М., 1904, с. 231—34; Томашевский Б. В., Мелочи о Пушкине. — В кн.: Пушкин и его современники, в. 38—39, Л., 1930; Рухово Пушкина, М.—Л., 1935, с. 717—19; Летопись жизни и творчества М. И. Глинки, М., 1952 (ук.); Глинка М. И., Записки, Л., 1953, с. 79, 180; Мазон (Mazon) А., «Князь Эли», — ЛН, т. 31/32, с. 373—490 (акл. биогр. мат-лы, служебные док-ты, переписки, стихи; обширная библиограф.); Мазон А., Deux russes écrivains français, P., 1964; Снытко Н. В., Парижский корреспондент. (Об архиве М.). — ВСП, в. 5, М., 1984; ЛН, т. 16/18, с. 808; т. 58, с. 126, 128. + Некрологи, 1845: РИ, 13 мая; «L'Artiste», sér. IV, t. 4, 8 juin; Journal des jeunes personnes, t. 13, p. 5—6; Ghenaduy G., Les écrivains français-russes, Dresde, 1874; Венгеров. Источ.; ПНкр., КЛЭ, т. 9, стб. 605; Черейский*.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2522; РНБ, ф. 452 (переписка с А. А. Красовским); ИРЛИ, ф. 169 (черновик ст. 1835 г. «Об интеллектуальном развитии и формах управления в России», дневник «L'antenne magique de souvenir», шуточные стихи на франц. яз.); Bibliothèque Institut de France (копии переписки М. с В. С. Жихаревой).

Е. Е. Дмитриева.

МИЗКО Николай Дмитриевич [30*5(11.6), по др. сведениям — 13(25).5.1818, Екатеринослав — 27.5(8.6).1881, Москва; похоронен в Воронеже], критик, библиограф, переводчик. Писал на рус. и укр. языках. Из дворян; принадлежал к старинному казачьему роду (в Борзне на Черниговщине), выходцы из к-рого были священниками и педагогами. Отец, Дм. Тим. (1772—1847), — основатель и многолетний дир. Екатеринослав. г-зии (его жизни М. посвятил «Памятную записку...», Одесса, 1849); мать, урожд. Легкоступ, умерла, когда М. было 4 года. Окончил с сереб. медалью Екатеринослав. г-зию (1828—33), однако не поступил в ун-т из-за противодействия отца, считавшего сына не подготовленным к самостоят. жизни. С 1834 служил канцеляристом в ряде екатеринослав. учреждений. Одновремен-

но брал частные уроки и в 1838 сдал экзамен в Харьков. ун-те за курс филос. (словесного) ф-та. В том же году дебютировал в печати: «Программа полного курса теории словесности» (ЖМНП, 1838, № 12). С нач. 40-х гг. сотрудничал в ж. «Репертуар и пантеон», где помещал статьи о Екатеринослав. т-ре (1843, кн. 10; 1845, кн. 5, и др.). В 1845—47 чиновник губ. правления, редактор «Екатеринослав. губ. ведомостей», где выступал с краеведч. мат-лами, театр. обзорами, статьями о лит-ре. В 1847 утвержден чл. Екатеринослав. Попечит. к-та о тюрьмах, занимал должность попечителя арестант. роты (тит. сов.).

В 1843 принял участие в полемике о «Мертвых душах» Н. В. Гоголя: рец. «Голос из провинции о поэме Гоголя...» (ОЗ, № 4) — последнее из выступлений, вызванных появлением первого тома поэмы. Статья М. отразила влияние позиции В. Г. Белинского (к-рому принадлежит ред. прим. к публикации: «выражение самостоятельного и вместе с тем не противоречащего духу нашего журнала мнения» (с. 27)).

Находя в «Мертвых душах» «высоко-гуманистич. взгляд поэта на жизнь» и «глубоко национальный пафос» (с. 48), М. опровергает адресованные Гоголю обвинения в преувелич. внимании к «темным сторонам» действительности; эстетич. рассуждения М. во многом декларативны, анализ подменяется цитатами или пересказом текста.

Рец. привлекла внимание Гоголя, отметившего ее в письме к Н. М. Языкову («Лучшие критики большого частию из провинции. Одна из Екатеринослава замечательнее других...», XII, 192) и вспомнившего о ней при личном знакомстве с М. в Одессе в янв. 1851 (см. мемуарное свидетельство М. об их встречах — в кн.: Записки о жизни Н. В. Гоголя..., т. 2, СПб., 1856, с. 245—48). М. откликнулся и на публикацию глав 2-го тома «Мертвых душ»: «Голос из провинции об отрывках из второй части поэмы Гоголя...» (ОЗ, 1856, № 6).

Повторяя, как и в предыдущей ст., установившиеся в критике положения, он считал наиб. удавшимися образы, соотносимые с действительностью, а уничтожение тона объяснял его «несовременностью» — неубедительностью изображения положит. рус. характера, к-рому только предстоит возродиться, пройдя через грядущее «огненное крещение» (с. 66).

После смерти отца, унаследовав имение (владел землей в Новомосков. и Павлоград. уездах), М. оставил службу (1848, с чином коллеж. ас.). Много разъезжал по Украине, принимал деятельное участие в лит. жизни Киева и провинции. Был знаком с нек-рыми участниками украинифильского Кирилло-Мефодиевского братства (1845—47), что отразилось в мат-лах следствия по делу этого тайного об-ва. Сотрудничал в столичных ж-лах, выступал с рецензиями, лит.-критич. публикациями, статьями по педагогике и методич.

разработками. Писал рец. на книги по теории лит-ры (на «Очерк теории изящной словесности» М. Б. Чистякова — «Москв.», 1843, № 12), на энц. издания («Филос. лексикон» С. С. Гогошко, в. 1 — СПбВед, 1858, 5 июля; в. 2 — ЖМНП, 1861, кн. 4), выступал с лит. обзорами («Рус. словесность в ее современном развитии», «Лит. приб. к „Киевскому телеграфу“», 1860, № 1, 2), ист.-лит. публикациями («Ода Хераскова на восшествие на престол императора Александра I», БЗ, 1858, № 9); изредка высказывался о текущей политике («Мысли о восточном вопросе», «Москв.», 1854, № 7). Опубли. кн. «Столетие рус. словесности» (Од., 1849; отклики, 1850: «Москв.», № 23; ОЗ, № 4; «Совр.», № 4; БдЧ, 1851, т. 105; СП, 1851, 21 июня, подписи А. П.) — один из первых уч. курсов новой рус. лит-ры (охватывает период 1739—1839); пособие М., признавшееся ценным систематизир. лит. обзором для учащихся, достаточно широко использовалось в преподават. практике, хотя, по мнению современника, страдало «недостатком независимой серьезной критики и заметной робостью перед... обветшалыми определениями» писательских достоинств (Рябинин, с. 93).

М. был знаком со мн. укр. писателями и учеными — Н. И. Костомаровым, П. А. Кулишом, П. П. Гулак-Артемовским, А. Л. Метлинским, С. А. Афанасьевым-Чужбинским, В. М. и Н. Д. Белозерскими. Напечатал рец. на сб-к Метлинского «Народные южнорусские песни» («Москв.», 1855, № 4) и кн. «Проповеди протоиерея В. Гречулевича на малороссийском языке» (РусБ, 1857, № 3). Поддержал создание в Петербурге укр. ж. «Основа», на страницах к-рого указывал на особую роль театра в развитии укр. культуры и просвещения («Воспоминание о Соленике, знаменитейшем украинском актере», 1861, № 2), принципиальную важность укр. нар. языка для развития лит-ры, выступал за создание подробного библиограф. печатной украинки (рец. на «Краткий ист. очерк украинской лит-ры» П. Петраченко — 1862, № 3) и т. д. В 1861 в рец. «Основы» познакомился с Т. Г. Шевченко, позднее в газ. «Дон» опубликовал переводы его произв.: поэму «Неофиты» (1869, № 48, 49), отрывок из поэмы «Ерстик Иван Гус» (1871, 19—26 авг.), неск. лирич. стих., в т. ч. ранее не переводившихся (1870, 10, 15 янв., 5 марта) (о значении публикаций М. в истории рус. переводов укр. классика см.: Павлюк).

В 1861 утвержден в звании «кандидата мирового посредника» Новомосков. у. (до 1862; ф. с. — ИРЛИ), избран д. чл. губернского статистич. к-та. В 1862 определен почетным смотрителем Павлоград. уездного уч-ща (с прежним чином тит. сов.), занимал эту должность до 1870 (надр. сов. — 1868). Еще в период подготовки реформы 1861 принял участие в дискуссии по «крест. вопросу»: ст. «Несколько слов о крестьянском труде в барщинском хозяйстве» («Сел. благоустройство», 1858, кн. 3). Искренне сочувствовавший, по словам его биографа, «великому делу освобождения» крестьян, М.-помещик был, однако, «застигнут

врасплох» происходившими изменениями (Рябинин, с. 100). Не сумев перестроить хоз. жизнь на новых основах, он продал свое имение.

В 1868 переехал на жительство в Воронеж. Делятельно участвовал в местной печати — газ. «Дон», «Воронеж. телеграф», «Воронеж. епархиальные вед.», ж. «Филол. вест.», в последнем им помещены статьи по методике преподавания лит-ры: «Нужно ли руководство при изучении языка, теории словесности и истории литературы?» (1869, № 1), «Общие понятия о поэзии» (1869, № 6), «По поводу сочинения А. Филонова „Современное преподавание словесности“» (1870, № 3). В заметке «Несколько слов по случаю открытия памятника Кольцову в Воронеже» («Дон», 1868, 15 нояб.), опираясь на суждения Белинского, писал о несводимости кольцовского таланта к узким представлениям о самородках и самоучках: творчество Кольцова рождалось из постижения нар. поэзии «внутренним откровением своенородного чувства». В ст. «Типы современной жизни» (там же, 1869, № 24), отметив жизненность и злободневность образов комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», приветствовал ее как многообещающее явление, свидетельство обращения драматурга к худож. исследованию обществ. противоречий пореформ. России. Ряд «откликов из провинции» М., начатый статьями о Гоголе, продолжила работа «Тургенев, его тридцатилетняя литературная деятельность и его типы» (Воронеж, 1872) — первая критич. публ. о И. С. Тургеневе, изданная отд. книгой; в ней М. пытался проследить логику идейно-худож. эволюции писателя, анализируя его героев — от «Гамлета Шигровского уезда» до Санина из «Вешних вод».

М. поддерживал широкие лит. контакты, переписывался со мн. деятелями лит-ры (С. Т. и К. С. Аксаковы, М. П. Погодин, И. И. Панаев, А. В. Дружинин, А. И. Кронеберг, Н. Ф. Щербина, М. Н. Лонгинов, А. В. Никитенко и др.). В 1865 избран чл. ОЛРС. Оставил мемуарные свидетельства о знакомстве и беседах с Белинским, М. С. Щепкиным и Кронебергом летом 1846 в Харькове и Екатеринославе, о знакомстве с Шевченко (в ст. «По поводу толков о малорусском языке и малороссийской словесности», «Дон», 1881, 17 мая).

В 1875 (1873 ?) М. переселился в Москву, однако не порывал связей с Воронежем. Последний его крупной работой стал критико-биограф. очерк «А. Ф. Мерзляков» (РС, 1879, № 1). В конце жизни собирал мат-лы для задуманного им обширного «Словаря рус. писателей» (не обнаружены) и

завещал капитал на его окончание. В написанной незадолго до смерти ст. «По поводу толков о малорус. языке...» М. подвел итоги своих занятий укр. лит-рой и, защищая ее право на самостоят. развитие, призывал не разрушать традиц. духовных связей между Украиной и Россией.

Др. произв.: «Педагогические заметки...» (СПб., 1856), «Книга для чтения при изучении истории древней классич. поэзии» (М., 1865; отклики, 1865: ОЗ, № 7—8; РИ, 12 июня; СПбВед, 14 июля), «„Горе от ума“ на провинциальной сцене» (Воронеж, 1870).

Изд.: Ст. «Голос из провинции о поэме Гоголя...» — В кн.: Рус. критич. лит-ра о произв. Н. В. Гоголя... Сост. В. А. Зелинский, ч. 3, М., 1896; [История знакомства с Гоголем] — В кн.: Вересаев В. В., Гоголь в жизни, М., 1990, с. 492—493; [Письмо М. П. Погодину; автобиограф. сведения] — Барсуков, VII, 147—149.

Лит.: Гоголь; Белинский (укр.); Рябинин Д. Д., Восп. о М. — ИВ, 1882, № 10, с. 83—108; Шенрок В., Лит. отзывы современников о 1-м томе «Мертвых душ», — РС, 1894, № 10, с. 172—74; Багалей Д. И., Опыт истории Харькова, ун-та, т. 1—2, Х., 1894—1904 (укр.) (сведения об отце М.); Быков П. В., Силуэты далекого прошлого, М.—Л., 1930 (укр.); Кулешов В. И., «Отеч. зап.» и лит-ра 40-х гг. XIX в., М., 1958 (укр.); Павлюк М. М., Роль украинских литераторов в перекладанні творів Шевченка російською мовою. — В кн.: 36. праць 11-ї наукової шевченківської конференції, К., 1963, с. 125—33; Ласунський О. Г., Лит. раскопки, Воронеж, 1972 (укр.); его же, Лит.-обществ. движение в рус. провинции (воронежский край в эпоху Чернышевского), Воронеж, 1985 (укр.); Петровская И. Ф., Островский в откликах провинц. печати его времени (1853—1886), — ЛН, т. 88, кн. 1, с. 548—49; Манн Ю. В., В поисках живой души, 2-е изд., М., 1987 (укр.); Некролог, 1882: КС, № 12 (П. Ефименко); Мехов; Сл. ОЛРС; Брокгауз; ЭЭС; Венгеров. Источ.: Языков (наиб. полная библиограф. работ М., 60 номеров); Лерм. энц.; УРЕ; Укр. сов. энц., т. 6, К., 1981; Шевченківський словник, т. 1, Київ, 1978; ИДРБ: Бограв. ОЗ(1); Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 251, к. 2, № 2 («Список рукописям, оставшимся после умершего Н. Д. Микло», 53 наименований); ИРЛИ, ф. 320, № 1470 (ф. с. 1865 г.); № 23217 (письма М. Н. Лонгинову, 1858 и 1865); № 7083 (письма Н. Ф. Щербина, 1850) [справка А. Г. Носовской]; ЦИАМ, ф. 31, оп. 4, л. 711 (ценз. мат-лы); РГИА, ф. 1343, оп. 25, л. 3699, л. 19 (копия м.с.), л. 24 (биограф. мат-лы); ф. 733, оп. 78, л. 1081 (биограф. мат-лы).

Н. Н. Павлюк, О. Г. Ласунский.

МИКЛАШЕВИЧ, Миклашевич Варвара Семёновна [урожд. Смагина; 1772 — 21.12.1846 (21.1847), Петербург; похоронена на Лазаревском кладб. Александро-Невл. лавры], прозаик, переводчица. Предок отца пожалован вочиною в Рязан. у. царем Михаилом Фёдоровичем за «многие службы против злодеев польских и литовских людей и русских воров». Отец, Сем. Ив., почти полвека прослужил в Польше и Центр. России; уже будучи в чине поручика и владельцем имений в с. Константиновке Шешкеев у. и с. Азясе Мокшан у. Пензен. наместничества, убит бунтарями-пугачевцами, когда дочери было полтора года. Бывший в 1791—96 вице-губернатором в Пензе кн. И. М. Долгоруков, с к-рым М., уже «молодая барыня», ве-

ла частные беседы, вспоминал о ней (в 1818): «она была не хороша» собой, «умная и достойная, но увлеклась часто романтич. восторгам, и от того много дурачеств в свой век наделала» (см.: «Капище моего сердца...» — ЧОИДР, 1872, кн. 4, 2-я паг., с. 105).

Незадолго до замужества (состоявшегося не позже нач. сент. 1793) М. оказалась невольной виновницей самоубийства: у нее под окном застрелился учитель брата, когда она отклонила его любовное признание. Возможно, боязнь повторения трагедии повлияла на ее решение принять предложение небогатого местного дворянина, тит. сов. в должностях магистратского прокурора А. О. Миклашевича, бывшего гораздо старше ее. Супруги переехали в Петербург; в 1800 по приказу Павла I мужа арестовали, обвинив в злоупотреблении казенными деньгами, а затем простили и срочно направили прокурором в донскую станицу Михайловскую; М. последовала за ним и в дороге родила сына.

Первые лит. опыты — ода на день рождения великой кн. Елизаветы Александровны (1806) и послание к Г. Р. Державину «Глас сердца» (б. д.) написаны под явным влиянием державинской поэтики (др. поэтич. произв. не сохр.). Поэт ответил ей стихотв. напутствием (не сохр.); однако провинц. жизнь и личные обстоятельства не способствовали ее лит. занятиям. В 1808, потеряв сына (муж умер ранее), она осталась одна и без средств к существованию (приданое муж проиграл в карты; сохранилось прошение М. 1813 к имп. Елизавете Алексеевне о пособии — РГИА, ф. 535, оп. 1, д. 2).

Вернувшись в Петербург, жила в неизвестности. Поселившись у А. А. Жандра вместе со своей воспитанницей П. П. Порейской, в 1816 (?) стала его гражд. женой (будучи на 17 лет старше); позже (не ранее 1825) они «обвенчались» (по словам Порейской, на к-рой женился Жандр после смерти М.). До 1821 вела замкнутую дом. жизнь, ограничиваясь узким кругом друзей; самыми близкими среди них стали А. С. Грибоедов и А. И. Одоевский (с 1824), а также В. К. Кюхельбекер. (В письме от 18 дек. 1825 жаловавшемуся на сплин Жандру Грибоедов отвечал: «Оглянись, с тобою умнейшая, исполненная чувства и верная спутница в этой жизни, и как разнообразна и весела, когда не сердится» — ПСС, т. 3, 1917, с. 187.) Побуждаемая Жандром и Грибоедовым, в 1824 вновь обратилась к лит. занятиям, перевела с франц. одноактную комедию П. Мариво «Завешание, или Кто кого перехитрил» (пост.: Петербург и Москва, 1824) и либретто комич. оперы Э. Скриба «Спальня, или Полчаса из жизни гер-

цога Ришелье» (пост.: там же, 1824). После разгрома декабристов тяжело переживала аресты Жандра, Грибоедова (вскоре отпущенных) и А. Одоевского, за к-рого многократно просила заступиться Грибоедова (сохр. его письма к М. о заступничестве перед властями). В 1829, защищая доброе имя убитого в Персии Грибоедова, написала (совм. с Жандром) памфлет, где утверждалась иная, неофициальная версия гибели рус. посланника (см. *Жандр* А. А.).

По настоянию Грибоедова в 1828 начала писать ром. «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия» (окончен в 1836). С его первыми главами он успел ознакомиться в чтении автора (опубл.: СО и СА, 1831, № 19, 20, 43, 44; распространялся в рукописи); отрывок в № 19 и 20 похвалил Кюхельбекер («талант высокий, мужественный» — Кюхельбекер, с. 318). Готовым романом заинтересовался (незадолго до гибели) А. С. Пушкин (см. его хвалебное оповещение: «Совр.», 1836, т. 3), собиравшийся написать эпиграфы к отд. главам; среди его печатанных бумаг оказалась рукопись романа, к-рую В. А. Жуковский извлек и возвратил автору. В 1841 М. попыталась издать роман, но цензура не разрешила, поскольку усмотрела в нем одностороннее, неприглядное изображение помещиков, администрации и духовенства (см.: Никитенко, 1, 243; Вацуру, 1977, с. 256). Роман опубл. посмертно, почти 30 лет спустя после его завершения (ч. 1—4, СПб., 1864—65, предисл. Н. И. Греча, эпиграфы — Жандра; 2-е изд., СПб., 1908 (текст препарирован и сокращен)).

Будучи «романом тайн», с запутанной интригой и множеством действующих лиц, «Село Михайловское», однако, имеет вполне реальную основу: по свидетельству Жандра, здесь изображены «злодейства, действительно совершенные богатым, необузданным в страстях» пензен. помещиком (Пановым, в ром. — Пениным), жившим в последние годы царствования Екатерины II (Данилов, с. 194, 199, 204). В романе, продолжает Жандр, «нельзя искать искусства ни в создании лиц, ни в изображении происшествий; она ни первых не создавала, ни последних не вымышляла, даже духовные лица все списаны ею с натуры. И потому в ее книге ей принадлежит только форма романа и верность лиц, его представляющих. Только некоторые из них (Рылеев, кн. Одоевский, Грибоедов) она заставила жить на неск. лет раньше (50 лет), но сохранила характер, физиономию, наружность и даже самую их речь в Ильмене, Заринском и молодом Рузине» (цит. по кн.: Мещеряков, с. 133). Себя же автор изобразила в

лице «фантастической Оленьки» — именно такую, какою была во время общения с Долгоруковыми.

Роман, ориентированный на романт. поэтику, вышел в свет в эпоху господства реалистич. прозы и поэтому остался почти незамеченным. Однако, появившись «Село Михайловское» в момент своего завершения, оно, по основат. замечанию рецензента, «заняло бы видное место в ряду романов того времени» («Голос», 1865, 19 марта; см. также рец. 1865: РИ, 20 марта; КВ, № 4; СО, 6, 8 февр.).

Лит.: Пушкин (ук.); Никитенко (ук.; в т. ч. о попытке С. А. Бурачка опубл. роман М. вопреки ценз. запрещению); Грибоедов А. С., ПОС, т. 1, СПб., 1889, с. 407—08; Грибоедов в восп. (ук.); Гоголь, XI, 230, 412; Данилов И., Забытая писательница. — ИВ, 1900, № 7; Щукинский сб., т. 4, М., 1905, с. 250—51; Боброев Е. А., Пушкин и М. — В кн.: Сб. Учено-лит. об-ва при Юрьевском ун-те, в 13, Юрьев, 1908; Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, СПб., 1911 (ук.); Пиксанов Н. К., Грибоедов и А. А. Жандр. — В кн.: Грибоедов А. С., Горь от ума, М., 1912; А. С. Грибоедов. Четыре письма. — В кн.: Звенья, т. 1, М.—Л., 1932, с. 17—28 (вступ. ст. и прим. О. И. Поповой); Хазин М., Загадка пушкинских эпиграфов? — КО, 1969, № 32; Вацуру В. Э., Грибоедов в ром. М. «Село Михайловское». — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции, Л., 1977; Мещеряков В. П., А. С. Грибоедов. Лит. окружение и восприятие. (XIX — нач. XX в.), Л., 1983 (ук.); Савин О., «...Пишу тебе в Пензу», Саратов, 1983, с. 99—106; Пиккуль В. С., Посмертное издание. — В его кн.: Ист. миниатюр, [т.] 1, М., 1991; ЛН, т. 47/48, с. 97—99, 130, 287; см. также лит. при ст. Жандра А. А. + ПНэксп.; Арапов, с. 354; Голлиман; Пономарев; Брокгауз (3/доп.); Венгеров. Источ.: ИРДТ; КЛД; Черейский; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 34, оп. 1, № 136 (письмо А. А. Бурачку); РГА, ф. 1343, оп. 29, д. 4172* (дело о дворянстве Смагиных; родословная Смагиных 1850 г.); ф. 777, оп. 1, д. 1603 и ф. 772, оп. 1, д. 1417 (дела о запрещении и о подтверждении запрещения к печати ром. «Село Михайловское») [справка Н. М. Корневой]; ГА Пензен. обл., ф. 196, оп. 2, д. 2807 (родословная Смагиных); д. 2624; оп. 3, д. 74 [справка С. И. Красновой].

В. П. Мещеряков.

МИКУЛИЧ В. [наст. имя и фам. Лидия Ивановна Веселитская; 5(17).5.1857, г. Егорьевск Рязан. губ. — 23.2.1936, Детское Село Ленинград. обл.], беллетристка, переводчица, мемуаристка. Род. в дворян. семье. Отец, Ив. Гавр. Веселитский, — потомок далматских князей Божидар, офицер-артиллерист, преподававший в Александров. кадет. корпусе; мать, Эмилия Ал-др. Дихеус, — швед.-нем. происхождения. После развода родителей и вторичного замужества матери М. воспитывал дед, с к-рым она жила то в Царском Селе (здесь прошла б. ч. жизни М.), то в Павловске. В 1867 поступила в Павловский жен. ин-т пансионеркой «на счет казенных сумм Гл. нач. Туркестан. военного округа», окончила в 1874. Училась на Высших пед. курсах в Петербурге, в 1876 получила звание «дом. наставницы», но в дальнейшем отказалась от этого поприща. В 1881 вышла замуж за офицера Вс. Вл. Чернавина, в 1887

брак был расторгнут. По словам М. (восп. «Пройденная дорожка» — РГАЛИ, ф. 101, оп. 1, № 16), после окончания курсов она впервые выступила в печати в ж. «Семья и школа» и «Дет. чтение» (публ. не выявлены).

Активную лит. деятельность начала с 1883: рассказ «Студент» («Нива», № 46—47), одобренный И. С. Тургеневым (Тургенев. Письма, XII, кн. 2, 154), и 1-я ч. трилогии «Мимочка-невеста» (ВЕ, № 9). Успех имела 2-я ч. трилогии «Мимочка на водах» (ВЕ, 1891, № 2—3), в к-рой выведен тип совр. легковесной, эгоистичной, лишенной интеллектуальных устремлений и моральных устоев светской женщины. А. Л. Волынский отметил «тонкий, игривый юмор и чрезвычайно выразительную легкую речь», хотя и неглубокий, но «блещущий меткостью» анализ, при этом указал на осн. недостаток прозы М. — «поверхностность и отсутствие серьезного и глубокого худож. замысла» в изображении коллизий жен. судьбы (СВ, 1891, № 4, с. 171—75). Л. Н. Толстой нашел повесть «по тону своему ... оригинальной», однако при повторном чтении заметил: «Хорошо. Но есть преувеличения и подражание самой себе» (Толстой, LXVI, 275; см. также: Интервью и беседы с Л. Толстым, М., 1986, с. 62). Н. С. Лесков назвал пов. «мастерским произведением»: «свежа, жива и любопытна, и при том манера писания чрезвычайно искусна и приятна. „Мимочка“ ... это своего рода Чичиков, в лице к-рого „ничтожество являет свою силу“» (Лесков, XI, 526). Диалогия «Мимочка» (отд. изд. — СПб., 1892; рец. 1892: РБ, № 11; РМ, № 7) была переведена на нем., франц., англ., польск., швед., дат. языки.

3-я ч. трилогии «Мимочка отравилась» (ВЕ, 1893, № 9, 10; отд. изд. — М., 1895) прошла почти незамеченной; лишь анонимный автор аннотации в ж. «Рус. мысль» (1893, № 11, с. 551) отметил «отличный язык, живость развития положений... замечательно тонкий сарказм». Пов. «Зарницы» (СВ, 1894, № 1—4; отд. изд. — М., 1895), наиболее очевидно обнаружившая недостатки прозы М., выявленные Волынским, вызвала резкие суждения критиков: «отсутствие плана ... замысла ... слишком много болтовни» (П. Ачкасов — РВ, 1895, № 2, с. 229—30); «мысли героини отличаются какою-то пируэтностью» (Кн. «Неделя», 1894, № 5, с. 206). Толстой был неудовлетворен тем, что М. «серьезных жизненных вопросов» касается «слегка», а «такие вопросы надо разрабатывать до самой глубины или представлять их в худож. форме» (восп. М. «Встречи с писателями», с. 76).

Появление в 1898 (СПб.) отд. изд. ряда повестей и рассказов М. («Студент», «Новенькая» (впервые: МБ, 1892, № 7), «Мимочка», «Зарницы», «Черемуха» (впервые: СВ, 1898, № 1—2)) стало поводом для уничтожит. критики: «Зарницы» — «архискупная вещь»; «история юной женской души... сведена в „Черемухе“ к птичьему существованию, к птичьей философии и птичьим интересам», все соч. «производят впечатление чего-то старого, хорошо знакомого» (А. Б. (А. И. Богданович) — МБ, 1899, № 1, с. 7). Однако М. продолжала много писать, пытаясь утвердить свою лит. репутацию («живой талант» — Тургенев в Письма, XIII, 154). Драматичностью сюжетов, психол. достоверностью отличаются рассказы из семейной жизни «Ночь в вагоне», «В Венеции», «Моя любовь» (сб. «Рассказы», СПб., 1911). Расширился и тематич. диапазон ее прозы: рассказы о нищей жизни гор. низов, обитателей подвалов, погрязших в пороках и пьянстве «Пасха красная», «Телятина», «В доме Тришкина» (сб. «Пасха красная», СПб., 1914); нек-рые соч. проникнуты свойственным автору глубоким религ. чувством.

Занималась также переводами для детей соч. А. Доде, В. Гюго, Ш. Нодье, А. Мицкевича, Ф. Шиллера и др., из к-рых составила сб. «Яшина книжка» (СПб., 1899). Прозаич. пер. поэмы Гюго «Бедные люди» после двух редактур Толстой включил в сб. «Круг чтения» [см.: Бойко М. Н., «Бедные люди» (о пер. В. Микулич) — в Кн.: Толстой-редактор, М., 1965]. Перевела с франц. яз. «Записки» А. О. Смирновой-Россет (СВ, 1893—94; отд. изд. — СПб., 1895).

Обладавшая даром общения, М. была знакома со мн. литераторами и журналистами и оста-

вила ряд живо написанных беллетризов, мемуаров (частично вошли в сб. «Встречи с писателями», Л., 1929; предисл. Д. Выгодского; б. ч. неопубл. мат-лов хранится в РГАЛИ). В 1880 в салоне Е. А. Штакеншнейдер встретила с Ф. М. Достоевским, затем неоднократно видела и беседовала с ним; в очерке «Встреча со знаменитостью» (М., 1903) восприняла внешний облик писателя в последний год жизни, передала его высказывания о лит-ре и на др. темы. В 1881 познакомилась с В. М. Гаршиним, к к-рому проявила симпатии (см. психол. портрет писателя — «Восвело Гаршин», ИВ, 1914, № 1). В нач. 1890-х гг. вошла в круг редакции ж. «Сев. вост.» (Л. Я. Гуревич, Волынский и др.). В янв. 1893, благодаря Гуревич, стала входить в дом Лескова, часто, до самой его кончины, посещала писателя («Он усматривал в ней редкостного человека по запросам духа и глубине ума... Автор „Мимочки“ заинтересовал его как своим христ. миропониманием, так и лит. талантом» — Махисева Н. А., Н. С. Лесков в последние годы своей жизни — РМ, 1908, № 10, с. 172, 176); ценно документ. повествование М. «Письма Н. С. Лескова» (альб. «Лит. мысль», Л., 1925, кн. 3). Длит. дружба связывала ее с М. О. Меньшиковым (познакомилась через Лескова в 1893), помогала ему в выпуске ежемес. сб-ков «Письма к ближним»; в 1918 описала со слов жены Меньшикова последние дни его жизни, арест и расстрел (опубл. «Кубань», 1989, № 9).

В мае 1893 М. приехала в Ясную Поляну, с тех пор неоднократно посещала толстовскую усадьбу и хамовнический дом («очень умая, скромная и чуткая женщина» — Толстой, LXVIII, 323). Не разделяя антицерк. взглядов Толстого, М. вместе с тем проявляла большой интерес к его публицистике, запрещенным цензурой соч., преклонялась перед личностью писателя, симпатизировала его последователям — Н. Н. Ге, Н. Н. Страхову, П. И. Бирюкову и др., бывала у В. Г. Черткова. Взаимоотношения с Толстым и его семьей М. описала в очерке «Тени минувшего» (ИВ, 1913, № 2—4; отд. изд. под назв. «Тени прошлого» — СПб., 1914). Т. Л. Толстая-Сухотина писала к М. об этих восп.: «до сих пор я ничего не знаю, что так живо и правдиво передало бы дух семьи моего отца... Одно мне было немного неприятно — это ваше осудительное и ироническое отношение к Черткову» (письмо от 27 апр. 1913 — «Звенья», т. 1, М.—Л., 1932, с. 508). Как и ряд др. текстов, этот очерк в сов. время был подвергнут авторедактуре и получил назв. «У Толстого» при составлении сб. «Встречи с писателями»; Н. О. Лернер отметил «многочисл. и явно тенденциозные пропуски» мест первого изд., посвященных толстовцам Д. А. Хилкову и Черткову (особенно «попущен» последний), но подчеркнул, что «в книге много зорких и чутких психол. наблюдений» («Звенья», 1929, № 2; др. рещ.: «На лит. посту», 1929, № 11/12).

В нач. 1900-х гг. была знакома с Н. С. Гумилевым (см.: ЛН, т. 85, с. 407); по-видимому, встречалась в Царском Селе с И. Ф. Анненским, посвятившим ей стихи. [Л. И. Микулич] см. в его кн.: Стихотворения и трагедии, Л., 1990 (БПбс, с. 198). После 1917 поддерживала связь с Н. А. Котляревским, О. А. Фрибес, В. Я. Шинниковым.

Последние годы жизни М. прошли в Детском Селе в бедности и забвении, нек-рое время она преподавала музыку в дет. доме им. А. И. Герцена.

Др. произв.: «Дуся. Рассказы» (П., 1915, 1917), «Из переписки» («Звенья», т. 1, М.—Л., 1932).

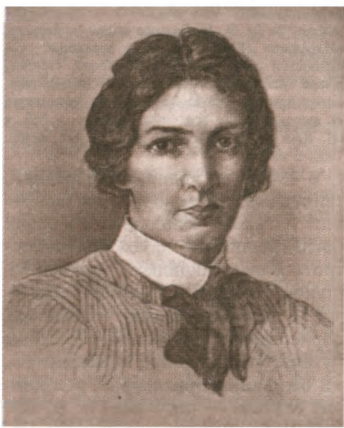
Лит.: Толстой; Тургенев; Чехов (все — ук.); Переписка Чехова, т. 2, М., 1984 (ук.); Скабичевский А. М., История новейшей русской лит-ры, СПб., 1909, с. 386; Николас П. Ф., Вопросы жизни в совр. лит-ре, М., 1902; История новейшей рус. лит-ры, 5-е изд., СПб., 1903; Головин К., Рус. роман и рус. общество, 2-е изд., СПб., 1904; Колтоновская Е. А., Женские силуэты, СПб., 1912; Харьяков А., Мимочка. — «Очаг» (Львов), 1937, № 4; Рус. лит-ра кон. XIX — нач. XX вв. Десятилетие. М., 1968 (ук.); В мире Лескова, М., 1983 (ук.); Лесков А., Жизнь Николая Лескова, т. 1—2, М., 1984 (ук.); Рос. архив. IV. М. О.

Меньшиков. Мат-лы к биографии, М., 1993 (ук.); ЛН, т. 70, т. 90 (ук.). — Некролог: «Лит. Ленинград», 1936, 26 февр. Брокгауз; Мезьер; Венгеров. Источ. (неправильно указано имя М.); Гранат; Владиславлев; Галерея рус. писателей, М., 1901; ИДРДВ; Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 101; ИРЛИ, ф. 44, ф. 377; ф. 283, оп. 1, № 42 (29 писем к Л. Я. Гуревич); ф. 230, № 215 (письма к Е. П. Лесковой-Султановой); ГМТ (письма 1890-х гг. к С. А. Толстой, Т. Л. Толстой-Сухотиной, Л. Л. Толстому — в соответствии с фондами); РНБ, ф. 124, № 837 (2 письма Э. П. Юргенсону, 1913), № 3682 (2 письма В. В. Розанова, б.г.), № 4153 (письма Н. Н. Страхова, 1895), № 2776 (2 письма М. О. Меньшикова, 1907 и б.г.); ф. 118, № 293, 1059 (письма П. В. Быкова, 1919); РГИА СПб., ф. 7, оп. 2, д. 192, л. 27—28; д. 208, л. 23—24; ф. 918, оп. 1, д. 403, л. 1 (сведения об образовании).

С. А. Розанова.

МИЛИЦЫНА Елизавета Митрофановна [урожд. Разуваева; 24.4(6.5).1869, г. Острогожск Воронеж. губ. — 11.1.1930, Воронеж, похоронена на Митрофаньевском (Нововостроянском) кладб.], прозаик. Отец — приказчик в помещичьем хозяйстве, затем обездичив ж.-д. путей; мать — из семьи откупившегося

на волю крепостного крестьянина. «С самого детства видела бедность... Мать моя кое-как выучила меня грамоте, потом я много без разборю читала, что попадалось под руку» (Автобиография — ГА Воронеж. обл., ф. 188, оп. 2, д. 8, л. 3). В 1889 вышла замуж за управляющего имениями графов Толстых Г. Картина, через три года брак распался. В 1894 стала женой агронома Н. А. Милицына, поощрявшего ее лит. занятия, и в том же году вместе с ним переехала в Москву, где сблизилась с демокр. лит. кругами.

Первая публ. — очерки «Деревенские картинки» (РВед, 1898, 6, 15, 22 янв.). Затем периодически печатала очерки и рассказы в ж. «Рус. мысль» (1902—07), «Рус. богатство» (1905—06). Преним. разрабатывала традиц. деревен. проблематику: бесправие, угнетение, невежество, бедность; особое внимание уделяла положению женщины в деревне, отношению крестьян к религии, к природе (не без идеализации нар. характе-

ра). Точность зарисовок деревен. быта, отчетливость постановки крест. проблем, простота изложения и внимания к положит. началам крест. жизни благожелательно отмечались в обзорах текущей лит-ры. Так, в пов. «За светом» (РМ, 1904, № 1) А. В. Луначарский увидел «...интересную попытку проникнуть в душу той бродячей Руси, разнокалиберной, разнородной, богатой типами, к-рая ходит по лицу земли в поисках за утешением, поучением, развлечением, иногда и за более низменными благами» («Обр.», 1904, № 3, с. 120—25; см. также № 7; др. отзыв: Н. Геккер — «Одес. новости», 1905, 6 февр.). В 1905 выпустила сб. «Рассказы» (М.), удостоенный поч. отзыва АН при присуждении 16-й пр. им. А. С. Пушкина.

В рец. на сб-к Н. Кондаков отметил: «любознание, внимательное погружение в разные виды затнутого, безнадёжного горя рус. нар. жизни», но сентиментальность и отсутствие новизны в разработке тем (Сб. ОРЯС, 1906, т. 81, № 5, с. 80—81; др. поч. отзыв, 1907: там же, т. 84, № 5; рец. 1905: «Иск-во», № 2; О. Миртов — «Обр.», № 3). В. В. Розанов нашёл в рассказе «Идеалист» (РМ, 1904, № 2) отражение особенностей религ. жизни рус. народа, «теплое, живое чувство веры» (НВ, 1904, 23 июня), однако др. критик отказал М. в умении проникнуть «в душевный мир всех этих мужиков и баб...» (Н. Ю-н (Н. Н. Вентцель) — НВ, илл. прил., 1905, 6 июля).

В 1905—06 ходила по деревням, записывала разговоры крестьян — этот материал использовала в своих последующих рассказах, критич. острота к-рых усилилась. Героями М. становятся деревен. бунтари, крестьяне с революционизир. сознанием, обрисованные с симпатией («Своим путем», «Скрышной», «Ожидания», «В ожидании приговора», «Страшная сказка» — см. в нижеуказ. сб-ке).

С 1906 М. жила в Воронеже. Печатила рассказы и повести в ж. «Маяк» (1910—13), «Жизнь для всех» (1911—15), «Вест. Европы» (1910), «Общедоступный журнал» (1912). Вступив в переписку с М. Горьким, увидевшим в ее лице «серьезного сотрудника и ценную силу» (письмо к М. от 26 апр. 1908 — Горький, XXIX, 65—66), была привлечена к работе в изд-ве «Знание». Здесь в 1910 вышли 2 тома «Рассказов», в 1913 — 3-й том [на него был наложен арест (РГИА, ф. 776, оп. 17, 1913 г., д. 247), а М. привлечена к ответственности по 129 ст. Уголовного уложения — «восстановление класса на класс», — но в связи с начавшейся 1-й мировой войной и благодаря хлопотам друзей дело было остановлено].

Рассказы М. тепло встретили критики: в них «есть нечто несомненно свое» (А. В. Амфитеатров — «Совр.», 1911, № 2, с. 289), «настоящая, доподлинная деревня» (В. В. Брусилин — «Кругозор», 1913, № 2, с. 269) и, несмотря на обилие мрачных фактов (Н. Смоленский: «Какжется, что вся рус. жизнь представляет собой одну сплошную рану...» — «Отдых христианина», 1913, № 6, с. 1127—46), в них «есть и красота» (Ю. И. Айхенвальд — «Речь», 1912, 25 нояб.).

«в чисто худож. отношении они — не крупное, но приятное явление» (А-ский — «Завесты», 1913, № 2, с. 206—07). Однако с сожалением было отмечено отсутствие оригинальности и новизны в лит. языке: М. «пишет, как десятилетия, а м. б. и сотни беллетристов ... осталась верной старой ... школе бытописателей» (Брусилин — см. его вышеуказ. рец.).

С 1913 М. — д. чл. ОЛРС. В 1914—15 работала в воен. госпит. лях. Ее антивоен. «Записки сестры милосердия» (1915), не пропущенные цензурой, получили нек-рую известность благодаря чтению отрывков из них в 1916 В. И. Качаловым (рукопись — в Воронеж. доме-музее И. С. Никитина, машинописный текст — в л. ф. ГА Воронеж. обл.). После Окт. революции занималась обществ. и культурно-просветит. деятельностью, ездила по деревням с лекциями. В 1919 после смерти родителей и мужа уехала в с. Шукавку Воронеж. губ., где заведовала волостной б-кой, затем дет. домом, вела агитац. работу. В 1920 вступила в РКП(б), в 1921 была исключена «за оторванность и непонимание собраний». В 1922 вернулась в Воронеж, печатала рассказы, очерки и корреспонденции в газ. «Коммуна», «Новая деревня», «Беднота», в воронеж. сб-ках «Подъем» и «Звено». Писала о классовом противоборстве в деревне, о борьбе с неграмотностью: рассказ «Миражи» (Р.-н/Д., 1926) и «Суд над неграмотным. Пьеса для деревен. театра» (Р.-н/Д. — Краснодар, 1925; рец.: О. Кайданова — «Вест. книги», 1925, № 2).

Изл.: Избр. рассказы. Вступ. ст. М. Подобедова, Воронеж, 1949; Не по закону. Рассказ, М., 1907; В ожидании приговора. — «Сб. товарищества „Знание“», т. 32, М., 1910.

Лит.: Горький (ук.); Путинцев А., Е. Милицына. — ЛГ, 1930, 9 июня; Теляков М., К вопросу о жизни и творчестве Е. М. Милицыной. — «Лит. Воронеж», 1940, № 2(9); Касторский С., Статьи о Горьком, 2-е изд., Л., 1955 (ук.); Тонков В. А., Из лит. прошлого Воронежца. — В кн.: Писатели-воронежцы XIX — нач. XX в., Воронеж, 1947; Павлова В., По селам ЦЧО. — «Подъем», 1967, № 4; Очерки лит. жизни Воронеж. края, Воронеж, 1970, с. 359; ЛН, т. 95 (ук.). — Венгеров, Источ. (ошибочно ук. имя и отчество и годы жизни М.); РБСд. Сб. (несверно ук. имя и отчество); КЛЭ; Муратова (2); Масанов (несверно расшифрованы инициалы, ошибочно указан год рож. и пр.).

Архивы: ГА Воронеж. обл., ф. 188 (справка Э. Б. Росман); ИРЛИ, ф. 155; ф. 540, 1906 г., л. 13 об. Е. Н. Пемухова.

МЙЛЛЕР Всеволод Фёдорович [7(19).4.1848, Москва — 5(18).11.1913, Петербург; похоронен в Москве], фольклорист, этнограф, востоковед. Сын Ф. Б. Миллера. Получил дом. образование; окончил частный иностр. пансион Эннеса в 1865. Сдав экзамены при 4-й моск. г-зии, поступил на ист.-филол. ф-т Моск. ун-та, где с особым увлечением занимался у Ф. И. Буслаява и санскритолога П. Я. Петрова. Первая публ. М. — пер. «Двух веронцев» У. Шекспира (Полн. собр. драм. произв., т. 4, СПб., 1868), выдержавший неск. переизданий. По окончании ун-та в

1870 был оставлен при кафедре сравнит. языкознания. Одновременно преподавал лат. яз. в г-зии. В 1874—1875 занимался сравнит. языкознанием и санскритом в ун-тах Тюбингена, Берлина, Праги, Парижа. В

1877 защитил магистер. дис. (монография «Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой», т. 1. Асвины—Дноскуры, М., 1876), в 1888 — докторскую (кн. «Осетинские этюды», ч. 2, М., 1882). В моск. высших уч. заведениях читал лекции по истории Востока, санскриту, древнеперс. яз., истории рус. словесности и др. С 1884 проф. кафедры сравнит. языкознания, с 1892 проф. кафедры истории рус. яз. и словесности, с 1903 заслуженный проф. Моск. ун-та. Чл.-к. АН по ОРЯС с 1898, ординарный акад. с 1911.

Науч. деятельность М. (ему принадлежат более 200 печатных трудов) — при широте интересов и разнообразии проблематики — отличалась внутр. единством, органич. общностью его занятий лингвистикой, древними языками, мифологией, этнографией и нар. словесностью на основе последоват. применения к ним сравнит. метода. В канд. работе «Вост. и зап. родичи одной рус. сказки» («Труды этногр. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии», 1877, т. 4) М. доказывал, что рус. сказки заимствовались с Востока непосредственно. В кн. «Взгляд на „Слово о полку Игореве“» (М., 1877), утверждая книжный характер памятника, обнаружил в нем влияние визант. поэмы 10 в. о Дигенисе Акрите. Центром исследований М., предпринятых в кон. 70-х гг. на Сев. Кавказе, стала культура осетин («Осетинские этюды», ч. 1—3, М., 1881—87, — посв. языку, истории, фольклору, религии), рассматривавшаяся в связи с пробле-

мами ирановедения и ролью Кавказа как связующего звена между Востоком и Русью.

С нач. 90-х гг. М. сосредоточивается на проблемах рус. нар. словесности, гл. обр. былин. Ему принадлежит неск. значительных сводных изданий рус. эпоса: «Рус. былины старой и новой записи» (М., 1894; совм. с Н. С. Тихонравовым), «Былины новой и недавней записи из разных местностей России» (М., 1908), «Ист. песни рус. народа XVI—XVII вв.» (СПб., 1915). Многочисл. теоретич. работы М. о рус. эпосе, обобщившие громадный фактич. материал и пронизанные единой концепцией, собраны в кн. «Эксперименты в область рус. нар. эпоса» (М., 1892) и «Очерки рус. нар. словесности» (т. 1, М., 1897; т. 2, М., 1910; т. 3, М.—Л., 1924). Анализ иран., тюрк., кавк. параллелей к былинам в первой книге привел М. к выводам (высказанным достаточно осторожно) о разл. «восточных» влияниях на рус. эпос (сюжеты, мотивы, образы); при этом М. отмечал в былинах «силу народности», способствовавшую превращению «чужого» в «родное достояние» и сохранению их нац. характера. В «Очерках», выдвинувших М. главой «ист. школы» в рус. фольклористике, он развернул свою концепцию происхождения, эволюции и поздних судеб былин, к-рым (в том виде, как они дошли до нас) предшествовали, с его т. з., песни конкретно-ист. содержания, откликавшиеся на события полит. и бытовой жизни Др. Руси и воспевавшие князей, дружинников, воевод. Чтобы восстановить «ист. фундамент» этих песен, М. предпринял фронтальный сравнит. анализ былинных текстов с летописными преданиями, разл. свидетельствами и реалиями в летописях и памятниках др.-рус. (иногда — др.-болг. и византийской) лит-ры. Методика конкретных сопоставлений для выявления в былинах ист. напластований изобиловала натяжками, отличалась прямолинейностью и не учитывала специфики эпич. творчества (влияние позитивист. подхода). Согласно концепции М., песни, предшествовавшие былинам, слагались княжескими и дружинными певцами и носили аристократич. характер, тогда как былины — результат их искажения в крест. среде. «Аристократич. теория», не имевшая в трудах М. антинар. окраски, была подхвачена в 1920-е гг. вульгарными социологами и доведена до крайности (в этом виде она подверглась критике в сер. 1930-х гг., когда в противовес ей была выдвинута концепция нар. происхождения рус. эпоса).

М. — крупный организатор науки: с 1881 пред. этногр. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, один из основателей и

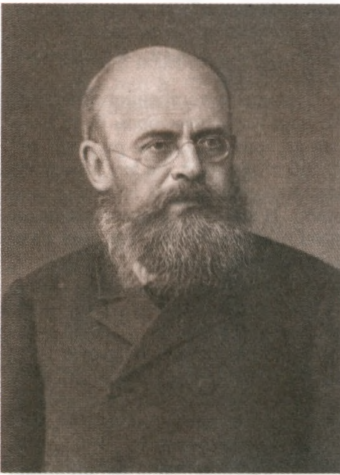
редактор ж. «Этногр. обозрение» (с 1889); в 1884—97 хранитель Дашковского этногр. музея (под ред. М. изданы 7 вып. описаний музейных коллекций и мат-лов по народам России и всего слав. мира); в 1897—1911 директор и проф. Лазарев. ин-та вост. языков.

Лит.: Юбилейный сб-к в честь В. Ф. Миллера... М., 1900; «Этногр. обозрение», 1913, № 3/4 (посв. памяти М.); Марков А. В. Обзор трудов М. по нар. словесности. — ИзвОРАС, 1914, кн. 2, 1915, кн. 1, 1916, кн. 1; Скафтымов А. П., Поэтика и генезис былин, М.—Саратов, 1924; Азадовский М. К., История рус. фольклористики, т. 2, М., 1963; Гусев В. Е., «Ист. школа» в рус. дореф. фольклористике. — В кн.: Очерки истории рус. этнографии, фольклористики и антропологии, в. 3, М., 1965; Астахова А. М., Былины. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966. + Некролог: «Изв. АН», 1914, № 2 (А. А. Шахматов). Брокгауз: НЭС; Мат-лы для биогр. словаря я. чл. АН, ч. 2, П., 1917 (список трудов М.); ЛЭ; КЛЭ; СДР; Масанов.

Архивы: ГЛМ, ф. 11; РГАЛИ, ф. 323; ГИМ, ф. 451; ЛО Ин-та Востока, ф. 38.

Б. Н. Путилов.

МИЛЛЕР Орест (Оскар) Фёдорович [4(16).8.1833, г. Гапсаль Эстлянд. губ. — 1(13).6.1889, Петербург; похоронен на Смоленском кладб.], фольклорист, историк лит-ры, критик, публицист. Отец, надв. сов., тамож. чиновник из обрусевших шведов, умер, когда М. было три года; мать, из семьи остзейских баронов

Унгер-Штернбергов, умерла при его рождении. Детство и юность М. прошли в Вильне и Варшаве, где в семье дяди, арт. офицера, женатого на русской (Е. Н. Чириковой), он получил превосходное домашнее образование (в течение всей жизни сохранял глубокую привязанность и нежную любовь к приемным родителям). В 15 лет по личному побуждению принял православие (изменив полученное при рождении имя Оскар). Будучи студентом ист.-филол. ф-та Петерб. ун-та (окончил в 1855), опубл. стих. «На смерть Жуковского» (СП, 1852, 30 мая).

В период патриотич. подъема, вызванного событиями Крымской войны 1853—56, выступил в печати со стих. «Молитва у гроба Кутузова» (в сб. «С нами Бог! Вперед!.. Ура!..», М., 1854) и драмой («эпизод Отеч. войны») «Подвиг матери» (СПб., 1855; петерб. Михайловский т-р, 1854—55), благосклонно-нисходящ. воспринятой критикой (Р. (М.) Зотов) — СП, 1855, 17 янв., 7 апр.; ОЗ, 1855, № 6; ср. краткую рец. Н. Г. Чернышевского, «Совр.», 1855, № 6, отметившего слабость пьесы, «к-рая, впрочем, писана довольно гладкими стихами», — II, 712). Доброжелательно была встречена ист. драма в шиллеровском роде «Конрадин» (ЖМНП, 1857, № 1; отд. изд. — СПб., 1857; отзывы: В. Я. Стоюнин — «Театр. и муз. вест.», 1857, № 12; В. Водовозов — БдЧ, 1857, т. 143).

В магистер. дис. «О нравственных стихах в поэзии ...» (СПб., 1858), кратком очерке истории мировой лит-ры — от древней Индии через античность и ср. века до М. Сервантеса и У. Шекспира, — М. стремился проследить развитие нравств. начала в поэзии, борьбу в ней высшего, духовного с низшим, чувственным. Согласно М., идеальный мир поэзии показывает человеку, каким он должен быть, учит самоограничению, способности к самопожертвованию. Совр. лит-ру М. обвинял в «материализме», отказывал ей в истинной нравственности. На фоне обществ. умонастроений кон. 50-х гг. работа была воспринята как проявление рутинной идеологии; А. А. Котляревский («Атеней», 1858, № 37, 39) отметил зависимость М. от гегельянца К. Розенкранца, неполноту фактов, односторонность подхода к теме; Н. А. Добролюбов («Совр.», 1858, № 10) резко осудил книгу как проповедь «отречения от своей личности и поклонения чужому авторитету» (III, 376); более сдержанным был отклик «Отеч. зап.» (1858, № 10). Отзывы, ошеломившие М., на время закрыли перед автором двери редакций, лишив возможности объяснить свою позицию, неотделимую от личности и житейского поведения самого М., всегда готового к самоограничению ради др. людей (о сохранявшейся в студенч. среде вплоть до сер. 80-х гг. инерции первонач. восприятия М. сквозь призму добролюбовских оценок см.: Вересаев, с. 204—205). В 1859 М. причислен к Мин-ву нар. просвещения (тит. сов.). В 1860 благодаря друж. поддержке К. Д. Ушинского, служившего инспектором жен. Смольного ин-та, приглашен в этот ин-т преподавателем рус. словесности, через год получил приглашение на ту же должность в Марининский ин-т. После успешных публичных лекций и статей по истории рус.

словесности в ж. «Учитель» (в т. ч. «Белинский как педагог», 1861, № 9—12; отд. изд. — СПб., 1861) и поездки за границу для пополнения образования (1862—63: Берлин, Прага) утвержден в 1863 приват-доцентом (с 1871 — ординарный проф.) Петерб. ун-та, где стал горячим пропагандистом изучения устной нар. поэзии [мат-лы его лекций по истории фольклора вошли в работу «Опыт исторического обозрения рус. словесности...» — «Учитель», 1862, № 2...24; отд. изд. — ч. 1—2, СПб., 1865; как прил. к «Опыту...» издавалась «Хрестоматия...» (СПб., 1863, 1866)].

В докт. дис. «Сравнительно-критические наблюдения над словесным составом нар. рус. эпоса. Илья Муромец и богатство киевское» (СПб., 1869; отклики: Ф. И. Буслав — ЖМНП, 1871, апр.; Отчет о 14-м присуждении Уваровских наград, СПб., 1872), надолго ставшей одним из осн. трудов по рус. эпосу, М., полемизируя с работами В. В. Стасова, придерживавшегося «миграционной теории», в т. ч. с его кн. «О происхождении рус. былин» (1868), на огромном сравнит. мат-ле, рассмотренном с позиций мифол. школы в фольклористике, впервые поставил вопрос о соединении в содержании былин реликтовых мифол. представлений народа с худож. элементами разных эпох, доказывая нац. самобытность былин как выражения рус. нар. нравств. идеала (мягкость характера, человечность, непризнание «права сильного»). М. принадлежат также работы о рус. нар. песнях, укр. думах, древнерус. лит-ре. Эпизодически он занимался поэтич. переводами, в т. ч. сербских нар. песен (см. в кн.: Поэзия славян, СПб., 1871; здесь же ст. М. «О славянских народных песнях»).

Еще во время загранич. поездки М. начал сотрудничество с газ. И. С. Аксакова «День», опубликовавшей в 1863 два письма М. (22 июня, 31 авг.), а затем его вступ. лекцию к ун-тскому курсу (21 дек., с прим. Аксакова, посчитавшего программу курса близкой славянофильскому направлению; возражения М. — там же, 1864, 9 февр.); позднее был пост. сотрудником слав. отдела газеты. Вплоть до кончины Аксакова М. поддерживал с ним тесные связи, в 80-е гг. публиковался в его газ. «Русь». Выступил (совм. с журналистом и публицистом С. Ф. Шарлаповым) составителем «Сб-ка статей, напечатанных... по случаю кончины И. Аксакова» (М., 1886; включены и статьи М.), опубликовал кн. «Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам» (СПб., 1889). В работах 70—80-х гг. М., идеализировавший древнюю Русь, видевший в ней «народосоветие»,

торжество общинных начал, подчеркивал родственность своих воззрений славянофильским. Истории раннего славянофильства посвящена его ст. «Основы учения первоначальных славянофилов» (РМ, 1880, № 1, 3) — одна из первых попыток науч. изучения этого течения рус. обществ.-полит. мысли. Объективно, однако, обществ. деятельность М. этого времени, публицистич. и критич. выступления, частично собранные в кн. «Славянство и Европа» (СПб., 1877), в большей степени были связаны не с разработкой проблематики, актуальной для ранних славянофилов, а с обсуждением круга «славянских» проблем, широко дискутировавшихся в рус. об-ве в период «восточного кризиса» и рус.-тур. войны 1877—78 (см.: Цимбаев, 1986, с. 40, 43—45). Деятельно участвуя в работе петерб. Слав. благотворит. к-та, М. стоял в нем несколько особняком. Позиция М., стремившегося исходить в оценке обществ. и лит. явлений из критерия нравств. представлений, выработанных в ходе ист. развития народа, воспринималась современниками как противостоящая и либералам, и консерваторам; ср. определения А. Н. Пыпина и — в более развернутом виде — Б. Б. Глинского: «своего рода ученый „народник“ и „ученый народник-славянофил и моралист» (ВЕ, 1889, № 7, с. 439; Глинский, с. 52—53, 125).

Предметом постоянного интереса М. наряду с фольклором была история рус. лит-ры 19 в. и текущий лит. процесс (его публ. на эту тему основывались на ун-тских и публич. лекциях). В кн. «Русские писатели после Гоголя» (1—2-е изд. под назв. «Публичные лекции...», СПб., 1874, 1878; 3-е изд., ч. 1—3, СПб., 1886—1888; 5-е изд., ч. 1—3, СПб.—М., 1909—10; 6-е изд., т. 1, 2, СПб.—М., 1913—15; включены очерки о И. С. Тургеневе, Ф. М. Достоевском, И. А. Гончарове, А. Ф. Писемском, М. Е. Салтыкове-Щедрине, С. Т. Аксакове, П. И. Мельникове, А. Н. Островском) исповедуемые М. идеи обществ. и гражд. служения, характерный для него нравств. угол зрения на творчество совр. писателей, к-рое он смело вводил в историю лит-ры, определяли логику анализа героев разбираемых произведений. Превалирование религ.-нравств. оценок ощутило в ст. «А. Н. Майков» (РМ, 1888, № 5, 6), где М. называл Майкова продолжателем традиций А. С. Пушкина и К. Н. Батюшкова, но упрекал его в чрезмерном увлечении «миром языческим»: поэт недостаточно сильно противопоставил ему христианское учение, не указав ясно на область «зидительного ... деятельного христианства» (№ 6, отд. 2, с. 47—48). Анализируя творчество С. Я.

Надсона [«Основной мотив» (Лекция о Надсоне)] — «Новости», 1887, 6 февр.: «С. Я. Надсон (по поводу посмертного издания его стихотворений)» — РС, 1887, № 11], гл. его заслугой М. считал не выражение «нашей душевной боли и наших умственных язв», а «живое от них врачество», к-рое видел в «запасе нравств. сил, каким он был одарен...» (РС, 1887, № 11, с. 495—96).

М. опубликовал также ряд статей и небольших монографий о писателях 19 в., не лишенных просветительно-популяризаторского начала и обнаруживших широту его лит. вкусов и симпатий: «Об общественных типах в повестях И. С. Тургенева» («Беседа», 1871, № 11—12), «Стихотворения Хомакова со стороны руководящих мыслей» («Заря», 1869, № 7; в переработ. виде — в сб. «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины...», СПб., 1875), «Гр. А. К. Толстой как лирический поэт» (ВЕ, 1875, № 12), «Последние песни Некрасова» («Свет», 1877, № 5), «Речь о Пушкине. Пушкинский вопрос» (РМ, 1880, № 4), «Разбор стихотворений Я. П. Полонского» («Первое присуждение Пушкинских наград», СПб., 1882), «Область отрожденной личности (по поводу 50-летия „Ревизора“)» (ИБ, 1886, № 6), «Наши современные поэты. Н. М. Минский» (РМ, 1888, № 1), «Памяти В. М. Гаршина» (СПб., 1889), «Г. И. Успенский. Опыт объяснит. изложения его сочинений» (СПб., 1889). Был знаком со мн. писателями, в т. ч. с Достоевским; посвятил ему поминательную ст. (РМ, 1881, № 3) и еще неск. статей: о речи на Пушкинском празднике («Неделя», 1881, № 5), о взаимоотношениях его с Тургеневым (там же, 1884, № 8) и др.

После смерти Достоевского собирал мемуарные свидетельства о писателе, одним из первых (наряду с Н. Н. Страховым) предпринял попытку создания его биографии: «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского» [в кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского (СПб., 1883), вышедшей как 1-й том посмертного Полного собр. соч. Достоевского; отрицат. отклик: К. Арсеньев, ВЕ, 1884, № 1]; составил хрестоматию «Русским детям. Из соч. Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883).

Отмечаемое современниками первое впечатление от знакомства с М. («маленький, горбатенький человек», «почти карлик», говоривший «напыщенным, декламаторским голосом» — Вересаев, с. 204; Платонов, с. 110) соседствует в мемуарных свидетельствах с единодушным признанием популярности М. среди студентов, ценивших его «высокую моральную личность» (Платонов, с. 111), честность и прямоту его суждений, гуманность и доброту. Даже слушатели, не слишком высоко ставившие М. как ученого, называли его «выдающимся руководителем юношества ... учителем по призва-

нию», увлекавшим своих учеников «благородным идеализмом» (Гревс, с. 65). Всегда готовый к бескорыстной помощи студентам («вечный печальник их нужд и горестей» — Глинский, с. 91), М. был пред. студенч. научно-лит. об-ва (с 1886), товарищем пред. Об-ва вспомоществования студентам, бесплатно читал лекции на Высших жен. (Бестужев.) курсах и жертвовал в их фонд часть своего заработка. Восхищался даровитостью и прогресс. устремлениями молодежи («И такую-то молодежь окрестили у нас нигилистами!» — письмо А. А. Котляревскому, РНБ, ф. 386, д. 80).

Неоднократно выступавший против направления «Моск. вед.» М. Н. Каткова, М. за лекцию «Славянофильство и Катков» («Рус. курьер», 1887, 29 сент.) был уволен из ун-та (в письме мин. нар. просв. И. Д. Делянова отмечалось, что «профессор присваивает себе ничем не ограниченное право свободы слова на кафедре», а в его лекции содержится «резкое осуждение деятельности публициста, высокая оценка которого ... сделана совершенно в ином смысле с высоты Престола» — цит. по: Гревс, с. 69). В последние годы жизни продолжал обществ. и благотворит. деятельность (за час до смерти написал записку с просьбой о пособии студентам).

Др. произв.: «Беседы о рус. истории» (СПб., 1862), «Опыт ист. обозрения рус. словесности» (ч. 1—2, СПб., 1865), «Лорд Байрон и его судьба» (ВЕ, 1878, № 2, 4), «А. С. Грибоедов. Жизнь и переписка» (СПб., 1879), «Байрон в итал. период его жизни и творчества» («Век», 1883, кн. 1—2), «Новые домислы учения о заимствованиях» («Филол. вест.», 1879, кн. 4); «Ф. И. Буслаев» («Пантеон лит-ры», 1888, № 9).

Изд.: Письма — Ф. М. Достоевскому, 1879—80 (в кн.: Достоевский и его время, Л., 1971, с. 278—80; публ. В. А. Туниманова); А. Г. Достоевской, 1881; И. С. Аксакову; В. П. Гаврилову, 1879 (все — ЛН, т. 86, ук.); Г. А. Де-Воллану, 1881—82 (ГМ, 1914, № 4, с. 146—153); [Автобиограф. заметки] — Семеновский.

Лит.: Достоевский; Достоевский в восп.; Тургенев. Письма; Добролюбов; Салтыков-Шchedrin; Никитенко (все — ук.); Шляпкин И., Очерк науч. деятельности проф. О. Ф. Миллера, СПб., 1889 (включена библиогр. работ М., 1870—87); Пыпин А. Н., История рус. этнографии, т. 2, СПб., 1891, с. 293, 422; Ветринский Ч. (Чешинин В. Е.), Из недавнего прошлого С.-Петерб. ун-та. — «Новое слово», 1895, № 2, с. 157—60; Глинский Б. Б., О. Ф. Миллер. Биограф. очерк, СПб., 1896; Бороздин А. К., Студенч. науч.-лит. об-во при С.-Петерб. ун-те, СПб., 1900, с. 9—10, 14; Де-Воллан Г. А., Очерки прошлого. — ГМ, 1914, № 4, с. 146—53; Острогорский В., Из истории моего учителя. Как я сделался учителем (1851—1864 гг.), 2-е изд., СПб., 1914, с. 129—30; Ягич И. В., История слав. филологии, СПб., 1910 (ук.); Гревс И. М., В годы юности. За культуру. — «Былое», 1918, № 12, с. 59—72; Платонов С. Ф., Несколько восп. о студенч. годах. — «Дела и дни», 1921, кн. 2, с. 109—111; Вересаев В., В студенч. годы. — Собр. соч., т. 3, М., 1961, с. 204—06; Азадовский М. К., История рус.

фольклористики, т. 2, М., 1962; Цимбаев Н. И., И. С. Аксаков в обществ. жизни пореформ. России, М., 1978 (ук.); его же, Славянофильство. Из истории рус. обществ.-полит. мысли XIX в., М., 1986 (ук.); Аникин В. П., Проблемы фольклора в трудах М. — В кн.: Очерки истории рус. этнографии, фольклористики и антропологии, в. 9, М., 1982, с. 63—72 (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия, т. 110); Макашин С., Салтыков-Шchedrin. Последние годы. 1875—89, М., 1989 (ук.); Письма А. А. Котляревского к М., [1866—80]. — В кн.: Из истории рус. фольклористики, в. 3, Л., 1990, с. 81—103 (публ. и вступ. ст. З. И. Власовой); ЛН, т. 86 (ук.); в т. ч. письма к М. — И. С. Аксакову, А. Г. Достоевскому, Ф. М. Толстому, С. А. Юрьеву. — Хронология, 1889: НВ, 2—4 июня; МВед, 6 июня; ВЕ, № 7 (А. Н. Пыпин); ЖМНП, № 7, «Слав. изв.», № 23 (оба — К. Н. Бестужев-Рюмин); там же, № 24 (В. Микотин); РМ, № 6; ИВ, № 7; РС, № 9; «Неделя», № 24. Языков, в. 9; Биограф. словарь профессоров. — С.-Петерб. ун-та, т. 2, СПб., 1898; Венгеров. Источ.; Брокгауз (ст. С. А. Венгеров); ЭЭС; Гранат; Пискар.; ЛЭ; КЛЗ; БСЭ; СДР (в трех последних — с неверными датами рождения и смерти); Смирнов-Сокольский; ИДРБВ; Мельи; Муратова (1; ук.).

Архивы: РГАЛИ, ф. 1380 [в т. ч. межуары «Воспоминания и признания (1833—1886)»]; ИРЛИ, ф. 156; РГИА, ф. 733, оп. 121, д. 868 (фс. 1885 г.); оп. 193, д. 524, 563, 673 (переписка 1876 с III отд. о разрешении публ. лекций М.); запрещение чтений в связи с «крайними славянофильскими воззрениями и обращением публичных лекций в полит. речи»; д. 707, 793; оп. 194, д. 83, 351; оп. 149, д. 166983 (о публич. чтениях, 1878—85 гг.); ф. 846, оп. 1, д. 174 (черновик предписания мин. нар. просв. об увольнении М. из ун-та, 1887 г.) [справка Г. Г. Лисицкой]; ГАРФ, ф. 102, ДЗ, 1883 г., д. 29; 1886, д. 647 (биограф. сведения).

З. И. Власова, А. К. Рыбов.

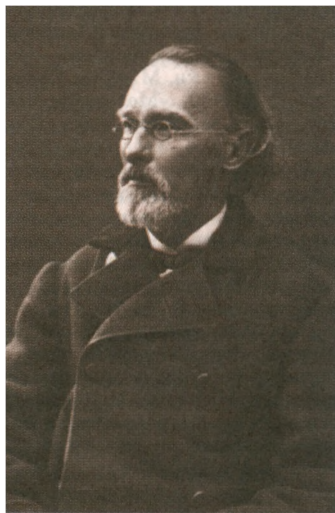
МИЛЛЕР Фёдор Богданович [22.1(3.2).1818, Москва — 20.1(1.2).1881, там же; похоронен на Лазаревском кладб., переводчик, поэт, изд.-редактор. Отец В. Ф. Миллера. Сын немца, принявшего рос. подданство (возможно, отцу М. принадлежит сохранившаяся расписка 1794: «резного дела мастер, иноземец, Богдан Миллер», обязавшийся исполнить работу по оформлению дома гр. Н. П. Шереметева — РГИА, ф. 1088, оп. 3, д. 143, л. 28); мать — русская, урожд. Калинина. Рано потерял отца. Обучался в нем. школе при моск. лютеранской церкви Петра и Павла (хо-

тя и был правосл. вероисповедания), где начал сочинять стих. на рус. и нем. языках. Вынужденный отказаться из-за материальных затруднений от поступления в ун-т, по окончании школы определился на службу аптекарским учеником в Моск. гор. больниц (1834), в 1837 переведен в аптеку Моск. ун-та гезелем (подмастерьем), исключен из податного сословия. В 1838—39 дебютировал в печати ром. «Цыганка» (ч. 1—3, М.) — авантюрным повествованием о превратностях судьбы, испытаниях и торжестве добродетели, вызвавшим отрицат. отклики (БдЧ, 1839, т. 33; ОЗ, 1839, № 3); лишь спустя неск. лет М. удалось получить от книгопродавца ничтожный гонорар (биография М. — ИРЛИ). Пытаясь продолжить образование, посещал лекции в Моск. ун-те, при к-ром в 1838 и 1841 сдал экзамены на звание дом. учителя рус. и нем. яз. В 1841 принят учителем нем. яз. (с 1848 преподавал также рус. яз.; к этому времени — тит. сов.) в 1-й моск. кадетский корпус. Прослужил в нем (с небольшим перерывом в 1862—63, когда был переведен учителем в Александров. сиротский кадет. корпус) более 25 лет [см. стих. «В день столетнего юбилея 1-й Моск. военной г-зии» («Мне этот храм науки мил...»), 1879 — в изд. М. «Стихотворения», т. 6, 1880].

Как поэт-переводчик (ориг. стих. печатал намного реже) стал выступать с нач. 40-х гг. (одна из первых публ. — переложение с нем. «мистерии» «Бриллиант и Роза», М., 1841). В 40—50-е гг. наиб. деятельно сотрудничал в «Москвитянине» (1841: пер. И. Ф. Кастелли «День Карла Пяттого» — № 8; пер. «Надежды» Ф. Шиллера — № 10; стих. «Черные очи» — № 12); публ. М. регулярно появлялись в ж-ле вплоть до прекращения изд. (1856).

Позднее, в 60-е — нач. 80-х гг., М., отличавшийся значит. переводч. продуктивностью, печатался в «Рус. слове» (1860, № 7 — «Конрад Валленродт» А. Мицкевича), «Отч. зап.» (1872, № 9—10 — «Агасфер в Риме» Р. Гамерлинга), «Рус. вест.» (1877, № 5 — «Олимпиа. Древнеперс. драма»; 1870, № 6 — «Тюрьма и венец» К. Зейлиша; 1871, № 6 — «Сикст V» Ю. Миндиха; 1883, № 2, посм. — «Дочь короля Рене» Х. Херия; и др.), в «Вест. Европы» и др. изданиях.

Круг переводч. интересов М. достаточно широк: пьесы У. Шекспира («Цимбелин» и «Мера за меру» — в кн.: Полн. собр. соч. Шекспира в пер. рус. писателей, т. 4, СПб., 1868), поэзия Дж. Байрона, визант. (поэма «Похищение Елены» Колуфа) и слав. (в сб.: Раут, кн. 3, М., 1854; «Поэзия славян». Под ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1871) поэты; однако преимуществ. внимание он уделял нем. лит-ре: И. В. Гёте (стих. из «Римских элегий»; фрагменты из «Ифигении в Тавриде» — «Москв.», 1846, № 5), Шиллеру («Вильгельм Телль» — отд. изд., М., 1843; [4-е

изд.], М.—Л., 1933; отрицат. отзыв: Тургенев, I, 205—11; «Мессинская невеста» — фрагменты: «Москв.», 1855, № 19/20, полностью: «Драм. произв. Шиллера», т. 4, СПб., 1858; отд. изд., СПб., 1858; благожелат. отклики: Добролюбов, III, 192; Чернышевский, II, 744), Л. Уланду, Г. Гейне (отд. стих. — «Москв.», 1848, № 2, 3, 5; «Альманзор» — БлЧ, 1864, № 10/11), Ф. Фрейлиграту («Погребение разбойника» — «Москв.», 1848, № 4; перевод послужил основой для популярной «разбойничьей» нар. песни «Среди лесов дремучих...»).

В целом публ. М. отражают характерные черты становления профессионального переводчика в 1850—60-е гг.: стремление к точности смысла и полноте передачи оригинала сочеталось с неумением к формальным особенностям и стилю источника, не слишком высоким уровнем стихот. техники (Левин, 1988, с. 310; ср.: Жирмунский, с. 358—59). Наиболее удачны переводы М. «классического» и «эпического» характера (по сравнению с переводами и собств. стих. в «романтическом» роде; «в таланте его нет совсем ... лирической струи» — Михайлов, т. 3, с. 57, отзыв о пер. из Шиллера и Гейне).

Сам М., выделяя перевод, особенно в начале творч. деятельности, как гл. свое призвание («Мне суждено чужие только звуки... На языке родном передавать...» — «Послание М. П. Погодину», 1842; РГИА), рассматривал его как разновидность «высокой», «серьезной» литературы (см. письма М. к Н. В. Гербею — РНБ). Ориентацию на переводч. традицию нач. 19 в., к-рая проявилась в первом сб. М. «Стихотворениях» 1841—1848 (М., 1849), отметил М. Л. Михайлов, упрекнувший переводчика в неудачных попытках подражать В. А. Жуковскому (РСЛ, 1859, № 12).

Среди ориг. соч. М., в осн. уступающих его переводам, — романсы, эпиграммы, басни, попытки стилизации под былинны («Поток-Богатырь и Девушка-Лебедь» — «Москв.», 1847, № 1; «Песня про Илью Волговича» — в сб.: «Стихотворения», 1849) и разработки ист.-лит. сюжетов (поэма «Судья Шемяка» — ОЗ, 1873, № 4). Как и в переводах, в ориг. творчестве он тяготеет к классич. жанрам, иногда с элементами повествовательности: стихотв. аллегорич. рассказу («Дикий остров» — «Москв.», 1847, № 4), антологич. эпиграмме (цикл «Русские реки», 1845 — в сб. «Стихотворения», 1849). Значительно число стих. «на случай», а также «посвященный посланий» изв. писателям: на юбилей А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, М. П. Погодину, А. Н. Островскому и др. Стояния острых социальных проблем, выдерживая благонамеренность тона (показательны стих. «Осип Иванович Комиссаров-Костромской», посв. крестьянину, спасшему Александра II от выстрела

Д. В. Каракозова, — «Развлечение», 1866, № 15), М. вместе с тем не чужд демокр. настроениям эпохи: прославление разночинца-труженика («Труд» — в сб. М. «Стихотворения», М., 1849; ср. пер. из Фрейлиграты «Труженик» — в кн.: Поэтич. эскизы, М., 1850), сочувствие заданному неравенством и нуждой бедняку («Страдальцы» — в изд. М. «Стихотворения», т. 6, М., 1880; басня «Слон и овцы» — РГАЛИ, ф. 323, № 554). Одновременно встречается у М. и обличение «коммунистич.» морали радикалов-разночинцев (басня «Философия коммуниста»: «Так рады всегда делиться коммунисты/ Им нечего терять; у них карманы чисты» — «Москв.», 1848, № 9). Эпизодически М. выступал как детский поэт, сотрудничал в ж. Вл. Н. Майкова «Подснежник» (1858, № 9): стих. «Хочешь ли счастьем земным всегда в тишине наслаждаться?», «Ты приобрел сокровище земное», «Трубочист» отмечены доверительностью интонации, ненавязчивым дидактизмом. Всеобщую известность получило стих. «Раз-два-три-четыре-пять/ Вышел зайчик погулять» [из цикла «Подписи к картинкам. (Для детей первого возраста)», 1851; см. в изд. «Стихотворения», т. 6, М., 1880], породившее многочисл. «перепевы», подражания и продолжения.

Ранняя критика оценивала М. лишь как усердного, но малоодаренного переводчика (П. А. Плетнев. [Рец. на «Вильгельма Телля» — Плетнев, II, 413—14; более резкие оценки — ОЗ, 1848, № 11; «Совр.», 1849, № 10). Позднее подчеркивался просветит. значение его переводов как средства широкого приобщения читателей к зап.-европ. лит-ре (ИВ, 1881, № 3, с. 703, и др.). Отклики на ориг. соч. были, как правило, отрицательны (исключение — отзыв Е. Ф. Розена на сб. «Стихотворения» 1849, в к-ром рецензент характеризует М. как подпадающего надеждам ориг. поэта и советуем оставить переводч. поприще. — СО, 1849, кн. 10).

С началом Крымской войны 1853—56 М. выступает как патриотич. и сатирич. стихами, направленными в т. ч. против французов и англичан: «Карлуша...», «Французам» (оба 1854 — см. в кн. М. «Стихотворения», т. 5, 1880), «Молитва русского», «Север, запад, юг» (в кн.: «С нами Бог! Вперед!.. Ура!..», М., 1854). В 60-х гг. участвовал в работе моск. Слав. к-та (см.: Никитин); живо интересуясь «слав. вопросом», помещал стих. и пер. в многочисл. сб-ках в поддержку славян, откликаясь на события в Боснии и Герцеговине, ход рус.-тур. войны 1877—78.

В 1859 М. основал лит.-юмористич. ж. «Развлечение» — один из первых в России илл. еженедельников (см.: Масанов И. Ф., 1913); оставался его руководителем до кон. жизни (передав, по нек-рым свидетельствам, с нач. 70-х гг., фактич. редакторство И. А. Ваишкову, см.: Гиляровский). В ж-ле помеща-

лись едкие карикатуры на моск. купцов, чиновников, актеров и т. п., стихи (в т. ч. И. З. Сурикова, самого М.), очерки (А. И. Левитов и др.), фельетоны о бытовых происшествиях (напр., фельетон М. о грубой выходке купцов «Наши безобразники» — 1866, № 45; многочисл. публ. Ваишкова). Юмористика ж-ла пользовалась особой популярностью в купеч. и мелкочиновничьем слоях, гл. обр. благодаря узнаваемости выведенных под прозрачными псевд. героев (см.: Покровский, с. 127; «Др. и новая Россия», 1881, № 2, с. 374—75). Начиная с 1860 ж-л привлекал внимание Моск. ценз. к-та, неоднократно «был замечан в помещении диффамаций или т. н. обличительных статей», публ. и карикатур, «оскорбляющих обществ. нравственность», и т. п., что вызвало в 1866 высочайшее повеление цензуре иметь особое наблюдение за направлением издания (РГИА, ф. 776, оп. 2, 1877 г., д. 17; д. 2, л. 356 об., и др.). Вместе с тем цензоры признавали, что журн. фельетоны, к-рые «почти всегда заключают в себе правду», служат целям сдерживания «диких порывов» и нек-рого облагораживания нравов моск. об-ва: попасть в «Развлечение» — «довольно сильная угроза для многих» (донесение цензора Фёдорова, 1869. — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 535, л. 10—16).

В 1858 по рекомендации Шевырёва М. избран в чл. ОЛРС, активно участвовал в работе Об-ва; в 1871—1881 занимал должность его казначей (см.: «Речь ОЛРС в 35-летний юбилей Ф. Б. Миллера» — ИРЛИ). В 1860 выпустил сб. «Стихотворения» (т. 1—2; изд. 2-е, вобрало стих. и пер. из сб. 1849; отрицат. отклик: «Светоч», 1860, № 1), в 1873 — сб. «Новые стихотворения. 1861—73» (оба изд. — М.). В последние годы пробовал писать повести в стихах, возможно, под влиянием опытов А. Н. Майкова в этом жанре: «Загробные письма» (1880; первонач. — «Газ. Гатсука»), «Скелет в болоте» (1880, обе вошли в изд.: «Стихотворения», т. 6, 1880); прозрачность интонации и слога сочетаются в них с мелодраматичностью ситуации.

После выхода в отставку из кадет. корпуса (1869; в чине стат. сов.) М. в 1873 зачислен в штат Мин-ва внутр. дел по Деп. духовных дел и иностр. исповеданий; произведен в чин д. стат. советника (1878). По службе занимался переводами с польского — церковных гимнов и объемного (16 тыс. стихов) молитвенника польских протестантов (ф.с. 1880, л. 40—41 — РГИА).

Др. произв.: стихотв. «рассказ» «Старый матрос. Недавняя быль» (СПб., 1873).

Изд.: Стих., т. 1—6, М., 1872—80; [Стих.] — в кн.: Гербель, с. 444—47; Поэты 1840—1850; Песни рус. поэтов; Рус. эпиграмма; Мастера рус. стих. перевода, т. 1—2, Л., 1968 (БПб; вступ. ст. и биогр. заматка Е. Г. Эткинда); Рус. поэзия детям; Письмо к редактору — в кн.: Цявловский М. А., Книга восп. о Пушкине, М., 1931.

Лит.: Барсуков; Белинский; Чернышевский; Добролюбов; Тургенев (все — ук.); Щербина Н. Ф., Полн. собр. соч., СПб., 1873, с. 434—38 (письма к М., 1859 г.); «Развлечение», 1884, юбилейный номер (27 окт.) (стих. А. Грузинского «Памяти Ф. Б. Миллера»; восп. о М. — П. М. Невежина, М. А. Козырева, Ф. С. Гурина); Берг Н. В., Посмертные записки. — РС, 1891, № 2, с. 247, 250; Покровский Д. А., Очерки Москвы. — ИВ, 1893, № 4, с. 127—29; [Письмо В. И. Дала к М., 1859]. — РС, 1899, № 9, с. 558; Захарьин (Якунин) И. Н., Артистическая жизнь Москвы в семидесятых годах. — ИВ, 1902, № 11, с. 489—91; Быков П. В., Песня умика. (Косе что о забытом писателе). — «Север», 1907, № 40; ОЛРС. Ист. записка и мат-лы за сто лет, М., 1911, с. 80 и др.; прил., с. 32; Дружинин А. В., Собр. соч., т. 6, СПб., 1865, с. 499—500; Михайлов М. Л., Соч., т. 3, М., 1958 (ук.); Гиляровский В. А., Избр., т. 2, М., 1960, с. 176—78; Никитин С. А., Слав. к-ты в России в 1858—1876 гг., М., 1960, с. 66; Жирмунский И. М., Гете в рус. лит-ре, Л., 1981 (ук.); Левин Ю. Д., Рус. переводчики XIX в. и развитие худож. перевода, Л., 1985 (ук.); его же, Шекспир и рус. лит-ра XIX в., Л., 1988 (ук.); Манн Ю. В., В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель — критик — читатель, 2-е изд., М., 1987, с. 327—28 (письмо М. к М. П. Погодину, май 1842). — Некрологи, 1881: ИВ, № 3; РМ, № 2; «Нива», № 11; «Семейное чтение», № 6; «Нива», № 5; «Илл. мир», № 8 (П. В. Быков); «Гал. Гаттулья», № 4; МВед, 21 янв.; РВед, 24 янв.; «Совр. изв., 27 янв. (А. Смирнов); «Страна», 26 янв.; «Юж. край», № 30. Березин; Сл. ОЛРС; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Языков; Мезьер; Гранат; Муратов (1, ук.); Альм. и сб-ки (1); Масанов И. Ф., Рус. сатирико-юмористич. ж-лы, в. 2, Владимир, 1913; Шекспир. Библи. рус. пер. и критич. лит-ры на рус. яз. 1748—1962, М., 1964 (ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 323 (в т. ч. мемуары «Перехитого»; ф. 680, оп. 1, № 208 (л. д. 1861 г.); ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 835 (биография М., записанная с его слов П. В. Быковым); ф. 12270 (письмо Я. П. Полонскому, 1875); ф. 178, № 14104 («Речь ОЛРС в 35-летний юбилей Ф. Б. Миллера»); ф. 158, № 23218 (письма М. Н. Лонгинову, 1861—64; басня «Китайский филолог»); РНБ, ф. 174, № 74 (письма Н. В. Гербеля); ЦИАМ, ф. 418, оп. 7, л. 190 (биограф. сведения); ф. 16, оп. 58, л. 77; ф. 31, оп. 3, л. 2123, 2167; оп. 5, л. 454, 526, 535, 543, 593 и др.; ф. 46, оп. 1, л. 799 (ценз. мат-лы о ж. «Развлечение») (справка В. В. Александровой); РГИА, ф. 821, оп. 12, л. 417 (ф.с. 1880 г.); ф. 1108, оп. 1, л. 180 (письмо и стихотв. «Послание к М. П. Погодину», 1842); ф. 772, оп. 1, л. 4532; ф. 776 (ценз. мат-лы о ж. «Развлечение»).

А. М. Ранчин

МИЛОНОВ Михаил Васильевич [5(16).3.1792, Придонский Ключ Задонского у. Воронеж. наместничества — 17(29).10.1821, Петербург; похоронен на Георгиевском кладб. Большой Охты], поэт. Род. в семье мелкопоместного дворянина. В 1803 помещен в Моск. ун-тский благородный пансион (где сблизился с Н. Ф. Грамматиным), по окончании к-рого за «отличные успехи в науках и особливо в беллетрах» получил серебр. и зол. медали (РНБ, ф. 833, оп. 1, № 473), с 1805 М. — студент Моск. ун-та. К этому времени относятся его первые выступления в печати (прозаич. пер. с франц. «Сократ и Гермоген» и «Стихи, читанные в собрании Ун-тского пансиона»

(УЗ, кн. 5, М., 1807), прозаич. пер. с лат. «Письмо Брута к Цицерону», «Благополучие. (Аллегорич. видение. (там же, кн. 6, М., 1808). Окончив ун-т со степенью кандидата словесных наук (1809), М. переехал в Петербург, где сначала служил чиновником гл. управления мануфактур Мин-ва внутр. дел; в янв. 1811 перешел в деп. Мин-ва юстиции, к-рый возглавлял покровительствовавший ему И. И. Дмитриев. В ноябре 1810 М. был принят в чл. ВОЛСНХ; сблизается с К. Н. Батюшковым, Н. И. Гнедичем, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. Ф. Воейковым и др. изв. поэтами; в эпизоде с «оскорбленным» Д. В. Дашковым Д. И. Хвостова выступил на стороне последнего (НБ СПб. ун-та, архив ВОЛСНХ, п. 187, л. 152 об.); в 1810-е гг. печатается в «Вест. Европы», «Цветнике», «С.-Петербург. вест.», «Сыне отечества», «Благонамеренном» и др. изд. Летом 1812 М. хлопочет о вступлении в Моск. ополчение (письмо Вяземскому от 9 авг. 1812 — здесь и далее цит. по изд. 1983), чему, видимо, помешала болезнь («Я все еще нездоров, но мне лучше» — из письма Грамматину от 24 окт. 1812). В мае 1813 М. переведен в Москву к И. Дмитриеву на должность правителя Канцелярии в комиссию по рассмотрению прошений от «потерпевших разорение от нашествия неприятельского», к-рую «отправлял с особенным усердием, отличною деятельностью и знанием» (РНБ, ф. 833, оп. 1, № 473); тогда же опубли. оду «На истребление наполеоновских армий в России» (СПб., 1813). Именно с Отеч. войной 1812 связана героико-патриотич. тема в творчестве М.: «К патриотам» (СПбВест, 1812, № 6), «Мысли при гробе кн. Кутузова-Смоленского» (СО, 1813, № 24), «Освобожденные пленники» (СО, 1815, № 8).

Совмещать поэтич. призвание с обязанностями чиновника становилось все тягостнее («... я час от часу деревенею» — из письма Грамматину от 14 янв. 1813); все чаще поэт ищет утешения в вине. В марте 1814 он возвращается в Петербург, нередко самовольно отлучается со службы, совершая неожиданные «приватные» поездки к друзьям — в Вологду, Кострому и др. города (см. письмо А. Е. Измайлова Грамматину от 29 окт. 1814 — ИРЛИ, Р.ИИ, оп. 1, № 1154, л. 3, 9). В июне 1815 подает в отставку и последующие три года живет у отца в Задонске, иногда наезжая в Москву и Петербург, гостит у своего дяди А. Бехтеева в имении Дубки Владимир. губ. К этому времени, по свидетельству мемуариста, встречавшегося с ним в Дубках («... светлый блондин... одевался он крайне неграциозно..., но в глазах его видна была светлая мысль»), в «даровитом, но несчастном» М. «сильно развилась несчастная страсть излишнего служения Вакху» (Гольц-Миллер, с. 142—43). Сам М. эту слабость и любовь к дружескому застолию сделал темой не предназначен. для печати шуточных стих. т. н. «Зеленой книги» (см. ниже), а литератур.-современники — предметом целого ряда анекдотов (М. А. Дмитриев, Вяземский, Хвостов; см.: Вигель).

В июле 1818 М. возвращается в Петербург с намерением издать сб. стих., вновь пытается служить — вначале при А. И. Тургеневе в деп. Мин-ва просвещения, затем в Провиантском деп. Воен. мин-ва. В нач. 1819 вышел единств. прижизненный сб. М. (разрешен цензурой в окт. 1818) «Сатиры, послания и др. мелкие стихотворения» (СПб.). Поэт полон новых творч. замыслов, но подорванное здоровье резко ухудшается, привычка к спиртному переходит в болезнь, учащаются epileptич. припадки, появляются признаки психич. расстройства. В 1820 в состоянии депрессии он покусался на самоубийство. Незадолго до смерти М. работал над комедией «Опекун-стихотворец» (отрывок опубли.: «Сатиры...»), поэмой «Сотворение друзей» (не сохр.), по свидетельству друзей, лучшим его произв. — «Что такое «Сотворение мира?»» — интересовался А. С. Пушкин в письме брату 27 июля 1821.

Лит. позиция М. была своеобразной: он обладал способностью с равной уверенностью работать в жанрах «легкой поэзии», «унылой элегии» и сатире. Опыты М. в сфере «легкой поэзии» параллельны Батюшковским: «Блаженство. Подражание Парни», «П. А. Никольскому» («Мне явился светлый гений») («Цветник», 1810, № 11, 12); о популярности свидетельствуют подража-

ния — ср. стих. М. «Весна Тибудла», «К Неере» (оба 1812), «К другу. О наслаждении в жизни» (1810) со стих. К. Ф. Рыльева «Тоска», «К Делии», «К другу» (Маслов В. И., Лит. деятельность К. Ф. Рыльева, К., 1912, с. 122—23, 137—38). «Унылые элегии» М. воспринимались современниками как классич. образцы жанра.

Пушкин включил в предсмертные стихи Лесского («Куда, куда вы удалились? Весны моей златые дни?») реминисценции из элегий М. «Падение листьев» (ВЕ, 1812, № 3 — вольный пер. из Ш. Мильвуа) и «Белый поэт» (в 1-й публ. «Несчастный поэт» — СО, 1816, № 31 — вольный пер. стих. Н. Жильбера), принесшей М. имя «русского Жильбера» («О, дней моих весна! Куда сокрылась ты?... Кто знает, что судьба в грядущем нам готовит?»). В «разборе» последнего стих. О. М. Сомов отмечал: «Милонов был переводчик-творец: он брал в своем авторе то, что близко было к его сердцу, дописал собственными мыслями» («Благ», 1821, № 23/24, с. 249). «Бедного поэта» М. в известной степени превратил в поэтик. декларацию об обществ. назначении поэта, его трагич. судьбе: «Я гражданин, за жизнь я обществу плечу»; «Что может выше быть поэтост достояния? Они бессмертны согражданам дают». Е. А. Баратынский, переводя Мильвуа (в одном. элегии), опирался не только на оригинал, но и на текст М.; в 1819 «Падение листьев» было переведено на нем. яз. («Благ», 1819, № 14).

Элегии М. [«К***» («Я б счастлив был, когда б, гоним своей судьбою» — «Цветник», 1810, № 10; «Уныние» — ВЕ, 1811, № 19; «Ночь на могиле друга», 1816; опубл. 1961)] порой конкурировали с элегиями Жуковского. Нередко он соревновался с ним и в мастерстве творч. перевода; сопоставление переводов «Идеалов» Ф. Шиллера — стих. М. «К юности» и «Мечты» Жуковского (оба 1812) — породило исследование. традицию (см.: Кн (я же ви)ч В. (М.), Разбор двух стих., переложенных из Шиллера В. А. Жуковским и М., — «Благ», 1821, № 23/24, с. 217—45; Данилевский и; ср.: Вацура, 1994, гл. 7).

Наиболее известны были все же сатиры М. Как и в элегии, он не реформировал жанра «высокой сатиры», но удачно использовал его возможности. Сатиры М., как и вообще его поэтик. язык, отличаются афористичностью: «Наемная хвала — бесчестия венец», «Судить не мудрено — примером трудно быть», «Тот мертвый человек, кто в обществе не славен», «Здесь пишет не поэт — здесь плачет гражданин» (ср. позднейшее рылеевское: «Я не поэт, а гражданин»). Гражданственность и сатирич. пафос М. питались глубиной демократичностью («Я ваши петь хочу полезные труды, / В них жизнь почнет царств, богатство и свобода» — из «Послания к земледельцам» — «Цветник», 1810, № 10). В лучших своих сатирах «К Рубеллию. (Сатира Персневая)» (там же) и «Отрывок из Сатиры Луцилла против его века» (там же, 1810, № 9) М. выступал как прямой предшественник поэтов-декабристов.

Первая из них послужила образцом для сатиры Рыльева «К временщику. Подражание Персневой сатире „К Рубеллию“», считавшего М. «бичом пороков» (ПСС, М.—Л., 1934, с. 105 — стих. «Пустыня»). Ложная ссылка на рим. сатирика Персия должна была «усыпить» бдительность цензуры, усилить обобщающий смысл обличения. Против деспотизма, «умов порабощенья» выступает М. в «Отрывке из Сатиры Луцилла...». В рисуемых здесь картинах общества, где «суды суть торжища, судьи — враги закона», без знатный род возводит «надменного глупца в священный сан вожда», а оратаи «среди трудов без силы, без надежд, с отчаяньем в боренье», — ошутимы образы радищевского «Путешествия...» (см. просьбу М. к Грамматинову в письме от 6 окт. 1810: «О Радищеве [т. е. его „Путешествии...“ — Б. У.] похлопочи перепискою: много меня одолжишь» — изд. 1983, с. 279).

Сочетание в творчестве одного поэта лирики и сатиры (свойств. и др. поэтам нач. 19 в.) казалось современникам преимуществом. особенно М. (см., напр., рец. на «Сатиры...» П. А. Плетнёва — «Тр. ВОРПС», 1822, кн. 1; А. А. Бестужев — о М.: «сильный в сатирах и чувствительный в элегиях» — ПЗ, изд. А. Бестужевым и К. Рылевым, М.—Л., 1960, с. 23; см. также: Волкова, с. 23). Впоследствии В. Г. Белинский, называя М. «замечательным сатириком», приписал его и к «истинным поэтам» (I, 64; VII, 129). П. А. Вяземский сравнивал М. с Г. Р. Державиным (см.: Батюшков, III, 153), к-рый подал пример такого соединения и к-рый занимал важнейшее место в лит. пантеоне М. Ближайшее место в лит. пантеоне М. Близость к державинской традиции — сатира, исполненная лирич. одушевления, — обнаруживается в стих. «На кончину Державина» (1816; впервые опубл.: «Сатиры...»), в оде «Выздоровление» (ВЕ, 1813, № 23/24) (реминисценции из «Властиителям и судиям» Державина).

Во 2-й пол. 1810-х гг. М. предпринимает попытки с большей ясностью определить свои лит. предпочтения. В 1818, отказываясь от соперничества с Жуковским и уступая ему элегич. темы, он заявляет в послании к нему: «Итак, останемся мы каждый при своем — С галиматьею ты, а я с парнасским жалом; / Зовись ты Шиллером, зовусь я Ювеналом» («Жуковский, не забудь Милонова ты вечно...», 1818; опубл. 1959).

Мн. произв. М. писались в разгар борьбы между шишковистами и карамзинистами, позиции к-рых не отвергались, но и не разделялись по-этом, искавшим своего пути. В нач. 1812 он сближается с «Беседой любителей рус. слова», нередко присутствует на ее заседаниях (см.: «Арза-

мас», кн. 1, с. 542—43), одновременно поддерживая тесные отношения со мн. арзамасцами. В стих. «Сопоклонник Аполлона...» (1812; опубл. 1959) — ответе на хвалебное послание Вяземского, он иронически отзывался о «докучливой Беседе». В сатирах же «К Луказию» (СПбВест, 1812, № 1), «К моему рассудку» («Пантеон», 1815, кн. 12) сатирически характеризуются как члены «Беседы...», так и видные карамзинисты, участники «Арзамаса» — Дашков, одноклассник и некогда приятель М., и В. Л. Пушкин. Дашков ответил на это речью в «Арзамасе» (29 окт. 1815), где назвал М. «милым певцом Беседы» («Арзамас», кн. 1, с. 280), отмечая тем самым свою независимость его лит. позиции. Свою независимость М. проявлял и в ВОЛСНХ, где он прибегал к различного рода демаршам и мистификациям (чтение в июле 1812 в Об-ве «под его именем: „Светлана, русская баллада“», к-рая, как сам он после объявил, сочинена г. Жуковским, его выход из Об-ва в том же году с последующим возвращением в него в 1813 и т. д. — НБ СПб. ун-та, архив ВОЛСНХ, п. 204, л. 202—13). В 1818 снова становится активным членом Об-ва.

Сб-к стих. 1819 включал лишь часть написанного М. Многие его произв. оставались рассянными в журналах и альманахах. Помимо названных, он печатался в «Чтениях в Беседе...», «Соревнователе», «Укр. вестнике» и др. Немало стих. осталось в рукописях, в большинстве утраченных. По утверждению современника, «лучшие произв. М., вероятно, пропадут для света, потому что ... они состояли из импровизаций» (Завалишин Д. И., Отрывки из записок. — «Др. и новая Россия», 1879, т. 1, № 2, с. 154). Сохранившиеся рукописи свидетельствуют о крепнувшем таланте М., доказательством чего является ряд его поздних дружеских посланий: «Моему почтенному дядюшке ...» (1817; опубл. 1923), «Послание в Вену к друзьям» (1818; опубл. как воейковское в «Совр.», 1859, № 1; опровержение см.: СП, 1859, 16 марта — письмо Д. М. Княжевича Н. И. Гречу), «Послание ... к Н. Р. Политковскому» (1818; опубл. 1959) и др.

Особый интерес представляют шутивно-фамильярные, лирико-иронические стих. М. из «Зеленой книги» — своеобразного рукоп. альманаха дружеского кружка М. и братьев Политковских (см. П. С. Политковский, присутствовавшего, судя по дошедшим спискам, с 1811 по 1820. В таких стихах, как «На вздрожание рома до восьми рублей бутылка», «К Н. Р. Политковскому. Послание поздравительно-просительное, по случаю всерадостного

бракосочетания, от сожителей, испуганных перемещением на новое и неизвестное жилище» и др. (опубл. 1971 — в сб.: Поэты 1790—1810) ошутимо размывание границ между «низкими» и «высокими» жанрами, вторжение быта в лит-ру, а лит-ры — в повседневный быт. С особой наглядностью это проявляется в новонайденных списках стих. М. из «Зеленой книги» («Ответное послание к П. С. Политковскому», «Протекиши мыслию градажи времени...» (опубл. 1985 — в кн.: «Памятники культуры»)).

«Зеленая книга», очевидно, мыслится М. как поле для экспериментов. Осуществленные там поэтич. открытия М. нашли выражение и в нек-рых стих., предназначенных для печати, — «К сестре моей» (1812) и «Договор со смертью» (1816), где философичность сочетается с бытовой достоверностью, остротой сюжета — с естественностью интонации, разговорностью языка. В целом на творчестве М. лежит печать трагич. незавершенности.

Изд.: Речь и стихи, читанные в собрании любителей отеч. словесности..., М., 1808; Соч., СПб., 1849; Карамзин и поэты его времени, [Л.], 1936; Поэты-сатирики; Поэты нач. XIX в., Л., 1961; Поэты 1790—1810; Марин С. Н., Милонов М. В., Стих. Драм. проза, сцен и отрывки. Письма, В., 1983 (изд. подготовлено Б. Т. Удодовым); Памятники культуры, 1983, Л., 1985; Франц. элегия XVIII—XIX вв. в пер. поэтов пушкинской поры, М., 1989.

Лит.: «Благ», 1821, № 23/24, с. 201—93 (номер посвящен памяти М.; статьи и стих. А. М., В. М. и Д. М. Князевы, О. М. Сомова, В. И. Панаса, А. Е. Измайлова и др.); Вяземский (ук.); Батюшков, III (ук.); Вигель (ук.); Дмитриев (ук.); Хвостов Д. И., Записки о словесности. — ЛА, [а.] 1, М.—Л., 1938, с. 363, 367, 385; Белинский (ук.); Добролюбов (ук.); Лонгинов М. Н., Соч. Нахимова, М. и Суворовичева. — «Совр.», 1849, № 11; его же, Мат-лы для ПСС М. — РА, 1864, кн. 1; Колбасин Е., Лит. деятели предшествовавшего, СПб., 1859, с. 291; Голицы-Миллер Н., Восп. о М. — РС, 1896, № 1; Колупанов Н., Биография А. И. Копылева, т. 1, кн. 1, М., 1889, с. 540; т. 1, кн. 2, с. 306—307; Розанов И. Н., Рус. лирика. От поэзии белизной — к исповеди сердца, М., 1914, с. 361—69; Удодов Б. Т., М. В. Милонов. — В кн.: Очерки лит. жизни Воронеж. края, В., 1970; Данилевский Р. Ю., Шиллер и становление рус. романтизма. — В кн.: Ранние романтизм. всяния, Л., 1972 (ук.); Топорков А. Л., Нендз. стих. М. — В кн.: Памятники культуры, 1983, Л., 1985; Волкова О. О., Жизнь и творчество М. М., 1993 (дипломная работа, кафедра истории рус. лит-ры МГУ); Вацуру В. Э., Лирика пушкинской поры. «Эстетическая школа», СПб., 1994 (ук.); «Арзамас», кн. 1—2, М., 1994 (ук.). + Некролог: «Благ», 1821, № 17/18 («А. Е. Измайлов»). Брокгауз; Венгеров. Источ.: Мезьер; БСЭ; КЛЭ; Черейский; Муратова (1); Рус. писатели, М., 1971 (ст. Ю. М. Лотмана); Рус. писатели, 1990; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 833 (биограф. мат-лы: аттестаты, ф. с. и др. док-ты, 1808—21 гг.); ф. 197 (Н. И. Гнедича) — письмо Гнедичу, без даты; РГБ, ф. 398; РГАЛИ, ф. 195, 1336; ИРЛИ, ф. 337, оп. 2, № 2 (стих.); ф. 590, № 113 (письмо Н. И. Гречу); ф. 93, Собр. П. Я. Дашкова, оп. 4, № 15 (письмо Н. И. Гнедичу); ф. 377 (библ. сведения — в 1-м собрании, М., 1869); ф. 265, № 3697 (заметка В. А. Долгорукова об эпитиме М., приписываемой А. Ф. Воскожу [справка Н. А. Прохорова]); НБ СПб. ун-та (арх. фонд ВОЛСНХ, п. 54, 204, № 3, 4, п. 187, № 22, п. 199, п. 249 — содержат стих., не вошедшие в

сб. «Сатиры», упоминания о неопубл. стихах) [справка А. Лейбовой]. Б. Т. Удодов.

МИЛОРАДОВИЧ Александра Александровна [урожд. Васильчикова; 16(28).7.1860 — после 1918], беллетристка, переводчица, поэтесса. Из семьи гофмейстера е.и.в. Двора, дир. имп. Эрмитажа А. А. Васильчикова (см.: Брокгауз). Мать — из старин. дворян. рода Олсуфьевых. Получила дом. образова-

ние и в наследство от отца — глубокий интерес к истории России Смутного времени. В 1883 вышла замуж за Л. А. Милорадовича (б. подольского губернатора), переехала в полтав. имение мужа и там продолжала занятия историей. Арх. разыскания увлекли М. После смерти отца в 90-е гг. она предложила ред. «Рус. архива» опубликовать ценные док-ты из фам. коллекции, касающиеся отеч. истории и культуры 17—19 вв. Одновременно просила П. И. Бартеневу руководить ее лит. занятиями: «... осветите мне мою лит. тропинку, к-рая вьется в глубоких потемках» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 583, л. 384). Работала над биографиями вел. кн. Анны Петровны и кн. А. Д. Меншикова (там же, № 584, л. 302—303). В архиве «Рус. старины» сохранилась копия ее стих. «Великая княжна Анна Петровна» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 4169, л. 1—20), к-рое по неизв. причинам не было опубл.

В сер. 90-х гг. заинтересовалась судьбой двух жен царя Михаила Фёдоровича. Предлагая Бартеневу ст. «Царица Мария Владимировна (1608—1625)» (РА, 1897, кн. 3, № 9), М. писала: «Не ищите тут новых документов и подробностей... мне хотелось вырвать из мрака неизвестности эту кровавую скорбную тень, и я не украсила ее никакими вымыслами» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 589, л. 131 об. — 132). Судьбе второй жены царя посв. ст. «Царица

Евдокия Лукьяновна Стрешневых» (РА, 1897, № 12; 1901, кн. 1, № 2). «Жертвенно-царский облик царицы... величаво восстает на фоне истории, окруженный тройным ореолом: величия, красоты и благочестия» (с. 473).

Поэтич. наклонности М. проявились сначала в переводах А. Теннисона, Г. Лонгфелло, М. Метерлинка, Сюлли-Прюдом и др. В книгу стих. и переводов трех авторов — М., Л. Кологривова, В. Гордеева (М., 1902) были включены ее пейзажные зарисовки, сонеты, адресованные членам царской семьи, а также сутобо жен. лирика с традиц. набором любовных мотивов («Утренняя серенада», «Стрела и песня», «Гимн ночи» и др.). Стих. цикл «Ист. силуэты» в нач. 20 в. печатался в «Моск. вед.», затем опубл. в кн. «Сказки, переводы и стихотворения» (М., 1904, с. рисунками автора). Это издание, выпущенное в пользу раненых воинов на Д. Востоке, привлекло внимание читателей, хотя отзывы были разноречивы. Д. И. Павлов высоко оценил нежную, полную редкого изящества музу г-жи М., ее интерес к рус. истории, звучный, непри- нужденный стих в сочетании с оригинальностью мысли. Критик отметил также у М. «способности прекрасной рисовальщицы» (МВед, 1904, 21 марта). Ср. оценку В. Я. Брюсова: «Автору хотелось оплести свои стихи и свои переводы худож. выньетками, намекнуть на недосказанное в словах — рисунком, хотелось красотой самого шрифта, набора, всей внешности страниц — дополнить впечатление. ... У г-жи М. есть школа, есть любовь к изысканности выражений, есть стремление к певучести стиха и верности образов» («Весы», 1904, № 4, с. 63).

Позднее М. вернулась к ист. жанру в публикациях, сделанных на основе семейного архива: «Архавы. Из памятных записей А. А. Васильчикова» (РА, 1909, кн. 1, в. 1); «Из памятных записей А. А. Васильчикова» (там же, кн. 2, в. 6); «О Гоголе. Со слов покойного А. А. Васильчикова» (там же, в. 7); «Восп. А. И. Васильчиковой. О 1812 г.» (там же, 1912, кн. 2, № 9).

Из док-тов, опубл. М., следует выделить письмо М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову от 7 окт. 1753 (РА, 1913, кн. 1, № 3), письма Николая I, Александра II, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Н. Островского и др. (там же, 1914, кн. 1, № 4; 1915, кн. 1, № 1).

Лит.: Сказания о роде дворян и графов Милорадовичей, К., 1884 (сост. Г. А. Милорадовича), с. 87—88, 129—31 (родословная М.); Милорадович Г. А., Родословная княгини Чернигов. дворянства, т. 2, ч. 6, СПб., 1901.

Архивы: РГБ, ф. 342, к. 29, № 21, л. 1—46 (38 писем М. к П. П. Шибанову); РГАЛИ, ф. 1823, оп. 3, № 174, л. 1—1 об. (фотография

М. с дарственной надписью И. Я. Стеллецкому от 1 июля 1918). В. Н. Абрисимова.

МИЛЬКЕЕВ Евгений Лукич (1815, Тобольск — ок. 1845*; по др. сведениям — кон. 1846 или нач. 1847**, Москва), поэт. Родился в семье мелкого канц. служащего; в три года лишился отца. Нач. образование получил в Тобольском уездном уч-ще. С 11 лет начал службу писцом в губ. канцелярии (заодно «доучивался почерку и грамоте» — «Путешествие В. А. Жуковского...», с. 12); в 16 лет коллеж. рег., и тогда же им овладело «решит. желание сделаться стихотворцем» (там же, с. 13); в 1833 вступил в должность пом. столоначальника Гл. управления Зап. Сибири. (Изнутри знакомый мир узких интересов чиновно-канц. среды изобразил в «Сцене канцелярной» — «Совр.», 1839, т. 15, с. 130—36.) Самообразование стало гл. школой М., а книги — первыми наставниками. В выборе книг обнаружился природный худож. вкус будущего поэта: «Первая хорошая книга, к-рая попала мне в руки, была басня Крылова» («Путешествие В. А. Жуковского...», с. 13). 2 июня 1837 в Тобольске состоялась встреча М. с Жуковским (путешествовавшим с наследником, будущим Александром II, по России), круто изменившая жизнь провинц. чиновника: прославленный поэт открыл в нем «много таланта» («Нигде ничему не учась, он приобрел замечательное искусство писать» — РС, 1901, № 7, с. 98) и настоял на переезде в столицу. В нач. 1838 М. приехал в Петербург, а в мае с рекомендат. письмом Жуковского отправился в Москву, где встретил поддержку со стороны С. П. Шевырева, супругов Н. Ф. и К. К. Павловых, Н. А. Мельгунова и А. С. Хомякова (в 1839 написавшего стихотв. послание «Милькееву», исполненное дружеского участия и признания поэтич. дара М., а в 1840 сообщавшего Н. М. Языкову: «М. ... растет не по дням, а по часам и пишет славные вещи» — VIII, 1900, с. 95).

В июле 1838 семейные обстоятельства (беспокойство о судьбе оставленной больной матери и боязнь потерять работу) вынудили М. вернуться в Тобольск, где он продолжил самообразование, используя великолепное собрание рус. книг, пересланных ему Жуковским через П. А. Плетнёва. На родине поэта ждали суровые испытания. Распространившиеся среди сослуживцев слухи о сумасшествии «высокомерного» маленького чиновника способствовали решению начальства избавиться от неугодного, строптивого служащего (см. письмо к Н. Я. Зимовскому — РЛ, 1983). М. решился расстаться с Сибирью; весной 1839 поселился в Москве и через посредство Жуковского получил место в канцеля-

рии моск. гражд. губернатора И. Г. Сеньявина. Поддерживал пост. переписку с Плетнёвым, печатался в его «Современнике» (за подписью Эм-а, Эм-в, Эм-въ или М-в), и только одно стих. «К. К. П[авло]вой. В альбом» опубликовал в «Москвитянине» (1842, № 9, с. 3).

В 1843 в Москве при содействии Сеньявина вышел сб. «Стихотворения Е. Милькеева» (с автобиограф. письмом в предисл.; ц. р. 28 июня 1842).

Он вызвал разногласию откликов: уничтожающий (державший «на прицеле» покровитель М. — славянофил) В. Г. Белинский (1843: многоликая подражательность и «дуриная проза в плохих стихах» — VII, 606) и саркастический О. И. Сенковский (БлЧ, 1844, т. 62), одобрителный Плетнёв («являет самыми смелыми идеями и создал для их оттенков множество счастливых оборотов и выражений» — «Совр.», 1843, т. 30, с. 185), благожелательно напутствующий Швырёва («Москва», 1842, № 8) и обнадёживающий негиз. автора в «Лит. газ.», издаваемой Ф. А. Кони (М. — подражатель, «но в самых его подражаниях видна оригинальность, сила и смелость, к-рые могут служить ему материалом для создания себе собств. сферы в рус. лит-ре» — 1843, 18 июля, с. 534—35). Непублик. стихи М. подтверждают мнение «Лит. газ.»: сквозь традиц. романтич. штампы и влияние современников — Жуковского, В. Г. Бенедиктова, С. С. Пушкина, отчасти М. Ю. Лермонтова — прорывается ориг. голос самого М.

В стихах М. постоянно присутствует тема безжалостного и суетного «света» и моск. барства, выливающаяся в горькое обличение человеческого высокомерия и черствости («Свет», «Молитва», оба стих. — 1843). «Сцена канцелярная» и «Рекрут» (опубл. 1972) обнаруживают худож. зоркость в изображении социальной действительности. Параллельно с бытовым в его лирике сосуществует филос. пласт: сосредоточ. осмысление жизни сердца, духа («Мой домик», 1843), попытки постижения законов природы, раздумья о тайнах бытия («День и ночь», «День рассеянный, день нестройный», «Смертному», «С туч. беременных дождями»); здесь благотворным оказалось влияние на М. поэзии Ф. И. Тютчева.

В поэме «Абалак» воплотил религиоз.-ист. сюжет (постройка церкви в монастырском селении Абалак, близ Тобольска, и чудеса, творимые Абалацкой иконой Богоматери), заодно обращаясь к истории Сибири, освоению ее просторов, возникновению первых городов. Присутствующие в ней характерные для М. религ. мотивы получили непосредств. воплощение в цикле «Переложений из Библии» (духовных псалмов; 1843). Среди традиц. стихотв. форм у М. выделяется один из первых удачных опытов рус. дольника («День рассеянный, день нестройный») и смелое нарушение цезуры в 6-стопном ямбе («Рекрут»).

Большая часть лит. наследия М. осталась в рукописях. Она обогащает представление о жанровой и стилистич. многоплановости его поэзии, и становится очевидным, что романтич. пафос его творчества, философско-пантеистич. воспри-

ятия природы во многом определили сиб. тематика («Прощание с родиной» — сокр.: РЛ, 1983, № 1, с. 206; «Зима», «Сиб. класы» — оба в ИРЛИ). Пейзаж целиком подчинен движению, неуловимой смене тонов, оттенков, красок («Дождик» — в ИРЛИ, «Гроза», 1843). «Мир столь особенный», «чужесный», насыщенный гармонич. образами, «радужными» мечтами входил в глубинное, потанное существо жизни М., делая его в глазах окружающих человеком «не от мира сего».

В наследии М. немало посланий; они очерчивают круг его лит. связей, особенно первоначальных; наиболее частый их адресат — К. К. Павлова [кроме вышеуказанного — «К. К. П-вой» (1843), «Каролине Карловне» (по случаю жизни в Сокольниках) (1840, опубл. 1983)]. В 1838 Павлова посвятила М. стих. «Неизвестному поэту» (ставшее в 1839 первой публ. ее рус. стихов), где почти пророчески советовала М. вернуться на «край света» (на родину): «Забывши нас, забыты нами, / Поэтом сохранишься ты!».

К сер. 40-х гг. М. переживает тяжелую душевную депрессию, очевидно усиленную разгромно-саркастич. отзывами о сб-ке. У него нарастает чувство одиночества; без родных, лишенный, по-видимому, непосредственного, повседневного участия лит. покровителей, М. оказался не в силах перенести внутр. надлом и покончил с собой (повесился). В 1855 К. Павлова в покаянном стих. «Памяти Е. М.» воссоздала психол. основу его жизненной трагедии («Глядит эта тень, поднимаясь вдали, / Глазами в глаза мне уныло. / Призвали его из родной мы земли, / Но долго заняться мы им не могли: / Нам некогда было.»).

Обличение, жалоба, удивление, гордость, «мятеж иступленных дум», самоуничижение — жизнь мечты в поэтич. образе — все это естественно отражалось в стихах М., к-рого можно назвать поэтом несвершившегося дарования.

Др. произв.: «Путешествие В. А. Жуковского по России. (Письмо Милькеева Жуковскому)» («Совр.», 1838, т. 12, с. 5—22; вошло как автобиограф. предисл. в сб-к 1843).

Изд.: [Стих.]. — В сб.: Поэты 1840—1850 (с. 198—99 — обоснование даты смерти «ок. 1845»); РЛ, 1983, № 1, с. 201—08 (и письма, в т. ч. к Н. Я. Зимовскому от 3 янв. 1839, Плетнёву от 22 февр. 1839).

Лит.: Жуковский В. А., Дневники, СПб., 1903, с. 320; Хомяков А. С., Стих. и драмы, Л., 1969, с. 109—10, 557; Павлова К. К., Стих., М., 1985, с. 77, 111—12, 222—23, 234; РС, 1904, № 3, с. 371 (из письма С. П. Шевырева к В. Ф. Одолевскому); Белинский (ук.); Аксаков, III (ук.); Плетнёв, III, 641—642; Панаев (ук.; прим. 159**); см. возражения Панаеву М. П. Розенгейма: ОЗ, 1861, № 11 — «Заметки празднующегося»; Грот и Плетнёв, II, 57—58, 89; Азаводский М. К., Невз. поэт-сибиряк. (Е. Милькеев). — В кн.: Камени, Чита, 1922 (то же — в его кн.: Ст. и письма..., Новосибир., 1978); Бурмин В. (Утков). Поэтич. подмастерье М. — «Омский альб.», кн. 6, 1947; его же, Люди. Судьбы. Бытия, Новосибир., 1970; его же, Живое и мимущее. — В кн.: АВ, в. 19, М., 1985, с. 205—208; Кунгуров В. Ф., В. Г. Белинский о творчестве писателей-сибиряков. — Уч. зап. Иркут.

псд. ин-та», в. 12, 1957; Постнов Ю. С., Рус. лит-ра Сибири первой пол. XIX в., Новосибир., 1970, с. 326—41; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982, с. 314—21; Горбенко Е. П., К биографии М. — РЛ, 1983, № 1; ЛН, т. 16/18, с. 1034, 1036, 1041; т. 49/50, с. 344. * Брокгауз; Венгеров. Источ.: Южаков; РЛС; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 245 и 430 (письма Плещину и рукоп. стихов); оп. 8, № 62, 63 (тетради стихов и прозы М.); РГБ, ф. 231, к. 21, № 4 (письмо к М. П. Погодину от 25 авг. 1844).

Е. П. Горбенко.

МИЛЬЧЕВСКИЙ Октавий Витальевич [22.3(4).1833*, Могилев, губ.(?)* — 10(22).5.1878, Владикавказ*], журналист, библиограф, прозаик, переводчик. Из дворян. Сын педагога, преподавателя франц. языка. Обучался в Иркутской (1843—50) и 2-й казан. (1850—51) г-зиях. По окончании Казан. ун-та (1855) служил учителем франц. яз. в нижегород. Александров. дворянском ин-те, нижегород. Марининском ин-те благородных девиц (с 1857) и 1-й казан. г-зии (с 1858). «Зная одинаково русский язык и французский, он сумел осмыслить изучение чужого языка настолько, что большинство из нас [учащихся — А. Р.] в седьмом классе довольно свободно читали французские книги» (Клеменц Д. А., Из прошлого, Л., 1925, с. 90). М. нередко вступал в конфликты с косной пед. средой, в 1860 его речь «О наших средних уч. заведениях» поначителем округа была признана «неудобно для прочтения на акте по излишней резкости тона, который, оскорбляя публику, в то же время может иметь неблагоприятное, по всем последствиям, влияние и на воспитанников» (цит. по: Владимиров В., с. 465).

Печататься М. начал в сер. 1850-х гг. Самое раннее из выявленных произв. — заметка на ботанич. тему в «Записках имп. Казанского экономич. об-ва» (1854, № 11); в дальнейшем нередко печатался в этом изд., опубл. в т. ч. обширную статью о состоянии ж-лов, посвященных промышленности, и стоящих перед ними задачах: «Письмо к редактору» (1859, № 2; подпись Лежебоков; об авторстве М. см.: ИРЛИ, ф. 155, прил. к ж-лу Лит. фонда за 1879, л. 19). В 1861 сотрудничал в «Рус. пед. вест.»: ст. «О наших средних уч. заведениях...» (№ 1), «О языкознании в наших училищах» (№ 3, под псевд. Заноза), «Программа преподавания всеобщей истории в гимназиях» (№ 4) и др. Первые публ. М. свидетельствовали об обширных знаниях, умении легко и занимательно писать.

В 1862, возможно, из-за конфликтов с начальством, М. вышел в отставку (с чином коллеж. секр.), переехал в Петербург и стал профессиональным литератором. Публиковался в ж. «Искра» (стихи — 1862, № 17, 21, 25, 37, 44), «Заноза», «Рус. сло-

во», «Рус. сцена» (театр. рецензии, а также пер. комедии У. Шекспира «Виндзорские проказницы» — под назв. «Веселые виндзорские барыньки» — 1865, № 4/5; пер. отмечен живостью языка и удачными попытками передать яркую речевую характеристику персонажей, см.: Шекспир и русская культура, М.—Л., 1965, с. 504), газ. «С.-Петерб. вед.» (1862), «Совр. слово», «Бирж. ведомости», «Русь». Изредка выступал с прозаич. автобиогр. соч.: пов. «Выгодная кондиция (Из студенч. воспоминаний)» («Рус. пед. вест.», 1861, № 2, под псевд. Дебютант, раскрытие псевд. см.: РНБ, л. 342—43) — о летней поездке к помещику в качестве дом. учителя; воспроизводящий впечатления от гимназич. службы рассказ «Педагогико-юмористические очерки» («Рус. мир», 1862, 10, 17 марта). Эти произв. — легкого, «фельетонного» характера, не лишённые выразительности в обрисовке действующих лиц, — юмористически изображали гимназич. и ун-тское начальство, студенч. и помещичий быт.

В целом М.-журналиста отличали ярко выраженная популяризаторская ориентация и жанровая «всесохватность»: «могу вести и политический, и внутренний обзоры, затем фельетон — живой, занимательный, стихами и прозой, музыкальный и театральный обзоры... критику и библиографию по педагогике, естествознанию, географии, камеральным наукам, наконец, зная основательно языки французский, немецкий, английский и итальянский, я могу составлять компилированные работы и пр.» (письмо М. П. Погодину — РГБ, ф. 231/11, л. 3). В ведущих ж-лах М. печатал большие обзорно-реферативные статьи по самым разным проблемам: «Некоторые вопросы естественных наук и наша литература за 1862 и начало 1863 года» (ОЗ, 1863, № 3, 7), «Химия в лаборатории и химия в организме» (БзЧ, 1863, № 9), «Государственные и церковные партии в Западной Европе» (БзЧ, 1863, № 11), «Старая и новая география» (БзЧ, 1864, № 4/5), «Очерк прошлой деятельности рус. географов» (БзЧ, 1864, № 7), «Борьба двух цивилизаций в Северо-Западной Африке» (БзЧ, 1864, № 10—12) и др. В 1863—64 был фактическим редактором ж. «Книжный вест.», где поместил десятки анонимных рецензий, а также ряд статей о проблемах социального бытования литературы: «Наше книжное дело вообще» (1864, № 1), «Наша журналистика и публика» (1864, № 13) и др.

В статьях М. выступал с позиций естеств.-науч. материализма и социального радикализма. Он участвовал в работе пед. комиссии Петерб. комитета грамотности, был близок, по-видимому, к рев. кругам. После покушения Д. В. Каракозова (1866) М. был арестован, 2 недели просидел в Петропавлов. крепости, а затем отдан под негласный надзор полиции. В том же году переехал в Москву, где давал уроки рус. языка и музыки, печатался в ж. «Развлечение» (1866—1867), «Будильник» (1866), газ. «Русский» (рецензии, а также ст. «Наши календари», 1868, 29 янв., 6. п.; об авторстве М. см. письмо Погодину — РГБ). Осн. средством заработка стало для него издание науч.-популярных книг. Нек-рые из этих ра-

бот, достаточно серьезные по содержанию, — «Жизнь всего мира, или Рассказ о веществах, силах и явлениях природы» (М., 1867) и «Основания науки антропозологии, или Закон отношений между человеком и природою» (М., 1868; сочувств. отзыв — ОЗ, 1868, № 2) — не были допущены в школьные библиотеки (по письму мин. внутренних дел, считавшего, что в них «проводится грубый материализм и безверие» — ГАРФ, ф. 109, 3 эксп., 1888, д. 116). По заказам рыночных книготорговцев (гл. обр. С. И. Леушина) М. подготавливал и более коммерческие издания (часть его книг, подписанных псевдонимами или анонимных, не выявлена); ориентированные в отборе мат-ла на обыденные представления массового нар. читателя, они вместе с тем нередко скрывали под «завлекательным» названием добротное и интересно написанные соч., пропагандирующие совр. науч. представления и разоблачающие суеверия. Среди этих книг — «Полный новейший сотолкователь...» (М., 1869), «Великий маг и чародей. Сокровищница всех волшебств, таинственных и магич. наук: кабалистики, астрологии, черной и белой магии, демонологии, алхимии, хиромантии» (М., 1869; 2-е изд., М., 1879; резко отрицат. отзыв — «Дело», 1869, № 3), «Страсти и преступления...» (М., 1870, под псевд. О. Писарев), «Прелести и ужасы разврата публичного, тайного, женского, мужского, корыстного, бескорыстного, его история... Жизнеописание знаменитых своим развратом женщин всех времен и народов, в блеске и грязных трущобах» (М., 1870, под тем же псевд.; кн. Моск. окружным судом, как «сочинение, явно противное нравственности и благопристойности», приговорена к уничтожению; см.: БВед, 1871, 16 окт., утр. изд., тут же — раскрытие псевд.; см. также: ЦИАМ, ф. 212), пер. романа Л. Ульбаха «Остров фантазий» (М., 1872). В 1871 подавал в цензуру рукопись «Поэтический сб-к» (в его составе — переводы произв. В. Гюго, Шекспира, Т. Г. Шевченко, А. Мицкевича, либретто малорос. оперы по одной из пов. Н. В. Гоголя); последовало запрещение перевода поэмы Шевченко «Княжна» — «по крайне возмутительным сценам разврата постоянно пьянствующего помещика» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, л. 558, л. 18 об.). В 1872 переехал в Одессу, публиковался в «Одес. вестник»; вскоре (по-видимому, в том же году) поступил на службу в Тифлис. г-зию учителем франц. языка; с 1877 преподавал во Владикавказ. реальном уч-ще. Печатался в тифлис. газ. «Кавказ» и «Тифлис. вестник».

Др. произв.: «Опыт синонимики французского языка для русских»

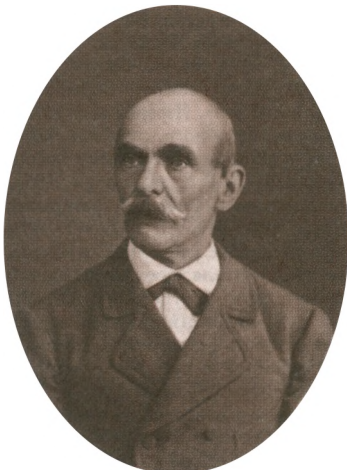
(Каз., 1861), «Первоначальный курс рационального, теоретико-практического и сравнительного изучения франц. языка для русских» (Каз., 1861; 2-е изд., под назв. «Учебник французского языка...», М., 1869), «Технолог-практик. Книга фабричных, заводских, ремесленных, художественных и других промышленных производств» (ч. 1—7, М., 1868; 2-е изд. — М., 1875), «Полный настольный календарь на 1870 г.» (М., 1869), «Причины вырождения человека» (М., 1870).

Лит.: Владимирова В., Ист. записка о 1-й казанской г-зии, ч. 3, Каз., 1868, с. 451, 460, 464, 465; Протопопов Д. Д., История С.-Петербурга к-та грамотности (1861—1895), СПб., 1898, с. 277; Винер Е. Н., Библ. журнал «Книжный вест.» (1860—1867), Л., 1950, с. 53—55, 61, 81, 88—90, 102, 111; Заболов Н. В., История рус. библиографии до нач. XX в., 2-е изд., М., 1951, с. 318; Шекспир в рус. культуре, М.—Л., 1965 (ук.); Формозов А. А., Страницы истории рус. археологии, М., 1986, с. 186—87, 194—95; Сажиин В., Тысяча мелочей. — «Новос лит. обозрение», 1993, № 5, с. 156 (о ценз. запрещении соч. М.). — Рус. энцикл. словарь, отд. 3, т. 2, СПб., 1874, с. 230; Брокгауз (несверно указано отчество); Венгеров, Источн.; ИДРДВ; Масанов (не указаны псевд., названные в статье).

Архивы: ЦГА Татарстана, ф. 92, оп. 1, д. 6492, 7257, 7387, 7574 (сведения об учебе и нел. службе); ф. 350, оп. 2, д. 663 (копия м. с. * Мотилев. римско-католич. дух. консистории); РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1444, л. 345 (ф. с. отца М.). [справка Б. М. Витенберга]; ГАРФ, ф. 109, 3 экз., 1868, л. 116; 1869, л. 115, ч. 1, л. 124 об. (бюгр. сведения, в т. ч. об обсыске М. по «нечеловеческому делу»); ЦИАМ, ф. 31, оп. 4, д. 710 (рукоп. запрещенной сказки «Сказание о житии-бытии друга сердечного, таракана запеченого, рассказанное им самим»); оп. 5, д. 520, 533, 543, 558; ф. 212, оп. 1, д. 22, 38 (цenz. мат-лы) [справка по ф. 31, оп. 5, и ф. 212 — Г. Ю. Борисовой]; РГБ, ф. 231/II, к. 21, д. 5 (письма М. П. Погодину, 1868); ф. 418, к. 1, д. 20 (письма В. П. Маслову, 1868); ИРЛИ, ф. 155, прил. к ж. Лит. фонда за 1879, л. 18—19** (прошение жены М. в Лит. фонд; дата и место смерти); РНБ, ф. 438, № 11, л. 342—43; № 13, л. 187—88; № 14, л. 58 (прошения М. в Лит. фонд, 1862—65 гг.). А. И. Рейтблат.

МИЛЮКОВ Александр Петрович [30.7(11.8).1817, по др. данным — 1816*, г. Козлов Тамбов. губ. — 6(18).2.1897, Петербург; похоронен в Александро-Нев. лавре], лит. критик, мемуарист, очеркист, автор путевых записок. Из мещан; мать — дочь моск. купца, дед по отцу — также моск. купец, торговавший ситцем («Старик строгой честности, но очень крутой и скупой» — ИРЛИ, № 5456 — Автобиогр. зап. М.; там же указание на 1817 год рожд., л. 3). С раннего детства жил в Москве; окончил Трехсвятительское уч-ще у Красных ворот; в нач. 1830-х гг. учился в Моск. губ. г-зии, посещал лит. вечера Ф. Ф. Кокшюкина, пользовался его б-кой (очерк о нем, а также описание патриарх. моск. уклада, нар. празднеств, годов учения и особенно трудностей поступления в г-зию вошли в кн. «Доброе старое время»). В 1839—43 учился в Петерб. ун-те (вместе с А. Н. Майковым: см. его стих. «А. П. Милюкову по поводу моего 50-летнего юбилея»,

1888), к-рый не закончил; с 1843 входил в кружок И. И. Введенского, где в нач. 1850 познакомился с Н. Г. Чернышевским. В 1846—49 участник кружка С. Ф. Дурова; здесь в 1848 встретился с Ф. М. Достоев-

ским; посетил обоих в Петропавлов. крепости накануне их отправки на каторгу. Ок. 20 лет (с перерывами) М. преподавал в ср. воен.-уч. заведениях; с 1840 учитель математики в Шлиссельбург. уездном уч-ще, в 1841—44 в петерб. Рождественском уездном уч-ще, в 1844—49 учитель рус. языка во 2-й петерб. г-зии; одновременно, с 1844 по 1858, преподавал рус. словесность в петерб. Николаевском сирот. ин-те. В 1847 выдержал экзамен на звание старшего учителя рос. словесности (с 1854 коллеж. ас.).

Лит. имя М. принесла кн. «Очерк истории русской поэзии» (СПб., 1847, 1858, 1864; сбалаansir. реш. на 1-е изд. — БдЧ, 1848, т. 86), содержащая обзор рус. лит-ры от Нестора и «Слова о полку Игореве...» до М. Ю. Лермонтова включительно. Следуя мысли В. Г. Белинского о зависимости поэзии от «начал в обществ. жизни», М. в развитии допетровской лит-ры видит регресс, допетровскую Русь называет грубой и невежественной, подтверждая этот тезис нар. песнями, «дурными» сказками и духовными стихами, а все «проявления духа» связывает с норманнским влиянием, к-рое постепенно ослабевало из-за татаро-монг. ига. «Послепетровская» лит-ра представляется М. «подражательно-риторической», тогда как истинная поэзия должна быть «самобытно-сатирической», и именно с сатирич. линией он связывает достижения рос. словесности. Являющаяся по сути компиляцией работ Белинского 40-х гг., книга, однако, получила значит. резонанс в критике, увидевшей в ней ценную популяризацию.

Для Н. А. Добролюбова даже 1-е изд. «до сих пор не теряет своей правды и значения» («Совр.», 1858, № 2, с. 113; то же — Добролюбов, II, 218); видимо, с противоположностями книги М. учебным курсам Н. И. Греча и С. П. Шевырева связан и положит. отзыв Чернышевского (I, 400; см. также: XIV, 211, 215). В целом негативную оценку «Очерку...» дал А. В. Дружинин — в обширном разборе, помещенном в «Б-ке для чтения» (1858, т. 151). Позднейшие переиздания книги, не исключившие новых имен, вызвали еще более сдержанные отзывы (см., напр.: В. (И.) Воловиков — ЖМНП, 1860, № 12; БдЧ, 1865, т. 2), а упования на сатирич. направление лит-ры позволили А. П. Пятковскому назвать их «*idées fixes*» г. Милюкова («Якорь», 1864, № 44; отд. отт. — СПб., 1864).

С 1847 по инициативе О. И. Сенковского М. недолго сотрудничал в критич. отделе «Б-ки для чтения»; в 1-й пол. 50-х гг. один из рецензентов «Отеч. записок». В 1860—62 фактич. ред. и один из ведущих авторов ж. «Светоч». Позиция ж-ла заявлена в ред. статье (1860, кн. 1) как примирение западной и «восточной» партий. Будучи в 40-е гг. «рыным западником» («Доброе старое время», с. 38), М. в попытке примирения «крайних воззрений» больше внимания уделяет разбору позиции славянофилов. Он готов признать положительную идею единства слав. племен, а также общинного владения землей, но не приемлет смирение как источник спасения, «общенар. ист. покаяния» (по М., это «род какого-то постоянного оплакивания условий грехов, вечного посыпания головы траурным пеллом» — «Светоч», 1861, кн. 6, Критич. обзор., с. 39). М. отвергает и утверждения о «гнилом состоянии Запада»; в то же время не принимает и «рабского поклонения» Западу, и «отрицания западниками» «всего светлого в нашем народном характере» (там же). Споры партий М. признает важными и полезными для прояснения многих «идей о нашем прошедшем, настоящем и будущем» (там же, с. 35), к-рые помогают встать на более трезвую срединную позицию. В творчестве авторов журнала и образовавшегося вокруг него кружка (в т. ч. М. М. Достоевский, Н. Н. Страхов, А. А. Григорьев, чье позднее составившее ядро ж. «Время» и «Эпоха»; в них М. помещал очерки, прозу и рецензии) складывалась идеология почвенничества. Сам М. становится либералом-почвенником — позиция, особенно отчетливо проявившаяся в опубл. в «Светоче» статьях «Заключительное слово „Русской беседы“» (1860, кн. 2), рецензиях «„История Петра Великого“ Н. Устрялова» (1860, кн. 3), «Стихотворения А. С. Хомякова» (1861, кн. 6), «„О крутовой порuke на Руси“ И. Беляева» (1860, кн. 4), где он стремился найти не только слабые, но и сильные стороны в утверждениях своих оппонентов.

Несмотря на изменение полит. пристрастий, в своих лит.-критич. выступлениях М., хотя и не отрицает

эстетич. критериев, остается верен взгляду на лит-ру как на выражение «обществ. истины». В ст. «„Обломов“, роман И. Гончарова» («Светоч», 1860, кн. 1) он спорит с утвердившейся точкой зрения на Обломова как архетип рус. характера, «наш. темперамента»; не признавая обломовскую апатию сутью рус. натуры, он в то же время считает еще большим злом идеализацию в рус. обществе типа «практич. эгонста» Штольца (с. 6, 9, 28). Для М. важно выявление генезиса любого обществ. явления, что он особо отмечает в ст. «Бурса в школе и литературе» (вошла в сб. «Отголоски...»); именно рассказы Н. Г. Помяловского о «детстве этих людей», нравах и «подвигах литературной камчатки», воспитанной «бурсой», «служит естественным ключом к уяснению ... (их) литературной партии» (с. 211). Из малоизвест. рец. на «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского («Светоч», 1861, кн. 5) современникам запомнилось сравнение «мертвого дома» с кругами дантова ада, Достоевского — с Вергилием.

Непродолжительность издания «Светоча» — следствие, скорее всего, подчеркнуто невоинственной, корректной, примиряющей позиции редакции и самого М., апологета «золотой середины». В 1868—70 он фактич. редактор газ. «Сын отечества». Ставшая при нем несколько разнообразнее и живее (помимо полит. и бирж. известий появляются муз. и театральная летопись, обзоры журналов и книжных новинок, путевые заметки и бытовые зарисовки из моск. и петерб. жизни), газета тем не менее не приобрела сколько-нибудь ярко выраженного лица. В нач. 1870-х гг. М. редактировал газ. «Рус. мир».

М. написал многочисл. путевые заметки, написанные по следам своих европ. путешествий и поездок по стране: «Очерки Финляндии. 1851 — 1852 гг.» (СПб., 1856; рец.: А. Н. Пыпин) — «Совр.», 1856, № 11), «Афины и Константинополь» (СПб., 1859; рец.: Добролюбов) — «Совр.», 1859, № 11); вошли вместе с «Очерками Финляндии...» в кн. «Путевые впечатления на севере и юге» (СПб., 1865; на нем. яз.: Од., 1865), «Летние поездки по России» (СПб., 1874) (см. также разбросанные по ж-лам и др. сб-кам его очерки о Венеции, Милане, Женеве, Саксонской Швейцарии и др.). Путевые записки не выходят за рамки традиц. описаний, это, по словам самого М., «мимолетные впечатления туриста, который, не мудрствуя лукаво, передает, что видел» («Летние поездки...», с. 137).

Другой излюбленный жанр М. — мемуары. Беллетризов. воспоминания о детстве и отрочестве «Доброе старое время. Очерки былого»

(СПб., 1872) содержат и ист. эпизоды: о спасении Новодевичьего монастыря монахиней в Отеч. войну 1812, о крепостном театре кн. Н. Б. Юсупова и др. Главой «Откуда Пушкин взял сюжет „Медного всадника“» М. способствовал разработке петерб. мифа: здесь он первым (со слов Мих. Ю. Вieselгoрского) обнаружил легенду о пророч. сне обер-прокурора Синода А. Н. Голицына, благодаря к-рому была предотвращена эвакуация памятника Петру I в 1812 (см.: Осповат А. Л., Тименчик Р. Д., «Печальная повесть сохранить...», М., 1985, с. 45—46, 102—108). Наиб. ценное из соч. М. этого рода — «Литературные встречи и знакомства» (СПб., 1890), где он выступает мастером лит. портрета, в основу к-рого положен принцип анекдота, яркого штриха (одобрит. рец.: С. Т-чев — ИВ, 1890, № 7: «прекрасный, образный язык», «сжатость и меткость в характеристиках, развитое повсюду чувство меры и наблюдательный ум» — с. 221; сдержанно-негативный отклик: ВЕ, 1890, № 7). Не проходя мимо странностей и чудачеств своих «персонажей», но с нескрываемой симпатией к ним М. создает запоминающиеся лит.-бытовые характеристики Кокошкина (в пов. «Записки одного скитальца» нек-рые его черты использованы с сатирич. обертонами), Д. И. Языкова, Введенского, Я. П. Буткова, Л. А. Мея, А. А. Григорьева, Дурова, бр. Достоевских, описывает атмосферу кружка Дурова, историю ареста петрашевцев (цензор предлагал изъять «дерзкие» места рукописи — РГИА, ф. 777 — справка В. М. Лупановой). Мемуары включают и заметки о Сенковском, знакомстве М. в Лондоне в 1857 с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Он был также знаком с Н. С. Лесковым (ИРЛИ, ф. 220, № 25: фотопортрет писателя с дарств. надписью М., 1869 г. — справка Н. А. Прозоровой). В 70-е гг. и позднее М. собирал у себя «вторники», на к-рых присутствовали Ф. Достоевский, В. В. Крестовский, В. П. Ключников, Г. П. Данилевский, Лесков, Майков, Ф. Н. Берг, Страхов (ИВ, 1895, с. 193; Всп, в. 7, 1990, с. 49, 57).

В 1865 М. издал кн. зарисовок «На улице и еще кое-где. Листки из памятной книжки» (СПб.; 2-е изд. под назв. «Рассказы из обыденного быта...», СПб.—М., 1875; 3-е изд., СПб., 1886), к-рые называл «пестрым материалом», «летучими заметками всякого рода случаев» «без примеси вымысла» (с. I, II). М. подмечает характерные или просто любопытные ситуации из нар., мешанского, чиновничьего (моск., реже петерб.) быта, иногда удачно улавливая стереотипы бытовых реакций и обществ. настроений этих слоев. По

жанру к такого рода «физиологич.» коротким наброскам примыкают рассказы: «Процесс наших путешественников» («Светоч», 1862, кн. 4), «Петербургские инфузорины», «Современные самозванцы» — из кн. «Рассказы и путевые воспоминания» (СПб., 1873), куда вошла и пов. «Записки одного скитальца. Не совсем фантастич. пов.» (впервые: «Эпоха», 1864, № 8) — стилизация, выполненная в жанре «физиологии»; повествование ведется от «лица» старого пуделя.

С сер. 70-х гг. М. снова преподает в Николаевском ин-те (письма Н. В. Гербелю — ИРЛИ, ф. 179, № 75), печатается в газ. «С.-Петербург. вед.», ж-лах «Рус. старина», «Ист. вестник», где выступает с фрагментами своих мемуаров, биогр. и критич. заметками (о соч. Е. Тур. Лескова — ИВ, 1880, № 1, 6), переиздает, без к.-л. изменений, разбросанные по разным изд. статьи и рассказы: сб. «Отголоски на литературные и общественные явления» (СПб., 1875) помимо перепечатанных статей (преим. из «Светоча») включает обширную ст. «Вопрос о малороссийской литературе», в к-рой М. отрицает самобытность укр. лит-ры и даже возможность ее существования — при общерос. гос. укладе (с. 149). К концу жизни более четко обозначилась эволюция М. от западничества и либерального почвенничества к славянофильству. В ст. «Ф. Н. Глинка» (ИВ, 1880, № 7) он как положит. качество отмечает близкий к славянофильскому взгляд Глинки на нар. жизнь, а в ст. о П. И. Мельникове-Печерском (Мельников П. И., ПСС, т. 1, СПб.—М., 1897, с. 319—324) ставит писателю в осн. заслугу как «чисто-художественное» воспроизведение мира рус. старообрядцев и раскольников («полное беспристрастие без всякой обличит. цели» — с. 320—22), так и, в особенности, знание «рус. жизни ... и рус. духа», «исконной кондовой Руси» (там же). Возросший интерес к истории допетровской Руси проявился в пов. из эпохи Ивана Грозного «Царская свадьба» (СПб.—М., 1873; 2-е изд., СПб., 1886).

Др. произв.: одобрит. отзыв о «Дядюшкином сне» Достоевского («Le Nord», Bruxelles, 1859, 29 avril), «Жемчужины рус. поэзии» (хрестоматия, сост. М.; СПб., 1874); ст. «Рус. путешественник за границей в прошлом веке» (1771—73) (ИВ, 1881, № 9).

Изд.: [Мемуары]. — В кн.: Герцен в восп.; Достоевский в восп. I; [Очерки]. — В кн.: Очерки моск. жизни. [М.], 1962, с. 69—84.

Лит.: Достоевский; Чернышевский; Добролюбов (все — ук.); Достоевский. Письма (ук.); Страхов Н. Н., Восп. о Ф. М. Достоевском. — В кн.: Биография, письма и заметки из зап. книжки Ф. М. Достоевского, СПб., 1883, 2-я паг., с. 187, и след.; Котляревский А. А., Соч., т. 1, СПб., 1889, с. 139—62.

т. 2, СПб., 1889, с. 221—36; Волинский А., Лит. заметки. Н. А. Добролюбов. — СВ, 1894, № 3, с. 111—14; Модзалевский Б. Л., Альбом О. А. Миллюкова. — ИзвОРАС, 1912, т. 17, кн. 4; Пиксанов Н. К., Два века рус. лит-ры, 2-е изд., М., [1924], с. 117—118; Скафтимов А., Преподавание лит-ры в дореволюц. школе. — Уч. зап. Саратов. гос. пед. ин-та, в. 3, 1938, с. 161, 164—68, 201, 207—08; Исачков С. Г., Прибалтика в рус. лит-ре второй пол. 1830-х—1850-х гг. — Тр. по рус. и славян. филологии, т. 5, Тарту, 1962, с. 144, 149—50 (Уч. зап. ТТУ, в. 119); Достоевская А. Г., Восп., М., 1981 (ук.); ЛА, т. 6, М.—Л., 1961, с. 272—295; Демченко А. А., Н. Г. Чернышевский. Науч. биография, ч. 1, Саратов, 1978 (ук.); Никитина Ф. Г., Петрашевы и Ламане. — В кн.: Достоевский. Мат-лы и иссл., в. 3, Л., 1978; Якубович И. Д., Незн. отзыв о пов. «Дядюшкин сон». — В кн.: Достоевский. Мат-лы и иссл., [в. 5], Л., 1983, с. 190—91; Дружинин А. В., Лит. критика, М., 1983 (ук.); Некролог, 1897; «Правительство. вестн.», в февр.: КВ, № 2; ВМ, т. 1, № 15; ИВ, № 4; и др. Брокгауз; НЭС; Венгеров. Источ.: Михневич; ПНЭкр.; Мезьер; ЛЭ; Нецасва. «Время»; Нецасва. «Эпоха» (обе — ук.); Боград. «Совр.»; Боград. ОЗ (1); ИДРДВ, т. 2—3; Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 236, № 104, ф. 274, оп. 3, № 138 (письма Г. П. Данилевскому 1860—69 и 1872 гг.), ф. 548, оп. 1, № 184 (письма В. Р. Зотову), Р. III, оп. 2, № 938—942 (письма Е. Н. Опочинину, б. д.; № 1053 — 1884 г.); РНБ, ф. 124, № 2825 (письма Л. Н. Вакслю 1858—78 гг.), архив С. Н. Шубинского, ф. 874, оп. 1, № 2...40 (письма Шубинского), ф. 874, оп. 1, № 259 (заметка М. «Знамена вольных казаков»), ф. 115, № 33 (реш. М. на ром. В. Крестовского «В ожидании лучшего», 1860) [справка Т. В. Мисинкевич]; РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1444 (ф. с. 1858 г.) [справка Б. М. Витенберга].

МИЛЮКОВ Павел Николаевич [15(27).1.1859, Москва — 31.3.1943, Экс-ле-Бен, Франция; после войны перезахоронен на кладб. Батиньоль в Париже], историк, публицист, мемуарист, полит. деятель. Из дворян. Отец, Ник. Пав., — моск. архитектор, затем оценщик в одном из банков. Задолго до смерти отца (1879) отношения М. с матерью, Марией Арк. (урожд. Султановой, в первом браке Барановой), отличавшейся суровым, властным характером, испортились; он рано оторвался от семьи.

В «Воспоминаниях» (здесь и далее цит. по изд.: М., 1991) М. примерно к 1873 отнес появление у себя «целевого отношения к жизни», «какой-то высшей степени сознательности в мыслях и в действиях» (с. 50); он с отрочества занимался музыкой (и до старости играл на скрипке в любительских квартетах), театром, поэзией, особенно антич. классикой. Позднее тоже при всяком удобном случае изучал «языки, литературу, живопись, руины, нравы» (В и ш н я к, 1956, с. 190), приобрел энциклопедич. познания. В пору своей думской деятельности, напр., ежедневно читал газеты на 13 языках.

«Целый религ. поворот», повлиявший на мировоззрение М., вызвали труды Г. Спенсера и вообще философия позитивизма (С. Смирнов — «П. Н. Миллюков. Сб-к мат-лов по чествованию его семидесятилетия. 1859—1929», Париж, 1930, с. 2; далее: «Сб-к...»). Под совместившимися впечатлениями от книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и разгоравшегося в сер. 70-х гг. «слав. движения» М. пережил кратковременное увлечение полит. идеями Ф. М. Достоевского, чей «Дневник писателя» читал «с жадностью» («Восп.», с. 58). В 1877, окончив с серебрян. медалью 1-ю моск. г-зию, М. летом ездил на Закавказье. фронт рус.-тур. войны в составе санитарного отряда моск. дворянства, а осенью поступил на ист.-филол. ф-т Моск. ун-та (где его однокурсниками были А. И. Гучков, М. К. Любавский, В. В. Розанов). В апр. 1878 кружок студентов поручил ему написать Достоевскому письмо с вопросом о «правильных» отношениях интеллигенции к народу. В ответном письме (см.: Достоевский, ХХХ, кн. 1, 21—25), по словам М., адресатов поразило «резкое противопоставление» рус. народа Европе. Именно тогда у него складывается «ответная формула: Россия тоже Европа» («Восп.», с. 59).

На первых курсах М. занимался сравнит. языкознанием и ранними формами словесности у Ф. Ф. Фортунатова и В. Ф. Миллера, методологией ист. исследования — у П. Г. Виноградова. На 3-м курсе (1879) решил специализироваться по рус. истории у В. О. Ключевского. В 1881 за участие в запрещенной (после парубийства 1 марта) студенч. сходке был исключен из ун-та и уехал в Италию, «помня о своей задаче: изучить ист. эволюцию искусства» («Восп.», с. 89).

В 1882 М. был оставлен при кафедре Ключевского; готовился к магистерскому экзамену (сданному в 1885) и преподавал историю в 4-й жен. г-зии (1883—94), Земледельч. уч-ще, давал частные уроки. В 1885 женился на Анне Сер. Смирновой (любимой ученице Ключевского по жен. курсам В. И. Герье). С 1886 в качестве приват-доцента читал в Моск. ун-те лекции по историографии, ист. географии и истории колонизации. А. А. Кизеветтер, слушавший М., вспоминал, что «молодой

лектор» особенно привлекал к себе студентов, охотно вводя их в лабораторию своей исследоват. работы (в его кн.: На рубеже двух столетий, Прага, 1929, с. 87). Тогда же М. напечатал в «Рус. мысли» ст. «Юридич. школа в рус. историографии» (1886, № 6; первая публ.) и до 1894 сотрудничал в этом ж-ле как ведущий рецензент изданий по истории.

Сняв квартиру в одном доме с Н. И. Стороженко, с сер. 80-х гг. М. тесно сближается с кругом моск. либеральной профессуры, к-рый, как он позднее подчеркнет в «Воспоминаниях», «в комическом и злобном освещении» описал в мемуарах А. Белый, сумевший, однако, «отметить многое, действительно смешное в этом маленьком мире» (с. 102). М. общается с И. И. Янжулом, В. А. Гольцевым, А. И. Чупровым, знакомится с Вл. С. Соловьевым; бывает у Л. Н. Толстого, с к-рым резко расходится в понимании ценности науч. знания (см. в «Восп.» яркий эпизод разговора с Толстым о науке — с. 114—15).

С 1886 по 1892 в моск. и петерб. архивах М. работал над дис. «Гос. хозяйство России в связи с реформой Петра Великого» (ЖМНП, 1890, № 9—11; 1892, № 1—2; отд. изд. — СПб., 1892; премия С. М. Соловьева, 1893), к-рая имела осн. целью показать, что Петровская реформа была уже подготовлена предшествующим развитием России и представляет собой результат эволюции, в принципе одинаковой у России в Европе, лишь задержанной ист. условиями рус. жизни. Т. о., М. отказывался как от западнической т. з. (заминствование у Европы), так и от славянофильской (насильств. разрыв ткани нац. жизни); «сам Петр» у М. «является не столько субъектом, сколько объектом реформы» (Д. М. Одинец — «Сб-к...», с. 62).

Собрав благоприят. отзывы, М. (по существовавшим прецедентам) был почти уверен, что получит докт. степень (минуя магистерскую). Мнению ф-та воспротивился, однако, офиц. оппонент Ключевский, к-рого, как полагал М., раздражал размах его обобщений («Восп.», с. 107). В итоге получил лишь степень магистра, дал себе слово (и сдержал его) никогда не писать докт. дис., а его связи с Ключевским были надолго прерваны.

Позднее, в ст. «В. О. Ключевский» (в сб. «В. О. Ключевский. Характеристики и восп.», М., 1912) М. описал историю своих отношений с учителем, определявшуюся в осн. различием их поколенческих и духовных типов. (Понятие «филиации поколений» всегда занимало в сознании М. значит. место.) Подчеркнув «обаяние, к-рое производили лекции Ключевского» (с. 186) и величие его науч. заслуг, М. отмечал неск-ую устарелость его методологии, налет «шестидесятиничества» в суждениях, хотя «с славянофильством он склоняется сердцем» (с. 200), глубокою личную связь с «бытом» духовного сословия» (с. 203), вообще сочувствие «москов-

ской, XVII века, старин» (с. 205), «слегка намеренное отношение к „конституции“» (с. 213), т. е. все то, что молодой М. воспринимал как чуждое себе, чего Ключевский, разумеется, не мог не учитывать в своем отношении к ученику.

К тому же в нач. 90-х гг. Ключевский уже имел основания ощутить и публици. подтекст ист. штудий М., и его стремление выйти за рамки чистой академич. деятельности. В публичной лекции «Разложение славянофильства» («Вопросы философии и психологии», 1893, № 3) М. «открыл в ней свое идейное знамя» («Восп.», с. 114), заявив, что обе составляющие старого славянофильства — идея нации и идея всемирной миссии — разложились у его «эпигонов»: первая обернулась у Данилевского и К. Н. Леонтьева изуверским «подмораживанием России», вторая у Вл. Соловьёва привела к европеизму и католицизму. Возражая М. в том же номере ж-ла, Соловьёв соглашался, что славянофильство мертво, но указывал, что идейный гегенезис Леонтьева не связан с ранним славянофильством, а об его собств. «универсально-религ. идее» судить с т. з. историка-позитивиста едва ли корректно (с. 154). В свою очередь возражая Соловьёву, М. заметил, что позитивизм, не ограничиваясь «фактами», включает и «идеи», и дал понять, что во всяком случае считает поле для собств. ист.-нац. построений свободным (там же, № 4).

Первые обществ. выступления М. связаны с широким просветит. проектом по ознакомлению публики с данными совр. науки, разработанным (не без его участия) среди либеральных эшмцев и профессуры еще в кон. 80-х гг. В 1892—95 М. читал на Пед. курсах лекции по истории рус. культуры, к-рые литографировались и широко обсуждались. В. М. Чернов в «Зап. социалиста-революционера» (кн. 1, Б.—П.—М., 1922) вспоминал, что тогдашние марксисты воспринимали их как «воду на свою мельницу» (с. 165), будущие эсеры находили в них защиту свободы общины, тогда как сам М. говорил о «стоящей на очереди задаче полит. борьбы» (с. 171).

Поворотной в биографии М. стала совпавшая со сменой царствования осенью 1894 поездка в Н. Новгород с чтением публичных лекций «об обществ. движениях в России», в т. ч. о кружках при Екатерине II, причем полиция доносила, что лектор «искусным подбором односторонне освещенных фактов» позволяет думать, «что этими кружками может быть поставлена претграда росту самодержавия в России» (Меньшиков в Л. Охрана и революция, ч. 1, М., 1925, с. 237). 18 февр. 1895 Мин-во нар. просвещения по представлению Деп. полиции уволило М. из Моск. ун-та, запретив ему преподавание вообще.

Вскоре в обстановке всеобщего сочувствия и хлопот по смягчению его участи М. отправился в адм. ссылку в Рязань, что в глазах молодежи возвело его в ранг «светочей науки опальной» (В. М. Зензинов — «Сб-к ...», с. 160). В речи на прощальном обеде Гольцев «пророчески» пожелал М. сделаться «историком падения рус. монархии» («Восп.», с. 121).

Вершина творч. активности М. — годы, прожитые им в Рязани (1895—1897). На основе накопившихся лекций М. начал многолетнюю работу над иссл. «Очерки по истории рус. культуры» (МБ, 1895, 1896, 1899, 1900, 1901, 1902; отд. изд. — ч. 1—3, СПб., 1896—1903; перечень последующих, регулярно перерабатываемых изд. «Очерков ...» до 1930 см.: Евреинов), первые части к-рого получили в осн. комплиментарные оценки.

П. Б. Струве писал, что они «войдут в „железный инвентарь“ образоват. средств каждого рус. человека» («Нов. слово», 1897, окт., с. 94). Согласно Кизеветтеру, «ист. экскурсы» М. «превращаются ... в живой ист. комментарий переживаемой нами современности» («Обр.», 1896, № 11, с. 100). А. Н. Пыпин приветствовал отказ М. от «фантастич.» теорий славянофилов и переклад «на почву науч. изучения и здравого смысла» (ВЕ, 1898, № 2, с. 690). По мнению совр. историка, М. «горячо восстаёт против всяких поисков за „смыслом“ истории в виде того или иного телеологич. ее объяснения, облекаемого в форму так называемой „философии истории“» (В. А. Мякотин — РБ, 1896, № 11, 2-й отд., с. 4). Одобрили «Очерки ...» Толстой («Попытка его писать историю народов, а не царей очес улавлять» — ЛН, т. 90, кн. 2, с. 241), М. Горький, А. П. Чехов отправил экземпляр в 6-ку Таганрога; был экземпляр в ливадийской 6-ке царя. Правда, Ключевский записал в дневнике 29 нояб. 1896: «Книгу Миллюкова» больше цитировали, чем читали. Он был бы умен, если бы не силился быть им» — в его кн.: Афоризмы. Ист. портреты и этюды. Дневники, М., 1993, с. 59).

Почти одновременно с «Очерками ...» М. написал кн. «Главные течения рус. ист. мысли» (т. 1, М., 1897; 3-е изд., СПб., 1913), где, разбирая ист. труды М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, А. Л. Шлёцера, Н. М. Карамзина, М. П. Погодина и др., старался ухватить «частные взгляды» историка и его «специальные выводы» с более общим мировоззрением эпохи (В. Мякотин — «Сб-к...», с. 44). Здесь, как и в «Очерках...», М. жестко вписывал конкретный материал в рамки своей ист.-социологич. концепции, гл. признаки к-рой — понятия «эволюции» и «закономерности» применительно к гуманитарному знанию, снятие с социологич. «синтезе» противоположности духовного и материального начал, преим. внимание к отд. социальн.-нац. организму сравнительно с целью «всемирной истории», на к-ром (ошибочно, с т. з. М.) строил свое учение о стадиях прогресса О. Конт, причем этот «организм» М. мыслил не как константу, а рассматривал в его эволюц. изменчивости. Выяснение роли личности в истории

в рамках своей концепции М. признавал в принципе возможным, но затруднительным, а «ходячий аксиоме бесконечного прогресса» («Восп.», с. 74—75) противопоставлял идею циклич. развития, в значит. мере опираясь на учение об ист. «круговороте» (*corsi e ricorsi*) Дж. Вико.

Как бы на периферии этих больших работ — блестящие очерки в «Рус. мысли», «Рус. вед.» и разл. сб-ках о верховниках и шляхетстве, любви у «идеалистов тридцатых годов», С. Т. Аксакове, А. И. Гершене, В. Г. Белинском, Т. Н. Грановском и др., составившие «сб-к статей и этюдов» «Из истории рус. интеллигенции» (М., 1902). Они дали Розанову повод назвать М. «талантливейшим в наши дни историком» (НВ, 1902, 24 дек.).

Встречавшиеся в откликах на «Очерки ...» возражения (см.: Соколов в Н. М., Об идеях и идеалах рус. интеллигенции, СПб., 1904), М., с трудом переносивший критику, частично проигнорировал, частично отверг (см., напр., его ответ критикам — МБ, 1900, № 1), частично, правда, учел впоследствии. Осн. признаком «жизнеспособности» своей работы он считал принципиальную «синтетичность» интерпретации рус. истории, «ее известную независимость от мировоззренч., поочередно господствовавших над умами рус. интеллигенции», будь то западничество или славянофильство, народничество или марксизм, а позднее — теория Н. П. Павлова-Сильванского или евразийство. В отношении сходства/несходства рус. ист. процесса с европ. процессом поздний М. исходил как из «синтеза обеих черт» (Карпович, с. 365), так и из возможного впрдв изменения баланса в ту или иную сторону, считая свою концепцию готовой ассимилировать любое развитие событий в силу глубокой проработки ее базовых социологич. понятий. Поэтому в последней ред. «Очерков ...», над к-рой М. работал до конца дней (т. 1 — Париж, 1937; т. 1, ч. 2 — Гаага, 1964; переизд.: т. 1—3, М., 1993—95), он дополнил изложение, начинающееся с «место-развития» и «происхождения национальностей» в России, материалом сов. периода, причем писал, что «в новом ист. материале» нашел «очень хорошую иллюстрацию осн. положений и общего построения своей работы» (т. 1, М., 1993, с. 32). Большевик, как считал М., не породил в России новых культурных процессов, дело свелось к «распространению в массах готовых элементов культуры», что в общем усиливало «преемственность ист. процесса» (там же, т. 2, кн. 2, М., 1994, с. 481).

Исходя из «открытости» концепции М. П. Мишилина в 1929 замечал: мысль, что «нация для него — продукт ист. процесса, а не

его субстрат» («Об-к...», с. 84), вполне закономерна для историка-позитивиста. Тем не менее разрыв между народом и интеллигенцией или «секуляризацию рус. культуры» (с. 85), к-рая изначально вышла из православия, М. считает безусловной данностью, имеющей своим последствием, по его мнению, всеобщий религ. индифферентизм, т. е. бессознат. веру народа и полную безрелигиозность интеллигенции. М., продолжал Бицилли, довольствуется этой бескрайней констатацией, т. к. считает, что «история есть ... конкретная социология» (с. 88), наука о массовых явлениях. Историк же должен считать не только с массовыми, но и со всеми явлениями, напр. с религиозностью Гоголя, Достоевского, Толстого, опровергающей тезис о безрелигиозности всей интеллигенции. Критика Бицилли вела к выводу о том, что существуют, как признает и сам М., «недовоспитанные нации», т. е. те, где Власть и Общество (Народ) пока еще не спаяны в единый организм посредством Права. Такова Россия. М.-политик, по мнению Бицилли, активно и легально боровавшийся за Право, за конкретное единство нации, продолжал, т. о., сильные и восполнял слабые стороны М.-историка, что и придает его личности «символич. значение» (с. 91).

Весной 1897 М. был поставлен перед выбором: год заключения в тюрьме в Уфе либо высылка за границу на 2 года. Он принял приглашение занять в Софийском высшем уч-ще кафедру покойного М. П. Драгоманова, но вскоре был отстранен от преподавания из-за протокольного промаха в контактах с рус. посольством в Софии. Оставшееся время высылки посвятил знакомству с положением на Балканах, будучи уже тогда против «одностороннего (со стороны России — *Ред.*) покровительства Сербии в ущерб Болгарии» («Восп.», с. 127), изучению местных языков и археологич. раскопкам, регулярно помещая в «Рус. вед.» «Письма из Македонии» (1898—99). К этому времени восходит репутация М. как специалиста по балкан. делам.

Свое превращение «из историка в политика» М. датировал в «Воспоминаниях» 1905 (с. 176). Тем не менее уже в 1899 он приехал в Петербург человеком, твердо определившим свои полит. цели и соответствующий им кодекс поведения, — таким, каким он запомнился хорошо узнавшей его впоследствии по работе в кадет. ЦК и не очень расположенной к нему А. В. Тырковой-Вильямс, с. 409).

В накаленной из-за студенч. волнений полит. атмосфере М. становится одной из центр. фигур радикального Петербурга: чл. Лит. фонда (1899), завсегдаема редакция ж. «Рус. богатство» и «Мир божий»; совм. с А. В. Пешехоновым М. составил проект конституции России, а на студенч. вечере памяти П. Л. Лаврова (январь 1901) предсказывал в случае неуступчивости власти волну по-

лит. терроризма. Арестованный за это выступление, М. проводит ок. 6 месяцев в Доме предварит. заключения, затем, освобожденный до приговора, живет в Удельной под Петербургом. Не желая, по словам И. И. Петрункевича, «обречь Милюкова на судьбу Герцена», т. е. пожизненную эмиграцию («Архив рус. революции», т. 21, М., 1993, с. 337), руководящее ядро будущих «освободителей» вместо него посылает за границу Струве в качестве ред. ж. «Освобождение», однако фактически авторство программного заявления «От рус. конституционалистов» («Освобождение», Штутгарт, 1902, 18 июня) принадлежит М., как и мн. др. статей в ж-ле за подписью С. С., отстаивающих линию бескомпромиссной борьбы с самодержавием против, по словам Струве, «идеалистов самодержавия» и «неисправимых славянофилов» гл. обр. из числа земцев.

Лето 1902 М. провел в Англии, осенью явился отбывать приговор в «Крестах»; вскоре, благодаря неожиданному заступничеству Ключевского (см. его письмо мин. внутр. дел В. К. Плеве от 30 нояб. 1902 в его кн.: Афоризмы. Ист. портреты и этюды. Дневники, с. 365), был вызван из тюрьмы к самому Плеве, отказавшись занять предложенный ему пост мин. нар. просвещения, мотивируя свой отказ тем, что изменить к лучшему текущую политику можно лишь на его, Плеве, посту, и неск. дней спустя вышел на свободу, напутствуемый обещанием Плеве «сместить» его, если он вступит «в открытую борьбу» с властью («Восп.», с. 145).

Весной 1903 по приглашению Чикагского ун-та М. читал в Америке лекции о России, проникнутые пафосом близости рус. революции (см. его кн.: «Russia and its Crisis», Chi., 1905; переизд. — Л., 1969), затем опять жил в Англии, общаясь с рус. полит. эмигрантами (в т. ч. вел. однажды «бесполезный спор» с В. И. Лениным — «Восп.», с. 178) и заводя связи с англ. политиками; путешествовал по Балканам, готовясь к лекциям в Чикаго теперь уже о балкан. делах; в ответ на заявление Струве о допустимости для либерала патриотич. позиции в рус.-япон. войне («Листок „Освобождения“», 1904, 11 февр.) заявил о своем «недоумении» по этому поводу (там же, 7 марта); осенью 1904 участвовал в Париже в качестве чл. Союза освобождения в тайном съезде либеральных и рев. партий, к-рый считал «переломным пунктом в полит. движении в России» (цит. по кн.: Riha, p. 60); едет в Петербург, чтобы в предварит. совещаниях зем. съезда напомнить земцам, что «лекарства от кризиса надо искать не в агрономии, а в полит. реформе» (цит. по кн.: Шацкилло, с. 280); спешит в Америку к

сроку начала лекций, там узнает о событиях 9 января 1905 и в апр. возвращается в Россию.

Весной—летом 1905 М. разъезжает по стране, мобилизуя «организацию проф. интеллигенции ... специально с военной целью, т. е. для разрушения Самодержавия» (Маклаков, ч. 2, с. 370), успешно подчиняя своему влиянию зем. движение. В мае становится пред. Союза союзов. В эти месяцы М. уверен, что общество готово «взять власть в свои руки» (ст. «Россия организуется» — «Освобождение», 1905, 26 июля). «Теоретически он правее, но тяга у него всегда влево» (Б. Э. Нольде — в кн.: Устами Бунных, т. 2, с. 83). С шокирующей прямотой, за к-рую заслужил прозвище «бог бестактности», М. заявляет крайним левым: «вы делайте за сценной гром и молнию, а мы будем играть на сцене», т. е. в кадет. партии (Гессен, 1993, с. 200), к-рую на ее учредит. съезде в Москве 12—17 окт. объявляет «первой попыткой претворить интеллигентские идеалы в осуществимые практич. требования, взяв из лит. деклараций все, что может быть введено в полит. программу» («Восп.», с. 208).

Безуспешные (из-за разл. понимания границ «конституции», объявленной манифестом 17 окт.) переговоры М. в нояб. 1905 о вхождении в пр-во с С. Ю. Витте (к-рый назвал его «свихнувшимся бурж. революционером» — Витте С. Ю., Восп., т. 2, М., 1960, с. 413), а весной—летом 1906 — с Д. Ф. Треповым и П. А. Столыпиным об образовании кадет. мин-ва М. позднее описал в мемуарно-публиц. кн. «Три попытки» (Париж, 1921). Несудачу переговоров он объяснял гл. обр. неспособностью власти на большее, чем «обещания», там, где требовались формально-юридич. гарантии неосоратимости нового строя. Оспаривая эту аргументацию, правый кадет В. А. Маклаков писал, что по вине М. был упущен ист. шанс союза либералов с престолом, и упрекал его в «чужой психологии» и в невосприимчивости к морали в политике (см.: Маклаков). М. отвечал ему в статьях «Суд над кадетским „либерализмом“» (РС, 1930, № 41) и «Либерализм, радикализм и революция» (там же, 1935, № 57). Разбирающий эту полемичку «младший» для обоих Г. В. Адамович находил, что анализ М. был «правдоподобнее и... трагичнее в своей безысходности», чем у Маклакова, у к-рого угадываются иллюзии патерналистского понимания власти (Адамович, с. 105). В свете этой выразит. полемики можно заметить, что в лице М. впервые в России сложился совр. тип жесткого проф. политика.

Не попав в 1-ю и 2-ю Гос. думы из-за отсутствия у него квартирного ценза, М. тем не менее руководил кадет. фракцией, по тогдашней шутке, «из буфета» — как правило, посредством «уклончивых формул» (Н. А. Гредескул — цит. по кн.: Аврех, 1981, с. 190) и «приведения разл. мнений к бессодержат. единству» (Маклаков, ч. 3, с. 499), что вскоре утвердилось и как общий стиль его руководства партией, многократно описанный в мемуарах и науч. лит-ре (см., напр.: Аврех; Сло-нимский; Думова, 1988). Неиссякаемая тактич. гибкость (еще одна черта полит. стиля М.) позволяла ему

в любых условиях сохранять свое лидерство.

Как деп. 3-й и 4-й Гос. дум М. сочетал захватченность текущей законод. работой с редкими, но броскими демаршами (вроде облетевшего всю страну заявления о кадетках как «опозиции Его Величества, а не Его Величеству» — «Речь», 1909, 21 июня).

С февр. 1906 по окт. 1917 М. совм. с И. В. Гессеном редактировал газ. «Речь», в десятках передовиц к-рой проводил упорную «осаду» правительства, добиваясь исполнения условий, необходимых, с его т. з., для «органич. работы»: всеобщего избират. права, ответственности исполнит. власти перед законодательной и однопалатности парламента, хотя, учитывая обстановку, часто шел и на широкие тактич. компромиссы, порождавшие брожение в партии.

Тип «рус. европейца» (М. Вишняк — «Сб-к ...», с. 175), англомана и парламентария, культивируемый М., вызывал почти иррациональную ненависть к нему крайне правых: в 1907 он был избит черносотенцем на улице; пристала к нему кличка «профессор Баррикадов» (В. А. Гринмут); «его считали ... творцом всех рев. потрясений и событий» (Тыркова-Вильямс, с. 367).

Однако чуждость М. типу «рус. деятеля» питала неприязнь к нему и в гораздо более широких слоях рус. общ-ва — от Толстого (см.: ЛН, т. 90, ук.) до А. А. Блока (писавшего матери из Италии, 1909: «ис читаю неприличных имен: Союз рус. народа и Миллюкова» — VIII, 284; ср. более развернутую блоковскую характеристику кадетизма, 1917: «проклятое, кадетское, саранское, сарское ... ничего нет и ничего не будет» — лейтмотив «Речи» и Миллюкова. Умыслы бесстылые люди» — Блок. Зап. кн., с. 342).

В ст. «Интеллигенция и ист. традиция» (сб. «Интеллигенция в России», СПб., 1910) М. категорически отверг «веховскую» ревизию интеллигентской идеологии; признавая правильность мн. частных утверждений в «Вехах», он считал тем не менее «культ прошлого», царящий в сб-ке, противоречащим модернизаторской миссии рус. интеллигенции и как историк призывал «отчаявшихся» помнить, что они — «только звено в цепи поколений» (с. 191).

В 1907—14 М. много времени проводил вне Петербурга: бывал на Балканах, в Зап. Европе и в Америке, жил на своих дачах в Крыму и в Финляндии. О балкан. конфликте, грозившем войной, и неувязочности рус. политики на Балканах М. писал в кн. «Балканский кризис и политика А. П. Извольского» (СПб., 1910) и говорил в лекции «Вооруж. мир и ограничение вооружений» (сб. «С.-Петербург. об-во мира», в. 1, СПб., 1911), к-рую Блок в предисл. к поэме «Возмездие» назвал «интереснейшей» (III, 296) как симптом предвоен. состояния Европы. За резкие статьи М., «требовавшие максималь-

ных уступок от Сербии ради избежания мировой войны» (Гессен, 1993, с. 325), в день объявления войны «Речь» подверглась запрету, но гранки уже готовых антигерм. статей позволили быстро возобновить издание; М. же, приняв войну как совершившийся факт, впредь отстаивал «войну до победного конца» и рус. контроль над Босфором и Дарданеллами (к-рый понимал сугубо геополитически, без религ. подоплеки). После воен. неудач весны 1915 и начавшегося хаоса в правительстве М. в авг. 1915 становится лидером думского Прогресс. блока, к-рый рассматривал как «спасательный пояс тонущей монархии» (цит. по кн.: Hasegawa Ts., The February Revo-

П. Н. Миллюков. Рис. Пьер-О. Ж-л «Огонек», 1909, № 38.

lution: Petrograd, 1917, Seattle—L., 1981, p. 32) и чьей задачей «было преодолеть распутиницу, фактически взять власть в свои руки» (Керенский, 1943, с. 333; ср.: фиксируя в дневнике агонию власти в «сумасшедшей стране», З. Н. Гиппиус замечала: «И бедный Миллюков тут думает „действовать“ — в своих европейских манжетах» — Гиппиус, с. 42; см. записи М. на заседаниях Прогресс. блока — КА, 1932, № 50—51, 52; 1933, № 56).

В 1916 М. освобождает с делегацией Думы страны-союзницы (его парламент. отчеты о поездке: КА, 1932, № 54—55; 1933, № 58), а по возвращении совершает наиб. резкий и двусмысленный шаг в своей полит. карьере: 1 нояб. в думской речи «Глупость или измена?», опираясь на данные иностр. печати и, видимо, др. источники (см.: Мельгунов, 1931, с. 78), обвиняет в сговоре с немцами премьер-министра Б. В. Штюрмера и косвенно императрицу.

«Трудно передать настроение, охватившее не только депутатов, но и журналистов, и публику», — писала Тыркова-Вильямс (цит. по кн.:

Думова, 1988, с. 77), при том, что «факты были не очень убедительны» (Шульгин, с. 393). Запрещенная цензурой речь М. в тысячах копий распространилась по странам, в т. ч. в армии. Она безусловно «носила рев. характер» (Е. Д. Кускова — ПН, 1924, 5 дек.), хотя и действовала «субъективным намерением преодолеть революцию» (Керенский, 1943, с. 333). Не без смущения М. в «Воспоминаниях» писал, что в реальности «измены» он «не был ... виноват уверен», к «штурмовому сигналу к революции», как окрестили речь, не стремился, а считал лишь долгом любой ценой вскрыть «наполненный гноем пузырь» распутинщины и добиться «ответственного министерства» (с. 445). Хотя, учитывая сложность его натуры, «в определении интимных мотивов его ... действий легко и ошибиться» (М. Алданов — «Сб-к ...», с. 27).

После отречения Николая II М. 3 марта 1917 «чуть ли не на коленях» (Адамович, с. 203) тшестно умолял вел. кн. Михаила Александровича принять престол, понимая, что иначе конституционная монархия в России не состоится. Как министр. дел Врем. правительства (где был «единств. человеком, к-рый мог вести внешнюю политику и к-рого знала Европа», — Набоков, с. 34) М. в марте-мае продолжал отстаивать нужность для России проливов, игнорируя преобладающее настроение за мир «без аннексий и контрибуций» (ср. запись в дневнике Гиппиус: если «чортовы проливы ... во сто раз нужнее (нам), чем это кажется Миллюкову, — во сто раз непростимее его фатальная бестактность» — Гиппиус, с. 129), заслужив прозвище Миллюкова-Дарданельского и даже, по свидетельству А. И. Деникина, уговаривал ген. М. В. Алексеева предпринять «самостоят. операцию по овладению Константинополем», практически неосуществимую в тех обстоятельствах (Деникин А. И., Очерки рус. смуты. Крушение власти и армии, т. 1, в. 1, М., 1991, с. 182). Голосование в кадет. ЦК об отставке М. (под давлением рев. улицы) сложилось не в его пользу: 18 голосами против 10 ЦК высказался «за» отставку и отклонил предложение М. уйти из правительства всем кадетам вместе (см.: Думова, 1988, с. 153).

В авг. 1917 М. пытается примирить Л. Г. Корнилова с А. Ф. Керенским; после большевист. переворота 25 окт. (тут же объявленный к розыску и аресту) через Москву уезжает на Дон; в Новочеркасске входит в Совет обществ. деятелей, сотрудничает гл. обр. с ген. Алексеевым, но быстро, видимо, разочаровывается в способности Добровольч. армии свергнуть большевиков, сплотить Россию и пишет Алексееву письмо, что теперь это сделают «германцы» (см. в его ст. «Пятнадцать лет назад» — ПН, 1933, 26 февр.). С уходом добровольцев из Ростова-на-Дону нех-рое время живет в подполье; в мае 1918 едет в Киев договариваться с немцами об учреждении ими конституционной монархии в России.

В науч. лит-ре недостаточно прояснены побудит. мотивы этой внезапной смены союзнич. ориентации на германскую. Часть кадров (Петрункевич) считала поездку М. в Киев «ненепой и вредной мыслью» (цит. по кн.: Думова, 1982, с. 111), другие (Д. С. Пасманик) заключали его «принятию на себя проклятия истории и сговориться с германцами» [см. «Дневник П. Н. Милюкова (переговоры с немцами в 1918 году)» — «Нов. журнал», Н.-Й., 1961, № 66, с. 185]. Знавший М. с детства П. Д. Долгоруков был уверен, что «сознательно или не сознательно» в этой эскападе М. сказались желание разойтись с партией, предавшей его во Врем. правительство (Долгоруков П. Д., Великая разруха, Мадрид, 1964, с. 112).

Быстро увидев бесперспективность герм. ориентации, М. вновь вернулся к союзникам [участие в Ясском совещании (1918), попытки организовать в Англии и Франции иностр. помощь белым армиям, издание в Лондоне еженедельного ж. «New Russia» и т. д.]. Однако тотчас после поражения войск П. Н. Врангеля в Крыму М. в дек. 1920 объявил в Париже о «новой тактике», т. е. об отказе от вооруж. борьбы с большевиками и ставке на «эволюцию» режима, чем вызвал раскол кадет. партии в 1921. Оставшимся с ним кадетам (т. н. Демокр. группа партии «нар. свободы»), давно привыкшим к партийной внесословности, М., под впечатлением Кронштадтского восстания (1921), предложил организоваться в крест. партию, повергнув «в священный ужас» патриарха кадетизма Петрункевича (Гессен, 1993, с. 201). В 1922 эта идея реализовалась в создании малочисл. Республиканско-демокр. объединения с правыми эсерами, к-рое в дальнейшем «ежегодно раскалывалось» (Вакар, с. 373).

Наблюдая эти идейно-тактич. метания, Гессен писал, что «подлинное полит. убеждение» М. никому не известно, м.б., «их и нет у него», а есть лишь уверенность, что «реальную политику» он может делать лучше других (Гессен, 1993, с. 201; Д. С. Мережковский называл его Чичиковым — в кн.: Устами Бунных, т. 2, с. 169). Впрочем, мн. старые полит. друзья М., не затусывая разногласий с ним, старались все же сохранить прежние отношения, как, напр., тот же Гессен или В. Д. Набоков, погибший 22 марта 1922 в Берлине, прикрывая собой М., в к-рого стреляли два офицера-монархиста (подробно см.: Гессен, 1979, с. 133—138).

С февр. 1921 по июнь 1940 М. руководил в Париже газ. «Последние новости», где сверял «новую тактику» с полит. эмпирикой и корректировал «линию». В кн. «Эмиграция на перепутье» (Париж, 1926) М. писал: за последние годы в России «произошел громадный психич. сдвиг и сложилась ... новая социальная структура» (рус. вариант всевроп. перемен после мировой войны), и «только с программой глубокой

экономич. и социальной реконструкции» эмиграция может идти в Россию (с. 136). В кн. «Республика или монархия?» ([Р.], 1929) М. заявил, что «сберечь приобретения революции» рус. народ может «только в формах демокр. республики» (с. 31).

Естественно, вожь в Кремле был в центре внимания М.: в ст. «Сталин» (СЗ, 1935, № 59) М. писал, что И. В. Сталин — человек «обывательского типа» (с. 421), к-рый под давлением совств. чиновников оказался «в бессилии бороться с бытом» (с. 432), разлагающим бастионы «ленинизма», и т. о. обеспечивает эволюцию режима в нужном направлении. Отчасти утратив ощущение подлинности/неподлинности ист. фактуры, М. порой почти восхищался сталинскими деяниями — «гигантским ростом индустрии и коллективизации земледелия» (с. 432), а позднее — разгромом идейного «социализма» на Больших процессах, к-рые принимал за чистую монету. В дни «присоединения» Бессарабии и Прибалтики к СССР М. говорил: «Они делают то, что я бы делал, если бы сидел в Кремле» (Яновский, с. 251).

В контексте «новой тактики» воспринимались ист. работы М. 20-х гг.: «История второй рус. революции» (т. 1, в. 1, 2, София, 1921; в. 3, София, 1924; начатая по горячим следам еще в ростов. подполье в 1918), в к-рой он сам выступает не только автором, но и свидетелем, и действующим лицом; «Россия на переломе. Большеви́ст. период рус. революции. т. 1. Происхождение и укрепление большеви́ст. диктатуры; т. 2. Антибольшеви́ст. движение» (Париж, 1927) — книга, выросшая из лекций, прочитанных им в Америке в 1921 и своей упрощенной схематичностью приспособленных для понимания иностранцев.

Отклики в осн. свелись к небезосновательным упрекам: М. преувеличивает злую волю рев. демократии в Феврале 1917 (Вишняк, 1931); слишком часто перетолковывает факты, чтобы не заподозрили желания выставить себя в лучшем свете (Мельгунов, 1929); строит изложение «около гласных и офици. заявлений», как если бы ним исчерпывалось содержание революции (Покровский, с. 40).

Как руководитель крупнейшей газеты эмиграции, а с апр. 1921 пред. Союза литераторов и журналистов в Париже, М. ближе, чем кто-либо раньше, соприкоснулся с лит. средой. Поначалу в «Последних новостях» лит-ра считалась «сиропом, коим подслащивается горькая хина общественных истин» (Яновский, с. 243). Напр., М. заявлял В. Ф. Ходасевичу, «что он газете совершенно не нужен», и как-то заметил: «Окончил г-зию, окончил ун-т, а Цветаеву не понимаю» (Берберова, с. 260, 401). Однако позднее в газете М. печата-

лись В. В. Набоков, Г. И. Газданов, поэты «парижской ноты», Адамович, Н. Н. Берберова, В. В. Вейдле и мн. др., т. е. почти все литераторы «молодой» эмиграции.

Нек-рые из них зафиксировали черты характера и душевно-духовного склада М. Человека «исключит. vitalности», «он импонирует почти всем, мог и очаровывать, когда этого хотел», но «плохо разбирался в людях» (Вишняк, 1936, с. 206). «Он как-то боком проходил мимо всего личного, что волнует человека» (Вакар, с. 369; ср.: «чужие мысли еще могли его интересовать, но не чужая психология» — Тыркова-Вильямс, с. 410). «О смерти думать не любил. В загробную жизнь не верил ... базаровский „люпух“ был для него логич. завершением физич. конца» (Седых, с. 177).

Вероятно, М. сознавал, что лояльное отслеживание в газете эволюции сов. режима политически бездейственно и похоже на соглашательство. Тем не менее до конца сохранял осанку властной уверенности, хотя, «как знать, что таилось за маской „лидера“ после исчезнувшего в этом „лидерстве“ реального содержания?» (Адамович, с. 238).

Одвов в 1935, М. женился на своей старинной приятельнице, музыкантше Нине Вас. Лавровой. Работал над кн. «Живой Пушкин» (Париж, 1937), М. думал едва ли не о себе, прослеживая путь Пушкина «не к могиле, а к бессмертию» (с. 135) и заключая, что основа пушкинского величия — независимость, государственничество и простота («вопреки Достоевскому, он не унес в могилу никакой тайны. Мистика великих „миссий“ и „всечеловеческих проблем“ была ему чуждой» — с. 136; рец.: Н. Кузьман — СЗ, 1936, № 64). Мемуарные заметки о 1902—06 «Рокковые годы», регулярно печатавшиеся в ж. «Рус. записки», к-рый М. редактировал в 1938—39, стали первым наброском его «Воспоминаний. 1859—1917» (опубл.: т. 1—2, Н.-Й., 1955), начатых в 1940, после оккупации Парижа и переселения на юг Франции.

Др. произв.: «Спорные вопросы финансовой истории Моск. гос-ва» (СПб., 1892), «Год борьбы. Публиц. хроника 1905—06» (СПб., 1907), «Вторая Дума. Публиц. хроника 1907» (СПб., 1908), «Константинополь и пролив» (ВЕ, 1917, № 1, 2, 4—5—6), «Россия в плену у Шиммервальда. Две речи» (П., 1917), «Поклонники скотного бога» (ПН, 1933, 13 июня), «М. М. Винавер как политик» (в кн.: М. М. Винавер и рус. общественность нач. XX в., Париж, 1937), «Положение накануне войны» («Нов. журнал», Н.-Й., 1943, № 6), «Дневник» (там же, 1962, № 67).

Письма М. к М. А. Осоргину 1940—42 гг. — «Нов. журнал», Н.-Й., 1988, № 172—73 (публ. Т. А. Осориной-Бакуниной); Глазман М. — оккупация Франции и Вост. фронт. Письма М. Я. Б. Полонскому (1940—1942). — «Время и мы», Н.-Й. — Тель-Авив — Париж, 1980, № 51, 52.

Лит.: Пресняков А. Е., Первый опыт истории рус. самосознания, СПб., 1901; По-

кровский М., Противоречия г-на М., М., 1922; Резанов А. С., Штурмовой сигнал М., Париж, 1924 (приведен текст речи М. 1 нояб. 1916); Падение царского режима, т. 1—7, Л., 1924—27 (ук.); Астров Н., Ясное совещание (из док.), — «Голос минувшего на чужой стороне», Париж, 1926, № 3; Гиппиус З. Н., Синяя книга, Белград, 1929; Мельгунов С. П., Гражд. война в освещении М., Париж, 1929; е. го же, На путях к дворцовому перевороту, Париж, 1931; его же, Мартовские дни 1917 г., Париж, 1961; Наживин И. Ф., Глупость или измена? Открытое письмо Милюкову, Брюссель, 1930; Лидак О. А., М. как историк. — В кн.: Рус. ист. лит-ра в классовом освещении, т. 2, М., 1930; Слоним М., М. о рус. лит-ре. — «Воля России», Прага, 1931, № 1—2; Вишняк М. В., История и политика в «Истории рус. революции» М. — В его кн.: Два пути: (Февраль и Октябрь), Париж, 1931; его же, Междуархив. историк, политик, человек в «Восп.» М. — «Нов. журнал», Н.-Й., 1956, № 44; Маклаков В. А., Власть и общественность на закате старой России (восп. современника), ч. 1—3, [Париж], 1936; Вакар Н., М. в изгнании. — «Нов. журнал», Н.-Й., 1943, № 6; Карпович М., М. как историк. — Там же; Тыркова-Вильямс А. В., На путях к свободе, Н.-Й., 1952; Дон Аминадо, Посл. на третьем пути, Н.-Й., 1954; Ефимовский Е., Перед судом истории (о «Восп.» М.). — «Возрождение», Париж, 1956, № 51; Адамович Г., Вас. Ал. Маклаков. Политик, юрист, человек, Париж, 1959; Седых А., Далекое, близкое, 2-е изд., Н.-Й., 1962; Шапиро А. Л., Рус. историография в период империализма, Л., 1962; Вернадский Г. В., М. и месторазвития рус. народа. — «Нов. журнал», Н.-Й., 1964, № 77; Дакин В. С., Рус. буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. 1914—1917, Л., 1967 (ук.); его же, Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг., Л., 1978 (ук.); Слонимский А. Г., Катастрофа рус. либерализма, Душанбе, 1975; Устами Бунных. Дневники И. А. и В. Н. Бунных и др. арх. мат-лы, т. 1—3, Гр./М., 1977—82 (под ред. М. Грин; ук.); Гессен И. В., Годы изгнания, Париж, 1979 (ук.); его же, В двух всах. Жизненный отчет. — «Архив рус. революции», т. 22, М., 1993 (ук.); Аврех А. Я., Царизм и IV Дума. 1912—1914 гг., М., 1981 (ук.); его же, Распад третьестепенной системы, М., 1985 (ук.); его же, Царизм накануне свержения, М., 1989 (ук.); Думова Н. Г., Кадет. контрреволюция и ее разгром, М., 1982 (ук.); ее же, Кадет. партии в период первой мировой войны и Февр. революции, М., 1988 (ук.); ее же, Либерал в России: трагедия несоответствия. Ист. портрет М., ч. 1, М., 1993; Старцев В. И., Крах керенщины, Л., 1982 (ук.); Шацилло К. Ф., Рус. либерализм накануне революции 1905—1907 гг., М., 1983 (ук.); Набоков В. Врем. правительств и большевист. переворот, Л., 1988; Шульгин В. Голы. Дни. 1920, М., 1990 (ук.); Суханов Н. Н., Зап. о революции, т. 1—3, М., 1991 (ук.); Вандальская М. Г., П. Н. Милюков, А. А. Киселев: история и политика, М., 1992; Керенский А. Ф., Россия на ист. повороте, М., 1993; Яновский В. С., Поли Елисейские. Книга памяти, СПб., 1993 (ук.); Берберова Н., Курсы мой, М., 1996 (ук.); Riha T. A., Russian European. Paul Milukov in Russian Politics, Notre Dame—L., 1969; Rosenberg W. G., Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917—1921. Princeton (New Jersey), 1974. + Некрологи, 1943: «Нов. журнал», Н.-Й., № 5 (А. Ф. Керенский; М. А. Лидак); «Социалист. вест.», Н.-Й., 8 мая (Б. Николаевский); Евреинов Б. А., Библ. печатных трудов М. (1886—1930), Париж, 1930; РВед.Сб.; Брокгауз; НЭС; Гранат; БСЭ (1—3); СИЭ; СДР; Полит. деятели России. 1917, М., 1995; Фостер; ИДРДВ; Масанов.

Архивы: ГАРФ, ф. 579; РНБ, ф. 482.

А. В. Чанцев.

МИЛЮТИН Владимир Алексеевич [16(28).12.1826, с. Титово Лихвин. у. Калуж. губ.* — 5.8.1855, Эмс (совр. Бад-Эмс), Германия], публицист, экономист, историк. Из дворян. Брат Д. А. Милютина и Н. А. Милютина (1818—72), гос. деятеля, активного участника крест. реформы (памяти

его посв. стих. Н. А. Некрасова «Кузнец»). Отец М. — смотритель Экспедиции Кремлиньских строений (коллж. сов.), мать — сестра гр. П. Д. Киселёва. Учился в 1-й моск. г-зии. В 1847 окончил юридич. ф-т

Петерб. ун-та. В это время участвует «по приглашению Майкова» (Майков В. Н., Критич. статьи, СПб., 1891, с. XXV) в критико-библ. отделе «Отч. записок»; вместе с ним создает (см.: Усак и на) «общество литераторов» (входили М. Е. Салтыков-Шедрин и В. П. Стасов), сближается с редакцией «Современника» (В. Г. Белинский, Некрасовым, И. И. Панаевым), становится постоянным сотрудником ж-ла. Уже первые публикации — ст. «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» (ОЗ, 1847, № 1—4), «Мальтус и его противники» («Совр.», 1847, № 8—9), неск. статей по поводу книги А. Бутовского «Опыт о нар. богатстве, или О началах полит. экономии» («Совр.», 1847, № 10—12; ОЗ, 1847, № 11—12; ответ М. на критику см.: «Совр.», 1848, № 9, 1849, № 3) обнаружили незаурядность экономич. мышления М. Белинский в своем обзоре «Взгляд на рус. лит-ру 1847 г.» определил эти статьи М. как «замечательные»; в письме В. П. Боткину он писал, что направление М. «дельное и совершенно гуманное без красноречия» (ХП, 408). В отличие от европ. традиции, М. рассматривал политэкономии не только как науку о законах хозяйства, но о законах развития общества.

М. не только ученый, но оригинальный мыслитель. Характеризуя положение Запада, М. пишет, что невиданное прежде развитие производительности сопровождается распространением пауперизма (Избр. произв., 331). Ряд европ. ученых, с т. з. М., не заметили этого противоречия, ибо «идеал экономического благосостояния ... выдвиги в ... умножении массы производимых продуктов, а вовсе не в улучшении судьбы каждого из производителей» (с. 332), полагая «на основании политэкономии не живую идею человека, но отвлеченное понятие богатства» (с. 309). М. утверждал, что экономика должна ориентироваться на социальное служение, на

воспитание духовных потребностей, полагая, что человек не только экономическое существо и его бытие не определяется одними материальными условиями. Вот почему «экономические законы не иначе могут быть поняты, как в связи с другими законами общественной жизни ...» (с. 380). П. Н. Сакулин считал, что «никто, кроме М., в рус. печати 40-х гг. не подвергал утопич. социализм такой ... критике» (Сакулин П. Н., Рус. лит-ра и социализм, ч. I, 1922, с. 175). Он был «одним из первых рус. ист. социалистов» (Володин А. И., Утопия и история, М., 1976, с. 211).

Контрасты нищеты и цивилизации М. с худож. выразительностью набросал в реч. на кн. Бутовского, тем не менее полагая, что европ. путь — единств. путь цивилизации, а зло, его сопровождающее, будет исторически изжито.

О яркой одаренности М., проявившейся в столь молодые годы, писали мн. современники (Добролюбов, ук.; Чернышевский, ук.). Салтыков-Шедрин посвятил ему пов. «Противоречия» (ОЗ, 1847, № 11), вынес в заглавие «одно из опорных понятий социолого-экономич. взглядов М.» (Макашин С., Салтыков-Шедрин. Биография, т. 1, 2-е изд., М., 1951, с. 233); он состоял с М. в переписке, о чем неоднократно упоминает (XVIII, кн. 1, ук.), но она не найдена. Л. Н. Толстой, отзывавшийся о М. как о замечательном человеке, воспроизвел один из эпизодов их дет. знакомства в «Исповеди» (см. об этом: ЛН, т. 90, ук., а также: Толстой, ХХIII, 1; ХХХIV, 402; Гусев Н. Н., Л. Н. Толстой. Мат-лы к биографии с 1828 по 1855 г., М., 1954, с. 132—35). По восп. А. В. Дружинина, М. участвовал в работе над очерками «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокузнецкого по петербургским дачам» («Совр.», 1850, № 7, 8, 12). Нек-рое время М. посещал «пятницы» М. В. Петрашевского («Дело петрашевцев», т. 1, М.—Л., 1937, с. 178, по делу не привлекался; в ром. «Алексей Слободин» А. И. Пальм выводит М. как одного из участников собрания петрашевцев). В 1848 избран чл. РГО (сост. отчет РГО за 1852 — «Совр.», 1853, № 6), секр. отд. статистики (1849—52); в 1852—1855 секр. РГО, ред. его «Вестника...» (дал рекомендацию Ф. И. Тютчеву для вступления в РГО — «Вест. РГО», СПб., 1854, кн. II, с. 41). После защиты (1849) магистер. дис. «О недвижимых имуществах духовенства в России» (опубл.: ЧОИДР, 1859, кн. 4, 1860, кн. 3, 1861, кн. 1—2; отд. изд. — М., 1862; В. О. Ключевский считал, что иссл. М. имеет «большую науч. цену» — Соч. в 8 тт., т. 2, М., 1957, с. 271—72) М. назначен (1850) адъюнкт-проф. Петерб. ун-та по кафедре рус. гос. права, с 1853 профессор, читал полиц. право, в том же году был переведен на кафедру благочиния и благоустройства.

«Красивой наружности, с густыми каштановыми волосами», «он обладал необычайной памятью» и читал свои лекции наизусть. «Мы все относились к нему с таким уважением, с каким не относились даже к иным старым профессорам» (Устрялов Ф., Восп. о С.-Петерб. ун-те в 1852—56 гг. — ИВ, 1884, № 6, с. 592—93). Устрялов же сообщает о популярности лекций М. и среди образованной публики. По его сведениям (за полную достоверность которых он не ручается — там же, с. 595—96), в одну из таких слушательниц М. безответно влюбился, что и стало одной из причин самоубийства М. за границей, куда он уехал для лечения в 1854. Др. причины самоубийства называет Некрасов в письме Боткину со ссылкой на ненайденное письмо самого М. (ПСС, т. X, М., 1952, с. 243): упадок сил, неизлечимая болезнь (П. П. Семёнов-Тян-Шанский, близко знавший М., называет со слов лечивших М. врачей его болезнь раком — Семёнов-Тян-Шанский П. П., Мемуары, т. I, П., 1917, с. 206—07). В некрологе говорилось: «Рус. наука лишилась одной из надежд своих, рус. лит-ра одного из унылых и даровитых писателей» («Совр.», 1855, № 9, с. 54; там же перечень основных статей М., опублик. в ж-ле в 1847—55, известие о незаверш. докт. дис. — «О дыках»).

Др. произв.: статьи «Совр. заметки» (совм. с Н. А. Некрасовым; «Совр.», 1847, № 7), «Очерки рус. журналистики, преимущественно старой» («Совр.», 1851, № 1—3), «Обзор дипл. сношений древней России с Рим. империей» («Совр.», 1851, № 7—8), «Жизнь Алкивида» («Совр.», 1855, № 1, 2, 9).

Изд.: Избр. произв., М., 1946.

Лит.: Достоевский, Толстой, Никитенко (все — ук.); Русанов Н. С., Из новейшей истории рус. социализма 40-х гг. — РВ, 1909, № 1; Блюмин И., Экономич. взгляды М. — «Проблемы экономики», 1936, № 2; его же, Очерки экономич. мысли России в первой пол. XIX в., М., 1940; Ярыгин П. И., Экономич. взгляды М., М., 1955 (Автореферат); Усаккина Т. И., Петрашевцы и лит.-обществ. движение 40-х гг. 19 в., Саратов, 1965, с. 9—10, 16—17, 103, 107; Боярский С., Критика капитализма и бурж. политэкономии в трудах М. — «Экономич. науки», 1978, № 7; История рус. экономич. мысли, т. I, ч. 2, М., 1958, гл. 16; Дубнов А. С., Экономич. взгляды М., М., 1958; Кулешов В. И., «Отеч. записки» и лит-ра 40-х годов XIX в., М., 1959 (ук.); Романов Г. И., Критически-утопич. социализм М., М., 1980 (Автореферат); его же, Социалистич. искания М. — В кн.: История социалистич. учений. 1886, М., 1986; Егоров Б. Ф., Петрашевцы, Л., 1988 (ук.). — Брокгауз: Венерос. Источ.: Гранат: БСЭ; СИЭ: Экономич. энцикл. «Полит. экономия», т. 2, М., 1975; ФЭ, т. 3; Боград. Совр.; Боград. ОЗ (1).

Архивы: РГБ, ф. 169 (Милютиных); ЦИАМ, ф. 4, оп. 10, д. 1343, л. 6 (дело о дворянстве; м. с.); РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 1662 (конспект лекций М.). *В. И. Мильдон.*

МИЛЮТИН Дмитрий Алексеевич [28.6(10.7).1816, Москва — 25.1(7.2). 1912, Симеиз, похоронен в Москве на кладб. Новодевичьего мон.], гос. и воен. деятель, историк, мемуарист. Чл.-к. Петерб. АН (1854). Брат В. А. Милютина и Н. А. Милютина. В 1828 М. поступил в 3-й кл. Моск. губ. г-зии. С 1829 воспитанник Моск. ун-тского благородного пансиона, где участвовал в лит. собраниях и редактировал рукоп. ж. «Улей» (утрачен), в к-ром помещались, в частности, первые стих. соученика М. (классом ниже) М. Ю. Лермонтова; предположительно, в архиве М. хранились неизв. рукописи Лермонтова (подробнее см.: Лерм.

энц.). В числе ученич. работ М. — «Опыт лит. словаря» (М., 1831; подп. Д. М.) — компилятивный лексикон терминов словесности, «Руководство к съемке планов с применением математики» (М., 1831; подп. Д. М.); отзыв: СП, 1831, 4 сент.; опыты переводов. Летом 1831 познакомился с семьей Аксаковых и сбли-

зился с К. С. Аксаковым, «принимал участие в лит. об-ве, заведенном тогда Константином» (Аксакова В. С., Дневник, СПб., 1913, с. 38).

В дальнейшем в течение всей жизни М. не оставил лит. и науч. занятий. В 1833—36 он подготовил более 150 статей по физике, географии, математике и воен. делу для «Энциклопедич. лексикона» А. А. Плюшара (т. 10—17) и «Восн. энциклопедич. лексикона» Задлера (т. 2—8). Писал рецензии, делал переводы, участвовал в ж. «Отеч. зап.» — ст. «Суворов» (1839, № 4, 5) и ст. «Рус. полководцы 18 столетия» (не пропущенная цензурой). В 1848 М. было поручено завершить (ч. I, т. I была написана А. И. Михайловским-Данилевским) «Историю войны России с Францией в царствование имп. Павла I в 1799 г.» (т. 1—5, СПб., 1852—1853, 2-е переработ. изд. — т. 1—3, СПб., 1857; Демидовская пр., 1853; пер. на нем. язык — Bd 1—5, München, 1856—58). М. подошел к делу «как истинный историк, умеющий извлекать из массы разнородных мат-лов их внутр. смысл и сущность ... «История ...» займет, без сомнения, весьма почетное место в общевроп. ист. лит-ре» (Т. Н. Грановский — МВед, 1853, 21 мая, с. 623; ср.: А. П. Карцев — «Совр.», 1853, № 6, с. 113).

По окончании пансиона в 1832 вступил на воен. службу (фейерверкер 1-й л.-гв. арт. бригады, в 1833 произведен в офицеры) и сделал блестящую карьеру. Окончив Воен. акад. (1835—37, с сребр. медалью), служил в Гвардейском Ген. штабе; в 1839—44 — на Кавказе (был ранен при штурме крепости Ахульго; см. его позднейшие восп.: «Описание воен. действий 1839 г. в Сев. Дагестане», СПб., 1850; сочувств. рец.: «Москв.», 1850, № 12, кн. 2, с. 180—192; см. также: ОЗ, 1850, № 6, с. 74—86). С 1845 проф. воен. географии в Воен. акад., ввел новую дисциплину — воен. статистику, отд. изд. курса — «Первые опыты воен. статистики» (т. 1—2, СПб., 1847—1848, Демидовская пр., 1849) — было оценено как «важное явление не только в русском, но и в европ. уче-

ном мире» («Совр.», 1848, № 3, с. 87). В кон. 40-х — нач. 50-х гг. М. входил в кружок вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Константина Николаевича, сблился с Т. Н. Грановским, К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичериным. Часто бывал у И. И. Панаева и А. Я. Панаевой, где встречался с Н. А. Некрасовым и Н. Г. Чернышевским (Панаева, ук.); был знаком с петрашевцами А. П. Баласоголо и П. А. Кузьминым, к-рым содействовал в организации геогр. экспедиции в Сибирь («Дело петрашевцев», т. 2, М.—Л., 1941, с. 135). В 1853 М. сопровождал имп. Николая I в его загранич. путешествии.

В 1856—59 нач. Гл. штаба войск на Кавказе, разработал план операций, приведших к пленению Шамиля и окончанию войны. В 1860 М. назначен товарищем воен. министра, с 1861 — управляющим мин-ва, с нояб. 1861 — воен. министром.

Проводит коренную воен. реформу (с 1855 — гл. комиссии по ее подготовке; подробнее см.: Джаншиев Г., Эпоха великих реформ, 8-е изд., М., 1900; Зайончковский). Для ее пропаганды выдвинул идею издания «Восн. сб-ка» (1858), лично руководил газ. «Рус. инвалид» (Феоктистов, с. 335), к-рую превратил в одну из самых авторитетных либеральных газет с четко выраженной программой: Россия с сильной центр. властью, проведение политики гос. реформ, равноправие всех сословий. Позиция М. в аграрном и «остзейском» вопросе позволяла его противникам утверждать, что М. — «приверженец красных и поборник демокр. начал» (Никитенко, т. 2, с. 395). В то же время М. оказался сторонником жесткого подавления польского восстания 1863—64, стремясь оправдать самые жестокие действия рус. войск (см. отзыв А. И. Герцена — XVII, 70). В 1868 «Рус. инвалид» был приостановлен «за вредное направление» и в 1869 возобновлен как чисто ведомств. изд. под ред. П. К. Менкова. В 60—70-е гг. по воскресеньям у М. собирался дружеский кружок, где бывали К. К. Грот, А. В. Голловин, Д. А. Домогатович, Кавелин, Е. Ф. Корш, Н. А. Милютин, Е. М. Феоктистов и др. (Зыков, с. 121; Витмер А. Н., Художник слова и пера. — ИВ, 1913, № 8, с. 573).

Успешная мобилизация армии (1876, закончена за 15 дней) и победа в рус.-тур. войне (по итогам к-рой М. в 1878 был пожалован графский титул), показавшие эффективность воен. реформы, усилили влияние М. на внешнеполит. курс, но после убийства Александра II и перемены правительств. курса (идеи К. П. Победоносцева, лежащие в основе контрреформ, М. называл отрицанием «основ европ. цивилизации» — Дневник, т. I, с. 62; см. также его ст. «Воен. реформы имп. Александра II» — ВЕ, 1882, № 1) М. вынужден был уйти в отставку (1881). В 1889 совершил путешествие в Египет, Палестину и Италию. В 1898 ему было пожаловано звание ген.-фельд-маршала. Жил «опальным отшельником» в своем крымском имении в Симеизе (с 1882), где работал над мемуарами, публикацию к-рых предполагал только через 50 лет со дня своей кончины (Либрович С. Ф., На книжном посту, П.—М., 1916, с. 305). По смерти М. все рукописи

поступили в Акад. Ген. штаба, к-рая готовила полное изд. его трудов, однако 1-я мировая война и революция 1917 прервали эту работу. В 1919 в Томске, куда была эвакуирована Академия, вышел первый и единств. том «Воспоминаний» (кн. 1—3; рукопись под назв. «Мои старческие воспоминания за 1816—1873 гг.» из 19 тетрадей хранится в РГБ, 6-я тетрадь утеряна). «Дневник» М., к-рый он вел в 1873—99, также опубл. частично (т. 1—4, М., 1947—50 — записки за 1873—82).

Гл. содержание «Дневника» составляют почти ежеднев. записки служебного характера; сухие, иногда конспективные, они тем не менее не только передают напряженную атмосферу полит. кулисы, борьбу на «арене власти» разл. полит. сил, но и наглядно иллюстрируют сложный ход правительств. механизма, его тайные движители (один из них — «пошлая камарилья» царя), влияющие на выработку решений и определяющие практич. политику. Подробно освещая перипетии гос. жизни, в частности малоизвестный период «кризиса верхов» в кон. 70-х гг. и борьбу правительств. группировок в нач. 80-х гг., М., используя краткие, иногда язвит. штрихи, создает полит. портреты гл. «участников» событий. Благожелат. характеристики сторонников модернизации страны (А. А. Абазы, М. Т. Лорис-Меликова, Н. К. Гирса и др.) и критич. отношение к «противудействующим» (Победоносцеву, Д. А. Толстому, П. А. Шувалову и др.) косв. образом подтверждают полит. симпатии М. В «Воспоминаниях» М. подробно и живо описывает жизнь своего большого семейства в Москве и деревне, учебу в пансионе, начало службы. События внутри и внешнеполит. жизни (в т. ч. студенч. волнения, ход воен. реформы, восстание в Польше и др.), жизнь имп. двора воспроизводятся с документ. точностью, с использованием газет и арх. мат-лов. Часть «Воспоминаний», касающаяся полит. курса правительства, носит апологетич. характер. Обширные знания, ум, приверженность реформам выделяли М. из среды правительств. чиновников, где он в изв. степени выражал взгляды рос. либерализма, что сообщает и мемуарам М., отличающимся добросовестным изложением событий и фактов, многие из к-рых он впервые ввел в оборот, дополнит. интерес.

Др. произв.: пер. «Записки маршала Сен-Сира о войнах во время директории, консульства и империи французской» (совм. с Л. Л. Штормером: «Воен. 6-ка... на 1839 г.», т. 5, М., 1840), «Наставление к занятию, обороне и атаке лесов, деревень...» (СПб., 1843, 1845), «Краткий очерк Кавк. края в воен. отно-

шении» (б.м., 1848), «Карманная справочная книжка для рус. офицеров» (СПб., 1856).

Изд.: Воспоминания, М., 1997 (вступ. ст. Л. Захаровой, послесл. Б. Линкольна).

Лит.: Герцен; Никитенко; Толстой; Тургенев; Чернышевский; Феоктистов (все — ук.); Богданович М., Ист. очерк деятельности воен. управления в России. 1855—1880. т. 1—4, 6, СПб., 1880; Михневич; Жерве Н. П., Граф Д. А. Милютин, СПб., 1906; Конн А. Ф., Граф Д. А. Милютин, Собр. соч. в 8 тт., т. 5, М., 1968; Зыков С. П., Наброски из моей жизни, СПб., 1910; Баиов А. К., Граф Д. А. Милютин. — Изв. имп. Николаев. воен. акад., СПб., 1912, № 26, 27; Бородин М. М., Граф М. в отъездах его современников, СПб., 1912; Симонов И. С., Граф М. и воен.-уч. ведомство, СПб., 1912; Зайончковский П. А., Воен. реформы 1860—1870 гг. в России, М., 1952; Зиновьева М. Д., Переписка М. с Ф. Ф. Бергом. — В кн.: Восстание 1863 г. и рус.-польские рев. связи 60-х гг., Сб. ст., М., 1960; Бушнелл Дж., Д. Милютин и Балканская война: испытание воен. реформы. — В кн.: Великие реформы в России 1856—1874, М., 1992; Шлихтер Б. А., Архив М. — ЗапБЛ, в. 16, М., 1954; Miller F. A., Dmitrii Miliutin and the Reform Era in Russia, Nashville, 1968. + Некрологи, 1912: ИВ, № 3; «Воен. об-к», № 2; «Ж-л имп. рус. военно-ист. об-ва», № 2; «Изв. имп. Николаев. воен. акад.», № 25, 26; РСЛ, 26 янв. (в т. ч. С. Ю. Витте о М.); НВ, 26 янв. Брокгауз; НЭС; Венгеров. Источ.; БСЭ; СИЭ; ИЛРДВ.

Архивы: РГБ, ф. 169 (ф. Милютинных); РГВИА, ф. 224, ф. 400, оп. 9, д. 3262 (п.с. 1880 г.), ф. 970, оп. 3, д. 2282 (дополнение к п. с. до 1908 г.); ЦИАМ, ф. 4, оп. 10, д. 1343 (копия м.с.).

Н. П. Соколов.

МИЛЯЕВ Василий Евгеньевич [27.2(11.3). 1874, село Ивановское Корчев. у. Твер. губ. — 18.4.1929, с. Володарское близ Мариуполя], поэт, прозаик. Сын мещанина (бывшего дворового). Детство провел в родном селе, в 1881 семья переехала в Москву. До 1886 учился в нач. гор. уч-ще, затем служил мальчиком

в посудной лавке, в чайном магазине, с 15 лет — писцом в строит. конторе; в это же время начал писать стихи и рассказы. В 1890 познакомился с М. Л. Леоновым, И. А. Белоусовым, С. Д. Дрожжиным, М. А. Козыревым. Первая публ. — рассказ «Новогоднее счастье» (газ. «Вестник», 1892, 1 янв.). В 1890-х гг. работал в

книжном магазине, публиковался в петерб. и провинц. изданиях («Родина», «Орлов. вест.», «Север» и др.), затем уже как проф. литератор сотрудничал в моск. газетах («Рус. листок» и др.), помещая в них небольшие заметки, репортажи и фельетоны (часто без подписи). Первые опыты М. в прозе — лирич. рассказы (напр., эскиз «Лиловая сирень» — сб. «На доброе дело», М., 1894—95). В газ. «Курьер торговли и промышленности» печатал фельетоны под рубрикой «Провинциальная жизнь» (1895, февр. — апр.); рассказы «Голос сердца» (1895, 2 марта), «Красный звон» (1895, 2 апр.), «Блудный сын» (1896, 1 янв.), «Враги» (1896, 24 февр.); повесть из совр. жизни о «первой любви» и «разбитом сердце» «Русалка» (1895, 17 дек. ... 1896, 6 марта; подписи В. Морской); фельетонные ром. «Клад» (1895, 22 июня... 13 дек.), «Власть золота» (1896, 9 февр. ... 14 июня; не окончен); ист. очерки из времен завоевания Сибири «Купцы Строгановы» (1895, 28 мая... 1896, 2 февр.). Здесь же опубл. стихи на христ. праздники «Крещение Господне» (1896, 6 янв.), «Христос Воскрес!» (1896, 24 марта). В газ. «Курьер» напечатан роман М. из жизни лит. богемы «Мертвый омут» (1897, 6 ... 28 нояб.; не окончен). В стих. М. 1890-х гг. он издал три сб-ка: «Огоньки», «Хуторок», оба — К., 1893, и «Васильки», К., 1895) эклектич. смешение стилей (А. В. Кольцов, А. А. Фет, С. Я. Надсон). «Доля бедняка», красота рус. пейзажа, бессильный призыв к счастью, ушедшая любовь, ранняя усталость души — его осн. темы. Реже звучат гражд. мотивы: горячее желание вступить «в бой неравный» с силами зла, обреченный на поражение слабостью и безверием — болезнью всего поколения (см., напр.: «Дума» — «Родина», 1893, № 14; «Элегия» — «Набл.», 1895, № 2).

По восп. М., под впечатлением знакомства с Л. Н. Толстым (см. очерк «У Льва Толстого» — «Орлов. вест.», 1893, 27 апр.; см. об этой встрече восп. И. С. Ивина в кн.: Лубочная книга, М., 1990, с. 384—85) в 1898 оставил журналистику и до 1905 служил волостным писарем в Екатеринослав. губ. Вернувшись в Москву в разгар рев. событий, поступил в изд-во «Искра», участвовал в издании сб-ков рев. стихов, «свободных песен», помещая в них свои произв. под псевд. Чужой. Мягкий лиризм ранних сб-ков сменяется резким обличит. пафосом (напр., в стих. «Я проклял ту землю, где юность текла ...» — сб. «Под красным знаменем», в. 1, М., 1906). Нек-рые из них приближаются к жанру рев. песни, в особенности стих. «Собирайтесь под красное знамя» (там же и в сб. «За свободу!», Р. н/Д., 1906),

написанное воинственным анапестом «Марсельезы», а также стих. «Мы — братья!» (сб. «Под красным знаменем», в. 2, М., 1906; отд. изд. — Архангельск, 1917), ставшее популярной песней в годы Революции 1905—07; «Новые пахари» («Сб-х рев. стихов для декламации», М., 1921) и др.

В 1905 в моск. ж-лах публиковались рассказы и очерки М. из нар. жизни, в к-рых он стремился показать новые настроения крестьян, мастеровых, подмеченные им в провинции: «Пробуждающиеся силы» («Голос жизни», № 1), «Занумерованные души» (там же, № 7). Характерна маленькая пов. «В деревне» (ИВ, 1905, № 11), написанная со знанием крест. быта, тонким пониманием природы, проникнутая сочувствием к беззащитному рус. мужику и без сатирич. сгущения красок изображающая «сильных мира сего».

В 1905 М. начал издавать сатирич. ж. «Шрапнель» (вышло два номера, причем первый полностью отпечатан в красном цвете), с карикатурами и эпиграммами; объект сатиры — рус. правительство, генералы-«кусмирители» вооруженного восстания в Москве, «черная сотня» и т. д. Здесь же помещены и рассказы М. «В тюрьме» (№ 1) и «Колокольня» (№ 2), по своей экспрессивности тяготеющие к прозе Л. Н. Андреева. Против ж-ла и его издателя было возбуждено судебное дело (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 2180). В 1907 в газ. «Мужицкая правда» опубликован стих М. «Да, я сокол, мой друг, только сокол с крылом перебитым...» (25 окт.). После неск. лет заключения (до 1910) жил в Екатеринослав. губ. В 1915, получив в наследство небольшой участок земли, жил с семьей в с. Никольском (позднее с. Володарское) близ Мариуполя, в 1916 служил счетоводом на Ревельском судостроит. заводе, в 1917 — экспедитором в архангельской газ. «Сев. утро»; в 1918 переехал в Москву, где, стесненный нуждой, служил в милиции; в 1919 М. удалось вернуться к семье в с. Никольское; до 1923 он занимал в местном ревкоме должность секретаря и нар. судьи. В последние годы жизни, отойдя от обществ. деятельности, занимался обработкой своего участка земли.

Др. произв.: биогр. очерки «А. С. Пушкин», «М. Ю. Лермонтов» (оба — К.—Х., 1893; отрицат. рец.: СВ, 1895, № 2); отд. стихи: «Моск. вест.», 1904, 18, 25 янв.; «Сев. утро», 1911, 19 июля, 1912, 24 окт.; «Млечный путь», 1914, № 1.

Лит.: Шацкая Р. В. Е. Милос — автор песни «Мы — братья!» — РЛ, 1965, № 2; Шабунин А. И. Все-таки это — Милос! — ВЛ, 1973, № 2. + Венгеров (Сл.; Источ.); Сырнов-Сколянский; Альт; и сб-ки М. ошибочно приписано авторство «Варшавянки»; Масанов.

Архивы: ИМЛИ, ф. 249; ИРЛИ, ф. 377; ф. 193, № 119 (письма М. Л. Леонову), № 120 (письма А. И. Якимирскому); ГАРФ, ф. 63, оп. 50, 1912 г., д. 142; Назаров.

И. В. Никитина.

МИН Дмитрий Егорович [27.3 (8.4).1819* (по др. сведениям — 1818), Рязан. губ. — 30.10(11.11).1885, Петербург; похоронен на Новодевичьем кладб.], поэт-переводчик, медик. По происхождению «из великобританских подданных» (ф. с. 1839 — ЦИАМ), сын инженера. Жил преим. в Москве, где окон-

чил Практич. акад. коммерч. наук (1834), затем Медико-хирургич. акад. (1839, с зол. медалью). До 1856 работал ординатором в Екатеринин. больнице, одновременно, в 1846—1852, — ассистентом в госпитальной клинике Моск. ун-та. В 1849 защитил в ун-те дис. на степень д-ра медицины (утвержден в степени в 1851); в 1851—58 второй ред. «Врачебного журнала». В 1858 избран адъюнкт-проф. мед. ф-та ун-та по кафедре гос. врачеведения, а в 1863 проф. по кафедре судебной медицины; неоднократно выступал мед. экспертом на судебных процессах. В 1864 возглавил работу по принятию экстренных мер во время холерной эпидемии. В 1856—68 секр. мед. ф-та; избирался ун-тским судьей, периодически исполнял обязанности ректора и попечителя уч. округа. Опубли. ряд мед. работ. В 1878 оставил ун-т по состоянию здоровья, после чего переехал в Петербург.

Лит. творчество составляло «частную» сторону жизни М. Оsn. труд, принесший ему славу «рус. истолкователя Данта» (Михайлов, с. 49), — полный пер. строфической подлинника (терцинами) «Божественной комедии» Данте Алигьери. Принявшись ок. 1840 переводить песни «Ада», М. не решился опубликовать пер., пока одобрение С. П. Шевырева не побудило его отдать песнь V в «Москвитянин» (1843, № 4); позднее в ж-лах появились еще

4 песни. Полный пер. «Ада», предначавшийся М. П. Погодиным для публ. в 1852 в «Москвитянине», был первонач. запрещен цензурой (напечатан с ценз. купюрами — «Москв.», 1853, № 6 ... 24); позднее вышел отд. книжкой с обширным комм. М. и переводными пояснит. статьями (М., 1855; положит. отзывы: А. В. Никитенко — ЖМНП, 1855, ч. 88, № 10; Я. Н. Турунов) — РИ, 1856, 2 марта). Дальнейший труд (пер. «Чистилища» и «Рая», переработка пер. «Ада») растянулся на долгие годы, и при жизни М. были опубли. лишь 3 песни «Чистилища» (РВ, 1865, № 9; 1879, № 3). Полностью пер. был издан посм. (т. 1—3, СПб., 1902—04; рец.: ВЕ, 1902, № 5; Пушкинская пр., 1907; см.: 17-е присуждение Пушкинских премий, Сб. ОРЯС, 1908, т. 84, № 5). Труд М., опиравшегося на глубокое изучение дантеаны и воссоздавшего (при максимальной точности пер.) сложные филос. и богослов. рассуждения Данте, намного превосходил все рус. пер. «Божественной комедии» 19 в. Впоследствии М. Л. Лозинский, сам переводивший это произв., хотя и считал с т. з. требований 20 в., что по стихам М. «трудно судить о поэтической мощи подлинника» («Лит. совр.», 1938, № 3, с. 98), использовал, однако, в своем пер. нек-рые поэтич. находки М.

С нач. 1850-х гг. М. переводил Дж. Байрона (II—IV песни «Дон Жуана» — РВ, 1881, № 3, 4; отд. изд. — М., 1881; поэма «Осада Корнфа» — РВ, 1875, № 3; неск. стих.). У. Шекспира (монолог Ричарда II из одного. хроники — РВ, 1864, № 4; хроника «Король Иоанн» — РВ, 1882, № 7; отд. изд. — М., 1882) и Ф. Шиллера («Погребальная песнь индейцев» — «Совр.», 1854, № 9; «Песнь о колоколе», СПб., 1856; «Художник», СПб., 1857; все переизд.: Лирические стих. Шиллера в пер. рус. поэтов, т. 1—2, СПб., 1857). Переводы были высоко оценены критикой (см.: Чернышевский, IV, 506; Добролюбов, II, 158; Дружинин А. В. Собр. соч., т. 7, СПб., 1865, с. 438—39). Тогда же М. заинтересовался англ. «поэтом бедных» Дж. Краббом и ознакомил рус. читателей с отч. частями его поэмы «Приходские списки» (РВ, 1856, № 12; 1857, № 3; 1860, № 11) и «Мстечко» (Лит. отг. МВест., 1857, 16 февр.; под назв. «Питер Граймс» — РВ, 1862, № 11). Посм. был опубликован пер. поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (т. 1—3, СПб., 1900). В числе пер. М. также отдельные стихотв. произв. Ф. Петрарки, Дж. Мильтона, Р. Бёрнса, У. Вордсворта, Т. Кэмпбелла, Т. Мура, П. Б. Шелли, А. Теннисона, У. Морриса, Р. Боксинена, Г. Лонгфелло, Л. Уальда, Ф. Фрейлихтера. Перевозч. деятельность М. отличал полнота полнотности переводному автору, стремление к точной передаче содержания и формы подлинника; отсутствие у М. орг. стихотворений определило разнообразие его пер., на к-рые не накладывался отпечаток собств. поэтич. манеры. М. Л. Михайлов писал в 1859: «По силе стиха, по мастерству, с каким владеет он языком, по глубокому такту, позволяющему ему уловить и передавать главный характер подлинника, нашего переводчика Данта, Крабба и «Песни о колоколе» мы не обинуясь назовем первым после Жуковского переводчиком» (с. 49).

В последние годы жизни М. тяжело болел, жил уединенно. По словам автора некролога, в день смерти «задающийся его голос просил дать „Божественную комедию“ и слабею-

шая рука, бессильно скользя по страницам бессмертного творения, искала в комментариях к нему недосказанного слова ...» (НВ, 1885, 4 нояб., с. 3).

Изд.: [отрывки из предисл. переводчика и V, XV, XVII песни «Ада»]. — В кн.: Данте Алигьери, Божественная комедия, М., 1988 (вступ. ст. и прим. А. А. Илюшина).

Лит.: Глебов И., Иванов Д. История моск. Практич. акад. коммерц. наук, М., 1860, с. V, 221; Шершавкин С. В., Д. Е. Мин (1818—1885). — В кн.: Науч. конференция, посвященная выдающимся медикам — уроженцам Рязан. обл. Тезисы докладов, М., 1953; Михайлов М. Л., Соч., т. 3, М., 1958, с. 49—51; Рус. писатели о переводе. XVIII—XX вв., Л., 1960 (ук.); Бэлза И., Брюсов и Данте. — В кн.: Данте и славяне, М., 1965, с. 82—84 (отзыв В. Я. Брюсова о переводе М.); Горохова Р. М., «Ада» Данте в пер. М. и царская цензура. — В кн.: Рус.-европ. лит. связи, М.—Л., 1966; Голенищев-Кутузов И. Н., Творчество Данте и мировая культура, М., 1971 (ук.); Левин Ю. Д., Рус. переводчики XIX в. и развитие худож. пер., Л., 1985 (глава о М.); Асоян А. А., «Почтите высочайшего поэта...». Судьба «Божественной комедии» Данте в России, М., 1990, с. 19—22; Burlet-Darsiles H., Dante et la censure russe. — «Revue de littérature comparée», 1924, v. 4, p. 109—111; Engel-Braunschild A., Deutsche Dichter in Russland im 19. Jahrhundert, München., 1973, S. 186—89. + Некрологи, 1885: МВед., 5 нояб. (П. Нейдлин); «Новости и бирж. газет», 5 нояб.; «Нива», № 50; ЖМНП, № 12; ИВ, 1886, № 1. Добролюбов И. В., Яхонтов С. Д., Библиогр. словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (прим.) Рязан. губ., Ряз., 1910; Змеев; Сл. ОЛРС; Брокгауз; НЭС; Венгеров. Источ.: Мельер; Языков; Гранат; Смирнов-Сокольский; Данченко В. Т., Данте Алигьери. Библиогр. рус. переводов и критич. лит-ры на рус. яз. 1762—1972, М., 1973; Шекспир. Библиография рус. пер. и критич. лит-ры на рус. яз. 1748—1962, М., 1964; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1863 (ф. 1863 (ф. 1863, 1877 г.); РНБ, ф. 1000, оп. 2, № 869 (свидетельство об окончании Медико-хирургич. акад., 1839 г.); ЦИАМ, ф. 433, оп. 55, д. 109 (ф. с. 1839 г.); ф. 418, оп. 46, д. 456 (ф. с. 1872 г.); оп. 30, д. 198; оп. 369, д. 213, л. 5 (биограф. лит-ры) [справка В. В. Александровой]; РГМА, ф. 777, оп. 2, 1857 г., д. 61 (письмо Н. В. Гербею, 1856); оп. 149, 1873 г., д. 10; оп. 120, д. 628 (биограф. сведения); д. 230 (ф. с. 1865 г.).

Ю. Д. Левин.

МИНАЕВ Дмитрий Дмитриевич [23.10(4.11).1835*, Симбирск — 10(22).7.1889, там же; похоронен на Свято-Духовском кладб. рядом с отцом Д. И. Минаевым], поэт-сатирик, пародист, фельетонист, переводчик. Мать М., симбирская дворянка Е. И. Зиминская, «от природы женщина очень умная, многоначитанная», по свидетельству домашнего учителя М., владела иностр. языками, «была барыня с своим особенным барским слогом»; ребенком М. был похож на нее «и обликом и многими душевными качествами» (Г. Н. Потанин, «Восп. о М.» — РГАЛИ, ф. 553, оп. 1, № 1079, л. 2—2 об.). С детства М. знал много стихов, «чутько их понимал и временами силится так же торжественно читать их, как читал его отец» (Потанин Г. Н., Речь на могиле поэта М. — «Симбирские губ. вед.», 1899, 30 июня). В 1847 родители М. переселились из Симбирска в Петербург, где М. отдал в Дворян. полк. В годы учебы на него оказали значит. влияние знако-

мый отца, преподаватель словесности, изв. переводчик И. И. Введенский, будущий поэт Вас. С. Курочкин (учившийся тогда же в Дворян. полку), его брат Н. С. Курочкин, а также вольная атмосфера, царившая в то время в доме отца М., поддерживавшего друж. связи с нек-рыми петрашевцами (см.: Дело петрашевцев, ук.) и встречавшегося с Н. Г. Чернышевским (см.: Чернышевский, I, 371, 395, 400, 402).

В 1852 М. вернулся в Симбирск, видимо не окончив курса (см.: Ямпольский, 1974, с. 245), и определился на службу в губ. казенную палату. Еще в годы учебы он начал сочинять (сохранились сведения о не дошедшем до нас рассказе, включенном в рукоп. журнал Дворян. полка; см.: Миклашевский А. М., Дворян. полк в 1840-х гг. — РС, 1891, № 1, с. 117). Один из симбирцев вспоминал позднее о шумном успехе ходившего по рукам стих. М. «У нас бульвар устроили среди улицы большой...» с карикатурными портретами реальных лиц (см. об этом: Бейсов П., «Губернская фотография» М. — «Уч. зап. Ульяновского пед. ин-та», в. 1, 1948). Возможно, с этим стих. генетически связана поэма М. «Губернская фотография» (частично напечатана в «Гудке», 1862, № 4, 6). Полный текст поэмы, получивший в Симбирске широкое хождение в списках, «вся губерния читала и декламировала» (Н. Никольский — «Симбирские губ. вед.», 1899, 23 июня).

В 1855 М. переехал в Петербург и, прослужив два года в земском отд. Мин-ва внутр. дел, вышел в отставку в чине коллеж. рег. С тех пор М. жил только на гонорары, что обрекло его, по словам близкого приятеля, на

«каторжную работу»: «... это был русский Бальзак, писавший без перерыва с лишком тридцать лет. Он писал все и обо всем ...» (Мартынов П. К., Дела и люди века, т. 1, СПб., 1893, с. 175—76).

Сначала М. сотрудничал во второстепенных столичных изданиях («Иллюстрация», «Ласточка», «Рус. мир», «Развлечение»), затем его имя стало появляться в «Рус. речи», «Дамском вестнике», «Рус. вестнике» и др. В 1859 вместе с А. П. Шниткиным М. пытался получить разрешение на издание газ. «Рус. телеграф», в чем им было отказано (РГИА, ф. 777, оп. 2, 1859, д. 96; см. также: Ямпольский, 1974, с. 246). Не позднее того же года М. сблизился с А. П. Миллюковым, давним знакомым отца по кружку Введенского, посещал его «вторники», где встречал А. Н. Майкова, В. В. Крестовского, А. А. Григорьева, ставших через год-два излюбленной мишенью М.-пародиста. Судя по письму Миллюкова к Ф. М. Достоевскому от 28 сент. 1859 (ЛН, т. 83, с. 160), М. участвовал в создании ж-ла Миллюкова «Светоч», печатаясь затем на его страницах (а также в выходившем при нем «Карикатурном листке»), что позднее не помешало ему насмешливо отзываться о позиции этого журнала (стих. «Последние славянофилы», 1862).

В нач. 60-х гг. М. вошел в обиход самых заметных литераторов радикального лагеря, чувствовал себя в этом кругу настолько уверенно, что выступал в роли советчика и руководителя своего бывшего учителя Гавр. Н. Потанина, в то время начинающего беллетриста (см. выдержки из дневника Потанина в кн.: Мельгунов Б. В., Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы, Л., 1989, с. 245, 249).

Творческая биография М. неотделима от судьбы наиб. известных левых журналов 1860—70-х гг. — «Искры», «Рус. слова», «Современника», «Гудка» (первые 14 номеров вышли под ред. М.), «Будильника», «Отеч. записок», «Дела». Успех нек-рых из них — прежде всего «Искры» и «Рус. слова» — в немалой мере обязан деятельному участию М., к-рый, в свою очередь, именно на их страницах обрел собств. голос. Сотрудничая одновременно в нескольких изданиях, М. выступал — часто в одной и той же книжке журнала — с сатирич. стихотворениями, пародиями, комич. поэмами, драматич. сценками, переводами, а также лит.-критич. обозрениями, хроникой худож. жизни и фельетонами. Он контаминировал, «капризно» смешивал жанры, что являлось результатом продуманной лит. позиции, не раз декларированной прямо: «Прихотлив и отрывист мой будет рассказ/ И

капризен, как жизнь и природа», «Я пишу произвольно, о чем захочу./ Что ни встречу — все будет мне темой./ Хотя на зло всем риторикам песни мои/ Я и назвал капризно поэмой» [«Будни. (Отрывки из совр. поэмы)» — «Гудок», 1862, № 13]. Пестрота мотивов, внезапные сломы интонации (гражд. патетика сменяется дурашливым тоном, лиризм — ерничеством), частые переходы от прозы к стихам, имитация живой болтовни, изобилующей эффектными каламбурами и извратительными эпиграммами, — все эти устойчивые черты поэтики М. придали особый блеск его прозаич. фельетонам, пересыпанным пародиями, «перепевами» и оригинальными стихотворениями. Среди наиб. известных фельетонных циклов М. — «Дневник темного человека» (РСЛ, 1861, № 2 — 1864, № 8; В. В. Гиппиус подверг справедливому сомнению принадлежность М. лишь одного фельетона — РСЛ, 1864, № 4; см.: ЛН, т. 11—12, с. 99), «С Невского берега» («Дело», 1868—70) и «Невинные заметки» (там же, нач. 1870).

В ист.-лит. перспективе фельетоны М. — уникальное свидетельство эпохи, живая летопись журнальных боев, способная служить комментарием ряда вершинных произв. тех лет. Под пером М., в тесном взаимодействии с др. сотрудниками «Искры», сформировалась зашифрованная образность и расхожая фразеология радикальной прессы 60-х гг., игравшая роль лит. сырья для многих писателей. Целые смысловые блоки со страниц «Искры» перекочевали в произв. М. Е. Салтыкова-Щедрина [см.: Рейфман П. С., «Искра» и М. Е. Салтыков-Щедрин. (По мат-лам хроник «Наша обществ. жизнь»). — «Уч. зап. Тартуск. ун-та, в. 209. Труды по рус. и слав. филологии. XI. Литературоведение», Тарту, 1968]. Захлебывающийся «свист» «искровцев» — и в первую очередь М. — следует учитывать при осмыслении ряда героев Достоевского. Так, в «Братьях Карамазовых» черт — само воплощение «отрицания», сотрудник журналов «по отделу критики» — соотносится с галереей черт, веселых бесов, скандала, комически символизировавших на страницах «Искры» «обличительную» журналистику 60-х гг. (см., в частности, поэму М. «Проказы черта на железной дороге», СПб., 1862); в речи черта Достоевский пародировал язык фельетона тех лет, не в последнюю очередь — фельетона М. (см.: Майорова О. Е., Лит. параллели к образу черта в «Братьях Карамазовых». — В кн.: Проблема характера. Сб. науч. трудов, Свердловск, 1983).

Хотя фельетоны М. вызвали значительный резонанс в печати, в историю лит-ры он вошел прежде всего

как поэт-сатирик (показательно, что в 20 в. переиздавались в осн. его стихотворения; лишь «искровский» фельетон «Быть или не быть?» перепечатан в кн.: Рус. театр. фельетон, Л., 1991). К нач. 60-х гг. М. уже твердо завоевал репутацию «обличительного поэта» (его первый сб-к «Перепевы. Стихотворения Обличительного поэта», СПб., 1859) — поэт с парадоксальной позицией ниспровергателя собственно поэтич. слова, превратившего поэзию лишь в средство полемики и критики общества пороков. Именно в «обличении», как декларировал М. в своем развернутом лит. манифесте — рецензии на двухтомное «Собрание стихотворений» Вас. Курочкина «Старая и новая поэзия» («Дело», 1869, № 5), — он видел назначение «полезного» поэта, «поэта с направлением» и «принципом», впервые занявшего достойное место на рус. Парнасе благодаря творчеству Вас. Курочкина и (как подразумевалось) самого М. (сатирич. дарования Н. А. Некрасова он не признавал). Однако критика, даже дружески настроенная, часто упрекала М. в поверхностном «обличительстве» и недостатке самобытности (Курочкин Н. С., Библиографич. параллель. — «Дело», 1868, № 1), а рецензенты враждебного лагеря видели в его сатирич. стихотворениях лишь «мелочность мысли, монотонность и однообразие мотивов», считая М. бездарным эпигонном Некрасова: «протест против всяческого насилия, стон и слезы больной души, — становится предметом спекуляции шарлатанов» (Л. Н. Антропов), Совр. рус. сатирическая журналистика. — БдЧ, 1865, февр., кн. 1, с. 24, 34).

При всей своей плодовитости М.-сатирик работал в довольно узком диапазоне тем, выбирая одни и те же предметы «обличения»: ретроградство, легковесный либерализм, «слезно-гражданская» демагогия, казенный патриотизм, аристократич. амбиции. Гл. сатирич. жанром стала для М. пародия, особая природа к-рой определялась не вполне эксплицированной, но четкой корреляцией между лит. и обществ. позицией его оппонентов. Считая лирику, особенно любовную и пейзажную, уделом «чиликующих воробьев» с их «крошечными ... ощущениями ... и грациозными до ... идиотизма образами» («Старая и новая поэзия», с. 26), он довольно жестко увязывал «чистое искусство» с обществ. ретроградством и подчинял свои пародии на А. А. Фета, Майкова, Я. П. Полонского, В. Г. Бенедиктова, К. К. Случевского (на них М. нападал особенно часто) не столько задачам дискредитации их поэтики, сколько разоблачению их взглядов. Даже в отрицательной рецензии на сб-к М.

«Думы и песни» (СПб., 1863) как одно из немногих достоинств М. отмечалось умение раскрыть «весь разврат лирич. мотивов, замаскированных сладкими словечками и конфетными картинками» («Совр.», 1863, № 11, 2-я паг., с. 48; ср. более резкий отзыв Н. А. Добролюбова на сб. «Перепевы»: «Совр.», 1860, № 8). В нек-рых случаях объект пародии перерастал под пером М. в устойчивую сатирич. маску. Так, пародируя М. П. Розенгейма, М. еще в 60-х гг. создал образ тупого резонера «отставного майора Михаила Бурбонова» (здесь он явно ориентировался на Козьму Прутков), выпустив «под его именем» — помимо множества фельетонов, статей и отд. стихотворений — целый сб. «Здравия желаю! Стихотворения отставного поэта Михаила Бурбонова» (СПб., 1867). Вечный оппонент самого автора, Михаил Бурбонов оказался необходим М. до конца жизни. Горячий патриотизм «отставного майора», дидактич. пафос его стихов, дифирамбич. интонация, горделивое самосознание поэта — все должно было восприниматься с обратным знаком, превращая удачно найденную маску в универсальное средство полемики.

Современники нередко объясняли «грубый смех» М., издательский тон его пародий отсутствием «поэтического чутья» (Круглов А. В., Пережитое. — «Светоч и дневник писателя», 1913, № 2, с. 68). Однако М. намеренно игнорировал оттенки и колебания поэтич. смыслов. Именно тонкий худож. слух сделал его метким пародистом, умело игравшим на незаметных сдвигах значений и смело экспериментировавшим [см.: Гаспаров М. Л., «Уснуло озеро» Фета и палиндромом Минаева (поэтика пародии). — В его кн.: Избр. статьи, М., 1995]. Нек-рые его пародии оказались на грани подражания: второй план сливался с первым — и пародия становилась неотличима от среднего стих. пародируемого поэта, что М. не раз использовал в мистификаторских целях.

М. не был сторонником тотального отрицания иск-ва: он воспротивился пушкинофобии «Рус. слова», что вызвало в 1864 его разрыв с журналом и спровоцировало создание комич. поэмы «Евгений Онегин. Роман в стихах (сокращенный и исправленный по статьям критиков-реалистов „Рус. слова“)» («Будильник», 1865, № 74, 75, 77, 78, 79; отд. изд., СПб., 1866; 2-е изд., с новой, пятой, главой и измененным названием, СПб., 1868; 3-е изд., с новой, шестой, главой, СПб., 1877). Опираясь на фабулу пушкинского романа и используя онегинскую строфу, М. нарисовал злую карикатуру на обобщенный образ «нового человека», задевая вместе с тем почти всех веду-

ших сотрудников «Рус. слова». Некрасов расценил поэму как «одну из самых остроумных его пародий» («Совр.», 1866, № 3, с. 126).

Хотя М. обычно избегал прямого обсуждения острых обществ. вопросов, о его взглядах в самом общем виде позволяет судить круг изданий, к-рым он примыкал. С 1865 М. находился под негласным надзором полиции, а весной 1866 после выстрела Д. В. Каракозова он (как и нек-рые др. журналисты радикального лагеря) был арестован и провел 2 мес. в Петропавловской крепости — за сотрудничество в изданиях, «известных своим вредным социализмом, направлением» (из мат-лов следственной комиссии по делу о покушении на Александра II — цит. по кн.: Ямпольский И., 1974, с. 253). Индикатором обществ. взглядов М. может служить и напечатанный в 1860 очерк М. «В. Г. Белинский» («Дамский вест.», № 1, 2; псевд. Д. Свяжский; отд. изд. — СПб., 1860) — первая, хотя и очень краткая биография критика, представляющая собой компиляцию двух источников — «Очерков гоголевского периода рус. лит-ры» Чернышевского и трактата А. И. Герцена «О развитии рев. идей в России» (см.: Ямпольский И. Г., Первая биография В. Г. Белинского. — «Науч. бюллетень Ленинград. ун-та», 1945, № 3). В дальнейшем убеждения М. не претерпели существенных изменений, однако о нюансах его взглядов судить трудно. По-видимому, не лишено оснований бытовавшее в 60-е гг. недоверие к его радикализму: по свидетельству мемуариста, Г. Е. Благоветлов «называл минаевское свободолобие „трактирно-офицерским краснословием“» (Фирсов Н. Н., В редакции ж-ла «Рус. слово». Из восп. шестидесятника. — ИВ, 1914, № 5, с. 500). С годами творчество М. все больше сосредоточивалось на собственном лит. жизни, что рождало парадоксальную ситуацию: тематика всех — и поэтических, и литературно-критических — выступлений язвительного сокрушителя «чистого искусства» оказалась замкнута рамками лит. тем, точнее — склок петерб. журналистов. Как писал Салтыков-Щедрин в иронич. рецензии на сборник стихотворений М. «В сумерках» (СПб., 1868), его сатира, «прилепившись к Петербургу», «может интересоваться только небольшой круг прикосновенных» (Салтыков-Щедрин, IX, 243, 246).

Положение М. в лит. мире всегда было шатким в силу его болезненно неровного характера и склонности к пьянству. Журнальную полемику он легко переводил в плоскость житейского скандала, в бытовом поведении был раздражающе притязателен: «считал себя призванным руководить

обществ. мнением и бичевать людские пороки» (Мартынов П. К., Дела и люди века, т. 3, СПб., 1896, с. 96). В итоге, даже его принципиальным шагом — таким, как разрыв с «Рус. словом», — придавался превратный смысл: сложилась легенда, что М. был изгнан из журнала, «потому что поведение его в публичных местах вредило видам и стремлениям редакции» (ГАРФ, ф. 109, 1 СА, л. 2009). Несомненно, однако, что разрыв с «Рус. словом» сопровождался и личными конфликтами. Показательно, что на редакционных вечерах М. обычно «кончал тем, что начинал ... ругать» Благоветлова (Окрейц С. С., Из лит. восп. — ИВ, 1907, № 5, с. 408). В «Современнике» и позднее в «Отч. записках» М. также не мог быть вполне «своим»: он часто задевал Некрасова в печати, упоминая в разных контекстах о «муравьевской оде», и, судя по достоверному свидетельству Я. П. Полонского (1874), разносил о поэте «нелепые слухи» (ГМ, 1915, № 10, с. 74). От Некрасова М., в свою очередь, получал нелестные отзывы: «Линнеев, сатирик холодный» (стих. «Недавнее время», 1871; подробнее об их взаимоотношениях см. в предисл. к публикации писем М. к Некрасову — ЛН, т. 51/52, с. 390).

1870-е гг. оказались кризисной для М. эпохой. В его творчестве стали отчетливо звучать мотивы разочарования и тоски (см. стих. «Когда-то, милые друзья...» — «Дело», 1870, № 11; «Смех и слезы» — там же, 1873, № 1; пов. «С того света. Замогильные записки» — там же, 1873, № 2, 3), что в немалой мере было вызвано пережитой М. семейной драмой. По восп. его единокровной сестры, М. оказался у себя в доме «совершенно чужим человеком», его жена была увлечена губернатором детей, и М. «пил запоем, занимаясь в кабинете по целым суткам» (Х. Д. Куроедова, «Записки о жизни М.» — РГАЛИ, ф. 329, оп. 1, № 16, л. 4—4 об., 6). Вскоре супруги развелись, но развод не оформили (жена М. позднее предъявила ему судебный иск на выплату ей увеличенного содержания — см.: Дело супругов Минаевых. — «Новости», 1887, 20 мая).

Уже с кон. 60-х гг. в связи с нек-рым спадом радикальной прессы М. стал все чаще печататься во второстепенных изданиях — в газ. «Неделя», в ж-ла «Стрекоза», «Пчела», в тифлис. ж-лах «Фаланга» и «Гусли» (см. подробнее: Новые мат-лы к истории рус. лит-ры и журналистики второй пол. XIX в., т. 1, Тб., 1977, с. 160—81). В дальнейшем он постепенно отставал от популярных толстых журналов. Если не считать редких выступлений в «Рус. мысли» и «Вест. Европы», в 80-е гг. М. сотрудничал в осн. в газетах («Бирж. вед.»,

«Новости», «Петерб. газ.», «Молва», «Моск. телеграф»), что вызывало у него чувство острого недовольства. В 1888 М. писал А. В. Эвальду: «не увлекайся: не наше время теперь» (ИВ, 1895, № 12, с. 736).

Виртуозный версификатор, М. всю жизнь занимался поэтич. переводами, хотя, как было известно в его окружении, плохо знал языки: «как же он переводит в таком случае — это его тайна!» (письмо М. И. Семевского, 1866, — «Былое», 1925, № 6, с. 41; о работе М. с прозаич. подстрочниками поэтич. текстов см.: Либрович С. Ф., На книжном посту, П.—М., 1916, с. 214—16, 223, 226). М. много переводил Дж. Байрона, Г. Гейне, П. Б. Шелли, Данте, Мольера, В. Гюго, Т. Мура, А. Мюссе, Дж. Чосера, А. Мицкевича и др. Будучи противником дословного перевода, он часто слишком вольно обращался с подлинником, иногда изменял оригинал до неузнаваемости [см.: Левин Ю. Д., Рус. переводчики XIX в. и развитие худож. перевода, Л., 1985, с. 179, 207; Гордон Я. И., Гейне в России (1830—1860), Душанбе, 1973, с. 308—33], что вызывало недовольство и насмешки рецензентов. Особой критике подвергались его переводы из Гейне, «обещивчавшие» подлинник «дюжинным перифразом самых картинных, самых образных выражений» (Барон Н., Письма о нек-рых лит. явлениях. — СПбВед, 1868, 3 апр.; см. также: Incognito (Зарин Е. Ф.), Опыт о добродетели в полемике. — ОЗ, 1864, № 10, с. 881).

В 1870-е гг. М. выступал и как драматург, но его пьесы — «Либерал» (ОЗ, 1870, № 12; пост. 1871 — Александрин. т-р, Моск. Малый т-р) и «Спелая песня» (ВЕ, 1874, № 5; пост. под назв. «Разоренное гнездо» — Моск. Малый т-р, 1876; критич. рец.: А. М. Скабичевский — ОЗ, 1874, № 5/6; «Театр. газ.», 1876, № 82, 84, 85) — ни у зрителя, ни у читателя успеха не имели, хотя последняя была удостоена Уваровской пр. (см. отрицат. отзыв Н. К. Михайловского на «Спелую песню» — Из дневника и переписки Ивана Непомудова, ОЗ, 1874, № 11, с. 238—46). М. много писал для детей, выступая и с оригинальными стих. («Теплое гнездышко», М.—СПб., [1882]), и со стихотв. и прозаич. переложениями нар. сказок («Дедушкины вечера», СПб., 1880; «Нар. рус. сказки для детей в иллюстрациях», СПб.—М., б/г.). В 1880-е гг. М. регулярно сотрудничал в детском ж. «Задуманное слово». Высказывалось не вполне убедительное предположение, что ему принадлежит перевод «Штрувельпетера» («Растрепанный Петр») Г. Гофмана (СПб., 1849; 2-е изд. — СПб., 1857; см. об этом: Путилов Е., Тайна авторства «Степки-рас-

трепки». — «Нева», 1985, № 12; Саксонова И. Х., Разгадана ли тайна? — Там же, 1987, № 7).

Последние два года жизни М., тяжело болев, провел в Симбирске, где продолжал работать, посылая свои произв. в Петербург. М. пережил свою славу. В появившихся в изобилии после его смерти мемуарных заметках о нем вспоминали не как о блестящем фельетонисте и бойком сатирике, делившем популярность с ведущими сотрудниками «Искры», но гл. обр. — как об авторе застольных экспромтов, злых эпиграмм и едких шуток, быстро разносившихся по лит. Петербургу и принесящих ему много врагов.

Изд.: Собр. стих., Л., 1947 (БПБ; вступ. ст., прим. И. Г. Ямпольского); Поэты «Искры»; Стих. и поэмы, 3-е изд., т. 2, Л., 1960 (БПБ); Мастера рус. стихотв. перевода, 2-е изд., т. 2, Л., 1968 (БПБ); Рус. поэзия детям.

Лит.: (Страхов Н. Н.). Песни и поэмы М. — «Заря», 1870, № 11; Вольф; Швалляков М. В., Рус. остроты и острофы их, СПб., 1898; Русаков В. (С. Ф. Либрович). Наша жизнь сквозь призму смеха и сатиры. — «Новь», 1898, № 22; Шарипов У., Оригинальный перевод. — «Простор», 1964, № 12; Ямпольский И. Г., Сатирич. журналистика 1860-х гг. Журнал рев. сатиры «Искра» (1858—1873), М., 1964; его же, Середина века. Очерки о рус. поэзии 1840—1870-х гг., Л., 1974; Гордон Я. И., М. в рус. гетимане. — В кн.: Писатель и лит. процесс, в. 2, Душанбе, 1974; Геллер Т. А., Арх. документы об издательской деятельности М. — В кн.: Вопросы источниковедения рус. лит-ры второй пол. XIX в., Каз., 1983; Гапаров М. Л., Очерк истории рус. стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика, М., 1984, с. 193, 195, 198—99; Хворостьянова Е. В., Эпиграммы М. на Б. М. Марксена. — В сб.: Анализ одного стихотворения, Л., 1985; Скотов Н. Н., Некрасов. Современники и продолжатели. Очерки, М., 1986, с. 77—99; ИРДТ, т. 5 (ук.). — Некрологи, 1889: ГазГ, 18 июля; ИВ, № 9. Брокгауз; ЭНС; Венгеров. Источ.; Языков; Смирнов-Сокольский; ИДРДВ; Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 329; ф. 191, оп. 1, № 258 (письма П. А. Ефремову); ф. 640, оп. 1, № 127 (письма В. М. Лаврову); ф. 289, оп. 1, № 26 (письма Н. А. Лейкину); РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 4093, л. 12—12 об. (м.с.); ф. 549, оп. 2, д. 34 (о погребении М.); ИРЛИ, ф. 357, оп. 3, № 50 и ф. 548, оп. 1, № 185 (письма В. Р. Зотову); ф. 183, оп. 1, № 237 (письма В. О. Михневичу); ф. 202, оп. 2, № 57 и др. (письма Н. А. Некрасову); ГАРФ, ф. 109, 1 СА, д. 1995; 1 экзп., 1866 г., д. 100, ч. 56.

О. Е. Майорова.

МИНАЕВ Дмитрий Иванович [1808, Симбирск — 1(13).10.1876, там же; похоронен на Свято-Духовском кладб., т. н. «минаевском»; останки М. и его сына Д. Д. Минаева (ввиду затопления кладб. в 1951) перезахоронены ок. Воскресенской церкви], поэт, публицист, переводчик. Из беспоместных дворян. По окончании Симбирской г-зии переехал в Петербург и в 1823 вступил в воен. службу (унтер-офицер саперного батальона); в кон. 1826 выпущен прапорщиком в 3-й мор. полк, откуда в 1833 переведен в Симбирский батальон воен. кантонистов (подпоручик). Выйдя в отставку в кон. 1835, вернулся в Симбирск; «тайно увез девицу из богатой фамилии» (впоследствии написал «картину,

изображающую его венчание в сельской церкви»: Бакушев В., Из зап. о былом. — МВед, 1883, 22 окт.). С 1838 снова служил в Симбирской комиссариатской комиссии, а с 1841 по 1847 смотритель Оренбург. воен. госпиталя, чиновник Провиант. деп. (Новгород, в 1846 наблюдал за поставкой хлеба в Рыбинске). В 1847 М. переезжает в Петербург (смотритель петерб. Измайлов. провиантского магазина); участвует в кружке И. И. Введенского. Весной 1851 М. навсегда покидает Петербург (назначен дистанционным смотрителем провиантских магазинов Симбирской губ.; капитан) и возвращается в Симбирск вместе с Н. А. Гончаровым, симбирским учителем (братом И. А. Гончарова), с к-рым был в близких отношениях: Н. Гончаров отзывался о М. как о человеке «благородном», но «со странностями» и «несть от мира сего» («И. А. Гончаров в восп. ...», с. 44); часть пути проделал с Н. Г. Чернышевским, дальним родственником М. В 1858 пом. симбирского обер-провиант-мейстера; состоял по армейской пехоте. В нач. 1866 или в 1867 в чине подполковника вышел в отставку.

Первая публ. — восемь стих. в «Новогоднике» Н. В. Кукольника (СПб., 1839); В. Г. Белинский увидел в них «талант, борющийся с фразерством» (Белинский, III, 139). В 1840-х гг. печатал стихи в «Б-ке для чтения»: «Упрек Кавказу» (на смерть А. А. Бестужева; 1840, т. 42), «Дума на Киргис-кайсацкой степи» (1840, т. 43), «Шлем-мечеть и копы-минарет (Уральское предание)» (1845, т. 70), «Баянка. Три Ивана» (1846, т. 76, и др.) и в еженед. Кукольника «Иллюстрация» («Жигулевские горы», «Воспоминание» — 1846, № 26; «Русской на берегах Роны» — 1846, № 29, и др.). Стихотв. продукция М. типична для эпохи: здесь и фольк. стилизации, и трактованная с нек-рой помпезностью военно-патриотич. тема (см., напр., «Две зари на Бородинской годовщине» — БдЧ, 1840, т. 42), и описание мировых катаклизмов, особенно в «восточных» поэмах (сюжетно и композиционно не собранных) — «Первая мумия» («Илл.», 1846, № 42) и «Потоп» (БдЧ, 1847, т. 81) со всеми подобающими компонентами жанра: экзотич. темами, вещими видениями, с героем, постигающим тайны мироздания («Первая мумия»). Стиль изобилует подчеркнуто необычными сравнениями и нарочито сниженными образами, пристрастие к к-рым характерно для позднего романтизма: «Ландкарты древнего узора / В обломках мира не узнать: / Потоп замыл следы позора / И стер, не выпустил в печать» («Дума на Киргис-кайсацкой степи»).

Если публикации в «Б-ке для чтения» и «Иллюстрации» прошли мимо внимания критики, то пер., в прозе и стихах, «Слова о полку Игоря» (СПб., 1846; с посвящением Н. Гончарову; единств. одобрит. отклик — «Илл.», 1846, № 40) и последовавшая за ним ориг. «Баянка» (поэма) «Слова о вешем Олеге» (СПб., 1847) вызвали решит. неприятие большинства рецензентов. В этих поэмах впервые отчетливо проявилось своеобразие лит. поведения М., не соответствовавшего привычным нормам. М. заявил, что считает «Слово ...» центр. явлением всей рус. лит-ры; критика, однако, упрекала писателя за слишком вольное обращение с памятником (считая его соч. переложкой, а не переводом): М. использовал его как материал для лит. манифеста («П. А. Плетнёв» — «Совр.», 1846, № 12; (В. Н. Майков) — ОЗ, 1847, № 3; ФВ, 1847, № 3; Белинский, X, 34; см., однако, двусмысленные похвалы О. И. Сенковского: БдЧ, 1846, т. 79, отд. 6, с. 32; см. также: СО, 1847, № 2, отд. VI, с. 26—31). В стихотв. вступлении и послесловии М. призывал совр. рус. культуру вернуться к нац. основам, утраченным в результате вторжения Запада; он с неодобрением говорил о совр. России как «двухголовом» «Янусе» («Слова о вешем Олеге», с. V—VI и с. 75).

Субто национальной и в высшей степени полжит. особенностью рус. народа (как в древности, так и сейчас) М. считал языческое мироощущение, свободное и от анимичной зап. «идеальности», и от христ. аскетизма. Отсюда — поэтизация грабежей и поплоск, а иногда и жестокости (в «Слове о вешем Олеге»), связанная со специфич. пониманием М. рус. богатства.

М. видел себя в роли обновителя рус. лит. языка, образец к-рого, с его т. зр., он дал в своем переложении «Слова ...». В. Н. Майков, выступивший с пространн. разбором минаевских соч., расценил слог М. как неоправданную «смесь образов и выражений старинных и народных с новейшими и книжными» (Майков, Критич. опыты, с. 150; см. его же — ОЗ, 1846, № 11, с. 13—19; аналогичную оценку см.: Белинский, X, 34; благоприятный отклик дал Л. В. Брант в «Сев. пчеле» — 1847, 24 февр.). Послесловие М. к «Слове о вешем Олеге», содержащее ответ критикам, было воспринято как агрессивная самореклама; П. А. Плетнёв, напр., писал, что М. «взял ... на себя и выдерживает удивительно серьезно» «роль лит. реформатора и учителя» («Совр.», 1847, № 3/4, отд. III, с. 112, подпись Н.).

Традиции др.-рус. «кружева слова», «плетения словес», по мнению М., хранит метафорич. стиль романтич. прозы (А. А. Бестужев-Марлинский, А. Ф. Вельтман; в этом стиле М. ключевы выдержано его стих. в прозе «Литературные изюмиды» — СО, 1851, № 3: отрицат. рец.: ОЗ, 1851, № 6), в то время как «натуральная школа», в силу своей «простоты и ясности»

(«Слово...», с. 67), пренебрегает наш. традиция. В обычных комментариях к пер. «Слова...» проявилась склонность М. к построению историко-филол. гипотез при помощи этимологизмов (ср. подобное у А. Ф. Вельяминова).

Эксцентрический и несколько скандальный характер соч. М. затруднил возможность позднейших публикаций (за исключением ж. «Сын отечества», 1851); большую же часть плодов его активной творч. деятельности, продолжавшейся до последних лет жизни, пристроить не удалось.

В 1840-х гг. симпатии к рус. языческой старине сочетались у М. с интересом к социальности. настроениям: он был в дружеских отношениях с молодым Чернышевским и, по свидетельству последнего, нек-рое время под его влиянием причислял себя к «коммунистам» (Чернышевский и Я., 402, 395). Общался с петрашевцами А. И. Пальмом, А. П. Бала-согло и С. Ф. Дуровым (с последним М., очевидно, сближали и общие лит. связи). Был привлечен к допросу по делу М. В. Петрашевского (Дело петрашевцев, т. 1—3, М.—Л., 1937—51; ук.), состоял под арестом (ГАРФ, ф. 109, 1 экз., 1849, д. 214, ч. 84).

В 1850-е гг. взгляды М., претерпев существ. изменение, не утратили своей крайности и утопичности. Восторги его перед нар. язычеством сменяются страхом. Теперь гл. объектом перевоспитания становится готовое к бунту невежество. крестьянство. Петровские реформы, по мнению М., разрушили целостность нации: «Чернорабочая Русь еще... стоит за рекой допетровского мира, без моста и без желания перейти на нашу сторону» — из обширного письма И. П. Сахарову от 7 янв. 1861, своего рода нового манифеста М. (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2505, л. 4).

Усугубляет положение, по мнению М., влияние носки, к-рые крестьянин слышит с детства и к-рые представляются ему «ужасным хаосом», «бесобразным смешением разных веков и преданий», из к-рых рус. человеку через лич. «святыя чужды-минейския уютинки», «беспутицы», «позорных злодеев, бедных и богатых лазарей» открывается тысяча опасных и разрушит. дорог: он «делается и скопцом, и мучеником мнимой правды, и бродягой, и поджигателем» (там же, л. 3 об.).

Помочь развращенному обществу может лит-ра; М. рассматривал ее как «вторую религию», а истинных писателей — как «гражд. апостолов» и «пророков» («И. А. Гончаров в восп. ...», с. 44; восп. Г. Н. Потанина). Современные же литераторы, (при том, что духовенство пренебрегает своими обязанностями) слепо идеализируют, а не воспитывают народ; его вождями становятся преступники, бунтовщики. Как явствует из симбирских слухов, дошедших до Петербурга, М. не утратил «веры в превосходство» народа (и других классов) перед дворянством, полагая что гении «по б. ч. ... были из про-

стого народа» (ГАРФ, ф. 109, 3 СА, 968; справка З. И. Перегудовой).

Начиная с 1860-х гг. М. переходит от худож. лит-ры к публицистике, окрашенной в эсхатологич. тона: «Гайная жизнь рус. простолюдаря» (предисл. и планы — ИРЛИ, ф. 616, № 40; не опубли.; возможность издания за границей обсуждалась в письме М. к А. Д. Желтухину, 1861 — там же, № 14), ряд статей, посланных в кон. 60-х — нач. 70-х гг. М. П. Погодину, вместе с к-рым он намеревался принять участие в «крестовом походе» против «нигилизма» (РГБ), напечатанные в газ. Погодина «Русский» заметки: «События в селе Лысково», «Еще из Лыскова» (1868, 15 и 29 янв.; подписи Проезжий и N).

М. предлагает создать для народа новую лит-ру, используя понятные для народа фолькл. формы. Таким «врачебным средством против наших воспаленных ран» М. считал им самим написанную «отеч. историю в песнях» (ИРЛИ, ф. 616, № 40, л. 3—4) — поэтич. сб. «Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях. Хартия первая» (Симбирск, 1856, 1857; отрывки под назв. «Нар. эпоса» — СО, 1851, № 1, 9; рукопись «хартия второй» — РГАЛИ, ф. 329, оп. 1, № 18), представляющий собой попытку реконструкции слав. фольклора первых веков н. э.; подобный характер носили и афоризмы М., напечатанные под видом нар. пословиц (СО, 1851, № 5).

В нач. 1870-х гг. пытается установить связи с неославянофильскими ж. «Заря» и «Рус. беседа»; потерпев неудачу, вынужден обратиться в «Рус. вест.», преодолев глубокую неприязнь к «лит.-министерскому уму-разуму» М. Н. Каткова (РГБ, ф. 231/II, к. 21, № 13, л. 18), где опубли. очерк «Из быта крестьян в голодные годы» (1874, № 7) о событиях зимы 1864—65 в Самаре. Жизнь крестьянина описывается как «ужасная» и экзотическая; крестьяне не доверяют «гор. властям» до такой степени, что, умирая от голода, не соглашаются принять помощь от земства.

У М. не сложились отношения с сыном, Д. Д. Минаевым, к-рому отец, отошедший от социалистич. увлечений, представлялся ренегатом; они не видались по 10 лет; М. жаловался Погодину на интриги сына, препятствовавшего публикации его статей (там же, № 14, л. 8, 8 об., 22). В обширной ст. М. «Передовые люди» («Русский», 1868, 28, 29 нояб., 2, 3, 5, 7, 12, 13 дек., подпись Б. Крестоносцев), начинавшейся необычным для М.-старшего опытом сатирич. поэзии, явно сквозила обида на сына; М. писал о социализме как об идеологии «детей», «молодых нигилистов», во всем враждебных и тес-

нящих «отцов». Умер в бедности и одиночестве.

Др. произв.: «Крикун Перо. Анекдот из жизни пииты» (СО, 1851, № 1), прозаич. «сцены из драмы» «Русь во времена Донского» (СО, 1851, № 3—5), [цикл статей о слав. языч. названиях месяцев] (СО, 1851, № 1—6) (отрицат. рец.: ОЗ, 1851, № 6).

Лит.: Белинский (ук.); Белинский В. Г., ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 525 (прим.); Чернышевский (ук.); Майков В. Н., Критич. опыты. (1845—1847). СПб., 1891; Иванов Н. И., Восп. театрального антрепренера. — ИВ, 1891, № 10/12, с. 343—44; Быков П., Памяти М. — «Россия», 1901, 12 окт.; Державин Н. А., На забытых могилках. — ИВ, 1909, № 6, с. 970, 973—77, 981; Шамбинаго С., Худож. переложения «Слова». — В кн.: Слово о полку Игореве, М.—Л., 1934, с. 212—14 («Academica»); И. А. Гончаров в восп. современников, Л., 1969 (ук.); Ямпольский И. Г., Д. Минаев. — В кн.: Поэты «Искры», т. 2, с. 8—9. + Некрологи, 1876: «Симбирские губ. вед.», 5 окт. (В. Балошев); «Голос», 12 окт. Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губ. на 1916 г., Симбирск, 1916, отд. 1, с. ССХV—ССХVI; Толды; Межов; Геннад; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве», т. 3, СПб., 1995; Маслов (не учтен посед. Проезжий, Б. Крестоносцев).

Архивы: РГБ, ф. 231/II, к. 21, № 12, 13, 14 (письма М. П. Погодину от 11 июня 1874, в т. ч. о новом пер. «Слова...» и др.); сб. «Низовские думы 1870-х гг.» с произв. самого М. (очерки о беглых каторжниках, драм. пародия («Выявление Антихриста» и др.), а также стихи и мемуары его симбирских знакомых); ГАРФ, ф. 109, 1 СА, 1141 (перлюстрир. письмо Погодину, без даты, с изложением взглядов М. на «текущую историю»); РГБИА, ф. 842, оп. 2, д. 100 (ф.с. 1859 г.) (справка Н. Ю. Муравейникова).
Г. В. Зыкова.

МИНАЕВ Николай Николаевич [1(13).5.1893, Москва — 14.6.1967, там же], поэт. Род. в семье мешанина Красносельской слободы. Интерес к иск-ву и лит-ре пробудился в М. с юности — он участвовал в самодеят. детских спектаклях, писал стихи (самые ранние из сохранившихся помечены 1910 — ГЛМ, ф. 383, оп. 1, № 84). В 1905—12 обучался на балетном отделении Имп. театр. уч-ща в Москве, после окончания к-рого был танцовщиком в Большом т-ре; первые выступления на сцене состоялись еще в годы учебы: роль Черномора в оперном спектакле «Руслан и Людмила» (1910), роль Ганнибал в балете А. Ф. Арендса «Саламбо» (1910—11). Позднее, уже будучи в штате театра, М. танцевал гл. обр. второстепенные партии, наиб. заметной и удачной была роль Коробейника в балете «Конек-Горбун» (1917).

Первое опубли. стих. — «Милый друг! Как красив этот вид! ...» («Весь мир», 1913, № 29, с. 18); в дальнейшем М. печатал в ж. «Весь мир» (1914—17), «Мечта» (1914), «Рус. иллюстрация» (1915), «Полночь» (1914—15), «Вест. Европы» (1917), сб. «Русской армии — артисты Москвы» (М., 1915) и др., гл. обр. лирич., стихи о природе: «Сквозь громаду свинцовую туч...» («Полночь», 1914, № 4), «Летний ве-

чером» («Весь мир», 1914, № 33), «Первый снег» (там же, 1915, № 50) и др. Взгляд поэта обращен, как правило, к сельскому и пригородному пейзажу: «Кругом от края и до края/ Спокойно дремлет поле ржи,/ Над

нею в воздухе ныряя./ Резвятся ловкие стрижи ...» («В поле» — «Весь мир», 1914, № 33); на картины природы «накладывается» эмоц. состояние лирич. героя: «И томится, и болит моя душа/ Вместе с небом, вместе с сумраком полей ...» (стих. «Ветер яростно раскачивает лес ...» — В рукописной кн.: «Стихотворения. 1913—1916» — ГЛМ, ф. 383, № 34, л. 7).

Лирика М. отмечена влиянием А. А. Фета и К. М. Фофанова, с к-рым М. объединяет противопоставление мира поэтич. грез реальному миру: «Бессильна черствой жизни плесень/ Коснуться светлой красоты/ Тех вешних грез, тех летних песен./ Что соловьем пропел нам ты...» (из стих. 1916 «Памяти К. М. Фофанова» — ГЛМ, там же, л. 23). Творчеством Фофанова М. впоследствии занимался как исследователь, собирая библиографич. мат-лы о нем, его рукописи, посв. поэту стихотворения и т. п. (ГЛМ, там же, № 114—121).

В 1910-е гг. М. был чл. лит. секции Моск. союза учащихся искусств, в 1913 примыкал к лит. кружку издателя А. Д. Яшурина «Молот», название к-рого, вероятно, было связано с одним из девизов кружка: «Объединяйтесь и сами выковыивайте из жизни все лучшее!» (см. пригласит. билет на заседание «Молота» от 21 марта 1913 — ГЛМ, там же, № 261); о неопределенности лит.-эстетич. платформы кружка свидетельствовал и другой его девиз: «Вся красота жизни состоит в порыве исканий того непостижимого, что нас увлекает в сокровенную глубину свою ...» (там же).

Во время 1-й мировой войны М. печатает ряд патриотич. стих.: «Россия» («Весь мир», 1915, № 46), «Со славой павшим!» (там же, 1915, № 11), «На взятие Перемышля!» (там же, 1915, № 15) и др., на одно из к-рых («Сраженный пулей роковой» — там же, 1915, № 37) сохранился благодарный отклик читательницы, потерявшей на фронте сына (ГЛМ, там же, № 228).

После Окт. революции М. нек-рое время продолжал работать в Большом т-ре. Член Об-ва молодой лит-ры и иск-ва (1918—19), в нач. 20-х гг. чл. Всерос. союза поэтов, лит. объединений «Моск. цех поэтов», «Лит. особняк», «Никитинские субботники», «Неоклассики». Входил в 1919—22 вместе с М. А. Осоргиным, Н. А. Бердяевым, А. К. Дживелеговым и др. в число пайщиков Моск. Книжной Лавки писателей, где одной из форм непосредств. общения писателя и читателя было создание и распространение рукоп. книжечек (см.: Богомолов Н. А., Шумихин С. В., Книжная Лавка писателей и автографич. издания 1919—1922 гг. — В кн.: Ново-Басманная, 19, М., 1990, с. 85). Печатался в сб-ках: «Плетень» (П., 1921), «Лирика» (сб. 1—2, М., 1922), «Альманах „Лит. особняк“» (№ 1, М., 1922), «Стык» (М., 1925) и др. В стихах этих лет преобладает интимная лирика, в к-рой М. осн. внимание уделяет совершенствованию формы (ср. его более позднее высказывание: «Не так важно, что хотел сказать поэт ... а то, как он это выполнил» — ГЛМ, там же, № 61, л. 5), добиваясь ритмич. выразительности и метафоричности: «И в густой, как любовь/ И в тягучей, как ревность, воде/ Золотым пауком/ Осторожно звезда шевелилась» (сб. «Прохлада», М., 1926, с. 51). О повышенном внимании М. к стихотв. технике свидетельствует и письмо к В. Я. Брюсову от 30 мая 1919 (РГБ, ф. 386, к. 95, № 4), где, направляя мэтру на отзыв посв. ему сонет-акrostих, М. интересуется прежде всего его мнением о «технич. стороне» произв. Брюсов признавал лит. дарование М., ср. строки из его стих. «Первый привет», посв. М.: «Зов заветный слышал в полумраке/ Голос Музы, — над путем росистым ...» (1919) (Брюсов В., Собр. соч., т. 3, М., 1974, с. 394), однако сама ориентация М. и его друзей по лит. группировке «Неоклассики» — В. А. Гиляровского, Н. Л. Манухиной, С. А. Укше, А. А. Чумаченко и др. — была Брюсову чужда, поскольку они возвращали, по его мнению, «технику стиха к досимволич. временам, к самому темному периоду, ... к 80-м годам» [Брюсов (2), с. 644].

Заметная лит. активность М. в 1-й пол. 1920-х гг. сменяется постепен-

ным уходом со страниц печати в дом. кружок («И упорно Музы краснолицы,/ Оттесняя белокожих нас/ При поддержке чуть ли не милиции/ Все коммуной лезут на Парнас...» — из рукоп. кн. «Совершенные стихи. 1919—1958» — ГЛМ, там же, № 61, л. 45 об.), что было вызвано не только нежеланием выполнять «социальный заказ», но и попытками протестовать, хотя бы на маргинальном уровне (см., напр., сатирич. стихи и эпиграммы, в т. ч. на И. Уткина — «Ответ живописной лахудры» — там же, л. 63, и В. Маяковского — «Сажанный рост, фигура Геркулеса ...» — там же, № 91, л. 77 об.).

В 1928—30 М. был женат на Софье Ал-др. Богодуровой, племяннице Б. А. Садовского, с к-рым его связывали дружеские отношения; о последнем свидетельствует, в частности, сохранившийся список шутильной поэмы Садовского «Нэти» (ГЛМ, там же, № 64), где воссоздана атмосфера вечеров на квартире А. И. Худяковой, вдовы проф. Н. Н. Худякова (выведена под именем Нэти); среди персонажей поэмы также литераторы Н. П. Оболенская (Хабас), Е. Сокол, И. С. Рукавишников, юрист М. Л. Мандельштам и др. В авг. 1929 М. был арестован с конфискацией ряда стих. и провел 2 месяца в Бутырской тюрьме; после освобождения устроился на работу во Всехимпром, в 1930-х гг. служил в Планзо и Могизе. Продолжал писать стихи, к-рые читал в кругу знакомых и друзей, в большинстве своем, подобно М., вытесненных на обочину лит-ры (Б. М. Зубакин, С. Е. Нельдихен, В. И. Вольпин, В. А. Бутягина, Н. П. Кугушева-Сивачева и др.). Часть стихотворений, в особенности вошедших в рукоп. кн. «Ультяфиолетовые стихи» (ГЛМ, там же, № 64), проникнута острым неприятием порядков, установившихся в «стране холопов и секретарей» в «преддверии социализма» («Если гнусно так в преддверии./ То за дверь какое ж?!»). Включенный в сб-к цикл эротич. стихов отмечен раскрепощенностью в описании любовных сцен, зачастую переходящей в явную безвкусицу. Сохранившийся в архиве М. рукоп. альбом содержит более 100 записей, сделанных литераторами из окружения М., в т. ч. шуточных стих., посвящений, экспромтов. Наличие в альбоме поэтич. переключек, реминисценций, явных и скрытых намеков свидетельствует не только о дружеских связях литераторов и реалиях лит. быта, но говорит о том, что «альбомное» творчество в жизни изгоев сов. литературы было большим, нежели просто вид лит. игры.

Во время Великой Отеч. войны 1941—45 М. работал на фабрике, откуда в апр. 1944 попал в тюрьму за

самовольное оставление рабочего места. После годичного заключения нигде не работал. Перенес инфаркт. Сразу после войны женился на Зое Евг. Сотниковой, дочери художника Е. М. Сотникова. В марте 1953 вновь был арестован и приговорен к 10 годам заключения по статье 58¹⁰ ч. 1 УПК РСФСР за «чтение антисов. стихов и клевету на сов. власть». Наказание отбывал в лагерях Петропавловска-Камчатского, Семипалатинска и Актюбинска. В сент. 1955 был освобожден, однако проживал «на 101-м километре» (г. Малоярославец), где продолжал писать стихи и восстанавливать по памяти конфискованные при последнем аресте. Собственноручно, как в молодые годы, изготавливал рукоп. книжки. В 1966 М. было разрешено проживание в Москве. В 1990 посмертно реабилитирован.

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Евтушенко Е., Стихотворения. Антология рус. поэзии, Минск—М., 1995 (ук.; в биогр. справке неточности).

Лит.: Дынин В., Право на песню. — «Красная Новь», 1926, № 12. — Писатели совр. эпохи (1; неверно указан год рождения М.).

Архивы: ГЛМ, ф. 383; ЦА ФСБ РФ, д. Р—14858 (1929 г.); Р—39308 (1953 г.).

А. А. Кеда.

МИНСКИЙ Николай Максимович [наст. фам. Виленкин; 15(27).1.1856*, с. Глубокое Вилен. губ. — 2.7.1937, Париж; похоронен на кладб. Пер-Лашез], поэт, драматург, философ, публицист, переводчик. Из бедной еврейской семьи; рано осиротел (по свидетельству, восходящему к самому М., был усыновлен неким

вым и З. А. Венгеровой. С 1877 в гражд. браке с Ю. И. Безродной (в 1882, приняв православие, обвенчался с ней; в 1886 развелся). На рубеже 1880-х гг. полтора года прожил в Париже и Италии в качестве учителя детей изв. банкира, обществ. деятеля и филантропа барона Г. О. Гинцбурга, с к-рым впоследствии был связан деловыми отношениями. До первой рус. революции жил в Петербурге, часто бывая в Зап. Европе; в 1888 совершил путешествие в Палестину. Числился присяжным поверенным округа Петерб. судебной палаты (в 1880-е гг.), почти не практикуя как адвокат. Позднее служил архивариусом в Русском для внеш. торговли банке.

Первые выявленные публ. М. — стих. «Сон славянина» (НВ, 1876, 12 сент.) и поэма «На родине» (ВЕ, 1877, № 1) — были отмечены сочувствием к освободит. борьбе Болгарии против тур. гнета и вместе с тем скептич. рефлексией по поводу иллюзий «славянского братства» (рать славян, идущую на выручку погибающим болгарам, в поэме «видит» слепец). Сильнейшим в его стихах тех лет (см., напр., цикл стих., опубл. в «Вест. Европы», 1877, № 2) оказался мотив разлада идеала и действительности, окрашенный в тона «гейнеанской» иронии: «Мечты святые я учился / Скрывать от глупого суда, / И так при этом изловчился, / Что схоронил их навсегда» («От глаз насмешливое-холодных» — там же). Единодушное сочувствие дебют М. получил со стороны лит. поколения сороковых годов: И. А. Гончаров «пришел в восторг» от поэмы «На родине» и рекомендовал ее М. М. Стасюлевичу (см. в кн.: Венгеров. Лит.-ра 20 в., I, с. 358; отзывы К. Д. Кавелина, И. С. Тургенева, П. В. Анненкова см.: Стасюлевич, II, 153; III, 115, 338).

Впоследствии М. никогда не перепечатывал немногочисл. произв. 1876—77, предпочитая связывать свою поэтич. путь «из мрака к свету» (по назв. сб.-ка стих. 1922) прямо с традицией лирики «гражд. скорби», в к-рой, по его позднейшим словам, «царили Некрасов и Плещеев» и преобладала имевшая морально обязывающий характер «боль любви, сгорания своей личности на костре любви — к народу, к человечеству и, в сущности, ни к кому» ([О себе] — «Новая рус. книга», Б., 1922, № 8, с. 40). Начиная с 1878 лирич. герой «раннего М.» отчетливо вписывается в социально-психол. контекст эпохи: это рефлектирующий разночинец-интеллигент «большого поколения», для к-рого народнич. идеалы, сохранив свое обаяние и моральную власть, утратили ореол безусловной истины. Особенно в поэме «Белые ночи» (ВЕ, 1879, № 11,

в сб. 1887 — с посвящением Венгерову; благосклонный отзыв Тургенева см.: Тургенев. Письма, XII, кн. 2, с. 170) в контрастном освещении петерб. «белых ночей» и «черных дней» ясна его роковая раздвоенность — императив «правды» рев. народничества и томящее ощущение ее недостаточности: «Этот свет без светил. / Без звезд небеса, тяжкий сон без видений... / Без тайн красота, жизнь без жизненных сил» (С. Я. Надсон: «Какие это прекрасные, полные простоты и искренности стихи!» — В его кн.: Проза. Дневники. Письма, СПб., 1912, с. 331). Новацией М. в рамках образно-тематич. системы народнич. поэзии стал сильно акцентированный мотив «таинственного народа», народа-«сфинкса», как бы воспроизводящего в себе раздвоенность лирич. героя: народа — страдательной жертвы (как у большинства «гражд.» лириков), но и вместе с тем — темной стихии, «грозной загадки» [поэма «Песни о родине» (песни 1-я — 3-я — РМ, 1882, № 10; полностью — «Стихотворения» (1887)]. Мучит. драм. коллизия отношений лирич. «я» с народом и «родиною несчастной», образующая внутр. сюжет стих. М. «В деревне» (1878), «На чужом пиру» (1880), «Песен о родине» и мн. др., не могла разрешиться только в духе традиции. «народолюбия». Потребность в высшем оправдании земной «правды» наряду с вопрошанием «небес» о страданиях родины и народа, т. е. в возведении на религ. уровень антиномий, неразрешимых на уровне психологии, впервые проявляется у М. в поэме «Последняя исповедь», опубл. в нелегальной газ. «Нар. воля» (1879, 1 окт.; 6. п., посв. «казненным»); вошла в «Полное собр. стихотворений», т. 1; перепечатана в кн.: Лит.-ра партии «Нар. воля», М., 1930) и подкасававшей И. Е. Репину замысел картины «Отказ от исповеди» (1879—85), подаренной им поэту (Грабарь И., Репин, т. 1, М., 1963, с. 247, 323).

Гл. обр. своей чуткостью к нравств. конфликтности народнич. эпохи, к проблематике совести и жертвы «правдива до фотографичности» мартирологии рус. духа» (Полонский, с. 374) в поэзии М. снижала ему к нач. 1880-х гг. широкую популярность: он с неизменным успехом выступает на лит.-муз. вечерах, сотрудничает (помимо «Вест. Европы») в ж. «Рус. мысль», «Книжки „Недели“», «Устои», «Новь», бывает на «пятницах» Я. П. Полонского, на вечерах у Репина, баронессы В. И. Искуль фон Гильдебрандт, А. А. Давыдовой и др.; среди его знакомых весь лит. Петербург — от Н. А. Лейкина до Н. К. Михайловского, из наиб. близких — Надсон и В. М. Гаршин.

Виленкиным — Мильтон, с. 155). Вырос и получил воспитание в Минске (отсюда псевдоним), в 1875 окончил Минскую г-зию (зол. медаль), где хорошо изучил др.-греч. и неск. зап.-европ. языков. В 1875 поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та, окончил в 1879, в марте 1880 утвержден в степени кандидата прав (РГИА, ф. 776, оп. 1, д. 1993). Все время учения содержал себя частными уроками. Студентом подружился с С. А. Венгеровым

Однако не только изыскательный морализм, но и присущий М. рационализм проявляются в его публицистических статьях 1879—80, в «органе рус. сариса» — еженед. «Рассвет». М. писал, в частности, о необходимости для сариса «слияния» с рус. народом (1879, № 1, стб. 36) и образования «сословия сарисских эмигрантов» как средства изжить т. н. сарисский вопрос (1879, № 11, стб. 434); изображал А. С. Суворину по вопросу о роли сариса в рус. движении, к-рую объяснял органич. связью сариса с рус. обществом, реагирующих на его «сильное сотрясение» (там же, 1880, № 10, стб. 398; подробнее в кн. М. «На общественные темы», с. 56—61). В «Рассвете», вспоминая Г. Б. Слюзберг, М. «был писатель сарис, но не сарисский писатель», т. е. «будил чувства, обычные для всей интеллигенции» (в его кн.: Дела давно минувших дней. Записки рус. сариса, т. 1, Париж, 1933, с. 122).

Рыхлая эклектичность ранней поэтики М., фундирующей основой к-рой был «некрасовский стих без некрасовской мощи» (Блок, V, 280), не исключала чужеродных элементов в сюжетных мотивах и поэтич. интонации, напр. отвлеченного «космогонизма» (см.: «Солнце. Сцена из поэмы о мироздании» — ВЕ, 1880, № 5), подсказанного, очевидно, стойким интересом к религиям и «отреченным» учениям древности. Пребывание М. в Италии вызвало в его стихотворениях появление весталок, алтарей и т. п. «бутафории» культурно-ист. аллгоризма, не всегда стилистически выдержанного (напр., антич. сюжет «смерти Кая Гракха» М. трактует «в стиле эпохи т. н. ложно-классицизма» — Оболенский, с. 203) и обнаруживающего аналогии в живописи Г. И. Семирадского. В стихе же М. присутствуют фофановская мелодичность: «Сны беззаботные, / Сны мимолетные / Снятся лишь раз» («Серенада», 1879), отзвуки прозаизированной стихотв. речи К. К. Случевского и т. д. Эта «бесстильность» ранних вещей М. может, видимо, считаться знаком его будущей непредсказуемой эволюции.

Поэтич. облик М., не соответствовавший эстетич. аскезе поэтов рев. народничества, вызывал явную неприязнь к нему в среде, близкой к «Нар. воле». В позднейшем — уничижительном — обзоре творч. пути М. как одного из гл. виновников «насаждения „черных роз“» декадентства в рус. лит-ре П. Ф. Якубович (Мельшин) писал, что его чуждость вытекала из одного факта его сотрудничества в либеральном «Вест. Европы», а не в радикальных «Отч. зап.», где он не печатался ни разу (Мельшин, с. 272, 282). Репутацию «чужака» не изменили и ценз. преследования, выпавшие на долю М.: его сб. «Стихотворения» (1883), выпущенный «без предварит. цензур», был уничтожен за «тенденциозное содержание»; установл. за М. негласный надзор снят в февр. 1885 (ГАРФ, ф. 102, 3-е д-во, 1903 г., д. 1341; 7-е д-во, 1906 г., д. 2291, 1913 г., д. 5, ч. 73, д. 7 — справка Е. А. Чирковой); М. вспоминал:

«министр (внутр. дел) Д. А. Толстой вызвал меня, кричал и топал на меня ногами» — [О себе], с. 40 (см. также в кн.: Добровольский Л. М., Запрещенная книга в России. 1825—1904, М., 1962, с. 146). В мае 1884 Комитет духовной цензуры запретил принятую в «Вест. Европы» поэму «Гефсиманская ночь», продолжав-

ления удушающей обществ. атмосфере. «Думаю, что сарисе все-таки теперь лучше (о нашем поколении говорю), чем русскому», — писал ему Гаршин 10 дек. 1881, и М. был от этого письма «в восторге» (см.: Гаршин, с. 231, 240). Стоич. героиней одинокого «я» проникнута стихотв. драма из эпохи Богдана Хмельницкого «Осведа Тульчина» («Восход», 1888, № 1/2), насыщенная аллюзиями на сарисские погромы в России после царствования 1 марта 1881. — М. закончил ее в 1883 и широко читал в петерб. лит. салонах (одобрит. отклик в письме Гаршина Над-

В. М. Гаршин, И. И. Ясинский, Н. М. Минский. Киев. 1884.

шую линию «Последней исповеди» (под назв. «Искушение» опубли.: «Пушкинский сб.», СПб., 1899), — как соч., расходящееся с «евангельским сказанием о последних днях земной жизни Христа Спасителя» и с «недостойными» его «величия и святости» поэтич. образами (цит. по кн.: Поэты 1880—1890, с. 647); поэма стала еще одним свидетельством отчуждения М. от ортодоксального народничества. Поэма широко распространялась в списках (см. отзыв Кавелина: Стасюлевич, II, 178—179), позднее Б. Б. Глинский, сокрушаясь о декадентском «превращении» М., вспоминал: «всякий передовой студент считал долгом иметь в своей библиотеке рукописный экземпляр „Гефсиманского сада“» (ИБ, 1896, № 2, с. 631).

С др. стороны, и друзья М., особенно Гаршин, вместе с ним не видели выхода из тупика наступающего безвременья, отчасти отделив себя от М., усматривая в его «инородстве» отсутствующую у них опору для внутр. сопротив-

сону, новб. 1883: Гаршин, с. 304). Из письма И. И. Ясинскому от 18 февр. 1884 видно, что М. совершенно осознанно относился к своему обособленному положению в текущей лит-ре; оговаривая, что не разделяет «взгляда на читателей, как толпу», М. писал: «все-таки считаю, что мои чувства должны оставаться чуждыми для толпы, что я живу если не на высоте, то все-таки в каком-то замкнутом мире, из которого у меня нет ни желаний, ни возможности выйти» (РНБ, ф. 901, оп. 3, № 535, л. 1).

Переход М. на позицию т. н. «эстетизма» относят к 1884, когда под впечатлением от «Исповеди» Л. Н. Толстого (понятой им, в частности, как проповедь утилитарной эстетики) он инспирировал совм. с Ясинским полемику в киев. газ. «Заря» «о границах лит.-худож. и науч. знания», к-рую завершил статьей «Старинный спор» (29 авг.). Здесь, не отрицая связи худож. деятельности с насущной жизненной проблематикой, ее этич. содержания и «учительской» роли, М. утверждает и аргументирует автономность иск-ва: поэзия, в отличие от науки, «творит новую

природу», не «поучает», как думает Толстой, но создает действительность, к-рая «живее» той, что существует «на самом деле». Иск-во формирует поведенч. модели (идеалы), служащие нам «как бы образами», но эта его жизне- и преобразующая функция невозможна без «эстетич. наслаждения» и «красоты». Статья М. — первая декларация «эстетизма» в рус. лит-ре, близкого символистскому, но не идентичного с ним (подробнее об этом, а также о месте «Старинного спора» в рус. культурной традиции см.: Минц). С т. з. высказанного кредо М. предпринял разбор поэзии Надсона («Новь», 1885, № 11), на примере к-рой произвел, по сути, расчет и с собств. психологизированно-морализирующей поэтикой, что возмутило друзей Надсона и вскоре привело к разрыву отношений М. с ним и Гаршиным.

В 1914 М. публикует ст. «Зап. книжка Надсона» («День», 6 апр.), где, ссылаясь на варианты стихотв. текстов в записной книжке, переданной ему Надсоном в 1884, обвинит (бесосновательно) редакторов его посмертных изданий в тенденциозном упрощении его поэтик. Облика. Резкое последовавшее полемика показала, насколько глубоко был пронизан в 1885 разрыв М. с литераторами радикального лагеря: А. В. Пешконов писал о повторной попытке М. «сташить с пьедестала» Надсона — РБед, 1914, 9 апр.; см. также: М. Ватсон — «День», 1914, 10 апр.; ответ М. Пешконову и Ватсон — РБед, 1914, 18 апр.; Ф. Д. Батюшков — «Речь», 1914, 5 мая (ИРЛИ, ф. 402 М. В. Ватсон), оп. 1, № 34, оп. 2, № 10, 357 — в т. ч. два письма М. к Ватсон от 1888).

Годы 1886—90 («вторая жизнь»), сопровождавшие возрастающей духовной изоляцией, М. позднее назовет лучшими в своей жизни (Юсебе), с. 41; ср. в стихах: «Средь одиночества, наставшего нежданно, / В душе моей затих желаний бред и шум, / И отблеск неземной упал на путь туманный»). В эти годы М. работал над своим осн. филос. произв. — трактатом «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890, 1897). Д. С. Мережковский в кн. «О причинах упадка и новых течениях совр. рус. лит-ры» (1893) назвал его «странным вымыслом поэта, оригинальным возрождением пламенного гностицизма древней Александрии III и IV веков в современном Петербурге, между Бурениным и Скабичевским» и засвидетельствовал, что сказавшаяся в нем духовная эволюция М. — результат «глубоко современного перерождения, хорошо знакомого людям 80-х годов» (Мережковский Д. С., ПСС, т. 18, М., 1914, с. 264). В ярких мифопоэтич. образах, далеких от филос. строгости, М. выразил свою глубокую уверенность в том, что совр. человек и культура пребывают во всеобъемлющем кризисе, вызванном утратой ощущения осмысленности жизни; он попытался передать смутный, в т. ч. мистич., опыт совр. души, не противореча при этом уста-

новкам «положит. знания» (в чем, в частности, проявилась устойчивая потребность умственного склада М. в «рационализации иррационального»; мистика М. — «это не мистическое а priori, а мистическое а posteriori» — Полонский, с. 388, 396). В качестве «выхода» М. предлагал собств. филос. теорию «меонизма» (от греч. τὸ μὴ εἶναι — несуществующее) — своего рода «религию небытия», вобравшую в себя в причудливых сочетаниях идеи христ. антропологии, нем. филос. «волюнтаризма» (гл. обр. А. Шопенгауэра и Ф. Ницше) и отд. положения вост. мистики. В ист. перспективе она представляется хронологически первой манифестацией рус. религ. модернизма, типологически сходной с «новым христианством» Мережковского и в нек-рых чертах с религ.-философскими построениями В. В. Розанова.

В менее литературно яркой, но более систематизированной форме М. изложил свое понимание меонизма в кн. «Религия будущего. Филос. разговоры» (СПб., 1905; под назв. «Филос. разговоры» печаталась в ж. «Мир искусства», 1901—03), где отказывался от непосредств. веры в Бога как фундаментального, решающего фактора религ. мироощущения в совр. мире (борьба между «критич. мыслью» и «чувством веры», по М., сопровождала всю историю христианства). Замену богочеловечества человекобожеством М. считал свершившимся фактом совр. духовного развития и «спасение» видел в том, чтобы овладеть «мистич. познанием» без веры, что, по его мнению, вполне возможно: в отличие от «чувства веры» (детского «райского» состояния души) «религ. чувство» врождено человеку и неистребимо в нем.

Задача меонизма состоит в том, чтобы «подглядеть в душе возникновение... мистич. зари, узнать не то, в чем заключается вечное, а то, как вечное открывается во временном» (с. 16—17). Достичь этого можно двояким образом: как путем максимального удовлетворения запросов личности (Ницше), так и путем отречения от них (Л. Толстой). Оба пути «священнодейственны» и призваны переродить совр. мораль, т. е. освятить потребности (чувственные, житейские), или — другой путь — «вести в практику жизни идеал отречения» (с. 147).

Т. к. меонизм не нова объективная истина и не «есна одна религия», а «легенда», постигаемая во внутр. откровении, «бесзымянное сдвинуте от человеческого разума» (с. 25), по сути, упраздняющее веру в Бога как безусловную высшую реальность, он предполагает сознательно культивируемый индивидуализм — культ духовного «я» и «вселяющую любовь» к нему: эта любовь, с т. з. М., «проникает собою все заповеди и н-горной проповеди, к-рыс поверхностному взору кажутся вершиной любви к ближнему»

(с. 256). Т. о., меонизм М. претендует и на прересмотр осн. постулатов традиц. христианства.

Кн. «При свете совести» вызвала хотя и чрезвычайно заинтересованную, но преим. негативную реакцию. «Замечательно сильно начало. Отрицан(ие), но положит(ельное) ужасно. Это даже не бред, а сумасшествие» (из дневника Л. Толстого, 31 дек. 1889 — Л., 190; ср. в его письме В. Г. Черткову, написанном в тот же день: «есть много мест поразительных по силе, искренности и красоте выражения. Я чувствую, кроме того, родственность взглядов с собою» — LXXXVI, 284). Вл. С. Соловьев опровергал исходный тезис М. об эгоизме как единств., хотя и осуждаемом собою, мотиве человеческого поведения (альтруизм, по М., лишь рафинированная форма эгоизма), теорию же меонов (т. е. образов тотального несуществования вещей) назвал «диалектич. абракадабром», а саму книгу «интересным психопатологич. этюдом» (ВЕ, 1890, № 3, с. 441, 437; то же — Собр. соч., т. 6, СПб., 1912). А. Л. Волынский, также указывая на несостоятельность мн. построений М., не принимал и его апелляцию к «совести»: М. говорит от лица духовно и нравственно ушедших людей совр. поколений: «свет этой совести хуже всякой тьмы...» (СВ, 1890, № 2, отд. II, с. 105).

Впрочем, книга М. встречала и безоговорочное признание. Восхищенные Л. Е. Оболенского вызвала «трагизацией» аллегорич. картина «последнего суда совести», а меонизм он назвал «блестящей концепцией непознаваемого» (РБ, 1890, № 1, с. 123, 133). Более многочисленными были отклики на 2-е изд. книги (всё — 1897): Л. С. (Л. З. Слонимский) — ВЕ, № 7; «Науч. обзор», № 1; (М. Ф.) Супераский — ИВ, № 5; «Неделя», № 5; РБед, 27 апр.; М. Белинский (И. И. Ясинский) — БВед, 5 янв.

Позднее, когда меонизм уже утвердился в умств. обиходе рус. общества, Л. Галич (Л. Е. Габрилович) смог заявить, что, невзирая на очевидные недочеты, это все-таки лишь вторая, после соловьевской, «метафизич. система, рожденная в России» («Новости и бирж. глз», 1904, 15 нояб.; ср.: Чулков, с. 129). Совместно откликнулся на «Религию будущего» Розанов — ст. «Одна из русских поэтико-филос. концепций» (ЗР, 1906, № 79); отыскив «героич.» характер нек-рых положений М., он заключал: «... это не тупой, бесчувственный стоицизм и не мертвый буддизм. Здесь есть движение, горение: это — не только схема ума, но и мотив наших „сегодняш“ и „завтра“» (с. 149).

В стих. М. меонич. мотивы появляются во 2-й пол. 80-х гг.: «Как сон, пройду дела и помыслы людей...» (1886; А. А. Блок приписал его к «лучшим» у М.; выделив в тексте слова «сам себе мираж создал», заметил: «этому неземному лозунгу изверившегося в земное человека можно поверить» — Блок, V, 284; ср. оценку Волынского — СВ, 1886, № 2, с. 74), «На кладбище», «Над могилой В. Гаршина» (оба — 1889). В откликах на сб. «Стихотворения» (1887; 2-е изд., 1888; 3-е, 1896; все — СПб.; репринт 3-го изд.: Мюнхен, 1977) сложилось быстро ставшее общим местом мнение о «риторичности» поэтик. языка М., однозначно рассматриваемой как недостаток (см., напр.: Говоров К. (Медведский К. П.), Совр. поэты. Критич. очерки, СПб., 1889, с. 179—80; Миллер). К. К. Арсеньев первым указал, что у М. «некоторый подъем речи является естественным ... результатом подъема мысли» (Арсеньев, с. 127). «Интеллектуализированность» его поэзии ощущается почти каждым, пишущим о М., причем, в зависимости от угла зрения критика, она воспри-

нимается то как эстетически нейтральная («поэт мысли» — Мережковский, ук. соч., с. 263), то как свидетельствующая о худож. худосочии («Минский не поэт...», «... Минский — резонер» — Пильский, с. 62, 65), а иногда привлекает внимание возможностью особой поэтич. выразительности (М. «не лирик», зато в его стихотворениях — «оригинальная поэзия ... поэзия ума» — Чуковский К., Заметки читателя. О г. Минском. — «Одес. новости», 1905, 1, 4 февр.).

В 1890-х гг. М. возвращается к деятельному участию в лит. жизни, существенно изменяется его лит. среда. Разнообразные и сложные отношения складываются у него с Мережковским, З. Н. Гиппиус, Ф. Сологубом, Вольнским. Вспоминая М. этого периода, П. М. Пильский писал: «От него веяло и еще некоторым высокомерием, колочей самовлюбленностью. Минский кокетничал. Своих литературных гостей он принимал в комнате, обитой кругом сушками или коврами. Минскому нравилось чувствовать и изображать себя оргинстом», женщинам «он импонировал своей осанкой и проповедью заморозженной холодности, и в большой моде были его стихи „Холодные слова“ и еще „Белые ночи“. Их знали наизусть» («Сегодня», 1937, № 188).

С М. был связан один из мучит. метафизич. романов Гиппиус (см. ее зап. «Contes d'amour» — «Возрождение», Париж, 1969, № 211, и письма к М. 1890-х гг. — ИРЛИ, ф. 34, № 205), отразившийся в ее стих. «Иди за мной» (1895), «Любовь — одна» (стих. 1896 и 1913) и др. (см. об этом в кн.: Гиппиус З. Н., Сочинения. Стихотворения. Проза, Л., 1991, с. 610—12, 630; комм. К. М. Азодовского и А. В. Лаврова), М. выведен в образ «демонич.» учителя Звягина в ее ром. «Златоцвет» (1896). Иден и личность Гиппиус претворились в центр. образе пьесы М. «Альма» и нек-рых его стихах сб-ка 1896.

М. становится сотрудником (с осени 1895 — секр. ред.) ж. «Сев. вест.» Вольнского и Л. Я. Гуревича (посещая ее журфиксы), где печатаются его стих. и поэмы «Свет правды. Индийская легенда» (1892, № 12), «Город смерти» (1894, № 11), «Холодные слова. Рождественская фантазия» (1896, № 1), «У отшельника» (1896, № 2), — в них варьируются различные мотивы мезонич. «легенды», а в стилистич. отношении они несут следы внимат. чтения франц. символизма, Г. Ибсена, М. Метерлинка, к-рых М. узнал раньше и лучше, чем кто-либо из первых рус. «декадентов». С Ибсеном и Метерлинком у М. связывается представление об «истинном символизме», противопоставляемом «ложному символизму декаданса» [СВ, 1897, № 1, с. 76; см. также его кн. «Генрих Ибсен» (СПб., 1897); перечень рец. — Муратова, (2)].

В это же время М. занят переводом «Илиады» Гомера (опубл. в 1896; 2-е изд., 1909; оба — СПб.; перизд.: М., 1935; см. ст. М.

«Идея „Илиады“» — СВ, 1896, № 5); этот опыт более доступного перевода Гомера не был оставлен без внимания (реп.: РБ, 1896, № 6; А. Б. (А. И. Богданович) — МБ, 1896, № 5; С. Соболевский — ЖМНП, 1911, № 4). М. переводил также П. Б. Шелли (стихотворения, поэма «Аластор»), Дж. Байрона («Еврейские мелодии», «Сон») и др. авторов (переводы вошли в 3-й том «Полн. собр. стих.», ром. «Саламбо» Ф. Флобера (1913), комедию Аристофана «Лиси-страта» (1922), нек-рые пьесы Мольера и У. Шекспира).

Лит. событием стала публ. пьесы М. «Альма. Трагедия из совр. жизни» (СПб., 1900, 1909), отмеченная влиянием «Слепых» Метерлинка [обзор многочисл. откликов см. в кн.: Рус. лит-ра (1), с. 456—57]. В ее основе новый в рус. лит-ре внутр. конфликт: молодая красивая женщина в своем стремлении к красоте, бесконечному и сверхличному, последовательно убивает в себе все жизненные инстинкты, уходит в приют для прокаженных, где, заразившись, погибает, отравленная подругой, желавшей избавить ее от страданий. (Ср. интерпретацию сходного жен. типа в предвещающем замысел пьесы стих. «Портрет», 1896: «Ей чудно было все, что мир зовет стыдливой./ И в мире не признав святого ничего./ Она лишь в красоте ценила божество./ И грех казался ей не злым, а некрасивым.») «Альма», при реалистич. фактурности сюжетного описания, стоит в ряду самых заметных произв. раннего рус. символизма (Брюсов, «про себя» оценивавший ее невысоко, писал И. Коневскому в апр. 1900: «в разговорах я прославляю эту драму» — ЛН, т. 98, кн. 1, с. 489). Вместе с тем драма явилась последней эстетически значимой вещью М.; как творч. потенциал М., так и интерпретационные возможности меонизма (здесь его поэтич. «переложение» наиб. удалось М.) вместе с этой пьесой исчерпываются. По словам Гиппиус, «свобода, та, к которой шла Альма — Психея Минского, не путь к Богу, т. е. не движение, а стояние перед Богом. Стояние в смерти, в „нет“ бесконечном, ибо во всякой неподвижности — бесконечность» (МИ, 1900, № 17/18, с. 93).

То же значение идейно-худож. кульминации, исчерпывающей своеобразие М.-поэта, имел его сб. «Новые песни» [СПб., 1901; многочисл. рец. см.: Муратова (2)] — одно из ярких достижений филос. лирики символизма. «Одиночество», индивидуализм «в его неприимной форме» [Андреевич (Е. А. Соловьев) — «Жизнь», 1901, № 3, с. 232] интерпретированы здесь с нарочитым бесстрастием, в «холодных словах», освобожденных от психол. коннотаций, ради единой истины, предносящейся поэту («Кто Бога узрит, тот умрет./ Кто зряч, тот видит только Бога» — «Кто Бога узрит...») и рисующей перспективу некой новой

религии, снимающей проблему этич. выбора: «Нет двух путей добра и зла./ Есть два пути добра./ Меня свобода привела/ К распутию в час утра./ И так сказала: две тропы./ Две правды, два добра./ Их выбор — мука для толпы./ Для мудреца — игра» («Два пути», 1901; ср.: «Я в своей литературной деятельности преследую одну единственную цель — сделать возможным, хотя бы в теории, хотя бы в далеком будущем, новые религиозные отношения между людьми» — письмо Ф. Д. Батюшкову от 18 нояб. 1912 — РНБ, ф. 51, № 19, л. 2). В 1904 выходит «Полное собр. стихотворений» (на т. л. — 4-е изд., т. 1, СПб.).

В 1901—03 М. вместе с Мережковским, Гиппиус, Розановым и др. выступает инициатором и активным участником Религ.-филос. собраний в Петербурге (доклад «О свободе религ. совести», СПб., 1902), много печатается в ж. «Новый путь»: статьи «Двуединство нравств. идеала», «„Новый путь“ и „путь сатанинский“» (обе — 1903, № 4), «Справедливость и праведность» (1904, № 3) и др. Среди написанных в 1-й пол. 1900-х гг. работ — «Фридрих Нитче» (МИ, 1900, № 4), «О двух путях добра» (СЦ на 1903 г., М., 1903), «Нравств. проблема наших дней» («Весь», 1904, № 12; с последней статьей — лекцией — М. ездил в 1905 по России — РГИА, ф. 1405). Помимо салона Мережковских М. посещал «пятницы» К. К. Случевского (1899—1903) и сам в 1900-е гг. вместе с женой Л. Н. Вилькиной, разделявшей мистич. увлечения М., «декаденткой» по настроению и стилю поведения, устраивает в своей квартире изв. лит. салон (Н. А. Бердяев с «неприятным чувством» вспоминал, как однажды наблюдал «дионисический» хоровод М., Розанова, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба и др., — см. в его кн.: Самопознание. Опыт филос. автобиографии, М., 1991, с. 157; ср. с дошедшими до Гиппиус слухами о «радении» у М. с причащением кровью — Гиппиус З. Н., Стихотворения. Живые лица, М., 1991, с. 344; см. также: с. 329, 345, 362—63 и комм. Н. А. Богомолова: с. 415—16, 420—21; о «жертвенном» образе в салоне М. в 1905 — в кн.: Рус. рев. движение и проблемы развития лит-ры, Л., 1989, с. 178—79; Блок, VIII, 124—25).

К 1905 М. переживает увлечение рев. настроениями, осенью 1905 (при посредстве М. Горького) становится ред.-издателем газ. «Новая жизнь» (кон. октября — 2 дек.), первого легального органа социал-демократии (с ноября идейное руководство газетой осуществлял В. И. Ленин). В условиях поднимающейся революции М. чувствует себя «ставленником пролетариата» (Кугель А. Р., Ли-

стыя с дерева. Восп., Л., 1926, с. 176), 13 нояб. печатает стих. «Гимн рабочим» («Пролетарии всех стран соединяйтесь! Наша сила, наша воля, наша власть») — в том же номере «Новой жизни», где появляется ленинская ст. «Партийная организация и партийная литература». М. был арестован, ему предъявлено неск. обвинений (в т. ч. за публикацию программы РСДРП и др. мат-лов как «содержащих оскорбл. неуважение к верховной власти» и «возбуждавших к усилению бунтовческих действий» — РГИА). Через неск. дней выпущен под залог в 10000 руб. 8 дек. 1905 М. нелегально выехал за границу. (Подробно «новожизненский» эпизод описан в восп. сотрудников газеты в кн.: «Новая жизнь». Первая легальная социал-демокр. большевистская газета. Полный текст под ред. и с предисл. М. Ольминского, в. 1, Л., 1925; см. также: Мейлах Б., Символы: см. также: 1905 г. — ЛН, т. 27/28.) Т. з. круга Мережковских на инцидент высказал Д. В. Философов в ст. «История одного легкомыслия»: М. «пытался привить меонизм к социализму и бежал за границу, не сохранив на родине ни связей, ни симпатий». Эту «трагич.» ситуацию он создал сам: «ради газеты Ленин и Горький могли пойти на словесное признание всякого „меонизма“». Нужно было не понимать и не уважать эти «крупные фигуры», чтобы рассчитывать, что «в такое время» они «преисполнятся его идеями» («Наша жизнь», 1906, 30 марта; отклик Мережковского — в письме Вилькиной от 14 нояб. 1905 — Ежегодник РО ПД. 1991, СПб., 1994, с. 231—33).

Поселился в дек. 1905 в Париже. М. становится корреспондентом газ. «Бирж. вед.», «Совр. слово», а также «Русь» (здесь опубли. «Историю моего редакторства» — 1906, 12—13 марта) и, позднее, «Утро России», в к-рых, как и в последующих публ. работах, по собств. признанию (РГИА), говорил о «враждебности» марксизма культуре, философии, религии и искусству. В 1908 посылает в Петербург ст. «Леонид Андреев и Мережковский» («Наша газета», 1908, 16 марта) с защитой Л. Н. Андреева и резкой критикой неохристианства Мережковского (в одном из откликов статья была названа «ватерлооской битвой меонизма с апокалипсизмом», с «отпечатком фамильного сходства»: Д. Левин — «Речь», 1908, 22 марта; Розанов в этом споре скорее берет сторону Мережковского — «„Свои люди“ поспорились» — НВ, 1908, 21 апр.). В 1907 выпускает «Полное собр. стихотворений» (т. 1—4, СПб.), после чего уже практически не пишет стихов (хотя стих. М. вплоть до сер. 1920-х гг. включаются в разл. альма-

нахи и антологии). Репутация М. в символистских и околосимволистских кругах, особенно после 1905, резко упала, он оказывается — и, т. о., и воспринимается — на периферии лит. процесса. Пильский писал об остановившемся творч. «росте» отца декадентов, как называли М. (С. Венгеров — Венгеров. Лит-ра 20 в., т. 1, в. 3, с. 359; Перцов, с. 268, и др.): «целый период, целая эпоха рус. стиха, рус. поэзии, ее исканий и находок, ее тревог, изобретений и приобретений прошла мимо, будто все эти годы Минский диктовал свои стихи, находясь в летаргическом сне» (Пильский, с. 72). М. все больше погружается в изучение франц. рабочего движения, гл. обр. анархосиндикализма, с к-рым, очевидно, связывает возможность обществ. устройства, позволяющего осуществить утопич. социальные проекты меонизма: обобществленное воспитание детей и создание меонич. монастыря, где, «не давая обета», «усталые могли бы отдохнуть, огорченные — просветлеть, озлобленные — примириться» («Религия будущего», с. 275). Пренм. этому кругу вопросов, с привлечением философии истории к разбору осн. течений рев. и теоретич. социализма посв. сб. ст. «На общественные темы» (СПб., 1909, два изд.; рец.: Вас. Гиппиус) — «Слово», 1909, 1 апр.); «Широта размаха составляет гл. недостаток — или, быть может, достоинство — обществ.-полит. рассуждений» М. (Л. З. Слонимский — ВЕ, 1909, № 6, с. 862). «Беспочвенным» рус. и европ. теоретикам социализма с их экономич. материализмом и классовой борьбой он противопоставляет «рус. революцию», проникнутую идеями «социал-гуманизма» (ст. «Социал-гуманизм», призванного «облагородить самый образ жизни» (с. 69—70). В сб-к входит также полемич. статьи о Мережковском и Л. Андрееве, Л. Толстом, ответ Розанову и др. В драм. трилогии «Железный призрак» (ММ, 1909, № 2), «Малый соблазн» (альм. «Шиповник», кн. 12, СПб., 1910) и «Хаос» («Новая жизнь», 1912, № 12), растянута, с явственными чертами схематизма, звучит (как и в предыдущем сб-ке) тревога о том, что «мещанский идеал предметного благополучия» может обесмыслить и свести на нет завоевания, достигнутые трудящимися в ходе полит. и социального освобождения (Г. В. Плеханов в ст. «Евангелие от декаданса», 1909, выступил против отождествления М. «пролетарских идеалов» с сытым «мещанством» — цит. по его кн.: «Лит-ра и эстетика», т. 2, М., 1958, с. 470).

В 1912 М. обращается (вместе с Вилькиной) с просьбой о возвращении в Россию («Всеми силами души

жажду этого возвращения...». Эти семь лет внимательного изучения европ. действительности, в стороне от охватившей русскую литературу эротомании, дали мне реальную жизненно-твердую точку опоры в моих религиозных и философских исканиях» — письмо Ф. Батюшкову от 24 дек. 1912 — РНБ, ф. 51). За него «представляет» чл. Гос. совета С. Ю. Витте (РГИА), осенью 1913 М. помилован, а в марте 1914 возвращается в Петербург, «где старые друзья... с Федором Сологубом во главе устроили ему радужную встречу» (Венгеров. Лит-ра 20 в., т. 1, в. 3, с. 363); М. участвует в лит. диспутах, выступает с лекцией «О любви к людям и предметам» («Дневники писателей», 1914, № 1, с. 54; № 2, с. 57; там же его публ. «Из записной книжки»).

Первая мировая война застает М. на пути в Париж («по частному делу»), он, т. о., оказался отрезанным от России, что обусловило его окончат. эмиграцию. «Рус. революцию» воспринял двойственно — со «страхом за судьбу культуры» (Ю. себе), с. 41). После 1917 М. читает в Париже лекции о союзе между умств. и физич. трудом, пишет кн. «От Данте к Блоку» (Б., 1922), в к-рой рассматривает творчество различных писателей «лишь как моменты в огромной вековой проблеме личности» (с. 5), и филос. «мистерию» «Кого ищешь?» (Б., 1922; рец.: Ю. Офросимов) — «Новая рус. книга», 1922, № 9). Тогда же издает итоговый сб. стих. «Из мрака к свету» (Б.—П.—М., 1922). В нач. 20-х гг. М. жил в Берлине, где стал пред. правления образовавшегося в 1921 «Дома искусств» («седовластый старец», говоривший «долго», «многогосторонний» и «весьма отвлеченно» — Белый, III, 158, 160), на собраниях «Дома искусств» в берлинском кафе встречались эмигрантские и сов. писатели. Из Берлина М. переехал в Лондон, где одно время служил в сов. посольстве. Лит. деятельностью после 20-х гг. не занимался. После смерти Вилькиной (ум. в 1920) женился в 1925 на З. Венгеровой, всю жизнь преданно любившей его (см.: Милътон, с. 156). С 1927 жил в Париже.

На стихи М. писали романсы А. Г. Рубинштейн, С. В. Рахманинов, Р. М. Глиэр, С. М. Волконский, П. И. Блара-рамберг и др.

Др. произв.: статьи «Идея рус. революции» («Перевал», 1906, № 1), «Скупой рыцарь» (в кн.: Пушкин А. С., Соч., СПб., 1909), «Короленко и Гоголь» («Грани», Б., 1923, № 2).

Изд.: [Стихи]. — В книгах: Ежов И. С., Шаумурин Е. И. [сост.], Антология рус. лирики от символизма до наших дней, М., 1925 (репринт — М., 1991); Волыная рус. поэзия второй пол. XIX в., Л., 1959 (БПбс, 2-е изд.); Поэты 1880—1890 (БПбс); Сонет серебряного века, М., 1990; Рус. поэзия серебряного века. 1890—1917.

Антология, М., 1993; [Переводы]. — В кн.: Мастера рус. стихотв. перевода. т. 2, Л., 1968 (БПБ, 2-е изд.); Несколько слов о Гаршине по поводу десятилетия его смерти. [В собр.]. — В кн.: Современники о В. М. Гаршине, Саратов, 1977; «Огненный столп». [Рец. 1921]. — В кн.: Н. Гумилев в эпоху современников, М., 1990, с. 169—72.

Лит.: Толстой; Блок; Белый (все — ук.); Брюсов В. Я., Н. Минский. Опыт характеристики. — Собр. соч., т. 6, М., 1975; Брюсов (2); Михайловский, VI, стб. 609—19, 723—48; VIII, стб. 504—06, 516—17, 665—86; Полонский Г., Позина М. — В кн.: Венгеров. Лит-ра 20 в., т. 1, в. 3—4; Гуревич Л. Я., История «Сев. вестника». — Венгеров С. А., Н. Минский. — Там же, в. 3 (искл. ст. М. «Меоном»); Радлов Э. Л., Философия ст. М. — Там же, в. 4; Оболенский Л., Наши теперешние стихотворцы. Элементы поэзии М. — РБ, 1887, № 12; Миллер О., Наши совр. поэты. Н. М. Минский. — РМ, 1888, № 1; Арсеньев К. К., Рус. поэты новейшего времени. Н. Минский. — В его кн.: Критич. этюды по рус. лит-ре, т. 2, СПб., 1888; Бибииков В. И., Рассказы, СПб., 1888, с. 384—400; Волынский А., Борьба за идеализм, СПб., 1900, с. 477—87; Андреевский С. А., Лит. очерки, 3-е изд., СПб., 1902, с. 433—39; Батюшков Ф. Д., Комедия и трагедия индивидуализма. — В его кн.: Критич. очерки и заметки о современниках, т. 2, СПб., 1902; Мельшин Л. (Якубович П. Ф.), Совр. миниатюры. I. Н. М. Минский. — В его кн.: Очерки рус. поэзии, СПб., 1904; Засодимский П. В., Из восп., М., 1908, с. 324—31; Чулков Г., Умыслы стихи. — В его кн.: Покровало Изиды. Критич. очерки, М., 1909; Попов А., Н. М. Минский. — В кн.: Книга о рус. поэтах последнего десятилетия, СПб.—М., 1909; Измайлов А., Помрачение божков и новые кумиры, М., 1910 (ук.); Пильский П., Н. Минский. — В его кн.: Критич. статьи, т. 1, СПб., 1910; Шулятиков В., Этюды новейшей лирики. — В кн.: Из истории новейшей рус. лит-ры, М., 1910, с. 256—75; Закревский А., Религия. Психол. параллели, К., 1913, с. 146—79; Львов-Рогачевский В. Л., Русско-сараяская лит-ра, М., 1922 (ук.); Ясинский И., Роман моей жизни. Книга восп., М.—Л., 1926 (ук.); Максимов Д. Е., «Сев. вест.» и символисты. — В кн.: Евгеньев-Максимов В., Максимов Д., Из прошлого рус. журналистики, Л., 1930; Перцов (ук.); Гаршин В. М., ПСС, т. 3 — Письма, М.—Л., 1934 (ук.); Таратуа Е., Три письма Э. Л. Войнич (Минскому). — «Огонек», 1935, № 50; Егуннов А. Н., Гомер в рус. переводах XVIII—XIX вв., М.—Л., 1964, с. 399, 420; Куприяновский П. В., Из истории раннего рус. символизма. (Символисты и ж. «Сев. вест.»). — В кн.: Рус. лит-ра XX в., сб. 1, Калуга, 1968; Милтон Е., Восп. о поэте М. — «Новый журнал», Н.-Й., 1968, кн. 91; Майский И. М., Восп. сов. дипломата. 1925—1945 гг., М., 1971, с. 31, 53; Чарный М., Время и его герои, М., 1973, с. 363—69; Лосев А. Ф., Проблема символа и реалистич. иск-во, М., 1976, с. 280—81; Силард Л., Рус. лит-ра кон. XIX — нач. XX в., Будапешт, 1983, с. 118—21; Лит. процесс и журналистика (2, ук.); Рус. лит-ра и журналистика (1, 2, ук.); История рус. лит-ры, т. 4, Л., 1983 (ук.); Герасимов Ю. К., Драматургия символизма. — В кн.: История рус. драматургии. 2-я пол. XIX — нач. XX в. до 1917 г., Л., 1987, с. 554—56; Песни рус. поэтов, т. 2; Минц С. Г., Ст. М. «Старинный спор» и ее место в становлении рус. символизма. — В кн.: Блоковский сб., в. 9 — Биография и творчество в рус. культуре нач. XX в., Тарту, 1989 («Уч. зап. ТГУ», в. 857); Мерзжковский Д. С., 14 декабря. — Гиппиус С. Н., Дмитрий Мерзжковский, М., 1991, с. 315, 317, 395, 398—99, 405, 421—22; Соболев Л. А., Мерзжковский в Париже. — «Литва. Биогр. альм.» в. 1, М.—СПб., 1992, с. 342—43, 355; Письма К. Д. Бальмонта к М., РЛ, 1993, № 2 (публ. П. С. Куленинского и Н. А. Молчановой); Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому. — «Минувший», в. 12, М.—СПб., 1993 (ук.); публ. Л. Е. Евстигневой и Н. К. Пушкиревой); А. Яхьяевал Ю., Минский. — В его кн.: Силуэты рус. писателей, М., 1994; Barda A., La place de N. Minzky dans le repouveau de la pensée à la fin du XIX siècle. — «Cahiers du monde russe et soviétique», 1983, v. 24, № 3;

Ryman A., Minsky. Preliminary study of the man in his generation. — «Scottish Slavonic Review», Glasgow, 1983, № 2; Письма З. А. Венгеровой к С. Г. Балаховской-Петти. — «Revue des études Slaves», 1993, t. 67, fasc. 1, 2/3; ЛН, т. 27/28, с. 167—96; т. 85, 92 (кн. 1—5, ук.). — Некрологи, 1937: ПН, Париж, 8 июля; «Сегодня», № 188 (П. Пильский); «Для вас», Рига, № 32 (А. Перфильев). Фомин А. Г., Библиограф. рус. лит-ры, Н. Минский. — В кн.: Венгеров. Лит-ра 20 в., т. 2; Брокгауз (ст. Виленин); Евр. энци.; БСЭ; ЛЭ; КЛЭ; ФЭ; Альм. и сб.-ки (1, 2); Иванов; Фостер; Алексеев; Писатели рус. зарубежья, т. 2; Рус. писатели: Богомолов (1); Муратова (2); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 39; ф. 377, оп. 6, № 2410; ф. 289, оп. 4, № 72* (биограф. сведения, в т. ч. полная дата рожд.); Р. III, оп. 2, № 1377—1382 (письма П. П. Перцову 1902—1903 гг.); ф. 649, оп. 3, № 65 (письма Ф. Ф. Фидлеру 1891—1908 гг.); ф. 293, оп. 1, № 333 (письма М. М. Стасюлевичу 1877—1908 гг.) [справка Н. А. Прозоровой]; РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 211, л. 161—169 (доклад мин. юстиции И. Г. Щегловитова о прекращении обвинит. дел против М., с их изложением; ф. 497, оп. 10, д. 1240 (о рассмотрении к пост. пьесы «Альма», 1913, с характеристикой Ф. Д. Батюшкова), ф. 777, 776 (иск. дела) [справки В. М. Лулановой]; РНБ, ф. 901, оп. 3, № 535, ф. 115, № 44 (письма И. И. Ясинскому 1884—86 гг.); ф. 51, № 19 (письма Ф. Д. Батюшкову 1912—13 гг.) [справки Т. В. Минявичев]. А. В. Чапцев.

МИНЦЛОВ Сергей Рудольфович [1(13).1.1870, Рязань — 18.12.1933, Рига], прозаик, автор стихов, мемуарист; библиограф, археолог. Внук Рудольфа Ив. Минцлова (1811—83), библиографа, консерватора (хранителя) Имп. публичной б-ки, переводчика на нем. яз. произв. А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Д. В. Григорови-

ча, воспитателя Александра III и вел. князей (в т. ч. цесаревича Николая Александровича), автора кн. «Петр Великий в иностр. лит-ре» (СПб., 1872); его супруга Эрнестина де Галле — франц. поэтесса. Отец М. — Рудольф Рудольфович (1845—1904), юрист, обществ. деятель, публицист, в моск. салоне к-рого в 1890-е гг. на «субботники» собирались представители науки, иск-ва, лит-ры, либеральных обществ. кругов. Мать — Анна Як. (урожд. Бодиско). М. окончил Аракчеев. кадет. корпус в Н. Новгороде (1881—88) и Александров. воен. уч-ще в Москве (1890). Выпущен юнкером 106-го пех. Уфим. полка, служил в Вильне (на родине своих отдаленных предков,

павших в битве при Грюнвальде) и на Кавказе. Женится на Марии Ал. Пеньковой (1871—1911), впоследствии — ред.-изд. сб.-ков юношеского и детского творчества «Юная мысль» (СПб., 1908—09), основательница Рождествен. коммерч. уч-ща (с 1908) и сотрудница Лаборатории экспериментальной пед. психологии под руководством А. П. Нечаева. Их дочь Мария — автор кн. «По древней Литве. Путевые наброски» (СПб., 1914) — о путешествии, совершенном вместе с отцом. В 1892 вышел в отставку и поступил в Нижегород. археологич. ин-т, к-рый окончил в 1895. С 1895 по 1900 жил в Одессе, Уфе, Новгороде, служа в губ. канцеляриях или таможенных (см. его кн. «В таможенном мире. Из восп.», Трапезонд, 1917). Одновременно занимался археологич. и краеведч. исследованиями.

В 1897 выпустил кн. «Стихотворения. 1888—1897» (Од.) — в осн. подражательная, романтически окрашенная любовная лирика, зарисовки природы (часто ночной, таинственной), космич. мотивы (навеянные поэзией Ф. И. Тютчева и А. А. Фета). Стихи М. были названы «благоглупостями», а их автор «необыкновенно развязным поэтом» («П. Ф. Якубович» — РБ, 1898, № 2, с. 77). Пробовал себя в драм. жанре: комедия «Женихи» (Од., 1898; пост. 1898, Одес. гор. т-р) и «Женское дело» (Од., 1899), драмы «Боярин Кучко» (Варшава — СПб. — Витебск, 1901) и «Первый камень» (СПб., 1902). Пьесы М. ставились исключительно на провинц. сцене, хотя, по свидетельству В. П. Адамова, А. И. Сумбатов-Южин и А. П. Ленский восхищались их языком (ИБ, 1913, № 10).

С 1900 по 1914 М. жил в осн. в Петербурге. Печатался в ж. «Юный читатель», «Всходы», «Мир» (рец., библиогр. обзоры, этюды, путевые очерки), «Образование», «Ист. вест.» (напр., ст. «Злоумышленные голуби» — 1912, № 1), реже в «Былом» [ст. «Четырнадцать месяцев „свободы печати“», 17 окт. 1905 — янв. 1907. Заметки библиографа» — 1907, № 3], «Голосе минувшего» (ст. «О рязанских „крамольниках“» — 1915, № 5). Вскоре зарекомендовал себя как писатель для «юных любителей ист. чтения»; «нек-рые из его повестей можно было найти в любой школьной б-ке» («Мир», 1909, № 9—10, с. 48). В ист. романе «На заре века» (СПб., 1901; 4-е изд., СПб., 1910; под назв. «Волки», Рига, 1927), посв. событиям Смутного времени, по мнению рецензента, передан «ужас смятения эпохи», оригинально трактована личность Василия Шуйского (ИБ, 1910, № 5, с. 721). Эпоха Петра I как реформатора и преобразователя России рассматривается с т. з. западничества в ром. «В грозу»

(СПб., 1903; 4-е изд., Рига, 1927; по-ложит. рец.: Д. Масляненко — ИВ, 1913, № 2). Критика отмечала, что автор — «серьезный ученый и знаток истории» («Мир», 1910, № 6, с. 489). Однако беллетристич. элемент (обычно любовная история и связанные с ней приключения в духе В. Скотта, придающие чтению занимательность) не оригинален. К лит-ре «легкого чтения» относятся произв. из жизни ср.-век. Прибалтики — «В лесах Литвы» (СПб., 1904; 4-е изд., Рига, 1927); «Литва» (СПб., 1911; критич. отзыв: А. Фаресов — ИВ, 1911, № 4), из быта раскольников — «Во тьме» (СПб., 1907).

В жанре дет. приключенч. лит-ры написаны рассказ «Беглецы (из гимназич. восп.)» («Юный читатель», 1901, № 14, 16, 18; отд. изд. — СПб., 1902), пов. «Война и приключения оловянных солдатиков» (СПб., 1900; 3-е изд., СПб., 1904; отрицат. рец.: (А. М. Редько) — РБ, 1905, № 7).

Наряду с реалистич. устремленностью М.-писателя («острое чувствование быта, его корней, духа, запахов, близость к земле») П. М. Пильский видел в нем и «глубокую под-верженность ... мистическому нача-лу», «веру в таинственное, в неска-занное и неразгаданное» (см. его предисл. к кн. М. «Мистич. вечера», Рига, б.г., с. XXXII; уничтожающая рец.: Г. В. Адамович — «Илл. Рос-сия», Париж, 1931, № 17). Мистич. настроения в духе времени прояви-лись в таких книгах М., как «Власть имен (Странное ...)». О влиянии имен на судьбу человека» (П., 1915), «Неведомое. Рассказы» (Трапезонд, 1917). В последней мистика приоб-ретает черты науч. фантастики (пе-реселение героя в иное ист. время при помощи странного прибора).

Не менее известен М. как библио-фил и библиограф. Еще в годы учебы в Александров. воен. уч-ще он по примеру деда и отца занялся соби-ранием редких книг и со временем стал владельцем одной из ценнейших б-к в России, насчитывавшей около 4 тыс. томов (см. его труды: *Опись книгохранилища С. Р. Минцлова*, СПб., 1905; *Книгохранилище С. Р. Минцлова*, СПб., 1913). Основу соби-рания составили записки, дневники, восп., книги по археологии и истории России, инкунабулы, рукописи и семейный архив Минцловых, неле-гальные изд. и произв. вольной печат-и (см. ст.: К. Л. (К. М. Лепилов), *Ценное книгохранилище*. — «Рус. библиофил», 1911, № 6). Свою соби-рательскую деятельность М. описал впоследствии в сатирич. «библио-филской» пов. «За мертвыми душа-ми» (СЗ, 1921, т. 5, 6, 8; 1922, т. 10; отд. изд. — Б., 1921; переизд. с сокр. в кн.: *Книжные страсти*, М., 1987; полностью: М., 1991; рец.: В. Хо-

вин — ж. «Наш огонек», Рига, 1925, № 10). В рец. М. И. Ганфмана по-весть названа «одной из самых инте-ресных и живо написанных книг по-следнего времени. Это та бытовая беллетристика, где художник и бел-летрист сливаются в гармоническое целое» («Сегодня», Рига, 1925, 18 апр.). В дальнейшем б-ка была продана: по одной версии, Прус. гос. книгохранилищу, по другой — нем. фирме в Лейпциге; во время войны 1941—45 следы ее затерялись. Со-ставленный М. «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к исто-рии России и напечатанных на рус. яз.» (в. 1—5, Новгород, 1911—1912; репринтное изд., Лейпциг, 1976) долгие годы был единств. ка-питальной библиограф. мемуаром (по-ложит. рец.: Анд-я (В. М. Андерсон) — «Рус. библиофил», 1912, № 5; У. Г. Иваск — РА, 1912, № 2; М. К-ов (М. В. Клочков) — ИВ, 1912, № 3; К. Сивков — ГМ, 1913, № 1; А. Ф-н (А. Г. Фомин) — «Совр.», 1912, № 5).

М. был д. чл. Рус. археологич. об-ва, РГО, Об-ва ревнителей исто-рии, Рус. библиографич. об-ва, Пе-терб., Нижегород., Чернигов. ученых арх. комиссий.

Весной 1914 в качестве чиновника особых поручений при Гл. управле-нии землеустройства и земледелия находился в поездке (вместе со своей второй женой Кс. Дм., урожд. Бодис-ко) по верхоям Енисея с целью ис-следования Урянхайского края. В кн. «Секретное поручение» (Рига, 1915; фотографии К. Д. Минцловой) пред-ставлена картина быта, нравов, при-роды, религ. обрядов края. Материа-лы археологич. наблюдений отраже-ны в цикле статей «Памятники дре-вности в Урянхайском крае» (в кн.: «Записки Вост. отд. имп. рус. Ар-хеологич. об-ва», т. 23, П., 1916).

В 1916 по собств. желанию пере-шел из тыловой Киев. дружины в Кавк. армию; был назначен испол-няющим должность нач. Трапезонд. воен. округа. Из брошенных тур. ти-пографий создал русскую и стал из-дателем «Трапезонд. воен. листка». Одновременно занимался исследова-нием этого района (см. его «Стати-стич. очерк Трапезонд. воен. окру-га», Трапезонд, 1916). В 1917 вер-нулся в Петроград, откуда переехал на свою дачу в Кемере (Финляндия), где прожил до 1919. Впоследствии поселился в Югославии, был дирек-тором рус. г-зии в г. Нови-Сад. По-следние годы жизни (с 1926) провел в Риге. За границей М. переиздавал написанные ранее произв., а также публиковал новые ист. романы: «Под шум дубов» (Б., 1919) — об обороне Псково-Печорского мон. от нем. за-хватчиков в 1501; «Приключения студентов. Ист. авантюрный роман»

(Рига, 1928); «Орлиный взлет» (Ри-га, 1931) — о Литве на рубеже 14—15 вв. Печатался сначала в Па-риже (ж. «Совр. записки») и Берлине (изд-во «Медный всадник»), с 1927 в Риге (изд-ва «Восток», «Книга для всех», ж. «Перезвоны»). По данным Тургеневской б-ки в Париже, ист. проза писателя пользовалась боль-шой популярностью в среде рус. эмиграции. Чл. Об-ва друзей рус. книги в Париже, печатал статьи в его «Временнике».

Особый интерес представляет се-рия дневников и восп. М., воспроиз-водящих атмосферу эпохи и почти всю канву его собств. жизни. Еще в 1917 в России был опублик. «Дневник» М. 1903—06 (ГМ, № 9—12). За гра-ницей вышли: «Далекое дни. Восп. 1870—1890» (Б., 1925); «У камелька (Моя молодость)» (Рига, 1930); «Пе-тербург в 1903—1910 гг.» (Рига, 1931); «Дебри жизни. Дневник 1910—1915» (Б., [1915]; Уфа, 1992; рец.: А. Петишев — «Лит. обзор», 1993, № 11/12, с. 75); «Трапезонд-ская эпопея. Дневник» (Б., 1925; рец.: А. Изюмов — «На чужой сто-роне», 1925, № 12), в к-рых описаны деятельность и быт губ. чиновников, нравы царской армии, духовное ос-кудение поместного дворянства, по-ложение крестьян и рабочих. Из публ. в газ. «Сегодня»: «Смольный институт» (1924, 14, 17 дек.), «Пол-ковник С. Н. Мисоедов и Е. С. Мисоедова» (1935, № 95), «В молодые годы на Кавказе (Из восп.)» (1933, № 104). Насыщенность восп. фак-тич. материалом определяет их ист. ценность.

Др. произв.: «Редчайшие книги, напечатанные в России на рус. языке» (СПб., 1904), «Каникулы», рас-сказы (СПб., 1904), фантастич. пов. «Царь царей» (СПб., 1906), «Без идеалов» (Уфа, 1910), «Очерки При-уралья» (Уфа, 1910), ром. «Царь Берендей» (Б., 1923), ром. «Сны земли» (Б., 1924), ром. «Закат» (Б., [1926]; рец.: Ю. И. Айхенвальд — «Сего-дня», 1926, 5 нояб.), «Святые озера. Недавнее» (Рига, 1927), рассказы «Чернокнижник (Таинственное)» (Рига, 1928), юмористич. и др. рас-сказы «Свинопул» (Рига, 1929; рец.: М. А. Осоргин — ПН, 1930, № 3221), ист. ром. «Гусарский мона-стырь» (2-е изд., Рига, 1930), ром. «Мерцанье дали» (Рига, 1930), «Про-шлое» (София, б. г.), «Синодик библиотек, архивов и коллекций, погиб-ших во время великой войны и рево-люции» (Б., б. г.).

Изд.: Собр. соч., т. 1, СПб., 1910; Ист. по-вести, СПб., 1912; Ист. драмы, Трапезонд, 1917.

Лит.: Александров. воен. уч-ще. 1863—1901, М., 1901, с. 134; П-ий (Пильский), Памяти одного книгохранилища. — В кн.: Временник об-ва друзей рус. книги, Париж, 1925, с. 68—70; его же С. Р. Минцлов. 40-летие лит. деятель-ности. — «Сегодня», 1928, № 114; его же, Жизнь М. — «Сегодня», 1933, № 350; Шал-фесс Б., Музей в частной квартире (Коллек-

ция М.). — «Сегодня», 1927, № 144; Смирнов-Сокольский Н. Рассказы о книгах, 2-е изд., М., 1960, с. 332—34; Блюм А. В., Мартынов И. Ф., С. Р. Минилова и его библиофильская повесть. — АБ, в. 2, М., 1975; Рубинчик С. Рукопись, найденная в саквояже, Рига, 1978; Шамаков А. А. Дебри жизни. — В его кн.: Письма из Лозанна. Литературоведч. очерки, Челябинск, 1980; Блюм А. В., Состав дупли. — «В мире книг», 1983, № 1; Гринкевич Н. 10: Ласунский О. Книга М. — земского печальника. — «Уральский следопыт», 1988, № 12. + Библ. рус. библиографии по истории СССР, М., 1957; Машкова М. В., История рус. библ. нач. XX в. (до окт. 1917), М., 1969; Абызов; НЭС; Венгеров (Источ.; Список); Гранат; КЛЭ; СИЗ; Книговедение; Казак; ИДРДВ; Фостер; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 342, к. 29, № 34 (письма П. П. Шибанову); ф. 358, к. 254, № 25 (письма Н. А. Рубакну); ф. 783, к. 6, № 14 (письма У. Г. Иваску); РГАЛИ, ф. 305 (письмо С. П. Мельгунову).

Ю. А. Петровский,
Е. А. Минилова, Г. Н. Воронцова,
при участии Людмилы А. Новикова.

Сестра М., Анна Рудольфовна [10(22).6*. 1866, г. Зарайск Рязан. губ. (сообщено Л. А. Новиковым) — 1910?] — деятель теософ. и розенкрейцерского движений, участница междунар. теософ. конгрессов в Лондоне (1905), Париже (1906), Мюнхене (1907). Окончила 6 кл. г-зии С. Н. Фишер (1883). Вначале ее духовным руководителем была соучредительница Теософ. общ-ва и его президент с 1907 Анни Безант. С 1905 Минилова становится одной из первых рус. учениц главы нем. теософов Р. Штейнера. Счита-

лась его эмиссаром в России, находилась с ним в переписке до 1909 (письма Штейнера к Миниловой в кн.: Die Rudolf Steiner Gesamtausgabe. Bd 264. Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904—1914, Dornach, 1984). В восприятии современников Минилова ассоциировалась с Е. П. Блаватской.

В 1900 вместе с В. Я. Брюсовым и А. Л. Миропольским (А. А. Лангом) участвовала в мед. ун-ч. опытах и состояла с ними в «оживленной переписке» (письмо Ланга Брюсову от 17 марта 1900 — РГБ, ф. 386, к. 91, № 41). Летом 1905 в Париже сблизилась с М. В. Сабашниковой и М. А. Волошиным, приобщила их к теософии Штейнера. Тогда же состоялась ее поездка в Волошиным в Руан; ей посв. цикл его стихов «Руанский собор» (1907), ее образ — в стих. «Безумья и опия венес.» (1911). В Париже Минилова познакомилась с художниками М. С. Чуйко и К. А. Сомовым (Чуйко и Сабашникова писали ее портреты).

Через Волошиных в 1906 знакомится с Вяч. И. Ивановым и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, становится доверенным лицом во время романа Вяч. Иванова и Сабашниковой (см. письмо Зиновьевой-Аннибал к ней, частично опубли.: Богомоллов Н. А., М. Кузмин. Статьи и мат-лы,

М., 1995, с. 91, 95—96). После смерти Зиновьевой-Аннибал в 1907 Минилова стала «окультисткой» Вяч. Иванова и подчинила его своему влиянию. Инспирируемые ею попытки Вяч. Иванова «общаться» с умершей «окультистскими способами» описаны М. А. Кузминым в пов. «Погибница в доме» (СПб., 1914), где Анна Рудольфовна является прототипом сестер Ламбер. Кузмин, также испытывавший сильное воздействие Анны Рудольфовны, но быстро избавившийся от него, карикатурно описал ее в пов. «Двойной напесник» (ЗР, 1908, № 10). Вяч. Иванов посвятил ей стих. «Vales» (1907) из «Cor ardens».

В 1908 произошло сближение Миниловой с А. Белым на почве интереса последнего к судьбам розенкрейцерства и ариософской тематике. В 1909 возник «мистич. треугольник» — «тройственный союз» Миниловой, Вяч. Иванова и Белого (подробнее об этом в ст.: Carlson M., Ivanov — Belyi — Minilova: The Mystical Triangle. — In: Cultura e memoria: atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov, Firenze, 1988, p. 63—79). Вместе с Вяч. Ивановым Минилова помогала восстановлению общения между Белым и А. А. Блюмом (см.: А. Блюм и А. Белый. Переписка, М., 1940, с. 234). По свидетельству Белого, «первые «БЛОКОВЫЕ-МОСКВИЧИ» стали первыми антропософами» (РНБ, ф. 60, № 14, л. 108) во многом под влиянием Миниловой. Она способствовала консолидации творческого ядра издава «Мусагет» (Элиас, Белый, Э. К. Метнер, А. С. Петровский, М. И. Сизов, В. О. Нилсенер, Н. П. Киселев и др.) вокруг розенкрейцерской проблематики и христ. эзотерики.

В 1905 Минилова перевела «Портрет Дориана Грея» и «Замыслы» О. Уайльда (оба — М., 1906; рец.: В. Брюсов — ЗР, 1906, № 7/9). Мнения рецензентов разделились: М. Ф. Ликинрапуло нашел ряд существенных неточностей и ошибок в передаче оригинала («Весы», 1906, № 8), рецензентов ж. «Персвал» удовлетворил «хороший язык перевода и — вообще — довольно тщательное его выполнение» (А. Бачинский — 1906, № 2; А. Печковский — там же, № 1). Изд-во «Гриф» предлагало напечатать переведенную Миниловой пов. Новалиса «Ученики в Саване» (изд. не состоялось); по предложению Брюсова она перевела все осн. произв. Новалиса (письмо Брюсову от 3 авг. 1903 — РГБ, ф. 386, к. 95, № 6, л. 54). В 1905 Минилова специально для Сабашниковой перевела «Пир» Платона (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, № 23). В 1910 вышел в свет ее пер. книги Штейнера «Феософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека» (СПб.) — первое отд. изд. его трудов на рус. яз.

В 1908—09 Минилова сотрудничала в ж. «Вест. теософии» и в сб. «Вопросы теософии» (в. 1, 1907). Затем она порвала с Рос. теософ. об-вом и ее деятельностью христ.-эзотерич. характера становится автономной по отношению к Штейнеру и Всемир. теософ. об-ву. Последний период ее жизни отмечен сближением с представителями правосл. старчества (поездка в Соловецкий мон. в июне 1910). Осенью 1910 исчезла при невыясненных обстоятельствах (разные версии ее исчезновения см.: Белый, кн. 3, с. 322; Бердяев Н. А., Самопознание, М., 1991, с. 191).

Лит.: Белый (ук.): Белый А., Восп. о Блоке. — «Эпопея», 1923, № 4; Минилова С. Р., Далекое дн. Б., 1925, с. 4*, 16 и др.; Брюсов В., Дневники, М., 1927 (ук.); Дешарт О., Введение. — В кн.: Иванов Вяч., Собр. соч., т. 1, Брюссель, 1971, с. 139—40; Герцык Е., Воспоминания, Париж, 1973, с. 54; Волошин М. (М. В. Сабашникова), Зеленая змея. История одной жизни, М., 1990, с. 123—125, 344—45; Волошин М. А., Автобиограф. проза. Дневники, М., 1991, с. 229, 231—34, 236, 237, 242—45, 252, 256, 257, 259—65, 269—78, 281, 284, 285; ЛН, т. 92, кн. 3, с. 365, 369; Fedjuchin Victor B., Russlands Sehnsucht nach Spiritualität, Novalis Verlag, 1988, S. 93—98.

Архивы: [письма Миниловой] — ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 843—845 (М. А. Волошину); ф. 562, оп. 5, № 87 (М. В. Сабашниковой); ГРМ, ф. 133, № 256 (К. А. Сомову); РГБ, ф. 25, к. 19, № 17 (А. Белому); ф. 25, к. 31, № 2, ф. 109, к. 30, № 1—10, к. 31, № 1—7, № 5, л. 34 (Вяч. Иванову); ф. 374, к. 6, № 53, л. 17* (Е. А. Бальмонт); ф. 167, к. 14, № 29 (Э. К.

Метнеру); ф. 167, к. 22, № 16, 18 (записи бесед Метнера с Миниловой).

И. Ф. Данилова,
при участии Н. А. Богомоллова
и Людмилы А. Новикова.

МИРОПОЛЬСКИЙ А. Л. (наст. имя и фам. Александр Александрович Ланг; 1872, Москва — 1917), поэт, переводчик, прозаик. Вышел из семьи обрусевших немцев, старший сын владельца изв. книжного и муз. магазина А. А. Ланга. Учился в 1-й моск. частной г-зии Ф. И. Креймана, где сблизился с В. Я. Брюсо-

вым; Брюсов посвятил М., «другу давних лет», раздел «Юношеские стихи» в сб. «Пути и перепутья» (т. 1, М., 1908) и ряд отд. стихотворений.

По окончании г-зии М. работает в магазине отца — «неохотно — мечтая о лит. карьере» (Ланг Е. А., Из восп. моего детства. — ГЛМ, ф. 51, оп. 2, д. 114, л. 27). Увлечение спиритизмом и оккультными науками, рано проявившееся у М., нашло отражение в стихах и прозаич. отрывках, помещенных в сб. «Рус. символисты» (в. 1, М., 1894; тексты были отобраны для печати и отредактированы Брюсовым). Нарочито манифестированное импрессионистич. восприятие мира (в духе франц. символистов) и декадент. декларации вызвали насмешливые отклики критики (свод рецензий см.: Библиография В. Я. Брюсова. 1884—1973, Ер., 1976, с. 237—40). Развитие тех же мотивов — в стихотворениях, опубли. во 2-м в. «Рус. символистов» (М., 1894); одно из них иронически анализирует Вл. С. Соловьев (ВЕ, 1895, № 1, подпись Вл. С.; др. рец.: РБ, 1894, № 11). В кон. 1894 — нач. 1895 М. переживает душевную драму из-за несогласия родителей на его брак с А. П. Ширавевой и вследствие этого отказывается сопутствовать Брюсову в его проектах: ср. в 3-м в. «Рус. символистов» (М., 1895) прим. об «отречении г. А. Л. Миропольского от лит. деятельности» (с. 28).

Наметившийся разрыв с Брюсовым, чрезмерно деспотически направлявшим творчество М., побуждает последнего к поиску собств. пути в литературе. М. формулирует свое представление о декадентстве как отказе от «отрицания всего достойного, святого», восстании «против грубого материализма, доходившего часто до неестественности и гадости» (отрывок без назв. — РГБ, ф. 386, к. 57, д. 31). Во 2-й пол. 1890-х гг. М. сознательно строит свой облик («странный долговязый юноша с темными безумными глазами» — таким он запомнился В. К. Станюковичу — ЛН, т. 85, с. 724) и был в соответствии с тематикой стихов: стены в его комнате завешаны черной тканью с каббалистич. знаками, освещение причудливо; М. развешивает медиумич. способности (ср. запись 1893: «Мой первый транс» — Пятые Тынянов. чтения. Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения, Рига, 1990, с. 104—05), занимается практич. магией. Пробуя силы не только в лит-ре, но и в скульптуре, живописи, он пытается выразить в иск-ве сферу подсознательного. Об одной из своих картин он писал в 1896 Брюсову: «Это фантазия в зародыше, которая может появиться у нас в голове, но будучи нами брошена на бумагу — нам самим не понятна» (РГБ, ф. 386, к. 91, д. 40, л. 20 об. — 21). В то же время М. стремится соединить декадент. взгляды и спиритизм с христианством (см. в цитиров. наброске о декадентах: «В их произведениях ясно проглядывает стремление к истинно религиозному, моральному миру»). 26 окт. 1896 Брюсов сообщает о нем М. П. Ширяевой: «Говорит он только о спиритизме и ни о чем больше; впрочем нет! Говорит еще о чудесах, о мощах и о церквях: вероятно, он вскоре перейдет в православие» («Молодежь Грузии», 1965, 27 марта). Среди лит. работ этого времени — оставшиеся неизданными переводы из Ф. Эверса, с к-рым М. состоял в переписке, упоминаемые в письмах переводы из Ф. Ведекинда и ряд стих., вошедших в кн. «Одиноким труд» (М., 1899; под псевд. А. Березин). Принципиально важным для М. в этой книге было предисл. «Я обвиняю» (что засвидетельствовано письмом от 25 июня 1899 к Брюсову о вариантах названия сб-ка — РГБ, ф. 386, к. 91, д. 40, л. 47). В этой статье М. декларировал непосредств. преимств. связь «декадентов» (назвав имена К. Д. Бальмонта, Н. М. Минского, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Ф. Сологуба, Брюсова и А. М. Добролюбова) с рус. классич. традицией — А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Е. А. Баратынского, А. А. Фета.

В нач. 1900-х гг. М. сближается при посредстве Брюсова с символи-

стами, группирующимися вокруг изд-ва «Скорпион», и участвует в альм. «Сев. цветы» (М.) на 1901 (три стих.), 1902 (стих. «Великому брату») и 1903 (рассказ «Митя, Божий человек»). Занятия М. спиритизмом находят отражение в стихах, опублик. в нем. ж. «Die übersinnliche Welt» и «Spiritistische Rundschau»; неск. работ, гл. обр. переводы из ср.-век. хроник с комментариями и дополнениями на основании собств. мистич. опыта, он публикует в ж. «Ребус» в 1902: «Медиумическое проявление в 1641 г.» (№ 1); «Во власти духа» (№ 9); «Потерянная и вновь найденная вещь» (№ 11); «Дьявол у пастора» (№ 25); пер. обзорной статьи «Спиритизм в Германии» (№ 32) и др. В нояб. 1902 выходит с посвящением И. Коневскому поэма М. «Лествица» (М., на т. л. — 1903; предисл. Брюсова) — попытка описать в мистико-мифол. образах и сюжетах глубинные основы бытия, «заточить в магическом единстве, в „заколдованном кругу“ элементы безвластные в своей отдельности, но в целом представляющие род калейдоскопа, действующего притягательно и магически» (Блок, V, 599).

Критика, ссылая на «шаблонную декадентскую» поэму, тем не менее признавала, что «автор обладает недюжинным и главное не банальным дарованием» («Рус. листок», прил., 1902, 8 дек.; др. рец.: В.Б. — МВед, 1902, 10 дек. (в «Библиографии В. Я. Брюсова» и в кн.: Брюсов (2) приписана Брюсову, что опровергается изысканиями А. В. Лаврова, В. Я. Мордир и А. Е. Парниса — в кн.: ЛН, т. 98, кн. 1, с. 545); Флоренский П., Спиритизм как антихристианство. — НП, 1904, № 3; «Курьер», 1902, 3 дек.; РБ, 1902, № 12; П. Чистяков — «Ребус», 1903, № 2).

В 1904 (фактически в кон. 1903) М. публикует рассказ «Пришлец» и 2 стих. в альм. «Гриф» (М.), что вызвало решит. протест Брюсова и отказ печатать произв. М. в очередном выпуске «Сев. цветов» (ЛН, т. 85, с. 372—74). Контакты М. с «Грифом», основанные на общем с его владельцем С. Кречетовым интересе к спиритизму, продолжались: в 1905 М. печатает в нем (в. 3, М.) рассказ и 3 стих., в том же году выпускает книгу из двух поэм «Ведьма.—Лествица» (М.) с предисл. А. Белого. «Ведьма», развивающая традиц. для М. тему таинств. власти магич. сил над жизнью людей, отмечена влиянием драматургии Г. Ибсена и К. Гамсуна в обрисовке психол. типов.

В 1909 М. тяжело заболел (наследств. чахотка) и по совету врачей купил имение Нагорное вблизи Гагр, где жил почти безвыездно. Последняя известная его публ. — рассказ «Сказка черкеса» (1913; в кн.: «Альм. „Гриф“. 1903 — 1913», М., 1914), где мистич. сюжет соединяется с неск. лубочным кавк. антуражем. В 1917 М. отправился разыскивать сына, пропавшего без вести на

тур. фронте, и, заболев, умер в тыловом госпитале.

Лит.: Белый (ук.): Брюсов (1, 2; ук.): Брюсов В., Из моей жизни. Моя юность. Памяти. М., 1927 (ук.); Блок (ук.); Блок. Зап. кн. (ук.); Гудзий Н. К., Из истории раннего рус. символизма. — «Иск-во», 1927, № 4, с. 210—16; Перцов (ук.); Белецкий А. И., Первый ист. роман В. Я. Брюсова. — «Наука». зап. Харьков. гос. пед. ин-та, 1940, т. 3, с. 22—23; Мирза-Авакян М. Л., Брюсов и лит. среда. (1893—1904 гг.). — В кн.: Брюсов. чтения 1963 г., Ер., 1964, с. 86; Дашкевич Н. А., Хомилова Е. В., В. Я. Брюсов-редактор. — В сб.: Книга. Иссл. и мат-лы, в. 27, М., 1973, с. 84—85; Дронов В. С., К творч. истории «Me est esse». — В кн.: Брюсовские чтения 1971 г., Ер., 1973, с. 82—83; Шербаков Р., Брюсов и В. Станюкович. — В кн.: Брюсовские сб., в. 3, Ставрополь, 1977, с. 163—64; Гречишкин С. С., Ранняя проза В. Я. Брюсова. — РП, 1980, № 2, с. 206; Ямпольский И. Г., Письма М. к И. Коневскому. — В кн.: Памятники культуры. 1988, М., 1989, с. 19—32; Жизнь и смерть Нины Петровской. — «Минувшее», в. 8, Париж, 1989 (публ. Э. Гарэтто; ук.); ЛН, т. 27/28, с. 283; т. 85 (ук.); т. 98, кн. 1—2 (ук.). — Лесман, с. 380—81; Венгеров. Источ.; КЛЭ; Альм. и сб-ки (1, 2); Смирнов-Сокольский; Муратова (2, ук.); Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 386 (творч. рукописи, в т. ч. неопубл., переписки); ф. 25 (письма А. Белому); ИРЛИ, ф. 240 (письма С. А. Полюкову).
А. Л. Соболев.

МИРОШЕВСКИЙ Василий Иванович (ок. 1800 — не ранее 1859), беллетрист, драматург. Из дворян Нижегород. губ. (по отцовской линии — потомок древнего польского рода). Учился в Мор. кадет. корпусе (1812—15), по окончании к-рого был произведен в мичманы и откомандирован в Астрахань. В 1815—21 плавал на судах Каспийской флотилии, в 1817 доставлял морем подарки Александру I перс. шаху. В 1821 переведен в Архангельск, в 1824 — в Кронштадт. В 1827—30 побывал в Италии, Греции, Норвегии, Англии, Дании, Франции, Египте и др. странах. Во время рус.-тур. войны 1828—1829 принимал участие в блокаде Дарданелл (1829), выполнял личные поручения ген.-фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского. Впечатления плаваний легли в основу его «Походных записок морского офицера» (СО, 1830, № 31—32; МТ, 1832, № 5); описывая путешествия от Кронштадта до Копенгагена и затем — в Норвегию, М. характеризует нравы североевроп. народов; в повествование включены авт. рассуждения о меланхолии, упоминаются Н. М. Карамзин и Ж. Ж. Руссо. Произведен в лейтенанты (января 1830). Оставив флот, находился при гл. квартире действующей армии в Польше (1831), участвовал в ряде сражений, в т. ч. штурме Варшавы. В 1832 переведен в 41-й егерский полк с чином капитана и вскоре уволен «за болезнью» (1833). В 1835 определен в Брянский егерский полк. К концу смотр, устроенного войскам под Калишем Николаем I и Фридрихом Вильгельмом, был издан очерк М. «Исторические воспоминания о Калише» (Калиш, Воен.-походная типография, 1835; пер. на нем. яз. —

б.м., 1835). В 1836 предан воен. суду заслушание и отставлен от службы. Вновь определился на службу (в Люблинский егерский полк) лишь благодаря личному ходатайству И. Ф. Паскевича (1840). С 1843 служил в Грузинском грендер. полку, за отличие в сражениях против горцев произведен в майоры (1845). Переведен в штат Тифлис. комиссариатской комиссии (1847). В 1849 уволен по болезни подполковником. В 1850—59 служил в Провиантском деп. и вышел в отставку полковником.

Наиб. значительное лит. произв. М. — «Девушка Всеволожская, или Картины русского быта в XVII веке» (СПб., 1839; отрывок под назв. «Русские святки» — СП, 1839, 31 янв., 1 февр.), ист. роман с «чувствительным» сюжетом, в противовес модным веяниям идеализации старины ориентированный на «легкую» занимательность и «дамский» вкус.

Вполне сочувственно отзывался о романе «Б-ка для чтения», отметившая «бойкое повествовательное даявание» М. (1839, т. 34, отд. VI, с. 8; ср. также одобрит. рец.: (П. А. Плетнёв) — «Совр.», 1839, т. 15; СО, 1839, т. 8; СП, 1839, 18 марта).

Др. рецензенты упрекали М. в том, что в романе «незаметно ничего похожего на художественное создание», нет «живописи, а только одни краски ... еще не растерты»; особое раздражение вызвали «чувствительные возгласы, какая-то сентиментальность, несумсные умутования» (ОЗ, 1839, № 4, отд. VII, с. 32—35; ЛПРИ, 1839, № 14, с. 303—04) — введение архаичного для этого времени «чувствительного» автора-рассказчика.

Одновременно М. пробовал свои силы в драматургии. Комедия-водевиль «Ремонтеры, или Сцену на ярмарке» (пост.: СПб., 1839; рукоп. — СПб ГТБ) содержала выпады против О. И. Сенковского. Появление на сцене слона дало повод В. Г. Белинскому, отмечавшему многочисл. недостатки («растянутость ... отсутствие игривости, остроумия, множество лиц и ни одного характера»), иронически называть комедию началом новой эпохи в рус. театре (ЛГ, 1840, 13 янв.); провал спектакля явился предметом шуток и анекдотов (СП, 1840, 23 янв.; Ф. Кони — там же, 30 янв.; ср. также: Алексеев А. А., Восп. актера, М., 1894, с. 53). Не имела успеха и др. комедия М. — «Необыкновенный маскарад на Новый год» (М., 1841; ставилась в Москве, в гл. роли — М. С. Щепкин), вызвавшая язвит. отзыв П. Н. Кулряцева (ОЗ, 1841, т. 18, б. п.), в числе прочего обратившего внимание на несурозность подзаголовка «оригинальная комедия ... Сюжет заимствован из повести Г. Цюке».

В «Русской народной песне на день рождения ... государя наследника цесаревича 8 сентября 1843 года» (СПб., 1843) и «Русском народном гимне по случаю ... коронации ... императора Александра Николаевича» (М., 1856) сочетались

черты фолькл. стилизации с «подносной» одой. В 1853 М. издал «Воспоминания о русском флоте» (СПб.) — краткий очерк истории рус. флота в стихах, к к-рому приложены примечания и ст. М. «Несколько слов о пользе путешествий по морю, о жизни на море и о влиянии ее на здоровье человека», содержащая нек-рые автобиогр. подробности.

Лит.: Белинский (ук.); Веселаго Ф., Очерк истории Мор. кадет. корпуса с прил. списка воспитанников за 100 лет, СПб., 1852, 2-я паг., с. 73; Гриц Т. С., М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества, М., 1966, с. 287. + Брокгауз: Венгеров. Источ.: ОМС, т. 7; ИРДТ, т. 3.

Архивы: ИРЛИ, ф. 395; РГВИА, ф. 395, оп. 41, д. 224, 1849 г. (ф.с. 1848 г.), оп. 50, д. 1194, 1858 г. (ф.с. 1857 г.), оп. 34, д. 584, 1843 г., оп. 111, д. 214, 1856 г. (биогр. мат-лы) [справка Н. Ю. Муравейниковой]; РГИА, ф. 1343, оп. 25; д. 4346, 4348 (о дворянстве Мирославских) [справка В. М. Лупановой]; РГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 94; ф. 432, оп. 1, д. 918, 967; оп. 5, д. 1511 (биогр. мат-лы) [справка В. Н. Гудкина-Васильева].

К. Ю. Розов.

МИРТОВ О. [наст. имя и фам. Ольга Эммануиловна Негрескул, в первом замужестве Котылёва, во втором — Розенфельд; 19(31).1.1874, хутор ок. Екатеринослава — 5.1.1939, Москва, похоронена на Новодевичьем кладб.], прозаик, драматург. Мать, М. П. Негрескул (1851—1919; см. о ней: М а к с и к - о в, Дочь

Лаврова — «Вест. лит-ры», 1919, № 7; также — ДРДР; ГАРФ, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 175, т. 2 «О ликвидации кружка дворянки Марии Петровны Негрескул», — дочь П. Л. Лаврова; после смерти от чахотки первого мужа М. Ф. Негрескула (1843 или 1849—1871), связанного с «нечаевским делом» и отпущенного из тюрьмы по болезни, вышла замуж

за его брата Э. Ф. Негрескула (ок. 1852—?). М. — старшая дочь от второго брака, имела двух сестер. Мать, подрабатывавшая переводами с франц. и нем. языков, позже была переписчицей всех произв. М. В 1882—89 М. училась в Екатеринослав. жен. г-зии (оставила по болезни).

Ок. 10 лет (в 1890-е гг.) была в браке с А. И. Котылёвым.

Котылёв Ал-др Ив. (?—1917), петерб. репортер, сотрудник «бульварных» еженедельников «Скэтинг-Ринк», «Восмимная панорама», газ. «Петербург. листок», «Петербург. газ.», «Бирж. вед.» и др. По свидетельству Б. А. Филиппова, «ценили его: и рекламу может создать, и крепкий мужик: не одного редактора по морам откатал, а одного издатели избил в лоск» (в его кн.: Всплывшие в памяти. Рассказы. Очерки. Восп., Лондон, 1990, с. 275—76). А. М. Ремизов называл его «королем петерб. шантала, гостевой утки и скандала» (Ремизов А., Встречи. Париж, 1981, с. 14; придумал ему прозвище Кот-и-Лев) и своим «благодетелем» («третий год печатает Котылёв мои сказки»; «мордобоем» выбивает гонорары, с. 21, 33), по его словам, «доброй долей славы Куприна создана Котылёвым» (там же, с. 52). Котылёв «покровительствовал (П. П.) Потемкину», с к-рым также связан известным в 1906 делом «кошковаков» (там же, с. 51). М. развелась с Котылёвым, считая его не только монархистом («публично отрицал Свободу вообще» — ее письмо к П. Ф. Якубовичу от 17 июля 1905, ИРЛИ, ф. 266, оп. 5, № 87), но и человеком «опустившимся и пошлым» (письмо А. Н. Острогорскому от 28 авг. 1906 — ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 132). «После развода два сына жили с нею, но и с отцом не прерывали связи: Котылёв «даторжный», беззащитный, но именно как «даторжный» с порывами доброго и горячего сердца» (Ремизов А., Встречи, с. 52).

Архивы: РГАЛИ, ф. 2115.

Жила в Харькове, потом в Петербурге.

В кон. 1890-х гг. М. поехала «на голод» в д. Нижняя Баланда Казан. губ., где заведовала столовой, ухаживала за больными. В «С.-Петербург. вед.» в 1899 опублик. статьи о тяжелых условиях жизни населения этого края (подписываясь О. Котылева; см., напр., номер за 5 июня). В ответ на ее публикации и письма в петерб. газеты со всей страны и из-за границы (благодаря Лаврову и матери М.) посылают голодающим деньги, продукты. Вернувшись в Петербург, М. занялась рев. работой. Поступила на фельдшерские курсы. Добывала средства за существованию худож. рукоделием.

В 1901 при разгоне мартовской демонстрации у Казанского собора была избита казаками. Для лечения развившейся после этого легочной болезни выехала в Швейцарию, где печаталась в нелегальных изданиях. По возвращении в Россию поступила на рисовальные курсы при Об-ве поощрения художеств. В янв. 1903 М. арестовали вместе с матерью как участницу кружка «Объединение рев. сил памяти П. Лаврова», готовившего убийство В. К. Плеве. Ссылка в Вост. Сибирь на 5 лет была заменена из-за рус.-япон. войны ссылкой в Вологод. губ. В связи с отсрочкой по болезни в февр. 1903 вместе с матерью были отправлены в Мариуполь,

а затем в сентябре через Петербург в ссылку. В 1905 амнистирована.

В 1904 опубли. первый рассказ — «Художник» («Обр.», № 4—5). В ссылке написала пьесу «Алчущие» (шла также под назв. «Блаженные алчущие») (СПб., 1908), после временного запрещения поставленную с большими купюрами П. П. Гайдебуровым в Передвижном т-ре (сезон 1905/06). В пьесе отразились предчувствия рев. событий 1905—07, разл. «идейные течения в среде рус. культурных работников» (Г.—Тий, 1908, № 50, с. 898), предпринята попытка усилить роль творч. интеллигенции в освободит. движении. Наряду с этим значимой для М. была и тема «вечно женственного» (ее письмо В. А. Мирановой — РГАЛИ, ф. 2534, оп. 1, № 19) — и не только в творчестве, но и в создании собств. «женского» образа («В ее внешности ничего не было „писательского“, всегда нарядная „модница“ она была похожа скорей на офицерскую жену, с хохолком и бархоткой, таких встречал Достоевский, а говорливость не прерывная и ни на какой гонимой не поддающаяся» — Ремизов А., Встречи, с. 52).

Критика отмечала серьезность проблематики, но упрекала автора в доктринистстве и митинговости (Н.—Тий, 1906, № 14, с. 212), «несогласованности» изложения (Л. Васильевский — «Речь», 1906, 28 марта), называя пьесу «окрошкой из неополитических идей» (от Г. В. Плеханова об «мистичизме а-ля Мерзеховский»), а пьесонадей — «манаскенами с ярлыком» («Театр», 1907, 21 сент.); В. Г. — «Речь», 1907, 15 марта; БВед, вч. в., 1907, 14 марта.

В очерках «Затерянные края» («Обр.», 1905, № 4—6) о вымирающей чуваш. деревне М. пыталась осмыслить события, описанные ранее в ее репортажах «с голода». Во мн. произв. этих лет преобладает социальная проблематика: рассказ «Больные» («Обр.», 1906, № 10) и очерк «Девятое января» (сб. «В борьбе», в. 2, СПб., 1906) рисуют атмосферу рев. событий 1905, жизнь обитателей трущоб показана в рассказе «Смерть херувимчика» (ВЕ, 1912, № 5). Среди коротких прозаич. произв. М. — лирич. рассказы из жизни детей: «Тема» («Юж. зап.», 1905, № 26), «Каштань» («Шиповник», кн. 8, СПб., 1909); проникнутая юмором бытовая зарисовка «Тик-так» («Одес. новости», 1907, 25 дек.), психол. этюд «За чертой» («День», 1913, 25 дек.).

В основу ром. М. «Мертвая зыбь» (РМ, 1909, № 8—12; отд. изд. — СПб., 1910; на нем. яз. — Франкфурт-на-Майне, 1910, первая глава опубли. в сб. «Италии», СПб., 1909) легли впечатления вологод. ссылки. В нем проявилась тенденция, характерная для лит-ры послерев. лет, отразившей разочарование, усталость, нарастание индивидуалистич. настроений в среде революционно настроенной интеллигенции (Б. В. Са-

винков, Л. Н. Андреев), ссыльные описаны с иронией, часто близкой к шаржу: игра в конспирацию, бесконечные собрания и диспуты, мелочные дразни, деформация характеров в связи с вынужденным бездельем и изоляцией от реальной полит. жизни; в то же время образы немногих последовательных революционеров романтизированы. В развитии темы любви как «права на счастье», в описовке гл. героя ошутимо влияние М. П. Арцыбашева, хотя, по мнению М., это, скорее, тот Санин, к-рого «не понял, проглядел Арцыбашев». В «ссылке» автор видела «болезнь, нарост», а в ссыльных — «постепенно заболелая», центром романа считала «драму души»; «может быть, есть срывание ореолов, но — с толпы, с той накипи, к-рой действительно полна теперь ссылка, но не с революционеров вообще» (письмо к М. К. Иорданской — ИРЛИ, ф. 528, оп. 1, № 539).

Примечательно, как менялась оценка романа М. Горьким: в дек. 1909 он пишет А. В. Амфи-теatroву: «это не без таланта, и хотя в том же тоне, как „Бледный Конь“ [Савинкова], но честнее, искреннее» (ЛН, т. 95, с. 179), сам же в июне 1910: «капризно, претенциозно и тенденциозно» (ИМЛИ, Архив А. М. Горького, ПГ—РЛ, 1—25—71) и Н. Каржанскому (сент. 1910) — ясно «стремление попасть в тон победителю мешанину», книга «антиреволюционна» (там же, 18—17—2). См. также рец.: Аякс (Измайлов А. А.), Герои без ореола. — БВед, вч. в., 1909, 5 сент.; Колтоновская Е., Критич. этюды, СПб., 1912, с. 70—73; В. Свенсен — НЖВ, 1910, № 23; Мюретт (В. А. Попова) — НВ, 1909, 9 окт.; В. Бошняковский — «Нов. Русь», 1909, 3 нояб.; отрицат. отзывы: С. Адрианов — ВЕ, 1910, № 1; В. Львов-Рогачевский — СМ, 1911, № 4.

О новом ром. «Яблоня цветут» (РМ, 1911, № 4—12; отд. изд. — СПб., 1913) критика писала, что мн. страницы свидетельствуют о «серьезности, глубине и талантливости автора» (В. Львов-Рогачевский — «Совр.», 1913, № 9, с. 336), «настоящим вдохновением» и «интеллектуальной силой», что сцены любви обнаруживают «поэтичность, глубину ... необыкновенную тонкость и сложность» (Е. А. Колтоновская — «Сиб. жизнь», 1912, 9 февр.; ее же — «Библиотекарь», 1914, № 1; ее же — «Всеобщий ежесемечник», 1911, № 11) и удачны зарисовки из жизни детей (НЖВ, 1913, № 7). Однако худож. впечатление ослабляют длинноты, повторы, «худож. эклектизм» (Львов-Рогачевский; см. также: Вл. Кр(анихфельд) — СМ, 1913, № 10; Л. Л-лит — СевЗ, 1914, № 1).

В 1904—05 М. сотрудничала как редактор у Острогорского в «Образовании», в журнале часто появлялись ее критич. обзоры. В 1911—12 совм. с мужем, И. М. Розенфельдом, редактировала ж. «Новая жизнь» и «Новый журнал для всех», вела в них беллетристич. отдел, изредка помещала и свои статьи (о Бальмонте — «Новая жизнь», 1912, № 3). Печата-лась в газ. «День», напр., очерк «В

пути — через всю Россию. (Впечатления)» (1914, 3 авг.), ст. «Слухи» (1914, 13 авг.), «Шайка» Алехи Карамазова» (1916, 14 окт.). В газ. «Бирж. вед.» (веч. в., 1914, 29 авг.) опубли. ее заметка «Нужен ли театр?», посв. иск-ву в период крупных потрясений, а в 1915 (25 янв.) — рассказ о встречах с Лавровым в Париже.

В период с 1914 по 1917 пишет три пьесы, посв. теме любви, тайнам жен. души. В драме «Маленькая женщина» (П., 1915, 1916; пост. в сезон 1915/16 в Москве и Петербурге) сюжетную основу составляет классич. ситуация любовного треугольника, гл. интерес сосредоточен на психол. мотивировках и «небальных», по отзыву критики, размышлениях о любви (Ю. Соболев — «Рампа и жизнь», 1915, № 38, с. 9).

В центре пьесы, по мнению Колтоновской, «психологически-мистич. тема — о роковом одиночестве человеческой души и о единственно возможном выходе из этого одиночества — через великую индивидуальную любовь» (ВЕ, 1915, № 5, с. 351). Ту же «мистич. глубину», «двойное дно» пьесы отметил И. В. Жилкин — когда за «реальной плоскостью ... обыкновенным флиртом просматривается «роковая, обреченная, жертвенная и вечная любовь» (РСЛ, 1915, 17 сент.). Критика указывала на иск-рыс фальшивые ноты (Н. Эфрос) — РВед, 1915, 17 сент.), но в целом пьеса имела успех (рец.: Вл. Соловьев — «Аполлон», 1915, № 2; Л. Гуревнич — «Речь», 1914, 29 дек.; БВед, вч. в., 1914, 12 дек.; Софит — «Жен. дело», 1915, № 22; М.М. — «Вятская мысль», 1917, 3 нояб.).

В пьесе «Хищница» (П., 1916, 1917; пост. 1916 — т-р Незлобина, Москва и Петербург), в к-рой предпринята попытка создать образ «женщины будущего» и анализируется психология «невинных хищников», мн. рецензенты находили общие мотивы с Арцыбашевым, героиню сравнивали также с ибсеновской Геддой Габлер.

Нек-рые считали пьесу неудачной (С. Я. С. В. Потресов (Яблонский)) — РСЛ, 1916, 20 янв.; Ю. Соболев — «Театр», 1916, 20 — 21 янв.; его же — «Рампа и жизнь», 1916, № 4; И. Рабинович — «Речь», 1916, 2 марта; «великопленный образчиком ... безтактной пошлости» (Бэн (Б. В. Назаровский) — МВед, 1916, 20 янв.), другие находили ее «интересной и замечательной» (Э. М. Бескин) — «Раннее утро», 1916, 20 янв.; Э. Б. (его же) — «Театр. газ.», 1916, № 4; ср.: Анчар (В. Ф. Бошняковский) — БВед, вч. в., 1916, 1 марта; П. Демич — «Жен. жизнь», 1916, № 3; П. Н(синамов) — «Забайкальская новь», 1919, 21 нояб.). Парадоксальность мн. положений, вызов, брошенный «публике и морали», «черв. парадокс, жизни», к-рые в ней были, принесли пьесе зрительский успех (рец.: Л. Пасынков — Тий, 1916, № 10; И. Джонсон (И. В. Иванов) — там же, 1916, № 4; О. Миртов [о своей пьесе] — БВед, вч. в., 1916, 25 апр.; там же, утр. в., 1915, 3 июля, б. п.; «День», 1916, 1 марта; Импрессионист (Б. И. Бенгтсон) — там же, 1916, 2 марта; БВед, вч. в., 1915, 17 дек., и др.).

«Сценич. недоразумением», «винегретом из давно и много раз виденного и слышанного» назвал критик (Д. Языков — «Рампа и жизнь», 1918, № 9) пьесу о событиях 1-й мировой войны «Блаженная», шедшую в сезон 1917—18. Местами несвязная, растянутая, она была трудной для сценич. воспроизведения, «пьеса для

чтения, а не для театра», по отзыву Бескина («Театр. газ.», 1918, № 10).

После революции М. опубликовал неск. рассказов, газ. заметок. Роман «Помещички» (отд. изд. — М., 1926) отличается трезвым и язвительным видением пострелок, социальных реалий, своеобразная стилистика удачно передает языковую и обществ. «многоголосицу» растревоженного провинц. быта. Критика обвинила его в «пыльняковщине» и идеологич. грехах (Г. Лелевич (Л. Г. Калмансон) — «Молодая гвардия», 1924, № 7/8, с. 264; «Два письма [Н. Крандиевской к М. и ответ]» — «Россия», 1925, № 5; Я. Л. — «Молодая гвардия», 1926, № 12). Вероятно, по этой же причине не увидели свет произв. на совр. темы — пьеса «Нищая королева», «Ржа», рассказы и большой ром. «Машенька» (см. материалы РГАЛИ).

Лит.: Колтоновская Е., Женские силуэты, СПб., [1912], с. 178—88; Короленько, Х., 297—99; Гайдесбуров П. П., Лит. наследие. Восп. Ст. Режиссерские экспозиции. Выступления, М., 1977, с. 403; ЛН, т. 95 (ук.). + Некролог: ЛГ, 1939, 10 янв. Писатели совр. эпохи (2); Dictionary of Russian women writers; Альм. и сб-ки (1); ИРДТ, т. 7 (ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2534; Фмселинд: ф. 2252, оп. 1, № 172 (письма 1920—36 И. Г. Лежневу); ф. 770, оп. 1, № 217 (письма 1915 Е. П. Карпову); ГАРФ, ф. 102, 7 д-во, 1903 г., д. 72, ч. 15, ф. 102, ОО, 1906, д. 702, т. 10 [справка А. И. Тютюнник]; РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 457; ф. 1101, оп. 2, д. 440; ИРЛИ, ф. 629, № 26 (письма к Е. А. Колтоновской, 1913—16); РГБ, ф. 683, к. 2, № 12; РНБ, ф. 753, № 68 (письма к П. Б. Струве, 1910—11); ф. 352, № 178 (И. С. Книжнич-Ветров, «Записки восьмидесятилетнего», ч. IV); сочувств. отзывы 1931 о ром. «На крутом повороте» — № 2021 (М. Алексеев), 2052 (С. Малишкин), 2066 (М. Г. Сивачев). О. Е. Ближнина.

МИРЭ, А. Мирэ [наст. имя и фам. Александра Михайловна Моисеева; 1874 — 1(14).9.1913, Москва], прозаик, переводчица. Дочь небогатого провинц. чиновника, училась в Борисоглебской г-зии, к-рую оставила в 16 лет, «чтобы поступить на сцену в одном из приволж. городов» (Юшкевич П., А. Мирэ. — «День», 1913, 9 дек.). В нач. 1890-х гг., охладев к артистич. деятельности, уехала в Москву, где попала в среду рев. молодежи; в 1893 была арестована. Весной 1894 ее освободили из одес. тюрьмы, до осени 1897 жила в Кишинёве под надзором полиции, после чего уехала в Париж, где прожила два года, затем скиталась по Европе (Франция, Италия, Бельгия, Швейцария). Вращалась в богемной среде художников-французов, работала натурщицей; была вхожа и в круги рус. парижан. Один из любовников М. продал ее в Марселе в публичный дом; ей удалось оттуда бежать, добраться (пешком, прося подаяния) до Парижа. В 1902 М. вернулась в Россию и поселилась в Н. Новгороде. В это время начинается ее лит. деятельность: в газ. «Нижегород. листок» и «Одес. новости» ре-

гулярно печатаются прозаич. миниатюры — «короткие рассказы и психол. картинки, с оттенком своеобразного романтизма, страстного и в то же время печального» (Тыркова А., А. Мирэ. — РМ, 1914, № 1, отд. III, с. 26), к-рые не проходят незамеченными в читательской среде.

56 ранних рассказов М. собраны в ее кн. «Жизнь» (Н. Новгород, 1904); это лаконичные прозаич. зарисовки, отчасти напоминающие стих. в прозе И. С. Тургенева и Ш. Бодлера и навеянные в осн. заграничными впечатлениями (в «сюжетных» набросках преобладают сцены из жизни париж. богемы, лишь один — «За решеткой» — написан на рус. тему); наряду с «бытовыми эскизами», дающими живые, лирически окрашенные кар-

тины повседневности, в книге имеются и условно-аллегорич. этюды. А. А. Блок, рецензируя «Жизнь», противопоставил рассказы из франц. жизни («... обращают на себя внимание тихой измученностью, которая не мешает свежести восприятия ... читая беспретенционные рассказы, мы уловим в них то, что можно назвать „истинностью жизни“») ее же вымышленным и вычурным «антихудож. абстракциям», к-рые он сравнил, по авт. стремлению к «ложной утонченности», с горьковскими «песнями о буревестниках» («Вопросы жизни», 1905, № 7, с. 216—17; Блок, V, 584—86). В прозе М. заметно воздействие Г. де Мопассана, О. Мирбо, Э. Золя и др. новейших европ., преим. франц., прозаиков, в чем, вероятно, сказывалась сознат. авт. установка: «Любимым ее писателем в это время был Гамсун. „Пан“ Гамсуна был для нее своего рода Библией ... Рус. писателей последнего двадцатилетия она совершенно не ценила, не любила» (С. Юшкевич — «Одес. новости», 1913, 13 дек.). В Я.

Брюсов, отмечая в рецензии на «Жизнь» соотношенность рассказов М. с франц. прозой, лаконичность, тщательную отработанность стиля, говорил вместе с тем об отсутствии глубины психол. анализа: «Темы нередко выбираются сложные, глубокие, сильно-драматические, но разрабатываются они как-то слишком легко, и читатель, не останавливаясь, не задумываясь, переходит от одного трагич. анекдота к другому» [Брюсов (2), с. 120].

Н. П. Ашкелов, увидевший в прозе М. «много блесков красоты, чувства, лирич. настроения», указывал также на поспешность и экзотичность ее худож. мира: «... нет центрального пункта, нет первой оси, вокруг которой вращался бы художественный аппарат писателя» («Обр.», 1905, № 1, отд. II, с. 144). О подлинности лиризма в рассказах М. и преобладающем в них пессимистич. мироощущении писали и др. рецензенты: РМ, 1904, № 7, с. 209; Вл. Боцановский — «Русь», 1904, 17 авг.; ЛБ. — МБ, 1905, № 2, отд. II, с. 37; Н. Геккер — «Киев. отелки», 1905, 18 июля. Миниатюры «Жизни» оказались одним из первых проявлений последовательно импрессионистич. стиля в рус. прозе, предвосхищая творчество Б. К. Зайцева, О. Дымова («Солнцескорот»), Е. Г. Гуро.

В 1903 М. встретила в Н. Новгороде с Г. И. Чулковым, знавшим ее с отроческих лет (черты биографии М. отразились в героине его рассказа «Шурочка и Веня»; см.: Чулков Г., Люди в тумане. Книга рассказов, М., 1916, с. 101—18), к-рый способствовал ее приобщению к кругу петерб. символистов. С 1905 М. — в Петербурге, она печатается в столичных изданиях, гл. обр. модернист. толка («Вопросы жизни», «Золотое руно», «Перевал», «Наша жизнь», «Новый журнал для всех» и др.), сближаясь с Вяч. И. Ивановым и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, Ал-дрой Н. Чеботаревской, В. А. Щеголевой. «На средах у Лидии и Вячеслава Ивановых всегда можно было открыть где-нибудь в углу ее бледное, поматое лицо, с растерянной, жалкой улыбкой и горящими, красивыми глазами, все еще молодыми и полными ожидания ... А те подлинные, красочные грезы, которые рождались вопреки всему в ее душе ..., напрасно искали себе воплощения в жизни и только неполно и робко выглядывали из ее рассказов» (Тыркова А., указ. соч., с. 26—27). М. живет попеременно в Москве и в Петербурге. Влияние модернист. окружения сказалось на второй книге ее рассказов и драм. сцен «Черная пантера» (М., 1909), в к-рой преобладают аллегорич. и символич. миниатюры с элементами фантастики, затрагивающие в осн. метафизически осмысленные темы Любви и Смерти; в книге очевидны следы воздействия рус. символист. прозы и заруб. писателей, прежде всего О. Уайльда (рассказ «Черная пантера»; см.: Павлова Т. В., О. Уайльд в рус. лит-ре. — В кн.: На рубеже XIX и XX вв., Л., 1991, с. 121, 127). В письме к Ал-дре Че-

ботаревской (б. д.) М. признавалась, что этой книгой «недовольна *очень*»: «... я поняла, что все это совсем не то, что я хотела написать» (ИРЛИ, ф. 189, № 120). М. вынашивала замысел большой повести, оставшийся невыполненным, продолжала писать прозаич. миниатюры в своем раннем стиле: «От декадентства я окончательно и бесповоротно отошла» (письмо к Н. Г. Чулковой, осень 1911. — РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, № 465). Наиб. значит. ее произв. этого времени — «Странницы из дневника» («Жатва», 1912, № 3), автобиограф. повествование о переживаниях и впечатлениях взрослеющей девушки, проникнутое ощущением полноты и подлинности бытия: «И жизнь влечет меня к себе, несмотря на открывающийся, временами, скрытый в ней ужас» (с. 191).

В эти же годы М. переводит с французского для изд-ва «Польза» (М.) Ж. Роденбаха («Мертвый Брюгге», «Звонарь», [1909]), Ж. А. Барбс д'Орвилли («Дьявольские маски», 1909), а также роман Золя «Жерминаль» («Углекопы» — Собр. соч., т. 13, СПб., 1912) и новеллы Мопассана (ПСС, т. 13, СПб., [1916]).

В 1910 М. познакомилась по брачному объявлению и по переписке с холостяком-агрономом, за к-рого вышла замуж [из письма к Л. И. Рыбаковой (б. д.): «Все это странно и прелестно, как сказка». — РГБ, ф. 371, к. 4, № 19], поселилась вместе с ним в захолустье (с. Частые Оханского у. Перм. губ.). Союз оказался непрочным, и в 1912 М. вновь осталась одна, что вызвало тяжелое душевное расстройство (была помещена в психиатрич. лечебницу в Москве). В последние месяцы жизни избегала общения с лит. знакомыми; попал в кон. августа 1913 в Старокаверинскую б-цу, «умерла как скиталица: ... одинокая, никем не навещаемая и не опознанная и поэтому даже похороненная в общей могиле» (Юшкевич П., указ. соч.). Лишь три месяца спустя друзья узнали о ее смерти и смогли получить оставшиеся после нее рукописи.

Др. произв.: «Сказки черных ночей» («Вопросы жизни», 1905, № 6), «Пустынник» («Наша жизнь», 1905, № 24/25), «В тихой усадьбе» (там же, 1906, № 3/4), «Легенда черных снов» («Прометей», 1906, № 2), «Смерть» («Перевал», 1906, № 2), «Любовь» (там же, 1907, № 10), «Человек с портфелем» («Наша жизнь», 1906, № 10), «На лесной тропинке» (там же, 1906, № 16), «Сиреневый дом» («Илл. еженед.», 1907, № 33), «Весенняя ночь» («Живописная неделя», 1908, № 22), «Белый ключ» (НЖЛВ, 1910, № 24), «Препятствие» («Солнце России», 1912, № 136/137), «На пчельнике» (УР, 1912, 30 марта).

Изд.: [Рассказы]. — «Преображение», 1993, [№ 1]: Заколдованный круг. Рассказы. — «Октябрь», 1994, № 7 (вступ. ст. и публ. М. В. Михайловой).

Лит.: Чулков Г. Годы странствий. Из книги восп., М., 1930, с. 43—47; Михайлова М. В., «Я женщина с головы до ног...» (Творч. портрет писательницы М.). — В кн.: Время Давыдова. Универсалии Серебряного века. Третий Давыдовский чтения. Мат.-лы, в. 1, Пермь, 1993; то же [расширено]. — «Преображение», 1993, [№ 1]: с. 58; Творчество М. и зап.-европ. лит-ра. — В кн.: Рус. женщины и европ. культура, СПб., 1993. + Некрологи: «Речь», 1913, 11 дек. (Г. Чулков); УР, 1913, 11 дек. (Ю. К.); «Рампа и жизнь», 1913, № 51 (С. Кречетов); «Жен. дело», 1914, № 1 (И. П(опов)); ИВ, 1914, № 1. Масанов. А. В. Лавров.

МИТРОПОЛЬСКИЙ Иван Иванович [26.9(8.10).1872 — после 1917], прозаик, журналист. Род. в семье надв. сов., секр. Моск. окружного воен.-мед. управления, врача и литератора И. А. Митропольского; брат А. И. Митропольского (писателя Арсения Несмелова). Учился в 1-м моск. кадет. корпусе, с 1891 в 3-м

Александров. воен. уч-ще, по окончании в 1893 в чине подпоручика служил сначала в гренадер. полку в Астрахани, а с 1894 в пехотном полку в Кутаисе. По увольнении в запас в 1896—99 чиновник Минского акцизного управления (в 1897 из подпоручиков запаса переименован в коллеж. секр.). С 1900 вновь на воен. службе — сначала в 3-м гренадер. Пернов. полку, затем в штабе 1-й гренадер. дивизии (в 1901 произведен в поручики). Во время рус.-япон. войны в 1904 под его ред. в Москве выходил ж. «Война с Японией» (№ 3—31); с нояб. 1904 по дек. 1905 в качестве нач. арбяного транспорта служил в Маньчжур. армии; за отличия в воен. действиях удостоен ордена Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1906 вернулся в Москву в Пернов. полк; вышел в отставку по болезни в 1907.

С 1900 печатался в ж-лах и газетах: «Нар. благо», «Досуг и дело», «Рус. мысль», «Искры», «Дет. чтение», «Игрушечка», «Семья», «Дет. круг», «Нива», «Путеводный огонек», «Охотничий вест.» и др. Первые лит. выступления относятся к сер. 90-х гг. (пов. «На Волге» —

ЛПН, 1895, № 12). В 1899 опубли. кн. «Рыцарь. Рассказ. Из истории одного медведя» (М., на т. л. — 1900; 3-е изд., М., 1913) и сб-к рассказов «Из жизни» (М.; 3-е изд., М., 1917; рассказы этого сб-ка выходили и отдельно: «Мятеж», М., 1899; 4-е изд., М., 1916; «Ждут фельдшера», 2-е изд., М., 1916; «Пахомычев звук», 2-е изд., М., 1917) в издававшейся М. В. Клюкиным серии «Добрые души. Чтение для детей и народа» (в ней впоследствии вышла большая часть соч. М.). Написанные «беспритязательно, тепло и реально», они были доброжелательно приняты критикой (НВ, 1899, 22 дек.). Был близок к лит. кружку «Среда»: принял участие в сб-ке для юношества «Книга рассказов и стихотворений» (М., 1902), задуманном как издание «небольшого», «товарищеского» кружка (письмо Н. Д. Телешова А. П. Чехову от 20 авг. 1901 — ЛН, т. 84, кн. 1, с. 527—28); в сб-к вошли произв. Л. Н. Андреева, И. А. Бунина, М. Горького, А. И. Куприна, Д. Н. Мамина-Сибиряка и др. Чл. Об-ва деятелей периодич. печати и лит.-ры. Будучи ред. сб. «Живые слова. Писатели, обществ. деятели и артисты, записавшие свои голоса или муз. исполнения в пользу Об-ва деятелей периодич. печати...» (М., 1910), вместе с И. А. Белоусовым [см.: Белоусов (1), с. 213] в окт. 1909 ездил в Ясную Поляну, чтобы записать на фонограф голос Л. Н. Толстого (текст записи с предисл. М. и его подробным восп. о поездке опубли. в этом сб-ке; фрагмент — в кн.: Интервью и беседы с Львом Толстым, М., 1986, с. 417). Сотрудничал в газ. «Столичная молва» (в 1912 ее врем. ред. — № 230—250); печатал в ней свои статьи на темы внутр. политики (об угрозе либеральным свободам), по экономич. вопросам (о злоупотреблениях в снабжении армии, о наущных хоз. задачах и пр.).

На темы рус. истории — «Евпатий Коловрат. Ист. рассказ из эпохи XIII столетия» (М., 1902) и «Случай. Ист. повесть из времен Павла I» (М., 1905). Герон мн. рассказов — «простые» люди (крест. дети, сироты, бедняки) — несут в себе исконные начала нар. нравственности. Нек-рые произв. для детей передают экзотич. колорит др. стран — пов. «Король камышей» (М., 1904; 2-е изд., М., 1915), «Маленький Манза. Повесть из манджурской жизни» (М., 1913). Особое место занимают рассказы о войне, гл. мотив к-рых — христ., нравств. подвиг солдата: «Вода» (Р.н/Д., 1903), «После сражения» (М., 1904), сб. «Из прошлого и настоящего» (М., 1905). Написанные динамично и увлекательно (однако несколько назидательно), они сочетают традиц. описания природы с ориг. характерами, точными и емки-

ми бытовыми деталями, иногда — необычными сюжетами. Мн. очерки и рассказы — «Соломония Сабурова» (М., 1903), «Тяжелый год. Рассказы из 1812 года» (М., 1903; 3-е изд., М., 1912), «Кавказская война и ее герои» (М., 1904), «Смоленск в 1812 году» (М., 1902; 2-е изд., М., 1913), «В отчизне и дедине» (М., 1914) — содержат достоверное, обстоятельное изложение событий рус. воен. истории. За сост. кн. «За братьев-славян. Русско-турецкая война 1877—1878 гг.» (совм. с П. Поповым; М., 1902) был награжден зол. часами из кабинета с.и.в.

С темой города связаны трагич. мотивы обреченности человека, оторванного от родовых корней (рассказ «Тоска» в его сб. «Пестрые страницы. Повести и рассказы», М., 1902). Гор. тема преобладает и в сб.-ке юмористич. рассказов «Смейтесь на здоровье!» (М., 1901), «Дробь» (М., 1907), герои к-рых — огранич., трусливые обыватели, жонглирующие реп. фразеологией в стремлении не отстать от моды.

Среди др. произв. для взрослых — полесский цикл, отразивший, вероятно, впечатления от путешествия по Полесью, совершенного в юности. Особенно выделяется написанная, по-видимому, под влиянием К. Гамсуна, пов. «В тумане жизни» (М., 1912), в к-рой трагич. любовь развивается на фоне романтич. весенней природы. Остросоциальные и психол. проблемы — в рассказах «На плотях» (Р.иД., 1903), «Жуть» (в сб. «Пестрые страницы...»). Занимался также ред.-издат. деятельностью: выпускал в Москве ж. «Дух времени» (1906), «Наш понедельник», «Живая мысль» (прил. — газ. «Дух времени»; оба ж.-ла — 1907), «Летучая мышь» (1912—13), газ. «Столичная молва» (1912) и «Семафор» (1912—14; совм. с женой — М. Ю. Митропольской).

В 1914—15 под редакцией М. выходили сб. «Пассажир» (в. 1—5, М.), включавшие его очерки и рассказы (а также статьи и рассказы Ардова, С. Глаголя) гл. обр. о событиях 1-й мировой войны 1914—18.

После 1917 М., по-видимому, отошел от лит.-ры; публикации этого времени неизвестны.

Др. произв.: пов. «Дуэль» (М., 1900), «Муравьи-спасители и др. рассказы для детей» (М., 1903; 2-е изд., М., 1915), «Рассказы» (М., 1903), «Рассказы про седую старину» (М., 1903; 3-е изд., М., 1914), «Федор Коробейник и др. рассказы для детей» (М., 1903), «Из волж. рассказов» (М., 1904; 2-е изд., М., 1915), «Колька Суходольский» (М., 1906), пьеса «Свобода. Сцены из жизни в Македонии» (М., 1913).

Лит.: ЛН, т. 90, кн. 4, с. 80. + Венгров. Источ.: Альм. и сб.-ки (1, 2; ук.): Библ. перлю-

лич. изданий России. 1901—1916, т. 1—4, Л., 1958—61 (ук.); Масанов (не учтен псевд. Иван Иванович).

Архивы: РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, № 1889 (ст. М. «Тройная цепура», заметка «Ревизия сенатора Гарина» и сопроводит. письмо в ред. газ. «Речь»), ф. 598, рсл. газ. «Курьер», оп. 2, с.х. 9 (фото): РГБИА, ф. 409, оп. 2, л. 17836 (п. с. 1907 г.) [справка Н. Ю. Муравейниковой]; ИРЛИ, ф. 349, № 21 (в архиве ж. «Курьер» автограф отзыва М. на кн. Н. Д. Телешова «Белая цапля»), ф. 540 (Пост. комиссии), 1902 г., № 46; РГИА, ф. 1343, оп. 36, л. 16293 (копия свидетельства о рождении М. и н. с. 1903 г.; п. с. 1882 отца М.) [справка Н. М. Корневой].

А. О. Толстикова.

МИТРОФАН [в миру Воронцов Михаил Лаврентьевич; 2(13).11.1791, с. Ивановское Дмитров. у. Моск. губ. — 20.11(2.12).1850, Москва; похоронен в Покров. монастыре], проповедник, духовный писатель; архимандрит. Сын дьячка, оба деда — священники, у одного из них М. воспитывался после смерти матери в 1795. С 1801 учился в Дмитров. духовной сем., в 1805 переведен в Славяно-греко-лат. акад., где был одним из лучших учеников; параллельно посещал лекции в Моск. ун-те, давал уроки в состоят. домах, а с 1812 преподавал лат. яз. и рус. грамматику в самой академии. По окончании академии (1813) назначен преподавателем риторики, поэзии и франц. яз. в Перевинскую сем.; здесь М. «составлял» пьесы для своих учеников, писал лат. стихи. В 1814 проф. словесных наук Спасо-Вифанской сем.; по отзыву моск. викария Августина «при отличных дарованиях и мн. сведениях» имел «особенный дар витийства и редкую склонность к ученым занятиям» (ДЧ, 1868, № 10, с. 131). В том же году М. оставил учительскую службу (хотя в 1815—20 преподавал закон Божий и церк. историю в Моск. ун-тском благородном пансионе; «Слово на освящение храма в университетском пансионе...», М., 1819, — наиб. раннее из опублик. «слов» М.), женился, был рукоположен в священники (церковь Иоанна Богослова в Бронниках), в 1815 переведен в Колодевную церковь на Арбате, при к-рой состоял иереем св. 20 лет — до 1836.

В это время начинается (1818) и достигает расцвета проповеднич. деятельность М.: он становится известным в Москве «духовным оратором» («Москв.», 1849, № 19, отд. V, с. 57), его проповеди отличались живостью слога, эмоц. красноречием, проникновенностью тона («звучный, входящий в душу голос»); в этих ранних, оставшихся неизданными проповедях М. обличал мн. совр. пороки и «худые обычаи» (ДЧ, 1868, № 10, с. 133, 137, 146).

«Я всегда с радостью, а не воздыхая творил дело Божие, дело моего служения среди вас» (там же, с. 137), — говорил М., оставляя Колодевную церковь при пострижении в 1837 в монахи (после смерти

жены и старшего сына) по предложению митрополита Филарета (Дроздова). Взял имя Митрофан, по имени святителя Митрофана, Воронеж. епископа, сподвижника Петра I; ему еще до пострига М. посвятил поэму (в 5 песнях) «Хвалебное приношение веры новопрославленному святителю Митрофану...» (М., 1836; в РГБ — экз. с дарств. надписью архимандриту Арсеннию) — риторич. восхваление «героя Веры и Креста», «смирненного сердцем», чуждого «блестящих дарований» и «выспренных познаний» (с. 1, 7, 8).

В еще большей степени эта тема подчеркивается в «житийной» поэме «Радонежский пустынный, св. Сергей Чудотворец» (М., 1849; в 9 песнях); здесь М. сосредоточивается преим. на дет. годах отрока Варфоломея (мирское имя Сергия Радонежского) — с картинами идеализиров. патриарх. быта рус. боярства («Жизнь, недоступная разврату, укоризне», «Там нравы христиан сияли чище злата» — с. 7), рассказывает о пути его духовного возмужания с ранним выбором иночества и пустынножительства. Описание тягот жизни и искушений в пустыни, где молодой инок создал первую обитель и стал ее игуменом, — наиб. удачные страницы поэмы (как и не лишённые психол. проницательности увещания и предостережения матери — с. 34—38). В целом поэма изобилует длиннотами, распространенными метафорами и библ. уподоблениями. М. писал и не предназначавшиеся для печати стихи «на случай» (на смерть сына: «Отлетел мой соловей! Первейшей любви моей», 1832; опублик. 1868). Неизданными остались поэма «Св. Алексей, Божий человек» (1848; не окончена), стих. «Товий», а также пер. соч. св. Иеронима, св. Киприана, Блаженного Августина и др. (местонахождение неизв.).

После пострижения М. — архимандрит Златоустовского мон., с нач. 1839 — Знаменского (в 1842 награжден орденом св. Анны 3-й степ.), а с 1845 — Богоявленского мон. в Москве. Член Моск. духовной консистории, надзирающий за приведением в порядок ее архива (с 1838), участвовал в разл. рода ревизиях. Тяготился адм. обязанностями, но выполнял их добросовестно. Пользовался особым расположением митрополита Филарета (ценившего его за усердие и «бесприкословную покорность»), по поручению к-рого составлял и произносил проповеди в разл. храмах. Знаток европ. языков (латынь, франц., нем.; в конце жизни изучил англ.), переводил статьи из иностр. ж.-лов, принимал иностр. духовных лиц, интересовавшихся древностями и святынями столицы. В 1848 под наблюдением М. в моск. Синаодальной типографии печаталась рукопись бо-

гослужебного Евангелия для болгарских церквей.

В последнее десятилетие жизни активно публиковал свои проповеди. Выходят отд. брошюрами «Слово при освящении храма во имя Софии...» (М., 1843), «Речь при открытии Сретенской школы Моск. Благотворит. общества...» (М., 1844), а также «Слова при погребении...» протопресвитера Успен. собора И. Д. Никольского (М., 1843), «болярыни» В. Ф. Скалон (М., 1844), А. А. Прокоповича-Антонского (М., 1848), проповеди «Слова и речи на разные случаи, говоренные Моск. Богоявлен. монастыря настоятелем архимандритом Митрофаном» (М., 1850; значит. часть составили речи, произнесенные при погребениях). В положит. отклике («Москв.», 1850, № 11) отмечались такт и чувство меры при составлении погребальных слов, способность, не впадая в панегиризм, «на все бросить взгляд, приличный служителю веры» (с. 127). В этом же году М. опублик. 15 ранее не изд. проповедей, произнесенных с 1838 по 1850 («Поучительные слова на высокочтительные дни и на разные случаи...», М., 1850). Хотя сб-к состоит в осн. из «слов» по случаю тезоименитства и дней рождения Николая I и вел. князя Ал-дра Ник., темой проповедей (за исключением зачина и окончания) становятся вопросы нравств.-духовной жизни и веры: об искушении (с. 44 и след.), о «евангельской свободе» и злоупотреблении ею (с. 25), о духе христ. молитвы, к-рая «есть голос нужды» (с. 36), о способности восхищения лицами, превосходящими нас по достоинству, как прообразе божеств. благоговения (с. 7). Неоднократно обращается М. к обсуждению природы земной власти (в т. ч. в двух проповедях по поводу дворян. выборов в «звание судей»), обязанности добровольно подчиняться всякому «начальству». Назначение светской власти он видит в обуздании невежества, покровительстве слабым, спасении «убогого от руки сильного» (с. 32, 19) и часто подчеркивает ограниченность ее возможностей: только «законы веры» «преследуют лукавый помысел в самых сокровенных изгибах сердца, — убивают его в самом зародыше» (с. 68). Свои рассуждения М. постоянно подкреплял удачным применением Священного Писания.

В 1847 в «Моск. губ. ведомостях» М. опублик. ряд небольших соч. богослов.-ист. характера: «Сказание о чудотворной иконе Знамения Пресвятыя Богородицы...» (№ 48), «Нечто достопамятное о Моск. Богоявленском монастыре» (№ 4 ... 17, 28—31, 33—34), «Сведения о св. Мароне Чудотворце...» (№ 50), «Церковь предобого Марона Чудотворца...» (№ 49), перевел лат. кн. Л. Ф. Блозия, изд. в издательстве и сокращ. вид. под загл. «Наставления христианину для руководства в религ.-нравств. деятельности. (В письмах)» (М., 1849; впервые: «Моск.

губ. вед.», 1847, № 18—22, 24—28) — собр. кратких статей, дающих осл. ориентиры в духовной жизни. Выбор М. объекта для перевода вызвал сдержанное недовольство Филарета, опасавшегося влияния католич. традиции («Монашество православное не скудно наставлениями св. отцов») и не имеет нужды быть перечувствимо по западным руководствам» (ДЧ, 1868, № 11, с. 172); ср. отзыв о. Парфения: «подарок для душевной плоти», «истинно-христианские, практические уроки для преуспеяния в разуме духовном и благочестии» (там же, с. 173).

Умер М. от водянки. В отпевании участвовал (сослужил) митрополит Филарет.

Др. произв.: рассказ «Предвкусные силы грядущего века» (ДЧ, 1866, № 5).

Лит.: Архимандрит Григорий, Архимандрит Митрофан. — ДЧ, 1868, № 10, 11 (там же фрагменты неоконч. автобиографии, стихи); + Некрологи, 1850: МВед, 28 нояб. (то же — «Моск. губ. вед.», 1851, № 4); «Москв.», № 23. Филарет (Гумилевский), Обзор рус. духовной лит-ры, 2-е изд., кн. 2, Чернигов, 1863; Брокгауз: Венгеров. Источ.

Архивы: РГИА, ф. 796, оп. 119, л. 714 (вкл. п. с. 1837 г.), оп. 126, л. 1284, оп. 132, л. 2378 (дело о смерти, 1851 г.) [справка Н. М. Корневой]. А. В. Копылова.

МИХАЙЛОВ Владимир Васильевич [18(30).3.1832, Петербург — 7(19).11.1895, там же; похоронен на Смоленском кладб.], педагог, литератор. Сын дир. Деп. Мин-ва путей сообщения. Окончил 1-ю петерб. г-зию. Учился на физико-матем. ф-те Петерб. ун-та (не окончил из-за болезни); чтобы восстановить здоровье,

уехал в Лужский у., где проявилась его склонность к пед. деятельности. Первая публ. — ст. «О воспитании в семье» («Мор. сб-к», 1856, авг.), посв. высокому призванию учителя и трудному в нравств. плане положению дом. воспитателя. Возвратясь в Петербург, М., по настоянию отца, 7 лет занимался канц. работой. Выйдя в отставку в чине губ. секр., целиком отдался любимому делу — сначала в качестве воспитателя в провинц. и столичных семьях, а с 1860 как содержатель пансиона для мальчиков в Петербурге. После за-

крытия пансиона в 1869 5 лет служил дом. воспитателем. В 1875—83 преподавал в Елизаветин. зем. реальном уч-ще, с 1883 — в г-зии Я. Г. Гуревича. С 1884 М. — инспектор по уч. части школ Рус. технич. об-ва. Добивался расширения сети школ об-ва для рабочих и их детей, вел переговоры с попечительствами о необходимых для этого средствах, устраивал лит.-муз. вечера, нар. чтения, к-рые вел сам, пользуясь славой превосходного чтеца (Гринцев и Н. Памяти М. — «Рус. школа», 1895, № 11).

Немногочисленные драм. опыты М. не имели успеха. В Александрин. т-ре поставлены водевили «Странная болезнь» (1857) и драма «Не хуже других» (1861; Моск. Малый т-р — 1863). Герой последней, страдающий «неизлечимой нравств. болезнью», стремится быть «не хуже других» и для этого женится по расчету; как неизбежное наказание следует смерть жены. Пьеса, как и др. лит. произв. М., не избежала нек-рой дидактичности.

Герои пов. М. «Игрушка» (ОЗ, 1857, № 5) — молодые люди, для к-рых первая любовь «будто игрушка»: «Им весело играть ею, покидая она еще нова ... Долго ли успеет она у них?» (с. 108). Сб-к из 5 рассказов «К праздникам» (СПб., 1884; тогда же рассказы вышли и отд. брошюрами; 2-е изд. под назв. «Рассказы 12-летнему человеку», СПб., 1894) объединен темой становления характера подростка и представляет разл. типы семейного воспитания («слепая» родительская любовь, разумная строгость и др.). Положительная оценка сб-к, рецензенты отмечали, что он удовлетворяет требованиям, предъявляемым к лит-ре для детей, отличается простотой слога, «объективностью тона» (ЖенО, 1884, № 10, с. 675), удачной обрисовкой характеров, «верным изображением дет. интересов» (СВ, 1895, № 6, с. 93), чужд «наизидательности или притворной чувствительности» («Пед. сб-к», 1884, № 3, с. 322).

Ф. М. Достоевский использовал для работы над ром. «Подросток» наблюдения М.-педагога за детьми (письмо Достоевского к М.: РС, 1883, № 12, с. 715—16), называя их «драгоценными»: «Хочется ... дух Ваш русский (настоящий) втолковать кому-нибудь из здешних» (Достоевский, XXX, кн. 1, с. 12).

Др. произв.: «От Рождества до Пасхи» (в. 1, 2, СПб., 1879—80; календарь с биогр., ист. и др. статьями).

Лит.: Корольков Н. М. Памяти М., 6. инспектора по уч. части школ Имп. Рус. технич. об-ва, СПб., 1896. + Некрологи, 1895: ВМ, т. 3, с. 387; НВ, 9 нояб.; «Новости», 9 нояб.; ИВ, т. 76, с. 307. Вольф (ук.); Венгеров (Сл.; Источ.); Мельер; ИРДТ, т. 4, 5 (ук.).

А. Н. Кузнецов, И. И. Гамина.

МИХАЙЛОВ Константин Арсеньевич [6(18).3.1868, Петербург — 1919, Петроград (?)], писатель-юморист. Биогр. сведения, крайне скудные, содержатся лишь в автобиографии М. 1913 (ИРЛИ, ф. 377): сын ремесленника; в 14 лет закончил «Комиссаров. школу»; с 18 лет жил на лит. заработки; за 25 лет написал ок. 2 тыс.

небольших рассказов и ок. 1,5 тыс. стихотворений.

Печатался со 2-й пол. 80-х гг., под многочисл. псевдонимами (св. 320), в юмористич. ж-лах «Шут», «Стрекоза», «Будильник», «Развлечение»; с 1886 пост. сотр. «Осколков» Н. А. Лейкина (в 1908—16 ред.-изд. этого ж-ла). Писал типичные для чисто развлекательной журн. юмористики 2-й пол. 1880-х—1910-х гг. стихи, диалоги, сценки, рассказы, посв. в осн. «жертвам, жрецам и жрицам любви» («Осколки», 1910, № 34, с. 6). Из номера в номер появлялись циклы его рассказов с выразит. названиями: «Из похождений юной авантюристки», «Из жизни одного многоженца», «Обошительницы», «Похождения холостяков», «Из жизни молоденькой обманщицы» и т. д.; позднее многие из них вошли в отд. сб. «Женские тайны» (СПб., 1898), «Соломенные вдовушки» (СПб., 1900) и др. По признанию самого М., в его соч. «преобладают старания избегать тоски и — желания видеть жизнь светлее и радостнее» (ИРЛИ, ф. 377).

М. был чл. ОРДП. Его многочисл. пьесы — б. ч. одноактные водевили, фарсы, шутки, собранные в кн. «Драм. сочинения» (СПб., 1896, в. 1—5) и публиковавшиеся в 1896—1905 в ж. «Дом. театр» (бесплатное прил. к ж. «Родина»), в т. ч. «В декадентском гнезде. Рус. декаденты. Сатирич. фарс в 3 д.» (1900, № 8—10), «Дядюшкин сон. Комедия в 4 д.» (1901, № 4), — переладка комич. пов. Ф. М. Достоевского, а также бытовые пьесы «Женатый дурак» (П.,

1915), «Богатый Терентий» (П., 1915), «Сосватались и рассватались» (П., 1915). Несмотря на разл. жанровые определения, данные автором («картинка провинц. нравов», «былина в лицах из рус. старины», «водевиль из купеч. жизни» и т. д.), они также тематически однообразны (злключения неверной жены, похищение искателя богатых невест и т. п.); сценич. воплощения не получили.

Др. произв.: «Красавицы далекого прошлого. Сб. романт. историй и приключений. Женщины прошлых веков. 1. Фрина. 2. Мария Падилла. 3. Аггесса Сорель. 4. Форнарина» (СПб., 1900), «Романы герцогинь. Сб-к ист.-романт. рассказов и этюдов. Женщины прошлого Франции» (СПб., 1900), «Знакомые фигурки (Забавная комедия нравов). Собрание сатирич. стихотворений» (СПб., 1905).

Лит.: Венгеров (Список); Каталог ОРДП; Масанов.

Архивы: СПб ГТБ (рукописи пьес): РГАЛИ, ф. 317, оп. 1, № 248 (письмо И. Ф. Масанову, 1905); ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 448 (письмо Н. К. Михайловскому, 1893); РНБ, ф. 874, оп. 1, № 69 (2 письма С. Н. Шубинскому, 1897); РГИА, ф. 776, оп. 26, д. 8, 11 (письма о запрещении одноактных пьес «Ида» и «За других»). Е. Р. Котомцова.

МИХАЙЛОВ Михаил Кузьмич (Кузьмич) [10(21).10.1775 (менее вероятно — ок. 1777*), Петербург — 4(16).9.1856, Павловск], переводчик, поэт-лирич.; экономист. Из дворян. Отец М., навл. сов., умер, оставив вдову с 10 детьми. При содействии дяди С. Я. Румовского (Яковлева), астронома, акад. Петерб. АН, М. был определен с братьями в академич. г-зию, к-рую окончил «с отличными успехами» в словесности и иностр. языках в 1793. В конце того же года поступил на службу в Гл. почтовых дел правление (с кон. 1794 коллеж. актуариус), в 1796 — в Экспедицию о гос. доходах (губ. секр., 1798). В 1801 перешел на службу в канцелярию Гос. совета под начало гр. М. М. Сперанского, оренбургского «дарования и познания» М. и в дальнейшем ему покровительствовавшего. В 1802 становится пом. секретаря Деп-та Мин-ва внутр. дел (навл. сов., 1806), с сент. 1807 назначен секретарем при министре внутр. дел гр. В. П. Кочубее («правой рукой» к-рого был Сперанский), затем при кн. А. Б. Куракине. С 1811 М. — дир. канцелярии Гос. контролера (с оставлением при Гос. канцелярии, к-рой был причислен в 1810) и МВД; в должности дир. канцелярии МВД состоял до нач. 1830; дослужился до действит. стат. советника (1823; с 1815 — стат. сов.).

Проф. и науч. интересы М. были непосредственно связаны с его гос. службой, проведением либер. преобразований гос. устройства России в

1800-е гг. В 1804 в «С.-Петерб. журнале» (изд. при МВД) он публикует серию переводов англ. философа и юриста И. Бентама: «О распространении познания законов», «О пользе просвещения», «О свободе книгопечатания», «О безопасности» (№ 2, 8) и др.; трудами Бентама интересовались гр. Н. С. Мордвинов, члены учрежденного Александром I в 1801 неофиц. Негласного к-та: Сперанский, разрабатывавший план реформы юстиции, Кочубей, кн. А. Чарторыйский (см.: Брокгауз, т. 3, с. 458). Переводы М. из Бентама были «очевидно прямым исполнением той программы, которой, вслед за императором, держались лучшие люди тогдашнего правительства» (Пыпин А. Н., очерки лит-ры и общественной мысли при Александре I, П., 1917, с. 36 — гл. Рус. отношения Бентама). С 1805 М. публикует перевод классич. тр. Бентама «Рассуждение о гражд. и уголовном законоположении...» (выполненный с изданного Этьеном Дюмоном соч. Бентама на франц. яз.; с предисл. и доп. Дюмона; СПб., т. 1—3, 1805—11; посв. Александру I). Интерес к Бентаму переводчика, как и рус. образов. общества в целом (см., напр., предисл. Дюмона и рец. на 1-й том перевода М. в ж. И. И. Мартынова «Лицей», 1806, ч. 1, кн. 2, с. 61—77), вызван во многом тем, что отд. вопросы права и систему законодательства вообще Бентам включал в широкий филос. и нравственно-социальный контекст, признавая «единственным» критерием «достоинства законов» «удаление или уклонение с корби» (т. 1, с. XI); «правила» Бентама были одинаково хороши и для монархий, и для республик: «не возмущать естеств. хода надежд и привычек» («Лицей», ук. рец., с. 65). Помимо общей благожелат. оценки («Перевод сей книги отнеси можно к малому числу весьма полезных переводов», в т. ч. «по чистоте языка русского» — там же, с. 61) рецензент особо отмечает осведомленность автора в предмете и значимость перевода для формирования в России языка «полит. наук» (там же, с. 75, 77).

Перевод способствовал известности М. в образов. кругах. Интерес к политэкономии — трудам Бентама, А. Смита, франц. экономиста Ж. Б. Сэя (к-рого М. будет переводить позднее) — «был яркой чертой обществ. настроения молодежи в 1818—1820 гг.» (Лотман Ю. М., Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий, Л., 1983, с. 134). А. С. Пушкин упоминает о них как предмете ученых светских разговоров в 1-й гл. «Евгения Онегина».

Собственно лит. интересы М. проявились рано (в 1792 он выступает с переводами в «Новых ежемесячных соч.», 68, 72, 77), но имели эпизодич. характер. В 1801 он вступил в ВОЛСНХ, был наряду с И. М. Борном, В. В. Погодаевым, В. В. Дмитриевым одним из первых его чле-

нов-учредителей («Заметки А. Х. Востокова о его жизни», СПб., 1901, с. 40; публ. В. И. Срезневского), но уже к июню 1802 в его составе не числился; в альм. Общества «Свиток муз» (кн. 1, СПб., 1802) напечатал стих. «Моя хижина» («Меня кров хижина смиренной/ Спасет от бури, защитит») — с прославлением уединенной сел. жизни, расхожими для нач. века мотивами бегства от гор. цивилизации, «от зависти и от сует». В 1830 М. напечатал дилетантское стихотв. послание «П. Г. М.» (альм. «Комета ... на 1830 г.», М.) в духе элегич. романтизма (др. стих. и басы остались ненапечатанными — см.: РИ, 1860, 10 апр.; по всей вероятности, М. и не стремился их публиковать). Значительно более удачны худож. переводы М. (с франц.) повестей популярной в России с нач. века г-жи де Сталь («Две повести», СПб., 1804): «Аделаида и Теодор» и «Мирза» (герой последней — негр Ксимо, впавший в «меланхолию» от несчастной любви); встречающиеся архаизмы, местами усложненный синтаксис в целом не нарушают гладкий, в духе рус. сентимент. повести, слог перевода.

В 1820-е гг. М. часто назначался в различ. временные к-ты (РГИА): для рассмотрения проекта арханг. губ. прокурора об улучшении содержания препровождаемых в Сибирь колодников (1824), земских повинностей (1825—28), способов к улучшению городов (1825—28), доходов и расходов Петербурга (1827—28; под председательством Кочуба). М. был пред. к-та «об устройстве хозяйств, управления в С.-Петерб. и Моск. столицах» (1827—28), состоял в секретной комиссии для открытия тайной торговли золотом (1827).

После отставки в марте 1830 М. пережил трудный период: безвозвратно пропал капитал, вложенный им в частное предприятие. М. сам, вместе с женой (урожд. Вальц), подготовил четырех сыновей к поступлению в ун-т, к-рый они закончили со степенью кандидата, а трем дочерям дал хорошее дом. воспитание, заменив им наставников и учителей.

Вопросами права и полит. экономии М. занимался на протяжении всей жизни: в 1826—27 в ж. Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча (бывшего в 1830 подчиненным у М.: Греч Н. И., Записки ..., СПб., 1886, с. 186) «Сев. архив» опубли. «Предварит. рассуждение о Политической экономии. Из Сея» (ч. 24—25), содержащее обстоят. разбор экон. систем, в 1828 — ст. «О влиянии машин на нар. богатство» (№ 6), в к-рой уровень развития «мануфактуры» в России связал с «духом» времени (с. 206). В 1833 по предложению Вольного экон. общества М. написал соч. «Об изыскании причин чрезвычайной смертности младенцев в крест. сословии и способов ее отвращения» (в 1836 удостоено зол. медали и премии в 500 руб.; работы представлялись анонимно, соч. М. — под

девизом «И создал Бог человека, перст взем от земли»). В 1840 М. также был награжден зол. медалью Ученым к-том Мин-ва гос. имуществ за рассуждение «Об изыскании способа улучшения хозяйств. быта поселения».

В 1845 М. представил в Акад. наук к соисканию Демидов. премии «Политическую экономию» в 2 томах. Академик П. И. Кеппен высоко оценил соч. («Теперь у нас готова явиться своя политическая экономия» — Кеппен, с. 230—31), а М. назвал «самостоятельным мыслителем, рассуждающим о «своем предмете ... с теплою любовью к просвещению» (там же, с. 240); по мнению Кеппена, тр. М. выходит за пределы означенного в загл. содержания: он скорее посвящен науке «о законах хозяйств. общежития» (с. 233). Отметив влияние Сея, Кеппен подчеркивает, что М. относит к ценностям, входящим в состав производства, знание («ценность», по М., «может заключаться в одной мысли, идее, в одном слове», с. 240), в то время как Сей и др. экономисты признают богатством только «вещественное имущество» (там же, прим.). М. не получил Демидов. награду только из-за того, что тр. был представлен им в рукописи (местонахождение не обнаружено).

М. умер от возобновившейся водянки. Современники отмечали кротость, незлобивость, простоту нрава как природные отличия. черты М. (по восп. сослуживца О. А. Пржевальского, М. был «умный, образованный и очень добрый человек» — РС, 1874, № 12, с. 665; см. также с. 668—69), отличавшийся «невозмутимым спокойствием духа», он жил в строгом согласии между внутренними убеждениями, «чистыми помыслами» и самими поступками (СП, 1856, 13 дек.).

Сын М., Михаил Михайлов (1807 или 1808—1889), кандидат права (служил в МВД в 1830-е — в Мин-ве иностр. дел, секр. Церемониального деп-та, камергер двора), ун-тский приятель А. В. Никитенко, знакомого со всем семейством М. (Никитенко, ук.), оставил краткие восп. «Мелочи из моей памяти» (ИВ, 1888, № 1, 7/9); ему также принадлежит публикация «Пересел из Англии во Францию» (благотелат. упоминания: В. Г. Белинского: Белинский, II, 387; одобрит. рец. Ф. В. Булгарина — СП, 1838, 7 апр.), помещенная в «Сборнике на 1838 г., составленном из лит. трудов...» (СПб., 1838), изд. А. Ф. Воскожыхов; с ним М. общался в 1820—30-е гг. (см.: РС, 1901, № 2, с. 385; РИ, 1860, 10 апр., с. 306). «Пересел...» — несприятельный и живой очерк англ. быта и нап. характера (англ. «флегма и безответность», «меланхолический покров, к-рым облечены ... общество. увеселения» англичан и т. п. — с. 60, 64).

Изд.: Поэты-радищевцы. 1935.

Лит.: Кеппен П. И., Разбор соч. д. стат. сов. М. «Полит. экономия». — В кн.: Четырнадцатое присуждение учредж. П. Н. Демидовым награды. СПб., 1845; Чернышевский, т. 4, с. 492, и след. + Некролог: СП, 1856, 13 дек. (В. Я.) Фукс. — Генина; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Смирнов-Сокольский.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 25, л. 4630 (ф. с. 1830 г.*) [справка С. И. Варсховой].
Е. Ю. Нецименко, Л. М. Шемелёва.

МИХАЙЛОВ Михаил Ларионович (Илларионович) [4(16)* или 3(15).1. 1829, Уфа* — 2(14).8.1865, рудник Кадая, Забайкал. обл.; похоронен близ Кадан], поэт, переводчик, прозаик, публицист; рев. деятель. Дед М., крепостной родственницы С. Т. Аксакова (упоминается в его «Семейной хронике»), умер, по словам

М., «не вынес позора от ... незаслуженного телесного наказания» [Лемке (3), с. 107; нек-рые уточнения см.: Гудкова, Гудкова, 1988]. Отец — чиновник из вольноотпущенных, губ. казначей в Оренбург. казенной палате (находилась в Уфе, см.: Хазиев, 1984, с. 80—81), дослужился до дворян. звания (к кон. жизни — надв. сов.); мать — кирг. княжна, дочь ген.-лейт. В. Е. Уракова. В раннем детстве М., родившийся полуслепым, перенес операцию на веках (отсюда сильная близорукость и полуопущенные веки, составившие наряду с «киргизскими» чертами характерные приметы его внешности). В 1835 семья М. переехала в пос. Илецкая Защита, где отец служил в Соляном правлении и в 1841 стал управляющим промыслом. М. получил хор. домашнее образование (одним из его учителей был сильный поляк), овладел неск. иностр. яз.; по сведениям П. В. Быкова (в изд. М., 1913, т. 1, с. VIII), «на десятом году» поступил в Уфимскую г-зию, но курса не кончил [арх. данные об учебе не обнаружены (сообщено В. Г. Хазиевым); возможно, получил аттестат, сдав экзамены экстерном, см.: Хазиев, 1981, 1984; ср. ст. М. Г. Рахимкулова в изд. М., 1989, с. 9]. Рано начал писать стихи и прозу. В 1845 послал в «Иллюстрацию» пер. ром. А. Карра, к-рый не был напечатан. Первые опубли. стих.:

«Ее он безмолвно, но страстно любил» и «Сосна и пальма (Из Гейне)» (оба — «Илл.», 1845, № 11).

Осиротев (мать ум. в 1841, отец — в 1845), М. с братьями и сестрой переехал к родственникам в Уфу. В 1846 отправился в Петербург, где, не выдержав вступит. ун-тских экзаменов, поступил на ист.-фил. ф-т ун-та вольнослушателем; здесь он познакомился с Н. Г. Чернышевским, стал первым из его ун-тских друзей. Чернышевский отзывался о М. как о «чрезвычайно умной голове...»; «я с ним гораздо более откровенен, нежели с другими. Не любить его нельзя, потому что у него слишком доброе сердце... чем больше я стал узнавать его, тем более стал любить» (письма родным, дек. 1846, февр. 1847 — XIV, 83, 110). В кругу лит. увлечений М. — статьи В. Г. Белинского, «в высшей степени замечательного человека» (письмо М. к В. Р. Зотову, 11 июля 1848 — ЛА, VI, 154), оказавшие значит. влияние на его духовное становление.

Во 2-й пол. 40-х гг. М. тесно сотрудничает со мн. столичными периодич. изд. — его стихи, пер. и очерки печатаются в «Иллюстрациях» (1845—48), «Б-ке для чтения» (1846—47). Сблизившись с В. Р. Зотовым, всячески поощрявшим его публикации (см. письма М. к нему, 1847—48 — ЛА, VI, 129—60), поместил значит. число своих произв. в его «Лит. газ.» (1847—49). По восп. Зотова, М. «с первого появления в кругу литературной петербургской молодежи ... приобрел ее любовь и всеобщую симпатию. Добродушный, восторженный, увлекательный, он всегда был готов жертвовать собою ради других, для тех идей, которые он считал справедливыми и гуманными» (Зотов, с. 294—95). Однако напряженная лит. деятельность не принесла материального достатка, и в февр. 1848 «по расстройству ... денежных дел» (Пыпин, 1910, с. 70) М., оставив ун-т, вынужден был уехать в Н. Новгород, где поступил на службу в Соляное правление (до 1852; вышел в отставку в чине губ. секр.). Тяготясь провинц. жизнью и службой, не прекращал лит. занятий. Круг его лит. интересов расширился: продолжал переводить [осуществил в т. ч. полный пер. «Фауста» И. В. Гёте (не сохр.) и др.], он обратился к прозе, пробовал силы в драматургии (сатирик. комедия «Тетушка», 1849, опубл.: РСЛ, 1860, № 1), занимался библиографией, собирал фольклор. В 1849 предложил свое сотрудничество М. П. Погодину (письмо к нему — Барсуков, X, 346), публиковался в «Москвитянине» (1849—1852). В 1850 его посетили проездом А. Н. Пыпин и Чернышевский; последний пытался помочь М. вернуться в Петербург, но хлопоты оказа-

лись безуспешными (см.: ЛА, VI, 141—42).

В 1845—51 М. выступал гл. обр. как поэт. Начав писать в романт. духе, он после переезда в столицу примыкает к демокр. направлению (ср. иронию над прежними романтич. настроениями, условным поэтич. пейзажем в стих. «Если б я вас снова встретил...», 1847: «... во мгле туманно-бледный/ Лик луны и листьев шепот...»). В стих. «Надя», «Груня», «Хорошая партия» (1847), «Кабак» (опубл. без загл.: ЛГ, 1848, № 17), «Встреча» (1848) — характерные для нового направления темы, герои (страдания людей из народа, судьба падшей женщины, безрадостная любовь бедняка разночинца); вводятся конкретные бытовые детали, социально дифференцированная разговорная речь, просторечная лексика, диалектизмы. Специфичны используемые жанры: социальная сатира, сохранившая следы куплетной традиции («Помещик», ЛГ, 1847, № 19), стихотв. очерк, рассказ из нар. жизни. В то же время в его раннем творчестве значит. место занимали антологич. поэзия и чистая лирика: «Антологические стихотворения» (ЛГ, 1848, № 20), публ. 1849—51 в «Москв.» (стих. «Облака», «Простая история»), по поэтике близкие к лирике раннего А. А. Фета, Я. П. Полонского. Стихотв. пер. еще не отделялся четко от ориг. поэзии: переводные стихи печатались вперемежку с оригинальными, принципиального различия между ними М. не делал. Переводил (без особого отбора) нем., франц., древнегреч., реже англ. стих.; однако уже наметились поэты, к к-рым он позднее постоянно обращался, — Г. Гейне и Гёте.

Известность в нач. 50-х гг. М. приобрел как прозаик, автор пов. «Адам Адамыч» («Москв.», 1851, № 18—20), в к-рой выступил продолжателем традиций реализма 40-х гг. (во второй ред. посвятил ее И. С. Тургеневу, чье влияние ощутимо в повести). Незамысловатая история гувернера-немца, сентимент. идеалиста (прототипом послужил воспитатель М. в дет. годы), ставшего жертвой пошлости и грубости нравов провинц. среды, вызвала полярные критич. оценки.

Одобрительно встреченная «Современником» («дарование несомненное» — (И. И. Панаев), 1851, № 12, отд. 6, с. 152—53) и «Отч. зап.» (1851, № 12), пов. подверглась критич. разбору в «Москвитянине». Отмечая нек-рые параллели в таланте М. и художника П. А. Федотова («Москв.», 1851, № 21, с. 79, 6. п.), сотрудники ж-ла все же склонялись к мнению А. А. Григорьева, осуждавшего М. за «копировку всех без разбора явлений действительности» (там же, 1852, № 3, с. 108; ср. суждения о «непристойности» пов. — Барсуков, XI, 407). В. И. Даль, знавший М. и рекомендовавший его Погодину, находил пов. «грязной» (там же, 406). Схожие выражения — в отзыве самого Погодина («Дос-

тоинства несотыслемые, но грязновато. Сюсны заднего двора. Грустно» — цит. по изд. М., 1965, с. 5), отразившем его отношение к «направлению сатирическому», изображающему, как отмечалось в ред. прим. к сатирич. сценам М. «Намюшка» («Москв.», 1851, № 13, с. 65), «жизнь действительную, в ее уклонениях, болезнях, недостатках» (публикации М. объяснялись в этом прим. усткой читат. вкуса).

Оставив службу в февр. 1852 (в отставке с июля того же года), М. вернулся в Петербург и стал сотрудничать в «Современнике» (до 1865), печатался также в изд. А. А. Краевского — «Отч. зап.» (до 1857) и «С.-Петерб. вед.» (1852—53); неск. позднее (с 1854) — исключит. сотрудник «Б-ки для чтения» А. В. Старчевского. Возобновляются его дружеские отношения и переписка с Чернышевским. В числе знакомых М. — почти все заметные петерб. литераторы: Полонский (близкий друг М.), А. Н. Майков, Н. В. Гербель, Н. Ф. Щербина, Л. А. Мей; нек-рые из них — Тургенев, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин — принимали участие в его лит. судьбе (так, Тургенев в 1855 улаживал его конфликт с Краевским, см.: Дикман, Левин, 1960, с. 208—10). В 1853 состоялось знакомство М. с Н. В. Шелгуновым, перешедшее в тесную дружбу, к-рой не могла поколебать возникшая в дальнейшем взаимная любовь М. и Л. П. Шелгуновой.

Действительный участник лит. петерб. жизни, пост. посетитель салона Е. А. Штакеншнейдер и др. лит. собраний, М. при первом знакомстве привлекал внимание гл. обр. оригинальностью наружности: «маленькие, узкие, вьюсь, как у киргиза, разрезанные глаза и бледно-смытый цвет лица имели что-то восточно-степное, Оренбургское»; «приподнятые и загнутые дугой брови», губы «до того яркого цвета, что издали бросались в глаза» (Шелгунов и др., I, 111—12; Панаева, с. 195). Одновременно мемуаристы отмечали собственное см. «природное изшествие», «успокаивающую кротость и мягкость», ласковость и живость в общении; по словам Шелгуновой, «остроумное, прелекательное и интересное Михайлова ничего быть не могло» (Шелгунов и др., I, 111—12; II, 60). Отличавшийся «порядочной долей легкомыслия» (там же, I, 112), М. слыл «победителем женских сердец» (Панаева, с. 195; ср.: Боборыкин, II, 320); не оставался чужд он модным светским увлечениям столич. кругов, ср. свидетельство о его интересе к френологии (Штакеншнейдер, с. 111).

После 1852 М. перестал публиковать ориг. стихи, хотя продолжал писать их (б. ч. утрачена) и отдавал в печать лишь прозаич. произв. и переводы. Шелгунов вспоминал, что, когда они познакомились, М. «считал себя беллетристом и, кажется, мало ценил себя как переводчика и знатока иностранной литературы» (Шелгунов и др., I, 110). В рассказах «Он. Дневник уездной барышни», «Поэт», «Сынок и маменька» (все 1852), позднее объединенных вместе с нек-рыми другими в сб. «В провинции» (т. 1, СПб., 1859—60), он с горечью и грустью рисует обыват. рутину, духовное убожество серой будничной провинц. жизни. Обратившись к показу скудного событиями

бытия мелких гор. чиновников, их маленьких радостей и печалей, немудреного внутр. мира (рассказ «Скромная доля», 1852), изображая разношерстный гор. люд (очерк «Кухмистерша», 1853), М. становится признанным бытописателем этой среды. Как отмечалось в печати, «нижний класс городского населения ... никто не умеет так хорошо рисовать, как г. Михайлов» (ОЗ, 1853, № 1, отд. 4, с. 20).

В центре пов. «Кружевница» (1852; отклик: «Москв.», 1852, № 11; отзыв Л. Н. Толстого: «очень хороша, особенно по чистоте русского языка» — XLVI, 125) — противопоставление моральной чистоты молодой узловой девушки (образ ее несколько идеализирован) распушенности и эгоизму соблазненного ее «заслуженой барина». Трагична участь золотопшеники, слепнувшей от непосильного напряжения («Голубые глазки», 1855). Трогательн поэтический образ молодой казачки (автобиограф. рассказ «Уленька», 1857), чьи порывы к чуждому светл. му, настоящему оборачиваются полной безнадёжностью, покорностью деспотич. семье.

Нек-рая приглушенность повествования, зачастую лишь намеченность психол. рисунка сочетаются в этих произв. с точностью деталей, мягким и грустным юмором, за к-рым скрывается сочувствие автора к героям, задавленным обстоятельствами (ср. мнение П. В. Быкова, сближавшего юмор М. с чеховским, — в изд. СПб., 1913, т. 1, с. XVI). Чутко отзываясь на веяния времени, М. обращается к новым героям-разночинцам, пытается проследить их эволюцию — от драматич. крушения надежд на возможность изменения убогой окружающей среды (ром. «Марья Ивановна», ОЗ, 1853, № 6—8; одобрит. отзывы Чернышевского — СПбВед., 1853, 10 нояб., б. п.) до постепенного преодоления безволия и созерцательности, до осознания необходимости перенести свои субъективные романтит. переживания на «все, что просит любви и деятельного сердечного участия» (пов. «Изгоев», БЧ, 1855, № 2; указ. строки добавлены во 2-й ред. — в сб. «В провинции», ч. 2, 1860). Иск-ву и быту провинц. актерской труппы посвящен ром. «Перелетные птицы» (ОЗ, 1854, № 9—12; сдержанно-одобрит. отклики: «И. И. Панаев», «Совр.», 1855, № 1; БЧ, 1854, № 11; 1855, № 1—2), в героях к-рого современники узнавали гл. персонажей нижегород. театр. сцены [Богорыкин, П., 519; Гациский А. С., Нижегород. т-р (1798—1867), Н. Новгород, 1867, с. 11]. Успех имели очерки «Святки» (ОЗ, 1853, № 3; отд. изд. — СПб., 1854; единодушно одобрит. рец. 1854: «Совр.», № 1; БЧ, № 1; ОЗ, № 2), по отзыву Зотова, — «один из самых грациозных рассказов, которые нам случалось читать на русском языке» (цит. по изд.: М., 1913, т. 1, с. XV). Окружающий мир, с картинами патриарх. помещичьего быта, овсяного поэзий нар. обрядов и поверий, песен,

преданий, всех этих «чудных видений туманного, сказочного мира» (цит. по изд.: М., 1991, с. 201), предстает в очерках преломленным через сознание ребенка.

Обращается М. и к непосредств. изображению крест. жизни, однако недостаточное знакомство с ней сказалось и в рассказе «Ау» (БЧ, 1855, № 8), и в рассказе «Африка» («Совр.», 1855, № 7), вызвавших критику Н. А. Добролюбова (VI, 50); в последнем М. рисует тип крестьянина с особым душевным складом, с тягой к странничеству, пытается воссоздать его религ. искания, что роднит этот произв. с «Касьяном с Красной Мечи» Тургенева.

Важный момент в духовном становлении М. — поездка 1856—57 в Оренбург. губ. и на Урал по командировке Мор. мин-ва для «исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством» (т. н. «лит. экспедиция», в к-рой участвовали также С. В. Максимов, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский и др.; о М. см. подборку док-тов в публ. Ю. Д. Левина — в кн.: Из истории рус. фольклористики, в. 3, Л., 1990).

В ходе ее М. изучал быт и экономич. положение местного населения, обычаи, верования, нар. творчество (для записи нек-рых текстов специально «изучил татар. яз.», см. там же, с. 75), особенно интересовался массовыми движениями — башкирскими бунтами, восстанием Пугачева. Свои впечатления, в т. ч. от беспорядочного положения местных жителей, он изложил в обширных ист.-этногр. трудах («Очерки Башкирии» и «От Урalsка до Гурьева»), к-рые не попали в печать, за искл. небольшой ст. «Уральские очерки» («Морской сб.», 1859, № 9) (в дальнейшем все собранные мат-лы были изданы при архиве М. в 1861 и, вероятно, погибли в III отд.).

Поездка дала ему «и опыт, и встречу с людьми, и ближайшее изучение Руси» (письмо Полонскому, 7 июля 1857 — в кн.: Шестидесятые годы, с. 446). После возвращения с новой энергией принимается за лит. труд. Его лит. симпатии в это время достаточно разнообразны, обществ.-полит. взгляды окончательно не определились.

Летом 1857 сдвиг в Москву, возможно, в связи с приглашением Г. А. Кушелева-Безбородко сотрудничать в организуемом ж-л «Рус. слово» и редактировать его (поисследован публ. М. по-являлись в ж-ле в 1859—60, в осн. при редакторстве Полонском, до перехода «Рус. слова» под руководство Г. Е. Благовещенкова). Получил предложение М. Н. Каткова о непосредств. участии в «Рус. вест.» (где печатался в 1856—59), но, несмотря на свое доброжелат. отношение («душа у меня всегда будет лежать к „Рус. вестнику“ из всех журналов наших» — в кн.: Шестидесятые годы, с. 445), работать в нем не стал. С энтузиазмом относился к попыткам организации др. новых периодич. изд., в т. ч. к замыслу Дружинина и Толстого выпускать журнал, во мн. направленный против «Современника» (см. письмо Дружинина, 1858, в кн.: Толстой. Переписка, I, 272—73). Позднее безуспешно пытался основать собственное изд. «с благородным и определенным направлением» (письмо Шелгунову, июль 1859 — Шелгунов и др., I, 118).

В июле 1858 — апр. 1859 вместе с Шелгуновыми М. посетил Францию (Париж, Трувиль, города Нормандии) и Англию. В Лондоне (февр. 1859) познакомился с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Публиковавшиеся в «Современнике» «Парижские письма» (1858, № 9—12; 1859, № 2) и

«Лондонские заметки» (1859, № 6—9) принесли М. известность как публицисту. В них он знакомил рус. читателей с нац. культурой и бытом стран Зап. Европы, их деятелями (рассказывал, в частности, об встрече с франц. поэтом-песенником Э. Потье), писал об успехах в пром. развитии и торговле, но и — об углублении социального неравенства, росте нищеты, затрагивал полит. проблемы (обличал «мрак» реакции, стгушающийся над Францией Наполеона III). По возвращении вошел в состав редакции «Современника», где вел отд. лит-ры. В критич. ст., печатавшихся также в «Рус. слове», пропагандировал демокр. лит-ру (творчество П. Ж. Беранже, В. Гюго, Потье, Т. Гуда, Дж. Элиот, Н. Готорна и Г. Лонгфелло), выступал против эпигонского романтизма и натуралистич. «мелочной копировки» жизни; рецензировал изд. переводных произв. и сборники поэтов-переводчиков. Тогда же он стал редактором отдела словесных наук в «Энци. словаре» П. Л. Лаврова, где опубликовал ок. 70 своих статей (библ. перечень — Егоров, с. 103—04; атрибуцию М. нек-рых ст. в 4-м томе «Словаря», опубл. после его ареста, см.: Володин А. И., Итенберг Б. С., Лавров, М., 1981, с. 95). Продолжая публицистич. выступления, осн. внимание уделял ж-н. эмансипации, требовал в ряде ст. («Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», «Совр.», 1860, № 4, 5, 8; и др.) доступа женщин к высшему образованию и всем родам обществ. деятельности, уравнивания с мужчинами во всех гражд. правах и обязанностях. Перестройке семейных отношений в этом направлении придавал принцип. значение как «спасению от нравственной шаткости, которою, как старческой немощью, болело современное общество» (изд. 1958: III, 375), расходясь, в частности, с Чернышевским, оценивающим проблему эмансипации как второстепенную. Статьи М. произвели «в русских умах землетрясение», автор их был «провозглашен творцом женского вопроса» (Шелгунов и др., I, 121). Столь же бурную реакцию вызывали и последующие выступления, напр., ст. в «С.-Петерб. вед.» (1861, 3 марта), инициировавшая полемику о т. н. «безобразном поступке „Века“» (см. в ст. П. И. Вейнберга).

Пробовавший свои силы в самых разнообразных лит. жанрах и областях знания, М. в историю рус. лит-ры 19 в. вошел гл. обр. как поэт-переводчик. Стихотв. перевод стал основой его лит. деятельности в период творч. зрелости (1855—61).

Осн. внимание он уделял Гейне, считая, что «отголоски песни Гейне слышатся везде в современной лирике», издает «Песни Гейне» (СПб.,

1858; одобрит. рещ.: Н. А. Добролюбов, «Совр.», 1858, № 5; П. И. Вейнберг, БЧЧ, 1858, № 7; критич.: А. Ф. Видерт, «Атеней», 1858, № 29). Добролюбов считал, что М. «лучше всех других передал силу впечатлений, оставляемого в читателе стихами Гейне» (II, 489). Позднее А. А. Блок в докладе «Гейне в России» (1919) утверждал, что М. «до сих пор по качеству своих переводов не преодолён никем»; «большая часть из них — настоящие перлы поэзии» (VI, 118, 119). Переводил М. и прозу Гейне, публиковал заметки о его жизни и творчестве (БЧЧ, 1858, № 6, 7) — первую на рус. яз. биографию поэта. Действительно участвовал в предпринятом Гербеком изд. Шиллера, много переводил Гёте, а также Р. Бернса, Дж. Байрона, Т. Гула, А. Шамиссо, Н. Ленау, Ф. Фрейлихтера, Ш. Петёфи (первый в России) и др. Из А. Теннисона, Л. Уланда и др. М. отбирал стихи в духе вост. поэзии. В 1858 начал публиковать пер. из вост. поэтов. В 1860 перевел стихи Т. Г. Шевченко, с к-рым был знаком.

Теоретик и практик перевода, М. требовал от переводчика как проникновения «духом подлинника», так и овладения формой в ее новом языковом воплощении, «условия» с рус. языку. Собств. его переводы отличались точностью передачи оригинала, умелое нахождение функц. соответствий при выборе стихов. формы, порой смелое экспрессионирование с ней (шлел Гейне «Северное море»); отступления от оригинала обычно свидетельствуют о поиске адекватных средств для передачи эмоц. значения стих. («Гренадеры» Гейне). Ист. и жанровые различия переводимой поэзии определили богатство переводч. наследия М. Вместе с тем его пер. из разных поэтов, при всем их соответствии оригиналу, нередко отмечены общностью эмоц. настроения: тихой, нежного сентимент. грустью, необычайной душевной простотой и наивностью — своеобразным «михайловским колоритом» (П. Ф. Якубович), особой поэтич. интонацией, к-рая почти не проявлялась в его ориг. творчестве, тяготевшем к гражданственности.

В «Современнике» и «Рус. слове» кон. 50-х гг. продолжилась лит.-критич. деятельность М., начавшаяся в 1852. Его ст. посвящены филологич. проблемам (текстология — рещ. на «Соч.» М. Ю. Лермонтова, изд. С. С. Дудышкиным, РСЛ, 1860, № 5; «Заметка о Лермонтове», «Совр.», 1861, № 2; и др.), текущему лит. процессу. В понимании характера и задач лит. критики М. ориентируется на Белинского — «идеал критического дарования», органично соединявший в своем анализе «обществ.» и «эстетич.» стороны критики. Гипертрофирование одной из этих сторон (поборниками «чистого искусства» или сторонниками обществ. его значения) привело, по М., к «безобразным и смешным крайностям» (см.: изд. 1958, III, 101). Выдвигаемая М. теория «автономности» иск-ва, акцентирование принципа «художественности» сближали его подход с «органич. критикой» Ап. Григорьева и обусловили отличие, при сходстве теоретич. посылок, от позиции Добролюбова (см.: Егоров, с. 92—94), в т. ч. расхождение и по конкретным вопросам, напр. в оценке драмы Писемского «Горькая судьбина», резко критикованной Добролюбовым и положительно воспринятой М. (РСЛ, 1860, № 2).

Расхождения М. с Чернышевским и Добролюбовым не затрагивали обществ.-полит. сферы, где их взгляды совпадали. К 1860 М. сформировался как демократ-просветитель, со-

циалист и революционер, чей идеал — «уравнение прав и отношений капиталиста и работника, богатого и бедного», создание такого положения, «когда результат производства составляет собственность трудившегося» («Совр.», 1861, № 5, Совр. обзор., с. 2, 23). Начиная с этого времени М. вел конспиративную работу. Через брата Шелгуновой Е. П. Михайлиса связался с революционно настроенным студенчеством, участвовал в обсуждении манифеста 1861 об освобождении крестьян (ср. свидетельство современника о радикализме М., осуждавшего манифест «сильнее и ядовитее всех... тон и содержание его протестов показывали, что этот человек уже „сжег свои корабли“» — Боборыкин, I, 234; ср.: II, 521). Организовал печатание прокламации Чернышевского «Барским крестьянам...», возможно, помогал Шелгунову в написании прокламаций «Русским солдатам» и «К молодому поколению», призывавших к восстанию против самодержавия (степень соавторства М. остается спорной), обеспечил издание первой из них. В апр. 1861 вновь выехал с Шелгуновыми за границу (Германия), в июне прибыл в Лондон, куда доставил рукоп. «К молодому поколению»; отпечатанные в типографии Герцена 600 экз. тайно провез в Россию. В кон. лета 1861 поддерживал тесные контакты с вернувшимся в Петербург Добролюбовым (см.: Левин, 1961). В нач. сентября у М., попавшего в поле зрения III отд., производится обыск, не давший результатов, вслед за чем он вместе с Михайлисом и А. А. Серно-Соловьевичем распространил привезенную прокламацию. Выданный В. Д. Костомаровым, арестован 14 сент. 1861, заключен в Петропавлов. крепость. На суде принял всю вину на себя, приговорен [за участие в написании и распространении «злумышл. сочинения... которое имело целью возбудить бунт против верховной власти, для потрясения осн. учреждений гос-ва» — Лемке (3), с. 130—31] к 12 с половиной годам каторги и пожизн. поселению в Сибирь; по высочайшему повелению Александра II срок каторги был уменьшен до 6 лет. 14 дек. 1861 над М. был совершен обряд гражд. казни, после чего его в кандалах отправили в Сибирь. Арест и осуждение М., ставшее первым полит. процессом 60-х гг., вызвали широкий отклик в среде рус. интеллигенции: «процесс его стал личным делом всякого» (Шелгунов и др., I, 241). В Лондоне вышло спец. приб. к «Колоколу» (15 янв. 1862) под загл. «Михайлов и студентское дело».

По прибытии в Забайкалье М. был неофициально освобожден от каторжных работ и жил на Казаков-

ском приiske у своего брата, П. Л. Михайлова, горного инженера. Много писал и переводил, основал школу для местных детей. В авг. 1862 к нему приехали Шелгуновы, но, заподозренные в намерении организовать побег М., они в сент. были арестованы, а М. перевели в Кадаю, селение у кит. границы. Здесь с авг. 1864 он год жил вместе с Чернышевским.

Начиная с 1860, а затем в годы тюрьмы и ссылки творчество М. посвящено в осн. задачам рев. пропаганды. Осознавая себя наследником декабрист. традиций, М. воскрешал темы, характерные для декабрист. поэзии (новгород. вольница, борьба республиканцев Др. Рима и др.). К декабристам обращено стих. «Пятеро» («Над вашими телами наругавшись...», 1862) — ораторское «слово», развивающее тему подлинной и мнимой славы. Гражд. патетика отличает обращенные к молодежи стихи, зовущие к полит. борьбе («Памяти Добролюбова», «Крепко, дружно вас в объятье», 1861, «И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье», 1863?). Стих. «О сердце скорбное народа!» (1861?), осуждавшее крест. реформу («Дар царский — подкуп и обман»), призывало к восстанию: «Восстань из рабства векового./ Восстань свободен и велик!». Учитывая задачу воздействия на широкую демокр. аудиторию, М. стремится к логич. ясности, конкретности и простоте стихотв. речи, вводит в нее лексику рев.-демокр. публицистики, использует фразеологию и обобщенные образы-символы рев. поэзии 60-х гг.

Еще до ареста М. нередко использовал стихотв. перевод как средство пропаганды передовых идей. Так, он переводил ряд полит. острых стих. Гейне, «Белое покрывало» М. Гартмана и др. Завуалированным выступлением против крепостничества было опубликование пер. «Песен о невольничестве» Г. Лонгфелло («Совр.», 1861, № 3, ценз. загл. «Песни о несправе»). Пропандистские цели возобладали после ареста. Рассчитывая, что хотя бы часть переведенного дойдет до читателей, М. переводил в заключении связанные с социальной и рев. тематикой стих. Гейне, П. Ж. Беранже, А. Мишквича, Г. Гервега, А. Мейснера, К. Ригаса и др. Идей восстания против тирании проникнут пер. последний сцен. трагедии Эсхила «Скованный Прометей», к-рый удалось опубликовать («Совр.», 1863, № 1—2; см.: Алексеев В. А., К истории ж-ла «Современник». — Уч. зап. ЛГУ, 1955, № 200).

Ряд переводных стих. этого времени посвящен теме неволи, изгнания, заточения. В последние годы жизни М. вновь обращается к интимной лирике. В стих., посвященных Шелгуновой, — мотивы «всевоскресающей любви», поддерживающей в изгнании, неразрывной связи личного и общечеловеческого («Зарею обновленья/ В моей ночи взошла любовь твоя», «Всегда, везде ты, друг, со мной»). В стих. «Долиной пышной шли мы рядом» развертывание аллегорич. образа (река-разлучница) со-

отнесено к нарастанию чувства го- речи от утраты любимой.

Наиб. значительным прозаич. про- изв. М. 60-х гг. стали «Записки» (1862, опубл. в 1906), охватывающие период от ареста до прибытия на Ка- заковский прииск (март 1862). Кон- конкретность их адресата (восп. обра- щены к Шелгуновой) придает оттенок исповедальности подробному повес- тованию о совсем недавних событи- ях, зафиксированных М. с почти протокольной точностью (что под- тверждается при сопоставлении с мат-лами следствия и процесса). Описывая путь в Сибирь, М. расска- зывает о встречах с полит. ссыльными (Д. И. Завалишным, Ф. Н. Льво- вым, М. В. Петрашевским), каторж- ными, переселенцами — новым окру- жением, в к-рое он всматривается с напряженным вниманием. Лако- ничность и безыскусственность по- вествования отличают цикл «Сибир- ских очерков» («Дело», 1867, № 7— 9) о судьбах людей из народа, причи- нах, приведших их на каторгу, неист- ребимости тяги к «воле» (очерк «Кукушка», посв. беглым каторжни- кам).

В 1862—64(?) М. работал над автобиогр. ром. «Вместе»; начатый почти за год до «Что делать?» Чер- нышевского, он повествует о судьбах «новых людей»-революционеров, их понимании любви, этич. принципах. После посмертной публ. четырех гл. («Дело», 1870, № 1) б. ч. романа бы- ла изъята цензурой и, по-видимому, уничтожена (см.: Коган Г., Судьба «неоконченного» романа М. о «но- вых людях» — ВЛ, 1962, № 1; Ле- вин, 1965). В 1865 М. закончил ра- боту над науч.-популяр. очерками «За пределами истории. (За миллио- ны лет)» («Дело», 1869, № 3—4) — полубеллетристич. рассказами о са- мых ранних этапах развития челове- чества; по-видимому, это последнее его прозаич. произв.

М. умер от чахотки, осложнен- ной органич. перерождением почек [Лемке (3), с. 149]. Сообщение о его смерти появилось в «Колоколе» (1865, 1 окт., л. 205) под заголовком «Убили».

Изд.: Стих., Б., 1862; Собр. стих., СПб., 1890; Жившени, их воспитание и значение в се- мье и об-в-е, СПб., 1903; Полн. собр. соч., под ред., с критико-биограф. очерком и библиографич. указателем П. В. Быкова, т. 1—4, СПб., 1913—14 (изд. не завершено); Полн. собр. стих., М.—Л., 1934 (биограф. очерк и комм. Н. С. Ашукнина); Собр. соч. в 5 т. Под общ. ред. М. В. Нечкиной, т. 1, Чкалов, 1951 (вступ. ст. и прим. П. С. Фа- теева; изд. прекращено); Соч., т. 1—3, М., 1958 (вступ. ст. М. И. Дикман и Ю. Д. Левина); Адам Адамыч. Пов. и рассказы, М., 1965 (вступ. ст. М. И. Дикман и Ю. Д. Левина); Собр. стих., 2-е изд., Л., 1969 (БПБс; подг. текста, вступ. ст. и комм. Ю. Д. Левина); Избранное, М., 1979 (вступ. ст., подг. текста Г. Г. Елизавитиной); «По своей воле...» Пов. и рассказы, Уфа, 1989 (вступ. ст. М. Рахимулова); Адам Адамыч и другие. Избр. произв., М., 1991 (вступ. ст. Г. Г. Елизавитиной); Записки, в кн.: Шелгунов и др., т. 2 (прилож.: письма к Шелгуновой); Рус. писатели о переводе XVIII—XX вв., Л., 1960;

Письма В. Р. Зотову, 1847—58, А. В. Стар- чевскому, 1854—55, В. П. Гаваскому, В. П. Пе- чаткину, Я. П. Полонскому, Г. А. Кушелеву-Бе- бородко, М. Н. Лонгинову, К. Н. Бестужеву-Ро- мину, П. Л. Лаврову — ЛА, т. 6 (здесь же — автобиограф. справк. М.; публ. Л. П. Ключковой, Ю. Д. Левина); Н. В. Горбелю — в кн.: Ист.- лит. об., посв. В. И. Срезневскому, Л., 1924; РЛ, 1984, № 3, с. 176—78 (письмо 1863 г.; публ. В. Н. Сакина, М. Д. Эглова); А. В. Дружини- ну — в кн.: Письма к А. В. Дружинину, М., 1948; В. Д. Костомарову — в кн.: Лемке (3); П. Л. Лаврову — «Кн. и революция», 1922, № 6, ЛН, т. 7—8; Н. А. Некрасову — в кн.: Перепис- ка Н. А. Некрасова, т. 1, М., 1987 (вступ. замет- ка и сост. В. А. Викторича); М. П. Погоди- ну — в кн.: Барсуков, т. 10—12; Я. П. По- лонскому — 1855—62, в кн.: Шестидесятые гг., М.—Л., 1940; Письма М. из лит. экспедиции 1856—57 гг. — В кн.: Из истории рус. фольклор- истки, в. 3, Л., 1990 (асловая переписка, док-ты, связанные с экспедицией; публ. Ю. Д. Левина).

Лит.: Герцен; Добролюбов; Черны- шевский; Тургенев. Письма; Боборы- кин; Дружинин; Панасов; Штакен- шейдер (все — ук.); Шелгунов Н. В., Восп. — в кн.: Шелгунов и др., т. 1 (ук.); Шелгунова Л. П., Из далекого прошлого — там же, т. 2; «Колокол» о «деле» М., (брошюра) «На смерть М. Л. Михайлова», Письмо П. Л. Михайлова к Л. П. Шелгуновой о смерти М., Из дневника и восп. о М. и Л. П. Шелгуновой — там же, т. 2; Jastrzębiec Zielonka L., Wspomnienia z Syberji od roku 1863—1869, зсг. 1, Lwow, 1886, стр. 170—210.

Письма к М.: Азурбах Б., в кн.: Непд. письма иностр. писателей XVIII—XIX вв. из ле- нингр. рукописных собраний, М.—Л., 1960; Гу- милашвили Т., там же; Некрасов Н. А., в кн.: Не- красовский сб., т. 3, М.—Л., 1960; Плещеев А. Н., в кн.: ЛА, т. 6; Тургенев И. С. — РЛ, 1971, № 1, с. 93; Пыпин А. Н., в кн.: Н. Г. Чер- нышевский. Эстетика, литература, критика, Л., 1979.

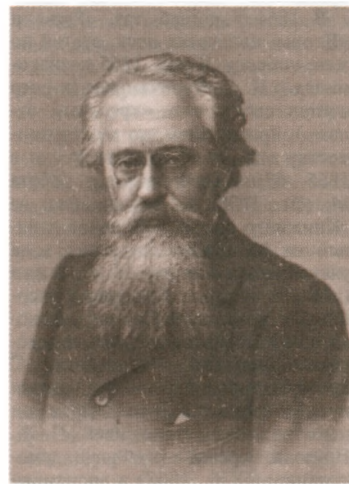
Зотов В. Р., Петербург в 40-х гг. — ИВ, 1890, № 5, с. 294—96; Пыпин А. Н., Мои за- метки. — ВЕ, 1905, № 2, с. 497—98; № 3, с. 9—11 (отд. изд. — М., 1910); Мияков- ский В. В., М. Л. Михайлов (к 50-летию его смерти). — ГМ, 1915, № 9; Полонский Я., Из дневника. — ГМ, 1919, № 1—4, с. 103—04, 115—17; Лемке (3); Мещерский Н., М. и его лит. командировка. — «Степные огни», 1941, № 4; Фатеев П. С., Последние годы жизни, борьбы и творчества рев. демократа М. — «Забайкалье», кн. 4, Чита, 1950; его же, М. — революционер, писатель, публицист, М., 1969; Захаркин А. Ф., Новые материалы о поэте-революционере М. — «ИзвОЛЯ», 1953, т. 12, в. 5; его же, Письма к М. — «Уч. зап. МГПИ», 1961, т. 160; его же, Рус. поэты вто- рой пол. XIX в., М., 1975, с. 85—119; Саль- кова Л. А., М. и поэты-петрашевцы. — «Уч. зап. Краснодарского гос. пед. ин-та», 1956, в. 18; Дикман М. И., Левин Ю. Д., И. С. Тургенев и М. — В кн.: И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Ст. и мат-лы, Орел, 1960; Его- ров Б. Ф., М.-критик. — «Уч. зап. Тартус. гос. ун-та», в. 104, Тарту, 1961 («Тр. по рус. и слав. филологии», IV) (в прил. — библиографич. изд. критич., науч. и публицистич. статей); Левин Ю. Д., Об отношениях Н. А. Добролюбова и М. в 1861 г. — «ИзвОЛЯ», 1961, т. 20, в. 5; его же, Последний роман М. — там же, 1965, т. 24, в. 3; его же, М. и десятилетие поль- ского нац.-освободит. движения. — В кн.: Из истории русско-слав. лит. связей XIX в., М.—Л., 1963; его же, Издание стих. М. — В кн.: Из- дание классич. лит-ры. Из опыта «Б-ки поэта», М., 1963; его же, Рус. переводчики XIX в. и развитие худож. перевода, Л., 1985 (глава о М. и по ук.; в т. ч. обширная библиограф. работ о М.-переводчике); Хазисев В. Г., О месте рождения писателя-революционера М. — «Сов. архивы», 1981, № 6, с. 62—63; его же, Писатель-рево- люционер М. — уроженец Уфы. — В кн.: По- иск и находки. Красеведч. сб., Уфа, 1984; Гу- дов Г. Ф., Гудкова З. И., С. Т. Аксаков. Красеведч. очерки, Уфа, 1981, с. 43—44; их же, Незаключен. повесть С. Т. Аксакова «Наташа». Ист.-красеведч. комм., Уфа, 1988, с. 12—27 (в т. ч. о деле М.); Рошеская Л. П., «Тоболь- ское дело (М., тобольское об-во и доноси-

ки)». — В кн.: Полит. ссыльные в Сибири (XVIII — нач. XX вв.), Новосиб., 1983; Фор- мозов А. А., Революционер-шестидесятник М. о первоначальных людях. — «Сов. этнография», 1985, № 6. + Геннади; Брокгауз; Венгеров. Исто- ч.; Мезьер; НЭС; Гранат; ДРДР; ЛЗ; Смирнов- Соколовский; БСЭ; СИЛ; КЛЭ; Муратова (1; 3, ук.); Лерм. энц.; Шевченковский словник, т. 1, Київ, 1978; ИДРДВ; Г. Гейне. Библиография рус. пер. и критич. лит-ры на рус. яз., М., 1958; Житомирская З. В., И. В. Гете. Библиограф. ук. рус. пер., М., 1972; Либман В. А., Американ. лит-ра в рус. пер. и критике. Библиограф. ук., М., 1977; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1111; ИРЛИ, ф. 547 (см.: Ключкова Л. П., Рукописи М. — «Бюл- летени РО ПД», т. 5, М.—Л., 1955).

* Сведения о месте и дате рождения М., при- водимые в лит-ре о нем, разноречивы. П. В. Бы- ков (в изд. М. 1913, т. 1, с. VII) называл таким местом Илеускую Запиту, В. В. Мияковский — Оренбург (Мияковский, с. 10); это указание повторялось в последующих библиографиях и справочной лит-ре, см., напр., КЛЭ. Уфу как место своего рождения указал сам М. в автобиограф. записке (дата рождения — 3 янв., см.: ЛА, VI, 198), что подтверждается анализом копий м.с., приложенной к ф.с. отца 1832 г. (дата рождения — 4 янв.; РГАИ, ф. 1343, см.: Хазисев, 1984, с. 80—81, здесь же о причинах ошибок в определении места рождения). Ю. Д. Левин.

МИХАЙЛОВСКИЙ Николай Константинович [15(27).11.1842, г. Ме- шовск Калуж. губ. — 28.1(10.2). 1904, Петербург; похоронен на Лите- ратор. мостках Волкова кладб.], пуб- лист, социолог, критик, обществ. деятель. Отец, Конст. Павл., — из дворян Калуж. губ., штабс-капитан, служил окружным начальником.

Мать, Юлия Вас. (урожд. Фишер, по происхожд. немка), умерла в раннем детстве М. Семья, где было пять де- тей, располагала небольшими сред- ствами; в 1845 переехала из Мешов- ска в Кострому. В 1852 М. поступил в Костром. г-зию, в 1856, после смерти отца, определен опекунами в Горный ин-т в Петербурге, имевший в это время статус воен. уч. заведения (М. был «своекоштным пансионером»). В мае 1862 за участие в кон- фликте кадетов с начальством отчис- лен из ин-та за неск. месяцев до по- лучения звания горного инженер-по- ручника.

М. шутило писал старшей сестре Елизавете (в замужестве Мягковой), что был очарован за «кобинские убеждения, к-рые выразились преимущественно тем, что я носил длинные волосы и зачесывал их назад» (РГБ, ф. 578, к. 1, № 8, л. 3—4). С 1859 казеты издавали рукоп. ж-лы с характерными назв.: «Гласность», «Прогресс» (Скалковский К., Восп. молодости, СПб., 1906, гл. VI, VIII); М., занимавшийся сочинительством с гимназич. лет, принимал в них деят. участие.

В стенах ин-та М. написал ст., ставшую первой публ., — «Софья Николаевна Беловодова» («Рассвет», 1860, № 4), по поводу отрывков из ром. «Обрыв» И. А. Гончарова, — о борьбе двух начал в рус. жизни: «спящего и будящего», выразив уверенность, что «воля, ум и чувство» активно влекут личность к «нравств. бессоннице» (X, 371—72, 377).

В 1862 получил небольшое отцовское наследство и стал посещать лекции на юридич. ф-те Петерб. ун-та. Хорошо владел нем. и франц. языками, вскоре увлекся самостоят. изучением лит-ры по философии, социологии и истории культуры. В 1863—1864 устроил (по Чернышевскому) переплетную мастерскую, к-рая быстро поглотила имевшиеся деньги. Работа корректора давала средства лишь для полуголодной жизни: в кон. 1864 М. тяжело заболел, и только пос. поддержка сестры помогла ему преодолеть невзгоды.

В 1864 в петерб. газ. «Русь» и «Якорь» напечатал неск. статей по жен. вопросу. В нач. 1865 познакомился с Н. С. Курочкиным (к-рого считал своим лит. «крестным отцом»), привлечшим его к сотрудничеству в ж. «Книжный вест.», и в 1865—67 началась пост. лит. работа М. (см.: ПСС, X, раздел «Рец. из „Книжного вест.“»). Сильное влияние на М. оказал сотрудник ж-ла ученый-естественник Н. Д. Ножин (выведен под фам. Бухарцев в очерках «Вперемежку»). Под его руководством М. заинтересовался взаимосвязью биологии и социологии. С критики социал-дарвинизма начался путь М.-социолога. В то же время он испытал воздействие идей П. Ж. Прудона, перевел его «Франц. демократию» (СПб., 1867) и воспринял отрицат. отношение к «классовым» формам борьбы.

После закрытия «Книжного вест.» провел лето 1867 на даче Н. С. Курочкина на Чёрной речке, где образовалась колония писателей, живших без пост. заработок. Здесь сблизился с Вас. С. Курочкиным, Д. Д. Минаевым, Н. А. Демертом и др. По приглашению П. А. Гайдебурова принял участие в газ. «Гласный суд», где в июле 1867 напечатал два «Лит. обозрения» с критикой социальной теории Г. Спенсера.

Однако газета была на грани закрытия, и осенью М. уехал в имение Мягковых под Костромой — Сопице с намерением работать над ром. «Борьба» и обширной социол. статей, в

к-рой задумал опровергнуть теорию Спенсера, показав различие биол. и социального прогресса. Зимой 1867/68 вернулся в Петербург с первой частью романа, весной 1868 сообщил сестре: «Приехал сюда, я получил приглашение работать в трех изданиях. Из них от одного («Дело») я совсем отказался. В «Отеч. зап.» были напечатаны неск. моих мелких рецензий (в отд. библиографии), теперь я от них отстал. В «Неделе» я работал месяца два и поругался. Теперь сижу с «Совр. обозр.», ибо ред. Н. Л. Тиблен решил приобрести ром. «Борьба», не дожидаясь его окончания» (РГБ, ф. 578, к. 1, № 8, л. 18).

Анонимное сотрудничество М. в ж. «Отеч. зап.» относится к нач. 1868 (впоследствии он датировал свой приход в ж-л дек. 1868, чем ввел в заблуждение биографов и библиографов). М. смущала пошатнувшаяся в то время репутация Н. А. Некрасова (после «оды» в честь гр. М. Н. Муравьева). Однако уже в марте 1868 он написал, что «новые „Отеч. зап.“ обещают быть положительно нашим лучшим журналом» («Неделя», 1868, № 10). Став в это же время ведущим сотр. «Совр. обозр.», М. рассчитывал придать ему радикальный характер, однако в июле 1868 ж-л прекратил существование (ред. бежал от долгов за границу). Потеряв, т. о., возможность публиковать здесь ром. «Борьба», М. предложил его «Отеч. зап.» (читал начало ром. в присутствии Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. З. Елисеева и др.), ему посоветовали довести повествование до конца. После нек-рых колебаний М. использовал материалы ром. в очерках «Вперемежку» (ОЗ, 1876—77), изображающих настроения рус. демокр. интеллигенции периода «хождения в народ», т. н. «кающихся дворян (термин М.). Некрасов 15 июля 1869 писал А. А. Краевскому: «... теперь ясно, что это самый даровитый человек из новых, и ему, без сомнения, предстоит хорошая будущность. Кроме несомненной талантливости, он человек со сведениями, очень энергичен и работяш» (Некрасов, XI, 147). Сотрудничество М. в «Отеч. зап.» длилось 15 лет; после смерти Некрасова М. стал соредактором Салтыкова-Щедрина и Елисеева.

Брак М. с Марией Евграфовной Павловской (февр. 1869) оказался непрочным, весной 1873 супруги разъехались. Поскольку М. не получил развода, союз с Люд. Ник. Левинской имел форму брака (дети М. усыновил), в 1886 и этот брак распался [с 1891 сыновья, по желанию М., жили с ним; один из них, Ник. Ник. Михайловский (1875—1923), стал актером МХТ, после 1917 эмигрировал].

М. был хорош собою: «среднего роста, с классически правильными чертами лица, сияющего и физическою и духовною красотой, с чрезвычайно умными, пронзительными глазами, с зачесанными назад пышными белокурыми кудрями, с безукоризненными изящными манерами; к тому же он «лихо танцевал мазурку» и «с головы до ног представлял собою чистокровного джентльмена» (Скабичевский А. М., Лит. восп., М.—Л., 1928, с. 273). Любил женщин, пользовался успехом и называл себя «великим грешником». Салтыков-Щедрин ворчал по этому поводу: «Я не понимаю: у него всё романы какие-то, влюбляется!» (письмо М. к Е. П. Летковой, сент. 1883 — РГАЛИ, ф. 280, оп. 1, № 201, л. 112). Увлечение Е. П. Летковой оставило

большой эпистолярный след: 130 писем М. (частично опублик.: РБ, 1914, № 1). Близкая дружба связывала М. с А. А. Давыдовой, ред. ж. «Мир божий»; Э. К. Пименовой (см. ее восп. «Дни иннушес», Л.—М., 1929); М. Н. Слеповой (64 письма М. к ней и листки его интимного дневника за февр. 1899 — РГАЛИ, ф. 462, оп. 1, № 104; ф. 308, оп. 1, № 1). Последнее увлечение Л. П. Богословской отразилось в материалах В. Г. Короленко, собранных для лит. портрета М. (РГБ, ф. 135, раздел I, к. 43, № 12).

Известность М. принесла первая большая работа «Что такое прогресс?» (ОЗ, 1869, № 2, 9, 11). В ней он выступил против тех форм цивилизации, к-рые подавляют развитие человеческой личности. Статью заметил А. И. Герцен: «сущность хороша», но написано «тягуче» и «ужасным языком» (Герцен, XXX, 64; см. также отзывы Н. П. Огарёва — ЛН, т. 39—40, с. 533). П. Л. Лавров в ст. «Формула прогресса г. Михайловского» осудил оценочный характер т. з. М., с к-рой «история остаётся печальным рассказом о том, как не следовало ей быть» (ОЗ, 1870, № 2, отд. II, с. 236, б. п.). Солидарность с позицией М. неоднократно высказывал Салтыков-Щедрин. 4 авг. 1876 он писал: «... жму Вашу руку, ту самую, к-рая выдвинула вперед вопрос о качестве цивилизации» (Салтыков-Щедрин, XIX, кн. 1, с. 11). Впоследствии, развивая свои мысли, М. «резче и определеннее мотивировал требования субъективизма „борьбою за индивидуальность“, а в пояснение двойств. характера прогресса добавлял учение о типах и степенях развития» (I, IV). Теория прогресса получила развитие в ст. «Теория Дарвина и обществ. наука» (1870—73), «Философия истории Луи Блана» (1871), «Что такое счастье?» (1872), «Идеализм, идолопоклонство и реализм» (1873), цикле ст. «Борьба за индивидуальность» (1875—76) и др. ст., напечатанных в «Отеч. зап.».

М. придерживался объективного метода в естеств. науках, но признавал неизбежность и необходимость субъективного элемента в изучении социальных явлений. Эволюц. теорию Ч. Дарвина он считал непригодной для социологии, ибо в подходе к делам человеческим помимо категории сущего и необходимого должны учитываться категории должного и желаемого. Обществ. науки обязаны опираться на такие «субъективные» понятия, как «справедливость», «право», «нравственность», «Неделимое» (по терминологии М., высшая ценность) есть человек, полнота его развития. М. выступал против социальной «неоднородности», кастового устройства общества, превращавшего человека в специализир. «орган» с одной обществ. функцией — в «палец от ноги». Был противником разделения на «труд без наслаждения и наслаждение без труда» и считал прогрессом лишь такое раз-

витие общества, к-рое служит «практич. благо» человека, является движением от сущего к должному. В отличие от естеств. истории, где царят «борьба за существование» и право сильного, в жизни общества высшим мерилом выступает закон усложнения личности, движение ее к «идеалу совершенства», что диктует «борьбу за индивидуальность». Объективная правда-истина состоит в «фатальном антагонизме» человека и общества. «Чистокровные объективисты» защищают некие «объективные законы», а не права личности. Эту измену человеку М. считал «позорнейшим пятном на умств. жизни XIX в.» (III, 418). Обществ. науки не должны упускать из виду правду-справедливость, т. е. должны защищать интересы человека. В 1899 Короленко так определил гл. смысл цикла ст. «Борьба за индивидуальность»: «„человечность“, постоянный рост человеческой личности, с ее усложняющимися потребностями, материальными и нематериальными» (ПСС, т. 5, СПб., 1914, с. 357). За игнорирование отд. личности и детерминизм М. критиковал философию истории Г. Ф. В. Гегеля. Положительно оценивал экономич. теорию К. Маркса, в частности критику процессов разделения труда, приводящих к духовному и физич. ущемлению рабочего, защищал Маркса «от вздорной и недобросовестной критики» (ст. «Карл Маркс перед судом г-на Ю. Жуковскаго» — ОЗ, 1877, № 10; вызвала заинтересов. отклик в неотправл. письме Маркса в ред. «Отч. зап.» — см.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 116—21). При этом М. отрицал диалектич. метод как научно необоснованный, но претендующий стать «всеразрешающей книжкой» (X, 1022).

Субъективный метод М. оспаривался с разных сторон: марксистами, народниками-ортодоксами, либералами. Последние в лице Л. З. Слоимского (ст. «Миния социология» — ВЕ, 1889, № 5) утверждали, что «борьба за индивидуальность» несовместима с социалистич. идеалом. П. Б. Струве, напротив, допускал соединение социалистич. идеала с «индивидуалистич. тенденцией этики» (предисл. к кн.: Бердяев Н. А., Субъективизм и индивидуализм в обществ. философии. Критич. этюд о М., СПб., 1901, с. LIX). В свою очередь М. отрицал «единообразие объективного метода в социологии», считая его «маской, к-рою люди недобросовестные обманывают других, а добросовестные — самих себя» (III, 9). По поводу преимуществ «науч. объективизма», провозглашенных Струве в кн. «Критич. заметки к вопросу об экономич. развитии России» (1894), М. заметил:

«Совершенно непонятно, как при „классовой борьбе“ возможен объективизм. Субъективный метод и состоит, между прочим, в сознат. приложении и предъявлении определенной т. з.» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 3, № 2). Бердяев критиковал М. за то, что у него — «идеал будущего» вместо объективного «научного прогноза будущего» (цитируемое соч., с. 49). М. скептически относился к таким прогнозам, полагая, что история порою дает «задний ход» и в ней «торжествует внезапное исчезновение смысла» (III, 2). В более поздних трудах Бердяев находил, что «правы были Прудон, у нас Герцен и Н. Михайловский, утверждавшие социализм во имя индивидуума, во имя человека» (Бердяев Н., Судьба России, М., 1990, с. 254).

Школа М. в дорев. историографии именовалась этико-социологической за самостоятельность этической т. з. в подходе к обществ. явлениям, а его направление внутри народничества — критическим (Д. Н. Овсянников-Куликовский, С. Н. Южаков, Н. С. Русанов, А. И. Красносельский, Е. Е. Колосов, В. М. Чернов, М. Неведомский и др.).

Опорными понятиями для социологии М. были тип и степень развития. Более высокий тип может находиться на низкой степени развития. Такое разделение давало возможность, не идеализируя совр. крест. жизнь, видеть в ней зародыш высшего типа обществ. устройства, позволяющего сохранить однородность общества и разнородность личности — гл. условия прогресса по теории М. Признавая относит. правоту славянофилов, он замечал, что европ. и рус. хоз. уклады — разл. типы, могущие иметь весьма разл. степени развития, причем невысокая степень развития рус. общины не снимает вопроса о более высоком ее типе как формы нар. самоуправления. Кроме того, М. был против насильств. разрушения общины, полагая, что ее судьбу должны решить жизнь и сами крестьяне.

С др. стороны, он считал, что типы развития не замыкаются в нац. рамки, ибо ист. опыт одних народов не проходит бесследно для других. Отдавая приоритет «идее народа», т. е. идее социальной, перед «идеей нации», М. призывал оставить спор о «самобытном» или заимствованном пути развития, а выбирать «наилучший тип, каков бы он ни был в данную минуту — русский или европейский» (III, 762—63).

С кон. 70-х гг. М. начал полемику с народниками почвеннического толка, сплотившимися вокруг газ. «Неделя», к-рые «до такой степени уверены в вековой особенности рус. народа», что «не замечают, как ... рус. община растает» (IV, 619). При этом

защищал Г. И. Успенского от упреков в очернительстве деревни и постоянно предостерегал от «тенденциозного идеализирования» общины, от изображения жизни «только с одних светлых сторон»; представителем оптимистич. т. з. на жизнь рус. деревни, в частности Н. Н. Златовратского, М. причислял к «дистилляторам действительности» (X, 867, 870). В ст. «Вольница и подвижники» (ОЗ, 1877, № 1) он исследовал корни нар. правдоискательства, показывая, что ненависть к настоящему заставляет народ искать «Божью правду», «правду-справедливость», причем этот поиск может быть направлен и в прошлое, и в будущее и поэтому подлежит качеств. оценке социолога.

Ряд теоретич. статей М. посвящен проблемам массовой психологии: «Герои и толпа» (ОЗ, 1882, № 1, 2, 5), «Еще о героях» (РМ, 1891, № 3, 4, 6, 7, 12; без загл., под пост. рубрикой «Лит-ра и жизнь»), «Еще о толпе» (РБ, 1893, № 4—6) и др. Анализируя склонность толпы к бессознат. подражанию героям, М. считал, что коллективному автоматизму поддаются ушербные индивидуальности, готовые подчиняться внеш. власти. Столь же критично он оценивал роль «героев», толкающих толпу на массовые движения (крестовые походы, сектантство, избитие иноверцев и инородцев, стихийные бунты и т. д.). Развитая индивидуальность, по М., руководствуется сознат. выбором и несет «благое иго» или «легкое бремя» собств. решений и решимости.

М. был последовательным противником детерминизма и квиетизма, подчинения сознания бытию. Сопротивлением окружающей среде он мерил достоинство человека, выделяя три типа в жизни и в иск-ве: «забытые, разбитые и борцы» (II, 604). Личность, так или иначе приспособленная к господств. порядку — в качестве властелина или раба, — располагалась на отрицат. шкале ценностей. И, наоборот, всякий протест против обществ. угнетения «был, есть и будет для мыслящего и чувствующего человека интереснейшим моментом жизни» (VIII, 507). «Я не знаю, доживет ли человечество до счастья, — писал М. в 1895 Русанову, — знаю только, что это неведение или сомнение не упраздняет обязанности и счастья борьбы» («Былое», 1907, № 7, с. 136).

С 1872 вел в «Отч. зап.», под разными заголовками и подписями, лит.-обществ. обозрения. Таковы циклы: «Из лит. и журн. заметок» (1872—74), «Из дневника и переписки Ивана Непомнящего» (1874—75), «Записки профана» (1875—77), «Письма о правде и неправде» (1877), «Лит. заметки» (1877, 1879—80), «Записки совре-

менника» (1881—82), «Письма постороннего» в ред. „Отеч. зап.“ (1883—84). Постоянно вступал в полемику с консерват. и либеральными органами печати и был популярнейшим публицистом демокр. лагеря. По статистике читательского спроса в 70 — 80-е гг. «Отеч. зап.» занимали первое-второе место (см. ежегодные «Отчеты Имп. Публ. б-ки», СПб.); о популярности М. свидетельствуют слова В. В. Розанова о том, что «у ног» этого публициста «была вся Россия» (ВЛ, 1989, № 10, с. 164).

В 1879 М. подвергся обыску и был взят под негласный надзор полиции. В 1882—86 жил в ссылке — Выборге и на ст. Любань Новгород. губ. Среди причин высылки было его нелегальное свидание с В. Н. Фигнер 15 нояб. 1882 в Харькове (о чем донес провокатор С. П. Дегаев); непосредств. поводом послужила речь в Технологич. ин-те 27 нояб. 1882 о чести и совести (первый мотив означал пробуждение человеческого достоинства, второй — чувство долга перед народом). По поводу причин высылки Салтыков-Щедрин заметил: «Уж не об динамите и царевийстве идет речь, а о простом человеческом образе мыслей» (Салтыков-Щедрин, XIX, кн. 2, с. 175).

Отношение М. к рев. борьбе было непростым. Не случайно он избрал себе для подпольных изд. «Нар. воли» псевд. Гроньяр (в пер. с франц. — ворчун). М. был противником царевийства, фабричных и аграрных бунтов, экспроприаций и т. п. «Став на этот скользкий путь, легко докатиться до грабежа и разбоев» (цит. по кн.: Народолюбцы после 1 марта 1881. Сб. статей и мат-лов, М., 1928, с. 77). Считал, что нужно бороться не с конкретными лицами, а с «идеей самодержавия», к-рая «должна быть вырвана с корнем из жизни и из сердца народа» (цит. по кн.: Лит-ра партии «Нар. воли», в. 1, М., 1907, с. 112—13). С. Г. Нечаева с его тактикой «нар. расправы» М. называл «во всех отношениях монстром» (I, 867). В нач. 1883 задумал ром. «Карьера Оладушкина», оставшийся незавершенным, в к-ром предполагал изобразить «типичного мерзавца», вовлеченного в народолюбч. движение честолюбием (опубл. посмертно: «Из романа „Карьера Оладушкина“», СПб., 1906; отд. главы печатались при жизни М.). Ближе всего ему был Лавров, предлагавший путь постепенного социального воспитания народа. Однако проект пост. сотрудничества в заграничном ж. «Вперед» (Цюрих) М. отверг, а вместе с тем и мысль об эмиграции. В письмах к Лаврову (1873) М. писал о себе, что он «не революционер, всякому свое» и поэтому не считает себя «вправе променять 8000 читателей» легального

ж-ла «на дело неверное и трудное», омраченное рядом «мерзостей» и опасением, что «новые боги гораздо опаснее и в этом смысле хуже» (X, 65); объяснял невозможность для себя обращаться к молодежи «в повелит. наклонении», т. е. с рев. призывами, ибо «никакой радикально-социалистич. оппозиции в России нет, ее надо воспитывать», при этом рус. молодежь должна встретить будущее «не с Молешоттом на устах и не с игрушечными коммунами, а с действит. знанием рус. народа и с полным уме-

редит. собрания для выработки основ земельного законодательства. В письме Исполнит. к-та «Нар. воли» Александру III от 10 марта 1881, отредактированном М., предлагался путь правительств. преобразований, ведущих к конституц. правопорядку со свободой печати, слова, сходов и избират. программ (письмо было одобрено Марксом — см.: Прибылева-Корба А. П., Нек-рые данные о «Письме Исполнит. к-та к Александру III» — «Былое», 1906, № 6). И позднее, в 1890-е и

Комитет Лит. фонда. 1884—85. Слева направо стоят: П. А. Гайдебуров, Д. Л. Мордовцев, А. Д. Градовский, Ф. Ф. Воропонов, Н. К. Михайловский, М. И. Семевский, А. М. Скабичевский, сидят: К. К. Арсеньев, В. П. Гасвский, А. А. Краевский, А. Н. Пыпин.

нием различать добро и зло европ. цивилизации. Откровенно говоря, я не так боюсь реакции, как революции» (X, 65).

Однако он не ограничивался рамками легальности: в 1870—1880-е гг. имел прямые связи с «Нар. волей», в 90-е — с «Нар. правом», в 1900-е — с эсерами. В нач. 1870-х гг. отдавал предпочтение социальным преобразованиям, полагая, что полит. свободы, нужные интеллигенции, не облегчат тяжелую жизнь народа. Но очень скоро перешел к «святому девицу» народничества — «Земля и Воля». Не входя формально в партию, М. с 1878 сотрудничал в изданиях «Нар. воли». В «Полит. письмах социалиста» («Нар. воля», 1879, № 2, 1880, № 3; легальное изд., Н. Новгород, 1906) призывал к систематич. полит. борьбе и союзу с либералами, укоряя рус. революционеров за неумение слышать голоса нар. жизни с ее гл. принципом принадлежности земли земледельцу. При этом отрицал стихийный захват земли и считал необходимым созыв Уч-

революции в 1870-е гг. М. считал, что рев. действия могут подтолкнуть правительство на путь реформ; если же этого не произойдет, то рус. общество «вернется к террору с неопределенностью его последствий»: «Я предчувствую смутные и мрачные времена», — писал он 19 нояб. 1901, имея в виду революцию (Русанов Н. С., «Политика» Н. К. Михайловского. Из восп. о нем и его писем. — «Былое», 1907, № 7, с. 137—38).

М. играл видную роль в лит.-обществ. орг-циях: в 1874 по рекомендации Некрасова вступил в Лит. фонд, где был секр., а затем неизменным чл. к-та; с 1887 д. чл. ОЛРС; с 1897 чл.-учредитель Союза взаимопомощи рус. писателей.

В поисках «журнального приюта» после закрытия «Отеч. зап.» (апр. 1884) вошел в 1885 в ред. «Сев. вест.», в к-ром вел раздел «Дневник читателя» (1885—88). Однако прочного союза с издательницей ж-ла А. М. Евреиновой не получилось, конфликты следовали один за другим, и в апр. 1888 произошел окончат. разрыв. В 1888—93 вел в «Рус. вед.» пост. разделы «Случайные заметки» и «Письма о разных разно-

стих» в обычной своей манере разговора с читателем на лит. и обществ. злобы дня, в частности о произв. Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. М. Минского, И. Н. Потапенко, А. Додэ, П. Бурже, откликнулся на смерть Н. Д. Хвощинской (Зайонцковской), Салтыкова-Щедрина, Елисея, Н. В. Шелгунова (трех последним он посвятил большие работы в 1890—92). В марте 1889 — апр. 1893 сотрудничал на положении «гостя» в «Рус. мысли», постоянно конфликтуя с редакцией из-за самовольного изменения текста статей в видах цензуры (письма М. в кн.: Памяти В. А. Гольцева, М., 1910; Архив В. А. Гольцева, т. 1, М., 1914).

С участием в похоронах Шелгунова в апр. 1891 связана вторая высылка М. из Петербурга, хотя он лишь пытался погасить конфликт молодежи с полицией. Проведя неск. месяцев в клинском имении редактора «Рус. вед.» В. М. Соболевского, а затем на ст. Любань, получил разрешение вернуться. В хлопотах о прекращении ссылки принимал участие Вл. С. Соловьев.

Осенью 1892, благодаря энергичному участию А. И. Иванчина-Писарева, друзьям М. удалось приобрести на паях ж. «Рус. богатство», офиц. издателем к-рого стала жена Н. Г. Гарина-Михайловского — Над. Валериановна. Это событие было приурочено к 50-летию М., неофициально ставшего гл. ред. «Рус. богатства» (его имя появилось на обложке ж-ла лишь в 1900). В 1893—1903 М. вел в нем ежемес. раздел «Литература и жизнь»; изд-во при ж-ле выпускало его книги. После размежевания редакции и ухода группы ортодоксальных народников во главе с С. Н. Кривенко (1894) М. ввел в нее Короленко и Н. Ф. Анненского (на больного Г. И. Успенского был записан пай ж-ла).

Новая редакция придала «Рус. богатству» «ярко радикальный», по определению Короленко, обществ. характер, но стремилась более гибко подходить к проблемам иск-ва, избегая «непрестанных рыканий» в духе 60-х гг. А. Г. Горнфельд, после первого знакомства с М., писал П. П. Перцову в 1895, что М. готов «отказаться от старых крайностей школы», однако «с должной дипломатичностью», не нарушая ист. преемственности и не впадая в др. крайность (ИМЛИ, ф. 122, оп. 1, № 18, л. 1—2). В письме к П. Ф. Якубовичу от 2 дек. 1898 М. ставил в заслугу пушкинскому гуманизму «органич. отвлечение к аскетизму, ко всякой вольной и невольной урезке полноты человеческого существования» (РБ, 1910, № 1, отд. I, с. 252). М. никогда не сочувствовал «разрушению эстетики». «Грубая и жестокая операция» Д. И. Писарева над Пушкиным

или В. А. Зайцева над Лермонтовым, — писал М., — это лишь «нелепая хула», к-рая не передавала следующим поколениям (VII, 289). Красоту «цельной и неделимой души» Лермонтова М. видел в его поисках единства мысли, чувства и дела («Герой безвременья» — РВед, 1891, 15 июля, 8 авг., 27 авг., 1 окт.). В 90-е гг., выступив против чрезмерного аскетизма Л. Н. Толстого, т. е. против «умаления» роли красоты и эстетич. наслаждения, тем не менее в целом разделял позицию писателя, ставящего перед иск-вом внеэстетич. цель — благо человека и человечества («„Что такое иск-во?“ — ст. гр. Л. Н. Толстого», «Еще об иск-ве и гр. Толстом» — РБ, 1898, № 3, 4). Д. С. Мережковский назвал М. идеалистом, однако отношение его к иск-ву определял как позитивистское, чуждое «мистич. чувству» (см. его кн.: «О причинах упадка и о новых течениях совр. рус. лит-ры», СПб., 1893, с. 72—76). М. не отказался от определения «идеалист», но заметил, что в это понятие можно вкладывать разл. смысл. В символизме он находил «зерно правды», «реакцию против односторонности, сухости и узости» натурализма и позитивизма («Рус. отражение франц. символизма» — РБ, 1893, № 2). Позитивизм 60-х гг. М. преодолел в начале своего пути. Его больше привлекала «знаменитая троица» 30—40-х гг. — «истина, красота и справедливость» (V, 39). В религии он видел «непреодолимую потребность человеческой природы» и оспаривал «узкую и сухую» теорию экономич. материализма, к-рая расценивала религию как «одну из подробностей надстройки над фундаментом форм производства материальных ценностей» (Последние соч., т. 2, с. 3).

М. всегда стоял в центре идейных споров рус. общества и был объектом мн. критич. суждений. Розанов видел у М. экликтич. стремление «обратить отовсюду» и противопоставлял ему славянофильскую цельность (МВед, 1892, 20 июля); однако в том же году он писал М. по поводу ст. «О задачах науки» (РМ, 1892, № 3): «Это — чистая правда; защита — чисто лучшее; ограничение (науки) — правильное и в меру сделанное» (РГАЛИ, ф. 308, оп. 1, № 19). Ю. Николаев (Ю. Н. Говоруха-Отрок) негодовал, что М. стремится возродить эпоху 60-х гг., когда «разношнечив ворвался на лит. и обществ. арену», как «раб, спущенный с цепи» (МВед, 1892, 30 мая). А. Л. Вольский считал, что «ним М. приобрел большую известность в неск-рых слоях рус. общества, расшатанного предыдущим лит.-отрицат. движением и потом чуть-чуть усомнившегося в своем отрицании» («Рус. критики», СПб., 1896, с. 787). В. Я. Брюсов полагал в 1895, «что М. не хочет идти вперед», «его идеалы не в будущем, а в прошлом» (ЛН, т. 98, кн. 1, с. 686). П. А. Кропоткин отмечал, что у М. нет свойственного Белинскому «соединения чужды общественного с чуждым художественным» («Идеалы и действительность в рус. лит-ре», — Соч., т. 5, СПб., 1907, с. 323). Критику М. относили к «утилитарной школе» т. е. кто отстаивал незнание иск-ва от морали и религии (см., напр., статью П. Д. Боборыкина «Красота, жизнь и творчество» — «Вопросы философии и психологии», 1893, № 1, 2; а также высказывание

Брюсова о «критиках школы М.» — ЛН, т. 85, с. 494).

М. не раз подчеркивал, что не считает себя собственно лит. критиком. Будучи критиком-публицистом, он никогда не забывал о читательской публике демокр. России, к-рой стремился истолковать обществ. смысл худож. произведений. М. ждал от иск-ва учительства; один «протокол» без нравств. «приговора» его не устраивал: «Искусство есть своего рода гласный нравств. суд» (IV, 277). Полемизировал с теми, кто оспаривал союз этики и эстетики, в частности с натуралистами, пантеистами, модернистами. М. считал, что «одной истины человеку мало — нужна еще справедливость» (IV, 430). Иск-во должно рисовать «жизнь, как она есть», не забывая о «жизни, какою она должна быть», т. е. дополняя реализм изображением идеализмом настроения. Такую позицию М. видел у близких ему Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, В. М. Гаршина, к-рым посвящал в 80-е гг. специальные работы. Как публицист М. вступал в спор с великими современниками, не забывая, однако, отдавать дань уважения их талантливости (VIII, 634).

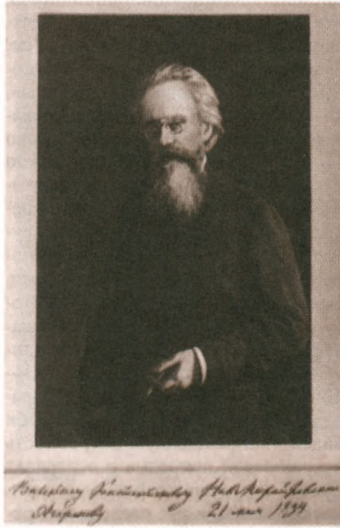
В статье о «Бесах» Ф. М. Достоевского (ОЗ, 1873, № 2, отд. II) М. обращал внимание на то, что религ. настроения в рев. среде облекаются в иные формы, чем защищаемая Достоевским мессианская идея особой «правды народной», отличной от общечеловеческих идеалов. М. утверждал, что не только христианские, но и социалистич. идеи «совпадают» с нек-рыми, по крайней мере, элементами нар. рус. правды» (I, 887). Достоевский заметил в статье М. «как бы новое откровение», хотя настаивал на том, что непреходящей чертой социализма является атеизм (см. гл. «Спор с Н. К. Михайловским» в кн.: Розенблум Л. М., Творч. дневники Достоевского, М., 1981). И если М. не увидел всей опасности бесов революции — он зорко подметил угрозу бесов национализма, толкующих о вредности европ. просвещения и полит. форм, усматривающих «новое слово» всемирного братства в великодержавных амбициях России (полемика М. с «Дневником писателя» Достоевского — ОЗ, 1880, № 9). Одновременно, в 1881, М. воздал «великую честь» Достоевскому за то, что он «горячо любил народ, желал ему добра и видел в нем надежду России» (V, 433). В наиб. известной ст. «Жестокий талант» (ОЗ, 1882, № 9, 10) выступил против стремления превратить Достоевского в «пророка Божия» и «оплот офиц. мощи правосл. рус. гос-ва». Рассуждая о «мучит. стороне огромного дарования Достоевского», М. предлагал тем, ко-

му не нравится определение «жестокый», говорить о преобладании «трагич. ноты» в его таланте (V, 2, 3, 40, 77). Позднее разъяснял, что никогда не видел в Достоевском «только жестокий талант», а предлагал читателю «посмотреть только на те черты ... к-рые оправдывают заглавные статьи» (Последние соч., т. 2, с. 266). В 90-е гг. М. называл Достоевского «черной жемчужиной» рус. лит-ры и писал о громадной творч. силе художника, к-рая заслоняет его недостатки. В ст. «О Достоевском и г. Мережковском» (РБ, 1902, № 10, с. 174) отметил родство бесчеловечных, казарменных утопий социализма в «Бесах» и в царстве Великого инквизитора, одинаково построенных на власти «могущества, вождей» над «покорным людским стадом». По мнению М., гуманистич. направленность в произв. Достоевского убывала.

И. С. Тургенев нашел, что М. «верно подметил основную черту» творчества Достоевского, а по поводу его статьи о ром. «Ночь» (ОЗ, 1877, № 2), в к-рой самому Тургеневу был предъявлен упрек в плохом знании реф. среды, заметил, что «в душе согласен» с критикой (Тургенев. Письма, XIII, кн. 2, с. 49; XII, кн. 1, с. 116).

Творчество Толстого вызывало у М. то «глубочайшее почтение, почти граничившее с восторгом», то «резко отрицат. чувство» («Лит. восп. и совр. смута», т. 1, СПб., 1900, с. 198). В 1872 он поддержал скептит. взгляд Толстого на технич. «благодеяния прогресса», к-рые «сами по себе ни малейше не гарантируют благосостояния народа» (I, 788). В 1875 взял сторону Толстого в его полемике с пед. миром. Эта тема нашла отражение и в ст. «Десяница и шуйца Льва Толстого» (ОЗ, 1875, № 5, 7; в переработ. виде под назв. «Гр. Л. Н. Толстой» — в кн.: «Критич. опыт», [т.] 1, СПб., 1887). Показал внутр. противоречия писателя: с одной стороны, фатализм и оправдание действительности, с другой — смелый анализ и деятельное вмешательство в совр. события. Личное знакомство М. с Толстым произошло в нояб. 1881. «Я ожидал большего, — писал Толстой Н. Н. Страхову, — очень молодого, шеголевого и мелко» (Толстой, LXIII, 86). В 80-е гг. неоднократно посещал Толстого в Москве, о чем рассказал в «Личных восп. о гр. Толстом» (РМ, 1892, № 2). В 1886 объявил, что «великий писатель земли русской» совсем левша стал», проповедую непротивление и смирение, но одновременно возражал против грубых антитолстовских выступлений (VI, 396, 407). Протестовал против «изумительных по наглости и дикой распушенности» обличений Розанова и консерват. печати («Обращение г. Розанова к Л. Н. Толстому» — РБ, 1895, № 10, отд. II, с. 32). «Крейцерову сонату» оценил как «задаток

возрождения» «великого мастера», хотя отрицание совр. брака и физич. любви способно «озадачить читателя» (VI, 764, 771). По поводу «Хозяина и работника» написал, что рассказ напоминает лучшую пору Толстого, когда правда и жизнь являлись гл. «героями» его произв., а смерть гл. «злодеем» (VIII, 57—58). Вместе с тем не раз отмечал, что читатели «колоссального худож. таланта» Толстого и «драгоценных черт его духовной физиономии» «со скорбью и недоумением следят за капризными скачками» его проповеди (VII, 163). В ром. «Воскресение» ценил изображение обществ. среды, призванной «заглушить в отд. человеке естественно благородный голос разума и сердца» (Последние соч.,

Н. К. Михайловский. Худ. Н. А. Ярошенко. 1893. Репродукция с дарственной надписью Михайловского.

т. 1, с. 281). В 1902, в связи с «выходкой» Мережковского, причислившего Толстого к «разбогатевшим на счет своих рабов помещикам-барам», М. писал: «Нам все равно, граф он или не граф ... он был и есть сам, считающийся только с собственною своею совестью ... В этом смысле он для нас больше, чем великий писатель. Он — как бы живой, облеченный в плоть и кровь символ достоинства печатного слова» (Последние соч., т. 2, с. 252—253).

Осенью 1887 М. передал Чехову предложение написать для «Сев. вест.» большую повесть; лично познакомился с ним 2 дек. 1887 в Петербурге (Чехов. Письма, II, 159). 15 февр. 1888, прочитав корректуру пов. «Степь», написал автору, что ему предстоит «блестящая будущность», если он использует свою «силу ясную» для служения добру, в частности уйдет из «Нов. времени»

(«Слово», сб. 2, М., 1914, с. 216—218); впоследствии А. С. Суворин утверждал: «Губить Чехова стал именно М.» (в кн.: Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову, СПб., 1913, с. 143). Сам Чехов засвидетельствовал в 1900: «Я глубоко уважаю М. с тех пор, как знаю его, и очень многим обязан ему» (Чехов. Письма, IX, 88). Творчеству Чехова М. посвятил ст.: «Об отцах и детях и о г. Чехове» (РБед, 1890, 18 апр.), «Палата № 6» (РБед, 1892, 4 дек.), «Кое-что о г. Чехове» (РБ, 1900, № 4), «О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова» (РБ, 1902, № 2). Считал, что Чехов в неск. лет «вырос почти до неузнаваемости», перейдя от «благодушно-веселого» и безразлично-фотографич. отношения к действительности к «широко задуманному и превосходно выполненному» картинам рус. жизни, к-рая нуждается в «какой-то резкой перемене декораций», и Чехов проводит это «в более или менее отдаленном будущем» (Последние соч., т. 2, с. 172).

Осенью 1894 М. откликнулся теплым письмом на присланный М. Горьким в «Рус. богатство» рассказ «Челкаш»; их знакомство состоялось в окт. 1899 в Петербурге (Горький, ПСС, XVI, 485). В ст. «О г. Максиме Горьком и его героях», «Еще о г. Максиме Горьком и его героях» (РБ, 1898, № 9, 10), в рец. на пьесу «Мещане» (РБ, 1902, № 4; б. п.) и в отклике на пьесу «На дне» (РБ, 1903, № 4) М. изложил свои надежды и сомнения в связи с появлением нового имени, в к-ром сразу признал большую худож. силу. В «босацком байронизме» он видел протест против бесчеловечных условий жизни (босаки — «не столько отверженные, сколько отвергшие»). Вместе с тем вопреки апологии босачества в рус. критике первым отметил разрушит. и антиобществ. потенции философии люмпенства, показал опасную широту и беспредметность босацкого «свободолюбия», способного обернуться проповедью насилия над ближним, отметил его «разительное сходство» с нищенством и указал на особую «чувствительность» молодого писателя к «красоте силы».

В статьях, посв. Ф. Ницше (РБ, 1894, № 8, 11, 12), положительно оценил противостояние детерминизму, идее «самодержавной истории», проповедь «человека-творца», встающего против «роковых сил» и «стихийных процессов». Одновременно отверг теорию «двух моралей» (для «господ» и «рабов»), культ сверхчеловека, презрение к слабым, проповедь «любви к дальнему» как отказ от традиц. гуманизма, свойственный в это время и Горькому, и модернизму. В 1894 предсказал «новую умств. эпидемию» нищенства, к-рая распространится в России в уп-

рошенной форме «культы силы» и моральной вседозволенности.

В статье о Г. Ибсене (РБ, 1896, № 11, 12) отметил, что «властительное положение в европ. лит-ре» писатель занял не своим символизмом, а тем, что рисовал трагич. столкновение личности с обществом, создав своеобразную «книгу об ответственности человека».

М. уделял мн. внимания молодым писателям. При его содействии вошли в лит-ру Гарин-Михайловский, Горький, И. А. Бунин, А. И. Куприн, С. С. Юшкевич и др. Он откликнулся на произв. Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. Д. Боборыкина, В. В. Вересаева, Е. Н. Чирикова, Л. Н. Андреева, Минского, З. Н. Гиппиус, Брюсова и др. Бунин вспоминал, что М. предсказал ему в 1893 большую будущность (Собр. соч., т. 9, М., 1967, с. 261). Куприн поставил имя М. первым в ряду тех, кому он особо благодарен («Огонек», 1913, № 20), а по поводу его ст. об Андрееве (РБ, 1902, № 2) написал в 1925, что М. «принял его с тем дружеским радушием, с к-рым этот большой человек встречал истинные таланты» (см.: Куприн, с. 110).

В 90-е гг. развернулась полемика М. с рус. марксистами, в центре к-рой была оценка роли крестьянства в России. В противовес характеристике этого многомиллионного слоя как «мелкобуржуазного», подлежащего освобождению от «власти земли», «вывариванию в фабричном котле», он предрек горе тому поколению, к-рое воспитается на презрительной формуле Маркса об «идиотизме деревен. жизни» («О народничестве, диалектич. материализме, субъективизме и проч.» — РБ, 1897, № 11, отд. II, с. 139). Отвергал «монистич. взгляд на историю», исходил из «теории факторов», т. е. комплексного анализа экономич., геогр., нац., религ., идеологич., этнич. и др. элементов. Идею «ист. необходимости» приравнивал к фатализму, теорию неизбежного перерастания капитализма в социализм считал исторически не проверенной. Допускал «теоретич. возможность» гибели всей совр. культуры, если человечество не приложит сознат. усилий для ее сохранения. Отвергал идею гегемонии одного класса над другим, призывал «не сшибать лбами» разл. трудовые слои общества (VIII, 664), высоко ценил интеллигенцию как самостоятел. обществ. силу, к-рая служит идеалам человечности и социальной справедливости, а не классовым идеалам. М. принципиально отрицал «грядущие блага» человечества, если для них нужно принести в жертву «здоровье, жизнь, честь современников, к-рые „до радостного утра“ не доживут» (VIII, с. 698—99).

Позднее Короленко так сформулировал «сущность спора» М. с «молодым и задорным марксизмом»: «Интересы народа как совокупности трудящихся классов, на одной стороне. Интересы одного промышленного пролетариата, на другой» (Письма. 1880—1921, П., 1922, с. 303—04; в этом изд. опублик. письма Короленко к М.).

Во времена, когда «марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали» (Ленин, VI, 15), М. стал терять популярность, многим его фигура казалась устаревшей, Ленин назвал его «эпигоном умиравшей эпохи» (I, 264). «Когда все живое потянулось к свету нового учения», — писала марксистская «Искра» (1901, № 2), — у старого писателя не шевельнулось в груди ничего, кроме злобной насмешки, и ненавидящее перо его писало лишь приговоры». Однако празднование 40-летия лит. деятельности М. 15 нояб. 1900 показало, как глубоко симпатии рус. общества к нему. Полиц. запрет упоминаний юбилея в печати, конфискации адресов у депутатов из провинции, задержка выхода сб. «На славном посту (1860—1900)» не помешали юбилейному торжеству, в к-ром приняли участие и не-к-рые марксисты: Струве, М. М. Филиппов. «Все соглашались», — писал Короленко жене 17 нояб. 1900, — что ничего подобного по размерам в области лит. юбилеев еще не бывало» (ЛГ, 1992, 25 нояб.).

В кон. 1902 М. и др. сотрудники «Рус. богатства» приняли участие в обществ. к-те для подготовки празднования 200-летия рус. периодич. печати, к-рое предполагали использовать для оппозиц. выступлений и к-рое не состоялось. 10 дек. 1902 мн. внутр. дел В. К. Плеве вызвал М. как «главнокомандующего» обществ. оппозиции и руководителя ж-ла, ставшего «гл. штабом революции»; при этом Плеве заметил, что правительство не остановится «ни перед ссылками, ни перед их числом», и посоветовал М. добровольно покинуть Петербург, на что получил письм. отказ («Мое свидание с В. К. Плеве» — X, 59—64).

Умер М. скоропостижно, вернувшись с заседания Лит. фонда. Похоронен по правосл. обычаю. «Служил молодой священник панихиду среди шкапов с книгами», — писал Короленко жене 31 янв. 1904. — Вместо икон со стен глядели: портрет Успенского, с одной стороны, и бюст Шелгунова — с другой. Потом вынесли гроб в Спаскую церковь напротив, где шла очень долгая литургия ... Толпа была такая, что, говорят, не бывало с похорон Тургенева ... Венки везли на трех конюшниках, гроб до самого кладбища несли на руках ...» (РГБ, ф. 135, раздел II, к. 4, № 1, л. 4—5).

Изд.: ПСС, т. 1—8, 10 (статьи Н. С. Русанова и Е. Е. Колосова; прил.: предметный указ., из-

влечения из ук. имен, ук. лит-ры о М.), СПб., 1906—14; Последние соч., т. 1—2, СПб., 1905 (соответствуют неvyšшеушему 9 т.); Лит.-критич. статьи, М., 1957 (вступ. ст. и прим. Г. А. Бало-го); Лит. критика. Статьи о рус. лит-ре XIX — нач. XX в., Л., 1989 (вступ. ст. и прим. Б. В. Аверина); Лит. критика и восп., М., 1995 (вступ. ст. и прим. М. Г. Петровой и В. Г. Хороса).

Лит.: Волынский А. М. и его рассмотрение рус. лит-ры. СВ, 1894, № 4; Батюшков Ф. Д., Критик-уравнитель. — «Обр.», 1900, № 12; Красносельский А. И., Мирозозрение гуманиста нашего времени. Основы учения М., СПб., 1900; его же, Лит.-худож. критика М. — РБ, 1905, № 1; его же, Нравственность и общественность в учении М. — «Совр. зап.», 1906, № 1; его же, О нравств. учении М. — «Современность», 1906, № 2, апр.; его же, М. о религии. — РБ, 1907, № 4; Северов Л. (Радн Л. П.), Объективизм в иск-ве и критике. — «Науч. обзор.», 1901, № 11—12; Соловьев (Андреевич) Е., Очерки по истории рус. лит-ры XIX в., СПб., 1902, с. 374—96; Ратнер М. Б., Проблемы идеализма в рус. лит-ре. — РБ, 1903, № 8; Короленко В. Г., Н. К. Михайловский. — РБ, 1904, № 2; его же, Н. К. Михайловский. — РБ, 1914, № 1; его же, Восп. о писателях, М., 1934; Бердяев Н. А., М. и Чичерин. — НП, 1904, № 10; Иванов-Разумник Р. В., Михайловский. (Центр. пункт его мировоззрения). — РМ, 1904, № 3; Кареев Н. И., Памяти М. как социолога. — РБ, 1904, № 3; Неведомский М. Н., Н. К. Михайловский (Опыт психол. характеристики). — МБ, 1904, № 4; то же в его кн.: Значители и продолжатели, П., 1916; Потресов А. Н., Этюды о рус. интеллигенции, СПб., 1906 (гл. «Совр. вестники»); Русанов Н. С., [гл. о М.]. — «Совр. вестник», 1916; Потресов А. Н., Этюды о рус. интеллигенции, СПб., 1906 (гл. «Совр. вестники»); Русанов Н. С., [гл. о М.]. — История рус. лит-ры XIX в., т. 4, М., 1910; его же, Архив М. — РБ, 1914, № 1; его же, М. и общество. Жизнь России. — ГМ, 1914, № 2; Овсяннико-Куликовский Д. Н., История рус. интеллигенции, ч. 2, М., 1907 (гл. о М.); Чернов В. М., Филос. и социологич. этюды, М., 1907; его же, М. как этич. мыслитель. — «Заветы», 1914, № 1; Горьфельд А. Г., Книги и люди, СПб., 1908 (гл. о М.); Елпатьевский С. Я., Близкие тени, СПб., [1916] (восп. о М.); Анненский Н. Ф., Памяти М. — В кн.: Юбилейный сб-к Лит. фонда, СПб., 1910; Якубович П. Ф., Письма М. — РБ, 1910, № 1; Колосов Е. Е., Очерки мировоззрения М., СПб., 1912; его же, М. А. Бакунин и М. в старом народничестве. — ГМ, 1913, № 5—6; его же, Лавров и М. в рус.-тур. войну. — СМ, 1916, № 9; его же, Н. К. Михайловский, П., 1917; его же, М. в деле Каракозова. — «Былое», 1924, № 23; Кузьмин Д. (Колосов Е. Е.), Народолюб. журналистика, М., 1930 (гл. о М.); Фигнер В. Н., Из полит. жизни 80-х гг. — РБ, 1912, № 11; Иванчин-Писарев А. И., Из восп. о М. — «Заветы», 1914, № 1; Евгеньев (Максимов) В. Н., А. Н. Скрасов и М. — «Рус. зап.», 1915, № 9; Клеостов Н. С., Чехов и М. — СМ, 1915, № 12; Витязев П. (Седенко Ф. И.), П. Л. Лавров и М., П., 1917; Горев Б. И., Н. К. Михайловский, 2-е изд., М., 1931; Кирпичев В. Я., Публицисты и критики, Л.—М., 1932 (гл. о М.); Козьмин Б. П., От «двенадцатого февраля» к «первому марту». Очерки по истории народничества, М., 1933; Бялый Г. А., гл. о М. — В кн.: История рус. критики, М.—Л., 1958; его же, М.-беллетрист. — В кн.: «Уч. зап. ЛГУ», 1971, серия фил.-лит. наук, № 349, в. 74; его же, В. Г. Короленко и М. в их переписке. — В кн.: От Грибоедова до Горького, Л., 1979; его же, Чехов и рус. реализм, Л., 1981 (гл. Чехов и М.); Есин Б. И., М. и журнал «Сев. вест.», в 80-е гг. — В кн.: Из истории рус. журналистики, М., 1959; Егоров Б. Ф., Тартуские студенты и М. — В кн.: Из истории рус. лит. отношений XVIII—XX вв., М.—Л., 1959; Седов М. Г., К вопросу об обществ.-полит. взглядах М. — В кн.: Обществ. движение в пореформ. России, М., 1965; Итенберг Б. С., Движение рус. народничества, М., 1965; Твардовская В. А., Социалистич. мысль в России на рубеже 1870—80 гг., М., 1969; Парыгин Б. Д., Рудаков Л. И., М. о психол. факторе в ист. процессе. — В кн.: История и психология, М., 1971; Макаров В. П., Формирование обществ.-полит. взглядов М., Саратов, 1972; Хорос В. Г., Народнич. идеология и марксизм (конец XIX в.), М., 1972; Суслорова Ф. М., М. и движение рус. народничества 70-х гг.

ХІХ в. — «Ист. зап.», 1974, т. 94; см. же, М. о некапиталистич. развитии России. — В кн.: Освободит. движение в России, в. 5, Саратов, 1975; Петрова М. Г. Эстетика позднего народничества. — В кн.: Лит.-эстетич. концепции в России кон. XIX — нач. XX в., М., 1975; см. же, Блок и народнич. демократия. — ЛН, т. 92, кн. 4, М., 1987; см. же, Мемуарная версия при свете арх. документов (Чехов, М. и др.). — «ИзоОЛЯ», 1987, т. 46, № 2—3; см. же, М. и критика «Рус. богатства». — В кн.: Горький и его эпоха, в. 2, М., 1989 (см. здесь же: Бялик Б. А., Почему полуправда хуже неправды. — О ст. М. Г. Петровой...); см. же, Кающийся дворянин и нераскаянный интеллигент. — ЛГ, 1992, 25 нояб.; Виленская Э. С., М. и его идейная роль в народнич. движении 70-х — нач. 80-х гг. XIX в., М., 1979; Слинко А. А., М. и рус. обществ.-лит. движение второй пол. XIX — нач. XX в., 2-е изд., Воронеж, 1982; Коновалов В. Н., «Лит. обозрения» М. как ист.-лит. источник. — В кн.: Вопросы историко-литературного изучения М. XIX в., Каз., 1983; Вересаев В. В., Невыдуманные рассказы о прошлом, М., 1984 (восп. о М.); Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г., Рев. традиция в России, М., 1986; Мысляков В. А., Шеларин и М.: проблема «героев» и «толпы». — РЛ, 1990, № 2; Тыркова-Вильямс А., На путях к свободе, 2-е изд., Л., 1990, с. 30—31; Балусев Б. П., М. и «легальный марксизм». — «Отеч. история», 1992, № 6; Kulczycki L., *Revolucja Rosyjska*, Lwów, 1911 (гл. о М.); Frangian E., *Michailowsky als Soziologe und Philosoph*, B., 1913; Billington J., *Michailowsky and Russian Populism*, Oxf., 1958; Mendel A., *Dilemmas of progress in Izarist Russia. Legal Marxism and Legal Populism*, Camb., 1961; Walicki A., *The Controversy over Capitalism*, Oxf., 1969; Pawlak J., *Filozofia społecznosci M. Michajlowskiego*, Toruń, 1979; Kuprowski M., *Ideologia narodnicka a literatura rosyjska w latach 1870—1890*, Warszawa, 1986 (ук.); Lami G., *Un Ribelle «legale» N. K. Michajlovski 1842—1904. Contributi per una biografia intellettuale*, Milano, 1990. — Отклики на смерть М. — РБ, 1904, № 2—5. РБел.Сб.; Брокгауз: Ожухов; Грант; Владиславлев; ДРПР (верстка неизвестного тома — ИМЛИ); БСЭ; КЛЭ; СЭБ; ФЭ; Лит. процесс и журналистика (2); ЛН, т. 87 (ук.); ИДРДВ; Боград. ОЗ(2); Муратова (1, 2, 3); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 181; ф. 266 (в составе фонда «Рус. богатства»); РГБ, ф. 578; ф. 135 (74 письма к В. Г. Короленко); РГАЛИ, ф. 308; РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 4747 (дело о дворянстве); ф. 776, оп. 8, д. 1399; ф. 777, оп. 2, д. 13. М. Г. Петрова.

МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ Александр Иванович [26.8 (6.9).1790, Петербург — 9(21).9.1848, там же; похоронен на Тихвинском кладб. Александр-Нев. лавры; могила не сохранилась], воен. историк, мемуарист; пред. Военно-ценз. к-та. Отец, И. Л. Данилевский, — из малорос. дворян; стат. сов., дир. Гос. заемного банка; получил приставку к фам. — Михайловский — из-за того, что по ошибке подвергся опале со стороны имп. Павла I и по его же указанию стал называться Михайловским-Данилевским (см.: ПСС, предисл. Л. Бранта; Шильдер, 1891). Учился в Петропавлов. (Петровской) школе, где рус. яз. преподавал Н. И. Греч. В 1801 записан на службу в Гос. заемный банк (в 1806 губ. секр.). В 1807, вскоре по окончании школы, лишился отца, после чего вышел в отставку и уехал учиться в Геттинген. ун-т, где его соучениками оказались А. П. Куницын и Н. И. Тургенев. Изучал преим. финансы; путешествовал по Европе (в т. ч. Германия, Австрия, Швейцария, Франция), что

отчасти запечатлелось в очерковых «Письмах из Италии, писанных в 1809 году» (РВ, 1817, № 7—10). В февр. 1812 принят пом. оного секретаря в канцелярию Мин-ва финансов.

Вступив в авг. 1812 добровольцем в Петерб. ополчение, стал адъютантом его начальника — М. И. Кутузова; вскоре вслед за ним отправился в действующую армию. Вел переписку и ж-л воен. действий, привлекался к составлению летучих армейских изданий, выпускавших походной типографией А. С. Кайсарова (подробнее см.: Лотман). Участвовал в Бородинском сражении и Тарутинском, где его ранили. Вернулся на прежнюю должность в нач. 1813; незадолго до смерти Кутузова в чине штабс-капитана переведен в свиту е.и.в. по квартирмейстерской части; в сент. 1813 — капитан (за отличие). Участник заграничных походов 1813—14. Во время летнего перемирия 1813 входил в т. н. Рейхенбахский кружок воен. историков, возглавляемый Ф. Н. Глинкой (участвовали также Д. И. Ахшарумов, А. Г. Краснокутский, А. А. и М. А. Шербиныны); в нем обсуждалась программа создания ист. трудов о 1812 и предпринимались практич. шаги по претворению ее в жизнь (см.: Тартаковский А., Неразгаданный Барклай. — «Звезда», 1993, № 8, с. 176, 178).

В авг. 1814 причислен к Гвардейскому ген. штабу. Первый нач. 6-ки Гл. (Ген.) штаба (до 1820; приобрел для нее книги с 1814). С 1816 фингель-адъютант (полковник с 1815). Сопровождал императора на Венский конгресс, в поездах по югу России (1816—18), на Ахенский конгресс. К 1822 личные отношения с Александром I испортились и М.-Д. с согласия императора перешел в армию командиром бригады (в чине ген.-майора).

М.-Д. входил в масон. ложу: «Воен. ложу св. Георгия» (1813), «Св. Иоанна Иерусалимского» в Париже (1814), «Избранного Михаила» в России (1815). Участвовал в заседа-

ниях ВОЛРС (см.: Базанов, ук.). Среди его знакомых 1810—20-х гг. были кроме Тургенева и Глинки Ал-др Н. Муравьев, Н. И. Лорер, А. О. Корнилович, А. Ф. Бриттен и др. будущие декабристы. Сам М.-Д. оставался противником рев. действий.

Вместе с тем, воспитанный в либеральном духе александровского времени, достаточно критически относился к великим князьям, в т. ч. к Николаю Павловичу. После его воцарения, не надеясь с ним «ужиться», вышел в отставку и уехал в нижегородское имение жены Юрьев (Арзамас. у.). С началом рус.-тур. войны 1828—29 попытался возвратиться на воен. службу, но получил отказ. Лишь после аудиенции у Николая I ему было разрешено вступить в армию. Командовал бригадой (к окончанию войны дежурный ген. 2-й армии), участвовал в польской кампании 1831 (где получил ранение); по окончании ее переехал в Петербург.

Активно начал печататься с 1816, публикуя целый ряд фрагментов из записок и биогр. очерков, осн. на личных дневниках («ж-лах»), к-рые регулярно вел с 1808 по 1826 (а спорадически и позднее): «Случай, предшествовавший входу в Париж рос. войск в 1814 г.», «Вход Рос. армии в Париж марта 19-го 1814 г.», «Журнал путешествия из Вены в Венгрию в 1814 г.», «Вторичный вход россиян в Париж в 1815 г.» (СО, 1816, № 12, 48, 51; 1817, № 4), «О ген. Моро в Рос. армии» (РВ, 1817, № 5/6), «Два отрывка из истории 1812 г.» (ВЕ, 1817, № 22), «О ген. Доктурове», «О пребывании Рос. армии в Калише с 21 февр. по 26 марта 1816 г.», «Отрывки из журнала путешествий по Германии и Швейцарии в 1815 г.», «Воспоминания о Вене во время Конгресса в 1814 г.» (СО, 1817, № 2, 8, 10, 13), «Журнал путешествия из Швейцарии ... 1815 г.» (ВЕ, 1817, № 23/24), «Журнал похода 1815 г.» (там же, 1818, № 5), «О сдаче Москвы» (РВ, 1819, № 5/6), «О пребывании русских в Париже в 1814-м г.» (там же, 1819, № 9/10), «Черты из жизни кн. Кутузова-Смоленского» (ОЗ, 1820, № 4).

После 1821 прекратил на время печататься, ссылаясь на ценз. притеснения: «Мы, бедные рус. литераторы, находимся в самом жалком положении, ибо не имеем права печатать то, что желаем, не смеем умолять о полит. предметах ... Мы должны или безусловно хвалить, или молчать» (дневник за 1820 — РНБ, ф. 488, № 19, л. 8—9).

С возвращением в Петербург М.-Д. был приближен ко двору. Постепенно возмужавший его переход на охранит. позиции и одновременно возникала ориентация его суждений

на мнения императора и его окружения. В то время, возвращаясь в лит-ру, М.-Д. обратился к жанру мемуарно-ист. записок о zahraniчных походах: «Записки 1814 г.» (СПб., 1831) и «Воспоминания. Из записок 1815 г.» (СПб., 1831), в последующих изданиях объединенные под назв. «Записки 1814 и 1815 гг.» (СПб., 1832, 1836, 1841; рец.: ОЗ, 1842, № 1), «Записки о походе 1813 г.» (СПб., 1834, 1836; Демидовская пр. АН; рец.: БдЧ, 1835, т. 8). Частично они вошл в себя журн. публикации 1816—20, но более лит-ратурно обработанные и законченные. Выхода за мемуарные рамки, повествователь включая в записки элементы науч. исследования, ссылки на источники, документальные приложения, но умышленно избегал подробных воен. описаний и обращался по преимуществу к «таким частностям, к-рые одни могут пояснить ход и последствие сих битв» («Зап. о походе 1813 г.», 1834, предисл. автора, с. IV—VI). Личностный характер в наиб. степени присущ «Воспоминаниям» 1815, обличенным в форму путевого дневника с жанровыми признаками «лит. путешествия»: описания дорожных видов, достопримечательностей, воен. событий сочетались с прямыми характеристиками отд. личностей и европ. обществ, примечат. эпизодами и автор. размышлениями. Субъективность восп. о столь знаменательном годе в истории Европы и России вызывала, однако, и недовольство критики, не нашедшей в них «ни обширности, ни общности взгляда» («Телескоп», 1831, № 12, с. 518; ср. также: МТ, 1831, № 7, с. 380). Следует отметить весьма существенное отличие оригинала дневниковых записей М.-Д. от публикаций, к-рые он представлял публике (Б. П. Козьмин — ЛН, т. 39/40, с. 257).

В дек. 1835 произведен в ген.-лейтенанты и назначен сенатором с оставлением по армии; тогда же возглавил Военно-ценз. к-т.

С 1835 началась работа М.-Д. над сочинениями, посвященными рус. воен. истории, предпринятая «по высочайшему повелению» и под личным контролем Николая I. Он получил доступ во все гос. и местные архивы, а также к мат-лам Гл. штаба, К-та министров, Сената, Мин-ва иностр. дел и даже личным бумагам Александра I. Ему бескорыстно помогали мн. сведущие должностные лица; так, подбором книг из фондов Имп. Публ. б-ки руководил А. Н. Оленин, а непосредственно занимался им, в частности, И. А. Крылов (см. в кн.: Бабинцев С. М., И. А. Крылов, М., 1955, с. 89—90). В руках у М.-Д. скопилось огромное количество копийных и подлинных док-тов о рус. воен. истории alexandrov. царствования, в т. ч. воспоминаний о

1812, значит. часть к-рых написана по просьбе и инициативе самого историка (подробнее см.: Малышкин, 1987).

Проработав их, М.-Д. написал серию ист. описаний: «Описание похода во Францию в 1814 г.» (ч. 1—2, СПб., 1836, 1841, 1845; Демидовская пр. АН; рец.: БдЧ, 1837, т. 20, 21; РИ, 1836, 31 окт.); «Описание Отеч. войны в 1812 г.» (ч. 1—4, СПб., 1839, 1843; рец.: СО, 1839, № 10; БдЧ, 1839, т. 36; ОЗ, 1839, № 10); «Описание войны 1813 г.» (ч. 1—2, СПб., 1840, 1844; рец.: БдЧ, 1840, т. 42), сразу же привлечших к себе читательское внимание. По существу, они составили первую крупномасштабную и полномерную историю Отеч. войны (само наименование «Отеч. война» введено в обиход М.-Д.) и zahraniчных антинаполеонов. походов рус. армии в 1813—14. Исключит. богатство источниковой базы, обстоятельность, выразительность деталей сочетались в ней с композиц. цельностью, живостью изложения и слогом, ориентированным на Н. М. Карамзина; влияние «последнего рус. летописца» ощущалось также в характеристиках: романтически приподнятых и нередко идеализированных. Идеол. ориентиры «описаний» сопрягались с теорией офиц. народности применительно к воен. истории, что заметно, в частности, в возвеличивании роли Александра I как истинного вождя и вдохновителя побед, в изображении антинаполеонов. войн как личной борьбы Александра и Наполеона, в результате к-рой «восстановлены наследственные престолы и полит. равновесие в Европе» («Описание ... 1814 г.», ч. 1, 1836, предисл., с. I; см. также с. III—IV), в трактовке Отеч. войны как верноподданнич. подвига, когда «вся Россия устремилась к оружию ... по гласу монаршему», «мысли всех соединялись в общем порыве — отстоять целость Государства. Но главным двигателем было дворянство» («Описание... 1812 г.», ч. 2, 1839, с. 41—42, 62).

«Описания» подвергались тройному редактированию: Николая I, воен. мин. А. И. Чернышова и ген.-фельдмаршала И. Ф. Паскевича (см.: РВ, 1889, № 2, с. 162—64); по их требованию убран ряд внутри- и внешнеполит. подробностей, не подлежавших огласке, сглажена подчас резкая критика в адрес отд. генералов, умерены похвалы М. И. Кутузову (бывшему наряду с Александром I объектом преклонения М.-Д.). Ориентация на императора и его окружение побудила самого М.-Д. воен. заслуги Чернышова и Паскевича сильно преувеличить, а опальных в 1820-х гг. генералов (в т. ч. А. П. Ермолова) — замолчать, что вызвало обвинения в «холопстве» и «лакействе» (Ф. В.

Остен-Сакен, Д. В. Давыдов, С. Г. Волконский). Однако читательский интерес и оценка совр. критикой оставались высокими: «Мы не помним, чтобы когда-нибудь на рус. или на др. языке читали историю воен. действий, написанную лучше, яснее, увлекательнее» (БдЧ, 1839, т. 36, отд. V, с. 3). Тот же Давыдов писал А. С. Пушкину: «Я обзорением его 1814 г. довольно доволен. Происшествия изложены ясно, есть в нем документы неизвестные; конечно, ни одно выражение не берет на штыки читателя, зато все сочинение проникнуто теплой любовью к России, что для меня, варвара, человека без примеси русского, бог знает как уладительно ...» (Пушкин, XVI, 194). О книгах М.-Д. многократно отзывалась европ. печать (Смитт, Бернгарди; см.: РВ, 1889, № 2, с. 159), в осн. довольно прохладно.

В 1841 избран членом Рос. АН. По выходе в свет «Описания» М.-Д. признаны образцовыми и хрестоматийными (первоначально — как написанные по «высочайшему повелению», но со временем — и независимо от него). В 1843 В. Г. Белинский назвал «Описания» «учено-беллетристическими» (VIII, 93), в 1845 в рец. на 3-й том серии «Сто русских литераторов», куда вошло и соч. М.-Д., отметил, что «воин-литератор ... давно уже приобрил себе в рус. лит-ре значение классич. воен. писателя» (IX, 256), а в 1858 «Рус. инвалид» заключил: «В воен. отношении история А. И. Михайловского то же, что, в отношении государственном, Н. М. Карамзина История России» (И. Бутковский — РИ, 1858, 19 дек.). Уже к 40-м гг. «Описания» стали обязательным уч. пособием по совр. истории России в военно-уч. заведениях, а также использовались в школах и ун-тах (Грот и Плетнев, II, 201; Дроболов, II, 53). Их, как и др. сочинения М.-Д. об этой эпохе, широко использовал Л. Н. Толстой в работе над «Войной и миром».

После выхода в 1841 «Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг.» (СПб.) М.-Д. обратился к Николаю I с планом по созданию многотомной воен. истории России 1-й четв. 19 в. и был поддержан. В рамках плана вышли: «Описание Турецкой войны в царствование имп. Александра с 1806-го до 1812-го г.» (ч. 1—2, СПб., 1843; положит. отклик Белинского — VIII, 93), «Описание первой войны имп. Александра с Наполеоном в 1805-м г.» (СПб., 1844; рец. Н. А. Некрасова — ОЗ, 1845, № 1), «Описание второй войны имп. Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 гг.» (СПб., 1846).

Помимо воен.-ист. работ М.-Д. продолжал в 1830—40-х гг. обработку «журналов» и писание мемуаров;

фрагменты из них стали появляться еще при жизни и продолжали публиковаться после смерти историка, вплоть до наст. времени; в т. ч.: «Воспоминания о фельдмаршале гр. Дибиче» (РВ, 1842, № 5/6; содержит рассказ об обстоятельствах создания А. С. Хомяковым патристич. стих. «Прощание с Адрианополем»); «Воспоминания о гр. М. А. Милорадовиче» (в кн.: Сто рус. литераторов, т. 3, СПб., 1845; высокая оценка Белинского: IX, 255—56; о личном знакомстве Белинского с М.-Д.: XII, 59; воспоминание критика о званом вечере у М.-Д. иронически воспроизведено в кн.: Панаев, ук.) и «Нек-рые выписки из бумаг М. Данилевского» (в кн.: Ист. сб. Волной рус. типографии ..., кн. 2, Лондон, 1861; то же — М., 1971, факсимильное изд.). Восп. М.-Д. — своего рода хроника внимат. наблюдателя, обильная ценными сведениями по истории России 1-й трети 19 в. (фактографич., биогр., бытовыми), а также характеристиками и подробностями обществ. настроений. Составил также ряд жизнеописаний в редактируемом им изд. «Имп. Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 гг. Военная галерея Зимнего дворца» (т. 1—6, СПб., 1845—49; рец.: «Совр.», 1845, т. 38).

Умер скоропостижно, от холеры. Был женат на А. П. Чемодановой; имел двух сыновей и четырех дочерей.

Др. произв.: «Разбор рос. сочинений, касающихся до истории 1812 г.» (ОЗ, 1820, № 6, 8; 1821, № 9, 11, 12, 14, 16), «Представители России на Венском конгрессе в 1815 г.» (РС, 1899, № 6), «Из дневника о польской войне 1831 г.» (РВ, 1889, № 2), «Записки. 1812 г.» (ИВ, 1890, № 10), «Вступление на престол имп. Николая I ...» (РС, 1890, № 11), «Записки. 1823 г.» (ИВ, 1892, № 7—8), «Из восп. 1817 г.» (РС, 1897, № 6), «Из восп. 1818 г.» (РС, 1897, № 7—8, 11—12; 1898, № 1), «Из восп. 1819—1821 гг.» (РС, 1899, № 12), «Из восп. 1822 г.» (РС, 1900, № 9), «Из восп. 1824 г.» (РС, 1900, № 10), «Из восп. 1825 г.» (РС, 1900, № 11—12), «Выписки из дневника 1813 г.» (на франц. яз.; в кн.: Бумаги, относящиеся до Отеч. войны 1812 г., собр. и изданные П. И. Щукиным, ч. 7, М., 1903; там же его записка как цензора и письмо как историка — с. 247, 283—84), «Журнал 1813 г.» (в кн.: «1812 год ... Воен. дневники», М., 1990, с. 313—80).

Изд.: ПСС, т. 1—7, СПб., 1849—50 (предисл. Л. Бранта).

Лит.: Пушкин; Белинский; Герцен; Толстой; Архив Тургеневых; Батушков К. Н., Соч., т. 2, М., 1989; Давыдов Д. В., Соч., М., 1962; Вяземский, VIII; Глинка Ф. Н., Письма к другу, М., 1990 (ук. на Данилевского); Кюхельбекер; Полевая К. А., Записки, СПб., 1888 (все 11 — по ук.).

Басаргин Н. В., Восп., рассказы, ст., Иркутск, 1988, с. 321; Граббе П. Х., Записная книжка, М., 1888; Зотов В. Р., Петербург в сороковых годах. — ИВ, 1890, № 1, с. 49—50 (о ценз. проекте М.-Д.); Давыдов В. Д., Записки о «Зап.» моего отца — старика Д. В. Давыдова. — РС, 1872, № 9; Волконский С. Г., Записки, СПб., 1901, с. 329 (и ук.); Дрейлинг М. Р., Восп. участника войны 1812 г. (1820). — В кн.: 1812 г. Восп. воинов рус. армии, М., 1991, с. 378; Лебедев К. Н., Из зап. сенатора. — РА, 1910, кн. 3, с. 241—42; Лорер Н. И., Зап. лексариета, Иркутск, 1984, с. 328—329; Марченко В. Р., Автобиограф. записка. — РС, 1896, № 3, с. 499; Муханов П. А., Письмо к М.-Д. — РС, 1900, № 10, с. 217—18; Смирнова-Россет (ук.); Фонвизин М. А., Соч. и письма, т. 2, Иркутск, 1982 (ук.); Щербинин А. А., «Восп. журнал 1813 г.». — В кн.: 1812 год ... Восп. дневники, М., 1990 (ук.).

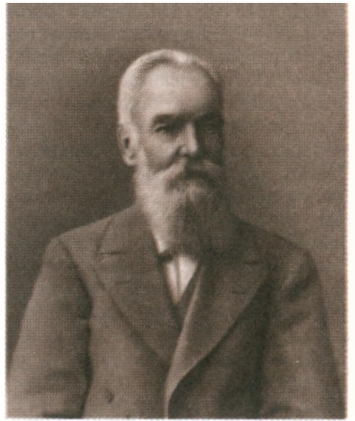
Ри, 1838, 27 февр. (реширп Николай I на имя М.-Д.); Липранди И. П., Нек-рые замечания ... о действ. причинах гибели Наполеона. — СПб., 1855; сго же, Краткое обозрение эпизода Отеч. войны (из соч. М.-Д.) ... СПб., 1858; сго же, Мат-лы для Отеч. войны 1812 г. Собр. ст., СПб., 1867; Богданович М. И., История Отеч. войны 1812 г. по достоверным источникам, т. 3, СПб., 1860, с. 535—37 (рец. на его кн.: Ри, 1859, 18 нояб.; СП, 1860, 19 янв.; МВед, 1860, 5 марта; «Восп. сб.», 1860, № 6).

Брант Л. А. И. Михайловский-Данилевский. — СО, 1849, № 2; Шильдер Н. К., А. И. Михайловский-Данилевский. По поводу столетней годовщины со дня его рождения. 1790—1848—1890. — РС, 1890, № 11; 1891, № 9; Затворнический Н. А. (сост.), Столетие Восп. Мин-ва, т. 3, СПб., 1907, отд. IV, с. 182—196; Торчкова Н., К вопросу о прототипах образа кн. Андрея. — В кн.: Л. Н. Толстой, Сб. ст. о творчестве, [в.] 2, М., 1959; Бескровный Л. Г., Очерки воен. историографии России, М., 1962 (ук.); Лотман Ю. М., Походная типография штаба Кутузова и ее деятельность. — В кн.: 1812 год. К столетиядесятилетию Отеч. войны, М., 1962; Тартаковский А. Г., Восп. публицистика 1812 г., М., 1967, с. 65, 87—94, 99—101, 113, 123, 205, 206, 209; сго же, 1812 г. и рус. мемуаристика, М., 1980 (ук.); Желвакова И. А., Мат-лы М.-Д. в «Ист. сб-ке Вольной рус. типографии». — В кн.: Археограф. ежегодник. 1969, М., 1971; Бучина Л., Дневники М.-Д. — В кн.: Иссл. памятников письм. культуры в собр. и архивах отд. рукоп. и редких книг. Восп. и дневники, Л., 1987 (ПТБ), с. 34—44; Малышкин С. А., Рус. воен. историк М.-Д. и его «Описание Отеч. войны в 1812 г.», М., 1990 (Авторф. дис.); Борисов Г., «И поклонился ему царь ...» — «Лит. Россия», 1990, 14 сент., с. 15; Троицкий Н. А., Отеч. война 1812 г. История, темы, Саратов, 1991, с. 15—20, 50, 89; Сапожников А. И., Мат-лы М.-Д. в архиве Н. К. Шильдера. — В кн.: РНБ: XXIX науч. конференции молодых специалистов ... Мат-лы, СПб., 1994; ЛН, т. 19/21, с. 304, 314, 334, 336, 690; т. 58 (письмо П. П. Свинына к М.-Д.); т. 60, кн. 1: т. 69, кн. 1 (ук.). + Некролог: СП, 1848, 10 сент., 9, 11 нояб. (Ф. В. Булгарин); МВед, 1848, 16 сент.; СПбВед, 1848, 19 сент. (К. П. Олсухов?); ЖМНП, 1849, № 1/3; ПНкр.; Ист. кладбища Петербурга, СПб., 1993 (ук.). Старчевский, т. 8; Восп. энц. лексикон, т. 8, СПб., 1855; Брокгауз; ВЭ; Венгеров. Источ.; БЭС; СНЭ; Сов. восп. энциклопедия, т. 5, М., 1978; ИДРДВ: Черейский; Муратова (1, ук.); Мяснов.

Архивы: Малышкин С. А., Об архиве историка Отеч. войны 1812 г. М.-Д. — «Сов. архивы», 1987, № 4; Архив АН, т. 2, М.—Л., 1946, с. 122; РНБ, ф. 488; ИРЛИ, ф. 527 (письма М.-Д.); РГИА, ф. 241 (в т. ч. письма М.-Д. за 1834—44); ф. 970, оп. 3, д. 2284 (ф. с. 1846 г.). В. М. Божова.

МИХАЛОВСКИЙ Дмитрий Лаврентьевич [26 или 28.2 (9 или 11.3). 1828, Петербург — 9(22).2.1905, там же; похоронен на Волковом кладб.], поэт, переводчик. Из духовного звания, сын обер-священника Отд. Кавк. корпуса. Учился в Тифлис.

г-зии, в 1848 окончил юридич. ф-т Петерб. ун-та, затем, вернувшись на Кавказ, служил в канцелярии наместника края (1848—56). В сер. 1850-х гг., после увольнения по болезни, переехал в Петербург и был причислен к Мин-ву внутр. дел (1857—59), служил по Хоз. деп. (с 1859 коллеж. сов.). В 1863 переведен в общую канцелярию Мин-ва финансов, в ведомстве к-рого оставался свыше тридцати лет. В 60-х гг. проходил службу в зап. губерниях; пред. мирового съезда в Вилькомире Ковен. губ. (1868); в 1869 командирован в Варшаву в распоряжение зав. финансовым управлением Царства Польского (нек-рое время возглавлял управление). В чине д. стат. сов. участвовал в экспедиции для выбора места коммерч. порта на Мурманском берегу и сборе сведений об экономич. развитии края (1870). Вышел в отставку в 1893 (в том же чине).

Независимо от служебной деятельности, имевшей для М., по-видимому, единств. цель — обеспечение средств существования, развивалось его лит. творчество — «„святая святых“ всей его жизни» (А. А. Коринфский) — «Север», 1898, № 19, стб. 604). Дебютировал переводом поэмы Дж. Байрона «Мазепа» («Совр.», 1858, № 5), опубл. по настоянию Н. А. Некрасова; одновременно Н. Г. Чернышевский привлек его к подготовке «Ист. б-ки», изд. при «Современнике», поручив перевод соч. Ф. К. Шлоссера «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого ... с особенно подробным изложением хода лит-ры» (т. 1—8, СПб., 1858—60) и одного из томов «Истории земледельческого сословия во Франции» Ж. Э. Бонмера; последний пер. не был пропущен цензурой (см. восп. М. «Начало моего знакомства с Н. А. Некрасовым и Н. Г. Чернышевским» — ЛН, т. 67). В пер. М. был опубл. также автор-биограф. роман итал. революционера Дж. Руффини «Записки Лоренцо

Бенони» («Совр.», 1861, № 7—9, прил.; достоинства пер. отмечены в положительной отклике — ОЗ, 1862, № 1) о борьбе молодежи против деспотич. монархии, вызвавший ценз. преследования (см.: Евгений в-Максимов В., «Современник» при Чернышевском и Добролюбов, Л., 1936, с. 496—506). О лит.-обществ. взглядах М. этого времени свидетельствует ст. «Новые итальянские поэты» («Совр.», 1860, № 3; вкл. пер. из У. Фосколо, Дж. Леопарди, Дж. Берше и др.), в к-рой ценность творчества рассматриваемых авторов ставится в зависимость от их гражд. позиции, участия в освободит. борьбе.

Близость к кругу «Современника», наложившая печать на все творчество М., сто приверженности к демокр. направленною отклику осознавались литераторами последующего поколения, к-рые отнесли М. к «шестидесятникам» (М. А. Протопопов — РМ, 1891, кн. 9, отд. 2, с. 131). Сотрудничество в изд. демократич. организации М. продолжал и в дальнейшем: в 1868—1881 регулярно печатался в «Отч. зап.», а также в «Деле», «Слове», «Рус. богатстве». В 1881—87 публиковались в «Рус. мысли»; эпизодически выступал в «Св. вест.» и «Вест. Европы».

Основное в творчестве М. — стихотв. перевод, хотя диапазон его как переводчика чрезвычайно широк (песни, худож., публици., науч. проза). Гл. критериями при отборе переводимых стих. были для М. идейная направленность произв., характерность и оригинальность его содержания (письмо Некрасову, 1866 — ЛН, т. 51—52, с. 395), а также значительность автора, распространению известности к-рого среди рус. читателей он способствовал своими переводами. Переводил произв. ок. 40 англ., амер., нем., франц. и итал. поэтов, гл. обр. Дж. Байрона («Чайльд-Гарольд», песня I, отрывки песни IV; «Евр. мелодии», «Элегия к Тирзе», «Тыма» и др.) и Г. Лонгфелло (20 стих., пролог и 11 из 22 глав «Песни о Гайавате»: «Совр.», 1866, № 4; ОЗ, 1868, № 5, 6, 10, 11; 1869, № 6; отд. изд. — СПб., 1890; рец.: РМ, 1890, № 7). Среди др. поэтов, переведшихся М. в 60-е — нач. 70-х гг., — Т. Гуд, Г. Гейне, Н. Ленау, Ф. Фрейлиграт, позже — Ш. Бодлер, А. Мюссе. Переводч. принципы М. были сформулированы еще в ранней ст. «Шекспир в переводе г. Фета» («Совр.», 1859, № 6; статья, опублик. под псевд. М. Лавренский, ошибочно приписывалась Н. А. Добролюбову, см., напр., перепечатку в его ПСС, т. 2, М., 1934, с. 619—43) — резко критич. отклике на фетовский пер. «Юлия Цезаря» (отзыв послужил одной из причин ссоры и разрыва Фета с «Современником», см.: ЛН, т. 51—52, с. 59; Фет А. А., Стих. Поэмы, М., 1988, с. 365). Говоря о необходимости близкой передачи содержания оригинала, о важности сохранения его формы, М. критиковал переводч. буквализм и требовал от переводчика

воссоздания «жизни, которою проникнут подлинник» («Совр.», 1859, № 6, с. 287). Практич. реализацией этих принципов явились пер. М. 5 пьес У. Шекспира: «Юлий Цезарь» («Совр.», 1864, № 4), «Король Генрих V», «Ромео и Джульетта», «Король Ричард II» и «Антоний и Клеопатра» (Полн. собр. соч. В. Шекспира в пер. рус. писателей, 4-е изд., т. 2, 3, СПб., 1887—88; за пер. двух последних — половинная Пушкинская пр., 1890; «совершенная близость перевода к подлиннику» в сочетании с умением сохранить поэтичность и силу оригинала отмечалась в отклике П. И. Вейнберга, назвавшего М. «переводчиком в лучшем значении этого слова», — «Шестое присуждение Пушкинских премий: Прил. к LXVI т. Записок имп. Академии наук», № 1, СПб., 1891, с. 36). Переводы М. отмечены ясностью и чистотой языка, экспрессивностью и изяществом стиха (гладкости к-рого он добивался обычно за счет увеличения числа строк). Высшие достижения М.-переводчика, напр. «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, отличаются смысловая точность и тщательная передача ритмич. своеобразия оригинала (переводч. находки М. широко использовал И. А. Бунин, сличавший в процессе работы свой пер. «Песни о Гайавате» с трудом предшественника, см.: ЛН, т. 84, кн. 1, с. 659—60, 662). Со временем, однако, для М. все более характерным становилось вольное обращение со стиховой формой (упрощение строфич. структуры произв., смена размера стиха и т. д.).

В ориг. стих., первое из к-рых заключало в себе призыв: «Протестуй, пока есть в жилах/ Капля крови молодого!» (ОЗ, 1876, № 12, отд. 1, с. 456), М. — поэт некрасовской школы. В стих. «Сеятели» (1879; вариация некрасовского стих. «Сеятелям») М. пишет о просветит. миссии своего поколения, к-рое несло «слово правды сквозь мрак», «С бесконечной борьбой и тревогою/ Свет вливая в сердца и умы». Поэма «Поэт и Муза» («Слово», 1880, № 10; отд. изд. — [СПб.], 1880) утверждала мысль, что истинный поэт — «идеи пламенный служитель/ И правды долбестный боец». Той же идеей проникнута стихотв. «фантазия» «Три могилы» (РМ, 1889, № 9). Однако начиная с 80-х гг. в стих. М. получают выражение настроения эпохи безвременья: пессимизм, скорбь бессилия и безнадежности, горькое сознание бесплодно прожитой жизни, тоска ночных кошмаров и мрачных дум («После битвы», «Кошмар», «Ночь»); эти настроения в его поэзии усиливаются на рубеже веков, когда подводится «итог печальный и ничтожный/ Ненужных дел, глухой борьбы» («Нет больше чар, нет упо-

вания ...», 1901). Соответствующие мотивы отыскивались у переводимых поэтов, среди к-рых осн. место заняли Дранмор (псевд. швейц. поэта Ф. Шмида) и Сюлли-Прюдом, а сами пер. нередко превращались в переделки, вариации на заданную тему, служащие для выражения собств. настроений. Декларируя свободу обращения с оригиналом, М. в сущности создавал новые произв., идейный смысл к-рых мог противоречить смыслу первоисточника (о гипнозе репутации М.-переводчика, заставляющем видеть близость к оригиналу даже в случаях отступления от него, см.: Левин и, с. 253, 258). Несмотря на пессимистич. мотивы, развивающиеся как в оригинальных, так и в переводных стихотворениях, тема духовной преемственности и надежда на молодое поколение проходят через все творчество М. — вплоть до последней поэмы «Три брата» (М., 1903) и стих. «Пегас» («Родная нива», 1905, № 9).

Поэтич. стилистика М. отразила упадок стиховой культуры поэзии 1870—80-х гг., особенно в гражд. лирике. При всей гладкости и правильности его стихи отличались однообразием строфики, бедностью рифм, банальностью эпитетов; предметная реальность уходила из них, вытесняемая аллегорич. образимисигналами (мрак, огонь, факел) и навязчиво варьировавшимися формулами (правда и свет, любовь и добро и т. д.), к-рые постепенно вырождались в штампы.

Для заработка М. переводил прозу, в т. ч. Э. Буллер-Литтона, Ч. Диккенса, А. Додэ; среди пер. мемуаров — «Записки» Е. Р. Дашковой (полный список прозаич. пер. см.: Левин и, с. 252; часть из них была выполнена совм. с женой — Люб. Ал.-др. Михаловской, к-рая сама переводила прозу, Ф. Шиннигагена, Г. Гримма, Г. Эберса). В 90-е гг. М. редактировал переиздания подготовл. Н. В. Гербеком полн. собр. соч. Байрона (4-е изд., т. 1—3, СПб., 1894) и Шекспира (5-е изд., т. 1—3, СПб., 1899), подготовил сб. «Стихотворений» Лонгфелло (СПб., 1894). Выступал также как дет. писател: стихи в ж. «Игрушечка» и «Дет. чтение», «быль» «Доброе слово пастыря. Эпизод из времен Отч. войны» ([СПб.], 1891) и сб-к (в осн. состоявший из пер. и переделок дет. рассказов и стихов) «Маленькие герои и др. рассказы» (СПб., 1894; 2-е изд. — М., 1902; отклик: «Рус. школа», 1895, № 12).

В последние годы жизни много болел, в 1899 лишился глаза; нуждаясь, постоянно обращался в Лит. фонд за вспомоществованием.

Дочь М., Надежда Дм. (1863—после 1913) (см. о ней: Венгеров. Список; Масанов; упоминание о рождении М. в Лит. фонд — ИРЛИ, ф. 155, 1901, журнал 12, прил. 4), известна как автор эпизодич. публ. для детей в ж. «Игрушечка» (под псевд. Н. Динтревская); рассказы и зарисовки «Бог поможет!» (1891, № 5), «Тревога в подвале» (1892, № 2), «Сон под Рождество» (1894, № 12), «На рыбной ловле» (1896, № 9). Ей принадлежит также рассказ из крест. жизни «Бродяга» («Наше время», 1893, № 30; подп.: Н. М.).

Изд.: Иностр. поэты в пер. Д. Л. Михаловского, СПб., 1876 (с библиограф. переводов М., сост. Н. В. Гербеком); Иностр. поэты в пер. М. и оригинальные стих., т. 1—2, СПб., 1896 (отзывы на оба изд. см.: Венгеров. Источ.); [Стих.] — В кн.

НА, в. 2. П., 1917, с. 190—94 (вступ. заметка Ф. Б. Ютешкова); Мастера рус. стихотв. перевода, кн. 2, Л., 1968 (БПбс: биогр. справка и прим. Е. Г. Эткинда); Поэты 1880—1890-х гг., 2-е изд., Л., 1972 (БПбс: вступ. ст. Г. А. Бялого, биогр. справка Л. К. Долгополова и Л. Н. Николаевой); Рус. поэзия детям; Рус. писатели о переводе XVIII—XX вв., Л., 1960 (вступ. ст. А. В. Федорова, сост. Р. А. Шашево); письма Н. А. Некрасову, 1866—75. — ЛН, т. 51—52 (публ. В. Е. Евгеньева-Максимов); Некрасовский сб., т. 10, Л., 1988, с. 162 (публ. О. Б. Алексеевой).

Лит.: Некрасов (ук.); Чуйко В. В., Совр. рус. поэзия в ее представителях, СПб., 1885, с. 194; [Статьи к 40-летию лит. деятельности М.]: НВ, 1898, 2 мая (прил.); «Народа», 1898, 7 мая; «Еженед. прил. к газ. СО», 1898, 17 мая; «Нива», 1898, № 20; ЖО, 1898, № 20; Шекспир и рус. культура, М.—Л., 1965 (ук.); Струве П. Б., Дух и слово. Статьи о рус. и западно-европ. лит-ре, Париж, 1981, с. 256—58; Левин Ю. Д., Рус. переводчики XIX в. и развитие худож. перевода, Л., 1985 (глава М.); ЛН, т. 51—52, 53—54, 84 (ук.). — Некрологи, 1905: НВ, 10 февр.; «Слово», 11 февр., «Новости и бирж. газ.», 11 февр.; «Родная нива», № 8; «Воскресенье», № 8; «Нива», № 9; ЖО, № 9; ИВ, № 3; Брокгауз; НЭС; Мезюв; Мельер; Венгеров. Источ.: Гранат; Смирнов-Сокольский; Алым; и сб-ки (1, 2); Бограва. ОЗ(2); Шекспир. Библиография рус. пер. и критич. лит-ры на рус. яз. 1748—1962, М., 1964 (ук.); Взаимосвязи рус. и нем. лит-р. Библиография, ук. ч. 1—4, М., 1968 (ук.); Либман В. А., Амер. лит-ра в рус. пер. и критике. Библиография 1776—1975, М., 1977 (ук.); Мяснов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 309; РНБ, ф. 489; ф. 373, № 9 (письмо А. А. Коринфского); ф. 118, № 58 («Словарь рус. писателей» П. В. Быкова; библиогр. мат-лы), № 593 (письма П. В. Быкову, 1890 и б. д.); ф. 621, № 539 (письма А. Н. Пылину, 1881, 1898); РГИА, ф. 1284, оп. 75, л. 240 (ф. с. 1863 г.). Ю. Д. Левин.

МИХЕЕВ Василий Михайлович [11(23).6*.1859, Иркутск — 7(20).5.1908, Ярославль, похоронен в с. Спас-Преображенье Романово-Борисоглебского у. Ярослав. губ.], драматург, прозаик, поэт, худож. критик. Род. в богатой купеч. семье (мать — из семьи ссыльного псков. дворянина, ученица декабриста А. В. Поджио). Окончил г-зию в Иркутске; в 1875 поступил в 5-й кл. Моск. реального уч-ща, откуда был исключен в 1877 «по неуспешности» (РГИА, ф. 776, оп. 13, д. 78, ч. 1, л. 260). Юношеск. нек-рое время по делам отца провел на таежных приисках близ Олѣминска (см. замечания М. о своем духовном возмужании под влиянием условий Сибири, не знавшей крепостничества, в ст. «Сорок лет тому назад» — «Сев. край», 1901, 19—21 февр.). С нач. 1880-х гг. жил в Москве (Н. Россов: «многие широко пользовались его гостеприимством и щедростью (он имел порядочные средства, но потом все прожил)» — ТиИ, 1908, № 22, с. 387).

В 1884 дебютировал стихотв. сб-ком «Песни о Сибири» (М.; два изд. за год), где, продолжив поэтич. линию И. В. Омулевского, в условно-романтич. манере с долей «гражд. скорби» и приемами стихотв. «рассказа» описал сиб. природу, быт горнозаводских рабочих, экзотич. бурят. уклад и т. д.; в неск. стих. говорилось о декабристах на каторге и в ссылке: «В лице страдание та/ Шли-приближались к мрачной цели/ Изнемо-

женные князья» (рец.: «Новь», 1884, № 3; РМ, 1885, № 1; «Сибирь», 1885, № 4). Сиб. колорит, «тайная тайга» окрасили первый период писательства М. В «нар. комедии из сиб. жизни» «По хорошей веревочке (По хорошей дорожке)» (М., 1889) он с легкостью разрешил конфликт купцов домостроевской закалки с новым поколением сибиряков, тяготеющим к свободе и цивилизованности. В драме «Тайга (Лесная глушь)» (М., 1893; литографир. изд. — М., 1906) — наиб. удавшимся произв. М. — уже не традиц. «конфликт поколений», скорее схватка непримиримых социобиологич. начал: заброшенным на прииск в тайгу по-гаршински рефлексирующим интеллигентам противостоял в любовной борьбе человек-зверь, вскормленный жестокой стихией, чьи неукротимые инстинкты (незвизрая на его цивилизованность) вели к развязке с убийством женщины и жизненным крахом всех осн. персонажей. Глубинные основы сильного характера, психол. подоплека его борьбы за себя — преобладающий мотив в пьесах М. (не только о Сибири): напр., в драме «Арсений Гуров» (М., 1891; Александрин. т-р, 1892; рец.: «Театр. мирок», 1892, № 8), комедии «Ложные итоги» (М., 1894; т-р Корша, 1893; рец.: «Артист», 1893, № 31) и др., к-рые не удерживались на стол. сцене, но, бывало, подолгу шли в провинциях.

«Арсений Гуров» — это фактически точное воспроизведение в рус. обстановке и на рус. лад истории последней любви и предсмертной дуэли Ф. Лассалля. Н. К. Михайловский писал о «несообразности предприятия» М., т. к. в России невозможно тип легального социалиста и т. о. профанируется обществ. смысл лассалевской драмы: «С Арсением Гуровым может случиться то же самое, что случилось с Фердинандом Лассалем, но оно не может так случиться» (в его кн.: Соч., т. 6, СПб., 1897, стб. 977). Между тем М. не ставил ни биогр., ни полит. задач: его интересовал сильный человек как таковой, выносящий (или не выносящий) давление социальной среды; в этом качестве его герой, честолюбивый удачливый адвокат, произвел итв. впечатление на

публику. (В частности, к его имени восходили лит. посм. И. Я. Гурлинда.)

Как прозаик М. всегда оставался под определяющим воздействием не столько стиля, сколько мировоззрения и личности В. М. Гаршина, редкие встречи с к-рым причислял к важнейшим событиям своей жизни. В кон. 80-х — 90-х гг. он печатался в «Сиб. сб-ках» (прил. к газ. «Вост. обзор.», ж. «Труд», «Театр. б-ка», «Сев. вест.», «Артист», «Мир божий», «Рус. богатство» и др.; особенно часто — в ж. «Нива». В отличие от своих пьес, как правило, динамичных, с яркими страстями, М. писал рассказы в приглушенной гамме, с вялым сюжетом, иногда — бессобытийные «эскизы» или произвольные «фантазии» в декорациях условной Италии к.-л. ист. эпохи. В сб. «Художники» (М., 1894) и «В семье и вне семьи» (СПб., 1895) превалировало слабобольной, потерявший человека, будь то захолустный мечтатель, следящий за жизнью по газетам, или художник, томимый «жаждой творить» и отсутствием впечатлений для творчества. Критика подчеркнула «провинци. характер» трагического у М. и лучшую черту его дарования — юмор («Артист», 1894, № 37, с. 191; др. рец., 1894: РМ, № 5; РБ, № 9; «Неделя», № 41), подметила «давление лит. начитанности» автора (МБ, 1895, № 4, 2-й отд., с. 35; др. рец.: РМ, 1895, № 7). Больная совесть, как бы двоящиеся мысли и чувства при «безукоризненной честности отношения к раз взятому сюжету» (Н. Россов, ТиИ, 1908, № 22, с. 388) и бледном «интеллигентском» языке в явно неудачном единств. романе М. «Золотые россыпи» — о художнике, уехавшем на прииск в поисках «натуры» («Артист», 1893, № 26—31; отд. изд. — ч. 1—2, М., 1892, 1894), дали основную рецензенту написать, что «нельзя уловить и уяснить себе основную идеи автора» (РМ, 1894, № 6, 2-й отд., с. 284).

Человек скромно одаренный, М. преданно любил и хорошо чувствовал «талантливое», ясно понимал, в частности, эстетич. своеобразие рус. худож. школы. В «Артисте» печатались его очерки творчества И. Е. Репина, М. М. Антокольского (1893, № 26—29; в них М. ценит гл. обр. «психологич.», к-рые «смысл иду» за Достоевским и Л. Н. Толстым, их учителям в старшей по времени отрасли иск-ва», — № 29, с. 79). «Биогр. этюд» о Ф. А. Васильеве (1894, № 44), а также разбор рус. пейзажей в Третьяков. галерее (в «случаях душевной творч. смуты спасителем художника может служить одна природа» — 1894, № 34, 35; цитата: № 35, с. 142), отчеты о выставках и др.

Оставшись холостяком и обеднев, М. в 1896 поселился с матерью в Ярославле, где вскоре получил репутацию «местного писателя». По местным преданиям написал ист. пов. «Отрок-мученик» (СПб., 1899) и «Колдунья Марина» (Я., 1900; о Марине Мнишек в ярослав. плену). Живо интересовался постановкой

нар. образования в губернии, работал в просветит. об-вах. Пред. правления Об-ва вспомоществования учащимся (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1901 г., д. 895, л. 11). Школа, учительство, дети — в пов. «Тихие дела» («Нива», 1899, № 38—48), рассказе «Последние 25 рублей (Записки педагога)» («Сев. край», 1901, 8, 10, 13, 15, 17 нояб.) и др., частично собранных в кн. «Рассказы» (М., 1902).

С 1898 близкий сотрудник, с 1902 секр. редакции, с 1905 редактор ярослав. газ. «Сев. край», одной из лучших рус. провинц. газет земско-либерального толка, где печататься «считалось за честь» (Тыркова-Вильямс А., На путях к свободе, Нью-Йорк, 1952, с. 99). Имел репутацию политически неблагонадежного (РГИА, ф. 776, оп. 13, д. 78; ф. 1405, оп. 530, д. 371, 998). В 1900—08 периодически печатался в центр. ж-лах: «Нива», «Рус. богатство», «Рус. мысль» (1904, № 12, — пов. «Незаживающая рана»), «Нар. благо» и др. Революция 1905—07 потрясла М. В своих последних произв. он постарался вернуться к сильным характерам и ощущению драмы жизни: пьесы «Герой народной свободы», «Голота» (Я., 1906; о массовых движениях времен гайдаматчины, понятых из «наблюдений теперешнего движения», — с. VI) и «Освобождение (Исцеление)» (М., 1908; смерть ригориста и ревнивца — носителя омертвевшей морали — прочитывалась как бесповоротный расчет с прошлым).

Изд.: Песни о Сибири, Иркутск, 1938; (Стхи.), — В кн.: Славное море, Иркутск, 1949; Стихи о Сибири, М., 1961; Золотые росы, Иркутск, 1984; Беглые театр. воспоминания. — В кн.: Островский в восп.

Лит.: Круглов А., Пестрые страницы. — ИВ, 1895, № 12, с. 814; Росснев П. А., Силуэты. — ИВ, 1909, № 7, с. 30—34; Дубровский К., Симпатичный писатель. — В его кн.: Рождение в стране изгнания, П., 1916; Бродский Н. Л., Декабристы в рус. худож. лит-ре. — КИС, 1925, № 8 (21), с. 210—13; Злоб-ин Н., Мат-лы для сиб. словаря писателей, М., 1928; Жеребцов В., Предшественник пролет. лит-ры в Сибири. — «Сиб. огни», 1930, № 6; Черных П., Заметки о творчестве В. М. Михеева. — «Сиб. огни», 1937, № 4; Белоусов А. А., Песви Сибири. — В его кн.: Лит-ра и время, Улан-Удэ, 1964; Куклина Е. А., Социально-нравств. тенденции в творчестве В. М. Михеева 90-х гг. XIX в. — В кн.: Очерки лит-ры и критики Сибири XVII—XX вв., Новосибир., 1976; Морозов П., Декабристы в стихах сиб. поэта. — «Байкал», 1976, № 6; Лит. процесс и журналистика (2, ук.); Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982 (ук.); Некролог Сибири, 1908; РЛ, 8 мая; РВед, 9 мая; Речы, 9 мая; ИВ, 11 мая; «Нива», № 23; ИВ, № 6; ЕИТ, 1909, в. 6—7; Рус. провинц. искропол., т. 1, М., 1914, с. 568; Брокгауз; Венгеров. Источ.: ЛЗ; КЛЗ, т. 9; ИРДТ; ССЗ; Петряев; Огурцов Н. Г. Опыт местной библиографии. Ярослав. край (1718—1924), Я., 1924 (ук.); Писатели Вост. Сибири, Библиогр. указатель, Иркутск, 1973; Астафьев А. В., Астафьева Н. А., Писатели Ярослав. края, 2-е изд., Я., 1974; Писатели Вост. Сибири, Библиогр. указатель, в. 2, ч. 1, Иркутск, 1983; Лит. Сибирь. Критико-библиографич. словарь писателей Восточной Сибири, т. 1, Иркутск, 1986; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1354; ИРЛИ, ф. 377; ф. 357, оп. 5, № 74 (автобиогр. письмо 1901 г.

А. Н. Сальникову); РГБ, ф. 165, к. 3, № 50 (восп. Н. М. Мендельсона); ф. 196, к. 23, д. 47 (восп. Е. С. Некрасовой и письмо М. к ней); РГИА, оп. 26, д. 8, 9, 10, 12 (доклады цензоров о пьесах М.); ф. 1405, оп. 530, д. 371, 998; ф. 1343, оп. 39, д. 3152 (дело о дворянстве; м.с.*).

А. В. Чапцев.

МИХНЕВИЧ Владимир Осипович (Иосифович) [14(26).1.1841, Киев — 24.2(8.3).1899, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], журналист, беллетрист, историк быта. Дядя (по матери) Д. Д. Бурлюка. Отец М. — из старинного, обедневшего дворян. рода — арендовал в разное время мелкопоместные име-

ния в юж. губерниях Малороссии (см. восп. М. «Из прожитого» — «Новости», 1898, 15 февр.). Получил дом. образование в семье своего дяди (по отцу) Ивана, «обрусевшего и оправославленного» (Семевский, с. 333); в 1869 перешел из католич. в православную веру. Увлекался ист. лит-рой; десяти лет прочитал «Историю об Александре Великом (Македонском)» Квинта Курция, а затем протусудировал «Руководство к познанию всеобщей полит. истории» И. К. Кайданова. Учился во 2-й киев. г-зии (1853—56), окончил (по желанию отца, переселившегося в Полтав. губ.) Нежин. г-зию (1860).

Самообразование шло наперекор казенным гимназич. порядкам, где «несучная» книга была под запретом, а А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь объявлялись нех-рыми учителями «пустыми» и «вредными» писателями. Правдивые сведения о Крым. войне, обороне Севастополя гимназисты получали из франш. «Иллюстраций». В те же годы, по признанию М., у него обнаружилась «страстность к сочинительству и вообще к худож. творчеству... и рисовал, и сочинял с одинаковым увлечением...» (Семевский, с. 334). В 13 лет сочинил рыцарскую повесть в стиле А. А. Бестужева-Марлинского, гимназистами разыгрывалась его комедия «Отставка без муштра» (там же).

Из Нежина М. послал в «Искру» (1859, № 47—48) свою юмореску «Сны», высмеивающую педагогов гимназии, провинц. нравы. Фельетоны на бытовые темы с 1860 печатал в «Киев. телеграфе» (в числе первых публ. — фельетон «Барышники тол-

кучих рынков», 4 дек.). В 1861—64 учился на ист.-филол. ф-те Киев. ун-та, «но курса не окончил, отвлекаясь долгими отлучками в провинцию „на кондиции“, т. е. на губерн. терство, ради снискания средств» (Семевский, с. 335). Это были годы формирования демокр. взглядов, ориентированных преим. на «Современник» (в лит. кружке, к к-рому примыкал М., «запоем» читали каждую новую книжку ж-ла), не без влияния к-рого М. преодолевал «весьма романтич. украинифильство» с верой в «гетманщину», «казацкую конституцию» и т. п. Побеждает вера в «общерусское отечество», «единое для всех ветвей и оттенков рус. племени от Урала до Карпат» (там же, с. 333). В 1863—64 М. — дом. учитель в семье возвратившегося из сиб. ссылки декабриста А. А. Крюкова, жившего в Киеве, знакомство с к-рым «сильно и благотворно» повлияло на склад характера и понятий М. (там же, с. 335).

В 1865, избрав журн. поприще, М. переезжает в Петербург. Начало сотрудничества в изданиях И. А. Арсеньева «Петерб. листок» и «Заноза» принесло разочарование в столичных лит. нравах. К тому же он испытал первые ценз. притеснения: очерк о «хороших» людях, вдруг исчезавших после бесед с надзирателем Нагайкинским, был запрещен цензурой к печати в «Будильнике» (опубл. в кн.: Ямпольский И. Г., Сатирич. и юмористич. журналы 1860-х гг., Л., 1973). Мытарство провинц. журналиста, его лит. батрачество М. изобразил в своей кн. «Литературный мир. Поддонки (Сатирические очерки)» (СПб., 1869), правдиво описав «жалкий быт» «кропателей газетных статей», их зависимость от «лит. плутов», выдающих себя за поборников просвещения (рец. — ВТ, 1869, № 9). Отойдя на время от лит. дел, М. служил помощником библиотекаря в б-ке вел. кн. Константина Павловича, затем у одного «дельца» занимался сочинением и перепиской разных прошений, не пренебрегая должностью приказчика в мебельном магазине. Первые его наблюдения (гор. быт, нравы сословий, «язывы Петербурга») — в кн. «Романы кухарки и Камелии. Рассказы из петерб. жизни» (СПб., 1869). С 1870 полностью отдается писательству: ведет еженед. фельетон «Смеха невинного ради» (1871, № 23, 24, 26, 28, 38, 41) в «Будильнике» Н. А. Степанова, воскресный фельетон в «Сыне отечества» (1872—76) А. В. Старчевского, а с 1876 в «Голосе», куда был приглашен В. А. Бильбасовым. Одновременно сотрудничает в «Деле», «Стрекозе», «Неделе», «Муз. свете», «Петербург. газете» и др.

Свою лит.-обществ. позицию в журналистике той поры М. выразил

в собств. комм. к кн. «1863—1877. Пятнадцатилетие газеты „Голос“» (СПб., 1878): содействовать практич. разработке проводимых реформ, критически оценивать «плоды все-рос. прогресса», служить делу, а не лицам, не «партиям». Эту программу он пытался осуществить в либеральном издании «Новости и биржевая газета», в к-ром был одним из ведущих сотрудников, чл. редакции более 20 лет (с 1877). Его пост. фельетон «Вчера и сегодня» (в 1895—98 назывался «На очереди»), отличавшийся жанровым разнообразием (полюмич. статья, ист. очерк, юмореска, репортаж-обозрение, обзоры «По худож. выставкам», физиологич. очерк и др.), — отклик на разнообразные вопросы текущей и прошлой жизни России, Петербурга — отмечен иронией автора, остроумием, незаурядной эрудицией. М. способствовал превращению газетного фельетона, зачастую рассчитанного на легкое чтение, в ведущий газ. жанр, насыщенный острой обществ. проблематикой, заменявший в «Новостях...» передовую статью. Ориентируясь на традиции рус. классич. лит-ры, М. часто обращался к лит. образам А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, цитировал произв. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого и т. п.; создавал лит. типы, чаще всего переосмысливая традиционные: к примеру, «отверженные» как заурядные неудачники в любовной сфере. Фельетонный стиль М. нередко близок иронич. повествованию Г. И. Успенского (характерные заголовки: «Заметки и наблюдения праздного человека», 1887, 22 февр.; «Мой ораторский грех», 1887, 5 апр.; «Элегия малокровного человека», 1887, 19 апр., и др.). Особенности фельетонов М. — освещение «злобы дня» в связи с прошлым («вчера» и «сегодня» в преемственности и противоречивости обществ. и бытовых явлений («Дрейфусиада», 1898, 18 янв.), лит. типизация («Сплетники и „подщипы“», 1887, 1 февр.; «Наши „скитальцы“», 1887, 13 марта; «Театралы и театралки», 1888, 30 окт., 25 нояб., 27 нояб.). В откликах на годовщины, памятные даты деятелей лит-ры и иск-ва, избегая традиц. комплиментарных интонаций, находил повод отменить нравств. моменты: «Опыт философии русского пьянства. (Памяти Н. Г. Помяловского)» (1888, 2 окт.), «Горькое слово. (Памяти Салтыкова-Щедрина)» (1889, 2 мая), «Немножко запоздалая правда о Гончарове» (1891, 26 сент.), «Писательская судьба. (По поводу смерти Н. С. Лескова)» (1895, 26 февр.).

Касааясь обществ. (в т. ч. национальных) проблем, М., не примыкая ни к «европеистам», ни к славянофилам, неизменно выступал в либераль-

ном духе (см., напр., фельетоны 1887: «Затычка к „окну в Европу“», 29 марта; «Народничество на почве пустомельства», 21 июня; «Народничество разных времен и фасонов», 28 июня, в 1889 — «Основы истинного патриотизма», 28 мая). Позиция М. вызывала неприязнь конкурирующей прессы, в т. ч. «Нов. времени» А. С. Суворина, обвинявшего М. и его коллег в отсутствии «чувства нац. долга» и в пристрастии к закулисным историям (см. заметку Суворина — НВ, 1888, 31 дек., серию полемич. статей Ф. И. Булгакова — НВ, 1889, 16, 24, 27 апр., фельетон В. П. Буренина — НВ, 1889, 5 мая, и др.). Парирова нападки, М. подчеркивал: «Новости...» — газета «русская и патриотическая во всех отношениях» (1887, № 3). Полемика иногда доходила до резких взаимных обвинений, превращалась в публичную ссору, однажды даже с вызовом на дуэль, отклоненным Бурениным (см. Кауфман). А. П. Чехов в письмах к Суворину не разделял воинств. позиции обоих журналистов (см.: Чехов, Письма, II, 292; III, 98, 125). Примирить оба издания пытался и Д. В. Григорович («Письма рус. писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, с. 29).

Преодолев трудности и «годы безвестности» («Нива», 1899, № 11), М. к 80-м гг. стал видным журналистом, к сотрудничеству с к-рым стремились н. издания (в т. ч. «Живописное обозр.», «Новь», «Жен. образование», «Одес. новости»), организатором дружеских обедов, объединявших литераторов, издателей, ученых (ИВ, 1912, № 11, с. 618). Со мн. современниками М. связывали приятельские (Д. Д. Минаев, Н. С. Лесков, М. И. Семевский, Д. Л. Мордовцев, В. П. Острогорский, А. М. Скабичевский, М. Л. Песковский) и деловые (П. Д. Боборыкин, И. М. Булаещ, П. И. Вейнберг, Б. Б. Глинский, Г. К. Градовский, А. Ф. Иванов-Классик, М. М. Стасюлевич, С. В. Максимов, Вас. И. Немирович-Данченко, Старчевский и др.) отношения. В 1884 М. выпустил свою энциклопедию (ок. 1000 имен) — «Наши знакомые. Фельетонный словарь современников» (СПб.), с портретами-карикатурами («по наброскам автора»; художники — А. И. Лебедев, М. Е. Малышев, А. А. Серебряков) наиб. известных лиц. В лит.-портретных характеристиках в жанре характерологич. очерка, выдержанного в легком фельетонном стиле, выделялись индивидуальные особенности личности, ее обществ. репутация. Многие из них оказались удачны, достоверны (Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, Л. Н. Толстого, В. В. Верещагина, С. П. Боткина и др.) и стали одним из источников в оценке конкретного лица,

его эпохи (см., напр., характеристику Е. М. Феофтистова в кн.: Феофтистов, комм. к соч. К. Н. Леонтьева — ЛН, т. 22—24, с. 483, 489). Критика, принимая в целом ориг. издание М., отмечала неравноценность портретных статей, авт. стремление распределить «знакомых» по «ранжиру» (РМ, 1885, № 3; «Новь», 1885, № 6). М. не включил в словарь ряд имен, к-рые уже задавали новый тон в лит-ре, к примеру Д. Н. Мамина-Сибиряка, Чехова, сотрудничавшего тогда с М. в «Осколках» Н. А. Лейкина. М. И. Семевский в своем альбоме «Знакомые» (1888), где помещал лит. автопортрет М., использовал в выборе имен замысел «Наших знакомых». На собств. средства М. издал кн. «Сочинения П. И. Якушкина. С портретом автора, его биографией С. В. Максимова и товарищескими о нем воспоминаниями» (СПб., 1884), в предисл. к к-рой отдал должное «народолюбивой душе» покойного.

Параллельно многообразной журнально-газетной деятельности М., благодаря редкой трудоспособности и предприимчивости, выпускал книги своих фельетонов (все — СПб.): «Мы. Вы. Они. Оне. Юмористич. очерки и шаржи» (1879), «Картины петерб. жизни» (1884, рец.: РМ, 1885, № 3), «Барышни и барыни. Рассказы» (1889).

Наиб. интерес критики вызвал сб. «Мы. Вы. Они. Оне», решительно поддержанный «Отеч. записками» (1879, № 10) за «либеральные идеи», «обличит.» мотивы, за новые типы в сравнении с Лейкиным. Более сдержанно, но в целом одобряя, отзывались «С.-Петерб. вед.» (1880, № 15), оценив серьезность очерка «Траурные дни» (из раздела «Отголоски времен войны»). «Фотографич. точность» «Павловских аристократов», посветова, однако, что «остальные гораздо слабее и бессодержательнее». Отрицат. отзыв, продиктованный отчасти неприязнью к редактору «Новостей...» О. К. Нотовичу (см. «Дело», 1879, № 3, с. 150), опубли. в ж. «Дело»: в книжке М. «ни одного живого человека» (1879, № 9, с. 58).

В юмористич. беллетристике М. выделялся устойчивой тематикой (нравы горожан, закулисные истории в журналистской и театральной среде, дачный адюльтер), привлекавшей внимание разных читателей. Разделы сб-ков (обычно — три: первые два в большей степени публицистические, третий — с «романическими» историями) объединены рассказчиком (к-рый «всегда хорошо знает, что рассказывает и для чего...») (РМ, 1890, № 2, с. 45—47), иронизирующим над людскими грехами. «Беллетристич. очерки М. не блещут ярким худож. талантом, глубиной психол. анализа, но отличаются «живой наблюдательностью бытописателя» (Кауфман, с. 145).

Жанр романа-фельетона, эпизодически возникавший в рус. лит-ре и ориентированный, в частности, в юмористич. прессе в большей степени на сиюминутное чтение, приобре-

тал у М. серьезность, обществ. смысл. В ром. «В петербургском омуте» (СПб., 1879, положит. рец.: ИВ, 1879, 21 марта; ср. «Парижские тайны» Э. Сю, «Петербургские труды» В. В. Крестовского) круговорот событий захватывает провинциала, жаждавшего «окунуться с головой» в «неведомую для него кипучую жизнь». Омут — в противоборстве чиновников разных рангов, в мошеннич. сделках, в «схватках» различных полит. деклараций (см. гл. «Два полюса рус. мысли»). Внешняя интрига не заслоняет ряда интересных типов, лиц с «прозрачными намеками» (этнограф «болярин» Косма Иванович, генерал Куропатский и др.), хотя образ гл. героини, супруги саванного генерала, из-за к-рой происходят «сердечные катастрофы», остался нераскрытым. В «Москвичке» (СПб., 1891) вокруг гл. жен. персонажей (обрисованных более предметно, с психол. нюансами) — вдовы-миллионерши, филантропки из Китай-города, «объевропеченной» Кабанихи, княгини Голенцынской, искренне желающей делать добро, — вращаются лица из того же «омута»: деловые, адвокаты, «аक्रобаты благотворительности» (РМ, 1891, № 1, с. 4—5). Изображение событий подчинено осмеянию т. н. престижности, за к-рой гоняются «пустые и дрянные люди, а нередко и хорошие, кладут столько стараний и усилий...».

Ист. соч. М. «Исторические этюды рус. жизни» (т. 1—3, СПб., 1879—86), «Исторические очерки и рассказы» (т. 1—2, СПб., 1900) и др., показывают предисторию совр. нравов, истоки нар. мирозерцания. Ориентировался на ист. воззрения А. П. Шапова, П. И. Якушкина. Бытовая история России 17—18 вв., воссозданная на основе забытых документов и свидетельств, предстает у М. (талантливому популяризатора, имеющего «ист. чутье», — Н. Соловьев, СПбВед, 1879, № 20) в колоритных, символич. деталях, в их бытовании: «История рус. бороды», «Лодка (Простонародная святочная игра)», «Пляски на Руси в хороводе, на балу и в балете». «Мы не знаем, — утверждал А. П. Милуков, — др. сочинения, в к-ром этот предмет (нац. быт) разобран был так основательно и передан в таком живом и интересном рассказе» (ИВ, 1882, № 5, с. 464). Более поздние иссл. подтвердили ряд гипотез М. (см.: Фаресов А. И., История бороды и усов. — Там же, 1904, № 10). М. опубли. также «Очерки истории музыки в России в культурно-обществ. отношении» (СПб., 1879), где выделялись нар. истоки пения, нар. опера и др., «Историю русского смеха» («Осколки», 1882, № 6, 10, 19, 48). Попытка вслед за Д. Л. Мордовцевым

обрисовать общий тип рус. женщины («Русская женщина XVIII столетия», СПб., 1896; отрицат. рец. — МБ, 1896, № 6) была менее удачной: смешение разных типов личности (императрица, принцесса, графиня, актриса и др.), унификация их характеристик в угоду консерват. традициям («Любовь и сватовство», «Жена и мать», «Хозяйка и помещица») приводили к упрощениям и натяжкам (см. рец. — РБ, 1896, № 7). Однако общая цель издания с обильными илл. из литературы (драматургия, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин) — показать не «парадный ход истории» («Рус. женщина...», с. 9), увидеть в «независимой и самостоятельной» женщине 18 в. «первообраз современного нам типа рус. женщины — человека и гражданина» (с. 232) — была привлекательна. Прошлая эпоха, ее жен. типы интересовали М. и в связи с биографией А. С. Пушкина: «Дед Пушкина (А. П. Ганнибал). Трагикомедия конца прошлого столетия» (ИВ, 1886, янв.), «Роман Пушкина» («Новости», 1887, 25 янв.).

М. прослыл «редким знатоком петерб. жизни» (Кауфман, с. 137) и благодаря историко-статистич. иссл. — «Петербург весь на ладони» (ч. 1—2, СПб., 1874; город в старину, движение населения и др.) и особенно «Язывы Петербурга» («Набл.», 1882, № 1—6, 8, 10, 12, отд. изд. — СПб., 1886; пер. на франц. яз.). В последнем — историко-публиц. картина «нравственности столичного населения» (ч. 1 — «Статистика нужды, недовольства и нравствен. порчи», ч. 2 — «Мир преступлений», ч. 3 — «Картина нравов») в переходное время становления бурж. порядков (кон. 60-х — 70-х гг.), с верой в прогресс в противовес распространенному мнению об общем упадке нравов, что прежде всего подержал А. Н. Пыпин (ВЕ, 1886, № 5). Обществ. резонанс имели очерки «Черные дни. Наблюдения и заметки» (СПб., 1892; рец.: ИВ, 1892, № 5), о голоде в Поволжье с критич. оценкой администрации Нижегород., Казан., Симбирской, Рязан. губ., земства, переключавшиеся отчасти с выводами Толстого в статьях «О голоде», «Страшный вопрос». В очерках есть свидетельства М. о его встречах с Толстым в Гегичевке, о воспоминаниях Толстого, касающихся Крымской войны, обороны Севастополя. (Очерки М. о Толстом см.: «Новости», 1895, 28 марта, 14 мая; 1898, 21 окт., 18 дек.) Ценные факты, авт. впечатления содержатся и в др. мемуарных очерках М.: «Восп. об И. С. Тургеневе» (там же, 1883, 9 сент.), «Страничка лит. воспоминаний. (По поводу статьи С. С. Трубочева „Карикатурист Н. А. Степанов“» (ИВ, 1891,

№ 6) и др. В «нравств. завещании» от 12 мая 1891 своим душеприказчикам писал: «всем обязан, — и самыми светлыми минутами в жизни, и лучшими помыслами, и, наконец, как писатель» — рус. лит.-ре («Новости», 1899, 14 апр.).

Остался незаконченным составленный вместе с Елиз. Ник., женой М., словарь «Рус. мысль в извлечениях из первоклассных рус. беллетристов и поэтов» (там же). В последние годы жизни М., не прерывая писательской деятельности (смерть от расширения аорты застала его за работой над обзором новой ист. лит.-ры), активно участвовал в деятельности Лит. фонда. Был одним из учредителей кассы взаимопомощи нуждающимся литераторам и ученым, казначеем правления кассы. Завещал Лит. фонду свою библиотеку и 2/3 недвижимого имущества.

Др. произв.: «Князь Михаил Тversкой и татарский погром» (СПб., 1872, 2-е изд., 1873), «Смутное время. Рассказы из рус. истории» (СПб., 1874); «Всего понемножку. Фельетонно-юмористич. наброски... в трех сериях» (СПб., 1875); «Варшава и варшавяне. Наблюдения и заметки» (СПб., 1881; положит. рец.: М. М. Стасюлевич — ВЕ, 1881, № 5); «Любимцы. Хроника одного ист. семейства (Скавронских)» (СПб., 1885); «Петербургское лето. Фельетонные наброски» (СПб., 1887); «Школьные типы 50-х гг.» («Рус. школа», 1894, № 3, 4); «Юбиляр malgré lui» («Новости», 1895, 5 февр., 12 февр.); «На заре киевской журналистики (Из лит. восп.)» («Жизнь и искусство», Киев, 1898, 30 дек., 1899, 5 янв.); «История карточной игры на Руси» (ИВ, 1901, янв. — март).

Изд.: Петербургские сады и их этнография. — В сб.: Язывы Петербурга, Л., 1990; Рус. женщина XVIII столетия, М., 1990.

Лит.: (6/п). В. О. Михневич с фотографией Шапиро. — «Нова», 1887, № 14; Мартов Н., Галерея рус. писателей и художников, СПб., 1901, с. 62, 63—64; Глинский Б. Б., Среди литераторов и ученых, СПб., 1914, с. 215—28 (первая публ. о М. — 1899); Богданов Д. П., В. О. Михневич. Ист. очерки и рассказы. — ИВ, 1900, № 3; Семитковский Р. И., Что нового в литературе? (Ист. очерки и рассказы покойного М.). — ЛПН, 1900, 1/4; сго же, «Дом писателей». — ИВ, 1907, № 9 (М. и лит. фонд); Кауфман А. Е., Из журн. воспоминаний. — ИВ, 1912, № 10; Скроботов: Русанов Н. С., На родине. 1859—1882, [М., 1931] (ук.); Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова, М., 1939 (ук.); Ямпольский И., Сатирич. журналистика 1860-х гг., [М., 1964] (ук.); Лесков А., Жизнь Н. Лескова, т. 1—2, М., 1984 (ук.); Бурилук Д., Восп. отца рус. футуризма. — «Минувшее», в. 5, Париж, 1988, с. 19. † Некрологи, 1899: ИВ, № 4; «Новости и бирж. газ.», 25 февр.; ИВ, 26 февр.; «Нива», № 11. Городецкий Б. М., Систематич. ук. содержания «Ист. вестника» за 25 лет (1880—1904), СПб., 1908; Брокгауз; Венгеров. Источ.; Гранат; Мезьер; Муратов (1); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 183, ф. 377; РГАЛИ, ф. 391, оп. 1, № 53 (завещание М.; опубли.: «В пользу лит. братни». — «Новости дня», 1899, № 5706); Фемелиди; РНБ, ф. 874 (письма С. Н. Шубинскому), ф. 39 (письма); ГМТ (письмо Л. Н. Толстому); ГА Кнв. обл., ф. 782, оп. 1.

№ 7571, л. 161 (дело дворян Михневичей, в т. ч. м. с. М.). Г. В. Краснов.

МИЦКЕВИЧ Сергей Иванович [6(18).8.1869, г. Яранск Вятской губ. — 12.9.1944, Москва], очеркист, мемуарист; обществ. деятель, врач. Из семьи воен. интенданта. В 1888 окончил Нижегород. кадет. корпус; под влиянием народнич. идей в том же году оставил воен. службу. В 1888—93 студент мед. ф-та Моск.

ун-та. Врачебную практику начал в студенч. годы в Нижегород. губ.; в 1888 участвовал в ликвидации эпидемии холеры. В сер. 80-х гг. в Н. Новгороде познакомился с В. Г. Короленко и А. И. Богдановичем; в 1889 — с М. Горьким (см.: М. Горький в восп. современников, М., 1955). С кон. 80-х гг. чл. нелегальных студенч. кружков, автор прокламаций для рабочих. В 1893 в Н. Новгороде познакомился с В. И. Лениным, в сент. того же года стал одним из основателей «Моск. рабочего союза», положившего начало моск. с.-д. орг-ции. Вошел в тесный контакт с виленской евр. с.-д. орг-цией, через к-рую получал агиташ. лит-ру. В 1894 арестован, а затем сослан в Якутию (1897—1903), где с 1899 работал врачом в отдаленных областях Колым. края; организовал в Средне-колымские б-цу и лепрозорий. «С удовольствием вспоминаю это время: интересней, совсем не исследованный край, своеобразный быт местного населения, интересная врачебная и исследовательская работа» (Автобиография). В 1900—03 в иркутской газ. «Вост. обозр.» и в «Рус. вед.» поместил около двух десятков корреспонденций об обычаях, нравах и занятиях якутов, юкагиров и ламутов. Наиболее труднодоступные поселения Колымы описаны в ст. «Вымирающий край (из путевых заметок врача)» (РБ, 1902, № 7). Помимо науч. ценности этногр. очерки М. име-

ли и практич. цель — привлечь внимание общественности к бедственному положению народов, оказавшихся на грани вымирания. М. одним из первых описал особенности заболеваний, к-рым подвержены народы Крайнего Севера.

С 1905 вместе с В. М. Фриче, М. Г. Лунцем и др. работал в лекторской группе при Моск. совете. Продолжал мед. практику в Москве (с 1904), Н. Новгороде (1906—14) и Саратове (с 1914); участвовал в 9-м Пирогов. съезде (1907). В 1912 пытался создать с.-д. легальную еженед. газ. «Поволжская быль» (просуществовала 7 недель), в 1915 в Саратове — «Нашу газету». В июле 1917 гласный Гор. думы, в нояб. — чл. Исполкома Саратов. совета солдат. и рабочих депутатов, пред. совета гор. комиссаров. В 1918 переехал в Москву. В годы Гражд. войны пом. нач. санчасти Юж. и Юго-Зап. фронтов. С 1921 пред. Моск. губ. отдела союза работников просвещения; чл. коллегии Истпарта при ЦК РКП(б) (1922—24); дир. Музея революции СССР (1924—34). Делегат 9-го съезда РКП(б).

Восп. М.: ист. очерк «На заре рабочего движения в Москве» (сб. «Текущий момент», М., 1906; впервые в мемуаристике упоминается Ленин); «На грани двух эпох. От народничества к марксизму» («Пролет. революция», 1923, № 2; отд. изд. — М., 1937); «Революционная Москва» (М., 1940); «Записки врача-общественника» (М.—Л., 1941; 2-е изд., М., 1969, библи.) — содержат наряду с автобиогр. сведениями богатую информацию о развитии рев. движения и становлении моск. большевист. орг-ции; о жизни Н. Новгорода на рубеже веков; портреты Короленко, Горького; о мед. ф-те Моск. ун-та; о деятельности зем. врачей; об эволюции взглядов самого автора — от народничества к большевизму.

Лит.: Ульянова А. И. Восп. — В кн.: Первый съезд РСДРП. Март 1898 г. Докты и мат-лы, М., 1958; Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. 2, М., 1961 (ук.); Мицкевич Е. С. Одной лишь душой власть, М., 1971; Клюкин В. И., Сергей Мицкевич. 1869—1944, Киров, 1980; Федосеев И. И. В колым. глуши, М., 1985. + Гранат (автобиография): РБед. Сб.: БСЭ; СИЭ; БМЭ; Москва; ИДРДВ; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 170; Гос. музей революции, ф. Я—28; ГАРФ, ф. 63, 1890 г., л. 511; ЦИАМ, ф. 418, оп. 302, л. 437 (л.д.); ф. 131, оп. 17, л. 1091. В. Н. Сачков, И. Л. Попова. **МОДЕСТОВ** Василий Иванович [24.1(5.2).1839, с. Кемцы Валдайского у. Новгород. губ. — 13.2.1907, Рим], филолог-классик, публицист, историк. Отец — священник, настоятель прихода. Окончив Старорус. духовное уч-ще (1847—53), учился в Новгород. сем. (1853—56) и Гл. пед. ин-те (до 1859), где познакомился с Н. А. Добролюбовым («Н. А. Добролюбов. Воспоминания о личности и взгляд на писателя» — «Новь»,

1886, № 6; переизд. в кн.: Добролюбов в восп.). В 1860 окончил Петерб. ун-т (о студенч. «волнении умов» в «ожидании кровавого переворота» и о друге М. — основателе рус. школы византистов см. восп.: «В. Г. Васильевский» — ЖМНП, 1902, № 1). В 1860—61 преподавал лат. яз. и всеобщую историю в Петрозаводске (где общался с П. Н. Рыбниковым). В 1862 выдержал в Петерб. ун-те экзамен на степень магистра рим. словесности. Был командирован в Боннский и Гейдельберг. ун-ты (1862—1865; см.: «Заграничные воспоминания» — ИВ, 1883, № 2—4). В 1865 защитил в Петерб. ун-те магистер. дис. «Тацит и его сочинения» (СПб., 1864). В 1865—67 — доцент кафедры рим. словесности Новорос. (Одесса) ун-та (см.: «Отрывок из воспоминаний» — ИВ, 1884, № 11). В 1868 защитил докт. дис. «Римская письменность в период царей» (Каз., 1866; нем. пер. — Berlin, 1871) и избран ординарным проф.; в 1869—77 ординарный проф. Киев. ун-та. В 1871—76 проф. Киев. духовной акад., с 1903 ее поч. чл. (см.: Дроздов). С 1877 ординарный проф. Петерб. духовной акад.; в 1878—79 приват-доцент Петерб. ун-та.

Следуя за своим учителем Н. М. Благовещенским, М. выступал против «грамматич.» направления в классич. филологии, за целостное изучение антич. культуры (см. его отчет о командировке в Берлин. ун-т — ЖМНП, 1862, № 9). Собств. труды М., не отвечавшие столь высокому идеалу, — в осн. обзорного характера: «Лекции по истории рим. лит-ры» (курс 1 — К., 1873; 3-е изд. — СПб., 1889; курс 2 — К., 1875; 2-е изд. — СПб., 1889; курс 3 — СПб., 1889; все три курса — СПб., 1888) — первый опыт систематич. изложения вопроса на рус. яз.

(отрицат. рец.: Зелинский Ф. Ф., Отзыв о соч. М. «Лекции по рим. лит-ре», М. — СПб., 1889). Нападки М. на «грамматич.» направление вызвали встречные обвинения в непрофессионализме и стремлении «угождать вкусу публики» (Верт Э., М. как критик и ученый. — ЖМНП, 1876, № 5, с. 25). По мнению М., рус. филологи, не помышляя о науч. творчестве, довольствуются рабским копированием методов нем. ученых или даже простой популяризацией их работ. Подобные заявления привели М. к конфликту со многими коллегами, в т. ч. и с Благовещенским [см. его рец. на докт. дис. М. — ЖМНП, 1868, № 8; отзыв М.: «Скептицизм в рим. истории (с прил. двух ответов проф. Н. Благовещенскому)», Каз., 1869].

В 1878, переехав в Петербург (после конфликта в Киев. ун-те с М. П. Драгомановым и В. С. Иконниковым; см.: «В Казани и в Киеве» — ИВ, 1885, № 12), возобновил журналист. деятельность (начатую в 1864—1865 в «С.-Петербург. вед.»), помещая в газ. «Голос» переводы в либеральном духе о внеш. политике России, образовании, рец. и др. Наиб. резонанс имела ст. «Невольная тема» (1881, 8 февр.), в к-рой М. утверждал, что значение публицистики Ф. М. Достоевского преувеличено людьми, привыкшими «лезть» к писателям «со своим полицейским аттестатом: либерал или консерватор». Модзалевский, по мнению М., не полит. мыслитель: его вера в гос. мудрость «серых зипунов» наивна. М. Н. Катков (М. задел и его) назвал М. «врагом народа» и «жалким обскурантом» (МВед, 19 февр.). А. С. Суворин обвинил в буржуазности, неверии в лучшее будущее и аморальной защите совр. «узких полит. форм» (НВ, 10 февр.). Разногласия М. с «Нов. временем» вскоре приняли форму скандала (см., напр., фельетон В. П. Буренина о «затхлом семинаризме» М.: НВ, 1881, 12 июня). В 1880 М. ушел в отставку, публично осудив классич. систему образования, в к-рой он видел нетворческое воспроизведение программ прус. г-зий, не учитывающее особенностей рус. культуры: сб-к статей «Школьный вопрос», СПб., 1880. В 80-е гг. жил лит. трудом. В 1882 оставил «Голос», не сойдя с редакцией в оценке положения русских в Галиции. В 1894 неожиданная для «Сев. вест.» негативная оценка М. студенч. волнений 1861 и той роли, к-рую сыграли в них поляки, в заказанной ему ж-лом ст. «Санкт-Петербург. ун-т» (№ 1, 2) стала причиной скандала (см., напр.: СВ, 1894, № 6, с. 115—123). Способность вступать в конфликты одновременно и с либералами, и с консерваторами отмечена современниками как специфич.

черта М.: «Как всегда бывает с лицами, старающимися найти средний путь между двумя крайними воззрениями, М. не угодил ни тем, ни другим» (В. Зотов) — ИВ, 1883, № 4, с. 226). Многие из напечатанного М. в 1880-е — 1900-е гг. в разнообразных изд. — от «Новостей» до «Наблюдателя» — собрано в кн. «Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и проч.» (т. 1, СПб., 1883), «О Германии» (СПб., 1888; посв. в осн. герм. воен. угрозе; рец.: «Allgemeine Zeitung», 1888, 19 июня; «Revue politique et littéraire», 25 авг.), «О Франции» (СПб., 1889; Франция представляется М. наиб. желательной союзнницей России).

В 1886—89 приват-доцент Петерб. ун-та, с 1889 ординарный проф. классич. филологии Новорос. ун-та. В 1894 вышел в отставку и вскоре навсегда уехал в Рим. Революция 1905 воспринял как «крушение нашего отечества» (Дроздов, с. 237). В последние годы жизни занимался историей, развивая мысль о необходимости синтеза гуманитарных наук. Его «Введение в рим. историю». Вопросы доист. этнологии и культурных влияний в дорим. эпоху в Италии и начало Рима» (ч. 1—2, СПб., 1902—04; франц. пер. — Р., 1907) — первое обобщающее соч. на эту тему (положит. рец.: S. Reipach — «L'Anthropologie», 1902, v. 13).

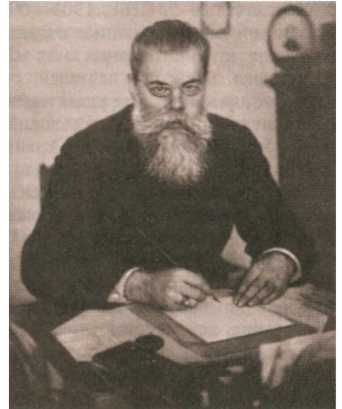
Лит.: Достоевский (ук.); Чехов (ук.); Семеский; Михневич; Маркевич А. И., 25-летие Имл. Новорос. ун-та, Од., 1890; Пыпин А. Н., История рус. этнографии, т. 1—4, СПб., 1890—92 (ук.); Цастаев И. В., Проф. М. По поводу сорокалетия его учено-лит. деятельности. — «Филол. обозр.», 1899, т. 17, с. 79—98; Дроздов Н., Памяти проф. М. Очерк жизни и учено-лит. деятельности. — «Труды Киев. духовной акад.», 1907, № 6; Садов А. И., Проф. М., Воронеж, 1911 (библи.); Шофман А. С., В. И. Модзалевский как историк античности. — В кн.: История и историки, 1975, М., 1978. + Некрологи, 1907: РВед, 18 февр. (Д. Н. Анучин); «Голос Москвы», 18 марта (И. В. Цастаев); «Вест. лит-ры», № 3 (С. Шестаков). РВед. Сб.: Брокгауз; Венгеров. Источ.; Гранат; Масанов.

Архивы: письма М. — ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 56 (Е. В. Богдановичу); № 601 (А. Е. Кауфману); ф. 183, оп. 1, № 241 (В. О. Михневичу); ф. 207, № 138 (О. К. Нотовичу); ф. 446, № 176 (Р. И. Сементковскому); ф. 529, № 3 (П. А. Нагелю); РНБ, ф. 253, № 533 (А. А. Дмитриевскому); ф. 426, № 29 (М. М. Лесерле); ф. 608, оп. 1, № 1025 (И. В. Помыловскому); ф. 874, оп. 1, № 16, 22, 31, 37, 49, 52, 58 (С. Н. Шубинскому); ф. 1000, оп. 2, № 895 (Кауфману).

В лит-ре (Венгеров, Брокгауз) М. ошибочно отождествляется с Вас. Ал. Модестовым (ок. 1810 — ?), переводчиком, дет. писателем, к-рый также учился в Пед. ин-те в Петербурге, в нач. 1840-х гг. был старшим учителем Вятской г-зии. Переводил в осн. труды: Крютц Х. и Ф. Атлас и таблицы для обозрения истории всех европ. земель и гос-в, от первого их народонаселения до новейших времен (СПб., 1843); Очерки всеобщей истории для детей от десяти до пятнадцати лет (СПб., 1844); Галлуа, Инквизиция (т. 1—2, СПб., 1845). Его пер. «Курса эстетики» Гегеля (кн. 1—2, ч. 1—3, СПб., 1847—60) вызвал отрицат. отзыв В. Н. Майкова («Лит.

критика», Л., 1985, с. 330). См. о нем также: Белинский (ук.). Г. В. Зыкова.

МОДЗАЛЕВСКИЙ Борис Львович [20.4(2.5).1874, Тифлис — 3.4.1928, Ленинград; похоронен на Смоленском кладб.], историк рус. лит-ры. Сын Л. Н. Модзалевского. Окончил 2-ю петерб. г-зию (1884—1894); в 1894 поступил на ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та, но из-за недоразумений с администрацией перешел на

юридич. ф-т, к-рый окончил в 1898 с дипломом первой степени. Сохранив привязанность к истории и лит-ре, М. в студенч. годы под руководством В. И. Сантова и Л. Н. Майкова занимался изучением забытых и малоисследованных писателей 18 (В. Г. Рубан) и 19 вв., преимущественно пушк. эпохи (Е. П. Люценко, И. Е. Велікопольский и др.). В 1898 опубликовал первую пушкиноведч. ст. «Пушкин и Е. П. Люценко» (РС, 1898, № 4). Начал службу в канцелярии по учреждениям имп. Марии, в апр. 1899 приглашен в АН, где до последних дней жизни протекла его науч. и служебная деятельность. В 1899 М. — ближайший сотрудник Майкова по организации юбилейной Пушкина выставки и публикатор ее материалов; в 1900—06 вел переговоры с наследниками о приобретении для АН личной 6-ки Пушкина, перевез ее в Петербург и составил библиографическое описание «Б-ка А. С. Пушкина» (СПб., 1910; репринт — М., 1988), к-рое стало одной из классич. пушкиноведч. работ. С 1903 по 1927 под ред. М. выходило серийное изд. «Пушкин и его современники», объединившее неск. поколений исследователей. В 1908 М. был командирован в Париж для описания рукописей Пушкина, принадлежавших А. Ф. Онегину (после смерти последнего коллекция была доставлена в Ленинград и принята М. в 1928). Б-ка Пушкина и собрание его рукописей положили начало Пушкинскому Дому, одним из основателей к-рого (вместе с акад. Н. А. Котляревским) стал в 1905 М.

С 1907 по предложению непрямого секр. АН акад. С. Ф. Ольденбурга М. заведовал архивом Конференции АН (утвержден в 1912); предпринял ряд архивоведч., источниковедч., биографич. и генеалогич. разысканий по истории АН. Как крупному знатоку и исследователю биографии и генеалогии рус. деятелей 18—19 вв. ему принадлежат свыше 300 статей в РБС (1896—1918), статьи в изд. «Рус. портреты XVIII и XIX ст.» (т. 1—5, СПб., 1905—09), богато документированные издания мемуаров и эпистолярных мат-лов. М. изучал наследие деятелей декабрист. движения; был редактором-составителем «Архива Раевских» (т. 1—5, СПб., 1908—15) и «Архива декабриста С. Г. Волконского» (т. 1, П., 1918; изд. не оконч.); на неизд. письмах построен его труд «Роман декабриста Каховского...» (Л., 1926). Вместе с изв. генеалогом А. А. Сиверсом М. написал 580 биогр. статей для «Алфавита декабристов» (Восстание декабристов, т. 8). Его картотека персоналий, включающая 165 тыс. карточек (регистрировались упоминания в печат. лит-ре, некрологич. известия, данные арх. источников), наряду с аналогичными (но меньшими по объему) картотеками Сантова и Л. Б. Модзалевского (сына М.), хранящаяся ныне в ИРЛИ (Пушкинском Доме), — неоценимый источник для любого биобиблиограф. исследования.

Венцом науч. деятельности М. стали комментиров. издания «Пушкин. Письма» (т. 3 подготовлен Л. Б. Модзалевским, отчасти по мат-лам отца) и «Пушкин. Дневник 1833—35» (М.—П., 1923), объединившие его разыскания в области пушкиноведения, истории и биографии пушкин. эпохи. Комментарий отразил как сильные, так и слабые стороны культурно-ист. школы, к к-рой принадлежал М.: в нем получили освещение преим. ист. и биогр. реалии; меньше внимания было уделено лит.-эстетич. и социально-филос. проблематике творчества поэта. Вместе с тем он представляет собой уникальную по богатству и точности энциклопедию пушкин. эпохи в ее ист. и биогр. связях, в этом своем качестве являющаяся одним из высших достижений академич. пушкиноведения 1910—1920-х гг.

В 1918 М. по представлению А. А. Шахматова и Котляревского был избран чл.-корр. АН по отд. языка и словесности. В 1919 М. — старший уч. хранитель Пушкинского Дома, в 1922—24 исполнял должность директора созданного им науч. центра. Ему принадлежат публикации писем И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др., поэмы М. Ю. Лермонтова «По-

следний сын вольности», документов о тайном надзоре за Пушкиным («Пушкин под тайным надзором», Л., 1922; 3-е изд., Л., 1925) и др. Посмертно был издан сб-к его статей «Пушкин» (Л., 1929). Список трудов М. насчитывает более 650 назв.

Лит.: Кошлан Б. И. Краткий очерк науч. деятельности М. — Изв. АН СССР. Отд. гуманитар. наук, 1929, с. 302—16; Измайлов Н. В., Б. Л. Модзалевский. — РЛ, 1974, № 3; Мухомов М. Ф., Б. Л. Модзалевский. — Изв. АН СССР, 1974, № 3; Пушкин. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966 (ук.); Гречинский С. С., О фонде М. — «Сов. архивы», 1976, № 2; Из перепишки М. — В кн.: Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиограф. указ. (публ. Е. И. Семенова); Баскаков В. Н., Картошка М. И. История, состав, источники. — В кн.: Иссл. по древней и новой лит-ре. Л., 1987; сго жс, Пушкинский Дом (ист. очерк), Л., 1988. + Некрологич. 1928: «Мир приключений», № 5 (Н. В. Измайлов); «Читатель и писатель», 14 апр. (Н. Ф. Бельчиков); «Красная гал., иссл. в., 4 апр. (Измайлов). Б. Л. Модзалевский. Биограф. даты. Список трудов, Л., 1924; Памяти М. 1874—1928. Биограф. даты. Библиограф. труды, М., 1928; ЛЭ; БСЭ; КЛЭ; Муратова (1).

Архивы: ИРЛИ. ф. 184; СПбОИИ. ф. 88. В. Н. Баскаков.

МОДЗАЛЕВСКИЙ Лев Николаевич [14(26).2.1837, д. Гари Гдов. у. Петерб. губ. — 12(24).5.1896, Петербург; похоронен в Гарах], поэт, публицист, педагог. Сын отставного штабс-капитана из полтав. дворян. Отец Б. Л. Модзалевского. Окончил 3-ю петерб. г-зию, сильное влияние на М. оказал преподаватель В. Я.

Стокунин. На филол. ф-те Петерб. ун-та (1855—59) однокурсниками М. были А. М. Скабичевский, Л. Н. Майков, Вс. В. Крестовский; в ун-те он участвовал в издании рукоп. юмористич. ж. «Светоч» и студенч. сб-ка. После окончания ун-та работал гувернером, дом. учителем, преподавателем Таврич. школы, к-рая бесплатно готовила первых учителей для нар. школ. С 1861 преподавал рус. яз. и словесность в старших классах Смольного жен. ин-та, в к-ром во круг К. Д. Ушинского сошлись впоследствии изв. педагоги и литераторы — О. Ф. Миллер, В. И. Водовозов, М. И. Семевский, Д. Д. Семёнов.

По восп. современников, уроки М. «молодого талантливого преподавателя, волновали всех. Идеалы 60-х гг. увлекли молодые головы... о протитанном спорили, восхищались» (Черепнин Н. П., Импр. Воспитат. Об-во благородных девиц. Ист. очерк. 1764—1914, т. 2, П., 1915, с. 314).

С целью изучить постановку воспитания и обучения в др. странах дважды (в 1862—64 и в 1865) ездил за границу (Франция, Швейцария, Богемия), слушал лекции в Йенском и Гейдельберг. ун-тах. Его корреспонденции печатались в 1863—64 в «Журнале Мин-ва нар. просвещения», результат его непосредств. наблюдений — очерк «Быт студентов в Германии. Из заграничных писем» (СПб., 1865). В 1866 вышел третья выпусками его «Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен» (СПб.; 3-е изд., ч. 1—2, СПб., 1892—99) — фундаментальная монография. Гл. убеждением М. была мысль о том, что воспитание должно быть основано на началах христианства, гуманности, человечности, отсюда, в первую очередь, необходима забота о первонач. воспитании и образовании. После возвращения в Россию в 1864 преподает в Смольном ин-те, в 3-й петерб. г-зии, в Андреев. уездном уч-ще в Петербурге, выполняя одновременно обязанности инспектора курсов при уч-ще (1865—66). В 1867—81 жил на Кавказе, преим. в Тифлисе. По предложению вел. кн. Михаила Николаевича стал воспитателем детей имп. Александра; преподавал в Тифлис. жен. г-зии, с 1872 ее директор. По инициативе М. в Тифлисе было открыто восемь бесплатных школ; с 1877 получил назначение на должность окружного инспектора Кавк. уч. округа. Обществ. и благотворит. деятельности М. (в частности, он — чл.-учредитель Муз. об-ва 1871—75, написал под псевд. Л. Гарский либретто оперы «Тарас Бульба», СПб., 1880, муз. В. В. Кюнера) сочетал с лит. и публицистической: печатался в газ. «Кавказ», «Голос», «Книж. вест.», ж. «Рус. школа», «Семья и школа», «Нар. школа». Последние семь лет жил в Петербурге; занимая должности инспектора Маринин. ин-та и дир. уч-ща для глухонемых, продолжал широкую пед. и организаторскую деятельность.

В творческом наследии М. особое место принадлежит его стих. (ок. тридцати), написанным для кн. «Родное слово» (СПб., 1864) и печатавшимся под иници. Л. Н. или анонимно. Положенные на музыку Кюнера, стихи были изданы без указания автора текста в Тифлисе в 1878 — «Свириель. Сб. детских песен» (пер. изд. — СПб., 1900; М., 1908). Эти

стихи соответствовали широкой программе воспитания детей, намеченной издателем книги Ушинским. Непреходящий успех выпал на долю стих. «Приглашение в школу» («Дети, в школу собирайтесь! Петушок пропел давно./ Поповорней одевайтесь! Смотри солнышко в окно... Рыбаки уж тащат сети./ На лугу коса звенит.../ Помолясь, за книгу, дети! Бог лениться не велит»). Стих. «Вечерняя заря весною» («Слети к нам, тихий вечер./ На мирные поля; пер. песни нем. поэта Г. К. Клаудиуса) — поэтик. пейзажная зарисовка сел. вечера, было положено на музыку мн. композиторами, в т. ч. Ц. А. Кюи, Н. Н. Черепнинным. Стихам М. приуса интонация мягкого родительского наставления; приобщая детей к миру природы, автор приглашает их к «собеседованию» с этим миром (мотыльком, рыбкой и т. д.), к созерцанию его красоты и к сопереживанию. По словам М., общая пед. идея, положенная в основу этих стих., — «одновременно содействовать развитию поэтик. и муз. потребностей детей от 7- до 12-летнего возраста, пробуждая в них эстетическое и тесно связанное с ним религиозное чувство, устанавливая изысканный вкус, изощряя слух и голос, ибо любовь к природе и к прекрасному служит лучшим основанием и для нравственного воспитания» (цит. по: Семенов, отд. оттиск, с. 15—16).

Др. произв.: «Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 г.» (Тифлис, 1880), «Амос Каменский, основатель новой педагогики» (СПб., 1892), «Имп. Мария Федоровна и ее первый женский ин-т. Из истории С.-Петерб. Мариинского ин-та» (СПб., 1894).

Изд.: Для детей. Стишки, П., 1916 (рис. Е. Нарбута); К биографии К. Д. Ушинского. — В кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. 11. М.—Л., 1952. [Стихи]. — В сб-ках: Песни рус. поэтов, т. 2; Рус. поэзия детям.

Лит.: Семенов Д. Д. Влияние школы и среды на развитие природного таланта. По поводу смерти М. — «Вест. воспитания», 1897, № 2 (отд. оттиск — М., 1897); Михайловский, I, с. III—VII; Михайлова М., Л. Н. Модзалевский, — «Сов. педагогика», 1987, № 10; [Письма К. Д. Ушинского к М.]. — В кн.: Ушинский К. Д. Пед. соч., т. 2, М., 1988, с. 465—72. + Некролог: ИВ. 1896, № 7. Межов; Берзин; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Инанов; Машанов.

Архивы: ИРЛИ. ф. 184.

Е. О. Путилова.

МОЖАЙСКИЙ Иван Павлович [1828 (по др. сведениям — 1830) — 19.2(3.3). *1893, Новгород], поэт-сатирик, педагог. Из дворян. Сын полковника, вице-дир. Арт. департамента. В 1839 зачислен в 1-ю петерб. г-зию, по окончании к-рой (1847) поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та; уволен по прошению со 2-го курса в 1850. С 1854, выдержав экзамен на звание учителя нар. уч-щ, начал пед. деятельность: был учителем (рус. яз., в 1854—58 по совместительству чер-

чение и рисование), с 1857 смотрителем Новгород. уездного уч-ща, потом учителем г-зии (франц. яз.); с 1859 М. — смотритель, с 1869 (и до конца жизни) инспектор нар. уч-щ Новгород. губ. На этом посту проявил себя как деятельный просветитель, поощрявший тягу крестьян к образованию (см. записки М. «Из дневника инспектора нар. училищ» — «Рус. школа», 1891, № 2). Собрал большую библиотеку. Умер на службе (стат. сов., 1878).

М. — «веселый рассказчик, остроумный анекдотист ... являлся душой общества» (Круглов, с. 638). В нач. 60-х гг. был одним из руководителей (вместе с Н. К. Отто) рев. кружка в Новгород. г-зии; о его «республиканских демокр. убеждениях» было информировано III отд. Печататься М. начал в 50-е гг. Одно из первых его стих. «Мечта о нем» высмеял за бессмысленность рецензент «Отч. зап.» (1855, № 6, отд. IV). В 60-е гг., когда сложились поэтик. индивидуальность М., он активно сотрудничал в «Искре», «Будильнике» как автор сатирич. стих., тем для рисунков и подписей к ним. Печатался под псевд. Дядя Пахом, образ к-рого не стал сатирич. маской, как у др. искровцев, но определил отбор материала, угол зрения. М. был одним из тех, кто освещал общество. жизнь рус. провинции; в нач. 60-х гг. основной становится новгород. тематика. «Герои» «царства зимнего сна» (ретроград правитель Филимон, «газильник» Макар, губ. поэт Чепухин) изображались М. язвительно-остро и узнано (учителя Отто, М. и Войнаровский писали на губернатора Филипповича «разные сатиры, которые помещались в „Искру“ и др. поврежденных журналах более года» — из доноса в III отд.; цит. по вступ. ст. И. Г. Ямпольского, с. 444). Объектом его разоблачений были либеральная болтовня («Провинциальный прогрессист»), примазывание к нигилизму и др. течениям («Джентльмен, каких много», «Барышня»), социальные пороки («И к чему носить перчатки/ С вычурными швами./ Прямо хапал бы уж взятки/ Голыми руками»). В 1863—66 провинц. колорит ослабляется, критика М. приобретает более обобщенный характер, соответствуя программе радикального крыла «Искры». Так, вслед за стих. «Умеренный человек», выставившим на осмеяние сторонника «золотой середины» («Во всем поборник примиренья/ И убеждений крайних враг»), последовала карикатура Н. А. Степанова на «либерала-эквilibриста».

Своеобразие сатирич. стиля М. — в умении создать выразит. портрет «героя времени» и оценить его метким определением: «живой мертвец», «мраколюбец», «фат, каких

много», «провинциальный мандарин». Прямая авт. оценка сочетается с приемом самораскрытия героя в стих., написанных от имени персонажа («Когда доходное ко мне поступит дело...», «Патриот», «Добродетельный человек», «Мраколюбец» и др.). М. чутко улавливает и воспроизводит «чужую» поэтик. манеру, многие его стих. — «перепевы» К. Ф. Рылеева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, Г. Гейне и др. Стихотв. сатира М. особенно близка Некрасовской поэзии конкретностью бытовых зарисовок, естественностью разг. тона, тяготением к жанру сатирич. портрета. А. В. Амфитеатров предполагал поместить стихи М. в 3-м сб-ке «Забытого смеха» — «Некрасовцы» (не выпущен).

В 70-е гг. печатался мало. В 80-е гг. активизирует сотрудничество (под тем же псевд.) в ж. «Осколки», «Будильник», «Наблюдатель», «Стрекоза», «Гудок». Многие стих. посвящены событиям внеш. политики России, ряд стих. — о повседневности гор. жизни. Критика, «опрокинутая в быт» (в духе массовой юмористики тех лет), теряет прежнюю масштабность, обществ. проблемы освещаются в тоне легкого либерализма («Кому что нужно», «Удильщик», «Зима без согрева»). Вместе с тем сохраняется присущая стиху М. естественность интонации, юмористич. зарисовки его в «Осколках» отличаются лаконизмом, меткостью языка. Один из осн. худож. приемов М. — полит. аллегория (в стих. «Фонари» автор призывает гор. фонари «светиться», «Чтобы среди глубокой тьмы/ В грязь не вязли ноги./ Чтоб не сбился ум/ Юные — с дороги»). Стихотворения этого периода («Набл.», 1886, № 5) вызвали уничижит. замечание С. Я. Надсона: он увидел в них (вместе со стихами К. М. Фофанова, Л. И. Пальмина и др.) одно из проявлений поэзии «без направления» («Лит. очерки», СПб., 1887, с. 51). В 1885 М. выпустил единств. «Собр. стихотворений (прежних и новых)» (М.), состоящее из трех разделов: 1. Разные стихотворения, 2. Мотивы из провинц. жизни, 3. Басни и аллегории. Спустя десятилетие А. В. Круглов писал: «Книжка его стихов — теперь почти библиографическая редкость. Она будит в душе старые грезы, напоминает о былом времени, когда умели смеяться без филлярства и, смеясь, не развращали читателя, не тянули его в балаган» (Круглов, с. 637).

Возможно, М. принадлежит вышедшие под тем же псевд. брошюры в лубочном стиле для нар. воспитания. Одна из них — «Русская смекалка, или Хоть кафтан у русского мужика и сур, да ум-то ведь не вошь съел. Рассказы дяди Пахома про русских самоучек» (М., 1880) — отчасти близка изв. балладе М. «Ничего. Легенда о железном кольце князя Бисмарка. Стих. И. П. Можайского» (Новгород, 1887), а другая — «Братоубийца, или Рассказы дяди Пахома про

добрых русских князей на святой Руси матушке, родимой нашей ли сторонюшке, как правили землей, да жили меж собой. (Ист. повесть.) (М., 1880; то же с небольшими изменениями — в 1886) — близка его книжке для «нар. чтения» «Святые мученики: князь Михаил Черниговский и боярин его Феодор» (Новгород, 1893) и выступлением в «Ист. вест.» по истории дореформенной России: «Летание о гр. Аракчееве» (1885, № 7), «Времена военных поселений» (1886, № 8), «Суворов в селе Кончанском» (1886, № 11). Записи устных рассказов «очевидцев», «старожил», «бывших поселен» отличались непосредственностью, автор стремился не к восстановлению точности, а к сохранению легендарности в освещении события (ср. со статистик. иссл. Н. Богословского «Мат-лы для истории воен. поселений» — «Новгород. сб.», в. III. Новгород, 1865).

Др. произв.: «Несколько слов о покойном акад. П. А. Федотове» (ОЗ, 1859, № 1), «Учебный курс географии Новгород. губ.» (Новгород, 1878, 2-е изд., 1890).

Изд.: [Стихотворения]. — В сб-ках: Поэты 1860-х гг., Л., 1968 (биогр. справка и прим. И. Г. Ямпольского); Поэты «Искры».

Лит.: Круглов А. В., Пестрые странички. — ИВ, 1895, № 9, с. 637—38; [Заметка] — «Светоч и дневник писателя», 1914, № 2, с. 149. — Некрологи. 1893: ЖО, № 10 (дата смерти 23 февр.); ИВ, № 4: ВП, 6 марта. Венгеров (Ис-точ.): Языков; Брокгауз; Смирнов-Сокольский; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 874, оп. 1, № 31, 34, 37 (рукописи стих. и восп. М. о 1-й истерб. г-зии, посланные им в «Ист. вест.»), № 55 (мат-лы о передаче С. Н. Шубинскому архива М.); ф. 118, д. 58 (в т. ч. библиограф. М. в периодике); РГИА, ф. 773, оп. 225, д. 320 (ф.с. 1875 г.); ф. 1343, оп. 25, д. 5231 (ф.с. 1890 г.; дело о дворянстве); ф. 777: ЦГИА СПб., ф. 114, оп. 1, д. 622 (л.д.); ГА Новгород. обл., ф. 373, оп. 1, д. 98 (биогр. сведения). Н. А. Портков.

МОЗАЛЕВСКИЙ Виктор Иванович [15(27).7.1889, г. Влоцлавек Варшав. губ., Царство Польское — 26.11.*1970, Москва, похоронен на Армян. кладб.], прозаик. Потомок декабриста А. Е. Мозалева (ок. 1803—51). Отец — ген.-лейтенант мед. службы, стат. сов. Детство прошло в Измаиле, там же поступил в г-зию. После того как отец оставил семью, мать с тремя сыновьями переехала в Тифлис.

Старший брат М., Леонид, погиб в 1914 на войне. Брат Иван [12(24).9.1890, Бреслау, Вост. Пруссия — янв. 1975, Симферополь], художник-график, сотрудничал в ж. «Лукоморье», «Аргус», «Аполлон», сб-ках «Спалохи». В эмиграции (1918—47) во Франции известен под псевд. Жан Алле; см. его кн.: «Совр. положение художников во Франции», М., 1950. См. о нем в кн.: Северюхин Д. Я., Лейкин О. Л., Художники рус. эмиграции, СПб., 1994.

В 1907 М. окончил 1-ю тифлис. г-зию. Позднее женился на дочери директора муж. матем. г-зии М. И. Мелик-Бегларовой. В 1907—10 студент Киев. ун-та (в своих восп. «Тропинки, пути, встречи» — РГАЛИ, ф. 2151, оп. 1, № 19 — описал круг малоизвестных киев. молодых литераторов кон. 1900-х гг.), в 1913 окончил юридич. ф-т Моск. ун-та с дипломом 1-й степени. В эти годы много путешествовал по Европе (Швейцария, Австрия, Германия, Франция, Италия). В 1914—18 на воен. службе (с июля 1914 —вольноопределяющимся, с янв. 1916 участвовал в боевых операциях, в нояб. 1916

произведен в подпоручики и награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом). После войны занимался адвокатурой.

К кон. 1900-х гг. относятся первые опыты М. в прозе — в их числе рассказ «Вивес», навеянный «очарованием гофманской фантастики» (восп. — РГАЛИ, ф. 2151, оп. 1, № 19, л. 16); представленный в ж. «Аполлон», там напечатан не был, однако вызвал сочувственное отношение М. А. Кузмина, к-рому в апр. 1912 М. выслал др. свои рукописи (РНБ, ф. 124, № 2879; в апр. 1914 Кузмин читал в «Бродячей собаке» фрагменты из повести М.). В авг. 1912 направил рукописи также В. Я. Брюсову и в его лице нашел первого серьезного критика и ценителя; в

письме к Брюсову от 8 авг. 1917 М. упоминал о первых встречах с ним летом 1913: «Я помнил Ваши строгие слова о стиле „Вивес“ и как будто чеканил стиль... Вы были, есть и будете мой maître» (РГБ, ф. 386, к. 95, № 19). Брюсов рекомендовал начинающего автора владельцу изд-ва «Альциона» А. М. Кожебаткину, к-рый «(без какой-либо для себя корысти, а скорее с риском) взялся издать» («Тропинки, пути, встречи», л. 28) первую книгу М. «Фантастич. рассказы» (М., 1913; в ней опубл. «Вивес»; худож. оформление И. Мозалева).

Произв. этого сб-ка примыкают к традиции стилизаторской прозы (Кузмин, С. А. Ауслендер, Б. А. Садовской и др.), все они вдохновлены ретроспективными грезами, навеянными исключительно книжными или живописными впечатлениями и мотивами (гл. объекты «реставрации» — франц. «сентиментальный» 18 век и романтич. сказочная новелла в духе Э. Т. А. Гофмана). Культурная «вторичность» заявлена как программная установка: реалии и лица описываются через худож. ассо-

циации (героиня «с лицом женщины из рисунка Макса Клингера „У ворот“» — с. 24; сосны, как «странные деревья на картинах Беночцо Гоццолли» — с. 152); сюжетные линии и связи играют ослабленную, подчиненную роль по отношению к самодельным ист.-культурным «натюрмортам», отражающимся в прихотливо выстроенных рядах сугубо эстетич. зеркал; люди и вещи уравниваются, вступают друг с другом в игровые отношения (люди уподобляются куклам, игрушкам, неодушевленные предметы оживают, персонажи высказывают «из пыльных книг» — с. 147). При этом порой возникает иронич. тональность (возможно, не преднамеренная) при взаимодействии двух языковых потоков — языка книжно-культурных ассоциаций и грубовато-просторечной лексики.

Эстетизированные «капрично» М. были встречены в критике неоднозначно: Садовской увидел в книге лишь погоню «за призраками чужих слов» и отсутствие индивидуального стиля (СвЗ, 1914, № 3, с. 192); П. К. Губер подметил несоответствие между причудами авт. воображения и недостаточностью «сколь угодно» занимательного содержания: «Кажется, что смотря театральную пьесу, исполняемую на фоне пестрых декораций разодетыми и нарумяненными актерами. Постановка пышная — что и говорить. Но, к несчастью, драматург забыл разработать интригу и диалог» (РМ, 1913, № 10, 4-я паг., с. 369). Напротив, С. Кречетов указывал, что явные влияния «Гофмана и (в меньшей мере) Аняерсона... — возвышенного порядка и далеки от всякой имитации», что автору удастся сочетать «низящество нашей эпохи, обостренное отъездами Бердслеса... с медлительной грацией старинных новелл» (УР, 1914, 25 янв., с. 6). Сам М. в автобиографии (1922) определил «Фантастические рассказы» как «моя juvenilia»: «... я любил их покровительственно, в них много юношеской небрежности, жеманства, самолюбования» (в его кн.: «Обман и др.», с. 5).

В 1915 М. участвовал в петрогр. лит. кружке «Медный всадник», в это время познакомился с Ю. Л. Слзкинским, с к-рым и в последующие годы поддерживал дружеские отношения.

Эстетич. концепция, декларированная М. в первой книге, принципиальных изменений впоследствии не претерпела, расширился лишь круг имен и худож. систем, в соотношении с к-рыми осуществлялись его беллетристич. опыты; свою лит. установку М. обозначил в письме к Брюсову от 8 авг. 1917: «... я — последний могикан, негодный тряпичник литературы и хочу умереть непопороченным эстетом *pur sang* (чистокровным — франц.). Флобер, Бальзак, Стендаль, я окружил себя ими, их книги — целые события в моей жизни, большие, быть может, чем события 1-го марта» (т. е. свержение самодержавия в России) (РГБ, ф. 386, карт. 95, № 19). В чарующий мир ушедшей худож. культуры в новых творч. опытах М. все более решительно вторгается враждебный ему мир пошлой и агрессивной совр. действительности. Впервые со всей отчетливостью эта тема двоемира раскрыта в пов. «Ис-

чезнувшая мечта», посв. Брюсову («Альциона», кн. 1, М., 1914; два изд.): ее герой, граф, фантазер и эстет, живущий в фамильном дворце в стороне от жизненных бурь и сознательно окружающий себя образами прекрасного «книжного» прошлого, навью встречается с фантомами своего воображения и гибнет, защищая «призраков гостей» от угрожающей им «мерзости жизни» (с. 113; совр. фон действия — рев. волнения и правительств. репрессии). А. А. Измайлов увидел в повести «образец утонченного, рафинированного искусства», сила к-рого — «в нежных переживаниях, в метких деталях прошлого, в сочном и смелом фантазировании» («Возрождение Гофмана» — БВед, 1914, 10 апр., с. 2—3). Тот же мотив двойной жизни — в мире лит. образов и в реальной действительности — развивается в рассказе «Вероника» («Полон. Лит. сб.», П., 1916). Попытка преодоления этой двойственности — путем любовного слияния с целостным миром первозданной природы — отражена в рассказах «Пантеистическая Полина» («Эпоха», кн. 1, М., 1918), «Обретенный рай» («Зеркало», 1918, № 2).

В 1921 М. пытался с семьей (дочь, Нина Мозалевская — художница, 1913—90) эмигрировать, но вынужден был вернуться в Москву. Лишь немногие из прозаич. опытов М. кон. 1910 — 20-х гг. были опублик. Их объединяет то же стремление к созданию параллельного реальности худож. мира, навязанного опосредованными лит.-эстетич. впечатлениями. В рассказе «Двойная смерть» («Феникс», кн. 1, М., 1922) в обстановке послереволюционного быта воспроизводятся на новый лад образно-сюжетные коллизии пушкинской «Пиковой дамы». В трех рассказах, составивших сб. «Обман и др.» (Б., 1923; В. Лурье сравнивала их с «плохим переводом с неопределенного языка и из неизвестной эпохи» — «Дни», Б., 1923, 25 февр., с. 11), ситуации романтич. противостоят «подлинной» иллюзии и «неподлинной» реальности облекаются то в формы вариаций на темы романа А. Франса «Боги жаждут» («Обман»), то в драму чувств «советской служащей» Митродоры, живущей в окружении призраков ушедшей культуры и тяготящейся косной повседневностью («Дуэль»), то в фантастич. картины преобразования совр. Москвы в придворный мир франц. аристократии эпохи Короля-Солнце («Господин Людовик в Москве»). В цитируемой автобиографии М. среди написанных им в 1917—22 произв. называет пов. «Паденье» (о крушении романтич. идеологии, готовившуюся в 1919 к печати Петрогр. союзом писателей и получившую, по сообщению

М., благоприятный отзыв М. Горького; фантастич. утопию «Покоренный ферофаг» (рукоп. — РГАЛИ, ф. 2151, № 13). В РГАЛИ хранятся также рукописи неопубл. произв., в т. ч. «Веселые фазаны», «Глупо, но красиво», «Аматата», «Бертольдия», «Строители», «Египетские ночи», а также мемуаров.

В 1922—24 М. участвовал в деятельности моск. лит. кружка «Зеленая лампа» — наряду со Слэзкинским, М. А. Булгаковым (в произв. к-рого, в т. ч. ром. «Мастер и Маргарита», можно обнаружить аналогии худож. построениям М.), Ауслендером, Д. А. Стоновым, Е. А. Галати и др.; участвовал в редактировании машинописного ж. «Гермес» (1923). В 1924 чл. Всерос. Союза писателей. Одновременно работал по осн. юридич. специальности. С 1930-х гг. практически отошел от лит.-ры (если не считать его переводов новелл Г. де Мопассана, печатавшихся в сов. изд. с 1946).

Др. произв.: рассказы «Сверхженщина» («Лукоморье», 1915, № 27), «Милая елка» («Гермес», 1923, № 3).

Лит.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки». — Памятники культуры. 1983, Л., 1985, с. 233, 256; Чудакова М. Ж. Живописные Михаил Булгакова, [2-е изд.], М., 1988, с. 191—95, 218—21, 224; Горинг Б. Из восп. о М. А. Кузине. О ж-ле «Гермес». — В кн.: Пятые Тынянов. чтения. Тезисы докладов и мат.-лы для обсуждения. Рига, 1990, с. 179, 185, 188; Рубанов Л., Клуб «Медный всадник». — В кн.: Восп. о серебряном веке. М., 1993, с. 470—71; К истории машинописных изданий 1920-х гг. Публ. Г. А. Левицкой и А. Б. Устинова. — Там же, с. 198, 203, 207; ЛН. т. 76, с. 483, 485. + «Новая рус. книга», Б., 1922, № 2, с. 38; Писатели совр. эпохи (1).

Архивы: РГАЛИ, ф. 2151; свидетельство о смерти (личный архив В. И. Михеева, Москва); РГБИА, ф. 409, оп. 1, а. 83840, 83841, 181183 (п.с.) [справка Е. В. Карсевой]. А. В. Лавров.

МОЛЛИЕР Егор Александрович (псевд. Петербургский житель; 1812—79), беллетрист, журналист. Сын художника. Биогр. сведения скудны; до нач. 1850-х гг. участвовал в дом. спектаклях у Штакеншнейдеров (см.: Штакеншнейдер, ук.). В 1858 как доверенное лицо Г. А. Кушелева-Безбородко подбирал сотрудников для ж. «Рус. слово», в связи с этим познакомился с М. М. и

Ф. М. Достоевскими (см.: Достоевский, ук.). Позднее участвовал в их ж. «Время»; в 1863 Ф. М. Достоевский по поручению Лит. фонда обследовал материальное положение М. и высказался в поддержку его прошения о пособии (РНБ, ф. 438, № 1, 12). Первые публ. М. — ежесем. хроникальные зарисовки «Заметки петербургского жителя» (БдЧ, 1854, т. 124—28). В «Б-ке для чтения» опублик. пов. «Горькая доля» и «Perpetuum mobile» (1854, т. 128), «Было, да быльем поросло» (1856, т. 138). В дальнейшем сотрудничал в «Иллюстрации», «Рус. мире», «Рус. слове» (в 1859 вел хронику «Обществен. жизнь в Петербурге», опублик. пов. «Разлучница» — 1859, № 12), в еженед. «Сын отечества» печатал теат. рецензии, в «Отеч. записках» помещал «бойкие фельетоны» (см.: Брокгауз), и др. В списке своих трудов, представленном в Лит. фонд в 1863, М. назвал переводы для разных изданий с польского и французского, мелкие библиот. статьи, пьесу «Кошке — игрушки, мышке — слезки», написанную в 1863 и принятую к пост. (РНБ, ф. 438, № 12; сведения о ее пост. и сама пьеса не обнаружены), но запрещенную в янв. 1864 цензурой ввиду того, что в ней «выведены наши петербургские камелии и, кроме того, в самом нахальном виде» (РГИА, ф. 780, оп. 1, д. 41, л. 8 — справка Б. М. Витенберга). М. заявил себя бытописателем петерб. низов. Его герои — бедняки, мечтающие о семейном счастье и богатстве (пов. «Настя» — БдЧ, 1855, т. 133; отд. изд. — СПб., 1857; резко отрицат. отзыв — ОЗ, 1855, № 10, отд. IV, с. 117—19), перебивающиеся случайным заработком (рассказ «Под качелями» — «Время», 1861, № 5/6), разнобразные типы столичных жителей (рассказ «Старьевщик» — БдЧ, 1855, т. 132). Большинство произв. М. публиковалось в разделах «Смесь» как легкое чтение. В 1866—67 М. являлся корреспондентом «Рус. вест.» в Париже (1866, № 1—5, 7, 9—12; 1867, № 10).

Др. произв.: рассказ «Старый и малый» («Светоч», 1861, № 6), пер. Э. По «Похождения Артура Гордона Пэйма» («Время», 1861, № 3).

Лит.: Долгоруков П. В., Петерб. очерки, М., 1934, с. 272; Быков П. В., Силуэты далекого прошлого, М.—Л., 1930, с. 101 (ошибка в отчестве); Письма к А. В. Дружинину, М., 1948 (вступ. ст. и комм. П. С. Попова; опублик. письмо М. — с. 216—17); Петровская И. Ф., Историко-критическое историч. рус. дореф. драм. театр. Л., 1971, с. 137; Нечаева А. «Время»: Нечаева А. «Эпоха» (ук.). + Брокгауз; Венгеров. Источ.: Масанов. В. Н. Сажин.

МОЛОСТВОВ Николай Германович [21.1(2.2).1871, Казань — 20.5.1910, София], критик, журналист. Из дворян Казан. губ. Отец, Герман Влад., — ген.-майор. В 1885 поступил в Мор. кадет. корпус («вопреки желанию отца и матери»), но вскоре

«встал в противоречие с училищной обстановкой, с перспективой будущего офицерства» (письмо Л. Н. Толстому от 12 янв. 1897 — ГМТ), что, впрочем, не помешало ему окончить корпус в 1892 мичманом (в 1890 удостоен Нахимовской пр.). Раздвоенность, вызванная противоборством в его сознании пацифист. идей Толстого с воинским долгом, привела к тому, что однажды М. самовольно покинул Кронштадт, где служил, и отправился пешком (без вещей) в Петербург, а затем в Москву. Чтобы избежать трибунала, ему пришлось лечь в психиатрич. больницу (на 6 мес.). В 1896 поселился в своем имении Долгая Поляна Тетюш. у. Казан. губ., находясь в отпуске по болезни и дожидаясь окончания срока обязат. службы. В 1898 вышел в отставку в чине лейтенанта. В том же году начал заниматься лит. деятельностью как врем. сотрудник газ. «Бирж. вед.». К этому времени относится знакомство М. с А. Л. Волынским, горячим сторонником и популяризатором идей к-рого он становится. Пытаясь спасти находившийся на грани банкротства ж. «Сев. вест.», М. просит Толстого поддержать ж-л своим участием (письмо Толстому от 12 окт. 1898 — ГМТ). В 1901 М. на собств. средства организовал поездку Волынского с лекциями о совр. лит-ре по Прибалт. краю (продав часть родового имения, чтобы передать деньги на общее «идейное дело», — письмо М. от 14 авг. 1901, ГМТ; и в дальнейшем постоянно помогал Волынскому деньгами). Все редактируемые им изд.: «Прибалт. край» (1899—1902), «Саратов. коммерч. вест.» (1903), «Приволж. край» (Саратов, 1904), «Совр. Россия» (1906) — использовались М. для пропаганды идей Волынского (иронич. отзыв о выступлениях М. в «Прибалт. крае» и его «провинциальном покровительстве» Волынскому: Вл. Боцяновский — «Лит. вест.», 1901, т. 2, кн. 8, с. 346; см. также: 1902, т. 3, кн. 2, с. 216—18). Позиция М. достаточно отчетливо выражена и в программе «Прибалт. края»: развитие общественно-культурной солидарности окраины с Россией на началах гуманного и всеобъединяющего, не беспочвенного и мечтательного, но деятельного и убежденного идеализма. Наиб. значительные из выступлений М. — статьи под рубрикой «Популярно-науч. наброски», в к-рых неприятие идеализма расценивается как «трусость мысли» («Источники совр. заблуждений» — «Прибалт. край», 1901, 3, 10 янв.), а также цикл статей «Прогресс и бесхарактерность» (там же, февр. — апр.). В 1900 М. был привлечен к суду за публ. в «Прибалт. крае» двух статей, запрещенных цензурой, но был оправдан («Россия»,

1901, № 727). В кн. «Борец за идеализм» (Рига, 1902; 2-е изд., СПб., 1903; рец.: К. К. Арсеньев — «Лит. вест.», 1903, кн. 3, с. 393—97; ЛПН, 1902, № 7; МИ, 1902, № 9/10) М. включил тексты лекций Волынского о совр. лит-ре и отзывы критики о них, приводя примеры плагиата (с его т. з.) из работ Волынского в ста-

тиях А. М. Скабичевского и Е. А. Соловьёва. В критич. отзыве на книгу М. А. Протопопов, назвав М. «приспешником» ловкого «идеалиста», усердствующим «не меньше г-жи Гуревич», отметил, что «труба рекламирующего герольда становится нестерпимой для слуха» (РМ, 1903, № 4, с. 202—203; см. также рец.: ВЕ, 1903, № 5). Апологией Волынского была и следующая кн. М. «Волынский и новейшие идеалисты» (СПб., 1905), в к-рой он упрекал С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева в «эксплуатации чужого умственного труда» (с. 37), утверждая, что их работы — «это, в сущности, парафраз идеалистич. аргументации Волынского» (с. 8). В эпоху «господства эклектич. учений» Волынский, с т. з. М., обладающий «цельным духом», — исключение (наряду с Толстым). Брошюра «Айседора Дункан» (Беседа с А. Л. Волынским)» (СПб., 1908) посв. проблемам совр. муз. эстетики. В переводе М. вышли: «Ледя и Джоконда. Le songe d'une femme» Реми де Гурмона (СПб., 1909; рец.: «Речь», 1909, № 189) и нек-рые романы Ч. Диккенса (ПСС, т. 17, СПб., 1909).

Критико-биогр. очерк М. «Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество» (в. 1—3, СПб., 1909—10; совм. с П. А. Сергеевко; в. 4—10 — рукопись и машинопись в ГМТ; машинопись и гранки в. 3, 4 с правкой С. А. Толстой в РГАЛИ, ф. 508, оп. 1, № 260—61; положит. рец.: Б. Б. Глинский — ИВ, 1909, № 5; «Обр.»,

1909, № 4) вызвал недовольство Толстого, считавшего, что М. «не имеет способности хорошо писать — слишком напыщенно, многословно» (ЛН, т. 90, кн. 3, с. 210; см. также его письма к М. от 19 февр. и 16 мая 1897 — LXX, 29, 81).

С 1905 М. — чл. Лит. фонда. В 1910 командирован в качестве корр. Петерб. телеграфным агентством в Софию, где скоропостижно скончался.

Лит.: Толстой (ук.); Обзор преобразований Мор. кадет. корпуса с 1852 г., СПб., 1897 (сост. Н. Корюев), с. 316; Лодыженский И. Н. Родословная Молодцовых, СПб., 1900. + Некролог: «Прибалт. край», 1910, 22 мая (в хронике заруб. событий).

Архивы: ГМТ, л. ф.; РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, № 52 (письма А. Л. Волынскому), № 990 (статья Е. Грековой «М. и его книга „Борец за идеализм“»); РГА ВМФ, ф. 432, оп. 7, л. 2424; ф. 406, оп. 7, л. 441 (п. с. 1898); РГИА, ф. 733, оп. 123, л. 103 (просьба М. принять его на службу в Мин-во нар. просвещения 1 нояб. 1902); ИРЛИ, ф. 673, № 81 (письма Волынскому); ф. 155, № 11, 1905 г.; РНБ, ф. 152, оп. 2, № 518 (письма К. А. Военскому). Л. Д. Зубарев.

МОЛОДЦОВА Елизавета Владимировна [урожд. Бер; 1(13).12.1873, Н. Новгород — 1.8.1936, с. Долгая Поляна Тетюш. р-на Тат. АССР], историк сектанства, публицист, автор стихов. Сестра Б. В. Бера (ею написан основательный труд — «Записки о жизни моего брата Б. В. Бера. Извлечения из писем, дневников и черновых тетрадей», РГАЛИ, ф. 3, оп. 1, № 121). Получила дом. образование, сдала экзамен экстерном при муж. реальной г-зии Н. Новгорода, в дальнейшем училась во Франции и в Италии. Преподávalа в Нижегород. воскресной школе (1891—94). В 1899 вышла замуж за предводителя дворянства В. Г. Молодцова (1859—1918), брата Н. Г. Молодцова. Жила в имении Долгая Поляна (после революции 1917 и Гражд. войны, продолжая жить во флигеле, передавала имение лет. дому, затем — Дому творчества Союза писателей СССР). С 1910 чл. РГО, в 1924 была избрана поч. чл. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те.

С 1904 переписывалась с Л. Н. Толстым. С 1905 неоднократно его посещала (Д. П. Маковицкий, слушая рассказы М., записал: «Вероятно, она и талантливая писательница» — ЛН, т. 90, кн. 1, с. 256). Свидетельства М. и ее мужа о трагич. событиях на Ходынском поле 1896 Толстой использовал в рассказе «Ходынка». Совместными усилиями М. и Толстого в 1905 был освобожден вождь сектант. движения К. А. Малёванный (содержавшийся 12 лет в Казан. психиатрич. больнице). С этим связана и первая публ. М.: Толстой переслал В. Г. Черткову ее письмо о встрече с сектантом, а Чертков опубли. его без ведома М. и без подписи («Свободное слово», Purleigh-Essek, 1905, № 17—18). Разделяя взгляды Толстого, М. знакоми-

ла его со своими очерками о сектант. течениях в России (см.: Толстой, LXXIX, 175); по совету Толстого она распространяла соч. Г. Джорджа, ст. «Великий грех». Ею опубли. заметки: о Толстом — «В час заката» («Междунар. толстовский альм.», М., 1909) и «О Тургеневе» («Звенья», 1936, № 6).

Ст. М. «Секта иеговистов» («Живая старина», 1909, № 1; отд. изд. — СПб., 1909) положила начало фундаментального иссл. «Иеговисты. Жизнь и соч. кап. Н. С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие» (СПб., 1914; под ред. и с предисл. А. С. Пругавина, в к-ром дана положитель. оценка работы М.; ср. сдержанные рец.: В. Д. Бонч-Бруевич — ГМ, 1916, № 11, с. 221—28; его же, Из мира сектантов, М., 1922, с. 192—203). Книга представляет собой свод материалов о секте, необходимых для будущего исследования, и вместе с тем содержит опр. публицистич. пафос оправдания сектантов. Оспаривая распространенную т. з. на иеговистов как на сектантов-террористов (см., напр.: Ивановский Н. И., До чего дошли уральские сектанты иеговисты. — «Миссионерское обозр.», 1900, № 9), сложившаяся в результате деятельности нек-рых последователей Ильина, М. видит в сектантстве позитивное начало: «... мысль человеческая ... не может помириться с заявлением, что истина уже найдена, ей надо ... не престанно двигаться по пути к совершенству» (с. 259). Сектантство понималось М. как «широкий ... угол народной жизни, святая святых народной души, с ее религ. исканиями и запросами, не находящими ответа в общепринятых догматах» [«Апостол „общечеловеческой религии любви“» (к истории рус. сектантства)] — ВЕ, 1912, № 2, с. 189]. По словам М., «всякая секта в самом существе своем уже заключает в себе протест, т. е. движение» («Вайсов Божий полк» — «Мир ислама», 1912, т. 1, № 2, с. 152), и ведет к живой, истинной вере. Др. религ. течениям посв. ее статьи: «Грядущее царство мира» («Мир для всех», 1910, № 11), «Иудействующие в рус. сектантстве» («Пережитое», Сб-к, посв. обществ. и культурной истории евреев в России, в. 3, СПб., 1911).

В кн. «Солдатские письма» (Каз., 1917), изд. при посредничестве Бонч-Бруевича, М. собрала письма солдат с войны. В предисл. М. отмечала, что эти свидетельства — более бытового и психологического содержания, чем военного, — как ничто другое позволяют понять «величие истинного смирения и несокрушимую крепость души русского народа» (с. 8).

Писать стихи М. начала в девичестве (нахождение сброшюрованной

машинописи более 200 стихов неизвестно; неск. стихов сохранилось у А. И. Толстого). Собранный ею гербарий (более 3 тыс. видов флоры Казан. губ.) был завешан Казан. ун-ту.

С 1917 почти ничего не писала и не публиковала. По просьбе Бонч-Бруевича участвовала в подготовке Юбилейного изд. Толстого: совм. с Н. С. Родионовым подготовила комм. к т. 49, опубли. после ее смерти.

Лит.: Толстой (ук.); Письма М. Горького Б. В. Бери и Е. В. Молоствовой. — «Волга», 1966, № 5 (публи. Ф. Попова); Горький и его эпоха. Иссл. и мат-лы, в. 1, М., 1989 (ук.); ЛН, т. 69 (ук.), т. 90 (ук.).

Архивы: Музей истории религии и атеизма, ф. 5; РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, № 650 (письма А. Л. Волынского); ф. 122, оп. 1, № 927 (письма И. И. Горбунову-Посадову); ф. 2167, оп. 1, № 287 (письма А. С. Пругавину); ф. 41, оп. 1, № 59 (письма П. И. Бирюкова к М.); РГБ, ф. 369, к. 397, № 7 («Вредный человек» — посл. о М. Горьком); ф. 369, к. 303, № 26 (письма В. Д. Бонч-Бруевичу); ГМТ (письма Л. Н. Толстому); ИМЛИ. Архив А. М. Горького, КГ-РЭИ, 5-26-1 (письма М. Горькому); Куйбышевский лит.-мемориальный музей.

Е. В. Отрощенко. А. И. Толстой.

МОЛЧАНОВ Александр Николаевич [10(22).2.1846, г. Мамадыш Казан. губ.* — не ранее 1916], журналист, прозаик. Из дворян Казан. губ. Отец, Ник. Дм., — уезд. судья. В 1863 как «бесплатно приходящий» окончил Лазаревский ин-т вост. яз. Учился в Петерб. ун-те, но в 1864 был уволен за неуплату (РНБ, ф. 438,

№ 15, л. 186—187). Дебютировал в ж. «Рус. слово» (вероятно, через основателя ж-ла Г. А. Кушелева-Безбородко, родственника М.) рассказом «Андреевка. (Очерки быта пригородных сел)» (1864, № 11; 1865, № 8), посв. развитию капиталистич. отношений в деревне. С этого времени печатался также в «Будильнике», «Голосе», «Иллюстрации». С 1865 — учитель математики и рус. яз. Рогачёв. дворян. уч-ща Могилёв. губ.; составил «Ист. очерк Рогачёв. дворян. уч-ща» («Вилен. вест.»,

1866, 13, 18, 23, 25 мая; подпись А. М-ъ). В 1866 командирован стипендиатом от Вилен. уч. округа в Петерб. ун-т, к-рый окончил в 1867 кандидатом права и был назначен судебным следователем Орловского, затем Елецкого окружных судов в чине тит. сов.; позднее — присяж. стряпчий кассацион. департаментов Сената; вместе с М. И. Ходоровским составил «Полное собр. решений» этих департаментов за 1866—71, относящихся к ч. 1 т. 10 «Свода законов гражданских» (в. 1—2, СПб., 1872). В 1871 причислен к Мин-ву внутр. дел; в 1872 отправился с рус. эскадрой для изучения иностр. портов, посещаемых рус. коммерч. судами, и условий переправки рус. эмигрантов в Америку (см. очерки «Поездка в Нью-Йорк. (Заметки об эмиграции)» — «Киев. телеграф», 1875, 6 авг. ... 21 сент.).

По возвращении в Россию поселился в Одессе, вышел в отставку, занялся адвокат. практикой и журналистикой (с 1873 сотрудничал в «СПб. вед.»). Уличенный в краже арестант. паспортов (подобные авантюры М. неоднократно предпринимал и позже), переехал в Киев, где стал негласным ред. «Киев. телеграфа» (после отъезда в эмиграцию М. П. Драгоманова), к-рый издавал в леворадикальном духе (см., напр., «Письмо к нашим корреспондентам» — 1875, 26 нояб.). В 1875 за этнографич. работы избран чл. РГО.

В нач. 1876, после возбуждения уголов. преследования против М., снабдившего приятеля чужим паспортом, он скрылся за границу (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 818, л. 186) с кассой «Киев. телеграфа» (см.: Ясинский И. И., Роман моей жизни, М., 1926, с. 122), жил в Белграде, Пеште, Вене, Женеве и др., печатался в газ. «Вперед!». Рус. правительство безуспешно требовало от Австрии его выдачи.

В ст. «Насущные практич. вопросы» («Вперед!», 1876, 1 июня) заявил, что Россия готова к рев. взрыву, и выступил с идеей объединит. съезда рус. революционеров для создания единой дисциплинированной организации. П. Л. Лавров в ст. «Роль народа и роль интеллигенции» (там же) раскритиковал якобин. устремления М. После того как Лавров отказался напечатать разязсение М., тот поместил его в органе рус. якобинцев ж. «Набат» — ст. «Что мы должны делать? (Мой ответ редактору „Вперед!“» (№ 7—8, июнь—июль); П. Н. Ткачёв в предисл. «От редакции» поддержав идею объединит. съезда, не согласился, однако, с анархист. призывами М.

Ст. «Граф А. К. Толстой» («Набат», № 10) содержала сведения о действ. отце Толстого Л. А. Перовском, об имених Толстого, от его отношении к крестьянам, к царю и его про-

странные высказывания о династии Романовых и кругу друзей в Вестнике восточной 1872.

Сушность «якобинства» М. была, видимо, провокаторской. В письме к бывшей издательнице «Киев. телеграфу» А. И. Гогойкой от 27 нояб. 1876 (письмо было перлюстрировано и доложено царю) М. излагал проект ж-ла «Россия», к-рый «должен вмещать в себе все лучшие силы рус. лит-ры и избегать... утопий», возродить «начала чисто рус. жизни», причем «Россия» «не должна быть... антиправительственной» (ГАРФ, ф. 109, оп. 1, № 454, л. 4, 2). Тогда же предложил шефу III отд. Н. В. Мезенцову «свои услуги» для избавления от наиб. активных эмигрантов из партии «Набата»; с этой целью он якобы принял на себя редакцию «Набата» [там же, л. 6, 8; был ли М. редактором «Набата», неизвестно: см. спор об этом между Драгомановым (ст. «Ми и „Набат“» — «Громада», 1879, № 4) и Ткачёвым («Г. Драгоманов в роли обвинителя» — «Набат», 1879, № 3—5)]. Связи М. с III отд. были раскрыты быстро (см.: «Набат», 1876, № 11—12, с. 24), однако М. успел сообщить из Женевы, Берна и Мадрида сведения об эмигрантах и сотрудниках «Набата» в России, домогаясь за это звания камерюнкера и должности консула в южных странах или в администрации южных губерний России; однако в сент. 1877 ему пришлось удовлетвориться лишь разрешением вернуться в Россию.

С 1878 М. — пост. сотрудник «Нов. времени». Как заграничный корр. он писал из Парижа, Константинополя, Каира (1878), Лондона (1885—86), Индии (1888; см. брошюру «Индия», К., 1889) Берлина (1888) и др. Сб-к статей о рус.-тур. войне «Между миром и Конгрессом. Письма в „Нов. время“» (СПб., 1878), выдержанный в «славянофильском» духе, содержал, в частности, выпады против революционеров (см. язвительную рец. Ткачёва: «Дело», 1878, № 10; Ткачев П., Избр. соч. на социально-полит. темы, т. 3, М., 1933, с. 470—71; сдержанная рец.: ОЗ, 1878, № 10).

Славянофильский характер книги М., по-видимому, способствовал знакомству М. с И. С. Аксаковым (через В. С. Россоловского). (Еще в молодости М. писал Аксакову о своем параллельном рус.-чеш.-серб. словаре, прося помочь в редактировании и издании, — РНБ, ф. 14, № 226, б.г.) В 1885 М. печатался у Аксакова в «Руси» (см.: «Восп. об И. С. Аксакове» — ИВ, 1886, № 8; здесь опубликованы отрывки из писем Аксакова). О степени искренности новых убеждений М. судить трудно. М. был склонен к мимикрии в политике (об этом см., напр.: Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину, М., 1935,

с. 90—91), вводившей многих в заблуждение: так, для Ф. М. Достоевского, возмущенного ст. М. «О монахах», о монастырях во Франции и его интервью с Л. Гамбеттой, имя М. стало нарицательным обозначением либеральной журналистики (см. в заготовках для «Дневника писателя» — Достоевский, XXVII, 50, 63).

В кн. «Путевые письма. Повести, рассказы и наброски» (СПб., 1878) М. собрал свои разнородные публикации, объединенные газ. рубрикой «фельетон», путевые зарисовки («Русская камаринская в Лиссабоне», «Новый год в Мадриде»), стих. в прозе («Путь героев»), «тенденциозную» и сентиментальную прозу («Женитьба не вовремя», «Прозелитка», «Уроженец Петербурга»). М. охотно использует экзотич. антураж, этнографич. заметки сопровождают переводы и имитациями переводной беллетристики (см., напр., романч. историю мести — «Эпизод из испанской войны»). В письме М. к А. С. Суворину (1878) есть характерный пассаж: «Посоветуйте мне, куда обратиться с переводом турецкого романа? Роман не ахти какой, но зато настоящий турецкий» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2763). Успеха сборник не имел: левые изд. писали об «аляповатости» исполнения и «известного пошиба патриотизме» (ОЗ, 1879, № 6, с. 195, 2-я паг.; «Дело», 1879, № 6, с. 70—72, 2-я паг.).

Сотрудничество в прессе, по-видимому, часто было для М. единств. источником средств к существованию, и он вынужден был писать много, печатаясь, кроме «Нов. времени», в «Ист. вестнике» (1884—94), «Совр. известиях» (1885), а также в «Рус. вест.», «Рус. богатстве» и др. изд. (см. его письма к С. Н. Шубинскому с жалобами на безденежье и пренебрежительное отношение редакторов — РНБ, ф. 874, № 28, 31, 34 и др.). С 1894 М. издавал в собств. типографии в Петербурге ж. «Базар» (изд.-ред. Н. В. Сарычева, родственница М.), в дальнейшем преобразованный в илл. еженед. «Санкт-Петербург», с 1902 — во «Всеобщую маленькую газ. Санкт-Петербург» (с 1914 — «Петроград»), заполняя их гл. обр. своими соч. под разными псевд. (не выявлены); с 1899 М. — единственный ред.-изд. В 1890-е гг. вернулся к юридич. практике: с 1892 — присяж. поверенный Киев. суд. палаты, вскоре лишенный права ведения дел за вымогательство (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 818, л. 186); с 1896 — юрисконсульт Мин-ва путей сообщения; в 1903 — поч. мировой судья.

Определенную известность с 70-х гг. М. приобрел как бойкий, хотя и неглубокий журналист, классический представитель «фельетонной

лит-ры» («Набл.», 1885, № 2, с. 41—42). Его «гл. достоинством» считалось «умение подметить и изобразить факты. Там, где автор хочет объяснить, он оказывается недостаточно подготовленным» (РМ, 1884, № 9, с. 29, 3-я паг.). Корреспонденциям М. была свойственна развязность, соединенная с морализаторством (см., напр., «Царство рулетки», СПб., 1895). Наиболее удавались М. путевые зарисовки и интервью.

Как корреспондент «Нов. времени» М. обехал всю Европ. Россию, результатом чего явился цикл статей «По России» (СПб., 1884); сюда же относятся и «Письма из Новороссийского края» (Од., 1884) и хотя, по свидетельству Л. А. Тихомирова, в них многое написано «с ветру», тем не менее критика М. рос. порядков в провинции попадала в цель («Дело», 1882, № 9, с. 75). В кн. «По России» М. описывал становление капитализма, к-рый считал губительным для страны; по материалу наиб. интересна глава «В Москве» о т. н. «ситцевых ребятах» — изготовителях массовой лит-ры (рец.: РМ, 1884, № 9; ИВ, 1884, № 12; «Набл.», 1885, № 2). Эта тема была продолжена 20 лет спустя в ром. «Три товарища» (ж. «Санкт-Петербург», 1903, 17 авг. ... 31 дек.), обратившем внимание цензуры, поскольку «тенденция автора вращается в сфере рабочих беспорядков» (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 818, л. 157—60, 168). Известность получила интервью М. с Л. Н. Толстым «В Ясной Поляне» (НВ, 1890, 7 июня; сокр. перепечатано в сб.: Толстой в восп., т. 1; см. также: В. Л[акшин]. Забытое интервью с Львом Толстым. — НМ, 1963, № 3).

В «Ист. вест.» М. поместил кроме путевых очерков и восп. ряд критич. статей: «Пленные англичане в России» (1886, № 1), «Записки Гобарпаша» (1887, № 1), «Мемуары Бейста» (№ 6) и др. Его драма «Разбитая лира» (СПб., 1885) была разгромлена Н. К. Михайловским в «Дневнике читателя» (СВ, 1885, № 3; то же: Михайловский, X, 337—366), ряд его беллетристич. соч. печатался отдельно в «Веленовой библиотечке Молчанова», изд. им в Петербурге с 1900 (рассказы «Час счастья», «Человек всегда человек», «Вылечился», пов. «Послушанием да лаской», роман-фельетон «Из записок беглого» (ч. 1—2), сицилийская сказка «Небесная кара» — все 1900, и др.).

Лит.: Достоевский (ук.); Михневич; Аксельрод П. Б., Пержитое и нерасдуманное, кн. 1, Б., 1923, с. 163; Лавров П. Л., Народинки-пропагандисты 1873—1878 гг., Л., 1925, с. 155; «Вперед!» 1873—1877. Мат-лы из архива В. Н. Смирнова. Отобран, снабдил примеч. и очерком историч. «Вперед!» Б. Сапир, т. 1—2, Dordrecht, 1970 (ук.); Лавров — годы эмиграции. Арх. мат-лы. Отобран, снабдил примеч. и вступ. очерком Б. Сапир, т. 1—2, Dordrecht — Boston, 1974 (ук.); Вахрушев И. С. Очерки историч.

рус. рев.-демокр. печати 1873—1886 гг. [Саратов], 1980, с. 83—84; Гросул В. Я., Рев. Россия и Балканы (1874—1883), М., 1980 (ук.); Публицистика белорус. народников. Нелегальные изд. белорус. народников (1881—1884), Минск, 1983, с. 95; Революционеры и либералы России, М., 1990 (ук.); Рукавицкая Е. Л., Рус. бланкизм. Петр Ткачев, М., 1992 (ук.). + Систематич. ук. рус. лит-ры по судоустройству и судопроизводству, гражданскому и уголовному. СПб., 1896 (сост. А. Поворинский; перечень юридич. статей М.); Смирнов-Сокольский; Брокгауз; Венгеров (Источ.; Список); Южаков; НЭС; ДРДР; ИДРДВ; Масалов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2763 (письма А. С. Суворину); РНБ, ф. 459, оп. 2, № 287 (письма Суворина к М.), № 914 (письма И. С. Аксакова к М.), № 1199 (письма А. П. Колосову), № 1253 (письма А. А. Суворину), ф. 874, № 40, 43, 46, 58 (письма С. Н. Шубинскому); РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 5428 (м. с.)^{*} [справка Г. Г. Лисицкой].

Г. В. Зыкова, Б. М. Шахматов.

МОЛЧАНОВ Иван Евстратович [9(21).3.1818, по др. свед. 1817, 1809, с. Красное близ Костромы — конец октября 1881, Владимир], певец, автор песен. Из крест. семьи. С 1825 — в Москве, в ученье у ремесленника-золотаря. В 1833, надыхавшись паров ртути, заболел и стал инвалидом. «Выйдя из ученья», собирал

хоры из товарищей-мастеровых и пел с ними в моск. трактирах. Там его услышал П. Г. Лебедев, учитель пения полков, стоящих в Москве. В 1834 М. поручили учить пению солдат Суздальского полка, а потом и всех полков Москвы, чем он и занимался до нач. 1860-х гг. В 1840-х гг. М. приобрел известность как собиратель и исполнитель рус. нар. песен. В нач. 1850-х гг. создал из воен. песенников, увольнявшихся в запас, первый проф. нар. хор, гастролировавший в Петербурге и мн. провинц. городах и приобретший большую популярность. Был хорошо знаком с В. Ф. Одоевским, записывавшим у него напевы ряда песен и обучившим его нотной грамоте. М. — автор изв. песни «Дело было под Полтавой» (кон. 1840-х — нач. 1850-х гг.), песен «Петербургские команды», «Ах, ты, ночь моя, ночь огненная», «Со дворцом сливалась хата» и др. Он

составил «Знаменитый рус. и цыганский песенник» (СПб., 1859), «Новый настоящий молчановский песенник» (СПб., 1860), «Собрание песен, исполняемых хором песенников Ив. Молчанова» (СПб., 1864), «Новейший лучший песенник» (М., 1869), «Новейший рус. и цыганский песенник...» (7-е изд., СПб., 1871) и др.

Изд.: Песни и романсы (ук.); Песни рус. поэтов, т. 2.

Лит.: кн. Н. И., г. Молчанов и его хор рус. песенников. — ПЛ, 1864, 10 сент.: К-в (Крутиков А. П.), Рус. нар. певец М. — Там же, 1865, 27 марта (с публ. песни «Со дворцом сливалась хата»); Песни, собранные П. В. Киреевским, в. 9, М., 1872, с. 184, XXXV—XL; Одоеский В., Муз.-лит. наследие, М., 1956 (ук.); Грановский Б., Певец-самородок М. — «Сов. музыка», 1958, № 1; Кузнецов Е., Из прошлого рус. эстрады, М., 1958 (ук.); Давыдов В. Н., Рассказ о прошлом, Л.—М., 1962 (ук.); Богатырев П. И., Моск. старина. — В кн.: Ушедшая Москва, [М.], 1964, с. 148. + Некрологи, 1881: СПбВед., 7 нояб.; ПЛ, 24 нояб. (А. Соколов). Римап Г., Муз. словарь, пер. с нем., М.—Лейпциг, [1901—04], с. 865; Брокгауз; Венгеров. Источ.: МЭ.

Архивы: [автобиографии] — ЦГ ММК, ф. 73, д. 175; РНБ, ф. 539, оп. 1, д. 11.

А. И. Пейтман.

МОНТВИД А. С., см. Шабельская А. С.

МОНТЕВЕРДЕ Пётр Августинович [псевд. Пётр Петров; 7(19).11.1839, Петербург — 10(23).8.1916, Петроград; похоронен на Георгиев. кладб. на Б. Охте], журналист, беллетрист; военный. Сын исп. дворянина, переселившегося в Россию, инженера по мор. ведомству Августина Анта. (1797—1873); мать — Каролина Федерсон, по происхождению немка, лютеранка. В 1856 унтер-офицер л.-гв. Измайлов. полка; в 1859 корнет Гроднен. гусар. полка; в 1860 переведен поручиком в 14-й гусар. Митавский полк; с 1862 служил в Сводном дивизионе Улан. бригады в Москве. В 1869 вышел в отставку в чине майора (по свидетельству К. И. Воронича, исключен за карточную аферу по суду товарищей). С 1872 в качестве корреспондента в Париже помещает цикл очерков и обзоров в газ. «Рус. мир» (1872—78), «С.-Петербург. вед.» (1878—79), «Парижские письма» в «Рус. вест.» (1874, 1875; отд. изд. под назв. «Париж. Очерки прошлого» — СПб., 1896; положит. отзыв: «Сб. Нивы», 1896, № 6, с. 43). В осн. это хроника парламент. борьбы периода диктатуры маршала П. Мак-Магона — калейдоскоп лиц и сменяющихся форм правления. Оперативный и широко осведомленный журналист, декларировавший свою беспристрастность, М. разделял позиции «Рус. мира»: здоровый консерватизм, неотделимый от прогресса. М. называет существующий во Франции беспорядочный режим «платоническим республиканизмом» («Рус. мир», 1877, 12 окт.), революцию — миражом, с иронией отзываясь о полемике между К. Марксом

и М. А. Бакуниным (там же, 1873, 11 сент.).

Темы фельетонов М. — повседневная жизнь Парижа (типы женщин, семейные отношения, судебные разбирательства, структура рекламы и т. д.), культура, новинки лит-ры: ром. А. Дюамсына («Рус. мир», 1872, 23 нояб.), творчество Г. Флобера (писатель «из пессимистич. публике», там же, 1874, 17 марта), ром. В. Гюго «Девяносто третий год» — «тенденциозная демократическая сказка» (РВ, 1874, № 3); в отклике на париж. премьеру «Реквиема» Дж. Верди — детальный разбор муз. формы («Рус. мир», 1874, 18 июня).

Стиль очерков М. занимательный и живой. Диалог постоянно чередуется с описанием, сменяются масштаб изображения и способы передачи речи, сценки и сюжеты из жизни разных слоев общества: правящих кругов, рабочих, средней или мелкой буржуазии (о заимствовании Ф. М. Достоевским из этих очерков париж. реалий в ром. «Подрасток» см.: Рах В. Д., Доп. к комм. ПСС Ф. М. Достоевского. — В кн.: Достоевский. Мат-лы и иссл., в. 4, Л., 1988).

По натуре искатель сильных ощущений, М. в 1875 отправляется в Герцеговину в качестве единств. корр. «Рус. мира» для освещения хода антитурецкого восстания, рассматриваемого издателями газеты генералами М. Г. Черняевым (находясь в России, он соглашается с М. свои действия и советуется о дальнейших планах — ИРЛИ, ф. 5370, письма от 23 авг. 1875, 30 янв. 1876) и В. В. Комаровым с позиций панславизма. В своих регулярных (и высоко оплачиваемых) донесениях (до сер. 1876) М. подробно описывает обстановку, участников и ход восстания, призывает поддерживать сбор средств в пользу его жертв (см. также: «Очерки Герцеговинского восстания» — РВ, 1877, № 11, 12; 1878, № 2, 4, 8; публ. не окончена). Вместе с тем публикации М. в нек-рых европ. газетах, гл. обр. в «Дигаро», имели протурецкую направленность (ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 4, д. 156).

После начала Серб. войны служил в Тимокско-Моравской армии в должности пом. нач. Ген. штаба Комарова. Как заместитель главного редактора Чернышев сосредоточил в своих руках распространение информации и каску (версию о присоединении им казенных денег см.: «Стрелка», 1878, № 5, с. 4). Высокомерие, жажда на широком популяризации против него рус. добровольцев. В антигерманских кругах в нем видели гл. проводника отрицат. влияния на ход войны (И. С. Тургенев: «этого пролота я знаю лично», «завсодомый жулик» — Письма, XI, 351; см. также ук. и комм.: подробности личного знакомства с М. неизвестны), приведшего к деморализации армии, разбатариванию пожертвований, замалчиванию потерь в рус. сводках, распространяемых особым «корреспонденци-бюро» (см. переводную «Рус. мир», 1877, 25 июля). В качестве доверенного лица Г. С. Веселитского-Божидаровича М. вел тайные переговоры с Германией и Австрией о воен. помощи Герцеговине. восстанию (РГВИА, ф. 261, оп. 1, № 3). Публично опровергал обвинения австр. газ. «Neue Freie Presse» в том, что он возможный шпион (см.: «Рус. мир», 1876, 15 июня). Произведен в подполковники, награжден серб. орденом Такова.

В 1877 М. — в Париже (корреспонденции в «Рус. мире» под псевд. М-де, М-е, П. М., М.), летом участвует в боях в Черногории, ранен («Рус. мир», 29 авг.).

В 1879 возвращается в Россию. Выступает с фельетонами в «С.-Петербург. вед.» (подп. Amicus). С окт. 1880 — ред. «Петербург. газ.», вел в ней рубрику «Ежедн. беседы» (псевд. А-ъ, Амису), в к-рой откликался на новости (напр., об инд. общине Е. П. Блаватской — 1882, 16, 17 янв.), слухи, уголовную хронику. Называя свои фельетоны «обличительной прозой» («Петербург. газ.», 1880, 28 нояб.), М. часто облачает их в форму писем разных лиц, разговоров, снов или видений, не гнушаясь обидных наименований и оскорблений (отзывы современников: «физич. отправление», «нетрезвость слова» — Достоевский, XXVII, 51, 332; см. также ук.; М. — «журнальная приживалка» — Д. Д. Минаев, «Молва», 1880, 5 июня). Его неосторожные (на первых порах) высказывания в переписке и публикациях обратили на себя внимание Александра II; в результате М. грозилась высылка (не осуществившаяся; ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 1, д. 1825). Объектом насмешек часто служат газ. «Голос» и ее сотр. Д. В. Аверкиев («суздальский драмолон», 1880, 12 нояб.), в юмористич. табели о рангах (1880, 5 дек.) помимо традиц. недругов — А. А. Краевского, Аверкиева, В. П. Мещерского — фигурируют имена Тургенева, М. Н. Каткова (1880, 12 дек.; 1882, 9 янв.), Достоевского (автора «психиатрич. исследований»; ср., однако, почти-тельные публ. в связи с его кончиной). Характерный штрих, обнаруживающий нравств. позицию М.: детально описывая казнь убийц Александра II (1881, 4 апр.), он восхищается идилически солнечным утром.

Выступая в амплуа фельетониста «малой прессы», М. вместе с тем остался верен — по крайней мере внешне — славянофильским взглядам; католик иностр. происхожде-

ния, он надевает маску «православного русского» (говоря о церк. праздниках, широко используя пословицы и нар. приметы, проявляя особенное внимание к антигерманским или антиеврейским сюжетам). Признание Петерб. окружным судом клеветнич. характера публикации о купцах-свряях «Арест шайки» («Петербург. газ.», 1886, 14 февр., б. п.; см. также: 17 февр.; отклики: «Новости», 13 июня; НВ, 14 июня) вызвало ряд утверждений о подкупе адвоката (Н. П. Карабчевского) и травле «одного из тех враждующих против сврейства журналистов, к-рые никогда не согласятся подписаться под еврейской равноправностью» (Житель (А. А. Дьяков), За клевету и диффамацию. — НВ, 22 июня). Патетич. выражение верноподданнических чувств сочетается у М. с критикой в адрес Гор. думы, нек-рых законов, с призывами к разумно ограниченной свободе прессы, к жен. эмансипации, к расширению прав земств. Был одним из наиб. популярных фельетонистов (см.: «Доп. вопросы к личным картам статистич. переписи, предлагаемые Антошей Чехонте» — Чехов, I, 116; см. также ук.).

В кон. 1887 покидает должность ред. «Петербург. газ.» в связи с воспалением мозговых оболочек (ИРЛИ, ф. 540, № 18; см. также: Кугель А. Р., Лит. восп., П.—М., 1923, с. 59).

С 1889 по 1896 ред. популярной славянофильской газ. «Свет», издаваемой Комаровым (приветственный адрес, написанный М.-издателю в день 10-летия газ. см.: 1892, 3 янв.); в те же годы был его заместителем в должности пом. распорядителя Рос. телеграфного агентства. В 1890—91 ред. ж. «Звезда».

Написал неск. произв. с любовно-уголовным сюжетом, представляющих героев в знакомой автору и интригующей читателя среде: фельетонный ром. «Русские в Париже (В тине)» (опубл. трижды: СПбВед, 1879, янв. — март; отд. изд. — СПб., 1881; «Свет», 1889, 3 нояб. ... 19 дек. — под расхожим назв. «Кто убийца?»; рецензент назвал М. «настоящим лит. альфонсом» и «бульварным ухарем» — ОЗ, 1881, № 7, с. 79; см. также отрицат. рец.: «Русь», 1881, № 48; «Мысль», 1881, № 9) и пов. «Багровая пыль (Русские в Париже во время Коммуны)» («Нива», 1884, № 23—27) изображающую трудную судьбу соотечественников, оказавшихся на чужбине без помощи своего государства, — случайные заработки, жизнь на содержании и т. д. «Горные орлы. Повесть из времен Герцеговинского восстания» («Нива», 1881, № 48—50) — о встречах автора с романтич. черногор. разбойником-аферистом. Пов. «Из-за могилы. Рассказ из южно-

славянской войны» («Нива», 1886, № 31—36) — об инсценированном самоубийстве с целью очернить честного офицера, личность к-рого проявилась на полях сражений за слав. дело (попутно рисует фигуры Черныева и Комарова).

До последних дней М. сотрудничал с «Петербург. газ.», выступал с фельетонами «Из военной жизни» (напр., о войне в Маньчжурии в окт.—нояб. 1900), с рецензиями на спектакли франц. труппы Михайловского т-ра (подпись Друг), среди актеров к-рой был известен как «дедушка М.».

Лит.: Семеский; Михневич: «Битва при Дунише. Рассказ очевидца». — «Рус. мир», 1876, 27—28 окт.; Веселитский-Божидарович Г. С., Положение слав. семейств Боснии и Герцеговины, бежавших по случаю восстания, СПб., 1876, с. 14; Гирс Д., Штаб ген. Черныева. — СПбВед, 1876, № 282; Мещерский В. П., Правда о Сербии, СПб., 1877, с. 212—16, 267; Воронич К. И., Изнанка Серб. войны, ч. 1—2, СПб., 1877, с. 113, 114, 125, 160, 208, 209, 259, ч. 3, СПб., 1878, с. 171—74, 178—87, 222—26; Деволлан Г., Недания старина. Письма в Сербии в 1876 г. — РА, 1879, кн. 2, с. 360; Прощание с Amicus'ом. — СПбВед, 1880, 26 окт.; Стасов В. В., Собр. соч. т. 2, СПб., 1894, с. 403—06; Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова, М., 1939 (ук.); Лесков А., Жизнь Николая Лескова, М., 1954, с. 368; Никитин С. А., Слав. комитеты в России в 1858—1876 гг., М., 1960 (ук.); Рукоп. наследие Н. С. Лескова. Каталог, Л., 1991 (ук.); Левитт М., Лит-ра и политика. Пушкинский праздник 1880 г., СПб., 1994 (ук.). + Некрологи, 1916: «Петрогр. газ.», 11, 14 авг.; «Обозр. т-ров», 12 авг. Брокгауз: Венгеров. Источ.: Муратова (1; ук.); Масанов (не указаны псевд. Друг, М-де, М-с, П. М., М.).

Архивы: ИРЛИ, л. ф.; РГВИА, ф. 261; ф. 400, оп. 9, д. 5777 (п.с. 1869); ГИМ, ф. 208 (телеграммы М. о положении в Сербии, 1876); РГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 527, ч. 1, л. 52—62 (сведения о родителях М.); РГБ, ф. 331, к. 36, № 75 б (письма В. В. Билибина А. П. Чехову).

М. В. Пашенко.

МОРАВСКАЯ (во втором браке — Коглан, Coughlan) Мария Магдалина Франческа Людвиговна (31.12.1889, Варшава — 26.6.1947, Майами, США), поэтесса, прозаик, критик. Из польской католич. семьи, в два года потеряла мать, в детстве жила в бедности; «отец переменял в своей жизни много профессий ... и всегда

стремился к ... путешествиям и изобретениям. Для дальних странствий у него не хватало средств, а для изобретательской деятельности — образования» (автобиограф., 1915 — ИРЛИ, ф. 377, № 2458, 2 собр., № 581). Спустя несколько лет отец женился на сестре матери М. и семья переехала в Одессу. В 15 лет М. ушла из дому, не поладив с мачехой, и потеряла связь с семьей. Переехала в Петербург, зарабатывала на жизнь уроками, перепиской, поступила на Высшие жен. (Бестужев.) курсы (не закончила). Участвовала в полит. кружках и была польской патриоткой, потом социалисткой. «В 905... со мной происходили разные трагич. события, о к-рых теперь нельзя говорить в печати. Потом я два раза сидела в пересыльной тюрьме, в 906 и 907 гг.» (там же). Свой недолгий брак считала «неприметной случайностью», «замужней фамилии» не признавала.

Впервые опубли. стихотворение в ученич. ж. «Свободная школа» в 16-летнем возрасте, печатала стихи под псевдонимами в одес. газетах. В 1910 познакомилась с М. А. Волошиным, к-рого высоко ценила и к-рый оказывал ей житейскую помощь (Волошин М., Из лит. наследия, СПб., 1991, с. 210). Вскоре вошла в круг авторов ж. «Аполлон» (см. ее рецензии — 1911, № 9).

В нач. 1911 начала появляться на «понедельниках» Вяч. И. Иванова, выступала в Об-ве ревнителей худож. слова. Осенью 1911 стала участницей «Цеха поэтов», где объявлен к печати ее сб. «Голубые лютки» (издание не состоялось), ее стихи вошли в «цеховую» подборку («Нов. жизнь», 1912, № 1). В это же время ей как «чрезвычайно талантливой особе» покровительствует З. Н. Гиппиус (письмо Гиппиус к К. И. Чуковскому от 14 сент. 1911 — РНБ, ф. 620). С 1912 часто печаталась в петерб. ж. «Вест. Европы», «Ежемес. журнал», «Наша заря», «Нар. мысль», «Свежие силы», «Журнал журналов» и др. В 1913 ее стихами увлекся Иванов-Разумник, читал их А. Белому и В. Я. Брюсову, к-рые отозвались положительно, знакомил с ними А. А. Блока (по-видимому, по их поводу он вспоминал о непростительном изобилии «вовсе» и «совсем» в стихах у женщин в своем письме к А. А. Ахматовой от 14 марта 1916 — Блок, VII, 459). Иванов-Разумник поместил в ж. «Заветы» (1913, № 6, 10) две подборки стихов М. и написал о ней вдохновенную статью (1913, № 10), построенную на тезисе о соответствии «формы» стихов М. ее «переживаниям»: дольниковые формы адекватно выражают психол. паузы. «Капризно-сентиментальные» (Mirsky D. S., Uncollected writings on Russian

literature, Berkeley, 1989, p. 61) стихи М. строились на контрасте пестроты, мутной обыденности и порывов к юж. экзотике, отсюда и загл. сб-ка — «На пристани» (СПб., 1914). В стихах разрабатывается прием инфантильной интонации и, по-видимому, эта нота привлекла внимание И. Г. Эренбурга, посвятившего М. стих. в своем сб. «Стихи о канунах» (1916). Сама М. в полусутильном стих. «Поэтезис» утверждала: «Ведь женщина-стихотворица // Не может жить без ломанья: // Это ее призванье, // Она за это борется» (ЖЖ, 1915, № 11). Сб-к посв. очень близкому другу — Францу Эртереру, к-рый, по словам М., «удерживал ее от преждевременных незрелых выступлений в печати, помог преодолеть символизм и выявить свою поэтич. личность» (ИРЛИ, ф. 377).

Видимо, об этом сб-ке (в рукописи) написала отзыв А. А. Кублицкая-Пиотух: «По-моему, это не поэзия... Может быть, Брюсов и Андрей Белый думают, что стремление на юг, в к-ром состоит почти все содержание, — это тоска трех сестер и вообще по Земле Обетованной. — Они ошибаются. Это просто желание поехать в теплые страны, в Крым, на солнышко». Блок сделал приписку: «Очень, очень верно» (Бекетова М. А., А. Блок и его мать. Восп. и заметки. Л.—М., 1925, с. 171). М. свидетельствовала, что «тоска... по дальним странам» передавалась ей по наследству от отца: «она составляет почти все содержание моей первой книжки» (ИРЛИ, ф. 377), стих. «Плениник» в этой книге — об отце.

Сб-ку предполагалось предисл. Брюсова, но от предложенного им текста М. отказалась: «Ваше мнение, что я — поэт узколичный, с моей точки зрения — обвинительный приговор для книжки» [Брюсов в (2), с. 698]. По выходе книги Брюсов повторил утверждение, что М. «поэт резко-субъективный», но признавал в стихах «поэзию подлинную» (РМ, 1914, № 7, с. 19). В. А. Пяст одобрил «неподдельность» авт. эмоций, но осудил «реальность, эгоцентризм, рассеяющийся в неживотворное настроение скуки и томления» («Отклики», прил. к газ. «День», 1914, 8 мая; др. рец.: Мак (Р. Ивнев) — «Златоцвет», 1914, № 10; Д. Выгодский — «Гомельская мысль», 1914, 12 июня).

Последующие сб-ки М. вызывали меньший интерес и сочувствие. На «Стихи о войне» (СПб., 1914) откликнулись отрицат. рец.: А. И. Тиняков («День», 1915, 5 февр.) и Г. В. Иванов («Аполлон», 1915, № 1, 3). Сб. «Прекрасная Польша» (П., 1915), посв. А. Мицкевичу, — дань любви, привитой с детства бабушкиными пересказами польск. легенд и событий из эпохи последнего восстания. В автобиографии М. писала, что влияние на ее творчество оказали «польские классики, потом символисты» (ИРЛИ, ф. 377). Редактировала сб. «Мы помним Польшу» (П., 1915), а также фин. сб-к, перевела фин. поэтов. Сб. «Золушка думает» (П., 1915) с посв. «памяти Елены Гуро», влияние к-рой на поэзию М. было значительным (издеват. рец.: А. Ожигов (Н. П. Ашешов) — ЖЖ, 1915, № 24; др. рец.: Лундберг Е., О поэтич. нищете и нищей поэзии. — «Голос», 1915, № 32; Д. Тальников (Д. Л. Шпитальни-

ков) — СМ, 1916, № 1; А. И. Жулин — «Свободный журн.», 1915, № 9—10). Затем последовали попытки поэм — «Девушка с фонариком» («Рус. зап.», 1915, № 10) — о билетерше кинотеатра, «Соколов и Даниленков» (РМ, 1915, № 9) — из жизни рабочих.

М. активно работала в лит-ре для детей; печаталась в ж. «Тропинка», «Галчонок», выпустила сб. рассказов «Цветы в подвале» (СПб., 1914). О сб. «Апельсиновые корки» (СПб., 1914) писала Тинякову: «это мои любимые стихи» (РНБ, ф. 774, № 30). Книга посв. «родным по отцу», «братьям и сестренкам», к-рых М. «не видела много лет» (ИРЛИ, ф. 377). Рецензенты хвалили М. за поэтич. талант, естественность, понимание детской души.

«Никаких правоучений, никакого заискивания — только чувство, только образы, только шутки, юмор!» (Б. М. Эйхенбаум — РМ, 1914, № 2, с. 60). «Автор ... подходит к детям без обычных ужиков ... не боится прозаизмов и будничных тем» (А. В-ский — «Совр.», 1914, апр., кн. 8, с. 117). «это действительно детские стихи, без серьезничанья, но и без надоедливого сюсюканья ... поэтесса овладела языком и темами» (Г. В. Иванов — «Аполлон», 1915, № 3, с. 53).

Можно утверждать, что лит. судьба М. сложилась не очень счастливо. В лит. процессе она держалась особняком. Установка на тематич. открытия (поэзия телеграфа, авиации, кинематографа) не была оценена, находки в области разг. интонации поблекли на фоне развивающегося творчества сверстников.

Критика не могла не отметить «несомненное влияние» Ахматовой («тот же неровный прерывистый ритм, тот же намеренно простой, рассчитанный на интимный язык. Только... часто заметны былые нитки» — С. Кречетов, УР, 1914, 26 апр.; впоследствии именем М. открывал список «ахматовской школы» М. Кузмин — «Жизнь иск-ва», 1918, 18 нояб.).

Иванов-Разумник именно в противовес Ахматовой решил выдвинуть поэзию М., рекомендовав Брюсову рукопись будущего сб. «На пристани» с оговоркой: «Есть зависимость (от Блока, Кузмина, — но не от Анны Ахматовой, к-рая менее „я“; менее талантлива)» («Cahiers du monde russe et soviétique», 1974, v. 15, № 1—2, p. 186). М. поддержала в печати книгу Ахматовой «Четки» за «простоту», хотя и упрекнула ее за «эстетские слова» (ЕЖЛ, 1914, № 4, с. 157). В позднейших же ахматовских мемуарных заметках и устных высказываниях никаких оценок «товарища по цеху» (как названа М. в авт. инскрипте на «Вечере» Ахматовой 10 марта 1912 — Лесман, с. 32) не появлялось. Можно предположить какой-то конфликт М. с участниками «Цеха» — имя ее в списке членов (Архив М. И. Лозинского) позднее вычеркнуто, хотя она присутствовала на заседании еще 10 янв. 1914 (см. письмо Эйхенбаума к Л. Я. Гуревич — РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 201, л. 86; М. названа здесь «очень

искренним человеком»). Показательно неупоминание М. в критич. выступлениях Н. С. Гумилёва. С. М. Горюхицкий достаточно резко оценил «На пристани» за «неврастению», развещающую форму стихов и не дающую им «развиться как организм» («Речь», 1914, 14 апр.), и впоследствии пенял М. на небрежность формы, недостатки стиха, выдаваемые за «музыку» и *vers libre* («Речь», 1914, 8 дек.; «Кавк. слово», Тифлис, 1917, 8 сент.; там же, 1918, 16 февр.).

Расхождение М. с акменстами отчасти объясняется ее резко критич. отношением к ж. «Аполлон» [«Все красиво, стильно, звучно, ну и скучно, скучно, скучно!» — из стих. «Аполлон» (ЖЖ, 1915, № 11), к-рое, по свидетельству современника, было отрывком из большой сатирич. поэмы М., ходившей по рукам, — Кузьмин Н. (В.), Давно и недавно, М., 1982, с. 245] как к органу «великосветских снобов» (ст. «Знатная иностранка. О рус. поэзии» — ЖЖ, 1915, № 12). При этом противопоставленная «эстетству» и «лиловым туманам» символизма «душевная конкретность» новой поэзии (ст. «Волнующая поэзия» — НЖДВ, 1915, № 8) была, несомненно, открытием акменстов, и М. неизбежно являлась их невольной соратницей, когда писала: «А символизму надо дать по шапке. Красота обыденности идет ему на смену» (письмо Е. Янтарёву от 1 июля 1915 — РГАЛИ, ф. 1714, оп. 2, № 3) или «Такого рода демонически-эротич. символизм мы уже переросли» (о романе С. Пшибишевского «Дети горя» в пер. В. Ф. Ходасевича — РМ, 1916, № 3, с. 5).

Тенденции «поэзии последнего призыва», где будничные образы являются выразителями душевного волнения, пропагандировались М. со ссылкой на поэтику частушки — в докладе в Об-ве поэтов 3 дек. 1913 и в докладе «Поэзия миллионов людей» 1 окт. 1915 в Лиге равноправия женщин (опubl.: РМ, 1915, № 11; отклик П. Г. Богатырёва — РФВ, 1916, № 4), вызвавшем протест Б. А. Садовского против «проповеди одиночания» (ст. «Вредное чирикание» — БВед, 1915, 3 окт.) и раздражение Г. Иванова на «безвкусную и неумную дамскую болтовню» («Аполлон», 1916, № 1, с. 61). Полемика пафос «освобождения» — стиливого (от описательности), ритмического (от «тесных рамок ямбов и хорея» — в пользу «тактов» и «пауз» — предтеч этого стихосложения М. объявила тютчевские стих. «Последняя любовь» — «О, как на склоне наших дней»), социального (см. ее ст. «Плещейское искусство. Об Игоре Северянине» — ЖЖ, 1917, № 10) — привел ее к феминистич. лит. критике — докладу «Женщины

о себе», читавшемуся в Петербурге и провинции (саркастич. резюме Садовского «Золушка совсем не думает» — ЖЖ, 1915, № 34), в к-ром разбиралось творчество А. Мар, В. И. Рудич, Е. А. Нагродской и др., восторженно говорилось о М. И. Цветаевой и ставился вопрос о праве критиков обсуждать автобиографичность жен. творчества (см. отчет В. Стечкина о лекции — «Саратов. вест.», 1915, 18 дек.).

В годы войны М. часто выступала с очерками и рассказами из совр. жизни («У лазаретных кооек» — СевЗ, 1915, № 4; «Душа минувшего сезона» — «Отечество», 1915, № 5/6; «Ситцевый бал» — СМ, 1915, № 6; «Хрустальная туфелька» — РМ, 1915, № 8; «Хочу» — РМ, 1916, № 8, и др.). В 1917 совершила путешествие в Японию (см. цикл из пяти стихов — «Летопись», 1917, № 9—12) и в том же году переехала в США, откуда отправилась в долгую поездку по Лат. Америке, читала в Чили лекции на исп. языке («Нов. рус. книга», Б., 1922, № 9, с. 37), опubl. очерк о восприятии кино в Юж. Америке («Что хочет публика ниже экватора»; «What the public wants below the equator» — «The Outlook», 1922, 27 Sept.). Сотрудничала в десятках амер. ж-лов.

Нек-рые ее сочинения критик Э. Дж. О'Брайен отнесли к лучшим амер. коротким рассказам. Ост. тема очерков М. — Америка глазами поинца, бывший американофилки, мечтавший переменить типичного русского и типичного американца в колдовском котле, чтобы создать новое, нежное, благодарно-мисс, гармонич. существо («Вашин газет и наши»; «You're newarrange and ours» — «Bookman», 1919, Jan., p. 589), неск. разочарованной положением избранных детей, женщин, чернокожих и евреев в США, менее независимым духом прессы, чем в царской России, меньшей моральной свободой («Мое частное мнение о вас»; «My private opinion of you» — «Independent», 1919, 19 Apr.), лит-рой «со счастливым концом» («Беллистритика, вводящая в заблуждение»; «Misleading fiction», — ibidem, 1918, 9 Nov.), оптимизмом Р. Эмерсона, не оставляющим места для жалости («Идол компенсации»; «The idol of compensation» — «The Nation», 1919, 28 June), бесцельностью и безгневностью амер. идеала («Не улыбайтесь!», «Stop smiling!» — ibidem, 1920, 15 May; «Неврастения, аскорысливая улыбайкой»; «Neurasthenia-breeding smile» — «The Outlook», 1922, 25 Oct.), неинтеллигентностью городской массы, потребляющей готовые мнения («Опасности грамотности»; «The perils of literacy» — «The American Review», 1928, № 26), безответственностью рекламы («Вы тоже...»; «You too...» — «The Outlook», 1923, 7 Febr.), равнодушием демократии к судьбе гения («Страна, которая не заботится о судьбе гения, не может быть названа великой». — «Книги и те, кто их делают»; «Books and those who make them» — «Atlantic Monthly», 1919, May). Но при этом критика Америки, по словам М., у нее — «от любящего сердца», от желания «видеть ее совершенной» («Новичок в Америке»; «The Greenhorn in America» — «Atlantic Monthly», 1918, Nov., p. 667).

Сквозной мотив очерков М. нач. 1920-х гг. — ее будущее возвращение в Россию. В письме в Петроград она жаловалась: «Живешь, как мертвая, мертвая для поэзии, потому что тут ведь стихов писать не стоит» («Лит. записки», 1922, № 2, с. 19). Тем не менее М. писала большую по-

эму по-английски «Черепичная тропка», разводила попугаев, по поводу чего изв. амер. прозаик П. Колум написал очерк «Поэт и ее птицы» (см. письмо М. к М. Троммер от 16 июня 1937 — Б-ка Конгресса, Вашингтон). Роман «Жар-птица», рассказывающий о петерб. жизни 1910-х гг., опubl. на англ. яз. в 1927 в Нью-Йорке и в 1928 в Лондоне.

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Петербург в рус. поэзии, Л., 1988; Рус. поэзия дстям; Рус. поэзия серебряного века. 1890—1917. Антология, М., 1993; Сто поэтов серебряного века, СПб., 1996 (в обих. кн. очерки О. Б. Кушлиной).

Лит.: Ашукин Н. О волнующей поэзии. (Ответ на ст. М.). — НЖДВ, 1915, № 9; Гизетти А. Три души. (Стих. Н. Львовой, А. Ахматовой, М. Моравской). — «Ежемес. журнал», 1915, № 12; Гусман; Зап. ГБЛ, в. 33, М., 1972, с. 274; Чукоккала. Рукоп. альм. К. Чуковского, М., 1979, с. 84—86; Алигер М., Встречи и разлуки, М., 1989; Памятники культуры, 1983, Л., 1985, с. 250; Биск А., Поэты серебряного века. — «Нов. рус. слово», Н.-Й., 1961, 28 мая; Шустов А., Почти забытое имя. — «Нева», 1986, № 8; ЛН, т. 92, кн. 2, с. 391—92; Пяст, 1997; Teitelboim V., Hombres y hombres, Santiago de Chile, 1969, p. 353; Z dziejow antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej, Warsz., 1992, s. 202, 204; Who's Who in Polish America, 3d ed., N.-Y., 1943, p. 306; Wallace W. S., Dictionary of North American Authors. Deceased before 1950, Toronto, 1951, p. 99; Dictionary of Russian women writers. — Владиславлев: Альм. и сб-ки (2, ук.); Тарасенков (ошибочн. по имени) кн. «Мои стихи», Ревель, 1916; Лосман; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 124, № 2892 (письмо Е. А. Озеровой), № 2891 (письмо М. А. Кузину, 1910); ИРЛИ, ф. 377 (справка О. Б. Кушлиной); РГАЛИ, ф. 1068, оп. 1, № 102 (анкета 1915 г.). Р. Д. Тименчик.

МОРДОВЦЕВ Даниил Лукич [7(19).12.1830, слобода Даниловка земли Войска Донского — 10(23).6.1905, Кисловодск; похоронен в Ростове-на-Дону], прозаик, публицист, историк. Писал на рус. и укр. яз. Потомок запорож. казаков («переплещенных» к моменту рождения М. в купеч. звание). Отец, Лука Анд. (умер, когда М. не было и года), — крепостной, выбившись в управляющие, сумел выкупиться; мать — дочь дьячка. До 9 лет М. не знал рус. языка. По окончании Усть-Медведицкого окружного уч-ща (1840—44), о к-ром в «Школьных восп.» М. писал:

«... умственный застой, глушь, дичь невыносимая» (РСл, 1863, № 2, с. 14), и Саратов. г-зии (где подружился с А. Н. Пыпиным и П. А. Ро-винским; поместил первые лит. опы-ты в рукоп. ж-ле) поехал поступать (1850) в Казан. ун-т на физико-ма-тем. отд. Однако благодаря блестя-щим ответам по древним языкам (М. знал лат., др.-греч., др.-евр., а также нем., франц., калмыцкий, тат. языки) был зачислен на филол. ф-т. В 1851 перевелся в Петерб. ун-т, где зани-мался в семинаре И. И. Срезневского (вместе с О. Ф. Миллером, В. И. Ла-манским и Пыпиным; через послед-него познакомился с Н. Г. Черны-шевским); окончил ун-т в 1854 (за соч. «О языке „Рус. правды“» полу-чил на 3-м курсе золотую медаль). В Петербурге М. возобновил знакомст-во с уроженкой Саратова А. Н. Пас-халовой (см. *Мордовцева* А. Н.) и осенью 1854, «к немалому удивле-нию» (Чернышевский) знакомых, женился на ней, взяв на себя заботы о пяти ее детях от первого брака. Вернувшись вместе с семьей в Сара-тов (май 1855), М. вошел в кружок местной демократически настроен-ной интеллигенции, возглавлявший-ся Н. И. Костомаровым (круг сара-тов. друзей и их деятельность изобра-жены в неоконч. «романе-были» *«Профессор Ратмиров»*, «Книжки „Недели“», 1889, кн. 1, 2). Друж. от-ношения с Костомаровым, сложив-шиеся с самого начала знакомства («мы скоро сошлись на украинской поэзии и на многом ином» — авто-биография М., ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, № 18) и оказавшие значит. влияние на мировоззрение и творчество М., поддерживались в течение многих лет; ему посвящены статьи М. «Ис-торические поминки по Н. И. Косто-марову» (РС, 1885, № 6), «Н. И. Костомаров в последние 10 лет его жизни» (там же, № 12; 1886, № 2) и др.

Лит. деятельность М. начал как укр. писатель, создав ряд произв. из укр. жизни — поэму *«Кзаки и мо-ре»* (1854, опубл. в 1859 в «Малорус-ском лит. сб-ке», изданном в Сарато-ве совм. с Костомаровым; здесь же помещены переведенные М. на укр. яз. повести Н. В. Гоголя; рец. — ОЗ, 1859, № 9), рассказы «в духе М. Вов-чка» — «Нищие» («Старці», 1855, опубл.: «Зоря», 1885, № 20), «Зво-нарь» («Дзвонарь», 1858, опубл.: «Основа», 1861, № 3), «Солдатка» (1859, опубл. там же, № 5). Малорос. произв. М. были собраны в кн. «Опо-відання» (СПб., 1885). И. Франко, оценивая укр. произв. М., позднее напишет: «Не покоряет он нас ни си-лой, ни пластичной картин, ни по-строением... Но с точки зрения мелодичности языка и сердечной искрен-ности тона ... мало кто с ним срав-

нится» (сб. «Ватра», Стрый, 1887, с. 149).

В 1856 М. занял должность по-мощника секр. Саратов. статистич. к-та (до 1864), одновременно редак-тировал неофиц. отд. «Саратов. губ. вед.» В этот период он начал пе-чататься по-русски, помещал в газете (за подписью Д. М.) многочисл. ист.-краеведч. заметки и статьи, а также обличит. фельетоны, один из к-рых, посв. офицеру, избившему на улице солдата, вызвал скандал и раз-бирательство с М. в Мин-ве внутр. дел (автобиогр. — ИРЛИ, ф. 377; см. также: Глинский, 1905, с. 586—587). Многолетняя служба (1856—1873) по ведомству Мин-ва внутр. дел (в 1867 правитель дел в комиссии нар. продовольствия и цензор газ. «Саратов. листок», с 1868 правитель канцелярии губернатора, с 1869 секр. губ. статистич. к-та, с 1871 коллег. сов.) открыла М. доступ к саратов. и др. архивам, что дало ему материал для ист. работ (печатались в местных и центр. изданиях; одни из первых публ. в сточич. органах — в газ. И. С. Аксакова «Парус» и «День»). Крупнейшие из его ист. трудов — «Самозванцы и понизо-вая воляница» (т. 1—2, СПб., М., 1867; рец. — ВЕ, 1867, № 2), «Гай-даматчина. Ист. монография» (т. 1—2, СПб., 1870), «Политичес-кие движения рус. народа. Ист. мо-нография» (т. 1—2, СПб., 1871; на две посл. работы положит. рец. — ОЗ, 1870, № 9; предположительно, М. Е. Салтыкова-Шедрина), «Рус-ские гос. деятели прошлого века и Пугачев» (ОЗ, 1868, № 8, 9, 10), «Русские ист. женщины. Популя-рные рассказы из рус. истории. Жен-щины допетровской Руси» (СПб., 1874), «Русские женщины нового времени» (СПб., 1874). Публикация в «Деле» в 1872 кн. «Накануне воли. Архивные силуэты» (А. Н. Пыпин: «Одна из самых страшных книг, ка-кие являлись в нашей лит-ре» — в его кн.: Мои заметки, М., 1910, с. 12), в к-рой М. использовал сара-тов. арх. мат-лы о положении доре-форм. крестьянства, была остановле-на цензурой, а сам М. после объясне-ния с начальником Гл. управления по делам печати М. Н. Лонгиновым (на основании составленной в управле-нии докладной записки) был вынуж-ден уйти в отставку. В 1889 отд. изд. очерков запретили; книга была сож-жена по распоряжению Мин-ва внутр. дел с мотивировкой: крепост-ное право для М. «не что иное, как история рус. негровладельчества» (РГИА, ф. 776, оп. 20, д. 1129, л. 2). Эти работы, а также многочисл. ист. статьи, опубл. в «Рус. слове» (к со-трудничеству в к-ром М. приглашал Г. Е. Благосветлов), «Деле», «Вест. Европы» и составившие затем сб. «Ист. пропилен» (т. 1—2, СПб.,

1889), были сочувственно отмечены историками разных школ (М. П. По-годин, Костомаров, Пыпин) и при-несли М. известность. (Дважды ему предлагали кафедру рус. истории в Петерб. ун-те, но М., не склонный к пед. деятельности, обремененный к тому же семейными заботами, отклю-нял эти предложения — см. Глин-ский, 1914).

По своим ист. взглядам М. примы-кал к школе Костомарова, под влия-нием к-рого создал свою теорию ис-то. процесса. Ист. движение происхо-дит, по М., в свободном противобор-стве «центробежных» (представлен-ных стихийными нар. выступлениями) и «центростремительных» (инте-грирующее начало гос-ва, права) сил. Отождествление им «центростре-мительн.» начал с «силой движения» позволяло воспринимать его теорию как «апофеоз государства, у подно-жия к-рого... бьются бессильные нар. волны» (Короленко, V, 316). М. постоянно подчеркивает бессозна-тельность и разрушительность нар. выступлений, но вместе с тем глубоко сочувствует «центробежным си-лам» (бунтующий народ, раскольни-ки, гайдамаки и пр.), полностью отри-цая насилие и рев. методы в дости-жении ист. прогресса — «свободный рост в истории» предпочитается «на-сильственному»; последний тезис особенно значим для него при оцен-ке ист. деятелей, напр. Петра I (см. ст. «Участие семинаристов в нар. движениях XVIII в.», «Зоря», 1871, № 10/11; «Предвзывает ли прошед-шее русского народа какие-либо пол-ит. движения?», ОЗ, 1871, № 3; «К слову об ист. романе и его критике», ИВ, 1881, № 11).

По мнению критики, работы М., отличавшиеся «легким популярным изложением», «не лишены и многих ученых достоинств» (ОЗ, 1870, № 9, с. 41), однако «какая-то особенная юркость ума не дает ему погрузиться целиком в исследование „действ и причин“ ист. вещей» (Михайлов-ский, Н. К., Соч., т. 6, СПб., 1897, стб. 664). По собств. признанию, М. гл. обр. собирал «кирпичи», строил «пропилен», преддверие, ведущее в храм науки. Свою заслугу он прежде всего видел в освоении нового, не ис-следованного историками-предшест-венниками пласта материала, в изо-бражении нар. движений, нар. вож-дей и того, «как пахал землю, вносил подати, отбывал рекрутчину, благо-денствовал и страдал рус. народ, как он коснел или развивался, как под-час он бунтовал и разбойничал це-лыми массами, воровал и бегал тоже массами ...» («Ист. пропилен», т. 1, с. 38). «Я полагаю, что в „Древнюю и новую Россию“, — писал М. редак-тору этого ж-ла, — следует впустить рус. народ, а то ваш сборник почти исключительно вертится около ца-

рей, цариц, царевен, князей и всяких высоких особ. Я хочу немного демократизировать ваш журнал...» (цит. по кн.: Глинский, 1914, с. 249—250). Обилие ценных фактич. и арх. сведений, позволявшее читателям делать собственные, порой не зависящие от авт. концепции выводы, обусловили популярность его работ, в т. ч. в радикальной среде. Ист. труды М., отвечавшие «настроениям бунтарей-романтиков, носившихся, как известно, с мыслями о нар. восстаниях и героях» (Дейч Л. С. М. Кравчинский-Степняк. Баловень судьбы, П., 1919, с. 6), изучались в кружке «чайковцев», в 1873—74 народники использовали «Гайдамачину» в своей пропаганде (см. «Процесс 193-х», М., 1906, с. 103, а также: Лойко Л. П., От «Земли и воли» к ВКП(б), 1877—1928, Воспоминания, М.—Л., 1929, с. 37; Попов М. Р., Записки землевладельца, М., 1933, с. 211). Гл. управление по делам печати характеризовало М. как «писателя весьма предосудительного направления», к-рый под «движениями» рус. народа «подразумевал ... исключительно бунты Стеньки Разина, Пугачева и им подобных» (РГИА, ф. 776, оп. 20, д. 1129, л. 2). Сходны отзывы нек-рых критиков, упрекавших М. в пристрастии к «голытьбе» и «гультаям» (П. К. Щербальский — РВ, 1870, № 9; полемика. ответ М. — ОЗ, 1871, № 3), в «лирич. сочувствии к самозванцу Емельке Пугачеву» (Леопольдов А. Ф., Заметки на нек-рые мысли в статье М., Саратов, 1869).

С 1873 М. вновь поселяется в Петербурге, поступает на службу в Мин-во путей сообщения (до 1886: 1875 — зав. статистич. отделом, 1877 — старший пом. делопроизводителя Деп. железных дорог, кон. 1877 — ред. ж-ла Министерства, 1886 — д. стат. сов.). Посещает «вторники» Костомарова, сближается с Г. З. Елисеевым. Используя материалы из дел губ. правления в Саратове, активно выступает (в т. ч. в «Саратов. губ. вед.») по актуальным экономич. и краеведч. вопросам: «Совр. экономич. значение Поволжья» («Дело», 1873, № 7—8), «Действительно ли мы богаты?» (там же, № 11—12). Многие публци. статьи содержали критику существующих порядков. Сам М. вспоминал (см. «3 минутого та пережитого», «Лит.-научный вист», т. 18, Львів, 1902, с. 244), что в своих «обличениях» он шел вслед за герценовским «Колоколом» и «Батькой Тарасом» (знаком с Т. Г. Шевченко с 1858; был инициатором Об-ва им. Шевченко и «Шевченковских вечеров» в Петербурге; подробней см.: Прийм. А. Ф. Я., Шевченко в отзывах М. — В кн.: Страницы истории рус. лит-ры, М., 1971, с. 339—47). Бурную полемику

(с участием А. С. Гациского, К. В. Лаврского и мн. др.) вызвала ст. «Печать в провинции» («Дело», 1875, № 9—10, рец. — «Неделя», 1875, № 48) — реплика М. в дискуссии о роли провинции, возможности развития «местных центров» и провинц. периодич. изданий, их вкладе в т. н. «отечествоведение»; исходя из своих теоретич. посылок о «центростремительности» силе, М. отказывал провинции в сколько-нибудь значит. интеллектуальном потенциале, считал бесперспективной провинц. периодику (впоследствии пересмотрел свою т. з., признав правоту оппонентов, см.: Глинский Б. Б., Рус. периодич. печать в провинции. — ИВ, 1898, № 1, с. 317—20). В центре внимания М. в эти годы была тема земства («Десятилетие рус. земства» — ОЗ, 1875, № 4—8, 10, 1876, № 7, 9, 11, 12). Горячий приверженец реформ 1860-х гг., М. расценивал земские преобразования как положит. ист. акт, открывший возможность через постепенное просвещение народа, приобщение его к сознательной гражд. жизни высвободить и направить в созидат. русло нар. энергию, прорывавшуюся раньше в стихийных и разрушит. формах.

Осознанное желание расширить аудиторию для изложения своих взглядов на историю и современность, «принести пользу» большому числу читателей («К слову об ист. романе...» — ИВ, 1881, № 11, с. 643) привело М. к беллетристике. Его представления о романном жанре несли отпечаток позитивист. тенденций эпохи (ср., напр., тезис о вытеснении писателей «художников» «светилами науки»: «Только хороший критик и ученый может быть хорошим романистом» — в кн.: Знамения времени, М., 1957, с. 318). Вбирая накопленный фактич. материал, романы М. развертывали и «иллюстрировали» темы и концепции его ист. трудов и публицистики.

Особое место в творчестве М. занимают романы, посв. идейным исканиям разночинной молодежи, — «Новые русские люди» (ВТ, 1868, № 5—8, в последующих изд. — «Новые люди»; в резком отзыве Салтыков-Щедрин отказал М. в знании изображаемой среды, назвав героев романа «призраками», нарисованными по «убогому и бессодержат. рецепту», — ОЗ, 1870, № 7) и «Знамения времени» (ВТ, 1869, № 1—7). В последнем М., проявив полит. прозорливость, изобразил в кон. 60-х гг. как «знамение времени» хождение в народ. Выраженная в романе вера в силу личности, способной перестроить мир на разумных основаниях, образы героев, «цельных и непосредственных натур» (Чудновский С. Л., Из давних лет, М., 1934, с. 83), для к-рых «лучше сломиться и по-

гибнуть, чем гнить в бездействии», социальный критицизм, воспринимавшийся как «покров „революционности“», обилие намеков, к-рые, «наверное, оставались загадкой для самого автора» (Короленко, В. 316), — все это позволяло прочесть «Знамения времени» в контексте рев.-демокр. произв. о «новых людях» 60-х гг. и обеспечило роману «огромный успех» (там же) в демокр. среде. Однако по авт. замыслу роман не наследовал традиции рев. демократов, а, напротив, пересматривал ее. Неприятие революции (стремясь к переменам, «новые люди» М. отвергали рев. методы борьбы — «звериный закон» — ради либерально-культурнич. работы: «Мы идем не бунты затевать, не волновать народ и не учить его, а учиться у него терпению, молотбе и косьбе...») переплеталось в нем с верой в близкое переустройство общинного строя, призыв отдать жизнь за народ, идеи долга и жертвенности — с проповедью легальной деятельности. Важной составляющей позитивной программы романа являлись панславист. идеи — будущее России связывается М. со слав. единством. [Актуальные для кон. 60—70-х гг. и воспринятые М. под влиянием контактов с И. Аксаковым, Ламанским, М. П. Погодыным и др. (см.: Муратов, с. 130—131) идеи панславизма звучат в ист. трудах М., а также в его драмах, посв. событиям истории и современности слав. народов: «Степан Малый» (ВТ, 1870, № 8) и «Пражский погром» (опубл. в книге М. «Славянские драмы», СПб., 1877, уничтоженной по распоряжению цензуры).]

Из-за ценз. затруднений отд. изданием ром. «Знамения времени» вышел только в 1900 («Знамения»). А. И. Богданович, найдя в нем отражение нек-рых народнических идей, к-рые формировались в описываемую эпоху, отмечал, что читатель 900-х гг. смотрит на героев «воскресшей книги» «с горькой усмешкой сына над промотавшимся отцом» (МБ, 1900, № 8, с. 6). Эта реп. вызвала резкую полемику. ст. Михайловского, отрицавшего связь с народничеством и в целом серьезное обществ. и худож. значение «Знамения времени», в т. ч. для 60-х гг. (РБ, 1900, № 9).

С сер. 70-х гг. осн. жанр творчества М. — ист. роман. Усилившийся с началом реформ 60-х гг. интерес к истории, в к-рой зачастую искали объяснения происходящих перемен (ср. мнение М.: «ист. роман не может не служить задачам современности» — ИВ, 1881, № 9, с. 649), в сочетании с традиц. повышением вниманием читателя к ист. беллетристике (с ее возможностями динамич. развития сюжета, внесения в повествование авантюрных и экзотич. элементов и т. п.) предопределили успех произв. М. в достаточно широких читательских кругах. За 30 лет он написал более 20 романов из укр. и рус. истории, преим. 17—18 вв., и более 10 романов из истории Др.

Египта, Рима, Иудеи, Кавказа (б. ч. первоначально печатались в периодике; далее указаны даты публ. романов отд. изданиями, все — СПб.). В числе последних — «Замурованная царица», «Царь без царства. Роман из истории последних дней царства Имеретинского» (оба 1891), «Богиня Изиды-сваха», «Говор камней» (оба 1895), «Прометеево потомство. Роман из истории последних дней независимости Абхазии», «Ирод», «Погибель Иерусалима» (все 1897) и др. Центр. тема романов, написанных на рус. и укр. материале, — история раскола. Драматич. эпизоды противоборства патриарха Никона с ревнителями «древнего благочестия» воссоздаются в ром. «Великий раскол» (1881) — с опорой на «Житие» протопопа Аввакума и др. источники; по оценке современника, М.-романист одним из первых «взял под свою защиту людей старой веры, взглянул на эту веру как на имеющую право законного существования и равноправную с прочими исповеданиями и представил этих людей ... как искренне стремящихся к истине и правде» (Глинский, 1905, с. 598; критик подчеркивал небезопасность для автора такого освещения раскола). М. обращается к реформаторской деятельности Петра I («Державный плотник», 1899, и др.), описывает коллизии борьбы самодержца и его сторонников-«реалистов» с защитниками старины, противостоящими его деспотизму («Идеалисты и реалисты», 1878, — первый ист. роман М.). Многие произв. посвящены переломным ист. эпохам или событиям (смуты, восстания, нашествия и войны): «Лжедмитрий», «Двенадцатый год» (оба 1879), «Мамаево побоище» (1881), «Сагайдачный» (1882) и др. Обрисовка ист. персонажей у М. порой страдает натяжками: так, С. Т. Разин изображается то как не лишенный мелодраматич. черт злодей, то как пылкий влюбленный и богобоязненный паломник (пов. «За чьи грехи?», 1891); домысливается эпизод благословения Разина Аввакумом («Великий раскол») и т. п. Вместе с тем в лучших произв. М. сумел отойти от штампов массовой ист. беллетристики. В его ром. ослабляется сюжетнообразующая роль вымышленных персонажей, акцент переносится на показ ист. движения — как результата сложного взаимодействия одновременно разрывающихся событий (отсюда — панорама повествования, включающего множество «равноправных» героев и переплетающихся сюжетных линий); изложение опирается на проверенные факты или логические выводы, не противоречащие «духу эпохи» допущения; М. пытается воссоздать стиль древних памятников (за счет обильного цитирова-

ния ист. документов, разл. способов комбинирования цитат, стилизации как авт. речи, так и речи героев в соответствии с принципами языкового поведения изображаемого времени), передать особенности мышления людей ушедших эпох (формульность, «этикетность» сознания средневекового человека, восприятие им событий современности как соответствий «архетипич.» событиям Священной истории и т. п.) (подробнее см.: Панов, Ранчин — в изд. 1990).

Критикой ист. романистика М. была оценена в осн. отрицательно (среди причин таких оценок — невыработанность критериев суждения об ист. романе как жанре, а также — идеологич. поляризация критики 1870—1900-х гг.). Не отказывая М. в таланте и «основат. знании истории», рецензенты укоряли М. в прямолинейности, с к-рой он воплощает в романах свои ист.-теоретич. постулаты (см. статью Ф. И. Булгакова «В защиту истории в ист. романе» — ИВ, 1881, № 12), отмечали (часто с несправедливой утрированностью) «крайнюю небрежность» М., вызванную его необычайной плодовитостью; писали об отсутствии «полит. или обществ. точки зрения» (Н. В. Шелгунов — «Дело», 1880, № 10) и «чувства худож. меры» (Н. К. Михайловский — ОЗ, 1878, № 10); находили у него «неудержимую болтливость, выходящую порою из всех пределов» (Скабичевский А. М., История новейшей рус. лит-ры, 1848—1892 г., СПб., 3-е изд., 1897, с. 234—50).

Тяжело пережив смерть жены и самоубийство (1885) приемного сына В. Н. Паскалова (см. о нем в ст. А. Н. Мордовцева), М. выходит в отставку (1886) по Мин-ву путей сообщения и поселяется в семье брата в Ростове-на-Дону. Сотрудничает в местной и столичной («Новости», «Рус. старина», «Ист. вест.») прессе, много путешествует по России и за границей, результатом чего явились живо написанные путевые очерки: кн. «Поездка к пирамидам», «Поездка в Иерусалим» (обе 1881), «Из прекрасного далека», «По Италии», «По Испании», «На Арабат» (все 1884). В 1895 М. был одним из организаторов тайного кружка «Земская лига» (или «Либеральная лига»), к-рый стремился добиться льгот для литераторов (М. в числе других подписал в 1895 обращение к императору о пересмотре узаконений о печати) и создать в Лондоне печатный орган «Свободное слово» (ГАРФ, ф. 102, ДЗ, 1895 г., д. 450, ф. 04, ОО, 1899 г., д. 50). В конце жизни выпустил мемуары «3 минувшего та пережитого» («Литературно-научовий вістник», т. 18, Львів, 1902), рассказывающие в т. ч. о встречах с Шевченко, знакомстве с Чернышевским и др. В

апр. 1905 на чествовании М. в связи с 50-летием его лит. деятельности было отмечено ее необычайное разнообразие: по подсчетам издателя, соч. М. могли составить 129 объемистых томов (см.: ИВ, 1905, № 6; ср. замечание мемуариста: его «лит. наследства ... хватило бы на известность и славу целой дюжины писателей» — Кауфман, с. 225). Накануне его чествования критика отметила, что по каталогам и отчетам провинц. библиотек и читален спрос на произведения М. «идет непрерывно и занимает одно из первенствующих мест» (Глинский, 1905, с. 579). Высказанные ранее сомнения в продолжительности успеха М. (см. ст. Ф. И. Булгакова — ИВ, 1881, № 12, с. 836) разрешились к тому времени, когда он заканчивал свой путь, в его пользу.

Др. произв.: пов. «Соловецкое сидение» (М., 1880); ром. «Царь и гетман» (М., 1880), «Господин Великий Новгород» (М., 1882), «Авантюристы» (СПб., 1886); ст. «Обличительная лит-ра в первых рус. ж-лах и стеснение гласности» (РСЛ., 1860, № 2, 3), «Об ист. значении Некрасова как поэта» («Древняя и новая Россия», 1878, т. 1).

Изд.: Собр. соч., т. 1—50, СПб., 1901—02; Полн. собр. ист. романов, повестей и рассказов, т. 1—33, СПб., 1914 (в т. 1 — критико-биогр. очерк П. В. Быкова); Полн. собр. соч., т. 1—12, П., 1915; Собр. соч., т. 1—14, М., 1995—96 (в т. 1 — вступ. ст. И. Панкеева); Соч. (вступ. ст. и комм. Ю. В. Лобсеева), т. 1—2, М., 1992; Знамения времени, М., 1957 (предисл. Г. Аржаной); Державный плотник. Роман и повести, М., 1990 (вступ. ст. и прим. Ю. Н. Сенчукова); За чьи грехи? Великий раскол, М., 1990 (вступ. ст. и комм. С. И. Панова и А. М. Ранчина); Гроза двенадцатого года, М., 1991 (сост., предисл. и комм. А. И. Саплина); Замурованная царица. Романы, М., 1991 (послел. А. М. Ранчина); Ирод, М., 1991; Москва слезам не верит. Ист. романы и повести, М., 1993 (вступ. ст. Ю. Сенчукова); Лжедмитрий. Романы, М., 1994 (послел. Ю. Сенчукова); Замечательные женщины на Руси: от княгини Ольги до наших времен, Калининград, 1994 (репринт. изд.); Твори, т. 1—2, К., 1958 (вступ. ст. В. Г. Бельсера).

Лит.: Салтыков-Шедрин (ук.); Глинский Б. Б. Лит. деятельность М. — ИВ, 1905, № 2; его же, Среди литераторов и ученых, СПб., 1914; Полферов Я. Я., Из вост. о М. — ИВ, 1906, № 2; Карасев А., Происхождение М. — ИВ, 1907, № 4; Юдин П., Мордовцевы в Саратове. — ИВ, 1907, № 3; Бобров Е., Мат-лы для биографии Е. А. Белова. — «Сб-ж Учено-лит. об-ва при имп. Юрьевском ун-те», т. 12, Юрьев, 1907, с. 60, 63—72; Кауфман А. Е., Д. Л. Мордовцев (Восп.). — ИВ, 1910, № 10; Добровольский Л. М., Запрещенная книга в России, М., 1962, с. 124—25, 177—78; Егоров Б. Ф., Роман 1860-х — нач. 1870-х гг. о «новых людях», Тарту, 1963, с. 31—35; Муратов А. Б., Роман М. «Знамения времени», — Уч. зап. Ленингр. ун-та, 1971, № 349, в. 74; Момот В. С., Д. Л. Мордовцев, Р.И.Д., 1978 (дата смерти М. — 26 июня); его же, Ж. М. в рус. трикс. — «Фил. науки», 1981, № 4; Костилева Р. Д., М. — историк нар. движений в России второй пол. 18 в. — В кн.: Проблемы истории СССР, в. 12, М., 1982; Марголис Ю. Д., Т. Г. Шевченко и М. — «Вестник ЛГУ», 1985, № 9 (История, язык, лит-ра. В. 2); Дашевский В. А., Жанрово-стилевое своеобразие романа М. «Великий раскол», — В кн.: Проблемы стиля и жанра в рус. лит-ре XIX — нач. XX в., Свердловск, 1989; Захаров И., Исследователи нар. движений. (Ист.-краевед. деятельность Н. И. Костомарова и М.). — В кн.: Годы и люди, в. 6,

Саратов, 1992: Layton S., *Imaging the Caucasian Hero: Tolstoy vs. Mordovcev*. — «Slavic and East European Journal», 1986, v. 30, № 1. — Некрологи, 1905: МБ, № 7: ЖАВ, № 8, ВЕ, № 6: «Слово», 14 июня (П. В. Быков); «Новости», 12 июня. Соколов С. Д., Саратовцы — писатели и ученые. Труды Саратов. ученой арх. комиссии, 1916, в. 33; Венгеров. Источ.; Боргал, ОЗ; Рус. писатели. 1990; КЛЭ; СНЭ; Травесский А., Введение. — В кн.: Мордовцев Д., Вельможная панна, СПб., 1903; Мельер; Муртова (1); СДР; Масанов; Дорошевич Г., Д. Мордовцев как литературна і громадська постать (1830—1905), «Україна», 1930, № 42 (библ. прозв. М. на укр. яз. и лит-ры о нем).

Архивы: РГАЛИ, ф. 320, РНБ, ф. 494, ф. 621, д. 565, л. 37 (письма А. Н. Пылину); ГА Одесской обл., ф. 146, ИЛ АН Украины, ф. 24; Чернигов. ГЛММ, № 2807—2832; Чернигов. ИМ, № 688, 702—704, 718; ИРЛИ, ф. 377; ф. 273, оп. 2, № 18 (автобиограф. копия с автоп. 1890-с(?) г.); в разных фондах — письма к 54 адресатам, 1858—1905 гг. [справка Е. М. Аксененко]; РГИА, ф. 229, оп. 10, д. 1983 (ф. с. 1886 г.), ф. 776 и 777 (многочисл. цит. дела, в т. ч. о наложении ареста на ром. «Жертвы общества недуга», СПб., 1866, переписка 1872 г. IV отд. собств. с. н.д. канцелярии о нежелательности использования книг М. в 6-ках уч. заведений). Н. Г. Ильинский.

МОРДОВЦЕВА Анна Никаноровна [урожд. Залетаева, в первом браке Паскалова; 8(20).10.1823, Саратов — 21.12.1885 (2.1.1886), там же; похоронена на Воскресенском кладб., фольклористка, поэтесса. Жена (во 2-м браке) Д. Л. Мордовцева. Родилась в семье саратов. чиновника (из духовного звания); пре-

док со стороны матери, урожд. Юнгер, — англичанин, обосновавшийся в России при Петре I. Получила основательное дом. образование, владела мн. языками (англ., франц., польским, чешским). В 16 лет выдана замуж за Н. В. Паскалова, крупного петерб. чиновника (занимал должность дир. Сенатской типографии), с к-рым уехала в Петербург. Здесь проявились разносторонние способности М. (к поэзии, музыке, рисованию и др.), к-рые принесли ей нек-рую известность, в т. ч. в столичных лит. кругах: поддерживает знакомство с И. С. Аксаковым, друзьями мужа (К. К. Данзасом, бр. Н. А. Милютиным и Д. А. Милютиным и др.).

Драматизм судьбы М. определили несложившаяся семейная жизнь («Муж все такой же, — грубый, жес-

токий./ Жизнь с ним — тюрьма...» — в кн.: Отзвуки жизни, с. 19) и глубокая любовь к Н. А. Милютину (впоследствии видному деятелю реформы 1861), пронесенная ею через всю жизнь. В 1848 отец увез ее с пятью детьми в Саратов, вскоре последовал офиц. развод. М. тяжело переживала вынужденный разрыв с петерб. друзьями, отчуждение саратов. об-ва, вызванное ее положением «разводки»; первое время полностью посвятила себя воспитанию детей.

В 1852 познакомилась с Н. И. Костомаровым, отбывавшим в Саратов ссылку по делу Кирилло-Мефодиевского братства. От природы живая и общительная, с увлечением бравшаяся за любое дело («заниматься она готова чем угодно и с одинаковым интересом», в т. ч. физикой, астрономией и т. д., — Костомаров, 1885, с. 25), М. скоро сблизилась с его друзьями — т. н. «саратовским кружком», объединившим представителей демократически настроенной гор. интеллигенции. В числе знакомых по кружку — Н. Г. Чернышевский, отношения с к-рым поддерживались М. и позднее. Под влиянием Костомарова М. обращается к занятиям этнографией (в русле фольклорно-этногр. движения в рус. провинции кон. 40-х — нач. 50-х гг., к-рое поощрялось 2-м отд. АН). В родовом имении матери (сельце Юнгеровке) она записывает фольклорные тексты, движимая идеей «собрать все, что поется народом в ... родной губернии» (предисл. к рукопис. «Сб-ку саратовских нар. песен», включившему более 350 былин, ист. и лирич. песен, — см. раздел Архивы; в этом же предисл. М. предлагает систему и методику записи мат-ла, его классификацию, описывает свои взаимоотношения с крестьянами). Частичное изд. собранных в 1852—53 текстов («Саратов. губ. вед.», 1854, 20 марта, 10 апр. — 18 сент.; переизд. И. И. Срезневским — «Изв. имп. АН по отделению рус. яз. и словесности», т. 3, СПб., 1854; Н. С. Тихонравовым — «Летописи рус. лит-ры и древности», т. 4, М., 1862) стало первой публ. песенного фольклора Саратовского края.

Песни из собрания М. позднее перепечатывались в составе фольк. сб-ков (см., напр.: Рус. нар. песни, М., 1937, с. 647—59). Худож. и науч. ценность ряда публ. снижает реал. правка Костомарова, опирающаяся на ранее изв. печатные источники (подробнее см.: Алексеева; Домановский).

С 1853 М. вновь в Петербурге, где оформляет дела по наследству (по-видимому, муж умер в том же году). В Публ. б-ке по заданию АН занимается описанием др.-рус. рукописей 11 в.: «Слов» Григория Назианзина (составила полный словарь рукописи) и «Изборника Святослава 1073 г.» (см.: «Изв. имп. АН по отделению рус. яз. и словесности», т. 3, СПб., 1854, стлб. 312; 1855, стлб. 357—58; 1856, стлб. 46). Возобновившееся знакомство с Мордовцевым (ранее он давал уроки детям М.; в Петербурге пользовался ее советами при работе над дипломным соч.) закончилось их браком (осень 1854). Приезд супругов в Саратов в 1855 совпал с началом т. н. «либеральной весны» местного об-ва. М. ввела Мордовцева в круг саратовских знакомых, активизировала и направляла деятельность мужа (М. была старше его на 7 лет), помогала в ред. работе в «Саратов. губ. вед.» и в науч. занятиях. Выступала с корреспонденциями в местной и столич. печати, отразившими ее обществ. устремления (см.: Аксененко).

Современники, отмечавшие эксцентричность и экзальтированность М., акцентировали в ее облике типические черты эмансипированной женщины 60-х гг.: «постриженная в кружало, одетая в какой-то халат, с громкою, ясной и твердою речью, со смелостью и разносторонностью движений, с лицом, резко очерченным крупными штрихами, она скорее напоминала мужчину...» (Григорьев; ср.: Юдин, с. 931—32). В неоконч. ром. Мордовцева «Профессор Ратниров» (1889) М. представлена в образе стриженной барыньки (Пасхиной), как «сатирическое перо» внушало трепет. М. (а также дочери и внучки) посвящена кн. Мордовцева «Русские женщины нового времени». Вместе с тем радикальные взгляды М. не отличались: вначале близкая к демокр. кругам и, по-видимому, в осн. разделявшая их установки, в нач. 60-х гг. она резко осуждает направление «Современника» и «Рус. слова», деятельность Чернышевского (ср. антиингилицист. пафос ее высказываний в письме И. Аксаккову — Алексеева, с. 330—31).

В полной мере реализовать свои способности М. не смогла из-за хронич. заболевания, к-рое преследовало ее до конца жизни. Ее отношения с Мордовцевым постепенно пришли к разладу и в нач. 70-х гг. фактически прекратились. Последующие годы М. провела в Саратове (с матерью и дочерью от 2-го брака Верой, оставшей вosp. о родителях, см.: Алексеева). Умерла от паралича.

На протяжении всей жизни М. писала стихи, пробовала себя в переводах (перевела в т. ч. «Книгу песен» Г. Гейне; по свидетельству Мордовцева, написанное ею составило бы «неск. объемных томов» — см.: Солодовниченко, Парунова, с. 56). Публ. единственного сб. «Отзвуки жизни» (Саратов, 1877) была связана с событиями сербо-тур. войны 1876—78 (в Сербии погиб сын М., участвовавший в войне в числе рус. добровольцев; кн. предполагалось продавать «в пользу осиротевших малюток-девочек Черногории»). В сб. включены опыты М. в разных жанрах (баллады, романсы, экспромты, эпитафии, «шутки», эпиграммы, «фотографии» и т. п.). Нек-рый интерес представляют подражания нар. поэзии, а также автобиогр. стихи дневникового характера, в к-рых под романтической риторикой угадываются характерные черты натуры М. («Хочу тревог, хочу страстей./ Хочу

я хоть мученья...» — «О, тяжело переживать», и др.).

М. оказала благотворное влияние на своих детей и внуков, в числе к-рых — изв. музыканты и драм. артисты. Первый сын — Викт. Никашир. Паскалов (1841—85), композитор, ценный М. П. Мусоргский и В. В. Стасовым, автор романсов «Под дунистою ветвью сирени» (слова В. В. Крестовского). «Дитятко, милость господня с тобой» (слова Н. П. Огарёва) и др., в т. ч. на тексты матери; покончил жизнь самоубийством (о нем и др. представителях рода Паскаловых см.: Назаревский, Белецкий; МЭ; ТЭ).

Лит.: Костомаров Н. И., Автобиогр. — РМ, 1885, № 6, с. 25, 27 (см. также: Автобиогр., М., 1922, с. 212, 215, 218, 380); Горизонтовы И. П., Восп. о М. — «Саратов. листок», 1886, 18 янв.; Юдин П., Мордовцевы в Саратове, — ИВ, 1907, № 3, с. 923—24, 931—38; Александрова В., Д. Л. Мордовцев. Спогади його доньки. — «Україна. Науковий журнал українознавства», 1930, кн. 39; Алексеева О. Б., Ист. песни в публ. Н. И. Костомарова и М. — В кн.: Рус. фольклор. Мат-лы и иссл., [т.] 6, М.—Л., 1961; Домановский Л. В., Собр. песен Саратов. губ. А. Н. Паскалова — там же, [т.] 7, М.—Л., 1962; Лазерсон Б., Собираемость нар. песен. — «Волга», 1969, № 9; Назаревский П., Белецкий И., Паскаловы. Странички муз. прошлого, Л., 1970, с. 3, 5—10, 33, 35 и др.; Солодовниченко Л. Я., Парунова О. Е., «Вы жили недаром...» — В кн.: Саратов. друзья Чернышевского, Саратов, 1985; Аксёненко Е. М., Эпизод из деятельности «саратов. кружка». — РЛ, 1989, № 1. + Некролог, 1886: Всеобщий календарь на 1887 г., СПб., с. 498; «Новь», № 6. Языков; Голицын; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Иванов; Масанов.

Архивы: Уч. архив Рус. Геогр. об-ва, ф. 36, оп. 1, № 57—58 (рукоп. «Сб. саратовских нар. песен», 1850-е гг.); АРАН СПб., ф. 216, оп. 3, № 1099 («Словарь к Изборнику 1073 г.», 1853; доведен до буквы «И»); ф. 35, оп. 1, № 992 (письма В. И. Ламанскому); РГА, ф. 809, оп. 1, д. 1020—21 (письма Н. А. Милютину); РГБ, ф. 86, № 79 (письма В. И. Григоровичу); ф. 169, к. 70, № 39 (письма Д. А. Милютину, 1869—74); ф. 298Л, к. 3, № 66 (письма Н. С. Тихонравову); РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1301 (письма И. И. Срезневскому, 1855—64); ф. 459, оп. 1, № 2779 (письма А. С. Суворину). Е. М. Аксёненко.

МОРОЗОВ Василий Степанович [1849, Ясная Поляна Тульской губ. — 22.4(5.5).1914, Тула], автор рассказов и восп. Из крестьян Л. Н. Толстого. С детства испытал лирство и нужду (2 лет лишился матери; отец женился на другой, вскоре стал горьким пьяницей). В 1859—63 М. — ученик Яснополянской школы; Толстой описал его под именем

Федьки в ст. «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862). В соавторстве с др. учеником, И. С. Макаровым, и Толстым М. был сочинен рассказ «Ложкой кормит, а стеблем глаз колет» («Ясная Поляна», 1862, кн. 4), к-рый Толстой считал образцом рус. нар. языка, с вызовом сравнивая Федьку и Гёте: «Крестянский, полуграмотный мальчик вдруг проявляет такую сознательную силу художника, какой... не может достиг Гёте» (Толстой, VIII, 308). В «Ясной Поляне» (1862) появляются и самостоят. рассказы М. из крест. быта: «Крестяны», «Похороны» (оба — кн. 5), «Как меня не взяли в Тулу» (кн. 11; др. редакция этого рассказа — в ст. Толстого «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы»). В рассказе «Солдаткино житье» (там же, кн. 9) Толстой отмечал такие подробности, «перед к-рыми невольно приходишь в недоумение и, вспоминая, что это писал 11-летний мальчик, спрашиваешь себя — неужели это нечаянно?» (VIII, 314).

Летом 1862 М. сопровождал Толстого на кумыс в Самар. губ. После женитьбы Толстого и закрытия Яснополянской школы М. нанялся к нему работником, но вскоре переехал в Тулу. Голодал, ночевал где попало, слыл одно время «пропавшим человеком», был близок к самоубийству. По его словам, светлые восп. о школьных годах помогли ему подняться. Занимался извозом, женился, оброс большой семьей. Перенес тяжелую продолжит. болезнь. Часто («почитай, каждую неделю») виделся с Толстым, иногда беседовал с ним. Последние годы жизни страдал болезнью глаз, бросил извоз, жил в Телятинках у В. Г. Черткова, потом служил у него управляющим хутора Хмелевое. Скончался от воспаления легких в Тульской гор. б-це.

Предваряя публ. рассказа М. «За одно слово» (ВЕ, 1908, № 9; отд. изд. — Berlin, 1908), Толстой писал: «... выхвачен кусочек... рус. жизни с ее грустными, мрачными и дорогими, задушевными чертами» (ВЕ, с. 64). Особый интерес представляют мемуары М.: «Из исповеди» («О Толстом. Междунар. толстовский альм.», М., 1909) и «Восп. о Л. Н. Толстом ученика Яснополянской школы» (М., 1917; сокр. вариант первоначально опублик.: РСЛ, 1912, 2 нояб.; предисл. А. Панкратова). В предисл. к последней книге И. И. Горбунов-Посадов отмечает «простосердечность» автора (с. 7). А. П. Сергеевко считает восп. М. «истинно-худож. произв.», достойным стать «наряду с лучшими произв. рус. лит-ры» (с. 14). Помимо худож. ценности восп. М. отличает убедительность передачи речи Толстого и его собе-

седников, самой атмосферы дружеского общения крест. детей с «грахом», достоверность мн. эпизодов, схваченных живо, с юмором. Вспоминая о революционно настроенных молодых людях, к-рых М. возил к Толстому («которые социальные или которые читают его книги и чего-нибудь доискиваются...»), М. подчеркивает собств. позицию: «Я не причастен к смуте, к той или другой стороне» («Из исповеди», с. 151). Несмотря на близость к Толстому, по свидетельству Панкратова, до конца жизни сохранил верность правосл. церкви.

Изд.: Восп. яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом, Тула, 1960; Толстой в восп.

Лит.: Толстой (ук.); Панкратов А. С., У великих могил, М., 1914, с. 54—74 (здесь же опублик. вариант восп. М.); Толстой-редактор, М., 1965, с. 303—20; Невзв. Толстой в архивах России и США, М., 1994, с. 171—74; ЛН, т. 90 (ук.). + Некролог: РСЛ, 1914, № 94 (А. Панкратов). Муратова (1; ук.).

Архивы: РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, № 3694 (письма к А. К. Черткову); Языков; ГМТ, фонд Л. Н. Толстого, № 60258—60260 (неопубл. восп. М., письма), № 67548 (рассказ).

С. М. Гучков.

МОРОЗОВ Иван Игнатьевич [13(25).11.1883, с. Луховицы Зарайского у. Рязан. губ. — 26.2.1942, Москва; похоронен на Пятницком кладб.], поэт. Шестой ребенок в крест. семье; в раннем детстве потерял отца, Игната Сем.; мать, Праск. Сер., — женщина грамотная и набожная. В 1891 М. поступил в сел. школу, после окончания к-рой был рекомендован на казенный кошт в Рязан. учительскую сем. Однако мать, опасаясь, что сын станет «безбожником», воспротивилась этому, и М. устроился в волостное правление пом. писаря. В этот период много читал, пробовал писать стихи. В 1901 женился на Марии Троф. Пичининой (имел трех дочерей). В 1901 познакомился с поэтом В. К. Вязневым, к-рый ободрял его и помогал советами; М. посвятил ему в 1904 очерк «Поэт-самоучка» («Рязан. листок», 15 янв.).

Самая ранняя публ. — стих. «Весенняя песня» («Рязан. листок», 1903, 17 апр.), хотя сам М. в автобиографии 1925, 1929 и др. док-тах указывал дату своей первой публ. в провинц. прессе — нояб. 1902. Однако названное им стих. «Где вы, дни моей молодой весны...» на самом деле опублик. в «Рязан. листке» 29 апр. 1904. В 1903 в лит. сб. «Памяти Н. А. Некрасова» (М.; сер. 1, в. 2) были напечатаны три его стих.; тогда же М. переехал в Москву, где стал одним из чл.-учредителей Суриков. лит.-муз. кружка. Работал сначала на Рязанско-Уральской, затем — на Николаев. ж. д. В 1905 призван на воен. службу; из-за доноса на него (ошибочно был принят за Н. А. Морозова) в полк был отправлен под конвоем, нек-рое время со-

стоял под надзором, подвергался обыскам; служил на Д. Востоке. В дек. 1908 вернулся в с. Луховицы, крестьянствовал, служил писарем в волостном суде. Продолжал писать стихи; С. Д. Дрожжин советовал ему в письме от 10 апр. 1910: «У Вас есть талант, сохраните его и развивайте... чтением лучших образцов поэзии и самообразованием» (ИМЛИ, ф. 48, оп. 1, № 24). В 1910 переехал с семьей в Москву, снова определившись на Николаев. ж. д.; стал секретарем и чл. правления Суриков. кружка. По восп. мемуариста, «вопреки другим писателям-суриковцам, любившим ридиться „под мужика“ — в сермяжную чуйку, нагольную шубу или в поношенный пиджак и косоворотку рабочего», М. всегда одевался хорошо, хотя и скромно — носил костюм, рубашку с галстуком, шляпу [Е. Шаров — «Путь к коммунизму», Луховицы (Моск. обл.), 1960, 12 марта].

Печатал стихи в сб. «Старый дуб» (М., 1910), «Живые звуки» (сб. 1—2, Каменск-Подольск, 1908—11), «Надсжда» (кн. 1, М., 1912), «Пробуждение» (кн. 2, В., 1913; кн. 4, Вязники, 1915), в ж. «Светлый луч», «Стегн», «Родина», «Жизнь для всех», «Весь мир», «Нар. мысль», «Жизнь», «Нар. журнал», «Духовный христиан», «Тверской кооператор» и др.; в газ. «Рус. слово», «Св. утро», «Доля бедняка» и др.

В 1911 опубл. очерки «Из восп. о Л. Н. Толстом» («Св. утро», 13 июля; в нем рассказывается о переписке крестьянина Сафронова и Н. Н. Гусева, секр. Толстого) и «Паломничество на могилу Л. Н. Толстого» (там же, 31 авг.). Участвовал в лит. кружках «Родник» (1911) и «Огни» (1912—13); в 1912—13 в качестве редактора принимал участие в издании ж. «Огни», пятый номер к-рого был уничтожен по приговору Моск. суд. палаты от 5 нояб. 1913 за публикацию статей, пропагандировавших рев. идеи (ЦИАМ, ф. 31, оп. 3, № 1737). Из-за понесенных убытков издание ж-ла было прекращено (там же, ф. 63, оп. 33, л. 13). По совету друзей в 1911 М. отправил на Капри М. Горькому тетрадь своих стих., писал ему о своих лит. пристрастиях: «Я — поклонник классической поэзии Пушкинской школы, враг декадентства и модернизма» (М. Горький. Мат-лы и иссл., [в. 1], Л., 1934, с. 293). В ответном письме Горький давал советы относительно формы стихов, грамматики, расширения кругозора, в окт. 1912 ободрял: «Дело идет вперед. Хороши стихи о „мольбах“ и „колокольчиках“, а ваши „орлы“ — хуже „летухов“» («Гудок», 1928, 29 марта). В дальнейшем Горький ориентировал М. в издат. мире, помогал рекомендациями, написал предисл. к первому сб-ку стихов М. «Разрыв-трава», в к-ром привел знач. фрагменты из автобиографии М. и к-рое завершал словами о том, что М. идет к «великой ... цели с прекрасной песней» (Горький, XXIV,

167). Их личные встречи состоялись в Москве в кон. 1916, в мае 1917, в февр. 1921 (см. восп. М. о Горьком — «Гудок», 1928, 29 марта).

Кн. «Разрыв-трава» была принята петерб. изд-вом «Прометей» и к 1915 отпечатана, но задержана в изд-ве по ценз. соображениям изд-ва предисл. Горького. В 1917 она вышла в изд-ве «Жизнь и знание» (П.) [об истории публ. см. восп. М. о Горьком (рукоп. от 28 июня 1931) — РГАЛИ, ф. 140, оп. 1, № 108; письма М. к В. Д. Бонч-Бруевичу от 4 сент. 1915 и 28 янв. 1918. — РГБ, ф. 369, № 303]. Положит. рец.: А. Доброхотов — «Волгарь», 1915, 5 марта (на рукоп. книги). Н. Рогожин: «чужо змисли — красоту природы в се многообразных формах и проявлениях подглядед, подслушал поэт, запечатлел в своей душе...» («Певец природы. Поэт-самоучка М.» — «Тверской кооператор», 1918, № 11, с. 12).

Вторая книга — «Красный звон» (М., 1916) с предисл. Дрожжина, в к-ром отмечалось «самобытное дарование» автора, искренность его «бесхитростных песен», и с открываю-

щим книгу стих. А. А. Коринфского, посв. М., увидела свет раньше первой.

Книгу заметили рецензенты мн. провинц. изданий, и хотя М. упрекали в старомодной технике стиха, иск-рой хрестоматийности образов (М. Богданович — «Голос», Я., 1916, 20 авг.; К. Вехтин — «Тулская молва», 1916, 23 авг.), общий тон был доброжелательным — отмечали истинность и нежность чувств, особенно в картинах природы, свежесте сравнений, нар. колорит, близость к фольклору (балладам, песням, сказаниям) (А. Умский — «Нижегород. листок», 1916, 11 июля; Д. Родин — «Св. утро», 1916, 29 июля; З. Зембинская — «Оренбург. жизнь», 1916, 21 июля; А. Елсский — «Трудовая копеечка», 1916, 30 нояб.; С-ий — «Ростов. речь», Р.ИД., 1916, 11 июля); В. Г. Короленко писал ему: «У Вас деревенская природа рисуется мыльными и свежими чертами, по Ваш „казак“ поэт очень шаблонную песню, как и „хулиси“» (Короленко В. Г. Избр. письма, т. 3, М., 1936, с. 253—54 — письмо от 30 нояб. 1916; см. также письмо от 17 дек. 1916 — ЛГ, 1956, 25 дек.).

В 1919 в Твери вышла кн. «Земля родная. (Думы и песни)» с предисл. М. Неведомского, ему же принадлежит и доброжелат. отзыв в ж. «Тверской кооператор» (1919, № 29; подп. М. Н.), отметивший «тихую музыку» и «задушевность стихов» М (с. 6).

Как у большинства поэтов из народа в стихах М. звучат жалобы на

долю бедняка, на злую судьбу и тяжкий труд, боль за судьбу свою и своего народа. Однако главная тональность скорее радостна и жизнелюбива, особенно в пейзажной и песенной лирике, источник радости — сама поэзия, к-рая буквально «околовала», «обворожила» М., «пробудила струны сердца, радость светлую дала» (стих. «Поэзия» в кн. «Разрыв-трава»). Деревня, крест. труд — также неизменная тема стихов («На родине», «Пахарь», «Сеятель», «Жница»), приверженность фольклорной традиции особенно проявилась в балладных по строю произв. («Разрыв-трава», «Егорий», «Пантелей-целитель»), в сказках («Волшебный перстень»). Особое место в творчестве М. занимает диптих «Русь» («Даль родная, даль дремучая...» и «По тебе моя истома...»), написанный в 1914—15 и пользовавшийся особым успехом на лит. вечерах Суриков. кружка (опубл. в кн. «Красный звон»). Нек-рые стих. М. стали нар. песнями: «Лен» («Ах ты, лен, ты, мой батюшка седенький...»), «Расплещается волнистая коса...», «Не скрипи, родная пряхка...», «Пой, ирай, моя гармошка...» и др. (объединены в кн. «Разрыв-трава. Песенник», М. — П., 1923).

В 1926 выпустил кн. «Поля цветущие» и «Зрею, ячмень!» (обе — М.—Л.). В стих. этого периода появились темы «обновленного» крест. труда, «смычки» города и деревни, единения крестьян и рабочих («Смычка», «Провода», «Шумный город тихим селам...» и др.), однако и в этих книгах он остается по преимуществу поэтом лирич. настроения, созерцателем родной природы.

М. написал биогр. очерки-предисл. к книгам Е. К. Кузьмичева (1917), М. В. Праскунина (1918), Дрожжина (1923), И. А. Белоусова (1924). В 20-е гг. печатал много стихов в разл. ж-лах и сб-ках. Входил в ВОКП, МАПП (в 30-е гг. был секр. Сокольнич. отд.). В 30-е гг. почти не печатался. Участие в лит. и обществ. начинаниях, человеческие качества обусловили сближение М. со мн. литераторами. Он был знаком и дружен с С. П. Подъячевым, С. Г. Скитальцем, А. С. Новиковым-Прибоем, Н. Д. Телешовым, В. А. Гиляровским, Ф. С. Шкулёвым, П. В. Орешиным, А. В. Ширяевым, С. А. Есениным, М. Л. Леоновым, Е. Е. Нецаевым, Н. К. Де-Лазари, С. И. Гусевым-Оренбургским, П. А. Стариным, И. А. Назаровым и мн. др. М. собирал мат-лы о писателях из народа (не опубл.). В альбоме М. сделали записи Горький, И. А. Бунин, И. С. Шмелёв, Б. Пильняк, А. С. Серафимович, Д. М. Ратгауз и мн. др. (ИМЛИ).

Др. произв.: «Тоже „поэт“» [о крест. поэте М. Колягине] («Рязан.

листок», 1904, 19 февр.), «Кое-что о Сурикове» («Доля бедняка», 1910, 22 апр.), «Письмо в редакцию» («Раннее утро», 1911, 10 июня), «Из моих восп.» («Сев. утро», 1912, 31 окт.).

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Сб. пролетар. писателей. П., 1918; Черномоз, в. 2. М., 1919; Сто стихотворений. Тверь, 1923; Среды. Тверь, 1923; Совр. рабоче-крест. поэты... Иваново-Вознесенск, 1925 (сост. П. Я. Заволокин); Ежов И. С., Шамурин Е. И., Рус. поэзия XX в. Антология рус. лирики от символизма до наших дней, [М.], 1925 (репринт под назв. «Антология рус. лирики первой четверти XX в.» — [М.], 1991); Книга для чтения по истории новейшей рус. лит-ры, ч. 11. — Рабоче-крест. творчество за 30 лет, 2-е изд., Л., 1925; Антология крест. лит-ры послеокт. эпохи, М.—Л., 1931; И. З. Суриков и поэты-суриковцы, М.—Л., 1966 (БПБ, 2-е изд.); Поэзия XIX — нач. XX в., М., 1984; Всегда в строю, М., 1987; Серебряный век рус. поэзии, М., 1993; Земляки, [Луховицы (Моск. обл.)], 1993.

Лит.: Леонов М., Юбилей нар. поэта. — «Сев. утро», 1912, 11 нояб.; [6. ч.]. Юбилей М. — там же. 1912, 20 нояб.; Васильев В. В. (Ясан), Рус. самородки, т. 1, Ревель, 1916, с. IX, 201—09; Торов М., Поэты из народа. — «Вост. житни», 1918, № 1; Белоусов И. (А.), Поэты из народа. — «Объединение», 1918, № 23; Белоусов (2); Львов-Рогачевский В. (Л.), Поэзия новой России. Поэты полей и гор. окраин, М., [1919]; Новейшая рус. лит-ра. Иваново-Вознесенск, 1927; Шаров Е., Четыре встречи. — «Дон», 1971, № 1; Вост. о Н. Н. Ляшко, М., 1979; Есенин С. А., [О пролет. писателях]. — Собр. соч., т. 5. М., 1979; Романов В. И., Рус. певец природы. — «По ленинскому пути», Луховицы (Моск. обл.), 1983, 11 окт.; сго же, «В моей душе живет свобода...». — «Лит. Россия», 1984, № 6; Лысенко С., Певец родного края. — «Ленинское знамя», М., 1983, 1 дек.; сго же, Талант, отданный народу. — «По ленинскому пути», 1983, 24 нояб.; Валентинов В., Юбилей поэта-земляка. — там же, 1983, 3 дек. + Венгеров, Список: Владиславлев: Владиславлев И. В., Лит-ра великого десятилетия. (1917—1927), т. 1, М.—Л., 1928; Львов-Рогачевский В. Л., Мандельштам Р. С., Рабоче-крест. писатели. Библи. ук., М.—Л., 1926; ЛЭ: КЛЭ: Муратова (2), Алым. и сб-ки (1, 2); Тарасенков.

Архивы: ИМЛИ, ф. 48, ф. 26, оп. 2 (стихи М.); Архив М. Горького, КГ — шиб, 40, 26/2 и др. (переписка с Горьким); РГАЛИ, ф. 44, № 158 (письмо И. А. Бунину); ф. 66, оп. 1, № 802 (письмо И. А. Белоусову, 1911—1929); ф. 176, оп. 1, № 67, 173, 275, 372, 374, 407, 421 (автобиограф.); стихи: письма С. Д. Дрожжину, 1915—30; статья Дрожжина о М., 1916, и др.); ф. 257, оп. 1, № 5 (письма А. А. Корнилкому, 1915—18); ф. 317, оп. 1, № 254 (письмо И. Ф. Масанову); ф. 341, оп. 1, № 279, 588, 858 (автобиограф., стихи, письмо к Е. Ф. Никитиной); ф. 374, оп. 1, № 171, 294 (письма С. П. Подьячеву), 497 (стихи); ф. 1068, оп. 1, № 103 (письма П. Я. Заволокину, 1919—23; автобиограф.; стихи), № 181 (биограф. очерк А. В. Шапранова); ф. 1346, оп. 1, № 271 (стихи, автобиограф.); ф. 1747, оп. 1, № 262 (письма С. Д. Фоминой); ф. 1740, оп. 1, № 180 (письма к Н. Н. Ляшко, 1912—15); РГБ, ф. 135, раздел П. н. 30, № 15 (машиннопись неопубл. кн. стихов М. «Подсолнушек», 1925); ИРЛИ, ф. 377; ф. 649, оп. 3, № 68 (письма Ф. Ф. Фидлеру); ф. 155 и ф. 540 (прошения о материальной помощи в 1911, 1912, 1913, 1915, трижды — в 1916).

С. В. Лысенко, О. Е. Глинкина.

МОРОЗОВ Михаил Абрамович [псевд. М. Юрьев; 7(19).8.*1870, Москва — 12(25).1903, там же], автор ист. соч., прозаик и худож. критик-дилетант; промышленник-меленат, коллекционер. Из «тверской» ветви изв. купеческого старообрядч. рода.

В 1844 представители торгово-пром. династии Морозовых получили потомств. почетное

гражданство. Отец М. — А. А. Морозов, прижитый при жизни сановник; умер в 1882 от тяжелой психич. болезни. Мать, урожд. В. А. Хлудова, из купеч. семьи текстильных фабрикантов, известна как благотворительница. Овдовев, стала гражд. женой экономиста и журналиста В. М. Соболевского, участвовала в изд. газ. «Рус. ведомости»; послужила прототипом героини (А. С. Станциной) ром. П. Д. Боборыкина «Китай-город».

В 1882—88 М. обучался в 3-й моск. г-зии («классической»), выбор к-рой отражал характерные тенденции в купеч. среде 1870—80-х гг. — стремление давать детям систематич. образование, зачастую с «классич.», а не «реальным» уклоном. Одновременно брал уроки живописи у художника и педагога Н. А. Мартынова, затем у К. А. Коровина. В 1888—93 — на ист.-фил. ф-те Моск. ун-та, по окончании поступил на естеств. отд. физ.-матем. ф-та того же ун-та, отчислен по прошению в 1895 (сту-

денч. дело — ЦИАМ; Морозова, с. 101). Коммерцией М. интересовался мало, управлением семейной фирмой — Т-вом Тверской мануфактуры бумажных изделий — занимался в осн. его брат Ив. Абр. Морозов и мать; сам М., по словам современника, «горел только искусством» (Р (а к ш а н) и н, 1903).

В Москве М. — «ситцевый ... король» (Переплетчиков, с. 54) — знали как увлекающегося, даже взысканного, азартного человека (широко известным стал его миллионный карточный проигрыш, сделанный в одну ночь в Англи клубе), гастронома и хлебосольного хозяина. Разнообразна была его обществ. и благотворит. деятельность: почетный г-р. почетный член бедных и Рогожского 4-го начального муж. уч-ща, дир. Николаевского принкта, чл. Совета больницы им. Александра III. Принимал участие в деятельности и финансировании ин. культурных и просветит. об-в. Капачей Моск. консерватории, староста Успенского собора в Кремле (частично финансировал реставрац. работы) и т. д. Пожертвовал значит. сумму на создание при Моск. ун-те Ин-та для лечения страдающих опухолями. Взял на себя расходы по устройству греч. зала Музея изящных иск-в (чем, по восп. И. В. Цветаева, вызвал неудовольствие самого двоюродного брата Саввы Т. Морозова, ранее отказавшего в этом пожертвовании, см.: Из архива Гос. музея изобразит. иск-в, т. 2,

с. 41). В течение ряда лет (с 1893) служил по ведомству учреждений имп. Марии (коллж. ас.).

По отзыву С. П. Дитчизова, М. «чрезвычайно характерной фигурой, во всем его облике было что-то своеобразное и вместе с тем неотделимое от Москвы, он был очень яркой частью ее быта, чуть-чуть экстравагантной, стихийной, но выразительной и заметной» («Мир иск-ва», 1903, № 9, с. 141). Наиб. известность он приобрел как страстный любитель живописи и коллекционер. С 1893 в доме М. постоянно собирались художники, в т. ч. Коровин, А. М. Васнецов, В. В. Переплетчиков, И. С. Остроухов, М. А. Врубель, В. И. Суриков, В. А. Серов. С последним М. поддерживал тесные друж. отношения: в 1902 Серов написал портрет М. — один из самых психологически емких в серовском творчестве (ныне в Гос. Третьяковской галерее); писал и др. членов его семьи. Как коллекционер М. отличало «тонкое чутье» (Дитчизов, с. П., там же), позволившее составить значит. собрание картин совр. ему рус. и зап.-европ. художников (см.: От Моне до Пикассо. Морозов и Щукин — рус. коллекционеры, М.—СПб.—Кёльн, 1993), в т. ч. импрессионистов, а также П. Гогена, В. Ван Гога, П. Боннара (творчество к-рых М. оценил первым из рус. коллекционеров). В нач. 1900-х гг. в его собрании — 83 картины, 10 скульптур, свыше 60 икон. В 1910 картина М. передала в дар Третьяковской галерее значит. часть коллекции (ныне — в Гос. Третьяковской галерее, Гос. музей изобразит. иск-в и Гос. Эрмитаж). После смерти М. традицию собирательства худож. произв. продолжил его брат, И. А. Морозов, в чей коллекцию также с достаточной полнотой были представлены имп. рус. художники, импрессионисты и постимпрессионисты.

В числе увлечений М. ранних лет — наука и лит-ра, на поприсе к-рых он выступал довольно интенсивно, хотя и в течение короткого времени (все публ. ограничены 1894—1895 гг.). Ему принадлежат ист.-компилятивные кн. (в основе их — студент. работы М.), трактующие нек-рые проблемы европ. Средневековья и Возрождения: неоконч. «Этюд» «Карл Пятый и его время» (ч. 1, М., 1894) и кн. «Спорные вопросы западноевропейской исторической науки» (М., 1894; вошли в т. ч. статьи о Марии Стюарт, о спорах вокруг биографии полководца А. Валленштейна).

Написанные по-ионически горячо, сбивчиво и многократно, эти работы опирались на обр. на соч. зап.-европ. ученых (временами превращались в поток логически не связанных комм. к их высказываниям). Целью М. было доказать пристрастность и некомпетентность зап.-европ. ист. науки; объективно, по его мнению, писать о европ. истории могут только рус. ученые, к-рых она кровно не касается. Кн. М. демонстрировали значит. начитанность автора в совр. ист. лит-ре при довольно своеобразном подходе к изучению, содержащему признание в «детскости и незрелости» рассуждений и — одновременно — мысли об «импрессионистич.» относительности всякого ист. знания, к-рая исключает необходимость окончат. ответов («правда, для истории вовсе не так важно, убил ли Мария Стюарт своего мужа или нет» — «Спорные вопросы...», с. 79; ср.: «Карл Пятый...», с. 11, 113).

Тяготение к свободной форме подачи мат-ла привело к тому, что повествоват. фрагменты книг не лишены почти живописной выразительности (напр., описание двора Маргариты Австрийской — «Карл Пятый...», с. 99), тонули в полемике, а вольное следование за возникающими прихотливыми ассоциациями насыщало текст самыми неожиданными мыслями и рассуждениями (о наследственности, индивидуализме,

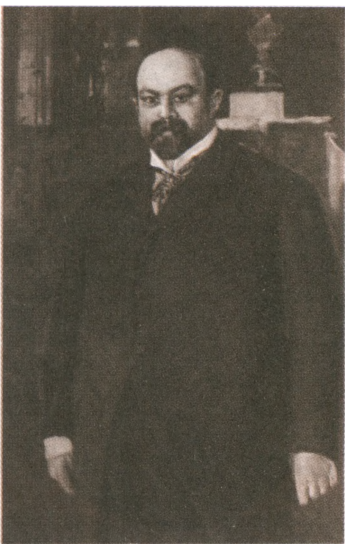
прогрессе и пр.), зачастую парадоксальными и рискованными с т. з. устоявшихся мнений. М. мог неожиданно вспомнить Боборыкина, неслестно отозваться о Н. К. Михайловском, сравнить всех совр. лит. критиков с «червями, к-рые съедают мясо» лит-ры, оставляя лишь «скелет», или мимоходом отметить превосходство слога О. И. Сенковского над звереным, «тягучим, паточным» языком В. Г. Белинского (там же, с. 145, 65).

Откликами на публ. М. стали огромные фельетоны А. П. Лукина («Колепкорская литература» и «Еще о колепкорской литературе» — «Новости и бирж. газ.», 1894, 21 и 28 мая). Опираясь на выражения «суждения с кондачка», «бесстыдство кафешиганного эквилибриста» и т. п., рецензент приходит к выводу: «В его вторжении в литературу выразилось торжественное триумфальное шествие чумазого» (ср. реплики в ром. М. «В потемках»: «Показал он этому купчихе, как лезть в литературу! — Почему же нельзя купцу быть литератором?... — Чумазому-то?», с. 100). Отрицательно, хотя и сдержанно по тону отзывался ж. «Наблюдатель» (1894, № 6; б. п.), особо отметивший отсутствие в кн. свежих идей и «разухабистого-диктаторский» слог автора (отд. 2, с. 24).

Отрывочная, субъективно-ассоциативная манера письма М. оказалась более органичной в его опыте «путевых заметок» — кн. «Мои письма...» (М., 1895), вобравшей впечатления от путешествия по Германии, Франции, Италии и Египту. Традиц. по тематике (описания природы, культурных и экзотич. достопримечательностей, зачастую в контрасте с картинами буднично-крикливой жизни посещаемых городов), кн. любопытна образом автора — образованного, «европеизированного» рус. туриста, чей взгляд порой отличается тонкостью и нешаблонностью восприятия (М. передает свой мистич. страх при виде статуй-колоссов в Луксоре, не скрывает разочарования от пирамид, к-рые «удивительно похожи на гигантские стоги сена», и т. д. — с. 99, 123). Отд. часть составляют «моск. письма» — наблюдения над худож. жизнью Москвы, разбор выставки, размышления о буржуазии и ее месте в культурном будущем России, внешне перебивающиеся сюжетно-автобиограф. новеллистич. зарисовкой (с. 220—32), и др. Частично в кн. перепечатаны худож. рец. М., появившиеся в 1894—1895 в газ. «Новости дня»: «XXII передвижная выставка картин» (1894, 28 апр.), «XIV периодическая выставка картин» (1895, 9 и 20 янв.) и др.; будучи субъективными размышлениями «критика-озорника» (Переплетчиков, с. 55), эти отклики отличались независимостью и безапелляционностью суждений, б. ч. критич. и даже разносных (в т. ч. по отношению к знакомым — Серову, Коровину).

Содержащиеся в предисл. к «Моим письмам...» (с. 3) негустые и перепесящие в биогр. источ. (некролог — ИВ, 1903, № 12, с. 1148; Машлов) указания автора о публ. его «писем» в «Сев. вест.», по-видимому, ошибочны; тексты его под псевд. или паст. фам. в ж-ле не обнаружены.

В романе «В потемках» (М., 1895), насыщенном автобиограф. реалиями, М. живо, с заметной оглядкой на «Китай-город» Боборыкина, рисует купеч. нравы кон. 19 в., с особенным увлечением описывая сцены разгулов и «безобразий», обольщений, адультеров и т. п. Вместе с тем ром. не лишен нек-рой моралистич. подоплеки: ищущий «правильной» жизни герой — двойник автора последовательно разочаровывается в любви, науч. и издат. деятельности, теории «малых дел», религиозности и благотворительности, видит во всем цинизм и лицемерие, отсутствие «умственного и душевного света» (с. 142) и, наконец, приходит к выводу о необходимости соответствовать своей социальной «нише» (истинное занятие купца — коммерция, а смысл

М. А. Морозов. Худ. В. А. Серов. 1902. Фрагмент.

жизни — в делании денег). По предстанию мин. внутр. дел И. Н. Дурново ром., рисующий «ряд самых пошлых и исполненных возмутительного цинизма сцен» (Добровольский и Л. М., Запрещенная книга в России, М., 1962, с. 200), подвергся ценз. запрету, б. ч. тиража была уничтожена.

По широко распространенному в Москве слуху, неоднократно подтвержденному в мемуарных источниках, с М. списан гл. герой пьесы А. И. Сумбатова-Южина «Джентльмен», в сюжетных линиях к-рой частично предугаданы и перипетии его семейной жизни. Драматург, оспаривая этот слух («Кн. А. И. Сумбатов о «Джентльмене»» — РСЛ, 1914, 14 февр., с. 6), имел нек-рые основания: прототипом в большей степени послужил не реальный М., а «образ» автора, реконструированный по его ист. публикациям и ром. «В потемках» (об истинном авторе Сумбатов-Южин узнал позднее, см.: Айхенвальд). Герой пьесы, воспроизводящий определенные взгляды и черты бытового поведения М. (несуменный взыскчивый нрав, семейный деспотизм, неоднородность разными «нововведениями» для рабочих), проповедует идеи, не всегда совпада-

щие с его воззрениями (напр., о молодом поколении купеч. сословия как единств. жизнеспособной в культурном смысле силе; ср. «Мои письма...», с. 238—42).

В последние годы жизни М. собирал мат-лы по истории кремлевского Успенского собора, начал писать работу о нем, оставшуюся незавершенной. Не отличавшийся крепким здоровьем (в детстве перенес скарлатину, давшую тяжелые осложнения) и воздержанностью в быту, умер от болезни почек.

С 1891 М. был женат на Маргарите Кирилловне, урожд. Мамонтовой (1873 — 1958), к-рая после его смерти, унаследовав капитал, сделала известна как покровительница Моск. религ.-филос. об-щ-ва памяти Вл. С. Соловьева и владелица изд-ва «Путь»; оказывала финансовую помощь также Моск. Психологич. об-ву, ж. «Моск. еженедельник» и др. Один из их сыновей (в возрасте пяти лет изображенный на картине Серова «Мика Морозов») — Мих. Мих. Морозов (1897—1952), литературовед, театровед, переводчик, один из видных сов. шекспироведов.

Лит.: Р (а к ш а н) и Н., Из Нижнего. Очерки и снимки. — «Новости и бирж. газ.», 1897, 2 февр.; его же. Из обыденной жизни. — МЛ, 1903, 14 окт.: Муратов П., Новый дар Третьяковской галереи. — «Моск. еженедельник», 1910, № 13; Волкова А. И., Восп., дневник и статьи. И. Новгород, 1913 (ук.); Мамонтов С., Серов-портретист. — РСЛ, 1914, 12 февр.; Терпигорев Б. И. А. Морозов. — «Среди коллекционеров», 1921, № 10, с. 38—39; Из росписи личных расходов фабриканта М. — КА, 1937, № 4 (83), с. 225—27 (публ. Н. Журавлева); В. А. Серов в восп., дневниках и переписке совр., т. 1—2, М., 1971 (ук.); Переплетчиков В., Из дневника ... М. А. Морозов. — «Художник», 1976, № 12, с. 54—55; Из архива Гос. музея изобразит. иск-в. История создания музея в переписке проф. И. В. Цветаева с архитектором Р. И. Клейном и др. док-тах (1896—1912), т. 1—2, М., 1977 (ук.); Лентяева В. А., Портретная живопись В. А. Серова 1900-х гг. Осн. проблемы, Л., 1980, с. 41—72; В. Серов в переписке, док-тах и интервью, т. 1—2, Л., 1985 (ук.); Айхенвальд Ю. А., А. И. Сумбатов-Южин, М., 1987, с. 177, 220—25; К. Коровин вспоминает..., М., 1990, с. 402—04; Морозов М. К., Мои восп. — НН, 1991, № 6, с. 95—103; Бурышкин П. А., Москва купеч., М., 1991, с. 60, 131, 133; Думова Н., Моск. мемуары, М., 1992, с. 77—96 и др.; Сабашников М. В., Записки..., М., 1995, с. 106, 562. + Некрологи, 1903: «Мир иск-ва», № 9 (С. Дягилев); перепечатан в кн.: Сергей Дягилев и рус. иск-во..., т. 1, М., 1982, с. 178—79; ИВ, № 12: «Киевлянин», 16 окт.; БВед., № 281; «Таганрог. вест.», 16 окт. Венгеров. Источ.: ИДРВ; Подулина Н., Фролов А., Рус. коллекционеры. Опыт биогр. словаря. — В кн.: Мемуары и коллекционеры. Завещано России («Памятники Отечества», 1993, № 1—2), с. 133; Машлов.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 302, д. 441 (студенч. дело, в т. ч. конья м. с.); оп. 307, д. 528 (студенч. дело); ф. 31, оп. 3, д. 2186; ф. 16, оп. 85, д. 117 (целост. мат-лы о кн. «В потемках»; рапорт об уничтожении ее «сожжени-ем») (справка В. В. Александровой); РГИА, ф. 1349 (ф. с. 1893 г.); ф. 1343; оп. 39, д. 3193, 1842 г. и д. 3194, 1844 г. (о возведении прадеда М. в потомств. поч. гражданство); ф. 776 (справка Л. М. Сеселькиной). В. М. Бокова.

МОРОЗОВ Михаил Владимирович [8(20).3.1868, г. Балта Подольской губ. — 13.5.1938, Москва; похоронен на Новодевичьем кладб.], журналист, лит., театральный, худож. критик; парт. и хоз. деятель. Чл. РСДРП с 1901. Род. в семье землемера, получившего личное дворянство. Учился в Одес. реальном уч-ще, исключен в 1886 за связь с народофильч. орг-цией и за создание марксист. кружков для учащихся и рабочих (уч-ще все

же окончил в 1887). В эти годы интересуется произв. Н. А. Добролюбова, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина (к последним двум относится довольно критически), вместе с П. А. Нилусом издает классный ж. «Опыты». Тогда же происходит основат. знакомство М. с филос.

лит-рой — произв. Б. Спинозы, И. Канта, Д. Юма, А. Рива, трудами Ф. Лассалля, Г. В. Плеханова. С 1888 студент Петерб. Лесного ин-та, выступал против толстовства, активно включился в оппозиц. студенч. движение; за организацию студенч. волнений в 1890 сослан в Одессу под гласный надзор полиции; в 1892 подвергся аресту за рев. пропаганду по «делу 41», в 1894 сослан в Вост. Сибирь. В ссылке отказался присягать Николаю II (см. в кн.: Революционеры, вожаки масс, Таш., 1967, с. 8), был сослан в Киренск, потом переведен в Якутск. Из Якутска посылал корр. в «Вост. обзор» (1-я публ., предположительно, 1897, 17 авг., последняя — 1900, 12 мая). После ссылки поселился в Саратове; служил секретарем пред. губ. управы; в сент. 1900 регулярно печатал в газ. «Саратов. дневник» заметки о текущих событиях, рецензии. Одновременно участвовал в создании с.-д. к-та, вставшего на позиции ленинской «Искры». В 1902 ред. (неофициально) газ. «Уралец» (г. Уральск; из города выслан за напечатание газеты вопреки запрещению цензуры), в 1903 — газ. «Юж. Россия» (г. Николаев), в к-рых помещал статьи, лит. очерки, журн. обозрения. В ст. о Л. Н. Толстом («Уралец», 1902, 5 сент., перепечатано с небольшими изменениями в «Юж. России», 1903, 28 авг.) М. впервые в легальной печати пытался с марксист. позиций истолковать противоречия писателя, оценить его деятельность в связи с возникновением рев. ситуации; эти взгляды получили развитие в следующей ст. о Толстом («Всеобщий ежемесячник», 1911, № 1), ж. стержень к-рой — полемика с концепцией писателя как религ. мыслителя. Но пуб-

ликация в газете мат-лов, в к-рых М., по мнению издателя, «переселил в еврейском и рабочем вопросах» (Автобиография. Архив В. М. Морозова), приводит к расторжению в октябре договора с «Юж. Россией».

После подпольной работы в Баку (1903—04) М. жил в Самарканде (с лета 1904 по 1905) и Ташкенте (1906—07), где создал единую Туркест. с.-д. орг-цию, был сотрудником, ред., а затем и издателем газ. «Самарканд» и «Рус. Туркестан». В передовицах, фельетонах, печатавшихся под назв. «Теплое слово», выступал против шовинистич. политики царского правительства, против самодержавия. В ст. о постановке «Иванова» («Самарканд», 1905, 17, 20 мая) говорил о показанном А. П. Чеховым «крушении человеческого» в среде бурж. интеллигенции и утверждал, что претворить в жизнь чеховскую мечту о прекрасном будущем сможет только пролетариат, творящий революцию. Отд. статьи были собраны в кн. «Теплое слово» (Самарканд, 1905). В 1905 М. присутствовал на съезде журналистов в Петербурге. В 1906 выезжал в Стокгольм на 4-й съезд РСДРП.

С 1907 до эмиграции в 1911 М. жил с семьей (после 1908 нелегально) в Петербурге и в Финляндии, занимаясь только лит. работой; опубликов. ст. «Пред лицом смерти» (сб. «Лит. распад», кн. 1, СПб., 1908; отд. изд. — СПб., 1908), направленную против христ.-мистич. подоплеки творчества рус. модернистов; социальные программы Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Филофова он именовав «бутафорским революционизмом», к-рый плохо маскирует их «религ.-филос. мысль» (близкую по смыслу ст. «В гипнозе слов» М. опубли. в «Образовании», 1909, № 1). Тот же пафос в ст. «Старосветский мистик. (Творчество Бориса Зайцева)» («Лит. распад», кн. 2, СПб., 1909) и «Ужас бесцельности. („Мои записки“ и „Черные маски“ Леонида Андреева)» («Вершины», кн. 1, СПб., 1909). С лит. заметками М. выступал в 1908—09 и в либерально-бурж. газ. «Реформа», «Совр. слово», «Сев.-зап. голос»; в ж. «Бодрое слово» (1909, № 6—8, 12, 13, 15, 16) помещал бытовые очерки о Петербурге. Диапазон лит. интересов М. в это время широк: критико-библ. отдел ж. «Всеобщий ежемесячник», к-рым М. заведовал в 1910—11, откликался на произв. И. А. Бунина, Н. С. Гумилева, а также на романы В. К. Винниченко, М. Криницкого, А. П. Каменского и т. д. Отмечая «огромный» талант Ф. Сологуба, «своеобразное» дарование А. М. Ремизова и др. представителей модерниз. рус. лит-ры, М. сетовал, что «перлы вдохновения» проявляются у них в «полных мистициз-

ма» «романтич. грезях». Отвергая «мистич. порчу» в совр. лит-ре, он, однако, поддерживал ростки того мистицизма, к-рый дает представление о мире «как целом, неразрывно во всем своем многообразии связанном с душой человека», раскрывает «природу и жизнь в самой сокровенной глубине» (эту черту он находил у Б. К. Зайцева и С. Н. Сергеева-Ценского).

В 1911 опубли. «Очерки новейшей литературы» (СПб.; рец.: М. Г. — «Всеобщий ежемесячник», 1911, № 5), включив в книгу статьи о М. Горьком «Молодая деревня» и «Мертвая жизнь», ранее напечатанные в ж. «Наша заря» (1910, № 1) и «Новый журнал для всех» (1910, № 18), Сергеева-Ценского, Л. Н. Андреева, Зайцева, А. Н. Толстом, Б. В. Савинкове (Ропшине). Собранные вместе статьи, по аттестации самого автора, должны были дать представление о «пессимистич. уклоне» в иск-ве, об «унылой картине» лит-ры эпохи реакции и о противоположных тенденциях, питающих творчество «певица пролетарских сил» Горького, «вдохновенную поэзию» Сергеева-Ценского, «возвращение к быту» А. Н. Толстого. Оставаясь приверженцем реализма как «высшей правды в искусстве», М. положительно отзывался о поисках писателей-модернистов в области формы, об их чуткости к сложным явлениям, к-рые «игнорировались реалистами». Определив в предисловии задачу марксист. критики как выявления «корней общественных настроений», он призывал не ограничиваться социологич. анализом худож. произв., но учитывать и «стихийные» начала творчества.

В париж. эмиграции (1911—17) М. входил в секцию РСДРП, руководимую В. И. Лениным, редактировал газ. «Париж. вест.» (1912—13), в к-рой вел рубрики «Полит. дневник», «Маленький фельетон», «Теплое слово», лит. страницу. Осн. направление работ М. в эти годы — разоблачение «аморализма санинских и сологубовских откровений» (реферат «Обличители и апологеты эротизма в совр. рус. лит-ре» прочитан в Париже в зале Альканзар 24 февр. 1913). Обращаясь к произв. Каменского, Ф. Сологуба, Винниченко, М. П. Арцыбашева, Р. Г. Григорьева, Савинкова о полит. борьбе, рев. прошлом, М. требовал давать им парт. оценку, предлагал нравственно оправдывать насилие в период острой классовой борьбы как вынужденное (см.: «Париж. вест.», 1913, 8 февр.) и более активно отражать «непобедимую стихийность... влечения» масс к будущему (там же, 1913, 1 марта). М. писал также о «замкнутости круга переживаний» эмигрант. лит-ры, о росте в ней настроений бессилия

(статья о стихах И. Г. Эренбурга под назв. «Гниющий пессимизм» — там же, 1913, 19 апр.), подчас игнорируя худож. ценность произведений. Принял участие в дискуссии о пролет. культуре — занял близкую А. В. Луначарскому позицию сторонника «приобщения к сокровищницам мирового творчества» и отстаивал значение общечеловеческого в иск-ве; идею «пролет. культуры» он называл «бесполезной утопией», «искусственной тепличкой» (там же, 1913, 22 марта). М. Горький в «Летописи» (1917, № 2—8) напечатал его «Письма из Франции» об обществ.-полит. обстановке в стране во время войны. В 1914—17 М. работал землемером, токарем, монтером, шофером такси, декоратором.

Возвратившись в Россию в авг. 1917, первое время находился на хозяйств. работе. Был деп. Моссовета неск. созывов, чл. Президиума об-ва старых большевиков, чл. Совета моск. театров, пред. Союза рев. драматургов. В 1924 издал сб-к лирич. и шуточных стих. «Пересветы» (М.). В 1927—28 и 1931 печатал статьи о театре в ж. «Новый зритель» и «Прожектор». В 1929—30 вице-президент ГАХН. В 1930—32 М. — ред. лит.-худож. отдела Госиздата и изд-ва ЗИФ. В эти же годы им написаны муз. мелодрама-памфлет «Остров дураков» (1927—31), социальная драма «Рука Молоха» (1930), муз. буффонада «Христос воскрес» (1931), пьеса «Без предков» (1932) (хранятся в личном архиве В. М. Морозова, сына М.). С 1932 зав. секцией иск-ва при Критико-библиогр. ин-те, ред. ряда его изданий; печатал статьи об изобразит. иск-ве в ж-лах «Плакат и худож. репродукция», «Детская и юношеская лит-ра» и др. В 1936 дир. изд-ва «Всекохудожник». С 1937 на пенсии.

Др. произв.: «О'тао» (М., 1921), «Музыкант» («Вторники», М., 1923, № 1).

Лит.: А. М(ейер), «Теплое слово» г. Мурта. — «Рус. Туркестан», 1905, № 196; Грабарь И. Э., Моя жизнь. М.—Л., 1937; Симон Н. Ф., Большевист. печать в Туркестане. (1902—1907 гг.). Таш., 1940; Рахманов Б., Канун весны. — В его кн.: Письма, Таш., 1958; Мавлянов И. М., М. В. Морозов, Таш., 1963; Акрамов А. А., Рев. деятельность М. — «Тр. Самарканд. гос. ун-та. Новая серия», в. 140, 1964; Константинова М. (С.), Рус. доокт. пресса Узбекистана о Чехове. — «Уч. зап. Таш. пед. ин-та», в. 24, 1961; Соколов А. Г., Михайлова М. В., Рус. лит. критика кон. XIX — нач. XX в., М., 1982; Михайлова М. В., Петровицкая И. В., Неизвестная статья критика-марксиста М. о Л. Н. Толстом. — В кн.: Из истории рус. лит.-ры кон. XIX — нач. XX в., М., 1988; Михайлова М. В., Ранняя марксист. критика на страницах газ. «Северо-Зап. голос». — «Восток МГУ. Сер. 10 — Журналистика», 1989, № 1. — ЛЭ; КЛЭ; Муратова (2); Масанов.

Архивы: РЦИХИДНИ; ЦГА Узбекистана, д. 11; ГАРФ, ф. 539, оп. 4, № 6540; личное дело № 22740; РГЛИИ, ф. 611, оп. 2, № 150; ф. 656, оп. 1, № 1991, 2937. М. В. Михайлова

МОРОЗОВ Николай Александрович [25.6(7.7).1854, с. Борок Молог. у. Ярослав. губ. — 30.7.1946, Борок, похоронен там же], народоволец, ученый, поэт, мыслитель, мемуарист. Незаконный сын крупного помещика Петра Ал-др. Щепочкина и его крепостной крестьянки Анны Вас. Морозовой, к-рую, вступив с ней в

гражд. брак, он записал в мешан. словесие. Отчество М. получил по крестному отцу. До 14 лет учился дома, увлекался в осн. естеств. науками; в 1868 поступил во 2-й класс 2-й моск. классич. г-зии, где образовал «Тайное об-во естествоиспытателей-гимназистов», в 1926 вспоминал, что гл. обр. враждебность системы классич. образования духу естеств. наук восстановила его «как против церковных, так и против монархич. доктрин» (автобиография — Гранат, т. 40, стб. 306). В 1874 притяжение начавшегося «хождения в народ» с его «романтич. обстановкой, полной таинственного», знакомство с нек-рыми из «чайковцев» (особенно близкое с С. М. Кравчинским), сопровождавшееся влюбленностью в хозяйку конспиратив. квартиры, поставили М. перед выбором между наукой и стремлением разделить участь революционеров, к-рая представлялась ему «трагической», ибо он «не верил в их победу» (там же, стб. 306, 307).

Не окончив 5-го кл. г-зии, тайно от семьи М. в мае 1874 отправляется как пропагандист в ряд губерний Центр. России; в нояб. командировается руководящим ядром «чайковцев» в Швейцарию в качестве их представителя в редакции газ. «Работник». В Женеве сближается с П. Н. Ткачевым, чье полит. «якобинство» отвечает его собств. темпераменту, вступает в Интернационал, пишет неск. фактографич. заметок для «Работника», но т. к. не разделяет иллюзий догматич. народничества, присущих

большинству членов редакции, решает вернуться в Россию.

Задержанный при переходе рус. границы в марте 1875, М. остается под арестом в Петербурге до янв. 1878, когда на «процессе 193-х» ему засчитывают в срок годы предварит. заключения и выпускают на свободу. В июле М. участвует в неудавшейся вооруж. попытке землевольцев освободить в Харькове осужденного П. И. Войнарского; в авг. формально вступает в орг-цию «Земля и воля». С окт. в Петербурге М. — секр. редакции газ. «Земля и воля», ведет в ней хронику событий, однако товарищи по подполью тактично пресекают его попытки определять идеологию движения [Д. А. Клеменц пишет Кравчинскому об одной из «теоретич.» статей Воробья (кличка М.): «... к работе он относится слишком легко; мало у него сомнений, мало он сам себе возражений делает ...» (цит. по: Твардовская, с. 84)]. Как вспоминал Л. А. Тихомиров, М. в то время «оставался ... мальчишкой ... бредил террором» и «всегда готов был поставить жизнь на карту» (в его кн.: Восп., М.—Л., 1927, с. 128). Даже с образованием «Нар. воли» в авг. 1879 М., вошедший в ее Исполнит. к-т, отстаивал полит. террор как некий перманент. регулятор рус. полит. жизни (см. его брошюру «Террористическая борьба», Лондон, 1880), хотя программа партии видела в терроре лишь средство завоевания власти с последующим созывом Зем. собора. М. считал, что из-за темноты крестьянства Собор неизбежно санкционирует монархию. Это разногласие превратило работу М. в редакции газ. «Нар. воля» в череду более или менее явных стычек с Исполнит. к-том, закончившуюся в янв. 1880 предоставлением ему бессрочного отпуска (фактически — «отставки»). Вскоре М. со своей гражд. женой, народоволкой Ольгой Спир. Люботович, выехал за границу.

За год жизни в Европе М. общается с П. А. Кропоткиным, посещает в Лондоне К. Маркса (см. его восп. «Карл Маркс и „Нар. воля“ в нач. 80-х годов» — КиС, 1933, № 3), становится, по сути, связным между «Нар. волей» и рев. эмиграцией, — роль, смягчающая остроту его конфликта с партией, что осознают обе стороны. Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, встретившему М. в Париже накануне его возвращения в Россию, запомнился жизнерадостный, обаятельный человек «лучистого» типа высоко-моральных натур, чуждый «кружковой заносчивости и рев. генеральства» (в его кн.: Восп., П., 1923, с. 115).

В февр. 1881 М. опять был арестован на рус. границе и на «процессе 20-ти» в февр. 1882 приговорен к пожизн. заключению, к-рое до авг. 1884

отбывал в Алексеевском равелине Петропавлов. крепости, а затем — в Шлиссельбурге.

Зрелое мировоззрение М. сложилось лишь в шлиссельбургском заточении под сильным воздействием психологии «живого погребенного». В «опыте психол. характеристики Шлиссельбургской крепости» *«Тени минувшего»* (в кн.: «Народовольцы», сб. 3, М., 1931), лишенном обычной в рев. мемуаристике героизации, М. воспроизвел атмосферу психич. аффектов на грани безумия, бывшую повседневностью для шлиссельбуржцев, сопротивление к-рой требовало мобилизации всех сил. Полагая, что если он «не жалел своих врагов на свободе, то и они имеют право не жалеть» его в тюрьме (с. 58), М. постарался установить режим взаимной терпимости с тюремной администрацией (разумеется, в рамках этики заключенного) и продолжил науч. занятия, начатые еще под следствием в 1875—77 (работы тех лет не сохр.). Получая на первых порах только религ. книги, М. штудировал Библию и отцов Церкви, затем появилась возможность заниматься химией, физикой, астрономией, математикой и др. Позднее в *«Письмах из Шлиссельбургской крепости»* к родным (ВЕ, 1909, № 1—3, 5—7; отд. изд. — СПб., 1910) М. опишет свои науч. исследования.

В рец. на них В. Я. Брюсов заметил, что в лице М. «повторилась ... история графа Монте-Кристо, но что таинств. аббатом Фариа был он сам» (РМ, 1910, № 9, ота. 2, с. 284). В 1924 Н. М. Штауде, сотрудница М., отыскает «общий дух», предопределяющий конкретику его иссл., — «ведь он ищет и находит бесконеч. ряд аналогич. явлений» (цит. по кн.: Н. А. Морозов — ученый-энциклопедист, М., 1982, с. 25; здесь дается подробный обзор вклада М. в развитие точных наук и приводится библиогр. его трудов).

Лучше всего этот способ мышления проявляется в написанных для товарищей по заключению «науч. полуфантазиях» М. (изд. под назв. *«На границе неведомого»*, М., 1910; рец.: СМ, 1910, № 11), где исходный психол. импульс протеста против жизни в тюремной одиночке побуждает его к созданию собств. космогонии.

М. понимает бытие как цепочку трансформаций «атомов-душ», он упреждает линейное время и принципиально разные между людьми, животными и мертвой природой: «Вся Вселенная состоит из бесчисл. элементарных душ, и в лице создающих ее атомов первичного эфира есть не что иное, как одно живое „я“, повторенное бесчисл. число раз в бесконеч. мировом пространстве» (с. 182). Ощущение «единства с окружающей природой», писал М., стало для него «чем-то вроде новой религии» (с. 187). В состав этой религии в причудливых сочетаниях входят догадки о будущих открытиях религиовед. физики, элементы филос. солипсизма, из-за слабой методологич. проработки получающего характер психологизирующего своеобразия, а также свойственный социалистич. сознанию социальный оптимизм, возводимый М. в ранг закона эволюции.

«Науч. пантеизму», призванному сменить «авторитет теологии» как основы общечеловеч. культуры, М.

(см. его ответы на анкету в сб. «Куда мы идем?», М., 1910, с. 108) останется верен навсегда, а укоренившееся в нем чувство сопричастности бытию космоса определит его отчасти отрешенный взгляд на события текущей истории. «Я не в крепости сидел, я сидел во Вселенной» (см.: Золотарева) — эта афористич. реплика М. характеризует его мировосприятие и после освобождения.

По амнистии 1905 в нояб. М. вышел из Шлиссельбурга с 26 томами разл. рукописей, к-рые с 1906 печатаются в ж. «Былое», «Рус. богатство», «Обр.», «Вест. Европы», «Совр. мир», «Рус. мысль», «Сев. зап.», газ. «Рус. вед.», «Речь», «Русь» и др. Чествуемый обществом как «мученик», сохранив душевную и телесную бодрость, М. вскоре включается в активную жизнь: в круг его общения входят М. В. Ватсон, Овсяннико-Куликовский, И. Е. Репин, Е. В. Тарле; в 1907 он женится официально на 28-летней дочери генерала, «смолянке» и «консерваторке» Кс. Ал. Бориславской; по представлению Д. И. Менделеева получает (honoris causa) степень д-ра наук за иссл. *«Периодич. системы строения вещества. Теория образования химич. элементов»* (М., 1907) и тогда же принимает приглашение П. Ф. Лесгафта преподавать химию и астрономию в петерб. Вольной высшей школе и Психоневрологич. ин-те; в 1908—16 объезжает с публич. лекциями 54 города России.

Мемуары М. *«В начале жизни»* (РБ, 1906, № 5—6; отд. изд. — М., 1907) — 1-я часть *«Повестей моей жизни»* — обратили на себя внимание Л. Н. Толстого, заметившего, что они позволяют «взглянуть в душу революционера» (ЛН, т. 90, кн. 2, с. 358); тем не менее общее мнение Толстого о М.: «Он удивительно, должно быть, даровитый человек, вероятно, из тех чужаков, на все способных и во всем недалеких» (там же, с. 406), видимо, подтвердилось во время их беседы в Ясной Поляне 28 сент. 1908, и знакомство не получило дальнейшего развития (ср. *«Письмо в редакцию»* М. *«Свидание с Л. Н. Толстым»* — РВед, 1908, 3 окт.).

Беллетризов. мемуары о своей рев. эпопее М. полностью издал позднее, в 1916—18, под назв. *«Повести моей жизни»* (т. 1—4, М.; рец.: «характерно русский „роман приключений“» — А. С. И-в (Ланде), «Речь», 1917, 24 янв.; И. Н. Игнатов — РВед, 1917, 18 янв.). Обилие красочных деталей и портретов разнообраз. лиц, характеризующих оттенки народных. унастроений, не искупает в них многочисл. ошибок памяти, обусловленных не только естеств. забывчивостью, но и эволюцией его мировоззрения, и снижающих ценность *«По-*

вестей...» как ист. источника. (Подробнее об этих «ошибках» и вообще о рев. деятельности М. см.: Твардовская.)

Он также составил кн. *«Под сводами. Сб. повестей, стих. и восп., написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости»* (М., 1909).

Огромный резонанс вызвало иссл. М. *«Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса»* [СПб., 1907; репринт — М., 1991; в 3-м, испр. и доп. изд. (М., 1910), приведен перечень откликов], утверждающее на основании астрономич. выкладок, что расположение светил, зашифрованное в образах Апокалипсиса, могло быть наблюдаемо с о. Патмос лишь 30 сент. 395, а, т. о., его автором был не Иоанн Богослов (1 в.), а св. Иоанн Златоуст (4 в.), к-рого М. представил революционером своего времени, борцом против гнета Рим. империи.

Несмотря на газетный ажиотаж, *«Откровение...»* подверглось уничтожающей критике: говорилось о бездоказательности допущения, будто Апокалипсис содержит метафорич. картину звездного неба, и источичности в толковании греч. слов (Эрл, с. 291, 296—97), о «грубой методологич. ошибке» М., сделавшего ист. выводы из астрономич. доказательств, и непонимании им символич. природы разбираемого текста (Асторов, с. 12, 14—15), о «нелепости» пренебрежения ист. свидетельствами и филос. разработкой вопроса (Аксаков Н. П.). Отмечались, впрочем, и незаурядность книги как «чисто психол. явления» (Эрл, с. 286), и поэтич. сила «использования „чувств“, прозвучавшая М. олицетворением себя «идеальном Златоусте» (Никольский, 1908, с. 32). Как правило, критики старались подчеркнуть диссонанс безупреч. гражд. репутации М. и его науч. квалификации («Никто не осудит „Письма Морозова из Шлиссельбурга“... но его „Гроза в буре“ нелепа и претенциозна» — Розанов В. В., Соч., М., 1990, с. 43).

Позднее на основе того же «астрономич. метода» М. опубли. иссл. *«Пророки. История возникновения библич. пророчеств, их лит. изложение и характеристика»* (М., 1914), сводившееся к столь же произвольной передатировке книг пророков Иеремии, Иезекииля, Захарии и др. и прошедшее почти незамеченным (резкая рец.: Д. Святский — ЕЖЛ, 1914, № 6).

Сочинения М.-поэта тоже оценивались в общем с оглядкой на его гражд. облик. Стихи М. писал с детства; первые сохр. тексты опубли. в 1877 в Женеве в сб. *«Из-за решеток»*, а также в его первом поэтич. сб. *«Стихотворения. 1875—1880»* (Женева, 1880; на обложке — 1881), ничем не отличались от «народолюбивой» риторики поэтов рев. подполья 70-х гг. В Шлиссельбурге его стихи, по-прежнему не достигая проф. уровня, осложняются эмоционально (за счет трагичности пережитой гибели товарищей: «Трудно жить и бороться за волю, / Но легко за нее умирать») и тематически — в силу его растущей уверенности в том, что поэзия «скоро захватит себе не только кос-

могонию, но и физику, и химию, и др. естеств. науки» (ст. «Наука в поэзии и поэзия в науке» — РВед, 1912, 1 янв.); показат. пример такого «захвата» у М.: «Все мы — микробов конгресс./ Временной плазмы сплетения./ Кто мы? Мы только процесс./ Жизни стихийной явления!».

А. А. Блок, слушавший чтение М. на одном из «вечеров „дискуссия“» (1908), выделял в его поэзии созвучие далеким от поэзии чаяниям широкой публики: «стихи... плохие... еще гораздо хуже писемеских», однако «я слышал, что он хотел передать ими слушателям, видел по приему и по лицам аудитории, что ему удалось это» (V, 308).

Брюсов, признавший в сб-ке М. «Из стен неволи. Шлиссельбургские и др. стих.» (СПб., 1906) лишь «психол. документ» [Брюсов в (2), с. 203], впоследствии, в личном общении с М., приветствовал в нем «отца науч. поэзии» (цит. по: Маргарян, с. 177) и даже изредка печатал его стихи в «Рус. мысли», хотя, правда, никогда больше публично не высказывался о них, в частности, не выполнил обещания откликнуться на сб. «Звездные песни» (М., 1910; В. Львов-Рогачевский): стихи скорее «астронома», чем «поэта», «чистое пламя науки и любви к человеку» — СМ, 1910, № 8, отд. 2, с. 102; «закристаллизированные переживания», «полное непонимание задач стиха» — Гумилев, с. 107).

За неск. антиклерикальных стих. в «Звездных песнях» М. в нояб. 1911 приговаривается Моск. судебной палатой к году тюрьмы (отчет о суде — УР, 1911, 25 нояб.), Сенат отклоняет его кассацию, с июня 1912 он отбывает срок в Двинской крепости, где завершает «Повести моей жизни». Новое заключение прервало захватившие М. с 1910 занятия авионавтикой — в ней он видел предвещие «крылатой эры человеческой жизни» (цит. по: Внучков, с. 92), стал чл. Всерос. аэроклуба, сам не раз поднимался в воздух на самолете и воздушном шаре, увлекся идеями К. Э. Циолковского, к-рому уже при сов. власти помог в бытовом устройстве, и т. д. (сб-к стихов и прозы М., посв. воздухоплаванию, «Среди облаков», Л., 1924; на обложке — 1925).

Взгляд М. на действительность с дистанции «планетарного сознания» ярко проявился в 1915—16, когда в качестве уполномоченного Зем. союза он провел неск. недель на Зап. фронте. Отсюда он посылал в «Речь» и «Рус. вед.» статьи (собраны в кн. «На войне. Рассказы и размышления», П., 1916), в к-рых использовал реалистич. зарисовки окопной жизни для иллюстрации своих социологич. умозаключений.

В них М. приходил к страшному выводу, что, в отличие от прошлых войн истории, побуждаемых «личным эгоизмом», данная война вдохновляется либо «освободит. великодушными идеями» (союзики), либо, на худой конец, «чуж. эгоизмом» (Германия), к-рый, однако, тоже «наполовину альтруизм, т. е. переходная ступень

к дальнейшей стадии развития человеческого рода, единого во всех своих племенах и народах», и т. о. — с г. тр. эволюции, — считал войну потенциально прогрессивной (с. 148—49).

С тех же позиций эволюц. оптимизма М. принял Февр. революцию 1917 (брошюра «Эволюционная социология», П., 1917), нарастающий хаос социального бунта объяснял исключительно непросвещенностью народа (ср. в стихах: «Народ — дикарь, народ — дикарь./ Но он не дикий зверь!», в авг. участвовал в Гос. совещании в Москве, в сент. — чл. Совета республики (т. н. Предпарламента) от партии кадетов (неприязнь портрет «новоиспеченного кадета» М., заявлявшего накануне Октября: «Годика через два мы с удовольствием будем... об этом времени вспоминать», см. в мемуарах И. В. Гессена — «Архив рус. революции», т. 22, Б., 1937; репринт — т. 21/22, М., 1993, с. 378). Не одобрил большевист. переворота, М. тем не менее пришел к выводу, что нужно «дать урагану прорваться» (Гранат, т. 40, прил., стб. 317), и полностью устранился от к.-л. полит. активности — редкие поэтич. отклики М. на рев. современность выдержаны в добродушно-шутливой тональности: «Записался/ Русь марксистскою./ А осталася/ Монархистскою» (1918) и др.

Совершенно лояльный к новой власти, М. более, чем мн. др. старые народовольцы, рассматривается ею в качестве живой реликвии рев. движения: в кон. 1918 назначается дир. Естественнауч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта в Петрограде и остается в этой должности до конца дней; в 1921 по распоряжению В. И. Ленина за ним закрепляется в пожизн. пользование родовое имение Борок; в 1932 избирается почетным акад. АН СССР; не раз награждается высшими орденами гос-ва; в 1934 его имя присваивается открытой в Пулков. обсерватории планете-астероиду.

Последним фундам. соч. М. стала задуманная еще в Шлиссельбурге, писавшаяся с 1918 грандиозная «история человеческой культуры в естественнонауч. освещении» «Христос» (кн. 1—7, М.—Л., 1924—1932; назв., подразумевающее не столько евангельского Иисуса, сколько букв. значение этого греч. слова — «посвященный в тайное знание») — труд, поражающий разнообразием эрудиции автора и специфич. смелостью его выводов. Продолжая линию «Откровения...» и «Пророков» на радикальный пересмотр хронологии культуры, М. привлекает теперь данные не только астрономии, но и геофизики, истории развития орудий производства, этнопсихологии, «статистики» (под к-рой понимает математич. обработку повторяемости ист. явлений с т. з. теории вероятности), лингвистики и

т. д., чтобы прийти к заключениям, полностью перечеркивающим устоявшуюся картину ист. процесса.

Важнейшие из них: отрицание существования античности, все лит. памятники к-рой объявляются подделками эпохи Возрождения, и свр. народа (Ветхий Завет — мистификация позднейших христ. теологов); утверждения, что в I в. н. э. в Средиземноморье царил каменный век; история как таковая начинается лишь с 3 в. н. с некоей единой латинско-эллино-сириско-египетской империи, а рим. императоры, египет. фараоны, «цари Израильские» и пр. суть один и тот же ряд лиц, различие между к-рыми — плод недоразумения; письменность возникает в 4 в., как и христианство, причём Иисусом Христом был на самом деле св. Василий Великий, распятый 20 марта 368 (соответственно Евангелия датируются 5 и позднейшими веками).

Акад. Н. М. Никольский, подробно разобравший бесчисл. ошибки, натяжки, фантастич. интерпретации в 1-й кн. «Христос», намекнул, что труд М. интересен «скорее для психиатра», чем для историка (Никольский, 1925, с. 175). Вскоре, однако, идеология. контроль над печатью сделал возможным обсуждение лишь тех или иных частностей в «Христосе» [см., напр., лемкину в «Правде», 1928: 9 мая (М. в защиту своих теорий), 13 мая (возражения П. Преображенского), 27 мая (политическое «внешнее» резюме Н. Суханова); см. также: Ю. Стеков — «Известия», 1924, 21 окт.; М. Даган — ЛГ, 1929, 10 июня]; осн. идейно-психол. «замысел» М., определяемый им самим как «уничтожение суеверий» (Гранат, т. 40, прил., стб. 317), оставался за рамками дискуссии. Как целое в своей уникальной феноменальности «Христос» М. не получил адекватной оценки. Выгляды М. на историю были развиты математиком А. Т. Фоменко [см. его реферат: «Критика традиц. хронологии античности и средневековья (какой сей-час век?)», М., 1993]. Однако небесновостователи и остроумная интерпретация Ю. К. Оленин: «М. был посажен в крепость... лишен общения с миром... — Ах, мы меня лишили мира? Хорошо же! Вашего мира не было!» («Ни дня без строчки», М., 1965, с. 174).

Др. произв.: «В поисках филос. камня» (СПб., 1909), «Что может принести нам встреча с кометой?» (М., 1910), «Лингвистические спектры. Средство для отличения плагиатов от истинных произв. того или другого изв. автора» (П., 1916), «Принцип относительности и абсолютное. Этуз из области проявлений волнообразного движения» (П., 1920), «Поезд Сознания. Грезы о времени и пространстве» («Человек и природа», 1924, № 7/8), «Христос или Рамзес? Попытка применения математич. теории вероятностей к ист. предмету» (М.—П., [1924]).

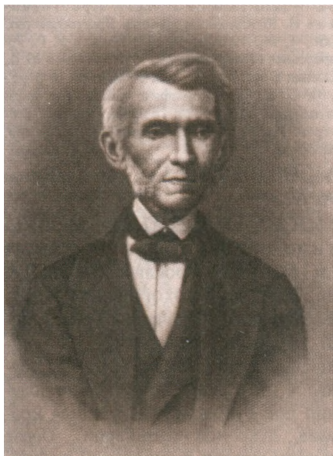
Изд.: Звездные песни. Первое полн. изд. всех стих. до 1919 г., кн. 1—2, М., 1920—21. [Стихи]. — В кн.: Поэты рев. народничества: Звездные песни. Стихи и поэмы, Я., 1974; Повести моей жизни, т. 1—3, М.—Л., 1928; то же, [М.], 1947; то же, 3-е изд., т. 1—2, М., 1961 (перечисл. — М., 1962, 1965).

Лит.: Толстой (ук.); Блок (ук.); Любатович О., Далекое и недавнее. — «Былое», 1906, № 5—6; Попов М. Р. Из моего рев. прошлого. — «Былое», 1907, № 7; Эрн В. Откровение в прозе и буре. — БВ, 1907, № 10; Астров П., По поводу книги М. «Откровение в прозе и буре», М., 1908; Аксаков Н. П., Беспредельность невежества и Апокалипсис, СПб., 1908; Никольский Н., Спор ист. критики с астрономией. По поводу книги М. «Откровение в прозе и буре», М., 1908; его же, Астрономич. переворот в ист. науке. — НМ, 1925, № 1; Плещеев А., Что вспомнилось. Актеры и писатели, т. 3, СПб., 1914, с. 250—56; Круковский Л. Я., Н. А. Морозов, [2-е изд., П.], 1919 (библ.); Фигнер В. Н., Н. А. Морозов. — В кн.: Шлиссельбургские узники. 1884—1905 гт. Бюро. очерки, М., 1920; Румянцев А. А., Методы

ист. анализа в работах М. — «Изв. Ленинградского Науч. ин-та им. П. Ф. Лестгафта», 1924, т. 10; Теодорович И. А., Роль М. в рев. прошлом. — КИС, 1932, № 7; Новорусский М. В., Записки шиллсбургца. М., 1933 (ук.); Морозова К. Н. А. Морозов. М.—Л., 1944; Золотарев А. А., Н. А. Морозов. [Восп.]. — «Св. рабочий», 1964, 7 июля; Маргарян А. В. Бросов и шиллсбургец М. — РЛ, 1965, № 1; Сулей, преследование «Звездных песен». Из переписки М. и В. Бросова. — ВЛ, 1976, № 7; Троицкий Н. А., Безумство храбрых. Рус. революционеры и карательная политика паризма. 1866—1882 гг., М., 1978 (ук.); Твардовская В. А., М. в рус. освободит. движении, М., 1983; Внучков Б. С., Уник Шиллсбургца. О жизни и деятельности М., [2-е изд.], Я., 1988; Соловьев О. Ф., Миссионерство в России. — «Вопросы истории», 1988, № 10. + Н. А. Морозов. Библ., М., 1981; Фидлер: НЭС; Писатели совр. эпохи (1): ДРДР: ИДРДВ: БСЭ (три изд.); ЛЭ: КЛЭ: СИЭ; Масанов.

Архивы: Архив РАН. ф. 543; РГАЛИ, ф. 1836; ИМЛИ, ф. 70. А. В. Чанцев.

МОРОЗОВ Павел Тимофеевич [1808, Пенза (?) — 25.3 (6.4).1881, там же], литератор, публицист, метеоролог. Из дворян Пензен. губ. Воспитанник Моск. ун-тского благородного пансиона (окончил в 1824 с зол. медалью); на публичном акте произнес «Речь о влиянии наук точных на успехи наук словесных»

(ВЕ, 1824, № 6), в к-рой под влиянием воззрений А. Ф. Мерзлякова определял два осн. качества «вкуса»: «нежность, в высшей степени чувствительную» и «правильность», очищающие «воображение и ум» «от всего низкого, нелепого, оскорбительного» (Соч., с. 445).

Приезд М. (поступившего на службу в канц. новорос. ген.-губернатора) в Одессу в 1824 совпал с культурным и обществ. подъемом в Новорос. крае, связанным с назначением на пост ген.-губернатора М. С. Воронцова (1823). Не занимая видных адм. должностей (в 1834—36 состоял чл. Совета приказа обществ. призрения в чине коллеж. ассессора, в 1837 произведен в наив. сов.), М. принял деятельное участие в культ. жизни Одессы: сотрудничал в «Одес. вест.» (с 1827), входя в редакцию газеты; при

содействии Воронцова предпринял изд. «Новорос. календаря» (1831—1837; одобрит. отзыв — ЛГ, 1831, 20 июня; Г. (И.) Соколов — «Москв.», 1842, № 3), служившего «периодич. зеркалом совр. быта, как в особенности» одесского, так и «вообще Новой России» («Одес. альм. на 1840 г.», Од., 1839, с. 35); в приложении к нему (на 1837) опубли. ст. «О календаре древних и новых народов». В 1831 вместе со своим пансионским товарищем М. П. Розбергом издал «Одес. альм.».

Напечатанные в нем две статьи М. — «Ист. взгляд на Одессу» и «Одесса в 1830 г.» — «представляли ... в легком, живом рассказе историю и нынешнее состояние Одессы» (МТ, 1831, № 13, с. 99); «первый опыт» ист. изучения города, осн. «на фактах и преданиях», но без использования «местных документов, тогда еще никому не известных» (Скальковский А. А., Участие Одессы в подвигах на поприще наук, Отеч. истории и словесности. — СО, 1842, № 6, с. 34; см. также с. 51—52). Совр. обычаям Одессы посвящена ст. М. «Праздники Рождества Христова и Новый Год в Одессе» («Подарок бедным», Од., 1834); о помещенном в «Одес. альм. на 1840 г.» рассказе М. «Отдых жизни» с одобрением отзывался В. Г. Белинский (IV, 122).

Лит. занятия обеспечили М. знакомства в культурных кругах Одессы: с В. И. Туманским, одес. археологом И. П. Бламбергом (Туманский В. И., Стих. и письма, СПб., 1912, с. 27), А. И. Лёвшиным (одес. градоначальником и литератором), Скальковским; в 1830-х гг. М. — заведующий «четвергов» графини Р. С. Эдлинг, на к-рые собирались А. С. Стурдза, ред. «Одес. вест.» А. Г. Троицкий, Розберг, М. Л. Магницкий, «много молодых людей из Ришельевского лицея» (Соч., с. 192) (см. также «Мое знакомство с М. Л. Магницким» — РА, 1875, кн. 3, с. 241—50; отд. изд. — М., 1877).

Отходя распространяемые обвинения Магницкому в «лицемерстве и жестокости», М. упрекал его во «внутреннем деспотизме», пагубной страсти к нововведениям: «Магницкому Россия... обязана тем, что лучшие юноши шли толпою в злосчастный лагерь врагов правительства; он тайно и ждал добра, но ревность его была не по разуму» — заключает М. (Соч., с. 202, 191, 201).

М. был ревностным сотрудником Об-ва сел. хозяйства Юж. России (с 1829, в 1831 — по нач. 1841 — секр. об-ва; в 1832—36 и в 1840 ред. «Записок Об-ва...»), занимался метеорологией (кн. «О климате нек-рых мест Юж. России», Од., 1832, и др.; одобрит. рец. — МТ, 1832, № 24).

Во второй пол. 1830-х гг. хоз. дела вынуждают М. покинуть Одессу (расставание с городом тяготило его, а надежды на возвращение не оправдались); М. живет в осн. в своем имении в Пензен. губ. (с. Панциревка). В нач. 1840-х гг. вышел в отставку в чине стат. советника (с 1868 д. стат. сов.) и навсегда поселился в Пензен. губ., где служил по выборам, в 40—60-е гг. избирался уездным предводителем дворянства Городищен. уезда; был мировым посредником, поч. по-

печителем местной гимназии, чл. губ. статистич. к-та.

Президент Об-ва сел. хозяйства Юж.-Вост. России (с момента его основания в 1849 по 1867), помещает много статей в «Журнале сел. хозяйства» (имени М. было в числе опытных хозяйств) и «Пензен. губ. вест.» (в т. ч. метеорологич. наблюдения о состоянии атмосферы в Пензе с 1838 по 1854; см., напр., обстоят. ст. — 1861, № 12—14, часть неофил.; составляет «Статистич. и хозяйств. описание Городищен. уезда Пензен. губ.» (СПб., 1850; рец.: БАЧ, 1851, т. 105; «Совр.», 1850, № 6). Главные пристрастия на пути «всякого улучшения» М. видел в «крепостном состоянии, имевшем когда-то вид патриархальных отношений, но теперь потерявшем весь смысл» (РС, 1897, № 1, с. 150 — письмо от 1837); поныне высказывался за переход «от общинного владения ... к частному и фермерскому чрез доставление крестьянам (права) покупать земли для заведения отд. хозяйств» («Пензен. губ. вест.», 1860, № 21, часть неофил.).

В деревне М. начинал писать «духовные сочинения»: в брошюрах «Борьба язычества и христианства» (М., 1845) и «Неподвижные звезды и планеты нравственного мира» (М., 1846) рассуждает о Божеств. миропорядке, осн. на «истинном учении» — христианском (догматы к-рого всегда неизменны), противостоящем «учению лжи», или идолопоклонству; борьба с ним не «кончилась с падением языч. храмов» (Соч., с. 1, 11).

Распространение «гиблых миссий» и усиление «владычества чувственности» (там же, с. 11—12) ведут к нравств. падению и гибели человека и общества; в бедственном положении пребывает совр. Зап. Европа (см. также «Взгляд на начало и развитие превратных понятий о свободе», М., 1872; письма к Стурдзе — РГАЛИ). В числе духовных и филос. авторитетов М. называет Ж. де Местра, Л. Бональда, Ф. Р. Шатобриана, «из светских людей» отдаст предпочтение Стурдзе. Предпочтение Стурдзы др. «духовным» писателям не случайно: его М. считал «Богом дарованным ему руководителем» (РГАЛИ, л. 16), а в письмах к нему развивал идею о мессианской роли России, призванной «обновить мир уничтоженным рим. отсутствием» и «восстановлением общего влияния Церкви Вселенской» (там же). Главные черты будущего казались М. ясно обозначенными — «неизбежное падение Турии, 8-й Вселенский собор, учреждение славяно-греч. царства с господством духа и благодати над мертворою буквою и бездушными западными формами...» (там же).

«Борьба язычества...» вызвала полемику между М. и критиком «Отеч. зап.» А. Д. Галаховым (ОЗ, 1845, № 10; «Одес. вест.», 1846, № 5; ОЗ, 1846, № 7), к-рый оспаривал ее осн. положения, а в соч. «Неподвижные звезды...» — наивной по подходу попытке опровержения теории прогресса — увидел «оригинальное заблуждение», произошедшее от «ложного понятия о совершенстве наук» (ОЗ, 1847, № 1, с. 39—40).

Убежденный монархист и консерватор, исповедующий православное-ортодоксальные взгляды, М. утверждал небесное происхождение власти, жажда единения с к-рой, по его мнению, — одна из осн. черт рус. характера (Соч., с. 53, 373). В своих позднейших брошюрах («Взгляд на начало и развитие превратных понятий о свободе», «Три семьи», обе — М., 1872; «Несколько слов от сердца посылаемых вост. христиана-

нам» — «Восток», 1880, № 41, «Деревенские беседы» — там же, 1880, № 52, 68, 70; отд. изд. — М., 1880; и др.), написанных в духе и стиле религ. риторич. публицистики, он высказался по целому ряду обществ.-полит. вопросов, полагая, что главное для русского и др. народов — необходимость единства веры, к-рое важнее и глубже «единства национальности»; «принцип национальности» несет с собой дух раздора, а не любви» (Соч., с. 377, 17). М. — противник либерализма и «либеральных учреждений», к-рые «обошли мир и опустошили его», утвердили «деспотизм масс» и в конечном счете привели к рев. разгулу и падению нравственности (все перечисленные выше и др. работы вошли в посмертное изд. соч. М. в 1883).

Мировоззрение М. наложило отпечаток на его характер. «Человек глубоко религиозный, (М.) обратил свой дом в монастырь, во время еды у него читались Евангелия и др. священные книги... Человек суровый, с твердою волею, Павел Тимофеевич настойчиво проводил свои убеждения» (Селиванов в А. Ф., Биография, Пенза, 1889, с. 34). У М. есть и произв., написанные легко и непринужденно, напр. «Письмо из Москвы» («Восток», 1881, 8, 14 июня), где нашли отражение его впечатления от поездки в Москву (очевидно, в 1880); в живой, ироничной манере автор высмеивает моск. нравы того времени. Статья была опублик. уже после смерти М., к-рый, как сказано в некрологе, скончался в результате глубокого потрясения, получив «роковое известие о злодейском умерщвлении ... Александра II» (там же, 8 июня, с. 321, прим.).

Др. произв.: «Метеорологич. очерки, составл. из наблюдений ... преим. в Пензен. губ.» (М., 1865; в. 1, М., 1872), «Арабески мира духовно-православного» (СПб., 1874), «Предсказание и иссл. бурь» (М., 1877), «Из одес. восп.» (РА, 1877, кн. 3), «Восп. о днях великого поста» (М., 1877), «Аскетизм и невоздержанье» (М., 1880).

Изд.: Соч., М., 1883.

Лит.: Письма к А. Г. Троицкому — РС, 1897, № 1; 1898, № 4; РС, 1897, № 11, с. 446 (письмо А. Стурдзу); Барсуков, Ш, 194. — Памятная книжка Пензен. губ. за 1864—1870 гг., Пенза, 1864—71; «Листок духовной библиографии и журналистики», прил. к «Восточному чтению», 1872, № 8, с. 127—28; БВос, 1877, 16 нояб.; Боровский М. П., Ист. обзор пятидесятилетней деятельности инж. Об-ва сел. хозяйства юж. России с 1828 по 1878 г., Од., 1878; Попруженко М., Одес. гор. публичная б-ка, 1830—1910 г., Од., 1911, с. 19; Маслов С., Ист. обзор. действий и трудов инж. Моск. об-ва сел. хозяйства, М., 1846, с. 265; Каменский З. А., Филос. исл. рус. Проступления, М., 1971, с. 278. — Брокгауз: Венгеров. Источ.: Языков; Богач. ОЗ(1): Маслаков.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1348, оп. 1, № 1165 (письма к А. С. Стурдзу); ф. 46, оп. 1, № 57 (письмо П. И. Бартеуле); ф. 300, оп. 1, № 420 (письма М. П. Розбергу); ф. 4, оп. 1, № 17

(бюгр. сведения): РГБ, Пол., ф. 231/11, № 56 (письма Я. П. Погодину). О. В. Газубева

МОСКВИНА Мария Осиповна [1765 — 25.3(6.4). 1824, Москва; похоронена в Покровском мон.], поэтесса. Из старой моск. купеч. семьи (изв. с 1725), просвещенной и богатой. Воспитывалась дома. Вместе с сестрой сочиняла стихи, привлекая внимание В. С. Подшивалова и Б. К. Бланка, карамзиниста круга М. Н. Макарова, в к-ром культивировалось «дамское сочинительство». Бланк издал сб. сестер в 1802 под назв. «Аония, или Собрание стихотворений» (М.; под криптонимом Г(оспо)ж(и)***), присовокупив и неск. своих стихотворений. Тексты сб-ка не позволяют однозначно определить характер соавторства, однако судя по содержанию, можно предположить, что сестры писали порознь.

Соавтором М. традиционно считается (см. справочную лит-ру) Елиз. Осиповна Москвина [23.8(3.9).1759 — 22.10(3.11).1833, Москва], что, однако, вызывает сомнение, т. к. Елизавета была выдана замуж за чуждого ее кругу заводчика Ив. Род. Баташова не позже 1782 г. (Крестовников, с. 11) и, следовательно, не соответствовала первым расширениям криптонима «дамы Москвины» (Руссов, с. 31); девицей была Мария (см.: Иваск). Сведения об участии в сб-ке Елизаветы восходят к статье Макарова, к-рый мог быть знаком с Москвиными по моск. салонам или знать о них от Бланка; Макаров же уточняет, что Елизавета впоследствии вышла замуж за инж. врача Ефр. Осиповича Мухомина (см. в ст. А. Е. Мухом.), но, вероятно, это ошибка и речь идет о др. сестре — Над. Осиповне Москвиной, в замужестве Мухомой [1768* — 9(21).3.1830, Москва; похоронена, как и обе сестры, в Покровском мон.].

Весьма типичный для своего времени сб. «Аония» свидетельствует об изв. лит. искренности авторов: здесь представлены осн. мотивы журн. поэзии кон. 18 — нач. 19 вв. (непознаваемость Божественного промысла, душевный покой и сердечные бури, гармония природы, аллегорич. описания смены времен года, сновидений) и ее разнообразные жанры (послание, эпиграмма, мадригал, эпиграфия, рондо, «эмблема»). Значит. место в сб-ке отведено религ.-филос. медитациям — как архаичным по слогу, напр. «Ирмос», так и более живым и личным по интонации и характеру размышления (сб-к вообще не отличается стилистич. ровностью): «Мы созданы к блаженству! Да где ж теперь оно?.. Неужли к совершенству! Путей нам не дано?» (стих. «Ах, скучно!»). На фоне условно-поэтич. образности в ряде стихов обнаруживаются конкретные автобиогр. реалии, к-рые в нек-рой степени позволяют реконструировать образ жизни и круг интересов сестер (катание в санях, книги, «нежная гитара», фортепьяно; одна из девиц — ученица знаменитого нем. пианиста и композитора И. В. Геслера: «О Геслер! Это ты мне душу восхитил» — из послания «К Геслеру»; ср. также стих. «Музыка»). Отдельные поэтич. строки отмечены искренно-

стью чувства и изв. психол. точностью в изображении переживания («Смертный одр», «Чувство любви», «На разлуку») (примечательная реакция современника на экземпляре книги, хранящемся в Музее книги РГБ: «Это правда!!!, все правда!» — по поводу стих. «Разлука» и «Зима»). Иногда внутр. установка авторов не чужда лит. полемичности, как в стих. «Токсовские горы» (где говорится и о «бессмертном певце», «нежном» Осснине); в нем «выдумкам» «искусства» противопоставлена правда «сердечных чувств», выражаемая в духе эпигон. сентиментализма.

Несмотря на то что стихи Москвиных «не везде чисты, не всегда ясны», Макаров отдает должное поэтам, «учившимся только по букварю природы» (Макаров, с. 8). Позднее В. Г. Белинский отметил «Аонию» в ряду примечательных явлений «женской» лит-ры (Белинский, VII, 652).

Изд.: «Рондо». — В кн.: Царица муз. Рус. поэты XIX — нач. XX вв., М., 1989 (сост., вступ. ст. и комм. В. В. Усачевой).

Лит.: (Макаров М. Н.), М. О. Москвина. — ДЖ, 1830, № 27, июнь; Крестовников Н. К., Семейная хроника Крестовниковых, [кн.] 1, М., 1903, с. 10—17; Иваск У. Г., Родословная Москвиных, М., 1910*; Левин Ю. Д., Оссин в рус. лит-ре..., Л., 1980, с. 44. — (Руссов С. В.), Библиографич. каталог рос. писательниц, СПб., 1826; Гейнади; Голицын; Венгеров. Источ.: МНскр.; Смирнов-Сокольский; Маслаков. М. К. Елсева.

МОСКВИЧИН А., см. Павлов А. А.

МОСКАТИЛЬНИКОВ, Москатильников, Савва Андреевич [5(16).1.1768, Ярославль — 5(17).8. 1852, Казань; похоронен на кладб. Введенского Кизического мон.], поэт-любитель, переводчик. Из обедневшей купеч. семьи. Нигде не обучался (начальное образование получил под руководством учителя Ярослав. духовной семинарии). После смерти матери и вторичной женитьбы отца самостоятельно зарабатывал на жизнь и занимался самообразованием (выучил, в частности, франц.

язык). Спасаясь от попыток родных сделать из него виноторговца, поступил в канцелярию, с 1782 — копист в Ярослав. гор. магистрате.

Уже в Ярославле определяются лит. и театральные интересы М.: стал актером ярослав. «Вольного т-ра» (позднее, со своей женой Аграфеной Фёд., ум. в 1829, играл «на Казанском вольном театре» — Загоскин, с. 217), перевел, вероятно с нем., басню «Два Фигляра», написал классицистскую трагедию в 5 д., 6-стопным ямбом, «Остан» (обе — 1786; опубл. в 1902 в кн.: Бобров, т. 4) — малоудачное подражание образцам жанра (действие происходит в Индии, «в царском доме»). В 1786 переведен в Вологод. гражд. палату, в 1788, по собств. желанию, — в Нижегород. наместнич. правление, где служит губ. регистратором. Здесь сближается с влият. в провинции литератором и масоном Н. М. Веревкиным (сам М. был близок к «старшим» моск. масонам круга Н. И. Новикова).

В бумагах М., частью им уничтоженных, сохранилось несколько масонских стих.: «Моя ж молитва» с выпадами против рационалистов-иллюминатов, гимн «Великому мастеру» и др. (опубл.: Бобров Е. А., Лит-ра и просвещение в России XIX в., т. 3, Каз., 1902, с. 102—09); из этого рода соч. выделяется полемич. стих. 1817 «Религия» (опубл.: там же, т. 4). Принадлежавший Веревкину рукописный сб. «Собр. соч. и переводов друзей моих» (сер. 1790-х; РНБ), в осп. членов масон. лит. кружка, содержит многочисл. религ. и филос. «рассуждения» М., в т. ч. «О рождении и разрушении тел ...», «О возможности существования герметич. философии», «О сущ. жизни человеколюбивой», фрагменты переводов из К. М. Виланда и Ш. Буассе, оду «На день святыи Пасхи» (1791 или 1793; опубл.: Поэты-радищевцы. 1935).

В Казани, куда М. переехал в 1793 (секр. гор. магистрата), состоял в ложе «Восходящего солнца». Создал лит. казан. кружок, в к-рый входили представители местной интеллигенции — историк Н. С. Арцыбашев, учитель нар. уч-ща И. И. Чернявский (в 1803 занявший кафедру рус. яз. и словесности в Вильне; см. о нем: Поэты-радищевцы. 1935) и близкий друг М. поэт Г. П. Каменев, к-рого он всячески поддерживал, содействовал его знакомству с масонами И. В. Лопухиным, И. П. Тургеневым и лит. моск. знаменитыми (см. письма поэта к М. из Москвы: Бобров, т. 3, 4). В 1803 М. написал на смерть Каменева «Эпитафию другу» («В нем некогда пылал небесный чистый пламень»; 1-е четверостишие воспроизведено на его надгробной плите), а в 1831 посвятил ему ностальгич. «Сон друга ...» (оба опубл.: там же, т. 4). Все четыре участника кружка были членами ВОЛСНХ (сам М. с 1805 до апр. 1812 — Науч. 6-ка СПбГУ, архив ВОЛСНХ, № 204, л. 167); к кружку примыкали преподаватели Казан. нар. уч-ща, И. А. Второв.

В 1801 М. принимает участие в раскрытии судебных злоупотребле-

ний в Казани — дело по ложному обвинению в совершении поджога (один из обвиняемых умер «под кнутом»), что послужило поводом к изданию Александром I вскоре после коронации (27 сент. 1801) указа «О запрещении пыток в России». Происками местного начальства М. был обвинен в преступлениях по службе и отдан под суд: «Я жертвой был плутов, иль глупых гордецов! На действия мои яд зависть проливала, / А дружба ложная мне ковы соплетала» — вспоминал М. в «Послании к гр. Д. И. Хвостову», 1818 (опубл.: Бобров, т. 4). Однако благодаря усердию защитника в суде барона П. Р. Альбеделя и заступничеству Д. П. Трошинского (будущего министра юстиции) по высочайшему повелению был оправдан, назначен губ. стряпчим уголовных дел (1801) и награжден чином коллеж. ассессора. В благодарности М. пишет «Оду государю императору Александру I» (1801; опубл. там же), в к-рой, называя Александра I «ангелом мира», особенно восхваляет монаршее правосудие (тот же указ воспет Г. Р. Державиным в оде «Милость»). В др. оде — «Ода на день коронавания ... Александра I» (единств., не считая басни «Волк и лисица», напечатанной при жизни автора в «Трудах Казан. об-ва любителей отеч. словесности», 1815, кн. 1) — прославляются учрежденные Александром I «свободы», законы, ун-ты и др. учеб. заведения, обновившие «храм просвещения».

В 1806 и 1814 М. (коллеж. сов., с 1808 советник Казан. губ. правления) ходатайствует о предоставлении ему в Казан. ун-те кафедры «рос. юриспруденции», но оба раза получает отказ, основанный, быть может, на неблагоприятном отзыве дир. Казан. г-зии, а затем декана Казан. ун-та И. Ф. Яковкина: в письме к попечителю Казан. учеб. округа М. Л. Магницкому (январь 1807) он характеризовал М. как «ябедника», человека, лишенного «доброты души и общежительных добродетелей» (Загоскин, с. 217).

В результате «приказных интриг» 1814—19 М. в 1820 был снова предан суду, уволен и лишь в 1827 «оправдан по всем пунктам обвинения» (РГИА, ф. с.); тогда же назначен чиновником особых поручений при гражд. губернаторе (см. также: Бобров, т. 4, с. 221—22, 240). С 1818 М. — секретарь казан. отд. Рос. библи. об-ва («Сев. почта», 1818, 13 февр.). В 1820-е гг. избирался казан. дворянством в различ. к-ты.

В 1812 М. вступает в казан. Об-во любителей отеч. словесности при Казан. ун-те и становится «самым деятельным» его членом (Де-Пуле М. Ф., Н. И. Второв. — РА, 1877, кн. 2, с. 345). Он посвящает Общест-

ву прозаич. перевод «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (с франц. перевода Лебрена), над к-рым работал с 1800; именно за перевод 1-й песни по представлению Арцыбашева был зачислен чл.-корр. ВОЛСНХ (в целом благоприятный, с указанием на отсутствие «славянизмы» отзыв А. Х. Востокова см.: ЖМНП, 1890, № 3, с. 93—94; здесь же сочувств. упоминание об «Оде ...» Александром I). Перевод «Освобожденного Иерусалима» был опубл. при содействии Хвостова, лишь в 1819 (ч. 1—2, М.; 2-е изд., М., 1820—21), одновременно с выходом перевода поэмы А. С. Шишкова, выполн. с итал. подлинника (1818—19). К этому времени перевод «не с оригинала», в т. ч. и перевод М., воспринимался как «неполноценный» (И. А. Е. Измайлов) — «Благ.», 1819, № 14; СО, 1819, № 34; В.О. — СО, 1820, № 18; «Рецензент», 1821, № 1). Известно, что в 1821 М. перевел (прозой, с франц.) «Неистового Роланда» Л. Ариосто.

В 1834 М. — вновь советник Казан. губ. правления. В 1846 выходит в отставку с чином стат. советника (с 1837 — надв. сов.), но полтора года не получает пенсионера — «дошел до последней крайности, вынужден распродавать имущество» (Бобров, т. 4, с. 245). После смерти М. его рукописи и бумаги сохранили П. К. Проскуряковой — дочь Казан. помещика К. Ф. Пушкирева, к-рый был «единственным слугой» М. и умер от холеры; не имевший детей М. удочерил двух оставшихся сиротами девочек. По восп. Н. Н. Булича, знавшего М. в последние годы его жизни, он «занимал» новое поколение «как обломок старого времени»; на него «падала тень Шварца, Новикова, Лопухина; старчески, уже потухшие, но умные глаза как бы уходили внутрь; седые, длинные до плеч волосы и тихий, но внушительный голос — все заставляло смотреть на него с невольным уважением...» (Булич, с. 534). «Это была одна из замечательных личностей своего времени — литератор-самоучка, замечательный приказной делец, юрист-практик и один из последних представителей масонства в Казани» (Шпилевский С. М., Заботы имп. Александра I о Казани, Каз., 1877, с. 6).

Др. прозв.: Некролог казан. губернатору Б. А. Мансурову («Казан. известия», 1814, № 43); 8 псалмов [из пер. «Псалтири» ... на славенорус. язык] («Казан. губ. вед.», часть неофиц., 1853, 23 февр.). Возможно, М. принадлежат приписываемое А. П. Мельгунову «Собр. стихов, сочиненных во время бытности в Вологде ... на разные случаи» (рукопись — РНБ), включающее отклики на спектакли Вологод. театра

(Лазарчук Р. М., Из истории провинц. театра ... — В кн.: XVIII век, сб. 15, Л., 1986; с. 67—68).

Изд.: Поэты-радищевцы. 1935; Поэты-радищевцы. 1979; М. как литератор (опубл. соч. М.). Из переписки и бумаг М. — В кн.: Бобров Е. А., Лит-ра и просвещение в России XIX в., т. 4, Каз., 1902, с. 75—197, 198—253.

Лит.: Второв Н. И., Г. П. Каменев. — «Вчера и сегодня», кн. 1, СПб., 1845, с. 32—37; Сб. имп. Рус. ист. об-ва, т. 62, СПб., 1888, с. 43; Загоскин Н. П., История Казан. ун-та ..., ч. 1, Каз., 1902, с. 217; Бобров Е. А., Первый рус. романтик Г. П. Каменев. — ИВ, 1903, № 8, с. 535—38; ИВ, № 7, с. 15—17; Булич Н. Н., Из первых лет Казан. ун-та, т. 1, СПб., 1904, с. 533—35; Агафонов Н. Я., Казань и казанцы, в. 1, Каз., 1906, с. 88, 113—17; Алексеев М. П., Рус. культура и романский мир, Л., 1985 (ук.). — Некролог: СП, 1853, 20 янв.; «Казан. губ. вед.», часть неофиц., 1853, 9, 16, 23 февр. (биограф. сведения и фрагменты соч. М.); Геннади; Брокгауз; Венгеров. Источ.

Архивы: РНБ, собр. Н. М. Михайловского, № Q-472 (рукопис. сб-ки, в т. ч. «Собр. соч. ...» Н. М. Веревкина); РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1494 (ф. с. 1836 г.) [справка Л. М. Сеелкиной]; ИРЛИ, ф. 322, № 65, 66 (письма Д. И. Хвостову 1817—19 гг.); ф. 57, оп. 2, № 94 (2 письма Г. С. Волконскому 1813 г.) [справка Н. А. Прохоровой]; А. Е. Топтунова.

МОСОЛОВ Александр Николаевич [7(19).3.1844, Буйский завод Уржум. у. Вятской губ. — (8(21).5.1904, Петербург; похоронен в Александров-Нев. лауре), публицист, гос. деятель, автор восп. и драм. произв. Из дворян Казан. губ.; сын майора. В 1857 зачислен в эскадрон Школы гв. подпоручиков и кав. юнкеров. В

июне 1861 выпущен подпоручиком в л.-гв. Стрелковый батальон имп. фамилии и прикомандирован к Николаев. инж. академии. Прослужив год в строю, вышел в отставку по болезни. В 1860 опубли. ст. «Рус. воспитание в женских типах наших лит-ры» («Светоч», 1860, № 3—4). В. Я. Стоюнин расценил ее как «далеко не новое рассуждение о нелепом женском воспитании» («Рассвет», 1860, № 9, с. 22). В мае 1863 М. Н. Муравьев, назначенный в связи с восстанием в Литве и Белоруссии ген.-губернатором Сев.-Зап. края, пригласил М. на должность секретаря. В 1866 Му-

равьев продиктовал М. свои «Записки», опубли. в лит. обработке последнего (РС, 1882, № 11, 12; 1883, № 1—5; 1884, № 6). Годы службы в Вильне описаны М. в восп. «Виленьские очерки 1863—1865 гг.» (РС, 1883, № 10—12; 1884, № 1; отд. изд. — СПб., 1898). В очерках, так же как и в ст. «Памяти гр. М. Н. Муравьева» (НВ, 1898, 8 нояб.), автор считал своим нравств. долгом как свидетель событий оправдать средства, употребленные Муравьевым для подавления мятежа, в противовес «легендам и преувеличенным, страстным толкам». Отметив, что очерки — «живо и интересно изложенные и прекрасно документированные», рецензенты офиц. прессы обращали внимание на то, что «самый ход мятежа мало останавливает на себе внимание автора», значительное же место уделено личности Муравьева, а также реформам, проведенным им с целью «возвышения престижа рус. власти и правосл. церкви» («К. И. Храневич» — ИВ, 1898, № 12, с. 1172—73; В. В. Латышев) — НВ, 1898, 4 нояб.; «Правительство. вест.», 1898, 5 нояб.).

В 1866—69 М. — чиновник особых поручений при прибалтийском ген.-губернаторе. Активно проводил политику русификации края; был одним из основателей рус. газ. «Риж. вест.» (1869), с гл. ред. к-рой — Е. В. Чешихиным — состоял в переписке (см.: «Прибалт. край», 1900, 9 сент.—7 окт.). По мат-лам риж. архивов написал ист. иссл. «Курляндия под управлением Екатерины Великой (1795 г.)» (РВ, 1870, № 5; упоминается в капитальном тр. В. С. Иконникова «Опыт рус. историографии», т. 1, кн. 1, К., 1891, с. 566), в к-ром гл. причиной пост. волнений в Прибалтике считал восстановление после смерти Екатерины II всех привилегий местной знати, отмененных городовым положением 1783. По его мнению, с 1801 началось фактич. отчуждение вышеназванных губерний от России, чему способствовал ряд реформ, «укреплявших за этим краем его немецкий характер».

С 1869 по 1877 М. — чиновник особых поручений при мин. внутр. дел. В 1878 вице-дир., с 1879 дир. Деп. духовных дел и иностр. исповеданий Мин-ва внутр. дел. В 1881 был аккредитован при Ватикан. дворе, где на него была возложена чрезвычайная миссия по установлению соглашения с рим. курией. В 1882 перемещен на должность вологод. ген.-губернатора; с дек. того же года по 1894 новгород. ген.-губернатор. По мат-лам архива Новгород. губ. правления опубли. заметку справочного характера «А. И. Герцен, гражданская его служба в 1820—1841 гг.» (РС, 1888, № 3).

М. — автор двух драм. соч. в стихах: «Вокруг пылающей Москвы». Драм. сцены из 1812 г.» (СПб., 1900) — на сюжет «Рославлева» М. Н. Загоскина, и «На закате славы. Комедия-быль конца XVIII в.» (ИВ, 1902, № 1), посв. екатерининской эпохе. Премьера первой драмы состоялась 15 нояб. 1899 на сцене т-ра Лит.-худож. об-ва (петерб. Малый т-р). В рецензиях нек-рых периодич. изд. отмечались зрелищность спектакля (в сцене охоты участвовали гонимые, на белом коне выезжал М. И. Кутузов), изыщество, чуждое «дешевых эффектов и балаганной трескотни» (Ю. Д. Беляев — НВ, 1899, 16 нояб.; др. рец.: Б. И. Бенетовин) — «Новости и бирж. газета», 1899, 16 нояб.; (Д. П. Голицын) — СПбВед, 1899, 17 нояб.; «Россия», 1899, 17 нояб.). Однако А. Р. Кугель характеризовал пьесу как «мало пригодную для сцены», увидел в ней «патристическую бравуру, совершенно бессценную в наше время» (Тий, 1899, № 47, с. 831).

В 1894—1904 М. вновь дир. Деп. духовных дел и иностр. исповеданий. 6 мая 1904, за два дня до кончины, назначен чл. Гос. совета.

Лит.: Семейский, с. 203; Алымахов совр. рус. гос. деятелей, изд. Г. А. Гольдберг, СПб., 1897, с. 1006—1007; ИВ, 1898, № 12, с. 1115—1117; Падение царского режима, т. 1, Л., 1924, с. 257 (из показаний Б. Ш. Штурмаса 1918: о «Записках» М., к-рые «должны быть изданы» и в к-рых, в частности, он высоко отзывался об уме и таланте И. Ф. Манассеича-Матюилова). — Некрологи, 1904: ИВ, № 6, 8; НВ, 9, 11 мая; «Правительство. вест.», 11 мая; Тий, № 20. Венгеров (Список. Источ.): ИРДТ, т. 7 (ук.); ИДРДВ: Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 178; РГВИА, ф. 321, оп. 1, д. 255; ф. 489, оп. 1, д. 7074, ч. 2 (п. с. отца М.); ГАРФ, ф. 1463, оп. № 1115, 1116 (восп. М.).

Г. Н. Воронцова, Ю. И. Штакельберг.

МОШИН Алексей Николаевич [16(28).5.1870, г. Великие Луки Псков. губ. — 15.2.1929, г. Новоржев], прозаик, драматург, фольклорист, краевед. Из старинной купеч. обедневшей семьи. Отец, Ник. Ал-др., — кустарь, изготовлял рыболовные снаряды, рыбачил, охотился, занимался расчисткой земель в низовьях р. Ловати. М. учился год в гор. уч-ще, затем кончил 5 кл. в реальном уч-ще, далее занимался самообразованием. Много читал, пользуясь в этом отношении советами С. И. Взорова, С. А. Венгерова, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и др. Сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости, потом — по всем предметам ист.-филол. ф-та Петерб. ун-та. С 16 лет работал на железной дороге — пом. таксировщика станции, старшим контролером путей и др. До 1912 служил в санитарно-врачебном отделе Петерб. гор. управы, уволился по болезни.

Лит. деятельность начал в 1891, опубликовав заметку в газ. «Сиб. листок» (31 окт.); печатался во многих периодич. изд.: «Сибирь», «Курь-

ер», «Русь», «Бирж. вед.», «Новости дня», «Вокруг света», «Театр и иск-во», «Совр. слово», «Рязан. листок» и др., его произв. помещались в лит. альманахах и сб-ках «Лит. вечера» (1897, кн. 9), «Волны» (1907, № 1), «Лепестки» (сб. 1, Вильна, 1910).

Первый сб. М. «Очерки и наброски» (Саратов, 1898) почти полностью состоял из рассказов, ранее опублик. в периодике, «написанных хорошим лит. языком» и обнаруживающих в авторе «известный запас юмора и наблюдательности» (Н. А. (Н. М. Архангельский) — «Саратов. дневник», 1898, 28 дек.). Большинство рассказов сб-ка переиздано в составе следующей кн. «Штрихи и настроения» (М., 1901, 1903), вместо предисловия к к-рой опублик. беседа с Л. Н. Толстым; по утверждению М., Толстой не слишком одобрял повальное по тем временам увлечение писательством, однако, выслушав рассказ М. «Секрет Нитрича», признал, что автору следует продолжать лит. работу. Вопрос о «всеобщем праве писать», проблема объективной оценки произв. неизв. авторов чрезвычайно занимали М. (см. его беседу с В. Г. Короленко — «Беседа», 1904, № 1).

Рассказы М. разнообразны: бытописательные («Счастливые», «Прители»), насмешливо-критич. — о тупости захолустной жизни («Происшествие в городе Болотинске»), светлые, романтич., в чем-то сказочные житейские истории («Со звездой», «Король огней»); драматичен рассказ «Оценка жизни» о гибели машиниста и бездумном отношении администрации к судьбе его семьи; дикie нравы провинц. заводчики, бесправие рабочих изображены в рассказе «Как Прошка пристроился». Книга вызвала многочисл. отклики — в осн. доброжелательные. Отмечалась, правда, нек-рая «этнодность», непроработанность сюжетов (Ю-н (Н. Н. Вентцель) — НВ, илл.

прил., 1903, 23 июля), но рецензент «России» (О. Г. (А. В. Амфитеатов) — 1901, 31 авг.) писал, что М. тесно примыкает к школе Чехова, что его лучшие рассказы полны «того же глубокого, острого отрицания, того же ... презрения к среде, из быта которой они возникли, как и „Дядя Ваня“ и „Три сестры“»; сходная оценка прозвучала и в «Нов. времени» (В. Г. — илл. прил., 1901, 18 апр.).

Книгу завершал цикл мемуарных заметок о рус. писателях, позднее неоднократно выходивший отд. изданиями («Ясная Поляна и Васильевка», СПб., 1904; «О писателях», СПб., 1905; «Новое о великих писателях», 2-е изд., СПб., 1908). Интерес к такого рода материалу М. унаследовал от деда по отцу, к-рый лично знал А. С. Пушкина, давшего ему совет собирать разл. предания. После смерти деда его записки попали к М. и положили начало его личной собират. работе.

По сообщению М., вряд ли достоверно, в бумагах деда были и автографы Пушкина, но недаром усматривая уничтоженные: успел убавить лишь автограф оды «Вольность», к-рый М. в 1895 подарил Короленко, о чем нет никаких свидетельств. Собранные и записанные М. рассказы очевидцев о Пушкине, Н. В. Гоголе, И. С. Тургеневе, Н. А. Некрасове, Ф. М. Достоевском, М. Е. Салтыкове-Щедрине, Толстом, изложенные в подчеркнуто сжатом документальном стиле, вызвали споры: одни считали, что любой, хотя бы самый незначит. факт жизни великого писателя, важен и интересен, другие находили, что место подобных записок скорее в собрании сочинений Кузьмы Пруткова (А. Иванович — ИВ, 1908, № 10, с. 302); суровую оценку М. дал П. Е. Щёголев, усмотревший в них мелкость, незначительность записанного, стремление к бесцеремонной саморекламе (П. Ш. — ИВ, 1904, № 9; см. также: РЕ, 1904, № 11; К. — «Киев. отклики», 1904, 26 июля; П. Г. — «Слово», 1908, 7 марта: «Саратов. листок», 1905, 5 июня).

Очерки и заметки о писателях М. печатал и в периодике: «В Ясной Поляне в день юбилея. (Неизданные до сих пор наблюдения)» («Отклики Кавказа», 1910, 9—11 нояб.), «Полчася у графа Льва Толстого» («Саратов. дневник», 1898, 22 февр.), «Из восп. о Чехове» (НМ, 1904, № 139).

Отклики М. на трагедию 9 янв. 1905 и активизацию крест. движения — рассказы «За что?» (СПб., 1906; переизд. — М.—Л., 1926) и «Усмирили» (СПб., 1906; переизд. — М., 1928). Две книги рассказов — «Гашини и другие новые рассказы» (СПб., 1905, 1907) и «Крамola и другие новые рассказы» (СПб., 1908) — М. выпустил как 2-ю и 3-ю книги «Штрихов и настроений». Он по-прежнему обращается к разнообразным темам и сюжетам, пытается осмыслить (в рассказах «Крамola», «Камень») остросоциальные проблемы, философствует («Под открытым небом», «Илья» и др.), но совр. критика принимает его новые книги весьма сдержанно, часто — и недоброжелательно, особенно первую из них: почти во всех ста-

тьях говорится об «удивительном однообразии», «томительной пустоте», «серости» (РМ, 1906, № 11, с. 293; В. Бр. — «Книга», 1906, № 7), рассказы «не волнуют, не раздражают, не радуют и не заставляют ломать голову ...» (О. М(иртов) — «Обр.», 1905, № 6, с. 122); лишь рецензент газ. «Псковитинин» (1907, 27 мая; подпись С-л-в) пишет, что благодаря «безыскусственности ... жизненной реальности» произв. М. читаются «легко, с наслаждением, оставляя в душе самое отрадное впечатление». В отзывах на сб. «Крамola...» также говорилось о «малохудожественном изложении» (БВД, 1908, 9 февр.).

М. вел обширную переписку (в осн. делового характера). Состоял в Петерб. лит. об-ве, Моск. об-ве деятелей периодич. печати, ряде обществ. организаций, широко занимался благотворительностью. Был изв. коллекционером автографов (в его коллекции автографы А. П. Чехова, М. Горького, Л. Толстого, И. Е. Репина, Марка Твена и др., о чем он сообщает в письме А. Г. Горнфельду от 5 сент. 1907 — РНБ, ф. 211, № 804) и картин: на его «вторниках» в 1907 в Петербурге, где царил «атмосфера красок и звуков» (ПЦТМ, ф. 179, № 76), бывали И. Е. Репин и Н. Б. Нордман, Ф. И. Шалапин, Т. Л. Щепкина-Куперник, братья В. Е. и К. Е. Маковские, А. Д. Вальцева, Вас. И. Немирович-Данченко и др.

М. занимался краеведением, много путешествовал по России и др. странам. В кн. «Легенды Великих Лук» (Псков, 1915; последнее переизд. — БТ, 1986, сб. 27) он опублик. краеведч. сведения о родном городе, предания, апокрифы, христ. легенды, документ. записи деда; к этой книге примыкают «Древние „псалмы“ Псковского края» с нотами (СПб., 1911, совм. с С. Г. Рыбаковым). В жанре путевых заметок написана кн. «От Днепра до Иордана» («Красный звон», 1909, № 7—12).

Драматургич. опыты М. опирались, как правило, на его же рассказы. Первая (совм. с К. С. Баранцевичем) попытка написать пьесу «Счастье» (ок. 1904) закончилась неудачей. Но 3 апр. 1912 на сцене Петерб. худож.-драм. об-ва была пост. и с успехом шла пьеса «Трын-трава» («Волчков»), созданная на основе рассказа «Блуждающий огонек» (реп.: «Новая всемирная илл.», 1912, № 15; М. Мурашев — «Артист и сцена», 1912, № 7; Е-р — «Костромская жизнь», 1913, 28 мая). Написанная тогда же пьеса «Прошкина карьера» (др. назв. — «У рубикона, или Прошкина карьера»), в к-рой М. развил тему социального бесправия заводских рабочих, только намеченную в рассказе «Как Прошка пристроился», к постановке не была разрешена (ценз. запрещение от 10 но-

яб. 1912). Пьесы на основе своих рассказов М. продолжал писать и после 1917 (напр., этюд «Гашин», пост. в 1918 в Тифлисе, в т-ре «Ладья Аргонавтов»).

В годы 1-й мировой войны М. служил в штабе Киев. воен. округа пом. старшего адъютанта (1915—16). После 1917, получив звание проф., преподавал эстетику в Одес. консерватории и Феодосийском ин-те нар. образования, много ездил по стране с лекциями. Был чл. Рабкреса, Всерос. Союза писателей, Моск. отделения Об-ва писателей и композиторов (РНБ, ф. 103, № 103). В 1925 передал свой архив в Пушкинский Дом и получил за это Пушкинскую медаль; после его смерти дочери передали туда же рукопись «Желанная» (собранные М. частушки Великолук. у.). Умер от инсульта во время чтений лекций в Новоржеве.

Лит.: Толстой (ук.); К-р А. А. Мошин. Краткая критико-биограф. заметка. СПб., 1905; Письма Г. Мачета М. — В сб.: «Комета ... на 1905 г.», [СПб., 1905], с. 70—91; Письма М. к И. Е. Репину. — В кн.: Репин и Украина. Письма деятелей укр. культуры к Репину. 1896—1927. К., 1962 (ук.). — Мурсанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 192; ф. 134, оп. 3, № 1138; ф. 313, оп. 5, № 46; ф. 391, № 40; Р. III, оп. 2, № 700, 1052 [справка М. В. Родиковой]; ЦГТМ, ф. 179; РГАЛИ, ф. 66, оп. 1, № 805 (письма И. А. Белусову); ф. 675, оп. 1, № 10, л. 299—313 (биограф. мат-лы); ф. 341, оп. 1, № 279, л. 23 (биограф. справка); ф. 1624, оп. 1, № 145 (биография); РГБ, Чех. п. 52, 38 (письма А. П. Чехову); РНБ, ф. 211, № 804 (письма А. Г. Горюхиной); № 1397 (письмо П. М. Пильскому); ф. 773, оп. 1, № 1291 (биограф. мат-лы); ф. 810, № 4 (письма Ф. Ф. Фидлеру) [справка Т. В. Мисникевич]; РГИА, ф. 776, оп. 9, № 1377 (свед. о привлечении Н. В. Корещко к судебной ответственности за публ. рассказа М. «После наряда»).

О. Е. Блинкина.

МСТИСЛАВСКИЙ Сергей Дмитриевич [наст. фам. Масловский и; 23.8(4.9).1876, Москва — 22.4.1943, Иркутск], прозаик, публицист. Род. в семье воен. историка Д. Ф. Масловского, ген.-майора, проф. Академии Ген. штаба (см. о нем: НЭС). Учился в 1-й моск. г-зии Ф. И. Креймана, затем в ист.-филол. г-зии в Петербурге, овладел пятью языками, обучался музыке, живописи, верховой езде, фехтованию. В гимназич. годы увлекся историей, этнографией и культурой Ср. Азии, Индии, Тибета. В 1895 сразу после окончания г-зии поступил на физико-матем. ф-т (разряд естеств. наук) Петерб. ун-та, где начал заниматься антропологией. В 1896—1899 совершил пять экспедиций в Туркестан, объехал Вост. Бухару и предгорья Памира, в 1898—99 принял участие в работе противочумной комиссии (пред. — принц А. П. Ольденбургский) в кишлаке Анзоб. За науч. иссл. «Таджики» М. была присуждена зол. медаль на конкурсе Петерб. ун-та (см. «Отчет Петерб. ун-та за 1898 г.», СПб., 1899), в «Рус. антропологич. журнале» (1901, № 2; отд. оттиск — М., 1901) опублик. его иссл. «Гальча. Первобытное насе-

ление Туркестана»; составленный М. в 1899 словарь язгулянского и шугнанского языков не сохранился.

В 1900 началась публикация этногр. произв. М.: в очерке «На окраине» («Россия», 18 июля), давшем название всему циклу, напечатанному в этой газете, описывается представляющая до сих пор значит. науч. интерес сцена радения членов мистич. ордена Кадырия («лающих дервишей»), в др. очерках даны точные и яркие зарисовки нар. праздника в кишлаке Дарх с участием бачи — мальчика-танцора, переодетого в жен. наряд («Кишлак скомохов» — 15 авг.), селения прокаженных («В Самарканде» — 29 авг.), торговцев наркотиками и опиумоманов («Курильщики опиума» — 16 окт.) и нар. состязания («козло-

дранья»), до сих пор бытующего в Сев. Афганистане («Коп-кари» — 5 нояб.).

Позднее М. считал эти «лит. опыты» случайными, мотивированными поиском заработка: «никаких мыслей о лит. деятельности у меня в то время не было. В этом отношении определенную роль сыграло мое воспитание на классич. лит-ре. К-рую я довольно хорошо знал, — притом не в переводе, а в подлиннике, и в силу этого лит. мастерство — и, стало быть, професий писателя — казались мне делом для меня несомненным...» (восп. 1941 — РГАЛИ, ф. 306, оп. 6, № 31, л. 19).

Зимой 1904 М. был командирован с докладом по теме «О дервишестве в Средней Азии» на Всемирный конгресс ориенталистов (Алжир, 1905). Но командировка не состоялась в связи с отказом М. от науч. работы: его интересы все больше перемещались в сферу революционную. Весной 1899 он принял участие в студенч. забастовке, за что был исключен из ун-та; в 1901 М. сдал экстерном гос. экзамены и поступил в Академию Ген. штаба на должность заведующего б-кой и музеем (позже и типографией), где проработал до марта 1917 (числился до марта 1918).

Два обстоятельства наложили отпечаток на личность и мировоззрение М.: анархич. бунтарство («Отталкивание от среды, к к-рой я принадлежал по рождению, ... сделало меня крайним индивидуалистом, одиночкой» — автобиография, там же, оп. 8, № 510, л. 25) и романтич. восприятие мира. Именно этот «настрой» молодого интеллигента рубежа 19—20 вв., современника «героев»-террористов, почитателя стихов о Прекрасной Даме, ницшеанской «горной философии», доислам. араб. поэта-воина аш-Шанфара, популярного у европ. романтиков, породил в М. ощущение своей избранности, кастовой, аристократич. замкнутости и вместе с тем искреннее стремление сразиться с любой несправедливостью.

Сам М. так характеризовал свои жизненные «университеты»: «Возможность, — в течение десятилетий почти, — по своему социальному положению и связям, видеть „духулисы“ царского правительства, „старого“ государства, итакну гвардейского и светского быта, салонов и кашалдрий; непосредственно (в иных случаях и нитимое) общение в 1900-х гг. с рядом руководителей городского и земского движения, лидерами наших радикалов и либералов; знакомство (во время поездок в Германию и Францию) с западной „демократией“ — буржуазной и „социальной“ — привели в конечном и общем итоге — не только к извращению к царизму, но и к отрицанию даже „демократического“ государства: по убеждениям своим — в течение всей почти активной политической жизни — я примыкал к „революционному синдикализму“, теория которого очень увлеклась в 1900-х гг. и с практикой которого ознакомился (при посредстве Лягарделя) в бытность мою в Париже» (там же, л. 25—26).

В 1904 через А. И. Иванчина-Писарева М. сблизился с партией эсеров. В 1905—06 был боевым инструктором в рабочих дружинах Петербурга, пред. Боевого рабочего союза. Используя свои связи, организовывал кружки в среде гвардейского офицества. Фактич. пред. Всерос. воен. (офицерского) союза (в 1906—08 ред. его органа — газ. «Нар. армия»), чл. междупартийного Боевого к-та по подготовке восстания в Петербурге, участвовал в подготовке Кронштадтского восстания [см. его восп. «Смена подполья» — ЛОКАФ, 1931, № 11; «Отрывки о пятом годе» — КиС, 1928, № 2; «Из истории воен. движения. „Офицерский“ и „Боевой“ союзы 1906—1908». (По личным восп.) — КиС, 1929, кн. 55]. В этот период М. писал прокламации, анонимно и нелегально издал брошюру «Краткое руководство к уличному бою» (СПб., 1906). Летом 1905 нелегально выехал через Польшу, Германию и Бельгию в Париж, где встречался с П. Б. Струве и др. рус. полит. эмигрантами, с франц. социалистами и анархо-синдикалистами, одновременно устанавливал науч. связи с видными франц. антропологами.

В 1906 М. женился на М. П. Павловой-Сильванской, сестре изв. историка, к-рая была врачом-хирургом,

состояла, как и М., в партии эсеров, жила до февр. 1917 на нелегальном положении; у них впоследствии было шестеро детей.

Легальная жизнь М. в это время протекала вполне респектабельно. В 1906 в Александрии т-ре в Петербурге пост. его романтич. комедия «Во сне» (рукопись — РГАЛИ, ф. 306, оп. 4, 6).

В 1911 на фоне развития авантюриной фабулы изображено соперничество герцога-антагонистов: итал. графа-нимоморалиста, «зусара», «зверя», и рус. публициста, «труженика нисей», «хорошего человека», к-рый выигрывал у графа в словесном поединке, проигрывая ему в любовном. Тип «неукротимого» героя явно имеет своим прообразом «сверхчеловека» Ф. Ницше.

В мае 1910 М. был арестован по делу о воен. орг-ции эсеров по обвинению в принадлежности к течению «автономистов» (ГАРФ, ф. 102, 7 д-во, 1910, д. 865; ДО, 1911 г., д. 296), затем с новым обвинением — в подготовке восстания войск Финляндского воен. округа, за глав. к-рого он, по утверждению охран. отделения, должен был встать в качестве «диктатора», — был переведен в Петропавлов. крепость, где провел 11 месяцев. Весной 1911 освобожден решением суда за недостаточностью улик (РГАЛИ, ф. 306, оп. 8, № 510).

В крепости М. написал рассказы «Живец» (РБ, 1910, № 12), «Аэринок» («Заветы», 1913, № 12), эссе «Песни из плена» (там же, 1912, № 8). С этого времени активно выступал как публицист. В 1912 — авг. 1914 участвовал в редактировании вместе с Ивановым-Разумником ж. «Заветы», где заведовал отделом внутриполит. жизни и входил в редколлегию, поместил в ж-ле цикл обществ.-полит. очерков «Свое и чужое» (1912, № 1—6, 8—9; 1913, № 1, 3—11; 1914, № 1—2, 5, 7), статью о В. М. Гаршине (1913, № 3), а также серию статей [«Привет по делу Бейлиса» (1913, № 10), «Бейлис и Вилли Ферреро» (1913, № 11), «Предметный урок» (1913, № 12)], осуждающих правительства. антисемитизм. Анонимно издал брошюру «Война и евреи» (СПб., 1912), в к-рой выступил против планов исключить евреев из армии. В предвоен. годы М. сотрудничал в энциклопедиях Брокгауза и Ефрона, бр. Гранат, Воен. энциклопедии, Рус. биогр. словаре (статьи о рус. воен. деятелях и истории рос. армии). С начала 1-й мировой войны М., к-рый по причине полит. неблагонадежности не был призван в армию, регулярно готовил воен. обзоры для «Правительств. вест.», «Рус. вед.», «Киев. мысли», газ. «День» (псевд. С. Дмитриев).

К 1912—15 относится участие М. в масонских ложах Петербурга: он чл. Верховного Совета «Великого Востока народов России», создатель литературной и военной лож, а также автор устава масонской орг-ции,

к-рый опублик. под псевд. Евграф Сидоренко (не учтен у Масанова) и замаскировал под исследование об итал. карбонариях 20—30-х гг. 19 в. — «Италийские угольщики начала XIX в. (Опыт ист. исследования)» (СПб., 1913). «Большому честолюбицу», М. импонировали за секреченность орг-ции масонов, тайные ритуалы, своеобразие их философии («теория элиты», включавшая элементы вождизма, — см.: Никольский Б., Рус. масоны и революция, М., 1990, с. 59—66). В этот период М. — пред. Петрогр. Союза рабочих потребит. обществ, пред. неторгового отд. Сев. обл. союза кооперативов (издал брошюру «Рабочая кооперация», П., 1916, 1917).

26 февр. 1917 М. был вызван в Таврич. дворец для формирования штаба восстания и принял на себя руководство боевыми действиями в городе, был товарищем пред. Союза офицеров-социалистов. В последующие дни кооптирован в Исполком Петрогр. совета рабочих и солдатских депутатов, 9 марта командирован им в Царское Село для ареста Николая II и препровождения его в Петропавлов. крепость (в этой акции участвовал А. И. Тарасов-Родионов, будущий сов. писатель), но выполнить задание не смог, ограничившись только проверкой охраны дворца (см. его восп. «Пять дней. Начало и конец Февр. революции», М., 1922 (с купюрами), с. 41—61; 2-е изд., Б.—П.—М., 1922; рец. М. Гандман) — «Сегодня», Рига, 1922, 3 дек.]. В этот период М. — чл. редколлегии эсеровских газ. «Дело народа», «Земля и воля», левозеро-ских газ. «Знамя труда» и ж. «Наш путь». Еще в 1916 вместе с Ивановым-Разумником и А. Белым участвовал в создании неформальной обществ.-лит. группы «Скифы» [по названию альм. «Скифы» (сб. 1, СПб., 1917), в к-ром вместе с Ивановым-Разумником написал предисл.], тяготеющей к левому крылу партии эсеров. Первое «скифское» собрание состоялось в Петрограде у М. (см.: Ремизов А. М., Взмывшая Русь, 2-е изд., Лондон, 1979, с. 88).

В дни Окт. переворота М. был пред. фракции эсеров на 2-м съезде Советов, после ее раскола вошел в президиум съезда от «левых». Чл. ВЦИК 2—4-го созывов. При организации партии левых эсеров-интернационалистов вошел в состав ее ЦК, чл. первой Брестской мирной делегации в нояб. 1917 [издал записки «Брестские переговоры. (Из дневника)» (СПб., 1918; два изд.)]. В 1918, в первый период Гражд. войны, М. — пред. комиссии ВЦИК по организации партизанских войск, нач. Гл. штаба партизанских войск при К-те рев. обороны Петрограда, а в дальнейшем комиссар всех партизан-

ских отрядов и формирований РСФСР. В апр. 1918 на 2-м съезде левых эсеров переведен в разряд кандидатов в члены ЦК, на 3-м съезде (июль 1918) в ЦК не избран. 6 июля арестован ВЧК по делу об убийстве герм. посла В. Мирбаха. Находился на гауптвахте в Кремле до 1 авг. Освобожден на основании показаний М. А. Спиридоновой (см.: Красная книга ВЧК, т. 1, М., 1989, с. 269). В 1919—20 М. — один из организаторов и членов ЦК укр. партии левых эсеров «борьбистов» (УПЛСР). Весной 1919 был пред. Всеукр. Лит. к-та, редактором «органа рев. социализма» «Борьба» и ж. «Зори», где печатались О. Э. Мандельштам, В. И. Нарбут, О. Д. Форш, Р. Ивнев и др. При А. И. Деникине остался на подпольной работе в Киеве, с авг. по дек. 1919 руководил боевой работой УПЛСР («Из восп. о деникинщине на Украине» — «Былое», 1924, № 25—28; 1925, № 1, 2). В 1921, вернувшись в Москву, М. стал редактором одного из первых частных ж-лов «Вестника театра-искусства-кино-спорта» — «Экран» и частного изд-ва «Денница», позже пытался организовать ж. «Основы» с активным участием Е. И. Замятина. С сент. 1921 — тов. пред. Моск. отд. Вольной философ. ассоциации (Вольфилы), после высылки в 1922 Н. А. Бердяева и отъезда в Берлин А. Белого стал фактич. ее руководителем. В 1921—25 редактор неперIODич. изданий в Коминтерне профсоюзов.

Только отойдя от активной полит. деятельности, М. смог посвятить себя лит. творчеству, к-рое он считал продолжением «дела», понимаемого как непрестанная борьба и «Битва ради Битвы» («Только для дела — путь к слову...» — восп., РГАЛИ, ф. 306, оп. 8, № 510, л. 24—25). В 1925 вышла кн. «Крыша мира» (М.; 4-е изд., М., 1990) — 1-я книга задуманного им романа в 5 частях «На тропе. Роман о моей жизни», из к-рых увидела свет еще 2-я кн. «На крови» (М.—Л., 1928, с купюрами; полностью — т. 1, 2, Б., 1928) — о Революции 1905, а части «У старцев», «Борьба за огонь» (эпоха Февр. и Окт. революций и Гражд. войны) и «Записки моего внука» (социальная утопия) не были завершены (РГАЛИ — наброски, отрывки, планы). Диалогия «На тропе» воплотила противоречивый опыт исканий М. всего предрев. периода. Центр. персонаж — молодой интеллигент из обедневшей дворян. семьи — автобиографичен. Замысел «Крыши мира» возник из ежеднев. рассказов М. детям о своей юности и начале жизненного пути. Существенным в творч. истории романа было и знакомство М. в 1922 с неопубл. дневниками и перепиской А. А. Блока:

«Я хотел использовать Блока для противопоставления двух — резко различных — „романтик“, носителями которых в моем представлении являлись он и я» (восп. — РГАЛИ, ф. 306, оп. 6, № 31, л. 27). Образ Блока «соловьевской поры», в понимании М., символизировал романтика, к-рый стремится к Красоте мира, но не считает возможным достигать ее в действии, в Битве на Тропе. В романе показано становление «сверхчеловека» ницшеанского толка, вышедшего на путь индивидуального террора в борьбе со Злом. В повествовании о приключениях «донкихотской» пары — гл. героя и его проводника-шутника и балагура, развернутом на экзотич. вост. фоне, заметно сильное влияние неоромантизма Р. Кипплинга (ром. «Ким»).

Критика отнеслась к первому роману М. в целом положительно. Отмечалось, что роман написан свежо, талантливо и стилистически соответствует поставленным задачам; несмотря на его принадлежность к т. н. авантюристич. жанру, предпочтительно по стилистическим признакам рассматривать его «вне всякого жанра, в стиле определения самого автора, дающего в подзаголовке. Это, действительно, „роман о моей жизни“, сохранивший свежесть и увлекательность с ранних лет юности». Критик хвалил автора за сатирич. изображение старого Туркестана (обсуждались сцены из быта рус. властей) и упрекал за излишнее злоупотребление фантастикой (легендами и сказками Востока). Через всю книгу проходит «иск-рая философия борьбы» — «очень широкий рв. идеализм, как пафос свободы, к-рым жило целое поколение накануне 1905» (К. Локс — Пир, 1925, № 7, с. 272—73; др. отзывы: И. Нусинов — «Кингтопш», 1925, № 18; Н. Виленская — «Октябрь», 1925, № 9; С. — «Смена», 1927, 25 мая).

Тот же герой в ром. «На крови» действует не в обстановке экзотического Востока, а в обстоятельствах Революции 1905. Тема «двойничества», только намеченная в «Крыше мира», становится стержневой в этом романе. Исключит. возвышение «сверхчеловеческого» сознания реал. личности над стихийным сознанием «темной толпы» кристаллизуется в теории «протеизма». Герой М., подобно античному божеству Протею, обладает способностью менять свой облик, не меняясь внутренне: в соответствии с этим он имеет два имени и два облика — Сергей (в среде аристократии) и Михаил (на рабочих окраинах). К этому двойничеству он приходит сознательно. В трактовке нравств. «протеизма» М. близок концепции романов Б. Савинкова «Конь бледный» и «То, чего не было». Утверждая свою свободу в границах империализма и крайнего индивидуализма, он в итоге приходит к духовному краху и трагич. одиночеству. Отношение М. к своему персонажу двойственно: с одной стороны, он сочувствует индивидуальной борьбе «сверхчеловека» в защиту «бедных и слабых», с другой — осуждает убийства во имя «идеи» и «азефовщину» как следствие «протеизма».

Ю. А. Айхенвалды дал точное определение психол. типа героя-«протестиста» — «сноб револю-

люции» («он ее усердно делал, но делал в качестве спортсмена и эстета, а не совершенно не веря, забавляясь игрою в свою и в чужие головы»). Считая «нимоморальную» и авантюристич. сторону романа наиболее убедительными и автобиографическими, критик подчеркивал, что книга М. «правдиво от себя отталкивает. Трудно от нее оторваться, трудно ею не возмущаться» («Руль», Б., 1928, № 2253); др. отзывы: НМ, 1928, № 7; «Красная нота», 1928, № 7; «Известия», 1928, 31 марта; «Комсомольская правда», 1928, 1 сент. В нояб. 1928 в Гос. т-ре им. Е. Вахтангова состоялась премьера спектакля «На крови» по роману М. (в авт. инсценировке; пост. Р. Н. Симонова), вызвавшая многочисл. отклики прессы.

В диалогии М. окончательно вырабатывается упругий, динамич. стиль с частыми интонационными (авторскими) типе и инверсиями, обилием сравнений и метафор, отличающийся также богатством цветовой палитры, многообразием характеристик персонажей через их мимику и жесты.

С. Д. Мстиславский.
Худ. К. С. Петров-Водкин. 1929.

В 1925—31 помощник гл. редактора «Большой сов. энциклопедии», с 1931 редактор изд-ва «Федерация». Переехав в Москву, читал лекции о рабочем движении на Западе в Центр. профшколе и Пед. ин-те им. Литкенса, преподавал в Высшем худож. ин-те им. В. Брюсова и на Высших гос. лит. курсах. Один из создателей ж. «ЛОКАФ» (орган Лит. объединения Красной Армии и Флота, с 1933 — «Знамя»).

В 1920—30-х гг. М. написаны романы «Союз тяжелой кавалерии» (М.—Л., 1929) — об истории «похищения» Романовых и попытках восстановить в России монархию, «Без себя» (М.—Л., 1930) — о Гражд. войне на Украине, «Партионцы» (М., 1933) — о народных вождях, пов. «Черный Магома. Рассказы о старой уходящей Аварии» (М., 1932); ст. «Мастерство жизни и мастера слова» (НМ, 1940, № 11—12), прозаич. пересказ для детей эпич. поэмы Низами «Искандер-намэ» (М.—Л.,

1942), пьесы «Судьба гор» (М., 1933), «Удел сильных» (НМ, 1935, № 12).

Значит. событием в лит. биографии М. стал и сб. «Откровенные рассказы полковника Платова о знакомых и даже родственниках» (М., 1935), где даны яркие, подчас сатирич. картины жизни гвардейских офицеров начала века, нарисован образ «рус. империалиста». В др. своих произв. М. не отходит от присущей ему проблематики и системы образов, создавая в осн. произв. на ист.-рев. тему (ром. о Н. Э. Баумане, «Греч, птица весенняя», М.—Л., 1937, до 1990 многократно переизд.; «Накануне. 1917 год», М., 1940), но раскрывая ее по канонам социалистич. реализма.

В нач. 1938 по решению ЦК ВКП(б) М. был назначен офиц. биографом В. М. Молотова (пов. «Слава. Первый комсомолец», М., 1939). В 1938—40 руководил творч. кафедрой в Лит. ин-те СП СССР. Умер в эвакуации.

Лит.: Седова А. Ф., Становление писателя. (М. конца 1880-х — нач. 1890-х гг.). — «Науч. тр. Ташкент. ун-та», 1970, в. 389; с. 8. О нек-рых особенностях изображения героя-романтика. («Крыша мира» М.). — Там же, 1971, в. 396; с. 8. Нек-рые особенности изображения героя М. — Там же, 1973, в. 444; Савельев А. (Предисл. к публикации «Арест Николая II. Из восп. М.») — КО, 1990, № 35—36; ст. ж. Формула двойничества. — «Рус. курьер», 1992, № 13. + КЛЭЗ: Катаз; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 306.

А. Л. Савельев.

МУЙЖЕЛЬ Виктор Васильевич [18(30).7.1880, дер. Уза Порхов. у. Псков. губ. — 3.2.1924, Петроград; похоронен на Волковом кладб.], прозаик. Отец (белорус, по др. сведениям — из литов. выходцев, принадлежал к податному сословию) обвинялся тайно с дочерью поляка, владельца небольшого имения, в к-ром был работником; в дальнейшем, служа по найму, часто менял места работы, поэтому детство М. прошло в разъездах по России и Ср. Азии. Систематич. образования не получил: учился в Псков. и 8-й петерб. г-зиях, Великолук. реальном уч-ще. В 17 лет ушел из дому, работал писцом у зем. начальника, приказчиком на лесоповале, канцеляристом в Мин-ве финансов (см.: Лит. календарь-альманах, СПб., 1908). В возрасте ок. 20 лет поступил вольнослушателем в Худож. уч-ще барона Штигиша, зарабатывал изготовлением литографий, гл. обр. для изд-ва П. П. Сойкина (автобиогр. подробности юности — в рассказе «Встреча», опубл. посм., Л., 1926). В 1900 выслан на два года «за политику» в Псков, где служил в зем. статистич. бюро. Вернувшись в Петербург, продолжил работу в изд-ве Сойкина: помещал свои рисунки в ж-лах «Родина», «Природа и люди». Первая выявленная публ. М. — «эскиз»

«Праздничное» в ж-ле «Отдых» (1902, № 10).

Эта публ., очевидно, была забыта автором. По словам М., свой первый рассказ («о притумленных деревен. жизни перед городской») он написал в 17—18 лет, впервые напечатался в ж. «Природа и люди» — «кажется, под псевд., — не то „Лисович“, не то „Темноборский“»; причину своей забывчивости объяснил тем, что «много рисовал под псевд. и спутался уже в них» (см.: Фидлер, с. 122—23; из этого источника названные псевд. попали в словарь Маса-нова). Однако в указанном ж-ле текстов, опубликованных под такими псевд., нет, не имеется ист. очерк «Последний вечник» (Из поездки в Псков) (1903, № 40), за подписью: В. В. Муйжель. Тогда же в ж. «Родина» появился очерк М. «Поглядки палаты во Пскове» (1903, № 3).

Началом своей лит. деятельности М. считал рассказ «В непогоду» (МБ, 1904, № 8; отд. изд. — СПб., 1904), отобранный для публ. А. И. Куприным (ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, № 19, л. 3). Покинув Петербург, жил в Псков. губ., содержал лит. трудом семью; за 10 лет (1904—14) написал, по собств. подсчетам, 16 тт. по 10,5 л. (письмо В. Д. Бонч-Бруевичу — РГБ, ф. 369, к. 305, № 4, л. 5). Печатались в ж-лах, в т. ч. «Рус. богатство», «Совр. мир», «Журн. для всех», «Лит. прил. к „Ниве“», «Новое слово», «Солнце России», «Огонек», «Правда», «Образование», «Пробуждение», а также в разл. альманахах и лит. сб-ках (напр.: «Зарницы», «Вершины», оба — 1909). Рассказы М. выходили отд. изданиями, обычно в сериях «для народа» («Б-ка для всех», «Новая б-ка» и др.), затем объединялись в разных комбинациях в авт. сб-ки.

В центре написанного — рус. деревня, жизнь крестьянства; иногда герой — крестьянин, оказавшийся в непривычных социальных условиях: в солдатах, в городе, на стр-ве ж. д., в ссылке, но всегда сохраняющий «мужичий» характер. Картины сел. жизни исключительно мрачны; деревен. быт — бессмысленная череда голодного существования, изнуряющего труда, пьянства, драк, ругани; в семьях царит алчность, недоверие, презрение к человеку, достоинству и жизни, соединенные с угодничеством и раболепством перед сильными.

«Что ни рассказ, то жуть и кошмар..., то вост угасом бедизны. Деревня — жестокая, темная, дикая и слепая. ... В мраке жестокости, но тьме невежества у него копошится человек-трологодит с его первобытными инстинктами и страстями» (М. Королицкий — ВЕ, 1916, № 10, с. 370—71).

Критика либер. толка встретила первые рассказы М., обнаружившие «близкое знакомство с крест. жизнью и ее правдивое воспроизведение» (Ф. Арнольд — РМ, 1907, № 12, с. 236), доброжелательно: рассказ «Мужичья смерть» (МБ, 1905, № 3) Ю. И. Айхенвальд назвал «трогательным», отметил влияние Л. Н. Толстого и В. Г. Короленко (РМ, 1905, № 4, с. 187). Социальная значимость избираемых М. сюжетов, полит. актуальность тем (рассказ «Аренда» (РБ, 1906, № 8—9), отразивший

крест. волнения в деревне в годы первой революции и вызвавший недовольство цензуры (см.: КВ, 1906, № 40, с. 946); рассказ «Кошмар» (РБ, 1906, № 1), воссоздающий картину дикой расправы казаков над мирно гулявшими студентами) импонировали критикам, ориентированным на реалистич. традиции: в произв. М. находили гуманизм и «искание правды» (Александрович Ю., После Чехова, М., 1908, с. 235), «верность заветам Гоголя—Толстого—Чехова» (М. Костеловская — «Обр.», 1907, № 12, с. 141). В то же время было очевидно и худож. несовершенство его прозы: громоздкость, грузность, многословие и растянутость (Айхенвальд Ю. И.) — РМ, 1906, № 3, с. 205; № 11, с. 156); даже выделявшийся на «сером фоне»

альманаха «Шиповник» (кн. 2 — СПб., 1907) рассказ М. «Пока» (Горнфельд А. Г., Книги и люди, СПб., 1908, с. 123—25) вызвал упреки благожелательно настроенного рецензента тем, что «сух, растанут и местами скучен» из-за обилия описаний (П. Дмитриев — «Обр.», 1907, № 8, с. 102).

С появлением в 1908—10 «Рассказов» (т. 1—4, СПб.) складывается устойчивая репутация М. как добротного бытописателя, однако не обладающего крупным талантом (В. П. Полонский — «Всеобщий ежесемечник», 1910, № 4), «бытовика с ясно выраженными народнич. симпатиями» (М. Костеловская — «Обр.», 1907, № 12, с. 141). «Рассказы» обратили внимание критиков, стоящих на позициях «нового иск-ва», для к-рых произв. М. служили доказательством худож. упадка традиц. прозы, «мертвого, бездейственного реализма» (Н. Петровская — «Весы», 1907, № 11, с. 60; ср.: отзыв Элиса на рассказ «Пока» — там же, № 8); А. Белый видел в творчестве

М. пример неосознанности художником собств. настроения, отсутствия к.-л. худож. новизны: «Сколько раз это писалось и сколько раз будет написано и впредь всеми десятками, сотнями и тысячами грядущих литераторов?» («Перевал», 1907, № 8—9, с. 96). Негодование вызывали сцены грубого насилия: озверевшие солдаты насилуют юную девушку («Аренда»), то же проделывает больной сифилисом солдат («Грех» — альм. «Жизнь», СПб., 1908); сюжет с групповым изнасилованием полицейскими героини рассказа «Кошмар» встретил резкий протест А. Крайнего (З. Н. Гиппиус): «нельзя на такие вещи реагировать „произв. иск-ва“». Есть переживания, к-рые не могут служить лит. „сюжетом“, или они не переживания» (РМ, 1911, № 9, с. 25; ср.: отзыв В. А. Чудовского — «Аполлон», 1911, № 8, с. 72). Не меньшее неприятие вызывали и социальные взгляды М.: «... страна, где все воры, развратники и пьяницы, слабые дурачки или злые звери ..., где царит тупость, косность и жестокость. Эта страна — Россия, и народ этот — русские. Так уверяет г. М.» (М. Кузмин — «Аполлон», 1911, № 9, с. 75). Все это заслоняло от большинства критиков особенность худож. метода М. — стремление воссоздать действительность сквозь призму начинающего пробуждающегося сознания «героя из народа», что дало основание А. Белому в ст. «Символизм и совр. рус. иск-во» писать о соединении в его рассказах народничества с импрессионизмом («Весы», 1908, № 10, с. 39).

М. ни организационно, ни творчески не входил в устойчивые лит. объединения: по своей худож. манере тяготел к писателям-реалистам, группировавшимся вокруг «Журн. для всех», приезжая в столицу, проводил время с писателями — завсегдатями ресторана «Вена» (Куприн, А. Н. Толстой и др.), дружил с М. П. Арцыбашевым (их переписка — РГАЛИ, ф. 328, оп. 1, № 18; РНБ, ф. 124, № 219, 222, 2916; ф. 497, № 144). В 1908 по предложению Л. Н. Андреева, поддержанному М. Горьким, подготовил для изд-ва «Знание» кн. рассказов, к-рая, однако, по прочтении была отвергнута Горьким, увидевшим в прозе М. «многословие», «реакц. содержание», «антидемократизм» и «мещанский романтизм» (Письмо К. П. Пятницкому, 1908 — Архив Горького, IV, с. 250; см. также: ЛН, т. 95, с. 980). Негативную реакцию Горького Андреев объяснил дружбой и сотрудничеством М. с Арцыбашевым (см.: ЛН, т. 72, с. 531), в альм. к-рого («Жизнь», 1908; «Смерть», 1910) он принимал участие.

В 1910-х гг. М. стремится расширить жанровый и тематич. диапазон

своего творчества, усилить в нем социальные мотивы. Однако крупная худож. форма ему не удается: роман «Год» (РБ, 1911, № 1—12), в к-ром уклад крест. жизни оказывается неподдающимся столыпинским аграрным преобразованиям, поразил критику своей непомерной растянутостью и породил коллективную эпиграмму («„Год“ пройдет ... Честный народ, / Вот как буду жить на свете я, / Коль на будущий нам год / Муйжель двинет „Многолетие“» — см.: Дейч А., День нынешний и день минувший, М., 1969, с. 294). Пов. «Опустошение» (РБ, 1913, № 10—12; отд. изд. — П., 1917), посв. послевоенной разочарованности в обществ. идеалах («себялюбие, пошлость, люди опускаются, уходят в личные мелочи, бегут общечеловечности» — см. письмо М. к А. Г. Горнфельду, РНБ, ф. 211, № 805, л. 15), была возвращена с требованием радикального сокращения, что чуть было не привело к разрыву М. с ред. «Рус. богатства» (копия переписки с Горнфельдом — РГБ, ф. 135/II, к. 30, № 35, л. 1, 13—14).

В эти годы М. несколько отходит от «деревенской» темы: действие переносится в большое торговое село или небольшой город; герои — представители местной интеллигенции: учительница зем. школы (пов. «Учительница», «Новый журн. для всех», 1913, № 1, 2; отд. изд., П.—М., 1915), сотрудники небольшой провинц. газеты (пов. «Опустошение»). Однако общая тональность прозы М. не изменилась: действительность и здесь остается дикой, темной, ужасающей бессмысленной; критика продолжала отмечать «непомерную односторонность» письма, слабую обрисовку характеров и т. д. (М. Королешкин — ВЕ, 1917, № 4—6).

В 1914—15 — воен. корреспондент «Бирж. ведомостей» в Галиции и Польше (корреспонденции составили сб. «С железом в руках, с крестом в сердце», П., 1915; рец.: Не-Буква (И. М. Василевский), Душевная книга. — ЖЖ, 1915, № 29). Вернувшись с фронта, М. выпускает короткие «гуманные» рассказы на воен. темы в «Дешевой нар. б-ке», издаваемой Скобелевским к-том («Враги», «В пути», оба П., 1916).

В 1914 М. составил четыре тома своих рассказов и продал их изд-ву «Жизнь и знание» (руководитель — В. Д. Бонч-Бруевич), однако война разрушила эти планы (вышел лишь один том: «Опустошение», П., 1917).

После Окт. революции сотрудничал в беспартийной, затем сов. печати: летом 1918 — ред.-изд. беспартийных газ. «Молва» (вышло 17 номеров) и «Утренняя молва», где помещал свои фельетоны, призванные вселить в читателя социальный оптимизм; также работал в разл. коопера-

тивных изд-вах (напр., см.: ЛН, т. 92, кн. 4, с. 594). Печатался в ж. «Платье», «Новый путь» и, подобно др. писателям нар. темы, активно издавал рассказы в массовых сериях, в т. ч. изд-ва Петрогр. совета рабочих и красноарм. депутатов и изд-ва «Прибой»; перерабатывал соч. заруб. авторов для широкого круга читателей (Швейцель Р., За свободу. Ром. из крест. войны 1525 г. в Германии, М.—П., 1923; Гамсун К., Соки земли, М., 1923). Темой его рассказов становится конфликт «нового со старым»: работников со своими бывшими хозяевами («Кухаркины дети», М., 1925); отца с сыном, нашедшим свое место в новой жизни (рассказ «Повстречались», «Звезда», 1924, № 1); честного труженика (с дочерью свитского генерала (рассказ «Тайна» — в сб. «Возвращение»). К ним примыкает единств. опыт в драматич. жанре — «представление» «Питерский жених» [опубл. в подготовленном М. сб-ке пьес «Деревен. театр» (Л., 1924), в числе участников — В. Я. Шишков, А. П. Чапыгин, В. Я. Ленский и др.]. Чтобы содержать семью, М. был вынужден вновь поступить на службу (чиновником в Главлеском) (см. анкету, составленную для Лит. отд. Наркомпроса, 1920 г. — РГБ, ф. 81, к. 14, № 364). В 1920-е гг., больной туберкулезом, он жил продажей собств. имущества (письмо В. Я. Брюсову 29 янв. 1924 г. — РГБ, ф. 386, к. 95, № 38); тшкетно умоял Бонч-Бруевича издать купленные у него в 1914 рукописи.

Изд.: Собр. соч., т. 1—11, СПб., 1911—12; Батарее смерти. — Вахмистр Пеклеванный. — Светлые души, П., [1916]; Отец Николай, П., 1916; Хутор № 16, П., 1916; У моря, П.—М., 1914; Прохожий, П., 1919; Рассказы, т. 1, П., 1920; Попытанный и др. рассказы, П., 1922; Путешествие, П., 1923; К новой жизни, М.—П., 1924; Возвращение. Последние рассказы, М.—Л., 1926 (предисл. П. Медведова).

Лит.: Десятилетие ресторана «Вена», СПб., 1913, с. 52—56; Владислав И. В., Рус. писатели, 4-е изд., М.—Л., 1924; его же, Лит-ра великого десятилетия, М.—Л., 1928; Касторский С. В., В. Муйжель. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 10, М.—Л., 1954; Пиккис И., Бытописатель рус. деревни. — В альм.: На берегах Великой, кн. 10, Псков, 1958; Пехтерев А. С., К теме народа в творчестве М. эпохи первой рус. революции. — В кн.: Рус. лит-ра XX в. Доокт. период, Тула, 1974; Изюмов Е. А., «Их имена забыты не должны», Л., 1989, с. 128—32; Чуховский К. И., Дневник. 1901—1929, М., 1991 (ук.): ЛН, т. 82, с. 204 (А. В. Луначарский о М., 1908 г.); Филлер: РВед. Сб.: НЭС; Гранат; КЛЭ; БСЭ; Рус. писатели. Альб. и сб-ки (1, 2); Муратов (1, 2; ук.); Смирнов-Сокольский (1, 2, 3); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 328; ИРЛИ, л. ф. в составе собрания А. Е. Бурцева; ф. 123, оп. 2, № 320—51; ф. 185, оп. 1, № 819 (письма В. С. Миролюбову); ф. 123, оп. 2, № 337 (письма В. С. Миролюбову); ф. 377; ф. 155; ф. 273, оп. 2, № 19 (автоб. письмо П. В. Быкову, 1913 г.); РНБ, ф. 497; РГБ, ф. 135/II, к. 30, № 25 (письма В. Г. Королешко); ГА Псков, обл., ф. 8, оп. 1, д. 27, 28 (именнич. дело).

А. А. Носов.

МУНДТ Николай Петрович [14(26). 12.1803 — 21.1(2.2).1872, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], бел-

летрист, переводчик. Из дворян Петерб. губ. Сын изв. врача П. Ив. Мундта (ок. 1777—1834). Воспитывался в Петерб. высшем воен. уч-ще; не кончив курса, вышел из 6-го кл. Выдержав экзамен в Гв. Ген. штабе, был определен подпрапорщиком в л.-гв. Гренадер. полк (март 1820), с июня служил в л.-гв. Семенов. полку. После востания полка переведен в Вологод. пех. полк (ноябрь). В 1821 произведен прапорщиком, в 1824 подпоручиком. В 1827 по увольнению из воен. службы определен в контору имп. петерб. театров (в 1828 получил чин губ. секр.); в 1829—1836 секретарь при дир. петерб. театров. Служил в Петерб. таможене (1836), в Военно-походной с.и.в. канцелярии (1837). В 1838 поступил в канцелярию Воен. мин-ва на вакансию секретаря, с 1842 правитель канцелярии Комиссариатского департамента. В 1851 переведен в Мин-во финансов чиновником особых поручений (прикомандирован к Деп. податей и сборов; с 1856 — к Деп. гос. казначейства). Выезжал по секретным делам в Ковен. губ. и Берлин (1853), в Тамбов. губ. (1854). С 1858 пред. Астрахан. казенной палаты; д. стат. сов. Пред. Тамбов. казенной палаты (с 1861). В 1862 вышел в отставку (по болезни).

С 1827 на петерб. и моск. сценах шли многочисленные франц. и нем. пьесы разнообразных жанров в переводах М. (наиб. популярные — «Матильда, или Ревность», драма Ж. Ф. А. Байара и Лоренсена, в репертуаре 1835—64, опубл.: «Репертуар рус. театра», 1841, № 8; «Ольга, русская сирота», водевиль Э. Скрибда, Т. Ф. Вильнёва и Деверже, в репертуаре 1830—71, рукоп. в СПб ГТБ); М. был одним из первых переводчиков А. Дюма (ист. драма «Генрих III и его двор», СПб., 1829; в репертуаре 1916—17), К. Гуцкова (драма «Вернер, или Сердце и свет» — «Пантеон», 1842, кн. 17). Успехом пользовалось и драм. представление «Людмила» (СПб., 1830), написанное М. и Р. М. Зотовым по балладе В. А. Жуковского (в репертуаре 1830—53).

По упоминанию библиографов, восходящих к А. Ф. Смирдину (см.: Третье приб. к росписи рос. книгам ... из б-ки А. Смирдина, в. 1, СПб., 1847, с. 31), М. принадлежат пер. романа Ч. Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» (СПб., 1833), выполненный с сокращенного франц. изд. (М. П. Алексеев предположительно называл переводчиком Н. А. Мельгунова, см. анализ перевода в ст.: Алексеев М. П., Ч. Р. Метьюрин и рус. лит-ра. — В ст. кн.: Англ. лит-ра. Очерки и исследования, Л., 1991, с. 300—02, 314—16).

Во второй пол. 1830-х гг. М. оставил занятия переводами. Сотрудничал, по собств. признанию, «много и усердно, но незаметно и безыменно» (Гоголь в восп., с. 69) в «Отеч. зап.», «Энци. лексиконе» А. А. Плюшара, «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“», др. изданиях (в числе немногих подпи-

санных публ. — «Быль» «Бродяга», ЛПРИ, 1837, 19 июня — 3 июля). В 1838 стал одним из компаньонов А. А. Краевского, материально поддерживая «Отеч. зап.» (Панаев, с. 125). В альб. В. А. Владиславлева «Утр. зоря на 1839» (СПб., 1839) М. поместил пов. «Домик в Подгорной слободке» (негативный отзыв: (В. Г. Белинский) — МН, 1839, ч. 1, № 2). Насыщенная мелодрам. эффектами, повесть сюжетно близка к «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина; значит. место занимает топография города и описание быта петерб. окраины.

Причастный к театральному миру, М. выступил в роли историка театра. Составленные им очерки «Биография Карла-Лудовика Дидло, бывшего балетмейстера имп. С.-Петерб. театров» (ЛПРИ, 1837, № 50), «Биография Василия Ивановича Рязанцева» («Репертуар рус. театра», 1840, № 1), «Биография знаменитой русской артистки Марьи Даниловы» («Пантеон», 1840, № 2), отличающиеся живостью и изяществом изложения, благосклонно отмечались Белинским (ОЗ, 1840, № 2, 4; ЛГ, 1840, 28 февр.). М. оставил также ценное мемуарное свидетельство о неудавшейся попытке Н. В. Гоголя поступить в труппу Александрин. театра — «Попытка Гоголя» (СПбВед, 1861, 24 окт.; перепечатано под назв. «Гоголь на сцене» — «Петербург. газ.», 1909, 20 марта).

Заграничные путешествия М. нашли отражение в его зап. «Прогулка по Саксонской Швейцарии» (ЛГ, 1840, 27 июля), «Путевые записки и впечатления» (там же, 1841, 11 марта), «Письма из-за границы» («Пантеон», 1854, № 6, 7; одобрит. отклик: ОЗ, 1854, № 8, отд. IV, с. 119), содержащих сведения об архитектуре, живописи, ист. достопримечательностях, традициях и быте европ. народов.

Изд.: Гоголь в восп.: Н. В. Гоголь в рус. критике и восп. современников. М.—Л., 1951; 2-е изд. М., 1959.

Лит.: Батюшков (ук.): Белинский (ук.): Зотов Р. М., Записки. — ИВ, 1896, № 8, с. 309—10; Каратыгин П. А., Записки. т. 2. Л., 1930 (ук.). + Затворницкий Н. М., Столетие восп. мин-ва. Указатель биогр. сведений.... т. 3, отд. 5. СПб., 1909 (ук.): Вольтер; Венгеров. Источ.: Межов; Муратова (1. ук.); Смирнов-Сокольский; ПНБкр.: ИРДТ. т. 3—5, 7; Масянов.

Архивы: РГБИА, ф. 1, оп. 1, д. 7780, 16147 (ф.с. 1845 г.); [справка Н. Ю. Муравинской]; РГИА, ф. 497, оп. 1, д. 3318, 4579, 6295 и др. (биогр. мат-лы); ф. 560, оп. 8, д. 910 (аттестат на основе ф.с. 1862 г.); ф. 1343, оп. 25, д. 6116 (о дворянстве рода Мунят) [справка Е. И. Соколовой]. Е. Н. Пискава.

МУНИ [наст. имя и фам. — Самуил Викторович Киссин; 24.10(5.11). 1885, г. Рыбинск Ярослав. губ. — 22.3(4.4). 1916, Минск], поэт, критик. Сын Викт. Израилевича Киссина, еврея, купца второй гильдии из Орши, получившего «промысловое свидетельство на торговое предприятие второго разряда» (ЦИАМ,

ф. 418, оп. 317, д. 463) и занимавшегося переброской грузов по рекам — видимо, при посредстве Рыбинского цепного пароходства. Окончил Рыбинскую г-зию в 1903 (серебр. медаль), в том же году поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та (окончил в 1912). Служил в издат. фирме «Гросман и Кнебель».

Первая публ. — стих. «Монахия» («Зори», в. 3, М., 1906). С тех пор при жизни было напечатано всего ок. 20 стих. (см. библ. в статье: Андреева И. «Огромной рифмой связало нас...». — «De Visu», 1993, № 2) с разнообразными подписями: Муни (самый изв. псевдоним, чаще

всего употреблявшийся и в жизни; происходит от имени Самуил, а не от «Сакия-Муни» Д. С. Мережковского), М...., Александр Беклемишев, С. Киссин, что для стороннего читателя делало незаметным присутствие М. в лит-ре. Под псевд. Эрмий печатал небольшие и достаточно уравновешенные рецензии в ж. «Перевал» (1906—07), газ. «Лит.-худ. неделя» (1907, № 2, 3) и «Час» («К психологии графоманов» — 1907, № 37). Значит. архив, где помимо стихов есть неопубл. проза — неоконч. пов. «Невеста Брутикова», новеллы «Выхухоль» и «Легкое бремя», афоризмы, пьесы, письма, хранился у дочери Л. С. Киссиной (умерла в 1993; местонахождение архива неизвестно). С 1909 К. был женат на Л. Я. Брюсовой, сестре В. Я. Брюсова.

Его место в лит-ре точно определил ближайший друг В. Ф. Ходасевич, благодаря к-рому сохранилась память о М.: «[он], в сущности, ничего не сделал в литературе. Но ... он всем своим обликом выражал нечто глубоко характерное для того времени, в к-ром протекала его недолгая жизнь. Его знала вся лит. Москва конца девятисотых и начала де-

вятысотых годов» (Ходасевич В., Колеблемый треножник, М., 1991, с. 313). Нек-рые даже остерегались его едких замечаний — по словам К. Г. Локса, у М. был «ум, выжилавший все вокруг, как серная кислота» («Минувшее», в. 15, М.—СПб., 1994, с. 145).

Чрезвычайно строгая требовательность М. к себе выделяла его из круга молодых литераторов-символистов. Даже вполне отделанные стих. и проза оставались неопубл. Характерными особенностями его творчества, как и творчества др. молодых поэтов его поколения (Ходасевич, А. Я. Брюсов, В. И. Стражев и др.), были символистское мироощущение, тяготение к мистич. переживаниям, реальному ощущению двойничества (Ходасевич описывает перевоплощение М. в др. человека, Ал-дра Ив. Беклемишева, едва не приведшее к психич. расстройству, а также др. подобные эпизоды), внезапным озарениям и пр., одновременно — в поэтике стремление к классич. строгости форм, ориентация на пушкинскую эпоху. Однако наряду с этим он пробует и иные формы построения произв., в т. ч. пишет типично символистскую прозу [рассказ «Летом 190* года» (архив Л. С. Киссиной), подписанный «Ал. Беклемишев», отд. мотивы к-рого отразились в поэзии Ходасевича] и использует приемы, близкие к лит-ре абсурда, в небольшой пьесе «Месть негра» («Театр. жизнь», 1989, № 6; публ. Д. Б. Волчека; там же — вступ. ст. публикатора «Ходасевич и М.»).

Покончил с собой, находясь на воен. службе (сопровождал санитарные поезда), к-рую переносил очень тяжело. После его смерти Ходасевич планировал издать кн. стихов «Легкое бремя», ряд стих. из нее напечатал в 1918 в газ. «Понедельник Власти народа» (3 июня), однако рукопись книги затерялась в изд-ве «Эра-то». Наибольшее воздействие личность и творчество М. оказали на произв. Ходасевича, к-рый не только посвятил ему ряд стих., раздел в кн. «Счастливый домик», его памяти — кн. «Путем зерна» и спец. очерк в кн. «Некрополь», но и ввел ряд аллюзий на творчество М. в свою поэзию (помимо ст. И. Андреевой см.: Богомолов Н. А., Реценция поэзии пушкинской эпохи в творчестве В. Ф. Ходасевича. — В кн.: Пушкинские чтения в Тарту, Т., 1987, с. 77—80; а также его прим. в кн.: Ходасевич В., Стих., Л., 1989, с. 371—75, 380—83), а одно из его стих., «Шмель медовый голос» («Понедельник», 1918, 3 июня), приписал поэту предпушкинской поры Василию Травникову, герою своей поздней лит. мистификации (см.: Зорин А., Начало. — В кн.: Ходасевич В., Державин, М., «Книга», 1988,

с. 30—35, 383). В автобиограф. справке Ходасевич писал: «Он [Андрей Белый] один из самых важных людей в моей духовной биографии и один из самых дорогих мне людей вообще. Он — да поэт С. В. Киссин (Муни), умерший в 1916 г.» («Минувшее», в. 13, М.—СПб., 1993, с. 218; публ. Дж. Мальмстада).

Изд.: Рус. поэзия серебряного века. 1890—1917. Антология. М., 1993 (предисл. М. Л. Гаспарова).

Лит.: Шагинян М., Человек и время. История человеческого становления. М., 1982, с. 196—97; Белый, III, 221—23 (и укр.); Ходасевич А. И., Вспом. о В. Ф. Ходасевиче. — В кн.: Ново-Басманная, 19, М., 1990; Пастернак Б., Письма к К. Локсу. — («Минувшее», в. 13, М.—СПб., 1993, с. 177, 179 (публ. Е. Б. и Е. В. Пастернак); Ит переписки Н. И. Петровской. — Там же, в. 14, М.—СПб., 1993 (публ. Р. Л. Щербакова и Е. А. Мурашовой); Локс К., Повесть об одном десятилетии. (1907—1917). — Там же, в. 15, М.—СПб., 1994, с. 144—45 (публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова); Богомолов Н. А., В. Ходасевич в Моск. и Петрогр. лит. кругу. — НЛО, 1995, № 14.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 172 (стихотворения); ф. 537 (письма к В. Ф. Ходасевичу, ответы); ИРЛИ, Р.1: РГБ, ф. 386, к. 89, № 38, 39 (письма В. Я. Брюсову и И. М. Брюсовой). Н. А. Богомолов.

МУНТ-ВАЛУЕВА, Валусева-Мунт Анна Петровна [1(13).8.1856, Петербург — 17(30).1.1902, Екатеринослав; похоронена на Севастопольском кладб.], детская писательница. Отец — юрист; умер, когда дочери исполнилось 11 лет. До 12 лет жила в имении родителей матери — Алфёровых. Затем по настоянию прадеда Ф. П. Литке, изв. мореплавателя, президента Петерб. АН, ее поместили в нем. уч-ще св. Петра в Петербурге, где она получила навыки систематич. труда, хорошую языковую и лит. подготовку (автобиография — РГАЛИ, ф. 1624, оп. 1, № 23). По окончании уч-ща в 1873 поступила на математич. отд. Жен. пед. курсов. Параллельно посещала лекции на словесном отд. Ее работа о Т. Тассо и перевод статьи Ф. Шиллера привлекли внимание В. П. Острогорского, рекомендовавшего ей не оставлять лит. занятий. По окончании курсов получила место образцовой учительницы математики в прогимназии, вела уроки естествознания в младших классах г-зии Н. Д. Оболенской. В 1876—78 участвовала в работе Красного Креста. В 1884 вышла замуж за инженера путей сообщения П. М. Валусева, прервав учебу на Высших жен. (Бестужев.) курсах в связи с переездом — сначала в Поволжье, затем в Псков. Последние годы жизни М.-В. прошли в Екатеринославе, где ее муж служил помощником нач. ж. д. и где она «заслужила добрую память участием во мн. благотворительных делах» («Приднепров. край», 1902, 18 янв.).

Первая публ. — биогр. очерк «Оливер Голдсмит» («Дет. чтение», 1876, № 7). Была пост. сотр. «Дет. чтения» (1876—92), «Жен. образова-

ния» (1881), «Родника» (1885—92) и др. Осн. ее жанр — беллетризованные биографии знаменитых людей, предназначенные для детского или юношеского чтения. Часть из них вышла в серии «Нашему юношеству рассказы о хороших людях»: «Теодор Кернер (Биогр. очерк)» («Дет. чтение», 1878, № 1; отд. изд. под измененным назв. — СПб., 1892; 2-е изд., Екатеринослав, 1901; рец.: РМ, 1894, № 2); «Веньямин Франклин» (СПб., 1892; 5-е изд., М., 1913); «Авраам Линкольн» (СПб., 1892; 6-е изд., М., 1913; рец.: РВед, 1894, 2—3 дек.; НВ, 1894, 1 мая; РМ, 1895, № 8; СВ, 1892, № 2; 1895, № 8); «Друзья слепых и глухонемых» (СПб., 1892; 4-е изд., М., 1913); «Не от мира сего. Из жизни Елизаветы Кульман» («Родник», 1889, № 5, 6; отд. изд. — СПб., 1892; 3-е изд., Екатеринослав, 1903); «Детство Александра Пушкина» («Дет. чтение», 1888, № 1; отд. изд. — СПб., 1892; 4-е изд., М., 1913); «Первые дни Колумба в Новом Свете (По случаю 400-летнего юбилея открытия Америки)» («Родник», 1892, № 10; отд. изд. под назв. «Христофор Колумб» — СПб., 1892; 4-е изд., М., 1914; рец.: «Рус. школа», 1893, № 12). В выборе имен характерен акцент на западноевропейские и американские.

В рецензиях, в осн. положительных, прогн. М.-В. рекомендованы для дет. и нар. чтения: СВ, 1892, № 7, с. 64; МБ, 1892, № 8, с. 240: «Что читать народу?», т. 1, СПб., 1884, с. 672. В критич. откликах (напр., о рассказе «Джордж Вашингтон» («Дет. чтение», 1880, № 7, 8; отд. изд. — СПб., 1880; 5-е изд., М., 1913)) отмечались стремление в небольшом объеме осветить все факты жизни героя (И. Фокстистов — там же, № 11, стб. 418), вымученность стиля (Е. Тихосова — «Воспитание и обучение», 1892, № 9, стб. 344).

М.-В. принадлежит также ряд ист. и этногр. рассказов; одобрит. отзывы вызвала ее кн. «По великой рус. реке. Очерки и картины Поволжья» (СПб., 1895; 3-е изд., СПб., 1912; рец.: ВИ, 1897, № 2); А. Н. Пыпин отмечал, что «рассказ ведется живо и занимательно» (ВЕ, 1896, № 7, с. 444—45; см. также рец.: «Рус. школа», 1896, № 4, с. 213).

Несмотря на то что диапазон тем в книгах М.-В. широк, осн. акцент в них всегда один: герои интересны автору не сами по себе, а как люди или вышедшие из народа, или посвятившие свою жизнь заботе о его благе. Именно этим можно объяснить вызвавшие недоумение критики («Воспитание и обучение», 1892, № 9, с. 402) преувеличенная оценка роли няни, простой деревенской женщины, в воспитании поэта в кн. «Детство Александра Пушкина» и помещенные ее в серию «Нашему юношеству...». В кн. «Севастополь и его славное прошлое» (СПб., 1899; 2-е изд., СПб., 1904) М.-В. собрала и пересказала в доступной для детей форме сведения по истории Севастополя

и представила героич. оборону города в 1854—55 прежде всего как нар. войну, не делая различий между героями-солдатами и героями-офицерами и всячески подчеркивая демократизм последних.

Переводы М.-В. рассказа Ч. Дикенса «Рождественский сочельник» (СПб., 1891; 2-е изд., СПб., 1904) и кн. Г. Ф. Ричардсона «Как читать книги, чтобы они приносили нам пользу?» (СПб., 1893) критика отмечала как удачные (РБ, 1894, № 2, с. 61—63; «Рус. школа», 1895, № 7/8; СВ, 1894, № 4, с. 47; 1895, № 6, с. 94).

Др. произв.: «Кориолан» («Дет. чтение», 1876, № 10), «В гостях у калмыцкого князя» (там же, 1886, № 2), «Поганкины палаты» (там же, 1892, № 8), «На вершине Чатыр-Дага» («Журнал для детей», 1886, № 9), «Две матери. (Екатерина Гете и Катерина Байрон)» (СПб., 1894).

Лит.: Некрологи. 1902: ИВ, № 3; НВ, № 9298, 9300. Брокгауз: Венгеров (Сл. Источ., Рус. кн.): Южаков; Мяснов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 401, оп. 1, № 27 (письмо Н. И. Потанину); Языков; ИРЛИ, ф. 377. Л. Д. Зубарев.

МУНШТЭЙН Леонид Григорьевич [Леон Гершкович; псевд. Lolo; 31.12.1866 (12.1.1867)*, Екатеринослав — 6.8.1947, Ницца], поэт-фельетонист, драматург, переводчик, издатель, театр. деятель. Отец М. — Григ. Ал-дрович Мунштейн, купец (умер в Лозанне 14 марта 1915; некролог, вероятно, написанный М., — «Рампа и жизнь», 1915, № 12), мать — Эмма Вранцфельд. До 1880 учился в Екатеринославе. г-зии, затем во 2-й киев. г-зии, к-рую окончил в 1886. В 1891 закончил юридич. ф-т Киев. ун-та (с дипломом 1-й степени), в списках студентов значится как «почетный гражданин иудейского вероисповедания» (ГА Киева). В 1892 вольнослушатель ист.-филол. ф-та Моск. ун-та. Женился на драм. актрисе и театр. рецензенте Вере Ник. Ильинской [по

сцене Ильнарской; 8(20).10.1880, Кострома — 28.1.1946, Ницца].

Печатались начал студентом в 1886 в киев. газ. «Заря» — лирич. стих. «Осень» («На всех тоску наводит осень...» — 23 нояб.) В 1887—90 публиковал лирич. стихи, а также фельетоны в стихах и прозе (в т. ч. «Дневник мичмана Дырки» — 1888, 28 февр.; циклы «Suum siquod», «Из дневника») в газ. «Киев. слово». В нач. 1890-х гг. переехал в Москву. С дек. 1892 по янв. 1894 в ж. «Семья» публ. под псевд. Л. Монд лирич. стихи в духе С. Я. Надсона. Известность к М. пришла, когда он начал сотрудничать в газ. «Новости дня», опубли. в ней с 1894 по 1905 под псевд. Lolo свыше тысячи юмористич. и сатирич. сочинений в стихах под общим загл. «Страничка из письма» — своеобразную летопись обществ. жизни, в к-рой особое внимание уделялось лит-ре, театру и иск-ву. М. писал шаржи, пародии, эпиграммы, экспромты, диалоги в стихах, миниатюры для театра-кабаре, ориг. рецензии в стихах — ему принадлежат первый отзыв о рассказе А. П. Чехова «Ариадна» (1895, 23 дек.), отклики на премьеры в МХТ пьес М. Горького «Мещане» и «На дне» (1902, 30 марта и 20 дек.). К 50-летию со дня смерти Н. В. Гоголя М. напечатал его биографию в стихах — «Гоголь. Биогр. эскиз» («Его взрастила мать Украина...» — 1902, 21, 22 февр.). Пеструю тематику «Страничек из письма» дополняли и развивали в той же газете и др. выступления поэта-фельетониста: «Пародии: Шалости пера», «Монологи», «Causerie» (1902, 20 марта), «Театральный альбом».

Своеобразная стилистика М. складывалась из сочетания «смешного», идущего от газетного фельетона, и лирического. При этом легкость, экспромтность, сиюминутность отклика на «факт», лаконизм и меткость характеристик, свежесть и неординарный ритм сочетались с тщательной технич. отделкой стиха.

Его стихи исполнялись с эстрады (см. тексты М., перепечатанные М. Н. Ермоловой — одной из их исполнительниц — ГЦТМ, ф. 98, № 568, 530, 531), а К. С. Станиславский в письме к М. П. Лилиной из Ессентуков от 17 июля 1900 цитирует услышанный от М. экспромт «Чинаров с Федоров сошлись на Машу» (Станиславский К. С., Собр. соч., т. 8, М., 1960, с. 181).

М. — пародист и эпиграмматист обращался за сюжетами к рус. классич. поэзии. В истории пародирования в рус. лит-ре пушкинского Онегина занимательной выглядит и версия М. «Онегин наших дней» (Роман-фельетон в стихах) (М., 1896; первонач. в «Новостях дня»; рец.: РМ, 1896, № 9).

К прозе М. обращался реже. Из-за цензурских придиорок он вынужден был перейти в «Новостях дня» к

прозаич. жанру романа «на злобу дня» — «Вечный праздник», его персонажи посещали новые выставки картин, театр, премьеры, конные бега и скачки, что получало соответствующую иронич. или язв. характеристику автора.

В особый жанр сложились отклики М. на лит. юбилей и некрологи: «И. С. Тургенев. К 25-летию со дня смерти» («Тургенев!.. Много ли имен/ Таких любимых, незабвенных...») («Рампа», 1908, № 2), «У могилы Чехова» («Ползи года чредою черной!..») («Киев. заря», 1905, 2 июля; в кн.: Чеховский юбилейный сб., М., 1910); стих., прочитанное на панихиде по В. Ф. Комиссаржевской «Не надо пошлых фраз, не надо жалких слов!» («Пробуждение», 1910, в. 5; в кн.: Сб. памяти В. Ф. Комиссаржевской, СПб., 1911; под ред. Евг. Карпова), «Над святой могилой. Стих. памяти С. А. Муромцева» («Пробуждение», 1910, в. 20).

В 1905—07 М. сотрудничал в сатирич. ж. «Сигнал» (1905), «Стрелы», «Зацепка», «Гром», «Зарницы» (все в 1906) и др. В 1906 его стихи печатаются в сб-ках: «Книгоизд-во „Набат“» (М.), «В борьбе» (в. 1, СПб.), «Лит.-худож. сб.» (Од.), в моск. газ. «Вечерняя заря» и в газ. «Киев. заря». Впоследствии М. нек-рые свои стихи рев. времени перепечатал в «Рампе и жизни» (1917). В иронич. автобиографии М., вспоминая ту пору своей жизни, писал: «И я, как все, считал священной/ Одну лишь книгу: „Капитал“./ И я на лире вдохновенно о Революции бряцал» («Ключки из автобиографии» — «Сегодня», Рига, 1937, 13 марта). По просьбе Ф. И. Шаляпина в 1906 в Киеве М. передал вырученные от концерта деньги на рев. нужды (см. письмо М. в редакцию киев. газ. «Отголоски жизни», 1906, 1 мая), что привело к его столкновению с властями и бегству из Киева. Гл. мишенью М.-сатирика были бюрократия, черносотенная пресса, трусливый обыватель. В 1907 он публ. полит. шаржи и газету-фельетон «Новая дума» на страницах моск. газ. «Утро свободы», а затем в моск. газ. «Утро России» — пародийную газету «Тсс!... Центральный орган всех умеренных и благонамеренных партий» (подзаголовок менялся).

В 1908 М. и театр. критик Э. М. Бескин издают и редактируют в Москве илл. еженед. ж. «Рампа» (пробный номер вышел 15 авг. 1908). В восьмом номере, посв. десятилетию МХТ, М. перепечатал свои старые рецензии в стихах на постановки «Юлия Цезаря» У. Шекспира, «Царя Федора Иоанновича» А. К. Толстого, пьес Чехова и «Синей птицы» М. Метерлинка. Именно в «Рампе» начал печатать «Словарь сцениче-

ских деятелей» (1908, с. № 12) — эпиграммы на актеров, драматургов, антрепренеров; словарь, по замыслу автора, должен был стать пародийно-юмористич. вариантом энциклопедии, посв. театру. В связи с возникшими между М. и Бескиным разногласиями «Рампа» разделилась на два независимых ж-ла: «Рампа и актер» (1909) Бескина и ж-л М. «Рампа и жизнь» (1909—18), ставший одним из самых популярных рус. театр. изданий, в нем, по словам М., «он всегда отстаивал интересы актерской братии и воевал с антрепренерами» (письмо А. А. Плещееву — ГЦТМ, ф. 76, № 94). Журнал был хорошо иллюстрирован, в нем регулярно печатались хроника текущих театр., муз., худож. событий Москвы и Петербурга, давалась обильная информация о провинци. рус. театре, отмечались юбилейные даты первых постановок пьес рус. классиков; помещались материалы о знаменитых актерах 19 в. — П. С. Мочалове, М. С. Щепкине, К. Н. Рыбакове. Почти в каждом номере ж-ла публиковались произв. М.-юмориста. Среди прил. к «Рампе и жизни» выделяется кн. «Жрецы и жрицы искусства. Словарь сценич. деятелей. Стихи Lolo. Шаржи и карикатуры» (т. 1—2, М., 1910—12). С 1911 М. — д. чл. Об-ва деятелей периодич. печати и лит-ры.

Как драматург М. попробовал себя в 1900. На сцене моск. т-ра Корша была пост. его пьеска «Опечатка: Пустячок в 1 действии», в к-рой гл. роль играла тогда начинающая артистка Е. Н. Рошина-Инсарова. За дебютом последовала написанная М. совм. с Н. Никольским пьеса «Святое искусство. Сцены из жизни современной столицы» (М., 1901), злободневность к-рой носила скандальный характер — ее содержанием стало известное банкротство С. И. Мамонтова, под прозрачными именами выводились знакомые публике лица.

Л. Н. Андреев с изодованьем писал, что пьеса «силонь состоит из записания в частную жизнь еще живых и действующих лиц», и сожалел, что М. был одним из ее авторов, т. к. считал, что в стихах М. «при всей их выужденной злободневности часто проскальзывают искорки истинной поэзии» («Курьер», 1901, 12 нояб., подпись Л.-ев).

Успех имела пьеса М. «Вечный праздник» (СПб., 1903; в 1903 пост. в Москве в т-ре Корша, в 1904 — в Петербурге в Суворин. т-ре), представляющая собой живые наброски курортной жизни Кисловодска.

По свидетельству М., В. М. Дорошвич назвал ее «бокалом шампанского», а Ф. А. Корш после 25-го представления «душил» автора «в своих объятиях» (цит. письмо Плещееву). Необычайно смелым для того времени было и то, что действие в 1-м акте происходит в вагоне.

Кроме ориг. пьес М. в 1902—08 шли переведенные им в стихах комедии О. Блюменталя «Фея Каприз»

(1-я пост. в бенефис актрисы Миткевич, т-р Корша) и Л. Фульды «Причуды сердца» (с нем. яз.), «Шуты» М. Замаконса (с франц.), комедия-сатира «2 x 2 = 5» Г. Вида (с датского). Все пьесы М., как правило, ставились сначала в Москве в т-ре Корша, затем в Петербурге и в провинции. Позже М. писал для театра-кабаре Н. Ф. Балиева «Летучая мышь», в т. ч. трагич. гротеск в стихах «В двенадцать часов по ночам» («Рампа и жизнь», 1917, № 20). М. был устроителем в Москве благотворит. спектакля «Плоды просвещения» Л. Н. Толстого, роли в к-ром исполняли писатели (Е. Н. Чириков, Е. П. Гославский и др.).

Февр. революцию 1917 М. приветствовал стихами «Освободителям!» («Свобода!» Этот клич вчера звучал как бред...») (там же, 1917, № 12). Но в окт. 1917 он перепечатывает свое старое стих. «Мы свободны! Жизнь прекрасна!», добавив к нему новый, иронич. вариант и снабдив новым заголовком «История повторяется» (там же, № 43). В собств. продолжении баллады А. К. Толстого «Поток-богатырь» М. приводил пессимистич. параллели между «веснами» при Николае II, А. Ф. Керенском и В. И. Ленине (там же, 1918, № 16). В сент. 1918 в Москве в «Эрмитаже» поставлена комедия М. и Тэффи «Екатерина II» на музыку Ж. Оффенбаха. М. писал по этому поводу: «Успех нас не радовал: в публике преобладали кожаные куртки. Расканивались мы шумно из директорской ложи, а через 2 недели бежали в Киев» (цит. письмо Плещееву). В кон. 1918 он эмигрировал. По пути в зарубежье недолго работал в киев. изданиях — «Мир» и в газ. «Чертова перечница» И. М. Василевского (Не-Буквы), в одес. газетах «Наше слово» и «Совр. слово», создал с Тэффи, А. Р. Кугелем, А. Н. Толстым и др. «Устную газету» в Одессе.

В 1923—25 М. был худож. руководителем рус. театра «Маски» в Италии. Затем поселился в Ницце.

Г. Кузнецова записала в совет. дневнике после посещения М. вместе с И. А. Бунным осенью 1930: «Спустили Лоло, как и ждали мы, весь завтрак проговорили о подлости какого-то Колымыча-Израильсона, травившего его все последнее время в своей газетке, и старались найти поддержку и успокоение в И. А., к-рый благодушно ел и успокаивал несчастного Лоло, к-рому состояние сердца не позволяло ни есть, ни пить» (ср. кн.: Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад, М., 1995, с. 179—80).

Печатался во мн. эмигрантских изданиях — газ. «Последние новости», «Утро», «Рус. газета», «Рус. время», «Возрождение» (все — Париж), «Руль» (Берлин), «Сегодня» (Рига), ж. «Театр и жизнь», «Илл. Россия» (оба — Париж). В 1931 в Париже возобновил с М. Г. Корнфельдом сатирич. и юмористич. ж. «Сатирикон». Свои стихотв. фельетоны на полит.

темы он публиковал под заголовком «Письма, на которые не отвечают» и «Cartes postales». Нападая на «Триэсерую» и ее правителей, М. использует «наработанные» им в дореф. время приемы и жанры стихотв. сатиры. Одновременно он ведет лирич. дневник писателя-эмигранта, томящегося ностальгией по утраченной родине. — тематич. рубрика «Братья-писатели. Ключки из эмигрантского дневника» («Братья-писатели, беженцы — странники...») — «Сегодня», 1926, 27 июня). В эмиграции М. продолжает свой «Словарь», включая в него эпиграммы как на литераторов-эмигрантов, так и на сов. писателей, — «Братья писатели. Карманный словарь» («Сегодня», 1926, 28 нояб., 12, 23, 29 дек.; 1927, 16, 30 янв., 13 февр., 22 июня). К «Словарю» примыкает воображаемая анкета «Когда мы вернемся в Россию». В число отвечающих на нее М. включил и себя («Рус. слово», Харбин, 1926, 19 дек.).

За рубежом М. смог выпустить только две книги: «О черте лысом и о всех его присных. Конiec красной сказки» (Париж, 1922) и «Пыль Москвы. Лирика и сатира» (Париж, 1931; рец. М. Алданова — «Илл. Россия», 1931, № 16). Лейтмотивом второй, итоговой книги становятся горестные странствия эмигранта: «Пыль Москвы на ленте старой шляпы/ Я, как символ, свято берегу...». На издание в 1938 третьей книги «Москва далекая. Ключки воспоминаний» у М. не хватило средств. Появлявшиеся в эмигрант. прессе к его юбилеям статьи рассказывают в осн. о эмигрантском периоде жизни М. В связи с 40-летием лит. деятельности М. в рижской газ. «Сегодня» П. М. Пильский вспоминал: «Особенным достоинством искрящихся злободневностью легких стихов Лоло была редкая в этой области черта — лиричность, окутанная нежной дымкой грусти... Самая большая его смелость заключается в том, что он не боялся изыщества» (1930, 2 ноября), а в своей статье, посв. 70-летию М., приводил устный отзыв В. Я. Брюсова: «Лоло я читаю часто. Меня всегда заинтересовывают его рифмы. Писать каждый день и давать нешаблонные стихи, это — трудное дело...» (там же, 1937, 13 марта). Брошенное мельком А. Г. Горнфельдом определение «рифмующий фельетонист» («Лит. записки», 1922, № 3, с. 16) включает меткую характеристику жанра, избранного М., и созвучно его автобиогр. образу «ярого рифмодея» («Рампа и жизнь», 1918, № 22, с. 12).

Изд.: У райских врат... Антология сатиры и юмора. Б., 1922; Свободная песнь. Сб. рев. песен и стих., Н.-Й., 1925; Автобиография (в стихах). — В кн.: Гримасы кисти и пера. Сб. рус. юмористов..., Рига, [1928] (собрано В. Галадиным; предисл. П. Пильского); Рождество в Москве. Кусочки восп. — «Руно», Харбин, 1935.

7 янв., Ключки их автобиографии. — «Сегодня», 1937, 12 марта; Стихи. — В кн.: Стихотв. сатира, 1969; Рус. лит-ра XX в. в зеркале народов. М., 1993 (сост., вступ. ст. и комм. О. Б. Кушлиной); Эпиграммы. — ВЛ, 1991, № 11/12, с. 348—351 (вступ. заметка и публ. Ю. Ирошиной).

Лит.: Скороботов, с. 91; «Рус. книга», Б., 1921, № 1, с. 26; Волжанин О., У. Л. Г. Мунштейн-Лоло в Ницце. — «Сегодня», 1930, 20 июля; Тэффи и Н. А., 70-летие М. — «Сегодня», 1937, 23 янв.; ср. же, Так жили-были. Восп. о Лоло. — «Рус. новости», 1947, 5 сент.; ср. же, Жизнь-бытие. Рассказы, восп., М., 1991, с. 340; Е. Х., Юбилей М. (Лоло). — «Новое рус. слово», Н.-Й., 1937, 12 апр.; Яблоновский С., Недожданнымуся. — «Рус. мысль», 1947, 6 сент.; Гольдсвейзер А., Л. Г. Мунштейн-Лоло. — «Новое рус. слово», 1947, 5 окт.; Колганова А. А., Вослед чужому гению. М., 1989, с. 51—52; Дон-Аминьяло, Наша маленькая жизнь, М., 1994, с. 595; Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б., Рус. печать в Риге. Из истории газ. «Сегодня» 1930-х гг. Кн. 1. На грани эпох, Стайфорд, 1997, с. 343—351. + ЛЭ рус. зарубежья (автор В. Н. Чуваков); Абызов, Альм. и сб-ки (1, 2); Масалов (кроме Л. М.-в., Л. Му-н, Мун-н, Л. М.-нн-в.).

Архивы: Метрич. книга г. Ниццы (дата рождения в записи о смерти М.); ГА Киева, ф. 81, оп. 59, № 133; ф. 16, оп. 465, № 596, 612, 615, 618, 619, 620, оп. 469, № 398 (документы Киев. ун-та, списки учащихся 2-й киев. г-зии); Южный Калифорнийский ун-т (США) — восп. Н. Ф. Балиева; ЦГТМ, ф. 1, № 1853, 1937 (записки А. А. Бахрушину). № 1936, № 5728; ф. 117, № 262 (письмо А. А. Кондратьеву, 1903).

В. Н. Чуваков.

МУРАВЛИН Дмитрий Петрович, князь (наст. фам. Голицын; 6.12.1860, Висбаден — дек. 1928, Вышеград, Югославия), прозаик, драматург. Сын поручика кн. П. П. Голицына. Получил хорошее дом. образование. После окончания Александров. лицея по первому разряду (1881) поступил на службу в Гос. канцеля-

рию. С 1893 помощник статс-секр. Гос. совета, в 1912—17 чл. Гос. совета. В 1903 в качестве чл. Совета министра нар. просвещения участвовал в преобразоват. работах мин-ва (на М., в частности, были возложены ревиз. командировки в уч. округа). С 1906 товарищ главноуправляющего, с 1910 главноуправляющий Собств. е.и.в. канцелярии по учреждениям имп. Марии.

Был также чл. Опекун. совета и товарищем председателя К-та попечительства дст. приютов

ведомства имп. Марии, попечителем Екатерины. ин-та благородных девиц (см. востп. Н. Л. Надеждиной, «Дворец, Фонтанкой отраженный» — РГАЛИ, ф. 1337, оп. 5, № 31, л. 46—48). Поч. чл. Моск. публичного и Румянцев. муз., чл. совета Об-ва ревнителей рус. ист. про- шения в память Александра III, дирекции Лит.-худож. об-ва, комиссии по пересмотру за- конов о театре и зрелищах, к-та Пушкинского линейского об-ва.

Писать начал в лицее. Из ранних публ. известны стих. «Воспоми- ния» и «Ночью» в «Живописном обозр.» (1879, № 15); в этом ж-ле М. сотрудничал до 1884. Печатался так- же в газ.-ж. «Гражданин», ж. «Нива», «Рус. вест.» (стихи, эскизные зарисовки, рассказы). Кн. «Убогие и на- рядные. Очерки и наблюдения» (СПб., 1884) и ром. «Тенор» (СПб., 1885), посв. А. К. Шеллеру-Михай- лову, руководившему первыми ша- гами М. в лит-ре (см. письмо М. к А. С. Суворину, 1888 г. — РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 957), вызвали в пер- терб. большом свете «известного ро- да сенсацию» узнаваемостью прото- типов и обстоятельств «их интимной жизни» (PM, 1885, № 6, Библ. отд., с. 3). Высший свет рос. аристокра- тии предстал под пером неизв. писа- теля в виде скопища монстров и ни- чтожеств («отцы — поголовно вы- жившие из ума ... маманьки, или со- всем сумасшедшие ... или негодней- шие бабы; сынки — кутилы, пьяни- цы, моты, негодяи и даже просто во- ры; дочки — дуры и развратни- цы» — там же, с. 4; др. рец.: «Новь», 1884, № 2; 1885, № 10, 21; «Набл.», 1885, № 3). С выходом ром. «Баба» (СПб., 1885) псевд. «нового таланта» (А. М. Скабичевский — РВ, 1885, 8 мая) был раскрыт, и М. быстро приобрел репутацию одного из са- мых плодovitых поставщиков бел- летристики. Его произв. издавались до кон. 19 в. почти ежегодно отд. книгами (все — СПб.): ром. «Хворь. Петерб. история», «Мрак» (оба — 1886), «Около любви» (1887), «Руб- ли» (1889), «Поэзия», «Будни» (оба — 1895); «Повести и расска- зы» (1886), рассказ «Не убий» (1890), полемизирующий с «Крей- церовой сонатой» Л. Н. Толстого, к-рую М. считал «лживой» (см. пись- мо И. Л. Леонтьеву-Щеглову — РНБ, ф. 124, № 1226), сб-ки повестей и рассказов «Суд идет» (1891), «Дети» (1893), «В толпе» (1894), «В Петер- бурге» (1899); состоит из пов. «Режа- нинины», «Королева», «Завет от- ца», «На севере», объединенных од- ними и теми же героями).

В центре внимания М. либо слабо- характерные вырожденцы, либо «на- хальные бляваны фортуны», цинично адаптирующиеся к новым условиям жизни, в к-рой властвуют лишь «все- сильные рубли» (НВ, 1889, 16 нояб.); коллизии его произв. затрагивали все осн. житейские и социальные сферы жизни большого света. Но, по словам рецензента, М. не хватило «ни чутья,

ни знания жизни на разумение, что все им описываемое не составляет исключит. признаков именно выше- го общества» (PM, 1885, № 6, Библ. отд., с. 5), а характерно в целом для рос. жизни пореформ. десятилетий. Найденный прием, давший в первых книгах нек-рой худож. эффект, — соединение фактуры и достоверно- сти «натуры», свойственных физио- логич. очерку, со свободой вымысла — М. механически эксплуатиро- вал в продолжение всей своей писа- тельской деятельности. С появлени- ем каждой следующей книги критика укреплялась в мнении, что место, за- нимаемое М. в совр. лит-ре, — «од- но из тех средних мест», с к-рого нет никакой возможности «передвинуть- ся вперед», но есть опасность «опу- ститься еще ниже», ибо он «повторяет самого себя» (PM, 1889, № 5, Библ. отд., с. 184).

М. называли то великосветским бытописате- лем, то «беллетристом-фотографом», причем я- вительно отмечалось, что его «фотографии» — «плохие, выпетшие» (PM, 1887, № 1, Библ. отд., с. 4). М. хотя и много знает «из жизни того круга, в к-ром он вращается», но при этом «ни- как не может справиться с массой своих наблю- дений, потому что он наблюдал всегда, глядя, только внешнюю сторону жизни» (А. Кузин — «Колоса», 1887, № 12, с. 310). Неоднократно отмечалось, что М. не психолог, потому что «мало обращает внимания на внутр. жизнь, на душевные побуждения тех личностей, к-рые про- ходили и проходят перед ним пестрою всере- ницей», у него «есть только внешние образы», но нет характеров (PM, 1886, № 2, Библ. отд., с. 79), он художник «погробной» темы (СВ, 1886, № 2, с. 301), «дарблость натуры» его героев не дает возможности «навести читателя на к-л. серьезные размышления», даже если иной раз писателю и способен хотя бы внешне схватить «драм. моменты жизни» (НВ, 1889, 16 нояб.) и держать внимание читателя «интересом лиц и фактов» («Колоса», 1887, № 12, с. 316) — т. е. любопытством, к-рое проявляет большинство читателей к закрытому для них миру высшего света.

Если наблюдательности М. критика поначалу еще отдавала должное (см.: PM, 1885, № 10, Библ. отд., с. 3; Скабичевский А. М., Ист. рус. лит-ры. СПб., 1891, с. 415), то во всем, что касается формы, его — со временем все настойчивее — упрекали в бессамосто- ятельности (см.: СВ, 1886, № 2, с. 301; В. П. Буре- нин — НВ, 1891, 29 нояб.), называя при этом в качестве образцов, к-рым он послушно следует, П. Д. Боборыкина и В. В. Крестовского. Отме- чалось также, что романы М. строятся по типу европ. романа — с его четко очерченной интри- гой и без к-л. лирич. и филос. отступлений («Новь», 1885, № 12, с. 112—13).

Гл. противоречие, к-рое долгое время приводило в недоумение современников М., заключалось в том, что, принадлежа к высшему об-ву, он дал в своих произв. «такую ужасаю- щую картину разврата, низости, ту- посты, вырождения» аристократии, какой не сумел бы представить и «самый тенденциозный демократ» (Михайловский, VI, 639). Но это противоречие снималось четко обозначенной во всех соч. позицией автора: он блюститель чистоты кас- товых устоев, непримирим к поро- кам, поразившим высшее об-во (как иронически заметил анонимный рецензент ром. «Тенор», характеризую- гл. героя, к-рому М. дал фам. своей

матери: «Ни в ком и нигде — ни ис- кры ума, чести, добра..., кроме Черт- кова..., то есть автора, возмущающе- гося подлостью приятелей» — PM, 1885, № 6, Библ. отд., с. 4), но сами эти пороки М. считал следствием растленного влияния внешних об- стоятельств, в первую очередь, допу- щения инородцев (особенно евреев) к разным сферам рос. жизни. На про- тивопоставлении сословно «своих» и сословно «чужих» обычно строилась интрига, к нему сводился писатель- ский пафос М.; идея сохранения со- словной чести постепенно перерож- далась в идею сохранения нац. чис- тоты как единств. залога спасения «рус. начала».

На том же материале, что и проза, написаны пьесы «Кража» и «Вдова» (обе опубл.: «Артист», 1890, № 9, 10); последняя была пост. в Алексан- дрин. т-ре (1890). М. издал также сб-к пьес «Перепевы» (СПб., 1894). Свое «драм. писательство» он считал «полуписательством»: «Драма — это роман из разговоров, без описаний, с таким психич. анализом, какой дае- тся среднему актеру. Одно тщеславие заставляет нас писать для сцены» (письмо И. Л. Леонтьеву-Щеглову — РНБ, ф. 124, № 1226).

В 90-е гг. М. трижды побывал на Балканах; итогом путешествий по Черногории и Далмации стали путе- вые очерки, печатавшиеся в 1898 сначала в газ. «Рус. вед.», а затем в том же году выпущенные отд. кн. «У синя моря. Путевые очерки Черно- гории и Далматинского побережья» (СПб.; поч. отзыв при присуждении Пушкинской пр., 1899). М. ставил своей целью, с одной стороны, от- крыть рус. человеку эти «неведомые для большинства страны братьев- славян», красоту их природы, ист. памятников, обычаев, с другой — привлечь внимание к «вопросам слав- янства» (М., в частности, прогнози- ровал неизбежность распада Габс- бургской монархии как искусств. об- разования и в связи с этим ставил во- прос о желательности для России пер- спективах самоопределения балкан- ских славян). Одновременно прово- дилась идея защиты «родовых и на- следств. идеалов русских от „инород- цев“»: «Силою своей бытности сре- ди нас они навязывают нам, так или иначе, идеалы ... чуждые нам» (с. 156).

В 1901 М. — один из учредителей, а затем пред. (1906) и первый поч. чл. лит.-полит. клуба Рус. собрание (позднее черносотенно-монархич. орг-ция). М. принадлежала формули- ровка гл. задачи собрания, записан- ная в Уставе как содействие «укреп- лению в обществ. сознании и прове- дению в жизнь исконных творч. на- чал и бытовых особенностей рус. народа» (РНБ, ф. 152, оп. 2, № 258). В нач. 1900-х гг. опубл. в «Рус. вест-

нике», редактировавшемся В. В. Комаровым и В. Л. Величко (к-рые также входили в число учредителей Рус. собрания), ряд романов, в к-рых идея нац. чистоты как спасения России стала определяющей в построении сюжета и обрисовке действующих лиц.

Фабула ром. «Вавилоняне» (РВ, 1900, № 1—4; отд. изд. — СПб., 1901), в заглавии к-рого обыгрывалась мысль о потере рус. об-вом «пути» («Вавилоняне мы... эпохи смешения языков, забывшие откуда и с кем мы пришли... куда нам следует идти» — № 1, с. 10), строилась вокруг разоблачения чудовищного негодая-чиновника: выкresta-вырожденца, с одной стороны, комического по поводу своего сар. происхождения, с другой — не брезгнувшего никакими предоступл. средствами в борьбе за существование. Одновременно в фабулу влетают тема алкогитера, идеи славянофильства, эскапизма алтер его автора против немцев, поляков, финнов и особенно сарсех, к-рые своим присутствием среди русских понижают их «уровень самосознания» и т. п., что дало одному из критиков основание увидеть в этом почти пародийном нагромождении сюжетных линий в «ясном роде вавилонское столпотворение» (РМ, 1900, № 6, Библиот. отд., с. 230). Антигоспитализм отмечен также ром. «От сумятицы дней» (РВ, 1901, № 1—5; отд. изд. — СПб., 1902), «На Русе» (РВ, 1903, № 7—8); «На безлюдье» (СПб., 1902; 2-е изд. — П., 1910), «Сытыни» (РВ, 1905, № 1—5).

Эти ром. вызвали неприятие критики: собрание «худож. несообразностей», с помощью к-рых автор лишь еще раз доказал свою «благонравность» (РМ, 1902, № 8, Библиот. отд., с. 247—248), «бред расстроеного воображения», не имеющий «ничего общего с иск-вом» (В. Л. Львов -Рогачевский) — «Обр.», 1905, № 6, отд. II, с. 108), великий «трех», посевший «проклятое семя испавиств», к-рое «восходит под грех и воли кишиневских погромов» (А. А. Измайлов — «Нов. изд.», 1905, № 12, с. 96). После переизд. «Святыни» (П., 1913) этот ром. был назван «книгой, написанной исключительно для того, чтобы лишний раз проповедовать идеи союза рус. народа», «люлит. пасквилям... в тонах парижских бульварных романов» (А. Кратов (И. С. Кинжик-Ветров) — «Завзят», 1913, № 7, отд. II, с. 184).

«Рус. идея» остается в центре и драматургич. опытов М. 1900-х гг.: драма в стихах из жизни Моск. Руси «Максим Сумбулов» (СПб., 1900; первый прозаич. вариант — СПб., 1884; успешная пост. Лит.-арт. кружка, 1899; отзыв А. Р. Кузнецкого: «замысловатая интрига, искусство шпитейства в ист. хронике» — ТИИ, 1899, № 51, с. 932, 933; др. рец. 1899: НВ, 14 дек.; СПбБд, 27 дек.; СО, 15 дек.; «Россия», 15 дек.); пьесы «Сон усадьбы» (СПб., 1902) и «Кашея» (СПб., 1903; Суворин. т-р, 1903; разрозненные отклики 1903: пост. имела успех — НВ, 6, 9, 10 окт.; шла в полупустом зале — «Всемирный вестн.», № 10, с. 201—03), использующие фольклорные образы и направленные против инородцев на Руси; три диалога-картины «Угличское действо» (СПб., 1912), где прослеживаются последствия для Руси убийства «невинного младенца» — царевича Димитрия (в сюжете использована популярная в то время версия сар. происхождения Самозванца).

После 1905 выступал в периодике лишь эпизодически: сусальные рассказы о дет. психологии («Женя» — «Нева», 1903, № 12; «Свечи догорают» — «Родная речь», 1909, № 50; «Дядя Артур» — В его кн.: В толпе, СПб., 1894; и др.), мелодрам. стихи о детстве и старости («Детям» — «Вест. школы», 1914, № 1), стихи верноподданнич. настроений («Гимн Царствующему дому Романовых» — «Вест. Союза рус. народа», 1913, 12 марта; «Немцам» — там же, 1914, 9 нояб.; «Два памятника» — НВ, илл. прил., 1915, 3 янв.).

В 1910, когда отмечалось 25-летие лит. деятельности М., и спустя пять лет, в 30-летний юбилей, из чертой его «писательства» были названы «служение славянству» (РНБ, ф. 152, оп. 1, № 188), «страстная нац. тешения» и «аристократизм, как бережение кастового престоветства», пронизывающие все его творчество и обшества. деятельность («Всемирная новь», 1915, № 51, с. 10). «Во внимании к лит. трудам» М. в 1912 ему было «высочайше позволено» присодинить к наст. фам. псевдоним и «именоваться впредь, с нисходящим потомством, князем Голицыными-Муравьиными» (РГИА, ф. с.).

После Окт. революции М. эмигрировал; о его жизни этого периода сведения не выявлены. В берлин. газ. «Руль» (1928, 19 дек.) сообщается о внезапной смерти «известного монархич. деятеля, публициста и писателя кн. Дм. Голицына-Муравлина».

Др. произв.: «Дон Жуан». Лирич. сцены (СПб., 1881), «Иоланда». Лирич. опера в 2 д. (СПб., 1893), «Серенада». Драматич. этюд в 1 д. (СПб., 1900).

Лит.: Чехов (ук.); Михайловский, VI (ук.); Скабичевский А. М., История новейшей рус. лит-ры (1848—1890), 7-е изд., СПб., 1909; Левинский В., Правые партии. — В кн.: Обществ. движение в России в нач. XX в., т. 3, СПб., 1914, с. 358—59; Кузель А. Р., Листья с дерева, Л., 1926, с. 45, 76; Лит. процесс и журналистика (2; ук.): Богданович А. В., Три последних самодержца. Диспут, М., 1990, с. 496. + Афанасьев; Владиславлев; Добрыев; Брокгауз; ЭЭС; Гранат; Венсеров (Список; Источ.); Мезер; ИРДТ; Масанов (неверно указаны дата и место смерти М.).

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; Р. I, оп. 5, № 72 (аттестат Александров. лица и духовное завещание М.); РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 128 (ф. с. 1912 г., с доп. до 1917 г.); ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, д. 316, ч. 270. И. Е. Гумювич.

МУРАВЬЁВ Александр Николаевич [10(21).10.1792, Петербург? — 18(30).12.1863, Москва; похоронен на кладб. Новодевичьего монастыря], декабрист; мемуарист, автор публич. произв. Из старинного дворян. рода.

Отец, Ник. Ник. Муравьев (1768—1840), — ген.-майор, мать, Ал. Мих. Моравинова (1770—1809), — племянница изд. адмирала Н. С. Моравинова. Брат Анд. Н. Муравьева, Н. Н. Муравьева-Карского, Мих. Ник. Муравьева (Вилежского), более подробные сведения о нем и об отце — см. в ст. Н. В. Муравьева-Карский; состоял в дальнем родстве с Никитой М. Муравьевым, бр. Муравьевыми-Апостолами (см. М. И. Муравьева-Апостол), Ник. Наз. Муравьевым (вс Муравьевы происходят от общего предка Ив. Вас. Муравья, 2-я пол. 17 в.).

Детство провел в Петербурге, гер. Сырец Лужского у. Петерб. губ. (имение отца), с 1801 — в Москве. Получил хорошее дом. образование, слушал лекции в Моск. ун-те, знал франц., нем., англ. языки, после 1835 выучил др.-еврейский. С 1810 — в Петербурге, в марте зачислен колонновожатым в свиту с.и.в. по квартирмейстер. части, с августа — поручик. В 1811 вступил в ложу «Елизаветы к добродетели» (позднее входил в др. ложи, с нач. 1818 — чл. Капитула «Феникс»). Приверженность масонству сохранил до конца жизни. Под влиянием своего дяди Н. А. Саблукова, автора изв. мемуаров, усиленно занимался воен. науками. Член организованного отцом и бр. Михаилом Об-ва математиков. Входил в т. н. русскую партию в среде квартирмей-

стерских офицеров. Участник Отеч. войны 1812 и заграничных походов 1813—14; неоднократно награжден, в т. ч. зол. шагагой с надписью «За храбрость», иностр. орденами. С 1814 — в Гв. Ген. штабе, самый молодой — 23 года — полковник в рус. армии, «во всей гвардии имел репутацию отличнейшую» (И. Н. Горский — Восстание декабристов, XVIII, 200), а среди друзей в честь выдающегося полководца и воен. теоретика 18 в. Морица Саксонского получил прозвище «marchal de Sax» («саксонский маршал»).

Один из создателей предсекабристской «Священной артии» (1814) и «Союза спасения» (1816; вместе с П. И. Пестелем М. намеревался придать ему характер полумасонской организации), «Военного общества» (1817) и «Союза благодетельства» (1818). В последнем был членом Коренной управы и главой одной из моск. управ. Принял мн. новых членов, в т. ч. М. А. Фонвизина, М. Ф. Орлова, пытался — неудачно — волевать в тайные об-ва В. А. Жуковского (Жуковский В. А., ПСС, т. 10, СПб., 1902, с. 22), А. И. Михайловского-Данилевского (РВ, 1890, № 9, с. 150—51), а также вместе с Фонвизиным поставить под контроль «Союза благодетельства» (в 1818) лит. «Общество громкого смеха», в к-рое входили С. Е. Рачин, М. А. Дмитриев и др.

Сторонник конституц. монархии, в 1817 «участвовал к умыслу на царсубийство» как «причастник «мокс. заговора». Принимал участие в составлении программных декабристских докт-ов и, вероятно, был автором одного из вариантов второй, «сокровенной» (не известной рядовым членам) части «Зеленой книги», что отрицал на свидении (Смирнова Л. Б., Вторая часть «Зеленой книги» и ее авторы. — В кн.: Вопросы полит. истории СССР, М.—Л., 1977, с. 126—32, 135).

В янв. 1818 арестован за «неисправности» подчиненных на крещенском параде и в октябре вышел в отставку. После женитьбы (в сент. того же года) на княжне Праск. Мих. Шаховской (1788—1835; см. эпитафию М. на ее надгробии — МНекр., II, 293), горячо поддерживавшей мистич. настроения мужа, на какое-то время прервал связи с тайным об-вом, уехав в имение тещи Белая Колпа, а весной 1819 в результате совершившегося в нем религ. душевного перелома (признал частную жизнь основной, разочаровался в рев. способах социального переустройства) порвал с ним окончательно. Выходя из об-ва, написал письмо-об-

ращение к его членам, в к-ром призывал следовать своему примеру (текст неизв.); «отречение» М. «принято было с большим негодованием и вообще произвело сильное впечатление» (П. А. Муханов — Восстание декабристов, III, 32).

Арестован 8 янв. 1826. В ходе следствия раскаивался в своем участии в тайных об-вах (одновременно замалчивая нек-рые важные обстоятельства своей конспиративной деятельности), что в позднейшей лит-ре определило его репутацию «кающегося декабриста» (см.: Штрайх). Осужден на 6 лет каторжных работ, по конфирмации сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства (для отошедшего от об-ва до 1821 приговор был очень суров), сначала в Якутск (возвращен с дороги), а затем в Верхнеудинск (1827—29).

Не имея средств содержать семью, упорно добивался разрешения вступить в гражд. службу, неоднократно обращался к государю и др. лицам. Служил в Иркутске городничим и пред. губ. правления (1828—32), в Томбские пред. губ. правления и и.д. гражд. губернатора (1832—33), в Вятке и Крыму (с 1835) пред. уголовной палаты (неск. раз исполнял должность гражд. губернатора) и архангельским гражд. губернатором (с 1838).

После борьбы против адм. злоупотреблений, нарушения законности, преследовал взыскничество, «агитацию лихоимства» (см. «О злоупотреблениях и злоупотребителях Томбской губ.», 1833; опубли.: Соч. и письма), используя при этом и закулисные методы борьбы, в частности влияние родственника, управляющего III ота. А. Н. Мордвинова. Помогал декабристам, польским ссыльным, при этом в польском вопросе (1830—31) разделял позицию офиц. правительства («Из эпистолярного наследия декабристов», с. 255—56, 319). В 1839 уволен от должности за противодействие использованию воен. силы против крест. волнений. Проживал в наслыде имении (в Волоколамском уезде), к-рое в конце концов вынужден был продать за долги.

В 1843—51 состоял при Мин-ве внутр. дел (д. стат. сов. с 1848). С 1851, вследствие тяжелого материального положения, снова на воен. службе: полковник Ген. штаба, член Военно-ученого к-та. Участник (из-за болезни — недолгое время) Крым. войны, исполнял должность нач. штаба 2-го корпуса, с 1855 ген.-майор.

Первые дошедшие до нас лит. опыты — франц. стихи 1813 в письмах родственникам В. А. и А. М. Бакуниным (родителям М. А. Бакунина), стилизованные под «отрывки из трагедий» и шутильные песенки (Соч. и письма, с. 165—66, 171, 175).

В 1-й пол. 1816 совм. с братом Михаилом, Никитой М. Муравьевым, И. Г. Буриновым и Петром Колошиным ходатайствовал об изд. ж. «Военно-математич. записки» с широкой тематикой (ЛН, т. 60, кн. 1, с. 555—58). Тогда же вместе с Буриновым и братом Михаилом составил «Воен. описание дороги из Петербурга... в Вильну, а из Динабурга и в Вилькомир», за к-рое получили благодарность нач. Ген. штаба кн. П. М. Волконского (Глиноцкий Н. П., История рус.

Ген. штаба, т. 1. 1698—1825, СПб., 1883, с. 358). Летом 1816, во время пребывания в Крыму на лечении, — описание Евпатории.

Среди декабристов был известен как автор «Ответа сочинителю речи о зашитении права дворян на владение крестьянами...» (апр. 1818, подпись: «от Россиянина», опубли.: ЧОИДР, 1859, кн. 3, без имени автора; распространялся в списках), в к-ром страстно убеждал оппонента (предводителя калуж. дворянства Н. Г. Вяземского) в моральной и юридич. несостоятельности крепостного права, осн. на невежестве и презрении «прав человеческих», бедств. и бесправном положении крестьян — «сословия, дающего самое большое число защитников Отечества» (Соч. и письма, с. 129—30). Резкость обличения (существующее положение вещей М. называет «постыдным», «богопротивным» и рабским — там же, с. 131) сочетается у М. с характерным для декабристов императивом жертвенности и идеальными представлениями об «истинном дворянине».

К 1818 относится и [Запись сна] (там же); любопытна причудливым сочетанием мистич. мотивов, социальной и личной темы. Усиление мистич. настроений в тот период нашло отражение в письмах («Из эпистолярного наследия декабристов», с. 142, 156—58; эпистолярное творчество М. в целом свидетельствует о свойственной людям александров. времени потребности фиксировать сжиденный душевный опыт). Мистицизм М. возрастает, и после смерти первой жены (там же, с. 249...63) он пересводит (кон. 1830 — нач. 1840-х гг.) «Учение нового Иерусалима о вере» Э. Сведенборга (намеревался печатать в «Современнике»). В 1841 вступает в брак, скорее всего в гражд., с сестрой первой жены Марфой.

М. — автор «Записок», написанных после 1861 (опубл. Ю. И. Герасимовой в кн.: Декабристы. Новые материалы, М., 1955); сохр. конец 2-й и 3-я (не полностью) части, описывающие события кон. 1810 — осени 1812. «Записки» — ценный источник по истории Ген. штаба, масонства в России, обществ.-полит. настроений в офицерской среде в рус. армии 1811—12, а также боевых действий до Тарутин. сражения. М. дает высокую оценку рус. солдату, особо отмечая его «непоколебимую стойкость и упорство в обороне» («Россия двинулась сыны», с. 279). Интересны характеристики высших офицеров первой армии (М. Б. Барклая-де-Толли, К. Ф. Толя, А. П. Ермолова, вел. кн. Константина Павловича и др.) и взаимоотношений между ними. Поставив перед собой задачу писать о том, что «знал, видел, чувствовал и слышал, что сделалось мне известно из рассказов основательных людей» (с. 268), М. превращает мемуары в сложный конгломерат личных восп., моральных и историкоф. рассуждений, анализа хода воен. действий и даже анекдотов — с соответствующим столкновением стилей, характерных для каждого из этих жанров.

В сент. 1856, по протекции старшего друга, мин. внутр. дел С. С. Ланского, М. назначают нижегород. воен. губернатором; здесь он «с восторгом» встретил известие о предполагаемом освобождении крестьян — как осуществление мечты своей юности; принял чрезвычайно активное участие в подготовке работ по отмене крепостного права, всячески инициировал и поддерживал «либеральное меньшинство». В февр. 1858 на открытии Нижегород. к-та произнес «Речь по составлению проекта положения об улучшении быта помещичьих крестьян», в к-рой, сравнивая членов к-та с посланцами Бога, призывал их исполнить свой гражд. и моральный долг и обеспечить благосостояние миллионов соотечественников (опубл.: «Нижегород. губ. вед.», ч. неофиц., 1858, № 10; тепло встречена современниками: Шевченк о Т. Г., Собр. соч., т. 5, М., 1965, с. 196—97; Анд. Н. Карамзин — РС, 1899, № 2, с. 270; Пушкин и И. И., Записки о Пушкине. Письма, М., 1989, с. 373, 375, 381; Декабристы, М., 1938, с. 221, 266, 477; распространялась в списках). М. разработал собств. проект отмены крепостного права, более радикальный: незамедлит. освобождение крестьян с землем без выкупа, и был разочарован Положениями 19 февр. 1861. В Н. Новгороде он оставил о себе память как о человеке сурового нрава, расчетливом, придирчивом и деспотич. управителе (М. «принадлежал к старому типу самовластного, дореформенного чиновничества» — Короленко, 1911, отд. II, с. 140), «зорко» следившем за «соблюдением интересов крестьян» (А. Савельев — РС, 1898, № 7, с. 83). Его неустанная борьба со злоупотреблениями и крепостниками породила в консерват. дворян. кругах очень злую сатиру на него (самый изв. памфлет «Муравина», опубли.: РС, 1897, № 9, с. 539—559; см. также: РС, 1898, № 7, с. 87—88, 91). Памятью о его прошлом, в М. видели не проводника реформ Александра II (пользовавшегося в своей тактике поддержкой высокопоставл. петерб. кругов), а самостоятельного «восстановителя вольности», «душителя» чиновничества и дворянства, якобинца и подстрекателя («Ты хитрейший санжолот! Хуже всех французских! Деявность третий год! Готовил для русских») (РС, 1898, № 7, с. 87). С выходом Положений 19 февр. 1861 М. отправлен в поч. отставку и переведен в Москву (с 1861 ген.-лейтенант, сенатор). Устроив «всесословный» прощальный обед (22 окт. 1861) с приглашением бывших крепостных крестьян (описание: МВед, 1862, 16 янв.; то же — РС, 1898, № 7, с. 85—87). После отставки писал «Записки»; вскоре умер «несостоятельным должником»

(Соч. и письма, с. 59). Существует гипотеза, что М. послужил прообразом П. А. Думского — в пьесе В. Г. Белинского «Пятидесятилетний дядьшюшка, или Странная болезнь» (1835).

Изд.: Соч. и письма, Иркутск, 1986 (комм. и вступ. ст. Ю. И. Герасимовой и С. В. Думина) (в оплвлении ошибочно указана О. С. Тальская; вкл. перечень публ. писем М. — с. 6); Из эпистолярного наследия декабристов, т. 1, М., 1975 (вступ. ст. и комм. И. С. Каландарской); «России двинулись сыны», М., 1988, с. 268—99 (третья часть записок; сост. С. С. Волк и С. Б. Михайлова); Ответ сочинителю речи... — В кн.: «Их вечно с вольностью соит», М., 1983 (вступ. ст. и комм. С. С. Волка); [Представителям ошибочной атрибуции М. (Волк С. С.). Ист. взгляды декабристов, М.—Л., 1958, с. 317] полемич. ст. по поводу «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (СА, 1823, ч. 5); ни общирный автором глубокий интерес к истории, ни способ рассуждения и стиль не характерны для М.]

Лит.: Восстание декабристов, III (следств. дело); I, II, XVI—XVIII (ук.); Фонвизин М. А., Соч. и письма, т. 1, Иркутск, 1979 (ук.); Мемуары декабристов. Юж. об-во, М., 1982 (ук.); Трубицкой С. П., Мат-лы о жизни и рев. деятельности, т. 1—2, Иркутск, 1983—87 (ук.); В. Ф. Рясский, Мат-лы о жизни и рев. деятельности, т. 2, Иркутск, 1983 (ук.); Герцен (ук.); Кропотов Д. А., Жизнь гр. М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени..., СПб., 1874, с. 22... 212; Муравьев Н. Н., Записки. — РА, 1885, кн. 3; Муравьевы. (Родословная). Ревель, 1893; Лобанов-Ростовский А. Б., Рус. родословная книга, 2-е изд., т. 1, СПб., 1895; Юдин П. П., Из нижегород. старины. — РА, 1897, кн. 2, с. 131—35; Савельев А. А., Неск. слов о б. нижегород. губернаторе М. — РС, 1898, № 6; В (ерсанин) А., Реальный мавсон на Вятке тридцатых гг., Вятка, 1899; Менделеев Д. И., Поездка в Тобольск. — В кн.: Уральская железная промышленность в 1899 г., СПб., 1900, с. 426—27; Стремоухов П. Д., Нижегород. губернатор М. — РС, 1901, № 5; Короленко В. Г., Легенда о нааре и декабристе. — РБ, 1911, № 2 (перепеч.: «Континент», 1994, № 80); Штрайх С. Я., Каючийся декабрист. — «Красная новь», 1925, № 10, дек.; его же, Провокация среди декабристов. Самозванец Мелюк в Петров. заводе, М., 1925; Бакунин М. А., Собр. соч. и писем, 1828—1876, т. 2, М., 1934, с. 142, 151, 153, 162; Нечкина М. В., Священная артель. Кружок М. и Ивана Буржуа. 1814—1817 гг. — В кн.: Декабристы и их время, М.—Л., 1951 (см. там же, с. 272); Декабристы в Москве, М., 1963, с. 14, 63, 143... 49, 270, 276; Зоркин В. И., Правда о «красавице-декабристе». — В кн.: Памяти декабристов. К 150-летию со дня восстания, Иркутск, 1975; Рабкина Н. А., Первый декабрист. — В ее кн.: Отличныя внемлем призыванье..., М., 1976; Герасимова Ю. И., Декабрист М. в годы первой рев. ситуации. — История СССР», 1979, № 4; Дюма А., Путевые впечатления в России, т. 3, М., 1993, с. 162, 167, 171—72, 354, 616. + Чешихин (Ветрипский) В. Е., Люди нижегород. Помолвка, л. 1, Н. Новгород, 1915; Ченцов: Эймонтова (1, 2); Брокгауз (в ст. «Муравьевы»); Гранат; СИЭ; Декабристы; Движение декабристов. 1977—92.

Архивы: РГБ, ф. 336 (вкл. письма Шаховским «Об обязанностях родителей в воспитании детей», 1856); ГАРФ, ф. 109, 1 экз., 1826 г., л. 61, ч. 119, СА, оп. 3, 1859, д. 1957 (проект освобождения крестьян); письма М.: ГАРФ, ф. 1736, л. 2, 21 (Шаховским); ГИМ, ф. 254 (брату Н. Н. Муравьеву; частично опубл. И. С. Каландарской, 1975); ф. 276 (М. И. Муравьеву-Апостолу); ф. 469, № 36 (В. Н. Басинину); РГИА, ф. 982, оп. 1, д. 96 (наместники на М.); ИРЛИ, Р. 1, оп. 17, № 464 (ф. с. 1810—51 гг.); № 470, 471 («Воен. описание Галиции в кон. 1854 г.» и др. рукописи); Р. III, оп. 1, № 1520 (А. Н. Пучковой); РНБ, ф. 124, № 2925 («Наставление сыну Михаилу», 1821 г.); Герасимова Ю. И., Мат-лы М. в фондах ОР ГБЛ. — В кн.: Зап. ГБЛ, в. 36, М., 1975.

К. Г. Боленин.

МУРАВЬЁВ Андрей Николаевич [30.4(12.5).1806, Москва — 18(30).8.1874, Киев; похоронен в приделе Сергия Радонежского Андреевской церкви], поэт, драматург, духовный писатель, религ. деятель, мемуарист. Младший брат Ал-дра Н. Муравьева. Н. Н. Муравьева-Карского и М. Н. Муравьева (о нем см. в ст.: о брате

Николае). После смерти матери (1809) воспитывался у родственников; в 1815—23 жил в Москве, в доме родителей, где размещалась Школа колонновожатых; дружил с ее воспитанниками. Рано пробудившееся стремление к стихотворству (первые, несохранившиеся, опыты «Буря» и «Дружба» относятся к 1819), очевидно, пришлось отцу не по душе: «[он] ненавидит поэзию ... Он хотел сделать меня ... математиком или военным человеком» («Мои восп.» — РО, 1895, № 5, с. 57). Тем не менее в качестве лит. наставника был приглашен С. Е. Раич; под его руководством переводил Тита Ливия и «Энеиду» Вергилия (1820).

В 1823 вступил в воен. службу — по совету Н. В. Басаргина во 2-ю армию (г. Тульчин), где управляющим канцелярией нач. штаба был И. Г. Бурцов, близкий друг Н. Н. Муравьева. Судя по письму к брату от 9 нояб. 1823, М. рассматривал службу как возможность вступить в гвардейский полк, а находясь в Петербурге, совершенствовать свое образование (ГИМ, ф. 254, № 341, л. 174). В мае 1823 зачислен юнкером 34-го Егерского полка, а в декабре переведен в Харьков. драгунский полк прапорщиком. Оказавшись в сфере деятельности Южного об-ва, общался в канун восстания с видными его деятелями, однако сведений о причастности М. к движению декабристов нет. В сент. 1827 уволился из армии «с повышением чина для определения к статским делам». Сдав в апр. 1828

экзамены при Моск. ун-те, в августе определен в ведомство Коллегии иностр. дел с причислением к дипл. канцелярии главнокомандующего 2-й армией П. Х. Виттенштейна, участвовавшей в рус.-тур. войне 1828—1829.

Несмотря на обременит. службу, лит. занятия М. в 1823—30 необычайно интенсивны. Он захвачен многочисл. замыслами. Культивируя в себе «поэтический огонь», в авг. 1825 отправился в Крым за новыми впечатлениями для поэмы «Потоп», к-рая мыслилась как логич. завершение «Потерянного рая» (1667) Дж. Мильтона и «Мессиады» (1751—73) Ф. Клопшток (сохр. две «песни» — РГИА, ф. 1088, оп. 2, № 865). Одновременно работал над поэмой «Чатырдаг» (рукопись неизв.); к кон. 1825 завершил трагедию «Митридат» (опубл.: НЛО, 1996, № 17), а также ряд «описательных» стих. (позже вошедших в сб-к «Таврида»). В Симферополе, а затем в Бахчисарае М. встречался с А. С. Грибоедовым, к-рый одобрил замысел «Потопа» («хотя и грозил его огромностью») и рассказал ему о собственных замыслах ист. драм «Федор Рязанский» и «Владимир» («Мои восп.» — РО, 1895, № 5, с. 62—63, 74; см. также: Краснов П. С., О «Федоре Рязанском». — РЛ, 1973, № 3, с. 104—07). Возможно, беседы с Грибоедовым побудили М. написать трагедию «Владимир» (лето 1826, Тульчин), с к-рой он осенью приехал в Москву (отрывок «Рогнеда» — «Атеней», 1830, № 3, февр.; рукоп. неизв.).

Зима 1826—27 — наиб. яркий период в творч. судьбе М.: время активного вхождения в лит. жизнь Москвы и самоутверждения как поэта. Он тесно общался с любомудрами, и прежде всего с М. П. Погодиным (отношения с ним поддерживал всю жизнь); накануне чтения пушкинского «Бориса Годунова» Погодин с энтузиазмом принял ходившую в списках трагедию «Владимир» (дневниковые записи Погодина о М.: РГБ, ф. 231, раздел I, № 31, л. 161—63). П. А. Вяземский писал о «Владимире» В. А. Жуковскому и А. И. Тургеневу (20 нояб. 1826): «Молодо, зелено, но есть живость, огонь и признаки решительного дарования» (Архив Тургеневых, VI, 48). М. познакомился с Е. А. Баратынским и А. С. Пушкиным; стал пост. посетителем салона З. А. Волконской (урожд. Белосельской-Белозерской, дальней его родственницей). Ей посвятил стих. «Ольга», «Певец и Ольга» (1827), а позже «Молитву об Ольге Прекрасной» («Совр.», 1836, т. 4) — в ответ на ее поэму в прозе «Сказание об Ольге» (Св. княгине, просветительнице Руси, считающейся «заступницей» рода Белосельских-Белозер-

ских; в стихах М. пост. ассоциация Ольги и Волконской). Находясь под покровительством Волконской, М. упрочил репутацию многообещающего поэта; его стихи стали предметом широкого обсуждения.

Первую публ. М. — стих. «Воззвание к Днепру», «Русалки», «Бакчисарай», «В Персию!», «Ермак» в альм. Раича и Д. П. Ознобишина «Сев. лира на 1827 г.» (М., 1827; ц. р. 1.11.1826) — встретили весьма одобрительно: «с надеждой и радостно» обратил на нее внимание Пушкин (из неопубл. рец. на альм.; см.: XI, 48), а Вяземский нашел в ней «живую поэзию в вымысле и выражении» (МТ, 1827, № 3, с. 244).

Почти одновременно появился сб. «Таврида» (М., 1827; ц. р. 3 янв. 1827), оказавшийся единственным в поэтич. наследии М. Он состоял из двух частей: первая, открывающаяся стих. с тем же назв. «Таврида», — своеобразный личн. цикл, посв. описанию разл. мест Южного берега Крыма на пути от Чатырдага до Кучук-Ламбата (12 стих., в т. ч. «Чатырдаг», «Бакчисарай», «Балаклава»); вторая — многопланова: программные стих. «Поэзия», «Забвение», «Сон Певца», «Идеал» с мотивом пробуждения поэтич. вдохновения и образом страстного, но гонимого и непонимаемого поэта, над к-рым «уж веет... забвение грядущих лет!», обостренный интерес к рус. истории («Днепр», «Ольга», «Свято-слав», «Ермак», «Основание Москвы»); тяга к философичности в стих. «Оссиан», «Галл», «Стихии», «Прометей», проникнутых осановскими мотивами невыразимого, мрачного и великого. Давая представление о начинающем поэте, «Таврида» вместе с тем стала заметным лит. явлением.

Поэзию М. высоко ценили в салоне З. Волконской, а также в кругу «Моск. вест.» (хотя гл. ред. ж-ла Погодин высказал ряд критич. замечаний — МВ, 1827, № 6). Пушкинское окружение находило в нем задатки даровитого, но весьма строптивого ученика, нуждающегося в сдержанно-наставит. оценках; в рец. на «Тавриду» Баратынский подробно разобрал ряд погрешностей М. в слоге, композиции и стихе, предваряя и заключая анализ двоякими суждениями: «он еще не написал ничего истинно хорошего, но подает прекрасные надежды» и: «богатому жаром и красками, ему недостает обдуманности и слога, следовательно — очень многого» (МТ, 1827, № 4, с. 326, 331). (Ср. схожие похвалы и упреки рецензента «Дамского журнала», 1827, № 7, апр., с. 47—50.)

Спустя 100 лет Ю. Н. Тынянов усмотрел в поэтич. «недостатках» (Баратынский) М. попытку найти выход из «безупречной бедности эпигонства», сложившегося в русск. «школах гармонич. точности»: «в его стихах нет... чопорности, гладкости и безупречной бедности ... они, напро-

тив, выделялись именно энергиею, „смыслостикю“ и „нечистотою“, к-рые были так пужливы в эпоху распыления и монотонизации ходовых элементов пушкинского стиха» (1929; см.: Тынянов, с. 172, 174). Тогда же Тыняновым обозначено новос. «тютчевское напыщенность» в рус. поэзии, впервые с «достаточной ясностью» заявившее о себе именно в альм. «Сев. лира» (там же, с. 168); вослед Тынянову к нему присоединит М. и иск-рые отеч. исследователи 70—80-х гг. (см. в разд. И 1 д.: «Сев. лира», с. 279—80; см. также предисл. Л. Я. Гинзбург в кн.: Поэты 1820—1830).

Есть основания полагать, что именно завышенная репутация М.-поэта, сложившаяся в салоне Волконской, подготовила почву для едкой эпиграммы Пушкина «Из Антологий» («Лук звенит, стрела трепещет»), метившей в лице М. в салонную лит-ру (см.: Вацуро, Эпиграмма Пушкина...). Пушкин настоял на ее публикации в ж-ле Погодина, покровительствовавшего М. (МВ, 1827, № 6), что само по себе усиливало элемент лит. борьбы. С нею соотносится эпиграмма Баратынского «Убог умом, но не убог задором» того же времени, а также эпиграмма 40-х гг. С. А. Соболевского «Бельведерский Митрофан...» (в его кн.: Эпиграммы и экспромты, СПб., 1912, с. 82). По-видимому, к М. (а не к А. Мицкевичу, как предполагали ранее; см. об этом ст.: Вацуро, Эпиграмма Пушкина...) обращено послание Баратынского «К***» (написано в 1827) с настойчивым призывом не доверяться модной усыпляющей «похвале» и не бояться «критич. хлыста». Устойчивая же офш. версия объясняла появление эпиграммы суеверием Пушкина, будто бы боявшегося предсказанной ему гибели от «белого человека» (М. был белокур) и устремившегося навстречу судьбе. Поводом для эпиграммы послужил театр. жест М.: шутя примериваясь в доме Волконской к статуе Аполлона, он нечаянно повредил ее и в знак раскаяния написал на пьедестале экспромт «О Аполлон! Поклонник твой» (опубл.: РА, 1885, кн. 1, с. 132). По свидетельству современников (см. там же), М. хотел вызвать Пушкина на дуэль, но, успокоенный Погодиным, ограничился язвит. эпиграммой «Ответ Хлопушкину» (см. о ней в кн.: Поэты 1820—1830, II, с. 692). Позднее обиду постарался сгладить и сам Пушкин, что установило между ними внешне вполне дружеские отношения. Позже, в «Моих восп.» М. не без приукрашивания воспроизвел сцену их встречи в 1832: Пушкин, желая исправить впечатление от «своей глупой» эпиграммы, написал М. — «благодарствую паломнику» — стихи, к-рые, однако, «потерялись» (РО, 1895, № 12, с. 600). В сер. 30-х гг. Пушкин привлек М. к участию в «Современнике».

Весной 1827 после «жестокого удара» (собств. оценка рец. Баратынского), а также советов старших

братьев оставить поэзию, М., чувствуя себя непризнанным талантом, обращается к творчеству Данте и Т. Тассо (читая их в подлиннике). Задумал трагедию «Жизнь Тассо, или Судьба поэта», написал сцену «Смерть Данта» (МТ, 1827, № 11). Тогда же обратился к всегда привлекавшей его теме крестовых походов, христ. рыцарства, теократич. власти, начав драму «Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине» (окончена в нояб. 1827 — см. «Мои восп.»; посв. товарищу по воен. службе С. Н. Сулиме; опубл. с жанровой пометой «драм. сцены в 5 д.» и с ист. комментариями автора — К., 1874). О страстной преданности поэзии и честолюбивых поэтич. стремлениях М. свидетельствует его переписка с В. А. Мухомовым (о нем см. в ст. Мухомов А. А.), где, в частности, он сообщает, что начал вести дневник (см. в разделе Пис-ма: Шукшинский сб., в. 5, с. 249). Дневник под назв. «Мои воспоминания» опубл. посмертно (не полностью; РО, 1895, № 5, 12; 1896, № 2; в отд. изд. — М., 1913 — не вошел текст из № 5, но есть продолжение № 2; неопубл. часть хранится в Гос. музее А. С. Пушкина (М.): ф. 2, оп. 6, Р. 190, л. 1—160).

Во время рус.-тур. войны (1828—1829) в Шумле знакомится с А. С. Хомяковым. Зимой 1829, решив «начертать, по примеру Шекспира, одну огромную драму *Россия*» (см.: РО, 1895, № 5, с. 74), приступил к циклу ист. трагедий на сюжеты из рус. раннего Средневековья, представлявшегося ему особенно поэтическим, исполненным отчаянной распри, воинской доблести и христ. подвижничества: дилогии «Князья Тверские в Златой Орде» [«Михаил Ярославич Тверской», в 5 д., и «Георгий Московский», в 3 д.; по свидетельству комментатора «Моих воспоминаний» А. А. Третьякова, «сохранились в рукописи» (1895, № 5, с. 73); отрывки: «Совр.», 1837, т. 6, и МН, 1835, июнь, кн. 2] и драм — «Святополк», «Васильков», «Андрей Боголюбский», «Сеча на Калке» (вероятно, оставшихся на стадии замысла).

После поражения Турции М. при содействии главнокомандующего рус. армии И. И. Дибича получил в нояб. 1829 высочайшее позволение и средства на путешествие к Св. местам. В 1829—30 побывал в Египте (в частности, в Александрии и Каире), Иерусалиме, на Кипре, в Смирне, Анатолии, Константинополе. После войны с Турцией путешествие приобрело оттенок полит. миссии: М. стал первым посланником мира в этих странах; самоотверженный поступок «молодого благоговящего юноши» получил широкий резонанс в рус. обществе, к-рое истолковало паломничество как символич. намек

на религ. миссию России на Бл. Востоке. Вышедшее в свет в 1832 его «Путешествие ко Святым местам в 1830 г.» [ч. 1—2, СПб.; рукопись книги по просьбе автора просматривали В. А. Жуковский, принимавший в нем участие (познакомились в 1830), и митрополит *Филарет* (Дроздов), ставший впоследствии его духовным наставником и соратником] вскоре было дважды переиздано — 1833, 1835 (затем — 1840 и 1848) и принесло М. большую популярность (так что ряд последующих своих «путешествий» он подписывал перифразой: Сочинение автора Путешествия ко Святым местам). Оно вызвало множество положит. отзывов, в т. ч. Пушкина («с умилением и невольной завистью прочли мы книгу» — из предполагавшейся рецензии, см.: XI, 217), обширную рец. ж. «Телескоп» (1832, № 18), позднее — Н. Г. Чернышевского (II, 520). За «Путешествие» и ценный дар — привезенные из Александрии статуи двух сфинксов — в окт. 1832 Акад. художеств присвоила ему звание Почетного вольного общника академии; в нояб. 1833 без его ведома был избран д. чл. ОЛРС.

Вернувшись в сер. 1830, поселился в Петербурге, числится по службе в МИДе; в мае 1831 по протекции дальней родственницы, Е. З. Канкриной, назначен столоначальником Турецкого стола в Азиат. деп. (пребывал до 1833; с янв. 1833 коллеж. ас.). По-видимому, весной 1832 сватался к Над. Гринг. Чернышёвой, но получил отказ (на ее руку претендовали также его брат Николай и Д. Н. Гончаров — брат жены Пушкина; см.: Пушкин, XV, 74; Оболенская, с. 79—80). Остался холостяком. В апр. 1833, по прочтении «Путешествия» имп. Николаем I, определен «по духу своей книги» секретарем обер-прокурорского стола Святейшего Синода («с оставлением его причисленным к ведомству МИДа»; в Синоде поддерживал духовных членов, в т. ч. Филарета Дроздова и *Филарета* Гумилевского. В 1836 пожалован в камергеры.

Осенью 1832 при непосредств. участии поэта А. Г. Ротчева в Александрии. т-ре с «царской роскошью» (из обзора «Сев. пчелы») была поставлена «Битва при Тивериаде»; пьеса выдержала лишь 5 представлений (1-е — 9 окт.; отзывы: СП, 1832, 20, 28 окт., и анонимная эпиграмма «Не всех беснующих людей» — опубл.: Рус. эпиграмма, 1975, с. 438). С горечью пережив неурядицы на поэтич. стезе, М., несмотря на поощрения Жуковского («Требую от М., чтобы он не обращал внимания на неудачу ... он поэт в благородном смысле сего слова и писать должен» — из письма И. И. Козлову от 27 февр. 1833) и Пушкина (опубликовавшего в своем «Современнике» отрывки из 4-го и 5-го д. драмы с развернутым авт. предисловием — 1836, т. 2), оставляет ее и посвящает свои лит. способности и свою жизнь духовной лит-ре и церк. публицистике, в одном из жанров к-рых — «путешествия» — он уже стяжал всеобщее признание.

М. полагает начало новой разновидности духовной и церковной лит-ры, придав ей нек-рые свойства худож. повествования, так что «беллетризация» сделала ее более доступной и привлекательной для широкого читателя (условно ее можно назвать церковно-беллетристической — ср. аналогичное определение «учено-беллетристические», примененное Белинским к ист. работам — «описаниям» — А. И. Михайловского-Данилевского; VIII, 93). Сам М. на исходе творч. пути писал о своем нововведении: «Я, можно сказать, создал церк. лит-ру нашу, потому что первый облек в доступные для светских людей формы все самые шекотливые предметы богословские и полемические...» [«Мои восп.» (неопубл. часть), л. 158]. И это подтвердил строгий его критик Н. С. Лесков: «Он первый из светских людей начал вещать о таких вопросах, к-рыми до него „светские“ люди не интересовались и не умели за них тронуться» (Лесков Н. С., Синодальные персоны. — ИВ, 1882, № 11, с. 406; ср. также мнение А. С. Стурдзы 1851: «сблизил и сроднил на Руси изысканную словесность с духовною» — см.: «Арзамас», I, 58).

В огромном «церковно-литературном» наследии М. прослеживаются три осн. жанрово-тематич. ряда: путешествия по Св. местам, история церкви, богословские вопросы; все они подчинены единой цели — «утверждению православия» во всей его полноте в совр. жизни. В роли защитника православия (по собств. определению) М. занимал совершенно исключит. положение: не имея никакой офиц. должности [после напряженной борьбы за место обер-прокурора Святейшего Синода уволился в июне 1842 (одновременно Синод оставили Филарет Дроздов и Филарет Гумилевский), а в 1866 «по случаю упразднения должности» уволен и из Азиат. деп. МИД], он тем не менее являлся одним из наиб. авторитетных и влият. деятелей Рус. правосл. церкви. В 1860 он уже более 20 лет считался «эпитропом (т. е. поверенным)» в России трех патриарших престолов (Александрии, Антиохии, Иерусалима); длит. время свободно сносился со мн. обитателями Афона (свободно изъяснялся на греч. яз.), был ктитором двух афон. мон. — болг. и русского (см. письмо И. М. Толстому от 6 дек. 1860); состоял в многолетней переписке по догматич., церковно-полит., должностным вопросам с четырьмя патриархами и др. святителями Востока, а также с русскими.

Целенаправл. деятельность М. на новом поприще ознаменовалась рядом изданий:

«Письма о богослужении восточной католической церкви» (СПб., 1835; без слова «католической»).

Адресованы Гончарову — брату жены Пушкина, приятелю и соседу по мншению Осташеву в Волоколамском у.; имел огромный успех, выдержал множество переизд.: 1—11-е изд., 1835—1882; с доп. — 1—3-е изд., 1899—1904 («Дополнение к письмам...», сост. посмертно и впервые вышло отдельно: СПб., 1883; 2-е изд., СПб., 1898); переведены почти на все европ. языки; положит. отзывы: Белинский — III, 129—33; ЖМНП, 1838, № 2; БлЧ, 1838, т. 27. В изд. 1855 (СПб.) вошла ст. «О литургии», впервые опубл. М. в 1841 («Христ. чтение», ч. 1) и послужившая лит. источником для работы Н. В. Гоголя «Размышления о Божественной литургии» (см.: Гоголь Н. В., Собр. соч., т. 6, М., 1994, комм., с. 528, 530—31).

«Путешествие по Святым местам русским» (СПб., 1836; 4-е доп. изд., ч. 1—2, СПб., 1846; 8-е изд., ч. 1—2, СПб., 1905), куда вошли и ранее изданные описания.

В многочисл. положит. рецензиях на «Путешествие», в т. ч. И. С. Тургенева (ЖМНП, 1836, № 8), отмечалось совершенное знание предмета (прим. — историко-культурная роль монастырей, их патриотич. борьба против иноземных захватчиков), красноречивость, благочестивое настроение; в редких отрицат. отзывах — упреки в верхоглядстве (см.: Грот и Плещинев, II, 770, 777; письма 1846).

«Изложение символа веры православной восточной католической церкви» (СПб., 1838; 4-е изд., СПб., 1844; принято в качестве учебника в духовных уч-щах). «Первые четыре века христианства» (СПб., 1840; 3-е изд., СПб., 1866).

Летописная манера М. напоминала современникам Н. М. Карамзина (Третьяков А. А., Памяти М. — РО, 1895, № 1, с. 283), а сентиментальная настроенность — Ф. Р. Шатобриана (Святогорец, что на Донце, Краткий обзор всех соч. М. — Второе прил. к «Церк. летописи» за 1866, с. 2). Религ.-сентимент. летописный стиль М. — своеобразная поэтич. проза, наиб. естественная и выразительная в его «путешествиях». В февр. 1837 «за заслуги в области рос. словесности» М. избран в д. чл. Рос. академии.

К кон. 50-х гг. он постепенно меняет амплуа «сентимент. путешественника» на роль историка церкви и богословствующего публициста. Одни его сочинения — миссионер. характера, в т. ч. «Письма о спасении мира Сыном Божиим» (СПб., 1839, 1842, 1844), «Слово католического православия рим. католичеству» (М., 1852; 2-е доп. изд., М., 1853), другие — полемического, в т. ч. «Правда Вселенской церкви о Римской и прочих патриарших кафедрах» (СПб., 1841, 1849), «Раскол, обличаемый своею историею» (СПб., 1854). Большой интерес публики к избранной им теме побуждает М. писать быстро и много: «Мою книгу станут тотчас читать; знаю, что через десять лет ее забудут, но она сделала свое дело» (Казанский П. С., Восп. об М., М., 1877, с. 10). Однако при необычайно продолжит.

интенсивной работе, к тому же постоянно настроенной лишь на «высокий лад», беллетристич. приемы со временем нередко приобретали трафаретность, а подчас и риторич. напыщенность.

Действуя на новом, религ.-духовном, поприще, М. до нач. 40-х гг. сохранял прежние лит. связи и прежде всего — с кружком И. И. Козлова, где, появившись, очевидно, после путешествия 1830, нашел одобрение и поддержку своим религ.-публиц. замыслам. Здесь он встречался с П. А. Плетнёвым и Жуковским, по просьбе к-рого в 1840 занимался посмертным изданием соч. Козлова (см.: РГБ, ф. 188, к. 5, № 31). Видимо, к 1834 относится его знакомство с М. Ю. Лермонтовым, с к-рым затем нередко встречался в 1835—36. В собственных восп. М. предстает маститым писателем, покровительствующим начинающему поэту, восхитившему его поэмой «Демон» (одна из ранних ред. 1833—1834); в февр. 1837 он ходатайствовал за автора стих. «Смерть поэта» через своего двоюродного брата А. Н. Мордвинова, служившего в III отделении. В доме М. Лермонтов написал свой шедевр — «Ветка Палестины» [в наборной копии имелась помета: «Посвящается А. М.»; о подробностях и расхождении в дате написания стих. — 1836 или 1837 — см.: Баранов, а также ст. «Муравьев А. Н.» и «Ветка Палестины» в Лерм. энц.; о портрете М. (хранится в ИРЛИ), приписывавшемся Лермонтову, см. ст. К. Н. Григорьяна в кн.: М. Ю. Лермонтов. Иссл. и мат.-лы, Л., 1979, с. 273—74].

В 1845—50 М. совершил три длительных путешествия: в Рим и Германию (1845), в Грузию и Армению (1846—47), на Восток (1849—1850; Константинополь, Афон, о. Родос, Афины, Сирия (в т. ч. Дамаск), Палестина); в 1848 путешествовал по Волге. Изучив и описав прежде рус. церковь (и ее святыни) и сравнив ее теперь с другими, он находил, что Рус. правосл. церковь с наибольшей полнотой пребывает в духе и истине.

Впечатлениями о католич. культуре исполнены «Римские письма» (ч. 1—2, СПб., 1846; 2-е изд., СПб., 1847; положит. рец.: БлЧ, 1846, т. 76) и «Прибавления к Римским письмам» (СПб., 1847; положит. рец.: И. Г. — ЖМНП, 1848, № 9).

Славянофил Ф. В. Чижов находил «Римские письма» письма содержательными, хотя и несовершенными по изложению (обстоят. рец. в кн.: «Моск. лит. и уч. сб. на 1847 г.», М., 1847, с. 61—112). Гл. оппонентом ортодоксально-правосл. М. оказался сторонник соединения церквей Н. Б. Галицын, автор кн. «О возможном соединении Рос. церкви с Западной» (1858). Ответ на исс. М. «Объяснение на книгу „О возможном соединении церкви Российской с Западной“», М., 1859) вызвал полемич. в центре к-рой оказались «Римские письма»: (Галицын Н.). Заключения на Римские письма... («Рус. церковный сб.», ч. 2, тетр. 3, Б. — Париж—Лондон,

1859), где Муравьеву высказан упрек за неполноту суждений о католицизме, и ответ М. — «Возражение против замечаний на „Римские письма“» (М., 1860).

М. впервые подробно описал состояние христ., преим. православной, церкви у неславянских народов России и религ. культуры у рос. иноверцев — их монастыри и обители, ход и значение богослужения, жития местно-чтимых святых (специально для него переведенные), а также историю и этнографию края: «Грузия и Армения» (ч. 1—3, СПб., 1848) и «Письма о магометанстве» (СПб., 1848; 3-е доп. изд., Каз., 1875). «Письма с Востока в 1849—1850 гг.» (ч. 1—2, СПб., 1851; адресованы митрополиту Филарету Дроздову) значительно дополнили его «Путешествие ко Святым местам в 1830 г.».

Итогом многочисл. путешествий (начиная с 1830) стала уникальная коллекция икон и др. реликвий, часть к-рой, видимо, была передана в Румянцев. музей; историю ее собирания, как и «судьбы» самих раритетов, М. описал в документально-мемуарном соч. «Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по Святым местам» (К., 1872).

Возвратившись в Россию, М. в 1-й пол. 50-х гг. по-прежнему много путешествовал и одновременно много сил отдавал лит. труду (напряженный темп творч. жизни отчасти диктовался сугубо житейскими соображениями: М. нуждался в подспорье к жалованью, а впоследствии — к пенсии, составлявшей 1000 руб. в год; по наследству, после раздела имущества отца в 1841, ему досталось очень немного — см. РГИА, ф. 1343). Его паломничество со скитам, обителями и святынями Вологод. и Белозерского края (1854) запечатлелось в книге об уникальном средоточии рус. монашества: «Русская Фиваида на Севере» (СПб., 1855, 1894; посв. вел. кн. Елене Павловне, покровительствовавшей М.; рец. К. П. (Олевого) — СП, 1855, 21 апр.).

Последние, грандиозные по объему историко-религ. работы М. были по существу итоговыми. Это «Жития святых рос. церкви, также иверских и славянских» (т. 1—12, СПб., 1855—59), являющиеся не переводами Четьи-Миней, а ориг. жизнеописаниями, основанными на «древней рукописи», найденной М. в Софийском соборе, — «каталоге святым русским» (из неопubl. части «Моих восп.», л. 113) и «Сношения России с Востоком по делам церковным» (ч. 1—2, СПб., 1858—60) — результат изучения «греч. грамот о наших церковных сношениях с Востоком» (см. в том же архиве, л. 158 об.; ср. также: Письмо И. М. Толстому, с. 26), извлеченных им «из Моск.

архива» (очевидно, АВПр МИД), наряду с использованием уже опублик. документ. мат.-лов. В последнем обстоят. труде «История патриарха Никона», задуманном М. «во вкусе летописном, а не критическом», завершен лишь 1-й т. (до патриаршества Никона); остальные мат.-лы были сданы в б-ку Троицкой духовной академии (см. в том же архиве, л. 159).

В последний, киесский, период жизни — начиная с 1858 — М. отошел от творчества, занимаясь преим. религ.-адм. деятельностью. Переезд в Киев — своего рода возвращение к истокам, в колыбель православия — шаг в биографии М. и символический, и сугубо практический: не имея собственного дома (жил обычно у родственников и знакомых, в 1854—55 — в имении Шереметевых Останкино), М. обзавелся им наконец в Києве. Адм. деятельность его развернулась широко: он настоял на отмене проспекта Э. И. Тотлебен о превращении Киева в город-крепость, содействовал восстановлению храма Св. Ирины, Софийского собора, Десятинной церкви, Межигорского монастыря. Возродил крестьян ход на крещение Святого Владимира (в 1861, после 25-летнего перерыва). В 1864 стал пред. учрежденного по его инициативе Свято-Владимирского братства, занимавшегося преим. миссионерской деятельностью (в частности, изданием сочинения М. «Наставления сарено, пригвожденному к святому крещению», К., 1872). Особо заботился об Андреевской церкви, поставленной во имя апостола Андрея Первозванного, небесного покровителя М. (ему он написал акафист, а позже стал ктитором церкви). Неподалеку от псе на крутом берегу Днепра находилась его «вилла» (по слову владельца), с прекрасным садом и замчат. видом, хорошо известным в городе (см. об этом в посвященном М. стих. А. Н. Ахутина 1873 «Уставши на пути тернистом и далеком»). Здесь летом 1869 его посетил Ф. И. Тютчев (находясь в свите имп. Марии Александровны) и посетил М. стих. «Там, где на высоте обрыва...», почтив своего давнего знакомого (в 1821 он посвятил ему стих. о губительной скуке науч. рассудочности «Нет веры к вымыслам чудесным») за «единство жизни и стремления», «твердость стойкую в борьбе», «мысли неизменный строй» и «действенную веру». Однако ряду современников М. представлялся властным, неуязвимым, претенциозным. Будучи строгим ревнителем церковного благочиния, он вызывал порой иронич. у церк. лиц, называвших его «Андреем Незваным» (см. в кн.: Порфирий Успенский. Книга бытия моего, т. 8, СПб., 1902, с. 349—61).

Проводя летние сезоны в Києве, зимой жил в Петербурге, занимая (с 1854) квартиру митрополита Филарета на Троицком подворье; здесь в течение мн. лет собирался «присный кружок» (по выражению М.), членами к-рого были, очевидно, В. П. Тюттов и Авраам С. Наров. С 1845 М. исполнил должность директора С.-Петерб. Попечительного комитета о тюрьмах.

Смерть Филарета (1867), мн. годы поддерживавшего М. духовно и материально, стала для него «страшным переломом» и побудила к публикации «Писем митрополита Московского Филарета к А. Н. М... 1832—1867» (К., 1869). В 1871 избран чл. Московской, а затем Киевской духовных академий. Несмотря на значит. поддержку от церкви, в конце жизни сильно бедствовал: известно о его намерении «бежать» в Святогорский мон. Харьков. губ. В последние годы обратился к худож. сочинениям своей молодости: издал «Битву при Тивериаде», собирався опубликовать драмы «Михаил Тверской» и «Георгий Московский»; в 1871 издал восп. «Знакомство с русскими поэтами» (К.), воспроизведя картину своих

многочисл. лит. знакомств от И. И. Дмитриева до А. К. Толстого, в числе к-рых особенно интересны сведения о Грибоедове, З. Волконской, И. А. Крылове, Пушкине, Лермонтове, Тютчеве. «Знакомство» дополняет «Мои восп.», образуя с ними ценный историко-мемуарный комплекс, не всегда, однако, надежный как историко-лит. документ. По смерти М. значит. часть его архива и коллекции наследники передали в Церковно-Археологич. музей при Киев. духовной академии (см.: Петров). [Последствия архив (в составе фонда музея) перевели в Центр. науч. б-ку АН Украины, а коллекция хранилась в Киево-Печерской Лавре; погибла во время Отеч. войны при попытке эвакуации (см.: Вздорнов Г. И., История открытия и изучения рус. ср.-век. живописи. XIX в., М., 1986).] Во 2-й пол. 80-х гг. было учреждено Об-во памяти М., занимавшееся изданием его соч. (см.: МВед, 1883, 20 марта).

Др. произв.: «Паломник» [романс, 1829, опубл. в ст.: Сулима, 1876; муз. А. С. Алябьева (см. в его кн.: Романсы и песни, М., 1976, т. 3)], «Вечер в Петергофе» (лирич. очерк; МН, 1835, июнь, кн. 1), «История рос. церкви» (СПб., 1838; 3-е изд., СПб., 1845), «Священная история» (СПб., 1842), «История Св. града Иерусалима от времен апостольских и до наших» (ч. 1—2, СПб., 1844), «Православие — источник спасения Отечества» (СПб., 1849), «Мысли о православии при посещении Святыни Русской» (СПб., 1850), «Святые горы и Оптина пустынь» (СПб., 1852), «Подвиги Соловецкой обители» (СПб., 1855; 11-е изд., СПб., 1912), «Впечатления Украины и Севастополя» (СПб., 1859), «Описание монастырей и скитов, находящихся на Св. горе Афонской» (СПб., 1859), «Киев и его святая» (К., 1861; 6-е изд., К., 1901), «Письма о православии» (К., 1871; 2-е изд., [К.], 1873).

Изд.: [Стихи и драм. отрывки]. — В кн.: Поэты 1820—1830. Северная лира на 1827 г., М., 1984 (изд. подготовили Т. М. Голы и А. Л. Гришину; послел. и биогр. заметки Голы; см. — с. 279, 282, 289, 291, 297 и 391—92). [Восп.]. — В кн.: Грибоедов в восп., Лермонтов в восп., т. 2; Пушкин в восп.; Путешествие по Святым местам русским, М., 1990 (репринт изд. 1846; послел. В. С. Корня); Письма о богочуждении, т. 1—2, М., 1993 (репринт изд. 1882 и «Дополнения...» 1883); Жития святых Российской Церкви. Мессы Септальб, М., 1993; то же, Мессы Октабрь, М., 1994 (оба — репринтные изд.); Путешествие ко Святым местам в 1830 г. — В сб.: Святые места вблизи и издали..., М., 1995.

Письма М.: Н. Н. Равскому-сыну (с 1826 — Архив Равских, т. 1, СПб., 1908, с. 296—97 (ред. и прим. Б. Л. Модзалевский); В. А. Мухомов (7 — 1827 и 1830) — Шукинский сб., в. 5, М., 1906; М. Н. Загоскину (1830) — РС, 1902, № 79; И. И. Козлову (1831) — РА, 1886, кн. 1; С. Д. Нечаеву (3 — 1833—36) — РА, 1893, кн. 2; Филарету Дроздову (1846—67) — в кн.: Львов А. Н., Письма духовных и светских лиц к митрополиту Моск. Филарету (с СПб., 1900, с. 18, 255—306; И. М. Толстому (6 дек. 1860) — в кн.: Из собр. автографов Е. Ковалевского...

СПб., 1888; Письмо к влиятельному лицу (1862) — РА, 1882, кн. 3; П. А. Валуеву (1865) — «Былое», 1922, № 20, с. 49; Письмо ... А. Д. Буловой, СПб., 1913; К. П. Победоносцеву (2 — 1869, 1873) — РА, 1905, кн. 2.

Лит.: Жуковский В. А., Дневник, СПб., 1903, с. 218; Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 гг., М.—Л., 1960 (ук.); Чижов Ф. В., Воспоминания. — В кн.: Кулиш П. А., Зап. о жизни Н. В. Гоголя..., т. 1, СПб., 1856, с. 326—27; Белинский (ук.); Смирнова-Россет (ук.); Никитенко (ук.); его же, Обзор деятельности второго ота. мип. АН за 1874 г. — ЖМНП, 1875, № 4, с. 81—102; А. А. Григорьев. Мат-лы для биографии, П., 1917, с. 62, 159, 173, 202, 217, 226 (отрицат. отзывы); Добролюбов (ук.); С. Н., О соч. М., — СП, 1857, 5 апр.; Оглоблин Н., Восп. о М., К., 1875; Семенов М. О., Воспоминание о М., К., 1875; Барсуков (ук.); Сулима С. А., Н. Муравьев. — РА, 1876, кн. 2, с. 353—56; Пята Н., Заметка об А. Н. М. — Там же, с. 357—58; Семеновский А., Восп. о М. — «Древняя и новая Россия», 1876, № 4; Петров Н. И., Муравьевская коллекция в Церковно-археологич. музее при Киев. духовной акад. — «Тр. Киев. духовной акад.», 1878, № 7/9; Лесков Н. С., Алеутский духовник. — «Эпоха», 1886, № 2; Висковский П. А., М. Ю. Лермонтов, М., 1887 (ук.); Меншерский В. П., Мои восп., ч. 1, СПб., 1897, с. 321—23; Письма Иннокентия, митрополита Моск. и Коломенского, кн. 1—2, СПб., 1897—98 (собраны И. Барсуковым; см. М. — 31 письмо, 1841—1864); Толстой М. В., Хранилище моей памяти, М., 1995 (первые — 1891—1893); Шереметев С. Д., Домашняя старина, [в. 1], М., 1900 (ук.); И. Г. К. биографии М. и письма его к П. Г. Лебединцеву, К., 1901 (в т. ч. о наследниках М.); Шукинский сб., в. 4, М., 1905, с. 110 (словесный «портрет» М., напис. А. А. Мухомовым); Розанов В. В., О себе и жизни своей, М., 1990 (ук.); Чаговцев В., Перел. «Веткой Палестины». — «Киев. мысль», 1914, 3 окт.; Вересаев В. В., Спутники Пушкина, т. 2, М., «Васанит», 1993, с. 12—14; Флоровский (ук.); Голубов С., Живые следы. — НМ, 1955, № 4; Баранов В. В., Достоверен ли комм. к стих. М. Ю. Лермонтова «Ветка Палестины»? — «Уч. зап. Казанского пед. ин-та», 1960, [в. 8]; Иоанн (Колосников), Очерки по истории рус. Святог. Брюссель, 1961, с. 18; Изюмова Р. В., Пушкин и эволюция романтизм. лирики ... — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 6 (ук.); Ободовская И., Демисев М., Пушкин в Яропольце, М., 1982, с. 77—83; Фонкич Б. Л., Греческие рукописи М. — «Археограф. ежегодник за 1984 г.», М., 1986; Муравьев Алдр Н., Соч. и письма, Иркутск, 1986 (ук.); Вацуру (1; ук.); Вацуру В. Э., Эпиграмма Пушкина на М. — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 13 и ук.; Мухомов М. Ф., Об одной пушкинской эпиграмме. — Изв.ОЛЯ, 1989, № 3; Лейбов Р., Стих. Тютчева и «Русская Вильна» М. — В кн.: В честь 70-летия проф. Ю. М. Лотмана, Тарту, 1992; Марков А. Н., «Я. Матерь Божия, ныне с молитвою». — «Мбра», 1994, № 3 (М. и Лермонтов); ЛН, т. 16/18, с. 696. + Сп. ОЛРС: Брокгауз; Венгеров. Источ. (библиография) — более 100 номеров; ИРДТ: ИДРДВ (в т. ч. т. 5, ч. 2); Лерм. энци.; Черский: Муратов (1, ук.); Масанов (исч. утеш. иссвд. «Олег»).

Архивы: Лебедев А., Рукописи Церковно-археологич. музея мип. Киев. духовной акад., т. 1, Саратов, 1916, с. 153—56, 171—74, 179, 322—329, 363, 370, 405—06 (о рукописях М., в т. ч. противоречивые и писем, ныне хранящихся в архиве ЦНБ АН Украины, л. ф. 301); Рукоп. собрания. ГЕЛ..., Ук., т. 1, в. 2, М., 1986 (ук.; сведения о пожертвованиях М. в Моск. духовную академию); История Рус. православной церкви в документах..., т. 2, М., 1995 (арх. мат-лы РГАДА); РГБ, ф. 188; ф. 231/11, к. 46, № 39 (1827); к. 49, № 54 (1830 и б. д.); к. 50, № 44 (1832); к. 51, № 54 (1834); к. 21, № 61 (1845—1859); ф. 231/V, к. 2, № 8 (1837) (в обоих ф. письма М. к М. П. Погодину); ф. 336/11 (Шаховской), к. 19, № 1 (письмо Н. Н. Муравьеву); к. 19, № 3 (письма А. Н. и М. М. Муравьевым, 1861, 1873); к. 19, № 4 (письма А. В. Шаховскому — 59, 1861—73); ф. 262, оп. 36, № 107, 108, 109 (Савве Тихомирову, 41 письмо, 1852—1874); ф. 417, оп. 2, № 7 (письмо В. А. Мухомову); ГИМ, ф. 117, № 34, 205 (письма А. А. и В. А. Мухомовым, 1826—30, 1870); ф. 241 (пись-

ма Филарету Дроздову, 1857—67); ф. 254, № 326...401 (ок. 300 писем Н. Н. Муравьеву-Карскому, 1818—66); РНБ, ф. 498 (М. и М. О. Семеновы); ф. 52, № 175 (12 писем П. Н. Батюшкова, 1866—72); ф. 581, № 459 (письма Аврааму Норову, 1865—68); ф. 850, № 383 (письмо С. П. Шевыреву, 1842); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2353 (письмо П. А. Вяземскому, б. д.); ф. 373, оп. 1, № 246 (10 писем М. П. Погодину [1859—1873]); ф. 402, оп. 1, № 204 (письма С. И. Пonomareву, 1855—63); ф. 450, оп. 1, № 15 (письмо С. А. Соболевскому, б. д.); ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, № 205 (19 писем к А. С. Стурдзу, 1848—1851); ф. 707 (11 писем П. В. Анненкову, 1871); ф. 66, № 437 (письмо Г. Г. Гагарину, б. д.); 28.164 (письмо В. А. Жуковскому, 1833); ф. 93, оп. 4, № 87 (письмо О. И. Сенковского, б. д.); ф. 123, оп. 1, № 648 (ст. о М. Н. Н. Оглоблина); РГИА: 1) док-ты служебной деятельности, ф. 469, оп. 1, д. 254 (ф. с. 1849 г.); ф. 472, оп. 2, д. 876; ф. 789, оп. 7, д. 104 (ф. с. 1871 г.); 2) лит. деятельность, ф. 1101, оп. 1, д. 619, 636 («Мои восп.», писарская копия); ф. 1088, оп. 2, д. 864 (ст. и рассказы); д. 865 (стих., «Митридат», 1 и 2 песни) поэмы «Потоги»; 3) религ. деятельность, ф. 472, оп. 3, д. 178; ф. 1101, оп. 1, д. 463 (служба в Синоде); ф. 797, оп. 20, д. 45050, 45067; ф. 982, оп. 1, д. 11; ф. 807, оп. 1, д. 588...835 и оп. 2, д. 872...1454 (духовная цензура о соч. М.); 4) переписка: ф. 958, оп. 1, д. 372 (с бр. М. М. Муравьевым, 1829—1837); ф. 832, оп. 1, д. 4, 65, 80, 83, 86, 96, 116 (письма Филарету Дроздову, 1855—67); ф. 982, оп. 1, д. 11 (с Д. Н. Лебедевым, 1855); ф. 1088, оп. 1, д. 552 (с Д. Н. Шереметевым, 1855—71); ф. 958, оп. 1, д. 372 (письмо П. Д. Киселеву, 1829); 5) имущество, состояние: ф. 1088, оп. 3, д. 1156 (дело о приобретении дома в Киеве); ф. 1343, оп. 25, д. 6159, л. 5—10 (акт о разделе наследства отца); АВПР, ДПС и ХД, ф. с., оп. 464, д. 2328, № 33 (п. с. 1845, 1849, 1858 гг.).

Н. А. Холкова.

МУРАВЬЁВ Никита Михайлович [9(20).9.1795*, Петербург — 28.4 (10.5).1843, с. Урик Иркутского окр. Иркутской губ.; похоронен там же], декабрист; публицист, автор декабристской конституции. Потомок старинного рода, род. в богатой дворян. семье.

Мать, Ек. Фед. Муравьева (1771—1848), — урожд. баронесса Колокольева; отец, Мих. Никит. Муравьев (1757—1807), — поэт, прозаик, тов. министра нар. просвещения (с 1803), сенатор. Преподавал Александру I рус. словесность, историю и нравственность; воспитатель К. Н. Батюшкова. С 1803 попечитель Моск. ун-та; содействовал Н. М. Карамзину в подготовке «Истории государства Российского» [см.: Степанов. Стенкин; Муравьев М. Н., Стих., Л., 1967 (БПБ; 2-е изд.; вступ. ст., подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой)].

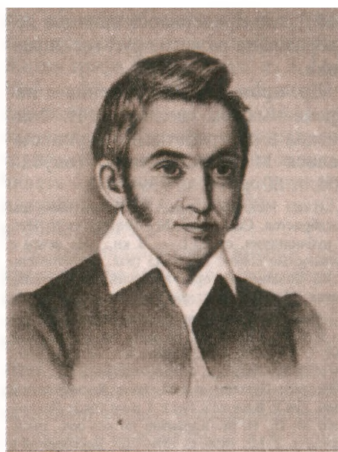
Брат Алдр Мих. Муравьев (1802—53), декабрист, чл. «Союза благоденствия» и Сев. об-ва, осужден по делу декабристов на 12 лет каторжных работ (срок сокращен до 8 лет); в 1832 подлежал освобождению, но по собств. просьбе остался в рудниках — до окончания срока бр. Никиты, с к-рым вышел на поселение в с. Урик. С 1844 в гражд. службе (по ходатайству матери). Умер в Тобольске. Автор зап. «Мой журнал» (составлялся в 1852—53, на франц. яз.; на рус. яз. опубл. под назв. «Записки» — П., 1922; ниб. полное изд. в кн.: «Мемуары декабристов. Сев. об-во» [см. о нем в указ. изд., а также: Декабристы; Якушкин (ук.); Лушин (ук.); Жордания О. К., Декабрист А. М. Муравьев и его записки..., Тб., 1990]).

Получил превосходное дом. образование: математика, история, древние и новые языки. В 1810—12 изучал точные науки в Моск. ун-те (не окончил). Восторженный патриот, с детства впитавший культ антич. героики, М. в авг. 1812 бежал из дома в армию, но был возвращен и только через год (июль 1813), произведенный в прапорщики свиты по квар-

тирмейстерской части, смог принять участие в боях; участник заграничных походов (1813—15; в 1815, во время 100 дней, был в Париже). В авг. 1814 переведен в Гв. Ген. штаб, где за вычетом отставки (поручиком) в 1820—21 прослужил вплоть до ареста в дек. 1825 (в июле получил капитанский чин). В 1816—25 в числе руководителей декабристских орг-ций: Союза спасения (один из основателей), чл. Коренного совета Союза благоденствия, чл. Верховной думы возмываемого им Сев. об-ва; в 1817—18 — член масонской ложи «Трех добродетелей». Во время войны интересы М. переместились в область воен. и полит. наук, к-рыми он, как и историей, усердно занимался всю последующую жизнь. Огромная начитанность (по характеристике М. С. Лунина, друга и двоюродного брата М., он «один стоил целой академии» — Лунин, с. 258), блестящие способности и безусловные нравств. качества рано доставили М. уважение всего круга литераторов — друзей и почитателей его отца (среди них Карамзин, Н. И. Гнедич, Батюшков, П. А. Вяземский, арзамасцы), в 1810—20-х гг. постоянно посещавших дом (лит. салон) Муравьевых — «один из роскошнейших и приятнейших в столице» (Вигель, II, 41); А. С. Пушкин, также бывавший у Муравьевых, назвал М. «умным и пылким молодым человеком» (XII, 306); М. упомянут в X гл. «Евгения Онегина».

К лит-ре М. подходил с общедекабристскими критериями «дельности» и гражданственности. С этих позиций он не устал наставлять своего старшего троюродного брата Батюшкова (пометы М. на полях «Опытов в стихах и прозе» см.: Батюшков, II, 443—44), горячо его любившего, посвящавшего ему стихи («К Никите», 1817) и парировавшего суровую критику «римлянина душою» (слова Батюшкова о М.) полушутливыми советами «не все жить умом в лагере, танцевать более, выезжать, веселиться и писать по-русски» (Батюшков, III, 411); Батюшков видел в «молодом Муравьеве» будущее «украшение России»: «Жаль, если его страсть к науке погаснет в службе: мы еще потеряем человека!» (из писем к Гнедичу и В. А. Жуковскому, 1815 — там же, с. 319, 360). Не только полит., но и лит. симпатии сближали его с П. А. Катениным: в 1817 они «за чаем ... успели перебрать всю словесность от потопа до наших дней и истребили почти всех писателей» (ЛН, т. 16/18, с. 622). С глубокой привязанностью относился к Карамзину (в Петербурге Карамзин подолгу жил в доме М.), непрестанно спорил с ним (см.: Вережагина Е. И., Маргинали и др. пометы декабриста М. на «Письмах рус. путе-

шественника»... — В кн.: Из коллекций редких книг и рукописей Науч. б-ки Моск. ун-та, М., 1981). В первые послевоен. годы М. работает над биографией и историей походов А. В. Суворова. Фрагменты из этого незаверш. труда — «Рассуждение о жизнеописаниях Суворова», — проникнутого национально-патриотич. взглядами, были тогда же опублик. (СО, 1816, № 6, 16, 46; «Воен. журнал», 1817, № 6) и утвердили представление об авторе как об одаренном историке и публицисте. В авг. 1817 М. принят в «Арзамас» (прозвища Адельстан и Статный Лебедь), участвует в декабристской попытке его преобразования, собирается писать в намечавшемся журнале об-ва; в 1819 его приглашают в создаваемый обществ.-полит. ж. «Архив по-

лит. наук и рос. словесности» Н. И. Тургенев и А. П. Куницын; еще через год то же намеревались сделать М. Ф. Орлов и Вяземский. Ни одна из этих затей не осуществилась; все известные ныне образцы публицистики М., созданные после 1817, принадлежат к разряду неподцензурной агитационно-пропагандист. лит-ры. [Попытка приписать М. напечатанную в 1825 пов. «Превратность судьбы» (см.: Абаза Г. Б., К вопросу о методе ист. прозы декабристов. — В кн.: Романтизм в рус. и сов. лит-ре, в. 6, Каз., 1973) выглядит несостоятельной.]

М. — автор ряда программных декабристских документов: в 1818 он участвует в создании «Зеленой книги» (устава Союза благоденствия), в 1821 составляет не дошедшие до нас проект учреждения нового об-ва, его присягу и, по предположению Ю. Г. Оксмана (в сб.: Очерки из истории движения декабристов, М., 1954, с. 451—79), «Воззвание к сынам Севера», формулирующее цели и задачи тайной орг-ции.

Широкое распространение в культурной среде получили его «Мысли

об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина» (1818; опублик.: ЛН, т. 59, с. 582—95). Вместе с незаверш. «Любимым разговором» (или «Катехизисом вольного человека»; 1820 или 1822; опублик.: Восстание декабристов, I) — первым декабристским агитационным сочинением для солдат — они дают цельную картину историко-полит. взглядов М.: задача ист. описания не в том, чтобы учить мудрому примирению с несовершенной действительностью (Карамзин), а в пробуждении гражд. добродетелей; история — это вечная борьба между «злом и благом», в к-рой «добродетельные граждане» должны быть объединены против зла; цель ист. развития — в добывании «природных прав человеческих» (там же, с. 321), «похищенных» поработителями (князьями, татаро-монголами, самодержавием); залог грядущего величия России — в свободах дорюриковской и вечаем строем Новгорода и Пскова. (М. разошелся с Карамзиным в оценке целых периодов ист. развития России.) Эти построения, во многом опиравшиеся на рационалистич. концепции 18 в., обосновывали правомерность любых свободит. действий, в т. ч. таких, как индивидуальный тираноборч. акт (в 1817 М. «вызывался на царейство»), в 1820 голосовал за него) и воен. революция. М. известен как создатель «Конституции» — проекта будущего гос. устройства России, важнейшего, наряду с «Рус. правдой» П. И. Пестеля, памятника декабристской ист.-полит. мысли (в качестве программного докт-та принята не была). Работа над «Конституцией» (ок. 1822—25, опублик. 1906, 1907; разл. редакции вошли в кн.: Дружинин, с. прил. «Рассуждение К. П. Торсона»), потребовавшая усиленного изучения и освоения совр. зап. полит. теорий, в первую очередь Б. Константа, значительно усложнила воззрения М.

Разногласия М. с его гл. оппонентом Пестелем не сводились к избираемой ими для будущей России форме правления (монархия у М., республика у Пестеля), суть их определялась представлениями о цели гос-ва: для Пестеля она — в благоденствии общества в целом, для М. — в свободе индивидуума. В противовес пестелевской уравнил. республике, где частные интересы могли быть принесены в жертву гос-ву, выражавшему коллективную волю организованного народа, М., опасавшийся «тирании толпы» столько же, сколь и деспотизма самодержца, делал в своем проекте упор на права личности и старался исключить к.-л. вмешательство гос-ва в частную жизнь граждан.

Крепостное право, старые сословные привилегии уничтожались, но неприкосновенность собственности и свобода частной инициативы, экономич. конкуренции предполагали сохранение в принципе имуществ. неравенства; имущество. ценз для участия в выборах должен был предотвратить проникновение в палаты депутатов лиц, материально зависимых или недостаточного заинтересованных в ходе общества. дел; федеративное устройство (страна делилась на автономные «державы»), по мысли М., не только преграждала неминуемому при централизации бюрократизму, но и важная гарантия от посягательств

центральной власти на индивидуальную свободу гражданина. Преобразования, европейские по сути, были окрашены у М., особенно в первой редакции конституции (всего их три), в нац. тона: страна получала название Славяно-Российской империи, столица переносилась в Н. Новгород, переименовывавшийся в Славянск, высшим органом являлось Нар. вече. Конституция М. широко обсуждалась в тайном об-ве, известным многим, отклики и «поправки» на нее (С. П. Трубецкого, Торсона и др.); радикальным членам об-ва представлялась слишком умеренной и «улаживающей» аристократию.

В выступлении 14 декабря М., находившийся с сентября в отпуске в Орлов. губ. (с. Тагино), не участвовал. В крепости написал представленное в Следств. к-т «Ист. обозрение хода общества» (1826) — развернутый мемуар о движении декабристов (опубл.: Восстание декабристов, I) — и воспроизвел по памяти свою конституцию (т. н. тюремный вариант, см.: Дружинин). Осужден по 1-му разряду и по конфирмации приговорен к каторжным работам сроком на 20 лет (дважды сокращался до 10 лет), отправлен в Сибирь (Читинский острог — 1827—1830; Петров. Завод — 1830—36). В Сибирь за М. последовала его жена Александра Григорьевна [1804—32; урожд. гр. Чернышьева; перед отъездом виделась с Пушкиным и получила от него стихи, посв. декабристам, по одной из версий — «Во глубине сибирских руд ...», оставила самую теплую память в среде декабристов, к-рым много и охотно помогала. После ее смерти осн. жизненная задача М. — воспитание родившейся в Петров. Заводе дочери Софьи (1829—1892) (см. ее восп.: Бибикина С. Н., Восп. о моем отце. — В кн.: Декабристы в Сибири, т. 2, Иркутск, 1975)]. В Сибири усиливается, не поглощая его целиком, всегда свойственная М. религ. настроенность. В казематах «каторжной академии» М. читал лекции товарищам по истории и воен. иск-ву; благодаря матери (посылавшей сыновьям значит. суммы денег и вещи; переписка с ней — важный источник сведений о пребывании декабристов в Сибири) получил часть своей огромной б-ки, продолжал занятия науками. Здесь же начал обдумывать мемуары, записывая для конспирации отд. фрагменты на полях книг (восп. младшего бр. Александра частично основаны на этих несохранившихся заметках). В 1837 (указ от дек. 1835) выходит на поселение в с. Урик близ Иркутска, много и успешно занимается агрономией, пытается создать образцовое хозяйство. Одновременно разрабатывает проект широкой сети водных сообщений в России, к-рый вместе с др. своими сочинениями сжег в 1840, опасаясь обиска.

И в ссылке М. оставался среди декабристов центр. фигурой. По воспоминаниям Л. Ф. Львова, он «считался между ними как бы старшим, выдающимся: суровый, молчаливый, до

крайности раздражительный, все критиковавший, но здоровый старик» (РА, 1885, кн. 1, с. 359). Полит. оппозиционность его не утасла: так, он целиком оправдывал деятельность Лунина (по его словам, он «исполняет свой долг, доводя до сведения власть имущих слова истины» — Дружинин, с. 215), помогал ему материалами для его трактатов, сотрудничал в работе (в т. ч. составление обширных прим.) над «Разбором донесения тайной следственной комиссии в 1826 г.» (1839; опубл.: ПЗ на 1859, кн. 5, Лондон, 1859; авторство приписано М.). Из собств. произведений М. последних лет до нас дошли лишь небольшие «Заметки о тайном об-ве» [опубл. в кн.: Восп. и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг., т. 1, М., 1931, с. 135—37 (там же письма М. к Е. Ф. Муравьевой)], где проявлялось влияние декабризма на развитие рус. гос. политики.

Др. произв.: «Рассуждения о неперемennых гос. законах» Д. И. Фонвизина в переработке М. (приписывалось М. А. Фонвизину) (опубл.: ЛН, т. 60, кн. 1, с. 339—61).

Изд.: Ист. обозрение... — В кн.: Мемуары декабристов. Св. об-во, М., 1981 (и ук.); [Ист. и публицистич. ст. М.]. — В кн.: «Их лечен с любовью союз», М., 1983 (изд. подготовлено С. С. Волком); История журналистики. Хрестоматия (М., 1991, сост. Б. И. Еснин).

Лит.: Восстание декабристов, I (следств. дело М.); IV, VII—XVIII (ук.); Батюшков (ук.); ОА, I, 127, 150, и др.; Пушкин (ук.); Якушкин И. Д., Записки, статьи, письма..., М., 1951 (ЛП; ук.); Пушкин в восп. (ук.); Декабристы в восп. (ук.); Вигель (ук.); Греч (ук.); Погодин М. П., Н. М. Карамзин по его соч., письма..., ч. 2, М., 1866, с. 198—203; Декабристы в восп. современников, М., 1988 (вкл. восп. правнучки М., А. Бибиковой); Лунина М. С., Письма из Сибири, М., 1987 (ЛП; ук.); Пушкин И. И., Записки о Пушкине. Письма, М., 1988 (ук.); Толстой (ук.); Нечкина М. В., Движение декабристов, т. 1—2, М., 1955; Волк С. С., Ист. взгляды декабристов, М.—Л., 1958; Базанов В. (Г.), Ф. Герман и муравьевский вариант «Рассуждения» Д. И. Фонвизина. — РЛ, 1964, № 1; Лесохица Э. И., В 6-ке декабриста М. — В сб.: Книга. Иссл. и мат-лы, сб. 18, М., 1969; Лит. наследие декабристов, Л., 1975 (ук.); Фонвизин М. А., Соч. и письма, т. 1, Иркутск, 1979 (ук.); В. Ф. Ржевский. Мат-лы о жизни и рев. деятельности, т. 2, Иркутск, 1983 (ук.); Орлик О. В., Декабристы и внеш. политика России, М., 1984, с. 251—74; Муравьев А. Н., Соч. и письма, Иркутск, 1986 (ук.); Дружинин Н. М., Декабрист М. [Монография]. — В 3-х кн.: Избр. труды. Рев. движение в России в XIX в., М., 1985 (большая библ.; в прил. — варианты «Конституции»; 1-е изд. — М., 1933); Вацуров В. Э., Гиллелсон М. И., Сквозь «умственные плотины», 2-е изд., М., 1986, с. 45—54; «Артамас» (ук.); ЛН, т. 16/18, с. 405—08, 620—23, 631—33; т. 47/48, с. 23, 30, 94, 96, 104, 110, 127—32, 281; т. 58, 59, 60 (кн. 1—2) (все — ук.); — Брокгауз (ст. Муравьев); Венгеров. Источ.; Гранат; Ченцов; Эймонтова (1, 2); СИЭ (см. также т. 5, сб. 51; т. 7, сб. 838); БСЭ; Черейский; Декабристы (ук.; с. 385*); Движение декабристов. 1977—1992.

Архивы: ГАРФ, ф. 1153 (рукописи, письма, в т. ч. Эк. Фед. Муравьевой); ф. 48, оп. 1, д. 336 (следств. дело М.); ф. 109, 1 экз., 1826 г., д. 61, ч. 54 (сб. дел III отд.); РГАЛИ, ф. 1765; Науч. б-ка МГУ (фонд мемориальной б-ки М.; в извлечениях опубл.: Дружинин, с. 248—53; там же обзор арх. источ., с. 7—9).

А. Б. Розинский.

МУРАВЬЁВ Николай Назаревич [14(25).10.1775 (по др. сведениям — 1771*), с. Малые Теребони Новгород. губ. — 23.1(4.2).1845, с. Покровское Петерб. губ.], литератор-любитель, археолог. Из древнего дворян. рода, самый младший ветви Муравьевых. Сын архангельского губернатора (с 1798) Наз. Степ. Муравьева

ва (1733—1807); мать умерла, когда М. было ок. 4 лет. Отец гос. деятеля Н. Н. Муравьева-Амурского (1809—1881) (см. о нем: Брокгауз; Гранат; БСЭ). Нач. образование получил дома («учитель мой был молодой сын дьячка» — «Припоминания мои...», с. 4), в 1785 помещен в Горный корпус (по др. источникам — сержант Измайлов, или Преображен. полка), откуда в 1789 направлен в Нерчинский горный батальон. С 1788 фактически во флотской службе (документально с 1794), участвовал в войне со шведами 1788—90 «за мичмана и лейтенанта», в т. ч. в совм. с сухопутными силами десантных операциях, отличился в Роченсальском сражении (командовал галерой «Орел»), попал в плен (РГА ВМФ). С кон. 1791 — на Кронштадтском рейде, до 1797 плавал в Балтийском море. В сент. 1797 в числе 12 лучших офицеров командирован в Англию для совершенствования в мор. деле.

Быстро двигался по служебной лестнице: в 1800 — капитан 2-го ранга. В конце пребывания за границей М. пришлось давать объяснения в связи с самовольной отлучкой и нежеланием ни продолжать служить на англ. кораблях (после временного разрыва отношений с Англией в 1801), ни возвращаться в Россию (РГИА, ф. 468); благодаря снисхождению С. Р. Воронцова (рус. посла в Англии) дело кончилось только «наностражайшим выговором» (Архив гр. Мордвиновых, т. 3, СПб., 1902, с. 344; то же — архив кн. Воронцова, кн. 10, М., 1876, с. 411—415; кн. 11, М., 1877, с. 367—71).

По возвращении (1802) служил при Петерб. порту, командовал фрегатом «Скорый»; с 1803 в отставке с чином капитана 1-го ранга. Вскоре был принят на службу в Мин-во нар. просвещения, к своему родственнику М. Н. Муравьеву (тогда попечителю

Моск. ун-та) правителем канцелярии (1806 — стат. сов.).

Знакомство с Англией, интерес к ее культуре и знание языка определили характер первых публикаций: в ж. «Сев. вест.» (1805, ч. 5, № 2—3) появились без подписи «Опыт о Великобритании и последние рассуждения». Размышляя об истоках патриотизма («нар. нравственности») вообще и англ. в частности, о гос. устройстве Англии, М. ставит те же проблемы по отношению к России, негодует по поводу пренебрежения родным языком и торжества «испорченного, полуфранцузского разговора нынешних славяно-россиян» (№ 3, с. 254). Уже здесь обнаружилось тяготение М. к разного рода утопич. проектам: перечислены меры по скорейшему искоренению «космополитства».

В след. части ж-ла (СВ, 1805, ч. 6, № 5) М. публикует фрагменты прозаич. пер. «Веселы» — из поэмы Дж. Томсона «Времена года», в к-ром, избегая просторечных выражений оригинала, старался «собрать красивую подробность Томсона живописания» (с. 157). В 1806 в переводе М. вышел историко-филос. труд Д. Юма «О населенности древних народов...» (СПб.) с посвящением Александру I. К этому же времени относятся еще два (прозаич.) перевода М. с англ.: стих. Томсона «Гимн к Богу» (1808) и «Всесообщей молитвы» А. Попа (1810; опубли. в его соч.: «Некоторые из забав...», ч. 2, с. 1—7; ч. 1, с. 140—42).

В 1807 М. напечатал роман в письмах «Всеволод и Велеслав» (СПб.) — «явное подражание „Новой Элоизе“ (Ж. Ж.) Руссо как по содержанию, так и по форме повествования» (МВ, 1828, № 19/20, с. 346 — рец. С. П. Шевырёва). Др.-рус. колорит «происшествия» (авт. определение жанра) плохо соотносится с чувствит. сюжетом и эпистолярной формой; допущенные М. анахронизмы (не устаревшие и при перепечатке в составе «Некоторых из забав...», ч. 1—3) создавали непредусмотренный комич. эффект.

После отставки (в 1810; с чином д. стат. сов.) М. в кон. 1812 или 1813 снова на службе — вице-губернатор Новгорода (по ходатайству губернатора П. И. Сумарокова — ЧОИДР, 1862, кн. 3, с. 148—49), а в 1815, в результате конфликта Сумарокова с А. А. Аракчеевым, занял место губернатора. Хотя взлет карьеры М. и был связан с поддержкой фаворита (ср. обращения М. к Аракчееву как к «единственному покровителю и благодетелю» — Дубровин, с. 180, 232), честность М. современниками под сомнение не ставилась (о совм. службе с Аракчеевым, правой рукой к-рого был М., и «вблизи» Александра I см. «Припоминания мои...»). В авг. 1818 вступил в должност. статс-секретаря при императоре; с 1826 управляющий II отд. Собств. е.и.в. канцелярии (с 1822, а фактически, видимо, с 1818 управлял всеми делами канцелярии — РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2527, д. 3703,

1822 г., л. 1—2 об.), оставаясь статс-секретарем; тайный сов., сенатор (1827). В 1823 отказался от предложенного Аракчеевым места управляющего делами К-та министров (там же, д. 2527, 1818—1825 гг., л. 41).

Ок. 1830 М. едва не разорился, но один из его сыновей (от двух браков М. имел 15 детей; 1-я жена, Ек. Ник. Мордвинова, ум. в 1819, вторая, с 1823, — Елиз. Ант. Моллер — сестра худ. Ф. А. Моллера) «спас состояние и честь отца своего» (Моллер, с. 341); о каких-то «безрассудных поступках», до к-рых довели М. его «честолюбие, чванство и чувственность» (об особом пристрастии к женщинам М. сам говорит в мемуарах), упоминает современник М. (Е. Ф. фон Бракке — РА, 1875, кн. 1, с. 35). В кон. 1831 за грубое нарушение служебного этикета был отставлен (подробнее см.: Корф М. А., Жизнь графа Сперанского, т. 2, М., 1861, с. 93, 95, 100—101). Высочайшим повелением от нояб. 1831 (в ответ на его просьбу) «в награду за службу» М. было определено выплачивать прежние жалованье помимо пенсина (РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5561, 1831 г.).

М. поселился в своем имении Покровском, где занимался масштабными сельскохозяйств. и экономич. экспериментами: выведением новых сортов злаков (рожь — «муравьяка»), изобретением улучшенного способа очистки сахара (построил сахарный завод), устройством текстильной мануфактуры и т. д. (описание их составило значит. часть выпусков «Некоторых из забав...»).

Эти пристрастия М. нашли также отражение в серии публикаций в «Сев. пчел», «С.-Петерб. ведомостях», «Земледельч. газете» (1839—45), представляющих в осн. отчеты о распространении изобретений М., советы по земледелию, рассказы о технич. новинках, кулинарные рецепты. И в отставке М. не переставал представлять (правда, безуспешно) свои проекты императору; в частности, в 1838—39 подал ряд записок об орг-ции ж.-д. сообщения в России (РС, 1885, № 5, с. 311—12; см. также: Виргинский В. С., Возникновение железных дорог в России..., М., 1949, с. 195—98).

В новгород. период службы М. интересовался местными древностями, результатом чего стали собранные им коллекции (частично переданы в Минц-кабинет Моск. ун-та — Шевырев С. П., История имп. Моск. ун-та, М., 1855, с. 541) и обстоят. археол. труды: «Описание древней новгородской серебр. гривны и ее рублей» (М., 1826; «Дополнение...» к этому иссл. — «Труды и летописи ОИДР», 1826, ч. 3, кн. 1, с. 189—95; в форме двух писем); в 1828 вышло расширенное изд. — «Историч. исследования о древностях Новгорода...» (СПб.) с планами и гравюрами. Взгляд М. на историю и значение Новгорода, не совпадающий с точкой зрения Н. М. Ка-

рамзина («мнимое могущество, мнимая независимость Новгорода» — с. 26), по существу был одобрен М. П. Погодиным (МВ, 1828, № 11, с. 297); критике подверглось лишь произвольное толкование топонимов.

В Карамзине М. видел «гения песни» и «краснословия», но не «ума» («Некоторые из забав...», ч. 10; цит. по: Батюшков, III, 631), предпочитая в качестве историков Н. А. Полевого и М. Т. Каченовского; после смерти М. Н. Муравьева Карамзин обращался к М. как влият. сановнику (письмо от 3 мая 1808 — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1194, л. 15—17); просьбу о покровительстве содержало письмо к нему П. И. Шаникова (РС, 1904, № 10).

Археол. сочинения М. создали ему репутацию серьезного, хотя и непрофессионального ученого (Барсуков, IV, 419); в 1826 он был избран поч. чл. ОИДР, с 1828 чл. Рос. академии.

Принятая в лит.-р. атрибуция «повести в стихах» «Киризский пушник» (М., 1828, с. посвящением А. А. Писареву; отрицат. отклики, 1828: СО, № 12; МТ, № 12; СП, 7 авг.; более сдержанно: (М. П. Погодин) — МВ, 1828, № 14; см. также: Белинский И. 1, 76, 133, 201) и стилистически одностороннего с ней «Котильоны», главы из стихотв. ром. «Ленин, или Жизнь поэта» (М., 1829; рец.: МТ, 1829, № 19), очевидно, ошибочны: имеются сведения о принадлежности пов. (формального подражания юж. поэмам А. С. Пушкина) студенту Моск. ун-та Николаю Муравьеву (см.: Клейменова Р. Н., Книжная Москва 1-й пол. XIX в., М., 1991, с. 160; ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 31, 52; о механизме эпигон. снижения и упрощений мотивировок пушкинского романа см.: Розанов И. Н., Ранние подражания «Евгению Онегину» — Пушкин. Временник, в. 2, М., 1936, с. 232—33; то же — в его кн.: Лит. репутации, М., 1990, с. 359—61).

Репутация М. — графомана, «Хвостова в прозе» (В. Бурнашев) — РВ, 1871, № 11, с. 151), печатавшего свои опысы «с какою-то Вальтер-Скоттовскою плодovitостью» (МТ, 1831, № 9, с. 117), сложилась с началом выхода в свет собр. его сочинений — «Некоторые из забав отдохновения с 1805 г.» (ч. 1—13, СПб., 1828—39; ч. 14, 1851). Здесь М. пытался создать свой образ — вельможи на покое, высказывающегося по широчайшему кругу проблем: «Забавы» включают обрывочные заметки по истории, археологии, правоведению, полит. экономии, естествознанию, астрономии, перемежаясь с описанием агрономич. опытов и афоризмами, а также предлагают разл. рода классификации в «науке о человеке». Как лит. курьез воспринимали «Забавы» В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Н. М. Языков, упоминавшие о них в своей переписке. У критиков пестрота соч. М., его болезненно завышенная самооценка и непомерные претензии вызывали лишь раздражение. Нападкам подвергались бесчисл. (впрочем, не лишенные любопытства) неологизмы М., его своеобразный до непонятности «неуклюжий» стиль: «Автор создал себе особый род сочинений, слога, мыслей и — даже слов» (МТ, 1828, № 18, с. 227). Выход последующих

часть давал критикам повод «глумиться ... до неприличия» (РВ, 1871, № 11, с. 151). Одна из таких реч. (СП, 1828, 20—22 дек.; подп. Д. Б.) была приписана общим мнением Д. Н. Блудову, к-рому пришлось публично отказываться от авторства (там же, 1829, 3 янв.). Сам М. рассматривал «Забавы» как послание потомкам: начиная с части 5-й появляется подзаголовок — «Беседы с современниками и потомством» (об этом, в частности, он говорил молодому М. А. Бакунину, часто посещавшему в сер. 1830-х гг. своих «кузин», дочерей М., — Корнилов, с. 62). Себя же называл «истинным россиянином», идущим «путем... не обыкновенным, никому не подражая» (предупреждение к 10-й ч. «Забав»).

Мемуары М. — «Припоминания мои с 1778 года», начатые в 1839 и незавершенные, кроме автобиографич., генеалогич. сведений и деталей быта содержат ряд интересных эпизодов к портретам императоров и гос. лиц («Сб. Новгород. об-ва любителей древности», в. 2, Новгород, 1909; публ. из архива внука М. — Валерия Валериановича Муравьева-Амурского).

Изд.: Описание древней новгородской серебряной гривны и ее рублей. — В кн.: Бурцев А., Описание редких рос. кнж. ч. 3, СПб., 1897; Письма: Александру I (1825 г.). — «Сб. Новгород. об-ва любителей древности», в. 3, Новгород, 1910; Дубровин Н. (Ф.), Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I, СПб., 1883 (ук.).

Лит.: Батюшков, III (ук.); Белинский (ук.); Барсуков, II, 171—72; XVI, 151; Грот и Плещеев, I, 300—01; ОА, III, 44—45, 182, 534—36; Пушкин, II (ук.); Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 248; Стров В. Н. (сост.), Столетие собит. с.и.в. кнжельни, СПб., 1912, с. 196—201; Архив Тургеневых, VI (ук.); Моллер Е. Н., Памятные заметки. — РС, 1890, № 5 (восп. доч. М.); Васильчиков А. А., Семейство Разумовских, т. 2, СПб., 1880, с. 439; Мат-лы для истории рус. флота, ч. 14, СПб., 1893, с. 156, 159, 406; История рус. лит-ры XIX в., т. 1, М., 1908, с. 47—48; Бакунин М. А., Собр. соч. и писем, т. 1, М., 1934 (ук.); Корнилов А. А., Молодые годы М. Бакунина, М., 1915, с. 56—57, 61—62; Фетисов М. И., Лит. связи России и Казахстана, 30—50-е гг. XIX в., М., 1956, с. 46—49; Пушкин, Иссл., т. 6, с. 250—51; т. 11, с. 277, 291; Жирмунский В. М., Байрон и Пушкин, Л., 1978, с. 230, 239—43; Дмитриев В. Г., По стране литературы, М., 1987, с. 126; Козлов В. П., «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников, М., 1989 (ук.); Левин Ю. Д., Восприятие англ. лит-ры в России, Л., 1990 (ук.); ЛН, т. 16/18, с. 1030, 1041; т. 59, с. 292; Cross A. G., By the banks of the Thames, New-Yorkville (Mass.), 1980, p. 172—73. + ОМС, ч. 4; ПНкр.: Геннади; Брокгауз; НЭС; Венгеров. Источ.: Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: РГБ, М. 3617, А-5, ф. 401, карт. 1, № 13 (служебные письма); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 6091 (письмо А. С. Шишкова, от 1827); РНБ, ф. 29 (Аракчеева), № 9, 10; ф. 731, № 1916 (письмо М. М. Сперанскому от 1831); ИРЛИ, Р.1, оп. 17, 1427 (письма Е. Н. Моравиной, 1813—18); ф. 244, оп. 16, № 30 (письма к М. В. П. Кочубея и Серафима, митр. Новгород. и Санктпетерб.); РГИА, ф. 468, оп. 43, д. 675 (письма барону Николаю, рос. поверенному в Лондоне с просьбой о денежной помощи, 1802); ф. 1409, оп. 1, д. 3703, д. 2133, д. 2527 (док-ты о службе в собит. с. и. в. канцелярии; всеподлиннейшее письмо М. об увольнении от службы [справки В. М. Лупановой]); РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 42 (п.с. 1793 г.); ф. 212, оп. 11, д. 2079, л. 140* (п.с. 1797 г.) [справки В. Н. Гужкина-Васильева].

Е. Э. Лямина

МУРАВЬЁВ, Муравьев-Карский Николай Николаевич [14(25). 7.1794, Петербург — 23.10*(4.11). по другим сведениям, 18(30).10.1866, с. Архангельское (Скорняково) Задонского у. Воронеж. губ.; похоронен там же], воен. и гос. деятель; мемуарист, автор путевых и воен.-ист. кнж.

Отец М., Ник. Ник. Муравьев (1768—1840), — ген.-майор, ученый-математик и воен. специалист, известен как один из образованнейших людей александров. эпохи. В 1810 основал, вместе с сыном Михаилом, Об-во математиков (избран его президентом), преобразованное в Моск., т. н. Муравьевское, уч-ще для колонновожатых (1816—23), к-рое содержал на своем «жилиществе», устраивая бесплатные публичные лекции у себя дома и практич. занятия в своем подмокс. ипподроме; подготовил мл. образованных офицеров для Гв. Ген. штаба; из среды уч-ща вышли мл. декабристы (св. 20). В 1820—30-е гг., в отставку, увлекся сел. хозяйством, принимал участие в устройстве земледельч. школы, завел образцовую ферму у гор. заставы в Бутырьках. Изнач. феодальный тр. псм. ученого-агронома А. Тэра «Основания рационального сел. хозяйства» (ч. 1—5, М., 1830—35; отклики: МВ, 1830, № 9, 12; «Голос», 1830, № 30) со своими обширными примечаниями, содержащими тщательн. разработанные практич. советы применительно к рус. хозяйству — с опорой на конкретные черты помещичьего и крест. быта, а также нап. «трудоу» психологии; пропагандируя новый образ «улучшенного ведения хозяйства», М., по существу, дает сравнит. анализ совр. состояний рус. и «иностр. хозяйств». (См. о нем: Пугач Н. В., Ген.-майор М. СПб., 1852; Брокгауз; «Из эпистолярного наследия...», с. 291—292; Басаргин Н. В., Восп. — В кн.: Мемуары декабристов, М., 1982).

Брат Ал-дра Н. Муравьева, Анд. Н. Муравьева, М. Н. Муравьева (Вилenskого) (см. о нем ниже). Получил хорошее дом. образование, знал европ. языки, позднее изучил тат. и араб. яз.; играл на неск. муз. инструментах, рисовал. В нач. 1811 приехал в Петербург (с 1801 семья жила в Москве), вступил в воен. службу колонновожатым в свиту е.и.в. по квартирмейстерской части, в апреле — прапорщик. К этому времени относится его увлечение Ж. Ж. Руссо. В юности нуждался (материальные дела отца находились в расстройстве). В «поход» 1812 отправился вместе с бр., Ал-дром и Михаилом, участвовал в сражениях при Бородине (награжден), под Тарутином и др., в действиях рус. армии за границей (1813—14). Часть «Записок» М., посв. Отеч. войне 1812 (РА, 1885, кн. 2; 1886, кн. 1), выделяется на фоне всей мемуарной лит-ры о 1812 (Тартаковский). М. был в числе основателей (вместе с братьями) преддекабристских об-в «Юношеское братство» («Чока», 1811) и «Священная артель» (1814—18) (восп. М. о «святом братстве» см.: «Записки. 1816» — РА, 1886, кн. 1, с. 448—49). Служил в Гв. Ген. штабе, в 1816 уезжал на Кавказ под начальство А. П. Ермолова (в 1827 женится на Соф. Фёд. Ахвердовой, 1810—30; 2-й брак, в 1834, — с Нат. Григ. Чернышёвой, сестрой жены Н. М. Муравьева), дружил с семейством груз. поэта кн. А. Г. Чавчавадзе.

В составе посольства Ермолова в 1819—20 совершает поездку в Хиву и Бухару — для установления «приятельных сношений» с туркменами и изучения юго-вост. побережья Каспийского моря. Поездка, как и вскоре вышедшая книга «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг.» (посв. отцу; ч. 1—2, М.,

1822; с прил. карт, рисунков, росписи «туркм. поколений»; пер. на англ., франц. и нем. яз.) — с описанием географии, истории, нравов и быта европ. края, положения в нем рус. пленных, а также «злосклонений» автора (в т. ч. заточения у хивин. хана), — возбудила интерес в обществе.

В М. увидели (СА, 1822, № 11—13) «искусного воина, ученого, инженера и проникательно политич.» (№ 11, с. 367), с «благородным образом мыслей» (№ 13, с. 68); это «важное и любопытное из всех путешествий ... не только у нас, но и во многих других странах просвещенной Европы», а книга о нем — «отличнейшее произведение нынешнего времени» (СО, 1822, № 20, с. 277, 279).

Участвовал в рус.-перс. (1826—28; ген.-майор, 1828) и рус.-тур. (1828—1829) войнах; отличился при осаде и штурме Карса; из-за разногласий с И. Ф. Паскевичем покинул Кавказ (1830). За участие в подавлении Польского восстания произведен в ген.-лейтенанты (1831). В 1833 послан в Турцию и Египет со сложной военно-дипл. миссией: «вселять тур. султану доверенность, а египетскому паше страх» — из напутствия Муравьеву Николаю I (РА, 1868, кн. 1/2, стб. 748).

М. удалось остановить воен. действия пашин против Турции, что содействовало заключению Ункяр-Искелесийского договора (1833). Позднее он подробно описал поездку в Константинополь, дипл. переговоры, нравы и порядки тур. армии, тур. и егип. двора, личности пашин и султана, а также «стояние» рус. войск на Босфоре (кн. «Русские на Босфоре...»).

Получил звание ген.-адъютанта е.и.в. Вышел в отставку в 1837, после «строгого», для М. оскорбительного, выговора Николаю I (во время воен. смотра в Николаеве: Остен-Са-

кен, с. 538). В 1848 вернулся на службу (командующий корпусом, в 1850 командир Гренадер. корпуса); был послан в Венгрию в связи с рев. событиями 1848—49. Тяжелое положение России в Крым. войну заставило Николая I обратиться к М. («если не по совести, то по нужде поклониться», цит. по кн.: Задонский, с. 362); в 1854 назначен командующим отд. Кавк. корпусом (в 1853 произведен в ген. от инфантерии) и наместником на Кавказе (с кон. 1854). Во время недолгого управления краем (с нач. 1855), к-рое современники называли «спартанским» в отличие от «афинского» — воронцовского (Д. Святополк-Мирский — РС, 1872, № 11, с. 545), прославился взятием тур. крепости Карс, давшей «прибавление» к его имени (после неудачного штурма М. принудил ее к полной сдаче, 1855); победа под Карсом, вызвавшая огромный энтузиазм во всех слоях общества, способствовала заключению мира с Турцией. Недовольный перемирием (М. собирався «идти на Царьград») и не соответствующей, как он полагал, его заслугам наградой (орден св. Георгия 2-й степени), в 1856 уходит в отставку; назначен чл. Гос. совета. Оставшиеся годы жил в своем имении, работая над «Записками».

И свидетельства современников, и сами «Записки» воссоздают образ М. как человека, отличающегося твердостью характера [«умеет подчинить действия других своей воле» (А. Е. Попов — РС, 1881, № 6, с. 214)], чрезвычайной независимостью взглядов и суждений, строгого к себе и подчиненным, резкого и прямолинейного: «правда и прямота характера чисто русские» [И. С. Кравцов — РС, 1886, № 6, с. 571; см. также оценку его личности Игнатием (Брянчаниновым), с к-рым М. состоял в родстве и переписке, — Святой Игнатий Брянчанинов, т. 7, М., 1993, с. 374—75]. Защитник гос. устоев, проводник и одновременно нелицеприятный критик имперской политики, особенно имп. двора, М. покровительствовал соланным декабристам, высказываясь за радикальные условия освобождения крестьян; принадлежавших ему крепостных освободил задолго до реформы 1861 (Задонский, с. 423, 438). Знавший М. современник так характеризовал его в 1-й пол. 1820-х гг.: «По службе педаант до мелочности, самолюбив до уродливости, недоверчив до обиды; но, когда хотел, мог быть любезен, приветлив и незнакомого даже оборочить любезностью ... Человек был своеобразный иногда до смешного, и все из самолюбия» (Бриммер Э. В., Служба артиллерийского офицера ... — «Кавк. сб.», т. 15, Тиф-

лис, 1894, с. 133). Личность М., по мнению П. И. Бартенева, вполне сказалась в его мемуарах (РА, 1886, кн. 1, с. 225).

Обширные «Записки» (осн. корпус, с ценз. купюрами, опубл. в «Рус. архиве», 1885—95; публикация, осуществленная частично дочерью М. — А. Н. Соколовой, доведена до текстов 1837), в к-рых дневниковые записи перемежаются с мемуарными фрагментами, писались М. с 1815 до самой смерти.

На их основе подготовили неск. книг, изданных уже после его смерти, зятем М. — Г. А. Чертокном: «Турция и Египет в 1832 и 1833 гг.» (т. 1—4, М., 1869; полное изд. — М., 1870—74), часть этого же соч. «Русские на Босфоре в 1833 г.» (М., 1868; одобрит. отзывы: ВЕ — 1868, № 11; «Восп. сб.», 1868, № 12: «замечат. явление в рус. воен. лит-ре» — с. 78; Е. Феоктистов — РВ, 1868, № 10; содержание рец.: «Дело», 1869, № 1), «Война за Кавказом в 1855 г.» (т. 1—2, ч. 1—4, СПб., 1877; полжит. отклик: «Восп. сб.», 1877, № 7, 8); при жизни напечатаны два фрагмента (РВ, 1862, № 1; 1863, № 1).

Историко-культурная ценность записок М. обуславливается широтой хронологич. охвата (1811—1865) и авт. впечатлений (включая встречи с Николаем I и Александром II). Здесь содержатся сведения по военной, диплом., общественно-полит. и социально-экономич. истории, историко-этногр. описания стран и народов Кавказа, Ср. Азии, Персии и др. Труд М. — осн. источник по истории преддекабрист. обществ и настроений, дает фактич. материал и яркие портретные штрихи для биографий рус. воен. и гос. деятелей: Ермолова, А. Ф. Орлова, Паскевича (не прощавшего М. его преданности Ермолову; ср. нелицеприятное мнение М. о его «Записках» 1812 — РА, 1889, кн. 3, с. 68), И. И. Дибича, декабристов Ал-дра Н. Муравьева, М. И. Муравьева-Апостола, М. С. Лунина, а также В. К. Кюхельбекера, А. И. Якубовича; критич. оценку дает М. личности Д. В. Давыдова (РА, 1889, кн. 1, с. 590—92, 602—604; см. комм. В. Э. Вацура в кн.: Давыдов Д., Стих., Л., 1984, с. 34; письмо поэта к М., 1834, см.: Задонский, с. 436—37). Особый интерес представляют записки, посв. А. С. Грибоедову: М. был знаком с ним 10 лет (1818—28), но в дружеских отношениях не состоял, будучи «мыслей весьма невыгодных насчет его нравственности и нрава» (Грибоедов в восп., с. 55). В поединке между Грибоедовым и Якубовичем М. был секундантом последнего. Его суждения о Грибоедове по б. ч. пристрастны, но о его познаниях и уме он неизменно высоко отзывался; зафиксированные М. сведения весьма полно освещают кавк. период жизни писателя.

Записки М. не лишены изв. лит. достоинств (своеобразно-красноречивый язык, вкус к точной детали, выпуклость мн. описаний), однако

страдают «распространенностью», избыточностью повторов, стилистич. неопределенностью; более обработаны восп. о 1811—16. Тон изложения — эпический, обстоятельный, невозмутимый («самое беспристрастное, спокойное изложение автора-очевидца» — ВЕ, 1868, № 11, стб. 476), порой отмеченный флегматичным юмором, что не смягчает крайний субъективизм мемуариста, для к-рого не существует ни готовых авторитетов, ни общепризнанных мнений. «Записки» М. пользовался Л. Н. Толстой при написании «обличит. главы» «Хаджи-Мурата», не вошедшей в осн. текст (Толстой, XXXV, 598—99).

Переписка М. (св. 8 тыс. писем к нему, письма самого М. не сохр.) представляет не меньший интерес, чем его записки, и уникальна как своей сохранностью, так и тем, что в ее составе находится редчайший комплект писем декабристов за период с 1810 по 1825 (частично опубл. в кн.: Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому, т. 1, М., 1975; там же статья И. С. Калантырской с описанием архива М.).

Брат М., Мих. Ник. Муравьев (Виленинский) (1796—1866), граф (с 1865); гос. деятель, сенатор (с 1842), чл. Гос. совета (с 1850). Ген. от инфантерии, мин. гос. имуществ (1857—62). Воспитанник Моск. ун-та (1809 или 1810—11), в 14 лет вместе с отцом основал Моск. об-во математиков, преподаватель и вице-президент Уч-ща колонновожатых (составил «Программу для испытания...», М., 1817). Вступил в службу колонновожатым (1811); участвовал в Отеч. войне 1812 (прапорщик, 1813 — подполковник; ранен при Бородине) и zahraniчных походах. С 1814 в Гв. Ген. штабе. Чл. преддекабристской орг-ции «Священная артель», до 1822 чл. тайных декабрист. об-в Союза спасения и Союза благоденствия (чл. Коренного совета, один из авторов Устава). Привлеченный по делу декабристов, оправдан. Вице-през. РГО (1850—57), поч. чл. Петерб. АН (1857).

Был известен как противник освобождения крестьян, проводник русификаторской политики в Сев.-Зап. крае. В 1863—65 виленский, гродненский, ковненский и минский ген.-губернатор (с чрезвычайными полномочиями), командующий войсками Вилен. воен. округа, гл. пач. Витебской и Могилев. губ. За жестокость при усмирении Польского восстания 1863—64 в либерально-обществ. кругах прозван «вышателем». Присудительствовал в комиссиях по делу Д. В. Караковского. Автор «Записок», опубл. в «Рус. старине»: «Записки о митже в зап. России», «Последняя польская смута...» и др. (1882, № 11, 12; 1883, № 1—5; 1884, № 6; РА, 1885, кн. 2); представляют интерес как ист. и идеол. документ: откровенно, без стремления смягчить, излагая свои действия и взгляды, автор передает «губительные» настроения и «колебания» общества. мнения по польскому вопросу (в т. ч. «перемени мыслей самого государя»), обвиняя «рус. аристократию», министров, высших правителей лиц в увлечении «полонизмом», сочувствии митажникам, приверженности идеям европ. держав и забвении рус. интересов (см., напр., РС, 1883, № 1, с. 134—35, 143—44, 153, и др.) (см. о нем: Никитенко, ук.; Гершен, XVII—XIX, и др. ук.); Чуковский К., Поэт и пачал. (Некрасов и М.). П., 1922; Долгоруков П. В., Петерб. очерки. Памятник эмиграции. 1860—1867. М., 1992 (ук.); Брокгауз; Гранат; СИЗ; Декабристы).

Изд.: Из «Записок». — В кн.: Грибоедов в восп. (комм. П. С. Краснова, С. А. Фомичева); Рус. мемуары. Избр. страницы. 1800—1825 гг., М., 1989 (биограф. очерк И. И. Подольской).

Письма М.: к А. П. Еришину — РС, 1872. № 11 (письмо от февр. 1855, распространялось на Кавказе в списках); к кн. В. О. Бесбутову, 1855 — там же, 1873, № 10.

Лит.: Муравьев А. Н., Соч. и письма, Иркутск, 1886 (ук.); Пушкин (ук.): Толстой (ук.): Берг А. П., М., во время его наместничества на Кавказе, 1854—1856. — РС, 1873, № 10; Любитель Кавказа и Закавказья, Н. Н. Муравьев, — РС, 1874, № 5; Шербицкий М. П., Кн. М. С. Воронцов и М. — РС, 1874, № 9 (там же вост. И. А. Еуропауса); Зиссерман А., По поводу полемки о кн. Воронцове и М. как наместника кавказских, — РВ, 1874, № 11; его же. По поводу «Поправки» А. П. Брычанинова, — РА, 1886, № 2; Остен-Сакен Д. Е., М. в 1828—1856 гг. — РС, 1874, № 11 (о полемке вокруг М. в «Рус. старине» см.: Задонский, с. 439—40); Муравьев-Апостол М. И., Восп. и письма, П., 1922, с. 41, 71; Якушкин И. Д., Записки, ст., письма, М., 1951 (ЛП: ук.); Нечкина М. В., Движение декабристов, т. 1, М., 1955 (ук.); Каландарская И. С., Письма декабристов Н. Н. Муравьеву-Карскому как источник по истории «Священной артили», — «Архив. ежегодник за 1972 г.», М., 1974; Халфин Н. А., Россия и ханства Ср. Азии (Первая пол. XIX в.), М., 1974 (ук.); Грачев А. Д., К вопросу о вост. интересах А. С. Пушкина, — «Изв. АН Туркм. ССР, Сер. обществ. наук», 1976, № 3; Завадовский Б., Книга из б-ки Пушкина, — «Молодость», в. 4, Таш., 1979 (о кн. М. «Путешествие в Туркмению и Хиву»); Тартаковский А. Г., 1812 г. и рус. меценатства, М., 1980 (ук.); Бабасов Г. Б., Улы дружбы, Баку, 1981, с. 28—40; Задонский Н. А., Жизнь М. Документальная ист. хроника, М., 1985 (с прим. и библиографией); В., 1987: множество изд. под этим и др. назв. начиная с 1964, в т. ч.: В., 1964, 1970; М., 1981). — Некрологи, 1866: «Восст. сб.», № 12, с. 116*—17; РИ, 8, 9 дек.; «Илл. галл.», № 43, Геннадиев: Брокгауз; Венгров. Источ.; Эймонтова (2); СИЭ; БСЭ; Черский; ИДРДВ.

Архивы: ГИМ, ф. 254; РГВИА, ф. 169 (дневники и записи 1849—63 гг., в т. ч. «Возвращение с Кавказа» — оп. 1); ф. 481 (рукопись «Войны за Кавказом», т. 1—8), ф. 489, оп. 1, д. 7074, ч. 1 (ф.с. 1852 г.) [справка Н. Ю. Муравейниковой].

В. М. Бокон, Л. М. Шемякина.

МУРАВЬЁВ-АПОСТОЛ

Муравьев Иван Матвеевич [1(12).10.1762* (по др. сведениям — 1767**, 1765 и 1768), Опеченская пристань близ Боровичей Новгород. губ. — 12(24).3.1851, Петербург; похоронен на Георгиев. кладб. на Б. Охте], прозаик, переводчик, поэт. Из старинного дворян. рода; по матери потомок укр. гетмана Даниила Апостола; сын воен. инж. М. А. Муравьева (его зап. «Журнал от начала рождения моего...» см. в кн.: Рос. архив, в. 5, М., 1994); отец трех декабристов: Матвея, Сергея и Ипполита Муравьевых-Апостолов (см. М. И. Муравьев-Апостол). Двоюродный брат писателя М. Н. Муравьева (1757—1807).

С 1773 записан солдатом в л.-гв. Измайлов. полк. В 1776—77 обучался математике и языкам в пансионе акад. Л. Эйлера (Петербург); по закрытии пансиона «образовывался и обучался» дома. В 1778 дебютировал в печати переводом с франц. яз. статьи Тротти де Ла Шетарди «Наставление знатному молодому господину, или Воображение о светском человеке» (СПб.).

В окт. 1784 вступил в действит. службу обер-аудитором в питат. петерб. ген.-губернатора Я. А. Бресса; с 1785 его фамилия-адъютант (с

1788 в чине секунд-майора). Служил в Коллегии иностр. дел, в провинциальном штате: заведовал канцелярией в Шинселебурге (в чине премьер-майора). В 1792 по протекции М. Н. Муравьева прилажен ко двору имп. Екатерины II в качестве «кавалера» (воспитателя) при вел. кн. Александре Павловиче и Константине Павловиче; затем назначен обер-церемониймейстером. При дворе сумел понравиться не только имп. Екатерине, но и вел. кн. Павлу, будущему императору (см.: Муравьев-Апостол М. И., Восп. детства. — В его кн.: Восп. и письма, П., 1922), что обеспечило его дальнейшую карьеру.

В февр. 1793 в Эрмитажном т-ре состоялась премьера сатирич. комедии Р. Б. Шеридана «Школа злобствия» в переводе М.-А. (первый рус. пер. с англ. оригинала; опубли. СПб., 1794). «Переложение» пьесы (согласно бытовавшей традиции) «на рус. нравы» оказалось внешним: русифицированы фамилии, слегка изменен порядок сцен, заменены отдаленные реалии, а в целом дух и смысл оригинала сохранились. Пьеса понравилась императрице и двору; ходили слухи, что в пер. принял участие вос-

питатник автора — вел. кн. Александр (см.: Грот и Плетнев, II, 635). Позднее перевод М.-А. послужил основой для пьесы А. И. Писарева «Лукавин» (см.: ИРДТ, т. 2, с. 314).

Более существенному «переложению» на рус. «нравы» подверглась 2-я вершинная комедия англ. просветит. драматургии — «Ночь ошибок» О. Голдсмита, ставшая под назв. «Ошибки, или Утро вечера мудренее» (СПб., 1794; премьера — дек. 1794 в Эрмитажном т-ре) довольно типичной сатирой на «петиметров» (претенциозных молодых франтов, вертопрахов) в духе «Бригадира» Д. И. Фонвизина. [В ряде источников «Ошибки» неверно названы ориг. пьесой М.-А.; см., напр.: Кубасов, 1904.] Обе пьесы шли в театрах Москвы, Петербурга и Полтавы до сер. 1820-х гг. (редкие пост. — до 40-х гг.).

После смерти Екатерины II, в дек. 1796 М.-А. отправлен в звании камергера вел. кн. Константина Павловича мин.-прислужником в Эйтн ко двору герцога-администратора Ольденбургского и епископа Любекского (в 1798 совме-

щал с апалотичным постом в Гамбурге, а в кон. 1799 — еще и в Копенгагене); всюду активизировал деятельность антифранц. коалиции. Дипл. службе способствовал исключит. лингв. способности М.-А.: знал не менее 8 древних и новых иностр. языков. В 1800 отозван в Россию; в июле произведен в тайные сов.; в 1801 — вице-президент Иностр. Коллегии.

Не принадлежал к сторонникам имп. Павла (несмотря на его благосклонность), принял участие в антипавлов. заговоре 1801, став автором одного из нереализов. проектов законодат. ограничения верховной власти [ср.: А. С. Пушкин, «Table-talk» («Застольные беседы»), «беседа», начинающаяся словами «Дмитриев предлагал имп. Александру Муравьева в сенаторы»]. В 1802 занял должность полномочного мин. в Испании, но в 1805 по неясным причинам (согласно названной «беседе» Пушкина, впа в немилость императора за разглашение недостоверных сведений о подготовке антипавлов. заговора) был отставлен и вплоть до 1824 нигде не служил (сам М.-А. туманно объяснял опалу в письме Г. Р. Державину от 10 сент. 1814: «Я многим показался любимцем счастья, и гнусная клевета отравила полдень жизни моей» — Державин Г. Р., Соч., 2-е изд., т. 6, СПб., 1876, с. 333).

Однако «выключенный из службы», опальный М.-А. сохранил многие родственные, дружеские, светские и лит. связи. Живя в Москве, часто виделся с семьей М. Н. Муравьева, его и своим двоюродным племянником К. Н. Батюшковым, В. Л. Пушкиным и др. [Сохранился дом, где в 1810-х гг. жил М.-А., ныне ул. Старая Басманная, 23 — Музей декабристов.] В Петербурге участвовал в заседаниях «Беседы любителей рус. слова» (чл. с 1811), где читал свои переводы с лат., общался с Державиным, И. А. Крыловым и др.; посещал салон гр. А. С. Строганова и дом Н. М. Карамзина (к-рого глубоко чтит, хотя «карамзинистов» порицал); был другом дома А. Н. Оленина, где встречался с Н. И. Гнедичем, В. А. Жуковским и др., познакомился с молодым А. С. Пушкиным. Со стоял чл. ВОЛРС; с 1811 д. чл. Рос. академии (с 1841 поч. чл. Петерб. АН). Лето проводил в полтав. имении Хомутов Миргород. у., расположенном близ Обуховки — родового имени писателя В. В. Капниста (оба имени слыли заметными культурными гнездами на Украине, а семьи их владельцев находились в тесном общении).

М.-А., по отзывам современников (в т. ч. Батюшкова, Н. И. Греча), — человек блестящего ума, необыкновен. эрудиции и многих талантов, эстет, полиглот и библиофил (имел уникальную б-ку), объездил почти всю Европу, где встречался с И. Кантом, Ф. Г. Клопштоком, И. Миллером, В. Альфьери, Дж. Байроном. В до-

машнем быту проявлял и достоинства, и пороки просвещенного рус. барина: славился как любезный и хлебосольный хозяин и тонкий гас- трон, эпикуреец и мот (прожил два миллионных состояния), но при этом эгоист и семейный деспот (см.: Капнист-Скалон С. В., Из восп. о декабристах. — В кн.: Декабристы в восп. современников, М., 1988, с. 114—16; Библикова А., Из семейной хроники. — Там же, с. 143—44).

Длит. вынужденная отставка явилась наиб. продуктивным периодом в лит. творчестве М.-А. Широкою лит. и обществ. известность ему принесли написанные под впечатлением событий Отеч. войны и заграничных походов рус. армии публици. «Письма из Москвы в Нижний Новгород» (всего 15 писем: СО, 1813, № 35, 36, 39, 44—46, 48, 49; 1814, № 2, 3, 7, 34, 39, 40; 1815, № 6, 29, 36; перепечатка 1—7-го писем — РА, 1876, кн. 3). В «Письмах» также подводился итог дискуссиям в Н. Новгороде (осень 1812 — зима 1813), к-рые велись во время личного общения М.-А. с многочисл. беженцами из Москвы (семьи Карамзиных и Муравьевых, Батюшкова, В. Л. Пушкин и др.). Примакая к совр. патриотич. публицистике (с ее антифранц. выпадами и сеговетаниями на нерусскость дворян. воспитания) лишь до изв. степени, «Письма» в осн. содержат зрелые размышления о просвещении, о европ. и рус. лит-ре, о состоянии общества, об истории, философии и политике, а также сатирич. новеллы, высмеивающие совр. нравы.

М.-А. ратовал за гражданств., патриотич. и религ. направленность воспитания рос. юношества, настаивал на изучении им не только франц., но и родного, и др. европ. языков, в т. ч. обязательно др.-греч. и латинского, ибо лишь обращение к антич. лит. оригиналам (а не к их франц. переводам) может способствовать развитию рус. лит-ры. Становление подлинно нац. отеч. словесности невозможно без сословия проф. литераторов и проф. же критики, «к-рая, по точному смыслу слова, значит суд, производимый над к.-л. предметом иск-ва, в к-ром рассматривается искусство отвлеченно от художника, с тем намерением, чтобы сделать справедливую оценку дарованию, показав красоты, но вместе и недостатки»; настоящая критика предводима «беспристрастием, очищенным вкусом, учением не поверхностным, но глубоким». Великим образцом такой критики является Г. Э. Лессинг, предваривший своим творчеством само образование «истинной нем. лит-ры» (1814, 12-е «письмо»; см. в кн.: Лит. критика 1800—1820-х гг. М., 1980, с. 117—18). Вопреки теоретикам франц. классицизма, М.-А.

ценил в «изысканном вкусе» нац. начало, ибо он составляется по характеру каждого народа в зависимости от его «нравств. свойств» и «образа правления».

По полит. взглядам автор «Писем» предстает сторонником умеренной монархии и «законной свободы» в духе Монтескье. Он отвергает как «тиранизм», так и «демократию», неизбежно вырождающуюся в тиранию. правление (вместо одного тирана являются сто: «Без веры, без чистоты в нравах никакая республика существовать не может» — 14-е «письмо»), и категорически не принимает «злодейств» Франц. революции.

Лит. мир довольно высоко оценил «Письма» [см. отзывы Евгения Блеховитинова (Сб. ОРЯС, т. 5, в. 1, СПб., 1868, с. 154), П. А. Вяземского (ОА, I, 72), Д. В. Дашкова (РА, 1866, кн. 1, стб. 493), «Послание И. М. М.-А.» Батюшкова]. Державин писал автору, прочитав 6-е «письмо»: «Столько нашел я в нем благородных чувств, учености, познаний, способности, вкусу и, коротко сказать, совершенного мастерства и легкости изливаться пером душой, дабы трогать сердца» (Державин Г. Р., Соч., т. 6, 1876, с. 332). В. К. Кюхельбекер, ознакомившись с ними в 1833, отметил в «Дневнике»: «они исполнены живости ума, таланта; слог не везде правильный, но лучше иного правильного» (Кюхельбекер, с. 251). «Письма» многократно отразились в рус. лит-ре: реминисценции и лит. аллюзии у Батюшкова (в послании «К Дашкову»), А. С. Грибоедова (см.: Фомичев С. А., Комедия — «Горе от ума». Комментарий, М., 1983, с. 78—80), А. С. Пушкина (см.: Кошелев, «Ее сестра звалась Татьяна»). Ряд лит. идей М.-А. использовал Гнедич в своем «Рассуждении о причинах, замедляющих успехи нашей словесности» (речь, произнесенная в янв. 1814); их особенно сближало тяготение к «неоклассицизму» — ориентация не на правила франц. классицизма, а непосредственно на образцы др.-греч. и рим. лит-р. В письмах к др. единомышленнику — Капнисту — М.-А. выказывал себя противником как языкового реформаторства А. С. Шишкова, так и «новаторов», покинувших «классич.» и народную традицию, в частности Жуковского (см.: Громова). Лит. и языковые вкусы не мешали, однако, его одновременному пребыванию как членом «Беседы любителей русского слова», так и почетным чл. «Арзамаса».

Признавая важность освоения антич. лит-ры для становления русской, М.-А. в 1800—10-х гг. много занимается ее изучением и переводами; несколько лет он посвящает прозв. Горация, постоянно открывая в нем «не только поэтич. красоты, но и истины, глубокие и утешительные» (цит. по кн.: Батюшков К. Н., Избр. соч., М., 1986, с. 299). В свет выходят работы, создавшие М.-А. ре-

путацию авторитетного знатока античности: стихотв. перевод 16-й оды Горация [ВЕ, 1809, № 20; рец.: похвальная — И. Т. Буле (там же), сдержанно одобрит. — (М. Т. Каченовского) (ВЕ, 1809, № 21)], испытывавший стилистич. и метрич. влияние Державина («Блажен, кто в тихой, низкой доле /Богат, умеет малым быть; /Сжать себе не хочет боле, /Как чем лишь скромно век прожить. /Хлеб-соль простая угощенье, /Стола опрятна украшенье, /Солонка деловая одна»); два прозаич. пер. 1-й и 3-й сатир Горация (из 1-й кн.), снабженных пространством историко-бытовым комм.: «Краткое рассуждение о Горации» и «Рассуждение о причинах, побудивших Горация написать Сатиру третью...» («Чтение», 1811, кн. 2; 1812, кн. 6); комм. к письмам Цицерона и пер. одного из них («Взгляд на заговор Катилины» — СО, 1818, № 21—23, б. п.; и «Письмо от Цицерона к Помпонии Аттику» — СО, 1819, № 8); ряд рецензий: «Письмо к редактору „Вест. Европы“» (ВЕ, 1815, № 5—6), «Письмо к издателю „СО“» (СО, 1817, № 22, подп. Вахт Страбоновский; о пер. А. Ф. Воейкова поэм Вергилия; ответ Воейкова — ВЕ, 1817, № 22); пер. комедии Аристофана «Облака» (СПб., 1821). (По мнению А. Ю. Кузьменко, М.-А. принадлежит также анонимная рец. «Поэзия эллинского языка ...» на одноименную книгу — СО, 1817, № 38.)

Самое значительное произв. М.-А. — книга в 25 «письмах» «Путешествие по Тавриде в 1820 г.» (СПб., 1823; отрывок «Ольвия» — СПб., 1821; рец.: СО, 1821, № 25) — написано в результате поездки М.-А. в Крым (11 сент. — 25 окт.) по маршруту: Одесса — Перекоп — д. Саблы, откуда совершал поездки в Севастополь, Балаклаву, Бахчисарай, на Юж. берег (от Алушты до Кикинеиза), — Судак — Старый Крым — Феодосия — Керчь. Книга посвящена сопровождавшей его жене (во втором браке) Прасковье Васильевне (урожд. Грушецкая, внучка В. М. Долгорукого-Крымского); в поездке принимали участие двоюродные племянники М.-А. — Н. М. Муравьев и М. С. Лунин.

М.-А. предпринял поездку, к-рой готовился 2 года, намереваясь проверить сведения древних историков и географов (Геродота, Страбона, Плиния, Плутарха и др.) об известных антич. городах Приднепровья и Крыма. Но особенности жанра «путешествия» и эпистолярная форма позволили автору выйти за рамки первонач. замысла и дать параллельные — ретроспективные и совр. — описания одного и того же места: Херсонес — Севастополь, Каффа — Феодосия, Пантикапей — Керчь, а

также привести ценные сведения о флоре и фауне Крыма, характерные подробности гор., сел. и монастырской жизни, колоритные описания вост. быта. «Путешественник» размышляет о причинах крушения многовековых устоев, о назначении истории в процессе познания мира, о роли Азии в развитии цивилизации; анализирует причины и следствия присоединения Крыма и выражает уверенность в высокой ист. миссии России; прибегая к эпическому языку, осуждает «посрамительный для человечества торг невольниками». Через всю книгу проходит мысль о необходимости сохранения «драгоценных остатков древности».

Нервный стиль повествования отражает характер эстетич. эволюции М.-А.: многие ист. экскурсы — дань классицизму с его статичной и риторич. обилием антич. реминисценций и аллюзий, воспеванием гражд. добродетелей, одич. хвалой просвещению; нек-рые пейзажные зарисовки и романтизм. описания достопримечательностей написаны в духе сентимент. путешествия (преувеличенная чувствительность, необуд. изображение, повышенный интерес к эпитетам; немало страниц, однако (описание Бахчисарайского дворца, большой очерк о средневековой Каффе и др.), свидетельствуют о зрелом лит. мастерстве.

Рецензенты отискали европ. уровень книги, живой и ясный слог, исключит. эрудицию автора и в целом науч. убедительность (А. А. Бестужев — ПЗ на 1824 г., с. 4; Н.Н. (А. Ф. Воейков) — СА, 1824, № 9, с. 151—60; В (его же) — НЛ, 1824, № 20—21). Вскоре «Путешествие по Тавриде» получило известность за рубежом — переводы на нем. (Б., 1825; Вена, 1826) и итальянский (Неаполь, 1833) языки.

У А. С. Пушкина, к-рый почти в то же время проделал тот же путь в Крым (но в обратном направлении) и встречался с теми же людьми, что и М.-А., книга вызвала много воспоминаний. В дек. 1824 он писал А. А. Дельвигу: «Путешествие по Тавриде прочел я с чрезвычайным удовольствием... Очень жалко, что мы не встретились». К 1-му изд. поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1824) приложен большой фрагмент из книги М.-А. (письмо X — «Бахчисарай», с. 107—108, 110—16, 118—19). По просьбе Пушкина Вяземский написал к поэме предисловие (манифест рус. романтизма, направленный против классицизма), где догустил полемич. выпад и против М.-А., отстаивая право автора на поэтич. вымысел (хотя фактически М.-А. признавал недопустимость вымысла лишь для историка). В 3-м изд. поэмы (1830) Пушкин опустил предисловие, а в фрагмент из «Путешествия по Тавриде» добавил отрывки из письма к Дельвигу.

В 1824 М.-А. решил снова возобновить цикл «Письма в Нижний Новгород» и опублик. одно письмо («Продолжение писем в Нижний Новгород» — ВЕ, 1824, № 2; сатира на суд с более резкой, чем прежде, социальной направленностью); но возвращение на действит. службу остановило лит. работу. В марте 1824 назначен присутствующим в Правительств. Сенат, а в авг. стал чл. Главного училищ. правления. Ряд его служебных «мнений» 1824—25, расходясь в рукоп. списках, получил широкий обществ. резонанс: в защиту директора Деп. нар. просвещения В. М. Попова, участвовавшего в переводе с нем. мистич. книги И. Госнера, запрещенной по выходе (см.: ЧОИДР, 1859, кн. 4), о праве университетов и профессоров пользоваться книгами по-

мимо цензуры (см. в кн.: Сухо-млин М. И., Иссл. и статьи по рус. лит-ре и просвещению, т. 1, СПб., 1889, с. 484—87), «Мнение члена Главного училищ. правления о преподавании философии» (1825; опублик. в кн.: Лит-ра и история, СПб., 1992) в защиту преподавания философии в ун-тах, против чего ратовал М. Л. Магницкий (о 1-м и 3-м «мнениях» см. также: Никитенко, ук.).

Мнения, выраженные по конкретным «делам», аргументировали необходимость смягчения ценз. строгостей и умеренную свободу мысли; но в тогдашних условиях они демонстрировали изв. гражд. смелость и создали М.-А. репутацию либерала. Есть свидетельства, что участники тайных обществ намеревались сделать М.-А. чл. временного рев. правительства (см.: Муравьев М., Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты. — В кн.: Тайные об-ва в России в нач. XIX столетия. Сб. мат-лов, ст. и восп., М., 1926). После разгрома восстания декабристов и трагедии, постигшей сыновей М.-А. (младший, не желая сдаваться, застрелился; средний повешен, старший осужден на 15 лет каторги, но вскоре отправлен на поселение в Сибирь; до суда, 11 мая 1826 состоялось свидание отца с Матвеем и Сергеем в Петропавлов. крепости), он оставил службу, а в мае 1826 был «уволен по болезни в чужие края» (до 1847 значился неприсутствующим сенатором).

Жил преим. в Австрии (Вена) и Италии (Флоренция), где встретился с А. Дюма-отцом и рассказал ему о своих сыновьях (см.: Дюма А., Путевые впечатления в России, т. 1—3, М., 1993, ук.); в Россию вернулся в 1840-х гг.; в печати имя М.-А. не упоминалось с 1826 до кон. 1850-х гг. Его б-ка и мемуары утрачены. «Путешествие в Тавриду» не переиздавалось, хотя его сведения и поныне используют археологи, историки, краеведы и особенно пушкинисты (см., в частности, сб.: Пушкин в Тавриде, Симферополь, 1995).

К лит-ре, наряду со старшим сыном Матвеем, были причастны также первая жена М.-А. Анна Семёновна, урожд. Черновиц [во втором браке — с П. В. Грушецкой — М.-А. состоял с 1812(13)], переведшая с франц. «Пример матерям, или Приключения маркизы де Безир» (Казинка, 1791), и сын Сергей, писавший стихи и переводивший на франц. язык кн. отца «Путешествие по Тавриде» (рукопись — ГАРФ, ф. 109, 1 экзп., 1843 г., л. 185).

Др. произв.: «Элегия на смерть Александра I» (на др.-греч. яз.; «Библиографич. листы», 1826, № 35), «Три юные лавры...» [элегия, соч. по поводу трагич. участи его сыно-

вой-декабристов в 1825] (оригинал на др.-греч. яз.; стихотв. переложение Ф. Н. Глинки опублик.: РА, 1886, кн. 1), «Два письма... к гр. С. Р. Воронцову» (РА, 1876, кн. 1), «Письмо к Е. Ф. Муравьевой» от 26 марта 1847 (РА, 1887, кн. 1), «Как я сделался „Апостолом“» (там же).

Биогр. мат-лы: И. М. Муравьев-Апостолу, 11 апр. 1811 г. — «Улей», 1811, № 6, с. 456—57 (стих.; б. п.); Жихарев; Вигель; Греч; Кюхельбекер; Никитенко (все 5 — ук.); Стурдза А. С., «Беседа любителей рус. слова» и «Арзамас»... (и мои восп.). — «Москва», 1851, № 21; МВед, 1857, 29 окт. (библ. замечание М. Дмитриева); Шугуров М., Из восп. гр. Нелли. — В сб.: «Осина двадцатого века», кн. 3, М., 1869, с. 396—97; Шишков А. С., Записки, мнения и переписка, т. 2, Б., 1870 (ук.); Полторацкий Н. С., Рус.-адептажные люди. — РС, 1892, № 6, с. 459—462; Кошуб А., Записки. — В кн.: Царевский-Строг 11 марта 1801 г., СПб., 1907, с. 307 (репринт — М., 1990); Капнист В. В., Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1960, с. 542 (письмо к М.-А.); Письма рус. писателей XVIII в., Л., 1980 (ук.); Керн А. П., Восп. ... М., 1989 (ук.); Батюшков К. Н., Соч., т. 1—2, М., 1989 (ук.); Висуня политика России XIX и нач. XX в., сер. 1, т. 1—2, М., 1960—61 (ук.); Медведская Л. А., С. И. Муравьев-Апостол, М., 1970, с. 7—12, 35, 38; Эйсалям Н. Я., Грань веков, М., 1982: сго же, К биографии С. И. Муравьева-Апостола. — В его кн.: Из потаенной истории России XVIII—XIX вв., М., 1993; Маньковск. И. А., В переплете зеленого сафьяна. — НН, 1990, № 4; Муравьев М. А. [Записки]. — В кн.: Рос. архив, в. 5, М., 1994, с. 63*; Якушкина М. М., Якушкин Г. Р., Декабристы Муравьевы-Апостолы. — В сб.: Декабристы и их время, М., 1995, с. 48, 147.

Лит.: «Арзамас» (ук.); Греч Н. И., Опыт краткой истории рус. лит-ры, СПб., 1822, с. 341; Пушкин, XIII, 242; Балас М. С., Муравьев-Апостол. — РС, 1873, № 5, с. 654—56 (см. возражение М. И. Муравьева-Апостола: РС, 1873, № 7, с. 107—08); Сухомилин М. И., История Рос. Академии, в. 7, СПб., 1883 (ук.); Катков М. Н., Наше уч. реформа, М., 1890; Галахов А., История рус. словесности..., т. 2, М., 1894, с. 275—82; Веселовский А. Н., Зан. влияние в новой рус. лит-ре, 2-е изд., М., 1896, с. 160 (и ук.); Пыпин А. Н., История рус. лит-ры, т. 4, СПб., 1899 (ук.); Полевой П. Н., История рус. словесности с древнейших времен до наших дней, т. 2, СПб., 1900, с. 525—28; Кубасов И. А., М.-А., автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород». — РС, 1902, № 10—11; сго же, Драм. опыты М.-А., СПб., 1904; «Тр. Полтав. ученой арх. комиссии», в. 1, Полтава, 1905; Павловский И. Ф., Из прошлого Полтавы. К истории декабристов, Полтава, 1918, с. 3—12; Рус. портреты XVIII и XIX столетий, т. 2, СПб., 1906 (№ 139); Памяти декабристов, [в.] Л., 1926, с. 108—39; Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных, [М.] 1926 (ук.); Адрианов С., Пушкин и Крым. — «Изд. Таврич. об-ва истории, археологии и этнографии», т. 2 (59), Симферополь, 1928, с. 6—7; Базанов В., Очерки декабрист. лит-ры, М., 1953, с. 78, 91—101, 107—10; Тынянов (ук.); Громова Т. Н., Лит. взаимоотношения М.-А. и В. В. Капниста. — РЛ, 1974, т. 1; Овен О. Н., Невзг. письма Н. И. Гусидыча М.-А. — РЛ, 1978, № 2; Громов В. О. Авторские стихи. Пушкина «К Чаадаеву...». — ИзвОЛЯ, 1980, № 3; Формозов А. А., Страницы истории рус. археологии, М., 1986, с. 41—42; Кошелев В. А., [Заметка о М.-А.]. — В кн.: Памятные книжные даты. 1988, М., 1988, с. 78—80; сго же, «Ее сестра звалась Татьяной...». — В кн.: Болдинские чтения, Г., 1988, с. 158—60; сго же, М.-А. о философии истории и лит-ры. — В кн.: Лит-ра и история, СПб., 1992; Белкин Д. И., Отзвуки «Писем из Москвы в Нижний Новгород» М.-А. в «Горе от ума» и «Евгений Онегин». — В кн.: Проблемы творчества А. С. Грибоедова, Смоленск, 1994; Кузьменко А. Ю., И. М. Муравьев-Апостол, Киев, 1964; ЛН, т. 59 (ук.); т. 60, кн. 1 (ук.). + Некролог: СП, 1851, 15 марта; ЖМНП, 1852, ч. 73; Отчеты имп. АН по ОРЯС за 1841—1851, СПб.,

1852, с. 345—47 (П. Плетнев); «Совр.», 1853, № 3, с. 21. Рус. родословная книга, [т. 1], СПб., 1873; Геннадий Брокгауз; Павловский; Венгеров. Источ.: ИРДТ; ИДРДВ; Черейский; Декабристы (о сыновьях); Маслов.

Архивы: ГАРФ, ф. 1002, оп. 1, д. 1, 2, 3 (семейная переписка); РГАЛИ, ф. 1599; ф. 450, оп. 1, № 2 (письма С. А. Соболевскому); ИРЛИ, ф. 339, № 1 (2 письма М.-А. к Д. Н. Бантыш-Каменскому, 1822); № 131, Р. 1, С. (письмо Н. И. Педичу, 1 янв. 1826); 28.165 (письмо В. А. Жуковскому, 17 нояб., 1832); ф. 320, № 1575* (ф. с., б. а.); РНБ, ф. 603, № 308 (письмо Д. М. Полторацкому, 6 сент. 1816); ф. 247 (переписка с Г. Р. Державиным); ГПБ, Ук. (письма к А. Н. Оленину, имп. Александру I); РГБ, ф. 233 (С. Д. Полторацкому), к. 36, папка 46 (письмо к издателям СО); РГИА, ф. 737, оп. 1, 1827, д. 49951; ф. 1035, оп. 1, д. 606 (5 писем к П. М. Полторацкому о семейных делах); ф. 1101, оп. 1, д. 1010, 1910 г. и б. д. (Родословные таблицы Муравьевых, составленные С. А. Панчулидзевым); ф. 1263, оп. 1, д. 326, 1822—23 (спор о наследстве именитых Апостолов в Полтав., Киев. и Херсон. губ.); ф. 1409, оп. 2, д. 4580/2 (о свидании с сыновьями в Петропавлов. крепости) [справка А. М. Качанова]; РГВИА, ф. 35, оп. 5/246, св. 317, д. 2136; ф. 410, оп. 1, д. 296, 297 (письма сына Сергея); ф. 43, оп. 2, д. 200 (депеша А. В. Суворову); ЦНБ АН Украины, III, 23393—24276 (письма В. В. Капнисту); АВПр, ф. ДЛС и ХД, оп. 337/2, д. 98; оп. 464, д. 2331 (ф. с. 1818—1827 гг.); ф. 45, оп. 45/1; ф. 44, оп. 44/4; ф. 58, оп. 1, 8 (дипл. переписка); РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 430 («записки» М. А. Муравьева).

В. М. Бокоев, при участии Э. В. Даниловой.

МУРАВЬЁВ-АПОСТОЛ Матвей Иванович [18(29).4, по др. сведениям, 25.4(6.5).1793, Петербург — 21.2(5.3).1886, Москва; похоронен в Новодевичьем мон.), декабрист, мемуарист. Из старинного дворян. рода. Сын И. М. *Муравьева-Апостола* от его первого брака с А. С. Черноевич (ум. 1810), дочь серб. генерала.

Брат Сергея Муравьева-Апостола (1795—1826), одного из пяти казненных декабристов. Двоюродный брат Н. М. *Муравьева*, троюродный брат М. С. *Лунина*; родственник Ал-дра Н. *Муравьева*, Андрея Н. *Муравьева*, Н. Н. *Муравьева*; состоял в дальнем родстве с М. А. *Бакуниним*. Детство провел гл. обр. в Германии (Гамбург), Испании и Франции. Получил блестящее образование — сначала дома, в 1802—09 в париж. пансионе Хикса; среди соучеников

М.-А. и его брата Сергея — А. де Виньи. Родителями братья воспитывались в либерально-патриотич. духе (в частности, до переезда в Россию в 1809 они не подозревали о существовании крепостного права). До 14 лет М.-А. не говорил по-русски, затем стал брать уроки и к 1809 хорошо освоил язык. В 1811 поступил в петерб. Корпус инженеров путей сообщения (проучился всего четыре месяца). В преддверии войны с Францией попросил перевода в л.-гв. Семеновский полк, куда вступил подпрапорщиком в нояб. 1811. Познакомился с И. Д. Якушкиным, задушевым другом к-рого оставался в течение всей его жизни. Общался с Ник. Ник. и Артамоном Зах. Муравьевыми, Л. А. и В. А. Перовскими, с к-рыми участвовал в юношеском об-ве «Чока», основанном на началах «Общественного договора» Ж. Ж. Руссо (см.: *Муравьев-Карский*, с. 78—79). В составе полка принял участие в Отеч. войне 1812 и загранич. походах, за храбрость при Бородине по решению солдат его роты награжден «солдатским Георгием».

Масон, чл. лож «Соединенных друзей» и «Трех добродетелей» (1816—20). В нач. 1818 в чине поручика назначен адъютантом к малорос. ген.-губ. кн. Н. Г. Репнину и переехал на Украину. В 1821, оставаясь адъютантом Репнина, переведен в л.-гв. Егерский полк (в связи с раскассированием Семеновского полка после «Семеновской истории» 1820). В 1822 демонстративно отказался на парадном обеде пить за здоровье императора и, поссорившись и разорвав отношения с Репниным, оставил адъютантство. Перевелся в Полтавский пехотный полк, откуда в нач. 1823 вышел в отставку подполковником. В дальнейшем, до дек. 1825, жил в осн. в Петербурге и на Украине, в отцовском имении Хомулец Миргород. у. Полтав. губ.

По свидетельству хорошо знавшей его С. В. Скалон, М.-А. не имел твердости характера, отличавшей его брата Сергея, увлекался «мнением других и поэтому часто менял свое собственное». В отставке б. ч. времени проводил «совершенно один в своей деревне, как отшельник ... довольствуясь малым ... сам копал землю для огорода и для цветников ... не имел почти никакой преслуты» (Скалон, с. 332, 334; одной из причин такого уединения было приказание отца, осведомленного о притязаниях, подозреваемых в отношении М.-А., — см.: *Якушкин*, с. 242).

С 1816 состоял в тайных обществах: один из основателей Союза спасения, чл. Союза благоденствия и Южного общества. Не отличался особой активностью, но тем не менее участвовал или был в курсе всех осн. событий истории обществ. Приложил немало усилий для слияния Южного и Северного об-в; учредил из офицеров Кавалергард. полка управу Южного об-ва в Петербурге.

Примерно с 1823, как свидетельствует письмо брату Сергею от 3 нояб. 1824, разочаровался в деятельности тайных орг-ций: считал готовившиеся выступления несвоевременными и обреченными на поражение, сомневался в способности членов об-в управлять ходом событий («допустим даже, что легко будет пустить в дело секиру революции; но поручитесь ли Вы в том, что сумеете ее остановить?» — Восстание декабристов, IX, 211; впоследствии письмо сыграло роль в смягчении приговора М.-А.). В рядах заговорщиков он оставался в осн. из-за брата, чтобы разделить его судьбу и по возможности удерживать от опрометчивых шагов.

Привязанность, связывавшая братьев с детских лет, стала причиной и участия М.-А. в мятеже Черниговского полка. Арестованный вместе с братом 29 дек. 1825, он был освобожден офицерами Черниговского полка и присоединился к выступлению, после разгрома к-рого вновь арестован (3 янв. 1826) и отправлен в Петербург. Содержался в Петропавлов. крепости. Во время следствия пережил тяжелое психич. расстройство, сопровождавшееся галлюцинациями и мыслями о самоубийстве, от к-рого его сумел отговорить брат Сергей, переслав со священником П. Н. *Мисловским* увещательное письмо (РС, 1886, № 9, с. 521—23).

Осужден по I разряду, приговорен к 20 годам каторжных работ (срок сокращен до 15 лет), но каторги не отбывал: пробыл ок. двух лет в форте «Слава» близ Роченсальма, по личному повелению Николая I отправлен прямо на поселение в Сибирь. Ок. года прожил в Вилюйске Якутской обл., в 1829 по ходатайству сестры, Е. И. Бибиковой, переведен в Бухтарминск (Томская губ.), где в 1832 женился на М. К. Носовой (Константиновой), дочери священника; с 1836 — в Ялуторовске (ныне в доме М.-А. — Музей декабристов). Занимался метеорологич. наблюдениями и преподаванием франц. яз. в местной школе, открытой декабристами, составлявшими в Ялуторовске целую колонию (Е. П. Оболенский, И. И. Пушкин, В. К. Тизенгаузен, Якушкин и др.).

В 1856 после амнистии М.-А. с семьей (в т. ч. с двумя приемными дочерьми; единственный его сын умер в 1837) вернулся в Европ. Россию. В нач. 1857 провел неск. месяцев в окрестностях Москвы — сельце Петровском-Зыкове (за Петровским парком), затем переехал в Тверь (до 1868), изредка выезжал в Москву и Петербург. С 1868 жил в Москве.

Мемуары М.-А. писались преим. в конце 1860—70-х гг., хотя, по-видимому, лит. занятий он не чууждался и раньше (сохранился текст сочинен-

ных им куплетов на франц. яз., к-рые пелись в Париже в 1814 рус. войсками, — ГАРФ, ф. 1002, оп. 2, д. 7). Воспоминания носят отрывочный характер; собраны в кн. «Воспоминания и письма» (П., 1922; вступ. ст. С. Я. Штрайха). Собственноручно М.-А. записаны очерки, в к-рых воскрешаются его детские впечатления (РА, 1888, № 11), рассказывается о брате («С. И. Муравьев-Апостол», РС, 1873, № 7), восстании Черниговского полка (РА, 1871, № 6). Другие очерки известны в записи (под диктовку) друга М.-А. — декабриста А. П. Беляева (о пребывании М.-А. в Сибири — РС, 1886, № 9) и воспоминаниях А. П. Созанович («Убийство Павла I» — «Утро России», 1911, 21 дек.; «Из записок декабриста М. И. Муравьева-Апостола. Семейная история» — ГИ, 1914, № 1; «По поводу „Записок“ Н. Н. Муравьева. Про Бородинское сражение» — РА, 1885, № 10), к-рая в последние годы жизни М.-А. выполняла обязанности его секретаря. М.-А. до глубокой старости отличался ясным умом и превосходной памятью, и его мемуары, довольно полно охватывающие биографию автора от рождения до нач. 1830-х гг. и освещающие нек-рые важнейшие события первой четверти 19 в. (переворот 11 марта 1801, Отеч. война 1812, загранич. походы и т. д.), ценны прежде всего исключительной точностью — как в целом, так и в мелочах. Язык их — лаконичный, по-военному четкий. В целом не претендующие на «литературность», записки тем не менее демонстрируют умение автора отбирать емкие, значимые детали, скупыми штрихами рисовать яркие сцены (напр., в эпизоде гибели С. Н. Татищева и Н. А. Оленина — очерк «Бородинское сражение»).

Вероятно, после возвращения из ссылки М.-А. оказался связан с изданием А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Ему принадлежат «Примечания» к восп. Ф. Ф. Вадковского «Белая Церковь» («Зап. декабристов», в. 2—3, Лондон, 1863, б. п.; предположит. атрибуция Ю. Г. Оксману — Вадковский, с. 189; ср. Эйдегельман, с. 241—42). Не исключено посредничество М.-А. в передаче в Лондон мат-лов М. С. Лунина и Н. М. Муравьева (см.: там же, с. 118—20, 261—62). По аргументированному предположению Н. Я. Эйдегельмана, М.-А. мог быть автором ст. «Семеновская история» (ПЗ, 1857; идентич. текст опубл. по др. источнику Н. К. Эсенном — «Труды и дни», 1920, кн. 1) — первого печатного свидетельства, исходившего от сыновнего декабриста (др. возможный автор — Якушкин; независимо от реального авторства текст статьи представляет «общую» для М.-А. и Якушкина версию событий 1820 — см.: Эйдегельман, с. 48—73).

Немаловажным дополнением к восп. служит эпистолярное наследие М.-А. (б. ч. не опубликовано), в особенности письма к племяннику М. И. Бибикову (ГАРФ, ф. 1002; частично опубл. в 1991, см. в разделе Изд.) и воспитаннице Созанович (ГИМ, ф. 249).

В них содержатся не нашешние отражения в «Записках» подробности биографий близких

знакомых и друзей М.-А. (Лунина, П. Я. Чаадаева, семьи Равских, А. П. Ермолова, Д. Н. Блудова и др.), эпизоды, относящиеся к В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину, Н. М. Карамзину, Ф. Н. Глинке, а также к писателям, знакомство с к-рыми завязалось в поздние годы, — Ф. М. Достоевскому и Л. Н. Толстому (с последним М.-А. встречался в 1878; один из рассказов М.-А. использован в статье Толстого «Стыдно»); записи вариантов (расхожихся с общезвестными) эпиграмм на Карамзина и Жуковского, куплетов солдатских песен и т. п.

Значение писем не исчерпывается их фактологич. стороной. Если в «Записках» М.-А. намеченно избегал навязывать читателю свое мнение, сдерживался в суждениях и оценках, то в переписке и взгляды его, и своеобразная личность отражаются довольно полно. М.-А. предстает в них как человек, сохраняющий непосредственность, свежость восприятия, т. е. вполне подтверждающая характеристику хорошо знавшего его В. А. Олениной: в старости — «с той же пылкой душой, как ... в юности, синхроничной, прилежной к своим служившим и друзьям, такой же игривый ум ... душа и сердце чистые, юные» (Декабристы. Летописи ГИМ, кн. 3, М., 1938, с. 486).

Переписка, создающая «образ эпохи», дает богатый мат-л для характеристики как личных воззрений М.-А. (в т. ч. юношеских, данные о к-рых практически не сохранились; разл. трактовки см.: Соколовский и Рабкин а), так и взглядов определ. части декабристов. По свидетельству Е. И. Якушкина, М.-А. до последних дней оставался верен своему прошлому (Якушкин В. Е., с. 168), с преклонением относился к памяти друзей «мучеников», гордился принадлежностью к «Тайному Союзу», неукоснительно отмечая при этом его нац. корни: декабристский союз «стоял на родной почве, он не мыслит о коммунизме или социализме и прочих заграничных бреднях» (цит. по публ. писем к Бибикову, 1991, с. 89). Он горячо приветствовал реформу 1861, с обожанием отзывался об Александре II, прощая ему за освобождение крестьян (к-рое «должно обессмертить нынешнее царствование» — там же, с. 90) все недостатки его политики. Гуманизм и демократизм М.-А. (он с бесконечной любовью и теплом писал о солдатах, мужиках) сочетались с пылким патриотизмом. Резко негативно он относился к требованиям независимости Польши (считал их невозможными и оскорбительными), что в значит. степени определило его характеристики Александра I — «отвратительной личности», питавшей, по мнению М.-А., «ненависть» к России (там же, с. 88, 91). Созвучие своим национально-патриотич. взглядам М.-А. находил, с одной стороны, у М. Н. Каткова, чьи «Моск. вед.» и «Рус. вестник» были его излюбленным чтением, а с др. — в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. Когда Достоевский говорит «о нашей красавице России, мне кажется, что слышу брата [Сергея] и Павла Ивановича Пестеля ... „Русская правда“ когда-нибудь явится на Божий свет. Какой слабой озорится ния Пестеля!» — писал М.-А. (письмо к Созанович,

1877, ГИМ, ф. 249, № 2), сближая т. о. позиции Достоевского и южных декабристов.

М.-А. не принимал рев. и даже либеральное движение 1860—70-х гг., реформу же 1861 считал прологом к будущему преуспеваю России: «Что ни будут делать законные плантаторы или нетерпеливые либералы, она, наша Матушка, пойдет своим путем». «Все преобразования, совершаемые нашим добрым Царем, для прочих народов были добыты путем революции. Революция искажает общественную нравственность до мозга костей ... Непостижима для меня дерзость безумцев, которые думают своею жалкой личностью заменить для нас Бога и Царя» (письма Бибикову, цит. по публ. 1991, с. 90).

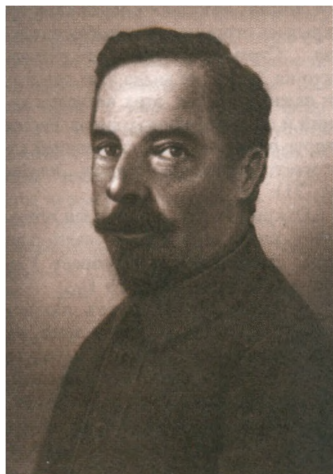
Изд.: Восп. и письма. — В кн.: Мемуары декабристов. Юж. об-во, М., 1982 (биопр. очерк и прим. В. А. Федорова). [Письма] — в кн.: Из эпистоляр. наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. Т. 1, М., 1975; Восп. и рассказы деятелей тайных об-в 1820-х гг., т. 1, М., 1931; Якушкин И. Д., Зап., статьи, письма, М., 1951; Декабристы. Летописи ГИМ, кн. 3, М., 1938 (письма И. И. Пушкину, 1857—58, Г. С. Батышкову, 1859); «Непостижима дерзость безумцев» (письма М. И. Бибикову, 1856—66); «Родина», 1991, № 11—12 (публ. В. М. Бокковой).

Лит.: Восстание декабристов, IX (следств. дело М.-А.); Декабристы в восп. (ук.); Вигель; Греч; Толстой (все — ук.); Якушкин В. Е., М. И. Муравьев-Апостол. — РС, 1866, № 7; Голодников К. М., Гос. и полит. преступники в Якутское и Кургане. — ИВ, 1888, № 12, с. 754—55, 757—58; Бибикова А., Из семейной хроники. — ИВ, 1916, № 11, с. 408—412; Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных, М., 1926; Вадковский Ф. Ф., Белая Церковь. — В кн.: Восп. и рассказы деятелей тайных об-в 1820-х гг., т. 1, М., 1931; Воспоминания художника М. С. Знаменского — «Сиб. огни», 1946, № 2, с. 103—07; Якушкин И. Д., Зап., статьи, письма, М., 1951 (ук.); Горбачевский И. И., Записки. Письма, М., 1963 (ук.); Соколовский Л. А., К моск. периоду жизни М.-А. — В кн.: Декабристы в Москве, М., 1963; Чичерин А. В., Дневник, М., 1966 (ук.); Эйдегельман Н. Я., Тайные корр. «Поларной Звезды», М., 1966, с. 67—73, 115, 118—121, 156, 241—42, 261—62; «Поларная Звезда». Ж-л А. И. Герцена и Н. П. Огарева, М., 1968 (см. кн. 9, ук.); Рабкин А. Н., Версия и докт. — В кн.: «Отчины внесли призвание...», М., 1976 (и ук.); Колесников А. Д., М.-А. в Бухтармин. крепости. — В кн.: Декабристы и Сибирь, Новосибир., 1977; Тартаковский; Цибриков Н. Р., Восп. о Кронверкской куртине. — В кн.: Мемуары декабристов. Северное об-во, М., 1981 (ук.); Декабристы в восп. современников, М., 1988 (ук.); Скалон С. В., Восп. — В кн.: Рус. мемуары. 1800—1825, М., 1989 (ук.); Муравьев-Карский Н. Н., Зап. — там же (ук.); Пушкин И. И., Зап. о Пушкине. Письма, М., 1989 (ук.); письма к М.-А., 1849—59); Батюшков К. Н., Соч., т. 2, М., 1989 (ук.); Чаадаев П. Я., Полн. собр. соч. и избр. письма, т. 1—2, М., 1991 (ук.); ЛН, т. 86 (ук.). + Некрологи, 1886: РА, № 5 (П. И. Бартев); МВед, 5 марта; «Газета Гатчинца», 28 февр.; НВ, 2-е изд., 25 февр.; «Нива», 1886, № 10. Брокгауз; Языков, б. 6; Мехов; Венгеров. Источ.: БСЭ, СИЭ; Черейский; Ченцов; Эйдегельман (1, 2); Декабристы: ИДРДВ; Дневные декабристов. Ук. лит.-ры. 1977—1992, М., 1994.

Архивы: ГАРФ, ф. 1002 (ф. Муравьев-Апостолов); ф. 109, 1 экзп., 1826 г., д. 61, ч. 51 (дело по наблюдению за М.-А.); 1843 г., д. 185 (письма к отцу); ф. 279, оп. 1, д. 82, 214, 603 (письма к И. Д. и Е. И. Якушкиным, П. Н. Мыслевскому); ф. 1143, оп. 1, д. 62 (письма к С. П. Трубецкому); ф. 1153, оп. 1, д. 267—82 (письма к М. И. Бибикову); ф. 1712, оп. 1, д. 4

(письма к П. Н. Сантунову); ГИМ, ф. 249 (в т. ч. письма к А. П. Созанович); РГБ, ф. 513, к. 1, п. 28 (письма к П. Н. Сантунову); ЦИАМ, ф. 17, оп. 13, д. 274 (дело по наблюдению за М.-А.). В. М. Бокова.

МУРАТОВ Павел Павлович [192(3.3).*1881, г. Бобров Воронеж. губ. — 5.10.1950, поместье Уайтчёрч-Хаус, графство Уотерфорд, Ирландия; похоронен там же], эссеист, прозаик, переводчик, публицист; искусствовед. Из потомств. дворян, род. в семье воен. врача. Дядя геолога Мих. Вл. Муратова (1908—82). Вос-

питывался в 1-м моск. кадет. корпусе, учился в Ин-те путей сообщения (1900—04) в Петербурге, по окончании вернулся в Москву и поступил в воен. службу — канониром 3-й гренадер. арт. бригады (сент. 1904 — дек. 1905; уволен прапорщиком запаса).

Нек-рое время разделял «нигилистич.» настроения рев. студенчества, от к-рых отошел в рус.-япон. войну 1904—05 (ст. М. в «Возрождении», Париж, 1931, 11 марта); вместе с братом Владимиром (1868—1932), офицером Ген. штаба (впоследствии генерал, воен. историк; М. всю жизнь сохранял с ним близкие отношения), выступал в моск. газетах с оптимистич. очерками о воен. событиях (Ваганова, с. 155). В 1906 М. издал брошюру «Борьба за избирательные права в Англии» (М.), в к-рой прослежена 700-летняя история становления англ. парламентаризма.

Во время своего первого заграничного путешествия в кон. 1905 — нач. 1906 (вместе с женой, актрисой Евгенией Вл., урожд. Пагануши, ок. 1884—1982) усиливается увлечение М. совр. зап. иск-вом, особенно Э. Мане и П. Сезанном («Весы», 1906, № 12), посылал отчеты о заруб. худож. выставках: «Письмо из Лондона» (там же, 1906, № 7; см. также: 1907, № 1, 2), «Парижские весны

выставок» («Зори», 1906, № 9/10, 11/14). По возвращении из-за границы, в 1906, поступил на службу в Румянцевский музей, с 1910 — пом. хранителя, позднее хранитель Отд. изящных искусств и классич. древностей (т. н. Худож. отдела) — до июля 1914; недолгое время, июнь 1909 — окт. 1910, был и пом. библиотекаря Моск. ун-та.

М. приобретает к лит.-худож. и театр. жизни Москвы, в круг его знакомств входят Б. К. Зайцев, ближайший и пост. друг М. (познакомились в 1903), Б. А. Грифцов (с ним М. поддерживал близкие отношения вплоть до эмиграции), В. Ф. Ходасевич (с 1906), Муни, А. А. Койранский, В. И. Стражев; почти все сотрудничали в ж. «Перевал» (публ. в нем М.: 1907, № 6, 8/9, 10, и др.) и газ. «Лит.-худож. неделя» (1907; после выхода 4 номеров «погибла от безденежья»), где М. — чл. редколлегии и автор «диалогов» (№ 1, 2), содержащих в т. ч. отклик на «Балаганчик» А. А. Блоха. Дружеские отношения устанавливаются с театр. художником и портретистом Н. П. Ульяновым (об истории их знакомства см.: РГБ, ф. 218, к. 1353, № 6, л. 19—23; в соавторстве с Грифцовым М. написал кн. «Н. П. Ульянов», М.—Л., 1925), общается также с режиссером и театр. критиком П. М. Ярцевым (см.: В. Э. Мейерхольд. Переписка. 1896—1939, М., 1976, ук.).

Начиная с 1906 М. много печатается как худож. критик в разл. журналах (преим. московских): «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», «Старые годы». Диапазон его интересов расширяется, он откликается на новые работы совр. рус. художников, в т. ч. В. Э. Борисова-Мусатова, М. В. Нестерова, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля [РМ, 1907, № 4 (там же, 1909, № 6 — отклик на «Итал. впечатления» В. В. Розанова), «Моск. еженедельник», 1910, № 10, 15 (там же, 1909, № 47 — ст. об исл. «Леонардо да Винчи» А. Л. Волынского)]; с ними, а также с творчеством В. А. Серова («София», 1914, № 3), К. А. Коровина, К. А. Сомова, Ульянова, Н. П. Крымова, П. П. Кончаловского связывает М. расцвет рус. иск-ва: «... недалеко то время, когда эти годы будут называться лучезарной эпохой русской живописи» («О нашей худож. культуре» — «Моск. еженедельник», 1906, № 38, с. 35). М. становится заметным худож. критиком, статьи к-рого объединяет его пафос антипозитивизма и антипроvincialизма. «Эстет», знаток и ценитель иск-ва с привкусом иррационального («душевным сдвигом»), М. вместе с тем выступает против апологии «декоративного иск-ва», «техничности» лабораторных поисков (в

т. ч. импрессионистов) и установки на переоценку традиц. иск-ва.

М., принадлежавшему к «третьей волне» символизма, после мирискусников не было нужным бороться с «академизмом» или «идейной» живописью (он призывал «важность» и «серьезность» в «грубоватой» живописи передвижников); к тому же для М. становились видимыми ислержки «нового иск-ва» и писатского им совр. сознания, он констатирует «страшную внутреннюю пустоту совр. художества» «в эпоху стертых и скупых ... душ» — «О высоком художестве» (ЗР, 1907, № 11/12, с. 76, 77). В этой и др. обобщающих статьях, посвященных путям совр. иск-ва в России («О бережении прошлого» («Моск. еженедельник», 1906, № 31), «Шукинская галерея. Очерк из истории новейшей живописи» (РМ, 1908, № 8; см. также его ст.: РМ, 1910, № 1), «Пейзаж в рус. живописи 1900—1910 гг.» («Аполлон», 1910, № 4)), М. призывает к «живому ощущению» мира, «дыханию бывшей классичности» (ЗР, 1907, № 11/12, с. 78, 80), восстановлению «связи с заветами минувшего ... Нить должна завязаться, и улом ее будет Мане» (ИРЛИ, № 754, л. 6, 1906 г.).

Одну из задач совр. иск-ва М. видел в создании «нового пейзажа», к-рый невозможен без «мифа», без идущей от него «созерцательной глубины». Специфику совр. этапа рус. культуры он связывает со стремительным (1895—1905) усвоением лавины зап. влияний (от К. Коро до П. Гогена), породивших в России явление нового культ. ренессанса: «И уже только одно то, что рус. искусство смогло ... пережить» их «так стройно и легко, по-своему, ... указывает, что держится оно на каком-то прочном основании» (ЗР, 1907, № 11/12, с. 83).

В 1908 М. впервые увидел Италию (где бывал еще 16 раз), ставшую его «духовной родиной». Восхищение живописью, зодчеством, итал. памятниками старины явилось гл. стимулом для создания объемного соч., «Образы Италии» [с посвящением В. К. З. — Б. Зайцеву и предисл. — обзором итал. темы в рус. лит-ре; т. 1—2, М., 1911—12; 2-е изд., т. 1—2, М., 1912—13 — с илл., в «безукоризненном» полиграфич. исполнении; полное изд. в 3 тт. (т. 3 написан к 1917) — Б., 1924]. «Образами Италии» М. вошел в историю рус. культуры, они принесли ему прижизненное признание. По жанру это — эссе (М. ориентируется на книги об Италии Стендаля и И. В. Гёте, его спутников и собеседников, работы англ. знатоков итал. иск-ва У. Патера, Дж. Саймондса, Вернон Ли: зрудиция, артистизм изложения, свобода оценок, движимая личным вкусом и пристрастиями, образцы «строного» искусствоведа. анализа (микроследования, очерки различных стилей и образ итал. Ренессанса в целом) переплавленные в увлекательное повествование, воссоздающее «пейзаж» творч. и нар. жизни (Флоренция, Венеция 18 в., Неаполь и т. п.).

Отдельные города и разные характеры живут в его книге в подчеркнуто индивидуальных образах ... великолепные оживленные картины дворцовой жизни феррарского герцога... венецианский маскарал... преступные страсти дома Медичи, вековая пустыньность римской Кампа-

пав» (Б. А. Грифцов — РМ, 1912, № 3, с. 98). В многочисл. хвалебных откликах подчеркивалась (иногда с неодобрением: (А. Г. Горнфельд) — РБ, 1912, № 5; П. Шаскольский — ВЕ, 1912, № 10) избранная автором позиция сознат. эстетизма, к-рому доступно все — и Высокое Возрождение, и барокко, и «начало конца Ренессанса», описанное М. с «мужественной объективностью» (Я. Тугенхольд — СМ, 1911, № 4, с. 368, см. его же — СМ, 1912, № 9). М. действительно уделяет пристальное внимание «упадочным» и эпигон. стилям (см., напр., т. 1, 1993, с. 128—29), а также внеэстетич. факторам: творч. неудачам художников — как симптоматичным знакам их неустойчивости, их биографиям, личностям, мотивам «замышленного» и перипетиям его воплощения. Для него все это полноценно-значимые наряду с эстетич. ценностью полотен или фресок факты, определители движущих культурных смыслов и интенций. Др. отклики: П. П. Перцов — НВ, 1911, 27 марта; А. Дерман — «Завесты», 1912, № 4; М. Осоргин — ПН, 1924, 4 нояб.; В. Зейгин — «Дни», Б., 1924, 23 нояб.; Б. Камешицкий (Ю. И. Айхенвалы) — «Рубль», Б., 1924, 19 нояб.; М. Э. — «Сегодня», Рига, 1924, 8 нояб.; характерист. «лефовская» оценка Н. Н. Асеева, для к-рого автор — «культурный ископатель», продолжат. традиций «рабского поклонения святым явкам» (Асеев Н. Н., Разгромленная красавица, М., 1928, с. 189; отрицат. рец. на эту кн. М. Горького — «Известия», 1928, 11 сент.).

Значит, пласт «Образов...» составили лит. впечатления, обращенные как к итал. (комедия дель арте. Дж. Боккаччо, Данте, Дж. Казанова, К. Гоцци), так и к др. европ. источникам: Шодерло де Лафлю, Ф. Р. Шатобриан, О. де Балзак и др.

«Образы Италии» вместе с др. лучшими книгами «послесимволич.» периода способствовали воспитанию «хорошего вкуса» в рус. об-ве (Г. В. Иванов — ПН, 1927, 15 дек.; то же — Иванов Г., Собр. соч., т. 3, М., 1994, с. 506), а также культурному сближению с Италией, паломничеству в нее не только ценителей, но и любителей из широких интеллигентских и разночинных кругов. В эмигрантском восприятии книга М. «явилась ... прощальным приветом той неповторимой нашей просвещенности и утонченности, по к-рой мы были настоящими европейцами» (архимандрит Киприан — «Возрождение», Париж, 1951, № 15, с. 152).

Осенью 1911 М. снова в Италии и Франции (по поручению Румянцев. музея) вместе со 2-й женой Ек. Серг. Урениус (ум. в 1965), переводчицей, б. женой Грифцова, в 1915 у них родился сын Гавриил. М. и Евг. Вл. Муратова расстались, видимо, вследствие ее романа с Ходасевичем (см.: Ходасевич — «Минувшее», в. 14, М.—СПб., 1993, с. 394; см. также ук.). За границей М. дружески общается с Зайцевым, Ульяновым, М. А. Осоргиным. Параллельно с работой над 3-м томом «Образов Италии» с увлечением готовит «Новеллы итал. Возрождения» (ч. 1—3, М., 1912—1913; два издания).

М. здесь — переводчик, составитель и автор биогр. статей к каждому тому (вкл. «Цветочки св. Франциска Ассизского» — под псев. «Флореттин», новеллы Боккаччо, Ф. Саккетти, Джованни Флорентинца и др.; одобрит. рец.: А. Левинов — СМ, 1913, № 4; А. А. Измайлов — РСЛ, 1913, 5 янв.; его же — РСЛ, 1913, 11 мая: «Даже совершенного новичка книга вводит в густую и стильную атмосферу века»; др. отзывы — см.: Ваганова, с. 218).

Впервые как переводчик М. выступил в 1908, переведя (с англ.) кн. новелл «Воображаемые портреты...» Патера (М.; 2-е доп. изд., с переработ. вступ. ст.: М., 1916), подготовил издание новелл почти неизвестного в России Ж. де Нерваля («Сильвия» — Октавия. — Изида. — Аврелия», М., 1912), «Избр. рассказов» П. Мериме (М., 1913; 2-е изд., М., 1914); обе кн. вышли в переводе Е. Урениус, под ред. М. и с его биогр. эссе. Рецензент писал: «В этой книге (новеллах Нерваля) есть один роман» — вступ. статья М., и отметил стремление автора усложнить «безумного» художника (Л. Кацман — НЖДВ, 1912, № 11, с. 126). Эссе «Бекфорд, автор Ватек» (в кн.: Бекфорд У., Ватек. Араб. сказка, М., 1912; перенд. со ст. М.: М., 1992) посв. описанию необыкновенной судьбы англ. автора 18 в. — его странностей, «жажды неведомого», «визионерских состояний духа» и «одинокое бодрствование» (цит. по изд. 1992, с. 8, 20; одобрит. рец.: С. (А.) Ауслендер — «Речь», 1912, 12 марта).

Интерес к экстравагантным биографиям писателей с болезненным изломом судьбы, видимо, по контрасту отвечал собств. душевной потребности М. Человек небольшого роста «с суровым умным лицом» (В. П. Рябушинский — РМ, [Париж], 1950, 15 дек.), по видимости скромный, не выделяющийся по внешнему рисунку поведения («тихий, почтеннейший и талантливый труженик по истории итал. ренессанса» — Белый, III, 225), М. по своему внутр. облику представлял «смесь поэта, мечтателя и в фантазии — авантюриста»; его «внутр. романтизм» никак не соотносился с его «реальностью» и «практичностью» (Зайцев, с. 161). Др. современник считал, что слова героя из романа М. «Эгерия»: «Я всегда думал, что многие из нас живут не своей жизнью» могут стать эпиграфом к восп. о нем (Бахрах, с. 38; цит. по изд. ром. 1922, с. 61).

В нач. 1910-х гг. М. получает признание как знаток рус. иконописи. Осенью 1911 И. Э. Грабарь предложил ему подготовить для «Истории рус. иск-ва» (серии под его ред.; 1909—16) том, посв. др.-рус. иконописи: «Рус. живопись до сер. XVII в.» (т. 6, М., 1914; в. 18—21, т. е. 4 из 5 вышедших выпусков написаны М.). В 1912 — нач. 1913 М. участвует в собрании, расчистке и оценке икон, вместе с изв. художником и коллекционером И. С. Остроуховым, искусствоведами Н. М. Щёкотовым (в будущем дир. Ист. музея), А. И. Анисимовым и др., путешествует по России, посещает Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Видимо, этим новым увлечением и неприятием коллекциониро-

вания «копий» можно объяснить более чем сдержанное отношение М. к созданному И. В. Цветаевым Музею изящных искусств в Москве — «Аполлон», 1912, № 9). М. был чл. К-та выставки др.-рус. иск-ва в Москве, состоявшейся в февр. 1913 и ставшей для рос. образов. публики открытием рус. иконы как явления высокого иск-ва (до того по отношению к иконе бытовал ист.-археологич. подход). В ст. «Эпохи др.-рус. иконописи» («Старые годы», 1913, № 4) М. писал: «Внезапно перед нами открылась огромная новая область иск-ва ... Странно подумать, что еще никто на Западе не видел этих сильных и нежных красок, этих искусных линий и одухотворенных ликов. Россия вдруг оказалась обладательницей какого-то чудесного худож.клада» (с. 31).

Открытие рус. иконописи позволяет, по М., говорить о своего рода рус. Возрождении: «Возраст России» («София», 1914, № 1).

В 1913 М. начинает издание собств. журнала «София», посв. вопросам «иск-ва и лит-ры»; выходил в 1914 (№ 1—6; печатался в Ярославле, прекращен в связи с мобилизацией М. в нач. 1-й мировой войны). Издателем ж-ла был К. Ф. Некрасов (племянник Н. А. Некрасова), с к-рым М. сблизился с 1911, в его книгоиздательстве вышли почти все переводы М. (подробнее см.: Ваганова). Прекрасно иллюстрированный, журнал по замыслу должен был составить конкуренцию издаваемому С. К. Маковским в Петербурге (1914) ж. «Рус. икона», к-рому М. и его моск. окружение относились с ревнивым вниманием (неприятн. оценка М.: «внешняя пышность при внутр. бедности» — «София», № 4, с. 95), хотя изредка и печатались в нем: ст. М. «Ближайшие задачи в деле изучения иконописи» (№ 1).

«София» была первым дореv. изданием, пытающимся осмыслить истоки и «черты самобытности» рус. культуры «на фоне зап. творчества» и в контексте мирового иск-ва (отд. попытки предпринимались в ж-лах и соч. Маковского) — при особом внимании к древнерус. иконописи, лит-ре, архитектуре, «религ. истории»; устанавливались культурные аналогии: древнерус. повесть и средневек. иск-во и поэзия в лат. странах («Возраст России», с. 4), Новгород — «Равенна России» (№ 3, с. 14 — ст. Анисимова), «рыцарственная Русь XV—XVI в.» (ст. М. «Два открытия» — № 2, с. 13).

В каждом номере М. печатал редакционные (без подписи) статьи — небольшие, но концептуально-содержательные, в т. ч. «Переоценки» (№ 5), а также статьи под своим именем или подписанные криптонимами П. М., Н., Пт (от дет. прозвища Пята, как называли его в лит.-худож. среде). Среди участников «Софии» (в т. ч.

инстр.) — Щёкотов, Грифцов, Ходасевич, А. Ф. Диеперов, Б. Бернсон, а также привлеченные М. литераторы и философы М. О. Гершензон, Л. П. Гроссман, Н. А. Бердяев, Г. Зиммель и др. (оценки значения ж-ла см.: «Речь», 1914, 26 нояб.; Н. Н. Пунин — СевЗ, 1914, № 1, 12).

В июле 1914 как арт. офицер М. призван на фронт (в 5-ю тяжелую арт. бригаду), принимал участие в боях под Турбином, Ивангородом и др., на Кавк. фронте. Награжден орденами св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (январь 1915), св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (апр. 1915), произведен в подпоручики (с 1917 — поручик). Весной 1915 с австр. фронта переведен, после болезни, в Севастополь в артиллерию крепости, комендантом к-рой был его брат; с апр. 1917 до февр. 1918 — пом. начальника воздушной борьбы (РГВИА). Воен. опыт дал М. темы очерков «Севастополь», «Простое чудо» [«Наша родина», 1918, 16(3) мая; «Родина», 19(6) мая], «Странный случай» («Возрождение», 1931, 23 июля, 1 авг.; см. там же — 1929, 17, 18, 31 окт.), а действия рус. армий, в т. ч. успешные, стали в 1930-е гг. предметом его спец. исследования, прерванного 2-й мировой войной.

В марте 1918 М. возвратился в Москву. В порев. Москве выступил в еще одной, новой роли прозаика: издал первый опыт ориг. прозы — рассказ «Корнуол» («Сев. сияние», 1909, № 5), сб-ки рассказов «Герои и героини» (М., 1918; посв. жене — «To Sweet Katherine»; 2-е изд., М., 1922; переизд.: Б., 1922; с доп. — Париж, 1929), «Магические рассказы» (М., 1922, переизд., доп. и исправл.: Париж, 1928).

Рассказы М. выполнены в откровенно условной манере, с подчеркнуто ненастоящими героями, хотя и наделенными именами реальных ист. персонажей (Казанова, Кекко Руска, Морали), лишенными как реального, так и психологич. правдоподобия, — это «одушевленные синтетич. облики настроений определ. эпох» (А. Бахрах — «Дни», 1923, 17 июня). Действие отнесено в далекие экзотич. эпохи: античность, Рим, Венеция, Эльдorado и т. п. (рецензенты отмечали влияние А. де Ренья и Пастера, сопоставляли рассказы с малоудачными стилизациями Ауслендера, В. Я. Ирешкого). Но проза М. — особая стилизованная проза, она принципиально безадресна, не обращена ни к какой эпохе и исключает любой конкретный ист. прототип (при том, что М. подробно выписывает разл. реалии и аксессуары: террасы, кофейни, карнавалы, изысканное убранство интерьера и женских одежд); миры, в к-рых действуют его герои — загадочные и таинств. фантомы, с никогда не бывшими картинками «иной жизни».

Отличия на обе книги были разноречивы и скорее неблагоприятны: «анемичность» рассказов М. отметил М. А. Кузмин («Жизнь иск-ва», 1918, 6 нояб.), возложивший вину отчасти на «образчики», А. Ренсе. Необходимость прозы М. в спектре лит. стилей начала века отметили Бахрах (ук. рец.) и Ходасевич, связывая ее со следованием чуждой рус. лит-ре традиции новеллистики, прежде всего итальянской: у М. она вылилась в «схематическое... повествование, почти без диалога, без психологизма», где показаны «лишь события — узоры и сцены драм. положений, порою довольно резких и сложных, порою едва намеченных» (рец. Ходасевича на «Магические рассказы» — «Возрождение», 1928, 15 марта). Ходасевич попытался объяснить и природу этой творч. неудачи: «И вот, на фоне несовершенного построения, на фоне не-русского стиля, не-русского пейзажа и не-русского города — из рассказов Муратова глядит на нас лицо автора, глубоко взволнованного, прежде всего, европ. современностью и смотрящего на нее так, как может смотреть именно русский, в двойственном сознании глубокой связи и глубокой отличности» (там же).

Претензии к М. др. критиков были более односторонни (см.: Н. О. Лернер — «Жизнь иск-ва», 1919, 8 мая; И. (А.) Аксенов — Пир, 1923, № 2); «Муратов эстет несправедлив, правопорядок... трогательно старомодный, один из „последних могилок“ [А. Н-ский — «Накануне», лит. прил., Б., 1923, 14 янв.; там же (1924, 17 февр.) негативная рец. Г. Д. Венуца]; см. также рец.: Димин (Дм. Четвериков) — «Лит. еженедельник», 1923, № 1.

Написанный в той же манере ром. «Эгерия» (Б.—П.—М., 1922) внутренне более выстроен (хотя и сохраняет мозаичность повествования), философичен: герой романа, ученик художника Дж. Пиранези Орсоло Вендоло (рассказ ведется от его имени; в ром. по б. ч. описывается жизнь итал. аристократии последней трети 18 в.), не только рассказывает о перипетиях роковой любви, но размышляет о роли и власти художника, этого «зодчего мира» (как называет его в др. месте М.), несовместимости любви и внутр. свободы, о магичности жизни и, наконец, о «недоступном человеку счастье — жить, произрастать и уничтожаться в безболезненной и безвестной метаморфозе вселенной» (изд. 1922, с. 98).

Критика приняла роман благосклонно: Осоргин признал в М. «крупного беллетриста», а «не только искусного стилизатора» («Дни», 1923, 21 янв.); Зайцев, несмотря на экзотичность характеров, отметил: «... все же некая терпкая и пронзающая местами поэзия сочится из этой книги» (Зайцев, с. 162). По мнению М. А. Алданова, М., подражающий в «схематизме» и пренебрежении психологизмом «Капитанской дочке» А. С. Пушкина (единственного из рус. влияний М.), владеет своим методом «чрезвычайно искусно... выжиманием создаст жизнь» (СЗ, 1923, № 15, с. 405; см. также др. отзывы: М. Л. Слоним — «Волы Россия», Прага, 1923, № 5, с. 60; В. М. Зепинов — «Дни», 1922, 31 дек.; др. отклики — см.: Алексеев).

Появление М. в «образе» прозаика побудило Алданова к размышлению об «ускользающем» «синтезе» его «тонкого лит.-филос. облика... Людям, занимавшимся математикой, известно, как раздражающе влекут к себе иррациональные функции, которые не удается интегрировать... Сходное чувство возбуждает во мне талантливое, не интегрируемое творчество» М. (СЗ, 1923, № 15, с. 403—404). Отсутствие единого «ключа» к разнородному наследию М. обуслов-

лено не столько разнообразием точек творч. приложения, сколько «отдельностью», изв. изолированностью решаемой в каждой избираемой им сфере задач, не преодолеваемых целостностью самовыражения.

Символист по обскульта. ориентации (своей символизму, «не декадентский, а вечный» «он носил как атмосферу, как ауру» — Берберова, с. 202), он не совпадал с ним творчески. В отличие от символистов, действительность неизблемых высших ценностей для М.-прозаика сомнительна, жизнь хрупка, мимолетна и трагически фрагментарна, оттого у него — не находящаяся исхода фабула и «отравленный мечтой» герой, вместе с автором разделяющий «некую наследственность страдания, проходящую по всем эпохам христианства» (черта, справедливо отмеченная в панегирич. ст. А. Ветлугинным, — «Новая рус. книга», Б., 1922, № 4, с. 11).

М., видимо, относил себя к романтикам: в ст. «Наследие романтизма» («София», 1914, № 6) он сближает романтизм с совр. т. н. эстетизмом, поскольку тот «сохраняет уверенность в изысканных идеях» и непосредственно связывает иск-во с религией (с. 5). Признавая религ. основу иск-ва, сам не отличавшийся особой религиозностью, М. писал Грифцову в 1912: «Ты пишешь, например, об уклоне к христианству... Я сейчас могу сказать твердо, что такой уклон во мне есть... Мне кажется, есть какая-то естественная религия, без которой просто даже и жить невозможно. И в христианстве ее очень много» (цит. по: Риччи, 1994, с. 102).

В Москве в 1918—22 М. занимает ряд «экспертных» постов при Наркомпросе: чл. президиума Коллегии (Отдела) по делам музеев и охране памятников иск-ва и старины (до нач. 1919; возглавлялась женой Л. Д. Троцкого), участвует в национализации частных коллекций (в т. ч. Остроухова), способствует выдаче владельцам охранных грамот, приобретает ценные экспонаты для моск. музеев. В нач. 1920 — пред. Моск. ин-та ист.-худож. изысканий и музееведения, в 1921 — один из руководителей Ин-та искусствознания и археологии. Вместе с Грабарем проводит реставрац. работы в храмах Москвы и Новгорода. Печатаются в ж. «Москва», «Среди коллекционеров», «Народоправство», газ. «Наша родина» и др.

В 1918 М. — один из устроителей (с Ходасевичем, Осоргиним и др.) Книжной Лавки писателей, где писатели, чтобы выжить в пору разрухи, сами продавали книги. При ближайшем содействии М. в апр. 1918 создано об-во «Studio Italiano» (здесь читали лекции Зайцев, Грифцов, Осоргин, Хуссид, театровед А. К. Дживилегов; весной 1921 состоялось последнее публич. выступление А. А. Блока), бывшее «в самые тяжелые и страшные годы» вместе с Лавкой писателей последней из «вольностей российских» («Вспоминая о Блоке», «Возрождение», 1927, 8 сент.; пере-

печ., как и мемуарный очерк «Коллегия», в «Сов. России», 1990, 25 февр.). В 1921 вместе с Зайцевым М. находился несколько дней под арестом — как чл. К-та помощи голодающим.

Относясь к Окт. рев-ции как к «варварству», М., однако, долго колебался, прежде чем решиться на эмиграцию; остался в Берлине, куда приехал по командировке в 1922, до кон. 1924 возобновлял сов. паспорт, надеясь вернуться в Россию. В Берлине (1922 — осень 1923) увлекся Н. Н. Берберовой, посвятил ей рассказ «Шехерезада» (СЗ, 1924, № 20; Берберова посв. М. стих. «Перед разлукой горестной и трудной» — там же). По приглашению итал. слависта Э. Ло Гатто с кон. 1923 переселился в Рим (см. его благожелат. восп. о М.: «Мои встречи с Россией», М., 1992, с. 38—40).

В 1920-е гг. открывается еще одна грань дарования М.: в «Совр. записках» он публикует ряд культурно-ист. эссе: «Сенченко» (1923, № 15), «Анти-искусство» (1924, № 19), «Искусство и народ» (1924, № 22), «Кинематограф» (1925, № 26); к ним примыкает эссе «Предвидения» (сб. «Шиповник» под ред. Ф. А. Степуна, в. 1, М., 1922). В них М. формулирует содержание и причины кризиса совр. иск-ва — времени пост-Европы (определение М.), сменившего с нач. 20 в. эпоху «Европы», «европ. культуры», длившуюся с 17 в. по кон. 19 в., от Караваджо до Сезанна. М. рассматривает эту проблему в социокультурном и культурно-психол. контексте европ. мироощущения, следствиями изменения к-рого явились: «оскудение» средних и высших слоев об-ва, «понижение в них общей жизненной энергии» («Иск-во и народ», с. 378; здесь и далее цит. по изд. 1990), отчуждающий человека «индустриализм», сопровождающийся динамизацией и технизацией стиля жизни, апология точных наук, наступление эпохи «анти-искусства».

По существу, М. определяет смену ценностных парадигм в иск-ве 20 в.: конец эллинизма. — в широком смысле — цикла истории, антропоморфизма как основы мировосприятия, изоляции иск-ва, изгнание из него предмета, «пейзажа» (естеств. «природности») и мифа — генерирующего фактора «органич.» европ. культуры (о невозможности отслоить миф от реальности М. писал еще в ст. «Визант. мифотворчество» — «София», 1914, № 2, с. 4), перераспределение в др. сферы связанных с иск-вом «энергий». В своей «социально-эстетич. философии», дав «блестящий анализ нового иск-ва ... без шор формального метода на глазах» (М. О. Петлин — «Дни», Париж, 1926, 24 янв.), он ус-

танавливает «небывалое» в истории свойство совр. цивилизации («благоустроенных», «процветающих» стран): «возможность превосходно жить без своего иск-ва, без своей поэзии, без своего Бога, без своего ист. и нац. пафоса» («Предвидения», с. 103; см. также «Анти-искусство», с. 261, 276).

Занимаясь у О. Шпенглера исходную идеею «органич.» культуры, М. ее развил и иначе интерпретировал. «Органическим» он считает все, что произошло «натурально и необходимо» («Иск-во и народ», с. 384), поэтому органичны пейзаж города, итал. Ренессанс и Париж, художник 19 в., рус. интеллигент и моряк, но не «дичник» и «человек толпы» или человек «культуры англо-амер. быта» (там же).

В отличие от апокалиптич. тонов исследователей кризиса иск-ва («ги-

П. П. Муратов. Рис. Н. П. Ульянова. 1922.

бели иск-ва»), ставших общим местом после работ Бердяева 1918—1920-х гг. (с ним, а также с философами Б. П. Вышеславцевым и Степуном М. был знаком по эмиграции), М. рассматривает «анти-искусство», отнесившее высокое иск-во на периферию, прежде всего кино («Кинематограф»), «роман на прилавке» не как «плохое», испорченное иск-во, а как не-искусство, вид рекреации, досуга, не имеющее с иск-вом никаких «соответствий».

Черты «анти-искусства» несет в себе и совр. нар. творчество. В этом смысле М. с интересом и надеждой смотрит на культурный опыт Сов. России, просвещение там «народного человека» не через театр В. Э. Майерхольда и А. Я. Таирова, а, «как в средневековье», через кино: М. приветствует интенсивное и «без разбору» приобщение к чтению. Италию, Лат. Америку и особенно Россию, в меньшей степени затронутых техницизмом, динамизмом (иск-во статично, анти-искусство динамично), М. считает наиб. благоприятными для творчества «народного человека».

Культурологич. эссе М., не обладавшие четким понятийным аппара-

том, перекликались с фундаментальными иссл. по культуре А. Ф. Loseva, X. Ортеги-и-Гассета, В. В. Вейдле, Г. П. Федотова. Изучение иск-ва с т. зр. «света и тона» — «живопись валёра» в иск-ве Европы и отказ от тональной живописи в пост-Европе — типологически сходно с подходом, разработанным в 1950—60-е гг. в трудах изв. искусствоведа Г. Зельмайра (см. об этом: Рицци, 1994, с. 96—97, 100—101).

И тем не менее будущее иск-ва не представляется М. фатальным; в числе оптимистич. указаний он видел неистребимую «тоску по смыслу» и новому мифотворчеству, продолжение существования традиций иск-ва Европы: «Умирают не люди, но боги и герои старой Европы» («Предвидения», с. 107). Преодоление энтропийных процессов М. связывает и с «оздоравливающей мыслью» о вреде науки (над к-рой человек утратил контроль), «самоограничением», а также с «острой человечностью», «эмоциональностью» иск-ва; их приращение чревато возникновением «как бы новой эмоциональной расы» («Иск-во и народ», с. 390, 386). «Искусство прозы» (СЗ, 1926, № 29) — единств. собственно «литературное» (из культурологич.) эссе М., посв. преим. кризисному состоянию европ. прозы (в отличие от нее, по М., не «мысль» и «вымысел», а «жизненность», «быть может самый редкий и таинственный лит. дар» — с. 243 — типологич. свойство рус. классики и беллетристики), интересно орг., хотя и беглыми характеристиками творчества писателей Сов. России.

В 1920-е гг. М. пробовал себя в драматургии: написал комедии «Кофейня» (М., 1922; пост. в 4-й студии МХТ; отрицат. рец.: А. Гвоздев — «Жизнь иск-ва», 1924, № 39), «Мавритания» (СЗ, 1927, № 33; действие происходит моск. летом 1914) и наиб. удавшуюся «Приключения Дафниса и Хлои» (там же, 1926, № 28) — на излюбленную тему М.: о «вечной» жизни и метаморфозах мирового сюжета (здесь — Др. Греция и Лондон 1926) (см. также рассказ «Цитера» — там же, 1924, № 20).

С 1927 М. жил в Париже; круг общения — прежний: Зайцев, Ходасевич, Осоргин, а также Алданов, И. С. Шмелёв, М. был связан с ними и по сотрудничеству в газ. «Возрождение», где он интенсивно публиковался в 1927—34; с 1929 вел рубрику «Каждый день» (сначала анонимные, но узнаваемые по стилю статьи и заметки, затем под криптонимом П. М., а с сент. 1932 — под своей полной фам. — см.: Зельченко В. С., с. 24). Выступал со статьями и заметками на самые разные темы — от оценки лит. и культ. фактов до полит. публицистики и вопросов геополитики (всего ок. 1500 публ. —

там же, с. 643). Был известен в эмигрантских кругах, хотя в леворадикальных имел одиозную репутацию после публ. ст. «Бабушки и дедушки» («Возрождение», 1929, 19 февр.), в к-рой выступил с обвинениями всех рус. социалистов. Бахрах связывал «поправление» М., «цельного, законченного западника» (Берберова, с. 202), и его «усилившуюся... замкнутость» с его мировоззренч. поворотом, обостр. чувством истории, предчувствием глобальных перемен. Мн. полит. события М. воспринимал в ист. масштабе, как бы включая в анализ совр. момента его ист. следствие.

В статьях на злободневные и ист.-полит. темы М. высказывал, в частности, необычные для эмигрантской среды взгляды на природу «имперского» гос-ва, под к-рым понимал равноправный федерализм (к этому типу гос. устройства относились и США): «отживающему» нац.-этнич. гос-ву М. противопоставлял «имперское», видя за ним ист. будущее и, прежде всего, России; с «имперской идеей» М. связывал экон. и культурный расцвет России в нач. 20 в.; культура, по М., — обязательная и очень важная «специализация» любой империи (как мученика «роковой» имперской идеи воспринимал эрцгерцога Франца Фердинанда): «Запретные слова», «Имперализм и национализм» («Возрождение», 1927, 18, 30 сент.; обе ст. перепеч.: газ. «Свободный Восток», 1992, № 1; последняя, вместе с «Писем юбиларном» (т. с. болышевским, к 10-летию Окт. рев-ции — Л. Ш.) — в ж. «Лепта», 1996, № 32), «Человек роковой проблемы» («Возрождение», 1932, № 1; 2766, 2768; перепеч. в ж. «Человек», 1994, № 1). С тех же культурно-филос. и геополитич. позиций написаны ст. «Россия и Франция» (1927, 19 нояб.; 1929, 12 окт.), «Россия и Германия» (1929, 18 окт.), «Новая рус. идеология» (1930, 29 мая) и др. (всё опублик. в «Возрождении»).

Был чл. париж. об-ва «Икона» (ст. «Общество Иконы» — «Звено», Париж, 1927, № 3), сотрудничал в Рус. науч. ин-те. В 1934 совершил «экспедиционную» поездку в Японию, где оказался без средств, с трудом добрался до Америки (впечатления об этих странах изложил в циклах очерков «Навстречу солнцу» и «Дни в Америке», напечатанных в «Возрождении» в 1934; нек-рые очерки перепеч.: ж. «Комментарии», 1996, № 10); вскоре вернулся в Париж. Неожиданно для всех оставил журналистику, работал над фундам. иссл. по истории 1-й мир. войны (не оконч.). Перед нач. 2-й мир. войны переехал в Лондон, жил уединенно. В соавторстве с У. Алленом, другом М., выходцем из Ирландии, коллекционером (в т. ч. рус. икон) и воен. историком, подготовил к печати кн.: Muratoff P., Allen W., The Russian campaigns of 1941—[45], pt. 1—2; N. Y., 1944—46 («Рус. кампании 1941—1945 гг.») — анализ событий на рус.-герм. фронте. Незадолго до смерти переселился в Ирландию, где жил в старинной усадьбе своих друзей (по всей видимости, в семье Аллена), занимался садоводством. Исследовал рус.-англ. отношения в эпоху Ивана Грозного. Последняя кн. М. (также в соавторстве с Алленом) о кавк. кампаниях в России «Caucasian battlefields. A history of wars on the Turco-Caucasian border. 1828—1921» (издана посмертно; Camb., 1953) вызвала признание специалистов. Умер от сердечного приступа.

В памяти современников М. остался «наст. европейцем», «представителем ... блестяще-образованной плеяды русских людей» (В. Остоя; см. Некрологи), человеком, к-рый «любил в себе самом и в других только свободу» (Берберова, с. 202). В ром. Зайцева «Золотой узор» (1926; рец. М. — ПН, 1926, 13 мая; см. также его рец. на пов. Зайцева «Земная печаль» и «Анна»: СЗ, 1923, № 15; «Возрождение», 1929, 5 сент.) М. выведен в образе Г. А. Георгиевского, в повести Грифова «Бесполезные воспоминания» (1915; изд.: — 1923) — прототип, наряду с самим автором, образом Алексея. Обращенный к своим «интеллектуальным увлечениям более, чем к людям», оригинальнейший и интереснейший собеседник, М. обладал даром видеть «вещи с особенной, своей точки» (Зайцев, с. 164—65). Этим в значит. степени порождены множественность творч. ипостасей М. и необычайная интенсивность его культурного продуцирования. Он пробовал себя в далеко отстоящих одна от другой сферах творчества, предпринимал усилия по выработке, скорее «для себя», универсально-цельного миропонимания (по восп. Л. Д. Любимова, для М. «полководческое иск-во и умение управлять людьми — такие же проявления космич. божеств. духа, как живопись или зодчество» — Любимов, с. 200), так вполне и не реализовавшегося.

Др. произв.: «Красота Москвы» («Моск. еженедельник», 1909, № 40), «Древнерус. иконопись в собрании И. С. Остроухова» (М., 1914; рец.: Н. Н. Пунин — СевЗ, 1914, № 10/11), «Новгородская икона св. Феодора Стратилата» (совм. с А. И. Анисимовым; М., 1916), «Сезанн» (Б., 1923). Переводы: «Италия. Genius Loci», «Италия. Театр и музыка» Вернон Ли (М., 1914—15; пер. Е. Урениус под ред. и с предисл. М.), «Флорентийские живописцы Возрождения» Б. Бернсона (М., 1923; пер. и предисл. М.), «L'Antienne peinture Russe» (Praha, 1925), «Les Icones Russes» (P., [1927]), «Frate Angelico» (Rome, 1929), «La peinture byzantine» (P., 1928), «La sculpture gothique» (P., 1931; Rome, 1931). Рассказы: «Нимфенбург» («Возрождение», 1928, 12 окт.); повс. Н. Косовской — см.: Иванова Л. В., Восп. Книга об отце, М., 1992, с. 153), «Проспектиды» (альб. «Окно», в. 2, Париж, 1923), «Мери» («Эпопея», Б., 1923, № 4), «Августеум» (ПН, 1925, 25 дек.), «Три рассказа» (СЗ, 1924, № 20), пов. «Посланник» («Беседа», Б., 1926, № 6/7).

Изд.: Образы Италии, кн. 1—2, т. 1—3, М., 1993—94 (с прил. и ук.; ред., комм. и послесл. В. Н. Грашицкого); Образы Италии, т. 1—3, М., 1994 (ред. и послесл. В. М. Толмачева); Иск-во и народ. — В кн.: Лит-ра рус. зарубежья. Антология, т. 1, М., 1990; Человек роковой проблемы. — «Человек», 1994, № 1 (публ. и вступ. ст. А. Н. Богословского); эссе: Кинематограф. — «Кинговедч. записки», 1989, № 3 (публ. И. Хабарова, М. Милопольского); Анти-искусство. — «Волшебная гора. Философия. Эзотеризм. Культурология», М., 1996, в. 4 (публ. и ст. Ю. Соловьева «П. П. Муратов»: есть библи.); [Публицистич. статьи]. — «Лепта», М., 1996, № 32 (публ. и предисл. Ю. Соловьева «Эстетич. империализм» М.); [Очерки]. — «Комментарии», М.—СПб., 1996, № 10 (публ. и предисл. Ю. Соловьева «Путевые очерки» М.).

Лит.: Зайцев Б. П. Муратов. — В его кн.: Мои современники, Лондон, 1988; Белья, III (ук.); Грабарь И. Э., Письма. [1891—1941]. [т. 1—2]. М., 1974—77 (ук.); Дашговские чтения, М., 1979, с. 260—66 (восп. М. И. Грифовой); Ходасевич В., Колембейм треножник, М., 1991 (ук.); Любимов Л., На чужбине, Таш., 1989, с. 199—201, 203, 218, 272—73 (1-е изд., М., 1963); Блок (ук.); Шекотов Н. М., Статьи. Выступления..., М., 1963 (ук.); Бахрах А., «Европеец» с Арбата. — В его кн.: По памяти, по запискам..., Париж, 1980, с. 38—41; Нестеров М. В., Письма. Избранные, 2-е изд., Л., 1988, с. 255; Флоренский П. А., Столп и утверждение истины, т. 2, М., 1990, с. 102; его же, Иконогаст, СПб., 1993, с. 289; Рус. лит-ра и журналистика (2; ук.); Стернин Г. Ю., Худож. жизнь России 1900—1910 гг. М., 1988 (ук.); Ново-Басмашная, 19, М., 1990, с. 85, 118—119, 394; Ватанова И. В., Из истории сотрудничества М. с издательством К. Ф. Некрасова. — «Лица. Биограф. альб.», в. 3, М. — СПб., 1993 (публ. писем М. к Некрасову 1911—17 гг.; комм. сс. же); Малимат Д. Ж., Перепишка В. Ф. Ходасевича с А. В. Бахрахом. — НЛО, 1993, № 2; Рицин Д. М. о совр. иск-ве. — В кн.: Рус. авангард в кругу европ. культуры, М., 1994; сс. же, Лит. и худож. контекст в «итал.» новеллах М. — В кн.: «Вторая проза». Рус. проза 20-х — 30-х гг. XX в., Третье, 1995; Кузнецова Г., Грасский шевалье, М., 1995, с. 188, 276; Берберова Н., Курсив мой, М., 1996 (ук.); Алданов М., Соч., т. 6, М., 1996, с. 571—74; Дорошенко И. А., В. Вейде. Путь к кинге. — В кн.: Вейде В. В., Умирающее иск-во, СПб., 1996, с. 196, 224—28; Соловьев Ю. П., Обзоры России М. — «Рус. провинция» [Псков—Новгород—Тверь], 1996, № 3 (там же — статьи М. «Открытие древнего рус. иск-ва»; Зельченко В., Алымагам М. — В кн.: М. «Рассказы. Эпигра» (в печати; там же его прим. с библи. источ.); Ходасевич, IV (ук.); Allen W., P. P. Muratoff. (1881—1950). — «Byzantine Revue internationale des études byzantines», 1950, t. 20, p. 397—400; Lettère di P. P. Muratoff à V. A. Grifov. (1924—17 гг.; из РГАЛИ) — «Europa Orientalis», 1994, t. 13, № 1 (публ. и ред. P. Deotto); ЛН, т. 84, кн. 1—2 (ук.); т. 92, кн. 2—4 (ук. в кн. 5). — Некрологи: РМ, (Париж), 1950, 15 дек. (В. П. Рыбушницкий); «Возрождение», 1951, № 15, май—июнь (Архимандрит Киприан); «Нов. рус. слово», 1955, 28 дек. (В. Остоя); КЛЭ; Казак: Писатели рус. зарубежья. (1918—1940). Справочник, ч. 2, М., 1993; Рус. философия. Малый энцикл. сл., М., 1995; Писатели совр. эпохи (1); Рус. эмиграция: Алексеев; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 753—92 (переписки, в т. ч. с С. К. Маковского); РГАЛИ, ф. 1623 (Б. К. Зайцева, 1908—17); ф. 998 (Н. П. Ульянов), ф. 2171 (Б. А. Грифова); ИМЛИ, ф. 419 (Б. А. Грифова, 1920—31); ф. 245 (Зайцева, 1902—21); РГБ, ф. 218, к. 1353 (восп. Е. В. Муратовой), ф. 671 (письма М. к Г. Г. Шпету); РНБ, ф. 124, № 2939 (письма С. К. Маковскому 1909—12); ЦНАМ, ф. 418, оп. 87, л. 303* (ф. с. 1909 г.) [справка В. В. Александровой]; РГВИА, ф. 409, п/с 151—202 (п. с. 1918 г.) [справка Ю. А. Трабмичко]; Личный архив вучающей племянницы М. — Ксения Мих. Муратовой (Париж). Л. М. Шемелёва.

МУРАХИНА Любовь Алексеевна [урожд. фон Цеппелин; 25.12.1859 (6.1.1860)*, герцогство Мекленбург-Шверин, Германия — сер. окт. 1919,

Петербург], прозаик, переводчица. Дочь мекленбургского подданного. Воспитывалась в частном пансионе в Копенгагене.

Род ее отца, происходящий, по рассказам М., от чешских графов Цепелин (письмо В. В. Розанова М. М. Спасовскому от 30 авг. 1918 — в кн.: Спасовский М., В. В. Розанов в последние годы своей жизни. Среди неопубл. писем и рукописей. М.-И., 1968, с. 79), был близок к вел. герцогу Мекленбургскому (письмо Спасовского к Э. Ф. Голибербаху от 18 дек. 1919, в к-ром он цитирует «Памятную записку» М., — РНБ, ф. 207, № 90). В юности М. «мечтала об университете, ... но родители не пустили даже в гимназию, возм. меня с места по всей Европе... Эти путешествия принесли мне громадную пользу, но, с другой стороны, не позволили мне учиться систематически, что лишало меня прочного фундамента» (письмо А. Н. Пылину от 5 мая 1897 — РНБ, ф. 621, № 573, л. 1 об.). Однако М. освоила, по ее утверждению, восемь языков, в т. ч. санскрит.

В кон. 1870-х гг. «потихоньку покинула родительский кров и бросилась в Петербург» (письмо Спасовского), «там жила два года, когда поступила в медико-хирургич. академию» (письмо М. в «Вешние воды», 1916, кн. 7/8, с. 222), пошла в полнт. кружок, принуждена была бежать за границу, к старшей сестре, к-рая была замужем за баварским графом фон Уттерто-мусу Шарфенбергу. М. хотела ехать в Швейцарию, в университет, но сестра, увлеченная в масонство и напуганная этим, отговаривала, и М. вернулась в Россию, в Москву. Зарабатывала уроками и переводами, т. к. отказалась от материнского наследства в пользу сестры, а др. наследство уступила отцу, «очень любившему жить» (письмо Пылину).

С апр. 1881 по дек. 1902 служила телефонисткой на Моск. центр. станции (с 1889 — почтово-телеграф. чиновник 5-го разряда), в отпусках не была, уволилась по прошению о болезни. «Была верною помощницею двум мужьям, чиновникам; с первым поступила на коронную службу в единственное открытое нам, женщинам, в то время почтово-телеграфное ведомство. Сохранила имя первого мужа, Мурахина, потому что как пенсионерка записана под этим именем, да оно и мое литературное» (письмо М. в «Вешние воды», 1916, кн. 7/8, с. 220). Можайский мещанин Мурахин оказался пьяницей, после семи лет совм. жизни М. «ценою страшных усилий и жертв, ценою унижений, лишения доброго имени и заклеянного по-памяти документа добила... свободы» (письмо Пылину) — решением моск. епархиального начальства, утвержденного Синодом, брак был расторгнут и М. навсегда оставлена в безбрачии. М. обращалась с просьбой подыскать ей лит. заработок и этим спасти от голода к Г. И. Успенскому (письмо от 24 дек. 1886 — ИРЛИ, ф. 313, № 195) и к Н. С. Тихонравову (письмо без даты — РГБ, ф. 298, Тих./Л, папка 5, № 71). Со вторым мужем, И. И. Аксёновым, также служившим почтово-телеграф. ведомства, состояла в гражд. браке.

Первая публ. М. состоялась, по ее свидетельству, когда ей было 17 лет. Но систематич. лит. работа началась в 1890-е гг. с ее приходом в издания

товарищества И. Д. Сытина, в частности в ж. «Вокруг света».

М. отмечала, что «сорок почти лет работала на литературной ниве в качестве переводчицы, компиляторши и самостоятельной писательницы... 23 с лишком года в журн. «Вокруг света», для которого перевела, кроме статей переводных, компилятивных и своих собственных — по истории и оккультным вопросам — более 200 книг приложениа со всех почти европейских языков: французского, немецкого, английского, датского, шведского и норвежского» (письмо Спасовского).

Среди переводов М., как правило, выходявших в качестве бесплатных приложений к ж. «Вокруг света», — «Дон-Кихот Ламанчский» М. Сервантеса (1899), «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу (1901—15; шесть изд.; с кратким биограф. очерком М. об авторе и истории создания романа), «Квентин Дорвард» В. Скотта (1904), «Робинзон Крузо» Д. Дефо (1904—15; шесть изд.), «Во дни кометы», «Война в воздухе» и рассказы Г. Уэллса (1909), «Геста Берлинга» и «Иерусалим» С. Лагерлёф (1911), кн. 1—5, 7—9, 11—12 «Собрания сочинений» Дж. К. Джерома (1912). Переводы Сервантеса, Дефо и Бичер-Стоу, по словам самой М., «печатать отметила как классические, ... и ими ... я подняла подписку на журнал с 10000 подписчиков до 60000» (письмо Спасовского). Вероятно, мн. переводы публ. без указания фамилии переводчика, во всяком случае, М. называет в числе переведенных ею сочинений также романы А. Дюма. Э. Золя, Ж. Верна, Ф. Купера, Майн Рида и В. Гюго.

В ж. «Вокруг света» М. публиковала сначала многочисл. компилятивные ист.-геогр. и краеведч. очерки: «Далмация, ее города и жители» (1895, № 22—23), «Тунис, его жители и окрестности» (1895, № 35—37), «Из мексиканских нравов» (1896, № 27), «Из африканских нравов» (1896, № 38), «Смирна и ее окрестности» (1896, № 38—41), «Феодосия» (1896, № 43), «Восстание на острове Кубе» (1897, № 9), «Остров Крит» (1897, № 10), «Марсель» (1897, № 16—17), «Генуя и ее окрестности» (1897, № 18—20), «Воспоминание о Марокко. (Из записной книжки франц. туристки, г-жи Бернар д'Аттану)» (1897, № 30—31), «Балеарские острова» (1897, № 42—46), «Барселона» (1897, № 47), «Остров Порто-Рико» (1898, № 45), «Столица Китая» (1898, № 47), «Озеро Чад» (1898, № 48), «Дочь красного вождя» (1898, № 49) и др.

После 1900 выступила с рассказами на ист. темы — «из первых времен христианства», «из древнеримской придворной жизни»: «Ех oriente lux» (1901, № 50), «Раскаивающаяся преступница» (1902, № 50), «Из мрака к свету» (1903, № 14), «Сила веры» (1904, № 13), «Марик» (1904, № 50), «Государст-

венный перстень» (1905, № 50) и мн. др.

К 1913 у М. формируются не без влияния книг по антич. истории преподавателя Харьков. муж. г-зии В. А. Мелихова и статей В. А. Грингута устойчивые антисемит. взгляды и убеждение, что «вся всемирная история фальсифицирована...» («Вешние воды», 1916, кн. 7/8, с. 223) историками-евреями (Иосифом Флавием и др.), скрывшими глобальный евр. заговор против мира. В развернутом виде они проявились в 1913—14 в период работы в газ. «Харьков. вед.» и ж. «Мирный труд». В ее цикле очерков «Письма к русской женщине» («Мирный труд», X., 1913, № 3—11) определена роль женщины как помощницы мужчины, обязанной исполнять предначертания его разума, и как «подруги», призванной нежностью облегчать тяготы борьбы со «Змием-Злом» (т. е. с иудеями и иудо-масонами).

Сквозной темой кн. «Из глубины веков» (часть тиража в виде прил. к ж. «Мирный труд», 1914, № 1—12; отд. изд. — X., 1915), состоящей из семи ист. беллетризов. очерков (впервые опубл. — «Харьков. вед.», апр. 1913 — дек. 1914), является борьба евреев с Римом и христианством как символами законной власти, мирской и духовной. Для соч. М. характерны колоритный этногр. фон и фальсификация изв. ист. сюжетов, в числе ее «прозрений» якобы имевшие место злодеяния евреев — убийство Цезаря и Калигулы, изобретение кровавых древнеримских зрелищ и положит. образ Нерона, занятого борьбой с иудеями.

Рецензент (М. А. — МВед. 1915, 2 июля) писал, что прозв. М., «не отличаясь выдающимися худож. достоинствами... все же умеют заинтересовать... увлекательной „фабулой“», и выделял очерки «Вещноспусный ипохондрик» («очень нитересен») и «Сила веры» («в высшей степени трогательный»).

После закрытия «Мирного труда» (1914) М. становится пост. автором и корреспонденткой ж. «Вешние воды». В 1916 публ. в ж-ле антисемитскую футуристич. фантазию «Грядущее человечества (Из области иллюзий)» (кн. 7/8, 9). В ром. «Пирамида Хеопса» (1917, т. 22—30) введена фигура рассказчика — нем. профессора, раскрывающего своей рус. племяннице «истинный» смысл ист. событий, к-рые тракуются как борьба арийского и еврейского духа в Др. Египте.

Роман представляет собой причудливое содинение мистич. мотивов с приключенч. сюжетом (в духе романов В. И. Крыжановской и «Синагоги Сатаны» С. Пшибишевского), замешанное на идеях Х. С. Чемберлена. Ключевая сцена романа — «экстренное собрание еврейских раввинов» в пирамиде Хеопса 14 нисана (см.: «Вешние воды», 1917, т. 28/29, с. 29). Прото-текстом этой сцены является глава «На еврейском кладбище в Праге» из романа Г. Гейсе «До Седана!» (СПб., 1871) — один из ранних вариантов «Протоколов сионских мудрецов».

На египет. материале М. построил гиньоль «Дух — каратель фараонов» и его продолжение — рассказ «Зеленая муха» («Вешние воды», 1918, т. 31/32).

Одно из немногих произв. М., не затронутых ее болезненными фантазиями, — «быль из недавнего прошлого» «Золотая мечта» (1918, т. 33/34), в к-рой не без легкого юмористич. оттенка описана ловля богатой невесты промотавшим собствен. наследство холостяком.

Гл. редактор «Вешних вод» Спасовский нашел в М. единомышленницу, охотно печатал не только ее беллетристич. сочинения, но и философствования в эпистолярном жанре, намеревался пригласить ее в альм. или сб. «Светлые пути» (не состоялся), наряду с Голлербахом, Н. А. Бердяевым, Розановым, ее знакомству с к-рым содействовал. Он так характеризовал ее лит. и обществ. репутацию: «Конечно, труды Л. Мурахиной постоянно обрекались замалчиванию — они были не в моде, — были не в почете у нашей либеральной интеллигенции и печати. Ее знали и любили лишь те, кто не боялся „клейма патриота“ ...» (Спасовский М., В. В. Розанов в последние годы своей жизни, Б., [1939], с. 34—35).

В последние годы М. жила в Сергиевом Посаде, очень нуждалась. Розанов, восхищавшийся образованностью М., ее юной душой и трогательно-нежными отношениями с мужем, «в одном журнальце живописал их в статье „Идиллия на краю вулкана“ (т. е. революции)» (письмо Розанова в кн.: Спасовский М., [1939], с. 36; статья опубл. по рукописи в ж. ВестРХД, 1995, № 3; первая публ. не выявлена). Психол. этюд М. «О В. В. Розанове. Из личных впечатлений» Голлербах включил в свою кн. «В. В. Розанов. Личность и творчество» (П., 1918); переизд. в кн.: «В. Розанов. Pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке мыслителей и исследователей. Антология» (кн. 2, СПб., 1995; сост. и прим. В. А. Фатеева).

Летом 1919, вскоре после смерти мужа, М. переехала к Спасовскому в Петербург, в сент. сильно простудилась, умерла в Евангелич. больнице, всеми забытая.

Др. произв.: «Из мрака веков. I. Очерки античной жизни» («Мирской толк», 1902, № 1), «Из мрака веков. II. Очерки древнего мира» (там же, 1902, № 12), «Из глубины веков. Пальмирская царица. Ист. очерк» (там же, 1903, № 13), «Кто виноват? Житейская драма» («Родная речь», 1910, № 27—29), «Из мрака к свету» («Вешние воды», 1917, т. 19).

Лит.: Спасовский М. М., Лит. заметки. Из глубины веков. — «Вешние воды», 1916,

кн. 7/8, с. 144—50, 220—24; «Минувшие», в. 14, М., 1993, с. 411, 412 (справка Г. А. Морсва).

Архивы: РГИА, ф. 1289, оп. 17, д. 334, л. 41—43* (ф. с. М., 1903 г.; справка Л. М. Сеселкиной); РНБ, ф. 207, № 89 (письмо М. М. Спасовского Э. Ф. Голлербаху); ф. 874, оп. 1, № 110 (письмо С. Н. Шубинскому с предложением сотрудничать); ГАРФ, ф. 116 (Союз рус. народа), оп. 1, д. 625 (письма М. в ред. «Рус. знамени» — справка Л. В. Крячковой); ИРЛИ, ф. 313, оп. 3, № 195 (справка Н. А. Прозоровой).

М. Н. Золотосов, Н. Ю. Копосова.

МУРЗАКЕВИЧ Николай Никифорович [21.4(3.5).1806, Смоленск — 15(27).10.1883, Одесса; похоронен на Старом кладб., историк, археолог, мемуарист. Сын Н. А. Мурзакевича (см. о нем ниже). По семейным преданиям, род М. происходил из Крым. Орды — от прадеда М., «юного Мурзы», попавшего в плен (1689)

после неудачного похода татар в Крым. Подготовленный старшими братьями по «латинской и греческой этимологии», начал обучение в Смоленской духовной сем. (с 1817), увлекался чтением ист. соч. и источников (в т. ч. «Истории...» Н. М. Карамзина и др.-рус. летописей). В 1825 поступил на эτικό-полит. отделение филос. ф-та Моск. ун-та, учился вместе с А. А. Краевским, П. Г. Редкиным; окончил курс действит. студентом (1829). Недолго пробыл в Смоленске, где изучал «родную старину» (первые публ. — ист. заметка «Права Смоленска», ВЕ, 1828, № 10, и ст. «Достопамятности города Смоленска», ЖМНП, 1835, № 12; отд. изд. — Смоленск, 1844), затем возвратился в Москву. Жил частными уроками, слушал лекции А. Ф. Мерзлякова, М. Т. Каченовского, М. П. Погодина (с последним М. позже переписывался, принимал его в Одессе и информировал об одес. культурных новостях; считал себя его учеником — см. Барсуков, ук.). Не добрав баллов для получения степени кандидата, провел 1829 год дом. учителем в семье рязан. поме-

щика. В 1830 переехал в Одессу по приглашению ун-тского товарища М. М. Кирьякова (сына дир. Одес. таможи), в доме к-рого познакомился с А. И. Подолинским, М. П. Розбергом, А. А. Скалковским, А. С. Стурдзой, а также с ген. И. Н. Инзовым и др. Непрерывно время служил в тамож. ведомстве (1830—31), затем перешел в Ришельев. лицей, в к-ром прошел путь от помощника учителя (с 1831) до дир. лицея (1852—57).

Авторитетом среди учеников М. не пользовался: «огромного ... роста, тучный, великий чревоугодник, Мурзакевич наводил ... страх» (Кармазин, с. 344; ср. гротескно-шаржированную характеристику М. в восп. Э. С. Андреевского — в кн.: Из архива К. Э. Андреевского...), вместе с тем современники отмечали его бескорыстие, прямодушность в общении с начальством и принципиальность (Кармазин, с. 345; Чижович, с. 5).

Педагогич. деятельность (преподавал историю, географию, статистику) М. сочетал с ист. и археологич. занятиями. В 1838 защитил в Моск. ун-те магистер. дис. «История генуэзских поселений в Крыму» (Од., 1837; положит. отзывы: ЛПРИ, 1837, № 43; ЖМНП, 1838, № 6, подп. В. Г.). В 1839 стал одним из основателей и секр. (с 1875 вице-президентом) Одес. об-ва истории и древностей, ред. (при нем вышли 12 томов) «Записок» об-ва, в к-рых поместил ок. 100 своих статей по археологии, истории, нумизматике, эпиграфике. Чл. ОИДР (с 1836), РГО (с 1846), Рус. (в Петербурге; с 1848) и Моск. (с 1865) археологич. об-в, нескольких заруб. науч. об-в и академий, в т. ч. Тиберинской (с 1837) и Аркадской (с 1838) акад. в Риме. В 1839 совм. с офицерами Ген. штаба разбирал архив крепости св. Димитрия Ростовского (обнаружено свыше 700 док-тов, касающихся Азовского похода Петра I); в 1844 участвовал в раскопках о. Фидониси. Собрал ценную коллекцию греч. и рим. монет (ее описание — первая кн. на лат. яз., изданная в Одессе «Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum», 1835). Занимался также редактированием «Листков об-ва сел. хоз-ва Юж. России» (1833—40), составлением «Новорос. календаря» (на 1839, 1840, 1841); заведовал Одес. публич. б-кой и гор. музеем (см. его описание: «Descriptio musei publici Odessani», Од., 1841), сотрудничал в «Одес. вест.». Пользуясь благосклонностью и покровительством М. С. Воронцова (см. письма Воронцова к М., 1842—1854 — РА, 1876, кн. 3; кн. М. «Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим кн. М. С. Воронцовым», Од., 1860), обследовал его б-ку и коллекцию ист. док-тов, результатом чего явились науч. публикации: «Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 г.» (Од., 1847; 2-е изд. — Од., 1868; одобрит.

отклик В. Г. Белинского — Х, 188) — изд. одного из источников по истории средневеков. рус. права, «Письма царевича Алексея Петровича к его родителю государю Петру Великому...» (Од., 1849; список реч. на эти публ. см.: Венгеров. Источ.; о поднесении «Писем царевича Алексея...» имп. Николаю I — ГАРФ, ф. 109, 2 экзп., 1850, д. 46). Как знаток истории Юга России (см., напр., его популярные очерки и описания путешествий, отмеченные колоритными зарисовками природы, умением занимательно излагать ист. подробности: «Поездка в Крым в 1836 г.», ЖМНП, 1837, № 3; «Путеуказатель южного берега Крыма», 1866; «Одесская старина», 1869, обе — Од.) М. сопровождал вел. кн. Константина Николаевича в его путешествии по Крыму (1845). После отставки (1857; в чине тайн. сов.; оставил службу из-за разногласий с попечителем Одес. учебного округа Н. И. Пироговым, см.: Дабижа, с. 13) М. много путешествовал по России и Европе, был в Константинополе, Иерусалиме, Александрии, Каире. До конца жизни не утратил интереса к ист. иссл.: его публикации ист. док-тов появлялись на страницах «Рус. архива» (1868—77) и «Рус. старины» (1873—82).

Науч. педантизм и невероятное трудолюбие М. сочетались с усознато разрабатываемым им тем, бесостановочно в занятиях. Его изыскания в области рос. древностей, «реанте» к делам одобрили митр. Евгений (Болховитинов) и М. А. Максимович, приглашавшие М. в Киев для основания Рус. ист. об-ва, издания ж-ла и преподавания в уни-те (см. письма митр. Евгения к М., 1834—37 — «Киев. спарх. вед.», 1868, № 10; ота. отклик — К., 1868); приглашение не имело практич. последствий). Погодин причислил М. к «дальнейшим нашим ученым» («Москва.», 1850, № 2, с. 57). М. И. Семеновский называл его «популярным ученым» (РС, 1888, № 12, с. 777). С др. стороны, его ист. публикации, к-рые не всегда отличались «новостью сообщаемых... сведений» (СО, 1850, № 8, ота. VI, с. 4), упрекали в «неполноте и слабости», «небрежности» объяснит. примечаний (ОЗ, 1850, № 7, ота. VI, с. 3; 1847, № 9—10, ота. VI, с. 22), а самому М. нередко вообще отказывали в каком-нибудь значении (см. мнение Э. С. Андреевского — в кн.: Из архива К. Э. Андреевского...). Все это нашло отражение в резком рецензента «Рус. филол. вест.» А. А. Кочубинского: «местный археолог весьма скромной деятельности» (1880, № 3, с. 151).

Мемуары М., опубликованные посмертно под назв. «Автобиография» [РС, 1887, № 1—4 (об отце — № 1, с. 16—26), 6, 9, 12; 1888, № 9; 1889, № 2; отд. изд. — СПб., 1889; на т. л. — 1886], охватывают период с 1806 по 1852 и содержат увиденные глазами ребенка картины взятия Смоленска и поведения его жителей в 1812, ценные сведения о профессорах Моск. ун-та, быте и нравах студенчества сер. 20-х гг., детали жизни административных кругов и ученого мира Одессы 30—50-х гг. Записки интересны обилием упоминаемых лиц (их характеристики, обычно достаточно лаконичные, порой пристрастные); М. рассказывает о кратком

знакомстве с Н. В. Гоголем (ср.: Толченое), митр. Евгением, о пребывании в Одессе Н. И. Надеждина (и конфликте с ним) и М. Л. Марницкого; характеризует Воронцова, Д. М. Княжевича, упоминает о встречах с М. Д. Деларю, Стурдзой, А. С. Уваровым, А. А. и Л. А. Перовскими и др. Сообщаемое М. не всегда достоверно: иногда он пересказывает скандальные слухи (версия о публикации «Философич. письма» П. Я. Чаадаева), бывает несправедлив в оценках (что побудило изд. «Рус. старины» сопроводить нек-рые характеристики доп. док-тами — РС, 1887, № 9, с. 497).

Воспоминания М. вызвали резко отрицательный, раздраженный по тону отклик его бывшего слуги И. У. Палимисстова: «ничто так не обличает духовной пустоты в этом человеке, как оставленные им записки» («Странник», 1889, № 8, с. 613). Рецензент приводит мнение архиепископа Иннокентия (Борисова) о М. — «известный дурак, к к-рому трудно приложить (слово) ученых» (там же, с. 611), упрекает М. в пьянстве, обжорстве, присвоении чужих науч. трудов. Пристрастность этих отзывов вызвана, по-видимому, какой-то личной враждой; неуважительный по характеру. М. часто конфликтовал со им. сослуживцами и знакомыми (ср. данную им в мемуарах отрицат. характеристику владыки Иннокентия).

Более объективно значимость записок оценил Семеновский: «Мурзакевич прост, незамысловат, характеристики его грубоваты..., но все искупается горячею преданностью его науке» (РС, 1888, № 12, с. 777; см. также реч. Е. (Ф.) Ш(мурло?) — «Библиограф», 1889, № 8—9).

Изд. Черновой проект завешания... — «Зап. Одес. об-ва историч. и древностей», т. 15, Од., 1889; В Московском уни-те, 1825 [отрывки из мемуаров]. — В кн.: Моск. уни-т в восп. современников (1755—1917), М., 1989.

Лит.: Семеновский (ук.); Барсуков (ук.); Михневич И. (соств.). Ист. обзор 40-летия Императорского лицея с 1817 по 1857 г., Од., 1857, с. 62—64 (биопр. справка и библи.) и др.; Дабижа В. Д., Н. В. Мурзакевич. — РС, 1887, № 1; Юргевич В. Н., Ист. очерк 50-летия имп. Одес. об-ва историч. и древностей, Од., 1889 (в т. ч. росписи «Записок» об-ва); Чижевский О. О., Город Одессы. Сб. ст., Од., 1894, с. 2, 4—5; Толченое (А. П.), Гоголь в Одессе. (Из восп. провинц. актера). — «Муз. свет», 1876, № 29—33 (то же Ж. А.). Гоголь в восп., с. 422; Кармизин Д. А., Из зап. — РС, 1900, № 8, с. 344—45; Веселовский Н. И., История имп. Рус. археологич. об-ва... 1846—1896, СПб., 1900, с. 445 (и ук.); Орловский И. И., В Смоленске на Смидыни. — ИВ, 1903, № 6, с. 979, 984; Поппруженко М. Г., Одесская гор. публ. б-ка, Од., 1911, с. 14, 17—19, 20—30, 58; Из архива К. Э. Андреевского. Зап. Э. С. Андреевского, Од., 1914, т. 2, с. 11—12; Имп. Моск. археологич. об-во в первое пятидесятилетие его существования (1846—1914), т. 2, М., 1915 (биопр. справка и библи.); Варварцев Н. Н., Украина в рос.-итал. обществ. и культурных связях (перв. пол. XIX в.), К., 1986, с. 167; ЛН, т. 60(1) (ук.). + Некрологи: «Одес. вест.», 1883, 16 окт. (В. Юргевич), 18 окт.; «Всесоюзности одес. градоначальства», 1883, 16 окт.; ЖМНП, 1883, № 12; ИВ, 1883, № 12. Ист. зап. о деятельности имп. Моск. археологич. об-ва за первые 25 лет существования, М., 1890, с. 158—63. Межов; Березин (с ошибкой в отчестве М.); Брокгауз; Венгеров. Источ.; Гранат; Лысков; СДР; ИДРДВ; [Библ. трудов] — «Изв. АН ОЯС», 1861, т. 10; Н. В. Мурзакевич. Библи. заметка, Од., 1869 (автобибл.); Поппруженко М. Г. (соств.). Ук. статей, помещенных в I—XXX томах «Записок имп. Одес. об-ва историч. и древностей», Од., 1914 (ук.); Петров С. О.,

Книги гражданского друку, видані на Україні. XVIII — перша пол. XIX ст. Каталог, Харків, 1971, с. 130—31; Головань В., Перлов Г., Старое кладбище. Первый некрополь Одессы, Од., 1994.

Архивы: ГА Одес. обл., ф. 148; ЦИАМ, ф. 418, оп. 7, д. 155 (ф. с. 1838 г.); оп. 99, д. 311; ф. 454, оп. 2, д. 10, л. 165 (биопр. сведения); РГБ, ф. 47/П, к. 4, № 32 (письмо А. Ф. Вельтману, 1860); ф. 49/В, к. 149, № 5 (письмо Ю. И. Венелину, 1837); ф. 51, к. 19, № 46 (письма А. Е. Викторову, 1874—83); ф. 86, к. 4, № 84; к. 6, № 80 (письма В. И. Григоровичу, 1873, 1876); ф. 231/П, к. 21, № 66—69 (письма М. П. Погодину, 1837—73); ф. 262, к. 36, № 110; к. 24, № 78 [переписка М. и Саввы (Тихомирова), 1879—81]; ИРЛИ, ф. 603, № 32 (липы об избрании М. членом зарубеж. акад.); РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 1505 (письмо М. С. Воронцову от 30 дек. 1845) [справка С. Р. Долговой].

Отца М., Никифора Адриановича Мурзакевича (1769—1834), был изв. смолен. священником и автором ист. и духовных соч. В 1802 с ним как с местной «достопримечательностью» познакомились П. С. Кайсаров, А. И. Тургенев, естественный ист. И. А. Данилович. В 1803 вышла его «История губ. города Смоленска...» (кн. 1—4, Смоленск; 2-е доп. изд., кн. 1—5, Смоленск, 1804; переизд. — Смоленск, 1903), имеющая значение первоисточника; в Отеч. вой-

ну 1812 им. опубли. им док-ты, в т. ч. подлинные рус., литов., польские грамоты, погибши. В 1812 Мурзакевич оставался по существу единственным духовным лицом в покинутом жителями и войсками Смоленске; по свидетельству И. Ф. Паскевича, он находился «до конца сражения под пулями и картечью с малолетним (одним из 7 детей — Т. Н.) своим сыном» (РС, 1903, № 6, с. 578). Благодаря ему был остановлен грабеж французами смолен. церкви, при этом он был «бит, драпан за волосы и бороду» (там же, с. 575). Случайная встреча с Наполеоном в окт. 1812 послужила поводом для доносов, в результате к-рых Мурзакевича предали града и церк. суду и отстранили от священнослужения (оправдан в 1814; тогда же стал священником Овдинцевской церкви). Эпизод с Наполеоном стал одной из легенд 1812; сжигая «Искры» (1912, № 30; прил. к «Рус. слову») воспроизвел гравюру с текстом, в к-ром о. Никифор бесстрашно обвиняет Наполеона в «грабительстве церквей» и т. п. (в действительности, подобный разговор произошел с адъютантом Наполеона И. Мюрмотом). Тот же эпизод тенденциозно описан Л. Ф. Сетором (Séguir Ph., Histoire de Napoléon et de la grande armée..., v. 1, P., 1825, p. 299—301; с его же, Поход в Россию, М., [1913], с. 94—95).

Др. духовные соч. Мурзакевича остались неизд.: «История Божественного Откровения с различными замечаниями на места неуобоимые в Св. Евангелии» (ч. 1—2; 1810—14), осужд. на «архивные тленские» архимандритом Филаретом (РС, 1903, № 4, с. 105), — первый опыт перевода четырех евангелий на рус. язык «для чтения простому народу», пер. на рус. язык Псалтыри (1812), «Житие Первоверховного апостола Пет-

ра и Жизнь и деяния св. апостола Павла» (1815). «Жизнь Иисуса» (РГБ), также созданные для «простого народа», который, по мнению Муравьевича, не может «почерпнуть себе познания ни в высоком слоге, ни в «славянском наречии» (РС, 1903, № 4, с. 105) (о трудностях изд. Первого Библии на рус. яз. см. в ст. Г. П. Павский).

Составл. М. (в ист. контексте) биография отца, перепечатка с Н. П. Румянцевым, А. Н. Голышиным, а также его «Дневник» опублик. в кн.: «Н. А. Муравьевич, историк города Смоленска» (СПб., 1877).

Лит.: Орловский И. И., Священник М., обвиняемый в измене в 1812 г. — РС, 1903, № 4—6; Дело о священниках М. и Соколова... — «Смолен. старина», 1912, в. 2, с. 227—320 (там же жизнеописание М., составл. сыном протоиереем Иоанном Муравьевичем, — с. 178—226); Аристов В. П., Дело юдополючника Энгельгардта. Повесть, Смоленск, 1937. + Гениадис; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Мат-лы свода памятников истории и культуры РСФСР. Смолен. обл., М., 1977, с. 59—61 (библ.); ИДРДВ (ук.).

Архивы: РГБ, ф. 402, ф. 807, оп. 1, л. 561. Т. Ф. Немудрова.

МУРИНОВ Владимир Яковлевич [21.11(3.12).1863, Калуга — 16.4.1919, там же, похоронен на Пятницком кладб.], прозаик, публицист, издатель и книготорговец. Род. в семье смотрителя Калуж. тюрьмы, надел. советника — Як. Анд. Детские годы провел в с. Сладневе у деда по отцу, священника. По окончании Калуж. губ. г-зии в 1883 поступил на ист.-филол. ф-т Моск. ун-та (в 1888 получил аттестат и звание кандидата истории). В 1891—96 участвовал в работе Моск. к-та грамотности. До 1892 преподавал в моск. г-зиях, в 1891—92 — в муж. воскресной школе при Моск.-Казан. ж. д., среди учителей к-рой были сильны симпатии к социал-демокр. движению. Учительница этой школы Алевтина Мих. Блеклова (1866—1922) стала в 1891 женой М.

Вместе с женой в сент. 1892 — мае 1899 (с перерывами) М. занимался книготорг. и книгоизд. деятельностью. Издавали отеч. худож. лит-ру, в т. ч. В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряка, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева. Уже в первые годы семейное предприятие приобрело репутацию одной из «наиб. симпатичных и деятельных издательских „интеллигентных“ фирм» (РМ, 1894, № 12, с. 605, б. п.). С 1897 начали серию «Научно-популярной б-ки», наиб. значит. изданием к-рой был «Краткий курс экономич. науки» А. А. Богданова (1897) (см. в кн.: Каталог книжного склада А. М. Муриновой. 1897 г., М., 1898). В мае 1895 М. подвергся аресту и предварт. заключению сроком в 1 месяц по делу «о преступном кружке... имевшем целью покушение на жизнь» императора. Причастность М. к кружку не подтвердилась, но за хранение рев. изданий в февр. 1896 за М. был установлен гласный надзор на 1 год и он выслан в Тулу (ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1894, д. 845). Через год за М. установили негласный надзор с запрещени-

ем проживания в столицах. По распоряжению моск. обер-полицейстера 3 мая 1899 книжный склад М. был закрыт.

В кон. 1898 М. стал чл. редакции ж. «Жизнь», где заведовал лит. отделом. Направление и состав авторов ж-ла определял В. А. Поссе совм. с М. Горьким. Для идейной платформы ж-ла были характерны противостояние народничеству и сотрудничество с легальными марксистами [о направлении ж-ла см. лит-ру по: Муратова (2), с. 42—43; а также: Келдыш В. А., «Жизнь». — В кн.: Лит. процесс и журналистика (1)]. Напечатал в «Сыне Отечества» в 1897 и 1899 неск. передовых статей по нар. образованию. М. был чл. Союза взаимопомощи рус. писателей (с 1899), ВЭО (принадлежал к левому крылу), Об-ва помощи в чтении больным и детям и др. В нач. 1900

жил в Петербурге, в июне—сент. ездил за границу, где общался с эмигрантами, помогал деньгами изданию неск. брошюр, состоял чл. «Аграрной лиги», ведущей рев. агитацию среди крестьян. По данным Деп. полиции за 1900, М. был «одним из наиб. серьезных деятелей радикально-оппозиц. группы», примыкал к «Красному кресту», был косвенно связан с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и т. д. (ГАРФ, там же). После ареста в апр.—мае 1901 и запрещения жить в столицах, столичных губерниях и университет. городах М. уехал с женой в Париж. За границей участвовал в возобновленной (с апр. 1902) «Жизни», в связи с этим по спец. циркуляру Деп. полиции в 1905 при возвращении в Россию был на границе арестован и заключен в Ковен. тюрьму, откуда освобожден после манифеста 17 октября. В 1906 — чл. редакции «Журнала для всех», в 1910—11 — «Жизни для всех». С осени 1911 до весны 1914 жил в Ка-

луге, был товарищем председателя, а позже и председателем Калуж. худож. кружка, в программу к-рого входила организация выставок местных и столичных живописцев (1911 — «Моск. салон»; 1912 — «Мир иск-ва»), лекций (среди лекторов Ю. И. Айхенвальд, С. Глаголь), лит.-муз. вечеров, диспутов и т. п. По амнистии в связи с 300-летием дома Романовых с М. был снят запрет на проживание в столицах, университет. городах и он переехал в Москву. В нач. 1919 вернулся в Калугу, где возглавил «Калужский вест. кооперации и сел. хозяйства». Умер от воспаления легких.

Осн. жанром прозы М. был беллетризов. очерк, автор в сюжетах своих произв., как правило, не выходил за рамки им виденного и пережитого. Явно впечатлениями детства навеян первый большой рассказ «Сахар Степаныч» (РМ, 1896, № 4) — трагич. история старого тюремного надзирателя Захара Степановича, обманутого сбежавшим арестантом, самого арестованного за эту провинность и повесившегося в камере.

Рецензент Р. И. Сементковский, подробно изложив содержание рассказа («... рассказ, очевидно, списанный с натуры. Он до того красноречив, что нам повсюду его нечего»), использовал его для иллюстрации тезиса о взаимном непонимании интеллигенции и «нар. элементов» (ЛПН, 1896, № 8).

Деятельности воскресных школ, отношениям преподавателей с взрослыми учениками и между собой посвящены пов. «Воскресники» («Жизнь», 1900, № 2—4; отриц. рец.: В. Гольцев — «Курьер», 1900, 22 мая), рассказы «Горе-просветитель» («Жизнь Юга», Од., 1897, № 19), «Скандал» (в сб.: «Лит. дело», СПб., 1902), очерк «Ночь» («Правда», 1904, № 8). Глазами просветителя-культуртрегера видит М. деятельность революционеров-подпольщиков, восхищаясь их самоотверженностью, — рассказы «Ликвидация» (РВед, 1910, 28 февр.) и «Ручеек» («Жизнь для всех», 1913, № 1). Парижскими впечатлениями навеяны «Одиночество» — описание кладбища Пер-Лашез (там же, 1909, № 12; очерк был вырезан по требованию цензуры из-за отриц. характеристики А. Тьера) и трогательный рассказ для детей «Пудель Жак» («Маяк», 1914, № 11). Многие из опублик. ранее произв. составили сб. М. «В сумерках жизни. Рассказы и очерки» (СПб., 1910), гл. тема к-рого — «всякие незаметные герои, скромные предвестники будущего, — их судьба, поражение и торжество...» (из рассказа о беллетристе «из средних» — «Григорий Ефимович», с. 198; впервые — «Жизнь», 1901, № 2).

Критика была единодушна в низкой оценке худож. уровня книги. В. П. Краинихфельд писал, что в рассказах М. «за множеством мелких и повторяющихся деталей теряются и пропадают ва-

ления в худож. обобщенности» и что этот недостаток не искупают «честные и добрые устремления» автора (СМ, 1910, № 5, отл. II, с. 76, 80); иронич. отзывы М. А. Кузмина — «...держание высоко знаменит либерализма и суконый язык» («Аполлон», 1910, № 6, отл. III, с. 43).

В дальнейшем М. стремился к большей сжатости повествования. Тема войны отразилась в его рассказах «Мать» («Новый колос», 1915, № 7), «Отработали» («Рус. илл.», 1915, № 15), «Рассказ отпускного» («Новый колос», 1917, № 7).

Как публицист М. выступал со статьями по вопросам нар. образования и культурно-просветит. деятельности (см. «Задачи и организации земских книжных складов» — РМ, 1896, № 10—11; оттиск — М., 1896), а также на обществ.-полит. темы (брошюра «Демократическая республика», М., 1917, с разъяснением принципов гос. демокр. устройства на примере Франции, США, Швейцарии).

Лит.: Поссе В. А., Мой жизненный путь. М.—Л., 1929 (ук.); Безязычный В. В. Я. Муринов (1863—1919). — В кн.: Земляки, Калуга, 1963; его же, Издат. и редакторская деятельность М. (1890—1900-е гг.). — В сб.: Книжка. Иссл. и мат.-лы, сб. 10, М., 1965 (сб. отд. оттисков); Диспроверкий М. М., Калуж. худож. кружок... — В сб.: Третья краевед. конференция Калуж. обл., Калуга — Обнинск, 1971; Страхов Н. А. Неверов. Жизнь, личность, творчество, 2-е изд., М., 1972 (ук.). + Некролог: «Калуж. вест. кооперации и сел. хоз-ва», 1919, № 5/7 (Д. Малинин). Памятная книжка и адрес-календарь Калуж. губ. на 1912 г., Калуга, 1912, с. 53; Памятная книжка... на 1913 г., Калуга, 1912, с. 59; Венгеров. Источ.: Книговедение.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2122, ф. 337, оп. 1, № 220 (письма А. С. Неверову); ЦИАМ, ф. 418, оп. 297, д. 382 (л. д.) (справка В. В. Александровой); ГА Калуж. обл., Р-26, оп. 1, д. 341; Р-324, оп. 1, д. 6 (справка Ю. В. Сухоцкого); ГАРФ, ф. 102, 3 л-во, 1894, д. 845, ОО, 1906 (I), д. 792 (справка Л. И. Тютюнник); ИРЛИ, ф. 289, оп. 4, № 72—2 (автобиография, 1908); ф. 377 (библ. листок, 1899); ф. 185, оп. 1, № 825, 146 (переписки с В. М. Миловоловым, янв. 1907, в связи с ред. работой М. в ж. «Трудовой опыт») (справка Е. М. Аксененко). М. Д. Эман.

МУРИНСКИЙ Пётр [наст. имя и фам. Евстафьев, Евстафьев Пётр Михайлович, 1886, Петербург — 22.12.1909 (4.1.1910), Екатеринослав], поэт. Потомств. почетный гражданин. Доучился до 8-го кл. в третьей по счету г-зии (из предыдущих был отчислен с «волчьим билетом») при поддержке В. Н. Мамонтова, пред. К-та грамотности ВЭО (из писем М. И. И. Ясинскому — РНБ, ф. 901). Во время рус.-япон. войны 1904—05 служил санитаром-добровольцем. После преследований за организацию забастовки и сатирич. произв. (не выявлены) в кон. 1906 с Д. Востока приехал в Петербург. Жил то в именин матери (с. Мурино под Петербургом), то в дворничихой, «где-то» на Васильевском острове. Отказавшись от родит. помощи, бедствовал, болел, пытался зарабатывать лит. трудом. После ряда неудач его поддержал И. И. Ясинский, опубликовав в своем ж-ле «Беседа» интересный по замыслу рассказ М. о революции «Отрывки

страшной были» (1906, дек.), неск. стих. (1907, сент., 1908, № 1, 8) и поэму «Песнь об утесе» (1907, март). Печатался также в изд. А. И. Юрисона («Столичный листок», «Зритель» — соред. Л. А. Никифорова), А. Д. Рысис («Дуэль», «Ночи безумные», «Юмористич. еженедельник»); по сведениям самого М. (ИРЛИ, ф. 155, 540), до сент. 1908 сотрудничал в ж-лах «Новатор», «Ист. еженедельник», «Жизнь», «Читатель», а также в газ. «Биржевые вед.», «Слово», «Василеостровская газ.». Участвовал в лит.-худ. «Кружке друзей театра». В 1908 при обыске в Мурине была конфискована в числе прочих рукописей М. пьеса из евр. жизни «Выкресты» («Слово», 1908, 14 авг.).

Сравнительно небольшой объем вывлеченных произведений М., утрата мн. рукописей (в т. ч. в Екатеринославе после смерти М.), а также не продолжит. творч. путь не позволяют судить об истинном масштабе таланта М. Он работал в разных жанрах и пробовал себя в разных стилях, однако в печати наиб. полно представлен политич. сатира на злобу дня: циклы («Пель-мель», «День за днем», «За неделю») и отд. стихи в «Столичном листке» (1907, 7—13 нояб.), басня «Овцы и волки» («Юмористич. еженед.», 1906, № 13), содержащая «рев. мораль»: волкам, съевшим «овечью Думу», «не дурно б зубы обломать увесистой дубиной», прозякая. фельетоны «Митинг в селе Пустобрюхове (истинное происшествие)» (там же, № 12—13), «Учитель Шпик» (там же, № 21), «Переселенцы» (там же, № 24) и стихи, «перепевающие» осн. мотивы народнич. поэзии (призывы к борьбе, ожидание свободы, воспевание жертвы во имя нар. счастья: «Я приду», там же, 1906, № 18; «Признание бойца», там же, № 22; «Из песен о повешенных», «Пробуждение», 1909, № 13) и Н. А. Некрасова [см., например, у М. стих.-ггнм «Рус. женщине» («Ореолом страдания увенчана...»), «Вихрь», СПб., 1909], стихи на традиц. тему «поэт и поэзия» («Мелодия», «Юмористич. еженед.», 1906, № 21; «Гибель певца», «Волны», 1907). В диссонанс настроениям гражд. лирики звучат «надсоновские» мотивы усталости, тоски, отчаяния: «Сонет» («Мне лень открыть глаза...») («Баян», СПб., 1908, март/июнь), «Воспоминание» («Искания», СПб., 1910), «Пролетели мгновенья...» («Звуки жизни», СПб., 1910).

М. неоднократно обращался к фольклорным жанрам (былина «О Басарге купце, его сыне Мудромысле и басурманском царе Несмеяне», «Ист. ж-л для всех», 1908, № 2; «Об Алешке, поповском сыне и Поленице прекрасной», «Сцена и жизнь»,

1908, № 15), а также к легендам и мифам, «адаптируя» изв. сюжеты: поэмы «Из сказок Востока» («Юмористич. еженедельник», 1906, № 25), «Исцеление Давида...» («Пробуждение», 1907, № 51), «Любовь Клеопатры» (там же, 1909, № 12), баллада «Старая сказка» («Дуэль», СПб., 1907, № 1), в к-рой выражена мечта поэта о рев. пробуждении России: «Но близится, близится день торжества...». Готовил к печати сб-к былин и ист. хрестоматию (РНБ, ф. 901; изд. не состоялось). У К. С. Бараневича в ж. «Красные зори» М. опубликовано несколько стих. для детей (1908, № 9, 22, 23, 24; 1909, № 4). В последние годы в творчестве М. преобладает жанр поэмы («Завет Разина», «Воля», СПб., 1908 [1909], «Городская поэма», «Пробуждение», 1909, № 1).

Осенью 1909 из-за обострившейся чахотки и после отказа Лит. фонда в пособие М. был вынужден переехать в Екатеринослав, где служил писцом на 2-й Екатерининской ж. д. В кон. года чахотка осложнилась тифозной горячкой, и М. умер в больнице. После его смерти среди молодых литераторов — друзей М. [Б. Д. Богомолов, Новиков, К. Смирнов (Ковровский), М. Д. Перец] возникла идея создать кружок его имени, выпустить сб-к произведений, в т. ч. не изданных; изд. не сост., но был ряд посм. журн. публикаций («Огонек», 1910, № 26, «На берегах Невы», 1910, № 6, 1911, № 16, «Родник», 1913, № 3, «Жаворонок», 1913, № 7, «Пробуждение», 1917, № 4, 1918, № 6). Почитатели и друзья давали восторженную, возможно преувеличенную, оценку его поэзии, свидетельствовали о признании таланта Ясинским, Н. В. Корецким, В. Я. Брюсовым, К. И. Чуковским (Богомолов, 1910). Отмечалась одна черта, вредившая его репутации, — антисемитизм (Богомолов, 1912; см. также сатирич. эскиз «Поклонница таланта», «Пробуждение», 1909, № 21). Возможно, молодость поэта, безупречное владение им версификацией, «поэтич. интуиция» давали повод для возлагавшихся на него надежд.

Лит.: Н. Ухт-цев (Полищев Н. Г.), Литература. — «Василеостровская газ.», 1909, 15 февр.; Богомолов Б., Поэт Петр Муриносский, его жизнь и скитания. — «Тавричанка», Симферополь, 1912, 24 авг. + Некролог, 1910; Богомолов Б., Поэт Петр Муриносский, СПб. (с прил. стих. К. Смирнова «Памяти Муриносского»); «Памяти Муриносского» (В. А. Новиков) — «Речь», № 68, 11 марта (перепечатка: ИВ, № 4, с. 393—94). Весь С.-Петербург, СПб., 1907; Альм. и сб-ки (1); Рус. сатирик. периодика, 1905—1907. Сост. З. А. Покровская, М., 1980; Масанов (ошибочно указано на участие М. в «Юмористич. альм.»).

Архивы: РГАЛИ, ф. 637, оп. 1, № 67, ф. 1346, оп. 1, № 127 (автограф М.); РНБ, ф. 124, № 2942 (рукопись «Городской поэмы»), ф. 901, оп. 3, № 563 (письма И. И. Ясинскому, предположительно, 1908 г.).

А. В. Островская.

МУСКАБЛИТ, Мускатблит Фёдор Генрихович (1878, Киев — 15.10.1947, Москва), журналист. Из семьи врача. Окончил г-зию, в 1902 — естеств. отд. физ.-мат. ф-та Новорос. ун-та (Одесса). Участвовал в студенч. движении. Первая публ. — пер. очерка М. Нордау «Мачеха. Открытое письмо к г-же И. Г.» («Одес. листок», 1897, 22 июля). С этого времени пост. сотрудник разл. (в осн. оппозиционных) газет: «Одес. листок» (1897—1901), «Одес. новости» (1902; здесь, в частности, опублич. очерк «В Ясной Поляне» — 3 сент.; см. также в кн.: Интервью и беседы с Л. Толстым, М., 1986), «Киев. газ.», «Киев. отклики», «Киев. вести» (1902—06), «Юж. курьер» (Керчь, 1902—06) и др. Во время рус.-япон. войны 1904—05 — воен. обозреватель газ. «Юж. обозр.». В 1906 переехав в Херсон, сотрудничал в газ. «Юг» и «Херсон. курьер» (к-рые вскоре были закрыты за «вредное направление»; в 1907 М. был арестован и выслан из города). С 1907 М. — в Москве. Сотрудничал в газ. «Час», «Правда живая», «Столичное утро», «Столичная молва», «Вечерняя заря». Работал в газ. «Раннее утро» (1908—18). Его публикации появились в «Рус. слове» (1907—08), «Руле» (1908), «Искре» (1910), «Утре России» (1910), «Синем ж-ле» (1911), «Момусе» (1912), «Будильнике» (1912—13) и др.

Обширная газетно-журн. продукция М. (нередко по 2—3 мат-ла в номере) публиковалась как под его собств. именем, так и анонимно и под псевд. В передовицах, во внешних и внутриполит. заметках и обзорах злободневных событий (напр.: «Шансы» — «Юг», 1906, 9 нояб.; «Опоздание или прогресс?» — «Руль», 1908, 1 сент.; «Пела, пела пташечка» — «Раннее утро», 1909, 1 марта; «На Балканах» — «Руль», 1908, 7 июля; «Гильотина» — там же, 14 июля, и др.) демонстрировал приверженность идее конституционализма, равноправия, гражд. и полит. свобод, но чаще всего не высказывал явных симпатий ни одной из партий, оставаясь левее кадетов, но правее меньшевиков и в пост. оппозиции к правительству. Фельетоны («Лоскутная» — «Руль», 1908, 14 июля, «Когда волнуется...» — «Будильник», 1912, № 29), пародии («Схватка боевая» — «Руль», 1908, 22 сент.), юмористич. рассказы и сценки («Репортер Перебоев» — «Будильник», 1912, № 32) повторяли нек-рые внешние приемы В. М. Дорошевича: использование «короткой строки», ист.-культурные реминисценции, обыгрывание хрестоматийных мотивов и образов классики и др. Публиковал также компилятивные статьи на ист. темы («Москва в 1812 г.» — в сб.: Москва в ее про-

шлом и настоящем, в. 9, М., 1911, «Товарищ гор. головы (Эпизод 1812 г.)» — «Нива», 1916, № 11), науч.-популярные очерки («„Наутилус“ в мировой войне» — «Нива», 1916, № 18—19) и др.

Выпустил ряд брошюр: «Россия и Япония на Дальнем Востоке» (Од., 1904), «Тихоокеанская трагедия» (Од., 1905), «Битва при Ляояне» (Од., 1905; опровержение приведенных в брошюре фактов см. в рец.: С. А.) Штакельберг — РИ, 1906, 15 февр.; ответ М. — «Юж. обозр.», 1906, 4 марта), «Бельгийская жертва» (М., 1914). Нек-рую обществ.-лит. известность принесла М. брошюра «Народное представительство» (Од., 1905) — перепечатка серии статей из «Юж. обозр.» об избират. праве, полит. партии и ее программе, об отличии парламент. строя от конституционного. Рецензенты отмечали полит. актуальность брошюры, а также «толковость, ясность и общедоступность» изложения («Веч. почта», 1905, 3 мая; «Киев. новости», 1905, 28 апр.; «Крым. курьер», 1905, 22 апр., и др.).

В 1909, включившись в полемику по поводу сб-ка «Вехи», М. опублич. в «Раннем утре» два фельетона — «Танцкласс» (25 апр.) и «Проникновенному» (2 июля), затем выпустил со своим предисл. два сб-ка откликов на «Вехи» — «В защиту интеллигенции» и «По вехам. Сб-к статей об интеллигенции и „нац. лице“» (оба — М., 1909). В «контрвеховских» сб-ках М. авторов «Вех» обвинял в нелюбви к интеллигенции, в измене ее интересам и повороте к реакции (подробнее в кн.: Вехи. Интеллигенция в России. Сб-к статей, М., 1991, с. 5; Вехи. Из глубины, М., 1991, с. 204; Калебич-Краса с Дж., «Вехи» и проблема рус. интеллигенции, М., 1993, ук.).

В 1910 к 50-летию юбилею А. П. Чехова М. опублич. биогр. мат-лы о нем: «Без весны» («Раннее утро», 17 янв.), «Доктор Чехов» (там же; обе — в кн.: Чеховский юбилейный сб-к, М., 1910), «Левитан и Чехов» («Раннее утро», 22 июня), кн. «Биография А. П. Чехова» (М.).

После Революции 1917 М. участвовал в создании РОСТА, работал в ТАССе, одновременно сотрудничая в «Бедноте», «Гудке» (1920—28), «Комсомольской правде», «Веч. Москве» и «Учит. газ.».

Др. произв.: «Первый рус. парламент» (Од., 1906), «Думы в сумерках» (М., 1910; сб-к афоризмов и высказываний А. П. Чехова, сост. М.).

Лит.: Чеховина. Статьи, публикации, эссе, М., 1990; Дон Аминадо. Поезд на третьем пути, М., 1991, с. 197. + Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1108; РГБ, ф. 135/11, к. 30, № 30 (письма к В. Г. Короленко); Чех., к. 52, № 47 (письмо А. П. Чехову); ИРЛИ, ф. 359, № 368 (письмо А. А. Арсеньеву); ф. 686, оп. 2, № 148 (письмо А. Р. Кутелю);

ГАРФ, ф. 102, ОО, 1907 г., д. 5, ч. 68; 1916 г., д. 5, ч. 13.

В. М. Бокова.

МУХАНОВ Александр Алексеевич [2(14).10.1800, Москва — 20.8(1.9).1834, Москва(?); похоронен в с. Успенском (Мухановы) Александров. у. Владимир. губ.], литератор, автор дневника. Старший брат Н. А. Муханова и В. А. Муханова (см. ниже). Вместе с Николаем начал службу в 1819 подпрапорщиком л.-гв. Измайлов. полка, а в 1820 оба переведены в Оренбург. уланский полк корнетами. С окт. 1823 служил адъютантом командира Отд. Финлянд. корпуса А. А. Закревского; в 1825 поручик 29-го егерского полка, с 1826 адъютант главнокомандующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна; участник рус.-турецкой войны 1828—29; в 1834 состоял в Мин-ве иностр. дел при Моск. гл. архиве в чине полковника (в звании камергера). Входил в ближайшее окружение А. С. Хомякова (к-рый, по свидетельству П. И. Бартенева, «вспоминал о нем как об одном из лучших товарищей своей молодости» — РА, 1895, кн. 3, с. 125), Е. А. Баратынского (с ним, как и с Н. В. Пугачевой, познакомился в 1824 в Финляндии), П. А. Вяземского, Д. В. Давыдова, А. С. Грибоедова (письмо А. А. Жандра М. о Грибоедове от 10 июня 1826 — ГИМ, ф. 117, № 34, л. 110—110 об.); тесно общался с двоюродными бр. Павлом А. Мухановым и Петром А. Мухановым.

Приятельскими отношениями с А. С. Пушкиным, завязавшимся в янв. 1827 (записки Пушкина к М. в февр. этого года см.: Пушкин и, XIII), не помешало решит. несогласие во взглядах на кн. Ж. де Сталь «Десять лет изгнания» (о пребывании в России; вышла на франц. яз. в 1821 и сразу же запрещена в России). В 1825 М. написал ст. «Отрывки г-жи Сталь о Финляндии, с замечаниями» (СО, 1825, № 10, с. 148—57; включала перевод самих отрывков; подпись: А. М-в), в к-рой возражал писательнице, высказавшей несправедливые, по его мнению, суждения о Финляндии, обличающие ее «ветреное легкомыслие, отсутствие наблюдательности и совершенное неведение местности» (с. 151); эта критика вызвала резкий ответ Пушкина («О г-же Сталь и о г. А. М-ве» — МТ, 1825, № 12), обвинившего М. в плохом переводе фрагментов и неуважении к автору, о к-ром «должно было говорить языком вежливым образованного человека» (с. 258). Не менее резко высказался в письме к М. от 24 авг. 1825 Пугачев, назвав его статью «легкомысленной и оскорбительной» (РА, 1905, кн. 1, с. 529).

В 1825 при посредстве Петра Муханова участвует в «Моск. телеграф», к-рый публикует его пер. («Переход Наполеона через С.-Бер-

нард» — № 17; «Сумасшедшая» — № 21, приб.; авторы не указ.). В 1827 здесь же появляются его «Выдержки из писем путешественника по Южной России» (№ 15), живо написанный очерк о поездке в июне 1827 по терр. «Польской Украины», гл. обр. о посещении знаменитого сада в имении Потоцких, польско-укр. «Версаль» — Софиевки, и городка Умань. Документальность очерка усилена включением в него восп. местных жителей о страшных набегах ногайцев и запорожцев в 1760-х гг., к-рые приводит автор к заключению о благоприятности вхождения Украины в состав России.

В архиве М. сохранилось неск. рукописей ист. и критического характера, оставшихся неопубл. и б. ч. незавершенными: «План и мат-лы для составления ист. записок о России во время царствования царя Алексея Михайловича» (ГИМ, ф. 117, № 19, л. 9—13); «Замечания при чтении „Истории Государства Российского“» (л. 14—16 об.); заметка «Мои толки на толки г. Ф. Булгарина» (л. 17—20 об.; ст. Булгарина — СП, 1825, 22 дек.); ответ на суждение Н. А. Полевого о характере царствования Бориса Годунова (из ст. Полевого — МТ, 1827, № 17); «Разбор книги под заглавием „Собрание разных сочинений Е. Фукса... 1827 г.“» (л. 21—25 об.). Не были также напечатаны др. переводы (ГИМ, ф. 117, № 20) и очерки М. (№ 19, л. 27—43 об.; нек-рые из них сохранились в обложке с надписью: «Для отсылки в „Телеграф“»), в т. ч. описание сельской ярмарки (без назв.), «Вечер на Переяславском озере» (датирован: «26-го июля 1824»), «Час, или Привидение» и др.

С 1820 М. вел дневник (первая из сохранившихся записей от 29 окт. — ГИМ, ф. 117, № 21, л. 1), принявший в 1825 форму писем братьям («Только прошу сохранить эти письма, — писал он 25 нояб. 1825 бр. Владимиру, — дабы они могли со временем составить, так сказать, для меня мой Дневник», см.: «Дневники и письма А. А. Муханова» — Шукинский сб., в. 3, М., 1904, с. 177; дневник опубл. частично, автограф см.: ГИМ, ф. 117, № 21). В дневнике и письмах М. предстает человеком самоуглубленным, склонным к лаконичному выразит. портретированию своих знакомцев (напр., «свояка» Анд. Н. Муравьева: «Ему 21 год: учености, начитанности невероятной; прибавь к этому отличный ум с пламенным воображением, с необычайной чувствительностью, и это все в оболочке ребяческой, или лучше сказать, женской; наружность прелестная!» — в письме к бр. Николаю от 22 авг. 1826; см.: Шукинский сб., в. 4, М., 1905, с. 110).

Внезапно скончался незадолго до свадьбы с А. К. Шерваль (познакомился в Филиппин; в кон. 1824 — нач. 1825 в любви к ней он оказался счастливым соперником Баратынского, что окрасило нек-рой извечностью стих. поэта «Запрос Муханову», 1825).

Муханов Владимир Алексеевич (1805—1876), автор дневника. С 1826 камер-юнкер, переводчик при Моск. архиве Мин-ва иностр. дел; в отличие от Николая, не достиг высоких чинов: как человек болезненный рано оставил службу. Наделенный худож. вкусом, живо интересовался лит-рой, чему способствовало и то, что среди его знакомых было немало писателей: А. С. Хомяков, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и др. В 1820-е гг. вел интенсивную переписку с Анд. Н. Муравьевым, в т. ч. на лит. темы (письма Муравьева марта—мая 1827 см.: Шукинский сб., в. 5, М., 1906, с. 249—57). Однако в письме к брату Ал-дру от 10 ноября 1827 признает Муравьева весьма посредственным поэтом: «Жаль этого человека — стихи его погубит, а он мог бы под стать свою принести мстичко и быть по силам полезным» (там же, с. 294). М. постоянно вел дневник (опубл. частично: [Из дневника В. Муханова] — РА, 1896, кн. 3; 1897, кн. 1—2; 1900, кн. 1), в к-ром фиксировал полн. и придворные новости, суждения о современниках (напр., о В. А. Жуковском, Я. Н. Толстом, П. А. Вяземском, Ю. Ф. Самарине, Ф. И. Тютчеве, А. О. Смирновой-Россет, О. де Балзак), анекдоты из рус. истории, путевые наблюдения, нравственно-христ. максимы. В дневнике февр.—марта 1837 ряд записей посв. кончине Пушкина (опубл. В. Ф. Саводинком под названием «Моск. отголоски дуэли и смерти Пушкина» — в кн.: Моск. пушкинист, в. 1, М., 1927).

Лит.: [Письмо Хомякова к М.]. — Хомяков, VIII, 1904, с. 19—20; Пушкин. Иссл., IX, 19—20; Пушкин. Письма, I, 515—16; Два письма Е. А. Баратынского к М. — РА, 1895, кн. 3, с. 125; [Письмо Баратынского к М.]. — В кн.: Баратынский Е. А., Стих. Письма. Восп. современников, М., 1887, с. 168—69; Баратынский Е. А., Стих. Поэмы, М., 1982, с. 329, 660; Хетсо Г., Е. Баратынский, Осло — [и др.], 1973 (ук.); Песков А. М., Баратынский, М., 1990 (ук., в т. ч. об А. Шерваль); Ginsburg M., From a family archive 1824—1834. A. Muxanov's tour of duty in Finland. — «Scando-Slavica», t. 7, 1961, p. 5—19; Бартеев П., Некролог [Владимиру]. — МВед, 1876, I дек.; Синверс А. А., Мат-лы к родовословию Мухановых, СПб., [1909] (ук.); ИДРВ (оба брата); Черейский. См. также Лит. при ст. Муханов Н. А.

Архивы: ГИМ, ф. 117; РГБ, ф. 178 и 417. Е. Е. Пастернак

МУХАНОВ Николай Алексеевич [23.6(5.7).1802, Москва — 20.4(2.5).1871, Петербург; похоронен в с. Успенском (Муханове) Александров. у. Владимир. губ.], мемуарист. Брат А. А. Муханова. Из дворян Рязан. губ. Отец, Ал. Ильич (ум. 1832), — человек «прозорливого ума и непоколебимой твердости» (РА, 1878, кн. 1, с. 210), поч. опекун при моск. Воспитат. доме, управляющий Мариинской больницей, с 1822 д. тайный сов., имел собственный дом на Остоженке, во 2-м Илинском переулке (№ 7, не сохр.). Мать — Варв. Мик. (урожд. кн. Трубецкая, 1766—1813).

Дети — бр. Ал-др, Николай, Владимир (о нем см. в ст. Ал-др Муханов) и четыре сестры (все жизнь прожили в Москве) — воспитывались в традициях большого семейного клана и сохраняли родств. связи до кон. дней; часто возвращались мыслями к 1812 году, запомнившемуся не только славными оставлением Москвою, но и последними месяцами жизни матери (из дневника Н. в В. Мухановых: РА, 1911, кн. 3, с. 289; РА, 1897, кн. 1, с. 103). Братьев объединяли ду-

шевная близость и тесная дружба, «напоминавшая собою примеры классич. древности» (П. И. Бартеев — МВед, 1876, I дек., с. 4). Они вели постоянную переписку (см.: Шукинский сб., в. 3—5, 10). С нач. 20-х гг. стали заметными фигурами лит. жизни Москвы и Петербурга.

М. был крестником имп. Марии Фёдоровны. Д. Н. Свербеев запомнил его среди вольнослушателей Моск. ун-та (Свербеев Д. Н., Записки, т. 1, М., 1899, с. 109—10). Выдержав экзамен в Гл. штабе с.и.в., в сент. 1819 зачислен в л.-гв. Измайлов. полк подпоручиком; через год переведен в Оренбург. уланский полк корнетом. Как сообщал П. А. Вяземский в письме В. А. Жуковскому 27 авг. 1823, летом 1822 М. «был с Батюшковым [лечившимся] на Кавказе и видал его довольно часто» (сам Вяземский еще едва знаком с М.; см.: РА, 1900, кн. 1, с. 190).

Через бр. Ал-дра и двоюродного — Петра А. Муханова — завязывает лит. знакомства с А. С. Грибоедовым, А. С. Пушкиным, Д. В. Давыдовым, К. Ф. Рылеевым, Е. А. Баратынским, Н. В. Пугачевым и др. (с двумя последними знакомится, вероятно, в янв. 1825, навещая бр. Ал-дра в Гельсингфорсе; см.: Шукинский сб., в. 3, М., 1904, с. 176). «Всесторонне образованный», общит. и «разговорчивый», М. легко сходилась с людьми (восп. А. В. Мещерского — РА, 1900, кн. 3, с. 312; «Пушкин в письмах Карамзиных», с. 96; ср. также: Никитенко, II, 18). Производил впечатление веселого человека, хотя в дневнике и письмах к близким с юных лет жаловался на грусть: «верная спутница! повсюду и везде!» (ГИМ, ф. 117, № 87, л. 67, 1828; ср.: дневник 1835 — № 83, л. 51—52).

Вероятно, в февр. 1823 в Москве завязались его дружеские отношения с А. А. Бестужевым (М. был в отпуске — ГИМ, ф. 117, № 36, л. 19), к-рые были продолжены по возвращении в Петербург: в 1824—25 М. постоянно видится с ним и декабри-

стом Н. П. Окуловым. По словам Бестужева, они «вели жизнь довольно беспорядочную» («Памяти декабристов», с. 91). 23 июня 1824 в гостях у М. познакомились Бестужев и Грибоедов, в 1825 М. через Бестужева свел знакомство с Н. Н. Оржицким.

В том же 1824 познакомился в Петербурге с корнетом конной гвардии А. С. Хомяковым; с 1827 стали близкими друзьями, что не умерло их частых споров (ГИМ, ф. 117, № 87, л. 6). М. ценил в Хомякове «невинность точно детскую, а при том суждение зрелое и чисто глубокое» (Шукинский сб., в. 10, М., 1912, с. 354). В нач. 1827 в их беседах участвовал Д. В. Веневитинов (бр. Хомяковы жили с ним на одной квартире). «Мы видались ежедневно, и эта кратковременная эпоха [Веневитинов вскоре скончался на глазах у М.] никогда не выйдет из моей памяти: сколько в ней было игривости ума, пылкости и прелести!» (РА, 1887, кн. 1, с. 244); М. писал бр. Ал-дру в 1828 о своей дружбе с Хомяковым: «смерть [Веневитинова] и горесть нас сроднили» (ГИМ, ф. 117, № 87, л. 78 об.; ср.: л. 3 об.—4).

С апр. 1823 служил в Гусар. полку, но уже 12 авг. назначен адъютантом петерб. ген.-губ. П. В. Голенищев-Кутузова. В день мятежа, 14 дек. 1825, находился при Николае I, за «усердие и точность в исполнении Высочайших повелений» (Сиверс, с. 99) получил офиц. признательность; с янв. 1826 — поручик. Принимал участие в судьбе заключенных декабристов Муханова (Муханов П., с. 206) и своего союзики Ал-дра Н. Муравьева (ГМ, 1920—21, с. 107—08). Навещал находившегося под арестом Грибоедова и помогал ему (письма Грибоедова к М. см.: Грибоедов А. С., ПСС, т. 3, П., 1917, с. 152—53). После его освобождения писал бр. Владимиру: «Пока буду часто видется с Грибоедовым да с Вяземским, а как они уедут, то хоть умирай с тоски» (1826; ГИМ, ф. 117, № 88, л. 6). С Вяземским М. на мн. годы связала прочная дружба; он не раз исполнял его разл. просьбы и поручения, а в нач. 1861 занимался подготовкой к празднованию 50-летия его лит. деятельности. Вяземский посвятил бр. Ник. и Вл. Мухановым стих. «Баден-Баден» (1855 ?). (К услугам М., в т. ч. по издательским делам, прибегал также Д. В. Давыдов.)

Знакомство с Пушкиным состоялось в мае 1827: он привез М. из Москвы письмо от бр. Ал-дра, в к-ром тот писал: «Постарайся с ним сблизиться; нельзя довольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе...» (РА, 1899, кн. 3, с. 295). М., как и его братья, давно любивший поэзию Пушкина, воспользовался советом. Весной 1828 писал Владими-

ру, что его «иногда посещает... Пушкин и Вяземский» (ГИМ, ф. 117, № 87, л. 78 об.); М. был в гостях у Пушкина 30 апр. (одновременно с Жуковским, Вяземским, Хомяковым, А. Мишкевичем и др.); в сер. мая они вместе обедали в Екатерингофе; 25 мая ездили в Кронштадт; не раз встречались и в Английском клубе. В дневнике кон. июня — нач. июля 1832 М. записал содержание неск. разговоров с Пушкиным (опубл. под назв. «Из дневника Н. А. Муханова» — РА, 1897, кн. 1, с. 653—57; переизд. по автографу: Пушкин в восп., т. 2, с. 220—22); 29 июня — горячий спор с Вяземским (тогда благоговевшим перед Францией), в к-ром Пушкин развивал мотивы стих. «Клеветникам России»; 5 июля — беседа М., Пушкина и А. П. Толстого (давнего друга М.; его письма к М. 1827—33 см.: Сб. старинных бумаг..., т. 9, М., 1901), в к-рой поэт обвинял Вяземского в ожесточении и нелюбви к России и соглашался с мнением Толстого «о несчастном уничтожении, с к-рым писатели наши говорят об отечестве». В авг. 1836 Пушкин показал М. только что написанное стих. «Памятник» («Пьеса прекрасна», — сказал М. А. Н. Карамзину, — «Пушкин в письмах Карамзиных», с. 96).

С кон. 1829 М. — штабс-ротмистр. В апр. 1830 по болезни уволен от воен. службы и определен к статским делам (в чине коллеж. асс.). тогда же пожелав в камереры, с мая — чиновник особых поручений в Мин-ве внутр. дел. В септ., находясь в Москве, он следил по указанию А. А. Закревского в моск. мед. конторе за исполнением его распоряжений по борьбе с холерой (донесения М. см.: Сб. старинных бумаг..., т. 6, М., 1900, с. 59—69; письма Закревского к М. — Шукинский сб., в. 1, М., 1902, с. 373—376; в. 5, М., 1906, с. 260—70). Письма М. были для многих достоверным источником сведений об эпидемии и волнениях в Москве (у него спрашивал Вяземский, швейц. эмигрант Ф. Кристин в письме к кн. Туркестановой цитировал слова М.). В ноябре 1831 «за отличную усердную службу» он был пожалован в надв. советники (Сиверс, с. 99—100). В 1832 сопровождал в заграничное путешествие «болезненного и изуродованного долготлетним недугом» бр. Владимира, проявляя «нежную заботливость и отеческую попечительность» (В. Муханов — РА, 1897, кн. 1, с. 75); по возвращении Владимир переехал к брату в Петербург, и они практически не расставались.

В июле 1832 М. был командирован в Астрахан. губ. Поездка отразилась в дневниковых записях «Служебная поездка в Астрахань. Из записной книжки...» (РА, 1911, кн. 3, с. 289—95), где этногр. зарисовки (напр., армянской свадьбы) сменяются описанием нравов и местных властей, подчас остро критическим. В марте 1842, будучи причислен к Мин-ву юстиции, ревизовал «судебные места» Волын. губ. В 1845 пожалован в д. стат. сов.; в том же году на него возложен обзор действий временного присутствия герольдии.

Весной 1846 с братом уехал в Париж. В авг. в Остее (Бельгия) они познакомились и часто видались с Н. В. Гоголем (А. О. Сидорова-Росет, добрая знакомая М., рекомендовала их Го-

голю письмом от 29 июля); в их об-во входил также А. П. Толстой, заботливо опекавший Гоголя в последние годы. Весной 1847 бр. Мухановы жили с Гоголем в Париже в одной гостинице. Летом, проведя один день у Жуковского во Франкфурте-на-Майне, выдвинулся также с Гоголем; вместе с ним были в Остее на морских купаньях; снова же в авг. приехали Ф. И. Тютчев и Хомяков. В письмах братья жаловались, что им «путешествие довольно постыло» (РГБ, ф. 178, к. 9504, № 2, л. 4), в чем в первую очередь сказывалась ностальгия, характерная для русского за границей (ср. письмо М. из Рима к А. Я. Булгакову 1834: «Вос 6 месяцев, что я путешествую, я постоянно думаю о России и о счастье увидеть вновь свой очаг, ибо, что касается мнения путешественников вообще, я считаю, ничто не лучше, чем у нас» — РГБ, ф. 41, к. 111, № 2, л. 1). Искренность этой испригнн к загранич. в нач. 50-х гг. подверг сомнению Хомяков: «Кто такой враг чужим немецким землям, как Ник. Алексеевич? А уж куда нетероплив он возмрат на хваленую родину!» (из письма к М. С. Мухановой, двоюродной сестре М., — Хомяков, VIII, 400).

После перерыва в службе (с 1848) в янв. 1854 получил назначение в Моск. опекунский совет почетным опекуном (позднее был членом мн. опекунских советов, в т. ч. моск. Елизаветин. уч-ща, петерб. Патриотич. ин-та). С 1856 тайный сов., обер-форшнейдер двора с.и.в. (при Александре II — чин 2-го кл.), чл. комиссии по построению храма Христа Спасителя. Пользуясь высоким покровительством, всегда, по словам брата, «находит случай оказать добрым словом пользу ближнему» (РА, 1897, кн. 1, с. 84).

В 1858—61 товарищ мин. нар. просвещения, сенатор. Входил (совм. с А. В. Адлербергом и А. Е. Тимашевым) в Комитет по делам книгопечатания (1859), призванный летисро воздействовать на печать и лит-ру, сообразуясь с «видами правительства». Введенный вскоре в к-т А. В. Никитенко, верный своим «либерально-консервативным» принципам (Никитенко, II, 79), стремился превратить его в примиряющий писателей и власть, а не запретительный орган. Никитенко оценивал М. в «надзирательской» роли по-разному: не ум, а «призрак ума»; вел себе «осторожно» или «умно и удачно»; «странный человек... Он вертится... по дуновению в данную минуту действующих на него мнений» (II, 99); но во время обсуждения «ретроградных» (II, 192) ценз. идей (1861) в Гл. управлении цензуры, членом к-рого М. назначили в нач. 1860, он, по слову Никитенко, «председательствовал и вел себя очень хорошо» (там же).

А. И. Герцен неоднократно насмехался над должностными деланиями М., называя его «нарезчиком дичи» в лит-ре (обыгрывая перевод придворного звания обер-форшнейдер: «человек, к-рый разрезает мясо и птицу за царским столом»); особенно язвительны его комм. к опубликованному в «Колоколе» «секретному письму» М. к пред. Моск. ценз. к-та, к-рое отчасти послужило отплате цензора А. Н. Драшусова, мужа Е. А. Драшусовой (см. об этом: Никитенко, II, 577—78). В 1861—66 М. был товарищем мин. интср. дел. Герцен осматр. и назначение М., и покровительство ему самого мин. — А. И. Горчакова в ст. «Человек, рожденный быть товарищем» (1861). В 1866 М. произведен в д. тайные сов., назначен членом Гос. Совета.

М. оставил значительное рукоп. наследие (дневники, записные книжки, обширную переписку с писателями — см. раздел *Архивы*), достойное изучения биографами и историками лит-ры. Свидетельство тому помимо приведенных дневниковых отрывков о Пушкине — «Воспоминание об А. С. Хомякове» (РА, 1887, кн. 1).

Подробно воспроизведя ранний, наиб. интенсивный период их общения (от знакомства до отъезда Хомякова в действующую армию в нач. русско-турецкой войны весной 1828), мемуары в осн. чаше посвящены впечатлениям и раздумьям М. (более «позднего времени» — с. 243) о неск-рых особенностях психич., нравств. и умственного склада личности Хомякова: с молодых лет жизнь вел «строгую, держал все посты», «одарен сильным характером», «добросердечием», «особенной живостью ума и глубокомыслием»; но странная мгновенная перемена стиля собеседования: один на один рассуждал о вопросах «вышей важности» последовательно и логично, а при появлении новых слушателей тотчас прибегал к самым «парадоксальным воззрениям», защищая их «доводами, неощущенными необыкновенною живостью и ирривостию» (с. 244). Весьма ценно свидетельство М., что своим настоящим призванием будущий религ. мыслитель считал «военное поприще», несбыточность к-рого (очевидно, из-за физич. недостатка — сутулости), по мысли М., заронила в его сердце на всю жизнь чувство «скрытой горечи» (более осторожно — о «сожалении» Хомякова — вспоминала его дочь М. А. Хомякова — ГИМ, ф. 178, № 1, л. 60 об.; ср. категорично противоположное мнение: Смирнова-Россет, с. 501).

Вероятно, с нач. 1830 их отношения становились более прохладными, чему отчасти способствовал переезд Хомякова в Москву. Он лишь изредка передавал поклоны бывшему другу, живущему в благоденствующем «во граде Вавилон» (Хомяков, VIII, 182, 190), и подлинял над его служебными успехами. Осенью 1858 он писал Ю. Ф. Самарину: «М. был здесь и от меня прятался» (там же, прил., с. 51). К этому времени относится его стихотв. послание «Благодарствую меценату», посвящ. М. (по утверждению П. И. Бартењева). Если в «Экспромте. К Н. А. (Муханову)», написанном перед разлукой с другом в 1828, поэт романтизирует его личность (цитируя сс невольностью участвовать в «бурых сечах»), то послание, начиная с заглавия, проникнуто иронией (хоть и не злобной) по отношению к «мудрому другу», испившему «жубок роскоши ленивой» и поощряющему за чашей крутой «наш строгий поэт, наш труд бессонный — / Плесбейской веры был простой». Ирония, однако, не оспаривает благожелательного внимания мецената к деятельности кружка славянофилов.

Лит.: Пушкин, XIII—XIV (ук.); Восп. Бестужевых, М.—Л., 1951 (ук.); Вяземский, IX (ук.); X, 188, 210, 254; [Письма П. А. Вяземского к М.]. — РА, 1905, кн. 1, с. 320—29; Декабристы в восп. современников, М., 1988 (ук.); Хомяков, VIII, 1904, с. 24—26, 400—01; Гоголь, XIII (ук.); Герцен, XIV—XV (ук.); Никитенко (ук.); Плестнев, III, 236, 471; Письма кн. П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову, — РА, 1879, кн. 2, с. 115; [Письма Ф. Кристины Туркестановой]. — РА, 1884, кн. 3, прил., с. 122, 150; Отчет Имп. публичной б-ки за 1887 г., СПб., 1890, прил., с. 46; Из зап. книжки дипломата. 1827—1859. [О высшем зап. комитете]. — РА, 1895, кн. 1, с. 118; Шенрок В. И., Мат-лы для биографии Гоголя, т. 4, М., 1897, с. 390 (и ук.); Письмо Н. В. (Путятя) к М., 1825. — РА, 1899, кн. 2, с. 357; Сб. старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, т. 6, 8—10, М., 1900—02; Щукинский сб., в. 1, 4—5, 8—10, М., 1902—12; Милловский Н., К биографии Гоголя. (О знакомстве его с бр. Мухановыми), М., 1902; Очерк истории Мин-ва иностр. дел, СПб., 1902, с. 161 и прил., с. 3—4; Барсуков Н., Кн. Вяземский и Пушкин. — В сб.: «Старина и новизна», кн. 8, М., 1904, с. 28, 48; Рассказы о Пушкине, записанные... П. И. Бартењевым, Л., 1925, с. 42, 110; Памяти дека-

бристов, в. 1, Л., 1926, с. 58—60, 63—67, 89, 91; Моск. пушкинист, в. 2, М., 1930, с. 257; «Звенья», т. 3/4, М.—Л., 1934, с. 217—20; т. 6, 1936, с. 291, 293; т. 9, 1951, с. 273—74, 298, 310, 395, 405, 418—19; Пушкин в письмах Карамзинных. 1836—1837 гг., М.—Л., 1960 (ук.); Алексеев М. П., Стих. Пушкина «Я памятник себе воздвиг...», Л., 1967, с. 112—15; Новонайденный автограф Пушкина, М.—Л., 1968, с. 97—98; Хомяков А. С., Стих. и драмы, Л., 1969, комм., с. 551, 572 (БПбс, 2-е изд.); Тютчев Ф. И., Соч., т. 2, М., 1984 (ук.); Вяземский П. А., Стих., Л., 1986, прим., с. 516 (БПбс, 3-е изд.); Смирнова-Россет (ук.); Тютчева А. Ф., При дворе двух императоров, М., 1990, с. 80; Муханов П. А., Соч., письма, Иркутск, 1991 (ук.); Долгоруков П. В., Петерб. очерки, М., 1992 (ук.); ЛН, т. 58 (ук.); т. 60, кн. 1, с. 223; Kauchishchwilli N., L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjazemskij, Mil., 1964, p. 164, 310. + Сиверс А. А., Мат-лы к родословию Мухановых, СПб., [1909] (ук.); ИДРДВ: Черейский.

Архивы: Ежегод. ГИМ. 1959, М., 1961, с. 136—55 (обзор фонда Мухановых); ГИМ, ф. 117, № 36—37 (личные документы М.); № 36, л. 19—28 — ф.с. 1870); № 81—85 (дневники и записные книжки), № 118 (письма А. С. и С. А. Хомяковых к М.), № 262 (письма П. А. Вяземского к М.), № 264 (письма Д. В. Давыдова к М.); РГБ, ф. 178, к. 9504, № 2 (письма М. остр-рам); ф. 231/II, к. 21, № 71 (письма М. П. Погодину); ф. 327/II, к. 10, № 72 (письма М. П. Щербинину); ф. 218, к. 1068, № 22; РНБ, ф. 167, № 115; ф. 608, к. 1, № 4552 (акварельный пейзаж работы М. 1852); ИРЛИ, ф. 66, № 438 (письмо Г. Г. Гагарину 1861); РГАДА, ф. 30, № 74; РГАЛИ, ф. 195, кн. 1, № 3385, № 2364 (письма П. А. Вяземскому); ф. 450, к. 1, № 15, 21 (письма С. А. Соболевскому).

Е. Е. Пастернак.

МУХАНОВ Павел Александрович [6(17).1.1798*, по др. сведениям — 4(15).12.1797**, Москва (?) — 16(28).12.1871, Вюрцбург, Бавария; похоронен в Москве, на кладб. Новодевичьего мон.), историк, археограф, публицист. Брат Петра А. Муханова, двоюродный брат А. А. Муханова, Н. А. Муханова и В. А. Муханова. Учился в Моск. ун-те на одном ф-те с братом; с ним же вместе окончил Уч-ще колонновожатых прапорщиком (1816; с 1819 — поручик); прекрасно знал франц. яз., говорил по-немецки, свободно читал англ. тексты, позже как родным владел польским. С 1821 адъютант коман-

дующего 5-го пех. корпуса гр. П. А. Толстого; штабс-капитан л.-гв. Драгунского полка.

С юности оба брата увлекались историей и лит-рой; входили в лит. кружок «Общество громкого смеха»; с кон. 10-х гг. общались с моск. и петерб. литераторами, в частности М. был «коротким приятелем» А. С. Пушкина еще «по петерб. жизни» (до мая 1820). Позже неоднократно встречался с поэтом в 1827 в Москве, а в апреле, став его секундантом в предстоящей дуэли с В. Д. Соломирским, решительно содействовал их примирению (см. его воспоминания, записанные М. И. Семевским: РВ, 1869, № 11, с. 81—85); 15 мая 1827 присутствовал вместе с П. А. Вяземским, Е. А. Баратынским, И. М. Снегиревым у М. П. Погодина на прощальном завтраке по случаю отъезда Пушкина в Петербург. 29 апр. 1830, будучи на новоселье Погодина, сделал приписку к его письму С. П. Шевыреву в Италию наряду с Пушкиным и др. гостями (С. Т. Аксаков, Н. М. Языков, А. С. Хомяков — РА, 1882, кн. 3, с. 145). Общение с поэтом происходило и в Петербурге, преим. в доме Е. А. Карамзиной, где часто бывали также В. А. Жуковский, Хомяков, А. И. Тургенев, а также в доме А. О. Смирновой-Россет. В Москве ок. 1825 приводил А. Мицкевича в дом деда будущей поэтессы Е. П. Ростопчиной. Почти полвека М. пребывал в «постоянно близких, дружеских отношениях» с Погодиным (в 1825 участвовал в его альб. «Уrania... на 1826 г.» как публикатор дерзкого письма М. В. Ломоносова к гр. И. И. Шувалову от 19 янв. 1761).

«Судьба любимого брата [декабриста] поразила его жестоко; он часто посылал «несчастному заточеннику» книги (Погодин, с. 336—337). Но суровое признание брата «гос. преступником» отнюдь не мешало служебным успехам М. Его участие в сражениях русско-тур. войн 1828—29 отмечено орденами и золотым оружием (летом 1829 не раз встречался с Хомяковым (Щукинский сб., в. 1, М., 1902, с. 392, 394), зарекомендовав себя в его глазах человеком «деятельности ... рвения ... воинственного духа» (Хомяков, VIII, 1904, с. 22); М., в свою очередь, с сочувствием относился к творчеству Хомякова; так, в 1832 он извещал А. Муханова: «Хомяков пишет трагедию Самозванец... кажется, трагедия будет изрядная» (Щукинский сб., в. 3, М., 1904, с. 173—74)).

За отличие в Польской кампании 1830—31 М. награжден двумя орденами, произведен (до взятия Варшавы) в полковники с назначением состоять при главнокомандующем И. Ф. Паскевиче по особым поручениям; в 1832 возглавлял Варшав. квартирную комиссию. Женился на вдов. полков. В 1834 вышел в отставку и поселился в Москве.

Финансовые затруднения, вызванные отставкой, понуждали М. более интенсивно заняться своим небольшим именем на Тамбовщине. Опыт помещика-земледела побудил к написанию новых работ о хозяйствовании на селе (первые его статьи — о самородности славянского, в т. ч. русского, земледелия — опубл. еще в

кон. 20-х гг. в «Земледельческом ж-ле»); «**Портфель для хозяев**» [т. 1—3, М., 1834; 2-е, «умноженное», изд. с пояснением в назв. («или Курс сел. архитектуры»), т. 1—2, М., 1840], «**Памятная книга для хозяев**» (М., 1838). В 1835 избран чл. ВЭО и Моск. об-ва сельского хозяйства.

Однако в основном годы отставки посвящены ист. работам и изданиям: «Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши, пресм. во время самозванцев» [собр. документов (письма: Сигизмунда III к московским комиссарам, Марини Мишкис и др.) и обширная ст. М. «Поход Владислава в Россию в 1617 и 1618 годах»: все на рус. и польском яз. параллельно; М., 1834]. Изд. высоко оценил О. И. Сенковский: «Отпечаток руки ученой и искусной... Вкус, точность, разборчивость и умелость» (БлЧ, 1834, т. 4, ч. 2, с. 29).

«Рукопись Жолковского...» (М., 1835; тексты на польском и рус. яз.; хвалебный рец. — БлЧ, 1835, т. 11; польские историки знали о ней, но медлили с публикацией) и «Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея России» (о смутном времени; М., 1837; за несудостой «монаршего благоволения»; матв. условное: возможно, Филарет лишь читал и сделал поправки в рукописи, написанной неск. лицами; собраны подробные сведения о самом Филарете).

Ист. драме взаимоотношений Польши и России посвящены также документ. издания «**Штурм Праги 24 окт. 1794**» (М., 1835; Прага — вост. часть Варшавы) и частично «Сборник Муханова» (М., 1836), где помещено ок. 200 документов по русской истории вообще.

Все изд. снабжены комм. и предисловиями, в к-рых автор, следуя ист. документам, склоняется к двум итоговым суждениям, весьма актуальным в течение ряда веков для политики России в отношении непосредств. зап. соседей: акты из т. н. Литовской метрики (от 1368 и до слияния Великого княжества Литовского с Королевской Польшей — см. предисл. к «Сб.») свидетельствуют, что рус. зап. провинции (ныне — «возвращенные губ.») «были населены русскими» («почти все жители говорили на рус. яз.», на нем же велось судопроизводство и дипломатия), исповедовавшимися «греко-рос. веру»; «выгоды... соединения» Польши и России были несомненны, что еще 200 лет назад постигал Жолковский (см. предисл. к «Рукописи Жолковского...»). В 1836 М. избран чл. ОИДР.

С 1842 М. вновь служит в Польше. Будучи «солидной ученой силой» и человеком с «определенными взглядами и сильным характером» (Сидоров, с. 103, 124), успешно делает карьеру: с 1850 (1851?) попечитель Варшавского учебного округа, к 1856 — Гл. дир. Комиссии внутр. и духовных дел Царства Польского. Женится вторым браком на полячке (у них родились дочь и сын, умерший в 9 лет). В 1861 под давлением польских радикальных националистов отозван в Россию и по высочайшему повелению назначен чл. Гос. Совета (с 1867 д. тайный сов.); в 1871 награжден орд. св. Александра Невского.

В 60-е гг. ист. занятия вновь становятся для М. основными. Он выпускает второе, фундамент. издание «Сб. Муханова» (включив «Рукопись Филарета», новые арх. документы и значительно расширив комм.; СПб., 1866; рец.: ВЕ, 1866, № 4), сохранившего значение первоисточника и в 20 в. В 1871, за неск. мес. до смерти М., в Петербурге выходит 2-е изд.

«Рукописи Жолковского...» (под назв. — «Записки гетмана Жолковского о Моск. войне»), с 37 новыми документами в приложении (всего — 44) и сжатым биогр. очерком о самом С. Жолковском — «достойном гос. деятеле», «благородном и честном человеке и гражданине», «русском по происхождению» (из Червонной Руси, или Галиции). Издает отд. книгой научно-методич. работу для молодых историков «**Что желательно для рус. истории**» (СПб., 1870; ее первонач., более краткий вариант помещен в «Сб. Муханова» 1866 под авторским назв. «Desiderata»). Одновременно отдается библиофильству; сотрудничает в Археографич. комиссии (с 1869 — ее председатель); публикует в «Рус. старине» ценные мат-лы о последнем Польском восстании 1863—64. В марте 1871 избран чл. Рус. ист. об-ва. Его эпистолярное наследие (письма Погодину, Вяземскому, С. А. Соболевскому, Н. П. Барсукову и др. — см. раздел Архивы) интересно для историков, в т. ч. историков культуры.

Др. произв.: «Статистич. таблица европ. государств» (М., 1835), «Каталог ист. памятникам, собранным и изданным М.» (М., 1836), «Полный курс каллиграфии (для сел. нар. училищ)» (М., 1837), «Каталог актов XIV, XV, XVI и XVII в., принесенных в дар Моск. публичному музею М.» (СПб., 1865), «Заметка М. на „Записки“ гр. Е. Ф. Комаровского» (РА, 1892, кн. 3, с. 239).

Лит.: Жихарев (ук.); Греч (ук.); Герцен (ук.); Грот и Плестнев (ук.); Ивановский А. Д., П. А. Муханов, СПб., 1872; Погодин М. П., В память о М. — РС, 1872, № 2; Барсуков (ук.); Краткие сведения о рус. писателях, умерших в 1871 г. — РА, 1873, кн. 2; Из записок М. С. Мухановой (двоюродной сестры). — РА, 1878, кн. 1, с. 209—15, 299—325 (о роде Мухановых); Березин-Ширяев Я., О моем знакомстве с М. — РА, 1879, кн. 1; Письмо М. к А. С. Норову (1857). — РА, 1888, кн. 3; Записка Н. Н. Муравьева-Карского. — Там же, с. 386; Валуев П. А., Дневник, т. 1—2, М., 1961 (ук.); Сидоров А. А., Русские и рус. жизнь в Варшаве (1815—1895), в. 2, Варшава, 1899, с. 103—04, 122, 124; Дневники и письма А. А. Муханова. — В кн.: Шукшинский сб., в. 3, М., 1904; Пушкин. Временник. 1967—1968, 1970, с. 74—75. + Сиверс А. А., Мат-лы к родословию Мухановых, СПб., [1909]; Брокгауз; Венгеров. Источ.* (библ.: 56 номеров); Черский; ИДРДВ; Декабристы*; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 589 (2 письма П. И. Бартенева, 1869); ф. 87, оп. 1, № 64—66 (29 писем Н. П. Барсукову); ф. 195, № 2365 (20 писем П. А. Вяземскому, 1813—60); ф. 373, оп. 1, № 248 (19 писем М. П. Погодину, 1866—71); ф. 450, оп. 1, № 11, 15, 21 (18 писем С. А. Соболевскому); ф. 1863, оп. 1, № 47 (ф. с. 1850, 1856, 1869 гг.); ф. 2591, оп. 1, № 447 (фото, 2-я пол. 19 в.); РНБ, ф. 664 (10 писем П. И. Саввантову, 1864—71); ГИМ, ф. 117, д. 97 (письма А. А. Муханову, в т. ч. о судьбе брата-декабриста и о русско-тур. войне — 1826—32, а также из Варшавы — 1859—1865); РГВИА, ф. 395, оп. 23, д. 297 (ф. с. 1834 г.) [справка Н. Ю. Муравейниковой].

Г. В. Чилин.

МУХАНОВ Пётр Александрович [7(18).1.1799, Москва (?) — 12(24).2.1854, Иркутск; похоронен в Знаменском мон.], беллетрист, очеркист, во-

енный историк; декабрист. Брат Павла А. Муханова. Из родовитой дворян. семьи: отец, Ал-др Ильич, полк., губернатор в Казани (1799—1801), Полтаве, Рязани; мать, Нат. Ал-дровна, урожд. Саблукова, сестра ген.-лейтенанта Н. А. Саблукова, автора восп. о времени имп. Павла I (см. в кн.: Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и совр., 2-е изд., СПб., 1908). В юности «часто живал» в родовом имении Успенском (Муханове) Александров. у. Владимир. губ. Получив дом. образование, в 1813—15 вольнослушателем обучался в Моск. ун-те красноречию, истории, статистике. По окончании Уч-ща колонновожатых (1816) служил в свите по квартирмейстер. час-

ти; в марте 1819 переведен в Петербург в пионерный батальон, затем в л.-гв. Саперный; с 1821 в л.-гв. Измайлов. полку. С апр. 1823 по ноябрь 1824 адъютант ген. Н. Н. Раевского в Киеве (с янв. 1824 штабс-капитан). В 1818 вступил в преддекабрист. Союз благоденствия. В 1824 принят (М. П. Бестужевым-Рюминым) в Южное об-во с поручением «узнавать о злоупотреблениях правительства... и причинах нар. негодования в губерниях» (Восстание декабристов, III, 143).

К лит. занятиям (наряду с самостоятельно продолжаемыми научными) приступил еще в Москве, общаясь с другом по уч-щу А. О. Корниловичем и С. Е. Раичем и посещая их лит. кружок «Об-во громкого смеха». Активизировал занятия со 2-й пол. 1821, когда задумал издавать в Петербурге ж-л «российской истории и статистич. описаний» (см.: Соч., с. 181). Такой ж-л — «Северный архив» — вышел в янв. 1822, но его издателем стал Ф. В. Булгарин; сам инициатор со временем обрел статус «одного из почтенных... корреспондентов» (СА, 1822, № 1, с. 3).

В 1-м же номере появилось его первое ист. размышление: «Подробное описание осады г. Нарвы и сражения под сим градом в 1700 г. (отрывок из Истории Петра Великого, сочиненной

ген. Аляртом)» — публикация из архивов, с собств. примечаниями; в 1824 вышли статистич. обзоры М. по Курской, Могилёв. и Тамбов. губ. с указанием псих-рых (в т. ч. социально-психол.) причин экон. трудностей и неблагополучия народа.

В нач. 1822, будучи посетителем «Кружка любителей театра» и побуждаемый начинающим композитором А. А. Алябевым, М. совместно с другом — кавалергардом П. Н. Араповым написали либретто комич. оперы «Лунная ночь, или Домовые» (поставлена в бенефис Е. С. Сандуновой — июнь 1822; рукоп. СПб ГТБ). К весне 1823 сблизился с ведущими авторами ж-ла «Сын отечества» (издатель-редактор Н. И. Греч): Ф. Н. Глинкой, П. А. Катениным, Н. А. Бестужевым и особенно — с К. Ф. Рылеевым, ставшим его другом и лит. «соревнователем» (из их переписки сохранилось 4 письма М.; см.: Соч.). В «Сыне отечества» публикуются острополюмич. военно-ист. статьи М.: «Замечания на ст. „Бой под Смоленском“» и «Замечания на ответ Г. К.» (1823, № 15, 18 — спор с Н. И. Кузузовым о важнейшем предбородинском эпизоде Отеч. войны), а также неск. переводных ст. на военные темы. Ход военных событий и исход сражений историк соотносит с нравств. установками народа, а доблесть армии опирает на крепость гражданского и добродетель, невозможную, однако, при господстве в гос-ве «безнравственности и безначалия» (Соч., с. 65). Увлеченность военной историей побудила М. в 1824 хлопотать (безуспешно) об изд. «Военного журнала» (см. развернутую программу ж-ла: там же, прил., с. 412—13).

В дек. 1823, сопровождая Раевского в Одессу, М. встретился там с А. С. Пушкиным; читал ему рукопись поэмы Рылеева «Войнаровский»; поэт прочитал ему 1-ю и 2-ю гл. «Евгения Онегина» и подарил рукопись начала поэмы «Братья-разбойники». Вернувшись в Киев в нач. 1824, М. распространял там альм. «Полярная звезда». В кон. 1824, пребывая в Москве, содействовал изданию «Дум» и поэмы «Войнаровский» Рылеева. Тогда же познакомился с издателями ж. «Моск. телеграф» и альманахов «Мнемозина» и «Уrania» — Н. А. Полевым, В. К. Кюхельбекером и М. П. Погодиным, подружился с редактором сатирич. прилож. к «Моск. телеграфу» и соиздателем «Мнемозины» — В. Ф. Одоевским.

В «Моск. телеграфе» и «Прибавлениях» к нему произошло рождение М. как прозаика — в 1825 вышли правописат. очерки и рассказы: «Сборы на бал» (приб. к № 2), «Разговор двух покойников» (№ 3; одна из любимых тем В. Одоевского), «Женские слезы» (приб. к № 3), «Невесты» (приб. к № 4), «Первый

выезд на бал» (приб. к № 6); позже их продолжили «Светлая неделя» (альм. «Уrania», М., 1826), «Дядюшка, или В наше время все было лучше» (МТ, 1827, № 9), «Визитные билеты» (альм. «Радуга», М., 1830) («Дядюшка» — б. п., остальные — под псевд.).

Нравы моск. чиновного дворянства (средней руки и отчасти аристократического) осмеяны рассказиком-моралистом с явным интересом к сословной характерности и психол. мотивации действующих лиц (ср. прямое обращение М. к традиции классич. франц. сатирико-моралистич. прозы в жанре миниатюр «Мысли и замечания в духе Лабрюйера» — МТ, 1825, № 6, март). Осмеивая мн. обряды и «почитания» фамусовской Москвы (почти одновременно создаваемой А. С. Грибоедовым в «Горе от ума»), рассказчик находит в несловном люде, в «просто-гражданине» «прекрасные пороки души, стесненные в образованных людях самолюбием, гордостью и всеми светскими чувствами» (см., напр., очерк «Светлая неделя»). Среди неоконч. произведений и набросков той поры примечательны гротесково-реалистич. начало рассказа «Три генеральши» (о знатной барыне, прикрывавшей «позорящие причуды» «личиною благотворительности», — Соч., с. 129) и зачин «натурального» очерка о представителях гор. низов «Ходок по делам» (Соч.), предвещающего «физиологии» натуральной школы.

Пребывание на Кавказе летом 1825 (по делам службы) М. запечатлел в путевых записках — «Поездка в Грузию и Карабах» (очевидно, не окончена); в опубл. из нее под видом «писем из Грузии» отрывки — «Взятие Ганжи», «Красный мост. — Воспоминание о Гильденштедте» и «Елисаветпольская долина» (МТ, 1825, № 19, 21; 1826, № 5) — наиб. знаменательны военно-ист. сведения и размышления о недавнем прошлом и современности края (гл. обр. об успешной деятельности рос. ген. П. Д. Цицианова и А. П. Ермолова), увиденного глазами рус. патриота-гуманиста, а также подробности о подвижнической помощи горцам рос. проф., путешественника и врача И. А. Гильденштедта (1745—81).

Дни декабр. восстания, разгрома и арестов встретил в Москве; в частном разговоре выказал порыв к освобождению арестованных, не останавливаясь перед возможностью царевничества. Арестован 9 янв. 1826; окончательно приговорен к 8 годам каторги (отбыл 6 лет). Места заключения: Петропавлов. крепость, Выборг, Шлиссельбург; затем каторжные работы в Читинском остроге и на Петровском Заводе. На каторге

вернулся к лит. занятиям, стал пред. лит. общества «каторжной академии» декабристов; в нач. 1829 задумал выпускать альм. «Зарница», но удалось лишь переслать в Россию П. А. Вяземскому «тетрадочку» стихов А. И. Одоевского. О прозе тех лет самого М. сохранил декабрист А. Ф. Фролов: «Повести его, с описанием рус. быта и нравов наших, представляли увлекательный рассказ ... Не знаю, в чьих руках остались произв. его легкого и даровитого пера, но они были бы ценной находкой для любого журнала» (РС, 1882, № 6, с. 713).

В янв. 1833 водворен на поселение в Братский острог, где жил одиноко, в окружении дикой природы, а в 1841 — в с. Усть-Куду, где постоянно общался с бр. А. А. и И. А. Поджио, а также с проживавшими недалеко супругами С. Г. и М. Н. Волконскими и Н. М. Муравьевым. В Братске продолжал переписку с опекавшим его долгие годы В. М. Шаховским, мужем сестры Елизаветы, самой Елизаветой и др. (Ранее переписывался с невестой, Варварой Шаховской — сестрой зятя; она приезжала в Сибирь, в авг. 1833 М. просил разрешение на брак, но власти отказали по причине родства жениха и невесты.) В письме Шаховскому из Братска от 28 марта 1838 горько сетовал на свое положение гос. преступника: «Я бы полюбил и Камчатку, если бы все прошлое смыть» (как это удалось его сваяку и другу Ал-дру Н. Муравьеву).

На поселении М. удачно занимался огородничеством, а в конце 30-х гг. изъявил желание «возвести себя в чин крестьянина», что «дало бы возможность освободиться от ... вспомогательных домашних». Однако тому было немало административных препон, о чем М. размышлял в ст. «Положение полит. ссыльных в Иркутской губернии» (ок. 1845—46; опубл. 1991).

С кон. 30-х гг. пишет публиц. заметки, продиктованные интересами и трудностями его практич. занятий: негласных (участие в золотом прииске сестры матери — С. А. Мадатовой) и гласных — земледелие, обучение детей крестьян и купцов (по словам М., «коммерческое сословие, м.б., самое образованное и нравственное в России» — Соч., с. 168). Сохранились черновики ряда статей, из к-рых самая обстоятельная — «Просвещение и образованность (о постановке народного образования в Восточной Сибири)» (написана на рубеже 40—50-х гг.; опубл. 1991). Она выявляет низкий уровень образования всех сословий и предлагает ряд серьезных мер для его повышения, без чего, по убеждению М., невозможно совершенствование как хозяйств. дел сибиряков, так и их

нравств. и гражданского сознания. В подготовке статьи принимала участие начальница Иркутского женского ин-та М. А. Дорохова (вдова Р. И. Дорохова), ставшая верным другом М.; они решили пожениться, но после получения разрешения вернуться в имение матери М. Однако Николай I оттягивал разрешение, ибо сохранил прежнее мнение о декабристе: «скрытый характер, не заслуживающий никакого доверия» (Соч., с. 49). В состоянии длительного ожидания здоровье М. ухудшалось, и все же смерть его оказалась для близких друзей внезапной.

Изд.: Соч. Письма. Иркутск, 1991 (изд. подготовлено Г. В. Чагиным).

Биогр. мат-лы: Пушкин (ук.); Пушкин. Переписка (ук.); Кюхельбекер (ук.); Восстание декабристов. III: Из записок М. С. Мухановой. — РА, 1878, кн. 1; Глинковский Н. П. История рус. Геп. штаба, т. 1. 1698—1825 г., СПб., 1883, с. 412; Головачев П. М., П. А. Муханов. — В его кн.: Декабристы. 86 портретов..., М., 1906; Синерс А. А. Матлы к родословию Мухановых, СПб., [1909]; Павловский М. А. Дневник кн. Е. А. Шаховской. 1826—1827 гг. — ГМ, 1920—21 (открыток [8 февр. — 25 ноября 1826] — НН, 1989, № 2); Попов П. (Н.), М. в Сибири. — В кн.: Декабристы на каторге и в ссылке, М., 1925; Чернов С. Н. Следствие о моск. событиях в дек. 1825 г. — В кн.: Старая Москва, сб. 1, [М., 1929]; Герасимов В., Декабрист М. в Братском остроге. — «Сибирь», 1975, № 6; Медведкова Т. Ф., Муравьев В. Б., Повесть о декабристе Петре Муханове, 2-е изд., М., 1975; 3-е изд., Новосибир., 1981.

Лит.: Греч (ук.); Бессонов П., К. Ф. Калашников, [в. 2, М., 1862, с. 180—81; Штейнпресс Б. С. Страницы из жизни А. А. Албишва, М., 1956; Гирченко И. В., Неудавшаяся попытка издания «Военного журнала». — В кн.: Декабристы в Москве, М., 1963; Салинка В. А. К вопросу о лит. наследстве декабриста М. — РЛ, 1969, № 1; Павловичко Э. А. Из истории лит. движения 1820-х гг. — РЛ, 1971, № 2 (письмо Ф. В. Булгарина к М.); Конавалова А. Н., М. А. Дорохова. — В кн.: Зап. красавцов, [в. 2], Г., 1975; Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому, т. 1, М., 1975 (ук.); Górnolicki L., Mickiewicz wśród rosyjskich, Warszawa, 1950; Gerber R., Rewolucyjny ruch rosyjski a walka wyzwolenia narodu polskiego, Warszawa, 1955, т. 1, 2, 4, 8; ЛН, т. 16/18, с. 422, 696, 699, 745, 834, 853, 906; т. 59, 60, кн. 1—2 (всё — ук.); Ченцов; Эймонтова (1, 2); Декабристы; БСЭ; ИРДТ; Черейский; ИДРДВ; Масанов (не указ. ZZ, Z.Z.V. и Z.).

Архивы: РГБ, ф. 231/1 (3 записки М. П. Погодину); 243, 291, 336/1, 588; ГА Иркутской обл., ф. 24; ИРЛИ, № 26182—184; ф. 527 [А. И. Михайловского-Данилевского (письма М.)]; ГИМ, ф. 117; 254 (письма Н. Н. Муравьеву-Карскому); РГАЛИ, ф. 195; ГАРФ, ф. 1707 (лит. черновики М.); 109; 48; 1738 (письма В. М. Шаховскому); РГБИА, ф. 911.

Г. В. Чагин.

МУХИН Александр Ефремович [17(29).10.1805**, Москва — 26.10 (7.11).1861, там же, похоронен на Ваганьков. кладб.], беллетрист. Из дворян; сын известного врача, проф. Моск. ун-та, автора многочисл. мед. книг, действит. стат. советника Ефрема Осиповича Мухина (1766—1850; о нем см.: Сл. профессоров Моск. ун-та; Венгеров. Источ.; Змеев) и Над. Осиповны Москвиной (см. в ст. М. О. Москвина). Учился в Моск. ун-тском благородном пансионе, в 13 лет подал прошение о за-

числении на словесное отд. Моск. ун-та, к-рое окончил в 1821 действит. студентом, с «весьма хорошими успехами»; слушал также лекции на нравств.-политич. и физ.-математич. отделениях (ЦИАМ, ф. 418). В янв. 1822 вступил в воен. службу: юнкер 26-го Егер. полка (с 1826 — поручик), с 1827 — адъютант начальника сводной дивизии 5-го пех. корпуса; участник рус.-тур. войны 1828—29, при осаде крепости Браилов (1828) был контужен, награжден орденом св. Анны 3-й степени с бантом; в марте 1829 вышел в отставку штабс-капитаном «за раную». Женится на Ал-дре Ив., дочери героя Отеч. войн 1812 ген.-лейтенанта И. С. Дорохова, сестре Р. И. Дорохова, в браке имел 6 детей (3 сына и 3 дочери). В 1836 выпустил сб. повестей, объединивший три произв. — «Молитвенник», «Графиня Зиновия» (из светской жизни), «Танцовщица» («Повести. Молитвенник...», М.), расцененный рецензентом «Б-ки для чтения» как «что-то вроде полупереводов, полуперелок с французского»; критик упрекал также автора — без достаточных, впрочем, оснований — в «прибавке... сладострастных картин из Бальзака и ужасов из Мюссе, Сулие... и собратий» (1837, т. 20, с. 43). Мелодраматич. сюжеты (дуэльная история, несчастная любовь), развернутые в многочисленные, неспешно сменяющие друг друга сцены, «обрамлены» тривиальными романтизированными сентенциями: о загадочной жизни сердца, рыцарской чести, жертвенности в любви. Взгляд автора порой не лишен наблюдательности — в эпизодах из жизни светского общества с его тщеславием, расчётливостью поведения, гипертеоретизмом, самолюбием и боязнью открытого чувства; в пов. «Графиня Зиновия» критика света затрагивает роль в нем «ученой женщины», претендующей на звание «здешней Коринны» (с. 98, 106) (пережив глубокое любовное потрясение, она уходит в монастырь).

В. Г. Белинский намеревался посвятить книге М. рецензию, по-видимому, негативную, полемически сопоставлявшую повесть М. и Н. Ф. Павлова (ЛН, т. 56, с. 225, 248); преувеличенно доброжелательно отзывался о ней П. В. Нащокин (знавший М. и, вероятно, общавшийся с ним семейно), препровождая книгу А. С. Пушкину с дарств. надписью М. (Пушкин и, XVI, 212). Пов. «Молитвенник» содержит автобиогр. мотивы: ее герой, молодой офицер, адъютант, как и М., отправляется на рус.-тур. войну; из эпизодов воен. быта выделяется сцена прощания с полком командира (с. 64—65).

[Не исключено, что М. принадлежат брошюра «Мысли о причинах упадка кредита в дворянском сосло-

вии и о средствах к восстановлению оного», М., 1831; подпись Ал-др Мухин.]

С 1842 М. определяется в Моск. дирекцию имп. театров (чиновник особых поручений, с 1843 — секр. директора и пом. инспектора репертуарной части). Описывая успех пьесы Н. А. Полевого «Ломоносов», «взволновавшей весь Петербург», М. отмечал: «до этой пьесы я был о Полевом невысокого мнения и поехал предубежденный, но вышел в восторге» (письмо А. Н. Верстовскому 1843 г. — ГЦТМ). За «особенные труды» при перестройке Моск. Большого театра произведен в тит. сов. (1843); с 1848 исполнял дела инспектора (коллег. ас.), в янв. 1850 М. вышел в отставку «по домашним обстоятельствам» (РГИА). Дальнейшая его судьба неизв. (в 1875 калуж. имение М. было продано с аукциона).

Лит.: Белинский (ук.). — Черейский.

Архивы: РГИА, ф. 497, оп. 2, л. 12999** (ф. с. 1849 г.); [справка В. В. Берсенева]; ЦИАМ, ф. 4, оп. 14, д. 1279* (дело о дворянстве); ф. 418, оп. 115, д. 298, оп. 118, д. 438 (студент. дела М. 1818 и 1821 гг.); [справка В. В. Александровича]; ГЦТМ, ф. 53, № 254—255 (два письма А. Н. Верстовскому, 1840, 1843 гг.); ф. 291, № 224—225 (письма А. М. Гасанову, дек. 1848 г. — с изложением театр. новостей) [справка И. П. Гамулы].

М. К. Есеева.

МЫЗНИКОВ Василий Яковлевич (ок. 1804*, по др. сведениям, 1799 — не ранее 1861), литератор-дилетант. Из дворян. В бытность свою воспитанником 1-го кадет. корпуса начал сочинять стихи (не сохранились) и был удостоен, по собствен. позднейшему признанию, «особенным вниманием» Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. По окончании корпуса (1823) выпущен прапорщиком в 4-й Морской полк. Служил при штабе 1-го Пехотного корпуса, преподавал историю и рус. словесность в младших классах Юнкерской школы в Митаве. Изучил немецкий яз. Женится на дочери нем. бюргера. К 1827 относится самое раннее дошедшее до нас произв. М. — стихотв. послание «К Николаю Михайловичу Языкову» (ИРЛИ, № 1486; открыто опубли.: «Языковский архив», в. 1, СПб., 1913, с. 484). Адресат называл его «галиматсией» человека, «не богатого дарами природы, отличающимися людей от скотов» (там же, с. 304). В 1828 получил назначение в Витебск адъютантом к ген.-губернатору кн. Н. Н. Хованскому; недолгое время состоял адъютантом при вел. кн. Константине Павловиче (1831). Печатался в «Сыне отечества и Сев. архиве»: стих. «Глаголы неба» (1832, № 29; с пометой «Витебск»).

Видно, желание приобрести имя в лит-ре заставило М. искать знакомств с писателями. Он обращается с письмом к Ф. В. Булгарину (1831; опубли.: СП, 1831, 10 окт.), в к-ром воздаст хвалу его творчеству, а также сообщает о факте чтения вел. кн. Константином Павловичем во время его пребывания в Витебске ром. Булгарина «Петр Иванович Выжигин». М. пишет и А. С. Пушкину (1833; опубли.: Пушкин и, XV, 82), испраши-

вая разрешения «украсить» его именем одно из своих стих. Однако попытки войти в лит. круж. не увенчались успехом.

В 1833 М. перевели в л.-гв. Гренадерский полк. Семейная жизнь его сложилась трагично: скончалась горячо любимая жена (1834), а следом за ней двое младенцев-сыновей. В стихах М. этого времени (ЛПРИ, 1836) — отчаяние, горечь перенесенной утраты («К М. П. Вр(ончен)-ке. В Турцию» (22 июля), «Чувство осиротелого сердца» (8 авг.)), смягченные искренним религиозным чувством, смирением перед волей Господней («Волхв» (24 июня), «К ветхому денюм» (26 авг.), «Бесстрашие» (28 нояб.)). Тяготевший к филос.-религ. проблемам, М. перевел трактат нем. философа 18 в. М. Мендельсона «Федон, или О бессмертии души» (СПб., 1837; 2-е изд. — Тифлис, 1854). Критика (ЛПРИ, 1837, 4 сент.; Н. Г. Чернышевский — ОЗ, 1854, № 5; Я. Григорьев — «Кавказ», 1854, 13 нояб.) приветствовала выход книги, отмечая, что перевод М. «очень добросовестен», «язык прост и ясен» (Чернышевский, II, 344).

В 1838 прикомандирован к Дворян. полку, назначен пом. инспектора классов гл. начальника воен.-уч. заведений. Переведенный из гвардии в Образцовый пехотный полк (1839), М. жил в Царском Селе, где на его долю выпали новые несчастья: во время пожара сгорели дом и все его имущество. С 1843 служил в чине майора в Тифлис. егер. полку, принимал участие в воен. действиях против горцев.

Религиозность М. принимала подчас нелепые формы — он «прославился» тем, что отдал по батальону прикат: во время атаки вместо слова «ура», восходившего, по его понятиям, к татар. «гяур» (неверный), а потому оскорбительного для христианина, кричать «Иисус» (РС, 1886, № 5, с. 381—82).

В 1847 уволен с чином подполковника для определения к статским делам. С 1850 М. — старший комнатный надзиратель Благородного пансиона при Тифлис. г-зии. В 1853 выходит в отставку и всецело предается занятиям лит.-рой. Позднее творчество М. свидетельствует более о его начитанности («знал и любил лит-ру» — Фил и п с о н Г. И., Восп., М., 1885, с. 33), нежели о лит. даровании и вкусе. Во время Крымской войны он пишет патриотич. стих., исполненные религ. пафоса: «Молитва во время боя. Подражание Кёрнеру» («Кавказ», 1854, 11 авг.), «Эллада. Подражание Делавиню» («Кавказ», 1855, 2 марта). Можно предположить определенный успех религ. лирики М. у публики: в альбоме А. Небольсина (РГАЛИ, ф. 346, оп. 1, д. 10) в ряду стих. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, Н. А. Некрасова помещено одно из лучших стих.

М. — «Молитва» (ЛПРИ, 1837, 2 окт.).

Перу М. принадлежат также драмы, написанные выспренным, архаич. слогом, ориентированные на классич. образцы кон. 18 в. «Драм. картина в стихах» «Палермский узник» (Тифлис, 1855; негатив. отзывы: ОЗ, 1856, № 1; «Кавказ», 1855, 21 дек.), посв. событиям кон. 12 в. (убийство герм. королем Генрихом VI законного наследника неаполитан. престола Вильгельма), пронизана тираноборческими мотивами. В предисл. автор намекает на наличие в пьесе аллюзий: «Я писал Гиппократа [образ, рисуемый в монологе героини. — Ред.] с натуры: перед очами души моей был великодушный друг страдальцев Николай Иванович Пирогов». В «патриотич. драме» «Последние дни осады Севастополя» (Тифлис, 1857), причудливо сочетающей совр. тему с библейской символикой и персонажами из древнерус. истории (гл. герои: Евпатий Коловрат, князь Серебряный, в их диалогах упоминаются подлинники севастьяпольские герои — адмирал П. С. Нахимов, вице-адмирал В. А. Корнилов), М. нарушает «каноны» офиц. патриотизма и выступает против войны, насилия, славит страдальца-солдата.

Сохраняя приверженность лит. тенденциям и вкусам времен своей юности, М. в 1857 поднимается на борьбу с «призраками» классицизма. Посылая рукопись др. пьесы, также посв. осаде Севастополя (не сохранилась), П. А. Вяземскому и Ф. Н. Глинке, комментирует в письме допущенную в пьесе «ошибку»: «умирающий классицизм затрещал бы от негодования, если бы воззрился в драму в шести действиях, в угоду ему я не хотел бы обгоркать колоссальную севастьяпольскую катастрофу по изломанной, вострой его рамке в пять действий» (РГАЛИ, ф. 141, оп. 1, д. 334; см. также ф. 195, оп. 1, д. 2367).

В 1855 в газ. «Кавказ» (27 апр.) были напечатаны автобиограф. записки М. «Рассказ Закавказского ветерана», в к-рых он патетически излагает историю своей жизни, в панегирич. тонах вспоминает покойного Николая I, явившегося для мемуариста «посредником» небесного милосердия, — император дважды назначал М. денежное вспомоществование. В последние годы жизни М. обратился к истории. В газ. «Кавказ» (1859, 2 июля) опубликов. его ст. «О некоторых событиях в Грузии и Армении, предшествовавших zaloжению Тифлиса...», свидетельствующая об основательном изучении М. источников.

Лит.: Белинский (ук.): «Кавказский календарь» на 1847, 1849—53 гг. + Венгеров. Источ.: Чрезвычайный; Муратова (1).

Архивы: РГА, ф. 1349, оп. 5, д. 8061 (ф. с. 1851 г.) [справка С. И. Вареховой]; ЦГА Грузии, ф. 4, оп. 3, д. 453.

Р. С. Ахвердиан.

МЫЛЬНИКОВ Александр Сергеевич* (сер. 1830-х гг. — не ранее 1885**), поэт-самоучка. Сын купца из г. Ржева. Биографич. данных о нем практически не сохранилось.

Происходил из семьи старообрядцев: по свидетельству Г. П. Данилевского, познакомившегося с М. в Ржеве в 1859, он «тем замечателен, что вышел из секты раскольников», за что «они его... предадут анафеме» (письмо Данилевского к В. Я. Стоянину от 18 дек. 1859 — РГБ, Дист. II, оп. 3, № 8). Интересуясь рус. историей, М. собирав книги «первоначальных древних типографий», рукописи 15—16 вв., монеты древних удельных князей (письмо М. к М. П. Погодину — РГБ). В 1868 состоял членом ржевского уездного училищного совета. Лит. дебют относится к 1853: «Во широкой степи...», «Ах, не сон клонит/ Буйну голову...», «Ты прости, пройдай/ Моя молодость...» («Ярослав. губ. вед.», 1853, № 43, 44, 46).

По поводу двух первых стих. в «Сев. пчеле» (1853, 18 дек.) появилась заметка Н. С. Сосланова, указывавшего на то, что М. напечатал под своим именем купленные им у воронж. мещанина Д. Яремькова стих. А. В. Кольцова; обвинение «Сев. пчелы» Данилевский назвал «лучшей похвалой скромному Мильникову», полагая, что последний «весьма даровитый кулик... не хуже Никитина» (указ. письмо Данилевского Стоянину). М. ответил стихотворением «Никогда стихи Кольцова/ Я не думал покупать...» («Ярослав. губ. вед.», 1854, № 8).

В 1859 М. издал стихотв. сб. «Русские песни» (СПб.), появление к-рого вызвало едкую рецензию Н. А. Добролюбова, уличавшего М. во «внешнем» подражании песням Кольцова («Совр.», 1859, № 10; то же — Добролюбов, V, 418). Авт. установка на подражание Кольцову, вплоть до текстуальных и сюжетных заимствований, особенно очевидна в таких (помимо уже назв.) стихах, как «Други юных лет, спешите...», «Где то времячко...», «Для того ли, моя матушка...» и др. Оsn. темы «русских песен» М., имитирующих строй нар. песни («Уж как пала грусть/ В сердце молодца...»; «Не губи ж меня ты, девица,/ Полюби меня, красавица!», ее образность, ритмич. организация (отсутствие рифмы, дактилич. окончания), — сожаления о безвозвратной поре любви и молодости, тоска по загубленному счастью, сетования девушки на несчастливое «жизнь» с богатым, но не любимым мужем, молодца — на свою горькую «долю». В сб. включены также немногочисл. стихи в традиц.-патриотич. духе (ср. письмо М. к М. П. Погодину от 18 нояб. 1875, где он говорил о необходимости «блюсти веру отцов наших», «чтить царя» и «любить Родину», — РГБ).

М. познакомился в 1865 с Погодиным, к-рый пригласил его прослушать курс лекций о Н. М. Карамзине в Моск. ун-те. Знакомство с Погодиным, видимо, оказало значит. влияние на складывающееся мировоззрение М., особый интерес вызвала идея «всеславянской взаимности», «славянского братства». В газ. «Рус-

ский» (номере, посвящ. приезду представителей слав. государств на Моск. этнографич. выставку в мае 1867) Погодин поместил и стих. М. «Русская песня на прибытие славян в Москву» (1867, № 17/18). Публикация дала М. повод послать в письмах к Погодину (с к-рым он вступил в переписку еще в 1865) свои стих.: «К братьям славянам», «Впечатления к содержащимся под стражей при посещении Ржевского тюремного замка ноября 16 1868 г.» и др. (РГБ. Полг. III; оп. 8, № 48), демонстрирующие полное неведение автора относительно правил стихосложения. Др. публикации не выявлены.

Лит.: + Памятная книжка Тверской губ. на 1868 г., Тверь, 1868.

Архивы: РГБ. Полг. II, оп. 21, № 76* (письма М. П. Погодину 1865, 1868—69, 1871, 1875 гг.; прощальн. М.); ф. 342, оп. 30, № 1 (письма М. Шибанову, 1885 г. **). О. В. Голубева.

МЫСЛОВСКИЙ Пётр Николаевич [11(22).6.1778, г. Валдай Новгород. наместничества — 6(18).3.1846, Петербург; похоронен на православном кладб. на Малой Охте], протоиерей; мемуарист, проповедник. Сын валдайского протоиерея. Нач. образование получил дома; в 1789—96 учился в Александро-Невской сем.; по окон-

злоумышленных обществах» и представлен к декабристам в качестве духовника и «увещевателя». С. П. Трубецкой вспоминал: «отец Петр был, видимо, неприязненно настроен против арестованных, но когда в течение Великого поста он от большей части из них принял исповедь, расположение его совершенно изменилось, он сделался их другом» и «вел себя в отношении всех, к-рые принимали его с благорасположением, как истинный служитель алтаря, исполненный христ. милосердия» (Трубецкой С. П., Мат-лы о жизни и рев. деятельности, т. 1, Иркутск, 1983, с. 304; ср. также восп. А. М. Муравьева и И. Д. Якушкина — см. в разделе Лит.). Не разделяя убеждений своих подопечных, но по-человечески и христиански привязавшись к ним, М. был потрясен суровостью приговора и смертной казнью, завершившей процесс; пытался воспрепятствовать вторичному повешению троих сорвавшихся с виселицы («Несчастные мои дети... — вспоминал он о казни. — Ах! ужасна и незабвенна для меня минута сия!» — Шукшинский сб., в. 4, М., 1905, с. 39).

15 июня 1826, на другой день после казни, когда на Петров. площади происходил благодарственный молебен «на испровержение крамолы», М. отказался в нем участвовать и отслужил в Казан. соборе панихиду по казненным. Во время следствия и позднее оказывал помощь и поддержку заключенным и их семьям и как духовник, и как доверенное лицо: тайно передавал письма, переносил устные известия, предупреждал родню об очередности отправления в Сибирь, лично провозил нек-рых в ссылку (в т. ч. Якушкина, М. И. Муравьева-Апостола), хлопотал о разрешении А. В. Якушкиной последовать к мужу, состоял в переписке с рядом ссыльных, их женами и др. родными.

Большинство декабристов, в т. ч. К. Ф. Рылев, Е. П. Оболенский, А. Н. Муравьев, А. Е. Рюкин, Н. И. Лорер, А. О. Корнилов, испытывая к М. теплые чувства, с благодарностью упоминали о нем в восп. и переписке: лишь в нек-рых (Д. И. Завалишин, Н. В. Басаргин) он оставил недоброе чувство и подозрение в шпионстве, это, по-видимому, можно объяснить тем, что М. предпринимал попытку общения с ними в самые первые дни, когда еще был предрасположен против заключенных (см.: Корелин, с. 42). Впрочем, Басаргин оговаривался: «Слышав впоследствии очень много в его пользу от нек-рых из моих товарищей, я боюсь быть несправедливым и оставляю вопрос, чисто ли, прямо ли действовал он в отношении нас или лицемерно, перешенным» (Басаргин, с. 89).

Следств. комиссия признала, что М. «неутомимыми трудами своими, терпением и отличными способностями действовал с успехом на сердца преступников, многих из них склонил к раскаянию и обратил к вере», и представила его к орд. св. Анны. Позднее он вновь привлекался к «секретным делам», в частности к

«увещеванию» в 1831 трех священников, подозревавшихся в составлении прокламации (Гернет, с. 331—332).

Вскоре после 1826 М. написал восп. о декабристах (местонахождение неизвестно); затем начал записки (не завершены; опубл.: «Из записной книжки протоиерея П. Н. Мысловского» — Шукшинский сб., в. 4; фрагмент — РА, 1905, кн. 3; в кн.: Декабристы в восп. современников, М., 1988, с. 308—10; полный текст — «Рос. архив», в. 9, М., 1996, подготовка В. М. Боковой). Наряду с автобиографией и внутр. хроникой Казан. собора М. предполагал поместить в них лит. портреты «со стороны нравственной и физической» всех 126 осужденных по делу 14 дек., но успел описать только П. И. Пестеля, к-рому дал образную и сочувственную характеристику: «ничто не колебало твердости его. Казалось, он один готов был на ранах своих выдержать тяжесть двух Альпийских гор» (с. 38). Среди лит. суждений, включенных в записки, интересны мнения М. о совр. критике («страсть ругаться площадным образом» претит «тихому читателю» — с. 36) и цензуре («Цари и вельможи никогда не слушают и не читают ни проповедей, ни др. духовных сочинений. Следовательно, им и остается с жадностью внимать благородным светским сочинителям, к-рые ... могут быть для них и моралистами, и наставниками... Налагаемый же арест на подобные авторитеты... возбуждает в авторах жадую и нетерпение писать то, что взбредает» — с. 37; все три цитаты из Шукшинского сб.).

В 1828 по рекомендации А. С. Шишкова избран чл. Рос. акад. В 1829 назначен старшим законоучителем в Патриотич. ин-т; ряд проповедей, произнесенных по случаю институтских торжеств, был опубликован: «Речь, произнесенная Ее Имп. Величеству в церкви Патриотич. ин-та...» (СПб., 1834); «Слово... по случаю выпуска... благородных воспитанниц...» (СПб., 1837); «Речь, сказанная в церкви Патриотич. ин-та, накануне выпуска... воспитанниц...» (СПб., 1840); «Речь, сказанная при выпуске благородных воспитанниц...» (СПб., 1843). «Речи» и «слова» чисто религиозны по смыслу и выдержаны в традициях рус. церк. красноречия.

Сын М., Василий Петрович (1799—1839), поэт, сотрудник ж. «Благонамеренный» (стих. «Песнь благодарности», 1821, № 2, с. 175).

Лит.: Басаргин Н. В., Восп., рассказы, ст., Иркутск, 1988 (ук.); Восп. Бестужевых, М.—Л., 1951 (ук.); Жихарев (ук.); Завалишин Д. И., Зап. декабриста, 2-е изд., СПб.—М., 1906; Батуринский В. П., К истории 14 дек. 1825 г. — ИВ, 1904, № 1, с. 80; Камская М. Ф., Восп., М., 1991, с. 116 (и ук.); Корелин П. Н., Из архива К. Ф. Рылева. — «Би-

чании ее — диакон Введенской церкви в Валдае. В 1802 определен вторым диаконом в петерб. Казан. собор, где служил до самой смерти (с 1810 — священник, с кон. 1826 — протоиерей). С 1804 также придворный священнослужитель. В 1812 назначен депутатом от столичного духовенства «по всем присутственным губ. местам»; в 1818—22 законоучитель кантонистов при Военно-типограф. депо Гл. штаба. Известно, что в 1805 он поднес имп. Александру I оду в годовщину воцарения (очевидно, неопубл.). Вероятно, помещал мелкие анонимные заметки в периодич. печати (в т. ч. в «Сев. пчеле»).

В 1826, в ходе следствия и суда над декабристами, был «употреблен по делам Комиссии для изыскания о

лос», 1925, № 5; В. Ф. Раевский, Мат-лы о жизни..., т. 2, Иркутск, 1983, с. 358; Лорер Н. И., Зап. декабриста, Иркутск, 1984 (ук.); Оболонский Е. П., Восп. о К. Ф. Рылевсе. — В кн.: Мемуары декабристов. Сев. об-во, М., 1981; Розен А. Е., Зап. декабриста, Иркутск, 1984 (ук.); Фоминичин М. А., Соч. и письма, т. 1, Иркутск, 1979 (ук.); Лукин М. С., Письма из Сибири, М., 1987, с. 466, 480; Цес-рихов Н. Р., Восп. о Кронверской курти-не. — В кн.: Рус. мемуары... 1800—1825, М., 1989, с. 432, 576; Якушкин И. Д., Мемуары, ст., док-ты, Иркутск, 1993; Жордания О. К., Декабрист А. М. Муравьев и его записки «Мой журнал», Тб., 1990, с. 119; Грумм-Гржи-майло А. Г., Декабристы в чин. остроге. — В кн.: Забайкалье, кн. 5, Чита, 1952 (публ. письма А. О. Корниловича к М.); Дневник кн. Е. А. Шаховской. — ГМ, 1920—21, с. 108; Восстание декабристов, IX, 273—74 (письмо М. к А. И. Чернышеву); Титов А. А., М. Булатов. — РС, 1887, № 1, с. 215; Отчеты имп. Акад. наук по ОРЯС..., СПб., 1852, с. 157; Чистович И., История С.-Петерб. духовной акад., СПб., 1857; Историко-статистич. сведения о С.-Петерб. епархии, в. 1, СПб., 1869, с. 152—54; Про-ковский В., Жены декабристов, М., 1906, с. 160—62; Сухомилов М. И., История Рос. Академии, в. 7, СПб., 1885 (ук.); Гернет М. Н., История царской тюрьмы, 3-е изд., т. 2, М., 1961 (ук.); Рабкина Н., «Елисейное слово служителя церкви». — «Наука и религия», 1975, № 12; Канн П. Я., Казанская площадь, Л., 1988, с. 98—99; Федоров В. А., «Своей судьбой гордился мы», М., 1988, с. 161—67; Боко-ва В. М., Отец Петр. — «Общая газета», 1995, № 51; ЛН, т. 22/24, с. 772; т. 60, кн. 1 (ук.). — Некролог: СП, 1846, 8 марта. Охлякин; Ме-жов; Геннаин; Венгров. Источ.: ИДРД; Черси-ский.

Архивы: РГБ, ф. 319, к. 2, № 63 (письма к Н. Д. Фоминичину); РГАЛИ, ф. 423, оп. 1, № 64 (письма Н. М. Рылевской); ГАРФ, ф. 279, оп. 1, д. 1282 (заметка Е. И. Якушкина о М.); д. 86 (письма И. Д. Якушкину); д. 126 (письма к А. В. Якушкиной); д. 128 (письма от Н. Н. Шеремете-вой); д. 138 (письма Н. Н. Шереметевой); д. 214 (письмо от М. И. Муравьева-Апостола); ф. 418, оп. 1, д. 288 (документ об участии в Следств. комиссии); ф. 109, СА, оп. 3, д. 3171 (донос на М.), ф. 1705, оп. 1, д. 14 (письмо М. И. Пуши-ну, 1827).

В. М. Бокова.

МЫСОВСКАЯ, Мысцовская Анна Дмитриевна [урожд. Крас-нопольская; 5(17).3.1838*, г. Коломна Моск. губ. — 26.10(8.11). 1912, Н. Новгород], поэтесса, пе-реводчица. Отец — воен. врач, сын священника, в 1851 получил по-томств. дворянство по Нижегород. губ.; мать — из семьи мелкопомест-ных дворян. С 1842 М. жила вместе с родителями в Н. Новгороде и в ни-жегород. имениях (в Семёнов. и Лу-коянов. у.), принадлежавших семье. Образование получила домашнее, по ее собств. признанию, «самое пло-хое» (анкета М. — РГАЛИ). Будучи уже взрослой, занималась самообра-зованием, изучала франц., итал., нем. и польский языки; интересовалась историей, этнографией. В 1862 (или 1863) уехала вместе с мужем (по вто-рому браку), судеб. следователем П. Г. Мысовским, в Зап. край, куда он получил назначение по службе. В 1872 (видимо, после смерти мужа) вернулась в Н. Новгород.

С сер. 60-х гг. писала стихи, но публиковать их не пыталась. В 1871 лирич. миниатюры М., посланные знакомым без ее ведома А. А. Не-красову («Женское воспитание», «Сказка», «Бука» и др.), были напе-

чатаны в «Отч. зап.» (№ 3). В 1885 М. обратилась к А. Н. Островскому, с именем к-рого во мн. связана ее дальнейшая лит. судьба, с просьбой разрешить переделку его «Снегуроч-ки» в оперное либретто для нижего-род. музыканта К. Д. Клочкова. Ост-ровский одобрил присланное либ-ретто (Островский, XVI, 168), хотя и не считал целесообразным зани-маться переделкой пьесы (в это вре-мя «Снегурочка» с успехом шла с му-зыкой П. И. Чайковского и по пьесе была поставлена опера Н. А. Рим-ского-Корсакова).

Известно 10 писем Островского к М., впер-вые опубли. — РМ, 1890, № 12, и 24 письма М. к Островскому — ГПМТ, частично опубли. — ЛН, т. 88, кн. 1, с. 418—25; М. посыла-ла ему свои стихи, басни, пьесы и их фрагменты. Ост-ровский отмечал легкость и изящество стиха, умение строить диалог, однако находил пьесы недостаточно сценичными и советовал обратит-ся к переводам и переделкам «драматизир. сказ-ок» или феерий, он ценил этот жанр и стреми-лся с его помощью разнообразить репертуар имп. театров (см.: Островский, XVI, 186).

По предложению Островского пе-ревела неск. пьес, в т. ч. одноактную комедию Т. де Банвиля «Жена Со-крата» (Малый т-р, 1886, 1887, 1896; шла также на сценах частных теат-ров, напр. в т-ре Корша, 1902). По его плану (составленному за день до смерти — см.: Ревякин А. И., А. Н. Островский в Шелькове, М., 1978, с. 224) осуществила переделку пьесы «Белая роза» (англ. вариант сказки «Аленький цветочек»), но по-ставить ее на сцене не удалось, не-смотря на все предпринятые М. по-пытки (см. ее письмо к министру Имп. двора, 1888 г. — РГИА, ф. 472, оп. 44, д. 23, № 3, 4).

С кон. 1880-х гг. в ж-ле «Пантеон лит-ры» публиковала переводы из А. Мюссе: «Октябрьская ночь» (1888, № 8), «Декабрьская ночь» (1888, № 12), «Майская ночь» (1889, № 5), вост. сказка «Намуна» (песнь 1, 2, 3; 1889, № 10, 11), лирич. драма «Уста и чаша» (1891, № 3, 4; отд. изд. — СПб., 1891) и др. произв., во-шедшие позднее в сб-ки избр. соч. Мюссе (СПб., 1906, 1952, 1957). Пе-реводила также стихотв. Г. Гейне (напр., «Он сердце, что скорбью бо-лело// Так сильно, жестоко тер-зал...» — «Волгарь», 1908, 16 марта), А. Мицкевича (напр., «Это все, чего хочу я!» — там же, 1909, 15 нояб.) и др.

В 1890—1900-е гг. находилась в тесном контакте с В. Г. Короленко. По восп. современника, «одно время у М. была как бы штаб-квартира по собиранию материалов для изобли-чит. корреспонденций [Короленко] в казан. газеты» (Золотницкий В., Из обществ. деятельности В. Г. Ко-роленко в Нижнем. — В кн.: Ниже-город. сб-к памяти В. Г. Короленко, Н. Новгород, 1923, с. 121). В стихах этих лет преобладают гражд. мотивы (не опубли.; хранятся в ГА Нижего-

род. обл.): отклики на важнейшие события обществ.-полит. жизни (Ре-волюцию 1905—07, деятельность 1-й Гос. думы и т. д.); цикл стихов, разо-блачающих мошенничества нижего-род. банкиров (см.: Габелев; Чер-нов). Передала Короленко как чле-ну Нижегород. архивной комиссии (сама М. чл. комиссии с 1911) мате-риалы к биографии И. П. Кулибина (опубл. с комм. Короленко в кн.: Действия нижегород. ученой архив-ной комиссии. Сб. статей..., т. 2, в. 15, Н. Новгород, 1895, с. 71). Ко-роленко нередко присутствовал на устраиваемых М. в Н. Новгороде лит. вечерах (здесь же бывали М. Горький, С. Я. Елпатьевский и др.). «Фигура была характер-ная...», — вспоминал позднее Коро-ленко о М. (Нижегород. сб-к памяти В. Г. Короленко, Н. Новгород, 1923, с. 37).

Изучение фольклора, наблюдения над нар. жизнью, обычаями легли в основу стилизов. басен, преданий, сказок в стихах М., о к-рых современники отзывались как об этногра-фически точных, будто списанных с натуры сценках (см.: Парийский, с. 5). Публиковались они в осн. в газ. «Волгарь»: «Туда же» (1908, 21 февр.), «Ради экономии» (1908, 24 февр.), «Убогая и нарядная» (1909, 23 апр.), «Бог прости!» (1909, 25 марта), «Антихрист» (1909, 11 янв.), «Пришли, Семеновна, по-следние денечки» (1910, 31 янв.), «Срам» (1910, 2 мая) и др.

Лит.: Островский, XVI (ук.); Парий-ский С. М., Памяти М. Н. Новгорода, 1913; Чернов А., Нижегород. поэтесса М. — «На-тис», Горький, 1934, нояб.—дек.; Смир-нов Д., Картины нижегород. быта XIX в., Горький, 1948, с. 193—95; Коган Л. Р., Лето-писи жизни и творчества А. Н. Островского, М., 1953 (ук.); Габелев А. М., А. Д. Мысцовская. — В кн.: Писатели-нижегородцы (забытые имена), Горький, 1960; Лакшин В. Я., А. Н. Ост-ровский, М., 1982, с. 493, 521, 527; Арипанов Ю. А., Хожение за равнинные реки, Горький, 1989, с. 59—60. — Некролог: «Волгарь», 1912, 27 окт., 31 окт.; Голицын; Пономарев; Брокгауз; Чешинкин-Ветринский В. Е., Люди Ниже-городского Поволжья. Краткий словарь... Н. Новгорода, 1915; Венгров. Источ.: Мурато-ва К. Д. (сост.). Библиография лит-ры об А. Н. Островском, М., 1974 (ук.); Малый театр. 1824—1917, т. 1, М., 1979, с. 663; ИРДТ; Масанов.

Архивы: ГА Нижегород. обл., ф. 768; Гос. музей М. Горького (Н. Новгород), 17525/52 (ру-копис. мат-лы к биографии М., собранные В. Н. Золотницким); РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, № 216 (анкета М., 1909 г.); ГПМТ, ф. 200, № 1279—1303, № 2827—2829 (письма и телеграммы А. Н. Островскому, 1885 г.); РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 8518* (дело о дворянстве) [справка О. И. Морозан]; ф. 577, оп. 21, д. 1066, 1577; ф. 497, оп. 10, д. 387, л. 43; оп. 4, д. 3279, л. 87 об. (о пьесе «Жена Сокрыта»); Яныков.

Е. Р. Коточигова.

МЫСОВСКИЙ-СВЕТОГОРСКИЙ Сергей Дмитриевич [наст. фам. Мы-совский; 1806*, более вероятно 1812**, г. Балахов Саратов. губ. (?) — не ранее октября 1833***], по-эт-самоучка. Из мещан (отец — торговец свечами). Чтобы получить обра-зование, мальчиком поступил в ус-

С. Д. Мысовский-Светогорский.
Рис. на камне П. Смирнова.
Рис. с натуры Б. К. Шарлова.

лужение к учителю Саратов. уездного уч-ща; под его руководством овладел основами грамматики, арифметики, истории и географии. После смерти отца (1828) был вынужден стать деревенским пастухом, позднее служил подносчиком в питейном доме. В 1832 пешком отправился в Воронеж, через к-рый должен был проехать Николай I, чтобы обратиться с просьбой о помощи; намерение осуществить не удалось. Вскоре М.-С. добрался до Москвы, жил в Чудовом монастыре.

В 1832 прислал в цензуру «пастушескую поэму» «Мехрастнада» (не опубли.), просил о покровительстве и жаловался на «крайнюю бедность», не «дозволяющую» «усовершенствовать» свои способности и удовлетворить стремление к знанию — «факелу просвещения» (ЦИАМ, д. 77). В 1833 предпринял еще одну не удавшуюся (по-видимому, из-за отсутствия средств) попытку напечатать небольшой сб-к «Картины природного воображения» (рукопись с и. р. И. М. Снегирева — РНБ, ф. 37, № 797), включавший стихотв. сказку «Агриппа», «поэму в вольных стихах» «Эрмилия» (историю бедного «юселанина», одаренного талантом), мелкие лирич. произв.: послания, оду, элегию, эпиграфию сестре и др. Подборку открывало послание к члену Моск. ценз. к-та, упоминающее о соч., ранее поданных на рассмотрение: «О ангелы Песнов! опыты! Я юный селянин пред Вами! Осмелился как бы крылами/ С поэзией святой предстать» (там же, л. 4). Подражательные и ученические, первые опыты М.-С. характеризуются тем не менее уверенностью в собственном поэтич. призвании, содержат ряд автобиографич. мотивов.

Первые опубли. (на средства некоего вельможи-мецената) произв. — «Элегия Элиза» (М., 1837; иронич. отзыв — БдЧ, 1837, т. 22) и «Поэма „Вселенная“ и „Послание о уме человеческого“» (М., 1837). В «Послании...», обращенном к А. Н. Соковину, М.-С., называя себя «читателем мудрости прямой» (с. 22), очерчивает круг своих научно-поэтич. пристрастий: размышления об устройстве мироздания, «познание Божества» через астрономич. наблюдения. Поэма содержит выразительные харак-

теристики небесных феноменов (Солнца, планет, Земли и Луны, звезд, туманностей, комет) и ссылки на авторитеты Т. Браге, И. Кеплера, Г. Галилея, Н. Коперника, И. Ньютона; в ней, как и в «Поэме о сотворении мира» (СПб., 1841; написана до 1839; критич. отзыв: ОЗ, 1841, № 3/4), причудливо совмещаются элементы науч. картины мира и описание его божеств. творения. «Поэма о сотворении...» не без затруднения прошла духовную цензуру (РГИА, ф. 777, оп. 1, 1840, д. 1542), что связано, по-видимому, с ее деистической интонацией. В этих и др. произв. (с пост. образами «полета» и «парения») М.-С. обращался к космогонич. текстам М. В. Ломоносова, ощущал себя преемником Э. Юнга и Дж. Мильтона, в к-ром видел «родственную душу» («Поэма о сотворении...»).

Перебравшись (в кон. 1837 — нач. 1838) в Петербург, М.-С. пользовался покровительством сенатора И. С. Горголи (в доме к-рого нек-рое время жил), гр. Н. С. Мордвинова, кн. М. А. Дондукова-Корсакова (вице-през. АН, попечитель Петерб. учеб. округа). Рассмотрев соч. М.-С., Рос. академия поощрила его неск. книгами и небольшим денежным пособием. Помещенная в «С.-Петербург. ведомостях» (1838, 17 февр.) статья В. В. Григорьева, в к-рой сочувственно излагалась биография М.-С. и подчеркивались его «благородная любовь к науке» и «превосходные способности», по всей видимости, привлекла к нему внимание публики и сыграла немаловажную роль в его последующей судьбе. Практически самостоятельно изучив нем., англ. и лат. языки, усовершенствовавшись в знании рус. языка и математики, М.-С. выдержал при Петерб. ун-те экзамен на право преподавания и получил место учителя рус. грамматики сначала в Опочечком (май 1839), вскоре в Псков. уездном уч-ще (июнь 1839); в том же году исключен из податного сословия. С 1841 преподавал в Ростове, с 1850 — в Ярослав. уездном уч-ще, где ему покровительствовал М. В. Ляпунов (с 1856 дир. Демидовского уч-ща).

В 1839 выпустил стихотв. соч. «Мысль о бессмертии» (СПб.), посвя. не названному по имени «благодетелю» и содержащее полемику с «запетами безверия»; в нем М.-С. пытался обосновать священный постулат (и одновременно «закон») бессмертия, обосновательность страха смерти и напоминал о «величье» человека. Книга была встречена сочувственно: «самородный талант» увидел в авторе рецензент «Сев. пчелы» (1839, 7 июня), Н. А. Полевой назвал его «нашим Джонесом» (имеется в виду сын «плотника и рыбака» из Уэльса англ. филолог-самоучка Р. Джонс;

см.: The Dictionary of National Biography..., v. 10, L., [1949—50]); стих. «показывает если не дарование поэтическое, то, по крайней мере, силу чувства...» (СО и СА, 1839, № 3/4, с. 149; др. отзывы: БдЧ, 1839, т. 34; ОЗ, 1839, № 5). Последним опубликованным соч. М.-С. было «Послание о созвездиях неба» (М., 1846; адресовано протоиерею ростов. Успенского собора А. Т. Тихвинскому; неодобрит. отклик А. Д. Галахова: ОЗ, 1846, № 9), опиравшееся на исследования франц. астронома Ж. С. Байи. С точки зрения собственно поэтической соч. М.-С. современниками-литераторами воспринимались как грубого архаичные: «Стихотворцы прошлого века, качавшие колыбель его юной музы, и ложные понятия старинных риторик ... дали ей дурное направление: и формой и языком произведения его отстали на полустолетие от нашего времени» (Григорьев) В., Мысовский-Светогорский. — СПбВед, 1838, 17 февр.). Для людей же его круга и сословия он был значит. крест. поэтом (к этому сословию, судя по настоячивым напоминаниям в стихах, относил себя и сам М.-С.): «Хвала тебе поэт Мысовский-Светогорский! Ты гением ума при мысли стихотворской/ Сам создал для себя и счастье и чины./ Способностью твоей мы все удивлены!/ Читая твой язык, возникши из крестьянства/ Поэзию мы зрим святого христианства» [читат. запись на кн. «Поэма о сотворении...»] (РГБ, О 35/133); там же сообщение о принадлежности экз. кн. «Мысль о бессмертии» тверскому мещанину Вас. Мысовскому, к-рая была подарена ему «родным дядею». В кон. 1856 по болезни (М.-С. с трудом мог передвигаться и читать — вследствие «паралитического состояния нижних конечностей и ... в высочайшей степени близорукости»: РГИА, ф. 733) отставлен с пенсией (в чине тит. советника). Последующие годы жил в Курске.

Лит.: Венгеров. Источ.: ЛН, т. 16/18, с. 1030, 1041; т. 59, с. 292.

Архивы: РГИА, ф. 733, оп. 37, № 128 (прошение об увольнении: ф. с. 1856 г.), ф. 608, оп. 1, № 2492 (благодарств. письмо к В. В. Григорьеву, 1838 г.); РНБ, ф. 451, оп. 1, № 1232 (письма к М. В. Ляпунову***, 1862—1863); ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 77, л. 21**., д. 81, 84 (письма в Моск. цензуру 1832 г.).

А. И. Рейтблат, при участии Е. Э. Лямина.

МЫШИЦКИЙ Мышецкий Нил Алексеевич, князь [ок. 1800—не позднее кон. августа* 1854, Кронштадт (?)], прозаик. Из старинного, но уже в 18 в. захудавшего княжеского рода; отец — коллеж. регистратор (из Петерб. губ. — РГИА, ф. 1343, оп. 46, д. 610, ч. 1). В июне 1809 поступил в Мор. корпус кадетом; гардемарин (1817), мичман (1820); лейтенант (1826). В продолжение флотской службы М. командовал различ-

ными судами в Финском заливе, Балт. и Белом морях (фрегат «Эммануил», 1826—27; транспортные суда «Кроткий», 1831—32, и «Галсаль», 1834—1836; фрегаты «Юнона», 1837—39 и 1841—42, «Мария», 1840—41). Капитан-лейтенант (1834); в 1843 назначен командиром 4-го рабочего экипажа (на транспортные суда); полковник (1848). С дек. 1852 состоял при Кронштадтском адмиралтействе.

В основе романа «Сицкий, капитан фрегата» (ч. 1—3, СПб., 1840; до появления отд. изд. отрывки печатались в «Маяке»: 1840, ч. 4 и 9; «Сев. пчеле», 1840, № 77) — легко выделяемый автобиографич. материал, отразившийся как в ряде формальных черт (два осн. персонажа — Николай Алексеевич Сицкий, капитан фрегата, курсирующего между Кронштадтом и Ревелем, и его первый помощник Марьянов — носят измененные имена самого автора и А. М. Мартынова, в 1826 мичмана на «Эммануиле», — ОМС, ч. 7, с. 487), так и в сценах (наиб. удавшихся) мор. быта: маневры в заливе, штурм, похороны офицера, спуск фрегата; насыщенные спец. терминами, в т. ч. в воспроизведении речи матросов, маринистские этюды отличаются точностью и четкостью описаний (как, впрочем, и др. эпизоды, не связанные непосредственно с любовной фабулой), своеобразным «морским» лиризмом. (В ром. сказало влияние мор. прозы Н. А. Бестужева и мор. «путешествий» Г. А. Сарычева, Ю. Ф. Лисянского и др. рус. мореплавателей.) В критич. отзывах «морская составляющая» романа признавалась несомненным достижением М. (М. Сорокин — СПбВед, 1840, 28 нояб.; СО и СА, 1840, т. 2; см. также: СП, 1841, № 18). Однако в композиц. структуре «Сицкого...» эти мотивы не являются преобладающими; сюжет развивается по законам любовного мелодрама; романа с его неперенными атрибутами — скрываемой «волканической» страстью, препятствиями к соединению любящих, дуэлью, ревностью, тайной происхождения одной из героинь. Именно эти черты сделали лит. дебют М. уязвимой мишенью для насмешек. Рецензенты практически единогласно отмечали немотивированность действия, ходовость диалогов, бесцветность ведущих персонажей, но и «заманчивость» повествования (БдЧ, 1840, т. 42; ЛГ, 1840, 20 нояб.; П. А. Плетнев — «Совр.», 1841, т. 21). В. Г. Белинский усматривал в «Сицком...» «новое произведение лит. школы, основанной Марлинским...», действующие лица ничего не делают, а только говорят», монологи «слеплены из общих риторических мест плохих

романов» (ОЗ, 1840, № 11, отд. VI, с. 10).

Издатели «Маяка» П. А. Корсаков, цензуравший роман М., и С. А. Бурчак считали «Сицкого...» «отрадным явлением», «прекрасной вещью» («Маяк», 1840, ч. 3, отд. V, с. 41). Помимо комплиментарной рец. последнего (ч. 10, отд. IV), в к-рой «Сицкому...» отдавалось предпочтение и перед сочинениями А. А. Бестужева-Марлинского, и перед всем «бесправственным» «легким чтением» вообще, в «Маяке» было помещено письмо М. Н. Загоскина Корсакову, где, с похвалой отзываясь о фрагменте романа, он утверждал, что талант М. — «из пробного золота» (ч. 7, отд. IV, с. 105). Вероятно, столь высокая оценка связана с последовательно воплощенной автором идеей, близкой этим литераторам: пагубность действия страстей, религ. настроенность героев, мотив очищения души; так, одна из героинь приходит к раскаянию, осуждая свои романтит. увлечения (сила объяснения графини Лелиной с мужем — ч. 3, с. 184—87 — обнаруживает нек-рое сходство с аналогичной сценой из будущего ром. Л. Н. Толстого «Анна Каренина»), другая уходит в монастырь и умирает.

В 1842 в «Маяке» (№ 10) была напечатана «быль» «Красавица». По-видимому, М. учел замечания критики и использовал преимущества малой формы: в истории гибели «героини», «возбужденной» рассказчица (как выясняется, легкой вёсельной лодки, именно она и называлась «красавицей»), тщательное воссоздание мор. колорита соединяется с вниманием автора к причудам, психологии и обычаям моряков.

Др. произведений М. не обнаружено; не исключено, что отсутствие их связано с негативным отношением пач. Гл. мор. штаба адмирала А. С. Меншикова к лит. творчеству своих подчиненных; по слухам, М. «был переведен на свое авторство в ластовы» (имеется в виду его служеб. назначение 1843 г.) (см.: Грот и Плетнев, т. 943 — запись Грота 1846 г.).

Лит.: Плетнев П. А., Соч., СПб., 1885, с. 303—04; Белинский (ук.); Сакулин П. Н., Рус. лит-ра после Пушкина, ч. 1, М., 1912, с. 155; его же, Рус. лит-ра. Социологический обзор лит. стилей, ч. 2, М., 1929 (ук.); История рус. лит-ры, т. 2, Л., 1981, с. 516. + ОМС, ч. 7, с. 569; Брокгауз, т. 39, с. 272 (ст. Мышечские — княжеский род); Венгеров (Сл. Источ.); Бойрау. ОЗ (1, ук.).

Архивы: РНБ, ф. 291, оп. 1, № 114 (письмо М. к М. Н. Загоскину с благодарностью за лестный отзыв, 1840 г.); ИРЛИ, ф. 411, № 61 (дариственная надпись ему же на тит. листе романа).

А. В. Жуковская, Е. Э. Ламинина.

МЯГКОВ Николай Иванович [7(19).11.1828 — после 1841], поэт-любитель. Из дворян; по матери, урожд. баронессе фон Пфейлидц-Франк, племянник градоначальника Таганрога. Рано потеряв отца, воспитывался в провинции, а с 1839 — в частном петерб. пансионе жены тов. министра внутр. дел гр. С. В. Строгановой. учился в 1-й петерб. г-зии. Дальнейшая судьба неизвестна.

В сб. «Опыты в стихах» (СПб., 1839), представляющий «пробу пера» одиннадцатилетнего стихотворца (напечатан, видимо, не без содействия высоких покровителей: одна из вошедших в него сказок посв. вице-президенту АН, пред. ценз. к-та кн. М. А. Дондукову-Корсакову), вошли стихотв. послания — отклики на события семейной (неск. посланий к «маменьке», к-рой и посвящен сборник) и пансионерской жизни, а так-

же патриотич. стих. «На возобновление Зимнего дворца», «Любовь к родине» (памяти ген. К. И. Бистрома). Стихи М. рисуют образ разумно послушного и сострадат. ребенка, готовящегося стать опорой семье и с наивной серьезностью размышляющего о человец. добродетелях. По мнению рецензента «Отч. зап.», «это не ученические упражнения, не рифмованные с голоса, а простое изложение» «самых детских, приличных его возрасту» чувств: в нем «может быть, также зародыш сильного таланта» (отд. 7, с. 15).

Сохранившуюся стихотв. рукопись «Сказки, переданные из прозы» (1839—41 — РГАЛИ) составили переделки («Кот в сапогах», «Мальчик-с-пальчик», «Златокудрая царевна», «Любим-царевич» и др.) и ориг. сказка «Коввер-самолет», в юмористич. тонах рассказывающая о путешествии во Францию на коввер-самолете любознат. рус. крестьянина. Здесь же — пер. баллады Ф. Шиллера «Порука».

Лит.: + Венгеров. Источ. (ошибочно указаны даты жизни полного одноклассника, стат. советника Ник. Ив. Мягкова (1775—1848), к-рому ошибочно атрибутированы «Опыты...»; то же — в картотекс Б. Л. Модзалевского (ИРЛИ)); др. однокласснику принадлежит стих. «В память великого рус. царя Петра I Алексеевича» (М., 1872); ПНБ, т. 3, с. 196.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 275 (рукопись «Сказок...» М.). М. А. Бобрик.

МЯКОТИН Венедикт Александрович [12(24).3.1867, Гатчина Царское-сельского у. Петерб. губ. — 5.10.1937, Прага; похоронен на Ольшанском кладб.], историк, публицист, обществ. деятель. Из семьи почтмейстера. В 1875—84 учился в Кронштадт. г-зии (законоучителем в к-рой был о. Иоанн Кронштадтский), затем — на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та (1884—88); был оставлен при ун-те для преподавания и подготовки к магистер. экзамену (см.: «Ист. обзор.», 1891, № 2; здесь же библиогр. работ М.). Первая публ. — рец. «К вопросу о падении Поль-

ши» (РМ, 1889, № 5). В том же году вышло первое ист. соч. М. — «Крест. вопрос в Польше в эпоху ее разделов» (СПб.; положит. отзыв: Н. Любич — КС, 1891, № 3). Удостоен зол. Уваровской медали (1895; ГАРФ, ф. 5917, оп. 1, д. 85). Печатался в ж-лах «Юридич. вест.», «Киев. старина», «Рус. богатство» и др. Сотрудничал в «Энци. словаре» Брокгауза и Ефрона (с т. 5), в словаре братьев Гранат. С 1891 по 1901 читал лекции по рус. истории в Александров. лицее и в Воен.-юридич. акад. На обеде в память А. Мишкевича (1898) М. произнес речь, в к-рой утверждал, что «вся рус. действительность — смрад и позор» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 573, л. 14). Благополучная ученая карьера прервалась в 1901, когда М. был арестован в связи со студенч. волнениями и после тюремного заключения (2 мес.) выслан адм. порядком в г. Валдай на три года под надзор полиции.

В рец. на сб-к статей М. «Из истории рус. общества» (СПб., 1902; 2-е изд., СПб., 1906), сост. в осн. из публикаций в «Рус. богатстве», помимо «тонкого лит. пера», науч. эрудиции и «благородного тона изложения» в заслугу автору вменялась постановка комплекса вопросов, «полного науч. и обществ. интереса»: как и при каких условиях филос. мысль Запада произрастала на рус. почве, к каким результатам приводила? (В. Н. Стожов — «Науч. слово», 1903, № 1, с. 135—36). Зарождение критики рос. действительности под влиянием зап.-европ. мысли М. видел в расколе 17 в., к-рый возбудил «слабые зародыши будущего сектанства — проповедника свободы человек. мысли в религ. и обществ. сфере» (очерк «Протопоп Аввакум»; отд. изд., СПб., 1894; 4-е изд., П., 1917). «Благородного идеалиста, далеко опередившего свой век» — А. Н. Радищева, по мнению М., зап.-европ. мысль захватила целиком. Среди его последователей М. называет декабристов и А. С. Пушкина, к-рый учился у Радищева «ненавидя к крепостному праву», но «не сохранил в последний период жизни обществ. идеал» декабристов (ст. «А. С. Пушкин и декабристы»; отд. изд., Б.—Прага, 1923). Далее М. прослеживает влияние зап.-европ. философии и науки на деятельность Т. Н. Грановского, К. Д. Кавелина (см. также ст. «Публицистич. деятельность К. Д. Кавелина» — РБ, 1902, № 9) и др.

Особое место в ист. иссл. М. занимает малорос. тема. Ст. «Прикрепление крестьянства левобережной Малороссии в XVIII ст.» (РБ, 1894, № 2—4; отд. изд. — София, 1932), по мнению Н. Василенко, ставит автора «в ряд с лучшими знатоками малорос. арх. материала» и начинает «новую эпоху в разработке малорос.

истории» (КС, 1894, № 11, с. 269; продолжение рец.: там же, № 12). На арх. материале написаны «Очерки социальной истории Малороссии» (РБ, 1912—15; отд. изд. под назв. «Очерки социальной истории Украины в 17—18 вв.», т. 1, в. 1—3, Прага, 1924—26; положит. рец.: С. П. Мельгунов — СЗ, 1924, № 18; А. А. Кизеветтер — «Крест. Россия», 1924, № 8—9) и др.

По возвращении из ссылки в 1904 М. вошел в ред. ж. «Рус. богатство» (где с 1891 по 1904 вел Хронику внутр. жизни), публикуя статьи по проблемам воспитания и образования, ратуя за коренную реформу всего учебного дела, к-рая, по его мнению, «не может быть осуществлена вне связи с другими, более общими условиями обществ. жизни» (1904, № 10, с. 199). В 1906—11 печатает в

Шарж В. Каррика.

ж-ле и временно заменявших его «Совр. записках» и «Современности» ряд статей под общим загл. «Наброски современности». Из-за этой рубрики ж-л был дважды конфискован: за ст. М. «Перед третьей Думой» (1907, № 10), в к-рой цензор усмотрел «рассуждения о возможности использовать Думу в целях рев. агитации и особенно о необходимости внепарламентской борьбы народа за свои интересы» (РБ, 1917, № 11/12, с. 82), и за ст. «Памяти С. А. Муромцева» (1910, № 10; см.: ЛН, т. 95, с. 671).

Либерально-социалистич. идеология со всей своей общечеловеческой «широтой» и одновременно — партийной узостью находила выражение и в лит.-критич. и в публицистич. статьях М. для «Рус. богатства». В идейном наследии ранних славянофилов ему особенно импонировала проповедь «полной бессловесности» (1895, № 11, с. 75), однако их идеи возрождения соборности и крест. общины он считал «безнадежно устаревшими», попытки же воскресить

эти формы — серьезной опасностью для России, единственный путь «правильного развития» к-рой М. видел в установлении конституционного порядка на основе «строгого демокр. принципа» (реферат, прочитанный в ВЭО, — «Идея Земского собора в рус. прошлом и настоящем», [СПб., 1905], с. 88); к «давно отжившим свое время» М. относил И. В. Киреевского (РБ, 1912, № 2, с. 167). «Одним из самых крупных и благородных руководителей» рус. общества называл Н. К. Михайловского (1913, № 6, с. 350—51). В либерально-демокр. табели о рангах у М. наряду с идеологич. оценкой присутствует «чуть-чуть» политики. Не сочувствуя религ. устремлениям Н. В. Гоголя, М. вместе с тем порицает В. Богучарского за попытку доказать, будто знаменитая «Перепишка» Гоголя «бессодержательна и реакционна» (1905, № 4, с. 66). По мнению М., несостоятельна и попытка В. Ф. Бояновского в кн. «Богоискатели» (1911) восстановить общую картину богоискательства, к-рое «проходит через всю культурную жизнь рус. народа» (1911, № 12, с. 147). Богоискательство для М., развивающего идеи очерка «Протопоп Аввакум», — это поиски внецерковной «свободы» как пути к социальному освобождению. Не случайно М. не оставляет вниманием рассказ «начинающего талантливому» М. М. Пришвина «У стен града Невидимого», в к-ром дается «яркое и живое представление о ... явлениях и людях раскольнического и сектантского мира» (1910, № 1, с. 150). Критика существующего в России строя, в какой бы форме она ни проявлялась, была для М. одним из осн. критериев оценки явлений обществ. жизни. Поэтому и П. Я. Чаадаев («блестящий представитель рус. интеллигенции в эпоху душевного перелома» — 1914, № 5, с. 337), и В. Н. Фигнер (оставившая «более или менее глубокий след» — 1915, № 4, с. 368) оказались в одном ценностном ряду.

М. входил в депутацию представителей интеллигенции (Н. Ф. Анненский, К. К. Арсеньев, М. Горький, А. В. Пешехонов и др.), к-рые накануне 9 янв. 1905 обратились к правительству с просьбой предотвратить кровопролитие; вскоре был арестован и на непродолжительное время заключен в Петропавлов. крепость.

В 1905—06 М. — активный участник Союза Союзов. С 1906 — чл. партии нар. социалистов, к-рую затем возглавил. За ст. «Надо ли идти в Гос. Думу?» (РБ, 1906, № 1) в 1911 был приговорен к заключению в Двинской крепости (где находился вместе с Пешехоновым); освобожден в 1912.

Февр. революцию 1917 М. считал ошибкой, т. к. страна оказалась не-

подготовленной к свободе. Виновинцей происшедшего М. называл правящую клику, прикрывавшуюся «мнимым самодержцем» Николаем II, «жалким, безвольным и вместе с тем бесконечно упрямым» («На чужой стороне», 1923, № 1, с. 199). В лице большевиков видел «власть, утверждавшую себя исключительно насилием и обманом ... и собиравшую вокруг себя в качестве своих агентов и помощников по преимуществу худшие элементы населения» (там же, 1925, № 13, с. 211). Особенно резко М. отзывался о «красном терроре», обращающем «великую страну в унылое и мрачное кладбище, многомиллионный народ — в стадо запуганных рабов» (там же, 1924, № 7, с. 261). Для борьбы с этой властью и воссоздания рус. государственности на подлинно демокр. основах М. участвовал в создании Союза возрождения России (чл. ЦК, затем пред.). Союз выступал против Брестского мира (1918) и за восстановление русско-германского фронта, рассчитывая на поддержку союзников.

В 1918 М. по делам Союза выехал из Москвы в Киев, Одессу, работал в скатеринодар. газ. «Утро Юга», затем перебрался в Ростов-на-Дону, где организовал газ. «Парус», призывавшую население поддерживать Добровольческую армию. Осенью 1919 М. вместе с брит. миссией переехал в Новороссийск. В том же году он проходил по делу «Тактик. центра», разбиравшемуся в Москве рев. трибуналом, и был заочно приговорен как эмигрант к лишению права въезда в Россию, а в случае появления в ней — к высшей мере наказания. Из Новороссийска М. вернулся в Екатеринодар, где с приходом большевиков в 1920 был арестован и доставлен в Москву. Содержался во внутр. тюрьме ЧК на Лубянке, затем в Бутырской тюрьме, был приговорен к смертной казни, замененной сначала 15-, затем 5-летним тюремным заключением. В нач. 1921 был выпущен на свободу. Эмигрировал в Берлин (в СИЭ неверно указан год — 1918). Декретом 1921 был лишен сов. гражданства. С 1923 — в Праге: сотрудник Рус. загран. архива; один из ред. ж. «На чужой стороне» (1923—28); проф. Рус. юридич. ф-та; чл. Рус. ист. об-ва. В 1930 М. получил кафедру рус. истории в Софийском ун-те. В 20—30-е гг. им опублик. ряд работ по слав. истории, в т. ч. кн. «Переяславский договор 1654 г.» (Прага, 1930), в к-рой соглашение между Моск. гос-вом и Украиной названо «мертвой буквой, не нашедшей себе воплощения в действительной жизни» (с. 28).

Из статей, помещенных в ж. «На чужой стороне», особый интерес представляют: «Дневник Пушкина 1833—1835 гг.» (1923, № 2), «Зап.

Россия и Польша в их ист. взаимоотношениях» (1924, № 7), «Очерк рус. права» (1924, № 6). Там же напечатаны восп. М. «Из недалекого прошлого» (1923, № 2, 3; 1924, № 5, 6; 1925, № 9, 11, 13); в ж. «Голос минувшего»: «О годах революции в Крыму» (1928, № 6) и др.

По словам современников, М. был человеком «редкого, исключительно благородства», «требовательного, непреклонного и непримиримого характера» в вопросах принципиальных, в делах же материальных — «трогательно беспомощен». Его называли «полит. подвижником». Из многочисленных его талантов особенно выделялось красноречие: «Оратор он был поистине замечательный и очень своеобразный ...» (СЗ, 1937, № 65, с. 428). По собственному признанию в одном из писем к М. Н. Слепцовой (бурный роман с к-рой на рубеже веков перешел в многолетнюю дружбу), из-под его пера выходило «нечто мертворожденное, сухое и прилизанное», тогда как он «измучился душою — от ужаса расейской жизни ... и от чувства бессилия высказать то, что жжет душу, так, как нужно и можно» (16 нояб. 1903 — РГАЛИ, ф. 462, оп. 1, № 194, л. 95).

Др. произв.: «А. Мицкевич. Его жизнь и лит. деятельность» (СПб., 1891), «История на Руси от 9 до 18 в.» (София, 1937).

Лит.: Блок. Зап. кн. (ук.); Горький, XXVIII, 248; его же, Лит. портреты, М., 1959, с. 313, 315; Ленин (ук.); Короленко в восп. (ук.); Рус. лит-ра (2, 3; ук.); Розанов В. В., О себе и жизни своей, М., 1990 (ук.); Милюков П. Н., Восп., М., 1991 (ук.); Панута В. Г., Рус. историки-эмигранты в Европе, М., 1992, с. 68, 94—95, 103; ЛН, т. 87, 90, 95 (ук.). + Некрологи, 1937: «Сегодня», 14 окт. (К. Бельковский); СЗ, № 65 (М. Алданов). НЭС; Гранат; Фостер; Рус. эмиграция. Жлы и сб-ки на рус. яз. 1920—1980. Сводный ук. статей, Париж, 1980; Полит. деятели России. 1917. Биогр. словарь, М., 1993; Масанов.

Архивы: ГАРФ, ф. 5917; ИРЛИ, ф. 495; РГАЛИ, ф. 305, оп. 1, № 552 (письма С. П. Мельгунову); ф. 306, оп. 1, № 363 (письма А. И. Иванчину-Писареву); ф. 155, оп. 1, № 410 (письма А. Г. Горюфельду). И. И. Гамича.

МЯСНИЦКИЙ Иван Ильич (наст. фам. Барышев; 1852*, с. Старое Ахшино Инсар. у. Пензен. губ. — 2(15).6.1911, с. Пушкино Моск. губ.; похоронен в Алексеевском мон., Москва), прозаик, драматург. Из разночинцев (письмо М. «о самом себе», 1888 г. — в ст.: Чернышевская-Быстрова, с. 149). По семейному преданию, М. родился в имени Н. П. Огарёва; незаконнорожденный сын К. Т. Солдатёнова, крупного фабриканта, книгоиздателя (см.: Толстиков, с. 226). В годовалом возрасте перевезен в Москву. В 10 лет поступил в Моск. коммерч. уч-ще, где, по собств. его словам, «выучился красиво и правильно писать, правильно вести бухгалтерию и счетоводство, почитать начальст-

во...»; после окончания уч-ща (1868) «как лучший ученик» принят на работу в контору изд-ва Солдатёнова, и жизнь потекла «между конторскими занятиями» и «глотанием книг запоем» (цит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 149). С кон. 70-х гг. М. — гл. помощник Солдатёнова, пользовался его неогранич. доверием (заведовал денежными делами фирмы до конца своей жизни), был его душеприказчиком.

Интерес к лит-ре возник рано, но писать стал лишь в возрасте двадцати двух лет, никому не показывая своих опытов. Первая публ. — юмор. стих. «Знакомый» («Стрекоза», 1876, № 30; подп. И. Бар—ш—в); в дальнейшем печатался в осн. под псевд. Мясницкий (по назв. ул., где он жил в доме Солдатёнова). С этого времени М. стал, по собств. словам, «маленьким журнальным тружеником» (цит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 151): его юмор. стихи, «картинки», «сенки», «реплики» помещали ж. «Свет и тени», «Развлечение», «Будильник», «Зритель», газ. «Новости дня», «Рус. слово», «Моск. листок» (с сер. 80-х гг. вел воскресный фельетон, постепенно оставив др. издания).

М. быстро получил известность как «талантливый совр. бытописатель нравов моск. купечества» (восп. Н. А. Соловьёва-Несмелова — в кн.: Суриков И. З., Стихотворения, М., 1884, с. CLXXXV; был дружен с Суриковым в последние годы его жизни: см. стих. «И. И. Барышеву», 1878 г. — в кн.: И. З. Суриков и поэты-суриковцы, М.—Л., 1966, с. 213). Лучшие из публикаций М. объединил в первую кн. — «Нашего поля ягоды» (М., 1880). Сб-ки юмор. рассказов М. выходили чуть ли не ежегодно (некоторые выдерживали по неск. изданий).

«Серьезная» критика отзывалась о писателе скептически: «Господин М. талантлив, богат; рассказы его грубоваты, подчас салны ... юмор в них очень дешёвый; они малосодержа-

телым, сюжеты их избиты» (ЖО, 1880, № 45, с. 379; см. также: ОЗ, 1880, № 11: «Дело», 1882, № 7). С «безнравств. и кощунств. характером» юмора были связаны и ценз. претензии к М. (см. доклад цензора о кн. «Смешная публика» — ЦИАМ, ф. 31, оп. 3, д. 2189, л. 107 об. — 108).

Так как первым «среди второстепенных и третестепенных» юмористов к этому времени был признан Н. А. Лейкин (ОЗ, 1879, № 6), живший в Петербурге, то шедший по его стопам М. обрел репутацию «моск. Лейкина», сохранявшуюся до конца его жизни неизменной (Импрессионист (Б. И. Бентовин) — ТИИ, 1911, № 25, с. 489). Пост. темой М. на протяжении более 30 лет был образ жизни моск. купечества, известного ему в деталях и подробностях быта, психол. коллизий, гор. топографии и, главное, языка.

«Пресколько чает москвичей и в особенности купца... не только с внешней стороны, относительно лексикона его смешных слов..., изучил его душу», его психологию» (Круглов, с. 73).

М. использовал уже сложившуюся — в частности, в книгах Лейкина — форму «сценки» («картинки с натуры»), к-рая была близка физиологич. очерку, адаптированному к потребностям нового массового читателя, прежде всего гор. приказчика, кассира, буфетчика, дворника, лакея. Отработанные приемы — говорящие фамилии (Скандалов, Кривобок, Хамов и т. п.), обыгрывание к.-н. непривычного для персонажей слова и др. — давали возможность бесконечного тиражирования подобных «сценок» (А. Гончаревский (А. В. Круглов): «Весь фокус — в шаржировании картины, в подборе словечек, к-рые... вызывают неужеримый хохот» — «Светоч и дневник писателя», 1911, № 7—8, с. 110; Импрессионист (Б. И. Бентовин): «Карикатура ради карикатуры, балаган ради балагана» — ТИИ, 1911, № 25, с. 489). Неслучаен подзаг. кн. «Проклязники» (М., 1880): «Фотографич. снимки с натуры добродушного юмориста». Поздние «фотографич. снимки» М. фиксировали уже новые черты быта и психологии третьего сословия (сб. рассказов «Без претензий», М., 1904; «Господа коммерсанты», М., 1900; 2-е изд., М., 1908), но приемы худож. отбора остались прежними.

В 1888 сам М. писал о своих «сценках», «что они верны действительности жизни — об этом никто спорить не станет; что они легко прочтутся и так же легко забудутся — в этом я уже не сомневался...» (цит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 148).

М. тяготился своим положением в лит.-ре; упреки критики в отсутствии в его рассказах «нравств. подкладки» («Дело», 1882, № 7, с. 44) воспринимал болезненно. В 1888 он писал Н. Г. Чернышевскому (в 1885—89 переписывался с ним по поводу издания у Солдатенкова пер. «Восебной истории для образов. сословий» Г. Вебера, т. к. был посредником между издателем и Чернышевским в денежных вопросах), что мечтает о «бытовом романе (все из той же знакомой ... среды (купечества) и, добавлю, неисчерпаемой): выражал сомнения, что сумеет осуществить свой замысел: «Мои товарищи по про-

фессии..., напр., Антон Чехов, прусневают, а я сижу все на маленьких рассказах, а двинулся вперед ... не хватает ни решимости, ни уверенности в своих силах. И оно понятно почему: ... у меня ... кроме кое-какой наблюдательности — ровно ничего» (письмо от 25 июля 1888 — цит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 151). [Ср. оценку М., данную Чеховым в «Лит. табели о раппах»: «коллежский регистратор» — Чехов, В. 143.] Отвечая М., Чернышевский, очевидно с целью подбодрить, уверял его, что таланта у него «больше ... чем у Чехова, и знаний, пужных беллетристике, не меньше ... быть может даже больше» (Чернышевский, с. 724). В это же время, прочитав присланные М. сб.-ки, он в письме к О. С. Чернышевской отозвался о его рассказах как о пустых, хотя об их авторе — как человеке бесспорно талантливом (см.: Чернышевская-Быстрова, с. 151).

Большая по объему пов. «Гости-нодворцы» (М., 1896), описывающая историю трех поколений двух купеч. родов (личные судьбы отцов, детей, внуков причудливо перекрещиваются, создавая сложные психол. коллизии), получила также отрицат. отзывы (РБ, 1896, № 10; МБ, 1896, № 11, Библ. отд., с. 3). Тем не менее М. написал еще неск. крупных вещей: пов. «Около миллионов» (М., 1897), «Судьба Фалалея» (М., 1908), ром. «Старобрядка» (1904), ром. «В царстве ситца» (М., 1905), темой к-рых стали смена поколений и изменения в жизн. укладе и самоощущении третьего сословия. Истории, разворачивающиеся в ром. и пов. М. (построенных, как цепочки, из самостоят. и композиционно завершенных сцен), — семейные драмы, браки по любви или расчету, адюльтеры, разочарования, разводы, смерти, — хотя и «привязаны» к купеч. среде точными бытовыми реалиями, носят уже внесловесный характер.

Свое «кредо» М. выразил в письме Чернышевскому (от 25 июля 1888): «... идеализировать купца как „дословие“ — я не могу ... но, несомненно, по моему мнению, также и то, что всякий уважающий себя бытописатель должен „брать людей так, как они есть, со всеми хорошими и дурными сторонами“» (цит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 153).

Особняком в «бытописательстве» М. стоит пов. «Отрезанный палец. По замечкам полицейского чиновника» (М., 1907) — своего рода психол. детектив. Пьесы М. — от одноактных шуток до «серьезных» драм, к-рые он называл «сценами», — б. ч. предназначались для театра Корша; они смотрелись «легко» и вызвали «несомлкемый смех у зрителей» (Круглов, 794): комедии-шутки «Жена его степенства» (совм. с М. В. Карнеевым; 1884; М., 1884), «Дядюшка квартира» (1887; М., 1890), «Маленькая война» (1888), «Ни минуты покоя» (1890), «Заяц» (1891), «Не лги» (1891), «Домашний стол» (1891), «Сыщик» (1892), «Лови момент» (1896), «Страшная месть (Тайна папеньки)» (1897), «Я умер» (1907), «провинци. сцены» «Письмо из столицы» (1900), драмбыль «Старческая любовь» (1911; по ром. М. «Старобрядка») и мн. др. Они шли также с неизм. успехом в театре М. М. Абрамовой (Москва),

в театре В. А. Немецки (СПб.) и в провинции. Тематически драматургия М. («Драматич. сочинения», т. 1—2, М., 1895—97; 2-е изд., т. 1—2, М., 1913), как правило, повторяла и варьировала его беллетристику.

Почти для каждой пьесы М. есть прозаич. соотвествие (фабула, герой). В драм. произв. он использовал те же говорящие фам. и речевые курьезы. Его фарсы и комедии выглядят как растянутые прозаич. «сценки», где перед диалогами и монологами выделены шрифтом имена произносящих их персонажей.

В драматургии М. также безуспешно пытался перейти к «серьезным вопросам» — «не свойственный замыслу и тональности водеvilный эффект» «сводил на нет претензии автора ...» (отзыв Театр.-лит. к-та о пьесе «Старческая любовь» — РГАЛИ, ф. 852, оп. 2, № 1490, л. 59). Хорошо зная жизнь и законы театра и психологии зрителей, он легко находил материал для драматургич. замыслов, но ему не удавалось избежать затянутости действия, многоречивости персонажей.

Чл. ОРДП, последние десять лет своей жизни — казначей об-ва.

Умер скоропостижно, садясь в поезд в подмоск. с. Пушкине, где жил на даче, чтобы ехать в Москву на панихиду по случаю 25-летия смерти А. Н. Островского.

Изд.: Смешная публика. Юмор. рассказы, наброски и картинки. М., 1885, 4-е изд., М., 1903; Провинция в Москве. Юмор. рассказы, М., 1892, 2-е изд., М., 1903; Женитба Крутозубова. Юмор. описание сватовства и женитбы замоскворецкого лавочника Архипа Семейюнина Крутозубова, М., 1895, 3-е изд., М., 1907; Мыльные люди. Юмор. очерки и рассказы, М., 1895, 1900; Смеха ради. Юмор. рассказы, М., 1895, Б., 1921; Без языка. Юмор. путешествие Петра Ивановича Таракашкина и Ивана Петровича Бухашикина, М., 1898, 3-е изд., М., 1904; Дачные прелести. Юмор. рассказы, М., 1898, 1908; Господа коммерсанты. Юмор. рассказы, М., 1900; Приключения Жоржа Байтикова и Сержа Кантиков, М., 1900; Самой красивой женщине и др. рассказы, М., 1900; Струйки смеха. Юмор. рассказы и картинки, М., 1900, 2-е изд., М., 1903; Блестки юмора. Рассказы и очерки, М., 1901, 2-е изд., М., 1908; Бесс-девка и др. рассказы, М., 1903; Наши ближние. Юмор. рассказы, очерки и картинки, М., 1903; Без претензий. Юмор. рассказы, М., 1904; Кому смех, кому слезы. Юмор. рассказы, М., 1905; Непоскожко смеха. Юмор. рассказы, М., 1907.

Лит.: Чехов (ук.); Чернышевский (ук.); Круглов А. В., Пестрые странички. — ИВ, 1895, № 12, с. 793—94; Чернышевская-Быстрова Н. М., Из лит. отношений Н. Г. Чернышевского к И. И. Барышеву-Мясницкому. — В сб.: Н. Г. Чернышевский. Незданные тексты, статьи, восп., мат.-лы. Саратов, 1926, с. 141—154; Белоусов (2); Н. Г. Чернышевский. Лит. наследие, т. 3, М.—Л., 1930, с. 581—92; [Письмо Чехову]. — В кн.: А. П. Чехов. Сб. документов и мат.-лов, М., 1947, с. 131; Чернышевская Н. М., Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, М., 1953 (ук.); Гиляровский В. А., Избр., т. 2, М., 1960, с. 110; Лобанов В., Столешники дяди Глеба, М., 1972, с. 27—34; История рус. лит.-ры, т. 4, Л., 1983; Толстиков А. П., Люди мысли и добра, М., 1984 (ук. — см. на И. И. Барышев); Чудаков А. П., Мир Чехова. Возникновение и утверждение, М., 1986; его же, Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики рус. классиков, М., 1994, с. 273; Петровская И. Ф., Театр и зритель рос. столиц, Л., 1990 (ук.); Тиме Г., У истоков новой драматургии в России (1880-е — 1890-е гг.), Л., 1991 (ук.); Бурыйшкин П. А., Москва купеческая, М., 1991, с. 155; + Некро-

логи, 1911: НВ, 3 июня; «Утро России», 3 июня; МЛ, 3 июня; Илл. прил. к «Моск. листку», № 22; РСЛ, 3 июня; МВед, 5 июня; «Светоч и дневник писателя», № 7/8; «Рампа и жизнь», № 24; Брокгауз; Гранат; Венгеров (Сл.; Источ.; Рус. кн. — ошибочно приписан отзыв в «Отеч. зап.», 1879, № 6); ЛЭ; КЛЭ; ТЭ; ИРДТ: Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 45; РГБ, ф. 295, к. 9801, д. 6 (письма И. Д. Родионову); ИРЛИ, ф. 377; ф. 357, оп. 5, № 76* (автобиограф. письмо А. Н. Сальникова, 1901 г.); РГИА, ф. 776, оп. 20, д. 893; оп. 21, ч. 1, д. 283; оп. 26, д. 8, 9, 85 (ценз. дела).

И. Е. Гитович.

МЯТЛЕВ Иван Петрович [28.1(8.2). 1796, Петербург — 13(25).2.1844, там же; похоронен в Сергиевской пустыни], поэт. Из богатой и старинной дворян. семьи. Отец — Пётр Вас., сенатор, тайный советник и камергер. По линии матери (урожд. гр. Салтыковой) М. приходился братом в 6-м колене А. С. Пушкину. (При

крещении М. воспитанниками были имп. Екатерина II и гр. И. П. Салтыков — РГИА, ф. 805, оп. 2, д. 31.) Получил дом. образование, пяти лет записан в Коллегию иностр. дел. В марте 1813 вступил корнетом в Белозерский гусарский полк, в июле того же года переведен в л.-гв. Конный полк, принял участие в заграничных походах 1813—14; в 1814 уволен из армии «по болезни». С 1821 на службе — в канц. министра финансов (при мин. Д. А. Гурьеве), в Деп. гос. имуществ и Деп. мануфактур и внутр. торговли, где в 1830-е гг. был главой Обществ. присутствия (см., напр., заметку П. И. Шаликова и стихи С. Н. Глинки о службе. командировке М. в Москву для устройства торгово-промышл. выставки 1833 — ДЖ, 1833, № 1). В 1825 женился на Прасковье (Марии) Петр., урожд. Балк-Полевой. В 1829 из камер-юнкеров произведен в камергеры; стат. сов. (1833). В 1836 уволен в отставку (1838 — действит. стат. советник).

Лит.-худож. интересы М. определились атмосферой семьи, где культивировались дом. спектакли, сочинялись шуточные «газеты» [франц.

«газета» «Le Barbet scrutateur» («Пудель-исследователь») — ИРЛИ]. Мать М. писала по-французски небольшие семейно-нравоучит. соч., вела дневники, носившие характер семейного альбома (включали стихи М., рисунки и записи сестер; там же, фрагменты см. в кн.: Владимирова). Симбирские имения Мятлевых Порецкое и Беклемишево и их загородная дача Знаменское под Петербургом были своеобразными культурными центрами.

Первые сохранившиеся соч. М. — франц. (с отсылками спанами по-русски) пьесы для дом. спектаклей: «Camp des Femmes Soldats» (1819), «Suite du Fou raisonnable» (1820) и др., игравшиеся родственниками и знакомыми Мятлевых на семейных торжествах (об участниках постановок — в 8-й гл. «Journal des Théâtres Russes» М. — ИРЛИ; здесь же тексты шести пьес). Описание именин отца в Знаменском в 1826 стало первой публ. М.: «Пустынник на празднике», «брошюра листа в три», ижд. в 30 экз. «для немногих» (не выявлена; см. письмо А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву — РА, 1871, № 7—8, стб. 991—92). К сер. 1820-х гг. относятся и первые изв. его стихи: франц. элегия на смерть Александра I (в дневнике матери), «Послание к жене» (1826), обращенные к ней же стихи. «Уныние», «Призыв» (1824) и цикл франц. стих. (1827; в альбоме жены, ИРЛИ) — типичные образцы домашне-салонного творчества, построенного на ходовых штампах.

Баснословное родовое богатство (отец владел 12 тыс. душ), широкие родств. и светские связи давали М. полную возможность сделать очень хорошую военную, гос. или придворную карьеру, однако он реализует совсем иное социальное амплуа — просвещенного барина, светского человека, служащего лишь для приличия. Хозяин открытого дома, тонкий гастроном и ценитель женской красоты, М. — заметная фигура в петерб. высшем свете, при дворе. Светскими связями в 1820—30-е гг. определялись и его лит. контакты; знакомство с М. зафиксировано в обращенных к нему стих. А. Е. Измайлова («Не любя тут здесь (в Твери) — С. П.) литературы...», 1827), И. И. Козлова («Намшистом берегу морском...», 1834; письмо М. к нему — РА, 1886, № 2; ср. запись в дневнике Козлова — «Старина и новизна», 1906, кн. 11, с. 53). С нач. 1830-х гг. сближается с П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, Пушкиным, Н. В. Гоголем, А. О. Смирновой, ценившими в нем замечательного собеседника и домашнего поэта. Линия дилетантского камерного стихотворства отчетливо проступает в первых печатных опытах М.: два «Собрания стихотворений» (СПб., 1834, 1835), вышедших анонимно небольшими тиражами с характерным грифом «Уговорили выпустить», содержали весьма несовершенные элегии, «размышления», послания, стих. песенно-меланхолич. окраски (в т. ч. стих. «Розы», строка из к-рого, использованная И. С. Тургеневым в стих. в прозе «Как хорошо, как свежи были розы», стала крылатой) и стихи «на

случай» (всего 28); в них М. выступает откровенным эпигоном Жуковского и Козлова (впрочем, в сб. 1834 присутствуют и тексты, виртуозно пародирующие эту традицию: «Артамоныч», «Фантастическая выскзка»). По позднейшему замечанию В. Г. Белинского, сборники «не заметил никто, кроме друзей сочинителя» (IX, 262).

В дальнейшем отд. образцы «серьезной» лирики М. появлялись в ж-лах и альманахах 1840-х гг. (в осн. в «Современнике» П. А. Плетнева, а также в «Маяке», «Рус. вестнике», «Москвитинине»); нек-рые из них весьма удачны по простоте и искренности выражения непосредственного чувства (напр., «Маске в черном domino...», 1843). Ряд его текстов («Птичка», «Бывало», «Сон» и др.) положен на музыку А. Е. Варламовым, М. И. Глинкой, М. Ю. Висльорским, А. П. Бородиным, В. А. Золотаревым; отдал. строфы «Фонариков» (1841) еще при жизни автора вошли в репертуар гор. романса, др. стих. воспринимались как фольклорные («Наливочка тройная, или Восторг» и др.).

Значительно интереснее остроумное и шуточное «стихотолество» М. В дружеском кругу он славился искусством легко и затейливо подбирать рифмы, сочинять веселую стихотв. и прозаич. «галиматью», в к-рой прихотливо смешивал рус. и иностр. слова [сам он такие стихи называл «безделицами», «искорками (bluette)»]. Его стихотв. экспромты и записочки, каламбуры, эпиграммы, так же как розыгрыши и комедийные сценки, пользовались неизменным успехом, постепенно закрепляя избранную им роль присяжного остроумца, светского забавника и буффона. М. принимал участие и был «chef d'école» («наставником») Пушкина и Вяземского в сочинении шуточного стих. «Надо помянуть, непременно помянуть надо...» (1833; ср. стих. Пушкина «Свят Иван, как пить мы станем...», возможно, обращенное к М.). Собственные шуточные стихи. М. — как правило, небольшие тексты, ориентированные на конкретного слушателя или на замкнутый круг (из более 50 дошедших стих. при жизни автора напечатано всего три; лучшие образцы шуточной поэзии обращены к Смирновой, автограф — РГБ, ф. 474, к. 4, № 69—71). Жанровое распределение юмористики М. весьма пестро: шутейные басни и послания, комич. диалоги, куплеты, пародийные баллады и песни (сильное влияние на версификацию М. оказывает совр. ему муз. фон — расхожие оперные, водеvilные и танц. мелодии часто формируют метрику и строфику его произв.). Легкий налет нравств. сатиры не может замаскировать самоцельность мятлевского юмора: показательно, что комическое у М. обуславливается не столько темой и сюжетом, сколько формальными приемами, среди к-рых доминируют каламбуры и гл. обр. макаронизмы.

Первоначально целиком вписываясь в традицию устной лит. игры, ха-

ракторной для светского салона и друж. кружка нач. 19 в., шуточное творчество М. в 40-х гг. выходит на более широкую лит. арену. В 1840 начата публикация осн. произв., с к-рым связана его лит. и жизненная репутация, — обширный описательно-юмористич. поэмы «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границею, дан л'этринже» (выходила отд. частями-томами — СПб., 1840, 1843, 1844; на т. л. — мистифицирующее обозначение «Тамбов»; не пропущенная цензурой строфа из ч. 1 — «Рус. библиофил», 1911, № 7; фрагменты неоконч. части о вожаке героини по Франции — РВ, 1842, № 1).

В основе поэмы — заграничное путешествие самого М. (1836—39: Германия, Франция, Швейцария, Италия), к-рое он предпринял для лечения жены и мл. сына (ранее умерли шесть из восьми его детей). В аристократич. европ. кругах М. запомнился своим экстравагантным поведением (см.: Бутурлин; след. лит. контактов М. — публ. его стих. «Плавающая ветка» в пер. на франц. яз. Э. Дешана: «La branche soupée» — париж. «Journal des jeunes personnes», 1836, дек., с. 353; здесь же краткая справка о М.). Сохранились упоминания о работе над поэмой — в письмах М. 1836—39 к Жуковскому (РНБ, ф. 286) и в письмах сына М. (ИРЛИ), а также свидетельство о чтении первых глав в Италии в 1839 (Бутурлин, № 9, с. 99).

«Сенсации...» представляют собой собрание путевых стихотв. очерков, объединенных маской рассказчика — провинц. барыни, проезжающей маршрутом М. и обзоревающей европ. достопримечательности (о прототипах Курдюковой или ее отд. черт существовали противоречивые свидетельства, см., напр.: Бутурлин, № 9, с. 102—04). Вместе с тем созданная маска достаточно условна, причем ее неоднородность, возможно, достигалась сознательно: точка зрения тамбов. помещицы постоянно смещается в сторону самого М. — просвещенного петерб. джентльмена. «Автопроекция» как составляющая образа Курдюковой актуализировалась в дом. спектаклях, декламациях, в стих., написанных «от ее имени» («Мадам Курдюкова Лермонтова», «Графине М. Д. Гурьевой» — РГБ, ф. 438, к. 3, № 54; «M-me de Struve» — РНБ, ф. 601, № 2068, л. 24, копия; все стих. — 1839). Эта игра закрепились в илл. В. Ф. Тимма к изд. 1840—44, где героине придано портретное сходство с М. (отмечено в реч.: БдЧ, 1844, т. 62, с. 65), а одна из картинок изображала перед зеркалом М., а в зеркале — Курдюкову. Наиб. ярким стилистич. приемом поэмы (перешедшим в нее из шуточной поэзии М.) стал «макаронич. язык» — смешное вкрапление в текст искаженных иноязыч. фраз и слов (б. ч. французских, реже нем. и др.). В отличие от традиции, восходящей к 18 в., в макаронизмах Курдюковой, как и в поэме в целом, малоощутима сатирич. установка: язык героини не используется как повод

для пуристич. критики галломании (ср. сатирич. функцию приема в комедиях 18 в.), скорее преследуется цель иронич. осмеяния плохого франц. яз. со стороны носителя, владеющего им в совершенстве.

Реальный фон мятлевского макаронизма — франко-рус. двуязычие высшего об-ва, порождающее (провоцирующее) языковую игру. Перемешивание рус. и иностр. слов — пост. прием в светских шутках (см., напр., письма А. К. Толстого к Адлербергу, 1837—38, — Толстой А. К., Собр. соч., т. 4, М., 1964, с. 455—519). Схожий по приему розыгрыш А. Смирновой Николая I, по-видимому, послужил одним из источников образа Курдюковой (см.: Смирнова-Россет, с. 281—83), что косвенно подтверждается свидетельством М. (мья в Смирновой «зажигательницу» своего веселого дара, называл ее «истинной матерью» Курдюковой).

Импровизационные по характеру (как и почти все творчество М.),

«Сенсации...» блестяще воспринимались со слуха — в чтении автора, Ф. А. Кони и др. Попытки исполнения со сцены, представления в виде водевиля (Александринский т-р, 1841) как бы возвращали поэму в породившую ее среду устного бытования. Др. важный элемент успеха «Сенсаций...» — иллюстрации Тимма, благодаря к-рым актуализировались очерковые и фельетонные черты поэмы, а кн. оказывалась «встроенной» в ряд модной нравоописат. лит-ры («физиологич.» произв. и т. п.; ср. ниже о др. илл. изданий 40-х гг. соч. М.). Во многом, вероятно, из-за иллюстраций поэму переиздавали впоследствии («роскошные» изд. — СПб., 1904, 1907, и др.).

Критика затруднилась в однозначной оценке «Сенсаций...». Поэма трактовалась то как памфлет на макаронич. порчу языка, то как сатира на невежество провинц. дворянства, то как «легкая шутка», «фарс», лишённая серьезного значения. Ее пафос «безграничной веселости» расценивался нек-рыми критиками сочувственно (С. П. Шевырёв — «Москв.», 1841, № 6; 1844, № 5;

Плетнёв — «Совр.», 1841, т. 22; 1844, т. 33), другими — с раздражением (Белинский — ОЗ, 1844, № 5; 1845, № 9; поэму он называл «скудной и довольно плоской», видя в ее успехе свидетельство безвкусыя знач. части читателей, — IX, 445, 450; VI, 392); позднее отсутствие проблемного и типического в «арлекинаде» М. ставило его в глазах критики за грань лит-ры (БдЧ, 1857, т. 143). Образ героини Плетнёв трактовал как объект осмеяния («Вся мелочь избалованной барыни, все невежество ... вся спесь помещицы, грубый ее язык ... — все это схвачено мастерски ...» — «Совр.», т. 22, с. 25) и решительно противопоставлял ее позиции автора; Шевырёв же писал о сочувств. изображении в лице Курдюковой «нашей провинции», сохраняющей «свой родовой, врожденный характер, свой совершенно особый взгляд на вещи и людей, часто верный...» («Москв.», 1844, № 5, с. 14). Ф. В. Булгарин видел в героине «неопределенность» и «раздвоенность» (СП, 1841, 11 янв.). Но практически всеми отмечались глубокая оригинальность поэмы и «неподражаемость» макаронич. стиля М.

Вернувшись в Россию, М. вел беззаботную светскую жизнь. Его петерб. дом, «самый аристократический» (Исаакиевская пл., 9), был «наполнен картинами, статуями и разными редкостями Италии» (Грот и Плетнев, I, 155). Здесь часто устраивались балы, вечера и спектакли, присутствовали как императорское семейство, члены Гос. совета, министры, дипломаты, так и литераторы (в т. ч. Жуковский, И. А. Крылов, Плетнёв, Н. И. Греч), артисты, музыканты. Выступали рус. (Каратыгины, Глинка) и иностр. знаменитости (певицы Дж. Паста, Бишоп, музыканты Бокса, Блаз и др.). Сам М. был неизменным «коноводем» в танцах, всегда «смешив всех запасом своих фарсов» (Паткуль, № 2, с. 464, 468). В 1839—43 он частый гость салонов «лит. аристократии» (Карамзиных, В. Ф. Одоевского, Е. П. Ростопчиной, к-рой посвящал стих.), салона Паткулей, муз. вечеров А. Ф. Львова. «Его появление вводило радость в общество; его ум оживлял беседу; его разговор прогонял скуку. Поэзия была для него ароматом жизни» (Плетнев — «Совр.», 1844, т. 33, с. 340). Приезжие специально стремились попасть «на Мятлева», послушать чтение им своих соч., всеми отмечался его необыкновенный театрально-декламат. талант. М. воспринимался как выдающийся жизнелюбец, его внезапная смерть от удара (во время масляной недели 1844) буквально «потрясла» «высшее общество» (Корф, с. 291).

В последние годы жизни за М. укрепилась репутация «модного по-

эта», автора стих., воспринимавшихся современниками как «легкая, забавная шутка остроумного, светского человека, который одарен комическим талантом» (СО, 1842, № 9, с. 42; показательно заглавие рукописного сб. стих. М. из собр. Вяземского — «Юмористика»). Его стих. появляются в периодике (характерно сотрудничество М. в илл. «Листке для светских людей» под ред. А. Н. Греча), сборниках; посмертно десять стих. опубликованы в сб. «Сто русских литераторов», т. 3, СПб., 1845 (неодобрит. или сдержанные рец. 1845: «Москв.», № 9; БдЧ, т. 71; ОЗ, № 9; последняя — Белинского, выделявшего сатирич. «Разговор барина с Афонькой»). Отд. изд. выходят «Петергофский праздник» (СПб., 1842; с илл. Тимма; третий вып. в серии «Картинки русских нравов»), «Тарантелла» (СПб., 1844), «Коммераж» (СПб., 1844). В традиции для М. духе разговорная интонация и стилистич. игра соединены в этих сою. с обращением к комич. и прямо анекдотич. сюжетам и случаям.

В дружеском кругу имя М. теснее всего оказалось связанным с поэтикой макаронизмов и каламбуров, к-рая была подхвачена и употреблялась как авторски-маркированная — в стихотв. обращениях к М., в ответах и «перепевах» его стих., при упоминании его имени в тексте: стих. Н. В. Кукольника (РА, 1891, № 8), пародия на «Петергофский праздник» (ЛГ, 1842, № 39), стих. неизв. автора «Сочинителю от родственника» (РГБ, ф. 129, п. 21, № 56). В сатирико-юмористич. и «фельетонной» поэзии 2-й пол. 19 в., развивавшей схожие поэтич. приемы, прямое влияние М. практически не обнаруживается, более очевидна типологич., а не генетич. общность, имевшая разные традиции и функционирование. Требуется значит. корректив распространённый взгляд на М. как «предтечу» Козьмы Пруткова, поэтов «Искры» и «Сатирикона» (А. Амфитеатров — в изд. 1894; Голицына; Степанов (в частности. существенно, что, в отличие от Козьмы Пруткова, Нового Поэта (И. И. Панаев) и т. п., направленность его «Сенсаций...» — внелитературная, хотя элементы пародии и встречаются в поэме).

Перенздания соч. М. в 19 в. не встречали «живого» отклика и не становились актуальным лит. событием. М. воспринимался как поэт прочно забытый и «экзотический». Рецензенты изд. 1857 единодушно отказали ему в праве на читательское внимание (БдЧ, 1857, т. 143; ОЗ, 1857, № 5; СО, 1857, № 26; автор последней рец. принял М. за здравствующего поэта-графомана), к-рое и не пробуждалось до кон. 19 в. (см. заметки о М. и рец. на изд. 1893—94:

«Нива», 1894, № 7; СВ, 1894, № 5; РБ, 1894, № 3; МБ, 1895, № 4; «Нева», 1906, № 4). Как издательскую «ошибку» оценил рецензент «Нового мира» (1937, № 10, с. 272; подп.: С. Л-н) издание 1937: «Были бы сохранены и средства, и время, и, главное, бумага». Лишь с 1960-х гг. ист.-культурное значение поэзии и личности М. было восстановлено в должном объеме.

Изд.: ПСС, т. 1—2, СПб., 1857 (перезд. в 1 т. — К.—Х., 1893); ПСС, т. 1—3, М., 1894; Стих., М.—Л., 1937 (БПМ; вступ. ст. В. Голицыной); Стихотворения. «Сенсации и замечания...», Л., 1969 (БПБ; вступ. ст. Н. А. Коварского, прим. Коварского и Н. А. Бахмистевой); Стих. «Киянини костяльск» (1836). — «Ежегодник РО ПД на 1977», Л., 1979, с. 73—74 (публ. В. Э. Вауру).

Лит.: Пушкин; Белинский; Вяземский; Грот и Плетнев; Никитенко; Смирнова-Россет (все — ук.); Ф(едорова) Б., [стих.] «На кончину И. П. Мятлева», — «Маяк», 1845, т. 19, № 1, с. 26; Каратыгина А. М., Восп., — РБ, 1881, № 4, с. 601; Вяземский П. А., Письмо С. П. Шевыреву, — РА, 1885, № 6, с. 307; его же, «Заметка о М.», — В кн.: Ивинский Д. П., Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин, М., 1994, с. 115; Корф М. А., Из зап., — РС, 1899, № 11, с. 291—93; Мещерский А. В., Из моей старины, — РА, 1901, № 3, с. 485—86; Бутурлин М. Д., Зап., — РА, 1901, № 9, с. 81—119; № 11, с. 384—421; Паткуль М. А., Восп., — ИВ, 1902, № 2—4; Бобров Е., М. и народное остроумие («Разговор барина с Афонькой»). — В его кн.: Лит-ра и просвещение в России XIX в., т. 1—3, Каз., 1901—02; Дризис Н. В., Драмматич. цензура двух эпох 1825—1881 гг., П., 1917, с. 75—76 (о ценз. затруднениях при постановке «Сенсаций...»); Голицына В., Шутливая поэзия М. и стиховой фельетон. — В кн.: Рус. поэзия XIX в. Сб. ст., Л., 1929; Герштейн И., «Мятлевские» стих. Лермонтова, — ВЛ, 1959, № 7; Владимирев Е. В., Рус. писатели в Чувашии, Чебоксары, 1959; Селиванов К. А., Лит. места Ульяновской обл., Саратов, 1969, с. 184—85; Степанов Н., Заниматель рус. юмористич. поэзии. [Рец. на изд. М. 1969]. — ВЛ, 1970, № 10; Мануйлов В. А., Лермонтов и Карамзин. — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Иссл. и мат-лы, Л., 1979, с. 334—37; Вауру В. Э., Лит. альбомы в собрании ПД. — «Ежегодник РО ПД на 1977», Л., 1979 (ук.; текст М. в альбоме); Каптор А. М., [150 лет книги М. «Сенсации и замечания...»]. — В кн.: Памятные книжные даты. 1990, М., 1990, с. 198—203; Пыляев М. И., Забытое прошлое окрестностей Петербурга, СПб., 1994 (ук.; в т. ч. о судьбе худож. собрания Мятлевых); Шохина В. В., «И ха-ха-ха, и хи-хи-хи...». К 200-летию П. Мятлева, — «Независимая газ.», 1996, 9 февр. — Некролог, 1844: «Совр.», т. 33 (П. А. Плетнёв); БдЧ, т. 62; «Маяк», т. 14, кн. 27; «Москв.», № 5 (Трунский); ЛГ, № 3, 19; СП, 5 янв., 15 февр. Брокгауз; Венгеров (Источ.); Рус. кн.; ЛЭ; БСЭ; КЛЭ; Лери. энци.; Черейский; Рус. писатели, 1990 (ст. В. И. Корovina); Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. Энци. справочник, М., 1992, с. 406; Смирнов-Соклюцкий; Муратова (1; 3, ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 196; РГАЛИ, ф. 333; ф. 195 (письма П. А. Вяземскому); РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 6541 (о дворянстве Мятлевых, в т. ч. ф. с. М. 1833 г.); ф. 18, оп. 9, д. 308; ф. 40, оп. 1, д. 11 (бюгр. сведения); ф. 1018, оп. 8, д. 175 (письмо И. Ф. Паскевичу-Эриванскому, 1840; стих.) [справка С. И. Вареховской]; РГАДА, ф. 1271 (бумаги семьи М. — отца, матери, внука); РНБ, ф. 601, № 2068 («Вам хочется, сомнения нет», 1839, подпис: П. Курдюков); ф. 539, № 569, 793, 1515 (письма В. Одолевскому, А. М. Каратыгиной, 1840-е гг.; стих.); ф. 124, № 2585, 2957 (письма Л. Н. Ваксель; стих.); ф. 545, № 23, 66 (письма Ф. П. Опоичину, 1830—35; стих., в т. ч. неопубл.); ф. 291, № 115 (письмо М. Н. Загоскину, 1831); РГБ, ф. 231/III, к. 8, № 50 (списки с неопубл. стих. 1842). С. И. Панов.

НАВАШИН Дмитрий Сергеевич (1889, Киев — 25.1.1937, Париж), поэт, прозаик, переводчик. Из дворян. Отец — проф. ботаники Сер. Гавр. Навашин (1857—1930), после 1917 акад. АН СССР и АН УССР. По окончании гимназии Н. учился на юридич. ф-те Киев. ун-та. Из его лит. наследия сохранилось немного. Первые известные стих. датированы 1908. В кон. марта 1909 Н. обратился к В. Я. Брюсову с рекомендат. письмом от своего родственника Ф. Ф. Зелинского, что положило начало их регулярной переписке в 1909—10 (РГБ, ф. 386, к. 95, № 6, 47). 4 апр. 1909 Брюсов рекомендовал Н. запиской А. Белому, охарактеризовав его как «молодого поэта, который читал мне свои очень интересные стихи и сказки» (ЛН, 85, с. 418). Вскоре Н. вступил в переписку и с Белым (первое письмо помечено 6 апр. 1909).

Гл. содержание писем Н. — лит. жизнь Киева, сведения об издат. начинаниях (напр., о несуществ. замысле ж-ла «Совр. искания» в письме к Брюсову от 1 дек. 1909; фрагмент опублик.: ЛН, 92, кн.3, с. 357), суждения о творчестве известных поэтов и писателей. В своих вкусах и пристрастиях Н. ориентировался на символизм, но мн. их темы были ему чужды — эротич., урбанистич. и историческая («парнасское», эстетское понимание). В своих критич. оценках Н. отдавал предпочтение своеобразному «исоромантизму», включая в этот круг и особо выделяя поэзию И. А. Бунина, и весьма резко высказывался об А. А. Блоке и Вяч. Иванове, разделяя позицию Брюсова в ходе известной дискуссии 1910 о символизме (ЛН, 92, кн. 3, с. 369, 371).

Письма Н. — ценный источник для истории лит-ры — показывают его как тонкого знатока иск-ва, обладавшего задатками одаренного поэта и худож. критика, однако не реализовавшегося в этой области.

Стихи и проза Н. не совсем типичны для околосимволист. молодежи кон. 1900-х гг. Как поэт он скорее ориентировался на традиции рус. романтизма в их символист. интерпретации, нежели собственно на символизм; несомненно влияние на него Э. По (сохранился выполненный Н. неопубл. пер. стих. «Аннабель Ли»), Ф. Сологуба и Блока, ранней поэзии к-рого близок образ «царской дочери», «грустной царевны» — один из наиболее важных и часто встречающихся у Н. Для него характерен вы-

сокий уровень техники стиха, он усвоил мн. формальные достижения символистов: «Мне было грустно... Книжки и мечты, / Как милый бред, развевались далече... / Я был один; и ангел пустоты / Зловеще лег руками мне на плечи» (РГБ, ф. 386, к. 58, № 5, л. 8). Стихи Н. публиковались в альм. «Сев. цветы на 1911 год» (М., 1911; перепечатка в публикации Р. Д. Тименчика «Один из вышедших серебряного века» — «Даугава», 1996, № 1) — свидетельство того, что Брюсов, включая в альманах прозв. единственного неизвестного автора среди известных и даже маститых, связывал с его именем определ. надежды и рассчитывал ввести в лит-ру еще одно яркое новое имя. Имеются косвенные данные о пока не выявленных публ. Н. в периодике 1912—1914; ряд неизд. стих. — в архиве Брюсова. В 1912—14 стихи Н. получили нек-рую известность в лит. кругах Москвы: он читал их в Лит.-худож. кружке.

Наиболее значительные из прозаич. произв. Н. — рассказ «Морской разбойник» («СЦ на 1911 г.») и «Сказка о расточительной девушке» (неопубл.; РГБ, ф. 386, к. 58, № 5); в них ощутима ориентация на сказки О. Уайльда и отчасти Сологуба, доходящая порой до прямого подражания.

Лит. дебют Н. был встречен отрицательно. А. Белый, говоря о стихах Н. в рец. на альм. «Сев. цветы на 1911 год», сдержанно отмечал: «... единственное их достоинство — та юная свежесть, которая присуща и многим другим начинающим, не попавшим, однако, на страницы „Северных цветов“» (РМ, 1911, № 10, отд. III, с. 25). Уничтожающим был отзыв Н. С. Гумилёва: «Стихи Д. Навашина ... очень плохи и, что хуже всего, ничего не обещают. Его рассказ „Морской разбойник“ написан слащаво и почти без всякой фабулы» («Аполлон», 1911, № 8, с. 68). Можно предполагать, что подобные отзывы побудили Н. прекратить печататься, а затем и вовсе отойти от лит. деятельности. Лит. архив Н. не обнаружен.

Вероятно, в середине 1910-х гг. Н. стал масоном: член ложи «Астрея» в 1916—17. Др. сведения о его жизни времён 1-й мировой войны, Февр. рев-ции 1917 и Октябрьской рев-ции 1917 г. — с начала 1920-х гг. жил в Париже, занимая должность помощника директора, затем директора сов. банка; выступал со статьями по экономич. вопросам во франц. печати. Один из основателей возрожденной масонской ложи «Астрея» в Париже (1922), к-рую позднее оставил, перейдя во франц. «Англо-саксонскую ложу». По сообщению Н. Н. Берберовой, «среди его ближайших друзей были не только видные французские деятели, банкиры, масоны Великого Востока, но и министры и сенаторы... Затем прошел слух, что его вызывают в Москву. Но он туда не поехал. В это время у него уже хранились международные фонды троцкистов... В 1931—32 гг. в Париже заговорили, что он ушел из банка и отказался ехать на родину» (Берберова Н., Люди и ложи. Рус. масоны XX столетия. Н.-Й., 1986, с. 208—09).

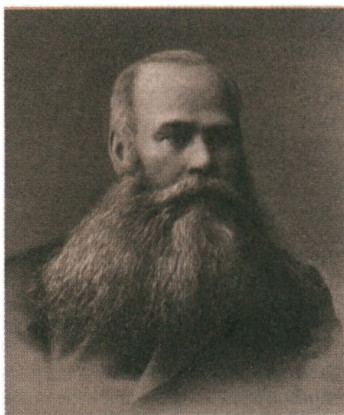
Н. был связан с руководителями троцкист. оппозиции в СССР, в частности с Г. Л. Пятаковым, Г. Я. Сокольниковым и Л. П. Серебряковым. Убит в Булонском лесу во время прогулки при загадочных обстоятельствах, к-рые остаются невыясненными до настоящего времени. Не исключается версия его убийства агентами НКВД (нек-рые сведения об этом есть в ст. «Агенты Ежова за границей» — ПН, 1938, 29 июля).

Лит.: Гумилев (ук.); Левик С. Ю., Четверть века в опоре, М., 1970, с. 109; Анциферов Н. П., Из дум о бытом. Восп., М., 1992 (сост. и прим. А. И. Добкина); ЛН, т. 85 (ук.); т. 92, кн. 3 (ук.). + Альм. и сб-ки (2).

Архивы: РГБ, ф. 25 (А. Белый), к. 27, № 17 (письма Белому); ф. 386 (В. Брюсов), к. 58, № 5 (неопубл. произв. и переводы Н.); к. 95, № 46 и 47 (письма Брюсову).

Ю. И. Глебов.

НАВРОЦКИЙ Александр Александрович [псевд. Н. А. Вроцкий; 1(13).3.1839, Петербург — 28.5 (10.6).1914, там же; похоронен на Новодевичьем кладб.], поэт, драматург, прозаик, издатель. Из дворян Моск. губ. В 1857 окончил 2-й петерб. кадет. корпус и был выпущен в гвардию. Служил в л.-гв. Моск. пол-

ку. В 1867 из-за последствий ранения в голову (во время подавления польск. восстания в 1863) оставил строевую службу и поступил в Воен.-юридич. академию. После ее окончания (1868) служил помощником моск., затем петерб. воен. прокурора, вилен. воен. прокурором, воен. судьей Петерб. воен. округа, пред. Виленского воен. окружного суда. В 1891 вышел в отставку в чине ген.-лейтенанта. Был членом Воен.-ист. об-ва.

Дебютировал в лит-ре светским ром. «Семейство Тарских» (М., 1869), обнаруживающим увлеченность нем. романтизмом (мотивы безумия, мистич. роли музыки, гибели в Рейне и т. д.), — мелодраматичным и риторичным («вариация», очень скучные, на темы несчастной любви» — «Илл.газ.», 1869, 11 дек.; ср.: иронич. рец. — ВЕ, 1869, № 5; отри-

цат. отклик: Z (В. П. Буренин) — СПбВед, 1869, 25 марта). Известность Н. принесли стих. «Утес Стеньки Разина» («Есть на Волге утес...»; написано в 1864; ВЕ, 1870, № 12) и драм. хроника «Стенька Разин» (ВЕ, 1871, № 5). Стих. положено на музыку, «распевалось в семидесятых и восьмидесятых годах радикальной молодежи и имело значение рус. марсельезы» (Ясинский И. И., Лит. воспоминания. — ИВ, 1898, № 1, с. 159); в дальнейшем оно включалось в рев. песенники (сб.: Песни свободы, М., 1905; Песни борьбы, М., 1906; и др.).

В драм. хронике «Стенька Разин», повс. Н. И. Костомарову и вдохновленной его кн. «Бунт Стеньки Разина», Н. «вообразил, что Разин был непременно социалист и чуть ли даже не предтеча героев недавней Парижской коммуны» (ВИ, 1871, № 135). Сторонники правит. лагеря сочли, что пьеса Н., «представляющая всеобщую резню и грабёж как борьбу за свободу, есть продукт империалистич. учения» (А. К. Толстой в письме М. М. Стасюлевичу от 1 окт. 1871. — Толстой А. К., Собр. соч., т. 4, М., 1909, с. 377). На революционеров же она оказывала сильное мобилизующее воздействие (см., напр.: Моисеенко П. А., Восп., М., 1924, с. 39—40). Понятки Н. переиздаёт пьесы и стих. о Разине (ис. только в 70-х гг., но и позднее) пресекла цензура (см.: РГИА, ф. 777, оп. 2, д. 22; оп. 3, д. 15). Пьеса была переработана членами народнич. кружка «чайковцев» (белые стихи заменены прозой, переставлены акценты, сделаны вставки пропагандист. характера), отпечатана в Женеве (1872) под назв. «Волыный атаман Степан Тимофеевич Разин» и использовалась в народнич. пропаганде (см.: Протессы 193-х, М., 1906, с. 38, 70, 101, 153; в России авт. текст пьесы вышел отд. изд. лишь в 1907, СПб.).

В 1874 издал в Вильне пьесу «Царевна Софья» (в кн. включен и ряд стих.). В кон. 70-х гг., проживая в Петербурге, посещал салоны А. П. Философовой и гр. С. А. Толстой, общался с Н. С. Лесковым и Ф. М. Достоевским (Н. — человек «честный, но с великим самомнением» — Достоевский, ХХХ, кн. 1, с. 58). Дважды посетил Л. Н. Толстого: в 1878 в Ясной Поляне (говорил с ним о ж-ле «Рус. речь», к-рый готовился издавать со следующего года, — см.: Л. Н. Толстой. Переписка, 2-е изд., т. 2, с. 31—32, 34, 36) и в нач. 80-х гг. в Москве. Толстой тогда отрицательно отнесся к религиозно-мистич. настроениям Н., выразившимся, в частности, в том, что в течение ряда лет Н. ездил в отпуск послушником на о. Валаам (об этом в дневнике А. В. Жиркевича — ГМТ).

С 1879 — изд. и ред. умеренно-прогрессистского ж-ла «Рус. речь», привлек к сотрудничеству таких писателей и публицистов, как А. Д. Градовский, И. А. Гончаров, Н. Я. Данилевский, А. В. Кружлов, Е. Л. Марков. Сам Н. выступал здесь с многочисл. статьями, стихотворениями и ист. драмами в стихах: «Последняя Русь» (1879, № 2), «Крещение Литвы» (1879, № 9; отд. изд. — СПб., 1902), «Иезуиты в Литве» (1880, № 9). В публицист. статьях («Совр. этюды» — 1880, № 3—6;

«Внутр. обозрение» — 1881, № 4; «Самодержавие и конституционализм» — 1881, № 6) рассматривал острые вопросы текущей жизни. Утверждая, что рус. царь неразрывно связан с народом (связь эту пытается разорвать бюрократия) и что непременимым элементом обществ. жизни является «предание» (вера и традиции предыдущих поколений), он подверг резкой критике обществ. увлечения эпохи реформ (атеизм, нигилизм, меркантилизм), в ходе к-рых «мы промотали ту нравств. энергию и силу, к-рые преемственно получили от предков» (1880, № 3, с. 290). Критикуя в то же время и ряд элементов совр. гос. устройства (всеобщее чиновничество, «классическая» реформа образования и т. д.), Н. призывал к «мелкой, постепенной работе», к «борьбе на нелегальном поле», считая, что в «основу всех предстоящих реформ должна лечь реформа человека», а для этого необходимы «полная свобода совести, привлечение частной энергии к поднятию нравств. идеала, к идейной борьбе с развившимся злом, строгая экономия и возможно широкое участие представителей народа в разрешении разл. вопросов гос. и обществ. жизни» (1881, № 4, с. 40, 48, 2-я паг.). «Рус. речь» успеха не имела (Смт.: Злобин П. (П. В. Быков), Эпифания. — «Стрекоза», 1882, № 20, с. 6); Н. разоршил на издании ж-ла (см. «От редакции» — 1882, № 5) и прекратил его выпуск в 1882 (на № 5).

Стихи Н. собраны в сб. «Картины минувшего» (СПб., 1881; на кн. был наложен арест, вышла после перепечатки ряда страниц — см.: РГИА, ф. 777, оп. 3, д. 37), «Светочи Русской земли» (СПб., 1896), «Сказания минувшего» (кн. 1—3, СПб., 1896—1902; 2-е дополненное изд. — СПб., 1906), «По Волге. Волжские быliny и сказки в стихах» (СПб., 1903); они печатались также в ж-лах «Рус. вест.» (1903—04), «Мирный труд» (1905, 1907), «Светоч» (1910). Способный версификатор, но в стихотв. технике и подходе к ист. материалу эпитон Л. А. Мея, А. Н. Майкова и А. К. Толстого, Н. задается целью поэтически проиллюстрировать рус. историю, причем наиболее привлекали его остроконфликтные ситуации и персонажи, бунтующие против законной власти (стих. «Псков», «Новгород», «Патриарх Никон»).

Подражая рус. былинам и романтич. балладам, своим псевдорукам стилизациям он, по словам современника, «наводил тоску на читателей» (Де-Воллан Г. А., Очерки прошлого, — ГМ, 1914, № 8, с. 155); большинство рецензентов характеризовало их как «прозу, изрубленную на короткие строчки, по правилам стихосложения, иногда с рифмами, далеко не всегда удачными» (РМ, 1897, № 3, с. 108, 3-я паг.; ср.: «Русь», 1881, № 51). Однако у менее взыскат. критиков («Вилн. вест.», 1881, 28 окт.; (Е. А. Солов-

ев) — РБ, 1899, № 2; «Новости и бирж. газ.», 1897, 25 марта; и др.) и читателей они имели успех. Аналогичным образом сложились ситуации и с его пьесами. По мнению мн. рецензентов, в его драмах «нет ни характеров, ни положений, ни завязки, ни начала, ни конца» (ОЗ, 1881, № 12, с. 183, 2-я паг.), а в речи персонажей «нет приправы, колорита и оттенков русской речи XVI, XVII вв. и начала XVIII» (РБ, 1882, № 6; оборот обложки, отзыв за подписью: К.).

Продолжал писать и прозу: сб. рассказов «Волны жизни» (СПб., 1894; цензура намеревалась запретить книгу за осуждение существующих законов — РГИА, ф. 777, оп. 4, д. 173; вышла с изъятием трех рассказов; сочувств. рец.: РМ, 1894, № 7; «Набл.», 1895, № 3) и мелодраматич. ром. «Под ударами судьбы» (СПб., 1898), «Каждому свое» (СПб., 1899).

К кон. 90-х гг. стал убежденным традиционалистом-консерваторм (письмо А. С. Суворину от 7 окт. 1899: «Великие основы рус. государства: самодержавие, православие, народность — не суть пустые звуки. Они существуют. На них зиждется и стоит рус. государство» — РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2844, л. 34—35). В 1897 выступил организатором «Рус. бесед» — лит.-муз. вечеров о рус. старине — с чтением, пением, показом световых картин и т. п. (См.: Печерин С. (Сафонов С. А.), «Рус. беседа». — «Новости и бирж. газ.», 1897, 4 нояб.). Пытался организовать и театр ист. пьес, однако долгие хлопоты не завершились успехом. В 1903 стал одним из активных деятелей обществ.-полит. орг-ции «Рус. собрание» (в дальнейшем черносотенно-монархич. орг-ция).

С 1900 — чл. Лит.-худож. об-ва. Продолжал писать ист. драмы: «Дарья Осоккина, купеческая дочь» (СПб., 1904), «Осада Ростова» (РБ, 1906, № 5, 6), «Лихоoley» (СПб., 1910), «Артемий Петрович Вольинский» (СПб., 1910) и др.; стремился поставить их в театре, однако после многолетних усилий смог пробиться лишь на сцену Нар. дома в Петербурге, где с 1900 в течение неск. лет шла «драматич. быль» «Иван Разбойник, или Грехам не съест, пока совесть есть» («Свет. Сб. романов и повестей», 1901, № 2). Несмотря на иллюстративность, пьесы Н. «вполне отвечали психологии непосредственности — в них и сильные движения, и возвышенные чувства, и величавая речь» («Лукоморье», 1914, № 9, с. 15). За трагедию в стихах «Государь-царь Иоанн III Васильевич» Н. был удостоен в 1901 поч. отзыва при присуждении АН Пушкинской пр. (опубликована «Свет. Сб. романов и повестей», 1903, № 6; рец.: В. И. Ламанский — Сб.ОРЯС, 1903, т. 75, № 4). Представление состоялось в 1903 в Нар. доме, но вскоре пьеса была запрещена для пост. в нар. театрах, т. к. она изображала «облик столь несимпатичного держав-

теля самодержавия» (из донесения полицмейстера градоначальнику — цит. по кн.: Хайченко, с. 356). В 1912 за пьесу «Ермак» получил пр. И. Г. Вучины, присуждавшуюся ист.-филол. ф-том Новорос. ун-та (Одесса) за лучшие пьесы для нар. сцены.

Сын Н., тоже Александр Александрович, актер, выступал и как автор пьес: «Антверпен пал, но Бельгия жила!» (Пл., 1914), «Колокол Реймского собора» (Пл., 1914), «За исцел. Руси свободной» (Пл., 1915) — вышли под псевд. А. А. Наровский (об авторстве см.: РГАЛИ, ф. 675, оп. 3, д. 49); позднее истисывались отпуг.

Др. произв.: ист. пьесы — «Марфа Борецкая, или Падение Великого Новгорода» (СПб., 1900), «Полонянка» (СПб., 1904), «Коромыслова башня» (СПб., 1909), «Великий день (19 февр. 1861 г.)» (СПб., 1911), «Князь Михаил Скопин-Шуйский» (СПб., 1913).

Изд.: Драм. произведения, т. 1—3, СПб., 1900; Драм. творчество, кн. 1—3, СПб., 1909—1913; Одноактные драмы, СПб., 1909; [Стихи]. — В кн.: Волны рус. поэзии второй пол. XIX в., 2-е изд., Л., 1959 (БПб); [Песни и романсы]. — В кн.: Поэты 1860-х гг., Л., 1968.

Лит.: Достоевский, ХХХ (ук.); Михневич; Михайловский, V, 450; Дружский М., Рус. рев. песни, М., 1954, с. 9, 40, 48, 51—52, 58, 149; Житомирский Д., Из прошлого рус. рев. песни, Л., 1963, с. 27—31; Яранцев Р. И., Первая «книга для народа» революционеров-пропагандистов нач. 70-х гг. XIX в. — Изв.ОЛЯ, 1966, т. 25, в.3; Александров Т. М., Архангельская В. К., Рев. песни в Саратовском Поволжье, Саратов, 1967, с. 96, 103, 113; Зубов М. Н., Рус. поэма сер. XIX в., М., 1967, с. 44, 46—48; Захарина В. Ф., Голос рев. России, М., 1971, с. 48—51; Хайченко Г. А., Рус. нар. театр кон. XIX — нач. XX в., М., 1975, с. 356; Вересаев В., Восст., М., 1982, с. 134; Днепров Л., В них святая наша слава. — «Сел. молодежь», 1982, № 11, с. 51—52; Гринкевич Н., Строки, имена, судьбы, А.-А., 1983, с. 41—49; Гофман Л., Одесские Александра Рославлева, М., 1984, с. 32—43, 136; Катапов В., Живые писемца, Тула, 1987, с. 125—28; Достоевский в восп. (ук.); Литература гошуйска, т. 2, Warsz., 1971, с. 256. + Некрологи, 1914; ИВ, № 7: «Рампа и жизнь», № 23. Ист. обозрение 2-го кает. корпуса, СПб., 1862, с. LXXIV; Кузьмин-Караваев В. Д., Воин.-юрид. академия, СПб., 1891, с. 4 (2-я паг.); Брокгауз; Венгеров. Источ.; Мзмер; Гранат; КЛЗ; Иванов; Масанов (неверно ук. год рож.: ошибочно приписан Н. псевд. его сына — А. А. Наровский).

Архивы: ИРЛИ, ф. 377, № 2505 (автобиография 1913 г.); РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2844 (письма А. С. Суворину, 1894—1910); ф. 275, оп. 4, № 36 (письмо Н. С. Лескову); РГБ, ф. 93/II, кн. 7, № 3 (письмо Ф. М. Достоевскому); ГМТ, ф. ААЖ (42 письма А. В. Жиркевичу, 1892—1910, и многочисл. записи в дневник Жиркевича о Н.); [справка Н. Г. Жиркевич-Полески]; ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 2654 (письмо к А. Ф. Коно); СПб ГТБ (письма Ю. И. Беляеву, П. П. Гнедичу, Н. Ф. Сазонову); РНБ, ф. 615, № 699 (письма М. И. Привалову, 1897—1907); ф. 874, № 58, 78, 118, 122 (письма С. Н. Шубинскому, 1894—1910).

А. И. Ребиндт.

НАВРОЦКИЙ Сергей Никанорович [30.1(11.2).1808* — 15(27).6.1865, Петербург; похоронен на Волковом кладб., драматург, прозаик, критик, публицист, переводчик. Из дворян (наследств. имения в Моск. и Вятской губ.); сын тит. советника; младший брат математика, чл.-корр. АН — Ник. Никан. Навроцкого (1800—59). Избрал воен. карьеру: не закончив физико-матем. ф-т Моск. ун-та (1821—24), поступил в Школу

гв. подпрапорщиков и кав. юнкеров (1824); одновременно зачислен в л.-гв. Измайлов. полк унтер-офицером; выпущен в янв. 1826 прапорщиком; в 1830—31 — в действующей армии: в окт. 1830, состоя прикоман-

дированным к Козлов. пех. полку, участвовал в сражениях против горцев (орд. св. Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость»), а летом — осенью 1831, в составе Измайлов. полка, — в осн. операциях Польской кампании: переправе через Вислу (позже названной им «блистательным» подвигом И. Ф. Паскевича, решившим без единого выстрела участь войны, — «Маяк», 1842, т. 6, гл. 1, с. 85), штурме Варшавы (польский орден за воен. достоинства и медаль за взятие Варшавы).

В янв. 1832 по неизв. причинам внезапно оставил армию (впоследствии признавался, что «под красными отворотами мундира ... не билось даже и предчувствие гражд. службы» — «Маяк», 1840, ч. 10, гл. 5, с. 22) и определился к статским делам (в чине 9-го кл.).

В 1832—38 — пом. контролера, старший контролер в Комиссариат. департаменте Военного мин-ва; с окт. 1838 — правитель дел в Кораблестроит. и учетном к-те Кораблестроит. департамента Мор. мин-ва; в 1842 переименов. нач. отделения в канцелярию К-та строит. комиссии С.-Петербург.—Московской ж.д.; в авг. 1842 — февр. 1843 — нач. отделения в Деп. железных дорог Гл. управления путей сообщения и публичных зданий.

По всей вероятности, был хорошо образован — в дек. 1832 о. Иакинф Бичурин рекомендовал его М. П. Погодину как «человека военного и ученого» и просил «обласкать» (см.: РГБ). Первый из сохранившихся лит. опытов Н. — нач. повести «Исцеление» (1838 — см.: РГАЛИ), содержащее лишь завязку действия, но четко намечающее близкий Н. тип гл. героя: поборника рус. народности, твердого в правосл. вере.

Активная лит. деятельность Н. продолжалась всего 3 года (1840—1842) и неразрывно связана с близким ему по духу ж-лом — «Маяком

современного просвещения и образованности...» С. А. Бурачка и П. А. Корсакова (не исключено и проф. сближение с Бурачком-кораблестроителем). Н. дебютировал в «Маяке» (1840, ч. 5) под псевд. С. Москворецкий — «Письмом к редакторам „Маяка“», в к-ром обстоятельно и аргументированно отрецензировал 15-е изд. «Краткой всеобщей географии» К. И. Арсеньева (1840), выявляя несоответствие книги ряду требований, предъявляемых к учебной лит-ре (ориентация на возраст ученика, совершенная ясность и точность определений, системность изложения, учет совр. сведений). Через месяц, под собств. именем, выступил с 1-м действием (художественно схематичным и подражат.) двухактной комедии «Новый недоросль» (1840, ч. 6; пост. дважды осенью 1840 в Александринском т-ре; рукопись — в СПб ГТБ).

Н. по собственному разумению осовременил персонажей «Ндоросля» Д. И. Фонвизина: Простакова, страдающая «недостатком религ. и основательного образования» (с. 63); Митрофан — «представитель кинного поколения, образованного легким чтением» (в т. ч. Поль де Кока — с. 64); Кутейкин (объект особой неприязни автора, явный намек на В. Г. Белинского), не окончивши ун-та, занялся совр. лит-рой и псм. философией, в к-рой «ничего не понял», бранит Балзакса, Ж. Санд, «критикует всех русских писателей», «искажает язык нововведениями, в к-рых сам путается» (с. 64); Правдин (назвал Н.) — «самое отрадное явление» между всеми лицами, «человек религиозный, основательно образованный и до иступления любящий отечество и все родное, русское» (с. 65); София — образец добродетели и аскетичной нравственности (вплоть до резкого неприятия курящих женщин и женской верхней одежды).

«Маяк» в примечании к собственной публ., подписанном П. Корсаковым, назвал мысль пьесы «весьма удачной», а план — «очень хорошим» (с. 63). Комедия приобрела достаточно шумную известность благодаря язвит. оценке Белинского в ст. «Рус. театр в Петербурге», опублик. в «Отеч. зап.» (1840, № 10); упрекая автора в шаблонности сюжета и характеров, резонерстве, проповеди докт. нравственности, он заключал: комедия Н. превосходит все нелепости, появляющиеся на рус. сцене, «целою головою» (см.: IV, 336).

На критику Белинского Н. откликнулся дважды: прямо — в «Лит. объяснении» (реакция Белинского лишь подтверждает попадание автора в цель — один из Кутейкиных откликнулся: СП. 1840, 29 окт.); косвенно — в «Письме деревенского читателя журналов к издателям „Сев. пчелы“» (СП. 1841, 10 февр.), где в драм. форме (охотно используемой Н. и в рецензиях) высмеял направление и стиль «Отеч. зап.» — путем хаотичного, искажающего суть дела соединения цитат (будучи сильным и прямым полемистом, Н. тем не менее нередко прибегал к утрированной характеристике оппонента). Полутно устами одного из персонажей Н. негативно отозвался об «Евгении Онегине» А. С. Пушкина и «Ревноре» Н. В. Гоголя, выказав отсутствие эстетич. слуха. Белинский определил «Письмо...» как «брава! раздраженной лит. бездарности» (V, 88) и еще не раз отзывался о Н. в крайне иронич. тонах («известный соперник Фонвизина» — V, 189; «каждидат в гении» — VIII, 329).

Последующее участие Н. в «Маяке» — необычайно разностороннее: пер. биогр. статей из «Revue des deux Mondes» о противоборствующих военно-полит. исп. деятелях — «Кабрера» (абсолютист, клерикал) и «Эспартеро» (левый либерал; 1840, ч. 7, 9); чисто проф., весьма компетентные соч., связанные с проблемами кораблестроения и судоходства («Программа истории кораблестроения в России» — подробный план капитального, неосуществл. труда — 1840, ч. 6); рец. на правительств. отчет «Виды внутр. судоходства в России в 1839 г.» (1840) — аналитич. разбор, критич. замечания, высокая оценка стремления правительства знакомить соотечественников «с истинным положением России», способствуя тем самым развитию «просвещенного патриотизма» (1841, ч. 13, гл. 4, с. 28); составление целых разделов («Неорама», включающая внутр., внешние, ученые известия, новости промышленности, — 1841, ч. 13); выступления с программными для ж-ла статьями.

Будучи непримиримым противником западничества (рус. европейцы — «род печатки в книге русских» — 1842, т. 6, № 12, гл. 1, с. 85; не знает, что хуже: «нашествие ли татар, к-рые оставляли неприкосновенною нашу святыню, или непомерное пристрастие наше к чужеземшине, принесшей учение Вольтера, Сен-Симона и другие и грозившей подавить нашу народность» — 1841, ч. 13, гл. 5, с. 2), обличая минувшую страсть русских походить на французов (ст. «Наполеонова шляпа с мясом, или Как надо покорять великую нацию!» — 1840, ч. 7), Н. с особенной неутомимостью защищал чистоту рус. языка (считая лит. нормой тексты Н. М. Карамзина и К. Н. Батюшкова и осуждая нововведения последователей «новой школы» и особенно насыщение рус. языка иностранной, в частности франц., лексикой и грамматич. формами — «Усовершенствование русской грамматики. По методе Жакото» — 1840, ч. 10). (В апр. 1852 на эту тему составил спец. записку вел. кн. Константину Николаевичу — РГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, № 380, лл. 17—20.) Идеям Н. о нац. своеобразии России зачастую сопутствует сознание ее неоспоримого нравств. приоритета среди европ. стран (так, напр., мысль Н. о том, что история России «начертана на челе ее громадными буквами, храмами Божиими», звучит в контексте религ. противопоставления: правосл. Русь в честь великих событий воздвигала жертвенники Богу, а Зап. Европа увековечивала смертных; см. аноним. ст. «Храмы, в к-рых погребены тела Рос. Государей» — «Маяк», 1841, ч. 13, гл. 5, с. 1; атрибуция — авт. свидетельство — РГБ,

ф. 231/V, л. 2 об.). Вместе с тем, осуждение совр. Запада и рус. западничества не помешали Н. в содержат. очерке «История Охты» признать Петра I «Великим» самодержцем, развернувшим «беспримечную, непостижимо-разнообразную» деятельность и завещавшим потомкам соединять послушание с «молитвой и трудом» (СО, 1842, № 9, отд. VII, с. 3, 10; с небольшими сокращениями — СП, 1846, 25 июля).

Одно из наиб. резких выступлений Н. на лит. темы — «Письма броннического помещика» («Маяк», 1840, ч. 7), в к-рых он защищает публикацию в ж-ле «статей дельных и ученых» для широкой публики от обвинений и претензий пародийно охарактеризованных им читателей: прозаика «новой школы», возможно Гоголя (сочинившего «повесть не повесть, а так нечто ... гуммористический рассказ», уводящий от сути дела «как раз... до сотворения мира» — с. 104—05); совр. поэта, комбинирующего штампы петерб. сочинителей по способу «стихотворного калейдоскопа»; «важного критика», очевидно Белинского («пламенного копииста всего нового, реформаторного о в литературе», проявляющего «дух свой в бесконечном развитии Я», «для к-рого к.-н. Державин — нипочем», — с. 106).

В 1842 идеи, проповедуемые Н. в публицистике, обрели худож. воплощение в нравоучит. пов. «Испытание солдатского сердца» (о том, как истинное благочестие — религиозность и почитание родителей — убеждало бравого рус. солдата от соблазнов. искушения («Маяк», т. 6, № 12).

В дальнейшем Н. (к 1844 — отец сына и трех дочерей — от первого брака) почти оставляет лит. деятельность, отдавая все время службе: в том же Управлении (правитель канцелярии в Деп. ревизии отчетов, 1843—1847); в Мин-ве гос. имуществ (сент. 1847—59 — нач. отделения II деп.; в 1854 назначен в комиссию при Деп. сел. хозяйства; с 1857 — чиновник особых поручений II деп.); в Военном мин-ве (1859—64 — член С.-Петерб. комиссии Комиссариат. деп.; с 1862 — д. стат. сов.).

В кон. 40-х гг. искал сотрудничества с ж-лом «Москв.», предложил Погдину опубликовать свою ст. «Вести о гор. Елабуге и находящейся там чудотворной иконе», воплотившую мысль Н. о первостепенности путешествий, описывающих не мелкие детали частной жизни путешественника, а достойные внимания памятники старины, «занимат. подробности быта разноплеменных народов» и прежде всего — рус. «святыни и предметы благочестия» (см.: РГБ).

Не исключено участие Н. в составлении двух записок, касающихся гос. устройства России: в I-й (по-видимому, 1858) обобщается гибельность идеи освобождения крестьян — как идущей с Запада, заинтересовавшего в ослаблении России, и пагубной для самих крестьян, к-рые останутся и без помещицкой, и без гос. поддержки (см.: РГАЛИ, л. 21—39, б.н. даты и подписи; писарской рукой); 2-я (пореформенного време-

ни) — колл. обращение моск. дворянства к царю, содержит перечень обстоятельно продуманных мер для пересоздания на прочных основаниях «потраченного гос. знания», в т. ч. расширение выборного начала в гос. службе, больший простор местному самоуправлению, строгое исполнение закона и подчиненными и начальниками, немедленное разведение дворян. и крест. угодий, обнаруживание гос. долгов и сметы доходов и расходов, гласное обсуждение в печати всех предстоящих преобразований [см.: там же, л. 15—16, б.н., даты и подписи; рукой Н. (?)].

Лит.: Белинский (ук.); Вольф, ч. 2, с. 71. + ПНекр. (с датой рождения 1 февр.); РБС; Венгеров. Источ.: ИРДТ; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 231/V, к. 4, № 40 («Вести о г. Елабуге...» с сопроводит. письмом М. П. Погдину от 20 дек. 1849); ф. 231/II, к. 13, № 43, л. 2 (краткая характеристика Н. в письме Н. Я. Бичурину Погдину от 23 дек. 1832); РГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, № 380 («Исцеление» и др. соч.); РГИА, ф. 207, оп. 10, д. 1881 (ф. с. 1846 г.); ф. 384, оп. 14, д. 518 (ф. с. 1855 г.) [справка С. И. Вареховой]; ЦИАМ, ф. 4, оп. 14, д. 1290 [Доказательства о дворянстве г. Навроцкого (1788)], м. с.—л. 32*; п. с. 1866 г.); ф. 418, оп. 121, д. 189 (об увольнении из ун-та) [справка В. В. Александровой]; РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 9621.

О брате Н. см.: РБС, Венгеров. Источ., РГИА, ф. 1343, оп. 39; ф. 472, оп. 35, д. 12, оп. 9, д. 119. И. А. Зайцева.

НАГРОДСКАЯ Евдокия Аполлоновна (урожд. Головачева, в первом браке Тангиева, 1866, Петербург — 19. 5.1930, Париж, похоронена на кладбище Тие, близ Парижа), прозаик, поэтесса. Дочь А. Я. Панаевой и А. Ф. Головачева. Н. училась в школе Страннолюбских и частной г-зии (пансионе) М. П.

Спешневой и М. Д. Дурново в Петербурге (с нояб. 1876 — бесплатно), в к-рой был достаточно высокий, приближенный к курсу мужских г-зий уровень образования (среди преподавателей: В. И. Воловцов, А. Я. Герд, математик А. Н. Страннолюбский, Л. С. Таганцев и др.). Определяющее влияние на формирование характера и круг интересов Н. оказала лит. и жизненная позиция матери. В молодости Н., испытывая материальную нужду, пыталась стать актрисой, работала в Малом т-ре. В 1882 вышла замуж за кн. Бек-Мелик-Тангиева, прапорщика Кавк. милиции, впо-

следствии ранние свои произведения подписывала «Е. Тангиева», «Е. Т.», «Е. Т-а». Оставшись вдовой с двумя детьми (сын Александр, р. 7 авг. 1883, и дочь Валентина, р. 13 дек. 1885), в янв. 1888 возвратилась в Петербург, жила с матерью, бедствовала.

Именно в эти годы Н. предпринимает попытки заработать на жизнь лит. трудом: ее первое произв. «Рождественский подарок» («Звезда», 1889, янв.) написано в жанре «святочного» рассказа. Зависимость от лит. заработков предопределила выбор жанров и изданий, с к-рыми Н. сотрудничала. Интрига уголовных романов «Черное дело» («Свет», 1889, 21—30 июня) и его продолжения «Мертвая петля» (там же, 1889, 16 сент. — 7 окт.) связана с борьбой за княжеское наследство, на к-рое претендует католич. церковь, действуя через коварного иезуита и его любовницу. В 1890 в той же газете печатался ее второй детектив «Петербургские тайны» (14 июня — 10 июля), сюжет к-рого, позволяющий показать все слои столичного общества — от нищих до аристократов, ассоциируется с романом В. В. Крестовского «Петербургские трущобы». Более традиционные для жен. лит-ры тех лет произв. — миниатюрные «поэмы в прозе» «Потерянное счастье» (ЖО, 1892, № 16), «Розы», «Под ивами» («Север», 1892, № 19, 32) — поднимали тему человеческого одиночества, но для Н. трагедия не в «непонимании» как таковом, а в разрушении иллюзорного мира, в к-ром только и может быть счастлива душа (в дальнейшем этот мотив станет одним из ключевых в новеллистике Н.). Мистификации и загадочные происшествия продолжают на всем протяжении ее ром. «Дочь дьявола» (СО, еженед. прил., 1894, № 1—10): в размеренную жизнь рус. аристократа врывается загадочная женщина, к-рая кажется ему порой «дочерью дьявола», пока к концу не выясняется, что героиня — сама добродетель, всю жизнь посвятившая тайной благотворительности. Сходный мотив Н. разовьет в позднем произв. «Правда о семье моей жены», показав, как самые близкие люди могут принимать непохожесть другого за проявление чуть ли не «сатанизма». Противопоставление «отцов и детей» новейшего времени («народников» и «прагматиков») — тема ее рассказа 1899 «Два поколения» (ЖО, № 19).

22 янв. 1896 Н. венчалась вторым браком с Вл. Адольфовичем Нагродским (9.6.1872 — не ранее 1930). Сын поляка и итальянки, лютеранин, женившийся на православной, Нагродский был в то время еще студентом петерб. Ин-та инженеров путей сообщения, после окончания в 1897

служил на Владикавказ. ж. д., а с 1911 преподавал в этом ин-те. Не завися теперь от гонораров, Н. не спешила печататься. Ее ром. «Гнев Диониса» (СПб., 1910; 10-е изд., П., 1916; общий тираж ок. 25 тыс. экз.), подписанный новым лит. именем — Е. Нагродская, — в сознании читателей никак не связывался с забытыми уже к тому времени газетными детективами, и поэтому современникам оставалось только удивляться необычной яркости «дебюта». Книга имела исключительный успех у чита-

ческое начало, и любовник, женственный красавец, с к-рого художница пишет фигуру Диониса) связаны настолько запутанными нитями, что для их «распутывания» в роман введен герой-резонер, к-рый дает «анализ женской физики и психики» (Б. Глинский) — ИВ, 1911, № 9, с. 1161), ориентируясь на популярную в те годы в России книгу О. Вейнингера «Пол и характер», — т. е., как писал критик, автор пытается «все сложные... переживания своих героев свести к страничке из учебни-

проведь сексуального раскрепощения женщины, но импонирует «тонкое, почти нерусское искусство рисунка» (Кранихфельд, ук. рец., с. 163); см. также восторженную оценку В. Пяста: «Какое редкое чутье правды ... к-рую дает автор в ситуации, в великолепно задуманной завязке, в непогрешимом развитии ее, в блестящих очерках всех без исключения действующих лиц. Каждая деталь на месте, ничего лишнего, ничего невыясненного, ничего неоконченного» («Счастливая женщина» — «Студенч. жизнь», 1910, № 33, с. 10).

Символич. план романа, заявленный уже в его заглавии, зависимость от мифологем Ницше и от их рус. адаптации Вяч. И. Ивановым критика не заметила, заведомо подходя к произв. как к «бульварному» и отказывая ему в каких-либо претензиях на философичность. Напряженная эмоц. исповедальность («повышенно истерический стиль» — В. Левицкий — «Неделя „Вест. знания“», 1912, № 18, с. 276), безусловная психол. убедительность и достоверность характеров (при всей их необычности для рус. прозы) во многом объяснялись тем, что гл. герои имели конкретные прототипы. Если художница Таня, без сомнения, — автопортрет, то подробно выписанная внешность Старка — один из лучших портретов в словесной иконографии Кузмина, отразивший, вероятно, впечатления Н. от мимолетных встреч с писателем в божественной среде и от его прозы (прежде всего образ Штрупа в пов. «Крылья»). Кузмин читал «Гнев Диониса» явно до знакомства с его автором (запись в дневнике от 9 июля 1910: «Чтение романа „Гнев Диониса“ и рассказы о сомовских последних картинах чем-то мне напомнили весну после „Крыльев“» — сообщено Н. А. Богомоловым). Поэтому историю страсти героев можно воспринимать лишь как утверждение гипотетической возможности любви между женственным мужчиной и одаренной необычным характером женщиной; в жизни же Н. с Кузминым связывали дружеские отношения. С июля 1913 по окт. 1914 Кузмин после ухода с «башни» Вяч. Иванова и перемены неск. адресов занял комнату в большой квартире Н. на Мойке (сама квартира описана в «Плывающих путешественниках», повести Кузмина, к-рая там и создавалась). Своеобразный лит. салон Н. посещали Ауслендер, Ю. И. Юркун, Г. В. Адамович, Г. В. Иванов, Т. Г. Шенфельд, Матвей Ив. Семёнов (издатель всех книг Н. в России, опекавший ее; в изд-ве Семёнова выходило также Собр. соч. Кузмина). Собрания эти пользовались в Петербурге дурной славой. О своем знакомстве с Кузминым в квартире Н. в 1914 вспоминал Р. Ив-

М. А. Кузмин и Е. А. Нагродская. Нач. 1910-х гг.

телей. Однако критика была большей частью недоброжелательной.

Имя Н. ставилось, с одной стороны, рядом с А. Вербицкой — хотя и с оговорками, что стиль Н. выгодно отличался от бульварных «женских романов» (см.: Левицкий В., По стопам Вербицкой. — «Неделя „Вест. знания“», 1912, № 18; Доротин С., Роман, о к-ром говорят. — «Изв. кн. маг. ... М. Вольфа...», 1910, № 10; его же, Госпожа Н. и ее роман. — «Вест. лит.-ры», 1911, № 11); с др. стороны, его ставили рядом с М. Кузминым, и тогда это сравнение было не в пользу Н.: «Те баншички, которые „на крыльях“ („Крылья“ — название романа Кузмина) подпадают Кузмина, не подпали героя Н.» (В. П.) Кранихфельд) — СМ, 1910, № 11, с. 164). М. Морозов писал: «... бывают чудеса — посредством книги выходит на рынок и сразу завоевывает его, никем не поддерживаемая, не рекламируемая», не отказывая Н. в «чувстве меры» и отмечая, что она «више обыденной баллашищины», он назвал роман в целом «болтовней о любви естественной, неестественной и противоестественной» («Всеобщий ежемесичник», 1911, № 5, с. 116, 115).

Читателя привлекали не только рискованная интерпретация темы, но и острый сюжет с неожиданными ходами. Герои классич. любовного треугольника (талантливая художница, от лица к-рой ведется исповедальный рассказ, преданный ей муж, олицетворяющий гармоничное аполлони-

ка частной патологии» (В. Кранихфельд) — СМ, 1910, № 11, с. 164). Эмансипированная героиня романа, чей характер необычен для женщины, но вполне обычен для мужчины (по определению героя-резонера), должна переступить последнюю грань: принять любовь к двоим как естеств. путь соединения «аполлонического» и «дионисийского» начал. Конец романа, как бы возвращающий героиню в рамки общепризнанной морали, вызвал возмущение А. М. Коллонтай: «... в покорившейся обстоятельствам Тане... мы не узнаем бывлой смелой, цельной личности, Тани — человека. Жалко, что автор так оклеветал свою Таню» (СМ, 1913, № 9, с. 163). Положит. отклики на роман появились в среде эстетически близких Н. писателей: хвалебный отзыв С. А. Ауслендера («Речь», 1910, 26 июля); Кузмин отмечал родственную и ему самому «манеру французского романа» («Аполлон», 1910, № 9, с. 34); то же наблюдалось в рецензиях неподвзятых критиков, к-рым была чужда

нев (в его кн.: Избранное, М., 1988, с. 536). «Метафизическая квартира» была известна своими спиритич. сеансами. Кузмин в «Плавающих-путешествующих» придал облику хозяйки квартиры — Иранды Львовны (внешнее описание не оставляя сомнений в портретном сходстве с Н.) черты нарочито добродетельные («все пристаю ко мне, что я Иранда, я этого не отрицаю...» — письмо Кузмину — РНБ, ф. 2571, оп. 1, д. 255). Кузмин посвятил Н. ром. «Тихий страж» (1916) и неск. стихотворений, в т. ч. посвящение к «Глиняным голубкам». Н. посвятила ему ключевой для ее творчества рассказ «Сны» («Весна», 1914, № 2), а рассказ «Похороны» (о похоронах собачки) — другу Кузмина Юркуну. Явно желая продлить дружбу, Н. приглашала Кузмина «заходить»: «Ведь сами знаете, что нам обоим беседовать полезно, но полезно исключительно о наших писаниях — так мы и сделаем» (письмо 1915 — РНБ, ф. 2571, оп. 1, № 255), в поздних записях в дневнике Кузмин отзывался о Н. насмешливо-непринизненно. В 1911 в Петербурге вышел оставшийся незамеченным сб. «Стихи» — живые наблюдения совр. жизни, вкрапленные в достаточно банальную поэтич. ткань. Сб. рассказов «Аня. Чистая любовь. Он. За самоваром» (СПб., 1911; 5-е изд., П., 1915) продолжал тему поиска путей женского самопознания и самовыражения.

Отзывы были отрицательными: «Недавно выпущенный сб. рассказов по достоинству ниже романа, зато в них нет философии... Что-то болное, патологическое притянулось в этих рассказах. Поражает эта настойчивость, с к-рой автор возвращается все к одному и тому же — к аномалиям любви» (М. Морозов — «Всеобщий семейщик», 1911, № 5, с. 116). Анонимный автор ж. «Современник» (1912, № 1) находил содержание рассказов «целенаправл.», писал о неспособности автора «изображать трепетное, неуловимое, к-рое необходимо для сотворения рассказа... хоть притворяющийся, будто они — с той стороны!» (с. 371; имеется в виду, прежде всего, рассказ «Он», где героиня сходит с ума от любви к таинств. незнакомцу, обладающему сатанинск. силой).

Ром. «Бронзовая дверь», задуманный как первая часть трилогии о сексуальных извращениях — «Усталый мир», в 1911 был запрещен цензурой, по приговору Петерб. окружного суда от 27 апр. 1912 был конфискован весь тираж в тип. «Обществ. польза» (мат.-лы Петерб. к-та по делам печати — РГИА, ф. 777, оп. 17, д. 134, 1911 г.; справка В. М. Лупановой). Бурное возмущение Н., выражавшееся как в личных письмах (см. РНБ, письма Кузмину), так и в публичных скандалах в кабинетах чиновников, только прибавило ей популярности и привлекло обществ. внимание. Под назв. «У бронзовой двери» (СПб.) в отрывках и со значит. купюрами это произв. о молодом музыканте, к-рый «греховной» любовью приводит своего единств. друга к самоубийству,

увидело свет в 1913. В заключит. словах персонажа слышен голос самого автора: «Порок наказан, добродетель торжествует: история кончилась торжеством людской морали. Все в своих столах и люди должны быть довольны. Будь они прокляты!». В том же 1913 появился ром. «Борьба микробов» (СПб.; 5 переизданий; рец.: А. Ожигов (Н. П. Ашешов) — «Совр. слово», 1913, 17 июля), в основе сюжета — соперничество охотников за богатой вдовой; по мысли Н., вложенной в уста одного из персонажей, законы биологии распространяются и на социальную жизнь: побеждает самый жестокий и молодой, поскольку новое поколение циничнее и расчетливее прежнего. Наличие отточий (пропусков текста) Н. объясняла в письме от 10 июня 1913 к О. Г. Базанкур-Штейнфельд: «Я этой книгой сама недовольна, потому что пришлось много выбросить из нее — для цензуры, не хотелось, чтобы опять конфисковали» (ИРЛИ, ф. 15, № 520). Герон сб-ка рассказов «День и ночь. Смешная история. Волшебный сад. Кошмар» (СПб., 1913) — старая дева, провинци. учитель словесности, юная девушка — живут в мире совбств. грез, не совпадающих с реальностью. В 1914 (П.) выходит мистич. роман «Белая колоннада». Видение красоты, иной реальности — белой колоннады, не существующей в действительности, — приводит к обновлению души героини и тех людей, которые поверили в возможность чуда. Увлечение Н. спиритизмом, впервые сказавшееся в рассказе «Он», получило дальнейшее развитие в ром. «Злые духи» (П., 1915).

Критика усмотрела в романе «мотивы эротич. и садизма, возмущающие войны как оцианившего пачала» (ЖЖ, 1915, № 5; см. также рец.: А. Добрый — НЖВ, 1915, № 7, с. 61), выявлял скептическую усмешку рецензентов и его герой — «сверхчеловек», неспособный к любви, от скуки манипулирующий людьми, «неотразимый красавец, с земной улыбкой, с необыкновенными глазами: «Тянется, тянется на сотнях страних скука, пошлость, убожество духовное...» (С. Ас(тр)ов — «Летопись», 1915, дек., с. 392; также рец.: Не-Буква (И. М. Васильевский) — ЖЖ, 1915, № 10).

В 1912—16 в разных изданиях («Летучая мышь», 1912, № 2; «Синий журн.», 1914, № 1, 35, 40; «Журн. для женщин», 1915, № 24; БВед, 1916, 19—23 марта; альм. «Полон», П., 1916) печатаются рассказы Н., многие из к-рых составили впоследствии сб. «Сны. Сандрильона. Мальчик из цирка. Романтическое приключение. Невеста Анатоля. Клуб настоящих» (П., [1917]). Первый рассказ сб-ка выражает кредо самой писательницы. История нежной романтич. дружбы молодой женщины, томящейся в мешанской семье, и наивного подростка, рассказывающих друг другу придуманные «сны», чтобы избавиться от скуки су-

ществования, оканчивается трагически, столкнувшись с грязью и людской пошлостью. Едва ли не единств. раз прорвались глубоко личная боль и обида писательницы, своими произв. призывавшей к терпимому отношению к чужой индивидуальности — в т. ч. и в сексуальном плане, отстаивавшей право женщины на духовное раскрепощение — через раскрепощение ее в любви и страсти, и встречавшей в ответ ханжескую отповедь критики. «Я проповедую откровенность всегда и во всем», — писала она А. Л. Волынской (ГЛИМ, ф. 1387).

Н. фактически была издателем ж. «Петербург. вечера» (с 1914 — «Петербургские вечера»), печатала в нем рассказы, выступала как рецензент. В 1914 в ж. «Петербург. вечера», кн. 3, печатался роман Т. Краснопольской (Т. Г. Шенфельд) «Над любовью», где под именем «Несветской» изображена Н., завсегдатая кафе «Заблудшая овца» (в реальности — «Бродячая собака»; см.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д., Программ — «Бродячей собакой». — В кн.: Памятники культуры. 1983, Л., 1985, с. 225).

До революции популярность Н. удерживалась на высоком уровне (ее книги — одни из самых ходовых в библиотеках), но для читающей публики она была прежде всего «автором романа „Гнев Диониса“» (так называют ее, напр., предвывая публикацию в «Летучей мыши», 1912, № 2), а для критики — «бульварной беллетристкой». Острая любовная интрига, яркие типы талантливых, красивых и «роковых» любовников привлекли внимание первых рус. киносценаристов, появились инсценировки романа («„Гнев Диониса“ в семи картинах» — авторы Е. Ю. Геркен и А. С. Смирнов, СПб., 1911; Нагродская Е., Гнев Диониса. Пьеса в 5 д. и 6 картинах). Переделка Ю. Грубина, Орел, 1913. Примечательна и интерес самой Н. к кино: см. заметку «Кинематографические горести и радости» («Кинематограф», 1915, № 1), стих. «Кинематограф» (в ее поэтич. сб-ке; перепечатка — «Кинематограф», 1915, № 2) — одно из немногих в рус. лит-ре нач. века на эту тему. Предпринимались попытки экранизировать также ром. «Белая колоннада» (см.: «Театр. газ.», 1915, № 48) и рассказ «Он» («Театр. газ.», 1915, № 49). Н. принадлежит также «худож. кинодрама в 5 частях» «Ведьма» (см.: Ук. заглавный произв. худож. лит-ры. 1801—1975, т. 1, М., 1985, № 9859).

Революция заставила Нагродских в окт. 1918 бежать из Петербурга, где у издателя остались первые три части начатого романа «Житие Олимпиды девы» (ч. 1, кн. 1, 2, [б. м., б. г.]; рукопись — ч. 2 (1914—1916) —

РГАЛИ, ф. 1118, оп. 1, № 2). Во время дальнейшего бегства из Киева в Одессу, ограбленная петлюровскими солдатами, Н. лишилась всех рукописей (две драмы, книга стихов, последняя часть романа). В эмиграции Н. поначалу «работает на ферме во Франции... Готовит труд по герметич. философии» («Рус. книга», Б., 1921, № 3, с. 32). Семья не бедствовала, т. к. муж служил инженером на восстановлении железных дорог на севере Франции. Это, как и их связи через масонские ложи, давало возможность Н. помогать нуждающимся эмигрантам. Н. была «мастером стула» в основанной в 1926 ложе «Аврора», а также активным членом француз. ложи «Le droit humain». В Париже, где они жили, Н. — хозяйка популярных «сред». В эмигрантской прессе Н. не участвовала, но ее новые произв. по-прежнему имели читательский успех. О ром. «**Правда о семье моей жены**» (Б., 1922) критик писал: «Н. из тех писательниц, к-рых не любят критики, но признает, стыдится, из-под полы, как называемая большая публика ... Для чтения в вагонах трамвая — это незаменимая книга» (И. Ф. Иванов) — «Новая рус. книга», Б., 1922, № 3, с. 12—13). В эмиграции Н. опубли. ром. «**Записки Романа Васильева**» (ч. 1, Париж, [1922]), ист. роман-трил. «**Река времени**» (кн. 1—3, Б., 1924—26), герои к-рого связаны между собой не только сложными родств. узами, но и принадлежностью к масонскому обществу, общей идеей совершенствования мира и человеческой природы, причастностью к тайне ухода и похорон Александра I, кн. «**Тайна сонетов**» (Париж, 1927; имеются в виду сонеты У. Шекспира). Беллетристику Н. считала отходом, а гл. делом — труд по герметич. философии (неизвестен). Посмертно была издана драма, написанная по-французски, «**La dame et le Diable**» (Р., 1932). Н. умерла от рака печени.

Др. произв.: «Как мы работаем? И мой ответ» (ЖЖ, 1915, № 2), «Клуб настоящих. Петрогр. рассказ» (БВед, вч. в., 1916, 19—28 марта), «Воспоминания» («Огонек», 1917, № 32).

Изд.: Белая колоннада, Рига, 1930 (предиств. В. А. Нагродского); Гнев Диониса, 2-е изд., Рига, 1930; М., 1994 (послел. М. В. Михайлов); Гнев Диониса. Сб., СПб., 1994 (вступ. ст. С. Савицкого; состав: романы «Гнев Диониса», «Белая колоннада», рассказы); (стих.) — В кн.: Сто лет спустя (составка Т. Л. Никольской).

Лит.: Колтоновская Е., Голод читателя. — «Речь», 1910, 6 дек.: Кто бы ни был, На красном яичке. (Дружеские надписи). — ЖЖ, 1916, № 15: Грачев А. Рус. нищество и жен. роман нач. XX в. — In: Slavica Tamperensia II — Tampere, 1994, с. 77—87; Силара Л., Алкион и Дионис (к вопросу о рус. судьбе одной филологесмы). — «Umetnost iješt», Zagreb, God XXV, 1981, с. 155—72; Берберова Н., Люди и ложи. Рус. масоны XX столетия, Н.-Й., 1986 (ук.); Письмо М. Горького Ф. И. Шагинину — НМ, 1986, № 1, с. 192; Иवानов Г., Собр. соч., т. 3, М., 1994, с. 102—03, 660; Чуковский К. И., Дневники, 1930—

1969, М., 1994, с. 436—37; Ивлев Р., Дневник [25 нояб. 1930]. — В кн.: Река времени. Книга истории и культуры, кн. 2, М., 1995, с. 208; Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э., М. Кузмин: иск-во, жизнь, эпоха, М., 1996, с. 181—83; Dalton M., A Russian best-seller in the early twentieth century: E. A. Nagrodskaya's. The Wrath of Dionysus. — В кн.: Studies in Russian Literature. In honor of Vsevolod Seichkarev, Columbus (Ohio), 1986. + Некрологи, 1930: «Театр и жизнь», Б., № 28 (С. Рогов); ПН, 21 и 23 мая (П. Н. Милоков); «Речь», Б., 22 мая: «Возрождение», 21 мая (и. р.); «Сегодня», 21 мая (П. М. Пильский); «Илл. Россия», № 26 (Г. В. Адамович). Брокгауз: ЛЭ; КЛЭ; Муратова (2); Абызов; Алексеев: Dictionary of Russian women writers.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1118, оп. 1, № 3 (статья М. И. Семёнова о Н., датиров. 10 авг. 1937); ф. 5, оп. 1, № 89 (письмо В. И. Анискину-Кривичу); ф. 95, оп. 1, № 658 (письмо А. Л. Волынского); ф. 232, оп. 1, № 304 (письмо М. А. Кузмина); ф. 2567, оп. 2, № 263 (письмо Н. С. Гумилёва); ИРЛИ, ф. 155 (о назначении писни в 1876 А. Я. Панасова на воспитание дочери). 1894, VI, 12, VII, 5 (прошение А. К. Михайлова-Шеллера и Н. в лит. фонд об оказании помощи Н. с указанием периодич. издания, в к-рых она сотрудничала до 1894); ф. 540, 1895, № 360 (прошение Н. 1895 в АН о помощи с указанием своих лит. публикаций в 1889—90) (составка А. Г. Носовой); ф. 15, № 88 (письмо к О. Г. Базилеву); ф. 123, оп. 1, № 632 (письмо Кузмину); № 747 (письмо Б. А. Садовского от 19 нояб. 1914 с рекомендацией для сб. «Петрогр. вечера» В. Ф. Ходасевича); ф. 123, оп. 1, № 898 (письмо А. А. Чеботаревской); РНБ, ф. 2970 (автограф стих. Н.; письма Ю. П. Анискину, Кузмину (5), Э. П. Юргенсону (6)); ф. 774, № 31 (письма А. И. Тинькову); РГИА, ф. 229, оп. 19, д. 1187, 1897—1914 гг. (ф.с. В. А. Нагродского) (составка В. М. Лулановой).

О. Б. Кушлина при участии А. В. Кахановой.

НАДЁЖДИН Александр Евграфович [1815, Пензен. губ. — 5(17).12.1860, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], беллетрист, публицист. Из бедной мещанской семьи (отец был вольноотпущенным). В 1826 поступил в Пензен. г-зию, где в 1828—29 учился в одном классе с В. Г. Белинским. Окончив г-зию в 1830(?), зарабатывал на жизнь преподаванием (в т. ч. музыки) в помещичьих семьях Пензен. губ. Тяжелое материальное положение, очевидно, было одной из причин, побудивших Н. к лит. труду. С кон. 40-х гг. Н. предпринимает попытки пробиться в столичную печать. В 1848 предлагает М. П. Погодину для «Москв.» статьи по музыке, оставшиеся, видимо, неопубл. Одновременно сочиняет музыку на стихи С. П. Шевырёва (см. письмо Н. к нему — РНБ). В 1854 посылает «Записки учителя музыки» в ж. «Отеч. зап.», получает от А. А. Краевского «самый ободрительный и одобрительный ответ» (ЛН, т. 51—52, с. 405), однако с публикацией редакция не спешит. Получив письмо от Н. А. Некрасова (его «восторженные отзывы» о Н. упоминаются в письме И. С. Тургенева к П. В. Анненкову — Тургенев. Письма, IV, 199, 542) и Н. Г. Чернышевского с «выгодными предложениями», а затем деньги от Некрасова, Н. передает рукопись «Записок» в ж. «Совр.». В 1856, охрыленный поддержкой изв. писателей, Н. перебирается в Москву, предполагая всецело посвятить себя лит.-ре. В 1857—59 сотрудничает

ет в газ. «С.-Петерб. вед.» — под псевд. Дельта печатает в разделе «Моск. летопись» заметки о театре, бенефисах, модах и пр.

В «Записках учителя музыки» («Совр.», 1856, № 8, 1857, № 7) Н. описывает быт и нравы провинц. дворянства, используя личные наблюдения и автобиографич. реалии. В основу повести, написанной занимательно и живо, положен авантюрный сюжет (головкружительные любовные интриги и денежные махинации). Несмотря на декларируемую автором, следующим традициям натуральной школы, позицию стороннего и беспристрастного наблюдателя, очевидно облагораживающая интонация, резкое осуждение безнравств. поведения героев. Хотя критика обошла молчанием лит. дебют Н., его «Записки» были замечены читающей публикой (Н. А. Добролюбов описывает в дневнике, как его просили почитать их в доме Галаховых, — Добролюбов, VIII, 516).

Возлагая надежды на дальнейшее сотрудничество в «Совр.», Н. в 1858—59 посылает в редакцию новые соч. («Рассказы Петра Петровича», «Новая повесть на старый лад»). Однако Чернышевский сообщает ему, что рукописи, видимо, затерялись во время переезда с квартиры на квартиру. Так и не получив назад своих произв. (на гонорары от них Н. предполагал содержать себя и оставшуюся в Пензе семью), Н. порывает с «Совр.» и помещает в «Сев. пчеле» (1859, 31 окт., 20 нояб.) гневную заметку «Образ действия редакции „Современника“».

В 1859 Н. переезжает в Петербург, чтобы «раздать по журналам» свои сочинения. Издает брошюру «Журналы, газеты и публика» (СПб., 1859), принесшую автору скандальную известность. В ней Н. выступает с нападками на совр. лит.-ру (даже Тургенев и Д. В. Григорович пишут, по его мнению, слабые вещи: «Дворянское гнездо» и «Переселенцы») и публицистику (в статьях о крест. вопросе, напр., Н. не нашел «ни одной дельной мысли»); упрекает авторов в невежестве, злоупотреблениях предоставленной правительством гласностью, презрительно отзываясь о публике, читающей совр. газеты и журналы, сетует на скованность и бездельность цензуры.

Продиктованная обилием самолюбия Н., его неудовлетворенным писательским амбициями, лиричная последовательность, брошюра была с гневом встречена критикой, замечавшей, что «самое отвратительное, самое скандальное явление» (А. Пальковский — МВ, 1859, № 40, с. 502) — сочинение Н. носит характер «глупого доноса на журналы, литературу и публику» (С. Паль — «Рус. газета», 1859, 30 сент.). Добролюбов («Совр.», 1859, № 9) писал, что «делал начальническую нотацию всей лит.-ре.», отмечая, что эта книжка — «исключное и даже опасное явление» (Добролюбов, V, 298, 303).

После учиненного ему разноса Н. сотрудничал в основном в «Сев. пчеле», где были опубликованы глава из ром. «Блудный сын» (1859, 28 нояб.) — о мошенничестве бедного дворянина, присвоившего себе чужое имя, пов. «Сердце матери» (1860, 4—7, 11, 12 янв.) — о жестокосердичном отце, делающего орудием вымогательства собств. ребенка, а также очерк «Несколько слов о картинной галерее... Ф. Н. Прянишникова» (1860, 28 февр.). В 1859 печатался в «Рус. газете», где поместил заметку «Отголоски из провинции» (18 марта; см. также 28 янв., 18 февр., 11 марта), «разоблачавшую» провинциальные нравы. В «С.-Петерб. вед.» (1859, 29 июля) Н. опубликов. ст. «По поводу статьи И. И. Лажечникова о Белинском», в к-рой, опираясь на собств. восп., указывает на неточности Лажечникова (его ответ — там же). Полученные гонорары дали возможность Н. съездить в Пензу, где незадолго перед этим умерла его жена.

Последние месяцы жизни Н. провел в Петербурге, изнуренный нищетой и болезнями, усугубляемыми постоянными запоями. По словам коротко знавшего его в последние два года Л. П. Блюммера, история жизни Н. — яркий пример судьбы «человека с удивительно хорошою душою, но человека без образования, средств и крепких убеждений, человека характера слабого» (Книжник, с. 212). Последним напоминанием о Н. в печати явилась публикация рассказа «Городничий» (ОЗ, 1862, № 7), в к-ром обличается мздоимство и самодурство чиновников. Из писем Н. явствует, что его перу принадлежат еще ряд произв. (в т. ч. ром. «Язва»), оставшихся, видимо, в рукописи.

Лит.: Чернышевский (ук.); Книжник Л. (Л. П. Блюммер), Заметки об А. Е. Надеждине. — КВ, 1861, № 14/15; Зеленецкий П. П., Ист. очерк Пензы. 1-й г-зи с 1804 по 1871 г., Пенза, 1889, с. 210, 215; ЛН, т. 51—52, с. 405—406 (письма Н. к Некрасову и Краевскому, 1856). — Некрологи, 1860: «Вед. СПб. гор. полиции», 7 дек.; СП, 7 дек. Венгеров. Источ.: Бонраш. «Совр.»: Муратова (1. ук.); Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 23/1/1, к. 21, д. 92 (письмо М. П. Погодину, 1848); РНБ, ф. 391, д. 561 (письмо А. А. Краевскому, 1848); ф. 850, д. 389 (письма С. П. Шевыреву, 1849).

Д. Б. Шабельников.

НАДЕЖДИН Николай Иванович [псевд. Никодим Надоумко и др.; 5(17).10.1804, с. Нижний Белоумок Зарайского у. Рязан. губ. — 11(23).1.1856, Петербург; похоронен на Смоленском кладб., критик, эстетик, журналист; этнограф. Из духовной среды: дед, как и отец Н., был священником в белоумутской Преображен. церкви. Отец, передавший сыну «страсть к чтению», и С. Д. Нечаев (впоследствии обер-прокурор Св. Синода) — первые наставники Н. По совету отца отправился в Рязань (1815) и «смело ... явился к архие-

рею» с написанной специально для него речью в стихах, чем сильно его удивил («Автобиография» — РВ, 1856, № 3, с. 52; образцы ранних, в арханч. стиле, стихотв. опытов Н. см.: Козмин, с. 3—7). В том же году Н. зачислен в высший класс Рязан. уездного духовного уч-ща, а через год переведен в местную семинарию, где обнаружил выдающиеся способности и трудолюбие, к-рым, по преданию, был обязан своей фамилией (предки Н. именовались по месту жительства Белоумутскими или Беловодскими): Рязан. архиепископ Феофилакт, возлагая на мальчика большие надежды, дал ему фам. Надеждин (как «перевод» с лат. яз. фамилии Сперанский). В 1820, еще до окончания сем., минув последний, богословский класс. Н. был рекомендован в Моск. духовную акад. «Направление, господствовавшее в ней, было ... по преимуществу философское» («Автобиография», с. 53); в акад. преподавали изв. профессора философии В. И. Кутневич и Ф. А. Голубинский; под влиянием первого в Н. развился вкус к строгому систематизму, второй же (см. письма Н. к нему: ЗапГБЛ, в. 34, М., 1973) стимулировал его стремление к синтезу филос. и богослов. знаний. Н.-студент пишет исследование о значении в православии символа св. Софии. Из сем. и академии он вынес отличное знание языков, как древних (еврейский, греч., лат.), так и новых (франц., нем., англ.; позднее изучил нек-рые слав. языки). Однако несмотря на заметак. успехи, из-за конфликта с преподавателем Моск. духовной акад. о. Кириллом (Богословским-Платоновым) (см.: Смирнов С., История Моск. духовной акад. до ее преобразования ..., М., 1879, с. 18) Н. не был оставлен при акад. и в 1824 выпущен в звании магистра. Осенью того же года назначен профессором словесности и нем. (позже и лат.) языка в Рязан. семинарии, к-рую спустя два года — и вновь из-за конфликта с начальством — вынужден был оставить.

В окт. 1826 Н. уволился из духовного звания и к кон. года переселился в Москву, где получил место дом. учителя у Самариных (см.: РА, 1876, кн. 2, стб. 229 — Ю. Ф. Самарин о Н.). В это время, пополняя свое образование, усиленно изучает новейших европ. историков (Э. Гиббон, Ф. Гизо, Ж. Ш. Л. Сисмонди и др.), однако новые веяния, по словам Н., «накладываются на школьный фундамент старой классической науки» («Автобиография», с. 56). Аналогичным образом обстояло дело и с худож. впечатлениями: романтич. произведения Дж. Байрона или А. С. Пушкина воспринимались Н. сквозь призму франц. классицизма, русского просвещения 18 в. (М. В. Ломоносов, М. М. Херасков, Г. Р. Державин), что предопределило оригинальное сочетание архаичности и новизны в его первых критич. выступлениях.

Печататься начал на страницах журнала М. Т. Каченовского «Вестник Европы», причем его дебюты в качестве поэта и переводчика («Промысл человеку. Из Ламартина» — 1828, № 8, «К республике. Из Горация», «Награда поэта» — 1828, № 14, «Песнь красоте» — 1828, № 17, «Воспоминания» — 1829, № 1, и др.) и эстетика-философа («О высоко» и др. ст. — 1829, № 3—6; 1830, № 11, 13, 14) прошли почти незамеченными, как и переводы позднеантич. филос. стихов: выполненный хорошим гекзаметром цикл из 10 «Гимнов Орфея» («Рус. зритель», 1829, ч. 5, № 17—20, с обстоятельными прим. Н.) и стих. «Золотые стихи Пифагора» (там же) (к-рые очевидно близки были Н. своим филос. систематизмом и морализмом: «Жизнь свою строго блюди, да не пожрут ее страсти!»). Зато первая же критич. ст. «Литературные опасения за будущий год» (ВЕ, 1828, № 21—22) стала сенсацией. Это выступление, как и последующие в том же журнале в 1829 («Сонмине нигилистов» — № 1—2; «Две повести в стихах: „Бал“ и „Граф Нулин“» — № 2—3; «„Полтава“. Поэма Александра Пушкина» — № 8—9; «„Иван Выжигин“, нравственно-сатирич. роман» — № 10—11, и др.), было снабжено псевдонимом: «Экстудент Никодим Надоумко. Писано между студентства и вступления в службу ... На Патриарших прудах» (или одним из его компонентов, например «С Патриарших прудов»), создавшим образ критика — ехидного и бранчивого забияки и одновременно книжочера и эрудита, не признающего авторитетов и готового сказать самую горькую правду. Главным объектом нападения Н. явился романтизм, трактуемый гл. образом как тяготение к экстравагантности и аффектации во всем — и в выборе

худож. коллизий (кровавая месть, супружеские измены, убийства из ревности, словом, всяческая «романтическая» стухотня и резня) — о поэме А. И. Подолинского «Борский» — Наде ж д и н, с. 71) и в характере стиля (фрагментарность и разорванность сюжетной линии, сознательно демонстрируемая случайность и импровизационность повествования); при этом не делалось исключения ни для У. Шекспира и П. Кальдерона, ни для А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, В. Гюго и Байрона, «зловещего светила» европ. поэзии. Н. принципиально не был против преувеличений, включая уродливое или безобразное, но допускал их лишь на определенных условиях — «в идеальном свете сострадания о несообразности их с нашим достоинством и назначением!» («Лит. опасения...» — Наде ж д и н, с. 57). В то же время для него неприемлемо и морализирование, особенно если оно впадало в наивно-верноподданнич. тон, как в романе Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин». Худож. запреты на приоритет безобразного, низкого, бесцельной, не признающей правил, игры романтич. фантазии и т. д. предопределялись, согласно Н., гармонизирующими все сущее «вечными законами мудрой природы» (там же, с. 63). Этич. наполненность искусства он старается обосновать на фундаменте нем. классич. идеализма, рационализируя и выпрямляя в этом направлении идеи И. Канта и Ф. Шеллинга (напр., в кантовском положении о «целесообразности без цели» акцент переносится на категорию худож. образа: у Канта гений, творящий как жиздательная сила, сам устанавливает себе правила, у Н. гений обязан считаться с предшествующими образцами). Порою же Н. придает антиромантизму явную политич. окраску, сближая романтич. эстетич. своеволие с либерализмом и бунтарством и предлагая — полушутя, полусерьезно — учредить уголовно-поэтич. палату, чтобы карать авторов за преступления их героев.

Все это вызвало в адрес Н. резкую критику с самых разных сторон: Н. А. Полевой вывел его под видом «Желтяка», то есть жителя «желтого дома», сумасшедшего (МТ, 1828, № 23, с. 358); О. М. Сомов обыгрывал его псевдоним — «Недоумок, по видимому, должно быть настоящее его название» («СЦ на 1830 г.», с. 34); Пушкин откликнулся серией эпиграмм (одна из них, при жизни неопубликов.: «В журнал совсем не европейский./ Над коим чихнет старей журналист./ С своею прозою лавкейской/ Взмошел болван семинарист» (1829; см. в кн.: Рус. эпиграмма, 1988, с. 253; см. также неопубликов. статьи поэта «Опровержение на критику» и «Возражение критикам

„Полтавы“», 1830: Пушкин, XI, с. 143—65). Более щадящим и в то же время преследующим в отношении Н. определенную педагогич. цель был отзыв С. Т. Аксакова, отметившего, что мысли критика «по большей части свежи и глубоки», но при этом он впал «в изищество» (МВ, 1830, № 6, с. 203). М. П. Погодин в письме к С. П. Шевырëву также отметил, что «Н. вооружился против Пушкина и говорил много дела между прочим, хотя и семинарским тоном» (Барсуков, II, 346; без даты).

Ширящееся признание Н. выразилось в избрании его (март 1829) в члены-состязователи Общества истории и древностей российских, в связи с чем он выступил с докладом «Предначертание исторически-критич. исследования др.-рус. системы уделов» («Тр. и летописи ОИДР...», 1830, ч. 5; см. также: ч. 8, с. 100, 132—33). Кроме «Вестника Европы» Н. печатается в это время в «Атенее», «Моск. вестнике», «Галатее», «Рус. зрителе».

В апр. 1830 с помощью Каченовского («старик допустил меня в весьма близкое с ним обращение» — «Автобиография», с. 59) Н. успешно защитил в Моск. ун-те диссертацию сразу на степень доктора (минуя магистерскую) словесных наук (утвержден 24 сент. 1830) «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» (опубл. отдельной книгой на лат. яз.: *Nadeždin N., «De origine, natura et fatibus poeseos, quae romantica audit»*, [M.], 1830; два отрывка на рус. языке: «О настоящем злоупотреблении и искажении романтич. поэзии» — ВЕ, 1830, № 1—2, и «Различие между классическою и романтич. поэзиею, объясняемое из их происхождения» — «Атеней», 1830, № 1; полностью на рус. яз. в кн.: Наде ж д и н).

Обратившись к одной из центральных проблем зап.-европ. эстетики кон. 18 — нач. 19 вв. — сопоставлению классич. худож. формы и романтической, вызванной к жизни возникновением христианства, Н. развил своего рода феноменологию иск-ва, в к-рой историч. аспект сливался с логическим (критик осознанно придерживался такой установки, о чем свидетельствуют выбранные им филос. ориентиры, от неразрешимых антиномий Канта через «идеалистич. иступление» И. Г. Фихте до «безусловного тождества», примирения законов бытия и мышления у Шеллинга — ст. «„Всобщее начертание теории изящных искусств“» (К. Ф.) Бахмана»: «Телескоп», 1832, № 5—8; цит. по: Наде ж д и н, с. 313); при этом сама логика трактуется Н. в духе Г. Гегеля как наука, выходящая за рамки формальной логики и выра-

жающая диалектич. законы движения всего сущего.

Само содержание каждой из худож. форм Н. понимал достаточно традиционно: классич. искусство — «средобожное», то есть объективное; романтич. — «средостремительное», субъективное (ближайшим истоком этой его концепции явилось учение Шеллинга в «Системе трансцендентального идеализма» о двух противоположных силах, действующих в «Я»). Рассматривая в широком историко-филос. контексте этапы развития иск-ва (см. в особенности призывающий к дисс. трактат «О совр. направлении изящных искусств», опубл. в 1833 дважды: «Уч. зап. имп. Моск. ун-та», ч. 1—3, и в кн.: Речи, произнесенные в торжеств. собрании имп. Моск. ун-та ..., М., 1833), Н. устанавливает систему контрастных признаков классич. и романтич. иск-ва: одушевлению «зримой красоты вещественного мира» в античности, его «поэтическому просветлению ... в изящных пропорциях и формах» (Рус. эстетич. трактаты..., с. 430) приходят на смену романтич. «идеальное самосозерцание», «пост. самоуглубление» и торжество «творящего духа», «обращение к незримому бестелесному миру, где почитается таинственный первообраз невещественной красоты» (там же, с. 441—442). В выводах, к к-рым пришел Н., он проявил смелость, граничащую с прямолинейностью: строго локализовал эту форму во времени — рубежом до 16 в. В эпоху нового расцвета романтизма и вспыхнувшей в связи с этим полемикой между «классиками» и «романтиками» Н. отзывается совр. лит-ре в праве на романтизм, объявив стремление к нему (и в т. ч. воспроизведение тех или иных его черт, напр. «идеальный фантастич. характер») лишь бессильной «подражательностью» — «под соблазнительным именем романтического стиля!» (там же, с. 445), что в значит. степени предопределило негативное отношение к Н. мн. лит. современников. Всю последующую худож. историю Н. считал законною областью нового искусства, синтетического по отношению к двум предшествующим формам. Эта идея была хорошо знакома и рус. и особенно зап.-европ. эстетике, однако Н. в духе своей категоричности применил ее (в отличие от большинства теоретиков) не к будущему и не к отд. сегодняшним образцам, но ко всей совр. эпохе, наступившей вслед за средневековьем. Все, что не укладывалось в эти рамки, Н. рассматривал или как запоздалый классицизм (18 век — «век всеобщего гниения жизни», «век кощунства и нечестия»; имеется в виду в первую очередь «поддельный» классицизм франц. школы — там же,

с. 447, 450) или как лжеромантизм (пример последнего — «Песочный человек» Э. Т. А. Гофмана или прозв. неистовой франц. словесности, в частности Гюго). На практике антиромантизм Н. не был столь безоговорочен, целил главным образом в свойственные новому иск-ву «бурные порывы неистовства» (Надеждин, с. 58) и в то же время принимал элегич. формы романтизма (пост. высокая оценка критиком творчества В. А. Жуковского). Однако благодаря радикализму теоретич. постановки проблемы за Н. в эстетич. сознании закрепился определенный приоритет: «Г-н Надеждин первый сказал и развил истину, что поэзия нашего времени не должна быть ни классическою ..., ни романтическою ..., но что в поэзии нашего времени должны примириться обе эти стороны и произвести новую поэзию» (Белинский, V, 213).

В кон. дек. 1831 Н. утвержден ординарным профессором теории изящных искусств и археологии Моск. ун-та (несколькими неделями раньше получил место преподавателя логики, рос. словесности и мифологии в Моск. театральной школе). С 1834 по собств. инициативе «безвозмездно» преподавал логику для студентов первых курсов: Н. читал «логику ... параллельно с эстетикой», начиная с «психологического разбора» эстетич. чувства («Автобиография», с. 64; РГИА, ф. с.; там же, ф. 773, оп. 30, д. 130), был чл. Училищного к-та ун-та, участвовал в инспектировании низших и средних учеб. заведений Моск. округа.

Н. был восторженно встречен студенческой молодежью (слушателями Н. были В. Г. Белинский, Н. В. Станкевич, К. С. Аксаков и др., видевшие в нем провозвестника филос. эстетики). Его лекции «привлекали толпы слушателей из всех четырех факультетов» (Буслаев Ф., Мои восп., М., 1897, с. 123; см. также: Аксаков К., с. 319—21; Переписка Н. В. Станкевича, М., 1914, с. 449), Н., по словам И. А. Гончарова, был «дорог своим вдохновением, горячим словом, которым вводил нас в таинственную даль древнего мира, и один заменял десять профессоров» (Гончаров, VII, 211). По свидетельству М. А. Максимова, друга Н. (познакомился в 1827, а с 1831 на вечере у С. Т. Аксакова «сошелся с Надеждиным в близкое дружеское братство»), лекции Н. были «живыми импровизациями» и сильно отличались от его «первопечатных статей», слог к-рых «вообще не нравился в литературном кругу ... излишне витиеват, недовольно художествен» («Москв.», 1856, № 3, с. 226; см. также: Полевой К., с. 256); характерная реакция С. С. Уварова, през. Петерб. АН: «в

первый раз вижу, чтобы человек, который так дурно пишет, мог говорить так прекрасно» («Москв.», 1856, № 3, с. 226; отзывы студентов см. в ст.: Попов, 1880, с. 17—21).

Одновременно с преподаванием в ун-те Н. с того же 1831 стал издавать журнал «Телескоп» с приложением газ. «Молва», в них сотрудничали К. Аксаков, М. Н. Загоскин, А. В. Кольцов, Ф. И. Тютчев, Н. Ф. Павлов, Н. М. Языков, И. В. Киреевский, Н. П. Огарев и др. В «Телескопе» Пушкин опубликовал памфлеты «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831, № 13 и 15), причем его псевдоним «Феофилакт

Н. И. Надеждин.
Рис. исхв. худ. из альбома Ф. А. Конн.

Косичкин» и назв. второй статьи были подсказаны одной из заметок Н. (см.: «Молва», 1831, № 30, с. 59—60). В изданиях Н. публикацией «Литературных мечтаний» («Молва», 1834, № 38...52) началась систематич. критич. деятельность В. Г. Белинского, к-рый еще в гимназии «читал с жадностью тогдашние журналы и всасывал в себя дух Полевого и Надеждина» (Лажечников И. И., ПСС, т. 12, СПб., 1900, с. 246); в февр. 1833 они познакомились (Белинский, XI, 94) и тогда же Белинский получил приглашение Н. сотрудничать в «Молве» (некое время он жил на квартире Н.). По воспоминаниям студента П. И. Прохорова, все, посещавшие лекции Н., «не хотели верить, что эти „Мечтания“ писаны Белинским, а не Надеждиным». Так они были проникнуты духом редактора «Телескопа» и «Молвы» (Моск. ун-т в восп., с. 113; см. также ук.). «Телескоп» отвечал потребности совр. молодежи в «умозрительных знаниях»: «Все статьи перечитывали с первой строки до по-

следней и потом обсуживали, разбирали, спорили о тех или других идеях и даже иногда обращались за разрешением к Надеждину» (М. Б. Чистяков — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1731).

В 30-е гг. Н. конкретизирует свое понятие новой, современной поэзии (подразумеваемая совр. иск-во вообще), один из признаков к-рой — автономность героя, высвобождение его из-под диктата авт. мысли. Отсюда резкое неприятие Чацкого в ст. «Горе от ума» («Телескоп», 1831, № 20: «Это не столько живой портрет, сколько идеальное создание Грибоедова, выпущенное им... чтобы быть органом его собственного образа мыслей и истолкователем смысла комедии» — Надеждин, с. 287), а также критика драматургич. манеры раннего Ф. Шиллера: в его пьесах «выходили на позорные сии самые идеи и чувствования, воплощенные в поэтич. обликах, а не живые образы и действительные лица» («Избранный немецкий театр ...» — «Телескоп», 1831, № 14, с. 241). От новой поэзии требуется соблюдение «всех естественных условий действительности, с географическою и хронологическою истинною физиономии, костюмов, аксессуаров» («О совр. направлении изящных искусств» — Рус. эстетич. трактаты, с. 454). Наконец, противопоставлены совр. художнику экзальтация, нарочитость, эффекты, против чего Н. с особенной страстью и полемич. блеском выступил в цикле статей «Письма в Петербург» («Молва», 1833, № 44—50, 56), связанных с моск. гастрольями в апр. 1833 петербуржцев В. А. Каратыгина и его жены А. М. Каратыгиной.

Оба актера, считает критик, в большой мере следуют ложно-классич. стилю франц. театра 18 в. с его приверженностью к «сценическому этикету» и превращением персонажей в «отвлеченные понятия, украшенные собственными мыслями», а это резко противоречит произведению, «где жизнь представляется не в условном театральном этикете, а в чистой идеальной сущности или положительной истине» (Надеждин, с. 349, 352). Позднее, в связи с новым приездом Каратыгиных в Москву, Н. вторично выступил с циклом статей «Письма к издателю „Телескопа“» («Молва», 1835, № 16, 17, 19); оба цикла подписаны криптонимом П. Ш. с мистифицирующим намеком на сослуживца Н. проф. математики Моск. ун-та П. С. Шелкина. Статьи П. Ш. (криптоним раскрыт в 1953), обнаружившие, по более позднему замечанию П. В. Анненкова, европ. уровень понимания искусства (Анненков П., Н. В. Станкевич, М., 1857, с. 72), произвели сильное возбуждение: с критикой Н. выступили, в частности, С. П. Шеврёв и «...л...» (Н. Ф. Павлов); точку зрения Н. развил Белинский (ст. «И мое мнение об игре Каратыгиных»).

В новой зап. лит-ре Н. в 30-е гг. разграничивает, с одной стороны, жизнеутверждающую, пронизанную христ. идеями поэзию (ее голос «слышим мы в сетованиях Ламартина, в гимнах Манцони, в дифирамбах Новалиса»), а с другой — поэзию отчаяния, «макабрской пляски мертвых костей на кладбище жизни»

(«поэзия Байронов и Сутеев (подразумевается Р. Саути — Ю. М.), Гюго и Зандт» — «Письма в Киев» — Надеждин, с. 390). В подобных критич. инвективах Н. сближался с О. И. Сенковским, к-рый в ст. «Брамбеус и юная словесность» выступил против целого направления во франц. лит-ре, возглавляемого Гюго и представленного Жорж Санд, Ж. Жаненом, Э. Сю и т. д., — «это прямо вторая франц. революция в священной ограде нравственности...» (БдЧ, 1834, т. 3, с. 39). При этом Н. в ст. «Здравый смысл и Барон Брамбеус» («Телескоп», 1834, № 19—21) применил дерзкий полемич. прием против своего лит. противника, объявив, что и сам Сенковский подпал под влияние «юной словесности». Современникам бросился в глаза моральная уязвимость этого поступка; так, Н. И. Греч писал Загоскину 7 июля 1834 из Петербурга в Москву: «Сделай одолжение, скажи, что делает ваш Надеждин, или он вовсе не дорожит репутацией честного человека и благородного литератора? Что значат его доносы на Брамбеуса» (РНБ, ф. 291, № 68, л. 1). Вместе с тем Белинский в «Литературных мечтаниях» (1834) и Н. В. Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 г.» (1836) присоединились к выводу Н. о том, что Сенковский подражает «юной словесности» (см. соответственно: Белинский, I, 100; Гоголь, VIII, 165).

В самом нач. 30-х гг. в статье, посв. пушкинской трагедии «Борис Годунов» («Телескоп», 1831, № 4), наметилась перемена отношения Н. к Пушкину, который «указал путь народной русской драме, указал точку, с которой должно ... смотреть на историю» («Молва», 1832, № 19, с. 73—74). Однако, требуя от совр. иск-ва буквального правдоподобия, критик находил в «Борисе Годунове» многочисл. случаи нарушения психологич. и бытовой истины (напр., факт саморазоблачения Лжедмитрия перед Мариною). Общая оценка творчества Пушкина остается двойственной. «Вероятно, не я один слышал, как он (Н.) высоко ценил его талант, хотя всегда сожалел, что познания нашего поэта были очень бедны в сравнении с познаниями и многостороннею образованностью Шиллера и Гёте, особенно Гёте» (восп. Чистякова — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1731, л. 71). Отсюда, по мнению критика, проистекает нарочитая легкость и фрагментарность: Пушкин — лишь мастер на «гротески» и «арабески», рассматриваемые Н. как низшие формы искусства; «Руслан и Людмила» — «прекрасная галерея физических арабесков», «Евгений Онегин» — «арабеск мира нравственного» («Евгений Онегин», ро-

ман в стихах. Глава VII...» — ВЕ, 1830, № 7, с. 202—203).

С завершением «Евгения Онегина» Н., как он полагаи, получил окончат. подтверждение своей точки зр.: «Самое явление его, с неопределимо-периодическими выходами, с беспрестанными прокусами и скачками, показывает, что поэт не имел при нем ни цели, ни плана и действовал по свободному влущению играющей фантазии. Смысл можно угадывать, что при первой главе „Онегина“ Пушкин и не думал, как он кончит-ся» («Последняя глава „Евгения Онегина“» — «Телескоп», 1832, № 9, с. 108). Таким образом, камнем преткновения для Н.-критика явились сама открытость поэтик. мира («далеко свободного романа»), нарочитая импульсивность и импровизационность повествовательной манеры произв., как бы создаваемого на глазах читателя и под влиянием меняющихся обстоятельств; все это не вышло с ригористич. понятиями Н. о худож. целостности, выношенности замысла и истолковат. правдоподобии. К тому же критик не уверялся от уприсков морального свойства: мол, поэт, выдавая произведение по главам, недобросовестен перед читателями. Пушкин, лично познакомившись с Н. 22 марта 1830 в Москве, на обеде у М. П. Погодина, просил последнего передать критику, «что опрометчивость его суждений неспростительна» (письмо от 11 июля 1832 — Пушкин, XV, 27).

Иначе развивались отношения Н. с Гоголем. Начиная с «Главы из исторического романа» и с первой и второй частей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (отзывы об этих произв. помещены в «Телескопе»: 1831, № 2, 20; 1832, № 17), критик неизменно сочувственно и весьма высоко оценивал его творчество. В статье же, посв. моск. премьере «Ревизора» («Театральная хроника» — «Молва», 1836, № 9; подпись А. Б. В.), он одним из первых определил Гоголя как великого писателя («великий комик жизни действительной» — Надеждин, с. 472). На фоне придирчивого или в лучшем случае прохладного отношения к Пушкину это может показаться парадоксом, к-рый, однако, коренился в эстетич. системе и мироощущении критика: Гоголь обратился к отеч. материалу в обход неприемлемых для Н. сюжетов байроновского или даже элегич. толка, он прикоснулся к богатейшим ресурсам фольклора и обнаружил склонность к столь ценному критиком наивному, простодушному комизму.

Н., кстати, и сам был великий мастер минификаций и карнавализованных псевдонимов-масок: помимо Николаима Надоумки, П. Ш. и А. Б. В., еще Лынино-Зубов, Орлино-Котев, Ипполит Междоветный, Истомо Романов и т. д. (ср. замечание современника о Н.: «в нем был своего рода юмор, не совсем тонкий, но иногда довольно злой» — Панаев, с. 146).

Н. в большой степени содействовал установлению того почитания Гоголя, к-рое наблюдалось среди москвичей, особенно у окружавшей критика молодежи — К. Аксакова, Станкевича, Белинского и др. (ср. свидетельство Пушкина в письме от 6 мая 1836: «в Москве... Гоголя более любят, нежели в Петербурге» — Пушкин, XVI, 113). Н. и лично был знаком с Гоголем — они встречались в марте 1835 в Петербурге и в 1-й пол. 1841 в Риме (см.: Манн Ю., «Сквозь видный миру смех...». Жизнь Н. В. Гоголя. 1809—

1835, М., 1994, с. 425—26; ЛН, т. 58, с. 606).

Из теоретич. проблем наибольшее внимание Н. в 30-е гг. привлекают иерархия жанров (место в ней романа), народность и, наконец, способы и методы эстетич. суждения. Все эти проблемы решаются в духе искомого синтеза, примиряющего средостремительное (классич., объективное) и средобежное направления (романтич., субъективное). Первенство романа в совр. лит-ре обусловлено тем, что он наилучшим образом сочетает объективность классич. формы с субъективностью ср.-век. романтизма, выступая также восприимчивым к сильным качествам трех родов поэзии: от эпоса он берет «историческую изобразительность», от лирики — внутреннее одушевление, авторскую способность к самораскрытию и лирич. излияниям, от драмы — наглядную событийность, при к-рой персонажи действуют «сами из себя», своими «внутренними силами». К тому же, большую романную лит-ру отличает ист. репрезентативность содержания; таковы романы В. Скотта, представляющие «характеристическую историю человечества в известный момент бытия его» («Рославлев, или Русские в 1812 году» М. Н. Загоскина — «Телескоп», 1831, № 13—14; цит. по: Надеждин, с. 278). В России романиста подобного ранга нет и, по мнению Н., не предвидится, что обусловлено особенностью ее ист. бытия и в связи с этим отсутствием (или недостатком) народности в искусстве.

Развитие Н. проблемы народности особенно явственно обнаруживает связь его эстетики с историософией. В бытии народа столкновение противоположных начал равнозначно борьбе самообытности с подражательностью («чужаждством»), к-рая должна увенчаться их примирением. Для России это есть примирение рус. народности и европеизма (ср. назв. одной из крупнейших работ Н. «Европеизм и народность в отношении к рус. словесности» — «Телескоп», 1836, № 1—2) — процесс, исполненный мучительных противоречий и драматизма. С одной стороны, он осложнен тем, что народность ошибочно отождествляется с внешними, преим. простонародными жизненными атрибутами («Многие под народностью разумеют одни наружные формы русского быта, сохраняющиеся теперь только ... в низших классах общества» — там же; цит. по: Надеждин, с. 440), в то время как она подразумевает «совокупность всех свойств, наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых складается физиономия русского человека...» (там же; ср. столь же широкое понимание народности, высказанное

Гоголем годом раньше в статье «Несколько слов о Пушкине»: «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа» — Гоголь, VIII, 51). С др. стороны, обнаружению народности мешает раболопное преклонение перед всем заимствованным: «У нас стремление к европеизму подавляет всякое уважение, всякое даже внимание к тому, что именно русское, народное» (там же; Надеждин, с. 441). Однако, по Н., нуждается в развитии, в интенсификации и само нар. начало, без чего Россия не сможет выйти на авансцену истории. Историческая система Н. в своем последнем звене не совпадает с эстетической: у него есть четкий ответ, каким должно быть новое иск-во (синтетич., объединяющим сильные стороны «классич.» и «романтич.» поэзии), но он не столь категоричен в решении вопроса о народе, воплощающем в современности новую фазу человек. истории. Подобно ряду совр. ему рус. критиков (как то Шевырев или Полевой), Н. склоняется к идее рус. мессианизма, однако с колебаниями и принципиальными оговорками: России назначается «разыграть первую роль в новом действии судеб человеческих» и быть «для времен грядущих тем же, чем были некогда пелазги для классического и тевтоны для романтического мира» («О происхождении, природе и судьбах поэзии ...»; цит. по: Надеждин, с. 252). Эта «роль», таким образом, отнесена Н. к далекому будущему, ко «временам грядущим», поскольку для ее выполнения мало одного самообнаружения нар. начала, необходимо, чтобы оно развилось и возвысилось до общевроп. уровня. Именно от Н. идет проявившаяся впоследствии сдержанность Белинского в описании «субстанционального начала» рус. жизни, доселе «еще таинственного» и не определенного (Белинский, VI, 431).

Отсюда высокая оценка Н. реформ Петра I (в этом критик также предвосхитил западников), подключившего Россию к магистральной, то есть зап.-европ., линии развития. «Следовательно, все наше прошлое ограничивается одним веком» («Телескоп», 1832, № 14, с. 246).

В торжестве цивилизации, просвещения вырабатываются не только науч. понятия, но и стиль отношений, богатство интимной жизни. «Я и не пишу в нашем обществе женщины Балзак, этой дивной поэмы, для создания коей потребно было двенадцать веков непрерывно возрастающей цивилизации, этого неистощимого мира поэзии, казавшегося в себе все оттенки нравственного образования ...» («Письма в Киев к М. А. М(аксимо)вичу» — «Телескоп», 1835, № 1; цит. по: Надеждин, с. 392). «Двенадцать веков», а не один век! Но если в русском обществе нет женщины, подобной «женщине Балзак» (там же), то, по Н., нет любви, во всей глубине и uniqueness ее проявлений, нет не только почвы для романа (как лит. жанра) — нет и подлинной народности.

В 1836 в привычном для него духе филос. универсализма Н. развернул полемику относительно метода и способов эстетич. суждений, поводом для к-рой явилось издание «Истории поэзии» С. П. Шевырева (1835). В свободном хронологич. описании памятников искусства Н. видится «предубеждение» к логич. построению, т. к. необходимо строгое рассмотрение этих памятников в аспекте последоват. смены худож. форм: символич., классич., романтич. и нового, синтетич. иск-ва («История поэзии...» — «Телескоп», 1836, № 4). Статья Н., вызвавшая, в свою очередь, ответ Шевырева (МН, 1836, апр., кн. 2; июнь, кн. 1; июль, кн. 2) и повторные выступления Н. («Телескоп», 1836, № 8, 11), привлекла широкое внимание: Н. поддержали тяготевшие к нем. классич. философии Станкевич (Переписка Н. В. Станкевича, с. 321, 369), Белинский (II, 723); на стороне его оппонента выступили П. А. Плетнев (I, 264—72), Я. М. Неверов (ЖМНП, 1836, № 10, с. 372), а также Пушкин (XII, 65—66).

С нач. 30-х гг. развивается мучительный роман Н. с его юной ученицей Елиз. Вас. Сухова-Кобылиной, сестрой А. В. Сухова-Кобылина (подробнее см.: Козмин, гл. 7), впоследствии ставшей писательницей — печаталась под псевд. Евгения Тур. Н. был приглашен «довершить» образование девушки, с к-рой они вместе читали Жуковского, Шиллера, А. Ламартина; нек-рое время Н. жил в подмоск. имении Сухова-Кобылиных, а с осени 1834 в их моск. доме. Девушка отвечала ему взаимностью, но ее родители-аристократы (отец был генералом) решительно восстали против брака с плебеєм и «поповичем». Решившись, по его словам, «выслужить Елисавету Васильевну, как Иаков Рахиль, египетскою работою» (Козмин, с. 468; см. письма Н. к ней — «Журнал Рязан. губ. ученой архивной комиссии. Заседание 30 марта 1885 г.», Рязань, 1885, прил., с. 11—16 (Тр. Рязан. ученой архивной комиссии за 1884—1885, т. 1, в. 1); РА, 1885, кн. 2, с. 573—583), Н. еще до кон. учеб. года (февр. 1835) подает прошение об увольнении с должности профессора, с тем чтобы сделать чиновничью карьеру («Изумление было всеобщим ... все терялись в догадках, искали объяснений» — РА, 1885, кн. 2, с. 582). Расставаясь с ун-тской кафедрой, Н. записывает в дневнике: «все, что было приобретено мной для будущности, в поте лица, ценою кровавых трудов, — все это уничтожилось в одно мгновение» (Козмин, с. 476). В мае он делает формальное предложение о женитьбе и получает отказ. История получила огласку; слухи, подозрения (С. Т. Аксаков, поверенный

Н., «одобрял (его) намерение» «ни чего не брать» за любимой девушкой, если брак состоится, и видел в этом «единственный способ спасти честь от нареkania» — там же, с. 467), переხваченные письма, несостоявшийся побег (не вполне достоверное описание его см. в гл. «Н. Х. Кетчер» «Былого и дум» Герцена; IX, 228—29), взаимные сомнения и переживания (Сухова-Кобылина «была на волос от сумасшествия» — Козмин, с. 491) привели к тому, что сломленный и опустошенный душевно Н. в июне того же года отправляется в длин. заграничное путешествие («окончательное» письмо Н. от 24 мая 1835 см.: там же, с. 503—505). (Позднее Сухова-Кобылина вышла замуж за графа Салиаса де Турнемира.) Имея в виду время любовного увлечения Н. (до конца жизни оставшегося неженатым), Максимович писал, что у критика тогда сложилась «живая эстетика, которая могла бы дать высокий строй... эстетике философской; но, к сожалению, они сошлись в его душе не под счастливою звездою» (Максимович, с. 227); выражение «живая эстетика» намекает и на нависший отход Н. от филос. систематизма (см.: Манн, Рус. филос. эстетика, с. 218—23; характерны более поздние упреки Н. в «гегелизме» («колычуга гегелизма»), обращение к участникам кружка Станкевича, в свою очередь разочаровавшимся в Н.; см. письма Н. к С. Т. Аксакову 1839 и 1842 (там же, с. 220), а также рец. Н. на «Новый курс философии» Э. Жерюзе (ЛПРИ, 1837, № 1)).

Н. посещает Гамбург, Гёттинген (где слушал лекцию археолога и филолога-классика К. О. Мюллера, беседовал с историком А. Гереном), Кёльн, Бонн, Франкфурт-на-Майне, Страсбург, Париж. Затем следуют Швейцария, Италия, Австрия. После путешествия по Черномор. побережью, от Одессы до Крыма, в дек. 1835 возвращается в Москву и излагает впечатления от заграничного вояжа в обширных «Видержках из дорожных воспоминаний» («Телескоп», 1836, № 1, 3, 8; см. также: «Очерки Швейцарии» — ЛПРИ, 1837, № 22—24). Вскоре в № 15 «Телескопа» (1836) появляется первое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, имевшее роковые последствия для Н. (критик был знаком с Чаадаевым еще с 1832, опубликовав в своем журн. др. его работу «Нечто из переписки с NN»; с франц., 1832): слух о «непонятной, неизъяснимой статье» «разнесся с необыкновенной быстротой по Москве» (М. (И.) Жихарев — в кн.: Рус. общество 30-х гг. XIX в., М., 1989, с. 98).

Нек-рые современники (Мурзакевич) и позднейшие исследователи были склонны считать публика-

цию Н. Чаадаевского письма случайностью (Венгеров; Лемке; отчасти: Козмин). Но заинтересованность Н. в «Философическом письме» объясняется некоторым его соответствием настроениям самого критика, сближением их историософских позиций. Хотя, в отличие от Чаадаева, Н. не рассматривал Россию как бы выпавшей из мировой истории и хотя противоположность России и Зап. Европы не толковалась им в аспекте антитезы конфессий, т. е. превосходства католицизма над православием (высокие достоинства православия были для него вне сомнения), однако обличение им рос. отсталости и нецивилизованности достигло к сер. 30-х гг. почти чаадаевской степени горького отчаяния: «Что наша жизнь, что наша общественность? Либо глубокий неподвижный сон, либо жалкая игра китайских бездушных теней» («Письма в Киев» — Надеждин, с. 392). «Ни по какой отрасли наук мы не можем представить собственно нами добытой, собственно нам принадлежащей лепты» (там же, с. 379; из «Обозрения рус. словесности за 1833 г.» — «Телескоп», 1834, № 1), т. е. получается, что подлинное историч. развитие России еще не началось (ср. у Чаадаева: «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя» — Чаадаев П. Я., Избр. соч. и письма, М., 1991, с. 27). За напечатание «Философического письма» журнал распоряжением царя (22 окт. 1836) был закрыт, Н. препровожден для допроса в Петербург в III отделение (см.: Лемке), а затем сослан в Усть-Сысольск. В янв. 1838 его перевели в Вологду, но уже в апр. он был прощен царем и, получив право жить «всюду, где пожелает», отбыл в Петербург.

После ухода с лит.-критич. журнального поприща Н. развернул науч. деятельность в самых различных областях: богословии, этнографии, лингвистике, географии, фольклористике, истории. С 1837 активно работает для «Энциклопедич. лексикона» А. Плюшара, поместив в нем статьи (ок. 100) по рос. истории, этнографии и культуре («Великая Россия» — т. 9), зап.-европ. истории и географии («Веймар», «Веймарское великое княжество», «Вестфальский мир» — т. 9, 10), эстетики («Возбуждение страстей» — т. 11) и т. д. В статьях «Об ист. трудах в России», «Об ист. истине и достоверности» (БдЧ, 1837, т. 20) Н. выступил против «мрачного скептицизма, нового раскола» (там же, ч. 1, отд. III, с. 130), т. е. против скептич. школы Каченовского.

Как автор статьи «Народная поэзия у зырян» (УЗ на 1839) Н. явился «одним из пионеров изучения

нац. фольклора народов России» (Азадовский М. К., История рус. фольклористики, т. 2, М., 1963, с. 16). Одним из первых мест в исследованиях Н. заняла филология, задачи к-рой понимались им весьма широко. Еще в 1834 в речи на заседании ОЛРС Н. наметил программу исследования языка самых разных сфер умственной и духовной деятельности: помимо худож. словесности и богослов. лит-ры еще языка юриспруденции, естественных и матем. наук, техники, воен. дела и т. д. (сообщение об этой речи см.: БЗ, 1858, № 17, стб. 543—44). Со 2-й пол. 1830-х гг. он энергично отстаивает мысль о применении филологии в качестве вспомогат. дисциплины для частной и общей истории («С чего должно начинать историю?» — ЛПРИ, 1837, № 13, 14), выступает одним из зачинателей в России историч. географии — именно с «безмерностью» геогр. пространства Н. связывал исключительность рус. истории («Опыт историч. географии рус. мира» — БдЧ, 1837, т. 22; отзыв А. И. Герцена об этой работе: «славная статья» — XXI, 207), демонстрируя конкретные образцы подобных изысканий. Так, в кн. «Геродотово Скифия, объясненная чрез сравнение с местностями» (Од., 1842; отклики: А. П. — ЖМНП, 1845, № 11; А. Студитский — «Москв.», 1846, № 1) им представлена тщательно собранная «географич. номенклатура» для пояснения фактов древней истории. Это направление было продолжено Н. в ст. «Skythien und die Skythen des Herodot...» («Зап. Одес. об-ва истории и древностей», т. 1, Од., 1844), «О местоположении древнего города Пересечена, принадлежащего народу Угличам» (там же), «Слав. надпись в Килийской церкви Св. Николая» (там же). Собственно лингвистич. штудии Н. посвящены истории рус. лит. языка в его соотношении со старославянским («Mundarten der russischen Sprache» — «Jahrbücher der Literatur», 1841, Bd 95; см.: Манн Ю., Статья Н. на нем. яз. — ИзвОЛЯ, 1969, № 4; рус. пер. фрагмента статьи с комм. П. С. Савельева см.: Савельев П., Об отличит. признаках в наречиях рус. яз. по системе Н. — ЖМНП, 1857, № 2). В 1847 Н. по предложению О. М. Бодянского избран в действит. чл. ОИДР.

Н. продолжает занятия в области этнографии, интерес к к-рой наметился еще до ссылки: чл. совета Рус. географич. об-ва, он в 1848 избран пред. Отделения этнографии РГО; ему принадлежит заслуга составления конкретной инструкции этнографич. исследований (опубл. в «Своде инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой РГО», СПб., 1852), где, в частности, чуть ли

не впервые обращено внимание на важность изучения нар. эстетики: подразумевается «степень восприимчивости изящного; нар. тип красоты, в особенности женской; любимые формы, пропорции и цвета», а также «игры..., музыка, напевы песен, вкус к зрелищам и т. д.» (там же, с. 26—27). Полученными Геогр. об-вом материалами пользовались фольклористы и собиратели (А. Н. Афанасьев, П. А. Бессонов, В. И. Даль и др.). В 1848—1851 Н. — редактор «Географич. известий», совместно с К. Д. Кавелиным — ред. 1-го тома «Этнографич. сб-ка» (1853). Он активно содействует и становлению славяноведения как науки; одна из его работ в этой области: «Письмо из Вены о сербских песнях» («Москв.», 1841, № 6) — хвалебный разбор «Собр. сербских нар. песен» — Вука Караджича. Три новых продолжит. путешествия Н. в страны Зап. Европы (в 1840—41 — с Княжевичем, в 1845—1846 и 1847—48; последние две поездки «с возложением... особых секретных поручений» — РГИА, ф.с.) завязали и упрочили его связи со мн. деятелями слав. культур: Ф. Миклошичем, Я. Колларом, Караджичем, П. Шафариком, В. Ганкой и др. Пространные науч. отчеты о первом путешествии Н. поместил в «Журн. Мин-ва нар. просв.» (1842, ч. 34, № 6) и «Зап. Одес. общества истории и древностей» (т. 1, Од., 1844); по материалам путешествий написаны статьи «Черногорцы. Из восп. путешественника» (УЗ на 1842; похвальный отзыв Гоголя: «... Черногорцы Надеждина выходят рельефнее других» — VIII, 211), «Гротта Феррата» (описание иноческой обители в окрестностях Рима; в кн.: Картины рус. живописи, СПб., 1846), «Изображение Божией матери» (там же) и др.

Принципиальное значение для становления этнографии. науки в России имел его тр. «Об этнографич. изучении народности русской» («Зап. РГО», кн. 2, СПб., 1847; отклики: ОЗ, 1847, № 10; ФВ, 1847, № 8; часть статьи перепечатана в ж. «Этногр. обозрение», 1994, № 1), где энергично поставлен вопрос о том, что «народность должно наблюдать и изучать в действительном быту народа», т. е. прежде всего во взаимодействии с индигенными факторами, обуславливающими видовое разнообразие рус. нации. Так, в «юго-западном облике народности русской, особенно в том оттенке его, который принадлежит казачеству, многое отзывается чистою Азиею, изобличает в себе происхождение кавказское или — еще далее — подальтаское» («Этногр. обзор», 1994, № 1, с. 116). К этому присоединяется влияние «цивилизаций» — «греко-византийской из-за Дуная, лати-

но-польской — из-за Вислы, немецко-варяжской — из-за моря»; «при всем этом, русский человек не перестал быть человеком русским...» (там же). Особая задача «этногр. критики», по Н., — изучение «русских вне России» (там же, с. 117), проблема, подсаженная ему путешествиями по слав. странам.

В ст. «О рус. нар. мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской» (РусБ, 1857, т. 3, 4) Н. указал на необходимость различения «мифов» и «саг»: если первые носят «бездомный» и «бездомный» характер, то последние восходят к конкр. событиям и воплощают определ. ист. переживания. Так, обращаясь к «Стиху о Голубиной книге», можно изучить «русского человека по самым верным данным, какие мы имеем в его давно минувшей старине» (там же, 4, с. 62). Интерес к рус. и слав. культуре, слав. «общности» сближал Н. с формирующимся славянофильством в рус. науч. и обществ. мысли. «Оба направления [славянофильства и западничества — Ю. М.] как будто скрывались в нем в зародыше, и оба впоследствии могли бы найти в нем точку соприкосновения» (Пы п и н, 1890, с. 263—64). Усиливается интерес Н. к рус. лит-ре и письменности древнего периода (в частности, к «Слову о полку Игореве» — «Записка о путешествии по южно-слав. странам» — ЖМНП, 1842, № 6, с. 87—106; отд. отт. — СПб., 1842), что объективно означало отход от прежнего его убеждения, будто бы Россия приобрела достоинство подлинного историзма лишь с эпохи Петра. В публикациях же (довольно редких), посвященных совр. лит-ре, Н. корректирует свои прежние негативные суждения о «Евгении Онегине» и других произв. «нашего незабвенного Пушкина» («Русская Алгамбра» — «Одес. альманах на 1839 г.», Од., 1839). Широко развернулась редакторская деятельность Н.: проживая в 1838—42 в Одессе, куда его пригласил Княжевич, он становится деятельным участником Одес. об-ва любителей истории и древностей, редактирует «Одес. альманах» (вып. 1839 и 1840, изд. Княжевич), а переселившись в 1842 в Петербург, становится редактором «Журнала Мин-ва внутр. дел» (с окт. 1842 до конца жизни; с 1845 пом. по изданию — историк В. В. Григорьев). С марта 1842 Н. на службе в Мин-ва внутр. дел (с нояб. 1843 определен чиновником особых поручений под начало Л. А. Перовского); дослужился до действит. стат. советника (1851; с 1845 — стат. сов.). По заданию Мин-ва занялся изучением раскола (пред. комиссии по делам раскольников и скопцов был И. П. Липранди); результат этой деятельнос-

ти — книга «Исследование о скопческой ереси» ([СПб.], 1845; изд. в количестве 25 экз.; перепечатано В. И. Кельсиевым в Сб-ке правительств. сведений о раскольниках, в. 3 — О скопцах, Лондон, 1862), в к-рой анализирует историю раскола (в частности, обосновывает происхождение скопч. ереси из хлыстовской) и совр. состояние скопч. секты в России. Правительство, по мнению Н., «в отношении к скопчеству действовало с излишней снисходительностью» (изд. 1845, с. 345), т. к. «скопчество ... есть язва, которую можно искоренить, но излечить нельзя» (там же, с. 384). Как знаток раскола оказал влияние на П. И. Мельникова-Печерского. Вместе с тем в демократич. и либеральных кругах участие Н. в правительств. политике преследования религ. инакомыслия вызвало отрицат. реакцию: по мнению Кельсиева, Н. запугивает «правительство политич. направлением секты», провоцируя гонения скопцов, в то время как «гонение делает их живой верой» (Сб. ... о раскольниках, в. 3, с. III, IV, V). Н. Г. Чернышевский полагал, что окончание «его жизни запятнано раскольничьими делами» (XIV, 319).

В 1846 Н. написал, также по заданию правительства, записку «О заграничных раскольниках» (впервые опубли.: Сб. правительств. сведений о раскольниках, в. 1 — О раскольниках, Лондон, 1860), в т. ч. по материалам личных наблюдений (Н. 6 мес. провел среди австр. «липован»). Описывая дом. быт, нравы, общий уклад различ. сект в Галиции, Молдавии, Валахии, Турции, Н. отмечал сохранение языка, особенностей «прародительской» Великоороссийской национальности и «неприятных чувств» к рос. правительству (там же, с. 88, 135—136). В выводах Н. совпадал с официозной т. зр. на раскольников как «опасных» для государства.

Скончался Н. от апоплексич. удара (он был тяжело болен с 1853, когда его разбил паралич), работая чуть ли не до последнего дня — переводил на рус. яз. «Земледелие» К. Риттера. Н. «изумлял» современников «общирностью и разнообразием знаний», «громадной ученостью, по которой... очень немногие могли с ним сравниться» (Срезневский, с. 14), в то же время «как в человеке... в нем не было ни малейшей сухости и педантизма» (Панаев, с. 146). По утверждению первого биографа Н., П. С. Савельева, «одних напечатанных уже сочинений его достаточно было бы для известности нескольких ученых: по разнообразности они представляются как бы трудами целого факультета» (Савельев П., Доп. к автобиографии

Н. — РВ, 1856, № 3, с. 77). Однако же в сравнении со своими феноменальными способностями и затраченным огромным трудом Н. занимает довольно скромное место в новом и новейшем лит. сознании, что объясняется целым комплексом обстоятельств. Лит.-эстетич. мысль Н. развивалась в том направлении, к-рое вело к теории реализма классич. периода; поэтому он имел значение для Белинского, Чернышевского или, скажем, Гончарова и А. А. Григорьева (в определ. период биографии последнего), но не мог служить источником творч. импульсов для символизма и др. течений конца 19 — нач. 20 вв. В сфере философии Н. тяготел к универсально-логич. системе гегелевского типа; представлена им, правда, и противоположная, интуитивистская тенденция, усилившаяся после 1836. Однако поскольку эту тенденцию гораздо сильнее выразили И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и др., к тому же соединившие ее с подробно развитой «русской идеей», то представители рус. религ. философии конца 19 — нач. 20 вв. (Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский и др.) опирались именно на эти имена, оставив Н. в тени. Двойственным оказалось положение Н. и в отношении академич. школы рус. литературоведения, возводившей свою генеалогию к Шевыреву, с к-рым Н. полемизировал именно по вопросам методологии, хотя нек-рые исследования самого Н. (особенно после 1836) в области отеч. истории и лит-ры древнего периода своим конкретным историзмом объективно были близки к указанной школе. Наконец, на репутации Н. сильно сказались его антипушкинские выступления 2-й пол. 1820-х гг., последующие же коррективы критика или не были услышаны, или не были приняты во внимание.

Др. произв.: «Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь Новорос. края» (Од., 1839), «Прогулка по Бессарабии» («Одес. альм. на 1840 г.», Од., 1839), «О важности ист. и археологич. исследований Новорос. края, преим. в отношении к истории и древностям русским» (в кн.: Торжеств. собрание Одес. об-ва истории и древностей 4 февр. 1840 г., Од., 1840), рассказ «Сила воли. Восп. путешественника» (исповедь итал. католич. монаха, современника Н.; в кн.: Сто рус. литераторов, т. 2, СПб., 1841), «Род Княжевичей» (Од., 1842), «Гиржавский монастырь в Бессарабии» (СПб., 1843), «Рус. путешественники к Св. местам» (в кн.: Картины рус. живописи, СПб., 1846).

Письма: Муратова (1); Ф. А. Голубинскому — ЗапГБЛ, в. 34, М., 1973; М. П. Погодину — там же, в. 39, 1978 (обе публ. и комм. Л. А.

Ирсетской); М. А. Максимовичу — ПЗ, 1881, № 4 (ст. С. Пономарева); РФВ, 1911, № 2 (ст. В. Данилова); А. А. Краевскому (1840) — ИзвОЯС, 1905, т. 10, кн. 4 (ст. Н. Козмина).

Изд.: Автобиография. — РВ, 1856, № 3 (вступ. заметка, доп. и прим. П. С. Савельева); Лит. критика. Эстетика, М., 1972 (вступ. ст. и комм. Ю. Манна); О сопр. направлении изданий искусств. — В кн.: Рус. эстетич. трактаты 1-й трети XIX в., т. 2, М., 1974; Промыслы человека. — В кн.: Франц. эстетика XVIII—XIX вв. и переводы поэтов пушкинской поры, М., 1989; Нар. поэзия у зырян. — В кн.: В дряблях Севера. Сыктывкар, 1983; Богатыри и витязи рус. земли..., М., 1990; М., 1992; Изображение Божией Матери. — В кн.: Философия рус. религ. иск-ва XVI—XX вв. Антология, М., 1993; Об этнографии, изучении народности русской. — «Этногр. обзор», 1994, № 1—2 (публ. и вступ. ст. Т. Д. Соловьев).

Биогр. мат-лы: Максимович М. А., Восп. о Н. — «Москв.», 1856, № 3 (вкл. письма Н.); Срезневский И. И., Восп. о Н. — «Вест. РГО», 1856, ч. 16, кн. 1; Савельев П., Участи Н. в трудах Моск. ОЛРС. — БЗ, 1858, № 17; Попов Н. Н. на службе в Моск. уни- — ЖМНП, 1880, № 1; Ростиславов Д. И., Записки. О Н. (К биографии). — РС, 1894, № 6; Чистяков В., Новые мат-лы о Н. (К биографии). — РС, 1908, № 2; Лемке (2): вкл. «Два ответа Надеждина Чаадаеву», с. 592—607; Никитенко (ук.); Барсуков (ук.); Панаев (ук.); Муртакин Н. Н., Записки. — РС, 1887, № 6, с. 661—62; № 12, с. 650—64; Полевой К. А., Записки, СПб., 1888 (ук.); Бобров Е. А., И. А. Гончаров о Н. — ИзвОЯС, 1909, т. 14, кн. 1; Аксаков К., Восп. студентства, 1832—1835. — В кн.: Рус. общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников, М., 1989 (ук.); Буслев Ф., Мои восп., М., 1897, с. 20—21, 123—24; Немшилова З. Я., Коми народ в рус. лит-ре XVIII—XIX вв., Сыктывкар, 1968, с. 21—46.

Пушкин; Белинский; Гончаров; Григорьев. Эстетика; Герцен; Достоевский (всё — ук.); Чернышевский. III. 140—64, 177—79, 185—91, 195—96 (и ук.); Попов Н., Письма к М. П. Погодину из слав. земель, М., 1879; Пынин А. Н., И. И. Надеждин. — BE, 1882, № 6; его же, История рус. этнографии, т. 1, СПб., 1890, с. 233—75; его же, Белинский. Его жизнь и переписка, СПб., [1908], с. 79—85; Трубачев С. С., Предшественник и учитель Белинского. — ИВ, 1889, № 8, 9; Волинский А., Рус. критики, СПб., 1896, с. 70—80; Венгеров С. А., Прим. к «Лит. мечтаниям». — В кн.: Белинский В. Г., ПСС, т. 1, СПб., 1900, с. 398—411, и след.; Миллюков П., Из истории рус. интеллигенции, 2-е изд., СПб., 1903, с. 188—211; его же, Гл. течения рус. ист. мысли, СПб., 1913, с. 267—68; Флинтлов М., Судьбы рус. философии, ч. 1, СПб., [1904]; Данилов В. Н. в Оксее в 1838—1842 гг. — РФВ, 1911, № 2; Козмин Н. К., Н. И. Надеждин. Жизнь и научно-лит. деятельность, 1804—1836, СПб., 1912; Трубицын (ук.); Сакулин П. Н., Рус. лит-ра, ч. 2, М., 1929 (ук.); Поляков М., Белинский в Москве, М., 1948; Осовнов С. М., Разгадка П. Ш. (По следам известного инкогнито). — «Театр», 1953, № 9; его же, К спорам о псевдониме «П. Ш.». — РЛ, 1959, № 4; его же, А. Б. В. и другие. — РЛ, 1962, № 3; его же, С. Т. Аксаков и Н. в театрально-критич. отделе «Молвы». — РЛ, 1965, № 2; его же, Кто был автором «Лит. летописи Оксеев»? — РЛ, 1966, № 1 (см. также его статьи: РЛ, 1963, № 3; 1967, № 1; 1977, № 1); Степанов П. А., Н. и В. Г. Белинский. — «Уч. зап. Кинешев. гос. ун-та», т. 22, 1956; Кийко Е. И., Надеждин. — В кн.: История рус. критики, т. 1, М.—Л., 1958; Манн Ю. В., Н. — предшественник Белинского. — ВЛ, 1962, № 6; его же, Рус. филос. эстетика. (1820—1830 гг.), М., 1969, с. 43—75, 217—23; его же, Проблема историзма в филос. критике Н. — В кн.: Возникновение рус. науки о лит-ре, М., 1975; Виноградов В. Б., Об одной миним-пушкинской энграмме на Москву. — РЛ, 1966, № 3; Черная Т. К., Лит.-критич. взгляды Н. — предшественника Белинского, М.,

1971 (авторф. дисс.); Гегель и философия в России, М., 1974, с. 52—68; Прийма Ф. Я., Н. и славяне. — В кн.: Слав. лит. связи, Л., 1968; Королева Н. В., Лапкина Г. А., История рус. театр. критики, в. 2, Л., 1976, с. 33—45 (ст. Н. В. Королевой); Ваганова Г. А., Филос. и эстетич. идеи в дисс. Н. «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтизмом». — В сб.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР, в. 3, [М., 1977]; Морозов В. Д., Очерки по истории рус. критики 2-й пол. 20—30-х гг. XIX в., Томск, 1979 (гл. 3); Борзова Л. П., Чернышевский об «идеях искусства» в эстетике Н. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Ст., иссл. и мат-лы, в. 9, Саратов, 1983; Камский З. А., Н. И. Надеждин. Очерк филос. и эстетич. взглядов. (1828—1836), М., 1984 (с перечнем тр. Н. и обширной лит-ры о нем); Кошелев В., «Вологодская история» Никодима Нащокова. — В его кн.: Вологодские давности. Лит.-краеведч. очерки. Архангельск, 1985; Махов А. Е., О языке и стиле лит.-критич. статей Н. — РР, 1985, № 2; Кириченко Е. И., Архитектурные теории XIX в. в России, М., 1986, с. 64—71; Дурновцев В. И., Россия и Запад в историко-филос. концепции Н. — В кн.: Историография проблем межкульт. отношений и нап. движений в заруб. странах, М., 1987; Попов И. В., Чернышевский и Н. — В кн.: Традиции и новаторство рус. прозы XIX в., Г., 1988; Милованова О. О., Проблема лит. жанров в статьях Н. — В кн.: Рус. лит. критика. История и теория, Саратов, 1988; Аксаков И. С., Письма к родным 1844—1849, М., 1988 (ук.); его же, Письма к родным 1849—1856, М., 1994 (оба — ЛП); Сляднева О. В., Лит.-критич. деятельность Н. в оценке Н. Г. Чернышевского. — «Вест. Ленинград. уни-та. Сер. 2. История, языковедение, лит.-ведение», 1990, в. 2; Сапог В., Обидчик России. Дело о запрещении ж. «Телеоскопа». — ВЛ, 1995, № 1—2; Рус. фольклор. 1800—1855: Fastling S., N. I. Nadezhdin und das Problem des künstlerischen Schaffens. — «Scando-Slavica», 1973, Bd 19; Idem, Between historical and normative aesthetics: N. I. Nadezhdin — a comparative study. — «Canadian-American Slavic Studies», 1980, v. 14, № 2, p. 197—219; Wilczyńska-Fiksińska M., N. Nadezhdin — krytyk A. S. Puszkina. — «Studia Rossica poznaniensis», 1979, zes. 9, s. 15—28; Mc Carthy Sh., The literary criticism of N. I. Nadezhdin, [Ithaca], 1980; Achinger G., «Teleskop» und «Molva». — In: Idem, Victor Hugo in der Literatur der Puskinität..., Köln—W., 1991; Thiergen P., Jean Paul als Quelle des frühen russischen Nihilismus — Begriffs [cap IV], N. I. Nadezhdin: «Oreus aesthetice», 1973, Bd 19; Idem, Between historical and normative aesthetics: N. I. Nadezhdin — a comparative study. — «Res Slavica», Festschrift für Hans Rohde zum 65. Geburtstag, Paderborn—Münch.—Wien—Zürich, 1994; ЛН, т. 45/46, 55, 56—58 (ук.). ✦ Некрологи, 1856: «Вест. РГО», ч. 15, кн. 6; ЖМВД, ч. 16, февр.; МВед, лит. приб., 7 июня; ОЗ, № 2. Сл. профессоров Моск. уни-та; СЛ. ОЛРС; Брокгауз; КЭС; Венгеров. Источ.: РБС; Мельер; Гранат; ЛКЗ; ФЭ; СДР; Черышкин; Рус. писатели; Муратова (1); Наволоцкая Н. И. (сост.), Библиогр. описание журнала «Телеоскоп». (1831—1836), ч. 1—2, М., 1985; Машков.

Архивы: ИРЛИ, ф. 3, 199 (в т. ч. записи лекций Н.), 265; РНБ, ф. 507; ф. 3, оп. 13, № 47 (письма С. Т. Аксакову) [справка Е. Б. Фоминой]; РГАЛИ, ф. 1387; ф. 314 (письма Н. к И. И. Срезневскому, 1841); РГБ (ф. 76/П — Ф. А. Голубинского); РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 4885 (ф. с. на 1853 г.); ф. 1661, оп. 1, д. 1297 (записки К. С. Сербиновичу об изд. ЖМНП, 1834—49 гг.); ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 489 (о запрещении в «Телеоскопе» ст. «Рус. лит-ра», 1832; «критика», относящаяся более к брани в адрес авторов романов), д. 909 (о «прекращении» ж. «Телеоскоп»), д. 1535 (о запрещении ст. Н. «Теория Черный» для 3-го т. «Рус. беседы» «по политич. соображениям», 1842 г.); ф. 1286, оп. 6, 1836 г., д. 403 (о высылке под надзор полковника Б. издатели «Телеоскопа») [справки С. И. Вареховой]. Ю. В. Манн.

НАДСОН Семён Яковлевич [14(26). 12.1862, Петербург — 19(31).1.1887, Ялта; похоронен в Петербурге на Волковом кладб.], поэт. Отец — надв. сов., из крещеной еврейской семьи, умер в 1864 в лечебнице для

душевнобольных. Чтобы прокормить двоих детей, мать (из дворян; урожд. Мамантова) работала экономкой и домашней учительницей в Киеве, в 1868 переехала к своему брату в Петербург, где Н. поступил в подготови-

тельный класс 1-й петерб. классич. г-зии. Мать Н., выйдя снова замуж (1872), вернулась с детьми в Киев, Н. перевели во 2-ю киев. классич. г-зию. После самоубийства (в припадке душевной болезни) отца семья вновь попадает в Петербург, где по настоянию дяди — И. С. Мамантова, будущего опекуна Н., он был отдан пансионером во 2-ю воен. г-зию (окончил в 1879). В 1873 мать умерла от чахотки и Н. воспитывался в семье дяди.

Лит. склонности Н. проявились рано — с 9 лет «мечтал о писательстве», «проглотил почти всю детскую литературу» — Майн Рида, Жюль Верна, Густава Эмара, знал наизусть почти все Пушкина и сам писал прозой рассказы, героем к-рых был некий благородный Ваня... Во втором классе гимназии начал писать стихами» (Автобиография — ИРЛИ, ф. 377, 1 собр., № 1952, л. 3). С первых классов г-зии начинает играть на скрипке, мечтает о музыкальной профессии. В г-зии руководит изданием рукоп. ж. «Лит. винегрет», участвует в лит. концертах, его склонности поощряются учителями и встречаются одобрение соучеников-кадетов. Во время каникул и отпускных дней вместе с двоюродными сестрой и братом и гимназия. друзьями ставит домашние спектакли. Многочисленные и часто сменяющие друг друга платонические увлечения Н. тщательно фиксируются им в дневнике, к-рый он вел с 1875; напротив, не столь целомудренные похождения кадетов описываются им с крайним отращением. В дневнике подробно развиваются и характерные для его последующей поэзии формы само-

восприятия — одиночество, уныние, острая впечатлительность, в описании к-рых проступают также и следы саморефлексии любимых лит. героев (молодого Адуева из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, лермонтовских Демона и Печорина). В особенности темы «глубокого душевного страдания», одиночества в «развратной толпе товарищей и сверстников» обостряются после смерти в 1879 от чахотки Н. М. Дешевой, сестры одноклассника Н., в к-рую были влюблены Н. и его двоюродный брат — В. И. Маманов (соперничество мальчишек способствовало и появлению записей Н. о том, что сам он «лишний в семье дяди», что «его держат» из невозможности «просто выбросить»). Памяти Дешевой посв. многочисленные стихи и все прижизненные издания Н. По рекомендации матери Дешевой, знакомой с редактором ж. «Свет» Н. П. Вагнером, в 1878 появилась первая публикация Н. — стих. «На заре» (№ 4). Вагнер и далее регулярно печатает Н. (поэма «Христианка» — 1878, № 10, и др.), затем его стихи появляются в ж. «Мысль», «Слово», «Устои», «Дело», «Рус. речь».

В 1879 — опять же по настоянию дяди — Н. поступил в юнкерское Павлов. воен. уч-ще. После тяжелого воспаления легких (результат сильной простуды на смотр) был отправлен лечиться на Кавказ; кавказ. стихи («Слово», 1881, № 1) отмечены в благодарств. отзыве журнального обозревателя «Будильника» (1881, № 10). После возвращения в Петербург в уч-ще (1880) Н. находится среди юнкеров товарищей, разделяющих его лит. склонности, затевает издание журнала, пишет многочисленные шуточные стихи, оды и поэмы из юнкерской жизни (см. восп.: А. Леман — ВИ, 1887, № 945; П. Иванов — «Сиб. наблюдатель», 1901, № 10, с. 104; ср.: Российская Кожевникова М. А., Восп. о Н., М., 1912). Через соученика Н. по уч-щу Н. А. Плещеева знакомится с его отцом — А. Н. Плещеевым (1881), при содействии к-рого стихи Н. начинают публиковаться в «Отч. записках» (1882, № 1, и др.). Плещеев ходатайствует позже о ссудах, предоставлявшихся Н. Об-вом пособия нуждающимся литераторам и ученым (в к-ром Н. состоял с 1884), но важнее всего были для Н. поддержка его стихотв. занятий, благодарственные авторитетные слушатели в лице самого Плещеева и посетителей его дома. Н. называл старшего поэта своим лит. крестным отцом. В эти годы завязываются и другие лит. связи Н. — с В. М. Гаршиным, И. И. Горбуновым-Посадовым (его восп. о дружбе с Н., к-рая «озарила своим светлым сиянием» начало молодости, см. в кн.: Сорок лет служения

людям. Сб. статей, посв. обществ.-лит. и издат. деятельности И. И. Горбунова-Посадова, М., 1925, с. 125—126), с Д. С. Мережковским, к-рый, будучи на три года моложе Н. и находясь под влиянием его поэзии, рассматривал его как лит. мэтра [см.: Мережковский Д. С., Письма к Н., НЛО, 1994, № 8 (предисл., публ. и прим. А. В. Лаврова)].

В 1882 по окончании Павлов. уч-ща Н. был произведен в поручики 148-го Каспийского пех. полка, расквартированного в Кронштадте, что давало возможность поддерживать постоянные контакты с петерб. друзьями и знакомыми (летом 1883 полк был расквартирован в Петербурге). В 1882 Н. избирают действительным чл. Пушкин. кружка. В Кронштадте он выступает на лит.-муз. вечерах, участвует в спектаклях офицерского Мор. клуба, интенсивно пишет стихи. В его критич. отзывах, опубл. в «Отч. записках», ясно проявилась лит. позиция Н.: резкой критике он подвергает поэтов «чистого иск-ва» А. А. Голенищева-Кутузова, К. К. Случевского и А. А. Фета (последние, по его словам, дописались «до геркулесовских столбов бессмыслицы» — «Лит. очерки», с. 233), напротив, комплименты получала у него поэзия И. В. Омулевского — как правдивая и жизненная. Перечисляя свои занятия этого времени, сообщая о благоприятных откликах в кронштадтской прессе на его публичные поэтич. выступления и о многочисленных поклонниках, Н. писал, что ему «живется очень весело» (письмо А. Я. Мокеевой от 20 янв. 1883 — Проза. Дневники. Письма, 2-е изд., СПб., 1913, с. 520).

Попытки Н. писать беллетристику значительно менее успешны, чем опыты лит. критики. В осн. это неоконченные наброски (собраны в его кн. «Проза. Дневники. Письма»); рассказ «К тихой пристани», пов. «Блуждающий огонек», фрагмент «В лучах света» (отрывок из ром. «Юность Сергея Полянского») и др. — не более чем пробы пера, преим. подражательные (в частности, И. С. Тургеневу).

Все нараставшее недовольство воен. карьерой, к-рая его и прежде не привлекала, и начавшийся туберкулез заставляют Н. добиваться отставки. Летом 1883 он пишет Мережковскому: «...я опять чувствую себя совершенно больным ... Милый Алекс. Ник. (Плещеев) возится со мною, как с сыном, часто заезжает, притащил своего доктора, носит мне книги, сидит со мною и мечтает о том, чтобы вырвать меня из Кронштадта, — но — увы! — Бог ведает, когда осуществятся эти „грезы“» (ПСС, т. 2, с. 486). В июле 1884 Н. был уволен в отставку и с авг. стал секретарем ре-

дакции газ. «Неделя». Обострение болезни вынуждает его обратиться в Лит. фонд за пособием для поездки на юг Европы. На средства пожертвованные А. А. Давыдовой, С. П. Девризом и выделенные фондом, в окт. 1884 Н. вместе с М. В. Ватсон (к-рая, оставив семью, с этого момента почти неотлучно находилась при Н. до самой его кончины) отправляется за границу для лечения. Н. побывал на юге Франции, в Швейцарии, Монако, Сев. Италии, Германии, перенес несколько операций фистулы на ноге. Из интересных знакомств той поры — доктор Н. А. Белоголовый и нем. литератор Ф. Боденштедт (см. подробнее: РС, 1887, № 5, с. 497—503).

Первая кн. Н. «Стихотворения» вышла в Петербурге в 1885 вопреки ожиданиям поэта («боюсь, чтобы моя книга не легла могильной плитой на всю мою лит. деятельность» — ПСС, т. 2, с. 524). Однако искренние опасения Н., до последних дней, несмотря на шумный успех, сохранявшего исключительную скромность, зафиксированную большинством мемуаристов, не оправдались: успех книги превзошел все возможные ожидания, уже в 1886 последовали два переиздания тысячным тиражом, подготовленные самим Н., четвертое и пятое изд. появились посмертно в 1887 (до 1917 сборник переиздавался в общей сложности 29 раз суммарным тиражом более 200 тыс. экз.). В 1886 Н. была присуждена за книгу половинная Пушкин. премия. Несмотря на многочисленные издания, поэзия Н. распространялась еще и в списках, строки «Не говорите мне: он умер, — он живет./ Пусть жертвенник разбит, — огонь еще пылает./ Пусть роза сорвана, — она еще цветет./ Пусть арфа сломана, — аккорд еще рыдает!..» и «Как мало прожито — как много пережито!» знала вся читающая Россия и с ними связывала представление о личности поэта.

Феномен прижизненной и посмертной популярности Н. лучше всего сформулировал О. Э. Мандельштам, сам принадлежавший к тем поэтам «серебряного века» (от В. Я. Бросова до футуристов), к-рые, пройдя через увлечение Н. в детстве, в зрелые годы не прошли его поэзии ни формального несовершенства, ни громкой декларативности гражд. пафоса, перемешанного с бесконечными «июниями» (выражение Бросова) жалобами на судьбу и жестокость окружающей жизни: «А не хотите ли клич эпохи, книгу, расклинчившуюся от прикосновений, книгу, к-рая ни за что не хотела умирать и в узком гробу 90-х годов лежала как живая, книгу, листы к-рой преждевременно пожелтели, от чтения ли, от солнца ли дачных скамеек, чья первая страница являет черты юноши с вихорчатым зачесом волос, черты, ставшие иконой? Вглядываясь в лицо вечного юноши — Насона, я изумляюсь одновременно настоящей огненностью этих черт и совершенной их невыразительностью, почти деревянной простотой. Не такова ли вся книга? Не такова ли эпоха? ... Не смеется ли насдованной — это загадка рус. культуры и в сущности непоколебимой её звук, потому что мы-то не понимаем и не слышим, как понимали и слышали они. Кто он такой — этот деревянный монах

с невыразительными чертами вечного юноши. этот вдохновенный истукан учащейся молодежи... этот пророк гимназических вечеров? (Мандельштам О., Соч., т. 2. М., 1990, с. 15—16).

В авг. 1885 Н. вернулся в Петербург, но обострение болезни вынуждает его вновь переменить климат, и с окт. он поселяется в поместье друзей в с. Носковцы (станция Жмеринка) Подольской губ. Здесь завязывается его переписка с Л. В. Фадеевой (опубл. в кн.: С. Я. Надсон и графиня Лида, П., [1921]), на письма к-рой, в отличие от писем многих других восторженных поклонниц, Н. начал отвечать. В письмах Фадеева представлялась как графиня и описывала поэту свою жизнь изысканной петерб. красавицы в высшем придворном обществе (балы, рауты, обеды), своего красавца мужа и пр. Н. писал ей в ответ о своем окружении: «...бывает у меня один скрипач, один редактор местной газеты, к-рая, однако, не выходит, и много барынь; но, увы, молодых и красивых между ними нет, за исключением княжны** и некоей ***. Зато меня окружают старушки всех возрастов, с 30-ти до 60-ти лет включительно. Барыни меня очень балуют, приносят мне варенье, а я очень рад этому, ибо варенье люблю» (указ. соч., с. 107—08). Истинная личность Фадеевой раскрылась уже после смерти Н. (подробнее см.: Иванова, 1989).

В мае—сентябре 1886 Н. живет на даче под Киевом, работает журнальным обозревателем газ. «Заря» [по-смертно его статьи из «Зари» и рецензии из «Отеч. записок» были изданы в кн. «Лит. очерки. (1882—1886)» (СПб., 1887)]. В совр. прозе он выделяет Гаршина и В. Г. Короленко, отдает предпочтение рассказам и очеркам перед монументальной прозой («Минеральные воды» А. И. Эртеля и «На улице» Д. Н. Мамина-Сибиряка, по мнению Н., велики по образу), в традициях рус. демокр. критики Н. полемизирует с авторами журнальной прозы о реальности-нереальности тех или иных поступков или слов персонажей, с одобрением выделяет «мягкую, грустную, туманную, задумчивую поэзию» в прозе Н. Н. Златовратского, достаточно строго при этом разбирая неудачи стиля. Среди объектов язвительных колкостей Н. оказались критика, проза и поэзия В. П. Буренина («Заря», 1886, 24, 27 июня, 11 июля), на что тот ответил крайне резко в своих фельетонах (НВ, 1886, 7, 21 нояб.; 1887, 16 янв.), где Н. был назван «недугующим паразитом», живущим за счет частной благотворительности. Восприняв это как личное оскорбление, Н. намеревался вызвать Буренина на дуэль (см. письма Л. Н. Толстого Буренину — LXIV, 15—19, 23—24). Тогда же С. А. Бердяев (псевд. Аспид) опубл. стихотв. памфлет

«Надсониада» (К., 1886). Резкая критика воспринималась Н. и его друзьями и поклонниками как травля, при том что и доброжелательная критика неизменно отмечала формальные несовершенства его поэзии и «холодность и самолюбие» автора (Созерцатель [Л. Е. Оболенский] — РБ, 1885, № 4, с. 191, 200; ср. также: Михайловский, с. 180). Обществ. мнение, и прежде всего круг «Отеч. записок», опираясь на мнение лечащего врача Н., полагало, что «травля» ускорила кончину Н.

В сент. 1886 после двух триумфальных выступлений на лит. вечерах в Киеве Н. отправляют на лечение в Ялту, где болезнь уже только прогрессировала. Ранняя смерть дополнительно утвердила поклонников поэта в тождестве его реального облика с маской его лирич. героя: безрадостное детство, глубочайший пессимизм, мучительное одиночество неспризнанного и отвергнутого целовеколюбца, вечное оплакивание временно ушедшей из жизни единственной истинной возлюбленной, жизненный путь, состоящий из одних лишь страданий. Эти настроения соотносились с распространенным среди современников Н. восприятием 80-х гг. как эпохи обществ. апатии, разочарованности в революционно-народнических или реформаторских устремлениях предшествующих десятилетий.

В то же время поэзия Н. и его эстетич. позиция были во многом близки к установкам последующей лит. эпохи. Оспаривая расхожее мнение о падении интереса к поэзии, он полагал, что поэзия не может делиться на «иск-во для иск-ва» и поэзию «тенденциозно-гражданскую» (см. «Заметки по теории поэзии» — в кн. «Лит. очерки»), в его совбств. стихах традиционные романтич. антиномии (суровая действительность/чарующая греза), затертые красоты и «поэтизмы» свободно соседствуют с гражд. пафосом. При этом он избирает для своих сочинений таких традиционных «антигероев», как Иуда и Герострат, не выходя, впрочем, за рамки привычных представлений об этике и морали. Духовно чуждый еврейству, Н., превозмогая эту отчужденность, готов вернуться к своим соплеменникам («Я рос тебе чужим, отверженный народ...»).

Уныние Н. — некий камертон, точка отсчета для его современников и последователей. В интерпретации Н. лозунг «хождения в народ» обретает своеобразную окраску: иду в «толпу», но не поднимаю ее на борьбу (для чего не хватает сил и знания пути к светлой цели), а страдаю вместе с ней и утешаю страждущих. Причем самое утешение звучит у Н. как плач: в знаменитом «Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат,/

Кто б ты ни был, не падай душой» отчетливо слышны «усталый, страдающий» и приглушенно — «не падай». В интонационно-мелодич. строе поэзии Н. заунывность «напева» превалирует над «бодрой» подчас семантикой, как бы перебивая конкретное значение слова.

На общем достаточно традиционном стилистич. фоне при ощутимом однообразии поэтич. языка ярко выделяются отд. нешаблонные решения, неожиданные образы, уникальная портретность: у Мефистофеля — «пьяник выпуклых бровей»; из городского пейзажа: «окованный луны холодным серебром» Петербург («Опять вокруг меня ночная тишина...»); ночной интерьер в обрамлении ночного пространства: «Дождь, непогода... В каморке темно.../ Черная ночь, словно черная птица./ Мокрыми крыльями бьется в окно./ Глухо гремят громовые раскаты...» («Тщетно пытаюсь я сном позабыться...»). Чуждый, казалось бы, формальным ухищрениям, Н. порой показывает себя искусным мастером звукописи. Так, в «Христианке» содержательно значимы слоговые созвучия в одинаковых позициях соседних строк, выстраивается специфич. звуко-смысловой ряд «свят — смерть — страд — смех». Такая «ювелирность» в стихах Н. — редкость. Метрико-строфич. репертуар его стихов в целом не оригинален, отступления от классич. силлаботоники (хотя бы в пользу дольника) единичны («Вольная птица — люди о нем говорили...»).

Ранняя кончина Н. вызвала волну безоговорочно-сочувственных отзывов, где его ставили исключительно высоко (большая часть откликов была собрана в кн. «С. Я. Надсон. Сб-к журнальных и газетных статей, посв. памяти поэта», СПб., 1887), в стихах откликнулись на его смерть Я. П. Полонский, К. М. Фофанов, Мережковский, Горбунов-Посадов и даже Бердяев (стих. «Mea culpa»). Раздавшиеся позже охлаждающие голоса: «незначительный по величине», «симпатичен, но не более» (Меньшиков, с. 189, 191), а также попытки опровергать Буренина, принижая репутацию Н. (Б. Б. Глинский: Н. «не был поэтом того высокого ранга, куда его стараются втиснуть кумовья и кумушки литературы» — ИВ, 1912, № 1, с. 258), долгое время встречали лишь обществ. раздражение.

Восторженные почитатели были у Н. и среди литераторов, поэта высоко ценили А. П. Чехов и М. Е. Салтыков-Щедрин, продолжателями его поэтической традиции считали себя Мережковский и П. Ф. Якубович (Мельшин), в качестве составителя антологич. рус. поэзии писавший о Н.: «Самый талантливый и популярный из рус. поэтов, явившихся после

смерти Некрасова... Болезненная раздвоенность, рефлексия, „нытье“ внесли, несомненно, известную долю в острую, почти лихорадочную популярность поэта в кон. 80-х гг.; но главная притягивающая сила и непреходящая прелесть его поэзии — в том, что в ней, как в зеркале, отразилась вековая красота молодости...» («Рус. Муза. Собр. лучших, оригинальных и переводных, стих. рус. поэтов XIX в.», СПб., 1904, с. 327—28).

На стихи Н. написано множество романсов, в т. ч. А. С. Аренским, Р. М. Глиэром, Ц. А. Кюи, Э. Ф. Направником, С. В. Рахманиновым, А. Г. Рубинштейном, А. А. Спендиаровым.

Изд.: Проза. Дневники. Письма, СПб., 1912 (2-е изд., СПб., 1913); ПСС, т. 1—2, П., 1917 (под ред. М. В. Ватсон); Полн. собр. стих., М.—Л., 1962 (БПБ, 2-е изд.; вступ. ст. Г. А. Бялоу); Стихотворения, М., 1987 (сост., вступ. ст. и прим. Е. В. Ивановой); Стихотворения, М., 1990 (репринт, СПб., 1898); Избранное, М., 1994 (сост., прим. Л. Пустыльник).

Лит.: Блок (ук.); Белый (3; ук.); Перцов (ук.); его же, О. Н. (1887—1912). — НВ, 1912, 28 янв.; Салтыков-Штерн, XX, 96; Чехов. Письма (ук.); Введенский А., Поэт переходного времени. — «Дело», 1886, № 5; Михайловский Н. К., Дневник читателя. Погиб поэт. — СВ, 1887, № 1; Чуйков В. В., Н. и Гаршин. — «Набл.», 1888, № 11; Арсеньев К. К., С. Я. Надсон. — В его кн.: Критич. этюды по рус. лит-ре, т. 2, СПб., 1888; Голубов К., Совр. поэты. Критич. очерки, СПб., 1889; Котляревский Н. А., Очерки новейшей рус. лит-ры. Поэзия пьеса и скорби, М., 1890; Меньшиков М. О., Критич. очерки, т. 1, СПб., 1899; его же, Поэт печальной эпохи. — НВ, 1912, 22 янв.; Гриневич (Якубович) П. Ф., Н. и его лиризм. Стихотворения. — РБ, 1900, № 9, 10; Жервэ Н., Кадетские, юнкерские и офицерские годы Н., СПб., 1907; Львов-Рогачевский В. Л., Под маской культуры. — СМ, 1912, № 2 (полемика с Б. Б. Глинским о Н. и Буренине); Бернштейн Н. Д. (сост.), Стихи стих. Н., положенных на музыку. — В кн.: Стихотворения, 26-е изд., СПб., 1912; Веселовский Ю. А., Этюды по рус. и иностр. лит-ре, т. 2, М., 1913; Неведомский М. (М. П. Миклашевский), Значители и продолжатели, П., 1919; Шулятиков В. М., Избр. лит.-критич. статьи, М.—Л., 1929, с. 54—63, 98—110; Гаршин В. М., ПСС, т. 3, Письма, М.—Л., 1934 (ук.); М. Горький о лит-ре, М., 1953, с. 529; Назарова Н. Л., Надсон. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 9, М.—Л., 1956; Тиханчева Е. П., Брюсов о Н. — В кн.: Брюсовские чтения, Ереван, 1976; Лесневский С. С., Гул забвения и славы. — В кн.: Поэзия. Альм., в. 22, М., 1978; Краснянский В. В., Поэтизм, штампы в лирике Н. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики. 1982, М., 1984; Ходасевич В., Надсон. — ВЛ, 1987, № 9; Иванова Е. В., История одной переноски (Н. и графиня Лида). — АБ, в. 25, М., 1989; Мусатов В. В., К проблеме поэтизм. генисиса Мандельштама. — В кн.: Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама, Воронеж, 1990. — Брокауз; Венгеров. Источ.; Языков; Мельер; КЛЭ; ИДРДВ; Иванов; Муратова (1).

Архивы: ИРЛИ, ф. 138; ф. 70, оп. 1, № 77 (письма, стихи Н.); ф. 123, оп. 3, № 32 (отрывки стих. Н.); ф. 402, оп. 4, № 1—113 (автографы стих., отрывки из дневника, записная книжка Н.); ф. 648, оп. 1, № 11 (записка П. Ф. Якубовича и др. о Н.); РНБ, ф. 508; РГАЛИ, ф. 354; ф. 107, оп. 1, № 18.

А. А. Илюшин, К. М. Поливанов.

НАЖИВИН Иван Фёдорович [25.8(6.9).1874, Москва — 5.4.1940, Брюссель], прозаик. Сын богатого лесоторговца Ф. М. Наживина, куп-

ца 2-й гильдии, выходца из крестьян. Мать умерла, когда Н. было 4 года; в 1882 он поступил в ср. школу, но не окончил ее. «Протерпев почти семь лет сумасшедший, безумный режим школы, я забыл весь мертвый хлам, стал учиться сам, и все, что я теперь знаю, я уже приобрел не только без помощи школы, но даже вопреки ей» («Моя исповедь» — Собр. соч., т. 5, М., 1912, с. 13—14). Н. «заявлялся отцовским делом» — торговлей лесом, но «чуть не задохнулся в деловой атмосфере, заболел нервным расстройством и бросил все» (там же, с. 14). Склонность к писательству Н. почувствовал еще на школьной скамье. Благодаря пост. материальной поддержке отца с 1892 имел возможность подолгу жить за границей, б. ч. во Франции и Швейцарии; в России он бывал наездами.

В 1890 в ж. «Природа и охота» опубли. первый рассказ Н. «Агапыч», затем в ж. «Образование», «Рус. мысль», «Рус. богатство», «Журн. для всех» периодически появляются короткие рассказы, в 1900 объединенные в сб. «Родные картинки» (М.; положит. отзыв: Н. К. Михайловский) — РБ, 1900, № 10, а также: РМ, 1900, № 11; Dixi — НВ, илл. прил., 1900, 4 окт.). В последующих сб-ках «Убогая Русь» (М., 1901), «Перед рассветом» (М., 1902), «Дешевые люди» (М., 1903; рец.: А. И. Гукровский) — РБ, 1903, № 1), «У дверей жизни» (М., 1904; рец.: РМ, 1904, № 10) Н., по мнению рецензента «Рус. мысли», предстает как «скромный и непритязательный автор, ограничивающийся небольшими темами», воплощенными «порою более („На паперти“), порою менее успешно („Из истории одной жизни“, „К счастью“ и др.)» (отд. III, с. 323). Мн. рассказы и очерки («Бабушка», «Золотой» и др.) выходили отд. книжечками «для народа» в сериях

«Б-ка для всех», «Посредник», «Донская речь».

В 1903 вышел сб. путевых впечатлений Н. о Турции, Греции и Италии «Среди могил» (М.), насыщенный ист. и мифологич. экскурсами и реминисценциями, многословными выспренними описаниями. В. Я. Брюсов сравнивал метафоры Н. с «безобразными тряпичными цветами, приколотыми к простой шляпке» («Шляпка могла бы исправно защищать от солнца, но эти искусственные цветы делают ее нестерпимой»), а рассказы Н. считал «шаблонными и наивными, написанными ленивым и серым языком» («Весы», 1904, № 7, с. 61, подпись В. Б.).

Книги и отд. произв. Н. нач. 1900-х гг. неоднократно подвергались цензурным запретам. Сб. «Дешевые люди» был запрещен к продаже за критич. отношение автора к рос. действительности («Вес в России ему кажется уродливым, диким и скверным, и само наше отечество представляется ему грязным болотом» — Доклад цензора С. И. Соколова, см.: ЦИАМ, ф. 31, оп. 3, л. 2193, л. 266 об. — 269 об.); сб. «Среди могил» предлагалось издать из обращения из-за резко отрицат. отношения автора к политич. и обществ. строю европ. стран (там же, л. 2194, л. 456—460). Подобные пост. принимались также по поводу сб. «У дверей жизни» и ряда др. произв. этого периода.

В ответе на анкету С. А. Венгерова Н. так объяснил причину того, что он стал редко печататься в периодике: «Приблизительно с 1905 г. деятельность моя в журналах и газетах почти сошла на нет: за мое резко отрицательное отношение к революции, — которая плоха потому ... что не дает да и нигде не давала никаких обязательных результатов, — меня отлучили от журнальной церкви и предали анафеме» (ИРЛИ, ф. 377, № 2512).

Определяющим для творчества Н. с нач. 900-х гг. оказалось влияние филос. воззрений Л. Н. Толстого. «Неудовлетворенный сперва средой и деятельностью революционеров, а потом и самими целями их, неудовлетворенный своей ролью революционера-протестанта с 5000 р. годового дохода, я очень задумался над Толстым... А личное общение еще более усилило огромное впечатление от его писаний, открывших... безбрежные горизонты» («Моя исповедь», с. 16). Первый визит Н. в Ясную Поляну состоялся 1 сент. 1901, особенно частые беседы с Толстым были в марте—апреле 1906, когда Н. с семьей жил 2 месяца в избушке ред. изд-ва «Посредник» И. И. Горбунова-Посадова на хуторе Овсяники в 6 верстах от Ясной Поляны, а последний раз Н. пробыл 2 дня у Толстого осенью 1910 за неделю до его ухода из дома. «Толстовские» идеи заняли гл. место во мн. произв. Н.

В сб. рассказов и очерков «В долине скорби» (М., 1907), в к-рый включена также и одноим. драма в «толстовском» духе, по мнению рецензента, «проповедник убивает ху-

дожника, рассказы читались бы с интересом, если бы не толстовские настроения автора... Нельзя простить... порчу художественных произведений тенденцией» (Е. Херсонская — «Обр.», 1908, № 3, отд. II, с. 101—102). Откровенно тенденциозен во многом автобиографичный роман «Менз... тжел... фарес...» (М., 1907), герой к-рого, разочаровавшийся в жизни и политич. борьбе недоучившийся интеллигент, объездив Европу и вернувшись в Россию, утешается толстовскими идеями всепрощения и самосовершенствования (... «главной целью автора было напугать читателя „кровавым смрадом жизни“, привлечь его тем скорее на путь совершенствования и спасения, который он указывает вместе с Толстым»). — «Videňský Denník», W., 1908, № 16; б. п.).

Роман был переведен на болг., чеш. и нем. языки. В России появились неск. откликов: ст. А. Измайлова «Толстой и его тень» (БВед, 1907, 9 окт.); рец.: Х. — «О книгах», 1907, № 12; Е. и И. Лосотыны — «Книга», 1907, № 23; Смирновский Н., Ко Христу, — «Отдых христианина», 1912, № 10. Отзыв Толстого о романе записи Д. П. Маковницким: «Л. Н. хвалил роман Наживина ... сказал, что Наживин пишет то, что сам пережил; что он знает его жизнь; он же отмены у Н. „погрешности против русского языка“» (ЛН, т. 90, кн. 2, с. 381, 384, 385, и ук.). Толстому Н. «показался умным человеком, но ужим по-сектантски, поразили слепой несправедливостью ко всему, что не сходится с его мировоззрением. О новейшей литературе слышать равнодушно не может: помилуйте, книги каких-нибудь Апуревых, Арибабашевых расходятся прекрасно, тогда как его, Наживина, произведения безнадежно залеживаются на полках» (Булгаков В., Л. Н. Толстой в последний год его жизни, М., 1989, с. 377).

В 1908 Н. составил и опублик. сб. «Голоса народов» (в. 1, М.), включивший собранные А. М. Бодянским материалы об истории духовоборов в Канаде, речь Свами Вивекананды «Бог и человек» и очерк о персидской секте бабидов: «сведения о трех разнородных вещах, только в общем смысле связанных идеализмом, наибольшую ценность представляют ... сведения о духовоборах» (М. Гершензон) — ВЕ, 1908, № 7, с. 334). О вышедшей в 1912 «Моей исповеди», к-рую Н. охарактеризовал как попытку «просто и откровенно рассказать о своей внутренней жизни» (с. 10), резко отозвался М. Горький: «В книге истерически крикливо развивается автором оригинальная мысль: „реформа общественности должна предшествовать реформа личности“; оживляя эту покойницу доказательствами от себя, Наживин с откровенностью сектанта говорит: „Долг гражданина не имеет для меня никакого значения, долг человека — задача жизни“» («Издалека» — «Совр.», 1912, № 11, с. 58). В 1913 Н. опублик. повесть «Белые голуби принцессы Риты» (М.), рец. Н. Н. Вентцеля на к-рую прямо называлась «Проповедь толстовских идей» (НВ, илл. прил., 1913, 22 июня).

В нач. 1-й мировой войны Н. жил за границей. В 1916 вернулся в Россию, недолго жил в Харькове, в окт. 1916 переехал с женой Анной Еф. (урожд. Зусман; в гражд. брак с ней вступил в 1902, обвенчался в 1908 после того, как она перешла в православие) и 4 детьми в Москву. Выпустил сб. подчеркнуто отвлеченных от реальной действительности эссе «Вечерние облака. Книга тихого раздумья» (М., 1916), предисл. к к-рой заключает словами: «Ты устала — вот тебе, милая, немножко простеньких цветов, что я набрал по краям дороги». В 1918 Н. уехал на занятый белыми Юг, примкнул к войскам Н. Н. Врангеля, сотрудничал в газетах «Жизнь» (Р.н/Д.), «Великая Россия» (Екатеринодар), «Заря России» (Р.н/Д.), «Жизнь» (Х.), «Южное слово» (Од.) и др. Три очерка, первоначально напечатанные в газетах, с изложением своих взглядов в новых условиях гражд. войны Н. опублик. отд. брошюрами «Что нужно знать солдату», «Что же нам делать?» (1919), «Война деревни с городом» (1920; все три — Р.н/Д.).

В течение пяти недель на брошюру «Что же нам делать?» появились неск. рецензий: Васильевский (Не-Буква) И., Лыса душа. — «Совр. слово», 1919, 6 (19) нояб.; Тальников Д. На повороте. — «Одес. новости», 1919, 17(30) дек.; сго же. Пересмотр идеологии. — Там же, 1919, 21 дек. (3 янв. 1920).

Революция видится Н. «как восстание масс, остро почувствовавших в борьбе за существование свое бессилие, восстание их против этого своего бессилия, и весь ход революции есть лишь яркое доказательство этого рокового бессилия и бешенства» («Записки о революции», Вена, 1921, с. 224). Позднее он обвинял в революции лично Николая II, полагая, что он «ни как царь, ни как офицер не смел подписывать в минуту опасности отречения, как не может бросить свой пост в тяжелую минуту самый обыкновенный офицер» (брошюра «Национальная слава и национальный позор», Брюссель, 1933, с. 15).

С 1920 Н. жил в эмиграции; основал в Берлине изд-во «Детинец», к-рым владел до 1923. В 1922 опублик. ряд автобиографич. повестей, написанных с непримиримых по отношению к большевизму позиций: «Перед катастрофой» (2-е изд., Мюнхен, 1922), «Среди потухших маяков. Из записок беженца» (Б., 1922) и др. В эмигрантской печати отклики на публикации Н. были довольно многочисленны и б. ч. отрицательны.

Например, на повесть «Среди потухших маяков» появились критич. статьи с такими заглавиями: «Кающийся бухгалтер» (И. Васильевский (Не-Буква) — «Накануне», Б., 1922, 4 авг.), «Разочарованная божья коровка» (В. Чернов — «Голос России», Б., 1922, 8 авг.), а из неск. газетных статей по поводу «Записок о революции» одна называлась «Белые лилии» «бывателей» (Б. Мирский — там же, 1921, 9 окт.).

Сов. критики высказывались крайне резко по поводу социально-политич. позиций Н.: «Причиной его недовольства революцией были не столько какие-нибудь важные принципиальные положения, сколько лишение его удобств, тепла, котлет — вообще сдобного в самом широком смысле слова» (Полонский В., Уходящая Русь, М., 1924, с. 64); «развивший в эмиграции большую писательскую деятельность Наживин целиком укладывается в формулу: народность и православие» (Горбов Д. У нас и за рубежом, М., 1928, с. 69).

Иден «народности и православия» Н. развивал в ист. романах «Распутин» (ч. 1—3, Лейпциг, 1923—24), «Перун. Лесной роман» (Париж, 1927), «Глаголот стяги... Исторический роман из времен князя Володимира» (Новый Сад, 1929; перизд.: М., 1995), «Кремль. Хроника XV—XVII вв.» (Новый Сад, 1931), причем Н. не избавился в этих произв. от недостатка, свойственного ему и в ранние годы творчества: В. Г. Короленко писал в 1900 о неопубл. романе Н. «В царстве всемогущих», что «это материал для небольшого очерка, искусственно растянутый до размеров целого большого романа» (см.: Короленко В. Г., Избр. письма, т. 3, М., 1936, с. 137).

Кроме упомянутых Н. написал в эмиграции более 40 романов и повестей, к-рые публиковались в разл. центрах рус. эмиграции: «Бес, творящий мечту. Роман из времен Батая» (Париж, 1929), «Во дни Пушкина. Ист. роман» (кн. 1—3, Париж, 1930), «Прорыв. Беженский роман» (Рига, 1928), «Иудей. Ист. роман из жизни Рима в I веке» (кн. 1—2, Рига, 1933), «Лилии Антиноя. Ист. роман» (Брюссель, 1933), «Милые тени» и «Над Волгой» (оба — Харбин, 1938), «Неопалимая купина. Душа Толстого» (Тяньцзинь, 1936), «Расцветший в ночи лотос. Роман из времен Моисея» (Тяньцзинь, 1935), «Софисты. Роман-хроника из жизни Греции V века до Рождества Христова» (Тяньцзинь, 1935) и мн. др.

С 1934 Н. резко изменил отношение к СССР и даже ходатайствовал о возвращении на родину, обратившись в полпредство и консульство СССР в Париже с просьбой о принятии его в сов. гражданство и с предложением передать архив в АН СССР. Вернуться на родину Н. не довелось. Его неопубл. восп. «За святым Граалем. (Мои записки)», датир. 1918, хранятся в ИРЛИ (Р. III, оп. 1, № 1526—1528).

Сохранился текст его письма И. В. Сталину от 27 апр. 1936, в к-ром он, сетуя на недоброжелат. отношение эмигрантской печати к его произв., в частности, писал: «Если Вы будете продолжать с такою же энергией свою линию, я отдам Советскому правительству все свои силы без оговорок... У вас в печати раздаются жалобы на низкий уровень современной литературы в Союзе. Увы, это справедливо. Дайте нам, старым спецам, возможность говорить дома. Мы достаточно стары и опыты, чтобы понять необходимость приспособления наших трудов к потребностям нового периода истории России» (РГАЛИ, ф. 1115, оп. 3, № 52).

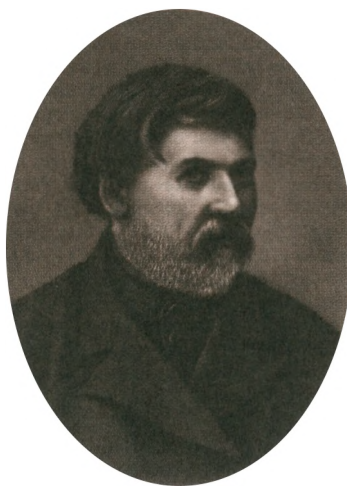
Др. произв.: «В сумасшедшем доме» (СПб., 1905), «Из жизни Л. Н. Толстого» (М., 1911), «Крестьянские дети» (в. 1—3, М., 1911—15), «Кикимора. Рассказы» (М., 1917).

Изд.: Собр. соч., т. 1—8, М., 1911—17; Собр. соч., т. 4—6, Лейпциг, 1923—24; т. 8...27, [Новый Сад — Париж, 1927—33], т. 25, 27, 29, Брюссель, 1933; т. 11...49, Танызин—Харбин, 1935—38; Собр. соч., т. 1—3, М., 1995.

Лит.: Иванов К., Певец опрошения. — «Голос жизни», 1905, № 5, с. 45—50; Васильевский И. М., Ушибленный Толстым. — ЖЖ, 1915, № 21, с. 7—9; Штейн С., Один из мыслителей дум. — «Посл. известия», Т., 1926, № 178—79; Айхенвальд Ю., Фатум. — «Сегодня», 1926, № 29; Кудесни В. Н. в Бельгии. — «Рос. лит.-вед. журнал», 1994, № 4; Handbook of Russian literature, New Haven—L., 1985. + КЛЭ: Муратова (2. ук.); Фостер; Писатели рус. зарубежья, ч. 2, М., 1994; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1115; ИРЛИ, ф. 377; ф. 123; ф. 181; ф. 185; ф. 264; ф. 266 (справка Е. Б. Фоминой); ЦИАМ, ф. 31; ф. 46 (справка В. В. Александровой). С. Г. Палкина.

НАЗАРОВ Егор Иванович [1848 или 1849, г. Елец Орлов. губ. — 20.10(2.11).1900, там же], поэт-самочка. Из обедневшей ветви купеч. рода. Грамоте выучился самостоятельно в 8 лет. Жил в нужде и лишениях, сохранив при этом светлое воспоминание о детстве («Давно то время миновало, / Но детство милое живет»;

Пора, где сердце не страдало, / Во мне до гроба не умрет»). Рано был отдан в мучную лавку; потом работал подносчиком в кабаке, служил на табач. ф-ке, был приказчиком, служил в земстве и на бирже. В сер. 1870-х гг. занимался хлебной торговлей; разорившись, поступил писарем в Елец. гор. мешан. управу.

В 1872 опубли. в сб-ке писателей-самочек «Рассвет» (в. 1, М.) первое стих. «Бедность, бедность, нищета...». Стихи и рассказы Н. появлялись с тех пор в «Орлов. вестнике», «Рус. курьере», «Сыне отечества», «Гражданине», «Новостях дня», «Родине», в сб-ках «Родные звуки» (в. 2, М., 1891), «Звезды» (М., 1891), «Сб. повестей, рассказов и стихотво-

творений. (Помощь голодающим)» (Елец, 1892; сост. Н.; здесь опубли. 8 его стих. и рассказ «Вазай, или Шел в рай, а попал в пропасть»), «Рус. поэты о Пушкине» (М., 1899), «Сб. рус. поэтов и поэтесс» (СПб., 1901) и др. Входил в кружок поэтов-суриковцев.

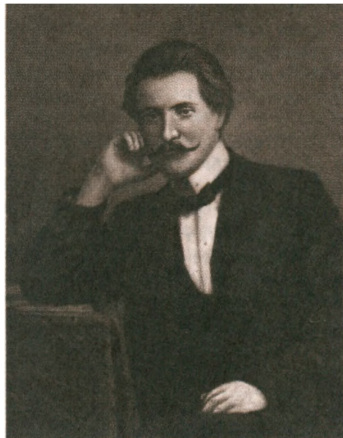
В 1880-е гг. Н. познакомился «в базарном трактире» Ельца с И. А. Бунинным (послужил прототипом Кузьмы Красова в пов. «Деревня» и Балавина в «Жизни Арсеньева», где Бунин цитирует стихи Н.). Бунин откликнулся на сб. Н. «Собр. стих.» (М., 1888) ст. «Поэт-самочка. По поводу стих. Е. И. Назарова» («Родина», 1888, № 24), в к-рой писал: «... несмотря на многие серьезные недостатки его произведений, в них встречаешь искренние чувства, довольно отделанную форму стиха и задатки таланта, к-рый, при иных обстоятельствах, мог бы вполне развиться...» (ЛН, т. 84, кн. 1, с. 291; в статье излагается биография Н., широко цитируются его стихи). Лучшими Бунин признал стихи «Памяти Надсона», «Встреча Нового года», «Море житейское». Поэзия Н. исполнена жалоб на тяжелую жизнь («Рад бы запеть я песню веселую, / Сердце потешить, грусть одолеть, / Нет, все про горе и долю суровую / Как-то невольно приходится петь!»), и вместе с тем нравств. достоинства. Рецензент газ. «День» К. Говоров («П. Медведский» высмеял сб-к Н. в ст. «Лилипуты поэзии» (1889, 20 сент.). Н. принадлежат также публикации документов и статьи по истории Ельца и Орлов. епархии в «Трудах Орлов. уч. арх. комиссии» (1893—99).

Изд.: Собр. стих., Елец, 1889; [Стихи]. — В кн.: И. З. Суриков и поэты-суриковцы, М.—Л., 1966 (БПбс, 2-е изд.; есть биогр. справка).

Лит.: Белоусов (2. ук.); Назаров И. А., Встречи и письма, Владимир, 1957, с. 49—50; Шавелева Г. М., Назаров Е. И. — В кн.: Писатели Орлов. края.

Архивы: ИРЛИ, ф. 586, № 369 (автобиография Н.). А. К. Бабореко.

НАЗАРОВ Иван Абрамович [26.1(7.2).1878, г. Суздаль Владимир. губ. — 25.1.1962, там же], поэт-самочка, библиограф. Род. в мешанской семье; мать занималась поденной работой. В 1885 умер отец. Н. не получил даже начального образования (в 1887 поступил в Суздальское приходское уч-ще, но проучился там только 3 года). С 12 лет «пошел... мыкаться по городам ... был переплетчиком, разносчиком книг, кровельщиком, дворником, землекопом, приказчиком в бакалейной лавке, писал вывески и декорации» (см. в кн.: «Встречи и письма», Владимир, 1957, с. 5). Был он и послушником в монастыре (сначала в суздальском Спасо-Евфимиевском, затем перешел в Васильевский. — См.: ИРЛИ, ф. 586, № 144, л. 7 об.). В 1895 по-

ступил на бумагопрядильную и ткацкую фабрику т-ва «А. Каретниковой с сыновьями» в с. Тейкове Шуйского у. Владимир. губ. Принимал участие в известной тейковской забастовке 1895 (во время к-рой рабочие убили директора фабрики), описал ее в поэме «Ткачи» (не опубли.). Упорно занимался самообразованием.

Стихи писал с 14 лет. Первое опубли. стих. — «Певцу», посв. М. Л. Леонову («Нар. благо», 1899, № 50). Позже стихи Н. печатались в ж-лах «Воскресенье», «Муравей», «Кормчий» и др., в газ. «Иваново-Вознесенская жизнь», «Ивановский листок», «Рус. листок» и др.; с 1902 корр. «Владимир. газеты», с 1903 (после увольнения с Тейковской фабрики за рев. агитацию) — пом. зав. отделением конторы этой газ. в Иваново-Вознесенске. В том же году в связи с закрытием «Владимир. газет» переселился на пост. жительство в Суздаль, где служил письмоводителем в духовном уч-ще, затем — писцом у судебного следователя по Суздальскому у. Находился под негласным наблюдением полиции*.

В 1908 вышел сб. стихов и рассказов Н. «Жизнь и песни» (Суздаль). Безыскусные, простые по форме, непосредственно обращенные к чувствам и заботам товарищей-рабочих, стихи Н. пользовались популярностью в их среде, нек-рые из них пелись как песни. В канун первой рус. революции Н. писал о рабочей доле: «От гнева сердце бьется, / Туманятся глаза... / Когда, когда начнется / Рабочая гроза?».

В 1910 организовал в Суздале первый провинциальный кружок писателей из народа (ок. 100 членов) по типу Суриковского кружка в Москве. Кружковцы выпустили сб-ки «Родная лира» (Суздаль, 1910), «На пути к свету» (Суздаль, 1911) и четыре ежегодных альб. «Пробуждение» (кн. 1, Суздаль, 1912; кн. 2, В., 1913; кн. 3—4, Вязники, 1914—1915). Н.,

по существу, один занимался издат. делами: правил рукописи, держал корректуру, вел переписку с типографиями. В альм. участвовали С. Д. Дрожжин, Е. Е. Нечаев, П. С. Сафонов, сам Н. и др.

В 1916 Н. был призван в армию и выехал в Орёл. Лит. работа и переписка с писателями временно прекратились. Вернулся из армии в Суздаль в 1917. Окт. революцию встретил радостно. В 1918—19 был ред. местной газ. «Голос правды».

Деятельность ред.-издателя сб-ков произв. писателей из народа позволила Н. завязать связи с мн. талантливыми людьми во всех краях России. Более 35 лет он отдал начатой в кон. 90-х гг. 19 в. работе над биобиблиографич. словарем писателей из народа; в 1929 послал первый вариант словаря на отзыв М. Горькому, к-рый ответил: «Словарь Ваш я считаю книгой полезной, но она нуждается в хорошем предисловии» (Горький, ХХХ, 155). В 1930 Н. заключил договор на изд. словаря с изд-вом «Федерация», но книга так и не вышла в свет. Н. продолжал пополнять словарь, в рукописи к-рого оказалось более 750 статей — биобиблиогр. справок разл. степени подробности и объема. Эта работа была высоко оценена И. Н. Розановым, С. Д. Балухатым, И. Ф. Масановым; последний писал Н.: «Как был бы я рад, если бы Вам действительно удалось издать Ваш ценный словарь ... появление к-рого порадовало бы всех тех, кто любит рус. лит-ру и ценит рус. библиографию» (цит. по вышешуказ. кн. Н. «Встречи и письма», с. 9—10). Машинописные копии так и не опубли. словаря находятся в фонде Н. в ИМЛИ, а также в б-ке РГАЛИ. В изданные в сов. время сб-ки Н. «Стихи и песни» (Владимир, 1951), «Избранное» (Владимир, 1953) вошли в осн. дорев. стихи.

Изд.: «За станком. Стихи и песни», Иваново, 1939; [Стихи]. — В кн.: Заволокин П. Я. Совр. рабоч.-крест. поэты в образах и автобиографиях. Иваново-Вознесенск, 1925; Дм. Семёновский и поэты его круга, Л., 1989 (БПбс; 3-с изд.).

Лит.: Тарасенков А., Судьба рабочего поэта. — ИМ, 1951, № 9; Остров Е. Наш старый современник. — В его кн.: Ветка Лауры, Владимир, 1960; Лидин В., Жесткий профиль. — ЛГ, 1956, 22 мая; Савинова Р. Ф., Автографы с архивной полки, Я., 1987, с. 73—80; Куприяновский П. В., Соприсосновения. Лит.-красоведч. очерки и размышления, Я., 1988, с. 15—16; Лит. архив, СПб., 1994, с. 77—78. + Некролог: «Призыв», Владимир, 1962, 28 янв.; Альб. и сб-ки (1, 2); Тарасенков: Муромов (1, 2); Мацуев: Писатели земли Ивановской, Я., 1988; Масанов (не указан псевд. Назаров-Ленинский).

Архивы: ИРЛИ, ф. 586; ф. 377; ф. 193; ф. 385; ф. 101; Р. 1, оп. 19, № 74 (справка Н. А. Прозоровой); ИМЛИ, ф. 19; РГАЛИ, ф. 66, № 1782 (40 инсов И. А. Белозузову, 1913—29); ф. 341, № 1153 (автобиограф. Н.); ф. 499, № 433 (письма Н. Д. Телешову и автобиограф.); ф. 1068, № 200 (письма П. Я. Заволокину и 9 рукописей стих.); ф. 1883, № 2056 (письма Г. Д. Десуев-Хомиковскому, 1914—46); ф. 1624, № 346 (автобиограф., стихи и фото Н.); ГА Иванов. обл.,

ф. 405, оп. 1, № 6, л. 42; ф. 2875, оп. 1, № 281; оп. 3, № 416 (письма Д. Н. Семёновскому и рукоп. стих.); ф. 287, оп. 1, № 491, 560 (письма А. Н. Благому) [справка Л. Н. Лисицкой]; ГА Владимир. обл., ф. 410* (письма Л. С. Богданову) [справка Г. Д. Овчинникова].

С. Г. Полякова.

НАЗАРЬЕВ Валериан Никанорович [12(24).3.1829, дер. Аникеевка Карсун. у. Симбирской губ. — 27.2(12.3).1902, Симбирск], прозаик-очеркист. Из древнего обедневшего дворян. рода, сын потомств. военн. го. Получил образование в частном казан. пансионе А. С. Топорнина (1838—42), где общался с обуча-

вавшимся в это же время А. М. Бутлеровым. Окончив юридич. ф-т Казан. ун-та (1848), поступил в 1849 унтер-офицером в Драгун. е.и.в. наследника цесаревича полк; занимался живописью. Служил также в Рижском (с 1851), лейб-кирасир. Псковском (с 1853, поручик), 14-м гусарском Литовском (с 1854) полках. Участвовал в Венгерском походе (1849), Крымской войне 1853—56 (аттестат о службе — РГИА). После публикации в «Современнике» первого произв. — нравоописат. повести обличит. характера «Бакенбарды. Очерки полковой жизни» (1858, № 10) — «уволен в бессрочный отпуск» (окт. 1858; формальная отставка — в 1863 в чине штаб-ротмистра). Как вспоминал Н., повесть была благосклонно отмечена Н. А. Некрасовым (РГАЛИ, ф. 353, оп. 1, № 2, л. 106). По его приглашению Н. приехал в Петербург, где познакомился с осн. сотрудниками «Современника» и «Рус. слова»; впоследствии поддерживал друж. отношения с П. В. Анненковым, а также с С. С. Дудышкиным, М. Н. Островским (гос. деятелем, братом А. Н. Островского) и др. В Петербурге готовился к поступлению в Акад. художеств, однако болезнь отца заставила его в нач. 1859 вернуться на родину. Жил в с. Михайловке Сенгилеев. у., а с 1865 — на хуторе близ с. Ново-Никулино Симбирского у. В 1859 женился на

А. А. Патрикеевой, вскоре умершей, в 1868 женился второй раз (см. К. В. Назарьева). Увлеченно занимался пед. делом, для изучения к-рого ездил в Петербург, вступил в переписку с педагогом Н. А. Корфом. Основал на собств. средства школу в Ново-Никулине, к-рая со временем, по оценке И. Н. Ульянова (лично знавшего Н.), стала занимать «по справедливости ... первое место между школами Симбирского уезда» (см.: Макаев, с. 112). Поддерживал начинания педагога И. Я. Яковлева, принимал участие в судьбе местных лит. и обществ. деятелей, в частности В. И. Манёнова. Гласный уездного земства и член Симбирского уездного училищного совета (1869—83, 1890—1902), мировой судья (1865—1881), позднее — почетный мировой судья (с 1890), пред. основанного им в 1865 Новоникулинского ссудо-сберегат. т-ва (просуществовало до 1878). Участвовал в работе Симбирской губ. ученой комиссии, С.-Петербург. к-та грамотности и др. просветит. орг-ций.

Начиная с 60-х гг. статьи и очерки Н. печатались как в местных, в осн. поволжских («Симбир. губ. вед.», «Симбир. земская газ.», «Самар. газ.», «Волжский вест.», «Симбир. ж. «Гор. и сел. учитель» и др.), так и столич. изданиях. Гл. место в его творчестве занимают очерковые циклы, публиковавшиеся в «Отеч. зап.», — «Очерки с натуры» (1862, № 10; 1863, № 1, 2, 5, 10, 11; 1864, № 2, 12), «Наша сельская жизнь» (1865, № 3, 4, 7; 1866, № 1, 2, 12; 1867, № 2), и «Вест. Европы»: «Современная глушь» (1872, № 2, 3; 1876, № 3, 5; 1879, № 5), «История одной волости» (1884, № 5, 6), «Новейшая история одной волости» (1886, № 1). В них, а также в очерках «На новую линию» (ИВ, 1900, № 1, 2) изображаются отмена крепостного права и реакция крестьян на Манифест 19 февр. 1861, открытие земских учреждений, деятельность мировых посредников и мировых судей, местной полиции, сел. духовенства, положение крестьян (в т. ч. в голодные 1882 и 1891—92 гг.), развитие нар. образования в Симбирской губ. Очерки, вобравшие разнообразный фактич. материал, этногр. наблюдения, отмечены тщательностью исследования (так, в «Истории одной волости» прослеживаются события, происходившие в волости в течение более чем 20 лет), выверенностью изложения, облеченных в беллетризованную форму. Отвечавшие задачам, к-рые ставились в пореформ. эпоху перед «местной» очерковой и публиц. лит-рой, — пробуждения «умств. жизни» в провинции, скрупулезного ист. и статистич. изучения разных областей России с целью формирования основы для по-

следующих социально-экономич. обобщений (ср. теоретич. выступления А. С. Гауско, К. В. Лаврско-го и др.) — работы Н. встречали заинтересованные отклики. По поводу «Совр. глуши», лучшего из циклов, с похвалой отзывались И. С. Тургенев (Письма, IX, с. 228; XII, кн. 2, с. 196) и Анненков, отмечавший, в частности, что «живописная статистика и этнография» Н. «дает понятие об условиях провинц. образования более яркое, чем всевозможные трактаты» (см.: Стасюлевич, III, 316). Положительными были краткий отклик ж. «Дело» (1872, № 12, с. 94) и две заметки в газ. «Новое время» (1872, 7, 28 марта).

Второе по важности место в творчестве Н. занимают циклы очерков-восп. «Жизнь и люди былого времени» (ИБ, 1890, № 11, 12) — о преподавателях и студентах Казан. ун-та, в т. ч. студенте Л. Н. Толстом (см. в кн.: Толстой в восп.), Бутлерове и др., «Из симбирской старины» («Волж. вест.», 1891, 26, 30 окт., 2, 3 нояб.), «За Австрию и против нее» (РС, 1894, № 8). В очерках «Из весенних воспоминаний...» («Городской и сельский учитель», Симбирск, 1894, № 3—4; отклик А. И. Ульяновой — «Симб. губ. вед.», 1894, 15 окт.) и «Вешние всходы» (ВЕ, 1898, № 4; отзыв — РМ, 1898, № 5, с. 217—18) показано пробуждение интереса к нар. образованию в кон. 60-х — 70-е гг. 19 в. («весна» в школьном деле), отношение земства к начинаниям в этой области, деятельность и черты характера Ульянова, писателя Н. А. Благовещенского, др. интеллигентов-просветителей.

Судьбам интеллигенции, ее борьбе за образование народа посв. повести Н., также во многом близкие очеркам: «Мученик захолустья» (ВЕ, 1880, № 3; отзыв — «Мысль», СПб., 1880, № 5, с. 83—86), «Последние могики» («Волж. вест.», 1890, 16...28 янв.), «В своем краю» (ИБ, 1902, № 11, 12). Н. выступал и как драматург. Пьеса «Метель» (ОЗ, 1867, № 11) обличала бесплодность прекраснотворения помещиков, толкающих о «нашем времени, когда...», о помощи «меньшой братии»; в 1894 запрещена к постановке как оскорбляющая дворянство. Осуждением либер. фразерства проникнута и комедия «Золотые сердца» (рукоп. — СПб ГТБ), постановка к-рой (Малый т-р, 1882) вызвала единодушно отрицат. отклики: отмечались композиц. несовершенство, слабость любовной интриги и т. п. (рец. 1882: «Совр. изв.», 13 нояб.; МВед, 15 нояб.; НВ, 13 и 20 нояб.; РВед, 16 нояб.; «Голос», 16 нояб.); более успешной стала постановка пьесы (в переработ. виде) на провинц. сцене — в симбир. частном т-ре Булычева в 1883 (РГАЛИ, ф. 353, оп. 1, д. 2, л. 96).

Др. произв. Повести: «Инсепарабли» (БЧ, 1863, № 10); «У себя и на чужбине» (ОЗ, 1865, № 2, 11, 12); рассказ «Провинциальные типы нашего времени» (ОЗ, 1870, № 6); очерк «На Погибелном Кавказе» («Волж. вест.», Симб., 1879, № 2...17); брошюра «Очерк 33-х школ Симб. у. За 1876/77 уч. год» (Симбирск, 1877); стих. «Навсегда» [«Наблюдатель», 1898, № 6; посв. третьей жене Н. — Гертруде Карл. (1853—1933)].

Изд.: [Восп.] — В кн.: Толстой в восп.: И. Н. Ульянов в восп. современников, Саратов, 1968; А. М. Бутлеров, М., 1978, с. 22—24.

Лит.: Толстой (ук.): Пыпин А. Н., История рус. этнографии, т. 1, СПб., 1890, с. 44; Максим А. Очерки Н. об И. Н. Ульянове. — «Изв. науч. совета Ульяновского обл. архивного отдела», в. 2, Ульяновск, 1961; Селиванов К. А., Лит. места Ульяновской обл., Саратов, 1969, с. 143—47; Ивашкин А. И., Нст прекрасн. назначения... Документ. повествование об И. Н. Ульянове, М., 1976, с. 14—15, 44, 51, 70—71, 80 и др.; Авдонин А. М., Встречи с Л. Н. Толстым. — «Ульяновский комсомолец», 1976, 5 нояб.; его же, Публицист нар. школы. — РЛ, 1980, № 3; его же, В. Н. Назарьев. Страницы жизни, Ульяновск, 1993; Трофимов Ж. А., Ульяновы, Саратов, 1978 (ук.: то же, Саратов, 1988, с. 4...189); Авдонин А. М., Краснов Н. Г., В. Н. Назарьев и просвещение чувашей. — «Дружба» (Чебоксары), 1983, № 2; Мостовская Н. Н., И. С. Тургенев и рус. журналистика 70-х гг. 19 в., Л., 1983, с. 170—174. + Некрологи, 1902: ИВ, № 4; НВ, 7 марта; «Новости», 5 марта. Южаков; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Мезьер; Муратова (1, ук.); ИДРДВ; Масанов (ошибочно указан год рождения).

Архивы: ИРЛИ, ф. 441: ф. 273, оп. 2, № 20 (автобиогр.); РГАЛИ, ф. 353 (в т. ч. мемуары «История моего несчастья»); РГИА, ф. 1341, оп. 129, л. 1234 (копия аттестата о службе, 1872 г.); ф. 1343; ф. 91, оп. 3, д. 838: ф. 577, оп. 36, д. 362, 668 (биогр. сведения); ф. 497, оп. 4, д. 3300: ф. 776 (ценз. мат-лы) [справка Л. М. Сосекиной]; РНБ, ф. 118, № 59 (словарь П. В. Быкова; библиогр. сведения).

А. М. Авдонин.

НАЗАРЬЕВА Капитолина Валериановна [урожд. Манкошева; 6(18).10.1847, Петербург — 13(26).12.1900, там же; похоронена на Волковом кладб.], прозаик, драматург, публицистка. Из старинного дворян. рода. Отец — капитан, помещик Лужского у. Петерб. губ. Получила дом. образование. По др. сведениям, Н. — малообразованная дочь мелкого чиновника [см.: Авдонин А., Краснов Н., В. Н. Назарьев и просвещение чувашей. — «Дружба» (Чебоксары), 1983, № 2, с. 266]. В 1867 держала экзамен на звание дом. учительницы в Петерб. ун-те. Давала частные уроки, открыла свою школу, преподавала в воскресных школах. В 1868 вышла замуж за В. Н. Назарьева, к-рому она во многом обязана своим образованием; в 1874 брак был расторгнут из-за прелюбодеяния Н. В дальнейшем она вынуждена была содержать четырех (внебрачных) детей на лит. заработки: переводы и компиляции, ред. работа в петерб. изд-вах (И. М. Хана и др.).

Лит. дебют Н. — пов. «Специалист (Страница из жен. жизни)» (ВЕ, 1879, № 1, подпись К. Никулина), рисующая скандальные перипетии

бракоразводного процесса. Вспомин. первый опыт Н., обнаруживший ее тяготение к злободневным проблемам семьи и брака, к протокольной очерковости стиля, П. В. Быков оценил его как «вещь художественную и

талантливую» (БВед, 1900, 15 дек.).

В 80-е гг. Н. сотрудничала как фельетонист в ж-лах «Осколки» (1881—83), «Отголоски» (1881), «Дело» (1883, 1886), «Наблюдатель» (1883—95), «Всемир. иллюстрация» (1883—85), «Илл. мир» (1884), «Модный свет» (1884—87) и др., подписываясь псевд. Л. Ошво, Вера Зан, К. Елизаров, Альберт, Н. Калина, Энель (см. также: Масанов). Подробнее о вступлении Н. в лит.-ру см. «Первые шаги. Из восп. писательницы (1872—1892)». «Вестник всемирной истории», 1900, № 9; подпись К. В. Н.; эти восп. атрибутированы ей в некрологе: БВед, 1900, 15 дек.). Исключительно плодотворная, с широким диапазоном тем, Н. пробует себя в самых разных жанрах — от подписки к рисункам и гор. хроники до фельетона и святочного сказа.

Романы и повести Н. «Кривой дорогой» («Гражданин», 1883, лит. прил., № 7—10), «В котлах нищеты» (СПб., 1884), «Из огня, да в полымя» (СПб., 1884), «Тревожное счастье» («Набл.», 1884, № 2—4), «Скорбный путь» (СПб., 1885) отмечены типичными для «дамской» лит.-ру шаблонностью описаний, отсутствием психологизма. Однако среди писательниц-современниц (М. В. Крестовская, О. А. Шапир) Н. выделялась ориг. темой, проблематикой, мастерством рассказчицы. Используя опыт своей пятилетней службы в «Судебном вестнике» (70-е гг.), она вслед за А. А. Шкляревским избирает материалом для романов сенсационные криминальные сюжеты, часто имевшие под собой реальные происшествия, легко угадываемые читателями (напр., про-

цесс Имшенецкого в ром. «Скорбный путь»; см. речь Н. П. Карабчевского на этом процессе в кн.: Судебные речи известных рус. юристов, М., 1958, с. 358—77). Прем. внимание Н. уделяет созданию увлекательной детективной фавулы, способной заинтересовать читателя «совершенно независимо от индивидуальных особенностей, к-рыми обладают действующие лица» (Чуйко о В., Совр. женщины-писательницы. — «Набл.», 1889, № 4, с. 41). Критика, в осн. благосклонная к Н., находила в ее книгах «беллетристич. талант» («Новь», 1884, № 3, с. 187), «хороший лит. язык», «обществ. значение» (РМ, 1886, № 2, с. 73, 76), «неожиданные перипетии и сильные ощущения» («Набл.», 1884, № 11, 2 паг., с. 59), умение «пользоваться всякой подробностью» (Чуйко, с. 44). Наиб. интерес среди первых романов вызвал «Скорбный путь», в к-ром Н. пытается раскрыть внутренние причины распада семьи, а также выводит новый (для себя) тип героини (отразивший шестидесятнические симпатии писательницы) — «передовую» девушку, предпочитающую долг чувству, чтение и труд — мелочным интересам окружающей ее обывательской среды. Роман получил разноречивые отклики: от саркастических (СВ, 1886, № 3, с. 178) до вполне положительных (РМ, 1886, № 2; см. также: Ф. Змиев — «Новь», 1886, № 5, с. 105; там же, № 6, с. 335).

Став «истинной беллетристической дел мастерицей» (НВ, 1894, 6 апр.), Н. использует традиционные худож. приемы в драматургии, переносит на сцену собств. романские сюжеты (напр., драма «Тревожное счастье», СПб., 1889; пост. т-р Е. Н. Горевой, 1889, — из одноименного романа) или создавая оригинальные (первая ее пьеса — «Два полюса», СПб., 1889; пост. т-р Горевой, 1889). Драматич. произв., унаследовавшие и достоинства, и худож. промахи ее прозы, были сценичны, остро сюжетны и успешно ставились в т-ре Корша, в частном петерб. т-ре, игравшем в зале А. И. Павловой, и др. В кн. избр. пьес Н. «Драмы и комедии» (СПб., 1895) анонимный рецензент видел положит. момент в освещении «новых уголков жизни», отмечая вместе с тем присущие автору психологический схематизм и «элементарность красок» (НВ, 1894, 6 апр.; см. также: «Новости и бирж. газ.», 1895, 8 марта).

Постоянно материально стесненная, Н. неутомимо трудится, создавая себе лит. имя (более 50 романов за 20 лет — в прил. к «Свету», «Лучу», «Роднине»). Сочетание остроты сюжета и мелодраматизма, неизменно популярности, но живых и хорошо знакомых читателю совр. типов создавало популярность произв. Н., чутко откликавшейся на запросы публики. В кон. 80-х — нач. 90-х гг. она была на вершине своего успеха, ее драмы ставились на сцене, ее бульварные романы... расходились в тысячах экземпляров в

провинции. Это ее и поубило: усталая, добрая и отзывчивая, она вдруг сделалась надменной, начала нелестно «важничать» (Дмитриева В. И., Так было, М.—Л., 1930, с. 274). Среди ее знакомых — К. М. Фохаров, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Н. А. Лейкин, А. П. Чехов. Однако признанные авторитеты свысока смотрели на популярную «многописательницу» (Дорошевич, с. 65): ими ее связывало с представлением о коммерческой лит. подделщике (см.: Чехов. Письма, V, 32; ЛН, т. 68, с. 346). Н. — писательница слабая, наполовину черпающая свои сюжеты не из жизни, а из иностр. романов и повестей» (Лейкин — см. в кн.: Чехов. Письма, VI, 525). Чехов, разделявший такое мнение, борется тем не менее пересылать книги Н. в Таганрог: публик. б-ку, чем приобретает пыльную признательность писательницы.

Лучшее произв. Н. — ром. «Дорогой ценой» (СПб., 1898; был переведен на нем. яз.), в центре повествования к-рого душевная драма героини, женщины-врача, выбирающей между личным счастьем и независимостью, завоеванной ценой великих усилий и жертв. Поднимая вопрос о свободе и семейном долге женщины, автор сводит роман к радикально феминистским выводам. Однако для персонажей, внутренний мир к-рых изображен очень убедительно, проблема остается болезненной и открытой. Критика в целом сочувственно отнеслась к этому произв. (А. М. Скабичевский — СО, 1898, 24 апр.; «Новости и бирж. газ.», 1898, 5 мая; «Новь», 1898, № 9), находя в нем положит. влияние публицистики Н. (Б. Глинский — ИВ, 1898, № 9).

Газ. публицистика становится гл. делом Н. с сер. 90-х гг. С 1896 и до конца жизни под псевд. Н. Левин она практически ежедневно помещает в газ. «Сын отечества», «Бирж. вед.», «Сев. курьер» (а также периодические — в «Приднепров. крае», «Новостях дня» и др.) небольшие статьи, привлекавшие обществ. внимание к конкретным проблемам рос. действительности (социальная адаптация «людей дна», нужды провинции, потребности полиграфистов и женщин-врачей).

Др. произв.: «Чужая вина» (СПб., 1888), «Развенчанная королева» (СПб., 1890), «Над пропастью» (СПб., 1889, 1890), «В тисках. Опасные люди. Две правды» (СПб., 1889), «Брак, каких мало» (СПб., 1890), «Чертовое гнездо» (СПб., 1890), «Порыв». Эскизы и очерки (СПб., 1891, 1898), «Со злости» (М., 1896), «Мелочи жизни» (сб-к рассказов) (СПб., 1898), «Личное счастье» («Родина», 1901, № 1), «Потомки титанов» (СПб., 1902), «Наш садик». Рассказы для детей (СПб., 1906), критич. статьи («Лит. вечера „Нового мира“», 1899, № 1, 3, 12; 1900, № 1—5, 8, 11).

Лит.: Достоевский (ук.); Чехов. Письма (ук.); Мартынов П. К., Цвет нашей интеллигенции, СПб., 1891, с. 189; «Театр. мирок», 1892, № 13, с. 1; А. Б. (Гданович). Критич. заметки. — МБ, 1901, № 1, с. 12, 2-я паг.; Новоселов В., Провинция в стальной прессе. — НМ, 1902, № 79, с. 103; Скабичевский А. М., История новейшей рус. лит-ры, 5-е изд., СПб., 1903, с. 403; Амфите-

атов А. В., Женское шестое чувство, СПб., 1904, с. 96—101; Дорошевич В. М., Собр. соч., т. 4, М., 1905, с. 65—75; Кауфман А. Е., За кулисами печати. — ИВ, 1913, № 7, с. 126; Чехов и его среда, Л., 1930 (ук.); Гитович Н. И., Летопись жизни и творчества Чехова, М., 1955, с. 409; Гиляровский В., Избр., т. 2, М., 1960, с. 188; Письма читателей к Ф. М. Достоевскому. — ВЛ, 1971, № 9, с. 174, 179—81 (письма Н.); Тисме Г. А., У истоков новой драматургии в России (1880—1890-е гг.), Л., 1991 (ук.); ИРДТ, т. 6 (ук.); ЛН, т. 87 (ук.). + Некрологи, 1900: БВед., 14, 16 дек.; НВ, 15 дек.; «Сев. курьер», 15 дек.; «Приднепров. край», 16, 24 дек.; «Новости дня», 16 дек.; «Двинский листок», 21 дек.; «Родина», 24 дек.; 1901: «Лит. вестник», № 1; «Лит. вечера „Нового мира“», № 1 (И. Поронин). Пономарев: Брокгауз; Венгеров. Источ. (опионично указаны отчество и день смерти Н.); Добрынь; ПНкр.; Каталог ОРДП; Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: ИРПИ, ф. 441; ф. 337; письма — РГБ, ф. 157, к. 3, № 49 (Д. Н. Мамин-Сибиряк к Н.); ф. 331, к. 53, № 6 (А. П. Чехову); ф. 358, к. 257, № 2 (Н. А. Рубакину); РГАЛИ, ф. 459, оп. 2, № 853 (В. П. Буренину), оп. 1, № 2851 (А. С. Суворову); ф. 227, оп. 1, № 188 (А. А. Измайлову); ф. 245, оп. 1, № 268 (Н. С. Лескову); ф. 353, оп. 1, № 2 (восп. В. Н. Назарьева «История моего несчастья» и письма Н.); РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 1358 (дело о дворянстве Манкошеных); ф. 796, оп. 155, д. 466 (бракоразводное дело); ф. 776, оп. 26, д. 15 (о запрещении к пост. пьесы «Над пропастью» за «грядущий колорит»).

М. М. Казбек.

НАЗИМОВ Михаил Леонтьевич [1806, г. Арзамас (?) Нижегород. губ. — 5(17), по др. сведениям, 15(27).1.1878, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], мемуарист. Из дворян. Сын соляного пристава. Детство провел в Арзамасе и Н. Новгороде (с 1815), куда был переведен по службе его отец. Учился в Нижегород. уездном уч-ще, затем в местной г-зии (обладая превосходной памятью, был первым учеником). По окончании г-зии (1820), подчиняясь воле отца, не продолжил учебу, служил в канцелярии нижегород. уезд. суда (1820—24). После смерти отца поступил на нравств.-полит. отд. филос. ф-та Моск. ун-та, к-рое закончил со степенью кандидата в 1827.

Дальнейшая полувексовая служебная деятельность Н. связана с Моск. ун-том и Моск. уч. округом. В 1827—29 служил в правлении ун-та (столоначальник, затем секретарь). Секретарь к-та, учрежденного при ун-те для испытания гражд. чиновников (1829—33); производитель дел в к-те испытания дом. наставников и учителей (1834—36). Избранный в 1836 секретарем ун-тского совета, Н. сыграл позитивную роль при введении нового ун-тского устава: дал «законные и полные формы вновь учрежденному порядку», проявив «благородные и трудолюбивые» (Шевырев С. П., История имп. Моск. ун-та, написанная к столетию его юбилею, М., 1855, с. 570). В 1843—1846 правитель канцелярии попечителя Моск. уч. округа С. Г. Строганова. Советник правления ун-та, управляющий хоз. и полиц. частью ун-тских клиник (1846—77). Дослужился до чина стат. советника.

Службными отсылками присущую Н. «всеглашную бесконечную готовность оказать услугу

каждому» и сго «глубокую несправедливость» (Любимов, с. 798). Жизнь Н. «по правилам», сго строгая приверженность в течение десятков лет заведенному распорядку дня носили легендарный характер (говорили, будто городские сменяются с часов, соблюдаясь с сго режимом).

В последние годы жизни Н. записал свои мемуары «В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. Из воспоминаний старожил» (РВ, 1876, № 7), явившие взгляд на прошлое обыкновенного человека с заурядной судьбой и невысоким обществ. положением, сознающего свою незначительность, но в то же время понимающего ценность своих неприятельских свидетельств, позволяющих сохранить для истории черты ушедшего быта. Предмет восп. — жизненный уклад провинциального дворянства (дом, стол, гардероб, распорядок дня, этикет, развлечения — гуляния на Троицу и Семик, кулачные и гусиные бои и т. д.), а также система образования (от уезд. уч-ща до ун-та) во всей ее многогранности: программы обучения, порядок проведения уроков и занятий, экзаменов и торжеств. актов, штат и жалование наставников, быт гимназистов и студентов. Встречаются примечательные характеристики преподавателей Моск. ун-та (в т. ч. Н. Н. Сандунова, А. Ф. Мерзлякова, М. Т. Каченовского), подробности о моск. актерах и нижегород. театре, руководимом А. А. Шаховским, об арзамас. семье Зевакиных (см. Жукова М. С.), свидетельств о нек-рых ист. событиях (привоз через Москву тела Александра I, коронация Николая I). Ценность (и своеобразие) мемуаров Н. определяется системностью изложения и педантизмом автора, опирающегося на свою удивительную память и не упускающего мелочей.

Лит.: Любимов Н. А., Воспоминание о М. Л. Назимове. — В сго кн.: Мой вклад. т. 2. М., 1887. + Гешадт: Венгеров. Источ. (Восп. Н. ошибочно приписаны декабристу М. А. Назимову); МНкр.: Албучный ук. имп. рус. деятелей для РСБ, ч. 2. СПб., 1888 (Сб. имп. Рус. ист. об-ва, т. 62); ИДРП (в ряде справочников ошибочно назван доктором медицины).

В. М. Бикова.

НАЙДЕНОВ (наст. фам. Алексеев) Сергей Александрович [14(26).9.1868, Казань — 5.12.1922, Ялта; похоронен на Массандров. клдб.], драматург. Род. в богатой семье купца 1-й гильдии. Многодетная семья (Н. — один из 9 детей) жила по старозаветным обычаям. Будучи учеником реального уч-ща, Н. увлекся театром, участвовал в домашних любит. спектаклях (выступая в ролях сценариста, суфлера или декоратора). В 1883 был исключен из училища за посещение вечерних спектаклей гор. театра; прожив 3 года без определ. занятий в Казани, в 1886 уехал в Москву и поступил в Муз.-драматич. уч-ще Моск. филармонии. об-ва в класс А. И. Сумбатов-Южина и О. А. Правдина; окончил его в 1889. В этом же году его отец

под влиянием панич. страха перед возможным банкротством застрелился. Н. под псевд. Рогожин начал выступать на провинц. сцене (в Вологде, Владимире, Твери), но вскоре оставил театр. не удовлетворенный его состоянием и, по-видимому, разувверившись в собств. актерских способностях. В 1893, прервав ангажемент в Уфе, переселился в одной из «толстовских» колоний Уфим. губ., но вскоре разочаровался в толстовстве. Попытка в 1894 заняться коммерцией завершилась полным крахом («Купеч. сын оказался совсем непрактичным фантазером... очень доверчивым», — вспоминал В. Н. Ладженский, хорошо знавший Н., в очерке о нем в своей кн. «За рубежом», Белград, 1930, с. 124): неудавшийся замысел разбогатеть на торговле рябчиками в Москве, в к-рую он вложил свою долю отцовского наследства, разорил его окончательно. В 1897—98 так же безуспешно служил в артели, объединявшей торговых и страховых агентов.

Тяга к театру, интерес к проявившимся тенденциям его обновления привели Н. на драматургич. попрше. В 1900 он поселился в Москве; ожидая приглашения в какой-либо театр и испытывая суровую нужду, начал почти одновременно работать над тремя пьесами. Комедия «Дыхание Весны» (рукопись — СПб ГТБ), действие к-рой происходит в жен. монастыре, была запрещена как оскорбляющая нравственность. Пьесе «Культурный скит» (рукопись там же), навеянную недавним увлечением толстовством, автор сам счел неудачной и «шаблонной» (дневниковая запись от 22 мая 1901 — РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, № 309, л. 6) и не стал

ее печатать. Тяготая к «новой драме», отказался от драматургич. интриги, стремясь углубить психологизм. В то же время писал стихи (ТйИ, 1901, № 45—48, 50) и прозу (рассказ «Письмо» — там же, № 45—46).

Третью пьесу — «Дети Ванюшина» (1901; опубли.: ТйИ, прил., 1902, № 1; Грибоедовская пр. 1902) Н. послал на конкурс в принадлежащий А. С. Суворину петерб. т-р Лит.-худож. об-ва (отмечена премией и в том же году поставлена). Одновременно спектакль вышел в моск. т-ре Корша при участии Н. В. Светлова, Л. М. Леонидова, А. А. Остужева, М. М. Блюменталь-Тамариной, а в следующем году — в Минске, Харькове, Ярославле, Омске, Астрахани, Краснойрке, Тифлисе, Риге; в июле 1902 под Казанью был сыгран любит. спектакль, в к-ром старика Ванюшина исполнял автор, а в роли его детей выступили брат Николай и сестра Анна.

В основе сюжета пьесы (построенной как драма характеров и нравов) — подлинные события из жизни семьи Алексеевых: самоубийство отца, драматич. история любви брата Дмитрия к актрисе Е. Егоровой. Однако, стараясь подчеркнуть характерность образов и конфликтов, автор переосмыслил действит. причины трагич. решения героя — не страх разорения, а отчужденность в семье, ее неотвратимый распад, циничность молодого поколения, развращенного атмосферой наживы. Воссоздавая картины купеч. жизни с ее домостроевским укладом, Н. следовал традициям А. Н. Островского.

Пьеса имела «успех исключительный» (Ладженский, «За рубежом», с. 126) и вызвала многочисл. отклики, б. ч. доброжелательные: С. Яблоновский (РСЛ, 1901, 16 дек.); А. Ростиславов (ТйИ, 1902, № 6, 7); И. Н. Иппатов считал, что пьеса доказала жизнеспособность старых форм реалистич. драмы в период, когда после пьес «диалогична», символических, философских, чисто бытовая драма, каталось, потеряла право на существование» (РВед, 1901, 16 дек.), тот же рецензент отметил сострадание, отпущение Н. к своим героям (РВед, 1902, 9 апр.); критик и драматург П. М. Яриев писал: «За последние годы я не могу припомнить ни одной рус. пьесы, в к-рой так ярко и непоправимо сказались бы талант» (ТйИ, 1901, № 52, с. 966).

Нес-рые критики (в т. ч. С. Сутутин (О. Г. Эггинер) — ТйИ, 1902, № 12, с. 248—50) рассматривали пьесу как семейную драму, не имеющую обществ. звучания; Яблоновский трактовал ее как драму воспитания: «... действие может быть решительно во всякой среде, богатой, средней и мылкой» (РСЛ, 1901, 16 дек.); рецензент «Моск. ведомостей» Ал. И. Власенский объяснял успех пьесы «модным настроением», характеризующимся тем, «что можно было бы назвать воспитанием детей на отцов, учеников на учителей и т. д.» (1902, 28 янв.; подпись Ехтер). В рецензиях (Я. А. Фейсигин — «Курьер», 1901, 18 дек.; и др.) также отмечалась недостаточная мотивированность самоубийства героя.

По-видимому, конец пьесы не удовлетворял и самого Н.: в 1907 он написал новый вариант 4-го акта, в к-ром гл. герой остается живым, а его старший сын, оказавшись полно-

властным хозяином в доме, переселяет родителей наверх, с глаз долой. А. Р. Кугель считал этот вариант неудачей («Получилось нечто ... неинтересное ... спутанное... очень старомодное, в смысле морали, скучно-безразличное, как пропись. Это ... акт-опреснитель всего горького и соленого, что автор выхватил из жизни с таким, быть может, бессозн. талантом!» — Кугель, 1934, с. 140). В 1907 с новым 4-м актом пьесы была поставлена в Кисловодске (реж. — Н., при участии артистов т-ров Корша, Художественного и Малого), а в 1910 — Александрин. т-ром при участии М. Г. Савиной (и по ее инициативе — см. письмо Н. к ней от 10 нояб. 1910 — РГАЛИ, ф. 689, № 894).

После успеха «Детей Ванюшина» за Н. утвердилась репутация одного из видных совр. рус. драматургов. Его дарование высоко ценил А. П. Чехов, ставивший его как драматурга «гораздо выше Горького» (письмо О. Л. Книппер-Чеховой от 22 авг. 1902 — Чехов. Письма, XI, 20); «прирожденный драматург, с самой что ни на есть драматич. пружиной внутри!» — вспоминал в 1914 его слова И. А. Бунин («Из записей» — Собр. соч., т. 9, М., 1967, с. 295). В 1902 с рекоменд. письмом от Ф. А. Корша Н. отправился в Ялту к Чехову (эта встреча описана им в незаверш. ст. «Чехов в моих восп.» — «Театр. жизнь», 1959, № 19); установившиеся друж. отношения между ними сохранились до самой кончины Чехова. Познакомившись в 1901 и сблизившись с Буниным, Н. вместе с ним ездил на юг России, а в кон. 1903 — нач. 1904 — во Францию и Италию. В. Н. Муромцеву-Бунину, часто встречавшемуся с Н. в 1907, поражали его «простота и скромность», «добродетельность»; по его восп., Бунин любил Н. за то, что тот «мало был похож на своих „славных“ собратьев»: «Тяжелый человек, но до чего прекрасный, редкого благородства» (ЛН, т. 84, кн. 2, с. 178, 189). С 1902 Н. был связан с кружком Н. Д. Телешова «Московская литературная среда»; в 1904 по предложению М. Горького стал членом книгоздат. товарищества «Знание». Внезапная известность, по восп. Ладженского, казалось, «стесняла его той требовательностью и теми ожиданиями, которые она налагает» («Забуждом», с. 126).

В 1903 Н. закончил пьесы «Блудный сын», «Богатый человек» и «№ 13», драм. коллизия к-рых связана с процессом внутр. распада косной и темной купеч. среды и стремлением лучших людей выйти из-под гнетущей власти социальных обстоятельств. Появляются герои, выламывающиеся из этой среды, однако

стремления их смутны и неопределенны, а потому несостоятельны.

Внутренне обреченным оказывается порыв к самоутверждению Максима Коптева, героя пьесы «Блудный сын» (под назв. «Кто он?») опубл. в сб. «Итоги», М., 1903; пост. МХТ, в гл. роли В. И. Качалов; рец. 1905: С. Яблоновский — РСЛ, 30 янв.; НВ, 21 апр.; М. (О.) Гершензон — «Науч. слово», № 2; А. Редько — РБ, № 10); подобно мл. сыну Ванюшина, он оставил отчий дом в поисках смысла жизни, но оказался неудачником, не способным к полезной практич. деятельности, стал изгоем в род-

С. А. Найдёнов и И. А. Бунин. 1904.

ной семье. Автор предисл. к пьесе, опубл. после 1917 под назв. «Кто он?» (б. м., [191—]), видел в Коптеве «беспеченного интеллигента», витающего «среди голых, отвлеченных идеалов без малейшего признания практичности».

В психол. драме «Богатый человек» (в черновом варианте назв. — «Деньги») (СПб., 1903; «Б-ка ТиИ», 1904, № 1; 1903, пост. т-ра Корша; 1904, т-р Комиссаржевской; рец.: К. Орлов — РСЛ, 1903, 9 нояб.; Ф. (Д.) Батюшков — МБ, 1904, № 11) в колоритной противоречивой натуре миллионщика Купоросова живут как бы «два человека: один более-менее культурный, с чутким сердцем, другой — тщеславный, скупой купец, самодурствующий и сдерживающий себя» (так характеризует его автор в ремарке — Пьесы, т. 1, 1904, с. 182), причем победа остается за вторым. По собств. признанию Н., относящемуся, видимо, ко времени работы над пьесой, он хотел показать в ней силу и ничтожество денег, ибо они — «нечто, с к-рыми у всех сопряжено понятие о счастье ... на чем построена вся культура и наука Европы» (отрывок из дневниковых записей — РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, № 309, л. 16).

Критика в осн. благожелательно встретила пьесу: отмечалось стремление автора изобразить действительность «в ее будничном наряде» (Ю. (И.) Айхенвалды) — РМ, 1903, № 12), «бесподобный ирак, который навис над серым человеческим» (П. (С.) Климентов) — «Курьер», 1903, 9 нояб.; Чехов в письме к Н. от 29 авг. 1903, предложил ряд изменений, в т. ч. название, в целом оценил пьесу как «превосходную» (Чехов. Письма, XI, 244). Игнатов отметил падение драматургии иск-ва Н. (РБед, 1903, 9 нояб.; подпись И.).

В трактовке героя пьесы и его поступков Н. всего ближе «знаньецам», ценность личности у к-рых определялась мерой ее сопротивления устройству жизни.

В период работы над этими пьесами Н. утвердился в мысли, что именно психол. драма отвечает его задачам: «Жизнь страшно осложнилась. Внутр. мир людей полон противоречий... Показывать внутр. скрытые пружины действующих лиц, под мелочами жизни угадывать мировую сущность человеческой души — вот задачи театра и совр. драматурга» (недатированная дневниковая запись — РГАЛИ, там же, л. 15).

Иная среда изображена в двухактной пьесе «№ 13» («Б-ка ТиИ», 1903, № 21, нояб.; отд. оттиск — [СПб.], 1903; пост. 1903, т-р Корша; 1904, т-р Комиссаржевской с В. Ф. Комиссаржевской и П. В. Самойловым в гл. ролях; сочувств. рец.: И. (Н. Игнатов) — РБед, 1903, 25 окт.; В. М. Дорошевич) — РСЛ, 1903, 25 окт., подписи Рецензент; П. (С.) Климентов) — «Курьер», 1903, 26 окт.; Экстер (Ал. И. Введенский) — МБед, 1903, 27 окт.). Ее тема — трагедия «маленьких», забытых и опустившихся людей, страдающих от безысходной нужды, серой жизни и одиночества.

Новый этап в творч. эволюции Н. наступил в годы Революции 1905—1907, когда он, по собств. позднейшему признанию, стал «социалистом» «под влиянием 1904—1905 г., Знания и Горького» (сент. запись в Дневнике 1921 г. — РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, № 1, л. 38 об.). В пьесе «Авдотьяна жизнь» («Знание», кн. 4, СПб., 1905; пост. 1904, т-р Комиссаржевской, Авдотья — Комиссаржевская; 1905, Малый т-р) Н. вернулся к социально-семейному конфликту. В письме к Вл. И. Немировичу-Данченко от 27 окт. 1904 он писал: «... героиня пьесы — пошлость, сильная настолько, что «губит слабые жизненные отростки большинства людей» (Архив МХТ, ф. Немировича-Данченко, № 5073). Кугель считал пьесу свидетельством неисчерпанности реализма своих возможностей, отмечал натуралистич. характер «большого художественного дара» Н. и вместе с тем — «неопределенность его мировоззрения»: «... автора... давят безобразные... формы мешанской жизни», но отсутствует представление об «исходе» из

нее («Театр. заметки» — ТИИ, 1904, № 49, с. 876, 877, 878).

Др. отклики были в осн. положительными: рецензент «Нашей жизни» П. Е. Павлов приветствовал в пьесе «дух новой жизни, свободной и активной» (1904, 27 нояб.). Подражательной сочли ее рецензент СО Журден (1904, 27 нояб.) и Н. М. Минский («Новости и бирж. глз.», 1904, 14 дек.; б. п.), к-рый писал о пьесе — революционере Герасимове, как об одной из «магнитонок нового фасона, выстукавших по образу героев Максима Горького...». Айхенвалды, отмечая «искусственность» пьесы, также усматривал близость этого персонажа образу Нила из «Мещанин Горького» — в «его кривой окраске» (РМ, 1906, № 4, с. 222). Суммируя свос впечатления от пьес Н. 1903, С. Л. Рафаэлов замечал: они «написаны человеком, которому точно нечего сказать от себя и о себе, который только умеет связывать и сплюсывать черты и линии чужих жизней. Он видит драму, проявленную вопреки... но ему нечего обличить этой высшей драмой, как безному нечего обличить в чужой» («Восы», 1905, № 1, с. 43—44).

В пьесе «Стены» (СПб., 1907; «Знание», кн. 15, СПб., 1907; пост. 1907, Александрин. т-р, 1908, МХТ; отрицат. рец.: Объективный (И. О. Абельсон) — «Обзор. театров», 1907, 21 янв.; б. п. — там же, 1907, 23 янв.; «Рус. новости», 1907, 4 апр.: положит. рец.: Ното повус (А. Р. Кутель) — «Русь», 1907, 19 янв.; Вс. Чаговец — «Киев. мысль», 1907, 30 янв.; РВед, 1907, 4 апр.; С. Глаголь — «Моск. еженед.», 1907, № 15; (Р.) Янтарёва-Виленикина — «Вест. знания», 1907, № 3) обитатели доходного дома купца Суслова сродни персонажам «Петербургских углов» Н. А. Некрасова и др. физиологич. очерков; вместе с тем, один из гл. героев — купеч. сын Артамон Суслов (человек среды), натура ямтущаяся и противоречивая, сближаясь с дочерью учителя гимназии, революционеркой Еленой Кастьяновой, и пытаясь обрести новый, возвышающий, смысл жизни, «выламывается» из привычного быта. В период работы над пьесой Н. определял свой творч. метод как «крайний реализм, доведенный до импрессионизма» (полагая, что реализм мхатовского характера «сказал последнее слово»), и предсказал ей «почетный неуспех» (недатыров. дневниковая запись — РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, № 309, лл. 26, 27, 27а). Постипший пьесу неуспех был пережит «удивительно благородно» (слова Бунина, приведенные Муромцевой-Буниной: «К своей славе он относился трезво, понимая, что зенит ее уже прошел, и никогда не пытался подогревать ее»). Бунин предвидел неудачу, причина к-рой, по его мнению, заложена в теме драмы — «из мира интеллигентов, к-рого [Н.] изнутри не знает» (ЛН, т. 84, кн. 2, с. 182, 189).

В драматургии Н. этого этапа внутр. действие перестает быть ведущим, появляются публицистич. монологи. А. А. Блок в ст. «О драме» (ЗР, 1907, № 7/9) выделял Н. среди «знаньецев» за «относит.», «культурист.», но не находил в его пьесах «чехов. глубины», «пафоса ис-

кусства» и «пафоса жизни», отмечал слабохарактерность и заурядность героев, обилие «психол. ремарок» («совершенно не сценических»), язык, «несколько не отличающийся от языка остальных драматургов „Знания“» (Блок, V, 176—177).

После «Стен» Н. обратился к темам провинц. быта и частной жизни. Пьеса «Хорошенькая» (СПб., 1908; пост. 1907, Александрин. т-р; рец.: Импрессионист (Б. И. Бентовин) — ТИИ, 1907, № 47; отрицат. отзыв Н. И. Петровской: «нет ни типов, нет истинного драматического действия» — «Восы», 1907, № 12, с. 59) задумана как комедия нравов. В центре ее — психология молодой женщины, стремление к-рой вырваться из затхлого мещан. мира, освободиться от постылого неравного брака

С. А. Найденнов. Шарж В. Каррика. «Журнал журналов», 1916, № 2.

сводится к пошлым курортным похождениям; попытка показать положение совр. женщины, дать «пощечину тому животному человеку, которого воспевают декадентская литература» (из беседы М. Раковского с Н. накануне премьеры — «Петербург. газ.», 1907, 15 нояб., с. 5), автору не удалась. Пьеса не понравилась Горькому («очень плохая вещь, слабее всего, что написал Н.» — из письма К. П. Пятницкому 6 или 7 дек. 1907 — ХХХ, 38); «Рус. артист» охарактеризовал ее как «пустую комедию без новизны, темы, без серьезных мыслей» (1907, № 8, с. 121; подпись П. Г.). Сам автор в дневниковой записи (авг. 1921) счел ее свидетельством «падения в рамки шаблона» (РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 1, л. 6 об.).

В 1909 Н. заболел туберкулезом и поселился в Ялте (жил здесь почти безвыездно) вместе с женой, актрисой И. И. Мальской (с к-рой обвенчался в 1905), и единств. дочерью, вскоре умершей от туберкулеза. В основе сюжета первой «ялтинской» драмы — «Роман тети Ани» (пере-

делка его ранней пьесы «Дыхание Весны»; СПб., 1912; «Знание», кн. 40, СПб., 1913; 1912, Александрин. т-р; Малый т-р; рец.: Ю. Слонимской, Н. Эфрос — ЕИТ, 1913, в. 2; отрицат. рец.: Вас. Базилевский — «Рампа и жизнь», 1912, № 43; И. (Н. Игнатов) — РВед, 1912, 6 нояб.) — история безответной любви стареющей женщины к молодому поэту. Доброжелательно оценил пьесу Горький, прочитав ее в рукописи («хорошо написана, интересна по теме, и, вероятно, весьма сценична» — письмо к Н. от сент. 1912 — Архив Горького, VII, 112). Савина, первая исполнительница гл. роли в пост. Александрин. т-ра, находила, что автор, «взяв старую тему, разработал ее... красиво, поэтично» (см. в кн.: Шнейдерман И., М. Г. Савина. 1854—1915, М.—Л., 1956, с. 292). Пьеса «Работница» (П., 1915; «Б-ка ТИИ», 1916, № 1; пост. 1915, петерб. т-р Лит.-худож. об-ва; 1916, Малый т-р; отзывы: РСЛ, 1915, 8 нояб.; Смоленский (А. А. Измайлов) — БВед, 1915, 8 нояб.; П. Конради — НВ, 1915, 9 нояб.) — о борьбе женщины-врача за признание в среде коллег-мужчин (прототипом ее стала ялтин. доктор Радель, у к-рой Н. жил и лечился) и драме отвергнутой любви смертельно больной героини, ее трагич. ожидании приближающегося конца и добровольного уходе из жизни (впрочем, получившемся у автора мелодраматическим). Б. И. Бентовин счел коллизии пьесы малоубедительной и нашел, что для изображения «бурной наступательной борьбы женщины-врача Ридаль у автора не хватает ярких, смелых и дерзких красок» (ТИИ, 1915, № 46, с. 852). «Совсем неудачной пьесой» назвал ее Яблоновский (РСЛ, 1916, 5 февр., с. 6). Тем не менее обе ялтин. пьесы были удостоены Грибодовской пр. «Работница» стала последней прижизненной постановкой Н. на сцене.

Летом 1917 Н. закончил пьесу «Жертвы нашего времени (Безыгнети» (не опубли.; рукопись — СПб ГТБ, № 9859), в к-рой сказалося отрицат. отношение к декадентству, что и определило сатирич. характер большинства ее персонажей — неудачливых актеров, людей богемы, прожигающих жизнь вместе с декадентствующим волжским миллионером, очнувшихся от угара лишь перед лицом «безумной» (1-й мировой) войны и грядущих грандиозных событий. Блок как рецензент Лит.-театр. комиссии Гос. т-ров оценил ее отрицательно и счел «неприемлемой для постановки на сцене» (V, 664). В кон. 1918 — нач. 1919 Н. вернулся к пьесе, но ее новый вариант под назв. «Полотняное небо» также остался неопубл. (рукопись — РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, № 8).

После изгнания из Крыма Белой армией Н. в 1920 вернулся к лит. труду, от к-рого его отрывала длит. и тяжелая болезнь; вместе с женой выступал в концертах в пользу голодающих. Пьеса «Москва. Сцены из московской жизни» (не опубли.; рукопись — там же, № 9; отрывок с сокращениями — «Красная нива», 1928, № 49) — «хроника» рев. событий 1905, в к-рой он сделал попытку вывести нар. массы как движущую силу истории, создать образ профсоюз. революционера (прототипом большевика Петра Шимана послужил Н. Э. Бауман, с к-рым Н. был дружен и в похороны к-рого в 1905 участвовал). Не удовлетворенный пьесой («Чувствую, что не могу охватить драмой жизни моих современников... Бессильно осветить... драму крушения всего старого и необходимость строить новую жизнь России», — записал он 25 авг. 1921 в дневнике — РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, № 1, л. 11), он отказался от ее постановки. В своей последней пьесе — «Неутасимый свет» (не опубли.; рукопись — там же, № 10), над к-рой работал незадолго до смерти, вновь обратился к рев. теме, стремясь осмыслить разные пути преобразования общества — через христиан. сострадание, любовь к людям (к к-рой пришел гл. герой — бывший революционер, прошедший через сиб. каторгу) или суровую борьбу с эксплуататорами (на к-рую обрек себя его сын).

Др. произв.: пьеса в одном действии «Скури ради» по одноим. рассказу М. Горького ([М.—Л.], 1929; с предисл. Н.), «Свежим и живым мне кажется то недавнее время...» (восп. о восприятии современниками Л. Толстого; «Звезда», 1978, № 8; публ. Н. Казаковой).

Изд.: Пьесы, т. 1—2, СПб., 1904—11; 2-е изд., СПб., 1907—11; Дети Ванюшина, М., 1955 (послесл. В. Сергеева); Дети Ванюшина. — В кн.: Драматургия «Знания», М., 1964.

Лит.: Блок (ук.); Горький (ук.); Чехов (ук.); Кугель А. Р. Листья с дерева. Восп., Л., 1926, с. 76—82; сго же, Рус. драматургия, М., 1934, с. 139—47; Белоусов (1, 2; ук.); «Дети Ванюшина» на сцене. Статьи о драме Н. и ее спичник. истории, М., 1940; Данилов С. С., Очерки по истории рус. драматич. театра, М.—Л., 1948, с. 494—96; Воронский В. В., Раскол в «темном царстве». — В его кн.: Лит.-критич. ст., М., 1956; Горький М., [Письма к Н.], — В кн.: Архив Горького, VII (ук.); Майский Ф., Чехов и Н. — А. М. Горький и Н. — «Крым. Лит.-худож. альм.», т. 18, Симферополь, 1958, с. 100—05; Телешов Н. Д., Избр. соч., т. 3 — Записки писателя. Восп. и рассказы о прошлом, М., 1956 (ук.); Юзовский Ю., М. Горький и его драматургия, М., 1959, с. 343—53; Скиталец, С. А. Найденов. — В его кн.: Повести и рассказы. Восп., М., 1960; Рубцов А. Б., Из истории рус. драматургии кон. XIX — нач. XX в., ч. 2, Минск, 1962, с. 84—128; Бугров Б. С., Драматургия «Знания». — В кн.: Горьков. чтения. 1961—1963 гг., М., 1964; Рус. лит.-раб. кон. XIX — нач. XX в. 1901—1907, М., 1971 (ук.); Келадян В. А., Рус. реализм нач. XX в., М., 1975, с. 47—53; Чернышев А. А., Путь драматурга, С. А. Найденов, М., 1977; Баборова А. И., А. Бунин. Мат.-лы для биографии, 2-е изд., М., 1983, с. 84, 87, 90, 92, 332—33; Казакова Н. А.,

Пьеса Н. «Культурный скит» и искания драматургии кон. XIX в. — В кн.: Проблемы реализма, в. 7, Вологда, 1980; сс же, Н. и натурализм в театре. — В кн.: Стиль писателя и культура эпохи, Сыктывкар, 1984; сс же, «Маленькая пьеса» Н. («Блудный сын»). — В кн.: Жанры в истории лит.-процесса, Вологда, 1985; История рус. драматургии. Вторая пол. XIX — нач. XX в. до 1917 г., Л., 1987 (ук.); Петровская (2, ук.); Похлебский В. В., Кушать подано!, М., 1993, с. 337—44; ЛН, т. 68, 72; т. 84, кн. 1—2; т. 85; т. 88, кн. 2; т. 92, кн. 5 (вс — ук.).

✦ Искрологи: «Известия», 1922, 8 дек.; «Правда», 1922, 24 дек.; «Театр и музыка», 1922, № 12 (С. Рязумовский); «Вест. работников иск-ва», 1923, № 5/6, с. 105—06. Грани: ТЭ: КЛЭ: БСЭ: ИРДТ: Рус. писатели: Муратова (2); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1117: ф. 860, оп. 1, № 309 (рукопись пьесы, критико-библ. очерка Ю. В. Соболева о Н., включающая отрывки из дневников Н.); ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 338 (письма В. В. Муйжело, 1909—11); ф. 686, оп. 2, № 151 (письма А. Р. Кугель, 1902—04); ГИТМ, ф. 183; ф. 84, № 296—97; ф. 117, № 263; ф. 123, № 133, 270; ф. 142, № 775; ф. 209, № 18; ф. 210, № 1049, 1050; ф. 260, № 3, 4; ф. 280, № 450 (незд. — переписка с разными лицами); ГЛМ, ф. 133: РНБ, ф. 124, № 2979—2981 (письма А. С. Гриневскому (Грипу), В. В. Муйжело, Э. П. Юриссону); РГИА, ф. 776, оп. 26, д. 20, л. 70—71 (ценз. запрещение пьесы «Дыхание Весны»; д. 35, л. 22 об. (ценз. запрещение пьесы А. Финшона «Срули Гершона» на свр. яз. по пьесе Н. «Дети Ванюшина»); Архив МХТ, ф. Вл. И. Немирович-Данченко, № 5072/3 и № 5073 (письма Немировичу-Данченко); ЦГА Татарстана, ф. 2, оп. 153, № 16, л. 490 (м. с.).

Н. А. Казакова, Л. С. Литвинова.

НАККО Ольга Егоровна (1840, Одесса — 1919, там же), прозаик. Воспитывалась в ин-те г-жи Фитингоф в Одессе (с 1854), затем — в г. Вознесенске (куда ее семья переселилась в связи с Крымской войной). После выпуска (1857) вскоре вышла замуж за бессараб. помещика Ал. Конст. Накко (1832—1915), ав-

Крылова. Н. занималась одно время изучением гелиоминиатюры и даже прошла курс в Варшав. жен. ремесл. школе; после поездки в Париж для усовершенствования в этой области выпустила «Руководство для изучения гелиоминиатюры, самое полное и подробное» (Од., 1882).

Лит. деятельность Н. началась довольно поздно. Первая публ. — рассказ из молд. жизни «Волк» («Бессараб. вест.», 1889, № 7, 8, 11, 19, 21). В 1890-е гг. печатает очерки, новеллы, критич. статьи в «Новорос. телеграфе», «Одес. вест.», «Одес. листке» и др., не прекращая сотрудничества в «Бессараб. вест.», где опубли. более двадцати ее лучших рассказов и очерков, в т. ч. «Сказка про Максима Платоновича», «Папаярада», «Кир Христо и Кир Янаки», «Проклятое место». Ее произв. появлялись и в коллективных изд.: «Мальвина (Из варшав. жизни)» («Юж. сб-к», Од., 1892), «Дни молодости» — о пребывании А. С. Пушкина в Молдавии («Пушкин. сб-к», СПб., 1899; положит. отзыв в рец.: В. В. Калаш), Итоги пушкин. юбил. лит.-ры. — РМ, 1900, № 9, с. 147; Басаргин А. (Ал. И. Венденский). Критич. заметки. Проза в «Пушкин. сб-ке». — МВед, 1899, 4 сент.).

В прозе Н., опубли. в сб-ках «Бессараб. очерки и рассказы» (Од., 1900), «Рассказы» (Од., 1912), «Бессараб. очерки и рассказы. Сцены из жизни голодавших поселян», «Бессараб. очерки и рассказы (Баймачаны)» (оба — Од., 1913), — неск. тематич. направлений: жизнь молд. деревни в ее прошлом и настоящем («Пасхальная ночь в Дануцанском барак», «Норок», «В тисках нужды»), рассказы из совр. жизни («Кто он?», «Тася», «Проект-мечта», «Двойка»), ист. прошлое России и автобиогр. зарисовки. К последним относится и очерк «В Ясной Поляне» (сб-к 1912) — о встрече с Л. Н. Толстым (передача ему письма С. И. Плакшина, знакомство с В. Д. Ляпуновым). Вероятно, под влиянием не только личных впечатлений, но и «Севастопольских рассказов» Толстого возник ряд произв. Н. о Крымской войне: «Женитьба ген. Фредмана» (сб-к 1900—01), «Рассказ дедушки Максима о Севастопольской обороне во время Крымской войны» (Од., 1904), «Дни юности (Из дневника офицера)» (сб-к 1913).

Многолетняя работа нар. учительницей в разл. селах Бессарабии (к 1903 она преподавала уже 14-й год) обогатила Н. наблюдениями за бытом и традициями местного населения. Еще в молодости, оказавшись после замужества на юге Бессарабии, она выучила молд. яз., живо интересуюсь обычаями молдаван и «бессараб. стариной». Многие ее повести и

тора «Истории Бессарабии с древнейших времен» (ч. 1—2, Од., 1873—76), «много потрудившегося над разработкой местных арх. материалов» («Труды Бессараб. губ. уч. арх. комиссии», т. 2, Кишинев, 1902, с. 429), с 1879 д. чл. Одес. об-ва истории и древностей; его перу принадлежат также неск. поэм и переводов на молд. яз. М. Ю. Лермонтова («Демон», «Бородино» и др.), басен И. А.

очерки насыщены бытовыми и этнографич. деталями, песнями, поговорками, пословицами. Большинству произв. Н. (не только «бессарабским») присуща острозлобность — смерть, убийства, самоубийства, ревность, измены, месть, сумасшествие, разл. стихийные бедствия преследуют ее героев, но склонность писательницы к мелодраматизму и сентиментальности не позволяет ей достигнуть подлинного трагизма и психологизма в изображении как жестоких нравов «бессараб. глуши», так и страданий совр. провинц. «маленького человека», ожидающего чудес от «волшебницы-Благотворительности».

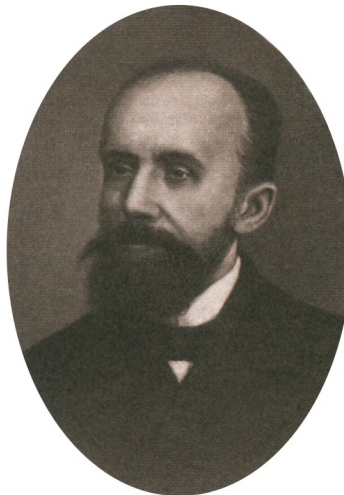
Изд.: Из бессараб. старини. Очерки и рассказы, Кишинев, 1970 (сост. и предисл. — А. С. Кидель); Дни трекутул Басарабией, Кишинев, 1976; Кир Христо и Кир Янаки. Дочь кощуньи. — «Кодры», 1991, № 7.

Лит.: Ист. очерк 50-летия имп. Одес. об-ва истории и древностей. 1839—1889, Од., 1889, с. 73, 109; Драганов П. Д., Bessarabiana, Кишинев, 1911; Могилянскій Н. К., Матильды дщи ук. лит-ры по Бессарабии, Кишинев, 1912, с. 9, 14; Кидель А., О. Накко в Ясной Поляне. — «Сов. Молдавия», 1960, 20 нояб.; ег. ж. Скриптоаря О. Накко. — «Нистру», 1967, № 8; Трубеской Б. А., Из истории периодич. печати Бессарабии (1854—1916), Кишинев, 1968, с. 110, 118—19, 140; Из культурного и лит. прошлого молд. народа, Кишинев, 1969, с. 93; Матковская А., Екоури дин явца Бессарабией де алтэ датэ. — «Култура», 1971, 13 февр.; Савва П. Х., Молд.-рус.-укр. лит. связи, Кишинев, 1973 (ук.); Молд.-рус.-укр. лит. связи второй пол. XIX в., Кишинев, 1979 (ук.); Чокану В., Сагул басараин ын проза О. Накко. — В кн.: Памяни дин история литературати ши культурй молдоенешть, Кишинев, 1979, с. 148—59 (список рассказов Н., опубли. в «Бессараб. вест.», — с. 149—50); Коваль Д. В., «Бессараб. вест.» — первая частная газета края, Кишинев, 1985, с. 23—26. + Венгеров. Источ. (ошибочно Нанко); Смирнов-Сокольский.

Архивы: Гос. ист. архив Республики Молдовы, ф. 88, д. 30. Е. А. Тахо-Годи.

НАКРО́ХИН Прокофий (Прокопий) Егорович [27.2(11.3).1850, г. Великий Устюг Вологод. губ. — 14(27).10.1903, Петербург; похоронен на Волковом кладб., прозаик, журналист. Из многодетной купеч. семьи. Учился в Архангельской г-зии (1858—64), вышел из нее до окончания курса; по желанию отца брал частные уроки коммерч. знаний, англ. и нем. языков. Благодаря богатой дом. б-ке и родительскому влиянию рано приобрел вкус к лит-ре и театру. После смерти матери (1864) и отца (1866) и ликвидации его дела («на долю семьи остался только небольшой дом» — автобиография, ИРЛИ) дети были записаны в мещане. На Н. легли заботы о младших братьях (сохранил контакты с ними до конца жизни; сам Н. был бездетным). Определившись на заработки, он служил в торговой конторе в Вятской губ., ездил на ярмарки, плавал на барках с рабочими в Архангельск, там же работал в льяной артели. По достижении совершеннолетия сдал экзамены на звание учителя. В 1871—76 преподавал ряд предметов в Архангель-

ском уездном (с 1876 — городское) уч-ще; в апр.—авг. 1876 работал в Холмогор. приходском уч-ще; одновременно печатался в газ. «С.-Петербург. вед.» (1872—73), «Нов. время», «Молва», «Неделя» и др. (заметки,

статьи). В 1876 опубли. первый рассказ «На Груманте» («Друг народа», 4, 16 февр. — 5 марта), где описал реальный случай вынужденной зимовки купцов-поморов на Шпицбергене. В это же время был задуман ром. «Злое очарование», оставшийся незаконченным (см.: В. В. Бруснян — ЖдВ, 1903, № 11, стб. 1398). В 1877—78 счетный чиновник Архангельской контрольной палаты; коллеж. секретарь. В 1879 переехал в Петербург, где первое время жил частными уроками, затем служил в канцелярии Об-ва спасения на водах (1879—89); писал репортажные заметки в ж. «Спасение на водах»; по службе был знаком с В. М. Жемчужниковым.

Началом своей лит. деятельности Н. считал (автобиография — ИРЛИ) рассказ «Входящий и исходящий» (Кн. «Неделя», 1888, № 4), посв. судьбам «неопытных провинциалов», пополняющих ряды «третьестепенных чинов». Известность Н. принес рассказ «Вор» (там же, 1890, № 12), гл. герой к-рого — опустившийся до мелкой кражи актер-неудачник, по словам анонимного рецензента, «возбуждал сострадание к тем, кто не может после покаяния стать лучше» (СВ, 1892, № 8, с. 78). Рассказ привлек внимание Л. Н. Толстого («И художественно прекрасно, и трогательно» — LXXXVII, 68), при участии к-рого был опубли. в изд-ве «Посредник» под назв. «Часы» (М., 1892; 4-е изд., М., 1901). В 1891 при содействии М. О. Меньшикова Н. стал сотрудником газ. «Неделя» П. А. Гайдебурова: секр. редакции и ред. лит. прил. — «Книжки „Неде-

ли“», где печатался вплоть до закрытия изд. в 1901.

По восп. современников, Н. был довольно замкнут, «к писательскому кругу не подходил», трудно сближался с людьми (М. О. Меньшиков — НВ, 1903, 19 окт., с. 3). Среди литераторов-газетчиков выделялся деликатностью, «пиеврой скромностью», «феноменальной застенчивостью» (Беллестрист, с. 173). Всегда верный долгу, благовоенно относившийся к печатному слову, он за мизерное вознаграждение выполнял массу черновой ред. работы, в к-рую вкладывал «чуткую душу писателя, а не ремесленника» (И. Носков — «Лит. вестник», 1903, т. VI, кн. 6, с. 172). Меньшиков писал А. П. Чехову (1899): «Мерзнет с женой в двух комнатах на Петербургской, без прислуги, обедает по кух.-мистерским»; «у нас в редакции это единственный интеллигентный человек, с к-рым можно отвести душу...» (цит. по: Чехов. Письма, XVII, 421).

Опубли. в «Книжках „Недели“» в 1890-е гг. рассказы («Сказка и правда» — 1875, № 11; «Чиновник» — 1896, № 7; «Талисман» — 1897, № 6; «Стихия» — 1898, № 11; «Странник» — 1898, № 4; и др.) составили сб. «Идиллия в прозе» (СПб., 1899, 1900). Рисую провинц. быт, нравы духовенства, рабочую среду, круг мелких чиновников, торговцев, ремесленников, Н. на первый план выдвигал тему «маленького человека» — жертвы социального бесправия. Прем. внимание уделял раскрытию его внутр. мира, по словам рецензента, выступал прежде всего как «живописатель душевных движений личности» (В. М. Грибовский. — Кн. «Неделя», 1899, № 4, с. 195). Проблему добра и зла решал с религ. позиций, саму «идиллию» понимал как внутр. гармонию, в основе к-рой должно лежать чувство сострадания и «нежной жалости» к миру («Идиллия в прозе», с. 257). Отсюда характерный для Н. сюжет — история покаяния и нравств. эволюции «маленького человека», «грешного», отрубившего в «горькой и бессмысленной сутолоке» своей «бедной жизни» (там же, с. 62), а также примирит. финалы и добродушный юмор. Рассказы отмечены нек-рым однообразием повествования, надуманностью отд. ситуаций и образов, а вместе с тем написаны, по словам В. Кигна (В. Л. Деллова), с «большой... поэтичностью» (цит. по: Чехов. Письма, XI, с. 626).

Они в целом довольно высоко оценивались современниками: «Красивая легкая форма, стройность композиции, яркость... образов, психол. проникновение и тонкая наблюдательность» (Беллестрист, с. 173); «Все его рассказы полны думой, глубокой мечтательности... и освещены внутр. огнем юмора, — особого, безыбишного, стихийного, любящего юмора, к-рый в жизни чаще всего встречается у добрых и умных женщин и у монахов» (В. Л. Деллов) — цит. по: Гайдебуров В. П., «Бессарабск» о рассказах Н. — Кн. «Неделя», 1899, № 4, с. 240); «чет и гени сарказма, злой насмешки» (М. О. Меньшиков — «Неделя», 1899, № 13, с. 347; др. положит. рец. 1899: РМ, № 9; МБ, № 5). Вместе с тем нек-рые рассказы расценивались лишь как «умело и складно» написанный «сложный анекдот, порою чисто водовидного свойства» (А. А. Измайлов — БВед, 1899, 9 июля, с. 2). Несоответки рассказов связывались также и с характером писателя: «Это хорошее дарование, но робкое, слабо захватывающее... Нас бы

покодрее и посмелее, значительно расширив сферу наблюдений» (Чехов. Письма, VIII, 276).

Предметом оживленных дискуссий стали рассказы Н. о быте и нравах босиков («Талисман», «Странник» и др.), в к-рых он избежал как этнографич. так и романтизации персонажей. Его имя часто использовалось в полемике против Горького: иск-рые критики призывали к отсутствию в прозе Н. «узкой тенденциозности и партийности» («Жизнь и иск-во», 1899, 24 апр., с. 3); Меньшиков считал его наиболее удачным «изобразителем быта народного», не обывающего, в отличие от Горького, «безудерж. нахрап. шарап... героизмом» (НВ, 1903, 19 окт., с. 3); В. П. Буренин даже утверждал, что Н. — «талант несколько не мейшиный», чем Горький и В. В. Вересаев (НВ, 1899, 2 апр., с. 2); о бесповоротности юдочных мнений писал А. В. Амфитеатов: «Это — конкуренция опытной фанасовой фигурки ... с нахмуренным над Волною угсом Стеньки Разина» (см.: Old Gentleman, Лит. альбом. XVI. — «Россия», 1900, 18 мая, с. 3).

После закрытия «Недели» (1901) и непродолжит. сотрудничества в газ. «Новое дело» (1902), оставшись без работы и средств к существованию, Н. тяжело заболел. Последние рассказы «Ветер с моря» («Отдых», 1901, № 5), «Форма» («Нов. дело», 1902, № 1), «Случай» (там же, 1902, № 7), «Контрасты» (ЖдВ, 1902, № 2), «В неурядице» («Звезда», 1903, 2 нояб.), написанные в духе «Идиллии в прозе», были несозвучны времени и вызвали суждение о творч. истерпанности Н. (см.: Соломин С. (Стечкин С. Я.), Могилла (Памяти Н.) — «Новости и бирж. газ.», 1903, 18 окт.).

Умер в крайней бедности, в психиатрич. больнице.

В некрологич. статьях Н. причислялся то к «мастерам старой школы» (Н. А. Энгельгардт — НВ, 1903, 18 окт.), то к продолжателям традиций народнич. лит-ры (см.: Войтовский; Петров; Краснов). Более гибкую и точную оценку дал Н. К. Михайловский, критически откликнувшись на попытку Меньшикова увидеть в Н. диспенсовское начало: то «талант» нельзя «назвать крупным, но, в противоположность большинству... авторов мелких рассказов, он имел свои... физиономии... все рассказы Н.: какой-нибудь анекдот, случайное совпадение в основе и мягкий, ласкающий, примирительный момент в конце... Сделано это всегда прилично...» (РБ, 1903, № 11, отд. II, с. 90—91).

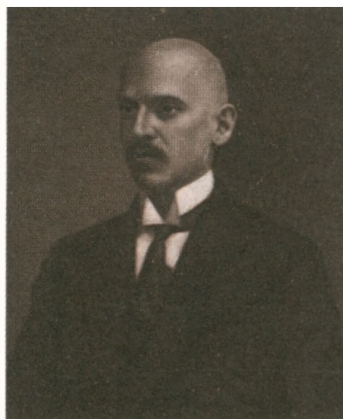
Лит.: Чехов (ук.); Толстой (ук.); Меньшиков М. О., Добрый юмор. — В кн.: Критич. очерки, т. 1, СПб., 1899, с. 400—404; Сבלетрист (Боборыкин П. Д.), Памяти Н. — «Лит. вестник», 1903, т. VI, кн. 6; Краснов П. Л. (Н.), Памяти Н. — «Лит. вечера. Нового мира», 1903, № 11; Петров К. (Медведский К. П.), П. Е. Накрохин. — ИВ, 1903, № 12; Северцев Г. (Полидов Г. Т.), Памяти Н. — «Звезда», 1903, № 85; Любавин Н., Писатель старых традиций. — «Рус. листок», прил., 1903, 9 нояб.; Войтовский Л. П., П. Е. Накрохин. «Идиллия в прозе», — «Киевские отклики», 1904, 10 мая; Бороздин А. К., Рус. лит-ра в XIX в., 2-е изд., СПб., [1911], с. 128; Кулижников Г., Им восторгался Толстой. — «Лит. Россия», 1986, 3 окт. + Некролог, 1903: НВ, 17 окт.; «Одес. новости», 26 окт. (Ал. Ожигов (Н. П. Аппенхов); Брокгауз; Венгров. Источ.: Гранат: ИДРДВ.

Архив: ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, № 77 (автобиография); ф. 155 (справка Н. А. Холловои); РНБ, ф. 118, № 59 (Сюляр П. В. Быкова); ГА Архангельской обл., ф. 46, оп. 1, д. 69 (ф. с. 1876 г.); оп. 3, д. 173; ф. 49, оп. 4, д. 48—49; ф. 50, оп. 1, д. 42 (справка В. А. Волынской); РГИА, ф. 109, оп. 1, д. 169.

М. А. Николаева.

НАРБУТ Владимир Иванович [2(14).4.1888, хутор Нарбутовка Глу-

хов. у. Чернигов. губ. — 14.4.1938], поэт, прозаик, критик. Из старинного укр. дворян. рода, имевшего литов. корни. Отец — Иван Як. (1858—1919), прошедший чиновничий путь от коллеж. рег. до коллеж. секр. Мать — Неонилла Никол., урожд. Махнович (1859—1936). В семье было девять детей. Н., окончив с зол. медалью Глухов. классич. г-зию, с 1906 вместе с братом — художником-графиком Георг. И. Нарбутом (1886—1920) — жил в Петербурге. Учился в Петерб. ун-те (не закончил), сначала на матем. ф-те, затем на ф-те вост. языков, а после на филол. (см. его студench. соч. «Характер разных наций в пословицах и поговорках рус. народа» — ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 519), проводя летние каникулы у родителей, помогая

им по хозяйству и подрабатывая репетиторством. В 1905—06 перенес болезнь, следствием к-рой стала хромота; был освобожден от воинской повинности.

Большое влияние на Н. оказал художник И. Я. Билибин, у к-рого братья жили, — его увлеченность рус. фольклорной демонологией, его культ поэзии И. Конева, ряд неизд. текстов к-рого Билибин передал Н. Этногр. интересы и внимание к истории быта, собственные художникам «Мира иск-ва», передаются и Н., к-рый начал писать компилятивные нравоописательные очерки (первая публикация — «Соловецкий монастырь» — «Бог — помощник!», 1908, № 8; затем в 1909—10 ряд очерков в «Сб-ках рус. чтения»).

В дек. 1908 Н. опублик. первые стихи. — «Осенний сад, осенний сад», «Светлый луч» («Светлый луч», № 2), в 1910 издал сб. «Стихи. (Год творчества первый)» (СПб.; оформление Г. Нарбута). Стихи описательны, заметно влияние И. А. Бунина, встречаются метрич. погрешности, но именно это последнее качество неожиданно находит поддержку в среде младших символи-

стов, к-рые увидели в «корявости» Н. средство «изобразительной экспрессии» (В. (А.) Пяст — «Gaudemus», 1911, № 5).

В неподписанной рецензии С. М. Городецкий в «искусном, неловком, космопол. сплюскающемся» стиле Н. увидел залог «настоящей живой поэзии», а также проинципиально определил сильные и слабые стороны нарбутовской стилистики, сопоставив к-рых отлочно всю поэтич. продукцию Н. впоследствии: «Он бытовик, но он не мертвенно бредет за своей натурой, а преобразует ее. Кое-где его образы подымаются до мифотворчества. Кое-где он срывается в бездну мертвой метафизичности» («Против течения», 1910, № 8, с. 4). «Умение и желание смотреть на мир своими глазами, а не сквозь чужую призму» (Брюсов В. Я., Собр. соч., т. 6, М., 1975, с. 363) позволили Н. дать россыпи метких наблюдений и точных свежих деталей укр. пейзажа и быта — мотивы его ранней лирики свела А. А. Ахматова в поэм. см. стих. «Про стихи» (1940). Сб-к тематически обужен «картинами природы», но это было «своеобразным приемом сильного таланта, развивающего свои способности поодиночке» (Н. (С.) Гумилев — «Аполлон», 1911, № 6, с. 75; др. рец.: А. Юж-ин (А. Иерусалимский) — «Восход», журнал, 1911, № 2; Н. А. (Брамович) — «Студench. жизнь», 1910, 7 нояб.; Г. Франк (П. Б. Файншенич) — «Весна», 1911, № 24; С. Рюхфельд — «Gaudemus», 1911, № 3; И. Д. — «Светлый луч», 1911, № 1.

С нач. 1911 Н. активно сотрудничал в студench. ж. «Gaudemus» (вышло 11 номеров), где руководил отделом поэзии и выступал с краткими рецензиями. Через журнал познакомился с др. модернистами. Посещая собрания молодых поэтов у Городецкого, сблизился с кругом будущего Цеха поэтов, куда вошел с образованием Цеха в окт.—нояб. 1911. Участвовал в критич. атаке Цеха на Вяч. И. Иванова (рец. на «Cor ardens» — НЖдВ, 1912, № 9, стб. 121) — ср. его шутилов. стих. о «Вячеславе, Чеславе Иванове» (см.: Пяст, с. 257) — и стал адептом зарождавшихся в недрах Цеха идей «адамизма» и «акмеизма», пропагандируя необходимость для художника «хорошего вкуса и знающего меру восприятия» («Голос земли», 1912, 13 февр.) — правило, к-рое Н., к счастью для своей творч. самореализации, постоянно нарушал. Акмеизм он считал «школой, выступившей в защиту всего конкретного, действительного и жизненного» (НЖдВ, 1913, № 5, стб. 149). В своем сочинительстве следовал этим идеалам по двум разнокачественным направлениям: слагая множество выдержанных в нейтрально-традич. стилиевой манере календарно-пейзажных стихотворений, печатавшихся едва ли не во всех столичных изданиях (кроме того, поставляя большое количество мелкой прозы для Бюро рус. журналов, распределявших ее по провинц. газетам), и создав свою, крайне своеобразную и неожиданную поэтику, сочетающую уютную зловещесть с «щемящей и невообразимой нежностью» (Паустовский К. Г., Собр. соч., т. 5, М., 1982, с. 150), не вовсе бесследно прошедшую для рус. поэзии (в первую очередь, для т. н.

южнорус. школы, включая, возможно, прозу ценного им И. Э. Бабея, и для раннего Н. А. Заболоцкого). Произведения этого направления (в отличие от первого, к-рое не сводилось под обложкой поэтик. сборников) представлены в трех осн. книгах Н.: «Аллилуйя», «Плоть», «Александр Павловна».

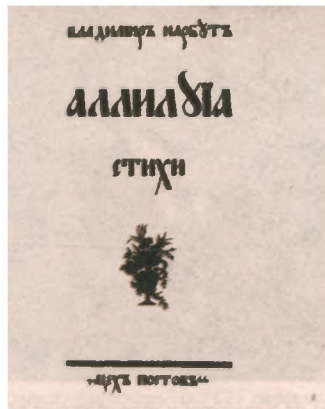
В апр. 1912 вышел сб. «Аллилуйя» (СПб.; оформление Билибина и Г. Нарбута; набран церковнославян. шрифтом с киноварными заглавными буквами из старопечатной псалтыри). В инскрипте Вас. В. Гиппиусу Н. назвал себя «земляком» (Отдел редких книг РНБ), т. е., по формулировке Городецкого, «осмысленно и непреклонно возлюбившим землю» («Аполлон», 1913, № 1, с. 49), на что А. А. Блок заметил: «первое — едва ли» (Б-ка А. А. Блока. Описание, кн. 3, Л., 1986, с. 167). В. Ф. Ходасевич тоже считал книгу «более непростойной, чем умной» (Ходасевич В., Колеблемый треножник, М., 1991, с. 483). Брюсов нашел ее менее удачной, чем первая книга, и свел к поискам «захватского» «русского стиля» [Брюсов (2), с. 369], А. С. Рославлев аттестовал Н. «грубым, нечистоплотным и нарочитым» («Воскресная веч. газ.», 1912, 12 авг.), сходным было мнение И. Н. Игнатова (РВед, 1913, 6 апр.); см. также отзыв С. А. Адрианова (ВЕ, 1912, № 7).

Персонажи 12 стихотворений сб-ка — многообразная нежить, ушедшее духовенство, пьяны, босые и вымирающее дворянство. Мир книги наполнен колючей, отрывистой утратой, салыными обесками, гнидами, сонным в крапиве, коростой, рвотным маслом, плодящимися мухами, вонью онучей, сукровицей, случкой жеребнов, прелею, сладкой духотой, клаустрофобическим воем. Гротескная статика грузной гармонии обличена в тяжеловесное развешивание синтаксических переусложненного стиха. «Пленительность безобразия и право «всего должного отвержения» на внимание отстранял в своем отзыве Гумилев («Аполлон», 1912, № 6, с. 54, 53). Городецкий провозгласил «акмеистическим реализмом» одновременность миров вещей и людей в их совместном прославлении всех форм бытия («Гиперборей», 1912, № 2, с. 27; б. н.). Дел. по-лиции изымал книгу из продажи постановлением суда за порнографию («Книжная летопись», 1912, № 21, с. 38; № 22, с. 43. Конца приговора Петерб. окружного суда от 18 сент. 1912 об ее уничтожении — РГИА, ф. 777, оп. 18, д. 68, л. 7: справка Н. М. Корневой).

В 1912—13 Н. часто выступавший как обозреватель поэзии, ратует за обязательность для поэта «строгой программы» («Совр.», 1912, № 5, с. 363), за осознанный индивидуальный «взгляд на мир Божий» (там же, 1912, № 3, с. 337), «вечный, простой и ясно-понятный мир» («Новая жизнь», 1912, № 9, стб. 266), за «настоящую, не книжную жизнь» (ВЕ, 1913, № 8, с. 356), за непременно «новые образы» («Новая жизнь», 1912, № 10, стб. 259). В своих рецензиях он борется с «риторичностью», выделяя, однако, у каждого поэта «напряженно-упорные, тугие строки», как правило, содержащие точ-

ное «прозаическое» наблюдение, и определяя достоинство поэзии свойством «в двух-трех сжатых строках выразить длинный прозаический отрывок» (НЖДВ, 1913, № 4, стб. 175).

В стихах, написанных в 1912—14, позднее составивших сб. «Плоть» (Од., 1920), Н. стремится облечь свой «быто-эпос» (подзаголовок сб-ка) в «метафизический сюרק» (слово в коллективном экспромте Цеха поэтов). В стих. «Столяр» («Гиперборей», 1912, № 1) с его «благотой строгостью чинного и четкого стиха, твердостью и внушительностью старинной жизни и бытовой вещественностью образов» (А. Левинсон — «Театр», 1912, 25 нояб.) ветхозаветные знаки божьего благословения осеняют будничны труд. Сквозь «кошмарные, как рисунки Гойи, картины» (М. Зенкевич —

В. Нарбут. «Аллилуйя». 1912. Обложка. Худ. Г. И. Нарбут.

«Культура», Саратов, 1922, № 1, с. 6), сквозь экстатическую утробную эротику, тлен и распад, изображенные «настолько реалистично, что граничит прямо с мистическим» (А. Лейтес — «Театр. Лит-ра. Музыка... Живопись. Кино», Х., 1922, № 7, с. 5), проступает «божественная физиология, бесконечная сложность нашего темного организма» (О. Э. Мандельштам — ст. «Утро акмеизма», 1912—14; напечатана впервые Н. в ж. «Сирена», В., 1919, № 4/5). Крутооборот плоти, неистребимость живущего, создание земного, не небесного, рая «из навоза», метаморфозы провалившихся носов и распаренных задниц, убой скота и аутопсия преломлены через христианский мотив смерти, попирающей смерть (стих. «Предпасхальное», в поздней ред. — «Пасхальная жертва»). Духовные странствия Григория Сковороды (стих. «Одно влеченье: слышать гам...») неотделимы от конкретики вязкого усадебного быта

(эпиграфом к сб. Н. взял стих В. Д. Гарднера: «Что подвиги? Подвижничество — мир»). Морализующие вкрапления в стиховые натюрморты и жанровые сценки (вызывающие ассоциации с голландской живописью — см.: В. С(обор)рей — «Иск-во и театр», Таш., 1922, № 2, с. 9) связаны с обсуждением программных тезисов в кругу изобретателей акмеизма: «Поприспешней шупай. Поприспешней гляди. Живи...». В письме к М. А. Зенкевичу от 7 апр. 1913 Н. уточнял, объединяя себя и адресата: «А мы — и не акмеисты, пожалуй, а натуралисты-реалисты. Бодлер и Гоголь. Гоголь и Бодлер» («Арион», 1995, № 3, с. 47). Внимание Н. привлекали и футуристы, логика стиливого поиска к-рых была параллельна и одновременно на рубежах Нарбута. Отмеченный Брюсовым как «смелый» [Брюсов (2), с. 400] образ — «Луна, как голова, с которой кровавый скальп содрал закат» («Ведьма» — «Гиперборей», 1912, № 3) — созвучен метафорике кубо-футуристов (ср. о «борьбе за новую тематику» и попытке «создать осязаемый мир»: «Здесь вел людей намагниченный футуристами Нарбут и Зенкевич, намагниченный Нарбутом» — Шкловский В., «Юго-Запад». — ЛГ, 1933, 5 янв.; о Н. как «акмеистическом футуристе» см.: Markov V., Russian futurism. A history, L., 1968, p. 139). Пограничное положение уникального метода Н. при осознании его оригинальности и талантливости соединения «бесстрашного реализма» с самой причудливой фантастикой приводило к восприятию его как поэта «без признаков традиции и школы» (Гиппиус Вас. В., Цех поэтов. — В кн.: Ахматова А., Десятые годы, М., 1989, с. 85).

В окт. 1912 Н., чтобы избежать суда за издание сб. «Аллилуйя», при содействии Гумилева принял участие в этногр. экспедиции в Сомали и Абиссинию. Пятимесячное путешествие по Африке отразилось в его стихах («В пути» — «Сельск. вест.», 1913, 27 янв., «Пустыня Сомалийская» — там же, 1913, 28 апр.; «Джеда» — «Весь мир», 1913, № 17; «Прокаженные в Хараре» — НЖДВ, 1913, № 5; «Абиссиния» — «Гиперборей», 1913, № 9/10) и прозе («Город раса Маконена» — «Весь мир», 1913, № 20; «Рождественская ночь в Абиссинии» — «Варшав. дневник», 1913, 27 дек.). По возвращении в марте 1913 (после амнистии по случаю 300-летия дома Романовых) взял на себя издание и редактирование «Нового ж-ла для всех», печатал там подборки стихов членов Цеха поэтов, выступал с рецензиями (№ 4, 5). Запутавшись в финансовых делах (см. его письмо В. В. Брусняну от мая 1913: «обстоятельства сло-

жились так нехорошо для меня» — РГАЛИ, ф. 42, оп. 2, № 5), Н. продал права на журнал изв. «ревнительно устоев» А. Л. Гарязину (см. изложение истории: ЖЖ, 1916, № 35, с. 8—9; ср. стилистический пересказ ее: Иванов Г. В., Стихотворения. Третий Рим. Петерб. зимы..., М., 1989, с. 375—378; в изображении Н. у Иванова царит отсебятина — ср. с. 558—59). По-видимому, под впечатлением обществ. осуждения этого поступка Н. вскоре уехал на родину и, судя по его письмам Зенкевичу 1914—16, был достаточно оторван от столичной жизни, хотя у него и вышел в 1913 в Петербурге сб. «Любовь и любовь» (миниатюрное изд.; рец. А. Ч. (Саша Чёрный) — «Совр.», 1913, № 5; перепечатано с такой атрибуцией в альм. «Поэзия», в. 54, М., 1989, с. 198—99), а в 1914 он печатался в петерб. ж-ле «Аргус». В 1914—18 был женат на дочери ветеринара, врача Нине Ив. Лесенко (1895—1966). В годы войны печатался в местной периодике.

К 1917 Н. примкнул к левым эсерам. После Февр. революции вошел в глуховский Совет, склоняясь к большевикам. Под новый 1918 год семья Н. подверглась нападению банды, брат был убит, а сам Н. ранен, вследствие чего пришлось ампутировать кисть левой руки. Весной 1918 Н. отпущен партией в Воронеж для организации большевистской печати, где помимо исполнения прямых обязанностей он издавал «беспартийный» (без обществ.-полит. отдела) ж. «Сирена» (1918—19, № 1—5 в трех вып.), объединивший на своих страницах значит. имена тогдашней рус. лит-ры (см. подробнее: Крюков А., Редактор Н. — «Подъем», 1987, № 11). За публикацию именных новаторов журнал подвергся резкой критике местных коммунистов («Революция и просвещение», В., 1919, № 2; подпись Пролетарий). В Киеве в 1919 участвовал в издании ж. «Солнце труда» и «Красный офицер»; 8 окт., попав в занятый белыми Ростов-на-Дону, Н. как «коммунистич. редактор» и чл. Воронеж. губ. исполкома арестован контрразведкой (см. об этом — «Веч. время», Р. н/Д., 1919, 9 окт.). Освобожденный из тюрьмы при налете красной конницы, он официально вступил в РКП, снова командирован на Украину, в 1920 возглавил Одес. отделение РОСТА (см. подробнее: Берловская Л., Н. в Одессе. — РЛ, 1982, № 3), организовал выпуск ж-лов «Лав» и «Облава» (в к-рых печатался и сам, в т. ч. под псевдонимами), завел дружбу с молодыми поэтами — Э. Г. Багрицким (впоследствии Н. был издателем мемуарного сб-ка о нем). Ю. К. Олешей (см.: Олеша Ю., Нидня без строчки, М., 1965, с. 259), В. П. Катаевым (отплатившим Н. не-

доброжелательным шаржем в своем соч. «Алмазный мой венец», 1978: «колченогий»). С 1921 Н. заведовал Укроста в Харькове (преобразовал его в Радиотелеграфное агентство Украины), печатался в местных газетах и журналах, в т. ч. восп. о Блоке («Календарь иск-ва», Х., 1923, № 1), В. М. Дорошевиче («Худож. мысль», Х., 1922, № 3), некролог Городецкому (при ложном известии о смерти; «Коммунист», Х., 1921, 30 авг.). В последнем Н. говорит о себе и подобных пришедших к большевикам деятелях иск-ва как об «очерствелых в неустанной повседневной борьбе за раскрепощение человечества», обросших «плотной бегемотией шкурой». Свою былую «поэзию „зомби“» (см.: Бетакки), образы карнавала плоти в новых стихах («Красноармейские стихи», Р. н/Д., 1920; «В ог-

В. Нарбут. «Аллилуйя», 1919. Фронтиспис. Худ. Г. И. Нарбут.

ненных столбах», Од., 1920; «Советская земля», Х., 1921) Н. относит теперь на счет уничтожаемого мира эксплуататоров. В статьях он борется за поэзию как «выразительницу чувств и идей Великого Октября» («Коммунист», Х., 1921, 14 мая), однако собств. стихи ему приходится растолковывать новому читателю («Белье» — «Календарь иск-ва», 1923, № 2; автокомментарий и осуждение «от редакции» — № 4). В 1922 в Одессе переиздается «Аллилуйя» (с кратким анонимным предисл. автора; в этом изд. Н. снял эпиграфы, связывавшие его бурлескную топикку с укр. лит. традицией — Г. Сквороды, И. П. Котляревского, В. Т. Нарезного, Н. В. Гоголя, Е. П. Гребенки). В том же году издается написанный в 1910-е гг. сб. «Александра Павловна» (Х.) — последняя прижизн. книга и, по-видимому, вершина лирики Н., сборник лирич. импровизаций, властных и предельно свободных («где точек больше, чем слов» — Катаев В., «Фантомы». —

«Накануне», Б., 1924, 1 янв.). Сб. «Казненный Серафим», подготовленный в 1920-е гг. (см.: «Корабль», Калуга, 1923, № 1/2, с. 48), до печати не дошел. Набор сб. «Спираль» был рассыпан в 1936. Указанные в библиографии Тарасенков; Рус. сов. поэты) поэтич. сб-ки Н. «Вий» (П., 1915), «Веретено» (К., 1919), «Стихи о войне» (Полтава, 1920) не обнаружены.

С 1922 Н. работал в Наркомпросе в Москве, с 1924 — зам. зав. отделом печати при ЦК РКП(б), с янв. 1927 — один из руководителей ВАПП. Был редактором ж-лов «30 дней» и «Вокруг света», основателем и пред. правления изд-ва «Земля и фабрика», «собирателем литературы Земли Союзной», по формуле А. С. Серафимовича (А. Крюков — «Подъем», 1987, № 11, с. 119). В качестве такового являлся конкурентом видного организатора лит. процесса А. К. Воронского — вероятно, это обстоятельство и породило слух, что именно по инициативе последнего партийные инстанции рассмотрели вопрос о скрытии Н. своих показаний белой контрразведке в Ростове (см. публ. письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве из архива Гуверовского ин-та — «Stanford University 1987. Stanford Slavic Studies», t. 1, [№ 3], Stanford, 1987, p. 29; ed. by L. Fleishman; Мандельштам Н., Вторая книга, М., 1990, с. 51, и по ук.); это стало причиной исключения его из партии («Правда», 1928, 3 окт.). После этого Н. жил лит. подпольщиной, однако в 1933—34 снова стал писать стихи, исповедуя лозунг «научной поэзии» (см. отчет о вечере «Красной нови» — ЛГ, 1934, 20 мая). Был изруган за «насилованное шукачество заблудившегося и в поэзии, и в нашей действительности интеллигента» (В. Я. Кирпотин — «Октябрь», 1936, № 6). 26 окт. 1936 арестован по доносу, осужден 23 июля 1937 на 5 лет, этапирован в пересыльный лагерь под Владивостоком и затем в ноябре — в Магадан, повторно судим тройкой НКВД 7 апр. 1938 и 14 апр. расстрелян (по нек-рым свидетельствам, утоплен на барже — эту версию принимал М. Зенкевич — см. его стих. «Памяти Владимира Нарбута», 1940) (подробности см.: Бирюков А. М., «Считать умершим от сердечной недостаточности...». — В его кн.: Последний Рюрикович, Магадан, 1991, с. 18—46).

Стихотворное, а особенно прозаич. наследие Н. в полном объеме пока не собрано и не выявлено.

Изд.: Избр. стихи, Париж, 1983 (подг. текста, вступ. ст., прим. Л. Чертова); Стих., М., 1990 (вступ. ст., сост. и прим. Н. Былинской и Н. Папченко); Ново-Басманна, 19, М., 1990, с. 313—35 (вступ. ст. Т. Р. Нарбут и В. Н. Устиновского; 26 стих.); Рус. поэты «Серебряного века», т. 2 — Аксентис, Л., 1991, с. 228—62, 401—05 (вступ. ст. и комм. Н. Ю. Грыкаловой);

тератором-переводчиком, товарищем Н. по ун-ту.

К 1812 Н. завершил трагедии «Елена», «Светлосан» (обе «в обыкновенных шестистопных стихах») и «Святополк», «писанный в подражание Шиллеру, пятистопными белыми стихами» (Греч, Избр. места..., с. 447); трагедии не были изданы, а «Святополк» в 1806 запрещен театр. цензурой, посчитавшей «неприличным» выводить на сцену святого кн. Владимира (см.: Описание дел архива Мин-ва нар. просв., т. 2, П., 1921, с. 14).

К 1812 Н. завершил в целом (см.: Греч, Избр. места..., с. 447) произв., ставшее главным в его наследии, — роман в 6 ч. «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (ч. 1—3, СПб., 1814; ч. 4—6 изданы лишь в 1938). Он построен по модели плутовского романа: сюжет разветвляется как последовательное нанизывание приключений героя, вынужденного нести службу у разл. хозяев, с мн. вставными эпизодами и побочными сюжетными линиями, а преобладающий характер повествования — от первого лица (пренм. гл. героя). В отличие от «классического» — односюжетного, со вставными новеллами, — плутовской роман Н. композиционно усложнен: в нем переплетены как минимум три осн. сюжетные линии (с соотв. сменой повествователя). Подчеркивая в предисл. связь романа с лит. образцом, одним из самых популярных в России кон. 18 — нач. 19 вв. европ. романов — «Похождениями Жиль Блаза из Сан-тильяны» А. Р. Лесажа (1715—35, рус. пер. 1754—55), Н. определял свою цель как «изображение нравов в разл. состояниях и отношениях», чтобы дать целостную картину всей русской жизни. Установка на эмпирич. бытописание, показ широкой галереи социальных типов связывают его роман также с моралистическо-сатирич. традицией рус. лит-ры (сатирич. журналистика 18 в., Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов), а в резко сатирич. освещении в первую очередь нравов дворян. среды проявился общий демократизм лит.-обществ. позиций Н.

Определяющие черты системы лит.-философских представлений Н., отразившейся в романе, — следование идеям Просвещения и увлечение Ж. Ж. Руссо. В соответствии с этим авантюрно-плутов. сюжетная модель подвергается существенной деформации: отсутствует традиционный герой-плут; повествование лишено общеплута. для плутовского романа этич. объективизма. Кн. Чистяков переживает процесс личностного становления, морального совершенствования и просвещения. В антипросветит. нравственно инертную «философию слепого случая», основополагающую изначально для плутовского романа, Н. принизил, рассекл. представления о доброй природе человека, искажаемой противоестествен. общественной жизнью. Руссоизм заметен и в обществ. идеале автора, отчасти воплощенном в картине удачной жизни Простакова, — в культурном и добропорядочном имени, противосто-

стоящем как невежеству окружающего помещного дворянства, как и развращенности большого света (модель просвещенной дворян. усадьбы перейдет в последующие ром. Н., а наиб. полное изображение получит в ром. «Аристон»). Положит. филос.-этич. программу, сочетающую руссоизм, элементы стоицизма, аскетизма и своеобраз. натурфилософию с проповедью морального самосовершенствования, исходящего из дарованных «высоким Создателем» «бессмертной души и свободы воли» (Соч., т. 1, с. 536), Н. представил (см. ч. 5, гл. XI—XV) в образе и судьбе странствующего философа Ивана Особняка (один из возможных прототипов — укр. мыслитель Григорий Сковорода).

Сатира на дворянство и бюрократич. верхушку, порой резко обличительная («тщеславный и развратный свет», «князья и графы и великие мира сего, близкие к престолу», чинят произвол, «опустошают деревни», пускают «по миру целые тысячи»; см.: там же, с. 102), неизбежно вызвала бы цензурные препятствия. Еще до подачи в офиц. цензуру Н. сделал ряд купюр и внес «эзоповские» перемены (наиб. существенная — перенесение действия из Петербурга в Варшаву в 5-й ч.). И все же мин. нар. просвещения А. К. Разумовский нашел в вышедших 3 т. «многие предосудительные и соблазнительные места» (см. в изд. романа 1938: т. 1, с. 472), и печатание романа было остановлено на 4-й ч. Изданные весной 1814 три части запрещены к продаже Мин-вом полиции, что, видимо, побудило автора не писать заключит. главы 6-й ч. (Долгое время роман распространялся в списках с изд. 1814; попытки изд. романа в 1835, 1841 и 1863—1864 остались безрезультатными; впервые полный текст издан в 1938.)

«Российский Жилблаз» — наиб. полный источник сведений о лит. взглядах Н. Автор. позиция в романе полемична: последовательно отрицаются «рыцарский» и «волшебный» романы как бесполезные или даже вредные для нравств. воспитания, «восточные» повести, франц. классицизм и культ античности, «легкие» комедии, лит. идеалы, и пиничковистов и карамзинистов. Н. не обошел критикой даже свои прежние лит. ориентиры, давая насмешливую характеристику пьес нем. и англ. образца; позже в «Аристотеле», в противовес модным «готическим» романам, он выдвинул провозглашения К. М. Виланда, Г. Филдинга и Ж. Ж. Руссо. Для его сознания характерно эмпирич. отрицание как лит., так и любых иных теорий и программ (см.: Лотман, с. 18—19); яркие примеры тому — нападки на «философов» и «метафизиков» в «Российском Жилблазе» или иронич. изображение ученых в «Аристотеле».

Неудача с «Российским Жилблазом», вероятно, стала причиной возвращения Н. на службу: 11 марта 1815 определен столоничальником в Инспектор. деп. Воен. мин-ва (в 1816 пожалован орд. св. Анны 3 степени; с 1818 навл. сов.); уволен от службы «за болезнью» 10 сент. 1821. В эти годы, вероятно, при посредстве Н. И. Розенмейера сблизился с ВОЛРС, не вступая в его члены; в 1818 ему было выдано одно из первых денежных пособий об-ва (см.: «Соревнователь», 1818, № 5, с. 268—69; 20 мая 1818 Н. читает в ВОЛРС пов. «Игорь» (там же, с. 267), к-рую публикует в ж-ле об-ва («Соревнователь», 1818,

№ 9; с пометой «Пятый славенский вечер»). Там же печатаются его пов. «Любослав» (1818, № 11—12) и «Александр» (1819, № 7), продолжавшие «Славенские вечера»; выдержанный в общей для цикла манере героич. сказания «Александр» является откликом на события 1812—1815, представляя императора под стенами Парижа. (Еще в апр. 1818 Н. передал отцензурованную рукопись 2-й ч. «Славенских вечеров» об-ву, но объявленное об-вом издание не осуществилось, поскольку права на 1-ю ч. книги принадлежали др. лицу.) В 1818 Н. предпринял попытку издать через ВОЛРС роман «Черный год, или Горские князья».

Время написания романа, выросшего из кавк. впечатлений Н., точно неизвестно. Не исключено, что он явился первым ром. Н., написанным еще на Кавказе или вскоре по возвращении (см.: Белозерская; Шааур). Вероятнее, однако, что «Черный год» писался одновременно с «Российским Жилблазом» или даже после него (см.: Степанов; Натарева). В об-ве его оценили неоднозначно: «даже предметы весьма уважасмые — правление и религия — его [автора] не останавливают», неск-рые места «могут послужить образцом отрицательнейших изображений» и уже по одной сатирич. цели роман не принадлежит занятым об-ва — отыв секретаря ценз. к-та ВОЛРС М. М. Сонина (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 2, л. 236); др. рецензент, А. Е. Измайлов, также отмечая «места противные благораспорядности и дерзости, но весьма плоские шутки насчет религии и самодержавной власти», признал тем не менее «Черный год» едва ли не лучшим ром. романом (там же, л. 321).

В основе «Черного года» лежит близкая к «Российскому Жилблазу» жанровая схема: авантюрно-плутовской сюжет со множеством приключений, интриг, вставных эпизодов. Герой, молодой осетин. князь, пережив все злоключения, возвращается в свое княжество мудрым и просвещенным государем, а его владение принимает вид, напоминающий о культурных поместьях др. романов Н. Вост. колорит, общая сатирич. манера повествования, сходство в отд. эпизодах сближают «Черный год» с филос.-сатирич. романами Вольтера. Восточная символика подчеркивает элементы полит. сатиры на действия высшей рус. администрации в Грузии или, по мнению др. исследователей, аллегорич. изображение бесправия и беспорядка на Кавказе в нач. века. Вместе с тем, совр. груз. лит.-веды свидетельствуют, что роман дает довольно близкую этногр.-бытовую картину местности, нравов и обычаев, а описываемые события и лица, вполне вероятно, имели реальную основу. Сатирич. резкость удержала ВОЛРС от публикации романа. Он вышел в свет после смерти автора (т. 1—2, М., 1829) и не встретил одобрения ни у читателей, ни у критиков [рецензент «Атеней» (1829, № 21) назвал его худшим романом Н.].

В последние годы лит. деятельность Н. становится интенсивнее. В 1822 публикуется «справедливая по-

весь» «Аристон, или Перевоспитание» (СПб.), в 1824 три части «Новых повестей» (СПб.) и роман «Бурсак. Малорос. повесть» (ч. 1—4, М.; [7-е изд.], М., 1912), привлекавшие к Н. внимание критики; завершается пов. «Два Ивана, или Страсть к тямбам» (М., 1825; выходит вскоре по смерти Н.), готовятся к переизд. дополненные «Славянские вечера» (ч. 1—2, СПб., 1826) и «Дмитрий Самозванец» (список с изд. 1804, видимо, авторизован, подавался в 1829 в театр. цензуру; 2-е изд., М., 1830).

При общей бедности биограф. сведений о Н. трудно точно судить о времени и последовательности написания большинства его произв., а дата выхода их в свет не надежное основание. Это явствует, в частности, из состава весьма неоднородного в жанрово-стилистич. отношении сб-ка «Новые повести», включившего сентиментальную повесть «Мария», повесть типа «православных» с элементами бытописания «Богатый бедняк», драм. фарсы «Невеста под замком» и «Заморский принц», «юсточищу повесть» «Турецкий суд» и первый опыт Н. в ист. повествовании — «Запорожцы». «Турецкий суд» еще в 1818 предполагался к напечатанию в «Соревнователе» вместе с нескор. повестью «Адрес-календарь» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 34, л. 73). «Заморский принц» по времени близок к работе над «Российским Жилблзном», в 4-ю к. к-рого включен (судя по рукописи, уже после ее завершения) как самостоят. вставной эпизод.

В «Аристоне» Н. избирает сюжетным образцом «роман воспитания» и примыкает к традициям критики поверхностного дворян. воспитания, французомании, пороков светского об-ва, сложившимся в рус. нравоописат. прозе (в первую очередь в «письмах» и рассказах Н. И. Новикова, в ром. «Евгений» А. Е. Измайлова). Прозаик, однако, делает акцент не на нравоописании: он рассказывает о перевоспитании в родительском поместье развращенного светом и модным образованием молодого человека; причем принципы воспитания «просвещенного человека» в значит. мере ориентированы на идеи Руссо — чистоте чувств и любви герой учится, читая «Новую Элоизу». В веренице эпизодов посещения Аристона соседней-помещиков предстает ряд комич. типов, воплощающих человек. пороки (прием подобно «путешествия» героя позднее использован Н. В. Гоголем в «Мертвых душах»). В комич. сценах повести, как и в прежних романах, сказались склонность Н. к гротеску и карикатурности в бытовых описаниях.

Наиб. полно особенности комизма Н. проявились в повести «Два Ивана, или Страсть к тямбам», целиком заключенной в сфере помещишко-простонос. быта. Ее сюжетная основа — ссора двух соседней-помещиков, перешедшая в непримиримую многолетнюю войну, и сатирически изображенное судопроизводство (также послужили одним из источников гоголевской «Повести о том, как поспорили Иван Иванович с Иваном

Никифоровичем»). Гротескный реализм сочетается в «Двух Иванях» с трагическими мотивами «высокой» лит-ры, что связывает прозу Н. с пародийной (бурлескной) традицией укр. нар. театра и укр. письменной лит-ры («Энеида» И. П. Котляревского). В новейшей исследовательской лит-ре эти особенности прозы Н. связываются с эстетикой укр. барокко — см. работы П. В. Михеда в разделе Лит. Именно укр. ориентация такого сочетания предопределила натуралистичность описаний, выразит. выпуклость (порой даже грубоватость) простонар. языка, в к-рых рус. критика усматривала недостаток образованного, изящного вкуса, несоответствие эстетич. требованиям иск-ва и к-рые создали Н. (наряду с Измайловым) репутацию «русского Теннера».

В «Двух Иванях» и ром. «Бурсак» закрепился переход Н. к малорос. материалу, лишь намеченный в «Аристоне» и «Запорожце». В «Бурсаке» он возвращается к излюбл. авантюрому сюжету, но разрабатывает его на укр. ист. фоне; действие романа разворачивается в эпоху соединения Украины с Россией. Не стремясь особо к ист. достоверности лиц и событий, романтизм соблюдает в то же время точность в «общезитейских» и этногр.-бытовых подробностях (описание укр. бурсы, гетман. двора, шляхетства, Запорожской Сечи); именно ист. бытописание в значит. мере определило читат. успех произв.

«Бурсак» и «Два Ивана» принесли Н. лит. известность. «Бурсак» критика признала лучшим рус. ориг. романом, образцом изображения «мстности» и народности, доказывающим талант, ум и наблюдательность автора (реп.: «Благ.», 1824, № 15, 16; СО, 1824, № 41; ДЖ, 1825, № 3). П. А. Вяземский в отзыве о «Двух Иванях» признавал Н. первым писателем, опровергнувшим мнение, что «наш нар. быт не имеет или имеет мало окончательной живописности, кои мог бы охватить наблюдатель при составлении рус. романа» (Вяземский, I, 204).

Последний роман, над к-рым Н. работал перед смертью, «Гаркуша, малороссийский разбойник» — наиб. социально острое произв. писателя. В образе гл. героя, легендарного укр. разбойника Гаркуши, выразились просветительские представления о врожденной доброте человека. Гаркушу, «снабженного от природы весьма достаточными дарованиями, а потому неоспоримым правом на счастье» (Избр. соч., т. 2, с. 459), толкают к злодейству в первую очередь существующие обществ. отношения, жертвой к-рых он становится. Бытовой фон романа — разоблачит. картины укр. помещичьих нравов, и на нем Гаркуша в определ. смысле выступает в роли нар. мстителя. Сюжетно-композиционно «Гаркуша» ориентирован на массовый нем. «разбойничий» роман (К. А. Вульпиуса и его подражате-

лей) кон. 18 — нач. 19 вв., широко распространенный в европ., в т. ч. и в рус., переводах.

Традиционно считается, что работу над «Гаркушей» прервали болезнь и смерть писателя. Однако сохранившийся текст (ч. 1—3 и нач. 4-й) является беловой рукописью, очевидно, предназначившейся для подачи в цензуру; возможно, что роман был завершен и смерть Н. прервала не работу над текстом, а уже его перепечатку. Попытки семьи опубликовать роман в 1835 оказались тщетными. Цензор А. Л. Крылов отменил, что гл. лицо расколагает к нежелательному участию и сожалению, а «направление романа может само по себе иметь вредное влияние на умы того класса читателей, для к-рого он предполагательно назначался» (см.: там же, с. 610; ср.: ИРЛИ. I. 6. 132). Впервые роман опубликован в сб. «Рус. повести XIX в. 20-х — 30-х гг.» (т. 1, М.—Л., 1950). (Существует свидетельство, что впервые вышел на укр. яз.: «Гаркуша, малороссийский разбойник», Львів, 1928, изд-во «Дек».)

Недооцененный при жизни современниками (практически не знавшими его лучшего ром. «Российский Жилблз»), Н. уже в год смерти был по сути дела признан основателем рус. бытового романа. В отзывах В. Г. Белинского и И. А. Гончарова, назвавшего Н.-прозаика писателем «школы Фонвизина» и «предтечей Гоголя» (Гончаров, VIII, 474—475), закрепился взгляд на творчество Н. как на необходимое переходное звено между бытописат. просветительской традицией 18 в. и гоголевским периодом рус. прозы.

Др. произв.: «К Аристону (Из Горация. Ода 22, кн. 1)» и «К другу моему» («Приятное и полезное...», 1798, ч. 18), «Римская ревность» и «Снежинка. Басня» («Иппокрена», 1799, ч. 1), «Розы» и «Дуб» (басни; там же, 1799, ч. 2), «Ольга на гробнице Игоревой. (По Татищеву летописцу)» — [прозаич. фрагмент; там же, 1800, ч. 6, с. 337—45, 6. п.; с большой степенью вероятности атрибутируется Н. на основании текстуральной близости к пов. «Игорь» из 2-й ч. «Славянских вечеров» (см.: Резанов, с. 53)].

Изд.: Романы и повести, ч. 1—10, СПб., 1835—36 (реп.: БЧЗ, 1836, т. 17); Избр. романы, [М.—Л.], 1933; Бурсак: Роман, Львів, 1928, ч. 1/2 и ч. 3/4; Гаркуша, український розбійник, К., 1931; Российский Жилблз... Роман в 6 ч., кн. 1—2, М., 1938 (ч. 4—6 по рукописи; под ред. и с комм. Н. Л. Степанова); Избр. соч., т. 1—2, М., 1956 (вступ. ст. Н. Л. Степанова «Романы Н.»); Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадымова. — В кн.: Стихотв. трагедия кон. XVIII — нач. XIX в. М.—Л., 1964; Соч., т. 1—2, М., 1983 (сост., предисл. и комм. Ю. В. Манна); Избранные М., 1983 (сост. В. А. Гринин, В. Ф. Калмыков); Бурсак... — Два Ивана... — Гаркуша... Романы, К., 1988 (предисл. П. В. Михеда).

Лит.: Вяземский, I, 203—05; Греч Н. И., Избр. места из рус. соч. и пер. в прозе, СПб., 1812, с. 447; Белинский (ук.); Галахов А., Ист. хрестоматия нового периода рус. словесности, т. 2, СПб., 1864, с. 535 (сведения сына писателя, В. Нарезного); Веселовский А. Н., Зап. влияние в новой рус. лит-ре, 5-е изд., М., 1916 (ук.); Белозерская Н., В. Т. Нарезный. Историко-лит. очерк, 2-е изд., ч. 1—2, СПб., 1896; Вейденбаум Е. Г., Н. и его кавк. роман. — В его кн.: Кавк. этюды, в. 1, Тифлис, 1901; Энгельгардт Н. А., Гоголь и романы двадцатых годов. — ИВ, 1902, № 2; Данилов В. В., Земляк и предтеча Гоголя. — КС, 1906, № 3—4; его же, Мелочи лит. прошлого.

Теперь в рус. лит.-ре. — РА, 1915, кн. 1: Бобров Е. А., «Черный год» Н. — «Варшавские университетские изв.», 1908, № 5/6: Каллаш В. В. Т. Нарезный. — В кн.: Ист. рус. лит-ры XIX в., т. 1, М., 1908 (под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского); Соколов Ю. В. Т. Нарезный. (Два очерка). — В кн.: Бессем, Сб. Об.-наст. лит-ры в Москве, [в.] 1, М., 1915: Резанов В. И., Из размышлений о соч. В. А. Жуковского, в. 2, П., 1916: Введенский Д. Н., Н. и Оссиан. — В его кн.: Этюды о влиянии оссианов. поэзии в рус. лит.-ре. Нежин, 1918: Смирин Н., Первый рус. роман о Кавказе. — «Знания», 1935, № 7: Степанов Н. Л., Нарезный. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 5, М.—Л., 1941: Переврзев В. Ф., У истоков рус. романного романа, [2-е изд.], М., 1965: Будрин В. А., Последний роман Н. «Гаркуша, малороссийский разбойник», — «Уч. зап. Молотов. пед. ин-та», Молотов, 1946, в. 10: Елосенский С. Ф., Поэтизм, образы «Слова о полку Игореве» в рус. лит.-ре. кон. XVIII — нач. XIX в. — В кн.: Слово о полку Игореве, М., 1947: Жуковский В. Э., Н. и цензура. — «Труды Азербайджанского ун-та», сер. филол., 1947, в. 2: Шадури В., Первый рус. роман о Кавказе, Тб., 1947: Солдатовский Е. Е., Роман Н. «Российский Жилблаз», (Из истории рус. критич. реализма), — «Уч. зап. Уральской пед. ин-та», Уральск, 1955, т. 2, к. 4: его же, Повесть Н. «Два Иваны», — «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Тр. кафедр рус. лит-ры», 1956, т. 40, в. 2: Бочкарев В. А., Рус. ист. драматургия нач. XIX в. (1800—1815), Куйбышев, 1959, с. 80—104: Лотман Ю. М., Пути развития рус. прозы 1800—1810-х гг. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1961, в. 104: Назарова Л. Н., В. Т. Нарезный. — В кн.: История рус. романа, т. 1, М.—Л., 1962, с. 85—99: Юсупов Р. Ф., Роман Н. «Черный год, или Горские князья», — «Уч. зап. Ин-та истории, языка и лит-ры им. Г. Цаца», сер. филол., Махачкала, 1968, т. 18: Комбай В. А., Н. в Грузии. — «Лит. Грузия», 1970, № 10: его же, Н. в рус. критике. — «Тр. Тбилисского ун-та», 1972, в. 5 — Гуманитарные науки: его же, Первый рус. романтист — «Терпалевский», — В кн.: Лит. сотрудничество народов СССР, [в.] 2, Тб., 1983: Данилевский Р. Ю., Шиллер и становление рус. романтизма. — В кн.: Ранние романтизм, воспоминания..., Л., 1972 (ук.): Лагутов В., Из наблюдений над поэтикой пов. Н. «Два Ивана, или Страсть к таябам», — В кн.: Проблемы поэтики, Самарканд, 1979: Михал П. В., На путях к роману. — В кн.: Жанровые формы в лит.-ре и лит. критике, К., 1979: его же, Изображение личности Г. С. Сквороды в ром. Н. «Российский Жилблаз», — «Вопросы рус. лит-ры», Львов, 1979, в. 1 (33): его же, О природе и характере смеха в романах Н. — Там же, 1983, в. 2 (42): его же, Жанрово-стилевое своеобразие романов Н., К., 1981 (дис.): его же, Повествоват. структуры романа Н. «Российский Жилблаз», (Поиски жанра), — В кн.: Восприятие. Анализ. Интерпретация. (Мат.-лы конференции), в. 2, Вильнюс, 1993: Левин Ю. Д., Оссиан в рус. лит.-ре, Л., 1980 (ук.): Мани Ю. В., У истоков рус. романа, — В его кн.: Диалектика худож. образа, М., 1987: Пайков Н. Н., Н. и ранняя проза Некрасова. — В кн.: Межвузов. сб. Костромского пед. ин-та, № 67 — Н. А. Некрасов и рус. лит-ра XIX — нач. XX в., Я., 1983: Гришин В. А., Проблематика и особенности поэтики «Славянских вечеров» Н. — ФН, 1986, № 1: Кирилук З. В., Супрун О. К., Ром. Н. «Буря» в контексте лит. движения нач. XIX в. — «Вопросы рус. лит-ры», Львов, 1986, в. 1 (47): Гончаров С. А., Жанровая структура романа Н. «Российский Жилблаз», — В кн.: Лит. произведение и лит. процесс в аспекте ист. поэтики, Кемерово, 1988: Ларионова Е. О., К истории раннего рус. шиллеризма. — В кн.: Новые безделки, Сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацура, М., 1995—96.

Крестова Л. В., Відображення Копіляцини в російській літературі. (Невідомий драматичний уривок В. Наріжного «День чюдливості та мислення»). — «Радянське літературознавство», 1957, № 19: Кузьменко А. Ю., Про ранню творчість В. Наріжного. — «Радянське літературознавство», 1967, № 2: Михал П. В., Наріжний і барокко. — «Радянське літературознавство», 1979, № 11: его же, Українське літературне барокко і початки російського роману. (В. Наріжний, Ф. Глінка). — «Слов'янське літе-

ратурознавство і фольклористика», в. 14, К., 1984: Chopin J., Oeuvres de Basile Naréjny. — «Revue Encyclopédique», P., 1829, t. 44, octobre: Lotman Ju. M., Neue Materialien über die Anfänge der Beschäftigung mit Schiller in der russischen Literatur. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald», Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, Jg. VIII, 1958/59, № 5/6: Striedter J., Der Schelmenroman in Russland, B., 1961, S. 181—211: Mazurek-Wita H., Powieści Wasyła Narieznego naile prozy satyryczno-obejzajowej XVIII i początku XIX wieku, Wrocław — [i. i.], 1978. — Некролог: СП, 1825, 23 июня (извещение). РБС: Венгеров, Источ. (полный перечень рецензий): КЛД; ИРДТ: Рус. писатели, 1990: Муратова (1): Biographie Universelle (Michaud) Ancienne et Moderne, nouv. éd., t. 30, P.—Lpz., [185—].

Архивы: ИРЛИ, ф. 265 (ж. «Рус. старина»; копии чч. IV—VI «Российского Жилблаза», в ч. IV — авторизован., биогр. сведения; ф. с. 1821; сведения о месте захоронения); ф. 58 (ВОЛРС), оп. 1, № 2, л. 163, 236, 321, 484; № 34, л. 73; № 3, л. 36, 73; РНБ, ф. XV, № 65 (беловая рукоп. «Гаркуша»); ГИМ, ф. 342 (кн. Барятинских), оп. 2, а. 1 (трагедия «Мертвый замок»); СПб ГТБ (сплоск «Дмитрия Самозванца», вериготп, авторизованный); РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7059. 7061, 7063* (п. с. 1819 г.; указано, что Н. 38 лет) (справка Н. Свинной); РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1820 г., д. 78 (ф. с. 1820 г.; указано, что Н. 38 лет) (справка С. И. Вареховой); ф. 772, оп. 1, д. 761 (неодобренная цензурой полного изд. «Жилблаз» в 1835).

Е. О. Ларионова.

НАСИМОВИЧ Александр Фёдорович [25.12.1880(6.1.1881), Н. Новгород — 7.1.1947, Москва, урна с прахом в колумбарии на Новодевичьем кладб.], прозаик, поэт. Род. в семье скрипача-кантониста, мать работала прачкой. У Н. было еще три сестры и три брата, двое из них стали литераторами — Н. Ф. Насимович и Фёдор,

умерший в 1910 (журналист сиб. изданий). Детство Н. прошло в нужде, отец умер, когда Н. было пять лет. Первое дет. впечатление — звук скрипки в кругу «нарядных девиц» (под конец жизни отец играл в домах терпимости); этими воспоминаниями, возможно, навеян стих. «Скрипач» из сб. «Силуэты» (1909): «Душно. Пахнет водкой./ Пьян сидит скрипач./ За перегородкой горький детский плач». Неск. лет жил с семьей в Костроме. В детстве увлекался лубочной лит-рой, театрализованными представлениями для простонаро-

дья. После окончания гор. высшего нач. уч-ща в 1894 был отдан мальчиш-ком-рабочим в ж.-д. скобяную лавку в Иваново-Вознесенске, где прослужил шесть лет. В эти годы читал статьи Н. В. Шелгунова, В. Г. Белинского, А. М. Скабичевского, романы Ф. М. Достоевского. По собств. признанию, «дал себе обещание быть писателем» (автобиогр. 1928 — РГБ, ф. 416, к. 8, № 8). Тогда же начал писать басни и стихи, к-рые посылал в Кострому старшему брату, нек-рые из них напечатаны, вероятно анонимно, в газ. «Сев. край», а корреспонденции тех лет — в «Костром. листке» (сведения об этом в автобиогр. Н.).

В 1900 Н. вернулся в Кострому, самостоятельно подготовился к экзамену и поступил в Моск. учительский ин-т, к-рый окончил в 1903; был оставлен в Москве старшим учителем нач. школы, составил учебник для нар. школы «Живой родник». В 1905 был членом забастовочного к-та учительской корпорации.

В 1905 напечатал первый рассказ — «Поспелов» (ж. «Правда», № 2) о сел. учителе, одиноком, смиреннейшем с однообразием и пустотой жизни, но с надеждой слушающем «бодрые» разговоры молодежи. Первая книга Н. — «Силуэты. Сб. стихотворений за 1907—8 гг.» (М., 1909) — элликтична по стилю, избилует поэтич. штампами, сочетание к-рых при общей глубокомысленности тона и увлечении автора звукоподражаниями создает невольный комический эффект (характерны фразы — «близок творческий восторг», «случай прыгает и скачет», «люта ты, жизнь, люта», «твои объятия/ Ко мне простри»). Встречаются у Н. и небанальные образы, пейзажные картинки; удачнее всего стихи в разделе «Погудки», созданные на фольклорной и мифологич. основе. В дальнейшем писал стихи в осн. для детей, печатался в детских периодич. изданиях — «Тропинка», «Родник», «Солнышко», «Семья и школа». В произв. для детей оказались уместны свойственные Н. наивная детскость видения вещного мира, юмор, близкий народному, пристрастие к прибауткам, скороговоркам, бытовым сказкам, речитативность и ненавязчивая назидательность. Эти качества отличают поздние сб-ки «Заплетиса, плетень! Сказки» (М.—П., 1923), «Одуванчик. Стихи для детей» (М.—Л., 1928) и др.

В 1910 В. Г. Короленько, характеризова посланные ему Н. рассказы, отмечал в ответном письме, что они «написаны совершенно литературно», в них есть «черта, возбуждающая интерес», однако очерк «Черствые именины» к публикации в «Рус. богатстве» не был принят (РГАЛИ, ф. 2187, оп. 1, № 86), и только в 1912

в этом ж-ле были опубликованы рассказы Н. — «Меланхолик» (№ 4) и «За кулисами» (№ 9). При содействии брата Николая печатались также в сибирских газетах «Восточная заря» [«Шейтаны. (Мусульманское повесть)» — 1910, 21 нояб.], «Голос Сибири» (реп. на постановки МХТ — 1911, 3 февр., 20 марта), «Иркутское слово» (1912; театр. реп. — № 6; рассказы «Город», «Собачья хитрость» — № 1, 11; ст. «Тургенев-драматург» — № 14; прозаич. фрагмент «Вечное в новом» — № 21). Произв. Н. появлялись и в столичных ж-лах — «Рус. записки» (рассказ «Грех» — 1915, № 2), «Рус. мысль» (рассказ «Под уклон» — 1916, № 4), в «Вест. Европы», «Жизнь для всех». В 1915 в изд-ве Сытина вышел сб-к Н. «Вечерний путь» (М.), состоящий из трех рассказов, опубликованных ранее в периодике. Грустные истории о нужде, людских горестях, тяжких трудах и о целительной силе доброты, пробуждающей совесть и чувство сострадания даже в самых ожесточившихся и одиноких сердцах.

В 1915 Н. был мобилизован в армию, во время событий 1917 стал пред. полкового комитета. После Октября принимал активное участие в работе ряда лит. организаций — «Лит. звено», «Лит. особняк», «Союз поэтов», «Никитинские субботники», «Новая кузница» и др. Издал сб-к-ов рассказов — «Бурелом» (М., 1923), «Топор» (М., 1927), «Грех» и «Около смерти» (оба — М., 1928). Большинство произв. этих лет посвящены ист.-рев. теме, наиб. значительное из них — документальный ром. «Талка» (М., 1930) о рев. событиях 1905 в Иваново-Вознесенске, где одним из героев является А. Е. Ноздрин, а его стихи служат эпиграфами к нек-рым главам романа. В 1920-е гг. много пишет о детях и для детей — пьесы для школьного театра, кн. «Конь-огонь» (М., 1922), «Первопутник» (М., 1925), «Приключения маленького Пети» (М.—Л., 1928), «Вулканусова сила» (М.—Л., 1930) и др.

Лит.: Владиславлев; ЛЭ; КЛЭ; Никитина Е. Ф., Рус. лит-ра от символизма до наших дней, М., 1926; Сов. детские писатели. Биобиблиограф. (1917—1957), М., 1961; Писатели совр. эпохи (2).

Архивы: РГАЛИ, ф. 2187; ИРЛИ, № 20013 (письма в редакцию «Рус. мысли» и Л. Я. Гурвич); РНБ, ф. 103, № 105 (автобиограф. Н. от 1 окт. 1928); РГБ, ф. 416, карт. 8, № 8 (автобиограф. Н. от 26 янв. 1928).

Н. А. Грамови.

НАСИМОВИЧ Николай Фёдорович [псевд. Чужак; 20.7(1.8).1879, Н. Новгород — 3.9.1937, Ленинград], критик, публицист, журналист. Брат А. Ф. Насимовича. Юные годы Н. провел в Костроме, к-рую вспоминал как «паршивый городишко», где самыми светлыми личностями были «становой, аптекарь и ветеринарный врач» («Иркут. слово», 1912, № 12).

После окончания реального уч-ща в Н. Новгороде с 1897 учительствовал в течение 6 лет в земской школе Ветлуж. у. С 1896 приблизился к рев. деятельности и уже в 1900—01 занимал ведущее положение в нелег. костромской социал-демократич. орг-ции «Рабочий союз», неоднократно привлекался к дознанию и вскоре был определен под особый надзор полиции (см.: ГАРФ, ДП ОО, 1902, 1761) как сторонник террора «по своим убеждениям» (ГАРФ, ДП ОО, 1905, 6 ч. 128). В эти годы Н. публиковал корреспонденции в «Костром. листке» (он входил в круг интеллигентов, близких к редакции газеты), газ. «Сев. край», «Нижегород. листок».

«За распространение нелегальной литературы и сбор средств на устройство нелегальной кассы» (см.: ГАРФ, ДП ОО, 1916, 5—27—Б) в 1903 Н. был арестован и выслан на три года в Архангельскую губ. под гласный надзор полиции. В марте 1904 призван на воен. службу, однако отказался принести присягу, мотивируя это тем, что считает царя «злейшим врагом русского народа», а «самую службу ему — позором» (ГАРФ, ДП ОО, 1905, 6 ч. 128).

Об этом эпизоде писали в газ. «Казарма» (1906, 3 окт.), а впоследствии Н. подробно рассказывал о нем в брошюре «Как и почему я отказался служить царю» (М., 1928). Сам автор в рукописи 1933 «Шесть месяцев жизни, или Как пахнет воля» (РГАЛИ, ф. 340, оп. 1, № 24) критиковал свои воззр. за излишний психологизм, но объяснил это тем, что находился во время написания брошюры под влиянием худож. приемов Л. Н. Толстого.

Н. все же пришлось стать солдатом Архангелогород. резервного пехотного батальона, т. к. от солдата для прохождения службы не требовалось присяги. Вскоре он отсюда бежал по подложному паспорту и добрался до герм. границы, но был задержан. Позже бежал еще дважды, последний раз — с гауптвахты и под

видом торговца рыбой добрался морем до норв. границы. С кон. 1904 находился в Женеве, материально крайне бедствуя (ГАРФ, ДП 1905, 6 ч. 128, л. 16, письмо к матери); сблизился с большевиками, сотрудничал в газ. «Вперед» и «Пролетарий» — в последней в 1905 заведовал воен. отделом, вел рубрику «Что делается в войсках», публиковал корреспонденции, заметки и обзоры газет (1905, 9 и 22 авг., 14 сент., 10 окт.). О женевском периоде отозвался как о «бурных годах парткипения» («Ссылка и областничество», — В кн.: «Сибирская ссылка», сб. 1, М., 1927, с. 59).

В дек. 1905 нелегально переехал в Петербург. Во время Революции 1905—07 выступал как публицист в социал-демократич. прессе («Вестник жизни», «Новый луч», «Эхо»), стал членом парт. изд-ва «Вперед», вошел в редколлегия «Вестника жизни», редактировал газ. «Казарма», в ж-ле «Наша мысль» (членом редколлегии к-рого был) печатал очерки «Из провинциальной жизни» и «Из жизни страны» (1906, № 1—2, 3—4). Лит.-критич. заметки помещал редко: в газ. «Волна» (1906, 26 апр.) отзывался о рассказе А. П. Бибики «Весенней чарующей ночью» как произведении «меньшевистской ориентации»; в «Образовании» (1906, № 8) поместил рецензию на «Систематический каталог книг».

В дек. 1906 после участия в Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе Н. арестовывают (под именем Вас. Гр. Гудина) и помещают в петерб. тюрьму «Кресты» на 2 года. Осенью 1908 суд приговорил его к пяти годам каторги, к-рая была заменена ссылкой в Иркутскую губ. С 1909 проживал в с. Братском, нелегально наведываясь в Иркутск, к-рый впоследствии назвал «душным городом» («Голос Сибири», 1911, 30 янв.), Усолье и др. Позже, в 1911, Н. получил разрешение проживать в пос. Иннокентьевском Иркутской губ.; средства к существованию зарабатывал уроками, служил корректором в иркутской типографии (на деле являясь ее управляющим). Продолжал рев. деятельность, организовывал в Иркутске «Группу объединенных социалистов», занявшую в годы 1-й мировой войны пораженч. позицию; общался с И. Г. Церетели, С. Л. Вайнштейном-Звездиным, Н. А. Рожковым, вместе с к-рым планировал выпуск разл. социал-демократич. изданий, в т. ч. газ. «Наш день», в к-рой печатались бы только рабочие (см.: ГАРФ, ДП ОО, 1916, 5 ч., 27 л. Б). Его постоянно подвергали обыскам — как правило, безрезультатно.

С самого начала пребывания в Сибири Н. предпринимал попытки к

созданию местной партийной печати (тогда же он стал использовать многозначит. псевд. Чужак, объяснение к-рому дает в ст. «О моменте и настроениях. „Ни павы ни вороны“» («Иркут. слово», 1912, № 2). В эти же годы он начинает «специализироваться на эстетике и художественной критике» (РГАЛИ, ф. 2187, оп. 1, № 92, с. 1, письмо брату А. Ф. Насимовичу от 23 марта 1910), постоянно публикуя заметки о лит. событиях и театр. постановках в «Сиб. новин», «Сиб. заре», «Сиб. мысли», «Вост. Сибири», в состав редакции к-рой входит в 1910; сотрудничает в ж-лах «Сиб. архив», «Сиб. летопись», «Сиб. записки», «Забайкальское обозрение» и др. В «Молодой Сибири» и «Новой Сибири», к-рые он редактирует, печатает фельетоны и публицистич. обозрения. Старается привлечь на страницы сиб. прессы «лучшие силы рус. беллетристики» (см. письмо В. В. Муйжелью от 13 янв. 1911 — ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 349). Участвует вместе с В. Н. Соколовым и Рожковым в редактировании газ. «Иркут. слово», о позиции к-рой (и о деятельности Н., в частности) резко отозвался В. И. Ленин (ПСС, 5-е изд., т. 48, с. 48). В «Вост. Сибири» в 1915 анализирует содержание петерб. ж-лов «Отечество» («Опыт критики без слов» — 22 апр.), «Рус. мысль» (28 марта), «Совр. мир» (15 апр.) и др., в к-рых в свою очередь публикует рецензии на книгу А. К. Закржевского «Карамазовщина» (РМ, 1912, № 7), сб. стихов совр. поэтов «Думы и песни», составленный Ан. Н. Чеботаревской (РМ, 1912, № 3), сб. рассказов И. Г. Гольдберга «Тунгусские рассказы» («Заветы», 1914, № 7). Одновременно печатается в «Звезде» и «Правде».

Отличавшийся скромностью и неприязнательностью в быту, Н. обладал тяжелым, неуживчивым характером. Его заносчивость, несамостоятельность, потребность в лести неоднократно становились предметом разбора на страницах сиб. прессы (см.: «Голубушка-тетенька. Маленький фельетон. Письмо к племяннику» — «Иркут. слово», 1912, № 3; б. п.).

В 1911 ему предложили оставить работу в газ. «Голос Сибири», т. к. он «учинил кулачную расправу» над бывшим редактором-издателем газеты, к-рый что-то изменил в его материале (Н. было разрешено не давать реколлегии читать свои рукописи перед публикацией) (см.: Тала-лаев В., О понимании и других предметах. — «Голос Сибири», 1911, 24 марта). Нередко Н. вступал в конфликты и по идейным соображениям. Многие его выступления воспринимались как сенсации и давали повод для осуждения и споров. Как он выразился в письме к Ф. Сологубу от 25 нояб. 1916, его «совсем заклевали» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 743) после объявления этого писателя выразителем рус. души и исконно рус. пач. самосознания (см.: «На лекции Ф. Сологуба» — «Багульник», 1916, № 3). За бестактную ст. о Л. Н. Толстом «Великое лицемерие» («Вост. заря», 1910, 19 сент.) Н. пришлось после смерти писателя извиняться в печати (там же,

1910, 14 нояб.). Но он и сам не оставлял без внимания прайвы, парившие среди журналистов, и резко высказывался о них («Правда о депутатах. (О „Новом времени“)» — там же, 1909, 28 июля).

Неоднократно выступал Н. по вопросу о роли интеллигенции в обществе. жизни России [см.: «Открытое письмо А. С. Изгоеву» — там же, 1910, 10 июня; а также отзыв на книгу последнего «Русское общество и революция» (1910) — «Вост. заря», 1910, 27 июня]. Большой резонанс в сиб. прессе получила его статья «О сибирской и ино-сибирской интеллигенции» («Сиб. новь», 1913, 19 мая), в к-рой он выступил против идеи «общесибирской демократии», утверждая, что она используется для отвлечения рабочих от классовой борьбы. В этом, считал он, и состоит сущность разногласия между «чужаками» (ссылными из метрополии) и местной интеллигенцией, отстаивающей общечеловеч. солидарность.

Однако осн. интересы Н. были связаны с лит.-рой. В 1910 он признавался в письме к брату Александру, что хочет написать книгу под назв. «Элементы творчества в современной литературе», одна из глав к-рой должна быть посв. «реабилитации» модернизма «как школы» (РГАЛИ, ф. 2187, оп. 1, № 92, л. 1). Именно в лит.-критич. статьях 1910-х гг. отработывалась и обростала аргументацией его концепция «искусства-жизнестроения»; в законч. виде она предстала в нач. 1920-х гг., в «Лефовский» период деятельности Н., когда он пришел к убеждению, что футуризм является наиболее ценным, перспективным и рев. течением рус. лит.-ры. Выдвигая на первый план «преображающий» (а не воспроизводящий, отражательный) характер творчества, Н. утверждал, что искусство имеет «собственные формальные законы», не связанные напрямую с социальной действительностью («В литературном тупике. По поводу „Сашки Жегулева“» — «Иркут. слово», 1912, № 5). Об этом он писал в статьях «Что же такое искусство?» («Вост. заря», 1909, 24 июня) и «Искусство — зеркало ли жизни?» (там же, 1910, 13 июня). По мнению Н., помочь уловить и осознать эти законы призван всеобщий закон диалектики — краеугольный камень марксист. эстетики; использование этого закона в лит. критике должно раскрывать формально-содержат. единство произведения. Непременное условие творч. постижения жизни — способность писателя «пропустить ... каждый момент ее ... сквозь призму ясно осознанного будущего» («Без творчества» — там же, 1909, 18 июня), т. е. рассмотреть в перспективе развития. При этом «ясное осознание будущего» не ставилось Н. в непосредств. зависимость от про-

лет. мировоззрения, как это делалось др. критиками-марксистами.

Постижение новой жизни оказывалось доступным в первую очередь художникам-«ультрареалистам», т. е. тем, кто предпочитает импульсы «горячего сердца» рациональному умствованию, чье творчество, как, напр., у Ф. М. Решетникова или В. Стефанника, носит «страстный, как натянутая тетива, как вызов, как пощечина кому-то, характер» («Литературный дневник» — там же, 1910, 7 нояб.). «Ультрареализм», или «идеалистический реализм», — это переплавка реалий окружающего мира в субъективном сознании писателя, произведенная не рассудочно, как это делали П. Д. Боборыкин и его последователи (результатом такой операции является «головной реализм»), и не восторженно-приукрашивающе, как это делает М. Горький, создающий «подслащенные романтизмом» произведения, а эмоционально. Но Н. не отвергал и романтич. направленность творчества, считая, напр., что «идеалистический романтизм» Сологуба как метод наиболее ограничен в периоды обществ. реакции (см.: «От Передонова к творимой легенде» — в кн.: О. Ф. Сологубе. Критика. Ст. и заметки. СПб., 1911). Вступив в спор с Г. В. Плехановым и Д. Л. Талыниковым по вопросу о худож. достоинствах поэзии Н. А. Некрасова («Эстетизм и эстетика» — «Багульник», 1916, № 3) и упрекая их в «формальном подходе», он отстаивал мысль, что «суровость» и «неуклюжесть» некрасовского стиха, о к-рых писали эти критики, были идеальным выражением жизненного содержания «выстрадавших, новых, лишь Некрасовым внесенных в рус. поэзию образов» (с. 7). За два года до этого Н. опубли. в ж-ле Сологуба «Дневники писателей» (1914, № 3/4) ст. о Некрасове «Так ли это? К эстетике Н. А. Некрасова». Сологуб познакомился с Н. в Иркутске 16 окт. 1916, а 20 окт. писал жене: «Познакомился с Чужаком. Молодой человек довольно жизнерадостного вида, по манерам нечто вроде смеси Минского и Луначарского ... Принят в „Летопись“, но в Горьком разочарован: посылал ему критическую статью о Горьком без похвал и не получил даже его ответа» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 266).

Н. работал над созданием методологии марксист. критики, в связи с чем подвергал тщательному разбору почти все работы, создаваемые критиками этого направления. Его статьи — «Критика „бури и натиска“» («Вост. заря», 1910, 6 июня), «К методу лит.-художественной критики» («Голос Сибири», 1911, 13 февр.), отзывами о В. Л. Львове-Рогачевском и Л. Каменеве («Вост. заря», 1910, 25 июля), оценкой деятельно-

сти Г. А. Алексинского (там же, 1910, 7 нояб.) и Ю. М. Стеклова («Иркут. слово», 1912, № 4), характеристикой М. С. Ольминского («Сиб. мысль», 1911, 14 июня), работами, посв. Е. А. Соловьёву («Вост. заря», 1910, 3 окт.), П. М. Пильскому, А. М. Скабичевскому, К. И. Чуковскому (там же, 1910, 28, 30 сент.) и др., воссоздана панорама развития не только марксист. критич. мысли этого времени, но и всей критики в целом. Н. оказался очень строгим судьей: практически ни у одного из критиков-марксистов он не обнаружил ничего «марксистского». Исключение он сделал только для А. В. Луначарского («Среди вопросов искусства. Луначарский и Лессинг...» — там же, 1910, 5 сент.). Однако собственные эстетич. «корни» Н. видел не в марксизме, а у Вл. С. Соловьёва и Ж. М. Гюйо, о чем писал в кн. «К эстетике марксизма» (Иркутск, 1916).

Необычным для критиков-марксистов был и интерес Н. к воплощению нац. специфики в иск-ве. Обращаясь к творчеству художников Сибири, анализируя наследие И. В. Оммулевского, поэзию П. Л. Драверта, Г. А. Вяткина, И. И. Тачалова, он пробовал выявить характерные особенности мирозерцания сиб. населения, выливающиеся в творчестве поэтов в «примитивизм» ощущений и «контурность» восприятия («Сибирские поэты и их творчество», Иркутск, [б.г.], с. 24), но в то же время стремился вписать их деятельность в мировую культуру. Интерес к культуре др. народов пронизывает и его ст. «Война и искусство» («Сиб. студент», 1914, № 3/4), в к-рой он выступил против великорус. шовинизма.

В 1917 Н. становится редактором ж. «Рабочая Сибирь» и газ. «Летучий листок „Рабочей Сибири“». В 1917—18 он — комиссар печати и типографий в Иркутском к-те РСДРП(б), редактирует газету «Власть труда», является сотрудником и соредактором газ. «Социал-демократ». При приближении армии А. В. Колчака к Иркутску уходит в подполье. 1918 застает его в Благовещенске. Перебравшись в 1919 во Владивосток, Н. редактирует газ. «Красное знамя», а поселившись затем в Чите, — «Дальневост. путь» и «Дальневост. телеграф», заведует отделом печати Дальбюро. В нач. 1920-х гг. он возглавлял дальневост. группу футуристов «Творчество» (в нее входили С. М. Третьяков, С. Я. Алымов, П. В. Незнамов, Н. Н. Асеев и др.), выпускавший одноим. ж-л, редактором к-рого был Н. В эти годы он пишет статьи о пролет. культуре, пытаясь ответить на вопрос, какое иск-во нужно пролетариату. В 1921 публикуется в «Сиб. огнях».

В 1922 Н. переехал в Москву, где вошел в рядколлегию «Лефа», представлял его т. н. «производственное крыло». В № 1 ж-ла за 1923 опубли. его ст. «Под знаком жизнестроения. (Опыт осознания искусства дня)» (переизд. в кн.: Из истории сов. эстетич. мысли 1917—1932. Сб. мат-лов, М., 1980, вступ. заметка Н. В. Гельфанд). Именно в это время происходит изменение его лит.-критич. позиции: он начинает отрицать лирику, психологич. прозу, приравнивает произведение иск-ва к продукту труда, к-рый должен иметь ценность, определяемую спросом. Однако вскоре Н. разорвал с этим ж-лом, хотя его кн. «Через головы критиков» (Чита, 1922) левовцами была названа «единственной ценнейшей работой русского марксизма и коммунизма» («Леф», 1923, № 3, с. 176). В 1923 его статьи появляются в «Правде», «Известиях ВЦИК». В 1920—30-е гг. он редактировал многочисл. сб-ки, в частности Всерос. об-ва политкаторжан, сб. «Литература факта» (М., 1929); входил в состав рядколлегии ж-ла «Каторга и ссылка». В нач. 1920-х гг. Н. был поллитредактором рус. отдела Главлита (оценка его деятельности на этом посту дана в ст. И. Белобровцевой «Бунтарь и цензор» — «Грани», 1992, № 165), состоял в ред. ж-ла «Жизнь искусства». С 1931 поселился в Ленинграде, начал писать воспоминания. С 1933 получал персональную пенсию, назначенную Советом Об-ва старых большевиков. Умер от кардиосклероза.

Др. произв.: «К диалектике искусства» (Чита, 1921), «Сиб. мотив в поэзии» (Чита, 1922), «Литература. К худож. политике РКП(б)» (М., 1924), «Фетишизм культуры» (М., 1925), «Правда о Пугачеве» (М., 1926), «В царской казарме» (М., 1929), «Сев. Кавказ» (Ессентуки, 1930), «Кульпоход теперь и на каторге» (М., 1930), «Неравнодушные строчки» (Чита, 1921; 2-е изд., М., 1931).

Лит.: Ильинский М. В., Архангельская ссылка, 2-е изд., СПб., 1908; Соколов В. Н., Парт. библиот. № 0046340. Записки старого большевика, ч. 3, М., 1935; Татуйко А. К. История становления сов. лит-ры на Д. Востоке. 1920—1929 гг. — «Д. Восток», 1962, № 1; Каган М. С. Лекции по марксист.-ленин. эстетике, ч. 3, [Л.], 1966 (ук.); Лит. Сибирь. Писатели Вост. Сибири, [Иркутск], 1971; Трушкин В., Пути и судьбы. Лит. жизнь Сибири 1900—1917 гг., [Иркутск], 1972 (ук.); Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982 (ук.); Черемин Г. С., В. В. Маяковский в лит. критике. 1917—1925, Л., 1985 (ук.); Горюшина Л. М., Нотариус Г. А., Сагайдачный А. Н. Крест. движение в Сибири 1907—1914 гг. Хроника и историография, Новосибир., 1986 (ук.); Юсупова М. С. Сиб. период творчества Н. Ф. Чужака (Насимовича). — В кн.: Развитие лит.-критич. мысли в Сибири, Новосибир., 1986; Политич. ссылка и рев. движение в России, Новосибир., 1988 (ук.); История рус. лит. критики Сибири. Проспект, Новосибир., 1989; Бедаев Ю. А., Малоизвестные страницы жизни и деятельности Н. Ф. Насимовича-Чужака. Сиб. период. — В

кн.: IV Алексеевские чтения, Иркутск, 1987; Михайлова М. В., Н. Чужак о типах творчества и эволюции худож. форм в рус. литературе. — В кн.: Уzasмисленіе суралсіскіх літаратур. Паблэма творчых метадаў XIX—XX ст., Гродна, 1994, с. 91—96. + КЛЭ: Муратов (2. ук.); Масанов (не учт. иссвд. Иностранцев, Н. Федорович).

Архивы: РГАЛИ, ф. 340; ГАРФ, ф. 339; РГБ, ф. 1156. М. В. Михайлова.

НАУМОВ Николай Иванович [16(28).5.1838, Тобольск — в ночь с 8(21) на 9(22).12.1901, Томск; похоронен на кладб. жен. мон.], прозаик. Отец — судебный чиновник, часто менял место службы. У Н. с детства сохранились тяжелые впечатления о наказаниях солдат и их детей-кантонистов в Омской крепости. В 7 лет

остался без матери, «рос одиноким заброшенным ребенком», что, по признанию Н., «имело влияние на всю... жизнь. Я боюсь людей и дичусь их» (ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 2535, л. 2 об.). В 1850 поступил в «плебейскую» Томскую г-зию, в к-рой гимназисты (преим. дети из бедных сословий) не слышали ни «человеч. слова, ни толкового объяснения» (письмо Н. — Григ. Н. Потанину 21 авг. 1894, Архив... ун-та, ф. Н., № 10693). По отзывам однокашников, Н. «в особенности отличался своим красноречием и остроумием...» (Поникаровский Д. А., Восп. о Н. М. Ядринцеве. — «Сиб. сб.», в. 2, Иркутск, 1896, с. 190). Среди педагогов, однако, он слыл учеником «ленивым, малоспособным, злокозненным на всякие выдумки и шалости» (ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 2535, л. 5 об.). Столкновение с инспектором, бедств. положение вынудили Н. покинуть г-зию в 4-м классе.

В июне 1857 поступил юнкером в Омский пех. батальон, через год по ходатайству родных переведен в Томский батальон. Однако (находясь под влиянием офицера А. А. Зернанинова) больше интересовался обществ. событиями и лит-рой (читал В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина), посещал жур-

фиксы питомцев местной г-зии Ядринцева (с ним Н. связывал «лучшие годы» жизни,เสมอ «свежесте и молодость» — см. указ. письмо Потанину) и Пониаровского, что способствовало самообразованию Н., рождению первых лит. опытов, в к-рых «ядовитый» Н. «подражал то Брамбеусу, то Гоголю» (Ядринцев, с. 18). Рассказ «Случай из солдатской жизни», впервые прочитанный в кругу друзей, стал его дебютом в печати («Воен. сб.», 1859, № 7).

В 1860 Н. — вольнослушатель ист.-филол. ф-та Петерб. ун-та; вошел (вместе с земляками Ядринцевым, Потаниным и др.) в научно-просветит. кружок (служение Сибири, анализ ее «полит. быта», создание Сиб. ун-та и т. п.). В окт. 1861 арестован за участие в студенч. волнениях, заключен в Петропавлов. крепость, затем переведен в Кронштадт, 6 дек. 1861 освобожден и исключен из ун-та. Активно сотрудничал в просветит. изд. «Светоч», «Нар. беседа», где печатал рассказы из цикла «Мирные сцены военного быта» («Ротный праздник», «Гулянье», «Кумушки-солдатки», «Письмо» и др.). После знакомства с Г. З. Елисеевым (кон первый толкнул меня в 1862 году на лит. путь» — Н. в письме 1891 С. Н. Кривенко, цит. по: Попов И. Г., Жизнь и творчество Н., Л., 1967, с. 7) печатался в демокр. изданиях, в т. ч. в «Искре» («Горе обличитель», 1862, № 40; «Из писем моего приятеля», 1863, № 10; «Доброе дело», 1863, № 26), «Современнике» («У перевоза», 1863, № 11), «Очерках» («Последнее прощанье», 1863, 18 марта), оставаясь при этом на перепутье лит.-обществ. интересов, под влиянием то радикальных, то умеренных идей.

В 1862 сблизился с будущим «каракозовцем» этнографом И. А. Худяковым и его «коммуной», был арестован по подозрению в связях с «Землей и волей» (см.: Потанин Г. Н., Юные годы Н. — «Сиб. житич», 1903, 6 дек.; Худяков И. А., Записки каракозовца, М.—Л., 1930, с. 74—76); отпущен через 2 мес. В 1863 секр. ред. «Воен. сб.». В 1864 возвратился в Сибирь, служил (по протекции С. В. Максимов) участковым заседателем Берёзовского, затем Тобольского земского суда, с 1866 — в Омске, в контрольной палате, с 1868 — в Кузнецком округе чиновником по крест. делам. На службу смотрел как на возможность «принести народу осязательную пользу, изучать его нужды, защищать его интересы...» (рассказ «Загора», СПб., 1906, с. 28). В 1865 привлечен к дознанию по делу Об-ва независимости Сибири. За немением серьезных улик в 1868 освобожден от суда.

Переезд в Петербург (1869) обозначил самый плодотворный период в жизни Н. Не пренебрегая служебной карьерой (1875 — тит. сов., 1878 — коллеж. ас.), сблизился с ред. «Дела» Г. Е. Благовосветлова, где напечатал большинство рассказов и очерков крест. жителя: «Деревенский торгош» (1871, № 4) и «Юрская» (1872, № 7, 11) — тип торговца-грабителя, «Крестьянские выборы» (1873, № 4—7) и «Мирской

учет» (ОЗ, 1873, № 6) — крестьянский сход, его сила и бессилие, «Еж» (ОЗ, 1873, № 7) — противостояние крестьянина-пролетария и приисковой управы. Произв. Н., посв. проблемам сиб. деревни, осн. на богатстве личных, б. ч. служебных впечатлений, глубоко знакомыми практич. жизни, сразу же нашли отклик среди именитых «сибиряков». Ядринцев считал, что «Юрская» «припоминается, вычесана... либеральна...» (Ядринцев Н. М., Письма к Г. Н. Потанину, в. 1, Красноярск, 1918, с. 87). Потанин, признавая «однообразие» нек-рых сцен, персонажей, выделял тип перекупщика, «маклака»: «Это тип национальный, это местная язва, и ряд таких очерков — клад для рецензента, обобщителя» (Потанин т. 1, с. 81—82). Все рассказы (в повествование включаются этногр. описания, примечания ист. характера, цифровые данные) объединяются темой «мужичьей совести», с ней связаны назидат. концовки, навеянные иногда статьями Добролюбова или поэзией Н. А. Некрасова. В 1874 они составили самый изв. сб. Н. — «Сила солону ломит» (СПб., отзыв: «Потанин» — «Сибирь», 1876, № 51, 52), изданный «чайковцами» и широко использовавшийся в народнич. пропаганде (см.: Пищулин Ю., Книга, ходившая в народ, М., 1967; сб. Рев. народничество 70-х гг. XIX в., т. 1, М., 1964, с. 188, 303, 434, т. 2, М.—Л., 1965, с. 358). С ним были знакомы и сановитые круги России (см.: Ядринцев Н. М., Светлые минуты — «Вост. обозр.», 1888, 24 июня; его же, К моей автобиографии. — РМ, 1904, № 6, с. 168); сборник запрещен (1877) в ходе процесса «193-х».

После шумного успеха в творчестве Н. наступила пауза, вызванная (в значит. степени) семейными заботами (в 1874 он женился на Т. Х. Поповой, дочери изв. сиб. золотопромышленника, в 1879 в семье было трое детей), необходимостью заработка. «...Может ли быть удачной беллетристич. работа, когда... поминутно должен измываться, где бы занять... на обед, на покупку свечей и т. п.» — оправдывался Н. в письме Благоветлову (Наумов Н. И., Собр. соч., т. 1, 1939, с. 354). В это время он еще надеялся на скорый конец «бедствий и страданий» народа, каждый раз назначая новые близкие сроки (Скабичевский А. М., Н. И. Наумов. — «Новое слово», 1897, № 5, с. 139). Пытался создать артель для издания «Дешевой библиотеки» — «органа молодых писателей с радикальным оттенком» (Г. Н. Потанин — А. С. Гашинскому 6 янв. 1876. — Потанин т. 3, с. 26); по-прежнему «уверкался» рев. идеями (свидетельствовала в 1871 племянница Н. — А. Д. Саложникова — см.: Попов И. Н. и революционеры 60 — 70-х гг. XIX в. — «Сиб. опти», 1966, № 8, с. 167), «водил близкие знакомства со студентами-пропагандистами» (там же).

В мае 1880 Ядринцев сообщал Пониаровскому: Н. «теперь в союзе с беллетристами, изучающими нар. быт, Глебом Успенским, Златовратским, Гаршиным и др.; создают новый журнальчик „Рус. богатство“» (см. в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 5, Новоси., 1980, с. 249). Н. С.

Русанову на встрече артельщиков «Рус. богатства» с И. С. Тургеневым в февр. 1880 Н. запомнился «худощавым, с жидкой бородкой, с маленькими бесцветными, но зоркими глазами инородца», «порою проникавшим как никто в тайники кулацкой души или в мирские чувства крестьянина-ходока» (Русанов Н., Из лит. восп. — «Былое», 1906, № 12, с. 41—42). Вместе с С. Н. Кривенко Н. пытался возобновить запрещ. в 1881 ж. «Слово» (РНБ, ф. 1029, № 83). В новых сб-ках рассказы — «В тихом омуте» (СПб., 1881; доброжелат. рец.: М. М. Стасюлевич — ВЕ, 1881, № 8, с. 885—87; «Голос», 1881, 19 мая) и «В забытом краю. Рассказы из быта сибирских крестьян» (СПб., 1882; рец.: Е. Н. Кракова — РМ, 1882, № 11) — Н. продолжает, по его словам, «невинные экскурсии в область крест. жизни». Примыкая к народнич. крылу рус. лит-ры, он вместе с тем не разделял мн. народнич. взглядов и сумел избежать идеализации крест. «мира»: «Ищу везде общины, общинные институты, так звучно воспетые Златовратским и, о горе... не нахожу. Нахожу только одно, что все ташат друг у друга» (письмо А. М. Скабичевскому от 4 сент. 1884 — цит. по кн.: «Очерки рус. лит-ры в Сибири», т. 1, с. 393). Деньги как символ нужды, как соблазн («попыхать ты при деньгах, ну и князь, а без денег все та же грязь!») — один из гл. мотивов сб. «В тихом омуте», рассказы к-рого исполнены сострадания «к униженному и оскорбленному брату, гибнущему в паутине, крепко держащейся на неурядице дореформ. строя Сибири» (РМ, 1889, № 1, с. 2—3). В то же время в произв. Н. выделяются «типы страстных энергичных людей, смело протестующих среди всеобщего безмолвия и апатии против зол, разъедающих нар. жизнь» («Загора»), хотя их одиночный протест, как правило, бессиле перед лицом зла. Основу коллизии в рассказах Н., цель к-рого — показать задавленную нуждой деревню, бесправный люд, бьющийся в «чиновничьей-кулацкой паутине» (РМ, 1898, № 2), — составляет, как правило, столкновение «старой правды» (бытующего патриарх. уклада) и «нового зла» (проникающего в деревню капитализма). Это пристрастие Н. к «драматич. форме повествования» отметил Скабичевский («Новое слово», 1897, № 5, с. 156). В начале повествования — обычно затейливый разговор с полуслучайным встречным, затем — изложение сути конфликта в диалогах гл. действующих лиц и в завершение — рассказ об обманутых надеждах безвестных мужичков. Свойств. Н. однообразная композиция, монотонная очерковая манера, схематичность психологич. портре-

тов центр. героев привели его к повторениям, особенно ошутимым в последнем сб-ке, что было отмечено даже благожелательной по отношению к Н. критикой (см.: Михневич).

В нач. 1884, покинув Петербург, Н. служил чиновником по крест. делам Марининского округа, в 1887 переехал в Томск тем же «крестьянским чиновником» по Богород. округу, с прежним настроением — защищать крестьянство, но вскоре признавался в своем бессилии: «Это какая-то поголовная оргия хищничества. Хищничество, возведенное в закон» (письмо А. М. Скабичевскому от 28 марта 1885). Психол. облик Н. той поры запечатлел Ядринцев: «Я видел у старого товарища ту же наблюдательность, тот же тонкий юмор, добродушие и изредка горький смех...» (Н. М. Ядринцев — РВед, 1892, 28 окт.). Печатался Н. реже, сетовал на невниманье к нему журналов, преувеличивал опасность ценз. ограничений (письмо В. Мерцалову от 23 дек. 1894 — Архив... ун-та, ф. Н., № 10669). В опубл. произв. — «Сцены из жизни темного люда» (1888), «Сарбыска» («Алтайский сб.», в. 1, 1894), «Тагун» («Томский листок», 1895, № 205, 206, 208), «Ямщик Вавило» (там же, 1896, № 1, 4, 16, 22, 24) и др. — возврат к прежним темам, типам. Служебная карьера вопреки ожиданиям продвигалась медленно, с конфликтами (Архив... ун-та, ф. Н., № 10622, 10652). С июня 1892 — чл. Томского губ. совета «от кабинета его величества» по делам Алтайского округа (с 1897 — стат. сов.).

Из забвения читающей публики Н. вывел Собр. соч. (т. 1—2, СПб., 1897, вошло 26 очерков-рассказов), подытожившее его творч. путь. Критики сошлись в признании «неподдельности», «жизненности и правдивости» произв. («Неделя», 1897, № 11; «Новости и бирж. газета», 1897, 17 февр.), отметили выбор «из темной, серой толпы» «простых героев» «с мужеств. решимостью на борьбу со злом» («Кавказ», 1897, 11 февр.), «художеств. определенность», «неподдельную поэзию» в повествованиях от автора (ВЕ, 1897, № 5). Скабичевский (один из первых биографов Н., самый близкий к нему из петерб. окружения), оценивший его среди беллетристов-народников (Скабичевский А. М., История новейшей рус. лит-ры. 1848—1890, СПб., 1891, с. 263—66), выделил в его рассказах типы «инородцев», рус. крестьян, промыслового люда («Новое слово», 1897, № 5, с. 156). Обширная ст. Г. В. Плеханова «Н. И. Наумов» («Новое слово», 1897, май) по существу полемизировала со Скабичевским. Подчеркивая иллюстративность произв. Н., господство

«публицистич. элемента» над «собственно художественным», Плеханов, однако, признавал «огромную популярность» и «практич. действие» (особенно в 70-е гг.) его соч., дававших реальную картину разложения «старого экономич. порядка» (по рассказам «Паутина», «Юровая», «Загора»), перехода крест. «натурального» хозяйства в «товарное». Не столь социологизированные, более непосредств. положит. оценки зафиксированы в пометах Плеханова при чтении двухтомника Н. (Лит. наследие Г. В. Плеханова, Сб. 6, М., 1938, с. 246—49). Скептич. отзыв о Н. как писателе прошлого дал А. И. Богданович (МБ, 1897, № 2). Н. ожидал от критики большего признания. С обидой он писал Скабичевскому 7 мая 1897: «Я не принадлежу к числу тех деятелей, слово которых вносит новый свет в жизнь человечества, а потому... лучше молчать...» (цит. по кн.: Очерки рус. лит-ры в Сибири, т. 1, с. 399).

Др. произв. Рассказы: «Благодаритель» (сб. «Привет!», СПб., 1898), «Умаленный» (СПб., 1898), «Фургонщик» (СПб., 1898), «Кающийся» (М., 1898).

Изд.: Еж. М., 1926; Соч., М.—Л., 1933; Деревенский торгаш. — Погорельцы. — Еж. — В кн.: Семидесятники, М., 1935; Рассказы о старой Сибири. Новосибир., 1937 (сб. библ. произв. Н., лит-ры о нем, описание архива); Дед Матвей. — «Сиб. опин», 1937, № 5—6; Избр. рассказы, Иркутск—М., 1937; Собр. соч., т. 1—3, Новосибир., 1939—40; Речь... в день 300-летия покорения Сибири. — «Томск», кн. 3, 1948; Избр. произв., Новосибир., 1951; Юровая. — Святое озеро. — В кн.: Рус. повести XIX в. 70—90-х гг., т. 1, М., 1957; Автобиография. — «Сиб. опин», 1963, № 9; Нищая братия. — Уч. зап. Енис. гос. пед. ин-та, в. 5, Красноярск, 1963; Паутина. Очерки. Рассказы. Кемерово, 1988.

Лит.: Ядринцев Н. М., Восп. о Томской г-зии. — «Сиб. сб-к», т. 1, Иркутск, 1888; А. Арианов А. В., Томская старина. — «Город Томск», Томск, 1912; Вяткин Г. Н. И. Наумов. — «Сиб. жизнь», 1913, 16 мая; Дубровский К., Вытоисатель сиб. деревни. — В его кн.: Рожденные в стране изгнания, П., 1916; Широких В. Н. И. Наумов. — «Сиб. опин», 1926, № 5—6; Кубиных И. Н., Рабочий класс в рус. худож. лит-ре, 4-е изд., М.—Л., 1928; Бельчиков Н., Народничество в лит-ре и критике, М., 1934; Жеребцов Б., Лит. наследство Н. — «Кл. новости», 1938, № 11; Кожевников С. Н. И. Наумов, Новосибир., 1952; Соколов Н. И., Наумов. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 9, ч. 1, М.—Л., 1956; его же, Из ценз. мат-лов о Н. — РЛ, 1964, № 2; Беспалова Л. Г., Н. о переселенчестве в Сибирь. — Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та, в. 1, 1960; ее же, Томский край и писатели 19 в., Свердловск, 1970; Спассенко А., Писатели-народники, М., 1968; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982, раздел III, п. 1; Лит. наследство Сибири, т. 4—7, Новосибир., 1979—86 (ук.); Потанин Г. Н., Письма, 2-е изд., т. 1—4, Иркутск, 1977—90 (ук.); ЛН, т. 73, кн. 2, с. 7, 25; т. 87, с. 454, 619. — Некрологи, 1901: «Россия», 11 дек. (П. В. Быков); «Вост. обозр.», 13 дек. (И. И. Попов). Брокгауз; Венгеров. Источ.: КЛЭЗ: Рус. писатели, 1990; Лит. Сибирь. Критико-библиогр. словарь писателей Вост. Сибири, ч. 1, Иркутск, 1986; ДРДР: Мезьер: Муратова (1); Масанов.

Архивы: Архив при б-ке Томского гос. ун-та, ф. Н. (л. ф.); ИРЛИ, ф. 377, 155, ф. 283, оп. 1, № 27 (22 письма А. М. Скабичевскому 1881—1899 гг.); РГАЛИ, ф. 2173 (рукописи, письма к С. Н. Криксунов), ф. 591; РНБ, ф. 438 (Лит. фонд), ф. 1029, № 82, 83 (прошение о

передаче прав на издание ж. «Слово»); РГИА, ф. 468, оп. 29, д. 192, л. 2—9 (ф. с. 1892 г.; дата смерти — 10 дек.), ф. 776 (справка Л. М. Селькиной); Ист. архив Ленингр. обл., ф. 14, оп. 25, д. 17—19 (студенч. дело). Г. В. Красноя.

НАУМОВА Анна Александровна [ок. 1787, селцо Наумовка (Зюзино) Лаишев. у. Казан. наместничества — март 1862, там же], поэтесса. Род. в состоят. дворян. семье; получила дом. образование. Отец умер до рождения Н., мать — когда ей было 16 лет. С этого времени, вероятно, воспитывалась у родственников в Симбирске, где сблизилась с поэтом А. К. Маздорфом, масонские взгляды к-рого, возможно, оказали влияние на Н. В 1800-е гг. начала писать стихи, преим. песни и лирич. стихи, в 1810-е гг. — печататься. В годы Отеч. войны 1812, на к-рой погиб один из ее двоюродных братьев (см. стих. «Надгробная милому брату...» — РВ, 1814, № 14), Н. испытала сильный патриотич. подъем, что отразилось в цикле «Рус. песен», помещенных в «Рус. вестнике», в т. ч. «Где ты, матушка, белокаменная» (1813, № 10, перепеч.: Собр. стих., относящихся к незабвенному 1812 г., ч. 1, М., 1814), «Рус. песня в честь Цара-Орла», «Песнь россиянки на взятие Парижа» (1814, № 1, 11). Стилизованные в «народном духе», эти песни отражают кредо Н.: «По-русски росскую Русь люблю» (Васильев, с. 151). Из-за тематич. ограниченности публикаций «Рус. вестника» в 1815 Н. посылает свои «камерные» стих. в «Амфион» (см. письмо к изд. ж-ла А. Ф. Мерзлякову — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5854а), где из них была напечатана «Песня» (№ 6).

После 1815 Н. переезжает в Казань, подолгу живет в своем имении Наумовке, по соседству с имением Панаевых, с семейством к-рых у нее завязывается многолетняя дружба: сестры Панаевы — ее близкие подруги, братья — лит. наставники; перипетии дружбы с ними (безоблачной, а потом омраченной «клеветами») составляют подоснову мн. стихов сб-ка Н. «Уединенная муза...». Н. вошла в домашний кружок казанский литераторов, объединявший Ал-дра Ив., Вл. Ив., Ив. Ив. Панаевых, Ф. М. Рындовского (зять Панаевых), В. Демидова, А. Степанова и др. Члены кружка обменивались стихотв. посланиями, порой в шутило-бытовом стиле, культивировали идилич. и песенные жанры. В это время Н. печатается в «Трудах Казан. об-ва любителей отечеств. словесности» (кн. 1, Каз., 1815) и в стилист. периодике: ж. «Благонамеренный» (1818, № 10) поместил лучшие стихи Н. «Не скажу: тебя люблю...» и «Ах, при тебе, мой друг...», пользовавшиеся нек-рой известностью среди современников, а также послание «Унылому поэту» (1819, № 5).

Падение с лошади в 1817 (Н. была страстной любительницей верховой езды) привело к потере глаза и сильной глухоте, что, очевидно, окончательно лишило Н. надежды обзавестись семьей, но не изменило ее живого, открытого и прямолинейного нрава. Эти черты (отмеч. и в восп. Вал. Панаева) отразились в сб. «Уединенная муза Закамских берегов» (М., 1819).

Сб. издан, по всей вероятности, Мерзляковым: в заседании ОЛРС Моск. ун-та 31 янв. 1820 он читал и разбирал стих. «К фантазии» из сб-ки Н., а в «Трудах ОЛРС» поместил благодарств. реч. на весь сб. (1820, ч. 20). Мерзляков же посвятил Н. мадригальное стих. (Васильев, с. 154).

Осн. место в сб-ке кроме стилизов. песен и романсов занимают дружеские послания, рассуждения, в т. ч. на религ. темы, стихи «на случай», эпитафии; в сб. включены не только поэтич. обращения Н. к Маздорфу, но и его ответные послания к ней. Стихи «Уединенной музы...» объединяет проповедь «добродетели» и добродетельной жизни: Н. говорит о необходимости смирения (к-рое понимает как нравств. долг), веры в благое, хотя и суровое, провидение, прославляет «благодарное» и прямое «сердце», постоянное в дружбе и любви (см., напр., «Возражение судьбы»). Часто стихи Н. приобретают форму наставлений обобщенным адресатам: «Воззвание к друзьям», «Урок молодым девушкам», «Воззвание к женщинам» и даже — рос. «певицам»: «Быть добродетельным тишиться / И бойтесь развращать людей!» (с. 28, «На смерть Державина»). Эту общую морализаторскую установку Н. с наивным дилетантством пытается совместить с опорой на биографич. конкретность, отсюда цикличность произв., сквозные «герои» (Темира, Саша). Однако ориентированная на поэтич. образцы 18 в. «робкая» и «скромная» (по самоопределению) муза Н. не смогла придать книге лирич. или биографич. единства; слог Н. изобилует клише эпитог. классицизма.

Ок. 1820 Н. вошла в казан. кружок либерально настроенного дворянина, познакомилась с будущими декабристами В. П. Иванисым и Д. И. Завалининым, наставшими в Казань, хотя декабристским идеям никогда не сочувствовала; ее скорее влекла полумасон. обрядность кружка (ср. признание Н.: «С самых юнейших лет моих дух чистого добродетелими знаменитого Рышарства одушевлен... меня» — Васильев, с. 151). Впоследствии Н. сожалела о своем участии в кружке: «христ. вытязи» оказались в ее глазах «дешьюм лжеумудры» (там же, с. 165).

После «Уединенной музы...» Н. почти не печаталась, хотя много писала. Со 2-й пол. 1820-х гг. в ее стих. сильны охранит. мотивы, безоглядное обличение «бунтовщиков», носителей либеральных и оппозиц. идей (Н. называет их «безумцами», «лжецами», «изуверами», «карбонариями»), причину распространения к-рых она видит в отходе столичного дворянства от православной веры и рус. устоев. Н. выразила опасения

(совершенно необоснованные) в революционности программы ж. «Славянин» (Васильев, с. 167), в стих. А. С. Пушкина «Ворон к ворону летит» (1829) столь же безосновательно увидела намерк на тайное брожение умов и отозвалась офиц.-патристич. стих. «Пародия на карканье ворон» (1830). Существует малодостоверный рассказ о знакомстве Пушкина с Н. в Казани в сент. 1833 (МВед, 1898, 28 февр.).

В дек. 1837 — нач. 1838 Н. переслала В. А. Жуковскому поэму «Все былое, или Милостивый манифест по ходатайству по России путешествующего доброго Гения» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5460), посв. декабристам, в к-рой, говоря о тиграх ссылки декабристов и призывая их к раскаянию, просила Жуковского замолвить «два слова» перед последником об освобождении Ивашева, Е. П. Оболенского, С. Г. Волконского. Поэма Н. — одно из ранних обращений к декабрист. тем в рус. поэзии. В ней, как и в приложенном к поэме стих. «Перчатка...», содержатся инвективы в адрес «франтиков» — волюнтаристов и дворян, выходящих в раннюю отставку и не желающих служить. По своим худож. достоинствам эти произв. стоят значительно ниже ранних стих. Н.

До конца жизни Н. жила в своем имении (в стихах 2-й пол. 20-х гг. называла себя «сел. затворницей», В. Васильев, с. 167). Полужуркая и полуглая, она деятельно занималась благотворительностью: содержала девиц-сирот, обучая их грамоте, дом. хозяйству и рус. танцам. Истратив все свое состояние, умерла в крайней нужде (Панаев Вал., с. 468).

Осн. часть стихов. наследия Н. осталась неизданной. В б-ке Казан. ун-та хранится 3 сб-ки ее стих. 1816—32 (включают и стих. ее окружения), по мнению исследователей, близкие по духу и уровню опубл. сб-ку Н., а также две драмы в стихах: «Владимир и Мстислав...», «Этигиди, или Любовь и миссия» (1821). Подробнее см.: Описание рукописей Науч. б-ки им. Н. И. Лобачевского Казан. ун-та, в. 13, ч. 1, Каз., 1963, с. 17—27 (сост. Е. М. Ильенко; содержание, обширные цитаты). Местонахождение еще одного сб-ка Н. «Лири Тагайронская...» (1825), хранящегося в частном собр. в Саратове (РА, 1894, кн. 2, с. 160), обнаружить не удалось.

Лит.: (Писарев А. А.), Имена почетных дам и девиц русских. — ДЖ. 1828, № 15, с. 88; Белинский, VII, 652; Голицын Н., Библиографический указатель, 1857, № 32, с. 374; Де-Пуле М. Ф., Отец и сын. — РВ, 1875, № 7, с. 78; сго же, Н. И. Второв. — РА, 1877, кн. 2, с. 156; Панаев Вал. А., Восп. — РС, 1893, № 9, с. 461—68; Титов А., Ответ... — РА, 1894, кн. 2, с. 605; Ист. люди в александрах, СПб., 1900, с. 221 (под ред. М. В. Шелюкова); Васильев М. А., Н. в обществе, мотивах ее творчества. — Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те, т. 33, ч. 2/3, Каз., 1926 (по архивным мат-лам, с перепечаткой нек-рых стихов); Ежегодник РО ПД, 1977, Л., 1979, с. 54 [ст. В. Э. Вацура; упоминается в альбоме Чичеринных «пискей Анны Наумовой», суля по содержанию прилож. стих. (ИРЛИ, Р. I, оп. 42, л. 53, л. 3), скорее всего, не относится к Н.]. — (Руссов С. В.), Библиограф. каталог рос. писательниц, СПб., 1826; Геннади; Голицын; Венгеров. Источ.: Смирнов-Сokolский; Черский; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 231, к. 21, № 115 (письмо к М. П. Погодину, 1844 г., с просьбой напечатать стих. «Неразгаданный»); РО Науч. б-ки Казан. ун-та, № 1100—1113 (рукописные сб-ки Н.).

Г. Д. Овчинников, С. И. Павлов.

НАУМОВИЧ Иван (Иоанн) Григорьевич [14.1.1826, м. Козлово близ Каменки-Струмилово, Галиция, Австрийская империя — 4(16).8.1891,

Новороссийск; позднее перезахоронен в Киеве, на кладб. Пустынно-Николаев. мон. (на Аскольдовой могиле)], журналист, поэт, прозаик; галицко-рус. обществ. деятель; протоиерей. Писал на языке, близком нар.

разговорной речи вост.-слав. населения Галиции (см.: Драгоманов, 1873, № 10, с. 695; здесь же о нек-рых языковых аспектах т. н. галицко-рус. лит-ры — № 9, с. 245—247; № 10, с. 698), и рус. языке. Из униатской семьи, отец — учитель начального уч-ща, русин (о русинах см. в ст. А. В. Духнович). Окончив Львовскую г-зию (1844), учился в Львовской духовной сем. (униатской), откуда в 1848 был исключен за «шалость» полит. характера (в том же году в среде галиц. крестьян безуспешно агитировал в пользу восстановления полейков). вновь поступил в сем., окончив ее, принял сан священника (1851). Через нек-рое время сделался «обрядовцем», т. е. сторонником очищения униатского обряда от лат. влияния, возвращения к слав. яз. в богослужении, к соблюдению постов Вост. церкви и т. д. В 1861 избран нар. представителем в Львовский сейм (повторное избрание в 1867 не было утверждено сеймом). Вскоре приобрел известность как деятель «москвофильской» («старорусской») партии, «поборник рус. народности» в речах и статьях, печатавшихся, в частности, в львовском ж. «Слово»; в программном манифесте («Слово», 1866, № 59) выступал против наименования вост.-слав. населения Галиции «рутенями» или «руси́нами», т. к. оно, по Н., составляет единое целое с рус. народом. Член Рейхсрата — державной думы (с 1873). В 1874 открыл в Коломые просветит. «Об-во в память М. Качковского» (о Качковском см.: Брокгауз), основанное на принципах «молись, учись, трудись, трезвись» и предназначавшееся для борьбы с польским засильем; избран пред. Об-ва (до 1877). Убедившись в

бесплодностью попыток реформирования униатской церкви, в 70-х гг. стал одним из инициаторов движения за возвращение в православие (осн. лозунг — «прочь от Рима»), за что обвинялся в гос. измене; в 1881 арестован, осужден на неск. месяцев тюрьмы, лишен прихода и сана.

Проблема о пересмотре этого решения и развернутый анализ положения церкви содержит «Апелляция» (изд. в переводе с лат. — «Апелляция к папе Льву XIII рус. униянского священника Иована Наумовича против великого отлучения его от церкви по обвинению в ереси», СПб., 1883), написанная от лица Н. Обищ, деятелем и публицистом А. И. Добрянским-Сауверовым (атрибуция см.: Аристов, 1913). В ней обосновывается правота Н. (в т. ч. с опорой на положение Флорентийской унии [439]), объясняется, что стремление к воссоединению с Востоком есть лишь реакция на религ. притеснения униянов, попытки ополчения и «латинизация» населения Галиции, губительные для «галицко-рус.» народа.

Суд над Н. и «апелляция» имели широкий обществ. резонанс, однако положение Н. не изменилось, и в 1885 он, официально перейдя в православие, переехал с семьей в Киев, где получил сан и приход.

Первое лит. выступление Н. — «Стих во чистое его превосходительство кнр Михаилу Левицкому, митрополиту Галицкому» (Львов, 1848). С 1848, став деятельным членом культурно-просветит. об-ва «Галицко-рус. матица», издавал на его средства кн. для нар. чтения (в осн. по сел. хозяйству), а также стих. (приветств. «песни» «на случай», стих. дидактического характера, переводы, в т. ч. из В. Гюго) и повести из жизни сел. духовенства и крестьян Галиции. Выступал с опытами в драматич. жанрах (см.: В а в р и к), ставившимися, как и его пер. «Жоржа Дандена» Мольера (под назв. «Гриць Мазниля, або мужь заманений», Львов, 1849), на любит. сценах. Выпустил неск. познавательн.-нравов. учебн. детских кн., в т. ч. «Золотую книжечку для детей» (Львов, 1874).

Сотрудничал в зап.-укр. изданиях: «Зоря галицка» (1849—50), «Отеч.-сб.» (1853, 1857—58), «Вестник» (1857), «Сион, Церковь и школа» (1858), «Слово» (1861—86), «Дом и школа» (1863), «Неделя» (1865) и мн. др. С 60-х гг. выступал также как публицист, а с нач. 1871 предпринял собственные изд.: газ. «Рус. рада» (совм. с М. И. Белоусом; 1871—85), ставшую первой в Галиции газ. для народа, и ж. «Наука» (1872—85). Публ. Н. появлялись и в рус. изданиях: ист.-этногр. ст. «О Галицкой Руси» («Славянский сб.», т. 1, СПб., 1875).

Ранние прозв. Н. позднее переиздавались в рус. пер.: «Четыре повествователя доброй жизни: Страх Божий, Мудрость, Трезвость, Труд» (М., 1888; 2-е изд., М., 1896; репр.: МВед, 1889, 10 мая); «Заветные топоны» (К., 1888; репр.: МВед, 1889, 10 мая); «Псалтырик. Повесть из галицко-рус. народной жизни» (М., 1888; 3-е изд., СПб., 1901; репр.: ЖЕОУ, 1889, № 4); «Сироты» (М., 1894); «Горит! Рассказы» (М., 1897); «Повести и рассказы из галицко-русской жизни» (СПб., 1901; переизд.: П., 1915, на обложке

1914). Пронювели и статьи из ж. «Наука» составили сб. «Беседы пастыря» (т. 1—2, СПб., 1902; в т. 1 — «Автобиография Н.). Нек-рые из его стих. в пер. Н. В. Гербеля включены в антологию «Поэзия славян» (СПб., 1871).

После переезда в Киев стал печататься по-русски (возможно, часть публ. — переработки произв., вышедших ранее в зап.-укр. периодике). Его беллетристич. соч. публиковались в петерб. ж. «Странник» («Роман Кузьмина» — 1888, № 10—12; 1889, № 1, 2, 4, 5, публ. не окончена; и др.), выходили отд. изд. («Как в простоте живут люди», СПб., 1891). Тематически и композиционно к ним близки кн. по сл. хоз. хозяйству: «Беседы Степана Старахозяина о сельском хозяйстве» (в. 1. К., 1888), «О. Федор. Повесть. (Сельскохоз. беседы)» (в. 1. К., 1888; о пчеловодстве). Эти соч. отчетливо дидактичны: Н. включает в повествование «заповеди» (религ. и «практич.» свойства), рисует, чаще в идеализир. виде, взаимоотношения сел. прихожан и их пастыря, ратующего за духовное просвещение народа, искоренение пороков (гл. обр. пьянства); в беседах с кн. крестьянам раскрывается история Галицкой Руси, противоборство русинов и их притеснителей (неприязненно изображаются польские помещики, ксендзы и т. д.).

Публикованы также реинт.-правств. и ист. прои-зв.: «Христианские добродетели» (СПб., 1890), «Червоная Русь, ее прошлое и настоящее» (К., 1890). Из статей той же тематики печатались в «Слрж. вед.»: «Как избавиться русскому народу от пьянства» (1888, № 36), «О современном положении Галицкой Руси» (1888, № 50), «Черковная проповедь и беседа» (1889, № 24) и др. В прокветит. целях составлял «Правосл. нар. календарш» (на 1890, 1891; изд. Св. Синодом).

В печати и в полн. действительн. Н. получал разноречивые оценки — от панегирика (признавался «проростелем» Галинина) до критических. М. П. Драгоманов, называвший его одним из самых энергичных и талантливых тапач делателей, отмечавший доходчивость и живость его соч., вместе с тем отвергал языковые концепции Н., осуждал его за антисемитизм, и антипольские высказывания, «религ. и нац. пантеизм» (Драгоманов, 1873. № 10, с. 690—92). Критически отнесился к пьесе И. Я. Франко, изображавший Н. в «Думе про Наума Бстумовича» (1878).

В последние годы жизни, возведенный в сан протоиерея, Н. оставил приход и кроме литературной занимался финансово-экономич. деятельностью, стремясь помочь населению Галиции (делами ранее созданного Галичко-рус. нар. банка, пропагандой ссудо-сберегат. касс и т. д.; начинания Н. пользовались поддержкой мнш. финансов И. А. Вышнеградского, с к-рым он был лично знаком). В кон. 1880, обеспокоенный усилившейся эмиграцией галичан в Юж. Америку, разрабатывал проекты переселения русинов в Россию (см. публ. «Письмо отца Наумовича и червоноруссы» — РВ, 1889, № 4; здесь же отрицат. отклик редакции на проект Н.). Летом 1891 отправился на Кавказ (где планировал основать будущие колонии галичан) и скоропостижно умер в гор. больше

Новороссийска. Предположения в последних письмах Н. о том, что за ним установлен негласный полиц. надзор, а также нек-рые обстоятельства смерти позволили его друзьям выдвинуть версию об отравлении, официально не подтвержденную (ГАРФ).

Лит.: (Драгоманов М. П.), Русские в Галиции. Лит. и полит. заметки. — ВЕ, 1873, № 1, с. 130, 144—45; № 2, с. 771—72; его же, Лит. движение в Галиции. — Там же, № 9, с. 247; № 10, с. 687, 689—98, 711; его же, Литературно-публицистич. праці, т. 1—2. Київ, 1970 (ук.); Пытин А. Н., Славослов В. Д., История слав. литературы. [2-е изд.], т. 1—2. СПб., 1879—81 (ук.); [О суду над Н.], — ВМ, 1882, № 702; [Мат-лы о пребывании Н. в России 1884]. — «Илл. мир», 1884, № 42 (с биогр. очерком); Протоиерей И. Г. Наумович. — «Рус. паломник», 1886, № 28—29 (6 окт.); Соловьев И., Отец Иоанн Наумович. (Очерск его жизни и духовно-просветит. деятельности). — РО, 1893, № 7, 8 (отд. изд. — М., 1893); Монахоловский О. А., Памятная книжка в 25-лестний юбилей Об-ва им. М. Качковского. 1874—1899, Львов, 1899, с. 6—9, 14—16, 25, 49—52; Памяти протоиерея И. Г. Наумовича. 1891—1911. Од., 1912; Аристов Ф. Ф., А. И. Добрянский-Сацуров. — РА, 1913, № 4—5, с. 669—71 (об авторстве «Апеллишан...»); его же, И. Г. Наумович. — Там же, № 7; его же, Карпат-рус. библи., Львов, 1930, с. 17; Пилинчук Р. Я., Укр. тр. Вост. Галиции и Сев. Буковины (30—60-е гг. XIX в.), Автореф. дисс. ... К. У., 1971, с. 10; Ваврик В. Р., И. Г. Наумович (1826—1891). — В его кн.: Краткий очерк галицко-рус. письменности, Львов, 1973, с. 42—44 (и ук.); Франко І. Я., Збірання творів, т. 1—50, Київ, 1976—86 (см. под. справочный том — «Довідковий...», Київ, 1989); Нечитайло М. Ф., Оружие публицистики. Вопросы истории, проблематики ... публицистики І. Франко, Львов, 1981, с. 24, 112—13, « Некрологи, 1891: ВМ, № 1178; ИВ, № 10; НВ, 9 авг.; «Странник», № 8. Мещов; Ламини; Берстин; Грбан; Брокгауз; Венгеров. Рус. кн., № 2838, 6014; Грант; Левичанский І. Е., Галицко-рус. библи. за 1887—1889 гг., Львов, 1888—90 (ук.); его же (сост.), Галицко-рус. библи. XIX столетия, т. 1—2. Львов, 1888—95 (ук.); его же, Українська бібліографія Австро-Угорщини за роки 1887—1900, т. 1—3, Львов, 1909—11; УРЕ; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 558, № 247 (письма К. П. Победоносцеву, 1885—91); РГБ, ф. 239, к. 12, п. 29 (письмо М. Н. Каткову); ф. 237/11, к. 12, п. 5 (письма В. А. Черкаскому); ГАРФ, ф. 109, 3 экз., 1879, д. 14, ч. 1 (о перекладі писем Н.); ф. 102, 3 д-во, 1883, д. 843 (об обстоятельствах смерти); ф. 730, оп. 1, д. 5147 (письмо не установлен. лицу, 1888).

П. М. Боклан.

НАХИМОВ Аким Николаевич [8(19). 9.1782, вероятно, д. Поповка Богородухов. у. Харьков. наместничества* — 18(30). 7.1814, Харьков. у. Слободско-Украин. губ.], поэт-сатирик. Сын поручика в отставке, помещика Богородухов. у.; мать — сербиянка из рода Райковичей. Учился в Моск. ун-тском благородном пансионе, где писал сатирич. стихи и статьи (учебные сочинения); тогда же впервые напечатался: в близких к Моск. ун-ту ж-лах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена, или Утехы любословия» вышли его пер. с нем. (1798, ч. 17, № 20, подпись Яким Нахимов; 1799, ч. 2, № 45) и французского. Окончив пансион, поступил юнкером в Мариупольский гусар. полк. Вышел из него для определения в статскую службу и отправился в Петербург.

По рассказу А. Г. Розальон-Сошальского (бр. В. Г. *Розальон-Сошальского*), чтобы не начинать службу с нижних чинов, «соблазненный каким-то пройдохой, купил подложный патент на чин капитана, за что был судим и по приговору исключен из службы, с лишением права вступать как в военную, так и статскую службу» (см.: Багалеи, с. 828). Сам Н. в басне «Молодой орел» вспоминал о каких-то грехах неопытной молодости. Вернувшись в Малороссию, Н. поступил для продолжения образования и морального «отбеливания» (см.: Борзенков, с. 12—13) в только что открытый Харьковский ун-т (январь 1805) на «словесный ф-т». Будучи уже достаточно знаком с «теорией словесных наук», зная англ., франц. и нем. языки, Н. во время «трехгодового с половиною курса» занимался в основном греч. и лат. классиками (причем брал частные уроки у профессоров) и «практич. словесностью» (Борзенков, с. 13). В 1808 закончил ун-т по словесному отделению со званием кандидата, чему посвятил иронич. стих. «На получение кандидатского достоинства» («...Десницей мощною ученого Сената/ Се из ничтожества внезапно извлечен! / Петлиц сиянием серебряным озарен, / Стою на степени высокой кандидата! / И Слава, осенив меня своим крылом, / С улыбочкой кажет всем печатный мой диплом!...»). В июне 1808 по желанию престарелого отца оформил права наследства, а в январь 1810 женился (имел сына и двух дочерей).

С кон. 1809 до сер. 1811 по приглашению Совета ун-та читал двухгодичный курс (не докончил) по грамматике и словесности для чиновников, готовившихся к сдаче экзаменов на чин коллеж. ассесора или стат. советника (раз в неделю приезжая с хутора в Харьков). Его аудиторию составляли в осн. зрелые люди, побуждаемые к этому указом от 6 авг. 1809, к-рый вызвал в обществе недовольство и насмешки. Сам Н. откликнулся на указ пародийной «Элегией», самым популярным его стих., разошедшимся в анонимных списках по всей России; забавно описывая переполох, охвативший чиновников («Восплачь канцелярист, повытчик, секретарь, / Надсмотрщик возрыдай и вся приказна тварь! / ... О чин ассессорский, толико вождельный! / Ты убегаешь днешь, когда я восхищенный / Мнил обнимать тебя, как друга, как алтын...»), он, однако, приветствовал указ, суливший нек-рое «просвещение» подьячих.

Надо думать, Н. относился к лекциям с известной иронией; по преданию, он задавал слушателям в качестве грамматич. примеров переписывать свои стихи «Похвала гуслиному перу» («За драгоценное перо, Подьячье! главу пред гусем преклоняете»), басню «Дьяк и нищий» (опубл.: Чириков, с. 711) и спрятать глаголы

«брать» и «драть», а курс начал стихотворным «Предисловием к Российской грамматике»: «Блажен, кто в жизни сей с указкой меж персто- / Прошел сквозь юс и кси, достигнул до складов, / И тамо в бра и дра прилежно улюбился».

Семейные заботы и несчастья (смерть любимой сестры, отца, малютки-сына, а также привычка заглушать душевную горечь вином) вынудили Н. отказаться от преподавания; последние годы провел на уединенном хуторе, располагая хорошей б-кой. Скончался от внезапно начавшейся чахоточной лихорадки.

«С возрастом и познанием света, — писал издатель и биограф поэта, соученик по Харьков. ун-ту и близкий друг Д. С. Борзенков, — усилился у него порыв к занятиям словесности даже до страсти» (см.: Нахимов А., Соч. в стихах и прозе, Х., 1815, с. 3). Н. обладал натурой нервной и впечатлительной, а согласно его записке для доктора М. Я. Трофимовского, в юности богатое воображение доставляло ему даже страдания (см.: Борзенков, с. 10). По словам В. Г. Масловича, Н. был «роста среднего, сухоощав, лицом некрасив, но физиономия имел многообещающую и сатирическую, больше задумчивую, нежели веселую, чело возвышенное» (Маслович, с. 52). В стих. «К самому себе» (опубл. 1822) поэт писал: «Не знаешь светска обращения! / Задумчив, медлен, нелюдим! / Не любишь шумного веселья! / Суровым кажешься и злым». Достаточно обеспеченный по провинц. представлениям (согласно Розальон-Сошальскому, «жил... в Харькове не по-студенчески, а баринном» — см.: Багалеи, с. 828), не связанный службой, Н. не слишком следовал принятым условностям (хотя Багалеи, процитировав Розальон-Сошальского, сразу же оговаривал: «образ жизни... оригинальный и вместе с тем далекий от барства» — с. 829, а Борзенков опровергал утверждения Масловича о «странных» поведении Н.).

Н. не поддерживал связей со столькими журналами и широкой публике оставался неизвестным. Лишь в «Вест. Европы» (1810, № 8) появилась шутилая статья «Историческое и философическое рассуждение о блохе» (отправлена друзьями без ведома автора) да две басни и пародийная «Песнь луже» были напечатаны в ведомственном изд. «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» (1810, № 24) (уже посм. в моск. «Амфионе» — № 1 за 1815 — опубл. два стих.). Отнюдь не лишенный стремления к лит. успеху («было честолюбие ... суровское» — Борзенков, с. 18), Н. в последний год жизни определил план и состав сб-ка своих сочинений, поручив издание Борзенкову: «Сочинения в стихах и прозе» вы-

шло к годовщине смерти автора (ц. р. 13 июня 1815; Х.). Во 2-м, испр. и доп. изд. (Х., 1816, ц. р. 24 ноября 1816) Борзенков совершенно изменил построение сб-ка, чтобы придать «характеру Нахимова как сатирика большую определенность» (см.: «От издателя» — там же, с. 3), и поместил «Мнение о соч. Н.» (отрывок из рец. Гонорского на 1-е изд. — см. ниже).

Вслед за 1-м изд. гл. обр. благодаря Масловичу неизд. стихи Н. печатались в ж-ле «Харьковский Демокрит» (1816, январь—июнь; свыше 20); большинство из них включено во 2-е изд. Однако часть их, в т. ч. «Проповедь и басня» (№ 3), «Заглавие к моим сочинениям» (№ 5), не вошла и в 3-е, доп. издание Борзенкова 1822 (как и два стих. из «Укр. вест.» 1819 в номерах 7 и 8), к-рый считал, что сочинения Н. «не все помещены быть могут» (Борзенков, с. 20). Существ. исправления и доп. по рукописям приведены в публикации Г. С. Чирикова (1880), в т. ч. начало комедии в стихах «Влюбленные педанты» (1-е д. целиком и краткое упоминание 2-го) и указание на «романтический отрывок» «Леандр и Юлия, или Торжество любви над мщением» (1806; сохранился в рукоп.).

Осн. часть произв. Н. относится к 1805—10. Он был по преим. поэтом-сатириком («природа особенно, кажется, влила в душу его чувство отвращения ко всему несправедливому и смешному, впечатления коих действовали на него до иступления» — Борзенков, с. 10—11). Лирич. произведений в его наследии — считанные единицы: 4 в разделе «лирич. стихи» («Поэт», «Златое время», «Осень», «К России»), да 3 близких к ним стих. «священного содержания»: «Молитва», «Сонет» (пер. сонета «Рассказание франц. поэта 17 в. Ж. Дебарро) и «Песнь вере» (переложение 17-го псалма, одобренное проф. рос. словесности И. С. Рижским). Гл. жанр сатирика — басня; принцип иносказания присутствует и в жанрово менее определ. сатирич. стих. («Зверинец», «Письмо приятеля моего, странствующего в чудесном птичьем мире»); к басенному жанру примыкают эпиграммы, надписи и эпиграфы.

Н. наследовал сатирич. традиции 18 в.: Борзенков видел в нем подражателя А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина; Маслович — Сумарокова, Фонвизина и нем. баснописца Г. К. Пфедфеля («Укр. вест.», 1817, № 10, с. 115). Хотя известно, что Н. часто откликался на местные харьков. события, все его стих. имеют характер общей «сатиры на порок». Органич. связь с поэтикой 18 в. в сатире Н. уже нарушена. Его лучшие стих. написаны в духе пародийно-бурлескных переделок высоких жанров [«Песнь луже»,

прои-комич. поэма «Пурсониада...» (о французе-торгаше, «герое кабаков», отпавившемся в Россию служить гувернером; не закончена), фарсовое начало комедии «Влюбленные педанты...», что придает им часто юмористич. оттенок. Осн. объекты обличения — чиновники-взяточники, подражатели всему иностранному («Мерзилкин, или Русский выродок, превратившийся в офранцузенную гадину»), дурные сочинители.

Первые посмертные изд. сочинений Н. встретили заинтересов. отклик только в харьков. журнальчике. Кроме «Эпитафии» Масловича («Харьков. Демокрит», 1816, № 1), высоко оценившего силу сатиры Н., появились рец. Р. Т. Гонорского («Укр. вестн.», 1816, № 1—2), отодвигавшая Н. место «между лучшими нашими сатирическими писателями» (№ 2, с. 269); Петерб. «Сын отечества» оценил издание довольно сдержанно: «приметны дарования, особенно в роде сатирическом» (1815, № 43, с. 181).

Переизд. 1840-х гг. критика встретила как страшный лит. анахронизм: «У Н. не было ни сколько поэтик, дарования; он притом худо владел языком... писал... по фактуре сумароковской» (РВ, 1841, № 10, с. 236); «талант его, по преим. местный и односторонний» (М. Н. Лонгинов) — «Совр.», 1849, № 11, с. 1), а их появление объяснялось исключительно действиями «спекулятивной промышленности»: «в столицах и на Нахимова читать уже более не будут, так его пустят по провинциям» (ОЗ, 1841, № 11, с. 9). Лишь Ф. А. Конн отчасти оправдал поэтику Н.: «отсутствие эстетич. вкуса и несомненно дубоватый оборот мысли» объясняются стремлением говорить о несогласиях жизни «смысл, резко, даже дерзко» (Конн, с. 507—08). В унисон с ним высказался и ценитель старой лит-ры М. П. Погодин: «никогда до его времени не последовало его саркастической способности издеваться над пороками» («Москв.», 1849, № 22, с. 50). 9 изданий сатирика в течение своего существования, что они находили своего читателя, особенно в застойные подцензурные 1840-е гг.

Изд.: Соч. в стихах и прозе..., 3-е доп. изд., М., 1822 [с биографией, сост. Д. С. Борзенковым, критически оценивающим брошюру Масловича]; переиздания 3-го изд.: М., 1841 (издатель Айцлер Глазунов); М., 1841 (тип. А. Н. Степанова); М., 1842; СПб., 1849 (издатель А. Ф. Смирдин, в серии «Полн. собр. соч. рус. авторов»; 2-е изд., СПб., 1852); М., 1852]. Чириков Г. С., А. Н. Нахимов. Писатели-сатирик. (Очерк лит. деятельности и незнакомые его соч.). — РС, 1880, № 11, с. 709—36; № 12, с. 951—74; [Стихи]. — В кн.: Поэты-сатирики; Рус. пародия; Стихотв. сказка (новеллы); Волыная рус. поэзия, Л., 1970; Рус. басня; Рус. эпиграмма, 1975.

Лит.: Маслов В. Г., Память о харьков. стихотворце Н., СПб., 1818; Б(орзенков) Д. (С.). Описание жизни Н. — В кн.: Нахимов А., Соч. ..., М., 1822; Пункин (ук.); Белинский (ук.); Конн (Ф. А.), Соч. Н. в стихах и прозе, М., 1841. — ЛГ, 1849, 8 нояб.; Пласкин В. Т., Руководство к изучению истории рус. лит-ры, СПб., 1846, с. 183; Лонгинов М. Н.), Соч. Н., Милюнова и Судовникова. — «Совр.», 1849, № 11; Чириков (см. в разд. Изд.); усматривает в «таланте» Н. «много общего с А. Е. Измайловым»; Багалей Д. И., Опыт истории Харьков. ун-та, т. 1, X, 1893—98, с. 571, 828—29 (с отрывками из мемуаров А. Г. Ротальон-Сокольского); Багалей Д. И., Миллер Д. П., История города Харьков..., т. 2, X., 1912, с. 796—98; Лещенко П. А., Несправедливо забытый поэт-сатирик. (Заметки о творчестве Н.). — «Уч. зап. Ровенского пед. ин-та», 1963, сер. филол., т. 8, с. 193—203; его же, Несправедливо забытый талант. — «Радауга» [К.], 1965, № 11, с. 145—148; Лосевский И. И., Воюющие против кривосудия. — «Лит. Россия», 1983, № 18; его же, Рус. лира с Украины..., X., 1993 (ук.); ЛН, т. 53—54, с. 442; т. 59 (ук.). — Борд., ОЗ, т. 11; КЛЭ, т. 9; Степанов. Стенник (ук.); Масанов.

Архивы: Ин-т лит-ры АН Украины, ф. 71; РГАДА, ф. 1355, оп. 1, д. 1917, л. 3 (описание деревни Полювки)* [справка С. Р. Долговой].

В. П. Степанов.

НЕБОЛЬСИН Павел Иванович [1817, Петербург — ок. 20.8.19]. 1893, Вильна], автор популярных ист.-этногр. исследований, публицист; цензор. Из нижегород. дворян. В 1838 окончил юридич. ф-т Петерб. ун-та. Направление творч. деятельности Н. определялось географией и результатами его многочисл. поездок по стране: «Я на своем веку довольно поездил по России. Ангара, Саянские горы, вершины и устья Тобола, почти весь Урал, вся Волга и Кама...» (ОЗ, 1861, № 9, с. 311). Дебютировал в «Отеч. зап.» циклами «Рассказы о сиб. золотых приисках» (1847, № 6—12, 1848, № 1—2; отд. изд. — «Поездка в Сибирь на золотые прииски», ч. 1—2, СПб., 1848) и «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» (1849, № 4—6, 8—12, отд. изд. — СПб., 1850; благожелат. рец.: СО, 1852, № 8), написанными по мат-лам его инспекционной поездки по Вост. Сибири в 1845—46 в качестве представителя одной из золото-промышленных акционерных компаний. Тогда же опубли. научно-популярную книгу для юношества «Ермак» (ч. 1—2, СПб., 1849; благожелат. рец., 1849; БдЧ, т. 92; «Москв.», № 2; ОЗ, № 1; «Совр.», № 1) и ист. иссл. «Покорение Сибири» (ОЗ, 1848, № 10—12; отд. изд. — СПб., 1849), в к-ром, сопоставляя сведения из изв. исторических источников со своими наблюдениями, предпринял попытку пересмотра традиц. взглядов на ход рус. колонизации в Азии.

В отрыв. отзывах 1849 («Совр.», № 6; «Сев. обозр.», т. 1; СО, кн. 5) отмечались поверхностное знание материала, наличие фактич. ошибок и источностей, слабость приемов ист. анализа (др. рец., 1849; ОЗ, № 7; СПбВед. 9 июля; СП, 31 авг.). Под предлогом спора о достоверности свидетельства Строгановской и Есиповской летописей С. М. Соловьев и М. П. Погодин критиковали Н. за идеализацию «казацких устремлений», действия Ермака, отрицание роли государства, купцов Строгановых, патриарха Филарета в деле покорения Сибири (Соловьев С. М., История России с древнейших времен, кн. 3, М., 1989, с. 691—99; см. также: «Москв.», ч. 3, № 12, с. 137—38; БдЧ, т. 95, № 6, с. 35—36).

С 1848 Н. — чл. РГО, в 1850-е гг. активно участвовал в работе его этногр. и статистич. отделов, редактировал «Записки РГО» (т. 12, 1857). В 1850 на «пособие» Об-ва был направлен в Оренбург для сбора мат-лов об истории и перспективах торгово-промышл. связей России со Ср. Азией. Отчет о командировке (1851), опубли. позднее под назв. «Очерки торговли России со Ср. Азией» [«Зап. РГО», 1855, кн. 10; отд. изд.: «Очерки торговли России со странами Ср. Азии: Хивой, Бухарой и Кокандом (Со стороны Оренбург. линии)», СПб., 1856; благожелат. рец.: «Совр.», 1855, № 6;

ЖМНП, 1857, ч. 93, № 1; Григорьев В. В., Разбор сочинения Н. — В кн.: Двадцать пятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 26 мая 1856 г., СПб., 1853, с. 115. 178—182], был удостоен премии РГО (1853) и премии АН (1854).

Записи, к-рые вел Н. во время путешествия в Оренбург. край, легли в основу его «Рассказов проезжающего» (ОЗ, 1852, № 11—12; 1853, № 1—2, 4—6, 10—12; отд. изд. — СПб., 1854; благожелат. рец.: ОЗ, 1854, № 3). В них, как и в последующих работах этого жанра: «Очерки Волжского низовья» (СПб., 1852), «Очерки быта калмыков Хошутовского улуса» (СПб., 1852), «Несколько замечаний об уральских казаках» («Вест.-РГО», 1854, ч. 12, кн. 6), «Ловецкие рассказы о каспийском рыболовстве» («Пантеон», 1854, № 3, 5, 7—8), «Уральцы» (БдЧ, 1855, т. 130—131, № 4—5; отд. изд. — СПб., 1855), он поставил целью «присматриваться к торговому классу и знакомиться с торговыми обычаями», историей края, бытом коренного населения по пути следования. Очерки Н. — «пособия для путешественников» — воссоздают картину бурного, прежде всего торгово-промышленного подъема в России и содержат практич. рекомендации (состояние путей сообщения, цены, хоз. занятия и т. п.). Н. выступал за ограничение произвола администрации по отношению к малым народам, налаживание мирных, обоюдо-выгодных торг. связей с ними, расширение сети нац. уч. заведений. Отрицат. отзывы были вызваны наличием большого количества фактич. неточностей в описании истории уральского казачества (И. И. Железнов — «Москв.», 1855, т. 2, № 7, т. 3, № 12, т. 4, № 15—16).

В 1853—63 преподавал коммерч. географию и статистику в Петерб. коммерч. уч-ще. По предмету своих курсов опубликовал в «Ж-ле гл. управления путей сообщения и публическ. зданий» (1857, кн. 1, 3—5), «Вестник промышленности» (1858, № 1—3, 5—6), газ. «Сев. пчела» (1861, 6 февр., 30 мая) цикл статей с анализом важных данных офиц. статистики и законодательства по истории развития и совр. состоянию торгового пароходства в России, промыслах и путях сообщения в Моск. губ., итогах и перспективах развития ж.-д. транспорта. Последняя тема нашла продолжение в «Опыте изложения значения железной дороги Николаевской» (М., 1860).

В интенсивном развитии новых видов транспорта Н. видел непеременимое условие экономич. процветания государства. Иллюстрируя в «Опыте...» полит. программу Н. включала в себя «провозглашение свободы труда, коренное преобразование экономич. быта миллионных семейств, правый суд, ускорение делопроизводства, ослаб-

лесие регламентации, упрощение администрации и начало и конец всего — «ясность и устность» (указ. соч., с. 4).

В мае — июле 1861 в Подольском у. Моск. губ. Н. изучал отношение различных слоев общества к манифесту об отмене крепостного права. Его статьи с мест (в форме дневника) публиковались в «Отч. зап.» (1861, № 9; 1862, № 4—5; отд. изд. — СПб., 1862) и «Сев. пчеле» (1861, 13, 20 июня, 6, 7 июля) под назв. «Подмосковные письма». В дальнейшем Н. отходит от активной лит. и журналистской деятельности. С 1863 чл. гроднен. губернского по крест. делам присутствия, с 1869 ст. чиновник для особых по крест. делам поручений при гроднен. ген.-губернаторе. С 1871 и до смерти — виленский отдельный цензор по внутр. цензуре. Результатом многолетних наблюдений за обрядовой стороной жизни евреев Сев.-Зап. края стал ист.-этнографич. этюд «Очерки частного быта евреев» (СПб., 1872; включающий пер. О. Н. Штейнберга и А. Л. Воля обязат. для евр. женщины «Установления о микве», с пояснениями Н.).

Др. произв.: «О рус. солдатах и др. воен. чинах до Петра Великого» («Совр.», 1849, № 2), «Рассказ троцкого 2-й гильдии купца Абдул-Валя Абдул-Вагапова Абу-Бакирова о путешествии его с товарищами из Троицка в Чугучак и о прочем; писан со слов его П. И. Небольсыным» («Геогр. изв.», 1850, в. 3, № 7/9), «Рассказ рус. приказчика о Ташкенте» (ОЗ, 1851, т. 74, № 1), «Заметки о волжских бурлаках» (ЖМВД, 1852, т. 37, кн. 2), «О прекращении невольничества у сиб. киргизов» (РВ, Совр. летопись, 1860, № 3), «Путешествующие киргизы» (там же, № 17; рец. — там же, № 21, 23—24), «Парголово. [Окрестность С.-Петербурга.]» (СПб., 1867).

Лит.: Барсуков (ук.): Дружинин А. В., Собр. соч., т. 6, СПб., 1865; Пыпин А. Н., История рус. этнографии, т. 4, СПб., 1892; Черных Л. К. вопросу об изучении М. И. Михайловым жизни народов Башкирии. — В сб.: Лит. Башкирии, в. 6, Уфа, 1956; Сократов С. У., Н. и его связь с обществ.-полит. мыслью Казанского уезда. — Изв. АН Казах. ССР, 1985, № 3; ЛН, т. 53—54, с. 400, 441; т. 79, с. 222. + Некролог, 1893; ВИ, № 12, с. 203; НВ, 25 авг.; «Новости и бирж. газ.», 5 сент. Березин; Брокгауз; НЭС; Венгеров. Источ.: Каратаев С. И.; Библ. финансов, промышленности и торговли..., СПб., 1880; Ламбин; Масанов.

Архивы: РГБ (письма в разных фондах, в г. ч. М. П. Погодину, Ф. В. Чижову; библ. заметки о нем С. Д. Полторацкому); ГА Оренбург. обл., ф. 168 (отчет Н. о пребывании в Оренбурге, Астрахан. краях в 1850—51). А. Н. Шахнов.

НЕВАХОВИЧ Александр Львович (1810, Варшава — 7.11. 1880, Париж?), переводчик, поэт-дилетант. Старший сын Л. Н. Неваховича; брат М. Л. Неваховича. Детство Н. прошло в Варшаве. По окончании петерб. Горного кадет. корпуса (1826—1829) выпущен в действит. службу с чином 12-го класса (января 1830), определен в соединенную лабораторию

Деп. горных и соляных дел и Горного корпуса. Владевший мног. европ. языками, Н. дебютировал на лит. поприще переводом водевиля А. Дюпена и Э. Скриба «Гусман д'Альфараш, или Голь хитра на выдумки» (пост. в Петербурге, 1829; возобновлен — 1849; отрывки в кн.: Куплеты из новейших водевилей, 3-е изд., М., 1843), имевшим на сцене «значительный успех» (3 отов, с. 104). Позднее (1849) ставился еще один пер. Н. — комедия-водевиль Ф. А. Дювера и О. Т. Лозанна «Поэзия любви и...» (в рец. Ф. А. Кони отмечались «грамотный лит. язык» и остроумие нек-рых куплетов — «Пантеон», 1850, т. 1, кн. 1).

Уволившись из Деп. горных и соляных дел, Н. занимает место сначала секр. директора имп. театров (1836), а затем нач. репертуарной

части (1842). Надв. сов. (1845). По единодушным отзывам современников, Н. практически не входил в дела службы, «недолюбливал рус. драматич. театра и никогда почти в него не заглядывал», представляя собой «очень интересный тип начальника рус. драматич. сцены» (Алексеев, с. 146—47). Значение его в театр. дирекции определялось во многом обширными связями как в «высших сферах» (в частности, был близок к семейству графов Адлербергов), так и в кругу петерб. «капиталистов». Вместе с тем Н. весьма заметная фигура в театр. среде; его связи с кружком петерб. театралов и балетоманов, к которому принадлежал и его брат — М. Невахович, отразились в насыщенном кружковой семантикой произв. В. Р. Зотова «Петербургский театрал» (СПб., 1843), а также в перелицовке М. Н. Лонжинова, Э. А. Абазы и Д. В. Мещеринова «Еще Руслан и Людмила» («Лица», в. 2, М.—СПб., 1993; publ. А. М. Ранчина).

В 1840-е гг. Н. стал мифологич. фигурой петерб. театр. и светской жизни, чему отчасти спо-

собствовали многочисл. карикатуры на него, сделанные М. Неваховичем. Добродушный, полный, круглолицый, Н. представлял разительный контраст брату, желчному и худому, с ярко выраженным еврейским типом лица (ср. изображение Н. в виде улыбающегося солнца на одной из обложек ж. «Ералаш»). Журн. и сибирит, всеобщий знакомый (на карикатурах в «Ералаше» Н. слет в коляске по Невскому с вечно поднятой прихвостной шляпой или разбрасывает по всему земному шару свои визитные карточки) и картежник, Н., по преданию, растратил значит. состояние, оставленное отцом (будучи женихом, рвал сторублевые ассигнации на пачки и бросал их в окно — Панасова, с. 32). Безотказность и рассеянность Н. обыгрывались в анекдотах (см.: Алексеев, с. 147; Максимов, с. 127).

Сохраняя равнодушие к рус. театру, Н. уделял особое внимание петерб. итал. оперной труппе (по нек-рым свидетельствам, был увлечен певицей Ассандри). Оставив пост в театр. дирекции (1850), Н. организовал гастроль итал. «передвижной» труппы в Москву и провинции, города, а также, по-видимому, в Константинополь.

С нач. 1850-х гг. Н. служил фактотумом сначала у В. Ф. Адлерберга, мин. Имп. двора (1852—72), а затем у его сына — А. В. Адлерберга, с 1872 занимавшего то же кресло; по делам службы много ездил за границу.

Эпизодически Н. печатал свои стихи (в осн. сугубо официозного содержания), не выходившие за рамки дилетантских опытов: «Весна (Экспромт)» (СП, 1849, 20 апр.), «Экспромт при чтении манифеста о войне с Турцией. 20-го октября 1853 г.» (там же, 1853, 23 нояб.), «Народная песнь» («Вед. С.-Петербург. гор. полиции», 1854, № 54; последние два стих. вошли в сб.: Голос за родное, СПб., 1854), «Черноморским морякам, идущим в С.-Петербург...» (СП, 1856, 11 апр.; стих. Н. см. также: СП, 1849, 8 июня, 8 авг.; 1850, 27 января). Восприятие Н. современниками как поэтич. натуры — один из мотивов воспоминаний о нем — позволяет предположить, что у него имелись и др. поэтич. произведения.

Лит.: Григорович (ук.): Лонгинов М., Ф. Н. Обер. — РС, 1874, № 11, с. 556; Максимов Г. М., Свет и тени Петерб. драм. труппы за прошедшие тридцать лет (1846—1876), СПб., 1878, с. 114, 126—27, 131—32; Куликов Н. И., Петерб. театр. уч.-исп. — РС, 1886, № 12, с. 624—25; его же, Петерб. театры в 1820 и 1830-х гг. — РС, 1892, № 8, с. 456—57; Зотов В. Р., Петербург в сороковых годах. — ИВ, 1890, № 4, с. 103—05; № 5, с. 305; Алексеев А. А., Восп. акт. М., 1894, с. 145—47; Кони А. Ф., Петербург. Восп. Старожила, П., 1922, с. 78—80; Каратыгин П. А., Зап., т. 2, Л., 1930 (ук.); Готсепид А., Рус. оперный театр XIX в. (1836—1856), Л., 1969, с. 241—42; Ковалевский П. М., Встречи на жизненном пути. — В кн.: Рус. мемуары. Избр. страницы. 1826—1856, М., 1990, с. 570. + Некролог, 1880; НВ, 14 нояб.; «Судья», 13 нояб. РБС; Венгеров. Источ.: Волф; ИРДТ.

Архивы: СПб ГТБ (неогд. переводы писем); ГИТМ, ф. 119, № 109 (письмо к Ф. А. Кони, 1848); РГБ, ф. 411, к. 2, № 1 (письмо А. Н. Верстовскому, 1849); РГАЛИ, ф. 2571, оп. 1, № 256 (письмо О. А. Петрову, 1866); ф. 994, оп. 4, № 151 (письмо А. Рубину к Н.); РГИА, ф. 497, оп. 1, д. 7166 (ф.с. 1849 г.) [справка С. И. Вареховой]. К. Ю. Рогов.

НЕВАХОВИЧ Лев Николаевич (Иехуда Лейб бен Ноах) [26.6 (7.7).1776, по др. сведениям — 1778*, Летичев (Польша) — 1(13).8.1831, Петербург; похоронен на Волковом кладб. (лютеранская часть)], публицист, драматург, переводчик; коммерсант. Из мещан Волын. губ., «уволненных от Новгород-Волын. об-ва» (РГИА). Отец А. Л. Неваховича и М. Л. Неваховича. Дед И. И. Мечникова.

Род. в еврейской семье. Возможно, учился в Шклове, к-рый был в то время крупным еврейским образоват. центром. Помимо иврита овладел осн. европ. языками, хорошо ориентировался в европ., особенно нем., лит-ре и философии, что было редкостью для проживавших в России евреев. В кон. 1790-х гг. вместе с А. И. Перетцем, своим другом (впоследствии крупным петерб. коммерсантом), приезжает в Петербург, где входит в немногочисл. петерб. еврейскую общину, проживавшую в столице вопреки законодату. запрещению, но с высочайшего ведома. Среди знакомых Перетца были ближайшие ученики нем. философа-просветителя 18 в. М. Мендельсона — М. Левин и Д. Фридлиндер, известные своей религ.-культ. деятельностью, что определяет приобщение Н. к Гаскале (т. н. Еврейское Просвещение) — духовному движению в европ. еврействе, связанному с деятельностью Мендельсона и выступавшему за еврейскую эмансипацию и активное участие евреев в обществ. и культ. жизни стран обитания при сохранении нац.-религ. идентичности. Именно Н. впервые распространяет идеи Гаскалы среди рос. евреев, становясь первым в России писателем еврейского происхождения и заложив традицию участия евреев в рус. лит-ре.

В 1798 и 1800 Н. исполняет роль переводчика с иврита в следствии по делу лидера любавичского хасидизма З. Шнеура. [Указание Ю. И. Гессена (Гессен Ю., Евреи в масонстве, СПб., 1903, с. 47), повторенное Краткой еврейской энцикл., на то, что Н. был единств. евреем, принятым в 1797 в масон. ложу, невозможно документально подтвердить.] В 1801 представил в Кабинет е.и.в. оду на восшествие на престол Александра I. В оде, написанной на иврите и сопровождавшейся прозаич. рус. переводом (публ. перевода — Рогачевский..., с. 129—30), в частности, приветствовал оправдание Шнеура и выступал в защиту веротерпимости. Принимал участие в деятельности К-та по благоустройству евреев, созданного в 1802, в качестве помощника консультировавших членов к-та Перетца и Н. Х. Ноткина. В связи с работой К-та публикует в 1803 (с посвящением министру внутренних дел В. П. Кочубею) публиц. кн. «**Вопль**

дщери иудейской» (СПб.) — аллегорич. изображение положения евреев в России нач. 19 в. В 1804 книга (в переработанном виде) выходит на иврите в Шклове с посвящением Перетцу и Ноткину. «Вопль...» — первое произв. рос. еврея, написанное по-русски, — было и первым на рус. яз. выступлением против ограничения прав евреев, причем, в отличие от своих нем. единомышленников, Н. выступает не столько за гражд. свободы для евреев, сколько против распространенных в рус. обществе антиеврейских предрассудков и в том числе т. н. кровавого навета. При этом «соболезнование, снисходящее ... душу в рассуждении ... единоплемеников», сочеталось в «Вопле...» с «некоторым родом любочестия и гордыни» оттого, что автор может почитать «россиян соотчичами» (От сочинителя), и это сочетание обусловило двойственность культ. принадлежности Н. В книгу входят еще два небольших произв.: диалог «**Собеседование между Синат-Гадатом, Эметом и Шалумом**» (т. е. между Нетерпимостью, Истинной и Миролюбием) — о драм. судьбе мирового еврейства и монолог «**Чувствование верноподданного**. На случай учреждения...» Александром I Комитета о устройстве евреев, знаменующего «дивную перемену жребия гонимого доселе народа иудейского» (с. 58).

В 1804 Н. публикует филос., в духе просветит. рационализма (с опорой на отд. положения философии Мендельсона) трактат в эпистолярной форме «**Человек в природе**. Переписка двух просвещенных друзей» (СПб.), написанный, как и «Вопль...», правильным, «чистым» слогом. Проследивая путь человечества от «дикого состояния» к «нравств. жизни», Н. (в традициях филос. социального оптимизма) видит его осн. вехи в победе разума над «предрассудками», веротерпимости, надежде на просвещенного монарха и возможности «братского» сосуществования народов — без войн, грабежей и взаимного «ожесточения» (с. 120). В 1805 в «Сев. вестнике» И. И. Мартынова появляется «**Мнение о разборе 2-й песни „Тавриды“**...» С. С. Боброва (СВ, 1805, № 8), в к-ром Н. защищает метафорич. усложненность стиля Боброва от осторожной критики И. Т. Александровского (СВ, 1805, № 3), ссылаясь, в частности, на примат «вдохновения» над «правилами» (об этой полемике см. также: Берков П. Н., Русско-польск. культ. отношения кон. XVIII и нач. XIX вв. — «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1934, № 9, с. 710—12). Прим. издателя к этой статье (с. 159), содержащее высокую оценку соч. Н. (в особенности трактата «Человек в природе»), свидетельствует, что это была

его первая публикация в журнале, и тем самым заставляет отвергнуть предположит. атрибуцию Н. нек-рых материалов в «Сев. вестнике» за 1804 (То по р о в, с. 217). Другим полемич. соч. Н. были «**Примечания на рецензию, напечатанную в ... „Allgemeine Literaturzeitung“**» в февр. 1804 под № 56, на «„Опыт повествования о России“», соч. Елагина...», опубли. анонимно в др. журнале Мартынова — «Лицей» (1806, ч. 3, кн. 2; отд. изд. с предисл. автора — СПб., 1806) и направленные скорее не в защиту Елагина, а против нек-рых традиц. положений нем. историографии России (в частности, недооценки древнейшего периода рус. истории) и одновременно «пристрастия» россиян «ко всему не своему», допускающих «доселе ... еще иноземцам думать о них превратно и предосудительно» (отд. изд., с. 5, 4).

В 1806 Н. крестился (перешел в лютеранство), после чего получил потомств. дворянство и чин коллеж. регистратора (с 1809 — губ. секретарь). В сент. того же года (или в 1803 — ИРЛИ; каталог Б. Л. Модзалевского) зачислен на службу подканцеляристом в Экспедицию о гос. доходах Мин-ва финансов. В Петербурге успешно развивается его коммерч. деятельность: в нач. 1800-х гг. Н. занят воен. поставками, к 1813 приобретает связи в бюрократич. (особенно с влият. сановником Н. Н. Новосильцевым) и деловых кругах; в кон. 1815 произведен в тит. советники. В эти же годы Н. продолжает участвовать в петерб. лит. и культурной жизни (его имя встречается среди многочисл. подписчиков ж. «Цветник» — 1809, № 7/9). Постановка его трагедии «**Сулёты, или Спартаксы осымнадцатого столетия**» (30 мая 1809; изд. с посв. М. А. Нарышкиной — СПб., 1809, 1810), приуроченная к приезду короля греко-алб. республики Сули, к-рый вместе с Александром I посетил премьеру, имела огромный успех, Н. получил от царя зол. табакерку с бриллиантами (Каратыгин; Носов); спартакскому патриотизму Сулётых (в основе пьесы — эпизод освобождения борьбы потомков древних греков против Осман. империи в 1790—92) противопоставлена «новейшая» мораль предателя Паласки, почерпнутая им во время путешествия по Европе. Экзальтированный патриотизм «неустрашимых греков», экзотичность аксессуаров, введение батальных сцен с хорами и особое внимание к жен. героич. характеру, сближающие пьесу с др. произв. драматургии рус. ампира, обеспечили и высокую оценку критики (рец.: А. П. Бенитский) — «Цветник», 1809, № 6, с. 378—401). В том же году Н. привлечен А. А. Шаховским к работе над трагедией «Дебора» (пост.

1810; СПб., 1811; совр. переизд. — см. в кн.: Стихотв. трагедия кон. XVIII — нач. XIX вв., М.—Л., 1964), создававшейся в соответствии с драматургией. взглядами «державинского кружка» (отказ от любовной интриги и антич. сюжетов в пользу библейских); участие Н. должно было обеспечить достоверность колорита (по свидетельству Шаховского, Н. «вспомоществовал ... своими сведениями в еврейской словесности» и Священном писании и по сделанному ими плану «написал некоторые явления 1-го и 2-го действий», переложенные Шаховским в стихи, а также полит. речь Деборы в судилище — см. предисл. к изд. 1811). Враждебная Шаховскому лит.-полемич. традиция склонна была приписывать Н. еще большее участие в создании пьесы (см., напр., сатиру Д. В. Дашкова 1815 «Венчание Штутовского» — «Арзамас», I, 241, 530). Значительно меньший успех сопровождал следующей пьесе «Оден, Царь Скифский» (пост. всего дважды в 1810; не изд.; рукопись — СПб ГТБ), имевшей подзаголовок «взята из Шведского театра» (ср. отзыв Измайлова: «От сотворения мира не было на театре такой глупой пьесы, но пьеса эта — трагедия, а трагедии очень редко наша глупая публика» (БЗ, 1859, № 13, стб. 413).

В 1813 переезжает в Польшу одновременно с Новосильцевым, ставшим могуществ. управителем края. С 1814 — гл. поставщик продовольствия и фуража рус. армии в Польше. В 1816, оттеснив конкурентов при поддержке Новосильцева, получает право на управление (откуп) табачной монополией в Царстве Польском, был ее «держателем» до 1830. Кроме того, в 1817 получил в аренду кошерный доход (в Мазовешком воеводстве), а в 1818—21 управлял т. н. потребит. монополией (продажа спиртных напитков и мяса в Варшаве). Н. покровительствовал министр финансов Царства Польского (с 1821) кн. Ф. Любецкий; с 1817 Н. служит при его мин-ве (Правительство, комиссии финансов в Варшаве), в «награду усердной службы» по этому ведомству награжден орденами Св. Станислава 4-й ст. (1823) и Владимира 4-й ст. (1828). Н. был одним из самых богатых людей Царства Польского (владел, в частности, несколькими домами, в 1822 приобрел в Варшаве роскошный 3-этажный особняк). Мелкие торговцы, шляхта и др. слои населения воспринимали его как плутократ, как символ всего «чужого», «вредного» и разоряющего страну (K r a s i ń s k i J., P a m i ę t n i k i o d r o k u 1790—1831, Poznań, 1877, s. 141) (в правительств. и деловых кругах имел репутацию надежного партнера и умелого организатора). В день начала Польского восстания (29 нояб.

1830) толпа разгромила дом Н., к-рый он покинул за 1,5 мес. до этого, захватив деньги и ценности. Ф. В. Булгарин в агентурной записке в III отд. писал, ссылаясь на мнение поляков, что Любецкий, Н. и Пусловский (последние как авторы «проектов монополий и утешений») «суть главные виновники ненависти народа к России» (ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 2, д. 43, л. 36). Своим сыновьям оставил весьма крупное состояние, назвав своим душеприказчиком Перетца (Зотова) (имел также дочь Эмилию Невахович, см. о ней: Черейский).

Став крупным коммерсантом, Н. не отошел совсем от своих лит. и театр. интересов. В 1817 в «Сыне отечества» появился его пер. «Речи о просвещении» ген.-суперинтенданта лютеранских церквей Петербурга Т. Ф. Рейнбота (1817, № 30—31). В 1823 пьеса Н. «Абу Хассан, или Прожектер» шла в варшав. «Театре Народовом» (на польск. яз.) без успеха у зрителя; позднее др. пьесу — трагедию из перс. истории — Н. поставил на любительском дом. т-ре (D m o c h o w s k i F. S., W s p o m i n i e n i a o d 1806 d o 1830 r o c u, Warsz., 1959, s. 190—91).

В 1829 Н. издает перевод первых пяти книг «Мыслей, относящихся к философической истории человечества» И. Г. Гердера (СПб.). Рецензент «Моск. телеграфа» (1829, № 17) подверг перевод сокрушительной критике, обвинив Н. в использовании не оригинала, но франц. перевода Э. Кине, дурном слог и допущенных отступлениях от источника. Вернувшись в Россию в кон. 1830, Н. публикует «Разбор рецензии на книгу под заглавием „Мысли, относящиеся к философической истории...“» (СПб., 1830), где доказал, что, в отличие от рецензента, пользовался нем. текстом Гердера, а изменения, внесенные в текст, объяснял тем, что «без таких отступлений книга не могла бы явиться у нас в свет, не могла бы произвести у нас никакой пользы», он также объяснил (ссылаясь на призыв самого Гердера), что «не только переводил, но и обрабатывал Гердеровы мысли...» (с. 15).

В мае 1832, посмертно, в Импер. театре в Петербурге была поставлена последняя пьеса Н. — «ист. представление» «Меч провидения, или Надири Тахмас Кули-хан» [не опубли.; по мнению рецензента «Сев. пчелы» (1832, 4 июня), в пьесе, при множестве «светлых мыслей», отсутствует «драм. действие»; там же указывалось, что она была написана лет за 12—15 до постановки; м. б., именно она ранее и ставилась в Варшаве].

Изд.: Волею дочери... — В сб.: «Будущность», СПб., 1902.

Лит.: Носов И., Восп. старого актера. — «Муз. и театр. вестник», 1857, № 12, с. 201 (отд. изд.: СПб., 1857); Гордон Л. О., Из истории поселения евреев в Петербурге. — «Восход», 1881, № 2; Зотов В. Р., Петербург в 1840-х гг. — ИВ, 1890, № 4, с. 103—05; Гессен Ю. И., Евреи в России, СПб., 1906, с. 78—98, 136—39; с его же, История еврейского народа в России, т. 1—2, Л., 1925—27 (репринт: М.—Иерусалим, 1993, с. 141—43); Львов-Рогачевский В., Русско-еврейская лит-ра, М., 1922, с. 62—65; Цинберг С., Шлоб и его «просветители» кон. XVIII в. — «Еврейская старина», 1928, т. 12, с. 41—43; Каратыгин П. А., Записки, т. 1, Л., 1929, с. 15—16; Бочкарев В. А., Рус. ист. драматургия нач. XIX в., Куйбышев, 1959; Рогачевский А., «Верноподанный еврей»: Новые данные о Лейбе Неваховиче. — «Вестник Евр. уни-та в Москве», 1992, № 1; Топоров В. Н., На рубеже двух эпох. К новой рус.-еврейской встрече (Н. и его окружение). — «Славяне и их соседи», в. 5, М., 1994; Маркин Ш., Русско-еврейская лит-ра. — ИЛО, 1995, № 15, с. 220—21; Kolodziejczyk R., L. Newachowicz. — «Rocznik Warszawski», 1970, т. 8 (свидетельство о смерти — с. 144); Mochnicki M., Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831, т. 1—2, Warsz., 1984 (Index); Klier J. D., Russia gathers her Jews: the origins of the «jewish question» in Russia, 1772—1825, Dekalb (Ill.), 1986 (Index). — Некролог, 1831: СП, 12 авг.; «Колокольчик», М. 66. Арапов, с. 193; РБС; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Евр. энц. ИРДТ; КЕЗ; см. там же ст. Гаскала (Хаскала); Polski Słownik biograficzny, т. 22, 5.4*, Wrocław — [i.i.], 1977.

Архивы: ИРЛИ (картотека Б. Л. Модзалевского) (ф. с. 1812 г.); РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 457, 1828 г. (о введении Н. с женой в 1-ю ч. дворня. родословной книги, биограф. сведения) [справка В. В. Береснева]; ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 2, д. 67, л. 25; СА, 3 экзп., д. 3188, л. 36, 67, 70, 73 об. (агентурные записки (последние — Е. А. Хотяишской), в т. ч. о коммерч. долгах Н.).
А. Л. Зорин, К. Ю. Рогов.
А. И. Петушанов.

НЕВАХОВИЧ Михаил Львович [6.6.1817, Варшава — 23.8.49). 1850, Одесса], литератор-дилетант, карикатурист. Сын Л. Н. Неваховича, брат А. Л. Неваховича. В 1829 определен в Горный корпус, где пробыл два года. В 1833 зачислен юнкером в Курлянд. полк, но скоро вышел в отставку. Поступил в Сумской гусар. полк (1836), переведен в Клястицкий гусар. полк (1837). В 1841 вышел в отставку с чином штабс-ротмистра. С этого времени жил в Петербурге, принадлежал, как и А. Л. Невахович, к кругу петерб. театралов и балетоманов (выведен в куплетах В. Р. Зотова «Петербург. театрал», а также в перелицовке М. Н. Лонгинова, Э. А. Абазы и Д. В. Мещеринова «Еще Руслан и Людмила»). В 1844 сопровождал петерб. балетную труппу в европ. гастролях (Париж, Брюссель).

В нач. 1840-х гг. Н. становится известным карикатуристом на злобу дня в альбомах знакомых и на отд. листах, к-рые он «пускал по рукам» в театре (Лонгинов М., Ф. Н. Обер. — РС, 1874, № 11, с. 555; Зотов, с. 105). На волне успеха Н. предпринял изд. альбома карикатур «Ералаш» (СПб., 1846—49), на первых порах — с помощью И. И. Пальма. Подписи к карикатурам составлялись Н., иногда при участии друзей — Э. И. Губера, М. Н. Лонгинова (см.: Лонгинов М., Восп. о Э. И. Губере. — МВед,

1857, 12 нояб.; объяснения и атрибуцию рисунков см.: Зотов, с. 108—110; Н. В. Берг указывал также на эпизодич. сотрудничество в «Ералаше» Н. Ф. Щербины. — РС, 1891, № 2, с. 260).

Карикатуры высмеивали петерб. светскую, театр. и лит. жизнь; в их числе шаржи лит.-юмич. характера (на Ф. В. Булгарина — 1846, л. 7, 1847, л. 15; на И. И. Панаева — 1847, л. 6; на Д. В. Григоровича — 1847, л. 10—11; серия рисунков «Натуральная школа» — 1847, л. 5, и др.). Несмотря на то что карикатуры «Ералаша» использовались Булгариным в полемике с натуральной школой (СП, 1847, 25 янв.), они были высоко оценены В. Г. Белинским (Х, 80) и Н. А. Некрасовым, привлекая Н. к участию в «Иллюстрированном альманахе» (см. об этом: Невский альм., в. 2, П., 1917: ЛН, т. 57, с. 351—352; Некрасов, ук.), а также Ф. М. Достоевским (XVIII, 28—29).

В «Ералаше» появлялись также серии карикатур с развернутыми текстами, пародирующими совр. лит. и

протяжении 2-й пол. 40-х гг. оставался неперменным атрибутом петерб. обществ. жизни (см.: Иммертинский; Бутурлин; Соколова; Грот и Плетьев, III, 335). Сочетавшая «дагеротипическую» злободневность и пафос сатирич. характеристики, карикатура находилась в центре эстетич. интересов эпохи, тесно соприкасаясь с жанрами лит. «физиологий». Сам Н. «блистательный» и «неожиданный» успех альбома объяснял тем, что «карикатура, сливаясь с жизнью и передразнивая все ее пестрые явления, сделалась современной потребностью публики» (проект объявления «Ералаша» на 1847 — РГИА, ф. 772, оп. 1, л. 1940).

Издание «Ералаша», периодический вызывавшее недовольство цензу-

раграфий. СПб., 1903, с. 146—53; его же (сост.), Мат-лы для библиографии рус. илл. изданий, в. 3, СПб., 1910, с. 40—43 (расспис содержания «Ералаша» с указанием прототипов); Соколова А. И., Встречи и знакомства. — ИВ, 1911, № 1, с. 97—98; Голлербах Э., История рус. гравюры и литографии в России. М.—П., 1923 (ук.); Книга в России, ч. 2, М., 1925, с. 498 (список портретов Н.); Варшавский Л. Р., Рус. карикатура 40—50-х гг. XIX в., М.—Л., 1937, с. 55—62; Коростин А. Ф., Рус. литография XIX в., М., 1953, с. 39—40, 132; Жемчужников Л. М., Мои восп. из прошлого, Л., 1971, с. 246—48, 250; Пыляев М. И., Замечательные чудачки и оригиналы, М., 1990, с. 725—30; Матюшин М., От веселого до смешного. — «Иск-во Ленинграда», 1991, № 8, с. 109—112; «Некрологи, 1850: «Совр.», № 10 (М. Н. Лонгинов); «Пантеон», № 9; СПбВед, 12 сент. РБС; ИРДТ, т. 4; Смирнов-Скоковский. К. Ю. Рогов.

НЕВЕДОМСКИЙ М. [наст. имя и фам. Михаил Петрович Миклашевский; 8(20).10.1866*, Катав-Ивановский завод Уфим. губ. — 1943, Москва (?)], публицист, лит. критик. Потомок дворянин. Отец Пётр Ив. — полковник Корпуса горных инженеров, тайный сов. (ум. в 1888, по др. сведениям — в 1886). Кроме Н. в семье было еще трое детей. По окончании в 1884 (или 1885) 6-й петерб. г-зии Н. поступил в Петерб. ун-т на физико-матем. ф-т, где прослушал полный курс и вышел без свидетельства об окончании в дек. 1892 в звании кандидата.

Активно участвовал в рев. движении. Первоначально был связан с народниками. Попад в поле зрения полиции еще в 1887 — по его мнению, в связи с «чисто академическими» студенч. волнениями, а по мнению охранки — «за сношения с лицами неблагонадежными в полит. отношении» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1898, л. 167). Н. вплоть до 1917 пребывал то под негласным, то под гласным надзором полиции. И несмотря на иронически-уничижит. оценку его деятельности самой полицией («... бравирует своим участием в рев. движении, усматривая в себе ... слишком крупную фигуру радикального и лит. мира». — Там же, л. 41 об.), неоднократно привлекался по разл. делам, подвергался допросам, содержался под стражей: в 1894 — по делу партии «Народного права» (выпущен под залог); в 1901—02 — по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и связанной с ним группы «Злободневных листов», в издании, хранении и распространении к-рых Н. принимал участие; в 1903—04 — за хранение нелег. лит.-ры, в частности произв. П. А. Кропоткина. Н. также занимался пропагандист. и просветит. деятельностью среди рабочих и крестьян, писал прокламации, участвовал в митингах различных левых сил (имел связи с П. Б. Струве, В. Я. Богучарским, П. Н. Милюковым, В. А. Мякотинным, В. М. Черновым и др.). Принадлежал к меньшевист. фракции РСДРП (после революции

театр. жанры. Н. принадлежит пародийная «ист. трагедия» «Эдуард XII, король Англии» (не пропущена цензурой; опубли.: Ежегодник РО ЦД, 1975, Л., 1977, комм. Ю. Д. Левина; см. также: Зотов, с. 111—13). Близки к ней и др. пародии, также, очевидно, сочиненные Н. (некр.-ры, возможно, в соавторстве): «Донна Анна, или Остров людоедов. Большой балет в 3 д.» (1848, л. 20, 1849, л. 1—7), «Виконт де Плюмаж. Исторический роман в 24 частях» (1849, л. 9; пародия на романы А. Дюма). К карикатурам и пародиям Н. тематически примыкает его единств. драматургич. опыт — водевиль «Великан из Америки. Картина из „Ералаша“» (1849; рукоп. — СПб ГТБ; см. о нем: Зотов, с. 111).

«Ералаш», с первых же листов пользовавшийся единомышленной поддержкой критики разл. направлений (1846: СП, 9, 30 марта; ОЗ, № 4; БдЧ, т. 76; ФВ, т. 10, июль, и др.), на

ры (в связи со злободневностью карикатур и нарушениями ценз. устава, запрещавшего «личности» в печати; см.: РГИА, указанное выше дело), в февр. 1850 было прекращено. Еще раньше, в кон. 1848, после неск. выпусков перестал выходить издававшийся Н. карикатурный листок «Волшебный фонарь» — приложение к «Лит. газ.» Зотова (см.: ЛГ, 1848, 2 дек., с. 768; ИРЛИ, ф. 548, оп. 1, № 47, л. 19—20, 32, 78—79). Весной 1850 вместе с художником А. Е. Бейдеманом Н. отправился для поправления здоровья через Харьков в Одессу, где внезапно скончался от аневризмы сердца.

Лит.: Белинский; Григорович; Панаев; Достоевский (все — ук.); Максимов Г. М., Свет и тени петерб. драм. труппы за прошедшие тридцать лет (1846—1876), СПб., 1878, с. 131—39; Зотов В. Р., Петербург в соколовых годах. — ИВ, 1890, № 1, с. 41—42, № 4, с. 103—13, № 5, с. 292, 305, № 6, с. 538; Иммертинский Н. К., Из зап. старого проображца. — РС, 1893, № 4, с. 42—43; Бутурлин М. Д., Зап. — РА, 1897, кн. 3, с. 569; Тевянов Е. Н., Описание неск. гравюр и ли-

1905—1907 — к ее ликвидаторскому течению). Чл. мн. обществ. орг-ций, в т. ч. «Большого Красного креста», «Об-ва помощи в чтении больным и бедным», К-та грамотности, кружка «Объединение рев. сил памяти Петра Лаврова» и др. В 1905 читал лекции в Рус. высшей школе общества наук в Париже, к-рую возглавляли проф. М. М. Ковалевский и И. И. Мечников.

С Кропоткиным Н. был связан не только идейно. Он был женат на его племяннице Верс Ал. Кропоткиной (1884—1961), с к-рой познакомился, по устному свидетельству Н. Г. Сеикевич, в именин Кропоткиных и Покрово-Швейковских Шербова Тверской губ., когда ей было 15 лет. Свадьба состоялась в 1902, после того, как невеста окончила г-зию и поступила на Высшие жен. курсы. В окт. 1903 женой Н. арестовали за провоз нежелательной лит-ры; т. к. состояние ее в связи с беременностью внушало опасение, она была вскоре освобождена под особый надзор полиции. Тем не менее роды прошли неудачно, детей в семье не было.

Свою лит. деятельность Н. начал в 1889. Сотрудничал во мн. периодич. изданиях, преим. социал-демократич., в т. ч. марксист., направления: «Рус. жизнь» (1892—1893), «Новое слово» (1896—97), «Начало» (1899), «Мир Божий» (с 1903; в рубрику «О совр. искусстве»), «Наша жизнь» (с 1905; писал театр. обзоры и руководил критич. отделом). В 1896 в Лондоне анонимно (авторство определено по ук. Мезьер) вышла кн. Н. «Первый год Николая II. Хроника» с резкой критикой внутр. политики нового императора. В книге много цифр, экономич. выкладок и как приложение — открытое письмо к Николаю II.

В 1899 в ж-ле «Начало» в статье «Художник-интеллигент» (№ 1—2) и «О современном искусстве» (№ 5, 6) Н. писал о творчестве художника Н. А. Ярошенко и в этой связи — о народничестве. Считая народничество и народнич. лит-ру в прошлом одной из лучших страниц обществ. жизни России, Н. пришел к его переоценке, отмечая, что теперь это движение выдохлось и утратило «и ист. почву, и „надежды“, и прежний дух, и прежний смысл» (№ 5, с. 189).

Статьи в «Начале» вызвали отповедь Н. К. Михайловского («О иск-вах мнениях к. Неведомского» — РБ, 1899, № 5, авг.; то же в кн.: Михайловский Н. К., Последние соч., т. 1, СПб., 1905, см. также с. 79—81), к-рый обвинил Н. в одностороннем отношении к народничеству, в «преступном... легкомысленно огульном отношении к целому двадцатилетнему, теснящему... всеми струнами мысли, страсти и жизни...» (с. 102).

Несмотря на идейные разногласия, Н. поддерживал давние личные отношения с Михайловским, высоко ценил его [см. ст. «Н. К. Михайловский (Опыт психол. характеристики)» — МБ, 1904, № 4, отд. 2]. Был также дружен с Г. А. Лопатыным и В. И. Засулич.

В 1906 Н. — редактор сатирич. ж-ла «Леший» (вышло в апр.—мае всего 4 номера), в к-ром сотрудничали

ли М. П. Арцыбашев, В. В. Вересаев, А. Г. Горнфельд, А. И. Куприн, а также художники Е. Е. Лансере, И. И. Бродский, В. В. Каррик. В том же году Н. активно печатался в полит. еженед. «Без заглавия» (иногда под псевд. — Пессимист или М. Н.), к-рый издавали Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович: «Не оскорбляйте истории» — памяти 9 января 1905 (№ 1); «Блиндированная дума» — о нарушениях законопорядка и гласности и о разгуле реакции (№ 7); «Опять?...» — о еврейских погромах и благословении их реакц. полит. кругами России (№ 9); здесь же опубли. одна из ранних лит.-критич. работ Н. «Представительство духа народного» — к 25-летию годовщины

не смерти Ф. М. Достоевского (№ 3, 4). Признавая гениальность Достоевского, Н. не принимал его мировоззрения и мироощущения, видя их истоки в «патологии его истоптанной каторгой души» (№ 3, с. 92). Характерно, что, разбирая творчество и философию Ф. Ницше (см. его предисл. к кн.: Лихтенберже А., Философия Ницше, СПб., 1901), Н. видит в нем в первую очередь художника, человека большой печали и одиночества.

С 1906 Н. сотрудничал в «Совр. мире», в духе идейной ориентации к-рого и самого Н. называли «кадето-образным меньшевиком» [см. письмо В. А. Руднева (Базарова) к М. Горькому от 3 февр. 1909 — Архив А. М. Горького, КГ—П. 67, 1, 9]. Н. иногда участвовал в собраниях кадет. партии, выступал с обзорами ее деятельности (напр., доклад в «Союзе союзов» 16 апр. 1906; см. также: «Без заглавия», 1906, № 11). Будучи политически достаточно сдержанным и далеким от признания террора, Н. на банкете представителей интеллигентных профессий и рабочих 14 дек. 1904 выступил с докладом об убийшем министра внутр. дел В. К. Плеве Е. С. Созонова, в к-ром не

только высказал свое негативное мнение о Плеве («... он был жандарм, шпион и это слово для него слишком почетное имя...»), но поднял проблему террора в целом, сказав, что бомба «была брошена не рукою Созонова, а рукою нашей истории и истории Европы» (ГАРФ, ф. 102, 7-е д-во, 1904 г., д. 3572). Н. нередко считали эклектиком в политике, упрекая в совмещении «интеллигентских» и «пролетарских» взглядов; В. М. Шулятиков назвал его «идеологом интеллигентного пролетариата» («О „новой“ теории иск-ва» — «Курьер», 1903, 16 авг.), расценивая это как воплощение двойственного мелкобурж. сознания. Работал Н. также в меньшевист. ж-ле «Наша жизнь», в «Досуге рабочего», «Запросах жизни» и т. д. После ухода из «Совр. мира» в 1909 он безуспешно пытался создать внепарт. орган, «социалистический в широком смысле слова», далекий от полемики и фракционности (Архив А. М. Горького, ПГ—рл 25, 32, 2 [кон. окт. 1913]).

Как лит. критик Н. был убежден во взаимосвязи жизни, обществ. процессов и лит-ры, оценивая их в развитии и взаимодействии. Целью иск-ва он считал «обобщающую и классифицирующую работу истолкования жизни» (МБ, 1904, № 10, с. 144). В кн. «Общественное движение в России в начале XX века» (т. 1, СПб., 1909) опубли. иссл. Н. «Наша художественная литература предреволюционной эпохи», где рассматриваются источники самобытности новейшей лит-ры России, влияние на нее соседних культур и ист. событий. Определил четыре этапа в развитии совр. лит-ры и связав их с четырьмя крупными писателями — А. П. Чеховым, Вересаевым, Горьким и Андреевым, Н. проследил эволюцию идей, смену героя, смену читателя, эмоциональные подтемы и спалы, от «идейного» народничества через «грустно-безыдейную фигуру Чехова» (с. 488) к декадансу и безвременью, к к-рым он в целом относился негативно (см. его ст. «Модернистское похмелье» в сб.: Вершины, I, СПб., 1909). Процессы распада и дифференциации в лит-ре идут параллельно этим процессам в среде интеллигенции.

Книга Н. «Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до дней наших» (П., 1916; 2-е изд., 1919) — собрание почти всех ранее опубли. основных статей, посв. А. И. Герцену, Н. А. Добролюбову, Михайловскому, Л. Н. Толстому, М. Е. Салтыкову-Щедрину, И. С. Тургеневу, С. Я. Надсону, В. М. Гаршину, В. Г. Короленко, Н. Н. Златовратскому, К. Д. Бальмонту, В. Я. Брюсову, М. А. Кузмину, И. С. Шмелёву; в отд. гла-

вах дан разбор состояния общества и лит-ры на разл. этапах; гл. «Зигзаги нашей критики» — теоретич. иссл. о методах лит. критики (на примере работ Ю. И. Айхенвальда, В. П. Кранихфельда, Горнфельда и М. О. Гершензона). В книге проявились лучшие черты Н. — критика и публициста: интеллигентность, высокая культура, изложение собств. идей без попыток навязать свое мнение читателю.

Особо пристально и в течение долгих лет Н. следил за творчеством Горького и Андреева. Подчеркивая, что Горький вошел в рус. лит-ру в период безвременья, «бескрылости», «бездарности», он считал его жизнерадостным вестником зарождающейся новой жизни, новых отношений, новых героев. Горьковская трактовка свободной личности позволила Н. считать его «нижеземцем-самородком» (см. в кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. 5, М., 1917, с. 256). При этом «во всей романтической символике Горького ... всегда ощущался бытовое, реалистический корень его творчества» («О „новом“ Максиме Горьком и новой рус. беллетристике» — «Запросы жизни», 1912, № 8, с. 490). Но все эти качества, по мнению Н., совершенно пропадали, когда Горький вторгался в несвойств. ему область публицистики и проповедничества; именно поэтому Н. не принял ром. «Мать», считая его падением таланта писателя, думой и схемой (там же).

Андреева Н. называл «одним из самых ярких выразителей ... переворота» в лит-ре начала века («История рус. лит-ры ...», т. 5, с. 260). Появившуюся в произв. Андреева после 1907 мрачно-профетическую символику Н. рассматривал как «новое слово, новый этап» (МБ, 1904, № 10, с. 152), но все же говорил о кризисе в его творчестве, порожденном безвременьем и утратой живой связи с читателем [см. также: МБ, 1903, № 4 (отклики: Н. Коробка — «Обр.», 1903, № 7; И. И. Игнатов) — РВед, 1903, 12 апр.]; «Об иск-ве наших дней и иск-ве будущего» — МБ, 1909, № 1, 3, 4 (отриц. отзыв в письме Горького к А. В. Луначарскому: Архив Горького, т. XIV, с. 45)].

Однако, почти безоговорочно принимая Андреева, о др. худож. исканиях в лит-ре Н. отзывался неоднозначно: со скепсисом и сарказмом о Ф. Сологубе, Д. С. Мережковском, Бальмонте, З. Н. Гиппиус, о разл. «любителях всяческой глубокомысленной неясности» (МБ, 1904, № 10, с. 144), а позднее с явным недоверием о кружке футуристов «с его вычурами и молодым школьничеством», противопоставляя им образовавшийся в Петербурге «Цех поэтов» как «возврат к действительности ... к

краскам и трепету жизни» («Еще год молчания. Наша художественная литература в 1912 г.» — ж. «За семь дней», 1912, № 1, с. 12).

Д. В. Философов увидел в этом «теоретич. и худож. несомнительность „доблестной“ критики», считая, что максимист Н. мог бы прислечь к акмеистам лишь полное отсутствие «глубоко индивидуального» в их творчестве (см. его ст. «Акмеисты и М. П. Неведомский» — «Речь», 1913, 17 февр., с. 3). Похоже, однако, что в статье Философова была искажена суть дела, о чем говорил А. М. Редько в письме в редакцию «По поводу заметки г. Философова об „акмеизме“» (там же, 21 февр., с. 7).

Н. пропагандировал «свободное иск-во», отдавая предпочтение личности писателя, индивидуальному в иск-ве, художественности перед тенденциозностью [в ст. «Смерть Льва Толстого» («Наша заря», 1910, № 10) он утверждал, что главный двигатель творчества Толстого — совесть и что сам Толстой аполитичен]. Полагал, что на рубеже веков в лит-ре осуществляется переход от прежней морально-обществ. концепции к концепции эстетико-философской. Новое эстетич. качество видел в сочетании реализма и символизма («символич. реализм», или «неореализм»), понимая символизм очень широко («символично... всякое иск-во»), не как течение, а как «способ писания» символами, объединявший всех — от декадентов до социалистов (ст. «Об иск-ве наших дней...»).

В 1913 в Петербурге вышла кн. Н. (совм. с И. Е. Репиным) «А. И. Куниндж» (положит. рец.: Н. Александрович — «День», 1913, 13 мая; [б. п.] — БВед. веч. в., 1913, 9 мая; в 1937 переизд. в Москве под назв. «Кунинджи» и только под фам. Н.). В известной мере это была дань занятиям живописью самого Н., к-рый в молодости зарабатывал на жизнь тем, что писал и продавал картины. Сохранились его рисунки с комм. (РНБ), сделанные в бытность Н. в 1917 чл. «Чрезвычайной Следственной комиссии ...» Врем. пр-ва, куда он был приглашен наряду с А. А. Блоком и Л. Я. Гуревич для редактирования показаний обвиняемых и свидетелей.

После 1917 Н. жил нек-рое время в Дмитрове (с Кропоткиным), в Твери (преподавал в Твер. пед. ин-те), в кон. 1920-х — нач. 1930-х гг. — в Москве, проф. Пед. ин-та и Гос. лит. курсов, чл. ЦЕКУБУ; в нач. 1940-х гг. исполнял обязанности проф. и читал курс древнерус. лит-ры в Ферган. пед. ин-те. Чл. Всероссий. обществ. к-та по увековечению памяти Кропоткина (ВОК). Занимался переводами, изредка публицистикой.

Др. произв.: «Логичная жизнь. (Памяти А. И. Богдановича)» (СМ, 1907, № 4; то же в кн.: Богданович А. И., Годы перелома. 1895—1906, СПб., 1908; отриц. отзыв: П. Ф. Якубович) — РБ, 1908, № 8,

б. п.), «Песни безвременья» [в кн.: На рубеже. (К характеристике совр. исканий). Критич. сб-к, СПб., 1909], «Без крыльев (А. П. Чехов и его творчество)» (в кн.: Юбилейный чеховский сб-к, М., 1910), «80-е и 90-е годы в нашей литературе» (в кн.: История России в XIX в. Конеч века. Отд. II, т. 9, СПб., 1910), «Цикл очевидно завершившийся ...» («Дело», 1916, № 2), «Его величество Ленин. (Личные впечатления)» («Амурское эхо», 1918, 5 янв.), «Г. А. Лопатин о своих встречах с Марксом» («Новый день», 1918, 4 мая), «Кто главный герой этой истории?» [в кн.: Корсунский П., Единение и труд — все перетрут. (История одной долины), Тверь, 1919, с. 51—55].

Лит.: Блок, VII (ук.); Горький (ук.); Ленин В. И., Заметки публициста, XVI, с. 54—66; его же, Герои «огворочки», XX, с. 338—43; «Биографии лит-ры и жизни», 1912, № 13, с. 511; Падение царского режима, т. 1, М.—Л., 1924 (ук.), т. 7, 1927 (ук.); Письма Леонида Андреева к Н. — «Иск-во», 1925, № 2, с. 265—71; Мандельштам Р. С., Худож. лит-ра в оценке рус. марксистской критики. Библиограф., М.—Л., 1928, с. 96—98; История рус. лит-ры, т. 10, М.—Л., 1954, с. 96—97, 196—203; Рус. лит-ра и журналистика (1: ук.); Никитин А. Л., Заключит. этап развития анархист. мысли в России. — «Вопр. философии», 1991, № 8; «Звенья. Ист. альм.», в. 2, М.—СПб., 1992 (ук.); ЛН, т. 72 (ук.). — Мельер: ЛЭ; Муратова (2: ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 597, оп. 1, д. 390 (письма М. Я. Фиттерману); ф. 444, оп. 1, д. 568 (письма П. Н. Сакулину); Архив А. М. Горького, КГ—П, 1, 3, 31, 50 (письма Горькому, 1913); РБ, ф. 410, к. 11, д. 1 (свид. о рождении)*, д. 8 (свид. о рождении В. А. Кропоткиной); к. 13, № 36 (письма В. А. Михайлаевскому к Н.); ф. 369, оп. 301, № 41 (письма Н. к В. Д. Болч-Брусевичу); ГАРФ, ф. 102, 3-с д-во, 1883 г., д. 1120 (о бывшем студенте Петерб. уни-та М. П. Михайлаевском); 7-с д-во, 1894 г., д. 86, т. 1; 1901 г., д. 319, т. 1; д. 682; 1903 г., д. 3311; 1904 г., д. 2440; ф. 1652, оп. 1, д. 388.

О. Е. Блинкина.

НЕВЁДОМСКИЙ Николай Васильевич [14(25).3.1791 (по др. сведениям — 1796*), с. Зобнино Кашин. у. Твер. наместничества — 8(20).10.1853, Москва; похоронен на Головском погосте Бежецкого у. Твер. губ.], поэт, историк-дилетант. Один из «рожденных до брака» сыновей навл. сов. Зубова (вероятно — Василия Николаевича, дяди последнего из фаворитов Екатерины II П. А. Зубова). Юношей поступил на гражд. службу в Петербурге (к 1812 коллеж. рег.). На объявление ополчения против французов Н. откликнулся стихами «К русским на всеобщее вооружение» (СПб., 1812) и зачислился корнетом во 2-й Волонтерный полк барона Боде (10 авг. 1812). В 1813 в составе смешанной команды из гусарских и казачьих полков попал в партизанский отряд А. С. Фигнера (1787—1813), составленный из оставшихся наполеоновскую армию испанцев и немцев. Здесь, в частности, познакомился с нем. поэтом-партизаном (как называл его Н.) Т. Кёрнером, вскоре погибшим на глазах Н. (см. стих. Н.

«Памяти Кернера», «Дружба» и ст. «Поэзия партизанской войны»). 1 окт. 1813 на Эльбе при разгроме отряда Фигнера под Дессау Н. был ранен и попал в плен (эпизод, отраженный в ст. «Последнее сражение Фигнера»). После освобождения из плена Н. был определен в Гусарский принца Оранского полк; с 1813 поручик; в 1818 штаб-ротмистр Стародубского кирасир. полка. Весной 1821 выходит в отставку «по домашним обстоятельствам»; живет в Москве и поместьях, посвящая себя сель. хозяйству и лит. занятиям.

Лит. деятельность Н. началась в Петербурге. С. П. Жихарев в «Записках современника» с насмешкой рассказывает, как Н., «хромой пинта», благодаря протекции сенатора и «беседы» И. С. Захарова получивший повышение по службе, написал по этому случаю басню «Калека и скороходы», напечатал ее в небольшом количестве экземпляров и разослал своим сослуживцам (запись 5 мая 1807). Летом 1812 вышел небольшой сб. Н. «Басни и сказки» (СПб.; с посв. А. Н. Зубову), включавший его первые поэтич. опыты. А. Е. Измайлов, найдя в сб-ке текст. существенные заимствования из образцовых баснописцев, отметил, что Н. и в них сделал «весьма дурные перемены», не знает правил стихосложения и что «г. Д.» (издатель басен Н.) оказал автору дурную услугу (СПбВест, 1812, № 7, с. 81, 83).

Военные походы внесли новые мотивы в стихи Н. В 1815 он печатает отд. изданием стих. «Память Кернеру» (СПб.), с прибавлением автобиогр. заметки о знакомстве с ним, а в 1819 выпускает с посвящением ему же сб. «Воин-поэт» (М.). Сюда вошли сильно переработанные басни, новым был отдел «Песни и романсы»; к ним присоединены отрывки из «второй России» — видимо, задуманной Н. в подражание М. М. Хераскову поэмы о войне 1812. Прежний доброжелатель «г. Д.» предпринимает двухтомное издание «Стихотворений» Н.; из печати вышла только 1-я кн.: «Песни и романсы» (М., 1821; 2-я кн. должна была содержать басни); несмотря на заверение издателя, что «в сей книжке нет ничего общего с прежними сочинениями сего писателя, кроме нескольких» (с. 3), «Песни...» содержали мн. произв. из предыдущего сб-ка. Ранние стихи свидетельствуют об эклектизме и подражательности, в них соседствуют созданные под прямо противоположными влияниями сентиментальный романс и гусарская песня, дружеское послание и обращенные к дамам салонные стихи. Сб-ки вообще не были замечены критикой, если не считать эпиграммы П. И. Колошина: «Неведомский, поэт, не ведомый никем./ Печатает стихи неведомо» (ЛН, т. 60, кн. 1, с. 551, 554).

Н. не был связан с журналами и журналистами [известны лишь его единичные публ. в альм. «Уrania... на 1826 г.» (М., 1825) и в газ. «Молва», 1831, № 21]. Тем не менее в 1823 он удостоился избрания в чл.-сопр. ВОЛРС при Моск. ун-те, в «Труды» к-рого он представил две басни и стих. «Дружба» (1823, ч. 3, кн. 8).

После небольшого перерыва отд. изданиями одна за другой появились неск. поэм Н. Среди них выделяется цикл, связанный с его воен. юностью: «Лирические поэмы. „Русский Орел“, „Наполеон“» (СПб., 1828), «Партизаны. Описательная поэма» (СПб., 1829; посв. памяти Фигнера), «Бурка» (М., 1835). Общую тематику поэм составляет прославление силы рус. оружия в прошлом и настоящем и России как оплота порядка в Европе. В отличие от жанрового канона, поэмы Н. практически бессюжетны, растянуты, почти лишены конкретных автобиогр. деталей и строятся по принципу развернутой оды: осуществить призыв Д. И. Хвостова «парить за Шиллером, Бейроном» (Хвостов Д., Ответ Н. — «Славянин», 1828, № 42, с. 149) оказалось ему не по силам (в «Партизанах» декламации о лихих и жестоких партизанских рейдах, хитростях войны в тылу неприятеля, гусарской бивачной жизни получились отстраненными и невыразительными). Более определенно лит. вкусы Н., позволяющие думать, что он относил себя к поэтам романтич. школы, отразились в «Энеиде» (СПб., 1828). В предисловии он заявил, что не намерен держаться «правил» «За свято данных мастерами» и что ему «не страшно помело/ Ни Шлегеля, ни Буало» (с. 5). С восторгом говоря о стихах Д. В. Давыдова (высокую оценку поэта-партизана см. также: «Совр.», 1838, т. 9, с. 30—31), он иронически упоминает «комедии Шутовского» (А. А. Шаховского), соч. А. Жомини, «Дамский журнал» П. И. Шаликова, стихи Свистова (Хвостова).

Сатирич. поэмы Н. — «Энеида. Комич. поэма» и «Деньги. Сатира» (СПб., 1833) — появились одновременно с «лирическими». «Энеида» продолжала традицию рус. переделок бурлескной поэмы А. Блумауэра. Однако если ранние рус. подражания (И. П. Котляревского, Н. П. Осипова, А. Котельникова, И. М. Наумова) создавали бурлескный эффект за счет изображения простонар. быта, сатирически описанного, то Н. строит свой бурлеск на материале совр. быта дворянства, и в этом отношении его поэма объективно является промежуточным звеном между старой традицией и опытами Д. Д. Минаева.

Во второй поэме-«сатире» Н. изложил уже укоренившуюся в лит-ре тему разлагающего всевластия денег чисто классицистским способом, описав череду эпизодов и персонажей с характерными значащими именами — Вралькин, Пилюлькин, князь Пустов, граф Сполядралов и т. п.

Появление в печати поэм Н. было отмечено только в обзорах «Моск. телеграфа», где они получили весьма язвит. оценки: «Поэзия Неведомского отстает Наполеону» (о «Лирич. поэмах» — 1828, № 4, с. 556); «сочинитель испытывает все образы выражений: шутильный, унылый, сатирический, патетический, но почти везде неудачно» (о «Партизанах» — 1829, № 23, с. 366); «не стара ли шутка?... изобретения тяжела, не остроумны, не забавны и смешат иногда только какою-то нелепою странностью» (об «Энеиде» — 1828, № 6, с. 245; см. также отклик: Зонд 1-й (М. П. Погодин) — МВ, 1828, № 11, с. 307).

Общую непредрвзятую оценку поэзии Н. вынужден был дать П. А. Плетнёв, несмотря на сочувств. поддержку Н., к-рого он привлек к участию в «Современнике» (письмо к Я. К. Гроту 31 марта 1845): «Все стихи Неведомского дрянно. Но его отрывки о партизанах разных наций — чудно-хорошие статьи», в них — «оригинальность и сила при всей небрежности языка» (Грот и Плетнев, II, 435, 576). Последнее относилось к большому циклу статей Н., появившихся в слепошутинском «Современнике», — части его 7-томного (по свидетельству Плетнёва) труда о партизанских действиях в разные времена и в разных странах. Главы из него печатались под назв. «Последнее сражение Фигнера» (1838, т. 9), «Отрывок из истории Испанско-Американских партизан» (1838, т. 11), «Отрывки из истории партизанов Пиренейского полуострова» (1839, т. 13, 15—16; 1840, т. 17), «Очерк Испании» (1841, т. 21, 23), «Нашествие Масены на Португалию. Из кн. „Нар. войны португальцев“» (1842, т. 27; 1844, т. 33), «Поэзия партизанской войны. Из приготовленной к печати кн. „Теория нар. войн“» (1845, т. 40). Последней публикацией из этого сочинения была статья Н. «Горцы Аbruццо и Калабрии 1799 г.» («Москв.», 1852, № 24).

У Н. сложились с Плетнёвым дружеские отношения, он бывал у Плетнёва в Петербурге, вошел в круг его знакомых (в частности, в салон А. О. Смирновой-Россет). «В нем редкие качества ума, сердца и общезнательности, — писал Плетнёв Д. И. Коптеву 4 нояб. 1845. — Его прямолинейное, доброе, искренность и доверчивость так и горят в прекрасных глазах его» (РА, 1877, кн. 3, с. 368).

Он же оправдывал перед друзьями лит. недостатки статей Н.: «Что, если бы Неведомский провел свой век как я, между Жуковским и Пушкиным! Какого писателя увидела бы в нем Европа! Теперь он самоучка, не болел» (Грот и Плетнев, II, 594). Однако «партизанские

статьи Н. нравились читателям. Их весьма положительно оценивал в своих журн. обозрениях В. Г. Белинский. Отмечая их «оригинальность», он относил их к числу таких, «какими редко украшаются наши журналы» (МН, 1838, апр., кн. 2; то же — II, 400). В частности, он высоко оценил Н. от нападков в «Смысле отечества» (1839, т. 7), считая статью «превосходными и по содержанию и по изложению», отмечая «оригинальность» темы, «картинность слога» и «живую занимательность содержания» (МН, 1839, ч. 1, февр.; ч. 2, март; то же — III, 123; см. также с. 50, 601).

Из «партизанских» очерков Н. лишь «Последнее сражение Фигнера» и «Поэзия партизанской войны» заключают свидетельства участника и очевидца; остальные носят компилятивный характер, содержат множество историч. и археологич. сведений — об арабах, маврах, исп. г(в)ерильях (партизанах) (в т. ч. в связи с крестовыми походами 11—13 вв.), исп. Реконкистой, наполеоновскими войнами и т. п. (об интересе к исп. теме в рус. периодике см. в ст. Н. М. Пятницкий).

В 1840-х гг. Н. жил в Кашине, Бежецке, Москве, Твери. В 1843, после того как твер. ген.-губернатор Д. Н. Бологовский был смещен с должности Николаем I, Н. передал через Плетнёва в газ. «С.-Петерб. ведомости» (1843, 31 янв.) письмо об обедах, к-рыми Тверь провожала нач. губернии. Публикация письма привлекла внимание III отделения, и по поводу бестактности автора возникла секретная переписка между А. Х. Бенкендорфом, Л. А. Перовским, П. А. Ширинским-Шихматовым и С. С. Уваровым (см.: Цензура в царствование имп. Николая I. — РС, 1903, № 4, с. 175). О последних 10 годах жизни Н. ничего неизвестно (в 1846 даже распространился слух о его смерти: Грот и Плетнев, II, 819; III, 775—76).

Два старших сына Н. были причастны к лит.-ре. Ал.-др. Ник. Неведомский (1830 — после 1869) известен как переводчик филол. соч. И. Бенгтама, Дж. С. Милля («Утилитаризм», СПб., 1866—69) и др. Вас. Ник. Неведомский (1827—99), окончивший Моск. ун-т кандидатом ист.-филол. наук (служил чиновником особых поручений при моск. ген.-губернаторе, обер-секретарем в Сенате, Деп. гос. имущества; дослужился до тайного сов.), с 1872 стал активным сотр. «Рус. ведомостей» (см.: РВед. Сб., с. 122), а с 1878 занимался исключительно переводами. В его переводе выходили соч. англ. и нем. историков Э. Гиббона («История упадка и разрушения Рим. империи», ч. 1—7, М., 1883—86), Т. Моммзена («Рим. история» (т. 1—2, С. М., 1885—87), «Воспоминания А. Токвиля (М., 1893), кн. «Руссо», «Дидро и энциклопедисты» Дж. Морли (обс — М., 1881, 1882), «Всеобщая история с IV столетия до нашего времени» (т. 1, 3—6, М., 1897—99) Э. Лависа и А. Рамбо, а также прозв. историков лит.-ры Р. Гайма («Романтизм. школа. Вклад в историю нем. ума», М., 1891; «Гердер, его жизнь и сочинения», т. 1—2, М., 1888) и Г. Браццаса («Гл. течения лит.-ры 19 столетия», ч. 1—3, М., 1881—88; М., 1893) и др. см. некролог: РВед, 1899, 14 нояб.; НВ, 1899, 16 нояб., ИВ, 1900, № 1).

Др. произв.: «Отрывки из книги „Рус. военнопленный“» (ДЖ, 1824, № 2).

Изл.: [Басни]. — В кн.: Соч. в прозе и стихах. М., 1823; Пантеон рус. баснописцев, СПб.,

1845; Стихотв. сказка; Рус. басня; Рус. эниграмм.

Лит.: Плетнев, III; Грот и Плетнев (ук.); Белинский, VI, 544; IX, 421 (указ. выше стр. из т. 2 и 3 — не отмечены в ук.); Белинский В. Г., ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 510—12 (под ред. С. А. Венгрова; с библиогр. соч. Н.); Розанов И. Н., Рус. лирика, М., 1914, с. 286; Алексеев М. П., Рус. культура и романский мир, Л., 1985, с. 102—03, 184; Жихарев, II, 280—81. — Ст. ОЛРС: Геннад. Брокгауз; Венгров. Источ.: Мезьер; РПНБкр.*; Массанов.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 26, № 700—701 (дела о дворянстве Н. и его брата Вас. Вас. Н.); ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 454 (письма П. А. Плетнёву, 1840—43 гг.); ГА Твер. обл., ф. 645, оп. 1, д. 2753, л. 1, 2, 8 (даты рожд. сыновей Н.).
В. П. Степанов.

НЕВЕЖИН Пётр Михайлович [27.6(9.7).1841, Смоленск* — 25.5.1919, Петроград; похоронен на Волковом кладб.], драматург, прозаик. Из обедневших дворян Смоленской губ.; отец — отставной военный; мать — лютеранка. По окончании Смоленской г-зии учился в 1-м моск. кадет. корпусе (1852—59), из

к-рого выпущен офицером в 17-й стрелковый батальон. Первые пробы Н. в драматургии — написанные в 1862 и в 1870 пьесы, — по его словам, были отклонены цензурой (письмо П. Н. Полевому — ИРЛИ, ф. 326, № 49). Участвовал в рус.-тур. войне 1877—78, был тяжело ранен (об этом в рассказе «Эвакуация» — ИВ, 1898, № 5), что в дальнейшем сказалось на его здоровье и характере: «достопадный нытик» (по словам М. П. Садовского — в кн.: А. Н. Островский. Дневники и письма. Театр Островского, М.—Л., 1937, с. 172), «самый тяжелый человек в свете» (Чехов в Письма, VI, 102).

Выйдя в отставку в 1881 в чине майора, Н. решает серьезно заняться лит.-рой. Первая публ. — воен. очерк «В отделе» (РВ, 1881, № 1). Отклоненная ранее цензурой комедия Н. была по его просьбе переработана Островским (он обогатил язык персонажей и сгладил вызывающий сюжет: мать, пытающаяся вместе с любовником присвоить наследство сво-

их дочерей, была заменена на старшую сестру) и передана им М. Е. Салтыкову-Щедрину для публикации («Блажь» — ОЗ, 1881, № 3) и И. А. Всеволодскому для постановки в Малом т-ре (1880, с участием М. Н. Ермоловой). По просьбе нач. репертуарной части имп. т-ров А. А. Потехина Островский переделал и пьесу Н. «Старое по-новому» (М., 1882; о редакторской работе Островского — см. в его ПСС, XVI, 39; см. также обе пьесы в ред. Островского — там же, X; пост. в Малом, 1882, и Александрин., 1883, т-рах). Островский видел в Н. одного из наиб. даровитых совр. писателей (XVI, 46), протектировал ему, хотя нек-рые его пьесы не принимал (XIII, 286; восп. Н. об Островском см.: ЕИТ, 1909, в. 4; 1910, в. 6; рец.: ТИИ, 1909, № 52).

Тематика, воспринятая от Островского (изображение купечества, мелшан, чиновников, помещиков), получила у Н. лишь внешнее развитие (напр., комедия «Компаньоны» — «Артист», 1891, № 18; Малый т-р, 1891). Его пьесы оставались в русле бытовой мелодрамы 80 — 90-х гг.: в целом достаточно статич. действие перемежается «взрывными» сценами-объяснениями и приводит к традиц. развязкам (в драмах — неизменно кровавым). Реалии времени и среда определяют поступки персонажей, кочующих из пьесы в пьесу: эмансипированная женщина, страдающий сверхчеловек, обаятельный негодяй. Их бунт, разрушение старых моральных устоев вызывают гуманно-оправдательную реакцию автора («жулик» у Н. — «герой». — Чехов, III, 95, 96). Стремление к независимости и отказ идти по стопам отца-купца движут поступками молодого героя комедии «На зыбкой почве» (М., 1882), первого самостоятельного произв. Н. (т-р Корша, 1882; положит. рец.: НВ, 1882, 16 окт.). Изображаемые ситуации чаще всего экстремальны: месть за соращение девушки в «Друзьях детства» (М., 1885; Малый т-р, 1886), убийство и муки совести в драме «Выше судьбы» («Театрал», 1896, № 89; Малый т-р, 1896; под назв. «Неумолимый суд» — Александрин. т-р, 1898). Накалены до предела семейные отношения в пьесе «Непогрешимый» («Артист», 1894, № 42; Малый т-р, 1894; рец. 1894: А. А. Барсов — РМ, № 12; «Артист», № 42). «Вторая молодость» (М., 1887; Малый т-р, рец. 1887: С. В. Васильев (Флёров) — МВед, 19 окт.; М. Н. Ремезов — РМ, № 11; см. также положит. отклик: Немович-Данченко о Вл. И., Избр. письма, т. 1, М., 1979, с. 119) оставалась одной из самых репертуарных пьес в России вплоть до 1920-х гг. В основе ее сюжета (герой стреляет в молодую учи-

тельницу, ради к-рой его отец бросил семью и истерзал жену унижительным для нее требованием развода) лежала реальная, получившая огласку семейная драма, легко узнаваемая публикой (о скандальной ситуации, чуть было не увенчавшейся дуэлью между драматургом и одним из прототипов; см. восп. А. А. Бренко: «Театр», 1916, 1, 2 янв.).

Оценки драматургии Н. в театр. критике и писательской среде были различны. В «Литературной табели о рангах» Чехова Н. имеет третий от конца чин — «губернского секретаря» (V, 143). Резко высказывались о его пьесах П. Д. Боборыкин (см.: Островский, XII, 237). А. С. Суворин (НВ, 1887, 19 окт.). Многие рассматривали его в ряду В. А. Крылова и И. В. Шажинского как поставщика расхожей театр. продукции (см., напр.: Н. М. Златовратский — Данченко Вл. И., Театр. наследие, т. 1, М., 1952, с. 89; Горький, XXIV, 452). А. А. Блок, видевший «Вторую молодость» в 1919, отметил, что удачное исполнение актеров «придает новый смысл и значительность незначительному» (VI, 277). Положительно оценивалась актуальность тем и типов, но подчеркивалась тенденция основывать сюжет на единичном факте, часто из уголовной хроники (РМ, 1889, № 12), подчинять замысел отвлеченной идее (СВ, 1893, № 12). Отмечали нецелесообразность конфликта, неясность акт. позиции (С. В. Васильев — РО, 1892, № 11), заирывание с публикой (М. Н. Ремезов — РМ, 1891, № 12, с. 295). Уничтожит характеристику Н. дал А. И. Сумбатов-Южин: «...ему здорово то, что другому смерть. Нет языка — на пользу: язык, мол, не книжный; нет характеров — на пользу: все, мол, у него удивительно жизненно — даже характеров нет... А главное, он совершенно по плечу массе...» (Восп. Записк. Стат. М.—Л., 1941, с. 59).

Н., «опытного драмателю» (А. Г. Горнфельд), отличали знание законов т-ра и умелое владение техникой разработки конфликта: «самая плохая драма Н. лучше десяти, одобренных Петербургом» (Немирович-Данченко Вл. И., Театр. наследие, т. 2, М., 1954, с. 92). Многие роли сочинялись им в расчете на изв. актеров (об этом см.: А. Р. Кугель — ТиИ, 1898, № 47); в его пьесах играли Г. Н. Федотова, Е. К. Лешковская, Сумбатов-Южин, А. П. Ленский, П. А. Стрепетова, М. Г. Савина и др., придававшие своим образам психол. достоверность.

Н. был весьма плодовит (им написано более 20 драм, 8 романов, 12 повестей и ок. 100 рассказов) и настойчив, прокладывая своим пьесам путь на сцену любым способом (жалуясь на судьбу и завистников, на отчаянное материальное положение и даже угрожая самоубийством, — см. некролог: «Вест. театра», 1919, № 31—32).

В романах и повестях Н., рассчитанных на массового читателя, сюжетная коллизия создает внутр. напряжение в повествовании, ровном, неторопливом («диккенсовская манера», по выражению Н. Н. Вентцеля, — НВ, илл. прил., 1911, 5 нояб., подпись Ю-н), насыщенном бытовыми подробностями (порой излишними, создающими длинноты). В ром. «Знаменитость» (М., 1899) на детально проработанном фоне (среда молодых музыкантов) изображена

судьба талантливого виолончелиста, не сумевшего преодолеть душевный кризис и покончившего жизнь самоубийством (отрицат. рец.: НВ, 1899, 13 окт.). Театр. среда, хорошо знакомая автору, стала искушением для героини пов. «Страховая премия» (М., 1899; рец.: РБед, 1899, 19 июля), приведя в конечном счете к гибели семью. Проблема отцов и детей приобретает трагич. звучание в ром. «Приманка» (М., 1898; рец.: МВед, 1898, 8 авг.) и пов. «Жестокая воля» (М., 1896; рец.: РМ, 1897, № 8). В прозе Н. более обобщенно, чем в драматургии, подходит к обществ. вопросам, рассуждая, напр., о социальной репутации актерской профессии или продолжая тему взаимоотношения полов (проблема абортов в ром. «Озлобленные», М., 1902). Зарисовки жизни гор. низов и крестьянства (эмоц. восп. автора о «бесправии» народа в пореформенной деревне — «Последние счесть», ИВ, 1899, № 12) — повод напомнить читателю о человеческой беспомощности в жестоком мире. В нек-рых рассказах акцентирована нравств. направленность (очищающий переворот в судьбе героя часто вызван благотным воздействием церк. праздника). Писал рассказы для детей (сб. «Милые шалуны», М., 1900; высоко оценен рассказ «Постреленок» в рец.: РМ, 1898, № 12) и юмористич. (несколько мрачноватые) соч. («Из жизни мелких людей», М., 1892).

В нач. 20 в. произв. Н. выглядели анахронизмом. К тому же, с уходом Всеволодского репертуарную политику стали определять П. П. Гнедич, Сумбатов-Южин и В. А. Теляковский — противники пьес Н., все реже появлявшихся на сцене (недоумение сторонников Н. по этому поводу см.: БВед, 1906, № 9160; Теляковский И., Шумный успех в Александрин. т-ре (1915—16) имела пьеса «Поруганный» (П., 1915) благодаря выстрелу и панихиде с хором, вызвавшим истерику зала (отзывы, 1915: «Речь», 6 апр.; «День», 6 апр.; ТиИ, № 15; БВед, 4 нояб.). Последней опубл. драмой была ист.-бытовая хроника «Елизавета Шахова» (П., 1917; написана по заказу потомков Е. Н. Шаховой и изд. за их счет), героиня к-рой, юная поэтесса, в результате душевной борьбы решает уйти в монастырь. Среди действующих лиц — молодой И. С. Тургенев, архимандрит Игнатий (Брянчанинов) (резкая критика: А. Г. Горнфельд — РБ, 1917, № 11—12).

В театр. публицистике Н. разрабатывает понятие «быт» как аналог реалистического и национального в иск-ве; с этой т. з. он критикует европ. символист. драму («„Символизм“ и „быт“» — «Слово», 1907, 24 марта) и приверженность рус. т-ра антич. и романтич. репертуару, раз-

рушающему рус. актерскую школу («Наши дни», 1904, № 8; ЕИТ, 1911, в. 4).

Помимо мн. журналов Н. сотрудничал в газ. «Курьер» (с 1898), «Петербург. дневник театра», «Юж. обзор», «Одес. новости», «Новости дня» и др. В 1904—05 ред.-изд. либеральной газ. «Наши дни» (в ней сотрудничали А. А. Шахматов, В. И. Вернадский, П. Е. Шёголев, П. Н. Милуков и др.). В разные годы руководил актерскими курсами и школой при Об-ве любителей ораторского иск-ва (1908). Удостоен Грибоедовской премии (в 1885/86 и в 1887/88) и премии АН (1915). В 1911 избран поч. чл. ордена рыцарей Филалет (см.: Авчинникова-Архангельская В. В., Вселенское масонство и обновленное розенкрейцство, СПб., 1911, с. 45—47).

В годы расцвета преисполненной сознания своей лит. значительности — его самонимом было источником пародий (РГАЛИ, ф. 853, оп. 2, № 898) и шаржей (напр.: Чехов в Н. П., Гуляние первого мая в Сокольниках. — «Москва», 1882, № 16; см. также: «Свободный смех», 1906, № 6; «Рампа и жизнь», 1916, № 1), — Н. умирал в Клинич. госпитале Мед. акад. потерявшим веру в себя, одиноком, диктуя письма, в к-рых продолжал сводить счесть с недоброжелателями (РГАЛИ, ф. 770, оп. 1, № 231).

Изд.: Драм. соч., т. 1—2, М., 1898—1901; Собр. соч., т. 1—12, СПб., 1909—11; Клеймо природы. Повесть и др. рассказы, СПб., 1914; Погибший кумир. Повесть и др. повести и рассказы, СПб., 1914; Письма А. Н. Островскому. — В кн.: Неизд. письма к А. Н. Островскому, М.—Л., 1932; Вторая молодость. — В кн.: Рус. драма эпохи Островского, М., 1984.

Лит.: Островский, XII, XIII, XV, XVI (ук.); Салтыков-Шчедрин, XIX (1), 137; Чехов (ук.); Пругавин А. С., Моск. иллюстрированный календарь-альманах на 1887 г., М., 1887; Труды I Всероссий. съезда писателей, ч. 2, М., 1898; Захарьин (Якунин) И. Н., Встречи и восп., СПб., 1903, с. 327; Плещеев А. А., На первых представлениях. — «Петербург. газ.», 1907, 26 сент.; Афанасьев-Лесенский А. П., Статьи. Письма. Записки, М.—Л., 1935; Данилов С. С., Очерки по истории рус. драм. театра, М.—Л., 1948, с. 496—97; М. Н. Ермолова. Письма. Из лит. наследства. Восп. современников, М., 1955; Чехов М. П., Вокруг Чехова, М., 1960 (ук.); Зограф Н. Г., Малый т-р второй пол. 19 в., М., 1960; его же, Малый т-р в коп. 19 — нач. 20 в., М., 1966; Осипова Л. Ф., Чехов и драматургия 80-х гг. — «Уч. зап. МГПИ им. Ленина», № 163, М., 1960, с. 159—160; Теляковский В. А., Воспоминания, Л.—М., 1965, с. 310; Трофимов И. И., Писатели Смоленщины, М., 1973; Очерки истории рус. театр. критики, [кн. 2, 3], Л., 1976—79; Петровская (1): Телешов Н. Д., Записки писателя, М., 1980, с. 14; Лит. процесс и журналистика (1, 2; ук.); ИРДТ, т. 5—7 (ук.); Витензон Р. А., Анна Бренко, [Л., 1985], с. 138—39; Тиме Г. А., У истоков новой драматургии в России (1880—1890-е гг.), Л., 1991; Суворин А. С., Дневник, М., 1992, с. 158, 167; ЛН, т. 68, 88 (ук.). + Некролог: «Жизнь иск-ва», 1919, 27 мая; Брокгауз; НЭС; Венгеров. Источ.; Гранат; БСЭ; КЛЭ; ИДРБ; Муратова (1); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 200; ф. 377; ф. 3130 (автобиография); ф. 350, № 78 (письма Е. П. Карпову); РГБ, ф. 331, к. 53, № 7 (2 письма А. П. Чехову); РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, № 1530 (письма А. И. Сумбатову-Южину); РНБ, ф. 340,

№ 10 (письма Е. П. Карпову): ф. 874, оп. 1, № 74, 78, 82, 86, 94, 110, 118 (письма С. Н. Шубинскому): ф. 124, № 3002 (письма Э. П. Юргенсону): РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 703 (м. с.); РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 9113 (п. с. 1880 г.): ГАРФ, ф. 102, 1904 г., д. 1, ч. 1 (об изд. газ. «Наши дни»).

М. В. Пащенко.

НЕВЕРОВ Александр Сергеевич [наст. фам. Скобелев; 12(24).12.1886, с. Новиковка Ставропольского у. Самар. губ. — 24.12.1923, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], прозаик, драматург. Отец, приписанный к мешанам г. Симбирска, закончив воен. службу унтер-офицером л.-тв. Уланского полка в Петербурге,

крестьянствовал в Новиковке, позже в Сибири; был швейцаром, городовым в Самаре; мать умерла, когда Н. было 12 лет. Н. вырос любимцем в семье деда, Ник. Сем. Елисеева, бывшего крепостного, имевшего свой надел и бакалейную лавку, слывшего на селе «книжником». Рано выучился читать, первые книги — молитвенник, Библия, прил. для народа к ж. «Родина». Окончил церковно-приход. школу, дальше учиться не захотел, помогал делу. «Лет двенадцати ... поразил ... самого себя стихотворством» (СП. Автобиографии, т. 2, с. 116). С 15 лет работал в типографии, мальчиком в магазинах, пытаясь найти занятие по душе. В 1903 Н. показал свои стихотв. опыты поэту-суриковцу С. В. Денисову, по совету к-рого поступил в 1904 во второклассную школу в с. Озёрки Ставропольского у., много читал, писал лирич. стихи (не сохр.) и эпиграммы на директора, был одним из организаторов забастовки учащихся и автором петиции с критикой «ужасной школьной атмосферы» и требованием придать школе общеобразоват. характер (опубл. «Вест. учителей», 1906, № 2, с. 70—71).

В 1906 дебютировал рассказом «Горе залили» («Вест. трезвости», № 135—36, март—апр.). После окончания школы в 1906 и неудач-

ной попытки получить должность писаря в Самаре уехал к старшему брату в Оренбург (где недолго работал куплетистом в кафешантане). С 1906 по 1915 учительствовал в сельских школах Самар. губ. (в 1908 сдал экстерном испытания на звание учителя нач. училищ). Из мизерного жалования рассчитывался с долгом за проживание в интернате с. Озёрки и помогал сестре; позже писал об этом периоде: «Если бы не литература, я сошел бы с ума» (цит. по кн.: Страхов, с. 65). После публикации в газ. «Симб. вестн» неск. очерков о произволе сел. богачей (в т. ч. «Право сильного» — 1907, 17 янв.; подпись Иван Червячок) по доносам дир. Озёрской школы за Н. был установлен негласный надзор, длившийся 8 лет (мат.-лы в Гос. архиве Самар. обл. — см. об этом: Страхов, с. 58—61). В 1910—12 увлекался учением Л. Н. Толстого. В 1912 женился на сел. учительнице из крестьян Пелагее Андр. Зеленцовой. Тогда же перешел в земскую школу, что улучшило его материальное положение.

С 1907 рассказы Н. относительно регулярно появляются в периодич. изданиях. В их сюжетной основе — бытовые истории, в осн. драматич. «случаи» из деревенской жизни: издевательство пропойцы-мужа над женой («Авдотына жизнь» — «Вест. трезвости», 1907, № 153, сент.), смерть доведенных до крайней нужды и отчаяния мужиков («Под песнь выюги» — «Трезвые всходы», 1908, № 6/7; «Последнее средство» — «Жизнь для всех», 1914, № 2) и смерть кормилицы-лошадки («На земле» — там же, 1910, № 3), месть вдовы за самоубийство спившегося мужа — кабатчику («Баба Иван. Рассказ Николая Кириллыча» — там же, 1910, № 6), самоубийство молодой попадхи, не вынесшей стяжательства мужа («От неизвестных причин» — там же, 1915, № 4). Рутинное существование сельской интеллигенции, тоска по любви, выход из душевного потрясения в запой изображены в рассказах «Серые дни», «Учитель Стройкин» (РБ, 1910, № 3; 1911, № 3), «Без цветов» («Жизнь для всех», 1913, № 1; посвящен сыну Борису). Пластич. бытописание лучших рассказов Н., отмеченных острой наблюдательностью, передает утасяющий ритм деревенской жизни, а вместе с тем и психологию неверовских персонажей: «глухую печаль», подспудное нарастание «звериной злобы» (не обязательно социально мотивированной), недоумение перед высшими запросами жизни и смутную тоску по ним. Влиянием И. А. Бунина отмечен рассказ «Музыка» (СМ, 1909, № 8).

Немногочисл. отзывы были в осн. доброжелательными (В. Кривич — «Аполлон», 1909, № 1;

Гуаш (М. В. Морозов) — «Всеобщ. Петерб. гзета», прил., 1910, авг.). В. Я. Муринов в письме к Н. хвалил рассказ «На земле» за интересную тему и «яркую образность» и советовал не унывать «высшей махровостью модернистского письма» (см. в кн.: Неверов А., Собр. соч., т. 1, Куйбышев, 1957, с. 355). Скользящую оценку дал рассказу «Серые дни» В. Г. Короленко в письме к А. Г. Горькому от 6 дек. 1909: «Стиль немого (умеренно) модернистский, но красивый. ... Общий тон — уныние и ... некая растяннутость» (там же, с. 354), а автору советовал писать и дальше, не бросая учительство, и обещал поддержку, однако не принял к публикации рассказы «Преступники» и «Прошлое» (позднее — «Без цветов») и др. Позже Н. с признательностью вспоминал о Короленко (см. очерк «Чуткое сердце. Восп. о В. Короленко» — «Коммуна», Самара, 1922, 14 янв.; перепечатано в кн.: Короленко в восп.). М. Горький, к-рому понравились рассказы Н. «Страхи» («Жизнь для всех», 1915, № 8/9), напоминавший о юморе А. П. Чехова (см.: Семипалатинский Д. М., Письма и встречи. [Восп.], М., 1938, с. 58—59), и рассказ «От неизвестных причин» (хотя в нем «недостаточно ярко показана убивающая душу попадешья бытовая обстановка, наше жестокое, темное рус. житишко» — цит. по кн.: Неверов А., Собр. соч., т. 4, Куйбышев, 1958, с. 362), в 1915 предлагал Н. напечататься в сб-ке молодых авторов.

Сам Н., размышляя о своих творч. возможностях, признавался (в письме к самар. литератору П. Яровому от 27 февр. 1914), что не видит сильных характеров, а создать их у него «нет такой силы. Ставить же их на ходули — не позволяет то чувство, к-рое во мне есть ... Я пишу только о том, что переживаю, во что верю» (Неверов — там же, с. 230).

В янв. 1915 Н. был призван в армию и зачислен рядовым в 4-ю роту Самар. пешей дружины. Вскоре назначен ротным писарем, а в сент. отправлен на курсы фельдшерских учеников при Самар. воен. лазарете. В рассказах этих лет в центре внимания Н. по-прежнему остается деревня — приравленная войной и трудящаяся из последних сил («В глухих местах» — «Жизнь для всех», 1916, № 7), в к-рой заметную роль играют активные и самостоятельные женщины («Бабы газета» — там же, 1916, № 8), а вместо рус. мужиков, воюющих на фронте, в крест. хоз-вах работают австр. пленные («Среди ополченцев» — там же, 1915, № 1; «В плену», 1916; опубл. в газ. «Нар. жизнь», Самара, 1918, № 6—12; «Черное и белое» — «Жизнь для всех», 1917, № 4).

После Февр. революции Н. демобилизовался; через товарища по Озёрской школе Г. Н. Сарова, проф. революционера, сблизился с эсерами. В издававшихся Саровым газетах опубл. цикл из 4 очерков «В глухих местах», рисующих настроения в послереволюц. деревне — реакцию на свержение самодержавия («Воля»), страх перед анархией («На новых правах»), попытки разобраться в полит. партиях («Темный лес»; все три — «Свободное слово», 1918, апр.) и неприятие большевистской идеи немедленного мира с Германией («Солдатская горячка» — «Народ», 1918, 26 окт.). Оставил учительскую и зем-

скую деятельность ради лит. работы и один, без семьи, весной 1918 после тяжелого брюшного тифа переехал в Самару. Приветствовал декреты сов. власти о земле и мире. В Самаре встречался с редакторами большевистских газет, подружился с поэтом М. П. Герасимовым (прототип Галалина в неоконч. пьесе Н. «Анна» — ПСС, т. 4) и прозаиком А. К. Гольдебавым (о нем рассказ Н. «Веселые ребята» — «Коммуна», 1922, 7 янв.). Очерки осени 1918, опублик. в газ. «Народ», объединяют чувство тревоги за судьбу России («Крест на горе» — 10 сент., «Что делает деревня, когда ей не спится» — 25 окт., подпись А. Новиковский; «О нар. армии» — 12 сент., подпись С. Еланский). Н. призывает к объединению всех сил для сохранения демократич. завоеваний Февр. революции («О гражд. войне» — 13 сент., подпись С. Еланский; «О рус. черепках» — 27 нояб.), осуждает бегство от большевиков из Самары купцов, фабрикантов, умных гос. людей («В землю Ханаанскую» — 18 окт.). Перед отступлением А. В. Колчака Н. остался в Уфе; после прихода большевиков работал в их газ. «Вперед!» (очерк «В те дни» с эпиграфом «Горьким смехом моим посмеюся» — о конце К-та учредит. собрания в Самаре — 1919, 19 янв.; подпись С. Бояркин).

В кон. янв.—нач. февр. 1919 вернулся в Самару. Рассказы «Случай из жизни» («Рабочая газета», 1922, 26 нояб.; первонач. «Случай из жизни Саньки-малыра», 1919, стен. газета Агит-Роста; 3-я пр. на конкурсе стен. газет) и «Я хочу жить...» («Красная Армия», 1919, № 3) знаменуют переход на позиции активной поддержки рев. идеи — ради будущего детей надо или умереть или стать победителем. В Самаре Н. работал в пропагандистском ж. «Красная Армия», лит.-худож. ж. «Понизовье», редактировал сб. «Театр красноармейца», участвовал в лит. кружке «Звено», преподавал в школе ликвидации безграмотности. Создал Самар. нар. т-р, в к-ром был драматургом и актером. Важное значение для Н. имели знакомство и беседы о технике драмы с театр. деятелем Н. Г. Виноградовым-Мамонтом, бывшим слушателем студии В. Э. Мейерхольда и организатором Драматургич. мастерской Красной Армии при политуправлении Петрогр. воен. округа. Н. в этот период создал агит.-плакатные пьесы — «Корона» («Красная Армия», 1919, № 7/8), «Контрреволюция» (полный текст — «Т-р красноармейца», в. 1, Самара, 1919), «Гражданская война» (Самара, 1922), бытовые драмы — «Бабы» (М., 1920; 1-я пр. в 1921 на конкурсе Госиздата пьес из крест. жизни; пост. во мн. нар. т-рах

России), «Захарова смерть» (1921, пост. в 1921 в самар. т-ре «Красноармеец» с Н. К. Симоновым в гл. роли; 2-я пр. на конкурсе пьес в Самаре и Всерос. конкурсе рев. пьес ТЕО Наркомпроса в 1921; опублик. — Самара, 1922); комедии — «Смех и горе» (М., 1922), «Богомолы» («Понизовье», Самара, 1922, № 4).

«Подлинным лит. произведением» назвал А. А. Блок пьесу «Захарова смерть», написанную «прекрасным рус. языком», и отметил правдивость в изображении совр. деревенской жизни, охватившей ее душевной сумятицы и разлада; по его мнению, Н., отдавая предпочтение новым веяниям, «не насилует совести читателей»: «худож. чуткость уберела его от лжи: старики вышли неправы, но они — милые и живые. Носители нового — сбившиеся с панталыку бабы, денки, мужики и качаки ... герои пьесы ... светлые личности, ищущие нового на словах, но только разрушающие старое на деле» (Блок, VI, 328—29; см. также: VII, 388).

В 1922—23 Н. пишет статьи, в к-рых стремится определить задачи лит. творчества, понять секреты худож. мастерства классиков и присмотреться к опыту своих современников: программная ст. «О чем и как писать» («Сов. деревня», прил., 1922, № 2), «Н. Лесков. Заячий ремиз» («Красная новь», 1923, № 1), «Мертвое тело. [Рассказ А. П. Чехова]» («Понизовье», 1922, № 6; высоко оценен в чеховедении, см.: Семанова М., Чехов и сов. лит.-ра. 1917—1935, М.—Л., 1966, с. 87—92), «Приемы худож. творчества И. А. Бунина» (читалась в виде докладов в Самаре в 1920—22; опублик. в кн.: А. Неверов. Из архива писателя. Куйбышев, 1972), рецензии: «Глазами Пильняка» («На посту», 1923, № 1), «В кругу заколдованном. Вс. Иванов» [альм. «Корабль», Калуга, 1923, № 1—2 (7/8)].

Гл. темой Н. по-прежнему остаются деревен. жизнь, те процессы, к-рые внесли в нее две войны и две революции: разрушение традиц. уклада, усвоение новой социальной идеологии при общем непонимании происходящего и растерянность перед ним (крестьяне то переходят на сторону большевиков, то сопротивляются им), «расслоение» в умах, рождающее бессмысленную жестокость (рассказы «Красноармеец Терехин» — «Красная Армия», 1919, № 1; «Марья-большевичка» — «Коммуна», 1921, 4 дек.; пов. «Андрон Непутевый» — сб. «Недра», кн. 2, М., 1923). Здесь ярко проявилось свойственное прозе Н. обращение к стихии нар. речи и особенно — ориентация на стилистику сказа (в т. ч. лесковского), былинны; однако в повести, своеобразном эпосе совр. деревни, былинность — знак не собирающего, а разрушающего сознания (подробнее см.: Андрюшко). Меняющейся жизни деревни посв. также рассказы «По-новому» («Красноармеец», 1919, № 10/15), «Головка» («Крестьянка», 1923, № 10), «Полька-мазурка» («Про-

жектор», 1923, № 8/9), комедии «Смех и горе», «Богомолы» о попытках с помощью разных махинаций приспособиться к новым порядкам. Об ужасах голода в Поволжье в 1921—22 рассказывает составленная из очерков «Книга о голоде». В др. жанре — социально-панорамного романа (о борьбе идей в пореволюц. деревне) — последнее соч. Н. «Гуси-лебеди» (1918—23; частично опублик.: «Молодая гвардия», 1923, № 2, 4—5; отд. изд. вышло посмертно: М.—Л., 1924).

В 1921 собирал средства для голодающих Поволжья, ездил в Ташкент за хлебом для семьи (большую его часть раздал, в т. ч. отправил продуктовую посылку А. М. Ремизову). Материал и впечатления этой поездки легли в основу пов. «Ташкент — город хлебный» (М., 1923), герой к-рой, двенадцатилетний мальчик, ради спасения семьи и хозяйства преодолевает, не теряя достоинства, драматич. испытания (голод, болезнь, смерть друга) на пути в «хлебный город». Этот соч. Н. вошел в классику сов. лит-ры (в изд-ве «Земля и фабрика» к 1928 вышло 16 изд.). О непобедимости народа, «у к-рого — такие мальчишки», говорил Ф. Кафка (Из разговоров Г. Яноуха с Ф. Кафкой. — В кн.: Кафка Ф., Процесс [и др. Избранное], пер. с нем., М., 1989, с. 550).

Критика в осн. оценила правдивость и своеобразие писательского дарования Н. По мнению А. К. Воронского, не всегда справедливому, «лицо жизни в вещах Н. ... жестокое, безжалостное, грубое, часто пошлое, искаженное, немое к человеку, страданию и горю» (А. Неверов. [Сб. ст.], с. 154). Е. И. Замятин относил Н. к передвижникам, воспевающим «свои страницы доброй старой сохой реализма» («Рус. иск-во», 1923, № 2/3, с. 58). В его творчестве видели «худож. репортаж», не подвластный какой-либо «идеологич.» мерке, отмечали самообытность, простой, лаконичный и свежий язык [Н. Э. (Н. Р. Эрлман?) — отзыв на сб. «Лицо жизни» (М., 1923) — «Накануне», 1923, 29 июля].

С 1922 Н. жил в Москве, участвовал в работе различных лит. объединений: «Кузница» (до нояб. 1923), «Никитинские субботники» и др., сотрудничал в многочисл. журналах. Летом 1923 побывал в родных местах, осенью обдумывал замысел «Повести о бабах». Умер во время приступа астмы.

Изд.: ПСС, т. 1—7, М.—Л., [1926]; Собр. соч., не вошедших в 7-томное изд., т. 1—2, М., 1926—27; Собр. соч., т. 1—4, Куйбышев, 1957—58 (сост., подг. текста и прим. В. П. Скобелева; вступ. ст. Н. И. Страхова); Избр. произв., М., 1958; О себе. — В кн.: СП. Автобиографии, т. 2; Письма к Л. М. Клейнборту. — РП, 1967, № 3 (публик. П. П. Ширмакова); Я хочу жить. Сб., М., 1984 (предисл. Н. И. Страхова); Ташкент — город хлебный. Рассказы. Очерки.

Повести, Куйбышев, 1986 (сост., предисл. и комм. В. П. Скобелева); Мария-большевичка. Рассказы, М., 1987; Ташкент — город хлебный. — Гуси-лебеди. Рассказы, повести, роман, М., 1989 (вступ. ст. В. А. Чалмашева).

Лит.: Блок (ук.); Горький (ук.); Архив Горького, X; Фатов Н. Н., А. С. Неверов. Очерк жизни и творчества, Л., 1926; А. Неверов. [Сб. ст.], М., 1928; А. С. Неверов. 1886—1961. Неверовская науч. конференция. Тезисы докладов, Куйбышев, 1961; Скобелев В. П., А. Неверов. Критико-биограф. очерк, М., 1964; История рус. сов. лит-ры, т. 4, М., 1971 (ук.); Ванюков А. И., Проца Н. (1917—1923 гг.), Саратов, 1972; Страхов Н., А. Неверов. Жизнь. Личность. Творчество, 2-е изд., М., 1972; А. Неверов. Из архива писателя, Исл. Вост., Куйбышев, 1972 (ред.-сост. В. П. Скобелев, Н. И. Страхов; библи. Н. М. Митраковой — содержит алфавитный перечень первых публ. произв. Н. и хронологич. перечень лит-ры о жизни и творчестве Н. 1910—1970); Мушченко Е. Г., Скобелев В. П., Кривчик Л. Е., Поэтика сказа, В., 1978 (ук.); Чалмашев В. А., Серафимович. Неверов, М., 1982 (ЖЗЛ); А. Неверов. К 100-летию со дня рождения. Вост. Статьи. Библи., Куйбышев, 1986 (сост. В. П. Скобелев, Б. А. Неверов-Скобелев; библи. Н. Ю. Акинниной-Обориной, Э. Ю. Базилевской и Н. М. Митраковой — включает против. Н., изд. с 1961 по 1983; лит-ра о жизни и творчестве Н. 1970—1984); Андрушко Ч. (Andruszko Cz.), Сказ в повести и романе двадцатых гг. Л. Леонев, А. Неверов, И. Бабель, Поэзия, 1987; Лавров В. В., Истоки нар. традиции. Роман Н. «Гуси-лебеди», Симферополь, 1991; Адамович Г., Критич. проза, М., 1996, с. 72—73, 345; ЛН, т. 70 (ук.); т. 90 (ук.) + ЛЭ; КЛЭ; ТЭ; БСЭ; Рус. писатели. 1990; Писатели совр. эпохи (1); Муратова (2); Рус. прозаики; Сов. лит-ведение и критика. Библи. ук., М., 1966; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 337; ИМЛИ, ф. 38; ИРЛИ, ф. 185; РЛ, ф. 377; ф. 586; РНБ, ф. 474. И. П. Оловянишников.

НЕВЕРОВ Януарий Михайлович [18(30).8. по др. сведениям — 2(14).2*.1810 (в ф. с. и др. источниках ошибочно — 1809**), г. Ардатов Нижегород. губ. — 24.5(5.6).1893, Петербург, похоронен на Смоленском кладб., критик, переводчик, мемуарист, пед. деятель. Из обер-офицерских детей. Отец, сын местного протоиерея, занимался частной адвокатурой; мать — внебрачная дочь помещика П. А. Кошкарова. Сопутствовавшие браку родственные раздоры пагубно сказались на судьбе Н.: в результате травмы, полученной матерью во время беременности при одной из дом. ссор, он родился слепым на один глаз. Детство

Н. прошло в Арзамасе и в с. Верякуши Ардатов. у., в имении деда; спустя десятилетия он взволнованно описал двойственные дет. впечатления от жизни в господском доме: любовь к нему дворни (научившей мальчика грамоте) и грубый деспотизм, самодурство деда, содержавшего гарем; изуверское наказание конюшего и дворовой девушки потрясло шестилетнего Н.: «... с тех пор рука моя осталась чиста на всю жизнь» (РС, 1883, № 11, с. 441).

В 1825 Н. закончил Арзамас. уездное уч-ще, каникулы часто проводил в Дивееве, где под влиянием встреч со схимником Серафимом Саровским в нем пробудилось глубокое религ. чувство (о впечатлениях детства см.: РС, 1880, № 6, с. 233—44). В авг. 1825 по настоянию отца, препятствовавшего обучению сына, определен канц. чиновником в Нижегород. городской магистрат (уволен в мае 1826).

После смерти отца (1827) мать, уступив просьбе сына, решает отпустить его в Москву для поступления в ун-т — на деньги, вырученные от продажи последней оставшейся у нее драгоценности (память об этом неоднократно удерживала его от столичных развлечений). По прибытии в Москву (сент. 1827) провинц. юноша за один год подготовился к экзамену за гимназич. курс, успешно сдал его и поступил на словесный ф-т Моск. ун-та (1828—32; окончил со степенью кандидата). Неординарные усилия нашли сочувств. поддержку студентов и выпускников Моск. ун-та, в т. ч. из аристократич. домов: И. Н. *Среднего-Камашева*, М. Н. *Лихонина* (оба готовили Н. к вступит. экзаменам, первый — бесплатно, второй — за небольшую плату со столом и квартирой), В. К. Ржевского (впоследствии сенатора; в его семье Н., к тому времени лишившийся матери, жил в 1829—30), а также Н. А. Мельгунова (в его доме жил в 1831—33; здесь вошел в круг моск. литераторов). Впоследствии Н. возвратит этот «долг» — бедствующим литераторам, учащимся вверенных ему г-зий, взятым на воспитание детям.

Зимой 1829—30 на одном из вечеров у студента А. А. Беера познакомился с Н. В. *Станкевичем*, позднее стал одним из первых членов его кружка. Станкевич испытывал тяготение к противостоящей его собств. духовной смятенности внутри определенности Н., в молодости «пылкого» и в «высшей степени общительного» (РС, 1880, № 4, с. 733; РусБ, 1856, кн. 3, с. 40, см. также: Бродский, с. 107—108), ценил его редкий дар «углубляться в чужое чувство и усвоивать его» (Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840, М., 1914, с. 218; отсюда исповедальный характер их

переписки): «...я привык с понятием дружбы, — писал Станкевич, — соединять мысль о тебе» (там же, с. 220). Будучи в числе многих подвержен мощному обаянию натуры Станкевича, вовлеченный в орбиту его филос. исканий, Н. остался чужд теоретич. складу мышления, но стремился претворять в действительность мн. гуманистич. идеи Станкевича, воплотив собой редкий тип идеалиста-практика. До конца жизни Станкевич оставался для него «предметом горячей любви, благоговейного уважения», а его смерть Н. пережил как потерю того, кто был для него «всего дороже на свете» (ГИМ, ф. 372, оп. 1, № 22, л. 43 об.; № 1, л. 232 об. — автобиография).

Еще студентом Н. ухлястало перелодами (франц., нем., итал. языкам «обучился самоучкой» — Бродский, с. 116), обращался к В. Менделю, Т. Муру, поэзии Э. Т. Гофмана, В. Ирвингу, Дж. Байроу (ГИМ, № 21) (все не сохр.); первый напечатанный пер. — ст. «Нибур путешественник» (с франц. яз.; «Телескоп», 1832, № 22; 6. п.). В 1833—34 пробует силы в худож. прозе — пишет повести «Гуляние под Новинским», по его собств. признанию, в роде В. Гюго, и «Мечетель» (не получили одобрения друзей и остались неизданными; не сохр.), в 1839 — комедию, после чего оставляет попытки худож. творчества.

Не имея средств к существованию, весной 1833 переезжает в Петербург с намерением определиться на службу. Спустя месяц, в связи с моск. делом Н. П. Сунгурова 1831—32 (Н. участвовал в орг-ции подписки в пользу пострадавших студентов), доказывается для объяснений к ген.-губернатору, наказание ограничивается устным выговором и учреждением полиц. надзора (до 1845).

В авг. 1833 при помощи С. С. Уварова (к-рому был рекомендован еще студентом) определяется в Деп. нар. просвещения — пом. редактора «Журнала Мин-ва нар. просвещения» А. А. Краевского, по его приглашению сотрудничает в «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“», где в 1833 (25 окт. — 15 нояб.) появляется первая оригинальная работа Н. — «Краткий обзор нынешней выставки ... имп. Академии художеств». В Петербурге Н. сближается с будущим историком и востоковедом В. В. Григорьевым, а через него с Т. Н. Грановским (к-рому знакомит со Станкевичем), общается с В. Ф. Одоевским и др. литераторами.

В ЖМНП помещает множество переводов, 6. ч. не подписанных: «О нар. племенах монголов» и «О воззрении древних на природу» Я. И. Шмидта (1834, № 3, 11), «Б-ка вел. кн. Василия (IV)... и царя Иоанна (IV)...» Ф. Ключевска (1834, № 6), «О франц. ун-те» (1835, № 1—2, 4), «Об отыскании и напечатании исхид. памятников франц. истории» (1835, № 3), «Видя на цензуре...» Бреккера (1835, № 9) и мн. др. (см.: ГИМ, ф. 372, № 21).

Как переводы, так и собств. критич. статьи Н. касались разнообразных областей знания: истории, философии, этнографии, географии; с присущей ему основательностью написано «Обозрение трудов имп.

С.-Петерб. Акад. наук, с 1827 по 1833 г.» (ЖМНП, 1834, № 2—3). Владение европ. языками позволило ему участвовать в обзорах издаваемых в России иноязычных газет и ж-лов (ЖМНП, 1834, № 4; 1835, № 11) — с характеристикой типа изданий и обзором тематики.

Н. становится одним из ведущих авторов полугодовых «Обзоров рус. газет и журналов» (1834—35; опубл. в 1835—36), ведет в них разделы «Изыщная словесность», «Критика», «Теория и история словесности», «Художества», стремясь к информ. полноте и объективности. Обращаясь к изыщной словесности и неоднократно говоря о господстве прозы над стихом (с сер. 1830-х гг.), Н. особо отмечает немногочисленные, с его т. з., поэтич. удачи: «Песни западных славян» А. С. Пушкина, творения «глубокомысленной музы» Е. А. Баратынского, достоинства к-рой аргументированно отстаивает в полемике с В. Г. Белинским (ЖМНП, 1836, № 6, с. 616; № 8, с. 428—30), «Ундину» В. А. Жуковского, но наряду с ними — и сонеты Н. И. Бутырского, стихотв. соч. А. В. Тимофеева (ср.: «Переписка Н. В. Станкевича», с. 332—33). В прозе почти не находил произв. с поэтич. верным изображением «внутренней жизни человека» или совр. общества, «с его мнениями и причудами» (ЖМНП, 1835, № 7, с. 187), делая единичные исключения — для «Княжны Мими» и «Себастьяна Баха» В. Ф. Одоевского, «Кавказских очерков» А. А. Бестужева-Марлинского, «Маскарада» Н. Ф. Павлова.

Отдавая должное Белинскому («искреннему участию» критика в каждом успехе рус. лит-ры — там же, 1835, № 9, с. 589), он вместе с тем отмечает его «резкие и даже несправедливые приговоры» (там же), увлечение «своим особенным вкусом» (там же, 1836, № 8, с. 428), пристрастие к определенным именам: Пушкину, к-рый привлек всю любовь Белинского, заслонив других авторов, и Н. В. Гоголю — как главе «реальной поэзии» (Н. считал превеличением «ставить» его соч. наравне «с самыми драгоценнейшими, высочайшими творениями человеческого гения» — там же, с. 43).

Неск. позднее он скажет по поводу «Ревизора», что Гоголь, подобно А. С. Грибоедову и Д. И. Фонвизину, будучи раздражен «черной и смешной стороной жизни», создал не комедию, а сатиру (ЛПРИ, 1837, 13 марта; о сдержанном отношении Н. к «Ревизору» см. также в его письмах: Станкевичу от 23 апр. 1836 — ГИМ, ф. 351, оп. 1, № 57, л. 19; М. А. Бакунину от 9 мая 1836 — МАН, с. 140).

Противник критики «мелкой, летучей» (рецензионной), Н. выступал за основание на глубоком изучении писателей, о характере, идее литератур» (ЖМНП, 1836, № 11, с. 392). В

наибольшей степени этому лит. идеалу Н. отвечали критич. и науч. соч. С. П. Шевырѳа (в т. ч. его ст. «Словесность и торговля», «О критике вообще и у нас в России»), первому тому его «Истории поэзии» посв. отд. статья Н. (там же, 1836, № 5). В то же время Н. опубл. неск. монографич. рецензий: апологетическую — на стихотворения В. Г. Бенедиктова 1835 («новые, звучные, прекрасные и глубокие» песнопения — там же, 1836, № 1, с. 192), одобрительную — на сб-к стихов А. В. Кольцова 1835 (откликаясь на просьбу Станкевича беспристрастно написать о книге: на стихи Кольцова «отзовется всякое сердце, способное сочувствовать простой и свободной поэзии, не закутанной в условное платье» — там же, 1836, № 3, с. 654—655; см. также высокую оценку стихов Кольцова в ст. Н. «Поэт-прасол, А. В. Кольцов» — СО и СА, 1836, № 12—13) и на оперу М. И. Глинки «Жизнь за царя» («звуки русские, высказывавшие русскую душу» — МН, 1836, окт., кн. 1, с. 375).

В 1836—37 Н. возглавил отдел критики и библиографии «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“», сменив терпимый, благодушный тон обзоров в ЖМНП (Шевырѳ отмечал тогда, что взгляд Н. «гуманический, кроткий, снисходительный, отовсюду извлекающий одно хорошее», — РА, 1909, кн. 2, с. 88) на строгий и требовательный (ЛПРИ, 1837, 6, 13 февр., 20 марта, 22 мая); при этом как примечательные выделил поэму «Граф Мец» Е. Бернета и повести М. Н. Загоскина (там же, 1837, 8 мая, 12 июня).

В мае 1837 на средства, заработанные репетиторством, преподаванием (истории, словесности, риторики) в частных пансионах и лит. трудом (в осн. в «Энци. лексиконе» А. А. Плюшара), уезжает в Германию, где его ждали друзья (от денег, предлагаемых на путешествие Станкевичем и Грановским, категорически отказываясь); был определен корреспондентом Археографич. комиссии за границей. Время, проведенное в Берлине, в посещениях ун-тских лекций, театров, галерей, в пост. общении со Станкевичем и Грановским (по определению Н., «тройственный союз» — ГИМ, ф. 372, оп. 1, № 1, л. 196; с окт. 1837 до весны 1838 жили на одной квартире, затем порознь), Н. считал лучшим в своей жизни. Впечатления от пребывания в Веймаре (во время летнего путешествия 1838) легли в основу увлекат. статьи «Дом Гете в Веймаре» (ЛПРИ, 1839, 1 янв.; отрывки — ЛН, т. 4/6, с. 476).

Летом 1839 Н. возвращается в Петербург и получает назначение в Ригу — инспектором местной г-зии (обещание Н., данное им в Берлине

Станкевичу, вместе с Грановским, — посвятить всю жизнь распространению просвещения в России — с этого момента начинает выполняться самым непосредств. образом). С нач. 1840 Н. — цензор в Риге, с сохранением прежней должности.

В 1839—40 он активно сотрудничает в «Отеч. записках», демонстрируя приверженность жанру проблемной критич. статьи (в осн. на мат-ле заграничных впечатлений): рецензии на книги по статистике, архитектуре [см.: Богран. ОЗ (1)], некролог «Эдуард Ганс» (ОЗ, 1839, № 6; о нем. профессоре, воплотившем близкий Н. тип ученого-педагога, обладающего даром «возбуждать в слушателях живой интерес ко всему, что составляет достоинство человека», — отд. II, с. 41), ст. «Совр. берлинские скульпторы» (ОЗ, 1839, № 10), серия статей «Германская лит-ра» (ОЗ, 1839, № 11, 12; 1840, № 1, 2, 4, 5; в пятом номере — под назв. «Германская лит-ра в последнее десятилетие, 1830—1840 г.»). Помимо подробного обзора соч. нем. ученых и писателей («великая умственная лаборатория» — ОЗ, 1839, № 11, отд. VII, с. 207) Н. высказал в них ряд общих соображений: о характере совр. науки (при всей своей независимости должна отвечать потребностям времени), о важности сближения истории и философии в 19 в., о природе иск-ва: приняв в себя элементы совр. жизни, должно отражать их просветленными идеями общего, не служить «органом мнений и страстей индивидуальных» (ОЗ, 1840, № 5, отд. II, с. 61). Н. отмечал «критизирующее направление» и резонерство нем. лит-ры (ОЗ, 1840, № 2, отд. VI, с. 23; № 5, отд. II, с. 39, 43), не принимая творчество Г. Гейне («ренегат Германии», давший своему таланту «вредное направление», — ЖМНП, 1838, № 4, отд. V, с. 130), Гофмана и др. В целом впечатления Н. от Европы были двойственны: с одной стороны — «всеобщая образованность», благотворная и для «одушевления» иск-ва, внесение культуры в «нижние слои общества», развитие всех отраслей знания, а с другой — утверждение утилитарного подхода в иск-ве и науке, преобладание «промышл., коммерч.» направления в жизни (ОЗ, 1840, № 2, отд. VI, с. 22), уничтожение различия между ученым и деловым или светским человеком (ОЗ, 1839, № 11, с. 208), «необщезнательность».

По поводу этих статей Белинский писал в письме В. П. Боткину: в первом номере статья Н. «очень хороша», но во втором «он натрѳ черт знает чего» (ХІ, 459); статья в пятом номере «очень понравилась в Москве» («Т. Н. Грановский и его переписка», с. 402). Н. опубл. также пер. статьи К. А. Фарнгагена фон Энгс «Характеристика нек-рых знаменитых гос. мужей Германии прошлого времени» со своим послесловием, в к-ром знакомит читателя с деятельностью ученого (сблизившись с Фарнгаге-

ном в Берлине — познакомились в сент. 1837. — Н. способствовал его знакомству с рус. лит-рой, занимаясь с ним рус. языком, содействовал его работе русско-нем. переводчика и культурного посредника) и попутно высказывался о совр. рус. лит-ре (ОЗ, 1839, № 11).

В третьем номере «Отч. зап.» 1840 Н. выступил с программной (и подводящей итоги его участия в лит. жизни) ст. «Взгляд на историю рус. лит-ры» (план неосуществл. замысла «Истории рус. лит-ры для иностранцев»), обозначившей отличную от формировавшихся воззрений западничества и славянофильства позицию Н. в понимании характера рус. истории: не видя признаков духовного и умств. развития в допетровской Руси и отчасти совпадая в этом пункте с П. Я. Чаадаевым, подчеркивает быстроту развития послепетровской России («Кто сделал более в полтора века?»), без колебаний отвергает упреки в неспособности России «к высшему умственному развитию» (с. 41) и выражает уверенность в ее будущем первенствующем предназначении, в большей мере как посредницы между Европой и Азией, при сознании необходимости рус.-европ. связей: «Государство, отделившее от всех прочих, ... никогда не сделает успехов на поприще просвещения и... сгнет от недостатка света и воздуха» (с. 37—38). Н. рассматривает историю рус. лит-ры в неразрывной связи с историей языка, попутно характеризуя творчество М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского (Жуковский научил Россию «понимать... возвышенные чувства...» — «достоинство всего человечества» — с. 49) (в 1840 отдельно издана на нем. яз. в Риге, Лейпциге, Берлине). В 1844, пережив личную драму (внезапное растрожение помолвки с Эмилией Голлендер в связи с разностью вероисповеданий; впоследствии Н. так и не женился), тяжело заболел (почти лишился зрения), выехал на три месяца за границу для лечения, подав прошение о переводе из Риги. В янв. 1846 дир. уч-щ Чернигов. губ. и одновременно дир. Чернигов. г-зии. С этого момента Н. полностью посвятил себя пед. деятельности: с окт. 1850 дир. уч-щ Ставропольской губ. (и дир. Ставропольской г-зии) в 1861—64 дир. Лазарев. ин-та вост. языков в Москве, с мая 1864 гл. инспектор уч-щ Кавк. уч. округа с правами попечителя, с 1868 попечитель округа (жил в Тифлисе). Добросовестность, способность доводить начатое дело до конца, требовательность и умение дорожить личностью другого — независимо от возраста, национальности, вероисповедания (созданная «одною Высокою рукою» «личность каждого человека священна» — «Рус. пед. вест.», 1858, № 10, с. 158) — предопределили успехи Н. на избранном поприще.

Приверженность офиц. пед. линии сочеталась в нем с духовной самостоятельностью, позволявшей отстаивать собств. пед. убеждения: деятельно участвовал в организации и совершенствовании уч. процесса, добивался осмысл., творч. преподавания, сам создавал программы. Выступал против телесных наказаний, против запрета как осн. принципа воспитания («повиноваться без убеждения есть также ложь, только скрытая, и она-то влечет за собою обесмысливание характера, уничтожение прямоты и достоинств» — там же, 1859, № 5, с. 20 — из ст. Н. «Ответ неопытному педагогу», содержащей полемику с Н. И. Пироговым), низкопоклонства; спустя десятилетия один из учеников писал Н. о «зренишках благодати», которые он сумел заронить в детские сердца (Бродский, с. 92). За время попечительства Н. было открыто множество уч. заведений (в т. ч. местных) разных уровней, значительно увеличилась численность учителей, повысился уровень преподавания, особенно в Кавк. уч. округе, где он проводил обширную реформу уч. дела, ориентированную на идею русификации края.

Пед. взгляды Н. изложены в работах: «Просвещение Имп. Николая I в отношении к просвещению России вообще и Кавк. края в особенности» (ЖМНП, 1856, № 9), «Что нужно для нар. образования в России?» («Рус. пед. вест.», 1857, № 4), «Нравственный кодекс для учеников высших классов гимназий...» (там же, 1858, № 10—11) и др.; последняя статья — почти лирическое дидактическое собрание «правил», написанных с учетом психологии и социального статуса ребенка.

В 1878 Н. оставил свой пост по состоянию здоровья (в чине тайного сов., награжден орденом Белого орла) и переехал в Петербург, получив (по ходатайству вел. кн. Михаила Николаевича, кавк. наместника) почетную должность — члена Совета Министра нар. просвещения. С этой поры Н. отдавал все свои силы работе над обширной «Автобиографией», при жизни опубликов. два фрагмента: «Подвижник и подвижница» (РС, 1880, № 6), «Страница из истории крепостного права» (РС, 1883, № 11); в 1915 вышла глава о студенч. годах и пребывании в Петербурге в 1833—37: «Университетские годы и первые лит. шаги» (см.: Бродский, с. 94—136). В 1880 напечатал восп. о Грановском (написаны в 1856 под впечатлением известия о его кончине): «Т. Н. Грановский, профессор Моск. ун-та» (РС, 1880, № 4), где рассказав, в частности, об их совместном со Станкевичем пребывании в Берлине, в 1883 — о И. С. Тургеневе («И. С. Тургенев...» — РС, 1883, № 11).

Н. принадлежат также две оставшиеся неопубликованными рецензии межуарного характера: на соч. В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» (1856), проникнутая пафосом защиты обоих (Грановского — от предвзятости суждений Григорьева, самого автора — от обвинений в эгоизме), и на книгу П. В. Анненкова «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография» (1857) (высокая оценка книги сущ. уточнениями; автографы обеих статей, первой — не полностью: ГИМ, ф. 372, оп. 1, № 22, л. 22—47).

Последние годы жизни Н. провел в одиночестве (лето — в Павловске). Почти все свое состояние завещал на открытие школы им. Н. В. Станкевича (на родине последнего), школы в с. Веряхуки и на учреждение стипендии им. Т. Н. Грановского на филол. ф-те Моск. ун-та.

Др. произв. Переводы: «Прения во франц. палате депутатов относительно учения древних языков» (ЖМНП, 1835, № 6), «Об учреждении звания инспекторов первоначальных школ во Франции» (там же, 1835, № 10; обе — б. п.). Рец. на кн. «Pantica, or traditions of the most ancient times, by W. Howitt», L., 1835 (МН, 1836, нояб., кн. 1). Статьи: «Вертер», «Альфред де Виньи», «Гамлет», «Гендель» и мн. др. (см. ГИМ, ф. 372, № 21; опубли.: «Энци. лексикон» А. А. Плюшара, 1835—1841), «Рахель Варнгаген фон Энзе» (СО и СА, 1838, № 1/2), «О внутр. устройстве Ганзейских контор вообще и преим. Бергенской» (ЖМНП, 1838, № 1), «Спец. классы при Ставропольской губ. г-зии» («Рус. пед. вест.», 1857, № 8). Серия рец. на оперные спектакли с-петерб. Большого т-ра (ЛПРИ, 1839, 10, 17 июня, 1 июля; подписи Н...).

Изд.: Рус. общество 30-х гг. XIX в., [М.], 1989, с. 335—57, 422—27 (восп. Н. о Грановском).

Письма: Н. А. Корфу, 1869—72 — РС, 1894, № 9, с. 137—44; В. Ф. Одоевскому — РС, 1904, № 7, с. 157—59; В. В. Григорьеву — Шушнинский сб., в. 6, М., 1907, с. 399—410; Письма к Н., в т. ч. И. М. Сипириева, П. С. Савельева, С. П. Шевырева — РА, 1909, кн. 2, с. 78—94; Письмо к Ф. А. Кони — РА, 1911, № 11, с. 382; Т. Н. Грановскому — Моск. пушкинист, т. 1, 1837—1927, М., 1927, с. 42—46 (фрагмент письма от 1837 с сообщением о дуэли и последних днях Пушкина); сму же — ЛН, т. 73, кн. 1, с. 351—52; Бакунин М. А., Собр. соч. и писем, т. 1—2, М., 1934 (ук.); ЛН, т. 56 (переписка Н. с М. Ф. Де-Пуле, 1877); т. 58, с. 120, 136, 547 (отрывки из писем Шевыреву); Ziegengeist G., Varnhagen von Ense als Vermittler russischer Literatur im Vormärz. — «Zeitschrift für Slavistik», 1984, Bd 29, № 6; 1985, Bd 30, № 1; 1987, Bd 32, № 4; 1988, Bd 33, № 4 (вкл. публ. переписки Н. 1837—44, в осн. по мат-лам ГИМА).

Лит.: Анненков П. В., Н. В. Станкевич. Переписка его и биография, М., 1857, с. 56—57, 70; Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840, М., 1914, с. 208—397 (письма к Н.); Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, М., 1897, с. 322—61, 387—408 (письма к Н.); Белинский (ук.); Тургенев (ук.); в т. ч. посв. Н. стих. «Мужа мне, мута, воспой...», 1838—39; Григорьев В. В., Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. — РусБ, 1856, кн. 3, с. 40—41, 46; кн. 4, с. 1..57; Выдержки из дневников Варнгаген фон Энзе. — РА, 1875, кн. 2, с. 347..52; Герцен; Добролюбов; Никитенко; Барсуков (все — ук.); Семевский, с. 102, 128, 150; Семсов Д., Педагог-идеалист сороковых годов. — «Рус. школа», 1894, № 2; Свербеев Д. Н., Записки. (1799—1826), т. 2, М., 1899, с. 397; Краснов М., Просветители Кавказа, Ставрополь, 1913, с. 61—80; Бродский Н. Н., Н. и его автобиография. — «Вест. воспитания», 1915, № 6, с. 73—136 (с публ. главы из автобиографии Н.: «Ун-тские годы...»); Кулешов В. И., «Отч. записки» и лит-ра 40-х гг. XIX в., М., 1959 (ук.); его же; Лит. связи России и Зап. Европы в XIX в. (первая пол.), 2-е изд., М., 1977 (ук.); Поэты кружка Н. В. Станкевича, М.—Л., 1964, с. 5—32 (вступ. ст. и прим. С. И. Малиновского); Балика Д. А., Шеллингианство в пед. науках в России 30—40-х гг. XIX в., — «Уч. зап. Горьков. гос. ин-та», сер. пед. наук, в. 74, Г., 1968, с. 140—70 (вкл. библиогр. работ Н.); Данилевский Р. Ю., «Молодая Германия» и рус. лит-ра, Л., 1969 (ук.); Мнишин А. И., Н. и его роль в обществ. жизни Ставрополя. — В кн.: Мат-лы по изучению Ставропольского края, в. 14, Ставрополь, 1976, с. 313—21; Станкевич Н. В., Избранные, М., 1982 (изд. подг. Г. Г. Елизаровой; вкл. стихи, посв. Н.); Манн Ю. В., В кружке

Станкевича. Ист.-лит. очерк. М., 1983, с. 13—17, 79—81, 103, 139—140, 149, 272—74, 303—307; Гатагова Л. С. Рус. администрация и нар. образование на Сев. Кавказе в 60—70-х гг. XIX в. — В кн.: Россия и Восток: проблемы взаимовлияния, ч. 2, [М., 1993], с. 253—61; Gown E. J., Stankevich and his Moscow circle, 1830—1840, Stanford, 1966 (Index), ЛН, т. 56—58 (ук.). + Некрологи, 1893: НВ, 26 мая; МВед, 28 мая (Д. Яныков); РВед, 28 мая; ВЛ, № 23; ЖО, № 23; ИВ, № 7. Брокауз: Венгеров. Источ.: Яныков, XIII; Мельер: Муратова (1); Богда. ОЗ(1); Черескый.

Архивы: ГИМ, ф. 372 (вкл. «Автобиография», «Дневник», автографы статей, рецензий, библиограф. «Мои лит. труды», письма и док-ты); ф. 345, оп. 1, № 1 (письма Грановского к Н.); № 4 (письма Н. к Грановскому: л. 3* — с указанием даты рожд. 2 февр.; см. также Бродский, с. 81); ф. 351, оп. 1, письма Н.: № 12 (А. И. Станкевичу), № 57 (Н. В. Станкевичу), № 68 (А. В. Станкевичу); РГБ, ф. 84, оп. 2, № 50, 51, 61, 62 (письма Грановского к Н.); № 60 (письма Н. В. Станкевичу, оп. 3, № 24—30, 40 (письма Грановскому, Е. Б. Грановской, Н. В. Станкевичу); ф. 70, оп. 94, № 21 (письма А. В. Станкевичу); ИРЛИ, ф. 377, оп. 1, № 2542 (биограф. сведения и письмо С. А. Венгерову); РНБ, ф. 539, оп. 2, № 797 (письма В. Ф. Олесьскому 1839—40 гг.); ф. 850, № 394 (42 письма С. П. Шершнёву, 1833—54 гг.) [справка Т. В. Мисинявич; РГАЛИ, ф. 1863, оп. 1, № 49 (ф. с. 1852 г.); ф. 2, оп. 1, № 895 (письма Н. А. Мельникову); ф. 1339, оп. 1, № 674 (завещание Н., 1878); РГИА, ф. 733, оп. 2, д. 110 (об определении Н. в Дел. нар. просвещения, 1833—37); оп. 121, д. 312, 1878—1893 гг. (о финансовом обеспечении Н. при назначении чл. Совета Министра нар. просвещения; ф. с. 1878 — л. 50—66**); ф. 1661, оп. 1, д. 1303 (3 письма К. С. Сербиновичу: 1833, 1840, 1848 гг.) [справка В. М. Лулашовской]. И. А. Зайцева.

НЕВЗОРОВ Максим Иванович [1763, Рязан. губ. — 8(20).9.1827, Москва, похоронен на кладб. Симонина монастыря], поэт, журналист-издатель, публицист; масон. Из духовного звания. Рано лишился отца и воспитывался матерью, о к-рой сохранил теплые воспоминания («Путешествие...», с. 10—11, 69—70). Учился в Рязан. семинарии (ок. 1770—79; см. «Образец смиренномудрия» — «Совр. набл.», 1815, № 17, с. 122—23). По окончании в числе лучших учеников рекомендован в Моск. ун-т, в к-ром обучался на средства масонского «Дружеского ученого общества» 9 лет (среди соучеников С. С. Бобров); с 1779 по 1788, на юридич. и мед. ф-тах, награжден двумя зол. медалями — обоих ф-тов. В ун-тские годы Н. сближается с И. В. Лопухиным, Новиковым и др. видными рус. масонами, один из «самых усердных питомцев переводческой семинарии» изв. масона И. Г. Шварца (Колупанов, т. 1, кн. 1, с. 185), состоял членом «университетской» ложи «Гермес», ок. 1788 — член ложи «Блестящая звезда», магистром к-рой был Лопухин.

К Лопухину, принимавшему живейшее участие в судьбе студента, наставлявшему Н. в истинные масонского учения, добродетельной христ. жизни и поддерживавшему его материально, Н. сохранил признательность и любовь на протяжении всей жизни. В Лопухине он видел человека, отнесшегося особым религ. признанием: «сам дух Христов и христианское откровение свайгельские устави его исходили...» (из письма-восп. О. А. Поздесу — БЗ, 1858, № 21, стб. 646): «Вы мой Иосиф, воспитавший меня

правдиво и питавший физически» (ДЮ, 1813, № 1, с. 31).

С масонскими идеями было связано большинство публикаций Н.: «Ода ... Симону епископу Рязанскому и Шацкому... на случай тезоименитства» (М., 1781), перевод «Истинные правила христ. воспитания детей» (М., 1785). В 1788 по инициативе и на средства Новикова и Лопухина Н. вместе с др. студентом В. Н. Колокольниковым был послан за границу для продолжения мед. обучения и совершенствования в др. науках; был в Голландии, Лейпциге, Страсбурге, от намерения посетить Париж в нояб. 1790 вместе с Колокольниковым отказался из-за рев. событий (см.: РС, 1896, № 11, с. 321—323); учился в Лейденском (в 1790 получил степень доктора медицины; практич. медиком Н., однако, никогда не был), Гёттингенском ун-тах (дек. 1790 — янв. 1792). Летом 1791 Н. тяжело заболел лихорадкой, вслед за этим впал в тяжелую психич. депрессию (боялся быть отравленным и т. д. — см.: там же, с. 336—37; «Сб. Рус. ист. об-ва», 1868, т. 2, с. 137—39). Выход из душевного кризиса он находил в чтении книг нравств.-богослов. характера, к-рые его «спасли»; увлеклся соч. К. Экартсгаузена, И. Г. Юнга-Штиллинга и особенно Фомы Кемпийского.

Вернувшись в Россию в февр. 1792, Н. и Колокольниковы были арестованы по делу мартинистов (в Риге, 6 марта помещены в Александров-Нев. монастырь, затем в Алексеевский рavelин Петропавл. крепости: П. Пекарский — Сб. ОРЯС, т. 7, № 4, СПб., 1869, с. 136, 208—209).

Екатерина II подозревала рус. масонов (кружок Новикова—Лопухина) в преступных контактах с Пруссией, с франц. революционерами, поэтому обрушившиеся на Н. и Колокольниковых кары были первым звеном в репрессиях против масонства. На допросах Н. отказывался отвечать следователям и выражал сомнение в законности ареста. Как бывший студент он настаивал на своем праве давать показания только в присутствии депутата от ун-та и начал отвечать на вопросы следствия лишь 18 авг., в доме попечителя ун-та гр. И. И. Шувалова.

Н. категорически отрицал к.-л. вину со своей стороны, «предосудительность» в поведении и идеях своих покровителей. Пространные ответы Н. (напр., убеждение в том, что в Александров-Нев. монастыре его «душили магнизациею», — «Сб. Рус. ист. об-ва», т. 2, с. 142) привели следствие к выводу, что он «в уме помешан» (там же, с. 143); его перевели в психиатрич. лечебницу («секретное» отделение при Обуховской больнице).

По воцарении Павла I Н. был отпущен 16 апр. 1798 из больницы под опеку, «на отчет», Лопухина, жил, переселившись в Москву, в его доме, общался помимо Новикова с изв. масонами: гр. Н. В. Репниным (позднее Н. написал его биографию «При-

меры истинного геройства...» — ДЮ, 1813, № 3, «Элегия на кончину...» — ДЮ, 1811, № 1, и опубли. в своем пер. с франц. «Разные рассуждения... кн. Репнина» — ДЮ, 1813, № 6, 7), И. П. Тургеневым (см. посв. ему стих. Н. — ДЮ, 1810, № 2), купцом Г. М. Походяшным, масоном и филантропом, а также М. Н. Муравьевым.

В янв. 1801 по «именному» указу Павла I (РГАДА), навещавшего Н. в больнице (по восп. Н.: БЗ, 1858, № 21, стб. 653), определен в канцелярию Моск. ун-та с присвоением чина коллеж. ассессора; с июня 1801 назначен инспектором над репетиторами, весной 1802 — ном. цензора книг, печатаемых в ун-тской типографии, через год — членом училищного к-та при ун-те, а в ноябре 1803 — членом ун-тского Ценз. к-та. Н. инспектировал уч-ща в Смоленской губ. (1803) и дважды — в Тверской.

В 1805 Н. стал начальником ун-тской типографии (умелое управление к-рой приносило ощутимый доход ун-ту), в 1806 получил звание надворного, а в 1812 — коллеж. советника. Всю жизнь занимавшийся филантропией, Н. в 1811 пожертвовал 4316 руб. в пользу ун-та «из любви к истинному просвещению и отечеству», за что был награжден бриллиантовым перстнем (РГИА, ф. 733, оп. 28, д. 50, л. 12—14 об., л. 18), а в 1812 издержал значит. сумму собств. денег на увеличение жалования типограф. служащим.

Н. отличал скромный и даже аскетич. образ жизни: отказывал себе во всем (пил квас и воду), раздавая деньги нуждающимся, и лишь в крайних обстоятельствах принимал помощь от знакомых (из письма В. А. Жуковскому от 9 авг. 1817: «Когда угодно будет Богу восстановить меня в состояние возможности помогать ближним, то я буду стараться отыскивать подобных мне бедняков и, помогая им, вам отплачивать...» (РА, 1870, кн. 3, стб. 1952). С. П. Жихарев, в нравств. воспитании к-рого принимал участие Н., писал, будучи студентом, в 1805: «Каких гонений не натерпелся он за свою резкую правду и верность в дружбе! Как искренно прощает он врагам своим и как легко переносит свое положение! ... Ходит себе в холодной шинели чаще по знакомым своим, большею частью из почетного духовенства, и не думает о будущем; говорит: „Довлеет дневи злоба его“» (Жихарев, I, 53; см. также: П. 30).

Как поэт Н. — автор од и стих. одич. характера — выступает на рубеже веков: «Святейшего... Синода члену... Платону, митрополиту Московскому и Калужскому ... в день тезоименитства...» (М., [1799]), «Богу благодарственная песнь России при наступлении нового столетия» (М., 1800; посв. Павлу I), «Его императорскому величеству Александру Первому...» (М., 1801; пожалован бриллиантовый перстень; две последние перепеч.: ДЮ, 1810, № 7, 9),

«Ода на всерадостнейший день коронации... государя императора Александра Павловича...» (М., 1802, перепеч.: ДЮ, 1811, № 9; 2-я ода Александру «очень хороша» — отклик Анд. И. Тургенева: Архив Тургеневых, II, 467), «Любовь. Лирич. соч.» (СПб., 1803). Др. период его поэтич. творчества (1812—14) связан с Отеч. войной 1812 (в сент. 1812 Н. покинул уже занятую французами Москву и «нашел прибежище» в имении Лопухина в Савинском): «Ода на случай войны с французами 1812 г.» (М., 1812; перепеч.: ДЮ, 1812, № 7), «На новый 1814 г.» (МВед, 1814, 3 янв.), «Ода на чудесные российские победы» (ДЮ, 1814, № 4); все три соч. составили кн. Н. «Три оды» (2-е изд., М., 1814).

Несовершенные в отношении стиля и рифмы, исполненные «одической риторикой», оды Н. совмещают черты торжеств. и духовной поэзии 18 в.: гимны-восхваления героя, события от «лица» народа или природы, развернутые персонификации («С растрепанными волосами, / С полугасшими глазами! Одно отчаяние там! И слух и сердце поражало» — «Ода на всерадостнейший день...»), мистич. космизм (явная ориентация на поэтику Боброва), постоянное обращение к библейским образам.

Особая миссия России, «Израиля нового» («Три оды», с. 6), и рус. монарха, избранных Богом, — осн. мотив поэзии Н.; неизменно подчеркиваются сакральность, миролюбие (война оправдана лишь как ответ на вызов противника) и истинное величие рус. монарха (Н. называет его «Иосией» — по имени благочестивого израильского царя). Отсюда отличающиеся оды Н. монологи-молитвы героев Господу и России и монологи самого Бога, в уста к-рого Н. вкладывает напутствия и наставления россиянам по конкр. ист. поводам.

В поэзии Н. обязательны свойства «старым» масонам новиковского круга воспевание милосердия, противопоставление христ. любви к Богу и ближнему «языческой», обманчиво-обольстительной страсти, утверждение нац. и веротерпимости («Да всех языки вер, и всех земель народы! Обрящут дом себе в империи моей!» — «Его имп. величеству Александру Первому...», с. 7).

В 1803 Н. издал «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» (ч. 1, М.; продолжения не последовало), в к-ром описал впечатления от инспекторской поездки вместе с Лопухиным по провинц. городам России. «Путешествие...», написанное в форме путевых писем и полемически соотнесенное в авт. предисл. с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Путешествием в полуденную Россию» В. В. Измайлова, сочетает в себе особенности религ.-филос. трактата, очерка нравов (быта жителей увиденных городов и сел, в т. ч. казанских татар) с экскурсами в историю Владимира,

Мурома, Казани и др. городов, включающими статистич. и топографич. известия. Для стиля характерно чередование сухой информативности и трафаретности сентиментального слога.

Традиционная в сентименталистской словесности антитеза естеств. жизни (простых поселен) и ложной цивилизации получает у Н. своеобразное выражение: он описывает довольно то и изобилие в крест. хозяйствах (крепостные графа Шереметева сдят рыбчиков и фазанов — с. 56—57, и т. п.); авторское умиление вызывают жизненная сила и здоровье «добрых» юных крестьян и крестьянок, объясняющихся друг другу в любви (с. 51—54). Осуждаяшй прагматичности цивилизованных современников Н. противопоставляет также моральную чистоту людей древних эпох (добрит. отклик Ал-дра И. Тургенева на кн. Н.: Архив Тургеневых, II, 111; Н. был хорошо знаком (через их отца) с молодыми бр. Тургеневыми, Анд. С. Кайсаровым и пользовался их расхожими жемисл.).

С янв. 1807 по апр. 1815 Н. издавал журнал «Друг юношества» (с 1813 — «Друг юношества и всяких лет»); до 1809 соиздателями Н. были Баграмянский и Д. И. Дмитриев. Издание было предпринято по предложению М. Н. Муравьева, покровителя Н., попечителя Моск. ун-та, и печаталось в ун-тской типографии; поддержку Н. оказывали также Лопухин и отставной бригадир В. В. Чулков. Журнал предназначался для религ.-духовного воспитания юношества. Н. не печатал в нем любовных и авантюрных романов, к.-л. развлекат. сочинений, комедий и сатир; в них, по мнению Н., как и в лит-ре 18 в., «рассеяны» «соблазны, развраты», «правила испорченности, безбожия, неверия» (см. предисл. — ДЮ, 1805, № 1, с. VIII—IX, и ДЮ, 1809, № 1); в «Разбойниках» Ф. Шиллера Н. находил идеализацию убийц и грабителей (ДЮ, 1809, № 5, с. 97—99; см. также его разбор «шиллеровой трагедии» — ДЮ, 1811, № 2). Журнал, заполнявшийся произв. нравств.-религ. содержания, оригинальными и переведенными (в т. ч. выполненными самим Н. — с франц., нем. и лат.), ист. мемуарами, изречениями известных мыслителей, сентимент. письмами-«исповедиями», назидат. письмами, переложениями псалмов, духовными стих., торжеств. одами, полемич. сочинениями против вольнодумных просветителей, был скучен (особенно для юношества) и не имел успеха (тематич. перечень мат-лов — см.: Бессонов, с. 118—23).

Из известных тогда писателей (помимо регулярных перепечаток произв. Лопухина, публ. философич. бесед Шварца — ДЮ, 1812, № 5; 1813, № 1) в журнале эпизодически выступали (в 1812) лишь И. М. Долгоруков и П. И. Шаликов (псев. Н. стих. «К М. И. Невзорову» с высокой оценкой «его личности и полноты» издаваемого журнала — Шаликов П. И., Соч., ч. 2, М., 1819, с. 73—74); основной же круг авторов — пресм. студент и воспитанник Моск. ун-та: М. Г. Гаврилов, Н. В. Голтыков, А. И. Ковальков, Наумов, Полюнов, С. А. Ремезов, А. Ф. Протопопов, Е. Тартов и мн. др. Издатель особенно заботился о поддержке одаренных детей, присматривавших в «Друг юношества» свои сочинения (София Бенкендорф, 9-летнего Никандра Дудышкина). Сам Н. на страницах журнала вы-

ступал в разнообразных жанрах: с одами, духовными стихами, переводами (часто перепечатками ранее опубликованного), ист. и лит. заметками, статьями по разделу естеств. наук (т. н. физич. известия — землетрясения, град, бури и т. д., трактуемые издателем в религ.-мистич. духе) и особенно с нравочит. и религ.-филос. рассуждениями («Замечание на нек-рую ст. из публич. писем ведомостей» — 1808, № 11—12; 1809, № 1; «Нек-рые замечания мои о писателях» — 1812, № 6; «Мои мысли, извлеченные из соч. о таинствах души» — 1815, № 1; «Мои мысли, извлеченные из истории римской» — 1815, № 3; см. также др. публ. Н.: ДЮ, 1810, № 2; 1812, № 1, 3, 8; 1815, № 1, 4). Среди предсмов правоучит. разборов Н. — шегольство, бездумная мода на все зап. новшества, пустые светские увеселения, воспитание — истинное и ложное. Н. был также автором обзоров совр. европ. политик.

Значит. часть его выступлений в журнале заключалась в примечаниях и развернутые комментарии к статьям др. авторов, часто корректирующие их взгляды и «заблуждения». Наиб. интересные публикации — биографии знаменитых деятелей прошлого: Солона, Марка Аврелия, Цицерона, Фелелона, Магомета, Я. Гуса, М. Лютера (автором двух последних — 1811, № 7, 5-й и, видимо, мн. других был сам Н.) (см. Колупанов, т. 1, кн. 2, с. 246—47).

В духе ориентации журнала на «серьезные» жанры — помещение религ.-этич. поэм «Избиение младенцев в Вифлееме» (1810, № 8, 10) Дж. Марини, «Мессиады» Ф. Г. Клопштока (1812, № 5, 8) (в переводе И. Восленского и А. И. Урываева), «Живописных и философских отрывков из соч. г. Боброва» (1810, № 6), бывшего для Н. образцом высокого «лирич. стихотворства» (в нем «кроме пиитического жару, видно искание истины» — там же, с. 68). Н. поместил некролог Боброву (1810, № 5) и обширный критич. разбор его соч. (1810, № 6), в к-ром вступил в полемику с автором эпиграмм на Боброва П. А. Вяземским, обвинив его в лит. нравы совр. стихотворцев вообще в безнравственности (с. 63—68, 159—60). Все это свидетельствует об известной близости Н. к лит. и языковой программе «архаистов» и безусловном неприятии лит. принципов «Арзамаса». Для арзамасцев же и их окружения Н. — писатель «вздоров», своеобразный символ бездарного литератора ретроградных убеждений (ср. Рус. эпиграмма; «Дом сумасшедших» А. Ф. Воейкова; ОА, I, 19; ОА, III, 75; «Арзамас», ук.). Все более очевидное несоответствие журнала совр. культ. и лит. ситуации, падение читательского интереса, отсутствие средств заставили Н. прекратить издание.

В 1813—14 одновременно с «Другом юношества» Н. издавал также «Историч. статистич. и географич. журнал» (был и его редактором — с сент. 1812 и в 1813), опубл. в нем пер. (с франц.) «Описание Норвегии», ист. обзор «Католики в Англии», ст. «Новая исп. конституция» (1813, № 5/6), с привычным обличением «ложных увлечений» Вольтера и Ж. Ж. Руссо, там же опубл. большую ст. «Наполеонова политика,

или Царство гибели народной» (1812, № 9—10) — внятное изложение биографии Наполеона, с попыткой рассмотреть его систему правления, просвещения и т. д. (вкл. тексты речей франц. императора к солдатам); вышла отд. изданием (М., 1813) по «желанию» Лопухина (и на его счет), к-рый в предисл. назвал ее «прекрасным — образцовым в своем роде сочинением», а Н. «проницательным критиком» (с. V—VI; там же высокая оценка им ж. «Друг юношества»; отд. изд. включало и ст. Н. «Состояние европ. государств до начатия франц. войны 1812 г.». Н. был также автором анонимной поучит. брошюры для нар. чтения «Грех не безделица» (3-е изд., СПб., 1817; к 1912 выдержала 20 изданий; авторство раскрыто А. И. Тургеневым: «Совр.», 1836, т. 4, с. 238), в к-рой предостерегал от опасности смеяться над грехом, т. е. «шутить» страданиям и смертью.

Отличавшийся независимым поведением и не стеснявший себя в нелюбимых оценках ун-тского начальства, Н. вступил в конфликт с деканом мед. ф-та М. Я. Мудровым и ректором И. А. Геймом, обвинившим его в неудовлетворит. исполнении обязанностей нач. типографии, хотя Н. не раз предотвращал ее «разстройство» и спас «от расхищений... от неприятеля» (БЗ, 1858, № 21, стб. 657). Отстаивание Н. своей правоты было фанатичным; уверенный в божестве, участии в его судьбе (Бог, «ежели нужно, в заступлении моей правоты ниспущит с Неба огонь, пожирающий всякую неправду», из письма Гейму — цит. по: Бессонов, с. 99), он представлял себя едва ли не гонимым пророком и мучеником (см.: РС, 1901, № 8, с. 431—34).

19 февр. 1815 Н., считавший себя жертвой интриг, был отставлен от должности по распоряжению мин. нар. просв. гр. А. К. Разумовского, увидевшего в Н. на осн. «представлений» ректора ун-тского правления, попечителя Моск. учеб. округа П. И. Голицына-Кутузова, а также его собств. рапортов, «беспокойный нрав... неповиновение его начальству, странные мысли и выражения» (ЦИАМ, ф. 418, оп. 138, д. 130, л. 3); однако Н. длит. время отказывался сдавать типографию своему преемнику М. Т. Каченовскому (дело об увольнении Н. помечено поэтому 1815 и 1816 — ЦИАМ, указ. дело, и 1814—1822 — РГИА, ф. 733, оп. 28, д. 210, 265 листов).

После отставки Н. проповедовал в кругу друзей (в 1810-е гг. и на Моск. улицах) (см.: Васильчиков А. А., Семейство Разумовских, т. 2, СПб., 1880, с. 430), излагал свои взгляды в резких письмах сановникам, к-рые распространял среди знакомых. В письме митрополиту Новгород. и Петерб. Серафиму (23 июня 1825) выступил в защиту Библейского общества, против запрещения масонских (мистич.) книг (ВЕ, 1868, № 12, с. 758—68), по мнению Н., «истинно-христианских»: «камень, которого ищет истинно-свободный камен-

щик... есть Христос», а «мистика», подвергаемая несправедливым гонениям, состоит в перерабатывании, при содействии духа святого, «чувственного и плотского человека в духовного» (Пыпин А. Н., Иссл. и статьи по эпохе Александра I. т. 1, П., 1916, с. 287—88; см. также: его же, Рус. масонство..., 1916, ук.). При этом Н. неканонически и произвольно толковал Евангелие (только внутреннее, а не «церковное» поклонение Богу признавал «непрерывным»), нек-рые его мистич. мечтания и рассуждения свидетельствуют о расстроенном умств. воображении [напр., уподобление себя божеств. посланнику, а Лопухина — «апокалипсич. ангелу» или апостолу — в рапортах в высшие инстанции (1814), в неизд. соч. «Нек-рые сведения мои о характере... имеющего скоро открыться на земле явления Сына Божия»; выдержки см.: РБС, т. 11, с. 675—76], чего нельзя сказать о его странном, но понятном современникам поведении в быту. «Про этого друга человечества, про эту олицетворенную добродетель и худого сказать было нечего», — вспоминал мемуарист, наблюдавший Н. в последние годы (Кичеев, с. 107).

Иногда мистицизм Н. переплетается с социальным критicismом: он всегда осуждал жестокость и «самовластное неправоудие» власть имущих — и даже радикализм; в письмах 1820 мин. духовных дел и нар. просв. кн. А. Н. Голицыну (при содействии к-рого Н. в 1817 была назначена «половина» пенсия — РГИА), опубли. в ж. «Голос минувшего» (1913, № 12, с. 270—76; 1922, № 2, с. 185—86), Н. одновременно предсказывает начало царства Антихриста и грядущую в России революцию, видя причины смуты ил. обр. в грехах ист. лиц, «кровопийстельных притеснениях и налгах» (там же, 1913, № 12, с. 272).

Приверженность масонству Н. сохранил до конца жизни, но, будучи «питомцем» старой новиковской школы, он не принял новых масонов, занимавшихся «пустою суеностью» — кабалистикой, алхимией, магнетизмом (из письма Поздееву 1817 — БЗ, 1858, № 21, стб. 658).

Умер в бедности на руках Жихарева, «отказавшись в предсмертной своей болезни от всяких медицинских пособий» (Кичеев, с. 105); похоронен на средства друзей.

Др. произв.: пер. с лат. «Притчи, или Изречения Секстия Пифагорейца» (с посв. С. И. Плещееву) (М., 1801), «Стих.» (2-е изд., М., 1804), «Исход мой из Москвы во время нашествия французов» (ДЮ, 1812, № 10), «Н. к О. А. Поздееву. Открыток из послания 23 июня 1817 г.» (БЗ, 1858, № 21).

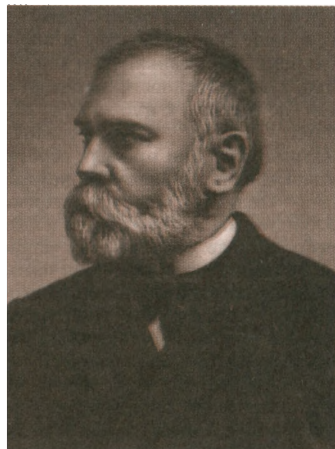
Лит.: Бессонов П., М. И. Невзоров. — РусБ, 1856, т. 3: Третьяков М., М. И. Невзоров. (По поводу ст. г. Бессонова...). — МВед. 1857, 16 мая; Кичеев П. Г., Восп. о пребывании испрители в Москве в 1812 г., М., 1858, с. 99—108; Лопухин И. В., Записки, Лондон, 1860, с. 20, 62—63 (репринт — М., 1990); Жихарев, 1989 (ук.); Лонгинов М. Н., Новиков и Моск. мартинисты, М., 1867, с. 243, 354—55;

Сб. рус. ист. об-ва, т. 2, СПб., 1868, с. 100—02, 137—45; Дружинин А. В., Собр. соч., т. 7, СПб., 1865, с. 608; Караулов Г., Очерки истории рус. лит-ры, т. 1, Од., 1870, с. 542—43; Колупанов Н., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 1, М., 1889, с. 183—95; т. 1, кн. 2, с. 246—47; Дубинский А., И. В. Лопухин, Каз., 1889, с. 85—90; Тихонравов Н. С., Соч., т. 3, ч. 2, М., 1898, с. 93; Барсуков (ук.): Архив Тургеневых, II (ук.); Тукалевский Вл., Искания рус. масонов, СПб., 1911, с. 68—70; Барсков Я., И. В. Лопухин, [П., 1914], с. 25—28; его же, Пересика Моск. масонов XVIII в., П., 1915 (ук.); Кульман Н. К., М. И. Невзоров. — В кн.: Масонство в его прошлом и настоящем, т. 2, [М.], 1915; Пыпин А. Н., Рус. масонство, XVIII и I-я четверть XIX в., П., 1916 (ук.); Лотман Ю. М., Краткие наставления рус. рыцарям. — «Вестник ЛГУ», 1949, № 7, с. 133, 144; Рус. энциклопедия: «Алфавит» (ук.); Письма Н. И. Новикова, М., 1995 (ук.); ЛН, т. 59 (ук.). + Некролог, 1827: СП, 13 окт.; ОЗ, № 91 (И. М. Снегирев); Брокгауз; МНЕР; Венгеров. Источ.; Геннади; Мезьер; РБС; Свиридова З. И., Холмогоров М. И. (сост.), Рус. журналы для детей. (1785—1917 гг.), Библи. ук. и аннотации, Л., 1982, с. 9—11.

Архивы: РГАДА, ф. 7. Тайная канцелярия, д. 3586 («Дело об определении Н. на службу в канцелярию Моск. ун-та по ходатайству сенатора Лопухина») [справка С. Р. Долговой]; ЦИАМ, ф. 418, оп. 138, д. 130 (дело «Об увольнении от должности нач. ун-тской типографии...» 1815 и 1816 гг.) [справка В. В. Александровой]; РГИА, 1349, оп. 4, 1813 г., д. 55, л. 245—46 (ф. с. 1813 г.); ф. 733, оп. 28, д. 50, д. 174 (о награждениях Н.), д. 210 (об увольнении) [справка В. М. Лупановой]; РНБ (письма А. Н. Голицына к Н.); РГБ, ф. 233, к. 37, № 11 (биограф. заметки С. Д. Полторацкого); ф. 237, № 68.22—23 (письмо Н. архимандриту Герасиму, 1817; переписка с О. А. Поздеевым, 1817).

А. М. Ранчин, при участии Л. М. Шемелевой.

НЕДЕТОВСКИЙ Григорий Иванович [псевд. О. Забытый; 19(31).1. 1846, с. Бор Тарус. у. Калуж. губ. — 23.1.1922, Ставрополь, похоронен близ церкви св. Варвары], прозаик; педагог. Отец Н. — сел. дьякон (умер, когда Н. было 6 лет), взывший фам. от названия местечка Недетово, где он служил. Н. окончил Калуж. духовное уч-ще (1856—62), Калуж. духовную сем. (1867) и Киев. духовную акад. (1871), куда поступил, по собств. словам, «не ради Иисуса, а ради хлеба куса» (цит. по предисл. к изд. 1982, с. 8). Обратил на себя внимание проф. академиком Ф. А. Терновского, содействовавшего первым публ. Н., в числе к-рых статьи и бро-

шторы на пед. и ист.-церк. темы: «Дети и их воспитание — по рус. нар. пословицам» («Воскресное чтение», К., 1870, № 49), «Варлаамитская ересь» («Труды Киев. духовной акад.», 1872, т. 1, № 2), «О значении сердца в духовной жизни и деятельности человека» (Воронеж, 1874), а также рассказы в газ. «Дон» (1871). Семья, «верующая до фанатизма», богослов. образование наложили отпечаток на мировоззрение Н.: нравств.-христ. пафос сложно переплетался в его творчестве с гуманистич. пафосом лучших образцов рус. лит-ры и идеями рев. демократии. Большую часть жизни прожил в Воронеже: преподавал в 1871—79 в духовной сем. (историю, греч., нем. яз. и др.), а также в епархиальной (с 1873) и реальном (с 1876, рус. язык и словесность) уч-щах. Выдержав в 1879 при Харьков. ун-те экзамен на звание учителя г-зии по рус. яз., стал инспектором в реальном уч-ще с 1885, а с 1900 в Воронежской гимназии; в 1903—16 дир. 2-й воронеж. муж. г-зии. Н. — «прирожденный педагог» (из неопубл. восп. И. В. Владиславлева; цит.: РЛ, 1971, № 1, с. 95) — умел находить и ценить в человеке «искорку» (ГА Воронеж. обл., л. 4); был знаком с Н. Ф. Бунаковым. Несмотря на служебные и семейные заботы (в 27 лет женился на вдове А. И. Левашовой, имевшей от первого брака пятерых детей), Н. энергично занимался культурно-просветит. работой (чл. губ. статистич. и ист.-археологич. к-тов, ученой архивной, фольклорной и др. комиссий).

Первое значит. выступление Н.-прозаика — цикл из девяти «деревенских рассказов» «По селам и захолустьям» (ВЕ, 1875, № 5, 6, 12; 1876, № 5). Знакомясь с циклом, редактор «Вест. Европы» М. М. Стасюлевич писал Н. в 1874: «Это — превосходные рассказы, но ... неудобные для печати ... Чрезвычайно талантливо, образно; читая Ваши рассказы, невольно вспоминаешь о гоголевском „смехе сквозь слезы“ ... но в наше „датынутое“ время в них усмотрят одну карикатуру и кощунство, художественности не оценят!» (цит. по предисл. к изд. 1982, с. 10). Опубл. после «маскирования» нек-рых мест, они открыли особую разнородность «маленького человека» — «сельского церк. пролетария» («Христославье», «Чтец, певец и священосец» и др.). Идя на ценз. уступки, Н. вместе с тем отстаивал право писателя обращаться к жизни духовенства, «потому, что этой среды сравнительно еще мало касалась наша литература» (из письма Н. — ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, д. 966, л. 9). (Ср. автобиогр. свидетельство: по моим произв. «можно познакомиться со всевозможными представителями

духовенства — от пономаря до саванного иерарха, в их дом. среде и в служебных отношениях, а также в их отношениях к прихожанам, к народу»; цит. по ст.: Азбукин, 1968, с. 81.) Позднее за Н. укрепилась репутация «бытописателя духовенства» (М. Горький). В примыкающей к «деревенским рассказам» пов. «Веле-но прискивать» (ВЕ, 1877, № 9—11), затрагивающей, в частности, «женский вопрос», Н. «представляет совершенно новый тип в нашей лит-ре» (РВ, 1877, № 11, с. 398) — бурж. священника.

О повести одобрит. отозвался И. С. Тургенев: «Это — посомпленный талант» (Письма, XXII, кн. 1, с. 218); она получила сочувств. отзыв в критике («Голос», 1877, 6 окт., 19 нояб.; Feuilleton Beiblät des St. Petersburger Herold», 1877, № 49, 20 dec.), но в духовной печати, признававшей в Н. «галантный писателя, хорошо знающего духовную среду» («Правосл. собеседник», 1884, № 7, с. 309—10), преобладали резко отрицат. оценки: образы Н. «отзываются превеликим, нем. ложью, карикатурой» (там же; см. также: «Церк.-обществ. вест.», 1877, 30 сент., и др.).

В произв. Н. этих лет сказалось его увлечение Э. Золя («Какой он аналитик, физиолог» — из письма Н. — ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, д. 966, л. 12), отсюда известная фактографичность, излишняя предметно-бытовая описательность.

Наиб. яркий период творчества Н. связан с «Отеч. зап.», в к-рых он сотрудничал в 1880—84, встречая дружеское участие и поддержку М. Е. Салтыкова-Щедрина. Переписка писателей (не знакомых лично) свидетельствует о том, что Салтыков-Щедрин видел в Н. близкого по духу художника. В «Автобиографии» Н. подчеркивал: в лице великого сатирика «нашел лучшего учителя, который учил смотреть на лит. дело как великое служение своему народу» (ИРЛИ, ф. 377). В журнале опубл. неск. рассказов, в т. ч. «Родня» (1880, № 3), «Федька» (1881, № 3), «Как Иван Прокопич прославился» (1882, № 4), «Перемена» (1883, № 10), «Не угодил» (1883, № 5) и свое самое значит. произв. — пов. «Миражи» (1881, № 9—10), к-рая, по свидетельству А. А. Измайлова, «в читающем духовном мире ... произвела нечто, похожее на переполох» (РСЛ, 1911, 6 окт.). Документальная основа (на автобиографич. мат-ле воссоздавалась внутр. драма выпускника духовной академии, покончившего самоубийством) повести при выходе ее отд. изданием (СПб., 1882) взбудоражила воронеж. общество, являясь причиной серьезных гонений на автора. В условиях изменившейся стратегии «Отеч. зап.» после 1 марта 1881 Н. в своих произв. обратился к поискам положит. нравств. идеала среди людей из провинц.-патриархальных слоев общества. Его герои-праведники изображены без романтич. ореола; скептически оценивая возможности просвети-

телей-одиночек, Н., как правило, показывает крах их упований. В ряде произв. Н. касался проблем капитализации и социального расслоения деревни, расшатывания ее патриарх. устоев («Устроились!» — ОЗ, 1880, № 11, «Кто кого» — ОЗ, 1882, № 9). Причисляемый совр. критикой к писателям-народникам, Н., несмотря на нек-рую идейно-тематич. близость к ним, не разделял вместе с тем иллюзий, по его словам, «любвеобильных народолюбцев», связанных с сел. общиной, больше интересовался думами и чувствами индивида, чем коллективным, «мирским» сознанием, показывал негативные стороны крест. психологии. Есть больше оснований говорить о Н. как о писателе общедемокр. ориентации.

После закрытия «Отеч. зап.» (1884), к-рое подействовало на Н. угнетающе (см. восп. его сестры: ГА Воронеж. обл., ф. 189, д. 22, л. 2), он сотрудничал в «Рус. мысли» (пов. «Обремененный многочисленным семейством», 1885, № 4—5; рассказы «У источника исцелений», 1890, № 12; «Статистика в деревне», 1894, № 12), «Деле» (пов. «Плебейская матрона», 1886, № 5, 6), «Сев. вест.» (рассказ «Ходит!», 1895, № 10; рецензент «Нивы» отметил неспособность героя бороться с «застоем в жизни» — 1895, № 11, с. 557—561), «Страничке», «Пастырском собеседнике» и др., продолжая худож. исследование характеров из «второго сословия». Н. Г. Чернышевский в 1888 писал Н. И. Барышеву о необходимости такого же объективного изображения в лит-ре купечества, «как говорят теперь хорошие писатели (напр., О. Забытый ...) о духовенстве» (XV, 728). В эти годы в творчестве Н. усиливаются мотивы тоски, отказа от активного вмешательства в жизнь, склонность к теории «малых дел» в духе героя пов. «Недоразумения» (PM, 1884, № 6—8), написанной им в период «полного затишья умственного» (Н. В. Шелгунов): «нужно трудолюбие, терпение, нужно умение смириться и не гнушаться мелкой работы». Близко к сердцу Н. принимал тему нар. образования и просвещения (рассказ «Ученичок», 1900), интересуется фольклором («Нар. свадебные обычаи, обряды и песни в деревнях Калуж. губ. Тарусского уезда», Воронеж, 1898), занимается ист.-краеведч. разысканиями («Памятная книжка Воронеж. губ. на 1899 г.», «Труды Воронеж. ученой архивной комиссии», 1902, в. 1, и др.). Обращается к жанру мемуарно-публик. очерка («Вокзальный собеседник», «Школа-самородок», «Весельчак», «В былой бурсе»), в к-ром объектом сатиры становится хорошо знакомая ему духовная школа 50-х — нач. 60-х гг., пишет рассказы из бытовой провинц. жизни

(«Именины», «Старовер»), статьи и заметки по истории сектантства. По свидетельству Л. Новского, А. Н. Островский ценил способность Н. передавать будничные явления в первозданности их восприятия, восхищался его «беспременщиозной простотой».

Н. приветствовал Февр. революцию, называя ее «новым гражд. праздником свободы» (из его письма 30 марта 1917 к ред. «Петерб. листка» А. Н. Сальникову — ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, д. 78). С событиями Октября 1917 связывал надежду, что «на Руси не будет более скорбей...» (там же, письмо Н. от 20 дек. 1917). Последние годы жизни в Ставрополе (1916—22) тяжело болел, испытывая крайнюю нужду. Роковым оказался псевд. Забытый, придуманный Стацюлевицем: еще в 1911 газ. «Рус. слово» писала, что имя Н. «трагичностью судьбы своей» превосходит «все померкшие и забытые имена» (6 окт.).

Изд.: [Рассказ] Провинциальный редактор у графа Лорис-Меликова (1917, опубл. Вобонск. 1928, предисл. А. М. Путинцева); Рассказы. Очерки. Орывок из повести, Воронеж, 1982 (предисл. В. И. Кузнецова); Миражи, М., 1988 (вступ. статьи В. И. Кузнецова).

Лит.: Салтыков-Щедрин (ук.); Семетковский Р. И., Что нового в лит-ре? — ЛПН. 1895, № 11; Памятная книжка Воронеж. губ. на 1909, Воронеж, 1909, с. 63—65; К юбилею Г. И. Недетовского. — «Воронеж. телеграф», 1911, 4 окт.; Путинцев А. М., Незнакомый Н. (О. Забытому). — Изв.ОРАС, 1926, т. 31; Болдырев В. Н., Роман Н. (О. Забытому) «Миражи». — Изв. Воронеж. пед. ин-та, 1961, т. 33; его же, К изучению творчества Н. (О. Забытого). — РЛ, 1971, № 1; Азбукин В. Н., Архивные мат-лы как один из источников изучения творч. биографии Н. — В кн.: Науч. доклады литературоведов Поволжья, Астрахань, 1967; его же, Творчество Н. в период сотрудничества в «Отч. зап.». — Изв. Воронеж. пед. ин-та, 1968, т. 72, в. 1; Кузнецов В. И., Г. И. Недетовский (О. Забытый). — В кн.: Очерки лит. жизни Воронеж. края 19 — нач. 20 в., Воронеж, 1970; его же, Н. о Колызове. — ФЗ, Воронеж, 1971, в. 1; его же, «Дневник семинариста» И. С. Никитина и пов. «Миражи» Г. И. Недетовского. — В кн.: Поэт-демократ И. С. Никитин, Воронеж, 1976; его же, М. Е. Салтыков и Н. — В кн.: Салтыков-Щедрин. 1826—1976, Л., 1976; Пехтерев А. С., Невольно к этим берегам..., Тула, 1983; Виноградова А. Г., Воспоминания. — ФЗ, 1994, в. 2; Акыншин А. Н., Редкой души человек. — «Воронеж. вестн.», 1996, 26 янв. + Сахаров Ф. К., Лит-ра истории и обличения рус. раскола. Систематич. ук., в. 2, № 1179, СПб., 1892; Мельер; Гранат; Венгеров (Сл., Источ.). Мехов; Писатели Воронежца, Библиогр. ук., Воронеж, 1969; Г. И. Недетовский. Памятка читателю, Воронеж, 1972; КЛЭЗ, т. 9; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377 (автобиография, 1913 г.); ф. 293, оп. 1, д. 966 (письма М. Е. Стацюлевичу, 1874—77); ф. 115, оп. 3, д. 220 (письма А. А. Измайлову, 1913—17); ф. 357, оп. 5, д. 78 (письма А. Н. Сальникову, 1917, март—декабрь); РНБ, ф. 874, оп. 1, д. 52 (письма С. Н. Шубинскому); РГА, ф. 733, оп. 123, д. 141, л. 59—68 (ф.с., 1903 г.); ГА Воронеж. обл. ф. 189 (док-ты и рукописи Н., в т. ч. больш.ой очерк Н. о А. В. Колызове, незаконч. и неопубл. произведения, воспоминания о нем и др.); Дом-музей И. С. Никитина (Воронеж). № 1663—84, 2135, 1868—1916; ГА Калуж. обл. ф. 33 (документально-биограф. мат-лы, 1846—1865 гг.). В. И. Кузнецов.

НЕДОБРОВО Николай Владимирович [1(13).9.1882 — 3.12.1919, Ялта; похоронен на Аутском кладб.], поэт, критик, стиховед. Принадлежал к старинному дворян. роду, восходившему к тиуну (привилегиров. княжескому слуге) кн. Всеволода Олеговича — Ратше. Отец, Вл. Дм., — из дворян Тамбов. губ., вы-

шел в отставку гвардии ротмистром. Детство Н. прошло в имении матери в Курской губ. Во 2-й пол. 1890-х гг. семья переехала в Харьков, Н. учился в 3-й харьков. г-зии, здесь началась его дружба с Б. В. Анрепом (см. в посвященном ему стих. Н. — «Мы дружбу мерим уж годами...» — РМ, 1914, № 11) и будущим академиком, историком лит-ры А. И. Белецким. В 1902 поступил на ист.-филол. ф-т Харьков. ун-та, в 1903 перевелся в Петерб. ун-т на ист.-филол. ф-т, окончил его в 1906 — одновременно с А. А. Блоком (письма Н. к нему — ЛН, т. 92, кн. 2; вступ. ст., публ. М. М. Кралина). Еще в ун-те познакомился с Н. П. Ге, Евг. П. Ивановым, А. А. Смирновым и кругом художников и критиков «Мира иск-ва». В 1906 в газ. «Речь» появились его заметки о худож. выставках в Петербурге (за подписью Н. В. Недобров): «Первая осенняя выставка» (17 окт.), «Выставка товарищества художеств» (10 дек.), но его надежды на ведение худож. отдела этой газеты не сбылись. 1905—1907 — период полит. и обществ. активности Н.: он вступил в кадет. партию Нар. свободы, возглавил правление об-ва по распространению в народе общедоступной лит-ры «Помощь». В 1908—16 служил в канцелярии Гос. думы, одним из его сослуживцев был А. А. Кондратьев. В 1908 женился на Л. А. Ольхиной, дочери А. А. Ольхина.

Современники вспоминали об одухотворенной и хрупкой красоте Н. (друзья в студенч. годы называли его «перламутровым мальчиком»). «Внешняя сдержанность, доходившая почти до холодности» (ср.: «он не любил излияний чувств» — Анреп, с. 84) в сочетании с внут-

ренней способностью любви и дружбы, почти патетической» (Сазонова-Сломинская, 1923, с. 298) вызвала уважение и ответную признательность, хотя были и те, кто видел в этом проявление эстетского снобизма (см.: Пяст).

Первые лит. опыты Н. относятся к сер. 1890-х гг., он редактирует гимназич. рукоп. журнал, в к-ром помещает свои стихи и рассказы (не сохр.). В 1902 безуспешно пытался опубликовать неск. стих. в «Вест. Европы». Критич. отношение к собств. творчеству — причина позднего поэтич. дебюта Н., состоявшегося лишь в 1913, — подборки «Шесть стихотворений» (СевЗ, № 3) и «Стихотворения» (РМ, № 4; опубл. 9 стих.; стих. «Люблю отделять стихи прошедших лет» фиксирует «ювелирное» отношение Н. к своему поэтич. труду). В 1914—16 стих. Н. печатаются, за редкими исключениями (напр., 5 стих. в «Альманахе муз», П., 1916), только на страницах указанных ж-лов. Поэтич. творчество Н., при ясности и четкости формы, содержало в себе то, что Н. называл «символически осознаваемым внутренним опытом». Подобный синтез обеспечивал ориентацию поэзии Н. как на классич. традицию (А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев), так и на достижения современных поэту лит. течений (символизм, акмеизм). Творчество Н. заслужило высокую оценку А. Белого [см. его ст. «О ритмическом жесте» — «Тр. по знаковым системам», Тарту, 1981, № 12 (Уч. зап. ТГУ, в. 515)] и Вяч. И. Иванова, с к-рым Н. сблизился в 1911 через Об-во ревнителей худож. слова и при поддержке к-рого осенью 1913 был избран в совет об-ва — вместе с Н. С. Гумилевым и В. А. Чудовским. В 1910—16 Н. принимал активное участие в деятельности об-ва и как докладчик, и как оппонент (см. его ст. «Об-во ревнителей худож. слова в Петербурге» — ТИД, 1912, № 2), позднее вошел в президиум «и великолепно заменял Вячеслава Иванова в дни его отсутствия или его докладов» (Пяст, с. 188; см. также заметку Н. (?) о заседаниях 12 дек. 1915 под его председательством и 28 янв. 1916 с конспективным изложением его выступления в прениях — «Аполлон», 1916, № 2; подпись Litotes). Доклад «Ритм, метр и их взаимоотношение», прочитанный 26 марта 1911 (РГАЛИ, ф. 1811, оп. 1, № 14; с сокращениями — ТИД, 1912, № 2), содержал нек-рые положения, ставшие впоследствии аксиомами науки о стихе [по словам А. А. Ахматовой, «все наши формалисты так или иначе учились у Недоброва» (Лукницкий, с. 295); ср. с признанием В. М. Жирмунского, считавшего для себя общение с кругом Н. «особенно важным», — в его кн.: Вопросы теории лит-ры, Л., 1928, с. 8]. Ритм и метр стихов. текста, согласно Н., не дополняли друг друга

(как считал, напр., А. Белый), но диалектически взаимодействовали: «Метр в речи может быть отыскан формально, а ритм может быть признан лишь внутренней восприимчивостью человека» (Тид, 1912, № 2, с. 17). Обширная работа, посв. феноменологии стихотв. речи, сохранилась в виде набросков и подготовит. мат-лов (РГАЛИ). Общеэстетич. взгляды Н., также не получившие законченного выражения, характеризовались, как и все его творчество, тягой к канону (ср. его рассуждение о необходимости «устойчивости языка» — РГАЛИ, ф. 1811, оп. 1, № 15, л. 13 — в докладе «О темах», прочитанном 12 мая 1912 в Об-ве ревнителей худож. слова).

Эстетические взгляды зрелого Н. корреспондировали с его полит. убеждениями — см., напр., рассказ Кондратьева в письме Б. В. Никольскому от 4 апр. 1914: Н. «очень интересно выступал по поводу доклада Иоселя Мандельштама „О гражданской поэзии“. Я давно не получал такого удовольствия. С помощью блистательных парадоксов и с большою эрудицией Н. доказывал, что гражданская поэзия лишь тогда хороша, если она — консервативного направления» (цит. по ст.: Тименчик Р. Д., Н. В. Недоброво). — В кн.: Шестые Тынниковские чтения, Рига, 1992, с. 84). Твердость убеждений, проявлявшаяся во всех сферах духовной жизни Н., казалась современникам едва ли не самой яркой его чертой: «как будто он стоял на незыблемом островке среди колебания стихий» (Сазонова-Слонимская, 1923, с. 290). Одновременно Н. — товарищ председателя и один из инициаторов создания в апр. 1913 Об-ва поэтов («Физа»), куда вошли Е. Г. Лисенков (пред.), Ю. Н. Верховский, А. Д. Скалдин, В. А. Пяст, Кондратьев, Анреп и др. и на собраниях к-рого читались рефераты «о поэзии всех направлений» (Пяст, с. 211; повестки о заседаниях с указанием тем докладов опубли. В. Н. Княжничным в кн.: Письма А. Блока, Л., 1925, с. 212).

Среди лит. опытов этих лет — большая пов. «Душа в маске» (РМ, 1914, № 1). Традиц. тема маскарада, игры масок дана в ней через рассуждения красавицы об обезличивающей функции маски, позволяющей раскрыть душу. Трагедия в стихах «Юдифь» (1909—12; опубли.: РМ, 1923, № 6—8; рец.: Кондратьев — «Волынское слово», Ровно, 1923, 29 марта), задуманная, по свидетельству Ю. Л. Сазоновой-Слонимской, как 1-я часть трилогии, была опубли. посмертно и, за немногими исключениями (Ахматова, Анреп), не была известна современникам.

С публикации в 1910 ст. «Временец. (Фет)» (ВЕ, № 4) разворачи-

вается деятельность Н.-критика и является исследоват. интерес к психологии творчества («внутреннему слову» поэта). Понимание художника как особой духовной величины запечатлено и в его рецензиях на сб. Вяч. Иванова «Нежная тайна» (в к-рый вошло посв. Н. стих. «Rozarim»; ответное послание Н. см.: РМ, 1913, № 4) и сб. «Стихотворения» Скалдина («Рус. молва», 1913, 31 янв.; в рец. Н. решился «признать поэта, выпускающего первую, небольшую и совсем неаккуратную книгу» — его письмо Вяч. Иванову от 19 янв. 1913: РГБ, ф. 109, к. 31, № 55). К наиболее удачным результатам избранного им метода «вчувствования» в поэзию относится его ст. «Анна Ахматова» (РМ, 1915, № 7), провидч. характер к-рой подчеркивался Ахматовой неоднократно. Тонкий анализ стихотворений Ахматовой («внутреннего значения слова», «движения стихового строя и созвучия») позволил Н. отыскать перво-движущую силу ее поэзии в «новом умении видеть и любить человека», в ее способности соотносить индивидуальное бытие с историей, выявляя тем самым не оценочные, а ценностные его характеристики. Именно Н. признал за Ахматовой право говорить от лица целого поколения.

В лит. и личной судьбе Недоброво Ахматовой принадлежит исключит. роль. С 1913 их связывали дружеские отношения (в 1915 они — соседи по Царскому Селу). Н. был увлечен Ахматовой, что «прочитывается» в их поэтич. диалоге, см., напр., стих. Н. «С тобой в разлуке от твоих стихов...» («Альманах муз», П., 1916): «И скольких жизней голосом твоим! Искушенье ничтожество и муча...! Теперь ты знаешь, чем я так томим? — / Ты, для меня не снисходя ни звуку». Н. посвященны неск. стихотворений и иск-рыс строки «Поэмы без героя» Ахматовой. Последняя их встреча состоялась в 1916 в Бахчисарее.

В 1915 Н. заболел туберкулезом, осенью 1916 выехал с женой на юг для лечения. В нояб. 1918 в Ялте его посетил М. А. Волошин. Невозможность из-за ограниченности средств лечиться за границей и получать квалифицированную мед. помощь явилась причиной ранней смерти Н.

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Серебряный век. Петерб. поэзия кон. XIX — нач. XX в., Л., 1991; Рус. поэзия «серебряного века», 1890—1917, М., 1993 (вступ. заметка О. А. Клинка). Письма: Б. В. Анрепу — «Slavica Nicopolitana», 1981, (1) 5—6; А. А. Блоку — ЛН, т. 92, кн. 2; Л. Я. Гуревич, В. М. Жирмунскому, В. А. Пясту, Ф. Сологубу, К. А. Слюнгеру (К. Эрбергу), А. Н. Чеботаревой — в кн.: Шестые Тынниковские чтения. Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения, Рига, 1992.

Лит.: Аничков Е. В., Новая рус. поэзия, Б., 1923, с. 44, 115; Сазонова-Слонимская Ю. Н., В. Недоброво. Опыт портрета. — РМ, 1923, № 6—8; сс же, Н. В. Недоброво, — «Новое рус. слово», Н.-Я., 1954, 26 мая; Жирмунский В. М., Творчество А. Ахматовой, Л., 1973, с. 14—16, 42—43, 179; его же, Теория лит.-ры. Поэтика. Стилистика, Л., 1977, с. 333; его же, Теория стиха, Л., 1975, с. 25, 49—50, 52, 55—59, 63, 85; А. Яценшток И. Я., Из ранних лет науч.-лит. деятельности А. И. Белицкого. — В кн.: Иск-во слова, М., 1973, с. 395; Тименчик Р. Д., Ахматова и Пушкин. — Уч. зап. Латв. гос. ун-та, т. 215, в. 2 — Пушкинский сб., Рига, 1974, с. 38—39, 43—46, 51—

55; его же, Четыре забытых поэта. — «Родник», Рига, 1988, № 3, с. 24; его же, [Прим. и публ. докум. данных, мемуарных, критич. и худож. текстов, касающихся Н., в т. ч. полный текст его ст. «Анна Ахматова»]. — В кн.: Ахматова А., Поэма без героя, М., 1989, с. 227—273; Бронный М. (Суперфин Г.), Об одном эпизоде биографии Блока. — В кн.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и рус. культура XX в.», Тарту, 1975, с. 177—78; Тименчик Р. Д., Лавров А. В., Мат-лы А. А. Ахматовой в РО ПД. — В кн.: Ежегодник РО ПД, 1974, Л., 1976, с. 62—64; Топоров В. Н., Две главы из истории рус. поэзии нач. века. — «Russian Literature», 1979, [v.] 7, [№] 3, р. 253, 285; Кралин М., Сонет «незабвенного друга». — «Ленингр. рабочий», 1979, 30 июня; его же, «Победившее смерть слово». — «Нева», 1988, № 7, с. 198; его же, «... А потом архив попал в Губервский ин-т». — «Аничков мост», СПб., 1992, № 1 (53); Струве Г. П., Ахматова и Н. — В кн.: Ахматова А., Соч., т. 3, Париж, 1983; Основат А. Л., Тименчик Р. Д., «Печальную повесть сохранить...», 2-е изд., М., 1987, с. 175—77; Анреп Б. В. О черном кольце. — ЛО, 1989, № 5 (вступ. заметка, публ., прим. Р. Тименчика); то же. — В кн.: Восп. об Анне Ахматовой, М., 1991; Флейшман Л., Из ахматовских мат-лов в архиве Губерв. ин-та. — В кн.: Ахматовский сб., т. 1, Париж, 1989, с. 165—82, 187—93; Лукин П. Н., Асумана. Встречи с А. Ахматовой, т. 1 — 1924—1925 гг., Париж, 1991 (ук.); Гаспаров М. Л., Ритм и метр Н. в ист. контексте. — В кн.: Шестые Тынниковские чтения, Рига, 1992; Пяст, 1997 (ук.).

Архивы: ИРЛИ, ф. 201 (описание И. Г. Крайцовой, Г. В. Обатнина — в сб.: Шестые Тынников. чтения..., Рига, 1992); РГАЛИ, ф. 1811 (описание С. В. Шумихина — там же); РНБ, ф. 248, л. 493 (письма В. А. Пясту); ф. 1088, л. 139 (письма к В. А. Знаменской) (описание Н. И. Крайцовой — там же); РГБ, ф. 109, к. 31, л. 55 (письма Вяч. И. Иванову) (описание К. Ю. Постуленко — там же); РГИА, ф. 1278, оп. 8, л. 11, 1141 (л. д.); ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, л. 41674 (студенч. д.); ГАРФ, ф. 579, оп. 1, л. 1154 (упоминание Н. как члена кадет. партии Нар. свободы).

И. Г. Крайцова, К. Ю. Постуленко.

НЕДОЛИН Ал. [наст. имя и фам. Алексей Осипович Благоразумов; 12(24).10.1870, г. Городище Пензен. губ. — 14(27).9.1901, Ялта], журналист, прозаик.

Отец — Иосиф (Осип) Ив. Благоразумов, епископ и магистр богословия. Закончил Пензен. духовную сем. С 1866 — священник в Городище. После смерти жены Софии Ив. в 1878 поступил в Казан. духовную акад. В 1888 принял монашество с именем Владимира и назначен преподавателем Волын. духовной сем. В 1891 состоял также преподавателем Кишинев. духовной сем. В 1897 возведен в сан архимандрита и назначен старшим цензором Петерб. духовно-цензурного к-та. С 1901 — епископ Сарепинский, первый викарий Вятской епархии. Осн. богослов. труды: «Св. Афанасий Александрийский, его жизнь, учение-литт. и полемико-догматич. деятельность» (Кишинев, 1895); «Великое дело освобождения южных славян от турецкого ига (Слова, поучения и речи по поводу событий 1876—1878 гг.)» (2-е изд., СПб., 1900). См. о нем: Полн. правосл. богословский энцикл. словарь, т. 2, М., 1992 (репринт).

Н. проучился три класса в 1-й казан. г-зии, затем в 1-й пензен. г-зии, к-рую окончил в 1888. В том же году поступил в Моск. ун-т, сначала на медицинский ф-т, вскоре переведен на физико-математический, через год — на юридич. ф-т. Состоял в ряде народолюбческих студенч. орг-ций, в т. ч. в кружке А. И. Гуковского — В. К. Курнатовского, в Союзной кассе и др. В 1890 уволен из ун-та по собств. желанию, в том же году снова зачислен на 2-й курс юри-

дич. ф-та, где проучился до 1892, когда был арестован, исключен из ун-та за участие в народофильском кружке «Фракция полит. борьбы» и выслан под особый надзор полиции (под к-рым находился до конца жизни) в Кишинёв. В 1897 переехал в Одессу, сдал окончательный экзамен по юридич. наукам при Новорос. ун-те (Одесса), затем служил помощником присяж. поверенного. Печатались в провинц. периодич. изданиях, в т. ч. в «Одес. новостях», «Юж. обзор», к-рые сам называл «бесцветно-фельетонными» [«На подножках и тормозах» (Письмо из Одессы) — СВ, 1898, № 2, с. 9]. Ряд публикаций Н. появился в столичных ж-лах «Жизнь» (очерки «Санитарные условия города Одессы» — 1899, авг.; «XI археологич. съезд в Киеве» — 1899, т. 10) и «Сев. вестник». Подход к теме — быту и нравам рос. провинции — обнаруживает критич. отношение автора к существующим порядкам. Материал для своих корреспонденций и беллетристических очерков Н. собирал во время многочисленных поездок по России — от Соловков до Кавказа, от Закавказья до Крыма и Волыни.

Лучшие рассказы и очерки Н., вошедшие в кн. «Искры» (М., 1899), проникнуты идеей гражд. и обществ. служения. Осн. персонажи — представители рос. студенчества, в к-рых автора привлекали беззаветная смелость, отвага молодости, неподкупная честность, чистота. Н. переживает за своих героев, вырождающихся в «обывательском болоте». По заключению Моск. цензурного к-та, рассказы Н. «проникнуты пессимистическим настроением, являющимся следствием неизвестного филос. воззрения или личной разочарованности автора и вытекающим из социалистических его взглядов» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 3, д. 2190, л. 84—85 об.). Критика находила в произв. Н., «не выносящего пошлости сытой жиз-

ни», влияние М. Горького (Изгоев, с. 166—68).

Творчеству Горького посв. критич. работа Н. «Психология босячества (По соч. М. Горького)» (Од., 1900), в к-рой он назвал писателя «ярким выразителем и летописцем... нового и крайне своеобразного течения в ... народной жизни» (с. 3), попытавшись вскрыть социально-экономич. причины босячества и указать его глубокие национально-ист. корни.

Умер от чахотки.

Лит.: Изгоев А. С. Молодые одес. беллетристики. — В кн.: Южно-рус. альманах, год 7-й. Од., 1902. + Некрологи, 1901: «Одес. новости», 18 сент.; ИВ, № 11, с. 807; Венгров. Источ.: Масанов.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 302, д. 68 (л. д.); ф. 131, оп. 49, д. 51, 52 [справка В. В. Алексашинской]; ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, оп. 88, 1890 г., д. 70 (2); оп. 90, 1892 г., д. 395; ОО, оп. 229, 1901 г., д. 389. Г. Н. Воронцова.

НЕДОЛИН Мартын Акимович [наст. фам. Сак с; 1842 — 3(15).11.1892*, Киев*], прозаик. Из купеч. семьи, отец — немец. По окончании Нежин. лицея (1860) был учителем нем. яз. Волын., Полтав. г-зий. Служил мировым посредником в Ушицком у. Подольской губ. (с 1864), комиссаром Радомской комиссии по крест. делам (с 1866), в связи с чем участвовал в работе Учредительного к-та в Царстве Польском. С 1869 — пом. надзирателя акциз. сборов. В 1872 уходит в отставку и переезжает с семьей в Петербург, где пытается жить лит. трудом, печатает рассказы, основанные на мат-лах, собранных во время службы в Юго-Зап. крае («Контрабандист», «Семейные вечера», 1872, № 11; «Винокурные тайны. Букодолное дело», «Нива», 1873, № 7—9; «Закон Линча. Параллель из нар. быта», там же, № 48—50). Рассказ Н. «Дьячок» («Гражданин», 1873, 16 апр.) вызвал резкий спор между Н. С. Лесковым и Ф. М. Достоевским (с к-рым Н. познакомился в нач. 1873).

Лесков в заметке «Холодные понятия о женатом монахе» («Рус. мир», 1873, 23 апр., подпис: святи. П. Каторский) отнес рассказ Н. к тому роду сочинений о «бытовой среде нашего клира», когда «люди самонадеянности или по легкомыслию за это дело берутся люди, которые не имеют о нем никакого понятия». О худож. стороне рассказа Лесков отзывался пренебрежительно: «крайне бедная и несущественно комическая фабула». Впрочем, задачей Лескова было обличить «нелепость» самого ред. «Гражданина» Достоевского в вероисповедных вопросах в ответ на схожие обвинения Достоевского в адрес Лескова (см.: Достоевский, XXI, 54—60, 412), а Н. был лишь поводом. В ответной ст. «Ражный» («Гражданин», 1873, 30 апр.) Достоевский, признав рассказ Н. «несколько сжатым», богатый его собств. комментариями; в этой психологич. интерпретации рассказ стал иллюстрацией к апологетическому тезису: «Задача искусства — не случайности быта, а общая их идея... В рассказе г-на Недолина ... обобщено явление человеческого духа» (Достоевский, XXI, 82). Достоевский акцентировал относительно более «мастерское» (и близкое ему самому) изображение «слишком сильной душой и характером жепинской» (там же, 85). Подобный характер оказывается в центре наиб. значит. произв. Н. (ср. рассказ «Закон Линча...», ром. «Не в ту силу»).

Дойдя до крайней бедности (см. письмо Н. от 30 окт. 1873 к Достоевскому, к-рый перестал его печатать, — «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского», т. 2, СПб., 1994, с. 429), Н. вновь поступает на службу. С 1874 — мировой судьей по Кунгур. у. Перм. губ. Впечатления этого периода отразились в этногр. и экономич. очерке «Год на Урале» («Кругозор», 1876, № 47—50), охотничьем рассказе «Медвежья берлога» (там же, 1877, № 26). В 1876, обвиненный в служебных преступлениях, уволен с должности. Судом был оправдан, но дальнейшая служба Н. (с 1880 до вынужденного увольнения в 1891 коллеж. сов.) по Мин-ву юстиции, в т. ч. мировым судьей в Волын. губ., не ладилась, судя по характеристикам, из-за недостатка юридич. образования и самонадеянности (в одном из служебных отзывов он сравнивается с бароном Мюнхгаузеном по склонности к хвастливым рассказам — РГИА, ф. 1405, оп. 92, д. 512, л. 334).

Наиб. объемное произв. Н. — роман «Не в ту силу» (опубл.: Собр. соч., в. 1, К., 1879, вышел лишь один том). Его сюжет, как обычно у Н., отчасти автобиографичен — злоключения честного мирового судьи, защитника крестьян, однако психологич. интерес сосредоточивается на противостоянии, довольно прямолинейном, двух соперниц: «одна была вся преданность и любовь, другая страсть и себязлюбие» (с. 114). Схематизм сюжетных линий в романе подтвердил эстетич. оценку творчества писателя Лесковым, «глубина» Н., открытая в нем Достоевским, осталась неразвернутой.

Лит.: Венгров (Сл., Источ.); Мезьер.

Архивы: РГИА, ф. 1405, оп. 92, д. 512 (аттестат о службе, 1892 г.); д. 1555 (о пенсии), оп. 82, д. 7562 (о присоединении к фамилии... Сакса фамилии Недолин — ходатайство Н. отключено) [справка Н. М. Корневой].

В. А. Виткович.

НЕДОЛИН Сергей Александрович [наст. фам. Поперек (Попперек, Попперэк); 20.3(14).*1880, Н. Новгород — 22.9.1954**, г. Тайшет Иркутской обл., Озерлаг**], поэт, прозаик, драматург, лит. и театр. критик, издатель. Род. в многодетной небогатой семье. Мать — Праск. Ив. Отец — Ал-др Павлович, «малоросс», уроженец Полтав. губ., 4 года служил в Упр. минеральных вод в Ессентуках (см. об этом в его письмах А. С. Суворину из Саратова б. д. и из Н. Новгорода 1880 — РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3428), во 2-й пол. 1870-х работал в Саратове в нем. аптеке Шмунтера ст. аптекарским учеником, позднее — инспектором по страхованию судов, умер в 1914 на Кавказе. Н., вероятно, жил со старшим братом Георгием.

Попперэк Георгий Ал-дрович (1867—?), в 1889 закончил матем. отд. физико-матем. ф-та

Моск. ун-та, в 1891—92 — и. д. начальника классовых наставников Нижегород. г-зии, преподавал математику в Егорьевской г-зии, в 1895—1900 — в Ярослав. г-зии, в 1901—16 — в 4-й моск. г-зии (с 1907 ст. сов.) (РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 3620, ф. с. 1896 г. — справка С. И. Варежовой). Автор книг: «О пользе изучения логики в связи с геометрией» (1894), «О сравнительной ценности учебных предметов для формального образования» (М., 1896), «Воспитание, школа и молодое поколение» (М., 1910), «Отмена или реформа выпускных испытаний» (М., 1916) (оттиск из ж. «Вест. воспитания»). После 1917 также преподавал в разл. уч. заведениях, выпустил неск. учебников, в 1934 под его ред. вышли две книги. Нек-рые пед. работы опубликованы в «Рус. вед.», в 1913 просят не раскрывать его псевдонима, пишет ему: «...по особым причинам я также не мог дать сведения биографического характера» — РГБ, ф. 251, папка XXX, № 14). В 1881 сотрудничал в «Вест. воспитания» и «Зрителе», в 1899 — в «Рус. вед.» (9, 11, 23 сент., 2 окт.). В 1881 опубликовал сказку «Султан и муарец» (Од.), в 1891 его пьеса «Ложный путь» выдвигалась на соискание премии Горевой (см. его письмо Н. С. Тихонову от 8 февр. 1891 — РГБ, ф. 298/II, папка 6, № 65). Вероятно, оказал значит. влияние на судьбу Н. в годы его учительства. Нек-рые пед. идеи отразились в рассказах Н., а в его пьесе «Зиночка» один из персонажей ссылается на мнение «изв. педагога Рокова» [см. о нем: Мазанов: в ИРЛИ — рукоп. доп. Б. Л. Модзалевского в экз. книги «Опыт словаря псевдонимов рус. писателей» (СПб., 1891) В. С. Карцова и М. Н. Мазасва].

Гимназич. образование Н. получил в Егорьевской шестиклассной прогимназии (1892—95), Ярослав. (1895—97) и Коломен. (1897—99) г-зиях, выпускные экзамены сдавал в 1899 в Ярослав. г-зии. В том же году Н. поступил на естеств. отд. физ.-мат. ф-та Моск. ун-та, после первого семестра перевелся на юридич. ф-т. В нач. февр. 1902 за участие в студенч. волнениях был арестован, до 21 мая содержался в тюрьме, был исключен из ун-та, но в том же году восстановлен и в 1908 закончил его с дипломом первой степени.

Публиковаться Н. начал будучи студентом, в 1902 в Моск. «Курьере» появляется его первая заметка — «По русским курортам» (1902, 1 июля, подпись С. Н.), с этого же времени он печатается в газ. «Крымский курьер» (впоследствии выходившей под назв. «Рус. Ривьера»), где до 1912 поместил ок. 30 стихотворений, десятка полтора рассказов, очень много рецензий, впечатления о заграничной... поездке (в 1906 г.) (автобиогр. — ИРЛИ, ф. 377, № 2539; вероятно, большинство из этих публикаций анонимны или подписаны неатрибутиров. псевдонимами). В 1905—06 Н. печатался также в газ. «Наша жизнь», «Рус. вед.», «Вперед», «Голос жизни», в 1907—08 в «Юной России», ж. «Юность». Избранный начинающим писателем псевдоним становится своего рода его ипостасью, семантика псевдонима обыгрывается в рассказах, имеющих автобиогр. тождественность. В рассказе «Рыжик» («Юность», 1908, № 8/9) подчеркиваются тяготы, связанные с обучением, невезучесть гл. героя — студен-

та-юриста, «сына николаевского солдата», «грубоватого, маловоспитанного и нелюдимого», получившего от отца в наследство запойную болезнь, однако «пишущего недурные стихи и корреспондирующего в столичные газеты» (ср. в его автобиогр. в ИРЛИ: «сын... николаевского солдата... воспитание получил самое безалаберное... Сначала учился в городском училище, в Киеве. Потом в частной школе, у какой-то дамы, в Сызрани»). Неудачи героя рассказа «Две весны» («Свободным художествам», 1912, № 6/8, апр. — июнь — № 9/10, окт.), тоже студента-юриста, связаны с его простонар. происхождением и «революционным» прошлым (сидел в тюрьме, подобно Н., за участие в рев. сходке в февр. 1902).

Выбор псевдонима, тематика раннего творчества (в юности «увлекался... всего более Писаревым, а потом бодрым, размашистым творчеством Максима Горького» — ИРЛИ, ф. 377) — подтверждают демократические. В 1905 Н. напечатал в «Голосе жизни», арестованном цензурой, свой тюремный дневник под загл. «В дни юности». В 1911 переработал его в автобиогр. пов. «Молодое», о к-рой он писал 24 янв. 1911 В. Г. Короленко: «Моя цель дать переживания самого обыкновенного, среднего парня, который не столько бунтует, сколько страдает свойственными молодости болезнями — любопытством и жадностью к жизни во всех ее проявлениях» (РГБ, ф. 135, р. 2, к. 43, № 24).

Рукопись повести была утеряна ред. ж-ла «Современник». Н. обращался в Лит. фонд за помощью (в ИРЛИ сведения о двух письмах-жалобах Н. — 29 окт. 1912 и 4 марта 1913, история конфликта также в его письмах Б. А. Садовскому, 1912 — РГАЛИ, ф. 464, оп. 1, № 106).

В 1908 по окончании ун-та Н. недолго состоял помощником присяжного поверенного Моск. судебной палаты, занимался адвокатской практикой и одновременно стал издате-

лем и редактором нового двухнедельного ж-ла лит-ры и иск-ва «Лебедь» (выходил с нояб. 1908 по апр. 1909, всего 12 номеров). В программе ж-ла (1908, № 1) провозглашались принципы беспартийности иск-ва, самоценность худож. произведений, доброжелательность критики, указующей путь, а не жалящей автора за ошибки. В ред. совет вошли С. Н. Сергеев-Ценский (печатавший в ж-ле также стихи и рассказы) и Д. Н. Крачковский (автор худож. обзоров), дали для публикации свои произв. А. А. Блок (4 стих.), Саша Чёрный (под наст. фам. А. Гликберг — 1 стих.), печатали стихи и статьи М. Л. Гофман, С. М. Городецкой, стихи — М. Папер, Б. А. Садовской, прозу — И. С. Шмелёв, Г. И. Чулков, Ю. Л. Слёзкин, В. В. Муйжель, Скиталец, О. Дымов. Сам Н. опубликовал два рассказа, неск. рец. В худож. практике ж-ла была заметна ориентация на модернистские илл. ж-лы («Мир иск-ва», «Иск-во» и др.): достаточно скромный по худож. оформлению, он в то же время отличался неплохим полиграфич. исполнением и вкусом в выборе иллюстраций — черно-белые репродукции картин Л. С. Бакста (его же обложка и графич. заставки), Л. О. Пастернака, В. А. Серова, В. В. Переплётчикова (приложение к его путевым очеркам), снимки со скульптур А. С. Голубкиной, С. Т. Конёнкова.

Привлекательный по составу авторов, ж-л был отмечен стиливой разнородностью — произв. символистов и модернистов соседствовали с сугубо реалистическими; хроника худож. жизни (в т. ч. подробные корреспонденции о париж. вернисажах), критич. и библиотеч. отделы, а также раздел театр. критики, в к-ром активно участвовал сам Н. (нек-рые заметки под псевд. Варварчук), были интересны, информативны, но не регулярны. Возможно, этим объясняется финансовый успех «Лебеда», значительно уступавшего по мн. параметрам таким ж-лам, как «Весы», «Золотое руно».

Примечательен «кусателый» отклик на выход ж-ла А. В. Амфитратова (его выражение в письме Горькому от 28 нояб. 1908 — ЛН, т. 95, с. 135) в его ст. «О Сергееве-Ценском» (Амфитратов А. В. Заметки сержанта, М., 1909), 1-й раздал к-рой посвящен «Лебедю». Неудовольствие критика вызвали и противопоставленность «новорожденного собрата» «Весам», «старому журналу академического декадентства» (с. 53), и стихи Городецкой, обзоры Крачковского, рецензии Н.: «смешно все это... а как будто и страшновато имению, гримасы, гримасы...», «усердием этаким „модернизма“ — не миновать руг. читателю жалкого жребия горемычного Тухи», героя Л. Н. Андреева, бывавшего умереть от смеха (с. 68).

Осенью 1909 Н. переехал в Петербург и в 1910 получил должность столоначальника в Деп. гос. земельныя имущества Мин-ва земледелия — писал В. И. Стражеву 15 авг. 1910: «... за слабостью литературных дел

пришлось поступить на службу в ... натошак не выговоришь» (РГАЛИ, ф. 1647, оп. 1, № 871). С этого времени Н. печатался помимо провинциальных в столич. газ. «Вечерняя почта», «Утро России» (1909), в «Журнале для всех», ж. «Игрушечка», «Студия», «Наш журнал» (1911—12), «Новая Россия», «Юная Россия». Посещал лит. кружок «Богема», организованный Слѣзкинским (в альбоме кружка есть стихотв. автограф Н.; альбом в частном владении). В кон. 1912 был принят в «Бюро рус. журналистов».

Осн. прозаич. жанр Н. — рассказ. Ориентиром для него служит ранний А. П. Чехов, подобно к-рому Н. зачастую строит интригу своих произв. на бытовом анекдоте — рассказы «Чудак» («Лебедь», 1908, № 4), «Оракул» (НЖдВ, 1910, № 26), «Митька» («Журн. для женщин», 1916, № 13; сюжетно близок чеховскому «Злому мальчику»). И хотя, по мнению критика, Н. тяготеет к натурализму, изображению серенького, обыденного (УР, 1912, 15 дек.), общий тон рассказов — жизнеутверждающий, вероятно, не без влияния «бодрого» творчества М. Горького (в 1912 состоял с Горьким в переписке; см.: Горький, ХХІХ, 613). Внимания Н. привлекают психол. проблемы детей и молодежи. Он стремится развенчать мрачную «романтику» самоубийств, развеять пессимистич. настрой совр. молодых людей — рассказы «Прядь седых волос» («Лебедь», 1909, № 2), «Наш приятель Лягушкин» («Всходы», 1912, № 12), рассказ «Стыдно» («Юная Россия», 1912, № 5; рецензент «Вест. воспитания» Ю. А. Веселовский писал: «сложный и большой вопрос» о самоубийствах учащихся «освещен так односторонне и неглубоко, что лучше было бы его совсем не касаться на страницах детского журнала» — 1912, № 8, с. 7). Отсутствие отд. сб-ка рассказов объясняет, вероятно, невнимание к Н. критики, не замечавшей ряд достоинств его стилистики: продуманной экономности худож. средств, четкости реплик и точности эпитетов, верности реалий.

Как поэт Н. остался и вовсе незамеченным. Его стихи, рассыпанные по периодике, — «Жизнь», «Стихотворение в прозе» («Рус. артист», 1908, № 16, 11), «Наступление дня», «Ураган», «Южная ночь», «Море», «Весеннее», «Вера» («Юная Россия», 1908, № 6, 7; 1913, № 3; 1916, № 3, 8), стих. в «Рус. Ривьере» — традиционная по форме и по содержанию лирика, в осн. пейзажная, с сильной романтич. гиперболизацией (если буря, то такая, что «столетние дубы гнутся»), психол. параллелизм и своеобразным олицетворением природы, преобладанием «весенних» жизнелюбивых мотивов, в отличие

от модных декадентских «осенних» тем. Выступал и как автор стихотв. фельетонов — напр., «Вздых читателя» (ЖЖ, 1915, № 11).

Значит. место в лит. занятиях Н. занимает театр, к-рым он увлекался со студенч. лет («... отказывая себе в самом необходимом, я стремился попасть на галерку в Малый театр ... привык в ... театре лишь пламенно плакать от восторга» — письмо А. И. Сумбатову-Южину от 11 окт. 1924 — РГАЛИ, ф. 2579, оп. 1, № 1439). В 1904—05 работал над пьесой «Зиночка. Сцены из студенч. жизни» [пост. в 1906 в Малом (Лит.-худож. об-ва) т-ре, в гл. роли М. В. Ильинский; рец. — РВед, 1906, 24 янв.; опубли.: «Сцена», 1907, № 2]. Проникнутая мягким юмором, динамичная, жизнеутверждающая, несмотря на трагич. развязку, пьеса пользовалась зрительским успехом.

По свидетельству Н., пьеса имела «в провинциальных гл-тах благосклонные отзывы» (ИРПИ, ф. 377, № 2539). Однако, вероятно, из-за содержащейся в ней критики ул-тского образования и «ноток протеста» (письмо Н. от 19 сент. 1910 В. Э. Мейерхольду — РГАЛИ, ф. 998, оп. 1, № 2083) не была пост. на имп. сцене, а неоднократные попытки определить ее на проф. сцену также копчались неудачей (см. его письма в РГАЛИ — Мейерхольду от 19 сент. 1910; Сумбатову-Южину от 22 марта 1910, ф. 878, оп. 1, № 1672; Е. П. Карпову от 30 янв. 1913 — ИРПИ, ф. 550, № 80). Др. пьеса Н. — «Жить хочется», по словам М. Н. Ермоловой, «написана живо и интересно» (в передаче Н. — письмо Сумбатову-Южину от 31 окт. 1911, РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, № 35), однако вообще не ставилась в театре (см. письма Н. от 29 сент. 1913 Н. Н. Холодову с просьбой вернуть текст — ИРПИ, ф. 550, № 40).

Н. отстаивал идею элитарного и условного театра, «обслуживающего лишь избранных», писал о необходимости размежевания театров: «для реалистич. постановок нужны одни артисты, символических — другие» («О театре» — «Лебедь», 1908, № 1, с. 41); в рец. на сб. статей «Кризис театра» он негодовал на «развязную группу „товарищей“», сводящих задачу театра «к иллюстрации социально-экон. учений по общедоступным ценам» (там же, 1908, № 3, с. 46), связывал «небывалое оскудение репертуара» с рождением театра нового типа, в к-ром «восторжествует жизненность и простота» («К театральным итогам» — там же, 1909, № 2, с. 45, 48). В 1911 обсуждался вопрос о сотрудничестве Н. в ж. «Студия» Ковальских (в отделе театр. критики или отделе фельетонов), Н. относился к этому проекту скептически («... журнал-то оказался прескучным и совершенно мне не по вкусу» — из письма Слѣзкину от 7 окт. 1911, РГАЛИ, ф. 1384, оп. 2, № 174), опубли. в нем одну статью — «Дворец искусства» (1911, № 6). Н. был членом ОРДП.

Оценивая свое участие в совр. лит. критике, Н. называл себя «скромным рецензентом» (цитируемое письмо Сумбатову-Южину, 1924), наиболее

активен в этом жанре был в собств. ж-ле «Лебедь». Его емкие характеристики отличались объективностью, не зависели от приятельских отношений или корпоративных пристрастий — так, о «Книге о рус. поэтах...» под ред. М. Гофмана Н. писал: «Выбор ... стих. не всегда удачен, критич. статьи не всегда ярки, а нек-рые из них не выявляют, а лишь затемняют творч. лики приводимых авторов (лучшие статьи о Блоке и Мережковском)» («Лебедь», 1909, № 4, с. 48); выделенная им статья о Блоке впервые опубли. именно в «Лебеде», ее он цитирует в своей восторж. рец. на сб. Блока «Ночные часы», опубли. в «Рус. Ривьере» (1911, 26 нояб.), к-рую он послал Блоку (его письмо от 28 нояб. 1911 — РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 368). В полжиг. рец. на книгу прозы Шмелѣва отмечал способность автора проникнуться жизни, философией «человека из ресторана» — героя его повести («Путь», 1911, № 1, с. 65). Со многими рецензируемыми авторами Н. сохранял многолетние дружеские и творч. связи (Городецким, Садовским, Шмелѣвым). Позднее Н. публ. корреспонденции на темы лит.-худож. жизни столицы в «Варшавском дневнике» [напр., ст. «Бродячая собака» — 1913, 14 (27) марта].

В 1915 Н. опубли. воен. стих. «Песня русского воина», «Весною 1915 г.» («Юная Россия», № 6, 4), «Русь победит!» («Кормчий», № 31) и рассказ «Медведь» («Лукоморье», № 11), проникнутые патриотич. пафосом. В это время он был призван на воен. службу, к-рую проходил в Гл. управлении Кр. Креста в должности заведующего санитарно-мобилизац. делопроизводством. На Февр. революцию откликнулся стих. «Гимн Свободной России» («Журн. для женщин», 1917, № 7). В авг. 1917 отправился в продовольств. командировку в Сибирь, где был демобилизован и занял должность секр. Новониколаев. гор. совета. В 1918 стал секр. уполномоченного Сиб. правительства. В стих. «Поруганный храм» («Надежда России», Новониколаевск, 1919, № 48) отразилось его неприятие большевистского переворота.

В окт. 1918 Н. выехал в Харбин, к жене, с сер. 1919 по 1929 работал канц. служащим в Управлении КВЖД (Кит.-Вост. ж. д.). С 1920 сотрудничал в «Рус. голосе», в 1921—1922 вел отделы «Театр и музыка», «Библиография» (см. его ст. «Рус. лит-ра в 1921» — 1922, 5 янв.), чуть ли не ежедневно печатались его стихотв. фельетоны на полит. (многие — антисов. содержания) и бытовые темы и рец. под псевд. С. Маманди (от кит. «потихоньку», «подожди»), С. Ма-ди в рубрике «Маленький фельетон», где публ. также эми-

грант. произв. Лоло (Мунштейна), Дона Амнинадо, Саши Чёрного. В 1921—22 под этим же псевд. издает сатирич. илл. ж. «Бамбук». В 1927 планировал издавать «совершенно аполитичный журнал „Зигзаги“», в к-ром предполагалось сотрудничество Слёзкина, Сергеева-Ценского, П. С. Романова (письмо Ф. Сологубу 14 окт. 1927 — ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 554). В 1926 — нач. 1927 находился в России, в Москве, получил предложение написать два сценария для кинообъединения «Русь», готовил издание своего Полного собр. соч., куда должны были войти только произв. для детей («оказывается, с 1923 я написал 75 листов» — письмо Слёзкину от 4 апр. 1927 из Москвы, РГАЛИ, ф. 1384, оп. 2, № 174), сотрудничал в Детском передвижном т-ре. В указ. письмо Слёзкину сообщал о скором выходе в Госиздате своих «китайских» книг и одной книги в изд-ве «Пролетарий» (изд. не состоялись), а также о своем судебном процессе (вероятно, какая-то лит.-изд. тяжба), в к-ром его дела вел В. И. Мозалевский. Лето 1927 Н. предполагал провести в Ульяновске, где работал отчим, и в Крыму.

В Харбине Н. печатался в газ. «Рупор» (1930—32), «Заря», «Харбинское время» (1931—42, работал в ред. в 1932—37), «Молва», «Вестник Маньчжурии».

В 1937—39 Н. был безработным, в 1938—43 состоял в Монархич. объединении, был редактором «Весеннего сб-ка» (1939) при Лит.-худож. кружке этого объединения. В 1939—1943 преподавал в Япон. воен. миссии в школе воен. переводчиков. С кон. 1943 работал ночным сторожем и в конторе по продаже лотерейных билетов. В 1939 написал автобиогр. повесть «Мать», в 1943 — повесть «Вещные сны» о победе держав Оси над Коминтерном, либретто оперы из эпохи Ивана Грозного «Обманутый маркиз» (вероятно, рукописи в архиве дочери, переехавшей позднее в Чили***).

25 авг. 1945 Н. был арестован Управлением Контрразведки «Смерш» 1-го Дальневост. фронта, 4 февр. 1946 приговорен воен. трибуналом Примор. воен. округа к 10 годам лишения свободы по ст. 58—4 и 58—11 («пособничество мировой буржуазии»). Во время следствия Н. умолчал о своих поездках в Россию в 1920-е гг. Сначала отбывал срок в Краслаге, откуда отправил в 1948 С. С. Прокофьеву либретто оперы «Бала» по М. Ю. Лермонтову, предлагал ему и либретто «кажется, первой русской оперетты „Переворот“» (РГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, № 784). «Невезучесть» лит. и житейской судьбы, предугаданная выбором псевдонима в начале творч. пути, подготовлена в лагерном стихике: «Ну что ж

поделаешь, недаром я Недолин/ На жизненном пути мне сильно не везет!» (там же). 1 ноября 1995 реабилитирован (в связи с разысканиями в ЦА ФСБ в процессе ред. подготовки данной статьи).

Изд.: Минка. Рассказ в стихах для детей. Харбин, 1922: [Стих.] — В сб.: Стихотв. сатира.

Лит.: А. Блок. Перепiska. Аннотир. каталог, в. 2 — Письма к А. Блоку, М., 1979, с. 343; Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Бродячей собаки» — Памятники культуры. 1983, Л., 1985, с. 209; Петровская (2), с. 54, 122; Антокольский П., Вахтангов, — «Тетрадь», 1971, № 10; Смирнов-Несвицкий Ю. А., Вахтангов, М., 1987, с. 31. + Каталог ОРДП, с. 99, 109, 349, 360; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377* [справка Н. Н. Колесовой], ЦИАМ, ф. 418, оп. 313, л. 558* (студенч. л. д.; копия свидетельства о рождении) [справка Г. Ю. Борисовой], РНБ, ф. 118, № 613 (письмо П. В. Быкову 1912 с просьбой вернуть рукописи пов. «Молодое»), ф. 124, № 3010 (письмо Э. П. Юргенсону, 1913); РГБ, ф. 344, к. 444, № 4 (писарская рукопись роли Зиночки); Музей Т-ра им. Евг. Вахтангова, инв. № 8/Р (тетрадь с комм. Е. Б. Вахтангова к «Зиночке»); Архив М. Горького, ИМЛИ, 53423, ФМА-кр., 5, 37/2 (письмо М. Ф. Андреевой от 9 янв. 1914 с просьбой вернуть рукописи пьесы); Бахметьевский архив 6-ки Колумбийского ун-та, США (письма Н. Н. Евренову 1938—39); ЦА ФСБ** [справка И. А. Порошина]; устные сообщения бывших узников ГУЛАГа*** В. Н. Набедарик, И. Н. Пасынкова, Г. В. Мелихова.

А. Г. Пирогова.

НЕЁЛОВ Николай Дмитриевич [3(15).8.1809*, с. Мокрое** Гжатского у. Смоленской губ. — 25.2 (9.3). 1850, с. Пески того же у.], воен. историк, прозаик, драматург. Из семьи военного. Отец Н., Дм. Вас., майор в отставке, управлял имением кн. В. В. Долгорукова, высланного имп. Павлом I за границу; в 1810 возведен в дворян. достоинство (РГИА). Н. получил хорошее образование — в юнкерской школе Гренадерского корпуса; самостоятельно изучил франц., нем., англ., итал. языки. По окончании юнкерской школы поступил в Киевский гренадерский полк (1827). В 1829—30 служил в Новгороде при штабе Гренадерского корпуса, участвуя в т. ч. в образовании воен. поселений в Новгород. губ. («Воен. сб.», 1878, № 2, с. 248—49); подпоручик (1830). В 1831—32, отказавшись остаться при штабе воен. поселений, принял участие в подавлении польского восстания 1830—31 (квартирьер корпусного штаба, затем дивизионный квартирмейстер при штабе 2-й гренадерской дивизии), представлен в поручики с последующим переводом в Ген. штаб.

В 1835, окончив курс в Воен. академии, Н. получил назначение в 6-й пехотный корпус (Москва). Знакомится с моск. литераторами: сближается с кругом А. Ф. Вельмана (В. И. Даль, М. Н. Загоскин и др.), с зимы 1841 становится пост. посетителем «понедельников» В. В. Пассека, где также бывали Ф. Н. Глинка, И. И. Лажечников, М. Н. Макаров.

Службу Н. сочетал с лит. занятиями: писал стихи, рассказы, повести, в т. ч. «из польской жизни» («Воен.

сб.», 1878, № 10, с. 27). Обратившись к творчеству Дж. Байрона, перевел его стих. «Сон» (1832) и драму «Каин» (1836; выполнен ритмизированной прозой); пер., оставшиеся неопубликованными (рукоп. — ГА Смоленской обл.), отмечены стремлением к точности в передаче идейных и худож. особенностей оригинала, экспрессивностью стиля (см.: Никольская).

В печати Н. дебютировал одновременно как воен. историк и как прозаик. К 25-летию Бородинской битвы выпустил кн. «Опыт описания Бородинского сражения» (М., 1839), вызвавшую в осн. благожелат. отклики (В. Г. Белинский? — ОЗ, 1839, № 8; ЛПРИ, 1839, 7 окт.; СО, 1839, т. 10; снисходительно-иронич. отзыв — БдЧ, т. 36, № 10). В это же время Н. (под псевд. Закамский) напечатал ром. «Женщина XIX столетия» (М., 1839), отмеченный чертами, характерными для массовой беллетристики эпохи: обращение к рос. истории (определ. достоверность роману придает апелляция к событиям недавнего прошлого — Польской кампании, описание к-рой во мн. основывалось на личных впечатлениях очевидца-автора); сюжет, построенный на замысловатой любовной интриге с участием «романтического» злодея, благородного «Дон Кихота московского» и прекрасных героинь. В авт. повествовании ощутима морально-дидактич. направленность (иллюстрируются тезисы о благотворном воздействии искренней веры и превосходстве православия, перед к-рым склоняется один из героев — сын «зачинщика мятежей» во Францию).

А. Д. Галяхов, охарактеризовавший роман как собрание «образцовых целеностей», упрекал Н. в превращении действ. лиц в плашатаев авт. представлений (об искусстве, счастье и несчастье, жизни и смерти... любви и ненависти), что лишило выразительности «эти сначала довольно живые образы» (ОЗ, 1840, № 2, с. 64—65). Рецензент «Б-ки для чтения» (1840, т. 38) иронизировал над «раздирательным» стилем романа. Отмеченная критиками склонность к мелодраматич. эффектам ощутима и в др. произв. Н., в т. ч. в рассказе «Семен Петрович» («Москва», 1842, № 4), в к-ром он с очевидным сочувствием рисует «маленького человека» из воен. среды в его столкновении с нравами столицы, светского об-ва.

Попытки осмысления судьбы России в эпоху безвременья Н. предпринял в стихотв. ист. драме «Меньшиков» (в авт. написании — «Меньшиков»; М., 1841), осн. конфликт к-рой построен на столкновении «наследника» петровских «предначертаний» с адептами моск. старины. Гл. герой, чей характер обрисован не без элементов психологизма, терпит поражение как лукавый царедворец, но одерживает при этом более важную, по мысли автора, нравственную победу, укрепившись в своей вере в великое предназначение России («Не может пасть Россия.../ Ей суждено

расти... стоять высоко:/ Народный дух, обширные пределы./ И преданность царям, и сила веры./ Все это так могуче, полно жизни...», с. 213) и надежде на появление «достойного царя», к-рый продолжит дело Петра I (весьма вероятно авт. аллюзия на Николая I).

В многочисл. критич. отзывах обсуждался гл. обр. композиционное построение пьесы и правомерность жанрового обозначения (драма). Рецензент «Лит. газет», сравнивавший драму с ист. хроникой У. Шекспира и «Борисом Годуновым» А. С. Пушкина, указывал на непосредственный источник пьесы: драм. представление П. П. Свиньина «Александр Дашкович Меншиков», композицию и отдельные сюжетные ходы к-рого использовал Н. (ЛГ, 1842, 1 февр.; ср.: «Мавк», 1842, т. 2). П. Н. Кузнецов (?) отказывал Н. в драм. таланте («огне прометеевом»), имея в виду в т. ч. слабую драматургич. связность отдельных сюжетно завершенных картин, составляющих пьесу; при этом рецензент отмечал «добросовестное приготовление», изучение ист. материала и «очень удачный стих» (ОЗ, 1842, № 2, с. 43—45; 6. п.). В отклике «Б-ки для чтения» «Меншиков» назван «родом стихотворной биографии в разговорах», «скорее повестью, чем драмой» (1842, т. 51, с. 21—28; ср. рец. в «Рус. вест.», 1842, т. 5, № 2). Похвальными были отзывы П. А. Плетнева, причислившего драму к «самым приятным произведениям современной литературы русской» («Совр.», 1842, т. 26, отд. VI, с. 53; то же — Плетнев, II, 340), и С. П. Шевырева («Москв.», 1843, № 1, с. 281): последний, отметив драматургич. изъяны («все пружины действия спрятаны за кулисы...»), выделял отду. сцены и монологи, «одушевленные чувством любви к Отечеству и высоким жаром драматическим», находил, что они «исполняют высокие одобрение самой строгой эстетич. критики».

В 1844 Н. (к этому времени — капитан) приглашен в Воен. академию в качестве адъюнкт-профессора по кафедре воен. истории и стратегии. Прочитанные им в академии лекции легли в основу «Очерка современного состояния стратегии» (ч. 1, СПб., 1847; полностью — СПб., 1849), воспринятого рецензентами (ОЗ, 1847, № 12; 1850, № 3, 4; «Совр.», 1848, № 3; 1850, № 3, две последние рец. — В. С. Семека?; «Москв.», 1849, № 3) как достаточно основательный, хотя и не отличающийся самостоятельностью труд.

Во время производства топографич. съемок Н. заболел ревматизмом (его здоровье было сильно подорвано еще во время Польской кампании), травмировал обе ноги. Получив отпуск (с 1847), переехал в свое имение (с. Пески) — с помощью брата, Дм. Дм. Неёлова (1819—90; известен публич. выступлениями по вопросам сел. хозяйства в «Рус. вест.», 50-х гг., участник крест. реформы, дир. департамента Мин-ва гос. имуществ, сенатор). В имении, лежа в постели, Н. работал над «Воспоминаниями о польской войне 1831 года» (опубл.: «Воен. сб.», 1878, № 2—10; отд. отт. — СПб., 1878; отзывы: Н. С. Голицын — «Воен. сб.», 1878, № 9). В мемуарах, написанных в осн. с т. з. профессионального военного (подробно рассказывается о передовых рус. и польской армий, описываются важнейшие сражения, дается

детальный анализ причин побед и поражений рус. войск), Н. предстает также наблюдательным свидетелем, рисующим не лишенные живости портреты рус. и польских военачальников, картины быта.

Лит.: Пассек (ук.); Весняков В. И., Сенатор Д. Д. Неёлов. Биограф. очерк. — РС, 1891, № 2, с. 421 (отд. отт. — СПб., 1891); Ахачинский В. П., Писатель-смолянин Н. Д. Неёлов (Захамский). — В кн.: Смоленский гос. пед. ин-т. Рефераты и тезисы докладов XI науч. конференции, Смоленск, 1960, с. 225—27; Никольская Л. И., Нейз. перевод из Байрона (стих. «Сон» в пер. Н.). — В кн.: Проблемы стилистики и перевода, Смоленск, 1976, с. 30—40; сс. же, Первый рус. перевод драмы Д. Г. Байрона «Кайн». — В кн.: Сравнит. изучение лит-р. Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева, Л., 1976, с. 277—81. + РБС (в библиогр. ошибочно включена лит-ра, относящаяся к С. А. Неёлову); Брокгауз; Мезьер; ИДРДВ; Ботрал [ОЗ(1); «Совр.»]; Масалов.

Архивы: ГА Смоленской обл., ф. 598 (в т. ч. рукописи неопубл. воен.-ист. работ, прозаич. и драм. произв.); РГИА, ф. 1343, оп. 26, л. 943, 1837 г. (дело о дворянстве Д. Д. Неёлова; в копии м. с. — дата* и место* рождения Н.) [справка Л. М. Сеселкиной]; РГБИА, ф. 544, оп. 1, д. 28, 98, 268, 281, 339 (биограф. сведения); РГБ, ф. 231/II, к. 22, № 2 (письма М. П. Погодину, 1842); ГАРФ, ф. 109, С.А., оп. 3, л. 100 (о перлюстрации письма Н., 1861 г.).

О. В. Галузева.

НЕЁЛОВ Сергей Алексеевич [20.2(3.3).1781, по под. сведениям — 1778, Чернигов (?) — 30.4(12.5). 1852, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], поэт. Из дворян Моск. губ. Отец, А. В. Неёлов, — в 1784 пред. Палаты уголовного суда Чернигов. наместничества. В 1785 Н. записан на службу в л.-гв. Измайлов. полк

сержантом, затем переведен в л.-гв. Конный полк вахмистром (1794); в 1798 вышел в отставку в чине корнета. Кутежи, дуэли, любовные интриги, к-рыми прославился Н. в петерб. обществе (ср. упоминание его имени в соответствующем контексте в планах романа А. С. Пушкина «Русский Пелам» — VIII, 974), характеризовали его поведение и в Москве, куда он переехал после отставки. Крупные состояния и поддержка влиятельной родни (среди близких родственни-

ков — гр. Чернышёвы, гр. Салтыковы, князя Голицыны; по 1-й жене — князья Меншиковы) неоднократно спасали его от последствий подчас небезобидных «шалостей» и укрепляли в прирожденном чувстве независимости («И до преклонных лет остался// Он барин сам себе — и никому слугой» — см. в кн.: Рус. Пропилен, с. 19). Баловень прекрасного пола, завсегдатая светских гостиных, записной остроумец Англ. клуба, Н. был своим человеком и в моск. лит. кругу: приятельские отношения и переписка связывали его с И. И. Дмитриевым, И. М. Долгоруковым, В. Л. Пушкиным, А. М. Пушкиным, А. Ф. Мерзляковым, П. А. Вяземским, А. А. Перовским (Погорельским), позднее с И. П. Мятлевым и др. Обстоятельства и повод создания стихов Н. (самые ранние датируются 1789) обуславливали не только тему, но и жанрово-стилистич. характеристики текста. Балльные мадригалы, салонные эпиграммы, стихотв. записки к приятелям (напр., «Кн. П. А. Вяземскому, отсылая ему шаль» — пародия на стих. Пушкина «Черная шаль»), скабрезные куплеты для хохляцкой пирушки — любые формы из сравнительно небольшого жанрового набора, культивируемого Н., — порождались всегда конкретным импульсом. «В течение едва ли не полувека малейшее житейское событие в Москве имело в нем присяжного песнопевца. Шуточные и сатирич. стихи его были почти всегда неправильны, но зато всегда забавны, остры, метки. В обществе, в Английском клубе, на балах, он по горячим следам импровизировал свои четверостишия» (Вяземский, VIII, 159). Н. «имел потребность перекладывать экспромтом на стихи все свои чувства, впечатления, заметки» (там же, с. 361), поэтому во многих его произв. сильны бытовые, биогр. (а в поздних стих. и прямо физиологич.) мотивы, сближающие поэтич. сочинения Н. с традицией «домашней поэзии» (напр., с И. М. Долгоруковым). Однако импровизационность и устная ориентация стихов Н. делают в целом справедливым указание Вяземского, что Н. — «основатель стихотворч. школы, последователи к-рой были Мятлев и (С. А.) Соболевский; только вообще он был ск(о)ромнее» (там же, с. 158). В непристойных стих. Н., составляющих большую часть его наследия, эротич. мотивы и лексика используются в осн. как материал для языковой игры в рамках совершенно «цензурной» темы, реже — для шуточного или сатирич. обыгрывания интимных сторон быта и лишь в редчайших случаях — для создания прямого эротич. эффекта. Широкая эксплуатация Н. скатологич. тем позволила А. С. Пушкину, знавшему и ценившему об-

ценную лирику поэта, назвать его «Le chante de la merde» («певец навоза» — XIII, 184). По своим стилистич. характеристикам «неудобные для печати» стихи Н. колеблются в широком диапазоне — от откровенной барковщины до лукавых иноказаний пушкинской пробы.

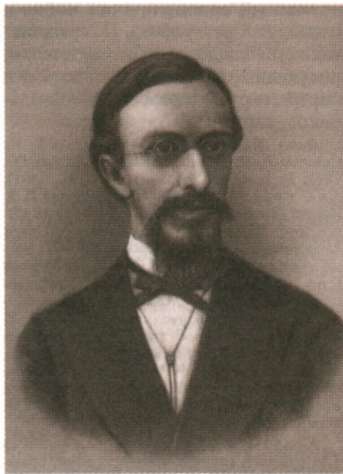
При жизни Н. его стихи почти не публиковались (среди немногочисл. исключений — стих. «Счастливые минуты» — «Журнал для милых», 1804, № 3, с. 147; «К Груше» — в кн.: Собр. рус. стихотворений, ч. 5, М., 1811; перепечатано: «Пантеон рус. поэзии», ч. 1, СПб., 1814; М. И. Невзоров назвал это стих. примером падения «модного» стихотворства — «Друг юношества», 1811, № 10, с. 120), но имели широкое устное распространение. Несколько (из сотен) его произв. и остро были приведены Вяземским в составе мемуарных заметок (отрывки из «Старой записной книжки» — РА, 1873, кн. 1; 1874, кн. 1; 1875, кн. 1, 3), в центре внимания к-рых был кружковый быт Москвы 1-й трети 19 в. с его высокой культурой устной речи и семиотизированным поведением.

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Рус. Проплеи, т. 2, М., 1916 (32 стих., список предшеств. публикаций, стих., поэм. Н.; публ. и биогр. очерк — М. О. Горькинзона); Вяземский П. А., Старая записная книжка, Л., 1929; Рус. эпитафия: Рус. калембуры, М., 1988.

Лит.: Вяземский, VIII (ук.); его же, Записные книжки (1813—48), М., 1963 (ук.); ОА, П. 200, 478, 498—99; III, 110, 367, 479; В. 82, 145; Лернер Н. О. Труды и дни Пушкина, СПб., 1910, с. 329, 448—89; Пушкин А. С. Дневник, 1833—35, М.—П., 1923, с. 209; Берков П. Н., Кольма Прутков, директор пробирийской палаты и поэт, Л., 1933, с. 24—27; Мятлев И. П., Стихотворения, Л., 1969, с. 32—33; Погорельский А. (Перовский А. А.), Избранные, М., 1985, с. 6, 364, 397, 414—15, 423; Смирнова-Россет (ук.); Рус. лит. анекдоты, XVIII в., М., 1990, с. 124. + РБС: КЛЭ: МНкр: Черский; Маслов.

Архивы: РГБ, ф. 129 (Киселёвых, родственников 2-й жены Н.), к. 20, № 1—6 (альбомы стих. Н. 1798—1851), к. 21, № 13—17 (стихотворения), к. 18, № 3—5 (письма Киселёвым); РГАЛИ, ф. 195 (стихотворения, письма П. А. Вяземскому); ф. 1336, оп. 1, № 57; ф. 1346, оп. 1, № 283 (стихотворения) [сообщено С. И. Паюмов]; РГВИА, ф. 3543, оп. 1, л. 2978 (ф. с. 1798 г.). Н. Г. Охотин, М. Д. Эвзон.

НЕЗЕЛЁНОВ Александр Ильич [21.8(2.9).1845, Петербург — 31.1(12.2).1896, Гурзуф; похоронен на Смоленском кладб. в Петербурге], историк рус. лит-ры, критик, педагог. Род. в семье артиста имп. театров. Учился в частном пансионе сестер Ларионовых, 3-й петерб. г-зии (1856—63). Окончил ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та (1869). В студенч. годы сблизился с О. Ф. Миллером, по представлению к-рого был оставлен в ун-те для подготовки к магистер. экзамену. В 1876 удостоен степени магистра. С 1877 приват-доцент, с 1888 исправляющий должность экстраординарного проф. Петерб. ун-та (первым ввел спецкурс по истории рус. лит-ры 18 в.); д. стат. сов. (с 1891). Читал также лекции в Павлов-

ском воен. уч-ще (преподавал ок. 20 лет), Уч-ще Св. Екатерины, Павловском и Патриотич. ин-тах, Уч-ще правоведения, на Жен. пед. курсах, в частных г-зиях К. И. Мая и Л. С. Таганцевой. Был женат на дочери священника, детей не имел. В последние годы жизни оставил пед. деятельность из-за болезни (умер в Крыму от туберкулеза).

Осн. сфера науч. интересов Н. — история рус. лит-ры 18 в.; в работе «Н. И. Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг.» (СПб., 1875; магистер. дис.; отзыв: «Дело», 1875, № 11) ввел в науч. оборот ряд неизвестных и малоизвестных материалов и документов к биографии Новикова. В соч. «Лит. направления в Екатерининскую эпоху» (ИВ, 1884, № 5—6; 1886, № 9—10; отд. изд. — СПб., 1889) поставил задачу на основании широкого круга источников (старые журналы, в т. ч. «Российский феатр», масонские соч. и пр.) распределить ряд мало оцененных по ист. значению лит. фактов в систематич. порядке с целью «построить гипотезу о законах развития лит-ры Екатерининского времени» (отд. изд. — с. VII).

Критика, отивши в соч. Н. «исбзынтересное собрание фактов», оценила его систематизацию как «слишком отрывочную, эпизодическую, а иногда и неверную» (А. П. (ыпин) — ВЕ, 1889, № 5). Возражения вызвала общая концепция лит. процесса: предложенные Н. три осн. направления — скептически-материалистич., мистико-идеологич. и непосредств.-народное — представлялись «далеко не резко определенными», не охватывающими реального лит. материала, напр. отсутствие сведений о Г. Р. Державине («Недели», 1889, № 17); теоретич. выводы Н. (в частности, о влиянии франц. энциклопедистов на творчество В. И. Майкова и И. Ф. Богдановича) не были приняты (СВ, 1889, № 4). Лишь рецензент газ. «Новое время» (1889, 31 марта) высоко оценил труд Н., поскольку в нем показано, что, несмотря на увеличение объёма всем «известным», рус. начала были в нем очень сильны.

Как критик дебютировал в ж. «Заря» (1870, № 5) рецензией на ром. И. А. Гончарова «Обрыв», в к-рой открыто заявил себя приверженцем традиций «органич. критики», пос-

ледователем А. А. Григорьева и Н. Н. Страхова. В своих социально-полит. взглядах придерживался идеалов «почвенничества», считая, что в рос. истории происходит органич. слияние общинных начал древней Руси с индивидуальным началом зап.-европ. образованности. Осуществление этого идеала Н. находил в поэзии зрелого Пушкина, когда в душе поэта осуществилось соединение «тревожных, энергических и страстных зап.-европ. начал с простыми, смиренными и добрыми началами рус. нар. жизни» [«А. С. Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799—1826)», СПб., 1882, с. IV; отзыв: ОЗ, 1882, № 12]. В речи о Пушкине, произнесенной в годичном акте Петерб. ун-та 8 февр. 1887 (отд. изд.: СПб., 1887), рецензенты отметили прямые заимствования из «пушкинской речи» Ф. М. Достоевского (см.: РМ, 1887, № 4, с. 216; «А. Л. Волынский» — СВ, 1893, № 4, с. 44). В целом пушкиноведч. статьи Н., составившие сб. «Шесть статей о Пушкине» (СПб., 1892), носят преим. описат. характер (обширные цитаты, пространное изложение изв. фактов, повторение ранее высказанных идей и т. д.), на что неоднократно указывала критика: «г. Н. не прибавляет в своей книге ничего нового к тому, что уже было до него сказано о значении Пушкина, и все его ист.-лит. размышления имеют такой поверхностный характер, выражены тускло, ordinarily, отрывочно» (СВ, 1893, № 4, с. 42); частые повторения в статьях Н. о поэте отметил и обозреватель ж. «Рус. мысль» (1893, № 2, с. 60). Также указывалось на мешающее адекватному пониманию поэзии Пушкина «обилие этич. целомудрия» (П. (Щёголев) — ИВ, 1902, № 12, с. 1161), являвшееся проявлением присущего лит. взглядам Н. нравств. ригоризма, что давало повод иронизировать над «патриотическим и добродетельным сердцем» Н. (В. Калаш — РМ, 1895, № 7, с. 69). Науч. значение имела проделанная Н. работа по публикации пушк. рукописей («Новые отрывки и варианты соч. Пушкина, из рукописей Румянцевского музея» — ИВ, 1889, № 3; вошла в сб. «Шесть статей о Пушкине»; положит. отзыв: «Библиограф», 1892, № 12); им впервые опублик. варианты стих. «Бова», «Из Пиндемонти» и др., внесены нек-рые текстологич. уточнения (предложил изменить назв. стих. «Чернь» на «Поэт и толпа», указав назв. стих. «Мирская власть», ранее опубликованные без назв.).

Концепция истории рус. лит-ры 19 в., изложенная в работах «Гургуев в его произведениях» (СПб., 1885) и «А. Н. Островский в его произведениях, первый период дея-

тельности» (СПб., 1888), неоригинальна. Здесь Н. вновь повторяет мысль об обществ. идеале как о слиянии «общинного и личного начал» («Тургенев...», с. 7; «Островский...», с. 8); в следовании этому идеалу Н. полагает народность писателя. Смысл искусства, согласно Н., заключается «в личности поэта, в его мирозерцании», а задача критика соответственно видится в том, чтобы «подметить личность поэта и ее идеал» («Островский...», с. 17). Декларируемая Н. ориентация на традиции критики 1830—50-х гг. (прежде всего на Ап. Григорьева, на работы к-рого он постоянно ссылался) — с подробным пересказом сюжетов разбираемых произв., пространными цитатами, многочисл. лит. параллелями — воспринималась как устаревшая; его метод анализа определялся современниками как «библиографо-биографич. род критики» (ОЗ, 1882, № 12, с. 207), как «профессорская лит. критика» (СВ, 1888, № 6, с. 98).

С пед. деятельностью связан цикл статей «О преподавании рус. словесности» в средних учебных заведениях (отд. изд. — СПб., 1880; иронич. отзыв: ОЗ, 1880, № 12), в к-рых Н. критиковал исключительно эстетически-стилистич. подход к изучению лит-ры и предлагал ввести в преподавание ист. элемент. Итогом науч.-пед. деятельности Н. стало уч. пособие «История рус. словесности для средних уч. заведений» (СПб., 1893), в к-ром обобщены его частные наблюдения и отразились лит. и обществ.-полит. взгляды.

Пособие было удостоено малой пр. Петра Великого, быстро разошлось и многократно переиздавалось (ч. 1 — 25-е изд., СПб., 1918; ч. 1 — 2 — 19-е изд., СПб., 1910—14). Один из рецензентов, поговестов на недостаток и низкий уровень существующих пособий подобного рода, сдержанно приветствовал факт появления нового, но одновременно не одобрял «или шина этого труда, ни приемов автора» (СВ, 1894, № 6, отд. 2, с. 52). В. В. Калаша, отметив «свежесть материала», «живость, даже увлекательность изложения», критиковал Н. за воспроизведение «всех ошибок славянофильской и мифологич. школы», за примитивную классификацию (разделение лит. произв. на «возникших под иностр. влиянием» и «написанных в нар. духе») и в итоге указывал, что «недостаток ист. чутки» автора, его «предвзятые взгляды, припошлывший патриотизм» привели Н. к «уклонениям от истины и яравой педагогии» («Новый труд по истории рус. лит-ры» — РМ, 1895, № 7, с. 64—71).

Др. произв.: «А. С. Грибоедов, лит. характеристика» (РР, 1879, № 3), «Н. И. Новиков в Шлиссельбургской крепости. По новым документам» (ИВ, 1882, № 12), «А. Н. Радищев. Лит. характеристика» (ИВ, 1883, № 4), «Евгений Онегин», роман Пушкина. Лит. разбор» (РО, 1890, № 6), «Лит. деятельность И. А. Гончарова» (РО, 1891, № 10).

Изм.: Собр. соч., т. 1—4, СПб., 1889—1903. Лит.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966 (ук.). + Некрологи, 1896: ВИ, № 1412; РФВ, т. 35: ЖМНП, № 5; ИВ, № 3: «Нива», № 8. Биогр. словарь профессоров СПб.

ун-та, т. 2; Брокгауз; Венгеров. Источ.: КЛЭ: Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1269; ИРЛИ, ф. 377; РНБ, ф. 608, оп. 1, № 1047 (51 письмо И. В. Поняловскому, 1884—95 гг.); ф. 874, оп. 1, № 20...62 (23 письма С. Н. Шубинскому, 1881—1895 гг.); РГИА, ф. 733, оп. 135, д. 174 (ф. с. 1896 г.); оп. 150, д. 316. А. А. Носов.

НЕКРАСОВ Николай Алексеевич [28.11(10.12).1821, с. Синьки Балт. у. Подольской губ.* — 27.12.1877 (8.1.1878), Петербург; похоронен на кладб. Новодевичьего мон.]. Поколенная роспись (поданная дедом Н. Сер. Ал.), по к-рой их род восходит к орловской ветви нач. 17 в. [на ней основана версия Н. П. Чулкова

(ГМЛ), лежащая в основе биогр. работ о Н.], не подтверждается арх. данными, согласно к-рым род Н. восходит к дворянину Як. Матв. (ум. ок. 1740) (РГАДА, ф. 1209, оп. 3, д. 352, л. 488; см. также: Бессонов, 1984).

Отец, Ал. Серг. (1788—1862), — отставной (с 1823) майор, помещик среднего достатка, по характеристике Н., «сдава грамотный» (Некрасов, XII, 15; здесь и далее ссылки на ПССНП, т. 1—12, 1948—52), человек крутого нрава, задалый охотник и игрок. Мать, Ел. Алш., урожд. Захаревская (1801—41), — из семьи мелкого чиновника, малоросса, «красавица, образованная»; сам Н. считал ее пошлой. Брак, заключенный в 1817 вопреки воле родителей невесты, не был счастливым. Кроме Н. от этого брака родились пятеро детей: Алшрей (1820—38), Елизавета (в замужестве Звягина; 1821—42), Анна (в замужестве Буткевич; 1823 или 1825—82), Константин (1824—84) и Федор (1827—1913).

Детство Н. прошло в родовом имении — с. Грешневе Ярослав. губ., близ Волги. «В доме — псаря, охотники, любовники, попойки, трепещущая дворня... Н. дружит с крест. детьми. Одно время отец, служивший исправником, берет Н. в разведки по делам службы: мальчик присутствует при уголовных следствиях...» (цит. по: Ашук и н, 1935, с. 21). Начальной грамоте Н. учился у ярослав. семинаристов; в 6—7 лет уже сочинял стихи (см.: ЛН, т. 49/50, с. 147). Осенью 1832 поступил в 1-й класс Ярослав. г-зии, где вскоре, по собств. словам, «ударился в фразерство, на-

чал почитать журналы... писал сатиры на товарищей» (Некрасов, XII, 21) и предпочитал занятиям игру на бильярде. Из-за хронич. неупеваемости, а также нежелания отца своевременно вносить плату за обучение вышел из г-зии в 1837, не окончив 5-го класса; более года прожил в Грешневе, где был, в частности, свидетелем потрясших его сцен отцовского глумления над матерью (Ф. М. Достоевский вспоминал, как в 1845 Н. говорил «со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая истомила его в родительском доме» — XXVI, 111; Е. Я. Колбасин, хорошо знавший Н., писал: «Нелюбовь к отцу, виновнику несчастий матери... он выкупал каким-то фанатическим боготворением матери» — Колбасин, с. 228). В Грешневе, став участником барских «потех», прежде всего охоты, Н. пристрастился к ней на всю жизнь.

В июле 1838, «надув отца притворным согласием поступить в Дворянский полк», с тетрадью стихов («что ни прочту, тому и подражаю» — Некрасов, XII, 21) Н. отправился в Петербург, рассчитывая начать печататься и поступить в ун-т, что стало причиной его долговременной ссоры с отцом. Однако существ. пробелы в образовании помешали ему в июле 1839 успешно сдать экзамены на ф-т слов. языков, год спустя — на юрид. ф-т Петерб. ун-та, а необходимость борьбы за выживание (отцовская помощь прекратилась) не позволила сколько-нибудь систематически посещать ун-т в качестве вольнослушателя.

Скудные и разноречивые сведения, в т. ч. автобиографические, о пребывании Н. в Петербурге в 1838—40 (подробно разобраны в кн.: Евгеньев-Максимов, т. 1, с. 155—91) рисуют картины нищеты, порой до жизни на подаяние, на копейки за написание писем для неграмотных и т. д., впроголодь, часто — в ночлежках и «петерб. утлах» (в числе изв. адресов — Свечной пер., 12/20; Разъезжая ул., 24). Иногда Н. зарабатывал репетиторством; порой, согласно его рассказу, записанному В. А. Панаевым, сочинял «стишонки забавные», к-рые сам печатал «на листочках» и сам же продавал «гостиннодворским молодцам» (ЛН, т. 49/50, с. 200). Среди его знакомых тех лет — Н. А. Полевой, офицеры Н. Ф. Фермор, Г. Ф. Бенецкий, будущий «бархатный диктатор» М. Т. Лорис-Меликов. Склонный к богемной жизни Н., по свидетельству одного из наиб. близких приятелей — художника и музыканта К. А. Даннеберга, еще в 1839 был вхож в лит. и журналист. круги, что не вполне соответствует облику одинокого и заброшенного провинц. поэта (подробнее см.: Вацура В. Э., Некрасов и

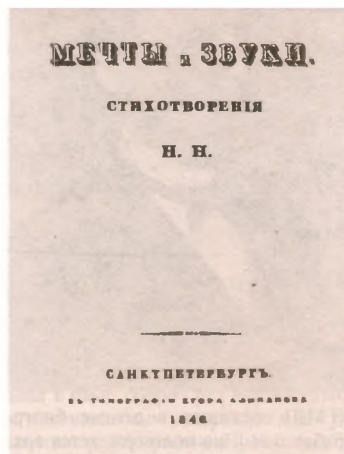
К. А. Даннеберг. — РЛ, 1976, № 1). Именно в те годы Н. «дал себе слово не умереть на чердаке»: «идеализма было у меня пропасть... я стал убивать его в себе и старался развить практическую сметку» (записи А. С. Суворина — ЛН, т. 49/50, с. 202—203). Отмечаемый большинством мемуаристов сложный характер Н. — «этого загадочного человека» (Достоевский, XXVI, 111) с «резким, несколько ожесточенным умом» (Панаев, с. 285), чей житейский практицизм оттенялся взглядом «на себя и на жизнь как на истертое платье, о котором не стоит заботиться» (Дружинин А. В., Повести. Дневник, М., 1986, с. 223), складывался (помимо травмирующих дет. впечатлений) и в непосредств. соприкосновении на рубеже 40-х гг. с людьми и нравами петерб. «дна». В неоконч. автобиогр. ром. «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843; частично опублик.: ОЗ, 1843, № 12; под назв. «Петербургские углы» — в альб. «Физиология Петербурга», ч. 1, 1845; полностью — М.—Л., 1931) Н. описал обстановку собств. мытарств первых лет жизни в столице и, возможно, нек-рые лично им пережитые заключения.

Первый поэтич. опыт Н., появившийся в печати, — подражательно-романтич. стих. «Мысль» (СО, 1838, № 10), за к-рым последовали еще до десяти стих. в «Б-ке для чтения» и «Лит. прибавлениях к „Рус. инвалиду“», в общем сочувственно встреченных критикой (см.: Аникина А., Бухштаб Б., Первые печатные отзывы о стих. Н. — ЛН, т. 53/54). С корректурными листами своего первого поэтич. сб-ка «Мечты и звуки» (СПб., 1840) Н. явился к В. А. Жуковскому, к-рый предложил ему, что вскоре он пожалеет о выпуске незрелой книги. Однако деньги за проданную вперед часть тиража Н. уже истратил, что исключало останков сборника (по совету Жуковского) вышел под криптонимом Н. Н.).

Сборник вызвал ряд поощрит. откликов (1840: (П. А. Плишнев) — «Совр.», № 2; Ф. Н. Мещков — ЖМНП, № 3; Н. С. — СП, 14 марта; Н. А. Полевой — СО, 1840, т. 1). Тем не менее Н. приключался больше к негативным оценкам. В. С. Мейжнер утверждал, что, «собрав циро стихотворца», Н. «повсюду себя зачитывал дельным... и будет гражданином полезным» (ЛГ, 1840, 24 февр.; б. п.); В. Г. Белинский замечал, что хотя у автора «есть и душа, и чувство... в стихи перешли только отвлеченные мысли, общие места, правильность, гладкость — и скука» (IV, 118). Читательского успеха сборник не имел. Н., по его словам, уничтожил б. ч. тиража и «отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах», «стал писать эгоистические», т. е. рассчитанные на заработок (Некрасов, XII, 12, 22). Сестре, Елиз. Ал., он писал 9 нояб. 1840: «Отчего я так холодно встречаю и успех, и неуспех того, что другого или закнуло бы на сильное него, или бросило в озноб злости и отчаяния?» (X, 17).

В «Мечтах и звуках» Н. еще всецело оставался в рамках усредненного поэтич. канона эпохи, к-рый сло-

жился под влиянием Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и был популяризован В. Г. Бенедиктовым (о чьем влиянии на Н. см.: Шимкевич). Неудача сборника ускорила крушение его юнош. доверчивости к поэтич. «общим местам», заставил обратиться к новым средствам поэтич. выразительности, прежде всего — к антиромантич. пародии (стих. «К ней!!!» — «Пантеон», 1840, № 10). Быстрота и легкость происшедшей метаморфозы объяснялись, видимо, невозможностью выразить средствами традиц. «поэтичности» качественно новый социальный и душевный опыт, накопленный им к тому времени. Стихотв. сатирич. обозрение «Провинциальный подь-

Н. А. Некрасов. «Мечты и звуки». СПб., 1840. Обложка.

ячий в Петербурге» (там же, № 2, 3, 7) — первое произв., отмеченное одобрит. отзывом Белинского (IV, 169).

К 1840 Н. познакомился с И. И. Панаевым, Д. В. Григоровичем, Ф. А. Кони. По совету последнего начал писать прозу, в т. ч. повесть о чиновнике-дельце «Макар Осипович Случайный» («Пантеон», 1840, № 5; отклики: Ф. В. Булгарин — СП, 1840, 24 дек.; Белинский, IV, 290; А. А. Григорьев видел в ней «развитие семени, заброшенного Гоголем», — тему «мелкого человека» в мелких же обстоятельствах — Григорьев, Критика, с. 267) на сюжет, заимствованный из «Маскарада» Н. Ф. Павлова.

В 1840 в связи с переходом «Лит. газ.» под редакцию Ф. А. Кони Н. становится его осн. помощником (до 1843), а с 1844 — негласным ред. газеты [«Краевский (владелец „Лит. газ.“ — Ред.) по контракту взял на себя всю работу за 18000 р. ассигнациями, а сдал мне всю ее за 6000 р. в год» — Некрасов, XII, 13]. Из

номера в номер Н. печатал огромное количество рецензий, юмористич. заметок, стихотв. пародий, сатирич. миниатюр, фельетонов, в т. ч. циклы: «Хроника петерб. жителя», «Петербург. хроника», «Петербург. дачи и окрестности», «Дагерротип». Сотрудничал также в «Пантеоне», «Отч. записках», «Рус. инвалиде». Кроме того, Н., по его словам, «писал отзывы... о книгах — ничего о них не зная», был «поставщиком» у издателя В. И. Полежаева, «писал азбуки, сказки по его заказу» и всего «в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы» (XII, 12, 23) анонимно или под разными псевдонимами, в т. ч. Н. А. Перепельский.

Кони ввел Н. в театр. круги; он познакомился с актерами А. Е. Мартыновым, В. В. Самойловым, А. И. Шуберт, В. Н. Асенковой (стих. «Памяти А(сенков)ой», 1855); на сцене Александрин. т-ра с успехом шли его водевили «Шла в мешке не утаишь — девушки под замком не удержишь» («Репертуар рус. театра», 1841, № 4; комп. Ю. К. Арнольд вспоминал, что «фабулу и сценарий» придумал Кони, — см.: Иссерлин, Хмельницкая, с. 53), «Утро в редакции» (ЛГ, 1841, 4, 6 февр.; изображены Кони и сам Н.), «Актер» («Текущий репертуар рус. сцены», 1841, № 8; написан для бенефиса Самойлова; удержался на сцене до нач. 60-х гг.) и др. Значит. сценич. успех выпал на долю мелодрамы «Материнское благословение, или Бедность и честь», продолжавшейся в столич. и провинц. репертуаре ок. ста лет (пост. в 1842; опублик. полностью в 1930; переделка франц. пьесы А. Ф. Деннери и Г. Лемуана «Божья милость»).

Вспомогательная впоследствии «мир тогoleвского Петербурга... в языку его мизантропической оригинальности... мир „Александрини“ в полном цвете ее развития», т. е. время 1-й пол. 40-х гг., Григорьев называл в числе его характерных представителей «еще скитавшегося Некрасова-Перепельского» (Григорьев, Восп., с. 6).

В это время Н. писал стихи исключительно в жанре фельетонов или «обозрений», снискавших ему нек-рую известность, напр. «Говорун» (1843—45). В них под видом «водевильной болтовни» (Белинский, VII, 8), в стилистике «чиновничьего сказа» [Бухштаб Б. Я., Нач. период сатирич. поэзии Н. (1840—1845). — В кн.: Некрасовский сб., в. 2, М.—Л., 1956, с. 119], включающей иронич. цитаты, пародийный контекст, разнообразные «снижения», постепенно складывался новаторский стих Н. («За опыты в пиитике/ Я не ищу похвал,/ И пусть иные критики/ Отхлещут напывал...» — «Говорун»), формировался новый образ носителя поэтич. речи, в чьем облике черты жуирующего чиновника (отчасти пародирующие лирич. героя Бенедиктова) неуклон-

но вытеснялись чертами разночинца, горожанина-бедняка, с болью и надрывом воспринимающего действительность. Между стих. «Чиновник» (1844) и «Пьяница» (1845) пролегла решающая граница.

Примерно к 1844 Н. выбыл из бедности — гл. обр. благодаря начатой им издат. деятельности («развлекат.» альм. «Статьки в стихах. Без картинок», т. 1—2, СПб., 1843; с участием его самого, В. Р. Зотова и Н. И. Куликова). Практич. чутье помогло ему воспользоваться конъюнктурой лит. рынка с растущим числом читателей, «читающих для процесса чтения» (Майков В. Н., Лит. критика, Л., 1985, с. 200), что кроме ближайших выгод (барыш и высокий статус «издателя») открывало и дальние перспективы: «... от редакции альманаха можно незаметно перейти и к действительной редакции какого-нибудь издания, напр., толстого и плодотворного журнала» (там же).

С осени 1845 Н. поселился в хорошей четырехкомнатной квартире в Поварском пер., 13, где прожил ок. года; затем снял совм. с И. И. Панаевым квартиру на наб. р. Фонтанки, 19; там до осени 1850 помещалась редакция «Современника». Посл. петерб. адрес Н. (с 1857) — Литейный просп., 36/2 (с 1945 — Мем. музей-квартира поэта).

Исключит. роль в личностном и творч. становлении Н. сыграло его знакомство с Белинским, состоявшееся, вероятно, в 1840—41 и вскоре перешедшее в дружбу с оттенком наставничества Белинского (к-рый к этому времени взглядел в нем талант журналиста). Много времени они проводили вместе, беседуя, играя в карты, летом 1844 соседствовали на даче в Лесном под Петербургом. По свидетельству П. В. Анненкова, Н. говорил: «Белинский производит на меня из литературной бродяги в дворяне» (Стасюлевич, т. 3, с. 352). Гражд. темперамент и лит.-эстетич. установки Белинского сильно повлияли на замысел совместно изданных ими альманахов «Физиология Петербурга» (ч. 1—2, СПб., 1845) и «Петербургский сборник» (СПб., 1846), в к-рых участвовали Григорьев, Панаев, А. И. Герцен, Е. П. Гребёнка, В. И. Даль, И. С. Тургенев и др. Эти альманахи, составившие «эпоху» (особенно «Петербургский сборник», где дебютировал романом «Бедные люди» Достоевский, «открытый» Григорьевичем и Н.), стали яркой манифестацией натуральной школы, привлекли внимание публики, а также властей — по нек-рым данным, Л. В. Дубельт вызвал Н. в III отд. и «много кричал, как (он) смеет нападать на чиновников и на дворян» (Шуберт А. И., Моя жизнь, Л., 1928, с. 86), а Ф. В. Булга-

рин с тех пор аттестовал его в доносах «самым отчаянным коммунистом» (см.: Евгений-Максимов, 1934, с. 240—41, и др.).

Начало своей подлинно orig. поэтич. работы Н. позднее датировал сер. 40-х гг. Летом 1846, гостя в усадьбе Соколово под Москвой у Герцена (где, будучи мало знаком большинству участников герценов. кружка, возбуждал «общий симпатический интерес своей судьбою и своей поэзией» — Анненков, с. 244), он написал стих. «Я за то глубоко презираю себя...», к-рое лишь в 1856 решился напечатать под назв. «Из Ларры» (в сб. «Стихотворения»), а в конце жизни снабдил примечанием: «... приписано Ларре по странности содержания. Искреннее» (I, 519). Это стих., явно несущее следы общения с «людьми сороковых годов», чья образованность и просвещенный радикализм сильно импонировали ему, что, впрочем, не исключало и раздражения их неделовитостью и «помещичьим» незнанием рус. жизни, — хронологически первый образчик рефлексировавшей лирики Н. Вообще, в стихах сер. 40-х гг., в т. ч. «Стишки! стишки! давно ль и я был гений?» (ЛГ, 1845, 11 янв.), «Современная ода» (ОЗ, 1845, № 4), «Когда из мрака заблужденья...» (ОЗ, 1846, № 4), фактически снимающем социальную дистанцию между авторским «я» и «падшей женщиной», «Колыбельная песня» — сатирич. парафраз «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова, «В дороге» (оба — «Петербург. сб.», в к-ром, по словам Григорьева, «совместились все повести сороковых годов» на тему крепостного рабства — Григорьев. Критика, с. 458), явился неповторимый «голос» Н. — сочетание «рыдающих» лирич. интонаций с жесткой зоркостью социально-психол. зрения, распространяемой и на самого себя, вплоть до самобичевания. В стих. 1846 «Родина» [опубл. в указ. сб-ке «Стихотворения» под назв. «Старые хоромы. (Из Ларры)»], исходный мотив к-рого перекликался с пушкинским «Вновь я посетил...» и в к-ром ностальгич. воспоминания обернулись беспощадной картиной разорения родительского гнезда («Где было суждено мне Божий свет увидеть, / Где научился я терпеть и ненавидеть, / Но, ненависть в душе постыдно притая, / Где иногда бывал помещиком и я...»), Белинскому, по словам Н., «понравились задатки отрицания и вообще зарождение слов и мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах» (XII, 13). Разительная тематическо-интонац. новизна первых шедевров Н., частично опубл. в «Петербургском сборнике» (единств. заметный поэтич. вклад в гл. обр. прозаическую лит-ру натуральной шко-

лы), получила полярную оценку у различно ориентированных критиков [Белинский: «... это не стишки к деде и луне; в них много умного, дельного и современного» (IX, 573); С. П. Шевырёв: «... где эти сочиняют? В Пекине, на островах Сандвичевых?» («Москв.», 1846, № 2, с. 185)].

В нач. 1846 в результате переговоров Н., Белинского, Герцена и др. было решено издавать журнал, развивающий принципы натуральной школы. В поисках средств для осуществления этого плана летом того же года Н. с Белинским ездил в Москву, а затем с Панаевым и А. Я. Панаевой — в имение Новоспасское Казан. губ., к богатому либеральному помещику Г. М. Толстому, чье участие в предприятии не состоялось. В итоге в осн. на средства Панаева был взят в аренду ж. «Современник». Молва об этой сделке уверенно называла Белинского в числе арендаторов (см., напр.: Аксаков И. С., Письма к родным, М., 1988, с. 324). Однако Н., понимавший, что дни большого Белинского сочтены, не захотел связывать себя материальными обязательствами перед его будущими наследниками и, назначив ему высокий гонорар, в «пае» тем не менее отказал, несмотря даже на то, что в портфель нового журнала Белинский передал все рукописи, к-рые собрал для замышлявшегося им собств. альм. «Левиафан». Глубоко задетый поступком Н., Белинский все же не отказался сотрудничать в «Современнике», а в письме Тургеневу от 1 марта 1847 изложил собств. понимание инцидента, вообще проливающее свет на отношение к Н. «людей сороковых годов», никогда вполне не ощутивших его человеком единого с ними духовного гезекиса: «... он действовал честно и добросовестно, основываясь на объективном праве, а не понятии о другом, вышем, он еще не дорос ... никогда не был ни идеалистом, ни романтиком на наш манер... Главная ошибка Н(екрасова) состоит в том, что он не понял, что кружок людей, в который он вошел, имеет совсем иные понятия о праве, а между тем он, войдя в этот кружок, пришел от него в некоторую зависимость, особенно по изданию журнала» (XII, 343). Ср. позднейшее (1853) впечатление Т. Н. Грановского: в Н. «много отталкивающего. Но раз стал он ... читать стихи свои, и я был поражен неприятным противоречием между мелким торгашом и глубоко и горько чувствующим поэтом» (Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, М., 1897, с. 431).

Первый номер обновл. «Современника» увидел свет 1 янв. 1847 (выходил в Петербурге до 1866); издателя — Панаев и Н. (при номинальном редакторстве А. В. Ники-

тенко, вскоре отказавшегося от своей фиктивной роли, — см.: Никитенко, I, 301). Вся тяжесть работы по журналу — правка рукописей, деловая переписка, изнурит. противоборство с цензурой и т. д. — фактически легла на плечи Н. Кроме того, Н., ощущая дефицит мат-лов для журнала (напр., в критико-публицист. отд. после смерти Белинского), в разные годы выступал в качестве автора и соавтора (свидетельство его уникальной творч. коммуникабельности) сочинений практически во всех лит.-журн. жанрах. Так, Н. совм. с Панаевой и И. А. Панаевым (гл. обр. для восполнения ценз. изъятий) написал для «Современника» пространные романы с авантюрно-приключенч. сюжетом («Три страны света» — 1848, № 10—12; 1849, № 1—5; отд. изд. — т. 1—2, СПб., 1849; 3-е изд., СПб., 1872) и нраво-описательным из актерской жизни («Мертвое озеро» — 1851, № 1—10; отд. изд. — т. 1—3, СПб., 1852), «сам подсмеиваясь над этой работой» [Колбасин, с. 232; вообще, о своей худож. прозе Н. отзывался иронически; исключением стали очерк «Петербургские углы» («Физиология Петербурга», ч. 1) и главы из ром. «Тонкий человек» («Совр.», 1855, № 1; отд. изд. — М., 1928), где в юмористич. ключе намечалась тема крепостной России]. В числе соавторов Н. — И. И. Панаев (первые под маской Новый поэт они выступили в «Отеч. зап.» в 1843), совм. с к-рым написаны «Заметки и размышления Нового поэта о рус. журналах» («Совр.», 1851, № 8; 1855, № 1, и др.), а также В. П. Боткин, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Майков, участвовавшие с Н. в цикле фельетонных обзор. «Заметки о журналах» («Совр.», 1855—56). Как руководитель «Современника» Н. проявил незаурядную интуицию и выработал в собств. лице новый тип редактора-издателя; в отличие, напр., от О. И. Сенковского и А. А. Краевского, в той или иной степени следовавших за читат. спросом, Н., не жертвуя интересами «дела», прилагал большие усилия к просвещению читат. аудитории в антикрепостнич. и демокр. духе. Не избегав упреков в «прижимистости», Н. тем не менее широко поддерживал нуждающихся сотрудников, собрал вокруг журнала «лучшие силы» (в разные годы в нем печатались Белинский, Герцен, Тургенев, Григорович, И. А. Гончаров, А. В. Дружинин, А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, А. Фет, Чернышевский, Н. А. Добролюбов, сам Н. и др.) и создал, по признанию многих, наиб. значит. журнал своего времени (подробнее см.: Евгеньев-Максимов, 1934).

Занятый журналом, во 2-й пол. 40-х гг. Н. написал всего несколько стих., к-рые вместе с тем раскрывали настоящие возможности его таланта: по свидетельству Зотова, он уже «оставил себе громкое имя» (ЛГ, 1848, 5 февр.; 6 п.). Стих. «Огородник» и «Тройка» (оба — 1846), впитавшие дух и образность нар. поэзии, впечатления от «песен» А. В. Кольцова, отличались «новым тоном стиха» (Розанов В. В., Соч., М., 1990, с. 34) и вскоре сами вошли в рус. песенный фольклор. Стих. «Еду ли ночью по улице темной...» (1847) — свидетельство зрелости Н. как поэта Петербурга, с его жестокими «мещан. драмами», — относится к числу стих., особенно глубоко потрясших современников (см., напр.: Тургенев. Письма, I, 264; Пантелеев,

Н. А. Некрасов. Рис. И. Петровского. 1852.

с. 223; ср.: «оно первое показало: Россия приобретает великого поэта» — Чернышевский, XV, 210). Стих. «Вчерашний день, часу в шестом...» (1848) соединило мрачный облик столицы с темой «страдающих народных» в ставшем хрестоматийным уподоблении музы поэта — крестьянке, наказываемой на Сенной; этот образ не раз откликнется в поэзии Н. вплоть до последних, предсмертных строк: «Не русский — взглянет без любви/ На эту бледную, в крови/ Кнутом иссеченную Музу...».

К этому времени Н. пережил две или три любовные привязанности, о к-рых сохранились глухие и не вполне достоверные упоминания (напр., о романе с гувернанткой, превратившейся после разлуки с Н. в уличную женщину, — Колбасин, с. 228—30); в память об одной из них написано стих. «Я посетил твою кладбище...» (1856). Во 2-й пол. 40-х гг. гражд. женой Н. стала Панаева, совместная жизнь с к-рой со

множеством разрывов и расхождений, вызванных «трудностью» характеров обоих, ложностью положения Панаевой, смертью в младенчестве их детей и др. причинами, длилась до 1863 (см. биогр. очерк К. И. Чуковского «Н. и Авдотья Панаева» — в кн.: Чуковский, 1930). Обращенные к Панаевой стихи Н. (т. н. панаевский цикл) — «Если, мучимый страстью мятежной...» (1847), «Поражена потерей безвозвратной...» (1848?), «Я не люблю иронии твоей...», «Да, наша жизнь текла мятежно...» (оба — 1850), «Мы с тобой бестолковые люди...» (1851), «Зачем насмешливо ревнуешь...», «Давно — отвергнутый тобою...», «Тяжелый крест достался ей на долю...» (все — 1855), «Тяжелый год — сломил меня недуг...» (1855—1856), «Слезы и нервы» (1861) и др. — одна из лучших страниц рус. любовной лирики.

Н. первым из рус. поэтов создает развернутую хронику изначально обреченной страсти с тенью «развязки неизбежной», лишь отодвигаемой минутами счастья и согласия. Героиня — не «этико-эстетический идеал» и «норма», а «конкретный и типический характер» (Гуковский Г. А., Некрасов и Тютчев. — «Науч. бюллетень Ленингр. ун-та», 1947, № 16/17, с. 53); отношения лирич. героя и женщины раскрываются как «диалог» двух самостоят. существований, равных и как бы независимых друг от друга. Как закономерный фон такого диалога в стихах привносятся «проза любви» в ее разнообразных, в т. ч. и неврастенич. проявлениях, обыденные интонации, «случайные» детали, что придает панаевскому циклу романтный характер. Не в последнюю очередь источником драм. интриги цикла служит меняющееся во времени (от преклонения до горечи и надрыва) отношение героя к любимой (и как бы «обратный свет», отбрасываемый ее отношением к нему). Ср., напр., ракурсы и психол. стилистику трех поэтич. портретов одного лица: «Ты так встречаешь испытанья/ Так презираешь ты людей/ Как будто люди и страданья/ Слабее гордости твоей» (1855); «Страдалца! стоишь ты предо мной/ Прекрасным призраком с безумными глазами!» (1855); «...Боже мой! Зачем не мог я прежде видеть?/ Ее не стоило любить/ Ее не стоит ненавидеть.../ О ней не стоит говорить...» (1861). (Напрашивается сопоставление панаевского цикла Н. с «денисьевским циклом» Тютчева и явное сходство их обоих с «мучительной» окраской любовных сюжетов в романах Достоевского, тогда еще не написанных.)

На всех этапах поэтич. работы Н. ее качества, особенно сильно оставались авторефлексия, своего рода неусып-

ный самоконтроль. Свой «суровый, неуклюжий стих» («Праздник жизни — молодости годы...», 1855) он вырабатывал совершенно целенаправленно. Сохранилось немало свидетельств о «строге сознательном» характере поэтик. работы Н. Если вслед за др. критиками Б. Н. Алмазов в 1852 недоумевал, «каким образом (Н.) ухитрился вколотить в стихотворческую форму ультра-прозаич. содержание» (цит. по: Зелинский, ч. 1, с. 42), то объяснение этому содержится в ст. Н. «Рус. второстепенные поэты» («Совр.», 1850, № 1), где, в частности, бесспорное худож. чутье позволило ему, заново «открыв» полузабытые тогда стихи Тютчева, назвать его одним из крупнейших рус. лириков. Н. констатировал отсутствие стихов в текущей лит-ре, связывая это с тем, что «Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворческую форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий», и предпочтение литераторами в «эпоху положительную» прозаич. жанров, дающих больше возможностей для творч. самореализации и социального успеха, — для истинного поэта в данных условиях единств. путь выиграть состязание с совр. прозой на ее собств. территории (IX, 191, 190, 192). Т. о., при всей дискусионности, заслуживает внимания мысль о том, что Белинский, раскрывший перед Н. горизонты социально ангажированной поэзии, тем самым спас в нем гл. обр. поэта, нуждавшегося в поэтически неосвоенном материале, чтобы попросту состоять как поэт (см.: Мочульский).

Волевой и рационалистич. «выбор» не меньше, чем темперамент или эмоц. впечатлительность, определяли тематику и социально-дидактич. тональность таких стих. Н. 1-й пол. 50-х гг., как цикл «На улице» (1850) с его упором на дисгармоничность обществ. устройства и ключевым для некрасовской поэтики признанием «мерещится мне всюду драма», «За городом» (1852), «Филантроп» (Н. — Тургеневу, 17 нояб. 1853: «этой вещи я не почитаю хорошо, но дельною» — X, 198), «Отрывки из путевых заметок графа Гаранского» (оба — 1853). В стих. «Муза» (1852) Н. не только дистанцировался от недостойной и неактуальной в 50-е гг. гармоничности поэзии пушкинотой поры («Но рано надо мной отяготели узы/ Другой, неласковой и нелюбимой Музы,/ Печальной спутницы печальных бедняков./ Рожденных для труда, страданий и оков») — он заявил о своей приверженности иному, разнотемному складу мышления, чьи ведущие мотивы наличествуют «в смешении безумном», в принципе исключающем иерархизированную устой-

чивую гармонию: «Расчеты мелочной и грязной суеты./ И юношеских лет прекрасные мечты./ Погибшая любовь, подавленные слезы./ Проклятия, жалобы, бессильные угрозы». В стих. «Блажен незлобивый поэт...» (1852; написано в день смерти Н. В. Гоголя, с к-рым Н. встречался лишь однажды в 1849) Н. солидаризировался с «отрицательным» направлением в лит-ре. В своей прозаизированной лирике тех лет он, случалось, оказывался на рискованной грани морализаторства (стих. «Извозчик», 1855), но зато и добивался принципиально новой выразительности, как, напр., в стих. «В деревне» (1854) с душераздирающим рефреном в виде причитания крестьянки, оплакивающей сына («Умер, Касьяновна, умер, сердешная./ Умер и в землю зарыт!», где сквозь сгущение нарочито сниженной бытовой фактуры «быт становится ясновидчески прозрачным», по замечанию И. А. Ильина (в его кн.: Одинокий художник, М., 1993, с. 179).

Заметной чертой совр. откликов на эти стихи Н. помимо признания несоразмерности произведенного ими впечатления было исповедание и неприятие некрасовского «уповатого», «куриного», как бы извещетия, лиризма. Так, напр., стих. «Ах, были счастливые годы!...» (1852) Тургенев в письме Анискину назвал «антиподом всякой поэзии», порожающим физиол. раздражительность, к-рая «не выкупается ни едкостью желчи и насмешки над самим собою — ни даже жидовски-блестящим умом à la Heine» (Тургенев. Письма, II, 141). О стих. «В больнице» (1855) Боткин писал Н., что его стихи «действуют на душу, как сырой холодный туман на тело — они проникают исподволь и страшно холодают» («Переписка Н.», т. 1, с. 204). Общая оценка поэзии Н. в письме Герцена Тургеневу: «... в нем сильный талант, хотя сопряженный с какой-то злой сухостью и уповатой обрывчатостью» (Герцен, XXVI, 69).

С нач. 50-х гг. быт Н., налаженный по-барски, приобрел устойчивые формы. Живя постоянно в Петербурге, часть весны и лета Н. проводил на даче в Парголово, в Ярославле, в имениях отца — с. Алешунино (Владимир. губ.) и Грешневе, гостил у Тургенева в Спасском, вместе с ним посетил Дружинина в его имении Марининском (Гдов. у. Петерб. губ.). Его любимым отдыхом оставалась охота. Продолжая много работать, временами Н. испытывал приступы депрессии и старался тогда избегать людей; временами, напротив, в компании литераторов (Дружинин, В. А. Милютин, Григорович, М. Н. Лонгинов, Боткин и др.) участвовал в лит. развлечениях, названных Дружининым «чернокнижием» и с массой умолчаний, описанных им в его «Дневнике» (подробнее см.: Дружинин А. В., Повести. Дневник, М., 1986; Феоктистов, с. 33—34; ср.: Никитенко, I, 355; см. также ст. М. Н. Лонгинов).

С юности большое место в жизни Н. занимали карты. Став в 1854 чл. Англ. клуба, где он коротко общался со мн. сановниками, Н. не

только узнавал новости и в частном порядке улаживал неприятности, постоянно грозившие «Современнику», но и вел — как правило, удачную — крупную игру, к-рая способствовала упорению его благосостояния. Уже в 70-х гг., вспоминал А. Ф. Кони, Н. в устном рассказе «довольно беспощадно к самому себе... раскрыл предо мною болезненную психологию человека, одержимого страстью к игре... неодолимо влекущую его на эту рискованную борьбу между счастьем и опытом, увлечением и поддержкой, запальчивостью и хладнокровием, где главную роль играет не выигрыш, не приобретение, а своеобразное сознание своего превосходства и упоение победы» (Некрасов в восп., с. 370).

Совокупность слухов и обстоятельств, связанных с именем Н., создала ему в нек-рых (гл. обр. моск.) либеральных кругах репутацию своеобразного и «безнравственного» человека (см., напр., замечания о «нравств. несостоятельности» Н. в кн.: Чичерин Б. Н., Восп., М., 1991, с. 104); психологически более объемным было суждение Анненкова: «...никто яснее Некрасова не видел собственных проступков и прегрешений и никто не следовал так постоянно по раз выбранному пути, хотя бы и осужденному его совестью» (Анненков, с. 414; ср. ответ А. А. Блока на вопрос о «безнравственности» Н. в изв. анкете Чуковского: «Он был страстный человек и „барин“, этим все сказано» — Чуковский, 1930, с. 313).

Никогда не отличавшийся крепким здоровьем, с весны 1853 Н. страдал болезнью горла и почти лишился голоса; болезнь тянулась три года.

К этому времени относятся ник его друж. сближения с Тургеневым (отчасти на почве сходно «мучительных» отношений его с Панаевой и Тургенев с Полиной Винаро). В письмах 1853—1856 Н. делился с Тургеневым мыслями о близкой смерти [отразившимися в стих. «Нежизнелюбная» (1854), «Последние элегии», «Замолкни, Муза мести и печали!...» (оба — 1855) и др.], писал о «сильном и серьезном» желании съездить в Крым, на защиту Севастополя, что лучше «медленного умирания» [X, 222: стих. «Внимай ужасам войны!...» (1855—56), навеянное Крымской войной 1853—56]. Постепенное охлаждение их друж. отношений сменялось окончат. разрывом, вызванным ст. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» («Совр.», 1860, № 3) о ром. Тургенева «Накануне» (опубл. у М. Н. Каткова в «Рус. вестн.»). Она была напечатана вопреки просьбе Тургенева, что еще пуще задело писателя, не сумевшего преодолеть обиды, несмотря на попытки «по-прежнему любить... благодарного» Н. (см. его письма от 15 янв. и 5 апр. 1861) восстановить отношения.

Болезнь, хронологически совпавшая с поражением в войне и сменой царствования (Н. говорил о «величии совершающихся... событий» — IX, 263), заметно изменила его умонастроение (Тургенев — Анненкову, 9 дек. 1855: «он весь просветлел и умягчился под влиянием болезни» — Тургенев. Письма, II, 328); до сер. 50-х гг. Н. «часто под влиянием зло-

бы и негодования сам рассказывал мрачные эпизоды из своей жизни. Впоследствии... он этого избегал» (Колбасин, с. 227). Летом 1855 Н. сообщил Тургеневу о замысле «писать для печати, но не при жизни моей... нечто вроде признаний или записок о моей жизни» (Х, 223), горячо одобренным Тургеневым: «твоя жизнь именно из тех, которые... должны быть рассказаны», в ней «много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется» (Тургенев. Письма, II, 295). Этот замысел, осуществившийся лишь частично и лишь в позднейших (1877) автобиогр. набросках, говорил о потребности Н. осмыслить и свою жизнь, и судьбу своего поколения в широком ист. контексте. Впервые к разрешению этой задачи Н. приступил в публицист. поэме «В. Г. Белинский» (1855) — о «житии» интеллигента, олицетворявшего поколение, сформировавшееся в условиях николаев. режима (по ценз. условиям она впервые появилась в вольной рус. печати за границей — ПЗ, 1859, кн. 5).

Приближаясь к сорокалетнему возрасту, Н. углубился в самоанализ, сделав свою судьбу со всеми ее индивидуальными и типич. чертами предметом худож. исследования. Видевший в детстве рабство и нищету крестьян, в юности деливший жизнь гор. деклассиров. люда, Н. страшился нищеты и сочувствовал страданиям обездоленных, мучительно переживая противоречие между своей жизнью на широкую ногу и положением народа. Как упрек себе он воспринимал цельные характеры и драм. судьбы Белинского, Т. Г. Шевченко, Добролюбова, Чернышевского, М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева (кончину к-рых оплакивал в элегич. стихах), всегда призывая их непрекращаемую нравств. власть над собой: «Песни вещи их недопеты./ Пали жертвой насилия, измен/ В цвете лет; на меня их портреты/ Укоризненно смотрят со стен» (стих. «Скоро стану добычею тленья...», 1876). Здесь зерно социально-этич. мировоззрения Н. Настойчивость самообличений лирич. героя — лейтмотив мн. стих. Н. — обусловлена прежде всего высотой нравств. идеала поэта.

В поэме «Саша» («Совр.», 1856, № 1; с посв. Тургеневу) Н. отказывается от «музы мести и печали», обладавшей у него до сих пор «отрицат.» интонацией («Злобою сердце питаться устало —/ Много в ней правды, да радости мало...») и резко переакцентирует ряд мотивов своей поэзии (ср., напр., трактовок возвращения на родину повествователя в «Саше» с тем же мотивом в стих. «Родина», а также интерпретацию любовно-матримониального сюжета в «Саше» и сатирич. стих. 1852 «Прекрасная партия»). В этой пер-

вой своей «большой» вещи, близкой по проблематике к ром. «Рудин» Тургенева, опубли. в той же книжке журнала (С. Дудышкин: «Саша» — «тот же Рудин, только переложенный на стихи» — ОЗ, 1861, № 12, с. 87; б. п.), Н. соединил трезво критич. взгляд на тип «лишнего человека» (героя поэмы — Агарина) с утверждением его обусловленности всем ходом рус. истории («Странное племя, мудреное племя/ В нашем отечестве создало время! (...) Нужны столетия, и кровь, и борьба/ Чтоб человека создать из раба»). В отличие от Чернышевского и особенно Добролюбова, он вывел в общем положитель. баланс его «разговоров», подменяющих деятельность, и как бы благословил его уход с ист. сцены, подчеркнув, что молодая Россия в образе Саши обязана ему признательной памятью. Занятая Н. отстраненная позиция «повествователя» обеспечила ему возможность объемного («исторического») зрения, к-рое отныне станет существ. свойством его поэтики. В «Саше» оно сказалось в мощно и мажорно написанной картине крест. России, уже предвосхищающей в Н. поэта наст. значимости.

Этапное (или даже «поворотное») значение «Саши» в поэзии Н. было сразу же понято совр. критикой, увидевшей его движение «в ту сторону новой лит. деятельности, где происходит еще аналитич. разработка содержания нар. жизни», более свойственная прозе и будто бы ослабляющая «свободные лирич. стремления» его музы [О. Колдун (А. И. Рыков) — БЧД, 1856, № 2, отд. VI, с. 74; хотя там же (№ 9, отд. VI, с. 22) отмечалась как раз «поэтич. зоркость» Н. в «Саше»; ср.: (П. С.) Лебедев — РИ, 1856, 2 июня]. С разных т. з. высоко оценили поэму Тургенев, Ап. Григорьев, Толстой и др. Согласно восп. В. Н. Фиглера, радикальная молодежь вычитывала в ней «осужденные слова, не переходящие в дело» (ПСС, т. 5, М., 1932, с. 91). Наиб. симптоматично, что смысловая неоднозначность «Саши» сделала ее первым произв. Н., признанным также в славянофильской среде; см., напр., замечание С. Т. Аксакова в письме Тургеневу от 7 февр. 1856 (Барсуков, XIV, 353) и суждение К. С. Аксакова: после энергических стихов, пропитанных «едким цинизмом картин и чувств», в «Саше» «является также сила выражения и сила чувства, но очищенная и движимая... лучшими стремлениями» (цит. по: Аксаков К. С., Аксаков И. С., Лит. критика, М., 1982, с. 212).

Частичное, в большой степени вызванное ист. «моментом», пересечение поэзии Н. с кругом идей младших славянофилов привело к тому, что первые глубокие разборы его поэтич. деятельности появились именно в их среде (чему, впрочем, способствовал и тот факт, что критики «Современника» Чернышевский и Добролюбов не считали удобным писать о творчестве издателя журнала). Приоритет в концептуальном обсуждении народности поэзии Н. принадлежал Ап. Григорьеву (ст. «Стих. Некрасова» — «Время», 1862, № 7). Признавая стихи Н. «событиями», а его самого «человеком закала Колыцова» в смысле органич. близости к народу, Григорьев тем не менее считал, что «миражная цивилизация» в

ее специфич. «петербургском» варианте повлияла на «страстную натуру» Н. своими «раздражающими» и даже «фальшивыми» сторонами (Григорьев. В. Критика, с. 460, 479 и др.). Эту цивилизационную «порчу» Григорьев видел, напр., в стих. «Влас» (1855) — о раскаявшемся злодее и стяжателе, просящем Христа ради на строительство храмов («И ают, дают прохожие.../ Так из лепты трудовой/ Вырастают храмы Божии/ По лицу земли родной...»); признав Власа «величавым образом», Григорьев отметил неумение Н. объяснить нар. праведность иначе как следствием раскаяния в злодействе и вывести ее «из источников, вечно бьющих живыми ключами в народной натуре» (там же, с. 268). Говоря о тяготении Н. к полюсу нар. святости наряду с нечувствием ее сущностных основ, Григорьев назвал его «больным поэтом», нуждающимся в преодолении своей двойственности (там же).

Впоследствии Достоевский в мемориальном очерке о Н. в «Дневнике писателя» расценил его «потребность слиться и очиститься в народе, очиститься лишь любовью к народу» как «исход его собственной скорби по себе самом», причем этот внутренне неразрешимый духовно-психол. комплекс Достоевский считал закономерным фазисом в духовном самоопределении рус. интеллигенции и поэтому видел в Н. не частный случай, а «исторический тип» (XXVI, 193, 125, 206).

В авг. 1856 Н. впервые выехал за границу, где встретился с Панаевой. Он намеревался поправить здоровье и объясниться в Лондоне с Герценом (к-рый отказался принять его в июне 1857) по поводу «огаревского дела», ставшего причиной разрыва с ним кружка Герцена и Н. П. Огарева (см.: Коротков Ю. Н., Господин, который был в субботу в Фулеме. — «Прометей», т. 8, 1971, с. 179).

Еще в 1851, после развода с женой, Огарев передал в обеспечение ей через Панаеву ценные бумаги и оловянное именье Уручье, а после смерти М. Л. Огарева в 1853 узнал, что она получила лишь малую долю этого имущества. Протеста Панаевой и ее доверенного лица Н. С. Шанши было возбуждено уголовное дело. Огарев, Герцен, Грановский и др. сочли Н. негласным соучастником аферы. Осп. документ, проливший свет на роль Н. в «огаревском деле», — перлюстрационная копия его письма Панаевой (сент. 1857): «...я до сих пор прикрываю тебя в ужасном деле по продаже именья Огарева. Будь покойна: этот грех я навсегда принял на себя... Твоя честь была мне дороже своей и так будет, незная на настоящее» («Переписка Н.», т. I, с. 339; Некрасов, ПССИП, т. 14, раздел «Dubia»). Нех-рыс исследователи (см.: Черняк; Бессонов Б. Л., Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Н. — В кн.: Некрасов, сб., в. 7, Л., 1980) не уверены в подлинности документа; у других она не вызвала сомнений (Евгеньев-Максимов, т. 3, с. 226; составители «Переписки Н.», 1987, включили это письмо в осп. корпус). К чему же вынужденная из письма картина частичной осведомленности, но личной непричастности Н. к «делу» возникает и в его письме Тургеневу от 26 мая 1857: «Если вина моя в том, что я не употребил моего влия-

ним, то прежде надо бы знать, имел ли я его — особенно тогда, когда это дело разрасталось» («Переписка Н.», т. 1, с. 472). В 1859 Моск. надзорный суд постановил взыскать деньги с Панасовой и Шаншица — в случае неуплаты им грозила тюрьма. Спасая Панасу, Н. в 1861 добился «мировой» и вынес 50000 руб. серебром, т. о. расправившись репутацией и деньгами за преступную недобросовестность близкого человека.

За границей Н. прожил до июня 1857, посетил Германию, Австрию, Италию, Францию, Англию; здоровье его несколько окрепло. В Риме он узнал об исключит. успехе своего сб. «Стихотворения» (М., 1856; Тургеневу, 6 дек. 1856: «О книге моей пишут чудеса, — голова могла бы закружиться» — X, 304). По многочисл. свидетельствам современников, подобного успеха не знал ни один поэт со времен Пушкина. Книгу от-

ли перепечатаны Чернышевским («Совр.», 1856, № 11), что власти расценили как демонстрацию, запретили упоминать книгу в печати и задержали (до 1861) ее второе издание (цензоры находили, что стихи Н. «носят чересчур демократический характер», — Никитенко, II, 164).

В дек. 1856 из-за дошедших до него слухов об угрозе закрытия «Современника» Н., по его выражению, «скомкал» писавшуюся им поэму «Несчастные» («Совр.», 1858, № 2). В этой неосуществленной во всей полноте замысла поэме он сблизил амнистию декабристов 1856 и начинавшуюся подготовку к отмене крепостного права и представил сб. каторгу и «несчастных» (т. е. катор-

крест. детей), куда перевез осн. часть своей библиотеки. Остальное время жил в Петербурге. Летом 1858 на даче в Ораниенбауме его посетил А. Дюма-отец (описавший свои впечатления в кн.: Dumas A., Impressions de voyage en Russie etc., t. 5, P., 1859, p. 142—53; ср.: Панаева, с. 233—41). В это время он задумывал издание сб-ка (не сост.) о Белинском в пользу его вдовы и дочери и осуществил неск. др. издат. проектов (в частности, совм. с Н. В. Гербелем издал Полн. собр. драматич. соч. У. Шекспира в рус. переводах — т. 1—4, СПб., 1865—68). В качестве бесплатного прил. к «Современнику» за 1858 Н. разослал подписчикам перевод ром. Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», звучавшего злободневно в эпоху дебатов об освобождении «наших домашних негров» (Н. — Тургеневу, письмо от 25 марта 1857). С 1859 начало выходить сатирич. прил. к «Современнику» — ж. «Свисток», активными сотрудниками к-рого были сам Н. и Добролюбов.

В 1858 написано стих. «В столицах шум, гремят винтики...» («Стихотворения», СПб., 1861), в к-ром поэт увидел родину в трудную минуту ее истории после поражения в Крымской войне, на пороге реформ, — здесь впервые находит выражение зрелое некрасов. отношение к России, воспринимаемой в свете бедств. ист. опыта и неясного будущего. Это одно из самых душевных произв. Н., стоящее в одном ряду с «Родной» Лермонтова, «Россией» Блока. Стих. «Возвращение» (1864) оказало заметное влияние на трактовку темы «уныния» и «разужверения» в отношениях поэта к родине в последующей рус. поэзии: «И ветер мне гудел неумолимо! / Зачем ты здесь, изнеженный поэт? / Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо! / Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!». По поводу поэмы «Тишина» («Совр.», 1857, № 9), сотканной из тех же тем и образов («Спасибо, сторона родная / За твой врачующий простор!», А. С. Суворин писал, что Н. любят «не потому только, что он является грозным сатириком... а потому особенно, что он чувствует жизнь, что он нашел в ней примиряющий элемент» (РР, 1861, 31 дек., с. 805). Образ «вековой тишины» в поэме — не синоним косности или примирения с рос. действительностью, но прежде всего бытийственно значимый источник, из к-рого уязвленная горем душа поэта, как и душа народа, черпала силы, христ. мужество в годину испытаний. Однако «врачующему простору» России противостоит город, живущий по иным законам. В стих. «Размышления у парадного подъезда» (1858; анонимно опубл. под назв. «У парадного крыльца» в «Колоколе»,

Н. А. Некрасов в группе писателей «Современника». Литография В. Ф. Тимма. 1857. Слева направо внизу: Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, И. И. Панаев; сверху: И. С. Тургенев, В. А. Соллогуб, Л. Н. Толстой.

крывало стих. «Поэт и гражданин» (1855—56), где яснее, чем когда-либо прежде у Н., в диалоге Поэта и Гражданина — двух ипостасей единого творч. «я» — выражалось его драматич. понимание участи совр. поэта, уставшего от борьбы, гонимого обществом и «толпой». Ему, в отличие от высокого («пушкинского») образа, остается — в силу призванности своим временем, социально-напряженным и неблагодарным, — единств. жизн. выбор: посвятить себя поэзии гражд. служения («пользе» в ущерб «красоте»), т. е. в изв. смысле пожертвовать собой ради будущего родины («...За убеждение, за любовь / Иди и гибни безупречно — / Умрешь не даром: дело прочно, / Когда под ним струится кровь...»). Сам Н., опасаясь ценз. преследований, не хотел печатать это стих. в «Современнике». Однако в его отсутствие «Поэт и гражданин» и др. стихи сб-ка бы-

жан) как своего рода развернутую метафору состояния народа в целом, к-рому еще только предстоит выйти из вековой тьмы к иному существованию. Героя поэмы Крота, социально-моралиста и «учителя», чьи прототипич. черты нек-рые исследователи видят в Белинском и Достоевском (см.: Некрасов, ПССиП, т. IV, Л., 1982, с. 540—41). Н. изобразил горячим приверженцем петровских реформ («Он видел след руки Петровой / В основе каждого добра»), в чем, т. о., выявилось одно из отличий некрасовского представления о векторе нар. развития от взглядов славянофилов с их преимуществ. апелляции к исконным «началам» допетровской Руси.

По возвращении из-за границы Н. по-прежнему проводил лето на даче или в деревне. В 1861 он купил усадьбу Карабиха (Ярослав. губ.; в с. Абакумцево Н. открыл школу для

1860, 15 янв.) вопрос «Ты проснешся ль, исполненный сил?», обращенный к народу, был центральным в обществ.-полит. ситуации, сложившейся в России к тому времени. Согласно сообщениям мемуаристов, в основе стих. лежат непосредств. впечатления Н. — на его глазах прогнали просителей-крестьян от дома министра М. Н. Муравьева. В «Размышлениях...» нет и следа «примиряющего элемента»: из страстной любви к угнетенному народу рождается гражд. негодование против власти предрассудков, попирающих всех, кто от них зависит. Пронзительная нота звучит в горьких словах Н., вызванных беспрерывной цепью правительств, гонений на его творчество и журнал: «Шелкоперов забавую! Ты народное благо зовешь». До высот нац. символики поднимается образ нар. песни, «подобной стону». В стих. «На Волге. (Детство Валентинова)» (1860) любовное описание с детства родной Волги, олицетворяющей мощь России, контрастирует с изображением тяжелого труда бурлаков и с размышлениями о безысходном их положении; в противоречии естеств. свободы и социального гнета состоит мрачный пафос фрагмента «На Волге».

Во 2-й пол. 50-х гг. Н.-редактору пришлось сделать мучительный выбор. Пытаясь слотить редакцию в связи с возникшими трениями, нараставшими по мере укрепления позиций Чернышевского (начал печататься в 1854, сменил затем Дружинина и Анненкова во главе отд. критики и библиотеч. вопреки советам Боткина, предлагавшего на это место Григорьева) и Добролюбова (с сер. 1856), Н. 14 февр. 1856 заключил с Тургеневым, Толстым, Островским и Григоровичем «обязательное соглашение» (впервые в издат. практике), по к-рому эти писатели должны были получать долю в доходах «Современника» при условии передачи всех своих произв. в 1857 только ему. Вызванное много толков, в т. ч. о «закабалении», соглашение выполнялось плохо; надежды Н., старавшегося сохранить круг прежних авторов и сделавшего при этом ставку на «новых людей», на примирение сторон, не оправдались. Неизбежность раскола «Современника» была вызвана не только эстетич. разногласиями, но и расхождением в оценке ситуации в России в период «оттепели» (по выражению Толстого). Из позднейших (1883) мемуарных записей Чернышевского о конфликте в ред. «Современника» и о позиции Н. в этой связи видно, что на его выбор в пользу критиков рев.-демокр. ориентации повлияли и острое чутье журналиста, и в еще большей степени — неверие в духовный потенциал представителей своего поколения, и связанная с

ним надежда на «молодых». Чернышевский особо подчеркивал полную идейную самостоятельность Н. в ходе конфликта: «Я не имел ровно никакого влияния на его образ мыслей» (I, 748). Несмотря на раскол, дела «Современника», сплотившего вокруг себя свежие демокр. силы (в числе его авторов — Н. Г. Помяловский, Н. В. Успенский, В. А. Слепцов, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елисеев, Г. Н. Потанин, Михайлов, Н. В. Шелгунов), в 1856—61 шли успешно: тираж радикализированного журнала вырос в полтора раза. Однако в 1862 за «вредное направление» он был приостановлен на 8 мес. Это явилось новым ударом

Н. А. Некрасов. 1860-е гг.

для Н., тяжело переживавшего утрату ближайших соратников (смерть Добролюбова и Панаева, арест Михайлова, а затем и Чернышевского).

Душевное состояние поэта отразилось в стих. «**Рыцарь на час**» (1862), в к-ром лирик. рассказ достигает пределов трагизма: «песнь покаяния» поэта, обращенная к покойной матери, воспринимается одновременно как исповедь перед родиной: «От ликующих, праздно болтающих, Обгаряющих руки в крови/ Уведи меня в стан погибавших/ За великое дело любви!» Обществ. жизнь России и личная жизнь Н. не давали оснований для оптимизма, и его стихи нередко кончаются мучительным вопросом или скептич. замечанием. Трагич. звучание «Рыцаря на час» усиливает «насмешливый внутренний голос», обращенный поэтом к себе и своему поколению: «Вы еще не в могиле, вы живы, Но для дела

вы мертвы давно./ Суждены вам благие порывы./ Но свершить ничего не дано».

Точные социальные характеристики и оценки, глубокий психологизм поэзии Н. с ее бурными страстями, пафосом одинокой, страдающей, мятущейся личности вызвали восторж. оценки мн. современников (Григорьев, Чернышевский, Г. И. Успенский, Достоевский). Со стих. «Рыцарь на час», «Размышления у парадного подъезда», «Убогая и нарядная» (1857) был связан и самый заметный публичный успех Н. Последнее прогремело на всю Россию, облетело все сцены и лит. вечера: «новые звуки, новые оригинальные формы», созданные Н., стали его поэтически точным ответом на запрос переходного времени — «времени „Искры“, Оффенбаха и великих реформ — глумления над старым и созидания нового» (Андреевский и, с. 154, 149).

Отношение Н. к отмене крепостного права в 1861 было неоднозначным: надежда на те возможности, к-рые открываются для свободных крестьян, но и скептич. предчувствие новых испытаний для них («Знаю, на место сетей крепостных/ Люди придумали много иных» — стих. «Свобода»). Мысли о народе вызвали к жизни новые поэмы Н., обширный цикл 60-х гг. о крестьянстве. Первое произв. этого цикла «Коробейники» («Совр.», 1861, № 10) — по теме, языку, стиху, образам, фабуле близкое крестьянам, посв. «другу-приятелю» крестьянину Г. Я. Захарову, открыло серию копеечных «красных книжек» для народа (запрещена цензурой после 2-го выпуска). Природу, любовные отношения между молодыми людьми и отхожий промысел, быт и преступление — самые разные стороны жизни вобрала и художественно преобразила поэма, насыщенная нар. речениями, поговорками, приговорами. Фрагмент поэмы под назв. «Коробушка» стал любимейшей нар. песней, на музыку положены мн. др. отрывки из «Коробейников». В стихе «Коробейников» Н., иногда отступая от силлобо-тонич. регулярности, предвосхитил метрико-ритмич. открытия 20 в. Оценивая поэму, Григорьев сказал: одной ее «было бы достаточно для того, чтобы убедить каждого, насколько Н. поэт почвы, поэт народный, т. е. насколько поэзия его органически связана с жизнью» (Григорьев. Критика, с. 488).

Над поэмой «Мороз, Красный нос» Н. работал в 1862—64 (первонач. ред. под назв. «Смерть Прокла» опублик., 1863, № 1). В поэме, дающей романтически-балладный образ смерти-сна («Уснул, потрудившийся в поте! Уснул, поработав земле!»), эстетизированы глубинные черты нар. миропонимания, об-

рядовые и фольклорные формы — причитания, обычаи, суеверия, заклипания. Противопоставление бытового и сказочного миров лежит в основе гармоничной композиции, близкой к поэтике баллады; сложнейшая система стихотв. речи с использованием песенного начала принадлежит к высшим достижениям рус. поэзии. Худож. замысел порой приходит в противоречие с житейской достоверностью: нарушение временной последовательности событий, бытового правдоподобия (косьба отнесена к ранней весне, ко времени пахоты и др.).

Откликнулся на публикацию «Морота...», В. А. Зайцев назвал Н. поистине народным поэтом, ибо «серой его песней один — рус. крестьянин». «Насколько силен протест, настолько же высок и идеал, помещенный рядом с протестом или, лучше, в нем же самом» (РСД, 1864, № 10, с. 80, 85; см. полемич. ст. Н. Н. Страхова — «Эпюха», 1864, № 11). Вместе с тем, написанная Н. картина вселяла «Морота-посеводы» и особенно заключит. эпизод заморзаша Дарьи в зимнем лесу, написанный «с неимоверной художественной силой», вызвали у Н. М. Палова догадки о своеобразии мироощущения Н., далекое от общепринятых представлений о «народности», — в финале поэмы «какое-то сладострастное истолкование ужаса самой смерти... И какое же надо иметь глубоко-миренное творчество, чтобы из самого этого ужаса создать себе примирение, и в нем свести на нет весь смысл человеческих упований!» («Дель», 1864, № 43: подпись Н. Б.).

С «Коробейниками» и «Морозом...» тематически, идейно, эстетически связаны опубли. в «Современнике» большие стих. с повествоват. основой «Орина, мать солдатская» (1864, № 2) и «Железная дорога» (1865, № 10), а также стих. «Зеленый шум» (1863, № 3) с его пантеистич. восторгом и характерным для позднего Н. пафосом приятия жизни, сосуществующим неразрывно с ощущением ее трагизма: «Люби, покуда любишься./ Терпи, покуда терпится./ Прошай, пока прощается./ И — Бог тебе судья!».

Еще в 1858 Н. начал работать над циклом т. н. номерных сатур, к-рые должны были показать рус. жизнь на переломе непосредственно перед реформой и после нее. По-видимому, намечалось три цикла: «О погоде», театральные сатиры, клубные сатиры. Наиб. полно осуществлен первый цикл: в 1858—59 написана часть 1-я (сатиры I—III), в 1863—64 — ч. 2-я (сатиры V, VI; сатира IV не известна). Из театр. сатур написан «Балет» (1866; сатира IX); из клубных — «Газетная» (1865; сатира XII) и «Недавнее время» (доработана и опубли. в 1871).

«О погоде» — крупнейшее явление в рус. урбанистич. поэзии между Пушкиным и символистами. Всегда восприимчивый город (отчасти по контрасту с деревней) как средоточие мрака и неправды совр. жизни, Н. был исключительно чуток к его, так сказать, «эстетической» стороне: «даже в самом складе речи, торжественной, острой» (Брюсов, 1975, с. 184) в его стихах скачивались ритмы города. Цикл «О погоде» (осн. темы — лиристка простоты, мрачные закоулки, сосредоточенность на страданиях, деструктуризация жизни и т. д.) созвучен образу Петербурга Достоевского. Это как бы иллюстрация к

записанным П. В. Бестужевым словам Н.: «что ли человек, то мученик, что ни жизнь, то трагедия!» («Звенья», т. 3/4. М.—Л., 1934, с. 658; ср. квинтэссенцию этих мотивов в образе урбанистич. лирики Н. — «Утре», 1872—73). В «Газетной» (сатира озаглавлена по назв. комнаты в Англи. клубе), представляющей типичного чиновника и пейзажа-ретрограда, звучала одна из последних смелых формул поэзии Н.: «Примиритесь же с Музой мой! Я не знаю другого палева! Кто живет без печали и палева! Тот не любит отчины своей». В «Балете» описано оскудение дворянства, изображены банкиры, их жены в бриллиантах, безуспешно подражающие им жены чиновников. На сцене — зрелище, отчужденное от насущных нужд. И все это противопоставлено цар. нищете, картинам тяжелого труда и быта.

В февр. 1863 был возобновлен «Современник» (с сообщением на обложке о предстоящей публ. ром. «Что делать?»). Соредакторами Н. стали Салтыков-Щедрин, А. Н. Пыпин, Елисеев, М. А. Антонович. Однако вскоре после покушения на Александра II (4 апр. 1866) Н. стало известно, что в обстановке начинавшейся реакции пр-во решило закрыть «Современник». Гр. М. Н. Муравьев в докладе царю писал о распространении журналами «всевозможных разрушительных учений, стремящихся к ниспровержению порядка и гос. управления» (ЛН, т. 87, с. 451). Н. попытался отвести удар от журнала: подписал «адрес» литераторов царю, сочинил и публично прочел стих., посв. Осипу Ив. Комиссарову («Илл. газ.», 1866, 14 апр.), в последнюю минуту спавшему царю, а при вступлении Муравьева в Англ. клуб обратился к нему на обеде со стихами, к-рые сам же назвал «мадригалом» [не сохр.; стих. «Бокал за здравный поднимая...», приписываемое Н., — контаминация двух стих. И. А. Никитина (1824—1890), правителя канцелярии Муравьева, автора кн. «Из записок» (СПб., 1905); подробнее см.: Бухштаб, 1966]. После этих шагов Н. с обвинением его в сервиллизме выступили Герцен («Колокол», 1866, 15 мая), Фет (стих. «Лже-поэту» — РВ, 1867, № 2) и др. Усилия Н. оказались напрасными — 1 июня 1866 «Современник» был закрыт навсегда. Н. до последних дней жизни корил себя за «неверный звук», слабость и растерянность (подробнее см. в кн.: Шестидесять годов, М.,—Л., 1933; Н. в восп. и док-тах). Душевная драма поэта, очутившегося в полном одиночестве, выразилась в произв. 1866—67: сатирич. стих. «Суд» (1867), вызванном заменой предварит. цензуры цензурой карательной и судебными расправами над журналистами, стих. «Ликует враг, молчит в недоуменье...» (1866), «Умру я скоро. Жалкое наследство...» (1867) и сценах из лирич. комедии «Медвежья охота» (ОЗ, 1868, № 9), общий замысел к-рой остался далеким от полного воплощения.

В 1869 и 1873 Н. снова путешествовал за границей (где проводил так-

же лето 1864 и весну 1867 вместе с актрисой Михайлов. т-ра французской Селиной Лефрен, с к-рой сблизился в 1863, после разрыва с Панаевой). Почти каждое лето приезжал в Карахибу (или в с. Чудовская Лука Новгород. губ., когда дела и болезни вынуждали оставаться ближе к Петербургу). Осенью 1876 лечился в Ялте. В 1870 в жизнь Н. вошла Фёкла Анисимовна Викторова (1846—1915) — последняя любовь поэта; простонар. имя и отчество были заменены более литературными, ее стали называть Зинаидой Ник. (ей посв. Н. поэму «Дедушка» и неск. стих., написанных во время предсмертной болезни); 4 апр. 1877 Н. с нею обвенчался (подробнее о ней см.: Ломан О. В., З. Н. Некрасова — жена и друг поэта. — «Некрасовский сб.», в. 6, Л., 1978).

В 1868 Н. возобновил ред. деятельность в ж. «Отечественные записки», взяв его в аренду у Краевского (оставшегося номинальным редактором). Направление издания и даже оформление подчеркивали связь с закрытым «Современником». Здесь сотрудничали Салтыков-Щедрин, Елисеев, Писарев, Островский, Достоевский, П. Л. Лавров, А. М. Скабичевский, Успенский, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, С. Н. Терпигорев (Атава) и др. В этой связи Н. пришлось пережить новые нападки. Антонович и Ю. Г. Жуковский, бывшие сотрудники «Современника», к-рых Н. не пригласил в свой новый журнал, обрушились на него с памфлетом «Материалы для характеристики совр. рус. лит-ры» (СПб., 1869), содержащим намеки на «муравьевскую» историю и обвинения в измене принципам «Современника». К ним присоединился и Тургенев, в своих «Восп. о Белинском» пытавшийся доказать, будто Н. с начала издания «Современника» стремился устранить Белинского. Хотя Салтыков-Щедрин, Елисеев и др. заступились за Н., он тяжело воспринял происшедшее. «Он прямо-таки заболел, — вспоминал один из ведущих сотрудников журнала Н. К. Михайловский. — Но самое поразительное состояло в том, что он, как-то странно заикаясь и запинаясь, пробовал что-то объяснить... и не мог: не то он признавал справедливость обвинений и каялся, не то имел многое возразить, но, по закоренелой привычке таить все в себе, не умел» (Некрасов в восп., с. 244).

В 70-е гг. журнал Н. становится одним из осн. проводников идей народничества, крупнейшим духовным и эстетич. источником к-рого для большинства его деятелей была поэзия Н. Народнические идеи нашли отражение в поэме Н. «Дедушка» (ОЗ, 1870, № 9), стимулами для написания к-рой, возможно, послужил

ли книги С. В. Максимова «Ссылные и тюрьмы» (1862), А. Е. Розена «Записки декабриста» (1870), а также приезд в Петербург декабриста М. А. Бестужева и знакомство Н. с его «Записками». Через восприятие генерала-декабриста, старца с чертами апостольской доброты, смирения, любви к народу, веры в его силы и счастливое будущее, внук узнает о неведомых ему сторонах жизни России, ее народа — в бедности и богатстве, в ярме и на воле. Показаны плодотворный труд и свободная жизнь крестьян-раскольников, посланных в Сибирь, в трудно доступный властям Тарбагатай, зажиточный быт людей, к-рые «трезво и честно живут», — одна из немногих у Н. картин сбывшегося нар. счастья.

«Дедушка» открывает цикл декабристских поэм 1871—72 «Русские женщины». Н. был первым рус. писателем, обратившимся к политической теме декабризма, к-рая в скрытой форме затрагивалась им еще в «Несчастных». Публикуя поэму «Княгиня Трубецкая» (ОЗ, 1872, № 4), Н. писал: «Если на самое событие (т. е. восстание 14 дек.) можно смотреть с разных точек зрения, то нельзя не согласиться, что самоотвержение, выказанное (женами декабристов), останется навсегда свидетельством великих душевных сил, присущих русской женщине, и есть прямое достояние поэзии» (там же, с. 577). В отличие от поэмы «Мороз, Красный Нос», где судьба рус. женщины художественно воссоздается «без тенденции и направления», поэмы декабристского цикла прямо связаны с исканиями передовой рус. интеллигенции накануне «хождения в народ». Н. не только указал на преемственную связь двух поколений деятелей освободит. движения, но дал новой генерации революционеров, нуждавшейся в новых святых и новых житиях, высокохудож. образы героев предыдущей эпохи. Работая над циклом (в планах Н. было создание и третьей поэмы с А. Г. Муравьевой в качестве центр. лица), он использовал соч. декабристов, печатавшиеся в «Рус. старине», «Записки» Н. В. Басаргина, зарубежные изд. мемуаров декабристов и др. источники. Исключит. значение имело знакомство Н. с «Записками» кн. М. Н. Волконской; поэма «Княгиня М. Н. Волконская» (ОЗ, 1873, № 1) частично является пересказом ее мемуаров. Эта поэма, писал он брату Фёдору, имела у читателей «такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний» (ХІ, 240), однако критика не была единодушной: Достоевский говорил о «мундирности мысли, слога» («Гражданин», 1873, № 13, с. 425); в то же время Скабичевский охарактеризовал ее как одно из вершинных созданий Н. и всей

рус. лит-ры последнего времени (ОЗ, 1877, № 3; см. также положит. отзывы А. С. Суворина — НВ, 1873, 6 февр.).

Характерное для поэтики этих произв. контрастное противопоставление двух миров: сны, воспоминания о беспечном прошлом — и суровая бесконечность зимнего пути; живописные картины итал. юга («Страна античных, смуглых дев...») — и каторжная Сибирь («Зачем, проклятая страна, нашел тебя Ермак?..») — формирует атмосферу нравств. выбора и жертвенного самоотречения. Исполняя прежде всего нравств. долг, декабристки не являются полнит. единомышленницами своих мужей, но высотой своего служения придают их делу не только особую ист. значительность, но и символич. значимость (во имя к-рой Н. сознательно идет порой на нарушение фактич. достоверности). Так, целование оков (нек-рые критики видели в нем «фальшивый „гражданский“ эффект» — В. П. Буренин, СПбВед, 1873, 27 янв.) для Н. — кульминационный момент поэмы, когда наступает «святая тишина» (один из ключевых образов его поэзии в целом).

Поэмы 2-й пол. 60—70-х гг. создавались одновременно с гл. трудом — крест. эпопеей (как ее называл Н.) «Кому на Руси жить хорошо» (начала ок. 1863). Незадолго до кончины, сокрушаясь о том, что оставляет свою поэму незавершенной, он говорил друзьям, что хотел вложить в нее весь свой опыт изучения народа, «все сведения о нем, накопленные... по словечку в течение 20-ти лет» (цит. по: Успенский, VI, 179). Вопрос о нар. счастье и несчастье, вынесенный в назв. поэмы, всегда волновал Н. и героев его произв.: «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» («Элегия», 1874), «Где же ты, тайна довольства народного?» («Как празднуют труп», 1876) и др. О счастье мечтают и герой стих. Н. «Дума» (1861), Катеринушка в «Коробейниках», Дарья в «Морозе...». Вопросы «убогого странника»: «... мужик, ты тепло ли живешь?», «хорошо ли ешь, пьешь?», «что в кабак ты идешь?» — предвосхищают глобальный вопрос, поставленный в эпопее.

Незавершенность поэмы (и даже гипотетичность композиционной последовательности ее четырех частей) — не только данность, но и существенная особенность ее структуры как произв. открытого. Композиция поэмы-странствия, поэмы-путешествия, позволяющая создавать широкую пространственно-временную панораму действительности (ср. стихотв. обозрения нач. 40-х гг., «Номерные сатиры» и поэму «Современники»), отвечала глубинным особенностям психологии творчества поэта, опиравшегося на традицию рус.

лит-ры («Мертвые души» Гоголя). Такая композиция предоставляла новые возможности для худож. осмысления осн. героя — рус. крестьянства в эпоху существенных преобразований в его жизни, эпоху надежд и разочарований, крушения векового уклада и становления нового порядка и самосознания: «Дорога стоголосая/ Гудит! Что море синее/ Смолкает, подымается/ Народная молва». Сказочный зачин — семеро крестьян отправляются на поиски счастливого (в какой-то степени замаскированный из нар. сказки о правде и кривде — см.: Миллер О., Публичные лекции, 2-е изд., СПб., 1878, с. 332) — создает худож. атмосферу, совмещающую эпич. начало и современность, с ее трагическисерьезными и комич. сторонами. В спор о том, «кому живется весело, вольготно на Руси», по ходу сюжета вовлекаются не только все сословия и категории населения — крестьяне, помещики, служители церкви, купцы, мещане, но и природа с ее полусказочными персонажами (важный элемент сюжета — чудесная пеничка, говорящая человек. языком). Нар. миропонимание, концентрированно выраженное в фольклоре (в поэму органично вплетены нар. песни, духовные стихи, причитания, поверья, предания), раскрывается и в судьбах героев поэмы, приобретающих в ее контексте эпич. масштаб: нар. трибуна и философ Яким Нагого, бесстрашного правдолюбца Ермаила Гирина, многострадальной и мудрой Матрёны Тимофеевны (ей посв. самая большая часть произв. — апофеоз темы рус. женщины у Н.), могучего бунтаря Савелия. Вне фольклорной поэтики невозможно представить и Гришу Добросклонова, полигенетич. образ, вобравший и автобиогр., и социально значимый материал, и черты Добролюбова (свидетельство Буткевич). Размер поэмы, нерифмованный трехстопный ямб, с дактилич. и редкими муж. окончаниями, парадоксально скрещивает традиции народно-песенного стиха (от Кольцова, через «Зеленый шум») и говорного куплетного. Худож. синтез эпопей, раскрывшей все многообразие крест. жизни, глубже, содержательнее какого бы то ни было однозначного «ответа» (в России счастливых нет — плохо всем; счастлив только «спившийся с круга человек», забывший все свои беды; счастлив нар. заступник), к-рый на разных этапах работы виделся самому Н.

Совр. критика встретила опублик. фрагменты поэмы сдержанно. В. Г. Асесенко иронизировал над запоздалостью обличения крепост. права («ровно через 12 лет после его отмены»), усматривая в произв. Н. «водевильные отношения к народу», «кудреватые пошлости», «плоский и грязный, минно-юмористич. тон» (РВ, 1874, № 7, с. 441, 440, 443; см. также: «Рус. мир».

1874, 1 марта). Главы первой части Буренин считал «слабыми и протачными в целом, беспрестанно отдающими пошлостью и только местами представляющими нек-рые достоинства», лучшей главой называл «Последний»: анекдот здесь «введен художником на степень события, имеющего широкое и глубокое жизненное значение» (СПбВед., 1873, 10 марта). Н. И. Барсов обратил внимание на близость намершиво-прерывательных отзывов о духовном состоянии (гл. «Поп» и в. высказываниям Белинского в «Письме к Гоголю» («Христ. чтение», 1874, № 3, с. 494—98; подпись Н. Б.). Критики др. идейной ориентации увидели в произв. Н. «сочувствие высших классов общества к простому люду, его нуждам и потребностям» (М. Валинский — «Киев. телеграф», 1869, 19 мая), высоко оценив его худож. достоинства («Journal de St-Petersbourg», 1874, 27 janv.).

В сб. «Стихотворения» (1856), неоднократно переизданном (6-е изд., т. 1—3, СПб., 1873—74) и каждый раз дополняемом, окончательно сложилась система новаторской поэтики Н., к-рая определяется двумя расходящимися тенденциями — к прозе и к песне (и то и другое ощущалось как предельная естественность речи). Первая тенденция преобладает в стихах на гор. темы (цикл сатир: «Производитель работ/ Акционерной компании./ Сдавший недавно отчет/ В общем годовичном собрании...»), вторая — в стихах на крест. темы. При необходимости они контрастно перебивают друг друга (предсмертные видения Дарьи в контексте «Мороза. Красного носа»; вставные песни в последней части «Кому на Руси жить хорошо»; полиметрия «Современников»). В личной лирике, наоборот, они совмещаются чаще с преобладанием песенного начала («заунывные» интонации, по обычному определению критики: «... одинокий, потерянный...» (1860), «Рышарь на час», «Что ни год — уменьшаются силы...»). Чтобы отойти от традиц. поэтич. смысловых ассоциаций, Н. уделяет много внимания трехсложным стихотв. размерам, не имеющим далекой традиции, а более традиц. размеры применяет к самому непривычному материалу: традиц. элегич. размер в «Коробейниках», балладные — в «Русских женщинах», «Псовой охоте», «Саше», «Эй, Иван!» (1867), песенный — в стих. «В деревне», размер лермонтовских «Тучек небесных» — в «Литературе с трескучими фразами...» (1862). Сперва это звучало как пародия, потом как нейтральный общепригодный поэтич. язык. На этом фоне нетипичными кажутся обращения Н. к традиц. романтич. стиху и стилю [«Тишина», «На Волге», «Уныние» (1874), «Мать» и др.].

Прибл. в апр. 1876 Н. почувствовал первые признаки болезни (рак прямой кишки), к-рая полтора года спустя, после тяжелых мучений (в марте 1877 ему была произведена операция, на короткое время отложившая неизбежный исход) свела его в могилу. Трагич. «песням» (ср. его «песню, подобную стону»), со-

зданным в это время, присуща убедительность последнего слова, сказанного «у двери гроба», — «страстное, последнее в жизни желание раскрыть тайну этой жизни, может быть даже не нам, слушателям этой единственной в своем роде исповеди, а самому себе» (Михайловский Н. К., Лит. восп. и совр. смута, т. 1, СПб., 1900, с. 84). Творчество ощущается поэтом как единственная сила, способная заставить забыть о надвигающейся смерти и преодолеть страдания, и вместе с тем как источник новых страданий и тревог. Мир Н. и в этих лирич. стихах противоречив и драматичен: сознание ожидающей поэта славы — и чувство вины и грядущего бесславия; кровная связь его Музы с народом — и горечь «чуждости» между ними; казалось бы, не-

Н. А. Некрасов. «Последние песни». СПб., 1877. Обложка.

уместный в такие минуты протест — и примирение: «Скоро покину обитель печали./ Вечные спутники русской души —/ Ненависть, страх — замолчали». Предсмертные лирич. стихи вошли в кн. «Последние песни» (СПб., 1877) наряду с сатирич. поэмой «Современники» (первоначально опубли.: ч. 1 — ОЗ, 1875, № 8; ч. 2 — 1876, № 1) и отрывками из поэмы «Мать». Соединение лирич. и сатирич. начал, характерное для поэзии Н. в целом, в последней книге приобретает особую значимость. Оба эти начала сосуществуют в книге не в «автономных» жанровых пределах, а в худож. взаимодействии: тема смерти в лирике и предчувствие крушения России в «Современниках». Сатирич. поэма, вобравшая в себя наиб. острые проблемы пореформенной России, представляет собой гротескную «фантазию совр. вальпур-

гивой ночи» (Вс. Соловьев — «Рус. мир», 1876, 1 февр.). Композиция строится на подчеркнуто условном приеме: повествователь в изв. ресторане слышит речи, тосты, исповеди, споры «юбиляров и триумфаторов» (ч. 1) и «героев времени» (ч. 2) — плутократов, объедал, развратников, гастрономов-эпикурейцев, — раскрывающие их подноготную. При переходе от одного персонажа к другому меняются слог, стихотв. размер, строфич. организация текста. Своеобразный символ времени — гротескный проект «Центрального Дома Терпимости». Впечатление мучительной личной страданности проблематики поэмы позволило внимат. современнику назвать ее «мемуарами необычайно умного человека» (Андреевский С., с. 159). Скабчевский отмечал у Н. «краски мрачнее ювеналовских» (БВед., 1876, 30 янв.). Высоко оценил поэму Салтыков-Щедрин, к-рого она поразила «своею силою и правдою... Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне утрюмость — все это отлично задумано и отлично выполнено» (XVIII, кн. 2, с. 255).

Заключают кн. «Последних песен» отрывки из романтич. поэмы «Мать» — одного из самых задушевных (и вместе с тем самых недосказанных) произв. Н., к работе над к-рым он приступал неск. раз, начиная с сер. 50-х гг. Желая исполнить последний сыновний долг и не надеясь вернуться к творчеству после операции, «из страха и нерешительности и за потерю памяти» (Некрасов, II, 26), Н. отдал поэму в печать незавершенной. В классич. рус. поэзии именно Н. принадлежит приоритет глубокой разработки этой темы: «Внимая ужасам войны...», «Орина, мать солдатская», гл. «Крестянка» из «Кому на Руси...». Восп. о своей рано умершей матери, судьба к-рой была для поэта источником самопознания, запечатлелись в стих. «Родина», «Рышарь на час», «Баяушки-баяу» (1877) и др.

Над могилой Н. речи говорили Достоевский, Г. В. Плеханов и мн. др. Достоевский сравнил Н. с Пушкиным — молодежь закричала: «Он был выше Пушкина!» Как бы предвидя острые споры о своем месте в рус. поэзии, Н. писал: «Много истрат задора горячего/ Все над могилой моей./ Родина милая, сына лежащего/ Благослови, а не беи!..» Но больше, чем «спор о первенстве, которого многие тогда и не заметили», вспоминал В. Г. Короленко, присутствовавший на похоронах, на слушательской произвело впечатление «то место, когда Достоевский своим проникновенно-пророческим, как мне казалось, голосом назвал Некрасова последним великим поэтом из „господ“» (Короленко В. Г., История

моего современника, кн. 1—2, М., 1948, с. 434).

Изд.: Стихотворения, т. 1—4, СПб., 1879; ПССНП, т. 1—12, М., 1948—52; Полн. собр. стих., т. 1—3, Л., 1967 (БПБ); ПССНП (в 15 тт.), т. 1—13 (кн. 2) — Л., СПб., 1981—98; Архив села Карабики: Письма Н. и К. М., 1916; Неизд. произведения, СПб., 1918; Неизд. стихотворения, варианты и письма, П., 1922; ЗапБГЛ, в. 9 — Н. А. Некрасов, Д. И. Писарев, М., 1940; Из деловых бумаг Н. — ЛА, т. 4, М.—Л., 1953; Последние песни, М., 1974 (ЛП; ст. и комм. Г. В. Краснова); Песни и романсы; Переписка Н., т. 1—2, М., 1987 (вступ. ст. Г. В. Краснова, сост. и комм. его же, В. А. Викторича, Н. М. Фортунатова); Стихотворения 1856, М., 1987 (ЛП; вкл. письма; подг. изд. И. И. Подольской); «Да, только здесь могу я быть поэтом!..» Избранное, Я., 1996.

Биогр. мат-лы: Белоголовый Н. А., Болезнь Н. — В его кн.: Вост. и др. статьи, 2-е изд., М., 1897, с. 455—56; Брюсов В. Я., Н. и Тютчев. — РА, 1900, кн. 1; его же, По поводу 25-летия со дня смерти Н. — РА, 1903, кн. 1; Колбасин Е., Тени старого «Современника». Из восп. о Н. — «Совр.», 1911, № 8; Чуковский К. И., Подруги поэта. — «Минувшие дни», 1928, № 2, с. 10—29; его же, Рассказы о Н., М., 1930; Иссерли Е. М., Хмельницкая Т. Ю. (сост.). Н. в восп. и докт-лах, Л., 1930; Черняк Я. С., Огарев Н., Герцен, Чернышевский в споре об отатарском наследстве. По арх. мат-лам, М.—Л., 1933; Ашукин Н. С., Как работал Н., М., 1933; его же, Летопишь жизни и творчества Н. М.—Л., 1935; его же, Библиотекка Н. — ЛН, т. 53/54; Евгеньев-Максимов В. Е., «Современник» в 40—50-х гг., Л., 1934; его же, Жизнь и деятельность Н., т. 1—3, М.—Л., 1947—52; его же (сост.), Н. в портретах и илл., 2-е изд., Л., 1950; Михайлова А. Н., Рукописи Н. Каталог, Л., 1940; Любимова В. С., Некрасов Н. А. (1821—1878). Опись документальных мат-лов личного фонда, М., 1949 (ГАЛИ); Максимович А. Я., Рукописи Н. в Ин-те рус. лит-ры (ПД) АН СССР. — «Бюллетень РО ПД», в. 3, М.—Л., 1952; Григорьев К. Н., Ключкова Л. П., Мордовченко Е. Д., Деловые бумаги и переписка Н. — Там же, в. 4, М.—Л., 1953; Н. А. Некрасов. Жизнь и творчество. Альбом, М., 1955 (сост. М. М. Калаушин); Гаркави А. М., Н. в борьбе с царской цензурой, Калининград, 1966; Полюв А. В., Начало дворян. рода Н. — В кн.: О Некрасове, в. 2, Я., 1968; Рейсер С. А., Н. в Петерб. ун-те. — ЛН, т. 49/50; Некрасов в восп.; Некрасов Н. К., Некрасовские места России, Я., 1971; Жданов В. В., Некрасов, М., 1971; его же, Жизнь Н., 1981; Гин М. М., Последняя страница «золотого» детства поэта. — В кн.: Н. и рус. лит-ра, Кострома, 1974; Дементьев А. Г., Огаревское дело. — РЛ, 1974, № 4; Емельянов Н. П., «Отчество. зап.». Н. (1868—1877). Л., 1977; Смирнов В. А., Изучение биографии Н. (1950—1970-е гг.). — РЛ, 1978, № 1; Бессонов Б. Л., Когда и где родился Н.? — РЛ, 1982, № 2*; его же, По поводу одной публикации. — В кн.: Некрасовский сб., [в. 8], Л., 1983; его же, [Из истории рода Некрасовых]. — РЛ, 1984, № 3, с. 254—55; В краю моем родном, Некрасовские места России. Фотоальбом, М., 1984 (сост. и авт. текста Н. К. Некрасов); Ломан О. В., Н. в Петербурге. Л., 1985; Тарасов А. Ф., Н. в Карабихе, 3-е изд., Я., 1989; Краснов Г. В., В последний путь... («Ухо») Н., Достоевского, Тургенева. — «Лица», в. 4, М.—СПб., 1994; Скасов Н. Н., Некрасов, М., 1994 (ЖЗЛ); Яковлев В. И., Писем отцов, Я., 1996; Мельгунов Б. В., «Всему начало шесть...» (Н. и Ярославля), Я., 1997.

Лит.: Белинский: Чернышевский; Добролюбов; Герцен; Тургенев; Достоевский; Григорьев; Феофанов (псе — ук.); Голубев А., Н. А. Некрасов, СПб., 1878; Страхов Н. Н., Н. и Полонский. — В его кн.: Заметки о Пушкине и др. поэтах, СПб., 1888; Брюсов В. Я., Н. как поэт города. — Собр. соч., т. 6, М., 1975; Пыпин А. Н., Н. А. Некрасов, СПб., 1905; Покровский В. И. (сост.), Н. А. Некрасов. Его жизнь и соч. Сб. ист.-лит. ст., М., 1906; Зелинский В. (сост.), Сб. критич. статей о Н., 3-е изд., ч. 1—2, М., 1906—14; Андреевский С. А., Лит. очерки, 4-е изд., СПб., 1913; Евгеньев-Максимов В. Е. (сост.), Н. А. Некрасов. Сб. ст. и мат-лов, М., 1914; Мерзковский Д. С., Две тайны рус. поэзии. Н. и Тютчев, П., 1915; Некрасовский сб., П., 1918; Некрасовский сб., П., 1922; Некрасовский сб., Я., 1922; Некрасовский сб., [в. 1]—10, Л.—М., 1951—88; Слонимский А. Н. и Маяковский. — «Кн. и революция», 1921, № 2; Чуковский К. И., Н. как художник, П., 1922; его же, Некрасов. Ст. и мат-лы, Л., 1926; его же, Мастерство Н. М., 1971; его же, Несовершенные статьи о Н., Калининград, 1974; Лунгарский А. В., Пушкин и Н. — В его кн.: Лит. силуэты, 2-е изд., М., 1925; его же, Н. и место поэта в жизни. — В его кн.: Рус. лит-ра. Избр. ст., М., 1947; Шимкевич К., Бенедиктов, Н. Фет. — В кн.: Поэтика. Сб. ст., Л., 1929 (Временник ота. словесных иск-в Гос. ин-та истории иск-в, в. 5); Творчество Н. Сб. ст., М., 1938; Н. А. Некрасов. Сб. ст. и мат-лов, Л., 1938; Н. в рус. критике, М., 1944 (сост. А. Е. Голлин); Н. и театр, Л.—М., 1948; Фролова Т. Д., Незаслуженный сатирик, цикл Н. — В кн.: Некрасовский сб., [в. 1], М.—Л., 1951; Плеханов Г. В., Н. А. Некрасов. — В его кн.: Лит-ра и эстетика, т. 2, М., 1958; О Некрасове, в. 1—4, Я., 1958—75; Степанов Н. Л., Изучение поэтики мастера Н. — РЛ, 1958, № 3; его же, Н. и сов. поэзия, М., 1966; его же, Н. А. Некрасов. Жизнь и творчество, 2-е изд., М., 1971; Твардовский А. Т., Заветная книга. — В его кн.: Ст. и заметки о лит-ре, М., 1961; Чернышевский С. А., Обзор исп. поэмы «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Некрасовский сб., [в. 3], М.—Л., 1960; Гайдаров Н. М., Поэтик. своеобразие лирики Н. 40-х и нач. 50-х гг. — «Уч. зап. МПТИ», М., 1961, № 160; Корман Б. О., Лирика Н., Воронеж, 1964, 2-е изд., Ижевск, 1978; Бухштаб Б. Я., Библиография на рус. лит-ре XIX в., М., 1966, с. 109—16; его же, Н. А. Некрасов, Л., 1969; его же, Н. А. Некрасов. (Проблемы творчества), Л., 1989 (послесл. Б. Ф. Егоров); Груздев А. И., Поэма Н. «Кому на Руси жить хорошо», М.—Л., 1966; его же, Декабристский цикл поэмы Н. Л., 1976; Григорьев А. Л., Н. за рубежом. (Итоги и проблемы изучения Н. в совр. заруб. лит-вении). — РЛ, 1967, № 4; Конин А. Ф., Мотивы и присмы творчества Н. — Собр. соч., т. 6, М., 1968; Скасов Н. Н., Поэты некрасовской школы, Л., 1968; его же, «Я лиру посвящаю народу своему», М., 1985; его же, Некрасов. Современники и продолжатели, М., 1986; Журко Ф. М., Поэма Н. «Кому на Руси жить хорошо», М., 1968; Эйхенбаум Б. М., Некрасов. — В его кн.: О поэзии, Л., 1969; Рейсер С. А., Строфа в поэме Н. «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Рус. сов. поэзия и стиховедение, М., 1969; его же, Словари трехстопного ямба поэмы Н. «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Труды по знакомым системам, [т. 4], Тарту, 1969; его же, Трехстопный ямб поэмы Н. «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Н. и рус. лит-ра, Кострома, 1974; Розанов А. Л., Поэма Н. «Кому на Руси жить хорошо». Комм., Л., 1970; ее же, Н. и рус. рабочая поэзия, Я., 1973; Власов М. Ф., О языке и стиле Н., Пермь, 1970; его же, Изучение языка и стиля Н. в сов. эпоху. — «Уч. зап. Перм. гос. ун-та», 1970, № 214; Лебедев Ю. В., Н. и рус. поэма 1840—1850 гг., Я., 1971; Чалый Д. В., Н. и укр. докт. поэзия, К., 1971; Гин М. М., От факта к образу и сюжету. О поэзии Н. М., 1971; его же, Достоевский и Н. Два мировосприятия, Петрозаводск, 1985; Турбин В. Н., Гражданин и поэт. — НМ, 1971, № 12; Н. и лит-ра народов Сов. Союза, Ер., 1972; Гинзбург Л. Я., О лирике, 2-е изд., Л., 1974; Гришунин А. Л., «Родина» Н. в ряду прочих произв. о «возвращении на родину». — В кн.: Н. и его время, [в. 1], Калининград, 1975; Н. и его время, в. 1—7, Калининград, 1975—83; Царькова Т. С., Фольклорный вариант стих. Н. «Размышления о парадном подъезде». — В кн.: Н. и рус. лит-ра, [в. 2], Я., 1975; ее же, Книжки о Н. посл. лет. — РЛ, 1982, № 1; Басевский В. С., К эволюции стиха некрасовской лирики. — В кн.: Н. и русская лит-ра, в. 40, Я., 1975; его же, Н. о стихе. — Там же, в. 43, Я., 1976; Гаспаров М. Л., Н. в истории рус. рифмы. — Там же; его же, Очерк истории рус. стиха, М., 1984; Руднев П. А., Метрич. репертуар Н. — «Уч. зап. ТГУ», 1975, в. 358; его же, Полиметрич. композиции Н. — В кн.: Н. и рус. лит-ра, в. 40, Я., 1975; Н. и рус. лит-ра, Я., 1977;

Тынянов Ю. Н., Стиховые формы Н. — В его кн.: Поэтика. История лит-ры. Кино, М., 1977; Бойко М., Лирика Н. М., 1977; Теплинский М. В., Из творч. лаборатории Н. — В кн.: Н. и его время, [в. 3], Калининград, 1977; Влияние творчества Н. на рус. поэзию, Я., 1978; Гаркави А. М., Лирика Н. и проблемы реализма в лирич. поэзии, Калининград, 1979; Н. и рус. лит-ра второй пол. XIX — нач. XX вв., 1979; Некрасов Н. К., По их следам, по их дорогам, Н. и его герои, 2-е изд., М., 1979; его же, Сейте разумное... Очерки о жизни и творчестве Н. М., 1989; Прокшин В. Г., Н. А. Некрасов. Путь к эпосе, Уфа, 1979; Жданов В. В., Проблемы решенные и нерешенные. — ВЛ, 1980, № 3; Сапогов В. А., Анализ худож. произведения. Поэма Н. «Мороз, Красный нос», Я., 1980; Григорьев А. Д., Иванова Н. Н., Язык лирики XIX в. Пушкин, Некрасов, М., 1981; Краснов Г. В., Последние песни, М., 1981; Юделевич И. А., Проблема лит. контекста и сб. Н. «Сатиры и песни», Калининград, 1981 (анс.); Рез З. Я., Лирика Н. в школьном изучении, М., 1982; Маллер Л. М., Метрика Н. и традиции рус. стиха, М., 1982 (анс.); Н. и современность, Я., 1984 (сост. Л. А. Розанова); Некрасовские традиции в истории рус. и сов. лит-ры, Я., 1985; Лит-ра некрасовских журналов, Иваново, 1987; Лотман М. Ю., Рус. стих. Семантика стих. метра в рус. поэзии второй пол. XIX в. (А. А. Фет и Н.). — В кн.: Słowińska metryka porównawcza. III. Semantyka form wierszowych, Wrocław, [i. i.], 1988; Мельгунов Б. В., Н.-журналист, Л., 1989; его же, Н. и Белинский в «Лит. газ.», Я., 1995; Мочульский К. К., Н. А. Некрасов. — «Независимая газета», 1993, 25 мая; Березнева А. Н., Премиссы, свяжи в рус. поэзии: М. Ю. Лермонтов и Н. Саратов, 1994; Найман А., Рус. поэма: четыре опыта. [«Мороз, Красный нос» Н.]. — «Октябрь», 1996, № 8; Розанов В. В., Последние листья. 1916 год. — НН, № 45, 1998, с. 35; ЛН, т. 49/50, 51/52; Corbet Ch., Nekrasov, l'homme et le poète, P., 1948; Reppard M. B., N. Nekrasov, N. Y., 1967; Birkenmayer S. S., N. Nekrasov. His life and poetic art, The Hague — Р., 1968, 4; Дернова В., Библи. и хронология соч. Н. — В кн.: Некрасовский сб., П., 1918 (записки за 1828—77); Добровольский Л. М., Лавров В. М., Библи. библиографии Н. — ЛН, т. 53/54; их же, Библи. лит-ры о Н. 1917—1952, М.—Л., 1953; Гин М. М., Евгеньев-Максимов В. Е., Семинарии по Н. Л., 1955; Рус. писатели второй пол. XIX — нач. XX вв. (до 1917 г.). Рекоменд. библи. ук., ч. 2, М., 1958; Дульнева К. П., Рудяков Г. М., Никольская Л. П., Библи. лит-ры о Н. за 1953—58 гг. — В кн.: Некрасовский сб., в. 3, М.—Л., 1960; Петрова Г. А., Некрасов. Издания произв. и лит-ры о нем. 1960—1971, М., 1971; Дульнева К. П., Библи. лит-ры о Н. за 1959—1969 гг. — В кн.: Н. и рус. лит-ра, М., 1971; Мостовская Н. Н., Библи. лит-ры о Н. 1970—1974. — В кн.: Некрасовский сб., в. 6, Л., 1978; ее же, Библи. лит-ры о Н. 1975—1986. — В кн.: Некрасовский сб., [в. 9], Л., 1988; Паршина В. А., Указатель слов в поэтик. произведениях Н., Я., 1983—86; Иванов Г. К., Н. в музыке, М., 1972 (ук.); Иванов; ИРДТ; Боград. ОЗ (1. 2); Боград. «Совр.» Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 338; ИРЛИ, ф. 202; РГБ, ф. 195; РНБ, ф. 514; ГЦТМ, ф. 187; Ярослав. мемориальный музей Н. (с. Карабиха), л. ф.; Черингов. ист. музей, № 547; Музей-квартира Н. А. Некрасова (СПб.), документ. фонд, в. 10, № 64 (в т. ч. мат-лы, собранные А. В. Полюбовым); ГЦМ, ф. 230, оп. 1, № 24 (работа Н. П. Чулкова «Предки Н.»); РГАДА, ф. 388, д. 868, л. 18 об.—20 об. (прошение деда Н. в Разрядно-сенатский архив о подтверждении ему юнкерского ранга и ответ на прошение) [справка С. Р. Долговой].

В. С. Лаурика

НЕКРАСОВА Екатерина Степановна (15(27).1.1847, Москва — 13(26).1.1905, там же; похоронена на Новодевичьем кладб.), журналист, историк лит-ры. Из семьи священника. После его смерти (1850) матери удалось, несмотря на тяжелую нужду, дать всем шестерым детям образование (сын Иван стал проф. Моск.

ун-та). Н., окончив частное уч. заведение Н. Т. Добринской, в 1865 выдержала в Моск. ун-те экзамен на звание дом. учительницы и зарабатывала на жизнь частными уроками. В 1868 сестры Некрасовы были одними из инициаторов создания в Москве Высших жен. курсов; в кн. «Из прошлого женских курсов» (М., 1886) Н. передает неповторимую атмосферу жизни первых студенток Москвы и Петербурга. Однако окончить полный курс самой Н. не удалось: пед. деятельность не оставляла времени для регулярных занятий. С тех пор Н. сохранила знакомство с моск. профессорским кругом: Ал. Н. и Ал-дром Н. Веселовскими, Н. И. Костомаровым, В. И. Герье и др.

В 1877 после смерти любимой сестры Варвары (о ней — кн. «Жизнь студентки», М., 1903), одной из первых женщин-врачей (погибла от тифа на рус.-тур. войне; печатала свои корреспонденции в «Рус. газ.» под псевд. Студентка; некролог: там же, 1878, 10 янв.; неверно указано имя), Н. переживает тяжелый душевный кризис. Возобладавшая в ней жажда жертвенного обществ. служения постепенно поглощает ее стремление к образованию, науч. деятельности. При этом она оставляет, как это ни парадоксально, «жертвенную» профессию учительницы и целиком отдается журналистике.

В 1873 Н. сотрудничала в «Рус. архиве». В 1877—78 заведует одним из отделов «Рус. газ.»; с 1883 — фельетонист в «Рус. вед.». В 1882—83 печатает критич. статьи под рубрикой «О новых книгах» в ж. «Рус. мысль». В ее разборах звучит глубокая убежденность в том, что «правильное» обществ. устройство и технич. прогресс изменят жизнь к лучшему и «общая сумма горя значительно уменьшится» (PM, 1882, № 11, с. 63). Видя цель иск-ва в преображении общества, Н. требовала от лит. произв. прежде всего нравств. идеала, гуманных чувств, ради к-рых готова была простить автору отсутствие худож. достоинств. Ее привлекают проповедь «малых дел» В. Крестовского (псевд. Н. Д. Хвошинской; PM, 1883, № 9), чуткость В. М. Гаршина, этого «лирика в прозе», ко всякой обществ. несправедливости (при этом Н. не принимает его аллегорич. рассказов, считая, что художник должен «говорить без обиняков», — PM, 1882, № 11, с. 70). Выше всего она ценит произв. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. И. Успенского за верность изображения и оценки действительности (в отличие, напр., от А. И. Эртеля, растрачивающего дар слова на «музыку пустых звуков», — PM, 1883, № 9, с. 88). С 1883 Н. — чл. ОЛРС.

С названными выше и мн. другими писателями Н. была близко знакома,

оставила о них восп., насыщенные конкретными жизненными подробностями [см.: Салтыков-Щедрин в восп.; «К. М. Станюкович» (PM, 1903, № 10); «Г. И. Успенский. Его беседы и письма» (PM, 1902, № 9); в л. ф. Н. (РГБ) сохр. заметки о мн. изв. современниках, дневниковые записи о прочитанных книгах, сб. «Анекдоты»]. Особенно нежная дружба, связывавшая Н. с Успенским, была прервана в 1885 после попытки Н. придать их отношениям интимный характер (дневник Н. — РГБ; см. также в кн.: Г. Успенский в жизни, М.—Л., 1935, с. 583; Г. Успенский, М., 1939, с. 412, 443); после этого Н. оставила мечты о лич-

ном счастье и полностью погрузилась в обществ. жизнь.

С 1884 Н. печатала рец. на нар. книги в «Рус. вед.» и «Новостях». Ее ст. «Книжки для народа» («Новости», 1885, 16 июля) об издат. деятельности «Посредника» вызвала одобрение Л. Н. Толстого и В. Г. Чертова (Толстой, LXXXVI, 254—55). Статьи Н. расценивались критикой как одни из первых «серьезных исследований» (PM, 1889, № 8, с. 368) истории нар. печати в России: «Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями» (СВ, 1889, № 5—7; отд. изд. — Вятка, 1902; рец.: МБ, 1903, № 3), «Были ли у нас газеты для народа?» (PM, 1889, № 12), «Журналы для народа» (PM, 1891, № 2), «Писатели для народа из интеллигенции. В. Ф. Одоевский» (СВ, 1892, № 2). Н. призывает интеллигенцию взять инициативу издания и распространения нар. книги в свои руки, чтобы положить конец господству на книжном рынке коммерчески выгодной, но духовно недоброкачественной продукции (лубка и «подворотной» лит-ры). Разумно сформированный репертуар нар. чтения дол-

жен, по ее мнению, быть направлен на развитие вкуса и знаний «мужика», на преодоление пропасти, разделяющей образованный и трудящийся слои рус. общества. На протяжении мн. лет Н. составляла на свои средства библиотечки научно-практической, справочной, медицинской и доступной нар. пониманию худож. лит-ры (предпочитая неадаптированные произв. лучших рус. писателей) и пересылала их в провинцию.

Н. и сама пробует писать для народа: «Святая девица Еваллия», «Святой Иоанн с острова Патмоса» (обе кн. — М., 1889), «Иоанн Воин» (М., 1886; 10-е изд. — М., 1911), герои к-рых воплощают скорее народнич. идеал защитника униженных, борца-одиночки «за свои убеждения», «за правду и свободу совести» (Н. А. Рубакин — РБ, 1890, № 3, с. 173; 1889, № 9, с. 187), нежели образ христ. мученика. Изменение пафоса житийного жанра потребовало от автора, по мнению критиков, благожелательно встретивших книги Н., изображения влияния мученических подвигов на обществ. сознание (Н. А. Рубакин — СВ, 1891, № 7, с. 101). Этой личной авт. позиции не разглядел Толстой, дважды возвращавший рукописи кн. Н. «Юлиания Лазаревская», видя в ней лишь прямой перевод лживого, с его т. з., церк. жанра (Н. же считала, что его поправки лишают повесть индивидуальности). Благодаря Чертову повесть вышла почти неизменной, но в побочной серии «Посредника» (М., 1887), без фирмы и девиза (см.: Толстой, LXXXV, 328).

Наиб. успех снискала боль Н. «Больше чем родная» (СПб., 1889; 3-е изд., Вятка, 1902) — рассказ о «Божьем человеке», крепостной кухарке, написанный по восп. детства (отклики: Н. А. Рубакин — РБ, 1889, № 9, с. 186; СВ, 1895, № 11, с. 60; PM, 1895, № 7, с. 351; МБ, 1895, № 10, с. 34). Считая необходимым знакомить народ с биографиями отеч. деятелей, Н. создает ряд жизнеописаний, лучшее из к-рых — кн. «Первый рус. ученый — архангельский мужик М. В. Ломоносов» (М., 1887; 6-е изд., М., 1901).

Др. сторона деятельности Н. — исследования истории рус. лит-ры 1-й пол. 19 в. Пост. посетитель рукоп. отд. Румянцев. музея (занималась, в частности, историей моск. масонства), она опубли. ряд ранее неизв. мат-лов: «Письма И. А. Позднеева» (РА, 1872, № 10), «Из восп. Вельтмана о времени пребывания Пушкина в Кишиневе» (ВЕ, 1881, № 3), неск. писем Н. В. Гоголя (ВЕ, 1883, № 12; РС, 1888, № 6), «Дом сумасшедших» Е. П. Ростопчиной (РС, 1885, № 3), т. н. среднюю черную редакцию «Мертвых душ» (РС, 1885, № 10). В 1885—90 создает цикл биогр. очер-

ков о рус. писательницах: «Е. П. Ростопчина» (ВЕ, 1885, № 3), «Е. А. Ган» (РС, 1886, № 8—9), «Елизавета Кузьман» (ИБ, 1886, № 12), «А. Я. Марченко» (КС, 1889, № 11), «Н. А. Дурова» (ИБ, 1890, № 9). «Сюжет» цикла — путь рус. писательницы от первых, «внутренне бессодержательных» проб голоса (Ростопчина) через усвоение культурного наследия предшествующих эпох (Е. Б. Кузьман) к интеллектуальному и духовному равноправию с писателем-мужчиной (Марченко, Дурова). В очерках (как и в мемуарах) Н. стремится донести до читателя живой облик своих героинь, атмосферу происходящих событий, причем документир. рассказ чередуется в ее статьях с беллетризов. фрагментами. Порой эта вольность уводила Н. от достоверности. Так, очерк «Е. П. Ростопчина» вызвал протест родственника поэтессы С. П. Сушкова (ВЕ, 1888, № 5), к-рый обвинил Н. в пристрастности, искажении фактов, использовании худож. произв. как биограф. мат-ла.

Гл. делом всей жизни Н. было изучение эпохи 1840-х гг., наследия А. И. Герцена и Н. П. Огарёва. В 1872 Н. случайно стала обладательницей рукописи т. н. «Записной тетради 1836 г.» Герцена, но не смогла из-за цензуры выпустить ее в свет. В дальнейшем опубли. по частям: «Легенда о св. Феодоре» (РМ, 1881, № 12) и «Юношеские лит. труды Герцена» (СВ, 1895, № 9). Завязав за границей отношения с А. А. и Н. А. Герценами, Н. А. Тучковой-Огарёвой и Т. П. Пассек, Н. положила начало сосредоточению рукоп. наследия Герцена в Москве, предприняла попытки комментирования его переписки (в сб.: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам, М., 1898). Н. любовно собирает все, относящееся к Герцену и его окружению, «как будто это были ее близкие люди» (Макшеева Н., Памяти Н. — РМ, 1905, № 2, с. 190), устраивает в Румянцев. музее «комнату людей 1840-х гг.» для хранения и изучения мат-лов, относящихся к этой эпохе. Последняя публ. Н. — «А. И. Герцен, его хлопоты о заграничном паспорте и последняя поездка в Петербург» (РМ, 1904, № 9—10).

Др. произв.: «А. Е. Викторов» (РС, 1884, № 8), «Гоголь перед судом иностр. лит-ры» (РС, 1887, № 9), «Ф. Г. Волков, устроитель первого нар. театра в России» (М., 1893), «Рус. актер-самоучка А. С. Яковлев» (М., 1895), «Н. П. Огарев. Значение его личности и поэзии» («Почин. Сб-к ОЛРС», М., 1895), «Няня Аксюша», быль (М., 1902).

Лит.: Герцен; Салтыков-Щедрин; Успенский (всё — ук.); Пругавин А. С., Моск. илл. календарь-альманах на 1887, М., 1887; ЛН, т. 61—63. + Некрологи, 1905: РВС, 16 янв. (В. Гольцев); «Наши дни», 23 янв.; ИВ.

№ 2. Пономарев; Брокгауз; Венгеров. Источ.: ИДРДВ; Муратова (1. ук.); Масанов.

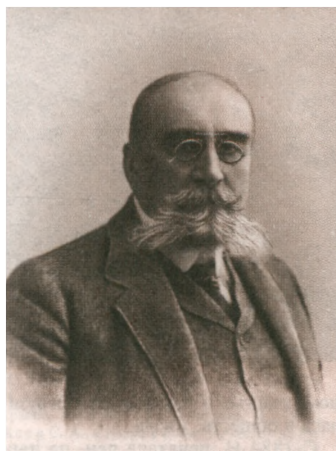
Архивы: РГБ, ф. 196; РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, № 785 (переписка с М. П. Рейхель); ф. 359, оп. 1, № 249 (переписка с Н. А. Тучковой-Огарёвой); ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 561 (письма Ал-дру Н. Весселовскому); ф. 114, оп. 2, № 323 (письма А. И. Иванчичу-Писареву); ф. 661, № 773 (письма к М. К. Лемке); ф. 183, оп. 1, № 253 (письма В. О. Михневичу); № 20018 (письма к Л. Я. Гуревич).

М. М. Казбек.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Василий Иванович [24.12.1844* (5.1.1845), Тифлис — 18.9.1936, Прага, похоронен на Ольшанском кладб.], прозаик, поэт, журналист. Брат Вл. И. Немировича-Данченко.

Отец, Ив. Вас., — потомок казаков, небогатый помещик с. Кисевич Новозыбков. у. Чернигов. губ.; долго служил военным и штатским на Кавказе; участник боевых действий, пех. офицер; вышел в отставку в чине подполковника, умер ок. 1863 (см.: Петров); мать, Ал-дра Каспаровна (ум. в 1914), — армянка, из семьи колл. ж. ас. Якубова.

Дет. годы Н.-Д. прошли на Кавказе. После кратковременного пребы-

вания в Тифлис. г-зин отдан в 1854 в Александров. кадет. корпус в Москве (позже переведенный в Вильну). Здесь увлекся лит-рой (поэзия Л. А. Мея, А. А. Фета, А. С. Пушкина), писал, по словам самого Н.-Д., «стихи, повести, начал какой-то ... роман»; соч. «были настолько удачны», что учителя не верили в его авторство (ИРЛИ, ф. 377). В 1863, по семейным обстоятельствам и «сознавая свое нежелание оставаться в атмосфере воен.-уч. заведения», вышел из корпуса (там же).

В том же году, переехав в Петербург и испытав тяготы необеспеченной и одинокой жизни, сблизился с кружком С. Г. Мей — жены поэта Мея (см.: «Моя первая неделя» — «Альм. Медный всадник», кн. 1, Б., [б. г.]). В ж. «Молдный магазин» появились первые стихи Н.-Д. (1865, № 6). Сотрудничал в «Петерб. листке»: заметки на гор. темы (1865, 26, 30, 31 янв.; 23, 25 февр.). В сб. «Луч» (т. 1, СПб., 1866), в к-ром участвовали Н. В. Шелгунов, А. П. Шапов,

Г. И. Успенский, опубли. за подписью «Н. Д.» два стихотворения, исполненные гражд. скорби. Для заработка печатался в «малой прессе»: ж. «Заноза», «Развлечение», «Грамотей» и др. В 1868 содержался в Петерб. тюрем. замке как обвиняемый «за разные мошенничества» (ГАРФ, ф. 109, 3 экзп., 1868 г., д. 39). В конце 1869 был судим «за растрату вверенного ему имущества», лишен дворян. прав и сослан в Архангельск (ГА Арханг. обл., ф. 39, оп. 1, д. 262, л. 109 об. — 110); в февр. 1874 ему было дозволено «повсеместное в империи жительство» (там же, д. 297, л. 30 об.). Непосредств. причины его ареста и ссылки не вполне ясны (см.: Лев М. Р.-о, Письмо редактору. — ПЛ, 1865, 28 авг., с. 5; Курочкин Г. Ф., Восп. старого букиниста. — РГБ, ф. 362, к. 7, № 6).

Служил в канцелярии арханг. губернатора: в губ. статистич. к-те собирал сведения о народах Севера. Впечатления о многочисл. путешествиях печатал в столичных газ. «Голос», «Бирж. вед.»). В 1871 обратился с письмом к Н. А. Некрасову за поддержкой (см.: Некрасов в восп., с. 297) и вскоре за подписью «Д.» опубли. неск. стихотворений под общим загл. «Песни о павших» (ОЗ, 1871, № 11; 1872, № 2). Посетил Соловецкие о-ва, Кемь, о. Вайгач, о. Валаам, Лапландию. Вернувшись в Петербург, напечатал «Соловки. Восп. и рассказы из поездки с богомольцами» (ВЕ, 1874, № 8—9; отд. изд. — СПб., 1875; высокая оценка И. С. Тургенева — Письма, X, 311), положившие начало обширному сер. циклу очерковых произв. в его творчестве; позднее включены в сб. «Наши монастыри. Очерки и рассказы» (5-е изд., СПб., 1904), в к-рый вошли также кн. «Святые горы. Очерки и впечатления» (СПб., 1880) и книга о Валаам. мон. «Крестыанское царство» (т. 1—2, СПб., 1882).

В последующие годы продолжает путешествовать. После уральской поездки (1875) пишет очерки в газ. «Рус. вед.», ж. «Дело», «Рус. речь» (отд. изд. — «Кама и Урал», СПб., 1890, 1904). Отд. «уральские» произв. печатались в «Ист. вест.»: «Река лесных пустынь» (1882, № 11—12), «Колыбель миллионов. Очерки из золотого царства» (1884, № 7—8). Путешествие по Волге и Каспийскому морю отражено в кн.: «По Волге» (СПб., 1877), «В море» (М., 1897), «Великая река» (СПб., 1902). Впечатления от поездок осенью 1876 и позднее на Кавказ легли в основу кн. «В гостях» (СПб., 1880), «Беспрсветная глушь. (Люди и природа южного Кавказа)» (СПб., 1894), «Дагестанские захолустья» (СПб., 1894). Ряд очерковых книг написан на материалах путешествий по Евро-

пе, М. Азии, Африке, Юж. Америке (80-е гг.): «Очерки Испании» (М., 1888), «По Германии и Голландии» (СПб., 1893), «Под африканским небом» (СПб., 1896), роскошно изданные очерки Андалусии «Край Марии Пречистой» (СПб., 1902) и др. Н.-Д. называли «писателем-туристом» (ОЗ, 1877, № 3), «корреспондентом-этнографом» («Будильник», 1881, № 50).

Обширный культурно-ист., бытовой, этногр. материал и живая его подача вызвали пристальный и сочувств. интерес читателей: «повизноности и непоседливости Н.-Д. рус. лит-ра обязана ... целым рядом прелестных увеселительных путевых набросков, беллетристич.-этногр. очерков, романов и повестей, в к-рых дамы блистали описанием природы, типы и обстоятельные описания нравов» (Кауфман, с. 3); отмечались «размах и сила лиризма» его путевых очерков (ЖО, 1899, № 12, с. 242—43).

Н.-Д. был одним из первых в России проф. воен. корреспондентов; со временем обрел репутацию их «короля» (Булгаков, с. 101). В 1876 получил легкое ранение на сербско-тур. фронте. Участвовал в рус.-тур. войне 1877—78 в качестве воен. корреспондента от газ. «Наш век», а после ее закрытия — от газ. «Нов. время». Принимал участие в сражениях под Плевной и Шейново, оборонял Шипку, брал Зелёные Горы (награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами и орденом св. Анны с мечами), с войсками дошел до Адрианополя. Газеты с заметками Н.-Д. раскупались нарасхват; кн. «Год войны. Дневник воен. корреспондента 1877—1878 гг.» (т. 1—3, СПб., 1878—79) — талантливо составленная хроника войны. Н.-Д. вспоминал: «Я рисовал ужасы войны, в к-рых отвратительное сплетается с вдохновенным, героизм с подлостью, гений с бездарностью, самоотверженность с показным расчетом» («Солнце России», 1914, № 17, с. 2). В 1879 по поручению редакции газ. «Рус. курьер» Н.-Д. снова в Болгарии; в серии очерков «После войны» (отд. изд. — СПб., 1880) он обсуждает полит., экономич., культурное состояние Болгарии, перспективы развития болгар. гос-ва и народа.

В 1904—05 как корреспондент моск. газ. «Рус. слово» находился на фронтах рус.-япон. войны, участвовал в боях под Ляояном, Порт-Артуром, Мукденом («На войну. (От Петербурга до Порт-Артура). Из писем с дороги», М., 1904). Критика воен. руководства у Н.-Д. не была жесткой, однако после статей о поражении под Вафангоу он был удален из армии (РСЛ, 1905, 23 мая). Рукопись кн. «Слепая война», объединившей корреспонденции Н.-Д. (только за первый год войны — 350), погибла при пожаре (1905) типографии И. Д. Сытина (см.: Динерштейн Е. А., И. Д. Сытин, М., 1983, с. 154—56). В 1905 принят в масон. ложу «Mont-Sinaï» («Гора Синай»); с 1906 —

секр. моск. ложы «Возрождение» (см.: Серков, с. 65, 92). В 1908—1909 жил в Италии (Кави, Капри); А. А. Золотарёв, обшавшийся с Н.-Д. в эти годы, писал о его «неутомимости и жадности к жизни»: «... оставил после себя впечатление какого-то сверкающего метеора» (РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 11). В 1912—13 Н.-Д. находился в воен. соединениях славян на фронтах 1-й Балканской войны (кн. очерков «С вооруженным народом», т. 1—2, СПб., 1913). В нач. 1-й мировой войны находился на польском и галицийском фронтах, затем был по-

В.И.Немировича-Данченко.

Шарж В. Каррика.

слан в Англию и Францию (бои под Верденом, Реймсом, Ипром), побывал на итал. фронте. Вернувшись в Россию, участвовал в воен. операциях на Кавказе. Свои очерки о войне, частично печатавшиеся в газ. «Рус. слово», Н.-Д. собрал в кн.: «Мировая война» и «За огненными завесами», к-рые в связи с рев. событиями в свет не вышли, рукописи утрачены. Правдивое освещение войны у Н.-Д. и его критич. отношение к решению междунар. конфликтов воен. путем были замечены в России и на Западе: англ. Лига мира избрала его поч. членом. Н.-Д. противостоял как изоляционизму, так и космополитизму; призывал служить родине, «пока она несчастна и угнетена, и всему человечеству, когда она сильна и благополучна»; его кредо: «Свободное „я“ в свободном народе» (в кн.: «Венок ...», с. 5).

Н.-Д. отличался необыкновенной плодовитостью: начиная с сер. 70-х гг. — ок. 250 книг; многочисл. публ. в газетах и ж-лах (в т. ч. «Ист. вест.», «Рус. мысль», «Сев. вост.», «Рус. речь», «Дело»), в одной только «Ниве» — 48 повестей и рассказов и 17 стихотв. [см.: Топопов А. Д., Систематич. ук. лит. и худож. содержания ж-ла

«Нива» за XXX лет (с 1870—1899), СПб., 1902]. С 1903 чл. ОЛРС.

Проза Н.-Д. охватывает самые разные сферы отеч. и заруб. жизни. По следам виденного и слышанного в детстве написаны ром. «Горные орлы» (СПб., 1895), «Забывтая крепость» (т. 1—2, СПб., 1895) и ром. «Царица Тамара» (ч. 1—3, М., 1901) — о легендарном эпизоде груз. истории. Ряд произв. посв. войне Болгарии с Турцией: ром. «Гроза» (СПб., 1879, 8-е изд. — М., 1902; вариант для юношества — 1911), пользовавшийся, по свидетельству современника, большим читат. спросом, чем «Анна Каренина» Л. Н. Толстого (Амфитеатров), «Плевна и Шипка» (СПб., 1881; К.—Х., 1898) и др. В этом ряду — биогр. кн. «Скобелев. Личные восп. и впечатления» (СПб., 1882; высокая оценка, 1882: ОЗ, № 10; ГазГ, 11, 18, 25 сент.). По следам заруб. поездок написаны ром. «Контрабандисты» (К., 1892) — об Испании и «Великий старик» (СПб., 1898) — об итал. артисте. Борьба за жен. эмансипацию — в ром. «Исповедь женщины» (ч. 1—3, СПб., 1889), проблемы иск-ва и положения актера в обществе — в ром. «Кулисы» (СПб., 1886, 1899).

Н.-Д. неизменно привлекали люди одухотворенные, волевые, активные. Характеры твердые и непрелюбные он находил в самых разных слоях рус. общества: в монастыре (на Соловках «повсюду вы видите могучую волю, богатырский размах», изобретательность и готовность срыть «целые горы себе в угоду» — «Святые горы», с. 43—44), среди военных (будь то генерал или солдат), заводчиков-предпринимателей (ром. «Семья богатырей», СПб., 1889; 5-е изд., СПб., 1910), в толще народа (пов. «Большое сердце» — о неграмотной сестре милосердия, исполненной сострадания и жалости не только к рус. солдатам и болгарам, но и туркам; опубл. в кн.: «Незаметные герои», СПб., 1889; отд. изд. — М., 1894). Исполненные патетики рассказы, вошедшие в кн. «Вечная память» (М., 1907), посв. героям-свободолюбцам, подвижникам и мученикам разных стран Запада и Востока; «старая колониальная Европа», мешански благополучная, характеризуется как «вселенский вампир» (с. 137). «Пылкий народоловец» (Амфитеатров), Н.-Д. был пристально внимателен к «хорошим, большим сердцам», к-рые «не разглядишь сразу»: «Все они где-то хоронятся под спудом, точно золотая жила в ... каменной породе» («Бодрые — смелые — сильные», М., 1907, с. 12; по словам А. А. Измайлова, в этой кн. запечатлена «бодрость гражд. дерзания», а не просто житейская стойкость» (БВД, 1907, 2 июня; 2-е изд. кн. — П., 1919). Мирское

жертвенное праведничество расценивается как важнейший фактор рус. жизни и стимул нац. развития: люди, к-рые действуют неприметно, «тишком», подобны ручейкам, поднимающим молодые деревья (пов. «Майор Бобков и его сироты»; одобрит. отзыв: РБ, 1894, № 10, с. 27—28; пов. перепечатана в сб. «Люди малого дела», М., 1907). Своих героев, сильных духом и исполненных деятельного стоицизма, Н.-Д., по его словам, находил в «самой протоплазме общечеловечности» (в кн.: «Венок...», с. 15). Гражд. позиция Н.-Д. ярко выражена в документальном соч. о деятельности предпринимателя и изобретателя С. И. Малышова «Америка в России» (РМ, 1882, № 1 ... 12), где описывается возникшее без участия правительства в трех смежных уездах Орлов., Калуж. и Смоленской губерний фабрично-заводское «царство», в к-ром автор видит «пример того, как плодотворны могут быть даже и у нас неутомимая энергия, знания и ум, если они не растрачиваются вместе с наследием предков в столице» (№ 1, с. 319).

Дифирамбич. тона мн. произведений Н.-Д. не мешали выражению сурово-критич. отношения к современности: сомкнувшийся с бюрократией финансовый капитал сковывает творч. энергию народа, в результате чего «общее дело» становится невозможным; сильных и смелых «ныне совсем не надо» («Семья богатырей», с. 333, 376). Мир петеерб. дельцов, обличавшийся ранее М. Е. Салтыковым-Щедриным и Н. А. Некрасовым, — в центре ром. «Цари биржи. (Канново племя в наши дни)» (СПб., 1886; 6-е изд., СПб., 1910) и «Волчья сыть» (ч. 1—3, СПб., 1897; положит. рец.: Скриба [Е. А. Соловьев] — «Новости и бирж. газ.», 1897, 6 марта).

Худож. проза Н.-Д., содержавшая ориг. и смелое обсуждение проблем современности, хотя и обладала несомненными худож. достоинствами, но не ознаменовалась собственно творч. открытиями. К тому же автор порой сбивался на лит. штампы (мелодрам. эффекты, нагнетание случайных стечений обстоятельств, нарочитая поляризация персонажей). Сам Н.-Д. «считал себя посредственным романистом», цена более всего свои воен. корреспонденции (Мейснер, с. 213).

Рецепты характеризовали Н.-Д. как «верного выразителя действительности», умеющего запечатлеть «все хорошее и доброе» и выделить из толпы тех, кто идет «бесстрашно и самоотверженно на подвиги» (РМ, 1890, № 1, с. 4); отмечали «трогательное сочувствие» Н.-Д. обездоленным и его «беспощадное отклонение ко всяким мракобосам и держимордам» (Кауфман, с. 3). Измайлов считал, что Н.-Д. (после С. В. Максимов) не имеет соперников как писатель-эпограф, а как художник возмужалость «до рудых стилистич. красот... в изображении природы»; в его прозе, привлекает «краткая, экспрессивная и энергичная строка»; воссоздание «по-

ложит. типа» рождает его с Н. С. Лесковым (БВед, 1902, 19 марта). Было замечено, что «яркий, непосредственный и красочный» талант Н.-Д. позволил ему, представителю «боковой востри» в совр. беллетристике, избежать «искусственности, глубокомыслия»; писатель «способен своими вострыми, иногда сильно реалистич. рассказами до слез насмешить вас, а иногда тронуть сердечностью», к-рая «так и брызжет из-под его пера» (Волынский А., «Книга великого писателя», СПб., 1904, с. 193—94). Вместе с тем отношение к Н.-Д. в лит. среде было неоднозначным. Так, Ф. М. Достоевский привлек Н.-Д. к участию в глз. «Гражданин» (стихи в 1872—74), но впоследствии, по свидетельству мемуариста, характеризовал его писательство исподобриantly (Ф. М. Достоевский, Мат-лы и иссл., т. 6, Л., 1985, с. 248—50). Критически отзываясь о тоне и языке соч. Н.-Д., Толстой в то же время рекомендовал его изд-ву «Посредник» (здесь вышло ок. 30 произв. Н.-Д. для нар. чтения); высоко оценил рассказ «Махмудины дети» (М., 1884) (Толстой, LXIV, 64, 65, 85; LXXXV, 171); отметил, что в корреспонденциях о Китае и Японии «много интересного» (ЛН, т. 90, кн. 3, с. 64). А. П. Чехов в «Лит. табели о рангах» поставил Н.-Д. на девятое из 14 мест («титлуриный советник». — Чехов, В. 143).

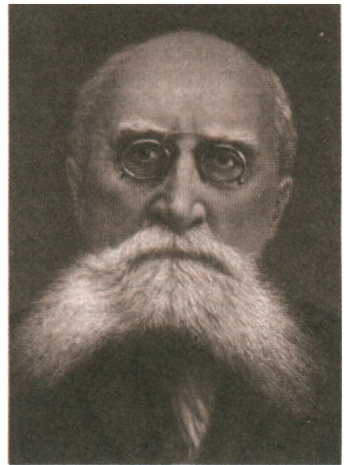
Зачинателем устойчивой недоброжелательности к Н.-Д. был Н. К. Михайловский в рецензиях 1877—81. Признавая, что писатель «очень талантлив», критик, однако, сосредоточился на том, что, по его мнению, потрафилло заказу «интеллигентной толпы» и «достойно маслиничного балагана», усматривая в его романах «барабанно-патриотический коштер» (Михайловский, IV, 666, 678), «тенденциозную фальсификацию» войны (там же, X, 808—10), а в одной из повестей — порнографию (там же, V, 445—52). Иронически отзываясь о Н.-Д. и Салтыков-Щедрин, упрекавший его в сентимент. патетике (в частности, при освещении войны) и сближавший писателя с краснобаем Балабайкиным (XII, 216—217; XV, 1. 67), «Безобразнейшую амальгаму чичиковщины, хлестаковщины, поздравщины и махмуловщины» усмотрел в корреспонденциях Н.-Д. (как и В. П. Буренина) А. М. Скабичевский (БВед, 1877, 26 авг.). Предвзято отнесся к разработке Н.-Д. воен. темы М. Горький: «патристически врет» (XXVIII, 316). «Моей божественной троней», — отвечал Н.-Д. на подобные обвинения, — всегда было братство народов, а мне приходилось считаться с клычками шовиниста, порнографа» («Солнце России», 1914, № 17, с. 2). Недоброжелательность к Н.-Д. «направленческой» критики (ситуация, подобная лесковской) правомерно объяснить его обществ. позицией: «Ни к какому ж-лу не примыкал. Всегда ценил свободу вепартиной работы» (Автобиография, 1932. — В кн.: «Венок...», с. 15).

В 1880—90-х гг. Н.-Д. часто писал для детей: «Гварюшкин плен» (М., 1900; 14-е изд., М., 1917), «Забывтый рудник» (М., 1885), «Богдан Шипкин» (М., 1899) и др. Эти рассказы привлекают достоверностью описываемых событий, человеколюбием и искренностью.

Поэзия Н.-Д. часто связана с современностью (гражд. мотивы в стихах, посв. Некрасову, Н. А. Добролюбову, цикла «Воен. отголоски», «Север», «Монологи» и др.); сб. «Стихотворения» (СПб., 1882; вкл. публикации 70—80-х гг. в периодике), «Стихи. 1863—1901» (СПб., 1902).

Свержение самодержавия Н.-Д. расценил как раскрепощение и победу народа. Осуждал пораженцев как изменников: «тысячи шпионов среди нас сеют ... распри, усобицу»; криками «Долой войну!» «открываем двери врагу», «нельзя переходить к новым формам жизни с позором поражения» («Воззвание рус. писателя и

воен. корреспондента Н.-Д. к гражданам-солдатам» — «Рус. воля», 1917, 12 марта). События октября 1917 воспринял как «трагич. крупнейшие отгнившей стари» («Письмо из Москвы» — «Вест. лит.-ры», 1921, № 3, с. 10), а позднее утверждал, что ныне «морду опричника» сменил «волчий оскал комиссара» («Большевики» — «Воля России», 1923, № 3, с. 34), что до власти добрались уголовники («Молодой человек на хорошей дороге» — там же, № 11) и что «некогда великая Россия сплошь ушла в ужас небывалого горя, голода, бесправия» («Как мне жилось и работалось дома» — «Новая рус. книга», 1922, № 11—12, с. 42). Работал над романной трилогией, последнюю часть к-рой намеревался посвятить

Вас. И. Немирович-Данченко.
Журнал «Иллюстрированная Россия»,
1934, № 50.

социальной революции. Написал три пьесы: «Дж. Бруно», «Народный вождь» (тексты не известны) и одноактную «Тот, чья жизнь бесполезно разбилась» (П., 1920). Готовил к печати кн. «Облетевшие листья» (лирика в прозе, записывавшиеся много лет афоризмы и мысли). Сотрудничал в ж. «Красное знамя» и «Вест. лит.-ры» (рассказы, стихи, рец.). В 1920, задумав ист. труд «Нар. трибуны, вожди и мученики», хлопотал о выезде за границу для работы в архивах; разрешение получил лишь в 1922. Около года жил в Берлине, затем переехал в Прагу, где и провел последние годы жизни. Поч. пред. Пражского и поч. чл. Белградского союза рус. писателей и журналистов, поч. чл. чеш. объединения «Худож. беседа», чл. рус. лит. кружка «Далиборка» (Прага, 1924—33); участвовал в работе Союза рус. писателей в Германии. Вслед за И. С. Шмелёвым рус. писатели-эмигранты называли Н.-Д. «наш старшина». Сотруд-

начал в ж. «Воля России» (Прага), «Илл. Россия» (Париж), «Дни» (Париж), «Огни» (Прага), газ. «Последние новости» (Париж), «Сегодня» (Рига). Издал ряд книг (см.: Алексеев А. Д., Лит-ра рус. зарубежья. Книги. 1917—1940. Мат-лы к библиографии, СПб., 1993), в осн. представляющих собою перепечатку произв., ранее опубл. в России; 12 томов повестей и рассказов и 3 романа остались в письм. столе: «Издательский нет» (Автобиография, 1932. — В кн.: «Венок ...», с. 16).

В 1921 рецензент отметил, что в б-ках России книги Н.-Д. «занимают одно из первых мест по числу требований» («Вест. лит-ры», № 6/7, с. 14). В 1924 из библиотек СССР были изъяты его произв., в первую очередь о рус.-тур. войне и (за многими искл.) рассказы и повести для детей (см.: «Красный библиотечарь», 1924, № 1, с. 138—39).

Из задуманного Н.-Д. обширного мемуарного тр. «Близкие дали» увидел свет лишь один том — «На кладбищах» (Ревель, 1921), посв. впечатлениям от встреч с Чеховым, М. Т. Лорис-Меликовым, Д. А. Милютным, Ф. Ф. Фидлером, О. К. Нотовичем, М. А. Лохвицкой.

Восп. Н.-Д., написанные в пражский период, хранятся в РГАЛИ. Среди них — фрагменты восп. о Н. С. Гумилеве (не вошедшие в опубл. восп. — «Воля России», 1924, № 8/9), а также отрывки из речи Н.-Д., произнесенной в 1928 на открытии общезирига. съезда рус. писателей и журналистов в Белграде, где он председательствовал, — см.: Шугрин Ю., Чтобы замыкнулся роковой круг. — «Независимая газ.», 1994, 1 марта.

Н.-Д. был женат трижды: на дочери тит. сов. Федорова — Екатерине, во время пребывания в ссылке (ГА Арханг. обл., ф. 37, оп. 1, д. 2365, л. 4 об.—5; ф. 39, оп. 1, д. 292, л. 4 об.—5); затем на оперной певице З. Р. Кочтовой (1857—1892); в 1910 вступил в брак с графиней Тизенгаузен (многого моложе его); детей не имел.

Изд.: Собр. соч., т. 1—16, 18, П., 1910—15; Новое собр. соч., кн. 1—50, П., 1916 (вступ. ст. П. В. Быкова); Собр. соч., т. 1—3, М., 1996; Из восп. Н.-Д. о Некрасове (публ. С. Макашиной). — ЛН, т. 49—50, М., 1946; Сильные люди — далеко! [Стих.]. — В кн.: Новые мат-лы к истории рус. лит-ры и журналистики второй пол. 19 в., т. 1, Тб., 1977; [Стих.]. — В кн.: Поэты-демократы 1870—1880, с. 604—30; Рыцарь на час. (Из восп. о Гумилеве) (1924 г.). — В кн.: Н. Гумилев в восп. современников, М., 1990; Святые горы, Донецк, 1990 (последствие Н. И. Зайцева); Трефовый король. Святоточная сказка. — В кн.: Святоточные истории, М., 1992; Скобелев. Личные восп. и впечатления. — В кн.: Белый генерал, М., 1992; Мужичья обитель, М., 1993; Скобелев, М., 1993.

Лит.: Достоевский; Чехов; Толстой (всё — уст.); Михневич; Моравин [Тихонов В. А.], Лит. беседы. — «Россия», 1900, 14 янв.; Кауфман А. А., Вас. И. Немирович-Данченко. — «Солнце России», 1914, № 17; Кручинин Н., Свидетель четырех войн (Беседа с Н.-Д.). — БВед, 1915, 8 февр.; Горный С., Вас. И. Н.-Д. — «Речь» (Б.), 1925, 9 янв. (восп.); б. п., Вас. И. Н.-Д. — там же, 6 янв. (восп.); б. п., 85-летие Вас. И. Н.-Д. — там же, 1930, 5 янв.; Амфитеатров А., Вас. И. Н.-Д. — «Сегодня» (Рига), 1931, 28, 30 июня; Плещинс А. А., Вас. И. Н.-Д. (Ключи от писем). — «Возрождение» (Париж), 1936, 26 сент.; Немирович-Данченко Г. В., «Дядя Вася». — «Илл. Россия», 1936, № 43; Венок незабвенному старинце дорожку Вас. И. Н.-Д. Изд. Союза рус. писателей и жур-

налистов в Чехословакии, Прага, 1936; Мейснер Д. Миражи и действительность. Записки эмигранта, М., 1966, с. 212—14; Боград В. Э., Вильчинский В. П., «Песни о павших» Н.-Д. (Эпизод из ред. практики Некрасова). — В кн.: Некрасовский сб., в. 4, Л., 1967; Рабинович Я. Б., Семсенов В. Л., Н.-Д. и его книга «Кама и Урал». — Уч. зап. Перм. гос. ун-та, 1976, № 348; Германов Г., Оксравено навечерне. България и българите в руската литература, Варна, 1976, с. 214—87; Лит. процесс и журналистика (2: ук.); Берберова Н. Н., Люди и логи. Рус. масоны XX столетия, Н.-Я., 1986, с. 144; Сапронова Н. Т., Освобождение Болгарии от тур. ига и Россия в освещении Н.-Д. — В кн.: Балканские исследования, в. 16, Рос. общество и заруб. славяне. 18 — нач. 20 в., М., 1992; Петров Б. М., «Кавказцы». — «Перевест» (Брянск), 1992, № 9/10; его же, Трагедия в бане... — «Труд» (Клиши), 1994, 5 марта; его же, Народный писатель — там же, 1995, 20 июня; Сапронова Н., Вас. И. Н.-Д. Годы эмиграции. — В сб.: Вопросы истории славян, в. 11, Воронеж, 1996; Серков А. И., История рус. масонства. 1845—1945, СПб., 1997 (ук.); ЛН, т. 92, кн. 5 (ук.). + Некрологи, 1936: «Возрождение» (Париж), 26 сент.; «Дня вас» (Рига), № 41 (Белоголовский К.). Мезьер; Брокгауз; Гранат; НЭС; Сп. ОЛРС; РВед. Сб.; Владиславлев И. В., Лит-ра великого десятилетия, М.—Л., 1928; ЛЭ; КЛЭ; Рус. писатели. 1990: СДР; Булгаков В., Словарь рус. заруб. писателей, Н.-Я., 1993, с. 101, 209, 220; Писатели рус. зарубежья (1918—1940). Справочник, ч. 3, М., 1995, с. 284—87; Иванов; ИДРДВ: Алым; и сб-ки (1, 2); Смирнов-Сокольский; Муратова (1. ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 355; ИРЛИ, ф. 204; РНБ, ф. 516; ф. 874, оп. 1, № 34, 58, 62, 94 (письма С. Н. Шубинскому, 1886—1903); ф. 118, № 618 (письма П. В. Быкову, б. д.); РГИА, ф. 777, 776, 759 (неп. док-ты о произв. Н.-Д. за 1866—1912); РГВИА, ф. 400, оп. 14, д. 6007 (ф. с. отца*); ГА Арханг. обл., ф. 39, оп. 1, д. 262, л. 28 об., д. 950, л. 175 об.—176, л. 285, л. 65; ф. 37, оп. 1, д. 287, л. 68, 70 [справка В. А. Волынского].

В. Н. Баскаков, В. Е. Хализев.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Владимир Иванович [11(23).12.1858, г. Озургеты, Грузия — 25.4.1943, Москва; похоронен на Новодевичьем кладб.], прозаик, драматург, театр. деятель и критик, режиссер. Брат Вас. И. Немировича-Данченко.

Первые годы жизни Н.-Д. прошли в именном отца — в с. Клевичи Новозыбков. у. Чернигов. губ. (см.: Петров). После его внезапной смерти (ок. 1863) семья переселилась в Белый Ключ, близ Тифлиса, затем — в Тифлис. Здесь в 1874 впервые после раннего детства встретился с братом Василием, ставшим к этому времени уже популярным беллетристом (в дальнейшем они практически не общались).

Окончив 1-ю тифлис. г-зию (1876; серебр. медаль), Н.-Д. поступил в Моск. ун-т на физ.-матем. ф-т (был принят на казен. счет как сын офицера-кавказца). Одновременно посещал занятия на юридич. ф-те (два года). В 1879 ушел с 4-го курса, отдавшись лит. и журналист. работе.

Писать начал рано («кажется, с первого класса гимназии» — автобиография, в его кн.: Театральное наследие, т. 2. Избр. письма, М., 1954, с. 467); еще в детстве испытал «опьянение театром» (см.: «Первые театр. воспоминания» — НМ, 1943, № 1, с. 91). В гимназич. годы издавал рукоп. ж-л «Товарищ», в к-ром помещал и свои произв. (не сохр.). Эстетич. взгляды Н.-Д. формировались под влиянием либеральных «беллетристов и особенно критиков

60-х гг.» (письмо А. И. Сумбатову-Южину от 27 авг. 1891 — Театральное наследие, т. 2, с. 61—62), а также творчества Н. В. Гоголя. В общении с реж. А. А. Яблочкиным, в доме к-рого летом 1874 был репетитором, получил первый импульс к созданию самостоят. концепции театр. дела. В студенч. годы — завсегдатай галерки Малого т-ра. В Тифлисе во время каникул и в Москве в Артистич. кружке успешно играл в любительских спектаклях; присутствовал на лит. чтениях Артистич. кружка (слушал А. Н. Островского, А. Ф. Писемского и др.).

В 1877 опубл. в «Рус. газ.» (1 окт.) первую ст. — «Наши провинц. театры», в к-рой назвал текущий репертуар «дребеденью» и заявил о «ярме антрепренеров», губящих театр. дело. С этого же времени начал регулярно писать т. н. мелочишки для ж. «Будильник», «Свет», «Стрекоза», «Жизнь», а в «Рус. газ.» печатал театр. рецензии. В сер. 1878 стал секр. газ. «Рус. курьер», здесь опубликовал первый рассказ «Драма на почтовой станции» (1881, 18, 19 июня). С янв. 1879 вместе с Н. П. Кичевым (под псевд. Никс и Кикс) вел в «Будильнике» отдел «Сцена и кулисы. Заметки театральных проходивцев». В 1882 опубл. первую пьесу «Шиповник» (№ 39—41; отд. изд. — М., 1888; имела успех — Малый т-р, 1882, с участием Г. Н. Федотовой, П. М. Саловского, Г. И. Музиля). В том же году в течение полугодя исполнял обязанности ред. «Рус. курьера», но вскоре ушел в связи с изменением полит. курса газеты на консервативный. Тогда же активно включился в лит.-худож. жизнь Москвы, став завсегдатаем кружка Кичеева. В 80 — 90-е гг. печатал театр. рец., очерки, статьи, рассказы в ж. «Артист», еженед. «Моск. неделя», «Радуга», «Свет и тени», газ.

«Нов. время», «Голос», «Рус. вед.», «Новости дня», «Рус. сатирич. листок», «Минута», «Суфлер», «Одес. новости», «Моск. илл. газ.», «С.-Петербург. новости» и др.

Как критик Н.-Д. выступал по вопросам театр. цензуры, театр. этики, специфики театр. дела, где главным считал единство: драматург — режиссер — актер — зритель. Чуть ли не ежедневно бывая в театре, отрецензировал премьеры всех пьес Островского в эти годы, «Дело» и «Свадьбу Кречинского» А. В. Сухо-во-Кобылина, «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова, «Месяц в деревне» И. С. Тургенева, инсценировку «Господ Головлевых» М. Е. Салтыкова-Щедрина; писал о зап. классике (У. Шекспир, Г. Э. Лессинг) и драмах Г. Ибсена. Выступал против разъедающих иск-во узкогрупповых и узконациональных интересов («Худож. правда одна... нет правды немецкой или... французской. Временно нацию может охватить вопрос о „реванше“ ... но иск-во нет до него никакого дела» — «Новости дня», 1890, 23 апр.), против засилья пьес И. В. Шпагинского и В. А. Крылова, работающих «для дешевых аплодисментов» («Рус. курьер», 1880, 8 окт.). Анализировал игру М. Н. Ермоловой, Федотовой, А. П. Ленского, М. Г. Савиной, П. А. Стрепетовой, итал. трагиков Э. Росси, Т. Сальвини, Э. Дузе, франц. актеров Сары Бернар, Ф. А. Февре. В связи с гастролями мейнингенской труппы писал о принципах постановки ист. пьес («Открытое письмо по поводу „Юлия Цезаря“ у мейнингенцев» — «Театр и жизнь», 1885, 29 марта; и др.).

Обращался и к темам рос. повседневности: судебные репортажи, заметки о ремесл. училищах, создававшихся в деревнях, фельетоны, очерки, в т. ч. о социально-психол. процессах, идущих «на развалинах дворянства» (одним. очерк — «Рус. курьер», 1883, 7 авг.). В газ. «Новости дня» вел рубрики «За день», «Театр. альбом», «Фонограммы» (псевд. Инкогнито, Гобой).

В 80-х — нач. 90-х гг. Н.-Д. опубликовал в периодике, по его подсчетам (см.: Сл. ОЛРС, с. 204), ок. 50 рассказов, а также пов. «Бранкоброшница (Из жизни на фабрике)» («Радуга», 1884, № 5—7, 10—12), «Фарфоровая куколка» («Развлечение», 1884, № 26—38), «Карасюк» («Развлечение», 1886, № 3...24; посв. памяти Тургенева), «Мой маленький роман» («Россия», 1888, № 1—7). Ранние пьесы Н.-Д. мало выделялись из общего репертуарного потока, с к-рым он сам же боролся в качестве театр. критика («Наши американцы», Малый т-р, 1882; «Соколы и вороны», совм. с гимназич. другом

Сумбатовым-Южиным, т-р Корша, 1886; и др.). Внимание критиков привлекли состоявшиеся в 1887 в Моск. Малом и Александрин. т-рах премьеры комедии «Счастливцев» (Театр. б-ка, 1892, № 10; с авт. описанием реквизита), в нек-рой степени предварившей чеховскую «Чайку» (отклики 1887: МВед, 2 нояб.; РВед, 31 окт.; «Неделя», № 52; РМ, № 11). Успех имела «Последняя воля» (Малый т-р, 1888) — «комедия характеров по преимуществу» (РВед, 1888, 10 дек.). С 1888 Н.-Д. — чл. комитета ОРДП.

Широкий резонанс получила пьеса «Новое дело» (Малый т-р, 1890; Александрин. т-р, 1891; Грибоедовская пр., 1891, — см.: Обзор деятельности Об-ва рус. драм. писателей, М., 1899, с. 98; опубли.: «Артист», 1890, № 10; «Реж. указания к „Нов. делу“» — там же, 1891, № 12; неопубликованные отклики, 1890: «Артист», № 11; «Новости дня», 1 нояб.; РМ, № 11; РВед, 1 нояб.). Успех пьесы изменил писательское самоощущение Н.-Д.: «Это — первая пьеса, с к-рой я рассчитываю выйти на серьезный литературный путь» (Театральное наследие, т. 2, с. 56); «... я решил выступить в беллетристике, к-рой до сих пор отдавал только мелкие рассказы» (там же, с. 469). Изменился и его статус в лит.-театр. мире («... со временем из него вырабатывается настоящий драматург... с каждым годом он пишет все лучше и лучше» — Чехов в Письма, III, 293). Именно тогда П. И. Чайковский обратился к Н.-Д. с просьбой написать для него либретто — «глубоко психологическое» (не было осуществлено) (см. восп. Н.-Д. «Встреча с Чайковским» — Музей МХАТ, Архив Н.-Д., № 7240). Позднее, в 1892, он написал либретто по поэме «Цыганы» Пушкина для оперы «Алеко» С. В. Рахманинова (было «очень хорошо сделано» — Рахманинов С. В., Письма, М., 1955, с. 65).

В 1891 избран членом Театр.-лит. к-та. Тогда же начал преподавать в драм. классе Муз.-драм. уч-ща Моск. филармонич. об-ва; много времени отдавая занятиям в уч-ще, разрабатывал проекты переустройства театр. дела, в т. ч. Малого т-ра. С 1893 чл. ОЛРС и чл. Моск. психол. об-ва. В эти годы Н.-Д. знакомится с проф. Н. С. Тихоновым, Н. И. Стороженко, Ал-дром Н. Веселовским, входившими в Театр.-лит. к-т, сближается с А. П. Чеховым (знакомство состоялось в 1888), сотрудниками ж. «Рус. мысль». Продолжает активно выступать в прозе и драматургии.

В одном из вариантов автобиографии Н.-Д. отмечено, что «всегда был только писателем» (РГАЛИ, ф. 341, оп. 1, № 280, л. 26). Деля свою творч. жизнь на три четко обозначенных периода (первый наполнил работой театр. критика, репортажа, фельетониста, а третий целиком отдавал воплощению в жизнь театр. концепции), он осо-

бо выделал второй (1888—98), когда были написаны гл. пьесы и романы, принесшие ему устойчивую известность именно как писателю.

Первое крупное прозаич. соч. — ром. «На литературных хлебах» (М., 1891, 1893), получивший разноречивые оценки (написан «хорошим языком, просто, спокойно» — РМ, 1891, № 11, с. 474; отрицат. отзыв: Скабичевский А. М., Отчего совр. молодые беллетристы так легковесны. — «Новости и бирж. газета», 1891, 14 марта). Затем опубликов. «Вихрь» («Новости дня», 1891, 14 нояб. ... 1892, 13 янв.) и «С дипломом» («Артист», № 23—24); начал печатать ром. «Мимо жизни» («Моск. илл. газета»; в кон. февр. 1893 публ. прекращена в связи с закрытием газ.; перераб. и законч. вариант ром. под назв. «Мгла» — «Артист», 1894, № 41—44; отд. изд. — М., 1896, 1897). Издал первый сб. «Слезь» (М., 1894), включивший 10 повестей и рассказов, ранее напечатанных в периодике. Пов. «Губернаторская ревизия» (РМ, 1895, № 8—9; отд. изд. — М., 1896, 1897) была названа «одним из лучших и наиболее удавшихся произв. Н.-Д. и по богатству красок провинц. жизни, и по отделке деталей, и по обрисовке характеров, и по психол. анализу» (А. М. Скабичевский — «Нов. слово», 1896, № 3, дек., с. 169), а после выхода в свет ром. «Старый дом (Мертвая ткань)» (М., 1895) критика признала Н.-Д. писателем «серьезным ... и правдивым» (РБ, 1895, № 12; др. рец.: РМ, 1895, № 4, отд. III). В 1896 появилась серия очерков «Москва в мае 1896 г. Письма о коронации» («Нива», № 19—23; особую известность получили очерк «Ходынка» и ром. «Драма за сценой» (РМ, № 3—6; отд. изд. — М.), где, по собств. словам Н.-Д., поставлены «все главнейшие вопросы духовной жизни» «своеобразного мирка» провинц. актерской труппы (Театральное наследие, т. 2, с. 90), в 1897 — пов. «В степи» (М.; переизд. — М., 1900), в 1898 — пов. «Сны» (М.) и главы «романа из заводской жизни» «Пекло» («Одес. новости», 11 июля ... 1 дек.), ранее предназначавшегося для «Рус. мысли» (во избежание ценз. изъятий Н.-Д. вынужден был печатать его «тихоноко по фельетонам» — Театральное наследие, т. 2, с. 126; роман остался незаконченным).

Пьесы Н.-Д. ставились на лучших сценах Москвы и Петербурга, многие выбирались для бенефисов ведущих актерами Малого и Александрин. т-ров (играла Ермолова, Федотова, Савина, К. А. Варламов, Ленский, Музиль, Садовский), становились «гвоздем сезона» и вслед за столичной сценой переходили в провинцию. Одноактная «Елка» («Артист», 1892, № 23; Малый т-р, 1896) обощ-

ла всю Россию (в ней дебютировала на виле. сцене В. Ф. Комиссаржевская). За пьесу «Золото» («Артист», 1895, № 45; Александрин. т-р, 1895) Н.-Д. был удостоен в 1894 пр. И. Г. Вучины, присуждаемой Новорос. ун-том (Одесса) за лучшие рукоп. пьесы для нар. сцены. Критики (при всех расхождении) непременно считали его драматургом, ставящим перед зрителем серьезные и наболелые вопросы времени (см. библи. в кн.: Фрейдкина). В 1896 Н.-Д. закончил «Цену жизни» («Театрал», № 100, кн. 50; отд. изд., с изменениями и дополнениями. — М., 1923), создававшуюся с «невероятным напряжением, настолько сильным, что давал себе слово больше не писать пьес» («Ежегодник МХТ» за 1944, т. 1, с. 103). Несмотря на огромный успех пьесы (премьеры: Малый т-р, 1896; Александрин. т-р, 1897), был ею «неудовлетворен до последней степени» (Стенограмма беседы Н.-Д. с актерами МХАТ 2 апр. 1936 — Музей МХАТ). В 1897 отказался от Грибоедовской пр., присужденной «Цене жизни», в пользу еще не получившей признания чеховской «Чайки».

Творчество Н.-Д. органично вписывается в круг беллетристики и драматургии последнего десятилетия 19 в. В центре его произв. — рус. реформ. деревня («Губернаторская ревизия», «Сны», «В степи»), судьбы оскудевающих и деградирующих дворян. гнезд («Мгла», «Старый дом»), выход на авансцену жизни купечества новейшей формации («Нов. дело», «Золото»), реальные проблемы земства («Губернаторская ревизия»), нравы коммерциализовавшейся газ. журн. среды («На литературных хлебах»), борьба провинц. актеров за существование и общая неустойчивость театр. дела («Драма за сценой», «Мгла»), быт фабричных рабочих («Бранкобродщина», «Пекло», «Отдых») и т. д. «Громадное знание жизни» (Чехов. Письма, VI, 84), к-рое отличает прозу и драматургию Н.-Д., реализовано в точных бытовых подробностях и реалиях (своеобразные жанровые картины рос. повседневности легко узнавались читателем), в характере конфликтов, положенных в основу сюжетов и дающих в своей типологии. совокупности худож.-социол. срез эпохи, традиционно именуемой «сумерками», — под углом по-новому увиденной психол. проблемы этого времени: личной способности (или неспособности) человека к «делу своей жизни». Герои Н.-Д. не готовы к той ответственности, к-рой требует действит. призвание. Это, как правило, люди, оказавшиеся не на своей «ступеньке» жизни. «Дело жизни» часто оборачивается для них «делом смерти» — не только моральной, но и физической

(самоубийство — статистически наиболее вероятный конец жизни такого героя Н.-Д.).

Повторяемость этой коллизии дала критику повод поднять вопрос об «умственной эпидемии» безволия, «всклещей за собой немалое число неоправданных надежд, горьких разочарований, тяжких жертв и разбитых существований» (А. М. Скабичевский — «Нов. слово», 1896, № 3, отд. II, с. 148). Как отравная точка для злободневных публицистич. статей Н.-Д. использовались и позднее (Н. К. Михайловский — РБ, 1895, № 12). Справедливо считая, что талант Н.-Д. «не принадлежит к числу ... первостепенных, к-рым суждено открывать новые пути в литературе, создавать школы» (Скабичевский, цитируемое соч., с. 147), критики воспринимали его творчество исключительно через призму Чехова, а нередко видели знаки прямого следования ему и даже подражания (обращение к проблеме «болезни воли», не-рые совпадения стилистики, стремление «становить», а не «решать» вопросы эпохи).

В прозе и драматургии Н.-Д. немало мотивов, деталей и даже персонажей, к-рые либо предшествуют их разработке в творчестве Чехова, либо совпадают с чеховскими по времени (см.: Марков П. А., Вл. И. Немирович-Данченко. — «Ежегодник МХТ. 1943», М., 1945; Хализев В. Е., Рус. драматургия накануне «Иванова» и «Чайки». — ФН, 1959, № 1). В основе этой общности — своеобразие целой лит. эпохи, для к-рой имя Чехова стало худож. кодом: «Мы ... встречали одинаковых людей, одинаково воспринимали окружающую жизнь ... копировались один и тем же жизненным материалом и для одних и тех же целей» (восп. «Из прошлого», с. 2).

Н.-Д. как прозаик порой «перекликается» также с Д. Н. Маминим-Сибиряком, И. Н. Потапенко, М. Н. Алдобовым, а позднее М. Горьким. Заметно воздействие на Н.-Д. сначала П. Д. Боборыкина, у к-рого он учился композиции романа, всадного фабулы, затем — на уровне мироощущения — Л. Н. Толстого (напр., «В степи»), а в драматургии — Островского (см.: Хромов И., Традиции А. Н. Островского в рус. драматургии. — В кн.: Творчество писателей и лит. процесс, Иваново, 1979). Будучи его последователем и обладая при этом органическим чувством режиссера, Н.-Д. самостоятельно совершал «прыжки» в ту область, где предстояло родиться театру Чехова, и в известной степени предвосхищал появление драматургии Горького.

Беллетристика и драматургия Н.-Д. подтвердили и провозглашенный им прежде тезис о необходимом «сближении театра и литературы» («Театр.-лит. комитет» — «Новости дня», 1891, 28 сент.), важности лит. первооснов драматургии. Н.-Д. говорил, что в его творчестве «драматург очень помогал беллетристу» в разработке развития действия, а «беллетристика помогала драматургу» тем, что учила «схватывать жизненные черточки, психологию, к к-рой тогда драматурги не привыкли» («Поправки к стенограмме беседы с В. Я. Вилениным» — Музей МХАТ). Проза учила и «экономии», когда при помощи двух-трех реплик (взамен многостраничных условных монологов) удавалось мастерски осветить «почти каждое из действующих лиц ... их взаимные отношения и положения вещей» (В. Пр-ский — ТИИ, 1897, № 2, с. 34). Жанровая расплывчатость прозы Н.-Д. в немалой степени связана со спецификой отбора и компоновки материала, при к-ром прозаич. вещи обнаруживают в себе скрытый каркас пьесы (отчетливо обозначенной экспозицией, сгу-

щением драматизма положений, неуклонным развитием действия, особой ритмичностью, диалогами, построенными по принципу драматургических). В то же время, говоря о пьесах Н.-Д., критика с самого начала отмечала их чисто «лит. достоинства» (напр.: РВед, 1884, 24 нояб.; 1888, 10 дек.), в частности умение живописать жанровые картины.

В 1898 Н.-Д. и К. С. Станиславский создали Моск. Худож. театр (МХТ, впоследствии МХАТ; Н.-Д. — директор и реж. т-ра до конца жизни). Больше, чем кто-либо другой, Н.-Д. сделал для упрочения на драм. сцене повествоват. прозы: постановки ром. «Братья Карамазовы» (1913) и «Бесы» (под назв. «Николай Ставрогин», 1910), «Воскресение» (1930) и «Анна Каренина» (1937). Вершиной его реж. деятельности стала пост. в 1940 «Трёх сестёр» (см. подробно в кн.: Вл. И. Немирович-Данченко ведет репетицию. «Три сестры» в пост. 1940, М., 1965, с. 424). В 1919 Н.-Д. организовал при МХТ Муз. студию (с 1926 Муз. т-р им. Вл. И. Немировича-Данченко; с 1941 Муз. т-р им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко), во многом обновив оперное иск-во.

Сосредоточившись на работе в театре, в 1899 Н.-Д. вышел из состава Театр.-лит. к-та и почти прекратил писательскую деятельность. В 1901 закончил для МХТ последнюю пьесу — «В мечтах» (М., 1902; Грибоедовская пр., 1903), в к-рой замыслил показать, в совр. варианте, «конфликт между житейской прозой и оторванной от жизни лирикой» и к-рую, «несмотря на ... внешние признаки успеха» («История моей драмы „В мечтах“». — Музей МХАТ), считал неудачей. В дальнейшем лишь изредка публиковал статьи в «Рус. мысли», «Вест. Европы», «Лит. вест.», «Культуре театра» (1921, «Новом зрителе» (1928). Замыслы нескольких задуманных Н.-Д. в эти годы пьес остались неосуществленными (см.: Фрейдкина).

В 1926—27, получив во время заграничных гастролей Муз. театра приглашение амер. кинофирмы «United artists», работал в Голливуде в качестве сценариста. Отобрал большое число лит. произв. для экранизации (среди авторов — Чехов, Мопассан, Достоевский, Островский), написал по мотивам своих пьес сценарии: «Миллионерша» («Золото», для актрисы Греты Гарбо) и «Цена жизни», сделал наброски неск. сценариев для Ч. Чаплина, изучал специфику нового для него иск-ва кино и образ жизни амер. киноактеров; в интервью корреспондентам ряда амер. газет критически оценивал худож. сторону сценариев амер. фильмов, построенных на трюках и избыточной занимательности

[подробнее о пребывании Н.-Д. в Америке см.: Бертенсон С. Л., В Холливуде с В. И. Немировичем-Данченко (1926—1927). По материалам архива С. Л. Бертенсона. Сост. К. Аренский, Monterey, 1964; доклад Н.-Д. «15 месяцев около амер. кино» — Музей МХАТ. О работе Н.-Д. после возвращения в Москву см.: Аренский К., Письма в Холливуд. По материалам архива С. Л. Бертенсона, Monterey, 1968]. В 1936 опублик. восп. «Из прошлого» (2-е изд., М., 1938) — ценный источник истории театр. иск-ва. В 1940 начал работу над книгой об актерском мастерстве (продолжена в годы войны главами о «втором плане» спектакля, характере романтизма в драматургии — часть опублик. в изд.: Театральное наследие, т. 1), в к-рой стремился обобщить свой личный опыт режиссера, актера, драматурга, прозаика.

Был женат на дочери изв. педагога и обществ. деятеля Н. А. Корфа — Ек. Ник. (1858—1938), брак с к-рой длился более полувека.

Изд.: Театральное наследие, т. 1—2, М., 1952—54; Повести и пьесы, М., 1958 (подг. текста, вступ. ст. и прим. Ф. И. Евнина), М., 1958; Письма, М., 1962 (вступ. ст. Т. Б. Князевской, прим. В. А. Маслиха), М., 1962; Избр. письма, т. 1—2, М., 1979 (сост., ред., вступ. ст. В. Я. Виленикина); Ресценции. Очерки. Статьи. Интервью. Заметки. 1877—1942, Л., 1980 (сост., ред., комм. и вступ. ст. Л. М. Фрейдиной); Рождение театра. Восп., статьи, заметки, письма, М., 1989 (сост., вступ. ст. и комм. М. Н. Любимурова).

Лит.: Чехов. Письма (ук.): Горький (ук.); Скабичевский А. М., Соч., т. 2, СПб., 1903, с. 557—80; Михайловский Н. К., Соч., т. 1. Отклики, СПб., 1904, с. 231—40; Соболев Ю., Вл. И. Немирович-Данченко, П., 1918; Кугель А. Р., Листья с дерева, Л., 1926, с. 128—38; Марков П. А., Н.-Д. и муз. театр его имени, М., 1936; Виленикин В. Я., Вл. И. Немирович-Данченко, М., 1941; с его же, Н.-Д. о творчестве актера, М., 1984; Южин-Сумбагов А. И., Записи. Статьи. Письма, М., 1951, с. 27—30; Строева М. Н., Чехов и Худож. театр, М., 1955; Фрейдикина Л. М., Дни и годы Н.-Д. Летопись жизни и творчества, М., 1962 (библи.); Корзов Ю. И., Драматургия Н.-Д. К., 1971; Сибиско В. А., Из лит. наследия Н.-Д. — «Науч. тр. Новосиб. пед. ин-та», 1971, в. 65; Письма Л. Н. Андерсева к Н.-Д. и К. С. Станиславскому (1913—1917). Публ. и комм. Н. Р. Батыловой и В. И. Белубова. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1971, в. 266; Соловьева И. Н., Немирович-Данченко, М., 1979; Петровская (2; ук.); Петров Б. М., «Кавказская» — «Пересвет» (Брянск), 1992, № 9/10. — Брокгауз: НЭС; Гранат; Сл. ОЛРС; Галерея рус. писателей, М., 1901; Мезер: БСЭ; КЛЭ; ТЭ; ИРДТ; ИДРДВ: Рус. писатели. 1990; Муратова (2); Масанов.

Архивы: Музей МХАТ, л. ф.; РГАЛИ, ф. 814; ф. 2316, оп. 2, № 55—57 (Чехов М. А., Биограф. повесть о Вл. И. Немировиче-Данченко); ГИИМ, ф. 188. И. Е. Гитович.

НЕСТЕРОВ Александр Кононович [псевд. Нестор Око; 14(26).8.1835, Петербург* — не ранее 1899**], автор произв. для протонародья. Из мещан. В кон. 1860-х гг. служил сидельцем в книжной лавке, корректором в типографии. Первая публикация — стихотв. книжка «Воздушное путешествие Непира на Кронштадт» (СПб., 1854).

Автор патриотич. брошюр на воен. темы: «Бомбардирование Колы, или Еще новый подвиг англичан на Белом море», «Морское сражение при Або...» (под псевд. А...), «Положения французов и англичан в Крыму, и удачная вылазка русских из Севастополя» (все — СПб., 1854; об авторстве этой и других анонимно вышедших книг Н. см.: РНБ, ф. 438, № 16, л. 670), «Штурм Севастополя» (М., 1855; под псевд. А. К. Н.), «Взятие Карса, или Да здравствует Муравьев» (под псевд. Павел Будин), «Крымские новости» (кн. 1—3; под псевд. А. Цыклоп; две последние — СПб., 1855), посв. событиям Крым. войны 1853—56 и в ура-патриотич. духе высмеивали неприятеля: «И домашним бы сказали/ Как им русские давали/ Крымский пир горой/ И что русские солдаты —/ Разудалые все хваты/ Всяк из них герой» («Штурм Севастополя»).

После войны Н. опубликовал юмористич. сказки в стихах «Бес в полуштофе, или Чудные похождения Ивана Трезвого в пьяном виде» (СПб., 1857; М., 1864) и «Положения Ерша, или Чудеса подводного государства» (СПб., 1857; изд. анонимно). В прозаич. брошюрах, отличавшихся неподдельным, хотя и грубоватым комизмом [«Кухарка в кринолине и ее похождения» (под псевд. А. Н.), «Положения Акулины в кринолине на Крестовском» (обе — СПб., 1858), «Столичные очерки» (кн. 1, СПб., 1859; под псевд. А. Н.), «Петербургские новинки» (СПб., 1860; издана анонимно)], предстают картины петерб. быта. Успех имела брошюра «Война кухарки с барыней, или Нашла кося на камень» (СПб., 1865; 2-е изд., М., 1866), к-рая «расходилась между простым народом в чрезвычайном большом количестве» (ПЛ, 1865, 15 мая; см. также — ПЛ, 1865, 11 апр.). В печати отмечалось, что в ней «заметен хотя площадный, но все-таки юмор» (Новое наводнение брошюрами. — ПЛ, 1865, 24 апр.). По поводу выпущенной Н. брошюры «Американцы в России и русские в Америке» (СПб., 1866; изд. анонимно) агент III отд. также свидетельствовал, что она «раскупается и читается с большим любопытством нашим протонародием» (ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 4, д. 120, л. 1). Популярна была выпускавшийся Н. в 1858—59 уличный листок «Смех», включавший его юмористич. стихи, очерки, сценки и рассказы и пользовавшийся началом «эпидемии» подобных изданий (см.: Добролюбов, III, 244; Н. С., Уличная журналистика. — СП, 1858, 9 мая; Антропович М. А., Воспоминания. — В кн.: Шестидесятые годы..., М.—Л., 1933, с. 135).

Сам Н. в письме в Лит. фонд утверждал, что его брошюры и сборники «по дешевизне своей и парочкой балаганщице названий имели целью отыскать себе читателей в тех людях, которые, кроме потешного, ничего не хотят и в руки брать, и, кроме заочинивания таких людей все больше к чтению, имеют в виду также и повлиять на них сколь возможно более понижено, а потому и кажущиеся иногда порядочно грубою, намеренною» (РНБ, ф. 438, № 16, л. 671).

Среди др. изданий Н. — фантастико-юмористич. рассказы («Зефиры и зевороты», СПб., 1861; под псевд. А. Полоротов; «Петербургский домовый и мои с ним странствования», СПб., 1865; изд. анонимно; 2-е изд., СПб., 1871), популярные очерки («Комета 1858 года, и о явлениях комет вообще...», СПб., 1858; изд. анонимно; «Шамиль в Петербурге», СПб., 1859), юмористич. сб-ки («Колпак», «Нос»; оба — СПб., 1866), включавшие произв. как самого Н., так и др. авторов. Кн. «Живая покойница, или 15-ти дневный летаргический сон дочери капитана С. и ее пробуждение» (СПб., 1861; под псевд. А. Н-в) была конфискована и уничтожена полицией, но позднее автор был оправдан (см.: Добровольский Л. М., Запрещенная книга в России, М., 1962, с. 51—52; РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 5781). В соавторстве с М. Е. Евстигнеевым выступал в печати («Панорама Толкучего рынка», кн. 2, СПб., 1858; «Митька под мостом, или Ночь с лешим», СПб., 1859; под псевд. А. Н.; «Тайны и смерть колдуна», СПб., 1862; 2-е изд., СПб., 1869), оказал влияние на тематику и стилистику его произв. В нач. 1860-х гг. был близок с изв. низовым литератором В. Я. Шмитановским, а в кон. 1860-х гг. — с Д. П. Ломачевским, вместе с к-рым сочинил брошюру «Записки петербургской камелии» (СПб., 1867; подпись А. Н. и Д. Л.). В кон. 1860-х гг. неск. раз получал пособия от Лит. фонда. В 1872 по ходатайству пред. Лит. фонда А. А. Заблочкого-Десятского Н. принят на службу в Петерб. гор. думу: в 1884—91 делопроизводитель канцелярии. Получил звание личного почт. гражданина. В 1888 пытался создать «Русский добровольный капитал для обеспечения мира или на случай войны», но не получил разрешения градоначальника. В том же году избрал переносной балкон для мытья наружной стороны окон, введенный в 1895 приказом градоначальника к обязательному использованию (см.: «Вед. С.-Петербург. градоначальства и столичной полиции», 1894, 5 окт.). Н. был одним из первых авторов, писавших специально для гор. «низов». Его книги [часть из них, указанная Н. в списке своих соч. (ИРЛИ, ф. 570, № 11), не выявлена] сыграли важную роль в приобщении их к регулярному чтению.

Лит.: Летопись XIX века (Волокитин Н. И.), Лит. ярмарка, СПб., 1868, с. 9, 53—

55, 61; Свешников Н. И., Восп. пронашего человека, М.—Л., 1930, с. 380; Листи до Марка Вовчка, т. 2, Київ, 1979, с. 140, 460. * Рус. анонимные и подписанные псевдонимами против. печатн. в. 1—3, Л., 1977—79; Масанов (не указаны псевд. А., А. Н., А. К. Н., Павел Будин, Амур де Вюль, Зубрилка Затулирин, Кривулька Зубрилкин, Юганко Питкане, А. Цыклоп).

Архивы: ИРЛИ. ф. 580 (в т. ч. рукописи ряда против.; № 11 — список соч., № 16 — копия метрич. записи*, № 12 — записи 1899**); ф. 661, № 777 (письмо к М. К. Лемке от 1892); ф. 265, оп. 2, № 1782, 1783 (цел. рукописи); ф. 155, приложение к ж-лу Лит. фонда за 1873 г., л. 12 об.; РНБ, ф. 438 (Лит. фонд), № 16, л. 669—753; № 17, л. 11 об., 666—722, № 18, л. 237; РГИА, ф. 777, оп. 25, д. 382 (о записи в 1863 г. рукописи Н. «Петербургский домовой и его приглас. из провинции»).

А. И. Рейтблат.

НЕФЁДОВ Филипп Дномидович [6(18).10.1838, с. Иваново Шуйск. у. Владимир. губ. — 12(25).3.1902, д. Перебор той же губ.; похоронен в Москве на Ваганьков. кладб.], прозаик, журналист, этнограф, археолог. Детство прошло в с. Иваново. У отца Н., крепостного крестьянина гр. Шереметева, были небольшая ваточная

фабрика и торговое дело. Окончил Иванов. приход. уч.-ще (1844—49) с похвальным листом. Работал в лавке отца, выезжал в др. города с торговыми поручениями. Первые рассказы «Вечер, или Девичник» и «Ночная прогулка» (написаны в 1854—55, опублик.: газ. «Старый владимирец», 1913, 12 марта) — лирич. излияния влюбленного юноши. В 1856 знакомится с сотрудником «Костром. губ. вед.» Н. Т. Ашмаринным, своим первым лит. наставником, опубликовавшим в газ. очерки «Галицкая ярмарка» (1858, 19 дек.) и «Из путевых заметок по Нерехтскому уезду» (1859, 7 февр.) — первые этногр. зарисовки. В 1859 Н. познакомился с В. А. Дементьевым, возглавившим кружок ивановской молодежи: Н., В. А. Рязанцев [ему посв. «Письмо к редактору (Некролог В. А. Рязанцева)» — «Развлечение», 1866, № 45] и воспитаники Дементьева С. Г. Нечаев (см.: Бельчиков Н. Ф., С. Г.

Нечаев в с. Иваново в 60-е гг. — КиС, 1925, № 1; 14 писем Нечаева к Н.), близкое знакомство с к-рым впоследствии драматически отзовется на судьбе Н. Под влиянием Дементьева Н. начал посылать корреспонденции в моск. газеты (напр., «Некролог свящ. В. Г. Былинского» — МВед, 1861, 28 окт.). Осенью 1862 Н. уходит пешком в Москву и получает у гр. Шереметева «увольнительное свидетельство», чтобы сдать экзамен на звание домашнего учителя. Не сдав экзамена, он записывается в мещанское сословие и поступает на службу к А. Ф. Черенину, владельцу частной 6-ки и книжного магазина.

В 1863 в Москву переезжает Дементьев; Н. знакомится с его другом А. И. Левитовым, выпускником Харьк. ун-та Н. М. Богомоловым, позже — с Д. М. Торчило и др. Они образуют ядро кружка, собиравшегося на квартире Н.: студенты, молодые учителя, литераторы. «Отличительной чертой этого кружка было преследование высших целей жизни» и своего рода «обет безбрачия» для достижения этих целей («А. И. Левитов». — В кн.: Левитов А. И., Собр. соч., т. 1, М., 1884, с. CVI; см. также: Письма Н. М. Богомолова к Н. — «Тр. Владимир. уч. арх. комиссии», кн. 17, 18, 1917—18).

По утверждению Н., с 1864 по 1868 он был вольнослушателем юридич. ф-та Моск. ун-та (выпускные экзамены не сдавал). В эти годы Н. ради заработка активно сотрудничал в юмористич. и сатирич. журналах: «Развлечение» (напр., «Мой дневник. (Заметки общественные, литературные и иные)», 1866, № 16...43], «Будильник» (напр., «Дачные впечатления», 1869, № 22...40; «Москва и москвичи, или Русские на закате XIX в.», 1869—71), «Искра» [напр., «Похвальный лист. (Эпизод из крушиловских выборов)», 1867, № 28—30]. В 1865—66 зав. ред. основанного Черениным ж. «Книжник», в к-ром печатал обозрения и рецензии.

К сер. 60-х гг. относится первая попытка Н. подняться на новую ступень лит. иерархии: он предлагает свое сотрудничество И. С. Аксакову и публикует мат-лы в его газ. «День» («Село Павлово», 1865, 23 окт., 11 нояб.; см. письма Аксакова к Н.: «Тр. Владимир. уч. арх. комиссии», кн. 17). Постепенно Н. завоевывает репутацию знатока фабрич. жизни. Он неоднократно обращается к своим ивановским корреспондентам (Нечаеву, Богомолову) с настойчивыми просьбами о присылке мат-лов и на их основе, а также на основе собств. наблюдений публикует ряд очерков: «Чертово болото» («Развлечение», 1864, № 18...50), «Из с. Иванова. Корреспонденция» («Моск. газ.», 1866, № 27), о школе А. П.

Сусловой в с. Иваново (СПбВед, 1869, 29 марта, 10 апр.; о знакомстве Н. с Сусловой см.: Письма Н. М. Богомолова к Н.) и др.; продолжает печатать и этнографические мат-лы: «Дикие люди, вещи и фантазии на моск. этнографич. выставке и пр.» («Развлечение», 1867, № 24), «Фомин понедельник. (Этнографич. очерк Золотого Дня)» (там же, 1868, № 17). В 1869 Н. становится одной из жертв затеянной Нечаевым широкомасштабной провокации. Получив из-за границы письмо от Нечаева с вложенной в него листовкой издатель «Колокола», Н. впервые привлекает к себе внимание III отд. (о механизме этой провокации см.: Козьмин Б. П., Неудавшаяся провокация. Новое о С. Г. Нечаеве. — КА, 1926, т. 1).

Не обладая определенным мировоззрением, Н. на протяжении этих десятилетий ищет духовного наставника. Характерна его переписка нач. 70-х гг. с ред. «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем: Н. изъясляет готовность подчиниться принятому в журнале направлению мыслей; сообщает корреспонденту о замысле эпич. полотна рус. жизни; настойчиво требует от него лит. советов. Как и в случае с Аксаковым, Н. пробует добиться места постоянного моск. корреспондента журнала (см.: Стасюлевич т. 5; см. также письма Н. к Н. А. Некрасову — ЛН, т. 51—52).

В конце 60-х — нач. 70-х гг. Н. удалось поместить несколько беллетристич. вещей на страницах «толстых» журналов: «Нечаянная беда» (очерк из крест. быта) («Совр. обозр.», 1868, № 2); «Девичник. Очерк фабричных нравов» (ОЗ, 1868, № 9); «Святки в с. Данилово. Очерки рус. фабрич. жизни» (ВЕ, 1871, № 3); «Леший обошел» (там же, № 9). Кроме того, были опублик. рассказы из народной жизни: «Ивановин» («Неделя», 1868, № 42, 43) и «Безоброчный» («Грамотей», 1871, № 4; отд. изд. — СПб., 1873, с илл. В. М. Васнецова). Большая часть этих произв. была собрана в кн. «На миру» (М., 1872; в том же году Н. был избран чл. ОЛРС; по мнению III отд., книга использовалась для «преступной пропаганды» — см.: Морачевский с. XX). В 1878 с добавлением «Святок» и «Девичника» этот сб-к был переиздан, но в переработанном виде и с измененным назв. «Очерки и рассказы» (М.). Совр. критика воспринимала Н. как «представителя крайнего народничества», к-рый подчеркивает «рознь фабричных и деревенских, тенденциозно выставляя первых в виде пропойц и разбойников». Фабрика, по мнению Н., «только развращает» человека. Положительный идеал Н. — «идиллия среднеобеспеченного, патриархального в семейном отношении

крестьянства» («Галерея рус. писателей», М., 1901, с. 551). Невзрачность лит. манеры Н. делает его произв. поводом для журн. пикировок. Один из рецензентов (возможно, Н. К. Михайловский; см.: Смирнов В. Б.) придавал деревенским очеркам Н. «несравненно меньшее значение», чем фабричным: Н. — «хороший наблюдатель, но посредственный психолог» (ОЗ, 1879, № 4, отд. II, с. 198). Другой, напротив, утверждал, что Н. является «вполне художником, притом верным действительности» — именно в деревенских очерках и рассказах («Древняя и новая Россия», 1880, № 9, с. 187). Н. упрекали в «неумеренном употреблении» языка, к-рый изобретается автором по аналогии с народным и часто является «порочным» (ВЕ, 1879, № 3, обложка).

Предыдущая публиц. деятельность и новые мат-лы [*«Село Иванова-городок»* — «Неделя», 1870, № 21, 23; *«Новый выкуп. (Письмо из с. Иванова)»* — «Беседа», 1872, № 1; корреспонденции Н. печатались также в газ. «Век», «Молва», «С.-Петербург. вед.»] принесли Н. нек-рую известность. В 1870—71, когда распался его брак с М. К. Затрапезновой, учительницей моск. жен. г-зии (они обвенчались в 1868), Н. подолгу жил в Иванове. Редакция «Рус. ведомостей» поручила ему исследовать положение на фабриках и заводах Владимир. губ. Серия статей Н. «*Наши фабрики и заводы*» (РВед, 1872, 16 марта ... 21 апр.) побудила жандармское ведомство провести собств. расследование положения дел в Иванове, подтвердившее выводы журналиста (Морачевский, с. XVIII—XIX).

Отличавшийся незаурядными организаторскими способностями, целеустремленностью и деловой сноровкой, Н. был в 1872 приглашен участвовать в организации и проведении Моск. политехнич. выставки. В 1872 он избирается чл. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те (что избавило его от всех повинностей податного сословия) и с 1874 принимает неск. этногр. экспедиций в Поволжье, на Кавказ, в Крым, на Урал, в Оренбург и Уфим. губ. Н. разрабатывает оригинальную программу исследований, в к-рой этногр. изучение совр. быта народа неотделимо от археологич. изучения прошлого. В 1887 был избран чл.-корр. Моск. археологич. об-ва, по его поручению проводил исследования в Рязан. губ., Юж. Приуралье, Прикамье, во Владимир. и Костром. губ., на юж. побережье Крыма; в 1891 избирается д. чл. этого Об-ва. В 1895 награжден премией по антропологии им. вел. кн. Сергея Александровича (оценку науч. трудов Н. см.: Ни-

кольский Д. П., Памяти Н. — «Живая старина», 1903, № 1/2; И. С. Шукшинцев — «Тр. Оренбург. уч. арх. комиссии», 1903, в. 11).

На протяжении 1872—82 Н. почти не публикует новых беллетристич. произв. В 1875—76 зав. ред. «Ремесленной газ.», печатал в ней «Еженед. беседы с читателем». В письме В. А. Гольцеву от 18 марта 1888 он сетует: «... в жизни моей и лит. судьбе лежит что-то непостижимое, роковое ... я встречал озлобление, вражду и брань, а лит. мои работы никогда не оценивались» (ГМ, 1917, № 2, с. 258). В 1879 Н., казалось бы, находит себя, став ред. газ. «Рус. курьер» и заново собрав вокруг себя небольшой кружок единомышленников (Ф. Н. Митропольский, Н. А. Консиндентов и др.). Но в марте 1881 он был арестован: у С. Л. Перовской и А. И. Желябова нашли зашифрованные записки, в к-рых рекомендовалось использовать Н. для добывания денег. В том же году он был выпущен под гласный полицейский надзор, но с «Рус. курьером» ему пришлось расстаться.

С 1882 Н. вновь пытается печатать свои произв. на страницах либеральных журналов: «Рус. мысль» (пов. «*Не в обычае*», 1883, № 1, 5; «*В тумане*», 1890, № 2), «Рус. богатство» («*Движение среди башкир перед пугачевским бунтом; Салават, башкирский батыр*», 1890, № 10), «Сев. вестник» [автобиогр. пов. «*Детство Протасова. (Из жизни и нравов фабричного мира)*», 1893, № 1—4]; по старой памяти отдает нек-рые вещи в «Будильник» («*Чудная ночь. Святочный рассказ*», 1882, № 1, 2) и «*Развлечение*» [*«Сладились. (Отрывок из пов. „Война“)*», 1886, № 10, 11]; часто печатается в ж. «Наблюдатель» («*На арестантском пароходе*», 1883, № 1; «*Клад*», 1885, № 1), в разл. лит. сб-ках. Стремясь помочь лит. молодежи, Н., в частности, безуспешно пытался опубликовать первую статью В. В. Розанова (тогда еще студента) в «Рус. мысли» (подробнее: Розанов В. В., Письмо к издателю. — РСЛ, 1896, 12, 15 янв.). В 1884 становится пост. сотрудником «Рус. ведомостей». В это десятилетие интенсивной лит. работы окончательно складывается писательский облик Н.

Он живет в меблированных комнатах «жизнью богемы, все его имущество состоит в любимых книгах... Несмотря на сравнительно большой круг знакомых в мире ученом, артистическом и др., он держался тесного лит. кружка, чувствовал себя хорошо среди своих прежних сотрудников по «Рус. курьеру», простых, как и он, людей» (Васюков С., Восп. о Н. — ИВ, 1902, № 5, с. 589).

Расширяется географич. кругозор и социологич. охват произв. Н.; оценки изображаемых событий автор зачастую выносит с позиций убежденно верующего человека. Сюже-

ты, ситуации, темы новых произв. Н. черпает из своих странствий по России; его внимание по-прежнему привлекает жизнь рус. деревни; он открывает для себя культуру и историю башкирского народа [произв. этого цикла собраны в кн. «*В горах и степях Башкирии*» (Уфа, 1988; предисл. и комм. М. Г. Рахимкулова)]; описывает быт староверов («*Ионыч*» — СВ, 1888, № 7, 8) и интеллигенции (напр., «*На берегу моря*» — РВед, 1890, № 6). Секр. ОЛРС (с 1885), Н. активизировал его деятельность, устраивая публичные чтения произв. Л. Н. Толстого, Н. П. Гилярова-Платонова и др., так что «заседания об-ва стали играть видную роль в моск. интеллигентском мире» (Васюков, там же).

С выходом в свет Соч. Н. (т. 1, 2, М., 1894—95, т. 3, 4, СПб., 1900; перерыв в выходе томов объяснялся тем, что изд. распространялось с большим трудом и Н. пришлось искать др. издателя) и двух изд. «*Святочных рассказов*» (М., 1895; СПб., 1900) рецензенты попытались определить место Н. в рус. беллетристике. Если М. А. Протопопов ставил ему в упрек неумение «проникать в интимнейшую сущность предмета», противопоставляя «стилистическим гранпасьянсам» декадентов и символистов его «правдивость» и «теплое человеческое чувство» (РБ, 1895, № 2, отд. II, с. 63), то рецензент ж. «Жизнь» снисходительно порицал Н. за отсутствие лит. культуры, находя в его произв. «деланный пафос, паточное красноречие и слащавость психологии» (1900, № 7, с. 322). Рецензентов по-прежнему приводит в недоумение сказовая манера повествования в произв. Н.: «Рассказ... ведется от имени фабричного конторщика, выражающегося, конечно, языком не литературным, а областным и просто деланным» («Набл.», 1894, № 4, отд. II, с. 25); «... елеинный слог „старцев“ и калик перехожих слышится у него всюду...» («Жизнь», 1900, № 7, с. 322). Носителей новых лит.-худож. вкусов настоятельно «особая тяжеловатая тенденциозность, усердная... проповедь мягкосердечия и нек-рого мистицизма» (А. П. Налимов — «Обр.», 1901, № 4, с. 59). Лит. изыскания Н., по мнению рецензента «Рус. богатства», объясняется тем, что «на лит. поприще он выступил несколько позже своих собратьев [Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова, Левитова, Г. И. Успенского, Н. Н. Златовратского. — Ред.], да и потом в своей лит. деятельности внешним образом стоял как-то в стороне от их шумного кружка»; при этом, «как и большинство беллетристов-народников, г. Нефедов никак не может быть назван романистом: сочиненных вещей, с определенной фабулой ... у

него почти нет... Это не повести, не рассказы, это просто ряд картинок народной жизни...» (1894, № 3, с. 40—41). Наиб. благожелательный к писателю Налимов почувствовал в его произв. «художественно-объективную иронию» и «космысленный юмор». «...Читателю представляется, что автор, не мня себя вершителем огромных задач, не сворачивает, однако, с своего избранного пути» («Обр.», 1901, № 4, с. 60).

В 90-е гг. Н., болезненно переживая свою лит. незаметность, частое безденежье и поворот обществ. интереса от крестьянства к фабричным и «боснякам», переселился сначала в д. Плёс Костром. губ., а затем в д. Перебор Владимир. губ., где пользовался большой популярностью среди крестьян, совершавших к нему паломничество «за бесплатными книгами и лекарствами» (Леонтьев П., Памяти Н. — РВед, 1902, 18 марта). Вместе с тем Н. продолжает издавать свои книги и регулярно появляется на страницах периодики («Чудесник Варнава» — РВед, 1898, 25 февр. ... 17 апр.; «Стеня Дубков» — РМ, 1898, № 4, 5 и др.); в Собр. соч. вошла лишь небольшая часть им написанного. Лубочная зательность письма, искренняя, хотя и наивно-прямолинейная пропаганда христ. идеалов привлекали к произв. Н. определенные круги читателей, так же, как и он, равнодушных к межпартийным баталиям.

Изд.: Повести и рассказы, т. 1—3, М.—Иваново, 1937; Избр. произв., Иваново, 1959; пов. «На Новый год» — в сб.: Чудо Рождественской ночи. Святочные рассказы, СПб., 1993.

Лит.: Сильчевский Д. П., Памяти Н. — «Новости», 1902, 17 марта; Памяти Н. — «Владимир. газ.», 1903, 12 марта; «Старый владимирец», 1908, 7 окт.; 1909, 11 окт.; 1911, 13 нояб. ... 25 нояб.; 1913, 19 мая; 1914, 12 марта; 1916, 16 марта ... 14 июля; Смирнов А. В., Нефёдов. Его жизнь и деятельность. — «Тр. Владимир. уч. арх. комиссии», 1917—18, кн. 18 (библ. произв. Н.); Ретанов В., Архив Н. — Там же; Богданов Л., Забытый писатель из народа. — Сб. «Начало», Иваново-Вознесенск, № 1, 1921; Морачевский Н., Нефёдов. Его жизнь и творчество. — В кн. Н.: Повести и рассказы, т. 1, М.—Иваново, 1937; Куриленков В., «Повести и рассказы» Н. — ЛО, 1938, № 18; Орлов А. И., Из лит. жизни 70—80-х гг. XIX в. (по мат-лам архива Н.). — «Уч. зап. Шуйского пед. ин-та», в. 7, 1958; Садовский А., Нефёдов в моих восп. — Сб. «Верхняя Волга», Ярославль, 1964; Соколов Н. И., Рус. лит-ра и народничество, Л., 1968; Горюхины М. С., Худож. проза народничества, М., 1970; Смирнов В. Б., Незвестный реч. Н. К. Михайловского. — В кн.: Рус. журналистика в лит. процессе второй пол. XIX в., Пермь, 1980; Капустин Н. В., Творчество Н. в лит. процессе второй пол. XIX в., Л., 1985 (авторсферат дис.); его же, Иванские высчисления, их отражение в раннем творчестве Н. — В кн.: Факт и худож. образ, Иваново, 1989; Храмов Н. И., Нефёдов и павловские крестьяне. — Краснеческие чтения, Н. Новгород, 1991; Смирнов В. А., Капустин Н. В., Письмо Д. Н. Мамина-Сибиряка к Н. — В кн.: Фольклор и лит-ра Иванов. края, в. 1, Иваново, 1994. — Некрологи, 1902: БСед, 17 марта (П. В. Быков); ВЕ, № 4, «Владимир. губ. вел.», 15 марта (А. Смирнов); ИВ, № 4: НВ, 17 и 18 марта; РМ, № 4: РВед, 14 марта (Д. А. Иуничин); «Рус. антропологич. ж-л», № 1 (Ивановский); РСл, 15 марта. Брокгауз; Гранат; БСЭ;

ЛЭ; КЛЭ; Мезьер; Владиславлев; Муратова (1); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 208; ф. 181, оп. 1, № 483, оп. 3, № 35, 123 (письма Н. К. Михайловскому); ф. 283, оп. 2, № 146 (письма А. М. Скабичевскому); ф. 286, № 348—355 (письма А. В. Смирнову); ф. 357, оп. 2, № 250 (мат-лы для биографии); ГА Ивановской обл., ф. 789; РГБ, ф. 239, к. 14, № 38 (письма Н. А. Попова).
А. Ю. Панфилов.

НЕЧАЕВ Анисим Фролович (ок. 1827, с. Пирочи Зарайского у. Рязан. губ. — после 1868, Архангельск), поэт-самоучка. Из крестьян. С 7-летнего возраста жил в осн. у родственников в Архангельске, занимался мелочной торговлей, бывал в Петербурге. В 12 лет выучился грамоте у деревенского священника. В 1849, по просьбе контр-адмирала П. Ф. Кузмищева (нач. Архангельского порта), известного собираньем местных слов Камчатки и Архангельской губ., М. П. Погодин напечатал в «Москвитянине» (1849, № 10) стих. Н. «Рассказ старушки» (с сопроводит. заметкой Кузмищева) — историю верной любви деревенской красавицы к солдату, отправленному «за границу басурманский бить народ». В нем автор пытался имитировать нар. разг. язык; стих. получило популярность и «распевалось как нар. песня» (Назаров). В 1866 в Москве вышла книжка «Стихотворения» Н. с посвящением Кузмищеву, поддерживавшему стремление автора к сочинительству. Наиб. заметное стих. «Юноша Ломоносов» написано размером, имитирующим гекзаметр; построено в форме вопросов сына к отцу о загадках природы, на к-рые тот не находит ответа; включает описание пророч. сна мальчика-Ломоносова. Патриотич. тема нашла выражение в стих. «Памятник» («Есть памятник в Москве, в столице нашей славной») о К. Минине и кн. Д. Пожарском.

Хранившиеся в архиве А. Ф. Вельмана две тетради стихов Н. (в посвящении к нему автор, сокрушаясь по поводу «бездарности» своих соч., воспринимает собств. стихотворчество как «грех») частью состоят из стих. с религ.-патриотич. тематикой («Русь», «Наполеон в Кремле», «Пророк Иона»), частью же вводят новое для Н. лирич. начало: «Пляшущие тени», «Богиня волн», романсы, эпигонски варьирующие и балладные темы В. А. Жуковского, и лермонтовские мотивы — мятежности, разочарования, «бесплодного сомнения». Справиться с этими влияниями Н. оказалось совершенно не под силу: последние стихи значительно уступают первым печатным публикациям. Дальнейшая судьба Н. неизвестна.

Лит.: Барсуков, кн. 10, с. 366—67; Вельчин В. Г., Рассказы о рус. самоучках, 2-е изд., М., 1879, с. 19—20.

Архивы: Назаров; РГБ, Вельман/III, 20, 16 (стихи Н. 1866 и 1868 гг.).
О. В. Голубева.

НЕЧАЕВ Егор Ефимович [13(25).4. 1859, с. Харитоново Корчев. у. Твер. губ. — 23.11.1925, Павловский Посад, под Москвой], поэт, прозаик. Дед — крепостной крестьянин, отец — неграмотный рабочий-хрустальщик. Н. не получил образования, азам грамоты научила его соседка-немка. Девяти лет мальчика отда-

ли на стекольный завод (гуту), где условия труда были чрезвычайно тяжелыми. В 1885 он перебрался в Москву и поступил на хрустальный завод Дютфура, где проработал до 1916.

На писательство Н. вдохновил пример И. З. Сурикова. Вместе с М. И. Леоновым, Ф. С. Шкулёвым и др. он участвовал в нач. 1900-х гг. в создании Московского товарищеского кружка писателей из народа (с 1905 Суриковский лит.-муз. кружок). Первое опубл. стих. — «Зимняя картинка» (в сб.-ке произв. писателей из народа «Метеор», М., 1891); печатался также в сб. «Посильная помощь» (М., б. г.), «К заветной цели!» (М., 1904), «Луч», «Под красным знаменем» (в. 2) (оба — М., 1906; оба выпуска последнего арестованы и уничтожены по приговору Моск. судебной палаты от 29 сент. 1907). Сотрудничал в ряде моск. газет и в ж-лах «Друг народа», «Журнал для всех», «Дет. чтение», «Юная Россия» и др. Первый сб. Н. «Трудовые песни» (М., 1911) включал всего 4 стих., автобиографию и портрет автора; более представительным стал сб. «Вечерние песни» (М., 1914; предисл. М. Чайковского). И. А. Бунин откликнулся на выход сб.-ка теплым письмом автору: в книжке, по его мнению, «очень много и прекрасного и трогательного» (РГАЛИ, ф. 348, оп. 1, № 20).

В ранних стихах Н. звучат мотивы тогдашнего рабочего фольклора: возмущение каторжными условиями труда, ненависть к жадным и жестоким хозяевам, осознание обществ.

значения своей работы, готовность постоять за себя и за товарищей, вера в конечное торжество справедливости, тоска по утраченному деревенскому детству. Писал он в разл. жанрах: стихотв. зарисовка, песня, баллада, лирич. пейзаж, дружеское послание, сатира.

С обществ. подъемом нач. 90-х гг. стихи Н. становятся смелее и острее. Поражение Революции 1905—07, как отмечал М. Горький, не привело Н. к отказу от прежних идеалов (см.: Горький, XXIV, 120—21). Октябрь 1917 он встретил как осуществление своих давних мечтаний. В духе пролет. поэзии первых послеокт. лет воспевал свободную Россию, социал. труд, знание. В 20-е гг. в ж-лах и сб-ках Пролеткульта и «Кузницы» печатались его повести и рассказы о былом: «Мученики гуты», «Дядя Иван Мазиллин», «Глаза», «У заставы» и др.

Современная Н. критика отводила ему роль «дядушки рабочей поэзии». Отдавая должное его пролет. происхождению и тому, что он одним из первых поднял тему завода, пролеткультовщины, а за ними и рапповцы все же не считали Н. полноправным пролет. писателем. Препятствием тому были его участие в сурковском движении, мрачное (без восхищения индустриальной мощью) изображение завода, образы, характерные для крест. поэзии, и «абстрактный гуманизм», мешавший ему стать «по-настоящему» партийным поэтом, хотя незадолго до смерти он вступил в ВКП(б). В 20-е гг. Н. переводил стихи Т. Г. Шевченко, Я. Райниса, М. Конопницкой, Я. Коласа и др.

Из д. ПСС в одном томе, М.—Л., 1928 (критико-биогр. очерк И. Кубикова); Голубое пекло. (Мученики гуты). Повесть, М.—Л., 1928 (послесл. Г. Якубовского); Голубое пекло, [М.], 1934 (предисл. Н. Ляшко); Гутари. Избр. произв., М., 1947; Волны песни, М., 1963 (сост., вступ. ст. и прим. А. Силеико); [Стихи и переводы]. — В кн.: У истоков рус. пролет. поэзии, М.—Л., 1965 (вступ. ст. А. Быхтера, биогр. справка Р. Шашевой); Рус. поэзия детям.

Лит.: Хренов К., Скрытые таланты, М., 1910; Фриче В., Пролет. поэзия, М., 1919; Ляшко Н., Песни у каторжной гуты. — «Кузница», 1922, № 9; Плестнев В., Пути пролет. поэзии. — «Горн», 1923, № 8; Лесевич Г., Творч. пути пролет. лит-ры, Л., 1925; Глаголев А., Поэт-стеклянный, — НМ, 1929, № 6; Левин Л., У истоков пролет. поэзии. — «Рез», 1931, № 9; Михайловский Б., Революционная поэзия. — В его кн.: Рус. лит-ра XX в., М., 1939; Пономарев Н., Страницы жизни поэта, — В кн.: Писатели в Твер. губ., в. 1, Калинин, 1941; Кулинич А., Е. Нечаев. — В его кн.: Очерки по истории рус. сов. поэзии 20-х гг., К., 1958; Осмаков Н., Рус. пролет. поэзия 1890—1917, М., 1968. + Некрологи, 1925: «Известия», 25 нояб.; «Октябрь», № 11; «Беднота», 29 нояб.; Львов-Рогацковский В. Л., Мандельштам Р. С., Рабоче-крестьянские писатели. Библиограф. указ., М.—Л., 1926; Эхо рус. народа. Поэзия доков. России. Рекоменд. библиограф. указ., М., 1985; Козьмин: ЛЭ; КЛЭ; Рус. писатели: Альб. и сб-ки (1); Тарасенков: Муратов (2); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 348; ИМЛИ, ф. 20; РГБ, ф. 81, в составе коллекции Гос. акад. искусствознания (п. IX, № 182—194); ЦГА СПб., фонд ГЛ. управления по делам печати.

И. З. Басквич.

НЕЧАЕВ Степан Дмитриевич [18(29).7.1792, Рязан. губ. (?) — 5(17).9.1860, село Сторожевая Слобода Данков. у. Рязан. губ.], поэт. Сын данков. уездного предводителя дворянства Дм. Степ. и Анны Ивановны, урожд. Сиверс (РА, 1893,

кн. 1, с. 42). Получил дом. образование; выдержав экзамен на чин в Моск. ун-те, 16 янв. 1811 поступил актуариусом в Коллегию иностр. дел; с 1 апр. 1811 в канцелярии рижского воен. губернатора кн. Я. И. Лобанова-Ростовского; в 1812 (25 авг. — 12 дек.) переводчик Коллегии иностр. дел; принял участие в формировании ополчения во Владимире и Арзамасе. С 1814 поч. смотритель училищ Скопин. у. Рязан. губ. Пометы под стихами 1813—16 свидетельствуют о его частых поездках (1813, 1816 — Петербург, 1815 — Липецк, Углич, Сторожево). Наиб. ранние стихи датированы 1813; однако выступать в печати начал с 1816 в «Рус. вест.» (1816—17) и «Вест. Европы» (1816—26), где публикует многочисл. стихи на случай, мадригалы, романсы, песни анакреонтич. характера.

С 1816 чл.-соревнователь (с 1823 д. чл.) ОИДР (в 1838—39 вице-президент, с 1850 поч. чл.). В 1820 избран д. чл. ОЛРС; во вступ. речи «О выборе предметов в изящных искусствах» отдавал предпочтение «высокому» иск-ву перед «прелестным», видя в нравств. пользе осн. критерий ценности иск-ва и настаивая на выборе для поэзии преим. наш. или религ. тем («Тр. ОЛРС», 1822, ч. 1, кн. 1, с. 26, 28; ср.: ВЕ, 1825, № 2, с. 152—53). Эти идеи проецируются в его поэтич. творчество, весьма интенсивное в эти годы: Н. печатался почти во всех заметных моск. и петерб. ж-лах — «Благонамеренном» (1820, 1823), «Сыне отечества» (1821), но более всего в «Вест. Европы», «Тр. ОЛРС» (1818—24), «Дамском журнале» (1823—25). Его лит. среду составляют моск. карамзинисты, историки-дилетанты с сильными архаич. симпатиями в лит-ре (М. Н. Макаров, Н. Д. Иванчин-Писарев, М. А. Дмитриев; переписка с Макаровым и Дмитриевым — РГИА, личный фонд Н.); сам он тяготеет к поэзии кон. 18 в., где своеобразно переплелись черты позднелитератур.

стич. и сентиментальной поэтики. В ранних стихах Н. культ чувствительности, сентиментального «дружества», единения соседствует с обращениями к гедонистич. лирике. Широко известность приобрел его переводной (с франц.) романс «На слово люблю. (Сочинено в Липецке в 1815 году)» («Я не скажу тебе люблю, / Всеобщей моде подражая» — ВЕ, 1816, № 9).

Романс принадлежит к числу наиб. популярных в альбомном обиходе 1810—20-х гг. стихов, интерпретировавших авторство и переписывавших как анонимные (см., напр.: Ежегодник РО ПД, 1977, Л., 1979, с. 41); так его записал в 1816 в альбом жены Ю. П. Лермонтова, отец поэта, и иногда в лит-ре оно и приписывалось ему; ранее, в 1814, М. М. Лермонтова выписала в альбом родственницы франц. оригинал (см.: Сандомирская В. Б., Альбом с рисунками Лермонтова. — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Иссл. и мат-лы, Л., 1979, с. 137—38). Возможно, с нечавского текста сделан перевод стих. на груз. язык А. Г. Чавчавадзе (см.: Богомолов И. С., Ал-др Чавчавадзе и рус. культура, Тб., 1964). Вариации на его темы появляются еще в 1820-е гг. (ср.: Федоров Б., Незнакомка. Романс. (На голос: «Я не скажу тебе: люблю! / Всеобщей моде подражая»). — НЛ, 1824, кн. 10, дек.).

С сент. 1817 по окт. 1823 Н. — директор училищ Тульской губ. (мног. стихи его подписаны: С. Н. Тула), где открыл ланкастерскую школу для 125 детей, 2 мужских и 2 жен. пансиона («Благ.», 1823, № 2, с. 145—148; Гераков Г., Продолжение путевых зап. по многим рос. губерниям. 1820-й и 1821 гг., СПб., 1830, с. 137, и след.); в 1819 награжден чином коллеж. асессора. Как воспитатель и педагог пользовался признанием (ср. адресованные ему стихи Ф. А. Алексеева); еще в Рязани оказал существ. влияние на мальчика Н. И. Надеждина, посвятившего Н. благодарственные стихи (см.: Козьмин Н. К., Н. И. Надеждин... 1804—1836, СПб., 1912, с. 1, 3—4). Пед. и благотворительную деятельность Н. в этот период сочетал с исполнением обществ. программы: будучи членом «Союза благоденствия», он в 1819 принял в Союз старшего учителя Тульской г-зии Д. И. Альбицкого (см.: Декабристы, ук.), пытался привлечь и др. членов.

В мае 1823 выехал на Кавк. воды для лечения и с намерением «осмотреть весь полуденный восток России» (см.: Поэты 1820—1830, т. 1, с. 111); посетил Георгиевск, Моздок, Кизляр, Куманскую степь, Астрахань и Сарепту; плодом поездки явилась серия описат. ориентальных стихов, принадлежавших к лучшей части поэтич. наследия Н., в т. ч. «Ручей Улькыш» (ВЕ, 1824, № 7, «Мнемозина», 1824, ч. 1) и «Воспоминания» (ПЗ на 1825). А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому, что «Воспоминания» полны «мысли и чувства» (ОА, III, 130); как «прекрасное описание» они воспринимались еще и в 1830-е гг. (см.: Поэты 1820—1830, т. 1, с. 705). На Кавказе Н. знакомится с будущим декабри-

стом А. И. Якубовичем и посвящает ему стих. («К Я. Якубовичу», 1823; опубл.: МТ, 1825, № 10).

По возвращении в Москву служил чиновником особых поручений при моск. ген.-губ. кн. Д. В. Голицыне, занимаясь, в частности, вопросами деятельности благотворит. учреждений (еще в 1817 избран чл.-корр. Имп. Человеколюбивого об-ва). В числе его лит. знакомых — Вяземский, Тургенев, М. Н. Загоскин, М. Т. Каченовский, И. М. Снегирев, М. П. Погодин; с февр. 1823 сближается с А. А. Бестужевым (Памяти декабристов, в. 1, Л., 1926, с. 57). В сер. 1820-х гг. участвует в «Полярной звезде» как автор и как лит. эмиссар, собирая мат-лы у моск. литераторов (ЛН, т. 60, кн. 1, с. 207); Бестужев во время наездов в Москву обычно останавливается у Н. Его письма к Бестужеву полны лит. тем; в одном из них сообщалось о ценз. затруднениях поэмы «Войнаровский» К. Ф. Рыльева (ЛН, т. 59, с. 144). Тогда же печатается в «Мнемозине» В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского и в «Моск. телеграфе» Н. А. Полевого (1825—26), где помимо стихов помещал статьи по истории и археологии [предмет спец. интереса Н. — топография и реликвии Куликов. битвы; о них же его публ. в «Вест. Европы»: «Описание вещей, найденных на Куликовом поле» (1821, № 24), «Некоторые замечания о месте Мамаева побоища» (там же, 1821, № 14)].

Общение с декабрист. кругами сказалось в печатных выступлениях Н.: в них начинает отчетливее прорисовываться тема «общественного блага» (см. некролог историку и экономисту, чл. Северного об-ва П. Д. Черевину — ВЕ, 1824, № 14), «вольности» (в кавк. стихах), освободит. борьбы («Застольная песнь греков», написана в 1824), неприятия сословных привилегий и крепостного права. В целом, однако, его полит. позиция весьма умеренна; в «мыслях» и «замечаниях» 1824—25 он осуждает стремление добиваться «полит. свободы» («...есть одна из тех идей, к-рые не удалось еще осуществить человеческому роду; вряд ли и удастся когда!») («Мнемозина», 1825, ч. 4, с. 53; ВЕ, 1824, № 6, с. 144).

По лит. ориентации Н. остается «классиком», хотя сотрудничает в изданиях романтич. направления, испытывает воздействие романтич. эстетики и признает за ней преимущество «прелести и истинны» (ВЕ, 1825, № 21, с. 15). Его поэтич. язык — нормализованный, рационалистич. язык «элитич. школы», характерные жанры в 1820-е гг. — аллегорич. дидактич. послание и медитативная элегия с сильным религ. началом: «Ростовский монастырь» (1823), «Умирающий певец» (1825), «По-

сание к Леониду» (1826). В 1824 он вместе со Снегиревым, Каченовским, И. И. Давыдовым разбирает «Пушкина „Кинжал“ и романтиков и слепое им удивление, плод невежества» (Снегирев, 1904, с. 68) и упрекает новейших писателей в отходе от канонов классич. эстетики (см.: ВЕ, 1825, № 2, с. 150).

После подавления дек. восстания 1825 III отд. интересовалось деятельностью Н., но к следствию не привлекал. В окт. 1826 Н. командирован в Перм. губ. в помощь флигель-адъютанту гр. А. Строганову для расследования о раскольниковых сектах; 31 дек. 1826 в Екатеринбурге встретился с декабристом М. И. Пушкиным (РГИА, ф. 1005, оп. 1, д. 5), позднее переписывался с Ал-дром Н. Муравьевым (РА, 1893, кн. 2); в 1832 был вынужден давать письменные показания по обвинению в «непередаче начальству известия о заговоре в Ирбите» в 1826 (РГИА, ф. 1005, оп. 1, д. 49). Из поездки привез обширный этногр. и фолькл. материал (см.: посв. изучению раскола ж-л «Братское слово», 1893, [№ 7—10]). В июне 1827 Н. причислили к собственной е. и в. канцелярии, и он переезжает в Петербург. В июле 1828 женился на С. С. Мальцовой, свойственнице Карамзиных и племяннице обер-прокурора Синода П. С. Мещерского (дети: Дмитрий, Софья, Анна, Георгий); возобновил общение с петерб. литераторами, эпизодически встречался с А. С. Пушкиным (так, 11 мая 1828 он вместе с Пушкиным, Вяземским, И. А. Крыловым, А. Мишкевичем и др. на вечеру у А. А. Перовского; см.: ЛН, т. 58, с. 79); известно два письма к нему Пушкина (Пушк и н. Письма, IV).

При поддержке кн. Мещерского и кн. А. Н. Голицына был определен в Синод за обер-прокурор. стол (дек. 1828), «где и вступил в частые сношения с митрополитом Моск. Филаретом» (РА, 1893, кн. 1, с. 42); с 1829 чл. комиссии духовных уч-щ. В 1833—36 обер-прокурор Синода; получил репутацию деспотичного и мелочно-придирчивого сановника, преследовавшего, однако, и небезуспешно, интересы гос. власти в церк. управлении. В февр. 1836, взяв четырехмесячный отпуск, уехал в Крым к смертельно больной жене, но в живых ее не застал; члены Синода для удаления Н. подали просьбу при помощи Анд. Н. Муравьева о перемещении его на более высокие гос. должности (см.: РС, 1885, № 10, с. 151—52; № 7, с. 12—18, 25—26; ср. в воспоминаниях Анд. Муравьева: РО, 1896, № 2, с. 506—21).

В июне 1836 получил чин тайного сов. и назначен сенатором (с 1847 — первоприсутствующий в I отд. 6-го деп.); с 1856 д. тайный сов.; в 1857 вышел по болезни в отставку; начи-

ная с 1819 удостоивался за отличную службу мн. наград (в т. ч. орденов Св. Анны, Св. Владимира и Белого Орла). Лит. деятельность Н. в петерб. период полностью прекратилась. Последние годы жизни он провел в Москве, изредка приветствуя своих друзей посланиями в духе «домашней литературы» (послания: С. А. Соболевскому, 1845 — РА, 1894, кн. 1; Соболевскому и И. С. Мальцову — РА, 1904, кн. 3).

Др. произв.: «Пифагорейские жены» (Соч. Виланда. Пер. Н.) (М., 1817).

Изд.: Застольная песнь греков. — В кн.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Лит. критика. М.—Л., 1951 (сост. В. Орлов); [Стихи в «Полярной звезде» на 1824—1825 и «Звездочке» на 1826]. — В кн.: «Полярная звезда», изд. А. Бестужевым и К. Рылевым, М.—Л., 1960 (изд. подготовили В. А. Архипов, В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович); Поэты 1820—1830 (биогр. и прим. В. Э. Вацура); Афоризмы декабриста. — «Лит. Россия», 1982, № 1 (публ. афоризмов Н.).

Письма и переписка: А. А. Бестужеву — РС, 1888, № 12; 1889, № 2; Игнатию (Брянчанину) — «Христ. чтение», 1895, в. 3, май—июнь; Иппокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому — РА, 1911, кн. 3; с А. Н. Голицыным — РА, 1893, кн. 1; митрополитом Московским Филаретом — там же, кн. 1—3 (отд. изд. под назв. «Переписка Филарета ... с Н.» — СПб., 1895); Игнатию (Брянчанину) (РА, 1893, кн. 2); Фотия (РА, 1896, кн. 1); Письма аскета. Из переписки архимандрита Игнатия Брянчанцова с Н., СПб., 1993.

Лит.: ОА (ук.; особо: III, ч. 2 — Прим., с. 380—82 — биография); Кюхельбекер (ук.); Барсуков, VIII—X, XII, XIII (и ук.); Чистович И. А., Руководящие начала духовного просвещения в России, СПб., 1849; Благородов Ф., Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в перв. пол. XIX столетия, 2-е изд., Кат., 1900; «Старина и новизна», 1904, кн. 7, с. 187—91, 197—99; 1905, кн. 9 (ук.); Снегирев И. М., Дневник, т. 1, М., 1904, с. 4, 56, 68, 111, 149; Выписки из Недавн. архива, СПб., 1905 (предисл. и прим. Н. П. Барсукова); Выписки из писем И. С. Мальцова к С. А. Соболевскому, СПб., 1904, с. 41—43 (предисл. и прим. Н. П. Барсукова); Мухомин С. Л., Из истории лит.-ры декабризма. (Деятельность чл. Св. Сл. благодетельства Н.). — «Рус. яз. в кирг. школе», 1971, № 1; сс же, Современники декабристов Н. — «Вопросы истории», 1983, № 10; сс же, Пушкин и забытый жанр рус. лит.-ры. — В кн.: Проблемы метода и жанра, в. 9, Томск, 1983; Глаголева О. Е., Основатель нар. училищ: С. Д. Нецвас. — В кн.: Гордость земли Тульской, т. 2, Тула, 1991; сс же, Рус. провин. старина, Тула, 1993, с. 66—69, 178—79; Вацура (2; ук.); ЛН, т. 59, 60, кн. 1—2; т. 87. + Добролюбов И. В., Яхонтов С. Д., Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (прим.) Рязан. губ., Рязань, 1910; Генинади; Сл. ОЛРС: РБС; Цеппов; Эймонтова (1, 2); Черейский; Декабристы.

Архивы: РГИА, ф. 1005; РНБ, Ук. (письма М. Н. Загоскину, С. П. Шевыреву, В. Ф. Одоевскому и др.); ГА Рязан. обл., ф. 98, оп. 8, д. 35 (сжатая родословная Нецвасых, сведения о чинах, наградах и высших должностях Н., а также о браке и детях; все — на 1846, в копии); ГА Тульской обл., ф. 7, оп. 2, д. 1-а (ф. с. 1818 г.). В. Э. Вацура.

НИКАНДР [в миру Николай Дмитриевич Молчанов; 1(13).4.1852, Москва — 5(18).6.1910, Петербург; похоронен в склепе Свято-Духовского храма Свято-Духова мон. в Вильне], архиепископ Литовский и Виленский; религ. публицист. Из семьи дьякона. Окончил Моск. духовную сем. (1868—74), где издавал рукоп.

журнал «Семинарский досуг», затем — академию (1878) со степенью кандидата богословия. Первая публ. — критико-биограф. заметки «Леонтий Карпович, церк. вития правосл. Юго-зап. Руси в XVII столетии, и два его слова» (М., 1878; то же: «Правосл. обозр.», 1880, № 11; подпись Н. Молчанов), в к-рых Н. рисует портрет «обличителя папистических заблуждений» времен унии (как бы предугадывая и свое назначение). По окончании Моск. духовной акад. преподавал в Тамбов. духовной сем. и был ред. «Тамбов. епарх. вед.». В 1884 защитил магистер. дис. «Подлинность четвертого Евангелия и отношение его к трем первым Евангелиям» (Тамбов, 1883; подготовительная публ.: «Пасхальные споры II в.» — «Правосл. обозр.», 1880, № 4), посв. детальному анализу и опровержению выводов новотюбингенской школы (преим. в лице Ф. К. Баура), искавшей противоречия между Евангелием от Иоанна и т. н. синоптическими Евангелиями. В кн. «Естественный гуманизм и христианство в их сходных, по-видимому, нравств. идеях» (Тамбов, 1884) гуманизм рассматривается как «основное, отличительное направление совр. науки и образования, проповедующее те же самые нравств. идеи, какие принесло в мир и явнейшим образом проповедало миру христианство» (с. 6), но пытающееся «устранить христианство и заменить его новым религиозием разума» (с. 5). Сравнивая принципы гуманизма, основоположником к-рого Н. считал И. Г. Гердера, с христианством, он утверждает, что последнее не требует «самоумерщвляющего аскетизма» и не осуждает «земное счастье».

Овдовев в 1885 и приняв монашеский постриг с именем Никандра и священный сан, был назначен ректором Тамбов. духовной сем. и возведен в сан архимандрита. С 1891 —

викарный епископ Петерб. епархии. В 1893—95 ректор Петерб. духовной акад. В 1895 назначен на кафедру епископа Симбирского, где прослужил ок. 9 лет (см.: «Симбирск. епарх. вед.», 1904, № 2, 10, 11). С 1904 — архиепископ Литовский и Виленский; с 1909 — чл. Синода.

В условиях латино-польской пропаганды (центром к-рой издавна была Литовская епархия), особенно усилившейся после манифеста 17 апр. 1905 о свободе вероисповедания, Н. выступал как ревностный защитник православия на страницах «Литов. епарх. вед.» и «Вестника Вилен. правосл. Св.-Духовского братства». Отвечая рев. социалистич. идиш, Н. пригласит неизбежность и пользу неравенства и отмечая, что «дух неверия» захватывает все большие и большие круги общества («Послание... к паствам Литов. епархии» — «Литов. епарх. вед.», 1906, № 21, с. 7, 23, 24), наступит «время смуты умов и темноты душевной» («О свободе вероисповедания» — там же, 1905, № 32—33, с. 284), «нестерпимость» к православию доходит до злобы (там же, № 25—26, с. 223). В публичных чтениях «Против совр. неверия» («Вестник Вилен. правосл. Св.-Духовского братства», 1908, № 5...24; отд. изд. — Вильна, 1909), критически анализируя теории материализма и совр. нигилизма, Н. в подтверждение своих выводов приводит высказывания философов и ученых, полагающих, что только полунасилие удаляет от религии (№ 8, с. 170).

Н. заботился об умножении и украшении храмов (ходатайствуя перед Синодом и находя частных благотворителей). Активный участник Предсоборного совещания (1906). В 1906 учредил братский паломнический к-т. Был пред. 2-го Виленского съезда представителей западно-рус. братств (1909). В речи перед Николаем II (будучи в 1909 чл. депутации от Зап. России) просил «о даровании рус. населению, в отдельности от поляков, права представительства в Гос. совете по выборам» («Вестник Вилен. правосл. Св.-Духовского братства», 1910, № 12, с. 248).

По словам архиепископа Никона (Рождественского), знавшего Н. со времен совм. учения в Моск. духовной сем., он «владел тихим, невозмутимым и как бы застенчивым, несколько замкнутым характером» и вместе с тем был человеком твердых убеждений как в церк. делах, так и в полит. воззрениях, доблестно отстаивая свое «патриотич. кредо» («Колокол», 1910, 6 июля).

Др. произв.: «Ист.-статистич. описание Тамбов. Вознесенского жен. монастыря» (Тамбов, 1883).

Лит.: Халанинг Дж. В., С надеждой на собор. Лондон, 1990. + Некрологи, 1910: «Вестник Вилен. правосл. Св.-Духовского братства», 1910, № 14—15; НВ, 8 июня; ИВ, июль; Приб. к «Церк. вед.», № 24. Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemcewskij), Teil 5, Erlangen, 1987; Брокгауз; Венгеров. Источ. (на фам. Молчанов); Полн. правосл. богословский энцикл. словарь, т. 2, М., 1992 (репринт). С. М. Гучков.

НИКАНДРОВ Николай Никандрович [наст. фам. Шевцов; 7(19).12.1878, с. Петровское-Разумовское под Москвой — 18.11.1964, Москва], прозаик. Род. в семье почтового служащего; из дворян. Детство прошло в

Севастополе, где Н. учился в церк.-приходской школе, а в 1896 окончил реальное уч-ще. Учился «скверно, с отвращением»; не мог понять, для чего «могут быть нужны те науки, которые с такой настоятельностью преподают» (письмо С. Н. Сергееву-Ценскому, 1957 — РГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, № 525). В юности пережил увлечение религией, даже подумывал стать послушником, но вскоре убедился в «моральной грязи и паразитизме монашеского существования» (автобиография — РГАЛИ, ф. 1452, оп. 1, № 226). В 1897—98 учился в Моск. уч-ще путей сообщения. Тогда же встретился с Л. Н. Толстым, пытаясь найти у него ответ на вопрос о смысле жизни (см. письмо Н. Н. Шевцова от 19 янв. 1898 — ГМТ; описание встречи см. в цитируемом выше письме Сергееву-Ценскому). По совету Толстого решает идти в народ и после недолгого обучения в петерб. Лесном ин-те (1898—99), откуда был исключен за участие в студенч. волнениях и выслан под негласный надзор полиции, становится нар. учителем в школах Саратов. (с. Грязнуха Петровского у.) и Перм. губ. (Крестовоздвиженское уч-ще). Вел антиправительств. агитацию среди крестьян; в 1900 вошел в группировавшийся вокруг Е. К. Брешковской кружок эсеров.

В газ. «Саратов. дневник» Н. опублик. цикл корреспонденций «Петербургские письма» (1899, 11, 24 нояб.; 1900, 23 янв., 24 февр.); в газ. «Перм. край» — заметки о рутине провинц. жизни. В кон. 1900 предпринял попытку пробиться в столичную печать: послал рукопись рассказа «Грубьяны» в «Рус. богатство», но получил отказ. Во время пребывания в 1901 на курсах учителей в Перми привлекался к дознанию о принадлежности к рев. орг-ции (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1913 г., 9 ч., 74 — Б). Скрываясь от ареста, Н. в кон. февр. 1902 уехал в Севастополь, переби-

вался случайными заработками. Вскоре был заключен в севастопольскую тюрьму. В камере развлекал арестантов своими рассказами, и один из слушателей — им оказался А. С. Грин — передал ему записку, в к-рой советовал записать рассказанное и послать в газету. 25 дек. 1902 в газ. «Крым. вест.» за подписью Никандрович опубли. его аллегорич. сказка «Рождественская ночь». Позже появились живые, отмеченные юмором, умение передать диалог «стенки» и «зарисовки с натуры», опубли. в 1903 в той же газ. под общим загл. «Севастопольские картинки»: «Дамы бесплатно» (15 янв.), «Айда за червем!» (29 янв.), «Как праздновать?» (14 февр.), «Крымская идиллия» (21 февр.), «„Ухажор“ из карантина» (22 марта), «На публичной лекции» (2 апр.). В том же году в «Журнале для всех» (№ 9) опубли. рассказ Н. «Черная кость... белая кость».

Летом 1903 Н. был приговорен к ссылке в Н. Новгород сроком на год под гласный надзор полиции; там продолжал пропаганду среди крестьян и сормов. рабочих, распространял нелегальные издания, устраивал сходки (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 1800, ч. 6, л. 28—29) и установил связь с Я. М. Свердловым. Здесь же познакомился с М. Горьким, Л. Н. Андреевым, С. Г. Скитальцем, Е. Н. Чириковым, Г. И. Чулковым и др. Горький помог Н. поступить на фабрику «волшебных фонарей» раскрытием диагнозитивов, убеждал его продолжать лит. деятельность. Об этом времени Н. писал в автобиогр. пов. «По волшебному билету» (фрагменты опубли.: «Радуга», 1989, № 9; гл. «У Горького», с сокр. — в ж. «Смена», 1948, № 12).

Вернувшись в Севастополь, Н. в нояб. 1904 получил место учителя зем. ремесл. уч-ща в с. Воинке Перекоп. уезда. За произнесение перед крестьянами речей, «возбуждающих к ниспровержению существующего в государстве общественного строя» (ГАРФ, ОО, 1913 г., ч. 9, 74 — Б), был арестован и выслан летом 1905 под гласный надзор полиции в с. Понгаму Кемского у. Архангельской губ. (восп. о пребывании там отражены в рассказе «Бывший студент» — СМ, 1909, № 3). Из ссылки он продолжал посылать в «Крым. вест.» рассказы, два из них — «На пути следования» (1905, 14 окт.) и «На базаре» (1905, 27 окт.) — привлекли внимание А. И. Куприна, к-рый решил пригласить автора сотрудничать в «Мире Божьем». Их встреча состоялась после возвращения Н. в Севастополь по амнистии 17 окт. 1905 [РГАЛИ, ф. 1714, оп. 1, № 15, письмо Н. к Е. Л. Янтарёву (Бернштейну) 11 янв. 1906]. В «Мире Божьем» (1906, № 1) был опубли.

«социал-сатирический», по определению самого Н., рассказ «Бунт» — об условиях возникновения массового психоза, рождении мифов обывочного сознания. В это время Н. — инструктор «боевой дружины» эсеров, принимает участие в организации террористич. актов: подготовил побег Б. В. Савинкова с гауптвахты, разработал план убийства главнокомандующего Черномор. флотом адм. Г. П. Чухнина, утвердившего смертный приговор лейтенанту П. П. Шмидту и его товарищам-очаковцам (Кис, 1929, № 12; подтверждение этого факта — в письме А. В. Перегудову от 2 янв. 1962 — РГАЛИ, ф. 2211, оп. 3, № 109, л. 8). Перейдя на нелегальное положение, жил по подложным паспортам (в 1907 в Гомеле — инспектор г-зии, позже — грузчик в Одессе).

В 1910 Н. снова вернулся в Севастополь, но был выслен и 17 июля «представлен к адм. высылке» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1910 г., ч. 9, 74 — В), после чего эмигрировал. Живя в Швейцарии, Италии, Франции, поддерживал дружбу с А. С. Новиковым-Прибоем, А. В. Луначарским, П. И. Лебедевым-Полянским. В письме к матери из Ниццы он жаловался на «тишину и машинность заграничной жизни» и говорил, что «рус. писатель должен жить только в России» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1913 г., ч. 9, 74 — Б). Зарабатывая на жизнь физич. трудом, Н. продолжал писать, его произв. печатались в «Совр. мире», «Заветах», «Современнике» и др. ж-лах. В Россию он вернулся в 1914 уже признанным литератором. В 1915 ответств. ред. моск. «Нар. газет», вскоре приостановленной за помещение открытого письма к рабочим «Что такое военное-промышленные комитеты». Его поддерживает Горький, публикуя в 1916 в «Летописи» рассказы «Лес» (№ 2), «На Часовенной улице» (№ 12), однако сотрудничество в ж-ле прервалось в 1917 в связи с протестом Н. («Речь», 1917, 13 янв.) против публикации в нем автобиографии Ф. И. Шаляпина, к-рый присоединился к коллегам-актерам, выразившим верноподданнич. чувства Николаю II. Протест вызвал недоумение Горького (Архив Горького, IX, 193) и осуждение Л. Андреева («Рус. воля», 1917, 16 янв.). Теплые отношения сложились у Н. с одним из руководителей «Книгоизд-ва писателей в Москве» Н. С. Клёстовым, с чьей помощью он издал сб-ки «Береговой ветер» (1915; рец.: М.З. — УР, 1915, 10 окт.; 2-е изд., М., 1917) и «Лес» (1917).

Рассказы Н. были встречены одобрительно: А. А. Измайлов считал, что по его произв. «читатель будущего восстановит в своем представлении дикуную правду наших дней» (РСЛ, 1906, 15 марта), А. В. Амфилопулю он «папиноист Щедрина первого периода» (ЛН, т. 95, с. 378:

см. также с. 438). Куприн выделяет в его творчестве «хороший, здоровый юмор» («Веч. известия», 1916, 3 мая), Вяч. Полонский — «глубокую правдивость и меткость характеристик» («Летопись», 1916, № 3, с. 258).

Сфера интересов Н. — быт. Его герой — толпа, масса как некий особый организм, подчиняющийся исключительно биологич. ритму, растворяющий, нивелирующий все личностное, индивидуальное («Горячая» — СМ, 1911, № 10). Уже в рассказе «Больные» (СМ, 1906, № 1, окт.) Н. изобразил легкость, с к-рой опытный агитатор может манипулировать настроением масс, а в рассказах «Катаклизмы», «Все подробно», написанных после Февр. революции (опубл.: Собр. соч., т. 2, М., 1927), проанализировал поведение темной, дикой толпы, возжаждавшей полит. деятельности, сущности к-рой она не понимает, и готовой к кровопролитию. Сознание обывателя, опутанное слухами, пропитанное недоверием и подозрительностью, является, по Н., фундаментом тех гос. учреждений, цель к-рых — преследование инакомыслящих, наказание сопротивляющихся. В сатирич. рассказах «Ротмистр Закаев» («Совр.», 1912, № 1), «Во время заштыря» («Заветы», 1914, № 7) характеры гиперболизируются, ситуация доводится до гротеска. В корчах натужного смеха («Весельчак» — «Ежемес. журнал», 1915, № 4), во всевластии эмоций («Лес») гибнет в его произв. Россия: он такой же «тоскующий весельчак», как Е. И. Замятин, «и задыхается порою от мучительного, гневного смеха, когда описывает мешанскую, дикуную, звериную жизнь, которой культура и не коснулась» (В. Львов-Рогачевский — «Ежемес. журнал», 1916, № 1, стб. 173). Сочетание экспрессионист. поэтики с чертами натурализма составляет своеобразие творч. манеры писателя, однако статичность, «неподвижная правда сегодняшнего дня», по выражению А. А. Гизетти («Ежемес. журнал», 1916, № 4, с. 310), описательность влекут за собой композиционную рыхлость, вялость фабулы и сюжета.

Начало 1917 Н. встретил в действующей армии; он — нач. санитарной «летучки», руководимой А. Л. Толстой. В февр. дни 1917 возвратился в Москву, публиковал очерковые зарисовки «на злобу дня» в газ. «Власть народа» (18, 23 июня), «Киев. мысль» (25 апр., 10 июня). Годы революции и Гражд. войны он провел в Крыму, нек-рое время руководил лит. студией в Севастополе. В 1922 переехал в Москву, активно печатался. В его новых произв. «Рынок любви» (М., 1924), «Гурты» (НМ, 1925, № 1; в собр. соч., т. 4 — под назв. «Скотина»), «Морские просторы» (М., 1935) критика усмотрела клевету на новый строй. Обвинение в

трокист. «контрабанде» идей (Кор И., Как не надо писать о большевист. штурме. — «Знамя Трегхорки», 1932, 1 янв.; Ал., Тайна рождения... халтуры. — ЛГ, 1932, 28 янв.; Батасов А., Около и по поводу пустыни. — Там же, 1932, 5 марта) заставляет Н. замолчать почти на 20 лет. Он испытывает острейшую материальную нужду. Опасаясь репрессий, то и дело переезжает с места на место, для пропитания торгует на рынках — кремнями для зажигалок, поддержанными вещами. Во время Вел. Отечеств. войны в Крыму пропала часть архива Н., многое погибло и во время пожара в его комнате в Москве. В нач. 50-х гг. он жил в Крыму и начал работать над очерком о рыбаках, но «писать вполголоса и подхалимно» не мог по-прежнему (см. письмо Г. Ф. Сукованченко от 15 сент. 1959. — РГАЛИ, ф. 1396, оп. 2, № 11) и оставил работу незавершенной. Не осуществилось и намерение написать беллетризов. автобиографию («... наше начальство превратно смотрит на ... борьбу народовольцев» — РГАЛИ, ф. 2211, оп. 3, № 109; письмо Перегудову от 3 мая 1961). Возвращение Н. в лит-ру состоялось лишь в сер. 50-х годов, но это были в осн. переиздания его дорев. произведений. Умер Н. в нищете, в комнате, обстановка к-рой состояла из ящиков, заменявших стол, кровать и стулья.

Изд.: Собр. соч., т. 1—5, М., 1928—29; Морские просторы, М., 1935; Морс., 1952; Повести и рассказы, М., 1958 (послел. и прим. А. Храбровицкого); Береговой вестер, М., 1964 (послел. и прим. А. Храбровицкого); то же, М., 1978; то же, Симферополь, 1986 (вступ. ст. П. А. Дегтярева); Диктатор Петр. — В кн.: Рус. сов. сатирич. повесть. 20-е годы, М., 1989 (вступ. ст. и прим. С. Г. Боровикова); Катаклизмы. — «Начало», 1992, № 21 (публ. М. Михайловой).

Письма: В. Г. Лидину. Орывки — в кн.: Лидин В., Люди и встречи, М., 1965; А. В. Перегудову — НМ, 1980, № 1.

Лит.: (Игнатов И.), Лит. отголоски. — Рвд., 1906, 8 нояб.; 1915, 17 окт.; Басаргин А., Критич. заметки. Присмы «особоинтересной» педагогики. — МВед., 1906, 4 февр.; Войтоловский Л., Летучие наброски. — «Киев. мысль», 1913, 15 мая; 1914, 16 марта; Не-Буква (Василевский И. М.), Новые восходы. — ЖЖ, 1915, № 28; Чуносов М. (Ясинский И. И.), Певцы чаюносного плена. — ЖЖ, 1915, № 31; Н. Никандров, «Береговой вестер», [Рсп.], — «Рус. зап.», 1915, № 11; В (альбс) Б., Библиографич. заметки. — «Одес. листок», 1916, 18 янв.; Голицков В., Недовершенный художник. — «Вест. знания», 1916, № 8/9; Колотовская Е., Сон или умирание? — РМ, 1916, № 3; Арнэль, В толпе. — ЖЖ, 1916, № 4; Лернер Н., Средн. журналов. — ЖЖ, 1917, № 9; Михайлова М., Проблемы творч. метода Н. (Дорец. период). — В кн.: Проблемы взаимодействия метода, стили и жанры в лит-ре, ч. 2, Сасралов, 1989; се же, Об особенностях поэтики творчества Н. (Докт. период). — В кн.: Поэтика рус. сов. прозы, Уфа, 1991. — Некролог: ЛГ, 1964, 21 нояб.; Владиславлев: ЛЭ; КЛЭ; Рус. сов. прозаики, т. 7, ч. 1; Сов. лет. писатели, М., 1961; Масанов (не учтен посд. Иммигрант).

Архивы: ИМЛИ, ф. 269; РГБ, ф. 9, оп. 2, № 72 (письма Н. С. Кустову-Ангарскому); РГАЛИ, ф. 2159; ф. 24, оп. 1, № 50 (письма Кустову-Ангарскому); ф. 1292, оп. 1, № 87 (письма Кустову-Ангарского Ю. А. Булину);

ф. 1198, оп. 1, № 5 (письмо И. С. Шмелёва); ф. 1052; оп. 5, № 410^а (письмо Н. Ф. Гладкову); М. В. Михайлова.

НИКАНОР [в миру Александр Иванович Бровкович; 20.11(2.12). 1827 (по др. сведениям — 1826), Могилёв. губ. — 27.12.1890 (8.1.1891), Одесса], архиепископ Херсонский и Одесский, духовный писатель, философ, публицист. Сын священника, с детства пел в могилов. архиерейском хоре, в дальнейшем знаток церк.

пения, сочинял духовную музыку. Учился в Могилёв. духовной сем., откуда как один из лучших учеников был направлен (1842) в Петерб. духовную сем. (учился в ней на десять лет раньше Н. Г. Помяловского, но лично знал мн. героев его «Очерков бурс»). В 1847 поступил в Петерб. духовную акад., окончил (1851) курс первым магистром. Принял монашество в 1850 (после смерти отца, к-рый, зная впечатлительность и живость характера сына, не благословлял его на постриг). В академии занял кафедру обличит. богословия (по данному предмету «тогда не было ровно ничего» — «Биогр. мат-лы», с. 254). Итог его преподават. деятельности в этой области — два обширных труда: «Разбор рим. учения о видимом (папском) главенстве в Церкви» (в. 1—2, СПб., 1856—58; 2-е изд., Каз., 1871) и «Описание нек-рых соч., написанных рус. раскольниками в пользу раскола» (ч. 1—2, СПб., 1861). Дух академич. преподавания в то время требовал «замалчивания» всех «щекотливых вопросов». Поэтому когда Н. подробно излагал на лекциях «отрицательные» теории (с целью их опровержения и обличения), это послужило поводом для обвинений его в неправо-славном направлении мыслей и удаления из академии.

В 1856 он был возведен в сан архимандрита и начался его ректорская деятельность поочередно в Рижской, Саратов. (1858—64), Полоц-

кой (1865—68) духовных семинариях. Н. стремился возродить в них интерес к наукам, оживить учебную атмосферу; необычной для ректора простотой обращения с семинаристами (ежедневно вместе с ними совершал утр. и веч. молитвы, ежедневно посещал больницу, прислуживал тяжелобольным) заслужил их уважение и любовь. В 1868—71 ректор Казан. духовной акад., где при его активном участии был введен новый устав, предоставлявший учащимся большую свободу. Придавая делу образования огромное значение, духовные академии он называл «цветом на древе Церкви», заботился об устройстве церк.-приход. школ, устраивал при семинариях религ. чтения для простого народа. В Казан. акад. получил степень д-ра богословия (1869). В 1871 рукоположен в епископы (Аксайской епархии, викарий Донской епархии, с 1876 епископ Уфимский, с 1883 Херсонский и Одесский), в 1886 возведен в сан архиепископа.

Н. прославился как проповедник. Природная живость во многом определила словесный и эмоц. облик его проповедей — выразительных по языку, насыщенных образами (часто Н. иллюстрировал евангельские сюжеты красочными описаниями). Обращаясь не к абстрактному слушателю, а к современнику и подтверждавая свои положения конкретными примерами из политики, науки, судебной практики, иск-ва, он касался разнообразных тем и вопросов: идеал женщины-христианки, оценка прогресса, духовное значение церк. свечки, недостатки пастырей, заблуждения совр. философии.

Внимательно следя за новыми веяниями в лит-ре, неоднократно выступал с опровержением взглядов Л. Н. Толстого на гос-во, церковь, брак. В своем разборе «Крейцеровой сонаты» подчеркивал антихристианскую направленность толстовского отношения к супружеству как «пакости и свинству», его отрицания возможности духовной любви в браке («Беседа ... о христ. супружестве, против гр. Л. Толстого», Од., 1890). Центральная проблема речи Н. об А. С. Пушкине — человек, «духовное дело», а не поэт. Глядя на судьбу Пушкина сквозь призму его предсмертных дней и часов, исполненных не только невыносимой физич. муки, но и глубокого покаяния, Н. видит в нем блудного сына, всю жизнь проведшего «на стороне даче», но перед смертью возвратившегося к своему Небесному Отцу. Характерно, что Н. через своих саратов. знакомых соби-рал свидетельства о кончине Н. Г. Чернышевского, интересуясь прежде всего вопросом о его покаянии и причастии (см.: Поучения, беседы, речи..., т. 5, с. 301—02).

Ориг. труд «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» (т. 1—3, СПб., 1875—88) свидетельствует о незаурядном филос. даровании Н. Иссл. включает критич. обзор трудов рус. и заруб. мыслителей и изложение собств. воззрений. Н. убежден, что «позитивный филос. методом можно доказать бытие как бессмертного человеческого духа, так и всесовершенного Духа Божественного», т. к. знание о Боге и бессмертии мы приобретаем посредством «внутреннего душевного чувства». На ценность книги указывал Вл. С. Соловьёв, видя в ней актуальный «опыт синтетической философии», к-рая «для осуществления полной, цельной истины стремится к внутреннему соединению с двумя другими областями знания — теологией и положительной наукой» («Правосл. обзор», 1877, № 5). Соловьёв не раз использовал близкие ему по духу идеи Н. в своих трудах (см., напр., «Еврейство и христ. вопрос»). В ст. «Очерки из истории рус. сознания» (ВЕ, 1889, № 5) Соловьёв развивает мысль Н. относительно сущности церк.-гос. отношений в России: идею гос-ва перенесла на Русь Церковь («святая правосл. вера связала русских в народное единство, подчиненное единой воле Помазанника Божия», — «Церковь и гос-во. Против гр. Л. Толстого», СПб., 1888, с. 55).

К. Н. Леонтьев уважал в Н. служителя «филаретовского» православия, памятуя о том, что «начало премудрости (т. е. настоящей веры) есть страх, а любовь — только плод» («Наши новые христиане», М., 1882). С восторгом воспринял Леонтьев речь Н. о вреде железных дорог (опубл.: «Правосл. обзор», 1884, № 10), в к-рой тот утверждал, что технич. прогресс таит не только экологическую, но и духовную опасность, т. к. убыстряющийся ритм жизни, ничуть не увеличивая внешне благосостояние людей, лишь напрасно растягивает их нравств. силу (см.: Леонтьев К., Собр. соч., т. 7, СПб., 1913).

Особый интерес представляет «Памятная записка» (РО, 1896, № 1—3; опубл. посмертно по воле автора), в к-рой, опираясь на собств. опыт, приводя хорошо известные ему факты, Н. дал детальный анализ образа жизни, взглядов, психологии ученого монашества (т. е. монашеского, живущего при духовных академиях, семинариях, в крупных городах) 1860—70-х гг. Н. свидетельствует о «слезах и крови инок», среди к-рых не только столпы православия, но и забытые, затоптанные обществом люди. В мемуарно-публицистич. кн. «Наша светская и духовная печать о духовенстве. Восп. бывшего альт-солиста А. Б-а» (РС, 1883, кн. 8; отд. изд. — СПб., 1884) Н. стремится оградить «стародавнее рус. священство» от критики, прозвучавшей в таких произв., как «Очерки бурсь» Помяловского («ребяческие, грубоватые дурачества он превратил в гнусные пороки» — с. 9), «Зап. сельского священника»

(СПб., 1882) А. И. Розанова, и др. («... старая рус. жизнь ... не только охаяна такими марателями, не только опозорена, она оклеветана перед детьми, перед потомством» — с. 14), выступая как свидетель описываемых ими событий, видящий и осмысляющий их по-иному.

Умер от рака.

Изд.: Поучения, беседы, речи, воззвания и послания, т. 1—5, Од., 1890—91; Царегородская церковь св. Софии — свидетельница древле-православного перстосложения — «Правосл. собеседник», 1870, № 4—12; Направление и значение философии Н. Грота — «Правосл. обзор», 1886, № 10 (ответ Н. Я. Грота: там же, № 12); Братьям-славянам, СПб., 1889; Против гр. Л. Толстого. Восемь бесед, Од., 1891.

Лит.: Толстой (ук.): «Рус. паломник», 1887, № 6 (биография Н., б. п.); Корсунский И., Высокопреосвященный Никанор, архиепископ Херсонский. — «Душеполезное чтение», 1891, № 3; Приб. к «Херсон. спарх. вед.», 1891, № 1—2 (биограф. сведения); Красносельцев Н. Ф., Никанор, архиепископ Херсонский и Одесский и его учено-лит. деятельность, Од., 1893; Архиепископ Никанор. Биограф. мат-лы, т. 1, Од., 1900; Н. Я. Грот в очерках, восп. и письмах..., СПб., 1911, с. 317—30; Флоровский Г., Пути рус. богословия, 4-е изд., Париж, 1988 (ук.); Зеньковский В. В., История рус. философии, т. 2, ч. 1, Л., 1991, с. 88—101; Рус. философия. Малый энцикл. словарь, М., 1995. + Брокгауз: Биограф. словарь студентов... СПб. Духовной акад. 1814—1869, СПб., 1907 (сост. Ал. Родосский; здесь и некрологи).

Архивы: ГА Одес. обл., ф. 196; РГБ, ф. 380, к. 10, № 6 (записка «О знаменном пении»).

М. А. Кучерская.

НИКИТЕНКО Александр Васильевич [12(24).3.1804, селцо Удеревка Бирючин. у. Воронеж. (ранее Слободско-Укр.) губ. — 21.7(2.8).1877, Павловск; похоронен там же, на гор. кладб.], мемуарист, историк лит-ры, журналист; цензор.

Сам Н. называл местом своего рождения д. Ударовку («Моя повесть о самом себе...», с. 16; утвердилось во всех работах о нем), к-рос, однако, отсутствует в «Списках населенных мест Воронеж. губ.»; согласно этим «Спискам...», на р. Тихой Сосне (упоминавшаяся Н. в его соч.) в Бирючин. у. находилось селцо Удеревка. Указ. выше точная дата рожд. арх. док-тами не подтверждается (см. раздел Арх и в); о годе своего рождения Н. писал: «явился я на свет ... в 1804 или 1805 году» (там же).

Из малорос. крепостных. Отец, Вас. Мих., крепостной человек гр. Н. П. Шереметева, знавший грамоту и франц. яз., служил в его имениях, в т. ч. ст. писарем; заботился об образовании сына и держал его в строгости. «Отец ни в чем не поблажал мне, — вспоминал Н. — У него всегда были наготове для меня розги и лишь в весьма редких случаях ласки» (там же, с. 25). Детские годы Н. прошли в Гжатском уезде Смоленской губ. и на родине отца, в слободе Алексеевке. Рано выучился чтению и письму, охотно читал сказки и повести. Одновременно проявилась и «склонность к авторству» — в форме неотправленных «писем к приятелям».

В 1811 семья Н. переезжает в слободу Писаревку Богучар. уезда, где отец становится управляющим имением помещицы И. Ф. Бедряги. Малорос. окружение делает Н., по его

же словам, «истым хохлом». В 1818 Н. первым учеником оканчивает трехклассное Воронеж. уездное уч-ще, круг его чтения обновляется: романы А. Радклиф, жизнеописания Плутарха, ист. сочинения (позднее

переключился на чтение трудов франц. энциклопедистов, нем. философов — К. Баумейстер, Ш. Бонне, И. Юсти); в уч-ще, участвуя в излюбленной игре «в героев и ораторов», часто «воображал себя оратором на римском форуме или на афинской агоре» (там же, с. 53).

Не имея (как крепостной) доступа в гимназию, Н. добивается возможности учительствовать в семьях купцов, чиновников в уездном Острожском. Был самолюбив, не скрывал юношеского «стремления руководить другими» (там же, с. 72). В 16 лет дошел «до мысли о самоубийстве», написал и впоследствии сжег соч. «Голос самоубийцы в день Страшного Суда»; краткое увлечение мистиками (И. Г. Юнг-Штиллинг, К. Эккартсгаузен) сменилось приятием евангельских истин (там же, с. 107—109). При поддержке председателя острож. дворянства В. И. Астафьева, избранного в кон. 1822 пред. острож. Библейского сотоварищества, Н. становится его секретарем, видя гл. цель об-ва в «поднятии нравственного уровня народа», в распространении грамотности (там же, с. 114). «Речь...» Н. на первом общем собрании сотоварищества (январь 1824; опубл.: Сб. ОРЯС, т. 18, СПб., 1878) в защиту «политической мудрости», против «дерзких систем» и «мрачного ума софистов XVIII века» (с. LVIII, LX) была замечена пред. Библейского об-ва министром нар. просв. и духовных дел кн. А. Н. Голицыным. При поддержке Голицына, а также К. Ф. Рыльева (родственника Астафьева) и близких к нему офицеров — А. М. Муравьева и Е. П. Оболенского («Моя повесть о самом се-

бе...», с. 169—71, 178) Н. 11 окт. 1824 получает от наследника графа Шереметева «вольную».

По протекции того же Голицына принят вольнослушателем, а через год (1825), после экзаменов, зачислен студентом на филос.-юридич. ф-т Петерб. ун-та. Проживает на квартире у Оболенского (обучая его брата), где встречается с Рылевым, Ф. Н. Глинкой, Я. И. Ростовцевым (с последним сближается после декабрьского восстания 1825). Сочувствуя «отважным умам» (декабристам), считая крепостное право безусловным злом, Н. не одобрил их попытки «одним махом решать вековые злобы» (Никитенко, I, 14).

Первое печатное соч. «О преодолении несчастий» (СО, 1826, № 12; подписал Александр Никитников) принесло Н. нек-рую известность в лит. кругах, он знакомится с Ф. В. Булгариным и О. И. Сенковским. В ун-тские годы (1825—27) проявил успехи в изучении словесности, истории, богословия, полит. экономики (среди ун-тских друзей — М. М. Михайлов, сын М. К. Михайлова и И. К. Гебгардт, — см. о нем: Штакеншнейдер, ук.), написал нравств. рассуждение «О полит. экономии вообще и в особенности о производительности как главном предмете оной» (частично опублик.: СА, 1827, № 23—24; отд. изд. — СПб., 1828). В мае 1827 познакомился с А. П. Керн (у к-рой встречался с А. С. Пушкиным), был его увлечен, но намечающемуся роману с Н. она предпочла старую дружбу с поэтом (Никитенко, I, 46—49). По желанию Керн, к-рая прислала Н. часть «своих записок» — как сюжетную основу для его будущего ром. (Керн А. П., Восп. Дневники. Переписка, М., 1989, с. 298—302; там же «исповедь» Н.), предпринял беллетристич. пробы, в духе сентимент. традиции: «Леон, или Идеализм» (отрывки: альм. «Полевые цветы», СПб., 1828, СЦ на 1832 г., СПб., 1831; НА на 1832; рецензент «Телескопа» отметил «новое», «неиспытанное еще нашим романом направление философское» — 1832, № 2, с. 299) [см. Берков П. Н., Из истории рус. вертеизма (Беллетристич. опыты Н.). — «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1932, № 9]. Еще раз в собственн. лит. (полухудож.) жанре Н. выступил в 1839: «Апологи» («Одес. альм. на 1839 г.»).

С 1827 Н. служит секретарем в канцелярии покровительствующего ему попечителя Петерб. учеб. округа К. М. Бороздина. По окончании ун-та кандидатом (февр. 1828) официально утвержден в этой должности, занимал ее до июня 1835 (надв. сов.). Собираясь посвятить себя лит.-ученым занятиям, Н. тем не менее отказывается от поездки за гра-

ницу для совершенствования в науках (в числе «20 лучших студентов»), обещавшей профессорское будущее («высокие» мотивировки этого отказа см.: Никитенко, I, 61—62). Раздвоение между романтич. устремлениями, особенно в молодости, и честолюбивыми желаниями (занять свое место в чиновничьей иерархии) — одна из гл. биографич. коллизий Н.

В дальнейшей карьере Н. пед. деятельность сочеталась с цензурской службой. В 1828 он пишет «Примечания» к утвержденному ценз. уставу 1828 — разъяснения отд. постановлений, направл. против «гасителей света»; это его первая «законодательная» работа, к-рую он сознавал как защиту «прав русских граждан на самостоятельную духовную жизнь» (Никитенко, I, 82). В 1833 становится цензором Петерб. ценз. к-та (см. ниже).

Тогда же определяется его семейное положение: в 1833 он женится на Казимире Казимировне Любошинской, католичке (ум. в 1893). Одна из дочерей Н. — Софья (1840—1901; всего было трое детей) впоследствии участвовала в публ. писем, адресованных Н. (см., напр.: РС, 1891, № 1, 1892, № 12), и «Дневника» отца. Ее связывала доверительная дружба с И. А. Гончаровым (познакомился с Н. в 1850-е гг.); письма писателя к С. А. Никитенко — см.: ЛА, т. 4, М.—Л., 1953 (здесь же опубликовано 43 письма Гончарова к Н.).

Пед. деятельность Н. началась в 1830 с чтения курса полит. экономии в Петерб. ун-те и одновременно рус. словесности в Екатерининском ин-те, в Смольном монастыре (ин-те, или Воспитат. об-ве благородных девиц). В янв. 1832 получает звание адъюнкт-профессора Петерб. ун-та по кафедре полит. экономии (после удачных лекций по курсу «Народное богатство по А. Смит» и диссертации на эту тему), однако в авг. того же года переходит на кафедру рус. словесности. В программной вступит. лекции «О происхождении и духе литературы» (СПб., 1833) Н. стремился доказать равноправность, взаимодополняемость общечеловеч. и нар. содержания лит-ры (мысль, проводимая едва ли не во всех его речах): «общие потребности человеческого духа» неизбежно получают в лит-ре нар. воплощение — через ист. быт, «местные ... и временные» «чувствования», характеры, предания (с. 27, 25); Н. говорит также о взаимопроникновении «стихии языка» и «духа народа», именно феноменом языка он объяснял здесь общие законы и «формы» лит-ры (см. также: Никитенко, I, 92). Уже в этой лекции сказались мировоззренч. подходы Н. и к самой лит-ре, и к задаче ее преподавания. Высокое значение лит-ры, по Н., неотъемлемо от возвышенных, благородных идей: «без идеалов нет изящных искусств» (там же, с. 103). Внушить благородный образ мыслей юношеству

(стремление «к высокому и гуманному», дать «нравств. точку опоры» — там же, с. 235) он считал своей гл. задачей и свою преподават. деятельность рассматривал как посреднич. культ. миссию.

Общее положение о том, что «словесное произведение» есть «проявление духа человеческого» (там же, с. 103), и др. аналогичные утверждения Н. не сопровождалась конкр. науч. анализом, в тр. о рус. словесности он пытался скорее воспроизвести свой пед. подход, чем выработать науч. формы иссл.: «Элементами моей силы я считаю мысль и слово, а не эрудицию. Мое естественное влечение — обратиться к кафедре в трибуну. Я желаю больше действовать на чувство и волю людей, чем развивать перед ними теорию науки» (там же, с. 235).

В нач. 1834 Н. получил звание экстраординарного профессора. В новой «Речи о необходимости теоретического или философского исследования литературы» (1836; ЖМНП, 1837, № 3; отд. оттиск — СПб., 1837) развивает (не без влияния Ф. Шлегеля, его «Разговора о поэзии») идею «философии искусства». В докт. диссертации по философии «О творческой силе в поэзии, или О поэтическом гении» утверждал единство «идеи чистой красоты» и «идеи жизни» (СПб., 1836, защищена в февр. 1837; краткий одобрит. отклик: БлЧ, 1837, т. 22, ч. 1).

Не прерывая службы в попечительстве, преподает рус. словесность в ряде (кроме упомянутых) учебных заведений: в верхних классах Аудиторской школы (1833—39; с апр. 1839 выполнял обязанности инспектора по части рус. словесности во всех классах) и Артиллерийского уч-ща (1835—38), в Римско-католич. духовной акад. (с 1843 до кон. жизни), Александров. уч-ще (1848—57); неоднократно награждался бриллиантовым перстнем, орденами (в 1843 — стат. сов.). Годы преподавания (1838—43) в Смольном мон., возглавлявшемся статс-дамой Ю. Ф. Адлерберг, а после ее смерти в 1839 М. П. Леонтьевой, в кругу «развитых, милых, неспорченных женских существ», относившихся к своему начальнику с почитательностью и любовью, Н. назвал «лирической эпохой» в своей жизни (Никитенко, II, 327). Новыми поколениями он воспринимался как отставший от запросов времени декламатор «эстетич. красот» (Скабичевский А. М., Восп. о пережитом. — РБ, 1907, № 7, с. 26). Н. Г. Чернышевский, студент. занятия к-рого направлял Н. (см.: Прокопенко З. Т., Н. и Н. Г. Чернышевский. — РЛ, 1978, № 2), вполне приязненно отзывавшийся о Н., вместе с тем отмечал его склонность к изложению

общепринятого и скорее «семинарский» характер преподавания (Чернышевский, I, 119, 241—42, 797 и по ук.). По восп. М. И. Венюкова, в Н. студенты «чтили бывшего крестьянина, вышедшего в люди собственными усилиями» (РС, 1891, № 1, с. 135). В февр. 1850 ему присваивается звание ординарного профессора (тогда же становится чл. РГО, чл. правления Об-ва посещения бедных). Обращение Н. в лекциях и соч. по теории словесности к философии, истории, психологии, «рус. народности» отмечали П. А. Плетнёв, не принимавший манеру чтения Н. (Грот и Плетнев, I, 509, 529), востоковед В. В. Григорьев (Григорьев В. В., с. 90). Плетнёв, с кон. 1820-х гг. сослуживец Н. по Петерб. ун-ту, др. учеб. заведениям, был его личным и лит. другом, однако к кон. 1850-х гг. отношения между ними осложнились (Никитенко, II, 58—59, 214 и др.; см. также упоминания Плетнёва о Н. в 1840-е гг.: Грот и Плетнев, I, II, ук.); у Плетнёва в 1831—37 Н. неск. раз встречался с Пушкиным, к-рого упрекал в «двойном аристократизме»; оставил достоверные восп. о последних днях жизни поэта, его гибель воспринял как нац. утрату (Никитенко, I, 178, 194—97).

Человек трезвого практич. склада, Н. всегда утверждал приоритет полезной, «реальной» деятельности, не принимая отвлеченно-идеального, пассивного или фатального восприятия жизни; а вместе с тем эта реальная деятельность, по Н., должна руководствоваться высшими понятиями и убеждениями.

Разработав по поручению Мин-ва нар. просвещения проект «Постановления о публичных лекциях», Н. в 1841 задумал прочесть курс публич. лекций о «ходе нашей литературы в главных ее деятелях» (Никитенко, I, 236). Замысел не был осуществлен, но отчасти отразился в ряде публикаций: «Батюшков. Из характеристики рус. поэтов» («Одес. альм. на 1840 г.», Од., 1839), «Речь о совр. направлении отеч. литературы» (СПб., 1841; отклики: Белинский, V, 480—81; Грот и Плетнев, I, 302, 350, 355—56). Н. ратовал за самостоятельность лит-ры, за сближение критики и поэзии (приветствовал «рефлексивное» начало в поэзии и «социально-аналитич.» направление в прозе), за расцвет лит-ры под «сению науки». «Речь о критике» (СПб., 1842) завершает цикл соч. по теории словесности (см. также его «Лит. заметки...» — СО, 1840, т. 2, № 5). В. Г. Белинский отмечал умение Н. «соединить интерес предмета и основательность... взглядом за живым красноречивым изложением» (Белинский, VI, 272).

В «Опыте истории рус. литературы. Кн. I. Введение» (СПб., 1845), оставшемся не продолженным, — сочетание широко понятого эстетич. подхода с попыткой конкретизации историко-лит. метода: фактологический, критико-эстетич. и наиб. совершенный, с т. з. Н., — философско-прагматический уровень (понимание формы произв., «слога писателя» в зависимости от «времени и общественного или национального вкуса» — с. 56).

В периодизации лит-ры ведущую роль отводил «состоянию общества» в его взаимобратной связи с важнейшими ист. событиями (образование рус. государства, формирование народности, петровские реформы, Отеч. война 1812 г.), акцентировал необходимость для историка лит-ры не только знания «практич. сторон нар. быта», но выявления «идей и верований» народа (с. 5). В целом с одобрит. разборами «Опыта...» выступили Плетнёв («Совр.», 1845, т. 38; то же — Плетнев, II, 155—77) и Белинский (ОЗ, 1845, № 8; то же — Белинский, IX, 144—69), к-рому, несмотря на неприятие мп. положений иссл., импонировали черты социально-ист. подхода Н. к лит-ре: хвалебный отклик на кн. поместила «Б-ка для чтения» (1845, т. 71). К. С. Аксаков (под псевд. Имрек) резко критиковал Н. за непонятный способ изложения, отсутствие «твердо постановленной» «основной мысли» («Моск. лит. и ученый сб. на 1847 г.», М., 1847, с. 15—16; неск. ранее Н. выступил с реч. на «Моск. лит. и ученый сб. на 1846 г.» (БлЧ, 1846, т. 78), посвятив ее в значит. части статье А. С. Хомякова «Мнение русских об иностранцах», проникнутой, по Н., «духом исключительности, сектанства» (с. 5)).

Н. не удалось создать авторитетную историю рус. лит-ры, тем не менее его труды во многом предвещали принципы культ.-историч. школы (А. Н. Пыпин и др.), содействовали науч. осмыслению прошлого и современного в рус. лит-ре.

На протяжении 1830-х гг. у Н. нарастает неудовлетворенность системой образования, правительств. политикой в области просвещения и культуры [в 1844 после 14 лет службы он прекращает пед. работу в Екатерининском ин-те, пытается преобразовать учебные программы Аудиторской школы — чтобы она «сделалась рассадником новых начал судопроизводства в армии» (Никитенко, I, 277), Ин-та корпуса путей сообщения (где служил в 1844—49)], чувство разочарования в деятельности попечителей Петерб. учебного округа, многих изв. гос. чиновников и в особенности ценз. к-та.

Деятельность Н.-цензора — яркая и драм. страница его биографии. Н. стал цензором Петерб. ценз. к-та (в апр. 1833; назначен на эту должность С. С. Уваровым, в то время управляющим Мин-вом нар. просвещения, к-рый при знакомстве в мае 1832 произвел на Н. весьма благоприятное впечатление) в надежде оградить права писателей от ценз. притеснений, способствовать либерализации лит. процесса в России, тем более что ценз. устав 1828 вполне, по его мнению, отвечал этой задаче. Однако очень скоро он убедился, что

ценз. практика постоянно нарушает дух и букву устава: «ценз. устав совсем ниспровержен» (Никитенко, I, 95). Недовольство политикой Уварова впервые зафиксировано Н. в февр. 1837 — «Дневник»). Роль посредника между властями и литераторами — Н. признавал их обоюдные обязательства друг перед другом — он исполнял 15 лет, ушел из ценз. к-та в июле 1848 в связи с ужесточением ценз. режима (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 2130). Н. был осторожным и осмотрительным цензором (ценз. вмешательство при публ. поэмы «Анжело» Пушкина вызвало резкую реакцию поэта — Пушкин, XII, с. 337, XVI, с. 55, 271), что не гарантировало от применения к нему санкций (см. в ст. М. Д. Деларю), его либеральные интенции нередко приходили в противоречие с цензурской практикой (подробнее см. В. Э. Вацуру — в кн.: Вацуру, Гилельсон). Надежда издателей, в частности и Пушкин. круга, на ценз. покровительство Н. не всегда оправдывалась и вызывала взаимное недоверие (см., напр., Никитенко, I, 141—142, 180). Вместе с тем просвещенность и личная, хотя и относит. самостоятельность Н.-цензора во мн. случаях облегчали ценз. прохождения текстов.

В 1842 Н. одобрил к печати «Мертвые души» Н. В. Гоголя (решение, требовавшее от него мужества, изменив назв. рукописи — на «Похождения Чичикова, или Мертвые души» — и описав «Повесть о капитане Копейкине» (см.: Манн Ю. В. В поисках живой души, М., 1984, с. 119—21). В письме Гоголю (от 1 апр. 1842) выразил свое восхищение его «глубоким взглядом в самые недра нашей жизни» и «пенюдабельным» гоголевским комизмом (там же, с. 120). В 1847 помог Д. В. Григоровичу в продвижении в печать «погибашество» «Антон-Горемыки», «сочинил», «не сказав никому ни слова», смягченный конец повести (Григорович, с. 100). Н. настаивал на том, чтобы посмертные изд. Пушкина не подвергались вторичной цензуре. Способствовал изд. «Стихотворений» Н. А. Некрасова (1860) при том, что одновременно полагал «неудобными к печати» стихи с антикрепостнич. мотивами (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 4852, л. 30—31).

По свидетельству И. И. Лажечникова, исполнение цензурских обязанностей Н. сравнивал с «лезвием бритвы» (РС, 1896, № 12, с. 596). Его назначали также цензуровать журналы: «Б-ка для чтения» (1834—1848), «Отеч. зап.» (1839, 1841—44).

На 40-е гг. приходится наиб. число лит.-критич. выступлений Н., в целом немногочисленных и не вызывавших значит. резонанса (из более ранних публ. этого рода — обширный очерк о Е. Б. Кульман — БлЧ, 1835, т. 8). В 1840 в «Сыне отечества» он анонимно публикует ряд рецензий: хвалебные — на «Соч. в стихах и прозе» Д. В. Давыдова (№ 13) и «Провинциальные сцены» Д. Н. Бегичева (№ 6), негативные — на романы А. Ф. Вельтмана «Генерал Каломерос» (№ 14) и Н. А. Мышницкого «Сникий» (№ 18) (установлены

по: Григорьев В. В., с. 239; см. также: Бычков, с. XLVIII, XLV; по утверждению Григорьева, Н., начиная с т. 3-го (№ 12), написаны в этом ж-ле и все мелкие рецензии и разборы за 1840. В 1841 в том же «Сыне отечества», уже за своей подписью, он помещает сочувств. обзоры рецензии на стих. Е. П. Ростопчиной (№ 18: «звучи идеально настроенной души», хотя и без «творч. могущества», — отд. I, с. 101) и сб. стих. Лермонтова (№ 1), а в «Б-ке для чтения» (1846, т. 74, кн. 1—2) — одобрит. разбор кн. Ф. П. Л(убяновского) «Заметки за границей в 1840 и 1843 гг.», вызвавший полемич. отклик в «Москвитяине» (А. С. Студитский, 1846, ч. 2, № 3, «Лит. журналы», с. 199—203); сам Н. совершал поездки в Европу в 1857, 1860 и 1876 (рассуждения о «судьбах Европы» — в письмах И. П. Корнилову 1870—76: ИРЛИ, ф. 377, № 933). Там же (БдЧ, 1846, т. 76) Н. опубли. очерк о лит. деятельности, жизни и личности Н. А. Полевого, приурочив ст. к выходу его кн. «Столетие России, с 1745 до 1845 г. ...» (1845—46) (в этом же номере — обширная рец. Н. на ром. М. Н. Загоскина «Брянский лес»; ст. о Полевом как удачная была отмечена в «Совр.»: 1846, № 6, с. 332—36). В «Совр.», как указывает Плетнёв, Н. намеревался дать статью против Булгарина и Греча (Грот и Плетнев, II, 805...812), оставшуюся неопубл. антибулгаринскую статью, с описанием лит. тактики издателя, природы успеха «Сев. пчелы» (с ее «духом вражды, мелкого соперничества самолюбия», с. 192) Н. напечатал в «С.-Петерб. ведомостях»: «Объяснение, однажды навсегда» (1848, 27—29 февр.; сообщено А. И. Рейтблатом).

Позиция Н.-критика была эклектичной, «уравновешивающей», в его критич. разборах, содержавших верные наблюдения, б. ч. фиксировался набор отрицат. и положит. свойств писателя, без попытки раскрыть единство его творч. мира. Так, высоко оценив «истинно» худож. лиризм Лермонтова, звуки «скорби» и «карающей истины», он не принял стих. «Благодарность», «И скучно, и грустно», увидев в них лишь «траурные узоры» и «эгоистич.» самоизлияния. С большей определенностью Н. высказался в обширной рец. на изд. Некрасовым в 1846 «Петербургский сборник» (БдЧ, 1846, т. 75, кн. 1—2), в к-ром выделял «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, отметив вместе с тем «односторонность» авт. «канализа» (отд. V, с. 21), поэму «Машенька» А. Н. Майкова, статьи А. И. Герцена и Белинского, и сам поместил здесь ст. «О характере народности в древнем и новейшем искусстве», в к-рой отстаивал ист. зна-

чение каждой нации: «... все человеческое для нас священо, где бы и у кого бы оно ни встретилось. Мы готовы уважать всякую народность» (там же, с. 495). Эта идея горячо приветствуется Белинским (Белинский, IX, 580—81), а в ее контр. истолкованиях вызывает возмущения С. П. Шевырёва, зачислявшего Н. в последователи натуральной школы («Москв.», 1846, ч. 2, № 3) (позднейший ответ Шевырёву по поводу Н., стоящего «всегда... вне всяких партий и школ», — см.: Чернышевский, III, 102).

В ст. «О совр. направлении русской литературы» («Совр.», 1847, № 1), не отрицая критич. начал натуральной школы, защищал просветит. идеалы лит-ры и ее нап. традиции («объяснить Россию России», отд. II, с. 73). В письме М. П. Погодину от 22 нояб. 1846 Н. писал: «грустно видеть, как вся образованная часть публики опять принимается исключительно за французскую литературу» (РГБ, Пол. II, ф. 231, к. 22, № 28). Статья Н. наряду с программными статьями К. Д. Кавелина и Белинского, помещенными в том же номере, вызвала полемику: М... З... К... (Ю. Ф. Самарин) — «О мнении „Современника“, исторических и литературных» («Москв.», 1847, ч. 2; то же в кн.: Рус. эстетика и критика 40—50-х гг. XIX в., М., 1982; там же общ. оценка лит. личности Н., с. 153), Белинский — «Ответ „Москвитяину“» («Совр.», 1847, № 11).

По инициативе И. И. Панаева Н. становится «представительским» ответств. редактором (1847 — апр. 1848) обновленного «Современника»: «человек честный, хороший и питающий ко всем нашим большое уважение. По всему видно, что ему даже лестно называться редактором журнала, в котором участвуют такие знаменитости». «Без Никитенко ничего бы не состоялось...» (из письма Панаева Н. Х. Кетчеру, 26 сент. и 1 окт. 1846, см.: Белинский В. Г., Письма, т. 3, СПб., 1914, с. 361, 363). Н. был также ответств. редактором ж. «Сын отечества» (1840—1841, при фактич. редакторстве Н. А. Полевого, а позднее Сенковского, см.: Никитенко, I, 215—237). Участвовал (как автор и редактор) в «Энциклопедич. лексиконе» А. А. Плюшара, был и его цензором. Н. состоял членом бесчисленных к-тов, комиссий (РГИА, ф. с.), принимал участие в самых разнообразных начинаниях.

На рубеже 40—50-х гг. определилась науч. и мировоззренч. позиция Н. Он стремился объединить веру в «дух народный» «партии славянофилов» и «опору на общечеловеч. идеи» (идеи науки и иск-ва) «партии европ. людей» (Никитенко, I, 329); в глазах Н., если исключить «крайности», их расхождение лишь «наружная оппозиция» (там же). Рецензент «Б-ки для чтения» противопоставлял его «остервенелым, наглым и наездническим нападкам отчаянных писак» (1851, т. 107, отд. V, с. 23).

Натаклявшаяся на сопротивление консерваторов и не принимая пози-

ции «ультралибералов», «тирании мысли» (Никитенко, II, 95), Н. разочаровывается уже в возможностях и результатах собств. деятельности. Былая вера, самонадеянность («Великий характер тот, который умеет наполнять собою всякую сферу» — там же, I, 347) сменяются признанием «беспомощности мысли» (там же, 350). Либерал и прогрессист, политич. верованиями к-рого были, по собств. определению, «гласность, законность и развитие способов народного воспитания и образования» (там же, II, 64), Н. избегал и страшился крайности, являясь поборником «постепенного» прогресса. Стремление в кризисном состоянии общества быть над схваткой порождает его склонность к компромиссу, к принципиально суженому пониманию демократич. прогресса: «Народ должен быть управляем, а не управлять» (там же, 119; ср. его ст. «Прогресс» — «Сев. почта», 1862, 24 февр.).

С кон. 1853 состоит при Мин-ве нар. просвещения для исполнения особых поручений; по просьбе министра А. С. Норова, не занимая офиц. поста в мин-ве, «с примерным самоотвержением» (PM, 1891, № 1, с. 62) участвует в работе по обновлению ценз. устава, делая за министра «самую трудную и ответств. часть работы» (там же). Вскоре сознает тщетность своих усилий, но не оставляет службы, пишет многочисл. записки, проекты (в т. ч. устава Лит. фонда, 1858), отчеты. В 1859 назначен дир. делопроизводства К-та по делам книгопечатания (РГИА, ф. с.), в 1859—65 входит в совет К-та (подробнее см. в кн.: Никитенко, I, ХХV—ХХХ), в 1860—62 — член Гл. управления цензуры, в 1863 — чл. Комиссии о рассмотрении проекта устава о книгопечатании (с 1854 — д. стат. сов., в 1865 произведен в тайные сов.).

В период подготовки реформ Н. явно эволюционирует к консерватизму (оценка студенч. волнений 1861 в Петербурге — студенты, по мнению Н., были увлекаемы и направляемы радикальными социалистами; Польского восстания 1863 — «... Россия нужнее для человечества, чем Польша» — Никитенко, II, 324), говорит об обществ. опасности «ультра-прогрессистов», «нашего поклонения беглому апостолу революции Герцену» (там же, 175, 268, 279). Противостояние всякой власти, принцип «безусловной свободы», отсутствие каких бы то ни было «жиздительных» начал — все это, по Н., черты нового поколения приводят его к признанию «охранительной силы власти» как своего рода принципу дополнительности — способу реального воплощения в России

«свободы и закона» (там же, 264, 269). Позиция Н. вызывает недоверие в оппозиц. кругах, на что он реагирует с неприязненным недоумением и обидой. Так, по поводу полемик «Дня» со своей «Сев. почтой» (по польскому вопросу) он пишет в письме Погодину от 24 апр. 1862: «Что подумалось „Дню“ колотить нас официально? ... На человека, честно более 25 лет послужившего делу науки и литературы, могут нападать недоучившиеся мальчишки...» (РГБ, ф. 231/II, к. 22, № 28). Н. все более сознавал и болезненно переживал свое скромное обществ. значение (Тургенев еще в сер. 50-х гг. в эпиграмме на Н. писал о его «мыслях, ставших общим местом»: Тургенев, XV, 221). В 1860-е гг. сближается с Гончаровым (благодаря усилиям Н. он стал цензором в 1855), был одним из конфидентов лит. тяжбы Гончарова с Тургеневым (Никитенко, II, 114—16); позднее Гончаров при подготовке к публ. «Дневника» оставил посв. Н. набросок «целая художественная картина», по восп. М. И. Семева, — РС, 1888, № 12, с. 775). До сих пор не обнаруженный. В 1856—60 Н. — редактор «Журнала мин-ва нар. просвещения», в 1862 — офиц. газеты «Сев. почта», предназначавшейся мин. внутр. дел П. А. Валуевым «служить руководителю рус. обществ. мнения» (Чичерин Б. Н., Восп. Моск. ун-т [1861—1868], М., 1929, с. 49, 51).

Не надеясь на переизбрание, Н. в 1864 вынужден был оставить службу в ун-те. Перекладывается преим. на академич. занятия. Работает над проектом нового устава АН (с 1853 ч.-к. по Отд. рус. языка и словесности, с 1855 — ординарный акад.; с 1865 до конца жизни избирался в К-т правления Академии), отстаивает интересы Отд. рус. языка и словесности, составляет годовичные отчеты Отделения (начиная с 1861), выступает с юбилейными, памятными речами: о М. В. Ломоносове (СПб., 1865), И. А. Крылове (СПб., 1868). В «Трех лит.-критич. очерках» (СПб., 1866) — о комедии А. А. Потехина «Отрезанный ломоть», трагедиях А. Ф. Писемского «Самоуправцы» и А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» — Н. противопоставляет иск-во «низшей сферы», «копий» и иск-во идей, высоко оценивает «капитальное» произв. Толстого.

В 1872 издал «Мысли о реализме в лит-ре» (СПб.), где, отмежевываясь от «реальной критики» Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева (в них Н. видел людей, желавших «сделаться популярными» и по «примеру зап. корифеев-публицистов» быть полит., а не «только обществ. деятелями», — Никитенко, II, 165—66) и теории «чистого искусства», отдавал пред-

почтение лит-ре «идеальной», отличной от лит-ры публицистич., «утилитарной». Не принял лобудня в «Воине и мире» Л. Н. Толстого (ист.-филос. рассуждения), «Обрыве» Гончарова, а позже осуждал изображение «житийской пошлости» в «Анне Карениной» (письмо П. А. Вяземскому от 9 мая 1875 — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2402). В 1860-е гг. издал ряд биограф. очерков: «М. П. Вронченко» (СПб., 1867), «А. И. Галлич» (СПб., 1869), «А. С. Норов» (СПб., 1870); к ним примыкает некролог «Ф. И. Тютчев» (РС, 1873, № 8), воссоздающий облик близкого Н. поэта и мыслителя.

В нач. 70-х гг., несмотря на длит. болезнь (умер от грудной жабы) и измнившуюся обществ. ситуацию, Н. продолжает работу в АН, состоит членом Слав. к-та. Об-ва любителей христ. просвещения и ряда др. об-в (в т. ч. «Сельских хозяев», Об-ва для пособия бедным женщинам), является присяжным заседателем Петерб. окружного суда, продолжает преподавание в Римско-католич. акад. В канун 1874 награжден орденом Белого орла. Как член издат. к-та способствовал выходу сб-ка «Складчина» (СПб., 1874) в помощь голодающим (см. письма Н. А. А. Кривскому — РНБ, ф. 357, оп. 3, № 98, П. А. Вяземскому — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5084, л. 139 об. — 140). В сб. опубликовал свой этюд «Об историч. драме г. Островского» (Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский)».

С 13 лет Н. вел «Дневник». В 1851 попытался обработать более ранние записи в соч. «Моя повесть о самом себе и о том, „чему свидетель в жизни был“» (печаталась, как и «Дневник», в «Рус. старине», 1888—1892; еще в 1873 Н. читал отрывки из своих «Записок» ред. ж-ла Семева; впервые отд. изданы вместе с «Дневником» в 1893 — см. Изд.) — поэтич. рассказ о детстве, первых школьных успехах и тогда же пробудившемся понимании своего «гражданского ничтожества» (с. 98), о жизни провинц. интеллигенции.

По мнению рецензента «Рус. мысли», это картина «„доброто старого времени“, этически объективная и тем более ужасная...» [1901, № 6, с. 188; др. рец. на пов. и «Дневник» РМ, 1891, № 1, с. 61—66 (из обзор. ж. «Рус. старина»); там же, 1893, № 3 (сбор. б. п.); Н. Ш. — РС, 1893, № 3; рецензент отмечает не только верность повествования, но «художественность» и «прекрасный слог»; см. также: Протопопов М., Из истории нашей общественности (Записки и дневник Н.) — РМ, 1893, № 67; по мнению В. Р. Зотова, «отрывочные замечки» Н. «интереснее всякого романа», т. к. «рисуют... вседневную жизнь со всеми ее волнениями, обществ. надеждами, промахами власти» (Зотов, № 10, с. 196); К. П. Медведский («Повесть честного гражданина» — «Набл», 1894, № 3, 4) указывал, в частности, на своеобразие жанровой философии Н. (№ 4, с. 219); М. О. Гершензон — «Науч. слово», 1905, в. 3].

Работа была прервана в 1854, возобновлялась в 1866, др. годы и не была завершена (об истории издания «Дневника», его «редакторской ретуши», осуществл. С. Никитенко, раскрытии зашифрованных криптонимов и устранил пропусков во втором изд. М. К. Лемке — см. во вступ. ст. И. Я. Айзенштока — в изд. 1955). «Дневник» Н. — уникальный документ, представляющий исклю-

чит. ист. и историко-культ. ценность; в нем воссоздана объемная панорама противоречивой эпохи (включая пореформ. пору) с ее героем-очевидцем. Это не исповедь — хотя Н. много внимания уделяет мыслям о возделывании «самого себя», «беседе по совести с самим собою» (II, 303, 507) — и не «повествование» о жизни. Автор, озабоченный судьбой России, ее культуры и истории (Н. описывает механизмы функционирования бюрократич. власти, формирования обществ. мнения, состояние отеч. журналистики и динамику лит. борьбы), пытается вместе с тем уяснить значение в ист. процессе отд. личности, не скрывая своего любопытства к закулисной стороне событий, их тайным пружинам и интригам. «Дневник» дает портреты мн. известных лиц — влият. сановников и министров (напр., Уварова, Бороздина, Л. А. Перовского, А. Х. Бенкендорфа, Норова, Ростовцева, А. В. Головнина, Валуева), членов имп. фамилии и приближенных ко двору, деятелей различных рангов и интересов, в т. ч. из ун-тской и академич. среды. Знакомый так или иначе едва ли не с каждым петерб. литератором, Н. оставил в дневнике характеристики множества писателей и журналистов, представителей разных «партий» и направлений: пушкинского круга, Булгарина, Н. И. Греча и Сенковского, Погодина и М. Н. Каткова, В. С. Печерина и Герцена, популярных в лит. салонах Н. В. Кукольника, Н. Ф. и К. К. Павловых, Ростопчиной. «Дневник» содержит также портреты литераторов — сослуживцев Н. по гос. и цензурской службе: Д. Н. Блудова, Вяземского, Гончарова, Тютчева. Из летописи поступков этого огромного множества лиц вырастает живая история настроений рус. об-ва за полвека — 20—70-е гг. 19-го столетия.

Н. воплотил собой тот особенный тип идеалиста-прагматика (к нему принадлежал, напр., и Я. М. Неведров), для к-рого «польза», независимо от избираемого поприща, была гл. критерием собств. жизни и оценки деятельности др. людей. Своей отраженной в «Дневнике» эволюцией (при том, что он, по собств. признанию, оставался «доктринером» — Никитенко, II, 58), восприятием полит. и лит. рос. жизни, цензурской деятельностью Н. фактически показал, что обществ. мнение в России (вопреки мнению нек-рых современников Н. и позднейших историков) было действительной, хотя и постоянно урезаемой властями силой.

Др. произв.: «Похвальное слово Петру Великому» (СПб., 1838; хвалебная рец.: Ф. Булгарин) — СП, 1838, 1 апр.), «Очерки совр. нравов и характеров. Маленькие великие люди» (альм. УЗ, СПб., 1839), «Восп.

о К. Ф. Германе» (СПбВед, 1839, 22, 23 сент.; отд. оттиск: СПб., 1839), рец. на «Курс теории словесности» М. Б. Чистякова («Совр.», 1847, № 8), «В. А. Жуковский со стороны его поэтик. характера и деятельности» (СПб., 1853), «О начале изысканного в науке» (СПб., 1854), «Рафаэлева Сикстинская мадонна» (М., 1857), «Восп. о бывшем президенте Имп. АН гр. Д. Н. Блудове» («Зап. Имп. АН», 1864, т. 5, кн. 1), «Восп. о М. М. Сперанском» (там же, 1872, т. 20, кн. 2), «Молодое поколение» (ДБ, 1867, № 38), «Два мира. Лирич. драма А. Н. Майкова» (ЖМНП, 1874, № 4); «Зап. о направлении ж. „Рус. слово“» (1861; опубл.: РА, 1895, кн. 1).

Изд.: Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1826—1877), т. 1—3, СПб., 1893; 2-е изд. (1804—1877 гг.), т. 1—2, СПб., 1904—05 (исправл. и дополн. по рукописи, под ред. и с прим. М. К. Лемко); Дневник, т. 1—3, М., 1955—56 (вступ. ст. «Дневник Н.» и прим. И. Я. Айзенштока); Декабристы в восп. современников, М., 1988 (восп. Н. о В. С. Норове, Рыльске).

Письма Н.: к Н. В. Гоголю, 1842 — РС, 1889, № 8; к В. Ф. Одоевскому, 1851 — РС, 1904, № 8; к П. А. Плетнёву (переписка 1856—1857) — РС, 1891, № 2; к М. Н. Каткову, Н. П. Гилярову-Платонову, 1863 — РА, 1895, кн. 2; к И. И. Сретенскому — «Звенья», сб. 5, М.—Л., 1935; к К. И. С. Аксакову, Е. К. Богдановой, 1873 — ЛН, т. 97, кн. 2; к Н. А. Некрасову, 1874 — в кн.: Переписка Н. А. Некрасова, т. 1, М., 1987. Письма к Н.: П. А. Вяземского, 1869—76 — РС, 1892, № 12; Гончарова — Гончаров, VIII; письма разных лиц, опубл. в «Рус. старине»: 1896, № 12; 1897, № 11, 12; 1898, № 5; 1899, № 11; 1900, № 1; 1903, № 11; 1904, № 8, 9.

Лит.: Белинский; Гоголь, т. 10—13; Гончаров; Некрасов; Герцен; Григорович; Тургенев; Достоевский; Чернышевский; Барсуков; Герцен (все — ук.); Григорьев В. В., Имп. С.-Петербург, ун-т в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870 (ук.); Бычков А. Ф., Отчет ОРЯС за 1877 — сб. ОРЯС, т. 18, СПб., 1878, с. XXVII—LVI; Глинский Б. Б., В. Я. Стоюпин — ИВ, 1889, № 2, с. 420; А. В. Никитенко, — «Нива», 1890, № 1 (б. п.); Зотов Вл., Либеральный цензор и профессор-пессимист, — ИВ, 1893, № 10—12; Ветринский Ч., Два рус. общества. типа. [Н. и И. С. Аксаков]. — «Нов. слово», 1894, № 78; Острогорский В. (П.), Из истории моего учительства, СПб., 1895, с. 62, 64—72; Памяти Н. — «Правительство. вест.», 1902, 20 июля; Штейн С. А. В. Никитенко, СПб., 1902; Булгарин Ф., Зап. о цензуре и коммунизме в России (прил. к письму Л. В. Дубельта от 6 марта 1848 г.). — ГМ, 1913, № 3, с. 223—24, 227; Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский, т. 1, ч. 1—2, М., 1913 (ук.); Модзалевский Б. Л., Объяснительные прим. — В кн.: Пушкин А. С., Дневник, М.—П., 1923 (ук.); Евгеньев-Максимов В., «Современники» в 40—50-х гг., Л., 1934; Штакеншнейдер (ук.); Шевченко Т. Г., Дневник, М., 1954, с. 284; Кулешов В. И., «Отч. записки» и лит-ра 40-х гг. XIX в., М., 1958 (ук.); История рус. критики, т. 1, М.—Л., 1958 (ук.); Валусев П. А., Дневник, т. 1—2, М., 1961 (ук.); Пупкин, Письма, VI, 434—35 (и ук.); Дружинин А. В., Повести. Дневник, М., 1986 (ук.); Вацу-ро В. Э., Гиллельсон М. И., Сквозь «умственные шлюзы», [2-е изд.], М., 1986, с. 210—218, 230—40; Разумешко И. В., Лит.-критич. деятельность Н. К., 1988 (авторф. дис.); с ж.: Проблемы реализма в эстетике Н. — В кн.: Проблема автора и авт. позиции в лит-ре, Х., 1990; Колосова Г. И., Собр. кн. Н. в фондах науч. б-ки Томского ун-та. — В кн.: Книга в России XVII — нач. XIX в., Л., 1989; Рус. об-во 40—50-х гг. XIX в., ч. 2: Чичерин Б. Н.,

Восп. Москва сороковых годов, М., 1991, с. 89, 104—05; Березина В. Г., Цензор о цензуре. (Н. и его «Дневник»). — РЛ, 1996, № 1; Герасимов Е. Н., Строчки и странички... — ВЛ, 1997, № 4, с. 223, 225; Перкаль М. К., Проект изменения ценз. устава 1828 г. — В кн.: Освободит. движение в России. Межвузов. сб. науч. трудов, в. 16, Саратов, 1997, с. 95—104; ЛН, т. 43/44, с. 781—82; т. 51/52—58, 67, т. 73, кн. 1—2 (ук.). + Некрологи, 1877: НВ, 27 июля (О. Миллер); «Газета Гатчина», 10 авг. (Д. Языков); Березин; Систематич. алфавитный указатель статей, помещенный в периодич. изд. и сб-ках имп. АН, ч. II, СПб., 1875 (ук.); Межов; Сл. ОЛРС: РБС; Брокгауз; Мезьер; КЛЭ; Лерм. энци.; ПНкр.: Черейский; Бограл. ОЗ (1); Бог-рад. «Совр.», Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 205, № 18094—18587; рукописи науч. и пед. статей, курсы по рус. словесности (1835, 1839), ст. «Н. И. Греч», «Сенковский», соч. «План теории деловой словесности» (1845), «Мысли о нар. образовании и воспитании в России» (1857), ценз. отзывы; письма Н. и к Н. множеству адресатов (частично опубл., см.: Муратова, 1 — ук.), в т. ч. В. Г. Белинского (1835—67), Ф. В. Булгарина (1834—56), Н. И. Греча (1834—63), А. Д. Галахова (1843—1868), А. А. Краевского (1836—72), Я. К. Грота (1841—77), Н. В. Кукольника (1845—55), П. А. Валуева (1858—69), ф. 320, № 1675 (ф. с. за 1859, 1860, 1862 и 1868 гг.); [справка Н. А. Хохловой]; РНБ, ф. 539, оп. 2, № 1630 (письма В. Ф. Одоевскому, 1843—55), ф. 120, оп. 1, № 996 (письма А. Ф. Бычкову, 1868—76), сличенные письма к др. лицам; ф. 531, № 874 — «Зап. о воспитании» (б. д.) [справка Т. В. Мисневича]; РГАЛИ, ф. 357, ф. 195 (письма), ф. 357 (ценз. дела), ф. 373, оп. 225, л. 341 (ф. с. 1877 г., год рож. — 1804), ф. 1088, оп. 6, д. 824 (1821—24 гг.) — «о даровании свободы А. Никитенкову»; вкл. переписку гр. Д. Н. Шереметева и кн. А. Н. Голицына, ф. 777, 772 [справки С. И. Варской], ф. 1661, оп. 1 (письма К. С. Сербиновичу, митрополиту Макарию).

Г. В. Краснов, при участии Л. М. Шемельовой.

НИКИТИН Александр Александрович [псевд. Одинокий; 20.7(1.8). 1874, Владимир. губ.* — не ранее янв. 1918], поэт, прозаик. Сын подполковника. В 1895 окончил Шуйскую классич. г-зию и сразу же вступил вольноопределяющимся рядового звания во 2-й грендерский Ростов. полк. В 1895—97 Н. учился в Киев. воен. уч-ще, а затем, получив чин подпоручика, был переведен в четвертый грендерский Несвиж. полк. Выбор воен. службы, возможно, определился семейной традицией, по собств. признанию Н., он с удовольствием уехал бы «исследовать отдаленные уголки Сибири, если бы ... носил не военное, а студенческое платье» (письмо А. П. Чехову от 1 янв. 1903 — РГБ, ф. 331, № 53).

Попытки напечатать свои стихотворения в моск. ж-лах Н. предпринимал, по-видимому, с нач. 1900-х гг., однако к публикации был принят только «Часовой», отосланный в «Инвайд» и «специально написанный на воен. тематику» (цитируемое письмо). Свой первый поэтич. сб-к «„Прощенный Демон“ (Поэма) и другие стихотворения» (М., 1903) Н. просил разрешения у Чехова, к-рого любил «до боли, до самозабвения» (цитируемое письмо), посвятить ему. Получив его согласие в янв. 1903, Н. послал в Ялту книгу, вышедшую с таким посвящением и эпиграфом из «Чаики»: «Маленький писатель, особенно, когда ему не ве-

зет, кажется себе неуклюжим, неловким, лишним (...) Какое это мучение!..», к к-рому приписал «от себя»: «И все же это мне приятно... Вы меня поймете, Антон Павлович! А. Никитин. 25.XII.1902 г. Москва» (этот экземпляр хранится в Лит. музее Чехова в Таганроге). Скромной самооценке, заявленной в эпиграфе, соответствуют непритязательные стихи сб-ка, посвященные гл. обр. описанию элегич. настроений («Бессонница», «Отчаяние», «Истрадался, измучился я») и имеющие отчетливую песенно-романсовую интонацию («Nostitipo», «Песни без слов», «Майская песня», «Под звуки Баркароты»). Стих. «Фельдфебель» («Смирно! смотри веселее, ребята!») ориентировано ритмико-стилистич. строем на известное в пер. В. С. Курочкина стих. П. Ж. Беранже «Старый капрал». Открывающая сб-к поэма — о судьбе лермонтовского Демона, к-рого у Н. Бог прощает и избавляет от душевных мук, даруя смерть.

По-видимому, б. ч. времени Н. вместе с женой и детьми (вторым браком Н. был женат на дочери подполковника, воспитателя Моск. кад.-тел. корпуса, К. Р. Фричинской, имел трех детей; первая его жена рано умерла) проводил в Москве, где служил адъютантом штаба грендерской дивизии, а затем грендерского корпуса. В 1907 вышли в свет его «Рассказы из жизни маленьких людей» (М.), большинство из к-рых — истории провинц. обывателей, вдруг осознающих, что жизнь их тосклива и безысходна. Написанные под сильным влиянием Чехова и отличающиеся нарочитой обыденностью языка и сюжетов, рассказы рисуют не столько «жизнь маленьких людей», сколько их размышления и переживания в момент нравств. пробуждения. См., напр., ряд рассказов из армейского быта («Проснулся», «Мундир» и др.), где бытовые реалии — лишь фон, определяющий психол. состояние героев. В 1909 Н. выпустил еще один поэтич. сб. «Искры. Грустные песни» (М.). «Мучительные» и «сумрачные» настроения любовной и пейзажной лирики, так же как и обилие посвящений, отличают стихотворения этой и следующей его книги «Рассказы [и стихи]» (М., 1912), где собраны не публиковавшиеся ранее поэтич. и прозаич. произведения. Мотивы разочарования, скуки и неясного томления сб-ка 1907 сменяются здесь описанием ситуаций, трагически заостренных, выходящих за рамки повседневности: казнь студента-революционера («В глуши»), разоблачение «шпики» («Случай»), самоубийство гимназиста («Конеч Ивановна Петра») и т. п.

Н. — чл. ОРДП. Возможно, в 1900—10-е гг. был связан с членами

лит. кружка «Среда»: в 1903 он упоминался в письме к Чехову о своем знакомстве с С. Г. Петровым (Скитальцем), а в 1910 перепечатал в сб. «Друкарь» (М.) под ред. Н. Д. Телешова стих. «Пожелтели листья моего дневника» (из первого сб-ка Н.).

Телешов в связи с этой публикацией писал Н., что произв., прочитанное им, четырех лет назад (в сб-ке), хорошо ему запомнилось и, «стало быть, произвело впечатление», однако советовал автору изменить нек-рые не совсем удачные образы (письмо от 15 нояб. 1909 — РГАЛИ, ф. 499, оп. 1, № 36).

В стихотв. дарств. надписи на первом сб-ке, датированной 26 дек. 1917, Н. писал: «...Но грустно мне и больно./ Что Муза бедная моя так рано умерла...» (экз. в ГЛМ).

В авг. 1917 Н. был произведен в подполковники. Накануне окт. событий — 20 окт. 1917 — отчислен в резерв чинов при штабе Минского воен. округа. Последние сведения о нем датируются 27 апр. 1918 — в краткой записке о службе сообщается, что Н. 10 янв. 1918 отправлен в Особую оценочную комиссию Вилен. губ. Трокского у. в г. Ельню.

Лит.: Чехов. Письма, X, XI; Чехов и его среда, Л., 1930, с. 270; А. П. Чехов. Сб. док-тов, М., 1947 (Лит. архив, т. 1), с. 207—08.

Архивы: РГБ, ф. 331, № 53 (письма А. П. Чехову); РГВИА, ф. 409, п. с. 376—242 и 1954 (1914 г.) [* (справка Ю. А. Трамбичко)].

А. И. Левинзон.

НИКИТИН Александр Павлович* [9(21).8.1808**, г. Владимир — после 1846], поэт, прозаик. Сын Владимир. уездного страпчего, к 1822 выслужившего дворянство (ГА Владимир. обл., ф. 243, оп. 1, д. 2, л. 115). Первоначально получил дом. образование. В 1823 поступил на нравственно-полит. отд. Моск. ун-та, к-рое закончил со званием действит. студента в 1826; во время учебы посещал также лекции словесного и физико-матем. отделений. В нач. 1827 вступает в стат. службу: губ. секр. Владимир. губ. правления с оставлением при делах канцелярии гражд. губернатора, через два года, «согласно желанию его», перемещен в Моск. губ. правление, также с оставлением при делах моск. гражд. губернатора. В начале 1830 произведен в коллеж. секретари, в конце 1832 — в тит. советники. С окт. 1833 по июль 1835 находился в отставке, затем поступил на службу в Межевую канцелярию Мин-ва юстиции. Какое-то время служил в канцелярии Екатеринослав. межевой конторы (видимо, до 1838), потом — в Моск. сенатской типографии; в 1842 и 1846 числился в отставке. Далее следы Н. теряются. Возможно, в 1850-е гг. служил в Москве квартальным поручиком.

В печати впервые выступил в 1830 со стих. «Послание к Н...у» (ДЖ, № 27). В течение 1830—32 в «Дам. журнале» опубликовал свыше 40 стих. за подписью А. Никитин.

Их принадлежность Н. устанавливается на основании общности посвящения к стихам и прозаич. книгам: двас В(асилию) Н(икитичу) Н(икитину) (о к-ром известно, что он служил во Владимире), кузине М. И. Х(аризоменовой) (фам. расшифровывается по акrostиху), включение двух журнальных стихов в ром. Н. «Жертва случая». Эти же сведения, геогр. перемещения, др. косв. подтверждения биографии Н. в его прозе, а также зафиксированное в книге подачи рукописей Моск. ценз. к-та от 4 февр. 1838 «прошение тит. советника Александра Павлова сына Никитина» об изменении заглавия уже одобренной рукописи («Дивная Варенька» на «Месты, или Забавные сны провинц. жизни» — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 136, л. 16*; РГИА, ф. 702, оп. 1, д. 1066, л. 26; публ. не обнаружена) позволяют идентифицировать Н. и автора опубликов. в 1830-е гг. романов, «былей» и т. д.

Помещенные Н. в «Дам. журнале» стихи — по б. ч. дружеские («К И. В. Н(икитину)» — 1830, № 33; «К В. Н. Н(икитину)» — 1831, № 13; «К А. В. Н(икитину)» — 1831, № 37, и др.) и любовные послания («К М. И. Х(аризоменовой)» — 1830, № 25; «К И.Б.К.» — 1831, № 15; «К похитительнице писанных ею ко мне посланий» — 1832, № 16, с датой рожд., и др.), а также романсы («Я не любил, волшебница младая!» — 1830, № 35; «Очи» — 1831, № 43; «Романс» — 1832, № 2, и др.) и лирич. стихи смешанного жанра; единичны обращения к жанрам басни и эпиграммы. Преобладающие мотивы поэзии Н. — радость встреч с друзьями, любовью («Увидел вас — и мир в прекрасный/ Облекся образ для меня» — 1831, № 15, с. 26), «тайные муки», достижимость «земного счастья»; нередко размышления типа: «Утром мы чего-то ждем./ Чем-то сердце обольщаем;/ Быстро к полдню перейдем./ В полдень вечера желаем...» (1831, № 6, с. 90).

Вероятно, что Н. принадлежат также (напечатанные в «Дам. журнале» за подписью Алексея Никитин) стих. «Очи. (Алиппе)» — популярный романс А. А. Альбсва, «В альбом к ***» (1827, № 18; 1829, № 39).

В дружеских посланиях проследживается ориентация на пушкинскую традицию, вплоть до прямых лексич. заимствований. В целом стихотв. техника Н. не опускается ниже среднепоэтич. уровня тех лет.

В середине 1830-х гг. Н. обращается к прозе («поэзии мечты»)/ «Парнаса гордого цветы.../ Я променял, преступный, их впервые/ На прозу вальную мою» — «Повести», ч. 1, с. 9) и в течение четырех лет регулярно выпускает книги «во всяком роде» (видимо, в поисках заработка: бедность, безденежье — один из пост. сюжетов соч. Н.; к лирич. поэзии Н. больше так и не вернулся). Первый сборник «Повести» (ч. 1—2, М., 1835; включал пов. «Жена-незнакомка», «Живописец», «Жена-иностранка» и т. п.) вызвал отрицат. отклики (Белинский, I, 331; П. П. — СП, 1836, 4 апр.). А. Ф. Воейков сразу же причислил Н. «к цеху Сиговых, Гурьяновых, Фоминых, Александра Потапова, ... Александра

Анфимыча Орлова» (ЛПРИ, 1835, 4 дек.), а О. И. Сенковский иронизировал по поводу встречающихся в повестях «трактира и народности» (БдЧ, 1835, т. 10, отд. 6, с. 15—16). Не менее пренебрежит. отклики по поводу и последние книги Н.: романы «Игра любви, или Русский помещик в конце XVIII столетия» (ч. 1—2, М., 1836; рец.: БдЧ, 1836, т. 17: «плохой роман о любви ... своего домашнего изделия» — отд. 6, с. 27); «Жертва случая» (ч. 1—2, М., 1837; рец.: БдЧ, 1837, т. 25) и сб. повестей «Были» (ч. 1—2, М., 1837; рец.: БдЧ, 1837, т. 22). Вышедший затем роман «Теодор Станиславский» (ч. 1—2, М., 1838; с посвящением «Новорос. и Бессараб. ген.-губернатору» М. С. Воронцову) вызвал также исключительно негативные рецензии.

«Большой свет, описанный в кухне», произв., написанное «самым нелепым складом», — утверждал рецензент «Сына отечества» (1838, № 9, с. 64), ставя роман, как и Воейков (в указ. выше рец.; аналогичный отзыв Воейкова (?) на «Теодора...» — ЛПРИ, 1838, № 42), в один ряд с сочинениями Толстого и Рыбака. Более взвешенный отзыв о ром. дал П. А. Плетнев: он нашел в нем «увлекательную жизнь» для «чуждомыслящих читателей ... всех новостей литературы» и попытался объяснить успех ром. социологически: «трудно решить, авторы ли вроде сочинители этого романа образовали для своих созданий читающее поколение, или сам век до себя их возвысил» («Совр.», 1838, т. 12; цит. по: Плетнев, II, 248; др. рец.: БдЧ, 1838, т. 31).

Несмотря на оценки проф. критиков (порой излишне полемически заостренные), прозу Н. нельзя однозначно причислить к «фризурной» словесности, т. к. она изначально ориентирована на образованного читателя; в том же «Теодоре Станиславском» ему предлагается не лишняя диалектика философии жизни «истинно-просвещенного» человека ген. Россиянова (ч. 1, с. 23—27, 82—88): «Разум, чувство и воля — вот дары, которыми мы пренебрегаем, не развивая их вполне, гармонически, во благо. Если воля перевешивает разум и чувства, мы животные, враги и себе и людям...» (с. 88). В соч. Н. можно проследить тяготения, с одной стороны, к жанру «светской» повести, с другой — к «неистовой» словесности, с нередкими уклонами в «маринизм». В качестве элементов сюжета используются широко распространенные мотивы: тайна рождения («Теодор Станиславский»), брак брата и сестры, не знающих о своем родстве («Провидение» — из кн. «Были»), измена ближайшего друга («Жертва случая»), а также вмешательство рока и таинственных сил («Жена смерти» — из «Повестей»; «Теодор Станиславский»). Наиболее же частый композиц. мотив — соединение влюбленных после долгих перипетий. Обладая определенным динамизмом, повести и романы Н. схематичны, психологически малодостоверны, пре-

шат многочисл. *deus ex machina*. Для стиля характерны мелодраматич. фразеология (особенно при описании «восторженных чувствований», жен. «идеала» и т. п.), неудачные попытки индивидуальной речевой характеристики, обязательные дидактич. рассуждения персонажей. Книги Н., как правило, открываются стихотв. посвящениями, нередки и стихотв. вставки в текст (в т. ч. из ранее опублик. стихов); повестям и главам романов предпосланы многочисленные эпиграфы — из А. И. Полежаева, С. Е. Раича, В. И. Соколовского и др.

Вероятно, отзывы критики привели к отказу Н. от творчества: сведений о его выступлениях в печати после 1838 не имеется; одно из последних (среди выявленных произв.) изд. анонимно «Сказка в стихах о Дадоне, или О том, как дурак сделался умным» (М., 1838; 2-е изд., 1843; 1849): нечто промежуточное между фолькл. и лит. сказкой (авторство установлено по кн. подачи рукописей в цензуру 1837 — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 720, л. 74) (отклики: Белинский, II, 459—60; БдЧ, 1838, т. 28; П. Н. Кудрявцев) — ОЗ, 1843, № 8).

Возможно, Н. принадлежит поэма «Ангел и Демон» и стих. «Купанье красавицы» (ИРЛИ, № 19466), а также стих. «Сладость молитвы» в альбоме Шеншиных (ИРЛИ, № 4934, л. 31—31 об.), подписанные А. Никитин.

Лит. Лупанова И. П., Рус. нар. сказка в творчестве писателей 1-й пол. XIX в., Петрозаводск, 1959, с. 430. + Метелеркамп В. Д., Нистрем К. М., Книга адресов столицы Москвы..., М., 1839, с. 22; Нистрем К. М., Моск. адрес-календарь для жителей Москвы, т. 3, М., 1842, с. 65; сго же, Адрес-календарь жителей Москвы..., М., 1846; Иванова Т. Г. [сост.], Рус. фольклор. Библиогр. ук. 1800—1855, СПб., 1996; Смирнов-Сокольский; Иванов.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 54, д. 1119, л. 38 (унический аттестат); ф. 1343, оп. 28, д. 1695, оп. 4 (1838), д. 55, л. 410—413 (ф. с. 1838 г.); ЦИАМ, ф. 418, оп. 120, д. 389, оп. 96, д. 109 (дело о принятии Н. в ун-т, 1823 г. и увольнении 1826 г.) [справка В. В. Александровой]; ГА Владимир. обл., ф. 556, оп. 2, д. 80 (м. с.**) [справка Г. Д. Овчинникова].

НИКИТИН Андрей Афанасьевич [1790*, по др. сведениям — 1789**, Калуга — 12(24).2.1859, Петербург; похоронен на Смоленском кладб.], лит. деятель; поэт, прозаик, переводчик. Из приказнослужительских детей. Первонач. образование получил в Калуге: уездное уч-ще, губ. г-зия, Дворян. корпус. В 1804 дебютировал в местном ж. «Уралия» переводом с франц. дидактич. соч. «Закон для малых детей. Первое беседование о Боге, Творце мира» (ч. 3, с. 41—58). Замеченный (еще в провинции) и опекаемый А. А. Прокоповичем-Антонским («Вы вызвали меня из среды неизвестности, к-рой обречен я был и происхождением и бедностью моих родителей... и указали мне пря-

мую стезю на служебном поприще» — из письма Н. от 7 февр. 1841. — РНБ, ф. 616, № 10, л. 1—1 об.), в июле 1807 принят студентом в Моск. ун-т. В ун-те подружился с А. Д. Боровковым; в 1809 награжден медалью «за сочиненное на лат. языке рассуждение».

По окончании курса кандидатом (1809) поступил в Межевой деп. Сената, а в 1811—18 исполнял должность экзекутора в канцелярии петерб. военного губернатора, числясь по Мин-ву полиции. Важной вехой в его жизни стало знакомство в эти годы с Ф. Н. Глинкой, не прервавшееся и после ссылки Глинки в 1826 (Глинка изобразил Н. в посв. ему стих. «Чиновник», 1826). С нояб. 1817 совмещал чиновничью службу с педагогической в Горном кадет. корпусе, где преподавал риторике, поэзию и мифологию, направлял лит. занятия своих воспитанников — бр. А. И. Бальдауфа и Ф. И. Бальдауфа, И. Н. Ковригина, А. И. Кулибина, Н. М. Языкова. Помимо того, состоял чл. Ученого к-та, учрежденного для изд. «Горного журнала». С июля 1818 определен столоначальником петерб. Казенной палаты по отделу питейного сбора: новая должность сулила обремененному семьей Н. достаток.

Наибольшую лит. и обществ. активность Н. проявил в преддекабрьское 10-летие, пребывая непосредственно в околodeкабрист. кругах и организациях. Он деятельно участвует в масон. ложе «Избранного Михаила» (в 1821—22 обрядоначальник), в «Вольном об-ве учреждения училищ взаимного обучения» (в 1822 входит в руководящий к-т); но особенно продуктивна его деятельность в Вольном об-ве любителей рос. словесности (ВОЛРС), одним из организаторов к-рого он стал в 1816 (1-е заседание — 17 янв. 1816). По свидетельству Боровкова, именно Н. высказал в кон. 1815 идею создания об-ва (предполагая т. о. завязать отношения с изв. литераторами и получить их поддержку своим лит. опытом — см.: РС, 1898, № 10, с. 53—56). Вскоре став секретарем об-ва (в разные годы исполнял также обязанности цензора стихотворений, чл. ценз. комитета и др.), Н. остается им бесценно до конца существования ВОЛРС (в заметке о годичном собрании ВОЛРС 1824 он охарактеризован как человек, к-рому об-во «обязано... прочным своим существованием и большею частью своих успехов на поприще просвещения и благотворения», — СП, 1825, 3 янв.).

Н. составил ряд правил для регламента ВОЛРС, вел документацию об-ва, а после закрытия сохранил его архив. Уже в 1817 представил проекты издания ж-ла об-ва и составления «Рос. энциклопедии», «Словаря великих мужей России» и «Иконологического словаря»; однако то-

гда эти инициативы не получили поддержки в организации.

Вместе с Глинкой Н. стремился придать деятельности ВОЛРС гражд. характер; предложенная им в 1818 форма «ученой республики» «инсценировала республиканско-конституц. образ правления. Это был более полит. проект, созданный не без влияния „Духа законов“ Монтескье, нежели платформа лит. общества» (Базанов, с. 116—17). К сер. 1820-х гг. Н. сблизился с наиб. радикальной частью об-ва; незадолго до 14 дек. на квартире у него состоялся вечер, на к-ром присутствовали бр. Бестужевы и звучали либеральные выступления, а накануне восстания в его доме побывал В. К. Кюхельбекер.

В первые годы существования ВОЛРС Н. — заметная фигура в его лит. жизни. Так, в 1816 на заседаниях об-ва обсуждались 25 ориг. и переводных произв. Н., а в 1817 — ок. 30 (написаны, вероятно, в предшествующие годы, частично опублик. в «Соревнователе» за 1818). Творчество Н. этой поры жанрово разнообразно: шутовские стих. «Черный день» («Соревнователь», 1818, ч. 1), дидактич. нравоописат. очерки в духе просветительской сатиры («Побродягин, или Прогулки по Петербургу» — там же, 1818, ч. 2—3; публ. не завершена), элегии («К Родине» — там же, ч. 2), стилизации нар. песни («Разлука. Козацкий романс», там же, 1818, ч. 4; положена на музыку И. фон Гельдом) и др. Однако в целом оно тяготеет к идеям и жанрам раннедекабрист. лит-ры: ода «Отсутствие северной богини» (там же, 1818, ч. 2) включается в ряд произв., воспевающих имп. Елизавету Алексеевну (что отражало конституционалист. убеждения авторов); «Песнь на могиле павших за Отечество» (там же, 1818, ч. 1) — образец рус. оссианизма, патриотически интерпретирующий перенесенный на наш почву образ барда; к декабрист. выступлениям близка речь «О необходимости любви к Отечеству в обществе рус. братьев масонов» (1822), произнесенная на собрании ложи «Избранного Михаила» (см.: Базанов, с. 69—70; арх. шифр в кн. Базанова неточен).

Н.-переводчик выступает как пропагандист поэзии Оссiana. Опираясь на ее нем. и франц. переложения, он пишет стих. «Ларнуль, или Отчаяние. (Из Оссiana)» («Соревнователь», 1818, ч. 4), «Смерть Азалы. (Из Оссiana)» (там же, с. 353—59), «Песнь Уллины. (Из Оссiana)» (там же, 1819, ч. 5), «Отрывок из Оссianовой поэмы „Картон“» («Благ.», 1820, ч. 11, № 16) и др. Столь же активно обращается Н. к творчеству Горация: «Ода Горация к Августу» («Соревнователь», 1819, ч. 6), «К

В. А. Озеров.
Худ. Ромбауэр(?). Нач. 19 в.

А. И. Одоевский.
Худ. М. И. Тербенёв.
1823–24.

Н. И. Надеждин.
Худ. П. З. Захаров(?). 1830-е гг.

П. А. Плетнёв.
Худ. А. В. Тыранов. 1836.

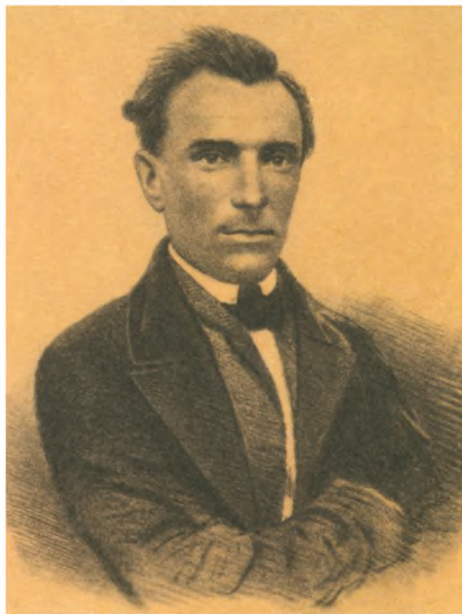

Н. В. Гоголь, В. Ф. Одоевский, Панин
Рис. П. А. Федотова. 1838.

В. Ф. Одоевский.
Худ. А. Покровский. 1844.

И. С. Никитин. 1854.
Литография с портрета
работы С. П. Павлова. 1861.

Н. Ф. Павлов.
Литография Брандта. 1840-е гг.

К. К. Павлова.
Худ. В. Ф. Бинеман. 1830-40-е гг.

Шествие в храм Славы. Худ. М. Л. Невахович. Журнал «Ералаш», 1846.

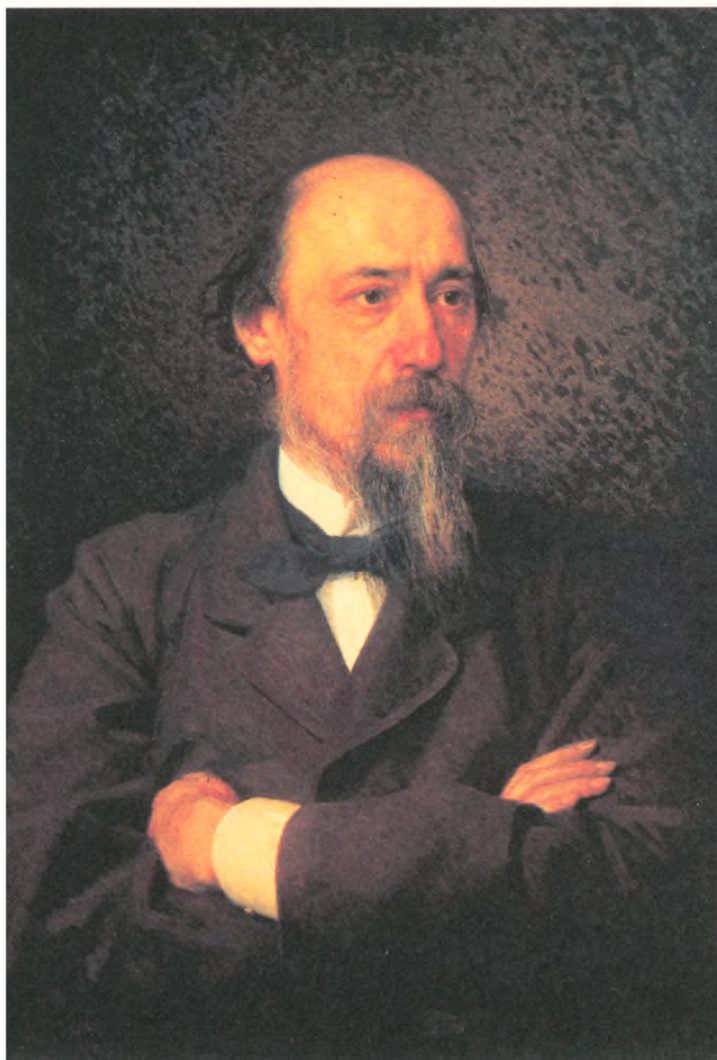
Шлагбаум поднимает А. Н. Очкин; у шлагбаума Е. П. Гребёнка, Н. И. Греч, Н. В. Кукольник; Муза метлой расчищает дорогу В. А. Жуковскому и П. А. Вяземскому; другая Муза тащит В. Г. Бенедиктова;

в тарантасе едет В. А. Соллогуб, подле него бежит И. И. Панаев, за ним следует В. Ф. Одоевский; скелеты несут Э. И. Губера; в облаках – Н. В. Гоголь, за ним на пчеле – Ф. В. Булгарин; шествие завершают В. Р. Зотов и Н. А. Некрасов.

Н. П. Огарёв.
Рис. Х. Рейхеля. 1842.
Из альбома, подаренного
А. И. Герценом Н. П. Огарёву.

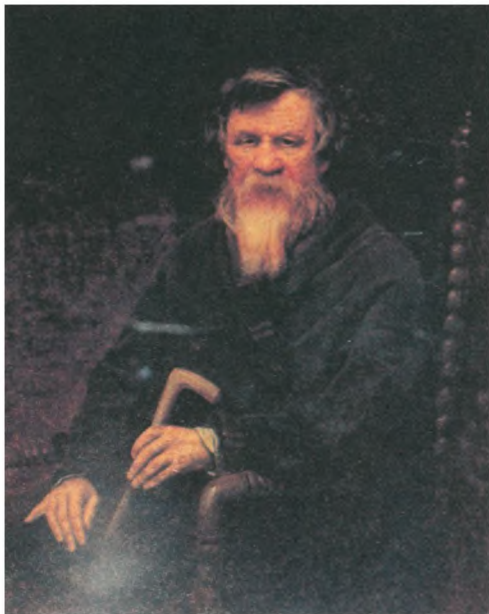
Н. А. Некрасов.
Худ. И. Н. Крамской. 1878.

Н. А. Некрасов.
Акварель М. Захарова. 1843.

Н. А. Некрасов
в период «Последних песен».
Худ. И. Н. Крамской. 1877–78.

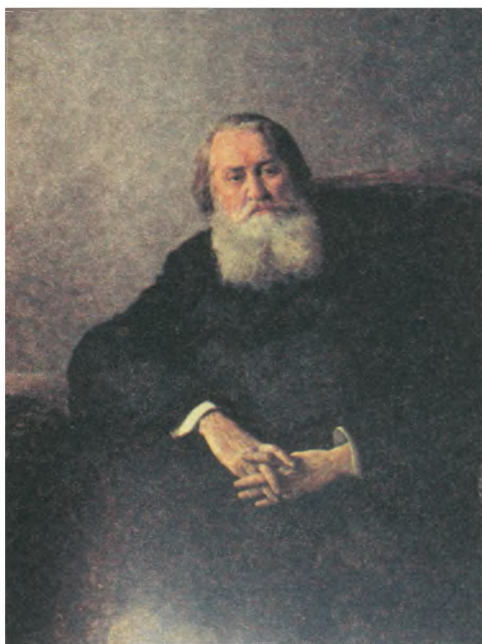

М. П. Погодин.
Худ. В. Г. Перов. 1872.

И. И. Панаев.
Худ. К. А. Горбунов. 1850-е гг.

А. Н. Плещеев.
Худ. Н. А. Ярошенко. 1887.

Личинию. Подражание Горацию» (там же, с. 302—03), «Ода Горация к Юлию Антонию» (там же, 1819, ч. 7) (атрибутируются на основании: ИРЛИ, ф. 58, № 100). Помимо того, он переводит И. В. Гёте («Романс. К другу». — «Соревнователь», 1818, ч. 1; положен на музыку Гельдом), Ф. Шиллера, П. Метастазии и др. авторов.

В 1818 выходит в свет отд. издание произв. Н. — «Сочинения и переводы в стихах и прозе» (СПб.). Однако в дальнейшем его писательская активность заметно снижается, он посвящает себя гл. обр. организационной работе в ВОЛРС (очевидно, именно Н. вел постоянный информационный раздел «Соревнователя» — «Зап. общества»). В окт. 1819 становится чл. ВОЛСНХ, эпизодически участвует в его заседаниях 1820—22. После закрытия ВОЛРС (1825) практически отошел от лит. деятельности (возможно, ему принадлежат подписанные буквами А. Н. «Замечания на книгу „Военное красноречие“» — СО, 1828, № 21/22, и ст. «Удовольствие». Извлечение из рукописи под назв. «Идеи о человеке и обществе». — Карманная книжка, 1830, № 3), однако сохранил как дружеские отношения с рядом писателей [Ф. Н. Глинка, к-рому помогал в изд. отрывка из поэмы «Дева Карельских лесов» (1832), при публ. посвященного Н., а также П. А. Плетнёв, Н. М. Коншин, Авр. С. Норов и др.], так и репутацию литератора (о чем свидетельствует его участие в 1832 в обеде, устроенном А. Ф. Смирдиным по случаю переезда книжного магазина на Невский проспект).

Перейдя в 1828 на службу в Гос. канцелярию, Н. успешно делает карьеру: в янв. 1830 — помощник статс-секр. Гос. совета, в янв. 1835 — назначен исправляющим должность статс-секр. Гос. совета по деп. гос. экономии; в 1834 статский, в 1835 д. стат., а в 1843 тайный сов. Гражданин рядом орденов. С 1849 поч. чл. Моск. ун-та. Осн. деятельность в разные годы совмещал с обязанностями вице-пред. Межевой комиссии, чл. Совета Мин-ва гос. имуществ (1837—56) и др.; не раз временно исправлял должность гос. секретаря. В 1853 по увольнению от должности статс-секр. назначен членом Комиссии прошений.

Др. произв.: «Мечтания» (стих.; НА на 1825); статьи: «О страсти к стихотворству» («Соревнователь», 1819, ч. 5), «Письмо о счастии, напечатанное в окт. книжке „Новостей лит-ры“, раздаваемых при „Рус. инвалиде“» (СО, 1824, № 50; подпись А. Н.), «На возражение сочинителя „Письма о счастии“, напечатанное во 2-м номере „Дамского журнала“. (Письмо к издателям С.О.)» (СО, 1825, № 3; подпись А. Н.); переводы: «Смерть Карла I, короля английского. (Из соч. г. Арнода)» (с франц.; «Улей», 1812, ч. 4), «Гассан» (Восточная эклога)» (с англ.; там же), «Об Омере как о трагике. (Извлечено из франц. журнала)» («Со-

ревнователь», 1822, ч. 20), «Ода Горация. К Секстию» (НА на 1825). Dubia: «Рус. песня во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам» («Собр. стих., относящихся к незабвенному 1812 г.», ч. 1, М., 1814; подпись А.... Н....), «Песнь соотечественникам по прогнанию злодеев из земли Русской» (там же; подпись А.... Н....), «Сирота» (НА на 1825; подпись Н.).

Изд.: Отрывок из Оссиановой поэмы «Картон». — В кн.: Макферсон Дж., Поэмы Оссиана, Л., 1983, с. 347—50.

Лит.: Шевырев С. П., История имп. Моск. ун-та, М., 1855, с. 399; Грот и Плетнев в (ук.); Грот Я. К., Переписка митрополита Евгения с графом Д. И. Хвостовым... — Сб. ОРЯС, т. 5, в. 1, СПб., 1868, с. 184; Лоранский А., Ист. очерк Горного ин-та. — В кн.: Научно-ист. сб., изданный Горным ин-том ко дню его столетнего юбилея, СПб., 1873, с. 78; Ист. обозрение пятидесятилетней деятельности Мин-ва Гос. имуществ. 1837—1887, ч. 1, СПб., 1888 (Список высшим чинам... с. IV); Глинка С. Н., Записки, СПб., 1895, с. 342; Боровков А. Д., Автобиограф. зап., — РС, 1898, № 9, с. 560—61; № 10, с. 50—58; № 12, с. 594, 615; [Письмо гр. Хвостова к Н.], — РС, 1908, № 11, с. 445; Брандковский С. Н., К вопросу о Пушкинском псевде. — РОВБ, 1909, № 1, ота. 1, с. 81—82 (письмо О. М. Сомова к Н. от 2 февр. 1824); Туманский В. И., Стих. и письма, СПб., 1912, с. 11 (письмо к Н. от 11 сент. 1821); Никитенко (ук.); Чернышевский (ук.); Пискарев Н., Рус. писатели в неизд. восп. В. Н. Григорьева. — «Совр.», 1925, кн. 1; Восстание декабристов, II, 168; Нечкина М. В., Движение декабристов, т. 1—2, М., 1955 (ук.); Брисман М. А., В. Г. Анастасевич. (1775—1845), М., 1958 (ук.); Пушкин и его время, в. 1, Л., 1962 (письмо Е. А. Баратынского к Н. от 18 апр. 1821); Базанов (ук.); Гуковский Г. А., Пушкин и рус. романтики, М., 1965, с. 212; Левин Ю. Д., Оссан в рус. лит-ре..., Л., 1980 (ук.); его же, Оссан в России. — В кн.: Макферсон Дж., Поэмы Оссиана, Л., 1983, с. 525, 565—66; Вапура (2), с. 78—79 (в скобках: о ст. Н. под анаграммой А. Н.); ЛН, т. 59, 60, кн. 1—2. + Смирнов-Сохольский; Черейский; Масанов (не учтены псевд.: А. Н., Н., Н....).

Архивы: ИРЛИ, ф. 58 (архив ВОЛРС); ф. 234, оп. 3, № 470 (письма П. А. Плетнёву); ф. 604, № 3, л. 21—21 об., 23; ф. 120, № 87; Р. II, оп. 3, № 133; № 10102, л. 69* (альбом П. И. Кеплена; автобиограф. справка и записки); РНБ, ф. 328, № 411 (письма К. Ф. Калайдовичу); ф. 369, оп. 1, № 37 (письма Н. М. Коншину); ф. 531, № 469 (письмо Авр. С. Норову); ф. 531, № 875 (стихотворение, посв. В. Е. Норовой); ф. 569, № 580; ф. 616, № 10 (письма А. А. Прокоповичу-Антонскому); ф. 637, № 678; ф. 707, № 57 (письмо И. М. Снегирёву); РГИА, ф. 1162, оп. 7, д. 761* (дело о службе); РГАЛИ, ф. 141, № 343 (письма Ф. Н. Глинке); НБ СПбГУ (мат-лы ВОЛСНХ). А. А. Карпов.

НИКИТИН Виктор Никитин [1839 — 9(21).3.1908, Петербург], публицист, прозаик, мемуарист. Сын солдата-еврея. В 9 лет принят кантонистом в 4-й учебный карабинерный полк, располагавшийся в Н. Новгороде. После окончания кантонистской школы зачислен в полк рядовым, с 1852 писарь в полковой канцелярии. Этот период своей жизни Н. описал в книге беллетризов. очерков «Многотрадные» (ОЗ, 1871, № 8—10; отд. изд. — СПб., 1872; 2-е доп. изд., ч. 1—2, СПб., 1895; отд. изд. 1-й ч., под назв. «На детской каторге», — Л., 1926). В 1856 направлен в Петербург, в деп.

военных поселений (с 1857 унтер-офицер), с 1858 — в законодат. отделение канцелярии Воен. мин-ва, с 1861 домашний секр. директора канцелярии К. П. Кауфмана.

В 1862 впервые выступил в печати с публ. статей в газ. «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“» (1862, 10 янв.; псевд. Один из военных писарей). В 1863—64 напечатал неск. рассказов в ж. «Сб-к солдатских соч.» и в газ. «Сев. пчела», «Нар. газета». С 1863 служил в канцелярии обер-полицеймейстера Петербурга, с 1864 — в канцелярии Мин-ва земледелия и гос. имуществ (под началом А. У. Порецкого), в 1865 сдал экзамен за курс уездного уч-ща и вскоре получил чин коллеж. регистратора (в отставку вышел д. стат. советником в 1904). Под псевд. Правдин (указание на авторство см. в автобиографии — ИРЛИ) опубликовал «сцены из быта гражд. писцов» «Женитьба по расчету» (СПб., 1865). В 1866, когда был введен гласный суд, «судебные сцены» Н., печатавшиеся в газ. «С.-Петерб. вед.» и «Гласный суд», имели шумный успех и положили начало этому ставшему популярным в те годы жанру (частично собраны в кн.: «Мировой суд в Петербурге», СПб., 1867; «Обломки разбитого корабля. Сцены у мировых судей шестидесяти годов», СПб., 1891). В конце 1860-х гг., изучая положение тюрем, опубликовал в «Судебном вест.» цикл статей, составивших кн.: «Жизнь заключенных» (СПб., 1871; получила широкий обществ. резонанс: см. положит. рец. (Н. С. Курочкина) — ОЗ, 1871, № 6). С 1871 более 30 лет был одним из директоров Комитета Об-ва попечительства о тюрьмах. Служил также чиновником особых поручений при мин. гос. имуществ. Как общественной, так и лит. деятельностью Н. стремился облегчить положение представителей неполноправных, униженных слоев и групп населения — заключенных и их детей, солдат, евреев и т. д. Обследования, проводимые Н. по поручению правительства и обществ. организаций, легли в основу его многочисл. очерков и статей в газ. «Голос», «Новости и биржевая газ.», «Нов. время», «Отголоски», ж. «Вест. Европы», «Лит. б-ка», «Гражданин», «Ист. б-ка», «Судебный журнал», «Наблюдатель», «Восход», «Дет. помощь», «Тюремный вест.», «Век». С 1871 сотрудничал в ж. «Отч. зап.» (и посещал редакц. вечера): рассказ «С одного вола семь шкур (Из записок бывшего арестанта)» (1871, № 3; Н. А. Некрасов: «описываемый... мир мрачен, очень мрачен, потому освещать его полезно» — цит. по: «Восп. о Некрасове» — «Всемирный вест.», 1903, № 1, с. 130); очерки «Петербургский суд присяжных» (1871, № 5, 6, б. п.)

и «Суд присяжных в Петербурге» (1876, № 8). Написал также ряд монографий: «Быт воен. арестантов в крепостях» (СПб., 1873), «Тюрьма и ссылка» (СПб., 1880; А. П. Пятковский: «лит. бойкость изложения» — ИВ, 1880, № 6, с. 374; др. положит. рец.: Д. Дриль — РМ, 1880, № 7; отрицат. отзыв — ОЗ, 1880, № 7), «Еврей-земледельцы» (СПб., 1887; зол. медаль ВЗО; рец.: РВед, 1887, 4 дек.; НВ, 1887, 17 сент.; «Экономич. журнал», 1889, № 4), «Покровительство малолетним детям заключенных» (СПб., 1894) и др.

Повести и рассказы Н., вошедшие в сб. «Жажда богатства» (СПб., 1875), «Век пережить — не поле перейти (из рассказов отставного солдата)» (СПб., 1875, на обложке — 1876; Од., 1910, 1912), «Разнообразие» (СПб., 1895), пов. «Пройдох». Воспоминания купца старого времени («Вест. всемирной истории», 1900, № 2—6; отд. изд. — СПб., 1900), либо представляют собой запись восп. лиц, с к-рыми Н. встречался, либо имеют форму беллетризов. очерка, написанного «по фактич. данным, почерпнутым из жизни и переданным с фотографии. точности» («Разнообразие», с. 3); в них прослеживается сочувств. отношение автора к «страждущим» героям.

В конце жизни опубл. обширные «Воспоминания» (РС, 1906, № 7—11; 1907, № 1—2), содержащие наблюдения о порядках и злоупотреблениях чиновников в разл. гос. ведомствах, а также информацию о своем сотрудничестве в периодических изданиях и о встречах с Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомаровым, Н. А. Добролюбовым, Н. А. Некрасовым и др.

Др. произв.: «Обществ. и законодат. погрешности» (СПб., 1871; рец.: ОЗ, 1871, № 12; 2-е изд., СПб., 1872; рец., 1872: «Неделя», № 8; «Гражданин», № 5); [Восп. о П. И. Якушине] — в кн.: Якушин П. П., Соч., СПб., 1884; «Благотворит. подвиги» (СПб., 1886), «Несчастные (по поводу большого тюремного конгресса)» (СПб., 1890), «Еврейские поселения Северо- и Юго-Зап. губерний» (СПб., 1894), «Один из рус. историков» («Вест. всемирной истории», 1900, № 7).

Изд.: [Восп.] — в кн.: Некрасов в восп.; Добролюбов в восп.; Н. Г. Чернышевский в восп. современников, т. 2. Саратов, 1959.

Лит.: Семеский; Михневич; Рудakov В. Памяти заштатника страждущих и «несчастных». — ИВ, 1908, № 5; Семирович-Данченко Вас. И., На кладбищах, Ревель, 1921, с. 114, 116; Семанова М. Л., В. А. Слепцов в 1870-е гг. — В кн.: Из истории рус. лит-ры, Л., 1963, с. 57, 59—61; Гаркави А. М., Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой, Калининград, 1966, с. 7, 80, 241—42; Бушка-пец Е. Г., Мемуарные источники, Каз., 1975, с. 18—19, 43—44; Маркиш Ш., Рус.-сербская лит-ра: предмет, подходы, оценки. — НЛО, 1995, № 15, с. 229—30. + Некрологи, 1908: СПбВед, 12 марта; НВ, 12 марта. Брокгауз; НЭС;

Венгеров. Список; Евр. энци.; ИДРДВ: Масанов (не учт. посвд.; Правдин; Бывший сотрудник «Отч. зап.»).

Архивы: ИРЛИ, ф. 377: РГБ, ф. 169, к. 71, д. 35 (письмо Д. А. Милютину, 1872 г.); ГЛМ (письма А. С. Гашискому). А. И. Репинблат.

НИКИТИН Иван Саввич [21.9 (3.10).1824, Воронеж — 16(28).10.1861, там же; похоронен на Ново-митрофаньевском кладб.], поэт, прозаик. Из мещан.

Отец, Савва Евтихевич (Евтесвич) (1793—1864?), владел свечным заводом и лавкой под Смоленским собором. По восп. современников, это был человек крутого нрава, знаменитый кулачный боец, весьма умный и сравнительно образованный (имел небольшую б-ку). Мать, в противоположность мужу кроткая и бесцветная, страдала от его дом. тиранства (Де-Пуле, с. 6). К 1830-м гг. коммерч. дела отца, до того процветавшие, стали приходить в упадок, что в сочетании с его пьянством и вспышками необузданного гнева определило гнетущую дом. атмосферу; по позднейшему признанию Н., «дикий образ» воспитания и «отвратительная обстановка» детских лет наложили явственный отпечаток на его характер (письмо Н. И. Второву, июнь 1859 — т. 4, с. 272, здесь и далее письма писат. по: Соч., т. 1—4, М., 1960—61; ср. стих. «Суровой долею я рано подружился», 1853: «За какую вину и беду», 1855; «С младенчества дыржар печальный...», 1858).

Шести лет Н. начал учиться грамоте у сапожника. В 1833 поступил

во 2-й класс Воронеж. приходского духовного уч-ща, в 1834—39 обучался в уездном духовном уч-ще, проявив хорошие способности (аттестат — Фомин, И. С. Никитин, с. 30). Здесь он увлекся книгами (в круге чтения — соч. А. Коцебу и А. Радклиф). В 1839 переведен в духовную сем., общий уровень обучения в к-рой, к тому времени весьма невысокий, еще более снизился в ходе проведения т. н. протасовской реформы духовной школы (1841). Картины «мертвой школы», отупляющего семинар. уклада предстают в пов. «Дневник семинариста» (1861), стих. «Ах, прости, святой угодник!» (1858; «Ученик всегда послушен.../ Бьет ставнику челом/ И дурет с каждым днем») и др. Однако в нач. 40-х гг. в семинарии еще сохранялась память об А. П. Серебрянском и недавно

умершем А. В. Кольцово, до учащихся доходили столичные веяния («Огненные статьи Белинского... читались с жаром и чуть не заучивались наизусть» — Де-Пуле, с. 10). К семинар. периоду относятся первые стихотв. опыты Н. (не сохр.), заслужившие одобрение его учителя словесности.

В 1843 Н., совсем забросивший занятия, был отчислен из семинарии и т. о. лишился возможности реализовать мечту о поступлении в ун-т. Полгода торговал свечами в лавке отца, страсть к-рого к вину после смерти жены (1843) приняла болезненный характер, приведя к окончательному разорению. Семья купила постоянного двор, но ничтожность дохода от сдачи его в аренду заставила самого Н. взяться за хозяйство, выполняя в т. ч. обязанности «дворника». Перемены отразились на его внешнем облике: «западник», поклонник В. Г. Белинского теперь «волосы подрезал в кружок, сапоги надел с голенищами до колен, летом носил простую чуйку, а зимою нагольный тулуп» (Де-Пуле, с. 18). Непростые отношения с отцом («оба друг друга любили... и, каждый по-своему, мучали» — там же, с. 19), неспособность и в дальнейшем ни ужиться, ни расстаться с ним стали определяющими в череде драматич. обстоятельств жизни Н.

В 1849 Н. предпринял попытку публикации своих стих.: два из них, одобренные редакцией «Воронеж. губ. вед.», не были, однако, напечатаны, т. к. Н. не решился раскрыть свое имя. Дебют состоялся лишь в 1853 — стих. «Русь» («Под большим шатром/ Голубых небес...»; «Воронеж. губ. вед.», 21 нояб.; перепечатано: СПбВед, 1853, 11 дек.). После публикации, осуществив. при содействии Н. И. Второва, жизнь Н. круто изменилась, он оказался причастным к «второвскому кружку» — об-ву по изучению истории, этнографии, фольклора Воронеж. края. Второв оставался советчиком и лит. наставником Н. и в последующие годы; сам Н. подчеркивал его исключит. роль в своей судьбе («... лицо для меня самое дорогое» — письмо от 15 июля 1857; т. 4, с. 180), посвятив ему стих. «Как другу милому, единственному другу», «Ты первый взор участья обратил» (оба — 1856), «Могилы дятля» (1859). Члены кружка (А. П. Нордштейн; знакомый Кольцова И. А. Придорогин; К. О. Александров-Дольник; М. Ф. Де-Пуле, впоследствии душеприказчик, биограф и редактор Н.; А. Р. Михайлов, позднее издатель его соч., и др.) объединяло восприятие Н. как «само-родка», преемника Кольцова; Н. со своей стороны наиб. важным считал нравств. воздействие новых друзей

(письмо Второву, 6 июля 1859; т. 4, с. 271).

Стих. Н. 1849—53 носят подражательный характер, свидетельствуя об овладении начинающим поэтом версификац. техникой и хорошим знанием рус. поэзии, в т. ч. последних лет, а также о чутком поэтич. слухе, умении воспроизвести характерные черты выбранного образца. В стих., запоздало варьирующих традиц. мотивы романтич. лирики 30-х гг., наиб. ошутимо влияние М. Ю. Лермонтова («Клеветникам», 1849, «Когда один, в минуты размышленья», 1851), доходящее порой до прямых заимствований («Ключ», «Когда закат прощальными лучами», оба — 1850). В стих. «из народной жизни» Н. следует за Кольцовым — в отборе тем («Грусть старика», 1849), в характерной ритмико-синтаксич. организации стиха, использовании фольклорной лексики и т. д. («Песня», «Мщение», оба — 1853). В русле кольцовских «дум» — стих. «Дума» (1849), «Вечность» (опубл. 1912) и др., дающие «нестройные, но искренние ответы на первейшие вопросы бытия» (Горюцкий — в кн.: ПСС, 1912—13, т. 1, с. 49). Однако уже с кон. 1853 в сферу поэзии Н. начинает настойчиво входить новый материал — «жизнь обывателя»: «Старик друженец», «Зимняя ночь в деревне». Под влиянием «второвского кружка» в стихах появляются местный колорит, этногр. детали (стих. 1854 «Купец на пчельнике», текст к-рого дополнен обстоятельными прим. этногр. характера), усиливаются религ. мотивы.

Дебют в печати (стих. «Русь») сделал Н. знаменитым не только в Воронеже, но и за его пределами (ср. свидетельство о восторженном восприятии его стих. И. И. Введенским — Де-Пуле, с. 40). Зимой 1853—54 он знакомится в Воронеже с Н. В. Кукольниковом, к-рый публикует в «Б-ке для чтения» (1854, № 7, 8) две подборки его стих. (в т. ч. «Ночлег извозчиков») со своей рекоменд. заметкой. Через Нордштейна Н. завязывает отношения с А. У. Порецким, ставшим посредником в сотрудничестве поэта с петерб. журналами и познакомившим с его стихами А. Н. Майкова, а через Второва — с историком, пред. ОИДР Д. Н. Толстым, к-рый опубликовал в «Москвитянине» (1854, № 8) несколько стих. Н. в сопровождении письма Второва об обнаруженном в Воронеже «еще одном [после Кольцова — *Ред.*] весьма замечательном даровании».

По утверждению биографа, «едва ли был так счастлив Никитин, как в эту первую пору своей новой жизни» (Де-Пуле, с. 47). Он начал упорно заниматься самообразованием, обратился к произведениям У. Шекспи-

ра, В. Гюго, А. Шенье, Ф. Шиллера и Г. Гейне, для чтения их в подлиннике стал изучать франц. и нем. языки; Шиллера и Гейне пытался переводить. Оставив длиннополый сюртук и шив платье по моде, он, по словам Второва, «сделался уже светским человеком» (там же). Но в дек. 1854 у него появились первые признаки ухудшения здоровья (по собственным словам Н., он надорвался, поднимая непосильную тяжесть); в дальнейшем Н. мучил хронич. недуг, «беспрерывный ряд физических страданий, продолжавшихся по полугоду» (там же, с. 55—56). В апр. 1855 он перенес простуду, сменившуюся цингой, на пять месяцев лишился возможности ходить. Эти и др. жизненные испытания во мн. обусловили общую «скорбную» интонацию никитинской лирики, не нарушаемую описаниями немногих счастливых мгновений: мотивы мимолетности, обреченности «минутного счастья» звучат, напр., в стихах 1856, написанных в имени знакомого помещика Н. (д. Дмитриевка Землянского у. Воронеж. губ.) и посв. дочери хозяина («В альбом А. В. Плотицкой») и ее гувернантке швейцарке М. И. Жюно («Чуть сошлись мы — друг друга узнали», «День и ночь с тобой жду встречи» и др.).

В февр. 1856 Д. Толстой опубликовал сб. Н. «Стихотворения» (В.; с предисл. издателя), к-рый Н. послал с сопроводит. письмом членам имп. семьи (в сб. вошли в т. ч. патриотич. стих. о событиях Крымской войны 1853—56).

Одобительно отзывались о сб-ке П. А. Плетнев (см. в кн.: Поэт-демократ Н., с. 7). А. В. Дружинин, увидевший «начатки таланта песенного» в «балладах из простонародного быта» (БдЧ, 1856, т. 137, кн. 5), и рецензент «Отч. зап.» (1856, № 4). В отклике «Сына отчества» (1856, № 2, с. 30) Н. упрекнули в недостатке внутр. содержания («несвыстральности стиха») при внешнем овладении приемами Лермонтова, Ф. И. Тютчева, Кольцова и Майкова (ср. сдержанные отзывы: «Москв.», 1856, № 3; РВ, 1856, т. 2, кн. 1). Н. Г. Чернышевский в искл. по резкости рец. («Совр.», 1856, № 4, б. II.), не найдя в книге ни одного самостоятельного произв., ретомировал: поэт «не замечает в природе или жизни ничего, не чувствует ничего» (III, 498). Н. воспринял рец. как «публицистическую похвалу» поэту-мещанину, но позднее, говоря об эволюции своих взглядов на поэзию, произшедшей за время подготовки кн. к печати, косвенно согласился с суровым приговором критика (письмо Майкову, март 1858: т. 4, с. 206).

Характерное для ранней лирики восприятие окружающей действительности («зловонного омота», по словам Н. в письме А. А. Краевскому, авг. 1856; т. 4, с. 169), обывденные проявления к-рой — беды, нужда, горести — как бы «изживаются», вытесняются авторским обращением к «высокой» поэзии предшественников, религии, «вечной» красоте природы, после 1854 радикально меняется. «Низкая природа», «грязная действительность» начинают осознаваться им как эстетически значимые, представляющие «общечеловеческий

интерес» (письмо Майкову, 17 янв. 1855; т. 4, с. 152—53). Далекий от непосредственного, стихийного (в «кольцовском» духе) восприятия и отражения нар. жизни, склонный к рефлексии, Н. пытается теоретически обосновать свои предпочтения, убеждает Майкова в возможности включения в сферу поэзии повседневного быта и нравов народа («непоэтичность» этого материала — проблема, особенно остро встававшая перед писателями-самоучками, выходцами из низших и средних сословий), рассуждает о языковых особенностях и форме «простонародных» стих. Важным для Н. было обращение к опыту А. Некрасова.

Лично знакомы Н. и Некрасов не были, сведения об их заочных взаимоотношениях скудны. Некрасов оценил раннюю лирику невысоко (при неск-ром даровании поэт «лишен чувства меры, не богат вкусом и не выделяет народного тона своих стихотворений»), отметил в т. ч. подражание собственным стихам («Совр.», 1855, № 8, отд. 5, с. 265; там же, № 11, отд. 5, с. 86), и эпиграмматически сформулировал кл. претензию критики: «Никитин, мещанин-поэт./ Различных пробует Петасов» (Некрасов, IX, 251). В дальнейшем Н. никогда не печатался в «Современнике», хотя Некрасов через посредников предлагал ему сотрудничество, зарекась соглашаться на любые условия (см.: Лесбедев В., Нейдз. мат-лы, принадлежавшие Н. — В кн.: И. С. Никитин, 1952, с. 223). Восторженное отношение Н. («Некрасов у меня есть, не утерпел — добыл. Да уж как же я его люблю!» — письмо Второву, 20 сент. 1857; т. 4, с. 194) в нач. 60-х гг. сменилось, по свидетельству Де-Пуле, на неприязненное после того, как Н. узнал о некоем неблагоприятном поступке своего кумира; с этим переменной биограф связывает резкое стих. «Обличитель чужого разврата» (прочитано Н. 9 апр. 1860 в Воронеже на публ. чтении в пользу Литт. фонда), якобы направленное против Некрасова (см. комм. Де-Пуле к публ. стих. — РА, 1865, кн. 3; версия не подтверждена др. источниками).

Первоначально реализовался в форме подражания отд. темам, характерам, сюжетным ситуациям, в последующем творчестве Н. некрасовское влияние проявляется более опосредованно, через включение в процесс прозаизации поэзии (усиление повествоват. начала, изменение фактуры стиха за счет использования лексич. и фразеологич. просторечия, разговorno-бытовой интонация). В его стих. 50-х гг. появляются многочисл. персонажи — мужики-крестьяне, социально-униженные, отмеченные «перстом неудачливости» люди: «бесталанный» пахарь, бобыль, ямщик, портной, кулак, обездоленные женщины. Излюбленный круг его тем связан с драмой повседневности (насильств. брак, дележ имущества, измена жены, потеря кормильца или детей и т. п.). Новый материал наиб. адекватно воплощается в форме стихотв. рассказа («Рассказ крестьянки», 1854; «Рассказ моего знакомого», 1856); «Чужая» речь широко включается и в рассказ-монолог, драматизируя его. Н. не отказывается совсем от жанра песни, разрабатывая, напр., сюжет убийства из ревности в «некрасовском» («Ссора», 1854: «„Эх, была не была! Ну, дер-

жися, дружок!" — / И мужик во всю мочь развернулся...») или «кольцовском» («Измена», 1854: «Я схватил тот нож, / К гостю бросился, / Не успел он встать, / Слова вымолвить...») вариантах. Однако жанр песни также подвергается серьезной трансформации (см.: Скатов, с. 34—38). Песенный персонаж наделяется индивидуальными чертами, делается выразителем разных, порой противоречивых чувств (ср. вариации на тему «бобыля», где совмещаются и взаимодействуют мотивы бесшабашной удалы, стихийного разгула и скрытой тоски, — «Бобыль», 1854; «Отвяжися, тоска...», 1855: «Отвяжися, тоска, / Пылью поразвейся! / Что за грусть, коли жив, — / И сквозь слезы смейся!»; «Песня бобыля», 1858); показательно, что лишь немногие тексты Н. фольклоризировались, при этом обычно упрощаясь (среди изв. — «Ехал из ярмарки ухарь-купец...», 1858; неск. стих. пелись в рев. среде). В песне появляется самостоятель. «авторский» лирич. голос, что позволяет, не отказываясь от передачи мироощущения человека из народа, взглянуть на героя и его судьбу «со стороны»: «На труды твои да на горе! / Вдоволь вчуже я наплакался» («Пахарь», 1856); ср.: «... Песни печальные, песни постылые, / Рад бы не петь их, да грудь разрывается, / Слышу я, слышу, чей плач разливается» (стих. «Портной», 1860).

В поэзии Н. зрелого периода, при всей ее «объективности» (тяготение к сюжетности, повествоват., эпич. элементы), ощутимы глубоко личностная интонация, сильное собственное лирич. начало (ср. суждение Ю. И. Айхенвальда о «срединном месте» Н., в творчестве к-рого перемежаются, не сливаясь в единство, «простонародное ... с интеллигентным ... Он не стихия и не личность» — ПССиП, 1918, т. 1, с. 10). Обостренно воспринимаемое чужое несчастье («И больно мне и страшно за людей, / В ночной тиши мне чудятся их стоны» — «Не спится мне. Окно отворено...», 1855) во мн. осмысливается через призму личного опыта. Универсальной автобиогр. основой стихов Н. становятся «вечный российский сюжет семейного самодурства» (А. М. Скабичевский), переживание повседневной «мелочной», но тем не менее страшной драмы» (письмо Н. к неизв. — Соч., т. 4, с. 372) под крышей родного дома (А. С. Суворин, дружески сошедший с Н. в последние годы его жизни, вспоминал о нем как о «человеке, погибшем в бою... страшной Бородинского сражения», т. к. бой «тянулся долгие годы», — цит. по: Ласунский О. Г., Из разысканий о Н. — В кн.: «Я Руси сын!», с. 59). Лирич. герой Н. — простолудин, приобщившийся к книжной культу-

ре, страдающий под бременем изнурительного труда и страшного быта, больной телом и душой, робкий и застенчивый с женщинами, несчастливый в любви, одинокий в родном углу, горько сознающий свою социальную обезлодность и неспособность изменить положение.

Утверждение Н. в собств. круге тем, обретение нового пласта действительности в качестве поэтич. мат-ла сказались и на его пейзажной лирике, образцы к-рой относятся к высшим достижениям его творчества. Отвлеченные и нередко статичные образы природы сменяются пейзажными картинками, отмеченными живописной выразительностью, пластичностью деталей (по мнению С. М. Городецкого, Н. «непревзойдим в свободе и властности обращения с вещами» — ПСС, 1912—13, т. 2, с. 12), насыщенными звуком, движением, приметами, позволяющими опознать пейзаж как конкретный, определенный, в его связи с нар. жизнью: «Зимняя ночь в деревне» («Весело сияет / Месяц над селом», 1853), «Утро» («Звезды меркнут и гаснут. В огне облака...», 1854—55), «Встреча зимы» (1854), «Ярко звезд мерцанье» (1858). И. А. Бунин находил в пейзажных стих. Н. (в т. ч. в фрагменте стих. «Мертвое тело», 1858: «Ковыль сухой и стар и сед, / Блестит на нем мороза след» — «ту неуловимую худож. точность ... расстановку слов, тот выбор их, которыми руководствуется невольно только художник, знающий природу всем существом своим» (Бунин, с. 504).

Тяготение Н. к развернутому сюжетному стихотв. повествованию в полной мере реализовалось в его поэмах. Картины быта провинц. города, типы его обитателей представлены в поэме «Кулак» (М., 1858). Выведя в качестве пл. героя мелкого базарного перекупщика, мошенника и дом. тирана, Н. стремился показать его как незаурядную натуру, фигуру трагическую, порожденную и погубленную социальной средой. Современники отмечали отражение в поэме воронеж. действительности и, отчасти, семейной ситуации Н., в характере персонажа находили параллели с отцом Н. и нек-рые автобиогр. черты (Де-Пуле, с. 73, 101). Попытка создания др. типа героя — сильного человека, бросающего вызов враждебным обстоятельствам, осуществлена Н. в поэме «Тарас» («Воронеж. беседа на 1861 г.», СПб., 1861; отклик М. А. Антоновича, назвавшего поэму украшением сб-ка, — «Совр.», 1861, № 12; одобрит. рец.: СПбВед, 1861, 1 дек., СП, 1862, 30 янв.), по тематике и образке центр. характера предвосхищающей «крестьянские» поэмы Некрасова 60-х гг. Суворин сообщал об

эпичности первонач. авт. замысла: отправляющийся на поиски лучшей доли крестьянин Тарас «должен был пробиться сквозь тьму препятствий, побывать во всех углах Руси, падать и подниматься и выйти все-таки из борьбы победителем. Никитин хотел сделать его олицетворением энергии» (рец. на изд. Н. 1869: ВЕ, 1869, № 8, с. 897). Незавершенной осталась поэма «Городской голова» (сохранившийся отрывок с описанием дневной и ночной степи — «Поездка на хутор», РСЛ, 1859, № 5).

Летом 1857 после отъезда из Воронежа Второва Н. поразил тяжелый духовный кризис, выразившийся в депрессии, разочаровании в своем поэтич. даре. Поэт с тревогой ждал отзывов о «Кулаке», опасаясь предубежденности критики и публики.

Критич. отклики оказались единодушно чувственными. Н. А. Добролюбов писал об «обстоят. знания быта», «ясном понимании характера героя», особо подчеркивая «гуманность идей», искупающую недостаток худож. таланта («Совр.», 1858, № 6, с. 188, 194). Я. К. Грот, увидев в поэме проявление глубокого и разностороннего дарования, отмечал в т. ч. живость рассказа и диалога, к-рый «удивительно ловко воспроизводит много пушкинские приемы» («Изв. АН по ОРЯС», 1858, т. 7, стб. 313; ср. суждения об ориентации повествоват. манеры «Кулака» на «Евгения Онегина» А. С. Пушкина — Покровский К., с. 146). К лучшим произв. совр. лит-ры отнесена поэма в реп. «Атенсы» (1858, № 48, подпись: А. М-н).

После успеха «Кулака» Н. захватила идея оставить постоянный двор и открыть в Воронеже книжный магазин, преследуя не только коммерч., но и просветит. цели (основал при магазине дешевую б-ку). Недостающие средства он получал по ходатайству друзей от петерб. промышленника В. А. Кокорева, к-рый предложил Н. свои услуги по изд. его нового поэтич. сб-ка. Н. подал прошение об увольнении из мещан. сословия и стал хлопотать о приписке к купечеству. Заботы об устройстве магазина вновь обострили его болезни, к которой прибавилась чахотка, что не охладило увлеченности новым делом: с ним Н. связывал надежды обрести покой и независимость, вырваться из опостылевшего круга обязанностей (ср. идентичные внутр. мотивировки у Кольцова, вынашивавшего в посл. годы жизни схожие с Н. проекты). Друзья Н. с тревогой наблюдали за прогрессирующей болезнью и завидовали скептически оценивали перспективы его деятельности: физическое истощение способствовало разрыву с ним «мелочному и раздражительному духу спекуляции ... Не могут ужиться вместе в одном человеке торгаш и поэт; одно что-нибудь непременно убьет другое, или разладится жизненных занятий с природою убьет и самую жизнь» (письмо Придорогина Второву — цит. по: Фомин, И. С. Никитин, с. 125).

Усилиями Н. магазин, об открытии к-рого сообщила столица, и местная печать (1859: «Воронеж. губ. вед.», № 10; МВед, 24 янв.; «Рус. днев-

ник», 24 янв.), стал одним из культурных центров Воронежа. Среди комиссионеров по слабости Н. книгами были П. И. Бартенева, Ф. Н. Берг, Суворин и др. (см.: Ласунский О. Г., Из разысканий о Н. — В кн.: «Я Руси сын!», с. 22—24, 47—49, 71—75).

В период обществ. подъема 2-й пол. 50-х гг. в поэзии Н. усиливается публицистич. начало; надежда на обществ. обновление, выраженная с помощью «образов-сигналов», характерных для демокр. лирики эпохи («Рыхлая почва готова/ Сейте, куда весна...» — «Медленно движется время...», 1857), соседствует с настроениями гражд. скорби, негодования, самоосуждения («Лампадка», 1857, «Тяжкий крест несем мы, братья...», 1857—61). В стих. «крестьянской» тематики укрупняются, персонализируясь в фольклорно-песенном духе, ключевые для Н. понятия и детали: «Соха» («Ты соха ль наша, матушка...»), «Ах ты, бедность горемычная...», «Бесталанная доля» (все — 1857). Готовя обещанную Кокореву книгу («Стихотворения», СПб., 1859), Н. исключает большую часть стих. первого сб-ка, оставшиеся подвергает значит. перделке.

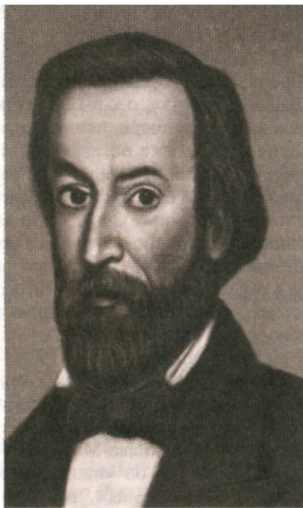
В отклике Добролюбова сб-к оценен сдержанно: «Кулака»: отменив силу воображения и теплое чувства автора, критик призвал Н. полностью воплотить в стихах накопленные жизненные впечатления («Совр.», 1860, № 4; др. отзывы 1860: Л. П. Блюммер — «Светоч», кн. 2; Де-Пуле — РСЛ, № 4).

Начиная с 1858 Н. работал над пов. «Дневник семинариста» («Воронеж. беседа на 1861 г.», СПб., 1861; одобрит. отзывы: М. Антонович — «Совр.», 1861, № 12; МВед, 1861, 30 нояб.; СП, 1862, 30 янв.), оставшейся его единств. прозаич. произведением. Построенная на автобиогр. основе, повесть вводила в лит-ру новый, мало освоенный мат-л (семинарские нравы, быт, характер преподавания), тематически предвосхищая «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского. Вдохновленный слухами о грядущих обществ. преобразованиях, в т. ч. в сфере духовных учеб. заведений, Н. подчеркивал публицистич. и обществ. значимость «Дневника...»: «Лишь бы позволили говорить о нашем духовстве, — тогда литература сделает свое дело, точно так, как она сделала его в вопросе об освобождении крестьян» (письмо Н. А. Матвеевой, март 1861; т. 4, с. 344).

Летом 1860 Н. впервые в жизни покинул Воронеж, посетил Москву и Петербург, где занимался исключительно коммерч. делами, избегал встреч с литераторами, не желая, по словам его биографа, разбираться в «крайностях» лит. направлений («он ищет лит. товара и знает не хочет его производителей» — Де-Пуле, с. 131). Вернувшись в Воронеж, в 1861 выступил одним из учредителей воскресной школы, участвовал в ор-

ганизации Об-ва распространения грамотности.

К 1860—61 относится переписка Н. с Нат. Ант. Матвеевой, дочерью отставного генерала, друж. отношения с к-рой (познакомились в 1856) перерастают во взаимную любовь (сохранились 14 писем Н. к Матвеевой, ей посв. два стих.). Возникающие в письмах к ней мотивы расчета с прошлым, надежды на счастье, попытки жить мгновением, не впадая в мучит. рефлексии, сталкиваются с осознанием неизбежности трагич. финала. В мае 1861 после очередной простуды течение болезни Н. приня-

И. С. Никитин. Портрет работы неизв. художника. Около 1860.

ло необратимый характер. Преклоняясь перед самоотверженностью Матвеевой, готовый пренебречь светскими приличиями и приехать ухаживать за ним, Н. отказывается от ее помощи. Последние месяцы его жизни окрашены мучительным чувством одиночества в «душных стенах», где «зарыдай — не услышишь ответа...» (стих. «На лице твое солнечный свет упал...», апр. 1861), и предельно драматич. взаимоотношения с отцом (Де-Пуле, с. 197). В числе последних прочитанных им книг и мемуарных свидетельств — записки В. И. Чеботарёва, келейника святителя Тихона Задонского, открытие мощей к-рого состоялось в авг. 1861 в Задонске Воронеж. губ.

Изд.: Соч., В., 1869 (сост. и биогр. очерк М. Ф. Де-Пуле); 4-е изд., В., 1886; 10-е изд., М., 1904; ПСС, М., 1912 (ред. и биогр. очерк М. О. Гершензона); 3-е изд., М., 1913; ПСС, т. 1—2, П., 1912—13 (ред. и вступ. ст. С. М. Гуровенко); ПССП, т. 1—3, П., 1912—15 (под ред., с биогр. очерком, ст. и прим. А. Г. Фомина; вступ. ст. Ю. И. Айхенвальда); то же, П., 1918; Избр. произв., Воронеж, 1934 (вступ. ст. Л. А. Плотикина; прим. Л. А. Плотикина и А. Г. Фомина); Стих., М.—Л., 1936 (вступ. ст. И. Н. Розанова); Соч., т. 1—4, М., 1960—61 (сост. О. В. Бубно-

ва, Л. А. Машнев; вступ. ст. Г. Костина); Полн. собр. стих., М.—Л., 1965 (БПБ; предисл. Л. И. Рыленкова; вступ. ст. и прим. Л. А. Плотикина); Соч., М., 1980 (вступ. ст. О. Г. Ласунского; прим. Л. А. Плотикина).

Биогр. мат-лы: Де-Пуле М. Ф., Биография Н. в кн.: Соч. Н. с его биогр., т. 1, В., 1869; Сивяцкий Ф. Е., И. С. Никитин. Его жизнь и лит. деятельность. Биогр. очерк, СПб., 1893; Поликарпов Н. И., Н. как воспитанник Воронеж. дух. семинарии. — «Воронеж. телеграф», 1896, № 49; Билов М. Н., К биографии поэта Н. — ИВ, 1901, № 11; Кавелина С., Новые данные к характеристике Н. по нецд. мат-лам, М., 1912; Фомина А., Болезнь и последние минуты жизни Н. (По нецд. мат-лам). — «Совр.», 1912, № 5; его же, И. С. Никитин. Жизнь и деятельность. — В изд.: Никитин И. С., ПССП, т. 1, П., 1912; Малыхин В. П., Правда о Н. — ИВ, 1913, № 3; Казьмин В. М., К биографии Н. — В кн.: Воронеж. старина, в. 13, В., 1914 (отд. оттиск: В., 1915); Фомина Г., Восп. о Н. его родственниках и современниках. — В кн.: Проселочные дороги. Лит. сб. провинц. писателей, в. 1, В., 1914; Чернышев В., Никитин. Мат-лы для биографии и характеристики. — В кн.: Радуга. Альманах ПД, П., 1922.

Лит.: Михайловский; Толстой; Чернышевский; Герцен; Некрасов; Добролюбов; Достоевский (всё — ук.); Ставрин С. [Шашков С. С.], Кольцов и Н. — «Дело», 1874, № 3; Райковская Н. Н., Народный поэт Н. М., 1888; Иванов И., Поэт горькой правды. — РМ, 1896, № 1; Зубков В., Памяти Н. — «Жизнь», 1899, № 10; Камои И. Ф., Содержание и характер поэзии Н. — «Рус. филол. вост.», 1899, № 1—2; 1900, № 1—4; 1901, № 1—2 (отд. оттиск: Варшава, 1901); Рождествен А., Жизнь и поэзия Н. — «Чтения в Об-ве любителей рус. словесности в память А. С. Пушкина при Казан. ун-те», 1902, в. 14 (отд. оттиск: Каз., 1902); Путинцев А. М., И. С. Никитин (Историко-лит. мат-лы). — «Тр. Воронеж. уч. арх. комиссии», 1908, в. 4; его же, Этюды о жизни и творчестве Н. В., 1912; его же, И. С. Никитин (Жизнь и творчество), В., 1922; Покровский В. И. (сост.), И. С. Никитин. Его жизнь и соч. Сб. ист.-лит. ст., М., 1911; Покровский К., Лит. вышн. и отзывы в поэзии Н., М., 1911; Поликарпов Ф., Нар. жизнь в изображении Н. (Эпогр. очерк). — «Памятная книжка Воронеж. губ. на 1911 г.» (отд. оттиск: В., 1911); Прайкин С. Н., Жизнь и творчество Н., В., 1911; Говоров [К.], Н. как человек и как поэт, П., 1912; Нейман Б. В., Отзывы поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Н. — ФЗ, 1912, в. 3—4 (отд. оттиск: В., 1912); Крапивин Д., Осп. мотивы и настроения поэзии Н. — В кн.: Проселочные дороги. Лит. сб. провинц. писателей, в. 1, В., 1914; Соколов Л., Диссонансы жизни в поэзии Н., К., 1914; Щеглов Б., О нар.-поэтич. элемементе в прозе Н. в связи с вопросом о влиянии Кольцова на Н. — ФЗ, 1914, в. 2—3; Айхенвальд Ю., Никитин. — В его кн.: Силуэты рус. писателей, в. 2, 4-е изд., М., 1917; А. В. Кольцов и И. С. Никитин, М., 1929; Гиппиус В., Некрасов в истории рус. поэзии XIX в. — ЛН, 1949, т. 49—50; И. С. Никитин. Ст. и мат-лы о жизни и творчестве, В., 1952; Асафьев Б. В., Кольцов и Н. в музыке. — В его кн.: Избр. труды, т. 4, М., 1955; И. С. Никитин. Ст. и мат-лы. К 100-летию со дня смерти, В., 1962 (с юбилейной библио.); Бунин И. А., Памяти сильного человека. — Собр. соч., т. 9, М., 1967; Тонков В. А., И. С. Никитин. Очерк жизни и творчества. [1824—1861]. М., 1968; Ласунский О. Г., Вокруг Н. — В его кн.: Лит. раскопки, В., 1972; «Я Руси сын!...» Сб. ст. к 150-летию со дня рождения Н., В., 1974; Поэт-демократ Н. Мат-лы конференц. посв. 150-летию со дня рождения, В., 1976; Ермина В. И., И. С. Никитин. — В кн.: Рус. лит-ра и фольклор. (Вторая пол. XIX в.), Л., 1982; Кузнецов В. И. Непеленые строки, В., 1984; Скотов Н. Н., Некрасов и поэты некрасовского направления. — В его кн.: Некрасов. Современники и продолжатели, М., 1986, с. 23—39. — Ф. Некрологи, 1861; МВед, 3 нояб. (М. Ф. Де-Пуле); КВ, № 20; РКЛ, № 11; РР, 26 окт. (А. С. Суворин); «Воронеж. губ. вест.», № 42; Путинцев А. М., Мат-лы для библио. об Н. и его соч. — «Уч. зап. Юрьевского ун-та», 1906, № 2 (отд. оттиск: Юрьев, 1906); Капелюш Б. Н., Рукописи и переписка Н. — «Бюллетень РО ПД», 1953,

№ 4: Библиограф. указ. наиб. важных собр. соч. Н. и материалов о Н. — В кн.: И. С. Никифорова. Ст. и материалы о жизни и творчестве. В., 1952 (св. 150 назв.); И. С. Никифорова, Указ. лит.-ры (1918—1973). Сост. Е. Д. Медведишина, под ред. О. Г. Ласунского, В., 1974 (824 назв.); Брокгауз; Венгеров; Историки; КЛЭР; Рус. писатели, 1990; Лерм. энци.; Муратова (1; 3, ук.).

Архивы: РГАЛИ, ф. 347; ИРЛИ, ф. 569; РГБ, ф. 178; Дом-музей И. С. Никифорова (Воронеж).
Е. Г. Николаева.

НИКИФОРОВА Людмила Алексеевна [урожд. Грехнева; 14(26). 1871, Петербург* — не ранее 1939], поэт, прозаик.

Отец, Ал. Анд. Грехнев (1840—1913), — инженер-судостроитель, поручик Корпуса корабельных инженеров, окончил штурманское уч-ще и Николаев. мор. акад. Автор проекта, строителя и первый заведующий Опытным Судостроит. бассейном (Новая Голландия, Петербург), стат. сов.; мать, Елиз. Петр., в девичестве Озерова (ум. после 1917), дочь доктора медицины, надвор. сов.; младшие сестра Елена и брат Глеб.

В 1901 за пьесу «Теснота» (не пост., не опублик.) Н. получила премию в 300 р. от Лит.-худож. общ-ва (ИРЛИ, ф. 155, 1908, журн. № 15, §5). Вероятно, ее лит. дебют — рассказ «Ветка герани» («Нива», 1903, № 35, подписи Л. Грехнева); приблизительно в то же время Н. публикуется в нек-рых провинц. изданиях. В 1904 (или 1905) Н. вышла замуж за студента Ник. Вас. Никифорова. Семья жила бедно: «Наша жизнь представляет самую заурядную борьбу за существование» (письмо Н. [1910] М. Горькому — Архив М. Горькому, ИМЛИ, КГ—П, 53—18—5). С 1905 Н. работала в ж. «Зритель», где тогда же под псевд. П-эро появилась ее первая стихотв. публикация; в 1906 Н. становится соредактором ж-ла (к-рый в это время называется «Маски»), в 1908 значится одним из трех его издателей. Была также пост. сотрудником в ж. «Серый волк» (1907—08), печаталась в ж. «Чучело» (1912).

Осн. жанр Н. в это время — стихотв. полит. сатира на «злобу дня»; это насмешки над депутатами с их почтением к собств. мандатам, неприязню к прессе: «Корреспондентов — прочь их с хор! Лишь из избы выносят сор» («Думы про Думу» — «Серый волк», 1907, № 18), сходством с марионетками: «немым берите в депутаты» («В ХХIII Думе. Из предсказаний ясновидящей» — «Зритель», 1908, № 7), выпады против полит. партий и конкретных полит. деятелей («Октябристам», «Голос Москвы. К А. И. Гучкову» — «Серый волк», 1907, № 1, 19), против судебных порядков («О ты, порядка страж полтавский» — «Маски», 1906, № 1, 3) и цензуры («Редактор-мечтатель» — «Серый волк», 1907, № 7), отклик на аграрную реформу («К аграрной реформе» («Крестьянам мало мол земли» — там же, 1907, № 22). Написанные в частушечно-лубочной форме, стихотв. шаржи Н. динамичны,

образны и прямолинейны. В 1908 после закрытия «Серого волка» и «Зрителя» материальное положение Н. ухудшилось. В 1908—10 она работала «корректоршицей в типографии». В 1908 получила помощь от Лит. фонда. Отказ на два других ее обращения в Лит. фонд (в сент. 1908 и в февр. 1912) задел самолюбие Н., написавшей в адрес фонда оскорбленное письмо (ИРЛИ, ф. 155, № 7).

В 1908 Н. познакомилась с М. Горьким. В 1909—10 переписывалась, а в июле—сент. 1910 вместе с группой писателей посетила на Капри (см. письмо Горького А. В. Амфитеатрову от авг. 1910 — ЛН, т. 95, с. 211; Архив Горького, IX, 325, прим.). Вероятно, именно под его влиянием Н. снова обратилась к прозе (в 1908—09 написала рассказы «Любовь», «Чухонские рассказы», «Право на смерть», о к-рых известно лишь из их переписки, пов. «Человеческие узы» также оставшуюся неопубл.). Горький относился к Н. благожелательно и стал для нее пл. авторитетом в лит. мире. Считая, что она «человек достаточно дерзкий», Горький соответственно наставлял: «У Вас в сердце хороший, крепкий, злой кусочек, кристалл горечи, порою он превосходно сверкает, и Вы его цените» (письмо от 20 мая 1910 — Горький, ХХIX, 117). Ознакомившись с рукописью пов. «Две лестницы» («Знание», кн. 30, СПб., 1910; рец.: В. Г. Малахеева-Мирович — РМ, 1910, № 10), он «нашел ее содержание значительным, важным и во многом испорченным исполнением» («Ваша повесть значительно выиграла бы в красоте, силе убедительности, если бы Вы постарались изменить ее тон, слишком дидактический и слишком поучительный» (письмо от марта—апр. 1909 — Горький, ХХIX, 90). Опубл. в переработанном виде («сообразно Вашим указаниям» — насколько удовлетворительно, я не знаю) — письмо Н. к Горькому, [1910], ИМЛИ, КГ—П, 53—18—2), повесть явилась наиб. значительным произв. Н. О др. повести — «Артель» («Знание», кн. 33, СПб., 1910) Горький отзывался неодобрительно: «А Никифорова написала сентиментально, грубо и нелепо» (письмо М. К. Куприной-Иорданской — ЛН, т. 95, с. 673; сходный отзыв: В. Тихонович — «Руль», 1910, 6 дек.). Для прозы Н. характерны схематизм и экспрессионистская символизация, реализуемая через натурализм и гротеск.

Обе повести состоят из отд. очерков, объединенных местом действия («Два лестницы») и родами занятий пл. персонажей, рабочих-электриков, а также образом калек — «книжного человека», к к-рому все ходит исповедаться (в «Артели»). Принципы композиции кинематогра-

фичен — монтаж быстро сменяющихся сцен, эпизодов. В повестях отсутствуют индивидуальные характеристики; в «Двух лестницах» нет героя-человека, противопоставление «черной» и «господской» лестниц — мнимое, т. к. скупка жизни везде одинакова, а человек — раб своих и чужих страстей. В «Артели» герой — обобщенный человек труда, показанный через тяжкий и страшный быт, через его темную психологию и любовь, тоже темную и страшную. Однако определил худож. своеобразие Н. не было замечено современниками, в т. ч. Горьким (см. его письмо к Н. с разбором ее рассказов — ХХIX, 103), упрекавшим ее за натурализм, схематичность, неумение типизировать, пессимизм, растяннутость.

В 1911 Н. планировала издавать дет. журнал (письмо Горькому, [1911], ИМЛИ, КГ—П, 53—18—11), издание не состоялось. В 1912—13 опублик. в дет. ж-лах неск. стих. («Любовь светла» — «Светлячок», 1912, № 10; «Паревна-Зима» — «Путеводный огонек», 1913, № 1).

В 1912 Н. уехала из Петербурга, сначала в Коломну, а после того как в 1913 муж получил место мл. архитектора строит. отд. Забайкальского обл. правления, они переехали в Чит. В 1919 регулярно печатала в читин. газ. «Рус. Восток» и «Вост. курьер» рассказы, стихи, статьи, полит. фельетоны (многие с выраженной антибольшевист. направленностью), театр. рецензии. Общалась с приехавшим в Чит. Н. Ф. Олигером. В читин. ж. «Театр и иск-во» публ. в 1919 в осн. беллетристич. произв. (рассказы «Улыбка Сфинкса», № 12, «Тысячеловое», № 14—15, подписи Л. Ни-ва).

В этом ж-ле помещал небольшие эссе об архитектурных памятниках (в осн. московских) ее муж (в 1919 избран гласным гор. Думы), здесь же, вероятно, состоялся лит. дебют ее дочери Елены (1906—?; прозаич. этюд «Смешные мысли», 1919, № 1922, подписи: Леля Н.; Леля — ее домашнее имя).

С 1920 Н. с дочерью живут в Харбине. В 1920—22 она печатается в газ. «Рус. голос»; эссе «Праздник природы» (1921, 19 июня), рассказы «Как мы провели рождественский сочельник. Записки эмигранта» (1922, 7 янв.), «Святая ложь» (1922, 22 апр.), очерк «Грядущее» (1922, 1 янв.); в ж. «Рус. обозрение»: рассказ «Китайский бог» (1920, дек.) и роман «Из земской жизни» — «Сила земли» (рец.: АЗ — «Рус. голос», 1922, 14 янв.).

Роман не был опублик. до конца: «Журнал испустил дух на 8 книжке, оборвалась и моя „Сила земли“» (письмо Горькому, [1925] — ИМЛИ, КГ—П, 53—18—12). Н. пишет Горькому об этом периоде: «много работала в газетах. Приходилось браться за все ради заработка» (там же). В 1922 она — активный чл. «Об-ва (союза) писателей (литераторов) и журналистов», выступала с докладами «О творчестве» (янв. 1922), «О творчестве Веры Рудич» (февр. 1922), произвела на публику «своими мыслями» тонами, глубиной и продуманностью исключительно благоприятное впечатление («Рус. голос», 1922, № 471; см. также разбор ее доклада в ст. «В обществе писателей и журналистов» — там же, 1922, 3 янв.), активно участвовала в премиях о творчестве Б. Пильняка (об этом — там же, 1922, 5 марта).

В 1924 писала пьесы для Т-ра миниатюр в Харбине: «Эта работа окончательно притводила меня к те-

атру...» (письмо Горькому, [1925], Архив М. Горького, ИМЛИ, КГ—П, 53—18—13). Однако театр закрылся, а Н. с дочерью, несмотря на многочисл. предложения от «театральных деятелей харбинской галтуры», была вынуждена перебраться на станцию Чжаланьтунь, где жила до 1935. Дочь Н. преподавала рус. язык в кит. школе. В 1925 возобновилась переписка Н. с Горьким, большое место в к-рой занимает тема «отчужденной жизни», разобщенности с родиной, с привычным кругом людей; о себе Н. пишет: «живу... графоманством! Весь свой досуг употребляю на писание. Но совершенно отказалась от повествовательной формы. Теперешняя нервно-истерическая эпоха требует диалога. Театр — мой единственный, и властный, и вечный бог» (ИМЛИ, КГ—П, 53—18—12). Сообщает, что работает над пов. «Горький дым». В нач. 1935 переехала в Харбин. В газ. «Рупор» опубликовала рассказы: «Золотой утар» (1 янв.), «В белой чаше» (7 янв.), «Сильные ощущения» (27 янв.), «В кружеве дней» (24 февр.), «Две жизни» (24 марта), «Пасхальный обман» (28 апр.), «Хутти-храм» (19 мая), «Шум миллионов» (16 июня), «А что же дальше?» (14 июля), «Старая любовь не ржавеет» (18 авг.). Харбинские публ. Н. выходили под псевд. Л. Никитин. Через сов. консульство послала Горькому ром. «Эмигранты», написанный ее дочерью Е. Н. Никифоровой. Консул, ознакомившись с романом, уговорил Н. с дочерью вернуться в СССР, куда они и выехали с эшелоном служащих КВЖД; с 1936 жили в Ленинграде у родственников, нуждались.

Роман «Эмигранты» (рукоп. не обнаружена) был послан на рецензию в редакцию альм. «Годы XVI—XXXVIII», созданного и курируемого Горьким. Рецензент З. П. Кузьмина, отметив, что «автор превосходно знает быт эмигранта, очевидно, наблюдал его в течение продолжительного времени», указала, что «политический уровень романа нисколько — это самый серьезный его недостаток» (РГАЛИ, ф. 622, оп. 1, № 27/3). При такой характеристике роман не мог быть опубликован. Нск-рые детали в романе в изложении рецензента позволяют предположить, что настоящим автором «Эмигрантов» была сама Н.

В 1939 Н. по невыясненным причинам оказалась в г. Байрам-Али (Туркмения); посылала оттуда на конкурс в изд-во «Иск-во» одноактные пьесы «Только ... час!» и «Три момента» (РГАЛИ, ф. 657, № 3613, 2138). Пьесы сценичны, однако опубли. и пост. не были из-за несоответствия мн. канонам того времени — как стилистическим, так и идеологическим параметрам, несмотря на всю приверженность автора идее коллективизма и новой жизни.

По замыслу пьесы «Три момента» должна была показать крах старого общества, осн. на эгоизме и индивидуализме: «эгоист, занятый самим собой, подчинивший всю семью своей воле, не понимает он и революции. Он не способен подчиниться коллективу и коллектив выбирать его за борт» (рец.: А. Саргиджан —

РГАЛИ, ф. 652, оп. 7, № 2138). Однако светское коллективное «Мы!» в пьесе выглядит ирреальным, сказочно-лубочным, в то время как герой, символизирующий «Я» и наделенный отрицат. чертами, обладает яркой индивидуальностью и завидной крепостью духа. Пьеса, темс «ирекорек» пьесы «Только ... час!» (вероятно, в названии заключена отсылка к мрачному рассказу о шахтерском труде А. Р. Крайшиской «Только час», 1901), в к-рой начальник молибденового рудника единолично, без суда, выносит расстрельный приговор двум заключенным за побег, вызвала резко отрицат. реакцию рецензента (там же, № 3613).

Попытка Н. вписаться в мир сов. лит-ры не удалась: ее приверженность правде жизни, граничащая с натурализмом, оказалась ненужной и даже опасной. Нек-рые автобиограф. штрихи в пьесе «Только ... час!» позволяют предположить, что автор знаком с реалиями, изображенными в ней, но понаслышке. После 1939 сведения о Н. (в т. ч. и в ЦА ФСБ) отсутствуют.

Изд.: [Стихи]. — В сб-ках Стихов, сатира, 1969; Рус. стихотв. сатира 1908 — 1917-х гг., Л., 1974 БПбс, 2-е изд., вступ. ст. и сост. И. С. Эвистова).

Лит.: Рус. лит-ра и журналистика (1, 2). — Адрес-календарь Рос. империи на 1916, ч. II, с. 569. Масанов (не учт. псевд. Л. Г-ва, Гуслиер, Гамаюн).

Архивы: Архив М. Горького, ИМЛИ, КГ—П, 53—18 — (1—17), переписка с М. Горьким (1909—36); РГА ВМФ, ф. 417, оп. 5, д. 680; оп. 4, д. 2792* (п. сп. А. А. Грехисева) (справка В. Н. Гудкина-Васильева); ИРЛИ, ф. 155; ф. 540 (Пост. комиссии ..., 1912, № 16; биогр. и библиограф. сведения) (справка Н. А. Прозоровой); РНБ, ф. 709, ж. «Звезда», № 13 (письмо М. Горького Н. (1910) по поводу ее прозы); РГИА, ф. 777, оп. 13, 1908 г.; ф. 1293, оп. 145, 1913 г., д. 54.

А. Г. Пирогова.

НИКОДИМ [в миру Казанцев Никита Иванович; 5(17).9.1803, с. Комлево Рузского у. Моск. губ. — 11(23).6.1874, г. Дмитров Моск. губ., похоронен в Успенском соборе], духовный писатель; педагог, религиозно-обществ. публицист, мемуарист, переводчик Священного Писания. Сын сельского дьячка. Окончил Звенигород. духовное уч-ще (1818), Вифанскую сем. (1826), где впервые общался — как испытуемый — с Филаретом (Дроздовым), Моск. духовную акад. (1830); в 1829 принял монашество; был товарищем по академии Филарета Гумилевского (ДЧ, 1911, № 9, с. 70). Проф. богословия и преподаватель др.-свр. яз. Тульской духовной сем. (1830—32; вторично: 1833—35), инспектор и проф. философии Новгородской сем. (1832—1833). В 1835 посвящен в архимандриты, определен ректором Вятской сем. В 1838—39 находился при обер-прокуроре Синода Н. А. Протасове (Протасове), участвуя в комиссии по реформе духовных уч. заведений; но оказался его противником — отстаивал сохранение в уч. заведениях общеобразоват. дисциплин (Титлин в Б. В., Духовная школа в России в XIX столетии, в. 2, Вильна, 1909, с. 7—10; ср. также: Флоровский, с. 205—06).

О своем пребывании в Петербурге и о работе в комиссии (1838—41), в

т. ч. о встречах с митрополитом Филаретом (Дроздовым), размышлениях и прениях вокруг школьной реформы живо и подробно рассказал в восп. «О Филарете, митрополите Московском, моя память» (1868; опубл.: ЧОИДР, 1877, кн. 2, апр.—июль; отзыв: Григорий, архимандрит, Предисловие — там же; отд. оттиск — М., 1877; его же облик как человека и иерарха колоритно запечатлен и в отрывке, опубл. под назв. «Мысли епископа Никодима... о событиях в Вифанской семинарии...» («Чтения в ОДДП», 1882, № 5) (в целом их встречи случались с 1821 по 1854 и Филарет долгие годы проявлял благосклонность к Н.). После пребывания в Петербурге назначался ректором духовных семинарий в Одессе (с 1841), Белгороде (с 1845; там же размещалась Курская сем.), Ярославле (с 1850) и одновременно — настоятелем ряда монастырей. В автобиограф. записках частые переводы из семинарии в семинарию представил как многолетние мытарства («Записки преосвященного Никодима...» — ДЧ, 1911, № 7—10; отд. изд. — М., 1912; написаны в 1843—44).

В 1854 посвящен в епископы и назначен викарием в Казань, с 1861 первый епископ Енисейский и Красноярский. В 1869, посетив только что сгоревший дотла после третьего пожара Енисейск, опубл. очерк «Город Енисейск» («Иркутские епарх. вед.», приб., 1869, № 48) — впечатляющее свидетельство о пожарах как стихийном бедствии рус. городов. В 1870 ушел на покой, поселился в Перервинском мон. под Москвой. Путешествие из Красноярска в Москву описано в «Путевых

записках» (РА, 1903, кн. 1—2; представляют собою отрывок из автобиограф. записок).

Автобиограф. записки и дневники вел с 1829 по 1874; в рукописи 23 тома in folio. Кроме трех названных отрывков также посмертно опубликованы: «Жизнь архимандрита Никодима Казанцева» (БВ, 1910, № 1—3, 11, 12; отд. оттиск — Сергиев Посад, 1910), «Мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии» («Тульские епарх. вед.», 1911, № 7—12; предваряющий отзыв: А. Титов — там же, 1911, № 6), «Путешествие преосвящен. Н... из Казани в Красноярск...» («Енисейские епарх. вед.», 1911, № 22—24; 1912, № 1—2), «Первые дни служения в Красноярске...» [автобиограф. заметки] (там же, 1912, № 7—15, 23—24; 1913, № 2—4, 6—8) и др. В записках (публиковавшихся преим. посмертно) запечатлелись быт крестьян и сел. духовенства, жизнь и нравы духовных уч. заведений (от училищ до академий), пестрые дорожные впечатления и этногр. наблюдения; немало редких или уникальных свидетельств очевидцев: о поведении французов в рус. деревне 1812 и отношении к ним крестьян, о таинств. старце Фёдоре Кузьмиче (о к-ром позже не раз писали как об Александре I, скрывшемся в Сибири). Слог «записок» живой, нередко изустный, порой язвительный («у меня язык — бритва» — признание 1843; ДЧ, 1911, № 9, с. 70): Н. не шадит ни себя, ни других духовных наставников и церк. деятелей, ни светских сановников, когда в их служебных занятиях благочиние и благочестие никнут от утождения «страстям, личности» или от «беспечности общей» («О Филарете... моя память», с. 88).

Резкая по тону ст. «О Святейшем Синоде» (июль 1873, опубл.: БВ, 1910, № 10; отд. оттиск — Сергиев Посад, 1905; перепечатана — «Символ», 1983, № 9) направлена на восстановление самостоятельности и независимости Церкви от гос. власти, утраченных ею при Петре I. Нравственно-психол. мат-л для характеристики Н. содержит его 12 молитв («Енисейские епарх. вед.», 1902, № 9).

Уйдя на покой, Н. продолжал публицист. и лит. деятельность, уделяя особое внимание переводу Священного Писания. Еще в студенческом дневнике он записал: «Был разговор о нужде знать евр. язык ученому монаху. Точно нужно, особенно потому, что ныне знают его очень враги Христа и Церкви Его, с к-рыми должно сражаться и поражать ими же избранным оружием» (ГА Красноярского края, ф. 561, оп. 1, д. 148, л. 3). В бытность ректором Курской сем. ознакомился с переводом библич.

текстов Г. П. Павского и занялся собственным переводом (с 1848 по 1855; см. ф. 561).

Осн. установки Н. как переводчика священных книг: придерживаться синтаксиса оригинала (в отношении перевода греч. текстов Нового завета), излишне не пренебрегать слог. словами, не «делать речь вульгарною, мелочною, обыденною»; причиной неумелых переводов бывают: «а) гордость, хвастовство, желание казаться как можно русским, пнаквозь понимающим всякую вещь; б) желание нравиться тому классу людей, кои терзают и осмеивают Россию в легкомысленных статьях светских журналов; в) недостаток благоговения к слову Божию, коего и йота саниа не прейдет» (там же, д. 125, л. 13).

Др. произв.: Предисл. к «Повести о блаженном Василии Мангазейском...» («Иркутские епарх. вед.», 1864, № 7; рукопись повести обрете-на Н. во время миссионерской поездки в Туруханский край), «Письма епископа Красноярского Никодима к родственнику...» («Чтения в ОЛДП», 1882, № 6/7), «Письма преосвящен. Н... к проф. И. В. Платонову» (БВ, 1896, № 2), «Неизд. статья епископа Никодима Казанцева о митрополите моск. Филарете» (РС, 1915, № 1; публ. И. К. Маркова).

Лит.: Н. Д. Преосвящен. епископ Никодим Казанцев. — «Церковная летопись», прил. к «Духовной беседе», 1874, № 34; (Александров М.). Протоиерей Никодим... — «Енисейские епарх. вед.», 1888, № 20; 1889, № 5—8, 11—12, 16; 1890, № 1, 4, 7/8, 11, 13/14, 21; 1891, № 3—4, 8/9, 13/14, 18/19; Флоровский (ук.). — Некрологи: «Моск. епарх. вед.», 1874, № 32 (М. Добролюбов); «Гражданин», 1875, № 8/9. Гениади: РБС; Брокгауз; Венгеров. Спикс.; Южаков; Полный правосл. богослов. энцикл. словарь, т. 2, СПб., [1913] (репринт — М., 1992); Манаул (Лемешевский), митрополит. Рус. правосл. иерархия периода с 992 по 1892 годы, ч. 5, Куйбышев, 1971 (машинопис.; сть в С.-Петерб. и Моск. духовных акад.); ИДРДВ.

Архивы: РГБ, ф. 78, к. 29, № 7 (письма А. В. Горскому); ф. 262, к. 55, № 7-а (письма С. М. Покровскому); ГА Красноярского края, ф. 561, оп. 1, д. 63 («Мое путешествие из Перервинского моп. в Лавру преподобного Сергия»; «Патриарх Никои»; д. 64 (список рукописей Н.); 68—95 (проповеди); 97—99, 101—104 (ответы на статьи; рецензии); 110, 136, 137 (ст. на церк.-обществ. темы; мст. и богослов. соч.); 117 (ст. и мат-лы по истории церк. пения в России); 121 («О господстве и рабстве»); 122 («Гласность»); 127 («Рус. православный христианство»); 128 («О веротерпимости»); 129 («О диаволе»); 131 («О прогрессе»); 135 («О палах лесов в Сибири»); 139 («Иконописание»); 148—171 (воспоминания, дневники, 1829—74); пер. Священного Писания и экзегетич. работы, в т. ч.: д. 47 (пер. ряда псалмов и сличение текстов: евр., греч., лат. и русского); 175 (пер. Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Псалтирь Псалтирь; мысли о писаниях Соломона; пер. ряда пророческих книг с евр. и комм. к ним); 177 (пер. апостольских посланий — с греч.); 179 (пер. Четвероевангелия с греч.). Священник Афанасий Гудеров, М. А. Антилов.

НИКОЛАДЗЕ Нико (Николай) Яковлевич [14(26).9.1843, Кутаис — 1.4.1928, Тифлис], публицист, обществ. деятель, лит. критик, мемуарист. Дед — бывший крепостной крестьянин имеретинской д. Сканда (отсюда у Н. псевд. Н. Скандели), откупившийся и промышлявший коммерцией; отец держал крупные подряды на казенные стройки; мать из мелкопоместной дворян. семьи Лордкипанидзе. Для подготовки в Кутаис. г-зию Н., старшего сына, в к-ром

отец видел наследника своего дела, отдал пансионером в рус. семью. В г-зии Н. очень много читал, а в окт. 1860 дебютировал в печати, в груз. ж. «Цискари» («Утр. звезда»), в 1860—61 печатался в нем под псевд. «Кутаисис магоре» («Кутаисский сплетник»). Мировоззрение Н. сложилось под влиянием ж. «Совр.» (выписываемого отцом) и учителей — сильных поляков (математики и законоведа), пропагандировавших на уроках рев. идеи.

По окончании г-зии в 1861 Н. поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та, вскоре за участие в демонстрации был отчислен из ун-та и заключен сначала в Петропавлов., затем в Кронштадт. крепость. По освобождении в дек. 1861 подлежал высылке на родину под гласный надзор полиции, но нелегально остался в Петербурге, жил под видом слуги у своего друга-студента груз. поэта А. Церетели, для конспирации носил черкесский костюм, одолженный им О. С. Чернышевской для маскарада. Благодаря этому состоялось его знакомство с Н. Г. Чернышевским, Н. стал бывать у Чернышевских дома, летом 1862 жил у них на даче в Павловске. Познакомился и с нек-рыми сотрудниками «Совр.» — М. А. Антоновичем, Вл. С. Курочкиным, корректор редакции Е. С. Стопакевич давал ему читать статьи в гранках до цензуры. С этих пор Н. неизменно считал себя «чернышевцем». Участвовал в конспиративных рус., польских и кавк. кружках (в частности, «Земля и воля»).

Нек-рые наблюдения над жизнью студенчества запечатлены Н. в двух сюжетно связанных рассказах «На Петербургской стороне» (под псевд. Г. С-ев) и «На Петербургской стороне... (Оборот медали)» (под псевд. М. Гуляев) («Искра», 1862, № 11—12, 28—29), построенных на контрасте образов бесшабашного студента

из зажиточной семьи и выходца «из низов» и содержавших отзвуки идейной борьбы груз. рев.-демокр. движения «Тергдалеулеби», в к-ром Н. участвовал. После ареста Чернышевского, приостановки «Совр.» и «Рус. слова», когда надежды Н. на близкие рев. события не оправдались, он покинул в окт. 1862 Петербург, на родине включился в полемику И. Чавчавадзе и др. «тергдалеульцев» с «отцами» в ж. «Цискари» — гл. обр. по вопросам реформы языка и стиля груз. лит-ры.

В нач. 1863 вернулся в Петербург. После публикации в газ. «Нар. богатство» статьи Н. (по поводу рескриптов 19 февр. 1864 о наделении польских крестьян землей) был, по его словам, «попеременно и сотрудником, и корректором, и наборщиком, и экспедитором газеты», и даже — «фактич. редактором, вероятно на недосугом и безденежном ее издателя», оставаясь автором передовиц, критич. статей и фельетонов (цит. по: Шадури В., Н. и его рус. связи. — В кн.: Письма рус. лит.-обществ. деятелей к Н., Тб., 1949, с. 18). Среди этой «пробной публицистики» (выражение Н.) статьи: «Обозрение рус. журналистики» (1864, 24, 28 янв.) о роли прессы в повышении обществ. сознания, «Неск. слов по поводу одного очень старого вопроса» (1864, 3, 6 февр.) — на тему Великой франц. рев-ции, «Бюклъ. — Влияние женщин на успехи знания» (1864, 14 марта) — полемика с Г. Боклем и большинством совр. передовых писателей по вопросу жен. воспитания, «Юлиан Шмидт. Обзор англ. лит-ры XIX в.» (1864, 22 марта) с оценками творчества В. Скотта, У. Теккерея, Дж. Байрона и Ч. Дикенса, «Сведения о Кавк. и Закавказьях» (1864, 22 апр. — 12 мая), ст. «Экономич. вопросы», запрещенная цензурой (подробней см.: Джавахишвили Г. Д., Н. и рус. журналистика, Тб., 1978, с. 21—22), посв. разбору ром. Чернышевского «Что делать?». В 1864 в «Совр.» он опубликовал очерк «Провинциальные картины» (№ 8), сюжет к-рого подкасан ситуацией из личной жизни близкого Н. поэта Курочкина (в 1875 в «Тифлис. вест.», № 75, Н. опубликован некролог), а в картинах нравов провинц. города Фит угадывается Тифлис.

После ареста товарищей и безуспешных попыток продолжить учебу в др. вузах Н. все лето морил себя голодом и пешей ходьбой из Колпина в Петербург, чтобы получить от Петерб. врачебной управы документ о необходимости долговрем. лечения за границей. В авг. 1864 уехал в Париж, здесь пришел к выводу, что Чернышевский превосходит всех франц. социалистов, его ст. «П.-Ж.

Прудон» (СПбВед, 1865, 21 янв.; астроном «***е») П. Л. Лавров нашел «великолепной» и обильно цитировал в «Загранич. вест.» (1865, т. 5, в. 2). Н. сблизился с радикальным студенчеством Сорбонны, участвовал в диспуте бланкистов и прудонистов, осенью 1864 познакомился с П. Лафаргом, а через него — с К. Марксом. В Париже его неск. раз до весны 1865 посетил А. И. Герцен, после чего наладилось его сотрудничество в женеvском «Колоколе» (возможно, Н. корреспондировал в «Колокол» еще в 1862 и был автором ст. «Из Грузии», от 15 сент., см.: М. М. Клевенский — ЛН, т. 41/42, с. 601—02). В 1865 он публ. ряд т. н. груз. статей и связанные с ними полемич. статьи против М. Н. Каткова: «Освобождение крестьян в Грузии» (15 июня и 1 июля; отзыв Каткова — МВед, 1865, 15 июля), «Наши будущие адвокаты перед „Моск. ведомостями“» (1 авг.; ответ Каткова — МВед, 5 сент.), «Потоки крови в Тифлисе» (1 сент.), «Из Тифлиса» и «Июньские дни в Тифлисе» (15 сент.) и др. Несмотря на переезд в Женеву осенью 1865, сотрудничество Н. в «Колоколе» прекратилось из-за накапливающихся разногласий «молодой эмиграции» с Герценом.

Считая, что нек-рые публикации Герцена вредят демокр. движению, Н. тем не менее отказался перенести полемику на страницы «Колокола», чтобы не давать повод для травли рев. молодежи, и не стал отвечать на обращенную к нему публ. Н. П. Огарева «По поводу письма Александра к государю. Письмо к NN» («Колокол», 1865). Позднее Н. писал, что его направление «определилось под влиянием событий 1862—1863 гг. ... и было в осн. черта совершенно противоположно учению Герцена, о чем в „Колоколе“ слышны формальные заявления именно в моих статьях» [Прим. Н. к доклад. записке К. А. Бородинна «Священная дружина» и «Народная воля» — «Былое», 1907, № 10(22), с. 163]. Свое расхождение с Герценом Н. связывал с противопоставлением ему Чернышевского. Окончат. разрыв произошел весной 1866, когда Герцен отказался напечатать в «Колоколе» статью Н. по поводу покушения Д. В. Каракозова на Александра II.

Свою работу «Правительство и молодое поколение» (Женева, 1866; под псевд. Никифор Г.***) Н. тайно набрал ночами в «Вольной рус. типографии» Герцена — это была фактич. программа демокр. преобразований в России и своеобразная апология учения Чернышевского. Н. выступал против «романтич. революционерства» с его террористич. методами борьбы, к-рые лишь дают повод правительству расправляться с рев. организациями. В эти же годы в Женеве Н. сотрудничал в газ. «La Nation Suisse» («Швейцарский народ»), «Le Temps» («Время») и телегр. агентстве «Tabas».

Стараниями Н. (совм. с М. К. Эллипидиным и при первонач. содействии А. А. Серно-Соловьевича) был создан «Фонд Н. Г. Чернышевского», переросший в дальнейшем в изд-во

«Эллипидин и К^о», и осуществлено издание соч. Чернышевского.

Первым был выпущен ром. «Что делать?» (Ж., 1867). А. С. Суворин объявил это издание «контрфакцией» (СПбВед, 1867, 30 июля, подпись Незнакомец), хотя Н. в предисл. писал о сознат. нарушении юридич. норм, т. к. для насладников их право «скорее мертвая буква, чем действительно собственность» (с. V), в то время как молодость в образе жизни и характера «новых людей» (Лопухова и Кирсанова, к-рых Н. сопоставляет с др. лит. героями — Бельтовым, Рудиным, Инсаровым, Базаровым) находит для себя программу действия. В предисл. к т. I соч. Чернышевского (Ж., 1868: отклик Герцена в письме к Огареву от 15 мая 1868 — Герцен, XXIX, 339—40) Н. продолжил рассмотрение «уроков гражданского развития», содержащихся у Чернышевского часто между строк даже в ранних научных и лит. критич. статьях 1853—55, сравнивал его с Г. Э. Лессингом.

Н. предпринял две попытки выпуска эмигрантских ж-лов, органов «чернышевцев». В первом из них — «Подпольное слово» (Ж., 1866, вышло два номера, в осн. со статьями Эллипидина) Н. был преим. издателем и редактором; «Современность» (Ж., 1868, вышло 7 номеров, отклики на № 1 см.: Герцен, XX, кн. 1, с. 313; XXIX, кн. 1, с. 319, 321) гл. обр. готовил Н.: до № 3 соредактором был Л. И. Мечников, а издателем — Эллипидин, к-рый в письме (СПбВед, 1868, 25 авг.) категорически отвергал свою причастность к ж-лу, кроме факта выпуска его в своей типографии; после раскола «молодой эмиграции» Н. выпускал ж-л в др. изд. фирме. В связи со статьями в «Современности» «Рус. эмиграция» (№ 3, отзывы: Герцен, XXIX, кн. 2, с. 401—02, 404—05) и «Два поколения» (№ 6), в к-рых Н., разбирая восп. В. И. Кельсиева, утверждал, что рев.-демокр. движение регрессирует, и обвинял Герцена и Огарева в отходе от их первонач. идеалов, а «молодую эмиграцию» — в искажении идей Чернышевского и Н. А. Добролюбова, Серно-Соловьевича выпустил у Эллипидина инспирированную М. А. Бакуниным (также способствовавшим расколу «молодой эмиграции») пасквильную брошюру против Н. «Миколка-публицист» (ответ Н. в рубрике «Объявление» — там же, № 6). В ст. «Нар. дело» («Современность», № 7) Н. критиковал анархист. программу «государства и государственности» Бакунина и Н. И. Жуковского (черты полит. портрета Бакунина см. в ст.-некрологе, написанном Н., — «Тифлис. вест.», 1876, № 143). В статьях «рос. цикла» в ж. «Современность» «По поводу голода» (№ 1), «Высочайшее разъяснение земской компетентности», «По поводу нашей податной системы» (обе — № 2), «О сборе податей» (№ 4) и «Первые шаги нашего земства» (№ 5) Н. развивал теорию «беспронимчивой борьбы на арене земства и самоуправления» (Из переписки Н. — «Тр. Тб. гос. ун-та», т. 145, сер. журналистики, т. 2, 1971, с. 354). По теме к этому

циклу примыкает единств. стихотворение Н. (совм. с Мечниковым) «В Австрии. (Дорожные заметки беспаспортного поэта)» (№ 4). Большинство очерков цикла «Жизнь Европы» (№ 1, 2 и 4—7; Герцен высоко оценил первый очерк, полагая, что его автор Бакунин, — XXIX, 323—24) посв. проблеме разоружения, в них дан фактически обзор док. дис. Н. «Разоружение и его социально-экономич. последствия» (отд. изд. на франц. яз. — Ж., 1868), публично защищенной Н. по окончании Цюрихского ун-та.

В сент. 1869 Н. возвратился в Россию, разрешение получил с трудом и сразу был подчинен строгому полиц. надзору. С весны 1870 выпускал в Тифлисе на груз. яз. вместе с С. С. Месхи (офиц. ред.) еженед. газ. «Дробеба» («Время»; ввиду пост. разногласий они выпускали ее поочередно), а с кон. 1870 вместе с Г. Е. Церетели (офиц. ред.) — ж. «Кребули» («Сборник»), к-рые стали фактич. органами и центрами (еще одним центром была организация Н. «Библиотека Иванова» — тайный лит.-полит. салон) группы радикально настроенной груз. молодежи, впоследствии орг-ции «Меоре даси» («Вторая группа»).

После смерти отца в 1871 Н. неск. раз по коммерч. делам выезжал в Швейцарию и Францию, одновременно устраивал выезд на обучение в Швейцарию груз. молодежи, в осн. девушек. Из их числа была первая жена Н. — Богумила Гелиодоровна Земьянская (брак длился недолго) и вторая жена — княжна Ольга Ал-дровна Гурамишвили (Гурамова; 1855—1940), студентка Женев. ун-та, в нач. 80-х гг. — чл. кружка писателей при «Отеч. зап.»; их сын, изв. сов. инженер, математик — см. о нем в кн.: Боголюбов А. Н., Георгий Ник. Николадзе (1888—1931), М., 1973. Способствовал созданию груз. студентч. организации за границей «Утели» («Ярмо») и издавал (вместе с П. А. Измайловым и Д. Микеладзе) в Париже в 1873 «груз. социалистич. газету» «Дроша» («Знамя», вышло 10 номеров), пропагандировавшую федерацию кавк. народов на основе экономич. равенства граждан. По печатному доносу (Член-сореволюционер (Гижицкий Е. К.), Рус. эмигранты. — МВед, 1873, 16—18 янв.) в мае 1873 при очередном возвращении в Россию на рус.-австр. границе у Н. отобрали гектографич. станок, протоколы «Утели» и большое кол-во запрещенной лит-ры.

Н. посещал парламент. прения в Париже, поддерживал знакомства в радикальных кругах Европы, постоянно освещал жизнь Запада в груз. прессе, сотрудничал во франц. ж. «L'Illustration» (псевд. Baron L. de

N.), пытаясь влиять на обществ.-полит. и лит. ситуацию, в брошюре «La presse de la décadence» («Пресса упадка»; Р., 1875) ставил неутешительный диагноз франц. прессе после Парижской Коммуны и писал о путях ее коренной реорганизации (отзывы Л. Блана, И. Гюи и Э. Бои в письмах к Н. см. в кн.: Из переписки Н. с рус. и заруб. лит.-обществ. деятелями, Тб., 1980, с. 277—82; Э. Жирарден перепечатал большие выдержки в своей газ. «La France»).

В груз. печати впервые систематически выразил свое мировоззрение: «О назначении „Кребули“» («Кребули», 1871, № 3), «О моей личности» (там же, 1873, № 7; заветный статьи А. Н. Пурцеладзе пытался заставить Н.), статья-исповедь «Привет» («Дробеба», 1876, № 25). В ст. «Критика и ее назначение в лит-ре» («Кребули», 1871, № 3), цикле «Наша лит-ра» (там же, 1872, № 10—12; 1873, № 5—6), ст. «Диктание и Теккерей» («Дробеба», 1870, № 25) и др. анализировал совр. лит. тенденции, считал что назначение письменности вообще состоит в верном отражении быта, характера, обычаев и духовной жизни народа, «реалистич. лит-ра» (или лит-ра «исприкрашенного» реализма) должна решать социальные и нравств. задачи («знать причины, порождающие добро и зло»).

С 1875 Н. избран гласным гор. думы Кутаиса. В 1873 во многом по инициативе Н. была создана первая в Грузии частная газета на рус. яз. — «Тифлис. вестн.»: в 1873 выпустил единолично № 80 и 81, в 1874 присылал «Письма с того света» (с «Адской заставы» в Париже, под псевд. Павел Ботин), с осени 1875 привлек к сотрудничеству Антоновича, Г. И. Успенского, содействовал организации акционерного об-ва, получению преим. права на публикацию сообщений междунар. телегр. агентства «Гавас», в результате чего газета, став ежедневной и увеличив тираж, поднялась до общерос. уровня. Н. вел пост. рубрики фельетонов «Капризы пера» (во мн. из них наиб. ярко выразились его социально-политич. взгляды), передовиц «Тифлис (такого-то числа)», «Обзор печати», «Письма в Петербург» (ответы на «Письма из Петербурга» Антоновича), опубл. серию статей о провинц. печати (две из них — «К вопросу о провинц. печати» (1876, № 18), «Новые силы. К вопросу о роли провинц. печати» (1876, № 133, 134, 135) — связаны с полемикой вокруг ст. Д. Л. Мордовцева «Печать в провинции»]. В «Критич. очерках» (1875, № 91) Н. выразил взгляд на лит-ру как на человековедение, писал о ее нравств. значении, о связи рус. классич. лит-ры с освободит. движением, в «Письме к лит. ребенку» (т. е. к П. Д. Боборыкину, 1876, № 14) рассуждал о роли писателя в органах печати, разъяснял свое отношение к «Отеч. зап.» и позицию в споре А. Н. Пыпина, Ю. Г. Жуковского и Антоновича с Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедринным и Г. З. Елисеевым. Программный характер имели и ст. «Старая погудка

на новый лад» (1876, № 64), «Открытое письмо к А. С. Суворину» (1876, № 165).

В апр. 1877 Н. выехал на театр воен. действий с Турцией на Кавказе в корпус гр. М. Т. Лорис-Меликова в качестве воен. корреспондента от «Тифл. вест.» и агентства «Гавас». Его циклы «Походные письма» и «Походный дневник» в «Тифлис. вест.» необычайно подняли тираж газеты, однако, разойдясь в июле с редакцией по нац. вопросу, Н. стал печатать корреспонденции в газ. «Голос» (в рубрике «Военная хроника»).

В 1878, освободившись от полиц. надзора благодаря хлопотам Лорис-Меликова, Н. переехал в Тифлис, был избран гласным в гор. думу. Выпускал ежедневную газ. на рус. яз. «Обзор» (1878—83): публ. воен. корреспонденции, статьи о кавк. прессе, его пост. «Воскресные беседы» захватывали широкий круг тем, многие были посв. рус. писателям — Некрасову (ст.-некролог, 1878, 3 янв., перепеч. в сб. «На память о Н. А. Некрасове», СПб., 1878; отзыв Г. И. Успенского — «Обзор», 1878, № 27), М. Ю. Лермонтову (1878, № 160), Н. В. Гоголю (1880, № 381), А. С. Пушкину (1880, № 520; см. также: Буачиндзе Т., А. С. Пушкин в оценке Н. — «Тр. Тб. гос. ун-та», т. 71, 1959), Чернышевскому и Добролюбову (1880, № 534). Изд.-ред. самой популярной провинц. газеты (см.: Мат-лы для характеристики положения рус. печати, в. 2, Женева, 1898, с. 17). Н. так формулировал свою программу: «Мы имеем честь принадлежать к тому направлению рус. печати, к-рое не удовлетворяется либеральными этикетами, а добивается существ. прогресса в экон. и нравств. положении народа» («Кесарево кесареви» — «Обзор», 1878, № 173), возможность реформирования социальных отношений в России он видел в решении конкретных проблем местного самоуправления, в развитии промышленности на Кавказе и т. п.

В попытках противостоять цензуре Н. печатал статьи без купюр («Местный обзор» и «Воскресные беседы» — 1878, № 134, в к-рых разоблачал взяточников из окружения наместника Кавказа Михаила Романова), однажды ворвался ночью в дом цензора и силой заставил его подписать запрещенный номер в печать, а преследовавшая Кавк. цензур. к-та Д. П. Пурцеладзе вызвал на дуэль за то, что тот называл несуществующего в рус. лит-ре человека цензором над всеми рус. изданиями, и только поэту Н. В. Симбурскому, секунданту Н., удалось уладить дело без кровопролития. Цензор подал в суд, но две судебные инстанции оправдали Н., к-рый опубл. мат-лы судеб. разбирательства в газ. и затем отд. кн. «Первый процесс „Обзора“» (Тифлис, 1879). Когда в редакции частных газет по приказанию наместника в 1879 была введена полиция, к-рая также должна была разрешать выпуск номеров, издание «Обзора» в знак протеста было прервано на 11 месяцев, пока полицию не вывели из редакций.

Летом 1880 «Обзор» был запрещен цензурой, а Н. выслан в Ставрополь под надзор полиции, где полу-

чил извещение об избрании его чл. Лит. фонда в Петербурге. 1 марта 1881 вернулся в Тифлис, а осенью переехал в Петербург и до 1886 служил в Упр. сначала Либаво-Роменской, а затем Закавказской ж. д. До 1883 выпускал в Тифлисе по одному номеру «Обзора» в год (чтобы не потерять право на издание), не оставляя попыток его возобновления уже в столице или издания (совм. с Успенским) др. ежедневной газеты. В 1881—82 участвовал в изд. артельного ж. «Устои», однако опубли. в нем только ст. «По поводу одной смерти» о самоубийстве двух молодых офицеров, за к-рую издатель получил ценз. предупреждение (РГИА, ф. 776, оп. 2, д. 22). С 1882 печатался в «Отеч. зап.»: «Роман государственного человека» (№ 4) о романе П. А. Валуева «Лорин», «Борьбы поневоле» (№ 11) о «Рассказах» В. М. Гаршина. Его ст. «Луи Блан и Гамбетта» (1883, № 1) послужила основанием для второго предостережения ж-лу (см.: 1883, № 2); после высылки Н. К. Михайловского Н. вел в «Отеч. зап.» рубрику «Новые книги», а после высылки С. Н. Кривенко (январь 1884) — весь критич. отдел.

В кон. 1882 тайная монархич. орг-ция «Священная дружина», искавшая возможность для переговоров с «Нар. волей» о прекращении террора, предложила Н. быть в них посредником ввиду близости его как к высшим чиновным кругам (Лорис-Меликову, С. Ю. Витте), так и к деятелям подполья (по справке III отд., Н., хотя непосредственно не участвовал в «центральной группе», тем не менее взаимобразно снабжал партию деньгами — ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1884 г., д. 208, 1136 [справка А. Н. Атапиной]); кроме того, он еще в 1881 вел переговоры с народовольцем Ю. Н. Богдановичем об издании печатного органа «Нар. воли» за границей. Не одобрявший террористич. методов борьбы, Н. согласился — в надежде добиться от властей освобождения Чернышевского, ездил в Париж для переговоров с Л. А. Тихомировым и др. народолюбцами, вследствие чего в 1884 был подчинен строжайшему полиц. надзору, снятому лишь спустя десять лет. Позднее написал восп. «Освобождение Н. Г. Чернышевского» («Былое», 1906, № 9; отд. изд. под назв. «Переговоры Священной дружины с партией „Народной воли“ в 1882 г.», П., 1917).

После закрытия «Отеч. зап.» Н. сотрудничал с 1884 в тифлис. газ. на рус. яз. «Новое обозрение», изд.-редактор к-рой с июля 1887 негласно передал ее вернувшемуся в Грузию Н., а с апр. 1888 по сер. 1891 ее офиц. издателем была жена Н. Воскр. обозрения Н. «На праздники» охватывают широкий круг про-

блем политики, экономики, лит-ры, иск-ва, включают портреты писателей, публицистов и обществ. деятелей, статьи, фельетоны и даже «отрывки из неизд. ром.» «Ткибульское дело» (1887, 29 нояб.) (второй отрывок не пропустил цензурой — ЦГА Грузии, ф. 480, оп. 1, № 865), представляющие собой восп. о поездке во Францию в 1875, о встречах с франц. обществ. деятелями, в частности с Тьером и Жирарденом (последний сам описал свои дискуссии с Н. в газ. «La France» в 1878). Ряд статей Н. посв. Каткову — ст.-некролог (1887, 24—25 июля) и ст. «Про изучение прошлого» (1887, 31 июля), Салтыкову-Щедрину (1889, 29 янв. и 30 апр.), к-рый, по мнению Н., сумел преодолеть ошибки Гоголя, а «кисть художника» «умело и расчетливо употреблял всегда на дело, требовавшееся интересам полит. роста своего отечества». Статья о Чернышевском была запрещена цензурой (рукопись — ЦГА Грузии, ф. 480, оп. 1, № 932; позднее Н. помогал в издании сочинений Чернышевского его сыну Михаилу: в 1892—94 в анонимном издании 4 т. его лит.-критич. статей и в 1907—08 в издании Полн. собр. соч. в 10 т.). Темой его публикаций становились биограф. факт, отд. лит. событие или лит. процесс, худож. произв. — ст. «Самоубийство Н. Успенского» (1889, 27 окт.), «Обзор печати за 1887 год» (1888, 3 янв.), о пьесе А. П. Чехова «Иванов» (1889, 14 апр.), лит.-критич. разборы творчества В. Г. Белинского (1890, 24 нояб.), серия статей о «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстого (1890, 3, 10, 30 июня), разбор «Лит. чтений» С. А. Андреевского (1891, 17, 21 нояб.).

Обществ.-полит. воззрения Н. этого времени выразились в полемике с И. Джабадзе по поводу его «Писем о Грузии» в «Сев. вестн.» — «Византийские споры» («Нов. обозр.», 1889, 2, 12, 26, 28 нояб.), с Н. В. Шелгуновым по вопросу о «светлых» и «мирных» явлениях рос. действительности («На праздники», там же, 1 янв., 30 апр.; ответ Шелгунова на 1-ю ст. Н. см. в кн.: Шелгунов Н. В., Соч., т. 2, СПб., 1891, стб. 558—72) и в реп. Н. (там же, 1888, 2 сент.) на книгу Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?», в к-рой Н. объяснял неминуемый перелом в мышлении и деятельности рос. молодежи «фантастичностью», «неосмысленностью их первонап. стремлений», «непопулярной, даже богам, задачей» перестроить жизнь по шущему велению своих собств. мечтаний, и утверждал целесообразность др. пути, пути постепенных шагов в деле ист. прогресса родины.

Все большее место в публицистике Н. стали занимать экономич. вопросы — его статьи на темы освоения нефтяных месторождений в Закавказье (борьба Н. с концерном «Бранобель» в 80-е гг.), строительства нефтепровода, железных дорог, Сурамского тоннеля и т. п. появлялись в изданиях любой ориентации. С 1891 Н. эпизодически сотрудничал в груз. ж. «Моамбе» («Вестник», в 1894 заведовал полит. отделом), газ. «Кавказ», «Россия» (1900), «Рус. во-

ля» (1917) и др., выступал с резкими полемич. брошюрами, в т. ч. «Горе имеем сердца» [Тифлис, 1906, против груз. меньшевиков П. Голейшвили; ответ последнего под псевд. Карими «Огняемся назад! (Ответ Н.)», Тифлис, 1906]. С 1894 Н. избирался гласным гор. думы и гор. головой г. Поты, на этой должности работал до 1912 (построил морской порт). Февр. революция застала его в Петербурге, по возвращении на Кавказ Н. избран в учредит. собрание как лидер груз. национал-демократов, входил в меньшевист. правительство Грузии, в 1921 эмигрировал, вернулся на родину в 1924, признав сов. власть, участвовал в работе 1-го съезда груз. писателей (1926). В 1927 опубли. «Восп. о шестидесяти годах» (КиС, 1927, № 4/33—5/34).

В связи с вероятностью публикации восп. в «Летописи революции» М. Горький писал в марте 1923 Б. И. Николаевскому: «... очень хорошо написано, да и по содержанию интересно», ср. с отзывом Ю. О. Мартова о Н. — «по старости и по природе журналиста, я рад будет ислышно достоверно. И во всяком случае даст номеру аромат архивной пыли» (письмо от 19 дек. 1922; обая письма цит. по кн.: Флейшман Л., Хьюз О., Рус. Берлин, Париж, 1983, с. 392).

Соч. Н. неоднократно издавались на груз. яз., его творчеству и деятельности посв. множество исследований на груз. яз.

Биограф. мат-лы: «Автобиограф. записка». — КиС, 1927, № 5/34; Автобиография. [Воспоминания о 60-х годах. Письма Н. П. Огареву к А. И. Герцену — 6]. Писем к В. А. Бахрадзе. Освобождение крестьян в Грузии. Правительство и молодое поколение. — «Тр. Груз. сел.-хоз. ин-та (ГОТХЗСИ)», т. 56, Тб., 1961; Десять писем Н. к С. А. Венгерову. — «Тр. Тб. гос. ун-та», т. 131, серия журналистики, т. 1, Тб., 1968; Из переписки Н. — «Тр. Тб. гос. ун-та», т. 145, сер. журналистики, т. 2, 1971; Письма Н. — «Изв. Ин-та рукописей АН Груз. ССР», т. 3, Тб., 1961, с. 165—88; Груз. лит-ра, Тб., 1972; Переписка с О. А. Гурамишвили. — В кн.: Мехки И. С., Пишу тебе... Докум. повесть, Тб., 1980.

Лит.: Герцен; Чернышевский; Успенский (все — ук.); Дело о редакторе газ. «Обзор» Н. — «Голос», 1879, 6, 7 июня; История социально-рев. движения в России. (1861—1881). СПб., 1887, пл. 10 (сост. Н. М. Голыцкий); Г. Успенский и его переписка. — ГМ, 1915, № 7—8; Восп. Л. Тихомирова, М.—Л., 1927 (ук.); Ненз. зап. Л. Тихомирова. — КА, 1928, т. 4 (29), с. 139—74; Фигинер В. Н., Из истории жизни 80-х гг. — ПСС, т. 5, М., 1932, с. 331—350; Глинка-Волжский А. С., Г. Успенский в жизни, М.—Л., 1935 (ук.); Г. Успенский, М., 1939 (Летопись ГЛМ, кн. 4; ук.); Церетели А. Р., Перехитов, М., 1940 (ук.); 2-е изд., М., 1950, с. 123—24; Каталог Архива Н., Тб., 1954; Закардзэ Г. И., Социально-полит. взгляды Н., Тб., 1955; Мегрелишвили Г. И., Социально-экономич. взгляды Н. — «Тр. Груз. сел.-хоз. ин-та», т. 45, Тб., 1957; Туманов Г. М., Чернышевский и кавказцы. — В кн.: Н. Г. Чернышевский в восп. современников, т. 1, Саратов, 1958; Плеханов Г. В., Избр. филос. произв., т. 5, М., 1958, с. 594—95; Пантелеев (ук.); Бахтадзе В. С., Н. Николадзе. — В кн.: Очерки по истории груз. обществ.-экономич. мысли. (60—90-е гг. XIX ст.), Тб., 1960; Замбахидзе В. Н., Николадзе. — В кн.: Грузинские сыны, М., 1961; Козьмин Б. П., Из истории рев. мысли в России. Избр. труды, М., 1961 (ук.); Гугушвили П., Эволюция общества, полит. взглядов Н. — «Лит. Грузия», 1963, № 10; Вилеская Э. М., Рев. подполье в России. (60-е гг. XIX в.), М., 1965 (ук.); Николадзе А. (К.), Рус.-груз. лит. связи, Тб., 1965; Пасек (ук.); Волк С. С., Нар. воля. 1879—1882, М.—Л., 1966 (ук.); Шелгунов и др. (ук.);

Чарквиани Е., Нензв. письма Н. Николаеву С. Венгеру. [По мат-лам личного архива С. Венгерова в Ин-те рус. лит. АН СССР, Ленинград]. — «Заря Востока», 1967, 7 дек.; Ратняни П. К., Груз. шестидесятники в рус. освободит. движении, Тб., 1968; Абрамишвили А. З., Груз. периодика, Тб., 1968; Гамс-зардашвили Д. М., 1970; Ленинские критич. реализма в груз. лит-ре, Тб., 1970; его же, Н. Николаев, Тб., 1983 (на груз. яз.); Травушкин Н. С., Чернышевский в годы каторги и ссылки, М., 1978 (ук.); Рудницкая Е. Л., Рус. рев. мысль. Демокр. печать 1864—1873, М., 1984 (ук.); Н. Г. Чернышевский в обществ. мысли народов СССР, М., 1984, с. 245—62; Толстяков А. П., Люди мысли и добра, Рус. издатель К. Т. Солдатенков и Н. П. Поляков, М., 1984 (ук.); Чиковани Л. Ф., Н. и демокр. печать Грузии 70—80-х гг. XIX в., Тб., 1989; Истопис жизни и творчества А. И. Герцена. 1868—1870. Доп. и поправки к книгам 1—4. Сводные ук., М., 1990 (ук.); ЛН, т. 53—54, 61, 63, 64, 87, 96. + Некролог: «Коммунист», 1928, № 3 (Ф. Махарадзе). (Туманов Г. М., Туманов К. М.), Словарь кавк. деятелей, Тифлис, 1890; Брокгауз; НЭС; Венгеров. Список: Южаков; ДРДР; ЛЭ; СИЗ; КЛЭ; ФЭ; БСЭ; Зерцалов Г. В., Библиограф. периодики Грузии, ч. 1, 1828—1920, Тб., 1941 (ук.); Рус. периодич. печать. (1702—1894). Справочник, М., 1959 (ук.); История ист. науки в СССР. Сокр. период. Библи., М., 1965 (ук.); ИДРДВ; ДКРНЗП; Боград. «Совер.»; Боград. ОЗ(2); Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 776, оп. 2, д. 23 (о ст. «Лун Блан и Гамбетта», 1883); оп. 1, д. 19 (об этой же статье в докладе мин. внутр. дел, 1883 г.), оп. 12 — 1883 г., д. 54 (записка Л. с программой изд. новой газеты или ж-ла, 1885); ф. 777, оп. 2 — 1867 г., д. 21 (справка Л. М. Сосёлкиной); ЦГА Грузии, ф. 480; Грузии, гос. б-ка (Тб.), л. ф.; ГРГ Грузии, л. ф.; ГЛМ Грузии, л. ф.

Б. М. Шахматов.

НИКОЛАЕВ Николай Николаевич (1866, Москва — не ранее 1912), поэт-самоучка, автор рассказов и очерков. Из мещанской семьи. По автобиограф. сведениям (письма А. И. Яцимирскому — ИРЛИ), мать Н. — «англичанка по происхождению». Семь лет потерял отца, расстался с матерью, поступившей в гувернантки, и более года жил у чужих людей, затем определен в Набильковское уч-ще Человеколюбивого об-ва (позднее признавался, что не может вспомнить «без раздражения... проклятого детства» — там же). По окончании уч-ща (1883) сдал экзамен на звание учителя в Моск. округе, зачислен кандидатом в Богородский уезд. В

ожидании места был вынужден работать в сельской школе бесплатно, через неск. месяцев из-за безденежья вернулся в Москву и попытался жить лит. трудом, хотя, по собств. признанию, ни тогда, ни позднее не имел почти никаких лит. связей (Хренов, 1910, с. 15). Дебютировал в печати в 1885 стих. «Вдова» («Волна», № 12; б. п.); первая подписанная публ. — стих. «Сапожник» («Тихо на улице! Грязь невозможная...»; там же, № 17). В том же году публиковал стих. в газ. «Новости дня», однако надежды на лит. заработок не оправдались, и он переехал в Смоленскую губ., где сменил неск. занятий: берегового рабочего, табельщика, приказчика, конторщика. В 1894 женился на крестьянке (имел пятерых детей). Переехав в Калугу, познакомился с редактором газ. «Калуж. вест.» Ф. Ф. Лашмановым, сотрудничал в его изд. (опубл. в т. ч. в 1897 повесть из нар. жизни «Бабья доля»). В 1901 служил в конторе зеркального з-да Моск. стеклопромышл. об-ва (т. Средняя Сызранск-Вязем. ж. д., находившаяся в Тарусском у. Калуж. губ.). Позднее жил в Петербурге.

В 1890—1900-х гг. произв. Н. появлялись в столичной периодике — «Рус. листке», «Рус. мысли» (стих. «Еще грохочет гром» — 1896, № 5), «Севере», изд. И. И. Ясинского «Ежемес. соч.», «Почтальон» и «Беседа» (в т. ч. юмористич. рассказы под псевд. Макар Шишкин), лит. отделе «Бирж. ведомостей» и др. Ему принадлежат сб-ки «Из жизни. Стихотворения, рассказы и очерки» (М., 1890), «Стихотворения» (М., 1894), «Стихотворения. 1892—1897 гг.» (Калуга, 1897). Очерки и рассказы Н., в осн. «из сельского быта» («Ермолай Простаков» — в сб. «Из жизни»; «Загубленные души» — «Беседа», 1905, № 10, и др.), отмечены подчас прямолинейной дидактичностью. В стихах, в т. ч. автобиографических («В сельской школе» — «Ежемес. соч.», 1901, № 11; «Разговор в дороге» — там же, № 10; «Встреча» — в сб. «Стихотворения», 1894; переизд.: «Беседа», 1903, № 6, и др.), — разнородные влияния: образная, стилистич. и ритмич. ориентация на А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова и И. З. Сурикова, характерные для поэзии 80-х гг. мотивы беспомощности, тщетности жизненных усилий («Без борьбы слагаю руки./ Без желания живу» — «Дума») и — одновременно — вера в созидат. силы «поборников» нар. просвещения, в стремление народа к знаниям («В разных улах необъятной России/ Новая жизнь поднялась, зашумела...» — «Народным учителям»), традиц. по стилю пейзажные зарисовки («Как тихо все вокруг! Как ясен небасвод! В полях блестит роса, какяхонты, как слезы...» — «Ночь в де-

ревне»). Среди лучших своих произв. сам Н. числил поэму «Шахтеры» («Ежемес. соч.», 1902, № 7; первонач. публ. в «Калуж. вест.»), построенную, как и большинство его стих. о тяжелой доле людей труда, на противопоставлении неизменно красивой, но безучастной природы и изнурительной подневольной работы.

«Мерцание как будто бы таланта и искреннего одушевления» увидел в стихах Н. В. А. Гольцев; страстное желание «задавать вопросы», «чуткая совесть», проявившиеся в них, свидетельствуют, по мысли критика, о нарастающем в молодом поколении «стремлении вырваться из бесцветной среды, поднять себя и других над низким уровнем... действительности» (РМ, 1894, № 12, ота. 2, с. 200—01).

После 1905 публ. Н. стали эпизодическими (еще в 1901 он сообщал Яцимирскому, просившему прислать автобиографию, что пишет мало: «конторская служба и заботы о большой семье... отнимают все время» — ИРЛИ). Кн. стихов «На старей лад» (СПб., 1907) в осн. повторяет предыдущие сб-ки.

Скудость биогр. данных (в частности, отсутствие сведений о последних годах жизни и точной даты смерти) не позволяет с достаточной степенью достоверности определить, какие из публ. в периодике 2-й пол. 1900—1910-х гг., появлявшихся под фам. Николаев, могли принадлежать Н. (указанные выше публ. атрибутированы по упоминаниям в письмах Н., участие в нек-рых ж-лах подтверждается републикациями в них стихов, ранее помещенных в его сб-ках). При использовании библиографич. источников (в т. ч. архивных, напр. картотеки А. Д. Алексеева — ИРЛИ) следует принимать во внимание возможность употребления этой фам. как псевдонима: так, ст. «О нар. писателе, писателях и „писателях“» («Огни», 1913, № 3, 4, подпись: Н. Николаев) принадлежит Н. Н. Ляшенко (см. Масанов), псевдонимной, по-видимому, является публ. в ж. «Лукоморье» (1916; под той же подписью) и др.

Лит.: Хренов К. А. (сост.), Поэты из народа, М., 1901, с. 133—35 (в т. ч. стих. «Нар. учителям», «Сельской учительнице»); его же, Скрытые таланты, М., 1910, с. 12—16; Качалкин А. П., Пехтерев А. С., Пухов В. А., Забытые писатели земли калужской, Калуга, 1984 (очерк А. С. Пехтерева; включены стих. Н.). + ИДРДВ: Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 193, № 276 (письма А. И. Яцимирскому, 1901 г.); ф. 551, оп. 1, № 27 (письмо к ред. ж-ла «Наблюдатель», 1903 г.) [справка Л. К. Хитрово]; РГАЛИ, Назаров; ф. 66, оп. 1, № 1301; ф. 44, № 359; ф. 326, оп. 1, № 70 (стих.); ф. 581, оп. 2, № 113 (письма И. И. Ясинскому, 1903, 1912 гг.); ф. 584, оп. 1, № 170 (письма А. И. Яцимирскому).

В. М. Бокоев.

НИКОЛАЕВ Пётр Фёдорович [14(26).9*.1844, Владимир — 18, по др. сведениям — 19**.(11.12).1910, Чернигов, похоронен на общем гор. кладб.], публицист, социолог, критик, мемуарист, переводчик. Сын наив. сов.

Отец, Ф. Д. Николаев, и мать (урожд. Тюрина) — из чиновной среды, люди несоборванные, но бесспорно обладавшие и недожимным умом, и разнообразными талантами; это были, прежде всего, задавленные жизнью худож. натуры...», «у обоих была страстная любовь к чтению» (Автобиография Н., РГБ, ф. 520, карт. 12, № 2, л. 8—9; далее цитируется этот автобиографич. источник). В детстве Н. «был предоставлен сам себе», но пяти лет помнил себя не только «грамотным, но и читавшим запоем» «разные старые романы, преим. исторические...» (там же, л. 11).

В 1854 Н. приняли во 2-й кл. Владимир. г-зии. Первым своим лит. произв., заслуживающим внимания, Н. считал написанную в 7-м кл. историю княжества Владимирского и г. Владимира (по Н. М. Карамзину и Н. А. Полевому).

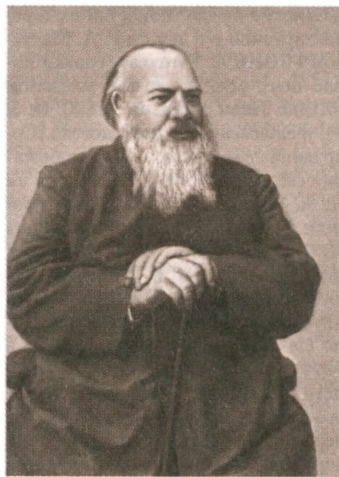
«Все время начинал писать разные рассказы и даже романы, не пошедшие, однако, дальше 2—3 стр.». Проявлявшийся в них «инстинкт разномыслия отрицания старой барской культуры» (там же, л. 15) оборачивался у Н. «великим гневом» против «ликования» «праздной и властной... провинц. аристократии, купленного «ценою рабства миллионов одичалых людей» (там же, л. 8). Неудивительно, что Н. «вынес из г-зии только злобу и крайнюю... жажду самостоятельности... и недоверие ко всякой школьной науке» (там же, л. 12).

Окончив г-зию (с серебр. медалью), поступил (Н. было ок. 16 лет) на физ.-мат. ф-т Моск. ун-та. Следовавший своему принципу («всегда полагаться только на себя»), Н. хронически недоедал, но зато «был свободен, как босяк или как ветер. Это великое благо для человека» (там же, л. 16). Деятельно участвовал в студенч. волнениях 1861 (в частности, писал прокламации; перепечатаны в сб.: Рев. движение 1860-х гг., М., 1932, с. 36—37; ср.: Козьмин Б. П., Из истории студенч. движения в Москве в 1861 г., там же, с. 41—42, предполагавший, что прокламации написаны кружком студентов В. Н. Линда, Н. Н. Освальда, М. Н. Гумилина и др. См. также: Сводный каталог рус. нелегальной и запрещ. печати 19 в., Листовки, ч. 1—3, М., 1977, с. 13—14, № 18—20). С возобновлением занятий в ун-те Н. volontером посещал лекции на разных ф-тах по собств. плану самообразования, усердно занимаясь математикой. «Гл. столбами образующегося мировоззрения» Н. в это время становятся П. Ж. Прудон, Ш. Фурье, Л. Фейербах и в особенности Н. Г. Чернышевский. «Я уже тогда, — писал Н., — твердо и бесповоротно решил, что по обычной дороге я не пойду и на службу гос-ву никогда и ни при каких обстоятельствах не поступлю... великий и неопределенный призрак, к-рый именуют наукой, неудержимо увлекал меня за собой» (Автобиограф., л. 17). Интересы Н. сместились в сферу гуманитарных наук, особенно философии (знакомится с трудами Г. Т. Бокля, Ч. Дарвина, О. Конта, Г. Гегеля, И. Г. Фихте, а также К. Маркса). В особенности привлекали Н. «своими аналогиями с желат. судьбой России, ее нац. социализма, ее общины — работы Прудона» и развитый в них вопрос о федерализме и анархизме. С этим связан и дебют Н. в легальной печати: «горячая статья о федеративном принципе» по поводу борьбы за освобождение негров в США (не выявлена) в газ. «Наше время» Н. Ф. Павлова, куда его пригласили как пе-

реводчика из франц. газет для иностр. отд.

Н. работал 3 недели, но «газета была антипатична... антипатичен и Павлов и его жена, изв. поэтесса Каролина...» и он «не вынес обстановки и убежал». Отказался и от сотрудничества с «Рус. словом» Г. Е. Благовестлова, не поместившим статью, в к-рой Н. «разносил Писарева за его „Шесты невинного юмора“, за уличение естественным и мыслящим реализмом и указывал на политическое-обществ. значение сатиры Щедрина». «В течение всей моей жизни, — писал Н., — мне борьба мешала быть поэтом, хотя меня всегда тянуло к лит-ре и я всегда считал звание литератора высшим после звания борца за свободу» (Автобиограф., л. 18—19).

В 1865 Н., сдав экзамены, получил степень канд. права и стал готовиться к магистер. испытаниям по кафедре полит. экономии. Как активный деятель моск. подполья [в 1864 по доносу привлекался по обвинению в литографировании прокламаций в

честь тысячелетия России, но «дело кончилось измором» (там же, л. 16); после покушения Д. В. Каракозова 4 апр. 1866 Н. пытался спасти шутинскую «Организацию», где состоял с 1863 и где считался крупной лит. силой, способной, по их мнению, занять место Чернышевского] был арестован (20 апр. 1866), перевезен в Петербург и заключен в Петропавлов. крепость. Суд по обвинению Н. в принадлежности к тайному об-ву «Ал», имевшему целью царевубийство (на к-ром он открыто развивал социалистич. и крайние полит. взгляды — см.: Покушение Каракозова, т. 2, М.—Л., 1930, с. 333—37), приговорил его к лишению всех прав состояния и 12 годам каторги, сокращ. по высочайшему повелению до 8 лет. С февр. 1867 отбывал каторгу в Александровском заводе (Нерчинский округ) вместе с Чернышевским. С мая 1871 на поселении.

После ряда перемещений (Верхотурск и Киренск Иркутской губ., якут. село Усть-Мая и др.), вызванных, в частности, ложными доносами (1876, 1880), Н. в 1883 как «неприимчивый» был исключен из действия коронационного манифеста Александра III, по пути в Тобольскую губ. задержан и оставлен в Томске.

Занявшись на поселении «неуклюжей лит. деятельностью» (Автобиограф., л. 24), начал печататься с 1876 (ст. «Романтизм или реализм?» о значении Ж. Санд как предтечи совр. дем. движения — «Неделя», № 44—45), особенно активно в газ. «Сибирь»: ст. «Накануне или на завтра? (Открытое письмо г. Шапову...)» (№ 14) и «Pro domo sua. По поводу статей г. Мордовцева о провинц. печати» (№ 16—18), развивавшие излюбленные темы Н. (о социализме и полит. реформах, о централизации и децентрализации и т. д.) и напис. в духе идей оформлявшегося в то время течения областничества, и в частности сибирского, в к-ром Н. принадлежит заметная роль.

Почти в каждом номере «Сибиря» появлялись статьи Н., в т. ч. передовицы по широкому кругу тем (1876: «Податная реформа в Сибирь», № 29—32, 39; «Кабацкий вопрос...», № 45, 50; «Артельное рыболовство в Ольгонском ведомстве», № 51—52; 1877: «Мировой обмен и сибирские дороги», № 3; «Несколько слов о значении золотопромышленности в экономич. жизни Сибири», № 15—16; «Немецкая Молчалина о Сибири», 1879, № 18, и др.), фельетоны (за подписью «Сиб. философ»), корреспонденции из Верхотурска (в т. ч. «Очерк полудеревни, полугорода», 1876, № 25—26; «Верхотурск за последние годы», 1876, № 27, и др.), очерки и рассказы из нар. быта («Осип Иванович», 1876, № 30; «Из быта серых людей», 1876, № 41; «Беглянка», 1876, № 46—47; «Из Якутской жизни», 1877, № 14; «С Ангара на Лену (волок илимский)», 1879, № 20, и др.).

С приостановкой «Сибиря» в 1880, переездом Н. в Томск и его сотрудничеством в «Сиб. газете», где он вместе с кн. А. А. Кропоткиным и К. М. Станюковичем состоял почетным чл. редакции, а затем и в газ. «Вост. обзор». Н. М. Ядринцева (издававшейся в то время в Петербурге) характер и направление творч. интересов Н. не изменились («Сиб. газ.», 1885: «Ссылка как фактор экономич. жизни Сибири», № 39—40; «Волостные бюджеты и будущее Сиб. земство», № 47; «Забитый тип кабака», № 49—50; «Вост. обзор»: «Ссылка и поземельный вопрос в Якут. области», 1886, № 46—47; «Ожидания и надежды сиб. печати», 1887, № 2, и др.).

Попытка Ядринцева в 1880-х гг. издать сб. этих статей не увенчалась успехом из-за ценз. условий и невозможности восстановить написанное в условиях ссылки (не выявлены эти статьи и сейчас). Еще печально судьба лит. работ Н. периода ссылки: «...я писал много не для печати, а именно написал множество повестей, очерков и рассказов, даже начал писать большую роман-трилогию... Все это, конечно, бесследно пропало. Жандармы не церемонились и при обысках аккуратно отбирали все» (Автобиограф., л. 30).

В 1885 Н. получил разрешение вернуться в Европ. Россию с причислением к мешанскому сословию (в 1887 возвращены все права); жил сначала во Владимире у матери, а потом в Москве.

По словам самого Н., это была не жизнь, «а какая-то непрерывная мучительность... Аресты, обыски, высылки из Москвы, привлечение к разным полит. делам, годы подследств. надзора с окончат. оставлением дел без последствий...» (там же, л. 30). По свидетельству К. Д. Балымова, в 1887 Н. играл роль «советника» во время

студенч. волнений, связанных с новым университетом (см.: ЛН, т. 87, с. 401), в 1888 его привлекают по делу об укрывательстве некоего Золотова и по делу газ. «Самоуправление. Орган социалистов-революционеров», издававшийся в 1887—89 под ред. Н. А. С. Белевского, О. Н. Флоровской и Н. К. Михайловского в Женеве. В 1893 Н. выступил одним из основателей и участников партии «Нар. права», был ред. (по др. сведениям, соавтором) соев. с М. А. Плотноковым и А. И. Богдановичем манифеста социално-рев. партии «Нар. права» «В жизни государства бывают моменты...» (Смоленск, 1894, перизд.: «Летучие листки ФВРП», 1894, л. 9; «Былое», 1907, № 5). По делу этой партии Н. привлекся к дознанию в 1894 и был выслан в Рязань (Моск. губ.), а затем в Одессу с последующим запрещением въезда в столицу и нек-рые губернии, с подчинением полиц. надзору.

Наиб. значит. публикации этого периода — «Очерк развития социално-рев. движения в России» (изд. в 1888 нелегально в сб. «Социальный вопрос». Сб. № 1; переиздан Э. С. Виленской — ЛН, т. 87, с. 405—28, с ее вступ. стн.) и программная ст. «Чего нам ждать и что нам делать» (изд. на гектографе народовольч. кружком «Союз» — Сб. № 3, Тверь, 1892).

В 1888 Н. стал чл. редакции (совм. с В. П. Воронцовым и Н. Н. Златовратским) ж. «Эпоха» (куплен другом Н. бывшим каракозовцем А. Н. Колачевским; вышел один номер), где поместил разбор соч. В. М. Гаршина «Художник переходного времени» и разбор трудов зап. социологов «Критика научного пессимизма». Социологич. статьи были продолжены Н. в ж. «Рус. мысль» (1888, № 5, 7; 1889, № 4, 11, 12; 1890, № 4; 1891, № 5, 6; 1892, № 3, 4, 12) и вышли затем отд. кн. «Активный прогресс и экономич. материализм. Социологический этюд» (М., 1892). Она сыграла заметную роль в бурно развивавшейся в то время социологич. мысли (отзывы на кн. дали П. Н. Милоков, Н. И. Кареев, П. Б. Струве, Л. Уорд и др.), особенно в спорах между народниками и марксистами, в ходе к-рых обе стороны склонны были видеть в Н. своего противника. Еще большее значение имела переводч. работа Н. (у К. Т. Солдатенкова, с к-рым они вскоре стали друзьями): «Динамика. социология...» Л. Уорда (1891, перевод ее был запрещен на 1-м томе), кн. «Будда, его жизнь, учение и община» Г. Ольденберга (1890, обложка 1891, вышла с ценз. изъятиями), «История англ. народа» Дж. Р. Грина (в 4 тт., 1891—1892, с ценз. изъятиями), «История герм. народа» К. Лампрехта (1894—1896, в 3 тт.), «Открытие Америки...» Дж. Фиска (1892—93, в 2 тт.), «История философии» А. Фулье (1894) и др. После смерти Солдатенкова мн. книги переиздавались у книгоиздателя Д. П. Ефимова, для к-рого Н. перевел «Философ. и социологич. обоснования марксизма» Т. Масарика (1900), «Социальный вопрос» Л. Штейна и др.

Нск-рые кн. переиздавались и позже, часто без имени переводчика, как это произошло, напр., с кн. М. Мюллера «Шесть систем индийской философии» (М., 1995; сказано только, что она была переведена в 1901).

В 1889 Н. написал «Личные восп. о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге (в Александровском заводе) 1867—1872 гг.» (впервые напеч. — М., 1906, переизд. — П., 1917), а в 1900 готовил сб-к, посв. его памяти (судьба сб. неизвестна; см. письма Н. к А. П. Чехову с просьбой дать какой-либо рассказ для этого изд.: РГБ, ф. 198, к. 53, № 21). Воспоминания ценны как биографич. подробностями жизни Чернышевского, так и во многом единств. свидетельством о содержании произв., написанных им на каторге. В 1889 Н. предполагал дать серию рассказов под общим загл. «Деревенские люди», поместив их в редактируемой его другом Г. А. Мачтетом «Газете А. Гатчука», однако после ценз. мук с первым рассказом «Дедко Иван Драный» (1890, № 3, 4) продолжения не последовало. Сотрудничал Н. также в «Мире божием» (не выявлено, см.: Скворцова Л. А., «Мир божий» — «Лит. процесс и рус. журналистика конца XIX — нач. XX в. 1890—1904. Социал-демократич. и общедемократич. издания», М., 1981, с. 160) и «Рус. вед.». В 1893—98 Н. ежемесячно (за исключением неск. месяцев в 1894) вел в «Рус. мысли» В. А. Гольцева пост. отд. «Периодич. изд.», своего рода хронику лит. жизни, содержащую оценки творчества мн. совр. писателей, а также отклики на все злободневные темы периода «безвременья» (о наследстве, народничестве, марксизме, об интеллигенции, славянофильстве и т. п.) через оценку трудов Кареева, Струве, Н. Ф. Даниельсона, С. Н. Южакова, А. А. Исаева, С. Н. Трубецкого и др. Переиздавая свои журн. заметки, по жанру и манере походившие на аналогич. циклы Михайловского, отд. книгой «Вопросы жизни в совр. литературе» (М., 1902, рец.: РБ, 1903, № 1; А. Б. Богданович А. И.) — МБ, 1902, VIII), Н. в послесловии к ней причислял себя к фаланге «стариков», к-рые перестрадали краткую, но тяжелую эпоху «смуты» умов, пережитую нашей интеллигенцией и печатью в 80-х и в 90-х годах, и вожжами к-рой были Михайловский и Н. В. Шелгунов.

Как «райской этой маленькой фаланги» Н., несмотря на отсутствие «яркого лит. таланта» или «яркой писат. индивидуальности», «пытался всегда указать... что для нашей общности существует только один кардинальный и основной вопрос: вопрос о необходимости всестороннего развития личности, о необходимости гарантий ее неотъемлемых и неотчуждаемых прав, о необходимости активности общества для достижения этой цели» («Вопросы жизни...», с. I—II).

В 1897—98 в Одессе Н. издавал (совладелец вместе с Н. — Я. Л. Сакер) еженед. ж. «Жизнь Юга», где публиковал «Заметки журналиста» (1897, № 1, 2, 11, 12, 14, 15). Н. удалось собрать в этом журнале и в книжках приложений к нему под назв. «Журнал „Жизнь Юга“» (1897) довольно крупные лит. силы (прислали свои произведения М. Горький, Мачтет, Южаков, Е. Н. Чириков и др., обещали сотрудничество Чехов, В. Г. Короленко, Станюкович, Д. Н. Мамин-Сибиряк и др.), однако он просуществовал всего неск. мес. по ценз. и матер. обстоятельствам (а Н. как поднадзорный не мог действовать официально). В прил. к журналу (1897, № 2) Н. напечатал и рассказ «Изломанные люди. (Из зап. книжки скитальца). Психология. этюд».

В 1899 из-за болезни жены Н. переехал в Чернигов, где был выдвинут в гор. гласные, что послужило причиной (формально его выслали за адрес В. В. Лесевичу, написанный им от имени правления обществ. библиотеки, в к-рой Лесевич читал лекции) для очередной высылки в Полтаву, а по возвращении в Чернигов, где его избрали гласным, его снова отдали под надзор, с воспрещением выезда на очередные три года. Ветеран рев. подполья, Н. участвовал в выработке программы партии социалистов-революционеров, членом к-рой он был с основания. Именно в парт. изд. в период революции 1905—07 появились нек-рые произв. Н. Свое состояние он завещал лит. учреждениям.

Изд.: Воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге. — Н. Г. Чернышевский в восп. современников, т. 2, Саратов, 1959, с. 132—85.

Лит.: Герцен; Толстой; Короленко (все — ук.); Короленко в восп. (ук.); Златовратский Н. Н., Восп., [М.], 1956 (ук.); Арсеньев К., Полит. процесс 1869—71 гг. — ВЕ, 1871, № 11, с. 308; Из Иркутска — «Вперед!», 1874, т. 2, с. 113—14; Гос. преступления в России в XIX в. Сб. извлеченных из офиц. изданий правительств, сообщений [под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского)], т. I (1825—1876), СПб., 1906, с. 114—51; Аптекман О. В., Партия «Народного права». (По личным восп.). — «Былое», 1907, № 7/19, с. 196—99, 205; Глинский Б. Б., Рев. период рус. истории, ч. I, СПб., 1913, с. 315, 352—53; Шагапов В., Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке, СПб., 1907; Слетов С. Н., К истории возникновения партии социалистов-революционеров, П., 1917; Спиридович А. И., Партия социалистов-революционеров и ее предшественники, 1886—1916, 2-е изд., П., 1918 (ук.); Лопатин Г. А., Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография, П., 1922, с. 98—100; Видящие глаза. Памяти В. Г. Короленко, К. и проф. Н. И. Сторожко. Странички восп. Н. Д. Бальмонта. — Газ. «Утро», Нью-Йорк, 1922, 25 и 26 февр.; Мицкевич С., О П. Г. Занчевском. — Ист.-рев. бюллетень, т. I, М., 1922, с. 19; его же, Рев. Москва, 1888—1905, М., 1940, с. 79; Чешихин Ветринский В. Е., Н. Г. Чернышевский. 1828—1889, П., 1923; Кротов М. А., Якутская ссылка 70—80-х гг. Историч. очерк по изд. архивным мат-лам, М., 1925 (ук.); Козьмин Б. П., Современник о каракозовском процессе. — «Былое», 1925, № 6, с. 45—48; Меньшиков Л. П., Охрана и революция. К ист. тайных полит. организаций, существовавших во

время самодержавия, ч. 1, М., 1925, с. 43—47, 197—99, 386, 408; Школьник М., Жизнь бывшей террористки, М., 1927, с. 60, 62; Покушение Караковского. Стеногр. отчет по делу Д. Караковского, И. Худякова, Н. Ишутина и др., т. 1—2, М.—Л., 1928—30 (ук.); Бонч-Бруевич В. Д., Избр. соч., т. 2. Статьи, вост., письма, 1895—1914 гг., М., 1961, с. 154; Филиппов Р. В., Рев. нар. орг-ция Н. А. Ишутина — И. А. Худякова (1863—1866). Петрозаводск, 1964; Виленинская Э. С., Рев. подполье в России (60-е гг. XIX в.), М., 1965 (ук.); Широкова В. В., Партия «Нар. права», Саратов, 1972; Таратута Е. М., Степняк-Кравчинский — революционер и писатель, М., 1973, с. 480—81; Левин Ш. М., Очерки по ист. рус. обществ. мысли. Вторая пол. XIX — нач. XX в., Л., 1974 (ук.); Троицкий Н. А., Безумство храбрых. Рус. революционеры и карательная политика царизма. 1866—1882 гг., М., 1978 (ук.); Трофимов И. Т., Поиски и находки в моск. архивах, 2-е изд., М., 1982, с. 185, 188; От султана до Оксфорда (Восп. Е. А. Бальмонт), — Вспл. в 5, М., 1984, с. 96. + Некрологи, 1910: «Киев. вестн», № 315; «Речь», 24 нояб.; 1911: РМ, № 1; ИВ, № 1; «Знамя труда», № 33. Южаков: НЭС; РВед. Сб.; Венгеров. Список; ДРДР; ИДРД; БСЭ (ук.); Муратова (1, 2); СКРНЗП; Восп. и диспанси XVIII—XX вв. Указатель рукописей [РГБ. Отдел рукописей], М., 1976 (ук.); Масаилов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; ГАРФ, ф. 1167, оп. 1, ч. 1, № 2417 [ст. Н. «Караковское дело (эпизод из истории развития социализма, идей в России)»]; РГАЛИ, ф. гат. «Рус. вед.» (Восп. о Н. Г. Чернышевском); РГБ, ф. 135, разд. П, к. 30, № 74 (письма к В. Г. Короленько); ф. 520, к. 12, № 2 (Автобиограф. Н. с предисл. П. Козьмин); ф. 611, к. 1, № 59 (письма Д. П. Ефимову); ф. 119, к. 10, № 77—79 (письма Н. И. Карсесу); РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 1923, л. 13 (копия м. с. Н.)*, л. 4 об.—5 (ф. с. отца Н. 1835 г.); ф. 776 [справка С. И. Вареховой]; ГА Черниг. обл., ф. 679, оп. 10, д. 1425, л. 33 (день смерти Н.)*.

Б. М. Шахматов.

НИКОЛАЕВИЧ И. (наст. имя и фамилия Николаевич*) Меч; 1809*, Казань? — ок. 1869?), автор ист. сочинений для низового читателя. Уроженец Казан. губ., из обер-офицеров. В 1827 окончил старший юнкерский класс арт. уч-ща и начал службу в 4-й арт. бригаде. Принимал участие в рус.-тур. войне 1828—29, в подавлении Польского восстания 1830—31, о чем оставил восп. «Дело под Шавлями, 21-го, 25-го и 26-го июня 1831 г.» (РВ, 1860, № 3). В 1834 переведен во 2-ю арт. бригаду (поручик), позднее служил в 19-й (1836—38) и 10-й арт. бригадах, участвовал в воен. действиях на Кавказе. Дослужившись до чина подполковника (1854), командовал 1-й запасной батареей 3-го арт. дивизиона 7-й арт. бригады, затем Шостенским отд. складом готовых арт. орудий. Полковник (1867).

С 1-й пол. 50-х гг. Н. начал выступать в печати с многочисл. тематически разнородными ист. романами. Наиб. ранние из выявленных публ. — «Битва русских с турками, или Ужасы балканских пещер, и таинственная мусульманка, или Красный мальчик. Роман ... с хорами и маршами» (ч. 1—2, М., 1852, анонимно), отсылающий своим назв. к кн. Н. И. Зряхова «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга», и ром. «Приворотное зелье» (М., 1852, анонимно; отрицат. рец.: ОЗ, 1852, № 12; «Совр.», 1853,

№ 1). В дальнейшем опубл. сентимент. бытоописат. ром. «Черный ворон» (М., 1853; в изд. включен список соч. Н., позволяющий атрибутировать ему предыдущие публикации; см. также: ЦИАМ), «Чигиринский лес, или Вера сильнее любви. Нравственно-ист. роман» (ч. 1—2, М., 1853; о царствовании Фёдора Алексеевича; отрицат. рец.: ОЗ, 1853, № 4; «Совр.», 1853, № 5), «Нищий, или Избавленная жертва, из времен князя Пожарского» (ч. 1—2, М., 1853; отрицат. рец.: ОЗ, 1853, № 7), «Бриллиантовая луна, или Инкерманское подземелье. Из последних времен владения генуэзцев в Таврии. Рассказ балаклавского оставленного школьного сторожа» (ч. 1—2, М., 1854; о Крыме в сер. 15 в.; отрицат. рец.: «Совр.», 1854, № 10) и др. Сочувств. отклик («неудруно для моск. романа» — «Совр.», 1853, № 7, с. 23) вызвала кн. «Жид-островитянин, или Похищенный клад» (М., 1853; др. рец. — ОЗ, 1853, № 6). Романы Н., в к-рых в рамках авантюрного сюжета сочетаются батальная (патриотич.) и любовная (мелодраматич.) линии, отмечены тягой к эффектным ситуациям, нагнетанию страстей (гибель гл. героев в финале и т. п.). В русле характерных для низовой лит-ры тенденций Н. стремится продемонстрировать превосходство православия над др. религиями, а России — над другими странами. Действие его соч. нередко разворачивается на Кавказе и в других хорошо знакомых ему местах. При всей их схематичности и наивности, романы свидетельствуют об умении автора «рассказать историю», а иногда и выписать быт.

Рецензенты чаще всего относили произв. Н. к «москowsкой» «серебряной» лит-ре, хотя и отмечали, что он пишет лучше др. представителей низовой рыночной словесности и что своему таланту занимает один из пунктов того ряда писателей, на двух концах которого, как алфа и омега, стоят гг. Зряхов и Марлинский» (ОЗ, 1854, № 4, с. 84). Указывая, что Н. подражает М. Н. Загоскину и А. А. Бестужеву-Марлинскому, иск-ры из критиков вместе с тем признавали, что в его книгах «содержание очень занимательно и рассказ показывает дар повествовательного слова, не развитый упрямством и опытною, но тем не менее заслуживающий отличия» (БдЧ, 1853, № 6, с. 44; ср.: «Совр.», 1853, № 7, с. 23).

Среди соч. Н. в др. жанрах — популярная биография «Жизнь и военные действия Александра Великого, царя Македонского» (М., 1853) и очерк отеч. истории «Праздники» (М., 1853), написанный в официозном ключе псевдонар. языком и проникнутый неприязненным отношением к «басурманам» — иноземцам. Его стихотв. продукция представлена двумя «ура-патриотическими» брошюрами «Синопское сражение...» и «Бой под Ахалцыхом и поражение турок...» (обе — М., 1854), в к-рых батальные описания приобретают порой комич. оттенок («А милиция,

казаки/ Заскакали в буераки/ И между и огня/ Началась тогда резня./ Кровь лилась, трещали кости.../ Улеглись от хмелю гости!// И на месте боевом —/ Груды тел и разный лом!» — «Бой под Ахалцыхом...», с. 7), а также стихотв. сказками «Бубны» и «Царь-девица» (обе — М., 1861), подражающими опытам в этом роде В. Ф. Потапова.

У низовых читателей соч. Н. имели успех. В конце кн. «Бриллиантовая луна...» он не без гордости сообщал, что «более 3000 экземпляров» ранее вышедших его соч. разошлись в неск. месяцев; «по крайней мере вижу, что люди, читающие русские книги, читают и мои сказки» (с. 132). Романы его вошли в репертуар любочной лит-ры и по неск. раз переиздавались. В Д. Бонч-Бруевич, в юности (в 1891) по заказу книготорговца сделавший переделку ром. Н. «Черный ворон», вспоминал, что Н. стал к тому времени мифич. фигурой: ходили слухи, что он, будучи княжеского рода, жил на Хитровке и что ему «свыше указали забыть фамилию» (РГБ, ф. 369, к. 3, № 10).

Др. произв.: «Простонародные рассказы, или Осенний вечер в деревне» (М., 1850; анонимно, об авторстве — ЦИАМ; рец.: «Совр.», 1853, № 5), «Битва русских с черкесами, или Пастух Черной долины. Ист. роман» (ч. 1—2, М., 1853; отрицат. рец.: ОЗ, 1853, № 7).

Лит.: Сушков Н., Библиография. — РВ, 1859, № 6, Совр. летопись, с. 32; Список подполковникам по старшинству, СПб., 1866, с. 32; Список полковникам по старшинству, СПб., 1868, с. 611; [Платов А., Кирпичев Л.], Ист. очерк образования и развития арт. уч-ща, СПб., 1870, прил. 2, с. 9. + Мезьер; Масаилов (Н. ошибочно назван Иванов).

Архивы: РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 40455, ф. с. 367—590 (ф. с. 1842 г.); ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 19 (сведения об авторстве кн. «Приворотное зелье», «Битва русских с турками...», «Простонародные рассказы...»); оп. 4, д. 525 (рукопись сказки «Царь-девица»).

А. И. Рейтблат.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (Романов; 14(26).4.1859, Царское Село — 28.1.1919, Петроград), вел. кн., историк, военный и обществ. деятель, мемуарист. Внук имп. Николая I; старший сын вел. кн. Мих. Ник. и вел. кн. Ольги Фёд. (урожд. принцессы Баденской). Получив домашнее образование, в 1875 поступил на воен. службу, участвовал в русско-турецкой войне 1877—78 (награжден орденом св. Георгия 4-й степени за мужество и храбрость). В 1885 закончил Николаевскую акад. Ген. штаба по 1-му разряду. В дальнейшем командовал разл. частями и соединениями рус. армии, был шефом Лейб-гвардии 3-й арт. бригады и 82-го Дагестан. пех. им. вел. кн. Ник. Мих. полка. Ген. от инфантерии (1913).

Первоначальную известность получил своими лепидоптерологическими исследованиями и изданием

труда «Mémoires sur les lépidoptères» (т. 1—9, СПб., 1884—1901), в основу к-рого были положены коллекции бабочек, собранные им и его сотрудниками (Г. Х. Христофором, С. Н. Алфераки и др.). В 1898 Н. М. пожертвовал свою коллекцию Зоол. муз. АН и приступил к систематич. ист. исследованиям эпохи Александра I. Благодаря своему высокому положению при дворе и в обществе он получил доступ к арх. материалам (не введенным до того в науч. оборот). Внимание специалистов и общественности привлекли монографии Н. М. и подготовленные им публикации ист. документов и текстов: «Князья Долгорукие, сподвижники имп. Александра I в первые годы его царствования. Биограф. очерки» (СПб., 1901); «Гр. П. А. Строганов (1774—1817)» (т. 1—3, СПб., 1903); «Дипломатич. сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808—1812 гг.» (т. 1—7, СПб., 1905—14); «Генерал-адъютанты имп. Александра I» (СПб., 1908; 2-е изд., СПб., 1913); «Императрица Елисавета Алексеевна, супруга имп. Александра I» (т. 1—3, СПб., 1908—1909); «Переписка имп. Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной» (СПб., 1910; рец.: К. А. Военский — ЖМНП, 1911, № 2, с. 410—19); «Имп. Александр I» (т. 1—2, СПб., 1912; 2-е изд., П., 1914; рец.: С. Мельгунов — ГМ, 1913, № 1; И. Игнатович — «Сев. зап.», 1913, № 1, и др.); «Нек-рые науч. материалы о кончине имп. Александра I» (СПб., 1914).

По мнению ряда исследователей, ист. работы Н. М. отличаются своеобразием авт. стиля: «... язык вел. кн. всегда энергичен, определения прямолинейны... На всей книге [«Имп. Александр I» — Ред.] ... лежит явный отпечаток порывистого творчества, чуждого стилистич. вытощен-

ности и погони за шепетильностью обдуманной фразы» (В. М. Андерсон — «Рус. библиофил», 1912, № 6, с. 57; по мнению Л. В. Черепнина, в работах Н. М. «стиль изложения часто приближается к ист. роману» — «Очерки истории ист. науки в СССР», т. 3, М., 1963, с. 323). Другая отличит. особенность ист. иссл. Н. М.: несмотря на свою принадлежность к правившей в России династии, он не только не затушевывал, а, наоборот, всячески выделял и подчеркивал темные стороны личности и деяний Александра I. Характеристику, данную им этому монарху, П. Б. Струве в своем некрологе, посв. памяти Н. М., не случайно назвал «суровой, даже беспощадной».

Приверженность Н. М. либерально-демокр. воззрениям (при дворе получил прозвище Филиппа Эгалите) способствовала его знакомству с Л. Н. Толстым (1901), переписка с к-рым продолжалась (с перерывами) ок. 8 лет (частично опубли.: ЛН, т. 37/38; см. также: «Мои свидания с гр. Л. Н. Толстым» — «Родина», 1993, № 4). Осн. тема переписки — проект реформирования России, опирающийся на экономич. идеи Г. Джорджа, к к-рым Толстой хотел привлечь внимание Николая II через посредничество Н. М. В письмах Н. М. есть и характеристика совр. лит. жизни (напр., одобрит. отзыв о пьесе М. Горького «На дне», с характерным упреком: «жаль, что кругозор Горького только вращается между пьяницами, забулдыгами и пропавшими людьми» — ЛН, т. 37/38, с. 315). Разрыв между ними произошел в обстановке бурного рев. подъема 1905, когда Толстой счел нужным дистанцироваться от Н. М.: «Вы великий князь, богат, близкий родственник государя; я человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом» (LXXVI, 32). Переписка возобновилась по инициативе Толстого, к-рый хотел получить от Н. М. сведения о распорядке дня рос. императоров. Поблагодарив за высланные ему материалы, Толстой признается, что ему «совестно вспоминать» о своем письме 1905: «Теперь же мне дороже всего любовное общение со всеми людьми, безразлично кто они: цари или нищие» (LXXVI, 72). По просьбе писателя вел. кн. помогал ему в подборе материалов (в т. ч. архивных) к нек-рым его произв. («Хаджи Мурат», «Посмертные записки старца Федора Кузьмича»).

Поч. чл. Петерб. АН (1898). С 1900 — чл. имп. Рус. ист. об-ва, в 1909—17 — пред.; возглавил также издат. деятельность об-ва: под его руководством выпускались очередные тома РБС и «Записок имп. Рус. ист. об-ва». Он был издателем работ:

«Рус. портреты XVIII и XIX ст.» (т. 1—5, СПб., 1905—08); МНкр.; ПНкр.; Шереметевский В. В., Рус. провинциальный некрополь (т. 1, М., 1914); Андерсон В. М., Рус. некрополь в чужих краях (в. 1, СПб., 1915). В 1909 Н. М. назначен попечителем Моск. публич. и Румянцевского музеев; в 1913 избран чл. Франц. акад. В том же году под поч. председательством Н. М. прошел съезд представителей губ. ученых арх. комиссий, посв. 300-летию Дома Романовых. В 1915 Моск. ун-т избрал Н. М. поч. доктором рус. истории.

Поглощенный науч. занятиями, Н. М. оставался в стороне от полит. деятельности. По признанию хорошо знавшего его А. П. Извольского, он был простым наблюдателем событий, происходивших в то время. Известно лишь несколько эпизодов, в к-рых вел. кн. сыграл заметную роль. В 1887, будучи ротмистром Кавалергард. полка, Н. М., находясь в Париже, оказался в центре большого скандала: газ. «Фигаро» сделала достоянием гласности содержание его частных бесед, в к-рых он заверял своих слушателей в том, что «при дворе Александра III нем. влияние пришел конец», и даже, якобы, выразил желание в случае возникновения между Германией и Францией новой войны поступить на франц. службу. Сообщение «Фигаро» вызвало резко негативную реакцию в Берлине и офии. Петербурге. Произшедший с Н. М. инцидент описан был им в неопубл. мемуарах «Моя служба в кавалергардах» (ГАРФ). Спустя почти 30 лет Н. М. оказался причастным к расследованию дела об убийстве Г. Распутина, выступив инициатором обращения группы вел. князей к императору с требованием о смягчении участи исполнителям этой акции. В результате наказанным оказался и сам Н. М.: в 1916 он был сослан в его имение Грушевка на Украине.

О событиях тех лет [участие Н. М. в 1-й мировой войне, убийство Распутина (со слов Ф. Юсупова, женатого на сестре Н. М.), поведение ближайшего окружения царя во время восстания в Петрограде] рассказывается в дневниковых записях Н. М., опубли. посмертно (КА, 1931, т. 4/5, 6).

После Окт. рев-ции Н. М. арестован, с 1918 — в Петропавлов. крепости, в 1919 вместе с др. вел. князьями расстрелян во дворе крепости.

Др. произв.: «Легенда о кончине имп. Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича» (СПб., 1907), «Из беседы Пощо ди Борго с бароном Мейендорфом в Вене в 1832 г.» (СПб., 1910), «Донесения Австр. посланника при рус. дворе Леббельтерна за 1816—1826 гг.» (СПб., 1913), «Письма высочайших

особ к графине А. С. Протасовой» (СПб., 1913), «Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 г. и имп. Николай I» (П., 1916), «Наблюдения по охоте на диких гусей» (П., 1917).

Лит.: Толстой (ук.); Гизетти А. Л., Сб-к сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличий кавказ. войск, Тифлис, 1901, с. 197; Алферак С. Н., Автобиография натуралиста-охотника, М., 1909, с. 99, 101—02, 137—38; Спассок ген. штаба, СПб., 1913, с. 49; Чулошников А. Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. — КА, 1927, № 2, с. 231—32; Извольский А. П., Восп., 2-е изд., М., 1989, с. 179—80; Струве П. Б., Великий кн. Николай Михайлович. In memoriam. — НМ, 1991, № 4; Дориа де Дзулани М., Царская семья. Последний акт трагедии, М., 1991, с. 173; Берберова Н., Люди и логи, Х., М., 1997 (ук.); ЛН, т. 90 (ук.). + БСЭ; СИЭ.

Архивы: ГАРФ, ф. 670; РГИА, ф. 549, оп. 1, д. 1142 (п. с. 1912 г.), д. 71.

В. А. Волков.

НИКОЛЬСКИЙ Борис Владимирович [3(15).10.1870, Петербург — 11.6.1919, Петроград], публицист, филолог, поэт, полит. и обществ. деятель. Отец — Вл. Вас. Никольский (1837—83) — проф. рус. словесности, автор кн. «Идеалы Пушкина» (СПб., 1887), преподавал в Петерб. духовной акад. и Александров.

лицее; после его смерти вдова и семеро детей испытывали серьезные материальные трудности, что не мешало Н. получить прекрасное образование: поступив осенью 1881 в классич. г-зию при Ист.-филол. ин-те, в 1884 перешел в Уч-ще правоведения, затем закончил юридич. ф-т Петерб. ун-та (1889—93).

Младший товарищ по Уч-щу вспоминал, что Н. «уже в 16 лет поражал своею начитанностью», знанием нем., франц., итал., греч. языков. «Он в подлиннике еще прочел всех латинских классиков-поэтов...» и Шекспира (Самойлович А. В., Пушкинст Н. — «Парфенон», сб. 1, СПб., 1922, с. 43). Первым выступлением Н. в печати, по его словам («Citticulus vitae», 1914—18 — РГИА, ф. 1006, № 4а), был пер. с латыни в 1885 (не выявлен); образцы юношеских стихов, в т. ч. балладу «Он и она», по памяти привел в своих восп. Самойлович.

В 1893—96 служил в Хоз. деп. Мин-ва внутр. дел, составлял историю страхового дела в России. В

письмах к А. С. Суворину еще в 1887 предлагал писать по этой тематике для «Нового времени» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2963); впоследствии печатался в суворинской газете и изд-ве, оказывал ему разл. юридич. услуги.

В 1896 женился на Ек. Сер. Шубинской, дочери редактора «Ист. вест.» (покончила жизнь самоубийством в Ленинграде в 1935), имел сыновей Владимира и Романа (вероятно, погибли во время революции) и дочь Анну (1899—1976), ставшую переводчицей и писательницей, работавшую также археографом Пушкинского Дома; неоднократно подвергалась репрессиям (см. ее лагерные восп. — «Простор», 1986, № 10; архив — ЦГА Казахстана, ф. 1803, 1908—1966, 120 ед.).

Оставив службу в МВД для подготовки к науч. деятельности, в 1899 сдал магистерский экзамен при Петерб. ун-те, защитив дис. по рим. праву «Система и текст XII таблиц» (отд. изд. — СПб., 1897), стал приват-доцентом и начал чтение лекций по рим. праву и нек-рым отделам гражд. права на юридич. ф-те, одновременно — курсов по лирике А. С. Пушкина, А. А. Фета, совр. поэтов на ист.-филол. ф-те. Преподавал в Александров. воен.-юридич. акад. (1899—1903). С 1904 — в списке присяжных стряпчих при Петерб. коммерч. суде, выступал и как частный поверенный.

В 1903 Н. избран чл. Гл. совета Рус. собрания — монархич. обществ. орг-ции, созданной стараниями В. Л. Величко «для выявления исконных русских начал» (из устава), заведовал отделом переписки (письма его корреспондентов, среди к-рых Д. Н. Мамин-Сибиряк, Е. В. Тарле, А. Г. Достоевская и др., — ГАРФ, ф. 588). В 1903 выпустил 1-й том иссл. по рим. праву «Дарения между супругами» (СПб.), к-рое безуспешно пытался защитить как докт. дис., — ультраконсервативные убеждения Н. возманили против него обществ. мнение, что отчасти затрудняло его академич. карьеру. Н. стремился сблизиться со студенч. молодежью, чтобы оказать влияние на ее идейное и эстетич. формирование. Позже В. Н. Княжнин назвал Н. «идейным вдохновителем академизма, т. е. той студенч. оппозиции, к-рая создавалась в ходе левого студенч. движения и в противовес этому последнему» (Княжнин, с. 62). В прессе появились публикации, обвиняющие Н. в покровительстве студенч. орг-ции «Денница», ставившей своей целью противодействие (даже вооруженное) рев. деятельности (см.: Яблоновский А., Родные картины. Студенч. корпорация «свобододействующих» и приват-доцент Н. — «Обр.», 1904, № 11). Н., однако, отрицал свою причастность к «Деннице» [см. его письма — НВ, 1905, 23 сент. (6 окт.)]. На рев. волнения кон. 1905 откликнулся «Всеподданнейшей речью 31 декабря 1905 г.», в к-рой

призывал царя от имени «рус. людей»: «... мощною военною властью да будет сокрушена, истреблена и сметена безумная крамола» (3-е изд., СПб., 1914, с. 8, 9).

Однако, похоже, на твердость самодержавия Н. не рассчитывал, показателем его высказывания в связи с неудачами рус.-япон. войны в письме от 22 июня 1905 В. Л. Полякову: «События вслух нас к дилемме: Россия или династия. Россия — значит: православная, самодержавная, русская Россия, единая внутри, единая воле. Словом, на династию нет надежды, «Московские ведомости» требуют диктатуры. Пожалуй, — но кто будет диктатором? Где этот человек?» (ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 6116).

Уже в 1893—94 Н. собирает своего рода лит. салон по средам, постоянными посетителями к-рых были Г. В. Чичерин (однокурсник по ун-ту), барон А. Ф. Мейендорф и Н. В. Дризен. Чичерин признавался, что в те годы в Н. «нашел отзвуки своим философски-пессимистич. настроениям» (Гранат, 1989, с. 755; письма Чичерина 1863—1900 к Н. — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 861). Позднее Б. А. Садовской вспоминал о нем как об «изумительном собеседнике, обладавшем способностью в совершенстве подражать голосу и манерам кого угодно»: «Изображая в лицах людей умерших, он словно воскрешал их... Майкова, Полонского, Страхова, Победоносцева и Владимира Соловьева» («Рос. архив», т. 1, М., 1991, с. 174).

Н. привлекала роль наставника поэтов из ун-та, свою гл. задачу он видел в том, чтобы предостеречь их от увлечения не только рев. идеями, но и декадентством, прежде всего символизмом (в неопубл. статье 1896 он подверг критике брюсовские выпуски «Рус. символистов» и сб. стихов А. М. Добролюбова «Natura naturans. Natura naturata» — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 1346, л. 46), прививая им любовь к классич. лит-ре. Поэтому при составлении в 1901—03 студенч. «Лит.-худож. сб-ка» (СПб., 1903) Н.-редактор вытравлял в стихах молодых поэтов следы влияния нового иск-ва (подробнее см.: Беззубов, Исаков, с. 329—30, и др.). Среди этих поэтов был А. А. Блок, стихи к-рого в сб-ке могли стать его поэтич. дебютом (из-за задержек с печатанием сб-к вышел в свет только в дек. 1903 — позже его публикации в № 3 «Нового пути»). В 1903 участники сб-ка (А. А. Кондратьев, Поляков, Л. Д. Семёнов, С. В. Штейн) составили Кружок изящной словесности, собрания проходили на квартире Н. Среди посетителей были Блок, братья Семёнова — Михаил и Рафаил, Л. П. Карсавин, Р. Орбели. Яркое впечатление от личности и лекций Н., когда во времена «жесточенных споров... и непримиримой вражды партий» «в стенах IX аудиторий... раздавались бодрые, спокойные и светлые, словно сама великая природа, стихи „одного из величай-

ших лириков на земле» (письмо Штейна к Н. от 17 апр. 1901 — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 889, л. 1 об. — 2), постепенно сменялось разочарованием. Блок писал отцу 30 дек. 1903 о предстоящем в январе реферате Н. «против декадентства», рассчитанном, кажется, на меня и еще одного молодого «новопутейца» — Л. Д. Семенова. Предполагаю услышать там свое имя с самыми невежливыми эпитетами» (Блок А., Письма к родным, [т. 1], Л., 1927, с. 98). Доклад не состоялся, а заседания кружка прекратились с началом в 1905 революции — во многом из-за активного «полевания» ряда посетителей (подробнее см.: Иванова).

Как автор «Всеподданнейшей речи», неоднократно переизданной, Н. надеялся на продвижение по службе, даже ждал министерских назначений. Благодаря этой речи был определен воспитателем к детям вел. кн. Константина Константиновича (поэта К. Р.) — Гавриилу и Олегу; на гибель последнего на фронте 1-й мировой войны откликнулся некрологом (ИВ, 1914, № 11). Свой уход из ун-та в янв. 1907 Н. объяснял расхождением с коллегами «в деле полит. влияния на молодежь» (запись Н. — РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 228, л. 4). В 1910 стал профессором в Уч-ще правведения.

Крайне правые националистич. убеждения привели Н. в 1905 в руководство Союза рус. народа (см. его переписку с митрополитом Антонием — «Былое», 1923, № 21). После оправдания в 1913 М. Бейлиса устроил демонстрационный обед в честь его обвинителей на процессе. В Рус. собрании и в др. публичных аудиториях прочитал ряд лекций, в т. ч. «Самодержавие как правовой процесс», «О Земском собрании», православию и др. Ораторские и лекторские данные Н. способствовали его полит. карьере, но неуязвимый характер существенно ее осложнял. Н. постоянно становился героем различных скандалов, один из них в Рус. собрании в нояб. 1912 закончился публичной дракой с Н. Е. Марковым (Марковым 2-м) и вызовом его на дуэль, от к-рой Марков отказался (см. протокол, составленный секундантами, — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 1923). В период раскола в Союзе рус. народа между В. М. Пуришкевичем, Марковым 2-м и А. И. Дубровиным примкнул к последнему. Н. отрицательно относился к Г. Е. Распутину, видел в нем огромную опасность для императорской власти, считал недопустимым для государя принимать «пьяного, распутного хлыста», к-рый хвалится перед «подонками общества» оказанными ему знаками монаршего внимания (наброски письма 1912 к царю — ГАРФ, ф. 558, оп. 1, № 1297). Лично встречался с Распу-

тиным, пытаясь разгадать его феномен («Б. Никольский и Г. Распутин. [Из дневника Н. за 23 нояб. 1912]» — КА, 1935, № 1).

Лит. деятельность Н. началась с сер. 90-х гг. активным сотрудничеством в «Ист. вест.». Писал статьи на разные темы: «Украинский Сократ» (1895, № 4) о Г. Сковороде, «Н. Н. Страхов. Критико-биограф. очерк» (1896, № 4; отд. изд. — СПб., 1896), «Лит. деятельность К. П. Победоносцева. (По поводу пятидесятилетнего юбилея)» (1896, № 9; Чичерин, читавший статью в рукописи, писал Н. 5 дек. 1896, что из нее «необыкновенно ярко встает глубокий и смиренный тип — идеальный облик традиц. труженика, к-рым жило рус. государство и многоизурванная рус. бюрократия», — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 861). Его рец. «„Вечные спутники“ г. Мережковского» (1897, № 11) — один из первых сочувств. откликов на эту книгу, «первая ласточка, прибывшая под окно Мережковского», к-рый был им «более нежели доволен» [П. П. Перцов, письмо к Н. от 3 дек. (21 нояб.) 1897 — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 582]. В рецензиях Н. откликался преим. на издания по юриспруденции и античной культуре, но попутно сочувственно отмечал выход новых изданий рус. консерваторов — М. Н. Каткова (1897, № 10), Н. П. Гилярова-Платонова (1900, № 7), интересовался ими и позднее: «К характеристике К. Н. Леонтьева» («Памяти К. Н. Леонтьева. Лит. сб.», СПб., 1911), полемизировал с Вл. С. Соловьевым — в рец. «„Оправдание добра“. Нравств. философия Вл. Соловьева» (ИВ, 1897, № 5, с. 603) назвал его работу «сборником бледных фельетонов», указав ряд фактич. ошибок. Лит. конвенции, к-рую собирались заключить Россия и Франция, посв. публикация в «Ист. вест.» (1897, № 12).

В 1897 Н. дебютировал как пушкинист: ст. «Суд над Пушкиным» (СПб.; тираж 25 экз.), написанная в форме письма к В. Буренину, была полемич. откликом на статью Вл. Соловьева «Судьба Пушкина» (ВЕ, 1897, № 9), в ней Н. доказывал моральную цельность Пушкина и оспаривал мнение, что поэт сам был виновником дуэли, однако в ст. «Последняя дуэль Пушкина» (ИВ, 1899, № 11—12, отд. изд. — СПб., 1901), написанной на основе опубл. «Ист. вест.» военно-судебного дела о дуэли Пушкина и Ж. Дантеса, отрицал версию умышленного заговора против Пушкина. Критика отметила «обилие собранного ... материала» [С. Ашевский — МБ, 1902, № 1, с. 84; А-ъ — МВед, 1901, 22 апр. (5 мая)]. Большинство пушкинистских статей Н. было опубл. в «Ист. вест.»: иссл. «Поэт и читатель в лирике Пушкина» (1899, № 5; отд.

изд. — СПб., 1899); в ст. «Академический Пушкин» (1899, № 7) одним из первых обратился к текстологич. проблемам научного (в терминологии Н. — критического) изд. сочинений Пушкина; его идея сводных редакций является спорной, но представляют интерес тонкие филол. наблюдения над орфографией и пунктуацией поэта (на статью ссылался С. М. Бонди — см.: Пушкинский сб. памяти проф. С. А. Венгерова, М.—П., 1922, с. 43—44).

В письме Б. Б. Глинскому от 1 окт. 1915 Н. упоминал о готовившемся в Юрьевском ун-те третьем издании своих соч., в 1-й т. к-рого он включил свои работы о Пушкине (ИРЛИ, ф. 72, № 233), одну из новых статей предполагал опубл. в «Ист. вест.» (там же, письмо 17 янв. 1916); их местонахождение неизвестно.

Др. точкой приложения текстологич. и ист.-лит. интересов Н. была поэзия А. А. Фета; с ним Н. незадолго до его смерти познакомился через Н. Н. Страхова, получив для разборки и издания часть архива. Первую статью о Фете «Поэт философов» (РО, 1894, № 12), к-рого Н. называл «золотым звеном, связующим красоту с истиной, золотым мостом из философии в эстетику» (с. 1100), Перцов включил в составленный им сб. «Филос. течения рус. поэзии» (СПб., 1896). В 1901 под ред. и с предисл. Н. было осуществлено (при поддержке К. Р.) первое «Полное собр. стихотворений» Фета (т. 1—3, СПб.; [3-е изд.] с нек-рыми доп. — СПб., 1912). В нем «...первые были привлечены к делу весь печатный и весь доступный в настоящее время рукописный материал» (т. 1, 1901, с. III). Н. проделал огромную работу по выявлению текстов стих. Фета (после пропажи его рукописей из архива Н. это издание в ряде случаев оказалось единств. источником текста).

Композицию собр. стих., открывавшегося сб. «Вечерние огни», а также субъективизм нек-рых текстологич. решений Н. критиковал поэтесса Б. Я. Бухштаб [см. его прим. в кн.: Фет А. А. Стих. и поэмы, Л., 1986, с. 631; см. также рец. В. Я. Брюсова (РА, 1901, кн. 2), к-рый в своей рец. 1903 о Фете упрекал Н. в «бессилии» объяснить «противоречия» поэта, — Брюсов В. Собр. соч., т. 6, М., 1975, с. 210].

В 1899 Н. выпустил «с видом на Пушкинскую премию» (письмо П. П. Перцову от 11 нояб. 1897 — ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 1395, л. 2 об.) «Сборник стихотворений» (СПб.).

Получить премию пожелал отнест. отзыв А. А. Голенищевой-Кутузова, обвинявшего стих. Н. «сплошным, несущим бредом» и принявшего Н. за представителя новых поэтов, течений, отличит. чертами к-рых являются «непоистощность содержания и несправильные внутренние формы... крайнее самоиже, полное отрицание каких бы то ни было авторитетов...» (Дело Отд. рус. языка и словесности АН о 14-м присуждении премии им. А. С. Пушкина в 1901 — РАН РФ, СПб., ф. 9, оп. 3, л. 33—34). Буренин в ответ на подаренный Н. сб-к писал: «хочта Вам писать стихи, когда можете писать серьезную и толковую прозу» (письмо к Н. — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 104). Критика единодушно отметила, что Н. — «натура ... глубоко антихудожественная», над его стихами ощущается «ледяная вьясь стихотв. прозы» (А. Г. Горьфельд — РЕ, 1900, № 7, с. 25, 26), многие из них ложно

многочисленные [Ставр (Н. П. Вишняков?) — «Россия», 1900, 8(21) апр.], что Н. «совершенно чуждый поэтич. темперамента и созерцания... расхождатся в стихах» (В. — МИ, 1900, № 3/6, с. 108) и «настолько же поэт в лучших своих прозаич. стихах (хотя бы в том же эпосе о Фете), насколько прозаич. в стихах» (Д. Шестаков — «Торгово-промышленная газ.», лит. прил., 1900, № 4, с. 4). О самосознании Н.-поэта с иронией отзывался Перцов: «Курьезно, что при своем типично-юридическом складе ума Н. воображал, что он обладает крупным поэтич. дарованием» (Перцов, с. 196).

Более поздние стихи Н. сохранились в его архиве (РГИА, ф. 1006, стих. 1894—1917; РНБ, ф. 520, № 342—347). В «Сборник стих.» были включены его переводы из Катутла (Горнфельд) и Шестаков дали им уничижительную оценку). Перевод «Свадьбы Пелея и Фетиды» (Из Катутла) был опублик. в 1901 (ЖМНП, № 12). Стремление воспроизвести на рус. яз. античную метрику делало переводы не всегда понятными и весьма архаичными по языку.

Над переводами Катутла Н. работал в течение всей жизни (см. письмо об этом Садовскому от 24 февр. 1918 — «Звенья», в. 2, М.—СПб., 1992, с. 357). М. В. Сабошиникову 24 июня 1918 Н. сообщал, что лат. текст Катутла, написанное по-латыни введение и предисл. Н., пересмотренный рус. перевод должны были составить том «Уч. зап. Юрьевского ун-та» в 1917 или нач. 1918, не издан в связи с герм. оккупацией. Н. предлагал издать перевод в сер. «Памятники мировой лит-ры», не рассчитывая на доход: «тридцатилетний труд не издается с меркантильными намерениями» (РГБ, ф. 261, карт. 5, № 65, л. 2).

Н. был страстным библиофилом; колоссальная библиотека объединяла книги его отца, его самого и отошедшие к нему по завещанию книги С. Н. Шубинского. Среди «книг-уников» в ней были также издания Катутла, «к-рых нельзя достать не только в библиотеках, но к-рые даже не помечены в библи. указателях, самых подробных. Велик также отдел библиографии рус. лит-ры ... Библиотека помещается в двух больших квартирах, в огромных шкафах и снабжена великолепным каталогом» («Б-ка Н.» — «Вест. лит-ры», 1919, № 7, с. 11). Впоследствии она была передана центр. коллектору библиотек и рассылана между РГБ (осн. часть), Книжной палатой (отдел библиографии) и гос. книжным фондом, к-рый распределил остаток между разными вузами и науч. учреждениями.

Несмотря на разностороннюю творч. и обществ. деятельность — Н. был филологом с разнообразными интересами, ученым-текстологом, академич. склада, талантливым ученым-юристом, библиофилом, публицистом, оратором, автором сб-ка дидактических стихов, неудавшимся переводчиком, — судьбу Н. и отношение к нему современников во многом определяла его полит. репутация. В 1913—17 Н. читал лекции на юридич. и ист.-филол. ф-тах Юрьевского ун-та, приезжая туда из Петербурга; в марте 1917 его правые убеждения были признаны несовместимыми с преподават. деятельностью и он не

был переизбран профессором. Парадоксальным образом Окт. переворот нашел сочувств. отклик у Н., к-рый писал Садовскому: «Страшно то, что происходит, но реставрация была бы еще страшнее. Царствующая династия кончена, и на меня ее представителям рассчитывать не приходится» (21 апр. 1918; «Звенья», в. 2, с. 359), «... с сов. режимом я мирюсь откровенней, искренней и полнее, чем с каким бы то ни было другим, не говоря уже о Распутинско-Штурмеровско-Протопоповском» (26 окт.—8 нояб. 1918; там же, с. 371). С марта 1918 Н. — консультант по гражд. делам в Управлении Гл. руководства инженерной обороны Петрограда, после его реорганизации — корреспондент 2-го Воен. строительства Сев. участка и Петроградского р-на. Получив в авг. 1918 сообщение из Воронежа, куда был эвакуирован Юрьевский ун-т, о принятии в состав профессоров, намеревался выехать туда. В 1919 преподавал в военно-науч. секции Всеобуча. Был расстрелян по постановлению Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (в сообщении в «Петрогр. правде» от 22 июня 1919 назван «видным деятелем монархич. организации — несправимым черносотенцем»; см. также: «Вест. лит-ры», 1919, № 6, с. 12—13). З. Н. Гиппиус в дневнике записала, что сыну Н. на просьбу выдать тело отца для захоронения сообщили, что оно скоромерно зверям зоологич. сада (Гиппиус З. Н., Петерб. дневники 1914—19, Н.-Й., 1982, с. 37).

Лит.: Брюсов В. Я., Далекие и близкие. М., 1912, с. 19; Кияжнин В. Н. А. Блок. П., 1922, с. 61—62; Беззубов В. И., Исаков С. Г., Блок — участник студенч. сб-ка. — Блоковский сб., в. 2, Тарту, 1972, с. 325—32; Бронникова Е., Еще раз о лит. дебюте А. Блока. — ВЛ, 1990, № 1; Иванова Е. В., Блок в Кружке изысканной словесности Н. — В кн.: А. Блок. Иссл. и мат-лы, Л., 1991; Монархист и Советы. Письма Н. к Б. А. Садовскому. 1913—1918. — «Звенья», в. 2, М.—СПб., 1992 (публ. С. В. Шумихина); Кожин В. В., Заключенные страницы истории XX в. [«Черносотенцы» и революция], М., 1995, с. 14—16; Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э., М. Кузмин. Исх.-во, жизнь, эпоха, М., 1996, с. 61. — Некролог — «Вест. лит-ры», 1919, № 6; Полит. партии России. Кон. XIX — первая треть XX в., Энциклопедия, М., 1996.

Архивы: ГАРФ, ф. 588; РНБ, ф. 520 (л. ф. В. В. и Б. В. Никольских), ф. 874, оп. 1, № 62, 66, 74, 78, 82, 86, 94, 98, 102, 106, 122 (35 писем С. Н. Шубинскому, 1895—1910). ф. 263, № 222 (13 писем Н. В. Дризену, 1893—1899) [справка Т. В. Минискевич]; РГИА, ф. 1006, 1343, оп. 26, д. 2058 (об утверждении М. И. Никольской с детьми в потомств. дворянстве, 1855), ф. 796, оп. 158, д. 548 (копии на 1878 г. ф. с. В. В. Никольского, свидетельство о рождении детей); ф. 740, оп. 8, д. 443 (ф.с. Н. на 1 янв. 1907 г.) [справка Л. М. Соселкиной]; ИРЛИ, ф. 72, № 233; ф. 123, оп. 2, № 357 (письмо Нелюбину от 1916) [справка Т. А. Кукушкиной]. Е. В. Иванова, С. В. Шумихин.

НИКОЛЬСКИЙ Павел Александрович [9(20).1.1791, Петербург — 29.9(11.10).1816, там же; похоронен на Смоленском кладб.], критик,

переводчик, журналист. Сын писателя и педагога А. С. Никольского (1754—1834), д. стат. советника, члена Рос. акад., выходя из духовного звания. Воспитывался до пятнадцати лет в Горном корпусе в Петербурге. В 1807 в чине шихтмейстера (14-й класс) перешел в гражд. службу — в Экспедицию о гос. доходах; в 1808 определился в Гл. правление училищ на должность пом. столоначальника. Коллеж. секретарь (1814). Обладая «удивительную памятью», Н., по свидетельству Н. И. Греча, «обучился почти сам собою» франц., нем., англ. и итал. языкам (СО, 1816, № 40, с. 68); за неск. лет до смерти с успехом изучал греческий и латынь. Скончался в возрасте двадцати пяти лет от «сильной простуды ... превратившейся ... в ужаснейшую, изнурительную чахотку» (там же, с. 70).

Входил в дружеский круг А. Е. Измайлова (см. шутилове стих. Н. в альбоме Е. И. Измайловой — Ежегодник РО ПД на 1977, Л., 1979, с. 65) и младших членов ВОЛСНХ: Греча, Д. В. Дашкова, Д. М. Княжевича, И. М. Фовичко, М. В. Милонова (стих. последнего «К П. А. Н-му. В день именин его» — «Цветник», 1810, № 12). Вступив в ВОЛСНХ в июне 1810, Н. посещает большинство заседаний, становится чл. комитета (нояб. 1811) и одной из ключевых фигур в об-ве. Наиб. ранняя выявленная публикация — «Стихи на вопрос: кто точно жил на свете?» («Лицей», 1806, ч. 1, кн. 2). В ж-ле А. В. Лукинского «Сев. Меркурий» (1809, № 2) поместил «Четыре письма китайского мандарина к своему другу» (пер. с франц.). С сер. 1809 в ж-ле «Цветник» появляются прозаич. переводы Н. с франц. [«Отрывки из путешествия маркиза де Лангля по Испании» — № 5—6, «О чувствительности и добродушии» — № 6, «Граф Ленокс, историческая повесть», «Путешествие в Луну» — № 7, «Нечто о страстях» — № 9, «О вере (из Рейналя)» — 1810, № 10, и др.; атрибутировано по протоколам заседаний ВОЛСНХ — архив Об-ва в НБ СПбГУ, ф. 199, № 204, л. 35—35 об., 54; указано О. А. Проскуриным), а также рецензии (б. п.; по лишнему аргументации утверждению И. А. Кубасова, в 1809 в ж-ле напечатано 11 рецензий Н. — Кубасов, 1901, с. 134). После смерти А. П. Беницкого (нояб. 1809) «Цветник» стал выходить под ред. Измайлова и Н. Общая направленность ж-ла, в к-ром «объявлена была война заскоруслым славянофилам» (Греч Н. И., Чтения о рус. языке, ч. 2, СПб., 1840, с. 391), сохранилась. В своем плане истории рус. словесности К. Н. Батюшков, по-видимому, лично знавший Н., называл его вместе с П. И. Макаровым и

Дашковым среди противников А. С. Шишкова (Батюшков, II, 338).

В 1812 Н. активно сотрудничает в ж-ле ВОЛСНХ «С.-Петербург. вест.» — помещает рецензии и переводы, собств. прозаич. опыты, а также два стиха. — «Выздоровление. Ода, поперпнутая из молитвы Езекии» (№ 5) и «Эпиграмма» (№ 8).

Д. И. Хвостов упоминал Н. как одного из «главных издателей» ж-ла (ЛА, т. 1, М.—Л., 1938, с. 383). Круг публикаций Н. в «С.-Петерб. вест.» уточняется данной Гречем расшифровкой криптонимов («Лит. вест.», 1902, № 8, с. 315; атрибуция всех статей Н. его брату Apollyону (переводчик, секр. ученого к-та Морского мин-ва, ум. не ранее 1855; о нем см.: Восп. Бестужевых, М.—Л., 1951, ук.) и Н. А. Радилеву, предположен А. Г. Максимова («Лит. вест.», 1904, т. 8, с. 181—86), остается неаргументированной).

Рецензии Н., критич. манере к-рого присущи энергичность мысли, четкость эстетич. критериев и лаконизм, продолжают линию Бенитцко-го. Большое значение он придает простоте и изяществу слога, неизменно порицает обилие галлицизмов, «низкие слова и выражения», «темные места, надутые и высокопарные словоукрашения» («Цветник», 1810, № 4, с. 122—23). Разбирая переводы, Н. уделяет внимание стилю переводимых писателей (в т. ч. А. Лафонтена — СПбВест, 1812, № 3, с. 353, А. Радклиф — там же, № 6, с. 310—11). Выступая с требованиями естественности и правдоподобия сюжета, Н. подвергает остроумной, а порой и язвительной критике низкопробные романы («Геройские подвиги храброго армейского генерала Алберта... Пер. с франц. ...» — СПбВест, 1812, № 6) и полные несурезностей пьесы («Мошенники, комедия...» — там же, № 2; «Русская Лукреция, драма...» — там же, № 5). Среди современников явное предпочтение Н. отдает Н. М. Карамзину, В. А. Жуковскому, Бенитцкому (рец. на «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе Н. И. Греча...» — там же, № 7); с неодобрением отзываясь о слоге М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, презрительно упоминает о «толпе безграмотных славянофилов» (с. 72). Позднее, вспоминая о «смелых, здоровых и свободных от всякого предрассудка мыслях» Н., Греч отмечал, что «рус. литература имела бы ... в нем своего Джонсона, Лессинга, Шлегеля» (Греч, с. 288—289); ср. также замечание Милонова о занятиях членов ВОЛСНХ после 1816: «Никольского уж нет, и критика забвенна» (Поэты-сатирики, с. 510).

Н. принадлежит неск. театр. рецензий, в частности обширная статья о трагедии А. Н. Гречинцова «Электра и Орест» («Цветник», 1810, № 8). Он принял участие в развернувшемся в «Сыне отечества» (1814) споре о рус. театре: в ст. «Замечания на письмо отставного актера»

(№ 11) он выступает поклонником таланта Е. С. Семенов; возможно, ему же принадлежит анонимное «Письмо в Лондон об игре Семенов и о русском театре» (№ 5; указание на «пер. с англ.», скорее всего, мистификация, т. к. в «Замечаниях...» Н. называет себя переводчиком и страстно отстаивает положения и слог «Письма...» от нападок «отставного актера» в № 6).

Интерес Н. к теории словесности (изучал труды Квинтилиана, Ж. Ф. Лагарпа, Ш. Баттэ, Р. Блэра; статья последнего «О поэзии вообще» в пер. Н. опубли.: СО, 1817, № 26—27) нашел практич. применение в его работе по составлению «Пантеона рус. поэзии» (кн. 1—12, СПб., 1814—15; кн. 11 и 12, реально вышедшие в 1817, были подготовлены Измайловым по рукописи Н.; одобрит. рец. на кн. 4—5 — «Рос. музеум», 1815, ч. 1, № 1). Стихотворения в каждой книжке расположены в соответствии с иерархией жанров классицистич. поэтики — от высоких к низким, т. е. 12 раз повторяется вся «лестница» от оды до эпиграммы. Осознавая необычность такого плана, Н. писал, что он «соединяет порядок с разнообразием и составляет из каждого отделения [т. е. книжки. — Ред.] нечто целое» («От издателя» — «Пантеон...», кн. 1). Круг авторов сб-ка широк: от Ломоносова и Д. И. Фонвизина до Милонова и Жуковского; очевидна ориентация Н. на произв., уже ставшие классическими (предпочтение отдается эпохе Державина — Карамзина), и в частности на тексты в «Собр. рус. стихотворений», изд. Жуковским (ч. 1—6, М., 1810—15); слабо представлена поэзия членов «Беседы любителей рус. слова». По свидетельству Измайлова (СО, 1817, № 22, с. 104), Н. намеревался выпустить 2-е изд. «Пантеона...», сделанное по образцу франц. поэтич. антологий Ш. Мильвуа и Л. Ф. де ла Мадлена «Petite encyclopédie poétique» (v. 1—7, P., 1804), где собранные вместе произведения одного жанра предварялись бы теоретич. заметками (одна из таких статей: «Об оде» — СО, 1815, № 23, подпись: Я.; на авторство Н. указывал Измайлов, см. также: Кюхельбекер, с. 262, 701; статья ошибочно приписывалась Н. И. Язвницкому — Масанов).

Появление «Пантеона...» актуализировало проблему лит. собственности: перепечатка чужих произв. без ведома авторов представлялась ряду современников Н. неэтичной (о скандале, возникшем в связи с публикацией стих. Жуковского в антологии Н., см.: Греч, с. 493; Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 121—22, 130; ср. также две эпиграммы Милонова — Поэты 1790—1810, с. 544).

В прозаич. опытах Н., подобно Бенитцкому и Измайлову, обращался к жанру нравочит. восточной повести, используя приемы, сюжетные ходы и образы, традиционные как для франц., так и для рус. разновидности жанра: «Слепой с собакою» (СПбВест, № 1), «Абу-Гиафар-Алманзор, или Как должно судить о людях» (там же, № 5; несмотря на указание «с франц.», обе повести, по-видимому, написаны самим Н.), «Планета мудреца Зеба» (там же, № 7). Карамзинской традиции близки философич. очерки «Педант» (там же), «О задумчивости и уединении» (там же, № 8; созвучен известной статье Карамзина «Мысли об уединении», 1802), «О любви к жизни», «О ссорах писателей» (оба — СПбВест, № 9).

Среди переводов Н., отличающихся «чистотой, правильностью и приятностью слога» (Греч — СО, 1816, № 40, с. 69), — фрагмент ром. О. Голдсмита «Векфильдский священник» («Благ.», 1818, № 1), ром. А. Лесажа «Жильбаз де Сантллан» (ч. 1—8, СПб., 1819—21; отрывки: «Благ.», 1818, № 2; 1819, № 20, 22; пер. был завершен и издан братом Н. Apollyоном).

Др. произв.: пер. «Путешествие капитана Малеспины в Южное море» («Зап., издаваемые гос. адмиралтейским департаментом...», ч. 6—13, СПб., 1824—27).

Лит.: Белинский; Греч; Батюшков (все — ук.); Ярославский В. И., Зап. — КС, 1887, № 10, с. 294, 297; Колупанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 1, М., 1889, с. 299—300, 305—07; Кубасов И. А., А. П. Бенитцкий, СПб., 1900, с. 5—7; его же, А. Е. Измайлов. — РС, 1901, с. 136, 138—40, 144—45; Заместит. Востокова о его жизни, СПб., 1901 (ук.); Орлов В. Н., Рус. просветители 1790—1800-х гг., 2-е изд., М., 1953, с. 276; Десницкий В. А., Избр. статьи по рус. лит-ре 18—19 вв., М.—Л., 1958 (ук.); Мордовченко Н. И., Рус. критика первой четв. XIX в., М.—Л., 1959 (ук.); Шарыпкин Д. М., Скандинавская тема в рус. романтике, лит-ре. — В сб.: Ранние романт. всяния, Л., 1972, с. 154; Левин Ю. Д., К истории восприятия в России Оливера Голдсмита. — РЛ, 1994, № 2, с. 273, 277. — Некролог: СО, 1816, № 40 (Н. И. Греч; там же — эпитафия А. Е. Измайлова). ПНкр.; Геннади; Брокгауз; Венгеров. Список; Мезьер; Смирнов-Сокольский; Черейский; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 23, 26 (ф. с. 1810, 1814 гг.).

Е. Э. Ламкина

НИКОЛЬСКИЙ Юрий Александрович [20.3(14).1893, Елизаветград — янв. 1922, Харьков?], лит. критик, историк лит-ры. Сын врача, публициста, деп. 3-й Гос. думы от г. Одессы (партия кадетов) А. И. Никольского. Мать жила в эмиграции в Швейцарии. Окончив Выборгское коммерч. уч-ще, в 1911 поступил в Политехничес. ин-т, а в 1912 — на ист.-филол. отд. Петерб. ун-та, к-рое окончил в 1916. Среди студентов, сочинявших стихи в нач. 1910-х гг., современница вспоминает и «начинающего критика» Н.: «нескладный, сутулый, некрасивый, как гадкий утес»

нок. И глаза у него загорались голубым огнем, когда он читал: „Всё полно тихими снами...“ (Тагер Е. М., О Мандельштаме, [Н.-Й., 1965], публ. и комм. Г. П. Струве, с. 6; справка об Н. — с. 26). В ун-те «вокруг него образовался кружок близкой ему молодежи из среды „кадетских детей“» (Морозова О., Одна судьба, Л., 1976, с. 94—95). На последних курсах ун-та занимался в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова, сблизился здесь с В. Я. Проппом (краткую биогр. справку и темы докладов в семинарии см.: Пушкинист, в. 2, П., 1916, с. 291; в. 3, П., 1918, с. IX). По предложению Венгерова и А. К. Бороздина был оставлен при ун-те для подготовки к профессорскому званию.

В печати выступил впервые в 1914 со ст. «Тургенев и писатели Украинцы» (РМ, № 7), в к-рой, опираясь на малодоступные читателю источники — воспоминания И. С. Тургенева о Т. Г. Шевченко и письма к М. А. Маркович (Марко Вовчок), стремился, по собств. признанию, приблизиться к пониманию Тургенева «со стороны эстетической и религиозной» (с. 99). Для изложения принципов Н. как лит. критика имела важное значение ст. «Мережковский-критик» (СевЗ, 1915, № 4), в к-рой ч. 1 принадлежит Б. М. Эйхенбауму, ч. 2 — Н. Соавторов объединяет общая цель ниспровержения Д. С. Мережковского как исследователя и «тайновидца» рус. лит-ры, к-рый в своей рассудочно импрессионистич., интуитивной критике использует «приемы ... совершенно недопустимые» (Никольский, с. 138) — «насилует» смысл стихов Ф. И. Тютчева в стремлении его «умалить», не объективно обращается с фактами (об отношении Тургенева к Н. А. Некрасову) и т. п. и, следовательно, не способен справиться со стоящей перед каждым критиком задачей «вечно живой мир образов ... обфилософствовать... вскрыть их метафизическую сущность» (Эйхенбаум, с. 130—31). Пример целостного и объективного анализа худож. произв. Н. демонстрирует в рец. на сб-к А. А. Блока «Стихи о России» «Александр Блок о России» (РМ, 1915, № 11).

Стиховедч. анатомирование стих. «На поле Куликовом» [Н. отмечает фонетич. повторы «ст» в начале стиха, «бешеный ритм с укорочанным стоп», «стиль „лестничей“» (с. 17), удавленные «а» в конце и т. д., имитирующие мелодич. рисунок стиха — от застывшей к бешеной скачке степной кобылицы и печали конюшника] и др. позволили Н. сделать ряд пронаблюдений о поэзии Блока: Русь у него не церковно-византийская, а близкая к сказочно-пушкинскому ее истолкованию, две сквозные темы — «дорога» и «тишина», в чувстве к России «много душевных сил и любви, действительно иррациональной, т. е. самой истинной» (с. 18, о стих. «Грешить бесстыдно, беспорочно»). В. Я. Брюсов после чтения этой статьи признавался Венгерову в своей недооценке книги Блока (ЛН, т. 85, с. 685).

Творч. личность Блока всегда находилась в сфере духовного притяжения Н.: в кон. 1914 предполагал пригласить его в сб. «Пир», в к-ром должны были участвовать Л. Я. Гуревич и Эйхенбаум, проект не был осуществлен и близкое знакомство не состоялось. Позднее Н. посвятил Блоку ст. «„Скифы“ Блока» («Жизнь», Од., 1918, № 25), лирич. герой — он же Блок — в этом стих. ему виделся не как «сильный... человек, как хотя бы Маяковский, плюющийся на нормы быта, а человек слабый, нежный, застигнутый темной ночью и не перенесший ее, как бы захмелевший в горе». Ему принадлежит и некролог Блоку — «Пророк» («Общее дело», Париж, 1921, 19 сент.). Для Н. важным стилеобра-

зующим моментом является понятие «истина слова». Применимое для Блока, оно, по мнению Н., неприменимо к стихам Вл. С. Соловьёва, у к-рого «нет стиля», зато много осознанных и неосознанных заимствований, общих выражений и отрицат. эпитетов («нездешний», «незримый», «невидимый», «неведомый»; за этим проступает религ. «отрицание видимого мира»), и даже оригинальность рифм только подчеркивает бедность внутр. формы (рец. на книгу стихов Вл. Соловьёва — «Аполлон», 1916, № 1, с. 58—59).

В иссл. «История одной дружбы. Фет и Полонский» (РМ, 1917, № 5—6) и «Тургенев и Достоевский. (История одной вражды)» (София, 1921; написана в 1913—17) на основе всех доступных ему печатных и арх. источников Н. выстраивает свою концепцию «онтологических биографий» (выражение Эйхенбаума) названных писателей, сходством или различиями в к-рых объясняет сложную историю их взаимоотношений. Метафизическая, по определению Н., поэтика А. А. Фета, для к-рого, по его собств. словам, «предмет по-

этич. творчества безразличен, зато другой, внутренний: степень поэтической зоркости, ясновидения — всё», Н. ближе, чем «типик психологизма», из к-рого так и не смог выйти Я. П. Полонский (РМ, 1917, № 5—6, с. 93—94, 105). При таком понимании цели ист.-лит. исследования объясним его прохладный отзыв о книге В. С. Федина «А. А. Фет (Шеншин)» (П., 1915): в ней «нет души, а есть только „материалы“» (РМ, 1916, № 3, отд. III, с. 2). Позднее Н. опубликов. «Фет» («Руль», 1921, 8 сент.), написанную в нояб. 1920 в Константинополе.

Исследуя отношения И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского — от дружеского знакомства, через конфликт и многолетнюю ссору до примирения на Пушкинских торжествах в 1880, Н. предполагал «построить филос. схему этих отношений, исходя из различного мировоззрения обоих писателей» (письмо к А. Ф. Кони от 6 февр. 1916 — ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 1193), при этом счел «необходимым смотреть на ссору, становясь на сторону Достоевского» (с. 45). Отношение писателей к проблемам детерминированности, «свободы воли» и «своеволия», идеальной гармонической личности — та призма, сквозь к-рую Н. увидел в Тургеневе язычника, а в Достоевском — ортодоксального христианина, ставящего человека в центре, но показывающего пагубность для этого человека своеволия. Разгадка преступника и атеиста Ставрогина в его «ничтожном характере» — мнение Н., высказанное им в ст. «Ставрогин как идея прекрасного человека» (БВед, 1917, 20 янв.; написана на основе изучения рукописи и черновиков «Бесов»), т. к. «„другое решение“ — Ставрогин, будь он достаточно сильным», в том, что он, по замыслу Достоевского, «успокаивается на Христе». Важность для Н. затронутой темы видна и по его письму Гуревич от 27 янв. 1917 (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 163, л. 8 об.).

А. Г. Горинфельд в рец. на книгу оспаривал мысль Н. о том, что главной причиной вражды было расхождение в убеждениях, считая, что в этом есть доля истины, «но только доля и не самая важная» («Летописи Дома литераторов», 1921, № 2, с. 2). В. А. Десницкий назвал выводом Н. «несложными и неуклюжими выражениями», а схему «невыразительной» [«Книга и революция», 1922, № 3(15), с. 50; др. рец.: Е. Алапин — там же, 1921, № 1(13); Агр. — «Руль», 1921, 10 апр.; С. Кариевский — СЗ, 1921, № 5; Г. В. Флоровский] — РМ, 1921, № 8—9].

Литературоведч. приемы Н. в какой-то степени предвосхищали методику представителей формальной школы (напр., морфологич. анализ), и хотя Н. не входил в ОПОЯЗ, многое сближало его с «формалистами» Эйхенбаумом и В. М. Жирмунским. Среди его друзей — еще один участник венгеровского семинария В. Л. Комарович, литераторы старшего

поколения — Гуревич, М. О. Гершензон, позднее, после революции, он сблизился с Б. А. Садовским, обратившись к нему в письме от 30 апр. 1918 с просьбой о консультации и помощи в изучении биографии Фета: «Я специалист-тургенист (и обижен на Вас за Тургенева), но сейчас многое меня толкает к Фету» («Минувшее», в. 19, М., 1996, с. 160).

Н. восторженно встретил Февр. революцию. В нач. июня 1917 по приглашению П. Е. Щёголева вместе с Бороздиным стал сотрудником «Былого», где ему была поручена «лит. обработка различных „дел“ из охранки, судов и пр. 350 р. в месяц. Дела интереснейшие» (письмо от 2 июня 1917 к Гуревич — РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 163, л. 24); напр., им опублик. «Дело о похоронах И. С. Тургенева» [«Былое», 1917, № 4(26)]. Однако пораженч. настроения в обществе, разложение в армии привели его к глубокому пессимизму: «Каждый Божий день встаешь утром и спр...ливаешь себя, цела ли еще Россия, а она гибнет и гибнет как-то фатально... Я давно думал об этом, что не нравственно так говорить о войне, будучи в тылу. Посмеет кто-нибудь остановить меня, когда я буду в солдатской форме» (письмо к Гуревич от 3 авг. 1917 — «Минувшее», в. 19, с. 144). В окт., незадолго до Окт. революции, Н. и его младший брат Сергей добровольно идут на фронт вольноопределяющимися. Н. служил в арт. бригаде в Бессарабии до нач. ноября разведчиком-наблюдателем, принимал участие в боях, писал, что «армия заражена социальным стрептококком ... везде видит буржуазные козни» (письмо к Гуревич от 20 окт. — там же), сочувствовал партии нар. социалистов как «наименьшему злу».

После Окт. революции жил в Москве, в 1918 писал Е. Р. Малкиной: «Москва — непапа, старообразна; литераторы в ней все больше провинциальные (интересуются Бальмонтом и Брюсовым, не ведают о Гумилеве и еле нисходят к Ахматовой!), да и ученые тоже (не исключая Сакулина) ... не моего романа ...» (РНБ, ф. 1160). Лето 1918 провел в оккупированном герм. войсками Крыму в имении крым. зем. деятеля и члена 4-й Гос. думы В. К. Винберга (его некролог опублик. вместе с некрологом Н.: оба написаны П. Б. Струве — РМ, 1922, № 6—7), опублик. ст. «Искусство в Крыму» («Обр.», Од., 1918, № 5). В 1918 сотрудничал в моск. газ. «Понедельник Власть народа» (предназначенную для нее ст. «Будущая поэзия» см. — РГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, № 394). В 1919 участвовал с изд-вом «Огни» о написании работы «Таинственные рассказы Тургенева и их происхождение» и подготовке к изданию переписки Фе-

та с Полонским со своими комм. (не осуществлено). Нек-рое время преподавал в Нижегородском ун-те.

Мученич. смерть летом 1918 19-летнего брата, служившего в Добровольч. армии и расстрелянного ВЧК на Юге, где-то в районе Донецкого бассейна (см.: РМ, 1921, № 3—4, прим. к стих. Г. Струве «Петроград», посв. памяти С. Никольского), стала страшным ударом для Н. и обусловила его резко антибольшевист. позицию.

Некролог С. Никольскому, написанный Эйхенбаумом, — «Наш век», 1918, 28 июля; о смерти С. Никольского см. также в дневниках Эйхенбаума: «De visu», 1993, № 1, с. 17, 25. Гектографиров. сб. «Золотые точки», включающий стихи С. Никольского и Г. Струве 1915—1916 и ст. С. Никольского «Гавриил Державин», хранится в РГАЛИ (ф. 1527, оп. 1, № 1016).

С окт. 1919 Н. — преподаватель Петрогр. ун-та, где намеревался сдать магистерские экзамены. Из-за слабого здоровья и неприятия новых порядков он отклонил предложение Вл. В. Гиппиуса о преподавании в Тенишевском уч-ще и г-зии Таганцевой. Попытка бежать за границу через Финляндию, о к-рой он намекал в одном из писем Садовскому, не удалась.

См. его письмо от 17 февр. 1920: «Я не оставил мысли эсэветизироваться при первой возможности, напр., летом (снятие блокады!). Я грежу о моск. Сербине, где я — (займу) кафедру рус. литературы, и (буду) изучать лирику Дубровинки, влияние Петrarки и — на берег Адриатического Моря, где поет солнце» («Минувшее», в. 19, с. 188—89). Утверждение В. Ф. Ходасевича со ссылкой на Гершензона, что Н. служил в Добровольч. армии (письмо от 3 апр. 1919. — В кн.: Письма В. Ф. Ходасевича Б. А. Садовскому, Ани Арбор, 1983, с. 40), вероятно, относится к его младшему брату.

Получив от Академии наук в июле 1920 командировку в Одессу, а оттуда в Тирасполь для изучения архивов и музеев, Н. сумел пересечь линию фронта и пробраться в занятый Н. Н. Врангелем Крым. О встрече с Н. в 1920 в Одессе Ю. Г. Оксман писал: «Помнится, я ему дал некоторые нужные ему бумаги и адреса в Днестровские города. Он же был для меня и моих одес. друзей первым человеком, информировавшим нас о Петроградском быте 1918—20 года» (Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. Из архива Гуверовского ин-та. Публ. Л. Флейшмана. — «Stanford Slavic Studies», v. 1, Stanford, 1987, p. 26). В некрологе «Памяти Д. Н. Овсяннико-Куликовского» («Общее дело», 1921, 9 янв.) Н. вспоминал последнюю встречу со старым учителем «в большевистской, задавленной террором и облавами, и обысками Одессе».

14 нояб. 1920 на франц. броненосце «Вальдек Руссо» Н. вместе с семьей пред. Таврич. зем. управы кн. В. А. Оболенского, в числе 500 рус. беженцев, покинул Крым. Из Константинополя через Болгарию попал в Белград, где стал приват-доцентом ун-та и преподавателем в рус.-серб.

г-зии (П. Б., Крымская эвакуация. — «На чужой стороне», т. 11, Прага, 1925, с. 180; т. 12, с. 134, 140). Занимался изучением лит-ры юж. славян, печатался в серб. академич. изданиях («Прилози за книжевност, језик, историју и фолклор», кн. 1, ч. 1, Београд, 1921, с. 114; «Тургеневский перевод „Мцыри“ на франц. яз.» — «Зборник филолошких и лингвистичких студија», Београд, 1921; датировано: П., 1916), в ж-ле П. Б. Струве «Рус. мысль» (в т. ч. ст. «Последняя поэма Андрея Белого» — 1921, № 3/4), в парижских «Последних новостях», «Общем деле», берлинском «Руле». На основе изучения языков южных славян опублик. ст. «Об „ѣ“ и об „ѡ“» («Общее дело», 1921, 12 сент.), направленную против реформы рус. правописания.

Стихотв. опыты Н., несобранные и в осн. неопубликованные, находятся в его письмах. Четыре стих. опублик. в статье Н. А. Богомолова «К изучению поэзии второй половины 1910-х гг.» (Тыняновский сб. Третьи Тыняновские чтения, Рига, 1988, с. 181—82), стих. «Ахматовой» опублик. им же (ЛО, 1989, № 5, с. 42).

По восп. Г. Струве, Н. «вернулся в Россию, чтобы вывозить оттуда кого-то близкого ему...» (РМ, Париж, 1978, 4 мая). Встретившись в Белграде с В. В. Шульгиным, Н. уехал с ним в Варну, откуда на шхуне 30 авг. 1921 отплыл с др. участниками экспедиции в Крым, чтобы вывезти из сов. России оставшихся там членов семьи Оболенского, свою невесту Ирину Оболенскую (позднее, в замужестве, Зандрон; 1898—1987). На сов. территории он и Винберг (родственник Оболенского) были арестованы как шпионы, отправлены в тюрьму (предположительно, в Харьков), где оба умерли от тифа — Н. в янв., а Винберг весной (Оболенский и В. А., Моя жизнь. Мои современники. Всерос. мемуарная б-ка, Париж, 1988, с. 654; с нек-рыми разночтениями — см. «Кончина В. К. Винберга» — ПН, 1922, 1 апр.).

Судьба Н., его образ благородного юноши, способного начинающего ученого, обстоятельства его трагич. гибели приобрели в глазах современников почти легендарный характер. «Надо сохранить память о нем. Надо собрать его статьи и напечатать некоторые его письма, в к-рых сказано больше, чем в статьях. Он был человеком выдающимся и характерным — действительной и индивидуальностью. Самая отчужденность от века была в нем явлением органическим, заслуживающим внимания» (Эйхенбаум Б., Ю. А. Никольский. [Некролог]. — «Лит. запiski», 1922, № 1, с. 14).

Др. произв.: «Творчество Игнатия Зулоаги. (Исп. художник)» (РМ,

1914, № 4), «Тургенев и черт» («Жизнь иск-ва», 1919, № 305—09, 29 нояб.—4 дек.), «Поэт-рыцарь. (О Ник. Степ. Гумилеве)» («Общее дело», 1921, 26 сент.), «Мат-лы по Фету. 1. Исправления Тургеневым фетовских „Стихотворений“ 1850 г.» (РМ, 1921, № 8—12), «„Русь“ М. Волошина» (подп. криптонимом Н.; там же, 1922, № 1—2), «Признания Фета» (там же, 1922, № 6—7), «Неизд. стихи Я. П. Полонского» (там же, 1923, № 3—5).

Изд.: Судьба Н. (Из писем Н. к семье Гуревич и Б. А. Садовскому. 1917—1921). «Минувшее», в. 19, М.—СПб., 1996 (публ. С. В. Шумихина).

Лит.: Тютчевский сб. Первые Тютчевские чтения, Рига, 1984, с. 98; Тютчевский сб. Вторые Тютчевские чтения, Рига, 1986, с. 60—61 (письма Н. — публ. Р. Д. Тименчика); Фрагменты из писем Н. к Л. Я. Гуревич и Б. М. Эйхенбауму — ЛН, т. 92, кн. 3, с. 443, 461—62, 467, и др.; Шумихин С. В., Отчужденность от века. Жизнь и смерть Н. — «Независимая газ.», 1995, 25 нояб. (с республиканской написанного Н. некролога Блоку «Пророк»); Лесман.

Архивы: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 161—63 (письма к семье Гуревич); ф. 464, оп. 2, № 147, оп. 4, № 9 (письма Б. А. Садовскому); ИРЛИ, ф. 264, № 208 (письмо к А. П. Татариновой, 1916); ф. 212, № 127 (переписка с изд-вом «Огни») [справка О. Е. Бликинкой]; Бахметевский архив, Колумбийский ун-т, Н.-И. (черновики политич. статей и ст. «Пророк») [справка А. Б. Устинова].

С. В. Шумихин, при участии Р. Д. Тименчика.

НИКОН [в миру Николай Иванович Рождественский; 4(16).4.1851, с. Чашниково Моск. у. Моск. губ. — 12.1.1919, Троице-Сергиева лавра; похоронен у вост. стены Свято-Духовской церкви], архиепископ; церк. публицист, издатель. Из многодетной (22 ребенка) семьи сел. дьячка Ив. Анд. Мать свою, Ольгу Ив. (урожд. Грузову), он называл Христовой крестоносницей («Чем жива наша рус. правосл. душа», 1995, с. 20—21). После продолжит. болезни в возрасте 5—6 лет и «мнимой смерти» ослеп на один глаз. Под руководством отца выучился читать и к 8 годам прочитал (на церк.-слав. яз.) «Четы Минси», «Пролог», «Поучения» Иоанна Златоуста, «Лествицу» преп. Иоанна, «Библию» (3 раза) и мн. богослужебные книги (РГБ, ф. 765, к. 1, № 14). Учился в Моск. Заиконоспасском, затем в Перервинском духовных уч-щах (1859—68) на казенном содержании. Первым учеником окончил Моск. духовную сем. (1868—74). Испытывая особый интерес к иконописанию, одновременно посещал живописные классы Строганов. уч-ща. В семинарии издавал рукоп. «Памятные зап. ученика сем.» (50 номеров в год; РГБ), оформленные в виде «взрослого» журнала и содержащие еженед. хронику семинар. событий, восп. о детстве, стихи (некр-ые из них — напр. «Тихая обитель», «Плач Адама» — опубл.: «Странник», 1880, № 2, 3; подпись Г. Н.), рассказы, публицистич. статьи о духовенстве и др. Первая публ. — «Письмо к редактору»

(«Моск. епарх. вед.», 1870, 15 февр.; подпись Воспитанник моск. духовной сем. Н-ай Р-ий) — о необходимости найти средства и открыть в семинарии классы живописи; там же опубл. его ст. «Храм в селе Чашниково» (5 апр.). Волный дух семинарии (хотя Н. и замечал, что «времена Помяловского еще не миновали», — РГБ, ф. 765, к. 1, № 14, л. 100), а также совр. лит-ра настраивали молодого автора в духе «отрицательного направления». В заметке «Из-под Москвы. Село Чашниково» («Рус. мир», 1872, 31 июля; подпись Н. Р.), как и в ряде последующих (там же, 18 авг., 8 сент.), — иронич. зарисовки быта односельчан, подпавших под «соблазнительное обаяние рус. нек-тара». В «Заметках о нашем сел. ду-

ховенстве» (там же, 1, 29 сент.; подпись Подмосковный наблюдатель) автор скорбит об унижительной бедности сел. духовенства, вынужденного побираться у крестьян, и о пагубных нравств. последствиях этого. Н. печатался также и в газ. «Совр. известия» (1872—73). На страницах «Дом. беседы» опубл. записанный, видимо, со слов отца рассказ «Тихон Иванович» (1874, № 34) — о судьбе боголюбивого сел. простеца. В 1874 Н. стал послушником Ново-Иерусалимского мон.; жил в келье своего духовного отца, настоятеля мон. архимандрита Леониды (Кавелина) — «незабвенного моего благодетеля» («Чем жива...», с. 83). Ред. «Дом. беседы» В. И. Аскоченский писал Н. 3 апр. 1874: «Вполне разделяю мысль уважаемого Вами духовного лица [видимо, архимандрита Леониды. — Ред.], посоветовавшего Вам не вдаваться в обличительную литературу...» (РГБ, ф. 765, к. 7, № 30). С 1877 — послушник Троице-Сергиевой лавры (куда последовал за о. Ле-

онидом, назначенным ее настоятелем). О беседе Н. с Л. Н. Толстым, посетившим лавру в 1879, см.: Мои дневники, в. 1, с. 151—52; позже Н. опубл. два письма Толстого к о. Леониду, 1874 (там же, в. 6). Находясь на излечении в лаврской б-це, принял монашеский постриг (1880). В 1882 рукоположен в иеромонаха. Кн. Н. «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» (М., 1885; 5-е изд. — М., 1989), дающая наиболее полное жизнеописание святого, ценная и в науч. отношении, была удостоена Синодом премии митр. Макария в 1885. И. С. Аксаков отметил, что книга Н. «исполнена благотворной красоты, к-рой ни выучиться, ни подражать нельзя» (письмо к Н. от 15 дек. 1885 — РГБ, ф. 765, к. 6, № 21). В 1892 Н. был возведен в сан архимандрита, через год назначен казначеем лавры (до 1904); в 1901 — пред. епарх. уч-ща иконописания.

Многогранная издат. деятельность Н. началась в 1879 с выпуска «Троицких листков» (за 30 лет напечатано более 136 млн. экз.) — общедоступного периодич. изд., ставившего целью духовное просвещение и нравств. воспитание народа. По свидетельству современника, это издание — «оригинальное и новое» — шло «в разрез с монастырской рутиной» и тормозилось «мелкою завистью и недоброжелательством окружающей его среды» (письмо С. А. Рачинского К. П. Победоносцеву от 30 дек. 1888 — РГБ, ф. 230, к. 4413, № 3, л. 71). В «Троицких листках» в течение неск. лет печаталось составленное Н. на материале святоотеческой лит-ры «Толкование на Евангелие от Матфея. Духовно-нравств. чтение для народа» (отд. изд. — Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1899; репринт — М., 1994), проект к-рого одобрил и благословил еп. Феофан Затворник (дав Н. необходимые советы по его воплощению); рукопись первых глав получила положит. отзыв Рачинского (см. предисл. Н.). Неуклонно следуя правосл. традиции, «Толкование» вместе с тем обнаруживает индивидуальный стиль его составителя и редактора: простоту, ясность, полемичность — чаще всего скрытую — по отношению к совр. «лжеучениям» («штунде, пашковщине, толстовщине и подобному», с. XI). В 1900 Н. за изд. «Троицких листков» была присуждена премия митр. Макария.

С нач. 90-х гг. Н. сближается с моск. правосл. кругами: А. А. Александров, Ю. Н. Говоруха-Отрок, Л. А. Тихомиров, прот. Иосиф (Фудель) и др. Сотрудничая в ж. «Рус. обозрение» (1893—95; псевд. Православный; письма ред. журнала к Н. — РГБ, ф. 765, к. 6, № 30), Н. вы-

ступает со статьями, в осн. посв. назначению и стилю духовной лит-ры для народа, к-рая должна избавляться от «общих мест, стереотипных фраз, книжных оборотов речи», от «семинарского языка» («К вопросу о духовной лит-ре для народа» — 1895, № 6, с. 907; см. также его статьи: «Не пора ли подумать?...» — 1894, № 11; «К вопросу о „пересказах“ житий святых» — 1895, № 7, и др.). В «Рус. слове» Н. печатает цикл публицист. статей «Из дневника „православного“» (1895, 21 авг. — 1897, 16 нояб.; 41-я статья помещена в «Рус. обозр.», 1898, № 1), с удовлетворением отмечая, что «светская газета не боится прослыть отсталой, „ретроградной“ и охотно дает место нашим мыслям...» (РСл, 1895, 3 сент.).

В 1904 Н. назначен епископом Муромским, в том же году перемещен на кафедру епископа Серпуховского, утвержден викарием Моск. епархии и настоятелем Данилова мон. в Москве. Его неприятие рев. смуты 1905 неоднократно высказано в проповедях, особенно резко в одной из них — «Что нам делать в эти тревожные наши дни?» (МВед, 1905, 16 окт.), в к-рой Н. обличает «подпольных крамольников», мечтающих «весь мир поработить себе».

Раздражение революционно настроенной части общества (в либеральной печати проповедь Н. получила название «погромной») и припоминалась ему и в дальнейшем; см., напр.: УР, 1913, 18 июля; подпись Баккалаур отчасти повлияло на решение Синода — удалить Н. из Москвы: в 1906 он был назначен на кафедру епископа Вологодского и Тотемского [беседа Н. с петерб. митрополитом Антонием (Вадковским), давно желавшим «освободить» Москву от Н. за то, что он вносит «и в проповеди, и в печатные статьи политику»]. — «Записки епархиального архиепископа», РГБ, ф. 765, к. 2, № 26].

В 1908 Синод предоставил Н. право самому быть цензором своих изданий (РГБ, ф. 765, к. 1, № 6). Поч. чл. Моск. духовной акад., он был организатором и пред. Съезда монашествующих в Троице-Сергиевой лавре (1909; протоколы съезда — РГБ, ф. 765). Уволенный, согласно совб. прошению, от управления Вологодской епархией, Н. был в 1912 назначен членом Синода, через год возведен в сан архиепископа и назначен пред. издат. совета при Синоде (см. его доклад «Служение церкви печатным делом» — «Прибавление к „Церк. вед.“», 1914, № 5). Чл. Гос. совета (1906—15; см.: Выборы архиеп. Никона — УР, 1915, 7 авг.).

Наиб. интенсивная публицистич. и издат. деятельность Н. связана с ж-лами «Божия нива» (1902—17; здесь он вел рубрику «Наш дневник», печатал проповеди, обращенные к детям, статьи о Н. В. Гоголе, В. А. Жуковском и др., некрологи. статьи о священнослужителях) и «Троицкое слово» (1910—16). В каждом номере последнего публиковались статьи Н.

под рубрикой «Мой дневник» (их набиралось за год 50); «Мои дневники» были изданы в дальнейшем в Сергиевом Посаде отд. выпусками (в. 1 за 1910, 1915; в. 2 за 1911, 1915; в. 3 за 1912, 1915; в. 4 за 1913, 1914; в. 5 за 1914, 1915; в. 6 за 1915, 1915; в. 7 за 1916, 1916). В статьях Н. воссоздается картина церковно-обществ. жизни России первых десятилетий 20 в. Черпая материал из газетных заметок, писем читателей, опираясь на совбт. наблюдения, Н. освещает явления жизни с т. з. архипастыря правосл. церкви. Истоки совр. «смуты», к-рая «как ядовитый туман окутала нас со всех сторон» («Самоубийства молодежи», 1910, с. 23; цит. по кн.: Православие и грядущие судьбы России), Н. видит как в «прорисках мирового иудео-масонства» («Христиане ли мы?», 1910, с. 50 и др.), так и в отступлении рус. народа от веры отцов — православия. Вина за это отступление лежит, по мнению Н., прежде всего на внесловной интеллигенции, преклонившейся перед «современным Ваалом безбожия и безначалия» (там же, с. 51), перед идолом «прогресса» («Наше духовное сиротство и бездержавное верь», 1911, с. 119), усвоившей себе и внедряющей в народные массы «правовой взгляд» на церковь, заражающей их «ядом самоцены» [самомнения — Ред.] взамен свойственного православному мирозерцанию смирения («Отрава „правовым“ началом», 1910). При участии интеллигентов, этих, по определению Н., «духовных кастратов», исконное народное мировоззрение постепенно вытесняется «либеральными бреднями» («Подмена мирозерцания», 1910); провозглашенный же либералами принцип «свободы совести» на деле оборачивается свободой распространения лжеучений и, в конечном счете, свободой зла («Свобода совести имеет свои границы», 1910; «Торжество царского самодержавия и истинная свобода», 1911; «Почему же не навсегда?»; «Удушливые газы», обе 1915). В неск. статьях, написанных в связи со смертью Толстого, Н., ценивший худож. творчество этого «типичнейшего рус. человека» («Мои дневники», в. 6, с. 53), объяснял невозможность церк. поминовения его как еретика, не примирившегося с Церковью, и резко полемизировал по этому поводу с Е. Поселянином (Е. Н. Пожовым) («Паки и паки о Толстом», «Полемика продолжается» — «Мои дневники», в. 2), М. О. Меньшиковым [см. в кн.: Духовная трагедия Л. Толстого, М., 1995, с. 160; полемика с Меньшиковым по др. вопросам — в статьях Н. «Язычествовский националист о святителе Николае Японском» («Мои дневники», в. 3), «О религ. мудр-

ствованиях г. Меньшикова» (там же, в. 4)]. С В. В. Розановым, с к-рым Н. переписывался на протяжении неск. лет и к-рого звал «домой, к родной матери-Церкви» (РГБ, ф. 429, к. М4214, № 14), часто полемизировал на страницах «Троицкого слова» по церк. вопросам (см., напр., ст. «О монашестве епископов» — «Мои дневники», в. 5, с. 110 и др.).

Секуляризация обществ. и частной жизни, когда даже члены церкви пытаются служить одновременно и Богу, и миру («Пасхальная радость и пастырская скорбь», 1910; «С чего начать?», 1911), способствует, по мнению Н., общему падению нравов, при к-ром «порок становится обычным явлением жизни» («Христиане ли мы?»; «Строгость закона во имя любви», 1914; «Порок языка», 1915), распространяются безнравств. зрелища, «популяризирующие порнографию и ... уголовщину» («Слово правды о кинематографе», 1916, с. 445), эпидемии самоубийств среди молодежи и суеверия («Тонкая отравка язычества», 1911; «Суеверные письма и молитвы», 1915).

Гл. средством распространения чуждых народу идей Н. считает либеральную печать, к-рая навязывает обществу свою систему ценностей («Кошунственные похороны лицедейки», 1910; отриц. отношение автора к театру сказалось и в этой статье, посв. В. Ф. Комиссаржевской), отравляет читателя духом скептицизма. Пользуясь лукавым «условным языком», вводящим в заблуждение и цензуру, и читателя («Об условном языке», 1915), «прелюбодей печатного слова» («Соблазн идет от интеллигенции», 1910, с. 76) сыграли, считает Н., не последнюю роль в «крушении духовных основ нашего исторического бытия» («Дети и церковь», 1910, с. 34). Архиепископ Николай Японский, уподобляя общительные статьи Н. ветхозаветным пророчествам Иеремии, называл их иеремиадами.

В 1-й мировой войне, ставшей осн. темой «Мои дневники» последних лет, Н. видит «суд Божий над народами земли» («Утоговил себя к подвигу», 1914, с. 321), наказание рус. народа за грехи и в то же время очищение его великой скорбью («Православие — могучий устой нашей государственности», 1915). В это время испытаний, считает Н., не только «прислушался народная душа, заговорила совесть христианская» («Русь под крестом», 1915, с. 404), проявились лучшие душевные свойства правосл. воина и труженика («Каким есть у нас воины Христолюбивые», 1916), но и выявились нравств. превосходство правосл. России над «немеским племением», являющим миру «масовое, всенародное отступление от Христа» («О великом „отступлении“», 1915, с. 405; «Смертный грех европейской истории», 1915; «Митрополит Филарет о войне и воинском звании», 1915).

В «Мои дневники» наряду с публицистич. статьями вошли проповеди и пастырские беседы, посв. вопросам христ. милосердия («Сердце очертвело», 1910; «Свет и тепло истинного доброделания», 1915) и

правосл. аскетики («Покаяемся!», 1911; «Умеем ли мы молиться Богу?», 1914; «О чествовании и властолюбии», 1915).

В 1913 Н. был командирован Синодом на Афон для расследования возникшей среди рус. монахов смуты по вопросу о имени Божиим (см. «Моя поездка на Старый Афон и плоды „великого искушения“» и др. статьи об имеславии в кн.: Меч обоюдоострый). Миссия Н. закончилась принудительным выселением имябожников с Афона, после чего либеральная печать, припомнив Н. его «черносотенное» прошлое (сам Н. резко выступал против националистич. трактовок Ветхого Завета: «Слово правды нашим патриотам-антисемитам», 1915), назвала его инквизитором, а изгнанных монахов — мучениками (Лопатин Н., Ватерлоо архиепископа. — УР, 1913, 9 июля; РВед, 1913, 5, 6, 16, 23, 24 июля, 2, 25, 28 авг.; Мельгунов С., Совр. еретики и Синод. — РВед, 1913, 4 сент.).

В 1916 Н. был уволен по болезни, согласно прощению, от должности пред. Издат. совета при Синоде. Одну из своих посл. «иеремиад» (в письме к патриарху Тихону Н. обратился на «гнусное» время после революции 1917, когда «из глубин сатанинских вылетают все новые и новые „декреты“, ... пропитанные ненавистью к невесте Христовой, враг сбрасывает с себя личину народного благодетеля и открытым лицом выступает гонителем Христовых последователей...»). В такие дни верные чада правосл. церкви призываются не только к подвигу исповедничества, но и «к несению крестных страданий подобно мученикам первых веков христианства» (РГБ, ф. 765, к. 5, № 40). В своем послании от 15 авг. 1917 Всерос. церк. собору святителей Н. утверждал, что если не спасет Россию «особенное чудо Божия Милосердия, то она в качестве великой державы должна сойти в могилу всеобщей истории опозоренная клеймом измены Божию призванию...» (там же, № 36).

Н. «коллекционировал» и публиковал в «Моих дневниках» едва ли не все заметные отрицательные отзывы о себе в либеральной печати (Бакалавр: «... человек крайне узкий, односторонний, неуживчивый, придиричивый, капризный» — «Православие и грядущие судьбы России», с. 286; В. П. Мешерский: «всю жизнь посвятил ненависти ко всему, что не он» — «Отповедь князю, глаголющему суетная», «Мои дневники», в. 1, с. 170; полемику Н. с Мешерским см. также: РСл, 1897, 9 февр., 2, 23 марта). Розанов, побывавший на службе Н. в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры (январь 1918), вспоминая старика, «невысокого

роста, рыжего, невзрачного, подслеповатого, с незвучным, щелястым голосом» («Я его не любил... Синод. Прямолинейный правозвер. Дурлом»), не мог не признать: «вот он сделал свое дело... Ему не в чем упрекнуть себя перед своей родиной и верой» (цит. по кн.: Дурылин С. Н., В своем углу, М., 1991, с. 298).

Изд.: Правосл. идеал монашества, М., 1902; Два Божиих исрета, М., 1902; Чем жива наша рус. правосл. душа, 2-е изд., Сергиев посад, 1909; репринт — СПб., 1995; Где же наше христианство? Скорбные думы пастыря, [Сергиев посад], 1910; О всеобщем обучении, СПб., [1912]; Один из невидимых стражей души народной, СПб., 1913; О чествовании и властолюбии (Доброс слово некр-рым никоим и пастырям Церкви), Сергиев посад, 1915; Меч обоюдоострый, 1913, СПб., 1995; Православие и грядущие судьбы России, М., 1995 (сост. и предисл. свящ. Ярослава Шипова).

Лит.: Белый, кн. 2, с. 162; Барсуков (ук.); Гусев Н. Н., Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1828—1890, М., 1958, с. 515; Флоровский Г., Пути рус. богословия, Париж, 1988, с. 417; «Даниловский благовестник», 1992, № 1(2), 2—3 (ч. II), № 4 (Биогр. мат-лы о Н. и публ. его статей подготовлены Г. М. Зеленской). + Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemeševskij), Teil 5, Erlangen, 1987; Машанов (указаны писала Н. только в «Рус. обзор»).

Архивы: РГБ, ф. 765; ф. 249, к. М4214, № 14 (письма В. В. Розанову); РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, № 77—83 (переписка с Н. П. Барсуковым); ф. 2, оп. 1, № 690 (письма А. А. Александрову); ф. 46, оп. 1, № 598 (письма П. И. Бартеву); РГИА, ф. 1579, оп. 1, д. 82 (доклад Н. об афонской смуте).

С. М. Гучков, И. В. Никитина.

НИКОНОВ Борис Павлович [14(26).12.1873, г. Орлов Вятской губ.* — 2.6.1950, Ленинград; похоронен на Серафимов. кладб.], поэт, прозаик, драматург. Отец, Пав. Петр., — чиновник, в 1890 утвержден в дворянстве; мать, Ольга Мих., — дочь учителя. Н. закончил два класса реального уч-ща в Елабуге, затем прошел гимназич. курс в 1-й казан. г-зии и в 1894 поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та. С 1898, после окончания ун-та, работал в Петерб. окружном суде, в 1901 пом. присяжного поверенного округа Петерб. судебной палаты, в 1910 присяжный поверенный. Н. принадлежат неск. юридич. соч., в т. ч. «Об-

виняемый до суда» (СПб., 1903) и «Спор о ребенке» (СПб., 1911).

В 1891, будучи учеником 6-го класса, напечатал свое первое лит. произв. — стих. «Христос воскрес!» («Казан. бирж. листок», 21 апр.), начал печататься в «Казан. вестях», «Волж. вест.». В студенч. годы стал сотрудничать в «Живописном обозр.» (с 1894), в 1896 поместил в «Лит. сб-ке произв. студентов имп. С.-Петербург. ун-та» под ред. А. Н. Майкова, Д. В. Григоровича, Я. П. Полонского стихи, два очерка и рассказ, в 1897 напечатал в «Ниве» рассказы «В положении невидимки» (№ 41), «Конец Трезора» (№ 49).

В 1901 опубли. цикл очерков из гимназич. жизни (РБ, № 7—9; «Россия», 21 нояб.). Позднее эти и др. очерки вошли в сб. Н. «В стенах гимназии» (СПб., 1907).

В них рассказана «история „первого ученика“, к-рую можно назвать историей гибели личности“, обычной для нашей... средней школы» (расс. А. Б. (А. И. Богданович) — МБ, 1901, № 9, отд. II, с. 1—2); иск-рое однообразие и растянутость, по мнению критики, искупались искренностью тона, правдивостью в изображении сироты, царившей в классич. уч. заведениях (Неизвестный — «Россия», 1901, 3 нояб.; Ан. Нечаева — ИВ, 1908, № 3; Л. Клейнбург — «Обр.», 1908, № 4).

В 1904 вышла книга лирич. стихов «Голос сердца» (СПб.), об авторе к-рой было справедливо замечено критиком «Рус. мысли», что он — «не выдающийся величины поэт, и дарование его — не из крупных. Но оно свежо, непринужденно и искренне» (1904, № 8, с. 242—43). Стихи, рассказы и очерки Н. регулярно появляются в 1900-е гг. в столичных ж-лах и газетах, в т. ч. в «Ниве» (где одно время он работал редактором отдела поэзии), «Кругозоре», «Огоньке», «Моменте», «Светоче», «Родной стране», «Родине», «Бирж. вед.» (1912—13), в популярных серийных изд. «Читальня нар. школы» («Семеново горе», СПб., 1904) и «Б-ке трезвой жизни» («Пьяный паром», СПб., 1913). По-видимому, с 1905 Н. сотрудничал в «Ист. вест.». По рекомендации его ред. С. Н. Шубинского получил заказ на биогр. очерк к «Прозач. соч. в 2-х тт.» В. А. Крылова (см.: т. 1, СПб., 1908), в к-ром Н. счел пьесы бытописателя прошлого столетия заслуживающими не меньшего внимания, чем драмы А. Н. Островского.

Первые драм. опыты самого Н. относятся к 1905 — в феврале в т-ре Корша шла его «шутка в одном действии» «Неистребимые» (каталог Б-ки ВТО). В 1910 Н. работал над либретто для «музыкальной легенды» П. П. Шенка «Чудо роз» [ВБед, веч. в., 1913, 9 янв., интервью; текст «Чудо роз. (Дочь иных веков)», СПб., 1913], пост. в Мариинском т-ре в сент. 1913; выдержала 11 представлений.

Критика отмечала сходство содержания оперы, действие к-рой разворачивается в ср.-век. Германии (благородная графиня гибнет, чудесным образом спасая жизнь нищим), с сюжетом популярной в то время вокально-инструментальной оперы Ф. Листа о св. Елизавете Венгерской (М. Иванов — НВ, 1913, 23 сент.). Ожидания критики, что постановка новой оперы на главную пьесу, сцене станет заметным событием (И. Кнорозовский — ТИИ, 1913, № 39), не сбылись. В откликах на премьеру хвалялись лишь за то, что «слова о братстве и святом труде прозвучали с наших оперных подмостков едва ли не впервые» (НВ, 1913, 23 сент.), а упресли в неспешности сюжета, вялости действия и слишком напыленной и прямолинейной обрисовке персонажей (И. — НВ, 1913, 26 сент.).

15 нояб. 1914 в Мариинском т-ре состоялась премьера еще одной оперы Шенка — «Победа» — на либретто Н., бывшее переложением поэмы Ф. Коппе о событиях франко-прусской войны. Театр. критика ограничилась пересказом содержания оперы и замечаниями о современности ее тематики (БВед, 1914, 30 сент., б. п.; там же, 16 нояб., подпись А.). В 1910-е гг. Н. неоднократно выступал как автор муз.-театр. рец. («Нива», 1914, № 7, — на пост. «Царя Иудейского» А. К. Глазунова; БВед, вч. в., 1914, 23 окт., — на пост. «Дауста» Ш. Гуно; ТИИ, 1915, № 6, — статья о вопросах организации театра в деревне). Лит.-муз. интересы Н. не были случайны, важным его занятием было домашнее музицирование на рояле.

Мн. темы своих произв., в т. ч. статей и очерков, Н. брал из рус. и европ. истории: ст. «Из нравов Павловского времени» (ИВ, 1905, № 6) о процедуре подачи прошений в эпоху Павла I; очерк «Картофельный бунт» (ИВ, 1907, № 10) — изображение крест. быта и характеров в России 18 в.; в очерке «Турецкие картинки» (альб. «Отражения», М., 1915) размышления о прошлой и будущей судьбе Востока навеяны путешествием Н. в Турцию и Алжир на борту теплохода «Экватор». Характерно пристрастие Н. к франц. тематике: героями его романов и пьес нередко становятся парижане (пов. «Погибающие», СПб., 1911; «Контрибуция» — в альб. «В год войны», П., 1915). Сохранился его договор (1911) с изд-вом А. Ф. Маркса на пер. с нем. романа Г. Эберса «Ужас» (РГАЛИ, ф. 335, изд-во Маркса, оп. 1, № 12), но неизвестно, был ли перевод осуществлен.

В 1915 Н. опублик. ром. «Золотой зверь» (П., в серии «Илл. собрание рус. романов», кн. 8—9). Нек-рые детали в портрете гл. героя — «представителя интеллигентной богемы, адвоката без практики и поэта без имени» (стб. 6), не вписавшегося в «новую эру ... хулигански-рекламно-наживательскую» (стб. 191), выдают его автобиогр. характер (знаменателен и выбран имени — Георгий Ардатов, используемый Н. в качестве собств. псевд.). Сюжет о внезапном обогащении, неудачной женитьбе и

нек-рых др. драм. и романт. повторах судьбы героя не совпадает с реальными событиями жизни автора и служит задачам развлекат. беллетристики. В архиве семьи сохранилась рукопись автобиогр. ром. «Школьные годы Аркатова».

С 1916, вместе с женой, Ольгой Вл. Никоновой-Бехтеревой, жил в доме ее отца, психиатра и рефлексолога В. М. Бехтерева. Их сын, Вл. Б. Никонов (1905—87), — сов. астроном (см.: А. Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г., Астрономы. Биогр. справочник, 2-е изд., К., 1986). После 1917 Н. нек-рое время работал в финотделе Совкомхоза. Его ист. романы и повести 1920-х гг. в осн. предназначены для юношества и описывают события из времен Великой франц. революции и Париж. коммуны («Мундир короля», М.—Л., 1926; «Последний выстрел», «Маленький герой» — в его сб. рассказов «В огне», М.—Л., 1927, ист. ром. «Поэт-булочник», Л., 1927).

Ром. «Глухая стена» (М.—Л., 1928), повествующий о сложных взаимоотношениях аристократки-жены с мужем-коммунистом в суровом 1919, Н. вместе с В. Наумовым переделал в 1929 в пьесу (текст: РГАЛИ, ф. 2626, оп. 1, № 21), к-рая в постановке реж. Н. Б. Лойтера шла в т-ре Пролеткульта и была невысоко оценена театр. критикой, несмотря на ее «идеологическую выдержанность» (Уриель — «Веч. Москва», 1929, 15 февр.; А. Февральский — «Правда», 1929, 22 февр.). Др. попытки Н. издать свои произв. оказались неудачными.

Характерны «служебные» отзывы на его опублик. книги. Так, А. Г. Горюхинов, находя «лит. достоинства» ист. романа «48-й год» «нижними», рекомендует ее лишь в качестве полезной книги для детского чтения (РНБ, ф. 211, № 84). В. А. Каверин предлагает извинить старомодность Н. — автора сб. рассказов «То, что было» — за «занимательность, простоту слога и приятное спокойствие» (РНБ, ф. 709, оп. 1, № 17; 1929 г.).

В дни блокады Н. оставался в Ленинграде. В 1945 был принят в Союз писателей.

Лит.: Похитонов Д. И., Из прошлого рус. оперы, Л., 1949, с. 81—83; Пяст, 1997. + Каталог ОРДП: Писатели Ленинграда; Алфавитный список родоначальникам потомств дворян, внесенных в дворян. родословную книгу Казан. губ. с 1787 по 1895 г., Каз., 1896; Абызов, Масанов (не учтен псевд. Сергей Заображский).

Архивы: РГБ, ф. 81; ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 227 (письма А. А. Измайлову, 1906, 1915); ф. 123, оп. 1, № 626, 627 (письма Н. Н. Сергеевскому, 1912—13); ф. 357, оп. 5, № 81 (письмо А. Н. Сальникову от 2 апр. 1902 с автобиогр. сведениями) [справка Л. Н. Клименюк]; РНБ, ф. 211, № 84; ф. 709, оп. 1, № 17; ф. 118, № 630; ф. 124, оп. 1, № 3076 (письмо С. Н. Шубинскому, 1904); ф. 103, № 108 (автобиогр. анкета для «Словаря современников», 17 сент. 1928*) [справка Л. Н. Клименюк; по сведениям правнука, А. С. Алдраса, род. 27 дек. н. с.; РГАЛИ, ф. 335, оп. 1, № 242; ф. 1666, оп. 1, № 1977 (рукописи); ф. 2819, оп. 1, № 45; ф. 493, оп. 1, № 43; ф. 124, № 3076; архив С. Н. Шубинского, оп. 1, № 98 (письма).

А. И. Левинзон.

НИКОНОВ Валериан Яковлевич [13(25).4.1802*, г. Архангельск — не ранее 1834, Петербург?], журналист, очеркист, автор путевых записок, поэт. Из купеч. семьи: отец, Яков Петр., «из священнических детей», был состоят., изв. своей благотворительностью купцом, трижды избирался городским головою Архангельска (ГА Арханг. обл.; ОЗ, 1823, № 43, с. 278). Н. окончил Арханг. евангелич. уч-ще (СА, 1826, № 2, с. 139), в дальнейшем, по-видимому, занимался самообразованием. В 1818 Н. (к тому времени переехавший в Петербург) уволился из купеч. звания, получил чин коллеж. регистратора, в том же году поступил писцом (без жалованья) в Деп. гос. хозяйства и публич. зданий Мин-ва внутр. дел, где прослужил до нояб. 1824. В нач. 1825 определен сверх штата в канцелярию Мин-ва нар. просвещения, в нояб. вышел в отставку по причине «расстроенного здоровья».

Первые выявл. публикации — стих. «К Мелине» (ВЕ, 1819, № 23; перепеч.: «Колокольчик», 1831, 2 июня), «Пробуждение», «Романс», «Элегия» (ВЕ, 1820, № 8, 14, 21). «Пробуждение» было перепечатано в «Благонамеренном» (1820, № 11) «с поправками»: в новом варианте Н. усложняет внутр. конфликт традиц. героя с «увядшей душой», развивая мотивы «пробуждения к страданию», «счастья-усыпления». В 1822 в ж. «Сын отечества» опублик. «Отрывок из проекта путешествия... по Северу России» (№ 51—52; отд. оттиск — СПб., 1822) — попытка науч. этногр. описания Рус. Севера, обнаруживающая разностороннее и вместе с тем отрывочное знакомство Н. с историей, ист. географией, природой края, его монастырскими книгохранилищами и т. п. (Н. ссылается на труды Нестора, Н. М. Карамзина, А. Л. Шлещера, П. М. Строева и др.).

Изучая наименования селений и рек Двинской земли, Н. делает осторожный вывод об их восхождении к чудскому, т. е. близкому финскому наречию, а не «славяно-русскому» языку, предполагает, что норвежцы еще в 9 столетии «узнали путь к устью Двины» (№ 51, с. 215—16); в прим. сообщает о своих консультациях с гр. Н. П. Румянцевым — № 52, с. 259.

«Отрывок...» в нач. 1823 Н. поднес императрице Елизавете Алексеевне (с пространним предисловием, сообщающим о постигших его «скорби» и «мирачных горестях»), получил «высочайшее благоволение» (РГА, ф. 535, оп. 1, д. 24, л. 171—73); позднее откликнулся на ее смерть стих. «Голос русского при известии о кончине...» (СП, 1826, 15 июня).

В 1823 (январь—апр.) Н. предпринимает за свой счет путешествие в Арханг. губ. (по поручению през. Рос. академии А. С. Шишкова). «Отчет» о нем публиковал в «Отеч. записках» — «Извлечения из дневника путешествия по Северу Европ. России» (1823, № 37, 42, 44; 1824, № 50) и «Сев. архиве» — «Извлече-

ние из „Сев. дневника“ (1825, № 13, 16; 1826, № 2, 13). «Извлечение...», как и «Отрывок...», представляют собой экскурс в историю Архангельска и Арханг. губ. (возникновение биржи, гостиницы двора и т. д.), с преим. вниманием к памятникам старины (описание храмов, монастырей, крепостей; попутно, для «сличения», Н. обращается к летописям и др. рукописям); лишь изредка встречаются отсылки к совр. быту («дружелюбие обитателей» арханг. «селений» — ОЗ, 1823, № 42, с. 122) и пром. занятиям. «Сев. дневник» проникнут ностальгич. воспоминаниями об Архангельске, включает элэгич. автобиогр. стихи о разлуке с «милым краем»: «И я забуду ли места бесценных лет, — / Приют моей родимой колыбели» (СА, 1825, № 13, с. 38); мн. из этих публ. подписаны: архангелогородец В. Н. или Н.

Низд. остались кн. «История города Архангельска» [в 1824 Н. безуспешно просил Александра I дать 1000 руб. на издание (РГА, ф. 733), но и Рос. акад. не сочла возможным «принять (в ней) участие» (там же, ф. 735, оп. 1, д. 8, л. 15)], «История г. Холмогор» и «Словарь языка самоседов» (см. «Отрывок...» и ОЗ, 1824, № 50, с. 348). В прошении к императору, свидетельствующем, как и его записка императрице, об «ученых» и лит. амбициях Н., он также напоминал о посещении Александром Архангельска в 1819, когда его встречал отец Н. Полагая, Н. рассказал об этом в стих. «Чувствования Двинянина» (СПб., 1826), написанном на кончину Александра I и вояжение Николая I. «Чувствования...» — смешанное подражание державинской оды и элэгич. стилю В. А. Жуковского — было напечатано «по желанию друзей автора, любящих Отчизну, верных Аггарю и Трою» (с. 6).

Как «усердного любителя наук» и отец словесности представили Н. издатели «Сев. пчелы» — в прим., сопровождающем его публикацию («Озеро Сувайдо», 1825, 5, 8 дек.). В 1827 Н. выступил в роли прозаика: «Рассказы Двинянина...» (СПб.; не одобрит. рец.: МТ, 1828, № 3) — сб. «ужасных» и таинств. случаев из жизни (в духе А. Радклиф) с сентиментально-дидактич. окраской.

К осени 1829 Н. женится (стих. «Жене моей М. Л. Н-ной» — «Бабочка», 1829, 28 авг.), имеет в Петербурге «собственный 3-этажный дом» и «независимое состояние» («Сев. Меркурий», 1830, 10 дек., с. 280), право распоряжаться к-рым получает в 1830 (до того находился под опекой). С этого времени Н. обращается к журналистике.

В 1829—30 он активный сотрудник моск. газеты «Бабочка» (изд. К. Зейдедем), в к-рой вначале выступает как театр. критик (серия статей «Русский театр» в разделе «Зрелища») — с обзором репертуара петерб. театров (в рец. требует в осн. занимательности сюжета и «натуральности» характеров и их исполнения).

Отнеся комедию М. Н. Загоскина «Благородный театр» к «одной из лучших пьес нашего репертуара», Н. сотовал на то, что «характер дей-

ствующих лиц не везде выдержан, в завязке содержания есть что-то натянутое, и многие сцены бесцельны, скучны для зрителя» (там же, 1829, 25 сент., с. 307).

Н. пробует себя в жанре сатирич. очерка: в «Оригиналах» (там же, 1829, 13 нояб.) показывает различные типы из «легиона» представителей этого рода: г. Высокопаров — «домашний друг богомолков, педанток и светских благотворительниц», приятель-философ, полагающий себя «равным Лафатеру» и собиравший издать свой труд «под фирмою лицегания» (с. 364), и т. п.

В 1830 Н. ведет в «Бабочке» отдел «Петерб. записок», сообщая новости о праздниках, балах, гуляньях и проч. увеселениях петерб. публики (полуирионич. отклик О. М. Сомова: «новостью» в газете «были только статьи г. Никонина, который восторженным слогом возвещал нам о гуляньях в саду Б. Ралли и на Малой Охте» — «СЦ на 1831 г.», СПб., 1830, с. 17). С подобного рода заметками Н. выступал в разделе «Смесь» «Сев. пчелы» в 1826 (июль—окт., 5 публ.). Тогда же печатает в «Сев. Меркурии» рассказ «Несчастливая Лиза» (с подзаг. «Из рассказов Двинянина» — 1830, 20—22 авг.), за что издатель газеты М. А. Бестужев-Рюмин взял с него, «пользуясь его непроизводительностью, 500 р. ассигновками» (РВ, 1871, № 10, с. 620). Рассказ написан в духе сентиментальной карамзинской повести, но с примесью байронизма.

Н. посещал лит. вечера А. Ф. Воейкова в качестве сотоварища В. Н. Олины. Один из их посетителей, В. П. Бурнашев, описывает его так: «...бледный, белобрысый как маймист [эстонец. — Ред.] и отличавшийся необыкновенною неловкостью. Впрочем, человек добрый и честный» (РВ, 1871, № 10, с. 620).

К осени 1830 Н. прекращает сотрудничество в «Бабочке» (последняя публикация — 20 авг.) в связи с замыслом совместного с Олиной издания — газеты «Колокольчик» (1831), печатавшейся фактически на средства Н., в доме к-рого и располагалась редакция («Сев. Меркурий», 1830, 10 дек., с. 280). Вначале, при активном участии Олины, газета заполняется в осн. переводами из иностр. журналов (напр., в его пер. печатаются фрагменты «Дон Карлоса» Ф. Шиллера, № 18—21, 30—31); затем участие Олина сходит на нет, и последние номера почти целиком состояются Н. Он переносит в «Колокольчик» рубрики «Русский театр» и «Петербург. записки», ведет разделы «Волшебный фонарь», «Смесь», но особенно сосредоточивается на сатирич. разделе — «Из записок лугского пустынноика» — серии нравоописат. очерков (20 февр. ... 28 июля). В центре «Записок» —

«старинный обыватель столицы» (27 февр., с. 67), охотник, «несмотря на старье... годы», «шататься, бродить по большим многолюдным улицам, заглядывать в места собраний публичных», черпая там «пишу для замечаний наблюдательного путешественника» (20 февр., с. 60).

Прогулки заводят его то на Невский проспект («Путешествие по Невскому проспекту» — 20, 24 февр.), то на биржу («Заморские и домашние птицы, или Прогулка на биржу» — 12 мая), то во фруктовую лавку («Устрицы» — 3 апр.), то в кондитерскую («Выставка нового поколения, или Поход в кондитерской» — 14 июля), он становится свидетелем обыденной жизни горожан и их празднеств («Светлая неделя» — 24 апр., «Первое мая» — 1, 5 мая).

Н. описывает причуды и слабости преим. средних слоев — купечества, чиновничества и др.: спесь, глупость, жадность, мотовство, празднословие и особенно пристрастие к иностранному. Иногда он касается общественно-опасных пороков — взяточничество, бесчестье: «Письмо из губ. города... в уездный... от Конона Архипова к Матвею Прямыкову» (27 янв., 13 марта), «Талисман, или Волчий рот и лисий хвост» (16 июня), «Ходатай, или Стряпчий на все руки» (7 июля), лицемерие филантропич. жестов дворянской знати — «Из записной книжки старожилы» (13 февр.; неск. публ. из этого цикла помещено также в июле). Хотя в сатирич. очерке Н. видна прямая ориентация на просветит. сатиру (говорящие фам.), в нем обнаруживаются и новые бытописательские тенденции рус. лит-ры, ведущие к натуральной школе и отчасти предвещающие ее программные выступления. В отд. сценах рельефные жизненные реалии доминируют над нравообличительством. Среди персонажей «Записок» Н. помещает и автопортрет в образе «бледного сухого журналиста», сидящего у окна и «за стаканом портера, с пером в руке» наблюдающего гуляющую публику (1 мая, с. 140).

В лит. разделе «Колокольчика» Н. публикует неск. шутильвых стихов («Похвала настойке» — 19 июня; «К друзьям» — 24 апр.), а также коротких рассказов о «суевериях» («Мертвец» — 2 июня; «Шутки воображения...» — 10, 14 июля; не оконч.), о светских дамах («Приключение от шали» — 7 июля).

Задетый насмешливыми намеками Н. И. Надеждина на купеч. происхождение Н. А. Полевого (Станько, с. 74) и спироизировав их на себя, Н. несколько вытягивается в лит. полемике вокруг «Моск. телеграфа» Н. Полевого, обвиняя «несчастную» редакцию «Молвы» в том, что она пишет «без всякого матушки-грамматики и смысла» (8 мая, с. 148). Н. иронически откликается на выход соч. А. А. Орлова, в т. ч. «Смерть Ивана Выжилина»: «Когда уймется крошечный галиматия!» (15 мая, с. 156), на что ополчается Бестужев-Рюмин («Сев. Меркурий», 1831, 20 мая). Перепадка между «Сев. Меркурием» и «Колокольчиком» по поводу ж. «Гирлянда» (изд. тем же Бестужевым-Рюминым) и соч. Орлова тянется до конца существования «Колокольчика». Называя романы Орлова бреднями, «нечадиями»

(10 апр., с. 116), «Гильо», «чтением для обжорного рынка» (17 июля, с. 228). Н. подотрывает в авторстве самого Надеждина.

В целом «Колокольчик» не смог выйти за рамки скучного, «бесцветного» издания и закончился на № 69 за неимением подписчиков. В нем печатались в осн. малоизвестные литераторы — А. И. Булгаков, Л. В. Брант, Бурнашев, А. Е. Грен, И. И. Подшивалов. В кон. 1831 Н., уже стесненный в средствах, переезжает на квартиру «на Васильевском острове» (объявление о перемещении туда редакции «Колокольчика» — 31 июля, с. 244).

В единичных письмах Шишкову нач. 1830-х гг. (РГИА, ф. 1673, оп. 1, д. 202), Д. А. Державиной, 1834 г. (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, № 242) Н., называя себя «отцом семейства», просил о материальной помощи. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Др. произв.: стих. «К ночной филалке» (СО, 1822, № 49), «Императору России, или Чувство русского при известии о взятии Варшавы» (СПб., 1831), «Песнь русского. В 17-й день апреля МДССС XXXIV года» (СПб., 1834).

Лит.: Петербургский старожил В. Б. (Бурнашев), Мос знакомство с Восковыми в 1830 г. — РВ, 1871, № 10, с. 619—20 (здесь Н. ошибочно назван Вас. Прохоровичем); Станько А. И., Рус. газеты первой пол. XIX в. [Р.И.Д.], 1969, с. 44—45, 57, 74, 151—52, 155. + Брокгауз, т. [30] (ст. о «Колокольчике»).

Архивы: ГА Арханг. обл., ф. 29, оп. 11, д. 271, л. 385 об. (метрич. запись о рожд. Н.), оп. 29, д. 272, ф. 49, оп. 4, д. 8 л.—97, д. 23 (биограф. сведения об отце и семье) [справка Т. А. Салакиной]; ИРЛИ, ф. 322, оп. 70, л. 78 и след. (письма Д. И. Хвостову); РГИА, ф. 735, оп. 1, д. 2, 8 (ф. с. 1824 г. и аттестат о службе 1826 г.); ф. 733, оп. 87, д. 223 (прошение Александру I об изд. кн., одобрит. отзыв А. С. Шишкова о Н. в письме А. Н. Голицыну от 22 марта 1824); д. 305, л. 8 (уничтожающий отзыв Рос. акад. о рукописи Н. «История и описание Турции», представл. Николаю I в 1829); ф. 994, оп. 2, д. 961 (два письма Н. 1833 гр. Н. С. Мордвинову — о дом. затруднениях и намерении издать пов. «Красный всадник»; указана дата рожд. 23 марта) [справки по РГИА и ИРЛИ А. Ю. Балакина].

С. В. Уварова, Л. М. Щемелёва.

НИЛЕНДЕР Владимир Оттонович [22.11(4.12).1883, Смоленск* — 3.6.1965, Москва], переводчик, литературовед, библиограф, поэт. Из потомств. дворян Смолен. губ. Отец — Оттон Август, лютеран. вероисповедания, преподаватель древних и совр. иностр. языков. Мать, Нат. Вас., скончалась в 1887. В 1893—98 учился в Рославльской прог-зии, директором к-рой с 1894 был его отец. Не окончив 4-го кл., поступил в Морской кадет. корпус в Петербурге. В 1902, получив аттестат об окончании общих (младших) классов, ушел из корпуса: «зантересовался литературой и искусством. Встреча у Случевского с Валерием Брюсовым решила мою судьбу: корпус стал невыносим» (автобиография — Архив РГБ, оп. 39, № 351, л. 107—107 об.).

В 1903 Н. поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та; спустя год перевел-

ся на ист.-филол. ф-т (классич. отд.), где стал сокурсником А. Белого (к-рому читал свои стихи — РГАЛИ, ф. 53, оп. 2, № 3, л. 49 об.) и сблизился с его аргонавтич. окружением. «В Москве встречаюсь опять с Брюсовым, сотрудничаю в редактируемом им ж. „Весы“, ... в „Золотом русле“» (автобиография). В этих ж-лах Н. в 1905—08 изредка публиковал небольшие рецензии на переводы с нем., др.-греч. и лат. языков. Приняв участие в возникшей в нач. 20 в. острой дискуссии о принципах перевода, опубли. в ж. «Золотое руно» (1906, № 11—12) рец. на выполненный неизвестным (подпись Я. Б.) пер. «Песен любви» Овидия (М., 1906) и в «Весах» (1908, № 4) на выполненные И. Ф. Анненским переводы пьес Еврипида (т. 1, СПб., 1906); если в первой рец. Н. говорит о непрофессиональности переводчика, то во второй вступает в спор с мастером и высказывает соображения о недопустимости употребления латинизмов, галлицизмов, замены ямбич. trimetra пятистопным ямбом, внесения в перевод рифм и т. д., выявляя т. о. собств. переводч. принципы — близость к подлиннику и эквивиритмию. Сотрудничал также в ж. «Перевал» (1907).

В 1907 в сб. «Хризопрас» (М.; на т. л. — 1906—07) были напечатаны 4 стих. Н., единств. публикация его orig. стихов — эпигонское подражание символистам: «На бледно-мраморные лица/ Из стройной лютры плещет свет./ Но сердцу шепчет дикий бред:/ То вьется огненная птица». А. Белый писал: «... сперва он принес мне свои „бреды“ стихов; потом — перлы еще не доросшей до ясности мысли, меня поражающей порой прыгучею и жизнетворческой силой» (см.: Белый, П., 388). В 1906 Н. венчался с Соф. Мих. Ставской.

В том же 1907 Н. уволен из ун-та за невнесение платы. На почве интереса к др.-греч. лит-ре и к мистери-

альной и культово-сакральной тематике Н. сближается с Вяч. И. Ивановым, посещает «башню» («неделями... вечно жил здесь» — Белый А., О Блоке, М., 1997, с. 350). В 1907—1908 участник Моск. кружка оккультистов (см.: «Теософ. жизнь», Смоленск, 1908, № 8, с. 11), сотрудничавшего со Смоленск. теософ. об-вом; в 1910—11 входит в Моск. теософ. кружок, ориентированный на изучение работ Р. Штейнера (Fedjuschin, S. 100).

В 1909 Н. сделал предложение М. И. Цветастовой. История их отношений подробно описана в «Воспоминаниях» А. И. Цветастой, но ни она сама, ни ее сестра не знали, что Н. не имел права венчаться, т. к. в 1908 после развода с женой на него была наложена 7-летняя спитимия (ЦИАМ). Н. скорее всего предвидел отказ, и «предложение» было формой признания в любви, по 17-летняя Цветаста приняла его всерьез — подвергнуть «нескую тайну» чувства такому испытанию, как брак, она не решилась. Сколько-нибудь значит. роли в биографии Н. этот эпизод не сыграл, но в творчестве Цветастой образ Н. возникает не только в юношеских стихах, но и в прозе 30-х гг.

С 1910 Н. активно сотрудничает с изд-вом «Мусагет», участвует в работе «ритмич. кружка», сближается с группой «Молодого Мусагета», разделяя идейные и культурологич. установки Э. К. Метнера в его противостоянии Белому и ряду сотрудников изд-ва, приверженных антропософии («они идут к Штейнеру, не умея сами убит себя!» — письмо Н. к Метнеру от 7 янв. 1914, РГБ, ф. 167, к. 14, № 32, л. 3). В 1910—11 перевел Парменида и Фалеса Милетского (РГБ, ф. 25, к. 21, № 16, л. 55). В «Мусагете» выходят отд. изданием «Фрагменты» Гераклита Эфесского в пер., с комм., библ. и вступ. статьей Н. (1910). Если перевод был лексически и ритмически предельно близок к подлиннику (местами даже во вред смыслу текста), то вступ. статья «грешила» излишней модернизацией, «подменяя антич. мыслителя каким-то утонченным символизмом» (С. «Л.» Франк — РМ, 1911, № 2, с. 54). И все же книга была характерным образцом реализации культурнич. программы «Мусагета», а сам Н. к этому времени — «и настоящим научным работником и деятелем литературы» (см.: Восп. А. Ф. Лосева — РГБ, ф. 583, к. 11, № 19; в 1916 знакомит Лосева с Вяч. Ивановым). В 1911 он восстановился на ист.-филол. ф-те. Работал над исследованием орфических гимнов (см. письмо Белого к Метнеру — РГБ, ф. 167, к. 2, № 18); намереваясь издать их, он опубли. в ж. «Труды и дни» (1912, № 1) развернутую аннотацию будущей книги (см. анонс в каталоге «Мусагета» на 1912); перевел Ксенофана Колофонского.

С 1911 Н. в качестве секретаря изд-ва Сабашниковых участвовал в подготовке серии «Памятники мировой лит-ры», в к-рой планировалась и его собств. работа — «Собр. греч.

лириков в пер. рус. писателей» (С а б а ш н и к о в М. В., Воспоминания, М., 1988, с. 324); Н. старался дополнить собрание работами совр. авторов (см. его переписку с Вяч. Ивановым, Г. Ф. Церетели, Ф. Ф. Зелинским — РГБ, ф. 104, к. 31, № 74; ф. 261, к. 6, № 101, к. 4, № 18).

За неведение платы в 1912 Н. снова был уволен из ун-та и отбывал воинскую повинность в качестве преподавателя Рославльской г-зии (1913—14). Благотворность вынужденного пребывания в Рославле сам Н. видел в «исцелении от проказы декадентства, от внутр. расхлябанности, от этих колебаний между науч. мистикой и безмистичной наукой» (письмо Метнеру, осень 1913 — РГБ, ф. 167, к. 14, № 32, л. 2 об.). Этот период исключителен по творч. продуктивности. Зимой 1913—14 работал над «Гимнами» — «что ни день, то новый перевод» (письмо Метнеру — РГБ, ф. 167, к. 16, № 23) — и комментариями к ним, начал и монографию о «Гимнах» — эта работа тоже «быстро идет вперед» (письмо к В. К. Шварсалону — РГБ, ф. 109, к. 31, № 75). По устному свидетельству вдовы Н., Над. Ал. (урожд. Шиманович, в первом браке Леонтьевой), «Гимны» сгорели во время пожара в доме отца Н. в Рославле [сообщено Н. В. Котрелёвым]. Фрагменты «Гимна к Океану» (в указ. письме к Метнеру, осень 1913) позволяют судить о худож. достоинствах перевода Н. В эти же годы он перевел астрологич.-мистич. трактат Аполлония Тианского, неск. астрономич. трактатов Гермеса Тризмаста «О 12 зодиаках» и др. (письмо Метнеру от 14 янв. 1914 — РГБ, ф. 167, к. 14, № 32, л. 11).

Осенью 1914 он снова в ун-те (без зачета прослушанных курсов), намереваясь к тому же закончить работу над «Греч. лириками». Но работа затянулась, гонораров не было, из-за сложностей с платой за учебу «вечный» студент стал науч. сотрудником б-ки ун-та. Весной 1916 Н. направил ректору прошение об увольнении из ун-та.

В окт. 1916 Н. призван в армию — ратником запасного пех. полка; после Февр. революции его перевели в Фундаментальную б-ку Управления воен.-уч. заведений. К кон. 1917 были готовы «Греч. лирики», и Н. держал корректуру (РГБ, ф. 583, к. 10, № 1). В свет книга не вышла, и только через 20 лет, составляя сб. «Греч. лит.-ра. В избр. переводах» (М., 1939), Н. включил туда кое-что из «Греч. лириков» (в т. ч. и собств. переводы из Архилоха).

Роль Н. в лит. жизни начала 20 в. не сводима к его публикациям. Белый называл Н. своим учителем, говорил о значении его науч. деятельности для будущего, о его необычно-

венной отзывчивости: «... сколько он напоил, накормил, материально, духовно ... этого книгой снабжая из великопленной, единственной по сочетанию книг библиотеки, того — одеждой, деньгами последней, последним куском заработанного часто в трудных усилиях хлеба» (см.: Белый, II, 125, 387). В РГАЛИ (ф. 998, оп. 1, д. 2106) хранится письмо Н. к В. Э. Мейерхольду, дающее основание утверждать, что и режиссер также имел в лице Н. «советчика», у к-рого scrupulousное знание греч. театра сочеталось с реформаторскими идеями по поводу совр. театра, близкими к исканиям самого Мейерхольда (их знакомство, согласно автобиографии Н., состоялось в 1905, письмо написано не ранее кон. 1908). В дальнейшем Н. консультировал творч. коллективы МХАТа (пост. «Прометей» Эскила, 1925—26), МХАТа-2 («Орестея» Эскила, 1925) и режиссеров (Ю. А. Завадского, А. Я. Таирова — письмо к нему о спектакле «Электра» — РГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, № 1451), писал исследования об антич. театре; наиболее интересные из его работ остались неопубликованными (мат.-лы к незащищенной докт. дис. «Древняя Софокла. Введение в сценич. поэтику древнеаттич. трагедии»; анализ метра, ритма и мелодики фрагментов Нового Завета — РГБ, ф. 583). В 1919 Н. — участник Вольной акад. духовной культуры, объявляет о своем курсе лекций «Окультизм науки у древних греков» (письмо Белого к Иванову-Разумнику от 14 нояб. 1919 — РГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 10, л. 26 об.). Один из организаторов моск. отд. Вольной филос. ассоциации (1921; А. Белый, «Ракурс к дневнику» — РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 100, л. 110—110 об.). Сотрудник ГБЛ (1919—31). В качестве «эмиссара» организует «разыскание, приобретение и вывоз» для фондов ГБЛ книг, собраний и худож. коллекций (из имений Архангельское, Ильинское; личных библиотек С. Н. Трубецкого, В. О. Ключевского и др.). Вышли в свет две книги его переводов: «Прометей Прикованный» Эскила (М.—Л., 1927; совм. с С. М. Соловьевым; со ст. Н. «О методе перевода хоров „Прометей Прикованный“»; «О хорах „Прометей Прикованный“»; 3-е изд. — М., 1948), «Трагедии» Софокла (М.—Л., 1936; совм. с С. В. Шервинским; со ст. Н. «Жизнь и лит. деятельность Софокла», «Построение трагедии у Софокла») и неск. статей.

Н. работал ред. и референтом антич. отдела изд-ва «Academia» (1931—36), зав. антич. кабинетом ИМЛИ (1936—41); участвовал в подготовке Юбилейного ПСС Л. Н. Толстого, в 1943—47 доцент кафедры антич. лит.-ры Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, в 1947—48 читал курс

антич. лит.-ры в ГИТИСе. Образ Н. увековечен Цветаевой в сб. «Вечерний альбом» (М., 1910; переизд. — М., 1988), где «мудрец-философ с грудой книг» навсегда занял свое место в ряду «поэтов, рыцарей, аскетов».

Лит.: Мочульский К., Андрей Белый, Париж, 1955, с. 70, 278; Стенун Ф., Былше и несбывшиеся, т. 1, Н.-И., 1956, с. 270; Цветаева М., Соч., т. 2, М., 1980, с. 232, 268—70; Бугасва К., Вост. о Белом, Беркли, 1981; Цветаева А., Вост., М., 1983, с. 306, 313—319, 329, 355, 424—25, 614—15; Бонч-Бруевич В., Архив Андрея Белого. — В кн.: Архив. ежегодник за 1984 г., М., 1986, с. 273—274; Каган Ю., И. В. Цветаев, М., 1987, с. 153, 155—56; Швейцер В., Быт и бытие Марии Цветаевой, Париж, 1988 (ук.); Стреликова Н. Д., М. Цветаева и Н., переводчик Гераклита Ефесского. — РЛ, 1992, № 1; Поликовская Л. В., «Мудрец-философ». Кто он? К биогр. одного лирич. героя М. Цветаевой. — «Звезда», 1992, № 10; Лавров А. В., А. Белый в 1900-е гг., М., 1995 (ук.); Иванова Е. В., Вольная филос. ассоциация. Труды и дни. — Ежегодник РО ПД, СПб., 1996, с. 16; Тахо-Годи А. А., А. Ф. Лосев, М., 1997 (ЖЗЛ), с. 49; Вязушкин Г. М., 1997 (ук.); Fedjuschin Victor B., Russland sehnsucht nach Spiritualität, Schaffhausen, 1988.

Архивы: ИМЛИ, ф. 482; РГБ, ф. 583; ф. 167, к. 14, № 32 (письма Э. К. Метнеру); ф. 25, к. 21, № 4 (письма А. Белому); ф. 190, п. 47, № 26 (resp. на кн. «Гимны Орфея»); РГАЛИ, ф. 675, оп. 2, № 450 (анкета 1929 г.); ф. 2954, оп. 1, № 998 (письмо М. С. Гнесину); архив ПД (анкета 1943 г.); ЦИАМ, ф. 418, оп. 325, д. 1180-а* (студенч. дело); РГА ВМФ, ф. 432, оп. 5, д. 8841, л. 1; оп. 1, д. 6800, л. без номера.

Л. В. Поликовская, Людмила А. Новикова.

НИЛУС Пётр Александрович [29.6 (11.7).1869, с. Бушны Балтского у. Подольской губ. — 23.5.1943, Париж], прозаик, художник. Из дворян. Отец — юрист, дед — генерал, участник Отеч. войны 1812. До 7 лет жил в имении отца, затем семья переехала в Одессу, где в 1877 Н. поступил в Одес. реальное уч-ще Петра и Павла. После 6-го класса, в 1883, переехал в Одес. рисовальную школу (преподаватели — Г. А. Лодыженский, К. К. Костанди), закончив ее в 1889; в том же году поступил в петерб. Акад. художеств.

Преподававший там И. Е. Репин пригласил его поработать в своем ателье, что способствовало быстрому превращению Н. из «ученика-недоучки» в «молодого художника, к-рого стали приглашать на юрфисские корифеи тогдашнего петерб. передвижничества» («Автобiogр. заметка» — «Одес. листок», 1915, 13 июня). Спусти неск. месяцев Н. последовал совету Репина, отнесившего его к «уже определившимся и очень интересным русским художникам» («Далекое близкое», 9-е изд., Л., 1986, с. 400), оставив академию и работая самостоятельно. В последние годы Репин интересовался работами Н., способствовал укреплению его авторитета художника (см. отзыв 1892 о картине Н. «По знакомым»: «Как все это тонко, верно и сильно — замечательная вещь!» — «Письма И. Е. Репина. Переписка с П. М. Третьяковым», М.—Л., 1946, с. 157; см. также: «Одес. листок», 1898, 18 июня; Куприн).

Вернувшись в Одессу, Н. активно включился в культурную жизнь города: участвовал в создании Т-ва южно-рус. художников в Одессе (1890; автор его устава) и Одес. лит.-артистич. об-ва (1898). Об эмоц. атмосфере собраний Товарищества, проходивших в осн. на квартире худ. Е. И. Буковецкого, Н. вспоминал в

очерке «Краткая повесть о жизни С. Юшкевича»: «... часто „четверговые“ беседы заканчивались только на заре, где-нибудь в ночном ресторане или в бесконечных прогулках в нежных предутренних сумерках, среди пыльных дорог, среди уснувших садов и дач» (Юшкевич С., Посмертные произв., Париж, 1927, с. 25). Н. — участник всех 29 выставок Товарищества (1890—1919), Передвижных худож. выставок (с 1891) и др. Сюжеты его ранних картин — незамысловатые уличные сценки, бытовые зарисовки («На бульваре», «У кассы театра», «Друзья. Встреча»). По событиям признаю, он в эти годы «был отчаянным реалистом ... если пуговица на сюжете была сделана плохо — ... приходил в отчаяние» (Седых А., В мастерской Н. — «Сегодня», 1927, 6 февр.).

Первые выступления в печати повс. вопросам иск-ва. В ст. «Несколько замечаний о франц. живописи в связи с обзором Салона 1894 г.» («Артист», 1894, № 41, кн. 9), из к-рой следует, что Н. провел значит. часть 1894 в Париже, он критически отзывался о «раскрашенных ребусах» «декадентов», отдающих все внимание, по его мнению, только технике, предпочитал им «на первый взгляд смешные» картины примитивистов, превращающих «бред... в чудесную сказку» (с. 84). В ст. «О ненормальности устройства совр. худож. выставок» (там же, 1895, № 45, кн. 1) — тонкое понимание «деликатной» природы камерного иск-ва, теряющего «свою силу и настроение» (с. 2) в коллективных выставках. В 1900-е гг. печатал «Заметки художника» в «Одес. новостях». Л. О. Пастернак в автобиогр. письме в ж. «Лебедь» (1909, № 7, с. 41—43) цитировал Н., считая, что тот в своем обзоре в № 7686 за 1908 «довольно верно и главное беспристрастно» взглянул «на весь... (его) пройденный путь».

К занятиям литературой Н. пришел по совету И. А. Бунина, с к-рым познакомился в Одессе в 1898. В круг его лит. общения входили также А. И. Куприн, А. М. Фёдоров и др. Через Бунина он познакомился с А. П. Чеховым, в 1902 в Ялте работал над его портретом (восп. Н. «О Чехове» — «Речь», 1914, 2 июля). Бунин ценил Н. «не только как поэта красок в живописи, но и как знатока природы, людей, особенно женщин, — и все уговаривал его начать писать худож. прозу» (Муромцев А., Бунин В. Н., Жизнь Бунина, М., 1989, с. 177). Первый прозаич. опыт Н. — лирич. рассказ «Соловьи» («Правда», 1905, № 7) о внезапном любовном увлечении, пережитом героем в поезде. В кон. 1905 он организовал совм. с Фёдоровым ежедн. худож.-сатирич. ж. «Звон», по-

мешал в нем свои рисунки (некие под псевд. Пан); вышло всего 2 номера, т. к. ж-л был закрыт по распоряжению ген.-губернатора Одессы «за карикатуры... против высших лиц в государстве» (цит. по кн.: Демченко Е. П., Сатирич. пресса Украины 1905—1907 гг., К., 1980, с. 44). В 1906—17 печатал рассказы и небольшие повести в ж. «Светлячок», «Перевал», «Вест. Европы», «Сев. зап.», в «Лит.-худож. сб-ке» (Од., 1906), альм. «Слово» (кн. 1, М., 1908), газ. «Одес. листок», «Одес. новости», «Речь», «Совр. слово», впоследствии они были собраны в кн. «Рассказы» (М., 1910) и «На берегу моря» (М.,

П. А. Нилус. Автопортрет. 1935.

1918; наполовину повторяет 1-ю кн.). Две гл. темы прозы Н. — любовь и искусство. Среди действующих лиц художники, писатели, артисты — рассказ «На берегу моря» («Шиповник», кн. 7, СПб., 1908), рассказ «Осенней ночью» (сб. «Рассказы»). Столкновение идей «новой» живописи с устоями классич. реализма отражено в пространн. диалогах пов. «Госпожа Милованова» («Нов. слово», кн. 2, М., 1907), причем неопределенность предпочтений автора, вероятно, передает колебания, поиски ориентиров, переживаемые Н.-художником в 1900-е гг. (в 1909 выезжал в Вену для знакомства с рисунками Рембрандта в музей графич. собр. Альбертина). В выборе лит. сюжетов, в тенденции к описательности, вниманию к деталям пейзажа или интерьера преобладает образное видение Н.-художника, к-рый прежде всего стремится придать общее настроение рассказу, запечатлеть мимолетность жизни.

Эту особенность ценил Бунин, видевший «очень много поистине прелестного — свежего, тонкого, красивого, главное же — своего» в

прозе Н. [письмо от 19 июня 1909 Н. Д. Телешову о рассказе «Старый сад» («Друкар», М., 1910) — ЛН, т. 84, кн. 1, с. 579]. Лиричность «маленького, но несомненного беллетристич. дарования» Н., стремящегося «к новым, более утонченным формам», отмечала в реп. на первый сб-к Н. И. Петровская, одновременно критикуя Н. за отсутствие в рассказах внутренней динамики, сюжетной завершенности, вымученности, из-за чего, по ее мнению, содержание не поднимается над уровнем бытового протосюжетия: «Маленькая, осторожная любовь... ленивые и пассивные сближения с людьми, умеренные кутежи... однообразие дней, вечеров и ночей» (РМ, 1910, № 11, с. 360—61, подписи Н. Останин). Ю. И. Айхенвальд, напротив, находил «в его фабулах и в его манере... что-то острое, пикантное — искусство не специфически русское, хотя и русские учителя — Чехов, Бунин — ... формировали его дарование» («Юж. слово», 1919, 13 нояб.; др. рец. — «Объединение», Од., 1918, № 3/4, подписи В. К.).

Практически все произв. Н. до выхода в свет редактировал Бунин (см. рукописи Н. в бунинском фонде Гос. лит. музея И. С. Тургенева в Орле), в свою очередь дававший на суд Н. собств. произв. до их публикации. В лит.-критич. ст. «Новая повесть И. А. Бунина» («Одес. новости», 1910, 13(26) марта) и «Ив. Бунин и его творчество» (прочитана на лит. вечере в Одес. лит.-артистич. об-ве, опубли.: ЛН, т. 84, кн. 2), «Впечатления. И. А. Бунин» («Жизнь», Од., 1918, № 7) Н. восхищался талантом Бунина-колориста, в этой связи он высказал примечательное суждение о том, что «не так давно лит. тенденции процветали в рус. живописном иск-ве», но теперь «настала пора реванша и живописная тенденция займет в близком будущем свое место в лит-ре» (ЛН, т. 84, кн. 2, с. 432). Очевидно, что себя Н. также относил к представителям и проводникам этой тенденции в лит. творчестве, превратив свой недостаток сюжетной изобретательности в худож. принцип, за что его укорял Куприн, восклицавший по поводу одного «просто очаровательного» рассказа: «Ну что это у вас ... за мода ... оборвать его этаким „demi-tout“? Страшат вас сюжеты? Грозит пальцем тень Чехова?» (письмо к Н. от 7 окт. 1923 — «Нева», 1984, № 8, с. 188; известно, что Куприн в апр. 1910 написал ст. «О Нилусе», не опубли., рукопись не обнаружена).

В годы Гражд. войны печатался в ж. «Объединение» (1918), в газ. «Юж. слово» (1919), участвовал в собраниях моск. лит. кружка «Среда», возобновившихся в Одессе [о чтении Н. рассказов «Яблочко» и «Подвиг» см. «Одес. листок», 1919, 10(23) окт.], работал в Комиссии по иск-ву при управлении попечителя Одес. уч. округа [«Юж. слово», 1919, 27 авг. (9 сент.)]. В 1924 эмигрировал в Болгарию. В 1924 переехал в Париж, поселившись в том же доме, где жили Бунин и Куприн.

Дружба Н. и Бунина продолжалась почти полвека. Бунин называл его «самым близким, вроде брата» (письмо к Н. от 5 авг. 1927 — «Аврора», 1973, № 1, с. 67), это проявлялось в многочисл. взаимных посещениях своих про-

изв. [стих. «Одиночество» (1903), сб. «Суходол» (1912) Бунина и один из ранних рассказов «На Утро» («Новое слово», 1906, № 9), рассказ «На берегу моря» (1908), первый его сб-к (1910)], в использовании индивидуальных черт друг друга при создании образов своих героев (капитан в «Снах Чапга», художник в «Гале Ганской») Бунина, писатель в «На берегу моря» Н.).

В эмиграции Н. приобрел большую известность как художник — автор стилизованных поэтич. картин и акварелей, воссоздающих атмосферу «дворян. гнезд», живописной серии видов Парижа, натюрмортов, он участвовал во мн. худож. выставках (см.: Chaquet R., Pierre Nilouss. 1869—1943, P., 1973). По восп. его приемной дочери В. Л. Голубовской, «днем он работал как художник, а по вечерам — писал» («Нева», 1984, № 8, с. 187), из написанного опубликованного, в т. ч. рассказы «Счастливые день» («Общее дело», 1920, 26, 27 окт.), «Kрупник» («Сполохи», 1922, № 6) о судьбе рус. эмигранта, уверенного, что «никто не вернется на родину — (к) разоренному пастушескому царству» (с. 24), «Особняк у парка де Монсо» («Илл. Россия», 1931, № 337), часть не опубликованная в РГАЛИ.

Др. произв.: «Заметки художника» («Одес. новости», 1907, 30 сент.), «В дороге. Из рассказов красивых женщин» (там же, 1908, 13 апр.), «Впечатления» («Одес. листок», 1913, 9 янв.), «Антикварное повествование» (там же, 1913, 10 марта), «Сашенька» (Од., 1918), «Дуня [и др. рассказы]» (Од., 1919), «Пробуждение. (Рассказ)» («Объединение», Од., 1918, № 1), «Благотворитель» («Юж. слово», 1919, 5(18) окт.), «Нужно шадить память отошедших» [там же, 1919, 9(22) окт.], «Ложь» [там же, 1919, 16(29) окт.], «Кое-что о скаутизме» [там же, 1919, 27 окт. (9 нояб.)], «Интеллигенция будущего» [там же, 1919, 6(19) нояб.], «Листопад» [там же, 1919, 13(26) нояб.], «Тяжелые времена» [там же, 1919, 5(18) дек.].

Лит.: Чехов (ук.); Федоров А. М., П. А. Нилюс — «Наша речь», Бухарест, 1923, 19 сент.; Яблоновский С., У рус. художника. — «Наш мир», илл. воскресное прил. к газ. «Роль», Б., 1924, № 5; Рип Н., Силуэты художников. П. А. Нилюс. — «Дин», Париж, 1928, 29 янв.; Н. Н., П. А. Нилюс. — «Сов. патриот», Париж, 1948, 4 июля; Афанасьев В. А., Творч. путь Н. — «Иск-во», 1960, № 10; Афанасьев В. А., П. О. Нилюс, Киев, 1963 (библ. лит-ры о Н.-художнике); Федоров Г. Г. Незабываемое, Рига, 1963, с. 269—304; Рошин Н., Купринские «самовшты». — «Лит. Россия», 1964, № 15; Бунина И. А., Памяти Н. — Собр. соч., т. 9, М., 1967; его же. Окаянные дни. Востп. Статьи, М., 1990, с. 27, 100; Из переписки И. А. Бунина. [1897—1917]. — «Польськ», 1976, № 3; Бажин И. Д., Бунина и Н. — ЛН, т. 84, кн. 2; Бажин И. Д., Письма Бунина Н. — РЛ, 1979, № 2; его же, И. А. Бунина. Мат-лы для биографии с 1870 по 1917, 2-е изд., М., 1983; Устами Буниных, т. 1—3, Франкфурт-на-Майне, 1977—1982 (ук.); Письма из прошлого, А. И. Куприн — П. А. Нилюсу. — «Нева», 1984, № 8 (комм. И. Шуваловой); Зингер Л., Признанные изображения А. П. Чехова. — «Иск-во», 1985, № 6; Лит. процесс и журналистика (2); Берберова Н., Люди и эпохи, Н.-Й., 1986, с. 145. — Кондаков С. Н., Юбилейный спра-

вочник имп. Акад. художеств. (1764—1914). Список рус. художников, ч. 2 — Биографическая, СПб., 1915, с. 141; Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л., Художники рус. эмиграции. (1917—1941). Биогр. словарь, СПб., 1994; Алым и сб-ки (1, 2); Фостер; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2790; ф. Фемелиди; ф. 44, оп. 2, № 168, 169 (письма И. А. Бунина); ИРЛИ, ф. 145, № 4 (дневник Б. А. Лазаревского).
А. А. Кедя.

НОВИКОВ Александр Иванович [22.4(4.5).1861, Петербург* — 24.1(6.2).1913, там же; похоронен в родовом имении в с. Новоалександровском Тамбов. губ.], публицист, беллетрист. Из древнего дворян. рода. Отец, Ив. Петр. Новиков, — капитан гв. Ген. штаба; мать — О. А. Новикова. Племянник А. А. Киреева. В

1873—78 учился в Петербурге, в Лицее в память цесаревича Николая (поступил в 4-й кл.), завершил гимназич. курс с отличием; после окончания физ.-матем. ф-та Моск. ун-та (1882) был оставлен для приготовления к проф. званию, но прекратил преподават. деятельность по болезни. С 1883 поч. чл. Моск. об-ва попечения о бедных; с 1885 служил в канцелярии К-та министров; в 1889 избран поч. мировым судьей Козлов. судебного округа. В 1891 назначен зем. начальником в Козлов. у. Тамбов. губ. Здесь сблизился с местным уездным предводителем дворянства Ю. А. Ознобишиным, общение с к-рым привело Н. к «идейному переорождению» («Записки гор. головы», с. 9); после его смерти Н. занял место уездного предводителя. Разочарование в исполнимости поставленных перед новым ин-том зем. начальником задач побудило Н. оставить через семь лет должность и перейти на службу по Мин-ву земледелия (на Кавказе, в Крыму и Астрахани).

Со службой зем. начальником связан лит. дебют Н. — цикл очерков «Записки земского начальника» (СПбВед, 1898—99; отд. изд. — СПб., 1899). Практич. деятельность, близкое знакомство с крест. жизнью привели Н. к пересмотру собств. поллит. взглядов: «Приехав в деревню с предвзятой мыслью „подтянуть“ мужика, я вышел из зем. начальников с глубоким убеждением, что подтяги-

ванием ничего не добьешься и что народ нуждается не в подтягивании, а в воспитании» (с. 2). Резкая критика ин-та зем. начальников привлекла к Н. заинтересов. внимание либеральных кругов: ж. «Вест. Европы» сочувственно откликнулся на первый же очерк цикла (1898, № 9) и вскоре с удовлетворением отметил, что до сих пор «ничего более сильного не было написано систематическими противниками» этого поллит. ин-та (№ 10, с. 803).

Либеральная общественность нашла в «Записках» практич. подтверждение своим обществ.-полит. теориям; консерват. печать, подерживавшая начала сословного управления крестьянством, обрушилась на Н. с резкой критикой. Особенно длит. полемике повел «Гражданин», обвинивший Н. в «проповеди теистических взглядов», политиканстве и незнании фактов деревен. жизни (Дм. Бодиско — «Гражданин», 1899, 6 июня); в полемике включились и ред. газеты кн. В. П. Мецкерский (12 авг., 9 сент.). В ответ Н. вызвал Бодиско на лит. дуэль, предложив проверить факты у независимых специалистов, а проигравшему — «умереть навсегда в качестве публициста о деревни» (Вызов Г., Дм. Бодиско. — СПбВед, 1899, 28 июля; также: НВ, 29 июля; ответ Д. Бодиско: «Гражданин», 21 окт., 4 нояб.). Полемика принесла Н. широкую известность; последующие его книги выходили с пометой на титуле: «Автор „Записок зем. начальника“».

Практич. программу нар. воспитания изложил в «Записках о сел. школе» (СПб., 1902), в к-рых призывал направлять все усилия общества и гос-ва на нар. школу; при этом Н. оказывается в числе критиков системы церковно-приходских школ и сторонником школы земской.

В апр. 1902 избран гор. головой в Баку (его речь в Гор. думе при вступлении в должность см.: «Каспий», 1902, 29 мая). Сразу же заявив себя сторонником либерального направления (расширение местных прав, гласности и пр.), он регулярно выступал на страницах прессы по вопросам гор. самоуправления. Деятельность Н. на посту гор. головы имела широкий резонанс в провинц. печати («Астрахан. вест.», 1902, 9 июня; «Сев. Кавказ», 1902, 13 июня; «Нижегород. листок», 1902, сент.; и др.). Во время службы в Баку, к-рую подробно описал в «Записках гор. головы» («Обр.», 1904, № 9—12; отд. изд. — СПб., 1905), он проявил себя убежденным антинационалистом, в т. ч. в отношении деятельности В. Л. Величко, имя к-рого на Кавказе стало «синонимом злобной политики сения раздора между армянами и грузинами» (с. 172). В 1904 из-за конфликта с Гор. думой ушел с занимаемого поста и покинул Баку (см.: РСЛ, 1904, 28 июня).

Получив возможность практически оценить действительность новых уставов по гор. самоуправлению (т. н. контрреформа гор. управления 1892), Н. в «Записках о гор. самоуправлении» (СПб., 1904) высказывался в пользу пересмотра существующего избират. закона с целью

расширения социального представительства, критиковал чрезмерную подчиненность Гор. думы исполнит. власти. Вплоть до Революции 1905 активно сотрудничал в прессе, выступал с публицист. статьями в газ. «С.-Петерб. вед.», «Нов. время», «Россия», «Сын отечества», «Наша жизнь», «Неделя» и др. (о деревне, земстве, нар. образовании и быте, по вопросам внутр. политики); эти публ. составили «Сб-к статей. 1889—1900» (СПб., 1901; отзыв: (А. В. Пешехонов) — РБ, 1901, № 7), «Сб-к статей. 1901—1902» (СПб., 1902).

В 1900 опубл. «роман из деревен. жизни» «По закону» (ВЕ, 1900, № 7—9; отд. изд. — СПб., 1901), в к-ром показал несоответствие существующих законов положению дел в деревне.

Критика отписалась к произв. Н. сочувственно, отметила у автора «благие намерения и искреннее стремление к правде», однако отказалась приписать роман к категории «худож. произведений», особо подчеркнув «расудочность комбинаций»; автор «не беллетрист и не гонимся в художники» (РБ, 1901, № 4, с. 52—56; см. также: МБ, 1900, № 10; РМ, 1900, № 11; НВ, изд. прил., 1901, 21 марта); консерват. критика признавала в Н. талант, испорченный тенетностью (МВед, 1901, 5 апр.). Н. продолжал писать прозу, печатавшаяся на страницах ж. «Рус. богатство» и ж. «Вест. Европы».

Напечатанные в периодике рассказы Н. собраны в кн.: «Сб-к рассказов» (СПб., 1904). Провокал силы и в драм. жанре («Пьесы», СПб., 1904). Свою деятельность в качестве прозаика Н. считал неудачной, соглашаясь с критикой, что его «беллетристика чисто публицистическая» (Автобиография — ИРЛИ, ф. 377).

В 1905 «вихрь рев. взрыва» захватывает Н.: неизменный оратор на митингах в Петербурге, он подвергается арестам и высылкам (ВЕ, 1913, № 3, с. 415); по полит. взглядам примыкал к социалистам-революционерам. Выпускал полит. брошюры «для народа» (многие из них арестовывались по судебному постановлению). В области гос. устройства выступал за двухпалатный парламент, гражд. свободы, поддерживал идею созыва Учредит. собрания. Однако постепенно все больше переходил к критике традиц. демократии за ее неспособность осуществить экон. равенство и склонялся к идеям нар. социализма: отмена частной собственности, изъятие земли у помещиков с передачей крестьянам и ее обработка только личным трудом («В чьих руках должна быть власть над народом», СПб., [1906]), равноправие мужчины и женщины («Женщина — товарищ мужчины», Р.н/Д., 1907). Брошюра «Враги народа» (Р.н/Д., [1902]), в к-рой в качестве «врагов» выступали «дворяне, духовенство, полиция, богачи» и т. д., подверглась уничтожению; тираж переиздания (СПб., 1906) был конфискован К-том по делам печати, а Н. привлечен к суду и

приговорен к годичному заключению в крепости («Книжный вест.», 1906, № 28—29, стб. 663; № 32—33, стб. 741); исполнение приговора было отложено из-за болезни автора (НВ, 1913, 26 янв.).

В кон. 1900 — нач. 1910-х гг. переключился на составление уч. пособий: выпускал избр. соч. лат. авторов (Овидий, Вергилий, Гораций, Цезарь и др.) по «французской» системе (т. е. снабжал тексты подстрочным и лит. переводами), а также «руководства к составлению сочинений» по произв. рус. классиков от М. В. Ломоносова до Л. Н. Толстого (более 30 авторов).

Будучи человеком состоятельным, Н. много занимался благотворительностью: в Тамбов. губ. им построено 60 школ и 2 учительские семинарии. Последние годы жизни тяжело болел.

Др. произв. Рассказы: «Наши дети» («Нов. дело», 1902, № 1), «Сватовство» (РМ, 1902, № 5), «Единственная повесть Канценбогена» (Баку, 1903); статьи: «Как должны писаться законы» (Р.н/Д., [1907]), «Наши братья. Положение евреев в России» (Р.н/Д., [1906]), «Социализм и синдикализм» (в кн.: Социализм и синдикализм, под ред. В. В. Битнера, СПб., 1907).

Лит.: Списки бывших и настоящих воспитанников имп. Лицея в память царевича Николая, М., 1905, с. 17. — Некрологи, 1913: ВЕ, № 3; РМ, № 3; ИВ, № 3; «Вест. знания», № 3—4; «Тамбов. спарх. вед.», № 7/8; МВед, 30 янв. Брокгауз; Гранат.

Архивы: РГАЛИ, ф. 205; ф. 345, оп. 1, № 544 (письма к О. А. Новиковой). № 377 (письмо Е. Новиковой в ред. газ. «Речь»); РНБ, ф. 349 (в т. ч. Дневник. 1876—83 гг.); ЦИАМ, ф. 418, оп. 292, д. 217 (студенч. дело; м. с.); ф. 31, оп. 3, д. 2199, 2200, 2201; ф. 46, оп. 4, д. 16, 35; оп. 9, д. 2; РГИА, ф. 1291, оп. 30, 1892 г., д. 59 (ф. с. 1894 г.). А. А. Носов.

НОВИКОВ Дмитрий Ипполитович [ок. 1799 — 11(23).8.1831, Москва; похоронен на Дорогомилев. кладб.], поэт, прозаик, издатель. Из дворян. Вступил в службу в окт. 1816 подпрапорщиком в л.-гв. Измайлов. полк. Переведен в дек. 1817 в л.-гв. Моск. полк, служил в Лифляндии. Штабс-капитан (янв. 1825); в марте уволен по дом. обстоятельствам. С июля 1827 (ф. с., РГИА; в реальности, возможно, уже в 1826 — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 16) и в 1828 секр. Моск. ценз. к-та (сослуживец С. Н. Глинки). Дослужился до чина коллеж. ас.

Первые изв. выступления в печати относятся к 1828 (подпись Золотой рожок): послание «О-му» («Я не любимец Муз и Граций...») («Рус. зритель», № 3—4), элегич. стих. «Осень в Лифляндии (Д...И... Б-ну)» (там же, № 7—8) с явными чертами поэтич. стилистики К. Н. Батюшкова, стих. «Вдохновение» («Славянин», № 10) — вольный пер. из А. Ламартина. Заглавными буквами того же псевд. подписано стих. «Дудергов-

ское озеро» («Венок граций. Альманах на 1829 г.», М., 1828). Частично эти стих. вошли в сб. «Песни Золотого рожка» (М., 1828; отклик (С. П. Шевырева) — МВ, 1828, № 16), объявление о подготовке к-рого с текстом элегии «Байрон» напечатано в «Моск. вест.» (1828, № 4). Изданный анонимно сб-к имел подзаголовок «Отысканная рукопись неизв. сочинителя», в предисл. «Издателя» — Н. — сообщалось о находке тетради стихотворений в бумагах уехавшего за границу друга. Сб-к традиционен для массовой поэзии 1820-х гг. в жанрово-стилевом отношении: в нем представлены в осн. элегии, дружеские послания, «альбомные» стихи; поэтич. клише школы В. А. Жуковского (его строки взяты эпиграфом к книге) и Батюшкова соседствуют с парафразами из стих. Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина. Большинство текстов (даже поэтически-условных) имеют конкретные адресатов (в их числе товарищи Н. по Моск. полку — привлекавшийся к следствию по делу декабристов А. Ф. Моллер, М. Ф. Адлерберг и др., а также моск. знакомые); в стихах встречаются имя автора и многочисл. автобиогр. реалии, что придает «Песням...» черты поэтич. дневника. В сб-ке помещены также переводы из Горация, Э. Парни, Ш. О. Лафара, стих. «На смерть Н. М. Карамзина»; в незавершенном замысле романтич. поэмы «Отрывки из повести „Андрей, или Забавы россиянина“» романтический разочарованный герой перенесен в основную допетровскую Русь.

Автобиографизм в сочетании с жанровой условностью характерен и для прозы Н. Продолжая мистификац. игру, он выпустил кн. «Дилижанс, или Наблюдатель отеч. нравов» (М., 1829; отд. главы: МВ, 1828, № 23—24, «Рус. зритель», 1829, № 15—16) — «путевые записки» отставного офицера, автора «Песен Золотого рожка», «составленные им в начале 1825 г.» (в предисл. Н. ожесточенно полемизирует с вышеуказ. реч. Шевырева). Повторяющийся маршрут «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Дилижанс...» восходит к традиции «сентиментальных путешествий» школы Карамзина.

С кон. 1820-х гг. Н. замышляет издание альманаха. Планируя выпустить его вместе с А. А. Башиловым к сент. 1829, он обращается к ряду «отличных литераторов» и получает произв. Пушкина, П. А. Вяземского, Баратынского и др. Замысел реализовался в издании, предпринятом совм. с П. Н. Араповым, — «Радуга, литературный и музыкальный альманах на 1830 г.» (М., 1829). В разделе прозы помещены произв. И. И. Лажечникова, Н. А. Полевого, Ф. Н. Глинки, Н. Д. Иванчина-Писарева,

Петра А. Муханова (под криптони-
мом Z), сцены из комедии А. А. Ша-
ховского, очерки «О народных рус.
пословицах» И. М. Снегирёва и «Фо-
мин понедельник» М. П. Погодина;
свои стихи дали А. С. и В. Л. Пуш-
кины, А. С. Грибоедов, А. А. Жандр,
И. И. Козлов, Д. В. Давыдов, Шел-
лёв, М. А. Дмитриев и др. Самому Н.
принадлежат два стих. (в т. ч. «От-
рывок из древнего предания Се-
мик») и прозаич. миниатюры «Звез-
да» и «Судак». Н. уже не скрывает
своего авторства, как и в последней
прижизненной публ. — «Песня»
(«Небо чисто, небо ясно...») (альм.
«Сиротка на 1831 г.», М., 1831).

Несмотря на блистательный набор имен, «Ра-
дуга» не имела особого успеха, затерявшись в
потоке альманашной продукции. Нейтрально-со-
чувств. отклик напечатала «Сев. пчела» (1830,
4 янв.): А. А. Дельвинг отозвался неободри-
тельными (ЛГ, 1830, 6 янв.; ср. автограф реч. с
поправками А. С. Пушкина и О. М. Сомова —
ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 812). Как «чужой» вышед-
ших стихов и скрывающийся прозы» определил альманах
Н. И. Надеждин (?) — ВЕ, 1830, № 1, с. 82.

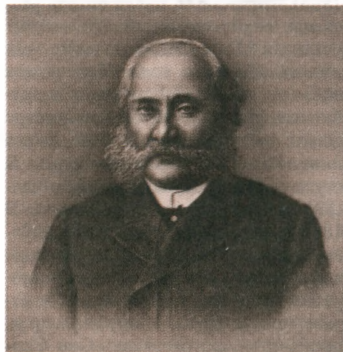
Холодный прием не остановил Н.,
желавшего сделать «Радугу» ежегод-
ным изд. и собиравшего мат-лы для
нового выпуска, несмотря на стес-
ненные материальные обстоятельст-
ва, вынуждавшие его брать в долг у
знакомых (см. письмо Погодину —
РГБ, ф. 231/II, к. 48, № 68). Не обла-
дая достаточными талантами и чет-
кой лит. позицией, Н. вряд ли мог
рассчитывать на успех дела.

Изд.: Франц. эгзист XVIII—XIX вв. в пер.
поэтов пушкинской поры, М., 1989 (два стих.:
бюгр. заметка). Письмо Н. К. Ф. Калайдовичу
(1829) — Щукинский сб-к, в. 9, М., 1910.

Лит.: Барсуков (ук.); Гаджнев А. Дж.
Поэт и издатель Н., знакомый А. С. Пушки-
на. — В сб.: Проблемы совр. пушкиноведения,
Псков, 1991; ЛН, т. 91 (ук.); Н. ошибочно назван
П. А. Новиковым). — МНЕР; Смирнов-Соколь-
ский; Чернейский; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 31
(ф. с. 1828 г.) (справка К. Ю. Рогова); РГАЛИ,
ф. 141, оп. 1, № 346 (письма Ф. Н. Глинке,
1829—30).

НОВИКОВ Евгений Петрович
[псевд. Е. Данковский; 15(27).8.
1826 — 21.9(4.10).1903, с. Нелепино
Коломен. у. Моск. губ.], историк,
филолог, прозаик, дипломат. Из дво-
рян. Учился в Моск. ун-те (на кафе-
ре славистики под рук. О. М. Бодя-
нского), выпущен в 1846. В 1849 за-
щитил здесь магистер. дис. «О важ-
нейших особенностях лужицких на-
речий» (М., 1849; положит. отзыв:
«Совр.», 1850, № 3) — первое рус.
иссл. о серболужицком яз. В послед-
ствии составил «Словарь серболу-
жицкого наречия» (не издан). В
работах «Православие у чехов»
(ЧОИДР, 1848, № 9) и особенно «Гус
и Лютер» (ч. 1 — РусБ, 1857—58;
ч. 2 — ЧОИДР, 1858—59; отд.
изд. — ч. 1—2, М., 1859) сформули-
ровал славянофильскую концепцию
истории гуситства и славянства во-
обще, причем рассматривал Чехию
как место столкновения двух «сти-
хий» — западной (германо-роман-

ской, латинской) и восточной (гре-
ко-славянской).

Н. доказывал, что исконным для чехов было
православие; католичество же привнесено извне.
А Я. Гус и М. Лютер являлись носителями prin-
ципиальных различий между двумя мирами: «В
вероисповедной жизни не нам, славянам, прини-
мать наставления от немцев ныне, когда мы, в
лице Гуса, давали их уже Лютеру за три столетия»
(«Гус и Лютер», ч. 2, М., 1859, с. 468). В
церк. кругах книга Н. была встречена с одобре-
нием. По свидетельству Ю. С. Карцова, она «так
понравилась митрополиту Филарету, что влады-
ка сказал: „Если бы были духовным, я бы вас
сделал епископом“» (см.: Карцов, с. 6). В реч.
Г. П. Смирнова-Платонова («Правосл. обзор»,
1860, № 3) высказывалось соображение, что
книга Н. является пособием «при суждении о
взаимных отношениях церквей» (с. 396) и что
вопрос о Гусе разрешен им полностью (с. 368);
наряду с этим отмечались рыцарство композици-
и недостаточная обработанность источников.
Концепция Н., подвергавшаяся науч. крити-
ке в 1860—70-х гг. (Васильев в П. П., Причи-
ны и характер чеш. религ. движения. — ЖМНП,
1876; № 7), имела влияние на историков гусит-
ского движения вплоть до 1917 (в т. ч. на В. А. Биль-
басова и А. Ф. Вертеловского).

В 1855 Н. выступил в «Отеч. зап.»
с повестью «Горбун» (№ 3) — мело-
драм. историей крестьянина; в ней
он начал разрабатывать «простонар-
ную». Повесть отличается композиц.
рыхлостью, многословием, перегру-
женностью деталями, замысловатым
стилем.

Рецензент «Москвитинина» Е. Н. Эдельсон
(1855, № 5; подпись Е. Э-н) встретил повесть
сдержанно; в след. реч. этого ж-ла (1855, № 6)
рецензент (б. п.), отмечая эти очевидные недос-
татки, полагал, однако, что Н. удалось передать
особенности рус. нац. характера «в отношении
своих к высшим и глубокою покорностью судь-
бе, и живую верую и милосердие к беднейшим
своим соотечественникам» и изложить это «живым рус-
ским языком, видимо, слыханным и подслушан-
ным на месте» (с. 148, 150); рецензент «Отеч.
записок» (1855, № 7; б. п.), в целом соглашаясь
с «Москвитинином», выразил сомнение, «на-
сколько подобная оригинальность языка может
быть допущена в повести» (с. 62). И. И. Панаев
в «Современнике» (1855, № 4), отмечая у автора
«способность наблюдательности», «теплое чувст-
во», все же счел «Горбуна» неудачей, причи-
на к-рой в отсутствии «правильного развития,
худож. последовательности», в яркости рассказа,
обилии мелодрам. картин, «риторич. отступле-
ний» и несущихся «важках» (с. 276).

Следующая пов. Н. — «Поездка в
деревню» (ОЗ, 1855, № 6) — исто-
рия молодого помещика, получивше-
го фальшивое воспитание, бесхарак-
терного и не приспособленного к
практич. деятельности; его неумелое
вмешательство в хоз. дела с целью
грандиозных улучшений в унаследо-
ванном от родственников поместье

приводит к постоянным промахам,
демонстрирующим его полную несо-
стоятельность. Повесть производила
более цельное впечатление, но была
оценена критикой в осн. негативно,
особенно из-за неестественного и
вычурного стиля. В этом соч. (как и
в первой повести) сказались пристра-
стие автора к воспроизведению необ-
работанной нар. речи в многочисл.
диалогах, имеющих чаще всего кос-
венное отношение к сюжету, что еще
более утяжеляло повествование («Уж
какая это девка! Хуть бы собой, хуть
для мене, угодоу-то для мене, что
обапол себе, что обапол семейского,
все уж, такая приборщица», — так
хвалит бабушка внучку, героиню по-
вести, — с. 225).

«И мысль, и филологич. сведения г. Данков-
ского решительно послужили в ущерб его пове-
сти...», — писал рецензент «В-ки для чтения»
(1855, т. 132, с. 13; б. п.). Панаев сближал по-
весть с «дамской лит-рой», отмечал в стиле Н.
«что-то манерное, кокетливое, отымающееся
раздушенной риторикой», а крест. язык оценил
как «пошлелку», «грубую работу, а не живой на-
родный язык»; неудачным в исполнении оказа-
лись, по его мнению, и хорошо задуманные лица
(«Совр.», 1855, № 9, с. 64).

Последнее из публ. произв. Н. —
«Портретная галерея» (ОЗ, 1856,
№ 9; 1857, № 1—2). Тема разорения
дворянства и перехода помещичьих
имений в руки новых хозяев, без-
нравств. дельцов, — решалась им в
жанре любовно-авантюрного романа
(приезд в родовое имение инкогнито
наследника древнего рода для мести
негодяю-вольноотпущеннику, веро-
ломно захватившему усадьбу). А. А.
Григорьев, упомянувший роман Н. в
ст. «Критич. взгляд на основы, значе-
ние и приемы современной критики
иск-ва» (БдЧ, 1858, т. 147; переизд.:
Соч., т. 1, СПб., 1876), отмечал, что
«несмотря на фальшивую грандиоз-
ность основной темы, на поддель-
ность главного героя, на несообраз-
ную ни с чем и достойную Поля Фе-
валя интригу, роман имел в публике
некоторый успех» (Соч., с. 215), и
считал это реакцией читателей на
умирание натуральной школы.

И научные, и лит. занятия были
оставлены Н. вскоре после начала
его дипл. службы. В 1850 он посту-
пил в Азиат. деп. Мин-ва иностр.
дел, вскоре был сделан секр. посоль-
ства, затем короткое время исполня-
ющим обязанности посла в Турции и
Сирии; в 1865 посланник в Грецию;
будучи в 1870 послом в Вене, сыграв
немалую роль в сохранении Австри-
ей нейтралитета во время рус.-тур.
войны 1877—78; в 1879—82 посол в
Константинополе, где встречался с
К. Н. Леонтьевым (ЛН, т. 22/24,
с. 467, 496). В 1882 Н. был отозван с
дипл. службы и назначен чл. Гос. со-
вета, но реального участия в его де-
ятельности почти не принимал, про-
водя зимнее время гл. обр. за грани-
цей, а лето в своем имении.

Лит.: Карпов Ю. С., За кулисами дипломатии, СПб., 1908, с. 6—7, 22—23, 26; Митусов С. Н., Из моих восп. о после Н. — РС. 1911, № 4; Арбузов Н. К., Из восп. о Царьграде. Н. — наш посол в Константинополе. (1880—1882 гг.). — ИВ, 1914, № 12; Пынин А. Н., История рус. этнографии, т. 2, СПб., 1891, с. 357—58; Бузескул В. П., Всеобщая история и ее представители в России в XIX и нач. XX в., ч. 1, Л., 1929; Бернштейн С. Б., Рус. славяноведение и серболожники из. — В кн.: Серболожники литв. сб., М., 1963; ЛН, т. 35/36, с. 225, т. 49/50, с. 488; Chikas G., Botschafter von Novikov über den Panславismus und die Orientalische Frage, W.—Lpz., 1907. + Брокгауз: ИДРДВ; Мезьер; Боград. «Совр.»; Венгров. Источ.: СДР; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 34, оп. 1, № 986 (письма И. П. Игнатова к Н.); РГБ, М3611а, к. 72 (письма к О. А. Новиковой); ПолП, к. 22, № 44 (письма М. П. Погодину). В. М. Бокова.

НОВИКОВ Иван Алексеевич [1(13), по др. сведениям — 4(16). *1. 1877, селцо Ильково Мценского у. Орлов. губ. — 10.1.1959, Москва; похоронен на Новодевичьем кладб.], поэт, прозаик, драматург, эссеист. Сын А. П. Новикова — вольноотпущенного крестьянина, приписанного к мценскому мещанству, и А. В. Но-

виковой (урожд. Поляковой) — одноклассники. В «Автобиографии» Н. писал: «Твердо знаю, что писательство мое идет от матери... Детство мое доселе светлое и радостное, завершилось ничем не вознаградивою матерью: смертью моей матери» (СП. Автобиографии, т. 2, с. 131). В семье Н. существовал культ шестидесятников, прививавших любовь к книге. В 12 лет Н. прочел большинство рус. классиков, писал стихи, пьесы, фантастич. роман, издавал дом. ж. «Семьячко» (не сохр.). После дом. подготовки Н. в Мценске окончил последний класс нач. уч-ща, затем — гор. уч-ще и Моск. среднюю земледельч. школу, куда поступил в 1892 во 2-й класс, т. к., по словам Н., «не было средств поступать в г-зию или реальное уч-ще» [Гос. музей И. С. Тургенева (Орёл), № Н 1889 ОФ, л. 1]. В 1896—97 был в Вятке на сел.-хоз. практике, печатался в «Вятской сел.-хоз. газ.» (первая публ. — заметка «О сел.-хоз. артелях Левицкого»,

1896). Тогда же Н. начал писать рассказы, опублик. позже. В 1897—1901 учился в Моск. сел.-хоз. ин-те (так называлась в те годы Петровская сел.-хоз. акад.). С 1-го курса подрабатывал уроками, помогая мл. сестре Ольге, поступившей в Москву, по его инициативе, на учительские курсы. В студенч. годы участвовал в любительских спектаклях, учился пению. В 1899 в Ялте встречался с А. П. Чеховым. Летом 1898 Н. «ездил на голод» в Казан. губ., летом 1899 — в Бессарабию. Впечатления этих поездок отразились в первых опублик. худож. произведениях: рассказе «Сон Сергея Ивановича» («Нар. благо», 1901, № 14; под псевд.: М. 3-й) и драме «В пути» (М., 1901).

В кон. 1890-х гг. мировоззрение Н. определили его увлечения др.-греч. философией (особенно Платоном) и идеями позднего народничества. Еще учеником земледельч. школы Н. «ходил в народ», разъясняя крестьянам основы агрономич. знаний. Послал Н. К. Михайловскому рассказ «Ночью» («Сон Сергея Ивановича»), объяснив, что он написан после прочтения его статей «Вперемежку» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 488, л. 1). В 1899 Н. познакомился с поэзией старших символистов и в стихах начал формально подражать лирике К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова (тетрадь стихов 1899—1900 «Опыты неодекадентской поэзии» — РГАЛИ, ф. 343), тематически оставаясь верным позднероднич. лит-ре.

В 1902—03 Н. оказался под сильным воздействием филос. работ Вл. С. Соловьева (особенно «Красота в природе», «Смысл любви», «Оправдание добра»). В поэзии Н. начал подражать младшим символистам, гл. обр. А. А. Блоку. В ст. «Критич. заметки» Н. еще отделял себя от «больного, упадочного иск-ва», но признавал, что «и оно имеет свое оправдание» («Юго-Зап. неделя», 1904, 11 янв.).

После смерти отца в 1901 Н. и его брат Андрей отказались от наследства в пользу сестер. В 1901—07 Н. жил в Киеве, работал в агрономич. лаборатории ученым агрономом 1-го разряда. В 1906—07 был ред. ж. «Земледелие» и секретарем Киев. общ.-сел. хозяйства. Написал науч. работу «Метод лимоннокислых вытяжек как прием определения плодородия почвы» (К., 1906).

Постоянная лит. деятельность Н. началась с публикаций рассказов, статей и стих. в газ. «Киев. газета», «Юго-Зап. неделя», «Голос Юга», «Киев. отклики», «Киев. новости», ж. «Рус. мысль», «Золотое руно» и др. Публик. статьи на лит. и полит. темы Н. публиковал под псевдонимами.

Осн. темой первой книги Н. — сб. «Искания» (К., 1904) стали нравств.

поиски молодых интеллигентов. Рецензенты отметили абстрактность в постановке и разрешении проблем.

«Идеи почти всех рассказов и драм. произведений ... служат недовольство чем-то, отречение от чего-то, стремление к чему-то. ... Чего ищут эти люди — даже сказать трудно» (В. Каррик — РБ, 1904, № 7, 2-я паг., с. 123); «Философия г. Новикова тенденциозна и скудна, оттого, вероятно, что сам автор уже перестал искать, зато его послушные герои продолжают добросовестно метаться в поисках за смыслом жизни» (О. Миртов — «Обр.», 1904, № 6, отд. III, с. 91).

Та же тема звучала в ром. «Из жизни духа» (СПб., 1906). Герон-студенты томились в поисках Вечно-женственного, находя и утрачивая его в обликах земных девушек. Критики также обратили внимание на худож. несовершенство романа.

«Нет своего слова, своей краски и формы» (В. Григорьев — «Всесм.», 1906, № 12, с. 63). «Это история жизни нежных и хрупких аристократов духа, у к-рых слишком слабые силы для того, чтобы построить ее по своему идеалу ... слог — очень искусственный, неровный» (А. К. Захаревский — «В мире иск-ва», К., 1907, № 4, с. 28).

В годы Революции 1905 Н. выступал в киев. печати с резко критич. полит. статьями, такими, как «Священники и черная сотня» [1905, 11(24) нояб.; подписи Вечерний], в газ. «Киев. новости», впоследствии закрытой за его статью о почтово-телеграфной забастовке, а сам автор «судился в Киев. судебной палате при закрытых дверях» (СП. Автобиографии, т. 2, с. 134). Политически-заостренные худож. произв. Н. объединены в сб. «К возрождению» (М., 1907). Центр. место в сб-ке занял «Эпизод. Отрывок из ненаписанного романа», являвшийся тематич. и сюжетной параллелью к роману М. Горького «Мать». Цензор в этом и др. очерке «На площади» усмотрел преступные намерения «выставить революционеров ... за героев» (ЦИАМ, ф. 46; ф. 31, оп. 3, д. 775); по постановлению суда тираж книги был приговорен к уничтожению.

В рец. Захаревский указал на переходный характер книги, «наменуемый изменением творч. метода Н., от реализма к символизму: «рассказы ... одни написаны до начала перехода симпатий его на сторону новой школы, другие ... под влиянием ее». По мнению критика, за «искренней восторженностью», с к-рой Н. восхваляет «светлые идеалы», скрывается «пессимизм самого острого свойства» («В мире иск-ва», 1907, № 7/8, с. 33).

Н. через А. М. Ремизова и С. Н. Булгакова сблизился с петерб. символист. кругами (его имя заявлено в числе авторов ж. «Новый путь», «Вопросы жизни»). В 1905 в Петербурге он познакомился с Мережковскими, но остался духовно чуждым им. Д. С. Мережковскому он посвятил стих. «Страдающему Злу» (1905) и был автором положит. рец. на его перевод «Дафниса и Хлои» Лонга («Голос Юга», 1905, 8 янв.). В 1905-х гг. Н. сотрудничал в ж-лах «В мире искусств», «Золотое руно», «Перевал». 4 окт. 1907 Н. — участник киев. «Вечера нового иск-ва», где познакомился с А. А. Блоком и А. Белым (см.

восп. о Блоке «Образ поэта» — в его кн.: Повести и рассказы, М., 1958).

Стихи Н. 1903—07 собраны в кн. «Духу святому» (М., 1908), в тематике, стилистике и метрике к-рой ошутимо подражание лирике младших символистов, особенно Блоку. Худож. концепция книги обусловлена «прочитанной» через Вл. Соловьёва философией Платона. Рецензенты единодушно отметили вторичность лирики Н., к-рая «не более не менее, как произведение самодовлеющей середины, хорошо уловившей сущность последней моды» (Б. А. Садовской — «Весь», 1908, № 2, с. 88).

В 1907—10 Н., оставив службу, жил в Москве, Миенске, Туле, ездил по провинции с чтением лекций. В 1908 совершил поездку по Югу России (Киев, Харьков, Екатеринослав) с лекцией «Кнут Гамсун и вопросы любви», в к-рой рассматривал произв. Гамсуна через призму Вл. Соловьёва и Платона, утверждая высшую ценность аскетически-платонической любви «как стремления к сверхземному» (РГАЛИ, ф. 343).

Отзывы в газетах были противоречивыми: лектор «с гордым видом посадил хмису на трон мироздания ... публика еще не успела приспособиться к требованиям новой философии и морали» («Киев. вестн», 1908, 10 февр.; подпись Нопулсиус), и лекция «доставила большое удовольствие публике ... неоплатонизм ... нашел в лице Ив. Новикова популяризатора и проповедника» («Юж. край», 1908, 18 дек.; подпись Ю. В.).

Предельным выражением пессимизма Н. стал ром. «Золотые кресты» (М., 1908). Самоубийство его юных героев предстало как торжество высшей мистич. Любви, отказавшейся от своей земной оболочки. В отрицат. свете были изображены представители «нового религ. сознания», в докторе Палицыне угадывался Мережковский. Закржевский называл произв. Н. «полуроманом — полуфотографией», где типы «неохристиан» «по-видимому „списаны“ автором с натуры» (Закржевский А., Религия. Психол. параллели, К., 1913, с. 382—83).

Кризисные настроения 1908—09 не отразились в лирике Н. Оси. тема второго сб-ка стихов — «Дыхание земли» (К., 1910) — пантеистич. приятие мира, хотя в нем есть и «по несбыточным грезам печаль» и ощущение своей обособленности («Мы люди не иной ли расы? Не воды ли иной реки?»). Природа — наиболее полное воплощение Красоты. На смену эпигон. повторению штампов лирики младших символистов пришло следование традиции Ф. И. Тютчева. Критики сочли сб-к началом отхода Н. от символизма: писатель «еще не разорвал с той „новой“ школой поэзии, с к-рой в прошлом у него так много связей, но чувствуется, что он уходит от нее все дальше и дальше» (Ив. Ч. — «Одес. листок», 1910, 21 марта).

Пересмотр Н. своей эстетич. платформы совпал по времени с кризисом рус. символизма. Его позиция четко определена в неопубл. статьях нач. 1910-х гг., особенно в ст. «Предисловие к воображаемому изданию своих стихотворений в 2-х томах: I. Духу святому; Дыхание земли. II. Черный град; Veronica» (Записная книжка 1913 — РГАЛИ, ф. 343). «Болезни» совр. поэзии Н. видел в доминировании эстетич. критерия над этическим, самостилизации и культивировании групповщины, когда индивидуальность поэта скрывается «за круговой порукой». Новая эстетич. платформа Н. — реалистич. метод, но обогащенный худож. средствами модернизма.

В сб. «Рассказы. (1905—1912)» (М., 1912) Н. соединил как произв. периода увлечения символистской худож. системой («Зеленая», «Путух»), так и рассказы, характерные для его реалистич. манеры 1910-х гг. («Варенька из Прилеп», «Наядя в пруду», «Жанна д'Арк»). Сб-к вызвал многочисл. рецензии. Большинство приветствовало новую книгу, отмечая лиризм повествования и пантеизм как основу мироощущения автора.

«Во всех своих произв. он не столько рассказчик, бытописатель, сколько лирик, поэт» (Г. Вяткин — «Сибирская жизнь», 1912, 14 дек.). «У автора есть свои, оригинальные черты... есть у него неподдельное, незамысловатое одушевление, благодаря к-рому рассказы его имеют между собой внутр. связь — связь разных образов одной души» (Б. Э. (Б. М. Эйхенбаум) — «Запросы жизни», 1912, № 52, с. 3013). Новый реализм Н. не принял М. Горький, отметивший, что в книге Н. «есть все, что требовалось от молодого писателя строгими и капризными, но неустойчивыми основоположниками модернизма, нет только Новикова — нет человека, входящего в храм лит-ры русской со своим лицом» («Совр.», 1912, № 12, с. 398; подпись А. П.).

В 1909 Н. совершил пешее паломничество из Тулы в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому (см. запись в дневнике Толстого от 12 июля 1909: «сочинитель умный Новиков» — LVII, 94). Встреча с ним совпала с началом работы Н. над центр. произв. его творчества — ром. «Между двух зорь» (М., 1915; др. назв. — «Дом Оремовских»). В психол. повествовании о молодом поколении Н. пытался представить перспективы ист. пути России. На концепцию произв. оказало влияние учение Толстого о непротивлении злу насилием: именно оно способствовало нравств. возрождению героев романа. Современность в трактовке Н. — это период «между двух зорь» — прошедшей революции и нового изменения рус. общества — нравств. «воскресения» России. Образ одного из героев, предчувствующих грядущее, — писателя Кристолюбова — был автобиографичен. Критики отметили обобщающий характер романа Н.

«Ив. Новиков выясняет воздействие прошлого на психическую жизнь целого поколения» (А. Гвоздев — СовЗ, 1915, № 11/12, с. 229); к

роману надо отнестись «как к серьезной попытке осветить нек-рые уголки жизни и дать ей свое худож. истолкование» (А. Ожигов (Н. П. Ашешов) — «Совр. слово», 1915, 13 дек.). З. Н. Гиппиус сочла осн. достоинством романа его проблемность: «Новиков ставит вопросы. Вот его главное. И единственная точка его силы» (УР, 1916, 17 сент.). По мнению Е. А. Колтоновой, все творчество Н. 1910-х гг. и особенно ром. «Между двух зорь» является наиб. ярким проявлением нового реалистич. течения — т. н. неореализма, соединившего в себе как достоинства классич. рус. реализма, так и новации, гл. образом в области худож. средств, заимствованные у модернизма. Н. успешно начал решать гл. задачу «неореализма» — воскрешение и обновление большого прозаич. жанра. «Возрождение романа» — так назвала Колтоновская статью о произв. Н. (РМ, 1916, № 5).

С 1910 Н. жил в Орле. В 1913—16 был секр. Орлов. об-ва сел. хозяйства и ред. ж. «Вест. Орлов. об-ва сел. хозяйства». В 1916 женился на О. М. Принц, усыновив двоих ее детей. С 1916 начал проф. лит. деятельность, оставив службу. В 1917 переехал в Москву, сблизился с моск. писателями-реалистами, особенно с Б. К. Зайцевым. Н. — прямой прототип Христофорова — гл. героя повестей Зайцева «Голубая звезда» (1918) и «Странное путешествие» (1927).

В 1920-е гг. Н. тесно связан с изд-вом «Никитинские субботники» (здесь опубли. его книги «Товарищ из Тулы», М., 1925, «Между двух зорь», ч. 1—2, [4-е изд.], М., 1927). Настроения Н. этого периода наиболее четко выражены в кн. «Современные повести» (кн. 1—2, М., изд. автора, 1926), сочетающей в себе лирику и мистику, а также пессимистич. взгляд на современность. В нач. 30-х гг. Н. отдает дань «производственной прозе» («Диспут о крикнике», «Грамотные цыплята», «Овоши» и др. рассказы). Ром. «Страна Лекхорн» (М., 1934) — о проблемах совр. молодежи, с сатирой на «начальников» подвергся конъюнктурной идеологич. критике ж. «На лит. посту». В 1936 вышел в его переводе бурят. эпос «Аламжи Мergen» (М.—Л.). Ром. «Пушкин в Михайловском» (М., 1936) был встречен критикой сдержанно, но после его устной высокой оценки И. В. Сталиным получил широкое одобрение. Это произв. и ром. «Пушкин на юге» (М., 1944) были объединены Н. в ром. «Пушкин в изгнании» (М.—Л., 1947), к-рый пользовался большим читательским спросом.

Критика 1960-х гг. отмечала не только документальную основу романов, ряд метких наблюдений и догадок автора, но и упрощенность образа поэта, декларативность, излишнюю «красивость» слога (см.: Белинков А., Юрий Тынянов, М., 1960, с. 333—37, 339; Левкович Я. Л., Пушкин в сов. худож. прозе и драматургии. — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 5).

С 1930-х гг. Н. занимался изучением «Слова о полку Игореве», опубли. неск. статей, ему принадлежит поэтич. перевод «Слова» (1-е изд., М., 1938; впоследствии неоднократно переизд. с доп. и уточнениями автора). В Союзе писателей Н. возглавлял комиссию по иссл. «Слова о полку

Игорева», тургеневскую и пушкинскую. В годы войны совершил поездку по городам Урала и Сибири с чтением отрывков из романа о Пушкине и собранные средства передал на строительство самолета. Написал воспоминания о своих встречах с Толстым («Огонек», 1928, № 37), А. П. Чеховым (ЛГ, 1940, 30 янв.) и др., кн. «Писатель и его творчество» (1956) о стиле рус. писателей.

Др. произв.: «Около жизни. Драма» (СПб., 1903), «Любовь на земле. Пьеса» (СПб., 1911), «Стихи деткам» (М., 1913), «Горсть пепла. Пьеса» (М., 1916), «Варенька из Прилеп и др. рассказы» (М., 1917), «Во имя господне» (М., 1917), «Калина в палисаднике. Рассказы» (М., 1917; 2-е изд. с подзаголовком: «Повести» — М., 1922).

Изд.: Собр. соч., т. 1—4. М., 1966—67 (вступ. ст. Я. Волкова; сост., подг. текста и прим. М. Новиковой; сост. автобиография); Блок. [Стих.]. — Семьдесят пять. [Стих.]. — ЛН, т. 92, кн. 3, с. 582, 584; Панихиды. [Стих.]. — В кн.: Сонет Серебряного века, М., 1990, с. 241, 689; Между двух зорь. — Страна Лекхорн. [Романы], М., 1991 (вступ. ст. Я. Волкова).

Письма: Переписка Н. с А. С. Грином. — В кн.: Восп. об А. Грине, Л., 1972, с. 413, 554—555, 557—559, 563, 565; «В пути к вам... письма от 23 янв., 4 марта, 23 апр., 25 мая 1943 г.». Письма к В. В. Вересаеву из Камиска-Уральского. — ЛГ, 1977, 12 янв. (публ. М. Н. Новиковой-Принц).

Лит.: Соболев Ю., Три очерка. [Б. Зайцев. — И. Бунин. — И. Новиков]. — «Сполохи», кн. 11. М., 1917; Львов-Рогачевский В., И. А. Новиков. — В его кн.: Новейшая рус. лит-ра, 7-е изд., М., 1927; Волков Я., Творч. путь Н. — На родной земле, Орел, 1959; его же, Светлый талант, Орел, 1961; Воронцова О., И. А. Новиков. — «Подъем», 1957, № 1; Чернов Н. М., Лит. места Орлов. края, Орел, 1961, с. 88—89; Муратова К. Д., Роман 1910-х гг. Семейные хроники. [О романе «Между двух зорь»]. — В кн.: Судьбы рус. реализма нач. XX в., Л., 1972, с. 119—223; Козыро Л. А., К проблеме характера в «кульских» повестях Н. — В кн.: Вопросы худож. метода, жанра и характера в рус. лит-ре XVIII—XIX вв., М., 1975; Козловский Ю., О творчестве Н. — В кн.: Новиков И. А., Повести и рассказы, М., 1981; Новикова-Принц М., «Свою мечту трудом своим творил». Из документов повествования о жизни и творчестве писателя-историка Н. — «Тимирязевец», 1987, 4 сент.; Грачев А. М., К вопросу о типологии романа М. Горького «Мать». («Эпизод» Н.). — В кн.: Горьковские чтения '88, Г., 1988; ес же, Традиция Л. Толстого в творчестве Н. (Роман «Между двух зорь»). — РЛ, 1988, № 2; ес же, Блок и Н. (Лит. контакты). — А. Блок. Иссл. и мат-лы, Л., 1991, + БСЗ; ЛЗ; КЛЗ; Энци. «Слова...»; Писатели совр. эпохи (1); Писатели Орл. края: Муратова (2); Алым. и сб-ки (1, 2); И. А. Новиков. Библ. произв. 1901—1977, Орел, 1977; Масанов (не учтен псевд. И. П.).

Архивы: РГАЛИ, ф. 343; ИМЛИ, ф. 116; ГИМ, ф. 137; Гос. музей И. С. Тургенева (Орел), ф. 16; Гос. музей А. С. Пушкина (Москва), ф. 3; ЦИАМ, ф. 472, оп. 1, д. 572* (списки учеников Моск. земледельч. школы), ф. 31, оп. 3, д. 775, 2200; ф. 46, оп. 9, д. 2 (фонд Моск. центр. к-та) [справка Г. Ю. Борисовой]. А. М. Грачев.

НОВИКОВ Михаил Петрович [23.5 (4.6).1870, с. Боровково Тульского у. Тульской губ. — 1939(?)], прозаик, публицист. Из многолетней семьи малоземельных крестьян. Окончил сел. школу. С 10 до 17 лет ходил на «поденку» к помещику, затем работал на подмокс. фабриках. С 1892 на

воен. службе, 2 года учился в писарском классе и распределен в Моск. окружной штаб. Там впервые услышал о Л. Н. Толстом; личное знакомство с ним в 1893, перешедшее в многолетнюю дружбу (не лишенную противоречий и разногласий, но настолько близкую, что Толстой, решив в 1910 покинуть Ясную Поляну, именно к Н. обратился с просьбой о приюте), изменило всю жизнь Н.: «... пробужденное им во мне сознание так много дало моему уму работы, что я прямо горел и день и ночь в своих новых мыслях» («Из прошлого. Мои восп. 1896—1917» — ГМТ). За «свои новые мысли» Н. пострадал в 1896: при обыске у его брата было обнаружено письмо Н. со словами о «глупохитрой» коронации Николая II, с ее «чудовищным» расходом в десятки миллионов. После ареста Н. был обвинен в хранении запрещенных произв. Толстого и Т. М. Бондарева и сослан в Варшаву, а затем в форт Карабулак Туркестан. края, откуда возвратился через год, полностью утратив веру в царя и церковь. О причинах своего отхода от православия Н. рассказал в очерке «Старая вера» (частично опубли. в кн.: Материалы к истории и изучению рус. сектантства и старообрядчества, в. 3, СПб., 1910; рукоп. — РГБ, ф. 398, № 8). В очерке обосновывается необходимость для рус. народа рациональной «веры в действительно сущее — в самого себя, свои силы и разум» (с. 157). Толчком к новому духовному подъему рус. народа, с т. з. Н., «будет апостольство не Марксов и Энгельсов, не Кропоткинских и других подобных им ценителей всеобщего социализма и анархизма», а «очищение истины» христ. учения (с. 156). В прим. ред. говорится об «особо важном значении» этой рукописи, в к-рой показано, как «перелом души православного человека ... приводит к сектантству вообще и к „свободному христианству“ в частности» (с. 155).

Стремясь к осуществлению принципа деятельного добра, Н. посылает в 1900 письмо редактору «Журнала для всех» (опубл. В. Г. Чертковым под назв. «Народный суд») — «Свободное слово», Крайстчёрч, Англия, 1904, № 10; отд. изд. под назв. «Голос крестьянина» — Крайстчёрч, 1904), в к-ром переход от обществ. «беспорядка» к такому порядку, когда прибыль останется у ее создателя, считает возможным через воздействие на сознание и совесть «господ», хотя год (1899—1900), проведенный им в одной из «колоний-коммун», созданной «кающими помещиками», продемонстрировал практич. неисполнимость толстовской идеи самосовершенствования через опрощение. Публицистика Н. насыщена живописными сценами и картинами.

На просьбу Толстого, восхищавшегося «метким, неподражаемым языком» Н. и его «удивительным чувством меры» («Я всю жизнь старался так писать и не умел» — Толстой в восп., I, 463—64), напечатать это письмо в «Рус. богатстве» В. Г. Короленко ответил категорич. отказом — не только из-за цензуры, но и по причине предполагаемого неуспеха у читателя (Короленко, X, 433—34). Сходные проблемы Н. ставит и в докладной записке (ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1896 г., д. 1404, ч. 2, л. 44—48), поданной в 1902 в к-т по выявлению нужд сел.-хоз. промышленности и заканчивавшейся требованием свободы в делах веры, отмены телесных наказаний, выкупных платежей за крест. наделы, круговой поруки в деревен. общине. За эту записку Н. тогда же был заключен на 2 месяца в одиночку Петропавлов. крепости.

Первая публ. Н. в России — «Письма крестьянина» («О Толстом. Междунар. толстовский альм.», М., 1909; о положит. отзывах см.: ЛН, т. 90, кн. 3, с. 317). Сост. альманаха П. А. Сергеев находил их превосходными. Д. П. Маковицкий свидетельствовал, что слова Толстого «словно отпечатались» в памяти Н., «будто слышишь самого Л. Н.» (ЛН, там же, с. 317). Документальность характера и для написанных вскоре после смерти Толстого восп. Н. «Мое последнее свидание со Львом Николаевичем» (опубл.: «Соединенный вып. ж-лов „Голос Толстого и Единение“ и „Истинная свобода“», М., 1920), выражающих крестьянскую т. з. на уход Толстого из семьи и осуждение либеральной интеллигенции, толкавшей его на этот поступок, усматривая в нем эффективное завершение подвига самопожертвования. Часть восп. Н. опубли.: «Восп. о Толстом» («Крест. дело», 1912, № 6), «Наш долг перед Толстым» («Единение», 1917, № 2; «Путь к свету», 1919, № 1), часть — в рукописи («Л. Н. Толстой в оценке народа» и др. — ГМТ). По словам Н., его восп. «Последняя ночь в Ясной Поляне» были переведены на франц. яз. Ш. Саломоном и опубли. в Париже (их переписка — в ГПУ, в деле Н. от 4 янв. 1928; см. об этом в его заявлении в тульское ОГПУ от 17 февр. 1930 — ГМТ).

Мысли Н. о России, далеко не полно выраженные в его публич. выступлениях, сформировались в первое десятилетие после отмены (1908) выкупных платежей, к-рое он назвал золотым веком рус. крестьянства. Вначале Н. требовал от помещиков снизить до доступной хлебопашцам цену на землю, а в противном случае призывал мужиков, не считаясь с частной собственностью, выехать по весне пахать кто сколько сможет (ст.

«Земельный вопрос в крест. разумении», известная по пересказу Толстого, к-рый считал, что она «пахнет кровью» и что Н. «захватило социалистич. движение», — ЛН, т. 90, кн. 2, с. 25). В дальнейшем Н. в очерках, статьях и рассказах, опубли. в «Утре России», «Ежемес. журнале» и др. изд., предлагал другие меры для подъема жизненного уровня «кормильцев» страны.

Н. агитировал крестьян за трезвый образ жизни («О вреде пьянства» — «Крест. дело», 1911, № 10; рассказ «Не поверили» — там же, № 19) и широкое внедрение на сел. обществ. торговли («Во что обходится крестьянам лавочники» — там же, № 13), давал практич. советы по борьбе с искусст. взвинчиванием цен («Где покупать швейные машины» — там же, 1912, № 23—24), предлагал создать «крайне пужую науку» о разумном и выгодном расходовании заработка («Бережливость» — там же, № 5), ратовал за повышение культуры земледельца и избавление народа от невежества и предрассудков («Почему беднеют крестьяне» — «Деревен. газ», 1912, № 8; «Язва крест. земледелия» — там же, № 9), находил выход из, казалось бы, неразрешимой проблемы, «как отличить пищего от вымогателя» («Что делать с нищими» — там же, 1911, № 11) и др.

В кн. «Братьям крестьянам» (М., 1912) Н. проповедует свободную от суеверий, трезвую семейную жизнь (одобрит. отзыв Толстого, читавшего книгу в рукописи, — ЛН, т. 90, кн. 4, с. 154). Толстой направил две статьи Н. в «Рус. вед.», рекомендова его как «самобытно мыслящего писателя» (упоминание о них см.: «К отъезду Толстого» — РВед, 1910, 2 нояб.).

В 1915 Н. был арестован за подписание антивоен. воззвания «Опомнитесь, люди-братья!» и, просидев 11 месяцев в Тульской тюрьме, освобожден в зале суда (см. подробнее в кн.: Булгаков В., Опомнитесь, люди-братья! История воззвания единомышленников Л. Н. Толстого против мировой войны 1914—1918 гг., М., 1922, с. 36—37, 79—86). Вернувшись домой, продолжал вести агитацию против войны (см. в кн.: Королев, с. 61). Из его антивоен. соч. разных лет опубли.: «На войну! Записки призывного летом 1904» («Свободное слово», 1905, № 15—17/18; о высокой оценке Толстого в кн.: Гусев Н. Н., Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1891—1910, М., 1960, с. 542), ст. «Война и крест. богатство» («Ежемес. журнал», 1916), «Разговор с Л. Н. Толстым о япон. войне» («Толстой. Памятники творчества и жизни», т. 2, М., 1920) и 2 письма Толстому от 24 и 27 сент. 1904, к-рые тот почти полностью использовал в ст. «Одумайтесь!» (XXXVI, 144—45; см. также его отзывы: ЛН, т. 90, кн. 2, с. 498).

Н. надеялся, что Февр. рев-ция 1917 «будет способствовать ускоренному миру» и отмене смертной казни. После Окт. рев-ции в письме к В. Д. Бонч-Бруевичу выразил «крестьянскую» т. з. на социализм, навязанный рус. народу «грубым насилием» (опубл.: «Слово», 1991, № 7), в

письме И. В. Сталину (1929) предлагал программу вывода страны из тупикового на магистральный путь развития человечества через свободу рыночных отношений (опубл.: «Горизонт», 1989, № 1, с. 22—27). Недонократно избирался в волсполком, премирован на сел.-хоз. выставке. Бессменный корр. газ. «Беднота»; его ст. «Нужен ли приказ?» (1927, 11 янв.) вызвала острую дискуссию, в результате к-рой появился закон о расширении прав сельсоветов.

Начиная с 1923 Н. был арестован 8 раз. В перерывах между тюремным заключением и ссылками (во время одной из них составил сб-к нар. песен) совм. с сыном написал кн. «Дедовские порядки на пересмотр» (два изд. — М., 1929), получившую восторженный отзыв М. Горького: автору этого произв. нужны стране «как солнце и хлеб» (XXX, 131—32; положит. рец.: «Сел.-хоз. газ.», 1929, 30 мая; «Деревен. коммунист», 1929, № 20, с. 47—48); в кн. «Научитесь работать!» (М., 1930; совм. с сыном) изложил, по совету Горького, свой «житейский опыт». В 1924 закончил 1-ю часть мемуаров «Из прошлого. Мои восп.», доведя их до 1917.

В 1937 просил Бонч-Бруевича хлопотать о пенсии, о работе в музее и получил обнадеживающий ответ. В том же году арестован и осужден на 10 лет без права переписки. Реабилитирован посмертно 8 марта 1960.

Брат Н. — Андриан Петр. (1865—1930), автор «Записок лакея, или Правдивой истории рабской жизни» (рукоп. с пометками Толстого — ГМТ), частично опубл. под назв. «Народ и господ» («Свободное слово», 1905, № 17—18; отзыв Толстого — LXXV, 85).

Др. произв.: «Как я выучился переплетать книги» (в кн.: Архангельский А., Как переплетать книги без переплетного инструмента, М., 1915, с. 19—31), «Черная жизнь» («Москва», 1960, № 12; восп. Н. в записи его сына).

Лит.: Л. Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906, М., 1929 (ук.); Булгаков В. Ф., Л. Толстой, его друзья и близкие. Восп. и рассказы, Тула, 1970 (ук.); его же, Л. Н. Толстой. Последний год его жизни, М., 1978, с. 331—37; Толстой С. Л., Очерки былого, 4-е изд., Тула, 1975 (ук.); Л. Н. Толстой. Переписка с рус. писателями, 2-е изд., т. 2, М., 1978, с. 418—19; Королев А. А., Времен связующая нить (Л. Н. Толстой и Н.), Тула, 1978; Мейлах Б., Уход и смерть Л. Толстого, 2-е изд., М., 1979 (ук.); Досев Хр., Вблизи Ясной Поляны, М., [б. г.], с. 13—14. — Библи. ук. лит-ры о Л. Н. Толстом. 1974—1978: Назаров.

Архивы: ГМТ, л. ф.; Музей истории религии и атеизма, ф. 15; РГБ, ф. 369, к. 398, № 8, к. 185, № 23 (переписка с В. Д. Бонч-Бруевичем), к. 309, № 9 (письмо А. В. Луначарскому); к. 398, № 20 (заметка «О гражданских браках»); РГАЛИ, ф. 122, оп. 1, № 980 (письма И. И. Горбуну-Посадову), оп. 2, № 96 (рассказ Н. «Дождись!»), № 234 (ст. «Молодым крестьянам...», путевой набросок «Бабы деля»), ф. 552, оп. 1, № 2248 (письма В. Г. Черткову), № 3745 («Мысли из-за решеток»); ГАРФ, ф. 102, 3-е л-во, 1902 г., оп. 203, л. 1421. И. И. Гошина.

НОВИКОВ Пётр Александрович [19(30).6.1797, Москва — 1(13).10.1876, Москва], поэт, эстетик. Из се-

мьи «довольно богатого» моск. дворянина, коллеж. сов. А. Б. Новикова, «человека доброго, но холодного, угрюмого, неподвижного» (М. А. Дмитриев — РГБ, ф. 178, л. 101 об.). Воспитывался дома [«рос., франц., нем. и лат. языки, история, география, арифметика и начала геометрии» — ЦИАМ, д. 265, л. 1; в стих. «Воспоминание» (1819) рассказывает о «любви родителей, их первых советах», о пробуждении поэтич. способности — «Старина и новизна», 1905, кн. 10, с. 499—500]. В 1815 поступил в Моск. ун-т на этико-полит. отделение; позднее вспоминал о «благоклонном к нему расположении тогдашних ун-тских профессоров ([А. Ф.] Мерзлякова, [А. В.] Болдырева, [И. А.] Двигубского)» (письмо С. П. Шевырёву — РГБ, № 17, л. 5). В ж-л Мерзлякова «Амфион» (1815) состоялся лит. дебют Н. — одич. стих. «Явления ночи» (№ 9), в к-ром «лирич. восторг» перед красотой и могуществом сотворенной Богом природы сочетается с интимностью в обращении к Богу («как нежный сын нежнейшему отцу»). Возможно, стих. не избежало редакторского вмешательства Мерзлякова (ср. у Дмитриева: Н. «пользовался поправками Мерзлякова» — л. 102 об.). В «Амфионе» же напечатан перевод Н. фрагмента эстетич. труда Ж. Ф. Мармонтеля «Основы литературы» под назв. «Нечто о чудесном» (1815, № 12).

В 1816 стал сотрудником ОЛРС (в 1821 — д. чл.) в один день с М. А. Дмитриевым, что послужило поводом к их знакомству, переросшему в долготелую дружбу. Во время обучения в ун-те (1815—18) Н. познакомился с племянником Н. М. Карамзина М. Н. Филосовым и сыном поэта И. М. Долгорукова Р. И. Долгоруковым; подружился с Д. Н. Свербеевым и А. Д. Курбатовым (к ним Н. обращено послание «К московским друзьям из N°...N°...» [Симбирска] Дмитриева — ВЕ, 1820, № 19); был членом (вместе с М. А. Волковым, С. Е. Раичем, А. О. Корниловым, Курбатовым) организованного Дмитриевым в подражание «Арзамасу» «Общества громкого смеха». Дмитриев отмечает «важность» и «чувствительность» Н., «ограничивавшуюся вздохами к луне, чтением Руссо и вместе Сенанкура» (л. 100 об.), рассказывает о его платонич. увлечении крепостной певицей А. И. Бахметева; Свербеев пишет о «нежном Н.» («Записки», т. 1, с. 298).

Развитый под влиянием лекций Мерзлякова интерес к эстетич. и филос. вопросам и одновременно стремление к самостоят., порою отталкиваемому от теории учителя, мышлению, близкому к принципам романтич. эстетики, проявились в ря-

де соч. Н.: в речи при избрании его в чл.-сотрудники ОЛРС «О гении, о главных его свойствах, о средствах, им употребляемых, и о влиянии его на современников и потомство» («Тр. ОЛРС», 1818, кн. 15), рисующей романтич. облик поэта-гения, в к-ром соединяются «чувствительность необыкновенная, воображение пламенное, смелость благородная, добродетель высокая, презрение всего обольстительного, терпение непреодолимое и особенно какая-то врожденная свобода и гордость, начало величия нравственного» (с. 71) (ср. ст. Мерзлякова «О гении, об изучении поэта, о высоком и прекрасном», 1812); в ст. «Об идеале в изящных искусствах и в особенности в поэзии» (сб. «Соч. в прозе и стихах», М., 1824, кн. 10), направленной против последователей аристотелевского принципа «поэзия есть подражание природе» (в т. ч. — Мерзлякова: ср. его ст. «Об изящном, или О выборе в подражании», 1813), к-рый «стесняет» труд поэтического гения и приводит его «в состояние механизма» (с. 13—14), и представляющей поэзию как «способность ... выражать бесконечное или идеал» (с. 12). Вместе с тем, для Н. остается важным классицистич. разделение предметов поэзии на «низкие и недостойные» и «прекрасные и высокие» («О гении ...», с. 69).

Соответственно эстетич. суждениям (их можно назвать и предромантическими) Н. пишет в разных традиц. и новых жанрах, не пытаясь их смешивать: стих.-аллегория «Истина и Мудрец» («Тр. ОЛРС», 1818, кн. 17), оригинальные «Спесивый лошак», «Ваятель и резец» — «Соч. в прозе и стихах», 1822, кн. 5; 1828, кн. 20) и переводная («Пастух и соловей» Флориана — «Тр. ОЛРС», 1820, кн. 28) басни соседствуют с «кладбищенскими» стих. «Весна, севотение над гробом друга» (там же, 1819, кн. 20) и «Элегия» («Куда стремимся мы в полете?» — «Соч. в прозе и стихах», 1822, кн. 5), использующими традиционную для романтич. поэзии оппозицию «здесь» и «там», и пер. стих. А. Ламартина «Мой призрак» и Дж. Байрона «Стансы» (там же, 1822, кн. 2; 1828, кн. 20).

Книжность и чувствительность Н. сказались в истории его женитбы (1820) на дочери И. М. Долгорукова — Антонине (Варваре) (крещеное имя Антонина, но закрепилось имя Варвара), к-рой он увлекся во время обсуждения его перевода трактата мадам де Сталь «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (перевод не сохр.). Она проявляла интерес к лит-ре и, возможно, перевела роман А. Коцебу «Филибер, или Отношения общественные» (М., 1815), вышедший за подписью ее отца. Се-

мейная жизнь их была счастлива; они вырастили двух сыновей. После свадьбы Н. поселился в доме тестя, одним из известных лит. и театр. центров Москвы 1820-х гг.; участвовал в домашних спектаклях и собраниях составленного тестем в 1821 приятельского, или шуточного, лит. об-ва, в состав к-рого входили Дмитриев, С. Т. Аксаков, М. Н. Загоскин, А. И. Писарев, моск. воен. ген.-губ. Д. В. Голицын.

Еще не будучи студентом (1806), Н. записан губ. регистратором в экспедицию винокуренных заводов. По окончании ун-та определен в Моск. архив иностр. дел (1819—26); в 1822 откомандирован от архива к Голицыну, покровительствованному ему; в 1823 возведен в звание камер-юнкера. В 1826—33 служил советником Моск. губернского правления (Дмитриев, рассматривавший от. уголовные дела совм. с Н., отмечает его осторожность и педагогичность как чиновника); в 1833—35 — чиновник особых поручений при Моск. учебном округе. В 1833—50 — инспектор Преображенской больницы в Москве; в 1838 — дир. Моск. ссудной кассы. Камергер (с 1835).

После 1828 Н. не печатался. Позже в письме Шевыреву он признавался: «Заботы службы отвлекли меня рано от литературной деятельности» (РГБ, № 17, л. 6). Однако поддерживал связи в лит. (Н. Ф. Павлов, М. П. Погодин, Е. М. Ломакина, сотрудника «Москв.», жившая в его доме), а также в церковных (отец Ипполит Платонов, митрополит Филарет Дроздов) кругах.

Во второй пол. жизни Н., не теряя интереса к лит-ре, посещает возобновившиеся заседания ОЛРС (Барсуков, XVII, 437); но лит. нравы и принципы последующих поколений не приемлет: «она [совр. лит-ра] монополизировала гласность в пользу одних крайних мнений, отчего мало выработала полезного, истинного и практического» [письмо Погодину 1859(?) — РГБ, № 14, л. 6]. Развернувшаяся в публицистике кон. 1850-х гг. полемика о крестьянском вопросе, в частности между его давними знакомыми Н. А. Безобразовым и Погодиным, не оставила Н. равнодушным: в пространном письме к историку он оспаривал его позицию, оставаясь на стороне «охранителей»: «Я страшусь, но страшусь не вспыхивать народного гнева, а той опасной толпы мечтателей, которые порываются сделаться водителями и нашими и народными» (РГБ — письмо к Погодину, оп. 3, к. 26, № 14, л. 3 об.). Погодин показывал письмо близким друзьям и подробно на него отвечал (Барсуков, XIX, 14—22). С 1852 Н. в чине д. стат. сов. состоял почетным опекуном при Моск. воспитательном доме, уч-ще ордена Св. Екатерины и Александровском ин-те, управлял Марининской больницей. С 1854 — тайный сов.; в 1862 вышел в отставку; жил в собственном доме на Поварской улице.

Изд.: О гении... — В кн.: Рус. эстетич. трактаты первой трети XIX в., т. 1, М., 1974 (ук. прим. З. А. Каменского).

Лит.: Мерзляков А. Ф., Письмо Н. от 13 июля 1817. — РС, 1879, № 10; Шевырев С. П., История инст. Моск. ун-та, М., 1855, с. 460; Дмитриев М. А., Кн. И. М. Долгорукой и его соч., 2-е изд., М., 1863; Сербесов Д. Н., Записки, М., 1899, т. 1, с. 110, 168, 308—309; т. 2, с. 77—78, 102—103; Барсуков, I, 213; Аксаков, III, 52 (про об-во у И. М. Долгорукова); Снегирев И. М., Дневник, т. 1, М., 1904, с. 137; Грум-Гржимайло А. Г., Соколин В. В., «Общество громкого смеха». — В кн.: Декабристы в Москве, М., 1963, с. 147; Соболев П. В., Очерки рус. эстетики 1-й пол. XIX в., ч. 1, Л., 1972, с. 120—21. + МНскр.: Адрес-календарь на 1823—27, 1830, 1844) г., СПб.; Венгеров, Список; Моск. уч-ще ордена Св. Екатерины, 1803—1903 гг., М., 1903, с. 461; Словарь членов ОЛРС, М., 1911; Протоколы ОЛРС, М., 1911; Клейменова.

Архивы: ЦИАМ, ф. 4, оп. 14, д. 1390 (ф. с. 1840 г.); ф. 418, оп. 112, д. 265 и оп. 115, д. 397 (о поступлении в ун-т и его окончании); РГБ, ф. 178, 8184, 1, лл. 99—104 об. и др. («Главы из воспоминаний моей жизни» М. А. Дмитриева); ф. 231, оп. 2, к. 22, № 47; оп. 3, к. 26, № 14 (письма М. П. Погодину); ф. 232 (книга с трагедиями В. Очерова, в к-рой написано шуточное стих. М. Дмитриева, обращенное к Н.: «Се книга Новикова/ Эдип в ней и Фингал ...»); ф. 126, оп. 2, к. 3608, № 12 (письма к Н. от Ф. И. Гильфердинга); № 17 (Шевырева с просьбой написать автобиографию для предлагаемого изд. «Словаря воспитанников Моск. ун-та» и черновик ответа Н.); № 13 (М. Максимовича, приглашение на заседание ОЛРС в 1858); № 14 (Н. Ф. Павлова); № 15 (Ипполита Платонова); № 16 (Филарета) и др.; РГИА, ф. 759, оп. 39, д. 322 (ф. с. 1862 г.) (справка С. И. Варскавой).

Т. Ф. Нешумова.

НОВИКОВА Ольга Алексеевна [урожд. Киреева; псевд. Русская, О. К. и др.; 29.4 (11.5).1840, Москва — 21.4.1925, Лондон], публицист. Сестра А. А. Киреева. Мать А. И. Новикова. Крестным отцом Н. (как и ее братьев) был Николай I (Депутат от России, т. 1, 1912, с. 5). Получила блестящее домашнее образование, в совершенстве владела англ., франц. и нем. языками. В 19 лет вышла замуж за Ив. Петр. Новикова, чиновника Мин-ва нар. просв. (в кон. жизни ген.-лейт., попечитель Петерб. уч. округа; ум. в 1890), брата дипломата и слависта Е. П. Новикова, однако брак их скоро распался. С юности интересовалась литературой, историей, изобразительными искусствами, Н. вращалась в кругу писате-

лей, политиков, ученых: в разные годы она поддерживала друж. отношения и переписку с И. С. Тургеневым, К. К. Павловой, А. Н. Серовым, А. К. Толстым, Н. Д. Хвощинской, А. Ф. Писемским, Ф. И. Тютчевым, Ф. М. Достоевским, М. Н. Катковым, К. Н. Леонтьевым, К. П. Победоносцевым, С. А. Рачинским, М. Д. Скобелевым, В. В. Верещагиным, А. Ф. Кони, В. С. Соловьёвым, М. Нордау и др.

С 1868 Н. ежегодно проводила зимы в Лондоне, где составила широкий круг знакомств (историки Т. Карлзель, А. У. Кинглейк, Дж. А. Фруд, Э. О. Фримен, У. Леки, физик Дж. Тиндаль) и приобрела репутацию «русского агента» (см. предисл. В. Стда в кн.: Депутат от России), «негласной представительницы России не перед англ. правительством, а перед англ. публикой» (Головин, с. 9). Друж. связи с деятелями либеральной партии (прежде всего с У. Гладстоном) сделали в 1870-е гг. лондонский салон Н. сильным центром оппозиции политике консервативного кабинета, глава к-рого Б. Дизраэли назвал Н. «депутатом парламента от России» (о салоне Н. см. восп. М. М. Ковалевского — Лукьянов, т. 2, с. 140—41). В период Вост. кризиса 1875—78, в особенности после трагич. гибели брата Николая (июль 1876), добровольца серб. армии, Н. примкнула к «партии войны». Считая освобождение славян долгом России и залогом могущества правосл. мира, она пыталась воздействовать на британское обществ. мнение, раскрывая выгодные перспективы союза с Россией и непродуктивность ставки на Турцию (см. об этом многочисл. записи в дневнике А. Киреева — РГБ, ф. 126, к. 7, л. 4, 10 об., 25). О характере деятельности Н. в Англии свидетельствует ее письмо к Кирееву от 1 ноября 1876: «Вот руковод(ящая) статья „Times“. Не было бы ее без меня, грешной, как не было бы ... статьи Гладстона, которая страшно здесь всех разозлит ... Я мишу за смерть брата — иначе за него мстить нельзя» (там же, к. 21, № 1/4).

Получившие международный резонанс статьи Н. составили кн. (все — Л.): «Is Russia wrong?» («Ошибается ли Россия?», 1877; рус. пер. в газ. «Совр. известия», 1878), «Friends or Foes?» («Друзья или враги?», 1878), «Russia and England from 1876 to 1880» («Россия и Англия в 1876—1880»; с предисл. Дж. Фруда, 1-е и 2-е изд., 1880). Н. постоянно печаталась также в моск. и петерб. изданиях: цикл «Вести из Англии» (МВед, 1870—80), статьи и заметки в газ. «Русь», «Новое время», «Свет», в ж. «Рус. обозрение» принесли и в России известность «писательнице, скрывающей свое ... имя под началь-

ными буквами О.К.» ((И. Н. Павлов). — «Кругозор», 1880, № 5, с. 15).

Стремление Н. всегда быть в центре событий и играть политическую роль вызвало ироническое отношение современников. И. А. Гончаров, поддерживавший с ней знакомство и переписку в 1864—67, замечал в письме Тургеневу (15 сент. 1866): Н. sneдает «суета — ... со всеми и обо всем поговорить, со всеми переписываться — без внутренне-го живого интереса — это своего рода моральное блудовство...» (VIII, 368; см. также язвительные отзывы Тургенева о ней — Тургенев. Письма, ук.). Между тем «искренность и горячность» ее убеждений признавал даже Кони, не принимавший ее «розового» патриотизма (Кони, с. 74). Достоевский одобрително отзывался о ее статье из цикла «Вести из Англии» (МВед, 1879, 24 марта), где предрекалось скорое уничтожение Берлинского трактата — «этого смертного приговора» освобожденной Болгарии (см.: Достоевский, XXX, кн. 1, с. 59). Победоносцев, у к-рого манера поведения Н. вызвала стойкое раздражение (в 1876 он писал Е. Ф. Тютчевой о встречах с Н.: «... избежать ее невозможно, и всегда у нее под рукою какой-нибудь иноземец, которого она в ту же минуту знакомит с вами ...» — РГБ, ф. 230, к. 4408, № 11, л. 15 об.), тем не менее признавал значение ее лондонского салона, отмечая, что «ее агитация в Лондоне и ее сношение с представителями тамошней интеллигенции были не без пользы» (там же, № 12, л. 12). На рубеже 1870—80-х гг. И. С. Аксаков отправлял Н. подробные письма (РГБ, ф. 126) с анализом внешнеполитич. ситуации, стремясь корректировать ее позицию, с к-рой в целом, однако, был солидарен. В свою очередь Н., регулярно выступавшая в англ. печати (гл. обр. в газ. либеральной партии «The Northern Echo»), служила проводником взглядов Аксакова, Победоносцева и Каткова (в ее выступлениях сглаживались разногласия между разл. представителями рус. «патриотич. консерватизма»). В 1883 она с полным основанием писала Каткову: «Ваш авторитет направляет мою деятельность и дает силу моим доводам» (РГБ, ф. 120, к. 23, л. 17; копия).

После рус.-турецкой войны 1877—78 Н. продолжала в Европе «рус. агитацию», а в России проповедовала доверие к политике англ. либералов (помимо выступлений в печати на эти темы она способствовала завязавшейся переписке между Победоносцевым и Гладстоном). Разочарованная внешнеполитич. курсом России, Н. постоянно критиковала рус. дипломатию, удивлявшую, по ее

словам, «безыдейностью» (письмо Киреева С. А. Петровскому, 1889 — там же, ф. 224, оп. 1, № 64). О полит. взглядах Н. 1880-х гг. дает представление ее письмо к Каткову из Лондона (27 сент. 1886): «Я такую затеяла здесь агитацию в пользу присоединения Россией Константинополя — что вы все должны мне сказать спасибо! ... Царь наш поставил себя так высоко во мнении Европы, что его положительно боятся, как боялись императора Николая Павловича!» (там же, ф. 120, к. 23, л. 17 об.; копия). В 1883 выпустила кн. «Skobeleff and Slavonic Cause» («Скобелев и слав. вопрос»; Л.) и периодические, особенно активно в 1884—85, 1889—91, 1895—96, 1916—17, выступала с полемическими статьями и письмами в англ. («Pall Mall Gazette», «Daily Chronicle», «Times», «XIX Century», «Contemporary Review», «Frazer's Magazine», «Fortnightly Review», «Asiatic Review») и франц. («Nouvelle Revue») печати. В 1898 при содействии Н. (и с ее предисл.) на англ. яз. вышла кн. Победоносцева «Reflections of a Russian Statesman» («Размышления русского гос. деятеля»; Л.); ранее (в 1889) Победоносцев писал ей: «... вы делаете доброе и патриотическое дело, употребляя ваш талант на защиту русской правды в Англии» (РГБ, ф. 126, к. 8479, № 9, л. 1).

В 1891 Н. развернула в Англии кампанию по сбору средств для борьбы с голодом в России (см. письмо Г. Джеймса к Н., 7 февр. 1892 — «Ежегодник РО ПД на 1976 г.», Л., 1978, с. 276—78), содействовала англ. квакерам в организации помощи голодающим, добивалась для них аудиенции у императора: «поездка в Россию таких людей произведет переворот во всей английской прессе», считавшей, что слухи о голоде служат лишь «маской для военных махинаций» (письмо Кирееву — РГБ, ф. 126, к. 22, № 13, л. 26—26 об.). В ответ на возмущенную реакцию Европы, вызванную еврейскими погромами в России 1890-х гг., Н. выступила в англ. печати с серией статей, оправдывающих действия рус. правительства (см.: Белов, с. 567—68).

Н. играла и роль культурного посредника между Англией и Россией: по совету Победоносцева в разгар рус.-турецкой войны она знакомила англичан с «Дневником писателя» Достоевского, переводила произв. рус. литераторов на англ. и франц. яз. (в частности, рассказы Б. М. Маркевича — РГАЛИ, ф. 485, оп. 1, № 419, л. 24 об.), ее салон в Англии посещали мн. русские (В. С. Соловьёв, Е. П. Блаватская и др.).

Экстравагантное поведение и необычная для женщины биография провоцирующе действовали на лит.

окружение Н. Н. С. Лесков нарисовал ее крайне язвительный — на грани карикатуры — портрет в рассказах «Зимний день» (1894, выведена под именем Олимпии) и «Неоцененные услуги. (Отрывки из воспоминаний)» (опубл.: «Знамя», 1992, № 1; под именем Цибеллы — «дипломатической дамы, живущей за границей»), сделав в обоих произведениях пока не подтвержденные намеки на ее небескорыстную службу правительству. Нем. писатель Б. Ауэрбах вложил некоторые ее высказывания в уста гл. героини ром. «На высоте» («Auf der Höhe», 1865; рус. пер. 1867). Н. была членом Англо-рус. лит. об-ва (осн. в 1893). Состояла в Союзе рус. народа и Рус. монархич. партии.

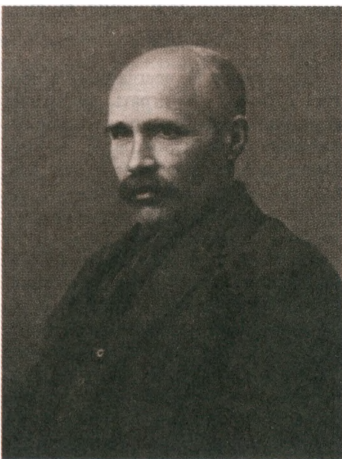
Изд.: [Отд. изд. газетных статей] — Вести из Англии. Поинт. марево: Вести из Англии. Томас Карлейль (обе — [М., 1881]); Кризис в Сербии. [М., 1882]. Из записной книжки Н. 29-го июля 1878 г. — РА, 1902, кн. 3 (запись беседы с канцлером А. М. Горчаковым); Нескольких слов. в [1]—3, [П.], 1914—15; Russian Memoirs. With an Introd. by S. Graham, L., 1917; Voice from Russia: Selections from various papers... Transl. by R. G. Plumpton, L., [1918].

Лит.: Стасюлевич; Никитенко; Гончаров; Тургенев. Письма (все — ук.); Письма рус. писателей. Из архива Н. — РВ, 1901, № 12, с. 469—75 (письма Н. А. Серова, В. С. Соловьева, Н. П. Гилярова-Платонова); Белов А. М., Заруб. публицистика. — ИВ, 1909, № 5, с. 546—68; The M. P. for Russia: Reminiscences and Correspondence of Madam Olga Novikoff. Ed. by W. T. Stead, v. 1—2, L., 1909 [в рус. пер. Е. С. М(осоловой): Депутат от России. (Восп. и переписка Н.) — РС, 1909, № 3—10, 12; № 2—5, 10—12; 1911, № 2—5, 11, 12; 1912, № 10, 11; 1913, № 2—5, 11; 1914, № 6—12; 1915, № 2—6; отд. изд., т. 1—2, П., 1912—15, на т. л. т. 1 — СПб., 1909; Головин К., Мои восп., т. 2, СПб., 1910, с. 9—10; Соловьев В., Письма, т. 4, П., 1923 (ук.); Из переписки В. П. Боткина с Н. — «Звезда», [т. 1] 8. М., 1950 (письма Боткина, 1865—67); Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, т. 2, М., 1951, с. 297; Нендз. письма иностр. писателей XVIII—XIX вв., М.—Л., 1960 (ук.); Кони А. Ф., Собр. соч., т. 7, М., 1969 (ук.); Лукьянов С. М., О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Мат-лы к биографии, т. 1—3, М., 1990 (ук.); Гончаров И. А., Нимфодора Ивановна. Избр. писания, Псков, 1992 (письма к Н., 1864—67); Леонтьев К., Избр. письма, 1854—1891, СПб., 1993 (ук.); письма к Н., 1882—90); Зашихин А. Н., «Глядя из Лондона». Россия в глазах мысли Британии. Вторая пол. XIX — нач. XX в. Очерки, Архангельск, 1994 (ук.); Baylen, Joseph O., Madame Olga Novikov: Defender of Imperial Russia, 1880—1900. — «Historia», 1951, № 1; Baylen Joseph O., Madame Olga Novikov. Propagandist. — «American Slavic and East European Review», 1951, № 10; ЛН, т. 91, 97 (ук.). + Голицын; Брокгауз; НЭС; Муратова (1, ук.); ИДРБ; Масанов; Encyclopedia Americana (1953), v. 20, p. 478; Enciclopedia Universal Ilustrada, t. 38, p. 1355; Ottův Slovník Náučný, d. 18, s. 469.

Архивы: РГАЛИ, ф. 345; ИРЛИ, ф. 137; РНБ, ф. 349; РГБ, ф. 126.

В. Д. Дмитриев, О. Е. Майорова.

НОВИКОВ-ПРИБОЙ Алексей Силыч (Силантьевич) [наст. фам. Новиков; 12(24).3.1877, с. Матвеевское Спасского у. Тамбов. губ. — 29.4.1944, Москва; похоронен на Новодевичьем кладб., прозаик. Отец, Сила (Силантий) Фил. (1810—1899), — крестьянин из кантонистов, участвовал в обороне Севастополя, с воен. службы в Варшаве привез жену-польку, Марию Ив. (ум. в 1906).

Н.-П. окончил церковноприходскую школу в соседнем с. Анаеве первым учеником и «запрягся в земледельч. работу» (Собр. соч., т. 5, 1963, с. 300), но и тогда вместе со старшим братом много читал — «все, что попадалось под руку... но больше всего — религиозные книги» (там же). Мать хотела, чтобы сын стал монахом, брала его с собой на богомолье. Однако случайная встреча с матросом заронила в него мечту о море (см. рассказ «Судьба» — «Творчество», 1920, № 5/6).

Призванный на воен. службу осенью 1898, Н.-П. вызвался добровольцем во флот. Служил на Балт. флоте, с 1899 на крейсере «Минин», побывал в европ. портах. Занимался самообразованием, в 1900—03 посещал в Кронштадте воскресную школу, где впервые познакомился с рев. идеями, стал распространять нелегальную лит-ру среди матросов. Весной 1903 за рев. пропаганду был арестован и содержался ок. 2 месяцев в Кронштадтской мор. следств. тюрьме и Доме предварит. заключения в Петербурге, после освобождения (за недостаточностью улик) был отдан «под ближайший надзор» начальства на броненосец береговой обороны «Адмирал Грейг» (РГА ВМФ, ф. 480, оп. 1, д. 582, л. 18). В донесении Мин-ва юстиции Николаю II сообщалось: «В артиллерийском отряде выдающееся значение приобрел баталер 1-й статьи Ал. Новиков ... Означенный Н. представляется заметно развитым человеком среди своих товарищей и настолько начитанным, что в беседах толково рассуждал о философии Канта» (ЦИАМ, ф. МЮ 1905, д. 3190, л. 9—16). Во время рус.-япон. войны 1904—05 на броненосце «Орел» участвовал в походе 2-й Тихоокеанской эскадры и Цусимском сражении, попал в плен. На корабле вел рев. пропаганду под руководством В. П. Костенко — члена боевой организации эсеров, к-ро-

му понравился «политическим» прошлым, дисциплинированностью, умным и проницательным взглядом, авторитетом среди матросов, умением «вызвать на откровенность, заинтересовать и заставить задуматься над вопросами, выходящими из узких рамок личного существования» (Костенко В., Матрос царского флота А. С. Новиков. — В кн.: Восп. об Н.-П., с. 92, 96; Костенко выведен в «Цусиме» под фам. Васильев).

В первом рассказе «Живой мертвец» (рукопись — ИРЛИ, ф. 500, оп. 1, № 1), написанном в 12-летнем возрасте, сильны ноты социальной критики, а в авторе угадывается усердный читатель Библии и Л. Н. Толстого. Первая публ. — заметка «Начало занятий в воскресной школе» («Кронштадт. вест.», 1901, 3 окт.; 6. п.) — по свидетельству Н.-П., «окрылила» его, и он «стал мечтать о лит. деятельности» (Собр. соч., т. 5, с. 302), а знакомство с биографиями писателей из народа — М. Горького, А. В. Кольцова, И. З. Сурикова и др. — вселяло надежду на успех. На «Орле» Н.-П. вел дневник, к-рый, по словам младшего штурмана Л. В. Ларионова, «поражал литературностью изложения» (РГА ВМФ, ф. 763, оп. 1, д. 321, л. 87); писал для матросов письма (в стиле лубка с атрибутами морской экзотики — см. в кн.: «Цусима», т. 1, с. 108; А. Магдалинский — в кн.: Восп. об Н.-П., с. 191, 197—98), сочинил пьесу для массового представления на корабле (Перегудов, с. 199—201). В япон. плену в г. Кумамато, понимая «всю важность события, происшедшего при Цусиме», начал записывать не только свои личные впечатления, но и рассказы матросов с др. кораблей (см.: «Цусима», т. 1, с. 6). Одновременно с этим распространял рев. пропагандистскую лит-ру, поступавшую от Н. Руссея (Н. К. Судзиловского) — издателя ж-ла для военнопленных «Япония и Россия», в к-ром Н.-П. печатал свои заметки. После того как все его записки по наущению провокатора были сожжены рус. военнопленными, он частично восстановил их и вывез в Россию, где они были утеряны и найдены только в 1928 (подробнее см. в кн.: «Цусима», т. 1, с. 7—12, 18—20).

После возвращения из плена Н.-П. уволен в запас. В февр. 1906 в Петербурге дал письм. показания на суде о сдаче в плен кораблей 2-й Тихоокеанской эскадры. С марта 1906 жил в родном селе, работал над пов. «Материнская любовь» (не завершена), сюда к нему приезжал Костенко. Вскоре Н.-П. бежал от преследования местных властей в Петербург, где нек-рое время служил письмоводителем у присяжного поверенного. Начатые им произв. — «Рассказ сто-

рожа» и «Беседа с чертом», задуманная как диалог начинающего писателя-когегара с чертом, — не были завершены и не сохранились. Прирожденный дар рассказчика проявился уже в ранних прозах. Н.-П. Тогда же определилась и гл. тема его творчества — рус. человек на морской службе, — в раскрытии к-рой он опирался на опыт К. М. Станюковича. В очерках «Гибель эскадренного броненосца „Бородино“ 14 мая 1905 г.» (рассказ матроса) (НВ, 1906, 1 апр.) и «О гибели эскадренного броненосца „Ослябя“ и его экипажа 14 мая 1905 года» («Мысль», 1906, 25 июня; подписи: Матрос А. Н-ов) воссозданы трагич. эпизоды проигранного рус. флотом Цусимского боя. В очерках «Безумцы и бесплодные жертвы» (СПб., 1907) и «За чужие грехи. (Два очерка из Цусимского боя)» [М., 1907; обе брошюры напечатаны в подпольной типографии под псевд. А. Затертый (Бывший матрос); в переработ. виде вошли в ром. «Цусима»], проникнутых обличит. пафосом и звучащих как прокламация, Н.-П. в разгроме рус. эскадры обвинил высшие флотские чины (в т. ч. и царственных особ), считая их корыстолюбивыми, слабыми военачальниками (распоряжения по мор. ведомству «скорее были похожи на плод идиллической фантазии» — «Безумцы и бесплодные жертвы», с. 3), неспособными воодушевить и вести за собой людей. Цусимскому сражению и рус.-япон. войне Н.-П. посвятил мн. произв., написанные позднее: «Встреча Пасхи» («За народ», 1909, № 20; подписи — Матрос Кожуколка), «В объятиях смерти» («Жизнь для всех», 1910, № 5); в ст. «Печальная годовщина» («Речь», 1910, 16 мая) он снова возлагал вину за цусимское поражение на командование (это расходилось с версией др. участника событий и автора книг на ту же тему — В. И. Семёнова, упомянутого в «Цусиме»).

В связи с тем что брошюра «Безумцы и бесплодные жертвы» была признана антиправительственной и «Гл. морской штаб, прокурор и все ответств. учреждения начали искать автора» (см. в кн.: «Становление», с. 53), Н.-П. перешел на нелегальное положение. Приговором Петерб. судебной палаты от 28 апр. 1908 было решено брошюру уничтожить, а дело прекратить, т. к. «обнаружить личность автора, заказчика или издателя» не удалось (см.: Виноградов, с. 174). Прожив нек-рое время в Куоккале, Н.-П., вызванный письмом Костенко, тайно перебрался в Англию, впечатления от этого путешествия легли в основу рассказа «По-темному» («Совр.», 1912, № 2; напечатан при поддержке М. Горького). Вел рев. пропаганду среди матросов строящегося крейсера «Рюрик» и в

гардемаринской эскадре, следуя за ней по европ. портам. Жил трудной эмигрантской жизнью — работал молотобойцем, конторщиком, матросом на коммерч. судне. В 1910 женился на Марии Людвиговне Нагель (1890—1979), дочери народника, высланного за границу. В мае 1912 по приглашению Горького приехал на Капри. Жил там по май 1913, сблизился с И. Е. Вольновым, Б. А. Тимофеевым, А. А. Золотарёвым, познакомился с И. А. Бунинным, к-рый своим ироничным отношением залел самолюбие Н.-П. (см. письма Бунина и Золотарёва к Н.-П. — РГАЛИ, ф. 356, оп. 1, № 98, 103; см. также в кн.: Иванов в Вс., Собр. соч., т. 8, М., 1960, с. 526).

По описанию Золотарёва, «крепкого телосложения, с обветренным всеми ветрами лицом открытым матросским лицом, зоркоглазый, ловкий и стремительный в движениях Силыч был удивительно своим... для этого международного средиземноморского островка... настойчиво и упорно, час за часом, день за днем, с великорусскою упрямкой, работал Силыч над оформлением своих мыслей, над приданием удобочитаемой, быстро усвояемой формы своим тогда еще неясным чувствам и фантастическим грезам своего пылкого, романтического... темперамента» [Золотарёв А. А., А. С. Новиков-Прибой (1877—1944) — РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 15, рукопись подготовлена к печати В. Е. Халичевым].

Мн. рассказы Н.-П. описывают тяжёлые стороны службы на флоте, унижающие человеческое достоинство, — «Пошутили» («Жизнь для всех», 1913, № 12), «Словесность» (1912; опубли. 1917), уродующие личность, — «Порченный» (1912, опубли.: М., 1917, № 4/6).

На просьбу Горького напечатать в «Современнике» последний рассказ, хотя он «не боится что, но — берет за душу своей суровой правдой», Е. А. Лыцкий ответил: «Есть страшные силы, мастера сделанные, но в общем он наполовину лубок, наполовину худож. произведение. ...Печатать его в неизменном виде — сейчас же увидят оскорбление армии и администрации» (ЛН, т. 95, с. 531, 550).

С нек-рой долей юмора изображены флотские будни и нравы моряков в рассказах «Подарок» (СевЗ, 1914, № 3), «В запас» («Живое слово», 1914, № 24); о доброте и человечности матросов — рассказ «Попался» («Смелая мысль», 1914, 18 мая), о их тяге к знаниям — «Рассказ боцманмат» (СевЗ, 1914, № 1); эта же тема в ст. «Что и как читали матросы», написанной в 1908 по просьбе Н. А. Рубакина, с к-рым Н.-П. встречался и переписывался (опубли. в кн.: «Становление»), о трагич. судьбах людей, искалеченных войной, — «Лишний» («Совр.», 1913, № 12), «Живая история» («Живое слово», 1914, № 11—12).

Большинство произв., опубли. в периодич. печати, вошли в книгу Н.-П. «Морские рассказы» (М., 1917), подготовленную еще в 1914 для «Книгоизд-ва писателей в Москве» и изытую в наборе.

В рецензии на сб-к Ю. И. Айхенвальда писал: «...на встречу с этих, в самой мрачности своей ярких страниц найдём вам в душе безумие и кошмар „Бойни“ (рассказ о расстреле рев. матро-

сов)... До революции немисливо было бы, цензурно было бы появление этого рассказа, как и тех, где изображается гибель наших судов и наших моряков в япон. войну... читая Новикова, кландушего очень сильные мазки, дающего незабываемые картины человеческой лютой смерти в волнах морских, в утлойтой яме пароклада, где мнут спасения террористы (рассказ „По-темному“). — яственно видишь, как от наших черных дней тянется кровавый след к недавнему прошлому России» (наз. вырезка — РГАЛИ, ф. 1175, оп. 1, № 11). По мнению Л. М. Клейнборта, «... в первой своей книге Н. скорее рассказчик, чем художник. Он умеет быть интересным, рассказывая самый незамысловатый сюжет» (см. в кн.: А. С. Новиков-Прибой, 1928, с. 41). Е. Ф. Никитина назвала Н.-П. «позом моря, бытописателем матросов», возбуждающим «силу жизни, энергию борьбы, уверенность в победу коллектива» (там же, с. 119).

В 1913 по жемому паспорту вернулся в Россию и, выправив за взятку свой паспорт в с. Матвеевском, поселился с женой в Москве. Работал зав. хозяйством в «Книгоизд-ве писателей в Москве», возглавлявшемся Н. С. Анггарским (Клёстовым), дружил с писателями П. Г. Низовым, М. Г. Сивачёвым, Тимофеевым. В 1915—18 служил вместе с женой на санитарных поездках Земского союза, куда их устроила Е. П. Пешкова. В годы 1-й мировой войны Н.-П. написал рассказы и очерки: «На вахте» («Млечный Путь», 1914, № 6/7) и «Погрузка раненых» («Новый колос», 1916, № 1), «Шалый» (1917; опубли. в сб. рассказов Н.-П. «Две души», Барнаул, 1919).

В 1918 Н.-П. командирован в Барнаул для обмена мануфактуры на хлеб. Доставив поезд с хлебом в Москву, вернулся в Барнаул, где оставались его жена и четырехлетний сын. Задержанный белыми, симулировал сумасшествие и был отпущен (Васильев, 1960, с. 44). После занятия города Красной Армией организовал изд-во «Сибирский рассвет» и журнал под тем же названием. Написал пов. «Море зовет» (Барнаул, 1919), к-рую рецензент назвал «приятной неожиданностью» среди «дилетантских» этюдов его одноим. сб-ка (кн. 2, Чита, 1922), считая, что ее гл. интерес в деталях — «в описании морской бури, в мелких подробностях своеобразного быта, в оригинальных рассказах выдавших виды морских волков у чужинной печки старого кубрика» [Ф. И. (Ф. Ф. Ильин (Раскольников)?) — «Новое рус. слово», 1923, № 3—4, с. 21]. В 1921 ездил в Кронштадт, собирал материал для новой повести. Осенью 1923 побывал в Англии и Германии (результат поездки — очерк «„Коммунист“ в походе» — «Рабочий журнал», 1924, № 2). Входил в творч. объединение писателей «Кузница», дружил с А. С. Неверовым, Н. Н. Ляшко, Е. Е. Нечаевым и др. В 20-е гг. расширился тематич. и жанровый диапазон произв. Н.-П., но в центре по-прежнему морская тема — пов. «Подводники» (М.—Л., 1923), приключенч. пов. «Ералашный рейс»

(сб. «Половодье», М.—Л., 1926), пов. «Женщина в море» (М., 1928), ром. «Соленая купель» (М., 1929), сб-ки рассказов «Победитель бури», М., 1924, и др.). В сер. 20-х гг. изда- ны первые собр. соч. Н.-П.

В критич. статьях о его творчестве, собранных в сб. «А. С. Новиков-Прибой» (М., 1928), отмечались социально-воспитат. значение его творчества (А. К. Воронский), владение языком моряка (Клейнборт), разработанность сюжета и недостаточность психол. анализа (С. А. Образович), «склонность автора к необычайным, резким, трагическим положениям» (А. Лежнев — с. 175), словесные штампы (И. Н. Кубиков) и уклон в натурализм (Г. Якубовский).

С 1928 Н.-П. работал над своей гл. книгой «Цусима» (кн. 1 — «Поход», кн. 2 — «Бой», М., 1932—35; Сталинская пр., 1941), внося в каждое новое изд. исправления и дополнения, основанные на новых свидетельствах очевидцев и документах, в т. ч. архивных мат-лах (подробнее см.: Собр. соч., т. 4, 1963, с. 378—86).

«Цусима» получила в осн. положит. отзывы сов. критики и широкое читательское признание, а Н.-П. попал в круг писательской элиты. Парижские «Последние новости» (1937, 25 марта) цитировали моск. печать, сообщавшую по случаю шестидесятилетия Н.-П., что «Цусима» «вошла в желанный фонд сов. лит-ры и является одной из «рекордно-читаемых книг». Авторы резко критич. отзывы в военно-эмигрантских изданиях обвинили Н.-П. в отсутствии патриотизма, пороженности, рев. тенденциозности (Я. Туманов) — «Мор. журнал», Прага, 1933, № 6(6); С. Т. — «Часовой», Париж, 1935, № 145; Александровский Г. Г., Цусимский бой, Н.-Я., 1956, с. 10]. В 1989 капитан III ранга В. Познахер писал об односторонне негативной оценке в романе вице-адмирала З. П. Рожественского («Достоинство для Цусимы „Цусимы“» — «Мор. сб.», № 4).

Остался незаконченным роман о матросе — талантливом самоучке «Капитан 1-го ранга» (ч. 1, М., 1943; ч. 1—2, Хабаровск, 1945).

Был чл. редколлегии ж. «Знамя»; по его инициативе создан Дом творчества писателей в Малеевке под Москвой. Умер в Кремлевской больнице от рака печени.

Изд.: Собр. соч., т. 1—5, Х., 1926—27 (автобиограф.; вступ. ст. А. К. Воронского); Собр. соч., т. 1—5, М.—Л., 1927—28; Собр. соч., т. 1—6, М.—Л., 1929; Собр. соч., т. 1—6, М.—Л., 1929—31 (три последние изд. — автобиограф.; вступ. очерк И. Н. Кубикова); Соч., т. 1—5, М., 1949—50; Собр. соч., т. 1—5, М., 1963 (предисл. В. Лидина; два последние — прим. В. Красильникова); Поезд № 204. [Вост. о М. Пешкове]. — В кн.: Архив Горького, XIII, 303—14; В бухте «Отрада», М., 1977 (сост. И. А. Новиков); Становление. Литт. опыт писателя, М., 1978 (сост., комм. и прим. И. А. Новиков); Цусима, т. 1—2, М., 1993—94 (сост. Н. А. Черкашин; мат-лы о судьбах героев романа, восп. участников похода и боя, судебные дела о судаче минноносца «Бедный» и эскадры контр-адм. Небогатов; фотоматериалы).

Лит.: А. С. Новиков-Прибой, М., 1928; 2-е изд., М., 1930; Тоом Л., Литт. портреты, М., 1930; Щербина В., А. С. Новиков-Прибой. Критико-биограф. очерк, М., 1951; Письма Н.-П. к И. Е. Вольнову. — «Уч. зап. Орлов. гос. пед. ин-та», т. 6, Кафедра лит-ры, в. 1, 1952 (предисл. М. В. Миноккина); Персугулов А., Новиков-Прибой. Повесть о писателе и друге, М., 1953; Сазонова О. Т., Девя. творчество Н.-П. — «Уч. зап. Сталинбад. гос. пед. ин-та», т. 14, филол. сер., в. 6, 1956; с. ж. Н.-П. и революция 1905—1907 гг. — Там же; Васильев Л. Г., Раннее творчество Н.-П. — «Уч. зап. Мордов. гос. пед. ин-та», в. 6, сер. филол. наук, Саранск, 1957; его же, А. С. Новиков-Прибой. (Очерк творчества), Саранск, 1960; Из переписки Н.-П.

с Н. А. Рубакиным. — НМ, 1959, № 8 (публ. В. Красильникова); Виноградов С., Неопубл. док-ты о Н.-П. [По мат-лам Центр. гос. архива СССР в Ленинграде]. — РЛ, 1961, № 4; Степанов Г., Певец моря. — В его кн.: А. С. Новиков-Прибой, С. Н. Сергеев-Ценский. (Письма и встречи). Краснодар, 1963; Из переписки Н. А. Рубакина с Н.-П. и Н. В. Персугуловым. — «Уч. зап. Орехово-Зуев. пед. ин-та», т. 21, Кафедра рус. и заруб. лит-ры, в. 4, 1964 (ст. и публ. И. А. Персерева); Из переписки Н.-П. — РЛ, 1965, № 2 (публ. и предисл. П. Зайцева); Красильников В., А. С. Новиков-Прибой. Жизнь и творчество, М., 1966; Золотарев А. А., Горький-каприз. — В сб.: Поэмы сердца, Я., 1969; Восп. об Н.-П., М., 1969; Н.-П. в восп. современников, М., 1980; Сергеев-Ценский С. Н., Письма к Н.-П. — РЛ, 1980, № 1 (публ. и предисл. Ф. В. Путинна); О Н.-П. (Выступления В. В. Вишневского по радио). — Всп, в. 1, М., 1983 (публ. Н. М. Гороховой); Миноккин М. В., Горьковский кружок молодых писателей на Капри. — ФН, 1989, № 1, с. 72—75; Гранат, т. 40/41 — Прил., М., 1989, с. 232 (автобиография В. И. Сухомлиной); Личная б-ка А. М. Горького в Москве. Описание, кн. 1, М., 1981, с. 88 («Цусима», кн. 1 — с поместями Горького); Савинков Б. В., Избранное, Л., 1990, с. 254; Анниковская А. Н., Хализев В. Е., О лит. жизни в России 1930-х — нач. 1940-х гг. (по страницам архива А. А. Зологарева). — ФН, 1992, № 2; Иванов-Разумников, Сов. лит-ра. — ЛО, 1996, № 5/6, с. 11 (публ. Я. В. Леонтьева); ЛН, т. 95 (ук.). — Некрологи, 1944; «Знамя», № 5/6; НМ, № 6/7 (В. Касарский); «Краснофлотец», № 10/11 (К. Федин). ЛЭ; КЛЭ; Писатели. Автобиограф. и портреты совр. рус. прозаиков, 2-е изд., М., 1928 (под ред. В. Г. Лидина); СП. Автобиографии; Писатели совр. эпохи (1); Муратова (2), Рус. прозаики, т. 3; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 356; ф. 24 (письма Н. С. Анггарскому); ф. 218; ИРЛИ, ф. 500; ф. 586 (письма М. Л. Клейнборту); РНБ, ф. 524; РГБ, ф. 81; ГЛМ, ф. 138; РГА ВМФ, ф. 998, оп. 1, д. 957, ф. 930, оп. 4, д. 369; ф. 480, оп. 1, д. 582; ф. 407, оп. 1, д. 2931; ф. 763, оп. 1, д. 321; картонка воспоминаний — Fiche individuelle № 760 (составлена в Японии) [справка В. Н. Гудкина-Васильева]. И. П. Оловянникова.

НОВИЦКИЙ Григорий Петрович [10(22).1.*1885 — не ранее 1950], поэт, критик. Сын капитана, дворянин. В 1903 окончил Гатчин. сиротский ин-т. В 1903—1910 с перерывами, врем. отчислением в 1908 (по болезни — невращения и др.), слачей в 1909 экзаменов экстерном учился в Лесном ин-те (с 1905 — на казенной стипендии). Получил диплом, звание ученого лесовода 2-го разряда и назначение лесничим в Перм. губ. (вероятно, не поехал). Годы студенчества были и годами литературной активности.

В марте 1908 дебютировал кн. стихов «Заженные бездны» (СПб.). В сб-ке, значит. часть к-рого занимают стих. по версификации и тематически вполне традиционные [пейзажные зарисовки, любовные посвящения, переписки рев. поэзии («Как и вы — под знамена свободы/ Я в ряды пролетарские встал») и социальных мотивов в духе Н. А. Некрасова], выделяются стих., звучащие как броская декларация «детей эпохи упадка» (характерны многочисл. эпиграфы из О. Уайльда и Ф. Ницше). В разделе, давшем название сб-ку, Н. поэтизирует идею сверхчеловека и воспекает «царственный Разврат», «несказанные муки» и «алтари для безжалостных ласк и грехов» (стих. «Черные лилии»; ср. «Цветы зла»

Ш. Бодлера), представляя себя новым Христом («И учу ненавидеть врагов,/ И страдальцам страданье даю...») и призывая: «Идите за мной... Я люблю». Стих. «Я люблю кристаллы...» и «Январь» были перепечатаны в дек. номерах еженед. «Женщина» (1908, № 3, 4). Романс на стих. Н. «Мне кажется, что я тебя люблю» (комп. В. С. Муромцевский) дважды выходил отд. изд. (М., 1909; с франц. пер. — М., 1916).

О сб-ке иронически отзывался В. Я. Брюсов, отметивший плохое владение стихом, отсутствие вкуса и небеснованность поэзии; претензий: Н. «склонен считать самые банальные вещи необыкновенными»; сочинения Н. названы «целым подражанием Рихтеру и Роллину, а местами ... пародией на них» [«Вестн», 1908, № 3, с. 80—81; то же — Брюсов (2), с. 264—65]. С. М. Городецкий уличал Н. в «карьеризме», в том, что он только гладит москву важной ныне барыни — декадентщины», там же, где «не становится на ходули, он просто добрый малый» («Уро», 1908, 29 сент.). Др. реп.: Б. Мед. — СМ, 1908, № 5, отд. II, с. 104—05; «Русь», 1908, 21 апр.; БВед, 1909, 18 марта. Экз. с инскриптом А. В. Тиховского от 23 нояб. 1908 (см.: Зимний аукцион книг. 20 февр. 1998. Каталог, М., 1998, с. 29).

Наиб. ранние лит. знакомства Н. относятся к 1906, когда он, по свидетельству А. М. Ремизова (см. его рекоменд. письмо, 1921 — РГАЛИ, ф. 1570, № 14, 13, 37), пришел к нему с Н. С. Гумилевым, стал посетителем его квартиры в М. Казачьем пер. (см. в кн.: Ремизов А. М., Кукуха. Розановы письма, Б., 1923, с. 58). 19 апр. 1907 Н. читал стихи на вечере у Ф. Сологуба наряду с А. А. Блоком, М. А. Волошиным, Ю. Н. Верховским (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 81). В 1907 Н. пытался организовать «1-й вечер искусств» в Лесном ин-те: в письме-приглашении Д. М. Цензору от 24 апр. 1907 (РГАЛИ, ф. 543, оп. 1, № 163) спрашивал адреса А. С. Рославлева, О. Дымова, Блока, П. Ф. Якубовича и др.; подобное приглашение было послано им 12 мая и М. А. Кузмину (РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, № 312; см. также Дневник Кузмина, записи от 1 и 12 мая 1907 — подготовлен к печати Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным). Вероятно, такой вечер в пользу нуждающихся студентов Лесного ин-та, окончивших Гатчинский сиротский ин-т, состоялся не 12 мая 1907, как предполагалось, а через год — 30 марта 1908 в Петерб. гор. думе (объявление в газ. «Русь», 1908, 27 и 30 марта). Среди участников — А. И. Куприн, Волошин, Кузмин (запись в его дневнике от 30 марта 1908). Имя Н. значится среди учредителей «Северной студии» (см.: «Свободные мысли», 1908, 28 апр.; также: ЛН, т. 92, кн. 3, с. 330). На вечере «Северной свирели» 11 окт. 1908 в зале В. Н. фон Дервиз (сообщение о нем, 1908, «Речь», 10, 11 окт.; БВед, вест. в., 11 окт., с. 1, 5; «Слово», 11 окт.; программа — Гос. музей театр. и муз. иск-ва, СПб.) Н. читал

стих. «Ночной город» и представил сценич. вариант вольного переложения «Песни Песней», сделанного «не столько по Соломону, сколько по Куприну» (В. Боцяновский — «Жизнь», 1909, 23 февр.).

Об этой инсценировке как о гл. неудаче вечера Боцяновский под псевд. Анчар писал в газ. «Нов. Русь» (1908, 13 окт.); «Песнь» Н., неоднократно прерываемая смехом слушателей — так же, как и его стихотворения, — нечто совершенно невозможное. Это — искривленная пошлость» (А. Михайлов — «Слово», 1908, 13 окт.; см. также: «Речь», 1908, 15 окт.; БВед, веч. в., 1908, 13 окт.). Его пост., по словам самого Н., «была более чем скандальной» (письмо В. Э. Мейерхольду, кон. 1908 — РГАЛИ, ф. 998, оп. 1, № 2109; см. также: письмо В. И. Стравинскому с авторграфом фрагмента «Песни Песней» для ж-ла, 1908—09 — РГАЛИ, ф. 1647, оп. 1, № 364). Вечер стал поводом для статьи Блока «Вечера „искусства“», в к-рой благотворит. вечера такого рода названы делом, «разлагающим общество» (цель же Блок умышленно путает Н. и опереточного актера М. Ваваня — «Речь», 1908, 27 окт.; то же — Блок, В. 304—08, прим. — с. 740); характерен также отзыв Ремизова в письме от 26 окт. 1908 Иванову-Разумнику: «Выступал всего один раз на глумлений „Северной Сиверин“, которая после вечера упразднилась» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1020, л. 17); см. также: Парис А. Е., Хлебников в дневнике М. А. Кузмина. — В сб.: Михаил Кузмин и рус. культура XX в., Л., 1990, с. 157.

В 1909 Н. выпустил вторую кн. стихов «Необузданные скверны» (СПб.; на обложке репродукция картины Э. Мунка «Ревность») — ср. многочисл. библейские и церковные контексты, напр.: «очистим себя от всякой скверны плоти и духа» (2 Кор., 7, 1) — см. также один из разделов сб-ка — «Из раннехристианских мотивов» (посв. П. В. Щусеву). «Большой и жестокий», поэт проповедует грехопадение, усматривая в блаженной гибели плоти рождение новой беспредельной любви. В сб-к вошли также «Песнь Песней» и «лирич. мелодекламация в 3-х вы явлениях» «Поэт в слезах» — вероятно, именно ее Н. предлагал в письме к Мейерхольду (см. выше) для постановки в Театр. клубе. Включенные в сб-к стих. «Город» и «Алчность свершенья» первоначально были напечатаны в илл. еженед. «Весна» (1908, № 2, 6). Сохранился экз. сб-ка, подаренный Брюсову 22 янв. 1909 с надписью: «Великому Учителю и Поэту» (РГБ, ф. 386. Книги, № 1229).

Как «эротическую неграмотность», к-рая «хотела бы ... стать религиозн.», определил его поэзию И. Ф. Анненский («Аполлон», 1909, № 2, нояб.; то же — Анненский И. Ф., Книжки отражений, М., 1979, с. 373). Неприязненно отзывался о сб-ке, присланном ему автором, Иванов-Разумник: «Ни капли таланта, масса претензии; впечатлительность юмористическая» (письмо Ремизову от 4 февр. 1909 — РНБ, ф. 634, оп. 1, № 115, л. 8; см. также стих. «Поэт», посв. Ремизову и охарактеризованное в том же письме как «блудопосание»). Две темы книги — «отбросов столицы» и женских «голубых ног» — стали мишенью для насмешек и негодования критики (Аякс (Измайлов А. А.), Апофеоз лакированной бутылки. — БВед, веч. в., 1909, 10 февр.; (В. Гофман) — «Слово», 1909, 2 марта; см. также эпиграмму за подписью Борис Дельта — «Новая Русь», 1909, 11 марта). «Эта блудопос не была бы так чудовищна, если бы у автора не встречались отд. строки и четверостишия, очень отдаленно, но все-таки ованские ды-

ханнем поэзии. И не была бы так безнадежна, если бы не было вывих свидетельства о кровном ее родстве с глумностью» (Ю. — ЗР, 1909, № 1, с. 110).

На «Необузданные скверны» был наложен арест за «проповедь сладострастия и культивирование утонченного разврата» (РГАЛИ, ф. 777, оп. 15, 1909 г., № 27, л. 5; см. сообщение об этом: БВед, веч. в., 1909, 30 нояб.). Сам Н., с его слов, «отсидел месяц в „Крестах“ по приговору суда» (РГАЛИ, ф. 1570, оп. 1, № 37, л. 208 об.); см. примечат. надпись Н. от 21 марта 1910 на книге: «Тонкому мастеру и чудесному моему избавителю от козней СПб. Окружного суда — Александру Иосифовичу (Гидони) с горячим чувством незабываемой признательности уважающий автор сей преступной книги...» (ГЛМ). Стих. Н. были напечатаны в «программе-журнале», подготовленном к вечеру в Лесном ин-те 24 окт. 1909 (в приглашении Цензору Н. указал авторов: «Городецкий, В. Иванов, Блок и я». — Письма от 17 и 22 окт. — РГАЛИ, ф. 543, оп. 1, № 163).

Н. постепенно становится фигурой нарицательной. В иронич. этюде Саша Чёрного «Смена» 1908 год, уступая место 1909, сетует: «Великих людей за весь год ни одного. Григорий Новицкий не в счет — черт его знает, может быть, он только притворяется великим» («Утро», 1909, 2 янв.; то же — Чёрный С., Собр. соч., т. 3, М., 1996, с. 79, см. также с. 418; сост. и комм. А. С. Иванова). Боцяновский писал: Н. — «весь заимствованье», «Новицкий и ему подобные» — это «шакалы декадентства», тем более неприятные «искривленным декадентам», что это «карриатура, подчеркнувшая самые уродливые, мучительные черты и напоминающая о них постоянно», это таких, по словам критика, Белый назвал «обозной сволочью» декадентства («Жизнь», 1909, 23 февр.). В 1917 Н. С. Русанов использовал название сб-ка в качестве заголовка статьи, направленной против большевистских ораторов («Дело народа», 1917, 22 дек.). Воспоминания Г. В. Иванова запечатлели образ поэта, читавшего свои стихи «манерным, скрипучим» голосом в окружении учеников, таких же «нануирированных и бледных», как и сам «поэт» (Иванов Г. В., Собр. соч., т. 3, М., 1994, с. 277).

В 1910 Н. издает «Манифест Сэнсэризма (эолофаризма)» (СПб.), в к-ром провозглашает рождение нового направления в иск-ве (от франц. *sincère* — искренний) с опорой «на интуицию как на единств. критерий прекрасного и единств. путь для достижения абсолютной свободы худож. творчества». По Н., «творец-сэнсэрист является одновременно и реалистом, и фантастом, и импрессионистом, и символистом, и иллюзионистом и т. д.». Теоретич. часть иллюстрировалась собств. «образчиками сэнсэризма».

Впоследствии Н. С. Гумилев писал, что Н. и «за ним след эгофутуристы выпустили манифесты, высказывающие безграмотностью превосходящие даже афиши провинц. кинематографов» («Аполлон», 1912, № 10, с. 75; то же — Гумилев, III, 119). См. также отзыв Городецкого, в к-ром «Манифест» аттестован как «ничтожество», имеющее тем не менее «в данный момент симптоматич. значение», и высказано предположение, что именно для издания брошюры и было, «очевидно, основано изд-во „Жертвенник“» («Против течения», 1910, 29 окт.). Экз. «Манифеста» Н. послал М. Горькому 26 окт. 1910 (см.: Личная б-ка А. М. Горького в Москве. Описание, кн. 1, М., 1982, с. 158, № 2625).

«Манифест», дополненный новыми поэтич. опытами Н., составил программную часть еженед. ж. «Сэнсэризм», «универсального органа совр. иск-ва», первый (пробный) номер к-рого поступил в цензуру в нач. нояб. 1910. Н. значился его редактором и, видимо, был единств. автором. В ж-ле опубли. «рассказ-мозаика» «Гулянье-гуляньице славного, раздоброго, завдалого молодчика Ванюшеньки с Аношенькой, душенькой, любушкой-сударышкой» и «Открытое письмо гг. Ю. Айхенвальду, В. Боцяновскому, В. Буренину, А. Измайлову и К. Чуковскому», содержавшее призыв ко всем критикам выступить против «ожидовления» и «охлаждения» совр. лит-ры. Лит. критику представляли «худож. характеристики» Блока («великий и гениальный сигнальщик Вечности»), Сологуба («в существе своем изначален»), Городецкого («наше счастье, наша радость»), Брюсова («поэт слишком слабый и ничтожный»). Поэтам и писателям из числа подписчиков ж-ла были обещаны Олимпийские премии (34 в год) Лит. академии «Сэнсэризма». Однако издание цензура запретила, усмотрев в одном из стих. («Прозраченные Ипостаси») кощунственное изображение Христа (РГИА, ф. 776, оп. 9, 1910 г., д. 21113; ф. 777, оп. 16, 1910 г., д. 155).

Анонсированные Н. поэтич. и прозаич. книги — «Книга мучений и безжалостных ласк», «Слова пророка», «Ослепительное самосожжение», «Книга мучений, безжалостных ласк и любви нескисрпаемой», «Исповедь», «Плач Виноградной Лозы» — изданы, по всей вероятности, не были.

Опасаясь преследований со стороны властей за запрещенный цензурой журнал, Н. срочно покинул Петербург, «жил у себя в имении, в Витебском уезде и, официально, литературой не занимаясь», «получил опять амнистий (см. прошение Н. 1921 — РГАЛИ, ф. 1570, оп. 1, № 37, л. 203, 208 об.). Во время войны был мобилизован и служил на ж. д. и в Половном строит. упр. при Упр. путей сообщения Гл. упр. воен. сообщений при штабе верховного главнокомандующего; уволен от службы зав. механической частью 20 янв. 1917 (РГВИА, ф. 9152, оп. 1, д. 9 — справка Н. Н. Свинцовой).

С 1918 с женой и трехлетним сыном жил в Польше, с июля по сент. 1919 издавал в Варшаве еженед. рус. националистич. газ. «Эхо», затем «Рус. эхо» (в последней, в частности, допустил антисемитские выпады против ред. газ. «Свободное слово» В. Самойлова (Горвила) — 1919, авг., № 14). В обеих газетах помещались объявления о «1-м почтовом бюро инженера Новицкого», доставляющем письма в Москву и Киев. В янв. 1921 под ред. Н. вышло два

номера лит.-полит. альм. «Русь» (см. об этом «Письмо в редакцию» — «Голос России», Б., 1921, 3 июня). Обе газеты были закрыты «в административном порядке польским правительством», альманах конфискован. Н. «арестован и выслан за пределы Польши» («Рус. книга», Б., 1921, № 5, с. 23).

С марта 1921 Н. жил в Германии, в авг.—дек. 1921, находясь в Берлине и испытывая нужду, неоднократно обращался в К-т Германского отд. Амер. фонда помощи рус. литераторам и ученым, в прошениях ссылался на «колоссальный успех» своих книг в России (РГАЛИ, ф. 1570, оп. 1, № 13, 14, 37). За него в рекомендательных письмах ходатайствовали А. М. Ремизов («поэт стремительный и путанный... добрый человек») и Н. А. Лаппо-Данилевская (там же, л. 209). В Берлине с окт. 1921 выпускал еженед. воскресную газ. «Что делать?!». В № 1 опубл. ст. «Что делать?», в к-рой призывал «к крестовому походу всего культурного человечества» против большевизма, стихотв. этюд «Пророк», ст. «Памяти А. Блока. Загадка поэта» с определением Блока как «поэта-интуита», объявление о «Лит. бюро» «писателя инженера» Н. с предложением разнообразных услуг; в № 2 — ст. «А. Блок. А. Рославлев. Н. Гумилев». В качестве бесплатной премии годовым подписчикам была обещана «Песнь Песней» царя Соломона (по сообщению «Рус. книги», Н. организовал в Берлине изд-во «Библия для всех», в к-ром «пока вышел номер первый „Песнь Песней царя Соломона“» — 1921, № 5, с. 23). Изданный в 1923 в Берлине отд. брошюрой лит.-критич. очерк Григория Новицкого-Строкова «Иван Родинонов», апология антибольшевистского, антисемитского ром. «Зори вечерние» И. А. Родинонова, вероятно, принадлежит Н., хотя он стилистически близок Н., его атрибуция требует доп. разысканий.

Позднее переехал во Францию. В Париже в 1937 издавал еженедельную газ. «Русь», «орган нац. объединения». О дальнейшей судьбе Н. известно по записи в рабочей тетради Ремизова 1950-х гг.: «Способный, но дурковатый (?)». В Париже был шофером. Занимался медовым делом, «мед новицкий». Теперь, как сам говорит, пишет музыку» (А. Ремизов. Иссл. и мат-лы, СПб., 1994, с. 223; публ. А. М. Грачевой).

Лит.: Павлов Н. Е., Столетие существования Гатчинского сиротского ин-та. (1803—1903), СПб., 1903, с. 53 (№ 12); Список студентов Имп. Лесного ин-та в 1903—1904 акад. году. [б. м., б. г.] (№ 347); Список студентов Имп. Лесного ин-та в 1904—1905 акад. году. СПб., 1905 (№ 367); А. Блок. Переписка. Аннотир. каталог, в. 2 — Письма к А. Блоку, М., 1979, с. 345; Ремизов А. М., Царевна Мымра, Тула, 1992, с. 254 («Кухня»); Рус. зарубежье. Хроника науч., культурной и обществ. жизни. 1920—

1940. Франция, т. 3, М., 1996, с. 315 (под общей ред. Л. А. Мухомова). * Рус. эмиграция в Европе. Сводный каталог периодич. изданий. 1855—1940, Париж, 1976.

Архивы: РГАЛИ, ф. 55, оп. 2, № 52, б. 1. (письмо А. А. Блоку с предложением сняться для серии открытых писем); ЦГИА СПб., ф. 994, оп. 4, л. 2958* (студент. дело) (справка Н. М. Антипиной). Т. М. Данилевская.

НОВОДВОРСКИЙ Андрей Осипович [псевд. А. Осипович; 4(16).7*. 1853, г. Острог Волын. губ.* — 2.4. 1882, Ницца, похоронен там же], прозаик. Сын мелкого польск. шляхтича, смотрителя гор. больницы, затем провиантского магазина. Семья жестоко нуждалась, особенно после смерти отца (1866). Н. с 13 лет стал

единств. кормильцем матери и сестер, зарабатывая уроками. В годы учения в Немиров. г-зии (окончил в 1870) много читал, занимался самообразованием, интересовался политикой (прежде всего «рабочим вопросом»), организовал кружок одноклассников, на к-рых демократизм убеждений и «горячность» Н. оказывали сильное влияние. По свидетельству близко знавшего Н. в последние годы его жизни И. И. Ясинского (см. письма Н. к И. И. Ясинскому 1881—1882 — «Ист. ж-л для всех», 1908, № 4, с. 303—06), тот «с горечью» вспоминал о гимназич. порядках, заведенных «в видах обрусения края, и неохотно говорил об учителях, коверкавших молодое поколение, поощрявших шпионство и этим путем насаждавших патриотизм» (ОЗ, 1882, № 4, с. 292). В 1872 Н. «слушал лекции» (т. е., возможно, был вольнослушателем) на физико-матем. ф-те Киев. ун-та, но вскоре бросил учебу и переехал в Петербург. Период его жизни до 1877 во многом неясен. По рассказу Ясинского, Н. ок. года «опрощался», надеясь сделать разнорабочим и т. о. «слиться с народом»: «Я похерил всех и вся, все, что носило на себе хоть какие-нибудь признаки буржуазии-дво-

рянства» (из дневника Н., там же, с. 293). Вскоре, однако, по-видимому, в связи с необходимостью содержать семью Н. вновь служил гувернером и дом. учителем то в Петербурге, то «в отъезде», нигде долго не уживаясь и часто меняя места, как потому, что тиготился этим делом, так и потому, что повсюду видел «мелкие оскорбления, облеченные в вежливую форму» (судя по автографу Н. в альбоме М. И. Семевского «Знакомые» от 18 дек. 1881, он поселился в Петербурге с 1879 — ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, № 396, л. 109).

В восп. Ясинского и дневнике самого Н. он предстает человеком максималистски настроенным, болезненно самолюбивым и постоянно рефлектирующим, застенчивым, что прикрывалось нарочитой бравадой, развязностью и эпатажной резкостью суждений, несколько в базаровском духе. «Всякое внешнее проявление сентиментальности, восторг перед картиной... грубо обрывал... Ему казалось уродливым являться расхотевать нравств. эмоцию на то, что можно назвать низшим родом нравств. наслаждения» (там же, с. 298—99). По-настоящему Н. раскрылся лишь с немногими друзьями, с к-рыми бывал нежен и деликатен.

Пов. «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны. Дневник домашнего учителя», к-рой Н. дебютировал в «Отеч. зап.» (1877, № 6), вызвала большой интерес читателей и критики (все отзывы — 1877: «Неделя», № 42; БВед, 1 июля; «Одес. вестн.», 24 авг.) и принесла Н. лит. известность. [Мнение Е. А. Шпаковской, что он мог быть автором рассказа «На поденной работе» («Неделя», 1876, № 27), не разделяется др. исследователями.] Задуманный как отклик на «Новь» И. С. Тургенева, «Эпизод...» содержит немало сюжетных, часто пародийных, реминисценций не только этого, но и др. тургеневских романов (вплоть до выведения самого Тургенева и его персонажей в числе действующих лиц: Базаров и Рудин — родные братья гл. героя повести). Полагая, что «посвятив себя одному-двум лицам в ущерб всему человечеству нечестно», герой «Эпизода...» бросает старуху-воспитательницу и идет «сливаться с народом», для чего занимается на пристани грузить бревна; терпит жесточайшее разочарование, обнаружив свою неспособность к тяжелой физич. работе. Знакомый самому Н. конфликт между высокими идеями и «житейской прозой», завышенной самооценкой и скудными возможностями приводит его героя к фактич. бегству от всего, «что призывало его: от родных, к-рые зывали к нему о помощи, от женщины, к-рая полюбила его, от ученья и от дела, к-рое оказалось ему не по силам» (С к а б и ч е в с к и й А. М., Соч., 3-е изд., т. 2, СПб., 1903, с. 111), а в результате — к тяжелейшему и мучит. духовному кризису, обусловленному сознанием собств. никчемности.

Начиная с первой повести сквозной темой творчества Н. стано-

вится «лишний человек» образца 1870-х гг. (наиб. полно — в рассказе «Карьера» — ОЗ, 1880, № 5), «отставший от вороньего стада невежд и пошляков и не могший или не умевший пристать к своим бойрым, восторженно верующим сверстникам — „павам“» (РБ, 1897, № 11, с. 21). Как правило, этот герой (генеалогию к-рого Н. ведет от лермонтовских Демона и Печорина) — выходец из обедневшего дворянства (наделен мн. автобиогр. чертами), идеалист и мечтатель в народнич. духе, жаждущий подвига и высокого служения обществу. Черты этого типа, окрещенного Н. «ни пава, ни ворона», разбросанные по мн. произв. лит-ры 70—80-х гг., обрели в его творчестве наиб. концентриров. выражение. С легкой руки Н. выражение «ни паство, ни воронство» вошло в журналистику 80-х гг. на правах социально-психол. термина (ЛЭ, VIII, 342). М. Горький, считавший повесть «очень правдивым, сильным произв.» (ХХIV, 54), включил ее в изв. серию «История молодого человека 19 в.».

Антиподом «ни павы, ни вороны» у Н. обычно выступает «сильный герой», «чуждый бесплодного нытья и убивающей рефлексии» (РБ, 1897, № 11, с. 22), тип к-рого (Печерница — «Эпизод...», Страшили — «Карьера», Алешка — «Роман», ОЗ, 1881, № 4; Абрамов — «История», ОЗ, 1882, № 2, и др.) лишь обозначен и тонет в естеств. по ценз. условиям недоговоренностях и намеках на реали. процессы, кризис народнич. идеологии и т. д.), понятные только посвященному современнику. Его черты едва намечены («неуживчивость», резкость, убежденность, «озлобление», вызванное социальной несправедливостью), а деятельность окутана туманом. Читателю известны только ее результаты: поднял бунт на заводе и сбежал, арестован, осужден, сослан. В нек-рых рассказах («Тетушка» — ОЗ, 1880, № 12; рец.: «Дело», 1881, № 1; «Мечтатели» — ОЗ, 1881, № 8) герой-революционер совсем не появляется на сцене. Рев. тема порой обретает у Н. подлинно трагич. звучание, особенно в серии лучших его рассказов (перекликающихся с рассказом М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чужой толк»), трактуемых в том или ином аспекте тему «отцы и дети» (тесно соприкасающуюся у Н. с темой «дети и власти»: «Тетушка», «Мечтатели», «История», «Сувенир» — «Новое обозр.», 1881, № 1).

О иллюз. взглядах самого Н. известно несомно. «Нигилист», с пылким «обществ. темпераментом» (по суждению Ясинского), Н. вряд ли был убежденным народником: его творчество не свойственны идеализация крест. общины или приверженность к «крус. социализму»; условием обществ. развития он считал равноправие и масс. и героя (личности), к-рый не выдвигается

«толпой», а является со стороны — с момента их встречи, собственно, и начинается развитие («Роман»). К концу жизни Н. разочаровался в «хождении в народ», ис. разделил мн. народнич. иллюзий, в т. ч. относительно действительности террора.

Писательская манера Н. (со следами нек-рых его лит. пристрастий: в ранних произв., особенно в «Эпизод...», ошутимо стилистич. и композиц. влияние Салтыкова-Щедрина, впоследствии почти преодоленное, в бытовых эпизодах — гоголевские интонации, напр. описание укр. провинции в «Мечтателях») была довольно индивидуальна. Характерна свободная, порой рыхловатая композиция (отягощенная публицист. отступлениями, рассуждениями по ассоциации, цитатами из классиков, сюжетными проблемами и т. п.), нервный и стремительный до неряшливости слог, склонность к эзопову языку и иронии, приглушающая подчас в писателе чувство худож. соразмерности. В числе достоинств Н.-рассказчика — развитое чувство юмора и блестящая наблюдательность в бытовой сфере.

Произв. Н. печатались в «Новом обозр.», «Слове» (рассказ «Накануне ликвидации», 1880, № 9) и гл. обр. в «Отеч. зап.», сотрудничеству в к-рых он высоко ценил (в свою очередь Салтыков-Щедрин считал Н. «очень хорошим писателем» и «одним из ближайших своих сотрудников» — XIX, ч. II, 55, 183). За пять лет лит. работы им было создано 7 рассказов и 2 повести (последняя пов. — «Тень друга», 1881 или нач. 1882, по ценз. причинам не прошла в «Отеч. зап.» и «Устоях»; рукопись затерялась). К нач. 1880-х гг. Н. сделался одним из высокооплачиваемых авторов «толстых журналов» (см.: Рейтблат А. И., От «Бовы» к Бальмонту, М., 1991, с. 88), получавшим по 100 руб. за печатный лист, но все лит. гонорары пересылал матери и сестрам, а сам продолжал подрабатывать учительством. В поисках места Н. бедствовал, терпел голод, ходил в обносках, что основательно подорвало его изначально крепкое здоровье. Дважды перенес тиф (1878, 1880), перемежавшийся бронхитами, что спровоцировало чахотку. С помощью Салтыкова-Щедрина, выплотившего пособие Лит. фонда, Н. отправился на лечение за границу (в числе его врачей — Н. А. Белоголовый), где вскоре умер.

Творчество Н. на неск. лет было забыто, и лишь в 1897 усилиями М. Гроденского вышло собрание его сочинений (СПб.). Это возбудило к Н. новый интерес (все отклики — 1897: РМ, № 11; А. Б. (Богданович А. И.) — МБ, № 10; ВЕ, № 12; СО, 31 окт., и др.) и дало импульс к осмыслению его роли и места в лит-ре. Для большинства критиков [Скабичевский, Ф. К. Арнольд, Е. А. Со-

ловьев (Андреевич), В. В. Воробский, В. Л. Львов-Рогачевский, М. Горький, А. К. Виноградов и др.] Н. оказался выразителем того настроения, к-рое охватило общество после краха социальных иллюзий «шестидесятников», вызвавшего начало духовного кризиса интеллигенции, и в этом качестве — прямым предшественником А. П. Чехова. «Рассказы его дают полную, блестящую картину того умственного движения, к-рое Н. К. Михайловский окрестил названием „покаяние дворянства“» (Бессонов М., «Письмо в редакцию» — «Вольны», 1896, № 172). Иной взгляд содержал отзыв Е. Жданского («Правда», 1905, № 6), находившего у Н. «почти ницшеанское» «воззвание к силе и презрение ко всякому сожалению» (с. 131), что, по его мнению, сближало писателя с литераторами нач. 20 в.

Изд.: «Семидесятники» [Сб.], М., 1935; Рассказы, М., 1956; Сувенир и др. рассказы, М., 1960; Рус. повести XIX в. 70—90-е гг., т. 1, М., 1957 (сост. и вступ. ст. Б. С. Мейлаха).

Лит.: Горький, ХХIV, 54 (ук.). Смесевский; Ясинский И. И., Лит. вост. — ИВ, 1898, № 1—2; Арнольд Ф., К истории «лишних людей» — РМ, 1902, № 9; Житский И., Герои былого в повестях А. О. Новодворского-Осиповича. — «Совр. мир», 1907, № 6; Соловьев Е. (Андреевич), Очерки из истории рус. лит-ры XIX века, 3-е изд., СПб., 1907, с. 428—35; Нарбут Л., Забытый писатель — «Родная страна», 1913, № 6; Воробский В., Лишние люди. — В его кн.: Лит.-критич. статьи, М., 1956; Виноградов А., Расцвет и ликвидация «лишнего героя». — В кн.: Повести о «лишнем человеке», М., 1932; Львов-Рогачевский В. Л., А. Осипович-Новодворский и эпоха исеромо, М., 1929; Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину, М., 1935, с. 67; Гушин М. П., Из истории «ни павы, ни вороны» (К вопросу о типе «лишнего человека» в рус. лит-ре эпохи народнич. тупика). — «Науков. зап. Харк. пед. инсттута», 1941, т. VII; М. Горький. Мат-лы и исследования, т. 3, М.—Л., 1941, с. 146; Шаповалова Е. А., А. О. Осипович-Новодворский как представитель щедринской школы в рус. лит-ре 1870-х гг. — «Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. наук», 1954, № 171, в. 19; История рус. лит-ры, т. 9, ч. 2, М.—Л., 1956; Зеньковский Л. И., «Эпизоды из жизни ни павы, ни вороны» Осиповича (А. О. Новодворский), — «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та», 1965, т. 273; Попов М. Г., А. О. Осипович-Новодворский, Кат., 1970; ЛН, т. 13—14, с. 361 (писанию Н. к Салтыкову-Щедрину). + Некрологи, 1882: ОЗ, № 4 (И. И. Ясинский); «Совр. изв.», 13 апр. Брокгауз; Южаков; Гранат, т. 11; Владиславлев; КЛЭ: Рус. писатели, 1990; ИДРДВ; Мезьер; Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, № 188, л. 2 (письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к Н.); ф. 4, оп. 1, № 23, л. 75 (Альбицкий. Список писателей); РНБ, ф. 901, оп. 3, № 602 (письма Н. О. Новодворского И. И. Ясинскому); ИРЛИ, ф. 340, 155; РГИА, ф. 777; ф. 1343, оп. 26, л. 2479, л. 25 (копия м. с.); л. 13—20 (копия ф. с. 1860 г. отня Н., в т. ч. дата рожд. Н.) [справка Е. И. Соколовой]. В. М. Боканов.

НОВОРУССКИЙ Михаил Васильевич [28.9(10.10).1861, с. Новая Русса Демянского у. Новгород. губ. — 21.9.1925, Ленинград; похоронен на Литератор. мостках Волкова кладб.], мемуарист, публицист, популяризатор естествознания, автор книг для детей; народоволец. Род. в бедной многодетной (13 детей) семье сел. псаломщика. Окончил Старорус. ду-

ховное уч-ще (1872—76), затем Новгород. духовную сем. (1876—82). В 1882 принят в Петерб. духовную акад., на казенный счет, окончил в 1886 в звании кандидата, тема дис. «Основы нравственности в эмпирич. философии», оставлен при акад. профессорским стипендиатом и готовил дис. на степень магистра богословия, посв. нем. психологу и философу Ф. Э. Бенеке. «Червь сомнения и критики» прочно внедрился в Н. с первого года учебы (биография Н. — Фигнер В., ПСС, 2-е изд., т. 4, с. 179). Это привело его в студен. кружки саморазвития и к участию в новгород. землячестве (был его кассиром), а в 1886 и в Петерб. союзе землячества, где он познакомился с А. И. Ульяновым и нек-рыми др. членами народоувольч. кружка, в нач. февр. 1887 примкнул к ним, причастен к подготовке покушения на Александра III (предоставил квартиру для изготовления динамита). Арестован 3 марта 1887. Судился Особым присутствием Сената по делу о покушении 1 марта 1887. Приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, 5 мая 1887 заключен в одиночку Шлиссельбург. крепости, где провел 18 с половиной лет. Активным сознательным революционером себя никогда не считал, в автобиографии позднее писал: «... всегда конфужусь, когда вижу свое имя наряду с настоящими борцами» (цит. по кн.: Галерея Шлиссельбургских узников, ч. I, СПб., 1907, с. 145). Царским указом вместе с др. узниками был освобожден 28 окт. 1905 из Шлиссельбурга, помещен в Петропавлов. крепость; ввиду временного расстройств этапных путей в Сибирь ссылка на 4 года была заменена передачей родственникам на поруки. По просьбе митрополита петерб. Антония и архиепископа финляндского Сергея с кон. нояб. 1905 Н. был отпущен к митрополиту, а потом в Выборг к архиепископу, у к-рого прожил на даче 5 месяцев, а затем в городе до апр. 1907.

В 1906 начал писать восп. о пребывании в крепости, о причине его осуждения, к-рые публ. по главам в ж. «Былое» (1906, № 4, 6—12), «Совр. мир» (1906, № 10), «Минувшие годы» (1908, № 12), отд. изд. вышли в сокр. виде на швед. (Гельсингфорс, 1907) и нем. яз. (Б., 1908), на рус. яз. с доп., под назв. «Записки шлиссельбуржца. 1887—1905» (П., 1920; переизд. с новыми доп. — М., 1933).

Воспоминания приоткрывали завесу тайны, окружавшей в течение двух десятилетий государеву тюрьму и ее узников: условия содержания, запреты, наказания, пост. борьбу заключенных за свои права, отношение к узникам надзирателей, охранников, посещающих крепость сыновиков и священников, характеристики товарищей по несчастью. Особое место было уделено рассказу о запятых ремеслах, наукам и т. п., разнспасаемых после неск. лет пребывания в

тюрьме. Н. А. Морозов даже упрекнул Н. в том, что, «увлекшись описанием своих занятий, рисовал и коллекций», тот «и сам не заметил, что Шлиссельбург предстает в его изображении не островом мертвых, а некой производительной общиной. Если мы жили так, как может показаться по книге Новорусского, то почему успели лишь единицы?» (изложение упрека см. в кн.: Смирнов В. Г., Шлиссельбургский Робинзон, Л., 1990, с. 126). «Записки...» рисуют, как у Н. «из неопределенного распыленного мироздания» складывается «цельная продуманная система»: по мнению В. Фитингера он — «убежденный экономич. материалист, часто выпадающий в крайности» (цит. по кн.: Галерея Шлиссельбургских узников, ч. I, с. 146).

Автор предстает человеком пытливого науч. ума, наблюдательным и ироничным, к-рого не сломали морально и психически длительная изоляция в тюремной одиночке. Успеху воспоминаний способствовали также хороший лит. язык, доверительная интонация. Н. принадлежат публ. «В Шлиссельбурге. Картины и настроения» («Знание», кн. 12, СПб.,

1906), «Из размышлений в Шлиссельбурге» (МГ, 1908, № 3), «В абсолютном одиночестве. Орывок из дневника 1887 г.» (сб. «Под сводами», М., 1909; здесь же напечатаны его стих. «Осенью 1893 г.», «В. Н. Фигнер»), «Дневник 1893 г.» («Мир», 1909, № 15—16, 21—24). Рецензент писал: «С мучительным интересом читается дневник Н. „В абсолютном одиночестве“, поражающий острым, безнадёжным самоанализом» (В. В-н — СМ, 1909, № 6, с. 158). Написанные им биографии казенных товарищей «П. Я. Шевырев», «В. Д. Генералов», «П. И. Андreyushkin», «В. С. Осипанов» вошли в сб. «Галерея Шлиссельбургских узников» (ч. I).

В дек. 1905 Н. совершил поездку в Валаам. монастырь с желанием проверить действительно ли, как утверждали нек-рые «идеализаторы этого хозяйства», в нем осуществлен «социалистич. строй на христианских началах». В очерке «Душеспасительное хозяйство» (Валаам. трудовая община) (СМ, 1907, № 9) выразил свое глубокое разочарование

увиденными архаичными формами натурального домашнего хозяйства. В очерке «На воле. После шлиссельбургского заточения» (СМ, 1908, № 1) — впечатления и гл. наблюдения его поездки на юг Новгород. губ. в родные места: «... процесс капитализации нашей деревни далеко продвинулся. Торговый капитал орудует ходко» (с. 142).

В апр. 1907 благодаря ходатайству архиепископа Сергея Н. разрешено жить в Петербурге. Здесь через Морозова он познакомился с изв. ученым и педагогом П. Ф. Лесгафтом, в его Высшей Вольной школе сначала заведовал хоз. частью, затем хим. лабораторией, позже — ассистент на кафедре химии. В 1909 женился на П. М. Рыжковой, студентке школы (в 1918 у них родился сын Михаил). С кон. мая 1909 зав. Подвижным музеем Рус. технич. об-ва, сотрудничал в Лиговском Нар. доме гр. С. В. Паниной, где можно было без спец. разрешения «читать бесплатные лекции по разным вопросам естествознания в нар. аудиториях» (ГАРФ, ф. 1733, оп. 2, д. 2, л. 4 — автобиография).

С янв. 1907 печатал мелкие заметки в науч. отделе ж. «Совр. мир», опубли. статью по делу провокатора Е. Ф. Азефа (1909, № 2—3), с осени 1908 чл. редакции ж. «Образование», до июня 1909 вел в нем отдел внутр. обозрения, посв. социально-полит. вопросам, публиковал науч.-популярные статьи по естествознанию (1909, № 1, 5) и рец. (1909, № 3, 4а). В 1909 поместил еще несколько популярных науч. статей в ж. «Мир» (№ 11—14). В 1907 вышла его кн. «Земля и ее жизнь. Всем доступное изложение науки о земле» (СПб.; 4-е изд., П., 1922).

Стремлением сделать рассказ о природе занимательным и полезным отмечены книги для детей «Большая книга картин из мира животных для наглядного обучения в семье и школе Г. Лейтемана», «Под ясным небом. Уголки живой природы в очерках и картинах для детей» (обе — СПб.—М., 1908), «Грибное царство. Всем доступный рассказ о грибах и их жизни» (СПб., 1909; [3-е изд.], П., 1919), в к-рую Н., по мнению рецензента, сумел включить «все то „философское“, что есть в науке о грибах» (И. Ольгин — «Обр.», 1909, № 5, с. 137), «История снежинки» (М.—П., 1923). В форме фантастич. сказки о крошечном мальчике, совершающем увлекательное и опасное путешествие на шмеле, написана кн. «Приключения мальчика меньше пальчика. Из жизни насекомых» (СПб., 1911). Н. издал также сказку «Замок неволи» (б. м., б. г.), практич. пособия для школы, сотрудничал в 1914—15 в дет. ж. «Родник», «Солнышко»,

«Тропинка», в «Дет. энциклопедии» (т. 1—10, М., 1913—14, изд. т-ва Сытина).

Н. — автор множества популярнаторских статей, рец., заметок по вопросам науки, техники, культуры, педагогики — в 1910—15 в газ. «Речь», «Совр. слово», «День»; ж. «Жизнь для всех» (1911—15), «Заветы» (1913—14), «Рус. школа» (1912—16) и мн. др. В «Полной энциклопедии рус. сел. хозяйства и соприкасающихся с ним наук» (т. 1—12, СПб., 1900—12) напечатал более 25 статей. В кн. «Основы совр. мировоззрения» (СПб., 1910), нарисовав картину мира, опирающуюся на совр. науч. представления, «примирял» науч. знание с религией — «... те, кто считает атеизм выводом совр. науки, еще не дошли до широкого филос. понятия о Боге», а «торжество „чистого атеизма“ в совр. условиях было бы „невознаградимой утратой“», «было бы пусто в той душе, к-рая совершенно утратила в с-е к-ое верование» (с. 228—29).

Член многочисл. об-в. В июне 1917 подписал воззвание «старых революционеров» о безусловной поддержке Врем. правительства, был персонально приглашен принять участие в Гос. совещании в авг. 1917. С июля 1917 дир. Сел.-хоз. музея, где работал до конца жизни. При сов. власти продолжал публиковать науч.-популярные брошюры, мемуарные очерки, в т. ч. «Короленко в Шлиссельбурге» (в кн.: Короленко. Петерб. сб., П., 1922), «А. И. Ульянов» («Правда», 1922, 21 мая), выпустил «Путеводитель по Шлиссельбургу» (М.—П., 1923). Посмертно вышла ориентированная на читателя-подростка автобиогр. кн. «Тюремные Робинзоны» с очерком В. Фигнера и прим. Н. А. Морозова (М.—Л., 1926; 2-е изд., М.—Л., 1928) — увлекательное и динамичное повествование о победе человеческого духа над обстоятельствами, о пользе науч. знаний в экстремальных ситуациях [рец.: Е. Н. — КиС, 1927, № 1 (30)].

В судьбе Н. тюрьма парадоксальным образом выявила его истинное призвание — стремление к пост. самобразованию и к многогранной просветит. деятельности, к-рой он посвятил оставшиеся ему 20 лет жизни на свободе.

Лит.: Бурцев В. Л., За сто лет. (1800—1896). Сб. по истории полит. и обществ. движений в России, ч. 1—2, Лондон, 1897; Календарь рус. революции. П., 1917 (под ред. В. Л. Бурцева; ук.); Панкратов В., Жизнь в Шлиссельбурге, крепости. 1884—1898, П., 1922 (ук.); Волкенштейн Л. А., Из тюремных восп., Л., 1924 (ук.); Колосов Е., Государева тюрьма — Шлиссельбург, П., 1924 (ук.); 1 марта 1887 г. Дело П. Шмелева, А. Ульянова и др., М.—Л., 1927 (ук.); Лукашев И., 1 марта 1887, М., 1927, с. 17.; 44: Фигнер В., ПСС, 2-е изд., т. 1—4, 6—7, М., 1932 (ук.); Фроленко М., Собр. соч., т. 2, М., 1932 (ук.); Павлюк Н., Стихотворение Шевченко в пер. Шлиссельбург.

уника. — РЛ, 1964, № 1. — Некрологи, 1925: «Былое», № 5 (33) (А. Прибылева-Корба); КиС, № 7 (20) (М. Фроленко); «Пути революции», № 2 (К-ф): «Суд идет!», № 20 (В. Фигнер); «Красная нива», № 41; «Вест. знания», № 19/20 (Н. А. Морозов); Пед. энци., т. 3, М., 1966; Венгеров. Список; Южаков; БСЭ; СИЭ; ИДРДВ; Масанов.

Архивы: ГАРФ, ф. 1733, оп. 1, д. 6, 9, 12, 19 (письма к Н. — Н. Ф. Анненского, А. А. Дивильковского, П. Ф. Лесгафта, В. И. Семевского); д. 2 (дневник 1887—1892 гг.); оп. 2, д. 2 (автобиография); ф. 533, оп. 1, д. 1364 (статья о Н. для словаря «Деятели рус. движения в России», 1880-е гг.); АРАН, ф. 543, оп. 4, д. 1325 (письма Н. А. Морозову и В. Д. Лебедевой); ф. 489, оп. 1, д. 11 (письма В. И. Семевскому); О. А. Сайкин.

НОВОСЁЛОВ Александр Ефремович [псевд. А. Невесов; 5(17).11.1884, пос. Железинский Павлодар. у. Семипалатинской обл. — 23*9.1918, Омск, похоронен на Казачьем кладб.*], прозаик, публицист, этнограф. Сын подесаула Сиб. казачьего войска станицы Урлютовской 3-го воен. отдела. Воспитывался в Сиб.

подготовит. пансионе казачьего войска и с 1896 в Сиб. кадет. корпусе (зачислен «приходящим»), к-рый оставил в мае 1903, не пожелав сдавать экзамены за 7-й кл. (получил свидетельство об окончании шести классов). Вернулся из Омска в родной поселок, где готовился к сдаче экстерном экзаменов за курс учительской семинарии. В 1905, успешно выдержав их, преподавал в нач. уч-ща в пос. Надеждинском станицы Вознесенской (1905—06) и пос. Большенарымском (1906—07). С 1907 — учитель по вольному найму в пригтовит. пансионе Сиб. казачьего войска, одновременно назначен зав. Войсковой публичной б-кой. В 1912 «в связи с попыткой прочесть доклад о голоде» был отстранен от должности библиотекаря и едва не уволен из пансиона (письмо редактору ж. «Сиб. вопросы» А. И. Иванчину-Писареву от 23 янв. 1912 — ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, № 329, л. 2).

Первое выступление в печати — рассказ «Катяка» («Степной край», 1903, 29 авг.) о грустной судьбе 16-летней деревенской девушки,

приехавшей в город на заработки. За десять лет в Омске Н. сформировался и как писатель, и как ученый-этнограф, проявлявший особый интерес к истории сиб. старообрядчества. Действит. член РГО, Н., по поручению Зап.-Сиб. отд. РГО, совершил неск. науч. экспедиций на Алтай и в Казахстан в район старообрядч. селений, изучал архивы раскольников, записывал рус. и казах. фольклор. Оpubл. этногр. статью «Иртышский казак» («Сиб. вопросы», 1912, № 18) и очерки «У старообрядцев Алтая» («Изд. Зап.-Сиб. отд. РГО», 1913, т. 1, в. 2), «Умиравшая старина (К мат-лу по этнографии алт. старообрядцев)» («Зап. Семипалатин. подотд. РГО», 1915, в. 10), пафос к-рых выражен в заключит. словах первого очерка: «Жизнь вырвала кусок старой Руси и бросила его за каменную стену ... Но волны новейшей культуры поборолы преграду. Алтайская Русь умирает, вырождается и нужно спешить с всесторонним изучением ее» (с. 18). К этим произв. примыкает обширная серия очерков «Степные картинки» («Омский вест.», 1909, 18, 29 марта), «Алтайские этюды» (там же, 1909, 13 дек.; 1910, 4, 11 апр., 3, 17, 21 окт.; 1913, 13 окт., 8 дек.), «Дорожный кино» (там же, 1913, 8, 13 дек.; 1914, 6 апр.; 1915, 26 июня, 6, 24 июля). В сент. 1915, в дни юбилея Г. Н. Потанина, Н. выступил с докладом «Задачи сиб. этнографии» (опубл. в «Изд. Зап.-Сиб. отд. РГО», 1916, т. 38), статью о нем предлагал для публикации в «Вест. Европы» (письмо в редакцию от 3 июля 1915 — ИРЛИ, № 21.553).

Своеобразным итогом этногр. исследований Н. явилась кн. очерков «Лицо моей родины» (первоначальное назв. «Иртыш—Алтай»; разрозненные фрагменты — «Сиб. огни», 1923, № 5/6; 1924, № 2; полностью — в сб-ке Н. 1981).

Возможно, Н. пытался ее опубл. в 1911 под назв. «Край покорителей и покоренных». В 1915 рукопись книги была отправлена М. Горькому, к-рый, по восп. Г. А. Вяткина, лютно отозвался о ней («Сиб. огни», 1928, № 2), однако издать в то время счел несвоевременным: «книга не найдет читателя. Не тем заняты люди, не этого хотят» (письмо к Н. от 28 окт. 1915 — в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 1, Новоси., 1969, с. 17.). позднее он намеревался опубл. ее в изд-ве «Парус» (не было осуществлено).

Мозаичная композиция книги вобрала в себя колоритные сиб. пейзажи и этногр. наблюдения, сцены из казах. быта или из жизни раскольников и ист. экскурсы. Обличая фанатич. стоицизм алтайских старообрядцев, Н. в то же время обращал внимание на здоровые черты их образа жизни, сформировавшиеся в ходе напряженнейшей борьбы за существование.

В кон. 1909 Н. сблизился с группой омских писателей-областников — Е. И. Ершовым, А. С. Соро-

киным, Н. В. Феоктистовым, Ф. А. Березовским, организовавших лит. кружок, к-рый просуществовал до 1916. В этот период Н. активно выступал в сиб. и столичных изданиях. Рассказы «Легкая жизнь» («Омский вест.», 1909, 12, 14, 15 апр.), «Экзамен» (там же, 1910, 2 мая, 27 июня), «Подсидел» («Думы», 1911, № 1), «Смерть Атя» («Сиб. вопросы», 1911, № 42/44) и др. — своеобразные этюды, «картинки», в к-рых угадываются «чеховские» настроения и худож. приемы.

В 1913 Горький, затевавший издание «Сиб. сб-ка», высказал ряд критич. замечаний об одном рассказе Н., справедливых и для всего его раннего творчества: «... необходимо обратить серьезное внимание на язык, на стиль, — это у вас совершенно не выработано. Приемы письма староваты, теперь уж так не пишут. Пишите проще, точнее» (письмо от 8/21 авг. 1913 — в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 1, с. 16). Позднее Н. переработал и опубл. этот рассказ о рев. настроениях в среде сиб. казачества в годы первой рус. революции — «Сто рублей» — в ж. «Сиб. неделя» (1914, № 5/8).

В эти годы Н. активно выступал в газ. «Омский вест.» как публицист и лит. критик, сторонник реалистич. иск-ва, откликаясь на события обществ., эконом. и культурной жизни не только сиб. края: «Наши кинематографы» (1909, 1 авг.), «Цифры и факты о состоянии Сиб. казачьего войска» (1909, 12, 21 нояб.), «Судьба первой Зап.-Сиб. выставки» (1910, 20 июня), «Гастроли Варламова» (1910, 23 апр.). В статье о кончине Л. Н. Толстого «Над могилой» (1910, 9 нояб.) он писал о значении писателя для мировой и отеч. культуры. В рец. на альб. «Шиповник» (кн. 22) Н., весьма серьезно отнесшийся к символистским драмам Л. Н. Андреева и отчасти Ф. Сологуба, в то же время многого не принял в них, отметив кризис совр. театра: «Долой театр масок, игры и притворства, театр внешней буафори, театр-зрелище! Дорогу театру правды, дорогу психологически обоснованной драме!» («Омский вест.», 1914, 9 февр.). Он положительно оценил «Алтайский альб.» — первое коллективное выступление сиб. писателей, отнес его к таким «событиям, на к-рых будущий историк духовных течений Сибири, и в частности сиб. лит-ры, неизбежно остановит свой взор», и особо выделил произведения, подкупающие «простотою стиля, выдержанностью и ... ароматом самобытности» (там же).

Известность Н. принесли произв. об алтайских крестьянах-старообрядцах — рассказ «Жабья жизнь» («Летопись», 1916, № 2) и особенно пов. «Беловодье» (там же, 1917,

№ 7—12; отрывок из нее: «Конец Панкрата» — «Сиб. студент», 1915, № 7—8; первонач. назв. повести «Панкрат-беловодец»). Сюжетную основу повести составляют поиски героями земли обетованной, приобретенные в среде старообрядцев религ. форму, что было связано прежде всего с протестом против офиц. церкви; между тем именно это обстоятельство придало поиску таинственной земли Весеонской особый колорит. Н. погрузил своих героев в мир необыкновенной по краскам природы Алтая, дикой и непокорной, напоенной соками плодородной земли.

Известна оценка повести Горьким: «Может быть, те заметки, к-рые я успел сделать, помогут Вам придать ей (повести. — Ред.) большую стройность, строгость, образность, а главное изменить ее общий тон, лишенный плавности спокойного рассказа. Ведь Вы изображаете людей, мыслящих медленно, чувствующих тяжело, а не городских неврастеников, людей с душой, изодранной в клочья, чьи мысли скользят по поверхности явлений. Ваша повесть о суровых людях требует эпич. спокойствия, внутр. сжатости» (письмо к Н. от 8 мая 1917 — в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 1, с. 17).

Тематически и проблемно с «Беловодьем» связаны рассказ «В обители» («Сиб. жизнь», 1916, 25 дек.) и пов. «Мирская» («Сиб. рассвет», 1919, № 11/12), в к-рой автор исследует внутр. мир 17-летней девушки-сироты, попавшей в монастырь, пережившей любовь; «бунт» ее сильной и страстной души оказывается безмолвным.

Худож. удачей Н. была и более ранняя пов. «Исишкина мечта» (сб. «Жертвам войны», Омск, 1915) — незатейливый рассказ о честном и трудолюбивом батраке-казахе, лелеющем мечту о своем хозяйстве и экономич. самостоятельности. Как символ свободолюбия и независимости воспринимается история гордого и непокорного животного в рассказе «Санькин марал» (там же; отзыв Потанина — «Сиб. зап.», 1918, № 4, с. 107).

Творчество Н., наиб. значительно и яркого из сиб. прозаиков предрев. периода, всецело развивалось в русле демокр. традиций реалистич. лит-ры; на специфич. местном материале ставил серьезные проблемы, свойственные большой лит-ре.

В последние годы жизни Н. вынашивал множество замыслов: намеревался издавать в Новониколаевске лит. журнал. В созданном в 1917 на свои сбережения изд-ве «Мой край» (просуществовало три месяца) он опубл. книгу стихов Г. Вяткина «Алтай» (Омск, 1917), планировал выпуск брошюр по истории, географии и этнографии Сибири. Задумал «написать роман о трагич. беспочвенности рус. интеллигенции» — «Китеж — град невидимый» (см.: Вяткин и Г., Памяти Н. — «Сиб. огни», 1928, № 6, с. 239).

В апр. 1917 Н. избран на 1-м Сиб. войсковом казачьем съезде товарищем пред. войсковой управы Сиб. казачьего войска. В июне 1917 вступил в партию эсеров, считая (по свидетельству современника), что сейчас «это единств. партия, умеющая понять интересы рев. России и отвечающая требованиям переживаемого момента ... Кроме того, эта партия, к-рая не замыкает человека в узкие догматич. рамки и дает каждому члену возможность выявления всех своих интеллектуальных способностей... Дает человеку возможность всесторонне проявить свое многогранное „я“... Я и прежде был индивидуалистом и вашей программы (т. е. программы большевиков. — Ред.) не разделял» (цит. по ст.: Березовский Ф., А. Е. Новоселов. — «Сиб. огни», 1922, № 1, март, с. 156). В сент. 1917 назначен акмолинским обл. комиссаром Врем. Сиб. пр-ва. В дек. Н. издал приказ о врем. передаче должности в связи с отъездом в Томск для организации Сиб. обл. думы. После роспуска Думы большевиками уехал в Харбин, снова вернулся в Омск. 20 сент. 1918, незадолго до занятия Омска армией А. В. Колчака, был арестован по распоряжению нач. Омского гарнизона В. И. Волкова. Ему были предъявлены противоречивые обвинения в «бездеятельности власти», когда он был комиссаром Акмолинской обл., и в прямом «соучастии в ноябрьском большевистском перевороте». По сообщениям газет («Заря», «Дело Сибири»), тело убитого Н. было найдено 23 сент. В одной из газет сообщалось: «Человек, по душевному складу далекий от требований, к-рые предъявляют к полит. деятелю... он пал жертвою скорее своего слабоволия, нежели определенности и яркости его полит. выступлений ... он был нужен как средство для полит. игры» (см. в кн.: Яновский Н., Голоса времени, Новосибир., 1971, с. 82; см. также Яновский Н., А. Новоселов. — «Сиб. огни», 1968, № 12; Апов Н. И., Об убийстве Н. — В его кн.: Интервенция в Омске, А.-А., 1978; стих. В. Статеевой «Памяти Новоселова». — В ее кн.: Стихи, т. 1, Шанхай, 1920, с. 42). Архив Н., хранившийся у вдовы писателя, Г. Н. Новоселовой, погиб в годы ленингр. блокады.

Др. произв.: рассказы «К архиепископу» («Сиб. зап.», 1917, № 2), «Из дневника» (там же, 1918, № 4), «Степное» («Заря», Омск, 1919, 20—24 апр.).

Изд.: Беловодье, Барнаул, 1919; Беловодье, Барнаул, 1957 (предисл. Г. Ранпопорта); Беловодье. Повести, рассказы, очерки, А.-А., 1960 (сост. и авт. предисл. А. Изотов); Беловодье. Повести, рассказы, очерки, Иркутск, 1981 (сост. и автор предисл. Н. Н. Яновский).

Лит.: Крутовский В., Тяжелые утраты. — «Сиб. зап.», 1918, № 4; Вяткин Г., Творчество Н. — «Нар. Сибирь», Новониколаск, 1918, 24 нояб.; Постнов Ю. С., Из истории лит. жизни Сибири в период Окст. революции и гражд. войны. — «Культурное строительство Сибири», в. 2, Новосиб., 1965, с. 5—37; М. Горький — А. Е. Новоселову. [Письма 1913—1917]. — В кн.: Лит. наследство Сибири, т. 1, Новосиб., 1969; Сагалович С. М., Н. и его пов. «Исшикина мечта». — «Филол. сб.», в. XIII—XIV, А.-А., 1974; его же, Творч. искания Н. — В сб.: Худож. образ и взаимодействие лит-р, А.-А., 1989; Беленький Е. И., Из сиб. тетради, Новосиб., 1978, с. 16—33, 34—65; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1—2, Новосиб., 1982 (ук.); Сибирь в рус. сов. лит-ре, Новосиб., 1982, с. 82—95; Якимов Л. П., Миногонаш Сибирь в рус. сов. лит-ре, Новосиб., 1982, с. 82—84; Трушкин В., Пути и судьбы. Лит. жизнь Сибири 1900—1920 гг., 2-е изд., Иркутск, 1985 (ук.); Иоффе Г., Колячковская авантюра и ее крах, М., 1983, с. 83—93; Ацифиров Н. П., Из дум о былом, М., 1992, с. 214, 492. — Некрологи: «Сибирь», Иркутск, 1918, 4 окт. (А. Коряков); «Русь», Омск, 1919, 28 сент. (Ю. Ромашка). Забобнов Н. В., Мат-лы для сиб. словаря писателей, М., 1927; КЛЭ: Писатели земли Омской, 1917—1945 гг., Омск, 1984; Петряев Е. Д., Псевдонимы литературовоссибиряков, Новосиб., 1973.

Архивы: ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, № 2, 329, 21, 553; ГАРФ, ф. Р—9431, оп. 1, д. 168; ГА Омской обл., ф. 67, оп. 2, д. 2465 (п.с. 1915 г. и 1917 г.); ф. 19, д. 755 (аттестат, тетрадь каста Н. 1896 г.); ф. 1028, оп. 1, д. 357а (приказ Н. о врем. передаче должности, аск. 1917); ф. 16* (запис в метрич. книге Никольской казачьей церкви) [справка Н. Линчевской].

В. Н. Заневский.

НОВОСЁЛОВ Михаил Александрович [1(13).7.1864, с. Бабье Твер. губ. — после 1938], духовный писатель, публицист, издатель. Оба деда Н. были священниками. Отец, Ал-др Григ. (1834—87), — изв. педагог, дир. Тульской, затем 4-й моск. г-зий, знакомый Л. Н. Толстому (см. о нем: Брокгауз; Языков). Окончил с зол. медалью 4-ю моск. г-зию (1874—81) и ист.-филол. ф-т Моск. ун-та (1881—87). С сер. 80-х гг. Н. становится активным последователем Толстого, работает в его изд-ве «Посредник», осуществляет проверку толстовского перевода Евангелия. В кон. 1887 за найденные при обыске на моск. квартире Н. ст. Толстого «Николай Палкин» (распространением к-рой Н. занимался) и стих. из «Вест. Нар. воли» он был арестован. Лишь вмешательство писателя

избавило Н. от ссылки в Сибирь: Толстой лично явился к жандарм. ген. Слѣзкину и заявил, что наказывать следует автора статьи (на что ген. ответил: «Граф! Слава Ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить!»); в нач. 1888 Н. освободили под гласный надзор полиции с запрещением проживать в столицах (подробнее см.: «Былое», 1918, № 9, с. 210—12; Гусев Н. Н., Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого. 1828—1890, М., 1958, с. 683, 684). В том же году Н. покупает землю в с. Дугине Твер. губ. и создает там одну из первых толстов. земледельч. общин. В 1891—92 работает вместе с Толстым «на голоде» в Рязан. губ. С этого времени начинается его отход от учения Толстого и возвращение к православию (запис в дневнике Толстого от 26 мая 1892; см. также: Величкина В., В годный год с Л. Толстым, М.—Л., 1928, с. 93). Сохранив до конца жизни уважение к бывшему духовному наставнику, Н. постоянно выступает в печати против Толстого: «Мы должны, отвергнув все неправое в его писаниях, принять к сведению и, главное, к исполнению то доброе, что он выдвигал в Евангелии в укор нам, а вместе с тем должны показать, что истинное разумение, а тем более достижение нравств. идеала Евангелия возможно только при условии правой веры, т. е. в Церкви» [«Забутый путь опытного Богопознания (в связи с вопросом о характере правосл. миссии)», Вышний Волочек, 1902, с. 59; см. также: «Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому по поводу его ответа на постановление Святейшего Синода», Вышний Волочек, 1902]. После разрыва с Толстым Н. сближается с о. Иоанном Кронштадтским, оптинскими старцами, одновременно общаясь и с изв. представителями моск. и петерб. интеллигенции (знакомство с Вл. С. Соловьёвым в 1899, с А. Белым в 1901). Принимал участие в Религ.-филос. собраниях: так, в 1902 выступил с докладом о христ. браке, где изложил вопрос со строго церк. т. з., полемизируя с философией семьи и пола В. В. Розанова. Показательна реакция Д. С. Мережковского: «Мы сейчас услышали проповедь, обращенную к неверующим, от человека, к-рый убежден в том, что он обладает абсолютной истиной... Скучно слушать проповеди» [«Зап. Петерб. Религ.-филос. собраний. (1902—1903 гг.)», СПб., 1906, с. 278—79]. В интеллигентских кругах сложился образ Н. как поборника «консерват. православия». По словам Н. А. Бердяева, Н. «производил впечатление монаха в тайном постриге. Культура его была узкая, у него не было широких умственных интересов... По-своему Н. был замечательный человек,

очень верующий, безгранично преданный своей идее, очень активный. Он всех хотел обращать» («Самопознание», М., 1990, с. 173).

Лучше всего желание «всех обращать», жажда церк. просветительства отразились в издат. деятельности Н. Книжки его «Религ.-филос. 6-ки» (1902—17) ставили целью воцерковление рус. общества, прежде всего интеллигентной молодежи, пытались дать ответ на духовные запросы современников с позиций православия. В Вышнем Волочке, Москве и Сергиевом Посаде вышло 39 книг, нек-рые выдержали по неск. издания. Помимо этого Н. печатал издания «Религ.-филос. 6-ки» и 2 серии «Листков „Религ.-филос. 6-ки“»: «Семена царствия Божия» (выдержки из творений отцов Церкви) и «Рус. религ. мысль» (подбор фрагментов из произв. отеч. писателей, поэтов, философов). Н. — сост. большинства изданных им брошюр, автор многих из них; ему же принадлежит ряд предисл. Издания Н. были широко известны по всей России, получили теплые отзывы прессы (подробнее см.: «Религ.-филос. 6-ка». Список изд. и отзывы печати, М., 1911; 2-е изд., М., 1914). Всю новоселовскую «Б-ку» просил Д. П. Маковицкого прислать Толстой за неделю до смерти (ЛН, т. 90, кн. 4, М., 1979, с. 407).

Осн. идея Н., выраженная в его пл. оригинальных соч.: «Забутый путь опытного Богопознания» (3-е изд.), «Догмат, этика и мистика в составе христ. вероучения», «Психол. оправдание христианства. Противоречия в природе человека по свидетельству древнего и нового мира и разрешении их в христианстве» (все — М., 1912) и др., — утверждение «живой веры», покоящейся на непосредственном религ. опыте, и богословия, связанного «с религ.-нравств. подвигом». Отсюда постоянная полемика Н. с т. н. школьным богословием, осн. на холодном рационализме и гол. оном знании. Естественное, открытое религ. чувство является, согласно Н., единств. ориентиром и в Богопознании, и в житейской практике. Целый ряд своих брошюр Н. посвятил раскрытию социальных, гражданских, вообще повседневных проблем с т. з. христ. этики: «Из разговоров о войне» (Вышний Волочек, 1904; 2-е изд., М., 1911), «Полцейско-врачебный протокол и христ. добродетели» (СПб., 1904), «Суды чести в среде учителей» (Вышний Волочек, 1904), «Вселенская Христова церковь и „Всемирный христ. студенч. союз“» (М., 1909). Неоднократно по разл. вопросам церк. жизни Н. в качестве религ. публициста выступал и в моск. газетах, напр. в «Моск. голосе» (1906): «Открытое письмо к братьям пра-

вославленным» (№ 1), «Отклики» (№ 3, 5, 7, 12), «Где же истина?» (№ 16).

Осн. темы «Религ.-филос. б-ки» оказались в центре обсуждений и на заседаниях постепенно сложившегося вокруг Н. «Кружка ищущих христ. просвещения». Сама идея орг-ции периодич. собраний православно ориентированных интеллигентов-единомышленников появилась у Н. в 1905 (его письмо Ф. Д. Самарину от 17 янв. 1905 — РГБ, ф. 265, к. 195, № 26; устав кружка 1907 — там же, к. 118, № 24). Учредителями кроме Н. явились Самарин, В. А. Кожевников, Н. Н. Мамонов, П. Б. Мансуров, к-рым в дальнейшем присоединились архимандрит Феодор (Поздеевский), А. А. Корнилов, А. И. Новгородцев. Вокруг Новосельского кружка объединились изв. рус. философы, богословы, обществ. деятели того времени, сохранявшие правосл. ориентацию: кн. Е. Н. Трубецкой, священники Иосиф (Фудель), Павел (Флоренский), С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, Л. А. Тихомиров, В. П. Свенцицкий, А. С. Глинка-Волжский, С. Н. Дурлыгин, Н. С. Арсеньев и др. Центром кружка всегда оставался Н. — «авва Михаил»: «...хотя не-кие из них неизмеримо превосходят почтенного и милого Н. учености и вообще „умными качествами“, но, тем не менее, чтут его „яко отца“ за ясный, добрый характер, за чистоту души и намерений и не только выслушивают его, но и почти слушаются его» (Розанов В. В., Бердяев о молодом моск. славянофильстве. — МВед, 1916, 17 авг.). В деятельности кружка, организовавшего собрания по обсуждению вопросов церк. истории, восприятия Свящ. Писания, христ. философии и этики, также отразился скепсис Н. по отношению к голому рационализму: отвечая на присланную Самариним программу бесед кружка, Н. подчеркивал «существенное значение молитвы и чтения Писания» как средств, ведущих к «выяснению христ. веросознания» (РГБ, ф. 265, к. 195, № 25). Новосельский кружок явился последним опытом соборного единения на основе не только «единомыслия», но и «единочувствия» накануне революции 1917.

Зимой 1912 Н., Самарин и Кожевников Советом Моск. духовной акад. и Святейшим Синодом утверждаются в звании поч. чл. академии («Богослов. вест.», 1912, дек., с. 863—72). Однако кружок оказался как бы в оппозиции к синодальной власти. Начиная с 1910-х гг. в «Моск. вед.» и «Голосе Москвы» появляются выступления Н. и др. чл. кружка с критикой в адрес Синода как бюрократич. силы, враждебной живой Церкви, вызванные гл. обр. возвышением Г. Е. Распутина, «эротомана и хлыста», по оценке Н. (см. его статьи:

МВед, 1910, № 49, 72), его возможным возведением в сан священника по воле «синодальных иерархов» и делом епископа Гермоена. Компрометирующие Распутина факты, а также свои повс. ему статьи Н. собрал в кн. «Григорий Распутин и мистич. распутство» (М., 1912). Позиция Н. была осуждена офиц. властями: газ. «Голос Москвы» со ст. Н. «Голос православного мирянина» (1912, 24 янв.) конфискована, книга приостановлена в печати, а всем «зарвавшимся москвичам», устроившим «суд над церк. властью», Синод ответил в «Приб. к „Церк. вед.“» (1912, 25 февр.). Но Н. не сдавался. Не менее резкой и непримиримой была его позиция в спорах о почитании Имени Божия, где он безоговорочно принял сторону именователей. Сам он не выступал в печати по догматике вопроса, но организовал выступления других и напечатал в «Изд. „Религ.-филос. б-ки“» «Мат-лы к спору о почитании Имени Божия», «Апологию» о Антония (Булатовича) (обе — М., 1913), «Разбор Послания Святейшего Синода об Имени Божи-ем» В. Ф. Эрн.

Авторитет Н. в церк. кругах был очень высок. В 1918 он приглашался Соборным отд. к участию в разработке типа пастырских уч-щ (взамен семинарий). В том же году Н. был избран чл. Врем. совета объединенных приходов Москвы, вскоре разогнанного новыми властями. На квартире Н. с благословения патриарха Тихона действовали Богослов. курсы, на к-рых преподавали гл. обр. члены кружка. Но в изменившихся условиях прежняя деятельность Н. оказалась невозможной, сам он вынужден был перейти на нелегальное положение и скрываться у друзей.

По сведениям епископа Амвросия (гр. фон Сиверса), Н., ярый противник большевизма и обновленчества, не желавший подчиниться сов. властям, ок. 1921 принял тайный постриг под именем Марка внутри Катакомбной церкви истинноправосл. христиан, в 1923 хиротонисан в епископа Сергиевского. Н. не считал себя гражданином СССР, не имел сов. документов, игнорировал все сов. нововведения. Был участником т. н. «кочующего» Собора Катакомбной церкви 1928, на к-ром было принято решение об анафематствовании «серианцев». В 1922—27 Н. пишет «Письма к друзьям» (опубл.: М., 1994; вступ. ст., подг. текстов и комм. Е. С. Полищука) — серию выступлений без конкретных адресатов по самым разным текущим вопросам — от исключительно богословских до остро политических. Здесь Н. проецирует опыт первых веков христианства и средневековья, а также святоотеческое наследие на современность, осуждая свершившуюся

революцию, «серианство», коллективизацию. В 1928 он был арестован и провел 10 лет в Ярослав. политизоляторе. В 1938 Особое совещание вновь приговорило его за контррев. деятельность к 3 годам политизолятор. Дальнейших сведений (кроме отл. апокрифов) о Н. не обнаружено.

Др. произв.: «Соборное подготовит. совещание» (в сб. «О возрождении Рус. Церкви», Вышний Волочек, 1905), «В тихой пристани (Посв. братии Зосимовой пустыни)» (Вышний Волочек, 1908; 3-е изд., Сергиев Посад, 1911), «За кого почитал Л. Толстого Вл. Соловьев» (М., 1913), «Светочи правосл. Христовой церкви» («Голос Церкви», 1912, № 7, 11, 12; 1913, № 4), «Папизм в правосл. церкви» (М., 1913), «Беседы о жизни» (М., 1913).

Изд.: Забытый путь опытного Богопознания. М., 1991; Письма к Л. Н. Толстому. — «Минувшее» (ист. альм.), в. 15. М.—СПб., 1994.

Лит.: Толстой (ук.): Н. М. С., Чествование Н. — МВед, 1912, 9 нояб.; Розанов В. В., Моск. крестостроение. — НВ, 1912, 9 мая; с. 70 жс; Около трудных религ. тем. — НВ, 1916, 12 авг.; Флоренский (ук.): Польский М., Новые мученики российские, т. 2, Джорданвилль, 1957, с. 272—73; Арсеньев Н. С., Дары и встречи жизненного пути, Франкфурт-на-Майне, 1974; Уделов Ф. И. (С. И. Фудель), Об о. Павле Флоренском, Париж, 1972; Кожевников В. А., Письмо к В. В. Розанову. — ВестРХД, 1984, № 143, с. 94; Шагинян М. С., Челюск и время. — Собр. соч., т. 1, М., 1986; Игумен Андроник (Трубачев), Моск. кружок. — «Лит. Иркутск», 1988, дек.; Родзянко М. В., Крушение империи, Х., 1990, с. 35—38; Бельи, кн. 2, с. 161—62; Зернов Н. Р., Рус. религ. путешествия XX в., пер. с англ., Париж, 1991 (ук.); Дурлыгин С. Н., В своем углу. Из старых тетрадей, М., 1991; Булгаков С. Н., Устен Херсонеса. — «Символ» (Париж), 1991, июль, № 25; Полищук Е. С., Церковь и интеллигенция. К истории диалога. — «Журнал Моск. Патриархии», 1991, № 11; его же, Н. и его «Письма к друзьям». — Там же; Анциферов Н. П., Из дум о бытии, М., 1992 (ук.); Половинкин С. М., Моск. Духовная акад. от Февр. к Окт. 1917 г. — «Начала», 1993, № 4; Перепица свмн. П. А. Флоренского и Н. Томск, 1998 (вступ. ст., подготовка текста и прим. И. В. Никитиной, С. М. Половинкина).
+ Рус. философия. Малый энци. словарь, М., 1995; Рус. философия. Словарь, М., 1995 (под общ. ред. М. А. Маслина).

Архивы: РГАЛИ, ф. 2176, оп. 1, № 4 (стенограмма заседания петерб. Религ.-филос. общ-ва по обсуждению доклада Н.); ф. 419, оп. 1, № 544 (письма В. В. Розанову); архив семьи Флоренских (письма Н., биогр. мат-лы).

А. В. Панов, С. М. Половинкин.

НОВОСЁЛЬСКИЙ Григорий Наумович [23.1(4.2).1815, Москва — 27.3(8.4).1879, там же; похоронен на кладб. Новодевичьего монастыря], автор пьес и драм. переводов. Сын штабс-капитана Наума Як. Новосельского, происходившего из «дворянских людей» и выслужившего потомств. дворянство в армии в связи с производством в обер-офицер. чин. Обучался в 1-й моск. г-зии, затем (в 1832—37) в Моск. отд. Медико-хирургич. академии, из к-рой выпущен глазным лекарем. Почти 20 лет занимался частной врачебной практикой в Москве. Со 2-й пол. 1850-х до кон. 1860-х гг. жил в имении, приобретенном в Алексин. у. Тульской губ.,

где в разные годы избирался попечителем сел. запасных магазинов, поч. смотрителем училищ, мировым посредником; на гос. службе получил чины коллеж. рег., губ. коллеж. секр., тит. сов.

Участвуя в губ. ред. комиссии по составлению проекта положения об освобождении крестьян, изучал юриспруденцию. Занимался живописью, сделав в короткое время «такие успехи, что мог состязаться даже с хорошими художниками» (см.: Шаповалов, с. 4); сочинял также муз. композиции, поощряемый гостившими у него певцом Фачинотти и солистом театр. оркестра А. М. Шенниным.

После 1867 поселился в Москве, где пробовал свои силы в лит-ре, музыке и театр. деятельности. На собств. либретто написал оперу «Женитьба поневоле» (М., 1872; пост. в моск. Общедоступном частном т-ре, 1875) — «из русского народного быта», в мрачном колорите рисующую судьбу насильно разлученной молодой крест. пары; она не имела успеха: «Вся опера ... проникнута наивнейшим дилетантизмом, как со стороны текста, так и музыки» (РВед, 1875, 1 июня).

Написал комедии «из современной жизни»: «Две матери» (1875, не опубли.; рукоп. в СПб ГТБ), где молодая девушка оказалась в ситуации выбора между женщиной, ее воспитавшей, и родной матерью; «Сколько веревки не вить, а концу быть» (1877, не опубли.; рукоп. в СПб ГТБ) — о нравах купеч. среды. Растянутасть и рыхлость их композиции, пространность диалогов, нагромождение мелодрам. эффектов также демонстрируют любительский подход автора к драм. форме.

Неудачным для Н. был и опыт обращения к ист. теме: написанная в 1877 драма «из времен 1345—1353 гг.» «Смиеон Иоаннович Гордый, Великий Князь Московский» («Театр. б-ка», 1879, № 1), в к-рой ист. приметы служат лишь фоном для любовной коллизии героев, не была (как и его комедии) востребована театром (Н. Шаповалов упоминает еще о его ист. драме «Ирина, боярская дочь» (Шаповалов, с. 6), к-рая, вероятно, не сохранилась).

Перевел трагедии Софокла «Эдип царь» (1877) и «Эдип в Колоне» (1878; обе не опубли.; рукоп. — в СПб ГТБ), замечая в предисл. к первой из них: «Я не держался дословной передачи трагедии Софокла ... Но я нигде не уклонялся ни от мысли автора, ни от ... драматических красот... Я позволил себе при переводе только дать речи Софокла движение русского языка и разнообразие метра в стихах во избежание монотонности; и старался сделать ее более приспособленной к представлению ... на сцене».

В кон. 1870-х гг. преподавал ряд дисциплин в Моск. артистич. кружке, принимал деят. участие в основа-

нии и выработке программы ж. «Театр. б-ка».

Лит.: Шаповалов Н. Г. Н. Новосильский. (Биографич. очерк). — «Театр. б-ка», 1879, № 1; Россиев П. А. Артистич. кружок в Москве. (1865—1883 гг.). — ИВ, 1912, № 7, с. 132; Бернандт Г. Словарь опер..., М., 1962, с. 103. + МНкрп.; Брокгауз; Венгеров. Список.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 2538 (бюгр. мат-лы); ф. 733, оп. 38, д. 206, л. 4—7 (ф. с. 1859 г.). А. П. Кулиш.

НОВОСИЛЬЦЕВА, Новосильцова Екатерина Владимировна [1820 — 7(19).7.1885, Москва], прозаик. Из старинного, в 18 в. еще богатого дворян. рода норманнского происхождения; предки Н. «служили почти исключительно на воен. поприще: со дня Куликов. битвы до польской кампании 1830» («Семейные записки», М., 1865, с. 3). Отец, Влад. Григ., — участник Отеч. войны 1812, полковник и кавалер 16-го гусар. Иркутского полка; мать — Авдотья Ал-др. (урожд. Новикова). Сестра С. В. *Энгельгардт*. Детство Н. прошло в родовом имении Колычево (отсюда псевд. Т. Толычева) Серпухов. у., где она получила дом. образование, в частности познакомилась с соч. И. И. Голикова («Деяния Петра Великого», ч. 1—12, М., 1788—89; «Дополнения», т. 1—18, М., 1790—1797), Эжена Ла-Боме («История о низвержении Наполеона Бонапарта...», ч. 1—6, М., 1821—23), А. Беркена и др., повлиявшими на ее развитие. Рано лишившись отца (ум. ок. 1830) и матери (ум. ок. 1836), в течение 4 лет воспитывалась у богатой родственницы в «раззолоченных палатах» (где было «пролито много слез»), затем у бабушки, от к-рой почерпнула семейные предания и рассказы из жизни 18 в.

Молодость Н., взявшей на себя обязанность главы семьи, прошла в заботах о сестрах. В 1852—55 («эпоха разгара страстей и поклонения идеалу») в их моск. доме собирався дружеский кружок, в к-рый входила «молодая редакция» «Москвитянина»: А. Н. Островский (говоривший друзьям об уме Н. и упрекавший ее в «недостатке простоты»), А. А. Григорьев (товарищ брата Н. — Александра по Моск. ун-ту; о его сотрудничестве в «Атенее» см. в восп. кн. Д. Д. Оболенского: РА, 1895, № 4, с. 508), Т. И. Филиппов, Б. Н. Алмазов, Н. В. Берг, а также Н. Ф. Павлов, Н. Ф. Шербина, зоолог и будущий путешественник Н. А. Северцов, прославившийся чудак (сватавшийся к Н., но получивший от нее «изысканный» отказ; подробнее см.: Энгельгардт С. В., Из воспоминаний. — РО, 1890, № 11, с. 83—85, 105).

Первая публ. Н. — ст. «Шеридан и его время» (РР, 1861, 29 июня — 9 июля); в дальнейшем изредка обращалась к лит.-критич. жанру: см., напр., ее ст. «Поэзия Некрасова»

(РВ, 1878, № 5) с резко отрицат. характеристикой творчества поэта (критич. отклик: М. А. Загуляев — «Journal de St.-Petersbourg», 1878, № 167, 25 juin). Через год она начала печатать «Семейные записки» (РВ, 1862, № 10, 11; 1864, № 12; отд. изд. — М., 1865), продолжающие жанровую традицию «Семейной хроники» С. Т. Аксакова [ср. также близкую Н. по духу «Семейную хронику» Е. Тур «Семейство Шалонских» (1879), о к-рой см. положит. отзыв Н.: МВед, 1880, 20 янв.] и адресованные совр. рус. обществу, не зараженному — «и слава Богу!» — «родословным духом», в к-ром все же следует, по мнению автора, уважать «нравственную мысль», его породившую. В повествовании Н. (испытывавшей «законную гордость, с к-рой мы сознаем, что нам была передана честная и неоспоренная кровь») о драм. перипетиях в жизни своего рода в 18 и 19 вв. звучит скорбный лейтмотив: «Горе образует самую прочную связь между людьми» (с. 65). Хотя Н. стремится к открытости и точности изображения (особенно удалась характеры и судьбы), о мн. существ. обстоятельствах семейной жизни, «закулисных тайнах» умалчивается, имена ближайших родственников и назв. насел. пунктов изменены.

В одном из немногих чисто беллетристич. произв. Н. — рассказе «Холостая жизнь» (РВ, 1863, № 1; посв. «благосклонному моему читателю и старому другу» Г. Ф. Головачеву, ред. ж-ла «Дет. чтение») о судьбе одинокого человека, пережившего смерть близких и безответную любовь к княжне, а в преклонном возрасте полюбившего горничную (она умерла при родах вместе с ребенком), переплетены характерные для автора моменты: трагич. окраска повествования, поиски межсословной гармонии и нравств. оправдания.

В своих произв., посв. отеч. истории, гл. обр. событиям 1812 («Рассказ старушки о двенадцатом годе», М., 1878; 3-е изд., М., 1894; «Смоленск и его предания о двенадцатом годе», РВ, 1880, № 11; пов. «Приемыш», М., 1870; 5-е изд., М., 1907, и др.) и Крым. войны («Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854—55 гг.», РВ, 1880, № 9; «Рассказы старушки об осаде Севастополя», «Дет. отд.», 1881, кн. 1 — 3; отд. изд. — М., 1881, 1887), Н. стремилась на документ. материале передать дух времени, акцентируя внимание на нравств. смысле событий, — в назидание потомкам, но без напускного пафоса или квасного патриотизма. На ее кн. «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе» (М., 1872; 4-е изд., М., 1880), в к-рой она «с умом и лит. тактом» записала собранные

ею в монастырях и богадельнях «самые интересные случаи» («Нар. и дет. б-ка», 1879, № 1, с. 3), многократно ссылается историк А. Н. Попов в своем иссл. «Французы в Москве в 1812 г.» (М., 1876).

Мн. произв. Н., рассчитанные на широкого читателя, посв. более отдаленным по времени событиям рус. (в т. ч. церковной) истории: «Начало и крещение Руси» (М., 1876), «Сказание о том, как была основана Троицко-Сергиева Лавра» (М., 1868; 6-е изд., М., 1892), «Избрание в цари Михаила Федоровича Романова» (М., 1880), «Минин и Пожарский» (4-е изд., СПб., 1900), «Св. Стефан Пермский» (СПб., 1884) и др. В предисл. к кн. «Нат. Бор. Долгорукова и березовские сысьные» (М., 1874) Н., размышляя о жен. подвижничестве, противопоставляет совр. «цеховым героиням» подлинных («Не зная, а задал всей личности образует героя. Тот, кому природа вложила в сердце задатки доблести и мужества, не придает цены своему подвигу и смотрит на него с простотой ребенка...», с. 4), к числу к-рых Н. относит и М. М. Тучкову. Ее трагически-светлой судьбе и личности Н. посв. кн. «Спасо-Бородинский монастырь и его основательница» (М., 1874).

Подлинность, «непридуманность» мн. историй Н. (характерно авт. прим. в пов. «Бабушкино благословение»: основана «на истинном происшествии», 3-е изд., М., 1905, с. 88) создают особую «атмосферу доверия» и причастности к миру ее героев во всей уникальности их судьбы (напр., пов. «Киргизка», М., 1880). Воспитат., а иногда и прямо назидат. характер беллетристич. произв. Н., рассчитанных на дет. или нар. восприятие (хотя произв. Н. читались «во всех слоях общества — и в гостиницах, и в избах, и в госпиталях во время войны» — МВед, 1885, 11 сент.), продиктован просветит. целями, прежде всего в отстаивании традиц. ценностей рус. правосл. культуры (см. положит. рец. на соч. Н. в изд. Об-ва распространения полезных книг: МВед, 1873, 29 дек.). В этногр. очерках, опубли. в «Дет. чтении» (1878—79) и построенных по месяцам года, Н. знакомила юного читателя с особенностями крест. быта, сезонными работами земледельца, христ. праздниками и обычаями, старинными нар. приметами и поверьями. Ряд сказок Н. (под псевд. Колдун-говоруна) адресован самым маленьким.

Особый интерес представляют «Ист. рассказы и анекдоты» (РА, 1877, кн. 1 — 2), «Дела давно минувших дней» (там же, 1871, кн. 2; один из рассказов со слов М. С. Щепкина), «Рассказ о Н. С. Свечине» (там же), передающие стиль вре-

мени в его трагич. и комич. проявлениях.

Единств. попыткой Н. непосредственно включиться в совр. лит. борьбу была ее антинигилистич. комедия «Демократический подвиг» (литогравиров. изд. — РГБ; Александрин. и Маринин. т-ры, 1867; Малый т-р в Москве, 1868; псевд. Т. Себинова — от назв. имения Н. — Себино), герой к-рой, молодой дворянин «базаровского типа», охваченный «новыми идеями», задумал жениться на горничной своей сестры, жить собств. трудом и порвать с «развращенным обществом».

Пьеса вызвала разногласные отклики. А. С. Суворин предлагал назвать этот «фарс» из «жизни людей, лишенных рассудка», «Аристократич. дурью», отметив «балаганность и воденильность многих сцен» (Суворин А. С., Театр. очерки, СПб., 1914, с. 111). М. Е. Салтыков-Щедрин назвал пьесу «тенденциозно-надругательным подвигом» (ОЗ, 1868, № 11, 2-я паг., с. 108; см. также юмористич. рец.: «Будильник», 1867, № 39). К. М. Станюкович «выделил» ее из общего уровня по «искусности мыслей и содержания» («Нов. рус. базар», 1867, № 31, с. 298). Критики иной идейной ориентации, не закрывая глаза на искры худож. просветы, отмечали «оживленные толки в публике» («Голос», 1867, 1 окт.), расценивали ее как «остроумную сатиру» на квазидемократов: «нельзя было здесь подсмеяться над тем, что есть робячского, мальчишеского в этом направлении» (там же, 6 окт.; см. также рец.: «Совр. летопись», 1868, № 33, с. 16).

Автор некролога в «Моск. вед.» (где Н. сотрудничала в 1872—84) назвал жизнь Н. «подвигом самоотвержения» («ей не было суждено выйти замуж и стать матерью семейства»); заработанное она отдавала сестрам и бедным (на ее «капиталец» жило неск. семей), воспитывала (сдерживая свой вспыльчивый характер) племянника. [Ему посв. «Семейные записки», его внучка — та Л. Ю. Новосильцева, трагич. лагерная судьба к-рой в 1930-е гг. описана О. В. Волковым в автобиогр. кн. «Погружение во тьму», М., 1989.] Скончалась после «тяжелых страданий» (МВед, 1885, 11 сент.).

Др. произв. Повести: «Материнский грех» (М., 1874), «Предания Золотого клада» (РВ, 1880, № 3, 4, 6), «Предсмертная исповедь» (РВ, 1882, № 4). Биогр. очерки: «Митрополит Филипп» (М., 1875, 1888), «Н. В. Рукавишников» (М., 1876, 1878), «О славной Белозерской обители и ее основателе преп. Кирилле» (СПб., 1885), «Предания о Демидовых и о демидов. заводах» (РА, 1878, кн. 2). Очерк «Село Косино» (М., 1874, 1888), «Рассказ двух болг. монахинь» (М., 1878), пов. «Князь Иван Калига — Солнечный луч» (М., 1884, 1907).

Лит.: Зограф Н. Г., Малый т-р. М., 1960 (ук.); Грин Т. С., М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества, М., 1966 (ук.; ошибочно указано отчество Н.); Петрушков В. С., К. М. Станюкович и т-р. Театр. критика. Этюды об артистах. Драматургия, Душанбе, 1968, с. 23—25; Петровская (1); ук.; ИРДТ, т. 5 (ук.); Летопись Ист.-родовословного об-ва в Москве, в. 1, М., 1993, с. 32—39; ЛН, т. 47—48, с. 140, 4; Голыцын; Языков; Муратова (1; см. ук. на Толычеву);

Масанов (ошибочно указано, что Н. — урожд. Энгельгардт; не учтен псевд. Т. Себинова).

Архивы: РГАЛИ, ф. 1731; ИРЛИ, 24.942 (письма К. Н. Бестужеву-Рюмину); 20.287 (письмо А. А. Фету с пер. на франц. яз. его поэмы «Сабина»); 7093 (письма Н. Ф. Шербинин); РГАДА, ф. 1264, оп. 1, № 28 (письма разных лиц к В. Г. и А. А. Новосильцовым), № 319 (сведения о родителях в копии брачного свидетельства Д. П. Голуховцова и сестры Н. — Надежды). С. М. Тучкова.

НОЗДРИН Авенир Евстигнеевич [29.10(10.11).1862, с. Иваново Шуйского у. Владимир. губ. — 23.9.1938, г. Иваново; похоронен на кладб. Балино], поэт, публицист. Сын ярмарочного приказчика и крестьянки из старообрядцев (в семье было шесть детей; сестры Елизавета Татаринова и Анна Озерова стали

актрисами); отца лишили в четырехлетнем возрасте. Окончил в 1872 трехлетнюю зем. нач. школу. По профессии гравер-текстильщик, ок. 30 лет проработал на текстильных фабриках Иваново-Вознесенска и Петербурга.

Начало лит. деятельности — рубеж 80—90-х гг. 19 в., когда Н. увлекся «теорией малых дел» в нелегальном просветительски-народнич. «кружке саморазвития». Темы стихов того времени, как определял Н., «были связаны с трудовыми процессами» («Как мы начинали. Из житейских и лит. воспоминаний рабочего поэта Н.» — ЛН, т. 15, с. 174; предисл. и прим. М. Сокольников). После разгрома кружка в июле 1891, пробыв до 30 марта 1892 под гласным надзором полиции и сменив из-за «неуживчивого характера» («О себе», автобиография — РГАЛИ, ф. 352, оп. 2, № 1, л. 3) ряд иваново-вознесен. фабрик, Н. с семьей в том же году переехал в Петербург, где работал на фабрике и продолжал

писать стихи, по-прежнему не публикуя их.

В 1895 Н. вступил в переписку с В. Я. Брюсовым, посылал ему свои стихи; тогда же состоялись и их встречи. Брюсов подготовил к изданию сб-к стихов Н. «Поэма природы» (32 стих.; впервые — «Краеведч. записки», Иваново, 1990; публ. С. Н. Тяпкина). Он заметил в стихах Н. характерные «упаднические» мотивы и «символистские» метафоры («выгой злобы», «мост ... терпенья», «свет беспокойный больной» и др.), но более всего его привлекла натурфилософская тематика стихов Н., «только еще приближающихся к символизму» (ЛН, т. 98, кн. 1, с. 242).

Сохранившиеся письма к Брюсову свидетельствуют, что Н. охотно принял предложение об издании своего сб-ка с Брюсовским предисловием, но «поэт фабричных корпусов и ремесленных мастерских» (как именовал себя Н.) опасался при этом, что предисловие поэта-символиста, возможно, «потом будет истолковано в известном направлении... господами, ...к-рым так дороги архаические мотивы...» (там же, с. 240, 256). Брюсов, очевидно, приняв во внимание эти соображения, сопроводил подготовленный им сб-к лирич. стихами «от издателя», в к-ром писал: «В авторе легко усмотреть... „самозулку“, но произведения его поражают стихийною силою таланта. ... Ноздрин можно назвать Колыцовым, пишущим в духе Тютчева». Брюсов в «очень оригинальной» поэзии Н. ощутил тютчевский космизм мироощущения в сочетании с мудро-простодушной стихией колыцовского стиха; стихотворения с «природно-космической» тематикой и «колыцовскими» мотивами он, как это видно из поэм в рукописях Н., выделял весьма последовательно: «Отчего у ночи внешней Мало звездечко горит?! — Или ночь на нас с лазури Неоверчиво глядит?!»; «Влево, вправо, как пополю! Вьются тропки вековые!.. Но не выются, как бывало! Мои кудри золотые!..»; «Все бы пел я да рассказывал! О любви, о неге снов! И рассказ с рассказом связывал! В книгу радужных цветов...» и т. п. (там же, с. 244).

В сохранившемся черновике брюсовского письма к Н. оценка его стихов довольно сдержанна: они производят впечатление «гл. обр. в целом, а не в выборках», нек-рые — «взяты отдаленно, слишком, слишком незначительно». Таково, напр., «Над поверхностью морской». Это мимолетная картинка, и значение она может иметь только в целом ряде таких картинок, только как эпизод той поэмы природы, к-рую представляют из себя Ваши стихи» (там же, с. 244). Брюсов увидел в Н. поэта немалых возможностей, а не готовых свершений: «Ни в одном стихотворении нет цельности ... и в этом особое очарование. Неожиданные сближения. Оригинальная игра словами. Своеобразный взгляд на многое» (запись на полях рукописи Н.; там же).

Издание сб-ка не состоялось, несмотря на то, что Брюсов 27 сент. 1896 получил необходимое разрешение цензуры. Сам Н. считал, что это произошло «по той простой причине, что мы оба потом с (Валерием) Яковлевичем» пришли к заключению, что выпуск его все-таки не оправдывал бы его содержания» («О себе» — РГАЛИ, л. 5). По восп. Н., это «еще раз ударило по крыльям моей поэтической мечты, но совсем их не отбило, и я вскоре после этого в Ярослав. газ. „Сев. край“ впервые напечатал несколько своих стихотворений, а потом и совсем замолк, не писал целых семь лет» (там же). В состав назв. публикации Н. входили

стих. «В дороге» (1900, 29 окт.), «Ночные тревоги» (1901, 18 февр.) и «В разлуке» (1901, 9 окт.). Следующие стих. «За книгой» («Сев. край», 1904, 6 янв.) Н. опубли. через два года.

После возвращения в 1896 в Иваново-Вознесенск Н. деятельно участвует в создании Об-ва взаимопомощи фабричных граверов и Об-ва потребителей. В 1905 избран пред. первого в России Совета рабочих депутатов. Кроме того, он общался с местными литераторами, писал рев. стихи, начал поэму «Ткачи» (позже утраченную). Во время изгнания бастовавших рабочих на р. Талке Н. 3 июня 1905 был арестован, но через 9 суток освобожден по требованию рабочих. Н. — одно из гл. действующих лиц в документально-ист. ром. «Талка» (1930) А. Ф. Насимовича и пьесе «Бунтари» (1925) И. А. Волкова, посв. этим событиям.

В кон. 1905, спасаясь от самосуда черной сотни и преследования полиции, переехал в Москву, затем в Рыбинск. Во время черносотенного погрома и переездов погиб весь архив Н. (рукописи, дневники, письма). В Рыбинске участвовал вместе с С. М. Прокhuriным в редактировании, сост. и издании сатирико-юмористич. ж. «Дубинушка» (вышло всего 7 номеров в 1906, с 30 авг. по 8 окт.), печатал в ж-ле под псевд. Кудрявый и К-вый репортерские записки, местную хронику, сатирич. стихи, напр. «На бирже» (№ 3), «Прогрессивное „Я“» (№ 4), в газ. «Вест. рыбинской биржи» и «Рыбинский листок» публиковал стих. и репортерские миниатюры. Из Рыбинска переехал в Ярославль, где зарабатывал на жизнь, торгуя газетами, печатался в ж. «Ярослав. колотушка», газ. «Сев. край» и др. местных изданиях. Весной 1907 вернулся в Иваново-Вознесенск, 4 июня 1907 был арестован и 13 сент. выслан на 2 года в Олонечскую губ., в с. Коткозеро. С сент. 1909, после ссылки, Н. жил в Иваново-Вознесенске, практически отойдя от рев. деятельности. Работал конторщиком частной комиссионной конторы и страховым агентом до 1917. Одновременно сотрудничал в ж. «Иваново-Вознесенская жизнь» (1911—12; вел разделы гор. жизни под псевд. А. Борисовский, «Театр» — под псевд. Сергей Полозов, публ. сатирич. стихи, эпиграммы под псевд. Кудрявый) и «Дым» (1913—1914), в царинин. газ. «Волго-Донской край» (1914) и «Рыбинском листке» (1914—18). В 1911—17 — фактич. секр. Лит.-муз.-драм. об-ва, писал — по должности — театр. рецензии в «Иванов. листок». Февр. революцию Н., по его восп., «благодаря незажившим ранам от первой революции... встретил с нек-рой настроенностью» («О себе» — РГАЛИ,

л. 4). С нач. 1917 и почти до кон. 1918 входил в партию эсеров.

После окт. 1917 работал выпускающим в обл. газете «Рабочий край», входил в кружок пролет. поэтов, участвовал в местных газетах, журналах, альм. и в колл. сб-ках ивановских поэтов. Сб. «Красная улица» (Иваново-Вознесенск, 1920), в к-ром были напечатаны 6 стих. Н., в т. ч. 2 из ранее послывавшихся Брюсову («На славном посту» и «Молодежь»), послал с дарств. надписью Брюсову. В изд-ве «Молодая провинция» предполагал издать свой поэтич. сб. «Псалтырь без застеежек», но уязвленный критич. замечаниями молодых поэтов, отказался (запись в Дневнике от 5 нояб. 1923 — см. архив: Иванов. Гос. объединение...; со-общено О. К. Перевезевым). Был чл. губкома и ЦК Междунар. орг-ции помощи борцам революции (МОПР), сотрудничал в обл. науч. об-ве краеведения; позже стал чл. Союза писателей СССР.

В 1927 в Москве опубли. первый сб-к стих. Н. «Старый парус», в к-рый вошли и стихи дорев. периода и к-рый 65-летний поэт расценивал как своеобразный творч. итог. В поздних стих. Н. сохранялись прежняя стихийная верность основе нар. простодушно-мудрого мироощущения. В 1935 вышел последний прижизненный сб-к — «Избр. стих.» (Иваново), во многом повторивший «Старый парус». В том же году Н. завершил работу над пов. «Сын народа» о С. Г. Нечаеве (изв. террористе, родившемся и выросшем в Иваново-Вознесенске). Рукопись, посланная в изд-во Соцкызгиз, откуда пришел ответ, что она «может быть издана при соответствующей доработке», считается утерянной, как и ее черновик.

В 1938 Н. был арестован и, не выдержав допросов, умер в тюрьме. Могилу Н. сохранилась благодаря тому, что жена умолила тюремщиков указать место его тайного захоронения.

Изд.: Неумелые ткачи. Стачка 1885 г. — В кн.: XXV лет РКП (большевиков). Восп. иваново-вознесен. подпольщиков, Иваново-Вознесенск, 1923; Из истории лит.-ры ткачей. — В кн.: Рабочий край. Лит. альм. иваново-вознесенских писателей, [Иваново-Вознесенск], 1929; Старый парус. Стихи, Иваново, 1962; [Стихи]. — В кн.: Д. Семеновский и поэты его круга, Л., 1989 (БПБ: есть биогр. справка); Стихи века: Откровение. Лит.-худож. альм., № 4, Иваново, 1997 (предисл. Е. Глотова); Дневники. Двадцатые годы, Иваново, 1997 (сост., подготовка текста, вступ. ст. Л. Н. Тагулова, З. Я. Холодовой, комм. О. К. Перевезева); Письма Н. к Брюсову. 1895—1898. — ЛН, т. 98, кн. 1 (вступ. ст., публ. и комм. С. Н. Тяпкина).

Лит.: Малицкий Н. В., «Тайное общество» в г. Иваново-Вознесенске в 90-х гг. XIX столетия. — «Тр. Иваново-Вознесенского губ. науч. об-ва краеведения», в. 3, Иваново-Вознесенск, 1925; Сокольников М. П., Лит.-ра Иваново-Вознесенского края. (Введение в изучение местной лит.-ры), Иваново-Вознесенск, 1925; Куприяновский П., Ветеран рев. поэзии. (А. Ноздрин). — В его кн.: В широком потоке, Иваново, 1963; Нейкен Л. Л., Ссылный поэт из Коткозера. — «Ленинская правда», 1976, 15 авг.; Армицев Р., Рытмарь рабоче-крест. сто-

роны. По страницам неопубл. дневников пред. первого Совета Н. — «Известия», 1988, 1 мая; Смирнов И. А., Рязовый пролет. строй. (А. Е. Ноздрин). — В его кн.: Дорогие имена. Очерки. Я., 1988; Гаффер И., Скопалас под селаст-вем. — «Совершенно секретно», 1990, № 5; Франковский А., Тайна серой палки. Как расправился с председателем первого в России Совета. — «Союз», 1990, № 46; Лещукова К., Таганов Л., Дело Н. Докум. пов. — «Рабочий край», Иваново, 1990, 4—6, 8, 9 сент.; Таганов Л. В тревоге за будущее. Н. и лит. жизнь 20-х гг. — «Откровение. Лит.-худож. альм.», № 1, Иваново, 1993; Емельянов Ю. П., Человек из легенды. (Ист.-докум. повесть), 2-е изд., Кольмугино (Владимир. обл.), 1995; Переверзев О., Из жизни Н. — «Откровение. Лит.-худож. альм.», № 4, Иваново, 1997. + КЛЗ: Корчагина З. Н., Писатели земли Ивановской, Я., 1988; Масанов.

Архивы: ГАРФ, ф. 102, 5 д-во, л. 1340, ч. 1, № 7 д-во, 1891 г., л. 190 (справка З. И. Перегуовой); РГАЛИ, ф. 94, оп. 1, № 189 (письма Е. Выхреву); ф. 317, оп. 1, № 268 (письма И. Масанову); ф. 469, оп. 3, № 87 (письма В. Смирнову); ф. 1122, оп. 1, № 4 (стих. «Смолтр рабочей силы»); ф. 1884, оп. 1, № 18, 80, 81, 238 (стих., статьи Н.); РГБ, ф. 386, к. 3, № 4, л. 28 (запись Брюсова «От издателя»); к. 58, № 8, 9; к. 96, № 28; к. 129, № 14 (письма и стихи Н.); ф. 683, к. 9, № 9; ГА Иванов. обл., ф. 1319, оп. 1, д. 443, л. 61 (анкета по учету лит. сил Иваново-Вознесенской губ.); Иванов. Гос. объединение ист.-краеведч. музеев области, ф. 14; № 75580/5 (дневники, 1910-е гг. — 1923); Лит. музей Иванов. Гос. ун-та, № 2182 (дневники 1922—24, 1926—28, 1930); № 124 (автобиография 1935 г.); № 129 (письма к сыну — Н. А. Ноздрину); ГА Республики Карелия, ф. 1, оп. 5, л. 26/54 (письма Н.). С. Н. Талков.

НОРДМАН, Нордман-Северова (псевд. Северова), Наталия Борисовна [2(14).12.1863, Гельсингфорс — 30.6.1914, Локарно (похоронена на кладб. в Орсеино), Швейцария], прозаик, драматург, публицист. Отец, Б. Д. Нордман, — адмирал, по происхождению швед; мать, урожд. Арбузова, из дворян Смоленской губ. (автобиография — Архив Рос. АХ, ф. 25). По вероисповеданию лютеранка. Получила хорошее образование, владела тремя иностр. языками, занималась музыкой, лепкой, рисованием, фотографией. В юности играла на любительской сцене в Москве. Стремясь к самостоятельной, полезной для общества деятельности, уехала в 1884 в Америку, нек-рое время работала на

ферме, но вскоре вернулась на родину (Чуковский К., Памяти Нордман-Северовой. — «Вегетарианское обозр.», 1914, № 6/7, с. 214). В 1896 в доме своей близкой подруги кн. М. К. Тенишевой познакомилась с И. Е. Репиным, с к-рым они вскоре связали судьбы, вступив в гражд. брак; в 1898, после смерти матери, Н. переехала в Куоккалу, где построила себе однокомнатный домик, через неск. лет домик начал разрастаться и получил название «Пенаты». Репин пристроил к нему мастерскую — вначале внизу, а потом над всем домом (на постоянном жительство в «Пенаты» он переехал в 1903 — ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 2633). В 1900 Н. и Репин посетили Всемирную выставку в Париже, путешествовали по Италии. Репин создал ряд изображений Н., в т. ч. ее скульптурный портрет (1902), иллюстрировал все ее книги. В заметке памяти Н. («Вегетарианское обозр.», 1914, № 6/7, с. 204) он, отмечая ее энергичную жизнелюбность, писал, что она «кипела всегда новыми и самыми разнообразными серьезными идеями». Н. постоянно обращалась к к.-л. «новшеству» (идея «самопомощи» ради «раскрепощения прислуги»), вегетарианство как единств. способ вести здоровую жизнь и т. п.), шумно его проповедовала, вызывая у одних ироническое, а у других резко отрицат. отношение и к очередной панатее, и к ней самой. К. И. Чуковский, посвятивший Н. особую главу в своих восп. о Репине, отмечая такие ее черты, как фанатичность, неумение «штушеваться» возле великого человека, с к-рым ее свела судьба, ее напыщенный и вычурный вкус, считает своим долгом «защитить ее память» от нападок мемуаристов, говорит об искренности ее увлечений, о ее человеческой и лит. одаренности, высоко оценивает ее дневники 1903—09: «... я был удивлен ее талантливостью: столько здесь было зоркого и меткого юмора, столько свежей женской наблюдательности. Да и в прочих ее писаниях чувствуется что-то не совсем безнадежное» («Из воспоминаний», М., 1959, с. 146, 150).

В обращении Н. к писательству скорее всего лежало стремление найти еще одну «кафедру для проповеди». В 1900 ж. «Нива» (№ 20—31) опубликовал ее пов. «Беглянка» (отд. изд. под назв. «Эта» — СПб., 1901; 2-е изд., перераб., под назв. «К идеалам» — СПб., 1912), где рассказывалось о стремлении героини к самостоятельности и свободе личности (положит. рец.: «Вест. знания», 1912, № 5, с. 454). О судьбе совр. женщины повествует и ее ром. «Крест материнства. Тайный дневник» (СПб., 1904), вышедший с посвящением В. В. Розанову и отразив-

ший его идеи о предназначении женщины. Залогом подлинного высвобождения личности, по мнению автора, является обретение истинной веры в Бога с его заветами любви к ближнему и самоотречения; предназначение женщины — семья, семейное счастье.

С 1906 Н. обратилась к драматургии и до 1912 написала десять пьес, в осн. комедий. Водевиль «Возмутительно!!!» (СПб., 1906) предлагала к постановке на проф. сцене (см. ее письмо к А. В. Стаценко от 21 нояб. 1906 — РГАЛИ, ф. 842, оп. 1, № 35), но получила отказ (см. отзыв Театрально-лит. комитета — там же, ф. 853, оп. 2, № 1493, л. 6—9). В дальнейшем пьесы Н. ставились в приобретенном для этого Репиным на ст. Оллила дачном театре, получившем назв. «Прометей». Осенью 1907 Н. и Репин посетили Ясную Поляну; в сб. Н. «Интимные странички» (СПб., 1910) вошли «Письма из „Ясной Поляны“», в к-рых она рассказывает о быте Л. Н. Толстого, его семье и окружении, излагает его взгляды на предназначение женщины в обществе, воззрения на иск-во, пытаясь передать противоречивость духовного облика писателя. Разглядела она и новую социальную ситуацию в деревне: «Прежде, сливаясь с народом, усадьба не была одинока. Теперь чувствуется то, что никогда прежде и во сне не снилось в русской деревне ... грезится зарево пожаров ... И чувствуется, что та несметная сила рано или поздно возьмет верх, сметет всю старую культуру и устроит все по-своему, по-новому» (с. 87). В сб-к вошли также мемуарно-публицистич. очерки «Письма к друзьям» и комедия нравов «Деточки». С 1911 Н. активно печаталась в ж. «Вегетарианское обозр.». В 1914 тяжело больная, не желая обременять близких, Н. уехала в Швейцарию, где, отказавшись от всех своих имуществ. прав и не приняв помощи Репина, умерла в одиночестве в больнице для бедных. По инициативе барона Э. фон Фальц-Фейна 26 мая 1989 на кладбище установлен мемориальный знак в память о Н. — «Гражданке мира» (газ. «Region», 1989, 27 май).

Др. произв. Пьесы: «Новая жизнь» (СПб., 1906), «Пасточка права». Комедия-водевиль в 1 д. (М., 1910); рассказы: «Матан» («Искорки», 1910, № 7), «Побег Лулу» («Нева», 1911, № 1), «В Америке» (там же, 1911, № 9), «День свадьбы», «Занозы счастья», «Сознательные» (все — СПб., 1912), «Пионерка» (М., 1912); статья «Следует раскрепостить прислугу» (СПб., 1908).

Изд.: Райские заветы. Ст. и заметки. [СПб.], 1913.

Лит.: Пернер И., Наталия Борисовна. — «Вегетарианское обозр.», 1914, № 6/7; Мина К., «Женщина будущего». Восп. о сестрице Н. Б. Нордман-Северовой. — Там же, 1914.

№ 8/9; Зильберштейн И. С., Репин и Горький, М.—Л., 1944, с. 61 (и ук.); его же, Новые странички творч. биографии Репина. — В кн.: Худож. наследство. Репин, т. 1, М.—Л., 1948, с. 239—45; Репин И. Е., Письма к писателям и лит. деятелям, М., 1950, с. 157, 177 (и ук.); Шепкина-Куперник Т. Л., Из воспоминаний, М., 1959, с. 371—72; Чуковский К. Н. Б. Нордман. — Собр. соч., т. 2, М., 1965; «Пенаты», Музей-усадьба И. Е. Репина, Л., 1987; Некролог: «Жемчужина», 1914, № 2, с. 7; Муратова (2, ук.); Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 620; РГАЛИ, ф. 842, оп. 3, № 15 (рукоп. брошюры «Дорогим сестрицам и товарищам. Заместо гусьрантки»); ИРЛИ, ф. 485, № 27 (письмо Л. Н. Андрееву); ф. 661, № 798 (письма М. К. Лемке); ф. 352, оп. 2, № 4837 (письма Т. Л. Шепкиной-Куперник) (справка Н. А. Хохловой).

Т. Т. Давыдова.

НОРОВ Авраам Сергеевич [22.10 (2.11), по др. сведениям — 1(12).11.1795, с. Ключи Балаших. у. Саратов. губ. — 23.1(4.2).1869, Петербург; похоронен в Сергиевском мон-и], поэт, переводчик, автор путевых записок. Брат Ал-дра С. Норова и В. С. Норова. Из старинного дворян. рода. Отец, Сер. Ал-др. (ум. 1849), — от-

ставной майор, саратов. губ. предводитель дворянства; мать, Тат. Мих. (ум. 1838), — из изв. моск. семьи Кошелевых (см. А. И. Кошелев). Воспитывался дома, затем в Моск. университетском пансионе. Не окончив курса, в 1810 поступил юнкером в гв. артиллерию (в 1811 — прапорщик); участвовал в воен. действиях, в Бородинском сражении командовал двумя пушками и был тяжело ранен (потерял ногу); оперирован полковым хирургом и вторично — в госпитале в Москве лейб-медиком Наполеона; после ухода французов вывезен в свое имение, где провел 1813—1814.

Лит-ра и история, к к-рым Н. чувствовал влечение с детства, стали его осн. занятием; он изучает языки (к концу жизни знал франц., англ., нем., итал., исп., лат., греч., др.-евр.), а приехав в Петербург, с 1816 начинает выступать в печати, преим. с пер. из Вергилия и Горация: «Похвала сельской жизни. (Из второй кн. Вергилиевых „Георгик“», «К Де-

лию. (Из Горация)», «Романс» и др. («Дух журналов», 1816, № 21, 32, 36). Героич. биография, любовь к лит-ре, открытый и доброжелат. характер привлекают к Н. петерб. литераторов. О. М. Сомов писал в 1821: «Я все больше очаровываюсь этим любезным полковником: ни тени военного чванства, много предупредительности и вежливости; разговор разнообразный и поучительный; он не выглядит столь ученым, каков он есть на самом деле» (см. в кн.: Вацуро В. Э., С.Д.П., М., 1989, с. 120; ср. также: с. 124—25, 133—134; близкие отзывы 1820 — см.: Корф).

25 июля 1818 по предложению М. В. Милонова принят в д. чл. ВОЛСНХ; на заседании с участием А. С. Пушкина читает свой пер. «Послания Лагарпа к гр. А. П. Шувалову о действиях сельской природы и о поэзии описательной» (опубл.: «Благ.», 1818, № 8, 10). Активный участник Об-ва в 1818 (из 11 заседаний был на 7) и его ж-ла «Благонамеренный» в 1818—21, где помимо пер. с франц. и итал. публикует отрывки из обширной дидактич. поэмы «Об астрономии» (1818, № 11; 1820, № 15; продолжение — ВЕ, 1819, № 23/24; СО, 1821, № 11, 30; 1823, № 9); в «Благонамеренном» она рассматривалась как образец жанра (см.: 1823, № 5).

В июне 1821 принят в д. чл. ВОЛРС после прочтения его «Послания [В. И.] Панаева» (опубл.: «Соревнователь», 1821, кн. 1; Поэты 1820—1830, см. комм.: I, 724). Темы послания характерны для последующего творчества Н.: поиски в античности утраченного человечеством гармонии и свободы; эллинофильство с гражд. оттенком — протест против нац. и религ. угнетения. По лит. симпатиям Н. — «классик» (ср.: «франц. театр» предпочитает «высоким драм. созданиям Шиллера, Гёте, Лессинга, Грильпарцера и др.» — Корф, с. 346), хотя никакого участия в лит. борьбе не принимает. Стихи его публикуются в журналах и альманахах разл., в т. ч. противоборствующих направлений (ВЕ, 1819—1821; «Соревнователь», 1821; СО, 1820—23, 1828; НЛ, 1823—25; ПЗ на 1824; «Сев. лира» на 1827, и др.).

В 1821—22 совершает путешествие по Европе; посещает Германию, Францию, Италию, Сицилию (об Н. и обстоятельствах поездки см.: Свербеев Д. Н., Записки, т. 1, М., 1899, с. 206 и след., 313, 340, 359—363, 369); 6 мес. проводит в Париже, откуда едет в «строгую и почти дикую» Овернь, по путям Юлия Цезаря («Поездка в Овернь» — ФВ, 1847, № 3). В Риме встречался с дальними родственниками Бутурлиными, переселившимися в Италию в 1817. М. Д. Бутурлин вспоминал, что отсутствие

ноги не мешало верховым прогулкам Н. по окрестностям Рима (он «был тогда очень красив собою, экзальтированного поэтич. настроения от своего путешествия по Италии и часто повторял вслух стихи из какой-то совр. оды» — РА, 1897, кн. 1, с. 642; ср. также очерк Н. «Литературный вечер в Риме» — БдЧ, 1834, т. 3. Мн. мемуаристы вспоминают и о женолюбии Н., сохранившемся до поздних лет). Впечатления путешествия отразились в стихах «Остров Нордерней. (Послание к [Д. П.] Глебову)» (СО, 1822, № 2) и в особенн. сти в путевых очерках, изд. затем отд. книгой — «Путешествие по Сицилии в 1822-м году» (ч. 1—2, СПб., 1828).

В Сицилии изучал ист. памятники и осуществил давнюю мечту — восхождение на Этну, едва не стоившее ему жизни. Очерки его хранят следы сицил. интереса как к антич., так и классич. итал. поэзии — Ф. Петрарке (его сонеты переводил еще до путешествия — СО, 1821, № 8). Л. Ариосто, Данте, Т. Тассо. Вернувшись, начал переводить с сицилийского диалекта («Пастушка» — НЛ, 1824, № 10) и усиленно занимался Данте (пер. отрывков из «Ада», в т. ч. эпизод с Уголино; «Фрагмента Римини» — СО, 1823, № 30; «Сев. лира на 1827 г.»; «Предсказание Данте» — пер. из XVII песни «Рая», обработанный терцинами Н., — «Лит. листки», 1824, № 5). Попытки перевода Данте «средним слогом» описат. и дидактич. поэзии вызвали неодобрение Пушкина («г-ну Абр. Норову не должно было бы переводить Данте» — XI, 48).

Др. излюбленным поэтом становится А. Шенк; Н. одним из первых стал систематически переводить его уже в 1821 (ВЕ, 1821, № 2; НЛ, 1824, № 4, 6; пер. «Младая узнанка» — НЛ, 1823, № 38 — высоко оценивался современниками). Н., однако, воспринимает Шенке сквозь призму «элегич. школы», не пытаясь передать автор. формы его поэзии, подобно тому как в пер. из Анакреона (с подлинника; впервые опубл. — Поэты 1820—1830) он пользуется уже сложившимися моделями рус. анакреонтич. лирики (прежде всего державинскими).

С сер. 1820-х гг. жил в Петербурге, часто наезжая в Москву. В столице радушно принят в доме М. А. и С. М. Салтыковых (будущего тестя и жены А. А. Дельвига; см.: Молдалевский Б. Л., Пушкин, Л., 1929, с. 135—37, 161—62), в 1826—27 близок с Кошелевым (с к-рым одно время живут вместе — Колупанов, с. 198). В Москве к нему расположены И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский (еще в 1855 писавший о своей любви и уважении к Н. как к честному человеку, отличающемуся благородством и душевной теплотой; см.: Вяземский, Х, с. 145, 160), А. Я. Булгаков, систематически общавший брату известия о «добром, милон Н.» (ср. письмо от 7 апр. 1826 с упоминанием об обеде у Вяземского, где были Н., Дмитриев, Д. В. Давыдов, В. Л. Пушкин и др. — РА, 1901, кн. 2, с. 371; др. сведения: РА, 1901, кн. 3, с. 399, 511—12 и др.; 1903, кн. 2, с. 562; кн. 3, с. 111, 115, 124, 137, 149, 322, 327 и др.). В 1823 Н. оставил воен. службу; переименованный из полковника в стат. сов., но нек-рое время находился не у дел.

Восстание 14 дек. 1825 косвенно затронуло Н.: любимый брат Василий был осужден по 2-му разряду — по убеждению Н., в результате личной неприязни Николая I. О судьбе брата Н. не мог вспоминать без глубокой скорби (Никитенко, III, 158—59), сохранял с ним связь и принимал ближайшее участие в издании его записок (см.: Тартаковский А. Г., 1812 год и рус. мемуаристика, М., 1980, ук.). В 1827 Н. — чиновник особых поручений при Мин-ве внутр. дел; прикомандированный к адм. Д. Н. Сенявину, совершил в 1827—28 два заграничных плавания, посетив, в частности, Англию (см. его «Прогулка в окрестностях Лондона», с пометой «Виндзор, августа 20 1827» — ЛГ, 1830, 6 мая). Выполняя служебное задание, составил обширную записку «Ист. сведения о Мин-ве внутр. дел. От образования до 1830 г.», доведенную до 1820, с 1832 д. стат. сов. Увлечение Н. стихотворством в это время слабеет: его занимают проблемы истории, археологии, религии; он собирает огромную б-ку — одно из лучших в России книжных и рукоп. собраний, с редчайшими изд. Дж. Бруно и Т. Кампанеллы. Б-кой Н. пользовался А. С. Пушкин для ист. работ; известны 2 письма Пушкина к Н., дружеские по тону и с обращением на «ты». Усиливаются свойства Н. с юности религ. настроения.

В 1834—35 он предпринимает по следам Анд. Н. Муравьева поездку на Восток и в Иерусалим: Вена — Триест (где знакомится с Е. П. Зайцевским и местными коллекционерами древностей и библиофилами); с 24 ноября 1834 — плавание в Александрию; месяц по служебным делам живет в Каире, где получает аудиенцию у паши Египта Мухаммеда Али, одного из наиб. значительных гос. деятелей тогдашнего Востока (выразит. портрет оставил в «Путешествии по Египту и Нубии...»; оценка деятельности паши вызвала, впрочем, возражения О. И. Сенковского — БлЧ, 1840, т. 43, с. 1—32); из Каира совершает поездку к пирамидам, поднимается на вершину одной из них; осматривает изваяние сфинкса; далее по Нилу отправляется в Нубию, по пути посещает Фивы (описанию Фив посвящено неск. глав), видит развалины Мемфиса, Файюм; из-за эпидемии чумы направляется в Палестину, минуя Синай.

Целью путешествия по Палестине было, в частности, объяснение географии и топографии Библии, к-рая, согласно Н., «есть вернейший путешественник по Святой Земле» («Путешествие по Св. Земле...», ч. 1, с. IV) и достоверный ист. источник, с к-рым он соотносит свое повествование. Прибыв в Иерусалим 31 марта 1835 (там же, с. 82—85), Н., подобно

А. Муравьеву, посещает богослужения на Страстной неделе и Пасхе; совершает паломничество к Иордану, внимательно изучает христ. святыни в самом городе, посещает Мертвое море, Вифлеем, Назарет, гору Фавор, Тивериадское озеро, Тир, Сидон; в Россию возвращается (с заездом на Кипр) через Смирну, Константинополь, Адрианополь, Софию, Славонию, Венгрию и Галицию, движимый желанием «видеть отрасли родных славянских народов» (там же, ч. 1, с. III).

Описание путешествий — центр. часть лит. наследия Н. Осн. особенности их определились уже в дебютной книге 1828: личные впечатления и непосредств. наблюдения погружены в широкую сферу ист. и лит. ассоциаций; совр. быт рассматривается в связи (иногда в контрасте) с ист. бытом, мифологией, поэзией. Свободно владея антич. источниками, Н. описывает реликвию (напр., в Сиракузе), привлекает свидетельства Фукиды, Тита Ливия; неизбежно накладываются на надписи, картины Феофрита, Москва, Биона, совр. география — на мифол. и естественно-науч. описания у Страбона, Плиния, Овидия, Вергилия, Гомера и др.; нередко эти источники предопределяют самый маршрут. Одновременно в «Путешествии» сильно сказывается худож. элемент: в эмоц.-лирич. прозе описаний (в особенности пейзажных) и в прямом введении новеллы с тайнств.-романтич. колоритом и аллегорич. содержанием — апологический утрач. свободы антич. Сиракуз («Ночь на развалинах замка Лабада»). В рассказе о восхождении на Этну захватывающий драматизм достигается, однако, только на материале непосредств. впечатлений; эти страницы принадлежат к лучшим в рус. лит-ре путешествий 1-й пол. XIX в.

В «Путешествии по Святой Земле в 1835 г.» (ч. 1—2, СПб., 1838; 2-е доп. изд., СПб., 1844; 3-е доп. изд., СПб., 1854) и «Путешествии по Египту и Нубии в 1834—1835 г.» (ч. 1—2, СПб., 1840; 2-е изд., СПб., 1853), служащим дополнением к первому, повествуют. стиль эволюционирует: рассказ в них более динамичен и лаконичен, живописность картин достигается точнее отбором, деталями, ист. ассоциациями и ссылками не перестраивают изложения, а органически вливаются в него. В «Путешествии по Святой Земле» Н. широко цитирует библ. тексты, к-рые иногда становятся стилизов. доминантой повествования; собств. рассказ Н. о святых местах приобретает черты «высокого», слегка торжеств. и архангелического стиля, к-рый в сочетании с исповедальным началом передает религ. одухотворение паломника-автора. Между тем информат. сфера этих книг даже шире, чем в очерках о Сицилии: помимо ист. и мифол. сведений Н. дает широкую панораму полит., хозяйств., бытовой, религ. жизни Палестины и в особенности Египта, посвящая целые главы вопросам экономики, географии, статистики и пр.

Опираясь на уже существовавшие в лит-ре данные, Н. предпринимал и собств. изыскания: так, он выдвинул ориг. гипотезу о местоположении древней Атлантиды, с его т. з., занимавшей обширное пространство в вост. части Средиземного моря, — догадка, поддержанная рядом авторитетных позднейших исследователей («Исследования об Атлантиде» — Уч. зап. второго отд. имп. АН, 1854, кн. I; Данциг, с. 195). Путешеств. зап. Н. преим. высоко оценивались критикой как с лит., так и с науч. стороны (ср.: Чернышевский, II (ук.): (О. И. Сенковский) — БлЧ, 1838, т. 29, ота. V; 1855, т. 129, ота. V; т. 131, ота. V; ОЗ, 1840, № 10, ота. VI; 1847, № 12, ота. VI; 1855, № 1, ота. III; «Совр.», 1854, № 12, ота. IV, и др.; полнее — см.: Соколов).

Вернувшись в Россию, Н. продолжил службу по Мин-ву внутр. дел. В окт.—нояб. 1835 возглавлял комиссию по расследованию правонарушений раскольников в г. Ржеве (с молодым В. А. Соллогубом). 22 мая 1836 женился в Москве на Варв. Ег.

Паниной (1814—60). На вест о гибели Пушкина, заставшую его в Петербурге, откликнулся скорбным стих. «Погас луч неба, светлый гений» (не напечатано из-за ценз. препятствий; см. письмо Н. к В. Ф. Одоевскому 1837 — РС, 1904, № 5; публ. — см.: Каллаш). В 1839—40 правитель Канцелярии комиссии по принятию прошений на высочайшее имя; в 1841—49 неоднократно исполнял должность статс-секр. е.и.в. у принятий прошений; с 1849 — сенатор; с 1850 — пом. Гл. попечителя имп. Человеколюбивого об-ва. С 1840 — чл. Рос. академии, с 1851 — д. чл. АН по отд. рус. яз. и словесности, пред. Археогр. комиссии, чл. РГО и др. ученых об-в. Вел. обширную переписку по вопросам религии, славяноведения, рус. истории, востоковедения; среди его корреспондентов — протоиерей рус. посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский, В. Ганка, архиепископ *Инокентий* Борисов, А. П. Ермолов, О. М. Бодянский. А. О. Смирнова-Россет, жившая в 1848 по соседству в Павловске и впоследствии сохранявшая дружеские связи, вспоминала о его усиленных занятиях греч. языком (Смирнова-Россет, ук.).

В февр. 1850 назначен товарищем министра нар. просвещения; с апр. 1854 до марта 1858 — мин. просвещения (с 1856 — д. тайный сов.); ряд принятых им мер (увеличение комплекта студентов, облегчение стажировок их за границей, укрепление преподавания древних языков) содействовал развитию высшего образования, как и ряд его поездок с ревизиями по уч. округам [1851 — Одесса (см.: Мурзакевич Н. Н., Записки. — РС, 1889, № 2, с. 257—260); 1855 — Казань (см.: Мат-лы для биографии Н. И. Лобачевского, М.—Л., 1948, ук. Л. Б. Модзалевского)]. Субъективно честный, доброжелательный и не чуждый либеральных веяний (сам избрал ближайшим помощником в 1850—56 либерально настроенного А. В. Никитенко), Н., однако, не мог (да и не всегда хотел) противостоять все более ужесточающейся после 1848 (и особенно в период Крымской войны) политике правительства, в частности цензурной (см., напр., его переписку об «Одес. вест.» с гр. А. Г. Строгановым со слабой попыткой смягчить правительств. давление: РС, 1898, № 1, с. 62—72). Подверженность внеш. влияниям, недостаточная компетентность в адм. делах, слабохарактерность Н. (о переменчивости и расsegnности его ходили анекдоты) нередко приводили лишь к доп. стеснениям свободы печати: так, по его инициативе последовало запрещение перепечаток из уже изд. сб-ка Н. А. Некрасова 1856; усилены репрессии против славянофильских изд.). О не-

способности Н. как министра говорили даже расположенные к нему люди: Никитенко (см.: I, ук.), Вяземский, бывший при нем товарищем министра (см.: X, 145). В марте 1858 Н. подал в отставку, принятую с удовлетворением обществ. кругами и даже Александром II («Всеобщее мнение: хуже того, что было, быть не может» — Никитенко, II, 15); одновременно, однако, назначен чл. Гос. Совета. Неприятие совр. демокр. лит-ры в дальнейшем у Н. усиливается; в 60-е гг. он резко встает против «нигилизма» как общественно опасного явления (см. записку, поданную им Александру II в 1866, — РА, 1895, кн. 3).

После смерти жены в 1860 (еще во младенчестве умерли дети) Н. остался совершенно одиноким; он полностью ушел в науку, занялся по Археограф. комиссии, готовил к изд. памятники (наиб. значительный — «Путешествие ижемена Даниила по Св. Земле в начале XII-го в.», СПб., 1864, с комм. Н.) и в сфере болей мере, чем ранее, искал утешения в религии. В нач. окт. 1861 предпринял второе путешествие в Иерусалим — пароходом, поездом и караваном через пустыню (Александрия — Яффа — Иерусалим — Александрия — Каир — Суэц — Синайский мон. — Каир — Александрия — Турция). Над его описанием работал в 1861—67, окончательно не отделав; вышло уже посмертно: «Иерусалим и Синай. Зап. второго путешествия на Восток» (СПб., 1878; под ред. В. Н. Хитрово). В предисл. Н. подчеркнул отличие его от прежних книг: оно фактографично и почти исключает худож. элемент («читатель не узнает уже во мне того самого путешественника, к-рый передавал ему все впечатления пути своего, связывая их с памятью былого. Все изменилось в глазах моих. Преследую одну цель, я почти ничего не видел происходившего вокруг меня на моем долгом пути до Иерусалима...» — с. XII). Значит, часть книги занял рассказ о Синайском мон., впервые увиденном Н.

Последнее выступление Н. в печати — критич. и мемуарный очерк «Война и мир (1805—1812)». С ист. точки зрения и по восп. современника. (По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого «Война и мир»)» («Воен. сб.», 1868, № 11); высоко оценивая талант Толстого и его роман в целом, решительно не соглашался с его ист. концепцией, доказывая продуманность и целесообразность стратегии и тактики рус. армии; особую ценность очерка представляют картина Бородин. боя, воссозданная его непосредств. участником, и автобиограф. сведения.

Др. произв.: «Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» (СПб., 1847; 2-е изд., СПб., 1854), «Неск. мыслей старого паломника» («Морской сб.», 1858, № 4), «Защита Синайской рукописи Библии от нападения о. архимандрита Порфирия Успенского» (СПб., 1863).

Изд.: Путешествия Н., т. 1—5, СПб., 1853—1854; [Стихи и пер.] — В книгах: Калаша В. В., Рус. поэты о Пушкине, М., 1899, с. 88; Поэты 1820—1830, т. 1 (ошибочно включено стих. «Очарованный узник» Ал-дра Норова; вступ. заметка В. Э. Ваудро); Франц, элегия XVIII—XIX вв. в пер. поэтов пушкинской поры, М., 1989 (пер. из А. Шенье); «Сва. лира на 1827 г.», М., 1984 (пер. из Данте; отрывок из поэмы «Земля»); Арноста Л., Неистовый Ро-

ланд», [т. 2], М., 1993 (пер. «Ангелика и Сакрипант»; Путешествие по Египту и Нубии... в сб.: Святые места вблизи и издалека... М., 1995).

Лит.: Портретная галерея рус. деятелей, т. 1, СПб., 1865 (изд. А. Мюнстера); Записка об ученых трудах... — В кн.: Отчеты имп. АН по отд. рус. яз. и словесности за 1852—1865 гг., СПб., 1866, с. 89—94; Востоков А. Х., Описание Норовских рукописей. — В его кн.: Филол. наблюдения, СПб., 1865; Б-ка Н. [Каталог], ч. 1, СПб., 1868; Соболевский С. А., Б-ка Н. — РА, 1869, кн. 1; Остен-Сакен Ф. Р., Отчет имп. РГО за 1869 г., СПб., 1870; Никитенко (ук.); его же, А. С. Норов, СПб., 1870 (отд. оттиск из СПбВед., 1870, 22 янв.); его же, А. С. Норов, [СПб., 1870] (отд. оттиск из «Отчета по отд. рус. яз. и словесности имп. АН за 1869 г.»); Разумовский Ф., Последнее дни жизни и кончина Н., [СПб., 1870]; Дылевский Е., Авр. Серг. Норов. — «Странник», 1871, № 4; Бычков А. Ф., Воспоминание о деятельности Н. — В кн.: Летописи занятий Археограф. комиссии. За четыре года. [1867—1870], в. 5, СПб., 1871; Муравьев А. Н., Знакомство с рус. поэтами, К., 1871; Устрялов Н. Г., Отрывки из «Восп. о моем жене». — НВ, 1872, 9 марта; Пыпин А. Н., Мат-лы для истории масонских лож. — ВЕ, 1872, № 2, с. 602; Кулжинский Г., Восп. об Н. — «Странник», 1878, № 4; Колюпанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 2, с. 197—99, 327, 572 (с библи. ст.); Барсуков, XI—XIV (ук.); Корф М. А., А. С. Норов. Из дневника. (1820). Письма протоиерея М. Ф. Раевского к Н. Вспомогательное письмо Н. (1866) [о нигилизме]. — РА, 1895, кн. 3; Чехов Ал-др П., Авр. Серг. Норов. — НВ, 1895, № 8 (с портр.); Михельсон М. Н., Мои восп. об Н. — РС, 1898, № 5 (ср.: РС, 1898, № 11, с. 476); Шереметев С. Д., Домашняя старина. [Восп., в. 1], М., 1900; Мурашкинцев А., Памяти Н. Ф. фон-Круз. — «Лит. вест.», 1901, т. 2, кн. 7; Данилевский Г. П., Поездка в Ясию Полину. — Соч., 9-с изд., т. 14, СПб., 1902; Рождественский С. В., Ист. обзор деятельности Мин-ва нар. просвещения. 1802—1902, СПб., 1902, гл. V; Лемке М., Очерки по истории рус. цензуры и журналистики XIX столетия, СПб., 1904; Хомяков, VIII, 1900, с. 147, 151—52, 472—74; Ковалевский П. М., Стихи и восп., СПб., 1912; Из переписки А. П. Ермолова и Н. в 1854—1855 гг. — ГМ, 1915, № 9; Соколов С. Д., Саратовцы писатели и ученые. Норов А. С. — «Тр. Саратов. ученой арх. комиссии», в. 33, Саратов, 1916 (обширная библи.); Евгеньев В., Цензурная практика в годы Крымской войны. — ГМ, 1917, № 11/12; Пушкин А. С., Дневник. 1833—1835, М.—П., 1923 (под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского); Пушкин. Письма, III (ср.: Фомичев С. А., «Письма о Стихотворении Разина» Пушкина. — Пушкин. Иссл., т. 13); Алексеев М. П., Из истории рус. рукоп. собраний. — В кн.: Неизд. письма иностр. писателей XVIII—XIX вв. из ленингр. рукоп. собраний, М.—Л., 1960 (ук.); Данцин Б. М., Бл. Восток в рус. науке и лит-ре. (Докл. период), М., 1973 (ук.); Соллогуб В. А., Повести. Восп., Л., 1988 (ук.); Автографы современников Пушкина, М., 1988; Левассе С., Очевидец и деятель величайших событий. — В кн.: Годы и люди, в. 5, Саратов, 1990; Гулябинский В. И., Архивы деятелей библи. — «Библиография», 1992, № 5/6; ЛН, т. 57, 58, т. 60, кн. 1, т. 62, 67, т. 73, кн. 2. — Некрологи, 1869; «Совр. листок», 29 янв. (А. В. Никитенко); «Голос», 26 янв. (А. В. Никитенко); ВП, № 6; «Илл. газ.», № 6; «Правительств. вест.», 28 янв.; РА, 1869, кн. 1 (М. Н. Лонгинов); Геннади; Брокгауз; Смирнов-Сокольский; Муратова (1; ук.); Черский; ИДРДВ; Давченко В. Т., Данте Алигери. Библи. ук. рус. переводов и критич. лит-ры на рус. яз., 1762—1972, М., 1973; Масанов.

Архивы: Кудрявцев И. М., Рукоп. собр. Н. — Зап. РГОБЛ, в. 18, М., 1966; РГАЛИ, ф. 349; РНБ, ф. 531; РГБ, ф. 201 (Авр. С. и В. С. Норовы); РГБМА, ф. 489, оп. 1, д. 7057, ч. 2, л. 138 (ф. с. 1821 г.); РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 372 (1864—69 гг.) (ф. с. на 1869 г.); ф. 733, оп. 142, д. 2 (отдел личной б-ки Н.) [справка С. И. Вареховой]. В. Э. Ваудро.

НОРОВ Александр Сергеевич [8(19).4.1798*, по др. сведениям — 1797, с. Ключи Балашов. у. Саратов.

губ. — не позже дек. 1864**, там же), поэт, переводчик. Брат Авраама С. Норова и В. С. Норова. В 1803 семья переехала на постоянное жительство в купленное близ Дмитрова имение — с. Надеждино. В 1818 повторное экзаменовался по яз. и наукам в К-те испытания при Моск. ун-те, получив аттестат без посредственных оценок. На рубеже 10—20-х гг. опубликовал первые поэтич. опыты, в осн. вольные пер. и подражания франц. поэтам: «Лири, принесенная в жертву. Из Мильвуа» (лит. дебют Н.), «Остров» (подражание Э. Парни), «Моя кончина. Элегия. (Подражание Парни)» («Благ.», 1819, № 22; 1820, № 10; 1821, № 2), «Превращение» (ВЕ, 1821, № 17) и др. С ноября 1819 чл. ВОЛСНХ.

Поступив на службу в Моск. архив коллегии иностр. дел, оказался в центре лит. жизни. В 1822, по предложению А. И. Кошелева (родственника по матери, урожд. Кошелевой, и близкого друга с детства, привязанность к к-рому сохранил на всю жизнь), вошел в кружок С. Е. Раича, а затем и в Общество Любомудрия (В. Ф. Одолевский, Д. В. Веневитинов, И. В. Киреевский, Кошелев, С. П. Шевырев и др.); «беседами» и «жаркими диссертациями» Любомудров «приобрел более нежели книгами и собственным размышлением» (Колюпанов, кн. 2, с. 55, 74). Слабое здоровье (был горбат от «жесточкого ушиба» в детстве) мешало службе в архиве; Н. «постоянно числился в отпуску» (там же, с. 53) и подолгу жил в имении отца Надеждино.

Изягая в письме Кошелеву «историю своих склонностей», призванием своим называл поэзию (как человека, «рожденного с пламенным сердцем, с воображением и глубокою чувствительностью», — там же, с. 439—40) и высказывал желание навсегда «поселиться в деревне», чтобы в «тишине и уединении» «читать, думать, одушевляться и писать» (см.: РГАЛИ, л. 53об., 50об. — письмо от 30 янв. 1830). Получив в янв. 1830 чин коллеж. ас., Н. смог осуществить свою мечту: почти всю жизнь он проводил в деревне в непрерывном лит. труде, утверждая в поэзии свой жизненный идеал. Мирное уединение поэта нарушалось лишь однажды: его привлекли по делу о публ. в «Телескопе» (1836, № 15) «Философического письма» П. Я. Чаадаева, близкого к семье Норовых (Надеждино располагалось недалеко от с. Алексеевского, где проживал Чаадаев). Благодаря заступничеству брата Авраама перед А. Х. Бенкендорфом Н. оставили в покое. (Хотя Н. переводил письмо Чаадаева с франц., но мнение, что именно его перевод опубликован в «Телескопе», остается лишь гипотезой — см. о

ней: Эльзон; о ее отклонении см. в ст. Кетчер Н. Х.; ср. также: Тарасов, с. 315.)

Отшельник. образ жизни наложил отпечаток на творчество Н.; при широком жанровом диапазоне — элгии, оды, идиллии, духовные стихи, поэмы — его поэзия отличается тематич. единством; уже в первых стих., написанных в пансион. годы, очевиден целенаправленный выбор произведений для подражаний, переводов, а также тем для ориг. сочинений. Осмысливаемые в них в условно-поэтич. ключе (позднего сентиментализма с преромантич. веяния) традиции элгич. мотивы — о жизни (порой с возлюбленной) на «острове», в «хижине» вдали от света и людей («Остров», «Моя кончина»), о циклич. возрождении природы и быстротечности земной жизни человека, к-рому даровано «бессмертье за гробом» («Возрождение. Подражание Киабрере» — ВЕ, 1821, № 18), — наполняются со временем автобиогр. содержанием: «К Глебову» (послание родственнику, послушившу и поэту Д. П. Глебову — НЛ, 1823, № 42), «Утро девятого мая. К другу [Кошелеву] в день его рождения» («Сев. лира на 1827 г.», М., 1827).

С сер. 1820-х гг. определяющими в творчестве Н. становятся религ. мотивы. Он перерабатывал филос. медитации А. Ламартина «Бессмертие» (НЛ, 1824, 9 окт.), «Храм» (альм. «Уrania», М., 1826), отвечающие сути его христ. мировосприятия: смирению в несчастьи, всепоглощающей любви к Богу (ср. его письмо к Кошелеву в окт. 1826 — Колупанов, с. 441), вере в бессмертие чело-веч. души. Духовным опытом Н. определяется трактовка акта худож. творчества в отрывке из его поэмы («фантазии») «Очарованный узник» [о ней поэт писал М. П. Погодину 14 мая 1827 (см.: РГБ, ф. 231, № 46, 41) и Кошелеву в 1828—1830-х гг. (см.: РГАЛИ, № 108)]: для поэта духовная свобода достижима даже в темнице; подлинная жизнь художника в его фантазиях; творя, он перестает существовать в обыденной жизни («... человек живет двойне: / Жизнь наяву — и жизнь во сне»), и душа художника, покидая свое «земное тело», получает возможность «жить» и «созерцать» с особенной полнотой (МВ, 1828, № 23/24, с. 199—200; ср. стих. Дж. Байрона «Сон» 1816). Обсаянием в поэзии Н. сер. 20-х гг. стоит идиллия «Гроза», помещенная в сб-ке «Соч. в прозе и стихах. Тр. ОЛРС» (1826, ч. 6, кн. 17); она являла собою закономерное разрушение жанрового канона благодаря взаимопроникновению элементов разл. жанровых начал: идиллического — картины мирного быта земледельцев, и элгическо-

го — традиционной для преромантич. элгии символики (гроза, бурное море, гибель в его волнах отвергнутого влюбленного). За идиллию в ноябре 1833 поэта избрали д. чл. ОЛРС.

Естественным следствием внутр. развития Н. стало его обращение к духовным сочинениям: стих. «Преложение Апокалипсиса» (рукопись: РГБ, ф. 201, папка № 53) и «Израиль. На псалом 73 и 74» («Рус. беседа», т. 3, СПб, 1842); их отличит. особенность — отсутствие традиц. архаизированной лексики. Петерб. духовный ценз. к-т запретил к публикации «Апокалипсис», поскольку «на употребительном [обычном литературном] языке ... невозможно сохранить ни силы, ни выразительности славянского текста» (РГИА, ф. 807, оп. 1, д. 665, л. 3—3 об.).

В тревожное для Европы и грозное для России время — 1848—1854 — написал ряд стих. — «Могучая», «Суворов», «Крестоносец», «Заговор нечестивых против церкви. На псалом 82», «Изра», «К детям века сего» и др., — составивших сборник «Строфы», посв. Государю Николаю I (рукопись: РГБ, ф. 201, папка № 54). В стих. «Могучая» и «К детям века сего» Россия во главе с ее христолубивым монархом предстает спасительницей православия, призванной «обновить жизнью новой! Грозой волнующийся мир» (там же, л. 11). Мн. мотивы, ставшие общим местом в творчестве Н., в «Строфах» приобрели обществ. звучание; в стих. «Изра» возникает сомнение в возможности смертного достичь в эпоху смут и рев. потрясений награды вечным блаженством (однако в конечном итоге оно решительно преодолевается).

В отд. стих. сборника заметно необычное для Н. стремление к стилистич. окраске в зависимости от избранной темы (использование архаизированной лексики в стих. «Могучая», по форме напоминающем оду, прославляющую Россию; введение фолькл. элемента и просторечий, подчеркивающих «былинность» и «русскость» Суворова, — стих. «Суворов»).

Н. высоко оценивал свой поэтич. талант и мечтал о «дебюте особняком»; в письме к брату в янв.—февр. 1855 он просил «защитить его неукоризненные пьесы от суеверных строгостей цензуры» и «быть его издателем» (РНБ, ф. 531, № 476, л. 77 об.—78 об.). Существует предположение, что именно «Строфы» были подготовлены Н. для печати, «уже была и виньетка, но не нашлось издателя» (Колупанов, с. 55). Неизданными остались также перевод «Пира» Н. Буало, поэма «Мор» (1830), с посв. П. Я. Чаадаеву, «Преложение Апокалипсиса», «стихо-

творные послания к разным лицам» (Колупанов, с. 55).

Не баловала поэта и личная судьба; он имел двоих детей (сына и дочь) от крепостной отца, к-рый, будучи «строгим крепостником» («Декабристы Дмитров. уезда», с. 43), не позволил сыну жениться на ней и не признал своих внуков. И все же Н. дал хорошее образование сыну (окончил Академию художеств) и оставил дочери свое саратов. имение, с. Ключи, где постоянно проживал с нач. 1850-х гг. до своей кончины.

Др. произв.: «Месячное сияние» («Благ.», 1819, № 22), «IV сатира Буало» («Благ.», 1821, № 4), «Братское счастье» (БЧД, 1834, т. 7), «Греческая лира. Подражание Пиндару» («Рус. беседа», т. 3, СПб., 1842), «Фарисеи, или Лицемер» (пер. комедии «Тартюф» Ж.-Б. Мольера, пост. 1831; шла с успехом в Петербурге; список в музее Малого театра).

Изд.: [Стихи и пер.]. — В книгах: Франц. лирики XVIII в., М., 1914; Поэты 1820—1830, с. 233—34 (отрывок из «Очарованного узника», ошибочно приписан бр. Аврааму); Сев. лира на 1827 г., М., 1984; Франц. элгия XVIII—XIX вв. в пер. поэтов пушкинской поры, М., 1989, с. 109, 281, 329, 443 (биогр. заметка).

Лит.: Веневитинов Д. В., Стих. Проза, М., 1980, с. 356—58, 550—53 (письма к Н.); Киреевский И. В., Собр. соч., т. 1, М., 1861, с. 17; Кошелев А. И., Мои записки. — В кн.: Рус. об-во 40—50-х гг. XIX в., ч. 1, [М.], 1991 (ук.); Колупанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 1, с. 494, кн. 2, с. 51—56, 59—60, 66, 72, 316—17, М., 1989; Веневитинов М. А., О чтении Пушкиным «Бориса Годунова» в 1826 г. в Москве, 1899, с. 25; Поливанов Н., В. С. Норв. Декабрист... — РА, 1900, кн. 1, с. 273, 284, 287, 302, 304; Лемке М., Чаадаев и Надсуджин. — В кн.: Лемке (2) (документы следств. дела, воспроизведенные в утратенных): Декабристы Дмитров. у., Дмитров, 1925 (Мусей Дмитров. края, в. 3); Эльзон М. Д., Кем переведено «Философические письма»? — РЛ, 1982, № 1 (содержит список стих. и пер. Н.); Пушкин. Временник, в. 19, Л., 1985 (публ. М. Д. Эльзона о встрече Н. с А. С. Пушкиным); Тарасов Б. Н., Чаадаев, М., 1990, с. 186—87, 315. + Сл. ОЛРС: ИРДТ; Черейский; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 390, оп. 1, № 24 (письмо к Е. С. Норовой); № 108, л. 25, 49, 53 об. (письма А. И. Кошелеву, 1828—30 гг.; содержит сведения об авторстве поэмы «Очарованный узник»); № 109 (Дневник Н.); РГБ, ф. 201, п. № 53 и 54 (рукописи); ф. 233, оп. 38, № 18 (биобибл. заметка о Н.); ф. 231/II, к. 46, № 41; к. 22, № 62 (письма М. П. Погодину; Погодин/Л, к. 28, № 2) (письма Д. В. Веневитинову); РНБ, Ук. (письмо брату Аврааму, рукопись, в т. ч. поэмы «Земля»); ЦИАМ, ф. 418, оп. 115, л. 233 (о выдаче аттестата и сам аттестат); РГИА, ф. 577, оп. 34, л. 1063 (косвенное сведение о смерти Н. не позже дек. 1864**); дважды назван надп. сов.) [справка С. И. Вареховой].

О. В. Голубева.

НОРОВ Василий Сергеевич [5(16). 4.1793, с. Ключи Балаших. у. Саратов. губ. — 10(22).12.1853, Ревель; похоронен на Русском (Александра Невского) кладб.], автор записок о войне 1812, декабрист. Брат Авраама С. Норова и Ал-дра С. Норова. Воспитывался в Пажеском корпусе (с 1801), откуда был выпущен прапорщиком в л.-гв. Егер. полк (авг. 1812). Участник Отеч. войны 1812 и заграничных походов 1813. Получил тя-

желое ранение при Кульме (авг. 1813). Подпоручик (1813); капитан (1821). Член Союза благоденствия (с 1818); масон (Ложа «Трех добродетелей»). В полку имел репутацию образованного и сведущего в воен. деле офицера; собирал б-ку по воен. истории (о маргиналиях Н. см.: Хохлов).

С нимсмен Н. связана т. н. «виленская» (или «норовская») история, нашедшая широкое отражение в переписке современников и мемуарной литературе (см.: Языков Н. М., Письма к родным..., СПб., 1913, с. 7; Завалишин, с. 241; Никитенко, III, 158; Розен А. Е., Зап. декабриста, Иркутск, 1984, с. 92 и др.). В кон. февр. 1822 в Вильне вел. кн. Николай Павлович при разводе роты капитана Н. сделал ему выговор в оскорбительной форме, после чего офицеры полка пытались потребовать, чтобы вел. князь дал «сатисфакцию» Н., а затем приняли решение поочередно подавать прошение о переводе из гвардии в армию (из последних, успешных выполнил намерение, — в их числе Н. — трое состояли в Союзе благоденствия). Александр I счит. Н. «весьма виновным»: он был переведен тем же чином в 18-й Егерский полк с содержанием под арестом в течение 6 месяцев.

Летом 1823 в Бобруйск Н. вместе с С. И. Муравьевым-Апостолом, М. П. Бестужевым-Рюминым, И. С. Повалов-Швейковским (по нек-рым сведениям, Н. был членом Юж. об-ва) участвовал в т. н. Бобруйском заговоре — плане арестовать во время смута Александра I, вел. кн. Николая Павловича и нач. Ген. штаба И. И. Дибича, однако вскоре отошел от заговорщиков. В окт. 1823 получил «всемилощивейшее» прошение за «виленскую» историю; произведен в подполковники и переведен в пехотный принца Вильгельма Прусского полк. В марте 1825 уволен со службы «за раную», полученную при Кульме.

Н. был арестован в кон. янв. 1826 в Москве (сцена ночного ареста Н. описана его троюродным братом А. И. Кошелевым — см.: Русское общество 40—50-х гг. XIX в., ч. 1. Зап. А. И. Кошелева, М., 1991, с. 53). Подвергшийся грубым обвинениям Николая I, Н. был доставлен в Петропавлов. крепость с высочайшим повелением, «заковав, содержать

наистрожайше». Осужден по 2-му разряду, по конфирмации приговорен к каторжным работам на 15 лет (в авг. 1826 срок сокращен до 10 лет).

Несоразмерность сурового наказания провинности Н. отмечалась мн. современниками, в декабристской среде объяснялась личной мстостью Николая I (Завалишин, с. 241; Лорер Н. И., Зап. декабриста, Иркутск, 1984, с. 170; Огарев-Тучкова Н. А., Записки, — СПб., 1890, № 10, с. 25), в семейном кругу связывалась с неприязнью императора, восходившей еще к дет. союзу (пача Н. приглашали во дворец играть в солдатики с вел. князем) и имевшей роковое влияние на драм. судьбу декабриста в дальнейшем (см.: Поливанов, с. 273—74; Смирнов, с. 52; Никитенко, III, 159).

В окт. 1826 Н. отправлен в Свеаборг; переведен в Выборг. (февр. 1827), а затем в Шлиссельбург. крепость (окт. 1827), откуда через несколько дней по особому высочайшему повелению определен был в Бобруйск в крепостные арестанты без означения срока, с июля 1829 — в роте срочных арестантов (о тяжелых условиях содержания в Бобруйской крепости см. в восп. К. К. Жерве — ИВ, 1898, № 6, с. 759—761).

«Для избежания праздности и рассеяния несносной грусти» (письмо Аврааму Норову, 22 окт. 1832, — цит. по кн.: Тартаковский, с. 46) Н. принял за записки, к-рые при посредничестве брата были напечатаны анонимно: «Записки о походах 1812 и 1813 годов от Тарутинского сражения до Кульмского боя» (ч. 1—2, СПб., 1834). Значит. место в записках помимо описания воен. действий занимает изложение автором собств. взгляда на происходящее (подчас полемического по отношению к офиц. историографии). Н. формулирует осн. принципы составления воен. истории: стремление к ист. правде, опора на свидетельства очевидцев (а не на «лживые или прикрашенные реляции») и беспристрастность, объективизм, требующий «вникать в положение обеих противных армий, сообразить все обстоятельства, поставить себя на место полководца ... и, так сказать, забыть, к которой стороне мы принадлежим» (ч. 1, с. 8). Следуя поставленной задаче, Н. отдает должное таланту Наполеона, «блистательной храбрости» французов и одновременно утверждает нравств. превосходство русских («огонь воинский, воспламенение сердца, заглушает в них всякое другое чувство ... когда дело идет о независимости народной» — с. 14). Записки Н. имеют большое значение как единств. крупное мемуарно-ист. сочинение об эпохе 1812, вышедшее из среды декабристов (Тартаковский и др., с. 46).

Известны др. варианты «Записок» Н. (рукоп. — РНБ, ф. 531, № 756; печатный экз. с разрозненными страницами и рукоп. вставками — там же, Q. IV, № 321; печатный экз. с авт. маргиналиями хранится в РГБ), текстуальные различия к-рых определяются вынужденными уступка-

ми цензорам (в т. ч. А. И. Михайловскому-Данилевскому), а также постановным стремлением Н. (вплоть до 1839) совершенствовать текст, добиваясь максимальной точности, в надежде на 2-е изд. с обозначением авторства.

«Запискам» Н. предшествовали несохранившиеся мемуарные свидетельства Н. об Отеч. войне 1812: на франц. яз. (1813—15), основанные на дневнике, и на рус. яз. (нач. 1820-х гг.; см.: Тартаковский, с. 118—19).

В 1835 Н. был определен рядовым в 6-й линейный Черноморский батальон. Унтер-офицер (1837). Н. признавался, что ему приходилось воевать за чуждое дело («Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением» — РГБ, ф. 201, № 56, л. 2 об.—3). По семейным преданиям, на Кавказе высоко ценились образованность и опытность Н. — его приглашали на воен. советы (Поливанова, с. 34). В янв. 1838 Н. уволен от службы (из-за болезни ног) с дозволением жить в имении отца в с. Надеждино Дмитров. у. Моск. губ. под секретным надзором. В 1841 переехал в Ревель, предварительно получив отказ на его просьбу последовать за Поливановыми, семьей сестры Екатерины, в Одессу. Умер от рожистого воспаления ноги.

Лит.: Восстание декабристов. IV, XII (следств. дело Н.), XVII; Шербаков А. П., Ген.-фельдмаршал кн. Паскевич. Его жизнь и деятельность, т. 1, СПб., 1888 (ук.); История л.-гв. Егерского полка за сто лет. 1796—1896, СПб., 1896, 2-я паг., с. 23, 3-я паг., с. 74—79; Свєрбеев Д. И., Записки, т. 2, М., 1899, с. 17; Завалишин Д. И., Зап. декабриста, СПб., 1906, с. 207, 239—41; Поливанов Н. П., В. С. Норов (декабрист). По его письмам, — РА, 1900, кн. 1; Поливанова Т. Н., Н. по восп. современников и неизд. письмам. — В сб.: Декабристы Дмитров. у., Дмитров, 1925; Смирнов И. А., Декабрист Н. — Там же; Шестериков С., Декабрист Н. — «Былое», 1925, № 2(30); Нечкина М. В., Движение декабристов, т. 1—2, М., 1955 (ук.); Дилазария Г. А., Декабристы в Абхазии, Сухуми, 1970 (ук.); Хохлов Р. Ф., Книжные фонды личного происхождения как ист. источник (по мат-лам сб. Дмитров. краеведч. муз.), — В сб.: Проблемы отеч. истории, ч. 1, М., 1973, с. 309—14; Тартаковский (ук.); Захаров В., Судьба декабриста. — В сб.: Голы и люди, Саратов, 1983, [а. 1]; Вахрушев В. С., Захаров В. М., Проникновение в былое (Очерки по ист.-лит. краеведению Прикопья), Балашов, 1992, с. 4—24. + ИДРДВ; Декабристы; Ченцов; Эймонтова (1, 2).

Архивы: РГВИА, ф. 395, оп. 268/856, св. 1087, л. 17/66, 1835 г., ф. 7, оп. 3, л. 212, 1838 г. (мат-лы о службе); ГАРФ, ф. 48, № 417, ф. 109, 1-я экзп., 1826 г., л. 61, ч. 72 (следств. мат-лы); РНБ, ф. 531, л. 477 (письма Аврааму Норову); РГАЛИ, ф. 390, оп. 1, № 110, 111 (письма к родным из Ревеля); РГБ, ф. 201, № 55, 56 (замечания Н. на книгу Д. С. Белла о Черкесии); РГИА, ф. 777, оп. 2, л. 196, л. 59 об. — 60а, ф. 772, оп. 1, ч. 1, л. 735 (ценз. мат-лы); Дмитров. краеведч. муз., ф. 80 (письма к родным из Бобруйска), ф. 125, № 1 (описание книги В. Скотта с маргиналиями Н.).

М. Ф. Максимов.

НОСИЛОВ Константин Дмитриевич [17(29).10.1858, с. Масляное Шадринское у. Перм. губ. — 3.2.1923, с. Пиленково (совр. Гантиади) Гагрского р-на, Абхазия; похоронен на кладб. у древнего храма Цандриппи], путешественник, этнограф, дет. писатель, журналист. Из семьи

священника. С 1868 учился в Далматов. духовном уч-ще, затем в Перм. духовной сем. (одновременно с избретателем радио А. С. Поповым), из к-рой вышел в 1877, не окончив курса (по некоторым сведениям, был исключен за выступление против строгости семинар. режима). В последние годы путешествовал по Египту, Палестине и Средиземноморью, где поклонялся святым местам, а также встречался со своим земляком о. Антонином (в миру А. И. Капустиним), возглавлявшим рус. правосл. миссию в Иерусалиме. Вернувшись в Россию, исследовал Сев. (приполярный) Урал, путешествовал по Оби и Печоре (см. его очерк «С Оби на Печору». — Изв. РГО, 1884, т. 20, в. 2). С 1884 чл.-сотр. РГО. В 1887 принял экспедицию на Новую Землю (при поддержке Об-ва спасения на водах, осн. адмиралом К. Н. Посыетом, и религ. деятелей Архангельска).

Стараниями Н. в его трехлетнее здесь пребывание были основаны две самодесные (ненецкие) колонии в устье пролива Маточкин Шар и в заливе М. Кармакулы, построена исследователь. станция. Н. организовал в М. Кармакулах школу, где сам преподавал (в числе его знакомых — семья сказителя, будущего изв. художника и первого сов. «президента» Новой Земли Того Вылки, упомянутого в рассказе Н. «Голод»).

В 1891 Н. отправился за границу, слушал лекции по географии и естеств. наукам в Сорбонне (Париж), а также, возможно, в Брюсселе, у франц. географа и социолога Э. Реклю. В 1894, вернувшись на родину, путешествовал по р. Конде (см. описание: Инфантьев П. П., По реке Конде. — «Вокруг света», 1895, № 1—10); наблюдение над бытом и нравами вогулов (манси) впоследствии дали материал для науч.-худож. кн. «У вогулов» (СПб., 1904). Совершал экспедиции по Юж. Сибири («По Юго-Западной Сибири». — «Естествознание и география», 1896, т. 1—2), на п-ов Ямал («Из последней моей поездки на Ямал». — «Правосл. Благовестник», 1898, № 1,

4, 5, 8), в Туркестан, на Алтай, в Китай, Монголию и др. Бывал в Австралии, Швеции, Норвегии (в Бергене встречался с Ф. Нансеном, спорил с ним по проблеме Сев. морского пути). Мечтал о путешествии на Тибет.

В своих странствиях Н. занимался метеорологич., геологич., минералогич., зоологич. и этногр. исследованиями, много фотографировал. В верх. притоках Сев. Сосвы им были обнаружены залежи золота, составлена детальная карта бассейна Сев. Сосвы и Сыты. Н. первым организовал стационарные метеонаблюдения в Арктике, создал первую метеостанцию на Сев. Урале.

Первая лит. работа Н. — очерк «От Екатеринбурга до Соликамска. (Путевые заметки туриста)» («Екатеринбург. неделя», 1879, № 6). В 80—90-х гг. его произв. печатались как в спец. науч. ж-лах, так и в популярных изд.: «Город Березов» («Нива», 1895, № 34), «История одного самодельца» (PM, 1895, № 4, 5), «Как люди женятся» (там же, 1896, № 7). Активно сотрудничал в «Новом времени», где вплоть до сер. 1900-х гг. помещал ст. и заметки: «Западно-Сибирское пароходство» (1905, 5 февр.), «С Ирбитской ярмарки» (1905, 13 февр.) и др.; в 1906 выступил с корреспонденциями о рев. событиях на Кавказе (о восприятии его статей Л. Н. Толстым см. в «Яснополянских зап.» Д. П. Маковицкого. — ЛН, т. 90, ук.).

С нач. 1900-х гг. Н. писал преим. для детей, сотрудничая в ж. «Дет. чтение», «Родник», «Юная Россия» и др., а также выпуская отд. издания. Обращение к собств. жизни и путешествиям определило осн. тематику этих произв.

Они посвящены гл. обр. описанию экзотич. быта и нравов народов Севера и Сибири: рассказы «В снегах» (М., 1900; 9-е изд., М., 1916), «Таня Логий» (М., 1901; 9-е изд., М., 1918; М.—Л., 1928; переизд. в сб. «Храбрая Таня» и «Северные рассказы», см. Изд.), «Юдик» (М., 1903; 3-е изд., М., 1915), «В горах Хингана» (М., 1904; 3-е изд., М., 1916). Н. описывает св. природу и животных («Встреча солнца на Новой Земле» — в сб.: Рассказы для детей, т. 2, М., 1914; «Яхурб» и «Наши „лижнееры“» — в сб.: На диком севере, т. 1—2, М., 1908, 1913), живописи («История одной полярной живописки», М., 1913). В иск-рых рассказах — восп. о детстве, первых религ. переживаниях, возникновении осознанной тяги к путешествиям: «За саранками» и «Мои первые путешествия» (в сб.: Золотос время, М., 1908, 1913), «Отец Августин» и «Маленький Христос» (в сб.: Божьи люди, М., 1915).

В жанровом отношении произв. Н. сочетали черты рассказа и очерка. Написанные просто, без претензий на художественность, строго документальные (нередко снабжались фотоиллюстрациями и рисунками автора), они почти не имели сюжета. Гл. их ценность — познавательная (многообразие мира, аромат экзотики), что не исключало и др. достоинств: заразительно действующий на юного читателя живой авт. интерес к окружающему миру, страсть к путешествиям (хотя бы даже в соседний лес), гуманность и человечность. Отношение Н. к его героям-кинород-

цам», лишенное как колонизаторского высокомерия или снисходительности, так и заискивания, сближает его рассказы с произв. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Н. был знаком с Д. Н. Маминим-Сибиряком (см.: Янко М. Д., Лит. Зауралье, Курган, 1960), с А. П. Чеховым (сохранилось неск. писем из их переписки и упоминание в дневнике Чехова за 1897), к-рый обратил внимание Л. Толстого на творчество Н. (скрытая цитата из очерка Н. «Тепло у вогулов» включена в ст. Толстого «Что такое искусство»).

В послерев. годы Н. жил в Усть-Каменогорске, Шадринске (работал лектором в Шадринском уездном наробразе), Москве; принимал участие в организации (по декрету Совнаркома) экспедиции на п-ов Ямал (1921), писал обобщающую книгу о природе, климате и населении Крайнего Севера, оставшуюся неопубликованной (см.: Курочкин Ю., Рукопись, молчавшая полвека. — «Уральский следопыт», 1968, № 6; там же публикация из кн. — отрывок «Бобры»).

Др. произв.: очерки «На Новой Земле» (СПб., 1903), «Среди наших инородцев» (СПб., 1903), «У рыбаков и звероловов Севера» (М., 1912), «У дикарей» (М., 1915), рассказы «Тимка-переселенец» (в сб.: Рассказы для детей, т. 1, М., 1914), «Рассказ богомольца», «Письмо», «Пожар» (все — там же, т. 2).

Изд.: Северные рассказы, Свердловск, 1937, 1938, Л., 1959; Храбрая Таня, Свердловск, 1942; Клар и кларовый промысел. — В кн.: Рифей, Челябинск, 1983; Дедушка-вогул и его внуки. — В кн.: За горами, Свердловск, 1990; У вогулов. [Очерк]. Шадринск, 1993 (вступ. ст. Л. Осинцева).

Лит.: Чехов (ук.); Толстой (ук.); К. Д. Носилов, «Новости дня», 1933, 23 мая (подпись: В. Ш.); Семенов П. П., История полувольской деятельности РГО, СПб., 1896, к. 2, с. 972; Матусевич Н. Н., Соколов А. В., Новая Земля, Вологда, 1927, с. 66; Донских К. К., К. Д. Носилов. — В сб.: Исетский край, Шадринск, 1931; Ладешников А. С., Писатели Урала, Свердловск, 1949, с. 22—23; Беспалова Л. Г., Тюменский край и писатели XIX в., Свердловск, 1970, с. 74—78; Осинцев Л. П., Писатель и географ Н., Челябинск, 1974; его же, Последнее путешествие Н. — В кн.: Рифей, Челябинск, 1983; его же, Имен связующая нить, Челябинск, 1988, с. 49—75; его же, Носиловские дачи. [Очерк]. Курган, 1993; Омельчук А., Севером пленный. — «Урал», 1985, № 11; его же, К. Носилов, Свердловск, 1989; Шмаков А. А., Шмакова Т. А., Урал литературный, Челябинск, 1988, с. 195. + Мезер: ИДРДВ.

Архивы: Екатеринбург. лит. музей, л. ф.; ГА Свердлов. обл. (биогр. и библи. мат-лы, неопубликованные рукописи 1891 г. — в фойцах «Коллекция В. П. Бирюкова» и «Уральское об-во любителей естествознания»); РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3009 (письма А. С. Суворину); ф. 584, оп. 1, № 173, 319 (письма А. И. Якимирскому); Фемелин; РНБ, ф. 974, оп. 1, № 90 (письма С. Н. Шубинскому); РГБ, ф. 331, к. 53, № 33 (письма А. П. Чехову); ф. 790, к. 3, № 10 (рукописи рассказов); ГА Пермской обл., ф. 65, оп. 1, д. 181 (биогр. сведения).

В. М. Бокоев

НОТОВИЧ Осип (Иосиф) Константинович [15(27).3.1847*, Керчь — 28.11.1914, Париж], публи-

цист, издатель, драматург. Из мещан; отец — раввин. В 1868, окончив с сереб. медалью Таганрог. г-зию, поступил на ф-т вост. языков Петерб. ун-та (вост. языками начал заниматься в гимназич. годы); затем перешел на юридич. ф-т, к-рый окончил в 1874 со степенью канд. права. Действит. чл. Демидов. дома призрения в ведомстве имп. Марии (1887—1907); навл. сов. (с 1898). Имел награды: российский — за выслугу лет (орден св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й степени для нехристиан) и зарубежные — за журн.-публиц. деятельность (см.: ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 248).

Писать (публиц. статьи) пробовал еще в г-зин. В студенч. годы начал сотрудничать в петерб. газетах («Деятельность», 1870; «Нов. время», 1871). С 1873 фактич. ред. «Нов. времени». В 1874 получил права собственности на газету, но вскоре в результате неск. сделок перепродал ее, оговорив себе право на сотрудничество в течение 5 лет (ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 250); писал передовые статьи и вел провинци. отдел, еженедельно выступая с фельетонами о жизни рос. провинции. В нояб. 1876 приобрел в собственность газ. «Новости», для к-рой сам писал передовые статьи, гл. обр. по вопросам внутр. политики. В 1877 добился освобождения газеты от цензуры. В 1880 купил «с торгов» право на изд. близкой «Новостям» по программе «Биржевой газ.». Слив обе газеты в одно изд. «Новости и бирж. газ.» (с 1 июля 1880), Н. объединил под его «знаменем ... прогрес. часть западнич. фракции столичной пишущей братии» и превратил газету в «оплот скрытой... оппозиции консерват. веяниям» 80—90-х гг. (ИВ, 1914, № 4, с. 216); с кон. 1892 газ. выходила с прил. илл. ж. «Петербург. жизнь». В 1881 Н. стал одним из учредителей «Товарищества газ. „Новости“ и печатного дела», объединившего кроме

газеты писчебумажные фабрики, литографию, словолитню и книжные магазины («Устав товарищества» — ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 249, л. 14—17), позже превращенного в Акционерное об-во печатного дела в Петербурге «Гутенберг». Завоевав репутацию наиб. либеральной (в т. ч. за поддержку частного предпринимательства и защиту идеи конституц. России), «Новости и бирж. газ.» приобрела много подписчиков и широко продавалась в розницу (общий тираж — ок. 22 тыс. экз.).

Репутация самого Н. в лит. среде была двойственной. С одной стороны, его ценили как энергичного, всецело преданного делу организатора, к-рый сумел привлечь к участию в своей газете «лучшие силы» — А. А. Головачева, Г. К. Градовского, К. Д. Кавелина, В. О. Михневича, П. И. Вейнберга, П. Д. Боборыкина, В. И. Семивороча-Даниченко и мн. др., а также Н. С. Лескова, тем самым «содействовал примирению автора „Некуда“ с прогрес. частью рус. общества» (А. Е. Kaufman — ИВ, 1912, № 10, с. 136); с др. стороны, Н. постоянно оказывался объектом серьезной критики и мишенью для откровенных насмешек. Работавший одно время в «Новостях и бирж. газ.» корректором В. Г. Короленко считал, что Н. отличался «каким-то особым чутком той средне-обыкат. пошлости, к-рая может создать свособратный успех среди уличной публики, поддерживающей розницу» (Короленко, VI. — «История моего современника», глава, повс. Н., с. 203). Чтобы сохранить газету как коммерч. дело, Н. нередко приходилось вступать в разл. сделки, чреватые судебными процессами и обществ. скандалами (см., напр., «Волж. вест.», 1899, 7 марта; «Одес. новости», 1889, 19 марта; письмо В. А. Бильбасова от 24 окт. 1880 — ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 36). Н. упрекали в том, что в его либерализме «не было решительной последовательности», правда, объясняли это страхом перед заперещением газеты после двух предупреждений, полученных в первые же годы («Север», 1914, № 7, с. 16). «Благонамерен, либерален, но с огибкой, всрит в правовой порядок, но верит также и в главное управление по делам печати» (Михневич, с. 159). Из доклада мн. внутр. дел И. Н. Дурново царю в 1891: газ. «Новости» «особенно отличается своим вредным направлением». Если она настолько осторожна, что нельзя встретить в ней явно дерзких статей, то тем не менее из-за дня в день распространяемый сю, причиняет немалую зл» (цит. по: Левитина, с. 63). Ожесточенная полемика между «Новостями» и консерват. «Новым временем» А. С. Суворина определялась не только принадлежностью этих изд. к разл. направлениям, но и непримиримыми личными отношениями между издателями (см.: Суворин А. С., Дневник, М.—П., 1923 (ук.); Письма А. П. Чехова его брата Ал-дра Чехова, М., 1939 (ук.); Kaufman А. Е., Из журн. вост., ИВ, 1912, № 10], к-рые расценивались нек-рыми современниками как проявление зависти со стороны Н., лелеявшего мечту «побориться с Сувориным за читателя и даже победить великого соперника» (Русанов Н. С., На родине, М., 1931, с. 177).

В 1873 — в преддверии реформы цензуры — Н. издал монографию «Ист. очерк нашего законодательства о печати» (СПб.), рассмотрев в ней законодательство петровского времени и «историю предупредительной цензуры до действующего ныне законодательства». В 1882 выпустил под своим именем книгу статей «Основы реформ местного и центр. управления» (СПб.; часть статей написана по схемам Н. сотрудником «Новостей» М. Л. Песковским), к-рая должна была представить читателю «полную и цельную картину переживаемой... неуря-

дицы... и установить общие начала, из к-рых... должна истекать всякая преобразоват. деятельность, рассчитанная на создание внутреннего и внешнего — действительного, а не казового могущества народа» (с. 1). Анализируя рос. обществ. жизнь, идущую, по убеждению Н., между двумя идеолитч. полюсами — либерализмом зап. образца и славянофильством, — одним из главнейших условий поступат. развития России в сфере законодательства и управления считал «полит. зрелость» населения. Сама обществ. жизнь должна представлять собой «полит. школу, в к-рой из разл. полит. течений и направлений естественно вырабатывалось бы общее направление политически развитого большинства населения, на к-рое правительство могло бы опираться в своей деятельности» (с. 3).

Книга вызвала полемику, в частности, по вопросам выборов и необходимости образоват. ценза (отклик К. Д. Кавелина — ВЕ, 1882, № 12); осн. упрек автору: «много касающихся и ни на чем не останавливающихся подробностей», гл. заслуга: «защита всеословности и самоуправления в мелких адм. единицах» (там же, с. 918).

С популяризатор. целью издал в своем изложении кн. Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (СПб., 1876; 14-е изд. — СПб., 1896), к-рая получила противоречивую оценку («жалкое издание» — «Дело», 1876, № 8, с. 77; П. Злобин: «неумелая компиляция» — ЖО, 1876, № 5, с. 796; ср.: СВ, 1895, № 12, с. 87, где книга признана «безукоризненной и в смысле стиля, и в смысле ясности передачи гл. мыслей Бокля»).

В кн. «Немножко философии. Софизмы и парадоксы. По поводу религ.-филос. произв. гр. Л. Н. Толстого» (СПб., 1886) и «Еще немножко философии. (К вопросу о свободе воли). Софизмы и парадоксы» (СПб., 1887), выдержавших 6 изд., Н. пытался «привязать» вечные вопросы философии о смысле и цели жизни, счастье, любви, свободе воли к конкретному ист. пути России, к истории цивилизации и с этих позиций полемизировал с Л. Н. Толстым, И. Кантом, А. Шопенгауэром. Так, самой большой ошибкой учения Толстого он считал игнорирование «полит. развития» как важнейшего фактора конкретной истории любого народа и в первую очередь — пути его «умств. развития». Оценивая с этих позиций путь России и особую роль в нем «вождей мысли», к к-рым Н. относил и Толстого, он видел их ист. миссию в том, чтобы «постоянно нивелировать и охранять великий мировой путь прогресса общими действиями, согласованными с не-

предложными естеств. и экономич. законами; удерживать направление умов на уровне всегда устойчивого и естественно направленного течения филос. мысли; приучать интеллигенцию к дисциплине мысли, к подчинению неизбежному и борьбе со всем, что вносит в жизнь посторонние, негодные для прогресса элементы» (с. 165—66). Говоря о «мнимости свободы воли», Н. сформулировал единый, по его мнению, для всех явлений во вселенной закон всеобщей необходимости и центр тяжести доказательств перенес из сферы абстракций «на почву чисто житейских отношений» (Д. Л. Мордовцев — РГАЛИ, ф. 320, оп. 1, № 2). С этих позиций он рассмотрел судьбы совр. цивилизации и выдвинул гипотезу о существовании в прошлом др. цивилизаций, достигших гармонии. В кн. «Любовь» (СПб., 1888; с 5-го изд., 1895, с предисл. Ч. Ломброзо и Ферреро, что вызвало иронич. реплику о «панибратстве» Н. с зап. авторитетами, — НСЛ, 1896, № 7, с. 125; 9-е изд. — 1906), представляющей собой «филос. и психол. анализ чувства любви» как краеугольной «основы всей ... духовной жизни» человека (с. 3), писал, что только она и является «тем волшебным цементом, посредством к-рого природа объединяет, связывает и скрепляет все сущее» (с. 20).

Вышедшие затем на франц. и нем. языках книги Н., по словам современника, имели за границей успех, значительно больший, чем в России (Д. Л. Мордовцев — РГАЛИ, ф. 320, оп. 1, № 2), где они чаще оказывались предметом пародирования и критич. издевок («Немножко глупости», «Еще немножко глупости» — Дризен Н. В., Лит. восп., «Весь мир», 1918, № 30, с. 9; «Философия ... мышленного жеребенка», «ничем не возмутимый... апломб» — СВ, 1888, № 4, 2-й отд., с. 116—17).

Н. написал ряд пьес (все — СПб.): «Брак и развод» [1870; отрицат. рец. — «День» (Од.), 1871, № 9], «Темное дело» (1875), «Переходное время» (1876), «Дочь» (1894), «Сюрприз» (1895; Александрин. т-р, 1896), «Без выхода» (СПб., 1895; Александрин. т-р, 1896; о пост. в Кононовском т-ре см. рец.: Никс (Н. П. Кичеев) — «Новости и бирж. газ.», 1895, 21 янв.; Д. Л. Мордовцев — там же, 24 янв.; пародия С. И. Эрбера — «Шут», 1896, № 1, с. 7), «Ноктюрн» (1898; Александрин. и моск. Малый т-ры, 1899), иллюстрирующих осн. положения его публицистики (оценивались в артистически-писат. среде как «нотовическая галиматья» — ЛН, т. 87, с. 309). Герои Н. оказываются втянутыми в типичные для времени конфликты, являющиеся следствием социальных перемен в рос. жизни. Хотя отд. пьесы Н. и шли

на сцене, прохождение их через Театр.-лит. к-т не всегда оказывалось легким в силу их очевидной худож. слабости. Пространные монологи, стилистика к-рых напоминала газетные передовицы, нагромождение сценичности, мелодрам. наивные финалы с обязат. торжеством добродетели, книжный язык персонажей постоянно были мишенью для критики (см.: Д. В. Григорович — РГАЛИ, ф. 138, оп. 1, № 11, л. 65; П. П. Гнедич — РНБ, ф. 613, № 109). В инсценировках («Отверженный», СПб., 1896, — по ром. В. Гюго «Отверженные»; «Похождения мистера Пиквика и его товарищей», СПб., 1899, — по ром. Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба») и переделках (напр., драма Г. Гауптмана «Больные люди», СПб., 1899) отмечалась добросовестность сценич. изложения оригинала («Одес. новости», 1897, 29 апр.; «Новости и бирж. газ.», 1897, 24 апр., 4 мая, 12 мая; 1899, 29 нояб.; ТНД, 1898, № 48; ср.: упрек Н. в амбициозности в связи с обращением к соч. великих писателей — НВ, 1897, 25 апр.; «Волж. вест.», 1899, 23 янв.).

В 1906 Особое присутствие Петерб. судебной палаты двумя постановлениями приговорило Н. «за распространение соч., возбуждающих к неповиновению и противодействию закону ... учинению бунтовщич. деяния ...» к заключению в Петропавлов. крепость сроком на один год, «с прекращением навсегда» газ. «Новости» (см.: РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 460; оп. 530, д. 430, 419). Н. вменялось в вину напечатание в «Новостях и бирж. газ.» резолюции Совета рабочих депутатов от 17 дек. 1905 (1905, 20 дек.), отчета о съезде литовцев в Вильне 21 и 22 нояб. 1905 (1905, 13 дек.), «Заявления казаков» 2-го Урюпин. казачьего полка (1906, 6 янв.). Не добившись через своего адвоката отмены приговора (РГАЛИ, ф. 460, оп. 1, № 37), а затем помилования (РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 419), Н. сумел уехать за границу. С просьбой о помиловании и разрешении на изд. «Новостей» обращался и в 1907 (телеграмма из Берлина), но также получил отказ (РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 772). Поселившись во Франции, сотрудничал в париж. газетах, одно время был ред. рус. отдела агентства Табаса. Испытал «все мытарства полит. эмигранта» — материальную нужду, оторванность от родных и друзей, что переживал особенно тяжело (РСЛ, 1914, 15 марта).

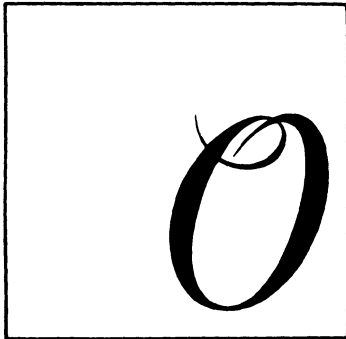
В 1912 был объявлен сыск Н., «в случае явки или задержания» — немедленный арест (ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 254). После Указа об амнистии (1913) тюремное заключение Н. было заменено полиц. надзором. За

неск. месяцев до смерти Н. его дочь обращалась в Мин-во юстиции с просьбой разрешить отцу вернуться в Россию, но прошение было оставлено без последствий (там же).

Лит.: Чехов (ук.); [Биография]. — «Новь», 1887, т. XIX, № 4, с. 30; б. п., Как возникла газ. «Новое время». — «Вест. всемирной истории», 1899, № 1; Алфераки С. Н., Автобиография натуралиста-охотника, М., 1909, с. 56—57; Кауфман А. Е., За много лет. — «Еврейская старина», 1913, т. 6, в. 3, с. 343—45; его же, Редактор-труженик и мученик О. К. Нотович (Из восп.). — «Солнце России», 1914, № 10; б. п., Из жизни газ. «Новости» (К кончине Н.). — «Солнце России», 1914, № 11; Семетковский Р. И., Среди отошедших. — ИВ, 1917, № 4, с. 133; Немирович-Данченко Яс. И., На кладбищах, Ревель, 1921, с. 111—32; Яблоновский А., На заре туманной юности. — «Руль» (Б.), 1923, 24 июня; Елизберг Г. В., Дела минувших дней, Париж, 1933, т. 2, с. 221—222; Дубинов С. М., Книга жизни, т. 1, Рига, 1934 (ук.); Свирицкий А., История моей жизни, М., 1947, с. 519—28; История рус. журналистики XVIII—XIX вв., 2-е изд., М., 1966, с. 515—16; Бейзер М., Евреи в Петербурге. [Иерусалим], 1899, с. 20—24; Петровская (2), с. 75; Левитина В., ... и сверн — моя кровь, М., 1991, с. 60—63, 286; Суворин А., Дисциплин, М., 1992 (ук.). — Некрологи, 1914: РМ, № 3; ИВ, № 4 (Б. Г. (Б. Б. Глинский)); «Север», № 7; НВ, 14 марта; РСЛ, 2 марта; «Моск. газ.», 3 марта. Портретная галерея предст. рус. печати — «Новь», 1887, т. XIX, № 1, с. 30 (Мозанка); Систематич. указатель лит-ры о сврехх на рус. языке ..., СПб., 1892; Труды О. К. Нотовича — «Новый восток», 1914, № 9, с. 16; Брокгауз: Гранат; ИРДТ: ИДРДВ; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 339; ИРЛИ, ф. 207; ф. 155 (биография, прошения) [справка Н. А. Хохловой]; СПб ГТБ (рукописи пьес); РНБ, ф. 73, № 1200 (письмо А. А. Краевскому, 1877); ф. 426, № 3 (письмо М. М. Ледерле, 1891); ф. 601, оп. 1, № 2506 (о запрещении розничной продажи «Новостей» в 1877); ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 5, д. 4445 (студенч. дело)*; ф. 358, оп. 1, д. 1005 (дело о службе) [справка А. Г. Румянцев]; РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 1369 (ф. с. 1897 г.); ф. 1405, оп. 521, д. 460; оп. 530, д. 430; ф. 1363, оп. 5, д. 518 (мат-лы судебных дел) [справка О. Морозан]; ГАРФ, ф. 102, 7 д-во, 1905 г., д. 2030.

И. Е. Гитович.

ОБЛЕУХОВ Антон Дмитриевич (не раньше 1862 — после 1916), поэт. Внук Д. А. *Облеухова* (в статье о нем сведения об отце О.). Мать — Ек. Григ. Белафина.

Первая выявленная публ. — пер. стих. А. Мюссе «Октябрьская ночь» (РО, 1894, № 11), посв. редактору «Рус. обозр.» А. А. *Александрову*. В 1895 опублик. вольный пер. цикла стихов Мюссе «Ночи» (М.) — по мнению большинства рецензентов, «ряд скучных декламаций, пересыпанных самыми банальными оборотами» (МБ, 1896, № 1, с. 7; см. также: «А. Г. Горнфельд» — РБ, 1896, № 1; положит. рец.: ЛПН, 1896, № 10; «Север», 1895, № 44). Ориг. произв. О. появлялись в периодике очень редко: «Грѣза волшебная, грѣза неясная...» (РО, 1895, № 11), «Свет и тьма» (РБ, 1896, № 10).

В рец. сер. 1890-х гг. О. проявил нек-рый интерес к новым веяниям в рус. лит-ре: высоко оценив поэзию К. Д. Бальмонта, он пытается доказать неорганичность «декадентских» мотивов в его творчестве (РО, 1894, № 12, с. 1139—40; см. также его рец. на «Стихотворения» А. А. Голенищева-Кутузова — РО, 1895, № 2, подпись А. Д.). В 1895 О. познакомился с В. Я. Брюсовым, стал восторженным почитателем его произв. (письма О. к Брюсову 1895—1916 — РГБ, ф. 386, к. 96, № 31), привлек его к сотрудничеству в илл. прил. к газ. «Рус. листок»; Брюсов же относился к О. пренебрежительно [см.: Брюсов (1), с. 22, 38, 51; ЛН, т. 98, кн. 1, с. 314]. По свидетельству Брюсова, О. в 1896 находился на излечении в психиатрич. больнице в Одессе [см.: Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову (1894—1896 гг.), М., 1927, с. 63].

Единств. поэтич. сб-к О. — «Отражения. Оды. Поэмы. Лирика» [М., 1898; назв. объясняется отчасти тем, что в книгу вошли пер. произв. А. Ренана, П. Бурже, А. Мишкевича, Ж. Нерваль и др., подражания Данте, стих. переложения «Русалочки» Х. К. Андерсена (поэма «Маленькая русалочка») и «Призраков» И. С. Тургенева (поэма «Звездное сия-

ние»); ср. подобные опыты, напр., С. А. Андреевского]. В сб-ке нетривиально соединились тенденциозная полит. поэзия [«оды» — поэмы «Александр Великий» (посв. бесмертной памяти имп. Александра Александровича), «Огонь Прометей» (посв. памяти М. Н. Каткова)], стих. «Древний Вавилон»] и типично «декадентские» сюжеты и образы (рецензент высмеял успешный стихотворный «серебристый покой» — СО, 1897, 29 дек., с. 221). Финал поэмы «Александр Великий» — «И, как шум от движенья гигантской пчелы./ Приближается смерть» — лейтмотив всей книги (стих. «Знамя смерти», «Цепь бытия», «Альпыхара» и др.). Нарочитая эксцентрич. мрачность поэзии О. (напр., описание бреда в поэме «Вечное зло») шокировала критиков: по мнению П. Ф. Якубовича, «дикие... видения» О. — отражение «душевного склада и строя» сотрудников «известных [подразумевается «консервативных»]. — Ред.] моск. изданий» (РБ, 1898, № 3, с. 19—22). Рецензент «Нов. времени» отмечал влияние Ш. Бодлера и А. Шопенгауэра, находя при этом, что «вопиющие бессмыслицы» О. — вопреки замыслу автора — похожи на «злую мистификацию» (1897, 10 дек.). В не замеченных критиками двух автопародиях — поэме «Паук и Комар (правдоподобная история)» и стих. «Тля» — О., вероятно, стремился нейтрализовать возможный комич. эффект восприятия его патетич. произв.; герои, темы и интонации автопародий предвосхищают нек-рые позднейшие явления рус. лит-ры (обзриуты, К. И. Чуковский): «Паук, весь охваченный пламенем страсти./ Пылает, как бурный пожар...», «Ах, никогда не знает тля./ Как все изменчиво и ложно./ Как необъятна вся земля./ И как на свете тля ничтожна».

Подавленный неуспехом «Отражений», О. практически не выступал более в печати (обнаружены только 3 стих. в ж. «Знамя» за 1899: «Как волны несутся мечты переходящие...» — № 8; «С. И. Т-ой», «Упрекам совести, холодной укоризне...» — № 11). В письме Брюсову от 30 нояб. 1900 О. с горечью признавался: «У меня если и было поэтич. дарование, то оно давно зарыто даже не в землю, а в навоз жизненной прозы» (РГБ, ф. 386, к. 96, № 31). В 1900-х гг. бывал в столицах, очевидно, наездами, жил в Малоярославце (1900), в имении матери Костове Костром. губ. (1902), в собств. имении Княжеве той же губ. (1910 — нояб. 1916). С 1917 следы О. теряются.

Его брат Николай — ред. ж. «Знамя», сотр. газ. «Моск. вед.» и «Рус. листок», сестра Анна (в замужестве — Пустошкина) — близкая знакомая Бальмонта.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2, оп. 1, № 695 (письма А. А. Александрову); РГБ, ф. 342, к. 30, № 125 (письма П. П. Шибанову), ф. 385, к. 1, № 63 (письма С. В. Флёрову). Г. В. Зыкова.

ОБЛЕУХОВ Дмитрий Александрович [19(30).9*.1790 — 13(25).12.1827, Москва; похоронен на кладб. Данилова мон.], литератор, ученый. Дед А. Д. *Облеухова*. Из дворянского рода, известного с кон. 16 в. Сын ген.-майора Ал-дра Дм. Облеухова (ум. в 1814), в 1794—96 правителя Калуж. наместничества, пользовавшегося расположением П. А. Зубова (а через посредство последнего — Екатерины II); об издат. деятельности отца — см.: Виппер Ю. Б., Первое рус. издание «Мемуаров» кардинала де Ретца (ИзвОЛЯ, 1991, № 6, с. 518).

О. получил блестящее дом. образование (владел классич. и европ. языками) и после краткого пребывания (1805) в Моск. ун-тском благородном пансионе по личному распоряжению попечителя Моск. ун-та М. Н. Муравьева был произведен в студенты (о необычных обстоятельствах принятия 15-летнего О. в ун-т см.: Андреев, с. 16). Тогда же, видимо, по совету Муравьева О. перевел (с франц.) популярную поэтику Ш. Баттё «Начальные правила словесности» (т. 1—4, М., 1806—07), дополнил разделы, посв. отд. жанрам, собств. краткими характеристиками отеч. писателей: «О рос. эпопеях г-на Хераскова», «О сатирах кн. Кантемира» и др.; при переводе цитируемых Баттё текстов — греч., лат., франц., нем. авторов — О. обращался к оригиналам. Ознакомившись с изданием, Муравьев написал «длинное, прекрасное письмо к переводчику», в к-ром выражал ему «свою благодарность, свое сочувствие» (прим. М. П. Погодина к письму Н. М. Карамзина Муравьеву — «Москв.», 1845, № 1, с. 4).

Первая из выявленных публикаций О. — стих. «Ночь» («Моск. курьер», 1805, ч. 1) с характерными для преромантич. поэзии мотивами. В ж. «Друг просвещения» появилась переведенная им 1-я эклога Вергилия «Титир и Мелибей» (1805, № 8); попыткой (не вполне успешной) воссоздать средствами рус. языка горацианскую строфу отмечен «Перевод 2-й Горациевой оды к Августу Цесарю» (2-я ода 1-й книги; там же, 1806, № 9).

Покровительство попечителя помогло О. быстро получить ученые степени кандидата древней и новейшей литературы (1806) и магистра словесных наук (1807), а также награду за перевод Баттё, посв. императору, — бриллиантовый перстень. В 1811 О. первым из выпускников Моск. ун-та был удостоен ученой степени доктора физ.-матем. наук (защитил дис. «О главных основани-

ях равновесия и движения» и прочел неск. пробных публичных лекций; в том же году был приглашен ген.-майором Н. Н. Муравьевым в действит. члены Об-ва математиков (впоследствии преобразовано в Моск. уч-ще колонновожатых) (ИВ, 1899, № 12, с. 1147—48).

В ун-те сложился круг знакомств О. и завязались те дружеские отношения, к-рые он поддерживал на протяжении всей жизни, — «своего рода братство» (Шаховской Д., Письма о братстве. — «Звезда», в. 2, М., СПб., 1992, с. 242); с М. Я. и П. Я. Чаадаевыми (записка Погодина М. И. Жихареву — РГБ, ф. 103, к. 1032, № 30; там же письмо О. к П. Чаадаеву — № 37; частично опубл.: Чаадаев, 1991, т. 2, с. 434—36), кн. И. Д. Шерботовым, М. А. Фонвизинным и И. Д. Якушкиным (О. был посвящен в его душевную драму). Друзья О., судя по всему, испытывали влияние его личности и интересов; главными в их общении были постоянный духовный контакт и сходные устремления, прежде всего к философствованию (в терминологию самого О. — «наша метафизика»; цит. по кн.: Чернов, с. 4—5).

С 1810 О. исполнял обязанности младшего, а с 1811 — старшего письмоводителя в канцелярии П. И. Голенищева-Кутузова, сменившего Муравьева на посту попечителя Моск. ун-та.

Всегда готовый услужить влиятельным моск. семействам, Голенищев-Кутузов не обременял О. делами (ср. иронич. замечание М. П. Третьякова, сослуживца О., о номинальном характере его обязанностей — РС, 1892, № 7, с. 128) и хлопотал о его карьере, характеризуя О. как «человека хотя и молодого, но пренебреженного редких сведений и отличнейших способностей... могущего быть со временем человеком государственным» (письмо к А. К. Разумовскому — в кн.: Васильчиков А. А., Семейство Разумовских, т. 2, СПб., 1880, с. 377—78). В 1811 Голенищев-Кутузов включил О. как действит. члена в состав реорганизованного Об-ва истории и древностей российских (в 1817 отказался от участия в Об-ве).

После увольнения Голенищева-Кутузова от должности попечителя (1816) О. оставляет службу (с чином коллеж. ассессора). С этого времени до кончины жил преим. в Москве, в собств. доме на Тверской (РА, 1878, кн. 1, с. 290) (друзья в шутку называли его «святой отец Дмитрий Тверской»). По впечатлениям современников, в его облике сочетались черты философа-затворника (энциклопедич. познания, оригинальность умств. склада) и апатия, едва ли не болезненная неуверенность — до неспособности принять определ. решение (ср. автохарактеристику О. в письме к Якушкину от 24 авг. 1825: «обыкновенная моя неподвижность, которая приводит меня в невозможность переменив место, на коем однажды нахожусь»; цит. по кн.: Чернов, с. 3—4) — свойства личности и характера, по-видимому, объяс-

няющие немногочисленность его прижизненных публикаций.

В 1823 О. предпринял попытку изд. ж. «Магазин. Журнал религии, лит-ры и философии на 1823 г.» (не разрешен цензурой — ГА Тверской обл., ф. 103, № 2348 — сообщено С. И. Пановым). К 1824—25 относятся его «Заметки о духоведении», к-рые он отослал Чаадаеву.

М. О. Гершензон ошибочно атрибутировал текст П. Чаадаеву и опубл. его в кн.: Чаадаев П. Я., Соч., т. 1, М., 1913, с. 39—52, т. 2, М., 1914, с. 83—96 — в пер. с англ., нем., франц., лит. языков (об авторстве О. и истории документа см.: Шаховской Д. И., Якушкин и Чаадаев. — В кн.: Декабристы и их время, т. 2, М., 1932, с. 176—81).

Этот «мистич. дневник» (определение Гершензона) содержал преим. выписки из соч. И. Г. Юнга-Штлинга (о сообщении творч. силы души с духами, участии в этом человеческой воли и свободы, возможности прижизненного освобождения от мирских привязанностей и т. п.), перемежающиеся подробными описаниями своего душевного состояния и тщательной фиксацией стихов, попавшихся в раскрытом наудачу Евангелии; между собою. опытом и евангельскими истинами О. пытался установить мистич. соответствия, хотя и отдавал себе отчет в опасности («соблазне») такого рода упражнений. «Повсюду мое стремление, — записывает О., — направлено на то, чтобы согласовать разум с откровенными истинами» (Чаадаев П. Я., Соч., т. 2, с. 87).

Весной 1821 О. женился на Ев. Иа. Черкасовой (1803 или 1805 — не ранее 1868) — дочери барона И. П. Черкасова, входившего в 1814—15 в ближайшее окружение В. А. Жуковского (см.: Пушкин. Иссл., т. 10, Л., 1982, с. 28, 30). Черкасов по своему имени Володько в Белев, у Тульской губ. приходились соседями Жуковскому, Протасовым, Плещеевым и Елагиным. Е. И. Облеухова была подругой А. П. Елагиной, к-рая жила в 1810-е гг. в Долбине со своими сыновьями — бр. Киреевскими (письма Облеуховой к Елагиной, 1842—68, — РГБ, ф. 99, к. 9, № 14). В 1860-е гг. приняла монашество с именем Феофания.

Причиной ранней смерти О. кроме недугов можно считать его склонность к депрессии, усугубленную распадом дружеского круга после дек. 1825. И. В. Киреевский вскоре после смерти О. напечатал неск. его соч. в «Моск. вест.» (без подписи: в оглавлении ч. 8 «Моск. вестника» помета «О.»), переданных в журнал Чаадаевым: вольный пер. мистерины Дж. Байрона «Манфред» (1828, № 7) — с кратким послесловием, рассказывающим о личности и трудах О. (там же, с. 352—54; отрицат. отзыв Н. М. Языкова: «Облеухов... не умел писать стихов; растягивал, вялил и переиначивал подлинник» — в кн.: Языковский архив, в. 1, СПб., 1913, с. 357), а также «Отрывки из письма к N. о гиероглифическом языке» (1829, ч. 4) — рассуждения о первоначальном общем языке (протоязыке), его постепенном разруше-

нии и связи между «гиероглифами» (начертаниями букв) в совр. языках, их названиями и частями человеческого тела: О. полагал, что тело — мера, идеал и выражение гармонии «видимого чувственного мира».

Начертания букв он относил к «естественным», а не «условным» знакам и видел в них не только отражения «всегообщего языка», но «чувственные образы коренных понятий, категорий» (с. 107). При этом О. интересовали не запечатленные в иероглифах свойства предметов, а познание их пропорций и отношений, «законов аналогии натуры» (с. 107, 112—13, 118—19). Не приведенные в стройную и проработанную теорию, рассуждения О. обнаруживают элементы «новой, остроумной, глубокомысленной и самобытной системы, которая в Германии имела бы влияние заметное во многих отношениях», — замечал Чаадаев в письме к издателю, предавая-сь публ. статьи. По словам самого О., такого рода «тонкими отвлеченными исследованиями» он «занимался беспрестанно и никогда не достигал истины, которая была единственная цель сих часто ... скудных размышлений» (цит. по кн.: Чернов, с. 2).

Сын О., Дм. Дм. (1822—89), на протяжении всей жизни был близок к семье своего крестного отца И. Киреевского, разделял его взгляды, посетил собрания в его моск. доме (РГБ, ф. 99, к. 9, л. 4 об.). Интересно мнение младшего О. о гоголевских «Выбранных местах из переписки с друзьями»: их автор «умер уж насквозь как писатель для России» (Барсуков, VIII, 525). Он написал небольшие восп. об иеромонахе Феофиле, в схиме — Фоме (1865 — РНБ, ф. 550, Fxvii.82, л. 24—29), ошибочно приписанные его отцу (см. в кн.: История СССР в восп. и дневниках, в. 1, Л., 1975, с. 175).

Лит.: Якушкин И. Д., Записки, статьи, письма, М., 1951 (ук.); Фонвизин М. А., Соч. и письма, т. 1, Иркутск, 1979, с. 106; Чаадаев П. Я., ПСС и избр. письма, т. 2, М., 1991 (ук.); Колыпанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 2, М., 1889, с. 292; Грот и Плещеев, II, 446, 449; Сб. Рус. ист. об-ва, СПб., 1891, т. 78, с. 444; Попова Е. И., Дневник, СПб., 1911 (ук.); Декабристы. Сб. мат-лов, Л., 1926 (Всесоюзная 6-ка им. В. И. Ленина), с. 157—58, 162, 191; Чернов С. Н., Четыре письма неизвестного к декабристу И. Д. Якушкину, Саратов, 1927; Шаховской Д. И., Из бумаг Н. Д. Шаховской (рожд. Шерботовой). — В кн.: Декабристы и их время, в. 1, М., 1928 (ук.); НМ, 1964, № 12, с. 142 (дневник А. В. Якушкиной); Каталог 6-ки П. Я. Чаадаева, М., 1980, с. 137; АБ, в. 18, М., 1985, с. 180; Гершензон М. О., Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого, М., 1989, с. 129—37; 72; Костикова Е., Д. Облеухов. — «Литва. Биогр. альм.», [ш. 2], М., СПб., 1993; McNally R. T., Chaadaev and his friends, Tallahassee (Florida), [1971], p. 10, 17, 234—35, 238; Tchaadaev P., Oeuvres inédites ou rares, Meudon, 1990 (index); ПН, т. 22/24, с. 12—13, 76; Письма А. В. Якушкиной и Н. Н. Шереметевой к И. Д. Якушкину (1826—1832) — Памятники культуры. 1996 (публ. В. И. Осмоловской) — в печати; Андреев А. Ю., «Мистический» друг Чаадаева (Жизнь и творч. судьба О.) — РЛ, 1997, № 2; L'amina C., Tchaadaev: L'ami de jeunesse ou les origines d'une réputation. — Romanisme, v. 92. * МНкрп; Гендай; РБС (О. ошибочно назван врачом); Брокгауз; Декабристы; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 236, оп. 1, № 102, 292 (письма Д. Д. Облеухова к И. В. и Н. П. Киреевским); РГБ, ф. 103, к. 1032, № 37а (посвящение «Манфреда» Еп. Ив. Черкасовой — сестре жены); ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1556 (договор о найме дома для И. П. Черкасова, 1822 г.); РГАИ, ф. 1343, оп. 26, л. 2867 (о дворянстве рода О.), л. 81—81 об. (аттестат о службе), л. 104—104 об. * (м. с.); ф. 1349, оп. 4, л. 16 (ф. с. 1814 г.) [справка С. И. Варсковой].

Е. Э. Ламина.

ОБНИНСКИЙ Виктор Петрович [2(14).4.1867, с. Белкино Боровского у. Калуж. губ. — 20.3(2.4).1916, Москва; похоронен в Донском мон.],

публицист, журналист, обществ. деятель. Из дворян Калуж. губ.; сын юриста, деятеля судебной реформы П. Н. Обнинского (см. о нем: Брокгауз, Гранат). О. учился во 2-м моск. кадет. корпусе, в 1884 поступил в 3-е воен. Александров. уч-ще, по окончании к-рого (1887) произведен в подпоручики с прикомандированием к л.-гв. 4-му стрелковому имп. фамилии батальону (с 1891 — поручик); уволен от службы по болезни в авг. 1892. В своих мемуарах он объясняет отставку неудачным экзаменом в Воен.-юридич. акад.; участие в помощи голодающим (Пензен. губ.) повлияло на обществ.-полит. взгляды О. в либер.-демокр. направлении: «я прошел на голоде курс, далеко превосходивший то, что, в смысле выработки мирозерцания, могла мне дать военная академия» («Девяносто дней...», с. 24). Затем служил в Моск. казен. палате, в 1894—95 — по Мин-ву путей сообщения. В янв. 1902 избран гласным Боровского у. Калуж. губ. В сент. 1902 один месяц был зем. начальником 1-го участка Боровского у., в 1903—04 — предводитель дворянства Малоярославец. у., с сент. 1903 — поч. мировой судья того же уезда (владел имением Турлики, ныне на терр. Обнинска, к-рое в 1909 продал М. К. Морозовой, вдове М. А. Морозова). Выступал за уравнивание крестьян в правах с др. сословиями, участвовал в составлении адреса от калуж. дворянства императору вместе с Е. Н. Трубецким («Девяносто дней...», с. 39). В дек. 1904 избран пред. Калуж. зем. управы на 3 года. Весной 1906 уволен со службы в связи с избранием депутатом 1-й Гос. думы, где входил во фракцию «автономистов»: выступал за централизацию на началах автономии отд. народов и областей. Участвовал в подписании Выборгского воззвания против роспуска Думы, был приговорен к тюрем. заключению [в тюрьме написал кн. «Девяносто дней тюремного заключения» (М., 1917), в к-рой дневниковые записи о происходивших событиях перемежаются пространными фрагментами личных восп.].

В 1905 О. готовил хронику революции, на ее основе опубл. сб-ки документов и материалов «Полгода рус. революции» (М., 1906), «Летопись рус. революции» (М., 1907); «Дума и революция» (в. 1) и «Вне закона» (в. 2), представляющие собой тематически организованные (цензура, судебные процессы, ссылки, смертные казни и пр.) подборки текстов (газетная хроника, правительств. документы, воззвания и резолюции полит. партий и др.), воссоздающие картину событий в Петербурге, Москве и провинции с окт. 1905 по июль 1906; тексты снабжены

многочисл. картами, статистич. таблицами. Сб-ки О. подвергались аресту, автор привлекался к судебной ответственности (см.: «Кн. вестник», 1906, № 32—33, стб. 742). В кн. «Новый строй» (ч. 1—2, М., 1909; 2-е изд., М., 1911) события 1905—1909 изложены в форме ист. повествования.

С кон. 1909 О. сосредоточился на нац. проблемах, пользовался репутацией «искреннего друга негосударственных народностей», снискал уважение укр. автономистов, для контактов с к-рыми посещал Киев; единомышленниками характеризовался как «благороднейший рыцарь, стоящий романтик нац. вопроса среди рус. об-ва» (Ефремов С., Против течения. — ГМ, 1916, № 5—6, с. 147, 151). Участвовал в редактиро-

вании ж-ла «Народы и области» (1914, № 1—8) — органа Об-ва единения народностей в России, пред. к-рого состоял. В февр. 1916 присутствовал на совещании представителей разл. национальностей в Петрограде.

В первом обнаруженном выступлении в печати — ст. «Достоевский и Толстой о Пушкине» («Рус. труд», 1899, № 19) полемизировал с содержащимися в трактате Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» утверждениям о «ненужности» поэзии Пушкина для народа, противопоставляя т. з. Толстого пушкинскую речь Ф. М. Достоевского. Выпустил неспростат. книжечку для детей «Сказки старого гнома» (Калуга, 1903, 1904). Состоял сотрудником ж-ла «Вест. Европы» и газ. «Рус. вед.», эпизодически печатал в газ. «Бирж. вед.» и «Утро России» хронику и статьи на обществ.-полит. темы; сотрудник редакции т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о»; являлся учредителем «Книгоизд-ва и кн. склада В. П. Обнинского».

Во 2-й пол. 1900-х гг. О. сблизился с семьей кн. С. Д. Урусова, подолгу жил в его имении Росва Калуж. губ. Летом 1911 выпускал здесь руко-

писный ж-л «Подсвинок» («Ежедн. беспартийный ж-л росвянской лит-ры, политики и науки, выходит по вторникам в одном экз., сразу становясь библиографич. редкостью»); ж-л подписывал «Подпасок О.», ему же принадлежит большинство текстов: шуточные корреспонденции, фельетоны, стихотворения и пр.; материалы содержат небезытересные подробности усадебного времяпрепровождения интеллигенции нач. 20 в. Вышло 8 номеров, четвертый — «юбилейный», посв. 5-летию знакомства О. с семьей Урусовых (хсерокопия ж-ла хранится в Музее истории города Обнинска; оригинал — в частных руках). С начала 1-й мировой войны О. — корр. «Рус. слова» на Юж. фронте; с сент. по ноябрь напечатал более десятка воен. очерков и репортажей (сотрудничество с газ. прекратил из-за финанс. разногласий — см. письмо издателю И. Д. Сытину — РГБ, ф. 259, к. 18, № 3). Вернувшись с фронта, заведовал отд. помощи военнопленным при Гл. к-те Всерос. зем. союза; опубликовал кн. «В плену. О помощи находящимся в плену рус. солдатам» (М., 1916). Фронтные впечатления изложил в кн. «Австро-венгерская армия в Галиции», оставшейся в рукописи (РГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, № 399).

Наибольшую известность получила кн. «Последний Самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II» (Б., [1912]; вышла без указания авторства, раскрыто в НЭС; переизд. в России после Февр. революции — «Николай II последний самодержец. Очерк жизни и царствования», 2-е изд., в. 1—5, П.—М., 1917, совр. изд. — М., 1992), представляющая широкую панораму полит. жизни России с момента рождения Николая II и до убийства П. А. Столыпина (картины придворной жизни, характеристики членов царствующего дома, министров, обществ. деятелей); она написана в жанре разоблачит. памфлета, включает многочисл. фотоилл. и снабжена приложениями, содержащими документы освободит. движения.

О. редактировал сб. «Война и мир» — памяти Л. Н. Толстого (М., 1912; книга 3 мес. находилась под арестом, см. об этом в отзыве П. Н. Сакулина — ГМ, 1913, № 5), в к-ром поместил ст. «Война сто лет назад и теперь», посв. теме совр. милитаризма; сб. «Венок на могилу С. А. Муромцева» (М., 1912), а также выпущенные к юбилею судебной реформы сб-ки статей Г. А. Джаншиева (М., 1914) и П. Н. Обнинского (М., 1914), своего отца.

Покончил с собой, застрелившись в помещении собств. книжного склада, предварительно оставив многочисл. письма друзьям и написав

собств. некрологи для ряда газет (причин самоубийства не указал, в об-ве оно расценивалось как результат тяжелого психич. расстройства).

Лит.: Шаховской Дм. И., В. П. Обнинский. — В кн.: К 10-летию 1-й Гос. Думы, П., 1916; Морозова М. Г., Прогулки по старой Калуге, Калуга, 1993; Васильева З., Одинокий романтик смутного времени. Письма В. Обнинского. — «Веч. Обнинск», 1995, 13, 18, 19, 20, 25, 26 июля (фрагменты писем О. к Р. М. Хин-Гольдовской и фрагменты ее дневников, посв. О.); сс же, Незвестные страницы жизни Поленова. — Там же, 1997, 6 февр. (фрагменты переписки О. с В. Д. Поленовым); Берберова Н., Люди и эпохи, Х.—М., 1997 (ук.); Серков А. И., История рус. масонства. 1845—1945, СПб., 1997 (ук.). + Некрологи, 1916: «Речь», 23 марта (М. Винавер); РСЛ, 22 марта (Б. Сыромятников); УР, 22 марта; РВед, 24 марта («Похороны О.»). РВед. Сб.; Грант; ИДРДВ; Муратова (2, ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 128, оп. 1, № 96 (письма Р. М. Хин-Гольдовской); РГВИА, ф. 400, оп. 17, д. 7016 (п.с. 1892 г.); ГА Калуж. обл., ф. 58, оп. 3, № 74 (ф. с.); РГИА, ф. 229, оп. 10, № 2120 (дело о службе, 1898 г.).

А. А. Носов, при участии З. В. Васильевой.

ОБОДОВСКИЙ Платон Григорьевич [27.11(9.12).1803, г. Галич Костром. губ. — 10(22).2.1864, Петербург, похоронен на Смоленском кладб.], драматург, поэт, переводчик; педагог. Брат известного географа и автора пед. работ — А. Г. Ободовского. Отец, Григ. Онисимович, из старинного знатного шляхетст-

ва польского (к рус., костромскому дворянству причислен в 1814), известный губ. врач. Окончив 2-ю петерб. г-зию (где его товарищем был В. Н. Григорьев, проходивший курс в 1814—20) и петерб. Высшее училище (1822, с чином 14-го кл.), О. «вступил в службу» в янв. 1823 в 3-ю петерб. г-зию «комнатным надзирателем» (до 1827), а через месяц — и учителем рос. и лат. грамматики (во 2-й приготовит. класс; до 1828); в 1824 определен учителем рус. яз. в 1-й и 2-й кл. при Воспитательном доме [отставлен по прошению (с наградой) в 1830] и одновременно учителем переводов в высший класс Воспитат. об-ва благородных девиц (уволился в 1825 или 1826). В

мае 1827 «утвержден Петерб. ун-том в звании учителя». В 1827—30 служил также в Коллегии иностр. дел.

Стихи писал с гимназич. лет; дебютировал в 1822 в ж. «Благонамеренный» (№ 33) — органе ВОЛСНХ, чл. к-рого его избрало 13 сент. 1823. В 20—30-е гг. печатается во мн. журналах — «Благонамеренном» (1822—23), «Сыне отечества» (1823—38), «Новостях лит-ры» (1825), «Галатее» (1829—30); в газ. «Лит. прибавления к РИ» (1832—35) и альманахах — «Полярной звезде» (1823—25), «Северных цветах» (1825—30), «Невском альм.» (1826—46), а также эпизодически в «Подснежнике» (1829), «Северной звезде» (1829), «Календаре муз» (1827), «Эвтерпе» (1831, 1836); «Одес. альм.» (1839—40).

В творчестве О. проявились поэтич. тенденции времени: воздействие нем. лит-ры через посредство В. А. Жуковского; влияние Дж. Байрона; разрушение строгой жанровой системы. В первом же стих. «К другу. На просьбу, чтоб я перевел нечто из Байрона» («Благ.», 1822, № 33), поэт прямо указал своего учителя — Жуковского; среди его первых, не попавших в печать опытов баллады «Эдвин и Клара» (1820) — подражание «Людмиле», а «описательная» элегия с символич. пейзажем «Карповка» (1821) — «Славянке». Поэзия Жуковского, очевидно, стимулировала тяготение О. к религ. символич. и аллегоризму нем. сентиментальных и предромантических поэтов; ей же он обязан особым вниманием к творчеству Ф. Шиллера. Такая ориентация сохранялась и в дальнейшем вместе с устойчивым интересом к нем. лит-ре вообще: «Гроб. (Из Салиса)» («Благ.», 1822, № 38), «Желание. (Из Маттиссона)» («Подснежник» на 1829), «Детство. (Из Маттиссона)» (СО и СА, 1829, № 19), «Геро и Леандр (Вольный пер. из Шиллера)» (НА на 1827, СПб., 1826), «Близость милой (Подражание Гёте)» (СО и СА, 1829, № 6), отрывки из «Песни о колоколе» Шиллера (ЛГ, 1830, 11 мая; ЛПРИ, 1835, 15 июня), «Песня Миньоны. (Из Гёте)» (УЗ на 1841). Однако по пути религ. аллегоризма О. идет дальше Жуковского. В его творчестве весьма продуктивна традиция «переложений псалмов», к к-рой примыкает серия «кантат» на евангельские сюжеты, соединявших в себе лиро-эпич. и драм. начала: «Торжество искупителя» (читано на публичном экзамене Высшего училища 22 дек. 1822; «Благ.», 1823, № 5), «Искупитель во гробе» (ПЗ на 1823), «Песнь плененных израильтян» (СО, 1823, № 45); близко к ним стих. «Падение Иерусалима» (ПЗ на 1824; «Соревнователь...», 1824, кн. 1).

Стихи О. заметно отклоняются от сложившейся к 20-м гг. жанровой системы: одни повторяют продуктивные жанры 1800-х гг.; другие свидетельствуют о ее деформации. Он пишет прямые аллегории «Утро» («Благ.», 1823, № 16), «Отважный пловец на чужбине» (СО, 1827, № 4) и моралистич. послания («К другу (во время грозы)» — «Благ.», 1823, № 3), в к-рых утверждается присутствие Божества в обыденных явлениях природы (вероятно, не без воздействия стих. Жуковского «Невыразимое»). Однако наряду с вполне традиц. «элегическими» сетованиями на «потерю юных дней» и «измену вдохновения» («Вдохновение» — НЛ, 1825, № 5) О. осваивает в элегии, ключе и библ. сюжеты («„Плеч Давида о смерти Саула и Ионафана“, Элегия» — «Благ.», 1822, № 38), а также сочиняет элегии, к-рые значительно утрачивая внешние признаки жанра, сближаясь с «романсами» и «мелодиями» 1830-х гг.: «Лилиа» (НА на 1828), «Мария» (СО и СА, 1830, № 23).

О. писал и «песни», в т. ч. «русские песни», подобные по форме романсу, а иногда имеющие балладный сюжет («Русская песня» — «Ты не плачь, не тоскуй») — «Памятник отеч. муз» на 1827; «Не плачь, не плачь, красавица...» — НА на 1830; нек-рые из них предназначались для собственных драм (возможно, для драм. опыта «Александр Михайлович Тверской» написана «Тверская песня» — Карманная книжка на 1829). «Песни» и «романсы» стали непременным компонентом поэм и драм О. «Песенность» его стихов побудила ряд композиторов положить их на музыку [А. А. Алябьев («Гроб»), А. Е. Варламов («Русская песня»), позднее — М. И. Глинка («Финский залив» — «Люблю я в раздумье», 1850) и др.]

Еще в нач. 1820-х гг. обратился к «ориснальному романсу» (балладе) «Неутешный бедун», 1821; опубл. под назв. «Неутешный араб» — «Календарь муз» на 1826), а затем и к «байронической» поэме на восточные темы: в 1825 работал над «персидской повестью» «Ор-сан и Ленла», где ощутимо влияние «Бахчисарайского фонтана» А. С. Пушкина: «тоскующий» падшах Манзор (см. альм. «Звездочка» на 1826, опубликованный в кн.: «Полярная звезда», изд. А. Бестужевым и К. Рылевским, М.—Л., 1960) напоминает хана Гирса, а страстная вост. красавица Зора, совершившая во имя любви злодеяние, — Зарему («Зора. Индийский романс» — НА на 1826); в этих и др. отрывках «повести», отобранных О. для печати («романсы» — СЦ на 1826, «писанная» — «Календарь муз» на 1826), заметно стремление к детальному воссозданию «местного колорита».

В 1828 вышла поэма О. «Хиосский сирота» (СПб.), своеобразно преломившая тему греч. нац.-освободит. движения: в ней доминирует «трогательная повесть» сироты Костика, бежавшего из тур. плена в Россию. Поэма обрела популярность во многом из-за своей благотворительной цели (как воспроизведение реального события, она распространялась по подписке в пользу брата хиосского сироты, находящегося в плену). В весьма сочувственных журн. откликах отмечались «мастерское» владение языком (МТ,

1828, № 17), «простосердечность» и искренность «повествования» (СО, 1828, № 17), к-рос С. П. Шевырбев (МВ, 1828, № 1920, с. 358) даже «живо напомнило... звуки известного слепца-поэта» (И. И. Козлова), очевидно, благодаря особой элегич. митологии, пронизывающей поэму.

В нач. 1830 О. вышел в отставку и в февр. уехал за границу (Германия, Швейцария), о чем давно мечтал («Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина еще в детстве вселили «желание странствовать»; см. письмо родителям от 29 нояб. 1831 — РС, 1903, № 11, с. 355), намереваясь заодно углубить свое образование и побывать на родине любимых поэтов. Во время путешествия слушал лекции в ун-тах Мюнхена, Гейдельберга, Берлина, а в Женеве получил диплом доктора философии; из Германии «привез» и «читал» своему другу В. А. Каратыгину «стихотворения лучших нем. авторов, им самим переведенных» (РВ, 1881, № 4, с. 586). От намерения посетить Францию отказался — после июльской революции 1830 «всякий русский мог подвергнуться в Париже оскорблениям» (РС, 1903, № 11, с. 355).

По возвращении в Петербург (в 1835) женился на дочери стат. сов. Дарье Алдровне Остермейер (у них родились 2 дочери и 3 сына) и определился в мае 1835 в Деп. внутр. сношений МИД (с декабря — переводчик; в 1838 произведен в коллеж. ас.). С 1839 продолжил пед. карьеру: стал инспектором классов в уч-ще ордена св. Екатерины (а с 1844 и преподавателем рос. словесности, сохранив обе должности до конца жизни); в 1840 избран на должность профессора рос. словесности Гл. пед. ин-та, сменив на этом посту П. А. Плетневá (в 1843 утвержден ординарным проф.; в 1848 уволен из ин-та по прошению); преподавал в аристократич. семьях.

По воспоминаниям ученицы А. В. Стерлиговой, лекции О. «были интересны, особенно, когда он читал сочинения поэтов и писателей, читал блестяще-увлекательно...»: «к ответам своего предмета относился строго, требовал, чтобы его лучше готовили, и задавал бо́льшие уроки»; ученицы «писали сочинения на темы довольно трудные и делали разбор» (РА, 1898, № 4, с. 595). А. В. Никитенко, к-рому О. сделал ряд замечаний об его уроках, упрекал О. за «школьность» обучения, приводящую к тому, что «детицы бо́льшие мысли дело с тетрадями» и «бойко умели отвечать на все вопросы цюлю речью» (РС, 1903, № 11, с. 361—62). О. провел в уч-ще ряд преобразований; деятельно участвовал в его мис.-классной жизни, писал кантаты и песни (в т. ч. «Прошальная песнь девиц училища ордена св. Екатерины, петья по случаю выпуска 1850», СПб., 1877), к-рые «в музыку Глинки распевались институтками на торжественных актах» (см. ст. об О. в РБС).

По возвращении из-за границы гл. лит. занятием стала драматургия. Всего из-под его пера вышло 26 пьес, но известность ему принесли переделки и переводы (ок. 20); знание языков позволяло ему использовать нем., франц., англ., итал. источники. Как драматург О. дебютировал еще в 1829; в самый разгар споров о «ро-

мантич. драме», всегда верный вкусу времени, он перевел трагедию Шиллера «Дон Карлос» (1-е д. — СЦ на 1829; целиком не опубли.), а знаменитый трагик Каратыгин, поставил ее в свой бенефис (1829).

По восп. А. М. Каратыгиной, именно Каратыгин, зная об увлечении О. нем. лит-рой, «уготовил» его обратиться к «Дон Карлосу»: долго не решаясь приступить к переводу, О. «наконец, единственно в угоду своему другу, принялся за этот труд» (Каратыгина, № 4, с. 587). Впоследствии практически все его пьесы предназначались для Каратыгина и его жены.

«Первый опыт» О. был принят «с великим участием»; успех трагедии объяснялся прежде всего интересом рус. публики к сочинениям Шиллера, а также игрой актеров (СО и СА, 1829, № 6, с. 359—60, 363; похвальная рец. на спектакль М. А. Яковлева — СЦ, 1829, 9 февр.; ср. отрицат. отзыв С. Т. Аксакова на спектакль в Москве: изуродован купюрами перевод, но главное — неожиданно плохая игра П. С. Мочалова — III, 508—09).

Для второго сценич. перевода (для Каратыгина) О. выбрал романтич. пьесу еще неизвестного в России австр. драматурга Ф. Грильпарцера — «Прародительницу» (1817; в пер. А. А. Блока — «Праматерь»), вышедшую из среды нем. «трагедий рока» и переросшую в высокую драму «геронч. романтизма» (см.: ЛН, т. 92, кн. 5, с. 105): «с чрезвычайным» действием (подчас мелодраматическим), сильными страстями (бросающими героев навстречу роковой судьбе, наперекор гражд. закону или небесной заповеди) и обилием извечных мотивов и идей (в т. ч. преступление, месть и возмездие, властвование надличных сил — непредотвратимой судьбы или воли Высшего — и личная свобода выбора). Но О. воспроизвел «Прародительницу» (1829; литографир. издание писарской копии — СПб., 1893) как романтич. «трагедию рока», особо подчеркнул религ. мотивы драмы Грильпарцера. По О., «тяжкий грех» жены (прелюбодеяние и сокрытие подлинного отца сына) влечет неотвратимое отмщение душе самой грешницы и наказание всему ее потомству. Благочестиво-мистич. «прочтение» О. упрощало нравственную диалектику оригинала и умаляло его героич. начало — страстность протеста гл. героя против «приговора судьбы» (чему частично способствовала замена переводчиком стремительного и напряженного 4-стопного хорея на размеренно-неспешный 6-стопный alexandрийский стих и плавный 5-стопный белый ямб). Акцентирование всевластия карающего рока стало гл. упреком в негативных рецензиях на первые спектакли «Прародительницы» в Петербурге («несообразность и мрачность сюжета» — СЦ, 1829, 7 и 9 ноября) и Мо-

скве («Бойня Судьбы, в к-рую вводят людей, как овец, определенных на убой» — МТ, 1831, № 4). Однако, укоряя О. за выбор оригинала, критики отдавали должное «прекрасным», «звучным, чистым стихам» его перевода (СП, 7 ноября; МТ, с. 573). Неудач в целом «Прародительницы» на сцене (хотя и в Петербурге и Москве она изредка ставилась вплоть до 1842 ради блистательного исполнения отд. сцен Каратыгиным и Мочаловым) не отняла у О. несомненную заслугу — знакомство рус. театра с принципами и приемами нем. высокой романтич. драмы. (О живучести мотивов и действительности поэтики трагедии австр. классика свидетельствовал двукратный перевод ее Блоком в 1908 и 1918.)

Возобновив занятия драматургией во 2-й пол. 1830-х гг., О. выбирал для переводов весьма различные образцы, в т. ч. трагедию англ. автора «готич. романов» Ч. Р. Мэтьюрина «Черный корсар» (пост. 1838), вслед за Жуковским — «драматическую фантазию» австрийца Ф. Гальма «Камознс, или Слава и нищета» (пост. май 1839), но предпочитал пьесы с мелодраматич. сюжетами: трагедия «Заколдованный дом» немца И. Ауффенберга (переделка пов. О. Бальзака «Господин Корнелиус»; пост. 1836; опубли. — «Репертуар рус. театра», 1839, кн. 1; рец. на спектакль: СЦ, 1836, 10 нояб.; ЛПРИ, 1837, № 24; В. Г. Белинский (1839) — III, 374—78; драма «Отец и дочь» итальянца Ф. Казари (переделка: пост. 1841, опубли. — «Пантеон», 1842, кн. 1; рец.: СЦ, 1841, 2 дек., с. 1077; 23 дек., с. 1149; «Маяк», 1842, т. 1. Замечатель, кн. 1, с. 52—53 (на спектакль); Белинский (на публикацию) — ОЗ, 1842, № 3: «крайне растянута, водяно, приторно, пошло, вздорно, фразисто»); драма «Гризельда» Гальма (переделка: пост. 1840; publ. — «Пантеон», 1840, № 7; отд. изд. — СПб., 1840). Наибольшим театр. успехом пользовались «Отец и дочь» и «Заколдованный дом» (обе в репертуаре до нач. 70-х гг.); но громкая слава увенчала только спектакль «Велизарий» [пер. с нем. трагедии Э. Шенка; пост. 1839; «Пантеон», 1840, № 1; рец.: Белинский (1839) — III, 315—24; Ф. А. Кони — СЦ, 1839, 10 нояб., 1017—19; Некрасов (1843) — IX, 523—31], сделавшийся «одною из капитальных пьес русского репертуара» (Вольф, ч. 1, с. 79).

Популярностью переводных пьес О. обязан в первую очередь великолепной игре Каратыгина (и Белинский, и Некрасов, и Кони особо восхищались сценич. образом Велизара как «превосходнейшим созданием» артиста — см., в частности: СЦ, с. 1019). Но равным образом Каратыгин своими «самыми первыми [лучшими] ролями» обязан О. (см., напр.: СЦ, 1841, 23 дек., с. 1149). Зрители-современники отмечали в драм. переводах О. «основат. познания» в языке и сценич. иск-ве (неослабывающий «интерес дей-

ствия», изобилие эффектных сцен). Взыскательный театрал Белинский не раз находил удачными язык и стих переводов драматурга («перевод [«Велизария»] хорош... О. владеет стихом — III, 320). Но куда чаще он упрекал его: за обращение к 6-стопному ямбу (напоминающему забытые трагедии рус. «классиков» — там же), за робость в пределах «люжинских» пьес (в т. ч. и «Велизария» — IV, 57), а за выбор «оригиналов» — преим. «мелодрам в чувствительно-немеском роде» (III, 320) — резко осуждал: хотя на сцене они смотрятся, но читать их «нет возможности» (там же).

В 1840 Рос. АН наградила О. малую зол. медалью с надписью «За успехи в Российской словесности», т. к. его «драматические опыты заслуживают особенное внимание и по предмету, и по языку, и по нравственному направлению...» (Сухомятинов, с. 244, 422).

В 1841 О. приглашен учителем рус. языка к вел. князьям Константину, Николаю, Михаилу и вел. княжне Александре, в нек-ром смысле став преемником Жуковского при дворе (поэт просил О. прочитать вел. кн. Константину перевод «Надя и Дамаянти»; во время 2-й поездки за границу летом—осенью 1845 О. встречался с Жуковским и передал ему письмо от Константина; см.: РА, 1867, стб. 1410—11). Мл. дочь О., Анна, стала крестницей вел. кн. Николая и вел. княжны Ольги. О. был искренне предан царской семье (при известии о кончине Николая I он «рыдал» в объятиях П. А. Каратыгина — РВ, 1880, № 9, с. 146).

Верноподданнич. чувства О. выразились в поэтич. форме: в стихотв. сказе «Царский цветник» (СПб., 1840), в праздничном «послании» «Белому царю от русского народа на Новый год» (РВ, 1841, № 3), в «ист. оратории» «Петр Великий» (о державном «величье Руси», созданном Петром I и поддерживаемом его родом, «твердым, несбылемым и могучим»; переложка с пем., СПб., 1842; музыка Л. И. Фукса).

Официально-патриотич. по духу идеи О. воплотились в ориг. драм. произведениях, основанных на рус. ист. мат-ле (всего 5): «драм. опыт» «Великий князь Александр Михайлович Тверской» (пост. 1836; отрывки: альм. «Памятник отеч. муз на 1828», Сухомятинов; рец.: СП, 1837, 2 янв.); драм. представление в одном действии «Боярское слово, или Ярославская княгиня» [пост. 1841; опубли.: «Репертуар рус. театра», 1841, кн. 5; рец.: СП, 1841, 25 апр.; Некрасов (1841) — IX, 465]; драм. представление в одном действии «Русская боярыня XVII столетия» [пост. 1842; «Пантеон», 1843, кн. 1; рец.: СП, 1842, 19 дек., с. 1137; Белинский (1843) — VI, 536, 576—77; Некрасов (1843) — IX, 517—18]; драм. представление «Царь Василий Иванович Шуйский, или Семейная ненависть» (полный текст — «драм. поэма» «Князя Шуйские» [пост. 1842; отрывок: «Совр.», 1837, т. 7; полн. — в сб. «Сто русских литераторов», т. 3, 1845; рец.: Белинский (1842) — VI, 202—04; «Москв.», 1845, № 9; СП, 1842, 3 июня].

Ориг. пьесы О. одобрила консервативная полюфил. критика, признав их наряду с пап.-ист. пьесами Н. В. Кукольника и Полсего «полезными и изящными произведениями» (СП, 1842, 19 дек., с. 1137), а «Русскую боярыню» князья подлинно «русским произведением» (Р. (М.) Зотов) — СП, 1842, 22 дек., с. 1146); но и доброжелатели отмечали вполне очевидное подражание Полсвому и Кукольнику (там же; см. также: СП, 1842, 3 июня, с. 485—86). Не осталось незамеченным, хотя уже иной, оппозиционной критикой, воздействие на пьесы О. образцов переводимой драматургии: «Москвитянин» указал на сходство «Князей Шуйских» с «Дон Карлосом» и «Мессинской невестой» Шиллера, а Белинский — на подражание ист. пьес О. переводным им мелодрамам.

В пьесах О. Россия назначена «для цели вышняя»; она опора Европы — «ствол», невидимый питающий «дрово ветистое [Европу]... Лишь подсеки ты ствол, и древо упадет» («Князя Шуйские» — «Сто рус. литераторов», с. 229). Залог могущества самой Рос. Руси в искренней привязанности русских к верховному «властителю» как средоточию и соборному выражению их правоты, веры и любви к отечеству (там же, с. 187). И не только к верховному правителю, но и — к боярам-«кормильцам» («Русская боярыня»). (Спасительность единения народа и «властителей» особенно зрима во времена раздора отечества извне или нах. смуты — идея, побудившая драматурга обратиться к временам монголо-тат. ига и эпохе «Смуты»). Однако верховный властитель должен быть «законным» «нашем-государем» («Боярское слово», с. 7) или мужем, «способным положить конец отечеству бедам» («Князя Шуйские», с. 188), и, очевидно, избран или одобрен народом — именно такого «властителя» народ считает «посланным свыше» (там же) и платит ему «беспредельную» любовь. Долг «Отечества и Веры» (там же, с. 182) свершают у О. и люди безвластные и совсем простые: жена псковского воеводы, «русская боярыня» Морозова и скромная ярослав. кружевница Варя, обратившая сторонника польского королевича «в верного слугу царского» («Боярское слово», с. 12).

Стремясь (в соответствии с требованиями романтич. эстетики) выразить нах. «дух народа» (особенности «места и времени») через быт и нравы, О. имитировал нар. речь (герои часто изыясняются пословицами), описывал рус. быт (в т. ч. свадебный обряд), многожды вводил в пьесы «русские песни» (собственного сочинения) и ремарки о нар. плясках. (Специально для исполнительницы роли «боярыни» — Каратыгиной — эскиз костюма «того времени» нарисовал К. П. Брюллов — см.: РВ, 1881, № 5, с. 122.)

При всей слабости ориг. «русские» одноактные пьесы О., «опубликованные» в талантливом исполнении столичных актеров, способствовали худож. освоению нах. исторического быта и бытового языка.

По «учебной части» О. дослужился до чина д. стат. сов. (1856) и награжден орденами св. Станислава 1-й (1859), св. Анны 2-й и св. Владимира 3-й степени. Современники особо ценили в его характере честность и доброту и не раз отмечали искренность в убеждениях и редкое трудолюбие. Он постоянно занимался благотворительностью: с 1852 состоял в Об-ве посещения бедных под председательством В. Ф. Одоевского (РА; 1869, стб. 1043). Умер после «продолжительной болезни» (РГИА, ф. с.).

Др. произв.: «Весенний гимн Весдержителю» (СЦ на 1825), «Величие мира. (Подражание Шиллеру). Открытие из Мюльнеровой трагедии „Die Schuld“» (СЦ на 1827), «Кончина благодетельства», «Пророчество о Мессии» (СЦ на 1828, СПб., 1827; пер. с нем.), «Эрминия» (СЦ на 1830, СПб., 1829), «Е.и.в. Николаю Николаевичу по поводу объявления о помолвке его» (СПб., 1855), «Боярин Матвеев» (ист. драма; пост. 1862).

Изд.: Прародительница. Романтич. трагедия, СПб., 1893 (литография рукописи; в кон. — список 21 пьесы О.); [Стих.]. — В кн.: Поэты 1820—1830: Песни рус. поэтов.

Лит.: Белинский; Некрасов; Греч (все 3 — ук.); Каратыгина А. М., Восп., РВ, 1881, № 4—5; Глинка М. И., Записки, М., 1988 (ук.); Вольф; Сухомятинов М. И., История Рос. академии, в. 8, СПб., 1888; Карпов Н. С., Нескольк. фактов из жизни С.-Пetersburg. уч-ща орден св. Екатерины, СПб., 1898; Кубасов И. А., П. Г. Оболенский. — Р. С., 1903, № 11; Городецкий Б. М., П. Г. Оболенский. — ИВ, 1903, № 12 (в т. ч. список пьес, ставших нах. на столичных и провинц. сценах; отд. изд. — СПб., 1904); Блок, IV (пер. «Праматери» 1918, предисл.; ст. 1908; ук.); его же, Зап. кн. (ук.); Александр Блок. Новые мат-лы и иссл. — ЛН, т. 92, кн. I—5 (ук.); Нечепорук Е. И., Блок в работе над переводом драмы Грильпаршера «Праматер» — там же, кн. 5; Азадовский К. М., Блок и Грильпаршер. — В кн.: Россия и Запад, Л., 1973; История рус. драматургии XVII — 1-й пол. XIX в., Л., 1982 (ст. В. Э. Валура; Вацууро (ук.); ИРПД, т. 3—7 (ук.); ЛН, т. 4—6, с. 546—47, 978, 999; т. 53/54, 55 (ук.); Fischer R., Schillers Widerhall in der russischen Literatur, B., 1958; Kostka E. K., Schiller in Russian literature, N.Y., 1961. + Некрологи, 1864: см. Городецкий (8). РБС (И. А. Кубасов; в т. ч. 7 некрологов); Брокгауз; Гениад; ИДРДВ; ТЭ; Песни рус. поэтов; Иванов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 210; РГАЛИ, ф. 1863, оп. 1, № 50; ф. 195, оп. 1, № 726; РГБ, ф. Полторацкого, 38.23; ф. 32.11 (литография); РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 2887 (дело о дворянстве Оболенских Костром. губ.); ф. 759, оп. 39, д. 259 (ф.с. 1863 г.); ф. 780, оп. 1, д. 27, 1849 (о запрещении пьесы «Три Владимира, или Возвращение из венгерского похода» к постановке); д. 20, 1843 (о запрещении пьесы «Веселый вечер из жизни великого Государя» к постановке); Музей Малого т-ра и СПб ГТБ (в обоих — списки неизд. пьес). О. В. Голубева.

ОБОЛЕНСКИЙ Василий Иванович (ок. 1793*, Орлов. губ. — май 1847, Москва), литератор, переводчик. Из духовного звания. Первоначальное образование получил в доме отца, сел. священника. Затем поступил в Севскую семинарию (по-видимому, именно здесь завязалась дружба О. с С. Е. Рачем), по окончании к-рой в 1809 поступил канцеляристом в Моск. губ. правление. Начав посещать ун-тские лекции для чиновников, решил вступить в ун-т студентом, в чем сначала ему было отказано из-за бедности, но при содействии М. П. Третьякова и ректора И. А. Гейма в 1810 зачислен на словесное отделение (окончил в 1814 кандидатом словесных наук). В ун-те О. усиленно занимался древними языками. (Во время франц. нашествия был в Ярославле.) В нач. 1816 определен в Твер. муж. г-зию старшим преподавателем лат. языка (в 1819—20 обучал учеников греч. язы-

ку без жалования). Кроме того, выделял деньги на содержание одного из гимназистов: мемуаристы не раз отмечали его непритязательность в быту и готовность делать добро, «даже не в соразмерности со своими средствами» (Сл. профессоров Моск. ун-та, с. 159). В нач. 1820 оставил г-зию и вернулся в Москву. В 1821—1823 О. — преподаватель латыни (а также надзиратель) в Моск. ун-тском благородном пансионе; параллельно готовит дисс. на тему «De discrimine et ingenio litterarum graecorum et romanorum, nec non utilitate ac praestantia studiorum humanitatis» («О различии и характере литературы греч. и римской, а также о пользе и превосходстве занятий гуманитарными дисциплинами»), защитил в 1824 и произведен в магистры по отд. словесных наук.

Многолетняя дружба с Раичем в значит. мере определила круг общения и лит. интересы О.

Между ним и Раичем установились настолько тесные друж. отношения, что они даже купили на общие деньги небольшой домик на р. Синичке (р-н Лефортова): «Уединенная сторона совершенно соответствовала тихим наклонностям обоих друзей, живших более мысленною жизнью, нежели внешнею, более в обществе древних писателей» (Дмитриев М. А., Востп. о С. Е. Раиче, М., 1855, с. 5—6).

О. входит в неформальный ранний кружок, складывающийся вокруг Раича (А. Н. Муравьев, Ф. И. Тютчев; летом 1821 гостит в подмосковной Тютчевых — ЛН, т. 97, кн. 2, с. 12, 18), а осенью 1822 не только стал активным членом образовавшегося под председательством Раича лит. общества, но, по всей видимости, еще и привлек сюда выпускников Благородного пансиона — Д. П. Ознобишина, В. П. Титова, С. П. Шевырева (О. снабжал членов пансион. лит. кружка книгами и привил им любовь к др.-греч. языку — см.: Шевырев С. П., [Автобиография]. — В кн.: Сл. профессоров Моск. ун-та, с. 605), а также А. И. Кошелева, к-рому давал уроки др.-греч. яз. в 1821 [Кошелев А. И., Записки. (Рус. общество 1840—50-х гг. XIX в., ч. 1), М., 1991, с. 47]. В значит. мере благодаря О. переводы антич. прозы становятся важным элементом занятий общества Раича, с др. стороны, подобно ему, в своих взглядах на античность О. испытывает влияние нем. романтич. лит. критики (бр. Шлегели, Ф. Аст, Ф. Шиллер). На заседаниях раичевского общества в 1823—25 он читал как свои ориг. «статьи», так и переводы из Шиллера и Платона (в 1825 подавал в цензуру перевод «Писем об эстетике. воспитании» Шиллера — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, № 9; см. также Снегирев И. М., Дневник — РА, 1902, кн. 2, с. 565), разделяя увлечение кружка нем. филос. эстетикой, в 1824, видимо, начинал переводить

Ф. В. Шеллинга (подробнее см.: Рогов К. Ю., К истории «моск. романтизма»: кружок и общество С. Е. Раича. — В кн.: Лотмановский сб., [в.] 2, М., 1997). Принадлежность наряду с Раичем к старшему поколению обеспечивает ему в обществе определ. авторитет. Особенно сближается О. с М. П. Погодиным, сослуживцем по Благородному пансиону (в 1823—24 даже жил в его доме).

Вторая пол. 1820-х гг. — время наиб. активной лит. деятельности О. С 1827 — действит. чл. ОЛРС (с 1821 — сотр.). Осн. жанр его ориг. произв. — аполог или маленькая пов. (см. ниже), тяготеющая к апологу. Своиств. этому жанру морализм, выдвинутый у О. на первый план, тесно связан с философско-эстетич. идеями, характерными для Раича и его окружения: «прекрасное» «связует мир видимый с невидимым» («Сравнительный взгляд на прекрасное и высокое» — «Атеней», 1828, № 20, с. 307), объединяет в себе нравств. и эстетич. идеал (см. декларирующие те же установки эстетич. отрывки: «Об отличительном качестве Поэзии и Красноречия» — «Атеней», 1828, № 12; «О высоким и смешном» — там же, 1828, № 23). О. принял участие в альм. раичевского общества «Северная лира на 1827 г.» (М.), поместив в нем апологи «Клио» и «Первая Суббота творения»: здесь познание тайн природы и поиски «добродетели» открываются человеку как путь постижения самого Бога.

О. присутствовал на обеде по случаю учреждения «Моск. вестника» (24 окт. 1826), где познакомился с А. С. Пушкиным (упомянут и в т. н. «списке сотрудников» журнала — ЛН, т. 16/18, с. 680; Пушкин в восп., т. 2, с. 22—23, 38), однако, подобно Раичу, в дальнейшем практически не участвует в нем, изредка печатаясь в др. оппозиц. «Моск. телеграфу» моск. изд.: «Атенее» (пов. «Талант и случай» — 1828, № 5; «Арбак. Вост. пов.» — 1830, № 14), «Рус. зрителе» (пов. «Темир» — 1828, № 13/14; номер составлен Раичем) и «Галатее» («Вызывательница духов» — 1829, № 16 — опыт «светской» пов. из совр. жизни). (В 1829 подавал в цензуру лирич. трагедию «Рогнеда» — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, № 52, справка А. И. Рейтблата.) В прозе О. развивает свои излюбленные идеи о преобразующем, очищающем (и одновременно возрождающем из «бедствий») воздействии красоты и «чувства изящного» на душу человека: «Тот не может быть зол, кто чувствителен к красотам природы, постигает гармонию ея и содействует общему порядку» («Атеней», 1830, № 14, с. 111—12). Восходящее к романтикам понимание «красоты» как духовной субстанции (а не «формы») сочеталось у О. с просветит. идеалистич. морализмом, получившим отражение в нравочуч. аллегорич. жанре его повестей.

С установками раичевского общества тесно связана и переводч. деятельность О.: обращение к «подлинной» античности, в противовес франц. классицизму, мыслится как непременное условие становления нац. просвещения и лит.-ры. Предисл. О. к его пер. с др.-греч. «История Геродиана... о Рим. империи по кончине Марка Аврелия до избрания младшего Гордиана (Геродиана)» (М., 1829; с посв. кн. С. М. Голицыну, през. Моск. Человечеколюбивого общества) содержит программное заявление о том, что «Ломоносов, давая направление нашей словесности, желал основать ее на изучении древних (с. IX—X). Для задуманного Погодиным и Д. В. Веневитиновым в 1826 сб. «Гермес», состоящего преим. из пер. антич. авторов, О. должен был представить пер. из Полибия (Барсуков, кн. 2, с. 38—39). Однако главным и наиб. значит. его лит. трудом был перевод «Платоновых разговоров О законах» — единственный в 19 в. (М., 1827; ценз. разр. — 11 марта 1826); посвящен Варв. Ив. Ланской, в ее доме собиралось одно время общество Раича; среди подписчиков кн. — как сами члены раичевского кружка, так и моск. «баре», в домах к-рых они учительствовали: Ланские, Тютчевы, Рахмановы, Трубецкие; отрывок опубл. в «Моск. вест.» под рубрикой «нравочение»: «Правила жизни добродетельной (Из Платона)» (1827, № 8).

«О законах» и «История...» получили сочувств. отклики в «Моск. вест.» (Шевырев С. П.), Обзор. рус. словесности за 1827 г. — 1828, № 1, с. 79; В. Т. (Титов В. П.), Платоновы разговоры О законах — 1827, № 13) и в «Галатее» (А. М. (Мартос А. И.), «История Геродиана...» — 1829, № 25): здесь появление рус. пер. Платона сопоставлено с его пер. на франц. В. Кузюном. Недостатком признана шероховатость слога — упрек, ставший общим местом в отзывах на пер. О. (см. также отрицат. рец.: МТ, 1829, № 12, в к-рой О. критиковался за неудачный выбор текста, т. к. именно соч. «О законах» мн. исследователи «почитают не-Платоновым» — с. 504).

Результатом занятий др.-греч. словесностью, с одной стороны, и глубокой религиозности О., с другой (О. «был набожен, особенно впоследствии... Дома читал всякий день молитвы и некоторые главы из Библии на греческом языке» — Сл. профессоров Моск. ун-та, ч. 2, с. 159), стало обращение к раннехрист. лит-ре, в к-рой он видит возрождение подлинного духа античности [ср. мысли, высказанные в предисл. к «Истории...», о «разном направлении» духа римлян (подверженных «нравств. порче», утративших «прежнюю доблесть свою» — с. II, IV) и греков]. В 1830-е гг. О. работает над пер. «Избр. мест из Св. Иоанна Златоуста», намереваясь издать его «в пользу

вдов и сирот духовного звания» (в качестве предисл. к нему переводит посвящ. раннехрист. писателям «Лит. и ист. мелочи» совр. франц. историка А. Ф. Вильмена, отрывок из этого соч. — «Христ. красноречие в IV в.» — опубл.: «Телескоп», 1831, № 13). В 1832 или 1833 перевел для детей (с франц. яз.) «Историю Иосифа» (не выявлена).

Еще в прим. к указанной реч. в «Галатее» Раич отмечал, что О. теперь почти исключительно и «неутомимо занимается педагогикой» (с. 195). Помимо частных уроков (в частности, готовил в 1828 А. И. Герцена к ун-тскому экзамену по латыни: Герцен, I, 38; XXI, 411; едкий отзыв Герцена об О. см. в восп. Т. П. Пассек — РС, 1873, № 3, с. 332) О. с 1827 по 1836 преподавал в 1-й моск. губ. г-зии, сначала русский, потом латынь и непродолжит. время греческий. В 1828 был отправлен в С.-Петербург. батальон воен. кантонистов для ознакомления с ланкастерской системой взаимного обучения («Речь... в торжеств. собр. имп. Моск. ун-та», М., 1829, с. 65). Вернувшись в Москву, О. распространял новую методу в Моск. ун-те и в янв. 1829 открыл Школу взаимного обучения при Никитском уч-ще. Фактически с 1833 преподавал др.-греческий в ун-те, на 1-м и 2-м курсах 1-го отд. филос. ф-та. В кон. 1835 утвержден адъюнктом, произведен в коллеж. ассессоры. В 1839—1842 — секретарь по 1-му отд. филос. ф-та (О. на этом посту сменил Т. Н. Грановский). В 1828—39 преподавал лат. словесность при Ин-те обер-офицерских сирот Моск. воспитат. дома (ЦИАМ, ф. с.). Слывя «чудаком», О. вместе с тем был любим учениками, постоянно заставлял гимназистов декламировать на занятиях стихи, причем «терпел» чтение «запрещенных» стихов (К. Ф. Рылеева и А. И. Полежаева), восторженно воспринял отрывок из неопубликов. еще пушкинского «Медного всадника» (Милюков А. П., Доброе старое время..., СПб., 1872, с. 206—08, 213—15, 224; гораздо более сдержанный отзыв — в кн.: Соловьев С. М., Избр. труды. Записки, М., 1983, с. 262). На рубеже 1820—1830-х гг. О. пользовался в ун-те определ. уважением как неплохой эллинист, не чуждый новых веяний (см. дарств. надпись ему на лат. яз. на экз. дис. Н. И. Надеждина, сохранившейся в б-ке В. Г. Белинского: «Оболенскому — другу поэтов классических и не врагу романтических [поэтов]» — ЛН, т. 55, с. 560), но уже к сер. 1830-х гг. воспринимался как комич. фигура, воплощение ун-тской рутинности (см.: Аксаков К. С.; др. отзывы: Моск. ун-т в восп., ук.).

Деятельность О. на поприще образования не ограничивалась чтением лекций. В 1837—38 он вместе с адъюнктом А. М. Кубаревым занимается изданием «назначенных для руководства учащимся древних классиков» (Речи, произнесенные в торжеств. собр. имп. Моск. ун-та, [1836 — 1840], М., [2-я паг.], с. 17). В 1839 издал в оригинале «Илиаду» (Mosquae; отзывы: Кольцов И., Рус. издания греч. классиков. — Тр. Киев. духовной акад., 1876, № 4, с. 213). О. участвовал в изд. «Греческо-русского словаря» С. М. Ивашковского.

По-видимому, в нач. 1840-х годов О. начало ухудшаться. В июне 1843 из-за слабости зрения вышел в отставку (в чине надв. сов.), но продолжал заниматься переводами. В апр. 1846 прислал в Общество истории и древностей российских перевод с др.-греч. «Летописи византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта». На заседании Общество постановило напечатать его в «Чтениях...», однако О. М. Боянский обнаружил в переводе значит. расхождения с подлинником. Здоровье не позволило О. самому доработать перевод. Издание «Летописи» затянулось, и она вышла в свет в Москве лишь в 1858 и в 1884 при участии Ф. А. Терновского. Ознобишин за год до смерти О. писал ему: «Ужели и немцы, и греки, и римляне, все это забыто? Ужели обещанные некогда проповеди Златоустого не будут изданы? Наконец, ужели наша литература потеряла в Вас одного из неутомимых своих сподвижников?» (цит. по: «Сев. лира», 1984, с. 395).

Др. произв.: пер. с лат. введения Ф. Эрзмана к его пер. соч. Низами «О походе Руссов против Берды», Каз., 1826 (СА, 1828, № 9; отрицат. отклик: Д. П. Ознобишин, «Телескоп», 1831, № 24, с. 521—22); пер. с франц.: А. Бальби, «Обществ. состояние жителей Океании»; очерк «Гений Павловска» («Атеней», 1828, № 24); «О добром направлении сердца» (в кн.: «Речи и стихи, произнесенные в торжеств. собрании в Моск. губ. г-зии...», М., 1829).

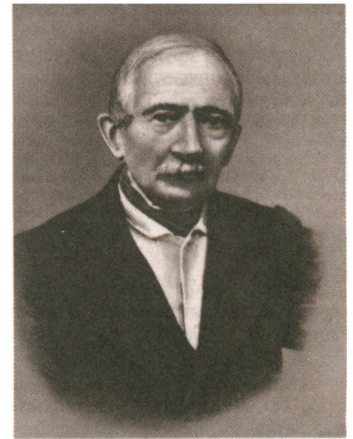
Лит.: Сушков Н. В., Восп. о Моск. ун-тском благородном пансионе, М., 1848, с. 21—22; Сл. профессоров Моск. ун-та (ук.); Колупанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, М., т. I, кн. 2, 1889, с. 15, 63; Барсуков (ук.); Третьяков М. П., Имп. Моск. ун-т в восп. — РС, 1892, № 7, с. 130—31; Раич С. Е., Автобиография — «Рус. библиофил», 1913, № 8, с. 6, 28; Пассек (ук.); Сотрудники «Сев. лиры на 1827 г.»: В. И. Оболенский. — В кн.: «Сев. лира на 1827 г.», М., 1984 (ЛП), прил., с. 394—395; Аксаков К. С., Восп. студента 1832—1835 гг. — В кн.: Рус. об-во 30-х гг. XIX в., М., 1989, с. 314—17. + Речь и отчет... в собрании имп. Моск. ун-та, М., 1833, с. 74, М., 1841, с. 77; Столетие Моск. 1-й г-зии, М., 1903 (сост. И. Гобза), с. 333, 337, 340, 395; Столетие Твер. мужской г-зии, Тверь, 1904 (сост. Д. Крылов), с. 77, 88; Геннади; Сл. ОЛРС: РБС; Черескый.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 11, д. 203* (ф. с. 1837 г.), оп. 6, д. 152, л. 17 об.* (ф. с. 1842 г.), оп. 121, д. 21, оп. 1, д. 283, 352, оп. 3, д. 206, оп. 11, д. 91, 152 (дела об ун-тской службе О.) [справка В. В. Александровой].

А. И. Зайцева, К. Ю. Рогов.

ОБОЛЕНСКИЙ Евгений Петрович, князь [6(17).10* 1796, г. Новомиргород Елизаветград. у. Новорос-

сийской губ. — 26.2(10.3).1865, Калуга; похоронен на Пятницком кладб.], мемуарист; декабрист. Из древнего аристократич. рода; сын бригадира конной гв. Детство и юность провел в Москве. Получил дом. образование. Готовясь к службе в артиллерии, прошел курс точных наук в моск. Матем. об-ве и Уч-ще колонновожатых; впоследствии посещал лекции петерб. профессоров по полит. экономии и правоведению, занимался ист. и филос. самообразованием. С 1814 юнкер л.-гв. Арт. бригады в Петербурге; в 1817 переведен в л.-гв. Павловский полк; в 1825 в чине поручика л.-гв. Финлянд. полка состоит ст. адъютантом в дежурстве пехоты гв. корпуса.

Знакомство с К. Ф. Рылеевым в 1823, перешедшее в горячую дружбу (три последних стих. Рылеева, написанные в Петропавлов. крепости, адресованы О.), несомненно, имело влияние на рев. активность О., хотя его полит. самоопределение произошло ранее: с 1817 чл. Союза спасения, с 1818 Союза благоденствия; один из основателей Северного об-ва, с кон. 1823 один из 3 директоров его Думы (совм. с С. П. Трубецким и Н. М. Муравьевым).

14 дек. за час до разгрома восстания на Сенатской площади был избран диктатором взамен неявившегося Трубецкого; по собств. признанию на следствии, соглашаясь на эту роль, он «повиновался несчастным обстоятельствам» (Восстание декабристов, I, 243).

По мнению декабристов, сложившемуся в Сибири, О. почти насильно «навязали» несроную его характеру роль начальника восстания, руководясь единственно тем, что он известный и любимый солдатами офицер» (см.: Декабристы. Мат-лы для характеристики, М., 1907, с. 168). Историки расходятся в оценке его действий как диктатора: наряду с обвинениями О., приказавшего восставшим прекратить беспорядочный огонь по войскам, подтянутым к площади для подавления мятежа, в пассивности и безначальности существует т. з., что 14 декабря «у О. была явно стойкая и последовательная линия поведения»

(Нечкина М. В., *Движение декабристов*, т. 2, М., 1955, с. 339).

В 1826 приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, к-рую отбывал в Усольском солеваренном заводе, Нерчин. рудниках, Читин. остроге и Петровском Заводе (срок трижды сокращали — до 13 лет). С 1839 на поселении в Сибири, в т. ч. в г. Ялуторовске, где проживал вместе с ближайшим другом И. И. Пушным. В 1846 женился на бывшей крепостной, жившей в няньках у Пушкина (имел 9 детей). В 1856 после амнистии поселился в Калуге, где вместе с декабристами Г. С. Батеньковым и П. Н. Свистуновым деятельно участвовал в подготовке крест. реформы, поддерживая либеральное меньшинство среди дворян Калуж. губ., имевших репутацию крепостников.

Судьба и личность О. — «главного, после Рыльева, виновника мятежа в С.-Петербурге» (см.: А. Д. Боровков и его автобиограф. записки, СПб., 1899, с. 63) — трудно постигаемы в их полноте. Одна из причин тому — исчезновение его «додекабрьских» документов, в т. ч. юношеских лит. опытов (в частности, повести из др.-евр. жизни, авторизов. перевода с немецкого свободолюбивой драмы Э. Б. Раупаха «Князья Хованские»). Предполагается, что его личные бумаги в ожидании обыска сжег А. В. Никитенко, живший на квартире О. в качестве учителя его мл. брата (О. содействовал освобождению крепостного Никитенко).

Видимо, существенным для понимания личности О. является факт из его молодости — «убийство противника на дуэли», на к-рую О. вышел вместо порученного его попечению мл. двоюродного брата (будущего декабриста С. Н. Кашкина); «утризм» совести терзали его всю жизнь, пробудив тягу к «нравственным веригам» и «жажду крестов, чтобы омыться от греха человекоубийцы» (Сабанеева Е. А., *Восп. о былом*, СПб., 1914, с. 105; *Декабристы*. Мат-лы для характеристики, с. 165; *Декабристы*. Летописи ГЛМ, кн. 3, М., 1938, с. 488, 491). Кровавый исход дуэли в соединении с религ. верой О., углубившейся за годы каторги и ссылки и окрасившей его восп. и письма, лежат в основе интерпретации Д. С. Мережковским (ром «14 декабря») личности О. и его участия в восстании как сознат. принесения себя в жертву для будущего преображения России.

«Воспоминания» О. написаны в ссылке в 1856.

Первые опубли. за границы в 1861 [ж. «Будущность», Лейпциг, № 9—12, и отд. изд. — Лейпциг, 1861 (Рус. заграничный сб-ж, ч. 4, тетр. 5); в сокр. под назв. «Воспоминания о Рылеве» — в кн.: Рылев К. Ф., ПСС, Лейпциг, 1861]. В России впервые (в сокр. виде) — в сб. «Деятельный век» (кн. 1, М., 1872; полно-

стью опубли. в кн. «Обществ. движения в России...»).

Открываясь лит. портретом Рыльева, память о к-ром священна для О., они наполняются ценными свидетельствами о подготовке восстания, о др. декабристах, их пребывании в Петропавлов. крепости и в Сибири. Характерно, что, постоянно возвращаясь мыслью к событиям 14 дек., О. опускает подробности самого восстания и своего в нем участия (собственно, они изложены в очерке «14 декабря», написанном не бывшим на Сенатской площади И. Д. Якушкиным со слов О. и Пушкина). Считая, что истинный суд над декабристами должен исходить не из одних только фактов, но «вникать в нравств. состояние каждого» («Воспоминания», 1905, с. 249), О. выдвигает на первый план свои и прежде бывшие сомнения относительно ист. правомерности дела декабристов: имеют ли право «частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринимать гос. переворот и свой образ воззрения на гос. устройство налагать почти насильно на тех, к-рые, м. б., довольствуясь настоящим, не ищут лучшего; если же ищут и стремятся к лучшему, то ищут и стремятся к нему путем ист. развития?» (с. 243). Мятеж, по О., был предпринят с сознанием обреченности, «всей невероятности успеха», под влиянием чувства чести и некой «неотразимой необходимости действовать» (с. 250), к-рая была сильней индивид. воли и нравств. сомнений. В казненных пятерых товарищах О. видит «жертвы искупительные за грех общий» (с. 256).

«Воспоминания о И. Д. Якушкине» (см. в кн.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М., 1951; впервые опубли. в 1928) обрисовывают личность Якушкина и круг его подвижнич. просветит. деятельности в Сибири. Написанные уже после возвращения из ссылки, они приглушают прежние интонации виновности, «общего греха» восставших: О. считает необходимым отличать нравственный характер об-ва, ставшего выразителем «нравств. требований народа... оплотом в защиту истины и правды» (с. 492), от поставленного декабристам «в укоризну и осуждение» политическо-го характера об-ва, вызванного «духом времени» и необходимостью «тайного» осуществления его целей.

Восп. и переписка декабристов рисуют О. как человека высокой нравств. чистоты, даже нравств. целомудрия и безграничной доброты, проявлявшейся в живом и самоотверженном действии, пользовавшегося неизменным доверием и привязанностью всех без исключения декабристов. Вместе с тем его неловкость в

практич. делах и предприятиях, пол-лит. мечтательность, его горячая готовность к всеоправданию и всепрощению (в т. ч. оправдание идеи самодержавия и Николая I как ее носителя) были предметом добродушных подшучиваний в среде декабристов.

В эпистолярном наследии О. примечательна его переписка с Я. И. Ростовцевым (РА, 1873, кн. 1; РС, 1889, № 9; 1900, № 11), где высказан ряд принципиальных суждений о публицистике рубежа 50—60-х гг. и, в частности, о «вольном роу. слове» А. И. Герцена: «Я читал „Колокол“... и нашел много желчи, а мало любви. Но пусть пишет и он: наши обществ. язвы глубоки, пусть раскрывают их, они скорее залечатся» (РА, 1873, кн. 1, стб. 510—11; из частного письма О., преданного Ростовцевым публичной огласке и очищающего его от герценовских определений как «доносчика» и «Иуды»).

Др. произв.: «Неск. слов в память... М. М. Нарышкина» («День», 1863, № 3).

Изд.: *Восп.* — В кн.: Мемуары декабристов, М., 1981.

Письма О.: С. П. Трубецкому (Дмитрий-ев-Мамонов А. И., *Декабристы в Зап. Сибири*, СПб., 1905, с. 210—11), М. И. Муравьеву-Апостолу (*Декабристы*. Мат-лы для характеристики, М., 1907), Е. Н. Хвостовой (альб. «Юг», кн. 1, П., 1916), И. И. Пушкину, П. Н. Свистунову, Г. С. Батенькову (*Декабристы*. Летописи ГЛМ, кн. 3, М., 1938), С. Н. Кашкину (Избр. социально-полит. и филос. произв. декабристов, т. 1, М., 1951), И. И. Пушкину (*Декабристы* о Бурятии, Улан-Удэ, 1975). Письма к О.: Батенькова (РС, 1901, № 10), В. К. и М. К. Кюхельбекеров, Ф. Ф. Вадковского (*Декабристы*. Неизд. мат-лы и статьи, М., 1925), Д. И. Завалишина (Памяти декабристов, в. 3, Л., 1926), И. И. Горбачевского (в его кн.: Зап., письма, М., 1963), И. И. Пушкина (в его кн.: Зап. о Пушкине. Письма, М., 1989), М. А. Фонвизина (Соч. и письма, т. 1—2, Иркутск, 1979—82).

Лит.: Никитенко (ук.); Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе..., т. 1, СПб., 1904, с. 126; Апущкин В. Декабрист О. и его изд. письмо к отцу. — В «Вест. всемирной истории», 1900, № 4; Богучарский В., Князь О. — В кн.: Обществ. движения в России в первую пол. XIX в., т. 1, СПб., 1905; [Письмо П. Н. Оболенского-отца Николаю I]. — РА, 1905, кн. 2; Корнилов А. А., Обществ. движение при Александре II. — МГ, 1908, № 3; Тр. Воронеж. ученой арх. комиссии, т. 4, 1908, с. 70—71; Подробности смерти декабриста кн. О. — ГМ, 1915, № 12; Декабристы на поселении, М., 1926 (ук.); *Восп.* Бестужевых, М.—Л., 1951 (ук.); Пассек (ук.); Добрынская Л. Б. (сост.). Декабрист О., Л., 1971; Нечкина М. В., А. С. Грибоедов и декабристы, 3-е изд., М., 1977 (ук.); Эйдеман Н. Я., Пушкин и декабристы, М., 1979 (ук.); Казымырчук Г. Д., Варежнюк Р. С., Декабрист Е. Оболенский. Жизнеописание, К., 1990; Осымакова Н. И., Виновник мятежа. Повесть в документах..., Тула, 1991; ЛН, т. 59—60. — Некрологи, 1865: «День», № 18 (А. Е. Розен); «Илл. газ.», № 17. РС: Селиванов В., Декабристы. Систематич. ук. рус. лит-ры, М., 1925; Ченцов Н. М., Юбилейная лит-ра о декабристах. Библи. ук., М., 1927; Эйдеман (1); БСЭ; Урубкова Л., Декабристы и Москва. Ук. лит-ры, М., 1978; ИДРДВ; Декабристы, с. 385*; Муратова (1, ук.).

Архивы: ИРПИ, ф. 606; Движение декабристов. ЦГИА; РГБ; ф. 20 (Г. С. Батенькова); ф. 133 (Коновницких и Нарышкиных); ф. 319 (Фонвизинных); ф. 243 (И. И. Пушкина) (все — письма О.); ГАРФ, ф. 48 и 109.

Н. И. Осымакова.

ОБОЛЕНСКИЙ Леонид Егорович [9(21).3.1845, г. Малоархангельск Орлов. губ. — 23.9(6.10).1906, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], публицист, лит. критик, беллетрист, философ. Из дворян. Отец — землевладелец, коллеж. ас., уездный казначей. О. учился в Орлов. г-зии (1854—60) и в «частном пансионе для приготовления в ун-т» И. Ф. Раевского (1860—61).

Дет. и юношеские годы О. отражены в исп. «Типы недавнего прошлого. Домашний учитель и помещик-реалист» (ИВ, 1900, № 4); «Картины прошлого» (ИВ, 1906, № 9—10) и в автобиогр. пов. «Тени и призраки» (РМ, 1903, № 4).

С осени 1861 в течение года посещал занятия в Мед.-хирургич. акад. (Петербург), затем два с половиной года слушал лекции на юридич. ф-те Моск. ун-та. В Москве сблизился с народнич. кружком Н. А. Ишутина, поддерживал планы освобождения Н. Г. Чернышевского из заключения. Осенью 1865 поступил на службу секр. Козельской зем. управы Калуж. губ. В апр. 1866 арестован по делу Д. В. Каракозова и заключен в Петропавлов. крепость. При дознании и на суде дал откровенные показания о том, что был осведомлен о готовящемся «страшном покушении на освобождение Чернышевского» (см.: Покушение Каракозова. Стенографич. отчет..., т. 2, М.—Л., 1930, с. 131, 374). В окт. 1866 выслан под надзор полиции в г. Буй Костром. губ., в янв. 1867 переведен в г. Варшавин той же губернии. В 1870 в связи со смертью отца получил разрешение на переезд в Орёл, где прожил под надзором полиции до 1878, занимаясь адвокатской практикой при Орлов. окружном суде, активно участвуя в работе Орлов. братолюбивого об-ва и Орлов. отделения Рус. муз. об-ва.

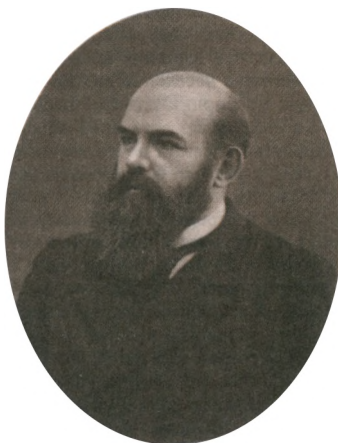
В годы ссылки усиленно занимался изучением полит. экономии, психологии, социологии, этики, логики, особенно увлекался идеями англ. философов. Выступал с анонимными заметками в «Орлов. справочном листке», с 1876 сотрудничал в «Орлов. вест.», где печатал стихи и прозу, наброски, навеянные лит. воспоминаниями, а также статьи по экономич. вопросам и критич. заметки («под псевд. М. К-в или вовсе без подписи», по свидетельству самого О., — ИРЛИ, ф. 13, № 171, л. 1).

В печати дебютировал в гимназич. годы — сатирич. стих. «Портрет многих» («Искра», 1861, № 36). Но началом своей лит. деятельности О. считал 1868, когда, находясь в ссылке, стал активно предлагать стихи в столичные ж-лы; напечатался лишь в 1870 — «Пленный Кандиот» («Дело», № 4). Свои журнальные публ. (в «Деле», «Орлов. вест.») объединил в кн.: «Стихотворения (1868—1878)» (СПб., 1878).

Критика отмечала «искреннее и честное отношение автора к обществ. интересам, подчеркивала, что он «поэт бодрости, надежды, борьбы, а не уныния и вялой апатии» (ОЗ, 1878, № 11, 2-й отд., с. 111), «необычайной... по все-таки талант» («Дело», 1878, № 12, 2-й отд., с. 60), и вместе с тем указывала на мелочность и слаб-

лонность гражд. мотивов поэзии О., сентимент. фразерство. Резко отрицательно отзывался о книге С. А. Венгера («Неделя», 1878, № 43); по словам П. Н. Ткачёва, до 1878 О. подвизался «исключительно на весьма неблагоприятном поприще т. н. затычного стихослагательства», «Клады мудрости рос. философов», М., 1990, с. 531), к-рым запинались пустоты при наборе книжек ж-ла. Второй сб. «Последние поэмы. Стихотворения. 1879—1884» (СПб., 1887) внимания не привлек. Впоследствии отд. стихотворения О. появлялись в разл. ж-лах и газ.; вкл. в кн.: Сальников А. Н., Рус. поэты за сто лет (СПб., 1901).

В 1878 О. добился разрешения на проживание в Петербурге. Сотрудничал в науч.-популярном ж. «Свет» Н. П. Вагнера; с 1880 фактич. руководитель ж. «Мысль» (выходил вместо «Света»), в 1882 его издал. В 1883—91 изд. и фактич. ред. «Рус. богатства» (гл. внимание уделялось науч. и филос. отделам), на страницах к-рого выступал как один из осн. теоретиков (наряду с И. И. Кабли-

цем) правого крыла либерального народничества.

В 1891 из-за болезни и финансовых трудностей вынужден был оставить «Рус. богатство» и уехал на лечение во Францию; вернулся в Россию в 1892, пополнив жил в Бессарабии, Одессе, Крыму; активно печатался в местной («Одес. листок», «Одес. новости», «Бессараб. вестник») и столичной периодике («Рус. мысль», «Нов. слово», «Сын отчества», «Рус. вед.», «Неделя» и др.).

О. выступал против «бурж. направления нашей либеральной мысли» и превращения «былого народолюбивого либерализма» в «народопрезирающий» (РБ, 1884, № 4, с. 172), против насильств. насаждения интеллигентских представлений в народе. Считал необходимым «объединение» интеллигенции на основе развития нац. сознания, любви к России и народу, во многом опираясь на трактовку этой проблемы Ф. М. Достоевским («А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский как объединители нашей интеллигенции» — «Мысль», 1880, № 7; «Народники и г. Достоевский, бичующие либералов» — там же, № 9; «Оценка идей Достоевского» — там же, № 4).

О. волновала знаменательная для Достоевского тема «скалывания в родной земле», о чем свидетельствует пов. «Спаситель человечества»

(«Мысль», 1880, № 8—12; вошла в сб. «Жаждавшие света»; рец.: «Иск-во», 1883, № 49, с. 619), ставшая беллетристич. откликом на рец. Достоевского о Пушкине. Отнеса действие повести к нач. 1860-х гг., О. настойчиво подчеркивал непреходящее значение старых проблем, указывая, что гл. миссия рус. интеллигентного человека состоит в «оскалывании всего человечества» («Мысль», 1880, № 8, с. 105).

Не относя себя ни к какой партии или движению, О. стремился найти рациональное зерно в разл., зачастую противостоявших друг другу течениях рус. и заруб. обществ. и филос. мысли, не случайно характеризуя собств. метод как «синтетический», а в качестве неизменного нравств. ориентира избрав альтруистич. идеи. Большинство работ О. по философии, социологии, этике, эстетике, созданных во 2-й пол. 1870-х — 1880-е гг. и опубл. на страницах ж. «Свет», «Мысль» и «Рус. богатство», носило программный характер и вызывало живой интерес у современников.

В трактате «Физиологич. объяснение нек-рых элементов чувства красоты» («Свет», 1878, № 3—6; отд. изд. — СПб., 1878; рец. 1878: сочувственная — «Слово», № 9/10; резко отрицательная П. Н. Ткачёва — «Дело», № 12) О. отмечал, что новое позитивное направление в совр. науке способно изменить жизнь, если в человеке сольются «научный, дискурсивный идеал лучшего и чувство красоты лучшего общества, быта и форм» (отд. изд. — с. 84). Работы О. по эстетике («Науч. основания иск-ва. Игра цветов в живописи» — РБ, 1887, № 9—10; «Основы науч. теории иск-ва и критики» — РМ, 1895, № 3—4; и др.) оказались в центре оживленной полемики о природе красоты и прекрасного (кон. 1880-х — 90-е гг.). Как социолог он отстаивал эволюц. формы обществ. развития (Б. Б. Глинский: «проповедник... культурных начал на основе мирной социальной эволюции» — ИВ, 1906, № 11, с. 627), утверждал «любовь» и «жалость» как гл. социально-психол. стимулы человеческой деятельности («Осн. начала наших воззрений» — РБ, 1883, № 1; «Основы морали любви (Субъективные условия благ.» — РБ, 1885, № 3; «Науч. основания учения любви» — РБ, 1886, № 1; «Опыт примирения науки и метафизики (Осн. начала панфилологии», СПб., 1890; «Зависимость общества. прогресса от чувствования» — РМ, 1894, № 3; и др.).

С сер. 1880-х гг. на почве сходных эthic. принципов О. сближается со сторонниками учения Л. Н. Толстого и с самим писателем. Впоследствии отношение О. к худож. творчеству и идеям Толстого было неравным: восхищение, переходившее порой в апологику, сменялось резким неприятием. Так, он считал, что критика у Толстого ведет лишь к «бесплодному радикализму», и на этой основе не принял «Крейцеровой сонаты» («Открытое письмо Л. Н. Толстому» — «Новости и бирж. газ.», 1890, 27 марта). Статьи, посв. толстовскому учению (публиковал в «Рус. богатстве» в 1885—87), О. собрал в кн. «Л. Н. Толстой. Его филос. и нравств. идеи» (СПб., 1886; 2-е изд. — 1887). Рассматривая проблему соотношения Толстого-художника и Толстого-мыслителя, он первым попытался подвести итоги полемики вокруг соч. писателя, развернувшейся в 80-е гг.

Свою прозу О. считал лишь «формой», в к-рой он проводит «известную идею» (А. В. Кружков — «Светоч и Дневник писателя», 1913, № 3, с. 50), особенно настойчиво — идею самосовершенствования («воспитания личности») как «единств. источника обществ. развития» («Прошедшее и будущее философии» — «Мысль», 1881, № 9, с. 264). В ром. «Ближе к природе» (СПб., 1879) рецензент отметил «идею благотворности и необходимости той всепрощающей любви, к-рая вызывает к смирению, самоотвержению и самоотречению», одновременно указав на отсутствие «художественности, ярких типов и психол. анализа», затанцованность и схематизм повествования (ОЗ, 1880, № 1, 2-й отд., с. 83—87).

Заметное воздействие на О. оказала проповедь «богочеловечества» А. К. Маликова (был с ним близок в 60—70-е гг.; его сестра Е. К. Маликова была первой женой О.), что, в частности, сказалось в ром. «Два полюса» («Мысль», 1882, № 1. 11; отд. изд. — СПб., 1885) — о помещике, «согрезившем» с крестьянкой, переживающем внутр. переворот. Ром. «Запросы жизни» (СПб., 1881), рисующий обществ.-нравств. искания интеллигенции 70-х гг., и сб-к повестей и рассказов «Жаждающие света. Первая серия» (СПб., 1884) были расценены критикой как «плохие перепевы» того, что уже достигнуто выдающимися художниками слова (ОЗ, 1881, № 11; 1883, № 12), хотя о последней книге говорилось, что она представляет собой, «в большинстве случаев, психол. этюды, компонованные с очевидным пониманием дела, умно, а по местам даже талантливо» («Иск-во», 1883, № 49, с. 618). Последующая проза О., за исключением ром. «На развалинах» (ВЕ, 1903, № 2—6; отклик А. А. Измайлова — «Ежемесячник „Звезды“», 1903, № 5), прошла почти незамеченной.

На протяжении почти трех десятилетий О. регулярно выступал в печати по вопросам развития рус. лит-ры.

Ряд работ посв. творчеству заруб. писателей (Э. Золя, Г. Флобера, П. Бурже, Ф. Шатильяна, Г. Ибсена, Б. М. Бьернсона, Г. Сенкевича, Г. Гауффмана и др.); О. был также худож. критиком (статьи и реп., посв. выставкам передвижников, И. Е. Репина, И. К. Айвазовского и др. рус. живописцев). В «Лит. воспоминаниях и характеристиках» (1854—1892) (ИБ, 1902, № 1—4) рассказывал о лит. жизни кон. 19 в., о своих встречах со мн. деятелями рус. культуры и лит-ры.

Всестороннюю оценку худож. произведения, считал О., может дать только «социолит.» критика, программу и метод к-рой он раскрыл в ст. «Поэзия Некрасова» («Свет», 1879, № 3—5, 10) и др. критич. выступлениях 70—90-х гг. По его мнению, «социолит.» критика, стремящаяся к объективности суждений, как и всякая другая, сама не освобождается от влияния словесно-худож.

творения, а потому одновременно передает и субъективное воздействие произв. на читательскую среду. «Но наряду с этим, — указывал О., — она пытается определить... реальные причины такого влияния, чего не делала прежняя критика, верившая в метафизич. силу абсолютной худож. красоты» («Свет», 1879, № 3, с. 127). Рассматривая социолит. метод в качестве органич. синтеза приемов «реальной», эстетич. и культурно-ист. критики, О. считал, что применение этого метода даст возможность достойно противостоять «сапожнич. дел критикам», чья бесцеремонная манера выворачивания «чужих душ» и «чужих карманов» вызывала его резкою неприязнь. От писателя О. требовал «только одного — правды, любви к человеку и жизни» («Мысль», 1882, № 1, с. 132).

Наиболее отчетливо эти позиции обозначились в ставших для О. этапными «критич. этюдах» о творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина («Свет», 1879, № 11; РБ, 1889, № 5—6), Достоевского («Мысль», 1881, № 2, 4; Кн. «Недели», 1896, № 4—5), И. С. Тургенева («Мысль», 1882, № 1; РБ, 1883, № 1; 1884, № 9), И. А. Гончарова (РБ, 1891, № 9), Я. П. Полонского (РБ, 1887, № 4) и др. Полемизуя с Н. К. Михайловским, О. пытался «примирить субъективный и объективный методы» анализа лит-ры и действительности («Иск-во и тенденциозность. Опыт науч. постановки вопроса на иск-во» — РБ, 1883, № 5/6; сочувств. отклик на ст. — «Иск-во», 1883, № 45—46). Высоко ценил творчество Г. И. Успенского, однако резко осудил писателя за мрачное изображение нар. жизни в очерках «Из путевого дневника» и «Власть земли» («До чего договорился Гл. Успенский» — РБ, 1883, № 7); этот выпад приобрел скандальную известность и вызвал разрыв ряда литераторов с «Рус. богатством»; впоследствии О. публично раскаивался, признавая ошибочность своего выступления (РБ, 1887, № 12; 1889, № 4; ИВ, 1902, № 3). Значит. место в лит. критике О. занимало освещение лит. процесса 1880-х гг.: журн. обзорения, отклики на произв. А. И. Эртеля, С. Н. Терпигорева, П. Д. Боборыкина, Н. Е. Каронина (Петропавловского), А. К. Шеллера-Михайлова, Н. П. Вагнера, И. И. Ясинского и др. Особенно много писал об А. П. Чехове, талант к-рого ценил высоко (РБ, 1886, № 12; 1889, № 3; 1890, № 1; «Одес. листок», 1897, 1 марта; 1899, 21 янв.; 1900, 6 июля; и др.).

Ставя Чехову в заслугу жизненность и реальность сюжетов, противопоставлял их «искусственным» сюжетам В. Г. Короленко, на что последний заметил в письме к Михайловскому: «...для меня тюрьма, ссылка и якутская юрта так же реальны, как для г. Оболенского переизданный роман на извозчике, и не для меня одно-

го, а для целой части рус. общества...» (Короленко, Х, 81).

Исследовал причины популярности В. М. Гаршина (РБ, 1886, № 3—4) и С. Я. Надсона (РБ, 1885, № 4; 1887, № 2). Как отражение эпохи назревающих перемен в обществ. жизни воспринял творчество М. Горького, безоговорочно признавая своеобразие его таланта («Максим Горький и причины его успеха. (Опыт параллели с А. Чеховым и Глебом Успенским)»], СПб., 1903; рец. 1903: ВЕ, № 8; БВед, 14 авг.).

В 90-е гг. выступил с рядом публ. работ. Критике «легальных марксистов» посв. ст. «Новый раскол в нашей интеллигенции» (РМ, 1895, № 8—9; ответная реакция — РМ, 1896, № 2) и кн. «Изложение и критика идей неомарксизма» (СПб., 1899). О. писал: «Глубоко расходясь с марксистами в их теоретич. основах, я одобряю их практич. деятельность, а в этой последней не согласен только с ее односторонностью, т. е. с игнорированием земледельч. класса» (письмо к С. Н. Кривичко, 23 февр. 1897. — РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, № 163, л. 8). Однако примирительная позиция О. в отношении легального марксизма не сглаживала таких его либеров, как П. Б. Струве, к-рый презрительно отозвался о нем (в предисл. к кн. Н. А. Бряцкова «Субъективизм и индивидуализм в обществ. философии. Критич. этюд о Н. К. Михайловском», СПб., 1901) как о «второстепенном представителе отживающего народничества», «писания» к-рого (в отличие от трудов Михайловского) не заслуживают никакого внимания. В ист. материализме О. видел «узость» подхода к реальности («Групповая борьба и моральные идеалы. (Опыт синтеза двух враждебных социолит. теорий» — РМ, 1900, № 8—9).

В 1901 зав. отделом обзора печати в газ. «Россия», в кон. 1904 нек-рое время неофициально редактировал газ. «Бессараб. жизнь». С 1905, поселившись в Екатеринославе, сотрудничал в газ. «Приднепров. край», весной 1906 — ее фактич. редактор. Вскоре сложил с себя редакторские полномочия и возвратился в Петербург (автором газеты оставался до последних дней жизни).

Др. произв. Мемуары: «Были и типы прошлого» (ИБ, 1899, № 12), «Из поездки в Саров. Путевые впечатления и заметки» (ВЕ, 1905, № 10—11; перепечатано — «Саратов. епарх. вед.», 1992, № 3/4; 1993, № 1—2, 4; 1994, № 1; 1995, № 1), «Что я пережил в провинции в дни смуты» (ИБ, 1906, № 5). Статьи: «Осн. начала худож. и лит. критики» («Свет», 1878, № 11/12), «Умств. шатания. По поводу полемики между Вл. Соловьевым и Львом Тихомировым» (Кн. «Недели», 1893, № 9), «Декаденты-символисты в поэзии» («Самообразование», 1901, № 4—5), «Социолит. идеи Н. К. Михайловского» («Вест. и б-ка самообразования», 1904, № 34).

Изд.: [Отрывки из восп.]. — В кн.: Салтыков-Щедрин в восп.; Толстой в восп.; А. П. Бородин в восп. совр. М., 1985, с. 181—82.

Лит.: Толстой (ук.); Чехов (ук.); Кружков А. В. О живых и мертвых. (Из восп.) — ИВ, 1894, № 12; Скабичевский А., Соч., т. 2, СПб., 1895 (ук.); Фаресов А. Семидесятилетние. Очерки умств. и полит. движений в России, СПб., 1905; Глинский Б. Б., Среди литераторов и ученых, СПб., 1914, с. 268—78; Тихомиров Л. В. Воспоминания, М.—Л., 1927

(ук.); Летов Б. Д. «Рус. богатство». — В кн.: Очерки по истории рус. журналистики и критики, т. 2, Л., 1965, с. 415—18; Гусев Н. Н., Л. Н. Толстой. Мат-лы к биографии с 1881 по 1885 г., М., 1970 (ук.); Опульская Л. Д., Л. Н. Толстой. Мат-лы к биографии с 1886 по 1892 г., М., 1979 (ук.); Раковская И. М., Народинич, критика о повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». — В кн.: Рус. критика и ист.-лит. процесс, Куйбышев, 1983, с. 120—26; Очерки этич. мысли в России кон. 19 — нач. 20 вв., М., 1985 (ук.); Волгин И., Последний год Достоевского. Ист. заметки, М., 1986, с. 399—400, 509; Гиголов Г. М., О. как критик М. Горького. — В кн.: Наследие М. Горького и современность, М., 1986, с. 58—64; Харламов В. И., Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнич. идеологии в 70 — 80-х гг. 19 в. — В сб.: Революционеры и либералы России, М., 1990 (ук.); Книгин И. А., Лит. критика, история и теория лит.-ры в кн. «Рус. богатство» 1883—1891 гг. Указатель статей, рецензий и аннотаций. — В кн.: Рус. лит. критика. Ист. и теоретич. подходы, Саратов, 1991; его же, О. — лит. критик, Саратов, 1992; его же, Проблема читателя в ред. статей и заметках кн. «Рус. богатство» 1883—1891 гг. — В кн.: О лит.-ре, писателях и читателях. Сб. ст. памяти Г. Н. Ишука, Тверь, 1994, с. 32—37. + Некрологи, 1906: ВЕ, № 10; «Воспитание и обучение», № 11; «Пес. листок», № 7; «Нива», № 41; РВед, 27 сент.; «Одес. новости», 26 сент.; «Одес. листок», 28 сент.; «Приднепров. край», 26 сент. Михлевич; Брокгауз; ИЭС; Южков; Мельер; Гранат; РВед. Сб.; ДРДБ; ИДРДБ; ФЭ; Писатели Орлов. края; Смирнов-Сокольский; Масанов (не указаны псевд.). З. М. К.-В. О. Деревянский, Е. Эпифанер, Консерватор, Страшник, Лампринер Охотилука).

Архивы в: ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, № 22; ф. 377, ф. 181, оп. 1, № 493 (11 писем Н. К. Михайловскому, 1885—1901); ф. 293, оп. 1, № 1032 (10 писем М. М. Стасюлевичу, 1875—1902); РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, № 2267 (47 писем В. Г. Чертухову, 1883—1888); ф. 2173, оп. 1, № 163 (27 писем к С. Н. Кривенко, 1896—1899); ф. 1348, оп. 2, № 135 (автобиография); ГМТ (33 письма Л. Н. Толстому, 1885—1903); РГИА, ф. 777, оп. 3, л. 356 (об изд. ж. «Рус. богатство»); ф. 776, оп. 8, л. 1910, 1904 г. (биогр. мат-лы); ГАРФ, ф. 109, 1-я экзп., 1866, л. 217; 3-я экзп., л. 253; СА, оп. 1, л. 533; ф. 102, 3-е д-во, 1891 г., л. 859; 1904 г., л. 316; ф. 63, 1896 г., л. 323.

И. А. Книгин, при участии П. И. Огариовой.

ОБРЕЗКОВ, Обресков Александр Васильевич* (1772**, Тульская губ.? — после 1802), литературолюбитель. Из дворян (видимо, Тульской губ.), сын отставного лейб.-гв. Семёнов. полка капитан-поручика Вас. Ив. Обрезкова (1731—87). Получил дом. образование (сведения о дальнейшей учебе неизв.). Состоял в воен. службе (в 1798 капитан лейб.-гв. Измайлов. полка, к 1802, по всей вероятности, отставной подполковник, однако к.-л. упоминаний о воен. биографии в соч. О. не содержится), жил в своих имениях в Тульской губ.

Первые печатные выступления — в «Иппокрене» П. А. Сохачко: сентиментальные этюды «Журнал уединенного» (1799, ч. 1), «Мавзолей сердца» (1801, ч. 9) и письмо «О теплицах константиногорских и о кислых водах кавказских» (1801, ч. 11). Первые два произв. вошли в его кн. «Утехи меланхолии. Российское соч.» (М., 1802; подписи А. О.) — заметное произв. рус. сентиментально-меланхолич. школы кон. 18 — нач. 19 вв. (заглавие книги совпадает с назв. образцового для англ. меланхолич. школы 18 в. соч.

Т. Уортона «The pleasures of melancholy»).

Опечатка на обложке: А. Ф. (вместо А. О.) — перешла во мн. библиографич. росписи: А. Ф. Смирдина, В. А. Плавильщикова, А. К. Шторха; в «Алфавитном указателе...» П. А. Морозова автором кн. указан А. Орлов. Книга аннотировалась как соч., отличающееся «тонкостью мысли и трогательностью изъяснения» (МВед, 1803, 31 янв.). Рекламные извещения о ней печатались в течение трех лет. По тексту «Утех...» устанавливается год рождения автора (с. 79**).

Создатель «Утех меланхолии» — задумчивый помещик, проводящий свои дни в тихой провинции на лоне природы, в семейном кругу, в «сфере любезнейших друзей» (среди к-рых — тульский ученый и литератор, «философ горы Алаунской» Ф. Г. Покровский), в чтении книг и лит. упражнениях, а также в серьезных размышлениях (в т. ч. религ.-философских — о Природе, «развивающейся Nature») и чувствит. переписке: адресат О. — «неоцененный поэт чувствительности» Е. И. Станевич, «одинаковый по ощущениям, меланхолизму и симпатии к ужасам красот созерцаемых» (с. 43).

«Скромный круг общезнания, верная содружина, откровенный друг, умеренное состояние, книги, перо, размышления — вот блага, какие можно избрать во всем хаосе многозаботливой жизни» (с. 42) — таково кредо автора. Круг чтения и лит. почитания О. — Э. Юнг, Дж. Томсон, Дж. Харри, Оссиан, Н. М. Карамзин, В. В. Измайлов; прочувствованный пастирик О. посвящает П. И. Шаликову (с. 22—24).

В книге воспроизводится модный сентиментально-меланхолич. набор тем, мотивов и образов, включая рассуждения о пользе уединения и противопоставление сел. жизни «несносной принужденности города» (с. 64), описания красот кладбища и т. п. Несмотря на типичность такого рода сочинений для рус. лит.-ры рубежа веков, «Утехи меланхолии» выделяются своей исключительно простодушной, до курьезности, манерой изложения, ярко выраженной стилистик. какофонией: причудливым смешением «модных» варваризмов [«траур периодический», «феномен Эвропы»] (об Александре I), «нагой элемент» (по к-рому «ходит» автор, имеющий в виду осеннюю землю), «ветхих» славянизмов — дондеже, сый (суший), вонми] и составных слов-неологизмов (почтенноужасная, унылозадумчивая, юнобратнооблеченная). Подобное смешение, встречающееся даже в пределах одного сложного слова (ср. «тленноорганизованный состав мой»), является не столько следствием «стилистич. глупоты» автора «Утех...», сколько отвечает его эстетич. установке на «сентиментальное витийство»: излияние восторженных чувств, вызываемых самыми обыкновенными явлениями (прогулка, ужение рыбы, игры маленького сына, закат солнца), требует особых, необычно звучащих слов, максимально отстоящих от обыденной речи. Такая установка (более характерная для автора кон.

18 в. — Ф. Покровский, П. Ю. Львов) в нач. 19 в. казалась анахроничной.

Ультрасентиментальные «Утехи меланхолии» попали в самый водоворот начинавшейся «войны на Парнасе» и стали желанной добычей для обеих враждовавших группировок. Первым обратил на книгу внимание А. С. Шишков: именно из «Утех...» взяты примеры сентимент. «элеганса» в «Рассуждении о старом и новом слоге рос. языка» (1803), напр. «трогательный предмет сострадания» вместо: жалкая старушка. Ни разу не назвав источник «цитат», Шишков стремился показать их типичность для нового, карамзинистского, слога. Подобный выпад вызвал немедленную реакцию со стороны молодых сторонников Карамзина: Шишкова «Утехи меланхолии» возмущали — младших карамзинистов они веселят. О., искренний почитатель Карамзина, стал едва ли не первой «очисти-тельной жертвой карамзинистов» (Тынянов Ю. Н., Поэтика. История лит.-ры. Кино, М., 1977, с. 307).

П. И. Макаров в критике на «Рассуждение...» Шишкова отмечает, что «всею несправедл.» ему видятся цитаты из Карамзина в одном ряду с «ученическими фразами и оборотами». В. А. Жуковский сопоставляет такого рода слог с не менее курьезной ультраарханстской манерой одописца Ивана Тодорского — другой полус «нелюбости» — и отказывается соотносить «сумбур» О. со стилем Карамзина (см. в кн.: Б-ка В. А. Жуковского в Томске, ч. 1, Томск, 1978, с. 114—15).

К. Н. Батюшков в сатирич. «Послании к стихам моим» (1804) вывел чувствит. поэта Бэзрифмина, указав в списке: «Бэзрифмин точно написал отрывок „Мавзолей моего сердца“» (Батюшков, I, 304, 306). Возможно, под именем Бэзрифмина подразумевался О. (ср. эпиграмму Батюшкова 1805 «Бэзрифмина совет...»). Образ «мавзолей сердца», характерный для писателей меланхолическ. кон. 18 — нач. 19 вв. (ср. «капи-ше моего сердца» И. М. Долгорукого, «святыни-ще сердца» П. Львова, «сердце — вечный мавзолей» неизв. автора стихов на смерть митрополита Платона), использован Батюшковым в описании моск. поэтов в «Видении на берегах Б-ты» (1809).

«Утехи меланхолии» нашли своих «читателей» и в «Арзамасе»: книга О. представляла для арзамасцев «отжившую» и уже смешную сентимент. традицию. По свидетельству П. А. Вяземского, ввел «Утехи...» в арзамасский обиход Жуковский, умевший «отыскивать книги подобного рода и наслаждаться ими. Они служили ему для возбуждения здорового смеха, для благорастворения селезенки ... как говорят французы» (см. в кн.: Выдержки из старых бумаг Остафьева. архива, М., 1866, с. 72; см. также: ОА, I, 306). Примечательно, что соч. никому не известного автора Вяземский помнит спустя шестьдесят с лишним лет после его появления. А еще через полвека Д. С. Мережковский, обратившись к эпохе Александра I, напишет В. Я. Брюсову, что «Утехи меланхолии» ему «любопытнее всех Чеховых» (РГБ, ф. 386, к. 94, № 45, л. 3; указано А. Л. Гришуниным).

В справочных источ. (Руммель, Голубцов; Чернопятов) О. ошибочно отождествлен со своим илльным тезкой генералом от кавалерии Ал-дром Вас. Обрезковым, воен. губернатором Филиппин (1757—1811); мать О., Анна Фед., урожд. Ермолова, и его сын Александр также приписаны генералу Обрезкову.

Лит.: Галахов А. Д., История рус. словесности, древней и новой, 2-е изд., т. 2, СПб., 1880, с. 69—70; Проскурин О. (А.), «Победитель всех Гекторов Хадесских...» (К. Н. Батюшков в лит. борьбе начала XIX в.). — ВЛ, 1987, № 6, с. 62—63; Виницкий И. Ю., «Невинное творенье». — РР, 1994, № 2. + Морозов П. О., Алфавитный указатель имен авторов, переводчиков, издателей и др. лиц, упоминаемых в «Опыте рос. библиографии» В. Сокопова, СПб., 1876, с. 29; Чернопятов В. И., Дворянское сословие Тульской губ., т. 3(12), ч. 6 — Родословие тульского дворянства, [М., 1909], с. 426—27*; Руммель, Голубцов, т. 2, с. 190—91; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 329 (В. И. Чернопятова), р. 3, п. 14, № 3 (родословная Обрезковых); р. 2, к. 10, № 32, л. 2 (сведения об Обрезковых, жене О. — дочери коллеж. сов.); РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 2963 (о дворянстве Обрезковых, вкл. сведения о воен. службе). И. Ю. Виницкий

ОБРУЧЕВ Владимир Александрович [10(22).11*, по др. сведениям — 6(18).10** 1836 — 30.1(12.2). 1912, Петербург; похоронен на Новодеревенском Благоевщенском кладб.], публицист, переводчик. Из семьи потомств. военных. Сын ген.-лейтенанта А. А. Обручева, одного из основателей саперных войск в России;

мать — полька, урожд. Тимовская. Обучался в 1-м петерб. кадет. корпусе (1846—53), служил в Дворянском (1853—54), гв. Измайловском (1854—55) полках, Пермской дружине гос. ополчения (с окт. 1855). Окончил Николаев. акад. Ген. штаба (1856—58), поручик. В авг. 1859 вышел в отставку, оскорбленный решением командования о причислении его к армейскому, а не к гвард. Ген. штабу.

Отставка вынудила О. обратиться к журналист. работе как источнику средств существования. Первые публиц. статьи выходят при содействии, иногда в соавторстве с Н. Г. Чернышевским, в к-ром О. видел своего жизненного наставника. (Их знаком-

ство произошло по инициативе О. в кон. 1858 — нач. 1859; в это время Чернышевский редактировал «Воен. сб-к» вместе с двоюродным братом О. — Н. Н. Обручевым.) О. — «любимец Чернышевского» (Пантелеев, с. 278—79), прототип гл. героя его неоконч. ром. «Алферьев. Из восп. о новых людях» (1863). По заданию ред. «Современника» О. готовил обзоры европ. печати по вопросам междунар. жизни: «Возвращение кн. Милоша Обреновича в Сербию» (1859, № 3, совм. с Чернышевским), «Леность грубого простонародья» (1860, № 2, совм. с Чернышевским), «Китай и Европа» (1861, № 1), «Невольничество в Сев. Америке» (1861, № 3) и др. Их тематика перекликается с событиями совр. рос. действительности и отражает позицию О. и редакции по отношению к вопросу о нац.-освободит. движениях как предпосылке эконо. и полит. прогресса. «В обстоятельствах, в к-рых теперь находится Россия, конечно, едва ли какой-нибудь разряд сочинений может быть для нее интереснее, чем книги, определяющие относительное достоинство принужденного и свободного труда», — писал он («Совр.», 1861, № 3, с. 279).

Полит. программа О. основана на убеждении в необходимости «крутых реформ» гос. устройства для облегчения «тяжкой участи простого народа» — так, выражая сочувствие конституц. формам, он допускал применение рев. насилия. 4 окт. 1861 арестован и заключен в Петропавлов. крепость за участие в распространении подпольного нелегального листка «Великорусс» (№ 2). В ходе следствия О. осудил «свой образ действий и мыслей», однако даже взамен освобождения отказался дать показания об авторе воззваний и лице, доверившем ему их распространение. Осужден на 3 года каторжных работ с лишением всех прав состояния. При обыске у О. найдены мат-лы к статьям по крест., женскому вопросу, путевые заметки, зап. об офицерской жизни, рукопись пов. «Наташа» (не обнаружена). После гражд. казни 31 мая 1862 на Мытной площади в Петербурге этапирован в Сибирь.

В 1862—65 работал в канцелярии Александров. винокуренного (под Иркутском) и Петровского железодолат. з-дов. На поселении в Иркутске (1865—72), Верхнеуральске Оренбург. губ. и Уфе (до 1874). В 1871 получил послабления в режиме, в 1874 ему возвращены права состояния. С 1874 жил в Одессе. В 1877—80 на службе в Рус. об-ве пароходства и торговли. В качестве волонтера участвовал в воен. действиях на Дунае в период рус.-тур. войны 1877—78. В 1879, 1883 путешествовал по Зап.

Европе, где интересовался постановкой нар. образования. В 1880—84 жил в осн. в Петербурге и занимался лит. деятельностью.

В 1872 и 1873 обращался к Н. А. Некрасову (ЛН, т. 51—52, с. 421—424) с просьбой предоставить переводч. работу в «Отеч. зап.» (хорошо владел франц. и англ. языками; в 1860—61 подрабатывал частными уроками). В 1881—83 вел переговоры с М. Е. Салтыковым-Щедриным о публикации своих произв. (ЛН, т. 13—14, с. 377—79).

Состояние душевного кризиса, депрессии вследствие неустойчивости личной жизни, неудовлетворенности своими «литературными поползновениями» нашло отражение в автобиогр. рассказе «Расчет» (ОЗ, 1880, № 4, с. большими ценз. искажениями), текстуально близком к написанному позднее мемуарам. Под именем гл. героя рассказа «Прикащика выучка» (ОЗ, 1882, № 6—7) выведен реальный сиб. купец И. С. Хаминов, в конторе к-рого О. довелось работать прикащиком в период иркутской ссылки. Большую работу над текстом этого рассказа, судя по всему, провел Салтыков-Щедрин (XIX, кн. 2, с. 9—10). В 1883 О. направил в редакцию «Отеч. зап.» пов. «Прощание», к-рая не опубли. вследствие закрытия ж-ла (текст не обнаружен, ЛН, т. 13—14, с. 378—79).

Отойдя от лит. деятельности, О. в 1884 вернулся на воен. службу (с 1885 — майор, с 1890 — полковник, с 1896 — ген.-майор). Состоял чиновником особых поручений при управляющем Морским мин-вом Н. М. Чихачеве (в т. ч. в поездках в Германию, Францию и Англию в 1891 и для обзора портов Чёрного моря в 1893). Одновременно с исполнением должностных обязанностей участвовал в разработке мн. законоположений по мор. ведомству. С 1906 в отставке в звании ген.-лейтенанта.

Мемуары О. «Из пережитого» (ВЕ, 1907, № 5—6; фрагменты — в кн.: Салтыков-Щедрин в восп.; Чернышевский в восп.), «После ссылки» (ВЕ, 1908, № 10) представляют собой краткий очерк его жизни, рев., лит. и служ. деятельности. Особый акцент в них сделан на оценке собств. поведения в ходе суда и следствия по делу «Великорусса» (ограниченный в искренности условиями 1906—08, О. преуменьшил обществ. значение дела и свою роль в нем: «ничтожное мое имя и листок... школьнический» — ВЕ, 1907, № 5, с. 123, № 6, с. 565—95), истории взаимоотношений с Чернышевским, Салтыковым-Щедриным.

Др. произв.: «Жизнь поэта и ее отношение к действительности. Фердинанд Фрейлиграт, его поэзия и переписка» (ВЕ, 1882, № 12), «Новей-

шие иссл. африканского материка» (ВЕ, 1882, № 8—9), «Принципы иезуитизма» [Рец. на кн.: «La Morale des Jésuites, par Paul Bert», Paris, 1880] (ОЗ, 1881, № 8), «Французское приходское духовенство в конце прошлого века» [Рец. на кн.: «Les cahiers des curés étude historique d'après les brochures, les cahiers imprimés et les procès-verbaux manuscrits de 1789, par Ch. L. Chassin», Paris, 1882] (ОЗ, 1883, № 7). Пер. «Истории 18 и 19 столетий» Ф. Шлоссера (СПб., 1860); пер. ист. ром. «Дочь египетского царя» Г. Эберса (совм. с Л. Михаловской; предисл. ее и О.; ч. 1—3, ОЗ, 1873, № 6—9).

Лит.: Барсуков; Гершен; Пантелеев; Салтыков-Шедрин; Чернышевский; Никитенко; Шелгунов и др.; Ленин (все — ук.); Катков М. Н., Заметка для издателя «Колокола» — РВ, 1862, № 6; Лемис М. К. (1: 3); его же, Процесс «Великорусцев» 1861 г. (По неизд. источникам). — «Былое», 1906, № 7; Звезда, в. 2, М.—Л., 1933 (ук.); Козьмин Б. П., Н. Г. Чернышевский в редакции «Современника». — «Лит-ра в школе», 1947, № 3; Морозов Б. С., Роман Н. Г. Чернышевского «Алферьев» в связи с др. беллетристич. произв. писателя, М., 1949; Николаев М. П., Роман Н. Г. Чернышевского «Алферьев». — «Уч. зап. Тульского гос. пед. ин-та», в. 3, Тула, 1952; Левин Ш. М., Общественное движение в России в 60—70-е гг. XIX в., М., 1958; Новикова Н. Н., Владимир Обручев — герой романа Н. Г. Чернышевского «Алферьев». — В кн.: Рев. ситуация в России в 1859—61 гг., М., 1962; ее же, Владимир Обручев. — В кн.: Сподвижники Чернышевского, М., 1961; ее же, Революционеры 1861 года: «Великорусы» и его Комитет в рев. борьбе 1861 г., М., 1968 (ук. имен); Новикова Н. Н., Клосс Б. М., Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. Иск-рые итоги и перспективы исследования, М., 1981; ЛН, т. 25—26, 51—52, 53—54, 61, 67, + Некролог: «Речь», 1912, № 34. Боград. «Совр.», Боград. ОЗ (2); Боршевский С. С., «Отч. зап.» 1868—84: Хронологич. ук. анонимных и псевдонимных текстов, М., 1966; ДРДР; Масанов (ошибочно указано отчество — Андреевич).

Архивы: ИРЛИ, ф. 202 (письма Н. А. Некрасову); РНБ, ф. 621 (письма М. Е. Салтыков-Шедрину); М. 610 (письма А. Н. Пышину 1882—1883 гг.); ф. 727, № 6, 21 (биограф. сведения); ГА Иркутской обл., ф. 24, 1-е отд. (мат.-ле суда, следствия, полиц. надзора); РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 5975 (л. д. воспитанника 1-го петерб. корпуса)* [справка Н. Ю. Муравейниковой]; РГА ВМФ, ф. 417, оп. 5, д. 1654 (сведения о смерти и захоронении), д. 1653 (ф. с., 1906 г.)** [справка В. Н. Гудкина-Васильева]; РГИА, ф. 1280, оп. 5, д. 98, 100 (сведения о содержании О. в Алексеевском равелине); ГАРФ, ф. 109, 1 экзп. 1861 г., д. 196, ч. 2 (следств. дело); ф. 95; ф. 112.

А. Н. Шаханов.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ Дмитрий Николаевич [23.1(4.2). 1853, местечко Каховка Днепров. у. Таврич. губ. — 9.10.1920, Одесса], литературовед, лингвист, критик, публицист. Из дворян. Окончил Симферопольскую г-зию (1867—71). С 1871 по 1873 учился на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та, окончил Новорос. (Одесса) ун-т (1873—76). Для продолжения образования командирован за границу (Прага, Париж), где занимался сравнит. языкознанием и изучением Вед и Зенд-Авесты. Первый науч. труд — «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития

общественности» (Од., 1883). С 1882 приват-доцент Моск. ун-та. В 1883—1887 читал лекции по сравнит. языкознанию в Новорос. ун-те. В 1887 защитил докт. дис. «К истории культуры огня у индусов в эпоху Вед» (Од., 1887; популярное изложение под назв. «Религия индусов в эпоху Вед» — ВЕ, 1892, № 4, 5), подведшую итог его занятиям мифологией. В 1887—88 преподавал в Казан. ун-те. С 1888 по 1905 проф. Харьков. ун-та; здесь сближается с А. А. Потебней, входит в т. н. харьковскую группу (известную в дальнейшем как Харьковская школа), участвует в сб-ках «Вопросы теории и психологии творчества» (т. 1, 2, в. 2; см. письма О.-К. к Б. А. Лезину — РГАЛИ, ф. 283, оп. 2, № 21). С 1905 проф. Петерб. ун-та. С 1907 поч. чл. АН, с 1909 чл. ОЛРС. С 1911 зав.

беллетристич. отд. «Вест. Европы», с 1913 соредaktor ж-ла.

В юности испытывал склонность к «общему прогрессивному направлению» и в дальнейшем стал «горячим приверженцем позитивной философии», о чем с нек-рой иронией упоминал в предсмертных «Воспоминаниях» (опубл.: П., 1923, с. 22, 23). Во время заграничной командировки общался с П. Л. Лавровым, М. И. Зиббером, Г. А. Лопатиным, Н. В. Чайковским и др., увлеклся социалистич. идеями (в варианте М. П. Драгоманова, выступавшего против полит. централизации и культурной унификации народов Рос. империи), в годы учения в Новорос. ун-те был чл. украинифильского об-ва «Громада»; в «Записках южнорус. социалиста» (Женева, 1877) О.-К. утверждал, что народничество не менее космополитично, чем петерб. бюрократия (с. 23; см. возражение: «Набат», Женева, 1878, с. 59—88).

В 1883—88 опубли. в газ. «Одес. новости» ряд очерков, посв. исторически неизбежному прогрессивному,

с его т. з., переходу человечества от аморализма к морали, от психоха к здоровью (причем, по восп. О.-К., древности — и Ригведа, и Зенд-Авеста, и Библия — вызывали у него «тошноту»), от мифологич. метафизич. мышления к мышлению научному, высоко моральному. Публицистика постоянно вторгалась в науч. труды О.-К. (в 1910-е гг. почти вытеснила их); по словам современника, О.-К. «променял кафедру на журнальные страницы» (Горнфельд, 1920, с. 19).

Начав как лингвист, О.-К. в ряде популярных работ пытался интерпретировать в духе философии «критицизма» наблюдения Потебни над эволюцией форм предложения: «А. А. Потебня как языковед-мыслитель» (КС, 1893, № 7—9), «Эволюция синтаксич. форм» (РМ, 1896, № 12), «Синтаксис рус. языка» (СПб., 1902) и др.; по мнению В. В. Зеньковского, это «вышло философски очень скудно» (см. в его кн.: История рус. философии, т. 2, ч. 2, Л., 1991, с. 25). Близкие филос. принципы О.-К. усматривал у В. Гумбольдта, используя его мысль о языке как деятельности («Наука о языке, ее задачи и ее будущее» — РМ, 1888, № 1); В. В. Виноградов находил, что О.-К.-лингвиста с его логичизмом, стремлением к «подмене анализа языковых форм анализом психол. процессов» отделил «глубокая пропасть» от Потебни, к-рый «ставил целью изучение самого языка» (Виноградов, с. 105, 110).

Поставив категорию деятельности в центр своих построений, О.-К. в области изучения лит-ры сосредоточил внимание на генезисе произв., на психологии творчества (заменив «старую статическую т. з. динамической» — Горнфельд, 1897, с. 16). Исходя из врожденных псих. особенностей личности, О.-К. предлагал различать след. виды творчества: объективный, когда художник может сделать положит. героем своего психол. и идейного антипода (напр., Базаров у Тургенева; см.: «Тургенев и Толстой» — СВ, 1894, № 5; 1897, № 6; отд. изд. «Этюды о творчестве Тургенева» — Х., 1896; 2-е доп. изд., СПб., 1904), и субъективный, когда художник изображает прежде всего себя самого и свою среду («Л. Н. Толстой как художник», СПб., 1899; 2-е доп. изд., СПб., 1905; «Толстой», СПб., 1899).

Понимая под образным иск-вом преим. словесность (причем, именно прозу), О.-К., как и Потебня, считал его способом познания («Психология худож. процесса» — СВ, 1893, № 11; доп. изд. — «Язык и иск-во», СПб., 1895; «Из психологии мысли и творчества» — «Жизнь», 1901, № 1), но, в отличие от Потебни, не признавал, в сущности, специфичности этого способа: иск-во и наука, по его мнению, различаются лишь предметом познания (художник изучает человека, ученый — космос). По аналогии с наукой и вслед за Э. Золя О.-К. ввел понятия «наблюдательного» и «экспериментального» методов в иск-ве (см.: «Вест. воспитания», 1903, № 2, 4, 5; о неправоте аналогии такой аналогии см.: А. Г. Горн-

фельд — РБ, 1904, № 7). Популяризируя потебнианство, О.-К. сделал его откровенно интеллектуалистским (см. об этом: Пресняков). Недаром оппоненты Потебни предпочитали использовать для критики прямолинейный и более уязвимый вариант О.-К. (В. Б. Шкловский, Л. С. Выготский).

В духе ист.-культурной школы была задумана «История рус. лит-ры XIX в.» (М., 1908—09) под ред. О.-К., где лит-ра рассматривалась как одна из форм обществ. мысли (положит. отзыв: А. Г. Фомин — ИВ, 1909, № 6, с. 1058—59; резко отрицательный: А. С. Долинин — РМ, 1912, № 4; см. также: В. Львов-Рогачевский — СМ, 1912, № 3). По замыслу О.-К., «История...» должна была быть еще более социологичной, однако сопротивление соредактора П. Н. Сакулина и участие Ю. И. Айхенвальда, В. Я. Брюсова и др. придали труду несколько эллитичный характер. В самой известной своей работе «История рус. интеллигенции. Итоги рус. худож. лит-ры XIX в.» («Вест. воспитания», 1903—1914; отд. изд. — ч. 1—2, М., 1906—1907; 2-е изд., М., 1907) О.-К. предполагал воссоздать обществ. жизнь эпохи, сознательно ограничиваясь в осн. худож. лит-рой (Е. А. Ляцкий считал это ограничение непропорциональным — ВЕ, 1906, № 8), используя публицистику, письма и дневники лишь в незначительной степени и в одном ряду с худож. произв. В отличие от последователей ист.-культурной школы, О.-К. интересуют не только развитие идей, но и формы мышления, позволяющие находить нечто общее у идейных противников.

В истории интеллигенции О.-К. не видит «последовательной преемственности»: каждое поколение как особый общественно-психол. тип не приспосабливается к «дядов» (о новизне этой концепции см.: В. М. Истрин — ЖМНП, 1907, № 8; Е. А. Ляцкий — ВЕ, 1906, № 8, с. 799). Поколения 1810—20-х, 50—60-х, 90-х гг. отличались рассудочностью, уравновешенностью и неск. упрощенным миросознанием, поколения же 30—40-х и 70-х гг. — «психологи, сентиментализм и романтизм», религиозность и подчас «душной дезорганизацией». «Социальным и умственным одиночеством» интеллигенции было порождено, с т. з. О.-К., «направленность» — во многом болезненное мировосприятие, в особенности свойственное народничеству; попытку избавиться от этого мировосприятия он видел у А. П. Чехова, у марксистов (марксизм казался О.-К. науч. методом, свободным от догм, — см.: «Вест. воспитания», 1913, № 6, 7; в 1911 он участвовал в ж-лах левых марксистов «Жизнь» и «Нов. слово»).

В неприятии утилитаризма рев.-демокр. интеллигенции О.-К. сошелся с мыслителями, чье мировоззрение в целом было ему чуждо: с А. Л. Волинским (в 1893—97 О.-К. печатался в «Сев. вест.», что вызывало недоумение многих) и с авторами «Вех». Однако в остальном «Вехи» представлялись ему неудачной попыткой обосновать вопросы жизни «на идеологич. почве», такой же «ферулой», как и социально-полит.

теория народничества (о «Проблемах идеализма» см.: «Вест. воспитания», 1913, № 1; 1914, № 6). Позиция О.-К. вызвала нападки со всех сторон: левые радикалы обвинили его в интеллектуальном гедонизме (М. Протопопов — РМ, 1903, № 5, отд. 2, с. 170—74) и бурж. безыдейности (А. Потресов — «Наша заря», 1911, № 9—10), авторы поздней «Рус. мысли» — в «нигилизме» (И. Книжник [И. С. Ветров] — РМ, 1912, № 6, отд. II, с. 216).

Рассматривая словесное иск-во как одну из форм обществ. мысли, О.-К. достаточно рано заметил, что такой подход не годится для анализа музыки, архитектуры, лирики; пробыл в своей эстетике он попытался заполнить теорией ритмических — безобразных — иск-в («Поэзия Г. Гейне в последние 9 лет его жизни» — «Жизнь», 1899, № 2, 4, 10; отд. изд. — СПб., 1909; «А. С. Пушкин как худож. гений» — «Жизнь», 1899, № 5; обе статьи вошли в сб. «Вопросы психологии творчества», СПб., 1902). Продолжая размышления об общей — ритмической — природе языка и иск-ва, начатые еще в «дотебнианских» работах, О.-К. утверждает, что цель лирики — «создание не идей, а высшей гармонии духа» («Лирика как особый вид творчества» — «Вопросы теории и психологии творчества», т. 2, в. 2, СПб., 1910, с. 209), вводит понятие лирич. эмоции, порождаемой чередованием контрастирующих эмоций (напр., антитезы иронии и скорби у Гейне, современности и прошлого в «поэзии ист. воспоминаний» Пушкина). Эмоции в иск-ве — лишь «фикция чувств» («А. С. Пушкин» — Собр. соч., т. 4, с. 48); играя ими, лирик освобождает и себя самого, и читателя от гнета чувств подлинных, т. е. экономит внутренние силы, необходимые для душевного здоровья человечества. Не будучи иск-вом познавательным, лирика может обходиться без образов; понятие «образ» соотносено у О.-К. с понятием «содержание», в лирике же «вся суть дела в форме» («Лирика», с. 183). К особенностям лирики О.-К. относит, в частности, оправданность в ней банального: «лирика... звучит шаблонно, однообразно и пошло. Именно поэтому она так могущественно действует» («Заметки о творчестве Л. Андреева» — «Зарницы», 1909, № 2, с. 207).

Теория лирики О.-К., очевидно, настолько не соответствовала сложившейся репутации ученого, что была истолкована весьма противоречиво: И. Ф. Анненский воспринял идею О.-К. о единой ритмич. природе лирики и музыки как попытку придать музыке рациональность словесного иск-ва (ЖМНП, 1908, № 11).

Откровенно полемич. смысл имеют многие теоретич. построения О.-К., и прежде всего противоположение иск-ва познавательного, «реалистического» (в лит. борьбе он защищал традиционное иск-во; см., напр., статью о Г. И. Чулкове: «Речь», 1910, 21 марта, 1 апр.) и «нереалистического», творящего, по его мнению, особый фантастический и мертвенный мир. Явно имея в виду модернист. культ мастерства, О.-К. разделял лирику на «натуральную» и «искусственную» по «степени участия техники» («А. С. Пушкин»).

Находя «технич. мастерство языка» в «Апчаре» и «Пророке», О.-К. полагал, что в письме Татианы Пушкин отбросил «буфалою лирич. композиции» («А. С. Пушкин», с. 92). Предпочтение отдавал лирике «натуральной»: «Литературность вообще, стихотворное мастерство в частности, нередко вредит творчеству поэта» («Жизнь», 1899, № 10, с. 25). Не одобряя принятую символистами позу пророка, утверждал: «Поэт, как и философ или ученый, вовсе не „жрец“ и отнюдь не „пророк“, а только — рабочий» (там же, с. 31). Неоднократно выступал против Д. С. Мерзковского (напр., по поводу ст. «Грядущий хаос», защищая «среднего человека» и его «права на пошлость», — «Полярная звезда», 1905, 30 дек.), не согласился на его участие в «Истории рус. лит-ры», предпочтя «труслого» Ф. Д. Батюшкова (письмо Сакулину от 16 авг. 1910 — РГАЛИ, ф. 444, оп. 1, № 632; см. также отриц. рец. О.-К. на «Вечных спутников» Мерзковского — «Жизнь», 1899, № 8).

В 1919—20 жил в Одессе, работая над «Воспоминаниями», в к-рых, подводя итоги, с предельной откровенностью и эпатазирующей резкостью выразил свои эстетич. взгляды: красоты «следует совсем изгнать из круга изучений, предметом к-рых служит человек. ... Объективной „Красоты“ нет (это миф), есть только субъективная категория „красивого“, и к ней я стал чувствовать род интеллектуального презрения и морального отвращения...» (с. 43).

Др. произв.: «Л. Н. Толстой. К 80-летию великого писателя. Очерк его деятельности, характеристика его гения и призвания» (СПб., 1908; 2-е доп. изд. — СПб., 1911), «Гоголь в его произв. К столетию рождения великого писателя» (М., 1909; рец.: Н. О. Лернер — «Обр.», 1909, № 5), «М. Ю. Лермонтов. К столетию со дня рождения великого поэта» (СПб., 1914).

Изд.: Собр. соч., т. 1—9, СПб., 1909—11; т. 1—3 (5-е изд.), т. 4—5 (3-е изд.), т. 7—9 (6-е изд.), М.—П., 1923—24; Лит.-критич. работы, т. 1—2, М., 1989.

Лит.: Блок (ук.); Горький (ук.); Горький А., Критика и лирика. — РБ, 1897, № 3; его же, Ключик восп. о О.-К. — «Вест. лит-ры», 1920, № 11; его же, О.-К. и совр. лит. критика. — «Начала», 1922, № 2; Райнов Т., «Психология творчества» О.-К. — В кн.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 5, Х., 1914; Венгеров. Лит-ра 20 в.; Ефимов Н., Самообразие рус. лит-ры, Од., 1918; Ольденбург С., О.-К., санскриптолог и лингвист. — «Начала», 1922, № 2; М. Горький. Мат-лы и испл., т. 3, М.—Л., 1941; История рус. лит-ры, т. 10, М.—Л., 1954, с. 190—92; История рус. критики, т. 2, М.—Л., 1958 (ук.); Илюхин И. Г., О.-К. — историк и критик рус. лит-ры. — В кн.: Труды филол. ф-та Харьков. ун-та, кн. 3, Х., 1956; Воровский В. В., Лит.-критич. статьи, М., 1956, с. 68, 77, 90; Мазуркевич

А. Р., Очерки по истории методики укр. лит-ры. М.—К., 1962; Архив Горького, IX, 28, 84; Выготский Л. С., Психология искусства, М., 1968 (ук.); Успенский Л., Записки старого петербуржца, Л., 1970, с. 323—24; Осьмаков И. А., О.-К. — В кн.: Акад. школы в рус. лит.-ведении, М., 1975; его же, Психол. направление в рус. лит.-ведении, О.-К., М., 1981; Пожилова Л. В., Романтизм М. Горького в оценке О.-К. — В кн.: Проблемы романтизма в худож. лит-ре и критике, Каз., 1976; Виноградов В. В., История рус. лингвистич. учений, М., 1978; Пресняков О. П., А. А. Потебня и рус. лит.-ведение кон. XIX — нач. XX в., Саратов, 1978 (ук.); Николаев П. А., Курилов А. С., Гришунин А. Л., История рус. лит.-ведения, М., 1980 (ук.); Жирмунский В. М., Гете в рус. лит-ре, Л., 1982 (ук.); Малышева Н. М., О.-К. о Тургеневе: — «Вест. ЛГУ», 1982, № 14; Рус. наука о лит-ре в кон. XIX — нач. XX в., М., 1982 (ук.); Лит. процесс и журналистика (2); Бойко М. Н., Психол. направление в рус. академич. науке XIX в. (А. А. Потебня, О.-К.). — В кн.: Проблемы методологии совр. искусствознания, М., 1989. + Некролог: «Вест. лит-ры», 1920, № 11 (М. Королюцкий). Сл. ОЛРС; Брокгауз; Гранат; Владиславлев; ЛЭ; КЛБ; БСЭ; Муратов (1, 2; ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 211; РГАЛИ, ф. 1120; ф. 341, оп. 1, № 789 (П. Н. Сакулин?), ст. «О.-К., его науч. горизонты и методы»; ф. 1898, оп. 1, № 38 (ст. Л. С. Якобсона об О.-К.); письма: ф. 67, оп. 1, № 61 (П. Д. Боборыкину); ф. 44, оп. 1, № 173 (И. А. Бунину); ф. 1041, оп. 4, № 327 (В. В. Вересаеву); ф. 300, оп. 1, № 259, 261 (Н. О. Лернеру); ф. 444, оп. 1, № 632 (Сакулину); РГБ, ф. 427, к. 2, № 87 (С. Я. Штрайху); РГИА, ф. 1343, оп. 26, д. 3056 (м. с.).

Г. В. Зикова.

ОГАРЁВ Николай Платонович [24.11(6.12).1813, Петербург — 12.6.1877, Гринвич, близ Лондона; 24.2.1966 прах перевезен в Россию и 2.3.1966 захоронен на Новодевичьем кладб. в Москве], поэт, публицист, реж. деятель.

Отец, Платон Богд. (1769—1838), — офицер, затем чиновник, крупный помещик; вышел в отставку д. стат. сов. Принадлежал к старинному богатому дворян. роду. Согласно семейным преданиям, потомок выходца из Золотой Орды мурзы Кутлу-Мамета, прозванного Огарь (Родословная Огарёвых — РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, № 8); достоверными документами история семьи подтверждается начиная с 16 в. Мать, Елиза. Ивн., урожд. Баскакова (1784—1815), также из старинного богатого дворян. рода; проявила раннюю лит. одаренность: уже в 12 лет она опубликовала перевод комедии С. Ф. Жалили «Добрая мать» (1796); в 1796—99 выступала как переводчица с немецкого и французского в моск. журн. «Приятное и полезное препровождение времени» и «Инокреция».

Контрастно отстоявшие друг друга образы родителей сопутствовали всей жизни О. Не помнявший матери, он воспитан в себе ее культ (см., напр., стих. «Большой отец», 1838, (А. А.) Тучкову», 1839; письмо Т. Н. Грановскому от апр. 1841 — «Звезда», в. 1, М.—Л., 1932, с. 101). Отношения с отцом, «дешевом в семье», были далекими и трудными («Внешняя покорность, внутренний бунт и утайка мысли, чувства, поступка — вот путь, по которому прошло детство, отрочество, даже юность», — писал он в своем соч. «Моя исповедь» — Избр. произв., т. 2, с. 394).

Раннее детство О. прошло в родовом имении Старое Акшино Инсар. у. Пензен. губ., оставшемся навсегда «местом романтич. привязанности». Болезненный ребенок (до 4 лет не ходил, всю жизнь страдал эпилепсией) рос преим. среди женщин, к-рые лечили его «домашним заключением ... и развили нервность» (там же, с. 396). Он воспитывался бабушкой Анной Серг. Огарёвой, крепостными няньками, дядькой И. М. Булатовым,

к-рый выучил его читать, писать и «фантазировать» («Кроме сказок, он настраивал мою фантазию религиозно...», — вспоминал О. — там же, с. 398), позднее — гувернантками французской Нозль и англичанкой А. Е. Горсеттер.

В 1820 семья переехала в Москву. О. получил домашнее образование; учителя И. Ф. Волков и В. П. Запольский приобщили его к либеральным взглядам. В круг его чтения входили А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев (списки их запрещенных стихов привозил сын приятеля отца Ф. Левин), Ф. Шиллер, Ж. Ж. Руссо, Дж. Байрон. В 1821 по заданию гувернантки он сочинил письмо (не сохранившееся) к «мечтаемому другу», уговаривал его «жертвовать собою отечеству, подобно Фемистоклу и Аристиду»

(там же, с. 399). В 1823 начал писать элегич. стихи (пробуждение поэтич. вдохновения запечатлено позднее в стих. 1859 «Новый год» из цикла «Воспоминания детства» — ПЗ, 1861, кн. 6, с. 336, и незаконч. поэме «Юмор»).

К февр. 1826 относится начало дружбы О. с А. И. Герценом, дальним родственником. На формирование их мировоззрения решающее влияние оказало восстание декабристов: «Мы перестали молиться на образа и молились только на людей, которые были казнены или сосланы...» (ЛН, т. 61, ч. 1, с. 700; см. также стих. 1859 «Памяти Рылеева»). Они читали Ш. Монтескье, Дж. Локка; летом 1826 (или 1827) на Воробьевых горах поклялись посвятить себя борьбе за свободу народа. В кон. 1820-х гг. О. пережил первую (взаимную) любовь к М. Наумовой, бедной родственнице, жившей в их доме; девушка была выдана замуж и рано умерла от туберкулеза (см. его стих. «К подъезду! — Сильно за звоном рванул я ...» (1842)).

В 1829 О. и Герцен поступили в Моск. ун-т; О. — вольнослушателем

физико-матем. отд.; он посещал лекции на словесном и нравственно-полит. (юрид.) отд., куда перешел в 1832, одновременно (по настоянию отца) поступив в Моск. архив коллегии иностр. дел. О сложившемся в кругу их студенч. кружке см. в ст. А. И. Герцен. В 1831 в ж. «Телескоп» (ч. 4, № 15, с. 281—89) О. дебютировал переводом фрагмента из «Философии истории» Ф. Шлегеля — под назв. «Сравнительное представление всеобщей пирамиды языков». С 1832 возрастает влечение О. к поэтич. творчеству: «... поэзия возвысила меня до великих истин. Она — моя философия, моя политика» (письмо Герцену от 29 июля 1833 — «Избр. социально-полит. и филос. произв.», т. 2, 1956, с. 264; далее письма О. цит. по этому изд.); отвлеченно-романтич. стихи этого времени известны лишь в составе писем, с к-рыми связаны тематически и композиционно. В 1833 за сбор денег в пользу арестованных членов кружка Н. П. Сунгурова над О. был учрежден негласный полицейский надзор; в июле 1834 он вместе с друзьями был арестован по обвинению в распевании «пасквильных» стихов, порочащих царскую фамилию, но спустя 3 дня освобожден, затем арестован вновь; пробыл в одиночном заключении с 9 июля 1834 по 9 апр. 1835 (см. поэму «Тюрьма», 1856—1858; опубли. в сб. «Стихотворения», Лондон, 1858), а затем по приговору следств. комиссии был сослан под надзор местных властей в Пензен. губ., где жил его больной отец.

О. был определен в канцелярию гражд. губернатора А. А. Панчулидзева; в 1838 получил чин коллеж. рег. Лето 1835 провел в с. Чертовке, в имении отца, отношения с к-рым складывались по-прежнему тяжело. Переживая острое чувство одиночества, он прошел через глубокие религ. искания (стих. «Христос», 1836, «Христианин», «Моя молитва», оба — 1838), попытавшись в трактате «Profession de foi» (опубл. в кн.: «Рус. пропилеи», т. 2, М., 1916) определить новое мировоззрение. Гл. источником для поддержания душевных сил служило поэтич. творчество, хотя завершенными оказались лишь ок. 20 произв., в т. ч. цикл посланий, обращенных к моск. друзьям («К друзьям», 1837; «К ней», 1838, и др.), и медитативные элегии («Все кончено! тяжелое сомненье...», 1835; «Проходит день, и ночь проходит», 1836; «Моя лампада», «Ночь», оба — 1838). В апр. 1836 О. обвенчался с Марией Львовной Рославлевой, дочерью обедневшего помещика и племянницей Панчулидзева. В авг. 1837 побывал в имении Верхний Беломоут Рязан. губ. В мае 1838 вместе с женой выехал для лечения в Пятигорск, где встретился с Н. М. Сати-

ным, познакомился с ссыльными декабристами Н. И. Лорером, В. Н. Лихаревым, М. М. Нарышкиным, А. Е. Розеном, М. А. Назимовым и А. И. Одоевским, с к-рым особенно сблизился. Под его влиянием усилились религ. и мистич. черты в поэзии О.; стих. «Я видел вас, пришельцы дальних стран...», «И если б мне пришлось прожить еще года...» (оба — 1838), очерк «Кавказские воды» (1861), мн. автобиогр. мат-лы отразили впечатления от этих встреч. В окт. 1838 он вернулся в Старое Акшино к умиравшему отцу. Унаследовав значит. состояние (земельные угодья в Пензен., Рязан. и Орлов. губ. — св. 4 тыс. крепостных), полгода спустя он начал дело по освобождению крестьян в одном из своих имений в с. Верхний Белоомут Рязан. губ. (26 июня 1842 договор с крестьянами был утвержден Николаем I). В марте 1839 он вместе с женой навестил во Владимире Герцена, отбывавшего там ссылку, однако между Марией Львовной и Герценом вспыхнула неприязнь, к-рая поставила О. в мучит. положение между чуждой по духу женой, стремившейся к богатой и независимой жизни, ревновавшей его к старым моск. друзьям, и непреклонно требовательным другом. Это в значит. мере предопределило крушение его семейной жизни. Благодаря хлопотам Марии Львовны и влият. родственников полицейский надзор был снят, в мае 1839 О. был разрешен переезд в Москву с зачислением на службу в 8-й департамент Сената. По возвращении Герцена в Москву вокруг них образовался кружок — П. Н. Кудрявцев, П. Г. Редкин, Д. Л. Крюков, М. С. Щепкин, И. П. Галахов, Е. Ф. Корш, — участников к-рого занимали обществ. и филос. вопросы. В спорах с В. Г. Белинским, Т. Н. Грановским, М. А. Бакунным осваивалась философия Г. В. Ф. Гегеля, не вызывавшая, однако, энтузиазма О.: «... холоден показался он мне. В его мире нет любви. А без любви что же за мир?» (письмо М. Л. Огарёвой от 23 марта 1839 — ЛН, т. 61, ч. 1, с. 849).

Остро переживая открытую взаимную неприязнь жены и друзей и борьбу за влияние на него, О. на лето 1840 уехал в с. Чертково. Жизнь в деревне благоприятно сказалась на его душевном состоянии; возобновились и занятия поэзией. Лирика О. 2-й пол. 1830-х — нач. 1840-х гг. развивалась в двух руслах. Менее оригинальны те его опыты, к-рые в лермонтов. духе соединяли эмоциональную напряженность и потребность в авторефлексии («Среди могил я в час ночной...», 1838; «О, возвратись, любви прекрасное мгновение...», 1839) или в условно романтич. ключе поднимали тему предназначения великой творч. лич-

ности (стих. «На смерть поэта», 1837, посв. Пушкину. — вариация ключевой лексики известного лермонтов. стих.; «Шекспир», 1838, «На смерть Л(ермонтова)», 1841; «Характер», «Поэзия», «Прометей» — все предположительно написаны в 1841). Творч. самостоятельность О. выявляют стихи, в к-рых преобладает настроение, преим. меланхолическое или мечтательное: «это не анализ сердечных движений», а б. ч. «вопросы сердца, неразрешимые и тем более грустные» ((В. П. Боткин) — «Совр.», 1850, № 2; см.: Боткин, с. 159); см. стих. «Старый дом», «Nocturno» («Как пуст мой деревенский дом...», 1841), где поэзия воспоминания и запустения побеждается трагич. нотой необратимости прошлого, «Дорога»,

Н. П. Огарёв. Рис. Н. В. Майера, 1838.

«Полдень» (оба — 1841), «Длинный день проходит вяло...» (1843) и др. Появившиеся в поэзии О. бытовые картинки, путевые зарисовки, картины природы ср. полосы России и гор. пейзажи («Утро», «Осеннее чувство», оба — 1839; «Там на улице холодом веет...», 1840) «постоянно сливаются у него с душевными ощущениями» (Боткин, с. 160), простота, «задушевность» и искренность выражения к-рых достигаются благодаря неумовимой музыкальности стиха: «Лишь звучит докучно/ Болтовня одна/ Прялки однозвучной/ Да веретена» («Имба»; ср. «Дилижанс», оба — 1842). Именно муз. мелодичность, а не «образ» или «мысль» определила отличит. свойство поэтич. выразительности О. (впервые отмечено Белинским в 1842 — V, 579—580), едва ли не наглядно воплотившаяся в стих. «Звуки» (1841): «Как дорожку я прекрасным мгновеньем! / Музыкой вдруг наполняется слух./ Звуки несутся с каким-то стремленьем./ Звуки откуда-то льются во-

круг...». Порой такой муз., нередко ностальгич. мотив может служить основой для целой лирич. ситуации, причем ее общий характер легко видоизменяется, накладываясь на настроение читателя («Встреча», 1841; «Она никогда его не любила...», 1842), что между прочим объясняет стимулирующее воздействие поэзии О. на позднейших литераторов: напр., замысел книги И. А. Бунина «Темные аллеи» навеян стих. 1842 «Обыкновенная повесть»: «Вблизи шиповник алый цвел./ Стояла темных лип аллея» (Бунин И. А., Собр. соч., т. 9, М., 1967, с. 371).

С 1840 О. — пост. автор «Отеч. записок» (дебютировал в № 5 стих. «Старый дом» и «Кремль», в № 9 — стих. «Деревенский сторож»); в «Лит. газ.» напечатал переводы из Г. Гейне («Рыбачка», «Ее портрет», «У моря» — 7 авг.). Свое кредо этого периода он сформулировал в письме Герцену от 8 ноября 1840: «Мир с жизнью посредством науки и любовь к жизни посредством поэзии...» (указ. изд., т. 2, с. 313). Его имя становится известным и уважаемым в лит. кругах: привлекала его поэзия, отражающая общее движение от романтизма к теоретич. декларациям и практике «натуральной школы». В то же время социальные и филос. искания, стоявшие вопросы, но не дающие ответов, отличаются незавершенностью.

В мае 1841 О. с женой выехал в первое заграничное путешествие (Германия, Швейцария, Италия). В письме от 7 июля 1841 писал Герцену: «Из мира ощущений, мечтаний, смутных идей, из области мысли даже я пришел к положительному, ишу die Tat [действия, практики — нем.] и полон надежды» (там же, с. 315). В дек. 1841 из-за семейного разлада О. оставил жену в Неаполе и через Рим, Вену, Прагу, Берлин в янв. 1842 вернулся в Россию, ездил в Петербург (жил у Белинского, с к-рым сблизился), Москву, Старое Акшино. Дважды навестил находившегося в ссылке в Новгороде Герцена, хлопотал вместе с В. А. Соллогубом и М. Ю. Вильгорским о его возвращении.

Вторая заграничная поездка продолжилась ок. 4 лет (с июня 1842). Он объездил Германию (Травемюнде, Любек, Гамбург, Магдебург, Дрезден, прирейнские города), посетил Брюссель, затем отправился в Италию — сначала во Флоренцию, а зиму 1842—43 провел в Риме, где жила его жена, отношения с к-рой еще более усложнились из-за ее романа с художником С. М. Воробьевым. Стремясь отвлечься, слушал лекции в европ. ун-тах; «духовное сиротство» пытался заглушить «в бесконечном шуме пиров и праздников, к которым с тех пор он сделал привычку, длившуюся очень долго» (Анненков

П. В., Идеалисты 30-х гг. — В кн.: О. в восп. современников, с. 164). Душевный разброд сказался на его лит. деятельности: из задуманной прозаич. пов. «Гулевой» в стиле «натуральной школы» было написано только неск. фрагментов, лишь частично осуществлен (завершенный позже) цикл «*Buch der Liebe*. (Отрывки из автобиографии)», (1841—1844; полностью опубл. 1956), посв. Евд. Вас. Сухово-Кобылиной, сестре драматурга, — зарождавшееся чувство к этой девушке он сумел заглушить, понимая его бесперспективность.

Весной и летом 1843 О. путешествовал по Италии, Франции, Германии. Жил уединенно из-за нездоровья, занимаясь переводами, слав. филологией. В мае 1844 приехал в Берлин, где в авг. встретил Марию Львовну, ожидавшую ребенка от Воробьева (О. согласился признать будущего ребенка своим, но он родился мертвым). В сер. дек. супруги навсегда расстались; Мария Львовна получила от мужа через свою подругу А. Я. Панаева ценные бумаги и орлов. имение Уручье общей стоимостью в 200 тыс. рублей ассигнациями (85 тыс. руб. серебром).

О. мечтал «показаться на родине преобразованному и определившемуся личности» (Анненков, Идеалисты..., с. 166). Серьезное знакомство с европ. филос. мыслью, особенно с трудами Л. Фейербаха и О. Конта, занятия естеств. науками способствовали в 1844—45 его движению к материализму. Возникшее убеждение в неотделимости любого знания от практич. деятельности породило многочисл. планы преобразования имений. Перелом в мировоззрении отразился и на эстетич. взглядах, к-рые излагаются в письмах к друзьям. В иск-ве самым важным теперь представляется созидающее, преобразующее начало. Реализм признается необходимым направлением развития иск-ва, однако выработка новых форм видится как результат длит. эволюции — решительно отвергается слепое подражание природе, копирование действительности: иск-во — «вернейший, полнейший и очищенный голос» происходящего в жизни, «а не уголок, куда можно от жизни спрятаться» (письмо Герцену от 27 янв. 1846 — указ. изд., т. 2, с. 380). На первый план выдвигается требование народности. По-новому определял О. соотношение субъективного и объективного начала в творчестве, отдавая предпочтение объективному взгляду. С т. з. реализма О. пересмотрел собств. творчество. Стих. «Дорога», «Кабак» (оба — 1841), «Изба» тематикой, демократичностью, образами, языком, осн. на народно-разговорной речи, предвосхищали поэзию Н. А. Некрасова

кон. 40-х — нач. 50-х гг. Перенесенные страдания отразились в темах, эмоциональной тональности, в самих заглавиях произв. — «Тоска», «Много грусти!», «Хандра», «Разорванность»; мн. тексты посвящены коллизиям семейной драмы: «Тебе я счастья не давал довольно...», «*Gasthaus zur Stadt Rom*» (оба — 1841), «Еще любви безумно сердце просит...» (1844?) и др. Лирич. герою О. 40-х гг. близок лирич. герою Лермонтова: борьба с неблагоприятными обстоятельствами, осуждение «толпы» сочетается с сомнениями в себе, с преодолением романтич. мировоззрения. Усиливается фабульность стих., зависимость героя от внешних обстоятельств. Вместе с лирич. монологами они подготовили переход О. к социально-психологич. поэме. Над первой из них — самой любимой своей поэмой — «Юмор» (ч. 1—2, 1840—41; опубл.: Лондон, 1857; ч. 3, 1867—68; опубл.: ПЗ на 1869, кн. 8, Ж., 1868) он работал в 1840—41 без оглядки на цензуру и возвращался к ней до конца жизни (не завершена); эта незавершенность стала конструктивным элементом произведения, повествующего о России в мрачную пору ее истории и о незадавшейся жизни «лишнего человека». Излюбленная О. форма сцепления мыслей и картин как бы воле случайных ассоциаций позволила непринужденно, лирически-зудшевно говорить одновременно о лит., худож., филос., обществ. вопросах, об особенностях рус. характера, выразить мировосприятие думающего, чувствующего, ищущего осмысленной деятельности человека 40-х гг. Герцен, высоко оценив поэму, считал, что автор создал достаточно оптимистическую картину российского будущего: «Вот наша Русь — родная, юная и сломанная, спуща рукава и подгулявши, — но не понурая» (XXV, 117).

Весной 1846 О. вернулся в Москву. Его появление оживило филос. искания кружка, группировавшегося около него и Герцена. При обсуждении социальных, полит., религ. и этич. вопросов наметились непримиримые разногласия между Герценом, О., отстаивавшими атеистич. мировоззрение и рев. меры преобразования России, и Грановским и его сторонниками, к-рые придерживались религ. и либер. взглядов. Ожесточ. споры Герцена и О. с Грановским летом во время их пребывания на даче в Соколове привели к расколу, болезненно переживавшемуся всеми участниками кружка.

Осенью 1846 О. прибыл в Старое Акшино, намереваясь осуществить в своем имении социальные и хоз. преобразования. По пути навестил Верхний Белоомут, чтобы увидеть, как живут отпущенные им на волю кре-

стьяне: оказалось, что малоимущие закабалены богатыми. Действительно его разочаровала, тем не менее задуманные еще за границей реформы были продолжены. Рассматривая вольнонаемный труд как средство изменения крест. психологии, он стремился заменить им барщину: в Старом Акшино была построена суконная фабрика, в Рус. Баймакове — сахарный завод, в Каменке — винокуренный; в 1848 он купил Тальскую писчебумажную фабрику, взяв в компаньоны своего побочного брата И. И. Маршева (к-рый его обманывал). О. отчасти планировал, отчасти начинал осуществлять и др. проекты: лесные промысл. разработки, постройку речных судов, открытие школ и больницы, школ-ферм. Занятия медициной, фармакологией, педагогикой, экономикой (интерес к к-рым возник у О. еще в молодые годы) носили в этот период исключительно прикладной характер. Эти предприятия с кон. 40-х гг. побудили его к деятельности в качестве публициста антикрепостнич. направленности: ст. «Замечания на статью... „Опыт статистического распределения Российской империи“» (МВед, 1847, 27 сент.), «Замечание на замечание г. Чихачева...» (СПбВед, 1847, 5 окт.; перепечатана: МВед, 1847, 11 окт.).

В 1844—47 О. создал цикл из 4 элегий «Монологи», в к-ром отразился опыт рефлектирующей поэзии Е. А. Баратынского; в 1-й из них, отмеченной влиянием лермонтов. стих. «И скучно, и грустно» с его *Weltschmerz* (мировой скорбью), передавая безысходное разочарование; герой последующих элегий пытается утопить отчаяние в разврате, испытывает тщетные порывы к освобождению от изнуряющей внутр. тревоги, и лишь в заключит. части его пронизывает предчувствие нравств. воскресения. Цикл (без 2-го монолога) был напечатан Некрасовым в «Совр.» (1847, № 6) вопреки Белинскому, к-рый противился этому, т. к. психологизм стихов и весь облик их лирич. героя находились в противоречии с эстетикой «натуральной школы». П. В. Анненков назвал эти элегии «поэтически-философскими и социально-скорбными» (Анненков, с. 244); высоко оценил элегии Н. Г. Чернышевский, в своей реч. на первый сб. О. процитировавший их полностью (III, 565—67); о популярности «Монологов» в письме к О. от 8 окт. 1863 писал Н. И. Утин (ЛН, т. 62, с. 625). Значительно ближе к поэтике физиологич. очерка стоят написанные во 2-й пол. 40-х гг. стихотв. повести «Господин» (опубл. 1857) и «Деревня» (не завершена; опубл. в кн.: Гершензон М. О., История Молодой России, М., 1908, с. 291—94).

Реформаторская хоз. деятельность О. не принесла ожидаемых результатов; в «Деревне» он с изрядной долей самоиронии рассказал о своих бесплодных усилиях. Засуха 1847, неурожай, холера, несоответствие намерений О. условиям России полностью погубили все его начинания. В 1848 он почти совсем разорился; положение усугубилось тем, что О. пришлось оплатить предъявленные бывшей женой выданные ей ранее заемные письма. О. предполагал уехать за границу, куда его настойчиво звал Герцен, однако помимо денежных и хоз. проблем его удерживала любовная связь с Н. А. Тучковой (см. Н. А. Тучкова-Огарёва), дочерью уездного предводителя дворянства (А. А. Тучков в юности был членом Союза благоденствия). Мария Львовна наотрез отказалась дать развод О., что осложнило положение, и летом 1849 они предприняли неудачную попытку нелегально покинуть Россию через Одессу и Крым, после чего осенью вернулись в Яхонтново. Отец Марии Львовны, Л. Я. Рославлев, подал донос, в к-ром обвинил О., Тучкова, Н. М. Сатина (мужа старшей дочери Тучкова Елены) в «безнравственности» и создании «коммунистич. секты»; о «вольномудрии» и «безнравственности» говорилось и в др. доносах. В результате клеветы все трое были арестованы в февр. 1850 (О. — в Симбирске, где находился по делам; был освобожден ок. 20 марта); в заключении (или сразу по выходе на волю) О. написал о пережитом стих. «Арестант» («Ночь темна. Лови минуты!...»; ПЗ, 1857, кн. 3, с. 154), распротранившееся как нар. солдат. песня.

Решив уехать за границу, О. занялся хоз. делами, чтобы расплатиться с долгами. В 1849 фактивно продал Сатину Старое Акшино и 4 близлежащие деревни. Подарочности сделки недостаточно известны. Часть денег О. получил — другая, по-видимому большая, должна была быть выплачена в течение 10 лет. После эмиграции О. выплаты долга зависла исключительно от доброй воли Сатины, к-рый, однако, уклонялся от выплаты денег; О., тяготившийся своей материальной зависимостью от детей Герцена, в к-рую попал в старости, тиснено звал к порядочности Сатина; не помогло и вмешательство Герцена, возмущавшегося перипетиями Сатины в денежных делах и его склонностью к жизни на широкую ногу (см. письмо А. А. Герцена к Н. Н. Сатиной — ЛН, т. 63, с. 713—22).

В кон. 1850 О. вместе с Тучковой переехал на Тальскую фабрику. В стих. «На наш союз святой и вольный...» (1850—52), отразившем настроения этих дней, — чувство опасности («Грозой нам веет с небосклона!») и вера в будущее («отстоим свою судьбу»; «И мы умчимся волей полны, / Туда — к свободным берегам»). Законный брак стал возможным только после смерти Марии Львовны в 1853. В июне 1853 Тальская фабрика сгорела, что вызвало огромные убытки и прервало начатые преобразования. О. стойко пере-

нес крушение планов и бесплодное завершение целой полосы жизни; через неск. дней после пожара написал полное силы и достоинства стих. «Тот жалок, кто под малотом судьбы...» (1855; опубл.: РС, 1890, № 7, с. 224).

Свидетельством возраставшего признания О. стал отзыв А. А. Григорьева (1852) о его стихах, разбросанных по разным журналам и еще не собранных воедино, — он характеризовал О. как поэта «сердечной тоски», чье сердце, «бесконечно нежное, бесконечно способное любить и верить», разбито противоречиями действительности; в стихах О., несмотря на «пренебрежение к форме», критик находил неотразимое обаяние и считал их «самыми искренними песнями эпохи ...» (Григорьев. Критика, с. 82—83).

В 1854—55 О. создал поэму «Зимний путь» (РВ, 1856, № 3), повс. Анненкову, — своеобразное подведение итогов его творч. пути, пройденного в России. В форме дорожных впечатлений и воспоминаний в ней представлена панорама совр. рус. жизни; в изображении крестьян О. предвосхищает поэмы Некрасова; героиня поэмы О. — дворянская девушка — повторяет судьбу Татьяны Лариной, а герой, провинциальный учитель, напоминает Круциферского из ром. Герцена «Кто виноват?». Поэму отличают лиризм, душевная теплота, с к-рой изображена природа и к-рой окрашены персонажи и сама личность повествователя.

Восторженно отозвался И. С. Тургенев (в письме к Анненкову от 9 дек. 1855 он писал: О. в поэме «совместил всю свою поэзию, всего себя со всей своей задумчивой и задумчивой прелестью», и сообщал, что они с Л. Н. Толстым трижды «упивались этим нектаром» — Собр. соч., т. 11, М., 1949, с. 135). Двойственным было суждение А. В. Дружинина (БлЧ, 1856, т. 137): отменив успех поэмы у читателей, критик не принял новаторства бесфальшивой лирич. поэмы, а сам ее тон, «русский, т. е. иронически-печальный», по выражению О. (его письмо Анненкову 1854 — в кн.: П. В. Анненков и его друзья, СПб., 1892, с. 646), расценивал как недостаток и свидетельство «поэтич. бедности» автора.

В это же время была подготовлена первая книга О. — «Стихотворения» (М., 1856; 3-е изд., М., 1863), в к-рой хронологически расположенные орг. стихотворения и поэмы представляли динамику развития взглядов и дарования автора. Герцен в письме к М. К. Рейхель от 17 апр. 1856 назвал стихи «действительно гениальными» и определил место поэта «между Пушкиным и Лермонтовым» (ПСС и П, под ред. М. К. Лемке, т. 8, П., 1917, с. 277).

Чернышевский в «Совр.» (1856, № 9) описал книгу как выдающееся явление: «...с любовью ... и часто будет произноситься имя г. Огарева, и позабыто оно будет разве тогда, когда забудется наш язык» (III, 562). И. И. Панаев и В. П. Боткин сочли похвалы преувеличенными (Тургенев и круг «Совр.», Неизд. мат.-лы 1847—1861, М., 1930); С. С. Дудинский (ОЗ, 1856, № 11; 6. п.) и Н. Ф. Щербина (БлЧ, 1857, т. 142) увидели в стихах преим. «гамлетовский элемент».

Исповедь «лишнего человека», пессимизм. Дружинин назвал стих. «Друзьям» из этого сборника «печальной, но бесплодной жалобой», а О. — поэтом, мастерски выразившим «страдания и порывы славы ли не всех лишний людской своего времени» (БлЧ, 1857, т. 142).

В окт. 1856 О. отправился в Петербург хлопотать о заграничных паспортах; здесь познакомился с Толстым, встречался с Тургеневым, А. Н. Островским, Боткиным. 16 янв. 1856 он получил разрешение на выезд, а 19 марта навсегда оставил Россию. Поселился в Лондоне и постоянно жил либо в доме Герцена, либо по соседству с ним; занялся интенсивной полит. деятельностью проф. революционера. Начиная с 3-го номера Герцен и О. издавали совместно альм. «Полярная звезда». Здесь О. печатал свои статьи о жгучих проблемах жизни России и стихи. Его публицистика в значит. мере была посвящена борьбе за отмену крепостного права; надежды на крест. и др. реформы связывались с законодат. деятельностью пр-ва и поддержкой ее либеральными обществ. группами — особое внимание уделялось крест. общине. В ст. «Русские вопросы» (1856—58), «Правительственные распоряжения» (1858), «Московский комитет» (1858—59), «Под суд!» (1859, совм. с Герценом) и др. он резко критиковал все проекты, ущемлявшие интересы крестьян и ограничивавшие демокр. преобразования. 22 июня 1857 вышел первый номер основанной по инициативе О. газ. «Колокол» с его стихотв. «Предисловием» — издавалась до 1867 (от 1 до 4 раз в месяц; всего вышло 245 номеров). Почувствовав необходимость более тесной, повседневной связи с читателями в России в условиях резкого обострения там социальной борьбы, О. вместе с Герценом организовали разветвленную сеть тайных корреспондентов, перерабатывали огромный объем информации из поврем. печати, книг и многочисл. писем читателей. По впечатлениям Н. В. Шелгунова, побывавшего в Лондоне в 1859, у О. «было больше работы, по крайней мере, по „Колоколу“» («Восп.», М.—П., 1923, с. 109). Здесь печатались рус. (Герцен, Анненков, М. А. Бакунин, Тургенев и др.), а также зап.-европ. авторы, в т. ч. Дж. Гарibaldi, В. Гюго, Ж. Мишле. В первый же год «Колокол» вместе с прил. «Общее вече», серией сб-ков «Голоса из России» стали влиять полит. силой. Утратив в кон. 60-х гг. связь с молодыми рев. силами в России, О. и Герцен в расчете на зап.-европ. революционеров попытались в 1868 выпустить «Колокол» на франц. яз., но издание успеха не имело.

В то же время продолжался и поэтич. творчество О. в т. ч. работа над поэмой «Матвей Радаев», начатой еще в 1856 [не завершена;

гл. 1 — ПЗ, 1859, кн. 5; остальной (с купюрами) текст под назв. «Радаев» — РС, 1886, № 2]. Здесь дан психол. портрет человека 40-х гг., сформировавшегося на идеях декабристов и оказавшегося в условиях николаевской России «лишним». Формально не законченная, эта поэма (как и другие у О.) художественно завершена: характер убедителен, а сюжету как таковому О. не придавал значения. В 1858 в Вольной рус. типографии вышло 2-е изд. «Стихотворений», дополненное новыми произв., а также соч., ранее запрещенными цензурой (всего 23 новых текста). Среди них бессюжетные лирич. поэмы: «Ночь» (1857), полная скорби об угнетенной России и судьбе ее лучших людей; «Сны» (1857?), содержащая контрастные картины российского патриарх. помещичьего быта и париж. полит. борьбы; «Nostigmo» (1857) — цепь психол. очерков; «Тюрьма. (Отрывок из моих воспоминаний)» (1857—58), воскрешающая обстоятельства ареста и заключения О. в 1834—35. Небольшая поэма «С того берега» (загл. повторяло название книги Герцена) оплакивает республиканцев Ф. Орсини и Д. А. Пиери, казненных за покушение на жизнь Наполеона III; мысль автора обращена к России, стоящей на пороге отмены крепостного права. О. использовал для поэмы склад рус. былинного стиха, нар. плачей и др. фольклорные приемы. Стих. «Свобода» («Когда я был отроком тихим и нежным...» — ПЗ, 1858, кн. 4) стало популярной рев. песней. Стих. «Разлука» (там же) представляет собой трогат. непосредств. выражение жен. любви. В 1859 О. опублик. ст. «Памяти Художника» (ПЗ, кн. 5), посв. судьбе А. А. Иванова, посетившего Герцена и О. в Лондоне в пору глубокого творч. кризиса; в ней он выступил с критикой теории «искусства для искусства», порожденной, по его мнению, «эпохой общественного падения», и обратился к молодежи с призывом отразить в иск-ве «общественные страдания и все элементы живой общественной жизни» («Избр. произв.», т. 2, с. 439, 443—44).

В 1857 Тучкова-Огарёва после тяжких сомнений стала гражд. женой Герцена. В своем дневнике она писала о благородстве, с к-рым О. принял очередной удар судьбы: «...он это сделал с каким-то простодушием, свойственным одной его нежной и широкой натуре» («Из „Дневника“ и записных книжек» — в кн.: О. в восп. современников, с. 329). Семейная драма изнурила всех ее участников. Она усугублялась тем, что дети Герцена и Тучковой-Огарёвой — дочь Елизавета и рано умершие близнецы Елена и Алексей — носили фамилию О., к-рый был к ним глубоко привязан. О. испытывал крайнее бес-

покойство за детей Герцена от первого брака, к-рым Тучкова-Огарёва не сумела заменить мать. Переживания, связанные со всем этим, отчасти выражены в стих. «Лизе» (1860), «Тате Герцене» (1862), «Настоящее и думы» (1863). В кон. 1858 или в 1859 О. сблизился с Мэри Сатерленд, к-рую встретил на лондон. «дне». Он поддерживал ее деньгами, заботился о ее образовании и воспитании ее сына. Почти 20 лет О. прожил вместе с ней, обретя в ее лице преданного и бескорыстного друга.

В апр. 1859 российские власти, осведомленные о связи О. с Герценом, потребовали немедленного его возвращения на родину; вслед за его отказом 27 дек. 1860 последовали заочный суд над ним как над гос. преступником и решение о лишении его всех прав и вечном изгнании.

В 1859 закончился длившийся несколько лет судебный процесс наследников М. Л. Огарёвой о присвоении ее доверенными лицами Панаевой и Н. С. Шаниным имущества О., находившегося в России и переданного им при разводе в обеспечение бывшей жене. После смерти Марии Львовны выяснилось, что выделенные средства почти не были получены, а дела, порученные сию Панаевой, остались в чрезвычайно запутанном состоянии. По решению Моск. надворного суда с Панаевой и Шанина была взыскана значит. сумма — спасая Панаеву, 50000 рублей серебром за нее внес Некрасов (об «Огарёвском деле» см. также в ст. Панаева А. Я. и Некрасов Н. А.). Герцен и О. сочли Некрасова причастным к этой истории и прекратили с ним отношения. Оценка О. сочинений Некрасова, однако, оставалась высокой: по воспоминаниям Т. П. Пассек, подарившей в 70-е гг. О. томик стихов Некрасова, он, прочитав «Русских женщин», сказал: «Хотя у меня на душе многое против автора; но это прекрасно» (ПЗ, 1881, кн. 4, с. 130).

На рубеже 50—60-х гг. между Герценом, с одной стороны, Чернышевским и Добролюбовым — с другой, возникла печатная полемика, отразившая сложность и противоречивость путей рус. демокр. движения. О. решительно солидаризировался с Герценом (письмо к Н. В. Шелгунову от 27 июля — 3 авг. 1861 — «Избр. социально-полит. и филос. произв.», т. 2). Деятельность Вольной рус. типографии привлекала в Лондон на протяжении 2-й пол. 50—60-х гг. мн. революционеров и деятелей культуры из России и Зап. Европы, в т. ч. Анненкова, Боткина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского (его знакомство с О. возобновилось в 1867—68 в Женеве), Тургенева, Чернышевского, Бакунина, А. Н. Пыпина, Дж. Мадзини, Гарибальди. Современники, говоря об общности взглядов и вкусов О. и Герцена, отмечали «совершенный контраст» их натур (Юнг Е. Ф., Из «Восп.». — В кн.: О. в восп. современников, с. 363): «...один кипучий, живой как труть, другой спокойный и сдержанный», «в одном сказывался публицист и революционер, в другом поэт и мечтатель» (Милуков А. П., Лит. встречи и знакомства — там же, с. 351). Встречавшийся с О. в 1858 Пыпин писал, что тогда О. занимал

более всего «крестьянский вопрос» («Мои заметки» — там же, с. 361). «Положение» 19 февр. 1861 было оценено им как предательство нар. надежд. Рефреном ст. «Разбор нового крепостного права...» («Колокол», 1861, 15 июня ... 1 сент.) стали слова «Народ царем обманут». Статья «Что нужно народу?» («Колокол», 1861, 1 июля) завершается призывом создавать тайную рев. организацию. Развивая концепцию общинного социализма, О. целеустремленно работал над ее созданием («Записка о тайном обществе», 1857, опублик. 1941; «Идеалы», 1859, опублик. 1953). Прокламация «Что нужно народу?» (отд. оттиск статьи из «Колокола») стала одним из первых программных документов об-ва «Земля и воля» (в Лондоне О. сблизился с его создателями Н. А. Серно-Соловьевичем, А. А. Слепшовым и др.).

В 1860 Вольной рус. типографией были переизданы «Думы» К. Ф. Рыльева с «Посвящением» и предисловием О., в к-ром он рассматривал книгу как «исторический памятник... героическое времени русской жизни», «юное выражение благородной личности поэта», превыше всего ставящего долг патриота и гражданина («Избранное», М., 1977, с. 335, 338). В 1860—61 двумя сб-ками статей «За пять лет. (1855—1860)» (Лондон) О. и Герцен подвели итоги своей публицистич. деятельности. Одновременно в обширной статье, предпосланной сб-ку «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861), составл. из вывезенных О. из России произв. Пушкина, Лермонтова, Рыльева, В. Г. Бенедиктова, Н. А. Добролюбова и др., О. характеризовал особенности рус. рев. движения и участие в нем поэтов. В 1862 вышел сб. «Солдатские песни» (Лондон) со вступ. статьей, предположительно принадлежащей О.

Не веря в успех назревавшего польск. восстания 1863—64, О., однако, поддерживал его в статьях и прокламациях «Братья-солдаты! Ведут вас бить поляков», «Офицерам всех войск от общества „Земля и воля“», «Слово правды» (все — 1863). Шовинистич. настроения, распространявшиеся в рус. обществе после поражения восстания, наступление реакции усилили отчуждение лондон. эмигрантов от России.

Лирика О. в 1-й пол. 60-х гг. обрела новые черты. Наряду с воспоминаниями о прошлом («Бал», начало 1860-х гг.?) и впечатлениями настоящего («Картины из странствий по Англии», 1863) все большее место занимает в ней тема подведения итогов: стих. «Мой русский стих, живое слово...» (1862—64). Если в молодости О. предугадывал пути нар. поэзии Некрасова, то теперь он порою сближался с Ф. И. Тютчевым,

глубоко проникая в природу человека, страданий («О, *lastgumatum fons*; ...», 1861—1862 (?), «Призрак», 1863]. В лирич. поэме «Забвенье» (ПЗ, 1862, кн. 7, в. 2) изгнанник воображением уносится в Россию. Поэма «Странник» («Общее вече», 1862, 20 дек.) содержит реминисценции из стих. «Пророк» Пушкина и одноим. стих. Лермонтова. Незавершенные драм. сцены «Исповедь лишнего человека» [1864 (?); опубл.: РМ, 1904, № 8] представляют психол. автобиографию поколения 40-х гг. в ориг. лит. форме: бытовые картины написаны прозаич. диалогами, а мысли и переживания героя переданы стих. монологами.

В 1865 О. и Герцен перенесли свою деятельность в Женеву в надежде восстановить и укрепить ослабшие связи с деятелями рус. и зап.-европ. рев. движения. В нач. апр. (по н. ст.) О. через Францию приехал в Женеву. Отношения с Герценом, по-прежнему осознававшими обоим как неразрывная духовно-биограф. связь, теперь осложняются как ввиду личных обстоятельств [Герцен считал, что решение О. окончательно связать судьбу с Сатерленд «равняется перевороту»: «его бесконечно жаль — он сам не знает, что делает». — (Письмо сыну от 12/24 апр. 1866 — XXVIII, 173), открыто неприязн. отношения сложились также между Тучковой-Огарёвой и новой спутницей жизни О. (см.: ЛН, т. 96, с. 434, прим. 8)], так и ввиду ряда идеол. разногласий. Например, в 1869, полемизируя с итоговым циклом статей-писем Герцена «К старому товарищу» (первонач. — «Между старичками»), в к-ром проведена мысль об ист. закономерности совр. бурж. об-ва, О. написал «Первый ответ» и «Второй ответ старому другу», где отстаивал — в духе бакунин. анархизма — необходимость тотального разрушения существующего гос-ва и всех его ин-тов как предпосылку будущей революции («Избр. социально-полит. и филос. произв.», т. 2, с. 211—12, 214—19). 14(26) марта 1869, в связи с открытием письма Герцена «Au gédasteur», О. писал другу: «К чему выставлять ... желание возвратиться на родину? ... Не верю я в возможность и нужду возвращения...» (ЛН, т. 39/40, с. 540—41). Существ. расхождения наметились и в оценке т. н. молодой эмиграции (А. А. Серно-Соловьевич, Н. Я. Николаев и др.), к-рую О. был склонен поддерживать — в т. ч. организационно и финансово, не желая замечать черты, раздражавшие Герцена: этич. неразборчивость (интриганство, паразитизм), а также эстетич. грухоту. Логич. завершение этого сложеского конфликта — эпизод с появлением в 1869—70 в Женеве С. Г. Нечаева, к-рый, сумев привлечь

на свою сторону О. и Бакунина, потребовал разделить т. н. Бахметевский фонд (капитал, в 1857 переданный П. А. Бахметевым Герцену и О. для нужд рев. пропаганды) с тем, чтобы половина суммы пошла на издание нового «Колокола» и прокламаций рев.-заговорщической организации в России «Народная расправа». Упорно игнорируя резко негативное отношение Герцена к личности и авантюрам Нечаева, О. и в последнем письме к другу (от 5/17 янв. 1870), не зная о его смертельной болезни, умолял «без рассуждений» выслать вексель на 5000 франков (ИзвОЛЯ, 1967, т. 26, в. 2, с. 162; публ. С. Д. Гурвич-Литинер). После смерти

Н. П. Огарёв. 1870-е гг.

Герцена — и до июля 1870, когда Нечаев был окончательно уличен во лжи, вымогательстве и воровстве, — последний имел сильное влияние на О., к-рый участвовал в нечаевских изданиях и как автор (в т. ч. ст. «Главные основы будущего общественного строя», изд. об-ва Нар. расправы, [1870], № 2), и как редактор (см. ст. С. В. Житомирской, Н. М. Пирумовой. — ЛН, т. 96, с. 413—440).

О. тяжело пережил смерть Герцена (стих. «Памяти Герцена», 1870), обозначавшую конец и его собств. активной полит. деятельности. Он продолжал писать стихи, часто откликаясь на полит. и бытовые события («Осужденному», 1866; посв. Д. В. Каракозову); однако большей частью сочинения этих лет остались незаконченными. В 1869 в Женеве отд. брошюрой вышла сатирич. поэма О. «Восточный вопрос в панораме», в к-рой он в форме нар. рашника размышлял на темы междунар.

политики. В 1873 по совету Пассек О. сочинил автобиограф. «Записки русского помещика» (не завершены; опубл. посмертно).

В мае 1873 швейцар. власти решили выслать О. из страны, т. к. рус. пр-во потребовало возвращения в Россию его и 18 др. эмигрантов, живших в Женеве. В сент. 1874 он уехал в Англию, поселившись сначала в Ньюкасле, а в дек. — в Гринвиче. В 1875 он познакомился и сблизился с П. Л. Лавровым, с к-рым ранее переписывался. В периодич. двухнедельном обозрении Лаврова «Вперед!» О. сотрудничал в 1875—76, подбирая мат-лы о России в заграничной прессе, публикуя и собств. статьи. Его все более угнетали старч. немощи и денежные заботы. Средства, привезенные из России, истощились: в Швейцарии, затем в Англии он жил на деньги Герцена, а затем его детей. В кон. мая 1877 О. во время приступа эпилепсии повредил позвоночник; скончался на руках дочери Герцена Натальи и его зятя Габриеля Моно.

Изд.: Стихотворения, т. 1—2, М., 1904; Архив Н. А. и Н. П. Огаревых, М.—Л., 1930 (собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон); Избр. социально-полит. и филос. произв., т. 1—2, М., 1952—56 (в т. 2 — 134 письма); Стих. и поэмы, Л., 1956 (БПБ, 2-е изд.; подг. текста и прим. С. А. Рейсера); Избр. произв., т. 1—2, М., 1956 (подг. текста и прим. Н. М. Гайденова); Избранное, М., 1977; Рус. эпитафия; ЛН, т. 39/40, 41/42, 61—64, 67, 96 (ук.); О. о лит-ре и иск-ве, М., 1988.

Письма: см.: Муратова (1); Mervaud M., *Lettres d'Ogarev à Natalie Herzen*. — «Cahiers du monde russe et soviétique», 1969, т. 10, № 3—4 (15 писем О.); Herzen, Ogarev. Bakounine. *Lettres inédites*, intr., trad. et notes par M. Mervaud, P., 1975 (19 писем О. к М. фон Мейсбург, Н. и О. Герцен); *Lettres inédites à A. Herzen fils*, intr., trad. et notes par M. Mervaud, Mont-Saint-Aignan — P., 1978 (111 писем О. к А. А. Герцену, 6 — к Н. Герцен, 6 — к О. Герцен и Г. Моно и др. мат-лы); Une lettre d'Ogarev à Bakounine, publiée par M. Mervaud. — «Revue des études slaves», 1987, т. 59, fasc. 4; Ogarev et N. Tuckova-Ogareva. *Lettres et poèmes inédites*, publ., intr. et notes de M. Mervaud. — Ibidem, 1990, т. 62, fasc. 3.

Биограф. мат-лы: Некрасова Е., Н. П. Огарев. — В кн.: Почин, М., 1895; см. же Н. П. Огарев. Раннее детство. — «Под знаменем науки», М., 1902; Гершензон М. О., О. и его крепостные. — «Наука, слово», 1903, № 4; его же, История одной дружбы. — Там же, 1903, № 8—9; его же, О. и его любовь. — ВЕ, 1907, № 10—12; Лемке М. К., Очерки жизни и деятельности Герцена, О. и их друзей. — МБ, 1906, № 1, 2, 4, 7; Клеваский М., К биографии Герцена и О. — ГМ, 1919, № 1—4; Черняк Я. З., О. Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве, М.—Л., 1933; Переселенков С. А., Черняк Я. З., О. в последний период жизни. — «Звенья», сб. 6, М.—Л., 1936; Пугинцев В. А., О встречах Белинского и О. с Герценом в Новгороде в 1841—1842 гг. — ИзвОЛЯ, 1958, т. 17, в. 5; его же, Н. П. Огарев, М., 1963; А. М., Переписные праха О. на родину. — ВЛ, 1966, № 6; Дементьев А. Г., Огаревское дело. — РЛ, 1974, № 1; Конкин С. С., Н. Огарев, Саранск, 1975; Бессонов Б. Л., К истории «огаревского дела» (по новонайденным мат-лам). — РЛ, 1978, № 3; Либединая Л., С того берега. Пов. о Н. Огареве, 2-е изд., М., 1985; Елизаветина Г. Г., Н. П. Огарев, М., 1988; О. в эпоху современников, М., 1989.

Лит.: Белинский: Герцен; Чернышевский; Григорьев. Критика; Боткин В. П., Лит. критика. Публицистика. Письма, М., 1984 (все — ук.); Костенский Я. И., Вост.

из моей студенческой жизни. — РА, 1887, кн. 2, с. 238; Перцов П. П., Филос. течения рус. поэзии, СПб., 1896; Волынский А., Борьба за идеализм, СПб., 1900; Гершензон М., Лирика О. — ВЕ, 1903, № 9; Айхенвальд Ю., Силуэты рус. писателей, в. 1, М., 1906; Ананьев И., Н. П. Огарев, П., 1922; Гроссман Л. П., Н. П. Огарев. — «Красная нива», 1927, № 24; Переселенков С. А., Из лит. наследия О. — «Тр. ин-та новой рус. лит-ры АН СССР», т. 1, Л., 1931; Черняк Я. З., Фонд О. — Черняк Я. З., Аскарянц А. В., Из записных книжек О. — Зап. ГБЛ, в. 12, М., 1951; Бочкарев В. А., Поэзия О. и его социально-филос. искания 40—50-х гг. — «Волжская новь», 1939, № 8; сго же, О. и его предшественники. — «Уч. зап. Куйбышев. гос. пед. и учительского ин-та», в. 6, 1942; сго же, Тема Запада в творчестве О. — Там же, в. 9, 1948; Асмус В., Борьба филос. течений в Моск. ун-те в 70-х гг. XIX в. — «Вопросы истории», 1946, № 1; Храбровицкий А. В., Рус. писатели в Пензен. обл., Пенза, 1946; Нечкина М. В., О. в годы рев. ситуации. — «Изв. АН СССР. Сер. истории и философии», 1947, т. 4, № 2; Воронин И. Д., Лит. деятели и лит. места в Мордовии, Саранск, 1951; Черняк Я. З., Аскарянц А. В., К вопросу об отношении Герцена и О. к польскому восстанию 1863 г. — Зап. ГБЛ, в. 13, М., 1952; Филатова Е. М., Экономич. взгляды Герцена и О., М., 1953; Линков Я. И., Роль А. И. Герцена и О. в создании и деятельности об-ва «Земля и воля», — «Вопросы истории», 1954, № 3; Макашин С. А., Об архиве Герцена и О. — НМ, 1955, № 8; Киселев В. А., О-музыкант. — В сб.: Вопросы музыкаведения, т. 2, М., 1956; Иовчук М. Т., Мироззрение О. и его место в истории русской рев. мысли. — «Вопросы философии», 1964, № 4; Яковлев М. В., Мироззрение О., М., 1957; Эстрина М. И., Из истории рус. бюллетенной поэзии 1840-х гг. (Стихи О. 1848—1849 гг.). — «Уч. зап. Рыбин. гос. пед. ин-та», в. 2, 1958; сго же, Из истории творчества О. 1840-х гг. — «Уч. зап. ЛПИИ», т. 196, Л., 1959; Егоров Б. Ф., О. и Н. Новгород. — «Уч. зап. Горьков. гос. ун-та», в. 58, 1963; Зубков М., Этнич. поэзия О. — РЛ, 1963, № 4; Лесина Л. И., О. и Лермонтов. — РЛ, 1968, № 2; Лебедев Ю. В., О худож. структуре поэмы О. — «Уч. зап. Костром. гос. пед. ин-та», в. 14, 1969; Селиванов К. А., Лит. места Ульянов. обл., Саратов, 1969; Рудницкая Е. Л., О. в рус. рев. движении, М., 1969; сго же, Движение декабристов в ист. концепции О. — В кн.: История и историки. 1975, М., 1978; Абрамов А. И., О. и гегелевская философия. — В кн.: Гель и философия в России, М., 1974; Тараханов Н. Г., Н. П. Огарев. Эволюция филос. взглядов М., 1974 (сб. библиогр.); Первые Огарев. чтения, Саранск, 1974; Сысоева Н. П., Тема «Медного всадника» и Петербурга в поэме О. «Юмюр». — В кн.: Страницы рус. лит-ры сер. XIX в., Сб. науч. тр., Л., 1974; сго же, О неск-рых уточнениях к изданию О. — РЛ, 1974, № 1; сго же, О. и рус. критика. — В кн.: Проблемы рус. поэзии, критики и драматургии XIX в., Куйбышев, 1978; Лицинер С., Об эстетич. исканиях О. — ВЛ, 1980, № 2; Дмитрук Е. Я., О. о Пушкине. — «Вопросы рус. лит-ры», в. 2 (36), Львов, 1980; сго же, О. и Пензенский край, Саратов—Пенза, 1981; Проблемы творчества О., [в. 1—2], Саранск, 1980—85; Воронин Н. И., О. и музыка, Саранск, 1981; Ананьева Л., Фришман Л., «...Ничто не погбило» (Лит. наследие О. в работах последних лет). — ВЛ, 1982, № 11; Корнилов С., Н. П. Огарев. — «Сов. педагогика», 1989, № 3. + Тихомиров Д. П., Мат-лы для библи. упр. произв. О. и лит-ры о нем. — ИзвОРАС, 1907, т. 12, кн. 4; Свинтов В. В., О. в музыку (фотография), Л., 1939; Дилевская Н., Фонд О. Мат-лы по О. из разных поступлений. — Курсинская Н., Фонд О. Обзор огарев. мат-лов из собр. М. О. Гершензона. — «Звезда», в. 8, М., 1950; Выдающийся рус. пост-революционер О. Краткий рекомнат. упр. лит-ры, Саранск, 1952; Мандельштам Л. С., Мандельштам Р. С., Мат-лы для библи. опубл. писем О. Библи. ук. — ЛН, т. 61; Макашин С. А., Софийская коллекция рукописей из архива Герцена и О. — ИзвОЛЯ, 1954, т. 13, в. 5; Ланский Л. Р., Аннотации писем к Герцену и О. из «Праж. коллекции». — Мандельштам Л. С., Мандельштам Р. С., Сабсович Е. М., Библи.

писем к Герцену и О., опубл. до 1955 г. — ЛН, т. 62; Анциферов Н. П., Иконографич. и мемориальные мат-лы «Пражской коллекции». — ЛН, т. 63; Мат-лы к библи. произв. О. и лит-ры о нем. (1950—1959 гг.). Библи. ук., Саранск, 1986 (сост. О. Ф. Гришиановой); Мат-лы к библи. произв. О. и лит-ры о нем. (1970—1985 гг.). Библи. ук., Саранск, 1989 (сост. О. Ф. Гришиановой и др.); Мат-лы к библи. произв. О. и лит-ры о нем. (1917—1949 гг.). Библи. ук., Саранск, 1991 (сост. Л. И. Яныкин и др.); Брокгауз; РБС; ИДРБВ; Рус. писатели; КЛЭЗ; СЭЗ; БСЭ; Иванов; Муратова (1, 2, ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 359 (см. Сербова Н. А., Болотина Э. М., Огарев. Опись докум. мат-лов фонда М., 1950); ф. 2197 [Заграничный архив А. И. Герцена и О. («Пражская коллекция»)]; РГБ, ф. 69 (см.: Черняк Л. Я., Фонд О. — Зап. от. рукописей ГБЛ, в. 12, 1951; Аскарянц А. В., Описание рукописей О., М., 1952); ИРЛИ (см.: Капелюш Б. Н., Рукописи и переписка О. — Биолетень рукописного ота. Пушкин. Дома, т. 5, 1955); ЦГА Мордовии в г. Саранске (гл. обр. док-ты бюгр. характера: см.: Путеводитель по ЦГА Мордовии. АССР, Саранск, 1960); ГА Пензен. обл. (см.: Путеводитель по ГА Пензен. обл., 1962); ГА Рязан. обл. (см.: Путеводитель по ГА Рязан. обл., 1959); ГА Ульянов. обл. (см.: Путеводитель по ГА Ульянов. обл., 1966).

См. также лит. при ст. Герцен А. И.
В. С. Лазурин, Л. В. Павлова.

ОГИНСКИЙ Алексей Григорьевич [1780 — 14(26).7. 1848*, Петербург; похоронен на Митрофаньев. кладб.], переводчик. Из духовного сословия. По окончании Екатеринбург. духовной сем. преподавал там греч. яз. (с 1800), рос. и лат. красноречие (с 1803). В 1808 переехал в Петербург (где жил безвыездно, женившись на дочери придворного протопресвитера и приобретя со временем собствен. дом на Сергиевской ул.; имел сына и дочь). По увольнении из духовного звания был принят в Деп. нар. просвещения (1808, с 1811 коллеж. секр.). В 1813 переведен в канцелярию статс-секретаря П. С. Молчанова (с дек. 1813 тит. сов., с 1815 коллеж. ас.).

В 1812 вступил на лит. поприще, опубликовав перевод др.-греч. комич. эпоса (пародировавшего «Илиаду» Гомера) «Батрахомиамахия» — «Оморова брань лягушек и мышей» (СПб.), В 1814 перевел с франц. нашумевший памфлет Ф. Р. Шатобриана (изданный в том же году, еще до отречения Наполеона) «О Бонапарте, Бурбонах и о необходимости обратиться к нашим законным государям, для счастья Франции и Европы» и работу «Дополнения к соч. г. Шатобриана о Бонапарте и Бурбонах» (оба пер. изданы в один год с публикацией оригиналов; СПб.).

В 1817—30 служил в ценз. к-те Мин-ва полиции, вскоре — в Деп. полиции исполнительной, вошедшем потом в МВД (с 1820 в должности столоначальника; с 1829 коллеж. сов.). В нач. 1820-х гг. недолго преподавал классич. языки и историю в Благородном пансионе при Петерб. ун-те (среди учившихся у него — поэт А. Я. Римский-Корсаков и М. И. Глинка).

Лит. известность О. приобрел в первую очередь как переводчик

«классиков»: «Первая Олинфийская речь Демосфена» («Дух журналов», 1817, ч. 19), «Четвертая книга Иродотовой Истории [Истории Геродота], названная Мельпоменою» (гл. 1—10; «Журнал древней и новой словесности», 1819, № 8), «Творения Гезиода Аскрейского» (СПб., 1830). Занятие ими побудило его к переводу ист. работ об античном мире (с англ.): компилятивных соч. англ. писателя О. Голдсмита «История римская...» (ч. 1—2, СПб., 1819—20), «Сокращенная история Греции» (ч. 1—2, СПб., 1814—15; 2-е испр. изд., ч. 1—2, СПб., 1815—23; за оба перевода имп. Елизавета Алексеевна пожаловала в 1821 О. зол. часы) и исследования Дж. Гиллиса «История древней Греции...» (т. 1—8, СПб., 1830—31; сохранен весь науч. аппарат; отрывки в журналах 1824; в 1832 вместе с «Творениями Гезиода...» отмечены наградой царской чety — драгоценными перстнями). Переводы «классиков» явились весомым вкладом в знакомство рус. читателя с антич. лит-рой.

Самым устойчивым для О.-переводчика оказался интерес к творчеству Голдсмита, начиная со ст. «О Голдсмите и его сочинениях» («Журнал древней и новой словесности», 1818, ч. 2, кн. 7) и кончая ром. «Векфильдский священник» (СПб., 1847; «с присовокуплением сведений о жизни и творчестве автора»). Учебно-просветительскими устремлениями О. продиктованы переводы кн. «Гимны в пользу обучающихся детей» г-жи Э. Гилберт (СПб., 1830; рец.: «Галатея», 1830, № 29; 3-е изд., СПб., 1835) и сб-ка религ.-нравств. соч. А. Уоттса «Благоговейные чувствования ... добрых детей» (СПб., 1831, 1835). Всем переводам О. свойственна предельная тщательность в передаче авт. текста. Будучи достоинством в переводе англ. ист. сочинений, это качество оборачивается нередко тяжеловесным буквализмом в передаче худож. текста, а также публицистики Шатобриана.

В 1832 определен библиотекарем в Гидрографич. депо (с 1837 Гидрографич. департамент Морского мин-ва); упорядочил б-ку, составив полный каталог и систематизировав его вместе с В. Н. Берхам; служил в ней до конца жизни (с 1838 в чине стат. советника).

Лит. знакомства О., очевидно, редки и непродолжительны; в частности, согласно мемуарам современников, посещал лит. вечера Д. И. Хвостова, был знаком с Н. И. Гречем. Курьезным исключением явились многожды повторявшиеся со 2-й пол. 20-х гг. до нач. 40-х гг. лит.-застольные встречи О. и его коллеги, преподавателя логики И. Я. Колмакова, со своими пансионскими учениками, в т. ч. Римским-Корсаковым и Глин-

кой, к-рые потешали преподавателями-«оригиналами» знакомых литераторов. По восп. Глинки, О., «муж ученый и трудолюбивый», говорил на вечеринках «важно» и «протяжно», «воздвигая торжественно правую руку для большего убеждения слушателей. Наши дружеские лит. беседы, при содействии пунша, оканчивались почти всегда филос. прениями» («Записки...», с. 30; ср.: Панаев, с. 43—45).

Др. произв. Переводы: «Сокращенная история Англии. От нашествия Юлия Цезаря до смерти Георга III...» О. Голдсмита (ч. 1—2, СПб., 1820—21), «О состоянии изящных иск-в во времена Александра Великого» Дж. Гиллиса («Сев. Минерва», 1832, ч. 1, № 2). «Собрание коренных слов греч. яз., расположенных по азбучному порядку...» (СПб., 1823; ориг. справочное пособие).

Лит. Панаев: Греч; Глинка М. И., Записки... М., 1988 (все — ук.); Ростиславов Д. И., Записки... — РС, 1895, № 3, с. 103—05; Соловьев Д. Н., Пятидесятилетие С.-Петерб. Первой г-зии, 1830—1880, СПб., 1880, с. 42—43; Топоров В. Н., Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithian'y..., Вена, 1992; Левин Ю. Д., К истории восприятия в России О. Голдсмита. (Реч. на кнгу Топорова), — РЛ, 1994, № 2 (прил.: Библиогр. ранних рус. пер. произв. О. Голдсмита, 1763—1830). — ПНскр.; Топоров П., Систематич. ук. книг и ст. по греч. филологии, СПб., 1898: РСБ.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1846 г., л. 313 (ф. с. 1846 г.); ф. 535, оп. 1, д. 18 (о на граждании О.) [справка С. И. Вареховой]; РГА ВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 785 (ф. с. 1836 г.); оп. 2, д. 142, л. 342* [справка В. Н. Гудкина-Васильева].

С. Н. Исколь.

ОГОРОДНИКОВ Павел Иванович [24.9(6.10)*, по др. сведениям 17(29).9**1837 — 20.12.1884(1.1.1885), Москва], очеркист, географ, участник рев. движения. Из беспоместных дворян Полтав. губ. С 1848 воспитывался в Новгородском, с 1855 в Константиновском кадет. корпусах. В последнем одновременно с ним учились будущие участники рев. движения — К. И. Крупский, З. Падлевский, Анд. А. Потехина и др., а в числе преподавателей — Г. Е. Благовосветлов и Б. Ф. Калиновский. В февр. 1858 выпущен прапорщиком в 6-й стрелковый батальон, находившийся в Варшаве. В 1860—61 слушатель Акад. Ген. штаба в Петербурге, оставил ее «по болезни». По возвращении в Варшаву вошел в рев. офицерскую орг-цию (одним из руководителей с февр. 1862 был Я. Домбровский). 24 июня 1862 О. организовал в воен. лагере в Повонзках панихиду по офицерам — «гос. преступникам», расстрелянным за рев. пропаганду. В тот же день был арестован, заключен в крепость Модлин (об этом см.: «Колокол», 1862, 15 сент., 15 окт.). В заключении тайно вел (с июня 1862 по окт. 1863) дневник (воспроизводящий подробности тюремного быта, беседы с ча-

совыми, письма др. узников) — ценный ист. источник и обличит. документ (опубл. с искажениями и огромными купюрами — ИВ, 1882, № 2, 6, 7, 8, 9, подпись О-в; полностью на польском яз.; рукоп. «Дневник заключенного» — РНБ, ф. 1000). В окт. 1863 О. был отправлен в Петербург, после ряда перемещений освобожден 8 дек. 1863 «за недоказуемостью дела». Местом поселения выбрал Одессу.

С дек. 1864 по апр. 1865 вновь в заключении по делу той же офицерской орг-ции. Историю своего заключения О. подробно изложил в 1882 в ст. «По мытарствам, или Невольное путешествие» (не опубл.; хранится в архиве «Рус. старины» — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1865), к-рая как бы продолжает его «Дневник...». По возвращении в Одессу служил техником на разных железных дорогах. Путешествовал по России; в 1869, совершив поездку, о к-рой давно мечтал (Франция, Германия, Англия, Сев. Америка), поселился в Петербурге. Путешествие в Америку, где «существует страшное зло: рабство труда и женщин», происходит «стирание краснокожих с континента», а выборы «сопровождаются жульничеством и насилием», послужило материалом для его путевых заметок «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию», опубл. при содействии Н. Н. Страхова в ж. «Заря» (1870, № 4—6, 8, 9, 11—12; отд. изд. под тем же названием — СПб., 1872; благожелат. отзыв — ВЕ, 1872, № 3). Нек-рые их эпизоды использовал Ф. М. Достоевский в ром. «Бесы» (поездка Шатова и Кириллова в Америку — X, 111—12; XII, 293—94). 2-е изд. книги, значительно дополненное и переработанное (под назв. «В стране свободы», т. 1—2, СПб., 1882; отд. глава в ней посв. встрече с А. Гончаренко), к-рое О. завершил замечанием о том, что и в Америке он не нашел свободы, вызвало отрицат. рец.: книга «характеризует гораздо более самого ее автора, нежели американцев и американскую жизнь» (ОЗ, 1881, № 12, с. 190—92). В 1874 по поручению РГО участвовал в торг.-пром. экспедиции в Сев. Персию для «естеств.-ист. и этногр. исследований» (Архив РГО, ф. 1, 1874, оп. 1, д. 18, л. 3). О. «собрал весьма интересные сведения о производительных силах страны и по торг. статистике» (Семенов П. П., История полувековой деятельности имп. РГО 1845—1895, ч. 2, СПб., 1896, с. 824—25). Описанию путешествия посв. публ. (с ценз. купюрами) в Известиях РГО (1875, в. 1), «Деле» (1875, № 7, 9, 11, 12; 1876, № 6, 7, 8), «Вест. Европы» (1876, № 11, 12), «Всемирном путешественнике» (1877, окт.—дек.), «Мысли» (1880, кн. 2), составившие кн. «На

пути в Персию и Прикаспийские провинции ее», «Очерки Персии» (обе — СПб., 1878), а также кн. «Страна солнца» (СПб., 1881). В сдержанно-благожелат. отзывах на «очень любопытные ... по теме» труды О. отмечалась недостаточная «лит. отделка ... Стиль его отрывочный, описания мест, обстановки, людей ... очень неопределенны и некартинны» (ВЕ, 1881, № 12, см. также: ВЕ, 1878, № 2 — оба отзыва в отд. «Библи. листок»). Последние годы О. писал воспоминания (не сохранились), занимался архивами заводчиков Демидовых.

Лит. Семевский; Ашенбреннер М., Восп. — «Былое», 1907, № 4/6, с. 20; Дьяков В. А., Штаксельберг Ю. И., Революционер-шестидесятник П. И. Огородников и его тюремный дневник. — В кн.: «Эпоха Чернышевского». Рев. ситуация в России в 1859—1861 гг., М., 1978; ЛН, т. 15, с. 276, т. 61, с. 512, 517, т. 77, с. 453. — Некрологи, 1885: «Новости», 1 янв.; «Библиограф», № 2; «Новь», № 6; «Свет», 3 янв. РСБ; Брокгауз; Языков; ДРДР; ИДРДВ; Дьяков В. А., Деятель рус. и польского освободит. движения в царской армии 1856—1865 гг., М., 1967; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 155; ф. 274, оп. 1, № 396, л. 80 (автобиоогр. заметка О.)* [справка Т. В. Мисникевич]; РНБ, ф. 1000**; РГВИА, ф. 320, оп. 2, д. 355 (биоогр. мат-лы); РГИА, ф. 720, оп. 1, д. 8 (копия следств. дела)*; ф. 776 и 777 [справка Н. М. Корневой].

Ю. И. Штаксельберг.

ОДИНЦОВ Дмитрий Яковлевич [21.10(2.11).1887, с. Богданово Каргопольского у. Олонечкой губ. — 1975], поэт. Из крестьян. С 13 лет начал работать в Петербурге, поступив учеником золотосеребряника на фабрику золотых и бриллиантовых изделий; в 1907 получил диплом подмастерья серебряно-позументного цеха Петерб. ремесл. управы. В 1907—10 учился в воскресной школе П. Ф. Лесгафта для рабочих, затем на вечерних курсах новых языков в Нар. доме; слушал общедоступные лекции в об-ве «Просвещение» и Тенишев. уч-ще. В 1911 включился в профсоюзное движение, с 1912 пред. правления Союза золотосеребряников и бронзовщиков; с 1912 чл. РСДРП(б).

Дебютировал в печати в 1911 в большевист. газ. «Звезда» (стих. «Там, где все проблемски жизни...» — № 11); до 1914 был активным сотр. газ. «Звезда», «Правда» и др. большевист. изданий, в к-рых помещал корреспонденции, заметки, б. ч. анонимные (о забастовке профсоюза золотосеребряников; «Рабочий театр» — «Путь правды», 1914, 20 апр.) и стихи. В 1913 совм. с А. И. Машировым (Самобытником) О. возглавил кружок поэтов-«правдивистов», вскоре переросший в кружок пролет. писателей. В изданном по инициативе М. Горького «Первом сборке пролет. писателей» (СПб., 1914) появилось стих. «Вперед» (использовано Горьким в предисл. к сб-ку), в к-ром О. призывал пролетариат к освоению «культуры мировой». Стихи О. (писал до 1920) были ориентированы на общедоступные лит. образцы (в т. ч. А. В. Кольцова: «Первые ласточки». — «Правда», 1913, 29 мая) и отличались несложными (б. ч. глагольными) рифмами. В них варьировалась тема грядущего рев. обновления («Там, где все проблемски жизни...», «Вперед»; «С новыми песнями...» — «Пролет. правда», 1913, 12 дек.), порой решаемая аллегорически («Первые ласточки»; «Весна» — в сб. «Поэты „Правды“»: «Не вечен мрак... Страна родная./ Ты пробуждаешь от сна!./ Твой горький труд благословляя./ Идет желанная весна!»), отразились непосредств. личные впечатления («Бутырская тюрьма», «В тюрьме»).

28 апр. 1914 был арестован за агитацию в пользу «устройства 1-го мая всеобщей забастовки рабочих... столпы и в разных городах» (отпущен из-под стражи 15 мая — ГАРФ, ф. 102, 5 д-во. 1914 г., д. 301, ч. 7, л. 53 об.); в нач. 1-й мировой войны О. вместе с др. сотр. «Правды» был арестован «за вредное направление» и сослан вплоть до снятия воен. положения в Петрограде. Пройдя этапные (моск. Бутырскую, затем челябинскую) тюрьмы, был доставлен в Троицкий у. Оренбург. губ., где находился до июля 1917. В годы ссылки с 1915 сотрудничал в троичской газ. «Степь». После Окт. революции возглавил отд. драгоценных металлов в Уральском обл. комиссариате финансов в Екатеринбургe. Позднее был гл. инженером треста «Главзолото», работал в Армторге, в 1928—34 чл. правления объединения Союззолото, Цветметзолото. Окончил Ин-т цветных металлов и золота, с 1937 его директор. В 1960-х гг. опубликов. — «Дорога радостного дня» («Октябрь», 1962, № 5), «Славное поколение рабочих-правдивистов» (в кн.: Страницы славной истории. Восп. о «Правде», М., 1962), «Поэты „Правды“» (в кн.: Ленинской «Правде» — 50 лет, М., 1962),

«Большевики-правдивисты в подполье» (в кн.: В годы подполья. Сб. восп., М., 1964), «Друг пролет. поэтов» (в кн.: Большевик правдивист. Восп. о К. С. Еремееве, М., 1965), «В „Звезде“ и „Правде“» (в кн.: Восп. о Демьяне Бедном, М., 1966), «Искра, которая зажгла пожар...» (в кн.: Великие незабываемые дни, М., 1970), «Путь к „Правде“» (в кн.: По ленинскому пути. Восп. старых большевиков, М., 1972).

Изд.: [Стихи]. — В сб-ках: Пролет. поэты, т. 2—3, Л., 1936—39 (БПбс); Рев. поэзия. (1890—1917), 2-е изд., Л., 1954 (БПбс); Рус. рев. поэзия. 1895—1917, Л., 1957; Рев. поэзия. (1890—1917), Л., 1959 (БПбс, 3-е изд.); Поэзия в большевист. изданиях 1901—1917, Л., 1967 (БПбс, 2-е изд.); Поэты «Правды». Стих. 1912—1922, М., 1967.

Лит.: Летопись жизни и творчества М. Горького, т. 2, М., 1958, с. 420, 422; Прямоков А. В., Поэты и писатели эпохи «Звезды» и «Правды». — В кн.: Идеи и образы худож. лит-ры, М., 1958; Волков А. А., Д. Я. Одинцов. — В его кн.: Рус. лит-ра XX в. Доктринский период, М., 1964; Трофимов И. Т., Д. Я. Одинцов. — В кн.: Поликанов А. А., Удальцова З. В., Трофимов И. Т., Рус. лит-ра кон. XIX — нач. XX вв., М., 1965; Осьмаков Н. В., Рус. пролет. поэзия. 1890—1917, М., 1968. + КЛЭ; ИДРДВ; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2504, оп. 2, № 65; ф. 2843, оп. 1, № 2581 (стихотворения), № 2626 (автобиография), оп. 1, № 2737.

В. М. Бокова.

ОДОЕВСКИЙ Александр Иванович, князь [26.11(8.12).1802, Петербург — 15(27).8.1839, форт Лазаревский; похоронен там же (в 1840 кладб. уничтожено горцами); возможно, перезахоронен в Карахаге, Кахетия], поэт, декабрист. Отец — ген.-майор кон. Ив. Серг. (1769—1839); мать — княжна Праск. Ал-др., урожд. Одоевская (двоюродная сестра отца; ум. в 1820). Двоюродный брат В. Ф. Одоевского. Воспитывался дома (среди учителей — проф. истории К. И. Арсеньев, секр. Рос. акад. П. И. Соколов). Зачислен на службу в Кабинет е.и.в. канцеляристом в 1815, губ. секр. с 1818, уволен в 1820, с 1821 — унтер-офицер л.-гв. Конного полка, в том же году — юнкер, с 1823 — корнет; в полку подружился с А. Донауровым, с поэтами-дилетантами Е. Е. Комаровским, А. Е. Рынкевичем (письмо В. Ф. Одоевскому от 15 окт. 1821; нек-рые сведения о юности О. в дневнике К. С. Сербиновича — см.: Ларионова, 1976).

В нач. 1820-х гг. пробовал силы в поэзии, но ничего не печатал, считая свои опыты незрелыми (письмо В. Ф. Одоевскому от 19 марта 1824 — ПССИП, с. 273); сохранилось лишь неск. произв. О. этого периода. Большая их часть обнаруживает влияние К. Н. Батюшкова (оно сказывается и в нек-рых стих. после 1825, напр. в «Амуре-Анакреоне»; см. об этом: Сердюкова О. И., Декабрист. элегия после 1825 г. (О. и В. А. Жуковский). — В кн.: Развитие жанров рус. лирики кон. XVIII—XIX вв., Куйбышев, 1990]. О. проявлял сти-

лизаторские способности, отмеченные современниками (см. письмо Ап. Сотникова А. А. Краевскому от 1844 — Ларионова, дис., с. 206; см. также: Чумаков Ю. — ВЛ, 1959, № 7, с. 206).

Наиб. близким О. в нач. 1820-х гг. был В. Ф. Одоевский, к-рый считал его «эпохой» в своей жизни (Сакулин, 1913, с. 95). Одним из результатов их общения были, по-видимому, стих. О. «Бал» (1825) и позднейшая одноименная новелла В. Ф. Одоевского о «плеске мертвецов». Однако уже весной 1823 расхождения между философом-любомудром В. Ф. Одоевским и энтузиастом О., стремившимся к немедленной практической деятельности и предчувствовавшим «испытания» (письмо от 2 окт. 1821), становятся очевидными и приводят к разрыву: О., в частности, обвиняет В. Ф. Одоевского в холодности и умственной несамостоятельности (письмо от 10 окт. 1824 — ПССИП, с. 277—78). В 1836 О. с раздражением писал отцу (21 июня) о каких-то «нелепых записках» В. Ф. Одоевского, адресованных О.

В 1824—25 О. присутствовал на петерб. лит. собраниях; близко сошелся с А. А. Бестужевым, К. Ф. Рылеевым и А. С. Грибоедовым (к-рый одно время даже жил у него на квартире — см.: Завалишин Д. И., Восп. о Грибоедове. — В кн.: Грибоедов в восп., с. 130; см. также письмо Грибоедова С. Н. Бегичеву от 9 сент. 1825); во время наводнения в Петербурге 1824 О., рискуя жизнью, бросился спасать Грибоедова (см. письмо Грибоедова к О. от апр.—мая 1828), организовал переписку «Горя от ума» (Грибоедов в восп., с. 132). В 1829 Грибоедов ходатайствовал за осужденного О. перед их общим родственником И. Ф. Паскевичем. Элегия О., написанная на смерть Грибоедова, содержит реми-

нисценции из стих. последнего «Я дружбу пел... когда струнам касался...» (1828), посв. О. [подробнее в кн.: Мещеряков В. П., А. С. Грибоедов. Лит. окружение и восприятие XIX — нач. XX в.], Л., 1983, с. 136].

В 1825 О. опубли. в «Сыне отечества» ст. «О трагедии „Венецслав“, соч. Ротру, переделанной г. Жандром» (№ 1; подпись А. О.; традиционно атрибутируется по упоминанию в дневнике В. К. Кюхельбекера от 27 нояб. 1833), в к-рой отстаивал романтизм, представления о нравственности в лит-ре и одобрял попытки реформы рус. стихосложения, принятые А. А. Жандром (подробнее см.: Эйхенбаум Б. М., Лермонтов. Опыт ист.-лит. оценки. — В его кн.: О лит-ре, М., 1987).

С 1825 О. — член Сев. об-ва (принял в об-во Рынкевича). Присутствовал на собрании у Рыльева 12 дек. и, по свидетельству В. И. Штейнгеля, восклицал: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» (см. в кн.: Штейнгель В. И., Соч. и письма, Иркутск, 1985, ук.). На Сенатской площади командовал взводом в стрелковой цепи л.-гв. Моск. полка; был послан А. А. Бестужевым в казармы л.-гв. гренадер. полка и обратился к солдатам, после чего рота декабриста А. Н. Суттофа присоединилась к восставшим (о поведении О. на Сенатской площади см., напр.: Якушкин И. Д., Четырнадцатое декабря. — В кн.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М., 1951, ук.; Декабристы в восп. современников, М., 1988, ук.). После поражения восстания укрывался у Жандра и у своего дяди В. С. Ланского; помещен в Алексеев. рavelин Петропавлов. крепости. Заключение О. переносил тяжело (см. восп. М. А. Бестужева); его сбивчивые показания производили впечатление временного помешательства и не вызвали доверия у следственной комиссии (Восстание декабристов, ук.). Осужден по IV разряду и приговорен к каторжным работам на 8 лет.

После 1825 изменяется творч. самооценка О.; его стихи получили известность в его окружении; в 30-х гг. нек-рые стих. О. опубли. в изданиях пушкин. круга («Лит. газ.», «Сев. цветы»).

Вслед за Д. В. Веневитиновым и до М. Ю. Лермонтова О. разрабатывал жанр филос. элегии медитатив. характера (ср. «Что вы печальны, дети снов...» с «Думой» Лермонтова); обычная для элегии гамма меланхолич. эмоций освещена у него стремлением проникнуть в общий смысл своей индивидуальной судьбы (см. ст. А. И. Журавлёвой — Лерм. энц., с. 483). На свою близость к Веневитинову О. прямо указывал в письме к В. И. Ланской от 17 июля

1836: у Веневитинова «замечались не только поэтич. мысли в соединении с порывами юной впечатлительности, как у Бенедиктова, но и глубокое чувство, к-рое столь редко встречается в рус. стихотворениях» (ПССНП, с. 461; см. также стих. о Веневитинове «Умиравший художник», к-рое, по словам А. Е. Розена, О. «как будто написал для себя», — Розен А. Е., Записки декабриста, Иркутск, 1984, с. 367).

Поэзия О., в т. ч. и ист. поэмы и баллады, исповедальна. Стилистич. манеры воплощения этой исповедальности различны. О. пользовался языком «школы гармонич. точности», «словами-сигналами» из лексикона гражд. лирики 1810—20-х гг. [напр., изв. поэтич. формула «Из искры возгорится пламя» в стих.

А. И. Одоевский. Рис. А. С. Пушкина.

«Струн вещей пламенные звуки...» (1828 или 1829) — полемич. ответе А. С. Пушкину]. Традиционность этого поэтич. языка часто превращала подлинные цели каторжанина в условные символы. О. много экспериментирует: в «Утре» (1826) передана живая речь в своей подчеркнутой косноязычности («Кто ж всего меня зарыл? Выду ли на воздух чистый — / Я, как дышат им, забыл») — худож. достижение О., добытое ценой пережитой драмы. Стихи О. 1829—30 изобилуют неологизмами («друг... неотлетный», «раззвучия», «звучнеть»), необычными образами («труп» океана, «океан... спросонья», «сухие облака», «очами осязать», «бесконечность летящая», «зной пылающей могилы», «пыль и проза мостовой»); слова вступают в иррациональные сочетания: «душные стены», «безотчетная стопа», «луч... промолчит», «груды бездны». (М.б., именно эту сторону стиля О. имел в виду Лермонтов, когда писал о его «темных вдохновениях», — «Памяти А. И. О-го».)

Семантич. усложненность сочетается в поэзии О. с необычностью стиховой формы (см., напр., логзэд

«Что за кочевья чернеются...» или «Брак Грузин с Русским царством», где смена метра выглядит не мотивированной содержанием). Как и у многих предшественников О., это иногда объясняется фольклорными стилизациями.

Поиски нового «высокого стиля» часто связаны с попытками создания больших форм нового типа. Сербинович свидетельствовал об увлечении О. в нач. 20-х гг. Г. Р. Державным (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5582, л. 89). Многие стихи О., напр. «Дифирамб», восходят к жанру филос. оды; многие имеют тенденцию к цикличности; известно о существовании планов трагедий и поэм, сохранились отрывок трагедии «Осада Смоленска» (с хором) и 2 части поэмы «Василько» (об идеологич. особенностях поэмы см.: Базанов В., Очерки декабрист. лит-ры. Поэзия, М.—Л., 1961).

Формы творчества и идеи О. 30-х гг. во многом сближают его со славянофилами. С А. С. Хомяковым, сослуживцем О. по л.-гв. конному полку, он был знаком с нач. 20-х гг.; по словам П. И. Бартенева, они много спорили, причем Хомяков уверял, что О. «не либерал и только хочет заменить единодержавие тиранством меньшинства» (Бартенев П., Биографические восп. об А. С. Хомякове. — Русь, 1860, кн. 2, прил., с. 33). Однако поэзия О. вызвала сочувствие славянофилов; так, стих. «Ты знаешь их...» (опубл.: Вчера и сегодня, кн. 1, СПб., 1845) «поразило» И. С. Аксакова «мужественностью», непохожей на «вялость» и «эгоизм» поэтов «лермонтовской школы» (Аксаков К. С., Аксаков И. С., Лит. критика, М., 1982, с. 174). В журнале славянофилов «Рус. беседа» были опубл. (1857—59) нек-рые стихи О.; в стих. «Славянские девы» 1830 (1859, № 16) выразились панславистские надежды О. («В голос единый что не сольете / Всех голосов славянских племен?») и его сожаление о совр. состоянии России («Старшая дочь в семействе Славяна ... Славой гремит, но грустно поет»). Н. П. Огарев, познакомившийся с О. в 1838 в Ставрополе и смотревший на него как на учителя, запомнил его глубоко религ. человеком, поэтом «христ. мысли, вне всякой церкви»; по мнению Огарева, «общество 14 декабря ... представляло коренное зерно всего рус. движения» и было предтечей славянофильства; в О. также «отразилось направление славянства» (Огарев Н. П., Избр. произв., т. 2, М., 1956, с. 383, 386).

Усилиями самого О. и его друзей было создано представление о нем как о поэте-импровизаторе, почти никогда не записывавшем своих стихов и не ценившем их, поэте, чьи лучшие стихи не известны, «с ним

похоронены» (Огарёв; см. также письмо О. к отцу от 22 нояб. 1833, стих. «Сон поэта»; восп. Розена, А. П. Беляева и др., наконец, «Памяти А. И. О-го» Лермонтова); практически все наследие О. дошло в списках, многое (напр., 3-я часть поэмы «Василько») утрачено. Согласно представлениям 19 в., О.-поэт реализовался вполне не столько как литератор-профессионал, сколько как личность с поэтич. судьбой, он «свою поэзию довершил своей жизнью» (Айхенвальд Ю. И., в кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. 1, М., 1908, с. 163); неслучайно О. стал прототипом одного из гл. героев ром. В. С. Миклашевич «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия» (ч. 1—4, СПб., 1864—65). Ему посв. также многочисленные произв. сов. беллетристики.

После приговора О. оставался в Петропавлов. крепости (5 сент. 1826 его отцу, тяжело переживавшему судьбу О. и пытавшемуся добиться помилования, было разрешено свидание с сыном; см. письма отца к М. П. Назимову 1839 — РС, 1870, т. 1, февр., с. 156—61). Доставлен в Читинский острог 20 марта 1827. На каторге из товарищей был особенно близок с И. Д. Якушкиным, к-рый, по свидетельству Е. П. Оболенского, «возбуждал его к поэтич. деятельности» (Мемуары декабристов. Северное общество, М., 1981, с. 113). Принимал участие в каторжной «домашней академии», прочитав курс истории рус. лит-ры и рус. грамматики.

В 1830 О. был переведен в Петровский Завод; в нояб. 1832 отправлен на поселение в Тельминскую казенную фабрику Иркутской губ. (в результате почти лишился возможности общения с друзьями), откуда в 1833 написал Николаю I письмо о своем раскаянии с просьбой о прощении. С 1833 находился в с. Елани Иркутской губ., где построил себе дом. От сиб. поселения дошли только послания О. и записи в альбомах; сам О. писал Якушкину об этом времени так: «Читаю много, творю мало; но зато если у меня (авось!) что-либо выльется, то, без всякого сомнения, с большей отчетливостью против прежнего; ибо, благодаря моему одиночеству, я могу весь жить в моем предмете: внешний мир меня не развлечет» (ЛН, т. 60, с. 262). В мае 1836 по ходатайству отца, поддержанному Паскевичем, переведен в Ишим Тобольской губ. В июле 1837 определен рядовым в Кавказ. отд. корпус (в нояб. зачислен в Нижегород. драгун. полк). О пребывании декабристов в Ставрополе см.: Из восп. Н. М. Сатина. — В кн.: Почин. Сб-к ОЛРС на 1895 г. (М., 1895).

В 1837 встретился с Лермонтовым (в окт. в Ставрополе или в нач. нояб. в Грузии; см.: Соч. Лермонтова под

ред. П. А. Висковатова, т. 6, М., 1891, с. 302—03; И. Л. Андроников, 1958).

В стих. «Памяти А. И. О-го» Лермонтов использует образы стих. О. «Звучит вся жизнь, как звонкий смех...», в то же время образности Лермонтова во многом противоположна излюбленной образности О. (ср. у Лермонтова: «Все, чем при жизни радовался ты / Судьба соединила так чудесно! Немая степь синет, и внемлю / Сребрянный Кавказ се обмыслит...» с часто повторяющимся у О. образом жизни-моря, сквозного ценою гор («Что вы печальны, дети снов...», 1830; «Как недавними волны гор...», 1836)).

Летом 1838 О. бывал в Пятигорске и Железноводске, где, возможно, общался с А. Г. Чавчавадзе и вдовой покойного друга Н. А. Грибоедовой (под впечатлением этого, очевидно, написано стих. «Брак Грузии с Русским царством»).

С лета 1839 участвовал в строительстве Лазаревского форта. Получив известие о смерти отца, писал Назимову: «Все кончено для меня. (...) чувствую, что не принадлежу к этому миру» (ПССиП, с. 331—32). Умер от малярии во время экспедиции на вост. берег Черного моря. По свидетельству Н. А. Загорецкого, О. «приписывал свою болезнь тому, что накануне он читал Шиллера в подлиннике на сквозном ветру через поднятые полы палатки» (Кубасов И. А., Биограф. очерк. — В кн.: ПССиП, с. 100; о любви О. к Шиллеру см.: Каратыгин П. А., Из «Записок». — В кн.: Декабристы в восп. современников, М., 1988, с. 203).

Изд.: Полн. собр. стих., СПб., 1883 (под ред. А. Е. Розена); ПССиП, М.—Л., 1934; Полн. собр. стих., Л., 1959 (вступ. ст., подготовка текста и прим. М. А. Брисманова).

Лит.: Письма гр. Е. П. Ростопчиной. — РС, 1904, кн. 7, с. 161; Котляревский Н. А., Декабристы. Кн. А. И. Одоевский и А. А. Бестужев-Марлинский, СПб., 1907; Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма. Князь В. Ф. Одоевский, т. 1, ч. 1, М., 1913; его же, О. в нецел. письмах. — В кн.: Декабристы на каторге и в ссылке, М., 1925; его же, Рус. лит-ра, ч. 2, М., 1929, с. 413; Лит. мысль. Альм., в. 2, П., 1923, с. 235—37; Евреинов Б. А., Заметки о кн. О. — «Slavia», Р. XIV, Praha, 1936—37; Брисман М. А., Мнимые стих. О. — В кн.: Декабристы и их время, М.—Л., 1951, с. 204—13; его же, Неизвестные стих. и письма О. — ЛН, т. 60, кн. 1; Восп. Бестужевых, М.—Л., 1951 (ук.); Нечкина М. В., Восстание 14 дек. 1825 г., М., 1951, с. 79, 134—35, 150; Попов А. В., О. на Кавказе. — В кн.: Мат-лы по изучению Ставропольск. края, в. 4, Ставрополь, 1952; История рус. лит-ры, т. 6, М.—Л., 1953, с. 105—12; Андроников И. Л., Лермонтов в Грузии в 1837 г., Тб., 1958; Коровин В. И., Лермонтов и рус. лирика его времени. — В кн.: Творчество М. Ю. Лермонтова, 1814—1964, М., 1964, с. 311, 313; Стрельникова И. А., Поэт-декабрист О. Жизнь и творчество, Куйбышев, 1971 (каш. дис.); Лагутов В., Ист. баллады О. — В кн.: Труды Самарканд. ун-та, в. 200, Самарканд, 1972; Ларионова Н. Г., К изучению поэзии О. (по арх. мат-лам). — «Вест. МГУ», сер. 10. Филология, 1976, № 6; ее же, Текстолитич. и ист.-лит. вопросы изучения творчества О., М., 1977 (каш. дис.); Ягушин В. П., А. И. Одоевский, М., 1980; Лорер Н. И., Записки декабриста, Иркутск, 1984 (ук.); Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И., Сквозь «умственные плотины», 2-е изд., М., 1986, с. 21—28; Эйдельман Н. Я., «Быть может за хребтом Кавказа...» (Рус. лит. и обществ. мысль первой пол. XIX в., Кавказ. контекст), М., 1990 (ук.); Холщевников В. Е., Стихотворение и поэзия, Л., 1991, с. 223; Азадовский М. К., Страшны истории декабризма, кн. 2, Иркутск, 1992

(ук.): Cajola M., La poesia decabrista di A. I. Odoevskij. — «L'Europa Orientale, Rivista bimestrale di Politica — Storia — Vita culturale», Nuova serie, anno XVII, Roma, 1937. + РБС: Гранат; КЛЭ: Лерм. энц.; ИДРДВ; Масанов.

Архивы: ГАФФ, ф. 109, 1 экзп., 1826 г., д. 61, ч. 86 (письма О.). Г. В. Зыкова.

ОДОЕВСКИЙ Владимир Федорович, князь [30.7(11.8).1804*, Москва — 27.2(11.3).1869, там же; похоронен в Донском мон., близ болыиньей церкви Архангела Михаила], прозаик, муз. критик. Происходил по прямой линии от мученика кн. Михаила Всеволодовича Черниговского. Отец — кн. Фед. Серг. (1771—1808),

стат. сов., директор Моск. отд. Гос. ассигнационного банка; мать — Эк. Ал. (урожд. Филиппова), из небогатых незнатных дворян. Восп. О. о детстве, проведенном с бедной и темной родней матери, — в наброске «Первоначальное воспитание» (часть нереализованного замысла «Жизни и похождения Ириней Модестовича Гомозейки, или Описания его семейных обстоятельств, сделавших из него то, что он есть и чем бы быть не должен» — публ. и анализ в кн.: Турьян, 1991, с. 225—28); отношения О. с невнимательной матерью и корыстным отчимом П. Д. Сеченовым, видевшим в нем прежде всего наследника кн. Фед. Серг., были мучительными (см. «Дневник студента» (1820—21) и переписку О. с матерью — Турьян, 1991). Опыт первых 20 лет жизни одного из последних Рюриковичей был близок к опыту разночинца, что отразилось на его самоощущении и творчестве (напр., тема грубости нравов в необразованных слоях общества и пр.). Окончил Благородный пансион при Моск. ун-те (1816—22) с зол. медалью в чине 10-го кл.

Первая публ. — возможно, стихи в «Благонамеренном» (1820), подчеркнуто лирические: «Отчаяние любви» (№ 13, подпись П-н; стих и сюжетн. мотивы обнаруживают влия-

ние «Эоловой арфы» В. А. Жуковского; в 1849 О. писал: «стихами Жуковского обозначены все происшествия моей внутренней жизни» — Сакулин, ч. 1, с. 90—91), «Пылающая хижина», «Песня» (№ 19), «Эпитафия» (№ 22). Лирич. героя О. «бедность от милой ... отлучила»; в суетном свете он «среди людей кичливых ... последний, ниже всех» (атрибуция и анализ: Турьян, 1991, с. 49—51; сам О. в ответе на пaskвиль П. В. Долгорукого отрицал, что в молодости писал стихи, — ЛН, т. 22—24, с. 117); позже О. писал стихи (см.: Сакулин, ч. 1, с. 97, ч. 2, с. 100), но напечатать только не имевший успеха «Сб-к детских песен дедушки Ириней» (СПб., 1847). Возможно, ранняя лирика О. связана с его юношеским увлечением Н. Шербатовой, описанным в «Дневнике студента» и выразительно обнаружившим максималист. строгость и вместе с тем ранимость О. В моск. барышне он искал «души мужчины, с умом светлым, с мыслями обширными», искал сходства со своим лучшим другом и родственником А. И. Одоевским, но, найдя суетную «вертушку», решил «оставить женщин в покое» (Турьян, 1991, с. 45—47).

Первые прозаич. сочинения О. — в характерных для Пансиона жанрах дидактич. разговора, речи, «письма» [напр., «Разговор о том, как опасно быть тщеславным» (речь на акте) — ВЕ, 1821, № 7—8]. Печатает ряд переводов, свидетельствующих о широком интересе — к нравоописат. прозе, к романтизму, к святоотеч. лит-ре (обзор ученич. трудов О. см.: Замотин, с. 377—78; Сакулин, ч. 1, с. 73—98 — здесь О. предположительно атрибутируется также рассказ «Химикант Вилгельм», «Благ», 1820, № 20). Нек-рая архаичность лит. воспитания не помешала О. проявить интерес к «новой школе словесности»; в 1821 он защищает «Руслана и Людмилу» Пушкина от Н. И. Кутузова, с декабристских ригористич. позиций обвинявшего поэму в безнравственности («Письмо к редактору» — ВЕ, 1821, № 3; подпись И. К.; атрибуция: Турьян, 1991, с. 53).

Известность О. приносит публикация в «Вестнике Европы» прозаич. цикла: «Письма к Лужницкому старцу» (1822, № 4, 7, 9—10; подпись Фалалей Повинухин), «Странный человек» (№ 13—14), «Похвальное слово невежеству» (№ 20), «Дни досад» (1823, № 9, 11, 15—18). «Письма» вырастают из формы нравоописат. очерка (сатир. изображение провинции и моск. «света»), но одновременно это первый (из завершенных и опубли.) опыт изображения в рус. повествоват. прозе мыслящего «героя времени». Носитель авт. позиции — гл. герой «Писем» Арист,

человек с умом и сердцем, философ-идеалист, бросающий вызов законамнейшей в праздности, тщеславии и невежестве толпе. Впервые звучит важная впоследствии для О. тема о стремлении к самосовершенствованию как цели человеч. существования.

«Письма», по свидетельству М. П. Погодина, произведшие «движение между сверстниками» («В память о кн. О.», с. 48), привлекли внимание А. С. Грибоедова. Их дружеские отношения с О. устанавливаются весной 1823. С комедией «Горе от ума» (создававшейся в то же время) «Письма» сближает не только сатир. изображение моск. общества, но и сам тип конфликта. Позднейшие произв. О. насыщены реминисценциями из «Горя». В 1825 О. выступил со статьей в защиту Грибоедова («Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии „Горе от ума“» — МТ, № 10). Помимо лит-ры О. и Грибоедова сближал интерес к музыке, оба занимались ее теорией, что тогда было редкостью (восп. О. о Грибоедове — «Муз.-лит. наследие», с. 373—74).

В 1823 входит в кружок С. Е. Раича; в том же году вместе с Д. В. Веневитиновым организует Об-во любителей, членами к-рого были И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Н. М. Рожалин, В. П. Титов, Ф. С. Хомяков, брат А. С. Хомякова (к ним примыкали также М. П. Погодин и Н. А. Мельгунов). На заседаниях Об-ва участники беседовали о совр. нем. философии, читали собственные филос. сочинения. О., еще в Пансионе познакомившийся с новейшими филос. идеями в изложении Д. В. Велланского, М. Г. Павлова, И. И. Давыдова, начинает непосредств. изучение нем. мыслителей. В кружке Раича читает свой перевод из «Учебной книги по натурфилософии» Л. Окена — «О значении нуля, в к-ром успокоиваются плюс и минус». Попытки философствования О. в первой пол. 20-х гг. опираются гл. обр. на философию тождества Ф. В. Шеллинга (см. незавершенные соч. О. «Сущее, или Существоющее», «Гномы XIX столетия» в кн.: Рус. эстетич. трактаты, т. 2). Шеллингианство О. проникнуто пафосом систематизма: «Мы верили в возможность такой абсолютной теории, посредством к-рой возможно было бы строить (мы говорили — конструировать) все явления природы» («Предисл. к „Русским ночам“», 1975, с. 187). Вслед за Шеллингом оценивает иск-во как высшую форму духовной деятельности человека; при этом эстетическое неотделимо от нравственного [об «эстетич. гуманизме» О. см.: Зеньковский, с. 155 (в т. ч. о связи с идеями Ф. Шиллера); Кюхельбекер, с. 219 (о «не-

делимости души» у О.)]. Первая серьезная попытка систематизировать накопленные эстетич. представления — «Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке» (1823—25; Рус. эстетич. трактаты, т. 2). Влияние бесед в Об-ве проявлялось в филос. творчестве О. всю жизнь: см., напр., «Науку инстинкта. Ответ Рожалину» (1843) («Рус. ночи», 1975); историософия О. 30—40-х гг. родственна идеям Веневитинова и И. Киреевского (Сакулин, ч. 1, с. 482, 614—616); к идеям последнего также близки гносеологич. представления О.

Собрания Любомудров проходили в кабинете О., председателя Об-ва (в доме П. И. Одоевского в Газетном пер.). Быт О. воспринимался современниками как театрализованный, «фаустовский»: «Две тесные каморки молодого Фауста под подъездом были завалены книгами — фолиантами, квартантами и всякими октавами, — на столах, под столами, на стульях, под стульями, во всех углах... На окошках, на полках, на скамейках — стаканы, бутылки, банки, ступы, реторты и всякие орудия. В переднем углу красовался человеческий костяк с голым черепом на своем месте и надписью: sapere aude [решишь быть мудрым (лат.)]. К каким ухищрениям должно было прибегнуть, чтобы поместить в этой тесноте еще фортепьяно...» (восп. Погодина — в кн.: В память о кн. О., с. 52—53). Об-во Любомудрия просуществовало до восстания декабристов, после чего О. «с особенною торжественностью предал огню в своем камине и устав, и протоколы» (Кошелев, с. 51).

В 1823, видимо, при посредстве Грибоедова О. сближается с В. К. Кюхельбекером; в 1824—25 издает совм. с ним альм. «Мнемозина» (вышло 4 ч.: 1—3-я в 1824; 4-я часть выдавалась подписчикам с опозданием в окт. 1825). О. отвечал за философию, публицистику и беллетристику, отбирал б. ч. мат-лов, в его руках сосредоточилась административная и редакционная деятельность, был одним из осн. авторов. Целью изд. О. считал распространение идей совр. нем. философии, в т. ч. романтич. эстетики: «Афоризмы из различных писателей по части совр. германского любомудрия» [в осн. из Шеллинга] (ч. 2); «Несколько слов о „Мнемозине“ самих издателей» (ч. 4). Там же опубли. первый набросок замысла «Словаря истории философии» — «Секта идеалистико-элеатическая», в к-ром О. хотел представить историю европ. мысли в виде диалога филос. систем. По утверждению О., он «первый наложил руку на схоластицизм и классицизм» [дневниковая запись опубли. в кн.: Романтич. повести, Л., 1929 (вступ. ст.

О. Цехновицера); здесь и в дальнейшем: Цехновицер, с. 67], рискнув публично критиковать авторитетного А. Ф. Мерзлякова, к-рый, апеллируя к понятию «вкуса», отрицал возможность построения единой теории изящного (прим. О. к ст. Кюхельбекера «Письмо IX. Дрезден. 14/2 ноября 1820» — ч. 1; см. также: «От читателя журналов» — ВЕ, 1823, № 7). С т. з. О., именно обращение к совр. филос. эстетике, сменившей теорию подражания образцам, поможет решить общеромантический задачу создания ориг. рус. лит-ры: «Есть одна теория изящного, но формы ее бесчисленны... В философии нельзя быть оригинальным, в поэзии — должно. ... Отсюда невозможность подражателей и всегдашние их неудачи» («Опыт теории изящных искусств...» — В кн.: Рус. эстетич. трактаты, т. 2, с. 160—61; см. также с. 188).

В своих лит. взглядах О. в этот период испытывает влияние Грибоедова и Кюхельбекера. В критич. памфлете «Листки, вырванные из Парнасских ведомостей» («Мнемозина», ч. 1) О. обрушился на «гениальное скопище» — карамзинистов и «новую школу» поэтов. В «отрывке из романа» «Следствия сатирической статьи» (ч. 3) поддержал ряд положений ст. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (ч. 2). Не случайны у О. сер. 20-х гг. положит. отзывы о литераторах антикарамзинского лагеря: А. С. Шишкове с его «Рассуждением о старом и новом слоге» («Разговор двух приятелей» — МТ, 1825, № 5, приб., с. 75—82), М. Н. Загоскине («Письмо к Лужницкому старцу» о комедии «Урок холостым, или Наследники» — ВЕ, 1822, № 11—12), А. А. Шаховском. На страницах «Мнемозины» О. продолжил критику светского общества в сатирич. аллегории «Старики, или Остров Панхан (Дневник Ариста)» (ч. 1), призывающей к «Письмам к Лужницкому старцу», и в пов. «Елладий (Картина из светской жизни)» (ч. 2). «Елладий» был признан В. Г. Белинским «дивным явлением в лит. смысле», «первой попыткой изобразить общество не идеальное и нигде не существующее, но такое, каким автор видел его в действительности» (I, 275; VIII, 300). В апологах «Новый демон» (написан под влиянием стих. Пушкина «Демон») и «Моя управительница» (ч. 4) О. в аллегорич. фигурах Демона, светского «незнакомца», и Лени изображает искушения, встречающие молодого любомудра в обществе. Попытка очертить в духе Ж. де Лабрюйера «общий характер нравов нашего времени» дана в этюде «Характер» (ч. 3).

Выход первых частей «Мнемозины» стал ярким лит. событием. В полемике с альманахом вступила большая часть рус. журналов. Наиб. ожесточенной была журн. война О. с Ф. В. Булгариным («Прибавление к предыдущему разговору...», ч. 3; «Короткий ответ кн. Одоевского г-ну Булгарину», ч. 4; см. также: Сакулин, ч. 1, с. 249—95). Постепенно читат. интерес к изд. угасает. Кюхельбекер, не разделявший филос. увлечений О. (см., напр., его ст. «Минувшего 1824 года военные, ученые и полит. достопримечательные события в области рос. словесности») и недовольный резкостью его журн. полемик, отходит от изд. Первонач. планы продолжения сотрудничества («Мнемозина» на 1825 и лит.-критич. ж. «Комета»; см.: Глассе А., Критич. ж. «Комета» В. К. Кюхельбекера и О. — В кн.: Лит. наследие декабристов, Л., 1975) не были реализованы, но друж. отношения О. с Кюхельбекером сохранились до конца жизни (письма Кюхельбекера к О. — «Отчет имп. Публич. б-ки за 1893», СПб., 1896, прил.; см. также: РС, 1904, № 2).

После прекращения «Мнемозины» О. в 1825—26 печатается в «Моск. телеграфе» (сатирич. и нравоописат. очерки, музыкальные статьи), альм. «Уrania», «Сев. лира»; посещает салон Зинаиды Волконской.

В 1826 О. поступил в Моск. дворян. деп. собр.; в том же году переехал в Петербург; женился на Ольге Степ. Ланской (1797—1872), фрейлине, дочери гофмаршала, чл. Гос. Совета, сестре изв. масона, близкого к розенкрейцерам. Бездетная семейная жизнь О., представлявшаяся современникам благополучной, была осложнена драматич. любовью О. к дальней родственнице жены Над. Ник. Ланской (подробнее см.: Турьян, 1991, с. 266—79, 322—48, 372).

С 1826 О. зачислен в Ценз. к-т Мин-ва внутр. дел (секр. общего собр.); разрабатывал либеральный ценз. устав 1828, к-рый называл «своим» (запись опубл. в кн.: Цехновицер, с. 67; «К истории рус. цензуры» и «Еще о цензуре» — РА, 1874, № 7, стб. 11—30). С июля 1828 также столоначальник в Деп. духовных дел иностр. исповеданий.

После переезда в Петербург сохраняет тесные связи с моск. лит. средой. В 1827 участвует в создании ж. «Моск. вестник», взявшись (вместе с Веневитиновым) за отд. критики. Самое значит. выступление О. здесь — рец. на кн. Ф. Миллиции «Об иск-ве смотреть на художества по правилам Зульера и Менгса» (МВ, 1827, № 16), в к-рой он впервые в России критикует принцип подражания природе в его класси-

цистич. истолковании, защищая право иск-ва на нарушение внешнего правдоподобия. Вольное отношение О. к авторитетам, проявившееся в его рец. на альм. «Памятник отеч. муз» (МВ, 1827, № 5), вызвало споры в редакции: Пушкин потребовал убрать отзывы о Г. Р. Державине и Карамзине как о писателях, будто бы имеющих для современности только ист. значение (см. письмо Погодина к О.: РС, 1904, № 3). После этого О. печатает в «Моск. вестнике» в осн. апологи — маленькие рассказы-притчи, построенные чаще всего на вост. мат-ле, излюбленная прозаич. форма О. 20-х гг. [первые опыты были опубл. еще в «Мнемозине»: «Четыре аполога» и «Радуга—цветы—иносказания», ч. 3; отд. изд. под загл. «Четыре аполога» — М., 1824]. Иногда это переложения из «Панчатантры» (напр.: «Царь Девиндра и Голубь» — МВ, 1827, № 5; подпись Н; «Переход через реку, приключение брамина Парамарты» — там же, № 15; подпись в оглавлении К.). Герои апологов — брамины, дервиши, мудрецы-созершатели. Добродетели обыденной жизни не составляют их цели, но достигаются сами собой. В 1827 О. пытается активно влиять на политику журнала (в окт. вместе с Титовым заставил Погодина принять в соред. С. П. Шевырëва). В 1829 после скандальной публ. в «Моск. вестнике» статьи Н. С. Арцыбашева об «Истории...» Карамзина (1828, № 19/20, 21/22, 23/24) оставляет журнал (см. письмо О. к Погодину от 12 янв. 1829: Барсуков, кн. 2, с. 260—63).

Философское тождество привела О. к увлечению естеств. науками (причем он настаивает на превосходстве интеллектуальной интуиции над опытным знанием; см. критику эмпиризма в «Стариках на острове Панхан»). Самый значит. замысел 20-х гг. — ист. роман о мученике науки «Иордан Бруно и Петр Аретино» — остался незавершенным (1825 — нач. 30-х гг.; анализ рукоп. см.: Сакулин, ч. 2, с. 6—12; см. также: Прийма Ф. Я., О незаконченном романе О. «Иордан Бруно и Петр Аретино». — «Доклады и сообщения филол. ф-та ЛГУ им. А. А. Жданова», в. 1, Л., 1949).

С сер. 20-х гг. О. сближается с пушкин. лит. кругом (еще в 1824 А. А. Дельвиг просил Кюхельбекера познакомить его с О., произв. к-рого намечался печатать в «Сев. цветах» — РС, 1875, т. 13, с. 377); в 1830 принимает активное участие в «Лит. газете» (см.: Турьян, 1991, с. 163).

В 1830 О. публикует «Последний квартет Беетговена» («СЦ на 1831»), год спустя «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi» («СЦ на 1832») — первые появившиеся в

печати новеллы из задуманной кн. «Дом сумасшедших». По свидетельству Гоголя, книга должна была включать «около десятка» повестей, рисующих «ряд психол. явлений, непостижимых в человеке» (письмо И. И. Дмитриеву от 30 нояб. 1832 — Гоголь, X, 248). В общих чертах цикл, вероятно, сложился к сер. 30-х гг. Смысл назв. раскрыт О. в предполагавшемся введении к книге: «нет ни одного великого человека, к-рый бы в час зарождения в нем нового открытия ... не казался сумасшедшим», бездна разделяет мысль от выражения, в глазах «простолюдiana» идеи высоких умов подвергаются «тому ж оптическому обману, к-рый безобразит для нас отдаленные предметы» («Кто сумасшедшие?» — БдЧ, 1836, т. 14). Центр. часть цикла, по-видимому, составляли повести о «художниках», «гениальных безумцах», нашедших «такие соотношения между предметами, к-рые нам кажутся невозможными». Наряду с трагич. фигурами Бетховена, великого музыканта, уходящего из жизни непонятно на вершине своих открытий, и Пиранези, грандиозные архитектурные фантазии к-рого не могут быть воплощены и становятся вечным мучением для своего творца, О. вводит в книгу фантастич. образ импровизатора Киприяно («Импровизатора» — «Альциона на 1833-й год», СПб., 1833), поэта, с помощью враждебных человеку «чудесных» сил извлекающегося от мук творчества и получающего дар «производить без труда», но при этом утрачивающего целостное восприятие мира и способность непосредственного чувственного переживания. Для «Дома сумасшедших» предназначалась также новелла о любимом композиторе О. — «Себастьян Бах» (1834) (МН, 1835, ч. 2, май, кн. 1), одно из самых значит. произв. О. 30-х гг., романт. биография великого музыканта, свободно сочетающая вымысел с подлинными фактами. Бах для О. — образец того, каким «должен быть художник», осененный «религ. вдохновением», познавший «ныне потерянное таинство» vyšшей гармонии и недостаточные простому человеку сферы духовной жизни. Но и его жизнь приходит к трагич. концу: испытыв непонимание и отчужденность самых близких людей, покинутый вдохновением, Бах умирает одиноким ослепшим стариком. Вместе с тем представления О. о художнике уже здесь отличаются от банального романтич. представления о «высоком безумии художника» (ср. «Блаженство безумия» Н. А. Полевого). В позднейшей авт. интерпретации герои новелл «Дома сумасшедших» предстают как люди ущербные — каждый по-своему («Рус. ночи», 1975, с. 139—40). В нач. 30-х гг. О., пред-

варя А. С. Хомякова и Киреевского, высказывает мысль о «целостности» как «идеальной задаче внутр. работы человека» (Зеньковский, с. 152).

Новеллы о художниках окончательно упорчили лит. известность О. Пушкин назвал «Последний квартет Беттговена» статьей, «замечательной и по мыслям и по слогу», доказывающей, «что возникает у нас писатели, к-рые обещают стать наряду с прочими европейцами, выражающими мысли нашего века» (из письма А. И. Кошелева к О. от 21 февр. 1831 — РС, 1904, № 4, с. 206). В связи с «Импровизатором» в критике заговорили о появлении в рус. словесности нового жанра — «философической повести» («Молва», 1833, № 5, с. 18—19; об О. как родоначальнике филос. повести в рус. лит-ре см. также: Давыдов И. И., Чтения о словесности, т. 3, М., 1838, с. 346). В целом виде «Дом сумасшедших» в печати не появился, предназначенный для него лит. материал впоследствии вошел в ром. «Рус. ночи».

1830 — нач. 1840-х гг. — время расцвета лит. творчества О. Он пишет много и в разных жанрах, работая параллельно над несколькими замыслами; произв. О. этого времени обнаруживают явное стремление к циклизации. В 1833 печатает «Пестрых сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою, магистром философии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным» (СПб.; начало работы можно отнести к 1830; см.: Турьян, 1991, с. 215; «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» опубли. ранее в альм. «Комета Белы», СПб., 1833). В сб-к вошли фантастич. сказки, разные по типу повествования и сатирич. направленности: рядом с образцами социальной сатиры и бытовой фантастики («Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», «Сказка о том, по какому поводу коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в Светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником», дидактико-аллегорич. рассказа («Сказка о том, как опасно девушкам...» — критика «басурманского» воспитания, превращающего светских красавиц в бездушных и бессмысленных кукол; «Деревянный гость, или Сказка об очнувшейся кукле и господине Кивакеле») представлены тексты более сложной лит. природы. В «Жизни и похождениях одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новом Жокко» сюжет франц. сентиментальной прозы, спародированный О. в манере новой «неистойвой словесности», оборачивается филос. гротеском (трансформация темы ес-

тественного человека в картину пожирающих друг друга пауков в банке). «Игоша», обработка фольклорной былички, стал первым в его творчестве опытом «психологической» фантастики, в к-ром он обращается к проблеме существования и взаимодействия разных уровней сознания: детского (и близкого к нему народного), открытого мифу, и сознания совр. взрослого человека (анализ сказки см.: Турьян М. А., «Игоша» В. Ф. Одоевского (К проблеме фольклоризма). — РЛ, 1977, № 1).

Объединяющим началом цикла является фигура «сочинителя» или «собрателя» сказок Ирина Гомозейки, ученого чудака, ломающего голову «над началом вещей и прочими тому подобными нехлебными предметами». Гомозейка выступает своего рода alter ego автора (см., напр., письмо матери О., увидевшей в Гомозейке портрет сына: Сакулин, ч. 2, с. 36, прим. 3); от его лица О. выступает с проповедью целостного познания мира, стремление к к-рому лежало в основе многих важнейших естественно-научных открытий; в этой связи О. ссылается на средневековых ученых, незаслуженно забытых рассудочным девятнадцатым веком, «обрезавшим крылья у воображения».

В композиц. решении «Пестрых сказок» определяющую роль, по-видимому, сыграли вышедшие в окт. 1831 пушкин. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». В намеренно сниженном образе рассказчика «Пестрых сказок» можно видеть «как бы „городской“, „столичный“ вариант Ивана Петровича Белкина» («Пестрые сказки», 1996, с. 134 и далее). На О. могли повлиять и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. С Гоголем О. сближает также интонация иронич. сказа, смягчающая общий дидактизм книги. В совр. критике чаще рассуждали о глубоком различии (при внешнем сходстве) между художником Гоголем с его пафосом «любви к жизни» и дидактиком О. с его только «отриц. пафосом» (Григорьев, Критика, с. 195; см. также: Белинский И., I — «О рус. повести и повестях г. Гоголя»).

Ощущение творч. связи «Пестрых сказок» с повестями Пушкина и Гоголя проявилось в проекте задуманного О. и Гоголем альм. «Тройчатка», куда должны были войти повести трех рассказчиков — Белкина, Гомозейки и Руного Панька. Проект не осуществился из-за отказа Пушкина (см. его письмо к Р. от 30 окт. 1833 — Переписка А. С. Пушкина, т. 2, М., 1982, с. 426—27). После этого О. и Гоголь собирались вдвоем издать альм. «Двойчатка», к-рый тоже не состоялся по неяс. причинам (см. письмо О. к М. А. Максимова конца 1833 — КС, 1883, № 4, с. 846). Об устойчивом интересе О. к фигуре Белкина свидетельствуют и его незаверш. «Домашние заметки, собранные старожилом» (50-е гг.), задуманные как прямое подражание «Истории села Горюхино».

«Пестрые сказки» печатались под наблюдением Гоголя (см. письмо Гоголя к А. С. Данилевскому от 8 февр. 1833 — Гоголь, X, с. 260; «Пестрые сказки», 1996, с. 151—52). Изд. носило экспериментальный характер: необычная полиграфия, авт. пунктуация, намеренная архаизация орфографии. О. определял свои «Сказки» как лит. шутку, «которой главная цель была доказать возможность роскошных изданий в России и пустить в ход резьбу на дереве...» (Соч., 1844, ч. 3, с. 169).

Критич. отклики на книгу были противоречивы (их подборку см.: «Пестрые сказки», 1996, с. 111—28). Смысл ее не был вполне ясен современникам (см. письмо Кошелева к О. от 1 мая 1833: «Мы с удовольствием их читали, но вообще они не произвели сильного действия: весьма немногие понимают их, а еще менее людей, к-рые ценили бы по настоящему их достоинству» — Сакулин, ч. 2, с. 36; ср. восп. Погодина — «В память о кн. О.» с. 55). Скептически отозвался о сб-ке Пушкин (на замечание О., что писать фантастич. сказки чрезвычайно трудно): «Да если оно так грустно, зачем же он их пишет? Кто его принуждает? Фантастич. сказки только тогда и хороши, когда писать их нетрудно» (цит. по: Соллогуб В. А., Повести. Восп., Л., 1988, с. 578). С резкой рец. выступил Н. А. Полевой, ставивший в упрек О. холодный прагматизм, аллюризм, неудачное подражание Гофману и слишком аристократич. тон (МТ, 1833, № 8, с. 572—82). Многие отменили дидактизм О., отличающий его «Сказки» от «простодушной» фантастики Гофмана (см., напр., письмо П. А. Вяземского Жуковскому от 14 апр. 1833 — РА, 1900, кн. 1, № 3, с. 373). Белинский, видя в «Сказках» пример низшего, «рефлективного» типа творчества, утверждал, что повесть для О. была «не целью, но так сказать средством, не существенной формою, а удобною рамою» («О рус. повести и повестях Гоголя»). Реагируя на критику, О. с грустью признавал: «повесть не по моей части» (Сакулин, ч. 2, с. 301) и выражал готовность изменить свою манеру (см. письмо Шевырева о цикле «Записки гробовщика» как о попытке писать в «пластич. роде» — Сакулин, ч. 2, с. 298). При жизни О. «Пестрые сказки» как целостный цикл не переиздавались. Шесть сказок из девяти были включены в ч. 3 Соч. 1844: пять составили раздел «Отрывки из „Пестрых сказок“»; шестая, «Игоша», в существенно переработанном виде вошла в «Опыты рассказа о древних и новых преданиях».

«Пестрые сказки» должны были входить в более широкий цикл, объединенный личностью Гомозейки. Центр. место в цикле занимала автобиогр. «хроника» — «Жизнь и похождения Ириней Модестовича Гомозейки, или Описание его семейственных обстоятельств, сделавших из него то, что он есть и чем бы он быть не должен», где О. переселяет своего героя в провинцию; в сохранившихся отрывках намечена широкая панорама провинц. быта. К хронике примыкает «История о петухе, кошке и лягушке. Рассказ провинциала» (впервые под загл. «Отрывок из записок Ириней Модестовича Гомозейки» — БдЧ, 1834, т. 2); Гомозейко появляется также в более позднем, служащем переходом к фантастич. повестям рассказе «Привидение (Из путевых заметок)» (ЛПРИ, 1838, № 40; весь рукоп. мат-л, относящийся к циклу, опубли. в кн.: Пестрые сказки, 1996). Псевд. Ириней перешел впоследствии в соч. О. для детей («дедушка Ириней») и просветительские книги для народа («дядя Ириней»).

В 1834 О. печатает опыт прозы для детей — «Городок в табакерке» (СПб.). Сюжет «Городка...» основан

на парадоксе, имевшем для О. принципиальное значение: рождение музыки подчинено столь строгим и определенным закономерностям, что может быть формализовано и автоматизировано. Герой-ребенок, а вместе с ним и автор рассматривают с живым любопытством странный и пугающий механич. мир музыкальной шкатулки. Современники увидели в повести только удачное решение пед. задачи (см., напр.: Белинский, IV, 108); особое обаяние придуманного О. мира с «черепаховым небом» оказалось замеченным лишь в 20 в. В 1834 и 1835 О. совм. с Б. А. Врасским издает «Дет. книжки для воскресных дней», где публикует сказки и др. произв. для дет. чтения (см. также отд. изд.: «Сказки и повести для детей дедушки Ириней», «Мороз Иванович» — обе: СПб., 1841). Наряду со сказками для детей, несшими отчетливые просветит. функции, О. — автор ряда соч. по теоретич. и практич. вопросам педагогики (краткий обзор см.: Избр. пед. соч., с. 337—60).

Утверждение высоких идеалистических начал в жизни человека, звучащее в «Пестрых сказках», становится одной из центр. тем прозы О. 30-х гг., посв. светскому обществу. Здесь нашла продолжение линия творч. развития О., намеченная его ранними сатирич. произв.: определенный худож. схематизм, обличит. пафос, широкие филос.-дидактич. обобщения. В ряде произв. О. показывает, как мелочает и гибнет человеческая душа в столкновении с обществом, отторгающей всякие порывы ума и сердца. Юношу-идеалиста, героя новеллы «Новый год. (Из записок ленивца)» (ЛПРИ, 1837, № 1; подпись Безгласный; в Соч. 1844 вошло с датой 1831), светская жизнь превращает в пустого заурядного человека. (Тема превращения совр. идеалиста, молодого восторженного поэта, мечтающего бескорыстно служить и быть полезным отечеству, в практичного честолюбивого чиновника-бюрократа должна была быть развита во второй части трилогии «4338-й год» — опубли. отрывок «Петербургские письма» (МН, 1835, ч. 1; подпись: В. Безгласный.) Трагедия человек. жизни, лишенной духовных стремлений и нравственного смысла, посвящена новелла «Бригадир» (альм. «Новоселье», 1833, ч. 1; первоначально предназначалась для цикла «Дом сумасшедших»); рядом с ней возникают резко обличит. картины петерб. света в «Бале» (там же) и «Насмешке мертвого» (альм. «Денница на 1834 г.», М., 1834; впоследствии под загл. «Насмешка мертвеца» включена в «Рус. ночи», в «Ночь четвертую», куда вошли также «Бал» и «Бригадир»). Противопоставляя себя

совр. нравописателям, рисуящим жизнь гостинных «из слухового окна, а иногда ... и из передней» («Пестрые сказки», 1996, с. 52), О. стремился не к поверхностной критике порочного высшего общества, а к проникновению в его глубинные механизмы. В наиб. ориг. светской пов. «Княжна Мими» (БдЧ, 1834, т. 7) впервые в истории жанра гл. персонажем становится не романтич. героиня, а старая дева-сплетница, чью душу погубила бессмысленность светской жизни. Во внешней прозаичности типа проглядывает демонизм (по первонач. замыслу в княжну Мими вселялись бесы), но гл. предметом авт. анализа становится не психология героини, а изучение обществ. условий, порождающих лица такого рода, механизм зарождения и движения в обществе слухов и сплетен. Уже первые критики отметили в повести умение «анатомизировать» свет, живость рассказа, оригинальность характеров (Я. М. Неверов — ЖМНП, 1835, № 7, с. 187—88; ЛПРИ, 1835, № 74, с. 590). «Одною из лучших рус. повестей» назвал «Княжну Мими» Белинский (VIII, 313). Гл. героиня пов. «Княжна Зизи» (ОЗ, 1839, т. 1), напротив, необыкновенная женщина, к-рая в малом семейном круге умела показать более благородства и твердости души, нежели многие мужчины на поприщах более возвышенных; в творчестве О. это один из немногих опытов создания целостного характера.

К светским повестям примыкают произв., посв. жизни др. слоев общества. Наиб. значит. замысел — цикл «Записки гробовщика». О. задумал ряд картин, дающих широкую панораму совр. рус. жизни, увиденной глазами гробовщика — человека, «присутствующего решительным минутам нашего существования». [Здесь развита идея более раннего замысла — «Отрывок из журнала доктора» (ЛГ, 1830, № 17; подпись Гр.; продолжение не появилось).] Замысел «Записок гробовщика» не был реализован; опубли. только три повести: «Сирота» («Альманах на 1838 г.»), «Живописец» (ОЗ, 1839, т. 6) и «Мартингал» («Петербург. сб-к», СПб., 1846). (Обзор светских повестей и бытовой беллетристики О., в т. ч. рукоп. мат-лов, см.: Сакулин, ч. 2, с. 101—68.)

В своем петерб. (а затем и моск.) салоне (начало особенной популярности — 1830—31) О. предпринял уникальную попытку сблизить ученых, музыкантов, литераторов, чиновников, светских людей и разночинцев. Здесь бывали И. П. Сахаров, Н. Я. Бичурин, Глинка, А. С. Даргомыжский, Пушкин, Жуковский, Вяземский, Е. П. Ростопчина, Лермонтов, Шаховской, И. А. Крылов, И. И. Панаев, Белинский, Д. Д. Блудов,

Е. И. Голицына («Princesse Nocturne») и др. (свод мат-лов см.: Аронсон М., Рейсер С., Лит. кружки и салоны, Л., 1929, с. 171—182; см. также: Лит. салоны). «Пятницы» в его моск. салоне посещали А. Н. Островский, А. Н. Майков, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. А. Фет (см. восп. Г. А. Лароша в кн.: Чайковский М. И., Жизнь П. И. Чайковского, т. 1, М.—Лейпциг, 1903, с. 256—57). Салон был своеобразным муз. центром сев. столицы, где играли почти все приезжие знаменитости, в т. ч. Ф. Лист (1842) (см.: Глинка М. И., Лит. наследие,

«Сегелиель, или Дон Кихот XIX столетия. Сказка для старых детей. (Отрывок из 1-й части)» («Сб-к на 1838 г.», СПб., 1838); «Сильфида. Из записок благоразумного человека» («Совр.», 1837, ч. 5); «Косморама» (ОЗ, 1840, т. 8), «Саламандра» (ОЗ, 1841, т. 14, № 1), «Южный берег Финляндии в нач. XVIII столетия» (УЗ, 1841); две посл. повести в изд. 1844 составили дилогию под общим назв. «Саламандра». Эти повести принадлежат к лучшей, наиб. ориг. и вместе с тем наименее изученной части наследия О. и отражают эволюцию его филос. взглядов

целься и др.), масонскую лит-ру, с др. стороны, — новейшие труды по химии, физике, естеств. наукам, медицине, полит. экономии, статистике, этнографии и пр.; следы этих занятий обнаруживаются уже в «Пестрых сказках». О. пытается найти некую метасистему, примиряющую внешне полярные противоположности (установка, аналогичная исканиям Шеллинга; ср. запись беседы с Шеллингом в путевом дневнике О. 1842 — в его кн.: О лит-ре и иск-ве, с. 138—141). В этой метасистеме особое место отводится гносеологии; отсюда — обостренный интерес О. к проблемам психич. жизни и в особенности к явлениям на грани бессознательного (сон, «животный магнетизм», месмеризм), а также к физич. феноменам, не получившим рационального объяснения (электричество). Уже в 30-е гг. «мистич. идеализм» О. пронизан элементами позитивного знания (см.: Cornwell, p. 75—90, с указ. на лит-ру). Он пишет ряд статей и заметок по вопросам психологии, сопутствующих его повестям «и иногда содержащих истолкование их худож. мотивов» («Наука инстинкта. Ответ Рожалину»; «Психол. заметки» — «Совр.», 1843, т. 32; «Письма к графине Е. П. Р(осто)пчинной» о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, магии, кабалистике, алхимии и других таинственных науках» — ОЗ, 1839, т. 1, № 1—2). Согласно О., высшей формой познания мира является интуитивное («инстинктуальное») знание, возникшее как результат непосредственной связи человека с природными началами, утраченное с развитием цивилизации и замененное рационалистическим и утилитарным знанием, имеющим свой ограниченный круг применения; «инстинктуальное» знание сохранялось в магич. обрядах, теориях мистиков и алхимиков. опыта; новая наука должна по возможности объединять обе эти сферы. Эта проблема является одной из центральных в фантастич. повестях О. («Косморама», «Саламандра», «Игоша»).

По-видимому, наиб. ранним филос.-фантастич. замыслом О. был «Сегелиель» (ряд набросков к неосуществл. обширному замыслу восходит к нач. 30-х гг. — см.: Сакулин, ч. 2, с. 51—68), где разработка темы носила характер мистерии. Сегелиель — падший дух, преданный Люциферу, но одержимый любовью к людям; он принял человек. облик и введен в бытовую (в т. ч. чиновничью) среду, где играет роль «рус. Дон Кихота» и отчасти «рус. Фауста». О. ставит здесь и занимавшую мистиков проблему дуализма человека и природы. Тема «двоемирия» становится конституирующей в «Космораме» и в задуманном цикле повес-

Встреча Нового 1835 года у Одоевского. Рис. В. Ф. Одоевского. Слева направо сидят: Н. А. Любимов, М. И. Глинка, И. В. Киреевский, С. А. Соболевский, А. С. Пушкин, Н. И. Кривцов, В. А. Жуковский.

т. 1, Л.—М., 1952, с. 219; Иванов-Корсунский Вл., Муз. деятельность кн. О. — В кн.: Муз. летопись. Статьи и мат-лы под ред. А. Н. Римского-Корсакова, сб. 1, П., 1922, с. 111).

Разночинцы, несмотря на усилия гостеприимного хозяина, чувствовали себя неуютно; по мнению людей «сороковых годов», привыкших к атмосфере кружка, у О. собирались люди, «ничего не имевшие общего, кроме нек-рого страха и отвращения друг от друга» (Герцен, IX, 30). Социальная поза О., чиновника, писателя и придворного, подчас вызывала раздражение; по словам Герцена, О. «много лет прискивает средства быть разом человеком Петербурга и человеком человечества, а удается плохо, он играет роль какой-то Zwittergestalt и несмотря на всю прелесть души — виден и камергерский ключ на зад» (XXII, 99).

В кон. 30-х — нач. 40-х гг. О. публикует неск. повестей мистериального, мистич. и фантастич. содержания:

30-х гг. (характер этой эволюции понимается по-разному: П. Н. Сакулин определял ее как движение от раннего шеллингианства к «мистич. идеализму» и позднее к «реализму» позитивист. толка; Ю. В. Манн вслед за О. отмечал близость «мистич. идеализма» к «философии откровения» позднего Шеллинга). Отношение О. к учению Шеллинга на разных этапах развития писателя вызывает разногласия (обзор лит-ры: Каменский, с. 57—63); неизменным остается романтич. универсализм О., получивший обоснование в его статьях и в «Рус. ночах»: он стремится интегрировать в единой системе худож., филос.-религ. (вплоть до мистич. и теософских) представления и достижения совр. опытного знания. Отсюда и принципиальный энциклопедизм О. — мыслителя и художника, в 30-е гг. углубленно изучающего труды средневековых и новых мистиков (Я. Бёме, Л. К. Сен-Мартена, Э. Сведенборга, позднее Дж. Пордейджа), алхимиков (Пара-

тей об общении человека со стихийными духами («Сильфида», «Саламандра», ненаписанная «Ундина»). Сохраняя свою мистич. основу (в особенности в «Космораме»), эта тема приобретает натурфилос. характер. В «Сильфиде» герой-интеллектуал с чертами «любомудра» уходит от пошлой провинц. среды в чтение алхимич. лит-ры и физич. опыты, результатом к-рых становится появление стихийного духа воздуха — Сильфиды; излечение («бульонными ваннами») от мнимого сумасшествия оборачивается для него духовной деградацией. По проблематике (противопоставление поэзии творчества и пошлой обыденности, где духовное начало воспринимается как сумасшествие) «Сильфида» еще связана с общим замыслом «Дома сумасшедших», однако намеченные в ней темы получают автономное развитие в «Космораме» и «Саламандре». В первой повести идея «двоемирия» на уровне «микрокосма» и «макркосма» (человека и мира) реализуется в символич. образе косморамы, в к-рой герой (в начале повести — ребенок) видит грядущие события своей жизни и жизни окружающих его людей, при этом инобытие их не тождественно их реальному бытию. Сам герой в ином мире выполняет роль «орудия казни»; это раздвигает его жизнь и отчуждает его от общества. Ряд мотивов повести восходит к антропософ. и теософ. доктринам (образ графа-мертвеца, возвращающегося в земном обличье и концентрирующего в себе зло и преступления нескольких поколений, — идея «кармы»). Особое место в повести принадлежит образу Софии («мудрость») — наивной и необразованной девушки, инстинктивно постигающей таинство смерти и божественной любви-самопожертвования (одна из распространеннейших идей в масонских учениях). Комплекс идей, связанных с этим образом, получает развернутое воплощение в «Саламандре».

Сюжет повести, первоначально отнесенный к средневековой Италии, локализовался в Финляндии и России периода Сев. войны 1700—1721 и реформ Петра I. Герои — Эльса и Якко — финны, представители народа, по мысли О., сохранившего древние связи с природными началами и «инстинктуальное» постижение мира, что дает им способность к магии и ясновидению. Эльса — бессознательная обладательница такого знания; ее инобытие — «саламандра», стихийный дух огня; в реальной жизни она ничего не знает о своей второй ипостаси и в ней говорит некий не осознаваемый ею внутренний голос (ср. София в «Космораме»). Натурфилос. субстрат этого образа выражен яснее, чем в «Космораме»; вслед за второй частью своей дилогии О. пишет «Ордаксую крестьянку» (ОЗ, 1842, т. 20, № 2), в основе к-рой — подобный же случай «раздвоения личности», описанный клинич. медиком. Распадение естеств. связей, ставшее трагич. последствием цивилизации, символизируется образом Якко, друга детства и предполагаемого жениха Эльсы; оторванный войной от родной почвы, получив европ. образование и став участником реформ Петра I, он по-

степенно отравляется ядом утилитаризма, меркантилизма и рационализма, нарастающих в столице. Фокусом идейной проблематики повести являются сны Эльсы-Саламандры, путем к-рых Якко пытается добыть «философский камень» — эликсир жизни, превращающий неблагоприятные металлы в золото. Ключом к тайному знанию оказывается не изучение алхимич. книг, а любовь Эльсы-Саламандры, иррациональное приобщение к началу вещей (ср. неоплатонич. понимание любви как всеобщего связующего начала); предав эту любовь, Якко довершает свое падение и гибнет в пламени жертвой мести Саламандры (анализ повести см.: Турьян М. А., Эволюция романтич. мотивов в пов. О. «Саламандра». — В кн.: Рус. романтизм, Л., 1978).

В 1835 О. — один из организаторов ж. «Моск. наблюдатель»; к тому же времени относятся неосуществленные проекты собств. изд. — ж-лы энциклопедич. характера с обширной программой: «Совр. летописец политики, наук и лит-ры» (совм. с Пушкиным) и «Сев. зритель» (совм. с А. А. Краевским). С момента основания ж. «Современник» О. — ближайший сотрудник Пушкина по изданию. В отсутствие Пушкина вместе с П. А. Плетневым редактирует и издает т. 2, где, в частности, напечатана ст. О. «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей лит-ре» — резкое выступление против «торговой словесности», в первую очередь О. И. Сенковского и Булгарина (заглавие предложено Пушкиным, называвшим статью «дельной, умной и сильной»; по первонач. плану она в качестве программной должна была открывать том). [Враждебное отношение Сенковского к О. видно из язвительной рец. на Соч. 1844: БдЧ, 1844, № 9; см. рукоп. ответ О.: «Рус. ночи», 1975, с. 231—34. Осенью 1836 вместе с Краевским предлагает Пушкину план преобразования «Современника» в ежемес. журнал с доп. ежеквартальным альм. «Рус. сборник» (подробнее см.: Турьян, 1991, с. 282—92).

Высокая оценка «Современника» и всей журн. деятельности Пушкина дана в ст. О. «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» («Пушкин, эта радость России, наша народная слава», — писал О. в ответ на заявления «Б-ки для чтения», «Сына отечества» и в первую очередь «Сев. пчелы» о падении таланта поэта; статья предназначалась для «Моск. наблюдателя», но не была опублик., впервые: РА, 1864, № 7). О. был автором известного некролога «Солнце нашей Поэзии закатилось!» (ЛПРИ, 1837, № 5) и ряда статей, посв. памяти Пушкина (см.: Заборова Р. Б., Незданные статьи О. о Пушкине. — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 1). В числе ближайших друзей участвовал в изд. посмертного «Современника» и Собр. соч. поэта.

В 1837 О. — фактич. ред. «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“», выкупленных у А. Ф. Воейкова (серед. — Краевский и В. А. Владиславлев).

Замысел энциклопедич. журнала, способного объединить лучшие лит. силы и противостоять «торговому направлению», в особенности журнальному диктату Сенковского, был осуществлен в обновленных «Отеч. записках», к-рые О. купил в 1839 на паях с Краевским и Врасским (см.: Могилянский А. П., А. С. Пушкин и О. как создатели обновленных «Отеч. записок». — «Изв. АН СССР. Сер. истории и философии», 1949, т. 6, № 3). Первые годы печатает в журнале худож. и филос.-публиц. произв., статьи и рец. по вопросам науки, промышленности и пр. После 1842 перестает играть в редакции важную роль. Свое понимание просветит. задач «толстого» рус. журнала, призванного удовлетворить интересы каждого из его читателей, О. дал в очерке «Утро журналиста» (ОЗ, 1839, т. 7; подпись С. Размоткин): практич. цели журнала — «мирить и соединять науку с жизнью». К рассуждениям о существующей в современной России бездне «между наукою и жизнью, между литературой и жизнью, между поэзией и жизнью» О. вернулся в ст. «Записки для моего праправнука о русской литературе» (ОЗ, 1840, т. 13), содержащей пессимистич. оценку состояния совр. рус. словесности и резкие обвинения в адрес «литературных поставщиков», сделавших из лит-ры лишь «промысел». С приглашенным в «Отеч. записки» Белинским отношения складывались сложно: по восп. О., «всякий раз, когда мы встречались с Белинским (это было редко) мы спорили жестоко», но О. называл его «одной из высших философских организаций», какие он когда-либо встречал (РА, 1874, кн. 1, стб. 339). Итогом разногласий стала статья Белинского о «Рус. ночах» (Белинский, VIII), воспринятых им в осн. в свете идей, близких к славянофильским; О. возражал на нее в письме Краевскому (Сакулин, ч. 2, с. 450—53). (Блок воспринимал О. и Белинского как «полюсы нашей мысли», «братьев-врагов» — Блок, VI, 139).

В 1844 О. издает Соч. (ч. 1—3), ставшие для большинства читателей итогом его лит. деятельности. Печатавшиеся ранее произв. объединены здесь в тематич. разделы и циклы; ч. 1 занята ром. «Рус. ночи», куда вошли новеллы, предназначавшиеся ранее для «Дома сумасшедших» (ср. подобное же собиранье романа из уже опублик. новелл в «Герое нашего времени» Лермонтова).

Значительность издания, и прежде всего «Рус. ночей», признавалась всеми (см.: П. А. Плетнев) — «Совр.», 1844, № 11; Кюхельбекер, с. 423). Однако для В. Н. Майкова, как и для Белинского, соч. О. были памятником ушедшей эпохи. С

уважением отозвавшись о моралистич. пафосе О. Майков не принял ни его творч. манеры (отрицая у него худож. оправданность фантастического), ни «лирич. науки»: несостоятельны, по мнению критика, попытки науч. решения «вопросов жизни человеческой», к-рые не могут быть разрешены наукой, неподотворно смешение рассудка и «настроения» там, где подход должен быть строго рациональным (Майков, с. 199—200).

«Рус. ночи» воспроизводили распространённую в европ., в т. ч. рус., прозе перв. трети 19 в. композиц. структуру — цепь рассказов, объединённых рассуждениями действующих лиц. Новеллы «Дома сумасшедших» (и нек-рые др.) поданы как рукописи, оставшаяся от двух шеллингианцев 20-х гг.; ее обсуждают четыре приятеля — люди следующего поколения. В контексте романа прежде самостоятельные новеллы, авторство к-рых теперь приписано разным персонажам, несколько изменяют свой смысл, становясь иллюстрацией к-л. определенной точки зрения. Сам О. определял «Рус. ночи» как «драму», где «целая жизнь одного лица служила бы вопросом или ответом на жизнь другого» («Рус. ночи», 1975, с. 8).

Филос. ром. «Рус. ночи», построенный как беседа о смысле жизни, — явление уникальное в рус. лит-ре и одновременно соответствующее представлению европ. романтиков о романе как наиб. совершенном жанре (см.: Гиппиус, с. 16). Хотя О. часто упрекали в рационализме, поиски истины в «Рус. ночах» органически связаны именно с формой худож. произв., а не филос. трактата. По убеждению О., истина не передается на неточном человеческом языке (или на неточном языке совр. науки), на нее можно лишь указать символами. О. полагает, что язык, прежде всего из-за исторически сложившейся произвольной ассоциативности, бессилён передать мысль: «Когда мы говорим, мы каждым словом вздымаем прах тысячи смыслов, присвоенных этому слову и веками, и различными странами, и даже отдельными людьми» («Рус. ночи», 1975, с. 142). Обыкновенный язык не только лишен логич. точности, но и слишком связан с материальной стороной жизни, потому не может отразить мистич. суть событий; отсюда необходимость творч. отношения к языку. Наиб. адекватен мысли в ее живой целостности, не отделимой от «внутр. чувства», язык иск-ва, из иск-ва же наиб. совершенным языком владеет музыка (о поисках совершенного языка: вошедшая в «Рус. ночи» новелла «Последний квартет Бетховена»; «Вопрос о сущности музыки...» — Рус. эстетич. трактаты,

т. 2; письмо Краевскому от 1844 — «Рус. ночи», 1975, с. 235).

Персонажи романа, по словам О., «историко-символические лица»; крайняя степень обобщения часто проявляется и в подчеркнуто неопределённом характере изображаемого пространства («в том городе», «из страны в страну» и проч.). По глобальности и широте поставленных проблем (что такое прогресс, в каком направлении совершается развитие человечества, какой момент всемирной истории воплощает совр. общество) «Рус. ночи» явились одним из самых ярких произв. романтич. универсализма (см. подробнее: Манн, 1969, с. 113—19). В то же время роман стал своего рода итогом филос. движения О. 20—30-х гг. — отказом от систематич. решения «вопроса о значении жизни». Из четырех приятелей, героев романа, представляющих совр. утилитаризм, прагматизм, преклонение перед опытным знанием (Виктор и Вячеслав) и шеллингианство (Ростислав), авт. мнения наиб. полно выражает Фауст, к-рый определен О. как «мистик», не высказывающий своего решения, но удовлетворяющийся символизмом (см. «Примечание к „Рус. ночам“» нач. 60-х гг. для предполагавшегося переизд. — «Рус. ночи», 1975, с. 191—92). Увлекающийся, подобно самому О., опытной наукой, свободно ориентирующийся в сфере последних науч. открытий и теорий, Фауст отвергает возможность представить все многообразие мира как единство — для новой филос. системы еще не настало время.

Осн. тон романа — разочарование в плодах тысячелетней истории цивилизации, неудовлетворенность состоянием совр. человечества в целом. Одна из главных бед сегодняшнего дня, по мнению О., — жесткий систематизм. В науке, отказавшейся от интуитивного проникновения в сущность вещей и якобы достигшей высшей степени совершенства на пути эмпирич. опыта и абстрагирующего мышления, «нет явления, для к-рого бы не существовало тысячи противоположных объяснений», не познана «внутр. связь между вещами», законы природы остаются загадкой. В сфере обществ. отношений систематизм, по мнению О., ярче всего проявляется в совр. формах западной цивилизации, утратившей представление о поэтич. началах, стремящейся к благо всего общества в целом и игнорирующей счастье каждого отдельного человека. В «Рус. ночи» включены два резко полемич. отклика на новейшие европ. обществ.-экономич. теории: «Последнее самоубийство» — картина развития человечества в соответствии с теорией народонаселения Т. Мальтуса, и «Город без имени» (впервые как самост. про-

изв.: «Совр.», 1839, кн. 1) — рассказ о вырождении общества, в основу к-рого положен бентамовский закон пользы как определяющего двигателя всех действий человека.

В эпилоге «больной», дошедшей до последней степени своего развития, прагматич. зап. цивилизации О. противопоставляет Россию, в жизни к-рой видит стремление к цельности и полноте знания. Заключит. фраза романа: «Девятнадцатый век принадлежит России!». О. заявлял, что первым «выговорил значение России в мире, чем теперь пробавляются многие» (Цехновицер, с. 67; с этим соглашается, напр., Зеньковский). Эпилог был написан до публикации «Философич. письма» П. Я. Чаадаева, хотя явно соотнесен с идеями последнего: «... я написал эпилог ... как будто нарочно совершенно противоположной статье Чаадаева»; то, что он говорит об России, я говорю об Европе, и наоборот» (письмо О. к Шевырёву от 17 нояб. 1836 — РА, 1878, № 5, с. 57). Убеждение, что России предназначено выполнить великую общечеловеч. миссию и стать во главе всемирного просвещения, сближающее взгляды О. с воззрениями славянофилов, должно было полнее быть развито в незавершенном романе-утопии «4338 год» (опубл. отрывок: «4338-й год. Петербургские письма. От Ипполита Цуниева, студента Главной Пекинской школы, к Лингину, студенту той же школы» — УЗ, 1840; реконструированный текст с включением рукоп. см. Цехновицер). Утопия первонач. задумана как последняя часть трилогии; первые две части должны были быть посв. времени Петра I, началу рус. просвещения, и совр. О. эпохе 30-х гг. (обзор мат-лов см.: Сакул и н, ч. 2, с. 170—78). Будущая Россия изображена как идеальное гос-во, самое сильное в мире; успехи его не столько в реформировании обществ. отношений (отсюда неодобрит. отзывы читателей след. поколения; см., напр.: Панаев, с. 120—121), сколько в достигнутом синтезе наук и технич. прогрессе, в высокой роли, отведенной в обществе иск-ву.

Переизд. «Рус. ночей», задуманное О. в нач. 60-х гг., не состоялось. С учетом внесенных исправлений и доп. издано С. А. Цветковым (М., 1913).

После 1844 О. опубл. только одно худож. произв. — новеллу «Мартингал», если не считать многочисл. фельетонов (напр., фельетон в драматич. форме «Как бы пообедать? Дорожное происшествие» о рус. туристах в Финляндии — СПБВед. 1857, 3 янв.). Пытался работать в новых лит. жанрах, но оставил только наброски, напр. ром. «Самарянин» (50—60-е гг.; действие происходит в 1842—61), где был, в частности, но-

вый для рус. лит-ры герой — разноточинец (описание его естественно-научных экспериментов явно автобиографично; см.: Медовой М. И., Неосуществленный замысел О. — В кн.: Рус. лит-ра и обществ.-полит. борьба XVIII—XIX вв., Л., 1971); отрывок «Школьный учитель» (опубл. М. Д. Филиным: РР, 1994, № 5, с. 32—36). В эпоху расцвета публицистики О. сводит к ней практически всю свою лит. деятельность, печатая статьи, очерки, восп., фельетоны в разл. изданиях: «Санкт-петерб. вед.» (1857—61); «Искра» (1859, № 23; 1860, № 33); «Рус. архив» (1863, 1864, 1869); «Наше время» (1863); «Моск. вед.» (1865); «Русский» (1867); «Беседы ОЛРС» (1867) и др.

Статьи О. посв. подчеркнуто частным вопросам: напр., «Езда по моск. улицам» («Голос», 1866, № 101; отд. изд. — СПб., 1866). Впрочем, внимание к «мелочам» было свойственно О. всегда и дало повод Л. Н. Толстому говорить о нем: «самые неожиданные выводы из простейших вещей и не задумывание перед приложением их к жизни» (Толстой, XLVIII, 74).

В лит-ре об О. часто отмечался новаторский характер и одновременно худож. несовершенство его произв.: интересным был замысел, но всегда удачно воплощенный автором и позднее использованный другими [ср., напр., «Бригадира» и «Смерть Ивана Ильича» Толстого; «Хорошее жалование, приличная квартира, стол, освещение и отопление. (Домашняя драма)» (впервые в Соч. 1844, ч. 3, с датой 1838) и «Доходное место» Островского; «Отрывки из журнала доктора» и «Доктора Крупцова» Герцена; «Живого мертвеца» (ОЗ, 1844, т. 32; с датой 1838) и «Бедных людей» Достоевского. У О. было чувство первенства и обделенности: «не одно мое сочинение бродит под именем других, и смешнее всего то, что ими иногда мне же глаза колют, как бы говоря: „вот бы де тебе что сделать“» (Цехновицер, с. 67).

В отличие от многих ровесников, ушедший из лит-ры О. высоко ценил представителей нового поколения, считая его «деятельнее прежнего — и талантливее» (дневниковая запись от 4 апр. 1861 — ЛН, т. 22/24, с. 132).

Лит. деятельность О. на протяжении мн. лет тесно переплеталась с его многогранной деятельностью в сфере музыки. Первый выдающийся рус. музыковед, О. мог говорить о музыке языком «исследователя-аналитика и художественно-образным языком писателя-романтика» (А с а фье в Б. В., Рус. музыка XIX и нач. XX в., 2-е изд., Л., 1979, с. 265—66). Высказанному в «Гномах XIX столе-

тия» романтич. взгляду на природу музыки, представлению о музыке как синтезе науки и иск-ва О. остался верен до конца жизни. Наиб. близкой музыке наукой считал математику (см., напр., «Муз. грамота, или Основания музыки для немусыкантов», М., 1868, с. 3). Вместе с тем О. подчеркивает, что «музыка в большей связи с нравств. поступками человека, нежели как обыкновенно думают». Характер исполняемой музыки — «один из обществ. термометров» («Дилетанты. — Вечера г-жи Плейель» (1839, «Муз.-лит. наследие», с. 178).

Муз. летопись, созданная О.-критиком, охватывает с перерывами ок. 40 лет и содержит имена всех выдающихся совр. европ. исполнителей, приезжавших в Петербург, к-рый стал в 30—40-е гг. одним из центров муз. жизни (пианисты С. Тальберг, К. Шуман, А. Дрейшок, Л. Мейер, А. Гензельт, А. Герке, скрипачи Уле Булл, Ф. Лауб, А. Арто, А. Вьетан, виолончелисты Б. Ромберг, А. Серве, певцы Д. Паста, Д. Рубини). В статьях О. стремится утвердить значение серьезной музыки, остроумно критикуя «звукоблистательность» салонного репертуара, итальянскому столичной аристократии (см., напр., «Русская или итальянская опера?», М., 1867, — «Муз.-лит. наследие», с. 311—15). Замечания О. обнаруживают знатока-профессионала. Он ставит перед художником-исполнителем прежде всего эстетич. задачу — «угадать» художника-сочинителя («Лауб в моцартовском гемольном квинтете», 1865, — там же, с. 303). О. дает не только сценич. образ исполнителя, но сравнивает стили, исполнительские школы, обсуждает проблему новаторства, соответствия технич. отделки и содержания произв. Исполнитель, по словам О., не должен выходить «из пределов инструмента», блестящие пассажи и «механизм пальцев» должны быть подобны «прекрасной раме вокруг Рафаэлевой картины» («Смесь. Гензельт», 1838, — там же, с. 171).

Проблемы исполнительства О. решает не только как музыкант-теоретик, но и как исполнитель-практик (из восп. современника: «Князь сел за орган и с полчаса предавался самым пышным и изысканным фугам. Мало-помалу он перешел к русским, национальным напевам» — Фет, с. 429; об О.-пианисте и импровизаторе см. также: Арнольд Ю. К., Восп., в. 3, М., 1893, с. 61).

По многим свидетельствам, любимейшим композитором О. был И. С. Бах. Большинство муз. соч. О. написано в излюбленной Бахом форме фуги. С именем Баха связана работа О. по конструированию особого органа, имеющего ряд уникальных свойств и названного Себастьяно-

ном, к-рый, по оценкам современников, был «полнее, совершеннее и эффективнее всех клавиатурных инструментов, доселе известных» (ОЗ, 1849, № 10, с. 342; этот инструмент, на к-ром импровизировал Глинка и к-рому Жуковский придал домашнее имя Савоская, в 1922 еще находился в Петерб. консерватории; дальнейшая его судьба неизвестна; О. изобрел также энгармонический клавиесин для акустич. опытов, «звукособираатель» и «акустич. микроскоп»). Считая Л. Бетховена гениальным последователем Й. Гайдна и В. А. Моцарта, О. был знатоком, тонким ценителем и пропагандистом его творчества еще тогда, когда нек-рые рус. меломаны называли его сумасшедшим (см. ст. «Еще об Уле Булле», 1838, — «Муз.-лит. наследие», с. 158). В ст. о 9-й симфонии Бетховена (1836) О. утверждает, что с нее начинается «новый музыкальный мир... здесь все ново: новое соединение инструментов, новое сопряжение мелодий, здесь оркестр не сбор инструментов, где каждый играет соло, а потом все вместе; здесь один инструмент — сам оркестр» — «Муз.-лит. наследие», с. 115).

В ст. «Берлиоз в Петербурге» (СПбВед, 1847, 2 марта) О. дал свое понимание новаторской сущности симфонизма франц. романтика и подготовил рус. публику к восприятию его музыки; см. также ст. «Концерт Берлиоза в Петербурге» (1847), написанную в форме письма к Глинке, что придало характеристике творчества композитора эмоциональный и непосредственный тон («Муз.-лит. наследие», с. 222). После дружеской встречи О. и Берлиоза в 1867 между ними завязалась переписка (см.: «Сов. иск-во», 1937, 29 сент.; «Муз.-лит. наследие», с. 629).

С произв. Р. Вагнера О. познакомился в 1857 в Берлин. т-ре. Первое впечатление было двойственным: «Таланта и драматизма много... Мелодичности более, нежели ожидал, но система нелепая» (цит. по: Бернандт Гр., Вагнер и О. — «Сов. музыка», 1953, № 6, с. 70—71). После концерта Вагнера в Москве (1863) восторженная запись в дневнике О.: «Приехал, не мог удержаться, чтобы не написать о нем статьи» (ЛН, т. 22—24, с. 165). О. опубл. статьи «Вагнер в Москве» и «Первый концерт Вагнера в Москве» (обе — 1863; «Муз.-лит. наследие»). На обеде, устроенном в честь Вагнера, О. произнес приветственную речь, назвав Вагнера «великим художником, смело раздвинувшим ее (музыки) область»; речь вошла в ст. О. «Рихард Вагнер и его музыка» (1863), написанную на отъезд композитора («Муз.-лит. наследие»). Позднейшие высказывания О. о Вагнере неоднозначны: «Как ни уважаю его, но зло-

А. Ф. Писемский.
Худ. И. Е. Репин. 1880.

А. Н. Островский.
Худ. В. Г. Перов. 1871.

Д. С. Мережковский.
Рис. И. Е. Репина. 1894.

Д. С. Мережковский.
Рис. Т. Н. Гиппиус. 1910.

Д. Л. Мордовцев.
Худ. Б. М. Кустодиев. 1901.

С. А. Найдёнов.
Худ. И. К. Пархоменко. 1909.

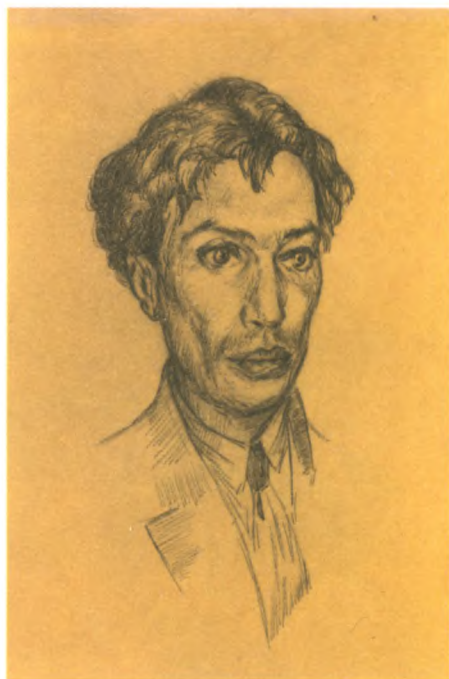

В. И. Нарбут.
Рис. М. Я. Чемберс-Билибиной.
Фронтиспис к кн. В. И. Нарбута
«Аллилуйя». М., 1912.

Н. И. Петровская.
Худ. Л. Н. Голубев-Багрянородный.
1917.

Б. Пастернак.
Рис. Л. О. Пастернака.
1924.

Б. Пастернак.
Рис. Н. Н. Вышеславцева.
1930.

Б. Пастернак.
Рис. В. П. Беляева. 1926.

употребление диссонансов ведет его к монотонии» (ЛН, т. 22—24, с. 221; о «беспрестанном употреблении тритона» — там же, с. 116; об отрицательном отношении к опере «Тристан и Изольда» — см. в кн.: Кремлев Ю. А., Рус. мысль о музыке, т. 2, Л., 1958, с. 45).

О. полагал, что в истории музыки существуют три примера «дивной организации» — Моцарт, Лист и Глинка. О. познакомился с Глинкой в 1826 (из письма О. к С. А. Соболевскому: «... чудо малый. Музыкант каких мало» — Барсуков, кн. 2, с. 67). Их тесное сближение относится к периоду создания «Ивана Суванина», в работе над к-рым О., по признанию самого Глинки, помогал ему советами (Глинка М. И., Лит. наследие, т. 1, с. 163; о советах О. с. 164, 168). Статьи О., посв. оперному творчеству Глинки, — лучшие страницы отеч. муз. критики («Статьи о Глинке», М., 1953). «С оперою Глинки является то, чего давно ищут и не находят в Европе — новая стихия в иск-ве, и начинается в его истории новый период: период рус. музыки» («Письма к любителю музыки об опере г. Глинки „Жизнь за царя“» — СП, 1836, 7, 15, 16 дек.). Ст. «Новая рус. опера „Жизнь за царя“» (ЛПРИ, 1837, № 5) направлена против «чада суждений» и «злых усмешек во фраках» великосветской публики, не принявшей оперы Глинки. Анализируя творчество композитора, О. ставит проблему народности в музыке как эстетич. понятия: «...глубоко изучив произв. зап. музыки, он [Глинка] прислушался к напевам родной земли и постарался открыть тайну их зарождения, их первоначальной стихии, и на них основать новый характер мелодии, гармонии и оперной музыки, характер дотоле небывалый» («Руслан и Людмила», опера рус. музыканта Глинки», 1843. — «Муз.-лит. наследие», с. 209). Однако создать рус. музыку, по мысли О., не значит использовать тот или иной напев, необходимо «воспроизвести в себе тот процесс, посредством к-рого, с незапамятных времен, творилось рус. нар. пение — сочинителями безымянными» («Русская и так называемая общая музыка», 1867. — «Муз.-лит. наследие», с. 319). О. высоко ценил занятия Глинки церк. музыкой, полагая, что с его смертью «погиб, может быть, целый новый период нашей церк. музыки» (РА, 1869, № 2, стб. 348).

Внимание О. привлекали также имена Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова (ЛН, т. 22—24, с. 250). О. отмечал «даровитость» молодого Чайковского, видя в его опере «Воевода» «задаток огромной будущности» для композитора, хотя и отме-

чал, что при господстве рус. тональности Чайковский «не устоял против желания угодить публике разными италиянизмами» (там же, с. 251; об отношениях О. и Чайковского см. в кн.: Чайковский М., цит. соч., с. 254—56). Чайковский оценивал б. ч. муз. соч. О. как «учено-музыкальные», представляющие интерес для специалистов, а не для широкой публики (Гос. центр. музей муз. культуры, ф. 73, № 448; в дальнейшем — ЦГММК). М. А. Балакирев считал, что О. обладал «крупным композиторским талантом» (М. А. Балакирев. Летопись жизни и творчества, Л., 1967, с. 524). Друж. отношения связывали О. с А. Н. Верстовским, А. А. Алябьевым, А. Н. Серовым, Н. Г. Рубинштейном.

Вершина муз. эстетики О. — его иссл. др.-рус. богослужебного пения, области, практически забытой к нач. 19 в. Он первым заговорил об эстетич. достоинствах церк. музыки (ВЕ, 1823, № 16) и посв. ей последние семь лет своей жизни по возвращении из Петербурга в Москву, когда в его доме, в отличие от прошлых лет, звучала преим. духовная музыка. Осн. черты др.-рус. унисонного пения — диатонический строй, ясность, строгость, словесный «несимметричный» ритм — соответствовали представлениям О. об идеальной природе музыки. Наиб. важные работы О. в этой области: «К вопросу о др.-рус. песнопении» (М., 1864), «Краткие заметки о характеристике рус. церк. правосл. пения», «Мирская песня, написанная на 8 гласов крюками с киноварными пометами», «Различие между ладами... и гласами...» (все три в кн.: Труды I археол. съезда в Москве. 1869, т. 2, М., 1871). Опровергая взгляд на др.-рус. знаменное пение как на дикое и варварское («Мнение кн. О. по вопросам, возбужденным мин. нар. просвещения по делу о церк. пении», б. м., 1866, с. 15), О. стремился ввести в арсенал музыковедения древнюю певческую терминологию: «погласица», «осьмогласие», «знаменные ноты», «нетактовый ритм», «глас» («Муз. грамота, или Основания музыки для немужыкантов», с. 19—27). Задачи Об-ва др.-рус. иск-ва, чл.-основателем к-рого О. был с 1865, он видит в восстановлении синтеза иконописи, архитектуры, церк. пения на древней нац. основе («Записка сеср. Об-ва Ф. И. Буслаева о цели и значении Об-ва др.-рус. иск-ва с дополнениями чл.-осн. кн. О.» — «Вестник Об-ва др.-рус. иск-ва», 1874, № 4—5, с. 39). Авторитет О. в области церк. пения был признан современниками (см., напр.: Ларош Г. А., Рус. муз. лит-ра. — РВ, 1869, т. 83, с. 776; о сотрудничестве О. с создателем науки о рус. церк. пении прот. и проф.

Моск. консерватории Д. В. Разумовским см.: ЛН, т. 22—24, с. 182, 192, 253; см. также: Соловьев Н., Кн. О. и его заслуги в области церк. пения, Од., 1903; Янчук Н. А., Кн. О. и его значение в истории рус. церк. и нар. музыки, М., 1906; Герцман Е. В., В поисках песнопений греч. церкви, СПб., 1996, с. 56—61; здесь же о науч. контактах О. с епископом Порфирием Успенским). Теоретич. и практич. опыты в области древнего церк. пения составляют значит. часть архива О. (ЦГММК). По инициативе О. была создана единств. в России кафедра истории церк. пения при Моск. консерватории («Речь на открытии Моск. консерватории», 1866, — «Муз.-лит. наследие»). Ок. 20 лет О. собирал мат-лы по рус. нар. пению («Письмо кн. О. к издателю об исконной великорус. музыке» — в кн.: Калики переходные. Сб-к стихов и иссл. П. Бессонова, т. 2, в. 5, М., 1863), изучая рукописи в архивах Москвы и Троице-Сергиевой Лавры, посещая монастыри, беседуя со старообрядцами.

«Всезвучная» музыка будущего, к-рой, по мысли О., доступны оттенки, «существующие в дрожании света», должна опираться на др.-рус. гласы, расширяющие пределы «скудной» мажорно-минорной ладовой системы («Опыт музыкальной ереси», 1850—56. — «Муз.-лит. наследие», с. 448).

С 1860 О. принимал участие в работе Рус. муз. об-ва (петерб. и моск. отд.), в открытии Моск. консерватории в 1866 (см.: Москва в ее прошлом и настоящем, в. 11, М., 1912, с. 67—68). Муз.-пед. деятельность О. включала наряду с чтением лекций у себя на дому написание статей для Энци. лексикона Плюшара (1837—1838), Карманного муз. словаря А. Гарраса (М., 1866; выдержал более 20 изд.). О. — один из организаторов Артистич. кружка (с 1865), в к-рый входили Островский, Н. Рубинштейн, П. М. Садовский и др.

Как чиновник Мин-ва внутр. дел О. выполнял разнообразные поручения: входил в комиссии для составления правил о производстве следствий, для усовершенствования пожарной части Петербурга, о приведении в единообразие рос. мер и весов и пр.; рассматривал разл. изобретения. С 1834 — ред. «Ж-ла Мин-ва внутр. дел», с 1837 — ред. «Сельского обозр.». С 1836 — камергер. С 1840 — старший чиновник 2 отд. е.и.в. канцелярии, где унифицирует законы Грузии на основе тщательного изучения законодат. традиции, доказав неорганичность для нее крепостного права (см.: Турьян М. А., Законы для Грузии. — В кн.: Россия и Кавказ, СПб., 1995). С 1845 — д. стат. сов. В 1846—61 — пом. директора Публич. б-ки (см. «Восп. по-

мощника директора Имп. Публич. б-ки», СПб., 1867); зав. Румянцевским музеем в Петербурге (в 1856 передал Публич. б-ке коллекцию книг и док-тов о России, собранную во время путешествия по Франции, Германии и Швейцарии в том же году; в знак признания этих трудов в 1859 удостоен чина гофмейстера). С 1859 — гласный Петерб. думы. Вернулся в Москву после перевода туда Румянцевского музея в 1861. С 1861 — сенатор, с 1864 — первоприсутствующий сенатор (восп. К. П. Победоносцева: «Каждое утро, в 10 часов, раньше всех являлся он в Сенат, и вслед за ним являлся огромный портфель его, вроде ларца или чемодана, с делами и с записными книгами, к-рый вел он с беспримерною аккуратностью и терпением, отмечая в них ход каждого производства и все его особенности» («В память о кн. О.», с. 80—81)).

Романтич. идеал универсальной личности О. стремился реализовать в своей жизни дилетанта-энциклопедиста — не только литератора, философа, чиновника, музыканта, но и ученого (кроме естеств. наук занимался, напр., этнографией, лингвистикой, историей — по долгу службы работал над «Мат-лами к биографии имп. Николая I»; судя по неотправленному письму Александру II, в последние годы жизни О. собирался писать историю России второй пол. 19 в.), изобретателя (не ограничиваясь общими рассуждениями, О. предлагал конкретные способы объединения наук, напр. использование методов химии в историографии).

Профессионализация лит. дела представлялась О. одним из видов ненавистной ему специализации: «Специальность возможна, и даже до поры до времени необходимая в остальной Европе, — у нас была бы гибельною нелепостью... Такое положение не есть произвольное, оно выросло из земли — и оно не укор, но честь нашим литераторам. В одной руке шпага, под другой — соха, за плечами портфель с гербовою бумагою, под мышкою книга — вот вам рус. литератор» (цит. по кн.: Сакулин, ч. 2, с. 408).

Со второй пол. 40-х гг., по словам О., все его время и силы «поглотила» самоотверженная обществ. деятельность (РА, 1874, кн. 1). Гр. В. А. Соллогуб заметил, что О. «сделался черноработчим во имя своих братьев, он был каменщиком при сооружении нашего обществ. здания» («В память о кн. О.», с. 100). В 1846—55 О. — пред. Об-ва посещения бедных в Петербурге (см.: В. Боцяновский — «Трудовая помощь», 1899, № 4—5, с. 317—51). Об-во было упразднено в 1855 вследствие полит. доноса, в к-ром его члены подозревались в пропаганде коммунизма, невзирая на

явную и неоднократно высказанную неприязнь О. к рус. социалистам (см., напр., его отзыв о «метафизическом и потому мертвом и отсталом социализме» Герцена — Цехновицер, с. 40). Организатор первых в России дет. приютов; участвовал в работе и управлении пед. заведений (прежде всего — Марининского ин-та), больницы (Максимилиановской, Елизаветинской), Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. О. писал В. Н. Кашперову: «В России еще нет ни отд. пространства, ни отд. времени для иск-ва. Мы находимся еще почти в положении первых плантаторов в Америке, где каждый должен был быть и хлебником, и сапожником, и дровосеком; в такие эпохи отказываться от скучного сухого дела для труда более привлекающего было бы ... эгоизмом ... безлюдье большое!» (РО, 1894, № 3, с. 431—32).

По словам гр. Соллогуба, О. «молился просвещению». Он одним из первых начал издавать книги «для народа» (популяризацией занимался с 1833, когда напечатал «Краткое понятие о химии, необходимое для свечных мастеров» — «Ж-л общепольз. сведений», кн. 2). С 1838 как чл. Уч. к-та Мин-ва гос. имуществ занимался учреждением деревенских школ; готовил учебники (см.: Некрасова Е., Нар. книги для чтения... — СВ, 1889, № 5; ее же, Писатели для народа из интеллигенции. — Там же, 1892, № 2). В 1844—47 вместе с А. П. Заблочкиным Десятковским выпускал сб. «Сел. чтение» (вышло 4 кн.; изд. имело огромный успех, на протяжении 50-х гг. неоднократно переизд.). К народу О. относился как к «меньшому брату», нуждающемуся в просвещении, недостаточно развитому и в нравств. отношении. Отсюда неизбежность конфликта О. со славянофилами, несмотря на старые друж. связи и общие представления о всемирно-ист. роли России [см.: РА, 1874, кн. 1, стб. 279—87; Аксаков К. С., Аксаков И. С., Лит. критика, М., 1982 (ук.); Егоров Б. Ф., Медовой М. И., Переписка кн. О. с А. С. Хомяковым. — В кн.: Труды по рус. и слав. филологии. XV. Лит.-ведение, Тарту, 1970, с. 335—49]. Окончательно расходится с «моск. школой» в нач. 40-х гг. (что, видимо, связано с участием О. в «Отч. записках»): Погдин в письме от 27 окт. 1843 называет О. «отщепенцем» (РС, 1904, № 3, с. 714).

На благотворит. и просветит. деятельность О. Н. А. Некрасов написал стихотв. памфлет «Филантроп», герой к-рого обвинялся в лицемерии, барской избываюности, черствости и пр.: О. в исполненном достоинстве письмо возражал и требовал объяснений; Некрасов же, несмотря на совершенную прозрачность смысла «Филантропа», отрицал, что имел в виду О. (см.: Архив села Карабихи, М., 1916, с. 132—35).

После отмены крепост. права О. выступал против феод. сословных притязаний (неопubl. ответ О. на статью в газ. «Вести» и его письмо к бар. Раден см. в кн.: Пятковский, 1901, с. 71—75; см. также фельетон «Перехваченные письма» — «Совр. изв.», 1868, 13 апр.). О. утверждал, что всегда был сторонником «безусловного равенства перед судом и законом, без различия званий и состояний» (Пятковский, 1901, с. 75; мат-лы, собранные Сакулиным, показывают, что в 40-е гг. О. не считал необходимым освобождение крестьян: ч. 1, с. 586—87). Среди рукоп. мат-лов 50—60-х гг.: статьи в защиту гласности, суда присяжных (и о др. вопросах судопроизводства), «Предложения в правительство об изменениях в гос. правлений» (о неэффективности совр. администрации, злоупотреблениях и пр.); обзор мат-лов см.: Михайловская Н. М., К истории одной записки О. (Из арх. мат-лов). — РЛ, 1976, № 4, с. 150—154. Среди своих нововведений О. называет «права авт. собственности, о к-рой до меня никто и не думал; Положение о дворян. выборах; Положение о компаниях на акциях; Об-во страхования жизни, над к-рым все смеялись...» (Цехновицер, с. 67). Подводя итоги, О. с гордостью писал: «моя долгая, честная черноработчая жизнь» (Пятковский, 1901, с. 74). С этих позиций обществ. активности О. возражал И. С. Тургеневу (как автору пессимистич. этюда «Довольно!») — «Недовольно!» («Беседы в ОЛРС», в. 1, М., 1867); статья распространялась также в виде отдельных оттисков-брошюр (см.: Турьян М. А., В. Ф. Одоевский в полемике с И. С. Тургеневым. — РЛ, 1972, № 1).

Сам О., возможно, видел внутр. логику в своей эволюции: для него, всегда сравнивавшего себя с Фаустом, практич. деятельность представлялась закономерным итогом, как бы продолжением философствования в формах самой жизни (вспомним Фауста второй части поэмы Гёте). О. умер внезапно, после непродолжительной болезни (о его смерти см. восп. Соболевского: РА, 1878, кн. 3, с. 387).

Др. произв.: «Лекции г-на Пуфа, доктора энциклопедии и др. наук, о кухонном иск-ве» («Зап. для хозяев», прил. к ЛГ, 1844—45).

Изд.: Соч., ч. 1—3, СПб., 1844; Lettre-plaidoyer, Nice, 1857; Отрывок из записок Ирины Моделовича Гомозейки, СПб., 1855; Сказки (из соч.) для детей, М., 1871, 1879, 1885, 1894; СПб., 1889, 1891, 1895; [Из бумаг О.] — РА, 1874, № 2, стб. 278—360; № 7, стб. 11—54; 1881, № 4, с. 477—93; РС, 1892, № 4, с. 136—40; Рус. почта, М., 1913 (под ред. С. А. Цетковца); Романтич. повести, ЛН, 1929 [вступ. ст. «Силуэт (В. Ф. Одоевский)» О. Цехновицера]; Трудная хроника и особые происшествия. Дневник. 1859—69. — ЛН, т. 22—24 (вступ. ст. Б. Козмина, ред. и предисл. М. Брисмана, комм. Брисмана и М. Аронсона); Избр. пед. соч., М.,

1955; Муз.-лит. наследие, М., 1956 (вступ. ст. и прим. Г. В. Бернштадта); Рус. эстетич. трактаты первой трети XIX в. т. 2, М., 1974; Рус. ночи, Л., 1975 (подг. изд. Б. Ф. Егорова, Е. А. Маймина, М. И. Медовой; вступ. ст. Маймина); Соч., т. 1—2, М., 1981 (вступ. ст., сост. и комм. В. И. Сахарова); О лит-ре и иск-ве, М., 1982; Поэстры сказки, М., 1996 (ст., комм. М. А. Турыня).

Письма: П. И. Бартевскому — РА, 1912, № 9, с. 85—86; М. С. Волкову — РС, 1880, № 8, с. 802—04; А. Х. Востокову — Сб-к статей, читанных в ОРЯС АН, 1868, т. 5, в. 2, с. 397—98; П. А. Вяземскому — ЛН, т. 58, с. 150; Б. Г. Глинке-Маврину — РС, 1880, № 8, с. 802—05; вел. кн. Елени Павловне — «Вест. благотворительности», 1898, № 1—3; В. А. Жуковскому — РА, 1906, № 3, с. 368; М. Н. Загоскину — РС, 1902, № 9, с. 631—32; В. А. Инсарскому — РС, 1895, № 2, с. 64—65; № 3, с. 62, 68; В. Н. Кашперову, Я. О. Орлу-Ошмянскому, Н. А. Полевому, А. П. Пятковскому — РО, 1894, № 3, с. 422—435; вел. кн. Константино — РА, 1870, № 4—5, с. 929—31; А. И. Кошелеву — «Тр. Львовского ун-та, каф. рус. лит-ры филол. ф-та», 1958, в. 2, с. 71—72; А. А. Краевскому — РС, 1904, № 6, с. 572, 588—89; В. К. Кюхельбекеру — РС, 1875, № 7, с. 369; 1888, № 12, с. 594—95; С. И. Лапшину — РС, 1892, № 4, с. 136—37; М. А. Максимовичу — КС, 1883, № 4, с. 841—846; А. Н. Островскому — в кн.: Островский, 1823—1923. К столетию со дня рождения, М., 1923, с. 15; Нендз. письма к Островскому, М.—Л., 1932, с. 317—20; Э. Пеку — «Уч. зап. вып. Львовского ун-та», 1954, т. 1, сер. обществ. наук, с. 168—70; М. П. Погодину — ЛН, т. 16—18, с. 691—92; Н. А. Полевому — РС, 1901, № 5, с. 405—06; А. С. Пушкину — в кн.: Переписка А. С. Пушкина, т. 2, М., 1982, с. 422—51; М. Ф. Раевского — в кн.: Шукшинский сб-к, в. 6, М., 1907, с. 328; С. А. Рачинскому — в кн.: Е. А. Барятинский. Мат-лы для его биографии. Из Таватского архива, П., 1916, с. 123; И. П. Сахарову — в кн.: Вопросы изучения рус. лит-ры XIX—XX вв., М.—Л., 1958, с. 144; С. А. Соболевскому — «Уч. зап. Ленингр. НИИ театра, музыки и кинематографии», 1958, т. 2, сектор музыки, с. 271—72; ЛН, т. 16—18, с. 752; А. Г. Тройницкому — РС, 1898, № 4, с. 206; С. С. Уварову — Ответ имп. Публич. б-ки за 1892 г., СПб., 1895; «Илл. АН СССР, сер. истории и философии», 1949, т. 6, № 3, с. 217—18; М. А. Урухову — РА, 1907, № 5, с. 139—40.

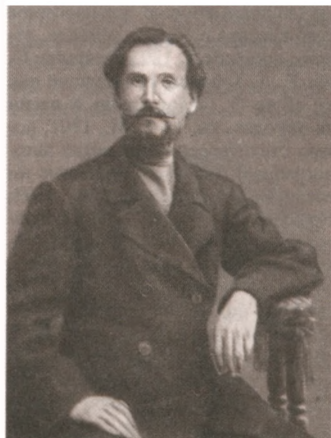
Лит.: Барсуков; Белинский; Герцен; Гоголь; Грот и Плещинск; Кюхельбекер; Панаев; Панаева; Полевая. Мат-лы: Пушкин; Смирнова-Россет (все — ук.); В память о кн. О. М., 1869; Сумарин Н. Ф., Кн. В. Ф. Одоевский, Л., 1884; Майков В. Н., Соч., т. 1, К., 1901; Скабичевский А. М., Соч., т. 1, СПб., 1903, стб. 240—49; Весселовский А. Н., Зап. влиянием в новой рус. лит-ре, 2-е изд., М., 1896; Пятковский А. П., Кн. О. и Д. В. Веневитинов, 2-е изд., СПб., 1901; Кубасов И. А., Пес. взгляды и труды О. СПб., 1904; Кони А. О., Очерки и восп., СПб., 1906, с. 47—72; Котляревский Н. А., Старинные портреты, СПб., 1907; Лезин Б. А., Очерки из жизни и лит. деятельности кн. В. Ф. Одоевского, Х., 1907; Замотин И. И., Романтизм, идеализм в рус. об-ве и лит-ре 20—30-х гг. XIX в., СПб., 1907; Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель, СПб., т. 1, ч. 1—2, М., 1913; Розанов В. В., Чаадаев и кн. Одоевский. — НВ, 1913, 10 апр.; Гиппиус В. В., Узкий путь. — РМ, 1914, кн. 12; Айхснвальд Ю., Слова о словах. Критич. статьи, СПб., 1916; Одоевский А. И., Полн. собр. стихотворений и писем, М.—Л., 1934; Бернштадт Г., Идея народности в работах О. — «Сов. музыка», 1948, № 3; его же, Статьи и очерки, М., 1978, с. 11—107; Грановский Б. Б., Одоевский — муз. критик, М., 1952 (дис.); Заборова Р. Б., Мат-лы о М. Ю. Лермонтове в фонде О. — «Труды ПТБ», V (8), Л., 1958, с. 185—99; Ушаков Ю. Г., Сатирическо-обличительные проза, О. М., 1960 (канд. дис.); Чхатарашвили Е. Д., «Рус. ночи» О., Тб., 1966 (дис.); Михайловская Н. М., «Джордано Бруно» — роман О. (К вопросу о декабристских связях писателя). — В кн.: Вопросы истории и теории лит-ры, в. 4, Челябинск, 1968; сс же, Нравоискусств. повести О. — Там же, в. 6, 1970; Манн Ю. В., Рус. филос. эстетика, М., 1969; Проскурина Ю. М., Э. Т. А.

Гофман и О. (К вопросу о наш. специфике фантастики). — «Уч. зап. Тюменского пед. ин-та», об. 118, в. 2, 1970; Виргинский В. С., В. Ф. Одоевский как социолог и утопист. — «Вопросы истории», 1970, № 2; его же, В. Ф. Одоевский. Естественнаучные взгляды, М., 1975; Медовой М. И., Пути развития филос. прозы в сер. 1820—1840-х гг., М., 1971 (дис.); его же, Княжинские мотивы в исзв. пьесе О. — В кн.: Проблемы изучения рус. лит-ры XVIII в., в. 2, Л., 1976; Турьян М. А., Неоконченный труд П. Н. Сакулина о О. (по мат-лам РО ИРЛИ АН СССР). — РЛ, 1974, № 2; сс же, Из истории взаимоотношений Пушкина и О. — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 11; сс же, Предвидения О. — РР, 1988, № 3; сс же, Странная моя судьба. О жизни О., М., 1991; Назиров Р. Г., О. и Достоевский. — РЛ, 1974, № 3; Измайлов Н. В., Пушкин и О. — В его кн.: Очерки творчества Пушкина, Л., 1976; Штерн М. С., «Дневник студента» О. — В кн.: Худож. метод и творч. индивидуальность автора, Томск, 1978; сс же, Трансформация диалекто-аллосирий, жанров в прозе О. («Рус. ночи»). — В кн.: Проблемы лит. жанров, Томск, 1979; Ходансен Л. А., Поэтика времени в рус. филос. романе кон. 30-х — нач. 40-х гг. XIX в. («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Рус. ночи» О.), М., 1978 (дис.); Сахаров В. И., Лев Толстой и О. — В кн.: Толстой и лит-ра народов Советского Союза, Ер., 1978; его же, Еще о Пушкине и О. — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 9; его же, Эволюция творч. облика О. — В кн.: Время и судьбы рус. писателей, М., 1981; его же, Движущаяся эстетика (Лит.-эстетич. воззрения О.). — В кн.: Контекст-1981, М., 1982; Каменский З. А., Моск. кружок любителей, М., 1980; Проблема худож. творчества в истории рус. эстетич. мысли XIX — нач. XX вв., М., 1983; Ступель А. М., В. Ф. Одоевский, Л., 1985; Каталог б-ки О., М., 1988; Грибоседов А. С., Соч., М., 1988; Полонский Я. П., Проза, М., 1988, с. 428—29; Егорова В. И., В. Ф. Одоевский в обществ. жизни 20—40-х гг. XIX в., М., 1989 (дис.); Зенковский В. В., История рус. философии, т. 1, ч. 1, Л., 1991, с. 147—61; Кошелев А. И., Записки М., 1991 (ук.); Фет А. А., Востп., т. 1, М., 1992; Голубева О. Д., В. Ф. Одоевский, СПб., 1995; Рябикина Н. Г., О неких-общих чертах в творчестве О. и А. С. Хомякова. — В кн.: Слово и образ. К 75-летию Е. А. Маймина, Псков, 1996; Семидуброва И. В., Князь О. Новые штрихи к портрету писателя и человека пушкин. эпохи. — «Рус. словесность», 1996, № 1; Passage Chn., The Russian Hoffmannists, The Hague, Mouton, 1963; Ingham N. W., E. T. A. Hoffman's Reception in Russia, Würzburg, 1974; Phillips D. D., Spook or Spook? The structure of the supernatural in Russian romantic tales, Wash., 1982; Cornwell N., The life, times and milieu of V. F. Odoevsky, L., 1986; Некрологи, 1869; МВед, 6 марта; ВЛ, № 12. Бычков И., Бумаги кн. В. Ф. Одоевского. — В кн.: Отчет Имп. публич. б-ки за 1884, СПб., 1887, прил., с. 1—65; Геннад.: РБС (ст. И. А. Кубасова); Брокгауз (ст. А. Ф. Коин); ЛЭ; КЛЭ; Лерм. энцл.; БСЭ; Сотрудники Рос. общ. б-ки — деятели науки и культуры. Биогр. словарь, т. 1, СПб., 1995; Муратова (1); Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 539; РГБ, ф. 210; ИРЛИ, ф. 392; ЦДММК, ф. 73; РГАЛИ, ф. 365; ЦИАМ, ф. 454, оп. 2, д. 438 (автобиография О. 1869)*.

Г. В. Зюкова, Е. Г. Мецгерина (О. и музыка), при участии В. Э. Вушры.

ОЖЕГОВ Матвей Иванович [6(18). 8.1860, д. Михино Нолинского у. Вятской губ. — 19.2.1934, по др. сведениям — 1933, пос. Перово Моск. обл.], поэт-самоучка. Из крестьян; сын плотника. Дет. годы провел в родной деревне. Грамоте выучился сам в 9 лет. Около двух лет (с перебивками) учился в зем. школе в с. Колобовском; в 18 лет сдал экзамен и получил свидетельство об образовании. Еще мальчиком начал сочинять стихи и складывать песни, к-рые распространялись и пелись в округе. В 1873 сгорел дом родителей, семья стала бедствовать, и О. пошел на за-

работки. За 12 лет сменил множество занятий: был в работниках у дьячка, работал на строительстве Уральской ж.д., бурлачил на р. Чусовой, был половым, грузчиком, кабатчиком, разносчиком, дворником, швейцаром, посыльным, служил на Тагильском литейном заводе и пр. В 1884 отправился в Екатеринбург на зол. прински, принадлежавшие Ф. П. Демидову, к-рый вскоре по-приятельски сошелся с О. и в дальнейшем не раз оказывал ему протекцию, помогал советом и деньгами (Демидову поств. неск. стихотворений О.).

Не удовлетворенный той жизнью, к-рую вел, в 1885 решил ее изменить и тайком от семьи уехал в Москву. После долгих мытарств, перебивавших случайными заработками, завязал неск-рые знакомства в лит. мире, в т. ч. благодаря службе в т-ре Корша и работе сторожем в ред. «Илл. газет». В 1890 в «Моск. илл. газетке» появилась первая публ. О. — стих. «Поле» (1890, 10 мая). В 1891 изд. П. В. Каменев выпустил в свет две книги О. (обе — М.): сб. «Песни и стихотворения» (положит. рец. Н. А. Рубакина: СВ, 1892, № 5) и поэму о деревен. жизни «Поля и деревня». Он же поместил неск. песен О. в издаваемых им песенниках для народа.

Песни О. часто распевались еще до их опубликования, они охотно исполнялись хорамы селыских в трактирах, на их сюжеты выпускались любочные картинки. Особой, долго не проходящей популярностью пользовались песни «Ключко» («Потеряла я ключко...»), «Зачем ты, безумная, губишь...», «Меж крутых берегов...», «Чудный месяц плывет над рекою...» и др. «Появились подражатели моим стихотворениям, и в то время, когда я с семейством, с большими детьми недосыпал и недоседал, мои песни пелись в Москве без умолку» («Моя жизнь и песни для народа», кн. 1, с. 22).

Начав печататься, О. вошел в состав лит. объединения писателей из народа — Суриковского лит.-муз. кружка; участвовал в сб. «Метеор» (М., 1891) и «Наша хата» (М., 1891).

С 1893 служил на Моск.-Курской ж.д., занимая хорошо оплачиваемое место кассира и обрета, наконец, отосчит. достаток. С 1893 издателем О. стал Е. А. Губанов, печатавший как авт. сб-ки О. («Моя жизнь и песни для народа», кн. 1—3, М., 1901; помимо стихотворений поместил автобиографию), так и составленные им песенники («Пастушок», М., 1893; «Новый песенник», К., 1894; «Молодецкая кручина», М., 1896; «Маргарита», К., 1903), куда кроме собств. соч. О. включил (частью в своей редакции) нар. песни и произв. А. Ф. Мерлякова, А. В. Кольцова, И. З. Сурикова и др. авторов, а также стихи К. Р., проявлявшего интерес к поэтам-самоучкам (сохр. письмо О. к К. Р. 1896 г. — ИРЛИ, ф. 137, № 88).

О. работал преим. в традиц. поэтич. формах лит. нар. песни и романса. Оsn. тематика — любовная лирика, крест. труд («Поля и деревня»), отходничество (гл. обр. тема расставания с деревней) и рассуждения о пользе просвещения на селе («Светлая заря», «Фаддей» и др.). Часть песен написана в духе гор. «жестокоего» романа («Прощай, моя зазноба», «Дворянская дочка» и др.) или под влиянием «фабричного» песенного фольклора («Тары-бары», «Зашумело в голове»).

О. интересовался писателями-самоучками и лит.-рой для народа (неопубл. статьи — РГБ, ф. 358, к. 21, № 19; РГАЛИ, ф. 1641, оп. 1, № 26). Наиболее полно взгляды О. отразились в ст. «Характеристика своего народа» [напечатана с сокр. в кн.: Чтение в дорево. России. Сб. науч. трудов ГБЛ, М., 1992 (публ. Т. П. Воловельской и А. И. Рейтблата); рукопись — РГБ, ф. 358, к. 5, д. 13]. Задача лит.-ры, по мнению О., состоит в том, чтобы дать народу совр. практич. правств. примеры и набор необходимых знаний. Выступая как рационалист, он относил к явным, отжившим «свой суеверный век», не только фантастич. произв. фольклора, но и «Жития святых». Считал, что в нар. книжках должны излагаться «правдоподобные» примеры братских отношений между людьми, основанных «на учении Христа» («Евангелие заключает в себе не только ... священный, но и гражданский закон...»).

В 1905 был чл. забастовочного к-та железнодорожников, после ареста 2 месяца провел в тюрьме. В 1906—07 в ж. «Ярослав. колотушка», а позднее в тверском ж. «Колотушка» (1911) появлялись сатирич. стихи О., в т. ч. посв. бедств. положению крестьянства, гл. причины к-рого, по мнению О., — социальное расслоение деревни (появление кулачества) и пьянство («Песни с бала-лайкой», «Сел. жизнь» — «Колотушка», 1911, № 2, 4 и др.). О. подготавливал сб. «Песни первой революции», оставшийся в рукописи (РГАЛИ, ф. 1641, оп. 1, № 27). В последние время продолжал работать ж.-д. кассиром и заниматься лит.-рой. Последние годы жизни провел на покое в пос. Перово, где приобрел собств. дом.

В рукописи остались восп. О. (ИРЛИ, ф. 193, № 280) о встречах с

Л. Н. Толстым, к-рого неск. раз посещал в Хамовниках, Вс. С. Соловьёвым, Н. Я. Гротом, а также о знакомстве (по переписке) с Н. А. Руба-кинским.

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Песни рус. поэтов.

Лит.: Селихов И. Души живые. — «Свободный путь», 1920, № 6; Белоусов (2); [Юбилей О.]. — ЛГ, 1930, 20 авг., с. 4; Ухмылова Т. Письма начинающих писателей М. Горькому. — В кн.: М. Горький. Мат-лы и иссл., т. 1, 1934, с. 356; Дьяконов Л. Где же родился Матвей Ожegov? — «Киров. правда», 1951, 26 мая; Назаров И. А., Встречи и письма, Владимир, 1957, с. 24—28; Пленков В. Г. Поэты-самоделки. — В кн.: Вятка, Киров, 1963, с. 83—84; сго же. Новое об М. И. Ожegovе. — «Вест. труда», 1976, 27 авг.; Изергина Н. П., Писатели в Вятке, Киров, 1979, с. 159—64; Гофман Л. Х., Одиссея Александра Рославлева, М., 1984, с. 98—106, 139; Иван И. С., Автобиография. — В кн.: Любачева книга, М., 1990, с. 384—85; + КЛГ; ИДРДВ; Ежегодник. Обзор книг для нар. чтения и нар. картин, 1893, М., 1895, с. 25, 154—55; Смирнов-Сокольский; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 358, к. 21, № 17 (автобиограф.); к. 260, № 20 (письма Н. А. Рубинскому); РГАЛИ, ф. 1068, оп. 1, № 11, 111; ф. 1641, оп. 1, № 25, 26 (автобиограф. и рукописи); ИРЛИ, ф. 101, № 224 (письма С. Д. Дрожжину); ф. 193, № 281 (письма А. И. Якимирскому); РНБ, ф. 290, № 174 (письма П. Я. Заволокину и стих.); ГАРФ, ф. 124, 1906 г., оп. 44, д. 1739.

В. М. Бокоев.

ОЖИГИНА Людмила Александровна [1837, Харьков — 10(22).12.1899, там же], прозаик. Из дворян. семьи. После окончания частного пансиона в Харькове (1854 — кон. 50-х гг.) под влиянием идей жен. эмансипации стремится жить своим трудом. Три года (с 1861) «домашняя учительница» О. слушала «мед. лекции» при Харьков. ун-те для получения «лекарского звания». В 1863 двери ун-та оказались для женщин закрытыми, и О. начала пед. деятельность в харьков. Маринин. жен. уч-ще (проработала учительницей в жен. г-зиях более 20 лет). В 1869 переезжает в Петербург. Ее ром. «Своим путем» (ОЗ, 1869, № 3, 5—7; рец. 1869: С. С. Окрейц — «Дело», № 9; НВ, 2 июля; (В. П. Буренин) — СПбВед, 20 мая) органично включалась в лит. контекст демокр. ж.-ла. Ведя повествование от лица девушки из дворян. семьи, осиротевшей и обездоленной, но жаждущей просвещения и независимости (автобиограф. мотивы), О. утверждала мысль о «распрямлении» человеческой личности, о честно заработанном куске хлеба, к-рый дает возможность идти в жизни своим путем. Сведения об изменении М. Е. Салтыковым-Щедриным при редактировании романа в ж.-л. финальной сцены (см.: Скабичевский А. М., Лит. восп., М.—Л., 1928, с. 289) сомнительны; измененная концовка появилась лишь в отд. издании романа (СПб., 1870).

Роман О. обратил на себя внимание цензуры, отметившей, что в нем «в мрачном виде представлено положение бедной девушки, приспосабливающей себе пропитание трудами рук своих» (РГИА, ф. 777, оп. 2, 1865, № 60, л. 97). Положит. рец. опубл. Салтыков-Щедрин (IX, 373—377, 583—84). Напротнв, Н. В. Шелгунов в ст. «Творческое целомудрие» («Дело», 1871, № 1)

дал роману отрицат. оценку. Анонимный критик в «Заре» (1870, № 11), полемизируя с Салтыковым-Щедриным, обращался к О. с призывом слушаться своего «худож. ума» и отречься от «служения теории».

Судя по письму О. 1873 к А. С. Суворину, она встретила с большими затруднениями в последующей лит. работе: ей мешали, по ее словам, ценз. опасения, а также материальная необеспеченность (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3052). О. в 1874 обращается в Лит. фонд (см.: Некрасов, XI, 327). С кругом демокр. писателей О. не сошлась. Разочарование в сотрудниках «Отеч. записок» приводит ее к разочарованию в демокр. идеях в целом. После возвращения в Харьков О. продолжает заниматься лит. трудом, пишет роман из эпохи крест. реформы под назв. «Царство Христа», отвергнутый редакцией «Отеч. зап.» (об этом в ее письме-исповеди И. С. Аксакову от 10 июня 1885 — ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 445).

Сохранилась переписка О. с Ф. М. Достоевским (1877—78; ее письма: РГАЛИ, ф. 212, оп. 1, № 83; ИРЛИ, 29797, ССХІ б. 8; два ответных письма Достоевского: ХХІХ, кн. 2, с. 177—78; ХХХ, кн. 1, с. 9—10). Заинтересованным личностью О., Достоевский просил Н. Н. Бекетова написать что-либо о ней. Бекетов, отвечая Достоевскому, сообщал некр-рые биогр. данные и писал, что, по его мнению, «эта женщина очень развитая, много лет над собою трудившаяся» (РГБ, ф. 93, II, к. 1, № 75).

Плохое состояние здоровья вынуждает О. переехать в Крым, где она работала в Севастоп. г-зии. Дослужившись до пенсии, в 1892 возвратилась в Харьков. Нужда заставила ее до последних дней давать частные уроки.

Лит.: Достоевская А. Г. Воспоминания, М., 1981, с. 332—34, 472 (по мнению А. С. Долинина, речь идет об О.); Теплинский М. В., Л. А. Ожигина (автор романа в «Отеч. зап.» и корреспондентка Достоевского). — РЛ, 1988, № 4; Павлюченко Э. А., Женщины в рус. освободит. движении, М., 1988 (ук.). + Некрологи, 1899: СПбВед, 18 дек.; СО, 20 дек.; «Россия», 19 дек.

Архивы: РГИА, ф. 733, оп. 50, д. 1251 (о «дозволении» О. слушать лекции в Харьков. ун-те); ИРЛИ, ф. 155, 1894, ХХІІ, 15.

М. В. Теплинский.

ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ Яков Николаевич [10(22).6.1804, Петербург — 14(26).10.1864, Евпатория; перезахоронен в Перекопе, 1865], прозаик. Сын акад. (естествоиспытателя, этнографа, путешественника) Н. Я. Озерецковского (1750—1827). Получил дом. воспитание. В 1817 вступил в л.-гв. Моск. полк подпрапорщиком; в 1824 поручик. Как не причастный к восстанию на Сенатской площади был введен в спец., полковую, Следств. комиссию, образованную по приказу шефа полка вел. кн. Михаила Павловича «для приведения

вясность всех обстоятельств, сопровождавших происшествие в полку 14 дек. 1825 г. и открытия всех причастных в приговорении одного лиц» (Декабристы, с. 374).

Весной 1826 добровольно отправился на Кавказ в составе Сводного гв. полка (см.: Записки А. Ф. Багтова. — РС, 1883, № 10, с. 116) и до 1828 участвовал в Кавк. войне (против горцев) и русско-персидской под командованием А. П. Ермолова. Был в сражениях у Тифлиса, Эчмиадзина, при Джеван-Булаке, Эривани и др.; награжден зол. оружием «За храбрость». В 1828, сопровождая трофеи, вернулся в Петербург; в 1830 по болезни оставил воен. службу и вступил в число гражд. чиновников Инспекторского деп. Гл. штаба. В 1832 переведен в корпус хандармов с переименованием в подполковника; пользовался личным расположением гр. А. Х. Бенкендорфа, состоя при нем по особым поручениям. В 1835 ревизовал Соловецкий острог и выявил ряд злоупотреблений, исправленных затем по повелению Николая I. В 1836 «с особым поручением» послан в Вену, оттуда в Черногорию, а по возвращении (произведен в полковники) — опять в Вену; ему поручались «занятия по предметам воен. наблюдения»: он собирал сведения о польских эмигрантах и их тайных об-вах; встречался с К. Меттернихом, военным писателем Ф. В. Бисмарком, В. С. Караджичем, Алеку Руссо, правителем Черногории — поэтом П. Негошем, к-рому передал от Николая I деньги «на пользу черногорского народа» (до 1846 состоял с Негошем в переписке); составил ряд служебных записок о Черногории. Вернувшись в 1839 в Россию, вскоре отправился для лечения за границу.

На 1830-е гг. приходятся все изв. публикации О.: рассказы «Пещера за кладбищем. Дагестанское событие» (БлЧ, 1834, т. 5) и «Нукер» (БлЧ, 1835, т. 11), путевые заметки «Плавание по Белому морю и Соловецкий монастырь» (СПб., 1836) и «Крепость Баку и вечные огни» («Невский альбом» Н. И. Бобылева, СПб., 1840), рассказы «Одноклассник» и «Физиогномика» (СО, 1838, № 11) и небольшая книжка «Повесть и быль», состоявшая из двух произведений: «Беата. (Финляндская повесть)» и «Лотерейный билет. Венская быль» (СПб., 1840; по словам рецензента «Совр.», «истины и жизни художнически схвачено довольно» — 1840, № 3, с. 140). За исключением «Плавания», почти лишнего стилизов. окраски, все произведения вписываются в традицию романтич. новеллы. Их отличают замысловатая авантюрная фабула, кавказская («Пещера за кладбищем», «Нукер») либо фин. экзотика («Беа-

та», сам О. указывал на влияние «Эды» Е. А. Баратынского, что, впрочем, касается лишь изображаемого фона), внимание к необыкновенному и неожиданному («игра случая» в «Лотерейном билете»), вообще к теме «человек и судьба», нек-рые элементы сатиры на нравы.

Публиковался ли после 1840 — неизвестно, хотя лит-рой продолжал заниматься: сохранилась рукопись стих. 1857 (РГАЛИ, ф. 819, оп. 1, № 604), остались, согласно статье в РБС, обширные воспоминания.

По возвращении в 1841 из-за границы занимал должность управляющего Крым. солныным правлением (1841—63); жил преим. в Перекопе; много сделал для организации местного курорта; по его предложению выстроен Чонгарский мост через Сиваш. Как вспоминал б. подчиненный О. В. Н. Смирнов, «привыкший к столичной и заграничной жизни, в кругу высшего общества и будучи сам человеком светски-образованным, большим любителем иск-в, остроумным и даже поэтом», О. не мог «удовольствоваться тихой жизнью с содержанием в три тыс. руб. в год» и устроил в Перекопе «утолок Парижа», с бесчисленными балами, любительскими и проф. спектаклями, для к-рых выписывались столичные артисты, с танковками, дорогими подарками гостям, карточной игрой и т. п., что сопровождалось злоупотреблениями с казенными деньгами (ИБ, 1905, № 9, с. 818, 820—21). В 1862 О. было предложено подать в отставку; вскрылась запущенность дел. С его увольнением упразднили и Крым. солныное правление. О. переехал в Евпаторию, где жил в нужде, с маленькой пенсией, и даже его похороны совершались по подписке.

Лит.: Белинский (ук.); Никитенко (ук.); Лавров Н. А., Петр II Петрович. Негош..., М., 1887, с. 96, 98; Колчин М. А., Ссылные и заточенные в остроге Соловецкого мн. в XVII—XIX вв. — РС, 1888, № 1, с. 56—57; Пестриков Н. С., История л.-гв. Моск. полка, т. 2 (СПб., 1904), с. 45—46; Смирнов В. Н., Солныное царство (Восп. чиновника). — ИВ, 1905, № 9; Орлова-Савина П. И., Автобиография, М., 1994, с. 340, 343; Садыков М., Писатели-декабристы в Азербайджане, Баку, 1967, с. 24, 30—33, 106; Вуксан Д., Писма Озерского, Ковальского и Чекина Владимиру Раду. — «Споменик СКА», [кн.] 81, Белград, 1935; Павлович Б., Негош и Ж. Н. Озерковский, Титград, 1967. — Черногори: «Одес. вест.», 1864, 5 нояб., 10 дек.; БВед. 1864, № 294; Илл. газ., 1864, № 45; КВ, 1865, № 1. Геннади: Березин: РБС: Брокгауз: Мельер: ИДРДВ: Масанов.

Архивы: РГАЛИ: ф. 2117, ф. 819, оп. 1, № 350 (письмо к П. И. Орловой-Савиной), ф. 4, оп. 1, № 21, 24 (ископруги); РНБ, ф. 212 (письмо А. М. Горчакову); ГАФФ, ф. 109, СА, оп. 2, д. 132; оп. 3, д. 1381; ф. 109, 1 экзп., 1835, д. 246; 1 экзп., 1845, д. 203; ф. 828, оп. 1, д. 621; АВПР, П. О. — 1836, 1, 60; АВПР, Г. А. — 695; РГВИА, ф. 395, оп. 84, 2 ота. 1829 г., д. 146 (п. с. 1829 г.); оп. 31, 1840 г., 1 ота., 4 ст., д. 777 (п. с. 1840 г.) [справка Е. В. Каревой]. В. М. Бокоев.

ОЗЕРОВ Владислав Александрович [30.9(11.10).1769, с. Борки (Казанское) Зубов. у. Тверской губ. — 5(17).9.1816, похоронен там же], драматург. Происходил из древнего, но заходящего дворянского рода, по легенде, отраженной в общем гербовнике, имевшего польские корни. Имя, полученное О. при крещении, — Василий, т. к. имя Владислав отсутствует в рус. святцах. Рано потерял мать. В 1776 при помощи Блудовых, с к-рыми мать О. была в родстве, зачислен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, в к-ром про-

вел ок. 12 лет (среди соучеников С. Н. Глинка, А. А. Писарев). Атмосфера Сухопутного корпуса с царившим там культом лит.-театр. интересов и героич. самопожертвования и, в особенности, влияние драматурга

Я. Б. Княжнина, преподававшего словесность, сказались и на личности, и на творчестве О. В целом он был воспитан на франц. лит-ре, в годы учебы и позднее, во время преподавания в корпусе, играл в кадетских спектаклях, преим. франц. трагедий, и писал франц. стихи. В 1787 окончил корпус со «средней» зол. медалью, был в числе выпускников, удостоенных права произнести речь на торжестве. акте (изданы отд. брошюрой: Озеров В. А., Гине Я. Е., Салтыков М. А., Три речи, читанные в Сухопутном кадетском корпусе при раздаче медалей 1787 г., СПб., 1788; не сохр.).

Выпущенный поручиком «к статским делам в армии», О. поступает в канцелярию бывшего дир. корпуса и ген.-губернатора Орлов. и Курского наместничества ген. А. Б. де Бальмена, с к-рым в рус.-тур. войну 1787—1791 служил в Юж. армии (1789). Находился при Бендерах перед их штурмом. После смерти Бальмена в 1790, вероятно, был уволен с воен. службы и в 1791 числился чиновником Казенной палаты Курского наместничества («Месяцеслов ... на ... 1791», с. 139). В сент. 1792 вернулся в кадетский корпус наставником и адъютантом нач. корпуса графа Ф. Ф. Ангальта, популярного в кадетской среде и, видимо, благоволившего О. В том же году выходит «Собрание стихотворений» О. (СПб.; не сохр.). Судя по тому, что изданную в 1794 «Элоизу к Абеляру» О. в предисловии называет своим «первым опытом ... в стихах» («Трагедии. Стих.», с. 361), можно предположить, что стихотворение «Собрания стихотворений...» был намеренно уничтожен автором.

После смерти Ангальта в 1794 (см. франц. стихи О. на его смерть «**Стихи... на кончину... гл. начальника... кадет. корпуса**» — «Маяк», 1840, ч. 1) и изменения обстановки в корпусе, связанного с назначением нового нач. корпуса М. И. Голенищева-Кутузова, О. снова выходит в стат. службу в чине капитана: с нач. 1794 в канцелярии ген.-прокурора Сената (с 1795 делопроизводитель), где служит одновременно с М. М. Сперанским; возникающая между ними враждебность сохраняется на долгие годы. В марте 1797 коллеж. ассессор О. переводится правителем канцелярии в Экспедицию гос. хозяйства под началом А. В. Храповицкого, к-рый, по словам И. И. Дмитриева, «любил и уважал его» (Дмитриев И. И., Соч., М., 1986, с. 373). Летом 1798 становится советником Экспедиции (с чином коллеж. сов.), а в 1799 переводится в Лесной департамент. В 1800, продолжая состоять при департаменте, вновь переводится в воен. службу и получает чин ген.-майора. По службе О. совершал многочисл. командировки для осмотра лесных угодий.

В 1790-е гг. разворачивается любовная драма О. По словам Д. Н. Блудова, О. «искал наслаждений и счастья... в одной женщине. Для нее он жил несколько лет, почти все лета своей молодости; с нею питался восторгами платонической страсти; был часто возле счастья и не был счастлив, ибо любовная ему женщина была замужняя и добродетельная» («Арзамас», II, 412). Муки неутолимой страсти становятся темой первого получившего известность печатного произв. О. — вольного перевода героиды Ш. Колардо «Элоиза к Абелюру» (СПб., 1794), к-рая была, в свою очередь, переводом поэмы А. Попа. На основе зап.-европ. образцов и ср.-век. сюжета О. создает преромантич. любовную элегию, во многом являющуюся прообразом монологов героев его будущих трагедий. В эти же годы пишет ряд произв., оставшихся при его жизни неопечатанными: «Оду... на кончину Екатерины II» (1796) и «Оду Г. Р. Державину на случай получения им ордена Святой Анны...» (1798) (обе опубл. в кн.: Соч., ч. 1, 1817; вкл. в изд. «Трагедии. Стих.»). Последнее соч. и, в особенности, свидетельство С. Глинки (см. его «Записки», с. 120) говорят о достаточно близком знакомстве О. с Г. Р. Державиным. К тому же 1798 относятся поэтич. состязание О. с Храповицким в переводе од Либрена и их обмен поэтич. посланиями, а также первое обращение О. к драматич. жанру — трагедия «**Ярополк и Олег**». Впервые опубликованная только в 1828 (Соч., ч. 3), она была несколько раз представлена на сцене петерб. Большого театра

(1798) с «успехом... замечательным» (Арапов, с. 137).

В основе трагедии — видоизмененный эпизод из Лаврентьевской летописи, известный О. в изложении В. Н. Татищева. Конфликт трагедии разрешается раскаянием Ярополка и, вопреки показаниям летописцев, примирением антагонистов. В центре действия — душевные терзания слабовольного и движимого страстями, но, в конечном счете, становящегося на путь добродетели героя. Изображение душевных движений, разложение страстей, тщательная нюансировка чувств становятся характерными чертами трагедий О., интрига в к-рых ослаблена и порой находится на грани исчезновения.

В мае 1801 после служеб. конфликта в департаменте, связанного с переменами, вызванными началом нового царствования, а также после «смерти своей милой Л...ой» («Арзамас», II, 412), возможно, В. М. Литвиновой, жены сослуживца О. по корпусу Н. Б. Литвинова (см.: Гордін, с. 70—74), О. выходит в отставку «за болезнями» (Гиллельсон, с. 376) и поселяется в отцовском имении Борки. В февр. 1803, вероятно, по совету Блудова, О. возвращается на службу в Лесной департамент Мин-ва финансов (к 1804 — д. стат. сов.).

В Петербурге О. была закончена начатая в деревне трагедия (в 5 д.) «**Эдип в Афинах**» (СПб., 1804, 1805, 1816), в к-рой он ориентировался на перелопотку «Царя Эдипа» и «Эдипа в Колоне» Софокла, сделанную франц. драматургом Ж. Ф. Дюси. В нек-рых случаях О. возвращался от франц. переработки к оригиналу, однако по совету актера И. А. Дмитриевского заменил первоначально сохраненный им трагич. финал на благополучный. Пьеса О. не только соответствовала эстетич. программе кружка А. Н. Оленина, (с к-рым он, возможно, сблизился еще в 1790-е гг.), но и во многом способствовала ее оформлению. Настороженно встреченная театральной дирекцией трагедия была поставлена А. А. Шаховским на собств. средства с декорациями по рисункам Оленина и музыкой О. А. Козловского. Спектакль, впервые поставленный на сцене петерб. Большого театра (1804), сочетал стремление к воссозданию антич. колорита (доходившего в оленинских декорациях до археологич. подробностей) с совр. чувствительностью (для О. выбор трагедии, рассказывающей об одиночестве личности, ее отчаянии и покинутости в мире, имел несомненный автобиографич. контекст, всегда ощущавшийся современниками). Беспрецедентный в истории рус. театра успех пьесы был в значит. степени обеспечен пространными монологами Антиго-

ны и Эдипа (представлявшими собой по существу вставные элегии) в исполнении Е. С. Семёновой и Я. Е. Шушерина. «Я ... плакал, как и другие, и это случилось со мною первый раз в жизни, потому что русская трагедия доселе к слезам не причаляла», — записал в дневнике С. П. Жихарев (I, 124), видевший моск. постановку пьесы с П. А. Плавильщикова в роли Эдипа.

«Одною из лучших, какие до сих пор на российском языке писаны были» назвал трагедию О. рецензент «Сев. вестника» (1804, ч. 4, с. 322). За постановку пьесы О. и нек-рым актерам был пожалован перстень от государя. По воспоминаниям Ф. В. Булгарина, «все молодое поколение затвердило наизусть не только лучшие стихи, но целые тирады из трагедии (Булгарин, ч. 2, с. 284). Обширный разбор «Эдипа...», принадлежавший Н. И. Бутырскому, был напечатан в «Сев. вестнике» (1805, ч. 7, № 7). В журналах также появились стихот. послания О., наиболее значит. из к-рых принадлежали В. В. Капнисту (там же, 1805, ч. 6, № 5; см. также «Журнал рос. словесности», 1805, ч. 1, № 3, с. 180—81; подпись В. Сл-в).

Вместе с тем, при безусловном преобладании читат. и зрительских восторгов «Эдип в Афинах» вызвал и скептич. отзывы, на что намекает в своем послании и Капнист, упоминая «зоилов злоязычных» и «зависть — спутницу одних даров отличных» (Капнист В. В., Собр. соч., т. 1, М.—Л., 1960, с. 182). Широкое хождение приобрела эпиграмма на О.: «Наш Озеров во храм бессмертия идет./ Но скоро ли дойдет?/ Слепой его ведет!», приписывавшаяся С. Н. Марину (см.: Булгарин, ч. 2, с. 301), но, возможно, также исходившая из державинского окружения (Гордін, с. 122—23). Об обострении отношений между Державиным и О. свидетельствует и пространн. текст посвящения Державину 1-го издания «Эдипа в Афинах», обнаруживающий вместе с «удивлением и восторгом» перед «стихотворческим гением» Державина (сумевшим соединить «с выпрененным парением Пиндара» «философию Горация и прелестную игривость Анакреона») глубокую обиду автора на своего старшего друга. Таким образом, уже после первого триумфа О.-трагика начала складываться его впоследствии канонизированная арзамасцами репутация гения, окруженного завистниками. Становлению этой репутации способствовал и облик О., к-рый был, по словам Блудова, «довольно мрачен» («Арзамас», II, 414), а по свидетельству Булгарина, «раздражителен в высшей степени»; «в обществах В. А. Озеров был ... осторожен, непредупредителен, холоден» (Булгарин, ч. 2, с. 290—91, 315).

Намеченная в «Эдипе в Афинах» тенденция к лиризации драматич. действия была резко усилена в трагедии (в 3 д.) «**Фингал**» (пост. 1805, опубл.: СПб., 1807; [2-е изд.], СПб., 1808; с посвящением Оленину:

«...Твоею дружбою глас слабый оживился...», написанной по мотивам третьей песни одноименной поэмы Оссиана — стилизации под др.-шотландскую поэзию, созданной Дж. Макферсоном и приписанной легендарному барду. Мрачный, северный колорит, с помпезной декоративностью воссозданный в худож. оформлении Д. Корсини, костюмах и «аксессуарных вещах» по эскизам Оленина и И. А. Иванова, пантомимных балетах И. И. Вальберха, хорошо соответствовал меланхолич. настрою трагедии: героич. патетика, традиционно сопутствовавшая оссианизму, во многом подменена сентиментальным унынием, осложненным предвосхищающими баллады В. А. Жуковского мотивами рока и мистич. любви, продолжающейся за гробом. Господствующие в пьесе элегич. мотивы были подчеркнуты игрой А. С. Яковлева и, прежде всего, Семёновой.

Грандиозный успех «Фингала» вновь обнаружил несоответствие зрительских восторгов установившимся критич. представлениям. Постановка трагедии вызвала хвалобис, хотя и не лишённый очень серьезных замечаний отзывы. Рецензент «Любителя словесности», отметив «чистоту слога и изощренность мыслей», в то же время указал на несоответствие «предмета ... сей трагедии» природе жанра и композиции, недочеты (1806, ч. 1, № 1, с. 84, 88). В «Разборе трагедии „Фингала“ ... читанном на открытом испытании студентов Пед. ин-та...» Бутырский, назвав О. «генисим» («Лисей», 1806, ч. 2, кн. 1, с. 49), также упрекает его за несоответствие пьесы традиц. жанровым канонам. Продолжились и личные нападки на О. Державин выступил с двусмысленной эпиграммой на поклонников «Фингала», задевшей и самого О. «На испорченную хвалу рецензентом некоторых мест в трагедии „Бардах“» (Державин, III, 386—87), а также с почтительно-колким стихотв. посланием «Г. Озерову на приписание Эдипа», где наделял своего адресата не традиц. лавровым, а «из клена венцом» (II, 580), намекая на эфемерность славы О. По свидетельству Державина, по получении послания О. «перестал быть автору знаком» (III, 698).

Слава О. достигает своей кульминации после появления трагедии в 5 д. «Дмитрий Донской» (1806, пост. и опубл.: СПб., 1807). Написанная в период воен. конфликта с Наполеоном, пьеса воодушевляла публику патриотич. тирадами главного героя, блистательно сыгранного Яковлевым, и его сподвижников. Прозрачные аллюзии на совр. обстоятельства в сочетании с традиц. для О. психологич. разработкой любовной коллизии и уже закрепившейся за ним репутацией ведущего рус. драматурга обеспечили спектаклю невиданный даже для пьес О. зрительский интерес, превратив премьеру «Дмитрия Донского» 14 янв. 1807 в общенар. событие. «Я чувствовал стеснение в груди, меня душили спазмы, была лихорадка, бросало то в озноб, то в жар, то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу — словом, безумствовал, как безумствовала, впрочем, и вся публика до такой степени многочисленная, что бук-

вально некуда было уронить яблока», — записывая на следующий день Жихарев (II, 92; см. также отклик А. С. Стурдзы — «Москв., 1851, № 21, с. 6—7). Именно с «Дмитрия Донского» рус. театр становится ареной обществ. манифестаций, а театральная публика начинает осознавать себя носителем обществ. мнения, к-рому подчинился даже Александр I, неоднократно посещавший спектакль, давший О. аудиенцию и наградивший его перстнем с вензелем, а также разрешением посвящать ему издание трагедии.

Однако именно обращение к рус. истории, придавшее трагедии О. политич. звучание, обусловило нарастание критики в его адрес. Источником для «Дмитрия Донского» послужила «История рос. государства» И. Штриттера (пер. с нем.; СПб., 1800—02), однако он, как всегда, вольно обошелся с материалом, сохранив имена действующих лиц и придав трагедии самый общий условно древнерусский колорит. Многочисл. анахронизмы, допущенные в пьесе, и особенно вымышленный О. романич. треугольник Дмитрий — Ксения — Тверской (по историч. источникам, Дмитрий Донской ко времени Куликовской битвы был женат) вызвали недовольство многих авторитетных литераторов, обвинивших О. не только в нарушении историч. достоверности, но и в клевете на рус. князей, думающих в его пьесе больше о своих любовных переживаниях, чем о защите отечества. «Мне хочется знать, на чем основался Озеров, выведя Дмитрия влюбленным в небывалую княжну, которая одна-одинехонька прибыла в стан и, вопреки всех обычаев тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским да рассказывает о любви своей к Дмитрию», — возмущался в беседе с Дмитриевским Державин (см.: Жихарев, II, 99); помимо прочего, пьеса, на взгляд Державина, «не имела порядочного плана и характеры великих князей весьма были подлы» (Державин, III, 698).

В противовес О. Державин начинает сам работать в жанре ист. драматургии (в т. ч. над пьесами из рус. истории). Своего рода ответом «Дмитрию Донскому» стала и пьеса М. В. Крюковского «Пожарский» (1807). А. С. Шишковым был написан построчный разбор озеровской трагедии, содержавший исключительно резкую, порой почти неприличную критику как характеров героев (особенно Дмитрия, к-рый, по его словам, «не герой, собирающий князей для защиты отечества, но Селадон или Дон-Кихот» — цит. по: Сидорова, с. 175), так и ее слога и композиции. Шишковский разбор приобрел широкую популярность и расходился в списках.

Трагедия О. вызвала также оstromую пародию П. Н. Семёнова «Митюха Валдайский» (опубл.: БЗ, 1861, № 5—6; об авторстве см.: БЗ, 1861, № 15; Рус. пародия, с. 709) и недоледивший до нас трагестийный перефраз А. С. Грибоедова «Дмитрий Дрянской» (см.: Грибоедов в

восп., с. 24). Лит. столкновения вокруг «Дмитрия Донского» вызвали к жизни басню К. Н. Батюшкова «Пастух и соловей» (1808), отражающую позицию оленинского кружка и создавшую легенду о гениальном поэте, преследуемом клеветниками.

В июле 1808 после неприятностей с новым министром финансов Ф. А. Голубцовым, «может быть, легких для другого, но для него несносных» («Арзамас», II, 414), О. выходит в отставку и уезжает сначала в имение отца в с. Казанское Твер. губ., а в декабре того же года в с. Красный Яр Казан. губ. В кон. 1808 он категорически отказывается от переданного ему через Оленина предложения вернуться на службу, а весной 1809 последовал отказ Александра I в присвоении ему пенсiona — как не выслужившему положенного тридцатипятилетнего срока. (Возможно, что неблагодарность императора была связана с возвышением Сперанского, неизменно неприязненно относившегося к О., — см.: РА, 1868, кн. 3, стб. 1730.) О. был глубоко уязвлен ситуацией со своей отставкой: помимо того, что непредоставление пенсiona делало невозможным его жизнь в столице, он рассматривал этот факт как «оказанное» ему «неправосудие». Еще в 1807 получали распространение слухи об отставке О. (доходившие и до интересовавшейся ими императрицы Марии Фёдоровны), лишавшей его «единственного средства к существованию» (письмо О. к лейб-медику Реолу; копия письма Вилламова к ген. Волану, оба от апр. 1807 — РГИА, ф. 759, оп. 1, д. 172, № 14, 15 — справка Л. М. Сеёлкиной).

В письме Голубцову от 8 апр. 1809 он писал: «Я считал, что по рассмотрении моих трудов по Лесному департаменту может быть принято будет во внимание, что я доставил казне до одного миллиона трехсот тысяч рублей сбора через новую и мною обработанную статью ежегодных доходов и что потому при увольнении от дел я не буду сравнен с такими чиновниками, которые, хотя и более меня служили, но отпирываясь должности обыкновенные... наконец, я уповал на правосудие: не то, которое основывается на узаконениях, но то, на котором основываются и самые законы, когда они мудры» (РА, 1869, кн. 1, стб. 152).

В провинциальной глуши, на тяготе к-рой он жалуется в письмах к Оленину (там же, стб. 126—52), О. завершает свою последнюю пьесу «Поликсена» (пост. 1809, опубл.: Соч., ч. 2, СПб., 1816), в к-рой характерные для его трагедий мотивы трагич. безысходности земного бытия, тяги к смерти и жертвенной покорности неумолимому року достигают небывалой интенсивности.

Превосходя предшествующие трагедии по выстроенности драматич. интриги и обрисовке характеров действующих лиц, «Поликсена», однако, не имела сценич. успеха и выдержала всего два представления. О. даже не было выплачено обещанное

ему вознаграждение. Новая трагедия на антич. тему не могла иметь для публики интереса, подобного «Димитрию Донскому», к тому же мода на трагедии О. прошла, а неизменный их постановщик Шаховской охладел к его творчеству, сблизившись после 1807 с кругом Державина—Шишкова. Сочувств. рецензия в «Цветнике» (1809, № 5) осталась по существу единств. откликом на постановку.

Неудача с «Поликсеной» будила О. отказаться от замысла трагедии об А. П. Волинском, в к-рой он собирался показать «правду русского боярина ... злоупотребления временщи-ка-иностранца ... несчастное положение народа под слабым и недоверчивым правлением!» (РА, 1869, кн. 1, стб. 143). О. сознавал, что такая пьеса, для к-рой он хотел «заимствовать кое-что из наших времен», «никогда не может быть играна на нашем театре» (там же), и намеревался писать ее для приятелей. По-видимому, в это же время О. прекращает работу и над др. замыслами трагедий, среди к-рых Блудов называет «Медео», «Вельгарда» (песу из времен князя Владимира) и «Осаду Дамаса» («Арзамас», II, 414), и отказывается, несмотря на весьма недостаточные средства, от новых изданий своих трагедий, сообщая книгоиздателю И. И. Заикину, что ранее соглашался на них «по одним убеждениям ... приятелей, никогда не быв любопытен видеть в печати то, что я писал единственно по склонности моей к театральным зрелищам и без всякого искания звания автора и стихотворца» (РА, 1877, кн. 3, с. 279).

Переписка О. с Олениным (в 1809) показывает, что он внимательно следил за лит. и театральной жизнью Петербурга: высказывал иронич. отношение к патриотич. журналу своего бывшего друга С. Глинки «Рус. вестник», с сочувствием отзывался о даровании Батюшкова, оставался поклонником франц. театра, не принимая «Шиллеров и Коцебуев, у которых все красоты появляются прыжками» (РА, 1869, кн. 1, стб. 149—50). В нач. 1812 он посылает Капнисту подробный разбор его трагедии «Антигона» (ответное письмо см.: Капнист В. В., Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1960, с. 469). Однако уже в первые месяцы Отеч. войны 1812 он производит на видевшего его в дворняжском собрании Казан. губ. В. М. Перовщикова впечатление тяжело больного человека (РС, 1896, № 3, с. 544—45). Вскоре после этого болезнь О. обостряется и отец перевозит его в свое имение Борки, где он проводит последние годы жизни, работая в саду, лишившись вследствие болезни «не только рассудка, но даже и способности говорить» (РА, 1869, кн. 1, стб. 125).

Катастрофич. обстоятельства ухода О. с лит. арены сделали его фигуру своего рода символом. С нач. 1810-х гг. драматург превращается в знамя будущих арзамасцев, обвинявших в его гибели завистника Шаховского, ставшего одним из ведущих авторов «Беседы» (см.: Гиллельсон, 1974, с. 34, 202—03; Гордин, с. 203—05).

Несомненно, очень незначительная вина Шаховского в неудачах О. была в этой полемич. традиции решающим образом преувеличена. Впрочем, если молодые карамзинисты (Батюшков, Жуковский, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, Блудов) относились к творчеству О. восторженно, то Н. М. Карамзин и Дмитриев в устных беседах отзывались о нем гораздо более сдержанно («Арзамас», II, 413). По словам Жуковского, «Озеров с великим талантом и чувством. Я беспрестанно ссорюсь за него с Карамзиным, который называет „Фингала“ дрянью» (Жуковский В. А., Письма к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 52); см. также его послание «К князю Вяземскому и В. Л. Пушкину», 1815).

Смерть О. на время делает его центральной фигурой лит. процесса, вызывая лавину выступлений арзамасцев (см.: Муратова, 1), венчающихся написанной при участии Блудова вступ. статьей Вяземского «О жизни и соч. Озерова» к изданию «Сочинений» О. (1816—17), ставшей арзамасским каноном восприятия его творчества. Одновременно трагедии О. становятся гл. темой публичных лекций А. Ф. Мерзлякова (ВЕ, 1817, № 4—5, 8—9). В 1820 вокруг наследия О. разворачивается ожесточенная полемика на страницах «Сына отечества» (обзор см.: Мордовченко, с. 153), где с критикой О. выступают А. А. Жандр и П. А. Катенин, а в защиту — В. И. Соц и Я. Н. Толстой. К сер. 1820-х гг. интерес к О. начинает угасать, однако и в 1830-е гг. для «старого поколения, научившегося уже понимать Жуковского и Пушкина», «дороже всего ... был Озеров», — вспоминает Н. П. Колюпанов о своем отце, читавшем ему в детстве П. Корнеля, Ж. Расина и Озерова (Колюпанов Н. П., Из прошлого. — РО, 1895, № 1, с. 246). Свое отношение к нему пересматривает Пушкин, дающий на полях статьи Вяземского уничтожающую критику трагедий О. (Пушкин, XII, 213—242); в отличие от Вяземского, он отказывал О. в звании преобразователя рус. трагедии и отрицал за ней нац. значение. Худож. достижения О. были широко использованы рус. поэзией 1-й трети 19 в. и прежде всего романтич. элэгией. Поиски же О. в собственно трагич. жанре, по существу, не нашли продолжения: в лит. эво-

люции он остается завершителем традиции рус. классич. трагедии: «И для меня явление Озерова/ Последний луч трагической зари» (О. Э. Мандельштам — «Есть ценностей незбылемая скала»).

Письма: А. Н. Оленину — РА, 1869, кн. 1; Муратова (1).

Изд.: Соч., ч. 1—2, СПб., 1816—17, 1816—1819, 1823—24, 1827 (под ред. А. Е. Измайлова); Соч., ч. 1—3, 5-е изд., СПб., 1828 (дополненное, сверенное по рукописи; послесл. П. А. Вяземского); Соч., СПб., 1846, 1847, 1856; Трагедии. Стих., Л., 1960 (БПБ, 2-е изд.; вступ. ст. и прим. И. Н. Медведевой); Рус. басня.

Лит.: Державин; Булгарин Ф. В., Восп., ч. 2, СПб., 1846, с. 287—319; ПЗ, изд. А. Бестужевым и К. Рылесвым, М.—Л., 1960 (ЛП; ук.); Селин А. И., Значение О. в истории рус. лит-ры, К., 1870; ОА, I (ук.); Белинский (ук.); Чернышевский (ук.); Батюшков (ук.; в т. ч. ст. Л. Н. Майкова «О жизни и соч. К. Н. Батюшкова», — т. 1, кн. 1, с. 52—57, 72—74); Жихарев, 1989 (ук.); Вигель (ук.); Каратыгин П. А., Записки, Л., 1970 (ук.); Греч Н. И., Соч., т. 5, СПб., 1838, с. 190—93; Галахов А. Д., ПСС рус. авторов. Соч. О. — ОЗ, 1847, № 5; Плещинский, III, 386—89; Глин-ка С. Н., Записки, СПб., 1895; Попов М. М., В. А. Озеров. — РС, 1896, № 3; Истомин В., Главнейшие особенности языка и слога произв. Н. В. Гоголя, Д. И. Фонвизина и О. ..., Варшава, 1897, с. 77—117; Майков Л. Н., Пушкин, СПб., 1899, с. 266—83; Грот Я. К., Заметка о могиле О. — В его кн.: Труды, т. 3, СПб., 1901; Булич Н. Н., Очерки по истории рус. лит-ры и просвещения с нач. XIX в., т. 1, СПб., 1902, с. 242—71; Потапов П. О., Из истории рус. театра. Жизнь и деятельность О. Ода, 1915; Максимович А. Я., Озеров. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 5, М.—Л., 1941; Сидорова Л. П., Рукописные замечания современника на первом издании трагедии О. «Димитрий Донской». — Зап.ГБЛ, 1956, в. 18; Аксаков, II, 303—04; Мордовченко Н. И., Рус. критика первой четверти XIX в., М.—Л., 1959 (ук.); Бочкарев В. А., Рус. историч. драматургия нач. XIX в. (1800—1815 гг.), Куйбышев, 1959; Гиллельсон М. И., П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, Л., 1969, с. 365—378; его же, Молодой Пушкин и арзамасское братство, Л., 1974; Загадов А. В., Истинная школа редакторского опыта. (Заметки А. С. Пушкина на ст. П. А. Вяземского «О жизни... О.»). — «Книга», сб. 28, М., 1974; Левин Ю. Д., Оссин в рус. лит-ре, Л., 1980 (ук.); Рус. эпиграмма: Гордин М. А., В. Озеров, Л., 1991; «Арзамас», кн. 1—2 (ук.); Жуковский Г. А., Пушкин и рус. романтизм, М., 1995, с. 161—65. + Геннади; РБС; Брокгауз; Арапов; КЛЭ; БСЭ; ИРДТ, т. 1—2; Муратова (1); Масанов.

А. Л. Зорин.

ОЗЕРОВ Иван Христофорович [псевд. З. Ихоров; 28.4(10.5).1869*, усадьба Занино Чухлом. у. Костром. губ. — 10.5.1942, Ленинград], публицист, прозаик, ученый-экономист. Род. в семье неграмотного крестьянина; отец рано умер, оставив мать и детей без средств к существованию. Детские и юношеские годы О. прошли в нужде и лишениях. Первонач. образование получил в нар. школе г. Чухломы, затем в гор. уч-ще Чухломы и с 1881 в Костром. г-зии, к-рую окончил в 1889 с зол. медалью. В том же году поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та, где стал заниматься (под руководством проф. И. И. Янжула) полит. экономией, финансовым правом, статистикой (в т. ч. уголовной) — ст. «Сравнительная преступность полов в зависимости от нек-рых факторов» — «Ж-л Петерб. юрид. об-ва при имп. С.-Петербур.

ун-те», 1896, кн. 4). По окончании ун-та в 1893 с дипломом 1-й степени был оставлен при ун-те для приобщения к профессорскому званию по кафедре финансового права; тогда же выпустил свою первую кн. «Об-

щества потребителей. Ист. очерк их развития в Зап. Европе, Америке и России...» (СПб., 1894; 2-е доп. изд. — СПб., 1900; медаль на Всемирной выставке в Париже, 1900). С марта 1895 приват-доцент Моск. ун-та, с кон. 1895 до нач. 1898 командирован за границу для науч. работы (Германия, Англия, Франция, Швейцария, Италия, Австрия). В 1898 защитил магистер. дис., в 1900 — докт. дис. о налоговой системе в Англии и Германии (обе опубл.). С осени 1898 преподавал финансовое право в Моск. ун-те (с 1902 ординарный проф., в 1906 стат. сов.). 14 мая 1900 женился на Ел. Анд. Гандуриной.

В 1900-е гг. О. — один из наиболее деятельных и авторитетных ученых-экономистов России, лектор, пользовавшийся, благодаря широте общекультурных интересов и неформальному отношению к своему предмету, известностью и уважением среди студентов (в числе учеников О., завязавших с ним дружеские отношения, — начинающие поэты Л. Л. Кобылинский (Эллис) и М. А. Волошин; см.: Белый, II, 40—42, 53—54, 254, 397).

В 1901 участвовал в разработке устава Моск. об-ва взаимопомощи рабочих в механич. производстве, учрежденного по инициативе нач. Моск. охранного отд. С. В. Зубатова, в рамках деятельности этого об-ва читал лекции рабочим (см.: Корелин А. П., Рус. «полицейский социализм» (Зубатовщина). — «Вопросы истории», 1968, № 10, с. 47—49); причастность О. к этому предприятию сказалась, как он сам признавал, на его обществ. репутации: «...мне причинили большую боль, оклеветав меня за чтение лекций рабочим, а я честно нес в их среду знания» («Мои страдания» — РНБ, ф. 541, № 11, л. 4).

В 1907—08 преподавал в Петерб. ун-те, с 1908 вновь перешел в Моск. ун-т, преподавал также в Моск. коммерч. ин-те и на курсах Н. Ф. Езер-

ского в Москве. С окт. 1909 чл. Гос. совета от рос. ун-тов и Имп. Акад. наук. Науч.-исследоват. и пед. работа дополнялась практич. деятельностью: О. — чл. Совета Рус.-Азиат. банка, пред. правления Центр. банка Об-ва взаимного кредита, участник промышл. предприятий. С кон. 1899 неск. лет вел внутр. обозрения по экономич. и финансовым вопросам в ж. «Рус. мысль», постоянно публиковал статьи в «Рус. вед.», «Рус. слове», «Бирж. вед.», «Речи», «Одес. листке», «Юж. крае» (Харьков), «Экономисте России», «Коммерсанта», «Вест. знания» и др. изданиях. О. — автор множества (более 30) книг и брошюр на экономич. темы.

В их числе: «Америка идет на Европу» (СПб., 1903; 2-е доп. изд. — «Чему учит нас Америка?», М., 1908), «Из жизни труда» (СПб., в. 1, М., 1904), «Очерки экономич. и финансовой жизни России и Запада» (СПб., в. 2, М., 1904), «Политика по рабочему вопросу в России за последние годы» [М., 1906; в марте 1906 на книгу был наложен арест, т. к. в ней утверждалось право рабочих на всеобщую забастовку (ЦИАМ, ф. 131, оп. 92, л. 252); в апреле арест был снят], «Как расходуются в России нар. деньги?» (М., 1907), «Основы финансового науки» (в. 1, М., 1908; 5-е изд., М., 1917; в. 2, М., 1908; 4-е изд., М., 1914), «Что такое общество потребителей, как его основать и вести» (СПб., 1896; 2-е изд., М., 1908), «Куда мы идем? (Итоги экономич. развития XIX в.)» (2-е изд., СПб., 1911), «На темы дня. К экономич. положению России» (М., 1912), «За что мы боремся?» (М., 1915).

Экономич. исследования О. проникнуты публицистическим пафосом борьбы за неограниченное развитие огромных производит. сил России, за создание «сильного промышленного класса», способного самостоятельно «освободить себя от тех рогаток, к-рые стоят ему на пути» («ИндустрIALIZация России» — «Коммерсант», 1912, 20 сент.); О. сетовал, что появлению нового человека, полного энергии и инициативы, препятствуют условия и традиции рос. жизни: «...делается все, чтобы ... энергию задуть, чтобы рус. человек ничего не делал без указки сверху, без разрешения отсюда... Мы культивировали у себя не людей, а зайцы... вечно трепещущих за себя», «У нас культ не работы, а личности...» («Что делать?», М., 1913, с. 52, 53, 370). Спасительной для России О. считал «американскую прививку» — формирование нового типа предпринимателя, предполагающего «гармоническое использование всех сил человека: энергии, воли, решимости, знания» (там же, с. 373), умение «ставить достижимые цели» с учетом реальных обстоятельств («Чему учит нас Америка?», с. 201).

Не только в публицист. выступлениях, но и в книгах и статьях на финансово-экономич. темы О. постоянно использует худож. образы и параллели: напр., в систему своих аргументов вводит пересказ староперсидской сказки («Что делать?», с. 320—23). Отмечено, что О. — «художник в области финансового права и своих экономич. познаний»: «Отсюда его горячность и убедительность, необычайная ясность всех выкладок и положений, его увлекающая вера, упорная и последовательная проповедь жизни, яркий и бодрый призыв к творч. работе» (А. Станкевич — «Юж. край», 1913, 9 авг.).

Опыты О. в области собственно худож. творчества логически тесно связаны с осн. направлением его научно-публицист. деятельности. Под

псевд. З. Ихоров (анаграмма из инициалов и фамилии О.) он издал кн. «Исповедь человека на рубеже XX века» (М., 1904), «Записки самоубийцы» (М., 1911), «Песни бездомного» (Фантазии в прозе) (М., 1912) — близкие между собой по идейно-психол. содержанию и стилевым приемам. Лишенные событийного сюжета, конкретно обрисованных персонажей и жизненных обстоятельств, все три книги представляют собой лирич. монолог, складывающийся из печочки фрагментов, близких по жанру к стихотворениям в прозе, с многочисл. рядами метафорич. образов и аллегорич. уподоблений, б. ч. заимствованных из арсенала традиц. поэтич. клише: «вечная ночь окутывает вершины моих дум», «в душе у меня целые сады свежих цветов фантазии» («Исповедь человека на рубеже XX века», с. 72, 75), «я — оторвавшаяся ветка от векового дерева» («Записки самоубийцы», с. 90). Монологич. характер и тональность книг четко обозначены в заглавиях их разделов («Мечты улетели, вера умерла... Мне душно... тесно», «Мысль грызет ствол жизни», «На мой гроб не кладите венка...»). Характерны словесная переизбыточность, бесконечные повторения одних и тех же образно-эмоц. мотивов и открыто заявленная дидактич. установка. Картина духовного недуга доведенного до последнего тупика «лишнего человека», к-рый стал жертвой самонализа, потерял веру и способность непосредств. переживания бытия, призвана служить извещением о скептицизме, указать путь спасения в созидат. деятельности. Осуществляя над собой рационалистич. эксперимент, «опыт прививки ядовитых продуктов мысли», герой О. показывает и «противоядие» — это «сильная, яркая, творческая работа» («Записки самоубийцы», с. 145, 146).

О. наделяет героя нек-рыми собств. чертами: впечатления от горной Швейцарии — отправная точка для лирич. медитаций «Песен бездомного» — непосредственно автобиографичны, согласно позднейшему свидетельству автора (РНБ, ф. 541, № 3, л. 6). Характер обрисовки лирич. героини той же книги, представляющей то воплощением души мироздания, то под разл. личинами (Кармен, русалка, египет. царевна и др.), свидетельствует об усвоении О. специфич. черт поэтики символизма; пророчества о «новом человеке» («Записки самоубийцы», с. 186—187), идущем на смену терпящему фиаско совр. человеку с «мятущейся душой», вызывают ассоциации с проповедью Ф. Ницше, послужившего для О. и одним из стилизованных образов; в ритмич. прозе О., постоянно переходящей в правильный трех-

сложный метр («Кругом островов хороводы густые на северном море лежат...» — «Песни бездомного», с. 55), сказываются и др. лит. параллели — от И. С. Тургенева («Стихотворения в прозе») и В. М. Гаршина («Красный цветок») до М. Горького («Человек»).

Прозв. О. остались почти не замеченными в критике. Лишь в провинци. печати «Записки самоубийцы» были выделены как книга «большого лит.-обществ. значения» — «почти молитва, то лирически, то страстно зовущая» (С. Ипполитов — «Одес. листок», 1912, 8 июля). Др. обозреватель особую заслугу автора трех книг находил в том, что в них «нет ни выдумки, ни литературщины, а все от сердца и ищущей беспокойной мысли: их «интерес и значение» — в «худож. рельефности и психол. правде; «перед нами искреннее чувство, правдивая мысль и неистощимое страдание» (Станислав А., Записки самоубийцы. — «Юж. край», 1912, 29 мая). На «Исповедь человека на рубеже XX века» обратил внимание Горький: «Книга — плохая по своим мотивам, но интересная для нашего времени. Она стон и вопль человека, испуганного жизнью, человека, к-рый хотел бы найти средину между путем направо и влево, найти и успокоиться» (письмо к Е. П. Пешковой от 24—26 янв. 1904 — Архив Горького, V, 91).

При сов. власти О. работал в Ин-те экологич. исследований (1919), в Наркомате финансов, преподавал в Моск. гос. ун-те и в Индустриальном ин-те. 28 янв. 1930 был арестован, провел год в Бутырской тюрьме. 1 февр. 1931 отправлен на Север (Соловецкие лагеря, Попов Остров, Вонга, Кемь и др.), в 1933 амнистирован, поселился в Воронеже (по месту ссылки жены), в 1936 был помещен в Дом престарелых ученых в Ленинграде. В последние годы жизни работал над воспоминаниями, охватывавшими весь жизненный путь (детство, гимназич. и студенч. годы, науч. и пед. работа, пребывание в заключении). Рукописи воспоминаний, а также статей и рассказов 1920—40-х гг. сохранились в архиве О. (РНБ).

Др. произв.: «Бездна и дерзость» («Вест. знания», 1909, № 1), «За творчество! [Миниатюра]» («Нев. альм. жертвам войны», в. 1, П., 1915).

Лит.: Афанасьев; [Автобиография]. — «Илл. вест. культуры, научно-воспитат., техник. и торгово-пром. прогресса России», в. 3, СПб., 1914, разд. «Биография», с. 20—21; Архангельская И. Д., Букшпан П. Я., Ист. музей — люди и судьбы. Профессора-экономисты О. и Я. М. Букшпан. — В кн.: Ист. музей — энциклопедия отечеств. истории и культуры, М., 1995. + Гранат; Алым; и сб-ки (1, 2); Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 541*; ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, д. 5329 (автобиография 1901); ф. 417, оп. 4, д. 138 (л. д. и ф. с. 1914 в ф. Моск. коммер. ин-та); ф. 418, оп. 303, д. 540* (студенч. л. и копия метрич. свидетельства) [справка В. В. Александровой]. А. В. Лауров.

ОЗМИДОВА Зинаида Константиновна [урожд. Неволина; псевд. Зео; 26.2(10.3).1851, Петербург (?) — 19(31).10.1899, Петербург; похоронена на Никольском кладб. Александр-Нев. лавры], журналистка, прозаик, драматург. Отец — юрист, проф. Петерб. ун-та К. А. Неволин (1806—55); мать — Люб. Богд. Нилус, дочь ген.-майора. О. воспитыва-

лась в Смольном ин-те, закончила его в 1868. Вскоре вышла замуж за архитектора М. П. Озмидова (1836—1897), гор. техника Одессы в 1870—1875 (о нем см.: Барановский Г. В., Юбилейный сб-к сведений о деятельности бывших воспитанников Ин-та гражд. инженеров, СПб., 1893, с. 253—54), ставшего в 1875 издателем (с 1879 также ред.) одес. газ. «Новорос. телеграф» (О. — соред. с 1889).

Направление газеты при Озмидове «сводилось к систематич. преследованию инородцев, живущих в южной и юго-зап. России» (некролог Озмидова — «Русь», 1897, 27 янв.). Он имел репутацию «оборотливого» изд.-ред., к-рый «на все согласен ... лишь бы его газетка шла ходко» (Михневич, с. 280; см. также: Кауфман А. Е., Из журнальных восп. — ИВ, 1912, № 10, с. 125; № 11, с. 620, 622—24). Привлек к сотрудничеству ряд видных литераторов (И. Ф. Васильевский, П. А. Сергеевич, И. Н. Потанин, Н. О. Рахшанин, П. П. Гнедич, А. Н. Молчанов и др.) и превратил «Новорос. телеграф» в одну из популярных провинц. газет.

О. дебютировала в 1885 в изд. «Даровая премия к „Новорос. телеграфу“»: стих. «Среди нависших грозных туч» (31 янв.) и ром. «Свыше сил» (31 янв. ... 31 дек.; отд. изд. — Од., 1885). В дальнейшем активно сотрудничала в «Новорос. телеграфе», печатая романы, рассказы, обзоры ж-лов, переводы (знала неск. европ. языков), передовицы и другие соч. (худож. произв. — за подписью Зео, прочие материалы — без подписи или под псевд., к-рые не выявлены; возможно, О. принадлежат псевд. Н. Струйский, стоявший под рубрикой «Журн. обозрение»).

О., «писательница одаренная и чувством изышного, и худож. инстинктом, и способностью наблюдательности (хотя и исчерпывающейся в нешироком круге светского мира)» (Барон Икс (С. Т. Герцо-Виноградский) — «Одес. листок», 1895, 2 апр.), стала «душой местного образованного и светского общества» («Новорос. телеграф», 1899, 23 окт.). Она «жила вся среди поэтик, образов и была доверчива и добра, как ребенок» («Одес. листок», 1899, 24 окт.), много времени посвящала благотворит. деятельности.

Писала, как правило, о женщинах из дворян. образов. круга, чаще всего — о конфликте любви и долга. В ром. «Первая жена» («Новорос. те-

леграф», 1888, 6 июня ... 1889, 24 марта; отд. изд. — Од., 1889), «Три соперницы» (там же, 1889, 23 июня... 1890, 14 мая; отд. изд. — Од., 1890) и др. — умело разработанный сюжет, мелодраматич. условности, но осн. акцент делается на подробном психол. анализе любовного чувства и взаимоотношений в браке, что выделяет их среди подобных «газетных» романов того времени. О. четко разводит положит. и отрицат. персонажей, при этом наделяет их индивид. чертами. В ее книгах — точное описание быта, выразит. пейзажи (О. неплохо рисовала). Испытав влияние франц. лит-ры, О. заметно отходит от сложившихся в рус. беллетристике традиций и канонов, в частности создает (одна из первых в отеч. лит-ре) новый тип женщины, способной на безудержную страсть (Ольга в «Первой жене», Вера в «Трех соперницах»), для к-рой «честь, совесть — все это вздор, пустые слова перед силою любви, перед жаждой счастья» («Первая жена», ч. 1, с. 57); при этом О. осуждает ее, противопоставляя подобному эгоизму служение другим.

О. была среди первых рус. авторов, в чьем творчестве наблюдались черты импрессионистич. поэтики, — см., напр., рассказы «Мимолетное счастье» (в сб. «Новые рассказы», Од., 1893) и «Ветка черемухи» («Новорос. телеграф», 1895, 2 апр.). Рассказы О., как правило, связаны с темой несчастной, разбитой любви: «Ветка черемухи»; «Momento doloroso» (в сб. «Рассказы», Од., 1888), «Нина», «Диссонанс» (в сб. «Новые рассказы»).

В пов. «Чары» («Новорос. телеграф», 1894, янв. — апр.), рассказе «Женщина (Из мира неразгаданных явлений)» (там же, 1893, 28 дек. — 1894, 3 янв.) ошутим интерес О. к потустороннему, оккультизму (хиромантия, астрология, спиритизм, каббала и т. д.), в значит. степени вызванный чтением книг Е. П. Блаватской (сестра к-рой В. П. Желховская сотрудничала в «Новорос. телеграфе»).

Писала также едкие сатирич. новеллы — «Из жизни благотворительной дамы» (в сб. «Рассказы»), «Бал в пользу голодающих» (в сб. «Новые рассказы»), «По мытарствам» (в сб. «Из жизни», Од., 1891); мемуарно-бытовые зарисовки — «Репетитор», «Тетя Рая», «Отрывки из дневника институтки» (все — в сб. «Рассказы»), святочные рассказы — «Рождественская сказка» (в сб. «Рассказы для досуга», Од., 1889), «Сюрприз» (в сб. «Новые рассказы»), дет. книги — «Сказки» (Од., 1891). Пьеса «Свыше сил» («Новорос. телеграф», 1895, 10 апр. ... 4 мая; отд. изд. — Од., 1895), написанная на основе одним.

романа, с успехом шла в одес. театре Н. Н. Соловцова.

После смерти мужа (1897), продав «Новорос. телеграф», О. «вынуждена была перебраться в Петербург и существовала впроголодь, в мебелированных комнатах, ничтожным лит. заработком» (Простосердов Ефим (А. П. Пятковский) — «Набл.», 1901, № 1, с. 66, 2-я pag.). Печатались в «Одес. новостях» и «Одес. листке»; неск. рассказов поместила во «Всемирной илл.» и «Живописном обозр.».

Умерла от паралича сердца.

В некрологе отмечалось, что «отд. издания произведений Зео пользовались на юге России большим успехом» («Россия», 1899, 22 окт.).

Др. произв.: пов. «Тайна графини» («Новорос. телеграф», 1895, 9 нояб.... 1896, 6 апр.); пьеса «Три брака» (Од., 1895).

Лит.: Предстоящий юбилей (З. К. Озмидова — Зео). — «Одес. листок», 1895, 21 марта; К юбилею Зео (З. К. Озмидовой). — «Новорос. телеграф», 1895, 5 апр.; Черепнин Н. П., Имп. воспитат. об-во благородных девиц, т. 3, П., 1915, с. 582; Неволин К. А., Энциклопедия законодательства, СПб., 1997, с. 19 (биограф. сведения). — Некрологи, 1899: ИВ, 22 окт.; СО, 22 окт.; «Одес. листок», 21 окт.; ЖО, № 45. ПНкр.: Брокгауз; Масанов (не указан посед. З. О.); Мезьер (см. на Зео); Пономарев; Dictionary of russian women writers, Westport—L., 1994. А. И. Репинтам.

ОЗНОБИШИН Дмитрий Петрович [1804, крещен 21.9(3.10), с. Троицкое Карсун. у. Симбирской губ. — 2(14).8.1877, Кисловодск; похоронен там же; по др. сведениям, перезахоронен в с. Китовке Карсун. у.], поэт, переводчик. Из дворян. фамилии, известной с 14 в.

Предки О. отличились при осаде Смоленска, одна из башен названа Ознобишинской (Горизонтов, с. 3—4). Отец, Пётр Никан., дир. банка в Астрахани. Дед по матери (Ал-дры Ив.) — И. А. Варваши (Иоаннис Варваки; 1750—1825), богатый грек-благотворитель; участвовал в Чесмен. сражении на стороне рус. флота, за что произведен в поручики. Получил рус. подданство (1789) и потомств. дворянство. Помогал греч. повстанцам, был близок к гр. И. Каподинистри. Много сделал для благоустройства Астрахани и Таганаграда (ИВ, 1910, № 3, с. 1078—83), завершил за свой счет строительство Астрахан. канала, переименованного в Варвакиев (см. о нем: Арш Г. Л., Этеристское движение в России, М., 1970, ук.; Марков А. [С.], Были астрахан. края, Волгоград, 1976, с. 147—63). Родственные отношения связывали О. с И. И. Козловым.

Получил хорошее дом. образование, первоначально — под руководством барона А. К. Бодэ, а после смерти обоих родителей, когда Варваши привез внука в Петербург, — в семье родственника, сенатора А. В. Казадаева; здесь О. провел пять лет, в числе его учителей были ученый-географ К. И. Арсеньев и актер И. И. Сосницкий. В 1819—23 О. обучался в Моск. ун-тском благородном пансионе вместе с В. П. Титовым, С. П. Шевырёвым, Э. П. Перцовым. Уже в младших классах вместе с двумя последними составил «литературное общество», участвовал в лит. собраниях пансионата (Сушков Н. В., Моск. ун-тский благородный пансион..., М., 1858, прил., с. 76—77). На его лит. способности обратили вни-

мание М. Т. Каченовский, И. И. Давыдов, А. Ф. Мерзляков. Впервые выступил в печати в 1820 в пансионском альм. «Каллиопа» с переводом франц. стих. «Трубадур» (ч. 4), а в 1821 — в «Вест. Европы» с orig. стих. «Старец», «Послание к Титову» (№ 4, 10), «Утренний гимн» (№ 7/8; отд. изд.: [М.], 1821); к последнему тематический примыкает «Всемогушество Божие в природе и человеке» (отд. изд. — [М.], 1822); оба стих. были читаны на пансионских актах. В ранних стихах О. подражает В. А. Жуковскому и К. Н. Батюшкову, осваивает стиль «легкой поэзии», эротич. лирики, переводит Э. Д. Парни и стих. из др.-греч. антологий. Переводы из Парни, распространявшиеся в рукописи, привлекли внимание А. А. Бестужева (см. его письмо 1823 П. А. Вяземскому —

ЛН, т. 60, кн. 1, с. 202), нек-рые напечатаны в изд. М. П. Погодиным альм. «Уrania... на 1826 г.» (М., [1825]; см. также: «Франц. элегия...»). Эротич. стихи — вольный перевод др.-греч. лириков — О. позднее издал (без подписи) отд. брошюрой: «Гинексион» (СПб., 1830), с параллельным греч. текстом, прим. автора.

По-видимому, уже в 1822 О. стал членом Общества друзей (1822—25) С. Е. Раича, где исполнял обязанности секретаря (с 1828 — чл. ОЛРС при Моск. ун-те). Еще участв. в пансионе (по окончании к-рого служил в моск. почтамте цензором франц. повременных изданий, с авг. 1824 по окт. 1828), установил дружеские отношения с Раичем, Погодиным, Титовым, В. Ф. Одоевским, Д. В. и А. В. Веневитиновыми, А. И. Кошелевым, Анд. Н. Муравьевым, Шевырёвым, В. И. Оболенским, сохранившиеся до конца жизни. В 1823—24 знакомится с В. К. Кюхельбекером и, видимо, неск. позднее с Ф. Н. Глинкой. Близость к Раичу определила не только направление интересов О., но, в изв. смысле, и его лит.

судьбу. Раич поддержал его увлечение вост. языками, он стал серьезно заниматься ими в сер. 1820-х гг.; О. владел франц., англ., нем., итал., исп., швед., греч., лат. языками, а также тат. и чуваш. Араб. яз. и фарси изучал под руководством ученого муллы и слушал лекции араб. яз. у проф. А. В. Болдырева в Моск. ун-те (Стариков А. А., Из истории вост. филологии в Моск. гос. ун-те — «Сов. востоковедение», 1955, № 6, с. 82—85), штудировал труды зап.-европ. ориенталистов (письма О. к В. Одоевскому и Перцову, нояб., дек. 1824 — ИРЛИ, ф. 213, оп. 100, л. 2; Васильев, с. 178). Раич внимательно следил за успехами О. в ориенталистике, надеясь, что вост. переводы обогатят рус. поэзию и довершат «опознание» рус. языка (в вост. лит-рах он видел «неисчерпаемый запас новых питич. выражений, оборотов, слов, картин» — там же, с. 175). Именно на О. Раич возлагал этот «благороднейший, прекраснейший труд»: «Что Ваш Восток? Дышите, дышите им — он ваша слава, ваша жизнь в полном значении этого слова» (из писем Раича к О. 1825—1826 — там же, с. 176). С этого времени Восток на долгие годы занимает первенствующее место в творчестве О.: поэзии, переводах, подражаниях, «вост. повестях» («Спор» — «Уrania», «Посещение», «Идеал» — «Сев. лира») и обширных статьях-экскурсах в поэзию народов Востока. В ст. «О духе поэзии вост. народов и рассмотрение статьи „Моск. телеграфа“ под загл.: „Новейшие иссл. и соч. касательно вост. лит-ры“» (СО, 1826, № 4—8) дает общий обзор истории изучения Востока в Европе и России, говорит об особенностях фарсизычной лит-ры, творчества Фирдоуси, Низами, Саади, Хусейна Ванза Кашефи, Джами и его «Хамсе» и подвергает резкой критике ст. «Моск. телеграфа» за различные неточности, упущения и ошибки. Статья О., подписанная псевд. Делибурядер (видоизменение двух перс. слов — Дел-е берадар, сердце брата; объяснение самого О. — СО, 1827, № 7, с. 278—79), к-рым он отныне подписывал свои тр. по вост. лит-рам, вызвала, в свою очередь, антикритику Н. А. Полевого (МТ, 1826, № 24), в частности высмеявшего «неблагозвучный» псевдоним О.

И Раич, и О. мечтали об изд. своего журнала, но получить на него разрешение Раичу не удалось (Васильев, с. 176), и тогда вместе с О. они издали «моск.» альм. «Северная лира» (М., 1827), в к-ром помимо бывших членов Общества друзей и Общества Любоумия (осн. состав) приняли участие Вяземский, Е. А. Баратынский, В. И. Туманский и др. изв. литераторы. Больше всего произв. принадлежало самим издателям.

Кроме указ. пер. из Парни и «вост. повестей» О. поместил (под своим именем, псевд. Делибюрадер и криптонимами) переводы с араб. — «Нама» (неизв. автора) и «Весна. (Подражание Союти)», с перс. — «Ода Гафница (Из книги: «Даль» его Дивана)», с франц. (А. Шенье), с англ. (Дж. Байрон), два ориг. стих. «К Фанни» и «Дремлющая дрида», а также большую и в известной мере программную ст. «Отрывок из сочинения об искусствах», в к-рой, опираясь на памятники не только европ., но и вост. лит-ры («Шахнаме» Фирдоуси, «Гулистан» Саади и «Тутинаме» Нахшаби, образцы араб. классич. поэзии), говорит о связи поэзии и музыки в иск-ве разных народов. О. утверждает романтич. концепцию иск-ва, возражая против рационалистич. «систем», а отчасти полемизируя и с филос.-аналитич. пафосом Любоумров, с совр. веком «скептицизма» вообще. (Вслед за Райчем О. помещает идеал иск-ва и жизни во времена «юности человеческой природы».)

Разум не может «в точности узнать истинные границы, где оканчивается мифология и возникает история...» (цит. по: «Сев. лира», изд. 1984, с. 184—85). В подтверждение этой мысли О. цитирует неупобл. стих. Ф. И. Тютчева «А. Н. Мухоморову» — «Нет веры к вымыслам чудесным...». Тот же комплекс проблем — в редком для О. жанре филос. монолога: стих. «Тайна пророка» (НА на 1828 г., СПб., [1827]).

Несмотря на состав имен и общий уровень издания, выделяющих его из множества альманахов 1820—1830-х гг., «Сев. лира» не получила достойной оценки в критике. Альм. Райча и О. не отвечал филос.-теоретич. поискам литераторов, группировавшихся вокруг «Моск. вестника» (И. В. Киреевский в «Обзор. рус. словесности 1829 г.» отнес О. вместе с Райчем и Туманским к «итальянской» школе — «нежность чувства и музыкальность стихов», в отличие от «немецкой», т. е. филос., представленной именами Шевырёва, А. С. Хомякова, Тютчева и Веневитинова (Киреевский, с. 72, 66).

Насыщенность преим. ориентальными темами («переводы с языков азиатских»: здесь были напечатаны и прозаны, пер. с фарси Моск. ориенталистов, учеников Болдырева — Н. Г. Коноплева и А. И. Бюргера) вызвала раздражение критики. Отрицательно оценил альманах Н. М. Рожалин (МВ, 1827, № 5); сдержанным был отзыв Вяземского (МТ, 1827, № 3) и сохранившийся в рукописи отзыв А. С. Пушкина (Пуш и кн., XI, 48). Переводы О. (в частности, «Ода Гафница») отличались, однако, существ. достоинствами: они сохраняли образы оригинала (ср. подражание той же газели Хафиза Ю. И. Познанского: МТ, 1826, № 10); позднее получили высокую оценку востоковедов (Березин, с. 192; Крачковский, с. 84).

Неуспех у критики (Горизонтов, с. 12), возможно, послужил одной из причин наряду с внешними обстоятельствами [какие-то трагич. события в семье О., предположительно, душевное расстройство младшей сестры Александры (кроме нее у О. были еще 3 сестры и брат), неосуше-

стившееся намерение определиться в состав посольства А. С. Грибоедова в Персию — при содействии дяди, сенатора А. Г. Хомутова] выхода О. в отставку в 1828 (в чине тит. сов.) и переезда в симбирское имение Троицкое, где он и жил до конца жизни. Большую часть времени проводил в лит. занятиях («Я прозябаю в деревне, где для меня одно наслаждение — литература», — писал О. в 1846 — РГБ, ф. 298/IV (Н. С. Тихонравов, № 28)). В Троицком тесно общался со своим лучшим другом, соседом по имению, Ник. Тим. Аксаковым (братом С. Т. Аксакова), не чуждым лит. интересам. В друж. отношениях О. был и с Н. М. Языковым, соседом по имению с 1833—34 (см. ответное послание О. «Н. М. Языкову», 1834; опубл. 1934). В 1835 вступил в брак с Елиз. Ал-др. Роговской, обладавшей муз. и лит. наклонностями (ее беллетристич. опыты сохр. в архиве О.: ИРЛИ, № 154; частично опубл.: Заславский и И. Я., Три сюжета из ознобищинского архива. — В кн.: Лермонтовский сб., Л., 1985), в 1837 у них родился сын Иван (впоследствии коннозаводчик). Жене О. посвятил «Рождение арфы» (переложение из Т. Мура — «Галатея», 1839, № 2) и стих. «Письмо» с автобиограф. мотивами («Москв.», 1846, № 3); вероятно, с памятью о ней связано проникнутое религ. настроениями стих. 1847 «Упованье» (изд. 1992). О. вел «непоседливый» образ жизни: постоянно наезжал в Симбирск, Москву, Петербург (в 1860-х гг. имел там квартиру — см.: Адрес-календарь... на 1868 г., ч. 1—2, СПб., [1867]), Пензу, Казань, Чебоксары, на Кавк. минеральные воды, путешествовал за границей (1-я поездка, возможно, в кон. 1820-х — нач. 1830-х гг. — Хохлова, с. 9). В 1830-х гг. встречался с Пушкиным в петерб. салоне Мих. Ю. Вильгоровского (см.: Черейский, в Казани посещал лит. салон поэтессы А. А. Фукс. С июля 1833 О. — поч. попечитель Карсун. уездного уч-ща, а в 1838—41 и в 1844 — поч. попечитель Симбирской гимназии).

В 1820—30-е гг. О. создает образцы своей любовной лирики: «Миг восторга» («Уrania»), «К Н» («Страдалец произвольной муки...» — СО, 1827, № 9; приписывалось Пушкину: РусБ, 1859, т. 3, с. 1), «Меня обманула улыбка одна...» («Галатея», 1829, № 15), «Рассвет» («Телескоп», 1831, № 8), «Воспоминание» («Молва», 1833, 27 мая). В них, но особенно в стих., насыщенных ориентальными мотивами и образами, воспевающих «пылкие восторги наслаждения», «роскошь» и пластику жен. красоты, в вост. стилизациях О. удается выразить остроту чувства и собств. понимание жизн.

полноты: «Гангес» (МВ, 1827, № 9), «Могоммед» («Галатея», 1830, № 14), «Рождение перла» (МВ, 1829, ч. 1), «Баядер» («Молва», 1832, 27 дек.), «Продавец невольниц» («Телескоп», 1831, № 2), «Вазангазена» (ОЗ, 1839, № 7) — вольный пер. эпизода из др.-инд. драмы Шудраки «Глиняная повозка» (перепеч. в сб.: Эротич. стих. рус. поэтов, СПб., 1860). В стих. «Смутлянка» О. вслед за Батюшковым (см. стих. «Вакханка») развивает анакреонтич. мотивы, соединяя их с поэтикой Востока: «... Уста — где зноем распаленный/ Пурпурный виноград горит/...»; «Кто, кто счастливцев, в мраке ночи/ Сорвет сей спелый виноград?..» («Молва», 1832, 19 февр.). Иногда культ любви интерпретировался О. в духе романтич. восприятия, когда возлюбленная заменяла герою весь мир («Рождение перла» — о любви духа степей к молодой деви; сходные мотивы — в лермонт. «Демоне»).

К кон. 1820-х гг. в творчестве О. начинают звучать вольнолюбивые гражд. мотивы. В стих. «Пловец» (1830; опубл.: «Галатея», 1839, № 5) прочитываются и традиции поэзии декабристов, но, в отличие от нее, метафорич. образы пловца и бурного моря у О. лишены скорби и сознания обреченности, ему ближе жизнеутверждающий настрой стих. на ту же тему Языкова. В 1828 О. анонимно издал в Москве 1-ю гл. пов. в стихах Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Перяславский» (см. письмо О. к П. М. Языкову, 1848 — «Пролет. путь», 1940, 6 янв.). Пафосом гражданственности проникнуто и стихотв. переложение из Т. Мура «Юноша-певец» («Ирландская мелодия» («Атеней», 1828, № 12), выполн. в ораторском стиле: «Твой звук (арфы певца — Т. Г.) был для чистых, свободных сердец/ Рабам не анимать песнопений»).

Непосредственность восприятия, искренность чувства, интимно-доверит. интонация, изящество отделки и мелодичность стиха (на стих. О. писали музыку А. А. Алябьев, Н. А. Титов, П. П. Булахов, Н. А. Римский-Корсаков) в сочетании со светлым, гармонич. мироощущением («И ты, идиллия живая/ Не идиллического края» — по слову Райча об О. из поэмы «Аретя») определили настрой лучших стих. и переводов О. в 1820—30-е гг. В целом же его лирика разнообразна в жанровом отношении: не стремясь к созданию крупных форм, О. хорошо владел различ. лирич. жанрами: романс и стих. романсного типа («Cattivi occhi» («Ясны очи...») — «Галатея», 1829, № 44), песня, баллада, мадригал, послание, элегия, эпитафия. У О. немало метрич. экспериментов (белый стих, влияние ритмов нар. стиха, разностопные стихи).

В 1830 О. издает небольшую книжечку «Селам, или Язык цветов» (СПб.; в ее осн. — пер. с нем. анонимного произв. «Die Blumensprache...», В., 1823), состоящую из своеобразного поэтич. словаря цветов («коротенькая дамская ботаника в прелестной стихотворной форме» — (Рачи) — «Галатея», 1830, № 30, с. 375), толкование к-рых автор, в

частности, извлекает из нар. поверий, обрядов и сказок, и вост. поэмы-легенды (без загл.) (одобрит. отклик: «А. А. Дельвиг» — ЛГ, 1830, 10 июля). Ориентальная окраска приобретает здесь характер мягкой иронии — реакция на засилье вост. тем и образов в рус. поэзии этого времени. В кон. 1820-х — нач. 1830-х гг. продолжают появляться журн. публ. вост. подражаний О.: «Вольная птичка» (из «Гюлистана» Саади, кн. 2 — «Галатея», 1829, № 46), пер. с араб. макама (новеллы) аль-Харири (11—12 вв.) «Караван» и «Золотая монета» (СО, 1826, № 11; СО и СА, 1830, № 26), с фарси — фрагментов из поэмы Низами «Искандер-наме» «Прибытие Александра Великого в степь Кефчака» («Телескоп», 1831, № 24) и «Семь красавиц». Последний пер. включен в обширную ст. О. («Телескоп», 1833, № 21; без назв.), написанную по поводу вышедшего в Казани в 1832 перевода на нем. яз. (с персид.) соч. Низами «Красавица замка, или Повесть о Русской царевне», выполн. казан. проф.-ориенталистом Ф. Эрлманом.

Появление этой своей статьи (О. считал себя дилетантом в ориенталистике) он объясняет упорным молчанием о переводе критики (с. 92). Вместе с высокой оценкой издания О. высказывает замечания и говорит о трудностях худож. перевода вост. лит-ры на европ. языки: «Дух ориентализма, яркий и фантастический... сдвиг даже может быть перенесен в тесную рамку европ. понятий. Самобытность его исчезнет под нашим образованною, выхощенною политурою вкуса...» (с. 92—93).

В кон. 1830-х — 40-е гг. общий тон поэзии О. становится эмоционально сдержаннее, мотивы одиночества, смерти, рока, эпизодически встречавшиеся и в ранних стих. («Стень» — «Телескоп», 1831, № 5), звучат в ориг. стих. «Письмо», «К***» — «Друг милый! над моей могилой не рыдай» (1841; опубл. 1992), «Две могилы» (1841; опубл. 1972; посв. памяти Пушкина и Лермонтова), в т. ч. пейзажных (наиб. удачны «Волга в ноябре» — «Телескоп», 1834, № 40, «Весенняя грусть» — МН, 1835, апр., кн. 2, «Ковыль» — «Москв.», 1845, № 12), и в переложениях, напр., «Умирающий клефт. Песня новогреч.» (ОЗ, 1842, № 3). Особый пласт в поэзии О. составляют стих., герои к-рых — ист. персонажи с исключит. или героич. судьбой, ранние образцы такого рода — стих. «Аттила» («Молва», 1833, 20 июля) и «Альгамы» (из сб-ка «Romances general» («Телескоп», 1834, № 29), в 1840-е гг. — «Мурильо» («Москв.», 1845, № 11), «Кювье» (ОЗ, 1842, № 2); последнее, вошедшее в ряд хрестоматий, — гимн творч. разуму ученого, вместившему в себя целые века.

Ориентальная тема не уходит из творчества О., но существенно модифицируется. Это уже не причудли-

вый, с калейдоскопичностью красок, экспрессивный мир экзотики Востока [в архиве сохр. «Арабески, или Собр. вост. повестей» — ИРЛИ, № 46; «Желание» («Галатея», 1829, № 52) и «Соперничество шести невольниц» («Москв.», 1841, № 2; перенд. в кн.: Гольц, Сердце брата)], а величеств. картины природы Кавказа, для О. неотделимого от преданий и доист. прошлого Востока («Здесь каждый шаг — живые письма!» — «Пятигорск» — ОЗ, 1840, № 6), встреча с к-рым оживляет «думы» и поэтич. мечты сына «северных снегов». Стих. о Кавказе образуют своего рода «кавказский цикл»: «Прости, Пятигорск» («Галатея», 1839, № 51), «Кисловодск», «Кавказское утро» (ОЗ, 1840, № 3, 4), «Тоска по отчизне» («Галатея», 1840, № 1), «Нардзан» (кавк. легенда — «Москв.», 1841, № 9), «Машука и Казбек» (1839; «Москв.», 1841, № 8), «Кавказский полдень и буря» (1839, 2-я ред. 1842 — «Москв.», 1846, № 1).

Органически сочетая в лучших своих стих. зап.-европ. и вост. элементы поэтики, О. приходит к зап.-вост. синтезу. В частности, он использует тайнопись («сокровенный язык» — «лисан-ул-гайб») персид.-тадж. и араб. поэтики. Стих. «Турецкий кинжал» (1841, 2-я ред. 1842; опубл.: «Сев. лира», изд. 1984, с. 265—66) является «ответом» («назира» на стих. М. Ю. Лермонтова «Кинжал» и «Поэт» в форме «спора» («муназара») написано стих. «Машука и Казбек» (облегченная вариация лермонтов. проблематики «Спора»); в нем недоступная для смертного древняя и дикая природа Кавказа противопоставлена природе, родственной человеку. Чужанность стиха, выразительность пейзажа отличается стих. «Оксайская станция» (ОЗ, 1841, № 7), посв. истории «воинственного Дона».

О. не издал при жизни ни одного стихотв. сб-ка (впервые его стихи в отд. кн. собраны в 1992: «Стихотворения», М.), видимо, страшась неблагоприятной критики и не будучи уверен в значительности своего поэтич. дарования. Позднее в письме Вяземскому (20 янв. 1867) он назовет себя «не призванным, а простым дилетантом в поэзии... боюсь быть отсталым рыцарем на литературном турнире» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2456, л. 4). Значит, часть написанного О. осталась неопубликованной (стихи, переводы, «Персид. грамматика» и мат-лы к составлению персид.-рус. и рус.-персид. словаря — ИРЛИ, № 47—50; см. также: Х о л о в а). Современникам трудно было составить цельное впечатление о его поэтич. облике, тем не менее нек-рые его черты отразились в дружеском послании Н. Языкова (1834):

«Где ты странствуешь? Где ныне/ Мой поэт и полиглот...» и А. П. Баласогло в стих. «А. Н. В(ульф)» (1840): «Где Ознобишин, мой восточник./ Игривый, страстный, полный сил?..». В. Г. Белинский упоминал О. в ряду известных рус. поэтов (Баратынский, Козлов, Языков, Хомяков, Глинка).

Хорошее знание иностр. языков, способность откликаться на «чужое», открытость по отношению к образцам иноязычных литератур определили особенности О.-переводника — склонность к вольному переводу, переложению, пересекавшуюся с его интересом к фольклору — рус. и европейскому. Помимо указанных О. перевел «Письмо Юлии к Дон Жуану» Байрона («Молва», 1833, 15 июля), стих. «Дервиш» и «Покров» из сб. «Вост. мотивы» В. Гюго («Молва», 1833, 13 июля; «Галатея», 1839, № 37), «Воспоминания народа» П. Ж. Беранже (ОЗ, 1841, № 3); на протяжении всей жизни обращался к Т. Муру (его «Ирландским мелодиям»; в рукописи остались «Песня Земли» и 4-я часть его поэмы «Лалла-Рук» «Светило гарема» — ИРЛИ, № 21, 31; о переводах из Мура см.: Алексеев). Высокий уровень проникновения в фольк. мир разных народов отличает переложения О. нар. песен: цикл «Шведские песни» (МН, 1835, май, кн. 2; 1836, сент., кн. 2; одобрит. отклик Я. М. Неверова: «простота и прелесть содержания» — ЖМНП, 1836, № 6, с. 616), новогреч. песни («Вороной конь» — ОЗ, 1839, № 9; «Умирающий клефт»), цикл серб. песен из сб-ка В. С. Караджича (неизд.: ИРЛИ, № 24; см.: Петухов, с. 50—55; наряду с А. Х. Востоковым О. обратился к ним одним из первых), шотланд. («Жена Вильяма» — УЗ на 1843 г.), а также эст. («Старый холостяк» — изд. 1992) и литов. песни («Пруд замерз», «Сирота» — ИРЛИ, № 29). Большинство песен имело балладную основу, острый или «страшный» сюжет и отвечало внутр. установке О. на стилизацию, косвенную автор. речь, не прямое самовыражение.

Интерес к фольклору возник у О. еще в пору участия в Обществе друзей Раица, с сер. 20-х гг., когда он записал малорос. песни (см.: «Уралия...», с. 148—50; «Сев. лира», изд. 1984, с. 85—87, 332); в 1828 он, вместо заболевшего К. Ф. Калайдовича, издал № 7—8 его «ж-ла истории, археологии, словесности и сравнит. костюмов» «Рус. зритель», где поместил свой пер. о булгарах Поволжья араб. путешественника Ибн Фадлана (10 в.). Знакомство с П. В. Киреевским еще в Москве, а в Троицком дружбу с бр. Языковыми побудили О. самому заняться собирательством рус. нар. песен, систематически — с сер. 1830-х — и в

1840-е гг.; его корреспондентами были И. Ф. Базилевский (муж сестры Варвары, золотопромышленник и откупщик, с к-рым О. поддерживал дружеские отношения) и Н. Аксаков; незаверш. сб. О. «Рус. песни» (РГАЛИ, ф. 13, № 23; там же и мат-лы собр. рус. нар. сказок) представляет науч. ценность (ЛН, т. 79, с. 513—21). Из собств. песен известность получила «Чудная бандура» — «Гуляет по Дону казак молодой» (переработка швед. источника — см.: Копанева), ставшая народной (одобрит. отзыв: Кюхельбекер, с. 378—79). О. записывал также чувашские («Заволжские муравей», 1833, № 21) и мордов. нар. песни. В восприятии Фукс, вспоминая о встречах с О., живущим «в уездном городе, окруженном чувашами», и его «приветливой любезности», он «не только поэт, но и ученый» (Фукс с А. А., Поездка из Казани в Чебоксары, Каз., 1834, с. 15—16; см. также с. 69—75).

После смерти жены в 1847 О. вместе с сыном Иваном совершает путешествие по Европе (1847—48): Германия, Франция, Англия, Швейцария, Италия; в Ниццу они прибыли в разгар рев. событий 1848. В «Записную книжку, содержащую дневник путешествия» (частично опублик. в кн.: Памятники культуры...) помимо различ. рода наблюдений вписаны стих. «Луна», «Я был в Шильоне...», «К Марии», «Звезды» и др., пер. стих. Г. Гейне «Сосна» («На севере холодном, на голом утесе...») (см.: Заславский).

С конца 40-х гг. стих. О. реже появляются в печати. В 50-е гг. он жил в Смоленске, занимаясь финансовыми операциями по откупам (письмо О. к Н. В. Путятю от 26 апр. 1854 — РГАЛИ, ф. 394, оп. 7, № 119), в 1853—54 — поч. член Смоленского губ. попечительства и дет. приютов; в это время пишет стих. «Есть икона чудотворная...» и ист.-этногр. ст. «Смоленская святыня. Листок из Смоленского дневника, восп. туриста 1854 г.» (в кн.: Памятная книжка Смоленской губ. на 1856 г., ч. 2). Подобно Вяземскому, Тютчеву, Шевыреву и др. поэтам, на события Крым. войны 1853—56 О. откликнулся стихами, написанными с православно-монархич. позиции; напечатаны в «Москвитянине» («Желе, к-рый оказался ему наиб. близким в эти годы: письма О. к Погодину, 1851—55 — РГБ, ф. 231/II, № 27, 25): «Был век!» (1854, № 5), «Сподвижникам Луны» (1855, № 6) и «К ружью! (Высочайший Манифест 14-го дек. 1854 г.)» (СП, 1855, 9 мая). Православную Россию О. противопоставляет меркантильному Западу, горько сетует на «продажный век», особое возмущение поэта вызывает внешняя политика Англии.

Несколько особняком стоит эпиграфия «Граф М. М. Вильгорский-Матюшкин» (СП, 1855, 24 дек.). О. сочувствует любви Погодина к славянству (стих. «Славянам» — «Русский», 1867, 22 мая), но не разделяет его панславистской идеи (письмо О. к Вяземскому от 11 апр. 1876 — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2456).

В авг. 1863 личная жизнь поэта снова омрачилась утратой: умерла от родов его вторая жена (с кон. 1850-х гг.), «молодая красавица» Таисия (Тереза — как называли ее в семье) Конст., урожд. Сенявина (внучка адмирала Д. Н. Сенявина), оставив ему маленькую дочь. Поэт искал утешения в религии и лит. занятиях, переводил псалмы — четыре из них были опублик. («Лит. б-ка», 1867, март, кн. 2), но так и не смог закончить этот свой «задушевнейший труд», как и поэму «Мария Египетская» с посв. кн. Марье Арк. Вяземской (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5488). Свои переводы О. читал моск. митрополиту Филарету (Дроздову) — «Когда псалмы мои, смущенный, / Пред Филаретом я читал...» (РС, 1887, № 7).

В творчестве О. 60—70-х гг. преобладают стих. «на случай»: к столетнему юбилею Н. М. Карамзина (1867), «Князю П. А. Вяземскому по прочтении его стих.: „Тому сто лет!“» (1867), «Н. А. Дубельт, урожд. Пушкиной» (1867), на смерть вел. кн. Николая Александровича «Роклая весть» (1865). На смерть и юбилейные даты близких ему с юности литераторов и старых друзей О. пишет лирич. эпиграфы: «Северный соловей» (1864, на смерть Шевырëва), «На память Д. В. Веневитинова» (1867), «Князь В. Ф. Одоевский» (СПб., 1870) (все вошли в указ. сб. «Стихотворения»). По просьбе Вяземского участвует в ж. «Лит. б-ка» (1867, май, кн. 1), где наряду с др. произв. публикует посв. Симбирску сказку «Городок», с элементами сатиры в адрес «отцов города». Живописным окрестностям Симбирска О. посвятил очерк «Полливна» («Москв.», 1845, № 12). О. продолжал заниматься переводами: в 1861 напечатан пер. со швед. лиро-эпич. поэмы Э. Тегнера «Аксель» (СПб.; о любви швед. солдата к рус. девушке, на к-рую появились две рец.: одобрит. — М. Н. Лонгинова (РВ, 1861, № 7), противопоставлявшего творчество О. совр. обличит. лит-ре, и резко негативная М. Л. Михайлова («Совр.», 1861, № 8), рассматривавшего поэму как устаревшую; в 1871 опублик. большой пер. (с англ.) «Милетской сказки» Э. Дж. Булвер-Литтона «Сизиф и Смерть» (СПб.). О. переводил также Гейне («Богомолье в Кевларе» — «Молва», 1857, 1 июня; там же, 2 нояб. — стих. О. «Memento mori»), «Лоре-

лея» (Сб. лит. статей... памяти А. Ф. Смирдина, т. 3, СПб., 1858), «Король Гаральд Гарфагар» (в кн. «Аксель», с. 55—57), Г. У. Лонгфелло («Стенные часы»; опублик. 1992), пьесы П. Кальдерона, Э. Скриба и Мельвила, И. Лука, оставшиеся в рукописи (ИРЛИ, № 39—40, 42); премьеры комедии Кальдерона «Домовой» (в переложении О. с франц.) состоялась в Александрин. т-ре (1857) (см. ИРДТ, т. 4, с. 317).

О. принимал активное участие в проведении крест. реформы 1861 в Симбирской губ., принадлежал к небольшой группе либер. дворянства (Бр. Татиарины, А. И. Ермолов, Н. Д. Давыдов, А. М. Языков и некие др.). Странник постепенного освобождения крестьян (нужно пригласить крестьян «к этой свободе... чтобы они видели необходимость труда, в котором единственно будет заключаться источник их благоденствия» — цит. по: Хохлова, с. 15), О. издал «Руководство к изучению Высочайше утвержденных... 19 февр. 1861 г. „Положений о крестьянах“, вышедших из крепостной зависимости» (ч. 1—2, СПб., 1861) — толкование всех статей «Положения», благоустроивал быт своих крестьян (Селиванов К., Лит. места Ульянов. обл., Саратов, 1969, с. 58), называвших О. «добрым барином» [«Новое об О.» — «Вперед», Инзен. р-н (Ульянов. обл.), 1993, 16 янв.]; выступал со статьями по вопросам землепользования, кустарной промышленности, этнографии, нар. образования в «Симб. губ. ведомостях» (подпись: Борисов; 1862—63). В 1867 О. обратился к местному дворянству с призывом безотлагательно заняться постройкой школ, чтобы «вывести детей из безобразных, холодных и смрадных караулок, составляющих почти третью долю школьных помещений» (доклад «Нар. училища [и церковно-приход. школы] в Симбирской губ.» — ЖМНП, 1868, № 10, с. 154). В 60-х гг. О. был чл. Симбирского губ. статистич. к-та, чл. «особого» присутствия по крест. делам (4 года), членом Симбирского губ. училищного совета, поч. мировым судьей по Карсун. у. и гласным Симбирского губ. собрания от того же уезда (в 1864 — стат. сов., в 1875 — д. стат. сов.).

Умер О. в результате падения из опрокинувшейся коляски — перед отъездом домой из Кисловодска, куда выехал на лечение. Набальзамированное тело было захоронено, позже перевезено с Кавказа и перезахоронено в фамильном склепе под церковью с. Китовки (приход с. Троицкое) [см.: «Прошлое с. Китовки» — «Вперед», Инзен. р-н (Ульянов. обл.), 1965, 24 сент.].

В 1926—27 церковь была разрушена, а гроб вскрыт; немыслимое тело О. показывали ученикам, чтобы продемонстрировать обряд погребения богатого помещика. Поэта похоронили вторично близ церкви (в наст. время сад дома Столбовых, с. Китовка, ул. Энгельса, д. 54).

Внуk О., Дм. Ив. (1870—1962), коллекционер, владелец книжного собрания (с 1905 в эмиграции во Франции), передал архив О. в ИРЛИ, Б. Л. Модзалевскому.

Др. произв.: «Неск. замечаний на ст. Геерена о Рамайяне и пер. оной...» (СО, 1827, № 7), «Шуточные реляции в стихах о франц.-прусс. войне 1870 и 1871 гг. Лит. импровизация» (СПб., 1875).

Изд.: Стих. и переводы: Гербель; Аксель. — В кн.: Образовые прогвоз. сканд. поэзии в переводах рус. писателей, ч. 1, В., 1875; Пустынный Кану (пер. с санскрита фрагмента поэмы Визны «Брама-Пурана»). — В кн.: ПЗ. изд. А. Бестужевым и К. Рыловым, М.—Л., 1960 (ЛП); Поэты 1820—1830, т. 2: Песни и романсы; «Св. лира на 1827 г.», М., 1984 (ЛП); изд. подг. Т. М. Голы и А. Л. Гришунин; вкл. рел. на альб. и сопроводит. ст. Т. М. Голы «Св. лира», ее издатели и авторы; Исп. поэзия в рус. переводах, 2-е изд., М., 1984; Мур Т., Избранное, М., 1986; Путевой дневник О. — В кн.: Памятники культуры. 1987, М., 1988 (публ. И. Я. Заславского); Франц. элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры, М., 1989; Стихотворения, М., 1992 (сост., вступ. ст. и прим. Т. М. Голы); Венок рус. камням, СПб., 1993.

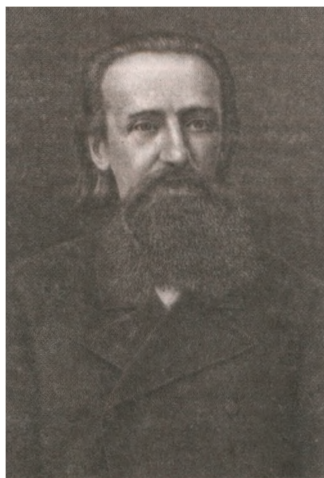
Лит.: Пушкин (ук.): Белинский (ук.): (Горизонтов А. П.), Биография О., СПб., 1878; Колупанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, М., 1889, т. 1, кн. 1, с. 573; т. 1, кн. 2, с. 61—65; Барсуков (ук.): Державин Н., Забытые поэты, Туринское и Тимофеев. (Из симбир. хроники). — ИВ, 1910, № 9; Васильев М., Из переписки литераторов 20—30-х гг. XIX в. — «Изв. об-ва археологов. истории и этнографии при Казан. гос. ун-те», М. В. Ульянова-Ленина, т. 34, в. 3—4, 1929; Крачковский И. Ю., Очерки по истории рус. арабистики, М.—Л., 1950, с. 84; Владимирова Е. В., Рус. писатели в Чувашии, Чебоксары, 1959; Динесман Т. Г., Песни, собр. писателями, Д. П. Ознобишиным. — ЛН, т. 79; Тынянов Ю. Н., Пушкин и Тютчев. — В его кн.: Пушкин и его современники, М., 1968 (ук.); Старицкая З. А., Беранже в России, М., 1969, с. 30—31, 197; Гольц Т. М., Д. П. Ознобишин — «Делибюадер» (К истории рус. иранистики 20—30-х гг. XIX в.). — «Народы Азии и Африки», 1976, № 3; с. 88; Сердце Брата, Душанбе, 1991 (1-е изд.: Душанбе, 1964; в прил. — стихи и пов. пов. О.); Жирмунский В. М., Байрон и Пушкин. Пушкин и зап. лит-ры, Л., 1978, с. 257; Кожин В. В., После Пушкина. Тютчев и его школа. — В его кн.: Книга о рус. лирике, поэзии XIX в., М., 1978; Петухов В. К., О как переводчик серб. нар. песен. — В кн.: Заруб. славян. и рус. культура, Л., 1978, с. 50—55; Фильштинский И., Рус. переводы макама аль-Харрири в XIX в. — В кн.: Осень в горах. Вост. альм., в. 7, М., 1979; Алексеев М. П., Рус.-англ. лит. связи. (XVIII в. — первая пол. XIX в.). — ЛН, т. 91; Копанева Н. П., Две швед. баллады в рус. фольклоре. — РЛ, 1984, № 3; Дельвиг А. А., Соч., Л., 1986 (ук.); Гиривенко А. Н., Рус. местечки. — В кн.: Вопросы рус. лит-ры, в. 1(51), Львов, 1988; Кириллов С. А., Рус. антология, поэзия первой трети XIX в., Л., 1990, с. 92—96; Хохлова Н. А., Обзор архива О. — В кн.: Ежегодник РО ПД, 1991, СПб., 1994; ЛН, т. 4/6, с. 421, 574; т. 5/5—5/6; 6/0, кн. 1, 79, 91 (ук.); «Некрологи, 1877: «Совр. изв.», 12 сент.; НВ, 25 авг.; «Голос», 14 сент. Березин; Геннади; Сл. ОЛРС; РБС: Брокгауз; НЭС; Гранат; КЛЭ; Смирнов-Солкоцкий; Иванов; Лерм. энц.; Черескый; Масанов (не учт. псевдонимы: Эмиль, Р. Ч. и Честит-фолло); Худож. лит-ра сканд. стран в рус. печати. Библиогр. ук., в. 1, М., 1986.

Архивы: ИРЛИ, ф. 213; РГАЛИ, ф. 1121, оп. 1, № 4 (ф. с.), ф. 195 (П. А. Вяземского);

РГБ, ф. 231/11 (М. П. Погодина); РНБ, ф. 539 (В. Ф. Одоевского), ф. 179 (Н. В. Гербеля).

Т. М. Голы.

ОКРЕЙЦ Станислав Станиславович [псевд. Орлицкий; 13(25).8.1836*, по др. сведениям — 10(22).8.1834**, г. Повенец Олонешской губ. — после 1921], публицист, прозаик, мемуарист, издатель. Из семьи обедневшего дворянина, близкого в молодости к декабрист. кругам, католика (сам О. также был католиком),

окружного нач. гос. имуществ. Детские годы прошли в Петербурге, где О. готовился к поступлению в Мор. корпус. После смерти отца во время холерной эпидемии 1848—49 воспитывался в имении тетки, помещицы Витебской губ. В 1856 окончил Витебскую г-зию, затем учился в Горы-Горешком земледельч. ин-те. В 1859—62 служил в Могилев. палате гос. имуществ. По словам О., к могилев. периоду восходят его первые лит. опыты: «Из Могилева я посылал статейки в „Искру“ и в „Экономич. указатель“ Вернадского» («Лит. встречи и знакомства» — ИВ, 1916, № 6, с. 620; продолжение: № 7). В 1863—68 служил вторым библиотекарем Вилен. публичной б-ки, занимался историей и археологией края. В это время он закончил свой первый ром. «Последние язычники. (Роман из предрассветной эпохи 1840—1850 гг.)» (СПб., 1871—72; 3-е изд., СПб., 1885) о жизни Зап. края накануне Польского восстания 1863, написанный в осн. на автобиогр. материале. По словам О., роман был принят А. А. Краевским в «Отеч. зап.» в 1867, но Н. А. Некрасов от публикации отказался.

Восстание 1863 было важным событием в судьбе О., к-рый по своему воспитанию, по связям в среде оппозиционно настроенной шляхты не мог остаться в стороне от движения, хотя с самого начала достаточно

скептически относился к его целям. Позже в своих восп. («Уголок восстания 1863 г.» — ИВ, 1902, № 10, 11; «Восп. инсургента» — ИВ, 1912, № 9, 10), а также в романах (напр., «Как я избежал виселицы» — «Речь», 1903, № 4—23) О. дает резкую оценку лицам и событиям восстания, подчас в гротескных тонах рисуя лицемерие и своекорыстие одних, легкомысленный авантюризм других и общую неспособность сделать что-либо для блага родного края, «нашего загнанного, запуганного, но по сердцу мне близкого народа».

В 1868 О. переехал в Петербург с намерением целиком посвятить себя лит. деятельности. Работал секретарем редакции в газете знакомого ему по Вильне А. К. Киркора «Нов. время» (назв., если верить О., придумал он сам), сотрудничал в газ. «Петербург. листок», где помещал еженед. обзоры ж-лов, публиковал статьи в ж. «Дело». Направление этих статей — в русле радикальной публицистики ж-ла, с неперемненными идеалами «свобод женщины, коммуны, нового устройства мира без собственности и семьи» («Из лит. восп.» — ИВ, 1907, № 4, с. 74). С этой т. з. автор оценивает, напр., «людей 40-х годов» в изображении И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского — как «бессознательных копировщиков жизни, блуждающих в потемках, рисовавших портретистов, а не мыслителей-творцов» [«Журналистика 1869 г. Статья 1. (Новые романы старых романистов)» — «Дело», 1869, № 9]. Ряд статей посв. ист. сочинениям Н. И. Костомарова (с ним О. познакомился вскоре по приезде в Петербург) и Д. Л. Мордовцева («Журналистика 1869 г. Статья 2. Наши историки-беллетристы» — «Дело», 1869, № 10; «Отживающие русские Вальтер-Скотты» — там же, 1870, № 6, 7; «Попытка освободиться от ист. эстетики» — там же, № 12).

Первые шаги О. в журн. мире Петербурга, его «лит. мыканья» (среди к-рых было даже заключение на неск. месяцев в долговое отд. по делу разорившегося Киркора) отразились в одной из сюжетных линий ром. «Во мраке», где даны желчная характеристика радикальной прессы, гротескно-сатирич. портреты Г. Е. Благосветлова, Киркора, А. А. Соколова и др., легко узнаваемых под прозрачными псевд.

В 1870 О. приобрел ж. «Дешевая б-ка», причем вначале вынужден был владеть им на паях ввиду своей «совершенной неизвестности» в лит-ре (Барабохин, с. 22). О. стремился превратить изд., задуманное как альманах переводной беллетристики, в «толстый» лит. ж-л; привлекал к сотрудничеству изв. литераторов демокр. лагеря: Г. И. Успенского, А. И.

Левитова, Д. Д. Минаева, Ф. М. Решетникова, А. К. Шеллера-Михайлова. В ж-ле опублик. 3-я ч. ром. О. «Последние язычники» — «При старых порядках» (1871, № 6, 7, 9), его критич. статьи и рец., посв. произв. И. В. Омулевского (1871, № 1), В. А. Слепцова (1871, № 6), Успенского (1872, № 1), П. Д. Боборыкина (1872, № 10; 1873, № 6), Шеллера-Михайлова (1873, № 7, 8), Соколова (1873, № 9) и др.

О. одним из первых пытался применить в ж-ле новый в то время принцип артельной организации труда, с провозглашением коллективной собственности, распределением доходов по труду и т. п. (программа изложена им в № 4—5 за 1871). Ценз. затруднения, возникшие сразу же, видимо, были осн. причиной, заставившей О. в 1874 отказаться от издания. То же произошло и с ж. «Всемирный труд», приостановленным после третьего номера в 1872. В 1873—74 О. предпринял изд. ж-лов для женщин «Ваз», «Жен. работы», к-рые успеха не имели. В это же время подвергся ценз. запрещению и по постановлению К-та министров был уничтожен изданный О. «Сб-к на 1871 г.» (СПб., 1871; см. подробнее: Добровольский, с. 82), осн. часть к-рого составила ст. О. «Подвиги и Приключения», написанная в жанре путевых заметок «по подражанию Радищеву» («Моя скитания по белу свету» — ИВ, 1908, № 12, с. 908) с критикой политики правительства в Зап. крае.

На неск. лет уехав из Петербурга, О. жил в своих имениях сначала в Витебской, затем в Волын. губ., часть времени провел в разъездах по стране (впоследствии он назвал это время «годами тяжелых скитаний»; его восп. о пребывании в Осташков. у. — «Из скитаний по белу свету», ИВ, 1910, № 7).

С наступлением «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова О. вернулся в столицу и с 1880 начал издавать ж. «Луч», затем одноименную газ. (1890—96) — едва ли не главный эпизод его лит. деятельности. Дешевое и общедоступное изд. для широкой публики, «Луч» должен был, по замыслу издателя, наряду с образцами добротной беллетристики давать обзор текущих событий в духе строго выдержанного «направления», к-рое О. определял как «благоразумно-либеральное» и «патриотическое» («мы не аристократы и не демократы; мы только народники и националисты-государственники»). Государственность О. — ярко выраженной петерб. складки: он — западник в смысле безусловной приверженности реформам Петра I и Александра II, с верой в «прогресс» и принципы либерализма («истинного, искреннего, житейского»); О. негодовал, когда его причисляли к консерваторам, полемизировал с М. Н. Катковым, не раз возражал Ф. М. Достоевскому и И. С. Аксакову. Вместе с тем начала традиционные, связанные с почвой, историей, нац. преданием, О. считал основополагающими в жизни сильного, процветающего гос-ва. В нивелировке, насильственном усреднении, подражании замечным образцам (примеры этого в

гос. политике он не уставал обличать) он видел угрозу «нигилизма» и «революции», понимаемых очень широко (борьбу с ними О. считал своей осн. задачей). В противоположность «лживо-широким мировым идеям» (социалисты-космополиты) и «всерос. проектам» («моск. консерваторы») О. настаивал на программе конкретных дел по устройству «тех маленьких уголков „земли русской“, из к-рых складывается самое государство».

Среди тем, к-рым постоянно обращается ж. «Луч», — вопросы местного самоуправления («всесословная волесть»), нач. нар. образования (церковного и монархического по духу), свободы печати, укрепления крест. хозяйства (как средства против пролетариатизации общества), преследование взяточничества и др. служебных злоупотреблений (пост. призывы к ужесточению юрид. ответственности за них, вплоть до применения смертной казни, создали О. скандальную репутацию у части журналистов — см., напр., Дорошевич В., Жив курляк. — В кн.: Собр. соч., т. 4, М., 1905, с. 133—38). Считая, что имп. Петербург призван быть гарантом сохранения нац. самостоятельности всех народов и народности России (и успеха «московский патриотизм» в узости и пристрастности: «Москва не годилась для империи»), что насильственная ломка и нивелировка на один образец — «абсурд дикой и варварский», О. выступал, в частности, против крайностей русификаторской политики в губерниях Царства Польского; за одну из статей в «Луче» он был даже подвергнут арсту («Семь дней в комендантском управлении» — ИВ, 1905, № 3). Однотипную славу приобрели высказывания О. по сар. вопросу, к-рому он уделял чрезвычайно много места, противопоставляя «русских ионисеев закона» — «живодству» (относя к последнему не только евреев). С этим явлением («чуждым всему западному, европ. культуре») О. связывал опасность рев. брожения, смуты, хаоса, чему приводил все новые и новые доказательства; со временем это приобрело черты болезненной навязчивости, даже мании, ставшей «притчей во языцех» (А. П. Чехов называл его «Юдофоб Юдофобович Окрейц» — IV, 283, и ук.; см. также: Горький, XIII, 47). «Луч» выходил с приложениями: ж. «Польза» (1890), «Илл. мир» (1890—94), схемис. «Романы оригинальные и персональные», где увидело свет большинство романов О. В 1887 в качестве бесплатного приложения к «Лучу» О. издал Полн. собр. соч. А. С. Пушкина. Подписка на «Луч», к-рая в 1890 была для своего времени внушительной (24 тыс.), к сеп. 90-х гг. начала падать, что наряду с ценз. преследованиями заставило О. прекратить издание.

В 80—90-х гг. О. сотрудничал с А. П. Пятковским, помещая в его ж. «Наблюдатель» обозрения внутр. и внеш. политики, рецензии, ром. «Во что бы то ни стало» (1901, № 8—11) и др., в 1897—98 редактировал его газ. «Гласность». Тогда же он получил предложение А. С. Суворина сотрудничать в «Нов. временах», но это сотрудничество по неизвест. причинам не состоялось (ИВ, 1916, № 7, с. 48). В последующие годы О. неоднократно переезжает с места на место, видимо, почти бедствуя. В нач. 1900-х гг. жил в Москве, редактируя «Журнал об-ва счетоводов» и пытаясь сотрудничать в газ. «Рус. листок» и «Рус. слово», затем год был сидельцем винной лавки в Хамовниках (очерк «Винная лавка № 228» — «Речь», 1903, № 1, 2). В это время неск. раз встречался с Л. Н. Толстым («У графа Л. Н. Тол-

стого» — «Речь», 1903, № 5, 6; с сокр. — «Звезда», 1978, № 8, с. 62—64; Интервью и беседы с Львом Толстым, М., 1986). После возвращения в Петербург («где дышится много легче, чем в Москве») О. сотрудничал в «Петерб. газ.», газ. «Свет», в 1903—04 издавал ж. «Речь» (задуманный как продолжение «Луча»), опублик. там ряд стихотворений, фельетонов, заметок, в т. ч. о совр. лит-ре: «Лже-великий писатель» (1903, № 39) о М. Горьком, в к-ром он видит смесь «марлинщины» с «диомасовщиной»; «Декаденты» (№ 43). В 1905 неск. месяцев жил в приюте для немощных литераторов им. Пушкина в Одессе. Эпизодическим было его сотрудничество в газ. «Рус. гос-во», вскоре приостановленной, и «Россия». С 1911 по 1915 О. редактировал газ. «Орлов. жизнь», получив это место, видимо, по рекомендации П. А. Столыпина, к-рому ему удалось заинтересовать идеей «независимого правового органа» для рус. провинции («Аудиенция у П. А. Столыпина и катастрофа 12 авг.» — ИВ, 1913, № 3).

О. — автор более 10 романов. Исключая образцы откровенно слабой, «бульварной» беллетристики (трилогия: «Преступник» — «Луч», 1887, № 1—52; отд. изд. — СПб., 1888; «В Сибири», СПб., 1889; «Крах», СПб., 1890; а также романы: «Кто виноват?», СПб., 1891; «Мыкание», СПб., 1893; «Сквозь огонь и воду» — «Набл.», 1897, № 7—10), многие его произв. имеют публицистич. остроту, сближаясь по своим идеям с традицией антинигилистич. лит-ры. В основу наиб. значительных произв. («Последние язычники»; «Во мраке», СПб., 1881; рец. Н. К. Михайловский — ОЗ, 1882, № 11; «Старо-светские помещики. Очерки Зап. края», СПб., 1885) легли наблюдения автора над жизнью Зап. края, картины «мрачного сомнения» сепаратист. движения (восп. под этим назв. не сохр. — см.: ИВ, 1907, № 5, с. 410), типы польск. рев. подполья в Петербурге, в к-ром О. видел кровавую, уголовную подоплеку нигилизма. Наряду с пристрастием к внешним эффектам, психол. неправдоподобностью, произвольностью нек-рых сюжетных поворотов стилю романов О. присущи какой-то особый мрачный колорит, едкая, обличительная интонация, о чем писал, в частности, Михайловский, не без иронии отмечая, что, не будучи причастным к «отрицательной литературе», автор, тем не менее, не дает ни одного светлого образа (X, 81—82, 962—65).

Кроме указанных выше О. принадлежат многочисленные восп.: «Далекие годы. Автобиограф. хроника» [«Набл.», 1898, № 9—11; отд. изд. — СПб., 1899; с посв. Суворину; рец. 1899: (А. И. Потапов) — РБ, № 5(8);

ИБ, № 9; МВед. 17 янв.; РМ, № 1). «Убежище им. Пушкина для литераторов в Одессе» (ИБ, 1905, № 2), «Цадик Мендель из Любавич» (ИБ, 1905, № 12), «Интересный сектант» (ИБ, 1907, № 12), «Листки из записной тетради» (ИБ, 1911, № 5; о коронационных торжествах и ходынской катастрофе).

После Февр. революции 1917 О. переехал из Петербурга в Витебск, жил в нищете, относился к тем «неразумным несчастливцам, к-рые так усердно добивались переворота» (ИРЛИ, ф. 540, 1896, № 14). В 1919 переселился на хутор Касьяново под г. Борзной Чернигов. губ. В письмах из богадельни Борзны обеспокоен судьбой написанной им кн. «История революции в очерках и рассказах» (в 3 томах): «если умру в богадельне, бумаги мои погибнут» (там же).

Др. произв.: «На войне и дома» (СПб., 1880; рец.: ОЗ, 1880, № 3; под назв. «Из последнего времени», СПб., 1881; «Герои новейшего времени», 2-е изд., СПб., 1882; «На Балканах», П., 1916), пов. «Дело Анели Добрянской» («Набл.», 1903, № 2, 3), ром. «Чья вина?» («Речь», 1903, № 25—46), «Япония и японцы» (СПб., 1904), «Драма 11 марта 1801 г. Ист. роман в 3-х ч.» (СПб., 1910), «Воскресшая Россия» (ист. роман из эпохи Смутного времени) («Светлый луч», 1911, № 1—6, 10, 11), пов. «Господа Пруссакеры» (ИБ, 1912, № 3), «Страшное время. (Ист. роман из эпохи 1812 г.)» (Орел, 1913).

Лит.: Фаресов А. И., А. К. Шеллер. СПб., 1901, с. 162; Либрович С. Ф., Нерус. кровь рус. писателей, СПб., 1906, с. 55; Скроботов Н. А., «Петербург. листок» за тридцать пять лет. 1864—1899, СПб., 1914, с. 28, 30; Добро-вольский Л. М., Запрещенная книга в России. 1825—1904, М., 1962, с. 81—82; Ежегодник РО ПД. 1978, Л., 1980, с. 85 (письмо С. А. Венерову 1921); Барабошкин Д. А., Г. Успенский и рус. журналистика (1862—1892), Л., 1983 (ук.); Кузнецова С. А., Издат. деятельность О. и «Белорус. вест.». — В кн.: История книги, книг. дела и библи. в Белоруссии, Минск, 1986, с. 85—97; Шабтай бен-Иегуда (Дудак-ков С.), Цадик и антисемит. Предисл. к публикации. — «Возрождение», Иерусалим, 1989, № 11, с. 198—211. + Мехов; Михневич; Мезь-ер; Муратова (1; ук.); Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 178, к. 5337, № 20 (письма И. З. Сурикову); ф. 259, к. 18, № 17, 18 (письма Ф. И. Благову и И. Д. Сытину); РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3063 (письма А. С. Суворину); ф. 163, оп. 1, № 174 (письма Б. Б. Глинскому); ф. 1440, оп. 1, № 167 (письма И. А. Данилину); ф. 878, № 1571 (письма А. И. Сумбатов-Южину); ф. 2, оп. 1, № 455 (автограф неопубл. статьи О. по польск. вопросу); РГИА, ф. 777, оп. 3, л. 98, оп. 2, л. 63; РНБ, ф. 874, оп. 1, № 106 (письма С. Н. Шубинскому); ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, № 82 (письмо А. Н. Сальникову с биогр. справкой)*; ф. 540, 1896 г., л. 521 (прошения О. в Пост. комиссию)**; ф. 72, № 241 (письма Глинскому); ф. 181, оп. 1, № 498, 124 (письма Н. К. Михайловскому). М. В. Подмарькова.

ОКУЛОВ Алексей Иванович [22.9 (4.10).1880, с. Каратуз Минусинского окр. Енисейской губ. — 1939], прозаик, драматург, деятель рев. движения. Из семьи золотопромышленника. О детстве вспоминал как о сча-

стливой поре, облаканной «дыханием могучей и прекрасной природы» в предгорье Саян. С 1891 учился в Красноярской г-зии. В 1895, заболев туберкулезом, переехал в Киев, где окончил г-зию (1899). К этому времени относится увлечение рев. борьбой. Пред. I Всерос. съезда рев. гимназич. молодежи (Киев, 1898). В 1899 уехал в Женеву, где познакомился с Г. В. Плехановым; основал вместе с ним клуб рус. молодежи. В 1901 вернулся в Россию, работал ред. отд. местной корреспонденции газ. «Уральская жизнь» (Екатеринбург). В 1902 отправился в Москву, поступил в рев. класс К. С. Станиславского (Школа драм. иск-ва при МХТ). С 1903 — чл. РСДРП(б). По окончании Школы (1904) уехал в

Вологду реж. Нар. дома; во время Революции 1905 — командир боевой дружины. Затем — в Петербурге на нелегальной работе (подробнее см. Автобиографию в кн.: Писатели. Автобиографии и портреты совр. рус. прозаиков, М., 1926). С 1908 по 1913 жил гл. обр. в Париже.

В первом рассказе «Товарищ Тихонов» (ЖдВ, 1906, № 8), содержащем, как и многие др. произв. О., автобиографич. мотивы, гл. герой — молодой реж. Нар. дома, мечтающий об иск-ве и революции, постепенно приходит к тому, что вся жизнь, в т. ч. и иск-во и любовь, в условиях рев. борьбы (символ зла для него — «черная сотня») должна быть подчинена утверждению прав рабочего человека. Лит. почерк О. складывается под влиянием не только социалистич. идеологии (от нее — нек-рый схематизм и «направленческая» установка первого рассказа), но и романт. настроений, навешенных совр. скандинав. лит-рой, в частности К. Гамсуном (поэтизация природного начала, трактовка любви как стихии, подчиняющей себе все, и др.):

очерки «Саяны» (РМ, 1908, № 4), «Лесная новелла» (ЛПН, 1908, № 11). Губительная сила страсти становится одной из осн. тем О.: новеллы «Милее жизни» (ЛПН, 1909, № 4) из жизни прискоковиков, «Батраки» (там же, № 12), «Девушка Гуттун» (там же, 1910, № 1), очерк «Кузькина беда» (там же, № 7), рассказ «На Амьле-реке» (СМ, 1910, № 7) и др. В последнем произв., неоднократно переизд., критик М. В. Морозов, оценивший «подлинно прекрасные строки», «изобразительность» и талант начинающего автора, отметил вместе с тем «слащавый сентиментализм»: в нем «больше городского нытья, чем таковой суровой тоски» («Всеобщий ежемесячник», 1910, № 8, с. 123—27). М. Горький, познакомившийся с неск. сочинениями О. в рукописи (письмо О. к Горькому от 26 мая 1910 — Архив А. М. Горького, КГ-II, 55.21.1, № 22737), находил в них «все чужое» — влияние А. М. Ремизова и М. М. Пришвина (письмо В. С. Милюкову — Горький, XXIX, 181). Несмотря на малочисленные и в осн. отриц. отзывы критики, произв. О. все же имели нек-рый успех: рассказ «Алые зори — дни весенние» («Новое слово», 1911, № 10) был удостоен премии на II Всерос. лит. конкурсе редакции «Бирж. вед.».

Одна из сквозных тем произв. О., основанная на личном опыте, — драм. положение рус. эмигрантов, истосковавшихся за границей без рев. дела и без надежды быть когда-либо востребованными на родине. В рассказе «С той стороны» («Совр.», 1911, № 8) — трагич. портрет эмиграции, безуспешно пытающейся утопить в водке «неясное томление, беспредельную, ноющую тоску». 28 июля 1909 О. писал из Парижа родным: «Работа — это единственное, что наполняет мою жизнь здесь, что дает жить и дышать. Без этого я не выдержал бы этой тяжелой оторванности от всего, этих приступов тоски по России, к-рые иногда находят на меня и треплют, как лихорадка, неделями» (цит. по кн.: В рев. семье. Документальная хроника, Красноярск, 1971, с. 141; сост. И. Окулова). В 1911 О. был корр. газ. «Юж. мысль» (Одесса), освещая события итало-турецкой войны (псевд. А. Тamarin). С 1912 его произв. вновь появились в столичных журналах. Под псевд. Александр Тamarin публиковал исключительно жанровые, приключенч., детектив. истории для «легкого» чтения: «Шпион» («Солнце России»), 1912, № 17; то же: «Волны», 1912, № 6), «Фабрика еннухов» («Синий журнал», 1912, № 17), «Бонза» («Солнце России», 1913, № 17), «Эльсы» («Жизнь», 1913, № 37), «Рысью марш» (там же, 1913, № 40), «Мышка» (там же,

1914, № 5), «Холостая фортунка» (там же, 1914, № 9), «Там мой Аллах» («Аргус», 1914, № 18), «Не надо» («Лукоморье», 1915, № 29), «Царица Игамет» («Жен. жизнь», 1915, № 10), «Аю» («Свободный журнал», 1915, № 15), «Походные песни» (ЖЖ, 1915, № 8), «Юнька» («Рус. илл.», 1915, № 14), «Хромой чёрт» (там же, № 17), «Семь покрывал» («Жизнь и суд», 1916, № 15), «Переоценка» (ЖЖ, 1916, № 20), «Пресса и власть» (там же, 1916, № 7) и др. Под тем же псевд. печатался единств. роман-хроника О. из совр. турец. жизни «Селимэ» («Всемир. новь», 1913, № 30—38) — о судьбе евр. девочки, ставшей поэтессой Селимэ и лидером жен. движения в Турции (добившейся роспуска гарема).

В 1913 О. по паспорту брата (впоследствии расстрелянного белогвардейцами) вернулся в Россию. В сходных обстоятельствах оказался и герой его рассказа «Возвращение» (ВЕ, 1915, кн. 5), почувствовавший себя на родине настолько счастливым человеком, что решил добровольно сдать полицию: отныне и тюрьма не может ему помешать быть свободным. Критика скептически отнеслась к такому сюжетному ходу: «... герой — сложная слав. душа и, стало быть, поклоняется страданию и скрытой в нем силе искупления. ... Что же, *такому* „эмигранту“, пожалуй, там и место; древние иудеи пригвоздили к дверному косяку рабов, добровольно предпочитавших рабство свободе» (ЖЖ, 1915, № 6, с. 21). В отличие от своего героя, автор по возвращении в Россию был арестован полицией и 3 года провел в тюрьмах Вологды и Москвы. В результате переосмысления своего эмигрант. опыта О. создает психол. портрет соотечественника, оказавшегося за границей чужим: рассказы «Среди виноградунов» («Нива», 1914, № 23—25), «Над Луарой» (ВЕ, 1914, кн. 9). Герои О. — «странные русские», скитающиеся без денег, без крыши над головой и надежды когда-нибудь обрести родину, дом и любовь.

Первая кн. О. «„На Амыле-реке“ и др. рассказы» (М., 1916) была встречена критикой как проявление «безвольной, бессильной романтики» (О. М. Брик — «Летопись», 1917, № 1, с. 325). Др. рецензент отметил влияние Гамсуна на стиль О.: «С каждой страницы, из диалога, даже в манере подойти к теме, — выглядывает Гамсун, шуршит страницы его „Голода“ и витает мечта об „Иллаяли“» (СМ, 1917, № 1, с. 311; сочувств. отзыв: «Рус. воля», 1917, 16 янв.).

В 1916 освободившись из тюрьмы, О. попал на фронт, но вскоре по болезни получил отпуск, к-рый провел с женой в Сибири, где и застала его

Февр. революция. Его отношение к Первой мировой войне отличалось от позиции большевиков: герои пьесы «Добровольцы» (ЕЖЛ, 1916, № 3) считают необходимым исполнение воинского долга.

После революции О. был пред. Губисполкома Енисейской губ., пред. съезда рев. советов средней Сибири, пред. I Общесиб. съезда советов, чл. Учредит. собрания от Енисейской губ., чл. Президиума ВЦИК I созыва, чл. реввоенсовета Юж., Зап. фронтов, чл. реввоенсовета Республики, командующим войсками Вост. Сибири и др. Убежденный сторонник Учредит. собрания (брошюра «Задачи революции и Учредит. собрание», Красноярск, 1917), О. тем не менее принял большевист. вариант развития событий.

Впечатлений Гражд. войны О. хватило на многие годы. Авт. позиция О. противоречива. Партийная принадлежность не помешала ему увидеть ее повсеместную жестокость и опустошительные последствия. В скупой манере дана картина изнуряющего голода и массового переселения полумертвых крестьян из сиб. села в рассказе «Хлебушка» («Моск. алым.», М.—Л., 1926; рец.: С. Пакентрейгер — «Красная новь», 1926, кн. 4, с. 233—34). В одноакт. драме «Возмездие» («На Амыле-реке. Сб. рассказов», М.—Л., 1925) показан трагич. исход Белой армии в безмерной снежной пустыне Сибири. А. Лехнев полагал, что О. возвращается к старой, водянисто-закругленной манере письма («Печать и революция», 1925, № 5/6, с. 526—27; см. также рец.: «Сиб. огни», 1925, № 4/5, с. 242).

В ряде случаев, однако, О. стремился оправдать необходимость многочисленных жертв во имя утверждения светлого будущего, как в рассказе «Крестьянская война» («Прибой», альм. 1, Л., 1925; сочувств. отзыв: А. Зорич — «Правда», 1925, 9 окт.). Положительно была встречена кн. О. «Нежданная встреча» (М., 1928; рец.: С. Вржосек — «Звезда», 1928, № 11, с. 159—60). В дальнейшем в отзывах на соч. О. преобладал критический подход. Кн. рассказов «Побег» (М., 1930) Т. Перимова назвала безликим изданием («Книга и революция», 1930, № 7, с. 38—39). Ю. Красовский считал, что в ней «... нет внутр. единства, общей тематич. направленности, нет того, что позволило бы определить авт. лицо» («На лит. посту», 1930, № 7, с. 70). Негативно оценивал многие произв. Горький. Показательна его реакция на пьесу О. «Водоворот» (судьба рукописи неизвестна), нагнетающую картины садизма, убийств (письмо к О. от 3 авг. 1921 — Горький, ХХІХ, 403). Кн. «Камо. Вологодская республика» (М.—Л., 1931),

включающая очерк и восп. О. о Революции 1905—07, получила уничтожит. оценку Горького в ст. «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.» (Горький, ХХV, 474—75; см. также рец.: Г. Александров — «Книга молодежи», 1932, № 1/2, с. 44—46). После критики Горького О. почти не издавали (отриц. отзывы В. А. Гольцева на рукопись О. в изд-во «Федерация» от 24 нояб. 1931 — РГАЛИ, ф. 625, оп. 1, № 121, л. 16—19; отриц. отзывы Астафьева от 12 июня 1931 — там же, л. 20—21 об.).

В 1937 О. был арестован. Умер в заключении («Театр. жизнь», 1989, № 13, с. 28).

Др. произв.: «Старый одноглазый» («Нива», 1911, № 1), «Разлука» (ЛПН, 1911, № 6), «Небогата замка» («Совр.», 1911, № 7), «В осенние дни» («Заветы», 1912, № 5—6), «Случай одной жизни» («Совр.», 1912, № 11), «По теплым местам» («Новое слово», 1913, № 7), «Сонин день» («Алым. Севера», кн. 1, СПб., 1914), «Апаш» («Новая жизнь», 1917, № 1).

Изд.: Заметки об ораторском иск-ве. Пособие для агитаторов, М., 1922; Заметки Ивана. Рассказы, М.—Л., 1926 (М., 1935); В снегах. Рассказы, М., 1928; Юность. Повести и рассказы, М., 1958 (предисл. Вл. Лидина).

Лит.: Белоусов (1); Архив Горького, т. X, кн. 2, с. 16; Эрзенбург И. Г., Собр. соч., т. 8, М., 1966, с. 80; Боиш революцион, Красноярск, 1982, с. 159—62; Шмаков А. А., Шмакова Т. А., Урал литературный, Челябинск, 1988, с. 197. + Владиславлев; ЛЭ; КЛЭ; ИДРДВ; Машанов.

Архивы: ИМЛИ, ф. 366; РГБ, М 9585-а, № 31 (автобиография 1926); РГАЛИ, ф. 388, оп. 1, № 84 (письма Ф. Е. Поступасу); Архив А. М. Горького, КГ-рл, 28.57.2, № 14577 (письмо сестры Камо — Дж. Хутулашвили к М. Горькому от 3 мая 1931 с благодарностью за выступление против кн. О. «Камо»).

В. Н. Абросимова.

ОКУЛОВ Григорий Андреевич (по др. сведениям — Афанасевич*) (1794 — 1837*, Петербург; похоронен на Смоленском кладб.), поэт. Из духовного звания. Воспитанник Александров-Нев. духовной акад. В юности, видимо, пользовался поддержкой влият. и состоят. людей (в т. ч. Д. И. Хвостова), о чем свидетельствуют первые поэтич. публикации О. — дифирамбическое «Послание к его сиятельству графу Д. И. Хвостову» и стих. «На брак моего благодетеля С. И. Г. К. [Голенничева-Кутузова? — Ред.]» (оба — СПб., 1812).

Участвовал в Отеч. войне 1812 волонтером (так обозначен социальный статус О. в книге подачи рукописей — РГА, д. 183), вероятнее всего — в составе петерб. ополчения. В патриотич. одах О. — «Героическая песнь на победы, одержанные над французами при Двине, под предводительством гр. Витгенштейна», «Стихи на победы, одержанные над французами гр. Витгенштейном при Полоцке» (обе — СПб., 1812), «Ода

на взятие Парижа» (М., 1814) — звучат обычные для лит-ры тех лет темы: слава рус. оружия, величие самодержавия, злодеяния французов, ужасы войны; рисуются яркие, порой несколько натуралистические картины сражений («Там шлем в крови плывет с главою./ Здесь, мстящей поражен рукою./ Злодей персть собственну грызет» — «Героическая песнь...», с. 10). Наиб. успех имело стих. О. «Встреча Суворова с Кутузовым, или Вести, принесенные в царство мертвых князем Смоленским» (СПб., 1813, 1814; вошло также в сб.: «Собр. стих., относящихся к незабвенному 1812 г.», ч. 2, М., 1814).

В дальнейшем О. продолжал сочинять парадные оды. В стих. «Чувства русского в день священнойшего коронования государя имп. Николая Павловича» (СПб., 1826) содержится отклик на восстание декабристов, осуждаемых автором за распространение в России, хранящей «благочестие отцов», «заразы» Французской революции. «Ода на победу в Персии» в 1828 не была пропущена цензурой как «затрагивающая полит. вопросы» (РГИА, д. 786).

В 1817 О. выступил с критич. ст. «Рассмотрение Рассуждения, изданного г. Измайловым в журнале С. О. [Сын отечества], о Басне, и самих его Басен» (СПб.). Упрекая А. Е. Измайлова в недостаточности вкуса, смысловых несообразностях и стилистич. нелепостях (приводил в пример «простонародные» басни Измайлова, в т. ч. «Пьяницу»), О. оспаривает авторитетность его теоретич. рассуждений. На брошюру откликнулся Измайлов (СО, 1817, № 9; подпись Е.), в свою очередь и не без оснований упрекавший О. в нарушениях логики и погрешностях языка.

Возможно, «Рассмотрение...» О. имело целью защитить от нападок Измайлова Хвостова, к-рому О. был близок (ср. указание И. П. Быстрова о том, что О. «выправил» стихи Хвостова. — РГБ). Митрополит Евгений (Болховитин), получивший экз. «Рассмотрения...» от Хвостова, писал последнему, что О. «довольно запугали» Измайлову за выпады против Хвостова, сделал «много весьма справедливых упреков... сему неопытному критику, хотя... нице и призывно», а досада Измайлова «есть очевиднейшее доказательство» его неправоты (Грот Я. К., Перепица Евгения с гр. Д. И. Хвостова. — В кн.: Сб-к ОРЯС, т. 5, в. 1, СПб., 1868, с. 164—65).

Резкий тон полемики не помешал Измайлову позднее поместить в ж. «Благонамеренный» отрывок из «Федры» Ж. Расина в пер. О. (1823, ч. 24, № 22; полное изд. — СПб., 1824).

В 1828 О., служивший до этого в чине губ. секр. в петерб. Палате гражд. суда, поступил в С.-Петерб. правосл. духовную сем. учителем фин. языка, представив свидетельство о знании языка от Коллегии иностр. дел (приняв решение о введении преподавания фин. языка,

правление семинарии в течение двух лет до этого не могло найти учителя). Несмотря на отсутствие учеников, О. успешно справлялся с преподаванием (за 9 лет его учительства число учащихся финскому выросло втрое). Одновременно по поручению Комиссии духовных уч-щ занимался корректурой религ. изданий на фин. яз., переводил с рус. на финский (в т. ч. краткий катехизис). В 1833 ездил в Гельсингфорсский ун-т для усовершенствования в фин. филологии. Составил «Российско-финскую азбуку» (СПб., 1833) и «Грамматику финского языка» (СПб., 1836), получившую одобрит. отзыв из Гельсингфорского ун-та. Однако представление грамматики к награде и посвящение ее наследнику престола были отклонены правлением семинарии из-за неблагопристойного поведения О. (в 1835 в семинарию дважды поступали полиц. сообщения о том, что О. был выпущен пьяным из Обводного канала, в нетрезвом виде попал в часть и буйствовал). В ф. с. 1836 отмечено, что О. «поведения порядочного, но по болезненным припадкам не всегда исправен и не совсем надежен» (Надеждин, с. 46). Уволенный из семинарии в 1837 (в чине тит. сов.), О. умер в Маринской больнице для бедных.

Лит.: Надеждин А., История С.-Петерб. правосл. духовной сем., СПб., 1885, с. 37, 46, 85, 86. + Адрес-календарь на 1837 г. (СПб.); РБС; Геннади; Венгеров. Словос.

Архивы: РГИА, ф. 777, оп. 27, д. 183, л. 77 об., оп. 1, 1828 г., д. 786 (ценз. мат-лы) [справка А. И. Рейтбума]; РГБ, ф. 233, к. 38, № 40* (бюгр. сведения, записанные И. П. Быстровым).

М. М. Гоцкал.

ОЛЕНИН Алексей Николаевич [21.11(2.12).1763, по др. сведениям — 1764*, Москва — 17(29).4.1843, Петербург; похоронен на Тихвин. кладб. Александро-Невской лавры], археолог, филолог, палеограф, график; держатель изв. лит.-худож. салона; автор многочисл. статей и брошюр разнообразной тематики. Из старинного дворян. рода, внесенного в «Бархатную книгу» (изв. с 16 в.); сын стат. сов. Ник. Як. Оленина и Анны Сем., урожд. кн. Волконской. Двоюродный брат С. Г. Волконского, прадед П. А. Оленина. Детство в осн. провел в родовом имении Салаур Касимов. у. Рязан. губ., получил прекрасное дом. образование. В 1774 был привезен в Петербург к родственнице — кн. Е. Р. Дашковой (в будущем президент Рос. академии), в доме к-рой, по семейному преданию, его заметила Екатерина II, определившая его в Пажеский корпус (о серьезности интересов и начитанности юного О. свидетельствует составленный им в 12-летнем возрасте составленный им в 12-летнем возрасте каталог личных книг; опубли. в ст.: Мартынов И. Ф., О библиотеке екатерининского пажа... — «Памятники культуры. 1977», М., 1977).

Бытовала легенда о том, что до 18 лет О. был «всичайшим невеждою» и послужил Д. И. Фонвизину прототипом для его Недоросля («Бурнашев В. П.), Предание о том, кто был оригиналом «Митрофанушки» Фон-Визина. — «Илл.», 1861, № 158). Не имеяшая под собой оснований, она, однако, широко распространилась, добавляя краску парадоксальности к канонич. портрету О. — человека европейски образованного, покровителя наук и иск-в.

Пять лет (1780—85) обучался «воинским и словесным наукам» в Арт.

школе в Дрездене, откуда вернулся знатоком древности, любителем пластики, иск-ва, рисовальщиком, страстным почитателем античности (в значит. степени под влиянием трудов И. И. Винкельмана). В совершенстве овладел нем. и франц. языками, в разной степени знал итал., исп., евр., араб. языки, латынь, нек-рые из слав. языков, в 1800-е гг. выучил др.-греческий. В службу вступил в авг. 1783, находился в гл. артиллерии (с 1786 капитан). В нач. 1789 после непродолжит. отставки по болезни определен в Псковский драгун. полк подполковником для устройства конной артиллерии (первой в России). Участвовал в Швед. кампании 1789—90, в Польском походе (1792).

Воен. карьера не препятствовала филол. занятиям О. За составленное им «Толкование многих рус. старинных речений» (не изд.) он в 1786 избирается, по предложению Дашковой, в члены Рос. академии. К нач. 1790-х гг. имел обширные лит. знакомства, был близок к кружкам архитектора, а также и музыканта Н. А. Львова и Г. Р. Державина, где сблизился с В. В. Капнистом (всех четверых связывали родств. отношения), М. Н. Муравьевым; был дружен с И. И. Хемницером.

Выполненные О. «виньетки» (стилизованы под антич. классику) для поднесенного Екатерине II тома стихотворений Державина (1795) принесли ему славу искусного и тонкого «изографа» — иллюстратора, стремившегося, как и Львов, «домолвить то карандашом, что словами стихо-

творец не мог или не хотел сказать» (цит. по: Тимофеев, 1983, с. 27) (ср. в письме К. Н. Батюшкова к А. И. Тургеневу, 1814: «Если вы хотите сделать великолепное издание [В. А. Жуковского. — *Ред.*], то ... просите А(лексея) Н(иколаевича) нарисовать какую-нибудь мысль» — Батюшков, III, 302).

Антич. вазопись, медали и камен использовались О. при иллюстрировании «Басен и сказок» Хемницера (1799) — одного из лучших изд. «классич. стиля» (см.: Сидоров А. А., История оформления рус. книги, М., 1964, с. 172). В числе первых в России О. освоил новые способы гравирования (лапис и ахватунта). Мн. книги первой трети 19 в., выделяющиеся изысканством оформления (в т. ч. произв. И. А. Крылова, В. А. Озерова, Жуковского, «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина), отмечены монограммой О., свидетельствующей о том или ином участии О. (составлял «программы» иллюстраций, делал черновые наброски, под его присмотром работали граверы).

Уволившись из воен. службы с чином полковника, О. в апр. 1795 поступил в Экспедицию Гос. ассигнал. банка (1797 — управляющий; стат. сов., в 1798 произведен в д. стат. сов.). С окт. 1797 управляющий Монетным двором; изучал технологию изготовления монет, позднее составил «Опыт о правилах медальерного искусства» (СПб., 1817). С 1799 обер-прокурор 3-го деп. Сената. В звании статс-секретаря (апр. 1801) приглашен вместе с М. М. Сперанским для образования Канцелярии при Мин-ве внутр. дел. С 1803 товарищ министра уделов (с оставлением в прежних должностях).

В антинаполеоновскую кампанию 1806—07 участвовал в земском ополчении (милиции), пожертвовал 2000 руб. и две пушки; награжден зол. медалью и правом на ношение милиционного мундира, к-рый впоследствии охотно надевал в торжеств. дни, предпочитая другим, более соответствовавшим его высокому положению. Ненавидя к Наполеону, антифранц. настроения О. (ср.: Батюшков, III, 210—11), обострившиеся в 1812, нашли отражение в «Письме к архимандриту Филарету» («Чтение», 1813, кн. 13), а также в составл. им «Собрании разных происшествий, бывших в нынешней войне с французами...» (опубл. под назв. «Рассказы из истории 1812 года» — РА, 1868, № 12); сквозь конспективное изложение более 30 случаев, преим. со ссылкой на очевидцев, просвечивает авт. антитеза нравств.-патриотич. поступков рус. солдат и крестьян, явившихся закономерными плодами «родительского семейного правления» в России, и зверств, дикости, богохульства французов — «детей неистовой Французской революции» (там же, стб. 1993, 1995).

В первые годы 19 в. вокруг О. складывается дружеств. лит. кружок (Озеров, Капнист, Н. И. Гнедич, Крылов, А. А. Шаховской, С. Н. Марин, Батюшков, С. С. Уваров и др.),

в к-ром исповедовался культ античности, связанный не только с воскрешением антич. форм, но сопрягаемый, впервые в России, с эстетич. идеалом — вслед за теоретиком «веймарского классицизма» Винкельманом и И. Г. Гердером. О. и члены его кружка стремились постигнуть «подлинную» античность, мир «благородной простоты», в ее ист., нац. и ценностной определенности, самобытности в противовес идеальному образу античности в «абстрактном» или салонно-подражат. франц. классицизме. Именно на почве такого осмысления антич. культуры в кружке О. (нек-рые исследова-

рус. лит.-обществ. жизни начала века, искания кружка определяли «умственную атмосферу» и позднее, в 1810-е гг. Члены раннего кружка О. — «зародыша» будущих лит. обществ, размежевавшись, стали активными участниками «Беседы любителей рус. слова», с одной стороны, и «Арзамаса» — с другой (Гиллельсон, с. 4, 19—20, 34).

В недрах кружка родился «Драм. вестник» (Петербург, 1808) — первый в России театральный ж-л. Достаточно пестрый по составу (наряду с членами кружка, Крыловым, Шаховским, Мариным, печатались А. С. Шишков, Д. И. Хвостов и др.),

Салон Олениных в Петербурге. Рис. неизв. художника. 1810-е гг.

тели определяли его эстетику как «неоклассицизм») складывался стиль рус. ампира 1-й четв. 19 в. с его интересом к нац. культурным традициям, ист. «древности» и разложением рационалистич. эстетики классицизма под влиянием сентиментальных и преромант. веяний (см.: вступ. ст. Б. В. Томашевского к «Стихотворениям» Батюшкова, 2-е изд., М., 1948, с. VIII, XXV—XXVI; История рус. лит-ры в 10 тт., т. 5, М.—Л., 1941, с. 421—23). Не случайно кумиром кружка сделался В. А. Озеров: у Олениных вынашивались первые постановки его трагедий, проходили репетиции, О. делал замечания по тексту, готовил эскизы костюмов (ему посв. «Фингал»: «С совета твоего, Оленин, я решился/ Народов северных Ахилла описать»).

«Промежуточность» позиции раннего оленинского кружка (о деятельности к-рого сохранилось мало свидетельств), объединявшего, как и поздний кружок и салон О. (см. ниже), старое и молодое поколения литераторов, была плодотворна для

ж-л отражал взгляды «драматургич. ядра» оленинского кружка (прежде всего, Шаховского и самого О.; отношения между ними осложнились, и ок. 1810 Шаховской перестал посещать кружок. — ИВ, 1896, № 7, с. 28). О. опубл. здесь статьи с характерной для него «узкой» конкретностью и фрагментарностью «О части доспеха древних греков и римлян, называемой кнемида», «О новоизобретенных земледельческих орудиях», «О боевом или солдатском оружье», все — ч. 5).

Назначенный в 1808 пом. гл. директора имп. библиотек, О. стал первым директором имп. Публичной б-ки (1811), занимал этот пост более 30 лет, именно при нем сформировалась 1-я в России нац. публичная б-ка. Стремясь к универсальности и многоязычности фондов (О. приобретал и частные собрания и коллекции, рус. и иностранные, в т. ч. восточные), он отдавал предпочтение комплектованию книг по ист. дисциплинам, классич. филологии, изобразит. иск-ву и др. близким ему предме-

там, а также рукописей и старопечатных изданий. По предложению О. в утвержденное Александром I Положение о Публичной б-ке был заложен «закон» об обязат. экземпляре, позволивший значительно расширить рус. фонд (с 4 экз. в 1808 до 26 тыс. книг, не считая дублетов, в 1836). Уже к 1820 по количеству фондов б-ка занимала 4-е место среди европ. библиотек (подробнее см.: Голубева, 1988).

Перу О. принадлежат документы, регламентирующие фактически все библиотечные процессы: его библиотечарский опыт нашел отражение в ст.: «Опыт нового библ. порядка для С.-Петерб. имп. библиотеки» (СПб., 1809), «Правила, высочайше утвержденные, для посетителей имп. Публичной библиотеки...» (СПб., 1814), «Публичные библиотеки в Париже и Публичная библиотека в Санкт-Петербурге» (СПб., 1832, 15, 16, 18 апр.; отд. изд. — СПб., 1832) и др. Особое значение О. придавал подбору кадров, считая, что библиотечар должен в совершенстве знать свой фонд, быть «живым каталогом» (умаление роли собственно каталогов, не очень грамотно осуществлявшаяся каталогизация собрания составляли слабую сторону деятельности О.); среди первых сотрудников были многие литераторы и ученые, в т. ч. Гнедич, Крылов, Батюшков, Уваров, А. Х. Востоков, М. Н. Загоскин, А. А. Дельвинг. О. поощрял их занятия на лит. и учебном поприще: он ввел институт почт. библиотечарей, в их числе был, в частности, В. Г. Анастаскин.

Вслед за «Беседой...» и Рос. академией б-ка — место службы нек-рых «беседчиков» — сделалась мишенью для «арзамасцев», однако сам О., хотя и представлял в своем лице все три учреждения, в осн. был обойден вниманием молодых остроумцев: номинальное участие О. в «Бесед...» во многом было обусловлено дружескими и семейными связями (в 1818 избран почт. чл. ВОЛРС — База-нов).

Значит. авторитет приобрел О. как собиратель рус. и слав. древностей, знаток материальной культуры античности и средневековья; к его помощи прибегали А. И. Мусин-Пушкин, гр. Н. П. Румянцев, митрополит Евгений (Болховитинов), Г. И. Спасский (письмо О. к нему о портрете Ермака — «Соревнователь», 1821, № 9) и др. Велика роль О. (во многом и оленинского кружка, обсуждавшего каждую песнь «Илиады») в создании Гнедичем перевода гомеровского эпоса: в 1811—29 О. написал более 30 писем («диссертаций») Гнедичу — по существу, археологич. и лингв. исследований (опубл. в изд.: «Изв. имп. Рус. археологич. об-ва», т. 8, в. 1, СПб., 1877; Оленин А. Н., Археологич. труды, т. 1, в. 1; Сб. ОРЯС, 1914, т. 91, № 1) — с разъяснениями ок. 200 др.-греч. слов и рисунками; на протяжении многолетней работы О. с воодушевлением поддерживал Гнедича, одобрял его в выборе гекзаметра, в использовании диалектизмов и старославянизмов. Взгляды О. на иск-во получили отражение в очерке Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» (1814). О. принадлежит ряд работ по ар-

хеологии, истории, палеографии [в нек-рых принимал участие археограф и палеограф А. И. Ермолаев (1779—1828), сослуживец и домочадец О.]: «Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину. О камне Тмутараканском...» (СПб., 1806; положило начало рус. эпиграфике), «Опыт о приделках к древней статуе Купидона, натягивающего тетиву на лук» (СПб., 1815), «Письмо к Е. Ф. Тимковскому о беспрестанной молитве ламаитов...» (СПб., 1824), «Рязанские русские древности...» (СПб., 1831), «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян...» (СПб., 1832), «Опыт о костюме и оружии гладиаторов...» (СПб., 1835) и др. При содействии О. была организована первая археогр. экспедиция Академии наук (1809—11).

Совм. с Ермолаевым О. предложил принципы издания рус. летописей, называвшиеся «скорее исхитить из рук тлетворного времени малые остатки деесписаний» («Краткое рассуждение о издании полного собрания русских деесписателей» — СО, 1814, № 7, с. 10): отказ от сведения всех списков, максимально точное воспроизведение оригинала; сам О. так и не успел подготовить издание рус. летописей, оно начало выходить после его смерти.

Разносторонняя образованность (хотя в большинстве случаев и не выходящая за дилетантский уровень), широкий круг знакомств, а также нек-рые личные качества — доброжелательность, уравновешенность и исключительная энергичность — позволили О. стать хозяином едва ли не самого знаменитого салона 1-й трети 19 в., объединявшего вокруг себя литераторов нескольких поколений, разл. эстетич. пристрастий. У О. бывали Державин, Н. М. Карамзин, Крылов, Гнедич, И. М. Муравьев-Апостол, В. А. Жуковский, Батюшков, Пушкин, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, И. И. Козлов, М. Е. Лобанов, В. А. Соллогуб, художники К. П. и А. П. Брюлловы, О. А. Кипренский, А. Г. Венецианов, скульптор И. П. Мартос, архитектор В. П. Стасов, М. И. Глинка и мн. др. — «все без исключения русские таланты того времени собирались около него» (Аксаков С. Т., ПСС, т. 3, СПб., 1886, с. 262; ср., однако, мнение Жуковского: дом О. «есть место собрания авторов, которых он хочет быть диктатором» — письмо поэта к А. П. Киреевской, 1815, Уткинский сб. 1, М., 1904, с. 13). Место карт и затяжных застолий (непрерывная черта др. дом. собраний) занимали чтение и обсуждения новых соч., лит. новостей, науч. споры, в т. ч. о выработке новых худож. форм, ист. и нап. содержания иск-ва, повлиявшие на молодого Пушкина — «своего че-

ловека» в салоне О., музицирование, шарады, «живые картины» и пр. Эстетич. неформальность, принципиальная «надпартийность» (расцвет салона пришелся на время войны «Арзамаса» и «Беседы...», члены к-рых встречались у О.), установка на самоценность таланта, открытость дома, простота и свобода общения («ужинали ... без церемоний и ... без чинов» — Кэрн А. П., Востп. Дневники. Переписка, М., 1989, с. 28) создавали особую ауру салона, «атмосферу света, знания, талантливости, терпимости и добра» (Стасов В., Востп. о моей сестре. — «Кн. „Недели“», 1896, № 1, с. 205).

Популярности салона немало способствовала жена О. — Елиз. Марковна, урожд. Полторацкая (1768—1838; сестра А. М. Полторацкого и Варв. Марковны, жены Д. Б. Мержаго, тетка С. Д. Полторацкого и А. П. Керн): «одаренная умом женым и кротким нравом, она оживляла и одушевляла общество в своем доме» (Уваров, с. 39).

В летние месяцы оленинское общество в значит. своей части перемещалось на их дачу в Приютино под Петербургом (построена, видимо, по проектам Львова; ныне мемориальный музей-усадьба) — салонная традиция обогащалась чертами усадебного быта: прогулки верхом, стрельба из лука (О. показывал, как надо натягивать тетиву), горелки, лапта, игра в волан, дом. праздники с театрализованными представлениями (б. ч. ставились произв. «приютинцев»; среди актеров Гнедич, Крылов — пост. обитатели Приютина, Лобанов, Пушкин), фейерверками, иллюминациями (хлопоча по устройству праздников, О., по собств. признанию, «бегал, как угорелая кошка» — цит. по: Тимофеев, 1983, с. 50); жизнь дома представляла «искусное сочетание всех приятностей европейской жизни с простотой, с обычаями русской старины» (Вигель, II, 47).

Ценнейшими памятниками салонной культуры остались альбомы (хранятся в РНБ, ГРМ, РГАЛИ), шаржи и карикатуры, дружеские послания, эпиграммы (известная эпиграмма на Крылова, предположительно атрибутированная О., — см.: Голубева, 1988, с. 73), стихотв. «написи» и т. п., тексты, отмеченные чертами кружковой семантики (подробнее: Устимович, с. 402—04); О. и членам его семьи — жене и детям, вместе с их друзьями особенно оживляющим приютинское собрание в 1810—1820-х гг., — посв. мн. лит. произведений: стих. Державина, Крылова, Марина, М. В. Милонова, Батюшкова («Послание к А. И. Тургеневу», 1817—1818), Гнедича («Приютино», 1820) и др.

Дослужившись до чина тайного советника и должности статс-секретаря по Деп. гражд. и духовных дел (1810), О. с 1812 исправлял обязанности Гос. секретаря (утвержден в должности в 1826). Чл. Гос. совета (с 1827); в этом качестве участвует в следств. комиссии по учреждению секретного надзора над Пушкиным (1828), связанного с разбором дела о распространении элегии поэта «Андрей Шенье» (см.: Черейский). Чл. Гл. управления цензуры (1828).

Блестящие администраторские дарования О. в сочетании с проф. знаниями проявились и на др. его многолетнем поприще — президента Академии художеств (с 1817; поч. чл. с 1804). Приняв Академию в состоянии «растерянности во всех частях», О. осуществил серьезные хоз. и финансовые реорганизации, наладил быт воспитанников, составил программы учебных курсов (см. об этом: «Краткое ист. сведение о состоянии имп. Акад. художеств, с 1764-го по 1829-й г.», СПб., 1829; «Отчет президента имп. Акад. художеств с 1817 по 1834 г.», СПб., 1834). «Строгости нового президента», по словам современника, «сделали сильный переворот в занятиях и поведении учеников», Академия при О. «преобразовалась в благоустроенное заведение» (Иордан Ф. И., Зап. ректора и профессора Акад. художеств, М., 1918, с. 15).

О. добивался соблюдения устава, запрещавшего принимать в Академию крепостных; обосновывая необходимость этой меры в письмах к А. А. Архипову (1817), в числе гл. доводов он указывал на драм. участь людей «холмогского звания», к-рые, «возвышаясь» в Академии художеств «духом и умом», «делаются не годны ни Богу, ни государю, ни помещику, ни самому себе» (РС, 1875, № 10, с. 285, 287). Особое внимание О. уделял собиранию музея при Академии художеств, куда, в частности, передал свои коллекции старинного оружия и одежды; заботился о приобретении для Академии предметов антич. и ср.-век. культуры.

Как Гос. секретарю О. пришлось хранить «секретный пакет», читать на заседаниях Гос. совета манифест Александра I и акт отречения вел. кн. Константина Павловича.

Скрупулезное описание событий дворцовой жизни периода междоусобицы (25 ноября — 13 дек. 1825) О. оставил в «Записке Гос. секретаря А. Н. Оленина о заседании Гос. совета по получению известия о кончине императора Александра I» (опубл.: Сб-к имп. Рус. ист. об-ва, т. 20, СПб., 1877). Не лишенная отяг. противоречий в фактич. изложении, «Записка...» живо передает общую атмосферу, сообщает любопытные детали, рисует колоритный образ автора, ощущающего себя, несмотря на неопределенность ситуации и неразбериху, действующим лицом «значимого события».

События 14 декабря отражены в письме О. к дочери и зятю — Варваре Ал. и Григ. Никан. Олениным от 24 дек. 1825 (опубл. под назв. «Частное письмо о происшествии 14 дек. 1825 г.» — РА, 1869, кн. 1, № 4), хотя и под несколько своеобразным «углом зрения»: не выходящий на протяжении всего дня из Зимнего, — «ибо в этом положении дел всякий должен был и умирать на своем месте» (стб. 734), — О. в осн. описывает лишь происходящее во дворце, слухи и увиденное им из окон. Комментарий О. («Оболенский, бешеный убийца ... Вильгельм Кохельбекер, безумный злодей...») органичен для его мировоззрения, как и помещенный в конце письма вывод: «если б этим ... разбойникам удалось сделать переворот, то они бы погрузили Россию в потоки крови на 50 лет» (стб. 052, 053). Однако О., связанный

со мн. декабристами узлами родства и дружбы (младший сын О. — чл. «Союза благоденствия»; в доме Олениных бывали С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, Никита М. и Ал-др М. Муравьевы, Е. П. Оболенский и др.), отказался участвовать в работе Следств. к-та и Верховного уголовного суда, мотивируя отказ родством с Волконским.

Разительный контраст с образом О. — гос. мужа, мнения к-рого «пользовались неоспоримым авторитетом» (Толстой — Ф. П., с. 133), — составляла его внешность. «Маленький и очень проворный» (Жихарев, 1989, II, 178), «человек в миниатюре» (Милонов М. В., Надпись к портрету Оленина, — в кн.: Рус. эпитафия, 1988, с. 183), «лилипут», у стула к-рого в Гос. совете ставился табурет для ног (Корф, с. 269), О. имел «довольно оригинальные» (там же) черты: «умное, выразительное, приветливое» лицо его дополнял «огромный орлиный нос» (Каменская, с. 134). Своеобразие облика довершала «странность в одежде» — ополченский мундир: белые панталоны, сапоги с кисточками и шпорами, «на маленькую седую голову надевалась шляпа с громадным зеленым султаном ... с боку прицеплялся тяжелый палаш, больше самого генерала»; О. «больше походил на детскую игрушку „casse-noisette“ [франц. «щелкунчик». — Ред.], чем на президента...» (Стояновский, 1875, с. 280; Каменская, с. 135). Современники каламбурно обыгрывали и фам. О. («Oh, le pain» — франц. «О, карлик») (см.: Лит. салоны, с. 249—50; Смирнова-Россет, с. 356; РА, 1877, кн. 2, № 5, с. 34).

Судьба О. являет редкий пример успешного сопряжения блистательной карьеры сановника, прочно усвоившего этич. нормы екатерининской эпохи («искателен в сильных при дворе и чрезвычайно уступчив в сношениях с ними», хотя и «никогда не изменял чести» (Вигель, II, 46); подтверждением может служить история с опалой А. Ф. Лабзина: обвинения в адрес О. как не вступившегося за него (Герцен, I, 435) убедительно опровергаются в ст.: Стояновский, 1875, с. 291—96; см. также: Дмитриев М. А., Главы из восп. моей жизни, М., 1997, ук.; подг. текста и комм. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляминой, Т. Ф. Нешумовой), с искренней, пронесенной через всю жизнь преданностью иск-ву и науке и деятельным служением им. Многие современники подчас не без иронии отмечали разнообразие занимаемых постов и широту интересов О., приписывая ему свойство «всегда и везде находить себе место» (речь Н. И. Тургенева — «Арзамас», I, 416); Александр I, по словам Ф. Ф. Вигеля,

«шутя прозвал его Tausendkünstler, тысячеискусником» (Вигель, II, 47).

Крайне разнообразие и «точность» тематики демонстрируют и многочисл. тексты О., совокупность к-рых обнаруживает, однако, неслучайные характеристики: черты личности автора; и в статьях [яркий пример — «О починке креста и ангела (без лесов) на шпилье Петропавловского собора в С.-Петербурге» — СО, 1831, № 14, в к-рой личные наблюдения подкреплены выверенными инженерными расчетами и чертежами], и в дневниках [напр., «Дневная записка славного путешествия двух странствующих (О. и Крылова. — Ред.) по синему морю до немецкого города Ревеля...», 1824, — опубл. в ст.: Бабинцев С. М., И. А. Крылов. Новые мат-лы. Сб. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в. 3, Л., 1955, с. 55—58], и в письмах (в большинстве строго науч. и делового характера) О. предстает человеком рационального, практич. склада, склонным к лапидарному, тезисному стилю изложения.

Др. постоян. мотив отзывов об О. — его «пламенная любовь ... ко всему, что клонилось к развитию отечественных талантов» (Уваров, с. 39; ср. совет Батюшкова Гнедичу в письме 1809: «придерживайся» О., ибо «он просвещеннее и лучше, и добрее всех князей» — Батюшков, III, 90), умение, употребляя свое влияние, склонять на них «щедрот монарших луч» (Крылов — «А. Н. Оленину при доставлении последнего издания «Басен» и, не чулаясь «даже начинающих юношей», помогать «каждому словом и делом» (Зотов Р., Театральные восп. Автобиогр. зап., СПб., 1859, с. 56).

Последние годы жизни овдовевшего (1838) О. были безрадостными: продолжая сохранять за собой все многочисл. посты, он постепенно уходил от дел, тяжело переживал свою немощность и одиночество («Надоело мне все с боя получать и вечно бороться с судьбою» — письмо к А. А. Олениной, 1839, см.: Ус-тимович, с. 410).

Дети О., причисные к лит-ре и лит. быту, играли немаловажную роль в салоне Олениных: Пётр (1794—1868), участник Отеч. войны 1812, впоследствии ген.-майор, художник-любитель (известны его портреты Крылова и Гнедича), автор неоконч. автобиогр. набросков — «Триндидать часов, или Приютиню» (1809 — РНБ, ф. 542, № 627; извлечения в кн.: Тимофеев, с. 42—43); Алексей (1798—1854), воспитанник Пажеского корпуса, впоследствии действит. тайный советник, автор юношеского опыта в гос.-патриотич. духе «Ист. воспоминания о нашествиях на Россию» (СПб., 1816, подпись А. О.); Масановым ошибочно атрибутируется О., в 1828 тесно общавшийся с Пушкиным, Вяземским, Грибоедовым, Н. Д. Киселевым, А. Мицкевичем; Варвара (1802—77; замужем за однофамильцем), любимица Крылова, записавшая свои восп. и анекдоты о нем (частично опубл. в изд.: И. А. Крылов в восп. современников, М., 1982), а также мемуары о декабристах в письмах к П. А. Бартемену (Летописи ГИМ, кн. 3, М., 1938); Анна (1808—88; в замужестве Андр.), предмет серьезного увлечения Пушкина [с ее именем связан лирич. цикл 1828, в т. ч. стих. «Я вас любил...»; после неудавшегося сватовства Пушкин перестал бывать у Олениных, в черновиках «Евгения Онегина» оставил о ней сатирич. строки, в частности: «Тут был ее отец / О двух ногах / Илзе горбаты» (VI, 514)], адресат стих. Козлова, С. Г. Голицына, Гнедича, М. Ю. Лермонтова и др., автор «Дневника (1828—1829)» (Париж, 1936; переизд.: М., 1994) и незавершенного «Романа нашего времени» (РНБ,

ф. 542, № 935, 936), содержащих фрагменты о Пушкине.

Др. произв.: «Краткое рассуждение о бухгалтерии и в особенности о бухгалтерии казенных мест» (СПб., 1810), «Облик или портрет Великого князя Святослава Игоревича, писанный ... Львом Дьяконом...» (СО, 1814, № 2), «Краткое описание египетской купчей крепости...» (СО, 1822, № 22), некролог А. И. Ермолаеву (СПбВед., 1828, 24 июля).

Изд.: Археологич. труды, т. 1, в. 1—2, СПб., 1881 (со вступ. ст. Н. И. Стояковского), т. 2, СПб., 1882; Латышев В. В., К истории археологич. исследований в юж. России (Из переписки О.), Од., 1888.

Лит.: Державин; Пушкин; Пушкин в восп.: Батюшков; Вигель; Грец; Жихарев; Барсуков (все — ук.); Вяземский, т. 8, 9 (ук.); А. В. (Уваров С. С.), Лит. восп. — «Совр.», 1851, № 6, отд. 2, с. 39—40; Толстой Ф. П., Записки. — РС, 1873, № 2, с. 124, 133—35; Стояковский Н. И., А. Н. Оленин, 1763—1843. — РС, 1875, № 10; Солнцев Ф. Г., Моя жизнь и худож.-археологич. труды, СПб., 1876; Майков Л. Н., О жизни и соч. К. Н. Батюшкова. — В кн.: Батюшков, I, 48—59, 71, 166—68, 190; Устинов П. М., А. А. Андр., рожд. Оленина. — РС, 1890, № 8; Иконников В. С., Опыт рус. историографии, т. 1, кн. 1—2, К., 1891—92 (ук.); Оом Ф. А., Воспоминания, М., 1896, с. 6—9, 18—19; Корф М. А., Из записок. — РС, 1899, № 11, с. 269—272; Георгиевский Г. П., О и Н. И. Гусиды. Новые мат-лы из Оленинского архива. — Сб. ОРЯС, 1914, т. 91, № 1; Имп. Публичная б-ка за сто лет. 1814—1914, СПб., 1914, с. 23—157; Пыпин А. Н., Иссл. и статьи по эпохе Александра I, т. 2, П., 1917 (ук.); Аронсон М., Рейсер С., Лит. кружки и салоны, Л., 1929 (ук.); Цавловская Т. Г., Дневник А. А. Олениной. — В сб.: Пушкин. Иссл. и мат-лы, т. 2, М.—Л., 1958; Прийма Ф. Я., Пушкин и кружок О. — там же; его же, «Слово о полку Игореве» в рус. ист.-лит. процессе первой трети XIX в., Л., 1980 (ук.); Бабинцев С. М., «Драм. вестник». — В изд.: Книга. Иссл. и мат-лы, сб. 1, М., 1959; Гиллельсон М. И., Молодой Пушкин и арзамасское братство, Л., 1974, с. 4—37; Левин Ю. Д., Оссан в рус. лит-ре, Л., 1980 (ук.); Козлов В. П., Колумбы рос. древностей, М., 1981 (ук.); И. А. Крылов в восп. современников, М., 1982 (ук.); Шубин В. Ф., Файбисович В. М., К лит. жизни пушкинских Петербурга. — РЛ, 1982, № 3, с. 155—58; Тимофеев Л. В., В кругу друзей и муз: Дом О., Л., 1983 (с использованием арх. мат-лов, о дате рожд. — с. 254*); его же, Кружок О. и книжная графика первой трети XIX в. — В сб.: Рус. лит-ра и изобразит. иск-во XVIII — нач. XX в., Л., 1988; Петрова Е. Н., Иллюстрации к анакронтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания. — В кн.: Державин Г. Р., Анакронтические песни, М., 1986; Проскурин О., «Победитель всех Гекторов халдейских» (К. Н. Батюшков в лит. борьбе нач. XIX в.). — ВЛ, 1987, № 6, с. 65; Голубев О. Д., Хранители мудрости, М., 1988 (гл. об О. и по ук.; обширная лит. и арх. мат-лы); ее же, Что рассказывали автографы, СПб., 1991, с. 5—16, 27; Каминская М. Ф., Восп., М., 1991 (ук.); Гордиенко М., Владимир Озеров, М., 1991, с. 95—99; «Арзамас» (ук.); Зорин А. Л., Батюшкова и Германия, «Arbor Mudi», 1997, № 5; Stuart M., Aristocrat-Librarian in Service to the Tsar: A. N. Olenin and the Imperial Public Library, N.Y., 1986. ЛН, т. 58 (ук.), 60, кн. 1, с. 587—88. * Некролог, 1843: СПбВед., 21 апр.; МВед., 24 апр.; РСБ; Брокгауз; Геннади; ПНкр.; ИДРДВ (т. 2, 5); СДР; БСЭ; СИЭ; Лерм. энц.; Книговедение; Муратова (1, ук.); Черский; Масанюв; Кондаков С. Н., Юбилейный справочник имп. Акад. художеств. 1764—1914, т. 1—2, СПб., 1914; История ист. науки в СССР. Докладный период. Библи., М., 1965; Булахов М. Г., «Слово о полку Игореве» в лит-ре, иск-ве, науке. Краткий энц. словарь, Минск, 1989; Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры. Биограф. словарь, т. 1, СПб., 1995 (ст. О. Д. Голубевой).

Архивы: РНБ, ф. 542; РГБ, ф. 211; РГАЛИ, ф. 1124; ГРМ, ф. 138; ИРЛИ, ф. 644; Красавич. музей г. Касимова (л. ф. П. А. Оленина); АРАН СПб, ф. 768; Петерб. отд. Ин-та археологии РАН, ф. 7; РГИА, ф. 7; РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 2518 (ф. с. 1795 г.).

М. К. Есеева.

ОЛЕНИН Пётр Алексеевич [псевд. Волгарь и др.; 10(22).3.1864, Москва — 13.4.1926, там же; похоронен на Дорогомилов. кладб.], драматург, прозаик. Из обедневшего старинного дворян. рода; правнук А. Н. Оленина; отец — офицер в отставке, скульптор; мать — урожд. Бакунина; брат Ал-др (1865—1944) — компо-

зитор, автор восп. о М. А. Балакиреве (в кн.: М. А. Балакирев. Восп. и письма, Л., 1962; об О. с. 319); сестра Мария — изв. певица Оленина-д'Альгейм (1869—1970). Детство и юность О. прошли в имении Истомино Касимов. у. Рязан. губ., на Оке. Получил дом. образование; знал неск. иностр. языков. С назначением отца дир. Строганов. уч-ща в 1880 О. переехал в Москву. Окончив (1883) реальное уч-ще Фидлера (параллельно посещал Уч-ще живописи, ваяния и зодчества), в 1884 поступил вольноопределяющимся в 3-й драгун. Сумской полк в Москве, в 1886 — в 44-й Нижегород. драгун. полк (в 1887 уволен в запас).

Первая публ. — стих. «На смерть кн. Сергея Максимилиановича» (сб. «Памяти с.и.в. кн. Сергея Максимилиановича, герцога Лейхтенбергского», Карлсруэ, [1878]). Кн. стихов «Песни скорби» (М., 1884), в к-рой использованы нек-рые мотивы, интонации и жанры (баллада и фелетон) Н. А. Некрасова («посвятив себя благу народному...»), но преобладают риторич. lamentации о бренности жизни («И лучше, и теплей могильный хлад / Чем хлад сердец, тебя губивший в мире»), передает романт. настроения автора.

В 1885 подал в отставку и уехал в Астрахань к отцу, получившему место главноуправляющего Синеморскими рыбными промыслами (в устьях Волги). Был рулевым, механиком, капитаном на рыболовных судах, ходил по Волге. С концом навигации отправлялся в Москву или за границу. По словам К. Г. Паустовского, познакомившегося с О. в 1924, тот

учился пению в Италии (1910) и обошел эту страну, а также Испанию и Францию «как уличный певец» (Собр. соч. в 6 тт., т. 2, М., 1957, с. 650—52). Женившись на В. Г. Тимофеевой в 1889, поселился в Истомино, увлекся земской деятельностью (был пред. касимов. уездной управы). Тяжело пережив смерть жены, в 1901 переезжает в Чернигов, через год возвращается на Волгу (с 1904 служит капитаном пассажирских пароходов). В 1906, командуя пароходом «Рыбинск», спас и укрыл бежавшего матроса-очаковца, приговоренного к смертной казни (по этому делу О. давал показания моск. прокуратуре). Увлечшись идеей соединения бассейнов Волги и Сев. Двины для прокладки кратчайшего пути из Белого в Каспийское море, разработал проект (не осуществленный из-за нехватки средств ни до, ни после 1917, несмотря на поддержку Ф. Э. Дзержинского в 1921).

Рассказы О. из кн. «На вахте» (СПб., 1904), рисующие типы волгарей, с их тяжелым трудом и мятежным духом, Л. Н. Толстой оценил как «прекрасно написанные и большей частью содержательные» (письмо к О. от 26 авг. 1905 — LXXVI, 20). В 1906 организовал в Н. Новгороде Книгоизд-во П. Оленина, выпускавшее брошюры под общим назв. «К свободе!» (№ 1—4) с рассказами О. (псевд. П. Вольный) сентиментально-назидат. содержания, посв. в осн. русско-еврейским отношениям («Воскресни!», «Люди-братья») и обличению совр. нравов. Рассказы из цикла «Вьючные люди» (Н. Новгород, 1906) продолжают тему босяков М. Горького (с к-рым О. познакомился на Капри в 1911). В психол. ром. о становлении подростка «Как он жил» (Н. Новгород, 1906) развращающему влиянию совр. семейного воспитания и казенной атмосфере г-зии противопоставлена «очищающая и спасающая любовь к ближнему» в духе толстовства. Печатался в ж. «Дело» (1886), «Тр и иск-во» (1903—11), «Рампа и жизнь» (1912—17), «Театр. новинки» (1912), «Журнал для женщин» (1915), эпизодически в ж. «Вокруг света», «Ист. вест.», «Нар. учитель», «Всемирный следопыт», «Хочу все знать», а также в газ. «Рус. слово» (1906—09), «Новости дня» (1905), «Новости сезона» (1909), эпизодически в газ. «Самар. курьер», «Судододец», «Волгарь», «Нижегород. листок», «Волж. вест.», «Бирж. ведомости».

Осн. увлечением О. был театр. Его пьеса-хроника «Севастополь. (Матсыра-земля)» (М., 1901), посв. героич. обороне города в Крымской войне, шла более 100 раз в петерб. Народном доме (1902—04) и принесла автору известность. Вл. Линский

(В. А. Вакулин), отмечая удачную постановку, утверждал, что как драм. произв. пьеса «не выдерживает критики»: это «ряд картин, еле-еле связанных между собой» (ТН, 1903, № 43, с. 787). Популярностью пользовалась мелодрама «Душа, тело и платье (История изысканной женщины)» (М., 1910, СПб., 1912; пост.: Петербург, 1911, т-р Сабурова, 1916, Литейный т-р, а также в Ейске, Н. Новгороде, Киеве; рец.: ТН, 1911, № 16, 23; 1915, № 4; БВед, 1915, 22 янв.; 1916, 20 авг.; «Театр», 1910, 25 нояб., 26 нояб.) из жизни женщины, в погоне за любовными приключениями бросившей преданного ей мужа (выдержала более 1000 спектаклей, была переведена на 4 яз.). Критики объясняли успех пьесы ее «воспитательным значением» и приравнивали к «Детям Ванюшина» С. А. Найдёнова (Антип Снегов (М. Н. Никольский) — «Рампа и жизнь», 1911, № 10, с. 4—6). Мелодрама «Вакханка („Вампука“ любви)» (СПб., 1912) — пародия на совр. свет и полусвет, декадентину и аристократизм. Пьеса «Соль добродетели. (Шито-крыто)» (СПб., 1912) — сатира на быт и нравы провинц. чиновничества. О. также делал инсценировки произв. Г. де Мопассана, Э. Золя, пов. Толстого «Казаки» (прототипом гл. героя к-рой считал своего отца), переводил пьесы и либретто опер на рус. яз., заведовал лит. частью в Оперном театре Зимина.

После Февр. революции 1917 издавал в Касимове газ. «Домострой», в к-рой приветствовал «зарю свободы, братства и просвещения», критиковал большевиков за разрушение демократии (вскоре прекратила существование). Ходил капитаном по Оке. С 1924 жил в Москве, служа инспектором-ревизором Московско-Окского пароходства. Печатался в газ. «Свободный труд», «Бурлак-коммунист», «На вахте».

По словам Паустовского, О. писал «сжато, образно и точно», «тем сочным языком, каким владели „бывалые люди“ ... проездившие свою страну вдоль и поперек» («Осуществленная мечта» — «Известия», 1952, 22 июля).

Др. произв.: «Сб-к рассказов и стих. П. и А. Олениных» (Касимов, 1892), проза — «В чужой шкуре. (Почти сказка)» (Н. Новгород, 1906), «Тайна смутного времени. (Ист. этюд...)» (М., 1908), пьесы — «Альпийские орлы (Суворов)», ист. хроника (М., 1904; 2-е изд. М., 1904), «Под игом (Рабы)» (Н. Новгород, 1905), «Как она любила» (СПб., 1911), «Евдокия Саламатина и сын» (П., 1914), «Пруссак» (СПб., 1914), «Безумный друг Шекспира (Трагедия жизни трагика П. С. Мочалова)» (М., 1916), стихи — «Сон и умираю-

щая мать» (М., б. г.), путеводители — «Юный путешественник» (М., 1907), «Туристский путеводитель по всем рус. водным путям» (М., 1908).

Лит.: Толстой (ук.): Паустовский К. Г. Золотая роза, М., 1956, с. 177—78; Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого (1828—1890), М., 1958, с. 709—10; то же (1891—1910), М., 1960, с. 517—18, 840; Полторацкий В. В. Волгарь. — «Москва», 1968, № 9; Сов. театр. Док-ты и мат-лы. Рус. сов. театр 1917—1921, Л., 1968, с. 453, 460; то же, 1921—1926, Л., 1975, с. 264; Терехов Б., Один из семьи Олениных. — «Лит. Россия», 1986, 21 нояб.; ИРДТ, т. 7 (ук.); ЛН, т. 90 (ук.). + Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 818; Краснелч. музей г. Касимова, л. ф.; ИРЛИ, ф. 377; РГИА, ф. 776, оп. 21, 1904 г., д. 5.

Б. Н. Лондон, при участии В. И. Лоцмановой.

ОЛИГЕР Николай Фридрихович (Фёдорович) [2(14).12.1882, Омск — 27.11.1919, Чита; похоронен на кладбище жен. монастыря], прозаик, драматург.

Сын воен. аптекаря (провизора), навл. (позднее — коллеж.) сов., немца Фридриха Рейнгольда (Фридриха Карловича; ? — 1901) и Натальи Августы, урожд. Шенберг, после ее смерти отец женился на русской — Феоктисте Матвеевне. По словам О., он «происходит по прямой линии от одного из тех золотых мастеров, к-рые были выпущены в г. Златоуст на Урале в 1816 году для выделки известных златоустовских клинков» (письмо Николаю Архиповичу (Архипову?) от 27 окт. 1910 — ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1099, л. 2); «по паспорту лютеранин» (ИРЛИ, ф. 377, анкета), при рождении получил имя Николай Юлий*. Имел двух старших сестер.

Окончил 6 классов Омской г-зии (1891—99); после того, как органи-

зовал в г-зии рев. кружок, занимавшийся изготовлением (на гектографе) и распространением прокламаций, по предложению пед. совета оставил г-зию и поступил в Механико-хим.-техническое уч-ще в Саратове, откуда исключен решением пед. совета от 14 апр. 1900, а затем Мин-ва нар. просвещения от 29 июля «без права поступления в какое-либо уч. заведение и с воспрещением ... пед. деятельности» (ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1900 г., д. 189), т. к. был чл. РСДРП и занимался агитацией среди рабочих и молодежи. При обыске, произ-

веденном в то время, как он в кон. марта для знакомства с социалистич. учением отправился в Краков, у него нашли нелегальную лит-ру и рукопись его «тенденциозной» пов. «Горемычные». Когда, оказавшись без средств, О. приехал в Омск, то его отец, заранее предупрежденный полицией, 5 мая сам привел сына к нач. жандармского управления. До окончания следствия О. был отпущен под залог (500 р.), внесенный родителями, жил в Омске под надзором полиции. Женился на Люд. Ник. Третьяковой (1880 — не ранее 1956), в браке имел дочь Татьяну (1902—16). С дек. 1901 по июнь 1902 заключен в Омский тюремный замок. После освобождения 2 года находился под негласным надзором, до сент. 1904 жил в осн. в Томске, выезжая в Омск. Был секретарем редакции томской газ. «Сиб. вестник», подрабатывал журналистикой и репетиторством. В 1903 нек-рое время служил контрощиком пароходного об-ва в Порт-Артуре.

Осенью 1904 вместе с Н. С. Клестовым занимался парт. работой на Кубани. В нач. дек. 1904 арестован в Екатеринодаре за участие в антиправительств. демонстрации, при обыске обнаружены прокламации Кубан. и Донского к-тов, рукопись его пьесы «В борьбе»; освобожден по общей амнистии 1905. В связи с резко обострившимся после тюремной голодовки туберкулезом лечился в Крыму.

По полиц. отчетам, О. — способный оратор, «вообще представляет из себя личность несомненно талантливую с сильным решительным характером, хорошо владеющую собой и вполне антианархич. направленная» (ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1902 г., д. 2033). Призывая жену терпеть материальные и бытовые невзгоды, О. подчеркивал, что в рев. «работе нашел не радость, не счастье ... Сознание исполненного долга — вот все, что я могу иметь. Если это счастье, то во всяком случае не личное счастье» (из перепечатанных писем — там же, ОО, 1904 г., д. 2103).

Первая выявленная публикация — «Ведь это же просто невероятно. (Из усть-каменогорских мотивов)» («Сиб. вестн.», 1897, 28 марта). До 1904 помещал свои произв. под псевд. Степняк, Н. Степняк в осн. в газетах: «Сиб. жизнь» (1901) — этюд «Двугривенный» (10 апр.), рассказ «На помин души» (17 июня), «За решеткой железной. Очерки заходунной тюрьмы» (21, 28 окт., 2 нояб.; «За железной решеткой» — 2, 16, 23 дек.), «Вост. обозрение» — «В новом краю. Рассказ из переселенческого быта» (1902, 20, 24 июля), «В степном крае».

Отойдя по состоянию здоровья от рев. деятельности, осенью 1906 переехал в Петербург и полностью посвятил себя лит-ре. Печатал рассказы и повести во мн. петерб. ж-ла, в газетах «Тульская молва», «Нижегород. листок», «Одес. листок», «Одес. новости», «Бирж. вед.», в альманахах и

сб-ках. В 1907—10 вышло 3 тома «Рассказов» (СПб.—М.; 2-е изд., т. 1, СПб., 1909). Многие из них отразили личный рев. опыт О. Подробно, со знанием дела, не романтизируя рев. подполья, описывал он тяготы конспиративного существования, тюремные истории («Один» — т. 2, М., 1908; пов. «Судный день», СПб., 1908), однообразно томительное течение жизни ссыльнопоселенцев («За штатом» — т. 2; «Пустыня» — т. 3, СПб., 1910); «политические» в его рассказах молодыми умирают от чахотки («Обреченные» — т. 2), кончают жизнь самоубийством, страдают от безотрадности неустоенного быта. Однако О., по собств. признанию, «специально о революции никогда не писал» и в его произв. она «только фон, очень часто не имеющий даже особого значения» (письмо В. С. Миролюбову от 26 июля 1907 — ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 875, л. 5, 5 об.). В запечатленных им многообразных картинках совр. действительности представлены разные социальные слои общества: среди персонажей — городской, врач, хористки, бедняк-киргиз и спасенный им рев. телеграфист («На краю степи» — т. 1, СПб., 1907), певички из кафешантана, ставшие во время рус.-япон. войны сестрами милосердия («Сестры», там же), интеллигентная женщина, тревожащаяся о судьбе революционно настроенного сына-студента («Разлом» — СМ, 1908, № 1; рец.: Пав. Леонтьев — «Сев.-кавк. газ.», 1908, 13 февр.), больные, возвращающиеся с кумысного курорта («Вишнии» — т. 2), при этом революционеры часто выступают в роли второстепенных действующих лиц.

Первые отклики были в осн. из демокр. лагеря. В. М. Величкина: «каждый его рассказ — это кровавая драма», «все лица вышли у него живые, одухотворенные» («Обр.», 1907, № 7, с. 129, 130). Критик «Совр. мира» оценил «прототип, искренность и живое чувство правды» (Ф. Ариольи) — 1907, № 9, с. 169). Е. А. Колтоновская увидела оригинальность О. в «сочетании угнетенной чуткости и сложности нового европейца с цельностью „азиатки“, умении „легко и искусно овладеть сюжетом и увлекательно его развертывать“, хотя и излишне часто завершать смертельным исходом («Ухудожник-сибиряк» — в сб. кн.: Новая жизнь. Критич. статьи, СПб., 1910, с. 145, 157; др. ее статьи с таким же назв. — «Сиб. вопросы», 1908, № 3940; см. также ее отзывы — СМ, 1907, № 12, с. 133—35; ВЕ, 1912, № 1, с. 382). В. Л. Львов-Рогачевский, писавший о «спешных героях печальных произв.» О., хвалил рассказ «Гость» (т. 1; опубли. также в кн.: Альманах 17. Лит.-худож. сб. с портретами авторов, СПб., 1909), к-рый «красив и полон настроения» (СМ, 1910, № 3, с. 137, 138). К недостаткам относили растяннутость и уныние: автор, забывший А. П. Чехова, «выверил натуралист» с «грозмоподобной, архаичной, устарелой» манерой письма, «с точностью и терпением медицинского журналиста... изображает ... мелочное умирание когда-то веселых, бодрых и смелых, населявших людей» (В. П. Полонский о рассказе «Обреченные» — «Всеобщий ежемес.», 1910, № 3, с. 99, 102). Г. Танин (Г. В. Рочко — атрибуция Р. Д. Тимешича) назвал О. «писателем, обладающим технич. умением, несомненным диапазоном добродетельных чувств и мало изощренным вкусом»

(СевЗ, 1914, № 6, с. 194). М. Горький сожалел, что О. «способности ... топят в аллюривин» (письмо Миролюбову (после 15 нояб. 1911). — В кн.: М. Горький. Мат.-лы и иссл., т. 3, М.—Л., с. 73, так же, с. 74).

Для О. характерен натурализм не только в описании физич. недугов или предсмертной агонии своих героев, но и в изображении чувственного, эротического — будь то возвышенности первой влюбленности («Гость»), желание в преддверии близкой смерти познать таинство любви («Обреченные») или разврат от житейской скуки («Человеческое» — «Солнце России», 1911, № 47), животная грубость сексуального насилия («Заповедное» — «Рассказы», т. 2). Нек-рые сюжеты воспринимались современниками как порнография.

За рассказ «В чьем отдалеке» («Обр.», 1907, № 12) — о инимичном надругательстве над проституткой «образованного» клиента — моск. окружной суд приговорил О. к штрафу (см. сообщение: БВед, 1909, № 11092); «... пресловутый, так много обруганный» (Амфитратов А., Заметки сердца, М., 1909, с. 56) рассказ «Вечер» («Обр.», 1908, № 2; оба запрещены цензурой) — о пробуждении сексуального чувства у десятилетнего мальчика — произвел на одну из читательниц «впечатление чего-то страшно гадкого, ненормального» (Р. Лапина — альб. «Сиюминут», кн. 4, М., 1908, с. 193), а критика Г. С. Новопольна (Нейфельда) возмущил «рядом страниц, забрызганных мутной волной порнографии» (его кн.: Порнография. элемент в рус. лит-ре, М., 1909, с. 210). Соединение «рв.» и «половой» проблематики в одной книге (Собр. соч., т. 3, СПб., 1913) дало повод критике для откровенной ироники: об «этиках» «Человеческое» он писал — «оправдание автора за выбор ... „божаческого“ сюжета» в том, что третий любовник замужней дамы «не просто „Николай“, а „товарищ Николай“»; а в сюжете детского рассказа «Дамка» («Искорки», 1911, № 20) «о подвиге одной коварной собачки, хозяин к-рой занимался ловлей бродячих поев», усмотрел непристойную аллюриву на «сб. жен. пола», завлекающих «посредством чар любви неопытных революционеров», чтобы затем предать их полиции (В. Ю. Б. (Вентцель) Н. Н.), Политическо-тюремная беллетристика — НВ, илл. прил., 1913, 24 авг.).

Контрастно оптимистичен в сравнении с др. произв. О. ром. «Праздник Весны» (Собр. соч., т. 4, СПб., 1910), соединивший жанровые признаки социальной утопии и женского любовного романа и обращенный к «высокоуважаемым современникам» (см. «Посвящение»): мужчины и женщины «в веселых одеждах с веселыми лицами» (с. 49), носящие псевдоантичные имена (Коро, Кредо, Лия, Формика, Акро, Вилан и т. п.), наделенные невиданным долголетием, беседующие об иск-ве, возводящие словно по волшебству дворцы (подобные Парфенону) и гигантский маяк (сравнимый с Александрийским), кажутся модернизированными представителями антич. мира и одновременно ассоциируются с идеалом «естественного человека» Ж. Ж. Руссо.

По мнению критиков, картина, рисуемая «будничность человечества в образе какого-то „Дуракова царства“, где не сеют, не живут, не собирают в житницы» («Совр.», 1911, № 4, с. 382; б. п.), лишена увлекательности и убедительности; «обезличное существование людей, строящих храмы, любующихся закатами и освежа-

щих по утрам лицо холодной влагой ключей, кажется скучным и бледным» (НЖВ, 1911, № 28, февр., стб. 132—33; 6. п.).

В 1908—09 О. был близок «Книгоизд-ву писателей в Москве», к-рым заведовал Клестов, издал в нем «Рассказы» (т. 2, 1908) и сб. «Рассказы» (1909), в 1909 участвовал в сб. «Земля» (сб. 2 — рассказ «Белые лепестки»; сб. 3 — пов. «Осенняя песня»). Осенью 1911 Клестов заручился поддержкой О. в реализации своего проекта по созданию «Издательского т-ва писателей» в Петербурге, позднее вспоминал, что «надеялся на его помощь в задуманном деле. И не ошибся...» (Клестов-Ангарский И. С., Лит. восп. [Фрагменты]. — ВЛ, 1992, в. 2, с. 342; вступ. ст., публ. и комм. М. Ангарской). О., живший в то время в петерб. «писательском гнезде», гостинице «Пале-Рояль» (см. его письмо М. Н. Бялковскому от 27 окт. 1911 — РНБ, ф. 124, № 3151), привлек в Т-во А. И. Косоротова, В. В. Муйжеля, Г. А. Яблочкова, познакомил Клестова с С. Н. Сергеевым-Ценским, А. М. Фёдоровым и др. Однако отказ ред. коллегии печатать его упадочные рассказы в первом сб-ке («Лит. восп.» Клестова — РГБ, ф. 9, к. 1, № 2/1; письмо Муйжеля Горькому от 13 июня 1912 — Архив Горького, ИМЛИ, КГ-п-52-15-2) стал причиной выхода О. из Т-ва.

В 1911 в «Рус. богатстве» была опубли., после изменений, внесенных О. по замечаниям редакции, пов. «Смертники» (№ 9—11), в целом одобренная В. Г. Короленко («Очень хорошо написанная история заключения в тюрьме и самоубийства или казни двенадцати смертников», хотя она «мучительна и длинна» — цит. по кн.: Летов, с. 112; по словам одного из критиков, автор воссоздал «с ужасающей яркостью тот мир, где смертная казнь стала ... „бытовым явлением“» — РВед, 1913, 20 февр.). В 1913 О. писал А. Г. Горнфельду: «Вся душа моя тяготеет к «Русско-ому Бог(атству)» и обидно было бы печатать вещь, которой я придаю известное значение, где-нибудь в другом месте, хотя бы и почтенном» (РНБ, ф. 211, № 840, л. 3). Среди опубли. в «Рус. богатстве» произв. О. — рассказы «По амнистии» (1912, № 8), «На перекрестке» (1914, № 2; отзыв Короленко: «Бойко, но без живых лиц» — цит. по кн.: Летов, с. 117).

В 1906—14 О. неоднократно обращался за помощью в Лит. фонд и четырежды получал ссуду. После того как в 1910 сгорела со всем имуществом семья дача в Райволе (Финляндия), на к-рой он прожил ок. трех лет, и О. получил субсидию от Пост. Комиссии по оказанию помощи нуждающимся литераторам, он не имел пост. местожительства. В кон. 1911

в связи с обострившимся туберкулезом уехал в Одессу, в 1912 — за границу, жил во Франции, на юге Италии. С февр. 1913 поселился на Капри, в марте читал у М. Горького (к-рый упомянул его в очерке «Ленин») свою драму, встречался с А. А. Золотаревым, И. Д. Сургучевым, И. А. Бунинным, Е. А. Ляцким, Ф. И. Шаляпиным и др. В письме Мироллобову от 28 февр. 1913 сообщал: «Атмосфера здесь работающая... Вообще народу порядочно... Впрочем живем мы с женой довольно уединенно» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 874, л. 11, 11 об.). В лиричной, пронизанной светом итал. пейзажей повести о претворности судьбы бродячего пса «Собачья жизнь» («Рус. зап.», 1916, № 1—3) в образах рус. литератора («Бритого»), его жены и дочери и описании их жизни на Капри угадываются автобиогр. мотивы. О. опубли. «каприйские рассказы» «Дрок» («Пробуждение», 1914, № 12), «Смерть прощает» («Родина», 1915, № 13—15), «Великий Митра» (ВЕ, 1916, № 2; с редким для него комич. сюжетом). В 1912—13 его дочь училась в Швейцарии. Осенью 1913 О. вернулся в Петербург, но какое-то «большое, непоправимое несчастье» в семье вынудило его срочно выехать в Одессу (из письма от 14 нояб. 1913 Горнфельду — РНБ, ф. 211, № 840). В биогр. анкете О. писал: «Жизнь прошла очень пестро: бродяжничал, много раз бывал в тюрьме, жил на Дальнем Востоке и за границей» (ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 2672, б. д. (1914—15?)).

Исповедальная пов. «Скитания» («Новая жизнь», 1912, № 1—2), написанная от лица во всем разочарованного литератора с рев. прошлым («эстет-анархиста», по определению рецензента), отразила и собств. идейные «скитания» автора, его недовольство собой и поиск после отъезда от рев. деятельности нового смысла жизни. Интересна она и фабулой, разворачивающейся на фоне похожего на Одессу приморского города, и образами лит.-худож. богемы, возможно, имеющими реальных прототипов.

Однако повесть была воспринята лишь как запоздалая дань декадентству [«реальное, совершенное... обычное смешивается здесь с чем-то... фантастическим, вычурным, символическим», а «то начало обобщений, синтеза, какое необходимо символу-писателю, не свойственно О.» (Измайлов А. А. Декадентствующий сверхчеловек в «Скитаниях» О. — «Новос слово», 1912, № 4, с. 124, 127)] и даже как «психиатрический документ», хотя она «читается с интересом» (письмо К. П. Патницкого Мироллобову от 27 нояб. 1911 — Архив Горького, ИМЛИ, П-ка «Зна», 37-34-4). Колотовская, называвшая О. «талантливым, тяготеющим к новым настроениям и приемам творчества», тоже считала повесть «надуманной» («Библиотечка», 1914, в. 1, с. 42; др. рец.: Д. Бразуль — «Совр. печать», 1912, № 1—2).

Аллегории, мистич. символы, фиксирование интуитивных ощущений, зыбких, неопределенно томи-

тельных переживаний, откровенно эротич. сюжеты, балансирование на стыке социальной и индивидуальной психол. проблематики и «блестки беллетристич. таланта» (Амфитеатров, цит. кн., с. 56) придавали реализму О. определ. своеобразие, хотя демокр. критика ценила его прежде всего за верность жизн. правде, а эстетическая — просто не замечала.

Б. А. Садовской писал о рассказе «Белые лепестки» как о парадоксе бездарном, а пов. «Осенняя песня» характеризовал как сто скучнейший страничка, к-рые по летнему времени могут с успехом заменить листы для отравы мух» («Весы», 1909, № 3, с. 99, с. 86, подпись Рух). Ср. с отзывом в «Совр.» о рассказе «Слово» (алым. «Наши дни», СПб., 1911): «Тускло и скучно, зато коротко» (1911, № 12, с. 302, б. п.). «Символизм не дается таланту О., трепещущему жизненными переживаниями», — писала Т. Я. Ганжулович в ст. «Герои и образы О.», имея в виду прежде всего рассказ «Ангел смерти» (Собр. соч., т. 3, СПб., 1912) и ром. «Праздник Весны», но она же особо выделила рассказы о детях («Подарок», «Летний папа» — там же), их теплоту и психол. достоверность: «Мягкие и нежные тона творчества помогают писателю проникнуть в детский мир» («Свободный журн.», 1914, № 5, стб. 84, 92). В этих «бесхитростных» рассказах, «лучших в 3-м т.», по мнению А. Б. Дермаша, проявились «независимая наблюдательность, знание дет. психологии и дет. языка», а рассказ «Дар Мессии», передающий «болезненное изумление» кит. мальчика, «пад к-рым экспериментируют офиц. служители Христа...», «оригинален и удачен по замыслу (и исполнен по исполнению)» (РБ, 1913, № 9, с. 362).

О. имел свой особый угол худож. зрения, видел жизн. парадоксы, скрытые, гл. обр. трагические. стороны явлений: в революции — ее издержки, в любви — разрушит. силу, в благородных поступках — смертельную опасность для тех, кто их совершает, в благих намерениях — плачевные результаты, в детских судьбах — «взрослые» беды. При этом неизменной «гл. линией его писательского интереса» оставалась «любовь к людям» (Дерман, цит. рец., с. 361), к натурам искренним, цельным, страдающим физически или нравственно, — вне зависимости от их социального статуса. Хотя его произв. не отличала яркая образность или уточненная стилистика и он «никогда не приковывал к себе внимание читателей и критики, но рассказы его никогда не оставались непрочитанными» (Новополонин, цит. кн., с. 209), и его охотно печатали столичные журналы, что имело важное значение для О., существовавшего исключительно на лит. гонорары. Отклоненные «Рус. богатством» три пов. О. были опубли. в др. изданиях. Пов. «Кожаный чмодан» («Заветы», 1913, № 8—10) повс. злключениям студента, согласившегося из любви к девушке перевести «экспроприированные» у банка деньги; Короленко критиковал автора за то, что вместо «освещения явления скорбного и знаменательного» он «дрознит нервы читателя всякими внешними опасностями» («Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфель-

ду», Л., 1924, с. 74; окт. 1912), однако в повести есть др. важный акцент — моральное падение случайного «революционера», ставшего растратчиком и убийцей. В пов. «Принцесса» (ВЕ, 1914, № 1—4; рец.: Измайлов А., В зареве 1905. — БВед, 1914, 20 марта) история любви юной аристократки и талантливого художника вписана в жутковатую панораму рос. действительности на исходе рев. боев 1905 и звучит мысль о трагич. несовместимости личного счастья и творчества со служением революции. Пов. «Банкрот» (СМ, 1915, № 2) — о фабриканте, его крахе, душевном прозрении, отношениях с дочерью, ищущей новых путей в жизни.

О. выступал и как драматург. В рукописи осталась ранняя пьеса «Пансион» (1896, РГАЛИ, ф. 360). Весной 1913 в Суворинском т-ре и в т-ре Корша была поставлена пьеса в 4 д. «Победители» [издана под назв. «Пионеры. («Победители»)», СПб., б. г.], вероятно, заинтересовавшая постановщиков, несмотря на невыразительность ее общей идеи, своеобразным дальневост. колоритом, пестрым социальным (торговцы, управляющий канторой, кокотка, баронесса, полиц. пристав и т. п.) и интернац. (русские, немцы, китайцы) составом действующих лиц.

В связи с неудачной премьерой в Суворинском т-ре рецензент сожалел, что «автор весь отдался пустой интриге об откровенном воровстве неосторожного молодого хитрика Юрьева и совершенно упустил из виду: дальневост. культуртрегство» (Имп. (Б. И. Битовин) — ТИИ, 1913, № 14, с. 315; др. рец.: Л. М. Васильевский — «Речь», 1913, 6 апр.; В. Базилевский — «Новости сезона», 1913, 14 апр.; НВ, 1913, 4 апр.; П. (П.) Конради — НВ, 1913, 5 апр.).

В нач. 1916 в «Бирж. вед.» появилась заметка о «новой пьесе» О. «Главный инженер» (с текст не обнаружен, а пост., вероятно, не состоялась), к-рая «не обременена серьезными психол. переживаниями героев», а в основе мелодраматич. сюжета, как явствует из пересказа, — интрига с альтистом, шантатжом и шпионажем (шпион, разумеется, немский) (2 марта, вech. в.; подпись С. Фрийд).

В кон. февр. 1914 О. снова выехал за границу (в Женеву, жил в Ницце и ее окрестностях), вел переписку с В. Д. Бонч-Бруевичем по поводу нового «Собр. соч.» в изд-ве «Знание и жизнь», с к-рым заключил договор: «Для меня очень важно также, чтобы книги выходили из печати именно по порядку томов (6-й, 7-й, 8-й). И особенно, пожалуйста, оставьте на самый конец т. 12» (письмо из Одессы от 25 февр. 1914 — РГБ, ф. 369, к. 312, № 1).

Рецензент 9-го т. — «Ночные тени» (П., 1917), состоящего из ранее опубликованных рассказов и пов. «Кожаный чмодан», писал: «В этих рассказах, полных драматизма, сквозит тоска, вест сумрак бузени, среди к-рых текла рус. жизнь» (М. Корольский — ВЕ, 1917, № 4/6, с. 729). В рассказе «Ночные тени» о малолетних воре и проститутке др. критик увидел «потрясающую картину раздвоенных детских душ», рисуяю — «жесткий, путающий, но целомудренный в своих трагич. контурах» (Гле-

бо в Н. Здоровый ужас. — ЖЖ. 1917, № 13, с. 12, 11).

С началом войны сотрудничал в еженед. «Лукоморье» М. А. Суворина, наряду с А. С. Рославлевым, С. М. Городецким, С. А. Ауслендером, Ф. Сологубом, А. М. Ремизовым, М. А. Кузминым, за что в «Журн. журналов» этих писателей резко осуждали, называли «отступниками». «лукоморствующими» (1915, № 9, с. 24; № 13, с. 14; № 22, с. 10; № 29, с. 15; № 33, с. 15, и т. д.). В 1914 в «Лукоморье» напечатал «Дорожные наброски» («Начало», «По спокойному морю», «По кровавой земле», «Друзья или недруги» — № 23—26) о впечатлениях первых дней войны при его возвращении в Россию (Одессу) через Балканы, рассказы о событиях на фронте («Горячее» — № 28) и в прифронтовой полосе, в Польше («Испытание огнем» — № 32), в 1915—17 участвовал в альм. «Лукоморье» [П., сб. 1 — «Фаликон», назван рецензентом «лучшим» в книге (НВ, 1915, 8 июня, подпись Скараба), в то время как Измайлов причислил О. к «кабинетным баталистам» (БВед, 1915, 2 июля), сб. 2 — рассказ «Немецкая рыжая»], в изд-ве «Лукоморье» вышел сб. его рассказов «Волки» (П., 1916).

В нач. 1915 «Журн. журналов» (№ 9, с. 24) сообщил об издании «Новым временем» нового «толстого» ж. «Укреп», «первое место в к-ром принадлежит „лукоморьям“», а редакторами названы О. и «люссент» г. Балковский, в следующем номере «Журн. журналов» Н. Константинов в ст. «Завоевания „Нового времени“» обвинил «составленных крупными гонимыми» участников ж. «Укреп» в полит. ренегатстве. Журнал так и не появился на свет, хотя состав ред. к-та был впечатляющим — Городецкий, Рославлев, Ю. Л. Сидякин, Кузмин, Ремизов.

Несмотря на слабое здоровье, О. в нач. 1915 добровольно отправился на фронт, был уполномоченным второго сиб. передового врачебно-питательного отряда Всерос. гор. союза и Сиб. об-ва помощи раненым воинам. Весной 1916 контужен, летом приезжал домой; в июле Л. Н. Олигер сообщала Бонч-Бруевичу, что О. «уезжает скоро на войну, хотя здоровье его не очень-то хорошее» (РГБ, ф. 369, к. 311, № 68). В воен. очерках в «Лукоморье» («С красным крестом» — 1915, № 20, 45, «Рыболов» — 1915, № 47, «Германская тля» — 1915, № 5, «Зерно жизни» — 1916, № 11), в ж. «Родина» («Отец Петр» — 1916, № 1—4) О. рассказывал о фронтовых буднях лазарета в Карпатах, об отступлении и атаках, беженцах, русинах, о настроении в армии. В очерке «На войне. (Картины и мысли)» (ВЕ, 1916, № 6) писал о том, что душевный подъем, чувство «праздника» первых месяцев войны сменились долгой и трудной работой для победы.

В февр. 1917 О. еще находился на фронте, в том же году вышел из Колombo (удостоверение Рос. вице-кон-

сульства — ГА Читин. обл., ф. 332, д. 2), осенью 1918 «приехал в Харбин с острова Борнео после своего годового путешествия по Индии» («С. Г. Гортинский» — «Рус. книга», Б., 1921, № 6). Стал начальником осведомит. отдела при штабе атамана Г. М. Семёнова. С сент. 1918 офиц. редактор еженед. харбин. газ. «Призыв», в к-рой публиковались мат-лы антибольшевист. направленности и в поддержку воен. союза рус. армии с японцами (возможно, нек-рые из них — без подписи или под псевд. — принадлежат самому О.). В кон. 1918 переехал в Читу. Был избран чл. краевого бюро Конституционно-демок. партии. В «Органе старорус. мысли» — читин. газ. «Рус. Восток» регулярно публиковал сводки созданного им Бюро печати. В «Письме в редакцию» (29 мая) уведомил сиб. и уральские газеты, получившие от него в конце марта и нач. апреля «циркуляр об учреждении Бюро печати при штабе Отдельной Вост.-Сиб. Армии», что с 15 мая он никакого отношения к этому Бюро не имеет. Под собств. именем, кроме «Письма...» и очерка «За далекими морями. (Из набросков туриста)» (1919, 16 марта), передающего ностальгию О. по России во время недавнего путешествия, в газ. «Рус. Восток» была опубликована основанная на инд. предании символич. сказка «Почелуй» (20 апр.) — о влекущей тайне и красоте смерти.

В многочисл. полит. статей (с подписью Н. О. и Н. Опы) он давал исгнательные оценки большевикам, их вождям (В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, А. В. Луначарскому) и политикс («Спартак» — 23 марта, «Пролеткульт» — 12 апр., «Гости» — 1 мая, «Чертошки» — 6 мая), а также той интеллигенции, к-рая перешла к ним на службу («Продажные души» — 9 мая). В ст. «Проповедники» (5 апр.) выразил свое понимание высокой обществ. роли рус. писателя, к-рый «за свой подвиг служения народу натерпелся много бед». Ему принадлежат обзоры «Третий войсковой круг» (22, 25, 27, 29, 31 мая, 3, 4 июня) и хроникальные заметки. В ст. «Пакостники» («Вост. курьер», 6 авг.) он писал: «От революции мы ожидали много хорошего, а получили много худого», а в ст. «Карантины» («Рус. Восток», 30 апр.): «...большевизм хуже чумы». Последняя публикация — ст. «Познания и политика» («Вост. курьер», 10 авг.), в к-рой О. критиковал пацифистскую позицию Р. Тагора.

С апр. 1919 вошел в число сотрудников читин. еженед. «Театр и иск-во», однако публ. за его подписью в нем нет. С авг. из-за обострения туберкулеза не работал; вероятно, последние месяцы жизни провел в семье Л. А. Никифоровой. Современник, знавший его еще в 1904, в пору рев. юности, и встретивший снова в Чите, писал, что О. всегда характеризовали «честность в мышлении, чуткость в худож. творчестве и необыкновенная мягкость в отношениях к людям» (Г. Кубанский — «Забайкальская новь», 1919, 29 ноября). «Сенсационное» сообщение («по слухам») о сотрудничестве О. в газете ген. Семёнова, перешедшей

затем к японцам, появилось в петрогр. «Вест. лит-ры» (1919, № 7, с. 7). В сов. время произв. О. практически не издавались (на попытку Горького издать в Госиздате в 1934 его «Избр.» ссылались в депутатском запросе К. А. Федина — РГАЛИ).

Изд.: Собр. соч., т. 1—5. СПб., 1910—14; Собр. соч., т. 2, 6—10, 14, М.—П., [1914—18]; Джаксыбай. (Из рассказа «На краю степи»). — В кн.: 1905 год в рус. худож. лит-ре. Сб. поэзии и прозы, ч. 2 — Деревня, М., 1926 (сост. А. Богданов); На краю степи. Рассказ, М.—Л., 1928.

Лит.: Онвост (Г. В. Рончар), Олигер. — «Эхо», Владивосток, 1919, 23 марта; [Сообщение об О.]. — Там же, 27 апр.; Письма В. Г. Короленько к А. Г. Горнфельду, Л., 1924 (ук.); М. Горький и В. Короленько. Сб. мат-лов, М., 1957, с. 71—251; Лето В. Б. Д., В. Г. Короленько-редактор, Л., 1961 (ук.); Архив Горького, IX, 449; Голубева О. Д., Кингизд-во «Жизнь и знание», (1909—1918). — В сб.: Книга. Иссл. и мат-лы, в. 13, М., 1966, с. 144; ее же, В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, М., 1972, с. 56, 132; Бритиков А. Ф., Рус. сов. науч.-фантастич. роман, Л., 1970 (ук.); Ревич В. А., Не было, но и не выдумка. (Фантастика в рус. дореф. лит-ре), М., 1979, с. 58—59; Рус. лит-ра и журналистика (1); Геллер Л., Вселенная за пределом логики, Лондон, 1983, с. 42—43; ЛН, т. 72, с. 128; т. 84, кн. 2, с. 462; т. 92, кн. 2, с. 98; т. 95, с. 311. + Сообщения о похоронах и некрологи, 1919 — «Вост. курьер», Чита, 29 нояб. (Вас. Степанцев); Лапистин-Алтайс С., Светлой памяти Николая Федоровича Олигера [Стх.]. — Там же, 1919, 30 нояб.; Стож М. Е., Словарь сиб. писателей, поэтов и ученых, Иркутск, 9-с изд., ч. 1, Иркутск, [1916]; Гранит, т. 11; Злоб-нов Н. В., Мат-лы для сиб. словаря писателей, М., 1927, с. 40; Сиб. сов. энциклопедия, Н.-Я., [1922]; КЛЭР; Владиславлев И. В., Лит-ра великого десятилетия (1917—1927), т. 1, М.—Л., 1928; Альм. и сб-ки (2); Муратова (2); Рус. лит-ра Сибири XVII в. — 1970 г. Библ. ук., ч. 1. Новосиб., 1976; ИРДТ; Масалов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 360; ф. 24, оп. 1, № 52 (письма М. С. Клёстову); ф. 1817, оп. 2, № 109 (депутатский запрос от 22 марта 1956 К. А. Федина К. Е. Ворошилову с просьбой назначить Л. Н. Олигер персональную пенсию респ. значения; приложена характеристика О., подписанная А. И. Сырским и А. С. Серафимовичем в 1941) [справка А. Г. Приголовой]; РГБ, ф. 369, к. 311, № 68 (письма Л. Н. Олигер к В. Д. Бонч-Бруевичу, 1916—19); оп. 187, № 27 (письмо В. Д. Бонч-Бруевича к Л. Н. Олигеру); ф. 133, р. II, к. 3, № 103 (письмо В. Г. Короленько, 1911); ф. 9, к. 1, № 2(1) (Н. С. Клёстов, «Лит. восп. 1937—1939»); РНБ, ф. 124, № 3151 (письмо к М. Н. Балковскому, 1911—13); № 3162 (письмо А. С. Гриню, 1910), № 3154 (письмо В. В. Муйжело, 1912); ф. 211, № 840 (письма А. Г. Горнфельду) [справка Т. М. Двигуниной]; ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, № 337 (7 писем А. И. Иванчину-Писареву, 1910—14); ф. 185, оп. 1, № 875 (8 писем В. С. Миролобову, 1907—1913); ф. 115; ф. 145, № 6 (Двигуни Б. А. Лазаревского с восп. об О.) [справка Н. А. Прозоровой]; ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1900 г., л. 1674; ОО, 1904 г., д. 2103, 7 д-во, 1904 г., л. 3255, т. 3 [справка З. И. Перегудовой]; ГА Омск. области, ф. 270, оп. 1, д. 203 (из мат-лов Омск. жандарм. управления — сведения о родителях, свидетельство о рождении О. выдано омскими дивизион. проповедником пастором И. Гроном) [справка Л. И. Огородниковой]; ГА Читин. обл., ф. 332 [справка В. В. Бардаковой]. Л. Н. Куменюк.

ОЛИМПОВ Константин [наст. имя и фам. Константин Константинович Фофанов; 19.9(1.10).1889, Петербург — 17.1.1940, Омск], поэт. Сын К. М. Фофанова. Детство провел в Гатчине. Окончил в Петербурге реальное уч-ще принца П. Г. Ольденбургского (1898—1907, пансионер). В 1908—10 вольнослушатель Петерб. археологич. ин-та. В 1910 переселился с отцом в Сергиеву пустынь.

По свидетельству Грааль-Арьского, О. «родился и рос в то время, когда материальное и семейное благополучие К. М. Фофанова стало клониться к упадку. В последние годы жизни поэта в его семье была ужасная атмосфера вечного безделья, пьянства, взаимных ссор и неурядиц. В такой обстановке К. К. Фофанов, конечно, не мог получить ни правильного образования, ни должного к себе внимания. Это был юноша скромный, застенчивый, честный до шепетливости, гордый, отец, узнав о том, что О. пишет стихи, «запретил ему писать, считая это профанацией искусства» (запись А. Г. Островского 3 мая 1929 — архив А. Е. Парниса). Однако сам О. писал: «Отношение отца ... к моему творчеству было положительно» (Автобиограф., 20 авг. 1923 — ИРЛИ, Р. I, оп. 31, № 47, справка А. Л. Дмитренко).

В окт. 1911 совм. с И. Северянином образовал кружок и изд-во «Эго», выпустившее в ноябре «Пролог эгофутуризма» Северянина (к-рый в июле впервые ввел термин «эгофутуризм»). По предложению О. была принята марка изд-ва — лат. слово *Ego* (я) внутри треугольника (О. носил и значок соответствующего вида). Им же было придумано слово «поэза» (впервые написано на траурной ленте надгробного венка отцу 19 мая 1911: «Великому психологу лирик. поэзы»), заменившее у эгофутуристов слово «стихотворение». Первая публ. О. (посв. отцу) — ст. «Царственный Соловей» (ж. «Отмена визитов», 1912, 1 янв.; перепечатка — альм. «Оранжевая урна», СПб., 1912), в к-рой рецензент заметил «тиховейную женственную грусть» [Б. (Д.) Богомолов — «Нижегородец», 1912, 11 (24) авг.]. В нач. 1912 О. и Северянин объявили о создании Академии эгопоэзии, выпустив листовку — манифест т. н. Вселенского эгофутуризма «Скрижали» (см. также: «Веч. время», 1912, 20 янв.), подписанный также Грааль-Арьским и Г. В. Ивановым.

В сер. 1920-х гг. О. рассказывал о создании Академии и теории «эгопоэзии» — «Писали в нервно экстазе Игорь Северянин и Константин Олимпов». Вернувшись от Грааль-Арьского, в к-ром чувствовалось «скептическое недоверие», «принялся снова за тщательный пересмотр Скрижалей Вселенского футуризма: перебрали все вопросы мира, на которые наша теория блестяще отвечала. Переписали, а на другое утро нового дня повторили то же, — теория выдержала экзамен». 16 января выработан устав Академии Эгопоэзии, в выработку принял участие и Г. Иванов. «Альманахи, сборники в издании Академии Эгопоэзии приняли название нервниками...». «Скрижали» были рассланы «по петербургским и провинциальным изданиям. Решено теорию и устав перевести и издать на итальянском и французском языках» (Ист. дель русской поэзии — запись А. Г. Островского, 1927? — архив А. Е. Парниса).

Предшественниками «эгопоэзии» авторы провозглашали К. М. Фофанова и М. А. Лохвицкую. Осн. положения манифеста сводились к прославлению эгоизма, интуиции и безумия, наиб. полно выражающего индивидуальное «Я». Написанный в афористичной форме, содержащий трудно поддающиеся расшифровке положения (напр., «IV. Призма стиля, реставрация спектра мысли»), манифест вызвал много откликов, в осн. негативных. В связи с этим О.

писал худ. И. К. Пархоменко 9 марта 1912: «Эскадренным миноносцем наша Академия Эгопоэзии Вселенского Футуризма грозно надвигается... взмываются, гудят... газеты, журналы» (РГБ, ф. 414, № 44, л. 1).

В марте 1912 изд-во «Эго» выпустило в виде листовки первый сб-к стихов О. «Аэропланские поэмы. Нервник 1. Кровь первая» (СПб.), «Окно Европы», 1912. Весна), к-рый включал посв. О. стих. К. М. Фофанова «Блажен, кто понял сласть науки» и четыре стих. О.: «Интерлюдия» (названная О. в автобиографии «марсельской для новой поэзии»), «Эван, Эвоэ!», «Шмели» и «Амурет Игорю Северянину». Три первых наряды со стихами «Тройка в тройке» («Петербург. глашатай», 1912, № 1) и «Абан» (там же, 1912, № 2) О. считал «осн. поэмами Вселенского эгофутуризма» [см. «Хартину» К. Олим-

пова, П. М. Фофанова (Теоса) «Интуитивная школа „Вселенский эгофутуризм“», изд. в виде листовки в окт. 1912].

В инскрипте О. на своей кн. «Качалка Грезерки» (СПб., 1912) Северянин писал: «Безумно-смелому Константину Олимову, моему дорожному — Игорь Северянин, упоенно следящий его ослепительный взлет! 27/II — 1912» (РГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, № 43; сообщено О. Е. Блинкиной).

Критика писала об «электрич. токах той одержимой устремленности высь, к-рая у И. Северянина слишком пахнет лит-рой, а у Олимова приобретает металлич. звук реальности» [Закржевский А., Рыцари безумия. (Футуристы), К., 1914, с. 112]. К. И. Чуковский стих. «Шмели» привел в подборке футуристич. произв. в альм. «Шиповник» (кн. 22, СПб., 1914, с. 154).

О. наиб. последовательно из всех эгофутуристов придерживался теоретич. положений «вселенского эгофутуризма»: широко использовал неологизмы и иностр. слова, в «Амурете» имитировал салонную манеру Северянина, в стих. «Тройка в тройке» приближался к семантич. экспериментам В. Хлебникова, в «Интерлю-

дии» демонстрировал алогичный набор оккультных терминов.

Ряд бесед о «Вселенском эгофутуризме» был напечатан под псевд. Теос в 1912 в петерб. газ. «Дачница» Петром Мих. Фофановым, ст. братом К. М. Фофанова, журналистом и поэтом, к-рый выступил как единомышленник О. В программной ст. «Футуризм» перспективность футуризма постулировалась проводч. ролью лит-ры; словообразование объявлялось важнейшим средством для передачи новых идей, впечатлений и понятий, при этом подчеркивалось, что футуристом может быть только постигший законы развития языка: «... чтобы успешно вести язык вперед — нужно быть крупным талантом» подобно Пушкину, Тургеневу, Толстому, Фофанову (1 июля). В ст. «Треугольник „Его“» (8 июля), стих. «Я — Бог. Во мне таится сила» (15 июля) и манифесте «Предвешание Еgo» (22 июля) предпринята попытка обоснования эгофутуризма.

Публикации в сент. 1912 «Доктрин интуитивной школы Эгофутуризма» Северянина положили начало ожесточенной полемике. О. разошелся в октябре по редакциям газет листовку, в к-рой обвинял Северянина в плагиате. Северянин в «Открытом письме» от 23 окт. 1912 назвал это клеветой, однако даровал О. прощение, заявив, что эгофутуристич. школа — это лишь путь к самоопределению и пройденный для него этап. В разосланной по редакциям 27 окт. 1912 «Декларации Константина Олимова» повторялись прежние обвинения, О. усмотрел в северянинском толковании эгофутуризма «софизм, позволяющий выйти ему из крайне неадилектного положения и Вечную Перчатку Бессмертия — Эгофутуризм — ометаморфозить в Галантерейную». Северянин в стихотв. листовке «Эпиграф Эгофутуризма» (ноябрь; авт. дата — 24 окт. 1912), назвав О. — Уилоу, заявил о своем окончат. разрыве с движением. И. В. Игнатъев считал, что «все пункты „доктрин“ [Северянина], кроме объединения контрапост („признание эго-бога“), являются популяризацией, разжижением квинтэссенций „срижалей“» (см. в его кн.: Эгофутуризм, СПб., 1913, с. 5; см. также его ст. «Эгофутуризм» — в сб.: «Засахары кры. Эгофутуристы. V», СПб., 1913).

После распада Академии эгопоэзии О., не входя в созданную Игнатъевым «Интуитивную ассоциацию эгофутуризма», печатался в 1913 в его альм. «Всегдай» и «Развороченные черепа» (на обложке — портрет О., читающего свои стихи в Пенатах в авг. 1913, работы И. Е. Репина, крестного отца О.). Отношения О. с Игнатъевым не были ровными. В июне 1913 О. заключил с ним договор на издание сб-ка стихов «Исповедь футуриста», объявленного годом разне в изд-ве «Эго». Сб-к не был издан, а на экземпляре договора О. написал: «Так меня хотел закабалить Игнатъев, чтобы извратить мой футуризм» (ИРЛИ, ф. ГИИС, № 305).

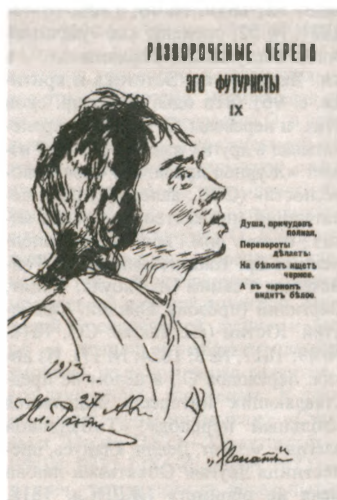
В 1913 вышла книга стихов О. «Жонглеры-нервы» (изд-во «Петербург. глашатай»). В программном стих. «Я хочу быть душевнобольным» О. призывает к пророческому безумию. По свидетельству Грааль-Арьского (цит. выше), он ходил «с ложкой в петлице, носил с собой

кошку из папье-маше, скандалил на выступлениях... постепенно поза стала жизнью». Критика видела в подобных заявлениях О. не только эпатаж и имитацию болезни, но действит. психич. аномалию: «Его [О.] алогичность и уединенность иногда приобретает лихорадочный оттенок, и тогда он не скрывает своей влюбленности в то, что нормальные люди зовут болезнью» (Закржевский А., Рыцари безумия..., с. 112—113). В. А. Пяст, описавший одну из эпатажных выходок О. в Тенишеве, уч-ще, за к-рую он был привлечен к суду, дал такой его портрет: «страшный, с белокурыми волосами, творец неба, земли, бога, всей вселенной... В нем была квинтэссенция „эгофутуризма“» (Пяст, 1997, с. 176 и по ук.). Роль О. в основании эгофутуризма современники оценивали неоднозначно. Чуковский и Закржевский считали его «первым учеником Северянина» (см.: «Шиповник», кн. 22, с. 154; см. также: Тастевен Г., Футуризм, М., 1914, с. 31). Д. Д. Бурлюк писал, что Северянин многое позаимствовал у О., «усилив и по-северянински подчеркнув» (в его кн.: Фрагменты из восп. футуриста. Письма. Стих., СПб., 1994, с. 71).

После 1913 О. выпустил серию листовок со стихотворениями и декларациями: «Глагол Родителя Мироздания. Негодяям и мерзавцам» (П., 1916), «Прозимий Родителя Мироздания. Идиотам и кретинам» (П., 1916), «Исход Родителя Мироздания» (П., 1917), «Паррезия Родителя Мироздания» [П., 1917]. Доводя до крайнего предела эгофутуристский культ личности, О. отождествляет себя с творцом Вселенной, считая своей задачей «писать о величии Космоса, как о самом себе» (Анкета для «Словаря современников», 1928 — РНБ, ф. 103, № 153). Христианству О. противопоставляет новую религию — «Олимпийство», ведущее человечество к науке. Гипертрофированное самосознание контрастирует с обращением О. в ряде листовок к читателям с просьбой о денежной и иной помощи (см. иронич. реакцию критики: Арк. Бухов), Циркуляр поэта. — БВед, 1916, 19 апр.). Интерес к космич. проблемам и внедрение языка науки в поэзию сближают О. со scientизмом. Торжеств. пророч. интонация ряда стихов напоминает оды 18 в.; ключевые слова выделены заглавными буквами. «Глагол Родителя Мироздания» — инвектива, обращенная к «негодяям и мерзавцам», в к-рой патетич. интонация перемежается с разговорной, отвлеченные понятия («бытие», «эфир») с бытовыми конкретными деталями: «Одолжить семь копеек — попросишь и поджаришь конинный биток». В космо-

нич. поэме О. «Феноменальная гениальная поэма. Теоман великого мирового поэта. Контур поэмы» (П.), «Окно Европы», 1915; конфискована цензурой, возможно, за кощунственность и фамильярное обращение к царским особам) нарисована эволюция жизни во Вселенной, гибель Земли, возрожденной «смертофобом», идеалом человечества — самим О.

О. принадлежат также листовки «Отдых I», «Эпоха Олимпина», кн. «Академия эгопоэзии Вселенского футуризма» (Рига, 1914). В 1916 во «Втором сб-ке Центрифуги» (М.) напечатано стих. О. «Буква Маринет-

К. Олимпина. Рис. И. Е. Репина на обложке альманаха «Развороченные черта», СПб., 1913.

ти» (помеченное 1 февр. 1914 и, возможно, посв. приезду Ф. Т. Маринетты в Россию), в к-ром посредством нанизывания метафор автор создает урбанистич. пейзаж в стиле манифестов вождя итал. футуризма. В 10-е гг. О. был знаком с В. В. Маяковским, к-рый «вечно с ним спорил... утверждая, что стихи надо писать о земле, а не о небе» (см.: В. В. Смирнский — РНБ, ф. 1049, № 2, л. 5).

Восторженно встретив окт. события 1917, добровольцем служил в Красной Армии. Позже был корабейником, работал на войне, в сер. 20-х гг. — управдомом, в 1930 — чернорабочим на Кишзаводе в Ленинграде. В кон. 1920 вновь объявил о создании Академии эгопоэзии, куда вошли молодые поэты Б. В. и В. В. Смирнские и Н. И. Познайков. О. был почетным чл. «Кольца поэтов им. К. М. Фофанова» (1921—22; см. мат-лы — РГАЛИ, ф. 1825, оп. 1, № 2). В 1922 в Петрограде опубли. в виде листовок его произв. «Анафема Родителя Мироздания» (издат. мар-

ка — «Аббатство гаеров»), кн. «Третье Рождество великого мирового поэта Титанизма Великой Социальной Революции Константина Олимпина, Родителя Мироздания» (дарств. надписи 1927 А. Г. Островскому; см.: Лесман; отрицат. рец.: С. М. Городецкий — ПиР, 1922, № 8). Сб-к стихов 10-х гг. «14 Ты» и цикл стихов 20-х гг. «Моя мудрость» (РНБ, ф. 150, № 408; ф. 423, № 1261) не были изданы.

18 сент. 1930 арестован по делу об «антисов. группировке среди части богемотствующих писателей г. Ленинграда», 2 янв. 1931 осужден на 3 года. В февр. 1931 повторно осужден «тройкой» по делу «антисов. нелегальной группы литераторов „Север“» на 10 лет, 17 авг. 1938 освобожден. В 1989 реабилитирован (дело № 36830 в УФСБ по г. С.-Петербургу и Ленингр. обл. (справка из ЦА ФСБ И. А. Порошина). По словам В. В. Смирнского, «в 1931 Олимпин сошел с ума» (краткая биограф. справка об О., 1947 — ИРЛИ, Р. I, оп. 31, № 132, л. 4 об.).

Изд.: Возникновение эгопоэзии Вселенского. — «Минувшее», в. 22, СПб., 1997 (публ. А. В. Крусанова и А. М. Мирзаса).

Лит.: Казанский [Игнатъ И. В.]. Первый год эгофутуризма. — «Орлы над пропастью», СПб., 1912 (перепечатано в кн.: Манифесты и программы рус. футуристов, Мюнхен, 1967); его же, [Парадия на стих. О. «Тройка»]. — «Нижегородские», 1913, 22 авг./4 сент.; Яблоновский А., Лит. заметки. С поэтами неблагоприятно. — «Киев. мысль», 1913, 21 нояб.; Маяковский В. В., ПСС, т. 13, М., 1961, с. 182, 392, 418; Восп. о К. М. Фофанове. (Письмо И. Е. Репина к О.). — «Образотворче мистиче», К., 1940, № 10, с. 10; Гинзбург Л., О старом и новом, Л., 1982, с. 367; Восп. о Н. Заболоцком, 2-е изд., Л., 1984, с. 81; Кузьминский К., Янечек Дж., Очертающийся А., Забытый авангард. Россия. Первая треть XX столетия, Вена, 1988 (рец.: Н. А. Богомолов — ВЛ, 1990, № 3); Марков А., «Храните у себя эту книжечку...», М., 1989, с. 251—255; Крусанов А. В., Дороги и тропы рус. лит. авангарда. Эгофутуризм. — «Рус. разгляд», 1993, № 1; Иванов Г., Мемуары и рассказы, М., Париж—Н.-Я., 1992, с. 83, 227—31; Из истории эгофутуризма: Мат-лы к лит. биографии О. — «Минувшее», в. 22, СПб., 1997 (публ. А. Л. Дмитриенко); Markov V., Russian futurism, Berkeley — Los Angeles, 1968, p. 75—77; de, Michélis C. G., Note su K. Oлимпin, — «Rassegna Sovietica», Roma, 1972, № 4; Niko-ljska T., K. Oлимпin, — In: Poimovnik ruske avangarde, 7. Zagreb, 1990; ЛН, т. 85, с. 535, 536. + КЛЗ; Тарасенков; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; ф. 282 (Мат-лы кружка «Кольцо поэтов им. К. М. Фофанова»); Р. III, оп. 1, № 1781 (И. Е. Репин. Восп. о К. М. Фофанове, посланные О. 1912, май); ф. 540 и ф. 150 (многочисл. прошения Фофановых о материале, помощи); ф. 582 (автографы и многочисленные списки произв. О., восп. В. В. Смирнского об О.), Р. I, оп. 31, № 132 (списки произв. О., выполненные В. В. Смирнским) (сведения о четырех последних фондах — А. Л. Дмитриенко); РНБ, ф. 552, № 97 (письма А. Г. Островскому); ф. 1000, собр. отд. пост., оп. 2, № 1230 (два письма И. Северянина к Б. Д. Богомолову, 1911); ф. 1049, № 44 (письма Е. К. Фофановой-Устиновой к В. В. Смирнскому, 1955—64); РГАЛИ, ф. 1718; ф. 2591, оп. 1, № 216 (автобиография 1927 г.); ф. 525, оп. 1, № 652; ф. 125, оп. 1, № 461 (письма О. с иск-ными биогр. сведениями); ф. 1068, оп. 1, № 148 (биограф. и библиогр. сведения) (справка О. Е. Ближниковой); ф. 386, к. 106, л. 40 (письмо В. Я. Брюсову).

Т. Л. Никамская

ОЛИН Валериан Николаевич (ок. 1790*, острог Колывань Томской губ. или г. Иркутск — 1841, Петербург), поэт, переводчик, прозаик, журналист, издатель. Отец О., «из штаб-офицерских детей», выслужил личное дворянство (к 1800 стат. сов.), в 1799—1803 вице-губернатор г. Тобольска; возможно, Ник. Мих.

Олин в 1813—14 управляющий оренбург. деревнями Г. Р. Державина (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, № 67). Первоначальное образование О. получил, вероятно, у учителей Тобольского нар. уч-ща или семинарии. Впоследствии овладел латынью, англ., франц. и итал. языками. В 1803 зачислен канцеляристом в Канцелярию гос. казначейства. Жил в Петербурге (уволен в 1809 в чине губ. секр.); в 1810—11 на службе в правлении Гос. заемного банка. Часто менял место службы: в 1811 переводчик в конторе Театр. дирекции, в 1812 переведен в Деп-т нар. просвещения, в том же году определен в Особенную канцелярию мин. полиции (в 1817 — там же, тит. сов.). С 1819 чиновник Гос. комиссии по погашению долгов; не позже 1825 — секр. Деп-та мануфактур и внутр. торговли мин. финансов. В 1837 служащий Статистич. отд. Совета МВД; к 1838 надв. сов. (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1428, л. 18). В чиновничьей карьере О. так и не преуспел, службу постоянно совмещал с лит. занятиями, в нек-рые периоды лит. труд был единств. источником существования (РГИА, ф. 733, оп. 118, д. 356).

Первые неудачные опыты О.: «Панегирик Державину» (СПб., 1809), трагедия в стихах «Изяслав и Владимир» (пост. в 1811 при поддержке актера И. А. Дмитриевского; не изд.), написанная «варварским» языком, способствовали, тем не менее, его вхождению в лит.-театральные круги Петербурга. В 1813 становится чл.-сотрудником «Беседы любителей

рус. слова», в 1813—14 выступает на ее заседаниях с чтением своих стихов, опублик. в «Чтениях в „Беседе“» (1813, № 12 — романс «Могилы Юлии»; 1815, № 18 — кантата «Лемноские кузницы», подражание Ж. Б. Руссо). В это же время поддерживает достаточно короткие отношения с Г. Р. Державиным (сохр. 4 записки поэта к О. 1812—1814 — в сб.: XVIII век, в. 17, СПб., 1991; ст. Е. Д. Кукушкиной), сближается с теми из литераторов, кто вдохновлялся антич. лит.-рой, особенно с В. В. Капнистом и Н. И. Гнедичем. О. обращается к Горацию: «Горацианские оды» в его пер. опублик. в «Сыне отечества» (1817, № 47; 1818, № 3, 12; 1819, № 46; 1820, № 43; 1821, № 52; оценены как «удачные» А. А. Бестужевым-Марлинским — в кн.: Декабристы. Эстетика и критика, с. 96). Эти оды, как и др. свои стих. и переводы, О. нередко перепечатывал в других изд. В 1818—19 издает «Журнал древней и новой словесности» (СПб.; далее ЖДНСл), печатавший множество переводов антич., преим. рим., классиков, выполненных бр. Капнистами, Я. В. Толмачевым и самим О.: Тибулл, Тацит, Вергилий (прозой), Овидий, Саллюстий, Юстин (см. также: СО, 1816, № 49; 1817, № 8; 1824, № 17). Из антич. переводов О., в целом не представляющих интереса, выделяется «вольный перевод» «Тибулловой элегии»: «...Нет, Делия, клянусь, прелестьница другая/ Объятыми любви меня не обоймет» (ЖДНСл, 1818, № 1).

В журнале печатались также произв. Ф. Н. Глинки, Гнедича, Д. И. Языкова, Д. И. Хвостова, В. Б. Броневского, К. И. Арсеньева, Я. Н. Толстого, П. И. Колошина, П. Н. Лобойко, М. Трохимовского. Издание не имело успеха и вскоре было прекращено. Кроме того, в обнаруженном О. письме М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову «О разномыслии и сохранении рос. народа», к-рое он поместил в журнале (1819, № 6), А. Н. Голыцин нашел мысли, «оскорбляющие честь нашего духовенства» (Сухомятинов М. И., Иссл. и статьи по рус. лит-ре и просвещению, т. 1. СПб., 1889, с. 449, 459—60), а цензура не ж-ла располагаться передать др. цензуре; отд. оттиск «Письма...» был изят из продажи.

К кон. 1810-х гг. меняются лит. притязания О., он высоко оценивает творчество К. Н. Батюшкова, М. Н. Муравьева, В. А. Жуковского, пишет антологич. стих. («Ночь в Аркадии» — СО, 1817, № 51; описание водопада отмечено В. К. Кюхельбекером, в целом не воспринимавшим О. всерьез, — Кюхельбекер, с. 265—66) и стих. с эротич. мотивами («Цвинния Эрота», «К Филону» — СО, 1816, № 49; 1817, № 10). О. окончательно порывает с «Беседой...», осенью 1820 (по предложению Н. А. Цертлева) вступает в ВОЛСНХ; в речи, читанной при вступлении, призывает «к практическому очищению языка в новых переводах классич. авторов» (СО, 1820, № 50, с. 181).

В 1821 О. издает лит.-критич. газету «Рецензент» (вышло 20 номеров; № 1—10 и 17—26; № 11—16 не выходили; краткое описание содержания, выполн. С. Д. Полторацким, см.: «Revue Encyclopédique», 1823, № 52), не сыгравшую сколько-нибудь заметной роли в лит.-журн. борьбе; мат.-лы критич. раздела (направл. против «Вестника Европы» М. Т. Каченовского и «Отеч. записок» П. П. Свинина в защиту изд. Н. И. Греча и А. Ф. Воейкова) были случайны. В № 3 помещен благоволит. отзыв О. на «Руслана и Людмилу» А. С. Пушкина (позднее, видимо до 1829, О. лично познакомился с поэтом) за подписью NN (этим криптонимом он пользовался и в др. своих изданиях — «Карманной книжке» и «Колокольчике»). В разделе прозы — переводы из иностр. журналов, в т. ч. Ш. Л. Монтескье, Дж. Аддисона, Х. Блэр — «Критич. сравнение Оссiana с Гомером» в пер. О.; наиб. интересна поэтич. рубрика, где печатались Жуковский, Д. В. Давыдов, Е. А. Баратынский, Ф. Глинка, Воейков, а также М. А. Дмитриев и С. И. Висковатов.

Добросовестное усвоение О. лит. норм «движущейся эстетики» эпохи наиб. наглядно проявилось при переложении поэм — популярного в России в 1810-е гг. Оссiana (о том, что его поэмы — подделка Дж. Макферсона, О. узнал к 1823). Если первый опыт — «Сражение при Лоре» (песня 1-я; СПб., 1813; поств. гр. Н. П. Румянцеву) был задуман как классич. эпопея (написан александрийским стихом, насыщенным славянизмами и архаизмами), а следующий перевод отрывка из «Теморы» («Чтения в „Беседе“...», 1815, № 14) был выполнен под влиянием гомеровских переводов Гнедича гекзаметром, то вновь переработанное в 1817 «Сражение при Лоре» (СО, № 18), как и обработка другого оссиановского сюжета «Кантбат и Морна» (из 1-й песни «Фингала»: СО, 1817, № 23), по существу представляли собой поэмы в перерожденч. духе: они освобождены от архаич. лексик. содержания, содержат лирич. авт. отступления, чувствит. описания природы, переживаний героя и действия «сверепого рока». Здесь О. также экспериментировал с формой, сложно сочетая разл. стихотв. размеры: «желая мерную поэзию сделать разнообразнее», он ввел «стогу дактилическую, трохеическую» и смешанную, «пеоническую» — из прим. автора к «Кантбату и Морне».

Арзамасцы, относившиеся к О. как к бесталанному мелкому литератору, наделяя его иронич. прозвищами («Анакреон», «Бессмертный Олин Квинтильянович» — Батюшков, III, 346, 422; «наш Катюлл» — Вяземский — ОА, I, 56; «недозрелый труд незрелого чл.-сотрудника Олина» — Д. В. Дашков, о первом «Сражении при Лоре» — «Арзамас», I, 212), в лице того же Батюшкова не оставили без внимания формальные поиски О.: узнав о его намерении (не осуществилось) перевести Д. Тассо, Батюшков пишет Гнедичу в 1817: «Я рад, что он попался в руки Олину... Как он Оссiana переводит! И так, и сям ломает, только дребезги летят» (Батюшков, III, 457).

По мотивам Оссиана О. создает первую ориг. романтич. поэму «Оскар и Альтос» (СПб., 1823; посв. другу О., изв. карточному игроку С. М. Мартынову), принесшую ему почти безусловное признание.

Олин удачно изобразил героев шотландского барда: стихи его чисты, плавны, и многие истинно живописны» (Греч — СО, 1823, № 43, с. 131; др. благожелат. рецензии: (Ф. В. Булгарин) — «Лит. листки», 1823, № 5; (В. И. Козлов) — РИ, 1823, 27 окт.; МВед, 1823, 14 нояб.).

А. Е. Измайлов даже поставил поэму в один ряд с «Кавказским пленником» Пушкина и «Шильонским узником» Жуковского («Благ.», 1823, №23/24). Именно восприятие «Оскара...» как модной романтич. байронич. поэмы во многом определило ее успех.

О. использовал в «Оскаре...» нек-рые «байронич.» приемы — автобиопр. подтекст, лирич. медитации, строфич. численность, однако цельность героев поэмы контрастировала с разочарованными героями байроновских поэм. Общанная О. поэма «Манфред» (фрагмент «Романс Лоры» — «Лит. листки», 1824, № 6) полностью в печати не появилась.

В 1824 О. принял участие в полемике о «Бахчисарайском фонтане» Пушкина («Лит. листки», 1824, № 7). В статье, содержащей упреки в «чуждоэстетск.» композиции, единства, «плана» в пушкинских поэмах, О. дал неопределенно-общее — поэзия страстей и характеров — и эстетическое определение романтизма (подробнее см.: Мордовченко, с. 208, 211—13).

Несмотря на неудачи в худож. и «критич.» усвоении романтизма, О. имел нек-рые внутр. точки соприкосновения с ним: это культ художника и творч. «мечты», с акцентом на субъективно-идеальном изображении человека. В «Взгляд на историю поэзии» (ЖДНСл, 1818, № 1) он говорит как о должном о «великом уважении» к бардам царей и героев: «особа их была священна и неприкосновенна» (с. 44), а в ст. «Письмо о счастье» (НЛ, 1824, № 10) с неожиданной для него настойчивостью дружбе, любви, славе и даже «самой добродетели» противопоставляет единств. надежную и высокую реальность — «мечту и воображение» художника (с. 152) (возражение на «Письмо...» поместил «Сын отечества» — 1824, № 50; 1825, № 44 — подписал А. Н.; ответ О. — ДЖ, 1825, № 2).

В 1822 О. создает первый в рус. лит-ре и лучший перевод элегии А. Ламартина «Умиравший христианин» (РИ, 1822, 23 янв.) [см.: Вацуро (2), с. 73, с. 215], в к-ром ему удалось передать освобождающую силу смерти от «сурового плена» земного бытия: «Пари, душа моя! И сбрось с себя оковы!» (медитации Ламартина были близки самому О. 1820-х гг.: «...тайная тоска, неизвестные желанья, вечная нравственная деятельность — все это разительно убеждает меня в бессмертии души моей» — из «Разных мыслей», запись 1825 — «Карманная книжка... на 1829 г.», с. 276). Этот же мотив О. развил в стих. «Душа» (НЛ, 1825,

№ 5) — о посмертном пребывании души («Она помчится в Эмпирей/ Моя душа, в лучах свободы/ И тайны древняя природы/ Разоблачатся перед ней» — с. 130), одним из немногих стихов, где О. достигает подлинной лирич. патетики.

На нач. 1820-х гг. приходится пик лит. известности О., совпавшей с трагич. обстоятельствами его личной жизни (в кон. 1821 умирает жена, через 5 мес. — их маленький ребенок), он пишет элегии «Упование», «Весна» и «Стансы» (СО, 1822, № 18, 19, 38; первые изд. под назв. «Две элегии, посв. памяти незабвенной супруги», СПб., 1822), в к-рых «унылая элегия» приобретает индивид. черты и автобиографизм к-рых не равен традиц.-элегическому. «Горькие» воспоминания, укор провидению, готовность к испытанию — все эти общепозитч. мотивы едва ли не сознательно переводятся О. в план личной, жизненно-переживаемой ситуации: он хочет выразить свой плач и именно по его «сопутнице прекрасной», к к-рой «привыкла» его «жизнь». В элегиях О. осуществлялась романтич. переориентация ценностей (подчеркнутая значимость своей и чужой личности, страданий «осиротевшей души» и шире — всякой отрефлексированной эмоции), не получившая развития в его дальнейшем творчестве. К стих. на смерть жены примыкают «Стансы к Элизе» (1822—23; автограф — ИРЛИ, 9885 LIX645; опубли. 1972) — поэтич. ретроспекция идеальных и земных радостей с любимой после вечной разлуки с ней.

«Стансы к Элизе» были запрещены цензурой А. И. Красовским (см. о нем в ст. В. И. Красовский) за безнравственность и как «противные духу христианства», в ответ на это О. в мае 1823 подал на Петерб. ценз. к-т жалобу, однако в ответе к-та указывалось, что чтение «Стансов...» «должно было произвести большой соблазн» и возбудить «нечистые чувствования» (изложение ценз. дела см.: «Беседы в ОЛРС», в. 3, М., 1871, с. 42—45, publ. П. К. Щербальского: Поэты 1820—30, т. 1, с. 707; Панасева, 1986, с. 90—91, 429; дело о «Стансах...» — РГАДА, ф. 777, оп. 1, л. 408 (сообщение о цензуровании «Стансов...» А. С. Бирюковым — там же, л. 19—19 об., ф. 777, оп. 27, № 17, 18, апр.—авг. 1823). Стих. широко распространялись в списках с пометами цензора, в т. ч. самим автором, о чем стало известно ценз. к-ту.

О. не удалось удержаться на взятой им ноте, в 1823—25 снова появляются послания к «преlestницам живым» («К 19-летней Альбионянке»; возможно, его будущей жене англичанке — НЛ, 1823, № 44); в них популярный в поэзии 1820-х гг. образ «живого мертвеца» становится ходовой элегич. маской («К Эльви-ре» — «Лит. листки», 1824, № 13/14), в последнем стих. и стих. «Кубок» (МТ, 1825, № 20) содержатся прозрачные намеки на пристрастие к вину. О. так и не сумел издать стихи отд. книгой, попытки к этому предпринимал еще в 1817 и в 1820.

Ободренный успехом «Оскара и Альтоса», О. опубли. последнюю поэму на оссиановский сюжет «Кальфон» (СПб., 1824; издана его другом А. А. Ивановским; в заметке от издателя назван О. «одним из первоклассных поэтов наших» и поместил его портрет в романтич. роде; ему же посвящена поэма) и потерпел поражение сразу по неск. причинам: Оссин вышел из моды; поэма (хотя и написанная звучным стихом) не отвечала формирующемуся критерию «серьезности» содержания; обострились внутрилит. журнальные отношения О.

Издательской рецензией откликнулся Греч (СП, 1825, 27 янв.; см. там же, 3 февр., 17 марта; а также: РИ, 1825, 31 янв.), напечатав и в «Сыне отечества» уничтожающую рец. О. М. Сомова («Письмо приятелю...» — 1825, № 6); Сомов отметил «бесцветность» характеров, вялость, отсутствие «новой» мысли и «блатородных страстей». За О. вступили Воейков (одобрил. отклик: В. Радий из Смоленска (Ивановский?) — РИ, 1825, 9 марта; позднее в «Славянине» был перепечатан хвалебный отзыв о поэмах О. из «Revue encyclopédique»: 1828, № 45).

Неудачным был признан (в т. ч. самим О.) и перевод «трагедии в стихах» «Базетт Ж. Расина» (СПб., 1827), выполн. монотонным стихом с однообразной рифмой; посв. министру финансов гр. Е. Ф. Канкрину (рец.: СП, 1827, 1 марта; СО, 1827, № 10; об обсуждении перевода О. и предпочтении ему катеннского — см.: Катенин и П. А., Размышления и разборы, М., 1981, с. 270).

Явным провалом стала переработка О. байроновской поэмы «Корсар» в «романтич. трагедию в трех д.» «Корсер» (СПб., 1827) — «с хором, романсом и двумя песнями, турецкою и аравийскою»: «проза надутая и уродливая» (Пушкин, набросок рец. — XI, 65), вот что «является под именем ... романтизма» — возмущался Н. А. Полевой (МТ, 1828, № 6; отрицат. рец.: СП, 1828, 3, 6, 8 марта; стихотв. ответ О. в «Славянине»: 1827, № 37); резкость откликов (см. также: «Славянин», 1827, № 14, 45) привела к разрыву лит. отношений О. с Булгариным и Гречем.

О. был плодовитым литератором, «испытывавшим себя почти во всех родах письменности» (Плетнев, II, 244), печатавшимся в газетах, журналах и альманахах различных направлений и разнокачеств. уровня; он был знаком едва ли не со всем кругом петерб. литераторов (сохр. лишь восп. о посещении О., «маленького сублист(н)енького человечка», «пятнадцатилетней» Воейкова — В. Булгарин) — РВ, 1871, № 10, с. 619; см. также с. 618, 620, 630), чему способствовала его деятельность издателя-журналиста.

В 1829—30 он издает полупериодич. альм. «Карманная книжка для любителей рус. старины и словесности» (СПб., 1829, одной книгой, — переизд.: СПб., 1832; в 1830 вышло 4 книжки; рец.: СП, 1829, 27 июля; МВед, 1829, 2 февр.; МТ, 1829, № 15; сдержанно-одобрил. отклик Сомова — СЦ на 1831 г., СПб.,

1830, с. 18—20), а в 1831 газ. «Колокольчик», вместе с В. Я. Никоновым, ее субсидировавшим [О. постоянно искал денег на свои проекты; среди неосуществленных — изд. ж. «Сев. вестник», 1829; полит. и лит. газ. «С.-Петерб. курьер», 1830 (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 941, 1032)]. Оба издания вскоре прекратили существование за недостатком подписчиков. К этому времени О. приобрел репутацию литератора, избравшего, по характеристике Греча в записке А. Х. Бенкендорфу (сент. 1832), «ремеслом лит. промышленности»: собирает деньги «по всей России» на очередное издание и вскоре прекращает его; т. о. типографии, бумаго- и книгопродавцы оказываются «обманутыми им наравне с подписчиками»; «и все это делает он гласно, без малейшего стыда» (ГАРФ, ф. 109, I эксп., 1832, л. 211; там же упоминание о 2-й жене О., «бедной англичанке», сбегавшей от него «с голоду», и рассказ П. П. Свинына о «разговорах с (К. Ф.) Рылевым и Олиным» на вечеринке у Е. В. Аладына — справка А. И. Рейтблата).

В своих изд. О. нередко выступал с критик. рец. и заметками. В «Карманной книжке» (далее — «Карм. кн.») вел библиогр. отдел. Как критик он никогда не был самостоятельным (см. указ. выше разбор «Бахчисарайского фонтана»), его рец. — обычно аморфный набор цитат, сцепленных незначительными репликами («Рецензент», 1821: отклики о соч. М. Н. Муравьева — № 2—4; «Вакханке» Батюшкова — № 10).

Как бы понимая это, О. часто отсылает читателя к критике др. периодич. изданий. Из его откликов в «Карм. кн.» (в т. ч. на соч. Булгарина, Гнедича, Ф. Глинка) выделяется рец. на «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина (1830, кн. 2; историю ее написания см.: ЛН, т. 58, с. 93). В той же 2-й книжке почти восторг, отзыв о стих. Вяземского «К ним»: «совершенная оригинальность и какое-то уныло-неопределенное, независимое чувство» (с. 275). В «Карм. кн.» 1829 О. напечатал разбор «Цыган» Пушкина (с. 257—269), в к-ром назвал поэта «могучим талантом», «блестящим феноменом» (с. 259). А через год в «Колокольчике» в резонанс с общим лит. эхом свидетельствовал: после «Полтавы», где «счастье уже... изменило Пушкину... поэтическая звезда его закатилась совершенно с появлением на литературном горизонте „Бориса Годунова“» (1831, 20 янв., с. 24).

О. много публиковал опального Ф. Глинка, напечатал стих. Пушкина «Кн. Голицыной» («Давно об ней воспоминаю» — «Карм. кн.», 1830, кн. 1). Сам О. печатал мелкие стихи, преим. на случай (относительно более удачно «Смерть лебедя» — там же, 1830, кн. 3), ист. и прозаич. отрывки, в т. ч. из биографии И. В. Гете и Ж. Ж. Руссо, переводы (напр., «Новейшая поэзия скацианская» — там же, 1830, кн. 2), под псевд. Пустынник Придольной улицы запоняет правописат. рубрику «Волшебный фонограф» (наиб. выразителен очерк о «тиле театр. зигитуэста» — там же, 1830, кн. 4). В «Легенде» «О рождении Петра Великого...» (там же, 1830, кн. 1; с подзаг. «предание» — отд. изд., СПб., 1835), также в соответствии с веянием времени, говорит о важности чудесных «поверий народных, касающихся до старины и нашей, кои... не могут для нас не быть любопытны и занимательны» (цит. по отд. изд., с. 25—26). Здесь же опубли. первое худож. прозаич. соч. «Кумова постола, повесть, заимствованная из суевежных

нар. рассказов» (1829; отд. изд. — СПб., 1829; рец.: МТ, 1830, № 9). «Колокольчик» свидетельствовал об изыскании лит. связей О. (подробнее см. в ст. В. Я. Никоненко).

Крайняя нужда, в к-рой протекала вторая половина жизни О. (известен эпизод с закладываемой им фамильной табакеркой, периодически выкупаемой Жуковским, — РС, 1880, № 2, с. 255—56; ср. также афоризмы из «Разных мыслей» о бедности, к-рая «не пороку», но «часто ведет к пороку», об «отрадной возможности» отблагодарить человека, «который оказал нам в нужде пособие», — НЛ, 1825, № 8, с. 98; «Карм. кн.», 1829, с. 277), вынуждала его обращаться с униженными просьбами о помощи к известным литераторам (письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому, 1835: ИРЛИ, ф. 527, № 31, л. 60 — справка Н. А. Прохоровой), а иногда пренебрегать требованиями нравственности и лит. этикой.

Среди соч., откровенно рассчитанных на вознаграждение, — «Картина восьмилетия России с 1825-го по 1834-й гг.» (СПб., 1833). «Неумеренные похвалы» Николаю I и исп. И. Ф. Паскевичу вызвали неудовольствие государя; пересказывавший этот эпизод А. В. Никитенко сам (как цензор) был в затруднении: «по духу — таких книг запрещать нельзя, а пропускать их как-то неловко» (Никитенко, I, 131—32).

В 1830-е гг. О. переводит (с англ.) ист. соч. Вильяма «Записки о России» (СПб., 1832; с посв. А. А. Аракчееву), «Записки о Петре Великом» (ч. 1, СПб., 1835; отрицат. рец. В. Г. Белинского — «Молва», 1835, № 45). Интерес О. к рус. истории носил хотя и дилетантский, но устойчивый и не исключительный конъюнктурный характер. В 1832 он представил в цензуру ром. «Эшафот, или Утро вечера мудренее» (1-я ч. публиковалась в «Колокольчике»: 1831, 17 марта — 10 апр.) — из времен царствования Анны Иоанновны. Показанные в романе деятельность тайной канцелярии, сцены пыток способствовали не только запрещению романа, в к-ром «действия власти и правительства выставляются в смешном или гнусном виде», но и побудили цензуру сообщить в III отд. е.и.в. об «особенном вредном направлении и недозволенном духе» соч. и его автора (РС, 1903, № 2, с. 316, 317; ценз. дела о ром.: РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 411; ГАРФ, ф. 109, I эксп., 1832, д. 211).

Последняя ипостась, в к-рой проявил себя О., — жанр фантастич. повестей: «Рассказы на станции» (ч. 1—2, СПб., 1839); 1-ю часть составили рассказы «Странный бал» и «Череп могильщика», 2-ю — пов. «Пан Копытинский». Любовно-авантюрный сюжет повести разворачивается на фоне «бириновщины»; Бирон, одно из гл. мрачных действующих лиц, противопоставлен простым и бедным героям, искушаемым дьяволом в лице пана Копытинского.

Изданию 1839 предшествовала отд. публ. «Странного бала» с прил. восьми стих. (СПб., 1838), а также напечатанные в 1833 фантастич. рассказы «Вампир» и «Ужасный сон» (ЛПРИ, 5 апр., 3 мая). В «Рассказах...» О. проявил, можно сказать, самоотверженные усилия быть на уровне лит. вкусов и стилевых поисков своего времени (хотя, как он признается в посвящении к изданию, «условия, которые требует публика от писателя, слишком тяжелы»); соединил фантастич.-романтич. сюжета и реалистич. описания, использование обрамляющей (в форме станионной беседы) рамки повествования, простоты в обрисовке нек-рых образов (напр., солдата-преображенца в «Пане Копытинском») и простоты слога. Однако все это не освободило прозу его от мелодраматизма, сближающего ее с массовой повестью 1830-х гг.

Публикация прозы О. послужила предлогом для уничтожающей критики новым поколением не только последних книг, но и всего его творчества. Критик «Отч. записок» в обширной рецензии (1839, № 6) с убийственной иронией воссоздает перипетии его лит. жизни и бесславной журнальной борьбы. «Особенную ожесточенность» лит. нападков на О. журналистов предшествующего периода отмечал и В. Г. Белинский (IX, 623), называвший О. «отставным романтиком» (V, 189); романтизм «Странного бала» он определил как допотопный — «поэзия кладбищ, чертей» (III, 74; см. также издеват. рец. в «Б-ке для чтения»: 1838, т. 28, и сочувств. в «Сев. пчеле» — 1839, 5 июля); Белинский, однако, выделил («теплота», «чувство») стих. «Монхас» «Покрывало я вечнолюбое/ На святом огне сожгла» — О. успел испробовать себя и в фолькл. стилизации.

О., на протяжении 30 лет зеркально отражавший эволюцию лит. вкусов и предпочтений эпохи (смена тем, жанров, стилевых ориентаций — от классицистских и преромантич. до романтич. с элементами реалистич. правдоподобия; он не избежал влияния едва ли не каждого из «любимцев» своего времени, от Горация и Ламартина, Оссиана и Дж. Байрона до В. Скотта и В. Ирвинга), представлял феномен второстепенного разночинного профессионального литератора — тип, только начинающий формироваться в 1-ю треть 19 в. В отличие от множества эпигонов, он вдохновлялся не тем или иным автором или образцом (и, как правило, непродолжительно), но пытался подражать и соответствовать «высокой лит-ре» вообще, с готовностью принимая предустановленные и нарождающиеся в ней авторитеты. Именно это давало ему силы, несмотря на все неудачи, оставаться

в лит-ре. Обладая специфич. роман-тич. мироощущением разночинца (см. его афоризмы «Разные мыс-ли» — «Рецензент», 1821, № 2, 9; перепеч. с доп. — НЛ, 1825, № 8; «Карм. кн. 1829»), О. сознавал ограни-ченность своего дарования, что, в частности, явствует из его реакции на стих. «Собрание насекомых» Пушкина, где под «мелкой букаш-кой» подразумевался О. (др. вариан-ты: Пушкин, III, ч. 2, с. 800; Грот и Плетнев, II, 887; Тынянов, с. 182—83). Конкретно или типо-логически, но О., по всей вероят-ности, узнал себя в эпиграмме и при-звал обладателей «больших даро-ваний» быть «скромнее», «ибо скромность, некоторым образом, придает им более блеску» («Карм. кн.», 1830, кн. 4, с. 541). Однако скромность собств. творч. потенциа-ла не умаляла в понимании О. важно-сти, обещал. значительности решаем-ых им задач, о чем свидетельствуют программы его изданий, настойчи-вое, в течение 10 лет, обращение к Оссану (исключение, а не правило в лит-ре 1810-х гг. — Левин, с. 55), признание во вступлении к «Кальфо-ну»: он, О., сделал все «возможное для разнообразия русской литерату-ры» (с. XV).

Знаменательно, что и более, и ме-нее известные литераторы, среди к-рых Батюшков, Вяземский, Кюхельбекер, Сомов, несмотря на рез-кую или иронич. оценку его соч. (м. б. и потому, как говорил П. А. Плетнев, что «каждая книга его воз-буждает ожидание, которое оказыва-ется тщетным» — Плетнев, II, 244), воспринимали О. как необхо-димый компонент лит. процесса, как в изв. смысле полноправного участ-ника «общего» лит. дела.

Др. произв.: комедии «Урок в ботанике, или Наказанная недовер-чивость», в 1 д., с ариями (подража-ние Э. Дюпати) (СПб., 1822; рец. — СО, 1822, № 40), «Обманутый алхи-мик» (1827 — СПб ГТБ); п е р е в о-ды: с франц. яз. — Миллот, «Рим. история» (СПб., 1821; рец.: СО, 1821, № 52), с нем. — Ф. Шиллер, трагедия «Дон Карлос» (1-е д. про-зой — «Колокольчик», 1831, 6 мар-та, 14, 17 апр.).

Изд.: Новое собр. образцовых рус. соч. и переводов в стихах, СПб., 1821; Полярная звез-да, изд. А. Бестужевым и К. Рылесвым, М.—Л., 1960 (ПП: ук.); Поэты 1820—1830, т. 1 [биогр. справка и прим. В. П. Степанова, ук. в кн.: Му-ратова (3)]; Рус. поэзия 1813—1825, М., 1990; Странный бал. — В кн.: Рус. романтизм. новелла, М., 1989; то же. — В кн.: Рус. романтизм. повесть писателей 20—40-х гг. XIX в., М., 1992; Стихотв. сказка; Франц. элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры, М., 1989; Пушкин в прижизненной критике (1820—1827), СПб., 1996 (ст. О. о Пушкине и по ук.).

Лит.: Батюшков; Пушкин; ОА, т. 1—2; Кюхельбекер; Белинский; Никитен-ко; Барсуков, т. 1, 3 (все — ук.); Держав-ин, VI, с. 334 (и ук.); Плетнев, II, с. 243—244; Отто Н., Черты из жизни Аракчеева. — «Древняя и новая Россия», 1875, № 10, с. 180;

Греч Н. И., Зап. о моей жизни, СПб., 1886, с. 495; Полевой. Мат-лы (ук.); Белинский В. Г., ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 513—19 (биогр. справка С. А. Венгеров с библиогр., с отзы-вами); Розанов И. И., Рус. лирика..., М., 1914, с. 354—61; Пушкин и его современники, в. 29/30, П., 1918, с. 112, 123; Гиппиус В., Гоголь, Л., 1924, с. 27, 29, 32, 35 (Из архива Д. И. Хвостова) — ЛА, М.—Л., 1938, с. 371; Томашевский Б. В., Пушкин, кн. 1, М.—Л., 1956, с. 523—25; Мордовченко Н. И., Рус. критика первой четв. XIX в., М.—Л., 1959 (ук.); Камарский З. А., Филос. идеи рус. Просвеще-ния, М., 1971 (ук.); Левин Ю. Д., Оссан в рус. лит-ре, Л., 1980 (ук.); Иззутова Р. В., Из негдг. перепишк В. А. Жуковского..., — Еже-годник РО ПД (и ук.), 1980, Л., 1984, с. 104—105; Рус. эпиграмма; Керн А. П., Восп. Двигу-ни..., М., 1989, с. 80; Гиривенко А. Н., Перевод в лит. процессе. — В кн.: Тетради пе-реводчика, М., 1989, в. 23, с. 118—21; Декабри-сты. Эстетика и критика, М., 1991 (ук.); Арзамас (ук.); Вацуру (2), ук.; Кормановские чтении, в. 2, Ижевск, 1995, с. 134. + СП, 1842, 30 янв. (сообщение о смерти без точной даты и некролога); РБС; КЛЭ, т. 9; Черейский; ИРДТ, т. 2 и 3 (ук.); Смирнов-Сокольский; Му-ратова (1, ук.); Масалов (не учт. астроном ***** критиком Н. Н., псевд. Пустынник Пра-дильной улицы).

Архивы: РГБ, Пол. II, оп. 46, № 44, оп. 48, № 78 (два письма М. П. Погодину), М. 8567, оп. 9 (два письма Н. А. Полевому, 1828); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2462 (письмо П. А. Вяземско-му, 1829); РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1613 (ф. с. отца О. 1802 г.; см. также Список состоящих в гражд. службе чинам первых 5 классов на 1803 г., СПб., с. 92); ф. 1343, оп. 51, д. 607, л. 73 (об утверждении рода О. в «дворян. досто-инстве» в 1800 г.); ф. 733, оп. 118, д. 356, 478 (биогр. мат-лы, прошения О., в т. ч. о пособиях, изд. сб. стих., ф. с. * 1817 г.); ф. 535, оп. 1, д. 16, 20, 26, 29 — о подарках от императрицы Ели-заветы Алексеевны за подписанные О. книги и ж-лы за 1820—24 (бриллиантовый перстень, зол. часы); ф. 1101, оп. 2, л. 343 (сведения о службе, прошение О. о возвращении его стих. и пове-стей, псевд. О. И. Сенковского) [справки С. С. Атапина]. Т. Ф. Нешукова, Л. М. Шемякина.

ОЛЬМИНСКИЙ Михаил Степано-вич [наст. фам. Александров; 2(14).10.1863, Воронеж — 8.5.1933, Москва; похоронен на Красной пл. у Кремлев. стены], публицист, лит. критик, лит.-вед.; парт. и гос. деятель. Отец — мелкий чиновник, из дворян; мать — дочь проф. Воронеж. семинарии. В 1883 окончил Воро-неж. г-зию и был принят на юрид. ф-т Петерб. ун-та. Вступил в народо-вольч. «Союз молодежи»; в дек. 1884 познакомился с марксистом Д. Благоевым и возглавил один из рабочих

кружков благоевской группы, не оста-вляя преподават. работы в кружках для рабочих при «Союзе молодежи». В дек. 1885 был арестован и выслан, повторно арестован в 1886, до кон. мая 1887 находился в Воронеж. тю-ремном замке, затем выслан в г. Кро-ротояк Воронеж. губ. и 12 авг. 1887 принят на воен. службу (служил ря-довым в 154-м пехотном Дербент. полку Кавк. воен. округа). В авг. 1889, сдав экзамен на чин прапорщи-ка запаса, уехал в Воронеж. Еще в дек. 1886 познакомился в Воронеже с высланной туда народоволкой Ек. Мих. Долговой, на к-рой женил-ся летом 1888 (они расстались в 1904, когда Ек. Мих. оказалась в ла-гере меньшевиков). С осени 1890 в Петербурге, служил в статистич. от-деле Зем. управы. В 1891 один из ор-ганизаторов рабочей демонстрации на похоронах Н. В. Шелгунова (15 апр.). Осенью 1891 при активном участии О. был организован наро-довольч. кружок (Александров М. С. (Ольминский), «Группа наро-довольцев» (1891—1894 г.) — «Бы-лое», 1906, № 11), с к-рым связано первое выступление О. в печати — вступ. статья к нелегально изд. «Ра-бочему сб-ку» (СПб., 1894).

В апр. 1894 О. был арестован и до осени 1898 пробыл в одиночном за-ключении, в т. ч. 9 мес. в Петропав-лов. крепости и 3 года в «Крестах». В тюрьме писал стихи, проникнутые гл. обр. тоской по воле [см.: «О сво-их стихах» — «Старый большевик», 1934, № 2 (10); два стих. «Старая история» и «Спор» опубл. за подписью «Ст.» в «Вост. обозр.», 1900, 6 и 9 мая]. В «Крестах» О. написал цикл статей о творч. труде рус. писателей под общ. назв. «Как они работали» (опубл. «Пушкин о себе» — «На лит. посту», 1927, № 5/6) и осуществил в 1897 осн. часть работы над «Ще-дринским словарем» (окончен в Же-неве в 1904; М., 1937). «С первых же дней после приговора, как только узнал о трехлетнем сроке, не покидала меня мысль о необходимости... при-думать себе большую умственную ра-боту..., — писал О. в кн. восп. «В тюрьме», — понемногу стал назре-вать план составления словаря к со-чинениям Щедрина» (цит. по изд.: М., 1956, с. 40).

9 окт. 1898 досрочно освобожден из тюрьмы и выслан на 5 лет в Си-бирь. В дек. 1898 в Омске, на пути в ссылку, О. прочел манифест 1-го съезда РСДРП, и это окончательно определило решение перейти в ря-ды социал-демократов [вступил в РСДРП(б) в 1903]. С 1899 по окт. 1903 он отбывал ссылку в г. Олёк-минске Якутской губ. (с назв. города связан его осн. псевдоним — см. в кн.: Дмитриев В. Г., Скрышнев свое имя, 2-е изд., М., 1977, с. 45; первая публ. за подписью Ольмин-

ский — очерк «Юбилар» — «Вост. обзор», 1903, 22 янв.). В Иркутске он познакомился с И. И. Поповым, изд.-ред. «Вост. обзор», и стал сотрудничать (гл. обр. анонимно) в этой газ. (см. восп. О. «Как я стал литератором» — в кн. «По вопросам лит.-ры. Статьи 1900—1914 гг.», Л., 1926, с. 13—14). Первая большая ст. О. в «Вост. обзор.» (1899, 25 дек.) — «Мотивы текущей лирики» — посв. журн. публикациям П. Я. (П. Ф. Якубовича), Тана (В. Г. Богораза) и др. поэтов. 5 февр. 1900 там же появилась ст. «О полном собр. соч. Щедрина» — первая опубл. работа О. об идейно-худож. значении щедринского наследия, изучением к-рого он занимался до конца жизни: ст. «Социалист-утопист в оценке современников» («Обр.», 1906, № 12), «Культурные люди и нечистая совесть» («Правда», 1912, 23 авг.; подпись А. Витимский), «Салтыков-Щедрин» («Путь правды», 1914, 13 апр.). В работах о писателе О. акцентировал сатирич. направленность его произв., соотносил демокр. основы мировоззрения Щедрина с идеологией рев. пролетариата, обрисовывая его как предшественника совр. социал-демократии.

В статьях «Об Овсяннико-Куликовском и А. Чехове» («Вост. обзор», 1900, 29 сент., 1, 3 окт.) и «Лит. противоречия. (О „Трех сестрах“ А. Чехова)» (там же, 1901, 29 июля) О. отказывал творчеству Чехова в наличии идеалов «определ. содержания», не признавал его писателем-реалистом, особенно как автора «Трех сестер», считая, что пьеса получает «серьезное значение» лишь в том случае, если заключит. сцену трактовать как мечту сестер Прозоровых о служении светлomu, хоть и неизвестному будущему, — «только при таком взгляде Чехов не будет заслуживать упрека ни в бесплодной игре на нервах, ни в проведении реакционных тенденций» (см. также: Чехов, X, 351; XIII, 456—57).

По окончании ссылки О. приехал в Воронеж, затем, побывав в Н. Новгороде, Феодосии, Симферополе, Харькове, Твери, выехал за границу. С марта 1904 по нояб. 1905 жил в Женеве. Летом 1904 познакомился с В. И. Лениным. В эмиграции принимал участие в изд. газ. «Вперед» и «Пролетарий», писал полит. брошюры (в осн. под псевд. Галерка). В нояб. 1905 вернулся в Петербург, активно сотрудничал в большевист. печати, работал в изд.-ве «Вперед», брошюрном отделе горьков. «Знания», в легальных большевист. ж. «Вест. жизни», «Наша мысль» и газ. «Новая жизнь». Весной 1906 он стал одним из основателей и редакторов газ. «Волна», где печатал свои корреспонденции из Гос. думы. Во время Революции 1905—07, а также в

1908, когда О., опасаясь ареста, уехал в Баку, где прожил до осени 1909, он печатался в «Образовании», «Былом», «Совр. мире» и др.

В авг. 1908 он выступил одним из организаторов выхода литераторов-марксистов из состава авторов «Образования» (см.: СМ, 1908, № 9); вскоре у литераторов большевист. направления возникли несогласия с идейной платформой ж. «Совр. мир», к-рый начал придерживаться меньшевист. позиций, и они стали значительно реже там публиковаться. Осенью 1909 О. — чл. ред. газ. «Нов. день», к-рая была закрыта в дек. 1909 за ст. О. «Крутой поворот». В 1910—15 служил в статистич. отд. Петерб. гор. управы. В 1910—14 принимал активное участие в работе газ. «Звезда» (дек. 1910 — апр. 1912) и «Правда», регулярно печатая в них парт.-публик. статьи (б. ч. опубл. в сб. «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», М., 1956), а также разл. статьи о лит.-ре; одновременно печатался в моск. газ. «Наш путь», в газ. «Сиб. огни», «Сиб. мысль» (под своей фам.) и др. Лит.-критич. выступление О. этого времени носят резко обличит. характер по отношению к произв. с антирев. или упадочнич. тенденциями. Прямолинейный максимализм, а также догматич. парт. установки, сказывавшиеся в оценках худож. произв., заставляли О. усматривать антиреволюционность и у писателей, изображавших революционеров без должного пиетета (см.: «Беллетрист „В. Винниченко“ — „Звезда“, 1911, № 25), и в произв., скептически оценивавших перспективы обществ. развития после рев. переворота (см.: «Арцыбашев и Куприн» — «Правда», 1912, 1 сент.; «По поводу А. Куприна [и юбилея И. Ясинского]» — «Сиб. речь», 1911, 20 июня). Всю эту лит.-ру он окрестил «иудиной беллетристкой» («Правда труда», 1913, 17 сент.). Односторонним было отношение О. к Ф. Сологубу: к-рого он называл «гаденьким писателем» («Мелкого беся» О. «не заметил») (ст. «Поход против М. Горького» — «За правду», 1913, 4 окт., подпись А. Витимский; в ней критик взял под защиту горьковский выпад против инсценировки «Бесов» Ф. М. Достоевского).

Весной 1915 О. переехал в Саратов, где состоял в редколлегии «Нашей газеты». В нач. мая 1916, после разгрома местной орг-ции РСДРП, уехал в Москву, организовал и редактировал легальный большевист. ж. «Голос печатного труда», сотрудничал в екатеринодар. ж. «Прикубанские степи», выпустил сб-к статей большевиков «Прилив». С нач. марта 1917 О. — в ред. «Правды», в конце марта вернулся в Москву, вошел в ред. газ. «Социал-демократ».

После Окт. революции О. работал в Наркомфине (чл. коллегии с дек. 1917). В 1920—28 возглавлял Истпарт. Был деятелем РАПП, с 1923 сотрудничал в ж. «На посту», с апр. 1926 до окт. 1928 чл. ред. ж. «На лит. посту». Участвовал в подготовке Собр. соч. Салтыкова-Щедрина (т. 1—20, М., 1933—41; при жизни О. вышел т. 2). Осн. темой лит. выступлений О. после 1917 было отношение к классич. наследию; в них в полной мере сказались его прямолинейно-социологич. взгляды. Призывая «учиться у Пушкина», О., однако, отрицательно относился к Л. Н. Толстому; свое неприятие религ.-филос. исканий писателя он переносил и на его худож. творчество: ст. «Наше отношение к Л. Н. Толстому» («Огонек», 1928, № 4), «О Л. Н. Толстом» («Правда», 1928, 31 янв.) и др.

Изд.: О печати, Л., 1926; По лит. вопросам, Л., 1932; Статьи о Салтыкове-Щедрине, М., 1959; М. С. Ольминский. — В кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетич. мысли, т. 5, М., 1970 (вступ. ст. и сост. П. Д. Волкова и Л. М. Котова); Письма к М. К. Лемке и М. В. Пирожкову — в кн.: Лит. архив. СПб., 1994 (публ. М. Д. Эльзона).

Лит.: Луначарский А. В., О. как лит. критик. — В его кн.: Критика и критики, М., 1938; Лежава О., Нелядов Н., М. С. Ольминский, 2-е изд., М., 1973 (библ.); Кудряшова Е. И., О. о пьесе А. Невзорова «Бабь» (Забывая редакция). — Уч. зап. Орлов. пед. ин-та, 1966, т. 30; Мосенцев В. А., О. и М. Горький. — «Вест. Харьков. ун-та», 1968, № 36, сер. филологическая, в. 4; его же, Из истории ранней марксист. критики. («Щедринский словарь» О.). — В кн.: Проблемы развития сов. лит.-ры. Межвузов. науч. сб., в. 2, Саратов, 1975; Волков П. Д., Ермишкин Н. И., Эстетич. взгляды О., М., 1975; Таурин Ф., Каменищик революции, М., 1981. + Писатели эпохи (1); ЛЭ; КЛЭ; Рус. писатели, т. 2, 1990; Муратова (2); Масанов (атрибуция О. псевд. Марк Павлович — сомнительна).

Архивы: РЦИХИДН, ф. 91; ИРЛИ (Лемке) в собр. Венгера, письма к М. К. Лемке и М. В. Пирожкову; ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1890 г., д. 762; ф. 63, 1898 г., д. 484 [справка Л. И. Тютюнник]. М. Д. Эльзон.

ОЛЬНЕМ О. Н. [наст. имя и фам. Варвара Николаевна Цеховская, урожд. Меньшикова; 9(21).11.1872, г. Бобров Воронежской губ.* — 1941], прозаик. Родилась в среднего достатка помещичьей семье. Отец — Ник. Конст. Мать — Мария Ильинична, урожд. Ясеновская, дочь священника, «отличалась мечтательностью, сердечной добротой и большой любовью ко всему изящному, особенно к литературе и театру» (Автобиография — ИРЛИ, ф. 377, № 3788, л. 1). Училась в Кременчугской г-зии. В 1889 в «поисках самостоятельного заработка отправилась» (там же) в Киев, архитектор В. Н. Николаев рекомендовал ее редактору газ. «Киевское слово» А. Я. Антоновичу, где 26 сент. 1889 и была опубл. первая заметка О. — «Нарушение санитарных правил» (б. п.), с этого времени она становится пост. автором газеты. Ее рассказы печатались и в киевском ж. «Мир иск-ва», в ж. «Стрекоза». С кон.

1890-х гг. переписывалась с В. Г. Короленко (его письмо 1899 с отзывом о рассказах О. — ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 434), к-рого считала своим учителем в беллетристике, тогда же завязываются отношения О. с М. В. Ватсон и Е. Н. Водовозовой.

В 1899 переехала в Петербург, в ноябре вступила в Союз взаимопомощи рус. писателей. Ее рассказы и повести публ. в ж-лах «Рус. богатство» (1900—14), «Рус. мысль» (1900—1904), «Вест. Европы» (1900, 1902), «Сиб. вопросы», «Сев. зори», «Вселенная» (все три — 1910), в газ. «Петербург. жизнь» (1900—01), однако, несмотря на многочисленность публикаций, у О. было достаточно трудное материальное существование, она работала в библиотеке, в 1909 перенесла крупное воспаление легких, в 1901, 1909 (дважды) и 1916 пользовалась финансовой поддержкой Лит. фонда (три прошения из четырех писали Водовозова в 1909 и Ватсон в 1916 — ИРЛИ, ф. 155). В 1904—13 О. подолгу жила в Полтав. и Харьков. губерниях, в Киеве, с 1913 (и до 1930) — постоянно в Петербурге. В 1905 участвовала в сб. «В защиту слова» (СПб.), о к-ром Б. А. Садовской писал, что он «носит печать злободневности и минутного интереса. Шершавым газетным языком повествуют о произволе провинц. цензоров гг. Дионео, Ольнем, Иванчин-Писарев...» («Весь», 1905, № 8, с. 63). В 1911 подвергалась обыску после того, как была задержана у Н. С. Русанова вместе с др. гостями (см. сообщение — «Изв. книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1911, № 4, с. 51).

Рассказы О. из совр. жизни были посв. жизни дворян. семей и чиновничества, художников и владельцев меблированных комнат в провинц. городах, театральных актрис и журналистов, сюжеты их строились вокруг проблем жизни одиноких женщин, нюансов семейных взаимоотношений и традиц. любовных треугольников. Уже ее журн. публикации — «Осенью» («Обр.», 1903, № 9), «Без иллюзий» (РБ, 1903, № 11—12),

«Радость. (Из дамского дневника)» (РБ, 1904, № 3) — получили благоприятные оценки в журн. обозрениях Ю. И. Айхенвальда в «Рус. мысли» (1903, № 10; 1904, № 2, 4, 5; 1905, № 9), к-рый отмечал уверенность писательской манеры в сочетании с элегич. мягкостью и психол. достоверностью. Дважды отд. изд. печатался рассказ «Обида» (СПб.—М., 1909, 1912) о следств. ошибке, едва не разрушившей жизнь гл. героя. В 1903 в Петербурге вышел первый сб-к О. — «Очерки и рассказы» (2-е изд. — 1912), в 1911 — сб-ки «Без иллюзий. Рассказы», «Цепи. — Перед рассветом», в осн. доброжелательно встреченные критикой.

А. С. Глинка-Волжский выделил в 1-м сб-ке рассказ «Wagim», эмоц. настроя к-рому дает тема шумановского этюда; другие произв. «много бледнее ... по все же написаны умело, ярко, колоритно», однако рассказ «Иван Федорович» критично назвал «одной из бесконечных отраженных теней „Смерти Ивана Ильича“» (б. п. — РБ, 1904, № 3, отд. 2, с. 21, 22). В рецензии на 2-й сб. Е. А. Колтоновская ставит в заслугу О. мягкость и эстетичность манеры при строгом соблюдении позиции стороннего наблюдателя, родственные А. П. Чехову, но упрекает за завышенность от него в содержании (ВЕ, 1911, № 6; ее отзывы о др. сб-ках О. — «Вест. и 6-ка самообознания», 1903, № 48; ВЕ, 1912, № 1; «Речь», 1911, 4 апр.). Среди недостатков, отмеченных большинством критиков, в т. ч. Айхенвальдом, — длинноты, перегруженность второстепенными эпизодами и персонажами. Н. П. Аппельсон, кроме того, усматривал в рассказах О. идеализацию женщин («Обр.», 1903, № 10), а В. П. Полонский писал, что в героях О. «мало жизненности. Они вялы, бесцветны, не оригинальны и непростительно словоохотливы» («Новая жизнь», 1911, № 8, стб. 271). Др. отзывы: В. Ю. Б. (Н. Н. Вентцель) — НВ, илл. прил., 1903, 29 окт.; Ю. А. Веселовский — «Вест. зания», 1903, № 12; Н. Коробка — «Обр.», 1903, № 4; Пл. Краснов — НМ, 1903, № 120; А. В. Луначарский — «Обр.», 1904, № 3; Ю. В. — РВед, 1911, 30 авг.; А. Басаргин — МВед, 1900, 1 июля; 1911, 30 апр.

В 1912 пьеса О. «Династия» (СПб., 1913) о разложении «дворянских гнезд» (муж из прагматич. соображений принуждает жену к аборту, жена гибнет под ножом хирурга, влюбленный в нее деверь принимает смертельную дозу морфия и т. п.), написанная по мотивам одноименного рассказа, была одобрена для постановки дирекцией имп. т-ров (рец. на одну из пост.: Лоренцо — «Одес. новости», 1913, 25 сент.). Писала также детские пьесы — «Фиделька» (СПб. — М., 1913) и «Шалость. Монолог В. Цеховской» (СПб., 1912). Ее кн. «Зверюшкины радости и невзгоды. Рассказы-сказки из жизни животных для маленьких детей» (П.—М., 1914) представляет собой переложения ритмич. прозой рус. сказок и басен И. А. Крылова в т. н. жанре семейного чтения. Печаталась в дет. ж. «Задуманное слово» (1900—16). Выступала также с фельетонами в газ. «Новости» за подписью «В. Н. Цех...» (была замужем за Вацлавом Феликсовичем Цеховским, юристом и литератором, детей не имела).

В 1918—27 служила в Наркомпрод-хлебопродукте, получила персональную пенсию. Издала единств. сб. «Рассказы» (М., 1918), сост. из древ. произв. Последняя ее публ. была в 1923 в «Голосе минувшего» (№ 3) — восп. о Водовозовой в связи с ее кончиной.

Изд.: Династия. — В кн.: Только час. Проза рус. писательниц кон. XIX — нач. XX в., М., 1988 (вступ. ст. и прим. В. Ученова).

Лит.: ЛН, т. 87, с. 673. + Dictionary of Russian women writers; Муратова (2); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; ф. 357, оп. 2, № 406 (автобиография с датой рождения — 9 окт.) [справка Н. А. Прозоровой]; ф. 123, оп. 1, № 184 (письма к Е. Н. Водовозовой-Семевской, 1911—12); ф. 402, оп. 2, № 588 (письма к М. В. Ватсон, 1905—30); Р. I, оп. 2, № 223 (письма Ф. Д. Крыкову, 1914); ф. 114, оп. 2, № 465 (письмо А. И. Иванчину-Писареву, 1904); РНБ, ф. 103, № 155 (биограф. анкета, 1928); ф. 118, № 904 (письмо П. В. Быкову, 1910); ф. 211, № 1079 (2 письма А. Г. Горнфельду, 1915—16); ф. 124, № 3167 (2 письма Э. П. Юргенсону, 1912—13).

К. М. Полианов.

ОЛЬХИН Александр Александрович [13(25).10.1839, Петербург — 22.11(4.12).1897, там же; похоронен близ Троицкой церкви имени Кай-долово, ст. Белоостров Фин. ж. д.], стихотворец, журналист; адвокат. Из дворян; отец — ген.-лейтенант (см.: РБС), мать — нач. Марининского ин-та. По окончании Александров.

лица (1859) служил в Мин-ве иностр. дел [в 1861—62 секр. консульства в Виддине (совр. Видин), в 1862—64 консул в Варне]. В 1865 вышел в отставку с чином коллеж. ас., вернулся в Петербург и был избран участковым мировым судьей, через 4 года, не переизбранный в судьи, записался присяжным поверенным. Выступлением О. в качестве адвоката по полит. делам «нечаевцев» и народников (о демонстрации на Казан. площади в Петербурге в 1876, на процессах «50-ти», «193-х» и др.) сблизил его с революционно настроенными студентами, к-рые устраивали «рыжеволосому великану» овалы в зале суда (см.: «Вперед», 1876, № 5; «Былое», 1903, № 3; В. Н.

Фигнер характеризует его как «преданного сторонника революции» — ПСС, т. 5, М., 1929, с. 195). С 1870, после женитьбы на В. А. Беклемишевой (о ней: ДРДР, II, в. 3; см. также: Феоктистов, ук.), О. предоставляет свою квартиру под собрания «об-ва трезвых философов» — «неск. десятков, если не всей сотни человек», примыкавших к кружку «Отеч. записок» (Скабичевский, с. 328). Здесь бывали помимо сотрудников ж-ла (А. Н. Плещеева, Г. И. Успенского, С. Н. Кривенко и др.) также Г. В. Плеханов, А. Д. Михайлов, Л. А. Тихомиров, жили революционеры, находившиеся на нелегальном положении (О. щедро снабжал их деньгами); за укрывательство одного из них (Л. Ф. Мирского) О. был судим в 1879 и оправдан за отсутствием улик. В том же году был выслан в Вологод. губ. под надзор полиции, в 1880 перемещен в Шадринск Перм. губ., неоднократно привлекался к дознанию по обвинению в гос. преступлениях.

В стихах (в осн. «на случай») О. стремится следовать традиции гражд. поэзии (Н. А. Некрасов, Плещеев). Первая публ. — стих. «Юноше» («Дело», 1867, № 12), в к-ром сентиментальность сочетается с «высоким» арханч. слогом: «И вашим молодым мечтаньем/ Слезу исторгнули из глаз». Характерны для О. и его круга мотивы нравств. оправдания участников кровавой битвы с сильными мира сего («Ребенок», «Ночная тишина» — «Б-ка дешевая и общедоступная», 1875, № 5) и презрения к «позорным беглецам, изменникам борьбе», к к-рым причислены и поэты «чистого иск-ва» («Бежали в страхе вы», «Нашим поэтам» — «Слово», 1878, № 2, 5). Принесшее ему славу стих. «У гроба» («Земля и воля», 1878, № 1), посв. С. М. Степняку-Кравчинскому, убившему шефа жандармов ген.-адъютанта Н. В. Мезенцова, строится как обращение к царю, перед к-рым автор доказывает справедливость рев. террора, называя его «всенародной казнью», а ее исполнителя «смирненным посланником» «святой Немезиды». По мнению современника, знаменательно, что это произв. написано «либералом, человеком, никогда не принимавшим активного участия в ... народнической деятельности», и свидетельствует о понимании ее целей «в высокоинтеллигентной среде» (Морозов Н. А., Повести моей жизни, т. 2, М., 1965, с. 349—50). П. Ф. Якубович, к-рый из-за ценз. запрета не мог опубл. это стих. (неоднократно изданием за границей и нелегально, гектографич. способом, в Петербурге), упомянул о нем в своей антологии: «при всех недостатках формы» оно «отличается большой внутренней силой и в свое время пользо-

валось широкой популярностью» («Рус. муз. Стих. и характеристики 132 поэтов», СПб., 1907, с. 323). Среди стихов О. есть и романтические («Издалека», «Мечта», «Жизнь» — сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПб., 1889). Возможно, ему принадлежит перделка («Общее дело», 1885, № 80, дек., 6. п.) в рев. духе стих. В. И. Богданова «Дубинушка»; существует мнение, что О. принадлежит лишь часть новых четверостишия текста 1885 (Гиппиус, с. 20—21). Нелегальные стихи О. не могли получить отклик в критике, но современники понимали, что секрет их популярности — не в лит. достоинствах: «все стихи его, появившиеся в нелегальных изданиях, были очень плохи, несмотря на весь свой революционный пафос» (Скабичевский, с. 329). Переводил Дж. Мильтона, «Думы» Т. Г. Шевченко (РБ, 1892, № 6).

По окончании гласного надзора в 1887 переехал в Н. Новгород, где, находясь под негласным надзором, продолжал, по свидетельству Степняка-Кравчинского, защищать привлекаемых к суду и печатал в приволж. газетах корреспонденции (не обнаружены). В 1889 переселился в свое имение под Петербургом. В нач. 90-х гг. жил в Пскове, состоя при окружном суде присяжным поверенным. Публиковал в «Рус. жизни» обст. критич. статьи о переводах У. Шекспира, театр. постановках, интересных актерских работах, новых худож. выставках (см., напр.: 1893, 25 янв., 10, 24 февр., 14 марта). В кон. 1895 получил разрешение вернуться в Петербург. Служил юрисконсультантом в правлении об-ва Рязанско-Уральской ж. д. Сотрудничал в «Нов. слове» (стих. «Памяти М. Е. Салтыкова» — 1896, № 6) и «Нашем времени».

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Под пистолетом самодержавия. Сб-к рус. рев. стихотворений, Давос, 1904; Волная рус. поэзия второй пол. XIX в., Л., 1959 (БПБс, вступ. ст. С. А. Рейсера); Поэты-демократы 1870—1880-х гг.: Волная рус. поэзия XVIII—XIX в., т. 2, Л., 1988.

Лит.: Календарь рус. революции, П., 1917; Кравчинский С. М., Смерть за смерть, П., 1920, с. 9—10; Скабичевский А. М., Лит. восп., М.—Л., 1929; Веревкин Б. П., Рус. нелегальная рев. печать 70-х и 80-х гг. XIX в., М., 1960; Гиппиус Е. В., «Эй, ухнем!», «Дубинушка». История песен, М., 1962; Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения, Рига, М., 1992, с. 99. + Некрологи, 1897: СО, 25 нояб.; РБд, 28 нояб.; ИВ, 1898, № 1; Южаков: ДРДР, т. 2, в. 3; ЛЭ; КЛЭ; Смирнов-Сокольский (ук.); Масалов.

Архивы: РГБ, 218, № 64, 40в (стих. О. «Христианин»); письма: ф. 359, к. 8226, № 23, 24 (А. Н. Плещееву); ф. 157, п. 3, № 56 (Д. Н. Мамину-Сибиряку); к. 2, № 1 (письма Мамин-Сибиряка к жене); РГАЛИ, ф. 7, оп. 2, № 92 (П. В. Анненкову); ф. 2173, оп. 1, № 164 (С. Н. Кривенко); ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1887 г., д. 827; РГИА, ф. 1405, оп. 85, д. 10780.

И. И. Гамини.

ОЛЬХИН Павел Матвеевич [1913]. 1.1830, д. Пейпия Ямбург. у. Петерб. губ. — 1(14).8.1915, Петербург; по-

хоронен на правосл. кладб. в Стрельне), популяризатор науки и техники, редактор, переводчик.

Его отец, Матв. Дм. (1806—53), книготорговец, издатель. Из семьи торговца-свеса Олшангана. С 1824 — в Петербурге. Приняв православие, взял фамилию Ольхин. Учился на саложника, затем стал береговым охранником таможенной службы Пейпийской андстанции Ямбург. у. Женившись (ок. 1829) на Аппе-Катрине Поль (из швед. дворян. семьи), он работал курьером в Гос. контроле и в Особой канцелярии Мин-ва финансов (1833—42) и одновременно вместе с женой занимался торговлей и ростовщичеством. Воспользовавшись невыкупленным залогом книг А. Ф. Смирдина, Матв. Дм. открыл книжные магазины в Петербурге (1842—43) и в Москве (1845). С 1842 по 1847 издал ок. 90 томов (53 назв.) худож., науч., науч.-попул. лит-ры, уч. пособий. В 1843 открыл при своем магазине 6-ку для чтения и выпустил каталог «Систематич. реестр рус. книгам с 1831 по 1846 г.» (СПб., 1846; сост. И. П. Быстров). Издавал ж. «Б-ка для чтения» (1842—51; перешел к нему от Смирдина), газ. «С.-Петерб. вед.» (с 1846 совм. с А. И. Очкиным), ж. «Сын отчества» (1843—47; совм. с К. И. Жернаковым) и др. Убытки от издат. деятельности, мотовство и разлад в семье (в 1851 ушел от жены) привели к тому, что против него (с ведома жены) было возбуждено Ф. В. Булгакиным и Н. И. Трещенко судебное дело и он попал в долговую тюрьму. После возвращения в семью и лечения в Филиппин был помещен в Обуховскую больницу, где и скончался. Он послужил прототипом Кирпичева в ром. Н. А. Некрасова и А. Я. Пановой «Три страны света». См. о нем также: РБС.

Окончив Гл. нем. уч-ще св. Петра (а также в результате самообразования), О. владел нем., франц. и англ. языками. Первая публ. — «Частная жизнь древних греков и римлян» (БдЧ, 1847, т. 84). Вскоре появился его пер. ром. В. Скотта «Перфская красно-девица, или День святого Валентина» (там же, 1848, т. 90). Прочувшись год в Акад. художеств, О. в 1853 поступил в Медико-хирургич. акад., к-рую окончил со званием лекаря в 1858. Переводил мед. лит-ру, занимался химич. испл. под руководством Н. Н. Зинина; в 50-е гг. был дружен с А. П. Бородиным. Опубл. кн. «О самоубийстве в мед. отношении» (СПб., 1859; 2-е изд. под назв. «Последние дни самоубийц», СПб., 1863). Преподавал на курсах стенографии (1865—77); направил свою лучшую ученицу А. Г. Сниткину к Ф. М. Достоевскому для записи романа, познакомив таким образом писателя с его будущей женой (см. *Достоевская* А. Г.). Редактировал журналы: «Вокруг света» (1861—65, 1867—68; первый год совм. с А. Е. Разиным), прил. к нему «Природа и землеведение» (1862—68; почти все мат-лы написаны или переведены О., в т. ч. ром. Ж. Верна «От Земли до Луны», 1868; отд. изд. — СПб., 1870); «Новый мир» (1899—1905; с прил. «Мозаика», 1901—04); «Лит. вечера» (1899—1903); «Культура и наука» (1905); «Фотографич. вест.» (1894—1911), «Задуманное слово» (1901—15) и др., помещая в них свои очерки, статьи, рассказы (в т. ч. для детей), неофициально — «Воен.-мед. журнал» (1889—95) и «Модный свет» (1882—98). Совм. с П. П. Се-

мёновым-Тян-Шанским редактировал «Живописную Россию» (т. 1—12, СПб., М., 1881—1901) и одноим. илл. вестник (т. 1—3, СПб., 1901—03). Чл. Фребелевского об-ва (с 1871), с 1901 — чл. РГО; с 1909 — поч. чл. Рус. технич. об-ва.

Др. произв.: «Руководство к рус. стенографии по началам Габельсбергера» (СПб., 1866, 3-е изд. — СПб., 1874), переводы: «Всеобщее землеописание» (т. 2, 3, СПб., 1864—66), «Подвиги человеческого ума» (СПб., 1870).

Лит.: Достоевский (ук.); Либрович С. Ф., На книжном посту, М., 1916; Достоевская А. Г., Восп., М., 1971 (ук.); Мюллер В. П., Мюллер И. Л., Как родился «Вокруг света», — «Вокруг света», 1990, № 1; Абрамов В., Популяризатор науки О., — «Наука и жизнь», 1993, № 8, + Некрологи, 1915; «Задуманное слово», № 42, 43. Брокгауз: Змеев.

Архивы: Ивангорода, ист.-архитектур. и худож. музей, личный архив Ольховских.

В. В. Абрамов.

ОЛЬХИН Сергей Александрович [4(16).7.1807, Петербург (?) — 13(25).11.1828, там же (?); похоронен на Лазаревском кладб. Александров-Нев. лагерь], поэт, драматург. Биограф. сведения скудные. Вероятно, дядя А. А. Ольхина. Из богатой купеч. семьи; дед — уральский заводчик, отец — президент Коммерц-коллегии, член правления Александровской мануфактуры; братья О. Николай и Александр (см. о них: РБС; Герцен, XV, 352 и ук.) позднее получили дворянство. Учился в Петерб. губ. г-зии (в третьем классе был первым учеником — «Приб. к СПбВед», 1820, № 105), к-рую окончил ок. 1825. Затем, судя по стих. его соученика Н. Бушакина «Послание к С. А. Ольхину». (На отъезд его в Финляндию)» («Бабочка», 1830, № 10) и подписям под стихами О., вероятно, жил в Финляндии (в т. ч. на мызе Юкспа), периодически приезжая в Петербург.

Первоначально сотрудничал в изданиях А. Е. Измайлова: в кон. 1825 дебютировал басней «Паук и муравей» и эпиграммой «Зачем, скажи, Клим, сочиняешь...?» («Календарь муз на 1826 г.», СПб., 1826). В следующем году выступал в ж. «Благонамеренный» (1826, № 8—12), преим. как сатирик и эпиграмматист: «Хоть не расти трава», «Франт и парикмахер» и др. После прекращения «Благонамеренного» публиковался в «Славянине» А. Ф. Воейкова (1827, ч. 1, 2, 4; 1828, ч. 5), где помещал в осн. стихотв. предания на сюжеты из рус. истории («Эвпраксия», «Герой Василько» и др.) и стих. балладного типа («Старуха-Колдунья»), вероятно, ориентируясь на общее направление журнала. Сотрудничество прервалось после неожиданно резкого отзыва об О. Воейкова, к-рый поставил его в ряд с поэтами для «господинов, подьячих, фендриков, дворянчиков, недокончивших курса

наук в губернской гимназии» («Славянин», 1828, ч. 7, с. 226). Был связан также с Б. М. Фёдоровым, выступал на страницах его ж. «Новая детская библиотека» как поэт («Богач (Из Священного Писания)» — 1827, кн. 12), прозаик (пов. «Старушка» — 1827, кн. 6; «Сострадание. (Притча)» — 1827, кн. 12) и переводчик с нем. яз. («Голубое поле. (Загадка)» — 1828, кн. 8).

Поэтич. творчество О., осознававшего себя прежде всего юмористом («Острий моя (что ж делать?) страсть...» — «Благ», 1826, № 8, с. 108], в целом отмечено чертами дилетантизма и тяготеет к кружковой поэзии в духе позднего сентиментализма. Эпиграммы его имеют отвлеченный характер и, по-видимому, конкретно ни на кого не направлены. В др. стихах иногда встречаются намеки на бытовые и биогр. обстоятельства.

О. пробовал свои силы и как драматург. Его одноактная сатирич. стихотворная комедия «Сборы на Невский проспект» (пост. в Петербурге в 1827; отрывок опубл. в альм. Фёдорова «Памятник отечественных муз... на 1828 г.», СПб., 1828; отд. изд. — СПб., 1828), написанная под влиянием Н. И. Хмельницкого, высмеивала нравы провинциалов, впервые приехавших в столицу. В это же время О. закончил комедию «Валентин» (не сохр.).

«Сборы на Невский проспект» вызвали в осн. отрицат. отклики. Иронически упоминал о комедии Н. А. Полевой (см. в его реч. на альм. Фёдорова — МТ, 1828, № 2). «Несообразности, мнимые острооты» отмечал в письме рецензент «Сев. пчелы» (1828, 12 мая; подпись О. Б-фя). О. М. Сомов полагал, что ее «нельзя ни прочесть, ни видеть на сцене больше одного раза» («СЦ на 1829 г.», СПб., 1828, с. 75; др. реч.: МТ, 1828, № 5; МВ, 1828, № 9, обс. б. п.; ср. также позднейший отклик Воейкова: ЛПРИ, 1832, 13 авг.).

После смерти О. одно его стих. появилось в «Славянине» (1829, ч. 11), а в 1830 М. А. Бестужев-Рюмин в своей газ. «Сев. Меркурий» в течение года опубликовал не менее 15 его эпиграмм и мелких сатирич. стих. (с неполной подписью; атрибутивная заметка — «Сев. Меркурий», 9 июня); два из них позднее были перепечатаны Воейковым (ЛПРИ, 1834, 17 марта, 1 авг.).

Возможно, О. принадлежат также пов. «Домовой» («Новая дет. б-ка», 1829, кн. 2; подпись С. О.), стих. «К Корине» («Славянин», 1829, ч. 9; подпись О.), «Храм славы» («Бабочка», 1829, 2 февр.; подпись О.) и две анонимные эпиграммы в «Сев. Меркурии» (1830, 26, 28 февр.).

Изд.: [Стих.]. — В кн.: Рус. эпиграмма.

Лит.: Аллерс С. И., Указатель жизни и занятий в С.-Петербурге... на 1823 г., СПб., 1822, с. 501; Ист. записка 75-летия С.-Петерб. второй г-зии, ч. 1, СПб., 1880, с. 144; Бекетова Н. А., Очерк рус. детской журналистики (1785—1855). — В кн.: Мат-лы по истории рус. детской лит-ры (1750—1855), в. 1. М., 1927, с. 109; Длугач Р. В., Источники для словаря рус. дет-

ских писателей (1760—1854). — Там же, в. 2. М., 1929, с. 168. + ПНкр; Венеров. Список: Смирнов-Сокольский (пропущена публикация в «Памятнике отечественных муз...»); ИРДТ, т. 3, с. 62, 309; Масанов (ныне отмечен псевдоним С. О...); Ист. кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель, СПб., 1993, с. 82, 151 (сведения об отце и дяде).

Архивы: ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 923 (письмо И. И. Сосниному); СПб ГТБ (ценз. копия комедии «Сборы...» с авторской и цензурской правкой). А. Ю. Балакин.

ОЛЬХОВСКИЙ Николай Иванович [псевд. Оникс; 29.4(11.5).1819 (по др. сведениям — 1821), Петерб. губ. — 30.10(11.11).1868, Петербург], водевиллист. Сын нач. 2-го отд. Деп. внеш. торговл., д. стат. сов. Ив. Самсоновича Ольховского. Завершив в мае 1835 обычный курс Горного ин-та и получив чин прапорщика

Корпуса горных инженеров, прошел офицер. классы, откуда выпущен в июне 1838 подпоручиком. Оставлен в Горном ин-те, где исполнял должности преподавателя черчения, смотрителя магнитной обсерватории, казначея, секр. уч. к-та. Кроме того, «обожающий театр», был на корпусном театре режиссером [Скальковский К. А., Восп. молодости. (По морю житейскому). 1843—1869, СПб., 1906, с. 101]. В нач. 1855 переведен нач. Монетного отд. Деп. горных и соляных дел; с апр. 1863 и до конца жизни — в должности нач. С.-Петерб. Монетного двора; дослужился до чина ген.-майора. Автор ряда спец. трудов, опубл. в «Горном журнале».

В 1848—60 во время моды на водевилей написал более десятка водевилей (преим. одноактных), в осн. на ориг. сюжеты [за исключением пьесы «Жид за печатью» (не опубл.; пост. 1853), «заимствованной с польского», поставленных гл. обр. в Александрин. и Малом т-рах. Водевили О., или, как сам автор определял

их, — «шутки», «шутки-водевили», сохраняя приметы жанра (куплет, любовную интригу и его традиц. приемы), не отличались особыми лит. достоинствами, но пользовались успехом на столичных и провинц. сценах: «**Настроил, расстроил и устроил**» (М., 1887; пост.: СПб., 1848; М., 1853; иронич. рец.: СПбВед. 1848, 21 дек.), «**Первое декабря, или Я именинник**» [М., 1887; в кн.: Общедоступный театр. Худож. сб. избр. пьес для нар. театров, СПб., 1903 (сост. Н. Корещкий); рец. — там же; пост.: СПб., 1848; в репертуаре до нач. 20 в.], «**Аллегри, или Взявшись за гуж, не говори, что не дюж**» (М., 1887; пост.: СПб., М., 1849; в рец. Р. М. Зотова отмечаются «очень забавные подробности, которые поневоле заставляют смеяться», но и «бедность сюжета» — СП, 1849, 10 февр.).

Герои водевилей — мелкие чиновники, лавочники, полковые музыканты, курьеры, мастеровые, дворники, кухарки и т. п. — погружены в быт Петербурга (колорит подчеркнут в обстоят. ремарках) и кажутся сошедшими со страниц физиологич. очерков. Одним из персонажей шутки-водевила «**Лоскутница с толкуего**» (М., 1889; пост. 1849; иронич. рец.: Р. З(отов) — СП, 1849, 3 нояб.; положит. отзыв, возможно, принадлежавший Н. А. Некрасову, — «Совр.», 1850, № 1, с. 104) является писатель натуральной школы, с симпатией описываемый автором. Большинство водевилей написано О. специально для актера Александрин. т-ра А. Е. Мартынова, «грустный характер комизма» к-рого менял тональность жанра, заставляя сострадать «маленькому человеку»: отставному инвалиду («**Ай да французский язык!**», М., 1887; пост.: СПб., М., 1848); чиновнику, выгнанному за пьянство со службы («**Незнакомые знакомцы**», М., 1887; пост.: СПб., М., 1855; в рец. Зотова, критиковавшего пьесу за «несообразность и ничтожество сюжета», этот персонаж характеризуется как «превосходный тип обормотанных лиц неопределенного звания» — СП, 1855, 24 янв.), потерявшемуся «в омуте жизни от неестественности общественного своего положения» (В. Чибисов — «Одес. вест.», 1860, 25 июня) и др.

Преимущество внимание О. к бытовым деталям, игра на фарсовых ситуациях порой разрушали сюжет водевила. Его нет в «**Курьерской свадьбе**» (М., 1887; пост.: СПб., 1851), где О. «вглядился довольно пристально в жизнь сторожей, курьеров и их общества, старается списывать свои лица с натуры, что и удается ему в некоторой степени» (Василько Петров — СПбВед. 1851, 11 февр.). Фарсы О. иногда доходили до безвкусицы, как писали современ-

ники о пост. шутки-водевила «**Любовь и кошка**» (М., 1887; пост.: СПб., 1850; М., 1853), напоминающего калейдоскоп, «в котором вместо цветных камешков двигаются люди, кошки, дрожки, лошади» и где герой «является то замаранным сажой, то облитым водой, то обсыпанным мукой» («Совр.», 1850, № 2, отд. VI, с. 69): «Грустно играть, жалко глядеть и стыдно пересказывать» (Ф. А. Кони — «Пантеон», 1850, кн. 2, отд. V, с. 27).

В кон. 1850-х гг. пьесы О. все более утрачивают признаки водевильного жанра. В «**Тане-цыганке**» (не опубли.; пост.: СПб., М., 1857) рецензент отмечал «вялость» сюжетного действия, заимствованного из изв. анекдота о том, как волокита похищает любовницу, а «между тем увозит свою собственную жену» (СПбВед. 1857, 24 февр.). В последней пьесе «**Дурная примета**» с характерным подзаг. «сцены из петерб. жизни» (не опубли.; в 1860 к представлению на сцене признана «неудобной») о быте чиновников О. отказывается даже от куплета.

Др. произв.: «Описание железных балок и стропил, устроенных в Зимнем дворце при возобновлении его» (СПб., 1839).

Лит.: Лоранский А. М., Ист. очерк Горного ин-та, СПб., 1873, с. 132; Альтшуллер А. Я., А. Е. Мартынов. 1816—1860, Л.—М., 1959, с. 74—75; его же. Театр прославил мастеров, [Л., 1968] (ук.); Петровская (Л. ук.); История рус. драматургии. XVII — первая пол. XIX в., Л., 1982 (ук.). + Вольф: РБС: НЭС (1916); Венгеров. Справочн.; ИРДТ, т. 4—7 (ук.); Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 44, оп. 1, д. 986, л. 45—51 (ф. с. 1856 г.); СПб ГТБ (неопубл. рукописи драм. соч.); ЦГТМ, ф. 302, № 16; ф. 569, № 59, № 174 (рукописи пьес и драм. т-пы).

А. П. Кулиш.

ОМУЛЁВСКИЙ (наст. фам. Фёдоров) Иннокентий Васильевич [26.11(8.12).1836, по др. сведениям — 21.10 (2.11).1837, Петропавлов. порт — 26.12.1883 (7.1.1884), Петербург; похоронен на Волковом кладб.], прозаик, поэт, переводчик. Сведения о том, что отец О. был исправником, с 1842 полицмейстером в Иркутске, арх. док-тами не подтверждаются. Мать — из моск. купеч. семьи. Оставив (1848) после 6-го класса Иркутскую г-зию, служил мелким чиновником (в ГА Иркутской обл. док-тов об О. не выявлено; ф. с. О. в нарядах ф. с. чиновников Иркутской губ. за 1848—56 в РГИА нет — справка С. И. Вареховой). По настоянию отца стал в 1856 вольнослушателем юрид. ф-та Петерб. ун-та, «со всем пылом молодости и жажды просвещения бросился в эту атмосферу горячих увлечений тогдашней рус. молодежи» (из восп. Н. М. Ядринцева, цит. по кн.: Петухов, с. 3). В 1857 издал (СПб.) первый сб-к переводов (б. ч. к-рых была сделана еще в Иркутске) —

«Сонеты» А. Мицкевича (отрицат. отзыв Н. А. Добролюбова — «Совр.», 1858, № 3) с собств. предисловием, в к-ром писал о своем раннем «сознании красот великого польского поэта» (с. 5). Юношеское ув-

лечение польской лит-рой, возникшее у О. не без влияния сосланных в Сибирь польских революционеров, сохранилось на всю жизнь. Он перевел драму К. Залевского «Марко Фоскарини» (СПб., 1877), стихи Л. Кондратовича, повесть Ю. И. Крашевского «Пан Твардовский» (не опубли.; рукопись — РГАЛИ, ф. 371, № 4, л. 54). В нач. 1858, не дослушав курса, уехал в Витебск, не продолжив. время служил чиновником особо по поручениям при губернаторе, после чего вновь возвратился в Петербург, где проживал до конца дней (за исключением проведенных в Иркутске 1862—65 и неск. месяцев в 1879). Интерес к лит-ре укрепился в петерб. кружке литераторов-сибиряков, группировавшихся вокруг Н. С. Щукина и Ядринцева. О. «в тогдашнее время был очень молод, талант его развертывался исключительно под влиянием обличит. направления. Он писал массу сатирич., юмористич. стихов, эпиграмм и т. д... Мы застали его в блестящем пору его планов, надежд; он был неистощимо весел и постоянно в припадках вдохновения» (из восп. Ядринцева, цит. по кн.: Петухов, с. 5). Как ориг. поэт О. дебютировал в 1861 — поэма «Три промаха. Татарская легенда» («Век», прил. к № 17, приб.). В числе первых прозаич. произв. — «рассказы из путевых впечатлений» — «Сибирячка» (сб. «Сиб. рассказы», Иркутск, 1862) и «Медные образки» (газ. «Амур», 1862, № 26). Известность О. принес ром. «Шаг за шагом» («Дело», 1870, № 1—4, 6, 12; отд. изданием роман вышел в 1871 под назв. «Светлов. Его взгляды, характер и деятельность», изд. 1874 и

1896 были запрещены; рец.: НВ, 1870, 24 февр., 21 марта, 5 мая; ВЕ, 1871, № 5 — «Беллетристика добрых намерений»; «Дешевая б-ка для легкого чтения», 1871, № 1), от к-рого «взяло молодой верой и какой-то особенной бодростью», слово «революция» не просто прочитывалось в подтексте, но «стояло впереди как туча, издали поблескивая своими молниями, на горизонте общества, вышедшего из крепостного строя и остановленного на пути к всестороннему раскрепощению» (Короленко, V, 316, 317). Действие романа (содержащего автобиограф. материал, в т. ч. знакомство с декабристами, петрашевцами, сочувствие их идеям) происходит в сиб. губ. городе и отражает разл. настроения разночинной интеллигенции в это «трудное время». Революционно-демокр. просветительство, постепенные преобразования, «шаг за шагом» приближающие революцию, — вот путь, к-рый выбран гл. героем («новым человеком» в духе Н. Г. Чернышевского) для того, чтобы «отстоять свою свободу, свое человеческое достоинство». В заключит. главе О., вероятно, предвидя упреки критики в адрес гл. героя как «человека фразы» ([Григ. Ник. Потанин], «Сибирь», 1876, № 44, с. 2), пишет о том, что «ничтожные средства» за практик. деятельности в настоящем не исключают «более широкой арены деятельности» в будущем.

Роман вызвал оживленную дискуссию: «Молодежь зачитывалась им, делала овалы автору, сибиряки присылали ему поздравит., сочувственные письма. Романом интересовались читатели и среднего круга, и в высшем свете» (Быков, с. 77). Приветствуя появление романа, М. Е. Салтыков-Щадрин (ОЗ, 1871, № 4) поставил его в ряд «новых» произведений, с полным добросовестностью относящихся к насущным вопросам современности, проинкутих «серьезными усилиями... освободиться от гололовных разглагольствований и стать на дорогу образного воспроизведения жизни». Отмечая «долю книжностн», он вместе с тем еще возможным сказать, что О. «в худож. отношении стоит далеко впереди тех более опытных беллетристов, к-рые идут с ним рука об руку в одном и том же честном лит. направлении» (IX, 417, 418).

Второй ром. О. — «Попытка — не шутка» о роли женщин в «60-х годах и далее» — начал печататься в «Деле» (1873, № 1), но был запрещен. Впервые полностью (включая 3 главы по журн. публикации и 6 глав, восстановленных по черновому автографу, найденному в РГАЛИ) издан в 1983. Первоначальная публ. романа возбудила не только ценз. гонения, но повлекла арест О. и заключение по обвинению в «антиправительств. высказываниях» сначала в Петропавлов. крепость, а затем в Литов. замок.

Архивными док-тами подтвержден только факт заключения О. в тюрьму на 2 месяца в 1872 «за дерзкие слова против особ императорской фамилии», к-рые он «будучи в пьяном виде» позволил себе в разговоре в трактире «Ямски» (на Казанской площади), — ГАРФ, ф. 109, оп. 230,

д. 8770. В этой же справке сказано, что О. — дворянин. (Собщиено Е. А. Данилиной.)

Новые замыслы — пов. «Софья Бессонова» и ром. «Новый губернатор» — остались неосуществленными (РГАЛИ, ф. 371, оп. 1, № 2, 5). В 1874 О. тяжело заболел (на короткое время потерял зрение). Женильба (ок. 1877) и «появившиеся на свет дети увеличили нужду и лишения», к-рые прежде О. переносил сравнительно легко. «Чтобы есть и не оставаться на улице, мне пришлось... заложить все мое платье, продать книги... словом, нужда окинула меня своим мертвящим оловянным глазом с головы до ног. Теперь не могу даже искать занятий, ибо не в чем выйти на улицу, и вот уже два месяца, как я не дышу свежим воздухом. Положение мое ужасно, безвыходно», — писал он А. К. Шеллеру-Михайлову 21 марта 1877, призываясь, что хвастается за дружбу с ним «как утопающим за соломинку» (РГАЛИ, ф. 558, оп. 1, № 27, л. 1—2; цит. по ст.: Якушин, с. 161). Ситуация постоянно усугублялась тем, что долгие годы О. был «во власти того „российского недуга“, к-рый загубил... немало других наших писателей и художников» (Быков, с. 77).

В 1883 был издан единств. прижителный сб-к стихов О. — «Песни жизни» (СПб.), в к-рый вошли переводы и б. ч. наиб. известных ориг. произв. поэта, опубл. ранее в журн. периодике (в т. ч. в ж. «Будильник», «Искра», «Жен. вест.», «Живописное обозр.», «Наблюдатель»). Критика почти единодушно отмечала неоригинальность поэзии О., рассматривая ее как результат «переложения» на некраевских мотивов и образов (ср., напр., стих. О. «Признание» и «Колыбельную песню» Н. А. Некрасова). Затрагивая в стихах («На городском мосту», «Картинка», «Невеселая ночь», «Задумчивая беседа» и др.) «чисто публ. темы» (К. Арсеньев — ВЕ, 1884, № 5, с. 267), ставшие традиционными для гражд. лирики (С. Я. Надсон: «те же советы молодому поколению бодро идти вперед, те же скорбные думы вслух „у гроба почившего труженика“, горькие сетования на жизнь, стремления и призывы к свободе, к труду и знанию», — ПСС, т. 2, П., 1917, с. 320), О. «не дает в своих произв. ни законченных, строго выдержанных типов, ни ярких образов и картин... Поэзия в строгом смысле этого слова в стихах О. немного, но зато в них есть та теплота, правда и жизненность, к-рые, как некогда выразился Тургенев, говоря о стихах Добролюбова, не хуже поэзии» (там же, с. 319). Стих. О., содержащие призывы к борьбе «за дело родины святое» («Светает, товарищи!», «К молодому поколению», «О, юноши! Не тот герой...»), стали

поэтич. рев. прокламациями молодежи, к-рую привлекал не только их «бодрый», агитационный характер, но прежде всего образ «мученика идеи», борца за свободу, способного к самопожертвованию. К числу поэтич. удач О. критика (К. Арсеньев — ВЕ, 1884, № 5) отнесла стихи из цикла «Деревенские песни» (отд. изд. — СПб., 1884), отмеченные чист. нар. юмором, и сатирич. стихи, «полные свежести» («Моя примета», «Богачам», «Свобода»). Значит. место в сб-ке занимают «сиб. мотивы» — стихи (в осн. с подзаголовком «дорожные наброски»), посв. «далекой, суровой стране» («Монолог», «На берегах Енисея», «Ангарская греза», «На дальней родине моей» и др.). В ряде стих. этого цикла («Камчадал») содержатся требования демокр. решения нац. проблем (напр., просвещения) малых народов — «детей природы», что тематически сближает их с публ. статьями О. в «Вост. обозр.» (ст. «Искусство у камчадалов» и др.). Восхищаясь величественной природой Сибири, ее «запасами несметными», вольнолюбивым характером своих земляков (к-рых он несколько идеализировал), их обычаями и традициями, О. с волнением думает о настоящем «страны изгнания и мук» и о ее будущем. Его представления о завтрашней Сибири и Д. Востоке пронизаны пафосом социального оптимизма, характерного для творчества О. в целом: «Пройдут года — и ты, страна родная! Во всей красе могучей расцветешь» («Счастливы сон»).

Др. произв.: Рассказы и очерки: «Осторожный художник» («Худож. журнал», 1882, № 4, 5), «Наброски сиб. поэта» («Вост. обозр.», 1882, № 24, 26), «Без крова, хлеба и красок» («Худож. журнал», 1883, № 3), «Сутки на станиии» (прил. к газ. «Сиб. жизнь», 1904, 7 нояб., 31 дек.).

Изд.: Земной рай и тайна карьеры. [Юмористич. стих.]. СПб., 1884; Полное собр. соч., т. 1—2, СПб., 1906 (в т. 2 — биограф. очерк и библи., сост. П. В. Быковым); Собр. соч., т. 2 (т. 1 не вышел), Иркутск, 1936; Избр. стихотворения, Хабаровск, 1961; [Стихи]. — В кн.: Поэты-демократы 1870—80-х гг., М.—Л., 1962; Шаг за шагом, М., 1923; Иркутск, 1950; Хабаровск, 1952; М., 1957; Иркутск, 1983; [Стихи]. — В кн.: Иoffee С. А., Стихов мелодия жизни, Иркутск, 1983, с. 208—20; Проза и публицистика [вступ. ст. В. Д. Оскоцкого], М., 1986.

Лит.: Ядринцев Н. М., Сиб. лит. восп. — «Вост. обозр.», 1884, № 6, 26, 33, 34 (то же в кн.: «Лит. наследство Сибири», т. 4, Новосибир., 1979); его же, И. В. Федоров-Омудский, там же, т. 5, Новосибир., 1980; Засодимский П. В., Из восп., М., 1986; Петухов Е. В., И. В. Федоров-Омудский. Очерк его жизни и лит. деятельности, Томск, 1900; Колтоновская Е., Певцы Сибири. — «Сиб. вопросы», 1908, № 49—52; Быков П. В., Последняя встреча. — «Нива», 1909, № 4; Чужак Н., Сиб. мотивы у И. В. Федорова-Омудского. — «Сиб. архив», 1913, № 2; Евгеньев В. О., О двух забытых романах. — «Жизнь для всех», 1915, № 8—9, 10; Васильев И. Г., Материалы к биографии И. В. Федорова-Омудского. — «Уч. зап. ЛГПИ

им. А. И. Герцена», 1959, т. 198; его же, Основные мотивы лирики О., там же, 1959, т. 210; его же, Роман О. «Шаг за шагом». — Там же, 1963, т. 245; Добровольский Л. М., Запрещ. книга в России, М., 1962, с. 115—16, 207; Егоров Б. Ф., Роман 1860-х — нач. 1870-х гг. о «новых людях», Тарту, 1963; Пруцков Н. И., Роман о «новых людях». — В кн.: История рус. романа, т. 2, М.—Л., 1964; Якушин Н. Новые факты жизни и творчества О. — «Сиб. огни», 1966, № 11; Михайлова М. Г., Сибирью плененные, Якутск, 1969; Петряев Е., Где архив О.? — В кн.: Лит. наследство Сибири, т. 3, Новосибир., 1974; Зиновьева М. Д., Стилевые особенности романа О. «Шаг за шагом». — В кн.: «Очерки лиг-ры и критики Сибири XVII—XX вв.», Новосибир., 1976; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982; Писатели Вост. Сибири, т. 2, ч. 1, Иркутск, 1983, с. 11—12; Васильев В., Под псевдонимом Камчаткин. — «Дальний Восток», 1984, № 3; Абельтин Э. А., Песня — свобода моя... Очерк жизни и творчества И. В. Федорова-Омулевского, Красноярск, 1987; ЛН. т. 11—12, 51—52, 53—54. + Некрологи: НВ, 1883, 28 дек.; «Эхо», 1884, 2 дек. рус. писатели; КЛЗ; Муратова (1); Мельер; Масынов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 371; РГИА, ф. 776.
Н. В. Минаева, В. Д. Оскоцкий.

ОПОЧИНИН Владимир Петрович [4(16).9*.1878, Тифлис — не ранее 1939], поэт, прозаик, журналист, драматург. Сын П. А. Опочинина. Мать — Мария Евг., из семьи полтерб. ген.-майора Людингаузена-Вольф. Окончил 1-ю тифлис. г-зию и юридич. ф-т Петерб. ун-та. Неск. лет работал в тифлис. адвокатуре. Печа-

таться начал в 1900-х гг. (ряд стихотворений опублик. в кавк. газетах). В 1906 был фактич. редактором газ. «Кавказ» (офиц. редактором был его отец). С 1908 в «Бирж. вед.» опублик. серию «кавказских очерков», в к-рых выступил как защитник интересов кавк. народностей от политики гнета, в «Речи» также было напечатано неск. его статей в защиту «инородцев» во время обсуждения в 3-й Гос. Думе запроса правых по поводу Кавказа. В этот же период предпринимает попытки опубликовать свои стих. в «Речи» (см. рукопись стих. «Иstekший год» и сопроводит. письмо в редакцию «Речи», 29 дек. 1909 — РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1,

№ 3061). Переехав в 1910 в Петербург, в 1910—16 сотрудничал в газ. «Новое время», где публ. статьи по мн. вопросам экон. жизни, нек-рые из них выходили впоследствии отд. брошюрами (см., напр., «Итоги торгов 17 мая 1913 г. на нефтеносных участках Бакинского района», СПб., 1913); беллетристич. очерки («Г. К. Маковский» — илл. прил., 1910, 27 нояб.), рассказы («Мирное житье» — илл. прил., 1915, 26 сент.), «Старческая романтика», 1916, 21 мая). В илл. прил. к «Новому времени» появляются поэтич. произв. О. — стих. «Князь Михаил Скопин-Шуйский» (1910, 23 апр.), близкое по жанру к ист. балладе; лирич. стихи «На Востоке» (1915, 14 февр.), «Безумец» (1915, 21 февр.), «Вчера сбылись твои мечты...» (1915, 9 мая), «Италия» (1915, 23 мая), «На рассвете» (1915, 11 июля), «Летом» (1915, 25 июля), «Пожар зари» (1915, 22 авг.), «Осенняя любовь» (1915, 10 окт.), «В церкви» (1916, 9 апр.), «Чужая» (1916, 7 мая).

В респ. на сб. стихов О. «Грезы и жизни» (П., 1915) критик писал о восприятии автором жизни как праздника, в программу к-рого входят женщины и вино, о том, что в стихах О. «мы встречаемся не столько с любовью-страданием, как с любовью-наслаждением», что поэт тяготел к эллинистич. любви без «рефлексии» и к восточным мотивам, и справедливо отмечал близость к поэтике А. Н. Майкова (Ю-н (Вентцель Н. Н.), Песни о празднике жизни. — НВ, илл. прил., 1915, 2 мая, с. 8), сходство с к-рой, однако, не идет дальше отдельных стилистических элементов. Др. критик иронизировал не только над стихами О., но и над изданием, их печатавшими: «особенно сильное влияние на мировоззрение» О. «оказал... отдел объяснений, помещаемых в „Новом времени“ массажистками и тому подобными... труженицами» (Чернохлебов Ив. (Тиняков А. И.), Фрукт из суворинской орханжерии. — ЖЖ, 1915, № 12, с. 18).

В годы войны регулярно печатал в суворин. еженед. «Лукоморье» очерки («Новые понятия», «У колыбели человечества», 1914, № 20, 27; «На рубежах девяносто пятнадцатого», 1915, № 1), рассказы («Смелый замысел», «Неосужденная», 1915, № 9, 49; «Близкие, дорогие...», 1916, № 3), стихи (сатирич., военно-патриотич., лирич., пейзажные); в альм. «Лукоморье» (сб. 2, 1917) опублик. рассказ «Право слабого».

В 1909—10, заручившись поддержкой актрисы М. Г. Савиной, предлагает в Александрин. т-р драму «Другая жизнь» («Театр и иск-во», 1916; первонач. название «Мать»).

Была допущена к постановке в 1913, несмотря на ряд недостатков, отмеченных в отзыве театр.-лит. к-та дирекции имп. театров и, по мнению автора отзыва, обусловленных незнакомством с спецификой и классич. канонами драм. жанра: «нет резких промахов, за к-рые следовало бы отвергнуть пьесу, но нет в ней каких-либо выдающихся достоинств. Все в ней гладко, ровно, обыденно» (РГАЛИ, ф. 853, оп. 2, № 1492), но назначена к представлению только 18—22 сент. 1915 (РГИА, оп. 18, д. 646 — справка В. М. Лупановой). Со смертью Савиной, к-рая должна была игратьгл. роль, постановка была приостановлена (подробнее см. письмо О. к В. А. Мичуриной-Самойловой, 1915. — РГАЛИ, ф. 2044, оп. 1, № 345); поставленная в 1916,

она выдержала 18 представлений (см.: ИРДТ, т. 7, с. 462; к. п. получила под назв. «Понять — простить» — СПб ГТБ, справка П. В. Дмитриева).

В ней затронута тема, впоследствии развитая и в рассказах О., — женское соперничество матери и дочери, в к-ром побеждает дочь, а мать вынуждена уступить ей своего возлюбленного, причем для обеих характерно стремление к «красивой жизни». В 1912 О. создал либретто муз. драмы «Ночь на Монмартре» (из быта апашей) (автограф — РНБ).

В 1916 вышел сб. рассказов «Век нынешнего» (П.), представляющий собой попытку дать «картину совр. нравов». Отсылка уже в названии к А. С. Грибоедову имела, очевидно, особое значение для О., дед к-рого А. П. Опочинин знал Грибоедова (см. подробнее в ст. Опочинин П. А.). Сравнение веков, однако, «в противоположность параллели, проводимой героем грибоедовской комедии», оказывается не в пользу нынешнего (Ю-н (Вентцель Н. Н.), Люди нынешнего века. — НВ, илл. прил., 1916, 30 июля). В рассказах О., посвященных «женскому вопросу», перед нами предстают множество женских типов и семейные взаимоотношения, далекие от патриархальности. О. показывает положение женщины в обществе, не соответствующее ее самосознанию: героини О., сильные неординарные натуры, вступают в конфликт с традиционно уготованным им жизн. уделом и рассматривают мужчину всего лишь как средство для реализации собств. планов. Верный гедонистич. мироощущению автор, по мнению того же рецензента, относится к своим героям «не с сатирической злостью, а скорее с любопытством, видя в этой среде своеобразную жизнь, — пусть порочную, лишенную глубокого содержания, но разнообразную, полную сильных ощущений» (там же).

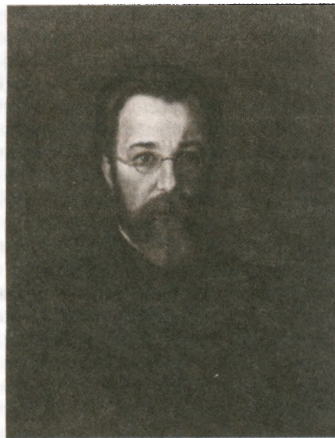
Последнее достоверное свидетельство пребывания О. в России относится к 1917 — это его письмо В. А. Теляковскому из Петрограда от 13 янв. (РГАЛИ, ф. 770, оп. 1, 455). В Париже в 1939 сб. О. «Обманы прошлого» издан маленьким тиражом и только для узкого круга друзей и близких лиц. В предисл. О. писал: «Я уже давно отошел от всяких лит. кругов — у меня свои вкусы и оценки». Сб-к составлен из старых и новых стихов О., по содержанию нек-рых из них можно предположить, что автор эмигрировал из России через Германию.

Лит.: «Илл. вост. культуры...», в. 3, СПб., 1914 (биография); Рус. писатели в Грузии, Тб., 1983, с. 66—67; + Масынов.

Архивы: ЦГИА Грузии, ф. 115, оп. 1, д. 29, л. 8* (дело о службе отца) [справка Р. С. Ахвердиан]; РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, № 1577 (письма А. И. Южину 1911—15), ф. 1348, оп. 1, № 616 (письмо неустановленному лицу, 1915); ЦГТМ,

ф. 176, № 55 (восп. О. «Последняя роль» — о М. Г. Савинной). А. Г. Пирогова.

ОПОЧИННИН Евгений Николаевич [23.5(4.6).1858, Рыбинский у. Ярослав. губ. — 28.9.1928, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], прозаик, журналист, фольклорист, историк театра; коллекционер. Из древнего обедневшего дворян. рода. Отец — служащий правления 5-го округа путей сообщения (губ. секр.),

писал стихи; посмертно О. издал две книги его стих. — «Для немногих» (СПб., 1882) и «Забутые песни» (СПб., 1883), а позднее опубли. ст. «Рыдающие души» (ГМ, 1916, № 2) об альбомах и альбомной лирике «поэтов-помещиков 40-х гг.», к к-рым принадлежал и его отец. Окончил Киев. ун-т, «для заработка», по его словам, писал в газетах (Лобанов, с. 36). В кон. 1879 переехал в Петербург. В качестве хранителя б-ки Об-ва любителей древней письменности (с 1879 член, с 1884 чл.-корр. об-ва) и Музея древностей (в 1879—83) стал ближайшим помощником президента об-ва и организатора музея П. П. Вяземского, занимался разбором Остафьев. архива, позднее архивами Шереметевых, С. А. Соболевского. Работа с раритетами (личные бумаги А. С. Пушкина, семьи Карамзиных, В. А. Жуковского и мн. др.) сформировала интерес О. к коллекционированию автографов. В собрании О. (хранится в РГАЛИ и ИРЛИ) — визитные карточки, письма, надписи на фотографиях, приглашения и записки, адресованные О., рукописи (в т. ч. В. Г. Бенедиктова, А. Н. Майкова, Ф. И. Тютчева, А. П. Чехова, Вл. С. Соловьёва), рисунки, выполненные, в частности, Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, Я. П. Полонским и др. Позднее О. написал очерки о частных б-ках в России — «Одна из домашних библиотек конца XVIII столетия» (СПб., 1884), о собирателях — «Рус. коллекционеры и уце-

левшие остатки старины» (опубл.: НН, 1990, № 4; вступ. ст. и публ. М. М. Одесской), в к-ром, обеспокоенный многочисл. утратами худож. ценностей, высказал мысль о необходимости «спастись от всеуничтожающего невежества и роковых случайностей все, что может послужить для науки и иск-ва» (с. 115), и предложил, в частности, основать Об-во охраны памятников старины. В 1887 и 1889 по заданию Об-ва поощрения художников изучал памятники и предметы др.-рус. иск-ва.

В дек. 1879 О. — завсегдатай «пятниц» Полонского и «вторников» А. П. Милюкова, у к-рого познакомился с Достоевским, и стал часто бывать в доме писателя. В воспоминаниях о Достоевском (опубл. частично, с предисл. и комм. Ю. Н. Верховского — «Звенья», т. 6, М.—Л., 1936, см. также в кн.: Достоевский в восп., II, 381—90; записанный О. устный рассказ Достоевского о чиновнике-некромане опубл. в «Нов. мире», 1992, № 8, вступ. ст. и публ. М. М. Одесской) О. старается с максимальной точностью передать высказывания писателя о лит. творчестве, рус. нац. характере, его взаимоотношениях с И. С. Тургеневым, В. П. Авенариусом и др. литераторами. О. оставил восп. о П. П. Вяземском, С. Н. Терпигореве, Д. В. Григоровиче, В. В. Крестовском, Г. П. Данилевском, А. Н. Майкове, Полонском, М. И. Семевском и др., к-рые он надиктовал перед смертью, будучи слепым. Воспроизводя эпизоды из частной жизни литераторов, детали их взаимоотношений, О. создает нехрестоматийные портреты современников, сохраняя при этом тактичность, «хороший тон». Документальная точность записей («правдивость памяти»), чистота языка, занимательность изложения сообщают мемуарам О. историко-культурную и лит. ценность. (См. отзыв В. Д. Бонч-Бруевича об О.: «... один из редких людей своей эпохи по точным записям своих бесед с совр. ему писателями» — РГАЛИ, ф. 629, оп. 1, № 265, л. 32.)

В 1883—92 О. — исполняющий дела редактора внутр. отдела газ. «Правительств. вест.». Долгое время (кон. 1880-х — нач. 1900-х гг.) активно сотрудничал в «Ист. вест.», где помещал очерки, рассказы («К истории чумы» — 1888, № 7; «Отщепенец» — 1898, № 8; «Извест. Эпизод из последних лет старорусских порядков» — 1898, № 10; «Очерки старорусского быта» — 1902, № 3), в к-рых пытается через бытовые детали воспроизвести атмосферу прошлых веков, показать «домашнюю» сторону жизни эпохи. В основе большинства произв. О. лежат арх. мат-лы, к-рые он беллетризовал («Страницы из старого дневника

Протасьева. Анекдоты об Екатерине II, Павле I, Потёмкине, Баркладе-Толли, Аракчееве и др.» — ИВ, 1887, № 11). Показательно его письмо С. Н. Шубинскому: «имеется у меня весьма курьезный документ... Если обработать, будет очень интересно. Тут есть все: и раскольничий быт, и анекдоты об ист. лицах, популярных в то время у старообрядцев» (7 февр. 1892 — РНБ, ф. 874, № 52). Ориентируясь на массового читателя, О. писал рассказы, в к-рых сентиментальные перипетии частной жизни героев разворачиваются на фоне реальных ист. событий («Густава Кастани» — ИВ, 1891, № 9). В этом ж-ле О. помещал также статьи по истории театра («За кулисами старого театра. Мат-лы по истории рус. т-ра, извлеченные автором из архива театр. дирекции» — 1889, № 2—8, 12). Сохранился отзыв А. А. Бахрушина «Об историко-лит. трудах Е. Н. Опочиннина», в к-ром рассматриваются три работы О. — «Рус. театр, его начало и развитие». Ист. очерк (в. 1—5, СПб., 1887—88), «Изображение смерти в ср.-век. процессах Зап. Европы» (ИВ, 1890, № 2), «Театральная старина. Ист. статьи. Очерки по документам. Мелочи и курьезы. С портретами и рисунками» (М., 1902). Бахрушин, ставя в заслугу О. использование неопубл. арх. мат-лов, отмечает: «очерки содержательны и написаны живым лит. языком, рассчитаны не только на специалистов, но и на широкие читат. круги» (ПЦТМ, ф. 196, № 4).

После смерти Данилевского (гл. ред. «Правительств. вест.») в 1892 О. уехал в родовое имение Милушино, в 1893—98 служил зем. начальником в Рыбинске (с 1895 губ. секр.), «вершил мелкие крестьянские дела», что давало ему материал для очерков: «Иван Васильевич» (сб. «На трудовом пути», М., 1901) — о крестьянине-просветителе, занимающемся благотворительностью в духе теории «малых дел». В поездках по селам и деревням Рыбинского у. собирает песни, сказки, легенды, записывает нар. обычаи. Результатом этой работы стали издания: «Русские нар. сказки» (М., 1913), «Сб-к детских нар. песенок, стихотворений, прибауток и пр.» (М., 1913). В 1902—05 О. редактировал газ. «Вест. Рыбинской биржи». В нач. 1900-х гг., переехав в Москву, начал активно сотрудничать в «Моск. листке», где «каждый романист имел свои два дня в неделю. Понедельник и среда — ист. роман Опочиннина» (Г и л я р о в с к и й В. А., Избр. произв., т. 2, М., 1960, с. 110). «Подвальные фельетоны-романы» О. — «На пути к короне» (1906, 4 янв. ... 8 нояб.), «В новой столице» (10 нояб. ... 29 дек.), «Кровавое наследство» (1911, 4 янв. ... 17 мая) — из эпохи Алек-

сандра I, «Временщики и самозванцы» (1911, 19 мая ... 31 дек.), «Тень императора» (1913, 1 янв. ... 18 июля), «Лесная царевна» (1913, 20 июля ... 31 дек.), «Слово и дело» (1915, 1 янв. ... 30 июня) и др. — «нельзя отнести к серьезной литературе» (см. отзыв В. М. Лобанова, больше ценившего «зоркость, остроумие и чисто моск. колорит» в сценах и репортажах О.; см. также восп. об О. как о «выдающемся моск. репортере» в кн.: Дмитриев Н., Тени прошлого, М., 1985, с. 12). Громоздкая композиция, обилие сюжетных линий с чрезмерно детализированными описаниями событий и лиц превращали романы О. в затянутые повествование со слабоуловимым общим замыслом. Не соглашаясь с ролью «поставщика чтения», О. вместе с тем критически оценивал свое творчество: «Разве мы настоящие писатели... Мы только удобительный материал для будущих щедрых урожаев» (цит. по кн.: Лобанов, с. 38). О. печатался также в ж. «Юная Россия» (1907, № 5, 8—12), «Жизнь и люди» (1909, № 2), «Доброе утро» (1914, № 1), «Всемирная илл.» (1914, № 11), где помещал в осн. рассказы и очерки ист. содержания. Издал три сб-ка охотничьих рассказов: «На родной земле» (М., 1900), «В деревне и на охоте» (М., 1902, 1910, 1915), «Из рассказов охотника» (в. 1—2, М., 1907, 1911).

Др. произв. Рассказы: «Змий. Из быта глаголемых старообрядцев» (СПб., 1898), «Братья» (СПб., 1898), «Зимний барин и др. рассказы» (М., 1907), «Из тьмы веков. Ист. рассказы» (М., 1910), «Старое и новое» (М., 1912). Очерки: «Несколько ист. сведений о франк-масонах» (СПб., 1883), «Древний Египет» (СПб., 1886), «Из жизни протоиерея Самборского» (СПб., 1888), «Дом боярина XVII столетия» (СПб., 1889), «Старообрядцы как хранители памятников старины» (МЛ, Илл. приб., 1905, 25 мая), «Любительское коллекционерство в России в XVII и XVIII столетиях» (там же, 29 мая), «Моск. частные музеи и собрания в первой пол. XIX столетия» (там же, 10 июля). Кн. «К истории рус. театра» (СПб., 1890); 6 р-шюра «Заседания Имп. об-ва ЛДП в 1883—84 гг.» (СПб., 1884).

Изд.: Сказ про пчичего ловца Никитку (М.—Л., 1930); [Фрагменты восп.]. — В кн.: ВеП, в. 7, М., 1990 (выст. ст. и публ. Е. В. Бронниковой); ВЛ, 1992, в. 3 (выст. ст. и публ. М. М. Одесской); [Рассказы]. — В сб.: «Рус. охотничий рассказ», М., 1991 (выст. ст. и прим. М. М. Одесской).

Лит.: Анофрисов Н. Ю., Рус. охотничья библиотечка, Брест-Литовск, 1905, с. 118; Ельчанинов И. Н., Мат-лы для генеалогии Ярослав. дворянства, в. 1, Я., 1910; Лобанов В. М., Столenniки дяди Глеба, М., 1972, с. 35—36; Лидин В., Люди и встречи, М., 1965, с. 201—203; сго же, Записки маркера, Собр. соч., т. 3, М., 1974; Астафьев А. В., Астафьева Н. А., Писатели Ярослав. края.

Я., 1974; Опочиннинские чтения, в. 1, Мышкин, 1991; Одесская М. М., У истоков желтой прессы. — «Родина», 1992, № 10; Бахрушин Ю. А., Воспоминания, М., 1994 (ук.); Гулячинский В. И., Архивы деятелей библиографии. — «Библиография», 1995, № 5/6, с. 198. + Мельер: Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 361; ИРЛИ, Р. III (л. 47); ЦГМТ, ф. 196 (в т. ч. рукопись «Опыт словаря деятелей рус. сцены»); РНБ, ф. 874, № 52 (письма О. разным лицам); РГБ, ф. 178, № 32 (ходатайство лит. фонда РСФСР); РГИА, ф. 1443, оп. 26, ч. 2, д. 3793 (дело о дво-рянстве).

М. М. Одесская.

ОПОЧИННИН Пётр Алексеевич [псевд. Горесмехов и др.; 4(16).5.1853, Тифлис — 25.1(7.2).1907, там же], автор юмористич. и сатирич. стихов, прозаик, драматург, театр. деятель, журналист. Отец В. П. Опочиннина. Из ярослав. ветви дворян. рода (известного с 15 в.).

Отец, Алексей Петр. (1807—85), участник мн. казачьих кампаний, с сер. 50-х гг. — тифл. воен. комендант, к кон. жизни — ген. от артиллерии (см. о нем: РБС). Почитатель А. С. Грибоедова, А. Опочиннин владел списком «Горя от ума», содержащим, по его восп., авторскую правку; рукопись, утраченная в 40-е гг., была восстановлена им по памяти (т. н. «опочиннинский список», см. публ. и анализ В. С. Шадури — «Лит. Грузия», 1960, № 10; восп. А. Опочиннина об истории рукописи — там же, 1957, № 1, публ. Ш. Гозалишвили; аутентичность воспроизведенного Опочинниным текста и достоверность версии об акт. правке подвергаются сомнению, см.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции, Л., 1977, с. 9, ст. С. А. Фомичева; Грибоедов А. С., Горь от ума, М., 1987, с. 395—97, ст. Н. К. Пиксанова). В друж. кругах отец О. был известен как литератор-любитель, автор шуточных посланий в стихах (тексты их составили его рукописный сб. — Ин-т рукописей АН Грузии, ф. Э. Г. Вейденбаума, № 366; частично опубли.: Шадури В. С., Грузия в творчестве забытых писателей Н. П. Луккина и А. П. Опочиннина — «Труды Тбилис. гос. ун-та», т. 83, ч. 2, 1959). Мать О., урожд. кн. Орбелиани, в родстве с груз. поэтом Г. Орбелиани.

О. получил дом. образование, в 1867—70 обучался в Тифлис. г-зии. В 1870 поступил на матем. ф-т Петерб. ун-та, позднее перевелся на юрид. ф-т (окончил в 1876). Определен на судебную должность в Тифлис. окружной суд (1875—79), назначен товарищем прокурора суда (1879). В 1883 вышел в отставку (коллеж. ас. — 1884). В дальнейшем, занимаясь в осн. театр. и лит. деятельностью, исполнял также обязанности присяжного поверенного. С

1893 гласный 1-го разряда Тифлис. думы; в 1896 выдвигался на должность тифлис. гор. головы («Новое обозр.», Тифлис, 1896, 17 янв.), в 1897 избран членом Тифлис. губернского по гор. делам присутствия (РГИА).

Лит. публикации О., многочисл. и пестрые по жанровому составу (более 200 стих. разной тематики, очерки, рассказы, пьесы, театр. рец., критич. статьи и др.), появлялись в осн. в кавказ. периодич. изд. — в 1870—1900-е гг. он сотрудничал почти во всех ж-лах и газ. (на рус. яз.), выходивших в Тифлисе. Дебютировал в печати как воскресный фельетонист (с 1873) газ. «Тифлис. вест.», где помещал также стих., в т. ч. «Над могилкой Н. А. Некрасова» («Муза скорби, любви и печали...»; 1878, 15 янв., здесь же некрологич. заметка о поэте). В 1885—1905 сотрудничал в газ. «Новое обозр.». Из публ. в периодике, по б. ч. мало отличавшихся от массовой журнально-газ. продукции эпохи, неск. выделяются его сатирич. и юмористич. выступления. В нач. 1880-х гг. О. — один из организаторов (наряду с И. Ф. Тхоржевским, Н. В. Симборским и писателем Д. Эрстави) и деят. участник тифлис. сатирич. ж-лов «Фаланга» (1880—81) и «Гусли» (1881—1882); Г. Туманишвили называл О. фактич. ред. «Фаланги», что, однако, не подтверждается др. источниками (см.: Кипнис, с. 236). Как юморист и сатирик печатался и в столичной прессе (ж. «Наблюдатель», 1882—1883). Мн. из фельетонов, стихов, «легенд» и «сказок» О., в русле демокр. направленности этих изд., были ориентированы на традиции сатирич. журналистики 1860-х гг., варьировали ее темы (осмеяние бюрократии, реакц. изданий, протест против засилья цензуры) и формы («перепевы» изв. стих. и т. п.): стих. «Гимн свободе» («В свободе совести и слова...») и «Пресса-узница» («Отворите мне цепь! Прикажете цепи снять...»; оба — «Наблюдатель», 1882, № 9), зарисовки «Из дневника среднего человека» («Фаланга», 1881, № 10, 17, 26, 37, 40), «Столпы и патриоты своего Отечества» (там же, № 32) и др. Нек-рые из его произв., а также опыт перевода (стих. И. Чавчавадзе «Арагва») задерживались цензурой (ЦГИА Грузии); публ. в «Фаланге» памфлета «Невинные рассказы» (1881, № 44; предельный отрывок под тем же назв. — № 36) с прозрачными выпадами против К. П. Победоносцева («бичевалась его оппозиция введению в России конституции и вообще все его поведение при дворе» — Туманов, с. 77) послужила причиной закрытия ж-ла и ухода О. со службы (там же, с. 77—78).

В 1883 О. выпустил ист. поэму из времен принятия Грузией христианства (4 в.) «Святая Нина» (Тифлис; 2-е изд. — Тифлис, 1884; переводилась на груз. яз. И. Кереселидзе) — переложение житийного сюжета (разрабатывавшегося и ранее рус. литераторами-тифлисцами, см., напр., поэму А. В. Марсова), с заметной ориентацией на образцы «кавказской» романтич. поэмы. Позднее отд. изд. выходили рассказы, в к-рых О. затрагивал нек-рые социальные проблемы: «Светлое воскресенье (три рассказа)» (Тифлис, 1892), «Из записок медного пятака. Прохождение Венеры через диск Солнца» (Тифлис, 1893; «Из записок...» — зарисовки из жизни разл. слоев общества, «увиденной» переходящей из рук в руки медной монетой).

В Тифлисе О. был широко известен как театр. деятель. В нач. 70-х гг. режиссировал в созданном им кружке любителей сцены, впоследствии участвовал в любительских спектаклях, сыграл ок. 160 ролей (подсчитано по мат-лам фонда М. С. Маркса — Музей т-ра, музыки и кино Грузии, ф. 1, д. 2668, № 20825/111), среди к-рых — Фамусов и Репетилов в «Горе от ума» Грибоедова, Горюничин и Подколесин («Ревизор» и «Жингба» Н. В. Гоголя), исполнял оперные партии (в т. ч. в «Севиальском цирюльнике» Дж. Россини); заслужил благосклонные отзывы прессы. Агент ОРДП на Кавказе (с 1876). В 1887 — один из организаторов Тифлис. артистич. об-ва, избирался его старшиной (1888) и пред. правления (1904—07); под руководством и с участием О. проходили благотворит. лит.-муз. вечера и спектакли в нар. т-рах. Проявил себя умелым и знающим администратором на посту дир. Тифлис. казенного т-ра (1894—1903), привлекал на гастроли мн. изв. драм. и оперных артистов — М. Г. Савину (близкий друг семьи О.), М. Н. Ермолову, А. И. Сумбатову-Южину, Ф. И. Шалинина и др.

Еще студентом О. опубликовал комедию «Гордиев узел» (СПб., 1875), литогр. изд., поставленную в 1875 на столич. сценах (Александрин. т-р, в бенефис Савиной; Малый т-р, с участием Ермоловой). Обличит. пафос и «крайне цинические приемы автора» в изображении представителей инж. ведомств были усмотрены цензурой в драме О. «Гром грянет — перекрестятся» (1878; рукоп. в СПб ГТБ), один из персонажей к-рой — инженер, полковник, наживший значит. состояние нечестным путем (ценз. запрещение — РГИА, ф. 776, оп. 2, д. 18). Эти и последующие драматургич. опыты — комедия «Колыбельная песня, или Ради ребенка» («Театрал», 1896, кн. 29, № 79), пьесы «К делу» (Тифлис, 1900), «В лучах любви» («Кавказ. вест.», 1900, № 11, 12) и др. — отмечены шаблонностью сюжета, рутинностью характеров при умелости в построении и нек-ром динамизме интриги, к-рые обличают в О. знание жанровых законов. Сочинял либретто и музыку к опереттам («Автомат», 1891, рукоп. в СПб ГТБ), выпустил муз. «волшебную сказку-феерию» «Правда» (Тифлис, 1892).

Последней крупной публ. О. стал роман «Водопад» («Кавказ. вест.»,

1900, № 1—4, 6, 7, 9, 10; 1901, № 1; неоконч.), композиц. рыхлость, мелодраматичность сюжетных ходов к-рого во мн. искупаются увлеченностью автора в описании нац. колорита, быта и нравов тифлис. высшего об-ва (простота, раскованность, «природность» тифлисцев противопоставляются холодной чопорности петерб. аристократии), заинтересованным повествованием об идеальных исканиях молодежи (споры о поэзии С. Я. Надсона и т. п.), искренним одушевлением в изображении картин уличной жизни, кавказ. природы.

С 1905 О. — редактор газ. «Кавказ», неоднозначно, порой резко отрицательно оценивавшейся разл. течениями тифлис. обществ. мнения (Туманов, с. 65, 81—82). Выступал с публицист. статьями, в к-рых говорил о «единой нации кавказцев», включающей и русских, ратовал за обществ.-культурную самобытность Кавказа в противовес «нац. автономии», протестовал против политики разжигания нац. распри (речь 1906 г. — «Кавказ», 1906, 13 апр.; «поэма в прозе» «Башня Вавилонская» — там же, 5 марта).

Др. произв.: стихотв. «восточ. сказка» «Орел и ворон» и «средневеков. легенда» «Гордый купец» (обе — «Фаланга», 1881, № 12), стих. «Вечер» и «Осенняя ночь» (сб. «Кавказ. жизнь», кн. 1—2, Тифлис, 1896—97), «Аллаверды» (сб. «Весь Кавказ», № 1, Тифлис, 1903), «Снегурочка. Весенняя сказка. Вольное подражание Островскому» («Кавказ», 1906, 12, 14, 19 марта), ст. «Памяти А. Н. Островского» (там же, 1886, 8 июня).

Лит.: Тихонов В. А., Театр. восп. — ИВ. 1898, № 6, с. 820; № 7, с. 155; Туманов Г. М., П. А. Опочинин. — В его кн.: Характеристики и восп., кн. 3, Тифлис, 1908, с. 65—83; Терещанин С. Очерки из прошлого тифлис. т-ра, Тифлис, 1911; Шкафев В. П., Сорок лет на сцене рус. оперы. Восп. 1890—1930 гг., Л., 1936 (изв.); Лочошвили В., Идеино-лит. борьба вокруг творчества А. Н. Островского в рус. критике и ее отражение в Грузии. — «Труды Тбилис. гос. пед. ин-та», т. 20, Тб., 1967 (о ст. О. «Памяти А. Н. Островского»); Киниш М. А., Перлы сатиры. Ж-лы на Кавказе. — «Труды Тбилис. гос. ун-та», т. 131, [в.] 1, Тб., 1968, с. 234, 236, 249, 256; Хоперия И., Об одном забытом стих. — ВЛ, 1972, № 2; Рус. писатели в Грузии, Тб., 1983, с. 61—67 (автор раздела — Б. Пирадов). — Некрологи, 1907: «Кавказ. речь», 26 янв.; «Тифлис. листок», 26 янв.; 27 янв. (Л. Киниш); «Закавказье», 26 янв. «Кавказ. календарь» на 1886—1905 гг. (Тифлис): ИРДТ: Груз. сов. энц., т. 7, Тб., 1987 (на груз. яз.); Манахов (не учтены псевд. Петербургский любитель, П-г-ль, Оп, Э-н-я, Черный скорпион, Неволяный юморист).

Архивы: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 16662 (ун-тское дело, в т. ч. м. с.); ЦГИА Грузии, ф. 115, оп. 1, д. 29 (сведения о службе); ф. 17, оп. 1, д. 4524; ф. 480, оп. 1, д. 594, 1048 (исп. сведения, в т. ч. о запрете публ. перевода из И. Чавчавадзе — «ввиду теодицеистности»); ЦГИА Грузии, ф. 55, оп. 1, д. 97 (сведения о службе); РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 3178, 3475 (биограф. сведения) [справка С. И. Вареховой]; ГПМТ, ф. 176, № 55 (биограф. сведения в восп. В. П. Опочинина); ф. 217, № 2681—82 (служебные док-ты Тифлис. казенного т-ра, 1899, 1901 гг.) [справка И. П. Гамулы]; Музей т-ра, му-

зыка и кино Грузии, ф. 1, д. 2668, № 20825/30 (Маркс М. С., Мос. восп. о П. Опочинине); ф. 117, р. 1404 (дневник О., 1894—96 гг.); СПб ГТБ (либретто оперетт «Два слепца», 1895; «Гомеопат», 1903; «Война и мир, или Обманутые дипломаты», 1906). Р. С. Ахвердиан.

ОРАНСКИЙ Николай Диомидович [6(17).12.1786, погост Боговлянский Вязников. у. Владимир. губ. — 14(26).1.1847, Москва; похоронен на кладб. Данилова мон.], поэт. Из духовного звания (сын дьякона). Учился в Вязников. духовном уч-ще (1797—1800), во Владимир. духовной сем., откуда в 1803 направлен

как лучший ученик в Троицкую лаврскую (Троице-Сергиеву) сем. По окончании (1807) определен учителем естеств. истории, др.-еврейского и нем. яз. во Владимир. духовную сем. В 1810 вышел из духовного звания (без чина, т. к. не представил необходимых док-тов в Моск. губ. правление) и служил секретарем в разл. канцеляриях: Моск. палаты уголовного суда (1810—12), Моск. совестного суда (1812—14; губ. секр.), Моск. обер-полимейстера (1814—16), Твер. гражд. губернатора (1816—18) и Моск. губ. правления. В 1820 вернулся во Владимир. губ., где исправлял обязанности Александров. волостного смотрителя при дворцовых конных заводах. После краткой отставки в 1824, с 1826 по 1836 обер-аудитор секретного отд. Канцелярии Моск. воен. генерал-губернатора, участник неск. комиссий, в т. ч. «сверх должности», о «злонамренных обществах» (1828, 1831, июнь 1834 — РГИА, ф. с.), дослужился до коллеж. ассессора; в 1828 получил личное дворянство. В 1834—35 секретарь обеих следств. комиссий по делу А. И. Герцена, Н. П. Огарева. В «Былом и думах» О. охарактеризован как верноподданный служака, «педант, пиелист, сыщик, похулевший, поседевший в зависти, стяжании и ябедах» (Герцен, VIII, 210). С 1836 (получив чин коллеж. сов.) до самой смерти смот-

ритель Павлов. больницы в Москве; в 1837 отмечен «высочайшим благоволением» «за отменный порядок» (РГИА); в 1843 в «Маяке» (т. 11) О. напечатал стих. на смерть П. И. Озерова — чл. Гос. совета, «начальствовавшего» над Павлов. больницей. В 1838 определен чиновником особых поручений в Комиссию по постройке храма Христа Спасителя в Москве.

Почти всю жизнь исполнявший обязанности секретаря и смотрителя самых разл. ведомств и учреждений, О., видимо, не переставал питать склонность к лит-ре и лит. занятиям: в нач. 1840-х гг. он вернулся к увлечению своей семинарской юности (из написанной в 1805 «тетради стихов» сохр. стих. «Изображение»; опубл. в кн.: (Смирнов А. В.), Лит. опыты воспитанников Владимир. духовной сем. в нач. XIX столетия, Владимир, 1901) и начал печататься, «тщательно скрывая свое авторство» — анонимно или под псевд. Старожил (Смирнов, 1910, с. 102). О. выпустил отд. изданиями «Песнь рус. барда» (поэма из эпохи Смутного времени; М., 1840), «Подарок детям в день Светлого Христова Воскресения» (М., 1840; вкл. две поэмы на евангельские сюжеты — «Голгофа» и «Воскресение Христово»; отщипат. отклик: (М. Н. Катков) — ОЗ, 1840, № 5), «Путешествие в Троицкую Сергиеву Лавру» (М., 1840) — о подвигах «лаврских отшельников» (иронич. рец.: ОЗ, 1840, № 7). В 1842 опубл. кн. «Стихотворения Старожилы» (М.), в к-рую вошли поэмы «Ян Усмович, рус. богатырь времен Святого Владимира» (о нашествиях печенегов на Киев), «Пересвет», «Потоп»; в это же время печатается в «Москвитянине» (ода «Северное сияние» — 1841, № 5 — с аллегорич. картинами Страшного суда) и в «Маяке»: «Единоборство Нестора Солуянина» (1843, т. 9), «Никомидийская дева», «Елеонская песнь» (1844, т. 14, 17), ист. поэма «Князь Феодор Юрьевич Рязанский» (1845, т. 19) (все под псевд. Старожил; см. также: «Маяк», 1843, т. 12; 1844, т. 15).

Поэмы и стихи О. на библ., христ. и ист. сюжеты (в последних доминирует тема ист. торжества христианства, «Святой Руси»), составляющие осн. содержание его творчества, описательны, разнунуты, дидактичны (сюжет и конфликт ослаблены, характеры лишь намечены), неумелы с т. з. версификации («допотопные» стихи, «проза в стихах» — (П. Н. Кудрявцев), рец. на «Стихотворения...» — ОЗ, 1843, № 2, с. 57). Сравнительно более удачны — вошедшие в кн. «Стихотворения...» (наряду с написанными в молодости баснями) опыты религ.-филос. медитаций и стихи на случай: «Прощание», «Жизнь» («Кто я? Не сон ли я

природы?! Но с ней борюсь бессильный я»), «Воспоминание...», «В альбом дочери...». Единств. ценителем поэзии О. оказался, в силу единомыслия, анонимный рецензент «Маяка» (С. А. Бурачок?), увидевший в «Стихотворениях...» стих «сильный и звучный», мысль «зрелую» и «глубокую», чувство «чистое, пламенное, живое» (1843, т. 9, с. 109).

Воспитанный на образцах поэзии М. В. Ломоносова и М. М. Хераскова, О. не скрывает своей приверженности к поэтам 18 в., а настоячиво ее декларирует: в предуведомлении к кн. «Стихотворения...» «От издателя» (несомненно, принадлежащем ему самому), как и в открывающем книгу стих. «К моим друзьям», обосновывается право поэта на «любовь к старине», на выключенность из временного контекста (поэзия не «раба современного вкуса» — с. П). Издатель упрекает также совр. поэзию в неспособности из «мрака современности» подняться в «высшую сферу» — упрек, связанный с самыми основами религ. мышления О.; в нем ошутима скрытая полемика с лермонтовским «И скучно, и грустно».

Лит.: Гершен (ук.); Смирнов А. В., Н. Д. Оранский. — «Владимир. губ. вед.», 1906, № 39, 43; его же, Н. Д. Оранский. — «Старый владимирец», 1908, 6 дек.; его же, Н. Д. Оранский. — В его кн.: Урожени и деятели Владимир. губ., в. 4, Владимир, 1910 (по мат-лам, сообщенным внуком О., А. Г. Оранским); Вандальская М. Г., Допросы А. И. Гершена в следств. комиссиях 1834 г. как ист. источник. — В кн.: Археограф. ежегодник за 1961 г., М., 1962, с. 106; Летопись жизни и творчества А. И. Гершена. 1812—1850, М., 1974 (ук.). + Указатель ст., помещ. в «Маяке» за пять лет. 1840—1844]. СПб., [1844]; Малицкий Н. В., История Владимир. духовной сем., в. 1, М., 1900, с. 208, 218, 237; в. 3, М., 1902, с. 183; Добронравов В. Г., Визитное духовное учреждение Владимир, 1905, с. 12; Боград. ОЗ (1); Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 1276, 1846 г. (п. с. 1846 г.); ф. 1343, оп. 26, д. 3831 (о дворянстве Оранских, 1846 г.); (справка В. М. Лупановой); ГА Владимир. обл., ф. 789, оп. 1, д. 90 (дело «По представлению гр. (Ф. В.) Ростопчина о награждении классным чином секр. Моск. совестного суда О.», 1813 г.).

Г. Д. Овчинников.

ОРДЫНЦЕВ М. Д., см. Кострицкий М. Д.

ОРЕШИН Пётр Васильевич [16(28).7.1887, Саратов — 15.3.1938, Москва], поэт, прозаик. Сын приказчика мануфактурной лавки и швеи. Из-за бедности не смог окончить даже гор. 4-классную школу (см.: автобиография — в кн.: Книга для чтения по истории новейшей рус. лит-ры, 3-е изд., Л., 1926). О. противился намерению отца сделать его подручным в лавке, часто уезжал в с. Галахово Аткарского у. Саратов. губ. к деду. Здесь О. близко знакомится с деревен. жизнью, бытом и духовным миром крестьян; на формирование внутр. облика будущего поэта значит. влияние оказал дед, Ег. Ал. Орешин, — хранитель патриарх. взглядов, знакомивший внука

с нар. поверьями, апокрифич. образами, воспитывавший в нем привязанность к земле, крест. труду и христ. веру в нравств. значение добра.

В 1903 О. попал в школу бухгалтеров, но, не имея тяги к конторской работе, оставил ее и уехал в Сибирь; вскоре вернулся в Саратов. Увлеченно читал Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. В. Кольцова, Ф. И. Тютчева, совр. писателей. 11 авг. 1911 впервые опубл. в газ. «Саратов. листок» свое стих. «На гумне» (подпись П. О.); с 1913 регулярно печатался в газ. «Саратов. вест.». В ранних стихах опозитировано село с его «избами-невидимками в покрывале кружевном» (стих. «Рассвет»); двойственное отношение к городу — одновременно и влекущему к себе, и растлевающему, «проклятому» — один из пост. мотивов лирики О. того времени («Утешение», «Думка», «Вечер» и др.). В 1913 переехал в Петербург, работал на жел. дороге; искал возможности печататься в столичных изданиях.

Важную роль в лит. судьбе О., как и в судьбе других т. н. новокрестьянских поэтов, сыграл Р. В. Иванов-Разумник, к-рый руководил лит.-критич. отделом ж. «Заветы»; в 1913 в ж-ле (№ 12) опубл. стих. О. «Деревня» («Я знаю шорохи и звоны/ Колосьев, зреющих во сне...»), а в 1914 (№ 4) — цикл из 8 стих. «Деревенские песни» (в ред. примечании автор охарактеризован как «крестьянин, впервые выступивший в печати»). После закрытия «Заветов» стихи О. с 1915 печатаются в «Ежемес. журнале». В ранней лирике О. деревня неотделима от образов возлюбившей крестьян «Скорбящей Матери», взвращенного на них с креста Иисуса, «Николы-батюшки» в мужицкой

сермяге («Переселенцы», «Кто любит Родину», «Вспыхнул в синих полях...» и др.); чувств гармонии, шири, красоты несет с собой природа. Заявляет о себе народно-песенное начало; возникает образ вольного казака Стеньки («Волга», «Идут», оба — 1914). Особую роль начинает играть эпитет «красный», чаще всего связанный с мотивом нарастающего социального протеста.

Характерное для др. новокрест. поэтов стремление передать в стихах «неизреченную тайну бытия» О. не свойственно; однако ему не чужды мечты о единстве мистически-патриархальной и крестьянски-бунтарской России, утверждение веры в светлое будущее: «Будут нищие боярами./ Медный грош — червонным золотом» («Золотая соха», 1914). Одновременно О. пробует свои силы и в прозе (рассказ «Башмаки», 1914, и др.).

Отрицат. отношение к начавшейся войне высказано уже в первых стихах О. на эту тему, опубли. в «Саратов. вест.» 21 и 28 сент. 1914. В 1916—17 О., будучи призван в армию, участвовал в боях как рядовой солдат, награжден двумя Георгиев. крестами; антивоен. настроения в его стихах усиливаются (война — это Конь-Смертонос, под копытами к-рого «стонет родная Земля окровавленным ртом»); с особой неприимчивостью они выражены в написанном верлибром стих. «Отчего не рыдают камни...».

Февральскую, а затем Окт. революцию О. встретил восторженно: он, как и др. поэты «крестьянских купнищ», связывал с рев. преобразованием России осуществление мечты о праздничном обновлении деревен. жизни. В коллективном сб. «Скифы» (сб. 2, П., 1918) опубли. два программных стих. О. «Дулейка» и «Дед-Краснобай» (оба — 1917), в к-рых одновременно прославляются и древний земледельч. труд, одухотворенные силы природы и рев. бунтарство, покрывший Русь «зори-стияги». В обзорной вступ. ст. «Поэты и революция» Иванов-Разумник отмечал, что О. по сравнению с Н. А. Клюевым и С. А. Есениным — поэт «безмерно менее сложный по формам поэтич. творчества», в рев. событиях он «захвачен лишь одной стороной этого вихря — революцией социальной» (с. 2—3).

О первой книге стихов О. «Зарево» (П., 1918; с посвящением Е. А. Орешину), включавшей произв. 1913—17, сочувственно отозвался Есенин: «Даже и боль ее, шемшая, как долгая, заунывная русская песня, приятна сердцу...» («Наш путь», 1918, № 2, с. 256). В состав сб. «Красная Русь» (М., 1918) вошли также и новые стихи, осн. пафос к-рых — разрушение старого мира;

этот пафос звучит и в поэмах «Я, Господи!» («Голос трудового крестьянства», 1918, 26 мая), «Народный сказ» (там же, 1918, 30 июня), «Крестьянский путь» (там же, 1918, 16 июля). Поэт разделяет свойственный крест. массам утопич. идеал свободы. Однако образ России в сб. «Красная Русь» не однозначен. Благословляя революцию, О. видит и великие испытания на трудном пути. Не случайно к «Руси-страстотерпке» поэт обращается со словами: «У ног твоих белых в смертный рыдаю час».

В 1919—21 О. жил в Саратове, печатался в газ. «Саратов. известия». В 1-й пол. 20-х гг. выходят сб-ки его стихов и прозы: «Дулейка» (Саратов, 1919), «Мы» (Саратов, 1921), «Голод» (М., 1921), «Алый храм» (М., 1922), «Радуга» (М., 1922), «Человек на льдине и др. рассказы» (М., 1922), «Ржаное солнце. Стихи. Том первый» (М.—П., 1923) и др.

В критике его творчество вызвало споры. Если В. Л. Львов-Рогачевский говорил, что социализм О. «ле из мечты о гряде Кипсе, ... а из мечты о корке хлеба», то при этом отмечал трагич. ноты в его стихах («Новейшая рус. лит-ра», М., 1919, с. 109). то Н. С. Ангарский напрямую сблизил позицию О. с «сосознанным идеалом» пролет. поэтов («Новая поэзия и старые приемы критики» — «Творчество», 1919, № 12, с. 29).

Поэт реалистич. мироощущения, О. порой писал о событиях с обнаженной достоверностью; протест против уничтожения культуры и безысходность звучат в монологах лирич. героя написанной в 1919 поэмы «Метель» («Кричать бы — дыхнуть не смею./ Ни силы, ни воли нет!»,) однако во вступлении к ее первой публикации (сб. «Недра», кн. 1, М., 1923) О. отмежевывается от своего героя. Особой противоречивостью и внутр. драматизмом отмечена кн. «Соломенная плаха. Стихи. Том второй» (М.—Л., 1925). Поиски «новой красоты» в деревне оборачивались разочарованием и отчаянием, «синяя птица» из одноим. стих. (1924) в конце концов оказывалась чуждом.

Проза в творчестве О. занимает меньшее место по сравнению с поэзией и уступает ей в худож. плане. Наиб. интерес представляют пов. «Под старой крышей» (опубл. в его кн.: «Корявый. Рассказы», М.—П., 1922) и «Злая жизнь» ([М.], 1931) — восп. о детстве и юности поэта.

В 1925 О. был избран чл. правления Всерос. союза поэтов; в борьбе творч. «я» с классовой догмой он сдает позиции и расходится с бывшими друзьями из новокрест. «купнищ», о чем прямо говорит в поэме «Моя библиотека» (Э. Б. Мекш датирует ее написание 1926), пишет агитац. стихи и поэмы («Матрос Иван», «Васька», «Деревенская ячейка» и др.), в к-рых Гражд. война и события в деревне оцениваются в

духе времени — с непримиримо-классовых позиций. Худож. уровень этих произведений значительно ниже более ранних.

В 30-е гг. О. печатается все реже. В сб. «Вторая трава» (М., 1933) он славит тракторы, бригады, современное. Но О. не был принят рапповской критикой, причислившей его к «певцам кулацкой деревни». В последние годы О. работал над поэмой «Чапаев», к-рую послал на отзыв М. Горькому. В 1937 вышел сб-к стихов, декларативно названный «Под счастливым небом» (М.). В 1938 О. был репрессирован, приговорен Воен. коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу 15 марта 1938 и расстрелян в тот же день. Реабилитирован 18 окт. 1956.

Др. произв.: «Родник. Стихи. Том третий» (М.—Л., 1927), «Откровенная лира. Стихи. Том четвертый» (М., 1928), «Стихотворения» (М.—Л., 1929; послесл. Д. Киреева); повести и рассказы: «Бабий бунт» (М., 1922), «Деревен. свет» (М., 1922), «Мужики» (М., 1923), «Ничего не было» (М.—Л., 1926), «Палисадник» (М.—Л., 1927), «Красный бор» (М.—Л., 1927), «Людшишки» (М.—Л., 1927) и др.

Изд.: Стих. и поэмы, М., 1958 (вступ. ст. В. Сидорина); Повести и рассказы, М., 1960 (сост. К. П. Орешин); Стихи, Саратов, 1964 (послесл. К. П. Орешина); Избранные. Стихи, М., 1968 (прим. К. П. Орешина); Чапаев. Поэма, М., 1968; [Стихи]. — В кн.: Серебряный век рус. поэзии, М., 1993.

Лит.: Львов-Рогачевский В., Поэзия новой России. Поэты полей и гор. окраин, М., [1919]; Лаврова К., Поэтич. речь П. Орешина — «Гори», 1920, кн. 5, с. 37—39; Князев В., Ржаные апостолы, П., 1924, с. 21, 22, 140; Евгеньев-Максимов В., Очерк истории новейшей рус. лит-ры, Л.—М., 1925, с. 219—24; Никитина Е. Ф., Рус. лит-ра от символизма до наших дней, М., 1926 (библиография — с. [371]); Селивановский А., Живой мир и бутафория. — «Молодая гвардия», 1928, № 9; Бескин О., Кулацкая худож. лит-ра и оппортунистич. критика, [М.], 1930; Трифонов Н., Кулацкий методолог на страницах «лит. газет», — «На лит. посту», 1930, № 17; Савосюк Г. Ф., П. В. Орешин. — В кн.: Рус. писатели в Саратовском Поволжье, Саратов, 1964, с. 222—33; Никитина Е. П., «Крестьянские поэты» начала XX в. — В кн.: История рус. поэзии, т. 2, Л., 1969, с. 361—62; Мекш Э., Поэмы О. 20-х гг. — В кн.: Вопросы сюжетологического, сб. 2, Рига, 1972, с. 81—99; Михайлов А. И., О крест. поэты нач. XX в. — РЛ, 1973, № 1, с. 126—39; его же, Пути развития новокрестьянской поэзии, Л., 1990 (ук.); Макина М. А., Из истории писат. взаимоотношений 1920—1930-х гг. — РЛ, 1979, № 4, с. 142; Зыровски З., Поэмы О. — «Болг. русистика», София, 1985, № 3, с. 36—44; Аздовский К., Николай Клюев. Путь поэта, Л., 1990, с. 209, 211, 293; его же, Новокрест. поэты, Ставрополь, 1992, с. 15, 18, 47; Петров К. Г., Пути О. — В кн.: Рус. лит-ра XX в.: направления и течения. Сб. науч. тр., в. 1, Екатеринбург, 1992; его же, Соломенная плаха поэта. (О «крестьянской купнище» и судьбе О.). — ФН, 1992, № 4, с. 3—13. + Гусман; Владиславлев; Тарасенков; Муратова (1, 2, ук.); Машуев; ЛЗ; КЛЗ.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1123; ИМЛИ, ф. 174; Центр. архив ФСБ РФ (сведения о расстреле).
К. Г. Петровс.

ОРЖИЦКИЙ, Оржистский Николай Николаевич [1(22).7.1796 —

1(13).1.1861; похоронен в Сергиевой пустыни близ Петербурга), поэт. Из дворян Петерб. губ. Незаконный сын сенатора гр. П. К. Разумовского (1751—1823), мать из нетитулов. ветви Разумовских — Ал-дра Вас.

Деденёва (1761—1816). Фамилия О. образована от назв. мызы Оржицы Петергоф. уезда. «Сын счастливой любви, дитя — баловень нежной матери, воспитанный в роскоши и изобилии» («Восп. Бестужевых», с. 370), он получил хорошее образование в разл. пансионах Петербурга и в Петерб. губ. г-зии, где его соучеником был А. Д. Илличевский. В июле 1813 вступил юнкером в Ахтыр. гусар. полк; участвовал в заграничных походах 1813—15; с окт. 1813 корнет «за отличие», с 1817 поручик; в 1819 уволен от службы «за болезнью» с чином штабс-ротмистра.

Знакомства О. в лит. кругах, вероятно, завязываются в нач. 20-х гг. через однополчан — композитора А. А. Алябьева и друга К. Ф. Рыльева Н. Г. Бедягу. В 1824 регулярно виделся с Рылеевым и А. А. Бестужевым (Памяти декабристов, в. 1, Л., 1926, с. 60—62). Видимо, летом того же года сблизился с А. С. Грибоедовым; по восп. Д. И. Завалишина, Грибоедов читал «Горе от ума» в гостях у О., «у к-рого он обедал иногда» (Грибоедов в восп., с. 133). Осень 1824 — зиму 1825 провел в Москве, бывал у П. А. Вяземского, к-рому А. Бестужев рекомендовал его как своего «доброго приятеля» (ЛН, т. 60, кн. 1, с. 226). Летом 1825 с намерением устроиться на службу предпринял поездку в Одессу, доверив Рылееву ведение дел по своему наследству. В Крыму виделся с Грибоедовым (из письма Грибоедова А. Бестужеву 22 нояб.: «Вспомнили о тебе и о Рылееве» — ПСС, т. 3, СПб., 1917, с. 182). В ноябре, возвращаясь через Москву, встречался с А. И. Одоевским и Завалишиным.

Накануне и в день восстания декабристов был у Рыльева. По собственным

показаниям, к Рылееву его «привели дела», связанные с доверенностью; тот просил О. «не оставлять его семейства» (Восстание декабристов, XV, 121). 23 дек. арестован и помещен в Петропавлов. крепость. Следствие установило: не будучи членом тайного об-ва, знал о существовании Северного об-ва. На допросе назвал известных ему членов об-ва, причислив к ним Грибоедова, Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина. Приговорен к лишению чинов, дворянства и ссылке рядовым в Кизляр. гарнизонный батальон.

Впоследствии Греч описал отношения О. и декабристов: «О...вселях и большой хлебосол, кормил и поил приятелей своих, не обращая внимания на их пустые речи, и полагался за то разжалованием в солдаты, с лишением дворян. достоинства» (Греч, с. 518—19). М. А. Бестужев свидетельствовал, что на приглашение участвовать в об-ве О. отвечал: «пожалейте меня, я хочу пожурить, пожить. Если будет удача, я весь ваш» («Восп. Бестужевых», с. 389).

В 1827 переведен «впредь до отличной выслуги» в действующую армию, в Нижегород. драгун. полк. Участвовал (1827—29) в рус.-перс. и рус.-тур. войнах; отличился храбростью при Джеван-Булаке (5 июля 1827), в янв. 1828 произведен в унтер-офицеры, в марте, возможно, без помощи Грибоедова, получил чин прапорщика (РИ, 1828, 22 марта, с. 307). Видимо, летом 1829 встречался с А. С. Пушкиным во время его поездки по Кавказу («приятель мой О***» — сказано в 1-й гл. «Путешествия в Арзрум»; в черновике было Ор...).

В 1832 по ходатайству свояка гсн.-адъютанта М. Е. Храповицкого уволен от службы, однако въезд в столицу был по-прежнему запрещен. В 1834 О. женился на воспитаннице отца Софье Крюковой (ранше, до 1825, браку препятствовало светское общество) и поселился в своем имении в Петергоф. уезде. С 1837 удачно занимался устройством крепостных. Своему опыту, как «и довольно бедных и неисправных людей — сделать зажиточных и исправных крестьян», О. посвятил ст. «Об устройстве оборочного имения». (Письмо к издателю) («Журнал землеуладельцев», 1858, № 2). В 1856 по манифесту об амнистии освобожден от всех ограничений, ему и детям (3 сына и 4 дочери) дарованы права потомств. дворянства. Последние годы жизни был тяжело болен.

Стихотворения О. печатались в кон. 10-х — нач. 20-х гг., однако до сих пор «не установлены его псевдонимы и буквенные подписи» (Аздовский М. К., Затерянные и утраченные произв. декабристов. — В его кн.: Страницы истории декабризма, т. 2, Иркутск, 1992, с. 221). Под своим именем напечатал в «Сыне отечества» в 1819 стих. «Прощание гусара» (№ 51), получившее хождение в списках как типичный образец альбомной поэзии (см.: «Собр. разн. стих. в 6-ти частях» — ИРЛИ, Р. II, оп. 1, д. 598, л. 10—10 об и альбом С. Д. Полторацкого — ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, д. 36, л. 374). Стихотворение имело биопр. подтекст (в 1819 О. оставил воен. службу), но в то же время стало выражением разочарования в жизни и томления по

деятельности, характерных для поколения 1812 («Я броню скинул, меч мой ржавит./ В бездельствии душа моя»). Прощаясь с гусар. молодостью, поэт обращался к однополчанам, в т. ч. к другу Алябьеву, к-рый вскоре положил стихи на музыку. В романсе (опубл. в февр. 1823) композитор подчеркнул интонации «гусар. лирики» (Штейнпресс Б. С., Страницы из жизни А. А. Алябьева, М., 1956, с. 52, 79—80, 91; с. 387—389 — ноты и слова романса).

Изд.: Прощание гусара. — В кн.: Поэзия и письма декабристов, Г. 1984.

Лит.: Васильчиков А. А. Семейство Разумовских, т. 1, СПб., 1880, с. 192; Восп. Бестужевых, М.—Л., 1951, с. 370—71 (и ук.); Архив Раевских, т. 1, СПб., 1908, с. 347—48, 355, 393—94; Восстание декабристов, III, 268, 329—330 (и ук.); XV (ук.); Пушкин. Современник, в. 2, М.—Л., 1936, с. 245—46; в. 6, М.—Л., 1941, с. 259; Грот К. Я., Пушкинский лицей, СПб., 1911, с. 40; Декабристы и тайные об-ва в России, М., 1906, с. 94, 114; Восп. и рассказы деятелей тайных об-в 1820-х гг., т. 1, М., 1931, с. 262, 270, 272—73, 276; Грибоедов в восп. (ук.); ЛН, т. 59 (ук., в т. ч. с. 224—25 — из показаний О. о Рылееве); Нечкина М. В., Грибоедов и декабристы, М., 1977 (ук.; о стих. — с. 301—02); Шеголев П. Е., Декабристы, М.—Л., 1926, с. 269; Пушкинский сб., т. 10, М., 1912, с. 427; Писатели-декабристы в восп. современников, т. 1—2, М., 1980 (ук.); Потто В. История 44-го Драгун. Нижегородского... полка, т. 3, СПб., 1894, с. 36, 41, 45; РС, 1882, № 8, с. 446; РС, 1892, № 11, с. 446—47; Всеволодская Л. В., Из глубины веков... Рассказ правнучки декабриста. — «Сов. культура», 1982, 7 дек.; Молева Н. М., Земля и годы. Из ист. хроники Москвы и Подмоскovie, М., 1990, с. 96—100; Эйделман Н. Я., Быть может, за хребтом Кавказа, М., 1990 (ук.); ЛН, т. 47/48, с. 94, 144—46, 278, 283; т. 60, кн. 1—2 (ук.). + Эймонтова (1, 2); Декабристы; Движение декабристов. Ук. лит-ры, 1977—92, М., 1994; Черейский.

Архивы: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1918 (асло-о наблюдении за О. 1847—54); д. 1919 (вдомости о состоянии под надзором полиции 1838); ЦИАМ, ф. 1280, оп. 8, д. 664, л. 117; оп. 1, д. 6, л. 374, 403, 422. Е. Е. Пастернак.

ОРЛОВ Александр Анфимович [1790 или 1791 (по др. сведениям — ок. 1787), с. Махра Александров. у. Владимир. наместничества — март 1840, Москва], автор соч. для читателей из полуобразов. и прстонар. среды. Сын пономаря, не имевшего фамилии, впоследствии ставшего священником. Воспитывался в семье деда (по матери), Н. А. Орлова, сел. священника, окончившего семинарию, к-рый был первым его учителем.

лем. В 1801—13 учился в сем. Троице-Сергиевой лавры (при определении взял фамилию деда); после окончания сдал экзамен на звание учителя франц. языка. Позднее с самоиронией вспоминал о юношеских честолюбивых мечтах, заставивших его отказаться от духовного звания («Моя жизнь...», ч. 1, с. 112—13). В 1814 О. поступил на словесное отд. Моск. ун-та. Крайняя бедность заставила его (видимо, в 1816) почти на год прервать занятия и уехать из Москвы дом. учителем в имение состоят. помещика. Окончил ун-т по этико-полит. отд. в 1821 со званием кандидата (ЦИАМ, ф. 418, оп. 118, л. 287). Нек-рое время служил мелким канц. служащим: с авг. 1820 — по 2-м деп. Моск. магистрата, в 1922 — в Моск. казенной и (с нач. 1823) уголовной палате 2-го деп. (руб. секр.). Уволен по прошению в 1826 (позднее получил чин коллеж. секр.). Давал частные уроки, жил лит. трудом.

Писать начал еще студентом: в 1819 подавал в цензуру рукопись «Смерть купца, или Нынешний свет в собств. его виде» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, л. 11, л. 70 об.), возвращенную «для исправления», в 1820 — «Смерть отца, или Наставник сыну. Соч. в стихах» (там же, оп. 1, д. 7 — сообщено А. И. Рейтблатом).

Первая публ. О. — «Лат. азбука» (М., 1824) — не выявлена (см.: Смирнов, 1910, с. 84). В 1827 выпустил эпич. поэму «Димитрий Донской, или Начало рос. величия», в 1828 — поэму «Александр Первый, или Поражение двадцати язык» (обе — М.), написанные тяжелым, архаич. языком. С 1830 печатает ориентированные преим. на традиции бытовой прозы 18 в. нравоописат. и сатирич. повести, снабжая их распространенными в нач. 1830-х гг. подзаголовками: «нравственно-сатирич. роман», «нравственно-повествоват. роман», «критич. роман», «нравоучит. роман», «аллегорич. повесть» — «Неколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова...» (ч. 1—3, М., 1830), «Верхоглядцы, приезжие за газетами, или Махнулы рукой, да и поехали домой», «Воронья перья, или Моск. самодурка», «Карты, разговаривающие с девицами, вдовичами, молодыми молодичами и со всеми лицами...» (все — М., 1831), «Чертовы ночи, или Новое не люблю не слушай, а лгать не мешай» (М., 1833), «Васильи Косые, или Оптическое путешествие по столам приказных» (М., 1834).

В общей сложности О. написал более 60 книг (перечень см.: Геннади), в сущности брошюр в 1—3 печатных листа, что породило не вполне оправданное мнение о его необычайной плодовитости (ОЗ, 1846,

№ 5, с. 94; Белинский, I, 82; РВ, 1871, № 11, с. 154).

О. изображает жизнь средних (купцы, мещане, мелкопоместные дворяне) и низших слоев общества, к-рым и было адресовано его творчество; среди читателей О. также образов. разночинцы, мастера, приказные, дворовые, грамотные оброчные крестьяне. В их среде его книги пользовались большой популярностью благодаря доступности, занимательности содержания, хорошему знанию быта моск. окраин и предметов, широкому введению в речь персонажей просторечия, рус. пословиц и поговорок. Кроме того, назидат., схематически выстроенные, варьирующие одни и те же темы и положения книжки О. были обращены к правосл. верованиям и обычаям, открыто осуждали пороки: невежество, пренебрежение к труду, тщеславие, страсть к наживе, взяточничество и др., что отвечало традиц. нар. представлениям и ценностям. Презрение к роскоши и тунеядству звучит также в обоих сб-ках стихотв. «Сатиры» (М., 1832, 1834), написанных в духе архаич. классицистской бытовой сатиры: «Не ставьте, богачи, своею честью злато./ Коль в голове у вас рассудка маловато./ И не гордитесь именем большим./ Нажитым не умом, а случаем слепым» («К богатому невежде»). Плебейской гордости в значит. степени проникнуты автобиогр. кн. «Моя жизнь, или Исповедь» (ч. 1—2, М., 1832) — рассказ о горькой судьбе разночинца, с трудом преодолевающего лестницу социальной иерархии.

Значит. резонанс, в т. ч. в известных лит. кругах, получил цикл повестей О., в к-рых пародийно использованы сюжетные линии романов Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин»: «Смерть Ивана Выжигина», «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина!...» (ч. 1—4), «Крестный отец Петра Выжигина...» (все — М., 1831), «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу» (М., 1832), «Федор Кривой, или Елисавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина» (ч. 1—3, М., 1832) и др. [одновременно с выходом булгаринских романов «Моск. вед.» (1831, 15 апр.) поместили объявление о подписке на пародийные повести О., перепечатанное «Лит. газ.» (1831, 11 мая)]. В них О. настойчиво развенчивал идею жизненной карьеры, разоблачая Ивана и Петра Выжигиных как авантюристов, способных для ее осуществления пренебречь любыми правилами чести и морали; сама фамилия «Выжигин» стала в соч. О. нарицательной.

Отцом «иззаконнорожденного» Ивана Выжигина О. (намекая на факты биографии Булгарина

на) объявил Ваньку Каина — грабителя, предателя и полиц. шпиона. Свою «Родословную Ивана Выжигина...» он завершил саркастич. фразой: «Лавровый венец бессмертия да возблестит на главе описателя деяний бессмертных Выжигина отца и сына» (ч. 4, с. 44). Рыскованость выступления О. против всеисильного журналиста усугублялась тем, что булгаринский «Выжигин» был подписан автором Николаю I — по ходатайству А. Х. Бенкендорфа (факт этот Булгарин не преминул осветить в «Сев. пчеле», 1831, 3 янв.).

В защиту Булгарина выступил Н. И. Греч (СО и СА, 1831, № 27). А. С. Пушкин опубл. памфлеты «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» («Телескоп», 1831, № 13), «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (там же, 1831, № 15), написанные от имени Феофилакта Косичкина, якобы друга О., и с использованием лит. манеры последнего. Успех булгаринских романов объяснялся в них «оборотливостью» беспринципного автора, противопоставленного простодушному О.

В письме Пушкину (не сохр.) О. благодарил его за поддержку. Распространено мнение, что О. не юнчал иронически-издательского смысла пушкинских памфлетов, выдержанных в тоне безукоризненной светской почитливости; но ирония Пушкина и не была рассчитана на воспринимчивость О., его человеческое достоинство и даже авт. самолюбие он не задевал. В ответном письме от кон. 1831 — нач. 1832 (ХV, 2) Пушкин рекомендовал О. прекратить полемизку с Булгариным (предвидя, вероятно, возможность смерти последнего), выразил намерение встретиться с ним в Москве (встреча не состоялась). Однако, судя по благодарств. письму О. к И. И. Дмитриеву (1831), он ранее уже встречался с Пушкиным и П. А. Вяземским («имел счастье быть от имени Вашего» у «достопочтеннейших особ»), а также с М. А. Дмитриевым (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 58777).

Имя О. широко использовалось в сниженно-полюемич. целях, прежде всего противниками Булгарина. Он сделался своего рода лит. персонажем, к-рому приписывали разл. абсурдные или претенциозные намерения: завершить «Историю рус. народа» Н. А. Полевого, поместить свой портрет в сб. «Сто рус. литераторов», издать собр. соч. (заметка в «Приб. к Вед. С.-Петербурга. гор. полиции», 1839, 13 сент.) и пр. Отрицат. отношение к нему распространилось и в части среднего чиновничества и офицерства, что нашло отражение в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект»: как и др. представители «среднего класса» петерб. общества, поручик Пирогов «хвалит Булгарина, Пушкина и Греча и говорит с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове» (Гоголь, III, 35; см. также: X, 203—05 — об умении О. «изъяснять» с «черныш»).

Критика отзывалась о произв. О. неизменно иронически-пренебрежительно [СП, 1831, 8 сент. (здесь Булгарин объявил О. «блаженным»), 1834, 15 янв.; «Вяземский» — ЛГ, 1830, 11 апр., 23 окт.; «Н. И. Надеждин» — «Молва», 1832, 11 марта; П. Станц... — ЛПРИ, 1832, 2 марта (с библиогр. списком соч. О.); 1834, 26 дек.], отождествляя его с такими

«сочинителями Толкучего рынка», как И. Н. Глухарёв, И. Г. Гурьянов, Н. И. Зряхов, Ф. С. Кузмищев, В. Ф. Потапов, Д. И. Сигов и др., причем имя О. неизменно возглавляло этот ряд. У В. Г. Белинского, напр., оно стало нарицательным для определения «неистощимой» моск. «школы» низовых литераторов. Надеждин в обширной статье иронически уравнивал «достоинства» соч. Булгарина и антибулгаринских произв. О., хотя и находил в них элементы народности («Телескоп», 1831, № 9; 1836, № 2, с. 255). (Отнюдь не чуждый лит. амбиций, О. нередко включал в свои произв. полемич. выпады против своих оппонентов.) Насмешливая «защита» О. «Моск. телеграфом» тем не менее объясняла (от имени книгопродавца) реальные причины его успеха: соч. О., пишущего «понятно» для тех, кто «учился на медные деньги», имеют «большое преимущество перед „Милордом Георгом“ и „Совестралом“...». т. к. в них описывается «близкое, знакомое читателям, свое... сверх того, всегда осмеивается в них порок, добродетель хвалится, добрые награждены» (МТ, 1831, № 5, с. 106—07). К 1838 Белинский нашел для О. место в лит. иерархии: «Как не правы люди, которые некогда истощали свое остроумие над романами А. А. Орлова: у него своя публика, которая находила в его произведениях то, чего искала и требовала для себя, и в известной литературной сфере он один, между множеством, пользовался истинною славою, заслуженным авторитетом» (П, 552; см. также отзыв проф. философа В. С. Порошина: СПбВед, 1848, 20 марта). По свидетельству книгопродавца И. Т. Лисёнова, И. А. Крылов отзывался в произв. О. меткие слова и выражения (из разг. речи простого народа), прибаутки, используя их затем при написании басен (см. в кн.: Мат-лы для истории рус. книжной торговли, СПб., 1879, с. 66—67).

Легенда об О. как недоучившемся семинаристе, созданная рецензентами «Св. пчелы» и прежде всего его лит. врагом Булгариным (см., напр.: СП, 1831, 26 февр., 11 сент.; 1840, 5 июня), нашедшая отражение в статьях др. критиков 1830-х гг. и укрепившаяся в истории лит-ры, не подтверждается фактами: окончив полный курс в Моск. ун-те, О. слушал лекции на словесном, этико-полит. и физико-матем. отделении (Корнеев, с. 245—46); следы полученного образования (эпиграфы, цитаты из древних авторов) можно видеть и в творчестве О.: в «Сатирях», напр., он прибегал к форме рондо.

Всю жизнь О. чрезвычайно бедствовал, хотя на издании его произв. наживались книгопродавцы. Не имея возможности издать написанное за свой счет, вынужден был искать меценатов или продавать рукописи книгопродавцам в полную их собственность. «Не на что купить пера, чернил и бумаги», — писал он в 1831, видимо, И. И. Дмитриеву, пред-

сказывая свою судьбу: «Орлов умер в нищете! И был — Олицетворенная Нищета!» — сказал он о себе в 3-м лице (цит. по кн.: Шляпкин, с. 154, 155). Не последнюю роль в этом сыграл распространенный порок — О. пил «горькую».

Стремление правдою, хотя и бесхитростно изобразить жизнь «низших сословий», содержащиеся в произв. О. картины социальной несправедливости привлекли к ним внимание Гл. управления цензуры: мин. нар. просв. К. А. Ливена, а затем и лично С. С. Уварова, запрещающего к изд. в 1834—35 рукописи О. «Союз трех братьев: голода, холода и во всем недостатка». Уваров, по представлению М. Т. Каченовского (указывавшего, в частности, на «дурной способ изложения мыслей» автора — РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 726), предиславил впрямь «не позволять к печатанию соч. О., которые по содержанию и направлению своему могут иметь вредное влияние на низший класс читателей» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 97, 101), после чего Моск. ценз. к-том были запрещены «Сказка о безносом купце», «Большой купец на одре смертном, или Старообрядческие опекуны. Нап. рос. сатирич. поэма» (с измененным назв. рукописи 1829), «Дядя Влас на пепелище своего постылого двора», «Ничем недовольные», а также «Диво чудное, чудо чудное» (подписи А. Орл.), «Сказка о чудесном царевиче Карусаме» (подписи А. О.) (там же и РГИА). В пространном письме-прошении Уварову (май, 1835) О., отводя обвинение в неблагодарности «Большого купца...», разъясняет министру, что он, О., в отличие от бесполезных «строгих мер» правительства, «преследовал» раскольников «сатирико», а это скорее «доводит законных до Истины» (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 794, л. 3).

С 1835 интенсивная творч. деятельность О. почти полностью прекращается. Меняется и характер изредка издаваемых его произведений.

В осн. это описат. соч. или «стихи на случай»: «Панорама Москвы и ее окрестности...» (М., 1836), «Гетронч. песня» «Помершающая луна, или Покорение Бранлова» (М., 1837; цр. 1830), стих. «Радостная встреча Нового 1839 г., благодарствующим Россиянам» (М., 1839), «С радостными чувствами благоговения, жданный 1840 г.» (М., 1840), «Торжественное заложение Св. храма во имя Христа Спасителя...» (М., 1840).

Уничтожающие отзывы критики, маргинальное место в «большой» лит-ре, вынужденный спад лит. активности во многом определили трагизм личной и лит. судьбы О., умершего в «нищете и болезни» в Маринской больнице для бедных (ЛГ, 1840, 15 мая).

«Удаление от порока» своего престонар. читателя, доставление ему «развлечения», распространение в этой среде охоты к чтению (О. неоднократно наблюдал, как лавочник или сапожник «любуется сам собою, что он чтец, видя пред собою слушателей» и т. о. «вперяет им охоту учиться грамоте» — РГИА, л. 1, из указ. выше письма-прошения Уварову) — так осознал свою лит. миссию О., один из главных поставщиков лит. продукции для народа.

Др. произв.: «Зеваки на Макарьевской ярмарке...» (М., 1831), «Тафтяное платье, или Измятая кофточка, Преображенские лентошницы» (М., 1831), «Дунычка, московская междуумочка» (М., 1831), «Четыре сестры невесты, или Крестьянки в господах» (М., 1832), «Серебряный рубль,

или Трое моск. купцов...» (М., 1833), «Тажба купцов Продувалы и Облизалы, или Стряпчий Труболет...» (М., 1834), «Новейшая лат. азбука...» (М., 1833), «Искатель невест по сердцу, или Свахины предложения» (М., 1839).

Лит.: Пушкин; Белинский; Чернышевский (все — ук.); Слово В. О. и его соч. — «Петербург. вест.», 1862, № 4; Бестужев-Марлинский А. А. ПСС, ч. 11, СПб., 1838, с. 320—21; Петерб. сторожил В. Б. (Бурнашев В. П.), Моск. знакомство с Восковым в 1830 г. ... — РВ, 1871, № 11, с. 154; Подляев. Мат-лы (ук.); «Старина и новизна», кн. 2, СПб., 1898, с. 167, 179, 244; Венгеров С. А., К характеристике О. — «Лит. вест.», 1901, т. 1, кн. 3, с. 284—90; его же, Прим. — В кн.: Белинский В. Г., ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 494—99; Смирнов А. В., А. А. Орлов. (Мат-лы для его биографии). — «Лит. вест.», 1901, т. 1, кн. 3, с. 291—94; его же, А. А. Орлов. — В его кн.: Уроженцы и деятели Владимир. губ. в. 4, Владимир, 1910, с. 70—97; Шляпкин И. А., Из неизд. бумаг А. С. Пушкина, СПб., 1903, с. 154—58; Сакулин П. Н., Рус. лит-ра, ч. 2, М., 1929, с. 184—87; Цейтлин А. Г., Рус. лит-ра первой пол. XIX в., М., 1940, с. 296—97; Пушкин. Временник, т. 6, М.—Л., 1941 (ст. В. В. Гиппиус); Азадовский М. К., История рус. фольклористики, [т. 1], М., 1958, с. 241—42; Смирнов-Солдатовский Н. П., Моя б-ка, т. 1, М., 1969, с. 372—73; Пушкин. Иссл., III, 433—35 (ст. В. Б. Сандомирской); Языков Н. М., Соч., Л., 1982, с. 347—48; Корнеев А. В., Оправаданный Александр Орлов. — В кн.: Встречи с книгой, в. 2, М., 1984, с. 241—70; его же, Быт-писатель Москвы 1830-х гг. А. А. Орлов. — В кн.: Красавцы Москвы, [в. 2], М., 1995; Березкина С. В. О. и антибулгарин. борьба 1830—1833 гг. — Пушкин. Временник, в. 21, Л., 1987; Колганова А. А., Вослед чужому гению, М., 1989, с. 20—21; Державина О. А., Древняя Русь в рус. лит-ре XIX в., М., 1990, с. 84—87; Рейтблат А. И., А. А. Орлов. Нравств.-сатирич. повести. — НЛО, 1996, № 22; ЛН, т. 19/21, с. 47—48, 78; т. 55, с. 303—04. + (Булгарин) — СП, 1840, 5 июня; Геннадий; РБС; Брокгауз; ЛЭ; Черескский; Рус. анонимные и подписанные псевдонимом произв. печати. (1801—1926 гг.). Библ. ук., в. 2—3, Л., 1976—79; Рус. фольклор. 1800—1855.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418 (Моск. ун-т), оп. 110, д. 167, оп. 118, д. 287; ф. 31 (Моск. ценз. к-та), оп. 5, д. 97 и 101 (вкл. неопубл. произв. О., поданные в цензуру); РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1826 г., д. 142 (ф. с. 1826 г.); ф. 772, оп. 1, д. 669 (список соч. О., представл. к цензуре, в т. ч. опубл.) [справка И. И. Варсковой]; ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, № 49 (письмо О. к С. Т. Аксакову от 1831); РНБ, ф. 291, оп. 1, № 124, л. 1—2 (письма М. Н. Загоскину); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, д. 1187а (из восп. И. И. Дмитриева об О. — сообщено С. И. Пановым); РГБ, ф. 178, к. 4, № 1 (два письма И. И. Дмитриеву от 1836 со стихотв. поздравлениями).

А. В. Корнеев.

ОРЛОВ Василий Иванович [26.12.1791 (6.1.1792; в др. источниках ошибочно — 1797), Москва — 23.2 (6.3).1860, Петербург, похоронен на Митрофаньевском кладб.], переводчик, поэт, драматург, прозаик. Из бедной семьи, отец — дьячок Покровского (Василия Блаженного) собора. С 1801 по 1814 обучался в семинарии при Моск. духовной акад., потом в самой акад., после ее преобразования — в Перервинской сем. В 1814 состоялся лит. дебют О.: стих. «Гимн Всемогущему, Вседоброму», «К юности», помещенные в «Друге юности» (1814, № 2, 4; ср. текстуальные совпадения с более поздними произв.: стих. «Жизнь» —

«СО и СА», 1829, № 1; ода «**Чувство бессмертия**» — ВЕ, 1825, № 1). В нояб. 1815 из высшего, богослов. класса О. поступает на моск. отд. Медико-хирургич. акад. (зачислен на казенный кошт летом 1816). В числе лучших выпускников в 1819 определен на службу в л.-гв. Конно-Егерский полк (с 1822 мл. лекарь, с переводом в л.-гв. Гусарский полк — штаб-лекарь), участвует в «итальянском походе» (1821).

С удачным началом карьеры возобновляются лит. опыты О.: первые пер. из Горация: «К корыстолюбцу» (кн. 3, ода 24 — ВЕ, 1824, № 20) и «К Септимию» (кн. 2, ода 6 — там же), регулярные выступления в пестерб. и моск. ж-лах [«Новости лит-ры» (1824, № 11, 12; 1825, № 3, 9, 12), «Вест. Европы» (1824—25), «Моск. телеграф» (1826—29), «Моск. вест.» (1828, № 23/24), эпизодически — в «Славянине» (1827, № 44; 1828, № 10), «Сыне отечества и Сев. Архиве» (1829, № 1; 1830, № 15)] и альманахах [«Нев. альм. на 1829 г.» (СПб., 1828), «Нев. альм. на 1833 г.», «Царское село... на 1830 г.» (СПб., 1829)]. Ок. трети этих публикаций составляют переводы из Горация, остальные — ориг. стих. разных жанров: дружеское послание [«К друзьям (В. Л. и М. Л. Кожевниковым)» — ВЕ, 1825, № 4] соседствует с одой, унылая элегия («Осень» — НЛ, 1825, № 3) — с басней («Ворона и овца» — ВЕ, 1825, № 4) и т. д. Значит. пласт стихов — в духе легкой горацианской поэзии с ее культом умеренности («Пей жизни веселье не полною чашей! Оставь и желаний и силы на старость» — «К Лелию» — ВЕ, 1824, № 21), спокойных трудов («Злато» — МТ, 1828, № 16) и земных радостей («К Вакху» — МТ, 1826, № 15). В числе лит. авторитетов помимо Горация — Дж. Байрон («В альбом В. И. Ор(ма)новой» — «Гирлянда», 1831, № 9; «К ней» — МТ, 1829, № 19) и Г. Р. Державин («Весна. К***» — ВЕ, 1825, № 7; «Чувство бессмертия»). О. пестроте лит. ориентаций О. свидетельствует и стих. «К Валерии» (МТ, 1826, № 13) — характерный образец романт. понимания иск-ва. Нек-рые стих. О. несут печать дидактизма и отвлеч. гражданственности: аполог «Волга» (МТ, 1826, № 8), «К римлянам», «К Эрмию. Гимн грека» (МТ, 1826, № 5, 11), «К России» (ВЕ, 1825, № 23/24).

О. много практикует: сверх осн. должности состоит лекарем при штабе Отдельного корпуса внутр. стражи (1826—32 — РГИА) и считается модным доктором. В нач. 1828 полковой штаб-лекарь (с 1826 коллеж. ас.), но уже месяц спустя, при начале подготовки к рус.-тур. войне 1828—29, переводится в С.-Петерб. арт. госпиталь, командирован в Со-

фийский лазарет (там же, 1828—29; с 1830 ст. лекарь). Нек-рое время был сослуживцем С. А. Раевского, друга М. Ю. Лермонтова (интересовался распространявшимися в рукописи стих. «Смерть поэта»), в кон. 1830-х гг. был знаком с Н. А. Полевым.

В 1830 выходит кн. О. «Опыт перевода горациевых од» (СПб.) — с параллельным текстом на латыни и обширными прим. Из 90 од и эподов Горация О. перевел 37, частью — размером подлинника (наименее удачные переводы), частью — 4-стопным ямбом, хорошо передающим горацианскую легкость и лаконичность. К недостаткам перевода можно отнести замену рим. богов персонажами греч. пантеона («Я праздную день Афродиты» — кн. 4, ода 11) и употребление явных русизмов («В брачном скроше ль тереме?» — кн. 1, ода 15).

«...Я старался всегда постигнуть дух пизмы и передать ее, сколько можно, ближе к внутреннему смыслу подлинника» (из авт. предисловия, с. 1). «Опыт... заслужил одобрит. отклики критики. «Г-ну Орлову принадлежит та честь, что он первый понял, как должно перевести Горация» (МТ, 1830, № 15, с. 382; б. п.). Н. И. Надседин (посвятивший О. большую ст. — МВ, 1830, № 14/16, с. 254—94) отметил, что переводы, хотя и уступают переводам И. И. Дмитриева и А. Ф. Мерзлякова, но все же «многие оды передали... верно, благородно и сильно» (с. 293). А. А. Дельвинг, признав в О. «талант поэтический», отнес его к ряду рус. переводчиков Горация, не забывшихся «об удержании образа» источника своего одушевления (ЛГ, 1830, б. ма: аналогичная оценка О. М. Сомова — «СЛ на 1831 г.», СПб., 1830, с. 49).

Тогда же О. пробует себя в прозе: «Кошмар, или Домовой давит» («НА на 1831 г.», — шутливая зарисовка совр. нравов с описанием психич. расстройств. Стихотворения же его появляются в печати все реже.

В нач. 1833 О. выходит в отставку (с чином надв. сов.) и со своим пациентом камер-юнкером В. Д. Соломирским отправляется в Казань в качестве дом. врача, а с сент. 1834 ок. двух лет управляет заводами и ведет дела Соломирских. В 1836, прожив нек-рое время в Москве, возвращается в Петербург. В течение пяти лет нигде не служит, занят огромным — ок. 1000 рукоп. листов — исследованием по сифилису (подг. к печати в 1842, но не издано). В это время создает б. ч. своих пьес — О. был увлечен театром с нач. 30-х гг.

В 1833 поставлен его первый водевиль «Подмосковные проказы, или Худой мир лучше доброй ссоры» (Музей Малого т-ра; СПб ГТБ), игравший с неизменным успехом в обеих столицах и в провинции (см.: Вольф; ИРДТ). Еще большую известность принесла комедия-водевиль «Гусарская стоянка, или Плата тою же монетой» (написана специально для В. Н. Асенковой; пост. 1835 под назв. «Гусарская стоянка, или Еще подмосковные проказы»; опубл.: СПб., 1836), составляющая

продолжение «Подмосковных проказ...» с привнесением сцен из гусарского быта (вероятно, отразились впечатления О. от «итальянского похода»). Водевиль О., как переводные, так и оригинальные, построены либо на комизме ситуации, либо на многочисл. каламбурах («А во-вторых, совсем без дела/ Мы разделили жен чужих./ А мастер дела без раздела/ Разделался за нас двоих!» — «Гусарская стоянка», д. 1, явл. 21) (позднейшие разноречивые оценки см.: А. И. Храповицкий — РС, 1879, № 2, с. 346; Максимов Г. М., Свет и тени Петерб. драм. труппы..., СПб., 1878, с. 45, прим.).

Новые комедии О. для Александрин. и Малого т-ров шли с меньшим успехом: «Разночинцы» (пост. 1838), «Роковая почта, или Конец подмосковным проказам» — с элементами нравств. дидактики (пост. 1839; опубл.: «Репертуар рус. театра», 1839, кн. 9) и др. Из переводных пьес выделяется пер. «Скупого» Мольера, сделанный О. в 1842 для актера Александрин. т-ра А. Е. Мартьянова (пост. 1 янв. 1843; в некрологе в «Мед. вест.» неверно указано, что этот пер. выполнен для бенефиса М. С. Шепкина 31 марта 1843; Шепкин играл Гарпагона в пьесе, переведенной К. С. Аскаковым).

Популярность первых водевилей О., а равно и исходу его последующих соч. и переделок с франц. (перечень см.: ИРДТ) в значит. степени можно объяснить перемены во вкусах театральной публики. На смену водевилу интриги, царившему на подмостках 30-х гг., явился более изысканный водевиль характеров, и О. с его пьесами, «перевёрстанными на рус. нравы» (Ф. А. Кони — «Пантгон», 1850, кн. 1, отд. VII, с. 34; см. также: Вл. Чуйко) — ОЗ, 1850, № 1), несправедливыми или излишне запутанными «нравоподобными» положениями (напр., «Аптекарь, или Живая мумия», пост. 1849), стал скучен.

С нач. 40-х гг. О. перестает печататься; последнее опубл. соч. — пов. «Нервня. Из зап. рус. врача» (СО, 1839, т. 10), занимает любовное повествование из купеч. быта. Театральные пост. почти не приносят дохода, он снова вступает в службу во 2-й военно-сухопутный госпиталь (1843), прослужив перед тем ок. двух лет — с сент. 1842 по окт. 1844 — безвозмездно в дирекции имп. С.-Петерб. театров врачом при рус. драм. труппе. С нач. 1844 О. — ст. ординатор госпиталя (числился до конца жизни) и зав. сифилитич. отд., затем — отд. душевных болезней; часто разъезжает по России (по заданию Деп. воен. поселений). В 1848 находится в распоряжении гл. управляющего путями сообщений — для лечения холеры в Тихвине (год спустя готовит к печати пер. с франц. трактата Ж. К. А. Рекамье «Наставление, как поступать при лечении азиатской холеры», не издано). В чине коллеж. сов. (1849) и в должности инспектора фельдшерской школы при госпитале (с кон. 1850) О. завершает свою

служебную карьеру. Пытается сочинять новую комедию «Чинобесие», но не оканчивает, а в 1855, уже тяжело больной, переводит с франц. водевилей «Благотельная фея, или Маленький волшебник» (не сохр.).

Др. произв. Пер. с франц. трагедия О. П. И. Полиньяра «О кровопусканиях» (СПб., 1833).

Опубликованные в ж. «Благонамеренный» стихи за подписью В. Орлова. Новгорода (послания «К С...», «П. И. Н.», с. улюминанием Э. Юнга и С. Геспера, — стилизация рус. нар. стиха, элегия «К надежде», басня «Жаворонок и Ястреб» — 1820, № 3, 19, 7, 11) принадлежат анонимизации О.

Изд. [Стих.]. — В сб.: «Собрание новых рус. стих., вышедших в свет с 1823 по 1825 г.», ч. 2, СПб., 1826.

Лит. Белинский (ук.); Вольф, ч. 1, с. 35, 101, 127; ч. 2, с. 29, 68, 89, 97, 99, 108, 118, 134—35, 151, 153, 162—63, 173; Польской К., Записки..., СПб., 1888, с. 390—91; Зотов В. (Р.), Петербург в сороковых гг.: ... — ИВ, 1890, № 1, с. 43; Куликов Н. И., Театральные восп. — РС, 1892, № 8, с. 474; его же, Дневник режиссера. — «Б-жа ТИИ», 1913, кн. 6, с. 9; Бертенсон С., Страница театрального прошлого. — «Рус. библиофил», 1916, № 7, с. 16, 17 (фрагменты из дневника В. Д. Филоосова); Шуберт А. И., Моя жизнь, Л., 1929, с. 122; Дельви́г А. А., Соч., Л., 1986, с. 233—34. + Некрологи: «Мед. вест.», 1861, № 17/19 (М. Л. Михайлов?; подпись Х.). Месцеслов на 1861 г., СПб., [1860], прил., с. 109; 3 месев (ряд неточностей); История нип. Военно-мед. акад. за сто лет, СПб., 1898, с. 229, прил., с. 221; Смирнов-Сокольский (ошибочно атрибутировано стих. «Работы, работы...», опубл. в сб. «Складчина», СПб., 1874, принадлежавшее Вл. Иа. Орлову, поэту и театральному критику 1870—80-х гг.); ПНскр.; РБС; ИРДТ, т. 3, 4; Лерм. энц.; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 233 (С. Д. Полторацкий), п. 60, к. 7, л. 8; ЦИАМ, ф. 433, оп. 39, д. 44, 196; оп. 40, а. 73, 58; оп. 38, а. 158 (студенч. док-ты); РГИА, ф. 497, оп. 1, д. 8931 (дело о службе до 1849 г., с указанием 1797 года рожд., л. 3) (справка С. И. Вареховой); Музей Машино-г-ра, ф. 727, оп. 11, № 2345; СПб ГТБ (рукописи писем в т. ч. пензенных).

А. Ю. Ендюкин.

ОРЛОВ Михаил Фёдорович [25.3 (5.4).1788, Москва — 19(31).3.1842, там же; похоронен на Новодевичьем кладб.], полит. и воен. писатель, мемуарист, экономист; видный деятель тайных обществ 1810—20-х гг. Внебрачный сын гр. Ф. Г. Орлова (1741—96), сумевшего передать герб, фамилию (без графского титула) и состояние своим семерым детям, узаконенным Указом Екатерины II от 27 апр. 1796. Был первым учеником в привилегир. петерб. иезуитском пансионе аббата Николая, где учился в 1796—1805 [(?)]; по документам, лишь до весны 1801; ср.: Кочубей] вместе с А. Х. и К. Х. Бенкендорфами, кн. С. Г. Волконским, кн. П. С. Голицыным, Д. В. Кочубеем, гр. Г. П. Потёмкиным (все предместия преподавались на франц. яз.). В 1801 записан юнкером в Коллегию иностр. дел, в 1805 вступил в службу эстандарт-юнкером в л.-гв. Кавалергард. полк (участвовал в русско-франц. войнах 1805 и 1806—07; сражениях при Аустерлице, Фридланде; в 1806 — «за отличие» — корнет; в 1808 поручик). Интересовался вопросами гос. устройства

(возможно, ему принадлежит «Проект представления» — записка о необходимости реформ в России от 25 авг. 1808; фрагменты см.: Дружинин, с. 257—59). В 1810 назначен адъютантом к кн. П. М. Волконскому. О. «уже тогда стал во главе и мыслящей и светской молодежи» (Волконский, с. 362). Во время Отеч. войны 1812 и заграничных походов рус. армии 1813—14 выполнил немало ответств. военно-дипл. и разведыват. поручений высшего командования; по итогам первого из них (см. отчет О. о посещении пл. квартиры франц. армии в июне 1812 — Тартаковский, 1962; там же франц. подлинник) стал штабс-ротмистром с определением флигель-адъютантом к Александру I (2 июля); участвовал в сражениях

(Смоленск, Бородино, Верея, Малоярославец, Красное, Дрезден, Мерзебург, Лейпциг, Труа), был награжден; воевал во главе отд. партизан. отряда на территории Германии. По поручению императора 18 марта 1814 заключил договор о сдаче франц. столицы (описано в единств. дошедшем до нас отрывке из его воен. мемуаров, опубл. посм.: «Капитуляция Парижа», УЗ, СПб., 1843; датировку и историю текста см.: Тартаковский), окончив войну одним из самых молодых в рус. армии генерал-майоров (с назначением в свиту императора). Современникам запомнилась самостоятельность мыслей и поведения (даже в отступление от высочайших инструкций), проявленная О. в 1814 во время дипл. миссии в Швеции, Дании и Норвегии (Тургенев Н. И., Россия и русские, т. 1, М., 1915, с. 38; донесения О. см. в рус. пер.: Семеновский, с. 660—62).

Ненадолго вернувшись в Россию (осень 1814 — июнь 1815), О., совм. с М. А. Дмитриевым-Мамоновым, занялся созданием конспиративной ти-

раноборч. орг-ции «Орден Рус. Рыцарей» [о программе, требующей ограничения самовластия и отмены рабства, можно отчасти судить по «Пунктам преподаваемого во Внутреннем Ордене учения», написанному, по-видимому, обоими основателями, — см.: Из писем и показаний декабристов, СПб., 1906 (под ред. А. К. Бороздина), с. 145—48; ср.: Семеновский, с. 386—87, 392—95; Павлова, с. 30—33; «книга жизни Ордена», как Дмитриев-Мамонов называл обширный ист. очерк мировых полит. систем, над к-рым работал О., не сохранилась — см.: Азадовский, 1992, с. 17]. Одновременно О. предпринимал и легальные попытки изменить ситуацию в стране — составил адрес к Александру I (подпис., в частности, И. В. Васильчиковым, гр. М. С. Воронцовым и Д. Н. Блудовым) о необходимости уничтожить крепостное право (текст пока не обнаружен). С февр. 1817 в Петербурге. Ознакомил Н. И. Тургенева (с к-рым очень тесно сблизился во Франции, где находился на должности нач. штаба 7-го пех. корпуса в 1815—16) со своим проектом политической масонства (не сохранился, см.: Семеновский, с. 407—08), договаривался с Ал-др. Н. Муравьевым о взаимодействии «Ордена...» с «Союзом Спасения», стремился радикализировать «Арзамас», на заседаниях к-рого радел о расширении и обществ.-полит. переориентации лит. об-ва, учреждении его журнала (темы, избранные О. для своих статей, см.: Азадовский, 1992, с. 47—48; перу О. не принадлежит ранее приписывавшиеся ему «Законы Арзамас. Об-ва Безвестных Людей»; их автор — Блудов, см.: «Арзамас», кн. 1, с. 593; там же на с. 405—408 — текст вступит. речи О., произнесенной 22 апр.).

Переведенный вследствие охлаждения к нему Александра I в авг. 1817 нач. штаба 4-го пех. корпуса (под командованием Н. Н. Раевского) в Киев, О., в соответствии с программными установками «Союза Благоденствия» (официально вступил в 1818 сразу чл. Коренного совета), занялся местной школой по системе взаимного обучения Дж. Ланкастера. Благодаря его усилиям (в т. ч. денежному) число обучающихся выросло с 40 до 1800; О. писал учебник грамматики (не сохранился), составлял (см.: Базанов, с. 22—25) для обучения читанно литограф. таблицы с политически заостр. текстами (в 1820 уничтожены правительством), надеялся, что «ланкастерская методика» «в отечестве нашем будет называться некогда орловской методой» (письмо П. Д. Киселеву от 23 июля 1819 — в кн.: Заблоцкий-Десятовский А. П., Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1, СПб., 1882,

с. 224). В авг. 1819 выступил в местном отд. Библиейского об-ва с полувывешенной известностью речью, обличающей мракобесие и крепостничество (опубл. 1891). В письмах друзьям О. излагал свои ист. взгляды: П. А. Вяземскому (май, июль 1818; опубл. 1954) — с жесткой (несмотря на свою прочную друж. укорененность в карамзинском лит. кругу) критикой «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (не соглашаясь с норманнской концепцией, утверждал высокую ист. роль славянства); воен. историку Д. П. Бутурлину (1819, 1820; широко распространялись в списках; полн. опубл. в 1928) — с осуждением крепостного рабства и утверждением, что «историк не может быть историком, ежели он не имеет хороших сведений о полит. экономии» («Капитуляция Парижа...», 1963, с. 61; далее при ссылках на эту книгу — Изд. 1963).

В 1820 хлопотами своего друга Киселёва О. был назначен командиром 16-й пех. дивизии, переехал в Кишинёв, став, наконец, «настоящим начальником»: «У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казачьих. С этим можно пошутить» (письма А. Н. Раевскому — Изд. 1963, с. 223, 225). Приступив к налаживанию обучения солдат (сохранившиеся материалы см.: Иовва, 1975, с. 82—94), завоевал их безграничное доверие ограждающими от офицерской жестокости красноречивыми приказами по дивизии (нек-рые тексты см. в Изд. 1963). Пост. участниками полит. споров в доме О. наряду с деятелями возглавленной им кишинев. управы Тайного об-ва (В. Ф. Раевский, К. А. Охотников, П. С. Пушкин) были И. П. Липранди и знакомый О. еще по Петербургу А. С. Пушкин.

На моск. съезд «Союза Благодетства» в янв. 1821 О. привез яркую программу («писанные условия») дальнейших действий (не сохранилась), где предполагалось, в частности, завести тайную типографию для агитац.-пропагандист. лит.-ры. Тогда же он, как видно из доноса М. К. Грибовского, «ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению» [Декабристы. Сб. отрывков из источников (сост. Ю. Г. Оксман), М.—Л., 1926, с. 114], но уже в февр. 1822 был, после ареста В. Раевского, фактически (офиц. — с апр. 1823) отстранен от командования с назначением состоять по армии.

Находясь в отставке, жил в наследном с. Миятине с крепостным хрустальным заводом (Мосальского у. Калуж. губ.); в с. Болтышке Чигирин. у. Киев. губ. [имение тестя; с 15 мая 1821 женат на дочери Н. Н. Раевского Екатерине (1797—1885); дети: Анна; Николай (1822—86), ав-

тор мемуарных заметок об отце в «Рус. старине» (1872, № 5), соученик Я. П. Полонского по Моск. ун-ту]; в Крыму, в имении А. Л. и В. Л. Давыдовых Каменка; в Москве; в Одессе; занимался «все время химией и сочинением новой системы финансов» (Восстание декабристов, т. 3, с. 141; из показаний П. А. Муханова); опубл. воспевающую храбрость покорителя Бендера в 1770 ст. «Подвиг полковника Миллера» (ОЗ, 1823, ч. 14, № 38, б. п.) и исполненные тонкого филол. сарказма «Замечания на перевод статьи „Краткое Обзорение Военной Истории со времен Людовика XIV до наших времен и разбор нек-рых новейших сочинений, в особенности Описания похода 1809 года гг. Александра, Де ла-Борда и Пелета и Истории войны 1812 года генерала Бутурлина“» («Благ.», 1825, ч. 29, № 10, подп. М. О.), наконец печатно продемонстрировавшие и рус. читателю энергию и силу орлов. слога.

Печатным дебютом О., очевидно, являлась распространённая в янв. 1813 листовка с опровержением мифа о решающей роли «генерала-мороза» в поражении французов «*Reflexions sur le 29-me Bulletin par un militaire Russe*» («Размышления рус. военного о 29-м бюллетене»; рус. пер.: ВЕ, 1813, № 7; испривод. пер. см.: Тартаковский И. 1958), затем следовали не размысленный пока агитационно-политический памфлет, напечат. на франц. яз. в 1814 во Франкфурте-на-Майне (см.: Изд. 1963, с. 273), и письмо кон. 1814 к Жозефу де Местру о кн. «Рассуждения о Франции» (опубл. в кн.: Joseph de Maistre. *Considérations sur la France*, P., 1821; рус. пер.: Изд. 1963).

Прекрасно зная и тонко оценивая произв. изящной словесности, собств. лит. усилия О. старался ограничивать рамками своей служ., полит. и научной деятельности. Главное для него — «дельность», практическая применимость текста. В 1-й четв. века О. тесно контактировал с людьми, принимающими решения: государь («ни с кем ему не случилось так либерализироваться, как с императором Александром Павловичем» — РА, 1910, № 12, с. 685), М. Б. Барклай-де-Толли, М. И. Кутузов, Киселёв, создатели и руководители тайных об-в, законодатели лит. моды, входившие в «Арзамас». Это определяло отсутствие интереса к тиражированию своих суждений — записка, поданная царю, сулила больший практич. эффект, чем напечатанная объемистая книга, увещевание в частном письме к П. Вяземскому («Займися прозою, вот чего не достает у нас. Стихов уже довольно ... Пора предпринимать образование словесности нашей в большом виде, в философич. смысле, строгими соч. или полезными переводами», Изд. 1963, с. 234; ср. сведения о недошедшем до нас проекте об-ва для перевода книг полезных иностранных на рус. яз. — в кн.: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, М.—Л., 1936, с. 301) могло,

по мнению О., сильнее повлиять на пути развития отеч. лит.-ры, чем опубл. эстетич. трактат. И высокое служебное положение, и ощущение в себе потенций крупного гос. деятеля препятствовали проставлению полной подписи даже в тех нечастых (несмотря на постоянно декларируемое желание издавать обществ.-полит. журнал) случаях, когда О. решался выступить в «открытой» печати; после 14 дек. 1825 это стало уже невозможно. Все это весьма осложнило работу исследователей творчества О., занятых не столько пополнением корпуса его соч., сколько уточнением списка утраченного.

21 дек. 1825 О., на к-рого заговорщики возлагали большие надежды по части воен. руководства, был арестован в Москве (первым из моск. декабристов), находился в Петропавлов. крепости до 16 июня 1826, после чего отправлен с фельдъегерем в Милитарию под «бдительный тайный надзор». Незаслуженной мягкостью наказания О. был всецело обязан брату Алексею, отличившемуся при подавлении восстания (впоследствии графу, шефу жандармов), выпросившему эту милость у Николая I (разделявшего мнение вел. кн. Константина Павловича о том, что О. следовало бы предать повешению). Деревен. однообразие — чтение, работа над кредитно-финанс. сочинениями, занятия по убыточной фабрике цветного стекла (восхищ. отзывы о продукции и химич. открытиях О. см.: ОЗ, 1829, № 112, с. 297; СПбВед., 1833, 27—29 июня; МТ, 1834, № 3, с. 516—522) — было прервано в сент. 1829 поездкой в Болтышку, к умирающему тестю (см. анонимно напечатанную О. при «Рус. инвалиде» брошюру «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского», СПб., 1829; перепечатана в СПбВед., 1829, и, с согласия автора, в дополняющем его книгу соч. Д. В. Давыдова «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского», М., 1822; краткий отзыв Пушкина — ЛГ, 1830, т. 1, № 1, с. 8, б. п.; рец.: МТ, 1829, № 24), и в окт. того же года — в Полтаву, к сосланному туда А. Н. Раевскому (до лета 1830).

В сер. 1831 О. было разрешено поселиться в Москве, где он прожил до самой смерти (с марта 1839 — в собств. доме: Пречистенка, д. 10). Здесь О. сразу же становится (подобно А. П. Ермолову и П. Я. Чаадаеву) неким символом обществ. протеста. «Большая часть молодого поколения того времени поклонялась ему...» (Пассек Т. П., Из дальних лет, т. 2, М., 1963, с. 292), видя в нем «ветерана наших мнений, друга наших героев, благородное явление в нашей жизни» (Герцен, VIII, 176). Правильность обнаружил недостаток неспранным филос.-полит. витийством О. в Англ. клубе, у Свербее-

вых, Павловых, А. П. Елагиной, Е. Г. Левашевой, у ближайшего друга и пост. оппонента — Чаадаева и в своем доме (где бывали А. Ф. Вельтман, А. И. Герцен, Т. Н. Грановский, Ю. Ф. Самарин, И. С. Тургенев, А. С. Хомяков), инспирировав драм. карикатуру М. Н. Загоскина, осмеявшего в 1835 О. под именем князя Радугина в песне «Недовольные».

Возможно, намерение урезонить говоруна с принципиально иных позиций содержалось в стих. «Туча» (1835), посланном Пушкиным в «Моск. наблюдатель» — журнал, к редакции к-рого О. был чрезвычайно близок.

Сам же О. предпринимал попытки к социальной реабилитации — безуспешно просился радывым усмирять польское восстание 1831, вступал во все возможные орг-ции, чтобы напомнить о себе и хоть чем-то себя занять (см. его публикации: «Публицист. художеств. класс», (М., 1833), б. п., совм. с А. Г. Чертковым и Ф. Я. Скарятинным; «Отчет Московского художеств. класса за 1834/1 год...», МН, 1835, май, кн. 2; «Мнение действит. чл. Моск. скакового об-ва Михайлы Орлова. 10 июля 1833 года...» — В кн.: Изложения мнений господ. членов Моск. об-ва скаковой охоты, М., 1833; рец.: МТ, 1833, № 15, с. 429—34; ср. также не разосланный еще доклад «Нек-рых филос. мысли о природе», прочитанный в ноябре 1836 на заседании Моск. об-ва испытателей природы), пока не убедился: «там никогда не простят, что ни делай» — «горе и пуще бездейств. косность подбедает геркулесовские силы, он, верно, прожил бы еще лет 25 при других обстоятельствах» (Герцен, II, 203, 201).

На неск. десятилетий обогнала европ. полит. экономию анонимно изд. книга О. «О государственном кредите» (М., 1833; обширные ценз. изъятия восстановлены в также выпущенном анонимно в Лейпциге в 1840 нем. пер., на рус. яз. в 1955, полный текст — Изд. 1963; рец.: МТ, 1833, № 20; БдЧ, 1834, т. 1, отд. VI; «Коммерч. газ.», 1834, 26 мая, приб.; множество откликов современников — см., напр.: Бестужев Н. А., Статьи и письма, М., 1933, с. 258), где на примере Англии доказывалось благотворное, как ни парадоксально, влияние гос. долга на благосостояние (новаторская концепция О. легла в основу вышедшего в 1855 трактата К. Дитцеля, «отца» совр. теории гос. кредита). Эти идеи применительно к России были изложены в обширной работе на франц. яз., известной ныне только по жандармскому реферату (Изд. 1963, с. 262—65; попытка реконструкции: там же, с. 306—08; ср.: Павлова, с. 135—38), но отразившейся в пушкинском «Путешествии из Москвы в Петербург» и его заметках «О дворянстве» (см. статью

С. Я. Бороваго в кн.: Пушкин и его время, в. 1, Л., 1962).

Др. произв. Письмо членам Об-ва по ланкастерскому воспитанию в Париже от 11 марта 1818 г. (Отчет ИПБ за 1896 г., СПб., 1900). «Об учреждении вольного банка в Москве» (РА, 1874, № 6; фрагменты).

Изд. Капитуляции Парижа. Политические сочинения. Письма (подг. изд. С. Я. Бороваго и М. И. Гилельсона), М., 1963 (здесь же обстоят. библи.). Записки об Отеч. войне 1812 г. ... — В кн.: «Россия двинулась сыны», М., 1988.

Лит. Герцен (ук.); Пушкин, XII, 304, 310; Вяземский, т. 8, 9; Кочубей А. В., Семейная хроника. Записки, 1790—1873, СПб., 1890, с. 17—23; Быстров И. П.), Рус. достопамятные люди. — РС, 1892, № 5, с. 223—24; ОА, т. 1—3, в. 1—2 (ук.), т. 4, с. 80, 197, 225, 226, 229, 232, 234, 235, 251; РС, 1904, № 3, с. 491—493 (записка Н. А. Старыкевича); Довнар-Запольский М. В., Мемуары декабристов, (К., 1906); Семевский В. И., Полит. и обществ. идеи декабристов, СПб., 1909 (ук.); РА, 1911, № 5, с. 131 (письмо И. В. Сабанцева к О.); Архив Тургеневых, в. 5, 6 (ук.); Гольденвейзер Л. В., Первый рус. генерал-революционер М. Ф. Орлов, М., 1917; Гершензон М. О., История Молодой России, М.—П., 1923; Попов П. С., О. и 14 дек. — КА, 1925, № 6(13); Дельвинг А. И., Польша рус. жизни, М.—Л., 1930, т. 1 (по ук. в т. 2); Лит. салоны; Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, М.—Л., 1936 (с. 20—22, 42—55, 66—70 и по ук.); Дурьян А., О нек-рых особенностях бумажно-денежного обращения в России накануне реформы 1839—1843 гг. — «Уч. зап. Ростов. на Дону финансово-экон. ин-та», т. 1, 1941; Дружинин Н. М., Гос. крестьян. и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М.—Л., 1946 (ук.); Базанов В. Г., Декабристы в Кишиневе, Кишинев, 1951; Бороваго С. Я., Декабрист О. и его книга «О гос. кредите». — Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1951, т. 8, № 1; Дмитриева Н. А., Моск. уч.-ие жилища, ваяния и эстетства, М., 1951; Звелья, т. 9, М., 1951 (ук.); Прокофьев Е. А., Борьба декабристов за передовое рус. восп. иск-во, М., 1953 (ук.); Оксман Ю. Г., Из истории агит.-пропагандист. лит-ры 20-х гг. XIX в. — В кн.: Очерки из истории движения декабристов, М., 1954; Зап. Отд. рукописей ГБЛ, в. 17, М., 1955 (мат.-лы, опубл. С. Я. Боровым, А. В. Аскариным, Л. Я. Вильде); Нечкина М. В., Движение декабристов, т. 1—2, М., 1955 (ук.); Волк С. С., Ист. взгляды декабристов, М., 1958 (ук.); Пугачев В. В., Декабрист О. и моск. съезд Союза Благодеяния. — «Уч. зап. Саратов. ун-та», т. 66, 1958; Тартаковский А. Г., Листовка эпохи Отеч. войны 1812 г. — «Зап. Отд. рукописей ГБЛ», в. 20, М., 1958; сго же, Новые данные... — Там же, в. 23, М., 1960; сго же, «Биюлетень» О. о посещке во франц. армию в нач. войны 1812 г. — В кн.: Археограф. ежегодник за 1961, М., 1962; Трубенкой Б. А., Кишиневские знакомые Пушкина: (Новые арх. мат.-лы). — В кн.: Пушкин на Юге, Кишинев, 1958, с. 61—63; Лотман Ю. М., П. А. Вяземский и движение декабристов. — «Уч. зап. ТГУ», в. 98, 1960; сго же, Избр. статьи, т. 2, Таллин, 1992, с. 282—349; Чернов С. Н., У истоков рус. освободит. движения, Саратов, 1960, с. 46—95, 182—83; Могиланский А. М., О. и драматург Н. И. Селянин. — РЛ, 1962, № 2; Пушкин и его время, в. 1, Л., 1962 (ук.); Декабристы в Москве, М., 1963, с. 31—33, 51—52, 162—184 и др.; Базанов (ук.); Павлова Л. Я., Декабрист О., М., 1964; Гилельсон М. И., П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, Л., 1969 (ук.); сго же, Молодой Пушкин и арзамасское братство, Л., 1974, с. 124—34, 192—208; Арш Г. Л., Этеристское движение в России, М., 1970 (ук.); Орлов М. Ф. — «Вест. кавалергард. ссмы» (Париж), 1972, (№ 1); Ионова И. Ф., Декабристы в Молдавии, Кишинев, 1975; сго же, Передовая Россия и общественно-полит. движение в Молдавии, Кишинев, 1986 (ук.); Ланда С. С., Дух рев. преобразований..., М., 1975 (ук.); Орлик О. В., Декабристы и европ. освободит. движение, М., 1975 (ук.); Тартаковский; Дост-тан И. С., Рус. общество, мысль и балкан. народы: От Радичева до декабристов, М., 1980,

с. 253—68 и др.; Раевский В. Ф., Мат.-лы о жизни и рев. деятельности, т. 1—2, Иркутск, 1980—83 (ук.); Рабкина Н., Из круга Пушкина. — ВЛ, 1981, № 2; Розен А. Е., Записки декабриста, Иркутск, 1984 (ук.); Алпатов М. А., Рус. ист. мысль и зап. Европа (1-я пол. XIX в.), М., 1985 (ук.); Пушкин в восп.: Муравьев А. Н., Сочинения и письма, Иркутск, 1986 (ук.); Романюк С., «Его личность к себе приискала...» — «Моск. правда», 1986, 17 авг.; Полонский Я. П., Проза, М., 1988, с. 363; Эйдельман Н. Я., Первый декабрист, М., 1990, с. 70—73, 82—131, 195—206, 354—55 и др.; Азадовский М. К., Страницы истории декабризма, т. 1—2, Иркутск, 1991—92 (ук.); Волконский С. Г., Записки, Иркутск, 1991 (ук.); Чаадаев П. Я., Пошл. собр. соч. и избр. письма, т. 1—2, М., 1991 (ук.); Якушкин И. Д., Мемуары. Статьи. Документы, Иркутск, 1993 (ук.); ЛН, т. 59, 60, кн. 1 (ук.); Некрологи, 1842; РБ, № 4, отд. IV, с. 43; Bulletin de la Société imp. des naturalistes de Moscou, v. 15, p. 499, РБС; Венгеров. Список; ДРДР; Ченцов; Эймонтова (1, 2); СИЭ; Лерн. энцип.; Черский; Декабристы; Цыяловский М. А., Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826, Л., 1991 (ук.); Движение декабристов: Указ. лит-ры 1977—1992, М., 1994.

Архивы: ИРЛИ, ф. 255; ГЛМ, ф. 1; ГАРФ, ф. 1711; ф. 109, 1 экзп., 1826 г., д. 61, ч. 177 (дело по надзору); ЛОИИ (письма П. Д. Киселеву).

А. А. Ильин-Тамич.

ОРФАНОВ Михаил Иванович [псевд. Мишла и др.; 11(23).1.1848, крепость Темнолеская Ставропольской губ. — 4(16).9.1884, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], прозаик, публицист. Из семьи дворянина, нач. отд. Воен.-мед. департамента, стат. сов.; брат второй жены А. С. Суворина. Получил дом. обра-

зование. В 1865 вместе с родителями переехал в Петербург, где вскоре сблизился с рев. молодежью. Готовился к поступлению в Моск. ун-т. В апр. 1866 арестован в Москве по подозрению в причастности к каракозовскому делу и выслан под надзор полиции по месту жительства родителей. Будучи вольнослушателем юрид. ф-та Петерб. ун-та, участвовал в деятельности тайного рев. об-ва «Сморгонская академия». В нач. 1869, не закончив курса, отправился в Вост. Сибирь, служил пом. столоначальника Забайкальского обл.

правления, стряпчим, секретарем полиц. управления, ред. газ. «Забайкальские обл. вед.», чиновником по особым поручениям при управлении нерчин. категории и др., жил в Чите, Иркутске, Верхнеудинске, Баргузине и др. городах. Полагают (В. М. Физиков), что пребывание О. в Сибири было связано с планами «сморгонцев» освободить Н. Г. Чернышевского.

Выйдя в отставку (1876), О. жил в Москве и Петербурге, посвящая себя лит. труду и вращаясь в народнических кругах. В 1880 был лишен права жительства в Петербурге (его адрес был обнаружен в записной книжке арестованного Г. А. Лопатина). Выступил с протестом против закрытия «Отеч. записок» на собрании литераторов и видных деятелей «Общественч. союза» (Анатолийев П., К истории закрытия ж. «Отеч. записки». — КиС, 1929, № 8/9, с. 181).

Сотрудничал в «Рус. мысли», «Отеч. зап.», «Рус. курьер» и «Рус. ведомостях». Его очерки, имеющие, как правило, автобиограф. характер, рисующие пестрый мир «кандалной» Сибири, ее социальные контрасты, типы чиновников, арестантов, тюремные нравы и порядки, вышли незадолго до смерти О. отд. изд. «В дали (из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни» (М., 1883; предисл. С. В. Максимова). Книга привлекла к себе сочувств. внимание критики, отмечавшей правдивость очерков О., богатство фактов и наблюдений, безыскусную манеру повествования (рец. 1883: ВЕ, № 9; «Дело», № 4; РМ, № 5; «Вост. обзор», № 37; А. Крутов — «Мирской толк», № 20). Публикация книги, как и отд. очерков О., сопровождалась ценз. осложнениями; позднее она была внесена в «Список изд., запрещенных для публ. б-к и обществ. читален» (см.: СКРНЗП). Продолжением этой книги явился цикл очерков «Сиб. колонизаторы» (РМ, 1883, № 9—11).

С молодости О. пристрастился к алкоголю, отчего страдал всю жизнь. Умер в Марининской больнице для бедных (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3487).

Др. произв.: «Нечто о тюрьмах Сибири» («Рус. курьер», 1882, 13—14 мая), очерк «Вояж сиб. купца» («Вост. обзор», 1883, № 33).

Лит.: Чехов. Письма (ук.); Сибиряк (Н. М. Ядринцев). О и его пребывание в Сибири. — «Вост. обзор», 1884, № 38 (перепечатано в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 5, Новосибир., 1980); Пыпин А. Н. История рус. этнографии, ч. 4, СПб., 1892 (ук.); Козьмин Б. П., Рев. подполье в эпоху «белого террора», М., 1929, с. 125—26; Свешников Н. И., Восп. пропащего человека, М.—Л., 1930, с. 159, 169; Ткаченко П. С., Моск. студенчество в общественно-полит. жизни России второй пол. XIX в., М., 1958, с. 150; Гиляровский В. М., Соч., т. 3, М., 1967, с. 315—19; «Прометей», в. 3, М., 1967, с. 259; Петряев Е., Всплеск — оплот. Очерк культурного прошлого Забайкалья, Иркутск,

1968 (ук.); сго ж.с. Красевы и литераторы Забайкалья. Биобибли. ук., Чита, 1981, с. 75; Троцкий Н. А., Восемь попыток освобождения Н. Г. Чернышевского. — «Вопросы истории», 1978, № 7, с. 129; Физиков В. М., Мат-лы к науч. биографии О. — В кн.: Фольклор и лит-ра Сибири, Омск, 1980; сго ж.с. Сиб. очерки О., там же, 1981; Меламед Е., Рус. унты Дж. Кенана, Иркутск, 1988 (ук.). — Некролог: «Совр. изв.», 1884, 8 сент. Здобнов И. В., Мат-лы для сиб. словаря писателей, М., 1927; Писатели Вост. Сибири. Биобибли. ук., Иркутск, 1973; Лит. Сибирь, Критико-биобибли. словарь писателей Вост. Сибири, в. 1, Иркутск, 1986 (ук.); Бонрал. ОЗ (2); РВед.Сб.; РБС; Брокгауз; Венгеров. Рус. кн.; Языков; ДРДР, т. 1, ч. 2, М.—Санов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 559, № 208 (письма В. П. Острогорскому); ф. 183, оп. 1, № 265 (письма В. О. Михлинскому); ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1883 г., д. 111; 7 д-во, 1888 г., д. 178, т. 1; ф. 95, оп. 1, д. 276; ф. 109, оп. 230, д. 4677.

Е. Н. Меламед.

ОРШАНСКИЙ Илья Григорьевич [1846, Екатеринослав — 5(17).9.1875, там же; похоронен на евр. кладбище], публицист, правовед. Из зажиточной евр. семьи. Отец занимался торговлей, был знатоком Талмуда и др.-евр. филос. лит-ры. С 4 лет О. учился в хедере. Читать по-русски научился в 10 лет. В 1863 поступил в Харьков. ун-т вольнослушателем на юридич. ф-т, в следующем году сдал экзамены за гимназич. курс при 1-й харьков. г-зии и был принят в ун-т.

С 1865 печатал в периодич. изданиях на др.-евр. яз. («Гакармель», «Гамелиц») публицист. статьи, научно-популярные очерки по естеств. наукам и переводы. В студенч. годы начал печататься на рус. яз. — сотрудничал в газ. «Одес. вест.» (1866—68) и «Новорос. телеграф» (1869—70), помещая публицист. статьи и очерки (напр., «Заметки провинциала» — «Новорос. телеграф», 1869, 3, 5, 7 сент., содержащие тонкие наблюдения над переменами в «обыденном строе жизни» и экономич. быте разных слоев общества; «Судебные заметки» — там же, 7 нояб.), корреспонденции из Екатеринослава, куда он ездил летом на каникулы. Очерк «Быль, рассказанная моим приятелем», написанный в 1863—64, о злоупотреблениях при призыве евреев в армию, был опубл. лишь посмертно под назв. «История выключки» (в его сб.: «Евреи в России», 2-е доп. изд., СПб., 1877). Исс. «Талмудич. сказания об Александре Македонском» вышло из печати в 1866 в «Сб. статей по евр. истории и лит-ре» (кн. 1, СПб.).

С 1867 О. — член одес. отд. Об-ва для распространения просвещения между евреями в России. В последние студенч. годы служил делопроизводителем в уездном суде. По окончании ун-та (1868), со степенью кандидата прав, получил предложение остаться при ун-те для приготовления к профессорскому званию (при условии крещения), но отказался и занялся адвокатурой в Одессе. Одно-временно (с 1869) он интенсивно со-

трудничал (и выполнял обязанности секр. редакции) в одес. русскоязычной евр. газ. «День», где поместил большое число передовых статей, заметок, рецензий по разл. экономич., юридич., социальным и религ. аспектам евр. жизни в прошлом и настоящем («Очерк законодательных мер относительно евреев в последние годы» — 1869, № 1—4; «Очерки экономич. положения евреев в России» — 1869, № 21 ... 1870, № 12; «К вопросу о русском переводе Ветхого Завета для евреев» — 1870, № 32—33; «Рус. журналистика и евреи» — 1871, № 21, и др.).

Сторонник идей евр. просвещения (Гаскалы), он считал одинаково неприемлемыми как ассимиляцию евреев, так и ортодоксальное неприятие светского, обществунаитарного воспитания и образования; отстаивал необходимость освоения достижений не только национальной, но и мировой, в т. ч. русской, науки и лит-ры. О. полагал, что «только свобода и равенство граждан, незирая на различие происхождения и вероисповедания, не имеющие для гос-ва никакого значения, создают единство обществ. интересов, а следовательно, полит. единство населения» («К вопросу об образовании евреев» — 1870, № 13, с. 218). Исходя из того, что гражд. полноправия евреев можно добиться только на основе «общего прогресса рус. нар. жизни» (1869, № 4, с. 53), О. пропагандировал и отстаивал реформы 1860-х гг. — судебную, крестьянскую и др. Уже в эти годы наметились два направления (тесно связанные в его трактовке) публицистики О.: обсуждение разл. правовых и бытовых вопросов рус. жизни, с одной стороны, и освещение положения евреев в рус. обществе — с другой.

Наиболее важные статьи из «Дня» были собраны в кн. «Евреи в России. Очерки и иссл.» (в. 1, СПб., 1872; сочувств. отклики — ВЕ, 1872, № 8; «Сияние», 1872, № 36). После одесского евр. погрома 1871, потрясшего О., и закрытия в июне того же года «Дня» за публикацию статьи О. о погроме «По поводу одес. событий» (№ 15; в кн. «Евреи в России») вошла обширная ст. «К характеристике одес. погрома», содержащая воспоминания о погроме и подробный анализ его причин, — один из ранних опытов изучения массовой психологии) О. в октябре переехал в Петербург (редактор «Дня» С. С. Орнштейн приобрел вместе с Ф. Н. Устряловым газ. «Нов. время» и пригласил О. в качестве ведущего публициста).

В «Нов. времени» в 1872 О. поместил (без подписи) ряд передовых статей, широкий резонанс имели статьи о раскольниках (25 февр., 7 марта) и о стачке таганрогских извозчиков (22 февр.). В «Судебных заметках» (15, 18 янв.) он защищал гласность и судебную реформу, писал о семейном деспотизме, «горькой доле рус. женщины», выделяя «уголовно-психол. сторону судебных дел». В том же году О. начал печататься в газ. «Неделя» и в только что созданной газете В. П. Мешерского «Гражданин» («Юридич. хроника» — 1872, № 1), с к-рой прекратил сотрудничество из-за ее охранит. монархич. характера. С марта 1872 в

связи с обострением туберкулеза О. жил за границей (в Юж. Германии, Швейцарии и Италии), продолжая интенсивно работать: печатал в «Неделе» публици. (напр., «Общественное движение в Швейцарии» — 1872, № 21 и 22) и юридич. статьи, корреспонденции, поместил в изданном «Неделе» сб. «Рус. обществ. вопросы» (СПб., 1872) ст. «Кассационный суд и наше законодательство».

О. сотрудничал и в юридич. печати, опубликовал более двух десятков статей в «Судебном вестн.», «Судебном журнале» и гл. обр. в «Журнале гражд. и уголовного права» («Духовный суд и семейное право» — 1872, кн. 3—4; «О значении и пределах свободы воли в праве» — 1873, кн. 5—6; «Нар. суд и нар. право» — 1875, кн. 3—5, и др.), где одной из основных его тем было нар. право [собранные в посмертных сб-ках: «Исследования по рус. праву семейному и наследственному» (СПб., 1877), «Исследования по рус. праву общему и брачному» (СПб., 1879), «Исследования по рус. праву» (СПб., 1892; с биогр. очерком О.)].

Рецензенты отмечали, что «автор наблюдает совр. гражд. жизнь и оценивает ее явления по их действит. значению», и относили его работы «к числу лучших произведений рус. юридич. лит-ры» (С. (А.) Муромцев — «Критич. обзор», 1879, № 1, с. 24, 27; ср. с мнением Н. К. Михайловского, что О. пишет «горячо, талантливо и с большим знанием дела» — ОЗ, 1879, № 4, с. 208, б. п.; см. также положит. рец.: «Юридич. вестн.», 1879, № 10; «Журнал. гражд. и уголовного права», 1879, кн. 4, и др.).

Не отошел О. и от евр. тематики, подготовив обширную работу «Рус. законодательство о евреях» (в кн.: Евр. б-ка, т. 3—5, СПб., 1873—75; отд. изд. с доп. — СПб., 1877; положит. рец.: Л. А. (Полонский) — ВЕ, 1878, № 3). В некрологах отмечалось, что О. «занял видное место в нашей юридич. лит-ре» (МВед, 1875, 14 сент.), хотя «он чувствовал почти отвращение к юридич. схоластике, живущей и питающейся лишь статьями законов да арх. пылью; он был, если так можно выразиться, юрист-публицист» («Неделя», 1875, № 38, стб. 1251).

Брат О. — Исаак Григ. (1851 — не ранее 1925) — окончил Мед. академию в Петербурге, проф. психиатрии Харьков. (с 1894), позднее и Петерб. ун-та, автор публицист. статей по евр. вопросу (ж. «Рассвет», 1879, 1882; кн. «Первый шаг», М., 1907), психологии («Темперамент и характер» — «Жизнь», 1899, № 7; «Совр. психол. движение» — РМ, 1899, № 1—2; «Положение психологии в ряду наук» — МБ, 1905, № 5, 7; кн. «Худож. творчество», М., 1907), обширной работы о ром. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — «История одного идейного преступления» (СВ, 1896, № 10—11) и статьи об организации высшего образования («Университетский вопрос и „проект“ университетского устава» — ВЕ, 1906, № 1). См. его автобиографию, содержащую сведения и об О., в кн.: Медицинский ф-т Харьков. ун-та за первые столетия его существования. (1805—1905), Х., 1905—1906, отд. II, с. 218—24.

Др. младший брат О., Моисей Григ., выпускник Харьков. ун-та, юрист, печатал публицист. статьи в «Рассвете» и «Восходе» в 1880-х гг.

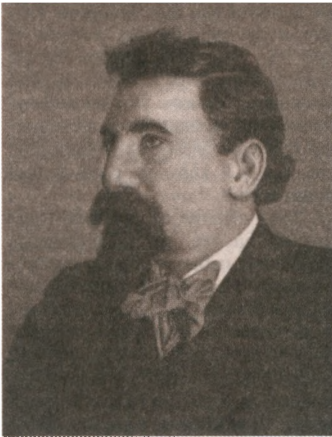
Лит.: А. Л. И. Г. Оршанский. — В кн.: Евр. б-ка, т. 6, СПб., 1878; Стасов В., Памятник О. — Там же; Гессен Ю. И., Галерея евр. деятелей, в. 1, СПб., 1898, с. 73—163; Моргулис М. Г., О. и его лит. деятельность. — «Книжки „Восхода“», 1901, № 1; Ямпольский П. А., Восп. об О. — «Евр. старина», 1911, в. 1; Цинберг С. Л., История евр. печати в России в связи с обществ. течениями, П., 1915, с. 181—83.

185. + Некрологи, 1875: «Журнал гражд. и уголовного права», кн. 6; БВед, 12 окт.; «Голос», 16 сент.; «Одес. вестн.», 12 окт. (Барон Икс (С. Т. Герцо-Виноградский) — «Илл. неделя», № 38, РСБ; Брокгауз; КЕЗ, т. 6, Иерусалим, 1992; Систематич. указател. лит-ры о евреях на рус. языке..., СПб., 1892 (библи. работ О. на евр. тему — по ук.); Поворинский А., Систематич. указател. рус. лит-ры по судостроительству и судопроизводству гражд. и уголовному, СПб., 1896 (библи. работ О. по праву — по ук.).

Архивы: РНБ, ф. 118, № 99, л. 32 (список публикаций О. в периодике), 100, 118; РГАЛИ, ф. 636, оп. 1, д. 590 (письмо С. А. Юрьеву, 1872).

А. И. Рейтблат, при участии В. Е. Кельнера.

ОСИПОВИЧ Наум Маркович [12(24).1.1870, г. Очаков Одес. у. Херсон. губ. — 7.10.1937, Одесса], прозаик, лит. деятель. Род. в семье рыбака. Окончил евр. богослов. школу, втайне от родителей, гор. 6-классное уч-ще в 1885. По собств. признанию, в это время «... весь был под влиянием... великих учителей

рус. слова: Белинского, Добролюбова, Салтыкова и Успенского» («Тяжелое иск-во» — СМ, 1911, № 12, с. 227). О. мечтал о писательстве, но «рев. деятельность направила энергию в другую сторону» (Гранат, т. 11, стб. 681). В 1885 ушел из дому, перебрался в Одессу и в 1886 вступил в народольч. кружок, по заданию к-рого вел рев. пропаганду. Арестован в Одессе в 1887 по обвинению в принадлежности к рев. кружку (РГИА, ф. 1405, оп. 88, д. 10102, л. 345), провел два года в заключении (сначала в Одес. тюрьме, позднее — в Моск. пересыльной), в 1890—93 отбывал ссылку в Якутии под гласным надзором полиции, входил в Ср.-колым. комму. В. Г. Богорова (Тана), Дионею, И. В. Иохельсона и др. После ссылки до осени 1894 жил в Очакове, затем в Николаеве, с авг. 1901 — в Одессе. Учительствовал, участвовал в культурн. движении, ездил «на голод», обследовал грамотность евр. населения «черты оседлости», пытался (безуспешно) заняться издат. деятельностью. С сер. 90-х гг. был связан с

кружком радикальной интеллигенции в Николаеве, с одес. группой старых народольцев, вместе с к-рой в 1901 вошел в партию эсеров. Во время Революции 1905—07 входил в Одес. к-т этой партии, организовал неформ. телеграфное агентство, снабжавшее левые газеты материалами о рев. событиях; неоднократно подвергался аресту. С 1906 находился в эмиграции — сначала в Финляндии, откуда наезжал в Петербург по лит. делам, затем в Германии, Франции и с 1910 в Швейцарии, где окончил в 1912 Высшую школу социальных наук. В 1912 вернулся в Одессу, от активной рев. деятельности отошел, до 1917 — изд. и ред. «худож.-лит. илл. ж-ла для евр. детей» «Колосья»; был составителем ряда прил. к ж-лу, в т. ч. сб. «Образцы библейской поэзии. Стихи и поэмы на сюжеты из Библии» (т. 1—5), Од., 1915—16).

Первые полубеллетристич. очерки «В черте оседлости» опубли. в ж. «Книжки „Восхода“» (1903, № 1); рассказы и «эскизы» О. печатались в ж. «Юж. записки», «Мир божий», «Совр. мир», «Вест. Европы», «Образование», «Евр. мир» и др., коллективных сб-ках «Лит.-науч. сб.» (СПб., 1906), «Новые веяния» (сб. 1, М., 1907) и составили позже его сб. «Рассказы» (т. 1, СПб., 1910; рец.: Е. Колотовская) — ВЕ, 1911, № 1), «В забытом краю» (СПб.—М., 1911) и Собр. соч. (2-е изд., т. 1—4, СПб., изд-во «Просвещение», 1911—12); в т. 3 опубли. ром. «Натан Маймон» (др. назв. — «Логика») о жизни евр. интеллигентов и их духовных исканиях (рец.: Н. Н. Вентцель), Повесть о евр. проповеднике. — НВ, илл. прил., 1913, 17 авг., с. 11—12).

«Все время вращаясь в своих рассказах в среде выжужженных обитателей тюрем, ссылки и черты оседлости, где униженным и оскорбленным несть числа, О. нередко возбуждал и ставил вопрос о протесте и борьбе», — писал В. П. Краинихфельд, но при этом отмечал «исключительн. истеричность» произв. О. (СМ, 1910, № 5, с. 82). Схожую оценку творчеству О. дал В. Л. Львов-Рогачевский: «Его герои — протестанты, идеалисты, мечтатели — обрисованы бледно, эскизно, портретно и несколько шумно, но все они будят человека в человеке» (Львов-Рогачевский В., Рус.-евр. лит-ра, М., 1922, с. 159). Рецензенты единодушно отмечали присутствие О. «пантеистич.» чувство любви к природе.

После Февр. революции О. возглавлял разбор архивов Одес. охранного отделения и жандарм. управления; в 1922—27 работал в местном Истпарте. Одновременно вел большую лит. работу, был пред. правления Юж. т-ва писателей, редактировал ж. «Объединение» (1918—20), сб-ки «Кандалынский звон» (1925—27) одес. отд. Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев и др., печатался в ж. «Былое», «Каторга и ссылка». Осн. тема документ.-худож. и мемуарных произв. О. этого периода — провокация в рев. движении.

В 1928 основал и возглавил одес. кооперативное изд-во «Культура и труд», к-рое выпустило новое собр. соч. О. (т. 1—4, 1931—33).

Др. произв.: [Рассказы]: «По чужой дороге» (П., 1917), «Похищение Зоси» (М.—Л., 1926), «Провокатор» (М.—Л., 1926), «Шпионы» (Од., 1932), «Пахари» (М., 1934).

Лит.: Дерман А. Б., Н. М. Осипович. Собр. соч., т. 2 и 3. Изд. т-ва «Просвещение». СПб. [Реп.]. — «Завесты», 1912, № 8; Игнатьев А. Лит. примечания. (О стиле старом и новом). — ВВед, 1909, 15 авг. + Полит. каторга и ссылка. Биогр. справочник членов Об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, М., 1934; Венгеров. Исход.; Гранат; ЛЭ; КЛЭ; КЕЗ; Алым; и сб-ки (1, 2); Муратова (2, ук.).

Архивы: ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 143, л. 31; ф. 102, ОО, 3-е д-во, 7-е д-во [справка З. И. Перегудовой]; РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 8; ф. 777, оп. 4, 1891 г., д. 84 [справка Н. М. Корнеевой]; ИРЛИ, ф. 155 [справка Н. А. Прохорова].

А. В. Ратнер.

ОСНОВСКИЙ Нил Андреевич (по документам — Нилович*) [7(19).2.1816**, Москва** — 2(14).6.1871, там же], прозаик, издатель. Внебрачный сын дворянки П. П. Протасевой, был приписан к моск. мещан. обществу (копия м. с. — ЦИАМ). В доме родственников обучался «разным языкам и наукам» (ун-тское дело — там же). В 1835 принят вольнослушателем на физ.-матем. ф-т Моск. ун-та, однако учиться начал на филос. ф-те; в 1836 исключен за непосещение лекций (там же, д. 18). Дебютировал в печати в 1852, выступив (в соавторстве с К. Ф. Рулье) кн. «Замечания московского охотника на ружейную охоту с легавой собакой» (М., 1852; 2-е изд., М., 1856); рецензенты, отмечавшие гл. образом практич. полезность книги как чисто специального «трактата для одних охотников», отказали ей в «общел-» значимости (Н. Н. Воронцов-Вельяминов — «Москв.», 1853, № 5, ч. 2, отд. 5, с. 16; ср.: Н. Г. Чернышевский — «Совр.», 1857, № 2). В 1850-х гг. О. опубликовал в «Современнике» рассказы «Федулч. Физ. очерк» (1854, № 7), «Петербург день. Из воспоминаний охотника» (1854, № 12; сдержанный отклик: Некрасов, X, 211), «Неистовый Орланд» (1855, № 3), а в «Рус. вест.» — принесшую ему известность пов. «Порода хищников» (1857, № 1, 11), варьирующую популярную тему карт и азартной игры (о нареканиях цензуры, связанных с узнаваемостью описанных в повести карточных шулеров, см. в письме Н. А. Мельгунова А. И. Герцену, март 1857 — ЛН, т. 62, с. 353). Позднее эти произв. О. объединил в сб. «Рассказы» (М., 1857). Сочетавшие изображение сцен охоты, впечатления от встреч во время охотничьих путешествий, наблюдения над природой и поведением животных с автобиогр. эпизодами, анекдотами, поверьями, этногр. описаниями, бытовыми и сентимент. зарисовками, рас-

сказы О. являлись достаточно типичными образцами пласта «охотничьей» лит-ры, сюжетно и отчасти стилистически ориентированной на «Записки охотника» И. С. Тургенева и соч. С. Т. Аксакова. Подхватывая традиции натуральной школы, физиологич. очерка, авторы таких произв. (как правило — литераторы-дилетанты) поддерживали жизнь жанра, доводя его в своих лит. контаминациях до массового читателя.

Основу рассказа «Неистовый Орланд», а также очерка «Сад в селе Шаблыкине» («Журнал садоводства», 1857, т. IV, № 7; отд. оттиск — М., 1857) составили картины жизни своеобразной «охотничьей столицы» — имения известного на всю Россию богача и хлебосолоа Н. В. Киреевского (с. Шаблыкино Карачев. у. Орлов. губ.), у к-рого часто гостили И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, худ. Р. К. Жуковский, охотник и литератор Е. Прокудин-Горский, сам О. и др. Киреевский стал прообразом героев Тургенева («Гамлет Штировского уезда»), Толстого (дядюшка в сцене охоты в «Войне и мире»); О., выведя его в своем рассказе, даже не изменил имени героя, обозначив его инициалами Киреевского (см.: Громов В. А., Н. В. Киреевский — знакомый Тургенева и Л. Н. Толстого. — В кн.: Тургеневский сб., т. 1, М.—Л., 1964).

В откликах на произв. О. отмечались слабая проработанность, эклектичность, стремление использовать уже апробированные худож. приемы и психол. типы. По отзыву «Отч. зап.», рассказ «Петров день» — низведенное до «золотой середины» содинение аксаковских «описаний природы и мест, удобных для охоты», и тургеньевского «желания изображать типичные лица из деревенского быта» (ОЗ, 1855, № 1, отд. IV, с. 63). Героя «Неистового Орланда» рецензент «Б-ки для чтения» (б. п. — 1858, т. 147; отклик на с-ки «Рассказы») счел вариацией «Гамлета Штировского уезда» Тургенева, а обнаруженные в рассказе попытки заниматься «обличительством», изображать «грязь жизни» (удававшиеся, по мнению критика, лишь Н. В. Гоголю) охарактеризовал как неумение О. соизмерить «свои силы с теми предметами, к-рые берет описывать» (с. 47). Д. И. Писарев в обзоре «Схоластика XIX века» причислил О. к ряду писателей, к-рым недоступна «красота формы» и к-рых нельзя назвать «жрецами искусства» (Писарев, I, 117).

По-видимому, к 1850-м гг. относится личное знакомство О. с Тургеневым (возможно, через публициста и критика И. В. Павлова, близкого друга О.). В 1858 Тургенев ходатайствовал перед мин. нар. просвещения Е. П. Ковалевским о разрешении издания газ. «Моск. вест.» (выходила в 1859—61), издателем к-рой стал В. Рудаков, а фактик. руководителями и совладельцами — Н. Н. Воронцов-Вельяминов и О. (см. письмо-рекомендацию министру — Тургенев в Письма, III, 237). Сам Тургенев сотрудничал в этом издании — поместил отрывок из незавершенного ром. «Два поколения» (1859, № 1) и очерк о В. Г. Белинском [«Встреча моя с Белинским» (Письма к Н. А.

Основскому)» — 1860, 23 янв.;шло только первое письмо из задуманного цикла; то же — в кн.: Белинский в восп. современников, М., 1977, с. 477—82]. Сохранилось три письма Тургенева к О. (1858—59) и пять писем О. (ИРЛИ); последние позволили частично восстановить содержание утраченных писем Тургенева из-за границы 1860 (см. работу Е. М. Хмелевской — в кн.: Тургеневский сб., т. 2, с. 350—53).

В нач. 1860-х гг. О. предпринимает попытки заняться книгоиздат. деятельностью. Он выпускает собр. соч. Ф. М. Достоевского (т. 1—2, М., 1860) — первый двухтомник писателя, куда вошли его ранние повести (исключая «Двойника»). В это же время О. получает право на изд. соч. Тургенева, к-рое было осуществлено в 1860—61 (т. 1—4, М.) и встречено благожелат. откликом М. Н. Лонгинова (РВ, 1861, № 2), отметившего его общедоступность и исправность текста; от последующих изд. Тургенева оно отличалось составом «Записок охотника» (лишь в этом изд. включавших рассказ «Поездка в Полесье» и ст. «О соловьях»).

Издание четырехтомника Тургенева сопровождалось шумным скандалом, в к-рый оказались втянуты А. А. Фет, А. Н. Плещеев, Н. Х. Кетчер, П. В. Анненков, Павлов; осн. причинами его стали, по-видимому, неудачливость и дилетантизм О., страстно желавшего быстрого финансового успеха (наиб. подробно: Гутыяр Н., К биографии И. С. Тургенева. — РС, 1908, № 8). О. не только превысил тираж (вместо обговоренных 4800 экз. выпустил 6000), но и недоплатил Тургеневу часть условленного гонорара; пытаясь выполнить обязательство перед подписчиками, он занимал значит. суммы денег, что в конце концов послужило причиной его разорения и объявления банкротом. Одновременно он вынужден был закрыть и «Моск. вест.». История обсуждалась в эмигрант. периодике: в ж. «Правдивый», издававшейся в Лейпциге кн. П. В. Долгоруковым, появилась заметка, обличающая О. как вора (1862, № 2), а Тургенев ответил на нее опровержением в герценовском «Колоколе» (1862, 22 мая, с. 1115).

Суждения современников о степени виновности О. различны. Позиция Анненкова, Плещеева и Павлова, уверенных в его нечестности, определила негативную для О. трактовку скандала в последующей биогр. лит-ре о Тургеневе (см. замечания Анненкова — в кн.: Тургенев в восп., I, 325—29, а также мат-лы, собранные в работах: Викторов; Фрилендер; Мостовская). Между тем конфликт в «Моск. вест.», в ходе к-рого Плещеев и Павлов обвинили издателя в жульничестве и махинациях, завершился третейским судом (посредниками выступали Н. П. Гиларов-Платонов, Ф. В. Чижов и А. Н. Островский), на к-ром О. был оправдан. Знакомый Тургенева И. П. Борисов, сообщая о судебном решении (и об извинении Плещеева перед издателем), рекомендовал О. «человеческим честишным, благородным, слишком добрым (к) врагам его»

(письмо от 19 дек. 1860 — Тургеневский сб., т. 3, Л., 1967, с. 343). Тургенев, начавший давний пестимый отзыв своих корреспондентов (в числе прочих такие оценки инициировал Н. М. Щепкин и Кетчеров — конкуренты О.), изменил мнение после ознакомления с письмами Фета, выступавшего его доверенным лицом в изд. делах, и самого О. (ИРЛИ, ф. 7, № 153 и 149, оба письма — янв. 1861). Из писем, в частности, он узнал о косвенной вине в банкротстве О. лежавшей на Плещееве и Павлове, к-рые не выполняли в срок финансовых обязательств по предпринятым изданиям. Отказавшись от преследования издателя, Тургенев мотивировал это тем, что О., к-рый «в одно и то же время разорен и опозорен», «действительно был ослеплен — и достоин сожаления» (письмо Анненкову, янв. 1861 — Тургенев. Письма, IV, с. 187—88).

В последующие годы произведения О. появлялись в печати лишь эпизодически: заметки и фельетоны в газ. «Рус. вед.» («Моск. заметки» — 1865, 12, 17 авг. ... 30 дек.; «По поводу весенней охоты» — 1865, 20 марта; и др.). О. сотрудничал также в ж. «Домашнее хозяйство» (1870). Выпустил кн. «Эпизоды из охотничьей жизни» (М., 1867).

Др. произв.: «Подарок молодым хозяйкам» (М., 1872, 3-е изд., М., 1881), «Записки охотника» (М., 1879), «Собака охотничья, сторожевая» (ч. 1—3, М., 1896).

Лит.: Чернышевский; Тургенев; Анненков (вс — ук.); Фет А. А. Мои восп., ч. 1, М., 1890, с. 355—57 (репринтное изд., М., 1992); Виктор Н. Мат-лы для биографии И. С. Тургенева. — ИВ, 1897, № 7, с. 99—103; Анофриев Н. Ю. Рус. охотничья библиотека, Брест-Литовск, 1905, с. 44—45, 118; Фридрих Г. М., Письма Плещеева. — ЛА, т. 6, с. 306—20; Мостовская Н. Н., И. В. Павлов — корреспондент Тургенева. — В кн.: И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества, Л., 1982, с. 143—58; Аксаков И. С. Письма к родным. 1849—1856, М., 1994 (ук.); ЛН, т. 67, с. 461 (отрывок из письма И. В. Павлова к О., окт. 1859); т. 73, II, т. 83, 86 [ук.]; О. ошибочно назван Нилом Ал-др.]. — Некрологи 1871: «Илл. газ.», 17 июня; СПбВед., 8 июня; РВед., 4 июня; Илл. календарь на 1872 г., с. 67. РБС: Геннад; Брокгауз; Мельер; Масанов.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 105, д. 163 [ун-тское дело «О принятии воленого слушателя» О., 1835 г., в т. ч. уольнт. свидетельство от Моск. мещан. об-ва* (указано, что по крестному отцу Нилу Андр. Новиколу О. получил свидетельство Нилович) и копия м. с.***]; оп. 106, д. 18 (дело «Об увольнении из ун-та...», 1836 г.); ф. 31, оп. 5, д. 368, л. 42; д. 379, л. 17 об. (цел. мат-лы) [справка В. В. Александровой]; РНБ, ф. 874, № 451, 452 (письма Н. П. Гилярова-Платонова к О.); ИРЛИ, ф. 7, № 149 (письма О. к И. С. Тургеневу), № 151 (письма А. Н. Плещеева к О.); ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 3, д. 2833, л. 2 (выписка из перлюстрированного письма к О. священника и публициста Е. А. Остроумовского о грабежах в Орле).

В. М. Бокова, при участии М. М. Одесской.

ОСОКИН Михаил Иванович [между 1819 и 1822, с. Сада Глазовского у. Вятской губ. — 16(28).10.1876, Вятка], этнограф, прозаик, протоиерей (с 1873). Из семьи дьякона. Окончил Вятскую духовную сем. в 1842. Служил в сел. приходах Орлов. и Яранского уездов, в Николаевском соборе г. Нолинска Вятской губ. (1845—48), затем в с. Полянском Малмыжского у. (1848—59) и в с. Рождественском Нолинского у. (1860—76). Считался одним из лучших знатоков духовного судопроизводства в епархии, назначался на расследование особо слож-

ных дел. Исполнял обязанности благочинного. Не имея своих детей, воспитан с женой 7 девочек-сирот. С введением земства действительно включился в обществ. жизнь; собирал и изучал новые законоположения о земстве, был добровольным юрид. консультантом по этим вопросам. Был избран губернским зем. гласным от духовенства. Д. чл. губернского статистич. к-та (1863—73). Благодаря стараниям О. была открыта Нолинская жен. прог-зия. Напряженная обществ. деятельность расстроила его и без того слабое здоровье. Умер от чахотки.

В этногр. статьях «Нар. быт в Северо-Вост. России» («Совр.», 1856, № 9, 11, 12; первая публ.; подпись С. М. Осокин; выдержки с доп.: «Вятские губ. вед.», 1857, № 8, 9, 11; положит. отзыв Н. Г. Чернышевского в письмах Н. А. Некрасову: Чернышевский, XIV, 313, 326) и «Сельская свадьба в Малмыжском у.» («Совр.», 1857, № 1) — О. внимателен не только к обрядам крестьян, но и к их материальному положению, уровню образованности, степени религиозности. Как священник он обличал суеверия, в чем нек-рые читатели усматривали антинар. позицию автора. Н. А. Добролюбов в своих дневниковых записях приводит мнения С. И. Лебедева, к-рый считал, что у О. «нет творчества, а просто ученое изложение», и И. И. Срезневского, упрекавшего О. в тенденциозном подборе песен, наговоров и преданий: «Что из того, что мужик поет скверную песню — нужно ли хвататься за нее, чтобы доказать, что народ наш никуда не годится?» (Добролюбов, VIII, 542—43, 584).

В автобиогр. ром. «Ливанов» (РСЛ, 1864, № 4—6), критически описывающем семинарский быт (взятничество при наборе, надзор старших учеников над младшими и т. д.), судьба юного героя «сломана» из-за обычая закреплять место умершего сел. священника за младшей дочерью (т. е. за ее будущим мужем) как своего рода приданое.

Др. произв.: рассказ «Ключница» (СО, 1859, № 35).

Лит.: Изергин Н. П. Писатели в Вятке. Лит.-краеведч. очерки. Киров, 1979, с. 79; Тезисы докладов и сообщений II науч. конференции «Вятская земля в прошлом и настоящем», т. 1, Киров, 1992, с. 265—67; Энциклопедия земли Вятской, т. 2, Киров, 1995. — Некролог: «Вятские епарх. вед.», 1876, № 23. Венгеров. Сл. (ошибочно указаны инициалы С. М.).

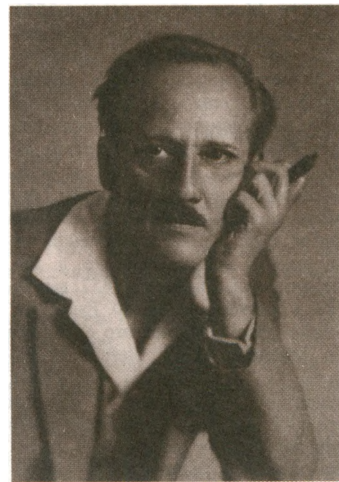
Архивы: ГА Киров, обл., ф. 237, оп. 7, д. 886, 887, 903—17, 1004, 1005, 1577; ф. 886, оп. 2, д. 2; ф. 616, оп. 1, д. 1, 11, 26, 13; ф. 390, оп. 2, д. 5 [справка Г. А. Земцова].

А. Н. Кузнецов.

ОСОГІН Михаил Андреевич [наст. фам. Ильин; 7(19).9.1878, Пермь — 27.11.1942, г. Шабри, Франция; похоронен там же], прозаик, публицист.

Согласно «Рос. родословной книге» П. В. Долгорукова (ч. 4, СПб., 1857), Ильины — прямые потомки Рюрика; в родстве с Аксаковыми; в роду — придворные, воеводы, ученые, драматург 18 в. Н. И. Ильин. Отец О., Анд. Фед. Ильин, — обесцененный помещик, юрист, участник разработки и проведения реформ Александра II, с 1874 чл. Перм. окружного суда (ЦИАМ, ф. 418, оп. 311, № 380). Мать, Ел. Ал-др. (урожд. Савина), владела неск. языками, в кон. 1890-х — нач. 1900-х гг. переведенные ею статьи и рассказы публиковались в «Перм. губ. ведомостях». Старший брат, Сер. Анд. Ильин, обществ. деятель, журналист и поэт, регулярно печатал стихотв. фельетоны и рецензии в той же газ. и др. уральских изд. (часто под псевд. Little man); автор кн. «Лирика и на злобы дня. Стихотворения» (Пермь, 1905). К светлым восп. о лет. годах О. обращались в своих произв. (см. мемуарные очерки «Портрет матери», «Дневник отца» — ПН, 1927, 12 сент., 16 окт.); сестра О., Ольга Ильина-Разицкая, — прототип героини «Повести о сестре» (Париж, 1931).

О. начал печататься в гимназич. годы: «На могиле воспитателя. Неск. слов по поводу смерти Ю. Х. Линке» («Перм. губ. вед.», 1895,

28 мая; указываемая в библиогр. источниках дата 19 марта 1896 ошибочна), заметки к перм. опере в газ. «Камско-Волж. край» (1896, 24 янв., подпись М.; 28 авг., подпись Ми), рассказ «Отец» в петерб. «Журнале для всех» (1896, № 5; подпись М. Пермяк), к-рый сам О. впоследствии называл «чудовищным по наивности».

Окончив в 1897 Перм. г-зию, О. поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та, откуда в 1899 за участие в студенч. волнениях был выслан на год в Пермь под негласный надзор полиции (ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1899 г., д. 2178); восстановлен в ун-те в 1900 с потерей года. Вплоть до окончания ун-та в 1902 О. вел в «Перм. губ. вед.» свободную в жанровом отношении (его корреспонденции тяготеют то к репортажу, то к очерку, то к рассказу) пост. рубрику «Московские письма» («Дневник москвича»), где уже начинало проступать своеобразие его манеры письма — доверительность, интимность интонации, мудрая, незлобивая ирония; именно

от живых и непосредств. корреспонденций ведут начало наиболее характерные черты его зрелого творчества, а не от публиковавшихся время от времени в том же изд. собственно рассказов, одни из к-рых написаны были в духе «физиологич. очерка» («По наклонной плоскости. Из студенческой жизни» — 1898, 12 авг., подпись М. И-н; «Арестантский вагон» — 1899, 11 апр., подпись И.), другие — в духе модных тогда «фантазий» («Два мгновения. Новогодняя фантазия» — 1898, 1 янв.; подпись М-и-н), третьи копировали стиль юмористич. ж-лов («Письмо сына к мамаше» — 1901, 14 янв.; подпись Нескромно сообщил — Я; атрибуцию этих рассказов, кроме последнего, атрибуцию ранних псевд. О., а также полную библиографию О. в «Перм. губ. вед.» см.: Поликовская), но все несамостоятельны и почти столь же наивны, как опубли. в гимназич. годы рассказ «Отец».

После 1902 О. занимался адвокатской практикой; одновременно писал анонимные заметки для газ. «Курьер» и библиотеч. отд. «Рус. мысли» (см. его автобиограф. в кн.: РВед. Сб., отд. II, с. 129). Вместе с К. А. Ковальским, А. С. Буткевичем и др. основал в Москве изд-во «Жизнь и правда», выпускавшее «лубочные книги»; подготовил к печати со своим предисл. книги В. А. Момина «Сиб. мотивы и др. стих.» (1903) и «Стихотворения и рассказы» М. Л. Леонова (1905). В 1904 в изд-ве выходят 3 брошюры О.: «Япония» (б. п., с рис. автора на обложке), знакомящая читателей со страной, к-рая «с недавнего времени сделалась нашим открытым врагом» (с. 4), «Русские военачальники на Дальнем Востоке» (б. п.) — биографии Е. И. Алексеева, А. Н. Куропаткина, С. О. Макарова и др., «Вознаграждение рабочих за несчастные случаи. Закон 2 июня 1903 года» (подпись М. А. Ильин; положит. отзыв: РМ, 1904, № 9).

В 1903 О. женился на Ек. Ал-др. Маликовой, эсерке, дочери народо-вольца А. К. Маликова (о нем — мемуарный очерк О. «Встречи. А. К. Маликов и В. Г. Короленко» — ПН, 1933, 5 марта). В 1904 вступил в партию эсеров. В 1905 опубли. в подпольной эсеров. газ. «Рев. Россия» ст. «За что?» (1 авг.; подпись Москвич), в к-рой оправдывал «борьбой за благо народа» убийство эсерами гр. Шува-лова.

О. был противником социал-демократов; широкое распространение получило написанное им в 1905 стих. «Молитва социал-демократа» с обращением к К. Марксу: «...О, великий учитель, — воскликнул С.-Д./ — Ты, чья догма всегда непреложна, Ты, чья схема навек прило-

жима везде./ Чьи слова изменять невозможно...» [стих. распространя-лись в списках; впервые за подписью М. А. Ильин (Осоргин) опубли.: ГМ, 1918, № 4/6; републи.: КО, 1991, № 23].

В террористич. акциях О. участия не принимал, но во время моск. вооруж. восстания у него на квартире хранились оружие и нелегальная лит-ра, скрывались террористы (П. А. Куликовский и др.). Из-за совпадения фамилии О. с фамилией руководителя одной из боевых дружин ему после ареста 19 дек. 1905 нек-рое время угрожала смертная казнь (эта ошибка стоила жизни матери О., к-рая, узнав об этом, умерла от разрыва сердца). Давать показания он отказался; был приговорен к ссылке в Нарым. край Томской губ. на 3 года, 8 мая 1906 временно освобожден под залог (ЦИАМ, ф. 16, оп. 96, д. 6, т. 18). В Таган. тюрьме О. перевел с франц. яз. книгу Э. Доллеанса «Роберт Оуэн» (М., 1906), вел дневник, позже опубликованный («Картины тюремной жизни. Из дневника 1906 г.» — РБ, 1907, № 11—12).

Впоследствии, отойдя от полит. деятельности, О. не отрекался от своего эсеровского прошлого и не раз обращался в своих прозв. к судьбам и характерам эсеров, показывая сложность, неоднозначность, ист. обусловленность их мировоззрения, действий: мемуарные очерки «Венок памяти малых» (сб. «На чужой стороне», [в.] 6, Б.—Прага, 1924), «Девятьсот пятый год. К юбилею» (СЗ, 1930, № 44), рассказ «Террорист» (ПН, 1929, 10 марта) и др. Документальную основу имеет диалогия «Свидетель истории» (Париж, 1932) и «Книга о концах» (Б., 1935). Прототип гл. героини Наташи Калымовой — участница неудавшегося покушения на П. А. Столыпина Наталья Климova, прототип о. Якова — Яков Шестаков, помощник О. в изд-ве «Жизнь и правда». Автор выступает летописцем «светлейшей дерзости» своих героев.

Лето 1906, проведенное в деревне под Москвой, — время первых разочарований О. в рев. идеалах: «не столько плохи дела, как плохи люди... Дошло до того, что трудно отличить революционера от хулигана» (письмо Буткевичу от 1 авг. — РГБ, ф. 599, к. 2, № 22). В конце августа О. уехал в Гельсингфорс, в ноябре нелегально эмигрировал в Италию, где поселился в местечке Сори, близ Генуи, в эмигрантской коммуне на вилле «Мария».

В печатных выступлениях («Письма эмигранта» — «Камский край», 1907, 17, 23 мая) и личных письмах [см. письма к Т. А. Буткевич (Сидоровой) — РГБ, ф. 599, к. 2, № 25] звучат мотивы, определившие твор-

чество О. на десятилетие, — любовь к Италии и тоска по России.

Опубли. в рус. прессе рассказы «Мать» («Трудовой путь», 1907, № 6) и стих. «Н...» (там же, 1907, № 11) были попыткой соединить рев. содержание с эстетикой символизма; О. обратился к новому для себя жанру дет. сказки. «Хочется приобщить к делу переоценки ценностей детей, — пишет он Буткевич, — ... возбудить презрение ко всякого рода догмам и категорическим императивам». О. поместил неск. сказок в ж. «Дет. мир» — «Цветы и травка» (1907, № 19), «Сказка про море» (1909, № 1), «Тучи» (1909, № 5), «Лычильно» (1909, № 12) и в ж. «Мирок» — «Царица жемчужин» (1908, № 6), «Король утесов» (1908, № 8), однако в худож. отношении они оказались слабыми: неувлекат. сюжет, сентиментальность, назидательность. Нек-рые из них впоследствии вошли в кн. «Сказки и несказки» (М., 1918).

В нач. 1908 О. вместе с Буткевичем уехал на неск. месяцев в Париж, где общался с В. В. Лебединцевым и др. членами «левой группы» партии эсеров, участвовал в конференции этой группы (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1908 г., д. 9, т. 1). Посылал репортерские материалы о париж. жизни в моск. газ. «Руль».

Возвратившись (май 1908) на виллу «Мария», О. втягивается в лит. работу. С авг. 1908 сотрудничает в «Рус. вед.» сначала как автор, затем — штатный корр. по Италии, а с янв. 1909 — и в «Вест. Европы». Он все менее расположен к барактанью в «тине эмигрантской жизни»; отношения с эмигрант. средой становятся тяжелыми. В нач. 1909 О. покинул Сори и поселился в Риме.

Осенью 1911 эмиграция устраивает суд над О. за якобы истоваришеское поведение, присвоив так же ни на чем не основанное обвинение в плагиате и в покровительстве растратчику казенных средств. «Мое имя настоящее и моя литература сделались... мишенью для мелочных и нелепых обвинений и двусмысленных улыбок», — писал О. в септ. 1911 А. В. Амфи-театрову (РГАЛИ, ф. 34, оп. 1, № 203; см. также: УР, 1911, 8, 30 июля, 18 авг.). В эсеровской газ. «Известия Заграничного комитета рус. социал-революционеров» (Париж, 1911, янв., № 13) О. опубли. ст. «Личное мнение», в к-рой выражает симпатии тем, кто задумывается над этич. обоснованностью террора и сомневается в необходимости всякой рев. и парт. деятельности, особенно если она не соответствует нравств. принципам человека.

Духовные поиски О. приводят его к масонству. Он вступает в *Venti Settembre* союза Великой ложи Италии (согласно Н. Н. Берберовой, до 1914; см. в ее кн.: Люди и ложи. Рус. масоны XX столетия, Н.-Й., 1986, с. 146; по утверждению О. Ю. Авдеевой и А. И. Серкова, в 1914; см. их предисл. к кн. О. «Вольный каменщик», М., 1992).

10 лет жизни О. в Италии были чрезвычайно насыщенны; хорошо овладев итал. языком (в т. ч. его диа-

лектами), он обзавелся друзьями в разл. слоях итал. общества, много ездил по стране. Учился живописи; руководил экскурсиями рус. учителей по Италии и опубли. об этом в 1911—1912 цикл статей в «Рус. ведомостях». Однако наиб. плодотворно работал как журналист.

Только в «Рус. вед.» было опубли. более 400 его мат-лов — репортажи, статьи, очерки о самых разных сторонах жизни Италии. Пристально следил О. за новостями итал. культуры: статьи о творчестве Г. Д'Аннунцио, А. Фогашаро, Дж. Пасколи, Ч. Паскарелли и др., об итал. футуризме в лит-ре и живописи — «Люди будущего» (1910, 12 февр.), «Футуристы и их поэзия» (1910, 27 авг.), «О „девушках, помноженных на балкан“» (1913, 2 марта), «Центробежные завитушки» (1913, 6 дек.), «Закат футуризма» (1913, 18 дек.), «Патент на изобретение» (1913, 31 дек.). По его мнению, произв. итал. футуристов — «разрушителей культуры» — представляют собой не направление, а «отклонение» в иск-ве, возникшее, однако, на определ. культурно-ист. почве как протест против засилья академизма.

После возвращения из Парижа О. уезжал из Италии только дважды — по заданию «Рус. ведомостей»: в 1911 побывал в Черногории, на границе к-рой шла война между албанцами и турками, и в др. балкан. странах (на материале репортажей впоследствии написал очерк «В некотором царстве» — ПН, 1926, 2 мая), в 1912 — на фронтах 1-й балкан. войны (более 20 корреспонденций в течение сент. — дек. 1912, легших в основу очерка «Встречи. Начало „великих дней“» — ПН, 1933, 10 апр.).

За годы эмиграции О. стал одним из самых серьезных рус. журналистов, крупнейшим специалистом по Италии. В 1913 вышла его кн. «Очерки современной Италии» (М.), по просьбе бр. Гранат он написал главу об Италии в кн. «История нашего времени. (Совр. культура и ее проблемы)» (т. 1, [в. 1—4], СПб., [1910—11]). В «Вест. Европы» опубли. рассказы «Эмигрант» (1910, № 6), «Моя дочь» (1911, № 10), «Призраки» (1913, № 11—12), позже составившие кн. «Призраки. Три повести» (М., 1917), а также тематически примыкающий к ним рассказ «Старая вилла» (1909, № 6), место действия к-рого напоминает о вилле «Мария»; глн. герой рассказов — эмигрант, усмнившийся в том деле, к-рое искалечило его судьбу во имя призрачного счастья будущих поколений. Эти первые худож. произв. О., вобравшие личный опыт автора, по уровню уступаая его зрелой прозе времен «второй эмиграции», во многом уже сродни ей выношенностью и выстраданностью содержания, тематич. и идейным родством с документ. жанрами. Нек-рые написанные в Италии рассказы в переработ. виде вошли в книги кон. 20-х гг. [«Пиппо» — РВед, 1913, 14 апр. (др. назв. — «Певец кабакчиков»), «Годовщина землетрясения» — там же, 1909, 22 дек. (рассказ «Мессина»), а

также первый мемуарный очерк О. «Елки. То, что помнится» (там же, 1911, 25 дек.; отд. эпизоды вошли в кн. «Времена»)]. Итал. впечатлениям навеяны мн. страницы сб-ка рассказов «Там, где был счастлив» (Париж, 1928). Однако мысль О. постоянно «устремлена на северо-восток», и это нашло отражение в полемике с М. Горьким по поводу отношения рус. эмигрантов к амнистии 1913; если Горький считал, что тоска по родине не свойственна рус. человеку, то О. убежден: «Наш космополитизм есть лишь красивая форма нашей страдающей гордости и нашей неоткровенности даже с самим собой» (ИМЛИ, Архив Горького, КГ—П 55—12—3).

На О. «как обманувшего правосудие» амнистия не распространилась. С нач. 1-й мировой войны он начал добиваться разрешения на въезд в Россию. Но ни хлопоты его второй жены Р. Гиниберг, выехавшей в мае 1915 на родину (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1915 г., д. 9, т. 1), ни «благоприятное» для О. донесение полиц. агента не помогли; офиц. ответ был: «...в случае прибытия в Россию подлежит водворению в Сибирь» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1914 г., д. 9, ч. 1 лит. А). Он вернулся полулегально — через Францию, Англию, Норвегию, Швецию, отправляя с дороги в «Рус. вед.» путевые очерки (в 1933 переработал в очерк «Встречи. На пути в отечество» — ПН, 27 авг.).

В июле 1916 О. приехал в Петроград, присутствовал на заседаниях Гос. думы (РГАЛИ, ф. 1464, оп. 2, № 37), в августе переехал в Москву; 24 авг. 1916 в «Рус. вед.» опубли. его ст. «Дым отечества», резко критическая по отношению к рос. бытию и заканчивающаяся словами: «...очень хочется взять российского человека за плечи... тряхнуть и прибавить: „А и горазд же ты спать даже и под пушки!“». Статья вызвала поток возмущенных писем от «истинных патриотов»; 30 авг. О. опубли. «Ответ читателю», в к-ром отстаивал свое право «трогать общество».

В сент. 1916 О. по заданию «Рус. вед.» отправился в 2-месячную поездку по России, побывал в Ярославле, Вологде, Перми, проплыл по Каме и Белой, высылая корреспонденции, составившие цикл очерков «По Родине». В ноябре вернулся в Москву, продолжал работать в газете; в янв. 1917 выехал в качестве корреспондента на Зап. фронт; в цикле статей «По тихому фронту» (28 янв., 1, 9, 12, 21 февр.) привл. внимание к условиям повседневной жизни солдат на фронте.

Февр. революцию 1917 О. принял вначале как свершение идеалов своей молодости, однако вскоре убедился, что борьбу за подлинную свободу необходимо продолжать; он выступа-

ет против ряда декретов Врем. правительства, а также против большевистской опасности: уже весной 1917 в ст. «Старая прокламация» [24 мая (6 июня)] говорит о «правительстве Владимира» и призывает «дать решит. отпор новому самодержцу». В мае 1917 О. переходит из «Рус. вед.» в только что основанную более «левую» газ. «Власть народа», печатается также в «Нар. социалисте», защищая идею свободы личности в рамках определ. нравств. принципов, пропагандируя просвещение и борьбу с невежеством, толкающим массы к бессмысленному насилию. «Простой человек» и «свобода» — ося. тема цикла беллетризов. очерков «об Аннушке» («Власть народа», июнь — ноябрь).

В изд-ве «Задруга» О. редактирует серию брошюр «Свободный народ» и выпускает свои брошюры: «Борцы за свободу» (М., 1917) — о народо-вольцах А. И. Желябове, С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчиче, Г. М. Гельфман, И. И. Гриневецком, «Про нынешнюю войну и про вечный мир» (2-е изд., М., 1917), в к-рой выступает за войну до победы и против сепаратного мира, и «Охранное отделение и его секреты» (М., 1917), материал для к-рой дало ему участие в разборе документов охранки.

После Окт. революции О. печатался в газ. «Власть народа», в редактируемом им прил. к этой газете — «Понедельник», затем в газ. «Родина», «Наша Родина» и др., а после закрытия в мае 1918 оппозиц. газет — в «Киев. мысли» (в последней кроме обычных подписей под псевд. М.—Б., не зафиксированным в библиографич. справочниках) как противник большевиков. В выпущенной 17 дек. 1917 Клубом моск. писателей газ. «Слову — свободу» подписал в числе других протест против наступления на свободу печати; 23 дек. 1917 в газ. «Царь-голод» (изд. Центр. стачечного к-та гор. служащих) призывал ко всеобщей полит. забастовке; 5 янв. 1918, в день заседания Учредит. собрания, в газ. «Щит» предсказывал в ст. «День скорби», что большевики задуют Учредит. собрание. О. считал, что корни трагич. событий в России — в созданной веками рабства психологии народа, в грубых полит. ошибках, ответственность за к-рые лежит на всех социалистич. партиях. Когда стало ясно, что свергнуть большевиков не удастся, О. отказался от призывов к тотальному бойкоту власти и убеждал интеллигенцию заняться созданием трудом («Жизнь продолжается», «Что жизнь указывает» — «Понедельник „Власти народа“», 1918, 11 марта, 15 апр., «Что делать? Делать и верить» — «Родина», 1918, 28 апр.). Излюбленный жанр О.-журналиста — беллетризов. очерк-эссе, где

конкретные социально-полит. события рассматриваются в контексте не только человеческой истории, но и вселенского бытия. Свойственная зрелой прозе О. лирич. ирония над антропоцентрист. амбициями впервые начинает звучать в газетных выступлениях 1917—18.

О. стал одним из организаторов и первым пред. Союза журналистов и вице-пред. Моск. отделения Всерос. союза писателей (совм. с М. О. Гершензоном он написал устав Союза). В сент. 1918 О. вместе с Б. К. Зайцевым, В. Ф. Ходасевичем, Н. Н. Минаевым и др. сделался пайщиком созданной ими Книжной Лавки писателей, к-рая стала не просто букинистич. магазином, но центром непосредств. общения читателей и писателей (в качестве продавцов работали изв. писатели и философы России), а также и своеобразным рукописно-автографич. изд-вом (о деятельности Лавки, а также полный список выпущенных рукописных книг см.: Богомолов Н. А., Шумихин С. В., Книжная Лавка писателей и автографич. издания 1919—1922 гг. — В кн.: Ново-Басманная, 19, М., 1990). О. принимал активное участие в работе кружка «Студия Итальяна».

В 1919 О. арестован, провел 5 дней в подземелье на Лубянке; освобожден по ходатайству Союза писателей и Ю. К. Балтрушайтиса. В 1921 участвовал в работе Комиссии помощи голодающим при ВЦИК (Помгол), был ред. бюлл. «Помощь»; в авг. 1921 арестован вместе с нек-рыми др. членами комиссии, от смертной казни их спасло вмешательство Ф. Нансена. О. был выслан в Краснокошайск, но из-за болезни добраться туда не смог и зиму 1921/22 провел в Казани, где был анонимным ред. и автором «Лит. газ.»; весной 1922 ему разрешили вернуться в Москву.

В течение «межэмигрантских» лет О. продолжал публиковать сказки для детей и рассказы, по просьбе Е. Б. Вахтангова перевел с итал. яз. «Принцессу Турандот» К. Гоцци (начиная с 1922 пьеса более 10 лет не входила со сцены, опубли.: М.—П., 1923; переводил также пьесы К. Гольдони, Л. Кьарелли и др.); из рассказов, написанных в 1917—19 (частично опубли. в 1917 в «Рус. вед.»), составила кн. «Из маленького домика. Москва 1917—1919» (Рига, 1921). В книге, как и в публицист. статьях, О. размышляет над соотношением личного и общественного: «Дописав эту книжку, автор понял, что уйти из мира не трудно, но и в себе самом никак не занавесишь окошечка, в которое смотришь мир», — говорит он в предисловии. Жанр книги трудно определить: «Сам не знаю, к какому роду литературы она

относится... Ведь и жизнь наша... не то страшная сказка, не то оскорбительная хроника, не то великий пролог новой божественной комедии». В рассказе «Ça ira — симфония» (окт. 1917) возникают образы солдата и девушки, как бы предвосхищающие образы «Двенадцати» А. А. Блока, но О. смотрит на них иначе: «Мне они страшны, солдат с девушкой».

В 1918 О. задумывает большой роман о революции и трагич. судьбе рус. интеллигенции, делает первые наброски к нему (гл. «Обезьяний городок» опубли.: «Вечерняя жизнь», 1918, 4 апр.). Далеко не все написанное О. в эти годы было опубли., в архивах сохранилось и того меньше:

М. А. Осоргин на борту теплохода, шлюпушество в Германию. Зарисовка И. А. Матусевича. 1922. Из кн.: М. Осоргин, «Синев Вржеж», М., 1990.

либретто для оперетты «Чайный цветок» (РГАЛИ, ф. 1464, оп. 2, № 12), наброски к пьесе «Шарики» (там же, ф. 2118, оп. 1, № 105) и др.

Осенью 1922 О. вместе с группой писателей, философов, ученых был выслан из СССР (очерк «Как нас уехали. Юбилейное» — ПН, 1932, 28 авг.), до конца жизни он утверждал, что добровольно никогда бы не покинул Россию (до 1937 сохранял сов. паспорт). Вначале жил в Берлине, был чл. редколлегий и пост. автором газ. «Дни», ездил в Италию с чтением лекций, однако поселиться в стране, где у власти Муссолини, не захотел (см.: «Итальянское письмо» — «Воля России», Прага, 1923, № 15). Осенью 1923 переехал во Францию. В 1926, после женитьбы на Тат. Ал. Бакуниной (1904—95), дальней родственнице М. А. Бакунина, жизнь О. вошла в спокойную.

благодатную для творчества колею. Писательский талант О. раскрылся на чужбине. «Почти все мои книги написаны в эмиграции, — писал он в кн. «Времена», — ...но жизненный материал для этих книг давала только русская жизнь» (цит. по изд.: «Времена», Екатеринбург, 1992, с. 598). Возникший на родине замысел романа «Синев Вржеж», принесшего ему мировую известность, был осуществлен во Франции. Роман выдержал подряд два изд. на рус. языке (Париж, 1928, 1929), был переведен на иностр. языки, в США получил премию Книжного клуба. О нем много писал рус. эмигрант. печать; однако рецензенты, единодушно признавая худож. достоинства романа, разделяя обществ.-полит. позицию автора, не всегда одобряли его филос. взгляды. Б. К. Зайцев писал: «...он хочет равнять человека не по высшему (по „четвертому измерению“), а по низшему (по „второму“), упорно навязывая мне родство с муравьями, ... мышами, в лучшем случае — ласточками, и забывая, что у нас с автором есть не только подвальные родственники. Отсюда же идут и его стремления при каждом удобном случае надерзить Богу» (СЗ, 1928, № 36, с. 532).

Зрелая проза О. («Там, где был счастлив», «Чудо на озере» и др.) часто напоминает его газетные очерки и кн. «Из маленького домика». «Простота и обычная форма — характерные для О. стремление быть вне „литературы...“ Читателю кажется, что люди и предметы, о которых говорит О., существуют сами по себе, независимо от писателя..., а тот стоит в стороне, в скромной роли гида» (К. Мочульский — СЗ, 1931, № 46, с. 494—95).

В Париже О. становится пост. автором «Последних новостей» и «Совр. записок», печатается в рус. прессе Латвии, Чехословакии и др. стран. «М. Осоргиным написаны сотни фельетонов... приходилось жалеть об однодневном существовании газетного листа: столько в этих, наспех написанных газетных строках, бывало подлинной литературы, примечательных мыслей, любви к русскому прошлому и русскому языку» (С. Савельев — «Рус. записки», Париж, 1938, № 12, с. 193).

В «Последних новостях» О. вел 17 тематич. рубрик; серия статей на библиофильские темы — «Заметки старого книговеда» стали первой книгой О., вернувшейся к рос. читателю (М., 1989).

О. много размышлял о судьбах России и Европы, кризисе гуманизма и культуры, о фашизме и коммунизме, находил в них глубинное сродство и считал, что его собств. место там, «где личность и свободная общественность борются против наси-

лия над ними, чем бы это насилие ни прикрывалось» (письмо О. к Буткевичу; см.: «Разговор „через решетку“» — альм. «Звенья», в. 2, М., СПб., 1992, с. 500; публ. А. И. Серкова). Неприятие большевизма не мешало О. откликаться на заметные лит. явления в СССР, что осложняло его отношения с рус. эмиграцией [см. высказывания о нем А. Ф. Керенского, М. В. Вишняка, И. И. Фондаминского (Бунакова), приведенные в ст. О. «Самоубийственная страничка из ...» — ПН, 1925, 24 нояб.]. О-

забывая при этом о масонских принципах, должен уметь видеть в противнике человека и защищать человечность даже в разгар борьбы. В пов. «Вольный каменщик» (Париж, 1937) на примере ее гл. героя, рус. эмигранта, О. показывает, как масонство духовно обогащает «маленького человека», делает его счастливым при самых неблагоприятных жизненных обстоятельствах.

Теплую часть года О. проводил в своем доме под Парижем, его «огордные записи» составили кн. «Про-

М., 1989 (сост., вступ. ст. и прим. О. Г. Ласунского); Сивцев В. В. Роман. Повесть. Рассказы, [М.], 1990 (сост., предисл. и комм. О. Ю. Адамовой); Литература рус. зарубежья. Антология, т. 1, кн. 2, М., 1990, с. 394; Восп. Повесть о сестре, В., 1992 (сост., вступ. ст. и прим. О. Г. Ласунского); Мемуарная проза, Пермь, 1992 (сост., вступ. ст. и прим. О. Г. Ласунского).

Лит.: Егуч, Н. С. Слов г-ну О. — «Футуристы». Первый журнал рус. футуристов, 1914, № 1/2, с. 96; Слоним М. Л., О.-писатель. — «Нов. рус. слово», Н.-Й., 1942, № 10824; Slonim M., Modern Russian literature, from Chekhov to the present, N.Y., 1953 (Index); Забегинский Г., Жизнь и творчество О. К десятилетия со дня его смерти, «Нов. рус. слово», 1952, 5 окт.; Кускова Е. (Д.), Законный песенник. (К 10-летию смерти О.). — Там же, 1952, 30 нояб.; Зайцев Б. К., Италия. — В его кн.: Далекое, Вашингтон, 1965; Струве Г. П., Осоргин. — В его кн.: Рус. лит-ра в изгнании, 2-е изд., Париж, 1984, с. 272—74 (и ук.); Fiene D. M., M. A. Osorgin: The last Mohican of the russian intelligentsia. — «Russian Literature Quarterly», 1979, № 16; Becca Pasquincelli A., La vita e le opinioni di M. A. Osorgin. (1878—1942), Firenze, 1986; Геллер М. О. — писатель на все времена. — «Нов. журнал», 1988, кн. 171, с. 127—43; Эфрон А., О Марине Цветаевой. Восп. дочери, М., 1989, с. 99, 100, 102, 104; М. Осоргин: «Хотел бы печататься только в России...» [Беседа писателя Б. Носика с вдовой писателя Т. А. Осоргиной-Бакуниной]. — КО, 1990, № 19; Осоргина Т., [По поводу публ. писем В. Ф. Ходасевича и Н. Н. Берберовой. III]. — «Минувшее», [в.] 6, М., 1992, с. 472; Поликовская Л. В., М. Осоргин. Начало пути. — «Библиография», 1993, № 2; с. 58; О. в собств. рассказах и докум. ГПУ. — «Минувшее», в. 19, М.—СПб., 1996; Елина Н., Роза Гинцберг-Осоргина — дочь Ахад-ха-Ама. — «Евреи в культуре рус. зарубежья», в. 2, Иерусалим, 1993, с. 545—65; Павловский А., К характеристике автобиограф. прозы рус. зарубежья. (И. Бунин, М. Осоргин, В. Набоков). — РЛ, 1994, № 3; М. Осоргин. Страницы жизни и творчества. — Мат-лы науч. конференции «Осоргинские чтения» (23—24 нояб. 1993 г.), Пермь, 1994; Пасквинелли А., О. и итал. футуризм. — ФЗ, в. 3, № 194, «Глас „Родина“ закрыть навсегда». — «Родина», 1994, № 5 (публ., предисл. и прим. Я. Лоскутова); Серков А. И., История рус. масонства. 1845—1945, СПб., 1997 (ук.). → Розенберг В. А., Из истории рус. печати. Организация общества миссия в России и независимая беспарт. газ. «Рус. ведомости». (1863—1918 гг.), Прага, 1924, с. 248—49; Barmache N., Fiene D. M., Ossorguine T., Bibliographie des oeuvres de Michel Ossorguine, P., 1973; Рус. эмиграция, с. 367—68 (и ук.); Абызов, ч. 3, с. 190—95; КЛЗ: Гранат, т. 11, стб. 681; Казак; Масалов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1464; ф. 218 (Зюлгарев А. А.), оп. 1, № 141, л. 20; ф. 1796 (Перулов П. П.), оп. 1, № 158; ф. 66 (Белосюзов О.), оп. 1, № 839; ф. 675 (Сюзов драм. и муз. писателя), оп. 2, № 467 (анкета О.); ф. 1701 (РВ), оп. 2, № 566; оп. 2, № 847 (письмо Р. Гинцберг-Осоргиной в «Рус. вед.»); РГБ, ф. 135 (Короленко В. Г.), разд. III, к. 3, № 91 (письмо О.). № 12 (предисл. О. к итал. изд. книги Короленко «Бытовое явление»); ф. 599 (Буткевич), к. 2, № 24, 26 (письма О. к Буткевичам); ГАРФ, ф. 102, ОО, 1905 г., II отд., л. 1563; ЦИАМ, ф. 418, оп. 514, № 42; ИМЛИ, Архив Горького, КГ—П, 55—12; ГИМ, ф. 96; ЦА ФСБ, Н.—1557, 1922 г.

Л. В. Поликовская.

ОССЕНДОВСКИЙ Антон Мартынович [наст. имя — Фердинанд-Антоний; 25.8(6).1876*, под Витебском (по др. сведениям — г. Опочка Псков. губ.) — 3.1.1945, Гродзиск, Мазовия, Польша], прозаик, журналист. Писал на рус. и польск. языках. Из дворян. Сын полка-врача. С 1885 учился в Каменец-Подольской г-зии, завершил курс в Петербурге. В гимназич. годы редактировал ученич. ж-л; впервые выступил с путевыми очерками в одной из одес. газет. По-

Проводы Андрея Белого в Берлине. 1923. Слева направо стоят: А. М. Ремизов, В. Ф. Ходасевич, П. П. Муратов, Н. Н. Берберова; сидят: А. Белый, М. А. Осоргин, А. В. Бахрах, Б. К. Зайцев.

нако к нему тянулась эмигрантская лит. молодежь (В. Л. Андреев, Г. Газданов, В. Б. Сосинский, Ю. П. Анненков); Г. Д. Гурвич (в некрологе) даже назвал О. ее «вождем». О. в Париже не входил ни в какие кружки и группировки, но много времени и душевных сил уделял деятельности в масон. ложах. Активный чл. ложи «Сев. звезда» («оратор» в 1931—33 и 1937—38; «достойный мастер» в 1938—39). В 1934 по его инициативе создается «правильная и совершенная ложа «Сев. братья», руководителем («первым мастером») к-рой он был до осени 1938. В представлении О. Братство Вольных Каменщиков не что иное, как союз людей, общими силами ищущих истину — в познании природы, причин и задач бытия, смысла жизни. Истина же, уверен О., может постигаться (но не быть постигнутой) только людьми абсолютно свободными от всяких догм, в т. ч. и религиозных (Бог для него — понятие примитивное, а церковь — великое зло). О. был против обсуждения в ложах к.-л. полит. проблем, но не считал, что масон не должен активно и заинтересованно участвовать в жизни «профанской», не

исшествия зеленого мира» (София, 1938; рец.: В. С. Яновский — «Рус. записки», 1939, № 15; П. Пильский — «Сегодня», Рига, 1939, № 8) — пантеистич. гимн земле и ее бессловесным обитателям.

В июне 1940, за два дня до захвата немцами Парижа, О. с женой уехал в свободную зону, в Шабри. Оттуда он высылал в газ. «Нов. рус. слово» (изд. в США) корреспонденции, сложившиеся в циклы: «В тихом местечке Франции (июнь—декабрь 1940)» (отд. изд. — Париж, 1946, рец.: М. К. — «Нов. журнал», Н.-Й., 1947, № 15) и «Письма о незначительном. 1940—1942» (Н.-Й., 1952). Последним стало 52-е письмо.

«Осоргин был не только крупнейшим писателем, — писал в некрологе Гурвич. — Он был замечательным человеком... последним рыцарем духовного ордена рус. интеллигенции. Служение этому ордену было его призванием, не менее важным и нужным, чем его писательская деятельность» («Нов. журнал», 1943, № 4, с. 357).

Изд.: Письма — «Cahiers du Monde Russe et Soviétique», 1984, v. 25 (2—3), avril — septembre, p. 295—332; Времена, М., 1989 (предисл. А. Л. Афанасьева); Заметки старого книговеда,

ступил на физ.-матем. ф-т Петерб. ун-та, где специализировался по химии. За участие в студенч. волнениях 1899 на 5 месяцев подвергся тюремному заключению, после чего уехал за границу. Изучал в Сорбонне хи-

мию и физику. После возвращения в Россию получил диплом Петерб. ун-та со степенью кандидата естеств. и матем. наук (1900) и был зачислен в Томский технологич. ин-т старшим лаборантом. С 1902 зав. лабораторией управления Уссурийской ж. д. (Владивосток); с 1904 зав. Испытат. химико-механич. лабораторией Управления Кит.-вост. ж. д. (в Харбине), по поручению армейских властей изучал возможности использования в воен. целях местных минералов и растений. Печатался в сиб. газетах; в 1901—09 публиковал статьи по химии и минералогии в отеч. и заруб. науч. ж-лах.

В окт. 1905 — янв. 1906 возглавлял стачечный к-т Кит.-вост. ж. д., в связи с чем был осужден на полгода года тюрем. заключения [ГАРФ, ф. 102, 7 д-во, 1906 г., д. 2441; РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 300; восп. на польск. яз. — «Od szczytu do otchłani» («С вершины в бездну»), Warsz., 1925]. После освобождения уехал с Д. Востока, в 1908 в течение неск. месяцев был технич. директором асфальтовой фабрики в Киеве. В 1909 вернулся в Петербург. В 1910—1911 ред. газеты на польск. яз. «Dziennik Petersburgski» (РГИА, ф. 777, оп. 9, д. 1965; оп. 14, 1909 г., д. 414; оп. 16, 1910 г., д. 257). В 1911—17 секр. Постоянной совещат. конторы золото- и платинопромышленников, ред. ж. «Золото и платина» (РГИА, ф. 49, оп. 1, д. 253; ф. 776, оп. 12, 1891 г., д. 69, л. 127); одновременно в 1913—14 дир.-распорядитель Рус. товарищества тигельных заводов.

В 1909 О. предложил ж. «Рус. богатство» написанную на основе тюремных наблюдений пов. «Людская пыль».

В. Г. Короленко, признавая у автора «несомненные признаки лит. дарования», тем не менее отклонил рукопись, т. к. в ней на «3/4 известный уже всем тюремно-бытовой материал» (РГБ, ф. 135, к. 22, № 1332, л. 114; см. также письмо Короленко к О. в кн.: Лстов Б., В. Г. Короленко — редактор, Л., 1961, с. 98—99). О. напечатал повесть отд. изданием в том же году (СПб.), однако после ценз. запрещения тираж был уничтожен (РГИА, ф. 777, оп. 15, 1909 г., д. 58); один экз. дошел до Л. Н. Толстого, к-рый отнесся к повести с интересом (см.: Толстой в восп., т. 2, М., 1978 (ук.): ЛН, т. 90, кн. 4, с. 18); в 1911 переизд. под назв. «В людской пыли» (СПб.).

Эта первая и лучшая книга О. подробно описывала (в традиции «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского) быт и нравы тюрьмы (М. Чунов (И. И. Ясинский): «...правдиво и страшно... есть картины невероятной грязи, написанные, однако, сдержанной кистью». — «Нов. слово», 1911, № 11, с. 156); автор «словно сконцентрировал в небольшой пов. безграничный ужас тюремной жизни». — «Новый журнал для всех», 1911, № 33, с. 123). Сочувствие к заключенным, неприятие жестокой гос. машины и людей, служащих ей, сочетаются у О. с настроениями фатализма и страха перед жизнью (выражены, прежде всего, в лирико-метафизич. отступлениях и комментариях), сближающими его с А. М. Ремизовым, а также польск. писателем С. Пшибышевским.

С успехом шла в 1909 в Литейном театре В. А. Казанского (СПб.) одноактная пьеса О. «Жертва тайги» («производит очень сильное впечатление постепенным нарастанием драматизма» — БВед, 1909, 23 окт.).

После неудачных попыток сотрудничества в толстых ж-лах О. в нач. 1910-х гг. сменил читательский адрес и соответственно жанры и тематику своих произв., став типичным представителем «массовой лит.-ры». Печатался в тонких, как правило — илл. ж-лах: бытовые рассказы о жизни на зол. приисках («В гиблых местах» — НЖДВ, 1910, № 25; «Бык» — «Весь мир», 1912, № 37; «Перед лицом Бога» — «Нов. слово», 1912, № 12), неприязнат.-юмористич. «зарисовки» («Степаныч подвел» — «Новая Заноза», 1912, № 3; «Будущий столп» — там же, № 7; «Черная маска» — «Геркулес», 1913, № 3), оккультные, наполненные мистич. ужасом новеллы («Бег конца» — «Огонек», 1913, № 11; «Тайна трех смертей» — там же, № 41; «Ложа священного алмаза» — «Аргус», 1913, № 7). В науч.-фантастич. повестях проявились обширная науч. эрудиция и богатое воображение О. [«Бриг „Ужас“» (ЛПН, 1913, № 11—12), «Грядущая борьба» (ЛПН, 1914, № 10), «Женщины, восставшие и побежденные» («Свободный журнал», 1914, № 5, 6; отд. изд. — М., 1915; резкая критика с позиций эстетики бытового правдоподобия: Ож. Ал. (Н. П. Ашешов) — СМ, 1915, № 3, с. 175—176, 2-я паг.].

Многое почерпнул у Г. Уэллса, О., в свою очередь, оказал, по-видимому, влияние на сов. научную фантастику 1920-х — нач. 30-х гг.:

осн. его темы (социальные последствия науки, к-рая может облагодетельствовать или погубить мир; маппинизация и технократизация общества; стремление трестов и монополий к власти над миром и т. д.) и сюжетные мотивы (борьба за имеющиеся восп., ценность изобретения; быстрая смена событий; пристрастие к изолиров. местам действия: остров, корабль; катастрофа с благополучной развязкой в финале и т. п.) фигурировали впоследствии у А. Н. Толстого, А. Р. Белиева и др.; в «Грядущей борьбе» О. предвосхищены нек-рые мотивы ром. Е. И. Замятина «Мы». Это дает основание считать его произведение одним из первых в рус. лит.-ре антиутопий.

Печатался в газ. «Бирж. вед.» (1910—13), «Веч. время» (1914—17; секр. редакции), «Слово», «Петербург. листок», «Торгово-пром. газ.» и др. В публиц. статьях рассматривал состояние промышленности и торговли (гл. обр. Сибири и Д. Востока), нередко писал о положении рабочих. Анализировал социальные причины роста числа самоубийств («Не спасайте...» — БВед, 1911, 3 дек.), описывал голод в Сибири («Темный ужас» — БВед, 1912, 2 марта), доказывал необходимость создания дет. домов для петерб. бедноты («О детях Петербурга» — БВед, 1911, 7 июля) и т. п. В ж. «Аполлон» печатал статьи о кит. лит.-ре («Совр. творчество китайцев» — 1911, № 7; рец. на переводы стихов Ли Бо — 1911, № 8).

В годы 1-й мировой войны О. с шовинистич. позиций писал о нем. народе (брошюра «Великое преступление. Материалы для обвинения Германии и Австрии, их императоров, правительства и народа культурным человечеством в нарушении междунар. права и законов и обычаев войны», П., 1915; по отзыву А. Рупорова: «немцевство» и «бутербродная стряпня» — ЖЖ, 1915, № 27), сеял подозрительность, рассматривая рос. немцев как шпионов Германии (см. многочисл. статьи в газетах, напр.: «Закон предательства» — «Веч. время», 1915, 4 окт.; «Еще о рус. немцах» — там же, 27 окт.; а также пов. «Мирные завоеватели», П., 1915). Принимал участие (совм. с И. Ф. Манасевичем-Мануйловым) в шантаже проживавших в Петербурге нем. и австр. подданных, публикуя сведения о них (если они не откупались) в «Веч. времени» (ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 99, л. 575). Из-за шантажа им одной дальневост. нем. фирмы было заведено судебное дело (см.: РГИА, ф. 857, оп. 1, д. 1490—1498; Мельгунов С., О совр. лит. нравах, М., 1916, с. 36).

В 1918—20 О. жил в Омске, преподавал в Политех. ин-те и Сел.-хоз. академии. В 1919—20 чл. Совета Мин-ва финансов и чл. Ученого совета Мин-ва сел. хозяйства пр-ва А. В. Колчака. Печатался в газ. «Рус. армия» (Омск) (см., напр., ст. «Изнанники человечества», 1919, 1 авг.). После разгрома колчаковской армии бежал через монг. степи и Ти-

бёт в Китай, затем через Японию перебрался в США. Написанная с помощью амер. журналиста Л. С. Палена книга о приключениях во время бегства из России «Beasts, Men and Gods» (N. Y., 1922) стала бестселлером, была переведена на мн. языки (в т. ч. на рус. яз. — «Звери, люди и боги», Рига, 1925; «И звери, и люди, и боги», М., 1994) и породила сравнения О. с Дж. Конрадом, Р. Киплингом и Дж. Лондоном (правда, некоторые исследователи и путешественники утверждали, что мн. геогр. и этногр. описания О. не соответствуют действительности, см., напр.: Hedin S., Ossendowski und die Wahrheit, Lpz., 1925).

В 1922 переехал в Польшу, преподавал в Высшем воен. уч-ще, в Высшем коммерч. уч-ще, Уч-ще полит. наук в Варшаве.

Выпустил: неск. десятков книг на польск. яз., в т. ч. путевые зап. о путешествиях по Африке («Płomienna północ» («Опаленная полдень»), Lwów, 1926; «Pod smaganiem samum» («Под натиском самума»), Poznań, 1926) и Палестине («Gaznawce ognie» («Гаснущие огни»), Poznań, 1931); повести, действие к-рых происходит на экзотич. Востоке («Cud bogini Kwan-Non» («Чудо богини Кван-Нон»), Poznań, 1924; «Czao-Ra» («Чо-Ра»), Warsz., 1931); повести о польск. истории («Wabiec z Lisowa» («Ваньчо из Лисова»), Lwów, 1928; «Pod sztandarami Sobieskiego» («Под знаменами Собесского»), Warsz., 1938) и мн. др. Романзирова биография («Lenini» («Ленин»), Poznań, 1930), гл. герой к-рой изображен как нескранный политик и жестокий диктатор, была переведена на мн. языки.

Лит.: Акционерно-пасные предпринятия России, М., 1914, с. 365—366; Глинский Б., Новое время, (1876—1916 гг.), П., 1916, с. 115; Томский технологич. ин-т за 25 лет своего существования, 1900—1925, Томск, 1928, с. 170 (2-я паг.); Обручев В. А., История геологич. исследования Сибири. Период четвертый (1889—1917), М.—Л., 1937, с. 410, 425, 427—429, 433 (1-я паг.); 159—160 (2-я паг.); Бугров В. И., В поисках утраченного дня, Свердловск, 1981, с. 125—130; Поиски-83, Свердловск, 1983, с. 347; Геллер Л., Вселенная за пределом космоса, Лондон, 1985, с. 40—41, 45—46; его же, Об утопии, антиутопии, герметизме и Э. Жамитисе. — В кн.: Филос. записки, в. 3, Воронеж, 1994, с. 51—61; Ланни Б. Л., Боришанская М. М., Рус. антиутопии XX в., М., 1994, с. 10—11; Стефанов Ю., О. и его кн., «И звери, и люди, и боги», — «Книжное обозр.», 1995, № 21; Um Ferdinand Ossendowski, Fr/M., 1925; Hirszczyk L., Jak F. Ossendowski wprawa dźił «porawki» do historii, «Świat», 1956, № 36; German J., Od Zapolskiej do Soliskiej, Warsz., 1958, s. 201—37; Białokozowicz B., Lwa Tołstoja związki z Polską, Warsz., 1966; Mitosck Z., Literatura i stereotypy, Wrocław, 1974 (ук.); Bazyłow L., Polacy w Petersburgu, Wrocław—Warsz., 1984 (ук.). — Венгерос. Список: KJL3: Masanov: The encyclopedia Americana, v. 21, N. Y., 1972; Polski słownik biograficzny, t. 24, Warsz., 1979; Literatura polska: Przewodnik encyklopedyczny, t. 2, Warsz., 1985.

Архивы: ИРЛИ, ф. 72, № 247 (письмо Б. Б. Глинскому); РНБ, ф. 124, № 3260 (письма в ред. ж. «Аполлон»); № 3199 (письмо В. В. Муйжело), № 3198 (письмо С. К. Маховскому); ф. 150, № 131 (письмо К. К. Владимирову); РГБ, ф. 18, № 31 (письмо Ф. И. Благому); ф. 135/1, к. 31, № 9 (письмо В. Г. Корюшко, 1909); РГИА, ф. 229, оп. 19, д. 1581 (ф. с. 1902—1904 гг.) [справка Н. М. Корневой].

А. А. Колганова, А. И. Реймблат.

ОСТЕН-САКЕН Екатерина Кирилловна [урожд. Зыбина; 9(21). 12.1846* — 1923(?)], поэтесса. Из состоят. дворян. семьи. Отец, Кирилл Аф., ген.-майор, ст. пом. нач.

1-й кав. дивизии; мать, Софья Ал-др. (урожд. Алединская), — изв. сочинительница романсов. О.-С. получила дом. образование. С детства делила кочевую воен. жизнь с отцом («мы жили бедно — жизнью батареи»), к-рая чередовалась с посещением «родной глуши» псковского имения Иваньково (близ Локни), со светской жизнью в Петербурге («родня, приемы, оперы, балеты...» — «Поэма детства») и Вильне. В молодости была дружна с Ф. И. Тютчевым, к-рый написал в ее альбом стих. «Тут целый мир, живой, разнообразный...» (мотивы этого стих. варьируются и в письме поэта к ней от 28 апр. 1869 — Соч., т. 2, М., 1984, с. 333). Среди знакомых О.-С. — Я. П. Полонский, А. Г. Рубинштейн, Ц. А. Кюн, К. Р. и др. А. Н. Апухтин (восп.

о нем в ряде писем О.-С. к А. В. Жиркевичу — ГМТ) посвятил О.-С. и ее матери стих. «Два голоса» (70-е гг.). В пов. Д. М. Позняка «Под облаками» (1882) обе выведены в шаржированном виде (там же приводятся франц. стихи О.-С. и нек-рые подробности ее биографии). Замужем (с сер. 70-х гг.) за пом. воен. прокурора Вилен. воен.-окружного суда, с 1908 гл. воен. прокурором России бар. Э. Р. Остен-Сакеном. С 1892 жила в Петербурге; после смерти мужа (1911) почти безвыездно — в Иванькове.

Стихи О.-С., опубли. в ж. «Задумчивое слово» (1885, № 1, 15), «Рус. вест.» (1893, № 12), «Вест. Европы» (1899, № 6; 1900, № 2), «Нива» (1899, № 11, 14) и др., собраны в кн. «Напевы и настроения» (СПб., 1902), в к-рой нашли выражение ее религ. и лирич. порывы, любовь к природе (излюбленная строфа — октава).

В сдержанно-положит. рсц. В. П. Буренин не без иронии отмечал, что сб-к О.-С. «отличается большим разнообразием, чем сб-к Г. Раттауза» — «не только по своему содержанию, но даже и по языку: почти треть сб-ка наполнена франц. стихами»; «в лирич. псехах примечается

никогда искреннее чувство, а сатирические возбуждают улыбку» (НВ, 1902, 22 марта).

В автобиогр. «Поэме детства» (П., 1915) сознание анахроничности своих восп. («хоть шепотом поманем о былом») связано с эсхатологич. предчувствиями («В преддверьи века, с ужасом встречаем/ Исчадие ада — Зверя!»).

О.-С. участвовала в жен. благотворит. сб. «Между нами» (Вильна, 1876; псевд. Philomèle), в к-ром помещено 9 ее произв., в т. ч. и стихи (по мнению современника, вклад О.-С. в сб-к и по объему, и по значению был первостепенным — письмо П. И. Небольсина от 8 февр. 1876, ИРЛИ, Р. I, оп. 42, № 20). Перевела с франц. яз. драму А. Тёрье «Жан-Мари» под назв. «Пришел желанный» (пост. 1899 в Александрин. т-ре с В. Ф. Комиссаржевской в гл. роли; муз. Кюн). В организованном ею домашнем дет. т-ре оперные спектакли («Фауст», «Руслан и Людмила») были приспособлены к возрастным возможностям исполнителей. Незаурядную, разносторонне одаренную личность О.-С. отличали артистичность, энергия, музыкальность (с 1875 чл. Вилен. отд. Рус. муз. об-ва).

Др. произв.: романс «Я люблю тебя» (Вильна, 1887).

Лит.: Каратыгин В. Г., Избр. ст., М.—Л., 1965, с. 136, 183—90; Жиркевич-Подлесских Н. Г., Усадьба Иваньково: архивы и жизнь. — В кн.: Лукоморье, Рига, 1995; Дворян. сословие Тульской губ., ч. 6, М., [1909] (сост. и изд. В. И. Черношатов), с. 226; Тургенев. Письма, V, 207, 216; ИРДТ, т. 7, с. 486; ЛН, т. 33—34, с. 710, 717; т. 97, кн. 1, 2 (ук.). — Гоницкая; Мзыр: Иванов; Масанов (несверно указую имя).

Архивы: РНБ, ф. 124, № 3203 (стихи); ГМТ, ф. ААЖ (93 письма А. В. Жиркевичу; в «Дневник» Жиркевича мн. странички посв. О.-С.); РГВИА, ф. 400, оп. 9, д. 3370 (п. с. К. А. Зыбина); ИРЛИ, ф. Р. I, оп. 42, № 20 (5 писем Ф. И. Тютчева к О.-С.).

Н. Г. Жиркевич-Подлесских.

ОСТОЛÓПОВ Николай Фёдорович [3(14).11.1827*, г. Сольвычегодск Вологод. наместничества — 6(18), по др. сведениям — 3(15).3.1833, Астрахань], поэт, переводчик, теоретик стиха. Из семьи небогатого вологод. помещика, уездного судьи по дворян. выборам, обремененного большой семьей (ум. 1805). Окончил полубоеинный Горный корпус в Петербурге; служить начал «студентом» в Коллегии иностр. дел (1801), и всю остальную жизнь служебное жалование было для О. практически единств. источником существования (к 1832 имел вместе с женой 30 душ в Вологод. губ.; в семье было шестеро детей). Будучи в 1802 произведен в актуариусы, О. сразу же перешел в Деп. Мин-ва юстиции. В 1806 участвовал в Комиссии по сбору пожертвований на ополчение в южных губ. — Киевской, Подольской и Волынской.

В нач. 1800-х гг. обратился к лит. занятиям. Первые стих. опубли. в

моск. ж. «Иппокрена, или Утехи любовствия» («Пастушок» и «Соловей» — 1801, ч. 8) и «Моск. Меркурий» («К моей хижинке» — 1803, № 1). В эти годы началась последовательная лит. деятельность О., в

осн. в рамках ВОЛСНХ. При вступлении О. представил на рассмотрение об-ва ориг. «роман» «Амалия» (на деле небольшую пов., опубли. под загл. «Евгения, или Нынешнее воспитание», СПб., 1803, посв. Г. Р. Державину); был принят в чл. в мае 1802, в один день с А. Е. Измайловым, соучеником по Горному корпусу, с к-рым был в близком дружеском и лит. общении всю дальнейшую жизнь.

В окт. 1802 избран цензором об-ва, в 1802—05 часто выступал на заседаниях с чтением своих стих. и переводов, а также разных мелких соч. Несмотря на лит. активность, в дек. 1802 исключен из об-ва (вместе с Измайловым) за попытку печататься, вопреки уставу, в моск. ж-лах. В апр. 1803 после письм. извинений восстановлен в членстве и после этого сотрудничал гл. обр. в изданиях, близких ВОЛСНХ: «Свиток муз» (1803), «Сев. вест.» (1804), «Периодич. издание...» (1804), «Журнал для пользы и удовольствия» (1805), «Журнал рос. словесности» (1805), «Цветник» (1809—10), «С.-Петербург. вест.» (1812), эпизодически в ж. «Друг просвещения» (1804) и «Драм. вест.» (1808).

В 1806 издавал ж. «Любитель словесности» (вышло четыре части), выступал в нем анонимно (как и большинство авторов) или за подписью О.; чл. ВОЛСНХ (И. П. Пнин, Г. П. Каменев, Измайлов, Ф. И. Ленский и др.) стали осн. сотрудниками ж-ла (расшифровки имен сотрудников по экз. В. М. Юзефовича рукой О. — см.: Батюшков, III, 683); печатались также соч. Державина, М. М. Хераскова, Д. И. Языкова. К этому времени относится знакомство О. с К. Н. Батюшковым, опублико-

вавшим в ж-ле свое первое стих. «Мечта».

В 1808—12 служил прокурором в Вологде, затем вернулся в Петербург в Мин-во юстиции, откуда в апр. 1813 перешел в Деп. разных податей и сборов Мин-ва финансов; вместе с сенатором А. З. Хитрово участвовал в ревизии Вологод. и Вятской губерний. По результатам успешной ревизии вернулся в Вологду на должность гл. правителя казен. надзоров над питейными сборами (январь 1814), а уже в марте ему поручили исправлять должность вице-губернатора (указ об утверждении в должности — авг. 1814).

В Вологде интенсивно вел и работу по подготовке осн. своего труда — «Словаря древней и новой поэзии». Здесь близко общался с Евгением (Болховитиновым). В 1812 познакомился с П. А. Вяземским, беженцем из занятой французами Москвы; Вяземский обратился к О. с дом. посланием (пастиш послания О. к Измайлову), где назвал его «офицером» в поэзии, награжденным Аполлоном «за вкус разборчивый в стихах» (Вяземский, III, 33—34; ответ О. о том, что служба отнимает время у его поэтич. занятий. — РА, 1866, кн. 1, стб. 243—45); покидая Вологду, Вяземский оставил у О. свои лит. рукописи, однако тесных отношений между ними не установилось.

По возвращении в столицу (1820) получил по ведомству имп. Марии место инспектора классов в уч-ще Св. Екатерины (отказался от него в 1821) и одновременно по представлению министра нар. просвещения и духовных дел А. Н. Голицына стал ред. создававшегося «Журнала Деп-та нар. просвещения». После назначения министром А. С. Шишкова и резкого изменения программы ж-ла перешел в ведомство путей сообщения, был пред. Шоссейного экон. к-та (1824). В 1825—27 занимал место дир. петерб. театров; после реорганизации дирекции имп. театров остался за штатом. В 1829, наконец, получил место управляющего Астрахан. конторой Коммерч. банка и навсегда уехал из Петербурга.

О. был масоном, вероятно, состоял в петерб. ложе «Астрей», где 30 авг. 1821 (незадолго до запрещения лож) читался его «Ода на всероссийский день рождения Государя императора Александра I-го» (текст — РА, 1908, кн. 1, с. 103—04; перепеч. с др. масонскими стихами — 1997).

Служб. деятельность О. была сопряжена с неудачами: «...отрешен от места» прокурора (Батюшков, III, 176); с должности вологод. вице-губернатора ушел под угрозой судаб. преследования в связи со «служебными упущениями» (РА, 1889, кн. 2, с. 385); до нач. 1830-х гг. за ним числился павет из-за неправильного расходования средств Шоссейного экон. к-та. Ничем существенным не отмечено и его директорство над петерб. театрами.

Как и многие начинающие литераторы, О. в ожесточенной лит. борьбе

пытался искать средний путь. Сохраняя представление о лит-ре как о неизменной жанровой системе, традиции к-рой восходят к античности, он стремился воспользоваться достижениями новой стилистики, присоединяясь к сторонникам «легкой поэзии».

Это противоречие отразилось в программных «эпистолах» О. — «Призвании» («Журнал рос. словесности», 1805, № 2), «Послание к Правдо-слову» («Любитель словесности», 1806, № 7) и более позднем «Послании к рус. Бавию об истинном поэте» (ВЕ, 1815, № 16). В первой содержится отказ выпитывать, идти по стопам Хераскова и писать «слогом Библии»; одновременно О. смеется над поэтами, принимающими в стихах «чувствительные слезы», и приводит (впервые в печати) список нелепостей из «Приглас.» Д. И. Хвостова. Во второй, написанной в духе «Сатиры 1-й» В. В. Калниста, безымянно задается будущим чл. «Бесам любителей рус. слова» — Хвостова, П. И. Голенищеву-Кутузову (переводчика Пиндара), Шинкова как выдумщика «невероятных новых слов» и наравне с ними «слезливого» Сердечкина. В «Послании к Бавию», входящем в обширную «хвостовиану» 1810-х гг., О. объявляет осн. качеством истинного поэта кроме необыкновенного «небесного дара» — «приятный пламенный слог».

О. выбирает не поиски новых путей, а усовершенствование формы малых поэтич. жанров. Среди его стих., печатавшихся в ж-лах (помимо вышеуказ., в «Вест. Европы», с 1802; «Сыне отечества», с 1812; и др.), представлены идиллии, кантаты, романсы и «русские песни» (в т. ч. «Не бушуйте, ветры буйные...»), небольшие басни (приближающиеся к аполлогу), стихотворные сказки, мадригалы, эпитафии, логогрифы (последние О. впервые вводит в рус. традицию) и пр.

Хотя имя О. постоянно присутствовало в периодике (некоторые стих. печатались дважды в разных ж-лах), практически все его соч. (кроме мелких прозаич. заметок и переводов) вошли в сб. «Прежние досуги, или Опыты в некоторых родах стихотворства» (М., 1816). Отд. раздел в нем занимали сравнительно новые «стихи, писанные во время бывшей с французами войны» (1812; сам О. в день Бородинского сражения, 26 авг., по пути в Петербург близ Череповца был ранен и ограблен разбойниками), в т. ч. стих. «На кончину Багратиона» и «Победителю Наполеона», посв. М. И. Кутузову, строка «Нам зарево Москвы осветит путь к Парижу» заимствована из письма А. И. Тургенева к Вяземскому (ОА, I, 390). В рец. на сб. наиболее удачными были названы лит.-полемич. послания О. (СО, 1816, № 44, с. 219—21).

Изначальное внимание О. к образцовым лит. произв. выразилось в выборе переводов. В 1802 он напечатал в своем пер. «Опыт Вольтера на поэзию эпическую...» (СПб.), интересный не только как рассуждение о гл. классич. жанре, но также очерками о гл. его представителях — Гомере, Вергилии, Лукане, Дж. Трассино, Л. Камозане, Т. Тассо, А. де Эрсин-

лье и Дж. Мильтоне. Чуть позже О. обратился к переводу т. н. «Тассовых вечеров» (опубл. под назв. «Тассовы ночи», СПб., 1809), подделке Дж. Компаньони (1800).

Ламентации поэта, умирающего в больнице для умалишенных, о своей неразделенной любви получили широкую известность (подделка окончательно разоблачена лишь в 1830-е гг.) и сыграли большую роль в формировании романтического образа итал. поэта («Жалобы Тассо» Дж. Байрона, 1817; «Умирающий Тасс» Батюшкова, 1817). Источником текста для О. послужило «научное» парижское издание Б. Баррера (1804), из к-рого О. также извлек сведения для ст. «О Тассо». Первые восемь «вечеров» прозаич. перевода появились в «Любителе словесности» (№ 6, 9); отд. изд. содержало стилистич. полемичку с одноименным пер. Шишкова «Тассовы бдения». Во 2-м, испр., изд. (СПб., 1819) с параллельными итал. текстом О. измнил запл. на «Тассовы мечтания», дав этому весьма рациональное объяснение («Тасс писал или мечтал не только ночью, но и днем, и по утрам»). Оба издания пер. получили благосклон. отзывы в дружественных О. изданиях за «чуждость и чистоту» («Цветник», 1809, № 1, с. 139—46), «правильность, благородство и приятность» слога (СО, 1819, № 36, с. 138—39).

Позднее, став дир. петерб. театров и «имея обязанности спешествовать лучшему ходу театр. представлений», О. решил исправить «оставленную (театрами) за небрежностью слога» трагедию «Майомет» Вольтера в пер. П. С. Поёмкина 1770-х гг. (отрывки переданы О. — в кн.: Драматич. альм. на 1828 г., СПб., 1828; отд. изд. — СПб., 1828). Слог О.-переводчика критика оценили как архаичный для эпохи В. А. Жуковского и А. С. Пушкина (СП, 1828, 13 нояб.); уничтожающим был отзыв «Моск. телеграфа» («Никогда и нигде не видано такого страшного явления!» — 1828, № 17, с. 116): «Сын отец» сравнил его с «эпиграфич. стихами Сумарокова» (1828, № 18, с. 189). Тем не менее пьеса была назначена к постановке, распределены роли, но увольнение О. отменило все. На сцену в переводе О. попал лишь восхвал. Э. Скриба и Меллини (А. О. Ж. Дюверье) «Минета, или Превращение кошки в женщину» (пост. 1829; изд. — СПб., 1828).

В Вологде, общаясь с Евгением (Болховитиновым) О. познакомился с 1-й ред. (1805) «Объяснений» Державина на его собств. стихотворения и его краткой автобиографией, написанной по просьбе Евгения (см. науч. изд. — «Вопросы рус. лит-ры», Львов, 1973, в. 2; 1974, в. 1). После смерти Державина (1816) О. приспособил рукопись для издания, расположив пояснения применительно к структуре изд. его «Сочинений» (СПб., 1808, ч. 1—2), сделав ряд изменений и изъятий в тексте, в частности, по требованию Голицына при журнальной публикации рукописи («Журнал Деп-та нар. просвещения», 1821, № 6, 9, 10, 12; СО, 1821, № 36). В отд. изд. «Ключ к сочинениям Державина. С кратким описанием жизни сего знаменитого поэта» (СПб., 1822) О. не указал точного источника своей публ.; напротив, приписал себе инициативу собиранья материала: «имев счастье пользоваться благосклонностью Г. Р., успел под его руководством собрать самые достоверные объяснения на большую и лучшую часть его соч.» (рекомендат. рец.: «Благ.», 1822, № 32, с. 234—36). До изд. «Объяснений» (СПб., 1834) в более поздней и подробной редакции (1809) книга

О. оставалась для современников единств. комментарием к соч. Державина.

Самым значит. и изв. трудом О. явился «Словарь древней и новой поэзии» (ч. 1—3, СПб., 1821; 6. ч. статей по мере подготовки появлялась в ж-лах: ВЕ, 1815, 1817; «Труды ОЛРС», 1817, № 9; «Благ.», 1819—1820; СО, 1820, № 37). Замысел о его составлении родился в 1806 и был одобрен ВОЛСНХ, систематич. работа велась полтора десятка лет. О. поставил задачу представить свод лит. правил (поэзию в духе 18 в. считал превосходившей др. виды иск-ва), сопроводив их по преим. рус. примерами.

Основа «Словаря» была компилятивной: труды теоретиков поэтики классицизма — Ж. Ф. Лагарпа, Ф. Бутервека, Ш. Батте и др., европ. энциклопедии и соч. рус. авторов (прежде всего В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова); текст статей свидетельствует о внимании к текущей лит-ре (споры о гекзаметре — статья о нем в «Словаре» принадлежит А. Ф. Воейкову, труды А. Х. Востокова и др.; см. также «писмы» О., возражения на критику — ВЕ, 1818, № 8, с. 299—302; «Благ.», 1822, № 18, с. 190—94); помимо того, как скромно замечал О. в предисл., он «прибавил к тому собств. замечания». По мере приближения к 20-м гг. «Словарь» утрачивал всякую теоретич. злободневность и рекомендовался автором как уч. пособие.

О. добивался издания «Словаря» на казен. счет по ведомству Мин-ва нар. просвещения (ОА, I, 377—78); однако весьма созвучный ученым интересам Рос. академии он вышел с ее «пособием». Три тома «Словаря», включавшие ок. 400 статей, были одновременно и компендиумом по рус. поэзии благодаря множеству примеров из ориг. соч. и европ. классики в рус. переводах. Особо насыщены текстами статьи о гекзаметре, эпистоле, эпич. поэме, комедии, оде, песне. Для последующих поколений «Словарь» стал хрестоматией по лит-ре до нач. 19 в.

Участие О. в лит. жизни активизируется после переезда в Петербург (1819). Еще в нач. 1816 он был принят в д. чл. ОЛРС; в 1820 становится поч. чл. ВОЛРС. Более всего О. сходилась с членами возрожденного в 1816 Измайловым ВОЛСНХ (т. н. Михайловского) и на правах старшего члена становится его зам. и пост. сотрудником ж. «Благонамеренный» (1818—26). Измайлов вводил О. в кружок С. Д. Пономарева; О. выступает в этом салоне одним из организаторов «Сословия друзей просвещения» и автором «предложения» о правилах приема в это «Общество любителей Премудрости и Словесности» (12 авг. 1821, за подписью: Словарев). В «Благонамеренном» О. выступает не только как поэт, но и полемист, в осн. вслед за Измайловым, не афишируя своего авторства и скрываясь за псевдонимами.

Хвостову он посвящает рец. на новое изд. его «Басен» (СПб., 1820), в к-рой комически демонстрирует все, что «показалось особенно заслужи-

вающим похвалы и уважения» («Благ.», 1820, № 9, с. 176—82; Хвостов принял иронично за чистую монету и отвечал О. «посланием» — «Благ.», 1821, № 11/12, с. 188—91, ответ О. — «Благ.», 1821, № 14, с. 84—85; др. стих. Хвостова, обращенные к О. — Хвостов Д. И. Полн. собр. стихотворений, т. 3, СПб., 1829, с. 76—82; т. 4, СПб., 1829, с. 307).

Статью о драме Е. Ф. Ганина «Валериан» О. создавая впечатление серьезной полемики, сопроводил собств. же «рецензией на рецензию» («Благ.», 1820, № 7; 1821, № 6) о прямых заимствованиях автора из романа Б. Эмбера «Заблуждения любви, или Письма Фанели и Мильфорта» (М., 1788). В ст. «О сочинениях Милонова» (прочитана в ВОЛСНХ; «Благ.», 1821, № 23/24, с. 272—83) О. поставил М. В. Милонову в особую заслугу отсутствие «запутанности» и «приторной чувствительности». В полемике «классиков» и «романтиков» он также выступает на стороне первых в баснях «Нерешимость» (1821), «Мелководие Леты» (1823), «Декорации» (1823), в пародии «К баловню поэту» (1822). Более резкие черты, с переходом на «личности», полемика приняла в рукописной форме. А. А. Дельгин и Е. А. Барятинский осмелили О. в сатире «Пенсы 15-го класса» («Я перевел по-русски Тассу! Хотя его не понимаю!»). О. ответил грубой эпиграммой на Барятинского «Надпись к портрету» («Он щедро награжден судьбой...»; ответ Барятинского — «Я уттер, други!...»; в 1825 он дописывает продолжение к пародии Дельгина «Смальяпольский барон», адресованной Измайлову, обращая ее против автора и Ф. В. Булагина.

Выступление О. против романтизма вылилось в перекланк с Н. А. Полевым и ж. «Моск. телеграф». В 1825 он начал в «Благонамеренном» журнальное обозрение «Дело от безделья, или Краткие заметки на совр. журналы» (№ 7, 12—13, 19), в к-ром неоднократно адресовал Полевому упреки в незнании рус. языка и грамматики, правил стихосложения (в т. ч. и «„Ключа“ г. Остолопова») и проч., напал на послание В. К. Кюхельбекера к А. С. Грибоедову. По выходе сб. «Апологические стихотворения с присовокуплением его же сочинения поэмы „Привидения“» (СПб., 1827; вобрал стих. после 1816, нек-рые из них появились в альм.: ПЗ, 1823, 1825; СЦ, 1825) Полевой поместил о нем пренебрежит. отзыв (МТ, 1827, № 24), предложив О. в эпиграф стих. «Он баснями обязан службе» («название благонамеренного ... оправдывается многими из аполотич. его стихотворений»); лит.-полемич. стих. О., в т. ч. и поэму «Привидения» — пародию на балладно-романтит. стиль, Полевой приравнял ко «вздорным» одам А. П. Сумарокова — «что-то... странное и несмешное». Раздраженно отвечая на рец. Полевого, О. презрительно писал о его купеч. происхождении, называя «продавцом напитков, промотавшим и убежавшим от известной ямы к подлоше Парнаса», гением, «вылетевшим из мрачной глубины погребя и парящим к высотам Парнаса» (ДЖ, 1829, № 2, с. 27—28; № 12, с. 186—88; подп. «Николай Нефедьев, отставной чиновник»). Ответ Полевого был последним прижизн. отзывом о творчестве О.: «В России есть некто, плохой стихотворец, Николай (по ба-

тешке не знаем как) Остолопов» (МТ, 1829, № 1, с. 134).

Тип творчества сближал его с казанскими, он был хорошо известен в этом кругу, но остался на обочине движения, впрочем никогда не примыкая к шкишковым.

Изд.: Поэты-радищевцы. 1935. 1979; Рус. пародия: Песни и романсы; Стихотв. сказка; Поэты 1790—1810; Рус. басни; Рус. эниграма; Массонские ода П. И. Голенищева-Кутузова и Н. Ф. Остолопова. — РЛ, 1997, № 1 (публ. В. И. Сахарова).

Лит.: Даргомыжская М., Н. Ф. Остолопову. — «Благ», 1826, ч. 33, № 4*; Батюшков, III (ук.); ОА, I (ук.); Долгоруков И. М., Капнище моего сердца..., М., 1874, с. 266; Базанов В. Г., Ученая республика, М.—Л., 1964 (ук.); Каменский З. А., Филос. идеи рус. Просвещения, М., 1971 (ук.); Горюхова Р. М., Образ Тассо в рус. романтич. лит-ре. — В кн.: От романтизма к реализму, Л., 1978 (ук.); Заборов П. Р., Рус. лит-ра и Вольтер, Л., 1978 (ук.); Вацууро В. Э., С. Д. П. Из истории лит. быта пушкинской поры, М., 1989, с. 163, 164, 206—207, 212, 244, 255, 259, 271. + Некролог: СП, 1833, 17 апр. Геннадий: Сл. ОЛРС; Брокгауз: РБС; ИРДТ, т. 2—3 (ук.); КЛЭР: Муратова (1, ук.); Масаилов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 263, оп. 2, № 312; ф. 265, оп. 3, № 14; РГИА, ф. 1263, оп. 1, № 68, л. 465; № 224, л. 153; ф. 1374, оп. 3, № 1880; ф. 586, оп. 15, № 8564 (п. с. 1832 г.); ф. 733, оп. 95, № 1088, л. 244 (п. с. 1823 г.).

В. П. Степанов.

ОСТРОВСКИЙ Александр Николаевич [31.3(12.4).1823, Москва — 2(14).6.1886, с. Щельково Кинешем. у. Костром. губ.; с 1948 Гос. музей-усадьба О.; похоронен там же]. Дед, Фёд. Ив. [1770(?) — 1843], — костром. протоиерей, в 1810, овдовев, постригся в Москве в Донском мон., был почитаем братией как ас-

кет и подвижник; О. бывал у него. Отец, Ник. Фёд. (1796—1853), по окончании Костром. сем. и Моск. духовной акад. избрал гражд. карьеру (Общее собр. моск. департаментов Сената, Моск. гор. суд); в 1820 по любви женился на Люб. Ив. Саввиной, дочери просвири, вдовы пономаря. Семья поселилась в Замоскворечье, в доме диакона Покров. церкви между М. Ордынкой и Голицынским пер. (ныне М. Ордынка, д. 9). Двое старших детей (Матвей, Фёдор) умерли в младенчестве. По семейному преданию, мать «сетова-

ла, что у нее дети не живут»; ее брат, о. Михаил, посоветовал назвать третьего сына Александром, что и было исполнено (Островский, XIV, 234).

Затем родились Наталья (в замужестве Давыдова; 1824—52), Михаил (1827—1901; сенатор. чл. Гос. совета, в 1881—93 мин. гос. имущества, с 1893 пред. Деп. гос. законов, первым в России разработав закон об охране леса), Сергей (1829—68; служащий Контрольной палаты на Украине).

Сведения о раннем детстве О. скудны. Его первонач. воспитание носило «замоскворецкий» характер (см. его очерки); дом. учителями были семинаристы С. П. Гиляров (брат Н. П. Гилярова-Платонова), Н. Н. Сковороц, преподаватель Твер. духовного уч-ща И. А. Смирнов. В дек. 1831 мать О. умерла; в 1835 он поступил в 3-й кл. 1-й моск. г-зии, к-рую в письме 1877 назвал «тресклятой» (XV, 99). В 1836 отец О. женился на баронессе Эм. Анд. фон Тессин (1812—98), лютеранке, дочери обрусевшего швед. дворянина.

Дети от этого брака: Пётр (1836—1906; воен. инженер, лит. критик, в 1877 ред. «Театр. газ.»), Надежда (1842—1918; педагог, дет. писательница), Андрей (1845—1906; служащий банка, юрист), Мария (1846 — после 1922; пианистка, инспектриса Моск. консерватории). Со всеми рошлыми и сводными братьями и сестрами О. сохранял теплые отношения; особенно тесные — с Михаилом, к-рый помогал ему своими связями.

Мачеха стремилась перестроить быт семьи на дворян. лад: в обучении детей стали преобладать иностр. языки, музыка, светское воспитание, к-рое О. позднее называл «наиглупейшим» (Островский в восп., с. 129). О. был в осн. предоставлен самому себе (мачеха сосредоточилась на младших пасынках и собствен. детях). В 1839 вместе с чином коллеж. ас. отец О. получил потомств. дворянство; в 1841 вышел в отставку, считая для себя более выгодными частные дела. К этому времени он владел в Москве значит. участками и неск. домами, в т. ч. в Воробинском пер. близ Яузы, куда семья переехала в 1841 (ныне Б. Николовоборинский пер., д. 9/11; не сохр.).

В гимназич. годы О. пристрастился к чтению ж-лов (отец выписывал мн. периодич. издания и составил большую б-ку), отдавая предпочтение «Отеч. запискам», к занятиям словесностью — охоту к ним возбуждал учитель П. М. Попов (см.: Соловьёв С. М., Записки, П., 1915, с. 32) — и к театру: друзья по г-зии слушали «его мастерские рассказы» об игре актеров (Островский в восп., с. 328). В 1840, как успешно окончивший г-зию, без экзаменов зачислен на юридич. ф-т Моск. ун-та (выбор отца). В 1843 при переходе на 3-й курс получил «неуд» по рим. праву, не захотел пересдавать экзамена, покинул ун-т и служил в канцеляриях моск. Состногого (1843—45), потом Коммерч. (1845—51) суда, где получал мизерное жалованье. Прак-

тика отца, занятия в ун-те и служба в судах дали О. мат-лы для ряда его пьес («Не будь я в такой передраге, не написал бы „Доходного места“», ЕИТ, 1910, № 6, с. 2), где имуществ. конфликты переплетаются с нравственными. 40-е гг. прошли у него в борьбе между влечением к лит. творчеству и сыновним послушанием. Первый лит. опыт — «Сказание о том, как квартальный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг» (окончил 15 дек. 1843, опубл. 1924), рассказ в духе натуральной школы. К той же традиции примыкают «Записки замоскворецкого жителя» («Моск. гор. листок», 1847, 3—5 июня, б. п.), объединяющие три самостоят. очерка о нравах с детства известной автору среды. Задумав свою первую пьесу, О. сомневался в знании законов сцены и осенью 1846 привлёк к работе актера, автора драмы «Государь-Избавитель, или Бедный сирота» («Пантеон», 1843, № 12) Д. А. Горева (Тарасенкова), к-рый писал под его диктовку «три или четыре вечера» (Островский, XIV, 50), а затем уехал из Москвы. О. опубл. написанные с Горевым «Сцены из комедии „Несоостоятельный должник“» («Ожидание жениха») за подписью А. О. и Д. Г. («Моск. гор. листок», 1847, 9 янв.). Впоследствии это соавторство принесло ему большое огорчение: Горев стал приписывать себе участие и в др. пьесах О. В 1856 заметки, обвиняющие О. в плагиате, появились в «Вед. моск. гор. полиции» (№ 97, 135) и «С.-Петерб. вед.» (2 мая, 24 июля), а Александрин. театр поставил пьесу С. Бранцева (театр. псевд. С. Р. Леонова) «Заблуждение, или Свой своему поновлею друг», где О. был выведен под именем плагиатора Василевского. О. оправдывался в «Лит. объяснении» (МВед, 1856, 5 июля) и «Письме в редакцию» («Совр.», 1856, № 8; о подробностях тяжбы см.: Ревякин А. И., О. и Д. А. Горев. — РЛ, 1963, № 4, с. 180—96).

Продолжая работать над комедией о банкроте, О. отказался от замысла пьесы «Исковое прошение», переделав ее в «Картину семейного счастья» («Моск. гор. листок», 1847, 14—15 марта, б. п.; перепечатана под назв. «Семейная картина» — «Совр.», 1856, № 4). Закончив пьесу утром 14 дек. 1847, О. вечером прочел ее в доме С. П. Шевырёва. Одобрение слушателей (ЕИТ. Сезон 1902—03, в. XIII, СПб., б. д., с. 198) утвердило его в своем призвании: «С этого дня я стал считать себя рус. писателем» (Островский, XIII, 302). Осенью 1849 О. закончил комедию «Свои люди — сочтемся!» («Банкрот», первонач. назв. — «Несоостоятельный должник»,

«Москв.», 1850, № 6; многочисл. отзывы, в т. ч. И. С. Тургенева — «Совр.», 1852, № 3; Н. А. Добролюбова — «Совр.», 1859, № 7, 9; А. В. Дружинина — БЧ, 1859, № 8; подробнее см.: Ревякин, 1949, с. 149—52). Интрига (старый жулик-купец засажен в долговую яму подхалимом-зтем, к-рому доверился) не исчерпывает драм. действия пьесы, а растворяется в плотной ткани нраво-описания. В комедии ярко сказались отличительные черты театра О. в целом: четкая фиксация социального статуса героев и его определяющая роль в их характеристике; сосредоточенность на семейно-бытовых конфликтах, через к-рые раскрывается нравств. состояние общества; особое внимание к речи персонажей (у О. она — почти самоценный предмет изображения); слияние комического и драматического. Л. Н. Толстому виделись в этой пьесе «мрачная глубина», «протест против совр. быта» (Толстой, LX, 156), а В. Ф. Одовскому — «трагедия» (РА, 1879, № 4, с. 525); А. Ф. Писемский определил комедию как «купеческое „Горе от ума“ или ... купеческие „Мертвые души“» (Неизд. письма к О., с. 336). О. явился в ней «Колумбом Замоскворечья»: открыл читателю неведомый прежде купеч. мир с его собств. понятиями и подчас уродливыми, но всегда колоритными персонажами. В дек. 1849 ред. «Москвитянина» М. П. Погодин пригласил О. читать комедию у него; присутствовавший Н. В. Гоголь нашел в авторе «решительный талант» и недостаток техники (Островский в восп., с. 40). При участии актера Малого театра, друга О. — П. М. Садовского, комедия была прочитана в неск. домах, и «вся интеллигенция Москвы заговорила об этой пьесе как о чем-то ...небывалом»; «поражал в ней язык моск. купцов, впервые выступивший в нашей лит-ре с такой живостью, яркостью и силою... Слава О. как драматич. писателя родилась и выросла в один день» (там же, с. 38). Популярности комедии не помешали резолюция Николая I («Напрасно печатано, играть же запретить») и полиц. надзор за автором (снят в сент. 1856). В ответе на «внушение» В. И. Назимова (попечителя Моск. уч. округа) О. объяснял, что главным его побуждением были «добросовестное обличение порока» и надежда, «что слово горькой правды, обличенное в форму иск-ва, услышится многими и произведет... плодотворное впечатление...» (Островский, XIV, 15). В дальнейшем О. постоянно подвергался притеснениям со стороны цензуры; в 1861 из-за бесконечных запретов на постановку пьес хотел даже «отказаться совершенно от сцены» во избежание новых оскорблений (там же, с. 92). Однако, осознавая се-

бя писателем театральным и желая видеть свои пьесы прежде всего на сцене (а не в ж-лах), он много раз смирялся перед требованиями цензуры: смягчал отдельные реплики и подчас создавал новую редакцию пьесы. Однако о пропуске «Банкрота» на сцену О. хлопотать не захотел, не желая «нажить себе не только врагов, но даже и неудовольствия»: впервые комедия была поставлена в Иркутске (1857); в янв. 1861 в смягченном варианте — в Александрин. и Малом театрах и лишь в 1881 в первонач. виде в Пушкинском т-ре А. Бренко. К тому же взгляд на жизнь, выраженный в этой комедии, где нет ни одного положит. лица, вскоре стал казаться ему «молодым и слишком жестким» (видимо, под влиянием москвитянинского кружка, в частности «теории народности» А. А. Григорьева): «пусть лучше рус. человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее...» (письмо Погодину от 30 окт. 1853 — Островский, XIV, 39). Поиски в том же купеч. быту начал, способных противостоять грубой корысти и жестокости, породили пьесы «москвитянинского» (1852—54) периода.

В марте 1850 О., не без колебаний приняв предложение Погодина, становится «на пробу» пом. редактора «Москвитянина» и вместе с Б. Н. Алмазовым, Н. В. Бергом, Ап. Григорьевым (познакомился с О. в 1847 в ред. «Моск. гор. листка»), Т. И. Филипповым, Е. Н. Эдельсоном входит в т. н. молодую редакцию, стремившуюся оживить ж-л и придать ему новое направление (в ее распоряжение был отдан критико-библ. отдел). Не отождествляя себя со славянофилами, «молодая редакция» разделяла их сосредоточенность на идее нац. своеобразия, внимании к фольклору и допетровским формам быта. Но если «старшие» славянофилы видели носителя рус. самобытности в крестьянстве, то москвитянинцы — в патриарх. купечестве; его противопоставляли дворянству, проникнутому европ. индивидуализмом. Внимание кружка было сосредоточено на теории иск-ва, к-рой более всех занимался Григорьев. «Молодая редакция» была не столько группой единомышленников («условиться в принципах» не удалось; подробнее см.: Ап. Григорьев. Мат-лы для биографии, П., 1917, с. 184), сколько центром дружеского кружка, куда входили также актеры П. М. Садовский и И. Ф. Горбунов, композитор А. И. Дюбюк, худ. П. М. Боклевский и скульптор Н. А. Рамазанов. Москвитянинцы собирались в «артистич. кофейне Печкина, в погребке Зайце-

ва и в замоскворецких трактирах слушать устные рассказы и нар. песни, к-рые О. горячо любил (Островский в восп., с. 431). Вольная обстановка этих заведений породила слухи, будто члены кружка — «беспорядные кутилы» и нершаливые «бирюки», у к-рых даже «платье... зачастую общее» (Островский в восп., с. 38). Такое общение дало О. глубокое знание фольклора и нар. быта, а вместе с тем рассорило его с отцом, не принимавшим богомной жизни сына. Конфликт усугубил невенчанный брак О. с девицей Агафьей Ив. (из мещан; фам. неизв.; ок. 1821 — нач. марта 1867): в 1849 ему пришлось отселиться от отца во флигель.

Не имея образования, Агафья Ив. пользовалась уважением друзей О. за ум и сердечность; при скудных средствах сумела создать ему условия для творчества, превосходно пела нар. песни и тем поддерживала «беззаботное и неосуждаемое веселье» москвитянинского кружка (Островский в восп., с. 88). По мнению друзей О., драматург был обязан ей знанием оттенков моск. быта. К 1858 у Агафьи Ив. от О. было четверо детей: старший, Алексей (1848—69), носил фам. Александров; остальные умерли в младенчестве.

Оставив службу в Коммерч. суде (1851) и лишившись поддержки отца, О. стал остро нуждаться в деньгах. Работа в «Москвитянине» (статья, корректура, переписка) не давала средств. дохода: известной своей «адской спускостью» Погодин имел привычку удерживать жалованье, и О. прибегал даже к розыгрышу, чтобы его получить (Островский в восп., с. 306). О. намеревался возлагать критич. отдел ж-ла [опубл. в нем статья «„Ошибка“, пов. г-жи Тур» (1850, № 7) и «„Тюфяк“, пов. А. Ф. Писемского» (1851, № 7)], однако его оттеснил Григорьев. Полтора года О. работал над пьесой «Бедная невеста» («Москв.», 1852, № 4; отд. изд. — М., 1852; Малый т-р, 20 авг. 1853, Александрин. т-р, 12 окт. 1853), к-рая в целом была принята как неудача по сравнению с «Банкротом» (сдержанные отзывы: Тургенев — «Совр.», 1852, № 3; Григорьев — «Москв.», 1853, № 1; (И. И. Панаев) — «Совр.», 1853, № 4; (Н. Г. Чернышевский) — «Совр.», 1854, № 5; (С. С. Дудышкин) — ОЗ, 1852, № 4). С «Бедной невесты» в творчестве О. начинается ряд лирич. пьес о положении женщины в семье и обществе, с центр. образом героини, пытающейся утвердить свой идеал в любви, свободной от расчета и корысти.

В «москвитянинский» период в драматургии О. преобладает жанр нар. комедии. Действие в ней строится на столкновении трогательной любви молодых людей с эгоизмом и корыстью. Комедия «Не в свои сани не садись» («Москв.», 1853, № 5; отд. изд. — М., 1853; Большой т-р, 14 янв. 1853, Александрин. т-р, 19 февр. 1853), где семейная драма

порождена вторжением в купеч. быт дворянина — прожигателя жизни и разрешается нравств. победой нар. начала, стала первой пьесой О., увидевшей сцену. Искренность, лиризм и сила чувств гл. героев обеспечили пьесе огромный успех: «Весь театр плакал, и лучшей рецензии мы не знаем» (Р. М. Зотов — СПб., 1853, 9 марта). Восторженно писавший о пьесе В. П. Боткин видел в ней «высокий человеческий смысл: она облагораживает сердце» (Неизд. переписка В. П. Боткина и И. С. Тургенева, М.—Л., 1930, с. 35). Театр. дебют О. был воспринят современниками как «новая эра» в истории рус. театра: «...со сцены послышались новые слова... появились живые люди из замкнутого купеч. мира» (Островский в восп., с. 49; др. свидетельства: РО, 1894, № 9; Боборыкин, I, с. 71, 78, 79—80; «Совр.», 1853, № 4; А. Ф. Кони — «Пантеон», 1853, № 4). Счастье драматурга омрачилось тем, что в разгар триумфа он был вызван к умиравшему отцу.

В пьесе «Бедность не порок» (первонач. назв. — «Гордый Бог противится»; отд. изд. — М., 1854; Малый т-р, 25 янв. 1854, Александрин. т-р, 9 сент. 1854) конфликт разворачивается внутри купеч. семьи. Самодурство предстает здесь как искажение патриархальных отношений, теплых и сердечных по природе, но подвергающихся опасности под воздействием тщеславной погони за «модой», властолюбия и корысти; в мотиве нар. праздника воплощен поэтич. мир человеческого единения. Пьеса вызвала полемику в критике: Григорьев («Москв.», 1854, № 4) провозгласил ее словом «новой правды» в иск-ве (в противовес «старой правде» У. Шекспира); Чернышевский увидел в ней ошибку О. — поэтизацию темных явлений («Совр.», 1854, № 5), а Добролюбов — разоблачение самодурства, основанного на «отношениях по имуществу». Этот мотив, по мнению Добролюбова, является коренным в творчестве О. и носит не декларативный, а объективный характер.

Вскоре скупость Погодина, постоянные конфликты с ним и «разные сплетни» (Островский, XIV, 25) подтолкнули О. к уходу из «Москвитянина», положение в к-ром никогда не было для него устойчивым. [С самого начала О. пытался придать своим отношениям с Погодиным характер конкретного соглашения; написал с этой целью «Условие» (XIV, 13—15), на к-рое тот не согласился; в 1851 хотел стать полноправным издателем и редактором ж-ла, но безрезультатно.] Лишь по уговорам «молодой редакции» (к тому времени уже распадающейся) он опубли. в ж-ле драму «Не так живи, как хочешь» (1855, № 17/18; первонач. назв. —

«Божье крепко, а вражье лепко. Масленица»; Малый т-р, 3 дек. 1854, Александрин. т-р, 12 янв. 1855), к-рую Л. Н. Толстой считал «зенином» творчества О. за силу звучащих в ней мотивов греха и покаяния (ЛН, т. 90, кн. 2, с. 388; см. также высокую оценку Ф. М. Достоевского — Достоевский, XXI, 41).

В предреформенный период (1855—61) произошло сближение О. с редакцией «Современника» (почва для этого была подготовлена Тургеневым, Дружининым и Д. В. Григоровичем, навещавшими О. в Москве). Драматург нуждался в материальной и моральной поддержке, особенно в связи с обвинениями Горева, и получил ее именно от «Современника», к-рый неизменно высоко оце-

А. Н. Островский. 1850-е гг.

нивал пьесы О., считая вместе с тем, что «русофильские» рамки «Москвитянина» мешают свободному развитию его таланта. Н. А. Некрасов, говоря о нем как о «бесспорно первом драм. писателе», просил О. «не сужать себя преднамеренно», не подчиняться никакой системе: автор «сам, быть может, удивится, что произведут его силы, когда он им даст полный простор и свободу» («Совр.», 1856, № 2, с. 211—13); это пожелание также не могло не расположить О. к журналу. Приехав в февр. 1856 в Петербург, О. был встречен сотрудниками ж-ла как желанный гость; тогда же Дружинин, И. А. Гончаров, Григорович, Толстой, Тургенев и О. вместе сфотографировались (см.: РП, т. I, с. 627) и оставили на снимке свои автографы; он висел в кабинете О. до конца его жизни. Большой радостью стало для О. его первое собр. соч. (т. 1—2, СПб., 1859; цензор — Гончаров), роскошно изданное меценатом Г. А. Кушелевым-Безбородко. Откликом на издание стала знаменитая статья Добролюбова «Темное царство»

(«Совр.», 1859, № 7, 9), окончательно снявшая с О. обвинения в плагиате и давшая интерпретацию его творчества как картины социальных конфликтов. О. «приятно было видеть, что после статей Добролюбова к нему уже не относятся с вечным вопросом: славянофил он или западник» (Островский в восп., с. 184).

Социальная острота творчества О., его внимание к актуальным обществ. явлениям определили тему комедии «Доходное место» (РБ, 1857, № 5; запрещена к постановке; Александрин. т-р, 27 сент. 1863, Малый т-р, 14 окт. 1863), где молодой чиновник вопреки норме своей среды пытается служить честно, воплощая идеи, привитые в ун-те. По контрасту с комедией В. А. Соллогуба на сходную тему («Чиновник», 1856) пьеса О. закономерно приводит героя к душевному кризису, осознанию своего поражения и к стремлению извлечь из него уроки. В его обрисовке сказалась характерная для О. трезвость: это «обмелевшее отражение» Чацкого (Григорьев — «Время», 1862, № 8, с. 50). Если Толстой оценил комедию как «чудо» (Толстой, LX, 156), то Тургенев как «тупую», где все «нестерпимо грубо и мертво» (Тургенев. Письма, III, 117). В контексте «обличительной» лит-ры прозвучала драма «Воспитанница» (БлЧ, 1859, № 1; рабочее назв.: «Кошке игрушки, мышке слезки»; запрещена к постановке; Малый т-р, 21 окт. 1863, Александрин. т-р, 22 нояб. 1863), где деспотичная помещица губит судьбу зависимой от нее девушки. Добролюбов отметил, что в этой пьесе О. ушел от «москвитянинского» направления. Высоко оценили пьесу Дружинин (БлЧ, 1859, № 8), Григорьев (РСЛ, 1859, № 6), Д. И. Писарев (РСЛ, 1861, № 5). Напротив, трилогия «Праздничный сон — до обеда» («Совр.», 1857, № 2; Александрин. т-р, 28 окт. 1857, Малый т-р, 2 дек. 1857), «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» (БлЧ, 1861, № 3; Малый т-р, 27 окт. 1861, Александрин. т-р, 3 нояб. 1861) и «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова» — «Время», 1861, № 9; запрещена к постановке; Александрин. т-р, 1 янв. 1863, Малый т-р, 14 янв. 1863) отличается легким, игривым тоном, хотя стоит в ряду традиционно серьезных произв. о «маленьком человеке»; в комич. форме О. дает здесь сниженный вариант героя-мечтателя и его взаимоотношений с действительностью.

Особенно важной для творчества О. была его поездка по верхней Волге (апр. — авг. 1856) с др. литераторами (С. В. Максимов, М. Л. Михайлов, Писемский, А. А. Потехин) для изучения края по поручению Мор. мин-ва (по собств. инициативе

О. проехал тем же маршрутом год спустя). Плодами этой командировки стали мат-лы для Словаря рус. нар. яз., очерк «Путешествие по Волге от истоков до Н. Новгорода» («Мор. сб-к», 1859, т. 39, кн. 2), замыслы цикла «Ночи на Волге» (не осуществлен), пьес «Воевода», «На бойком месте» («Совр.», 1865, № 9; Малый т-р, 29 сент. 1865, Александрин. т-р, 25 окт. 1865) и одного из главных произв. О. — драмы «Гроза» (БдЧ, 1860, № 1; Малый т-р, 16 нояб. 1859, Александрин. т-р, 2 дек. 1859, Уваровская пр., 1860), в к-рой семейный конфликт достигает трагич. накала, а символич. образ грозы придает композиции особую стройность. Вечное противоборство долга и страсти накладывается здесь на непримиримое противостояние вольнолюбивой души и жестокого, косного уклада жизни. Роль Катерины О. писал специально для Л. П. Косицкой-Никулиной, переживая глубокое неразделенное чувство к ней.

«Гроза», показавшая широкую картину нац. быта и нравов, породила в критике полемику, как никакая др. пьеса О. В ст. «Луч света в темном царстве» («Совр.», 1860, № 10) Добролюбов связал сюжет «Грозы» с совр. социально-ист. обстоятельствами, образ гл. героини истолковал как воплощение стихийно пробуждающегося народа, а ее самоубийство — как протест против деспотизма. Эта статья, повлиявшая на восприятие пьесы читателями, вызвала в критике возражения: Писарев в героине «Грозы», у к-рой, по его мнению, не могло быть «ни твердого характера, ни развитого ума», видел не «луч света», а жертву «темного царства» («Мотивы рус. драмы» — РСЛ, 1864, № 3); ему возражал М. А. Антонович («Совр.», 1865, № 4). Григорьев откликнулся статьей «После „Грозы“ Островского. Письма к Ив. Сер. Тургеневу» («Рус. мир», 1860, 16 янв. — 6 февр.), где особо выделил «великолепный по своей смелой поэзии момент» — сцену в овраге, «всю полную обаяния страсти веселой и разгульной и не меньшего обаяния страсти глубокой и трагически-роковой. Это ведь создано так, как будто не художник, а целый народ создавал тут!» (там же, 16 янв., с. 20). Критик усмотрел в «Грозе» подтверждение своей теории непосредств., органич. иск-ва; по его мнению, в пьесе нет сатирич. обличения и жизнь рисуется с наивно-эпич. объективностью (см. также: «Светоч», 1860, № 1).

Полемизировали по поводу «Грозы» и в частных письмах и беседах: М. С. Щепкин в споре с А. Д. Галаховым дал понять, что пьеса О. безправственна (ГМ, 1914, № 9); Толстой разделял с А. А. Фетом его отрицат. мнение (Толстой, LX, 325); Тургенев, возражая Фету, вошел в драме «удивительнейшее, великодушнейшее произв. русского, могучего, вполне овладевшего собою таланта» (Тургенев. Письма, III, 375); А. И. Герцен сравнивал «Грозу» с «Записками из

Мертвого дома» Достоевского (Герцен, XVIII, 219).

В 60-е гг. О. обращается к ист. драме. Расценивая театр как учреждение прежде всего просветительское, он считал ист. пьесы необходимыми в репертуаре, т. к. они «развивают нац. самопознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству» (Островский, XII, 122). Стремясь к максимальной достоверности, О. изучал своды ист. мат-лов, консультировался со знакомыми историками (И. Е. Забелин, Н. С. Тихонравов, Н. И. Костомаров). В интерпретации нек-рых ист. загадок предвосхитил гипотезы историков, в

19 янв. 1886), психол. драма «Василиса Мелентьева» (совм. с С. А. Геденовым; ВЕ, 1868, № 2; Малый т-р, 3 янв. 1868, Маринин. т-р, 10 янв. 1868). Драматург «как будто послушался своих всегдашних корителей»: «бросил презренную прозу и... своих купцов и выводит нам на сцену дворян, бояр, воевод, царей» (Страхов Н. Н., Лит. критика, М., 1984, с. 53), создавая в театр. форме широкое эпич. полотно самобытной рус. жизни кон. 16—17 вв. Героинка «Минина», полусказочный мир «Воеводы», трагедия братоубийственной войны в «Тушино» представлены как разные грани целостного нар. бытия.

А. Н. Островский среди актеров Малого и Александринского театров. 1863. Слева направо: Ф. А. Бурдин, А. Н. Островский, А. А. Нильский, И. Ф. Горбунов, Л. П. Косицкая-Никулина, К. Н. Полтавцев.

т. ч. С. Ф. Платонова, С. М. Соловьёва, А. П. Шапова (см.: «Голос», 1867, 30 марта; Григорьев А. А., Мат-лы для биографии, П., 1917, с. 289; Островский в восп., с. 122—123; Лотман, Стих. драмы, с. 31). Для О. история — сфера высокого в нац. бытии; это отчасти определило обращение к стихотв. форме. По жанру его ист. пьесы неоднородны: драм. хроники «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» («Совр.», 1862, № 1; к постановке запрещена; 2-я ред. 1866 при жизни О. не публиковалась; Александрин. т-р, 9 дек. 1866, Малый т-р, 20 янв. 1867; полученный в награду от царя бриллиантовый перстень О. назвал «пошлым концом» истории этой пьесы), «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (ВЕ, 1867, № 1; Малый т-р, 30 янв. 1867, Маринин. т-р, 17 февр. 1872), «Тушино» (ВТ, 1867, № 1; Александрин. т-р, 23 нояб. 1867), комедия «Воевода» («Сон на Волге»; «Совр.», 1865, № 1; Маринин. т-р, 23 апр. 1865, Большой т-р, 9 сент. 1865; 2-я ред. 1885 при жизни О. не публиковалась; Малый т-р,

Критика приняла ист. драмы холодно («Это... окольная дорога, на к-рую сбился этот замечат. талант» — Суворин А. С., Театр. очерки. 1866—1876, СПб., 1914, с. 196), найдя, что они «безжизненны и вялы» (там же, с. 412). Почти в тех же словах о них отзывался разочарованный «Минин» Тургенев (Тургенев. Письма, IV, 345, 347; VIII, 125; резко отрицат. отзыв дал и Писарев — РСЛ, 1865, № 3), к-рого, впрочем, язык «Минина» и «Воеводы» «привел в умиление. Эдаким славным, вкусным, чистым рус. языком никто не писал до него!.. Какая местами пахучая, как наша русская роша летом, поэзия!.. Ах, мастер, мастер этот бородач!..» (Тургенев. Письма, V, 365). Комедию «Козьма XVII столетия» (ОЗ, 1873, № 2; Малый т-р, 26 окт. 1872), в к-рую драматург вложил важные для него мысли о театре, критика сочла очень слабой (СВ, 1894, № 10). В дек. 1863 О. избран чл.-корр. АН.

В февр. 1864 О. сближается с артисткой Малого т-ра Марией Вас. Бахметевой, по сцене Васильевой

2-й (1845—1906), к-рая «была очень красива своеобразной красотой южного типа» (Островский в восп., с. 322). В то же время О., по его словам, не мог «оставить даже на один день» (Островский, XIV, 138) Агафью Ив., с 1866 безнадежно больную туберкулезом. Через два года после ее смерти О. обвенчался с Марией Вас. (февр. 1869).

Вскоре высочайший указ узаконил их брачные дестей: Александра (1864—1928?), Михаила (1866—88) и Марию (1867—1913; вышла замуж за М. А. Шателена, училась в Сорбонне, стала балкаваром; ее дочь Мария Мих. много сделала для сохранения усадьбы О.). Затем родился Сергей (1869—1929; стал камергером, красноречивейшим, после демобилизации — сотр. Пупкинское Дома; передал туда док-ты, рукописи, личные вещи О.), Любовь (1874—1900) и Николай (1877—1913).

Заботы о новой семье изменили быт О.: если раньше он жил, мало думая «о комфорте и порядочном убранстве комнат» (Островский в восп., с. 133), то в 1877 переехал в благоустроенный дом кн. Голицына напротив храма Христа Спасителя (ныне Волхонка, д. 14) — ради детей, поближе к гимназиям; это последний моск. адрес О. Оседлым его быт делали «привычка к покою и скуке», к постоянному «кабинетному» труду (Островский, XVI, 84) и страстная привязанность к семье: «Я очень чадолобив, уехать далеко не могу: тоска по детям отравит мне всякое удовольствие» (Островский, XV, 99). Путешествия О. сравнительно немногочисленны: кроме упомянутых в Н. Новгород (1845), по Югу России (в 1860 вместе с гастролировавшим А. Е. Мартыновым, к-рый в этой поездке умер на руках О.); по Германии, Австрии, Италии с посещением Парижа и Лондона (где встретился с А. И. Герценом) вместе с актером И. Ф. Горбуновым (см.: Горбунов И. Ф., Соч., т. 3, СПб., 1907, с. 345, а также дневник О. «Поездка за границу в апр. 1862»), с ним же — по Волге (1865) и с братом Михаилом — в Закавказье (1883).

Огромную роль в жизни О. сыграло костром. имение Щелыково (1175 десятин земли), к-рое его отец купил в 1847. Первая же поездка туда (1848; по пути осмотрены Ростов, Переславль-Залесский, Ярославль, Кострома) привела О. в восторг: «сильное чувство, к-рое производят на меня эти красоты природы, для меня болезненно, мне... надобно поделиться с кем-нибудь этими неотступными впечатлениями» (Островский, XIII, 187). После смерти отца О. с братом Михаилом выкупил имение у мачехи (1867) и ежегодно с мая по сентябрь жил там с семьей, широко принимая гостей (братья и сестры; артисты М. П. и О. О. Садовские, В. П. Музыль, Н. А. Никулина, Ф. А. Бурдин; литераторы Максимов, П. М. Невежин, Н. Я. Со-

ловьев). В 1872—84 О. был поч. мировым судьей Кинешем. округа; на досуге разводил цветы и птиц, выпиливал затейливые рамки и ящички, к-рые дарил знакомым, продолжал с увлечением составлять словарь нар. яз. По словам Максимова, «родную речь он любил до обожания, и ничем нельзя было больше порадовать его, как сообщением нового слова или... выражения, в к-рых рисовался целый порядок живых образов» (Островский и, XIII, 385); язык он изучал как исследователь; после смерти драматурга М. Н. Островский передал в АН картотеку из ста тыс. слов. Но, главное, летние месяцы были для О. временем систематич. труда: сидя с удочкой или раскладывая сложные пасьянсы, он обдумывал новую пьесу; записывал ее осенью, зимой руководил ее постановкой в Малом и Александрин. т-рах, в начале след. года печатал в ж-ле (чаще всего в первом номере). «В постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т. е. без хлеба, с огромной семьей» (Островский, XV, 148), О. не доверял вдохновению и был «образцовый труженик и неутомимый работник» (Островский в восп., с. 290). Методичность, редкая в творч. мире и уподоблявшая искусство ремеслу, обращала на О. внимание и вызывала иронию: об очередном номере «Отч. записок» писалось, что он открывается «неизбежной комедией О.» («Сияние», 1872, № 7, с. 115). «Каждый год по одной комедии г. Островского — это так же точно и верно исполняется, как и каждый год по одному тому „История“ г. Соловьева» (СО, 1877, 25 февр.). Но именно этот налаженный ритм обеспечил драматургу продуктивность, а его семье — пост. источник дохода, чему способствовал и переход О. в «Отч. записки», где он, всегда получавший хороший гонорар, сотрудничал в 1868—84 по приглашению Некрасова, к-рого воспринимал как союзника: «Как Вам умирать! С кем же мне тогда идти в литературе? Ведь мы с Вами только двое настоящие нар. поэты» (Островский, XIV, 181).

В пореформ. годы с характерным для них сближением и смешением сословий О. уловил веяние времени и создал ряд сатирич. комедий из дворян. быта: «На всякого мудреца довольно простоты» (ОЗ, 1868, № 11; Александрин. т-р, 1 нояб. 1868, Малый т-р, 6 нояб. 1868), «Бешеные деньги» (ОЗ, 1870, № 2; Александрин. т-р, 16 апр. 1870, Малый т-р, 9 окт. 1870), «Лес» (ОЗ, 1871, № 1; Александрин. т-р, 1 нояб. 1871, Малый т-р, 26 нояб. 1871), «Волки и овцы» (ОЗ, 1875, № 11; Александрин. т-р, 8 дек. 1875, Малый т-р, 26 дек. 1875). Из них «Лес» — единств. пьеса, где сюжетно торжествующим са-

тирич. персонажам (усадебное об-во) противопостоят герои, сохранившие моральную чистоту (бескорыстный бедный артист и девушка-бесприданница). В остальных комедиях конфликт сталкивает людей, равных друг другу в социальном и нравств. отношении, обнаруживая их эгоизм и холодный расчет — независимо от социального положения. Это комедии гоголевского типа, без положит. героя: борьба здесь идет не за счастье с любимым человеком (как в нар. комедии), а за деньги, власть, удобное место в обществе. «Волки» и «овцы» (их неизбежные жертвы) различаются в конечном счете лишь способностью ориентироваться в совр. условиях и использовать их в собств. интересах. Правда, в «Бешеных деньгах» деловой человек, противостоящий дворянам — прожигателям жизни, показан любящим и страдающим, но финал пьесы рисует всеобщее корыстолюбие. В комедии «На всякого мудреца довольно простоты» сатира приобретает остро актуальный, полит. характер: О. показывает засилье в об-ве либеральной демагогии и прочность его консерват. основ. Изображая умного рефлектирующего дворянина, к-рый оценивает своих современников с чувством превосходства, О. тем самым подключился к традиции отечеств. романа о «лишнем человеке» (дневник Глумова — реминисценция дневника Печорина), однако впервые наделил такого героя причинной жадной прусупения и раскрыл его нравств. падение средствами комедии. Способ изображения персонажей здесь не психологически-бытовой (как в предыдущих пьесах), а гротескный, что сближает О. с М. Е. Салтыковым-Щедриным; не случайно тот вел гл. героя пьесы в свои сатирич. циклы «Недоконченные беседы», «В среде умеренности и аккуратности», «Крутой год», «Письма к тетеньке», в ром. «Современная идиллия».

В сатирич. комедиях О. впервые широко использует веками отработанную (особенно во франц. пьесах) технику ведения интриги, традиционный для европ. драматургии способ характеристики — амплуа (инженер, резонер, *grande dame*, *grande coquette* и т. д.), к-рые порой сочетаются в одной и той же роли, а также лит. реминисценции и цитаты из пьес А. С. Грибоедова и Гоголя. Критики, не сумевшие оценить новую манеру О., обвинили его в неправдоподобии и водевильности [Боборыкин П. Д. — «Дело», 1871, № 11; Соколов А. А. — ПЛ, 1871, 6, 11 нояб.; Суворин А. С. — СПбВед. 1868, 3 нояб.; Н. Языков (Шелгунов Н. В.) — «Дело», 1875, № 2]; пьесы «Лес» было отказано в Уваровской пр., зато Тургенев писал о ней: «преlestь» (Неизд. письма

к О., с. 592; положит. рец. также: Плещеев А. Н. — «Молва», 1880, 2 марта).

Опыт сатирич. комедии О. использовал и в дальнейшем. В **«Горячем сердце»** (ОЗ, 1869, № 1; Малый т-р, 15 янв. 1869, Александрин. т-р, 29 янв. 1869) он соединил гротескно-условный стиль с чертами нар. комедии (опора на фольклор, противостояние честных и любящих молодых людей самодурам-старшим). Фольклорные мотивы О. использует по-своему: напр., палчерица не терпит притеснений мачехи, а вступает с ней в борьбу. Источник ампула здесь не франц. драма (как в сатирич. комедиях), а нар. театр («Лодка»).

Возвращение О. к жанру нар. комедии (**«Не все коту масленица»** — ОЗ, 1871, № 9; Малый т-р, 7 окт. 1871, Александрин. т-р, 13 янв. 1872; **«Правда — хорошо, а счастье лучше»** — ОЗ, 1877, № 1; Малый т-р, 18 нояб. 1876, Александрин. т-р, 22 нояб. 1876) навлекло на драматурга упреки в «повторениях одного и того же» (Аверкиев Д. В. — МВед, 1876, I дек.; см. также: «Когда же настанет г-ну Островскому великий пост?» — ПЛ, 1871, 9 окт.). Критика рассматривала поздние комедии О. в контексте совр. лит-ры, тогда как они отвечают скорее поэтике фольклора: персонажи наделены устойчивой и легко узнаваемой сюжетной функцией (старый богатый обидчик, притесняемый им молодой человек, зависимая любящая девушка и т. д.), но фабула каждый раз несколько иная. Вместе с тем поздние нар. комедии О. отличаются от «москвитинских»: в них появляются легкая ирония и откровенная условность; главное же, молодые герои проявляют не покорность старшим, а волю и самостоятельность.

В репертуарной драматургии этого периода становились «модными» острые, мелодраматич. сюжеты: финансовые аферы, громкие судебные процессы, интриги и скандалы. О. оставался верен своим принципам: он рисовал рус. жизнь, в к-рой на фоне исторически сложившихся форм быта резко обнаруживаются все более мощные признаки ускоренного развития. В ряде пьес О. выводит новые типа (адвокаты, бюрократы-администраторы), «погружая» их в поток ежедневного быта, «сталкивая» с зависимыми от них бедными чиновниками, обывателями, купцами: **«Шутники»** («Совр.», 1864, № 9; Александрин. т-р, 9 окт. 1864, Малый т-р, 12 окт. 1864), **«Пучина»** (СПбВед, 1866, 1—8 янв.; Малый т-р, 8 апр. 1866, Александрин. т-р, 6 мая 1866), **«Не было ни гроша, да вдруг алтын»** (ОЗ, 1872, № 1; Александрин. т-р, 20 сент. 1872, Малый т-р, 10 дек. 1872), **«Поздняя любовь»** (ОЗ, 1874, № 1; Малый т-р,

22 нояб. 1873, Александрин. т-р, 28 нояб. 1873). Их жанр, определяемый драматургом то как «комедия», то как «сцены», ближе всего к трагикомедии. Отзывы критики были, как правило, отрицательными: «...драм. попрше О. кончено» («Голос», 1864, 18 окт.); «О, г. Островский! отчего вы не умерли до написания „Поздней любви“?!» («Гражданин», 1873, № 49; ср. с отзывом А. П. Чехова в письме А. С. Суворину от 3 марта 1892: «Пучина» — «пьеса удивительная. Последний акт — это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал» — Чехов. Письма, I, 11). Вместе с тем, если нек-рые поздние пьесы О. «страдают бедностью фабулы, то все же они продолжают быть самыми тончайшими и художественными психическими исследованиями» («Саратов. листок», 1880, 25 янв.). На первом плане — не плотная бытовая среда (как в раннем творчестве драматурга), а интерес к отд. личности, что сближает творчество О. этого периода с общелит. тенденцией 19 в. к исследованию сложного внутр. мира современника. Однако по контрасту с психологизмом М. Ю. Лермонтова, Толстого, Достоевского чувства героев у О. не анатомируются, а даются в их цельности и пластич. завершенности. Сила переживаний, воплощаемая драматургом в его поздних пьесах, не позволяет провести четкую линию между комедией и драмой: **«Последняя жертва»** (первонач. назв. — **«Жертва века»**; ОЗ, 1878, № 1; Малый т-р, 8 нояб. 1877, Александрин. т-р, 2 дек. 1877) была задумана как драма и лишь впоследствии приняла облик комедии. Во время работы над ней О. писал: «Трогательно драм. сюжет... в к-рый я погружаюсь всей душой... расстраивает меня» (Островский, XV, 93—94). Пьеса встретила резко отриц. отзывы (НВ, 1878, 3 февр.; МВед, 1877, 12 нояб.), однако с похвалой был отмечен выраженный в ней «дух времени» (СПбВед, 1877, 16 нояб.). Чернышевский сочувственно отметил, что купцы в ней изображены по-новому, без утрирования сословной особенности их речи (XV, 727—28).

В центре комедии **«Таланты и поклонники»** (первонач. назв. — **«Мечтатели»**; ОЗ, 1882, № 1; Малый т-р, 20 дек. 1881, Александрин. т-р, 18 янв. 1882) и мелодрамы **«Без вины виноватые»** (ОЗ, 1884, № 1; Малый т-р, 15 янв. 1884, Александрин. т-р, 20 янв. 1884) — образ актрисы, преданной своему искусству, утверждающей свое право на независимость через творчество, и в то же время беззащитной женщины с неудавшейся личной судьбой. Героини поздних пьес О. проявляют редкую искренность, жертвенную любовь, способность к всепрощению, но это не при-

носит им счастья, а обрекает на мучит. страдания, нередко на гибель: **«Сердце не камень»** (ОЗ, 1880, № 1; Александрин. т-р, 21 нояб. 1879, Малый т-р, 30 нояб. 1879); **«Светит, да не греет»** (совм. с Н. Я. Соловьевым; «Огонек», 1881, № 6—10; Малый т-р, 6 нояб. 1880, Александрин. т-р, 14 нояб. 1880), **«Не от мира сего»** (РМ, 1885, № 2; Александрин. т-р, 9 янв. 1885, Малый т-р, 16 янв. 1885). Особенно ярко и страстно психол. коллизии представлены в драме **«Бесприданница»** (ОЗ, 1879, № 1; Малый т-р, 10 нояб. 1878, Александрин. т-р, 22 нояб. 1878) — сороковой пьесе О., к-рую он тщательно отделивал четыре года. В процессе работы драматург обострял одиночество гл. героини, усиливал искренность и глубину ее переживаний. Здесь нет абсолютного противостояния героини среде: линия борьбы проходит через сложную, лишенную цельности душу; нет и характерной для О. монолитности стиля. Мягущаяся жен. душа, к-рая «любви искала и не нашла», становится жертвой не только черствости и тщеславия окружающих, но и собств. доверия к лирич. демагогии. Удел красоты в драме бесысходен — быть «очень дорогой вещью» в руках сильных мира сего. Катарсическое воздействие производит финал пьесы — смерть Ларисы, прощающей своих губителей, под праздничные песни цыган. Как и все произв. О. последнего периода, «Бесприданница» — один из шедевров рус. драматургии — получила резко отрицат. отзывы (см.: С. Васильев (С. В. Флёр) — МВед, 1878, 19 нояб.; П. Д. Боборыкин — РВед, 1879, 23 марта).

Совр. жизнь выступает в поздних комедиях и драмах О. в новом обличье. В ней подчеркнуты внеш. лоск цивилизации и внутр. жестокость, тенденция к обезличиванию человека и стиранию нап. форм быта: **«Невольницы»** (ОЗ, 1881, № 1; Малый т-р, 14 нояб. 1880, Александрин. т-р, 28 апр. 1883), **«Красавец-мужчина»** (ОЗ, 1883, № 1; Малый т-р, 26 дек. 1882, Александрин. т-р, 6 янв. 1883). Нивелированный уклад жизни изменяет форму общения персонажей: непосредственность, грубоватая искренность героев ранних пьес уступают место намекам или штампам бытовой речи, призванным не столько обнажить, сколько скрыть чувства; эти черты поздней драматургии О. предвещают Чехова.

Особое место в драматургии О. занимает пьеса **«Снегурочка»** (ВЕ, 1873, № 9; Большой т-р, 11 мая 1873, с участием драм., оперной и балетной трупп, муз. П. И. Чайковского). Задуманная в жанре феерии для праздничных спектаклей, она превратилась в лирич. драму, отчасти

подобную мистерию; вечный сказочный сюжет, в к-ром гибель героини предreshена, реализуется на фоне этногр. картины др.-слав. быта. О. выступил в ней в русле поисков европ. драматургии, пытавшийся выразить проблемы совр. философии на языке фольклора и мифа; ср.: «Пер Гюнт» Г. Ибсена (1866), «Потонувший колокол» Г. Гауптмана (1896), «Синяя птица» М. Метерлинка (1908). Стараюсь реконструировать мифологию древних славян, О. использовал не только фольк. сб-ки и ученые труды, но и собств. впечатления от природы и крест. быта Щелькова. Заказав музыку для пьесы Чайковского, О. высылал ему по ходу работы отд. «номера» — тексты, требующие муз. сопровождения или пения. Т. о., стиль «Снегурочки» был изначально ориентирован на слияние с музыкой. «Можно подумать, что этот... т. н. реалист и бытовик... ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики» (Станиславский К. С., Собр. соч. в 8 т., т. 1, М., 1954, с. 213). Критика не оценила этой поэзии и восприняла «Снегурочку» как несовр., далекое от насущных интересов произв. (З (Буренин В. П.) — СПбВед, 1873, 11 сент.; А. М. Скабичевский — ОЗ, 1874, № 8; положит. отзыв — «Гражданин», 1873, 28 мая); Некрасов не выразил желания печатать ее в «Отеч. записках», что особенно обидело О.

С «целью доставить ... артистам полезное упражнение» (Островский, XII, 91), а также ради дохода О. много занимался переводами: с 1850 по 1886 перевел 22 пьесы, еще 16 переводов остались незавершенными. Нек-рые из переведенных пьес О. опубли.: «Усмирение своенравной» Шекспира («Совр.», 1865, № 11), «Великий банкир» И. Франки (ОЗ, 1871, № 7), интермедии М. Сервантеса (все в ж. «Изящная лит-ра»); «Судья по бракоразводным делам» (1883, № 12), «Бдительный страж» (1884, № 1), «Театр чудес» (1884, № 7), «Саламанская пещера» (1885, № 4) и т. д. Не все переводы О. изначально предназначались для сцены (напр., «Кофейная» К. Гольдони, см.: Островский, XII, 91); из поставленных наиб. успехом пользовалась драма П. Джакометти «Семья преступника» (2200 представлений с 1875 по 1917). О. создал также (как правило, по просьбам знакомых) оперные либретто: «Воевода» Чайковского, «Вражья сила» А. Н. Серова, «Гроза» В. Н. Кашперова; консультировал Н. А. Римского-Корсакова, составившего либретто для своей «Снегурочки».

«От интересов обществ. характера он стоял в стороне, если они не касались театра или корпорации сценич. писателей» (Островский в восп.,

с. 188), по взглядам считался «умеренным прогрессистом» (там же, с. 291). В письме к Н. Я. Соловьёву К. Н. Леонтьев (лично знавший О.) определял его как либерала «по строю мысли». Констатируя свои расхождения с драматургом, упрекает его в нигилизме, хотя, впрочем, признает, что О. и сам «лично, и как художник очень цветен» (ЛН, т. 88, кн. 1, с. 568). Милолюбие, общепризнанная деликатность и талант собеседника дали ему «массу обожавших его друзей, в особенности в театр. мире» (Островский в восп., с. 353). Любя артистов, О. был всегдашним ходатаем за них перед дирекцией (просил о прибавке им жалованья, о пенсиях, бенефисах); строил пьесы так, чтобы в них было легко играть, и «давал им исклочит. случай блеснуть на сцене» (там же, с. 410); так, о «Талантах и поклонниках» писал: «У меня пьеса выходила очень эффектная, с богатой ролью для Савиной» (Островский, XVI, 23). Ближайшим из друзей-артистов для О. был Бурдин: благодаря большому связям он помогал проводить пьесы через цензуру и старался расположить к О. петерб. труппу, у к-рой с драматургом сложились довольно холодные отношения. Высоко ценивший эту помощь О. также всячески способствовал успехам Бурдина; несмотря на его средние способности, предоставил для его бенефисов 13 пьес (за что, в частности, О. упрекал Григорьева — «Эпоха», 1864, № 7). Имел О. друзей и среди купечества (Островский в восп., с. 311); он и сам «с виду... более подходил на настоящего рус. хозяина — купца или промышленника, чем на знаменитого писателя» (там же, с. 393). Среди литераторов был дружен с А. Н. Плещеевым, а особенно с Е. Э. Дряньским и, несмотря на разногласия, с Писемским; Тургенев усмотрел их единство в том, что оба «не брали себя в руки, не ломали себя» (Тургенев. Письма, III, 165). При еще большем несходстве мировоззрений сохранял с 1856 дружбу с Л. Н. Толстым, к-рому «нравился своей простотой, рус. складом жизни, серьезностью и большим дарованием. Он был самостоятельный, оригинальный человек, ни у кого не заискивал, даже и в лит. мире» (Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, М., 1973, с. 178); однако близких отношений у них не возникло. В 1864 О. задел самолюбие Толстого критич. отзывом о его пьесе «Зараженное семейство», к-рую прочел ему автор. Толстой до старости помнил слова О. (Гольденвейзер А. Б., Вблизи Толстого, М., 1959, с. 204), однако продолжал высоко ценить его творчество. Добрые отношения связывали О. с Тургеневым, на квартире к-рого он неоднократно читал свои

произв.; благодаря содействию Тургенева появились пер. «Грозы» на франц. яз. и первая статья об О. на англ. яз. (1868). Достоевский, восторженно отзывавшийся о пьесах О. 50—60-х гг. и с радостью напечатавший две из них в своем ж. «Время», позднее стал оценивать творчество О. более сдержанно: находил, что О. неохотно выставляет купца «в человеческом виде», что «Добролюбов правее Григорьева в своем взгляде на Островского» (Достоевский, XXIX, кн. 1, 36), а в «Дневнике писателя» за 1876 утверждал, что О. «холоден, растанут... и недостаточно весел» (Достоевский, XXIV, 305).

О. был очень чувствителен к тому, как ставятся и воспринимаются его пьесы; считал, что «между зрителем и драматургом устанавливаются особые душевные отношения» (Островский, XII, 229). В Москве такие отношения действительно были: после первого представления комедии «Свои люди — сочтемся» «молодежь выискала О. на руках без шубы, в двадцать градусов мороза, на улицу, намереваясь т. о. донести его до квартиры» (Островский в восп., с. 182). Столичная публика была к нему холоднее, пьесы О. подчас не давали сбора и снимались с репертуара, хотя нередко это отражало отношение не публики, а театр. администрации к О.: «В Петербурге на Святках не шло ни одной моей пьесы... Это уж не только материальный ущерб, но и оскорбление. Я тридцатисемилетним трудом заработал для своей семьи постоянный доход, а его у меня отнимают» (Островский, XVI, 96).

Сам долгие годы не имевший достатка, О. стал одним из основателей и участников Об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Лит. фонд, 1859) и ОРДП (1874), ведавшего охраной авт. прав. Доброжелательный, ровный характер и горячая заинтересованность в судьбе рус. театра предопределили участие О. в подготовке театр. молодежи. В 1865 вместе с Н. Г. Рубинштейном и В. Ф. Одоевским он создал Моск. артистич. кружок — клуб и своеобразную актерскую школу; вел обширную, часто неблагодарную работу с начинающими актерами и драматургами: «Другие искусства имеют школы, академии ... меценатов... у рус. драм. иск-ва один только я. Я — все: и академия, и меценат, и защита» (Островский, XII, 246). Со всех концов России присылались пьесы, к-рые О. разбирал и давал авторам советы. Наиб. результатов он добился в совм. работе с Н. Я. Соловьёвым: «Счастливые день» (ОЗ, 1877, № 7; Малый т-р, 28 окт. 1877, Александрин. т-р, 14 нояб. 1877), «Женитьба Белугина» (ОЗ, 1878, № 5; Малый т-р, 26 дек. 1877, Александрин. т-р, 11 янв. 1878), «Дикарка» (BE, 1880, № 1; Малый т-р, 2 нояб. 1879, Александрин. т-р, 12 нояб. 1879), «Светит, да не греет», и с П. М. Невежиным: «Блажь» (ОЗ, 1881, № 3; Малый т-р, 26 дек. 1880, Александрин. т-р, 16 янв. 1881) и «Старое по-новому» (отд. изд. под именем одного Невежина — М.,

1882; Малый т-р, 21 нояб. 1882, Александрин. т-р, 11 нояб. 1883).

Не вступая в идейные споры, О. участвовал в лит.-обществ. жизни чисто практически — как драматург и организатор театр. дела. Его кропотливая повседневная работа отличалась редкой в истории лит-ры сосредоточенностью на одной цели — создании рус. нац. театра. Мысли о назначении драм. иск-ва, о желательном составе репертуара, об актерской игре и потребностях зрителя О. высказывал не в публицистике и критич. статьях, способных стать достоянием общест-венности (известно лишь одно подобное выступление О. в печати — ст. «Обстоятельства, препятствующие развитию драм. иск-ва в России», опубл. частично б. п. — СП, 1863, 1 февр., написана после конфликта драматурга с Лит.-театр. к-том), а в деловых письмах и подробных записках офиц. лицам, от к-рых зависела реорганизация театр. дела в России («Записка о неотложной потребности устройства Рус. театра в Москве», «Правительство. вест.», 1882, № 51 — см.: Островский, XII, 357). В 1881 О. был приглашен в Комиссию для пересмотра законоположений по всем частям театр. ведомства, для к-рой составил «Записку о положении драм. иск-ва в России в наст. время» и «Записку о театр. школах» (обе — 1882), где рассмотрел вопросы репертуара, особенности публики и т. д. Полгода О. работал для Комиссии... «со страстным увлечением», считая это «неописанным счастьем», но та стала «обманом надежд и ожиданий» (Островский, XII, 249—50): его предложения были встречены вежливым равнодушием и положены под сукно. В 1884 по хлопотам брата Михаила О. получил пожизненную пенсию (3 тыс. руб.), а с 1 янв. 1886 — должность зав. репертуарной частью моск. театров (Малого и Большого) и руководителя театр. школы. Об этом О. мечтал всю жизнь (еще в 1853 просил Погодина найти ему службу при театре). «Он сделался наконец хозяином рус. театра; он мог осуществить все свои заветные мечты... Сколько светлых надежд, какое ликование между артистами!» (Островский в восп., с. 339). О. с энтузиазмом взялся за дело, но дни его были уже сочтены, физич. силы исчерпаны: «Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уж зубов не стало... Это положение глубоко трагическое» (Островский, XVI, 226—227). К этому времени О. был болен грудной жабой (стенокардией) и страдал от сильных приступов. От такого приступа он и умер за письм. столом в Щелькове над переводом «Антония и Клеопатры» Шекспира. Болезнь была в семье наследствен-

ной: от нее умерли отец О. и дочь О. — Мария.

Дело своей жизни О. видел в том, что создал «целый нар. театр» (Островский, XII, 151); он достроил «здание, в основание к-рого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь» (Гончаров, VIII, 491). На все творчество О. наложила отпечаток его кровная связь с текущей театр. жизнью. «Ни до, ни после него ни один драматург России не входил в такие тесные контакты со специфич. миром сцены» (ЛН, т. 88, кн. 1, с. 275—76). Иногда это влекло за собой изменение замысла пьесы — напр., если ее срочно «нужно было окончить к бенефису» (Ос-

А. Н. Островский.
Иллюстрация из кн. В. О. Михневича
«Наши знакомые», СПб., 1884.

ровский в восп., с. 60). Работая с сознанием своей миссии, О. не просто сочинял пьесы, а целенаправленно создавал нац. репертуар и потому использовал разные жанры, однако, «считая комедию лучшею формою к достижению нравств. целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преим. в этой форме» (Островский, XIV, 16), создал театр гл. обр. комедийный. В сознание современников он вошел как бытовой драматург, но был в его пьесах раскрыт как отношения людей, как арена борьбы вечных страстей. Свои худож. соображения О. основывал на знании сценич. приемов и потребностей публики. Зритель, на к-рого он сознательно ориентировался, — и искушенная публика, и человек, недавно сбросивший «лапти и зипун», «дикарь по энергии и по своим хищническим стремлениям, но вместе с тем и свежая натура, богатая хорошими задатками, готовая на благородный подвиг» (Островский, XII, 121); жизнь укрепляет в нем дурные инстинкты, дело иск-ва — про-

будить хорошие (О. считал, что театр призван быть «школою нравов» — там же, с. 255). Такой зритель «почти по-детски переживает все, что происходит на сцене, сочувствует добру и узнает зло, ясно предостерегающее» (там же, с. 112). О. неизменно включал в свои пьесы «сильный драматизм, крупный комизм, вызывающий откровенный, громкий смех, горячие, искренние чувства, живые и сильные характеры» (Островский, XII, 123). Редкое разнообразие этих характеров создает многоликий, богатый человеческий мир. В 47 орг. пьесах О. более 600 персонажей — людей разных эпох и сословий. При этом в центре, как правило, страдающее лицо, с доверчивой непосредственностью ищущее осуществления чистых чувств в обстановке господствующей корысти. Жизнь в изображении О. проста, подчиняется нехитрым закономерностям и представлена переживаниями общечеловеческих переживаний и чаяний (свидетельство интереса к всеобщим закономерностям — преобладание пословичных названий). Широкое бытование его пьес на сценах самодет. нар. театров 2-й пол. 19 в. (см.: Хайченко Г. А., Рус. нар. театр конца XIX — нач. XX в., М., 1975) убеждает в том, что драматург действительно угадал потребности массовой простонародной публики: оставаясь на высоте подлинного иск-ва, он вместе с тем нашел доступную для нее форму воплощения ее нравств. и эстетич. идеалов. Не меньший успех имел О. у образованного зрителя: по количеству представлений его пьесы прочно заняли первое место в столичных и провинц. театрах.

В контексте рус. лит-ры 19 в. драматургия О. дополняет ее ведущие жанры (роман, повесть). Такие приемы, как развернутая экспозиция, введение не участвующих в интриге персонажей, элементы описания (пейзаж в «Грозе», бытопись в нар. комедии), размывали границу между драмой и эпосом. П. Д. Боборыкин рассматривал пьесы О. как «ряд эпич. картин» в форме диалогов (Денисюк, в. 4, с. 389), а Достоевский прямо называл их «повести в ролях» (Достоевский, XXIV, 305). Однако даже в этих эпич. полотнах О. сумел остаться театральным, т. к. опирался на многовековую традицию. Иск-во он уподоблял науке, где «игнорировать основы и всю сумму приобретений, добытых исследованием и опытом, и доходить до всего собств. умом — есть самодурство» (Островский, XVI, 166).

Интрига у О. преим. очень проста: «Драматург не изобретает сюжетов... Их дает жизнь, история, рассказ знакомого, порою газ. заметка. У меня... все сюжеты заимствованы» (Остров-

ский в восп., с. 489—90). Так, в основе сюжета комедии «Волки и овцы» — обстоятельства уголовного процесса над игуменшей Митрофаньей, обвиненной в подлогах (окт. 1874, Москва). Огромную роль в большинстве пьес О. играет мотив власти денег над душой и судьбой человека, созвучный одной из болезненных проблем пореформ. России. Однако нередко О. включает в сюжет условно благополучный финал, напоминающий о древнем *deus ex machina*. Здесь сказалась любовь драматурга к «вековому классич. приему», к-рый «найдешь и у испанцев, и у Шекспира» (Островский, XV, 24). Театр О. в основе своей каноничен. Он неразрывно связан с фольклором. Это драматургия самозабвенного любования ярким и образным словом. Говорить для персонажей О. — ритуал, доставляющий им наслаждение. О. не стремится придать речи героев бытовое правдоподобие: она прежде всего сценична. Речевой мир О. исключительно богат и красочен; он включает едва ли не все пласты совр. ему разговорного и старинного книжного языков, сохраняя при этом стиливое единство на протяжении творчества драматурга. Это памятник нар. речи, запечатлевший ее свободную стихию.

Помимо традиций отеч. фольклора и лит-ры О. ориентировался на классич. традиции европ. театров. Он создал для России нац. классич. театр, укорененный в глубинах нар. миропонимания и многовековой нар. жизни, — как Шекспир в Англии или Мольер во Франции.

Др. произв. Пьесы: «Утро молодого человека» («Москв.», 1850, № 22; Александрин. т-р, 19 февр. 1853, Малый т-р, 11 мая 1853), «В чужом пиру похмелье» (РВ, 1856, № 2; Малый т-р, 9 янв. 1856, Александрин. т-р, 18 янв. 1856), «Не сошлись характерами!» («Совр.», 1858, № 1; Александрин. т-р, 1 сент. 1858, Малый т-р, 23 окт. 1858), «Старый друг лучше новых двух» («Совр.», 1860, № 9; Маринин. т-р, 10 окт. 1860, Малый т-р, 14 окт. 1860), «Грех да беда на кого не живет» («Время», 1863, № 1; Малый т-р, 21 янв. 1863, Александрин. т-р, 24 янв. 1863), «Тяжелые дни» («Совр.», 1863, № 9; Малый т-р, 20 окт. 1863, Александрин. т-р, 22 нояб. 1863), «Трудовой хлеб» (ОЗ, 1874, № 11; отрывок в сб. «Складчина», СПб., 1874; Малый т-р, 28 нояб. 1874, Александрин. т-р, 19 дек. 1874), «Богатые невесты» (ОЗ, 1876, № 2; Александрин. т-р, 28 нояб. 1875, Малый т-р, 30 нояб. 1875).

Изд.: Собр. соч. т. 1—9, СПб., 1874; Собр. соч. т. 1—10, СПб., 1874—84; Драм. переводы, т. 1—2, СПб., 1886; ПСС, т. 1—12, СПб., 1904—1909; Соч. (под ред. Н. Н. Долгова), т. 1—11, П., 1919—26; О театре. Записки, речи и письма, Л.—М., 1941 (прим. К. Д. Муратовой); ПСС,

т. 1—16, М., 1949—53; Стихотв. драмы, 2-е изд., Л., 1961 (вступ. ст. и прим. Л. М. Лотман); ПСС, т. 1—12, Л.—М., 1973—80; О литературе и театре, М., 1986 (вступ. ст. и прим. М. П. Лобанова).

Биогр. мат-лы: Кропачев Н. А., А. Н. Островский, М., 1889; его же, О. на службе при имп. т-рах, М., 1901; Иванов И. И., А. Н. Островский, СПб., 1900; Нелидов Ф. А., О. в кружке «Молодого Москвитинна», — РМ, 1901, № 3; Россиев П. А., Артистич. кружок в Москве, — ИВ, 1912, № 5—7; Купчинский И. А., Из восп. об О., Курск, 1913; О. и Ф. А. Бурдин. Нендз. письма, М.—П., 1923; Островский. Новые мат-лы, Л., 1924; Нендз. письма к О., М.—Л., 1932; Кашин Н. П., О разработке архива О. — ЛН, т. 78, М., 1933; Писемский А. Ф., Письма, М.—Л., 1936; О. и рус. композиторы. Письма, М.—Л., 1937; Шамбинаго С. К., А. Н. Островский, М., 1937 (ЖЗЛ); А. Н. Островский, Н. С. Лесков. Рукописи, перепiska, док-ты, М., 1938 (под ред. Н. П. Кашина); Семья Садовских, М.—Л., 1939; Гольдман А., А. Н. Островский — пред. Об-ва драм. писателей, М., 1948; Ревякин А. И., А. Н. Островский. Жизнь и творчество, М., 1949; Дурылин С. Н., Островский. Очерк жизни и творчества, М.—Л., 1949; П. А. Стрелцова. Жизнь и творчество трагич. актрисы, М.—Л., 1959; О. в восп.: Миронов А. В., Великий чародей в стране берсердов. Очерк жизни и творчества О. в Шелковце, Я., 1973; Гаспич Ю. А., Неутолимая жажда. Повесть об А. Н. Островском, М., 1975; Лакин В. Я., Островский, М., 1976; Иванов Г. К., О. в музыке, М., 1976; Лобанов М. П., Островский, М., 1989 (ЖЗЛ); ЛН, т. 88, кн. I—II.

Лит.: Анненков; Барсуков; Боборыкин; Григорьев. Восп.; Григорьев. Критика; Герцен; Добролюбов; Достоевский; Некрасов; Лесков; Михайловский; Панаев; Писарев; Салтыков-Щедрин; Толстой; Тургенев; Чернышевский; Чехов (всё — ук.); Отчет о четвертом присуждении награды графа Уварова, СПб., 1860; Боборыкин П. Д., Рус. театр. — «Дело», 1871, № 11; Никитенко А. В., Об ист. драме О. «Дм. Самозванец и Вас. Шуйский», — В сб.: Складчина, СПб., 1874; Скабичевский А. М., Особенности рус. комедии, — ОЗ, 1875, № 1; его же, Женщины в пьесах О. — СВ, 1887, № 8; Критич. комм. к соч. О., ч. 1—5, М., 1894—97 (сост. В. Зелинский); Островский. Его жизнь и соч., 3-е изд., М., 1912 (сост. В. Покровский); Кашин Н. П., Этюды об О., т. 1—2, М., 1912; Варнеке Б. В., Заметки об О., Одесса, 1912; Сахновский В. Г., Театр О., М., 1918; Долгов Н. Н., Островский. Жизнь и творчество, М.—П., 1923; Островский. 1823 — 31 марта — 13 апреля 1923. К столетию со дня рождения, М., 1923 (под ред. А. А. Бахрушина, Н. Л. Бродского и Н. А. Попова); А. Н. Островский. 1823—1923, Од., 1923 (под ред. Б. В. Варнеке); Бельинков Н. Ф., Островский, М., 1923; Творчество О. Юбилейный сб-к, М.—П., 1923 (под ред. С. К. Шамбинаго); Островский. Новые мат-лы... Труды Пушкинского Дома, Л., 1924; Васильев А. В., Об ист. драмах О., РИД, 1935; Линин А., Творчество О., РИД, 1937; «Без вины виноваты». Мат-лы и иссл., М., 1947; «Бесприданница». Мат-лы и иссл., М., 1947; «Правда — хорошо, а счастье лучше». Мат-лы и иссл., М., 1947; «Таланты и поклонники». Мат-лы и иссл., М., 1947; Ревякин А. И., «Гроза» Островского, М., 1948; его же, Москва в жизни и творчестве О., М.—Л., 1962; его же, Иск-во драматургии О., 2-е изд., М., 1974; О. в рус. критике. [Сб. статей под ред. Г. И. Владыкина], М., 1953; Лотман Л. М., О. и рус. драматургия его времени, М.—Л., 1961; его же, Драматургия О. — В кн.: История рус. драматургии. Вторая пол. XIX — нач. XX вв. До 1917, Л., 1987; Холодов Е. Г., Мастерство О., 2-е изд., М., 1967; его же, Драматургия на все времена, М., 1975; его же, Язык драмы, М., 1978; Штейн А. Л., Мастер рус. драмы, М., 1973; Шельковский сб-к. Мат-лы и сообщения по фондам Гос. музея-заповедника О., Я., 1973; Костелянец Б., «Бесприданница» О., Л., 1973; Язык и слог О.-драматурга, Я., 1974; О. и рус. лит-ра, Кострома, 1974; Лебедев А. А., Драматург перед лицом критики..., М., 1974; А. Н. Островский. Новые мат-лы и иссл., кн. 1—2, М., 1974; О. на сцене. [Сб.], М., 1974; О. и лит.-театр. дви-

жение XIX—XX вв., М., 1974; Бранис Л. В., О. зритель, — В кн.: Худож. творчество и проблемы воспитания, Калинин, 1978; Петровская (1); Петровская (2); Журавлева А. И., О.-комедиограф, М., 1981; Данилова Л. С., Актерское иск-во в театре О., Л., 1981; Черных Л. В., Островский, — В кн.: Рус. лит-ра и фольклор. Вторая пол. XIX в., М., 1982; Лакшин В. Я., Театр О., М., 1985; Журавлева А. И., Некрасов В. Н., Театр Островского, М., 1986; Драма А. Н. Островского «Гроза» в рус. критике, Л., 1990; Теплинский М. В., Пьесы жизни. Изучение творчества О. в школе, К., 1991; Ашукин Н. С., Ожegov С. И., Филиппов В. А., Словарь к пьесам А. Н. Островского, М., 1993; Patouillet J., Ostrovski et son théâtre de moeurs russes, P., 1912; Wheeler M., Popular Speech in the Play of A. N. Ostrovski «Svoi ljudi — sočtem-sja», — *Analii dell'Istituto Orientale. Sezione slava* 2/59, Napoli, 1958; Eisdold W., Die Namen in Werk des Dramatikers Ostrovski, B., 1960; Sliwowski R., Od Turgeniewa do Czechowa (Z dziejów rosyjskiej dramaturgii drugiej połowy XIX wieku), Warsz., 1962; Stelther U., Die kunstlichen Funktionen der Sprache in der Dramen von A. N. Ostrovski, Osteuropastudien der Hochschulen des Landes Hessen. Reihe III. — *Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik*, Bd 26, Giessen, 1978. — 4 Критич. лит-ра о произв. О. Сост. Н. Денисюк, в. 1—4, М., 1906—07; Островский. Лит.-театр. семинарий, Иваново-Вознесенск, 1923; Кашин Н. П., Рукописи О. Каталог, М., 1939; Пынин Н. А., О. в собр. Ленингр. театр. б-ки. — Театр. наследие, т. 1, Л., 1934; О. в портретах и иллюстрациях (сост. Н. А. Голубев), Л., 1949; Коган Л. Р., Летопись жизни и творчества О., М., 1953; Описание изобразит. мат-лов Пушкинского Дома. VI. Островский, М.—Л., 1960; Библиотека О., описание, Л., 1963 (под ред. А. Н. Степанова); Муратова К. Д., Библиография лит-ры об О. 1847—1917, Л., 1974.

Архивы: РГАЛИ, ф. 362; ИРЛИ, ф. 218; РГБ, ф. 216; ГИМ, ф. 140; ГПМ, ф. 200.

Л. М. Лотман

ОСТРОГОРСКИЙ Виктор Петрович [16(28).2.1840, Петербург — 31.3(13.4).1902, г. Валдай Новгород. губ.; похоронен на Смоленском кладб. в Петербурге], педагог, литератор. Из дворян. Трех лет лишившись матери, воспитывался отцом, оставшимся чиновником, благоговевшим перед рус. лит-рой и т-ром, и «редкой нянюшкой» — немкой, страстной поклонницей поэзии Ф. Шиллера; от нее научился нем. яз.; в детстве был очень религиозен (подробнее в его кн. «Из истории моего учительства», СПб., 1914, с. 132). В 1851 был зачислен пансион-

нером в 1-ю петерб. г-зию; в 1853, оставшись круглым сиротой, помещен своим попечителем на казенный счет в интернат при 3-й пед. г-зии (под влиянием В. Я. Стоюнина, преподававшего там лит-ру, О. выбрал в дальнейшем пед. попрание). С 1858 учился на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та. К 1859 относится первая публ. О. — стих. «Путеводный свет» («Ласточка», № 5), с юношескими упованиями на всемогущество науч. знания, возвышающего и облагораживающего человека. Вместе с др. членами ун-тского кружка под руководством П. В. Макалинского (ученика Т. Н. Грановского) О. участвовал в организации Василеостровского бесплатного уч-ща, где начал преподавать лит-ру (1860—66). Здесь он сблизился с петрашевцем Ф. Г. Толлем (в его «Настольном словаре...» О. поместил неск. биогр. статей о рус. писателях), повлиявшим на его филос. и лит. образование. Как участник студенч. волнений 1861 О. попал под надзор полиции, но год спустя был допущен к выпускному экзамену и получил диплом кандидата. С 1863 преподавал словесность в частном жен. пансионе В. В. Швидковской; одновременно, по рекомендации П. Л. Лаврова, заведовал отд. критики и библиот. в «Б-ке для чтения» (первая критич. публ. — «Помысловский, его типы и очерки», 1863, № 4). Разногласия О. с редакцией из-за прочитанных им тезисов статьи о Н. А. Добролюбе, к-рого «более Белинский считал своим руководителем» («Из истории моего учительства», с. 157), привели к его уходу из ж-ла. С 1864 О. преподавал словесность и рус. яз. в 1-й воен. г-зии, где прослужил 16 лет, а также в Елизаветинском ин-те (1869—76), на Жен. пед. курсах (1869—91), в 4-й петерб. (Ларинской) г-зии (1871—90) и др. уч. заведениях (полный их список см. в некрологе: МБ, 1902, № 5, с. 1—2).

Пед. деятельность О. была не безоблачной, порой наталкиваясь на сопротивление начальства, недовольного «теплическими примерами» или «не могущими быть терпимыми суждениями», как это было в Ларинской г-зии, к-рую О. вынужден был покинуть (подробнее см.: Роткович, с. 198—99). Для пед. взглядов О., сформировавшихся под влиянием идей Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского (см. в кн.: Рус. пед. деятеля, М., 1887; совм. с Д. Д. Семёновым), характерна ориентация на общечеловеческие ценности, высшее воспитание мыслящих и активных граждан, широкое просвещение пар. масс, единую всеобщую школу, самоуправление г-зии и ун-тов. Пользуясь большой популярностью, О. формировал в среде либеральной интеллигенции убежденность в том, что ее просветит. деятельность способна усовершенствовать обществ. строй в России по образцу европ. стран. Однако путем формального обогащения ума знаниями, как считал О., невозможно достичь результата в нравств. совершенствовании личности — необходимо развитие чувства и волевого, всех ее творч. сил.

Гл. средство нравств. воспитания и всестороннего развития личности О. видел в худож. лит-ре, прежде всего в

рус. классике. Просветит. принципы положены в основу мн. его уч. пособий (всего им опублик. ок. 250 работ; неполный их перечень — в ст. Д. П. Сильчевского «Лит. деятельность О.», МБ, 1902, № 5): «Рус. писатели как воспитательно-образовательный материал для занятий с детьми и для чтения народу» (СПб., 1874; 7-е изд., СПб., 1913) — первое методич. руководство О., ставшее настольной книгой для неск. поколений учителей и учащихся; «Выразительное чтение» (М., 1885; 8-е изд., М., 1916); «Беседы о преподавании словесности» (М., 1885; 3-е изд., М., 1904); «Письма об эстетич. воспитании» (М., 1885; 3-е изд., М., 1908; назв. дословно повторяет изв. соч. Шиллера; рец.: А. М. Скабичевский — «Новости», 1894, 10 февр.; РСЛ, 1908, 21 авг.); на основе пер. с нем. (совм. с Н. Я. Максимовым) «Руководства к чтению поэтик. соч.» Л. Эккарта (СПб., 1875) О. составил «Краткий учебник теории поэзии» (М., 1904; 6-е изд., СПб., 1911). Те же культурно-просветит. и нравственно-эстетич. цели поставлены О. в «Этюдах о рус. писателях» (т. 1—5, М., 1888—97), куда вошли популярные очерки творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, И. А. Гончарова, Н. Г. Помяловского (совр. критик назвал один из очерков О. «поверхностно составленным конспектом» — Истомин В., Критич. разбор этюда О. «Мотивы лермонтовской поэзии», Варшава, 1891, с. 284), в «Двадцати биографиях образцовых рус. писателей. Для чтения юношества» (3-е изд., СПб., 1891; 18-е изд., М., 1916). Большим успехом пользовались составленные О. для юношества и для нар. чтения сб-ки пословиц, поговорок, примет и песен «Из народного быта» (СПб., 1883), «Из мира великих прений» (СПб., 1883; 12-е изд., СПб., 1911), сб-к рассказов-переложений из У. Шекспира и Т. Кёрнера «Хорошие люди» (СПб., 1883; 6-е изд., М., 1913) и др. изд., в к-рых О. стремился адаптировать классику для читателя определенного (часто невысокого) образовательного уровня. По мнению рецензента, перечитывать отрывки из произведений, «переработанных с таким умением и тактом в стройные и законченные рассказы для детей, доставляет... истинное наслаждение» («Что читать народу?», т. 2, СПб., 1889, с. 323).

О. пропагандировал свои пед. и эстетич. идеи в ж. «Учитель» (1862—1864; б. п.), «Вест. воспитания» (1881—1900), «Рус. мысль» (1884, 1891, 1897), в газ. «Голос» (1882), «С.-Петерб. вед.» (1896—97) и др. Одна из ведущих его публицистич. — проблема жен. образования, понимаемого как исходный момент преобразования не только семейной,

но и обществ. жизни в целом: «Жены и мужья (Неск. мыслей о семейной жизни)» (ЖенО, 1878, № 1), «Этюды о рус. женщинах. Старые девы» (там же, 1880, № 6, 7) и др. Под ред. О. выходили ж. «Дет. чтение» (1877—84; совм. с А. Н. Острогорским — двоюродным братом О.) и прил. к нему «Пед. листок» (1877—1883), «Дело» (1883—84). В «Дет. чтении» О., статьи к-рого, по словам рецензента, «замечательны по честному их направлению, по изложению и по разнообразию», «можно найти все, что требуется от дет. лит-ры... в нем не найдут ни сухой морали, ни картин вымышленной дуробрелости» (Т. Толычева [Е. В. Новосильцева] — «Нар. и дет. б-ка», 1879, № 1, с. 13, 14). С 1892 по 1902 О. — ред. ж. «Мир Божий» (назв. придумано О. — см.: Миленова, с. 157), в к-рый ему удалось собрать «людей таланта, знания и честных убеждений» (из письма О. к В. Г. Короленко от 30 сент. 1891 — РГБ, ф. 135, Р. II, оп. 31, № 14); И. А. Бунина, А. И. Куприна, Д. Н. Мамина-Сибиряка, историков Р. Ю. Виппера, Е. В. Тарле и др. (см. восп. соред. О. — А. И. Богдановича, МБ, 1902, № 5, с. 24—26, 2-я паг.; отзыв А. М. Скабичевского о ж-ле: «Новости», 1893, 18 февр.).

Драматургич. опыты О., начатые в студнч. пору трагикомедией «Липочка» («Время», 1861, № 8; пост. в 1863 в Малом т-ре с Н. А. Никитиной в гл. роли, П. М. Садовским и др., в 1864 — в Александрин. т-ре; положит. отзыв: А. Иванова [А. И. Урусова] — БЧЗ, 1864, № 2, с. 53—61; отзывы и хроника пост. см. в кн.: Зограф Н. Г., Малый т-р второй пол. XIX в., М., 1960, ук.), повс. паубности аристократич. жен. воспитания, были в дальнейшем собраны в кн. «Из далекого прошлого. Драм. эскизы» (СПб., 1891). Пьесы О., проповедующие общепризнанные истины (обществ. служение и труд как основы полноценной жизни), не оставили заметного следа в рус. драматургии, несмотря на игру изв. артистов: напр., драма «Мгла» (СПб., 1883; пост. в 1868 в Малом т-ре, в 1887 — в т-ре Корша в бенефис В. Н. Давыдова, при участии А. А. Яблочков), в к-рой «хождение в народ» представлено как нравств. подвиг.

Определенный интерес для истории педагогики и обществ. мысли в России 19 в. представляют мемуары О. «Восп., мысли и заметки старого учителя словесности» («Обр.», 1892, № 9, 10; 1893, № 2, 10; 1894, № 1, 3, 11; отд. изд. под назв. «Из истории моего учительства», СПб., 1895; 2-е изд., СПб., 1914). В. В. Розанов назвал эту книгу «наивной» и «чванливой» за то, что О., по его мнению, закрывает от нас «истинные нужды дня», не видит, как сухость и формализм совр. пед. системы вытесняют из школы учителя-подвижника (см. в его кн. «Сумерки просвещения», М., 1990, с. 252—53).

Именно учителем-подвижником (плюс «идеалистом-шестидесятником», по словам Богдановича) был О. в своей практич. пед. деятельности. В посмертно опублик. письме, получившем широкий обществ. резонанс, О.,

обращаясь прежде всего к своим ученикам, завещал им поддержать свое детище — основанную им в родном Валдае на личные средства бесплатную школу («Нов. дело», 1902, № 4, с. 235—36). В одном из поздравительных (в связи с юбилеем О.) писем Гончаров назвал его «образцовым критиком и лучшим нашим серьезным педагогом, у которого есть чему поучиться не одному юношеству» («Юбилейный сб-к Лит. фонда», СПб., 1909, с. 364).

Др. произв.: «Необыкновенный ребенок (детство Гете по Льюису)» (СПб., 1869), «С. Т. Аксаков. Критико-биограф. очерк» (СПб., 1891; 2-е изд., 1901; рец.: «Живописная Россия», 1901, № 24), «Дедушка Крылов и его памятник» (СПб., 1894; 2-е изд., 1911), «В. А. Жуковский. О жизни и соч. Чтение для школ и народа» (М., 1901), «Н. В. Гоголь. Лит.-биограф. очерк» (Вятка, 1902).

Лит.: Блок, VII, 14; Горький, XXIV, 326; Острогорские В. П. и А. Н., Деятельность ж. «Дет. чтение». — «Пед. листок», 1878, № 3—4; Михневич; Юнцов Н. Ф., Душановский, Каз., 1889; Гресс И. М., О. как учитель, СПб., 1902; Пименова Э. К., Дни минувшие, М.—Л., 1929, с. 156—59; Грещинский А. Д., В. И. Водовозов и О. М., 1941; Парильо И. Г., Методич. наследие О. — «Уч. зап. Новосиб. пед. ин-та», в. 1, 1945; его же, Жизнь и пед. деятельность О. — Там же, в. 2, 1946; Свиридова З., Журнал «Дет. чтение». Петерб. период (1869—93), Л., 1955; Роткович Я. А., Вопросы преподавания лит.-ры. Ист.-методич. очерк, М., 1959, с. 190—218 и далее; Салтыкова М. Н., В. П. Острогорский. — В кн.: Рус. учитель, М., 1959; Лит. процесс и журналистика (1; ук.); Антология пед. мысли 2-й пол. XII — нач. XX вв., М., 1990 (ук.); Некрологи, 1902; МБ, № 5; «Лит. вестн.», т. 3, кн. 4; «Рус. школа», № 4 (Н. Позняков). Брокгауз: НЭС; Гранат: ИДРДВ; ИРДТ; БСЭ; ПЭ; Муратов (1; ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 599; ф. 273, оп. 1, № 446 (письма П. В. Быкову); ф. 45, оп. 3, № 584 (письма Ал.-дру Н. Весселовскому); ф. 283, оп. 2, № 149; ф. 659, № 145 (письма И. Ф. Горбунову); ф. 183, оп. 1, № 267 (письма В. О. Михневичу); ф. 599, № 1 (автобиограф. записка); РГБ, ф. Дост.Л., оп. 7, № 61 (письма Ф. М. Достоевскому); РГИА, ф. 777; ф. 776, оп. 8, д. 691; РНБ, ф. 427, оп. 1, № 45 (письма Н. А. Лейкину); ф. 621, № 628 (письма А. Н. Пышину).

И. И. Гамкина.

ОФРОСИМОВ Михаил Александрович [6(17).8.1797, Москва — 13(25).2.1868, Петербург; похоронен в Троицко-Сергиевой пустыни], поэт-дилетант, переводчик-драматург. Из древнего рода тульских дворян. Воспитанник Моск. ун-тского благородного пансиона. В 1814 вступил в воен. службу — в л.-гв. Измайлов. полк, подпрапорщик. Был женат на купеч. вдове. В 1825 переведен (в чине полковника) в л.-гв. Егерский полк. В составе л.-гв. Финлянд. полка (с 1826) участвовал в рус.-тур. войне 1828—29, в сражении под Варной. В 1833 произведен в ген.-майоры и назначен командиром Финлянд. полка. Находясь в этой должности, О. «снискал общую любовь всех своих подчиненных» и «привел полк в образцовый порядок», за что был отмечен государем,

ставившим Финлянд. полк «в образце всем прочим полкам гвард. пехоты» (МВед, 1868, 15 февр.). С 1842 по 1845 О. командовал 1-й гвард. пехотной дивизией (с 1844 ген.-лейтенант). В 1846 состоял при вел. кн.

Михаиле Павловиче, гл. нач. воен.-уч. заведений, а в 1847 нач. 2-й гвард. пех. дивизии, участвовал в Венг. походе. Неоднократно награждался, в т. ч. орденами: Анны 1-й степени с короной (1828), Белого Орла (1847), св. Александра Невского (1859). Во время Крым. войны (1853—56) командующий 2-м гвард. пех. корпусом (1855). С 1856 ген. от инфантерии; с 1859 нач. резервной армейской пехоты. Недолгое время (1864—66) занимал пост моск. воен. ген.-губернатора. В 1866 переехал в Петербург, назначен состоять при особе императора. Чл. Гос. совета (с 1865 — РГИА, ф. с. 1868 г.).

Увлечение О. сочинительством относится к молодым годам его жизни. В осн. он был известен как автор текстов для романсов своего приятеля Н. А. Титова (сослуживца по л.-гв. Измайлов. полку), талантливого композитора, к-рого А. С. Даргомыжский и М. И. Глинка называли «дедушкой русского романса». Титову принадлежит музыка пяти из шести романсов на слова О.: «Уединенная сосна» (или «Сосна») [СПб., 1820; перепечатана в альб. «Памятник отеч. муз.», СПб., 1828 (там же опубли. и стих. «К ней» и др.)] — первый печатный дебют и композитора, и поэта («Сосну» можно считать началом распространения в рус. обществе в 1820-х гг. рус. романса, пришедшего на смену модному французскому); «Коварный друг, но сердцу милый...» (СПб., б. г.); до 1830 — на эти слова также написал романс А. А. Алябьев (М., 1860); «Меня забудь» («Прости, я еду в дальний путь...»), «Признание» («Скажи мне, отчего с тех пор...») (оба — «Муз. альбом Н. Титова», СПб., 1831); «Мечта» («Тебя узрел в душе моей...»; СПб., б. г.); «Не хо-

чешь ты меня понять...» (СПб., 1829; муз. Н. С. Титова, двоюродного брата Н. А. Титова). Романсы, наполненные общепозит. мотивами (одиночества, отвергнутого чувства, обманутых надежд, верности, любви, восп. о прошлом), использующие типичные формулы любовной элгии, приобрели широкую популярность у публики — во многом благодаря безыскусной искренности и теплоте тона. Наиб. успехом пользовался романс «Коварный друг...»: еще «в сороковых годах не было музицирующей барышни, которая не пела бы» его («Рус. муз. газета», 1900, № 17, стб. 463; в той же газете отмечается его сходство с романсом Глинки «Не искушай меня без нужды», 1825, на слова Е. А. Баратынского — 1900, № 18, стб. 495).

Для театра О. перевел или переделал с франц. 8 комедий и водевилей, выдержавших в осн. несколько представлений на моск. и петерб. сценах в 1820—30-х гг., в т. ч. «Вертер, или Заблуждение чувствительного сердца» (1824) Ж. Дювала и Э. Рошфора, «Плащ, или Муж, как и всякий» (1827) — переделка пьесы Ф. Г. Ж. С. Андриэ (перечень других — см. ИРДТ), с характерными приемами комедии положений (отрывки опубли. в «Славянине», 1830, № 19—22, 24). Известность О. принесла комедия в стихах «Мальтийский кавалер» (переделка пьесы Э. Скриба и Ф. де Курси «Simple histoire!»).

Поставлена в 1830 в Петербурге (с участием В. А. Каратыгина и И. И. Сосникова); опубли. в 1850 («Драм. альбом...», М.). «Мальтийский кавалер» — комедия с увлекат. любовной интригой, не лишенная психол. изыщевств, в к-рой два англ. лорда (благородный Еливууд и легкомысл. фат Фредерик) ведут борьбу за сердце очаровательной мисс Миллер. Многочисл. сюжетные перипетии комедии приводят ее к традиц. счастливому концу: Фредерик, исполненный благодарности к Еливууду, благоговейно своего счастливого соперника.

Изд.: Любимые романсы и песни Н. Титова, М., 1893; Титов Н. А., Титов Н. С., Титов М. А., Избр. вокальные соч. Для голоса в сопровождении фортепиано, М., 1961; Песни рус. поэтов, т. 1.

Лит.: Старый егерь (Стенанов А. Н.). Двадцать пять лет л.-гвардии в Егерском полку. — «Восп. сб.», 1878, № 2, с. 337, 341; № 3, с. 143; Титов Н. А., Восп. — «Древняя и новая Россия», 1878, № 3, с. 274; № 12, с. 265, 269; История л.-гв. Финлянд. полка. 1831—1881. СПб., 1881 (сост. Ф. Ростковский; пл. 3 и ук.); Булич С., «Дедушка рус. романса», Н. А. Титов. — «Рус. муз. газета», 1900, № 19/20, стб. 322—24; Пушкин и его современники, в. 29/30, П., 1918, с. 113. — Некрологи, 1868; «Восп. сб.», № 3; «Антракт», № 7; «Илл. газ.», № 9; МВед, 15 февр. Сушков Н. В., Моск. ун-тский благородный пансион..., М., 1858, с. 31, 33, 71; МВед, 1865, 26 июня; 1866, 11 окт. (упоминания о юбилее О.); Геннади; РБС; Брокгауз; ИРДТ, т. 2, 3; Муз. энци., т. 5, стб. 534; Свиридов-Скопский; Исаков.

Лит.: архивы: РГИА, ф. 995, оп. 2, № 97, 100; ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 32, 33 (списки романсов в альбомах 1-й пол. 19 в.); ф. 501, оп. 2, № 167 (письма О. Ал.-дру И. Тургеневу); СПб ГТБ; Музей Малого т-ра (рукописи нечит. псес); РГВИА, ф. 395, оп. 36, 1845 г., д. 693 (ф. с. 1845 г.); оп. 56, 1864 г., д. 656; оп. 164, 1858 г., д. 471

(дела о награждении, служебном продвижении); РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 391 (ф. с. 1868 г.).

О. В. Голубева

ОХЛЕБНИН Николай (? — после 1844), баснописец-дилетант. Биографические сведения крайне скудны.

По всей вероятности, — Николай Сергеевич О.; родился 9 сент. 1812 (РГИА, ф. 1343, оп. 26, ч. 2, № 4758, л. 9) и принадлежал к тамбовскому роду Охлебниных (изв. с 1785); состоял в военной службе: рукопись «Басни» в Моск. ценз. к-т была подана (март 1844) «поручиком Ник. О.» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 15, л. 108 об.—109). Дед О. — Ник. Алш. Охлебнин, стат. сов., владевший землями в Тамбове, и Псипеп, губ., жил в Тамбове; служил пред. в Верхнем земском суде; имел сына Сергея и дочь Елену, 12 и 10 лет (ГА Тамбов, обл., ф. с., без даты [до 1786 — Ред.]); был связан с Г. Р. Державиным во время его губернаторства в Тамбове (1786—88), местным романтистом П. М. Захарыным, выполнял княжеские комиссии Н. И. Новикова (РА, 1864, № 78, с. 737; Лонгинов М. Н., Новиков и Моск. романтизм, М., 1867, с. 122; Державин Г. Р. Полн. собр. соч., т. 5, СПб., 1876, ук. — под именем Ахлебниина).

О. — автор единств. кн. «Басни», вышедшей в Москве (кн. 1—3, 1844; напечатана при Медико-хирургич. академии), отражающей усвоение им — в выборе сюжетов, а иногда и в формулировках «морали» — басенной поэтики И. А. Крылова: он открыто ему подражал. О. затрагивает традиции для этого жанра темы: осуждение невежества и самодовольства глупцов, безнаказанность сильного и бессилие слабого, продажность судей («Неожиданная гостья»), женские пристрастия к нарядам, преклонение перед иностранцами и пренебрежение к отеч. талантам («Сорока и чиж»). Более интересны нравоописат. басни с ориг. сюжетами («Две старухи», «Купец», «Управитель»), по характеру близкие бытовой сатире. Мораль басен О. консервативна (ср., напр., басню «Совет зверей», осуждающую оппозицию николаевскому деспотизму: «О вы, которые в подобном заблуждене/ Так на правительстве весь ропщите свой век./ Поверьте мне, что честный человек./ В каком бы ни был он правленьи./ На строгость никогда не станет и смотреть»). Моралистич. сентенции и дидактизм басенного жанра воспринимался как ист. анахронизм, что и отметил рецензент книги в «Отеч. записках» ((П. Н. Кудрявцев), 1844, № 7). Почти одновременный выход предсмертного массового издания басен Крылова и басен О. показал бесплодность попыток продолжать разработку жанра в 1840-е гг.

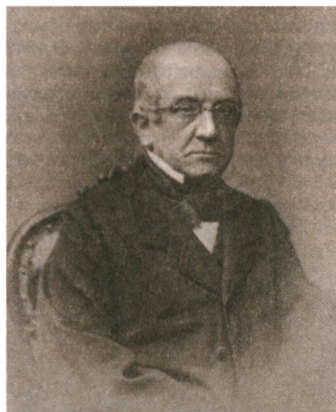
Изд.: Стихотв. сказка: Рус. басня.

Лит.: Боград. ОЗ (1).

Архивы: ГА Тамбов, обл., ф. 161, оп. 1, д. 440, л. 382 об.—385, д. 1103, л. 6—7, д. 1159, л. 1—2, д. 3526, л. 2, 5 об., 8, 11, 19, д. 5665, л. 112, 230, 256 (биограф. сведения о деде О.); ф. 168, оп. 1, д. 36, 37, 2548 (о потомках О.) [справка Л. Б. Фоминой].

В. П. Степанов, Т. Н.

ОЧКИН Амплий Николаевич [24.10 (4.11).1791 — 12(24).3.1865, Петербург, похоронен на Смоленском кладб.], журналист, литератор, цензор. Сын пенз. купца и откупщи-

ка (впоследствии разорившегося) Н. Ф. Очкина (мать О. — из дворян, урожд. Баташева). Вместе с братом Петром воспитывался губернатором-французом, а затем с помощью владельца железных заводов, у которого отец О. служил управляющим, был помещен в Горный кадет. корпус «волонтером» (окончил, по-видимому, ок. 1819; ср. его корр. «Об экзамене, бывшем в Горном Кадетском корпусе, 27 мая» — «Благ.», 1822, ч. 18, № 22, с. 356). Здесь О. привлек внимание едва ли не всех лит. сил заведения — см. послания А. И. Кулибина («Соревнователь», 1819, ч. 5, № 1) и Н. М. Языкова (НП, 1822, ч. 2, № 15; О. именуется «Друг сердца моего и друг стихов моих!»), альбомные обращения В. Томилиной («Благ.», 1822, ч. 18, № 14, с. пометой: 1819), того же Языкова [«В альбом А.Н.О.»] («Было время, мой приятель...») — там же, № 15, подпись -вь), Ф. И. Бальдауфа (опубл.: Петряев). Нельзя с уверенностью определить, всегда ли служба О. (с кон. 1806 — канцелярист в Петерб. казначействе; в нояб. 1811 переведен в Экспедицию о гос. доходах; в дек. 1821 — в Деп. гос. казначейства) была фиктивной (а он продолжал на ней числиться и во время пребывания в корпусе), но совершенно точно, что она всегда была необременительной (Ф. В. Чижов, подводя итоги деятельности О., был даже уверен, что его друг нигде, кроме цензуры, никогда не служил). Возможно, что в 1-ю пол. жизни О. этот благоприятный режим поддерживался стараниями А. Е. Измайлова (ср. постоянное пересечение их п. с.), у которого в «Благонамеренном» О. начал печататься — «Друзья» (вольный пер. с франц., 1821, ч. 15, № 14), пер. из Жуи «Охота» (№ 16), маловыразит. ориг. рассказ «Счастливая хитрость. Быль» (№ 17—18), пер. из Флориана «Софроним. Повесть греческая» (ч. 16, № 21, 22) и др. Именно благодаря Измайлову О. был принят в чл. ВОЛСНХ (не позднее 1823) и в дек.

1821 — в члены-сотрудники ВОЛРС (см. также пер. О. в офиц. органе об-ва: «Все невпаод» — «Соревнователь», 1821, ч. 16, № 10; «Об исправлении нравств. недостатков (Отрывок из записок Франклина)» — 1824, ч. 26, № 4; «О влиянии женщин на литературу и искусства», ч. 27, № 7, с. пометой: «Из книги: De la Femme, par Vireu»). Вскоре О. уже не только усердно заполнял страницы «Благ.» своими трудами (гл. обр. переводами чрезвычайно модных нравоописат. соч. Жуи и его последователей — в этой лит. нише О. несколько потеснил С. С. де Шаллетьа), но и пытался посоветовать издателю привлечением др. авторов (ср., напр., попытку залучить в журнал произведения очкинских закадычных приятелей Н. М. Языкова — Языковский архив, с. 32). К этому же времени относятся и пробы пера О.-критика (в т. ч. театрального): «Опыт о чтении басен» («Благ.», 1822, ч. 17, № 1; подробнее см.: Попов), «Письмо к Н. М. Я-ву» (1823, ч. 24, № 19) и «Ответ на замечания на письмо к Н. М. Я-ву» (№ 22, подпись -инь; ср.: Фёдоров Б. М.?, Замечания на письмо к Н. М. Я-ву — № 21, подпись П., об авторстве см.: Языковский архив, с. 111).

Во 2-й пол. 1820-х гг. О. уже был признан профессиональным переводчиком высокого класса, чьи работы — «Пустынник Сен-Жерменского предместия, или Замечания о нравах и обычаях французов в начале XIX столетия. Соч. г-на Кольне» (ч. 1—2, СПб., 1826); «Два года в Константинополе и Морее (1825—1826), или Исторические очерки Махмуда, янычар, новых войск, Ибрагима-Паши, Солимана Бей, и проч. Соч. К. Д. (Шарля Девала)» (СПб., 1828; 2-е изд. — СПб., 1829; отрывки этого перевода печатались и за подписью С.-вь, возможно, указывающей на причастность к тексту О. М. Сомова, — СО, 1828, ч. 118—19, № 2—5); «Сен-Марс, или Заговор при Людовике XIII. Соч. графа Альфреда де Виньи» (ч. 1—4, СПб., 1829—30; 2-е изд. — СПб., 1835) — неизменно привлекали внимание критики (см., напр.: МТ, 1826, ч. 10, № 16; 1827, ч. 15, № 12; 1828, ч. 24, № 23; 1829, ч. 27, № 9; СП, 1826, 18 сент.; 1827, 22 марта; ДЖ, 1827, ч. 18, № 7; МВ, 1827, ч. 2, № 7; 1828, ч. 12, № 23, 24; ЛГ, 1830, ч. 1, № 7, с. 53; «Сев. Меркурий», 1830, 28 февр., с. 101—102).

В 1825—35 О. интенсивно сотрудничал в изданиях Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча «Сев. пчела», «Сев. архив» (впоследствии «Сын отечества» и «Сев. архив»; «целые книжки одного журнала ... наполняются трудами пера его», — превеличественно восхищался в 1827 Языков; см.: Языковский архив, с. 316); без устали пере-

водил (от О. де Бальзака до текущих газетных новостей), если требовалось, держал корректуру, общался с авторами, печатал театр. рецензии (гл. обр. о спектаклях франц. труппы Петербурга), разбирал книги (особенно громкий резонанс вызвала написанная по просьбе Булгарина разгромная статья о ром. М. Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» с укоризнами, как «историч. стороне произведения», так и «странной орфографии», не, правильною «слогу и языку» — СП, 1830, 16, 18, 21 янв.; подп. «—»; ср.: РС, 1871, № 11, с. 502—06; в свою очередь, по просьбе О., Булгарин дал его брату рекоменд. письмо на Кавказ, к А. С. Грибоедову, благодаря чему П. Н. Очкин получил место при И. Ф. Паскевиче и стал впоследствии одним из гл. лиц варшав. администрации последнего). С 1834 (с 1836 — анонимно) до, по крайней мере, 1841 (см.: Кулешов) очень много переводил и реферировал для «Библиотеки для чтения». При этом О. постоянно мечтал о собств. журнальном предприятии (см. письмо В. Д. Комовского к Языкову от 6 мая 1833 — ЛН, т. 19—21, с. 103) и с 1835 начал издавать в Петербурге ж-л «Детская б-ка» (с посвящением вел. кн. Марии Михайловны) (при автотипации и на т. л. ряда частей: «Детский журнал»; другое самоназвание: «Всеобщая библиотека полезных для юношества сведений»; в 1837 — совм. с кн. В. В. Львовым; в 1-й пол. 1838 — совм. с А. П. Башуцким), получив права издания у Ф. И. Беллизара и сумев, благодаря привлечению к сотрудничеству ряда талантливых литераторов (в т. ч. В. П. Бурнашева, кн. В. Ф. Одоевского и даже юного Б. М. Маркевича), создать весьма заметное явление в дет. журналистике (см.: МН, 1835, июнь, кн. 1, с. 511—15; БдЧ, 1835, т. 9, отд. 6, с. 55—56; т. 13, отд. 6, с. 52; 1836, т. 19, отд. 6, с. 73—74; СО, 1837, (№ 18), с. 229). Башуцкий заканчивал издание в одиночку — м. б., потому что все большее внимания О. требовали «С.-Петербург. вед.», поступившие под его редакцию 1 янв. 1836.

По сведениям Булгарина, этого места О., с окт. 1826 служивший секр. правления Петерб. ун-та и смотритель университет. дома, достиг благодаря своей исполненной романтич. подробностей женитбе (ок. 1828?) на Наталье Христиановне фон Зон, мать к-рой, содержавшая жен. пансион, пользовалась покровительством одного влият. вельможи, а сестра находилась при вел. кн. Елене Павловне. Кроме этих протекций, реализовавшихся через почитателя учебного округа кн. М. А. Дондукова-Корсакова, возможно, сыграло свою роль и тайное желание создать орган, способный конкурировать с «Сев. пчелой», свойственное, по-видимому, литераторам-чиновникам Мин-ва нар. просвещения (В. Д. Комовский, Ф. Н. Меньцов, А. А. Кравский), имевшим возможность через Комовского рожать ведомств. амбиции гр. С. С. Уварова (издание «С.-Петерб. вед.» являлось принадлеж. АН). Антибулгаринские настроения складыва-

же и в последоват. поддержке газетного начинания О. со стороны О. И. Сенковского, считавшего, что быстрое улучшение «содержания, языка, слога и наружности» «С.-Петерб. вед.» обеспечит скоро сделать их газетою, к-рая предположительно будет читана даже в отдаленных частях России» (БдЧ, 1836, т. 14, с. 66; ср.: 1839, т. 37, с. 36—37), и в подытоживающей оценке, данной В. Г. Белинским («Совр.», 1847, № 2).

Публично обещанные в 1839 (впервые в истории рос. газетного дела) высокие гонорары в сочетании с обширными связями редактора привлекли в «С.-Петерб. вед.» мн. изв. литераторов [так, в 1839—51 здесь можно было встретить имена Бурнашева, кн. П. А. Вяземского, Я. К. Грота, Э. И. Губера, Е. П. Гребенки, В. И. Даля, М. Ф. Де-Пуле, С. Ф. Дурова, В. А. Жуковского, П. И. Клеппена, Н. В. Кукольника, Ег. П. Ковалевского, Ф. А. Кони, барона Ф. Ф. Корфа, Н. А. Милютин, А. В. Никитенко, Одоевского, А. И. Пальма, В. П. Петрова, К. А. Полевого, В. С. Порошина, А. И. Рафаиловича, А. Г. Ротчева, Н. В. Савельева, гр. В. А. Соллогуба, М. П. Сорокина, В. М. Строева, С. М. Строева, П. Р. Фурмана, А. С. Хомякова, Вас. Тунеева (псевд. В. В. Чачкова), Чижова, А. Л. Элькана и мн. др.], и «Сев. пчела» была чувствительно потеснена (подробнее см.: Венгеров, 1903), что, в частности, видно по крайней озлобленности Булгарина на О. в 1840-е гг. (именно после булгаринского доноса 1 апр. 1848 О. был отставлен от службы в С.-Петерб. ценз. к-те, на к-рой, проявляя изв. мягкость, находился с апр. 1841, и назначен чиновником особых поручений VI кл. при Мин-ве нар. просвещения). Умеренно-либеральное направление газеты, демонстрировавшей во многих вопросах завидную терпимость (до 1848 издавалась без предварит. цензуры), не давало достаточного материала, чтобы точно выявить взгляды ее редактора (а с 1847 и издателя — О. начал арендовать «С.-Петерб. вед.» у АН): «Очкин человек без убеждений и двуличный» — утверждал без достаточных, как представляется, оснований П. А. Плетнёв (Грот и Плетнев, т. 3, с. 254). Скорее следовало бы сказать о его закрытости (довольно естествен. для человека, побывавшего после 14 дек. 1825, пусть по ошибке, под полит. арестом), делавшей его воззрения известными лишь самому узкому кругу ближайших друзей, по сообщению одного из к-рых, «отдавшись искренно идее космополитизма», О. «основал свое сй служение на такой безвраждебности, на такой безусловной терпимости всех мнений и таком глубоком уважении ко всем искренним убеждениям, что для него восставать не только словом, а даже и мыслию на свободу человека, в какой бы то ни было области человек. деятельности, было величайшим нравств. преступлением» (Чи-

жов Ф.). Дополняет это описание изображение внешности и привычек О., оставленное Л. П. Шелгуновой: «маленький рябоватый господин в золотых очках, хотя с нами, детьми, и не играл, но мы его нисколько не боялись. Он выходил из кабинета очень редко, и только по субботам, когда у них собирались гости, дверь в его кабинет не была закрыта. Разговор он вел по преимуществу на франц. языке» (Шелгунов и др., т. 2, с. 17—18).

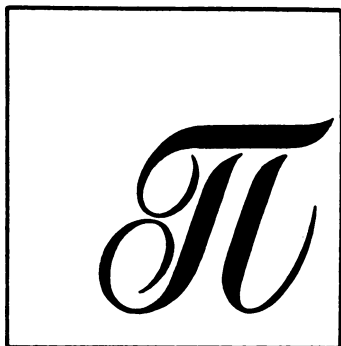
С кон. 1840-х гг. О. начинал одолевать тяжкие болезни, в 1849 он поручает редакторствовать в газете во время своего отсутствия Ф. Ф. Корфу, а в кон. 1851 приглашает Краевского стать фактически полным хозяином «С.-Петерб. вед.». Сам О. остается издателем только де-юре, сохраняя в своем ведении лишь полит. обзоры и статьи о музыке, к-рой был страстно увлечен (письмо Чижову 30 марта 1862 — РГБ, ф. 332, к. 43, № 24, л. 2). В дек. 1862 истек срок последнего контракта О. с АН, и с 1 янв. 1863 он начал издавать газ. «Очерки» (негласный редактор — Г. З. Елисеев), к-рую вскоре (8 апр.) счел за благо прекратить.

Лит.: Г. Письма из Кисея. К. А. Н. Очкину. — СО и СА, 1834, № 13, с. 315—22; МН, 1835, июнь, кн. 1, с. 465; Отчет Об-ва посещений бедных за второе полугодие от 9 нояб. 1846 по 9 мая 1847 года... СПб., 1847, с. 8; (Бурнашев В. П.), Из восп. петерб. старожил. П. Четверги у Н. И. Греча. — «Заря», 1871, № 4, с. 14, 22; Стасов В. В., Румянцевский Музей. История его перевода из Петербурга в Москву в 1860—1861 гг. — РС, 1883, № 1, с. 92; его же, Целгура в царствование имп. Николая I. — РС, 1903, № 7, с. 154—55; Веселовский К., Эпизод из истории «С.-Петерб. вед.». — РА, 1893, № 7; его же, Восп. К. С. Веселовского. — РС, 1901, № 12, с. 519—21; Восп. Ф. А. Оома. — РА, 1896, № 6, с. 252; Венгеров С. А., Ежесданная печать конца дореформ. эпохи. — В кн.: Сб. статей по истории и статистике рус. периодич. печати 1703—1903. СПб., 1903, с. 119—23; Лемке М., Эпоха цензурных реформ 1839—65 гг., СПб., 1904, с. 245; Стороженин. Семейный архив, т. 3, К., 1907, с. 24, 38; Языковский архив, в. 1. Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—29). СПб., 1913 (ук.); Записка Ф. Булгарина о цензуре и коммунизме в России. — ГМ, 1913, № 3, с. 223, 227, 229; Мат-лы по истории рус. лит-ры (1750—1855), т. 1, в. 1, М., 1927, с. 114—16; Брейтбург С., К истории газеты «Очерки» (1863). — В кн.: Рус. журналистика, (т. 1). Шестидесятые годы. М.—Л., 1930; Летописи ГИМ, кн. 9 (ук.); Никитенко; Кулешов В. И., «Отчеты записки» и лит-ра 40-х гг. 19 в., (М.), 1958, с. 359; Базанов (по ук.); Петряев Е. Д., Вспереди — опни. Очерк культурного прошлого Забайкалья, (Иркутск), 1968, с. 77, 83, 91—92; Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, в. 139, Тарту, 1963, с. 402 (опубл. С. Г. Исаковым письма Н. М. Языкова об О.); Станько А. И., Рус. газеты первой пол. XIX в., (Ри/Д), 1969, с. 103—107; Якушин Н. И., Газета «Очерки» — орган рев. демократии. — РА, 1969, № 1; Герасимова Ю. И., Из истории рус. печати в период рев. ситуации кон. 1850-х — нач. 1860-х гг., М., 1974, с. 151—52; Очерки истории рус. театр. критики. Кон. XVIII — 1-я пол. XIX в., Л., 1975, с. 156—57; Попов И. В., Публицистич. критика декабрист. времени, Куйбышев, 1979, с. 86; Оржеховский И. В., Самоудержание против рев. России, М., 1982, с. 65; Языков Н. М., Соч., Л., 1982 (ук.); Дружинин А. В., Повести. Дневник, М., 1989 (ук.); Есенин Б. И., История рус. журналистики XIX в., М., 1989, с. 117—18; ЛН, т. 19—

21, с. 49, 96, 98, 101—103, 131. — Некролог. 1865: «День», № 12, с. 287 (Ф. Ч (и ж о в)); РИ. 13 марта, с. 4; СПбВед. 14 марта, с. 2; Илл. газ., 18 марта, с. 175. Геннадий; Брокгауз; РБС; Венгеров. Список; Мат.-лы по истории рус. деп. лит.-ры (1750—1855), т. 1, в. 2, М., 1929, с. 99, 132, 168; Пасевская А. В., Данченко В. Т., Онопор де Бальзак. Библиография рус. переводов и критич. лит.-ры на рус. языке 1830—1964, М., 1965 (ук.); Чернышский; Декабристы; Масалов.

Архивы: ИРЛИ, № 4902 (альбом О.); РНБ, ф. 236 (письма Г. П. Данилевскому 1840—65), ф. 539 (письма В. Ф. Одоевскому 1839—59), ф. 831 (пенз. мат.-лы), ф. 833 (В. А. Цес) (копия прошения о пенсии); РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1293 (об изд. «Дет. журнала», 1835); д. 1649 (ф. с. 1847 г., дело о пенз.) и др. [справка Н. Г. Охотини и В. В. Берсенева].

А. А. Ильин-Томич.

ПАВЛИЩЕВ Николай Иванович [6(18).5.1802, с. Спицины Литин. у. Подольской губ. — 8(20).12.1879, Петербург; похоронен в Новодевичьем мон.], литератор, автор книг по истории. Из небогатой дворян. семьи. Сын полковника Мариупольского гусар. полка; мать — урожд. фон Зейдфельд. Воспитывался в Бла-

городном пансионе при Царскосельском лицее (1814—19; до 1817 с Л. С. Пушкиным), к-рый окончил с сереб. медалью. Прослужив неск. месяцев пом. столоначальника в Деп. нар. просвещения, в 1820 определен в канцелярию 2-й армии в Тульчин (при покровительстве крепостного — главнокомандующего 2-й армией кн. П. Х. Виттенштейна); в 1822—

1825 командирован в Петербург и Москву для архивных разысканий о рус.-тур. войнах. Не выказав должного усердия, был вынужден в сент. 1825 выйти в отставку. В июне 1827 определен в Коллегию иностр. дел переводчиком с франц., итал. и польского языков; столоначальник, а затем нач. 6-ки Азиатского деп. (1830).

В янв. 1828 П. женился на Ольге Сер. Пушкиной, сестре поэта (о причинах и обстоятельствах тайного венчания см.: Лернер, с. 15—17). «Человек ... очень малопривлекательный и совершенно прозаический» (М. А. Корф — в кн.: Грот Я. К., Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд., СПб., 1899, с. 249), П. остался чужд семье Пушкиных. Его письма к А. С. Пушкину о финансово-хоз. делах (1834—1836) обнаруживают в нем сухую, меркантильную натуру (о прагматизме П. свидетельствует его собственное признание, что чинам и наградам он всегда предпочитал деньги. — см.: Павлищев, с. 351). Позднее П. со слов жены записал для П. В. Анненкова ее «Восп. о детстве А. С. Пушкина» и составил его родословную (1851). Брак П. был не слишком удачным: супруги неоднократно разсужались, последние годы жизни Ольги Сер. жили порознь.

В молодости П. вращался в среде литераторов и музыкантов, составлявших пушкинское окружение. В сент. 1823 вместе с А. А. Дельвигом и В. А. Эртелем предпринял поездку в Роченсальм к Е. А. Баратынскому (см.: Песков А. М., Баратынский, М., 1990, ук.). В доме Павлищевых бывали Дельвиг, Баратынский, П. А. Плетнёв, С. А. Соболевский и др. Вместе с М. И. Глинкой П. издал «Лирич. альбом на 1829 г.» (СПб., 1829; одобрит. рец. — СП, 1829, 12 февр.), в к-рый вошли песни и романсы на стихи А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, С. Г. Голицына, А. Мишкевича, муз. соч. Глинки и самого П., известного также мастерской игрой на гитаре. П. обращался и к лит. деятельности — переводил романы «немецкого Вальтер Скотта» — К. Ф. Фан-дер-Фельде (см. очерк П. о нем — ЛГ, 1830, 21 апр.): «Богемская девица война» (М., 1830; отрывок опубл.: ЛГ, 1830, 17 марта; одобрит. рец. (О. М. Сомова) — там же, 1831, 26 янв.), «Патриции» (СПб., 1831; рец. (О. М. Сомова) — ЛГ, 1831, 26 апр.); перевел также ром. А. Мандзони «Обрученные» (отрывок: ЛГ, 1831, 12 февр.). Однако особого успеха переводы не имели и ожидаемого дохода не принесли (см.: Семейные бумаги..., т. 2, с. 15—16, 18, 59—60).

В февр. 1831 откомандирован в состав Врем. Правления Царства Польского. В течение 40-летней службы в Варшаве выступал ревностным проводником имперской политики России. С янв. 1832 управляющий канцелярией ген.-интенданта действующей армии. В 1833—42 пом. статс-секр. Гос. совета Царства Польского. П. проектировал законы о дворянстве (1836) и о поч. достоинствах (1840), впоследствии вменял себе в заслугу, что по этим законам «более ста тысяч шляхты попали в

крестьяне» и «более десятка панов лишились графских титулов» («Записки о службе тайного советника Павлищева», СПб., 1869; изд. анонимно, авторство П. установлено по мат.-лам его архива в ИРЛИ). Позднее издал «Гербовник дворянских родов Царства Польского» (ч. 1—2, Варшава, 1853). По упразднении Гос. совета (1842) П. переименован в помощники обер-прокурора Общего собрания варшавских деп. Сената, в 1851 утвержден обер-прокурором.

Находясь в Варшаве, П. эпизодически печатался в рус. периодике. В 1835 выступил с большой критич. ст. «Брамбеус и юная словесность» (МН, ч. 2, июнь, кн. 7—8), в к-рой обвинил О. И. Сенковского в использовании сюжетов и мотивов из франц. лит.-ры. В. Г. Белинский не без оснований отмечал остроту и увлекательность статьи, страдающей вместе с тем нек-рой затянутостью текстуральных сопоставлений (II, 163). Однако «статья против Сенковского», по словам Ольги Сер., «заподала» и прошла незамеченной (письмо к П., 9 нояб. 1835 — Семейные бумаги..., т. 2, с. 124). В дальнейшем П. публиковался в «Сев. пчеле»: «Поездка в Червонную Русь» (1844, 18—20 дек.) — об археол. находках, открытии в Люблин. губ. следов древнего г. Червена, «Варшавские письма к Ф. В. Булгарину» (1847, 10 янв., 10 июля; 1849, 3 марта), в к-рых П., в частности, предлагает исключить из рус. языка зап.-европ. заимствования, заменив их по мере надобности эквивалентами.

Параллельно с осн. службой П. состоял чл. Совета нар. просвещения Царства Польского (1838—52), преподавал историю, географию и статистику в Варшав. губ. г-зии и др. уч. заведениях (1838—49). С 1849 чл. Экзаменационного к-та Гл. цель своей пед. деятельности П. видел во введении преподавания на рус. языке во всей Польше, для чего прежде всего требовались рус. учебники. В 1838 П. издает сокращенный из «Рус. истории» Н. Г. Устрялова, в 1843 — «Польскую историю в виде учебника» (Варшава; положит. отзывы: ОЗ, 1844, № 4, «Совр.», 1844, т. 34, БдЧ, 1844, т. 63; 2-е изд., на польск. яз., — 1844; рец.: «Tygodnik Petersburski», 1844, № 64—65); опубликовал уч. пособие по рус. истории, содержавшее хронологич. таблицы, родословные росписи и пр., — «Ист. ятлве Россия» (Варшава, 1845; 2-е изд., доп., ч. 1—2, Вильно — СПб., 1873; рец.: ОЗ, 1846, № 1). П. принадлежат также два руководства по географии: «География. I. Европа» (Варшава, 1847), «География» (Warsz., 1850; 2-е изд., 1853).

В февр. 1861 вышел в отставку, однако волнения в Польше 1861, создававшие угрозу имперскому правлению, побудили П. уже в мае (после трехмесячной отставки) просить разрешения вернуться на службу — без жалования, с сохранением пенсии; П. объяснял, что предлагает правительство свои услуги «не в видах личного интереса, а в высшем побуждении» (ИРЛИ, л. ф., № 31186): «доказать полит. несамостоятельность Польши» (письмо Д. А. Милютину, 1878 — РГБ).

В июле 1861 П. утвержден состоящим при главнокомандующем 1-й армией; готовил для наместника полит. обзоры. С окт. 1861 и до кон. 1868 составлял еженед. «Полит. обзоры Царства Польского» для Александра II (под назв. «Седмицы Польского мятежа 1861—1864 г.», ч. 1—2, опубли. в соч. П. — т. 4—5; изд. «Седмиц» подготовлено самим П., незначит. дополнения и прим. сделаны после его смерти К. Ф. Феттерлейном и Е. М. Гаршиным; «Седмицы», типографски отпечатанные для Александра II, б. ч. утрачены), в работе над к-рыми использовал сведения из польских и иностр. газет, специально предоставлявшиеся ему справки из разл. гос. учреждений, а также мат-лы из среды повстанцев (нек-рые из них с пометами П. сохранились: ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 2, д. 391; РНБ, Польш., FIV, д. 280, л. 10, 12), снабжая их соств. комм.

В сент. 1863 П. назначен редактором офиц. газ. «Dziennik powszechny» («Всеобщий дневник»), вскоре изменившей назв. на «Dziennik Warszawski», и одновременно возглавил ценз. ведомство в Польше (сообщая об этом назначении Александру II, наместник Ф. Ф. Берг подчеркивал трудолюбие и преданность П.). Дослужился до тайного сов. (1864). По инициативе П. с окт. 1864 «Варшавский дневник» начал выходить параллельно на рус. яз.; П. стал директором обоих изд. На страницах газеты он занимался разоблачением деятельности руководства восстания и поддерживающей его польской эмиграции, организацией для этого сеть тайных корреспондентов.

В 1865—70 место редактора рус. «Дневника» занимал сын П. — Лев Ник. Павлищев (1834—1915; см. о нем: Черейский), окончивший в 1856 со стипендией кандидата юрид. ф-л Петерб. ун-та, служивший чиновником в разл. ведомствах, выпавший в отставку д. стат. сов. (1896). Однако Павлищев-младший оставался лишь номинальным редактором газеты.

Позднее Лев Павлищев выступил с рядом текстов мемуарного характера, в т. ч. «Восп. об А. С. Пушкине. Из семейной хроники»; «воспоминания» Павлищева представляют собой сочетание семейных легенд с компиляцией из печатных источников и отрывков из семейной переписки. В пушкинистике отмечались тенденциозность Павлищева, искажение документ. мат-лов (см., напр.: Лернер, с. 15).

Несмотря на усилия П. и материальную поддержку правительства, «Варшавский дневник», б. ч. состоявший из перепечаток и пересказов из др. газет, а также публикаций офиц. распоряжений, не имел успеха: его отличали «односторонность направления» (Любарский, с. 152), «бесцветность и неумелость в защите русских интересов» (Анучин, с. 341). Редакционные проблемы, низкий уровень издания отмечались в центр. газетах (МВед, 1864, 6 дек.; «Голос», 1864, 25 нояб.). Сам П. связывал неудачи «Дневника» с жестким контролем Берга, препятст-

вовавшего, по его мнению, продвижению «русского дела» в Польше («К характеристике графа Берга» — ИВ, 1887, № 5). После доклада цензора Фукса о «Варшавском дневнике» (июнь 1870), в к-ром утверждалось, что эти издания «своею бестактностью и малолитературностью лишь компрометируют в крае рус. правительство и национальные интересы» (РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 61), должность директора была упразднена (еще раньше — в марте — П. был выведен из цензуры).

Оказавшись не у дел, П. перебрался в Вильну (1872) и был причислен к воен. мин-ву. Получив долгосрочный отпуск, последние годы жизни занимался изданием своих трудов, в числе к-рых обширная монография по истории Польши 2-й пол. 16—17 вв. «Польская анархия при Яне-Казимире и война за Украину» (составившая т. 1—3 его соч.; в рец. отмечалось основат. знание источников и ист. трудов — ВЕ, 1879, кн. 6); из готовившегося 8-томного собрания было выпущено 5 томов.

Др. произв.: очерк «Даниил, король русский» (Холмский греко-унитатский месящеслов на 1869—71 гг., Варшава, 1869—71).

Изд.: Соч., т. 1—5, СПб., 1878—87.

Лит.: Пушкин (ук.); Грот и Плестнев (ук.); Феоктистов (ук.); Павлищев Л. Н., Восп. об А. С. Пушкине. Из семейной хроники, М., 1890 (ук.); Анучин Д. Г., Граф Ф. Ф. Берг, наместник в Царстве Польском (1863—1874). — РС, 1893, № 2; Любарский И. В., «Варшавский дневник» и первый его редактор. — ИВ, 1893, № 10; Сидоров А. А., Русские и рус. жизнь в Варшаве, в 2, Варшава, 1899, с. 103—106; Докудовский В. А., Дневник геп-майора, Рязань, 1903, с. 122, 128, 141, 148, 186, 198—99, 295, 390, 406 и др.; Письма О. С. Павлищевой к мужу и отцу, 1831—1837. — «Пушкин и его современники», в. 15, СПб., 1911; переизд. в кн.: Семейные бумаги Пушкиных — Ганибалов, т. 2, СПб., 1994; Лернер Н. О., Рассказы о Пушкине, Л., 1929, с. 15—25, 27—28; Летописи ГЛМ, кн. 1, Пушкин, М., 1936 (ук.); Летописи ГЛМ, кн. 5, Архив Опески Пушкина, М., 1939, с. 282—87; Орлова А. А., М. И. Глинка. Летописи жизни и творчества, М., 1952 (ук.); Глинка в восп. современников, М., 1955 (ук.); Korespondencja namiestnikow Królestwa Polskiego z 1861 roku — maj 1864. (Переписка наместников Королевства Польского 1861—1864 гг.), т. 1—4, Варшава, 1964—78 (ук.); ЛН, т. 16—18, с. 771—80, 790—801. — Некролог: НВ, 1879, 11 дек. (Л. Н. Павлищев?). Брокгауз; РБС; Муратова (1, ук.); Черейский; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 221; РГБ, ф. 169, к. 72, № 61 (письма Д. А. Милотину); АРАН, ф. 100, оп. 1, № 34 (письмо Н. О. Сухожанету); РГИА, ф. 958, оп. 1, д. 411 (письмо П. Д. Киселеву, 1825), ф. 385, оп. 4, д. 3201, ф. 776, оп. 4, д. 61 (бюпр. мат-лы); РНБ, ф. 1020, тетр. XVIII (отд. печатные и рукоп. экз. «Седмицы» за 1861, 1863).

Ю. И. Штакельберг.

ПАВЛОВ Алексей Андреевич (псевд. Алек. Москвичин; 1(13).2.1815, Москва — не ранее 1849), прозаик. Отец — из семьи священника, выпускник Моск. ун-та, надзиратель в Моск. воспитат. доме; в год рождения сына — тит. сов. Обучался П. в классах воспитат. дома.

В кон. 1831 подавал в цензуру рукописи альм. «Мечта» (см. запись: ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 13, л. 113 об.),

в кон. 1832 — альм. «Отблеск» (там же, оп. 5, д. 79, л. 38), но они из печати не вышли. В нач. 1833 выпустил небольшой сб-к батальной поэзии «Стихотворения на Новый 1833 г.» (М.), где заявлял: «Петь славу, почести России —/ Родной, лубазной стороны,/ Как гордые ее сыны/ Хранят законы им святые,/ Свершая дивные дела, —/ Вот Муза мне за что мила!» («Муза», с. 36). Газ. «Молва» Н. И. Надеждина откликнулась на сб.: «Стихи так плохи, так дурны, что не стоят критики» (1832, 30 дек.).

Летом 1833 впервые выехал за пределы Москвы — в приобретенное отцом поместье в д. Ужищево, недалеко от Касимова (Рязан. губ.), некогда принадлежавшего тат. князьям. Впечатления, полученные во время этой и последующих поездок, и предания, услышанные там, дали материал для мн. повестей и романов П.

В том же году поступил на словесное отделение Моск. ун-та, в 1834 перешел на нравственно-политическое, к-рое, по-видимому, не окончил. В годы учебы выпустил под псевд. Алек. Москвичин ист. ром. «Япанча. Татарский наездник, или Завоевание Казани царем Иоанном Грозным» (ч. 1—3, М., 1834; ц. р. 1-й ч. — сент. 1833) и сб. «Сцены современной жизни» (ч. 1—3, М., 1835; 2-е изд., М., 1865; иронич. отзыв — БдЧ, 1835, т. 13; насмешливая реплика В. Г. Белинского — «Молва», 1835, № 46/47).

Гл. доводы для атрибуции кн. П.: все рукописи поданы в цензуру как соч. А. Москвичина, а получил их обратно П. (ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 88, л. 69, 124, 147); книги Москвичина и почти все книги П. печатались в одной и той же типографии; в «Япанче» (ч. 3, с. 139—42) и в кн. П. «Повести из событий рус. старины» (ч. 4, с. 73—78) помещена одна и та же вставная стихотв. сказка про Синку-Бурку; «оба» писали ист. романы на тат. материале.

Если вторая книга, содержавшая бесцветные светские, неистово-романтич. и сатирич. повести и рассказы, прошла малозамеченной, то роман о Япанче имел большой успех у читателей. В нем повествовалось о судьбе тат. князя, полюбившего рус. девушку, признавшего после ряда злоключений правоту православия, сменившего свою веру и даже перешедшего на службу рус. царю. Насыщенный действием и мелодраматичным по настроению (наделенные всякими достоинствами возлюбленные неоднократно разлучаются происками злодеев вплоть до финала, где по их наветам Грозный предает своего любимца Япанчу позорной смерти), роман вместе с тем проникнут идейно-эмоц. тенденцией, привлекавшей низового читателя, — сюжетный конфликт разрешает истинность православия и возможность смены вероисповедания. Положив в основу романа любовь представителей разных народов и религий (православия и мусульманства) и тесно увязав

взаимоотношения влюбленных с интересами гос. уровня (при несомненном приоритете над частными), П. предвосхитил классич. любовный роман этого типа «Битва русских с кабардинцами» Н. И. Зряхова.

Книга многократно переиздавалась до кон. 19 в., причем нередко в сокращении и без указания автора (см., напр.: «Япанча, татарский наездник, или Страшная смерть без вины», М., 1875; С... в. Япанча, татарский наездник, или Покорение Казани, М., 1875). Позднее выходили подражания, использующие сюжет П.: Касси-ров (Ивин) И., Япанча, татарский наездник, М., 1892; Голохвастов К., Князь Япанча, лихой татарский наездник, СПб., 1905.

Идейный конфликт и мн. сюжетные ходы, заявленные в «Япанче...», П. использовал в др. своих произв.: «Брат Вячеслав, или Подземелье близ Касимова. Повесть XVI столетия» (ч. 1—3, М., 1836, подпись А. Павлов; отрицат. рец. — БдЧ, 1836, т. 19), «Рыцарь креста. Нек-рые черты из достопамятного года. Ист. роман» (ч. 1—2, М., 1840, подпись А. Павлов; о 1812, среди действующих лиц — Наполеон и Александр I; иронич. отзыв — БдЧ, 1840, т. 42), «Мстительница. Касимовская повесть» (М., 1837, подпись А. А. П.; атрибутируется, как и другие книги П., вышедшие под криптонимом А. А. П. или без подписи, по архиву: ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 720; отрицат. рец. — ЛПРИ, 1837, № 45).

Во 2-й пол. 30-х гг. выпустил еще неск. сборников рассказов, повестей и очерков: «Касимовские повести и предания» (ч. 1—4, М., 1836), «Вечер у моего соседа. Рассказы приятелей» (М., 1836; отрицат. рец. — ЛПРИ, 1837, № 21), а также ист. повести «Елена Волхова» (ч. 1—2, М., 1836), «Повести из событий рус. старины» (ч. 1—4, М., 1839, б. п.; отрицат. отзыв Белинского — III, 165—66) и ист. романы «Крамольники» (ч. 1—4, М., 1838, б. п.; «из времен Петра I»; отрицат. рец. — ЛПРИ, 1838, № 13; СП, 1838, 25 июня; Белинский, II, 391) и «Рус. богатырь» (М., 1837, подпись А. А. П.; отрицат. рец. — ЛПРИ, 1837, № 22).

Белинский относил книги П. к «произведениям „фризурной“ лит-ры толкучего рынка» (II, 391; фриз — грубая, дешевая материя, шинели и капоты из нее носили сочинители книг для «низовой аудитории») и утверждал, что он «очень удачно идет по следам гг. Орловых, Кузмиичевых, Сиговых и прочей лит. братии этого разряда» (I, 375; ср.: III, 165—166; ср. также статьи А. А. Орлов, Ф. С. Кузмиичёв, Д. И. Сигов). Др. рецензенты, отзываясь о книгах П., полагали, что в них «нет ни идеи, ни характеров, ни описаний» (СП, 1838, 25 июня), и называли их «раздражительными» (БдЧ, 1840, т. 42, отд. VI, с. 2), находя в них черты подражания «неистовой словесности» (прежде всего раннему О. де Бальзаку и

Ж. Жанену, роман к-рого «Мертвый осел и обезглавленная женщина», переведенный в 1831, стал очень популярным в России); «его повести страшны, его рассказы кровавы, в его преданиях бродят сумасшедшие» (БдЧ, 1836, т. 19, отд. VI, с. 6).

Однако влияние «неистового романтизма» оставалось лишь внешним (да и то сказалось лишь в части произведений). Повести П. вполне благонамеренны, его идеал — преданность государю и верность в любви и супружестве, причем личное счастье он трактует как воздаяние за службу царю и отстаивание истинной веры. Как отмечал П. Н. Кудрявцев, «действующие лица [П.]... разделяются на два класса: одни — добродетельнейшие люди, с красотою душевною и телесною; другие — отчаянные злодеи, не знающие ни страха, ни совести; первые постоянно стремятся к добру, а последние — к злу и полагают первым беспрерывные препятствия... В конце же романа... добрые награждаются, а злые наказываются» (ОЗ, 1840, № 8, отд. VI, с. 36; б. п.).

В 1843 цензура запретила рукопись его ром. «Евдокия Лукьяновна Стрешкина, супруга царя Михаила Федоровича» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 15, л. 78; рукопись: оп. 5, д. 304). Возможно, что П. ирилизировал светские повести «А ведь жаль се!» (БдЧ, 1849, т. 96; подпись Ал. Павлов) и «Бедняжка» (БдЧ, 1849, т. 97; подпись А. Павлов).

В 1842 в чине коллеж. рег. служил канц. чиновником в Моск. коммерч. суде, в 1848 в чине губ. секр. в канцелярии моск. гражд. губернатора (в 1850 там уже не числился). Имел собств. дом. Дальнейшая судьба неизвестна.

Изд.: Рыцарь креста. Романы, М., 1996 (3 романа).

Лит.: Нистрем К., Моск. адрес-календар..., т. 2, М., 1842, с. 50; его же. Адрес-календар жителей Москвы. 1848, ч. 1, М., 1848, с. 18; Рейтблат А. И., Библиограф и архивы: атрибуция книг первой пол. XIX в. — «Сов. библиография», 1987, № 2, с. 45—46 (П. ошибочно назван Ал-дром). А. И. Рейтблат.

ПАВЛОВ Андрей Павлович* (1795* — не ранее 1854**), автор драм. и этногр. сочинений. Из малорос. казаков («О ногайцах...», с. 3); выдавал себя за сына коллеж. секретаря. Служил канцеляристом. В 1819 сдал экзамен в Моск. губ. г-зии на право обучения рус. языку. Наиб. раннее соч. — «Театральные правила» (1819), запрещено цензурой за отсутствие «смысла» и «выражения, оскорбляющие личность» (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 285). С 1820 учился в Моск. ун-те на словесном отд., в 1822 на службе в Межевой канцелярии, где получил разрешение слушать лекции в ун-те (окончил в 1823 действит. студентом). Печататься начал еще в студенч. годы: «Краткое обозрение Кавк. губ. уездного города Кизляра...» (М., 1822), одноактная пьеса «Отставка» (пер. с франц.; М., 1823). Пользовался покровительством изв. владельца крепостного те-

атра в Орле гр. С. М. Каменского, к-рого, в частности, ценил за «приверженность ко всему отечественному» — см. посвящение к одноактной комедии «Ложный мизантроп, или Нашла коса на камень» (М., 1824; Н. А. Полевой назвал ее «литературной диковинкой», а П. сравнил с Е. Ф. Ганиным — МТ, 1825, № 2, с. 150); сюжет пьесы составил спор на заклад — сумеет ли один из персонажей обмануть другого и тем самым доказать свое умственное превосходство. П. напечатал комедию, не исключив мест, выброшенных цензурой; когда это было замечено, часть тиража конфисковали. В том же году пытался поехать за границу «совершенствоваться в науках», не получив разрешения, обратился с прошением к Александру I.

В псм П. фактически требовал выпустить его: «я никому не должен, на меня никто не пролил и я в судах дел не имел, да если бы и доводили меня до того, то иметь не желаю, имея только в предмете, что в чудном для меня отечестве не будут оказывать мне притязания за похвалы, оказываемые правителям народов, героям, ознаменовавшим себя подвигами и приобретшим бессмертную славу в потомстве» (П. скорее всего имеет в виду гр. Каменского) — ГАРФ, ф. 109, оп. 229, д. 39, л. 210б. — 22).

За содержавшиеся в прошении «дерзкие выражения» и нарушение ценз. порядков император приказал после двухмесячного ареста на гауптвахте выслать П. из Москвы под надзор полиции. В обществе ходили слухи, что он сумасшедший (см. переписку А. И. Тургенева и П. А. Вяземского — ОА, III, 33, 36 и ОА, Прим. к т. 3, с. 414). Пробыв год в назначенном месте ссылки (Воронеж), скрывшись, похитив паспорт у отставного поручика. В нач. 1827 пойман в Кизляре, где именовал себя подпоручиком Иваном Поповым, но был опознан как бежавший мешанин Анд. Пав. Косенко (видимо, подлинная фам. П.) и возвращен в Воронеж; «помилуван за побег» на основании коронал. манифеста 1826.

В 1829, в ответ на очередное прошение, император разрешил ему поступить на службу, но только канцеляристом и «под строгим присмотром» (ГАРФ, ф. 109, оп. 229, д. 39, л. 19); П. определился в Воронежский совестный суд, откуда вскоре уволился под предлогом поиска др. места. След. резолюция императора («Видно, что человек беспокойный, велеть определить рядовым» — там же, л. 27) была наложена после доклада о намерении П. поступить на воен. службу в артиллерию (на что он права не имел). Однако в 1830 он поступил капраниром в 21-ю арт. бригаду в Сигнах. у. Тифлис. губ. Когда в 1831 в бригаду пришло распоряжение об отправке его в Одессу, П. уже там не было, он находился в Минске, а потом в Кременчуге, что явствует из его прошений 1831 в контору исперб. театров о постановке пьесы «Земля» (РГИА, ф. 497, оп. 1, д. 5477).

В 1832 П. вновь объявился в Москве, однако неск. лет, по-видимому, скрывался и печатался под криптонимом А. П.

Во время своих скитаний выпустил в Харькове написанную в студенч. времена комедию (с куплетами) в 1 д. «Два арестанта» (1829), в ос-

нове к-рой — сюжет с переодеванием (отрицат. рец. — СП, 1829, 26 окт.). В 1831 вышла драма в 1 д. «Зема» (Минск, 1831), переизд. она под назв. «Американка» (М., 1832; иронич. отклик — «Молва», 1832, № 23) снова с посвящением Каменскому, где он благодарил его за финансовую и моральную поддержку во время ссылки и писал о себе, как о человеке, уже «огражденном от ядовитых стрел клеветы беспристрастным суждением внимательного к невинности Начальства, уверившегося в благородных моих упражнениях, служащих к исправлению нравов людских...». В несценичной и архаичной, классицистской по характеру пьесе с чувствит., благородными или порочными героями (гл. из них — англичанин и индианка; действие разыгрывается на «малоизвестном острове амер. архипелага») затрагивались вопросы равенства людей разных культур, верности, чести, осуждалось рабство. В дальнейшем выпускал короткие «нравственно-сатирич.» повести «для народа» («Жизнь и деяния Везнаева, со всеми достопамятными его происшествиями, или Горе без ума», М., 1834; 2-е изд. под назв. «Жизнь и деяния Везеуева...», М., 1835; рец. — СП, 1835, 5 авг.; «Тяжба двух косых, или Не хвались шедши в суд, а хвались вышедши из суда», СПб., 1836; 2-е изд., Дерпт, 1842) и для детей — «Подарок благодарным ученикам и ученицам... или Нравоучит. детские повести, служащие к образованию ума и сердца» (Минск, 1833; 2-е изд., М., 1834, — ряд эпизодов из дет. жизни, обыгрывающих негативные свойства ребенка: своенравие, трусость, лживость, насмешливость), «Назидат. правила для обучающегося юношества» (Вильно, 1847).

С 1837 П. служил домашним наставником в разл. городах остзейских (прибалтийских) губерний (к 1850 состоял в 12-м кл.: письмо Д. Н. Шереметову — РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 628). В 1841—45 выпустил 6 брошюр, написанных на основе своих поездок из Кизляра в Астрахань и объединенных подзаг. «Сочинение путешествовавшего по России с 1824 по 1835 год». Оно содержало подробное и весьма ценное этногр. описание образа жизни разл. народов юж. региона, демонстрирующее наблюдательность, осведомленность, а также неподдельную заинтересованность и простодушие автора, открытого в своих симпатиях «разноплеменным народам»: «нет ничего занимательнее, как узнать их «характер, привычки, склонности, вероисповедание» — «О азиатских народах, обитающих в юж. России» (СПб., 1841, предисл.), «О ногайцах, кочующих по Кизляр. степи» (СПб., 1842), «О калмыках, кочующих по

Астрахан. степи» (СПб., 1845), «Разговор с пустынноиком в хижине и о персиянах, водворившихся в Астрахани» (СПб., 1845), «О индийцах, водворившихся в Астрахани» (СПб., 1842), «О татарах, водворившихся в Астрахани» (СПб., 1845). Критикой они были оценены как «интересные по содержанию», но литературно неумелые (ОЗ, 1842, № 4, с. 46; см. также: ОЗ, 1842, № 2, 3). В 1845 собирался издавать в Нарве «Геогр., статистич., ист. журнал Остзейских провинций», но не получил ценз. разрешения (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 1836).

Цензурой были также запрещены: в Москве в 1834 — нравственно-сатирич. повести «Каким образом черт на Нижегород. ярмарке наплевал старообрядцу в бороду» и «О приказном Шенчике, лексаре Потрошине и о стриптизе Плутониле» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 4, д. 102; в Петербурге в 1850 — «Сб. нравственно полезных суждений и мыслей благочестивых мужей, для наведения юношества» (там же, д. 282); в Риге в 1851 — пов. «Деловой человек» (см.: Шукшинский сб., в. 1. М., 1902, с. 325).

Др. произв.: «Выигрыш без расчета» (комедия; М., 1823), «Валерия, или Слепая» (М., 1835; пер. с франц. комедии Э. Скриба), «Извлечение из путевых записок» (СПб., 1838), «Нем. азбука, или Руководство научиться скоро складывать и читать по-немецки» (М., 1841), «Азбука для малолетних детей» (Дерпт, 1842); сказки: «Спящая красавица», «Карлик-горбунок, учитель своего господина» (обе — СПб., 1842; отрицат. отклик: ОЗ, 1842, № 11); пов. «Коварство влюбленной женщины» (Митава, 1850; подпись А. П.; с пространным посвящением журналисту и правителю канцелярии курлянд. губернатора И. И. Делакруа).

В ряде справочных изд. (РБС, Генина, Манонов, Боград. ОЗ) произв. П. приписаны чиновнику мор. мин-ва Анд. Мих. Павлову (1794—1848), к-рому принадлежат, по-видимому, кн. «Описание Свято-Троицкой Александр.-Нев. лавры...» (СПб., 1842) и «Ист. описание святых Новгородской...» (СПб., 1848), подписанные: «5-го класса Андрей Павлов».

Лит.: Белинский, И. 208, 373; Плещнев, П. 244; Лупанова И. П., Рус. нар. сказка в творчестве писателей 1-й пол. XIX в., Петрозаводск, 1959, с. 305; Рус. анонимные и подписанные псевдонимами произв. печати, в. 1—3, Л., 1977—79.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 117, д. 364*; оп. 119, д. 7; оп. 123, д. 105 (студенч. дела П.); ф. 31, оп. 4, д. 81 (рукописи, запрещенные цензурой); РГИА, ф. 777, оп. 5, д. 34** (рукопись П. «О калмыках...», поступившая в цензуру в 1854); оп. 1, д. 909, 1133 (об издании соч. П.); ф. 1286, оп. 4, д. 421 («дозволении вступить в стат. службу», 1828); ф. 1075, оп. 1, д. 662 (письмо А. И. Философова 1845 г.) (справка В. М. Лупановой); РГБ, ф. 41, к. 116, д. 48 (письмо К. Я. Булгакова). А. И. Рейнбаум.

ПАВЛОВ Ипполит Николаевич [28.1(9.2).1839, Москва — 23.8(4.9).1882, там же], критик, переводчик. Единств. сын К. К. Павловой и Н. Ф. Павлова, он вспоминал в конце жизни, что в детстве «шагу не мог... ступить без присмотра», но «на деле... был предоставлен самому себе» (подразумевались сложные отношения между родителями), только бабушка,

мать К. К. Павловой, уделяла ему много внимания («Из моих восп.» — РО, 1896, № 4, с. 888). Первонач. образование П. получил дома, сначала в Москве, потом в Дерпте, куда переехал с матерью в 1853. Недовольный воспитанием сына, Н. Ф. Павлов писал С. П. Шевыреву в 1853: «Надеюсь, что его счастливая организация выйдет невредима из круга нелепостей, в к-рых он вращается и к-рые понимает... Надеюсь, что он своими усилиями и настоянием успеет водворить здравый смысл в свое воспитание» (там же). Как сообщал Т. Н. Грановский, П. усиленно занимался в это время, собираясь поступать в Моск. ун-т: «Жаль было бы уступить его Дерпту» (из письма Н. Ф. Павлову, там же, с. 215). В февр. 1854 П. вернулся в Москву, в авг. 1855 поступил на ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. Уже на первом курсе его «писем. упражнения» были отмечены среди лучших (Отчет о состоянии и действиях имп. Моск. ун-та за 1855—1856 академ. годы, М., 1857, с. 10). Судя по восп. П. (др. свидетельства не обнаружены), в 1857, будучи студентом, он ездил в Америку: «Я думал здесь остаться, найти средства существования. Детская попытка и детские мысли!» (РО, 1896, № 4, с. 892). По окончании ун-та (1859, со степенью кандидата) поступил помощником столоначальника в Моск. Гл. архив Мин-ва иностр. дел (с 1860 коллеж. секр.), в 1861 (после отпуска) по «представлению мед. свидетельства на службу не явился» (РГАДА, ф. 180, оп. 9, д. 72).

После смерти отца П. намеревался взять на себя издание начатой Н. Ф. Павловым газеты «Рус. ведомости», пытаясь поправить ее финансовое положение. Н. А. Мельгунов сообщал М. П. Погодину в 1863: «...он хлопочет добыть денег всячески ... Искал занять в Петербурге... но не удалось. Теперь ... он едет опять в Рязан(скую) деревню собирать оброк, к-рый без него не собирается как следует» (РГБ, ф. 231/П, к. 20, № 89, л. 14—14 об.). Хотя в течение полутора лет П. подписывал газету как издатель, делами он не распоряжался и газету в итоге пришлось продать (РВед. Сб., с. 6, 16, 17).

Начало 1860-х гг. — переключивший период в жизни П.: он то жил в Москве, то надолго уезжал в деревню, пытаясь найти дело, к-рое могло бы его обеспечить. В 1860 он послал не дошедший до нас очерк К. Н. Бестужеву-Рюмину, бывшему учителю и другу, с просьбой напечатать в Петербурге без указания имени автора. В это время П. не раз обращался к нему в поисках переводов и любой другой лит. работы: «... есть у меня потребность побеседовать хоть изредка о чем-нибудь другом, кроме процентов, порубок и выкупа; писать

хоть от времени до времени что-нибудь кроме официальных отношений, условий и контрактов» (недатированное письмо нач. 1860-х гг. — ИРЛИ, 24954, CZXXX 6 45, л. 4). Однако П. недаром славился в кругу друзей ленью, и лит. труд не мог его прокормить. В 1864 Мельгунов писал Погодину: «Ипполит — малый, очевидно, честный и смывленный, но лень писать непроходимая» (РГБ, ф. 231/II, к. 20, № 89, л. 14 об.). В 1866 П., судя по его переписке, пережил кризис: «я ... убедился ... что жить, как я жил, нельзя и делать, что я делал, не следует» (письмо К. Н. Бестужеву-Рюмину от 2 апр. 1867 — ИРЛИ, 24954, CZXXX 6 45, л. 8 об.). Тогда же, решив заняться преподаванием, служил учителем рус. языка и словесности в моск. г-зиях (с 1867 — в 4-й, с 1870 — во 2-й), в 1869—72 и в 1876—77 — в Лицея цесаревича Николая (основанном М. Н. Катковым), в 1874—75 учитель франц. и рус. языков в имп. Николаевском сиротском ин-те и на Публичных жен. курсах.

Уроки «рус. языка» П. посвящал изучению поэтики и риторики, анализу классич. произведений, чтению летописей, обучению декламации, а также «письм. переводам древних поэтов ... требуя возможно тщательной лит. отделки рус. языка» (см.: Календарь Лицея цесаревича Николая на 1871—1872 уч. год, М., 1871, с. 102—12; Календарь Лицея цесаревича Николая на 1872—1873 уч. год, М., с. 103—20, 186, 191). Обучающий эффект лит. перевода П. обосновал в своих пед. статьях, в к-рых доказывал, что «обязанность школы» — сделать учеников, «способными воспринимать впечатления иск-ва» («О преподавании рус. языка и словесности» — РВ, 1877, № 1; 1879, № 10), а задача школы — «учить учиться»: школа «не берется излагать науку, а указывает и открывает к ней путь» («Новости лит-ры» — РВ, 1882, № 7, с. 412). О П. сохранились воспоминания как об «исключит. преподавателе словесности, умевшем воодушевить своих учеников ... Его уроков воспитанники ждали как праздника ... Благодаря колоссальной своей памяти он знал всех наших поэтов наизусть» [Ист. записка имп. Лицея в память цесаревича Николая ... за 30 лет. (1868—1898), М., 1899, с. 567].

В 1870-е гг. входил в редакцию «Рус. вестника» и регулярно выступал на его страницах (под инициалами И. П.) с рецензиями, обзорами, лит.-критич. очерками, среди к-рых выделяется статья о А. К. Толстом «Забываемый поэт-современник» (1878, № 12); вошла в изд.: А. К. Толстой. Его жизнь и соч. Сб. ист.-лит. статей, М., 1904 (3-е изд. — 1912; сост. В. Покровский). Утвер-

ждая, что «стремление к цели недостижимой» вполне составляет сущность иск-ва и что «красота» должна быть «неразлучна с правдой и добром» (с. 613, 640), П. вступал в несколько запоздалый, но горячий спор с утилитарной критикой. Задача критики — ст. «Литература и критика» — он видел лишь в высшем эстетич. суде, свободном от «вкуса времени» и «господствующих предрассудков» (РВ, 1876, № 2, с. 882). Однако в редакции «Рус. вестника» П. чувствовал себя крайне стесненным: «Ничего не допросишься, ничего не добьешься, ничего никому не втолкуешь. Единственно, что можно тут делать с нек-рым, и то лишь нек-рым успехом, это выписки из газет для почты ... я твердо решился, не отказываясь совсем от лит. работы, наняться сидельцем в какую-нибудь лавку» (недатированное письмо к О. А. Новиковой — РГБ, ф. 126, к. 3323, № 26, л. 6 об. — 7).

В 1878—79 П. заведовал ред. «Известий Моск. гор. думы». В 1879 он получил разрешение на издание «литературного, критического, научного еженедельного журнала» «Кругозор», программа к-рого предполагала противодействие «искусству, раздражающему нервы, развращающему воображение»: «... разъяснять ошибки, выдвигать вперед хорошее, случайно или намеренно отодвинутое назад ... — вот наша задача» («От редакции» — 1880, № 1). Туманная программа и отсутствие денежных средств привели к скорому краху издания (вышло всего 20 номеров). П. много писал сам, заполняя журнал анонимными рецензиями на учебники, хрестоматии, новинки пед. лит-ры, а также лит.-критич. статьи.

С 1880 П. стал работать «по отделу критики» в редакции газеты И. С. Аксакова «Русь» (письмо И. С. Аксакова к О. А. Новиковой от 22 ноября (1880) — РГБ, ф. 126, к. 8337-а, № 5, л. 31 об.). Его наиб. заметное выступление в газете — развернутая рец. на роман «Братья Карамазовы», где он упрекал Ф. М. Достоевского в любовании пороком: «Мы видим только патологич. явления ... Мы не видим здоровья в романе Ф. М. Достоевского» (1880, 29 нояб.).

Как переводчик П. несколько лет работал над «Фаустом» И. В. Гёте: он напечатал ряд разрозненных фрагментов в периодике (РВ, 1867, № 3; 1873, № 3; 1874, № 2), а затем собрал их, так и не подготовив полного перевода, в отд. изд. (М., 1875). В 1880 в «Кругозоре» (№ 14) напечатал фрагмент «Посвящение Фауста».

Др. произв.: «Русская хрестоматия для переводов на франц. и нем. языки в высших классах средне-учебных заведений» (М., 1873, в соавторстве с В. Я. Стоюниным), «Судьбы поэта»

(РВ, 1876, № 8), «Лорд Бэконсфильд как литератор» (там же, 1878, № 9).

Лит.: Барсуков; Верховский Ю., Борятинский, П., 1916; Гулевич С. В., Ист. зап. о 50-лети Моск. 2-й г-зии. 1835—85, М., 1885, с. 222—23; Соколов Д. А., 50-летие Моск. 4-й г-зии (1849—1899), М., 1899; Давыдов Н. В., Из прошлого, М., 1914, с. 69. + Некрологи, 1882: МВед, 24 авг., «Русь», № 35 (опи-бочно утверждается, что П. выступал под псевд. Н. Бицин, принадлежавшим Н. М. Павлову; РБС; Брокгауз; Языков; Муратова (1; ук.); Масанов.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 24, л. 186 (студенч. дело, в т. ч. м. с.), оп. 28, л. 568, л. 118 (дело о выдаче аттестатов) [справка В. В. Александровой]; РГАДА, ф. 180, оп. 9, л. 57 и 72 (ф. с. 1859 и 1861) [справка С. Р. Долговой].
О. Е. Майорова.

ПАВЛОВ Михаил Григорьевич [1(12).11.1792, г. Елец Орлов. наместничества? — 9(21)**.4.1840, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], литератор; философ, физик, агробиолог. Отец Н. М. Павлова и Ф. М. Павлова (см. ниже). Из духовного звания (сын священника); в 1830 внесен (с семейством) в дворян.

родословную книгу. В 1811 окончил Воронеж. духовную семинарию, где обучался богослов. и филос. наукам, красноречию, греч., лат., франц. («весьма хорошо») и нем. языкам. Уволился из духовного звания и поступил в Харьков. ун-т (по ф. с. в 1812; в то время там преподавал йенский проф. философии И. Б. Шад); через год «по собств. прошению» переведен в моск. Медико-хирургич. акад., а в 1814 на мед. отд. Моск. ун-та. Одновременно учился на физико-матем. отд., окончил кандидатом в 1815; награжден сереб. и зол. медалью соответственно по мед. и матем. отделениям, оставлен при ун-те. В марте 1816 «определен к ун-тскому музею» — кабинету естеств. истории; в 1818 защитил дис. «О питании человек. плода» (опубл. на лат. яз.; М., 1818), получил степень д-ра медицины (май 1818). Тогда же был отправлен в Германию «для усовершенствования себя по части натуральной истории и сел. домоводства» (по предложению кн.

Д. В. Голицына, моск. ген.-губернатора и основателя Моск. об-ва сел. хоз-ва, и в дальнейшем покровительствовавшего П.), где слушал лекции знаменитого агронома А. Д. Тэра, ревностным последователем к-рого П. оставался всю жизнь, «затем путешествовал по Европе» (Маслов, с. 36), увлекся философией Ф. Шеллинга, прослушал курс его лекций и, по всей вероятности, Л. Окена.

По возвращении в Москву в 1820 (ф. с. — июнь 1821) был утвержден экстраординарным проф. кафедры минералогии и сел. домоводства Моск. ун-та, с 1824 ординарным проф. Оставался в ун-те до кон. жизни, читал лекции по сел. хоз-ву, физике (в 1827—36), технологии, лесоводству. Состоял чл. ун-тского Училищного к-та, К-та для испытания гражд. чиновников и мн. комиссий, чл.-к. Ученого к-та Мин-ва гос. имуществ. Был визитатором училищ в Тамбов. и Воронеж. губ., Новгород. и Твер. г-зий, Петерб. ун-та и др. уч. заведений, а также вместе со своим другом и сослуживцем Н. И. Надеждиным инспектировал моск. гимназии, уездные и приходские уч-ща, «подробно вникая в преподавание всех предметов» и матер. положение учителей (Попов Н. А., Н. И. Надеждин на службе в Моск. ун-те. — ЖМНП, 1880, № 1, с. 37—40). П. был также учителем, наставником и инспектором (1826—30) Благородного пансиона при Моск. ун-те. В 1820-е гг. П. преподавал и был первым надзирателем в моск. Воспитат. доме (МВед, 1829, 13 февр., с. 61); в 1824 надворный, в 1831 коллеж. сов.; неоднократно награждался орденами, дослужился до стат. сов. (1835).

В историю рус. культуры П. вошел как проводник учения Шеллинга, прежде всего его (и Окена) натурфилософии и философии тождества. Его лекции по сел. хоз-ву и физике, в к-рых он преим. говорил о методах познания и «силах» природы, по существу заменяли философию (ее преподавание в Моск. ун-те в то время было фактически запрещено; печатно П., «страха ради иудейска», — Шеллинга почти не ссылался — М. А. Дмитриев: НЛО, 1992, № 1, с. 216). Лекции П., излагающие творчески переработанное учение Шеллинга (об этом, в частности, см.: Каменский; 1980, с. 274, 283, 287), были с энтузиазмом восприняты моск. студенчеством, не подготовленным к отвлеч. мышлению.

Влияние П. испытали мн. известные в будущем студенты-словесники (один из курсов П. был для них обязательным) и питомцы Благ. пансиона, позднее сказавшиеся в их эстетич. и критич. работах: Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский (влияние на него П., в отличие от др. моск. «шел-

лингиста» И. И. Давыдова, не поддается биогр. реконструкции и потому не вполне определено), С. П. Шевырев, М. П. Погодин, В. П. Титов и др. члены Общества любознания, Надеждин, В. П. Андросов, через него — Н. А. Полевой (см.: Полевой. Мат-лы, с. 146—47) — поколение 1820-х гг. и «молодое» поколение 1830-х: А. Д. Галахов, А. И. Герцен, Н. В. Станкевич и члены их кружков, в т. ч. М. Н. Катков, опосредованно — В. Г. Белинский. [Станкевич жил в «семействе» П., а Катков окончил его пансион, основ. после закрытия в 1830 Ун-тского благородного пансиона, см. его брошюру: «Благородный пансион проф. Павлова», (М., 1831); о характере преподавания в пансионе (среди учителей — Погодин) с одобрением отзывался С. Т. Аксаков («Молва», 1832, 14 июня, 1 июля; выдержки — Машинский, с. 189—90).]

«Шеллингова философия была привезена в Моск. университет знаменитым проф. М. Г. Павловым и очаровала тогда всю учащуюся молодежь», «архивные юноши... цвет моск. общества» (помимо упомянутых вышелюбимудров — бр. Киреевские, А. С. Хомяков, Н. А. Мельгунов, А. И. Кошелев, И. С. Мальцов и др.) — все «находились под сильным впечатлением лекций проф. Павлова» (Погодин, I, 203, 302); он первым привил интерес к «философии германской» (глубокой, «темнословной» и идеалистической) на фоне традиционно-авторитетной в России франц. философии и теории словесности.

Более ранним проповедником идей Шеллинга был петерб. проф. физиологии Д. М. Велланский, в течение 30 лет остававшийся, однако, «главом вопиющего в пустыне» (из его письма к П., 1834 — в кн.: Бобров, Философия, в. 2, с. 225—28). По востп. Шевырева, П. внес «умозрение философии Шеллинговой в область естествоведения и «озарил (ее) новым блеском» (Шевырев в Ст., История имп. Моск. ун-та, М., 1855, с. 451—52). Не всегда «умственный» в посл. конгр. областей науки умозрит. подход возбуждал серьезные умы. интерес, формировал способность к самостоят. науч. и филос. мышлению («...логические стремления профессора действовали сильно на умы юношества и приносили пользу в систематич. построении наук», там же, с. 452). Герцен так вспоминал о П. в «Былом и думам»: «Павлов стоял в дверях физико-матем. отделения и устанавливал студентов вопросом: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? Что такое знать?“» (Герцен, IX, 16—17).

Лекции и филос.-эстетич. статьи П. (см. ниже), в особенности «О способах исследования природы», повлияли не только на духовно-интеллектуальные искания рус. шеллингианцев-гуманитариев, но и на естественно-науч. труды будущих ун-тских профессоров: М. А. Максимовича, биолога К. Ф. Рулье, геолога Г. Е. Щуровского. В 1822 П. избран действит. членом ОЛРС при Моск. ун-те. Необыкновен. ясность, логичность, «вразумительность», а вместе с тем увлекательность, без патетич. крас-

норечия, и «пластичность» изложения отмечали мн. слушатели, «стеклавшиеся» на его лекции со всех ф-тов.

См. об этом: Максимович («Москва», 1856, № 3, с. 226; там же письмо Надеждина от 16 июня 1840, адресов. Максимовичу, о смерти П., с. 232). Герцен (IX, 17), Я. И. Костенский («Передо мною открылся новый мир идей», «новый взгляд на науки» — РА, 1887, кн. I, с. 229), А. Д. Галахов («Пальма первенства по интересу преподавания бесспорно принадлежала Павлову», «самому талантливому истолкователю натурфилософии Шеллинга и Окена», с. 195, 191—92), А. Е. Студитский («Москва», 1845, № 3), В. И. Оболенский (Изв. об-ва археологов, истории и этнографии, т. 34, в. 3/4, Каз., 1929, с. 183) и др. (подробнее см.: Бобров, Философия..., в. 4).

Уже в своей 1-й «дозаграничной» публ. «О пустоте в Природе» (ВЕ, 1817, № 5) П. выступал, как и во всех своих естественно-науч. работах, против «атомистов», в защиту динамич. системы, первоосновности «сил», а не «вещи» и даже утверждал, что материя делима до бесконечности (с. 9) (см. также ст. «О поллярно-атомич. теории химии» — ж. «Новый магазин естеств. истории, физики, химии...», 1821, ч. 2, № 3—4); против эмпиризма были направлены и позднейшие статьи П. (во 2-м томе «Оснований физики» он говорил об «усилии отвлечься от вещества» как своего рода тенденции бытия и познания природы, с. 357). Но, пожалуй, гл. приложением его жизни было сел. хоз-во.

Вернувшись из-за границы, он прочел первую публич. лекцию, имевшую огромный успех, «О главных системах сел. хоз-ва с приращением к России...» (М., 1821), в 1823 — «Речь о побудит. причинах совершенствовать сел. хоз-во в России преим. перед др. отраслями нар. промышленности...» (М.). В них и в своих фундаментальных трудах в этой области — «Земледельческая химия» (М., 1825), «Курс сельского хоз-ва» (т. 1—2, М., 1837; не окончен; предполагалось 5 тт.; отприт. рещ.: СПб, 1838, 5 февр.; резко негативная — БаЧ, 1838, т. 26, кн. 1, О. И. Сенковский: «трансцендентальное, умозрительное, земледельческое», с. 26; в целом одобрит. — ЛПРП, 1838, 5 марта), в издаваемых П. «Записках для сел. хозяев, заводчиков и фабрикантов» (М., 1829—30; прил. к ж. «Атенасис»), ж. «Рус. земледельца» (М., 1838—39), где П. много печатался, он призывал вносить науку в сел. хоз-во и само земледельца рассматривать как науку, как проявление общих законов и мировых идей, постижение к-рых и приведет к наст. «опытному» знанию.

Ссылаясь на опыт заруб. ученых, приводя сравнит. данные о конкретных применениях в разл. областях сел. хоз-ва в России и за границей, П. особо подчеркивал необходимость учитывать «печать местности», выступал, напр., против господства одной трехпольной системы, истощающей «плодоносие земли», за «плодопеременную».

«Основателем науки земледелия в нашем отечестве» назвал П., представляя его в 1838 к зол. медали от Об-ва сел. хоз-ва (П. был одним из учредителей об-ва, 1820), Д. Голицын; наука в его трудах «изложена... с такой ясностью, что самые маловерные не могут не покориться истинам, здесь предложенным» (Мас-

лов, с. 130, 129). По мнению же Сенковского, «и самый опытный хозяин согласился бы [по прочтении соч. П. — *Ред.*], что сел. хозяйство несравненно мудренее египетских иероглифов» (БдЧ, 1838, т. 26, кн. 2, с. 84). П. был и неутомимым (хотя о его лени ходило «множество анекдотов») практиком сел. хоз-ва, и педагогом, подготавливавшим преподавателей агрономии для провинц. России; дир. моск. Земледельч. школы с года ее основания (1823—38; в ней преподавали Андросов и Максимович, 1824—28). П. заведовал также Опытным хутором, где с учениками испытывал новые методы ведения хоз-ва (об отвлеч. характере его преподавания вспоминает Я. А. Линовский — «Москв.», 1845, ч. 2, № 3, с. 18—21, 31—32). В 1830 П. опубли. (анонимно) негативную рец. на пер. соч. Тэера («Разговор о новом переводе Тэера» — «Галатея», № 30), во многом продиктованную, как и др. полемики П. с оппонентами, личной задетостью.

Совмещая науч., преподават. и учено-практич. деятельность (по многосторонности интересов, а отчасти и по обстоятельствам: П. был дважды женат и имел многочисл. семейство: трое детей от 1-го брака и семь от 2-го), П. оставался предан Моск. ун-ту: «Берегите пуше всего идею университета», — гласит Павлов» (Погодин, П., 153). Ближе др. профессоров ему были Надеждин, Максимович (хранивший портрет П. в своем доме на Украине; см. также: Соколова, с. 53—54), Погодин (в разное время), он общался также с Мельгуновым, С. Т. Аксаковым (сблизился в кон. 1820-х — нач. 1830-х гг., посещал его субботы) и литераторами его круга. В 1832 в числе др. профессоров был приглашен на обед к С. С. Уварову, где присутствовал А. С. Пушкин (см.: Курянтис. Ист.-краеведч. альм., — в. 1, М., 1983, с. 159—160, ст. С. Романюка). С ун-тским преподаванием связана история с анонимной сатирой на моск. профессоров (в числе других пародировался и П.) «О царе Горохе...» (М., 1834) (подробнее см. в ст. Лебедева К. Н.).

Из лит.-филос. и филос.-эстетич. соч. П. выделяется обширная ст. «О способах исследования природы», опубли. в альм. В. Одоевского и В. К. Кюхельбекера «Мнемозина» (М., 1825, ч. 4; подпись П. П.). П. излагает здесь основы «общей теории природы», исследует филос. категории вещества, формы, идеального, идеи, к-рая есть форма в возможности, внутр. модель развития явления. Понимание природы означает познание истины, заключающееся, по П., в «сходстве понятия с познаваемым предметом»; овладение истиной неотделимо от «стремления духа» к

«высокому назначению» (с. 9, 8). К работам этого рода примыкают статьи (опубл. в издаваемом им ж. «Атеней») «О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных» — в форме антич. «разговора» (1828, № 1—2; П. рассматривает словесность как «проявление бесконечного в конечном» и традиционно выделяет три гл. идеи: «идея истины, идея блага и идея лепоты», с. 7—9), «Различие между изящными искусствами и науками» (1828, № 5) определяющая изящные иск-ва как «особый мир», «новую природу»: «В науках предметы обращаются в мысли, в иск-вах мысли делаются предметами», иск-вами идеальное «вводится в сферу действительную» (с. 8, 11); те же идеи развиты в напечатанных в «Телескопе» статьях «Философический взгляд на холеру» (1831, № 11; П. был чл. Комиссии для охранения ун-та от холеры, сент. 1830—1831), «Достоинство идеализма в нравств. образовании человека» (1832, № 1) и «Общий чертеж наук» (ОЗ, 1839, № 11, включающей словесные) — первый в рус. лит-ре опыт классификации наук по двум основаниям: предмет и способ познания.

Ст. «О взаимном отношении...» и «Различие...» вызвали резкую критику «Моск. телеграфа» (подпись Ф. Ф. (Н. Полевой), Разговор о философии «Афеней», 1828, № 6), упрекающую П. в своего рода отступничестве — признании значимости «опытного» знания: «философия без наук невозможна» («Атеней», 1828, № 2, с. 18), противоречиях и заимствовании мыслей «у неоплатоника Алкиноя». В действительности резкость полемики объяснялась тем, что П. задел Любомудров, а значит шеллингянцев, к каковым относил себя и Полевою. П., увлеченный тем, что шеллингянство («новое любомудрие») стало модой, полемически обвинил «лит. юношей» в неосновательности знаний и самонадеянности. Еще резче он сказал об этом в «Ответе... „Моск. телеграфу“» («Атеней», 1828, № 11): «тщеславие щеголять философич. терминами» (с. 335; подробнее см.: Сакулин; ср. более справедливое заключение об эволюции П. в кн.: Каменский, 1980, с. 258, 262).

Нападкам со стороны «Моск. телеграфа» подверглись и статьи П. в «Атенее» о физике (1828, № 6, 7; др. его статьи на эту тему — там же, 1830, № 9, 10): «О физике Афеней» (МТ, 1828, № 7 — подпись М.; см. также: МТ, 1828, № 10: «Комментарии на возражения Афеней» — подпись М. М.); рец. эти, бесцеремонные по форме (обвиняющие П. даже ли не в плагиате натурфилософии Шеллинга), но содержат. по части упреков в игнорировании в физике П. «прикладной математики» и др. точных наук (приписываемые Максимовичу — Шпет, с. 301; в «Избр. произв. рус. естествоиспытателей» — перепеч. под его именем), принадлежали самому Н. Польскому (см. «К истории цензуры...» — РС, 1887, № 11, ответы Польского моск. ценз. к-ту по поводу «пасквилных суждений о трудах ун-тских профессоров», с. 483—84). П., в свою

очередь, говорил о «телеграфском любомудрии», отвечая на личные выпады против него ж-ла «Сын отечества и Сев. архив» (1829, № 17): «Атеней» (1828, № 9, «Разговор», б. п.).

П. был издателем ж. «Атеней» (М., 1828 — сент. 1830; последний год выходил нерегулярно; цензор С. Аксаков). «Атеней», журнал учено-лит. направления, помещал статьи и разыскания по истории, др.-рус. поэзии и фольклору, вост. лит-ре (обозр. «вост.» тр. — 1828, № 10—12), математике, астрономии, географии, статистике, экономике, сел. хоз-ву и др. наукам. Состав авторов преим. профессорский (Надеждин, Д. М. и В. М. Перевошиковы, И. М. Снегирев, А. М. Кубарев, Д. Н. Дубенский, А. З. Зиновьев), Андросов (в т. ч. полемич. критика речи Н. Полевого «О невеществе. капитале» — 1828, № 14/15), И. И. Срезневский. Лит-ру и критику представляли в осн. литераторы из окружения С. Аксакова: А. А. Шаховской, М. Н. Загоскин, А. И. Писарев и М. А. Дмитриев (зав. критич. отделом), полемич. статьи к-рого вместе с нападками (в 1-м номере) на совр. романтиков («О направлении поэзии в наше время» и «Письмо к издателю от незнакомого», подписи Х и Новизнин, вероятно авторство Надеждина, опубликованного в ж-ле фрагмент своей диссертации) создали поначалу «Атенее» репутацию в изв. смысле консервативного ж-ла (О. М. Сомов — СП на 1829 г., 1828, с. 26; СП на 1830 г., 1829, с. 32, оба — СПб; СО и СА, 1829, № 17, 22, 25), скорректированную после появления ст. Максимовича в защиту пушкинской «Полтавы» (1829, № 11).

Раздел оригинал. прозы не был сильной стороной ж-ла (описание добрых провинц. нравов у А. М. Полторацкого, нравоучит.-аллегорич. пов. В. Оболенского. Из поэтов печатались Шевырев, С. Е. Рачи, А. Г. Ротчев, Трилуный (см.: Колупанов, с. 476—80)).

Наиб. интересными в журнале (не имевшем «твердого символа критич. веры»: редактор, по-видимому, считал его «лишним для своей учености и филос. мысли» — Иванов И. И., История рус. критики — МБ, 1897, № 9, с. 157; подробнее о позиции «Атенее» см.: Замотин) были науч. и популярн. статьи по различным областям знаний, ориентиров., в частности, на совр. достижения Европы: о дом. и учебном воспитании (в т. ч. из книг А. Г. Нимайера, 1828, № 5; его некролог — 1829, № 16), дет. колонии в Германии, «финансах» в Великобритании, страховых об-вах во Франции, учебных об-вах в Нидерландах и т. п. Среди переводов — писатели «романтич. школы» В. Ирвинг, Ф. Купер, Л. Тек (1830, № 19/20; о нем — 1828, № 7); журнал публиковал также «сообщения» о трудах И. Г. Гердера (1828, № 6), Ф. Гизо, А. Гумбольдта, пост. трагедии Ф. Грильпарцера (1829,

№ 14/15), «извлечения из путешествий» по странам Востока.

При том, что П. не был «сообщителем» и «делителем» со студентами «своего мысля... только в ученой форме лекции» (Анненков, с. 37), он «замесил» своих учеников (напр., М. Ю. Лермонтова в Ун-тском благородном пансионе) и способствовал их вхождению в лит-ру: первые опыты Лермонтова, Станкевича, Герцена появились в «Атенее».

Не отличавшийся занимательностью и не открывший новых имен, «Атеней» занял свою нишу «профессорского» журнала в рус. журналистике. Выразившаяся в послании «А. Н. В(ульф)у» (1828) Н. М. Языкова едкая характеристика ж-ла («Журнал казенно-философский... Благонамеренный московский») [намок на петерб. ж. «Благонамеренный» — *Ред.*] (см.: Пушкин. Письма, II, 376; ср. окончат. вариант: Языков Н. М., Стих. и поэмы, Л., 1988, БПБс, с. 223, 538—39) не отменяла в глазах современников его лит.-ученой серьезности и «чистоты». По свидетельству Надеждина, только «при чтении его одного позволялось обходиться без перчаток» (цит. по: Иванов, уч. соч., с. 133; см. также с. 157—58); «погибавшие в борьбе с равнодушным публики профессорские журналы — „Вест. Европы“, „Атеней“, „Моск. вест.“ всегда гордились тем, что они не унижаются до угождения женам подписчиков» (С. А. Венгеров — в кн. под его ред. и с прим.: Белинский В. Г., ПСС, т. 1, СПб., 1900, с. 403).

В 1830-е гг. П. — активный сотрудник надеждинского ж. «Телескоп», помимо указанных он публикует в нем статьи по сел. хоз-ву (1836, № 1, 16) и фрагменты из своей «Физики» («Свет и тяжесть как осн. силы физич. мира», «Теория вещества, света и тяжести» — 1831, № 3; 1832, № 11; см. также: 1833, № 8; 1836, № 6, 9). В 1833 вышли «Основания физики» (т. 1, М., 1833; т. 1 — 2, М., 1836), вызвавшие жесткую критику приверженцев механистич. теории (Э. Х. Ленца в «Дерптских уч. зап.», 1834, неизв. автора из Ярославля — МН, 1836, ч. 9, окт., кн. 1, подписи См.), на к-рую П. поместил антикритику («Телескоп», 1834, № 9; ЛПРИ, 1837, 17 апр. — «О неуместности математики в физике... Письмо к Д. М. К(няжевичу)». Высокую оценку физике П. дал Максимович (СП, 1833, 14 сент.) (подробнее о полемике см.: Каменский, 1980, с. 246—52).

В высшей степени хвалебными статьями откликнулся на выход обоих томов «Оснований физики» Надеждин, видевший заслугу П. в «архитектонич. целостности» его труда, принципе «системного единства» (вместо «хаотич. крохоборства»), намерении «внести живое органич. единство» в хаос «эмпирич. сведений»; «система

Павлова отличается самым стройным порядком, самой строгой последовательностью», это «блистательный образец логической художественности» («Телескоп», 1833, № 9, с. 104, 107, 111; там же, 1836, № 12, с. 555, 576).

«Самостоятельность во мнениях и поступках, смелость в предприятиях», «раздражительный» от природы он составляли «отличит. черты» личности П. (Сл. профессоров Моск. ун-та, с. 185). «Зная себе цену и обладая значит. самолюбием, он... не скрывал своего пренебрежения к не обетшальным ученым, ни еще более к тем, которые и никогда не были учеными» (Галахов, с. 192). О «недружелюбии» к нему мн. профессоров и «старых ученых» упоминали тот же Галахов и Кс. Полевой (Полевой, Мат-лы, с. 146; о следах этих разногласий см. также: Погодина, IV, 144, 210).

Отказавшись в последние годы жизни от заведования Опытным хутором, П. собирался устроить «на собств. иждивении» Земледельч. уч.-ще (см. его одноим. брошюру: М., 1838), куда намеревался принимать и крепостных (не моложе 16 лет). Он не успел создать (по предложению правительства) и Агрономич. ин-т при Моск. ун-те (на отд. филос. ф-та). П. внезапно умер от кровоизлияния.

П. не только обновил умств. интересы в Моск. ун-те, научил молодые поколения мыслить философски, диалектически, повысил образованность в целом «слое» рус. публики, но образовал руководителей и членов моск. кружков (в т. ч. будущих западников и славянофилов) разных поколений — 1820-х, 1830-х и отчасти 1840-х гг. («воспитатель и умственный отец этих моск. деятелей»: Бобров, Заметки..., с. 135), обеспечив тем самым интеллектуальную культурную преемственность.

Павлов Федор Мих. [29.5(10.6).1825 — окт. 1872, Москва] (ЦИАМ, ф. 4, оп. 10, д. 1564, л. 1 — ф. с. с. ф. 203, оп. 745, д. 252, л. 431 — м. с.), писатель-юморист; сын П. от первого брака. Бюгр. и лит. сведения о нем скудны. Воспитывался в Моск. ун-те (курса не окончил), после чего избрал воен. поприще (унтер-офицер Драгун. полка, 1844, в 1846 — Оренбург. улацко-го; уволен «за болельство» в 1848). Жил в разных городах, последние годы — в Петербурге и Москве. Служил в канцеляриях харьков. Дворян. собрания (1852—55), чернигов. гражд. губернского (1858—60), Комисариат. деп. (Петербург, 1860—64), в Гл. интендантском управлении (с 1867 в отставке) (РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 41501 — ф. с. 1867 г. — справка Н. Ю. Муравейниковой). Сотрудничал в сатирико-юмористич. ж-лах, никогда не подписывая свои публикации (им. с. с. РБС). В «моск. фельетонах», помещенных в «Вестнике моск. политехнич. выставк.» (1872; Песев. Философ с Самотетки): «Пыль» (1 мая), «Повествование о моем путешествии первого мая из Москвы в Красное село, оттуда в Соколинки и обратно» (4 мая), «Восп. о боярине Кучке и об Артистич. кружке» (11 мая), «Уж совершенно ни о чем!» (22 мая), «Никогинто» (26 мая), «Кое-что о выставке, кое-что о лаполах „хотеть“, „мочь“ и „уметь“» (3 июня), «Нар. праздник» (13 июня), «Я путешествовал

по Москве» (20 июня) и др. — высмеивал гор. порядки и нравы, давал отчеты о политехнич. выставках. В фельетонах часто встречаются шуточные стихотв. вставки, изв. цитаты (иногда перепародированные). После смерти Федора Павлова осталось неск. поэм в рукописи, по всей вероятности, не увидевших света.

Изд.: Статьи: О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных — Избр. произв. рус. естествоиспытателей 1-й пол. XIX в., М., 1959 (там же publ. двух ст. П. о сел. хоз-ве, бюгр. справка С. Р. Миклулинского и по ук.); Различия между изящными иск-вами и науками. — Рус. эстетич. трактаты 1-й трети XIX в., т. 2, М., 1974.

Лит.: Маслов С. [А.], Ист. обзор действит. и трудов имп. Моск. об-ва сел. хоз-ва..., М., 1846, с. 36—37, 45, 47, 69—70, 126—31, 245, 248, 266; (Шуровский Г. Е., Рулье К. Ф., Калининский Я. Н.), М. Г. Павлов, Сл. профессоров Моск. ун-та, ч. II, с. 183—99; там же, с. 3—6, 649; Барсуков; Белинский; Герцен; Кюхельбекер; Дмитриев; Чернышевский; Пушкин в восп., т. 2 (всё — ук.); Анненков П. В., Н. В. Станкевич..., М., 1857, с. 23—24, 35—37; Галахов А. Д. (псевд. Сто-один), Из записок человека — РВ, 1876, № 11, с. 191—96; Колупанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, М., 1889, т. 1, кн. 1, с. 472—80, кн. 2, с. 299—300; Бобров Е. [А.], Философия в России..., в 2. Каз., 1899, с. 106—219 (квл. Pawlowiana, с. 219); его же, т. же, в 4. Каз., 1901, с. 20—35, 53—54, 228—233; его же, Лит-ра и просвещение в России XIX в., т. 4, Каз., 1902, с. 311—12; его же, Заметки по истории рус. лит-ры и просвещения XIX в. — Сб-ки учено-лит. об-ва при имп. Юрьевском ун-те, в 13, Юрьев, 1908, с. 134—47; Замонин И. И., Романтизм 20-х гг. XIX столетия в рус. лит-ре, т. 1, СПб.—М., 1911, с. 164—69, 286—93; Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский, М., 1913, с. 115—27 и ук.; Н. В. Станкевич, Перспектива, М., 1914 (ук.); Полевой, Мат-лы; Шеллинг Ф. В. И., Система трансцендентального идеализма, Л., 1936, с. 430—32 (комм. И. Я. Колубовского); История Моск. ун-та, М., 1955, т. 1, с. 105; Миклулинский С. Р., Развитие общих проблем биологии в России. 1-я пол. XIX в., М., 1961, с. 124—30, 296—97; Пассек (ук.); Каменский З. А., О развитии диалектич. идей в рус. философич. нач. XIX в., «Вопросы философии», 1964, № 3; его же, Рус. философия нач. XIX в. и Шеллинг, М., 1980, с. 158—244 (библ.); Шекспир и рус. культура, М.—Л., 1965, с. 232—33; Машинский С. И., С.-Т. Аксаков, М., 1973 (ук.); Соколова Т. В., Из архива Павловых. — В кн.: Новые мат-лы по истории рус. и сов. лит-ры, М., 1984; Манн Ю. В. Кружок Станкевича, М., 1983, с. 66—70; Григорьев в Ап. Восп., М., 1988, с. 40; Шист Г. Г., Соч., М., 1989 (ук.); Зеньковский В. В., История рус. философии, т. 1, ч. 1, с. 128, 130, 134—35; Егоров Б. Ф., Очерки по истории рус. культуры. — В кн.: Из истории рус. культуры, т. 5 (XIX в.), ч. 1, М., 1996, с. 173—179; ЛН, т. 56, 57, 60, 1 (ук.). + Некрологи: К. Ф. Рулье — Отчет о состоянии имп. Моск. ун-та за 1839—40 г. Сушков Н. В., Восп. о Моск. ун-тском Благородном пансионе, М., 1848, с. 21; «Воронех. епархиальные вед.», 1882, № 6, с. 84* (список воспитанников); Брокгауз; Геннади; РБС (проф. В. В. Бобынин); Сл. ОПРС: МНкрп: ФЭ; ЭЗ; Смирнов-Сокольский; Черейский; Маслов.

Архивы: РГБ, ПолгЛ, к. 47, № 75, к. 50, № 53 (письма Погодину 1829 и 1832-е); ф. 233, к. 39, № 34 (библ. заметки С. Д. Потоцкого); ф. 299, № 511 (Курс минералогии и сел. хоз-ва); ЦИАМ, ф. 4, оп. 10, д. 1564 (о внесении в дворян. родословную кн., ч. III); ф. с. 1839 г., л. 19—26); ф. 418, оп. 9, д. 69 (о назначении писем Павлов...; та же дата в МНкрп: ф. 459, оп. 3, ч. 450, 472 (программа лекций П. по сел. хоз-ву и прошение об открытии Земледельч. школы) [справка В. В. Александровой].

Л. М. Шемякина, о Ф. М. Павлове — И. Б. Павлова.

ПАВЛОВ Николай Данилович [28.12.1855 (9.1.1856)* — 13(26).8.1908, Одесса], драматург, прозаик. В 1868—74 учился во 2-й петерб. г-зии; не закончив 6-го класса, по-

ступил в драм. класс Н. И. Сведенцова и С. М. Сосновского в Петерб. театр. школе, но через год оставил и ее. После безуспешных поисков актерской работы занялся антрепризой. В 1875 снял помещение 2-го общедоступного собрания на Петерб. стороне; для постановки выбирал пьесы с небольшим числом исполнителей, привлекая любителей (работа к-рых не оплачивалась), проф. актеров (за небольшую плату); нек-рые роли исполнял сам. В сер. сезона сцена была передана М. А. Стрекалову, а П. по его иску выплачена неустойка. В 1876 опубли. брошюру «**Артистка С.-Петербургских императорских театров Марья Гавриловна Савина**» (СПб.). — одну из первых биографий актрисы. В 1878 сблизился с А. И. Сумбатовым (Южиным), снимавшим у матери П. квартиру; Сумбатов вспоминал, что П. тогда написал «нелепую» пьесу «Последний кумир», героя к-рой «грызли мыши», — вместе с тем он считал П. человеком «оригинальнейшим и не бездарным» (Южин-Сумбатов А. И., Записки. Статьи. Письма, 2-е изд., М., 1951, с. 46; П. назван здесь Северцовым-П.); весной след. года они с труппой любителей ездили в Гельсингфорс. С Сумбатовым П. связывала многолетняя дружба (12 июня 1884 он писал актеру: «... в твоей любви ко мне ... я никогда не сомневался ... дело в том, что такая прочная и горячая „стихийная“... привязанность к тебе не может остаться без ответа ... доброе чувство, которое мы питаем один к другому, смею думать, — совершенно бесрасчетно и бескорыстно» — РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, № 1592, л. 6).

Летом 1879 делил с С. К. Ленни антрепризу, но затем оставил ее. Будучи человеком деятельным, пробовал разные способы добывания средств для существования: содержал мебелиров. комнаты и прачечную, издавал рекламу, а в 1880 — ж. «Бесплатная библиотека» (вышло 2 номера). В 1880-е гг. — рецензент петерб. газ. «Новости» (с янв. 1884 зав. театр. отд.); с июня 1884 сотрудничал в ж. «Стрекоза», с дек. — в газ. «Новое время». О его журналистских публикациях Вл. И. Немирович-Данченко в письме к Сумбатову от 31 июля 1887 отзывался пренебрежительно: «Он мало подвинулся как рецензент ... в трех больших его рецензиях не наберется и 20 строк настоящего критика...» («Избр. писем», М., 1954, с. 48—49). Благодаря знакомству с А. Н. Островским через его брата Мих. Ник. (в 1881—92 министра Гос. имущества) П. в 1883 занял место в библиотеке Ученого к-та этого мин-ва; успешно продвигаясь по службе, в 1885 стал штатным переводчиком Ученого совета (в письме Сумбатову от 13 мая 1891 сооб-

шал: «На службе преуспеваю. В 8 лет получил три последовательных повышения по должности, три чина и орден» — РГАЛИ, там же, л. 32 об.); в 1901 в чине надв. сов., перенеся паралич, службу оставил (по сведениям РГИА, дело о службе не сохранилось — ф. 381, оп. 21, д. 13190).

Одна из его первых пьес — «драм. сцены в 5 действиях» **«Помешанная»** (М., 1882), сюжет к-рой заимствован из рассказа В. П. Буренина; поставлена на сцене Малого т-ра 27 дек. 1881 в бенефис Н. А. Никулиной (передана ей А. Н. Островским с довольно лестным отзывом в письме от 18 ноября 1881: «... между разной дрянью, которую ко мне носят молодые и старые писатели, попалась очень хорошая вещь» — ПСС, т. 12, М., 1980, с. 52), а также на сцене Александрин. т-ра 5 февр. 1882 в бенефис М. И. Петипа, но успеха не имела. Следующая пьеса — одноактная «шутка» **«Поветрие»** (М., [1883]; совм. с Ф. А. Бурдными), все герои к-рой, включая 6-летнего мальчика, оказываются жуликами (представление пьесы в Москве, по мнению Островского, «прошло хорошо и понравилось публике» — ПСС, т. 12, с. 185; в Петербурге она шла в следующем году).

Комедия нравов в 4 действиях **«Мечтатели»** (М., 1884), написанная, по словам автора, «не по шаблону» и получившая от Театр.-лит. к-та «кучу комплиментов» (РГАЛИ, там же, л. 2), была им передана из ранней пьесы «Мытари и фарисеи» (сочиненной, видимо, при участии Сумбатовых). 5 февр. 1884 она шла в Малом т-ре с М. Н. Ермоловой в гл. жен. роли, но успеха не имела. Постановка 18 дек. 1884 в Александрин. т-ре обернулась провалом.

Рецензент «Суфлера» назвал комедию «срундой», удивляясь, что Театр.-лит. к-т «пропускает такие не только бессодержательные, но и прямо глупые вещи» (1884, 20 дек., с. 4). Автор ж. «Дневник рус. актера» (1886, № 3/4, с. 56—62; № 5/7, с. 51—59; подписи Старый актер) в ст. «Письма к английскому актеру Ирвину. По поводу совр. положения рус. театра», напротив, хотя и оценивал критически сцену, уровень пьесы, отмечал в ней свежесть замысла, «истинно художественные места» и образы гл. героев — иншего старика-чиновника и молодой барышни, дочери крупного чиновника («История любви этих двух существ, любви идеальной, странной, если хотите, смешной, полна чистоты и свежей поэзии, глубокого драматизма» — № 5/7, с. 54). В письме к Сумбатову от 14 февр. 1884, написанном вскоре после премьеры, П. упоминал и др. отрицат. отзывы (в газ. «Новости» и «Совр. новости»), «совершенно беззубую» пародию в «Будильнике» и похвальную — в газ. «Новое время» (РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, д. 1592, л. 5).

Комедия в 3 действиях **«В плену у женщины»** (СПб., 1901; М., 1914; переложил А. А. Фредро) представляла старых холостяков, счастливо избежавших брачных сетей; по словам автора, она «произвела сенсацию» (из письма к Сумбатову от 17 окт. 1884 — РГАЛИ, там же, л. 9 об.), но

Театр.-лит. к-том не была одобрена из-за условности и шаблонности образов гл. героев (РГИА, ф. 497, оп. 4, д. 3277, л. 100—01).

Следующие пьесы П. также не имели успеха: **«Москвичи и петербуржцы»** (М., 1892; после рапорта от 19 сент. 1891 цензора драм. соч. С. Донаурова, увидевшего в пьесе «грязноватый колорит», «пошлые шутки» и «сальные намеки», она была запрещена Гл. управлением по делам печати — РГИА, ф. 776, оп. 26, д. 10, л. 144 и об.) — ж. «Артист» охарактеризовал ее как «ряд совершенно бессвязных сцен ... ворох фельетонной болтовни в лицах ...» (рецензент скептически отнесся к интенте комедии, сводившейся к тому, что «прогоревшая семья петербургских чиновников ищет путем выгодного брака „обновления“ в московских капиталах», нашел малолитературным ее язык и счел непригодной для постановки из-за отсутствия в ней «сценического движения» — 1893, № 30, с. 173); **«Прочь с дороги!»** (СПб., 1901; совм. с Ф. Н. Латернером; о неудавшейся попытке старшего «влиятельного лица», не слишком чистоплотного в делах, спастись от одиночества в любви и браке с юной девушкой); комедия-шутка в 2 отд. **«Jour-fixe, или У нас в кухне гости»** (М., 1893), отвергнутая Театр.-лит. к-том, причислившим пьесу к такому роду «шутки, в которых автор для забавы публики прибегает к приемам грубым и совершенно нелитературным» (ЛПТМ, ф. 541, № 325).

В 1892 П. опубли. два прозаич. сб-ка: **«Необыкновенные рассказы»** и **«Рассказы, очерки и наброски»** (оба — СПб.).

Первый из них содержит прозов. о мистич., таинств., «сверхъестественном» — П. разрабатывал романтизм, темы и сюжеты, распространенные в 1880—90-х гг. в зап. лит.-ре. Герой рассказа **«Теория доктора Кощеевского»** (автор назвал рассказ «городской легендой») исполнен «сознания своей нравственной силы» и «отрицания всего, что не может быть объяснено естественным и научным путем» (с. 38); его попытку познать непознаваемое, найти причину появления привидений в деятельности «лихорадочно-галлюцинационных микробов» привел самого его к необъяснимому исчезновению. В рассказах **«Воспоминания покойника»** (о человеке, испытывавшем латерн. сон), **«Обезьяна и женщина»** (о писателе, к-рого всюду преследовал образ обезьяны — сначала как кошмар, а затем как спасение от постигшего его разочарования в любви), **«Вечеринка у сумасшедших»** (о спектакле «любителей драм. искусства» в доме для умалишенных) П. выразил мысль, что, только пережив нечто необычайное, причудливое, человек обретает способность увидеть мирную действительность таковой, какова она есть. Герой рассказа **«Тринадцатый сеанс эфиризации»** — наркоман, «продавший душу дьяволу» ради призрачного «счастья», к-рое для него олицетворялось в деньгах (с. 70—71). В пессимистически окрашенном рассказе **«Лучше никогда, чем поздно»** мелкий чиновник, «обыкновеннейший человек из всех обыкновенных людей» с «самыми обыденными» планами и надеждами (с. 75), лишь однажды, во сне, схожем с явью, пережил свою мечту-фантазию (путешествие в Европу, Египет и встречу с любовью); возможно, в этом рассказе отразились какие-то личные впечатления П. — недаром он поселил своего героя в

своств. квартире, адрес к-рой в письме к Никудиной (см. выше) упоминал Островский (Петербург, Фонарный переулок, д. № 9, кв. № 64).

В произведениях второго сб-ка, рисуя гл. обр. гор. быт, П. вывел типы мелких хищников, пиничных и беспринципных («Новые птицы», «Селезень»). Большинство др. его героев — «маленькие» люди, мелкие чиновники и служащие, не способные противостоять среде и становящиеся ее жертвами: герой рассказа «Не судите» отказывается от семейного счастья ради удачной карьеры; хрупким оказывается семейное счастье героя рассказов «В эмпиреях» и «У домашнего очага» (в первом из них героиня не выдерживает искушения богатством, а во втором — соблазна пошлых любовных приключений), безропотную героиню рассказа «Тайна Аграфены Ильиничны» разоряет муж-проходимец. Один из рассказов этого сб-ка — «Родные тени» — иронич. повествование о рус. колонии последовательной позитивистской теории О. Конта за границей.

В ж. «Вестник Европы» П. опубликовал ряд очерков и рассказов на «заграничные» темы: «Фабричные правила в Швейцарии» (1898, № 10), «Старый капитан» (1902, № 6; об участнике Париж. Коммуны 1871), «Нелли» (1902, № 9; о курортном романе, закончившемся трагически), «Шербекские выборы. Рассказ из фламандских нравов» (1903, № 8—10; посв. социалистич. движению), а также пов. «Перепутье» (1904, № 8; о драм. переживаниях молодого человека, влюбившегося в жену своего дяди).

Хотя сюжеты мн. рассказов П. занимательны (правда, не всегда оригинальны), поступки героев, как правило, недостаточно психологически мотивированы. Его прозаич. произведениям в целом свойственны мелодраматизм, отчасти сглаживающийся благодаря искреннему вниманию автора к совр. нравств. проблемам, и сочувствие незадачливому герою.

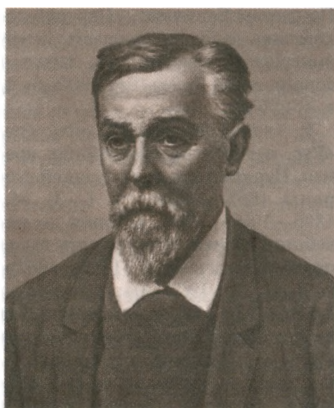
Лит.: Айхенвальд Ю., А. И. Сумбатов-Южин, М., 1987, с. 40—41. — Некрологи, 1908: ТИЛ, № 36, с. 616; № 37, с. 636; МВед, 18 сент. ИРДТ: Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3130; ЦГТМ, ф. 222, № 1812—1813 (письма к П. М. Пчельникову); ф. 98, № 735; РГИА, ф. 497, оп. 4, д. 3277 (пенз. дело о шпесс «На пороге великих событий»); ф. 776, оп. 6, д. 491, л. 3 (учебное дело) [справка С. И. Вареховой], л. 1 и об., л. 12 и об., л. 20 и об. (дело об изд. «Бесплатной б-ки»).

И. П. Гамула.

ПАВЛОВ Николай Михайлович [30.10(11.11).1835*, Москва — 7(20).3.1906, там же; похоронен в с. Жерновке Кашир. у. Тульской губ.], публицист, лит. критик, беллетрист, автор ист. трудов. Из дворян Моск. губ. Сын М. Г. Павлова. Окончил 4-ю моск. г-зию (1852), юридич. ф-т Моск. ун-та (1856).

Впервые выступил в ж. «Рус. вест.», опубликовав 7 стих. (1856, т. II, № 3), но свободных от романт. клише («мучительные сны», «тайные мечты», «молчанье гордое»). Одно из них — «Север» («Люблю тебя, страны моей родной/ Широкий свод туманно-голубой...») помещено в хрестоматию Н. В. Гербеля (СПб., 1880) ошибочно как стих. Н. Ф. Павлова (хотя в Главлени ж-ла было указано отчество П.),

к-рый печатался в «Рус. вест.» в те же годы (ошибка повторяется вплоть до изд.: Соч. Н. Ф. Павлова, М., 1985). По словам Ю. П. Бартечева, существовало отд. издание стих. П. «в кол-ве 66 экз.» (не обнаружено); «большинство его поэтич. произв. (их целый ворох) не напечатано» (РА, 1906, кн. 1, в. 4, с. 644).

Первая публ. в прозе — автобиогр. пов. «Годы в школе» (РусБ, 1859, № 2—6), отличающаяся документальностью и одновременно вниманием к психологии ребенка и становлению его характера. Личный опыт, осмысленный в духе славянофильства, — в основе замысла пов. «Конце впереди» (РВ, 1860, № 11—12), посв. первым шагам молодого помещика в своем хозяйстве, постепенно приходящего к взаимопониманию с крест. миром. В рассказе «Ум ли это?» (РВ, 1861, № 10) с романт. заостренностью противопоставлены характеры сохранившего верность идеалам юности «неудачника» и хищного и ловкого карьериста-«умника».

Среда, воспитание, родств. и дружеские отношения (П. был крестником С. Т. Аксакова) с первых шагов лит. деятельности определили тесную связь П. с кругом славянофилов. В письмах к И. С. Аксакову кон. 1850-х гг. (ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 455) он предлагает свою помощь и сотрудничество, в частности в газ. «Парус», для к-рой пишет 4 статьи и пов. «Становой» (не опублик.). П. — один из пост. и ближайших сотрудников Аксакова в газ. «День» (1861—65), «Москва» (1867—68), «Русь» (1880—85). Возможно, ряд статей из «Москвы», вошедших в собр. соч. Аксакова, написан П. и отредактирован Аксаковым (Симбаев, с. 138—139). Для областного отд. «Дня», к-рый Аксаков стремился сделать главным в газете, был предназначен ряд статей П. под общей рубрикой «Каширские письма», посв. прежде всего ходу крест. реформы в его уезде (одно из писем вызвало резкий от-

клик Ф. М. Достоевского, увидевшего в высказываниях автора пренебрежит. отношение к крестьянам, — Достоевский, XIX, 65—66), а также истории и археологии края. В полемике «Дня» с «Моск. вед.» М. Н. Каткова П. развивал основополагающие для славянофильства идеи: единство и целостность нар. духа, противопоставляемые безнациональной государственности; община — в противоположность «экономич. свободе»; равенство сословий, исключающее особые привилегии дворянства.

Публик. выступления П. в «Руси» посв. гл. обр. вопросу о местном самоуправлении (и критике «казенного либерализма», уничтожившего, по его мнению, плоды реформы 1861), о возрождении зем. начала как подлинной основы рус. государственности. Отвергая в целом петровские преобразования и их продукт — крепостное право («специфич. зло, исходившее из страшной лаборатории нашего XVIII в.»), П. вместе с тем отмечал, что последние providentially сохранили общину — возможную мельчайшую единицу «обществ. земского дела»; Петру же Россия обязана и появлением истинного «плода образованности» — «обществ. деятельности», способных служить «обществ. делу». Достоевский, к-рый оценивал «фелетонны» П., наряду с передовыми И. Аксакова, как наиб. значительные в «Руси» (Достоевский, XXX, кн. 1, 233—35), оспаривал последнее утверждение (XXVII, 62).

Критич. и публицист. статьи П. 60—80-х гг., собранные из разл. изд. (в т. ч. из «Моск. вед.», где в 1873—74 П. печатал «Письма к публике» — серию статей с критикой зем. реформы), составили кн. «Наше переходное время» (М., 1888), вышедшую в качестве прил. к «Рус. архиву» (П. был пост. сотр. ж-ла более 20 лет), издатели к-рого отмечали близость позиции автора к своей собственной. Неизменность осн. положений и оценок в статьях разного времени придавала книге единство. В ее назв. отразилась излюбленная мысль П.-публициста, усматривавшего в современной ему России первые признаки преодоления отрицат. сторон петровского периода как имперского и возвращения к нац. и гос. самобытности.

В лит.-критич. статьях П. наиб. развернуто изложил свой взгляд на рус. историю и культуру нового времени: в результате реформ Петра I рус. лит.-ра, как и культура вообще («плод мнимого просвещения», «полюрусского, оторванного от почвы образования»), несет в себе начало трагич. разлада, ущерба и не способна к целостному взгляду на действительность и воплощению положит. идеала. Преобладающий дух времени противодействует появлению глубоких, всеобъемлющих по мысли произв. и вызывает к жизни публицист. однодневки. Так П. оценивал романы В. П. Ключникова, А. Ф. Писемского, «Отцы и дети» И. С. Тургенева (делая исключение для фигуры Базарова), отмечал отрицат. влияние «ложного пафоса протеста» на сильный поэтич. талант

Н. А. Некрасова. Совр. художник, по мысли П., как бы заранее обречен на неудачу вследствие «эфемерности» совр. типа, отсутствия к.-л. положит. сторон в наших нынешних мимолетах, наконец общей внешней шаткости и переходчивости» («Наше переходное время», с. 121). Даже великие художники Пушкин и Гоголь остаются, по его мнению, на рубеже «отрицательного» периода рус. лит-ры, бессильные воплотить тот искомый идеал («рус. мир и быт как положительное в Божьем мире явление» — там же, с. 87), к-рый П. ставит в основание оценки явлений лит-ры и к-рый, в его понимании, имманентен живой действительности. «Семейной хронике» С. Аксакова П. отводил особое место, считая ее началом нового периода рус. лит-ры. Как и многие славянофилы, П. высоко оценивал творчество Н. С. Кохановской, проникновенно писавшей о крест. мире; отмечал близость ее стиля к «безличному эпич. творчеству нашей былины или сказания» (там же, с. 109).

История, понимаемая как область идеального бытия народа, была для П. (любившего слова К. С. Аксакова — «история рус. народа есть его житие») предметом вдохновения и занятий на протяжении всей жизни: «От горькой действительности, от нашей отвратительной современности ухажу в глубь веков, хоронюсь в летописи» («Из переписки И. С. Аксакова с П. о древней рус. истории» — РА, 1887, № 8, с. 471). Ст. «Правда о Лжедмитрии» («День», 1864, № 51, 52; отд. изд. — М., 1864) вызвала бурный обмен мнениями с Н. И. Костомаровым (см.: РА, 1886, № 8), к-рый, высоко отзываясь об авторе («талант ... так и светится от первой строчки до последней»), считал произвольными нек-рые его выводы. Так, по Костомарову, Борис Годунов — хитрый, беспринципный властолюбец, а у П. он — «умный, блестящий деятель», охранитель моск. престола, жертва «грубого невежества века», невинный в смерти царевича.

Почерк ученого осятут в лит. произв. П. на ист. темы, где им принят поиск новых форм изображения. Сюжет драмы «Смута» (РВ, 1867, № 2; отд. изд. — М., 1867; рец.: «Голос», 1867, 13 апр.; «Антракт», 1867, № 32), посв. событиям нач. 17 в., соответствовал его намерению создать «дагеротипный снимок» с действительности, не допуская худож. вымысла. Попытка нарисовать гармонич. картину быта и характеров допетровской Руси предпринята в пов. «Царский сокольник» (РВ, 1870, № 1—3; отд. изд. — М., 1870, 1904), написанной как изображение на рассказ Костомарова «Сын», в к-ром П. видел лишь смако-

вание мрачных сторон рус. истории. По словам Бартенева, «Царский сокольник» заполнил пропасть между имперским периодом рус. жизни и допетровской Русью (РА, 1906, кн. 1, в. 4, с. 645).

В своих фундаментальных соч. «Рус. история от древнейших времен. Первые пять веков родной старины (862—1362)» (т. 1—3, М., 1896—1900), «Рус. история до новейших времен. Вторые пять веков первого тысячелетия (1362—1862)» (т. 1—2, М., 1902—04; доведено до 1-й пол. 15 в.) П., по его словам, был не «исследователем» — науч. истина всегда относительна, а «историком», чья задача — «услышать те самые запросы народной совести», к-рые и ныне волнуют рус. людей (РА, 1897, № 1, с. 174).

Уже первый том был оценен как «наиболее удачный опыт создания популярной рус. истории» (К. Н. Бестужев-Рюмин — ИзвОРАС, 1896, т. 1, кн. 1; др. отзывы: РА, 1899, № 2; 1900, № 3; 1904, № 2), отмечалось живое, образное изложение. По повелению Николая II было назначено П. ежегодное пособие от Мин-ва финансов на продолжение изд. (письмо К. П. Победоносцева к С. Ю. Витте от 24 февр. 1901 — РГИА, ф. 365, оп. 7, д. 29177). П. опубли. ряд статей о «Слове о полку Игореве» и предложил свой вариант перевода памятника на рус. яз. (РВ, 1874, № 2; итоговый сб-к: «Слово о полку Игореве...», М., 1902), к-рый Е. В. Барсов назвал «самым оригинальным и лучшим из популярных изданий» («Слово о полку Игореве» как худож. памятник Киев. дружины Руси», т. 1, М., 1887, с. 190). В полемич. выступлениях против намечавшейся реформы алфавита («Русь», 1904, № 113; МВед, 1904, 28 апр.) П. назвал ее произволом по отношению к истории языка («Чуждый труд проф. Грушевского „Очерки истории укр. народа“», Х., 1905).

В 1905 П., представляя вместе с В. О. Ключевским ист. науку, участвует в совещаниях по проекту созыва Гос. думы, отстаивая строгого монархич. позиции (Нечкина М. В., В. О. Ключевский, М., 1974, с. 462, 465). С 1874 чл. ОЛРС, с 1902 чл. Рус. ист. об-ва.

В «Рус. архиве» П. опубликовал ряд восп. и принадлежащих ему мат-лов по истории славянофильства («золотого периода в истории рус. общества»), в первую очередь о семье Аксаковых: «Восп. о К. С. Аксакове» (1885, № 3) — живые и яркие, блестящие по форме (высоко оценены С. А. Венгеровым как «наиболее целое собрание отд. сведений» о «характере и нравств. личности» Аксакова — Собр. соч., т. 3, СПб., 1912, с. 80); «Из семейной переписки стариков Аксаковых. Письма Т. С. и М. Н. Аксаковых (1818—1835)» (1894, № 9); «Из переписки С. Т. Аксакова с П. А. Плетнёвым», «Застольное слово К. С. Аксакова на обеде, данном в Москве гр. Д. Е. (Остен-Сакену)» (1895, № 5); «Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковым» (1896, № 1); «С. Т. Аксаков как цензор» (1898, № 5); «Отзывы о славянофилах» (РО, 1895, № 6).

П. впервые полностью издал «Историю моего знакомства с Гоголем» С. Аксакова (РА, 1890,

№ 8), завершив подготовку текста ч. 2 на основе подобранных Аксаковым мат-лов. Док-ты в ряде случаев подверглись редактуре: так, исключены одобрит. отзывы о В. Г. Белинском, опущены критич. высказывания об отношении Гоголя к царю и др. (см.: А. С. Аксаков с. 3). Историю моего знакомства с Гоголем, М., 1960, с. 5). Публицистически остры статьи П., посв. разл. эпизодам из истории лит. полемик: «Гоголь и славянофиль» (РА, 1890, № 1), «Пolemика Каткова с Герценом» (РО, 1895, № 5). Последняя, в к-рой излагаются обстоятельства появления знаменитой катковской «Заметки для издателя „Золотого“», вызвала ряд полемич. откликов и ответов П. (Фудель И. И., Одна из наших слабостей. (По поводу полемик Каткова с Герценом). — РО, 1895, № 6; «Вынужденное объяснение» — там же, № 8; Цветков К. Н., Ессе о Герцене и Каткове, М., 1895; его же, Добровольный ответ на «Вынужденное объяснение» — РО, 1895, № 10; «В заключение нашей полемики с г. Цветковым» — там же). Оппоненты, не расходясь в существе оценок с П., заставляли вспомнить былой антагонизм «Моск. вед.» и «Дня».

В 1905 П. — один из инициаторов создания Союза рус. людей, публикуя ряд статей и брошюр «Да или нет?» — МВед, 1905, 19 нояб.; «По поводу воззвания Союза 17 октября» — там же, 22 дек.; «Правда о совр. неправде» — там же, 28 окт., 29 окт.; отд. изд. — М., 1905; «Ломка крест. быта», Х., 1905; «В начале XX в.», М., 1905; «О нашем совр. положении», М., 1906), в к-рых своеобразный утопизм сочетается со злободневной остротой: революция — закономерное следствие имперского периода рус. истории; идеал нац.-гос. бытия возможен лишь как союз неогранич. самодержавия и подлинно самоуправляющегося земства; «заговор» петерб. бюрократии и «космополитич. интеллигенции» враждебен интересам народа; необходимо сохранение традиц. поземельных отношений, в первую очередь общины как средства против пролетаризации общества.

Др. произв.: «25 лет на сцене (1862—1887). К юбилею Г. Н. Федотовой» (М., 1887; изд. анонимно; мн. годы П. был с ней близок).

Лит.: Достоевский (ук.); Имп. Рус. ист. об-во. 1866—1916. П., 1916, с. 124, 153; Гоян Г., Глиерия Федотова. Жизнь и творчество великой рус. артистки, М.—Л., 1940, с. 316—17, 332; Машинский С. И., С. Т. Аксаков, М., 1973 (ук.); Цимбасов Н. И., И. С. Аксаков в обществ. жизни пореформенной России, М., 1978 (ук.); Соколова Т. В., Из архива Павлова. — В кн.: Новые мат-лы по истории рус. и сов. лит-ры. Сб. науч. трудов, М., 1983, с. 51—67; Страхов Н. Н., Лит. критика, М., 1984 (ук.). — Некрологи, 1906: МВед, 10, 11, 17, 18 марта. Брокгауз; Гранат; Сп. ОЛРС; Муратова (1; ук.); Масанов.

Архивы: ГЛМ, ф. 244 (разл. мат-лы в фонд отп.); ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 455 (42 письма И. С. Аксакову), оп. 17, № 112 (13 писем О. Г. Аксаковой); ф. 598, № 510 (2 письма А. Д. Сербесу); РГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 257 (м. с.); ф. 565, оп. 14, д. 113, 114, 116, 117; ЦИАМ, ф. 418, оп. 21, д. 140 (студенч. дело); РГБ, ф. 239, к. 15, № 31 (письма Н. А. Попову); ф. 126, к. 8479, № 20 (письмо К. П. Победоносцева О. А. Новиковой о намерении П. издавать еженед. газ. в нач. 1900-х гг.); РГАЛИ, ф. 2, оп. 1, № 701 (письма А. А. Александрову); ф. 46, оп. 1, № 561...598 (письма П. И. Бартеневу); ф. 459, оп. 1, № 3131 (письма А. С. Суворину); ф. 298, оп. 1, № 6, л. 73 (восп. В. Н. Лясковского).

М. В. Подмаринова, при участии С. М. Александрова.

ПАВЛОВ Николай Филиппович [7(19).9.1803, Москва — 29.3(10.4).1864, там же; похоронен на Пятницком кладб.], прозаик, критик, публицист, поэт, переводчик. Отец — дворовый ген.-аншефа В. В. Грушецкого (по не подтвержденной версии, П. — незаконнорожденный сын Грушецкого), мать вывезена гр. В. А. Зу-

бовым из Перс. похода 1796, грузинка (по др. сведениям — армянка). Получил хорошее дом. образование, свидетельствующее о господском внимании к ребенку. В 1811 отпущен на волю (с братом и сестрой; впоследствии получил вольную и отец П., вступивший затем в купеч. сословие), определен в Имп. моск. театральную школу.

Лишившись в 1815 отца, год спустя был вынужден перейти на казенное содержание, а в 1817 — переселиться в школу. Тяжести и лишения скрашивались благожелательным участием дир. школы Ф. Ф. Кокошкина, к-рый обратил на П. особенное внимание и ввел в свой дом, где П., хотя и стоял иногда, по свидетельству очевидцев, за стулом с салфеткой, но все же обрел доступ к общению с образованными людьми, «получил внешнюю полировку» и превратился в «совершенного московского джентльмена» (Панаев, с. 213; Кокошкин продолжал покровительствовать П. и впоследствии). Будучи учеником, П. дебютировал в Имп. моск. т-ре как артист (в 1819 в «Меропе» Вольтера) и как переводчик с франц. (опера «Простенькая Роза, или Кто знает женщин», 1820, в соавторстве с Н. И. Малышевым; ист. драма «Ночь в замке Палюции, или Изгнанник Флорентинский», 1820). Летом 1821 окончил школу и был зачислен в рос. труппу актером. Не чувствуя призвания к артистич. карьере, в марте 1822 покинул театр, получив увольнение по болезни.

В окт. 1822 П. поступил на отд. словесных наук Моск. ун-та. В янв. 1824, желая поступить на службу (вероятно, в связи с предполагаемой женитьбой), подал прошение об увольнении из ун-та, но уже в марте по его просьбе был вторично принят в число студентов. В нояб. 1824 женился на мешанке А. Н. Харламовой, воспитаннице родовитой дворянки, действ. стат. советницы Н. П. Квашинной-Самариной (РГБ, ф. 710, оп. 1, № 3, л. 31—38). Окутанный тайной, вызвавший много противоречивых толков брак оказался несчастливым. В 1825 окончил курс словесного отд. действит. студентом (прослушал также ряд лекций на физико-матем. отд.).

В ун-тские годы П. дебютировал как поэт — басней «Блестки» (Тр. ОЛРС, 1823, ч. 3; в 1822 прочитана в заседании Об-ва Кокошкиным), перепечаткой с франц. (в оригинале — «Пятна и блестики» А. В. Арно), а затем ориг. элэгич. стихами (помещенными в «Мнемозине», 1824, и «Моск. телеграфе», 1825), в к-рых мотив поклонения жертвенной любви (ср. ностальгич. воспоминание о ней в пов. «Именины») сменяется чувством глубокого разочарования: «К***, при посвящении ей перевода трагедии „Мария Стюарт“, „Элегия“ («Мой друг, я истощил бесплодное старанье...»), «Песнь магомстепанина». Будучи студентом, П. перевел франц. перепечатку «Марии Стюарт» Ф. Шиллера [М., 1825; Малый т-р, 1825; в рец. Н. А. Полевого (?) отмечался «блестящий талант» П. (МТ, 1826, ч. 7, № 2, с. 166)].

Переводч. деятельность П. не оставляет и впоследствии. В 20—30-е гг. осуществил ряд драм. пер.: из трагедии Ж. Расина «Андромаха» (сб. «Драм. альбом для любителей театра и музыки на 1826 г.», М., 1826); франц. водевилей — «Дипломат» (Э. Скриба и Ж. Делавин; в соавт. с С. П. Шевыревым; Большой т-р, 1829; рец. С. Т. Аксакова, 1829, с обзрением пер. и ориг. куплетов — «перекрестных», «острых», отличающихся «мыслями новыми»; см.: Аксаков, III, 493—95), «Молод и стар, женат и нет» [Э. Скриба и Мельялья (А. О. Ж. Дюверсе); Большой т-р, 1829; добродетель. отрыв Аксакова (1829; см.: там же, с. 491)], «Астрономические бредни, или Комета в 1832 году» (Ш. Огюрье и Диомесаи; Большой т-р, 1833); комедии У. Шекспира «Венецианский купец» (по просьбе М. С. Щепкина; сыграны в его бенефис в февр. 1835 — см.: М. С. Щепкин. Жизнь и творчество, М., 1984, т. 1, с. 404, т. 2, с. 392; в доработанном виде опубли.: ОЗ, 1839, № 9; благодарств. отрыв Шевырева — «Молва», 1835, № 4). В «Телескоп» (1831—34) печатались прозаич. переводы П. с франц., в т. ч. первые рус. пер. О. де Бальзака: пов. «Мещин» (в оригинале «Венетта» — «Телескоп», 1831, ч. 2, № 5—8; В. Г. Белинский назвал пер. превосходным — II, 122), «Невеста-аристократка» (в оригинале «Был в Со» — «Телескоп», 1831, ч. 5, № 17—19).

В 1826 П. поступил на службу: с июля по октябрь состоял при канцелярии К-та прошений, учрежденного в Москве по случаю коронации Николая I. Служил заседателем 1-го деп. Моск. надворного суда (1827—1828), целиком отдаваясь делу и про-

являя большую самостоятельность («часто спорю и забываю отношения» — письмо В. Ф. Одоевскому, 2 сент. 1827 — РС, 1904, № 4, с. 193). В 1829 — янв. 1831 чиновник при моск. ген.-губернаторе Д. В. Голицыне; приняв участие в расследовании злоупотреблений на одной из бумажных фабрик, раскрыл факт незаконного использования труда крепостных и участия в этом ряда вышестоящих лиц, чем навлек на себя неприязни (РГБ, ф. 710, оп. 1, № 3, л. 78—88).

В 1829 П. избирается чл. ОЛРС. В кон. 20-х — нач. 30-х гг. имя П. часто появляется на страницах периодики: «Моск. телеграфа», «Атеней», «Галатеи», «Моск. вест.», «Телескопа», «Молвы» (хотя современники неоднократно с сожалением отмечали отсутствие в П. склонности к систематич. творч. работе; он и сам называл впоследствии свои лит. занятия «ленивыми, но сладкими» — письмо П. А. Вяземскому, 31 марта 1843, РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2497, л. 2 об.). П. продолжает выступать как поэт, пробуя силы в разл. жанрах: куплете, эпиграмме, элгии, дружеском послании и др. Наиб. удавшиеся поэтич. произв. этих и последующих лет — сатирич. стих. («Червонец», 1829; «Ессе homo!», 1856) и романсы («Не говори ни да, ни нет...», 1830, положено на муз. А. Н. Верстовским; «Она безгрешных сновидений...», 1834, положено на муз. М. И. Глинкой, а также А. С. Даргомыжским), отражавшие две противоположные грани характера П.: рассудочность, саркастичность и эмоц. раскованность, способность отдаться чувству. А. С. Пушкин отзывался о поэтич. дарованиях П. с нек-рой иронией (в письме И. В. Киреевскому, 1832 — XV, 9). Стихотворч. деятельность П. стала предметом эпиграммы юного М. Ю. Лермонтова «Г(ну) Павлову» («Как вас зовут? ужель поэтом?...», 1831). К этому времени П. уже известная фигура в светских кругах, сближение с к-рыми было истолковано одними не без иронии — «хотел утвердиться на паркете» (Н. И. Надеждин — РА, 1885, кн. 2, № 8, с. 578), другими — с уважением достоинств П., дающих «полное право быть в хорошем и даже высшем московском обществе» (Дмитриев, 1992, с. 212—13).

В 1831 П. дебютирует как прозаик — очерком «Кто вы? Что вы?» («Телескоп», 1831, ч. 4, № 13), своего рода иронич. обзором совр. нравов. В «отрывке из ром.» «Московский бал» («Телескоп», 1832, ч. 7, № 1), где строгое, порой язвительное осуждение праздной веселящейся публики сочетается с восхищением заволаживающей балльной атмосферой, позволяющей «вырваться из суетного мира» (с. 37), впервые про-

является характерное для всего последующего творчества П. совмещение резкой критики этич. основ светской жизни с нескрываемым влечением к светскости и аристократизму (по определению А. А. Григорьева, большой свет у П. — «всепоглощающая и вместе обаятельно-влекущая бездна» — Григорьев А. П., Соч., т. 1, СПб., 1876, с. 39).

В 1833 П. впервые выступает как критик, участвуя в развернувшейся в апр. — мае на страницах «Молвы» полемики о моск. гастрольях А. М. и В. А. Каратыгиных. В споре с Надеждиным (отмечавшим принужденность и неестественность игры Каратыгиной и холодность Каратыгина) П. отстаивает высокую проф. репутацию этих актеров, видя в них «представителей образованности» на рус. сцене («Молва», 1833, 9 и 23 мая, подпись «...»; атрибуция Н. Н. Ильина — РГБ, ф. 710, оп. 1, № 4, л. 15). Уже в первом критич. опыте П. демонстрирует осн. качества своего полемич. дара — приверженность логике и страстную увлеченность избранной темой.

Наиб. успех выпал на долю П. в 1835 — в связи с выходом в свет первого сб. «Три повести» (М.; «Аукцион» и «Именины» отданы в цензуру еще в февр. 1833, но возвращены автору для доработки; см.: ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 88). Изложив в программном вступлении к пов. «Именины» свое писательское кредо (каждый человек отмечен «особенными чертами» и потому «равно достоин внимания»), П. выходит за рамки доминирующей психол. тематики (в основе всех повестей — любовная коллизия, достаточно детально разработанная), связывая драматизм человеческих судеб с острыми социальными проблемами: крепостничеством («Именины»), произволом и деспотизмом высших чинов в воен. среде («Ятагана»), духовной несостоятельностью светского человека («Аукцион»), впервые — «Телескоп», 1834, № 1). Темы «Трех повестей» (из к-рых особо выделялась запретная тема «Ятагана») были раскрыты с откровенностью и прямотой, превосходящими традиционную для той поры меру худож. свободы («Свободная мысль сразилась с роковыми общественными вопросами...» — письмо Ф. И. Тютчева И. С. Ггарину, 7 июля 1836, в кн.: Тютчев Ф. И., Соч., т. 2, М., 1984, с. 18). Вопрос о степени детерминированности человеческой жизни решается П. в духе формирующихся традиций рус. классич. прозы: сознавая унижит. зависимость человека от обстоятельств, он тем не менее видит возможности достойного, храброго до безоглядности и порою трагич. противостояния им (неск. диссонансирующие звучит важный для творчества П. мотив жен. преда-

тельства, пробуждающего в герое чувство всепоглощающей безысходности). По свидетельству современников, повести П., в частности «Именины», отмечены чертами автобиографизма (происхождение П., обстоятельства его семейной жизни; Надеждин уверял, что П. «делает из своей жизни роман» — РА, 1885, кн. 2, с. 578—79).

Сборник П. вызвал многочисл. преим. высокие оценки: «Молва», 1835, № 3; (Н. И. Надеждин) — там же, № 4 (см.: Белинский В. Г., Собр. соч., т. 1, М., 1976, с. 652—53 — комм.); ВВВ. (В. М. Строев?) (СО, 1836, ч. 175) и др. Современники отмечали незаурядность повестей («это произведение представляет событие» — П. Я. Чаадаев А. И. Тургенев об «Именинах», 1835; см. в кн.: Чаадаев П. Я., ПСС и избр. письма, т. 2, М., 1991, с. 91), дар наблюдения души человеческой (в подробном одобрит. отзыве Шелерова — МН, 1835, ч. 1, март, кн. 1). Пушкин в краткой черновой рецензии трижды обратил внимание на увлекательность повестей (П. «первый у нас написал истинно занимательные рассказы», с похвалой отозвался о слогот («чистый и свободный», «изредка отзывается манерностью», указал на нек-рые психол. несообразности (Пушкин, XII, 9). Белинский сдержанно отметил преобладание наблюдательности, ума и высокой образованности над талантом, также выделив язык повестей (I, 280—83). В негативной рец. «Б-ки для чтения» утверждалось, что в повестях «нет никакой идеи», что все рассказанное — частность, исключение из повсеместной жизни (1835, т. 9, ч. 1, отд. VI, с. 5—8). Записка С. С. Уварова Николаю I повлекли за собой наказание цензора (за пропуск «Ятагана») и запрещение перепечатывать книгу; дальнейшие хлопоты П. о переиздании сб-ка (в 1839, 1858, 1863) к успеху не привели.

В 1835 П. активно сотрудничает в новом ж-ле — «Моск. набл.», выступая как поэт, прозаик [остросюжетный рассказ о неудачнике — «Черный человек» (ч. I, апр., кн. 1), худож. зарисовка о карточных шулерах — «Чубук и пальцы» (ч. I, март, кн. 1), эссе «Воспоминание о моск. балах» (там же)] и театр. критик. В рецензиях П. на оперу «Аскольдова могила» (1835, ч. III, июль, кн. 2; муз. А. Н. Верстовского, либретто по роману М. Н. Загоскина) и комедию Загоскина «Недовольные» (1835, ч. IV, окт., кн. 1) отмечается, что действие пьес не вызывает зрительского участия, персонажи безжизненны и бесхарактерны; осуждаются черты псевдонародности, игнорирование благотворных преобразований России в Петровскую эпоху (первая рецензия вызвала бурную полемику — см.: Белинский, II, 163—165, 711—12; Надеждин, с. 423, 542).

В 1837 П. (давно овдовевший) женился на поэтессе К. К. Яниш (см. Павлова К. К.), единств. дочери стат. советника, имевшей богатое приданое. Мотивы брака широко обсуждались: отмечалось, что Каролина Яниш была сражена выпавшей на долю П. славой; П. подозревали в корыстных расчетах; сам он признавался впоследствии, что «в жизни сделал одну гадость: женился на деньгах» (Чичерин, Восп. Москва сороковых годов, с. 4). Благодаря женитьбе П. впервые после долгих скитаний

по казенным и чужим домам (жил в театр. школе, у Квашниной-Самариной, Кокошкина (Н. А. Мельгунова) обрел свой дом (на Рождественском бульваре), к-рый в кон. 30-х — 1-й пол. 40-х гг. стал одним из гостеприимных моск. салонов, собиравших именитых и начинающих литераторов и ученых. Присущая П. терпимость к чужому мнению определила атмосферу вечеров, где дружески встречались люди разных убеждений, в т. ч. славянофилы и западники. Восторженность талантливой хозяйки вечеров уравновешивалась здравым мыслом и трезвостью П. — среди современников он снискал репутацию образованного, мыслящего человека («острый и легкопостигающий ум» — Вяземский, Эстетика..., с. 346), интересного собеседника («в беседе был очарователен» — Чичерин, Восп. Москва сороковых годов, с. 203). Б. Н. Чичерин свидетельствовал также, что при всех слабостях и увлечениях П. был истинно порядочным человеком и это «одно давало ему возможность тесного сближения с высоко нравственными людьми» (там же).

При разнообразии лит. связей и дружеских контактов П. всегда оставался человеком, живущим обособленно внутри. жизнью, скрытой даже от тех, к кому благоволил («я не люблю переписки с людьми, которые имеют место в сердце моем» — письмо Олесьскому, 2 сент. 1827 — РС, 1904, № 4, с. 193; «Ты окружал себя таинственностью, никогда не высказывал себя прямо» — письмо Мельгунова к П. — РО, 1895, № 3, с. 402). На протяжении всей жизни П. остро переживал ущербность своего социального положения (обстоятельства рождения, отсутствие дворян. звания для себя и для детей) — и недаром: в минуты раздражения или негодования на П. современники в частной переписке неоднократно допускали характерные обмолвки: «холопское происхождение» (Надеждин — РА, 1885, кн. 2, с. 578), «холопов сын» (В. П. Боткин — в кн.: Отчет имп. публ. б-ки за 1889 г., СПб., 1893, прил., с. 44), «лакейская натура» (А. О. Смирнова-Россет — РС, 1890, т. 68, № 11, с. 353).

Материальный достаток губительно сказался на пристрастии П. к картам — он приобрел известность азартного человека, проматывающего значит. суммы (упомянут Пушкиным как игрок в одном из планов «Русского Пелама»); даже друзья отмечали, что, когда была задета эта слабая сторона его характера, он «ничего и никого не шадил» (Ольга Н (С. В. Энгельгардт), Из восп. — РО, 1890, № 11, с. 99), что за зеленым столом «он прокутил все свои таланты, проиграл свое и своего семейства счастье...» (Берг, с. 262).

В 1839 вышел в свет второй сб-к П. — «Новые повести. Маскарад. Демон. Миллион» (СПб.; «Маскарад» впервые опубли.: МН, 1835 ч. I, март, кн. 2; 1836, ч. VI, март, кн. 1), обнаруживший достаточно резкое перемещение худож. интересов автора из сферы социальных конфликтов (при сохранении критич. отношения ко мн. сторонам обществ. жизни и, в

частности, жизни света) в сферу психологии, «вечных требований духа» (по более позднему определению П. — «Наше время», 1860, 27 марта, с. 171). Это «перемещение» повлекло за собой появление нового для жанра светской повести героя, «вывлеченного» автором в поиски жизненной истины, смысла бытия. Генетически восходящий к романтической традиции, герой повестей («Маскарад», «Миллион») действует в рамках вполне реалистич. и очень характерного для П. событийного ряда: пройдя через мн. испытания (богатством, знатностью, светскими соблазнами) и не утратив достоинства и благородства, он сталкивается с корыстью и прозянч. расчетом любимой женщины, что бесповоротно сокрушает его, приводя к нетипичному для рус. классич. прозы обрыву линии духовного развития.

Психол. усложнение худож. типов отличает и третью повесть сб-ка — «Демон»: герой, бедный чиновник, не только несет бремя убогого существования и иерархич. зависимости, но и оказывается способным на сознательное, по расчету, постыдное самоунижение. Истоки такого подхода, разрушающего единство характера и его восприятия, обнаруживаются уже в «Трех повестях»: крепостной в «Именинах» — не только страдающий, бесправный, но и душевно ожесточенный, озлобленный беспрестанной борьбой с судьбой. Тема всевластия денег помимо «Демона» (очень раннего предвосхищения чеховской «Анны на шее») находит необычный поворот в пов. «Миллион»: ее герой — удачливый коммерсант (а в душе мечтатель) — в стремлении отградить свою жизнь от всеислия денег незаметно для себя приходит к абсолютизации этой силы, пытаясь использовать деньги как меру человеческой искренности: предлагает героине миллион в обмен на откровенность.

Восприятие едва ли не каждой человеческой души как бездны, способной ужаснуть [ср.: эпиграф к сб-ку: «Не испытуй сердца человеческого (Из законов Ману)», приводило самого П. к отчужденности от героев, парадоксально сочетающейся со страстностью авт. голоса. «Новые повести» (с их сюжетным драматизмом, нервностью повествования, загадочностью характеров, особой ролью ситуации психол. испытания) до нек-рой степени предвосхитили поэтику романов Лермонтова и Ф. М. Достоевского.

Отзывы о «Новых повестях» были разноречивы. А. А. Краевский утверждал, что сб-к П. — «одну из лучших украшений» рус. лит-ры (ОЗ, 1839, № 11, б. п.). Белинский же писал, что Краевский «наварал» о повестях П., что на его рец. «роптал весь Питер» (XI, 494, 505), хотя тремя годами ранее сам относил «Маскарад» к числу замечательных произведений (II, 49). В

рец. «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“» (1839, т. 2, № 24, 16 дек.) подчеркивалась самобытность П. («в содержании, в духе, в характерах, в манере рассказа» — с. 468) и отмечался ряд существенных особенностей его поэтики, в т. ч. негативные: преобладание описания над изображением, избыточность авт. комментария, исподвольность развязок. В рец. «Современника» (1840, № 1, с. 63) говорилось о том, что повести П. не потрясает души, т. к. в них «она себя не узнает» (о том, что проза П. не трогает, впоследствии писал А. А. Григорьев, сопоставляя «Шинель» Гоголя и «Демона» Павлова, — в кн.: Григорьев, Критика, с. 195—96). Наиб. резкие отзывы появились в «Сыне отечества» — П. был отнесен к числу писателей, «прославленных друзьями» (1839, № 9, отд. IV, с. 45, подпись В. О.), и «Сев. пчелы», где говорилось, что «Три повести» были подражанием неистовой словесности Франции и Германии (этот упрек особенно задел П.), а «Новые повести» возводят «небылицы на род человеческий, и особенно на женщин» (В. Ф. Булгакин) — 1839, 16 дек., с. 1138). Н. В. Гоголь защищал «Новые повести» от нападок, доказывая, что они имеют неотъемлемое достоинство: «наблюдательный ум соединил и прекрасный язык» (см.: Аксаков, III, 175—76; в 1846 отношении Гоголя к «Новым повестям» стало более скептическим — Гоголь, VIII, 425; XIII, 315).

В 1839 П. поддержал «Отеч. записки» Краевского (в то время их связывали дружеские отношения), заботясь о доставлении мат-лов, радуясь публикации талантливых произведений («Как хорошо рассказана Бела...»; «Какая превосходная пьеса будет у вас! Лермонтова „Терек“» — «Отчет имп. публ. б-ки за 1892 г.», СПб., 1895, прил., с. 95, 110), делаясь мнением о ж-ле и его сотрудниках (в частности, о Белинском, к-рого называет «пишущей машинкой») и упрекает в том, что он не знает философии Гегеля, о к-рой толкует, — письмо Одоевскому, 29 янв. 1840 — РС, 1904, № 4, с. 198—200).

В 1842—46 П. снова на службе: в канцелярии моск. ген.-губернатора Голицына ему поручен надзор за ходом арестантских дел (с 1843 член моск. тюремного к-та). П. как всегда ревностно выполнял свои обязанности: объектирует тюрьмы, хлопочет об освобождении безвинно пострадавших. В эту пору он оставляет лит. занятия («литературу отложил, на время, к стороне» — письмо Вяземскому, 31 марта 1843, РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2497, л. 2 об.); в письме Е. А. Баратынского матери (осень 1842) упоминается только что законченная новелла П. (очевидно, неопубликованная), свидетельствующая о «замечательном таланте» (Баратынский Е. А., Стихотворения. Письма. Восп. современников, М., 1987, с. 302).

Многолетнее творч. молчание П. было прервано в 1847 — он в числе многих откликнулся на кн. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». В «Письмах к Н. В. Гоголю по поводу его книги...» (первое, второе и четвертое: МВед, 1847, 6, 29 марта, 17 апр.; перепечатаны в «Совр.», 1847, № 5, 8; третье письмо, по-видимому, написано не было) П., как обычно, последователен, логичен, откровенен, но более сдержан и

деликатен, чем в др. критич. сочинениях. Отмечая, что истинное в книге не ново, а новое не истинно (Гоголь был сильно задет этим упреком — см.: Гоголь, VIII, 437), П. утверждает, что задачу воспитания, душевного очищения Гоголь намного успешнее выполняет в худож. прозе, а поучения в «Выбранных местах» могут только «лишить ум ясности и простоты воззрения на Божий мир» (6 марта, с. 218).

Считая П. человеком «умным, и притом не раздраженным» (VIII, 437), Гоголь, однако, полагал, что «Письма» П. продиктованы не душевной потребностью писавшего, а желанием «несколько порисоваться самому перед публикою» (XIII, 334), что П. многое «принял не в том виде», многуму приписал «такой грубый смысл, что поныне стонут... нервы и сердце содрогается» (XIV, 82). Отклики на «Письма» были диаметрально противоположны. Критики, далекие от П., — Белинский (X, 358), В. П. Боткин (Боткин, с. 265), впоследствии Н. Г. Чернышевский (IV, 659) — оценили их очень высоко. Люди, близкие П., отзывались о письмах сдержанно-негативно: Шевырь, признав, что статьи от П., — Белинский (X, 358), В. П. Боткин (Боткин, с. 265), впоследствии Н. Г. Чернышевский (IV, 659) — оценили их очень высоко. Люди, близкие П., отзывались о письмах сдержанно-негативно: Шевырь, признав, что статьи от П., — Белинский (X, 358), В. П. Боткин (Боткин, с. 265), впоследствии Н. Г. Чернышевский (IV, 659) — оценили их очень высоко. Люди, близкие П., отзывались о письмах сдержанно-негативно: Шевырь, признав, что статьи от П., — Белинский (X, 358), В. П. Боткин (Боткин, с. 265), впоследствии Н. Г. Чернышевский (IV, 659) — оценили их очень высоко.

Оставив службу в 1846 (в чине тит. сов.), П. много времени уделяет управлению именными тестя, К. И. Яниша (по его доверенности). С 1849 к этим хлопотам прибавились заботы об имени Н. П. Огарева, к-рое, по желанию последнего, было продано Н. М. Сатину и Янишу (см. об этом: Черняк, 1933, ук.). Не слишком успешная хоз. деятельность П. и его неудержимая страсть к карточной игре послужили поводом для обращения Яниша в янв. 1853 к моск. ген.-губернатору А. А. Закревскому с жалобой на П., содержащей обвинение в разорении семьи и просьбу удалить П. из дома и отстранить от управления делами. В связи с тем что при обысках у П. были обнаружены книги и бумаги «вольного содержания» — франц. издания, два стиха. И. Аксакова, письма Мельгунова, копия письма Белинского Гоголю о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (у П. хранились и подлинник ответа Гоголя), дело было передано в III отд. 12 марта; по окончании чрезвычайно строгого расследования (с неоднократными допросами арестованного П. и привлеченных свидетелей) последовало высочайшее повеление на картежную игру и хранение запрещенных бумаг и книг уволить П. от службы (с сент. 1852

он был поч. смотрителем 3-го моск. уездного уч-ща) и высылать на жительство в Пермь под строжайший надзор полиции (ЦИАМ, ф. 16, оп. 43, № 75; об аресте П. см. также: РА, 1886, № 3, с. 354—55; КА, т. 3, М.—П., 1923, с. 310—11, и др.).

Подлинные мотивы поступка теста, а также обстоятельств ареста и расследования не ясны: сам П. и мн. его знакомые связывали жалобу Яниша с тайными семейными обстоятельствами (осложнение отношений с женой; с одной стороны, из-за сердечных увлечений Каролины Карловны, с другой — из-за связи П. с ее родственницей Е. А. Танненберг, — см.: Берг, с. 265; Чичерин, Восп. Москва сороковых годов, с. 117); не исключалось и особое усердие в этом деле Закревского — издатель до ареста П. написал на ген.-губернатора сдую сатиру («Не молод ты, не глуп, не вовсе без души...»), к-рая распространилась по Москве в списках и приобрела широкую известность.

1 апр. 1853, в день отъезда к месту ссылки (в сопровождении жандармского унтер-офицера), П. посетили Чаадаев, Чичерин, Шевырев, А. И. Кошелев, А. С. Хомяков и др. П. тяжело переносил изгнание, досадуя на друзей за их бездействие и душевные советы (искать успокоения в религии или в службе). Внезапная кончина Яниша от холеры позволила П. просить высочайшего прощения. Вследствие заступничества перм. ген.-губернатора И. И. Огарева и хлопот друзей П. в дек. 1853 был прощен и возвратился в Москву, по свидетельству Чичерина, — «нахлоботанным и одиноким» (там же, с. 119). В июле 1854 полиц. надзор за П. был заменен секретным наблюдением.

Имя П. снова появляется в печати в 1856 — на страницах ж. «Рус. вест.» М. Н. Каткова.

Ст. «Чинovníк», комедия графа В. А. Соллогуба (№ 11, 14; отд. изд. — М., 1857), в к-рой П. подвергает ипсосу всесторонней критике и, в частности, вопреки автору подчеркивает, что проблема взыточничества может быть решена не стараниями честных чиновников, а только совершенствованием всего жизненного устройства, имела большой успех (полужит. отзывы: А. И. Герцена — XXVI, 43; Чернышевского — III, 661—68, 678—84; Н. А. Добролюбова — I, 523; рецензента «Отч. зап.» — 1856, № 10, отд. IV, с. 72—75; И. С. Тургенева — РО, 1895, № 3, с. 397). В ст. «Биограф-ориенталист» (1857, № 6; отд. изд. — М., 1857) П. остроумно опровергает ст. В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» («Рус. беседа», 1856, кн. 3—4), содержащую ряд пристрастных оценок личности и деятельности Грановского. В статьях 1858—59 («Вопрос о евреех и „Иллиотризм“» — 1858, № 21, «Итальянский вопрос» — 1859, № 13, «Речь императора французам» — там же) П. с позиции сложившейся, уравновешенной, но всегда неравнодушной человека (придавал большое значение «музыкальным», подразумеваемым под этим авт. чувствам, — Избр. соч., М., 1989, с. 439) высказывается по ряду филос., ист., полит., нравств. проблем, радуя за достойное поведение нации, веротерпимости и нац. согласие, выступая против репр. переустройства общества (осуждал Франц. революцию с ее «взыточничеством действий и с знаменем свободы» — 1859, № 13, с. 71), но будучи убежденным сторонником назревших преобразований, постепенных реформ («Новое должно быть продолжением, а не началом» — там же, с. 82), утверждая, что в России источником прогресса является власть. В ст. «Вотияки и г. Дюма» (1858, № 16), в осн. посвященной лит. темам, П. отзывается о романах франц. писателя как о «любом чтении полубразованной и не-

образованной публики» (с. 716) и погупно излагает свои требования к худож. тексту: связь событий с внутр. миром героев, самобытность характеров, верность ист., худож. и психол. истине.

Полемич. дар П. наиб. ярко проявился в ст. «Статский — армейцу» (кон. 1858 — нач. 1859; не пропущена цензурой; изд.: Б., 1860; в России — РО, 1898, № 3). Отвечая на статью ген.-адъютанта А. А. Ржевуского (РИ, 1858, 24 дек.), направленную против «Воен. сб-ка», стремившегося правдиво освещать армейскую жизнь, П. доказывал, что армия так же подлежит благотворительной критике, как и все др. гос. институты.

Достоинства статей П., высоко ценимых современниками, как правило, связаны не столько с тщательным

Н. Ф. Павлов.
Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова. 1848.

(порой излишне детализированным) рассмотрением предмета, сколько со способностью раскрыть связь избранной темы с другими — смежными или более общими. Широта творч. возможностей П. предопределила взаимопроникновение худож. и публицист. начал в его сочинениях: элементы науч. аналитизма в повестях и яркость изобразит. ряда в статьях.

В 1860 П., обремененный заботами о семье [вернувшись из ссылки, он соединил свою судьбу с Танненбергом (гражд. брак), остался с ним и сын от К. Павловой — И. Н. Павлов], начал издавать еженед. газ. «Наше время» (деньги на издание, по свидетельству Мельгунова, были найдены Вяземским, см.: К и р п и ч н и к о в А. И., Очерки по истории новой рус. лит-ры, т. 2, М., 1903, с. 216). Ведущими авторами газеты помимо самого П. стали составлявшие его

ближайшее окружение Мельгунов, Чичерин, Н. В. Берг (в 1860). «Наше время» с первых номеров горячо поддерживало офиц. линию. Сам П., с момента вступления Александра II на престол, связывал с ним надежды на духовное и экономич. возрождение России (см. речи П. на обедах моск. литераторов — МВед, 1856, 29 сент.; то же — РВ, 1856, № 18; РВ, 1857, № 23—24; вторая речь названа Л. Н. Толстым замечательной — Толстой, LX, 249), а в нач. 1862 объявил Александра II вторым после Петра I преобразователем России, но «более человеколюбивым» («Наше время», 1862, 3 янв.). Гл. темы статей и обзоров — подготовка крест. реформы и освобождение движенье в Италии. В анализе совр. полит. ситуации П. постоянно обращается к ист. опыту — подчеркивает, в частности, что Франц. революция, «страшное, исключительное и знаменательное событие», явилась итогом непродуманной, игнорирующей интересы народа политики, отмечает, что отрицание законно только «в приложении к временным, случайным явлениям» (ст. «Кардинал Антонелли и литература» — 1860, 27 марта). Особое внимание П. уделяет проблеме образования; считает, что истинно образованного человека можно найти только между дворянами — по рождению или по воспитанию («1860 год» — 1861, 15 янв.), выступает с беспощадной критикой некомпетентности, невежества, претензий на единоличное владение истиной (все эти недостатки П. видел в Чернышевском как характерном представителе эпохи — ст. «Г. Чернышевский и его время», 1861, 22 авг.). Среди немногочисл. статей П. на лит. темы наиб. внимание обратил на себя резко отрицат. рец. на «Грозу» А. Н. Островского (1860, 17 янв., 7 февр.), в к-рой исключалась сама возможность написания драмы из купеч. жизни, — П. считал, что в ней нет источника для конфликта («Тут царство безразличия, физич. боли, материальных побуждений и ничего иного» — с. 16; доброджелат.-полемич. отклик П. В. Анненкова на рец. П. см.: БдЧ, 1860, № 3), а также негативный отзыв о ром. Тургенева «Накануне» (1860, 8 мая).

В результате доверительных переговоров П. с мин. внутр. дел П. А. Валуевым (окт. 1861) была достигнута договоренность о переводе газеты в разряд ежедневных, о расширении ее программы (помещение полит. известий, частных объявлений), о правительств. субсидировании. Сохраняя верность прежнему, «консервативно-либеральному», направлению (1862, 4 окт., с. 845), «Наше время» поддерживало политику правительства, с одобрением отзываясь о Ма-

нифесте 1861, осуждая любые действия, дестабилизирующие ситуацию в России и препятствующие развитию реформ: освободит. движение в Польше (1862, 27 февр.), студенч. волнения (1862, 22 мая), тайное распространение рев. воззваний «оттолосок ... опозоренных и вышедших из употребления теорий» — 1862, 30 мая), деятельность эмигрантской печати (серия анонимных статей под назв. «Г. Герцен и г. Огарев (Рус. лит-ра за границей)» — 1862, 2, 5 авг., 2, 12 сент., 16 нояб., 1863, 13 янв.).

Курс газеты и в особенности статьи самого П. были подвергнуты резкой критике в публицистике и письмах Герцена, с иронией замечавшего, что в прошлом П. играл «карты, а не в убеждения» (XVIII, 31). «Наше время» превратилось в объект насмешек и пародий сатирич. изданий (см. сб.: Поэты «Искры». Л., 1933, «Свинток», М., 1981: оба — по ук.). Покровительство, оказываемое газете Мин-вом внутр. дел, нанесло большой ущерб репутации П. и поставило под сомнение искренности газеты и ее редактора, хотя позиция «Нашего времени» в целом соответствовала убеждениям П., сложившимся к кон. 1850-х гг.

В сеп. 1863 материальное положение «Нашего времени» безнадежно ухудшилось, и в конце июня П. прекратил выпуск газеты, начав с сентября издавать новую — «Рус. вед.», целью к-рой являлась информация широких слоев населения о внутр. жизни и внеш. политике. На посту редактора П. оставался до конца своих дней.

Разносторонняя одаренность П., многократно отмеченная современниками (Вяземский писал, что в П. «таилось и глухо кипело» много «дарований и зихидительных сил», — Вяземский, Эстетика..., с. 346), по-видимому, не была в полной мере реализована — провидческим оказалось суждение Пушкина (1835): «Талант г-на П(авлова) выше его произведений» (XII, 9).

Др. произв.: [Отрывок из восп.] («Рус. библиофил», 1916, № 5).

Изд.: Именны: Аукцион. Ягаган. Л., 1931 (вступ. ст. Н. Степанова); Повести и стихи, М., 1957 (вступ. ст. и прим. Н. А. Трифонова; подготовка текста Б. В. Смирнского при участии Н. А. Трифонова); Избранное. Повести. Стихотворения. Статьи, М., 1988 (сост., вступ. ст. и комм. Н. А. Трифонова); Избр. сочинения, М., 1989 (сост., вступ. ст. и прим. Л. М. Крупчанова); Russlands Novellendichter, Bd 2, Lpz., 1848 (4 повести, предисл. W. Wolfsohn). Письма П.: А. А. Кравцовского — «Отчет имп. публ. б-ки за 1892 г.», СПб., 1895, прил., с. 84—116; С. П. Шевырева — там же, с. 117—58; В. Ф. Одоевского — РС, 1904, № 4, с. 193—202.

Лит.: Пушкин; Гоголь; Белинский; Герцен; Панаев; Никитенко; Грот и Плещеев; Аксаков С. Т., История моего знакомства с Гоголем, М., 1960; Вяземский П. А., Эстетика и лит. критика, М., 1984; Боткин В. П., Лит. критика. Публицистика. Письма, М., 1984; Григорьев А. А., Искусство и нравственность, М., 1986; Писарев; Добролюбов; Чернышевский; Достоевский (все — ук.); Арсеньев И. А., Н. Ф. Павлов, М., 1864; его же, Из моей памятной книжки (Н. Ф. Павлов), — «Колос», 1885, № 6, с. 253—58; [Ростопчина Е. П.], Дом сумасшедших в Москве..., — РС, 1885, № 3, с. 691—692, 702; Пономарев С. И., Мат-лы для истории рус. лит-ры (Н. Ф. Павлов), — Сб. ОРЯС, 1889, т. 46, в. 3 (библ.; отд. оттиск: СПб., 1889);

Сухомлинов М. И., Иссл. и статьи по рус. лит-ре и просвещению, т. 2, СПб., 1889, с. 433—55; Берг Н. В., Посмертные зап., — РС, 1891, № 2, с. 242, 262—70; [Письма к П. от А. В. Веневитинова, Т. Н. Грановского, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, А. И. Кошислава] — РА, 1894, № 2; Д. П. (Павлов Д. И.), Н. Ф. Павлов, — РО, 1895, № 3; Павлов И. Н., Из моих восп. Из записной книжки, — РО, 1896, № 4, с. 887—95; Попов М. М., Мелкие рассказы, — РС, 1896, № 3, с. 562—64; Брюсов В., Каролина Павлова, — «Ежемес. соч.», 1903, № 11—12, с. 273—90; Лемке М., Очерки по истории рус. цензуры и журналистики XIX столетия, СПб., 1904, с. 107—09; Снегирев И. М., Дневник, М., 1904, с. 182—86, 231, 274—75, 279, 286 и др.; Ротенберг В., Из истории рус. печати, Прага, 1924, с. 17—23, 33; Чичерин Б. Н., Восп. Моск. ун-т, М., 1929, с. 68—69, 118—19; его же, Восп. Москва сороковых годов, М., 1929, с. 3—5, 79, 116—19, 202—03, 267—69; Черняк Я. З., Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. (Дело Огарева — Панаева). По арх. мат-лам, М.—Л., 1933 (ук.); его же, Письмо Белинского к Гоголю, — «Красная новь», 1936, кн. 7, с. 232—34 (мат-лы об аресте П.); Мордовченко Н. И., Гоголь и журналистика 1835—1836 гг., — В кн.: Н. В. Гоголь. Мат-лы и иссл., т. 2, М.—Л., 1936, с. 133—36; Гранин Ю. Н., Ф. Павлов (1805—1864), — В кн.: Очерки по истории рус. лит-ры первой пол. XIX в., в. 1, Баку, 1941; Валуев П. А., Дневник, т. 1, М., 1961, с. 118, 122—23, 157; Трифонова Н. А., Повести П. — Уч. зап. каф. рус. лит-ры Моск. гос. пед. ин-та, 1939, в. 2; его же, Первый переводчик Бальзака в России, — Науч. доклады высшей школы. Филол. науки, 1960, № 2; его же, Когда же и где родился П.? — РЛ, 1973, № 3; Вильчинский В. П., Н. Ф. Павлов. Жизнь и творчество, Л., 1970 (библ. соч., переводов, писем, в т. ч. неопубл.); Русловость XIX в. История и проблематика жанра, Л., 1973, с. 172—73, 189—90; Зудина Н. М., Повесть о бедном чиновнике П. и «Бедные люди» Ф. М. Достоевского, — В сб.: Традиции и новаторство в рус. лит-ре XIX в., Горький, 1983; его же, Особенности психол. анализа в светских повестях П. — В сб.: Искусство-эстетик. функция изобразит. средств в рус. лит-ре XIX в., М., 1985; Проксурин В. Ю., «Новые повести» П.] — В кн.: Памятные книжки давности, 1989, М., 1989, с. 94—96; Чернуха В. Г., Правительств. политика в отношении печати: 60—70-е годы XIX в., Л., 1989, с. 101—06 и по ук.; Максимова М. Ф., М. Ю. Лермонтов и П. Из кн. к циклу новгородных мадригалов и эпиграмм Лермонтова, — Вест. МГУ, сер. 9. Филология, 1991, № 6; его же, Поэтика бытового поведения П. — Там же, 1993, № 1; Дмитриев М. А., Главы из восп. моей жизни (вступ. ст. О. А. Проксурин), — «Новое лит. обозр.», 1992, № 1, с. 201, 211—13; Зайцева А. И., К истории ареста и ссылки П. (По арх. источникам), — «Новос. лит. обозр.», 1994, № 8; Kossig H., Pawlow. Literarische Bilder aus Russland, Stuttgart und Tübingen, 1837, Giessen, 1979, S. 223—27; Wolfsohn W., Zu dem Bilde Pawlow's, — «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft, 1847, Lpz., [1974], S. 34—40; Svaton V., Paradox convence a vādné, — В кн.: Pavlov N. F. Jatagan, Praha, 1977; ЛН, т. 56, 58, 62, 91 (ук.); Некрологи, 1864: РБед, 31 марта; «Илл. газ.», 9 апр.; СПб. 5 мая (И. Арсеньев); «Книжный вест.», № 7. РБС; Брокгауз; Сл. ОЛРС; Геннади; Мезмер; КЛД; ИРДТ; Рус. писатели, 1990; Лерм. энци.; Муратов (I); Иванов; Черейский; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 556 (см. также ук.); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2497 (письма П. А. Вяземскому); РГБ, ф. 231, 334 и др. (письма М. П. Погодину, Н. В. и Б. Н. Чичерину и др. лицам, автографы и списки стихов); ф. 710, оп. 1, № 3—5 (Н. Н. Ильин, «Жизнь Павлова»; экз. этой работы имеется также в РГАЛИ, ф. 411, оп. 1, № 14—15); ИРЛИ, ф. 3, оп. 3, № 50 (письма С. Т. Аксакову); ф. 559, оп. 1, № 53 (письма П. А. Валуеву); ф. 419, оп. 1, № 93 (письма А. Д. Галахову); ЦИАМ, ф. 418, оп. 119, д. 421, оп. 121, д. 63, оп. 122, д. 580 (ун-тские дела), ф. 16, оп. 43, д. 75 (дело об аресте П., вкл. ф. с. 1853 г.); ГАРФ, ф. 109, оп. 18, д. 75, оп. 221, д. 136, 137, оп. 223, д. 28 (мат-лы об аресте, следствии и ссылке П.); ф. 564, д. 2810 (письма к А. Ф. Кони) [справка

И. Н. Засыпкиной]; РГИА, ф. 472, оп. 13, д. 1098; ф. 735, оп. 1, д. 578; ф. 772, оп. 1, д. 4390, 4605; ф. 774, оп. 1, д. 33 (ценз. мат-лы); ф. 777, оп. 2, д. 77; СПб ГТБ (списки вдовских); Б-ка Малого т-ра (списки вдовских). И. А. Зайцева.

ПАВЛОВА Каролина Карловна [урожд. Яниш; 10(22).7.1807, Ярославль — 2(14).12.1893, Клостервиц, близ Дрездена], поэтесса, переводчица, прозаик. Род. в семье медика, обрусевшего немца (дед получил рус. дворянство в 1805), через год переехавшего с семьей в Москву, где он, избегая врачебной практики, стал

преподавателем физики и химии в Медико-хирургич. академии. П., «славная дочь Москвы» (Н. М. Языков), считала ее своей родиной; старшая столица как духовное сердце России — одна из постоянных тем ее стихов. Ярчайшее впечатление детства — авг. 1812, бегство семьи в Ярославль от нашествия Наполеона; во время франц. оккупации у Янишей сгорел моск. дом и разорено имение в Смоленской губ.; семья обеднела. Возвратясь в Москву весной 1813, Яниши живут в домах и подмошках именитых аристократич. знакомцев — гр. Строгановой, кн. П. П. Одоевского и др., в наемных жилищах. Наблюдения за вечерней жизнью Тверского бульвара, общение со сверстницами из юного окружения кн. Одоевского (ср. стих. «Да, много было нас, младенческих подруг», 1839) стали первыми «светскими» опытами подрастающей девочки, а подмошка природа (Братцево, Петровское-Разумовское) пробудила в ней «понятие прекрасного». В 1816 — «неупорное горе девятилетнего ребенка»: смерть младшей сестры (событие будет влетено автобиограф. мотивом в ром. «Двойная жизнь»; у героини, Цецилии фон Линденборн, слаб здоровьем младший брат, и она должна стать единств. наследницей, что влияет на ее судьбу). П. получила отличное дом. воспитание (отец даже привлекал ее к занятиям астрономией), ра-

но обнаружила блестящие способности к языкам, овладев практически всеми европейскими, недурно рисовала, увлеклась чтением европ. поэтик, классики, грезил шиллеровским маркизом Позой.

Согласно большинству мемуаристов, 19-летняя Каролина приобщилась к лит. жизни в салоне Елагиных (см. Елагина А. П.), выступив там и как поэтесса; первое известное нам стих. — «Es wurden in dem düstern Erdenleben» (на нем. яз., июнь 1827; при жизни не печаталось; впервые орг. и пер. Вс. Рождественского — «Нам посланы в глухой земной юдоли...» Павлова, 1964). Знакомство с сыновьями Елагиной бр. И. В. Киреевским и П. В. Киреевским перерастает в прочную дружбу со старшим, Иваном, к-рый стал ценителем ее дара и, по слухам, был к ней неравнодушен. Благодаря им и близким к ним «любомудрам» осенью 1826 введена в салон кн. З. А. Волконской, гости к-рого Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский вписали в кон. 20-х гг. посвящения в альбом К. Яниш. Особенно глубокий след в творч. биографии П. оставил Баратынский, к-рого она считала своим учителем («Меня вы называли поэтом!.../ И я, согрета вашим светом, Тогда поверила в себя», 1842), посвятив поэму «Кадриль» его памяти, перед к-рой благоговела (см. свидетельство его племянника С. А. Рачинского, пересказанное составителем кн.: Е. А. Боратынский..., 1916, с. 118).

Вскоре у Волконской Каролина знакомится с А. Мицкевичем, высланным из Польши за участие в тайном патриотич. об-ве и окруженным ореолом изгнанничества. История их любви и несостоявшегося брака просматривается в письмах Мицкевича к ее отцу (23 дек. 1828), к своему другу К. Дашкевичу (23 апр. 1828), тоже влюбленному в нее и вскоре наложившему на себя руки не без влияния безответного чувства, ссыльному товарищу Ю. Ежовскому (кон. февр. 1830) (см.: Мицкевич, с. 412, 402, 437—38), а также в письмах Каролины к поэту от 19 февр. и 17 апр. 1829 (см.: Храневич; Мицкевич, с. 630).

Предложение Мицкевича (или, по др. версии, намек на его возможность — см.: Романовский) последовало 10 нояб. 1827, вскоре после того, как поэт по желанию девушки, решившей привлечь его внимание, был приглашен в дом в качестве учителя польского яз. («ее необычайные способности ко всем наукам», «горюх, что папши такую ученицу» — из письма к ее отцу). Одним из препятствий к браку, по-видимому, стала угроза богатого дяди лишить наследство в случае брака с социально не устроенным чужеземцем. Однако и чувство Мицкевича было не пылкостью глумоким, чтобы не отступить перед, возможно, преодолению преградой (см. его письма к Дашкевичу, цитиров. в ст.: Романовский). Уехав в Петербург и будучи вызван оттуда тревожным письмом Каролины («Надеюсь, что ты так или иначе решишь мою судьбу»), Мицкевич при свидании сообщает о намерении оставить Россию, и они обмениваются

прощальными строками: она — письмом, полным грустного достоинства («... я убеждена, что все к лучшему для нас обоих, ибо такова Божья воля»), он — стих. в ее альбом (в пер. В. Я. Брюсова «Перелетные птицы»).

Десятилетия спустя П. утверждала, что рассталась с Мицкевичем из чувства долга, чтобы не обременять его и без того тяжкую скитальческую участь своим положением бесприданницы; но, судя по признанию в стих. «Среди событий ежчасных» (март 1848, когда имя поэта всплыло в связи с известиями из рев. Франции), разрыв с ним «в тот весенний грустный день» запомнился ей как страшный удар («Боялась, словно вещи чумной,/ Я этой горести безумной/ Коснуться сердцем хоть на миг»), что почувствовал и сам Мицкевич (см. письмо 1830 к Ежовскому — с. 437—38). Память о встрече

К. К. Яниш. Худ. В. Ф. Бисман.
Кон. 1820-х гг.

с Мицкевичем была пронесена П. сквозь всю жизнь: стих. «10 ноября 1840», «На 10 ноября» (1841), где поминается «день заветный» их любовного объяснения, «К тебе теперь я думу обращаю» (1842) и др. Весь эпизод сыграл огромную роль в жизненной установке лит. дебютантки, углубив ее личность и повернув в сторону творч. самоосуществления.

К этому же побуждала и встреча летом 1829 с нем. натуралистом А. Гумбольдтом, к-рый посоветовал способной девушке посредством переводов познакомить нем. читателей с образами рус. поэзии. Гумбольдт также передал ее пер. на немецкий (рукоп. отрывки — см. ИРЛИ, Р.1) поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» и В. Гёте, к-рый, видимо, одобрил его (см. письмо П. к Вл. Мицкевичу — Мицкевич, с. 695).

Портрет П. нач. 30-х гг., ведущей светскую и лит. жизнь, оставил Н. М. Языков (повстречавшийся с ней в 1829 у Елагиных и ставший ее близким знакомым и поклонником таланта) в письме братьям от 20 янв. 1832: «Вышепоименованная дева — есть

явление редкое, не только в Москве и России, но и под луною вообще. Она знает чрезвычайно много языков ... и все эти языки она беспрестанно высывает, хвастаясь ими. Любит громкогласить стихи свои, владеть разговором. Довольно недурна лицом: черноокая, пышноволосая, но тоща...» (Языков Н. М., Полн. собр. стих., М.—Л., 1934, с. 791—792). Такая полувосхищенная, полупириич. аттестация будет с нарастающими тонами недоброжелательства варьироваться современниками поэтессы (Д. В. Григорьевичем, И. И. Панаевым, Б. Н. Чичериным, А. В. Никитенко и др.). Подобные отзывы отражают не только психол. облик П., но и отношение рус. общества 30—40-х гг. к феномену женщины-поэта, волю или неволю претендующей на профессионализм, — изумление (преувелич. похвалы, избаловавшие П. и искавшие к 50-м гг.), смешанное с раздражением («постоянно думала, что она пишет как рус. поэт-мужчина» — Берг, с. 264). П., как мн. поэты, работала «с голоса» (процесс сочинения ею стихов описан в восп. ее сына И. Н. Павлова — РО, 1896, № 4, с. 889), отсюда потребность декламировать свежесочиненное с выраженной акцентуацией («завываниями» и «выкриками»), выверяя звучание на слушателях; лит-ра — впечатления от нее, разговоры о ней — была захватывающей атмосферой ее существования; ни светские развлечения (она отлично танцевала), ни позднейшие семейные обязанности, ни общение с природой (подмоск. прогулки, верховая езда) не могли соперничать с этой страстью, — но то, что в поэте-мужчине воспринималось бы как норма (по крайней мере, романтической), в женщине представлялось наявностью, отсутствием такта, непомерным честолюбием (хотя П. не торопилась с публикациями даже значит. произведений, а многие вообще оставляла «в столе»).

В 1833 в Германии издается ее 1-й сб. «Das Nordlicht. Proben der neueren russischen Literatur» («Серверное сияние. Образцы новой рус. лит-ры», [Dresd.—Lpz.]), куда вошли переводы стих. А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, Баратынского, Языкова, Д. В. Веневитинова, рус. и малорос. нар. песен, образцы новой рус. прозы, а также 10 орг. стих. на нем. яз., в т. ч. сонет «А. Гумбольдту». В предисловии П. сформулировала свои переводч. принципы («Я убеждена, что в метрич. переводе нельзя изменять стихотв. размеры подлинника без разрушения характера и физиономии стихотворения», и др.), остающиеся «уроком переводчикам любых эпох» (Гинзбург, с. 55).

Книжка была замечена и в Германии (реп.: «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», В., 1834, S. 115; «Blätter für literarische Unterhaltung», Bd 1, Lpz., 1834), и в России («Молва», 1834, № 15). Ее приветствовал И. Киреевский в ст. «О рус. писателюшках» (альм. «Подарок бедным», Од., 1834; то же — в кн.: Киреевский, ук.), похвалив не только переводы, но и «силу фантазии» ориг. стихов, процитировав поэтик. комплимент Языкова сочинительнице («... два венка... / Зелёный лавр поэзии чужой / И бриллианты музы вайшей») и призвав автора, «рус. девушку», начать писать на «отечественном языке».

С этого времени и вплоть до замужества жизнь и занятия П. мало изучены; известно, что в 1835 она опубликовала в № 12 парижского ж. «Revue Germanique» пер. на франц. отрывка из «Орлеанской девы» Ф. Шиллера (см.: «Письма Н. Ф. Павлова...»); полный пер. вышел отд. изд. в Париже в 1839. Любимой героине П. посвятила также франц. стих. «Jeanne d'Arc» («Жанна д'Арк»; 1839; перепечатка и перевод: Павлова, 1964).

В 1836 смерть дяди приносит семье Янишей значит. состояние и Каролина становится богатой невестой. Осенью моск. свет узнает о ее помолвке с даровитым и модным литератором Н. Ф. Павловым, о чем в ноябре А. И. Тургенев пишет Вяземскому (ОА, III, 351—52), а в дек. П. В. Нащокин — Пушкину (Пушк. ин. XVI, 212). В янв. 1837 сыграли свадьбу, и молодые поселились в отличном особняке на Рождественском (тогда звавшемся и Сретенским) бульваре (ныне д. 14) вместе с четой стариков Яниши; в 1839 родился сын Ипполит.

Годы спустя, после скандального разрыва с женой, Павлов признавался, что «он в жизни сделал одну гадость: женился на денеге» (Чирепин, с. 4); но при заключении брака его чувства, видимо, были не так однозначны: «... он женится, как пишет (по его словам), не из денег, но и не без денег» (Хомяков, VIII, 1904, с. 37). П. же, выйдя по склонности, ввершая мужу и признавала его авторитет, в т. ч. в оценках своей поэзии — см. 1-й вариант стих. «Была ты с нами неразлучна» (написано 1842), стих. «Мы современницы, графиня» (написано 1847), особенно же отражающее новизну и радость брачной жизни письмо А. И. Тургеневу в связи с изданием см. кн. во Франции: «я поняла, что на земле существует другая поэзия и счастье более великое и более истинное, чем счастье писать стихи» (Павлова, 1939, с. 443). Павлов в ту пору тоже был высокого мнения о дарованиях жены (см. письма А. А. Краевскому от 19 июня 1837 и С. П. Шевырëву от 22 марта 1840: «Как жена моя стала по-русски писать!» — «Письма Н. Ф. Павлова...», с. 130). Е. А. Друшесова, познакомившись с этой четой в 1843, находила ее на высоте семейного счастья (см. ее восп.: ГИМ, ф. 65, оп. 1, № 10, л. 11—12).

В 1839 в Париже при содействии Тургенева и привлеченных им франц. литераторов выходит сб-к франц. стихов П. «Les préludes» («Прелюдии»), куда вошли пер. «Моря» В. А. Жуковского, «Полководца» Пушкина и др. рус. стихов, переводы с англ. и нем., а среди шести ориг. стихов — любовное послание к мужу «À toi» («Тебе», апр. 1837; на рус. яз. впервые, в пер. В. С. Рождественского, опубли. в 1964). Одно из ориг. франц. стих. П. «Женские слезы» («Les pleurs des femmes», в сб-к

не входило) положил на музыку Ф. Лист после вечера у Павловых во время моск. гастролей в 1844 и издал в том же году как «романс», посв. поэте (см.: Смиренский); знакомство с Листом возобновилось в кон. 50-х гг. в Германии (см.: Сабина).

По сообщению Шевырëва («Москва», 1841, № 1, с. 380), переводы привлекли внимание О. Баллака. В России же их хвалили В. Г. Белинский (1839; III, 191; позднее, размежевавшийся со славянофилами критик сеговал (1843), что выбор рус. стихов (Языков, Хомяков) не на уровне таланта переводчицы; непревзойденным же он считал пер. «Полководца» (см.: VII, 655—656)), а также К. С. Аксаков (реп.: ОЗ, 1839, № 7), навсегда признавший ее «истинным поэтик. талант» (1857; см.: Аксаков К. С., Эстетика и лит. критика, М., 1995, с. 335).

Первое в печати рус. стих. П. — «Неизвестному поэту» (ОЗ, 1839,

К. К. Павлова.

Реп. Э. А. Дмитриева-Мамонова. 1848.

№ 5; впоследствии под назв. «Е. М. (ильеёву)» — см.: Мильеёв Е. Л.); Белинский в том же отклике 1839 поставил его в ряд со стих. М. Ю. Лермонтова, не поскупившись на похвалы и весьма посредств. переводу П. баллады «Гленара» из Т. Кэмпбелла (о чем сожалел в письме В. П. Боткину от 16 апр. 1840; XI, 508). С этого времени П. выступает как рус. поэт в ведущих ж-лах, альм. и сб-ках («Отеч. зап.», «Москвитинин», «Современник» П. А. Плетнёва, «Б-ка для чтения», «Моск. ученый и лит. сб-к» на 1846 и на 1847, «Одес. альм.», «Утренняя звезда», «Раут», «Моск. гор. листок» и др.).

9-летний период ее творчества на рус. яз., завершившийся ром. «Двойная жизнь» и историософ. стих. «Разговор в Трианоне» (оба — 1848), отмечен высокой продуктивностью, ростом лит. известности и деятельным участием в худож. и интеллекту-

альной жизни Москвы. На званных обедах по четвергам, на вечерах по вторникам, приемах на даче в Гирее-ве Павловы объединили свои лит. и обществ. знакомства (муж — преим. в среде западников, жена — среди славянофилов); их салон, где главенствовала хозяйка, а хозяин, слегка устранившись с авансцены, заботился об изысканном столе, посещали Баратынский, Вяземский, Языков, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен (отметивший в дневнике 1843 «ум и таланты» П. — при неблагоприятном внеш. впечатлении; II, с. 265), Н. П. Огарëв, Т. Н. Грановский, Шевырëв, Хомяков, бр. Аксаковы, бр. Киреевские, Ю. Ф. Самарин, М. П. Погодин (с главой ред. «Москвитинина» у П. тесные деловые связи), молодые Ап. Григорьев, Я. П. Полонский, А. А. Фет (приходивший заранее прочесть хозяйке свои стихи и получить одобрение); в мае 1841 здесь провел последний моск. вечер Лермонтов. К тем же годам относится знакомство П. (через семейство Аксаковых) с Н. В. Гоголем, «к-рый всегда с ней бывает очень любезен» (В. С. Аксакова — ЛН, т. 58, с. 615).

Мемуаристы с разной долей язвительности вспоминают неск. театрально и экзальтиров. атмосферу собраний у Павловых, приносимую «позой» хозяйки салона, избытком стихот. декламации; однако высочайший умств. уровень бес. и спор. возможностей скрестить шпаги несп. условий делала встречи блистат. «сборным пунктом выдающихся людей Москвы» 40-х гг. (Раппоф, с. 17). Их характер воссоздан в форме беллетризов. диалогов на строго документ. основе Л. Гроссманом — «вокруг грустного образа одной незаслуженно осмеянной при жизни и недостаточно оцененной по смерти русской поэтессы» (см.: Гроссман, с. 3).

Творчество П. в 40-е гг. отличается тематич. экстенсивностью, жанровой пестротой (думы, элегии, «расказы в стихах»), близкие к балладе, послания, наконец, роман-«очерк» в прозе и стихах), разнообразием метрико-ритмич. репертуара (о нем см. напр.: Белый А., Символизм, М., 1910, с. 358—60). За таким разбором стоит не только богатство возможностей, но и некий кризис самоопределения. П. чувствует себя принадлежащей сразу нескольким человеческим и духовно-эстетич. общностям, и ни одной из них вполне. С одной стороны, она видит свою лит. родину в золотом веке рус. поэзии («Нас Байрона живила слава / И Пушкина изустный стих»), но, с другой — ощущает, что пушкинская эпоха сменялась «веком сознаний», «холодных умов» и «пламенных невед» (послание «И. С. Аксакову», 1847), в к-ром она чем дальше, тем больше будет неуместна. С одной стороны, обмениваясь посланиями с Языковым (он ей — 8, назвав ее музу своей «начальницей», она ему — 4), обращаясь к др. представителям «московской» поэзии, она афористически формулирует идею причастности к поэтик. братству: «Да помнит же

поэт поэта... Да соединит их песнь живая./ Как электрическая цепь!» («Н. М. Языкову», написано 1842). Но, с другой, — скорее отождествляет себя с теми «немыми» поэтич. натурами, к-рые не реализуются общепризнанным творчеством и остаются «людьми без ремесла», подобно нетронутым «рекам без пароходов» (как бы логич. предел антиутилитарного настроения, оглашенного Баратынским в «Последнем поэте»); отсюда же родств. сострадание сиб. поэту-самоучке Милькеву, тоже в каком-то смысле «немому» и «сокровенному» душой перед лицом столичного круга, и сходные строки о себе: «Безглагольна перед светом ... Гость ненужный в мире этом/ Неизвестный соловей» («Нет, не им твой дар священный», 1840). С одной стороны — выражение славянофильских идей и настроений («И. С. Аксакову», «Москва», полемич. стихи против «антимосковских» строк Е. П. Ростопчиной), искренняя, но подчеркнутая патриотич. «русскость»; с другой — определ. иностранности этой среде, чего П. не могла не чувствовать: «Ее деятельность радует нас, и только то досадно, что, как ни верти, а все-таки она выходит немка» (Хомяков в письме Языкову весной 1842 — VIII, 1904, с. 108—109); на таком фоне даже стихотв. комплименты Языкова насчет того, что поэтессе «дался» наш «самогудный» рус. язык, звучат неск. двусмысленно (ср. язвит. замечание бар. Е. Ф. Розена: «Языков принимает в круг настоящих Славян — немку» — СО, 1847, № 10, отд. 6, с. 9).

Наконец, быть может, главная, человеческая коллизия — одновременная принадлежность к мужскому творч. «союзу» (неустановленному адресату одного из посланий П. — «К С. К. Н.» — предлагает «сойтись дружбою мужской») и к женскому «сестричеству» в двух его версиях: «психей, лишенных крыльев», «немых сестер моей души» (посвящение к «Двойной жизни»), чью душевную невысказанность поэтесса берет на обличье словом, — и таких же, как она, носительниц «вдохновения святого» («Три души», 1845, опубл. 1850). (С этой т. з., стих. «Графине Р(остопчиной)», написано 1841, и «Мы современницы, графиня», написано 1847, можно рассматривать и как сопоставление жизненных дорог двух женщин-поэтов, как слово женщины к женщине.) Экзистенциальный выбор между «женщиной» и «поэтом» не на шутку тревожил П., и она порой пыталась разрешить его в пользу первого («что ни говори, женщина-поэт всегда остается более женщиной, нежели поэтом» — из письма в ред. «Совр.»: 1854, № 11, отд. V, с. 134), будучи поддержана наставлениями И. Аксакова (в ответ

на ее сомнения в оправданности «недельного» занятия поэзией он передавал ей, что дело ее жизни — «воспитание сына и звание матери», а на досуге можно предаваться и поэтич. опытам, к-рые он столь ценит; он же ранее с огорчением сообщал, что «Каролина Карловна пустилась в свет и танцы! Ох уж эти мне женщины!», — И. С. Аксаков в его письмах», т. 2, с. 359; т. 1, с. 73). Но со временем жизнь побудила ее остановиться на втором.

Поэтика П. в 40-е гг., на переломе лит. эпох, эклектична: тут и стилистич. связь с «пушкинской плеядой», и отзвуки баллад-повествований позднего Лермонтова, и черты риторичной «величавости» в духе Н. В. Кукольника, и ораторский тон поэто-славянофилов, и отголоски усвоенных ею нем. и франц. романтиков. Но есть и самобытные достижения. Это, во-первых, умный и точный анализ неких-рых дум и посланий, где П. проявляет себя мастером самонаблюдения и меткой психол. формулы («И помнит о себе, как будто о чужой»; «и более, чем годы./ События переменили нас»; «И горестный младого горя/ Мне равнодушие мое» — характерный мотив власти времени над памятью и чувством); здесь наиб. очевидна творч. перекличка с Баратынским (ср. особенно стих. «Зовет нас жизнь: идем, мужаясь, все мы», 1846, опубл. 1901). Во-вторых, это своеобразный мистич. психологизм ее стихотв. полу-баллад-полурассказов («Старуха», «Огонь», «Рудокон»), где роковая мономания, овладевающая человеком и его судьбой, воплощается в нашептываниях стороннего гипнотич. голоса — в тайне психич. раздвоения (поражает предвосхищение ритмикой-интонац. ходов М. И. Цветаевой в написанной переосмысленным «колыбельным» размером песне Огня из одного. баллады).

Пучок этих мотивов и тем сходится в ром. «Двойная жизнь» (отрывки: «Москв.», 1845, № 3; «Моск. лит. и ученый сб. на 1847 г.», отд. изд. — М., 1848). Наблюдат. ум автора проявляет себя в прозаич. частях «очерка» (так П. обозначила жанр), сюжет к-рого имеет сходство со «светскими повестями» А. А. Бестужева, В. Ф. Одоевского, Н. Павлова; а тема ночного таинств. собеседника (не без влияния «Демона» Лермонтова; исследователи отсылают и к «Генриху фон Офтердингену» Новалиса), тема поэтич. натур. не ведающих о своих возможностях («Что наяву узнает гений./ Узнаешь ты, дитя, во сне»), тема женской духовной немоты и темной грезы сосредоточены в поэтич. концовках глав; причем между прозой и стихами перекинуты искусные ритмизмы. «мостки» (см.: Briggs, p. 15).

«Очерк» вызвал множество печатных откликов, преим. положительных, но уже свидетельствующих о том, что творчество П. становится оселком идейной полемики. Разные направления истолковывали «Двойную жизнь» по-своему: от обнаружения в нем рус. идеи (предисл. к открытию в «Моск. лит. и учен. сб-ке на 1847 г.», принадлежавшие редактору-славянофилу В. А. Панаю) и двусмысл. похвал Шевырева, применительного «германские» настроения «повести» («Москв.», 1848, № 3), до анонимных отзывов в «Отч. зап.» ((А. Д. Галахов) — 1848, № 3) и «Совр.» (1848, № 3), выделявших сатирич. начало в описании (говора словами П.) «условного, богатого, спесивого быта» и призывавших автора (ср. же строками: «Жизнь лучше снов/ И правда выше лжи») расстаться с идеализмом и обратиться к действительности; от почти галантерейных комплиментов «Б-ки для чтения» (1848, № 3) до укоров барона Розена по поводу влияния «моск. схоластики» (т. е. славянофилов) и мнимого «жоржизмизма» героини (СО, 1848, № 5, с. 7). Произведение было воспринято и в контексте зарождающегося в России «женского вопроса», проблем женского воспитания (ср. с резонансом «Полины Сакс» А. В. Дружинина, 1847). Между тем П. в финале фактически выбирает для героини третью — вне сомнений грез и светской пустоты — дорогу: стонч. терпения и нравств. самодисциплины («Так иди же по приговору/ Только верою сильна»; ср. со строками, относящимися к мужу: «Кто в покорность и смиренней/ Обращил мой праздный жар» — стих. «Была ты с нами неразлучна», 1842); со временем стоицизм в сознании П. усиливается.

Стих. «Разговор в Трианоне», к-рое П. считала своим лучшим произв. (1848; запрещено цензурой, ходило в списках, впервые опубл. с многочисл. неточностями Н. П. Огарёвым под назв. «Вечер в Трианоне» в кн.: Рус. поэтическая лит-ра XIX столетия, Лондон, 1861; в России впервые в сб-ке П. 1863), вместе с предшествующим по времени откликом на рев. события 1848 в стих. «К С. К. Н.» (авг. 1848; опубл. 1863) и своего рода эпилогом к ним — стих. 1849 «К ужасающей пустыне» (ОЗ, 1855, № 8; автокомм. к нему см.: Рачинский, с. 106—07) — квинтэссенция историко-филос. взглядов П., сложившихся в умств. среде ее салона. Одновременно «Разговором...» означен переход к ряду позднейших произв. П., где злостные вопросы осмысливаются по аналогии с отдаленными ист. событиями: «Праздник Рима» (1854; ОЗ, 1855, № 11), «Ужин Поллоны» (1857; РВ, 1858, № 15; близость к лирич. драме А. Н. Майкова «Три смерти», иссякающие рим. языческие гражданственность и доблесть в раннем соприкосновении с новым, христ. верованием и подвижничеством), «На освобождение крестьян» (1862; опубл. 1911). В уроках истории, к-рые свидетель тысячелетий бессмертный Калиостро преподает др. участнику «разговора», графу Мирабо, в канун революции 1789, звучит убеждение в тщете мятежных порывов масс и просвещенческих иллюзий их идеологов — неприятие П. зап. рев. перспективы (но не европеизма как такового, доказательство чему — резкая поэтич. отповедь Языкову в 1846 после его стих. «Не нашим» и др. выпадов против западников, а также ее эпиграм-

ма сер. 40-х гг. на Шевырёва, ходившая в Моск. ун-те: «Преподаватель христианский...». Расхождение П. с прогрессистами 50-х и рев. демократами 60-х гг. становится необратимым.

Нач. 50-х гг. для П. — пора жизненного слома. Рухнется семейное благополучие: Павлов, пристрастившийся к карточной игре по-крупному, расточает состояние (жесткое и пронизат. стих. «Портрет», 1851; опубл. 1863, — разит. контраст стихам, обращенным к мужу на заре их брака); открывается его связь с молодой компаньонкой-родственницей П. (переросшая потом в гражд. брак).

Под влиянием ревности и страха за будущего сына П. обращается через своего отца (ср. в ст.т.: Н. Ф. Павлов) за защитой к непопулярному у моск. общ. личности ген.-уб. гр. А. А. Закревскому, давшему недоброжелателю Павлова, и даже, по слухам, дает согласие на обыск в кабинете мужа под предлогом выяснения, честен ли он как игрок. Надеянные при обыске 10 янв. 1853 запреш. издания дали повод властям выслать Павлова после отсидки в долговой тюрьме в Пермь, откуда его через 9 месяцев вызволили друзья. С женой же его случилось то, что И. Аксаков позже назовет «потерей имени»: Т. Н. Грановский в одном из писем именует ее «чуждым», от нее отворачивается ее моск. круг, и в мас. 1853 П. вместе с семьей вынуждена буквально бежать от позора в Петербург, с тем чтобы уже никогда не обосноваться в родной Москве, безвыезжая жизнью в к-рой она прежде так гордилась перед вечной путешественницей Ростоппиной. Однако в Петербурге К. И. Янин высказывает о холщере, и П., в страхе перед заразой, срочно в июне отъезжает с матерью и сыном в Дерпт, оставив хоронить отца случайным людям и тем окончательно утвердив в прежнем окружении образ бессердечной и эгоистичной особы.

Между тем в Дерпте ее ожидают глубокие личные переживания и творч. подъем («Проснись же, смолкнувшее слово!»): знакомство с 25-летним студентом Дерптского ун-та (впоследствии видным юристом) Бор. Исааковичем Утиным перерастает в любовь и дает жизнь группе лирич. стих. (написаны 1854—55), условно называемых «утинским циклом» (как принято — с учетом 11, публикация В. К. Зонтикова добавляет к ним 12-е; см. раздел: Изд.).

Лирика дум и посланий П. отличается (опять-таки в противоположность поэзии Ростоппиной) не интимно-дневниковым, а обобщенно-аналитич. характером. В какой-то мере он свойствен и новым лирич. стихам; недаром ранними биографами П. не был замечен стоящий за ними жизненный сюжет. Это по-прежнему лирика сдержанно-закрытая, в отличие, напр., от «денисевских» стихов Ф. И. Тютчева или «панаевских» Н. А. Некрасова; психология взаимоотношений, их мучит. драматизм часто передаются через уподобление («жуткий/ Ребенка спартанского смех» — как образ тайных страданий каждого, породнивших при встрече эти сердца, — стих. «Мы странно сошлись. Средь салон-

ного круга»), через аллегорию (стих. «Когда один, среди степи Сирийской», «Две кометы»), интимные переживания включены в более общий круг жизненных ценностей (стих. о поэтич. призвании, «святот. ремесле», прославившее П. в 20 в., «Ты, уцелевший в сердце нищем» — камертон всего цикла; РВ, 1856, № 6). Тем не менее в этих и последующих стихах П. нет черт былой выпренности и декларативности, а нек-рые невыдуманные подробности («... когда я ожидала./ И слышался звонок») делают их особенно человеческими.

«Последний взрыв сердечных сил» длился, видимо, вплоть до конца 1854, причем весной П. следует в Петербург за окончившим курс Утиным. Ко времени пребывания в Дерпте относится работа над «Разговором в Кремле» (СПб., 1854; с посвящением сыну). Пространное стих. трактует накануне Крымской войны особо актуализировавшуюся тему России и Запада (в подборе ист. материала участвовал Утин). «Прошедшее весною, когда мы ожидали событий неслыханных, бомбардирования Кронштадта и войны около Петербурга... с русским чувством писала я в полунострадном городе... это стихотворение. Окончила я его в Страстную субботу...» (из письма П. в ред. «Совр.»: 1854, № 11, отд. V, с. 134). В диалоге между Англичанином, Французом и Русским жертвенно-героич. моменты рус. истории сопоставляются с блестящими историко-культурными достижениями Запада как равнодостоинные, а в единении сословий под сенью Православия видится преимущество внутр. устройства России (сочетание мыслей, идущих от Пушкина, с центральной славянофильской концепцией).

Среди откликов печат. — и одобрительных (ОЗ, 1854, № 9; «Пантеон», 1855, № 1), и сочувственно-критических (реп. Б. А. Лизамова) — «Москв.», 1854, № 17) — этапной для лит. репутации П. стала оценка «Современника», оглашенная старым лит. издателем П. — Панаевым (1854, № 9). Поместив сведения об издании в один ряд с казенной макулатурой, но многозначительно уклонившись от содержания, Панаев высмеял пристрастие поэтессы к небалабашным и «экзотич.» рифмам (на нынешний слух это скорее удачные находки), лукаво использовал как доп. «улики» ее старое шутливое стих. «Всё и всегда» (1846; опубл.: «Совр.», 1850, № 8), где этот прием сознательно обыгрывался. Если в 40-е гг. насмешки над П. и ее поэзией не выходили за пределы домашних толков западников (В. П. Боткина, Грановского, И. С. Тургенева, Григоровича, того же Панаева), то радикальная журналистика еще в 1851 (реп. и пародия Некрасова — «Совр.», № 5 — на главу из поэмы «Кадриль» в сб. «Раут», 1851) объявила ей настоящую войну, в к-рой выпад против «Разговора в Кремле» был особенно болезненным. Письмо, с к-рым П., не выдержав насмешки, обратилась в «Современник», пытаясь объяснить свои патриотич. намерения и эстетич. принципы рифмовки, ж-л напечатал в соизвождении откровенно издеват. ответа Панаева, и эта ее попытка защититься дала новый повод для осмеяния в обществе: пушистая по рукам через Дружинина юмореска Ростоппиной «Густолиственные липки аlicия» (1854) на «высокопарные и прерывистые письма новой Коринны» («Письма к А. В. Дружинину», с. 278—80); укоризнен-

ное замечание другой его корреспондентки: «отсутствие свойственного женщине чувства такта» (там же, с. 369).

В Петербурге на фоне утасажившихся отношений с Утиным П. ищет опору в новой для нее лит. среде, в умеренно-либеральных ж-лах (напр.: в «Отч. зап.» публикует в 1855 стихи (№ 8—11) и пер. «Слепого» А. Шенье (№ 4) — шедевр рус. переводч. иск-ва, в 1856 — пер. из комедии Мольера «Амфитрион» (№ 10)). Испытывая крайнюю нужду (по свидетельству Г. Н. Геннади, ей не на что было похоронить умершую в нояб. 1855 мать — см.: РНБ, ф. 178; о ее долгах см. письмо Огарёва от 21 янв. 1854 — в кн.: П. В. Анненков и его друзья, т. 1, СПб., 1892), она находит утешение в напряж. труде (работа над пер. поэмы А. Шамиссо «Salas y Gómez», в к-рый вложено личное чувство; интересные метрич. эксперименты, напр. в стих. «Пловец»), в общении с поэтами В. Г. Бенедиктовым, Н. Ф. Шербиной (тот «от нее в восторге» — Ш т а к е н ш е й д е р), Ю. В. Жадовской, А. М. Жемчужниковым. По, вероятно, преувелич. свидетельству Грановского (в письме от 24 авг. 1854), в Петербурге «ее стихи производят фурор» («Т. Н. Грановский и его переписка», с. 433); тогда же Тютчев высоко оценивает какое-то ее еще не напечат. произв., возможно «Разговор в Кремле» (письмо к Э. Ф. Тютчевой от 17 июля 1854 — «Старина и новизна», кн. 19, М., 1915, с. 212). Тем не менее, избывая «горестную блажь» последней любви и спасаясь от долгов, П. весной 1856 уезжает в заграничное путешествие (Константинополь, Венеция, Рим, Швейцария, Германия), а после краткого посещения России в 1858 (июнь — август — Москва, сентябрь — Петербург) покидает родину и, поживав в Берлине А. Гумбольдта, поселяется в Дрездене и под Дрезденом.

Плодом скитаний явился поэтич. цикл путевых зарисовок и размышлений «Фантастагорин» (1856—61; опубл. 1858—62, полностью — 1863), а также очерк в прозе и стихах того же назв. (опубл.: РО, 1894, № 12). В кон. 50-х — нач. 60-х гг. лит. связи с родиной еще теплятся: в «Рус. вест.» в 1859 (№ 1—2, кн. 1—4) опубл. поэма «Кадриль», над к-рой П. работала с 1842, и пов. «За чайным столом» с остроумным «светским» сюжетом (возможно, осмеянный критикой стихотв. диалог «Сцена» — набросок к повести); в газ. И. С. Аксакова «День» — стихи (нач. 60-х гг.). В 1859 по представлению Хомякова П. избирают в поч. чл. ОЛРС за переводч. деятельность.

Однако П. все более переключит в разряд забываемых анахронизмов. «Кадриль» (т. с. «завертка» — 4 рассказа светских женщин, рисующие имуществ. отношения и психологию этого круга), одна из удач П. («В стихе, при истинной

поэзии, сохранены легкость и непринужденность светского женского разговора, и это сделано с таким искусством, от к-рого часто не отказались бы Пушкин. — Хомяков, VIII, 1904, с. 109; письмо к Н. Языкову, 1842), была замолчалива критикой, за исключением пародийных откликов в «Искре» (1859, № 24; 1860, № 29).

В 1863 в Москве усилиями друзей выходит скромная книжка отобранных ею «Стихотворений» и встречает резко отрицат. реакцию в рус. ж-лах. М. Е. Салтыков-Щедрин в «Современнике» (1863, № 6; то же — V, ук.) иронически объявляет П. видной представительницей «мольбертовой» поэзии (аллегорич. образ поэтик. призвания как небесного «второго рождения» в раннем стих. П. «Мотылек») и клеймит за «равнодушие» к участи «пахаря, к-рый всею грудью налегает на соху» («Совр.», с. 311, 312). Откровенно глумится в «Рус. слове» В. А. Зайцев (1863, № 6), и даже аморфная «Б-ка для чтения» (1863, № 8) не находит ни одной одобрит. фразы.

Жизнь П. в Германии идет под знаком сурового самоограничения и рабочих будней (стих. «Труд ежедневный, труд упорный» — «День», 1862, 20 янв.). Ее психол. портрет и образ жизни тогда ярко, хотя и одно-сторонне запечатлел И. Аксаков в письме к родным от 23 янв./4 февр. 1860 из Лейпцига («И. С. Аксаков в его письмах», т. 3, с. 353—55): старый знакомый неприятно удивлен, обнаружив ее после всех бедствий якобы счастливой, довольной, вписавшейся в «пошлую» нем. жизнь и лит.-журн. среду (в частности, на нем. сцене с успехом шла ее комедия) и по-прежнему занятой только творчеством; она «отравилась художеством» (ср. со словами самой П. о том же в очерке «Фантазмагорин»: «Художник — ведь это чудовище!»). Между тем истинное настроение П., в тот момент радостно возбужденной возможностью погрузиться в мир иск-ва в обществе достойного собеседника, было совсем иное. 22 апр. 1860 она пишет Н. А. Мельгунову (с к-рым ее связывали денежные дела): «Мое положение ужасно и с каждым днем ужаснее», а в июле — молодой приятельнице О. А. Киреевой («Новиковой»): «Спасения нет, и надежда была бы безумием; я себе ее и не позволяю ... я отчаиваюсь, потому что я не чаю, но это отчаяние очень спокойное. Я занята продолжением интересного для меня опыта; хочу посмотреть, переиспыт ли меня все, что на меня нападает, устою ли я или нет? Покуда еще стою» (Пагоф, с. 71, 73).

Тема мужеств. одоления внешних обстоятельств: жизнь нас «вечною тревогой/ На бой тяжелый звать должна» — строки из «Думы» («Когда в раздор с самим собою», написана в 1843), отозвавшиеся в изв. стихах А. А. Блока, — давняя внутр. те-

ма П. (ср. ее патетич. очерк «Сильс-фильд» — о подвиге освоения диких североамер. земель; «Москв.», 1849, № 4), развита в «Воспоминании об [А. А.] Иванове» (написано в 1858), с к-рым П. сдружилась в 1857 в Интерлакене (Швейцария) незадолго до его кончины: близкий ей по духу художник «боролся до конца, стоял до смерти»; «нет ничего выше сопротивления духа всякому житейскому бедствию и горю; нет ничего величественнее человека, к-рый вступает в бой с грозным ангелом страдания»; «смотря на таких духовных Лаокоонов ... чувствуешь не жалость, а какую-то необъятную священную радость» (Собр. соч., т. 2, с. 316, 318).

Др. единомышленник, разделявший взгляд П. на иск-во как на высшее служение и противостоявший «утилитаризму» века, — А. К. Толстой, с к-рым П. познакомилась в конце 1860 или в нач. 1861 во время одного из его приездов в Германию. Вскоре она становится своим человеком в его дрезденском жилище. «Каролина П. была маленькая, шустрая... Придет, бывало, а графа дома нет. Так сама велит подать себе завтрак» (из рассказов камердинера А. Толстого — Толстой А. К., Против течения, М., 1997, с. 173). П. переводит на немецкий и популяризирует на Западе его произв. [«Дон Жуан», «Смерть Иоанна Грозного», шедшая с бурным успехом в Веймарском т-ре (где в янв. 1868 оба присутствовали на ген. репетиции), «Царь Федор Иоаннович», лирич. стихи, включая, казалось бы, неприводимую «Спесь» и «Против течения» как общий манифест, и мн. др.].

Толстой в свою очередь относился к П., «художнице с головы до пят», как к равной в их совместной работе: «Вся дрожжи моей поэзии, а я опара ее» («К. К. Павловой», на нем. яз.; см. в кн.: Толстой А. К., Полн. собр. стих., т. 1, М., 1984, с. 439); он воспеивал ее даром перевожнич. обсуждал с ней свои замыслы и детали исполнения (их перепiska, в т. ч. в нем. стихах, содержат. важные эстетич. суждения, напр. о природе трагич. героя), проявлял рыцарскую предупредительность и заботу о ее житейских нуждах, устраивал ее стихи в рус. печати; в 1864 после долгих хлопот при дворе добился для них пожизненной гос. пенсии, а в 1866 принимал ее в своем имении в Пустынске, где П. написала предисл. к пер. «Смерти Иоанна Грозного»; в этот же присид в Россию П. выступила с чтением рус. пер. «Смерти Валентинейны» Шиллера в ОЛРС (опубл.: ВЕ, 1868, № 7—8).

Смерть Толстого в 1875 оборвала гл. связь П. с рус. лит. жизнью. Последняя прижизненная публ. в России — «Мои воспоминания» (РА, 1875, кн. 3), к-рые еще в 1869 были настойчиво рекомендованы Толстым редактору «Вест. Европы» М. М. Стасюлевичу (см.: Стасюлевич, II, 336, и ук.); мемуары охватывают детство и отрочество (1812 год; превосходный типаж старой рус. аристократии); есть сведения о продолжении, видимо, утерянном с др. бумагами П. Последний известный нам

текст П. — письмо сыну Мишкевича Владиславу 20 апр. 1880: «Я люблю его сегодня, как любила в течение стольких лет разлуки». По сообщению внука поэтессы Д. И. Павлова, она передала архив близким, завещав «во имя поэзии» опубликовать собрание ее стихов, но судьба архива, состоявшего, по словам А. Ф. Кони, из двух больших сундуков, неизвестна (Кони, 1918, стб. 25). Скончалась П. в нищете, и ее похоронили за счет прихода.

Лит. воскрешение П. совершили усилиями Кони, в янв. 1903 прочитавшего в Лит.-худож. кружке им. Я. П. Полонского в Петербурге доклад к 10-летию ее кончины (опубл. в 1918) и в особенности — В. Я. Брюсова, поместившего свой очерк о ней в ж. «Жемчуж. сочинения» (1903, № 11/12), а затем подготовившего издание 2-томника ее произв. Волна интереса к П., ее худож. позиции и формальным поискам в области рифмы и ритмики совпала с пересмотром поэтик. карты 19 в., инициированным символическими, и с расцветом поэзии «серебряного века». В связи с изданием 1915 развернулось оживленное обсуждение ее творчества, отчасти повторявшее прижизненную идейно-эстетич. полемику. Стихи П., безусловно, запали в память рус. поэта 1-й пол. 20 в.: аллюзии на П. — у Брюсова, дразняко назв. «Святое ремесло» разделу кн. «Зеркало теней», у Цветаевой (наименование книги стихов «Ремесло» и др.), даже у не любившего ее поэзию В. Ф. Ходасевича: его образ «тяжелой лиры» скорее всего восходит к строке П. «Но тяжела святая лира».

Изд.: Собр. соч., т. 1—2, М., 1915 (ред. и мат.-лы для биографии П. Валерия Брюсова); Полн. собр. стих., Л., 1939 (БПб; вступ. ст. Н. Коварского, ред. текста и прим. Е. Казанович); Полн. собр. стих., М.—Л., 1964 (БПб; вступ. ст. И. П. Громова; подг. текста и прим. Н. М. Гайденова); [Стихотв. пер.]. — В кн.: Мастера рус. стихотв. перевода, Л., 1968 (БПб, 2-е изд.); Стих., М., 1985 (сост., вступ. ст. и прим. Е. Н. Лобсеева); «Пингу не смело я, не часто». Стих. П. — В кн.: Вспл., в. 4, М., 1987 (публ. В. К. Зонтикова); За чайным столом. [Повесть]. — В кн.: Сердца чуткого прозревшие... М., 1991; A double life. [Двойная жизнь], Ann Arbor (Mich.), 1978 (пер. на англ. яз. и вступ. ст. В. Heldt Monier); Das deutsche Werk K. Pavlovas, Bd 1—3, Rosenweg, 1994 (Hrsg. F. Gupfert).

Письма П.: А. Мишкевичу (19 февр., 5 апр. 1829; на франц. и нем. яз.) — в кн.: Mickiewicz W., Żywot A. Mickiewicza..., t. 1, Poznań, 1890 (отрывок из письма от 5 апр. на рус. яз. — в кн.: Погодин); В. Мишкевичу — там же; Оттили фон Гёте (15/27 окт. 1829; на нем. яз.) — в кн.: Fahren nach Weimar, Slavische Gäste bei Goethe, Weimar, 1958, S. 79; А. А. Ивану (25 сент. 1857) — Собр. соч., т. 2; С. А. Рачинскому (30 янв. и 16 апр. 1859; на франц. яз.) — в кн.: Е. А. Боратынский. Мат-лы к его биографии, П., 1916, с. 117—18; С. П. Шевырёву и О. А. Киреевой — в кн.: Раппоф, с. 68—70, 73—75; Twelve unpublished letters of K. Pavlova to A. Tolstoy. [1867—1875]. — «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1974, № 9 (на франц. и нем. яз.); публ. М. Sendich); В. Ауэрбаху (февр. или март 1863; на нем. яз.) — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1963, Bd 31, H. 1, S. 135—36; М. М. Стасюлевичу (11 июня 1868) — в кн.: Стасюлевич, II, 455.

Мемуары и письма о П.: Мишкевич А., Собр. соч., т. 5, М., 1954 (ук.); Берг Н. В., Посмертные зап. — РС, 1891, № 2, с. 262—64; И. С. Аксаков в его письмах, т. 1—3, М., 1888—92 (ук.); Письма Н. Ф. Павлова к А. А. Кривскому и к С. П. Шевырёву. — В кн.: Отчет Имп. публ. б-ки за 1892 г., СПб., 1895, прил.; Барсуков (ук.); Т. Н. Градовский и его переписка, т. 2, М., 1897 (ук.); Рачинский С. А., Стих. П. и восп. о ней. — В его кн.: Татевский сб., СПб., 1899; Фитингоф-Шель Б. А., Гр. А. К. Толстой. — К. К. Павлова. — В его кн.: Мировые знаменитости, СПб., 1899; Сабинина М. С., Из записок. 1857 г. — РА, 1901, кн. 2, с. 580—81; Чиче-

рин Б. Н., Восп., ч. 2, М., 1929 (ук.); Штакеншнейдер (ук.); Письма к А. В. Дружинину (1850—1863), М., 1948 (ук.); Панасов, 1950 (ук.); Никитенко (ук.); Толстой А. К., Собр. соч., т. 4, М., 1964 (письма к П.; ук.); Панасов (ук.); Григорович (ук.).

Лит. Белинский (ук.); Некрасов, XI, кн. 2, с. 68—77, 326—27, XII (ук.); Б(артенев) П., К. Павлова. — РА, 1894, кн. 1; Храчевич К. Е., Мишкевич и К. Янин. — ИВ, 1897, № 3; Айхенвальд Ю. К. Павлова [1915]. — В его кн.: Силуэты рус. писателей, М., 1994; Погодин А. Л., А. Мишкевич. Его жизнь и творчество, т. 2, М., 1912, с. 29—33; Ашукин Н., К. Павлова. (К 20-летию со дня смерти), — «Путь», 1914, № 1; Грифонов Б., К. Павлова. — РМ, 1915, № 11; Кадамин Н. (Абрамович Н. Я.), П. и Ростопчина. — В его кн.: История рус. поэзии, т. 2, М., 1914 (на обложке — 1915); Персеров В. Ф., Салонная поэтесса..., — СМ, 1915, № 12; Рангоф Б., К. Павлова. Мат-лы для изучения жизни и творчества, П., 1916 (хронологич. канва; библио); Ходасевич В., Одна из забытых. — «Нов. жисть», 1916, № 3; Эрнст С., П. и гр. Е. Ростопчина. — «Рус. библиофил», 1916, № 6; Зарская С., Забытая поэтесса. — «Мир женщины», 1916, № 4; Коии А. Ф., К. Павлова. — «Европа», 1918, № 4/5; его же, Восп. о писателях, М., 1989, с. 560—65; Белинский А., Нов. издание соч. П. — ИзвОРАС, 1917, т. 22, кн. 2, 1918; Гроссман Л., Вторикум у П. Сцену из жизни Моск. лит. салонов 40-х годов, Од., 1919; Кашии Н., К. «Соч.» П. — «Книга и революция», 1921, № 3/4; его же, Енисе о «Соч. П.», — Там же, 1921, № 8/9; Смирнский Б., Забытый романс Листа. — «Смена», 1957, № 13; Измайлов Н. В., Невит. перевод из Мишкевич П. (Янин). — В кн.: А. Мишкевич в рус. печати..., М.—Д., 1957; Саиогов В. А., К проблеме типологии полиметрич. композиций. [Н. А. Некрасов и П.], — В кн.: Н. А. Некрасов и рус. лит-ра. Кострома, 1971; Данилевский Р. Ю., Нем. стих. рус. поэтов. — В кн.: Многоязычие и лит. творчество, Л., 1981 (ук.); Золотарева О. Г., К вопросу о «несоборных стихотворных циклах» 40—60-х гг. XIX в. («Утинский цикл» П.). — В кн.: Проблемы метода и жанра, в. 9, Томск, 1983; Романовский З., История несостоявшейся поэмки. Адам и Каролина. — «Полыня», 1987, № 5; Фридкин В. (М.), Альбомы П. — «Наука и жизнь», 1987, № 12; Файнштейн М. Ш., К. Павлова. — В его кн.: Писательница пушкинской поры, Л., 1989; Решетилова И., Книжкин рус. стиха. — В альм.: «Чистые пруды», М., 1989; Чертоквер Н. Г., «Утинский» цикл П. — В кн.: Проблемы рус. лит-ры. Ст. молодых исследователей, в. 2, Матпигорск, 1992; Гипбурт Л., Старые рус. переводчики. — В его кн.: Над строккой перевода, М., 1981, с. 55—58; Kulakowski S., A. Mickiewicz i K. Jaenisch-Pawlowa. — «Wiadomości literackie. Tygodnik», Warsz., 1929, № 36 (297); Gerhardt D., Zu den russischen Übersetzungen der K. Pavlova. — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1939, Bd 16; Vasmer M., Russische und polnische Gedichte im Nachlass der K. Pavlova. — Ibidem, 1958, Bd 27; Sennich M., K. Jaenisch (Pavlova) and A. Mickiewicz. — «Polish Review», 1969, v. 14, № 3; Idem, Moscow literary salons: Thursday's at K. Pavlova's. — «Die Welt der Slaven», Wiesbaden, 1972, Jg. 17, H. 2; Idem, K. Pavlova and V. Utin. — «Russian Language Journal», 1974, spring; Briggs A. D., Twofold life: a mirror of K. Pavlova's shortcomings and achievements. — «Slavonic and East European Review», 1971, v. 49, № 114; Lettman-Sadony B., K. K. Pavlova. Eine Dichterin russisch-deutscher Wechselseitigkeit, Münch., 1971 (S. 165—81 — Bibl.); Kjettsa Geir, K. Pavlova — eine russische Bewunderin von Oehlenschläger. — «Scando-Slavica», 1975, v. 21; Greene D., Karolina Pavlova's «Tri dushi»: The transformation of biography in: Proceedings of the Kentucky foreign language conference, 1984; Idem, Pavlova K. K. — in: Dictionary of Russian women writers (Bibl.), 7 дек., 1893, 9 дек.; PO, 1894, № 12 (Д. Павлов); ИВ, 1894, № 2, Брокгауз; РБС; Голицын; Языков; Сп. ОЛРС; Лерм. энци.; Рус. писатели; Муратова(1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 82 (15 писем Б. И. Утину); ГИМ, ф. 142 (6 писем Б. И. Утину, 6 д.; 5 на франц.); РНБ, ф. 178, № 9

(«Дневник» Г. Н. Гейнади); ф. 178 [Белецкий А. И., Эпизод из истории рус. романтизма. Рус. писательницы 1840—60-х. (Машиннопись)]; РГА, ф. 1343, оп. 34, д. 2144 [дело о дворянстве Яниши (Моск. губ.), в т. ч.: грамота на дворянство деу, Ивату Янишу, 2 окт. 1805; свидетельство о конфирмации П. в 16 лет старшего лютеран. церкви]; ф. 776, оп. 26, д. 3 (о запрещении пьесы И. С. Демитьева по повести П. «Женитба Милитина» [справка В. М. Лупаловой]); ИРЛИ, ф. 187, № 21 (12 писем А. К. Толстому, 1867—75); ф. 497, № 50 (13 писем к Г. Н. Гейнади, 1855—56); Р. III, оп. 1, № 1593 (От Москвы до Дрездена. Воспоминания. Март 1859; список); Р. I, оп. 22, № 326 (отрывки пер. «Конрада Валленрода» на нем. яз.).

И. Б. Роднянский.

ПАВЛОВА О. П., см. Мартынова О. П.

ПАВЛОВСКИЙ Иван Данилович [30.3(11.4).1854, Полтав. губ. — 26.4(8.5).1881, там же, возможно, Локошинский погост под Палатой], публицист, очеркист. Сын священника. Учился в Полтав. сем. (1861—1862 — ЦГИА Украины в Киеве, ф. 711, оп. 2, д. 5917), не закончил по болезни (к-рая впоследствии привела к чахотке). Стал нар. учителем в сел. школе Полтав. губ. (м. б., в с. Циглеровке; об его истории освещалось у П. в 1873 М. П. Погодин). В семинарии приобрел страсть к чтению периодики: «Знать что где пишут для него составляло потребность» (некролог — «Церковно-обществ. вест.»). Не имея денег на подписку, пользовался б-кой богатого помещика, а также рассылал заметки и сообщения (мат-лы для к-рых брал из местных архивов) в разл. издания — «Древняя и Новая Россия», «Сибирь», «Оренбург. листок», «Полтав. епарх. вед.», «Вольские епарх. вед.» и др., — чтобы получать их бесплатно. Публикации П. привлекали внимание к культурно-ист. достоянию Полтав. края — будь то неизд. коллекция старинных актов (РС, 1874, т. 10, с. 206), перечень родившихся здесь архиереев (РС, 1876, № 8, с. 712) или замечательно украшенная рукопись («Святое Евангелие на малорус. языке» — РА, 1878, кн. 2).

Однако гл. темой П.-журналиста стала повседневная жизнь провинц. духовенства: его нужды и чаяния, к-рым П. горячо сочувствовал, права и обязанности, положение в рамках епарх. управления и проблемы подготовки к пастырскому служению. С первого года издания газ. «Церковно-обществ. вест.» (СПб., 1874—76) П. оказался ее пост. корреспондентом, а в 1877 по приглашению редакции переехал в Петербург. Работая быстро и легко, П. опубликовал в «Церковно-обществ. вестнике» множество статей, но преим. без подписи (что затрудняет установление его авторства); ряд статей поместил в ж. «Рус. старина» и «Ист. вест.». На основании арх. док-тов 1-й пол. 19 в. П. ставит те же проблемы, что и Н. С. Лесков в «Соборных» и «Мелочах

архиерейской жизни»: засилие бюрократизма в церк. быту («Перепи-сывание душ» — «Церковно-обществ. вест.», 1879, 11 марта); порожденная нищетой неизбежность «жесточенных свалок между клириками из-за кусов хлеба» («С Придн-прова. К разделу „братских“ доходов» — там же, 1879, 29 апр.), про-извол архиереев и угождать их подчиненных («По делам попечительств о бедных духовного звания» — там же, 1879, 23 дек.), пьян-ство и маловере пастырей («Непри-личное сану и званию состязание с евреями» — ИВ, 1881, № 12).

В эмп. очерке «Из Полтавы. Заблуждения жизни» (Некролог В. А. Орлова) рассказано, как талантливый проповедник, образованный и скромный человек, спился и умер под забором; его жизнь, «приниженно-пьяная, болше чем нищенски-приниженная», стала «роковым последствием ... несправедливой системы верования в монахи», принятой в духовных академиях («Церковно-обществ. вест.», 1880, 13 янв.). Согласно П., студенты дают монашеские обеты не-редко под давлением начальства, и герой очерка, себе на погибель снявший сан, поступил чест-нее, чем его собрат по несчастью епископ, к-рый, оставаясь монахом, «ненавидел в душе все его окуживающ.» (там же). (Очевидно на некролог П. опирался Лесков в ст. «Мирское ле-карство на монашеский недуг» — см.: «Нов. Евро-па», М., 1994, в. 4, с. 97.)

Независимость суждений, явленная в очерке, еще очевиднее в предсмертной ст. П. «Конси-сторско-судные мытарства. (К биографии про-тоиерея Андрея Прокоповича)» (ИВ, 1881, № 7), где старый священник терпит «моральные истязания» от консисторских крючков: «незна-чит. нарушение им ... церковного правила ... воз-ведено в важный криминал» (с. 574). И хотя иерей защитил свою честь, автор делает «искус-шт. вывод о состоянии у нас церк. права в на-чале нынешнего столетия» (с. 575).

По мнению П., хотя «религ. положение стран» стало меняться к лучшему при Николае I (к-рый «обратил внимание на нравств. распу-щенность духовенства» — ИВ, 1881, № 12, с. 860), оно все же остается тревожным. Ми-лионы православ. «простодушников», имея «при-родные светлые стороны», лишены, однако, «твердых религ. понятий» и «чувства законно-сти», а число пастырей, заблудшихся о сваянели-зации населения, слишком мало по сравнению с теми, кто формально исполняет требы (см. ст. П. в газ.: «Полтав. епарх. вед.», ч. исповедн., 1876, № 10; 1877, № 6, 20).

В набл. крупной и проблемной ст. «О церковно-славянском языке. Настоящее его положение; потреб-ности, вызываемые этим положением» («Церковно-обществ. вест.», 1879, 1, 4, 6, 8, 11 июля) П. на мат-ле «Епарх. вед.» мн. губерний делает вывод о неудовлетворит. пре-подавании церк.-слав. языка в духов-ных и светских заведениях. Как следствие, мн. места богослужения не понимают в большинстве своем ни миряне, ни «дьячки, эти всерос-сийские петрушки» (там же, 4 июля), ни даже монахи. Оспаривая мнение, что такое непонимание — удел лишь невнимат. слушателей, автор по-собств. опыту заключает, что неяс-ность выражений в богослужебных книгах — «море пространное и ве-ликое», «и тяжело, очень тяжело хо-чется читать их в церквх, если хочется читать не машинально и не для од-ного процесса чтения» (там же,

8 июля). И слабое знание языка, и неясности в самих текстах затрудняют работу правосл. миссионеров и открывают дорогу сектант. проповедникам, а в народе приводят к искажению, подчас кощунственному, самых простых молитв — «в связи с общерелиг. косностью, к-рая является уделом... неграмотного люда» (там же, 6 июля). Выход П. видит не в отказе от слав. яз., получившего в России «значение ... священного» (там же, 11 июля), а в исправлении богослужебных книг по образцу реформ 17 в. [ср. также его критич. «Поправку к „Рассказам из недавней старины“», уточняющую мнение Филарета (Дроздова) о переводе Библии Г. П. Павским и об издании «Славянской Библии» для прихожан, — РА, 1879, кн. 2]. Отклоняя мнение, что это породит новый раскол, П., напротив, находит опасность для православия в сохранении status quo.

Предлагая свои поправки к переводу нек-рых тропарей, П. вместе с тем указывает на печальную судьбу протоиерея А. И. Неструева, посвятившего исправлению богослужебных книг всю жизнь: тот вынужден был нападки со стороны др. духовных лиц, а гора его рукописей осталась невостребованной. Статья П. получила отклик в виде «иррационального» исхв. смотрителя духовного уч-ща, на к-рое автор дал аргументир. и искл. яз. выг. ответ: «К положению слав. яз. в духовных уч-щах» («Церковно-обществ. вестник», 1879, 25 июля).

В начале каждого лета чахотка вынуждала П. уезжать для лечения на родину (на полгода и более). Несмотря на денежную помощь с разных сторон, в т. ч. от Лит. фонда, П. продолжал сильно нуждаться: все средства поглощало лечение, особенно дорогое на селе. В 1880 к чахотке присоединилась простуда, и П. уже не смог вернуться в Петербург. В последние недели жизни, продолжая думать о защите интересов духовенства, начал большую статью о необходимости выборов благочинных. Завещал написать на своей могиле: «Малы и злы быша дние мои».

Др. соч.: «Н. А. Маркевич. [Биогр. заметка]» (РС, 1874, т. 10), «Кирилл Флоринский, епископ Севский» (РС, 1876, № 8), «„Кичение“ при богослужении. (Из прошлого)» («Полтав. епарх. вед.», ч. неофиц., 1876, № 11), «Лжеименный пастырь» (там же, 1876, № 15), «К истории внебогослужебных собеседований священников с прихожанами» (там же, 1877, № 20), «Из старых епарх. нравов» (там же, 1879, № 11), «Крамольная присяга. К биографии архиепископа Варлаама Шишацкого» («Церковно-обществ. вест.», 1879, 23 мая), «О необходимости для грузинского экзархата органа духовно-поверменной печати» (там же, 1879, 11 нояб.), «Архиепископ Ириней. — Архимандрит Гавриил» (РС, 1879, № 12), «Архиепископ Ириней Нестерович в 1831 г.» (РС, 1880, № 7), «Симония

в укр. духовенстве первой четв. XVIII в.» (ИБ, 1881, № 3).

† Некрологи, 1881: «Рос. библиография», № 92(16); «Церковно-обществ. вест.», 12 июня (перепечатка: ИБ, 1881, № 8). Ук. статей, помещенных в неофиц. части «Полтав. епарх. вед.» ... с 1863 по 1888 г., Полтава, 1888 (сост. П. Мазанов); Ротач П., Матеріали до українського біографічного словника. Літературна Полтавщина. — «Архів України», 1967, № 6; РБС; Брокгауз: Павловский; Языков; Масанов.

С. В. Шешунова.

ПАВЛОВСКИЙ Иван (Исаак) Яковлевич [1852, Таганрог — 27 (по др. сведениям — 25).3.1924, Париж; похоронен на кладб. Пер-Лашез], беллетрист, журналист. Из семьи лавочника-еврея. После учебы в хедере отец («внушил мне благородные идеалы» — «Восп. о дет. годах в Ростове-на-Дону и Таганроге», РГАЛИ,

ф. 2520, оп. 1, № 25) отдал П. «в науку к таганрог. равнину», затем к местному учителю для занятий рус. и нем. языками. После переезда семьи в Ростов П. учился в уездном уч-ще, по окончании к-рого вернулся в Таганрог, где поступил во 2-й кл. г-зии; в старших классах снимал комнату в доме Чеховых (Чехов М. П., Вокруг Чехова. Встречи и впечатления, М., 1981, с. 29; см. также ук.). По окончании г-зии в 1871 поступил в Медико-хирургич. акад. в Петербурге, но вскоре увлекся идеей «кожления в народ», весной 1874 вместе с братом Ароном, гимназистом, и студентами Харьков. ун-та организовал в Таганроге кружок самообразования, к-рый занимался транспортной из-за границы нелегальной лит-ры и ее распространением; на квартире П. в Таганроге была б-ка рев. лит-ры. В том же году П. был арестован и в 1875 заключен в Петропавлов. крепость (в 1876 переведен в Дом предварит. заключения). Проходил по «процессу 193-х». Судьба молодого человека взволновала многих: С. В. Ковалевская про-

сила Ф. М. Достоевского похлопотать, чтобы П. разрешили переписку и свидание с невестой (Ковалевская С. В., Восп. и письма, М., 1961, с. 193—94, 196, 198—200, 244, 399, 481—82, 495; см. также: Короленько, VI, 195). В 1877 по освобождению П. вошел в петерб. кружок молодежи, где не раз бывал В. М. Гаршин («Дебюты В. М. Гаршина» — в кн.: Красный цветок. Лит. сб-к в память В. М. Гаршина, СПб., 1889; см. также: Современники о Гаршине, Саратов, 1977). После участия в демонстрации молодежи (1878) был выслан в Архангельскую губ. (в Пинегу). В том же году ему удалось бежать в Америку, откуда перебрался в Париж, где хотел вернуться к занятиям медициной. Там П. женился на В. С. Гончаровой, племяннице Н. Н. Пушкиной (история их отношений легла в основу повести Ковалевской «Нигилистка», 1892, и романа Э. Л. Войнич «Оливия Латам», 1904). Брак оказался непрочным. В конце 80-х гг. П. женился на Ф. В. Вандокуровой (1869—1932). В Париже П. встречался с М. М. Антокольским, И. Н. Крамским, И. И. Шишкиным и др.

Особая роль в лит. судьбе П. принадлежит И. С. Тургеневу, написавшему предисл. к автобиогр. очерку П. «En cellule. Impressions d'un nihiliste» [«В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»] («Le Temps», 1879, 12 нояб.; Тургенев, XV, 116—18, 184—85; выпад против Тургенева, сочувствующего «разрушителям»-нигилистам, см.: МВед, 1879, 9 дек.). По рекомендации Тургенева (см.: Письма, XIII, кн. 2, 156—57, 363) произв. П. начали печататься и в России, напр. «Примышлей. Очерк из жизни брошенных детей» (ВЕ, 1881, кн. 2; псевд. И. Я. Полоцкий). Однако «Восп. об И. С. Тургеневе. (Из зап. литератора)» («Рус. курьер», 1884, 20 мая, 2, 15, 16 июня, 18, 21 июля, 15 авг.; отл. изд. «Souvenirs sur Tourguéneff» — Р., 1887; положит. отклик: Ф. Булгаков — НВ, 1887, 10 нояб.) переводчик И. Д. Гальперин-Каминский называл воспоминаниями лжесвидетеля (см.: Письма И. С. Тургенева к его франц. друзьям — РМ, 1896, № 6, с. 181). Рус. эмигрант С. М. Коган (псевд. Е. П. Семёнов) посвятил П. и Тургеневу гл. «Карьера Подхалимова П.» в кн. «В стране изгнания. (Из записной книжки корреспондента). Из восп.» (2-е изд., СПб., 1912, с. 88—110): хотя имена опущены, легко угадать доверчивого старого писателя и несостоявшегося революционера.

Лучшим своим беллетристич. произв. П. считал пов. «Красная звезда» (СВ, 1893, № 3—5); авт. инсценировка повести была поставлена в 1913 Александрин. т-ром (с М. Г. Савиной в роли незнакомой дамы), в

1914 — моск. Малым т-ром (отрицат. отзывы: Як. Львов (Я. Л. Розенштейн) — «Рампа и жизнь», 1914, № 44, с. 12; Н. Е. Эфрос — ТиИ, 1914, № 44, с. 853—54). В ром. «История одного убийства» (ИВ, 1912, № 1—6; отл. изд. — П., 1915) любовные и полит. мотивы переплелись в уголовном сюжете: бывший член партии «чайковцев», а ныне осведомитель, женится на дочери квартального надзирателя; чтобы предотвратить выдачу всех тайной полиции, товарищи приговаривают его к смерти.

С 1884 П. стал пост. корр. «Нов. времени». Его заметки, регулярно появлявшиеся в 80-е гг. за подписью И. Яковлев, составили кн. «Парижские очерки и этюды» (сер. 1, СПб., 1894), в к-рой автор показал Париж страдающий и плачущий.

«Я не знаю в Париже места, более интересного для наблюдения париж. жизни и волнующих ее больших и малых драм, трагикомедий и фарсов, чем бюро полицейского комиссара. Это настоящий калейдоскоп, где иногда разыгрываются сцены, полные ужаса, обнаруживается такая масса людского горя и такие безвыходные положения, от к-рых волосы становятся дыбом» (очерк «Полицейские сцены», с. 39). Отл. главы посв. положению русских во Франции, живописи на Всемирной выставке, а также проституции, домам для детей-сирот и др. Аналогичная книга П. — «Очерки совр. Испании. 1884—1885» (СПб., 1889), написанная при участии исп. литераторов (Багно В. Е., Эмилия Паридо Басан и рус. лит-ра в Испании, Л., 1982, с. 41). А. С. Суворин считал П. как журналиста, умеющего добывать неординарный материал, но отношения их складывались непросто (письмо П. к Д. В. Григоровичу от 14 окт. 1886 — ИРЛИ, ф. 82, № 121). Из-за разногласий с Сувориным по делу А. Дрейфуса П. не работал в газете с 1899 до 1904.

В 1888 «ввиду строго правительственного направления» (РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 507, л. 2об.) помещаемых П. в «Нов. времени» статей ему было разрешено вернуться в Россию («где многое так некрасиво, так первобытно, но где все родное и милое» — из письма П. к А. П. Чехову, РНБ, ф. 331, к. 55, № 6; сохранились 24 письма П. к Чехову и 32 ответных письма Чехова, опубл. дочерью П. в кн.: Oxford Slavonic papers, v. IX, 1960; перепечатка: ВЛ, 1960, № 8; вступ. заметка и комм. Л. Евстигнеевой), побывал в Петербурге, в Мелиховой.

Кроме «Нов. времени» П. печатался в «Новорос. телеграфе» (1887; цикл статей «Париж. письма»), «Рус. обозр.» (1892—96; «Письма из Парижа»), с 1899 — в «России», «Юж. крае» (Х.) и др. В годы мировой войны 1914—18 (в нач. 1917 был на англ. фронте — РГАЛИ, ф. 2520, оп. 1, № 51, л. 1—40) посылал очерки с поля боя в «Нов. время».

Печатался также в Германии и во Франции (напр., «Croguis parisien», Р., 1895), где как журналист был награжден орд. Почетного Легиона в 1896 (НВ, 1896, 24 марта).

П. занимался также переводами: повесть исп. писателя Б. Переса Гальдоса «Друг Мансо» (ВЕ, 1883, кн. 10—12), сцены из исп. нар. жиз-

ни «Набор» Х. М. де Переды (РО, 1895, № 2), ром. М. Сервантеса «Дон Кихот» (пер. незавершенный; рукоп. — РГАЛИ; см. о нем: Багно В., Дорогами «Дон Кихота», М., 1988, с. 316, 440). После знакомства с Э. Золя перевел его ром. «Дамское счастье» (рассылался как бесплатная премия подписчикам ж. «Будильник» в 1883, без имени переводчика — Тургенев. Письма, XIII, кн. 2, с. 316, 339). Перевел на франц. яз. «Грозу» А. Н. Островского (совм. с О. Метень; пост.: 1889, т-р Бомарше в Париже; см.: Тургенев. Письма, X, 616), «Власть тьмы» (совм. с Метень; Р., 1888) и «Крейцерову сонату» (Р., 1890) Л. Н. Толстого.

Окт. рев-ция 1917 застала П. во Франции, откуда он не вернулся. Нек-рое время работал в Лат. Америке. В 1920 принял предложение М. А. Суворина вновь писать для возрождавшегося в Белграде «Нов. времени» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 3, № 190, л. 1). Писал также киносценарии.

Др. произв.: сб-к рассказов «Маленькие люди с большим горем» (СПб., 1890; рец.: «Саратов. листок», 1891, 7 марта); драма «Зимний вечер» (ТиИ, 1901, № 3; Александрин. т-р, 1900).

Лит.: Салтыков-Щедрин, XIX, кн. 2, с. 119, 239—41; Процесс 193-х, М., 1906, с. 80—82, 84—88, 289; Процесс В. Засулич. (Суд и после суда), СПб., 1906, с. 109—11; Тихомиров Л., Воспоминания, М.—Л., 1927 (ук.); Рев. народничество 70-х гг. XIX в., т. 1, М., 1964, с. 333—34, 454, 510; Крымов В. П., Портреты необычных людей, Париж, 1971, с. 56; Цивьян Ю. Г., Ист. рецепция кино, Рига, 1991, с. 15, 195—97; ИРДТ, т. 7, с. 470; ЛН, т. 73 (ук.); Некрологи, 1924: ПН, 28 марта; НВ, Белград, 4 апр., Мसानов (не указан псевд. Н. К-ко).

Архивы: РГАЛИ, ф. 2520; ф. 459, оп. 1, № 3141 (письма А. С. Суворину); РНБ, ф. 861, № 108 (письма И. И. Шишкину); ф. 874, № 129 (письмо С. Н. Шубинскому); ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 308; РГИА, ф. 1405, оп. 72, д. 7180, 7184; ф. 1280, оп. 1, д. 399, 436.

В. Н. Абрисимова.

ПА́ВСКИЙ Герасим Петрович [4(15).3.1787, с. Павы Лужского у. Петерб. губ. — 7(19).4.1863, Петербург; похоронен на кладб. при имп. фарфоровом заводе], протонерей; переводчик Библии, филолог, гебраист, духовный писатель. Сын дякона. В 1797 определен в Александроневскую духовную сем. («был очень беден и прислуживал своим товарищам, которые побогаче» — «Странник», 1863, № 5, с. 64); в 1809 поступил в Петерб. духовную акад., по окончании к-рой первым магистром в 1814 (тогда же назначена магистер. работа «Обозрение книги Псалмов, опыт археологический...», филол. и герменевтический...», СПб.; одобрит. отклик Н. И. Греча — СО, 1815, № 3) оставлен в степени бакалавра преподавать др.-евр. яз. (владел также франц., нем. и др.-греческим), в 1818—36 профессор богословия. В академии слушал лекции *Филарета*

(Дроздова; с 1826 митрополита Московского) и нем. масона И. А. Фесслера, в кружок к-рого входил студент («Странник», 1863, № 5, с. 65).

В 1815, после женитьбы, рукоположен в священники к Казан. собору в Петербурге. В 1816—17 законоучитель в Царскосел. лицее, где снискал расположение воспитанников («был очень любим и уважаем [А. А.] Дельвигом», выдавшимся с ним и после 1817: Дельви́г А. И., Полвека рус. жизни, т. 1, М.—Л., 1930, с. 108; «умным, ученым и добрым священником» назван в дневнике А. С. Пушкина 1835: Пушкин, XII, 337). В 1817—27 чл. ценз. к-та при Петерб. духовной акад. (отзывы его отличались уравновешенностью и «спокойствием» — см.: Котович, с. 374), одновременно, в 1819—27, проф. богословия в Петерб. ун-те (читал догматич. и нравств. богословие). В 1825 произведен в протоиереи собора Андрея Первозванного.

Карьера П. увенчалась, при посредничестве В. А. Жуковского, назначением 30 нояб. 1826 законоучителем вел. кн. Ал-дра Николаевича (с 1827 его духовника), а затем и вел. княжон; составленная П. записка (опубл. под назв. «Мысли законоучителя протонерея Г. П. Павского о религ. учении и воспитании е.и.в. Государя Вел. Кн. Наследника Цесаревича Александра Николаевича...» — «Сб. имп. Рус. ист. об-ва», т. 30, СПб., 1880) считается «первым серьезным, научно-обоснов. трудом по методике Закона Божия в России» («Полный православ. богослов. энци. словарь», стб. 1736).

П., благодаря Жуковского (с к-рым не был знаком лично) за участие в своей судьбе, писал по поводу его соч.: в них «сливается глубокое религиозное чувство и светлая душа Ваши» (ИРЛИ, 28.192, л. 1, письмо 23 февр. 1827; там же признавался: «Учился еврейскому языку именно для того, чтобы читать слово Божие в самом его подлиннике»). В 1829 получил за службу в качестве законоучителя царской семьи бриллиантовый крест и назначен штатным протосером Большого собора Зимнего дворца; неоднократно награждался. По случаю торжества

совершеннолетия великого князя и принесения присяги (апр. 1834) вышло в свет слово П. — «Беседа законоучителя с е.и.в. Государем Цесаревичем...» (б. м., [1834]), свидетельствующее о том, как готовил он будущего Александра II «к великому делу владычества над людьми», ставя на первое место необходимость «самопознания» и «власти над самим собою»: «Владычество над собою есть наилучшее введение в науку правления» (с. 9—10).

Первое выступление в печати — перевод с франц. соч. Ф. Ансильона (совм. с др. студентами духовной акад.) «Эстетические рассуждения...» (СПб., 1813). В 1816 Петерб. духовная акад. по заданию Рос. библейского об-ва (в 1817—19 П. был его директором, переводил и редактировал издания об-ва) поручила ему перевод с др.-греч. Евангелия от Матфея, в 1821 с др.-евр. — Псалтырь, вышедшей отд. изд.: «Книга Хвалений, или Псалтырь на русском языке» (М., 1822; 3-е изд., СПб., 1822). П. создал поэтич. и ясный по слогу рус. перевод Псалтыри «вместо невразумительного прежнего», славянского (Предисл. к 1-му изд., с. X; подписано митрополитом Новгород. и Петербургским Серафимом, Филаретом и Симеоном, архимандритом Ярославским). П. подготовил неск. учеб. пособий: «Краткое наставление законоучителю кантонистов высшего разряда...» (СПб., б. г.), для кантонистов же — рус. грамматику совм. с Ф. И. Миддендорфом, к-рая, хоть и была отпечатана, но по решению А. А. Аракчеева в употреблении не пушена. В др. учеб. книгах П. отразился опыт преподавания др.-евр. яз.; наиб. известная «Краткая еврейская грамматика для обучающихся Священному языку...» (СПб., 1818; М., 1822), весьма оживившая «занятие еврейским языком в петерб. акад.» (Протопопов, с. 21). В 1821—45 П. — пост. сотр. ж. «Христ. чтение».

Атрибуция множества анонимных, напечатанных в журнале работ сильно затруднена; ему принадлежат переводы святоотеческих творений: послания Игнатия Богоносца (1821, ч. 1; 1828, ч. 31—32; 1829, ч. 36; 1830, ч. 37—38), Климентя Римского (1824, ч. 14), Поликарпа Смирнского, Макария Великого, Григория Богослова, слов Иоанна Златоуста, бесед Василия Великого и мн. др.; тут же помещались соч. П.: жизнеописание Арсения Великого и Антония Великого, ст. «О фарисейской и христ. праведности», «Размышление о молитве Господней», «О приглас. Иисуса Христа» (1822, ч. 5, 6, 7), «Когда и как совершил таинственную вечерю Иисус Христос» (1830, ч. 38), «Нечто о книге Иова», «Цепь творений» (1833, ч. 3, 4), «Жизнь Иисуса Христа должна быть правилом всей нашей жизни» (1838, ч. 1) и др. (ошибирный перечень публ. см.: Барсов Н., Протоиерей Г. П. Паскский — там же, 1880, ч. 1, с. 684; то же — РС, 1880, № 3, с. 503). Заметки П. в «Христ. чтении» составлены на основании как лекций в Петерб. уни-те, так и занятий с последним.

Отпечатанные (в кон. 1833 или нач. 1834) небольшим тиражом учебники для уроков с наследником «Начертание церк. истории» и «Христ. учение в краткой системе...» (оба — б. м., б. г.) вызвали недовольство духовенства (в них были усмотрены

«признаки неправоты» — «Полный правосл. ... словарь», стб. 1736). Им воспользовались недоброжелательно относившиеся к П. круги, куда входили архимандрит Юрьевский Фотий (РС, 1896, № 8, с. 440; см. также: Родосский, с. 349) и, по видимому, А. А. Орлова-Чесменская.

По настоянию митрополита Серафима Филарет составил критич. замечания, на к-рые П. дал свои объяснения (опубл. под назв. «Объяснение на примечания, сделанные против книг: „Христ. учение в краткой системе“ и „Начертание церк. истории“» — ЧОИДР, 1870, кн. 2; отд. изд. — М., 1870), смысл к-рых сводился к указанию на «домашнее употребление» написанного: считать эти пособия катехизисом — «то же, как если бы кто нашел на дороге лоскуток от плана прекраснейшего здания и по сему лоскутку судил бы о целом здании» (цит. по отд. изд., с. 4). «Объяснение...» привело в ужасное ожесточение Серафима (РС, 1880, № 4, с. 714), к-рый не ожидал, что П. «может защитить себя от наносимых ему... жестоких ударов» («Письма... Филарету», с. 673). Дело решила аудиенция митрополита Московского в кон. 1834 у императора, а в нач. след. года П. получил место настоятеля церкви Таврич. дворца (был им до 1854), с освобождением «от занятий с Высочайшими воспитанниками»; тогда же уволен из духовной акад. («Церк. вест.», 1887, № 10, с. 200).

С концом службы при дворе не прервались теплые отношения П. и Жуковского (Жуковский В. А., Соч., 7-е изд., т. 6, СПб., 1878, с. 282—83); благодаря его заботам П. получил хороший пенсioen, ему доверил Жуковский ценз. хлопоты в связи с изд. «Священной истории для детей...» А. П. Зонтаг («Уткинский сб.», [в. 1], М., 1904, с. 110) (письма Жуковского к П.: ИРПИ, ф. 265, оп. 2, № 1041; письма П.: там же, № 1940, 28.192; их переписка 1826—35 частично опубл.: РА, 1887, кн. 2, с. 311—23; РС, 1880, № 2, с. 283—84; № 4, с. 706—07, 710—12, 714—19; Жуковский В. А., Соч., 7-е изд., т. 6, с. 535—37).

Сам П. причину нападков на свои учебные книги видел в неприязни черного духовенства к белому. Дважды, в 1814 и в 1824, после смерти жены (на руках остались 3 дочери), П. отказался принять монашество, что способствовало охлаждению отношений с Филаретом. По восп. Д. И. Ростислава, П. не скрывал своей нелюбви к монашеству, «высказывая ее иногда резкими остротами» (Ростиславов, 1872, с. 165). В 1820-е гг. ему покровительствовали лица из партии, враждебной Филарету: его «обласкали» Д. П. Рунин, С. С. Уваров, Аракчеев. Предположительно, П. принадлежит критич. замечания на филаретовы «Записки на книгу Бытия» (1816) (опубл.: «Христ. чтение», 1881, № 11/12, с. 763—91). В свою очередь статья П. «Св. Отца нашего Григория Богослова догматич. учение» («Христ. чтение», 1828, ч. 32) вызвала резкий протест Филарета (1828), усмотревшего в ней влияние протестантизма: «Мне кажется, что издатель немецкое кушанье, не разжевав, глотает» («Приб. к изд. Творений Св. Отцев в

рус. пер. за 1872 г.», ч. 25, М., 1872, с. 52). «Слишком протестантским» назвал П. в 1840 и англиканский дьякон У. Пальмер, подумывавший перейти в православие (Palmer W., Notes of a visit to the Russian Church... L., 1882, p. 241—46; см. также: РА, 1894, кн. 3, с. 88; о влиянии нем. библеистов на П. см. в его кн. «Христ. учение в краткой системе», 1909, с. 145—46). Если Филарет был сторонником систематич. богословия, то П. не признавал схоластики и делал «из уроков религии предмет исторический» (в кн.: Заггарин П. (Поливанов Л. И.), В. А. Жуковский и его произв., 2-е изд., М., 1883, с. 452); кроме того, он считал религию «святым чувством»: «учение религии состоит только в том, чтобы чаще пробуждать, оживлять и питать сие ... чувство...» («Мысли законоучителя...», с. 61; ср. также ст.: «Религия» — «Христ. чтение», 1821, ч. 1, с. 46).

После закрытия Рос. библейского об-ва (1826) «ревностный приверженец» перевода Библии на рус. язык [как и архимандрит Макарий (Глухарева)], П. продолжал из года в год на занятиях в духовной акад. переводить книги Ветхого Завета, он «будто рожден был для того, чтобы темные предметы делать ясными и наглядными» (Ростиславов, 1872, с. 164; см. также: Протопопов, с. 20—21). Перевод П. был сделан по др.-евр. (масоретскому) тексту, в то время как правосл. христ. традиция каноничность Ветхого Завета признавала за др.-греч. переводом «семидесяти толковников», выполненным самими иудеями в 3 в. до н. э. П. же, увлеченный идеей «верного толкования и понимания Священного Писания» «посредством» евр. языка (РС, 1880, № 1, с. 128), допустил в своем переводе догматич. отступления: отсутствуют пророчества об Иисусе Христе, в ряде случаев теряется сакральность библ. текста. «С филол. точки зрения» его перевод «очень ценен. Он умел передавать и самый стиль, лит. манеру священных писателей, и просодический строй библейской речи» (Флоровский, 1937, с. 196). Издание рус. перевода Библии, необходимость к-рого остро обсуждалась в церк. кругах с 1820-х гг., было задержано еще на много лет: он был напечатан в 1861—64 в ж. «Дух христианина».

Пер. Ветхого Завета П. имел громкую историю. В 1838—41, уже после увольнения П. из академии, студенты, без его ведома, выбрали лучшие записи лекций и размножили их литографич. способом; часть экземпляров была пушена в продажу студентам и преподавателями академии (о том, как хорошо они расхвалились, см.: РС, 1881, № 7, с. 485). В кон. 1841 бакалавр Моск. духовной акад. Агафангел Соловьев разослал письма митрополиту Киевскому Филарету (Амфиотарову) и др., выражая протест по поводу догматич. отступлений в труд П. (см.: Чистович, 1899, с. 136—40). Филарет (Дроздов) пытался предотвратить последствия доноса

Агафангела (см.: Протопопов, с. 70), но в дело вмешался Синод. П. был подвергнут следствию и неформальному суду. Дело тянулось до 1844, в марте Синод признал П. «не подлежащим ответственности» в «противозаконном налитрографировании несправильного перевода» книг Священного Писания, а полтав. епископу Глаголю было поручено «испытать келейно искренность раскаяния» П. в покаяниях, «противных учению православной церкви», и получить от него «собственноуное исповедание» [Чистович, 1899, с. 203—05; ответы П. 1842 спец. комиссии, Филарету (Дроздову) — там же, с. 154—74].

Наиб. плодотворный период деятельности П.-филолога начался после 1835, когда были созданы «Филол. наблюдения над составом рус. языка. Рассуждения 1—3» (СПб., 1841—42; полн. Демидовская пр.; 2-е изд., [т. 1—4], СПб., 1850), ставшие «целой эпохой в истории рус. грамматич. исследований» (Виноградов, с. 298). Сравнительно-ист. изучение языка, описание его морфологич. системы вызвали восхищение В. Г. Белинского: «знаменитый филолог» «один стоит целой академией» (Белинский, IX, 231; см. также — ук.; обширную хвалебную рец. Н. И. Надеждина — ОЗ, 1844, № 6, 8). Однако этимологич. анализ П., сближавшего подчас рус. слова со словами др. индоевроп. языков на осн. внешнего сходства, был встречен критически Ф. И. Буслаевым (ОЗ, 1852, № 4—5; библиогр. рец. на «Филол. наблюдения...» см. в кн.: Авилова Н. С., Черкасова Е. Т., Шведова Н. Ю., Библиогр. указатель лит.-ро по рус. языкознанию 1825—1880, в. 1, М., 1954, с. 62—63). П. также принадлежит близкий к оригиналу стихотв. перевод «Слова о полку Игореве» (ок. 1819—26; опубликован П.: РС, 1880, № 7; см. также: РС, 1880, № 5, с. 108—12).

Высоко ценили П. как ученого лично знавшие его Уваров, П. А. Плетнёв, М. П. Погодин, не раз предлагавший его в члены Акад. наук («Старина и новизна», кн. 4, СПб., 1901, с. 56); избран д. членом в 1859; во 2-й пол. 1840-х гг. он бывал на вечерах В. И. Даля. Однако и противниками П. были не только высшие духовные авторитеты; показательно «восприимчив» Н. Д. Фонвизиной (о ней см. в ст. С. Ф. Дуров), к-рая не могла выносить его «рационалистич. толкований» (РБ, 1894, № 12, с. 60), и более позднее — П. И. Бартенева, назвавшего П. «представителем... облегченного, уклончивого и зыбкого благочестия» (РА, 1887, кн. 2, с. 310).

По восп. учеников П., это был «добрейший человек, довольно веселый, общительный и простосердечный до наивности» (И. А. Самчевский — КС, 1893, № 11, с. 203—04; ср. сходное суждение И. А. Чистовича: «детски-простая, доверчивая и любящая душа...» — «Странник», 1863, № 5, с. 63); «честный, благородный... с стоическим характером, без

надменности и высокомерия, но неспособный к лести и низкопоклонству, враг ханжества и лицемерия, человек, так сказать, античный, с возвышенной душою» (Ростиславов, 1872, с. 164). Среди его воститанников были впоследствии талантливые филологи: архимандрит Макарий (Глухарёв), протоиерей С. К. Сабинин (о его отношениях с П.: Протопопов, с. 23—25), преосвященный Софрония Сокольский и др.

Изд.: Записка протоиерея П. [о новом изд. рус. акад. словаря]. — ИзвОРАС, СПб., 1852, т. 1, лист 25; Из бесед протоиерея П. — «Сб. имп. Рус. ист. об-ва», т. 30, СПб., 1880; Песнь песней, или Превосходная песнь. Пер. с евр. [яз.]. 1825. — РС, 1881, № 3; К истории рус. грамматич. Критич. грамматич. заметки на 1-е изд. рус. грамматич. Греча, В., 1887; Из уроков по Закону Божию Наследнику Цесаревичу (Императору Александру II), СПб., 1897; Христ. учение в краткой системе, СПб., 1909.

Лит.: Барсуков (ук.); Никитенко, I, 45—46; Чистович И. А., История С.-Петерб. духовной акад., СПб., 1857, с. 139—40, 260, 271, 319, 354, 372—75, 392, 396, 410, 418, 420, 441; его же, Руководящие деятели духовного просвещения в России..., СПб., 1894 (ук.); его же, История перевода Библии на рус. язык, 2-е изд., СПб., 1899, с. 20, 28, 38—41, 73, 129, 133—208, 227, 255, 326—32, 338; Ростиславов Д., Об устройстве духовных училищ в России, т. I, Лейпциг, 1863, с. 182; Р. С. (его же), Петерб. духовная Акад. до гр. Протасова. Восп. — ВЕ, 1872, № 9; Погодин М. П., Напоминание о П. [О б-ва. положении Н. Г. Мыльгиной, дочери П.] — РА, 1870, кн. 3, стб. 1948—51; Протопопов С. В., Протоиерей П., СПб., 1876; Казанский П., Мысли и чувствования митрополита Филарета по делу отобрания литографир. пер. книг Ветхаго Завета. — «Правосл. обозр.», 1878, № 1; РА, 1879, кн. 2, с. 141—44 [И. Павловский о запрещении пер. П.]; Барсов Н. И., Протоиерей Г. П. Павский. (Очерк его жизни по новым мат-лам). — РС, 1880, № 1—6; Мерсер К. К., Записки. — РС, 1885, № 2, с. 357, 359, 361; № 3, с. 529, 535, 541—53; № 5, с. 276—77; № 6, с. 484, 486, 493—98, 503, 509; Р. (Болотов В.), Торжество по случаю 100-летней годовщины рождения прот. П. — «Черк. вест.», 1887, № 10, с. 199—200 (вл. ф. с. П.); Памяти протоиерея П. Столетие со дня его рождения, СПб., 1887; Муравьев А. Н., Мои восп. — РО, 1896, № 2; Батаров И. И., протоиерей, Восп. — РС, 1901, № 5; Письма духовных и светских лиц к митрополиту Моск. Филарету..., СПб., 1900, с. 670—73 (сост. А. Н. Львов); Родосский А., Биограф. словарь студентов... С.-Петербург. духовной акад. ..., СПб., 1907, с. 343—49; Котович А., Духовная цензура в России. (1799—1855 гг.), СПб., 1909, с. 163, 177, 329, 374; Полный православ. богословский энцикл. словарь, т. 2, СПб., 1913, стб. 1735—36; Филарет, кн. 2, с. 494—95; Флоровский (ук.); Дневник Пушкина. 1833—1835, М.—П., 1923 (под ред. Б. Л. Модзалевского), с. 240—41; Мухомов М. Ф., Пушкин и Песнь песней. — Пушкин. Временник. 1972, Л., 1974, с. 54, 56—57; Рыжский М. И., Переводы П. и Макария (Глухарева). — В его кн.: История переводов Библии в России, Новосибир., 1978; Виноградов В. В., История рус. лингвистич. учений, М., 1978, с. 297—300 (и ук.); Переписка Н. В. Голя, т. 2, М., 1988, с. 219, 225; Белякин И., Русь православная. — «Континент», [1992], № 74, с. 147—48 (публ. Е. Буртинной); Из истории рус. культуры, т. 5 — (XIX в.), М., 1996, с. 124—26 (ст. Б. Ф. Егорова). + Некрологи, 1863: «Духовный вест.», № 4; Мессияшлов на 1864 г., СПб., [1863], с. 79—80; МВед, 17 июля (М. Погодин): «Правосл. обозр.», № 4; «Странник», № 5 (И. А. Чистович). Геннади; РБС; Брокгауз; ПНЭкр.; Христианство. Энцикл. словарь, т. 2, М., 1995; Черескрий.

Архивы: ИРЛИ. 18.625 (письмо к А. В. Никитенко, 1842 г.), ф. 265, оп. 2, № 1938—1943 (вкл. автобиографию П., черновые письма Филарету 1842 г., мат-лы пед. деятельности).

ф. 583, № 548 (письмо П. к А. В. Старчевскому, 1853 г.); РНБ, ф. 557 (вл. письма Ф. Н. Глинки от 1825, Н. А. Саблукова, 1829—37, А. И. Ишимова, 1846 г.); РГБ, ф. 297, к. 3, № 9 (Сущков Н. В., «Напоминание о П.»); США, Harvard University fms. Russian Kilgour. coll. (письма П. к З. А. Волконской).
Е. Е. Пастернак.

ПАЕВСКАЯ Аделаида Николаевна [урожд. Рыкачев, в 1-м браке Луканина; псевд. А. Луканин и др.; 28.4(10.5). *1843, Новгород. губ. — 25.12.1908 (7.1.1909), Петербург; похоронена на Теребуж. погосте Новоладож. у. Петерб. губ.], прозаик. Из дворян. семьи. Отец — офицер, участник Крым. войны, с 1858 в отставке в чине полковника. В раннем возрасте, после смерти матери, П. осталась на попечении родственников. Воспитывалась в Смольном ин-те, по окончании к-рого намеревалась стать нар. учительницей, но этому воспрепятствовала родня. Чтобы не зависеть от нее, П. вступила в фиктивный брак со студентом Мед.-хирургич. акад. Ю. А. Луканиным. В 1869—72 занималась в Петербурге химией под руководством А. П. Бородин (ученого-химика и композитора) и одновременно слушала лекции в Мед.-хирургич. акад. (хотя женщинам этого не позволялось); сотрудничала в мед. и химич. ж.-лах. В 1870 в связи с арестом (по делу С. Г. Нечаева) приятельницы П. она сама была заключена на 10 дней в Петропавлов. крепость (РГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 330, л. 143, 218) и в дальнейшем находилась под полиц. надзором. В 1872 уехала в Швейцарию. В Цюрихе общалась с М. А. Бакунинным (см.: Стеклов Ю., М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 4, М.—Л., 1927, с. 224, 235, 288). Училась на мед. ф-те Цюрих. ун-та, но сдать выпускные экзамены помешало распоряжение рос. пр-ва, отозвавшее в 1874 на родину всех рус. студентов. Однако П. не смогла вернуться в Россию в указанный срок «за неимением средств» (РГИА, ф. 1286, оп. 39, д. 320, л. 10). Продолжила обучение в Америке и в 1876 получила диплом Филалафийской жен. мед. коллегии (см. восп. П.: «Год в Америке» — ВЕ, 1881, № 8—9; 1882, № 4, 6; отд. изд. — СПб., 1892). С 1877 жила в Париже; въезд в Россию для нее был закрыт: не выполнила обязательств. распоряжения и контактов с рев. кругами. Имя П. фигурировало в донесениях полиц. агента из Парижа (см.: КИС, 1927, № 33, с. 100—101).

В Париже познакомилась с И. С. Тургеневым (рекомендат. письмо дал Бородин); при его содействии напечатала первую пов. — «Любушка». Общение с Тургеневым, к-рый покровительствовал П. и в дальнейшем рекомендовал в качестве лит. переводчицы и репетитора, хлопотал о возвращении на родину) и о к-ром она оставила восп. («Мое знакомство

во с Тургеневым» — СВ, 1887, № 2—3), продолжалось шесть лет, вплоть до смерти писателя (сохранилось 54 его письма к П. за 1878—82); в последние годы жизни Тургенева П. была его личным секретарем. Через посредство Тургенева стала учительницей рус. языка у детей изв. скульптура М. М. Антокольского (см. «Кое-что из моих восп. о М. М. Антокольском» — «Книжки „Восхода“», 1905, № 5).

В нач. 80-х гг., видимо после смерти Луканина, П. вышла замуж за врача-психиатра Н. И. Паевского (1849—1916), находившегося в эмиграции (о нем см.: ДРДР), и в 1885 вернулась с ним в Россию. Жила в Казани, затем в Петербурге. В 1892 выезжала на борьбу с эпидемией холеры в Самар. губ. (см. восп. «Командировка на холеру» — РБ, 1903, № 7—8); в 1894 работала врачом-ординатором в психиатрич. больнице вместе с мужем на ст. Удельной (близ Петербурга); в 1895, после развода с ним, нек-рое время занималась частной практикой, затем служила в Ново-знаменской психиатрич. больнице. В нач. 1900-х гг. открыла в Петербурге красильную, чистильную и прачечную мастерскую с общежитием и ремесл. школой для девушек.

В рассказах и повестях, печатавшихся в осн. в ж. «Вест. Европы» и «Сев. вест.», варьировались, как правило, две темы: судьба деревни и жен. вопрос. Героиня пов. «Любушка (...из ночных дум старой няни)» (ВЕ, 1878, № 3), во многом автобиографичной, открывает в имениннику школу, затем порывает с семьей, выступает в фиктивный брак, опрашивается, живет своим трудом, наконец, «уходит в народ» и вскоре оказывается на каторге в Сибири.

«Любушку» весьма хвалил Тургенев в рекоменд. письме к ред. «Вест. Европы» (см. в кн.: М. М. Стасюлевич и его современники, т. 3, СПб., 1912, с. 132); сдержаннее отзывался П. В. Анненков: «очень милая и трогательная повесть по ситуации, но мотивированы они робко и слабо» (там же, с. 354), а в письме к Тургеневу он отмечал мастерство дестали, но отрицал худож. цельность повести (ИРЛИ, ф. 7, № 12, л. 57—58).

В пов. «Аммосиха» (СВ, 1888, № 9) описала положение женщины из помещичьей семьи, подчиняющее ее всецело власти отца и мужа. В произв. о пореформ. деревне — цикл пов. «Старинные дела» («Птичница», «Бережай», «Дядя Ваня», «Яков Хохол» — ВЕ, 1878, № 6, 7; 1880, № 7; 1886, № 7), осн. на впечатлении детства, пов. «Лешихин бор» (СВ, 1890, № 3), «Семья Зверевых» (ВЕ, 1884, № 5), рассказ «Клад» (СПб., 1894), — сострадая тяжелой жизни крестьянства, в отличие от большинства писателей-народников, далека от его идеализации. Гл. причину «зла» в деревне видела в «темноте и отсталости» крестьянства и призывала интеллигенцию способствовать

его просвещению. Большую роль в этом отводила «господам»-благотворителям, открывающим в деревнях школы и больницы и стремящимся согласовать собств. интересы с интересами крестьян (примером для подражания считала англ. филантропич. учреждения).

В худож. отношении произв. П. неровны: умелые описания, особенно портреты-характеристики и пейзажи, но рыхлая композиция, многословие и растянutosть. Наиболее удачной оказалась автобиогр. пов. «Из детства и школьных лет» (СВ, 1886, № 2—4), названная С. Я. Надсоном «одним из самых выдающихся беллетристич. произв. текущего лит. года» (Надсон С., Лит. очерки, СПб., 1887, с. 33).

В 1890-х гг. писала для детей: биографии (в серии ЖЗЛ изд-ва Ф. Ф. Павленкова) «Виктор Гюго» (СПб., 1890, 1893), «Вальтер Скотт» (СПб., 1891), рассказы «Киночка» [в кн.: Мунт А. (Валуева), Павевская А. Н., В неволе и на воле, СПб., 1895], «Темные люди» (СПб., 1893; отрицат. рец.: «Рус. школа», 1895, № 4). В дальнейшем занималась переводами. В 1904—05 и в 1908 ездила на борьбу с эпидемией холеры на Каспийское море в качестве судового врача, после чего тяжело заболела плевритом (РГИА, ф. 101, оп. 1, д. 147, л. 170; письмо П. в Лит. фонд с просьбой об оказании денежной помощи — ИРЛИ, ф. 155, 1908 г., № 24; письмо к Е. П. Свешниковой — там же, № 13886).

Лит.: Тургенев (ук.): История социал.-рев. движения в России, СПб., 1887, с. 119—20; Шуклинский с., в. 8, М., 1909; Випницкая А., Восп. об И. С. Тургеневе. — НВ, 1895, 24 янв.; Гессен С. Я., Полина Винаро и посмертный рассказ Тургенева. — «Печать и революция», 1928, № 7, с. 60—74; Письма А. П. Бородинна, в. 1—2, М., 1927—36 (ук.); Фигуровский Н. А., Соловьев Ю. И., А. П. Бородин, М., 1950, с. 93, 104; Письма И. С. Тургенева А. Н. Лукашиной. — ЛА, в. 4, М.—Л., 1953 (публ. Е. М. Хмелевской); Павлюченко Э. А., Женщины в рус. освободит. движении, М., 1988 (ук.); + Отчет АН за 1872 г.; Рус. провинц. искрополь, М., 1914, с. 655; Змеев: Пономарев: ДРДР: ИДРДВ: Венгеров. Источ.: Мезьер: Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 7, № 63 (письмо П. В. Анненкову); ф. 293, оп. 1, № 830 (письма М. М. Стасюлевичу); РНБ, ф. 621, № 507 (письмо А. Н. Пылину); РГИА, ф. 1343, оп. 28, л. 3743* (дело о дворянстве) [справка Л. М. Себелкиной]. В. М. Бокан.

ПАЗУХИН Алексей Михайлович [11(23).2.1851, Ярославль — 27.3.1919, Москва], прозаик, драматург. Брат Н. М. Пазухина. Отец — из старинного дворян. рода, поручик в отставке, служивший дворян. заседателем; мать — из купеч. семьи. Нач. образование получил дома, в 1861 поступил в Ярослав. г-зию. В кон. 60-х гг. увлекся народнич. идеями; оставив г-зию, сдал экзамен на звание нар. учителя и 8 лет учительствовал в с. Давыдовке и с. Великом Ярослав. губ., в последнем создал об-

ществ. 6-ку и нар. театр. В 1872 опублик. повесть из нар. жизни «Тяжелая доля» («Воскресный досуг» № 22, 23). С 1876 служил при ярослав. губернаторе, составил «Календарь Ярослав. губернии на 1879 г.» (Я., 1879). Остро нуждаясь, стремился улучшить свое положение за счет лит. гонораров (в 1878 писал в дневнике: «Литература — вот мой меч, с к-рым я должен бороться с чудовищем — нуждой!» — РГАЛИ, ф. 248, оп. 1, № 93, л. 45). Посылал корреспонденции в петерб. и моск. газеты, юмористич. рассказы в ж. «Будильник» (1878—81). «Очерки нар. жизни» («Неделя», 1877, № 38) и единств. рассказ П. (написан в 1881), попавший на страницы толстого ж-ла, — «Пустынное дело» (РБ, 1884, № 4), свидетельствовали о хорошем знании крест. быта; однако в дальнейшем, печатаясь в малой прессе, П. отошел от этой тематики.

В 1881 переехал в Москву; стал пост. сотр. газ. «Моск. листок» (см. его восп.: «Первое произведение» — МЛ, 1896, приб. к № 216), где вплоть до 1917 из номера в номер появлялись его рассказы, сценки, повести и романы. Сотрудничал также в «Рус. газ.», «Моск. газ.» (зав. ред. в 1882), «Новостях дня», «Рус. листке», «Голосе Москвы», «Петерб. листке», в ж. «Стрекоза», «Осколки», «Развлечение» (в 1887 ред.), «Всемирная илл.», «Жаворонок» и др.

Романы П. (более 50), печатавшиеся в «Моск. листке» и выходившие впоследствии отд. изданиями, посвящены в осн. купечеству («После грозы», М., 1898; «Драма на Волге», М., 1898; «Вторая весна», М., 1900; «Тайна Воробьевых гор», М., 1903; «Лунные ночи», М., 1906; «Заря новой жизни», М., 1911; «Ордынская красавица», СПб., 1913; и др.). Досконально зная купеч. быт, П., однако, не выступает в роли бытописателя; развитие действия в его романах, имеющих жесткую (как правило, мелодрам.) сюжетную конструкцию, определяется любовной страстью или жаждой обогащения. В качестве высшей ценности ут-

верждается счастливая семейная жизнь, а погоня за деньгами и чувственными удовольствиями порицается. Носителями соблазнов выступают обычно аристократы; резко негативное отношение к светской жизни выражено в ром. «Московские коршуньи» (М., 1896), «Дисконтер» (М., 1899), «Княгиня Бутырская» (М., 1903), «В вихре жизни» (М., 1912). Порой он обращался к изображению помещичьего («В тени тополей», М., б.г.; «Грядущая сила», М., 1915) или театрального («На сцене жизни», М., 1904) быта; писал также уголовные романы («На обрывах Поволжья», М., 1896). Однако первенствует в его романах любовная интрига, даже в произв. на полит. («На баррикаде», М., 1906; «Военная гроза», М., 1915; «Вокруг трона», М., 1917) и ист. темы («Ополченная Россия», М., 1891; «Купленная невеста», М., 1895).

Романы П. написаны добротно и профессионально, но они во многом вторичны, используют давно отработанные в «высокой» лит-ре сюжетные схемы и стилистич. приемы (Н. А. Лейкин — А. П. Чехову, 1883: «Вода, вода, вода... да и та заимствованная, пережеванная из чужого». — В кн.: Переписка А. П. Чехова, т. 1, М., 1984, с. 138). Тем не менее «отсутствие претенциозности ... живость повествования» (МВед, 1898, 11 июля), «всепримиряющий свет теплого оптимизма» (Old Gentleman (А. В. Амфитеatroв) — НВ, 1898, 17 июня) обеспечивали П. «свою, ценившую его как занимат. рассказчика аудиторию», покупавшую «Моск. листок» «в строго определ. дни, когда печаталось продолжение его романов» (Лобанов В., Столешники дяди Гиляя, М., 1972, с. 34).

Против П. неоднократно спорились (напр., ром. «Буря в стоичных водах», М., 1884; 19-е изд., М., 1910), часто жанрировались (см.: Вишневский, с. 159), а в 1920 входили в число наиб. популярных (см.: Массовый читатель и книга, М., 1925, с. 77).

В Введенском нар. доме и театре сада «Аквариум» (Москва), а также на провинц. сценах шли пьесы П. «Московская бывальщина» (М., 1885), «Два пути» (М., 1887), «Безбрачные» (М., 1903) и др. Ценный источник сведений о разл. сторонах быта моск. купечества, мелкого чиновничества, гор. низов — очерки, сценки и рассказы П., объединенные в сб. «Злоба дня» (М., 1883), «Ландыши» (М., 1883), «Чудаки нашего века» (М., 1894), «На рубеже века» (М., 1900), «Матушка Русь» (М., 1901), «Шутки пера» (М., 1904).

Критики к П. относились по-разному. Если призывалась законность читательского вкуса («низов», он получал положит. оценку: «дластитель дум», м. б., десятка миллионов читателей, к-рые и слышим не слышали о Чехове, Максиме Горьком и даже Лже Толстом!» (Рок Н. (Н. О. Рахшанин) — «Новости и бирж. газ.», 1901, 15 дек.; см. также отзыв В. М. Дорошевича в кн.: Лидин, с. 204); в противном случае, даже

не отрицая, что книгами П. зачитываются, говорилось, что «они похожи друг на друга, шаблонны и лубочны по приемам притовления» (полемич. отклик на ст. Рахшанина — «Курьер», 1901, 17 дек.). Еще в нач. 80-х гг. в «Осколках моск. жизни» Чехов назвал П. «горе-писателем» и отнес его к числу «развратительных рокамбольных писателей» (Чехов, XVI, 46, 84); впоследствии П. ответил ему памфлетной притчей «Тенденциозный Анто» («Развлечени», 1887, № 36).

В конце жизни П. выступал в печати с восп. («Московские чудачки» — ВИ, 1912, № 41—46, 49; «И. Ф. Горбунов» — «Рампа и жизнь», 1916, № 41; «Из ярославской театр. старины» — «Театр. курьер», 1918, № 33; и др.), болезненно переживая, что он, по совбств. словам, всего лишь «поставщик фельетонных романов, на к-рые любое лит. ничтожество смотрит много-много что с презрит. снисхождением» (цит. по кн.: Лидин, с. 203).

Др. произв. Романы: «Медовый месяц» (М., 1899), «Три счастья» (М., 1899), «Бархатные дамы» (М., 1900), «Светлый луч» (М., 1909), «Разрушенное счастье» (М., 1910), «Радость жизни» (М., 1915). Повести: «Так было суждено» (М., 1882), «Егор Урван» (М., 1893), «Две весны» (М., 1909), «Самозванка» (М., 1910); комедия «Ландыши» («Сб. Моск. илл. газеты», в. 3, М., 1891).

Лит.: Чехов, XVI (ук.); Горький (ук.); его жс. Несобранные лит.-критич. статьи, М., 1941, с. 29; Круглов А. Пестрые странички. — ИВ, 1895, № 12, с. 794; Мартынов П. К. Цвет нашей интеллигенции. СПб., 1893, с. 202; Андерс Л. ПСС, т. 6. СПб., 1913, с. 270; Скроботов, с. 59; Рославлев Б. А. Дело нар. сены, Самара, 1918, с. 77—79; Амфитеatroв А. Из лит. восп. — «Рул», 1923, 17 февр.; Кугель А. Р. Лит. восп., П.—М., 1923, с. 104; Гиляровский В. А. Москва газетная. — В его кн.: Избр., т. 2, М., 1960, с. 103, 110, 180—81, 185—86, 228; Гилзбург (ук.); Лидин В. Г. Люди и встречи. М., 1965, с. 200—06; Мельгунов С. П. Восп. и дневники, в. 1, Париж, 1964, с. 187; Петровская (2; ук.). — Некролог: «Дело народа», 1919, 30 марта. Пазухин А. А., Родословная Пазухиных и родословные материалы Пазухинского архива. СПб., 1914, с. 20; Венгеров. Список: Гранат; Мезьер; ИРДТ: Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377 (автобиография 1913 г.); ф. 357, оп. 5, № 84 (автобиография); РГАЛИ, ф. 248, оп. 1, № 93 (дневник П.); ф. 317, оп. 1, № 274 (автобиография); ф. 90, оп. 1, № 28 (восп. Е. И. Ващенко о П.).

А. И. Реиблиам.

ПАЗУХИН Николай Михайлович [7(19).10.1857 — 26.5 (7.6).1898, Москва; похоронен на Лазарев. кладб.], лубочный писатель. Брат А. М. Пазухина. По свидетельству И. Д. Сытина, «был за какие-то провинности исключен из гимназии» (Сытин, с. 46). Наиболее ранняя выявленная публ. — рассказ «Страшная ночь» («Радуга», 1883, № 24). Уже здесь проявились черты, характерные для ряда последующих произв. П. (тяга к авантюристике и изображению бурных страстей, ужасов, убийств, экзотики и т. д.): пов. «Убийство миллионера разбойником Чушкиным» (М., 1884), «Заживо погребенный» (М., 1892), «Тайна

разрытой могилы», «Черный череп, или Таинственное преступление» (обе — М., 1894), изд. моск. лубочными издателями Е. А. Губановым, О. В. Лузиной, П. Н. Шароповым и др. В отличие от большинства лубочных литераторов, П. обращался не только к рус., но и к заруб. материалу: «Чертов мост. Пов. из американской жизни» (М., 1888), пов. «Убийство на дне моря» (К., 1892; 4-е изд., М., 1900), «В пасти крокодила. Рассказ из жизни путешественника по Африке» (М., 1889). Последняя, напр., «поражает читателя ужасными сценами, невозможными приключениями, невероятными абсурдами и необузданною фантазией» (Н. А. Рубакин — РБ, 1889, № 8, с. 172).

Писал также ист. романы («Ермак — покоритель Сибири», М., 1885; 3-е изд., М., 1897; «Любовь и война, или Грудь за Родину», М., 1886; «Князь Скопин Шуйский», «Страшная месть», оба — М., 1887; «Атаман Кирша», М., 1888), причем нередко перерабатывал изв. лит. произведения: А. К. Толстого — «Князь Серебряный, или Радостный гость» (М., 1885; 3-е изд., М., 1896), М. Ю. Лермонтова — «Боярин Орша, или Страшная месть отца» (М., 1887; 4-е изд., М., 1899), Н. А. Полевого — «Купец Иголкин и его подвиг» (М., 1888). Адаптировал и заруб. приключенч. романы: Э. Сю — «Блуждающий вечный жид» (М., 1886; 8-е изд., М., 1916), Майн Рида — «Всадник без головы» (М., 1893; 3-е изд., К., 1901); писал подражания популярным в лубочной лит-ре сказочным рыцарским повестям («Роковое кольцо, или Тайна в могиле»; «Мертвая царица, или Семь разбойников», оба — М., 1887).

В написанных в спешке книгах П. рецензенты порой обнаруживали языковые исправленности и сюжетные неувязки (напр., в кн. «Князь Серебряный...» «нередко встречаются целые сцены, выхваченные из оригинала, мало связанные с предыдущим или искаженные почти до неузнаваемости» — Ежегодник. Опыт обзора книг для нар. чтения. 1892, М., 1893, с. 125), однако благодаря установкам на сенсационность они имели успех у нар. читателя (см.: Сб-к статистич. сведений по нач. образованию в Орлов. губ. за 1900—1901 уч. год, Орел, 1902, с. 106, 138, 2-й пав.) и часто переиздавались.

Др. произв.: «Игра судьбы. — Утопленник. Сб. рассказов и сцен» (М., 1886); рассказы: «Князь Олег и его роковая смерть» (М., 1885; 5-е изд., М., 1908), «Новобрачные» (М., 1887), «Безумный» (М., 1889), «Деревенский шут Иван» (М., 1894), «Гроб или русалка», «Последний поцелуй» (оба — М., 1891), «На краю света» (М., 1893).

Лит.: Ежегодник. Опыт обзора книг для нар. чтения. 1891—1894, М., 1893—95 (ук.); Ан-ский С. А. Очерки нар. лит-ры, СПб., 1894, с. 33; Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания, 2-е изд., СПб., 1895, с. 392, 401, 411; Пазухин А. А., Родословная

Папухиных и родословные материалы Папухинского архива, СПб., 1914, с. 20; Сытин И. Д., Страницы пережитого. — В кн.: Жизнь для книги, М., 1962; Блюм А. В., Рус. любочная книга второй пол. 19 в. — Книга. Иссл. и мат-лы. сб. 42, М., 1981, с. 98, 100, 108.

А. И. Рейтблат.

ПАКАТСКИЙ, Пакацкий Гавриил Авраамович (1756—1830, по др. сведениям — 1840), стихотворец, переводчик. Окончил Новгород. духовную сем.; с 1782 жил в Петербурге; в 1783 рукоположен в священники; служил в церкви святых Константина и Елены при петерб. градских богадельнях. Первое изв. лит. выступление — пер. с франц. нравоучительной кн. «Благодарный гражданин, или Напутствие человеку, вступающему в должности общежития» (СПб., 1789). В 1802—03, имея по слабости зрения «от должности свободы» и обучая малолетнего сына, переложил стихами «изобильную мыслями и пылкими выражениями» (из автопредисловия) кн. «Свет зримый в лицах, или Величие и многообразность зидательных намерений...» (СПб., 1773; 4-е изд., СПб., 1817), являвшуюся переведенной И. П. Хмельницким нем. детской энциклопедией о мироздании и человеке; работу завершал уже при полной слепоте (см.: РИ, 1818, 20 нояб., с. 1088). Переложение (сделанное «четырехстопными ямбич. стихами, довольно легкими для того времени, и языком довольно чистым» — Грот Я., Объяснит. прим. — В кн.: Державин, III, 426) вышло в 1805 под назв. «Зримый свет в стихах, или Возникающая Аврора» (СПб.).

Удачный опыт подвигнул П. переложить стихами духовные произв. Переложения из кн. Ветхого и Нового Заветов (глав Исхода, Второзакония, Первой книги Царств, Книг пророков, Евангелия от Луки) вошли в «Священную поэму, состоящую из девяти песней, воспетых устами Богодухновенных человеков...» (СПб., 1814); поэме предпослана ода, посв. Александру I по случаю победы над Наполеоном, и предисл. «К читателям». Тогда же вышла «Поэма. Плач Иеремии...» (переложение книги архимандрита Анастасия, изданной в 1797 и являвшейся, в свою очередь, переводом соч. Ф. Бакуляра д'Арно; СПб.) с посвящением губ. и главному командиру Москвы Ф. В. Ростопчину; поэмы сочувны по гл. мотивам и настроению: трагедия разрушения и доверие к высшему Промыслу.

За кн. «Псалтирь в стихах...» (ч. 1—2, СПб., 1818; ряд парафраз П. вошел в составленный из лучших работ сб. «Стихотв. переложение псалмов пророка и царя Давида», СПб., 1869, 1874) П. удостоился от Рос. акад. денежного вознаграждения (мотивировка: «предпринял великий труд переложить всю Псалтирь сти-

хами. Он совершил сие дело с ... немалым достоинством» — «Изв. Рос. акад.», кн. 8, СПб., 1820, с. 7; однако в 1853 духовная цензура отклонила переизд. книги из-за неточного или произвольного перевода мн. мест — см.: РГИА, ф. 807, оп. 2, д. 1198). Вторично получил академич. награду за пересказ в стихах «Великого канона» визант. церк. поэта Андрея Критского («Благочестивое говеющих занятие...», СПб., 1829). «Канон Критского так хорошо переложен, так близко к подлиннику, что едва ли может быть лучшее переложение» (Филарет, II, 439). В таком же жанре П. воплотил и неканонич. библ. «Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова» (СПб., 1825; в письме к брату в кон. февр. 1825 А. С. Пушкин просит: «Слепой поп перевел Сираха... издает по подписке — подпишитесь на несколько экз.»). С 1818 П. подписывался так: «лишенный зрения свщ. Гавриил Пакатский».

П. приписывается авторство полемич. стих., обращенного от имени обер-священника И. С. Державина к поэту Г. Р. Державину: «Ответ. Приказ моему секретарю» [опубл. в вышеуказанных прим. Грота; список на бумаге 1818 рукою неуставов. лица — РГБ, ф. 129, оп. 21, д. 30; см. также: Бобров В., И. С. Державин, (1755—1826). — ИВ, 1904, № 8; Бобров Е.] Вероятно, П. принадлежат также стих., помещенные за подписью Г. П. в кн. «Забавная игра умов, содержащая в себе ... иссл. о философии, медицине и оратории...» (ч. 2, М., 1792).

Лит.: СПбВед. 1819, 14 февр., 2-е приб., с. [LXIV]; Пушкин И. Письма, I, 120, 408; Сюр Державных. — БЗ, 1859, № 11, стб. 329—332; Колюпанов Н. П., Биография А. И. Кочелова, т. 1, кн. 2, М., 1889, с. 335; Чистович И. А., Руководящие деятели духовного просвещения в России в 1-й пол. текущего столетия, СПб., 1894, с. 124, 150, 381; Бобров Е. А., Г. А. Пакатский. — В его кн.: Из нашей лит. и культурной старины, Варшава, 1909; Котович А., Духовная цензура в России, СПб., 1909, с. 371; Котович Я., [Предисл.]. — В кн.: Великий канон св. Андрея Критского, пер. на рус. яз., М., 1993, с. 3, 5. — Систематич. каталог книг 6-ки Моск. духовной акад., т. 1, в. 1, М., 1881 (ук.); Очерки из истории управления воен. и мор. духовенством. — «Вест. воен. и мор. духовенства», 1898, № 14, с. 433; РБС; Брокгауз; Полный правосл. богослов. энцикл. словарь, т. 2, СПб., 1913, стб. 1739 (репринт — М., 1992); Мат-лы по истории рус. дет. лит-ры. (1750—1855), в. 1, М., 1927, с. 60; Сводный каталог рус. книги гражд. печати XVIII в. 1725—1800, т. 1, М., 1962, с. 353—54.

Архивы: РГБ, ф. 233, оп. 39, № 40 (библ. заметки С. Д. Полторацкого); РГИА, ф. 807, оп. 2, д. 1158 (мотивы отказа в переизд. «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова»).

Священник Афанасий Гумеров, Е. Е. Пастернак.

ПАЛЁЙ Владимир Павлович, князь (9.1.1897, Булонь-Бийанкур, под Парижем — 18.7.1918, близ Алапаевска), поэт, прозаик. Отец П. — вел. кн. Павел Ал-дрович, младший сын Александра II, — был вынужден переселиться за границу со своей второй,morganaticкой женой Ольгой Валериановной Пистолькорф [урожд. Карнович; 1865—1929; некролог: ПН, 1929, 5 нояб. (Я. К.); см. также: Любимов Л., На чужбине, М., 1963, с. 99—100]; их брак был заключен вопреки воле Николая II.

Мать имела худож. склонности. В ее переводе во Францию вышла книга А. Г. Ельчанинова «Царствование Государя Императора Николая Александровича» (1913), описывающая распорядок жизни и обычаи царской семьи, а собранная ею коллекция фарфора и др. предметов старины имела «музейное значение» (см.: Голлербах, 1922, с. 1). В 1904 ей и ее детям от брака с вел. князем пожалованы графский титул и фам. Голенфельзен, а в 1915 — княж. титул и фам. Палей (старый род Карнович находился в нек-ром родстве с угасшим родом Палей, упоминаемым в истории Запорожской Сечи).

До 1912 П. жил с родителями во Франции. Восп. детства, «те далекие, те радостные дни/ Когда весь мир крутом был повестью Жюль Верна!» («Отчего в детской так тихо») простают у П. в стихах 1914—16 светлыми видениями дет. Эдема: П. сочинял стихи (в осн. по-французски, рукописи — ГАРФ), играл на рояле, занимался живописью, изучал европ. языки. В февр. 1910 он был зачислен в пажи-кандидаты Рос. имп. двора, в окт. 1911 определен в Пажеский корпус, приступил к занятиям с сент. 1912, в июне 1914 переведен в спец. класс. Здесь продолжал писать стихи по-русски и по-французски, вел дневник. В 1914 с родителей окончательно сняли опалу, и они поселились в Царском Селе.

Дворец, построенный специально для семьи Палей по проекту арх. Э. Я. Шмидта, представлял собой «настоящий атлас стилей, начиная с эпохи Людовика XIV и кончая империей» (Голлербах, 1922, с. 10).

Вел. кн. Гавриил Конст., сын поэта К. Р., вспоминал первый семейный визит летом 1914 к вел. кн. Павлу Ал-дровичу и знакомство с П., после окончания ускоренных классов Пажеского корпуса служившим прапорщиком в одном с ним Л.-тв. гусар. полку: «Ботка [домашнее имя П.] не был военным в душе... был красив, мил и в высшей степени талантлив: он писал замечательные стихи... В полку Ботку любили» (Гавриил Константинович, вел. кн., в Мра-

морном дворце. Из хроники нашей семьи, СПб.—Дюссельдорф, 1993, с. 197).

Весной 1915 П. по приглашению К. Р. читал ему свой перевод на франц. яз. его драмы «Царь Иудейский» (рукопись — ГАРФ), к-рому предпослал посвящение автору — «О певец бесконечной природы./ О России родимой певец!». По свидетельству вел. кн. Гавриила Конст., «перевод превзошел все ожидания моего отца, он был в восторге и даже прослезился» («В Мраморном дворце...», с. 197) и выразил желание, чтобы франц. изд. вышло именно в переводе П. (см. зап. дочери К. Р. — Татьяны Конст. в кн.: Сб. памяти вел. кн. Конст. Конст., поэта К. Р., Париж, 1962, с. 63—64; подпись Игуменя Тамара). В Крыму П. написал стих. «На смерть К. Р.» (4 июня 1915), в февр. 1916 в Царском Селе его памяти посв. большое стих. «Тень Иосифа Аримафейского» («Благослови меня на плодотворный труд./ О тень прекрасная усопшего поэта»), стих. П. «У солдатского кладбища» («Спите, соколки, спите, солдатики») навеяно стих. К. Р. «Умер бедняга в больнице военной».

Летом 1915 из Крыма, где П. лечил слабые легкие, он сообщал матери: «Читаю, думаю, пишу. Кончил свой первый будущий сборник „На пороге“ и начал второй, серьезнее — „Эрос печальный“» («Поэзия. Проза...», с. 325). В Крыму происходит действие его пьесы «Белая роза» (1915; опубл. 1996), в к-рой почти все герои влюблены и разговаривают об иск-ве. Первый сб. П. «Стихотворения» (П.) (мн. стихи датированы 1913 и 1914) вышел в 1916.

В критич. отзывах отмечались «изысканная простота», «тонкий вкус и худож. чутье» автора, владение стихотв. техникой, особенно формой сонета (Ю-н (Н. Н. Венгиль) — НВ, илл. прил., 1916, 1 окт.), чуждость новшествам поэтик. течения («всего ближе он по структуре стиха и по настроениям к поэзии К. Р.» — Ф. Д. Бялковский, «Речь», 1917, 24 янв.). Темы его поэтик. опытов — «грезы молодой жизни», «травматическое чувство к отцу и матери, стремление к Богу, любовь к природе, литература» (Ф. Н. Касаткин-Ростовский — НВ, Белград, 1926, 27, 30 июня), уютный детский мирок мл. сестер (Ирина, 1903—90, и Наталья, 1905—81), балы, маскарады в иллюминированных парках, где «свет фонарей прозрачно-блудный» и «сумерки сада голубого» располагают к любовному флирту. Мн. стихи проникнуты религ. настроением, сознанием воинского долга и предчувствием трагич. судьбы («Ужели следует нам умирать так рано/ И души мальчиков, Господь, тебе нужны» — «Мemento mori», июль 1915).

В нач. 1917 принят в д. члены Кружка любителей рус. изящных изданий.

В сент. 1915 П. «отправлен в Л.-гв. гусарский его величества полк на театр воен. действий» и тогда же произведен в корнеты, в февр. 1916 на гражд. орденю св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», в августе произведен в поручики (РГВИА, ф. 409), в сентябре переведен адъютантом к своему отцу — инспектору войск гвардии.

После Февр. революции 1917 вел. кн. Павел Ал-др. подал прошение об отставке — своей и сына, вскоре семья по приказу А. Ф. Керенского была заключена под дом. арест. Причиной ареста, возможно, стали стихотв. сатира и карикатура П. на Керенского (см.: Миллер, с. 202). Весной 1917 П. возобновил прерванные записи в дневнике. В круг его общения в это время входят А. В. Руманов, Н. Н. Пунин, А. Ф. Кони.

В письме к Кони, с к-рым П. познакомился весной 1916, он писал: «Мы переживаем ужасное время. Потрясены все основы государства, и хочется услышать Ваши мудрые слова — что делать? Как помочь? Как принести себя в жертву погибающей любимой родине?» (ГАРФ, ф. 614, оп. 1, л. 40).

В 1917 написал неск. пьес на франц. яз., драм. этюд «Смерть Пушкина», пов. «Летчик Скворцов» (не окончена; оба произв. опубл. 1996). Накануне революции П., по свидетельству родных, «сидел часами за пишущей машинкой и печатал свои стихи» (Миллер, с. 202). Второй сб. «Стихотворения» (П., 1918), подготовленный к изданию летом 1917 самим П., насыщен ист.-культурными ассоциациями и аксессуарами, далекими от совр. рев. событий.

П. посвятил своему издателю стих. — «А. В. Руманову» («У каждого поэта есть тайные друзья», дек. 1917 — РГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, № 854; там же письмо о корректуре — № 483; сообщено Р. Д. Тименчиком), писал в дневнике 12 окт., что Руманов в выпуске книги во время революции «видит дерзость, красивый вызов» («Поэзия. Проза...», с. 342). В единств. и несколько запоздалой реш. Н. О. Лернер, несомненно знавший о гибели П., назвал его «небольшим, но настоящим поэтом», а его сб-к «милым гербарием», писал не без намека: «Разумеемся, у него нет будущего, зато ему самому принадлежит прошлое» («Книга и революция», 1920, № 5, с. 55). Вероятно, об этой рецензии А. А. Блок сделал запись в дневнике 19 янв. 1921 — VII, 398.

Поэмы «Сафо» и «Благовещение» (архив И. П. Романовой, сестры П., в Биаррице), мн. стихи (рукописи — ГАРФ) впервые опубл. в 1996.

Рано осознал себя поэтом («Бросить стихи я не в силах: для меня это хлеб насущный» — письмо родителям от 28 мая 1916 — «Поэзия. Проза...», с. 329), П. переживал свою «несовременность» («Я один из тех, кто ошибся временем» — там же), был приверженцем классич. традиций рус. поэзии и ценителем франц. поэтов (Э. Ростана, Ф. Коппе, П. Верлена), Э. Верхарна, критически относился к новым направлениям в рус. иск-ве: иронизировал над «непонятными поэметтами какого-то Олега Южанина» (пьеса «Белая роза», прозрачная аллюзия на И. Северянина; цит. по кн.: «Поэзия. Проза...», с. 248), негативно отзывался о художниках «Мира иск-ва», у к-рых «в каждой мазке чувствовалась некультурность и несамостоятельность живописца» (пов. «Летчик Скворцов» — там же, с. 296).

Вызванный в петрогр. ЧК, П. отказался от предложения М. С. Уриц-

кого подписать отречение от отца и 13 марта 1918 вместе с тремя сыновьями К. Р., вел. кн. Сергеем Михайловичем и его секретарем был отправлен в ссылку в Вятку. В собрании М. С. Лесмана имеется экз. 1-го сб-ка П. с его датств. надписью от марта 1918 балерине Е. А. Смирновой («от скромного поклонника ее огненных изгибов»). 20 апр. ссыльных отправили в Екатеринбург, 20 мая — в Алапавск, куда привезли и вел. кн. Елизавету Фёд. Встречу с П. в Екатеринбурге описала Е. Семчевская (жена полковника В. В. Семчевского и мать товарища П. по Пажескому корпусу): «Какой-то надрыз, тихая покорность судьбе светились в прекрасных глазах», он читал свои новые стихи — «Столько тоски, жалобы было в них» («Двуглавый орел», Б., 1921, в. 10, июнь, с. 29—30). Все лит. наследие этого периода пропало (судя по письмам к матери, было обширным). В ночь на 18 июля, через сутки после расстрела царской семьи, П. и др. ссыльные были казнены (брошены в шахту). После прихода А. В. Колчака проводилось расследование (см.: Соколов; Стюарт), к апр. 1920 гробы с останками доставлены в Пекин, в рус. духовную миссию, и захоронены в склепе Свято-Серафимовского храма (см.: «Двуглавый орел», 1920, в. 2, дек.; 1921, в. 6, апр.), в 1945 они пропали. П. вместе с др. новомучениками причислен в 1981 Рус. заруб. православной церковью к лику святых. «Расстрелянный мальчик-поэт» вошел в мартиролог жертв рус. лит-ры, сост. В. Ф. Ходасевичем (ст. «Кровавая пицца», 1932). Исследователи усматривают намеки на судьбу П. в «Поэме без героя» А. А. Ахматовой (Тименчик, Топоров, Цивьян).

Изд.: Поэзия. Проза. Дневники, М., 1996 (сост. и комм. Т. А. Александровой, Л. И. Тютиной, вступ. ст. Т. А. Александровой); Отрывки из дневника. — «Гражд. достоинство», 1990, 16 марта (вступ., подг. текста В. Толемидова); Перед памятником Пушкина в Царском Селе. [Стих.]. — В кн.: Царское Село в поэзии, СПб., 1922 (статья Э. Ф. Голлербах, под ред. Н. О. Лернера); Стихи. — в книгах: Концы века, [в. 3], М., 1991 (публ. Т. Александровой); Гаспаров М. Л., Рус. стихи 1890-х — 1925-го гг. в комментариях, М., 1993 (справка о П. — с. 265); Князь Вл. Пале́й. Биография. Стихи, СПб., 1997 (вступ. ст., послесл. А. В. Барановского).

Лит.: Голлербах Э. Ф., Дворцы-музеи. Собрание Палея в Детском Селе, 1922; его же, Город муз. Царское Село в поэзии, Л., 1930 (перизд. — СПб., 1993, с. 192); Paley O. W. — «Revue de Paris», 1923, № 11—16; в сокр. виде: Пале́й (О. В.), Мои восп. о рус. революции, — В кн.: Февр. революция. Мемуары, М.—Л., 1925 (сост. С. А. Алексеев; с предисл. и прим. А. И. Усатина; только часть — до окт. 1917); Касаткин-Ростовский Ф., Творчество П. — НВ, Белград, 1926, 27, 30 июня; Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В., Ахматова и Кушн. — «Russian Literature», 1978, в. 6, № 3, July, p. 280; О. Е., Поэзия и судьба П. — РМ, Париж, 1988, 6 мая; Лесман (№ 1693, 1694); Соколов Н., Убийство Царской семьи, М., 1990; Манделштам Н. Я., Вторая книга, М., 1990, с. 162; Ходасевич В., Колесбийский треножник, М., 1991, с. 367, 369, 463; Алла-

нов М., Святая Елена, маленький остров. Убийство Уршико, М., 1991, с. 79; Тименчик Р., Заметки на полях именных указателей. — ИЛО, 1993, № 4, с. 157—58, 160; Барановский А. В., Несостоявшийся поэт «Серебряного века». — «Час пик», СПб., 1993, 21 июля (там же — стихи П.); Миллер Л., Святая мученица Российская вел. кн. Елизавета Федоровна, М., 1994, с. 200—15 и др.; Стюарт Дж., Правда о смерти царя — правда о страданиях России. — НН, 1995, № 33, с. 40; Жакоб М., На рус. Голгофе. — РМ, 1997, 16—22 янв.

Архивы: ГАРФ, ф. 614; ф. 613 (О. В. Палицын); ф. 644 (вел. кн. Павел Ал-др.); ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 1252 (письмо к А. Ф. Кони, 27 авг. 1917); оп. 12, № 121 (два письма Е. В. Пономареву, 18 окт. 1917) [справка О. Е. Бликиной]; РГБИА, ф. 409, оп. 1, л. 65490, п/с 12—590, окт. 1916 (дата рожд. по старому стилю — 28.12.1896) [справка Н. Ю. Муравьиной]; частный архив М. Ф. Романова, Биарritz.

Т. А. Александрова, Л. Н. Клименко.

ПАЛИЦЫН Александр Александрович (ок. 1747 — между янв. 1814 и февр. 1816, с. Поповка Сумского у. Слободско-Укр. губ.), поэт, переводчик; архитектор. Из Новгород. (?) ветви старинного дворян. рода, к к-рому принадлежал и келарь Троице-Сергиевой лавры, писатель нач. 17 в. Авраамий Палицын. Сын Ал-дра Ив. Палицына, премьер-майора. В детстве жил в родовом имении на р. Волхов. Воспитывался в Сухопутном шляхетном кадет. корпусе (1762—69), выпущен поручиком. Нек-рое время служил адъютантом при фельдмаршале П. А. Румянцеве-Задунайском (см. прим. к стих. «**Чувствование, излившееся вдруг при чтении прекрасных стихов на ветвь, выросшую на памятнике графа Румянцева-Задунайского**» — РВ, 1808, № 2), по собств. словам, участвовал в воен. кампаниях; вышел в отставку в чине майора.

В 1770-х гг. (?) поселился в своем имении Поповке, где занимался архитектурой, живописью, словесностью (в 1805 Е. И. Станевич свидетельствовал, что П. сжег свои сочинения, — см.: Станевич, с. 30, 33). По его проектам были построены мн. помещичьи дома и церкви; с культурно-просветит. деятельностью П. В. Н. Каразин связывал «начала европ. быта в Украине» (Каразин, с. 605).

Вокруг П. в кон. 1790-х — 1800-х гг. организовался лит.-худож. кружок («Поповская академия»), в к-рый в разные годы входили и опекаемые им молодые люди и изв. писатели: Ник. Фед. Алфёров, воспитанник П., архитектор и литератор (см. его «Письма» из Италии и Греции: ВЕ, 1808, № 7, 11; РВ, 1808, № 10), его сестра Ек. Ф. Алфёрова, крестная дочь П., его «чащю» и «Привета», поэтесса и художница (ср. стих. опубл.: ВЕ, 1808, № 19; РВ, 1810, № 2). В. И. Ярославский, А. И. Кардашевский, Станевич, Каразин, С. Н. Глинка и др. Культурная аура «Поповской академии» дополняется кругом друзей и знакомых П., к-рый составляли Имп. Ф. Богданович (ср. «К творцу „Душеньки“» — в кн.: Станевич, с. 29; «Стихи на смерть Богдановича» — ВЕ, 1803, № 8), Ив. Ф. Богданович, педагог и литератор И. Ф. Вернет (см. обращение к нему «Послание», 1809, — «Харьковский Демокрит», 1816, № 2). В. В. Калпшник, Г. Р. Державин («Гавриилу Романовичу Державину» — ВЕ, 1809, № 19) и др.

С 1770-х гг. П. работал над пер. «Новой Элоизы» Ж. Ж. Руссо (ч. 1—

6, СПб., 1803—04; первый полный пер. на рус. яз.; 2-е изд., ч. 1—10, М., 1820—21), к-рую ставил «столько выше всех ... романов, как небо от земли» (Сумцов, с. 3). Руссоизм определил многое в жизненном поведении П. Проповедуя культ природы (отразился на архитектурном творчестве П., приносившем законы симметрии в жертву гармонии с естеств. ландшафтом), «сладкий рай» сел. жизни, ценности подлинной дружбы, бескорыстного служения музам (ср. в письме Каразину, 1806: «Благодарю судьбу, что живу с природой. Она научила меня не переменяться, не забывать старых привязанностей, ... не скучать покоем» — Каразин, с. 882), П. в письмах и стихах является в образе «поповского пустытника», к-рый охотно поддерживает его корреспондентами (ср., напр., постоянное акцентирование «уединения», «пустынничества» и пр., не слишком мотивированное образом жизни П., — в его стихотв. переписке со Станевичем, в кн.: Станевич, с. 78—88). По свидетельству современника, П. был «холоден к обрядам христ. религии» (Ярославский, с. 138), очевидно, склоняясь к деизму.

Среди переводов П. выделяются описательные, дидактич. поэмы: «Независимость писателя» Ш. Мильвуа (Х., 1813), «Сады» Ж. Делиля, «Времена года» Ж. Ф. де Сен-Ламбера (оба — Х., 1814; П. ошибочно приписывались также пер. Вольтера — см. об этом: Заборов П. Р., Рус. лит-ра и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в., Л., 1978, с. 107, 142). П. принадлежит одно из первых стихотв. переложений «Слова о полку Игореве» — «Игорь, героическая песнь. С древней славенской песни, писанной в XII веке» (Х., 1807; перепечатано в изд.: Соч. и переводы, издаваемые Рос. академией, т. 3, СПб., 1808). Последовательно руководствуясь текстом перевода А. С. Шишкова (вплоть до включения комментариев последнего), П. обращается к александрийскому стиху (единств. случай в истории переводов памятника), обычно используя славянизмы — переложение П. напоминает героич. поэму классицизма. По словам митрополита Евгения (Болховитинова), палицынский пер. — «почтенный с бородою седлоу русский старец в нынешнем французорусском кафтане ... передразнивание, а не предложение Игоревой песни...» (ЛА, в. 1, М.—Л., 1938, с. 404). Опыт драм. героич. поэмы остался незавершенным: «Дмитрий Донской (песнь первая)» (РВ, 1808, № 8).

Наиб. известность П. принесло «Послание к Привете» (Х., 1807; 2-е изд., СПб., 1903) — своего рода поэтич. «реэстр» рус. литераторов 18 — нач. 19 вв., имеющий обшир-

ную зап.-европ. традицию, восходящий к «Поэтич. искусству» Н. Буало. П. резко осуждал галломанию в обществе и карамзинизм в лит-ре (показательно, что, давая в «Послании...» характеристики более чем ста писателям — от А. Д. Кантемира до М. Т. Каченовского, — П. ни разу не упомянул Н. М. Карамзина); в вопросах языка выступает традиционалистом, последовательным приверженцем Шишкова. Архаик, но не архаист (в терминологии Ю. Н. Тынянова), П. не принимает стилистич. новаций С. С. Боброва, к-рый, «вкус Хераскова забыв в своей „Тавриде“ / И в страсти к новому игрой трескучих слов / Шероховатостью и мыслей и стихов / Подходит там в иных местах к „Телемахиде“» (Поэты 1790—1810, с. 769), и С. А. Ширинского-Шихматова (пародию П. на него см.: РС, 1895, № 3, с. 193). В письме к И. И. Дмитриеву (1810) П. приравнивает «поколение славянослов», к-рые «вырывают всю дичь и плесень из славенских» текстов, к «династии галлицистов», подбирающих «словами и речениями, до того у нас неходячими, из чужих книг», в их взаимной ненависти, постоянное стремление к нововведениям «наперекор, и на убой остатков прежнего смысла здравого и вкуса» (там же, с. 192—93). В своих оценках П. опирается на категорию эстетич. европ. классицизма, к-рые деформируются им с поправкой на национальное (напр., русифицируется категория здравого смысла — см. об этом: Песков, с. 58).

Попытавшись вступить в «Послании...» за Станевича, к-рого «грубо критиковал» Каченовский в «Вест. Европы» (1806, № 2), П. сам получил отклик последнего (ВЕ, 1807, № 19), спровоцировавшую дальнейшее развитие полемики, принявшей скандальный характер (см.: Станевич Е. И., Способ рассматривать книги и судить о них, СПб., 1808; Восйков А. Ф., Мнение беспристрастного о «Способе...» — ВЕ, 1808, № 18; Правда о лб. Ответ г-ну Восйкову — «Драм. вест.», 1808, ч. VI). Подпись в ст. «Взгляд на дидактич. рус. стихотворения» («Благ.», 1823, № 5) отменялось, что в «Послании...» «недостает вкуса, но ... нередко встречаются справедливые замечания о языке и писателях» (с. 354).

Несмотря на то что П. не состоял в «Беседе любителей рус. слова» и не печатался в ее ж. «Чтение» (хотя и пользовался расположением Шишкова — см.: Лашенков, с. 11; РС, 1896, № 4, с. 37), за ним закрепились репутация бездарного «беседника»: А. Е. Измайлов в сатире «Певцы в Беседе славянороссов» наделяет его определением «гроза чтецов», по-видимому, имея в виду неудобопроизносимость стихов П., страдавших ритмич. сбоями, однообразным рифм, неправильными ударениями (см. также: Батюшков, ук.; Арзамас и арзамас. протоколы, Л., 1933, ук.); имя П. упоминается в приписываемой А. С. Пушкину «Тени Баркова» — среди членов «Беседы», «проклятых

Аполлоном» (см.: «Летите, грусти и печали...». Неподцензурируемая рус. поэзия XVIII—XIX вв., М., 1992, с. 137).

В кон. 1800-х — нач. 1810-х гг. соч. П. появляются в петерб. ж-лах разл. ориентации: в «Рус. вестн.», «Улье», а также в «Вест. Европы» (в 1809 Каченовский писал В. А. Жуковскому: «Палицын мне очень добрый приятель, по Станевичу» — ИРЛИ, 28075/СС16115, л. 17а). П. отдает в печать стихотворения, основанные на «домашней семантике», написанные в жанрах «легкой поэзии», — дружеские послания, мадригалы, альбомные стихи: «Учредителю Филотехнического общества» [Каразину. — Ред.] («Улей», 1811, № 12), «Стихи племяннику Е.... И.... К.... и Е(катерине) Ф(едоровне) А(лфёровой)» (РВ, 1809, № 3), «Любезной крестнице моей А.... И.... К.... на день ее рождения» (там же, 1810, № 3), «Осень» (посв. Ек. Алфёровой — ВЕ, 1811, № 3) и др., в к-рых, в отличие от карамзинистов, использует «низкую» лексику и архаичные аллегорич. фигуры. Единств. прозаич. публикация — «Мысли при чтении в „Ведомостях“ статьи о храме победы, назначенном в Париже» (РВ, 1808, № 5) — обнаруживает публицист. дарование П.

Последние годы жизни, окрашенные одиночеством (в 1806 овдовел, в 1811 вышла замуж Алфёрова, распалась «Поповская академия») и болезнями, П. почти не писал (в окт. 1808 признавался Ярославскому: «прежняя страсть моя к музам, без сил, иногда становится мне лишь мукой» — Сумцов, с. 4). В 1810 избран почетным членом Харьковского ун-та, в янв. 1814 — действит. членом Харькова. об-ва наук. В февр. 1816 упоминался как «ныне покойный» («Укр. вестн.», 1816, № 2, с. 247).

Др. произв. [Переводы]: «Дифирамб на бессмертие души» Ж. Делля (М., 1804), «О составлении ландшафтов...» Р. Л. Жирардена (СПб., 1804).

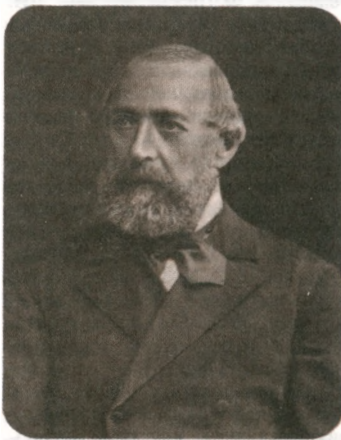
Изд.: Поэты 1790—1810: Письма П.: к В. Н. Каразину — «Молодик на 1844 г.», [ч. 3], Х., 1843; СПб., 1860, 25 апр.; к Д. И. Хвостову — БЗ, 1859, № 8.

Лит.: «Арзамас» (укр.); Станевич Е. И., Собр. соч. в стихах и в прозе, т. 1, СПб., 1805, с. 29—46, 78—88; Перепица Евгения с гр. Д. И. Хвостовым. — Сб. ОРЯС, т. 5, в. 1, СПб., 1868, с. 140—41, 200; Ярославский В. И., Зап. — КС, 1887, № 9; Сумцов Н. Ф., Культурный угодок Харьков. губ. (Поповская академия), Х., 1888; Багалей Д. И., Опыт истории Харьков. ун-та, т. 1, Х., 1893—98, с. 38—40, 747, 769—73 и др.; Лашенков Н. А., Е. И. Станевич. — В изд.: Сб. Харьков. историко-фил. об-ва, т. 9, Х., 1896, с. 5, 10—11; Каразин В. И., Соч., письма и бумаги, Х., 1910 (укр.); Шамбинато С., Худож. переложения «Слова». — В кн.: «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1934, с. 205—06; Игнаткин А. И., Архитектор П. и «Поповская академия». — В сб.: История и теория архитектуры и градостроительства, Л., 1980; Алтшуллер М., Предтеча славянофильства в рус. лит-ре (Об-во «Беседа любителей

рус. слова»), Алн-Арбор, 1984 (укр.); Лотман Ю. М., «Сады» Делля в пер. Воськова и их место в рус. лит-ре. — В кн.: Делля Ж., Сады, Л., 1987, с. 194, 204; Песков А. М., Буало в рус. лит-ре XVIII — первой трети XIX в., М., 1989 (укр.); Лосисевский И. Я., Рус. лира с Украины. Рус. писатели Украины первой четв. XIX в., Х., 1993 (укр.). + Геннади: РБС: Брокгауз; Энцикл. «Слова...», СПб., 1995; Масанов (П. ошибочно приписан посв. Пустышник).

Архивы: РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 444 (биограф. мат-лы) [справка Н. Ю. Муравейниковой]; РГБ, ф. 32, к. 18, № 22 (неопубл. стих.); ИРЛИ, ф. 322, № 61 (письма Д. И. Хвостову, 1811). Г. В. Зыкова, М. К. Есеева.

ПАЛЬМ Александр Иванович [28.12.1822 (9.1.1823), г. Краснослободск Пензен. губ. — 10(22).11.1885, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], прозаик, драматург, поэт. Из дворян. Отец — обрусевший немец, мелкий провинц. чиновник (тит. сов.). Мать — из крепостных, выкупленная на волю мужем сразу после

рождения П. В 1837—42 П. (снимая квартиру с мл. братом Иваном, будущим художником) воспитывался в петерб. Дворянском полку, в к-ром преподавали Е. П. Гребёнка и Ф. А. Кони, посодействовавший его поэтич. дебюту в «Лит. газ.» (стих). «Опустелый дом», 1843, 18 апр.), где П. нек-рое время довольно активно сотрудничал (1843: «Много горя, много дум тяжелых», 30 мая, «Воспоминание», 25 июля; 1845: «Я сидел задумчив», 3 мая, «Рус. песня», 7 июня, и др.). Печатал стихи также в «Б-ке для чтения» (1844, т. 63), «Отеч. зап.» (1845, т. 39), «Иллюстрации» (1845, 26 мая), «Сев. обозр.» (1848, т. 2) и др. Кони приветствовал «весьма замечат. дарование» П.: «стих его звучен, правилен... компактен» (ЛГ, 1843, 18 окт.). Всего в 1843—50 П. опублик. ок. 30 стих. (позже к поэзии не возвращался). Наиб. значит. поэтич. соч. — «Сказка про царя с царевной да про гусяра с заморским котом» (ЛГ, 1843, 17 окт.), вызвавшая в «Лит. газ.» сочувств. сопоставление с «Песней про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова. В числе ранних лит. опытов П. — не-

сколько прозаич. соч., в т. ч. рассказы «Ничего, а воля ваша — странный случай» (ЛГ, 1843, 19 дек.), «Соседка» (посв. М. И. Глинке, СПбВед, 1849, 5—22 мая), пов. «Шалость» («Фин. вестн.», 1846, № 9), «Один день из будничной жизни» («Моск. гор. листок», 1847, 23 мая, 27 мая, 29 мая—2 июня), ром. «Жак Бичовкин» (ОЗ, 1849, № 4—5), гл. герой к-рого «отчасти Печорин», представитель «обмельчавшей породы» чайльд-гарольдов. Однако ни лит. занятия, ни служба (в 1842—49 П. — офицер л.-гв. Егерского полка; по свидетельству П. А. Степанова, его командира, занимался распространением социалистич. идей среди офицеров — см.: История л.-гв. Егерского полка за сто лет, СПб., 1896, с. 295—96) не приносили П. полного удовлетворения: «... вот несчастье нашего поколения: есть головы светлые, талантливые, есть жажда, есть идея о лучшем, — а нет поприща этим головам... Пишу я очень мало, о чем писать? На всем, чего нужно бы коснуться, лежит печать запрещения — и пиши, знай, сладенькие повести с их вечными пошлыми любовными интригами» (из письма Ег. П. Ковалевскому от 20 марта 1846, РНБ, ф. 356, № 299). В авг. 1847 П., познакомившись с М. В. Петрашевским, вместе с С. Ф. Дуровым (верность дружбе с к-рым сохранял всю жизнь, в 1857—69 Дуров проживал с семьей П.) стал участником его кружка, произведя «самое приятное впечатление» на Ф. М. Достоевского: с П. его объединяло «сходство мыслей и вкусов» (Бельчиков Н. Ф., Достоевский в процессе петрашевцев, М.—Л., 1971, с. 138). (П. вновь встретился с писателем еще дважды — на благотворит. лит. вечерах в 1879 и 1880; на похоронах Достоевского произнес речь.) 23 апр. 1849 П. (несмотря на то, что в бумагах его ничего «предосудительного» не оказалось) в числе др. петрашевцев был арестован и заключен в Петропавлов. крепость (где закончил 2-ю часть ром. «Жак Бичовкин»). В показаниях назвал себя «гнусным либералом» и раскаялся в «необдуманных поступках». Приговоренный к «смертной казни расстрелянием», был помилован, переведен из гвардии в армию и отправлен в Одессу в Литов. полк (дек. 1849). Участвовал в воен. действиях против Турции на Дунае (1852) и в Севастопольской кампании (1854; получил серебр. медаль). Все эти годы пытался печататься, но его письма (А. А. Краевскому, А. Н. Очкину, в ред. ж. «Москвитини») оставались без ответа, несмотря на заверения П. в том, что лит-рой он занимается «с позволения начальства». В июне 1852 Краевский выслал П. аванс (200 руб.), но ни одно из предложен-

ных ему П. произв. не напечатал. «Опальному» П. удалось опублик. (за подписью А—; атрибутируется на основании письма П. к Краевскому от 28 июня 1851 — РНБ, ф. 391, № 605, л. 292) только четыре очерка «Одес. письма» (СПбВед, 1850, 14 июля, 28 июля, 7 сент.; 1851, 23 марта).

В 1856 с П. были сняты секретный полиц. надзор и ограничения в месте жительства. В 1857 вышел в отставку (майор) и поступил на службу к полковнику Д. К. Волохову (на его племяннице К. Г. Жаковской П. женился в 1853), к-рый разорился и застрелился, а П. оказался в долгах. Надежды на лит. заработка разрушил провал его пьесы «Благотетель» («Совр.», 1864, № 6; Александрин. т-р, 1864; рец.: СО, 1864, 15 февр. — «литературно, но безжизненно»), о к-рой Ф. А. Бурдин писал А. Н. Островскому: «... вещь не глупая, но в высшей степени сухая, бесцветная, длинная» (А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизд. письма..., М.—Л., 1923, с. 22). С мая 1864 П. служит управляющим банком в Кишиневе, с мая 1868 — в Полтаве. Увязая в долгах («Я измучен бедностью», — писал П. своему другу П. М. Ковалевскому), П. решился на растрату (1871). Суд (март 1873) приговорил его к выплате денег и ссылке в Самару на 3 года (см.: Спасович В. Д., [Дело о Пальме], Сочинения, т. 5, СПб., 1893, с. 248—69).

В 70—80-е гг., когда лит. заработок стал единств. источником дохода («пишу, пишу до обморока»), П. проявил себя как весьма плодотворный беллетрист. Свое наиб. значит. произв. — «Книга скорбей» («Я кладу в нее лучшие мои силы» — письмо П. М. Ковалевскому от 25 авг. 1872) П. предложил Н. А. Некрасову [ЛН, т. 51—52 (II), с. 429], к-рый, отклоняя рукопись, посоветовал обратиться в «Вест. Европы» («Стасюлевич любит такие заглавия — да и скуку уважает», цит. по кн.: ЛН, т. 51—52, с. 38), где ром. под загл. «Алексей Слободин. Семейная хроника» и был опублик. (под псевд. П. Альминский, 1872, № 10—12, 1873, № 2—3; отд. изд. — ч. 1—3, СПб., 1873; отрицат. рец.: [Авсеев В. Г.], РВ, 1873, № 10). И. С. Тургенев, прочитав первые части, писал М. М. Стасюлевичу: «„Слободин“ — очень хорошая вещь... Я радуюсь за него (Пальма)» (Тургенев. Письма, X, 41). Определяя жанр произв., П. просил не называть его романом (ср. упрек рецензента: «никак не стиль художника-романиста», «Гражданин», 1873, № 1), стремясь построением, характерным для записок («деление на тетради»), и подзаголовком («Из восп. о погибших людях») подчеркнуть мемуарно-автобиограф. характер сочинения. Одна из 5 частей по-

священа «известному происшествию» — истории петрашевцев, к-рых П. вывел под вымысл. именами (Дуров — Рудковский, Петрашевский — Дмитрий Сергеевич, Пальм — Мориц, «нек-рые черты молодой поры Достоевского», — обр. идейно-филос. воззрения, — в образе Слободина). В 1884 произв. П. попало в «черный список» книг, запрещенных к обращению в б-ках. Не касаясь, по собств. признанию, «процесса», «дела по существу» (во мн. по ценз. условиям), П. сосредоточился на внеш. обстоятельствах, воспроизведении бытового фона, подробностях личной жизни героев, биогр. деталях, воссоздавая хотя и «тускло», но достоверно картину жизни кружка («правдивый роман», по определению М. Горького, предпославшего его «Людям сороковых годов» А. Ф. Писемского, — ЛН, т. 70, с. 111). Размышляя в финале о судьбах своего поколения, П. не смог скрыть раздражения, войти в «примиряющий» тон: «небывалые „новые люди“» предали забытию идеалы «юных мечтателей» 40-х гг.: Слободин «становится человеком ненужным». Этой же «заветной» для П. теме повс. проникнутые еще большим пессимизмом и разочарованием. автобиограф. ром. «Мирные времена» («Дело», 1882, № 8—12) и дилогия «Болельные люди» (СПб., 1881, полж. рец.: ЖО, 1881, № 38), состоящая из повестей: «Конец старого романа» (ВЕ, 1874, № 10—11) и «Пропащие годы» (ОЗ, 1880, № 2—3). Горький пафос П. не вызвал сочувствия большинства критиков: его произв., составленные «из отдельных эпизодов, сшитых... на живую нитку», с героями, «механически» перенесенными в новую эпоху из 40-х гг. (новая версия «лишних людей») и выдаваемыми за современников, называли «водевилем с переодеванием» («Засодимский и П. В.», Буря в стакане воды. — РВ, 1881, № 6, 7; см. также: [И. Н. Харламов]. — «Страна», 1881, 6 окт.). В романе с авантюрным сюжетом «Петербургская саранча» (НВ, 1883, 26 июня... 11 дек., отд. изд. — СПб., 1884) П. обратился к новой для себя теме и героям. В центре повествования — возрождающаяся дворян. семья в поисках путей легкой наживы. Несмотря на следы «очевидной торопливости», в ром. «много жизни, чувства, движения, много тонких психол. черт, много бытовых ярких картинок из жизни», в нем «сверкают перлы крупного худож. таланта, достойного лучшей участи» (РВ, 1884, № 4, с. 159—160; полж. рец. отзыв также в РВ, 1884, № 6).

В июне 1877 вместе с семьей П. отправился на Кавказ (там проводил лето 1879, 1880, 1881, 1884), откуда посылал корреспонденции в «Нов.

время» о рус.-тур. войне. С весны 1878 жил в Петербурге. В 1883 начал издавать еженед. листок «Зритель» и газ. «Театр», желая сделать ее «голосом справедливой нейтральной критики» (печатались П. М. Ковалевский, П. Д. Боборыкин, В. П. Острогорский, А. Н. Плещеев, к-рый писал И. Л. Щеглову: газета «ведется недурно; и тон хороший, и отношение к делу серьезное. Не мешало бы только побольше перцу...», ЛА, 1961, № 6, с. 375). Через три месяца П. прогорел и опять оказался в долгах. «По давней своей любви к театру» он выступал и как актер, играя (подчас «высокохудожественно» и «замечательно правдиво») на сценах Тифлиса (один из его сыновей — С. А. Пальм был антрепренером Тифлис. т-ра), Самары, Петербурга, Харькова, Ростова-на-Дону и др. городов, преим. в собств. пьесах.

Из числа пьес П. (см. раздел Др. произв.) наиб. успех сопутствовал комедии «Старый барин» (ОЗ, 1873, № 5, отд. изд. — СПб., 1878; Александрин. т-р, 18 окт. 1872; обстоят. критич. разбор — А. С. Суворин, СПбВед, 20 окт., то же в его кн. «Театральные очерки», СПб., 1914) — о столкновении старого идеалиста с бессердечным практицизмом молодого поколения. Образ старого барина, «теперь переходящего в предание» (Суворин), был удачен настолько, что А. М. Скабичевский, назвавший П. «одним из лучших драматургов» (Скабичевский А. М., История новейшей рус. лит-ры, 7-е изд., СПб., 1909, с. 414), отметил именно способность П. «не без мастерства выводить ... рыхлые и изнеженные барские типы» (там же, с. 415). С аншлагом прошла и др. комедия П. — «Наш друг Неклюжев» («Слово», 1879, кн. 12, отд. изд. — СПб., 1880; Малый т-р в Москве, 1879, 25 нояб., Александрин. т-р, 1879, 12 дек.); рец. [Немирович-Данченко Вас. И.] — «Рус. курьер», 1879, 30 нояб., [Плещеев А. Н.] — «Молва», 1879, 19 дек.), в к-рой осуждались «практические» тенденции общества, забывающего в погоне за богатством о нравств. ценностях. В основу сюжета этой пьесы были положены «шумное» реальное «дело Юханцева» и собств. опыт, связанный с растратой казенных денег.

Еще при жизни П. стал персонажем произв. П. М. Ковалевского — под именем Камеева выведен в пов. «Непрактические люди» и в ром. «Итоги жизни». Личный архив П. утрачен, сохранились рукописи аллегорич. «Последний сон» (к-рая была зацензурирована — РГИА, ф. 777) и четырех стихотворений.

Др. произв. Пьесы: «Просветители» (ОЗ, 1871, № 3; отд. изд. под назв. «Очерта голову» — М., 1880), «Мышеловки» (Малый т-р, янв.

1875), «И крылья есть, да лететь некуда» (СПб., 1875), «Доброволец Солодаев» (опубл. под назв. «Гражданин», «Слово», 1878, № 3), «Господа избиратели» (ВЕ, 1881, № 4), «Милочка» (СПб., 1883), «Грешница» (РБ, 1885, № 1). Повести: «Анкудинова дача» (НВ, 1884, 21 авг. ... 28 дек.), «Фрося» (СВ, 1885, № 3). «Ф. Н. Львов. Из старых восп.» (НВ, 1885, 4 июня). Ст. «Театр в провинции» («Слово», 1878, № 6).

Изд.: Драм. сочинения, М., 1893; Алексеев С. С. Пальмин. Повесть из жизни петрашевцев. [М.], 1931; [Стих.]. — В кн.: Поэты-петрашесцы.

Лит.: П. К. (Ковалевский П. М.), О Пальме, как человеке. — НВ, 1885, 11, 14, 17, 21 нояб.; Суворов П. П., Записки о прошлом, ч. 1, М., 1898, с. 265—68; Соколов А. А., Из моих восп. А. И. Пальм. — «Моск. листок» (илл. прил.), 1909, 14 июня; Пальм Г. А., А. И. Пальм. — ИВ, 1911, № 3; его же, Театр в провинции. — ИВ, 1912, № 11; Семевский В. И., Петрашесцы С. Н. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев. — ГМ, 1915, № 11, 12; Сакулин П., Рус. лит-ра и социализм, 2-е изд., ч. 1, М., 1924, с. 334—54; Соколов П. П., Воспоминания, Л., 1930 (ук.); Дело петрашевцев, т. 3, М.—Л., 1951; Корсаков И. М., Краснослободск, Саранск, 1966, с. 55 (о дате рож. П.); Чистова И. С., А. И. Пальм и его ром. «Алексей Свободный». — РЛ, 1969, № 2; Шадури В., Писатель-петрашесец П. в Грузии. — В кн.: «От „Слова о полку Игореве“ до „Тихого Дона“», Л., 1969; Тхоржевский С., Жизнь и раздумья Александра Пальмы, Л., 1971; его же, Портреты пером, Л., 1984; Джавахишвили Г. Д., Писатель-петрашесец П. и И. Ф. Тхоржевский в тифлис. демокр. периодике. — Труды Тбиски. ун-та, 1975, т. 159; Новые материалы к истории рус. лит-ры и журналистики 2-й пол. XIX в., т. 1, Тб., 1977, с. 105—59, 243—48; ЛН, т. 53—54, с. 56, 63, 87, 88(1). * Некрологи: 1885 — «Неделя», № 46; «Новости», 13 нояб.; «Свет», 12 нояб.; СПбвб., 15 нояб.; «Кавказ», № 322; «Суфлер», ВП, № 880, 14 нояб.; РБС; Брокгауз; Языков, в. 5; Михлин; ИРДТ: КЛЗ; Рус. писатели; Меллер; Муратов (1); Масанов (ошибочно приписаны псевд. Консерватор, П. М., А. Т-кий; не учтены псевд. Сандро, Ал. П.-ъ, А. П.-м, А.-ъ, -мъ, А. И., А. П.).

Архивы: ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 1081 (28 писем М. М. Стасюлевичу, 1872—77), оп. 4, № 41 (письмо П. М. Ковалевскому, 1872), ф. 599, № 223 (7 писем В. П. Острогорскому), Р. 1, оп. 22, № 226 (26 писем С. Ф. Дурова к П., 1858—64), оп. 22, № 230 (аттестат П. о службе), оп. 22, № 231 (предисл. дочери П. к кн. «Письма С. Ф. Дурова к П.»; 1909 г.), ф. 155; РНБ, ф. 391 (А. А. Кравского) (письма П.); РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3156 (письма А. С. Суворову); РГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 523 (аттестат о службе отца П.), ф. 776, оп. 8, д. 151, 1882 г. (приказ об отставке П.), ф. 587, оп. 30, д. 280 (дело о растрате), ф. 777.

Л. Дрейлинг
(с использованием материалов, предоставленных С. С. Тхоржевским).

ПАЛЬМИН Иван Дмитриевич (1803—56), литератор. Отец Л. И. Пальмина. Из обер-офицерских детей. Окончив Демидов. коммерч. уч-ще в Ярославле, поступил в 3-е отд. канцелярии мин. финансов (1820—24). В 1824—28 — помощник надзирателя Питейного сбора в Ростове. В 1828 определен в канцелярию К-та о раненых (Петербург), где «усердно и ревностно» служил до конца жизни. С 1839 надов. сов. Женат на дочери кол. ас. Ал-дре Горбуновой.

Пост. посетитель вечеров гр. Д. И. Хвостова, П., по словам его сына, был «замечательным шахматистом»

(РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 387, л. 2), другом А. Ф. Воейкова и печатался в осн. в изданиях последнего (из письма Л. И. Пальмина С. А. Венгеру: «У меня целы отрывки его переписки с Воейковым и гр. Хвостовым» — ИРЛИ, ф. 377, оп. 6). Стихи П. в ж. «Славянин» (1828: «Грусть одиночества», ч. 8; 1829: «Печали и радости», ч. 10; «Свет», ч. 11; «Сравнение», ч. 12; 1830: «Уголь», ч. 13) и в «Лит. прибавлениях к „Рус. инвалиду“» (1833: «Щастие, мечта ли?», 18 янв.; «Молитва», 1 февр.; «Розы», 25 февр.; «Надгробие», 15 апр.; 1836: «Христианское мужество», 26 сент.; «Воспоминание», 23 дек.), а также в ж-лах «Сев. Минерва» (1832: «Мысль о будущей жизни», № 2; «Блага земные», № 4; «Судьба», № 5; «Воспоминание», № 6) и «Маяк» (1840: «Жизнь», кн. 12; 1841: «Рассудок», кн. 24), исполненные порой элегич. грусти, религ. экзальтации, перепевавшие распространенные в поэзии мотивы (Г. Р. Державин, В. А. Жуковский), несколько архаичны и дидактичны, почти лишены конкретки личностного переживания. Из прозы П. (ему принадлежат многие миниатюры моралистич. характера в разделах «Любоумудрие» и «Смесь» ж. «Славянин»; напр., 1830: «Память людей», «Оправдание», «Спор», ч. 13; «Проклятие», «Рифма», «Потери», «Нововводимые слова», ч. 15) наиб. интерес представляет рассказ в стиле нар. сатиры «Наследство» (ЛПРИ, 1834, 1—8 дек.), с живым остроумным сюжетом, увенчанным незамысловатой «моралью»: «Каменем побит да будет всякий тот/ Кто заживо детям именею отдаст».

Лит.: Адрес-календарь, СПб., 1831—1855; РБС (ст. «Пальмин Л. И.»; сведения о дворянстве П. архивами не подтверждаются).

Архивы: ИРЛИ, ф. 34, № 3 (ук. сотрудников «Маяка» на 1840—44 гг.); РГИА, ф. 1343, оп. 3, д. 1657 (ф. с. 1844 г.); ф. 777 (цenz. дело о разрешении к печати статьи (?) П. «Упрёк» для ж. «Славянин», 1830, 11 марта) [справка Н. Н. Казаковой]. С. М. Гучков.

ПАЛЬМИН Лиодор (Илиодор) Иванович [15(27).5.1841, Петербург — 26.10(7.11).1891, Москва; похоронен на Вагьянском кладб.], поэт. Сын И. Д. Пальмина. П. вспоминал родителей как людей «глубоко мечтательных и религиозных», баюкавших его в колыбели балладами В. А. Жуковского (письмо Н. А. Лейкину от 10 янв. 1884 — РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 384, л. 22). После смерти отца в 1856 поступил казенно-коштным пансионером в 3-ю петерб. г-зию, к-рую окончил в 1860. В том же году стал вольнослушателем юридич. ф-та Петерб. ун-та. За участие в студенч. волнениях 1861 был арестован и заключен в Петропавлов. крепость (стих. «Крепость» — «Осколки», 1882, № 19). После освобождения продолжал учиться в ун-те до

его закрытия в 1863 (кумиры П. — М. М. Стасюлевич и Н. И. Костомаров, формировавшие его либеральные умонастроения). Недолго прослужив в адресной экспедиции, целиком посвятил себя лит. деятельности.

Первая публ. — пер. с франц. яз. («Лучи», 1859). Начал с подражательной романтически окрашенной лирики о муках «безответной любви»: «Целый день проводил я с гостями...» («Век», 1861, № 27; подпись А. Пальман; ошибка исправлена в объявлении о ж-ле на 1862), цикл стихов (БлЧ, 1861, № 12; см. также: БлЧ, 1862, № 2). С сер. 60-х гг. печатался в «Будильнике», «Деле», «Жен. вест.» и др. Поэтнич. имя П. получило известность прежде всего в ж. «Искра» (1863—68), куда ввел его Вас. С. Курочкин («незабвенный учитель мой... был вождем в борьбе с темной силой и нес знамя света» — письмо Лейкину от 31 июля 1890, РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 384, л. 19; вместе с тем тогда же «незабвенный учитель» своей музы П. называл А. А. Фета — ф. 289, оп. 1, № 31, л. 15). В «Искре» складывается стиль обличительно-юмористич. стихов П., ориентированных на демокр. вкусы ж-ла, исполненных едкой иронии и вместе с тем преклонения перед «бессмертной красотой» идеи («Вечное бытие»). А. В. Амфитеатов видел в его поэзии, «красивой и искренней, но малосамостоятельной», сочетание «гейнизма с некрассовским течением» (Амфитеатов, с. 393). Сам П. в одной из позднейших оценок природы своего смеха явно гиперболизировал: «Плама дьявольское скрыто в этом смехе незаметно! Так смеется жгучей лавой огнедышащая Этна» («Свежее предание»). Рев. экзальтация стих. «Requiem» («Не плачьте над трупами павших борцов...» — «Искра», 1865, № 11; по свидетельству Амфитеатрова, приписывалось Н. А. Некрасову), с ее неск. абстрактным па-

фосом преклонения перед борцами во имя идеи, импонировала настроением читателей разных поколений: в годы рус.-тур. войны 1877—78, когда оно было разрешено к исполнению с эстрады, его воспринимали как патристическое; народнически настроенная молодежь относилась эти стихи к подсудимым совр. полит. процессов. Благодаря чтению М. Н. Ермоловой «Requiem» приобрел широкую популярность и стал в дальнейшем рев. песней (см.: Гиляровский, с. 538—42).

После закрытия «Искры» П. в 1869 переехал в Москву, семь лет служил в Румянцев. музее «легкое местечко» — РГАЛИ, ф. 289, оп. 1, № 31, л. 47). В нач. 70-х гг. П. начал писать роман вместе с Н. А. Дубровским (1821—74), смерть к-рого прервала работу (см.: ЛН, т. 88, кн. 1, с. 320; судьба романа неизвестна). Средства к существованию добывал в осн. лит. трудом, печатаясь в изданиях разл. направлений: «Рус. мысли», «Осколках», «Стрекозе», «Занозе», «Наблюдателе», «Лит. б-ке» и др. (в кон. 80-х гг. безуспешно искал контакты с «Нов. временем» А. С. Суворина). Характерен по-своему трагикомич. эпизод с одой П. царю-освободителю Александру II (СПб., 1869), к-рая вопреки наивным надеждам поэта не помогла ему получить стипендию, но поссорила на время с либеральными журналами (РНБ, ф. 438, № 18, л. 500). Поддерживая свою репутацию поэта-опозиционера с «ехидной подкладкой» (по его собств. выражению), он пытался оправдать свое сотрудничество с «Моск. листком», всячески понося его в письмах Лейкину, однако признавая, что «лучшие и наиб. удачные вещи» он печатал в этом изд. (письмо от 7 авг. 1890 — РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 387, л. 22). Работа на потребу лит. рынка накладывала предел. отпечаток на стихотв. продукцию П. — многословную и порой однообразную. Вместе с тем стремление П. к независимости (как в «партийном», так и в худож. смысле) не могло удовлетворить публику ни в одном из враждующих между собой лит. лагерей: «Ненавидя фарисейские обряды и догматы, но будучи в душе истинным христианином, я искал участия нередко там, где было не только ледяное равнодушие, но даже злорадство ... я не мог примкнуть ни к одной из партий, и каждая относилась ко мне неприязненно» (письмо Лейкину от 29/30 нояб. 1890 — там же, л. 47—48 об.).

Итогом поэтич. деятельности П. стали сб. «Сны наяву» (М., 1878) и «Собр. стихотворений» (М., 1881; 2-е изд. «Снов наяву» с добавлением 16 стих., а также «Цветы и змеи. Сатира, юмор и фантазия» (СПб., 1883). Пользуясь нек-рой популярно-

стью в читат. и лит. среде, П. не был замечен критикой (откликов на сб-ки его стихов не обнаружено). В сер. 80-х гг. П. намеревался издать свои «осколочные» (не только из ж. «Осколки», но и из «Рус. мысли» и «Наблюдателя») стихи в кн. «Изпод пепла с ветром» — «самое лучшее, остроумнейшее, пикантнейшее в известном направлении» (письмо Лейкину от 8/9 апр. 1890 — РГАЛИ, ф. 289, оп. 1, № 31, л. 21 об.; замысел не осуществился).

Лейтмотив «чистой» лирики П. — утрата современной (прежде всего городской) жизнью поэтич. содержания, возвышенно-романтич. стремлений, забвение «преданий старины» и нар. мифологии, с ее русалками, лешинами, домовыми, старение и обезличивание человека, особенно ошущиваемое в сравнении с природой. Так, природа у него выступает гл. свидетелем в споре о совр. нигилизме, отрицающем «любь», и весну, и мечты, хотя худож. решение темы неск. наивно: «Но дальше идут нигилисты, / Замокнули шаги их, и вот! Все снова вокруг оживает, / Все снова звучит и поет» («Нигилисты»). Вызывающе архаично на фоне совр. поэзии звучало назв. одного из разделов «Снов наяву» — «Любовь и грезы»: мир поэтич. видений автора не нов («Домик, густая рябина, / Садик за ветхим плетнем! ... Вот в темноте промелькнуло! Белое платье в саду»), нек-рая новизна — в столкновении с враждебным этому миру началом («Город с своими домами! В смрадный закутался дым, / Нагло смеясь над мечтами / Каменным смехом своим...» — «В городе»).

В поисках утраченного современностью идеала П. обращается к Библии, восточным легендам (в осн.) и новозаветным преданиям к-рой насыщены его стихи из раздела «Пальмы Палестины» и др. Наряду с пересказами библич. сюжетов у него встречается и злободневное их переосмысление. П. гордится тем, что ему удавалось, обманув бдительность цензуры, «в форме житий святых или кантов на двенадцатые праздники, под маской маской проводить излюбленные идеи космополитизма и социализма» («Н. А. Лейкин в его восп. и переписке», СПб., 1907, с. 206). Не случайно стих. «Иисус на Елеонской горе» посвящен памяти Я. Гуса: в одном из писем П. назвал Христа «революционером и социалистом... до сих пор не понятным большинством» (РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 384, л. 22 об.; не отличаясь ортодоксальностью в религ. вопросах, П., однако, считал толкование Л. Н. Толстого Евангелия «Бесибердой» («Мистично, но глупо и мелко» — там же).

Заметное место в сб-ках П. отведено поэмам, «моментальным» (по объему и построению), но с кратким, почти анекдотич. сюжетом («Свежее предание в селе Волынском»). Ист. поэмы исполнены романтич. ностальгии по прошлому («Все грациозное исчезло в старине»), живописные картины к-рого рисует автор, и пресечения к совр. толпе, к-рую «не увлечет ни чувство, ни идея» («Покинутый замок»). В традициях романтизма — и героизация благородного атамана разбойников, карающего «ишь злых», воплощенного в любовно-авантюрную историю («Горкуша»). В «Отрывках из поэмы „На родине“ и в „рсквесе“ «На кладбище» (б. ч. произв. — размышления о бренности существования) звучат автобиограф. мотивы: восп. об умершей возлюбленной, ставшей музой поэта.

Взгляды П. не претерпели серьезной эволюции; до конца жизни он оставался либералом, западником-прогрессистом (несмотря на любовь к прошлому и пристрастие к рус., укр. и антич. демонологии). Однако в «моск.» период в его стихах преобладают юмористич. (а не сатирические, как в период «Искры») интонации. Едва ли не каждый лирич. мотив имеет как бы своего двойника — сниженную комич. аранжировку. Это наиб. выражено в интерпретации любовной темы, к-рая в комич. варианте обрела черты игривой «великопостной поэмы» («Кающийся рыцарь») или «дачного» приключения с Глафирой и с горничной Аршей («В сельце Богородском»). Почти всегда (искл. нек-рые «фантастич.» стихи и стихи ужасов) удерживаясь в границах изыщного, П., склонный к эротике, часто обрамляет ее иронич. контекстом: «Свеча в твоём окошке / Блестит из-за кустов, / Уж либералки-ножки / Свергают власть чулков» («Из летних песен»). В критич. обозрении юмористич. ж-лов А. Владимиров, давая отрицат. характеристику «Осколкам», упоминает и П.: «В каждом номере аккуратно вы имеете до невозможности скучное и длинное стихотворение П., в к-ром нет ничего сатирического, ничего юмористического, а просто набор рифм» («Колося», 1886, № 1, с. 344).

Современникам запомнилась необычная бытовая атмосфера, окружавшая П. в Москве (или летом под Москвой на даче): «слишком был привержен к напиткам и вел порядок жизни странный. ... У него не было детей, жена (Пел. Евд.) была необразованная, простая и замечательно гостеприимная хозяйка; в его квартире жили куры и петух, собаки, кошка, утки (см.: В а с ю к о в С. И., Былые дни и годы. — ИВ, 1908, № 9, с. 856). Лейкин, близкий знавший П., назвал его «схимником, но только при водке» (цит. по кн.: Чехов. Письма, I, 359). В 1888 П. познакомился с А. И. Kupриным (по мнению М. К. Kupриной-Иорданской, «на 3—4 года раньше» — «Годы молодости», М., 1966, с. 316), «протасил» его первый рассказ в «Рус. сатирич. листок»; П. выведен в ром. Kupрина «Юнкера» под именем Миртова. Молодой А. П. Чехов, дружески общавшийся с П. (к-рый рекомендовал его в «Осколки») и безуспешно пытавшийся излечить П. если не от пьянства, то от бытового затворничества и нерешительности, видел в нем «языческого бога» и оригинального («несмотря на однообразие») поэта, к-рый «непрерменно будет в раю»; однако от прозы П. (он изредка публиковал в периодич. изд. свои рассказы и очерки; напр., рассказ «Летние зорьки» — «Сб-к Моск. илл. газ.», 1891, ч. 2), по словам Чехова, «попа-

хивает чем-то небесно-чугунно-немецким» (Чехов. Письма, I, 279, 268, 96, 86).

П. был известен также как переводчик стихов Г. Гейне, А. Мишневича, В. Сырокомли, «Американских очерков и рассказов» Г. Сенкевича (М., 1883; соав. с В. М. Лавровым), либретто опер «Аида», «Дон Карлос», «Тангейзер», юмористич. романов В. Буша («Похождения холостяка», «Сутружеские тайны»; оба — М., 1882, 1887; «Не хочу учиться, хочу жениться», М., 1888; «Проказы шалуна», [М., 1890]) и др.

Др. произв.: «Альбом Маралы Иерихонского» (прил. к ж. «Будильник» за 1881).

Изд.: (Стихи). — Поэты «Искры», Л., 1933 (БПбс; вступ. заметка и прим. И. Г. Ямпольского); Поэты «Искры», М., 1939 (БПбс; 2-е изд., Л., 1950); Поэты «Искры», т. 2, Л., 1955 (БПбс; вступ. ст. и прим. И. Г. Ямпольского); Поэты 1860-х гг., Л., 1968 (БПбс); Поэты-демократы 1870—1880-х гг.; Рус. духовная поэзия, М., 1996.

[Письма] И. С. Випулю. — РМ, 1903, № 4, с. 149—53; Н. А. Лейкину. — «Н. А. Лейкин в его восп. и переписке», СПб., 1907; «Встречи с прошлым», в. 5, М., 1984, с. 70—82.

Лит.: Чехов. Письма (укр.); Амфитратов А. В. Забытый смех. «Поморная муза». Сбк второй. Гейневичи, М., 1917, с. 393—96, 410 (стихи П. — с. 399—409); Белоусов (1; ук.); Мышковская Л., Чехов и юмористич. ж-лы 80-х гг., М., 1929, с. 21—26; Архив А. П. Чехова, в. 2, М., 1941 (аннотир. описание писем П.); Гиляровский В. А., Избр., т. 1, М., 1961, с. 538—42; А. И. Куприн о лит-ре, Минск, 1969 (ук.); Трофимова Л. М., Поэт-демократ П. и царская цензура. — В кн.: Вопросы рус. сов. и заруб. лит-ры, т. 3, Хабаровск, 1974; ЛН, т. 68 (ук.); + Некролог, 1891: ВЛ, № 21; РМ, № 11; ИВ, № 12; «Моск. инт. газ.», 29 окт., 5 нояб.; НВ, 29 окт.; РВед, 29 окт.; «Моск. листок», 28—30 окт. РБС: Брокгауз; Языков; КЛЭ: Рус. писатели. 1990: Муратов (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 189, оп. 1, № 28 (письма Н. М. Ежову); ф. 640, оп. 1, № 156 (письма В. М. Лаврову); ф. 549, оп. 1, № 311 (письма А. П. Чехову); ф. 289, оп. 1, № 30, 31, оп. 2, № 11—13; ф. 2567, оп. 2, № 384—387, 494 (письма Н. А. Лейкину); РГБ, ф. 331, п. 55, № 8 (письма Чехову); Вхкт., к. 2, № 2 (письма А. Е. Викторову); ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1103 (письма Лейкину); РГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 237, л. 401 (об аресте П.), ф. 777, РНБ, ф. 438, № 16, л. 652—654 об., № 18, л. 500—502 (письма К. Д. Кавелину); ф. 115, № 51 (письма Лейкину); ф. 120, № 1064 (письма А. Ф. Бычкову). С. М. Гучков.

ПАНАЕВ Валериан Александрович [29.8(10.9), по др. сведениям — 27.8 (8.9). *1824, с. Емельяново (Емельяновка) Лаишев. у. * Казан. губ. — 8(20).8.1899, дер. Каменка близ Петергофа; похоронен на Свято-Троицком кладб. в Старом Петергофе], публицист, автор «Воспоминаний»; инженер путей сообщения. Сын отставного полковника. Род. в дворян. семье, известной своими лит. интересами (подробнее см. в ст. *Панаев В. И.*). П. — брат И. А. Панаева, племянник В. И. Панаева, двоюродный брат И. И. Панаева. Нач. образование получил в частном пансионе в Казани (арх. сведений в ЦГА Татарстана не обнаружено), затем окончил Ин-т инженеров путей сообщения в Петербурге (1840—44, в чине поручика; позднее совм. с братом Ип. Панаевым учредил именную стипендию для студентов; подробнее см. Житков, с. 481). В течение 25 лет занимался строительством и эксплуатацией ж. д. (в т. ч. Николаевской —

1844—55, Черноморской — 1855—1858, Грушевской — 1860—66, Курско-Киевской — 1867—70). С 1870 в отставке (д. стат. сов.).

В Петербурге П. первоначально поселился у матери И. И. Панаева,

где тогда же, в 1839, познакомился с В. Г. Белинским (нек-рое время жил с ним в одной комнате), их встречи не прекращались до самой смерти критика. Белинский подарил П. свою кн. «Основания рус. грамматики...» (М., 1837) с дарств. надписью (собрание И. С. Зильберштейна; ЛН, т. 55, с. 395). В дальнейшем П. часто посещал дом И. И. Панаева, сблизился с кругом «Современника» (в 1856—1866 его брат Ипполит заведовал конторой ж-ла). Приятельски общался с Н. А. Некрасовым, к-рый посвятил ему стих. «Старые хоромы. Из Ларры» («Родина» в издании 1856. В авг. 1864 Некрасов послал из Карабахи для П. стих. «Возвращение») («И здесь душа унынием объята»). П. выступал на похоронах поэта (см.: На память о Н. А. Некрасове. — Похороны Некрасова, СПб., 1878, с. 29; Пыпин А. Н., Н. А. Некрасов, СПб., 1905, с. 280, а также: Ашукин Н. С., Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М.—Л., 1935, с. 518).

Первое и наиб. значит. выступление П. в печати — ст. «Община» — состоялось в «Современнике» (1858, № 3). В статье, напис. на основе наблюдений над землевладением крестьян и помещиков, — свод размышлений о земельной реформе под знаком проигранной Крымской войны и назревавших полит. перемен. В ней П. доказывал прогрессивность общинного принципа землевладения, предполагавшего высокую производительность и свободу членов общины. На взгляд П., такая форма владения землей в России для сословия земледельческого должна сосуществовать с принципом пользования большими участками земли для сословия высшего. Сочетание этих

двух принципов является разрешением назревшей социально-экономич. проблемы.

Находясь в службной командировке в Европе, П. в авг. 1858 встретился в Лондоне с А. И. Герценом и предложил ему для ознакомления свой «Проект освобождения крестьян». В основу его был положен принцип правительств. выкупа крестьян с землей без переходного состояния при сохранении общинного землепользования. Именно эта идея развивалась и редакцией «Колокола» в период подготовки реформы как компромиссное решение вопроса. Проект был напечатан («Голоса из России», кн. V. Об освобождении крестьян, Л., 1858, и в прил. к «Колоколу» в сокр. виде, л. 44, 1 июня 1859). Он заслужил одобрение Герцена и Н. П. Огарева: «яснее и короче вопроса нельзя поставить» (письмо Герцена сыну от 12 июня 1859); см. также: ред. заметку «О „Проекте освобождения крестьян в России“» («Колокол», л. 44, 1 июня 1859, с. 366); статью Огарева «О проекте освобождения крестьян» (там же, л. 45, 15 июня 1859, с. 372—73); «От издателя» («Голоса из России», кн. VI, Л., 1859, с. VIII): проект «глубоко обдуманный и очень замечательный». Свой проект, сопровож. спец. анонимным письмом, П. отправил Александру II (III ота. предполагало авторство Герцена или близких к нему лиц).

П. активно участвовал в полемике: он выступал в «Колоколе» по поводу публикаций Б. Н. Чичерина, дискутировавшего с Герценом (л. 30—31, с. 253—54; л. 32—33, с. 260—64), анонимно опубли. брошюру «*Emancipation des serfs en Russie. Examen du projet financier de MM. Frenkel et Homberg, banquiers, suivi de résumé d'un autre projet*» (Bruxelles, 1859) с критикой проекта банкиров С. А. Френкеля и Дж. Гомберга в газ. «*Le Nord*» (1858, 24 sept.), ставивших освобождение рус. крестьянства в зависимость от европ. капитала. Ст. П. «Реформа сверху или реформа снизу», в к-рой он защищал монархически-самодержавную форму правления, предназначенная им для «Колокола», не была опубли. ни в этом изд., ни в «Полярной звезде». В 1877 он сам напечатал ее (отд. брошюрой) в Париже под загл. «*Проект полит. реформы в России*» (под псевд. В. Патфиндер; о происхождении псевд. П. см.: И. А. Панаев, Разыскатели истины, т. 2, СПб., 1876, послесл., с. 7—8). О намерении Ф. М. Достоевского опубли. эту статью в «Гражданине» как «осн. программу журнала» см.: Туниманов, с. 245—48.

В 1876 П. приехал во Францию, где продолжил время издавал ж. «*L'Homme Libre*» для широкого европ. читателя по проблемам славянства и обществ.-полит. жизни в России. Неблаговидное поведение редактора ж-ла Л. Блана, чуждого идеям, вдохновлявшим П., привело к конфликту — встал вопрос о закрытии ж-ла, началось судебный процесс. Вынужденное прекращение издания принесли П. большие убытки. Письмо к нему И. С. Тургенева из Буживалля, в к-ром он предостерегает П. от этого начинания, приведено в «Воспоминаниях» последнего. Историю отношений с Л. Бланом П. изложил в брошюре «*Louis Blanc et Pathfinder...*» (Nice, 1877).

Дворян. интеллигент умеренно-либеральных взглядов, человек самолюбивый, не чуждый иногда упрямства и излишней уверенности в своей правоте, но гуманный, блажелат. к людям — таким предстает П. в

своих «Воспоминаниях» (частично опубл. — РС, 1893, № 8—12; 1901, № 6—12; 1902, № 5, 8, 9, 12; 1903, № 1, 2, 4; 1906, № 11; отрывки также публиковались в газ. «Рус. жизнь» в 1890, № 1 ... 48 и в 1891, № 51 ... 98; нач. главы вышли отд. изд.: «Воспоминания», СПб., 1893). П. одинаково внимателен к событиям большим и малым, обществ. и личным, но прежде всего стремится «давать рассказы преим. о том, что могло связываться с интересами объективными или характеризовать черты, нравы и обычаи известной эпохи» (цит. по кн.: Григорович Д. В., Лит. восп., Прил. Из «Воспоминаний» В. А. Панаева, М., 1987, с. 192). Воспоминания, отразившие прирожденный лит. талант П., прагматичны по замыслу и в то же время подвластны воображению, не утнетному бременем лет, проникнуты радостью бытия, в к-ром далекое ощущается как вчерашнее: эпизоды детства, юношеская влюбленность, чувства, испытанные от игры В. А. Каратыгина, А. Е. Мартынова, П. А. Стрелетовой, всей труппы Александрин. т-ра, пеня П. Виллардо, Дж. Марино. Запоминающимися штрихами нарисованы портреты Белинского, Герцена, Некрасова, Тургенева, И. И. Панаева, Ф. М. Достоевского.

О П. как строителе театра в 1883—87 на Александрейской наб. в Петербурге упоминает А. Н. Бенуа («Мои восп.», М., 1990, т. I, с. 639, т. II, с. 657) в связи с тем, что старшая дочь П. — Ел. Валер., была махемой С. П. Дягилева, друга Бенуа. Через среднюю дочь, певицу, П. оказался свойственником П. И. Чайковского — Ал-дра Валер. вышла замуж за родственника композитора Г. П. Карцова. А. Н. Апухтин посвятил ей ряд стих.

Др. произв. Сб-ки статей: «Финансовые и экономич. вопросы» (СПб., 1878); «Восточный вопрос» (СПб., 1878); «Общинное землевладение и крест. вопрос» (СПб., 1881).

Изд.: [Отрывки из восп.]. — В кн.: Каратыгин П. А., Записки, т. 2, Л., 1930, с. 385—406; Лит. салоны, с. 474—88; Герцен в восп.: Некрасов в восп.; Белинский в восп. совр., М., 1977.

Лит. Герцен, Некрасов, Тургенев (все — ук.); Ин-т инженеров путей сообщения... сост. С. М. Житков, СПб., 1899, с. 481; Ларионов А. М., История Ин-та инженеров путей сообщения... 1810—1910, СПб., 1910 (им. ук.); Евгеньев-Максимов В., [Из переписки Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина...], — НМ, 1929, № 5, с. 178—88; Дельвинг А. И., Полвека рус. жизни. 1820—70, кн. II, т. 9, М.—Л., 1930, с. 214—20; Огарев Н. П., Стихотворения и поэмы, М., 1956, с. 263—64, 817; Ленинград. ин-т инженеров ж.-д. транспорта. 1809—1959, М., 1960, с. 65, 71—72; Давыдов Ю. А., Записки о П. И. Чайковском, М., 1962, с. 51; Мурыгин Г. И., [Восп. Е. В. Панасовой-Дягилевой о Тургеневе]. — РЛ, 1972, № 4, с. 121—23; Тарановская М. З., Архитектура театров Ленинграда, Л., 1988, с. 171—72; Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, т. 1—5, М., 1974—90 (ук.); Петровская И., Сомина В., Театр. Петербург. Нач. 18 в. — окт. 1917 г., СПб., 1994, с. 244—47, 377—78; Павлова И. Б., Письмо из Нишцы. — ФН, 1994, № 5—6; Туниманов В. А., Ф. М. Достоевский о В. А. Панаеве. — В кн.: Достоевский. Мат-лы и испсл., т. 12, СПб., 1996; ЛН, т. 41—42, с. 572—620, т. 49—50, 53—54, 57. — Нек-

рологи, 1899; МВед, 11 авг.; ИВ, № 10. Брокгауз; Семевский; СКРНЗП; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 382, оп. 1, № 20, 35, 75 (письма, деловые бумаги, фотографии, документы рода Панаевых) и по путевол.; РГБ, ф. 169, № 54, 27, 72, 67 (в т. ч. письма Д. А. Милотину); ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1949—1954 (архив ж. «Рус. старина»); ф. 416 (Квашининой-Самариной Е. П.) и ф. 102 (Дягилевых) — письма разным лицам; РГИА, ф. 207, оп. 10, д. 2041 (ф. с. 1870 г.), ф. 1343, оп. 27, д. 553, л. 6 и 6 об. (копия м. с. П.); [справка С. И. Вареховой]; ЦГА Татарстана, ф. 5, оп. 42, д. 22, л. 273* (запись в метрич. книге) [справка Г. А. Двосносковой]. *И. Б. Павлова.*

ПАНАЕВ Владимир Иванович [6(17).11.1792, г. Тетюши Казан. наместничества — 20.11(2.12).1859, Харьков; похоронен в Александров-Нев. лавре (Петербург)], поэт, прозаик, мемуарист. Дядя И. И. Панаева, В. А. Панаева и И. А. Панаева.

Отец П., Ив. И. Панаев (1753, Туринск — 1796, Ирбит), — обществ. деятель; масон; в 1775 адъютант ген.-майора гр. М. П. Румянцева, знакомый Н. И. Новикова, И. В. Лопухина, Г. Р. Державина, Я. Б. Княжнина, И. А. Дытревского, И. П. Тургенева, автор филос.-моралистич. сочинений (не печатались); в 1781 в отставке; в 1782 губ. страпчий в Казани, где женился на Над. Вас. Страховой, дворянки из племянницы Державина. С 1786 губ. прокурор в Перми, затем в Перм. нар. уч-щем (где покровительствовал юному А. Ф. Мерзлякову, а затем отправил его в Моск. ун-т). Принимал активное участие в организации поездки за границу Н. М. Карамзина, с к-рым и позднее сохранял добрые отношения (см.: ВЕ, 1867, № 9, с. 196—205; Бантыш-Камарский Д. Н., Словарь достопамятных людей... ч. II, СПб., 1847).

После внезапной смерти отца П. с братьями воспитывался в доме

Ал-дра Вас. Страхова, брата матери (Тетюши, Казань). Молодые Панаевы рано обнаружили интерес к лит-ре.

Ал-др Ив. (1788—1868), свокоштный ученик Казан. г-зии (с 1800), студент Казан. ун-та (1805—07), с бр. Иваном (1787—1813) и Николаем (1785—?) (см.: Михайловский, с. 9) выпускал рукоп. ж. «Архадские пастушки» (1804), где помещал «идиллич. прозу» в подражании Карамзину; в 1806—07 вместе с близким другом С. Т. Аксаковым — «Журнал наших занятий» (сохранилось 6 номеров) с пересказами и ориг. стихами и ист. новеллами-анекдотами (см. в кн.: Аксаков С. Т., Семейная хроника и восп., М., 1856, прил. Машинский, с. 21); с Аксаковым и бр. Иваном, имевшим в дружеском кружке репутацию «первого лирика» (Аксаков С. Т., Собр. соч., т. 2, М., 1986, с. 176), участник лит. Об-ва вольных упражнений в рос. словесности при Казан. г-зии (пред. — Н. М. Ибрагимов, участники: бр. В. М. Перевощиков,

Д. М. Перевощиков и др.; со временем переросло в Об-во любителей отеч. словесности при Казан. ун-те; см.: Булич ч. 1, 1904; архив — ИРЛИ, ф. 107).

Ал-др и Иван в 1807 вступили в воен. службу в л.-гв. Улан. полк (с 1808 конюшны, с 1813 поручики). Иван скончался от болезни в Петербурге (его сын — И. И. Панаев); Ал-др участвовал в Отеч. войне и заграничных походах, с 1816 штаб-ротмистр, с 1818 подполк. Иркутского гусар. полка (Боброевский П. О., История л.-гв. Уланского... полка, т. 2, СПб., 1903, прил., с. 289); с 1820 отставной полк.; sporadически выступал в ж. «Благонамеренный» (шарлады; подписи: А-р П-в); его сын — В. А. Панаев. Четвертый брат П. — Пётр (1798—1870), подполк., с 1834 в отставке; сестры: Поликсена (1789—1848), замужем за Ф. М. Рындовским, поэтесса-дилетант, участница ж. «Благонамеренный», ей посвящена книга идилий П.; Татьяна (1783—1809), Варвара (1791—?), Глафира (1794—1880), ставшая женой Ф. С. Лихачёва (Шульгин А., Родословная дворян Панаевых, СПб., 1894). О сотрудничестве сестер в «Благонамеренном» упомянуто и в мемуарах А. Я. Панаевой.

П. воспитывался дома, затем в Казан. г-зии. Его ранние лит. ориентации определялись в общении с братьями, Аксаковым (с его подражаниями сентименталист. лирике) и преподавателем словесности Ибрагимовым; первое его стих. «Зима» (не сохр.) написано «в нижнем классе» г-зии и посв. Аксакову; отсюда же идет его устойчивое тяготение к идиллич. жанру. С преобразованием г-зии в Казан. ун-т П. становится одним из первых его студентов (18 февр. 1805 — 15 мая 1807; с авг. 1811 кандидат; в 1815 уволен по прошению — Михайловский, с. 9, 29, 54). Уже 27 авг. 1807 он представил в Об-во вольных упражнений неск. басен «Два персиянина», «Орёл и малиновка», «Пристрастный выбор» и патриотич. стихи (ИРЛИ, ф. 107, № 26); в 1811—12 «студенты-кандидаты» П. и И. М. Попов вместе с магистром Д. П. Самсоновым (ему как близкому другу адресована стих. П. «К Д. П. Самсонову» — СО, 1817, № 34) по постановлению совета г-зии участвуют в ежедн. лит. занятиях на дому у В. Перевощикова, представляя ему соч. и пер. (Загоскин, т. 2, ук.; Радзиевская С. Б., Описание рукоп. Науч. 6-ки им. Н. И. Лобачевского, в. 1, Каз., 1958, с. 4). 12 дек. 1812 на открытии Об-ва любителей отеч. словесности П. читает «Похвальное слово Александру I» (опубл. 1815), с к-рым связывал начало своей лит. известности; в дальнейшем — активный участник об-ва. Под влиянием братьев, а затем известного идилика Ф. К. Броннера (1758—1850), преподававшего в 1810—17 в Казани теоретич. физику, бывшего друга и последователя С. Геснера, П. начинает специально культивировать жанр идиллии (в 1813 Броннер представляет его идиллии попечителю — Булич ч. 1, 1904). Одна из первых идиллий «Дафнис и Милон» (1810, опубл.: «Соревнователь», 1820, № 2)

отразила юношеское чувство П. к дочери проф. И. Ф. Яковкина.

Ок. 1814 об идиллиях П. известил Державина, к-рый ободрил начинающего поэта. В авг. 1815 он приехал в Петербург, представился Державину и вскоре вошел в лит. круги. С 1816 чл. возобновившегося ВОЛСНХ (называемого после возобновления также Михайловским об-вом); с янв. 1820 чл. ВОЛРС. Печатается в «Сыне отечества» (1816—1819), «Соревнователе» (1820—22, 1824), но особенно — в «Благонамеренном» (1818—21, 1824), с издателем к-рого, А. Е. Измайловым, сошелся ближе других. Стал одним из активнейших и наиб. авторитетных участников Михайловского об-ва, со мн. членами к-рого (Измайлов, М. В. Милонов, О. М. Сомов, Б. М. Фёдоров) состоял в дружеских или приятельских отношениях, иногда восходивших еще к казан. периоду (бр. Ал-др М. Князевич, В. М. Князевич и Д. М. Князевич). Параллельно успешно служил в Деп. юстиции (1816—17; коллеж. секр.), экспедиции гл. директора путей сообщения (пом. столоначальника, 1817; нач. стола, тит. сов., 1819), комиссии духовных уч-щ (в 1820—25 нач. исполнит. стола; в 1823 — коллеж. ас.), под начальством И. И. Ястребцова; принимал ближайшее участие в низвержении М. Л. Магницкого.

Лит. работы П. кон. 1810 — нач. 1820-х гг. жанрово разнообразны; неск. речей и похвальных слов: М. И. Кутузову (1814; отд. изд. — СПб., 1823), «Краткое похвальное слово Державину» (СО, 1817, № 5), охранительно-патриотич. «Речь о любви к отечеству» (СО, 1819, № 14); новеллы-анекдоты в жанре «справедливой» или «полусправедливой» повести со старательной разработкой сюжетной интриги: «Жестокая игра судьбы», «Отеческое наказание», «Приключение в маскараде» (все три с подзаголовком «Истинное происшествие»; «Благ.», 1819, № 3, 8; 1820, № 1; 2-я повесть — сюжетный аналог «Метели» А. С. Пушкина — см.: Гиппиус В. В., От Пушкина до Блока, М.—Л., 1966, с. 25); альбомные стихи, послания, элегии, среди к-рых есть несколько, несомненно, удачных («Вечер», 1820; медитация «К родине», 1820, навеянная восп. детства).

Однако осн. жанром П. остается идиллия, принципы к-рой он формулирует в рассуждении «О пастушеской, или сельской поэзии» («Благ.», 1818, № 10). Ему чужд идиллич. тип «Fischergedichte» («песен рыбака»), созданный Броннором, — образцом для него является переромантич. Геснер: вослед ему П. ищет в идиллии патриарх. «невинности», «чистоты нравов» и «языка сердца». Он отвергает, хотя и не без-

условно, возможность совр. идиллии, ибо «продолжительное рабство» сделало «грубыми и лукавыми» нынешних пастухов, а совр. сознание исключило мифол. вымыслы. Стремление к культурно-ист. локализации рассказа, передача ист. психологии П. совершенно несвойственно; требование неперенной назидательности, осуждение всего «низкого» и «грубого», рационализм и прямолинейность характеров сближают его с эпигонами позднего сентиментализма (в 1817 К. Н. Батюшков ассоциировал его «пастушеское» имя с «медом, патокой, молоком, творагом, [П. И.] Шаликовым и тмином, спрыснутым водой» (письмо Н. И. Гнедичу; см.: Батюшков К. Н., Соч., т. 2, М., 1989, с. 449).

Идиллии П. явились, однако, и лит. достижением, отличаясь свободой версификации, естественностью рассказа и упорядоченностью поэтич. языка («Коридон», 1817; «Палемон», 1818; «Сновидение», 1819; все три даты — написание); они показали также гибкость и вместимость самого жанра: от дескриптивной элегии («Осень», написана в 1819) до небольшого сценч. действия, впрочем, обычно лишенного драм. начала. Вместе с тем строго выдержанные в пределах нейтральной, «средней» лексико-стилистич. нормы, они произвели впечатление слишком правильных и холодных поэтич. этюдов. В 1820 они были изданы отд. сб-ком: «Идиллии Владимира Панаева» (СПб.).

Выход сб-ка рекламировался в «Соревнователе» (1820, № 2) и особенно «Благонамеренном» (1820, № 9), где отмечались «простота и естественность разговора, нежность и сила в чувствованиях, нежность и живость в картинах и описаниях, легкая и исправная версификация» идиллий, многие из к-рых объявлялись «образцовыми» (с. 224). Репутацию «прекрасного» собрания закрепила зол. медаль, полученная от Рос. акад. в окт. 1820 (см.: Сухомлинов), что списало П. особое внимание А. С. Пушкина. Актом офиц. признания стало награждение поэта зол. часами от имп. Елизаветы Алексеевны (февр. 1821; см.: «Благ.», 1821, № 3, приб., с. 14). В печати к имени П. прикрывается эпитет «русского Геснера».

Выход «Идиллий» выдвинул П. в число осн. лит. фигур Михайловского об-ва; Измайлов ввел его и в дом. лит. кружок С. Д. Пономарёвой — «Сословие друзей просвещения», или С. Д. П. (по инициалам хозяйки); в кружок он носил прозвище псевд. Аркадин, под к-рым выступал в ж-ле.

П. вошел в об-во Пономарёвой, по-видимому, в янв. 1821; на протяжении след. месяцев развертывается его роман с Софьей Дмитриевной, в к-ром он явился соперником Измайлова, Сомова, П. Л. Яковлева, а затем Е. А. Баратынского и А. А. Дельвига. Перипетии личных отношений окрасили тонами недоброжелательства взаимные оценки, в частности П. и Баратынского, что сказалося и в

резкой характеристике Баратынского и др. (кроме «гениальных Пушкина») в панаевских мемуарах. П. возмущал против допущения в дом Пономарёвой «лицеистов», ссылаясь на их «самонадеянность», «бесцеремонность», «безнравственность», «пристрастие»; причины антагонизма лежали, однако, глубже — в несовместимости лит. принципов и ориентаций (ср. позднее, 1845, замечание П. А. Плетнёва: П. «не уважал никогда лучшей нашей лит. школы» — Грот и Плетнев, II, 623—24). П. сочувствовал борьбе (а, м. б., и стимулировал ее) «Благонамеренного», возглавляемого Измайловым, против «вакхической» («сладострастной») и «либеральной» поэзии «союза поэтов», хотя не принимал участия в печатной полемике. Отношения, видимо, особенно обострились после того, как Яковлев с друзьями был принят в доме Пономарёвой (по-видимому, авг.—сент. 1821: Вацуро, С. Д. П., с. 171—72) вопреки его совету и в его отсутствие.

Положение П. как признанного лит. «мэтра» «измайловцев» иронически обыгрывалось в полемич. выступлениях Баратынского [«Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры», 1823 (ранняя ред. стих. «Г(нед)ичу»), эпиграмма «Идиллик новый на искусы», 1824 или 1825, куплеты (вместе с Дельвигом) «Певцы 15-го класса», 1823] и Пушкина («Русскому Геснеру», опубли. 1827), где сформулированы осн. упреки идиллику: «вялость», «холодность», «сухость». Для Пушкина П. — образец чиновничьего поэта, «идиллический коллеж. ассессор» (письмо Л. С. Пушкину, 4 дек. 1824). Конфликт с пушкинским кругом привел к отдалению П. от дома Пономарёвой, с чем современники связывали любовную драму и безвременную смерть хозяйки. (Об истории этого об-ва, в центре к-рого находилась очаровательная женщина, умная, образованная, обладавшая изысканн. кокетством и вместе с тем по-детски шаловливая и непосредственная, бесстрашная и беззащитная, см.: Веселовский; Вацуро, С. Д. П.)

В нач. 1820-х гг. П. обратился к фолькл. традиции и создал ряд стилизаций нар. песни, стремясь сблизить ее с идиллией в своем понимании («Расставанье», «Мать и дочь: Опыт народной идиллии», обе — 1826). По воспоминаниям Б. М. Фёдорова, друга и биографа П., он был «знаток рус. пословиц, поговорок и песен» и искал в них выражения нар. характера, предпочитая его консервативные и патриарх. черты (Фёдоров, с. 14). Такое восприятие сказалося в пов. «Иван Костин» («Б-ка для чтения, составленная из ... произв. изысканной словесности...», 1823, кн. 10; отд. изд. — М., 1829; 3-е изд.,

СПб., 1856) — одним из ранних и удачных образцов рус. психол. повести; отойдя от рационалистич. хактерологич. схем, П. создал драм. тип крест. женского характера: героиня повести — носительница незыблемой религ.-нравств. нормы, существо безропотно страдающее, но не утратившее ни мужества, ни великодушия. Лаконизм и динамичность повествования, попытка уловить диалектику поведения и чувства предвосхищали достижения рус. психол. прозы 1830-х гг. С кон. 1820-х гг. П. лишь изредка публикует небольшие повести («Наталья. Истинное происшествие» — альм. «Денница на 1830 г.», М., 1830; «Венгерский гусар. Рассказ» — БдЧ, 1834, т. 2).

В 1823 совершил поездку в Казань; в 1824 женился на дочери казан. вице-губ. Праск. Ал-др. Жмакиной (1804—77) и целиком погручился в служебную деятельность. В 1826 нач. 5-го (с 1827 — 2-го) Деп. уделов, где под его началом служил Н. В. Гоголь, отзывавшийся о нем весьма благоприятно (Х, 176), с 1832 дир. канцелярии министра имп. двора (коллеж. сов.); чл. к-та по рассмотрению рекрутского устава (1826—37), управляющий Контролем (с 1838), чл. Комиссии для устройства финансовой части в Петерб. театр. дирекции (1840), статс-секр. (1856), управляющий канцелярией Мин-ва имп. театров (с 1844 тайный сов.). Тесно связанный с вышестоящими деятелями бюрократии, сферы, П. удостаивается мн. рус. и иностр. орденов (в т. ч. св. Анны 1-й степени с короной, Александра Невского, Белого Орла, прусского Короля Орла 2-й ст. со звездой), чл. многочисл. науч. и лит. об-в. С мая 1833 д. чл. Рос. академии; с окт. 1841 ординарный акад. по Отд. рус. языка и словесности АН.

Любитель живописи, П. в течение 50 лет собрал одну из лучших в столице частных картинных галерей (с 1832 поч. чл. вольный общник, с 1848 поч. чл. Акад. художеств). В своих лит. вкусах и симпатиях остановился на 1820-х гг.; он органически не приемлет совр. лит-ры, начиная с Гоголя, за ее демократически-разночинный характер и в 1840—50-е гг. представляет в глазах связанного с ним молодого поколения литераторов (его племянник И. Панаев, молодые бр. К. С. и И. С. Аксаковы) фигуру архаическую, смешную и реакционную (по описанию А. И. Шуберта, он походил на маркиза 18-го столетия, с изысканными манерами, в паричке и светлом галстуке — «Моя жизнь. 1827—1883 г.», СПб., 1911, с. СП—СПИ). Опубликованные посмертно его «Воспоминания» (не полностью) посвящены адм., обществ. и отчасти лит. быту России 1820—50 (ВЕ, 1867, № 9, 12; РС, 1892, № 11; 1893, № 2, 5) — с рассказами о Магницком, Шишкове, Л. А. Перовском, М. М. Сперанском и др.; интересные по материалу, но пристрастные в оценках, они вызвали ряд полемич. откликов (ВЕ, 1867, № 12; 1868, № 4; возражения в связи с освещением биографии Баратынского — РА, 1868, кн. 1 — Н. В. Пятаков; кн. 2 — П. Г. Кичеев).

Изл.: Поэты 1820—1830, т. 1 (погот. справк., подг. текста и прим. В. Э. Ваууро); Отече-

ское наказание. — Приключенные в маскараде. [Рассказы]. — В кн.: Нечаянная свадьба, М., 1991; Письма к И. М. Симонову (5; 1839—54) — в кн.: Прошлое, далекое и близкое, Каз., 1993.

Лит.: Федоров Б., В. И. Панаев. Восп. с обзорением его идиллий, СПб., 1860; Гербель: Сухомлинов М. И., История Рос. Академии, в. 8, СПб., 1887, с. 244—47, 422; Михайловский А. И., Преподаватели, учившиеся и служившие в имп. Казан. ун-те, 2-е изд., ч. 1, в. 1, (1805—1854), СПб., 1912; Загоскин Н. П., История имп. Казан. ун-та за первые 100 лет его существования, 1804—1904, т. 1—4, Каз., 1902 (ук.); Булич Н. Н., Из первых лет Казан. ун-та, 2-е изд., ч. 1, СПб., 1904, с. 523, и след.; ч. 2, с. 237—38; Машинский С. М., С. Аксаков... 2-е изд., М., 1973 (ук.); Красноперов Д. А., Семья Панаевых. — В кн.: Пермский край: Старая Пермь. (1723—1917), Пермь, 1992.

Белинский (ук.): Достоевский (ук.); Булич Н. Н., Очерки по истории рус. лит-ры и просвещения с нач. XIX в., 2-е изд., СПб., 1912, с. 533—43; Веселовский А. А., Словесные друзья просвещения. Дружеское лит. об-во С. Д. Пономаревой. — «Рус. библиофил», 1912, № 4; Кукулевич А. М., Рус. идиллия Н. И. Гнедича «Рыбаки». — «Уч. зап. Ленингр. ун-та», 1939, № 46, в. 3, сер. филол. наук; Рус. повесть XIX в. История и проблематика жанра, Л., 1973, с. 207—10 (ст. В. Э. Ваууро); Ваууро В. Э., Рус. идиллия в эпоху романтизма. — В кн.: Рус. романтизм, Л., 1978; Данилевский Р. Ю., Россия и Швейцария. Лит. связи XVIII—XIX вв., Л., 1984; Беляев Ю., Смыслы через века, М., 1988, с. 35—36 (о пов. П. «Присшествие 1812 г.»); Ваууро В. Э., С. Д. П. Из истории лит. быта пушкинской поры, М., 1989; Батурина Т. К., Психол. повесть в альм. «Денница». — В кн.: Взаимодействие творч. индивидуальностей рус. писателей XIX — нач. XX в., М., 1994, с. 42—45. — Старчевский; Сл. ОЛРС: РБС: Мат-лы для биографии Н. И. Лобачевского, М.—Л., 1948 (сост. Л. Б. Молзальский); Черейский; Муратова (1); Мазанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 381 (в т. ч. ф. с. 1859 г.); РГАЛИ, ф. 382 (В. И. И. И. и А. Я. Панаевых); РНБ, Ук. (в т. ч. ф. 291 — 4 письма М. Н. Загоскину); РГБИА, ф. 489, оп. 1, д. 2639 (ф. с. А. И. Панаева, 1814 г.); ф. 395, оп. 23, 1834 г., д. 658 (ф. с. П. И. Панаева, 1834 г.). В. Э. Ваууро.

ПАНАЕВ Иван Иванович [15(27).3.1812, Петербург — 19.2(3.3).1862, там же; похоронен на кладб. Имп. фарфорового завода], прозаик, поэт, критик, редактор. Род. в богатой и культурной дворян. семье. По отцовской линии внучатый племянник Г. Р. Державина; его дядя — В. И. Панаев, двоюродные братья — В. А. Панаев и И. А. Панаев. Отец — Ив. Ив. Панаев, сверстник С. Т. Аксакова (см. гл. «Гимназия», «Университет» «Воспоминаний» Аксакова),

сотрудничал в ж. «Благонамеренный» А. Е. Измайлова. Отца П. потерял в раннем детстве; его мать — Мар. Якимовна (урожд. Лалаева, 1791—1880) — промотала б. ч. богатого наследства, доставшегося ей от приемных родителей Берниковых. От матери усвоил привычку сорить деньгами (см. письмо А. Я. Панаевой к И. А. Панаеву от 16/28 янв. 1857 — ЛН, т. 53/54, с. 125) и др. барские замашки, над к-рыми добродушно посмеивались лит. друзья и беспощадно издевались враги.

Восп. о детстве «Ночь на Рождество» («Совр.», 1858, № 1), «Наяву и во сне» (там же, 1859, № 1) и др. рисуют типичную картину жизни состоят. дворянства, особенно колоритен образ деспотичной бабушки. Этот уклад жизни долгое время принимался П. как естественный. Словесные предрассудки побудили его просить о переводе из Петерб. высш. уч-ща, куда он поступил в 1824 (в 6-й класс), в более привилегиров. уч. заведение, и уже в февр. 1825 он был помещен в Благородный пансион при Петерб. ун-те, в к-ром учились дети потомств. дворян (окончил в 1830). С 15 лет у него развивается страсть к лит-ре: зачитывается В. Скоттом, А. С. Пушкиным, пробует сам сочинять, в последних трех классах издавал рукописный еженед. ж-л. По восп. М. А. Языкова, товарища П., «ист. рассказ П. под названием „Бельский“ ... был напечатан в каком-то альманахе того времени» (см. в кн.: Панаев И. И., Первое ПСС, т. 5, 1889, ч. 2, с. 4). Из ранних произв. известно стих. «Кожетка» (СП, 1828, 22 мая), другие не сохранились.

С янв. 1831 на службе в Деп. гос. казначейства, с февр. 1834 до авг. 1844 в Деп. нар. просвещения — сначала чиновник канцелярии, с авг. 1836 в редакции «Ж-ла Мин-ва нар. просвещения» (с 1837 коллеж. секр.); весь период гос. службы П. жалованья не получал. К службе относился как к досадной обузе, мешающей лит. занятиям, к-рые он более успешно совмещал со светскими развлечениями. «По происхождению, по родству и связям он мог рассчитывать на блестящую служебную карьеру», однако «оставил службу... и не жалел, что пренебрег служебной карьерой для литературы» (некролог — Чернышевский, XVI, 664). Лит. кумиром П. в это время стал В. Гюго: «После появления „Notre Dame de Paris“ я почти готов был идти на плаху за романтизм» («Лит. восп.», 1988, с. 58). Из шести тетрадей стих. в духе Гюго, А. Ламартина, Г. Гейне, рус. поэтов-романтиков лишь несколько произв. П. счел достойными публикаций (остальные сжег) — «Стансы. Из В. Гюго», «Минувшая юность. Из

В. Гюго» (БлЧ, 1834, т. 7; 1836, т. 16), «Extase. (Из В. Гюго)» (МН, 1835, ч. 3), «Поэту», «Смерть», «Лжепоэту» (ЛПРИ, 1837, № 13, 37; 1838, № 25), «Две слезы», «Померкнул день» («Совр.», 1837, т. 7; 1838, т. 9).

Первое прозаич. произв. — пов. «Спальня светской женщины. (Эпизод из жизни поэта в обществе)» («СО и СА», 1835, № 13—14), в к-рой он, по собств. признанию, старался «рабски подражать манере изложения и слогу Марлинского» («Лит. восп.», 1988, с. 63), она укрепила П. в мнении, что его призвание — проза. Вторую пов. — «Она будет счастлива. Эпизод из восп. о петерб. жизни» («Телескоп», 1836, № 7) А. Ф. Воейков назвал «прекрасной», не уступающей повестям Н. Ф. Павлова, А. Марлинского (А. А. Бестужева), А. Погорельского, М. П. Погодина, однако приписал ее В. Г. Белинскому (ЛПРИ, 1836, 22 июля), к-рый, опровергнув эту атрибуцию, отметил в настоящем авторе «неподдельный талант, живое чувство и умение владеть языком» («Молва», 1836, ч. 11, № 12, с. 332). П. опубликовал светские пов. «Сумерки у камина» («Сб. на 1838 г., сост. из лит. трудов А. К. Бернета, В. А. Владиславлева, кн. П. А. Вяземского...», СПб., 1838), «Как добры люди!» («Одес. альм. на 1839 г.»; задумана как вступление к «Запискам безумного», работу над к-рыми бросил, видимо, после резкого отзыва Белинского, упрекавшего П. в желании «представить чем-то действительным испуганное фантазерство: оно как зло за зло само изрыло себе бездну гибели, а автор хочет взвалить вину на людей» — МН, 1839, № 3, с. 15), «Два мгновения из жизни женщины» (альм. «УЗ на 1839 г.»; положит. отзыв: Ф. (В). Булгарин) — СП, 1839, 2 янв.).

В 30-е гг. П. становится неприменным участником лит.-муз. вечеров Н. В. Кукольника, к-рого он тогда боготворил, В. Ф. Одоевского, Ф. П. Толстого, утренников А. А. Краевского, сближается с театрално-артистич. миром, делает для театра перевод «Отелло, венецианский мавр. Драма в 5-ти действиях Шекспира» (СПб., 1836). Для него в этот период характерно романтически экзальтированное отношение к людям иск-ва как к натурам «возвышенным, необыкновенным, непричастным никаким мелким страстишкам и слабостям» («Лит. восп.», 1988, с. 106). Неожиданная женитьба П. весной 1839 на А. Я. Брянской — дочери актера (см. А. Я. Панаева), вызвавшая неодобрение родни и гнев матери (см. об этом: Панаев В. А., Восп. — РС, 1893, № 8, с. 344), вполне соответствовала такому настроению.

Романтич. иллюзии постепенно вытеснялись более трезвым и иронич. взглядом, что сказалось на усилении реалистич. и сатирич. элементов в произв. П. Огромное значение имело сближение с Белинским — сначала заочное (велась переписка), а затем и личное (весной 1839), вскоре переросшее в дружбу. В диалогин «Дочь чиновного человека» (ОЗ, 1839, № 4) и «Белая горячка» (ОЗ, 1840, № 5) П. не только преодолевает штамп романтич. повести, снижает и даже пародирует ее стереотипные мотивы, но и разрабатывает худож. приемы реалистич. повествования в духе формирующейся «натуральной школы».

Обе повести высоко оценил Белинский, первую — как «мастерскую картину истерб. чиновничества, не только с его внешней, но и внутренней, домашней стороны», хотя и осудил романтич. концепцию героя, «идеал великого художника» в духе произв. Н. А. Полевого (МН, 1839, № 4; III, 188), вторую — рекомендовал В. П. Боткину: «славная вещь; обрати все свое внимание на лицо Рабинича — это живой, во весь рост, портрет Кукольника» (письмо от 16 мая 1840 — XI, 525; см. также его положит. отзыв — ЛГ, 1840, 29 мая). С др. стороны, характерна пренебрежит. оценка повестей С. П. Шварыным, назвавшим их «длинными» («Москв.», 1843, № 6).

В 1839—46 П. гл. обр. сотрудничал в «Отеч. зап.», куда как ведущего критика привлек Белинский, жившего после переезда в Петербург в доме его матери (с окт. по дек. 1839). Повести и рассказы П. «**Прекрасный человек**» (ОЗ, 1840, № 11; пов. вызвала неудовольствие офицеров Измайлов. полка, в связи с чем распространился слух, что П. посажен в крепость), «**Онагр**» (ОЗ, 1841, № 5), «**Барыня**» (в кн.: Рус. беседа. Собр. соч. рус. литераторов, т. 1, СПб., 1841; издательский отзыв В. С. Межевича — СП, 1841, 12 нояб.; подпись Л. Л.), «**Барышня**» (ОЗ, 1844, № 1) были очень популярны в 40-е гг. и составили П. репутацию острого сатирика. В связи с ром. «**Мамынькин сынок**» (ОЗ, 1845, № 1—2) Белинский назвал талант П. «дагеротипным», т. е. отличающимся точным и в значит. степени публицистич. изображением действительности (IX, 397). Особенный успех выпал на долю пов. «**Актеон**» (ОЗ, 1842, № 1), в к-рой П. создал выразит. типы провинц. помещиков, во многом превосходящая худож. открытия И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

А. И. Герцен с «душанным восхищением» читал эту мастерскую повесть» (письмо Краевскому от 3 февр. 1842 — XXII, 128); по словам Н. П. Огарева, «превосходная повесть «вырывает слезы» (ВЕ, 1907, № 11, с. 43—44); А. В. Кольцов сообщал в письме Белинскому от 27 февр. 1842: «все читают и хвалят, кроме помещиков, особенно молодых; тем она не по пути» (ПСС, СПб., 1909, с. 268); среди благодарных читателей и моск. книгопродавец И. Г. Кольчугин — «Это не фантазия какого-нибудь Одоевского... это живая трагическая истина» («В. Г. Белинский и его корреспонденты», М., 1948, с. 288).

Не меньший успех имели фельетоны и памфлеты, в к-рых П. коснулся

закулисных тайн лит.-артистич. мира. Первым опытом в этом, одним из ведущих в его творчестве, жанре явилась «**Портретная галерея**» (ЛГ, 1840, 17 янв., 10, 24 февр., 6 марта) — выразит. серия лит. карикатур на Булгарина, Н. И. Греча, Полевого и др. Лучшими образцами жанра стали очерк «**Петербургский фельетонист**» (первонач. «Русский фельетонист» — ОЗ, 1841, № 3), отчасти воспроизводивший черты личности и биографии Межевича, и «не-повесть» «**Литературная тля**» (первонач. «Тля» — ОЗ, 1843, № 2).

В последней А. А. Григорьев высоко оценил «горькую и ядовитую, несмотря на веселый тон, сатиру» (Григорьев В. Критика, с. 491); Белинский отзывался более сдержанно, отметив «слишком местное значение» (ст. «Рус. лит-ра в 1843»); характерен отклик П. А. Плетнева — «несобыкновенно верно схвачен колорит и характер двух наших сословий: литераторов и актеров... Не гениальное перо, но весьма хорошо оцененное» (Грот и Плетнев, II, 6—7).

Петербург. и провинц. очерки, повести, фельетоны П. не имеют четких жанровых границ; сатирическое, нередко переходящее в памфлет и карикатуру изображение нравов разл. слоев рус. общества — своего рода зоологич. панорама или «физиологич. комедия», в к-рой значит. место уделено миру лит. «генералов», «гномов», «зайцев», «увеселенных» со знанием дела и нередко с подлинным блеском. Огромный круг знакомств, журналистское умение своевременно и точно схватить суть явлений (П. ввел в рус. язык такие слова-понятия, как «приживалка», «хлыщ», «моншеры») обеспечили его произв. неизменный, часто со скандальным оттенком, читательский успех и с годами возросшую вражду задетых и развенчанных лит. кумиров, дельцов, продажных фельетонистов.

Л. В. Браун назвал П. в ром. «Жизнь, как она есть» «Ташитом бульваров и кофейных домов», к-рый «желает казаться львом, несмотря на свою ослиную природу и вытанную, как у теленка, шею» (цит. по кн.: Белинский, VIII, 446); П. А. Каратыгин вывел его в водевиле «Натуральная школа».

Зависимое положение Белинского, Н. А. Некрасова и П. от Краевского послужило причиной их разрыва с «Отеч. зап.». Осенью 1846 П. и Некрасов приобрели ж. «Современник» (гл. вклад сделал П.) и стали его фактич. редакторами (П. с 1848 и официальным). Редакторскую деятельность П. совмещал с лит.-художественной, напечатав в ж-ле пов. «**Родственники**» (1847, № 1—2) — одно из его самых зрелых и глубоких произв. Белинский, возможно, не удовлетворенный изображением в ней филос. кружка Н. В. Станкевича, в письме П. В. Анненкову в марте 1847 назвал ее «подлейшей во всех отношениях», однако, возражая Ю. Ф. Самарину в ст. «Ответ «Москвитянину»» («Совр.», № 11), он отметил, что повесть «не без достоинств, местами замечательных».

Ее сюжетная коллизия и конфликт предвосхищают структуру и характерологию романа Тургенева «Рудин» (см. статью Н. Л. Бродского в сб. «Памяти П. Н. Сакулина», М., 1931, с. 18—35; см. также: М. О. Габель — ЛН, т. 76, с. 19—21). Показательно, что роман Тургенева персонаж, называвшийся «Гениальной натурой», психологически и идейно перекликался с фельетоном П. о «гениальной натуре» в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики» («Совр.», 1855, № 5). Отношение П. к Тургеневу до конфликта посланного с Н. А. Добролюбовым и Н. Г. Чернышевским были дружескими (см.: Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930; ЛН, т. 73, кн. 2; Батюто А. (И.). Тургенев-романист, Л., 1972, с. 310—26). Именно вследствие просьбы П. появился в «Современнике» очерк «Хорь и Калиныч» с придуманным им подзаголовком «Из записок охотника». Конфликт, бесспорно, отразился в восприятии Тургенева, где П. фигурирует как «человек добродушный, но крайне легкомысленный и способный схватывать одни лишь верхи вершушек» и несомненно важный в своих критич. оценках (Тургенев, XI, 30).

Ром. «Львы в провинции» («Совр.», 1852, № 1—9) вызвал шумный и специфич. читательский интерес («многие узнали себя в лицах прихлебателей графа и приходили объясняться» — см. письмо Е. В. Салиаса к Н. М. Сатину — в кн.: Новые пропилеи, т. 1, М.—П., 1923, с. 27), но был сдержанно встречен критикой. С. С. Дудышкин в наиб. содержательной рецензии неудачу П. объяснял тем, что автор взялся за несоответствующий его таланту жанр и вместо героев романа представил галерею «карикатур» (ОЗ, 1853, № 1, с. 12), еще резче высказался критик «Москвитянина», недоумевавший, «для чего автор ... прекрасных рассказов и физиологий. очерков тратит время на составление такого пустого романа» (1852, № 13, отд. V, с. 25; др. рец.: СП, 1853, 15 янв.; БдЧ, 1853, т. 117). Хотя П. и не убедили «странные, но совсем вежливые и противоречащие толки» («Совр.», 1853, № 1, с. 118), к жанру романа он больше не возвращался. О цикле очерков-повестей «Опыт о хлыщах» («Совр.», 1854, № 11; 1856, № 4; 1857, № 4) Боткин писал П.: «Рассказ жив, занимателен и даже романтически к концу, что придает ему поэтич. колорит» (см. в кн.: Тургенев и круг «Современника», с. 370); высокую оценку в письме к П. в мае 1857 дал Д. В. Григорович, сообщивший и о похвальном отзыве К. С. Аксакова (Ежегодник РО ПД. 1969, Л., 1971, с. 84; см. также рец.: В. Н. Майков — БдЧ, 1856, т. 138, с. 37—43; и негативный отзыв В. Р. Зотова — СПБВед, 1856, 2 мая). Последним большим худож. произв. П. была пов. «Внук русского миллионера» («Совр.», 1858, № 7), реалистич. воспроизведение действительности в к-рой отметил Чернышевский (V, 455).

В 1847 в «Совр.» П. впервые выступил под псевд. Новый поэт (под этим псевд. П. публикует б. ч. своих произведений) с лит. пародиями — на стих. В. Г. Бенедиктова и Н. М.

Языкова. Среди «любимцев» Нового поэта — Кукольник, Е. П. Ростопчина, поэты «гейневской» эпохи, создатели драм Полевой, Л. А. Мей, «антологические» произв. А. Н. Майкова, А. А. Фета, Н. Ф. Щербины и др. Стихотв. и драм. пародии отчетливо перекликаются со статьями Белинского (а позднее — Добролюбова и Некрасова), высмеивавшими романтически, урапатриотич. и «салонную» поэзию. Успеху остроумных пародий способствовали и превосходные ответы П. на яростные критич. нападки «обиженных» им авторов «Москвитянина», «Отеч. зап.», «Сев. пчелы» и др. изданий. Новый поэт — прямой предтеча Козьмы Пруткина и др. пародийных лит. масок, в частности Обличительного поэта (Д. Д. Минаева). В 1855 (СПб.) издал отд. кн. «Собрание стихотворений Нового поэта» с тем, «чтобы еще более подтвердить мысль... что можно, не имея ни малейшего поэтического таланта, писать гладкие, звучные стихи... труд чисто механический, очень легкий в настоящее время», как писал П. в предисл. (с. IX).

В 1851—55 вел в «Современнике» (взамен рубрики А. В. Дружинина «Письма иногороднего подписчика») журн.-критич. обозрение «Заметки и размышления Нового поэта о рус. журналистике», в к-ром, критически развивая идеи Белинского, сочувственно выделял произв. художников-реалистов (Тургенева, А. Н. Островского, А. Ф. Писемского, одним из первых оценил худож. талант Л. Н. Толстого), полемизировал с теоретиками «чистого искусства», славянофилами и почвенниками (Ап. Григорьевым и др.), с критиками «Отеч. зап.». Неоднократно выступал как театр. и муз. критик, мн. его статьи стали образцами этого жанра («Садовский в Петербурге» — «Совр.», 1857, № 6; некролог (А. Е.) Мартынова — «Совр.», 1860, № 9).

Фельетонное обозрение «Петербург. жизнь. Заметки Нового поэта», к-рое он вел с дек. 1855 по 1861, упорило за П. репутацию изв. фельетониста. Согласно жанровым канонам, фельетоны содержали необходимые сведения о последних событиях обществ.-культурной жизни столицы. Очищая от сиюминутных злободневных напластований, П. издал их как рассказы, повести и памфлеты о ростовщиках, «львах» и «камелиях», лит. дельцах, бродячих актерах, «порядочных людях», фланерах и авантюристах — обо всей многоцветной галерее столичных обитателей — в кн. «Очерки из петербургской жизни» (ч. 1—2, СПб., 1860; рец.: «Светоч», 1860, № 8; БдЧ, 1860, т. 162). В 1860 вышло первое собр. соч. П. в 4 тт. (см.: Соко-

ловский Н., Соч. П. — «Светоч», 1861, № 5—6).

Вместе с популярностью П. резко возросло число критич. и памфлетных выпадов против него, среди к-рых «Ода петербургских камелей». Посвящается Новому поэту» Д. Д. Минаева (в составе статьи Н. Н. Страхова — «Светоч», 1860, № 8; б. п.) и фельетон Ф. М. Достоевского («Время», 1861, № 1; б. п.). Шевырëв (см.: Рус. эпиграмма, Л., 1975, с. 398) и особенно Щербина объявили ему настоящую эпиграмму войну. Злую и талантливую эпиграмму Щербины «Физиология „Нового поэта“». Фельетон в стихах» П. в сокр. варианте включил в ст. «Несколько слов о влиянии осени на журналистику и литературу» («Совр.», 1853, № 10), вызвав этой публикацией крайнее раздражение Щербины (см. письмо В. Р. Зотова от 16 окт. 1853 — в кн.: Щербина Н. Ф., Избр. произв., Л., 1970, с. 556; там же эпиграмма «Превращение Фаддея в „Нового поэта“» и датированная 1860 «Эпитафия И. И. Панаеву»; об отношениях П. и Щербины см.: Панаева, с. 162). В 1860—61 резкость нападков достигла кульминации, особенно в «Отеч. зап.» и «С.-Петерб. вед.» — см. статьи Н. Н. Воскобойникова «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы!» (СПБВед, 1860, 30 нояб.), «Держиморда в прогрессистах» (там же, 1860, 18 нояб.), в к-рых он назвал П. «совершенной бездарностью»; в памфлетно-пародийном ключе воссоздал лит. биографию П. в ст. «Литература скандалов» П. И. Вейнберг (ОЗ, 1860, № 10; подпись Непризнанный поэт).

Противники не брезговали даже сплетнями о неск-рых обстоятельствах личной жизни П. В кн. 1840-х гг. А. Я. Панаева стала гражд. женой Некрасова, но разрыва дружеских отношений у нее с П. не произошло, и они продолжали жить в одной квартире, что порождало грязные слухи, проникавшие и в печать, в т. ч. в фельетон «Мнения, чувства и воззрения статского советника Салатушки» Писемского (БдЧ, 1861, т. 163), названный А. Н. Плещеевым неприличной «выходкой» («Письма к А. В. Дружинину», М., 1948, с. 262); в том же пасквилеобразном стиле выдержаны и «Опыты биографии» Н. М. Львова («Весельчак», 1858, № 28—31, 34—35).

Эта лит. травля вызвала решит. отпор Достоевского («Новый поэт всегда смеется над тем, что в самом деле смешно» — «Время», 1861, № 1; то же — Достоевский, XXVII, 145), вскрывшего ее истинную подоплеку (переход П. из «Отеч. зап.»).

После того как П. отказался пойти на разрыв с радикальным крылом «Современника», от него отшатнулись старые друзья-либералы — Дружинин, Анненков, Тургенев, Боткин. П., конечно, многого не разделял во взглядах Добролюбова и Чернышевского; несколько преувелич. свидетельства его сетований «на тех переломных людях, которые так много вредят делу настоящей свободы» оставил А. В. Никитенко в своем «Днев-

нике» (II, 258). Преувеличивал и Григорович, когда писал о подчиненном положении П. в «Современнике» и о его «мрачном, раздраженном до болезненности состоянии духа» (Григорович, с. 141). Сложные обстоятельства личной жизни, болезнь, журн. травля, больно задевавшая самолюбие, отчасти и тяготившая его роль присяжного фельетониста «Современника», естественно, сказывались на внутр. состоянии П. Но никогда не вступавший в полемику со статьями идеологич. вождей ж-ла, П. возражал против попытки «приписывать» его «слабости и непониманию» то, что он дает «волю Чернышевскому ... нет, литературная правда выше всяких приятельских отношений» (письмо Боткину от 31 марта 1857 — в кн.: Тургенев и круг «Современника», с. 418). Свое отношение к деятельности Добролюбова П. ясно выразил в некрологе («Совр.», 1861, № 11).

В 1860 П. опубликовал в «Современнике» «Воспоминание о Белинском» (№ 1). В 1861 начал публикацию «Лит. воспоминаний» (не завершены; № 1, 2, 9, 10, 11; отд. изд., подг. Панаевой, — СПб., 1876; включалась в Собр. соч. П.), к-рые стали настоящей сенсацией и оживленно обсуждались в печати. Это самое изв. соч. П., один из наиб. ярких и объективных источников о лит.-театр. жизни Петербурга и Москвы 1830—1850-х гг. Существование воспоминаний — их сугубо лит. характер: П. почти ничего не сообщает о своей семье и личной жизни; описав почти все изв. петерб. лит.-театр. вечера и утренники, он умалчивал только о тех, к-рые устраивал сам, хотя, как вспоминал его двоюродный брат, дом П. в 1840-е гг. был «сосредоточением передового лит. кружка того времени» вследствие «притягательной силы, которой обладал Белинский, и характера Ив. Ив., искренно, горячо и бескорыстно преданного литературе» (В. А. Панаев — РС, 1901, № 9, с. 481). Иронич. ретроспективное повествование беспощадно не только к лит. кумирам, авторитетам, дельцам, но и к самому мемуаристу, строго исполняющему функции летописца, хроникера, стремящегося к созданию точной и реалистич. картины, а не восторженно-экзальтированной эпопеи о рус. Олимпе и его обитателях. О деликатности автора говорит то обстоятельство, что он читал нек-рым героям мемуаров относящиеся к ним места до публ. (см. запись в дневнике В. Ф. Одоевского от 1 февр. 1861 — ЛН, т. 22/24, с. 126). Достоевский охотно ссылался на воспоминания П. в своей ст. «Г.-бов и вопрос об искусстве» («Время», 1861, № 2), соглашаясь с верностью его наблюдений. Во «Времени» были опубликованы две обширные, хотя весьма

сдержанные рец. Страхова, в первой (1861, № 3; б. п.) критик отдалвал должное «искренности рассказов автора, непринужденности и ... чрезвычайной занимательности их» (с. 108), более сухой тон второй (1861, № 12; б. п.) объяснялся антиславянофильским характером глав мемуаров (Страхов также автор некролога П. — «Время», 1862, № 2). П., страдавший пороком сердца, не успел завершить воспоминания; умер скоропостижно, не дожив меньше месяца до своего пятидесятилетия.

Изд.: Соч., т. 1—4, СПб., 1860; Первое ПСС, т. 1—6, СПб., 1888—89; Собр. соч., т. 1—6, М., 1912; Лит. восп., Л., 1928 (под ред. и с прим. Иванова-Разумника); Лит. восп., М., 1950 (перизд. — М., 1988; ред. текста, вступ. ст. и комм. И. Г. Ямпольского); Избр. произв., М., 1962 (подг. текста, вступ. ст. и прим. Ф. М. Иоффе); Повести. Очерки, М., 1986 (вступ. ст. В. А. Тушманова, прим. А. Л. Осповата); Соч., Л., 1987 (подг. текста, вступ. ст. и комм. М. Отрадина); Избр. проза, М., 1988 (вступ. ст. В. А. Тушманова, прим. А. Л. Осповата); [Прозв., П.] — В кн.: Рус. повести XIX в. 40—50-х гг., т. 1, М., 1952; Рус. очерки, т. 1, М., 1956; Рус. фельетон, М., 1958; Пьесы 1840—1850; Санкт-Петербург, М., 1981 (ЛП, 6с).

Лит.: Белинский; Добролюбов; Герцен; Некрасов; Чернышевский; Достоевский; Тургенев; Панаев; Григорович (все — укр.); Панаев В. А. Воспоминания. — РС, 1893, № 8, 9; 1901, № 9.

Трубачев С. С. Фельетонный беллетрист. — ИВ, 1889, № 4. П. В. Б. (Быков П. В.), И. И. Панаев. — ЖО, 1902, № 6; Васильев Ю. (Соболев Ю. В.), И. Панаев. — «Путь», 1912, № 5; Евгеньев-Максимов В. Е., «Современник» в 40—50-е гг. Л., 1934; Иоффе Ф. М., Н. Г. Чернышевский о П. — Изв. ОЛЯ, 1952, т. 11, в. 4; Гинзбург С. Забытый некролог. — «Сов. музыка», 1952, № 7; Некрасовский сб., т. 2, М.—Л., 1956; Рус. повесть XIX в. История и проблематика жанра, Л., 1973, с. 177—180, 265—290 (и укр.); Кондратьев Б. С., Островский в критич. заметках П. — В кн.: Наследие Островского и сов. культура, М., 1974; его же, О жанровом своеобразии повестей П. «Онагр» и «Актеон». — Рус. критика 1850-х гг. о романе П. «Львы в провинции». — В кн.: Вопросы худож. метода, жанра и характера в рус. лит-ре XVIII—XIX вв., М., 1975; Очерки истории рус. театр. критики. Вторая половина XIX в., Л., 1976, с. 30—39; Мельгунов Б. В., Некрасов, Панаев — Новый поэт. (К истории создания журнальной маски). — РЛ, 1986, № 3; Ямпольский И. Г., Лит. деятельность П. — Из истории лит. борьбы нач. 1840-х гг. («Петербургский фельетон» и «Литературная глз» П.). — В его кн.: Поэты и прозаики, Л., 1986; Краснопольев Д. Я уезжал из Перми воспоминание... Пермь, 1989, с. 16—28. + Шульгин А. Родословная дворян Панаевых, СПб., 1894; Брокгауз; РБС; КЛЭ; Масанов И. Ф., Рус. сатирико-юмористич. журналы. (Библиографич.), в. 1, Владимир, 1910; Масанов Ю. И., В мире псевдонимов, анонимов и лит. подделок, М., 1963; Муратова (1); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, Л. в составе собрания П. Я. Дашкова; ф. 82; ф. 5041; ф. 5774 и др.; РНБ, ф. 560; ф. 391; РГБ, ф. 231; ф. 3; ШГА СПб., ф. С. Т. Аксакова; ГИМ, ф. Щепкинских; РГАЛИ, ф. 382 [В. И. и И. И. Панаевы, А. Я. Панаева (Головачева)]; ф. 772, оп. 1, л. 3296, 3512; ГАРФ, ф. 109; РГМА, ф. 777, оп. 2, л. 45, 1855 г.; л. 93, 1857 г.; л. 123, 1861 г.; ф. 1263, оп. 1, ст. 1047, л. 2705; л. 5965 (дела, связанные с «Совр.»); ф. 733, оп. 2, л. 135 — служебное прошение, ф. с. 1844 г., аттестат 1844 г. и др. [справка Г. Г. Лисицкой]. В. А. Тушманов.

ПАНАЕВ Ипполит Александрович [28.7(9.8).1822, Петербург — 7(20).5.1901, там же; похоронен на Смоленском кладб.], беллетрист; инженер. Брат В. А. Панаева, племянник В. И. Панаева, двоюродный брат И. И. Па-

наева. По окончании Ин-та путей сообщения (1839—43) в чине поручика направлен на строительство Николаевской ж.д., по личной просьбе — «подальше от Петербурга», в д. Кузнецово под Валдаем (см. «Восп.» В. А. Панаева в кн.: Григорович, 1987, с. 204—09 и др.).

П. — анонимный соавтор Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой в романах «Три страны света» (1848—49) и, возможно, «Мертвое озеро» (1851), где написал несколько глав (подробнее см.: Марусенко, 1995, 1997). Скорее всего, в ром. Некрасова «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843—48) содержится шутивно-иронич. намек на П. (Некрасов, 1984, VIII, 149).

Первая публ. П. — рассказ «Маскарадная быль» («Совр.», 1849, № 6; в этом ж-ле П. напечатал все свои беллетристич. произв.), перепевавший нек-рые мотивы лит-ры 30-х гг.: маскарадная игра, обернувшаяся «злой шуткой», разочарованный герой «на диване», опытный друг-наставник, «прописывающий» ему женитьбу, и т. д., — дала повод Ф. В. Булгарину, использовавшему действительные промахи автора, для обличения безвкусицы и аморальности «натуральной школы» (СП, 1849, 2 нояб.), к к-рой П. трудно причислить. К излюбленному мотиву маскарада как источнику «занимательных интриг» и «смешных, жалких, романтических, комических и трагических сцен» П. обращается и в шутивно-романт. пов. «Друзья» («Совр.», 1851, № 7), где в легкой, несколько инфантильной манере развивает тему игры в дружбу, перерастающую в любовь. На любовной интриге построен также рассказ «Недосказанная фраза» (там же, 1850, № 11). В ром. «Бедная девуш-

ка» (написан в 1849; там же, 1854, № 5, 6, 7; отд. изд. — СПб., 1857) в образе гл. героини (гувернантки, с как бы предначертанной судьбой одинокой «жертвы обстоятельств») отразилась попытка П. воплотить свой идеал неординарной личности, способной в многочисленных испытаниях (скитания «в мамзелях» по чужим домам, бегство от любви демонического злодея и т. д.) сохранить свою независимость. Ответвления осн. сюжетной линии (драматизм к-рой снижен счастливой развязкой) содержат почти автономные новеллы (наиб. интересное в романе) о таких же, как гл. героиня, одиноких и горючих людях (спившаяся старуха, деревенский уникум-педагог, ставший бездомным отшельником). Видимо, именно этот роман был объявлен в «Современнике» на 1854 под назв. «Напрасная жертва» (см.: Некрасов, XII, 168). Ходатайствуя об издании этого «литературного несчастья» у моск. издателя Н. М. Щепкина, Некрасов отзывался о романе как о «вещи замечательной», признавая вместе с тем, что он «разгонию писан. Местами в нем водянистый слог и есть лишние сцены» (Некрасов, X, 172). И. С. Тургенев в письме П. В. Анненкову от 15 февр. 1861 скептически упоминает «восторженные отзывы» Некрасова о П. (Тургенев. Письма, IV, 199).

Вернувшись в Петербург, П. служил (1855—67) в Ин-те путей сообщения (с 1864 — инспектор в чине подполковника) и параллельно заведовал конторой и хоз. частью (вместе с И. И. Панаевым) ж. «Современник» (1856—66); был совладельцем (с С. В. Звонарёвым и при участии Некрасова на паях) книжного магазина при конторе журнала (1864—1866).

П., принимая близко к сердцу слухи о недоброжелательности Некрасова, с к-рым был дружен, предлагал поуту самому выступить с их опровержением: «Если ты сам не хочешь выступить, то поручи это дело мне! У меня ведь каждая копеечка, выданная из кассы журнала, записана. Достаточно огласить эти записки, и все увидят, как щедро оплачивал «Современник» своих сотрудников» [цит. по ст.: Евгеньев-Максимов В. Е., Из прошлого. Записки некрасоведов (1902—1921). — Некрасовский сб-к, в. 8, Л., 1983, с. 187].

После смерти поэта П. опублик. опровержение восп. Н. В. Успенского, уличавшего Некрасова в корыстолюбии и денежной нечистоплотности («О Некрасове» (По поводу восп. Н. Успенского) — НВ, 1889, 18 янв.; в др. редакции восп. П.: ЛН, т. 49—50, с. 536—46; деловая переписка П. с мн. литераторами, в т. ч. с Некрасовым, Н. А. Добролюбовым, Н. Г. Чернышевским, А. Н. Плещеевым, опублик. в ст. Евгеньева-Максимова «Практичность» Н. А. Некрасова в освещении цифровых и документальных данных — ВЕ, 1915,

№ 4; письма П. к Некрасову см. также: Архив села Карабиха, М., 1916, ЛН, т. 51—52; письма Добролюбова к П. — ЛН, т. 25—26]. П. поддерживал дружескую доверит. переписку с Панаевой (ее письма к нему см.: ЛН, т. 53—54). Пользуясь большим и заслуж. доверием Некрасова, он, однако, стоял далеко от кружка «Современника»; по свидетельству Чернышевского, на еженед. обедах для ближайших сотрудников журнала П. никогда не присутствовал (Чернышевский Н. Г., Лит. наследие, т. 3, с. 472—73). В 60-е гг. П. — один из членов Шахматного клуба. После закрытия «Современника» (1866) П. с 1867 — в распоряжении учредителей Курско-Киевской ж.д.; с 1870 — в отставке.

Находясь с женой Сусанной Степ. (урожд. Лалаевой, ум. 1892) в Швейцарии (ок. 1875), свободный от забот и дел, П. под впечатлением от чтения Г. Гейне (вероятно, кн. «К истории религии и философии в Германии») и от «прелестных местностей» заинтересовался философией (не владея нем. яз., он знакомился с соч. нем. философов по франц. переводам). В результате упорных занятий появились неск. популярных филос.-публиц. работ о взглядах нем. философов (И. Кант, И. Г. Фихте), и прежде всего Ф. Г. Якоби — наиб. близкого ему по образу жизни и духу мыслителя («Разыскатели истины», т. 1, 2, СПб., 1878). Не претендуя на оригинальность, П. использует филос. аргументацию для доказательства несостоятельности «науч. веяния», господствующего в совр. обществ. сознании, для к-рого Бог «не в моде» («Свет жизни. Неотразимые факты и мысли», ч. 1—2, СПб., 1893, с. 13). П. полагает, что совр. «псевдохристианское общество живет в атмосфере позорной измены» Христу («Голос неравнодушного», СПб., 1888, с. 29) и лучшим средством воспитания (к-рое, по его мнению, сущ. образование) была бы «евангелизация знания» («Голос долга. Мысли о воспитании человека», СПб., 1885, с. 162) усилиями интеллигенции. В рец. (чуть ли не единственной) на кн. «Пути к рациональному мировоззрению» (ч. 1—2, СПб., 1880) она была причислена к «сочинениям метафизической окраски» (наряду с работой Вл. С. Соловьёва, сравнение с к-рым было, разумеется, не в пользу П.), автор назван дилетантом, чуждым новейшему позитивизму и критич. философии (ВЕ, 1880, № 8, с. 730, б. п.). П. откликнулся на рец. и устные отзывы книгой «Noces te ipsum» («Познание самого себя», СПб., 1881), в к-рой разъяснял свою позицию, настаивая на том, что сознание есть условие и источник бытия. Наиб. темпераментные публиц. пассажи, направл. про-

тив «передовой журналистики», пирающей нравств. законы, — в его кн. «О влиянии направления знания на состояние умов» (СПб., 1882), в к-рой он противопоставляет своим оппонентам примеры из литературы (Ч. Диккенс, «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, Некрасов). Идеалом П. была человек. личность, освобождающаяся от рабства слепой необходимости; реальное приближение к этому идеалу он видел и в своей жене, нравств. облик к-рой запечатлен на мн. страницах его соч. (ей посв. итоговый труд «Свет жизни») и в к-рой, по его словам, было все то, чего он сам добивался усиленным трудом мысли. О христ.-моралистич. философствовании П. и его критике «научного направления» с одобрением отзывался Л. Н. Толстой [письмо кн. Л. Д. Урусову от 15(?) апр. 1885 — LXIII, 236].

Др. произв.: «Еще о сознании как условии бытия. 1887—1888» (СПб., 1888), пер. «Логика гипотезы. Соч. Эрнеста Навиля» (СПб., 1882; с предисл. автора и переводчика).

Лит.: Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения (предисл. и прим. А. Шилова). — КА, 1926, т. 1(14), с. 85, 115, 126; Чернышевская Н. М., Летопись жизни и творчества Н. Г. Чернышевского, М., 1953 (ук.); Гаркави А. М., Из арх. разысканий о Н. А. Некрасове. — Уч. зап. Калининград. пед. ин-та, в. 4, 1958, с. 123—25; Марусенко М. А., Атрибуция романов «Три страны света» и «Мертвое озеро», ч. 1. — «Вестник СПб. ун-та», 1995, сер. 2, в. 1; ч. 2. — Там же, 1997, сер. 2, в. 1, № 2 (в соавторстве с Б. Л. Бессоновым, Л. М. Богдановой, Н. В. Фоминой). + Сообщение о смерти П.: НВ, 1901, 8, 9 мая. Муратова (1; ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 102, № 166 (письма П. к Е. В. Дигилево); РГИА, ф. 207, оп. 10, л. 2043 (ф. с. 1870 г.); ф. 777 (ценз. д. о ром. «Напрасная жертва»); ГАРФ, ф. 109, 1 экз., 1863 г., л. 97, ч. 11, л. 14 об.

Л. Ф. Гучкова
(с использованием мат-лов, предоставленных
Б. Л. Бессоновым).

ПАНАЕВА Авдотья (Евдокия) Яковлевна (урожд. Брянская; во втором браке Головачева; псевд. Н. Станицкий; 31.7(12.8).1820, Петербург — 30.3(11.4).1893, там же; похоронена на Литератор. мостках Волкова кладб.), прозаик, мемуаристка. Мать Е. А. Нагорской. Отец П. — Як. Григ. Брянский (Григорьев), актер Александрин. т-ра; нек-рое время соперник В. А. Каратыгина; в актерской среде служил образцом трудолюбия, независимости, требовательности к себе (Зотов в Р., И мои восп. о т-ре. — Пантеон, 1840, т. 2, с. 29—30); впервые целиком поставил «Горе от ума» А. С. Грибоедова (ЛН, т. 47—48, с. 299—324). Мать, Анна Матв., урожд. Степанова, и одна из сестер П. — Анна Як. (по сцене Григорьева, впоследствии жена А. А. Краевского) — актрисы. Позднее П. вспоминала о детстве: «меня никто не ласкал», «отец в молодости был очень горяч и в гневе ничего не пом-

нил... мать не позволяла ему вмешиваться в воспитание детей» (Панаева А. Я., Воспоминания, М., 1986, с. 20, 24). П. получила дом, образование; посещала, повинаясь воле матери, класс балета в Петерб. театр. уч-ще (арх. сведения не выявлены). В 1839 вышла замуж за И. И. Панаева, к-рый и в семейном положении не смог расстаться с привычками холостяцкой жизни, что делало П. беззащитной «против самого нахального, обидного волокитства со стороны приятелей дома» (Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, М., 1897, с. 284).

Позже П. писала: «Иногда я думаю, что я виновата в том, что я сделалась. Что за детство варварское, что за унизительная юность, что за тревожная и одинокая молодость!» (из письма И. А. Панаеву от 5 авг. 1857 — ИРЛИ).

Современников, посещавших салон Панаевых, поражала хозяйка дома — «красавица, каких не очень много» (Чернышевский, XV, 145; см. также: Соллогуб В. А., Воспоминания, М.—Л., 1931, с. 300—301; Панаев В. А., Воспоминания — РС, 1893, № 8); ею были увлечены Ф. М. Достоевский (из письма брату от 16 нояб. 1845: «Вчера я в первый раз был у Панаева и, кажется, влюбился в жену его. Она умна и хорошенькая, вдобавок любезна и пряма донельзя» — Достоевский, XXVIII, 116) и Н. А. Некрасов. Через нек-рое время, после долгих и мучительных колебаний, П. стала гражд. женой поэта. Постоянным спутником их союза с самого начала была «проза в любви» (частые размолвки, «ревности угрозы», «предчувствие развязки»), о чем прежде всего свидетельствует «панаяевский цикл» стихотворений Некрасова («Да, наша жизнь текла мятеежно...», 1850; «Мы с тобой бестолковые люди...», 1851; «Тяжелый крест достался ей на долю...», 1855; «Прощание», 1856; «Слезы и нервы», 1861; «Бьется сердце беспокойное...», 1873, и мн. др.). Однако ни характер взаимоотношений с Некра-

совым, ни формальная ложность положения (см. ст. Панаев И. И.) не омрачали жизнь П. так, как испытания, связанные со смертью их детей (особенно тяжело переживала она потерю новорожденного сына в марте 1848 в первый год совместной жизни с Некрасовым).

Участие в редакции «Современника» способствовало широкому лит. связям П., укреплению дружеских отношений с В. Г. Белинским (познакомились в Москве в 1839; об их отношениях в эту пору см. восп. В. А. Панаева — РС, 1893, № 9), Н. Г. Чернышевским (П. в числе немногих навещала его в Петропавлов. крепости; была крестной матерью его сына Михаила) и особенно с Н. А. Добролюбовым — к нему и его братьям П. относилась с заботливостью «добрый сестры» (Чернышевский, XIV, 406; Добролюбов, IX, 437, 465). Помимо ред. деятельности в ж-ле (ведение отдела мод, чтение корректур и пр.) и обязанностей хозяйки традиц. «лит. обедов» по случаю выпуска очередных номеров П. была активным автором журнала.

В качестве бесплатного приложения к «Современнику» в «Илл. альманахе» (1848) было напечатано ее первое и лучшее произв. — автобиограф. пов. «Семейство Тальников» на тему дом. воспитания с обличением деспотизма в семейных отношениях, обнаружившая в авторе острокритич. восприятие действительности и вызвавшая сочувствие Белинского (Оксман Ю. Г., Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского, М., 1958, с. 543, 549). Альманах не был допущен цензурой к распространению, а повесть запрещена за «безнравственность и подрыв родительской власти». Попытки редакторов «Современника» опубликовать повесть на страницах ж-ла оказались безуспешными (впервые вышла в свет — Л., 1928; публ., вступ. ст. К. И. Чуковского). Совм. с Некрасовым (и И. А. Панаевым) П. работала над следующим произв. — ром. «Три страны света» («Совр.», 1848, № 10—12; 1849, № 1—5; отд. изд. — СПб., 1849, 1852, 1872). Жесточайшая цензура вынудила соавторов к письмам заверениям в том, что «роман будет производить впечатление светлое и отрадное ... порок решительно торжествовать не будет» (цит. по кн.: Евгений-В-Максимов В., Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л., 1928, с. 221). Однако, несмотря на это, авторам удалось сохранить социальную направленность романа за счет многочисл. любовно-романтич. и авантюрных сцен (написанных гл. обр. П.), к-рые пригласили «нежелательную» критич. тенденцию.

Эта идейно-тематич. неоднородность наложила определенную репутацию романа как произв. «с узкими и пошлыми идеями», «бьющего на внешние эффекты», притом, что рецензенты увидели в нем и «протест против тогдашних пороков», и указание «на мрачные стороны помещичьей власти», «на самодурство богатей, развращенных крепостным правом ... на бедность и страдания честных тружеников» (П. Н. Ткачев — «Дело», 1872, № 11, с. 11—12; см. также: Скабичевский А. М., Соч., т. 2, СПб., 1893, стб. 268—69).

Затем П. написала (совм. с Некрасовым, но при меньшем его участии) ром. «Мертвое озеро» («Совр.», 1851, № 1—10; отзывы: «Москв.», 1851, № 5; Добролюбов, VII, 196; его же, Дневники. 1851—1859, 2-е изд., М., 1932, с. 48: «превосходная», «прекрасная» вещь) — о жизни актеров. А. А. Григорьев, отрицательно относившийся к роману, вместе с тем признавал «справедливость» и яркость рассказа («Москв.», 1851, № 6). «Б-ка для чтения» (1852, т. 112) отнесла роман к числу произв. натуральной школы. В «Современнике» были опубликов. «Мелочи жизни» (1854, № 1—4), неск. повестей — «Воздушные замки» (1855, № 3), «Степная барышня» (1855, № 8), «Домашний ад» (1857, № 9), «Русские в Италии» (1858, № 2), «Фантазерка» (1864, № 9), рассказы «Необдуманный шаг» (1850, № 1), «Капризная женщина» (1850, № 12), «физиологич. очерк» «Железная дорога между Петербургом и Москвою» (1855, № 11).

В первых же произв. П. наметилась осн. тема — положение женщины в семье и обществе, актуальная для лит-ры кон. 50—60-х гг. Не выходя практически за рамки «женского вопроса», П. в своих произв. сумела затронуть и др. острые проблемы (жестокость помещиков-крепостников, бедственное положение крестьян и гор. люда, равнодушие чиновничьего мира, бесплодность дворян. либерализма) с позиций, свидетельствующих об идейно-тематич. соответствии ее произв. демокр. духу «Современника». Наиб. характерен в этом плане ром. «Женская доля» («Совр.», 1862, № 3—5), в сюжете к-рого отразились личные переживания П. (первое замужество, гражд. брак с его новыми испытаниями). Роман написан под влиянием идей Чернышевского, в нем созданы образы «новых людей». П. полагает, что «нравств. прогресс» в обществе наступит только тогда, когда «женщина без всяких толков и споров займет равное положение с мужчиной». «В наст. время участь женщины всегда в руках того, кто приобрел ее любовь... чужою она очутилась в руках эгоиста, она — жертва его прихотей и раба обществ. условий» («Совр.», № 3, с. 51—52). Не имея права распоряжаться своей судьбой, женщина в любой момент может быть подвергнута оскорбл. насилию. Варьиру-

ются лишь формы унижения, но и в светском обществе («Роман в петербургском полусвете» — «Совр.», 1860, № 3—4; отд. изд. — СПб., 1863), и в мешанской среде (рассказ «Жена часового мастера» — «Совр.», 1849, № 2) на нее смотрят как на предмет наслаждения. П. широко использует авт. отступления (прием, свойственный большинству ее соч.) для выражения собств. т. з. на затрагиваемые проблемы, что «расслабляет» фабулу произв., снижает целостность образов, их худож. выразительность. Характеры раскрываются через изображение крайних точек их внутр. развития: экзальтированная девушка — она же рассудительная дама (рассказ «Неосторожное слово» — «Совр.», 1848, № 3), восхищение жизнью в свете — и отвращение к нему (пов. «Безобразный муж» — «Совр.», 1848, № 4) и т. п.

Сюжетные коллизии, окрашенные, как правило, романтич. патетикой, тяготеющие к повышенной, несколько утрированной драматичности ситуаций в сочетании с отступлениями публицистич. или резонерского толка, вызвали критику: ни один роман П. «не удовлетворяет в худож. отношении... содержание многосложно, запутанно и автор [с ним] справляется с большим трудом, часто обрывая, недосказывая... сцены грубы, характеры резки», однако, провозглашал рецензент «Отч. зап.», «под этой грубой работой всегда убеждение... всегда много житейской правды, поднятой... с болеленным чувством участия и негодования, чувством прямым, смелым и искренним» (1862, № 5, с. 37, 38). Категоричнее был отзыв Д. И. Писарева. В полемич. ст. «Кукольная трагедия с букетом града, скорби» (РСЛ, 1864, № 8) о творчестве П. он отнес ее к числу беллетристов — «каркаристов идеи», тщетно стремящихся стать «под одним знаменем» с Добролюбовым (с. 1, 2).

В 1861 было завершено судопроизводство по делу об огаревском наследстве. Длительность процесса (начат в 1855) объясняется, в частности, поведением П., уклонявшейся под разными предлогами от выплаты капитала наследникам М. Л. Огарёвой, доверенным лицом к-рой она была вместе с Н. С. Шаншиным. В 1859 состоялось решение моск. надворного суда, к-рый признал их виновными в присвоении огаревского имущества и денег, после чего ими было выплачено 50 тыс. рублей (подробнее см. в ст. Некрасов Н. А.). Эта история, получившая широкую огласку, породила немало толков, не обошедших и Некрасова, что послужило одной из причин его разрыва с П.

После смерти Панаева и разрыва с Некрасовым П. в 1864 (по др. сведениям в 1865) вышла замуж за А. Ф. Головачёва. В 1877 он умер, оставив П. с малолетней дочерью. Последние годы жила скудным лит. заработком, чувствуя себя «позабитым автором прошлой лит. эпохи» (Лит. наследие Н. Г. Чернышевского, т. 3, М.—Л., 1930, с. 595). Печаталась гл. обр. в «Ниве»: пов. «История одного таланта» (1888, № 24—34), рассказы «Дворяшка» (1889, № 49—51),

«Петух» (ЛПН, 1891, № 11), «Сироты» (ЛПН, 1893, № 3). В центре внимания П. — гор. труженики, обитатели глухих петерб. углов, отчаянно борющиеся с нуждой. Строгость и сдержанность рассказов 80—90-х гг. сближают их с ранними соч. П. Беллетристич. опыт в полной мере отразился в ее последнем произв. — восп. «Рус. писатели и артисты. 1824—70» (ИБ, 1889, № 1—11, с. многочисл. ценз. и ред. сокращения; отд. изд. — СПб., 1890; Л., 1927 — под назв. «Воспоминания», исправленное и проверенное К. И. Чуковским), публикация к-рых вызвала большой интерес.

Чернышевский (посвященный в план работы П. над восп. своим сыном Мих. Ник., посетившим ее в нояб. 1888, и горячо поддержавший этот замысел), знакомясь с мемуарами по мере их публикации, считал, что они «очень хороши», и собирался подготовить отд. изд. с примечаниями (XV, 818, 898). Сочувственно отозвался о работе П. «Рус. богатство» (1890, № 5—6), «Рус. мысль», где восп. П. рассматривались в ряду мемуаров Панаева, Т. П. Пассек, П. В. Анненкова, А. И. Герцена: «Общий колорит ее изображений правдоподобен и весьма любопытен. Особенно ярки ее восп. из эпохи „Современника“» (1889, № 10, с. 460). А. М. Скабичевский, прочитав первые главы, предсказывал: «Здесь мы, без сомнения, найдем немало драгоценных сведений и про Некрасова, и про Панаева, и про всех сотрудников „Современника“ 50-х и 60-х годов» («Новости и бирж. газета», 1889, 19 янв.).

С тонкой наблюдательностью П. воссоздает многочисл. портреты деятелей т-ра (А. А. Шаховской, В. А. Каратыгин, Е. С. и Н. С. Семёнов, Н. О. Дюр, В. Н. Асеев, династия Самойловых, А. Е. Мартынов, М. С. Шенкин и мн. др.), представителей обществ. мысли (Т. Н. Грановский, М. А. Бакунин, М. В. Петрашевский и др.) и литературы, музыкантов (М. И. Глинка, А. Н. Верстовский, А. Е. Варламов, К. А. Канос, О. А. Петров, А. Я. Воробьев, П. Винаро); мн. внимания уделено рус. балету.

Живость и занимательность изложения достигались порою в ущерб документальности и достоверности. А. Н. Пыпин, отмечая справедливость мн. свидетельств П., обратил внимание на пространные диалоги и беседы, точное воспроизведение к-рых сомнительно, т. к. они не фиксировались в свое время (Пыпин А. Н., Н. А. Некрасов, СПб., 1905, с. 68). «Доля личного творчества» П. дала повод определить мемуары как «нечто вроде ист. романа» (А. М. Скабичевский — «Новости и бирж. газ.», 1889, 13 апр.). В письме Чернышевскому сообщала: «Я знаю, что мои „Воспоминания“ написаны плохо, потому что я их писала наскоро и при такой обстановке моей жизни, что и то удивительно, как я могла это написать» (Лит. наследие Чернышев-

ского, т. 3, М.—Л., 1930, с. 595). Не имея возможности навести необходимые справки, воспользоваться источниками, П. допускала хронологич. несоответствия, неточности в датах и написании фамилий, что вызвало нек-рое недоверие к восп. и опровержения в печати (НВ, 1889, 6 апр.; ИВ, 1889, № 5, и др.), недоброжелат. суждения (Б и б и к о в а В., О «Восп.» г-жи Головачевой. — «День», 1889, 19 июля). К серьезным погрешностям следует отнести описание мнимой встречи сотрудников «Современника» с Н. В. Гоголем, истории создания письма Белинского к Гоголю, обстоятельств ссоры Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым и др. Нек-рые эпизоды носят полуфантастич. характер (встреча П. с Дж. Гарибальди). Личные пристрастия П. высказаны порою в подчеркнуто полемич. тонах, что наполнило искажениями и противоречиями портреты В. П. Боткина, Анненкова, Тургенева (относившегося, в свою очередь, к П. крайне враждебно; см. его письмо от 4 июля 1857 в сб.: И. С. Тургенев, М., 1940, с. 114), Д. В. Григоровича (к-рый пытался воспрепятствовать публикации восп. — ЛН, т. 49—50, с. 550). К. И. Чуковский полагал, что, излишне сосредоточиваясь на бытовых деталях, П. порою «обывательно поверхностно» интерпретирует события и факты (разрыв Достоевского с кружком Белинского, Тургенева с редакцией «Совр.»), имеющие сложную лит.-обществ. подоплеку; «но так как стержень книги надежен и прочен, так как в большинстве случаев основные оценки изображаемых ею людей вполне соответствуют ист. истине, — с указанными недостатками поневоле мириться» (в кн.: Панаева А. Я., Воспоминания, М., 1986, с. 7).

Изд.: Семейство Тальниковых. — В кн.: Рус. пов. XIX в. 40—50-х гг., т. 2, М., 1952; Воспоминания, М., 1972 (Вступит. ст. К. И. Чуковский, прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова); Степная барышня. — В кн.: Дача на Петергофской дороге, М., 1986; то же, в кн.: Степная барышня, М., 1989.

Лит.: Добролюбов, Некрасов, Чернышевский, Белинский (все — ук.); Чуковский К., Жена поэта, П., 1922; Черняк Я. З., Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. (Дело Огарева — П.), М.—Л., 1933; Евгеньев-Максимов В. Е., Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 2, М.—Л., 1950, с. 123—71, 256—80, 304—20; Курова К. С., Творчество П. в 60-е гг. — Уч. зап. Казах. ун-та, 1952, т. XIV, в. 1; Башта Т. А., Когда родился П. — РЛ, 1972, № 4; Бессонов Б. Л., К истории «огаревского дела», — РЛ, 1978, № 3; его же, Лермонтов в пов. П. «Пасека» (1849). — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Иссл. и мат-лы, Л., 1979; его же, Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Некрасова (история одной публикации). — Некрасовский сб. т. 7, Л., 1980; его же, Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Некрасова. — Там же, М., 1986; Демиснев А. Г., К истории «огаревского дела», — ВЛ, 1979, № 11; Карамышева О. В., Жанровое своеобразие ром. Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света», — В кн.: Некрасов и его время, в. 6, Калининград, 1981; Дружинин А. В., Повести. Дневник, М., 1986 (ук.); Фортунатова

тов Н. М., Н. А. Некрасов и А. Я. Панаева. — В кн.: Переписка Н. А. Некрасова, т. 1, М., 1987; Фролова Р. И., Традиции романа-фельетона Э. Сю в романе Н. Некрасова и А. Панаевой «Три страны света». — В кн.: Лит.-худож. связи и взаимодействия, Кат., 1990; Чуковский К., Дневник. 1901—1929, М., 1991 (ук.); ЛН, т. 49—54; Ledkovsky M., A. Panajeva: Her Salon and Her Life. — Russian Literature Tri-quarterly, Ann Arbor, 1974, № 9, p. 423—32; Gregg R., A Brackish Hippocrene: Nekrasov, Panajeva and the «Prose in Love». — Slavic Review, 1975, v. 34, № 4, p. 731—51. + Некрологи, 1893; «Нива», № 16; ИВ, № 5, Брокгауз; Голицын: Языков; Мельер; БСЭ; КЛЭ; Лерн. энци.; Рус. писатели, 1990; Муратова (1); Масалов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 382; ИРЛИ, ф. 155; ЦГИА СПб., ф. 19, оп. 111, д. 195, л. 408 (дата рожд. П.). Н. М. Фортунатов.

ПАНКРАТОВ Василий Семёнович [26.1(7.2).1864, по др. сведениям — 21.1(2.2).1862*, с. Алексеевское Моск. у. Моск. губ. — 5.3.1925, Ленинград; похоронен на Волковом кладб.], публицист, мемуарист; народоволец. Из мещан. По окончании нар. ремесл. уч-ща в с. Марьине (Корчев. у. Твер. губ.), где обучался

токарному делу, работал с 1875 в оптич. мастерских Москвы, затем слесарем и токарем на Моск.-Рязан. ж.д., в Коломне (з-д Струве, 1877—1880), Твери (ф-ка Каулина), Петербурге (1880—81, в т. ч. на Балтийском з-де). С 1881 чл. «Нар. воли»; был связан с А. П. Булановым. После обыска, спасаясь от ареста, уехал ненадолго в Москву, в 1882 на Юг (Ростов-на-Дону, Харьков, Севастополь и др.). Участвовал в устройстве подпольных типографий, вооруж. нападениях на почту (для получения средств на рев. дела), вел пропаганду среди рабочих, о чем позднее написал в своих восп. «Среди рабочих в 1880—84 г.» (анонимно, Женева,

1905; под назв. «Из деятельности среди рабочих за 1880—84 г.», М., 1906; 3-е изд. — «Воспоминания. Как приходилось работать среди рабочих...», М., 1923; доброжелат. рец.: КиС, 1924, № 4). Арестован в марте 1884 как чл. киев. группы «Нар. воли» (при аресте оказал вооруж. сопротивление), приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторги (см. восп. П. «К процессу 12-ти 1884 г. в Киеве». — «Былое», 1907, № 2). В марте 1898 из Шлиссельбург. крепости (где в 1890 покушался на самоубийство) сослан на поселение в Вилуйск, затем переведен в Якутск.

«Попав в ссылку, я поставил себе целью... познакомить рус. общество с положением шлиссельбург. узников. Для этого я стал писать частные письма... на имя О. Н. Флоровской, сестры В. Н. Фигнера... она отправляла их в ред. ... «Вост. рус. революции» (из авт. предисловия к кн. «Жизнь в Шлиссельбургской крепости», П., 1922, с. 6), где они под назв. «Жизнь в Шлиссельбургской крепости» были опублик. в 1901—1902 (№ 1, 2, 6, п. 1; отд. изд. — Женев. 1902; Берлин, 1904, М., 1906; доп. и испр. авт. — П., 1922, положит. рец.: КиС, 1923, № 5). Написанная в момент, когда мы, высчитавшие и переживавшие долгие 14 лет одиночного заключения, сохранившие во всей их выразительности, непосредственности и яркости, книга П. — одно из первых свидетельств узника Шлиссельбурга — стала важным источником по истории царской тюрьмы. Опубли. также два из написанных в крепости стихотворений П. (сб. «Пола сподрами», М., 1909, с. 297, 298).

В 1905, получив разрешение приписаться к крестьянам Иркутской губ., бежал. В Москве вступил в партию эсеров (в 1906 — чл. ЦК), активно участвовал в Декабрьском вооруж. восстании, после чего выехал за границу. В 1906 вернулся в Москву, в мае 1907 арестован и заключен в Таган. тюрьму (см. об этом восп. П. «Таганка 1907 года». — В кн.: «По тюрьмам», М., 1925, 2-е изд., М., 1934). В том же году сослан на 5 лет в Якутскую обл. под гласный надзор (сохранялся до 1917). После Февр. революции переехал в Петроград. Сотрудничал (под псевд.) в эсеров. газ. «Воля народа». Выступил с рядом публиц. статей, в к-рых отстаивал необходимость продолжения войны с Германией («Кому же мы протягиваем руку?», П., 1917). В ст. «Ленин, Ганецкий и К° — шпионы» (газ. «Живое слово», 5 июля, 1917, совм. с Г. А. Алексинским) — резкая критика большевиков. В июле 1917 П. подписал «Воззвание старых революционеров ко всем гражданам России» (вместе с Е. К. Брешко-Брешковской, В. И. Засулич, Г. В. Плехановым, Фигнер и др.), направленное против «разжигания классовой розни» и содержащее безусловную поддержку Врем. правительства (НВ, 18 июля, 1917). Участвовал в Гос. совещании в Москве (12—15 авг. 1917), созданном правительством А. Ф. Керенского для объединения полит. единомышленников (Гос. совещание, М.—Л., 1930, с. 312).

С 21 авг. 1917 — комиссар Врем. правительства по охране Николая II и его семейства, отправленных в Тобольск (см. «Дневник Николая Романова». — КА, 1927, III, 1928, II). Этому периоду посв. восп. П. — «В Тобольске» («Былое», 1924, № 25—26, отд. изд. — «С царем в Тобольске», Л., 1925; переизданы — М., 1990, Л., 1990). Участник (созванного кадетами и правыми эсерами) Гос. совещания в Уфе (1918). В 1919 выпустил антибольшевист. брошюру «Почему мы бедны?» (Омск, 1919). Последние годы жил в Ленинграде; чл. Об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Лит.: Бурцев В. Л., За сто лет, Лондон, 1897 (ук.); его же, Календарь рус. революции, П., 1917 (ук.); Спиридович А., Партия социалистов-революционеров и ее предшественники, 2-е изд., П., 1918 (ук.); Волкенштейн Л. А., Из тюремных восп., Л., 1924 (ук.); Франкфурт С., Восп. о старом товарище П. — КиС, 1925, № 6; Николаев В., Ссылка и каторжение. — В сб.: Сиб. ссылка, М., 1927, с. 104; Савинков Б., Восп. террориста, 3-е изд., 1928, с. 279, 292; Бах А. Н., Записки народовольца, М.—Л., 1929 (ук.); Народовольцы 80—90-х гг., М.—Л., 1929 (ук.); «Нар. воля» перед царским судом, в П. М., 1931 (ук.); Фигнер В., Полн. собр. соч., т. 2, М., 1932 (гл. «В. С. Панкратов»; см. также ук.). + Некрологи, 1925; КиС, № 4, с. 255, 256 (А. В. Левановский), с. 302; «Былое», № 1. Полит. каторга и ссылка. Биогр. справочник..., М., 1934; Гранат, т. 31; Южаков; БСЭ; СНЭ; ДРДР; ИДРДВ; Масанов.

Архивы: ГАРФ, ф. 533, оп. 1, д. 1365, ф. 102, оп. 181, д. 293; РГВИА, ф. 1351, оп. 1, д. 6247* (справка Е. В. Карсвой).

О. А. Сайкин.

ПАНОВ Василий Алексеевич [17(29).8.1819, с. Анастасово Курмыш. у. Симбирской губ. — 21.10 (2.11)*.1849, там же], литератор, историк-славист, издатель-редактор. Отец — отставной гвардии штабс-капитан. Пройдя гимназич. курс в пансионе Моск. проф. М. Г. Павлова, учился на филол. ф-те Моск. ун-та (с 1835), окончил со званием кандидата. В Москве вошел в круг славянофилов: посещал салон А. П. Елагиной, тесно общался с ее сыновьями (в т. ч. от первого брака — И. В. и

П. В. Киреевскими), подружился с Д. А. Валуевым, сошелся с семьей Аксаковых (состоял с нею в родстве — шурин брата С. Т. Аксакова и дядя А. Н. Аксакова по матери), с Ю. Ф. Самариным, А. С. Хомяковым, Н. М. Языковым, Ал-дром Н. Поповым, позже — с Ф. В. Чижовым, в 40-е гг. бывал также в салоне Е. А. Свербеевой и Д. Н. Свербеева (двоюродного дяди); дружил с М. Н. Катковым и прятельствовал с С. М. Соловьёвым (примыкавшими одно время к этому кругу).

В кон. янв. — нач. февр. 1840 в доме Аксаковых познакомился с Н. В. Гоголем, к-рого «вполне понимал и ценил» (Аксаков С. Т., История..., с. 36), а 13 апр. с радостью вызвался «пожертвовав всеми своими расчетами» (в т. ч. экзаменом на магистра), сопроводить хворашего писателя за границу в Рим (там же, с. 37); выехали 18 мая 1840.

В Вене, вероятно 11 июля (по н. ст.; см. письмо П. к К. Аксакову от 7 июля — ЛН, т. 58, с. 594), расстались, затем встретились в Венеции (2 сент. по н. ст.), а с 25 сент., проживая в Риме, постоянно общались до отъезда П. в Берлин в нач. мая 1841. По восп. Ф. И. Буслаяна, «товарищески» сблизившегося в Риме зимой 1840—1841 с П. Гоголь тогда проживал на квартире у П. (ул. Sistina; ср.: Манн, с. 92), к-рый «вполне предавался неустанным попечениям о своем дорогом госте, был для него и радующим, щедрым хозяином, и заботливо няньком», переписывая набело гоголевские черновики — сохранились рукописи «Ревизора», «Женитьбы», нач. главы 1-го тома «Мертвых душ» (Буслаян, с. 107, 259; Манн, 393). Интересные подробности о состоянии Гоголя в первые месяцы их совместного путешествия (время начинавшегося душевно-духовного кризиса Гоголя и зарождения «прямо русского» направления и религиозного «жизнестроения самого себя» — Аксаков С. Т., История..., с. 48—49) содержится в письме П. к С. Аксакову от 9(21) нояб. 1840. П. адресовано одно из первых писем Гоголя (нач. июля 1841, из Рима в Берлин), проникнутых нравучит. пафосом, характерным для умоастроения автора «Выбранных мест из переписки с друзьями» (см.: Гоголь, XIV, 291; «Патристическая» часть письма — о портрете итал. возлюбленной П.).

Пребывая в Европе после расставания с Гоголем (в 1-й пол. мая 1841) еще два года, П. занимался ист. изысканиями в Праге, где встречался с П. И. Шафариком, помогая ему «корректировать» работы о «великорусах», и посетил ряд слав. земель: Далмацию, Черногорию, Герцеговину; в Берлине в июле—авг. 1842 состоял в дружеской компании старых знакомых — Попова, Соловьёва, А. П. Ефремова: вместе слушали лекции историка Л. Ранке, Ф. Шеллинга («философию откровения») и др. берлинских знаменитостей, беседовали о личности и идеях Хомякова и И. Киреевского. Вернувшись в Москву (летом 1843), П. издал этногр. брошюру «Путешествие по землям зап. и южных славян. Ч. 1. Которский округ в Далмации» (М., 1844), а на вырученные деньги и пожертвования послал церк. книги и утварь слав. монастырям. Возбуждая интерес рус. общества к заруб. славянству

и проблемам общеслав. солидарности на правосл. основе, публикует в ж. «Б-ка для воспитания» Валуева популярные ист. очерки: «Очерк Черногорской истории», «О настоящих жилищах юж. и зап. славян и их расселении в Европе», «История хорватов», «История Болгарского гос-ва» (все — 1845, ч. 3, 4, 5, 6). По слову В. И. Григоровича, П. вместе с Валуевым, «достойные ... стать у нас среди первых начинателей науки славянской» («Симбирские губ. вед.», 1867, 24 янв.).

Приобщаясь к совр. лит.-научным интересам «рус. партии», П. посещает публичные лекции С. П. Шевырёва (соперничавшие с параллельным курсом Т. Н. Грановского) и пишет отзыв «Несколько слов о публичном курсе истории рус. словесности проф. Шевырёва» [не пропущенный в «Моск. ведомости» попечителем Моск. уч. округа С. Г. Строгановым, не жаловавшим славянофилов, отзыв появляется в «Моск. губ. ведомостях» (приб., 1845, 13 янв.) и одновременно в ж. «Москв.» (1845, № 1; там же на курс Шевырёва помещены отклики И. Киреевского и М. П. Погодина)]. В отзыве, подобном реферату, живо изложена историко-лит. концепция шевырёвских лекций как первого систематич. курса рус. словесности с древних времен.

Узловые моменты концепции: облекшись в слав. речь, христианство через книжность и церк. службу сильно повлияло на поэтич. сознание народа; возник жанр «духовных стихов»; язычество стало с христ. началами в образах рус. богатырей, окружавших св. кн. Владимира; вслед за периодом «поэтического сознания» наступил период «сознания исторического», когда важную роль в становлении письменности и культуры играли монастыри; особая вса в истории др.-рус. просвещения — 12 век, с именами Даниила Заточника и Кирилла Туровского — «высказатели и молитвенники» о суав. правом и милостивом, чуждом всякому пристрастию (с. 13).

Хомяков, ознакомившись с текстом отзыва до его выхода, побуждал Самарина: «Отыщите статью П. ... и пустите ее сколько можно в ход ... Она ... слабо писана, но она имеет смысл и важность, особенно по вопросам современным... Впрочем, она и не без достоинства» (РА, 1879, кн. 3, с. 315).

Дружба и сотрудничество Валуева и П. в ряде организационно-издат. начинаний, в т. ч. в издании «Синбирского сб-ка» (М., 1844) и особенно — в подготовке своеобразного славянофильского альб. «Московский лит. и ученый сб-к», позволили Е. И. Поповой назвать их «поборниками» (Попова, с. 81). В день захоронения «брата ... по духу и сердцу» (там же, с. 3) в Даниловском мон. П. окончил некрологич. «Биографию Д. А. Валуева» (М., 1846, анонимно; переизд. — РА, 1899, кн. 3), где особо оценил целеустремленные труды и действия Валуева по

собираанию лит.-ученых сил славянофилов.

Столь же ревностно продолжал совместно начатое журнально-издат. предприятие один П.: неустанно побуждал авторов (а старшие славянофилы писали неспешно, явно, по словам Соловьёва, предпочитая «красно говорить» в лит. салонах и гостиных, — см.: Цимбаев, 1990, с. 191—92); преодолел ценз. препоны (в частности, с помощью Буслаева — см. две записки к нему в альб. «Почин», М., 1896, с. 6—7), а за изданиями славянофилов цензура надзидала строже, чем за «Отеч. зап.» (не случайно в 1847 шеф III отд. А. Ф. Орлов распорядился поощрить А. А. Краевского за помещение в его ж-ле опровержений «славянофильских бредней» — см.: Цимбаев, 1990, с. 191); непосредственно вел всю организац. работу и финансовые расчеты, вкладывая собств. деньги. Выпущенные им с небольшим промежутком (9 с половиной месяцев) два объемистых (580 и 935 страниц) сб-ка-альманаха на 1846 и на 1847 свидетельствовали, что уже сложился широкий славянофильский круг литераторов.

Правда, развернутое разъяснение или целостное выражение учения не состоялось, хотя в сб-ках участвовали почти все ведущие члены кружка (кроме бр. И. и П. Киреевских) и публично откликнулся мн. идее «славянофильского воззрения» — преим. в ст. Хомякова «Мнение русских об иностранцах» (1846), «О возможности рус. худож. школы» (1847), в «Трех критических статьях г-на Имрека» (К. Аксакова) (1847), в «Стихах на объявление памятника историкографу Н. М. Карамзину» (1846) и др. стихотворениях Языкова, в развернутой и острой рец. Самарина (под псевд.) на «Тарантас» В. А. Соллогуба, в статьях и рец. Ал-дра Попова и Чижова; менее определенно — в лирике и в своеобразном стихотв. рассказе («драм. сцены в стихах и прозе») И. Аксакова «Зимняя дорога» (1847). В альманахах опубликовались также десятки полтора авторов, в разной степени близких или сочувствующих славянофилам, в т. ч. Соловьёв, И. И. Срезневский, М. А. Максимович — «чуждые» статьи, К. К. Павлова, Ю. В. Жадовская, П. А. Вяземский, Я. П. Полонский — стихи, С. Аксаков и В. И. Даль — проза, Н. В. Берг — переводы «Кралеворской рукописи» В. Ганки (1846) и серб. нар. песен (1847); А. О. Смирнова-Россет общалась, но не подготовила для публикации отрывки из своих воспоминаний, весьма ценных П. и Аксаковым.

Сам П., не названный в обоих сб-ках как составитель и редактор, написал во втором выпуске за подписью «редактор» два предисл. — к подборке серб. нар. песен (об их истории, совр. бытовании, жанровом своеобразии, их высокой оценке Я. Гриммом и И. В. Гёте) и к стихотв. отрывку из 5-й гл. ром. Павловой «Двойная жизнь» (с проникновением в сюжет главы и смысл романа в целом), а также оправдат. предисловие о помещении «критики» К. Аксакова, написанной еще для 1-го сб-ка (запоздала по материалу, но «всегда современна» по идеям).

«Моск. сб-ки» не только свидетельствовали о широте и разнолико-

сти круга причастников славянофильским идеям и темам. Вышедшие почти одновременно с программными для натуральной школы изданиями — «Петербургским сб-ком» Н. А. Некрасова (январь 1846) и 1-м номером «Современника» (1 января 1847) (ср. «Моск. сб-ки»: май 1846 и март 1847), — они составили самую серьезную в 40-х гг. лит.-критич. оппозицию «петерб. партии» (по слову Самарина) и ее идеологу и теоретику В. Г. Белинскому. Их ведущие авторы (К. Аксаков, Хомяков, Самарин, Языков) решительно развели Гоголя как нац. гения и натуральную школу как круг его подражателей, воспринявших тему «пошлости» у Гоголя внешне, неосознанно подменив все человеческое — христианское — авторское сострадание надменным социальным обличением. Обсуждение проблемы «Гоголь и натуральная школа», как и защита первенства в творчестве рус. писателя (критика) традиционно национальных и духовно-правосл. устремлений в сравнении с «социальной» и общественно-полит. идейностью, ориентированной на европ. учения, побудили к откликам и рецензиям на сб-ки ряд именитых литераторов, публицистов, историков.

1-му сб-ку посвятили рец.: Погодин («Москва», 1846, № 5: развернуто одобрительно, подчас не без иронии, с признанием заслуг «скромного неизвестного собирателя-издателя», с. 188); А. В. Никитенко (БлЧ, 1846, т. 78: сдержанно одобрительно, кроме признания ст. Хомякова в корис ошибочной и «сектаторской»); П. А. Плетнев («Совр.», 1846, № 8: хвалительно); Буслев, А. Д. Галахов, К. Д. Кавелин (ОЗ, 1846, № 7: с позиций чистейшего «западника» Галахов признает ложность идей в статьях Хомякова, Самарина, Чижова, Попова как идей «славяинства, или, точнее, славянофильства»; он снисходителен к стихам И. Аксакова, как «первому дебюту», а стихи Языкова воспринимает скептически; см. с. 25—27). О 2-м сб-ке пространную рецензию написали те же Кавелин (лишь о статье С. Соловьёва) и Галахов (обо всем остальном) (ОЗ, 1847, № 5; см. также подробную рец. Е. Ф. Розена — СО, 1847, № 9, 10). В тексте Галахов преобладает негативный разбор «чисто славянских» статей Чижова («Промыслие с Францией и Женевы»), Хомякова; с похвалой и обильно реценгент цитирует письма Н. М. Карамзина, но остро критич. статьи К. Аксакова [в т. ч. об «опыте» Никитенко, выживающего идею и метод «истории литературы», и о «Петерб. сб-ке», особенно о статье Белинского (ср. анонимную полемич. рец. Белинского на тот же сб-к: ОЗ, 1846, № 3)] лишь упоминает. Наиб. строгий разбор, порой суровый и саркастич. 2-го выпуска (особенно статей Хомякова и К. Аксакова) анонимно уложил ж-л «Совр.» (1847, № 6); его гл. авторами были, очевидно, Некрасов и Белинский (см.: Мельгунов). О первом выпуске Белинский лишь обронил мимоходом в обзоре рус. лит-ры 1846 г.: «несмотря на ...славянофильское направление [сб-к] заключает в себе несколько интересных статей, из которых особенно замечательна умным содержанием и мастерским изложением ст. «Тарантас»» (Х, 46); впрочем, дальнейшее обострение полемики между истерб. и моск. «партиями» уже на страницах ж-лов (ср. ст. Самарина «О мнениях „Современника“ литературных и исторических» — «Москва», 1847, ч. 2, и «Ответ „Москвитяину“» — «Совр.», 1847, № 11) выразительно запечатлелось в эпистолярной фразе Белинского: «Г-н Самарин не лучше других [славянофилов]; от его статьи несет мерзостью» (ХII, 457).

Среди кратких откликов на «Моск. сб-ки» замечательны: негативное отношение Герцена («прескучный и пресупостой» — ХХII, 255), непризнанная реплика Гоголя («тот же мертвый номер „Москва.“, только немного потощел» — письмо к Н. Языкову от 5 окт. 1846), а с др. стороны — признание Каткова («вышла книга очень дельная» — в письме Попову от 23 июля 1846 — РА, 1888, кн. 2, с. 484), «исчужаемая радость» для всех Аксаковых и одобрение Ф. И. Тютчевым статьи Хомякова.

В 1847—48 П. состоял на службе переводчиком Моск. отделения Главного архива МИД. Весной 1847 неожиданно для своих моск. друзей решил вступить в брак (помолв. в Симбирске с А. А. Головиной); Соловьёв по этому поводу написал в летописной манере сказание о том, как славянофилы ездили жениться, зачитав его на пиру по случаю защиты дис. К. Аксаковым; свадьбу сыграли в июне (в браке родилось двое детей). П. продолжал писать магистер. дис. и много занимался сел. хозяйством. Но неожиданно, почти скоропостижно скончался в 30-летнем возрасте. Питавший к П. особое расположение Соловьёв вспоминал: «Это был человек умный, распорядительный, нисколько не даровитый, до крайности неказистый, вялый... но святой человек: окруженный самолюбцами, он отличался отсутствием самолюбия, скромностью необыкновенно, работал на всех» (Соловьёв С. М., Избр. труды. Записки, М., 1983, с. 300). Печалью о кончине П., Гоголь назвал его «близким сердцу» (записка к С. Т. Аксакову, ноябрь 1849).

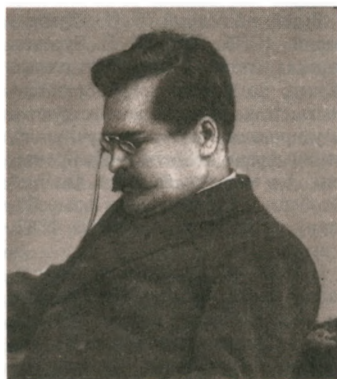
Лит.: Гоголь, XI, XIII, XIV (ук.); Герцен, II (ук.); Аксаков, История моего знакомства с Гоголем, М., 1960 (комм.); Белинский (ук.; см. «Московский лит. и ученый сб. на 1846 г.»; то же «на 1847 г.»); Анненков (ук.); Барсуков, V, VII—IX (ук.); И. С. Аксаков в его письмах, т. 1—3, М., 1888—92 (в т. ч. т. 2, с. 254, т. 3, с. 438); Аксаков И. С., Письма к родным. 1844—1849, М., 1988 (ук.); его же, Письма к родным. 1849—1856, М., 1994 (ук.); Колупанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 2, М., 1892, с. 75, 77—78; Шафарик П. Я., Письма к О. М. Боданскому. (1838—1857), М., 1895 (ук.); Буслев Ф. И., Мои восп., М., 1897, с. 106—07, 258—60, 289—291; Попова Е. И., Дневник, СПб., 1911 (ук.); дата смерти — с. 214, 215*); Мат-лы по истории рус. дет. лит-ры, в. 1—2, М., 1927—29; Черныш Г. Г., Некыз. письмо Гоголя. — В сб.: Finis duosdecim lustis..., Таллин, 1982; Манин Ю. В., В поисках живой души, М., 1984 (ук.); Цимбаев Н. И., Славянофильство, [М.], 1986 (ук.); его же, С. Соловьёв, М., 1990 (ЖЗЛ); с. 85, 106, 190—91, 193—94; Мельгунов Б. В., [Комм. (1995)]. — В кн.: Некрасов, XII, кн. 2, с. 311—16; ЛН, т. 56; т. 58 (в т. ч. отрывки из писем П. к К. С. Аксакову). + Адрес-календарь на 1848[—1850], СПб., [б. г.]; РБС (Б. Л. Модзалевский); Бограва. ОЗ(1): СДР; ИДРДВ; Масанов (ошибочно отчество).

Архивы: РГБ, ф. 120, к. 9, № 37 (письма М. Н. Каткову); ф. 231/П, к. 23, № 68 (письма М. П. Погодину); ф. 88, 2, 28—32 (упоминание в неопубл. письм. Е. В. Давыдовой); ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 461 (письма И. Аксакову); оп. 9, № 61, 62 (письма К. Аксакову); ф. 234, оп. 3, № 501 (4 письма П. А. Плетневу; 1846—47); ф. 598, оп. 3, № 151 (2 письма Д. Н. Свербеева к П. [1843]); оп. 19, № 52 (очерковый текст П. «Рин»); ЦИАМ, ф. 418, оп. 105, к. 115 (м. с., сведения об окончании гимназии, курса в пансионе проф. Павлова); ГИМ, ф. 178

(А. С. Хомякова), № 34 и 36 (письма П. и к нему).

Н. П. Розик, при участии М. В. Новиковой.

ПАНОВ Николай Андреевич [29.4 (11.5).1861, с. Софьино Самар. у. Самар. губ. — 29.8(11.9).1906, Петербург; похоронен на Литератор. мостках Волкова кладб., поэт. Отец (ум. в 1868) — бывший крепостной, самоучкой овладевший грамотой, велсельчак и песенник, служил экономом у графов Урусовых в Москве,

затем управляющим именьями у графов Гаранских и князей Касаткиных-Ростовских в Самар. губ.; мать — из семьи сел. священника. Памяти родителей посв. стихи П. «Старь и новье» и «Колыбельная песня» (в сб-ках П. «Гусли звончатые» и «Родному народу»). Учился в церк.-приход. школе, затем в Сызран. уездной и реальном уч-щах (чтобы поступить в последнее, самостоятельно выучил нем. язык и сдал экзамен на отлично), увлекался лит-рой, писал стихи. После смерти матери П. пришлось оставить уч-ще; жил у дяди, богатого лесопромышленника, деспотичного и невежественного. Высмекл дядю в стихах (см.: «Север», 1902, № 35, стб. 1098), за что был изгнан из дома; больного, его подобрал на паперти мешане, выходили и пристроили обучаться телеграф. делу. Служил на жел. дороге (под нек-рыми стихами П. из сб-ка «Думы и песни» стоят назв. станций Сызранско-Вязем. ж. д.: Батраки, Евлашево, Костычи и др.). Мечта поступить вольнослушателем на ист.-филол. ф-т Казан. ун-та не осуществилась из-за незнания древних языков и болезни; «университетом» для П. стало самообразование (рус. и мировая классика, А. Шопенгауэр — см. стих. «Философия Шопенгауэра», в сб. «Зарницы и молнии»), Г. Спенсер — см. стих. «Памяти Спенсера» в сб. «Вперед!», Ч. Дарвин).

Лит. дебют П. состоялся в столичном ж. «Сев. звезда»: стих. «Родина (Село Софьино)» (1877, № 40), «Из дунайского альбома», «Птичка» (№ 41), «Зимний путь» (№ 43),

«Природа ночью» (№ 45). В 1881 при финансовой поддержке просвещенного сызран. купца Я. А. Журавлёва (ему посв. стих. «Вечерние размышления» — сб. «Думы и песни») побывал в Петербурге, в кружке Т. П. Пассек познакомился с литераторами, напечатался в ее ж-ле «Игрушечка»: стих. «Песня. Травушка-муравушка» (1881, № 44—45; отд. изд. на муз. П. с нотами — СПб., 1880); «Песня об урожае» (1882, № 23).

В рец. на первый сб. П. «Думы и песни» (СПб., 1882) В. П. Буренин упрекал автора за «идейность в совр. вкусе», но отметил его образованность (темы пьес свидетельствуют о штудировании филос. и науч. книг), знание франц. яз. (стих. «По прочтении „La tentation de Saint Antoine“ Флобера»), а также талант и выработанную поэтич. технику (НВ, 1882, 4 июня).

В 1882—93 П. жил в провинции, часто менял работу: сел. писарь, письмоводитель на асфальтовом заводе в Сызрани (вступился за права рабочих и добился отстранения управляющего от должности), корректор в «Сызран. листке объявлений». Давал частные уроки; в Хвалынске собирал статистич. мат-лы для истории Хвалынского у. Бедствовал, томился скукой провинц. жизни, пережил чувство любви (стих. «Я слышу голос твой...» — «Дело», 1887, № 6; см. также поэму «На родине» в сб. «Думы и песни»), думал о смерти и самоубийстве. В июне 1889 посетил в Саратове Н. Г. Чернышевского, беседовал с ним о Некрасове и совр. лит-ре (см. в Изд.: Из восп.); стих. П. «Памяти Н. Г. Чернышевского» цензура запретила для печати и чтения на похоронах Чернышевского (автограф — РНБ, ф. 309, № 29). С сент. 1892 по февр. 1893 — библиотекарь Лермонтов. б-ки в Пензе. Публикуется в сточич. и провинц. печати («Самар. листок», «Самар. газета», «Волгарь», «Театр. листок», «Колосья» и др.). Сб-к стихов «Искры» (1887) запрещен цензурой за «прославление разной гольтбы» и стихотворения «социалистич. направления» («Каторжанин», «На смерть Некрасова») (РГИА, ф. 777, оп. 4, 1887 г., д. 128, л. 3, 5). С 1893 — в Петербурге: секр. редакции ж. «Колосья», недолго работал в ж. «Семьянин», по протекции А. В. Васильева служил мелким чиновником в Деп. ж.-д. отчетности и Деп. воен. и мор. отчетности Гос. контроля (1894—1905). Службой тяготился («... какой я чиновник? Начальство это видит и терпит меня как литератора...» — ИРЛИ, ф. 193, № 289, л. 3 об.).

В 1892—94 публиковал в петерб. газетах и ж-лах рассказы из жизни дер. и гор. бедноты, циклы очерков о

столичной и провинц. жизни: «Горемыка» («Колосья», 1892, № 6), «Вечерком за самоварчиком» (там же, 1893, № 11), «Двадцатое число» (там же, № 12), «Письма к дяденьке» (там же, № 2—5, 10—12, подписи Коля Громилини), «В гостях у художников» (там же, № 5), «Турусовцы и их благодетели» («Рус. жизнь», 1893, 4...20 авг.), «Наша обществ. жизнь» и «По земле русской» (там же, 1894, сент.—нояб.), «По стране родной» («Семьянин», 1894, № 1, 2, 4; подпись Певун-балалур).

На сб. «Гусли звончатые. Песни, были и разные стихотворения» (СПб., 1896; биогр. очерк С. Рыбакова) взял взаймы под вексель 500 руб. у «одного частного лица из провинции» (в сб-ке обозначено криптонимом А. И. П.) (ИРЛИ, ф. 540, № 381, л. 3 об.).

Один из рецензентов назвал книгу «макулатурой» (МБ, 1896, № 5, библи. отд.). М. А. Протопопов поставил поэзию П. выше поэзии, «создающейся под влиянием фабрики и трактора», но ниже «старей нар. поэзии», к-рую автор лишь неумело «исправляет» (РБ, 1896, № 4, с. 29—30; см. также положит. отзыв П. Я. Шляпникова: «Урал», 1897, 13—15 февр., 19, 25 февр.; отд. изд. — 1897). Н. А. Рубакин («Нов. слово», 1895, № 3; авторство рецензии сообщено А. И. Рейтблатом) отнес П. к поэтам «рос. культурной и полукультурной богемы», отметил «чистейший язык, яркие образы и звучные рифмы, исполненный нар. колорит» в лучших стихах («Община», «Поэт», «Гусляр», «Волга» и др.), но шаткость воззрений, мешающую определить «духовную физиономию» автора, соседство идейных стихов с пасквиллями; по его мнению, скудные по содержанию и неориг. стихи заглушают все хорошее в книге.

После «Гуслей...» П. издал еще три сб-ка: «Родному народу» (СПб., 1901, предисл. М. А. Ягодина; сокращ. вариант «Гуслей...»), «Зарницы и молнии. Мечты, элегии, сатиры и комедия „Их торжество“» (СПб., 1901), «Вперед!» (СПб., 1907; рец. В. С(оловьё)ва: «Книга», 1906, № 3). Часть стихов — поэтич. переложения нар. песен и баллад («Масленница», «Пряха», «Бой-девка», «Русалки», поэма «Стенька Разин»). П. воспекает родные места, красоту рус. пейзажа, «раздольную степь» (поэма «Степь»). Религ. мотивы («Родное», «Гимн», «Вифлеемская звезда», «Рождественские песни» и др.) соседствуют с мотивами социальной несправедливости («Песня про голод», «Увели!», «Простые люди», «В рабочем квартале», «Памяти Д. Д. Минасова» и др.), «честного служения» обездоленного труженика и безразличности обитателей «раззолоченных палат»: «Деловые люди», «Беспечным современникам», «Сказка о потерянной совести», «Живучесть Хлестакова», «Родословная полиция», «Верим ли?» («Но все на свете оплевав позорно, Мы распинаем Бога в наши дни...») Сб. «Зарницы и молнии» содержит раздел «Из злопамятной книжки» — собрание довольно едких лит. эпиграмм («Спро-

шу без всякого злорадства/ И без особого раздумья/ Что это, — „Русское богатство“/ Или копилка скудомья?»).

Из драм. опытов П.: драм. сцены «Прошлый день» (сюжетно связана с «Песней про... купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова), сатирич. пьеса в стихах «Утро в редакции» (оба соч. — в сб. «Гусли звончатые»), комедия «Их торжество» (СПб., 1901; перепеч. в сб. «Зарницы...»), направленная против торжества капитала (использован размер «Горя от ума» А. С. Грибоедова; экз. комедии с дарств. надписью А. С. Суворину — в Гос. публ. ист. б-ке; возможно, П. искал пути к постановке комедии на сцене). Трагедия «Царевна София» — 1-я часть задуманной трилогии из Петровской эпохи (после ценз. «мытарств» — РГИА, ф. 776, оп. 26, 1906, л. 24, л. 126), допущена к печати (см.: БВед, 1905, 6 авг.; не опубли.; авт. экз. с правкой и ценз. экз. — в СПб ГТБ). Драма «Вожди народа» не обнаружена (упоминается в предисл. к сб-ку «Вперед!», в ж. «Наборщик и печатный мир», 1916, в надписи на мочальной плите П.).

В ром. в стихах «Владимир Волгин» (СПб., 1900; рец.: Троянов в Е., Грядущая сила, СПб., июль, 1900; НВ, 1900, 4 окт.) — попытка представить интеллектуально-духовные искания совр. эпохи. Герой романа знаком с лит. и театр. жизнью Петербурга, участвует в спорах западников и славянофилов, ходит в народ, побывал в сиб. ссылке, увлекся толстовством и разочаровался в нем и после всего пережитого проникся верой в Бога. Роман, отчасти автобиографический, отмечен влиянием религ. и славянофильских идей Васильева, о чем свидетельствуют посвящения, хвалебная рец. в ж. «Рус. паломник» (1901, № 47, с. 814; подпись П. Л(евшицкий) и), по словам А. Н. Сальникова, блестящий доклад Васильева о романе Слав. благовторит. об-ву. П. имитирует неогинскую строфу, использует некие сюжетные ходы и композиционные приемы романа Пушкина.

Доброжелательная к П. критика (Рыбаков, А. И. Яцимирский, Сальников и др.) рассматривала его как крест. поэта, «поэта из народа» — сам же П. полагал, что его творчество не вписывается «в одну линию с т. н. самоучками вроде Дрожжина... Я уже дальнейшее после Никитина, Сурикова, и моя поэзия была бы чем-то средним между их поэзией и поэзией Некрасова, если б я не написал „Волгина“» (письмо Яцимирскому, 1901 — ИРЛИ, ф. 193, № 289, л. 4).

Перу П. принадлежит ряд статей о рус. писателях: А. В. Кольцове («Поэзия могучего простора» — «Колосья», 1893, № 2), И. З. Сурикове («Певец тоски и горы» — «Семьянин», 1894, № 4; отд. изд. — СПб., 1894). В 1902—03 в газ. «Уральская жизнь» (с редактором к-рой Н. И. Певыным П. дружил) печатались фрагменты книги П. о Н. А. Некрасове (В. Е. Евгеньев-Максимов охарактеризовал этот опыт П. как наивный в публицист. и эстетич. отношениях и отметил соседство вымышленных мат-лов с подлинными). Ст.

«Ум и сердце Герцена» («Наука и жизнь», 1906, № 1, 2/3) — о «рышаре истины», выразителе «истинного нашего идеализма» (№ 1, с. 130—131), — написанная вскоре после манифеста 17 окт. 1905 (воспринятого П. как день «падения полицейско-бюрократич. строя», № 2/3, с. 325), исполнена надежд на коренное обновление общества и вместе с тем предостерегает против ужасов кровавых рев-ций.

В 1905 — 06 П. выступал в печати со стихами (большей частью аллегорическими) на злободневные темы: «Под барабанный бой» («Стрелы», 1905, № 3), «Опозоренная» («Наука и жизнь», 1905, № 6), «В безвременье» (там же, 1906, № 2/3), «Вулкан» (там же, 1905, № 10/11), «Песня адмирала Дубасова» («Девятый вал», 1906, № 1), «Поздняя радость» («Пробуждение», 1906, № 4), «Великий переполох» («Огни жизни», 1907, № 1; против бюрократии; написано размером некрасовского стиха. «Дедушка Мазай и зайцы»).

Возможно, П. принадлежит памфлет «Записки неунывающего россиянина» («Наука и жизнь», 1905, № 6, 9; подпись Фамусов), содержащий отклик на поражение России в рус.-япон. войне и выпады в адрес рос. общества и гос. деятелей (К. В. Плесс, ген. Е. И. Алексеева, А. С. Суворина), духовенства (Иоанна Кронштадтского, митрополита Московского Владимира), перебежавших явнт. рассказами о бесчинствах рядовых охранителей и черносотенцев. Здесь же сатирич. стихи г-на Энгиз (фонограмма от Крп-топима Н. А. П., к-рым подписывался П.): «Песенка патронного администратора», «Черная сотня» (написана размером пушкинской «Песни о вешем Олге»), «Стихи о приезде в Россию мистера Стэда». После смерти П. левая печать пыталась представить его как жертву обществ. строя и сторонника рев-ции («Новый ж-л лит-ры, иск-ва и науки», 1907, № 4, с. 113), его стихи называли «гимнами освобожд. движению», сообщалось, что он был якобы судим за стих. «Самодержавие» и сидел в Петропавлов. крепости («Огни жизни», 1907, № 2; эти сведения документально не подтверждаются).

Нек-рые стихи П. положены на музыку Ц. А. Кюи («Тучки», хор «Слава»), А. Н. Чернявским и др.

По настоянию друзей женился на давно преданной ему волжанке Ал-дре Игнатьевне Поселенной. В 1905 из-за «неумеренного употребления» вина лишился службы в Гос. контроле. Нуждался, болел (злокачественная опухоль на шее). Скончался в Александровской больнице для чернорабочих (у П. был паспорт крестьянина Самар. губ., не дававший права на помещение в др. больницу). С. Ф. Голлевский свидетельствовал, что не видел человека, умирающего с такой глубокой верой. К. А. Максимов сравнил судьбу П. с судьбой Н. В. Успенского. Старанием друзей и почитателей (среди них изв. оперная певица М. И. Долина, Васильев) на могиле П. был установлен памятник (см. о нем в кн.: Ист. кладбища Петербурга, СПб., 1993, ук.).

Др. произв.: «Поэзия гр. А. К. Толстого» (Екатеринбург, 1901);

«Чем велик Гоголь?» (Екатеринбург, 1902).

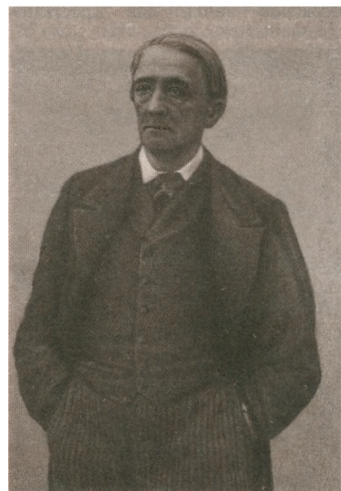
Изд.: [Стихи]. — В кн.: Рус. поэты за сто лет..., СПб., 1901 (сост. А. Н. Сальников); Песни рус. поэтов, Л., 1957 (вступ. ст. И. Н. Розанова); Песни и романсы: Из восп. — В кн.: Чернышевский в восп. совр., т. 2, Саратов, 1959.

Лит.: Поэт из народа П. — «Звезда», 1902, № 37; С(альнико)в А. Н., Н. А. Панов (По поводу 25-летия его лит. деятельности). — «Север», 1902, № 35; Яцимирский А. И., Памяти поэта из народа. — ИВ, 1906, № 10; Максимов К., Поэт П. — Там же, 1909, № 9; Васильев В. В. (Ясав), Рус. самородки. Ревель, 1916; Н. А. Панов. — «Наборщик и печатный мир», 1916, № 201; Леонов М., Рус. самородки. — «Сев. утро» (Архангельск), 1917, 19—20 янв.; Белоусов (2); Евгеньев-Максимов В. Е., Невышедшая книга о Н. А. Некрасове. — «Некрасов. сб.», в. 2, М.—Л., 1956; Селиванов К., Лит. места Ульянов. обл., Саратов, 1969; Заборова Р. Б., Из арх. разысканий о Н. А. Некрасове. — РЛ, 1973, № 4; Лидин Г. Г., Гусли звопчаты. — В его кн.: Друзья мои книги, М., 1976; Н. А. Панов. — В кн.: Самар. обл. (География и история, экономика и культура). Уч. пособие, Самара, 1996, с. 486—94; ЛН, т. 49—50, с. VIII, 600, 602; т. 84 (ук.). + Некрологи 1906: СПбВед, 14 нояб.; «Голос правды», 30 авг.; «Наборщик и печатный мир», № 124. ПНекр: Венгеров (Сл; Рус. кн.); Гранат; Назаров; Тарасенков; Альм; и сб-ки (1); Смирнов-Солоский; Иванов; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1275; Назаров; ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, № 85 (письма А. Н. Сальникову); 181, оп. 1, № 519 (письма Н. К. Михайловскому); 115 (Лит. фонд, док-ты за 1894—1906 г.) [справка Н. А. Прозоровой]; РНБ, ф. 341, № 196 (письма П. А. Картавову по поводу издания книги о Некрасове) [справка Т. В. Мисникевич].

И. П. Оловяникова.

ПАНОВСКИЙ Николай Михайлович [1802, по др. сведениям, 1797 — 9(21).9.1872, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], журналист, литератор, муз. критик. Из дворян. Слушал лекции в Моск. ун-те. В 1818 вступил в службу в Таврический гренадерский полк (подпрапорщиком), служил в Киевском гренадерском, Ахтырском гусарском полках; в 1828 вышел в отставку с чином штаб-ротмистра. В 1832—49 — в Варшаве; заведовал столом высшей полиции в Управлении варшавского воен. губернатора, служил в Гл. дежурстве действующей армии. По-видимому, в 1832—33 познакомился в Варшаве с

Л. С. Пушкиным, друж. отношения с к-рым сохранял и позднее. В кон. 1837 назначен редактором «Офиц. газеты Царства Польского». Занимал должности в Правительств. комиссии внутр. дел (секр.) и в канцелярии варшав. воен. губернатора. Вторично выйдя в отставку (сер. 1849), поселился в Москве, где пребывал почти безвыездно до конца жизни.

Лит. деятельность П., начавшаяся в 1830-е гг., возобновилась в 1850, вероятно, из-за финансовых затруднений (быстро растратил довольно значит. состояние). Став пост. сотрудником «Москвитинина» (в осн. по разделам «Смесь» и «Совр. гранич. известия»; заведовал последним в нач. 50-х гг.), он выступал с обзором загранич. новостей, привлекавшим внимание живостью и занимательностью изложения. В канву культурной и полит. хроники П. вплетал небольшие фельетоны, зарисовки гор. быта, детективные сюжеты, порой не без юмора сравнивая пеструю мозаику загранич. жизни с происходящим в Москве и Петербурге (см.: «Москв.», 1853, № 3, 11, 17—19, 22; 1855, № 1, 2, 7 и др.).

«Легкий» и ироничный тон публикаций П., по-видимому, послужил одной из причин недовольства «молодой редакцией» «Москвитинина», представители к-рой в сер. 50-х гг., когда журнал начал переживать организационные трудности, потребовали у М. П. Погодина права редакт. просмотра «чужих критик. статей, касающихся произведений литературных, сомнений по рус. быту и рус. истории» и «наблюдения, чтобы в статьях г. Любечских, Пановских и иных — не проскакивали противуречия и противучеловеческие безобразия, приводящие нас часто в краску перед посторонними...» (письмо А. А. Григорьева Погодину — Барсуков, XIV, 218; аналогичные требования Б. И. Оранского — там же, XVIII, 454).

Вероятно, в результате этих разногласий П. начал активно печататься в др. периодич. изданиях, гл. обр. — М. Н. Каткова: разнообразные заметки в «Рус. вест.», «Моск. вед.» (с 1857 и до конца жизни) и «Совр. летописи» (1861—71). Выступал в т. ч. с муз. и театр. рец. и статьями-обзорами (под рубрикой «Что делается в Москве»), носившими любительский характер (проф. муз. образования П. не имел). В «Моск. вед.» 1863—65 (ст. «Русская опера», 1863, 19 окт., и др.) ратовал за поддержку рус. оперной труппы, отстаивая ее приоритет перед итальянской (подробнее см.: Ливанова, 1969, с. 272—73). Среди его выступлений — «Музыка и театр в Москве» (СЛ, 1867, № 46), «Обед г-ну Берлиозу в Московской консерватории» (СЛ, 1868, № 1), «Народные песни западных славян» (МВед, 1868, 25 апр.), «Московский спектакль» (СЛ, 1869, № 18) и мн. др. Муз. интересы П. составляли предмет его общения с В. Ф. Одоевским, с деятелями Моск. отделения Рус. муз. об-ва, советами к-рых П. пользовался при написании статей (см.:

Одоевский, ук.; Кашкин). Наиб. ярко, по отзывам современников, талант П.-журналиста проявился в период сотрудничества с газ. «Наше время» (1860—63), с ред. к-рой Н. Ф. Павловым он был близко знаком. Помешал также критич. заметки, рецензии, фельетоны на страницах газ. «Рус. вед.» (1867), «Харьков. губ. вед.» (1871), «Вестник моск. политехнич. выставки» (1872); «Первое предостережение нашей промышленности», 9 мая; «В ожидании гостей. Случайный фельетон», 16 мая; «Англия и ее приверженцы», 9 авг., и др.). Имя П. — плодovitого фельетониста, пишущего в «великоветском, модном тоне», — иронически обыграно в стих. Н. А. Некрасова «Фельетонная букашка» (1866; см.: Некрасов, т. 2, 1981, с. 217).

Лит. опыты П. немногочисленны: неск. мелких рассказов в «Вестнике моск. политехнич. выставки» (под псевд. Вдовом) — «Роман в трех частях» (1872, 27, 29 июня), «Отыскалось» (1872, 11—14 авг.), «Пятое сентября. Рассказ извозчика» (1872, 5 сент.) и пов. «Могла братьев». Из записок старого ротмистра» (РВ, 1858, т. XVI, № 8, кн. 1). Повесть П., варьирующая характерные темы и приемы прозы 30—40-х гг., в частности повестей Павлова (описание быта офицеров в заштатном городке, проблемы чести, авторские размышления о бесцельности жизни, лишенной переживаний), отличалась вместе с тем живым языком, стремительным развитием сюжета. Имевшая нек-рый успех, она была переведена на франц. яз. А. Дюма, к-рый во время своей поездки по России (1858) познакомился с П., близким ему «и по остроумной своей натуре, и по тому пристрастию к гастрономии, к-рым отличались оба даровитых рассказчика и веселых собеседника» (Яковлев). Рассказы П. не лишены занимательности, рассчитанной, вероятно, на невзыскательного читателя (действие в купеч. среде, мотивы похищения, убийства, коммерч. обмана и т.п.; повествование ведется от лица «простолудина»), но талант П.-журналиста в них явно преобладает над писательским даром.

По свидетельству многолетнего приятеля А. Н. Андреева, П. был широко известен в Москве, в первую очередь как начитанный, образованный и «неистощимо остроумный» собеседник, имевший лишь одну странность — «страшный порок молодиться» (Андреев, с. 547; по-видимому, это одна из причин разноречивых сведений о дате его рождения). Нек-рой популярностью пользовались его устные экспромты, калямбуры и сатирич. стихотворения.

Изд.: Рус. опера [статья, 1863]. — В кн.: Ливанова Т. Н. Оперная критика в России, т. 2, в. 4, М., 1973, с. 335—38.

Лит.: Барсуков (ук.); Салтыков-Шчеприн (ук.); Андреев А. Н. Давние встречи. — РА, 1890, кн. 1, с. 545—47; Кашкин Н. [Д.], Рус. муз. об-во. — «Моск. еженед.», 1908, № 27, с. 59; А. Григорьев. Мат-лы для биографии. П., 1917, с. 140—43, 168, 177, 203, 237 (в т.ч. упоминается П. под именем «старца»); Бородин А. П., Письма, в. 1, М., 1927—28 (ук.); Писемский А. Ф., Письма, М.—Л., 1936 (ук.); Одоевский В. Ф., Муз.-лит. наследие, М., 1956 (ук.); Ливанова Т. Н. Оперная критика в России, т. 2, в. 3, М., 1969, с. 272—73, 275—78; т. 2, в. 4, М., 1973, с. 71—73, 248; Вильчинский В. П., Н. Ф. Павлов. Жизнь и творчество, Л., 1970, с. 142; Егоров Б. Ф., Борьба эстетич. идей в России 1860-х гг., Л., 1991 (ук.); ЛН, т. 71, 88 (ук.). — Некрологи, 1872: МВед, 10 сент.; «Вестник моск. политехнич. выставки», 11 сент. (С. П. Яковлев); «Рус. мир», 14 сент.; Геннадий: РБС; Брокгауз; Мельер; МЭ; Ливанова Т. Н., Виноградова О. А. (сост.). Муз. библиография рус. периодич. печати XIX в., в. 4, ч. 1—2; в. 5, ч. 1—2; в. 6, ч. 1—4, М., 1967—79 (ук.; рец. и статьи П. св. 180 назв.; см. также в. 5, ч. 1, с. 18—20); Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М., Кто писал о музыке. Библиографич. словарь..., т. 2, М., 1974; Массанов.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 620 (дело о дворянстве, в т.ч. ф. с. 1849 г.); ф. 1349, оп. 5, д. 1294 (ф. с. 1846 г.); ф. 1108, оп. 1, д. 204 (9 писем М. П. Погодину, в т.ч. от июля—сент. 1858 г.) [справка С. И. Вареховича]; ГИМ, ф. 537, № 202 [письмо неуст. лицу, включающее тексты драматич. этюда «Разговор в кабинете» (иссуд. Клеймо — В. В. Андреев?) и стих. «Пора!» б. п.]. И. Л. Великийна.

ПАНТЕЛЕЕВ Лонгин Фёдорович [6(18).10.1840, г. Сольвычегодск Вологод. губ. — 16.12.1919, Петроград; похоронен на Литератор. мостках Волкова кладб.], мемуарист, публицист, издатель, обществ. деятель. После смерти в 1841 отца (из кантонистов, офицер по выслуге лет) семья бедствовала. В 1850—58 П. учился в Вологод. г-зии (с 1851 на дворян. счет). В 1858 поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та; слушал лекции К. Д. Кавелина, В. Д. Спасовича, Б. И. Утина, Н. И. Костомарова, М. М. Стасюлевича, испытал влияние рев.-демокр. идей («Колокол», «Современник»). Средства к существованию зарабатывал в осн. частными уроками. Первая публ. — ст. «Новый наставник рус. народа» («Светоч», 1861, № 8), в к-рой П. критикует брошюру М. П. Погодина «Красное яичко для крестьян»

(1861) за наивно-идеалистич. отношение к крест. реформе. За участие в студенч. волнениях (1861) отбыл наказание в Петропавлов. крепости и был исключен из ун-та. В 1862 вступил в тайное об-во «Земля и воля», в составе «пятачки» Н. И. Утина занимался вербовкой новых членов, сочинял и печатал прокламации, был посредником между Об-вом и польской рев. орг-цией в Петербурге. В 1863 сдал выпускной экзамен, но не получил степени кандидата, не представив диссертации. В том же году женился на Сераф. Вас. Латкиной [1846—1918; дочь В. Н. Латкина, занимавшегося торговыми делами в Архангельске, почетного гражданина; в дальнейшем — участница жен. движения, обучалась медицине в Цюрихе, автор ст. «Нар. ун-т во Флоренции» (РВед, 1902, 15 марта), кн. «Нидерланды и Бельгия. Очерки старого и нового» (СПб., 1905) и воспоминаний (Пантелеев)]. Арендовал (возможно, на капитал жены) типографию, намереваясь начать издат. дело. В 1864 арестован по обвинению в противоправительств. деятельности с «целью возбуждения и поддержания польского мятежа» (Пантелеев, с. 10; Лемке, с. 157—58) и после годичного пребывания в вил. следств. тюрьмах приговорен воен. судом к каторжным работам сроком на 6 лет с конфискацией имущества и лишением дворян. звания. В 1866 П. с женой прибыл в Енисейскую губ., где благодаря семейным связям каторгу ему заменили ссылкой. Из Сибири корреспондировал в «Голос» и «С.-Петербург. вед.» (Автобиография, с. 154—55). Нек-рые эпизоды сиб. жизни нашли отражение в его рассказах: «В первый раз на медвежьей охоте. Из восп. о Сибири» («Тифлис. вест.», 1876, № 28), «Макар» (ОЗ, 1879, № 5), «Тунгусская примадонна» (ОЗ, 1879, № 7). В Сибири П. служил в золотопромышленных компаниях у своего шурина Н. В. Латкина и В. И. Базилевского (управляя его делом, а позже и двумя собств. приисками), сколотил капитал (ок. 30 тыс. руб.).

После возвращения из ссылки в 1874 и восстановления в правах П. недолго жил на Кавказе, в 1876 окончательно поселился в Петербурге. С 1877 занялся издат. делом, печатая труды отеч. (И. М. Сеченов, А. Н. Бекетов, Н. И. Кареев, В. И. Модестов, Н. А. Добролюбов, В. А. Зайцев, В. В. Волозов) и заруб. (Б. Спиноза, Б. Паскаль, И. Тэн, Г. Джордж, Г. Спенсер, Дж. Рескин и др.) ученых и мыслителей в естеств.-науч., социальной, политико-экономич. и др. областях. Выбор книг определялся в осн. западнич. ориентацией П., науч.-просветит. задачами и его позитивистскими взглядами. Среди переводчиков и редакто-

ров, работавших у П., — Н. Г. Чернышевский, Н. Н. Страхов, Э. Л. Радлов, Н. Ф. Берг, М. В. Ватсон, А. К. Герцык и др. Издат. деятельность П., продолжавшаяся более 30 лет (за это время было издано св. 250 книг общим тиражом ок. 650 тыс. экз.), получила высокую оценку прежде всего в демокр. среде (см.: Люблинский, с. 23; см. также: ЛН, т. 90, ук.).

В 1879, поручив изд-во М. А. Антоновичу, П. уезжает на Амур и в Якутию для завершения своих золотопромышленных дел. В 1889 совершил поездку в Закаспийскую обл. (его записи об изысканиях по рошению этих мест — РГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 5), посетил в Астрахани Чернышевского («Восп. о Чернышевском» — «Речь», 1906, 15 окт., 18 окт.; см. также: Чернышевский в восп.). В 90-е гг. П., путешествуя за границей («В Европе не заглядывал только в Норвегию и Сан-Марино» — Автобиография, с. 156), печатает в «Рус. вед.» корреспонденции (без подписи и названия) о культуре, политике и экономике (напр.: 1894, 12 мая, 13 мая; 1902, 12 апр., 12 мая; атрибутировано по автографам: РГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 4).

В 1901 П. подписал коллективный протест против избития участников демонстрации на Казан. площади в Петербурге и обратился с возмущенным письмом к мин. внутр. дел Д. С. Сипягину в ответ на произведенный в доме П. обыск (текст письма: «Былое», 1906, № 4), после чего был обвинен в полит. неблагонадежности и систематич. противоправительств. деятельности. Получив в Триесте известие о том, что приговорен к ссылке, П. остался за границей, продолжал путешествовать и, «располагая вынужденным досугом», написал восп., опубли. в «Сев. крае» (1902), «Рус. вед.» (1902—03), «Нашей жизни» (1904), а затем отд. книгами: «Из ранних восп.» (СПб., 1903), «Из восп. прошлого» (кн. 1, 2, СПб., 1905—08; рец.: Б. Глинский) — ИВ, 1908, № 6; Вл. Кр(анихфельд) — СМ, 1908, № 5; М. Ольминский — МГ, 1908, № 5—6; Л. Шиф — РМ, 1908, № 6). Первая книга — рассказ о быте и нравах вологод. мешан, чиновников и дворян, среди к-рых прошли детство и ранняя юность П. В положит. отзывах отмечался «несколько идиллич. характер изображения жизни» (Н. И. — «Обр.», 1903, № 10; М. С. Ск-вич — ИВ, 1903, № 5). В центре второй книги — эпоха 60-х гг. в Петербурге: студенч. среда, ун-тское образование, отношение к «великим реформам», роль видных ученых и писателей в обществ. жизни, первые слушательницы Петерб. ун-та, Пед. кружок, дом. лит. вечера (встречи с Я. П. Полонским, Н. Г. Помяловским и

др.), ж. «Основа», майские пожары 1862, об-во «Земля и воля», участники польского рев. движения (И. П. Огрызко, С. Падлевский), деловой и чиновничий мир столицы. По мнению А. Г. Фомина, восп. П. дают «ценный материал» будущему историку рус. общественности («Лит. вест.», 1904, № 8, с. 261; см. также рец.: А. Б(огданович) — МБ, 1905, № 6; Б. Глинский — ИВ, 1905, № 12). Мемуары П. были использованы Б. Б. Глинским, В. Я. Богучарским, В. Е. Чешихиным-Ветринским и др. в работах по истории рев. движения в России. Негативно на мемуары П. отреагировал А. А. Слепцов, бывший чл. Центр. к-та «Земли и воли» (см.: Слепцова, с. 387, 402). Основываясь на восп. Слепцова, записавший их М. К. Лемке считал, что восп. П. «должны быть поставлены на свое место, перестав служить „...весьма ценным материалом“, как ... думали и думают некие, писавшие о плохо знакомой им эпохе 1860-х гг.» (Лемке, с. 71; см. также: с. 72—102, 157—65). Перу П. принадлежат также восп. о М. Е. Салтыкове-Щедрине, с к-рым он поддерживал дружеские отношения в 80-е гг. (Салтыков-Щедрин в восп.; о фотографии. портрете писателя работы П. см.: «Изв. книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф», 1911, № 5).

Вернувшись в Россию в 1904, П. сблизился с кадетами (с 1905 до февр. 1906 чл. Петерб. к-та партии), выступал в печати как публицист («Открытое письмо статс-секретарю А. М. Безобразову» (по поводу рус.-яп. войны) — «Наша жизнь», 1905, 27 янв.; «Даже и Вологодская губерния не обижена» (о новом избират. законе) — «Товарищ», 1907, 3 июня; «Брадобрен и печать» — «Речь», 1907, 27 янв., и др.), публиковал некрологические и мемуарные статьи [«П. Ф. Моравский (некролог)» — «Наша жизнь», 1905, 26 окт.; «Из личных воспоминаний о Г. Н. Потанине» — БВед, 1915, 21 сент., и др.], автобиографии (см., напр.: Фидлер; «Солнце России», 1915, № 297(42)). Всего П. опубли. более ста статей. Будучи чл. (с 1904) и пред. (1912) К-та Лит. фонда, занимался благотворит. деятельностью.

Изд.: Из восп. прошлого, М.—Л., 1934 (ред. и комм. С. А. Рейсера); Восп., М., 1958 (вступ. ст., подготовка текста и прим. Рейсера); Из восп. прошлого, «Земля и воля», — В кн.: Штурманы будущей бури. Восп. участников рев. движения 1860-х гг. в Петербурге, Л., 1983; Автобиография. — В сб.: Книга. Иссл. и мат-лы, в. 39, М., 1979 (публ. М. Д. Эльзона).

Лит.: Достоевский (ук.); Издания П. 1877—1895 гг., СПб., 1895 (сост. И. Г. Безгин); Издания П. 1895—1907 гг., СПб., 1907 (сост. И. Г. Безгин); Лемке М. К., Комментарий. — В кн.: Герцен А. И., Полн. собр. соч. и писем, т. 16, П., 1920, с. 69—102, 155—76; Слепцова М. М., Штурманы грядущей бури. — В кн.: «Звенья», в. 2, М.—Л., 1933; Вандаляковская М. Г., К истории мемуаров П. — В кн.:

Рев. ситуация в России в 1859—1861 гг., М., 1974; с. 38, История изучения рус. рев. движения сер. XIX в., М., 1982 (ук.); Люблинский С. Б., Подвижники книги, М., 1988, с. 18—36; Розанов В. В., Уединенное, М., 1990, с. 289; Герцык Е., Восп., [М.], 1996, с. 57, 388; ЛН, т. 60, кн. 1 (ук.). — Некролог: «Вест. лит.-ры», 1919, № 12. РВед. Сб.: Брокгауз; Мезьер; ДРДР; БСЭ; КЛЭ; Книговедение; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. Энци. справочник, М., 1992; ИДРДВ; Муратова; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 224; РГАЛИ, ф. 1691; РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 256 (о разрешении П. издавать ж. «Воснесенная»); ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1901 г., д. 564. И. П. Оловянникова.

ПАНТЮХОВ Михаил Иванович [4(16).1.1880, Петербург — 13(26).5.1910, Киев], прозаик. Сын врача-антрополога. Закончив 1-ю тифлис. г-зю, поступил в Моск. ун-т на естеств. отделение, затем перешел на ист.-филол. ф-т. По окончании ун-та в 1906 «решительно отказывался от поступления на какую бы то ни было

службу, так же, как и от возможности остаться при университете» (предисл. в кн.: М. И. Пантюхов. Автор пов. «Тишина и старик». 1880—1910, Киев, 1911, с. 2). С осени 1902 П. посещает «среды» у В. Я. Брюсова, входит в круг моск. символистов, общается с К. Д. Бальмонтом, В. В. Гофманом; этому предшествуют его писательские опыты, в том числе лит. обозрения в газ. «Кавказ» (1 февр. 1903 П. сообщал Брюсову: «...все написанное до 1902 г. считаю плохим, написанное в 1902 — требует изменений» — РГБ, ф. 386, к. 97, № 33). При этом в лит. среде П. всегда держался особняком — «не сумел примелькаться ... в шумных кружках боевой литературы его не было видно» (Пильский П., М. И. Пантюхов. — «Одес. новости», 1911, 22 июня); брат П. сообщает, что он сгруппировал «вокруг себя небольшой кружок, в котором были лица разных профессий» (Пантюхов О., с. 168). В символист. изданиях были напечатаны два прозаич. этюда П. в «ультра-декадентском» духе — «Вечером в девять» («Альм. книгоизд-ва „Гриф“, М., 1903) и

«Сказка о тумане» (альм. «Сев. цветы ассирийские», М., 1905); объединяющий их мрачный урбанистич. колорит характерен и для гл. произв. П. — повести «Тишина и старик» (СПб., 1907), являющейся, согласно авт. предисловию, «по своему внутреннему содержанию ... мировой сатирой» (с. [V]).

Худож. задача повести П. — показать абсурд, тшету, мертвенность человеческого существования; вереница будничных эпизодов гор. жизни представлена автором как гнетущий, непрекращающийся, всеобволакивающий кошмар. Обыденные явления выступают как знаки таинственных метафизических, гл. обр. «инфернальных», сущностей, подчиняющих себе течение бытия.

Осн. герои повести — Юрий, выразитель авторского мироощущения, Жена, сходящая с ума и умирающая, демонич. и вездесущий старик, знаменующий «поскостороннее» действование, «позитивное» начало, — не столько реальные лица, сколько воплощенные символы, согласно утверждениям П. в письме к родным: «Моя „Тишина“ это смутно грезыщийся неземной мир, уютный и темный. Жена — дочь „Тышины“. Мой старик нечто вроде Бога земной жизни... В его лице я осмелю ополчение мысли во всех областях, между прочим и социализм, словом, всю жизнь в се целом. Мой третий герой Юрий, человек из оврага, отчасти хулиган, разумеется, в философском смысле, отчасти сумасшедший, остающийся в стороне от жизни, не принимающий в ней участия и уходящий в глубь своих мыслей» («М. И. Пантюхов...», с. 6—7).

Образ Тышины у П. — не символ Бога, но нечто вроде буддийского нирваны; в целом для худож. мира повести характерен последоват. антропоцентризм [в письме к А. А. Блоку от 24 мая 1908 П. пояснял, что его повесть — «безбожная (в точном смысле этого слова, т. е. — без Бога)... — в ней всегда и везде лишь один человек, разросшийся во весь мир, вобравший в себя всю его грязь и всю его святость» — РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 357]. Все худож. средства, используемые П., призваны загнипнотизировать читателя переживанием призрачности и гибельности жизни, к-рое усиливается благодаря унисонному эмоциональному звучанию различных образно-символич. рядов, составляющих ткань повествования. По своим стилевым особенностям повесть представляет собой квинтэссенцию «декаданса» в рус. прозе, но также отмечена воздействием творчества Л. Н. Андреева [«... мой единственный, несомненный брат по лит-ре (лично мне незнакомый)», — записал П. об Андрееве в дневнике 28 окт. 1907 — «М. И. Пантюхов...», с. 22] и во многом предвосхищает поэтику экспрессионизма.

Повесть П. вызвала резкое неприятие в «традиционной» критике: «Ничего более кошмарного в своей жизни не читал» (В. Ф. Бошняковский) — «Русь», 1907, 4 апр.; «образец типично вырожденческой большой лит-ры», «Тишина и старик» открывает дорогу в лит-ру подлинным запискам сумасшедшего (Неблагодарный читатель («А. А. Измайлов») — «Словес», 1908, 3 мая; ср.: б. п. — «Новый журнал лит-ры, иск-ва и науки», 1907, № 7, с. 110). В то же

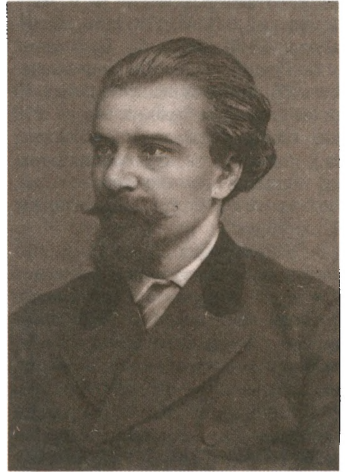
время в кругах, сочувствовавших символизму, повесть была расценена как выдающееся произв.: «Мироощущение автора сложное и утонченное; а повесть его читается с захватывающим мучительным интересом» (И. И. Ясинский) — «Беседа», 1907, № 4, с. 255). Н. Я. Абрамович увидел в повести «живую правду десятилетия и его переживаний, являющих искаженную, изуродованную действительность» («Книга», 1907, № 22, с. 14); Н. И. Петровская, не принимая «платонич. искрофилии» П. и его взгляда на жизнь «в оцепенении гипнотика», подчеркивает, что «в книге, странно дистармонизуя с ее содержанием, встречается много прекрасных ... образов» («Перевал», 1907, № 6, с. 52—53); Б. А. Садовской, отметив стилизовую «выдержанность» повести и ее ценность как «дневника нового человека, пережившего вечные впечатления и сумевшего записать их без рисовки перед самим собой», добавлял, что П., «как писатель ... может говорить только о сумерках собственной души, а прямым следствием такого обособления является резкая однобокость мироощущения» («Весы», 1907, № 3, с. 84); А. К. Зажрековский (в его кн.: Подполье. Психол. параллели, К., 1911, с. 90—99) осмыслил повесть как одно из самых ярких и талантливых воплощений спелфическ. «подпольного» мироощущения.

После выхода повести в свет П. пытался встать на путь переоценки воплощенных в ней убеждений: «Надо бросать мой слепой путь... Если пойду прежним путем, то попаду в руки сатаны» (1 сент. 1907); «В моей душе светает. И бессмысленный мир стал понятнее для меня» (28 сент. 1908); «Все идеи доведены до конца. Вне Христа — пустота, пустота, пустота!» (4 окт. 1908) («М. И. Пантюхов...», с. 21, 24, 25); «А пока я возвращаю себя снова жизни — окружаю меня» (письмо Брюсову от 6 сент. 1907 — РГБ, ф. 386, к. 97, № 33). В цитируе. выше письме к Блоку, с к-рым он стремился доверительно сблизиться, П. признавался: «Я уже не раб стихийной силы, влекущей меня ... я вышел из замкнутого круга моей „Тышины“». Христианская идея должна была лежать в основе новой книги П. «Кто?», однако этот замысел не был осуществлен. П. переживал душевный недуг и 5 окт. 1908 по собств. желанию поступил в психиатрич. лечебницу, где держал обет молчания и отказывался писать, в последние недели жизни отказывался и от пищи. Умер, согласно врачебному диагнозу, от милиарного туберкулеза.

Лит.: Измайлов А. А., Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в лит-ре, М., 1910, с. 194—97; Княжнин В. Н., А. А. Блок, П., 1922, с. 94—99; Блок, VIII (ук.); Пантюхов О. О днях былых. Семейная хроника Пантюховых, Мейлууд (Нью-Джерси), 1969, с. 164—76; А. Блок. Переписка. Аннотир. каталог, в. 2, М., 1979, с. 355—57; Бельи, II, 230, 259—60, 293; Брюсов (2), с. 348—49; ЛН, т. 92, кн. 3, с. 204, 227; Петровская Н., Восп. — «Минувшее. Ист. альм.», в. 8, Париж, 1989 (публ. Э. Гаретто), с. 21—23; Паст, 1997.

А. В. Лавров.

ПАНИЮТИН Лев Константинович [22.2(6.3).1831, Елизаветград, у. Херсон. губ. — 1(13).12.1882, Петербург], публицист. Из дворян Херсон. губ.; сын штабс-капитана. В 1853 в чине коллеж. рег. служил заседателем в Херсон. уездном суде. Начинал как поэт. Стихи П. (сб. «Стихотворения», СПб., 1858), разнообразные

по жанрам (баллады в фольклорном духе, пейзажная и любовная лирика; включены пер. из Дж. Байрона, Р. Бёрнса, Ж. Лафонтена), подражательные, отмечены в т. ч. влиянием поэтик. тейданий 50-х гг. (гражд. и сатирич. мотивы). Сб. получил разл. оценки критики: положит. — Б. Н. Алмазова (альм. «Утро», М., 1859), иронич. — Н. А. Добролюбова («Совр.», 1858, № 3, б. п.). В нач. 60-х гг. П. переселился в Петербург. Приобрел известность как фельетонист в газ. «Голос» (1863—74), где под псевд. Нил Адмирари (в пер. с лат.: Ничему не удивляйся) вел воскресный раздел «Вседневная жизнь» — злободневные нравоописат. рассказы о жизни Петербурга, проделках разного рода ловкачей, дельцов и т. п. Эпизодически выступал с муз. рецензиями, заметками о драм. т-ре и др. Статьи П. затрагивали порой острые обществ. темы: «По вопросу о пролетариате» (1864, 16, 18 июля), «Смерть Герцена. Толки по поводу ее. Наши герценисты и их противники» (1870, № 18) и др. Печатался также (мн. статьи б. п.) в «Неделе» (1866—67), «Бирж. вед.» (1871), причем выступал и как критик: [О трагедии гр. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»] («Неделя», 1866, № 1), [О комедии Островского «Бешеные деньги»] («Голос», 1870, № 107), «„Горе от ума“ на Александринской сцене» (там же, 1871, 12 дек.) и др. В 60-е гг. либеральная (со славянофил. оттенком) публицистика П., в т. ч. ст. «Элементы европ. цивилизации» (ОЗ, 1867, № 11), где, утверждая превосходство вост. культуры над европейской, он одновременно указывал на отсутствие свободы слова и печати в России как осн. препятствие в развитии рус. общества, вызвала недовольство цензуры (РГИА, ф. 776, 777). В 1872, выпустив свои фельетоны, очерки, корреспонденции отд. изд. — «Рассказы Нила Адмирари»

(т. 1—2, СПб.), П. несколько корректирует прежние взгляды: с сомнением относится к идеям панславизма (фельетон «Из письма петерб. философа к провинц. либералу»), с умеренно либеральных позиций высмеивает деление общества на «отцов» и «детей», споры утилитаристов и сторонников «чистого иск-ва». В 1875 перенес тяжелую болезнь, от последствий к-рой не мог оправиться до конца жизни. Лечился в Париже. По возвращении сотрудничал в ж. «Будильник» (1876). По восп. В. Г. Короленко (VII, 198), П. читал стихи над гробом Н. А. Некрасова (30 дек. 1877). В 1880 вел воскресный фельетон «Листок» в газ. «Россия», сумев сохранить независимость от общего монархич. направления газеты: выступал в защиту студентов, против смертной казни, полемизировал с М. Н. Катковым; его фельетоны по-прежнему злободневны и остроумны. Смерть П. в Обуховской б-не для бедных описана в рассказе А. В. Крутлова «Лавровый венок» (1882; см. в его кн.: Под колесом жизни, М., 1890).

Лит.: Лесков, Х. 400, 407; Крутлов А. В. Пестрые странички. — ИВ. 1895, № 11, с. 471—79; Боборыкин (ук.); Плещеев А. А., Панорама рус. жизни. — «Мирской толк», 1882, № 46. — Некролог: ВИ. 1882, № 727. РБС: Брокгауз; Языков; Мехов; Смирнов-Сокольский; ИДРДВ; Алтыман М. С., Рус. писатели и ученые в рус. лит-ре XIX в. — Уч. зап. Горьков. гос. ун-та, в. 71, Горький, 1965, с. 306, 328; Ливанова Т. Н., Виноградова О. А. (сост.), Муз. библиография рус. периодич. печати XIX в., в. 5, ч. 1—2, М., 1971—72; в. 6, ч. 1—4, М., 1974—79 (ук.); Мяснов.

Архивы: РНБ, ф. 391, л. 607 (письма А. А. Красевскому). А. А. Шелеева.

ПАПКОВИЧ Фёдор Фёдорович (2-я пол. 1790-х гг., г. Белый Смоленской губ. — ок. 1835, Петербург), переводчик, литератор. Сын обер-офицера. В 1810—12 обучался в приходской школе в г. Белом, по окончании к-рой зачислен в штат писцов одного из присутств. мест города. Переехав в Петербург (2-я пол. 1810-х гг.; предположительно, нек-рое время учился в Горном корпусе или в Дворян. полку), П. попал в литературно-ученую среду. Занимался изучением лат. языка, польского, санскрита, истории. В июле 1818, по предложению Ф. Н. Глинки, был избран действит. членом ВОЛРС (с нач. того же года чл. ВОЛСНХ, читал переводы с польск. яз., в т. ч. «О словесности индия», оставшийся не опублик.). При вступлении в ВОЛРС произнес «Речь по случаю возведения в действит. члены...», в к-рой говорил о «пламенной любви к Просвещению» и необходимости для литератора «обширных познаний», а само Об-во уподобил «храму» Просвещения и «разума... свободного от предрассудков суетного мира» («Соревнователь...», 1818, ч. 3, с. 118—119). В 1819 цензор прозаич. статей ВОЛРС, в 1820 библиотекарь и член

ценз. к-та, во втором полугодии секр. ценз. к-та. (В бумагах Об-ва в 1818 значился в чине подпоручика — РБС.) В ж. «Соревнователь...» (органе ВОЛРС) напечатал «Изустные народные предания о городе Белом Смоленской губернии» (1818, ч. 2) — попытка лит. обработки фолькл. источников; П. стремился обосновать ист. происхождение местных легенд и поверий. В биогр. очерке «Жизнь И. И. Шувалова» (там же, с. 401—23) П. воспевал патриотизм, покровительство иск-вам известного «просвещенного вельможи» (1-го куратора Моск. ун-та, президента Акад. художеств), «деятельного представителя дарований» у трона (с. 407, 411), полемически отстаивал важность памяти «добродетелей гражданских» (с. 401).

П. принадлежит первый в России пер. из др.-инд. эпич. поэмы «Рамаяна» [из 2-й кн. «Плеч родителей над прахом сына. Отрывок из поэмы „Рамаяна“, творения на санскритском языке индиянина Вальмикия» («Из книги, вышедшей недавно в Варшаве» — «Соревнователь...», 1819, ч. 8; подпись Папк...)]. В др. переводе — трактата «О воображении» (там же, 1819, ч. 7; из польск. газ. «Вилен. вест.» — «Dziennik Wileński») — подчеркивается «обширная», гармонизирующая, укрепляющая разум и добродетели «власть воображения» (с. 36). Соч. в прозе «Поляки в 1812 году», читанное П. 20 мая 1818 в заседании ВОЛРС, не обнаружено.

Лит.: «Соревнователь...», 1819, ч. 7, с. 119; 1820, ч. 10, с. 101; ч. 11, с. 245; Н. Е. (Ельчанинов Н.), Ф. Ф. (Папкович и его статьи. — «Смоленские губ. вед.», часть неофиц., 1857, № 34 (здесь же перепечатан указ. соч. П. — «Изустные нар. предания...»); Базанов (ук.); Махабхарата. Рамаяна, [пер. с санскрита]. М., 1974 (БВЛ, т. 2), с. 549. — РБС.

Архивы: науч. б-ка СПбГУ (архив ВОЛСНХ, № 52, л. 66 — «Беседа старца о верс и истинах сев»; полный пер. с польск.; л. 55, № 7, л. 198, № 3, л. 199, 205) [справки С. И. Николаева и О. Н. Золотовой].

О. В. Голубева.

ПАРНАХ (наст. фам. Парнох) Валентин Яковлевич [15(27).7.1891, Таганрог — 29.1.1951, Москва; урна с прахом похоронен на Новодевичьем кладб.], поэт, переводчик, эссеист, хореограф. Брат С. Я. Парнок, брат-близнец Елиз. Як. Тараховской (1891—1968), дет. писательницы.

Отец, Яков Соломонович Парнох, — провинзор, хозяин аптеки, потомственный гражданин. Мать, Ал-дра Абрамовна Идальсон, — врач, одна из первых выпускниц (1877) Высших жен. мед. курсов в Петербурге, умерла в 1895. Отец вскоре женился на гувернантке детей, к-рые не любили ее (см.: Т. А. Аронович, «Мои восп. о поэтах: С. Я. Парнок, В. Я. Парнах(с) и Е. Я. Тараховской» — ГЛМ, рН-а 1894; кн. 50961, ф. 242 «А»).

С детства П. знал франц. и нем. языки. В гимназич. годы (1902—10) пробовал писать стихи на латыни и позднее перевел фрагменты из Эвния (опубл. в сб. «Карабкается акробат») и небольшой отрывок из «Энеиды» (рукопись — РГАЛИ, ф. 2251, оп. 1,

№ 2), был увлечен поэзией Ш. Бодлера и П. Верлена, кумиром для него стал А. А. Блок. Г-зию окончил с зол. медалью, это было необходимо ему, как еврею, для поступления в ун-т. В 1910—15 учился в Петерб. ун-те (сначала на юридич. ф-те, затем на отд. романских языков ист.-филол. ф-та; не окончил), в 1915—1917 — в Сорбонне.

В Петербурге в 1913 — 1-й пол. 1915 часто присутствовал как гость на занятиях Муз.-драматич. школы В. Э. Мейерхольда (Студии на Бородинской), где в значит. степени сформировались его эстетич. воззрения («То, что говорит Мейерхольд, меня восхищает; некоторые мысли важны не только для актера, но и для всякого художника», — признавался он своему другу М. Ф. Гнесину — РГАЛИ, ф. 2954, оп. 1, № 613, л. 1). В 1914 по рекомендации Блока (см. его письма от 10 и 12 янв. — РГБ, ф. 644, к. 2, № 1, л. 30, 32) в ж-ле Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» опубл. стих. П. «Араб» (№ 3). 16 февр. 1913 П. был принят в «Цех поэтов», однако с акменстами сотрудничал мало: в «Гиперборее» появилось одно его стих. — «Из Афин» (1913, № 9—10). Стих. 1914 «Ресторан» (РГАЛИ, ф. 2954, оп. 1, № 613, л. 14—14об.; в сокр. виде и с посвящением «О. Мандельштаму» в сб. «Самум», 1919), в к-ром он «случайно ... напророчил» (там же, л. 9 об.) грядущую мировую войну, несмотря на хлопоты О. Э. Мандельштама, не было помещено в «Аполлоне». Общение с Мандельштамом, наиболее тесное в 1914, прекратилось после выхода из печати «Египетской марки» (Л., 1928), к-рую П. — прототип героя повести Парнока (что отмечено в многочисл. исследованиях) — прочел как пассивил на себя (об этом свидетельствует со слов матери сын П., Ал-др Вал. Парнах, р. 1936). Побывав в Италии в 1913, летом 1914 путешествовал по Египту, Сирии и Палестине. Возвращение в Петербург было затруднено из-за начавшейся 1-й мировой войны и заняло месяц.

Доминантой душевных настроений П. тех лет было мучительное чувство раздвоенности, вызванной любовью к рус. поэзии и ненавистью к антисемитизму, к пассивному отношению к нему мн. евреев-интеллигентов. Ретроспективный анализ этих переживаний составил сюжетную основу автобиогр. повести «Пансион Мобер» [1930-е гг. (?); текст — РГАЛИ, ф. 2251, оп. 1, № 44]. Не позднее 2 июля 1916 П. выехал через Стокгольм и Лондон во Францию с намерением навсегда покинуть родину и больше не писать на рус. яз. Решение вернуться в рус. стихотв. культуру пришло после изучения испано- и португальскоязычных поэтов-

евреев, пострадавших от инквизиции, но не презиравших языка своих гонителей. Первые поэтич. книги — «Самум» (рис. Н. Гончаровой) и «Набережная» (рис. М. Ларионова, изд. литографированное) — вышли в Париже в 1919. Наряду со стих., отразившими впечатления от поездки по Италии и Бл. Востоку, П. поместил в них стихи о другой — «полу-восточной Италии», как он называл Таганрог и портовые города Крыма с их экзотич. южной природой и притягательным смешением наречий и обычаев. В Париже выходят и др. его поэтич. сб-ки — «Словодит» («Mot d'unapote»; стих. на рус. и франц. яз., рис. Н. Гончаровой и М. Ларионова, 1920; изд. литографированное), «Карабкается акробат» [портрет автора работы П. Пикассо, рис. Di-Lado (Ладло Гудиашивили), 1922; с. 25—26 были изъяты по ценз. соображениям, полный экз. — ГЛМ]; рецензент называл П. «идеальным антиромантиком латинско-мавританской культуры» (М. С(труве)? — «Сполохи», Б., 1922, № 4, с. 39).

В это же время он изменяет свою фамилию на Парнах в соответствии с сефардской производной нормой иврита (из мемуарных записей Гнесина — РГАЛИ, ф. 2954, оп. 1, № 177, л. 19 об.; ср. огласовку той же фамилии в Вестом Завесте, Чис., 34, 25). Во франц. изданиях фигурирует как Ратнак, Ратнак, Ратнак (подпись под нек-рыми ранними публ. — Парнак).

Полагая, что обновление затухающей европ. культуры возможно только благодаря вульгарной экзотике и низким зрелищным жанрам (эссе «Новое эксцентрическое искусство» — «Зрелища», 1922, № 1; «Чап-лин» — там же, № 2; Н. К., Худож. жизнь Парижа. Беседа с П. — «Эрмитаж», 1922, № 15; «Опыты нового танца» — «Жизнь иск-ва», 1925, № 4), пытается перевести на язык поэзии язык цирка, кино, джаза и совр. танца, наиб. пригодного для выражения трагич. мироощущения человека 20 в., утратившего музыку «блаженств и похорон», «служений» и античных хоров (стих. «Потерянная музыка», 1918).

На формальном уровне это проявилось в переносе ударений с сильной позиции в стопе на слабую, в использовании хоримбы (для имитации джазовой синкопы; ср. «Древность и современность в слове и движении» — «Театр и музыка», 1922, № 10, с. 155), в применении «неслыханных слов» («пневмант», «серзаль», «дер-ги», «цезуромет») — условных наименований танц. движений и джазовых эффектов. Такая стилистич. особенность, с одной стороны, превращала стихи в «иероглифы» (подобные напечатанным в сб. «Карабкается акробат» «иероглифам танцев» работы автора), поддающиеся прочтению только в контексте всей артистич. деятельности П., а с др. стороны, готовила «лексикон» для джазовых критиков» (Баташев, 1991, с. 119).

П. был одним из организаторов и пред. «Палаты поэтов», первого рус. лит. и худож. объединения в Париже. В собраниях, проходивших с авг. 1921 по янв. 1922 в кафе «Хамелен» на Монпарнасе, участвовали поэты и художники А. С. Гингер, Г. Е.

Евангулов, И. М. Зданевич, М. А. Струве, М. Л. Талов, Л. Гудиашивили, С. Ю. Судейкин, С. И. Шаршун, режиссеры П. К. Вейсбрем, С. М. Вермель и др. «Члены этого молодого содружества сошлись случайно и их не могла объединить никакая-либо общая поэтич. идеология...» (Бахрах, с. 156—57) — П. поощрял всякого, пожелавшего выступить. В то же время их связывал интерес к новейшим течениям в иск-ве. П. выступал (как танцовщик) 21 дек. 1921 на вечере Шаршуна с участием франц. поэтов (Вейссас, р. 19; р. 14—21 — сведения о др. вечерах кружка) и на франц. вечере дада (афиша — РГАЛИ, ф. 2954, оп. 1, № 613) и од-

В. Я. Парнах. Рис. П. Пикассо в сборниках Парнаха «Карабкается акробат», Париж, 1922, и «Вступление к танцам», М., 1925.

ним из первых информировал рус. читателя об этом течении [«Кризис франц. поэзии» — «Паруса», 1922, № 1; «Совр. Париж» — «Россия», 1923, № 7; см. комм. Е. А. Тоддеса, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой в кн.: Тынянов Ю. Н., Поэтика. История лит-ры. Кино, М., 1977, с. 446; переводы П. из Ж. Кокто, Б. Сандрара, Н. Гарнье — «Совр. запад», 1923, № 4; 1924, № 15)].

В 1921—22 П. исполнял изобретенные им танцы в Севилье, Риме, Париже, Берлине. В авг. 1922 вернулся в Москву, привез с собой джазовые инструменты и создал первый в сов. России джазовый ансамбль — «Джаз-банд Валентина Парнаха» (дебют 1 окт. в ГИТИСе; существовал до 1927).

По восп. современников, невысокий, щуплый, с худым воступчатом лицом, желтыми глазами и рыжеватыми волосами, П. в танце преобладал и покорял зрителя: так, продемонстрировав 3 дек. 1922 в Доме печати на выступлении оркестра два танца, вызвал восторг «ураганной

силы» (Габрилович, с. 58—59; см. также беседу А. Петрова с Габриловичем в ст. «Жирафовидный истукан», или Джаз у Мейерхольда» — «СпецСивцев Вражек», 1997, № 3). См. отзывы: Франк (В. Ф. Фёдоров) — «Зрелища», 1922, № 7, 16; Абрамов А., Машинные танцы. — «Театр и музыка», 1922, № 13. По свидетельству мемуариста, у П. «было несомненно дарование мима и он чувствовал себя одновременно и поэтом и артистом пантомимики» (Юлиус А., Рус. лит. Париж 20-х гг. — «Совр.», Торонто, 1966, № 13, с. 86; ср. также поэтич. автопортрет П.: «Суперэксцентрич наших лет... Презрев классический балет/Открыл свой танец небывалый. ...Супер, — один — на встречу вою! Встал, публике пяти столиц Кивнув с повадкой деловую»).

Оркестр и танцы П. сопровождали спектакли Т-ра им. Вс. Мейерхольда (в 1922 Т-р ГИТИСа) «Великодушный рогоносец», «Д. Е.» (реж. б. п. — «Новый зритель», 1925, № 15, с. 4—5), «Учитель Бубус» (реж. В. П. (арнах)? — «Жизнь иск-ва», 1925, № 5). По приглашению С. М. Эйзенштейна в том же 1922 году преподавал хореографию в драматич. студии Первого Рабочего Т-ра Пролеткульта.

Статьи П., посв. эстетике и критике совр. иск-ва, печатались в ж-лах «Вещь» (1922, № 1—2), «Театр и музыка», «Зритель» (оба — 1922), «Зрелища» (1922—23), «Россия» (1923), «Рупор» (1923—24). Его замыслы по изданию в Москве и Петрограде неск. книг — «Свод стихов», «Математика новых дервишей», «Собрание танцев», «От Архипелага до Атлантики», трагедии-буфф «Прекрасная зараза» (см. об этом — «Новая рус. книга», 1922, № 7, с. 33) — не осуществились. В 1923, несмотря на вмешательство А. В. Луначарского (см. публ. и комм. Ю. Фединского — ВЛ, 1973, № 6), ему было отказано в напечатании сб. стихов «Саранча» и перевода «Путешествия на Восток» Ж. де Нерваля (отрывок — в СевЗ, 1913, № 8—9). Лишь в 1925 вышла 5-я кн. стихов «Вступление к танцам» (М.), большая часть к-рой включала отредактированные произв. из прежних сб-ков.

С окт. 1925 до кон. 1931 жил в Париже, в качестве секретаря собирал и переводил информацию из иностр. прессы для Т-ра им. Вс. Мейерхольда и сотрудничал в «Афише ТИМ», где появилась только малая часть присланных им материалов («Театры Парижа» — 1926, № 2; «Пропсер Меримэ и „Ревизор“ Гоголя» — 1926, № 3; подпись В. П.). Пост. дохода, как и в первый приезд в Париж, П. не имел, иногда занимал деньги даже на чашку кофе. В эмигрант. изданиях напечатал ст. «О нек-рых возможностях стихосложения» (в сб. «Стихотворение. Поэзия и поэтич. критика», под ред. Б. Б. Божнева, в. 2, Париж, 1928; рец.: А. Эй(с)нер), Молодые зарубежные поэты. — «Воля России», 1928, № 6, с. 120) и «автобиографическое» стих. «Берлинская тюрьма Моабит, отд. V, камера 478» («Воля России», 1926, № 6—7, подборка «Парижские поэты»; в тюрьме П. оказался из-за просрочки визы). Эти публикации, как и издания его книг в 1919—21,

дали повод причислить П. к «парижской школе» поэтов, хотя, напр., Г. П. Струве не относил его к эмигрант. лит-ре; Шаршун называл П., как и Зданевича, «не нашим не нашим» («Магический реализм» — «Числа», Париж, 1932, № 6, с. 230). Сам П. полагал, что рус. эмиграция оказалась «вне культуры отечественной и латинской» («Эмиграция в Париже и Берлине. Впечатления путешественника») — «Известия», 1922, 29 дек.), и предпочитал в эти годы писать по-французски. Опубл. в Париже отд. изданиями переводы повести и рассказа К. А. Федина (1928), стих. Пушкина (1930). П. — автор кн. «Histoire de la danse» («История танца»; Р., 1932; см. там же франц. библиогр. его статей на эту тему) и составитель «L'Inquisition» [«Инквизиция», была сдана в 1930(?) в изд-во «Rieder», но не напечатана] — антологии исп. и португал. поэтов-евреев, пострадавших от инквизиции в 15—18 вв. Рус. вариант книги с включением новых стих., расширенными примеч. и вступ. ст., а также с описаниями аутодафе, протоколами, обвинительными актами и приговорами вышел в 1934 под назв. «Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции» (Л.—М.) и явился «крупнейшим лит. достижением П.», итогом 20-летних исследований (Краткая евр. энцикл., т. 6, Иерусалим, 1996, с. 337). Интерес к выражению трагического в поэзии продиктовал и обращение к переводам из Т. А. д'Обинье (отрывки — «Молодая гвардия», 1923, № 6; полностью все переведенные эпизоды в кн. его переводов: д'Обинье А., Трагические поэмы. Мемуары, М., 1949, — ставшей последней прижизн. публикацией П.).

Переводы вызвали положит. отзывы Н. Н. Вильямс-Вильямов («Интернац. лит-ра», 1939, № 9—10, с. 230). Б. Л. Пастернака, к-рый назвал их «очень удачными, а часть и превосходными; по силе, выразительности и точности» (РГАЛИ, ф. 2251, оп. 1, № 49, л. 8; на л. 1—11 — положит. отзывы И. И. Анисимова, Н. Н. Асеева, М. А. Лифшица, Л. Е. Пинского, Б. И. Пуришева). Появление этих переводов стало возможным потому, что, как заметил М. Л. Гаспаров, «В. Парнах печатал антигитлеровские стихи Агриппы д'Обинье как антифашистские (Агриппу у нас знают по Г. Манну), а «Еврейские поэты — жертвы инквизиции» — как антиинквизиционные, (...) эзопов язык переводчиков» (НЛО, 1995, № 16, с. 422).

По возвращении в Россию занимался исключительно переводами, преим. с франц. (Стендаля, Р. Роллана, Л. Арагона, Г. де Мопассана, А. Франса) и исп. (Л. де Гонгоры, П. Кальдерона), переводил также с нем., польск., чеш., сербохорватского, латыш. языков; часть переводов не опубл. С 1934 в гражд. браке с художницей Ек. Робертовной Классон. В сент. 1941 вступил в Союз писателей. В 1941—42 находился в эвакуации в Чистополе.

Др. произв. «Gontcharova, Larionow» (в кн.: Gontcharova et Larionow, L'art décoratif théâtral moderne, P., 1919), «In the Russian world of letters» («The Menorah Journal», 1926, v. 3), «Les poètes russes d'aujourd'hui» («Europe», 1926, № 40).

Изд.: Высланные. — В кн.: Стирофы века; [Переводы]. Барбюс А., Огонь, М., 1940 (пять изд.); Валери П., Морское кладбище (Фрагменты), Ларбо В., Моя муза. — В кн.: Зап.-европ. поэзия XX в. М., 1977; Рембо А., Руки Жанны-Марии. Сидящих. — В кн.: Рембо А., Стихи. Последние стихи. Озарения. Одно лето в аду, М., 1982 (ЛП); в кн.: Гарсиа Лорка Ф., Избр. произв. в 2 т., т. 1, М., 1986; в кн.: Мастера поэтич. перевода. XX век, СПб., 1997 (Нов. БП).

Лит.: Кан Е., Моск. новаторы танца. — «Рус. иск-во», 1923, № 1: Февральский А. Десять лет т-ра Мейерхольда, М., 1931, с. 31, 43; Струве Г. Рус. лит-ра в изгнании, Н.-Й., 1956 (Париж—М., 1996, ук.); Эйзенштейн С. Избр. произв., т. 1, М., 1964 (ук.); Блок. Зап. кн., с. 207, 559; Габрилович Е., О том, что прошло, М., 1967, с. 58—59; Григорьев А., Учитель сцены. — В кн.: Встречи с Мейерхольдом, М., 1967, с. 124; Струве Г. П. и Филиппов Б. А. (сост.). Приложения. — В кн.: Мандельштам О., Собр. соч., т. 3, Н.-Й., 1969, с. 399—400; Баташев А. Н., Сов. драм., М., 1972, с. 8—15, 21, 24, 28, 40, 44—45; его же. Они стояли у истоков. — «Муз. жизнь», 1984, № 6, с. 22—23; его же. Египет. поворот. Заметки о П. — «Театр», 1991, № 10; Гладков А., Встречи с Пастернаком, Париж, 1973, с. 25; Тименчик Р. Д., Заметки об акмеизме. — «Russian Literature», 1974, № 7/8, с. 35, 37; его же. Из комм. к мандельштамовским текстам. — В кн.: О. Мандельштам. Поэтика и текстология, М., 1991, с. 67—68; его же. Евр. подтексты в «Египетской марке» Осипа Мандельштама. — «Jews and Slavs», v. 1, Jerusalem—St. Petersburg, 1993, p. 355—57; Флейшман Л. С., К публикации письма Л. О. Пастернака к Бялику. — «Slavica Hierosolymitana», 1977, v. 1, с. 311—13, 315—16; Рус. сов. эстрада, 1930—1945, М., 1977, с. 271, 279; Бахрах А., По памяти, по записям. Лит. портреты, Париж, 1980, с. 166—70; Рудинский К., Мейерхольд, М., 1981, с. 284, 318; Козинцев Г., Смерть жирафовидного истукана. — В его Собр. соч. в 5 т., т. 2, Л., 1983, с. 321—23, 496; Флейшман Л., Хьюз Р., Расвская-Хьюз О., Рус. Берлин. 1921—1923, Париж, 1983, с. 312—14; Симоненко В. С., Мелодии джаза. Антология, К., 1984, с. 264—266; Чистопольские страницы. Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, восп., Кат., 1987 (ук.); Нерлер П., [В. Я. Парнах]. — В кн.: Памятные книжные даты. 1991, М., 1991, с. 143—146; Багратиони-Мухранли И., Киноматографич. стилистика «Египетской марки» О. Мандельштама. — «Иск-во кино», 1991, № 12, с. 156—58; Петровский Н., История одного портрета. — «Эхо планеты», 1994, № 17, с. 38; Парнах А., Слово о моем отце. — «Евр. газета», 1995, № 15, август; Рус. зарубежье. Хроника науч., культурной и обществ. жизни. 1920—40. Франция, т. 1. 1920—1929, М.—Париж, 1995 (под общ. ред. Л. А. Мухомина), с. 43—58; Фрезинский Б., Алма-Ата—Париж. Незна. интервью Ю. Софиева. — «Рус. мысль», 1997, 22—28 мая; Brown C., The prose of Mandelstam. — In: The prose of Osip Mandelstam, Princeton, 1965, p. 47—48, 199; Вейсман М., La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920—1930), P., 1971, p. 14—19; R(onen) O., Parnakh V. Y. — Encyclopaedia Judaica. Year book 1973, Jerusalem, 1973; Rischin R., The Acrobat and his Tyrants: Valentin Parnakh and his translation of Agrippa d'Aubigné's Les Tragiques. — In: O Rus! Studia literaria slavica in honorem, Oakland, Hugh McLean, 1995; Pollak N., Mandelstam the reader. Baltimore, L., 1995 (Index). + ЛЗ рус. зарубежья.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2251; ф. 998, оп. 1, № 2163 (письма В. Э. Мейерхольду, 1915—30); ф. 420, оп. 2, № 51 (дарт. надписи А. М. Ремизову на фото, 1922), ф. 3042, оп. 1, № 166 (письмо Е. А. Тапкин, 1927); ф. 55, оп. 2, № 54 (письмо А. А. Блоку, 1921); ф. 2954,

оп. 1, № 613 (письма М. Ф. Гнесину); ИМЛИ, ф. 516, оп. 1, № 60 (автобиограф. анкеты).

М. В. Акимов.

ПАРНОК София Яковлевна (наст. фам. Парнох; псевд. Андрей Полянин; 30.7(11.8).1885, Таганрог — 26.8.1932, с. Каринское близ Звенигорода, под Москвой; похоронена в Москве на Введенском кладб.), поэт, лит. критик. Сестра В. Я. Парнаха и Елиз. Як. Тараховской. Получила первонач. образование, в 1901

окончила таганрог. Маринскую г-зию (с зол. медалью). В эти годы развивается ее роман с Н. П. Поляковой (Н. П. П. — адресат мн. стихов в ученич. тетради П.), длившийся пять лет и во многом определивший особую личную судьбу П., лесбийскую тематику ее лирики. После повторной женитбы отца (на гувернантке-немке) отношения с ним стали отчужденными, П. рано покинула родительский дом. В 1903 жила в Швейцарии, где сблизилась с семейством Плехановых, совершила с ними совм. поездку по Италии (ее впечатления в частном письме: «... они интересны как типы, но в жизни скучны бесконечно» — цит. по вступ. ст. С. В. Поляковой в «Собр. стих.» П., с. 10), училась в Женев. консерватории и на филол. ф-те Женев. ун-та. В 1904 занималась в Петерб. консерватории и на юридич. курсах Н. П. Раева, в 1908—09 слушательница Высших женских (Бестужев.) курсов. Короткий брак с В. М. Волькенштейном (сент. 1907 — янв. 1909, бракосочетание проходило по евр. обряду) распался из-за ее возобновившихся отношений с Н. П. Поляковой. Характерное признание П. в письме И. Ф. Гнесину от 6 февр. 1910: «Я никогда, к сожалению, не была влюблена в мужчину» (там же, с. 15). В этот период она приняла христианство.

Печаталась с 1906 — стих. «Осенний сад» («Нар. весть», № 1). С 1913 пост. сотр. ж. «Сев. зап.», в к-ром публиковала стихи и переводы с

франц., а также критич. статьи и рецензии, была рецензентом газ. «Рус. молва». Как критик выступала под псевд. Андрей Полянин. Формирование П.-поэта проходило вне лит. школ и течений, к к-рым она относилась отрицательно, критиковала само понятие лит. школы в «цеховом» смысле, призывая учиться только непрерывному творч. процессу: «Творить душу свою, искать и выявлять высокие ценности в хаосе своего я...», «устремлять свой шаг к неомраченному источнику эстетического опыта» (ст. «В поисках пути искусства» — СевЗ, 1913, № 5—6, с. 231, 230). Анализируя ранние сб-ки Н. А.

радуги» (созданном, по ее словам, «последними усилиями ослабевающей воли»), назвать «бестактностью» его дописывание «Египетских ночей» А. С. Пушкина, а самого мэтра совр. поэзии сравнить с «сумасшедшим актером», играющим «одну только роль: он играет великого поэта» («По поводу последних произв. Валерия Брюсова» — СевЗ, 1917, № 1, с. 160, 162).

Период с осени 1914 по осень 1915 отмечен сближением с М. И. Цветаевой. «Они появлялись вместе на лит. вечерах. Увлекались стихами друг друга...» (Цветаева А., с. 39), летом 1915 съехались в Коктебеле.

«С. Я. Парнок» — «Возрождение», Париж, 1933, 14 сент.; цит. по его кн.: Колеблемый треножник, М., 1991, с. 434). В число друзей П. входили композитор Гнесин, М. А. Волошин, с к-рым познакомилась летом 1916, К. А. Липскеров, Л. Я. Гуревич, сестры А. К. и Е. К. Герцык (сосуществовала с ними в 1917—22 в Судак, сохраняла дружбу с Е. Герцык до конца своих дней).

В 1916 П. выпустила первый сб. — «Стихотворения» (П.), объединивший философскую и любовную лирику, стихи, посв. архитектурным памятникам, и злободневные стихи о 1-й мировой войне. П. демонстри-

Вечер поэтов: в Москве. 1916. За столом слева направо сидят:

Л. Столица, Е. Пананотти, Л. Серпинская, В. Юрсева, Л. Рындина, С. Парнок, А. Чумаченко, Л. Эрарская, А. Рачинская, Л. Копылова.

Клюева, А. А. Ахматовой, И. Северянина в ст. «Отмеченные имена» (СевЗ, 1913, № 4), находила изъяны в акмеистич. теории и практике, осуждала использование прозаизмов Северянином («прозаизм — не внешнее свойство, это — болезнь, таящаяся в недрах творческого духа» — с. 115), а позднее критиковала за акмеизм и Н. С. Гумилёва (СевЗ, 1916, № 6). П. регулярно рецензировала поэтич. сб-ки совр. поэтов, в т. ч. «Дали вечерние» А. В. Владимировой («Рус. молва», 1913, 17 февр.), «Стихотворения» Н. В. Крандиевской (СевЗ, 1914, № 2), «Камень» О. Э. Мандельштама (СевЗ, 1916, № 4/5), проникательно улавливая характерные особенности их поэтики и поэтич. мировосприятия. Тон ее статей отличался корректностью и доброжелательностью, что, однако, не помешало П. дать острые оценки сб-ку В. Я. Брюсова «Семь цветов

Цветаева посвятила П. цикл стих. «Подруга» (первые опубли. в 1976; «Я Вас люблю! — Как грозная туча/ Над Вами — грех!// За то, что Вы язвительны и жгучи/ И лучше всех»), но в дальнейшем прервала с ней все отношения (см.: Полякова С. В., Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок. — В ее кн.: «Олейников и об Олейникове» и др. работы по рус. лит-ре, СПб., 1997; здесь же цикл «Подруга» и стихи П., посв. М. Цветаевой).

Привлекательные черты личности П. — серьезность, глубина, открытость — и ее поэтич. талант обеспечили ей устойчивые дружеские связи в лит.-худож. среде. В. Ф. Ходасевич вспоминал: «Ее суждения были независимы, разговор прям. Меня с нею связывали неск. лет безоблачной дружбы, к-рой я вправе гордиться и к-рую вспоминаю с глубокой сердечной благодарностью» (некролог

рует свободное владение твердыми формами строфики (сонет, рондо, газель) и редкими разновидностями метрич. форм (логазды, антологич. стилизации). Стихи П. — это «классицистич. вариант общесимволистского стиля» (М. Л. Гаспаров — архив редакции). Книга как бы подтверждала независимость по отношению к совр. поэтич. авторитетам и теориям позицию П. (ближе др. современников ей Ходасевич). Лирич. героиня П. — натура сильная («женщина-ловец»), сознающая свое одиночество («Над бесприютной головой/ Пылай, кочующее небо!», подверженная страстям, самые сильные из к-рых — творчество («Ни святости, ни греха!// Во мне, как во всем, дыханье./ Подземное колыбанье/ Вскипающего стиха») и любовь («состязанье воле» и «яд предвкушений»), но также в экстазич. порыве ищущая успокоения в Боге, ощущаю-

шая себя частью Божьего мира. Критика в осн. доброжелательно отозвалась на выход сб-ка.

Волошин вышел в сочетании задушевности с экзотикой «основной ценяющий изгиб лирики, голоса» П., а своеобразие с «глубоко женского контроля» — в «нотах нестеснения и боли», «глубокой страстности и пронзительности всех слов, касающихся любви и ее ран» («Голоса поэтов» — «Речь», 1917, 4 июня; то же — в его кн.: *Лирика творчества*, Л., 1988, с. 545, 546). А. Герцык цитирует в поэзии П. «беспритворный, вечно скитальческий и гордый дух», стремление «усмирить, заковать женскую душу со всеми ее противоречиями в суровый мужественный стих» (СевЗ, 1916, № 2, с. 226, 228). Липскеров отмечал владение «словом строгим, глубоководным и вполне лишенным той комбинаторной интимности, к-рою грешны большинство совр. поэтов» (неопубл. реп. — РГАЛИ, ф. 1737, оп. 1, № 114). К достоинствам относились также новаторство, муз. слух (А. И. — «Одес. новости», 1916, 8 апр.), ср. с более поздним замечанием Н. Павлович о с «изумительных ритмах, напоминающих А.П. Григорьеву» («Лит. зап.», 1922, № 2, с. 7). В то же время, по мнению Г. А. Вяткина, стихи П. страдали «книжностью»: П. — «поэтесса очень культурная, начитанная, искусственная и в классицизме, и в модернизме. В ее стихах мы встречаем имена не только Пушкина и Тютчева, но и Сафо, и Овидия, и Стендаля, и Гёте... Но ни одна ее пьеска не трогает...» («Ежемес. журнал», 1916, № 7-8, стб. 356), см. также: Н. Вспров — «Летопись», 1916, № 3. В анималист. реп. П. противопоставляется М. А. Лохвицкой и З. Н. Гиппиус, как «полуведа и полубоже» — лету и зиме (ЯРЛ, ф. 212, изд. «Отин», № 44); др. реп.: С. (Блоковский?) — «Юж. мысль», 1916, 29 апр.

До 1917 публиковала стихи в ж. «Нов. жизнь», «Заветы», «Всеобщий ежемесячник», «Искры», «Родник», «Образование», «Вест. Европы», «Рус. мысль». Перевела и отредактировала (вместе с Гуревич) «Стихотворения в прозе» Ш. Бодлера (СПб., 1909; авторство переводов установлено по анкете — РГАЛИ, ф. 1276, оп. 1, № 18). Рассказы П. (над к-рыми она работала с лета 1908), пов. «Антон Иванович» («слабая попытка в духе Флобера», по определению автора, — см.: «Собр. стих.», с. 13) и оперное либретто на музыку композитора М. О. Штейнберга «Похитительница сердца» не сохранились.

Летом 1917 П. из Москвы, куда она переселилась во время войны, уехала в Судак, где до февр. 1918 работала над либретто оперы А. А. Спендиарова «Алмаст» (опубл. в «Собр. стих.»), служила бухгалтером, печатала стихи в сб. «Камена» (кн. 2, Х., 1919), в альб. «Ковчег» (Феофила, 1920). В нач. 1922 вернулась в Москву, посещала моск. «Цех поэтов», «Никитинские субботники», входила в лит. группу «Лирический круг» (Липскеров, Г. А. Шенгели, А. М. Эфрос, Л. П. Гроссман, С. М. Соловьев, В. Г. Лидин, А. П. Глоба), собиравшуюся в Доме Герцена на Тверском бульваре и связанную общими взглядами на задачу литературы — учебу у классиков, пришедшую на смену различным «измам». Обвинения в эпигонстве, несоответствии стихов мн. участников одноименного альманаха их широковещательным декларациям (см.,

напр.: Р. Гуль — «Нов. рус. книга», Б., 1922, № 7; О. Мандельштам — «Россия», 1922, № 2, с. 23; Г. Иванов — «Цех поэтов», № 4, Б., 1923, с. 68) и последовавший распад группы были тяжелым ударом для П. Неудачей закончилась и попытка создать на сходной платформе альб. «Узел» при одноименном кооперативном изд-ве (1926—28), одним из членов-учредителей к-рого она была. Перенести тяготы нового быта («... убого-черен/ Был насущный мой ломоть») помогали близкие друзья — актриса Людм. Влад. Эрарская — адресат ряда любовных стих. 10-х — нач. 20-х гг., проф. математики Ольга Ник. Цубербиллер и физик-теоретик Нина Евг. Веденеева («Седая Муза» последних стихов П.), взявшие на себя материальные заботы о П. В 1922 вышел сб-к антологич. стихов «Розы Пиерии» (М.—П.).

Волошин назвал его в письме к П. от 22 дек. 1922 «красочной и благоуханнейшей книгой», сошавшись с автором, что «среди запаха казармы и сматных сапогов — она слипком не ко двору» (цит. по: Купченко, с. 419). Сходная, хотя и более сдержанная оценка содержалась в отзыве А. А. Барковой: «Красивые, холодноватые антологические стихи ... ясные, четкие, уравновешенные, напоминающие рисунки на греческих вазах... Другой вопрос, какое значение имеет подобная поэзия сейчас» (ПлР, 1923, № 3, с. 263—64). Негативным был отзыв Брюсова, к-рый отнес П. к энигомам парнасской школы и иронизировал над ее «буато бы сапифч. строфой» и «аксессуарам оперной античности» (ПлР, 1923, № 4; то же — в кн.: Брюсов (2), с. 637).

Наиболее полно поэтич. мастерство П. раскрылось в практически не замеченных критикой сб-ках 20-х гг. — «Лоза» (М., 1923), «Музыка» (М., 1926), «Вполголоса» (М., 1928; вышел на правах рукописи тиражом 200 экз.), в к-рых содержатся программные стихи, посв. очищающему воздействию иск-ва, и в особенности музыки («Орган», «Дирижер», «В концерте», «Играют гусли-самогуды...»). В кн. П. «Музыка» выделяется цикл цыганских стихов, в к-ром прослеживаются влияние А. А. Блока, прямые reminiscences из «Кармен» П. Мериме. В кн. «Вполголоса» наряду с просветленностью и приятием духовного начала мира звучат ноты отчаяния, вызванные бедственным положением («Об одной лошаденке чалой...»). Новой поэтике П. свойственны разг. интонация, сочетание бытовой лексики с возвышенной, отсутствие внешних эффектов. В стихах последних лет, при жизни не публиковавшихся (опубл. в «Собр. стих.», с. 229—57), появляются социальные мотивы, выразившиеся в протесте против ухудшения человеческой личности («В форточку», «Трудно, трудно, брат, трехмерной тенью...»), а любовной лирике присуща прежде несвойственная П. предельная обнаженность чувств, сближающая ее с Цветаевой.

Ходасевич в некрологе писал: «Ею было издано неск. книг стихов, неизвестных широкой публике, — тем хуже для публики... Ее стихи, всегда умные, всегда точные, с нек-рою склонностью к неожиданным рифмам, имели как бы особый свой „почерк“ и отличались той мужественной четкостью, к-рой так часто недостает именно поэтам» (в его кн.: *Колесблемый треножник*, с. 434).

Среди критич. статей П. этого периода выделяются ст. «Дни русской лирики» («Шиповник», № 1, М., 1922), «Б. Пастернак и др.» («Рус. совр.», 1924, № 1). В суждениях П. о поэтич. произв. и творчестве отд. поэтов в целом сказывались ее ориентированность на высокие эстетич. и духовные ценности («Только то должно быть высказано, какое не может не высказаться, и только тогда, когда эта потребность созреет в форму последней неотвратимой неизбежности» — «Дни рус. лирики», с. 158), ее приверженность традициям пушкинской поэтич. школы. П. первой назвала «большую четверку» постимпрессионистской поэзии — Мандельштам, Пастернак, Ахматова, Цветаева («Б. Пастернак и др.») и одновременно предостерегала поэтов от эпидемического беспокойства о несоответствии иск-ва с сегодняшним днем: «А что если взятый сегодня дню откупашеся от вечности...!» (там же). Для заработка занималась переводами (П. Моран, Ж. Жироуд, М. Пруст, А. Барбюс, О. Мирбо, Р. Роллан, Ж. Ренар, Ж. Жино; К. Ласвиц — совм. с Б. В. Горнунгом).

На похоронах П. присутствовали Б. Л. Пастернак, Г. Г. Шпет, Гуревич и др.

Изд.: Собр. стихотворений. Анн Арбор, 1979 (вступ. ст., подг. текста и прим. С. В. Полюковой), СПб., 1998; [Стихи]. — В кн.: Рус. поэзия XX в., М., 1925 (сост. И. С. Ежов и Е. И. Шаумурин; репринт — М., 1991); НН, 1989, № 2 (вступ. заметка и публ. Г. Н. Горчакова; здесь же публ. из дневника Л. Горнунга «Из хроник одной дружбы»); в кн.: Гаспаров М. Л., Рус. стихи 1890-х — 1925-го гг. в комм., М., 1993; в кн.: Рус. поэзия «серебряного века», 1890—1917. Антология, М., 1993 (составка М. Л. Гаспарова); «Накануне», 1995, № 4 (вступ. ст. и публ. Г. Н. Горчакова); Б. Пастернак и другие. — ЛО, 1990, № 11 (вступ. ст. «Страх и Муза», публ. и прим. М. Ратгауза); Статья [о Ходасевиче]. Письма. Стихи. — «De visu», 1994, № 5/6 (публ. и комм. Т. Н. Жуковской, Н. Г. Кипяевой, Е. Б. Коркиной и С. В. Полюковой).

Лит.: Брюсов В., Письма к П. Б. Струве. — ЛА, т. 5, М.—Л., 1960, с. 276 (и ук.); Никитина Е. Ф., Поэты и направления. (Пути новейшей поэзии). — «Сныток» [№] 3, М.—Л., 1924; Асеев Н., Новые песни. — НМ, 1926, № 10; Чичерин А. В., В дни моей юности. — «Нева», 1967, № 8, с. 185; его же, Сила поэзии, слова, М., 1985, с. 270; Худашан К., Автор либретто оперы «Алмаст»... — С. Парнок. — В кн.: А. Спендиаров. Ст. и испл., Ерл., 1973; Иваск Ю., Русская Сапфо. — РМ, 1981, 10 сент.; Никольская Т. Л., Творчество П. — «Noue Russische Literaturalmanach», 2—3, Salzburg, 1979—80; Марков А. Ф., «Храните у себя эти книжечки...», М., 1989, с. 116—22; Цветаева А., Чтение стихов С. Парнок. — В ее кн.: Неисчерпаемое, М., 1992; Купченко В. П., С. Я. Парнок и М. А. Волошин. К исто-

рин взаимоотношений. — «Лица», в. 1, М. — СПб., 1992; Цвистава М., Нейзманно. Сводные тетради, М., 1997 (подг. текста, предисл. и прим. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко) (укр.); Бургин Д., Античность в лирике П. — В кн.: Сестры А. и Е. Герцык и их окружение. Мат-лы научно-тематич. конференции в г. Судак 18—20 сент. 1996 г., М.—Судак, 1997; Бургин Д., S. Parnok. The life and works of Russia's Sappho, N. Y., 1994. + Некролог: «Известия», 1933, 30 авг. Владиславлев: «Новая рус. книга», Б., 1922, № 5, с. 36; Никитина Е. Ф., Рус. лит-ра от символизма до наших дней, М., 1926, с. 372; ЛЭ: КЛЭ: Магучев, Масанюв; Dictionary of Russian women writers.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; ИМЛИ, ф. 270; РГАЛИ, ф. 1276; ф. 1737, оп. 1, № 204 (письма К. А. Липскерову), ф. 1611, оп. 1, № 95, 167 (письма к С. З. Федорченко), ф. 341, оп. 1, № 282 (биография П., 1926); ф. 13, оп. 1, № 22 (письмо к А. А. Ахматовой); ф. 2527, оп. 2, № 9 (Е. Я. Тараконская: «Восп. о старом Коткеле»); ф. 131 (письма к Л. Я. Гуревич).

Т. Л. Никольская.

ПАРФЕНИЙ [в миру Аге́ев (Агтев) Пётр; 1807, Яссы — февр. 1878, Сергиев Посад, по др. сведениям — Гуслицы Богородского у. Моск. губ.*], иеромонах, духовный писатель, мемуарист. Младенцем осиротел; усыновленный богатым купцом-раскольниковым, провел счастливое детство в его семье, к-рое, по его словам, «было как духовная академия и уч-ще благочестия» (ДЧ, 1898, № 11, с. 424). От приемных родителей, к-рых горячо любил, узнал грамоту и далее не учился. С детства мечтал о монастыре, получил прозвище «попа-проповедника», «игумена» (там же, 1898, № 12, с. 722); с 12 лет не раз пытался бежать в монастырь, хотел совершить «подвиг юродства о Христе» (помысл о юродстве его «угнетал ... более 20 лет» — там же, 1899, № 4, с. 787). Потерпев неудачу, помогал отцу в торговле, утешался чтением религ. лит-ры (собрал книг «рублей тысячи на дев» — там же, 1899, № 2, с. 247) и вероисповедными прениями, любовь к к-рым сохранил на всю жизнь. Дождавшись совершеннолетия, снова бежал в монастырь.

Приняв у раскольников постриг с именем Паисий, объехал знаменитые старообрядческие скиты в надежде «напоить свою иссохшую душу», но нашел, что раскольники «только и стараются одни внешние обряды собластности», не беспокоясь об «очищении» внутри человека» («Сказание...», ч. 1, 1856, с. 8, 9). К 1836 по книгам убедился в неправоте раскольников и принял единоверие, а после нового путешествия по России (во время к-рого частично оглох на 10 с половиной лет, но исцелился благодаря старцу) — православие (1837). Своих колебаний перед уходом из раскола позже так стыдился, что опустил их в автобиографии (см. об этом: «Книга о Промысле Божиим, как он чрез православие ведет ко спасению, а неправославных обличает собственными их делами», М., 1857).

В 1839 отправился на Афон. Красота афонских обителей, церк. уста-

вы и подвиги старцев стали для П. на всю жизнь источником неиссякаемой радости («Сказание...», ч. 2, 1856, с. 230); П. постигся в иноческий чин с именем Памва, а весной 1841 принял схиму с именем Парфений (там же, с. 228). Тогда же послан на послушание в Россию, где обратил в православие приемных родителей. В 1843 вернулся на Афон, но духовник велел ему ехать в Иерусалим, а оттуда в Сибирь и более не возвращаться. Тяжело переживая разлуку с Афоном, П. покорился в конце концов воле старца.

В 1845 посетил Палестину, затем Константинополь и в 1847 прибыл в Томск. Епископ Томский Афанасий (Соколов) со временем расположился к нему и поселил в своем доме, читал с ним и часами беседовал, а в 1848 уговорил описать его странствия. Тогда же П. подал в Синод прошение о принятии в один из рус. монастырей. На просьбу не ответили, а в 1850 недоброжелатели призвали вовсе исключить П. из монашества, что было для него ударом. В 1851 обратился к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) и благодаря его ходатайству (митрополит надеялся «употребить его для вразумления раскольников» — «Письма Филарета...», ч. 2, 1888, с. 13) Синод разрешил в 1853 принять П. в братство Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры (переведен в авг. 1854). (В 1853, в ожидании решения Синода, составил рукоп. сб-к изречений о праздниках — «Торжественник» и переписал кн. «Цветник» Дорофея, послав ее Филарету.)

В 1856 рукоположен в сан иеромонаха и назначен «строителем» (настоятелем) Николаевской Берлюковской пустыни (недалеко от Москвы). В 1858 управлял строительством Спасо-Преображенского мон. в Гуслицких лесах (Гуслицах), «где самое гнездо раскола» («Письма Филарета...», 1869, с. 388); затем стал его игуменом. Тоскуя по пустынножизнелюбью, нес послушание против воли, пренебрегал делопроизводством, и по завершении строительства монастыря остался должен ок. 40 тыс. руб. Пеня ему на бесхозяйственность, митрополит Филарет стремился вместе с тем «утешить его и подкрепить в глазах людей» (там же, с. 560); за учреждение монастыря П. награжден в 1860 зол. наперсным крестом. (Миссионерская задача обители не оправдалась; однако мальчики-старообрядцы охотно посещали школу, осн. П. при монастыре.) В 60-х гг. продолжал действия по обращению раскольников: написал ряд апологетич. и обличит. сочинений; после беседы в 1863 с мнн. внутр. дел П. А. Валуевым, на к-рого произвел впечатление (см.: «Письма Филарета...», ч. 2, 1888, с. 219—20),

составил для него записку о расколе (частично опубли.: там же, с. 234—235).

Написал подробную автобиографию (до принятия в рос. монашество), опубли. посмертно под назв. «Из автобиографии игумена Парфения» (ДЧ, 1898, № 5, 6, 11, 12; 1899, № 2, 3, 4; 1900, № 1, 3, 11, 12; 1901, № 1; отрывок о жизни в Томске под тем же названием опубли. и самостоятельно — М., 1898). В своей судьбе видел цепь чудесных событий: «это колесо премудрости и благодати Божией» (ДЧ, 1898, № 11, с. 421). Умер «на покое» в Троице-Сергиевой лавре.

Гл. соч. схимника — «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника святые горы Афонские инока Парфения» (ч. 1—4, М., 1855; рец. — «Киев. губ. вед.», 1855, № 28); 2-е изд., испр. и доп., М., 1856; отрывок из соч. — «Сказание о жизни и подвигах... старца Даниила [Ачинского]...» вышел также отдельно (М., 1855), писалось почти против воли, с опасением стяжать «маловременную славу суетного мира сего» (ч. 1, 1856, с. 1). Эпизоды расположены не в хронологич. порядке, а как автор нашел «вместительным для читателя» (с. III). Продолжая традицию стародревнего жанра хождений, П. описывает мн. религ. и церк. достопримечательности: в Стамбуле, Иерусалиме, на Карпатах (в т. ч. обители, где настоятельствовал преподобный Паисий Величковский), а также Саров (где беседовал с преподобным Серафимом) и особенно подробно и точно — Афон. Повествование включает биографии подвижников, рассказанные в житийном ключе, и словесные ратования с раскольниками, записанные почти с «протокольной» точностью. Монастырские службы, подвиги монахов, первоначальная природа изображены с духовным восторгом. Никогда не читавший худож. лит-ры, П. произвел на современников сильное впечатление не только духом, но и стилем своей книги, что проницательно предсказал историк С. М. Соловьев: «Заглавие книги далеко не может дать понятия о содержании ее, в высокой степени любопытном и назидательном» для совр. «мыслящего человека». Здесь пред ним предстанут «удивительные образы» и «живые отношения», «к-рые он привик отнестись ко временам далекой древности» и «совр. существование к-рых он не подозревал» (РВ, 1856, № 5, с. 17). В ходе повествования естественно возникают актуально-живучие для ряда веков рус. религ. жизни проблемы: распри со старообрядцами, взаимоотношения православия с иудаизмом, мусульманским и запад-

ным миром, соотношение церк. и гос. властей, ценности монашества.

По утверждению А. А. Григорьева, «Сказание...» прочла «вся серьезно читающая Русь» (1864; см.: Григорьев А. Эстетика, с. 150). Критика единодушно отметила большое познават. значение книги, искренность и простодушие автора, органич. родство его стили с др.-рус. традицией; по Григорьеву, она подобно духовным стихам «уварилась... по одной из самых глубоких струн души рус. человека... аскетической», а в полноте своей свидетельствовала о «неразрывности органич. нар. жизни от 12 столетия до половины 19» (там же, с. 151—52; ср. также отзыв архимандрита Никона — ДЧ, 1898, № 11, с. 419). Н. П. Гиларов-Платонов выделил в книге своеобразную смесь старослав. лексик и грамматики «с крайне живым изложением» и образ автора, к-рый своей истинностью и служением истине резко противопоставит совр. человеку (РусБ, 1856, кн. 3, с. 10—11, 6—8). Ю. Н. Говоруха-Отрок восхитился «Сказанием...» и рекомендовал его образованным людям, чтобы ближе узнать мирозерцание и весь духовный строй своего народа (см. об этом в предисл. архимандрита Никона к публ. автобиографии П. — ДЧ, 1898, № 11). М. П. Погодин почтительно «украшением народной рус. словесности (не говоря о великой ее многообразной пользе)» («Москв.», 1855, № 23/24, с. 296—97).

Обобщение «Сказания...» испытали писатели противоположных убеждений. М. Е. Салтыков-Щедрин, признавая свою отчужденность от взглядов П., отмечал «громкость подымаемого автором подвига» (Салтыков-Щедрин, В. 33—68, 533—41; ср. также рец.: Чернышевский, II, 763—64). Для Н. С. Тургенева П. — «великий рус. художник и рус. душа» (Тургенев, Письма, III, 242). А. В. Дружинин видел в «Сказании...» «великую, поэтич. фантазматическую, переданную оригинальнейшим художником на оригинальнейшим языке»; «мы не видели еще такого высокого таланта со времен Гоголя» (письмо Тургеневу от 19 сент. 1858 — в кн.: Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, с. 217); по мнению критика, во 2-м т. «Мертвых душ» следовало вывести как положит. пример именно таких героев, исполненных «библейской прелестью» (там же).

Ф. М. Достоевский, обретая в П. идеал цельного человека, противоположного рационализму совр. цивилизации, не раз прибегал к мировосприятию, слогу и образу повествователя «Сказания...» как творч. ориентирам и источнику заимствований. Познакомившись с книгой, видимо, еще в ссылке, он собирался вывести П. в «Житии великого грешника» (Достоевский, XXIX, кн. I, с. 118), использовал эпизод из «Сказания...» (ч. 3, 1856, с. 63—64) в «Братьях Карамазовых» (см. комм.: XV, 571); неоднократно заимствовал отл. происшествий, мотивы и выражения из него в речи и поучениях Зосимы. Называя гл. «О Священном Писании в жизни отца Зосимы» «восторженной и поэтической», Достоевский указал, что взял для нее «наивность изложения — из книги... П.» (XXX, кн. I, с. 102). Стиль «Сказания...» использовал Достоевский для рассказов странника Макара в «Подростке», а также для сцены приема юродивым Семёном Яковлевичем и для исповеди Лебядкиной в «Бесах» (см.: Белов, с. 185). Книгу писатель взял с собой за границу в 1867 и хранил всю жизнь; последний раз П. упомянут в его записной тетради за полгода до смерти (XXVII, 55).

Др. произв.: «Сказание о начале и настоящем состоянии Спасо-Преображенского Гуслицкого мон.» (М., 1863), «Письмо правосл. священноинока схимника к брату, мнимому старообрядцу в Молдавию» (М., 1863).

Письма П.: архиепископу Иркутскому и Нерчинскому Нилу — ДЧ, 1900, № 1; митрополиту Московскому Филарету — там же, 1900, № 1, 11; кн. П. А. Ширинскому-Шихматову — там же, № 3; Н. А. Протасову — ДЧ, 1900, № 12 (см. также с. 635—45); Прошение Филарету — там же. Письма к П.: митрополиту Филарету (7) — ДЧ, 1868, № 6. Письма со сведениями о П.: Письма митрополита Моск. Филарета к А. Н. Мухомову, 1832—1867, К., 1869, с. 387—88, 541—42, 557, 572; Письма митрополита Филарета к синодальному обер-прокурору гр. А. П. Толстому (2) — «Чтения в ОЛДП», 1877, № 9; Письма митрополита... Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевыя Лавры архимандриту Антонию, ч. 3, М., 1883, с. 122, 264, 298, 311, ч. 4, М., 1884, с. 178, 182; Письма Филарета... к высочайшим особам и разным др. лицам, Тверь, 1888, ч. 1, с. 193, 198, 205—07; ч. 2, с. 12, 55, 257—58.

Лит.: Валусев П. А., Дисник, т. 1, М., 1961, с. 262; Дружинин А. В., Лит. критика, М., 1893, с. 278 (и ук.); Блч, 1860, т. 160, отл. IV, с. 8 (высокая оценка автора «Сказания...» как «писателя»; анонимная); Григорьев А., Критика (ук.); Григорьев А., Эстетика, с. 449—50 (и ук.); А. А. Григорьев, Мат-лы для биографии, П., 1917, с. 154—64, 385—86 (и ук.); Достоевский (ук., в т. ч. XV, 528); Достоевский, Мат-лы и иссл., т. 3, Л., 1978, с. 136—43; Толстой, XLVIII, LXII (ук.); Собр. мнений и отзывов Филарета... по учебным и церковно-гос. вопросам, т. 3, СПб., 1885, с. 469—72; т. 4, ч. 1, 1886, с. 231, ч. 2, с. 232, 268—69, 330, 414; т. 5, ч. 1, 1887, с. 211, 217—224; т. доп., 1887, с. 458—60, 513; Николаев Ю. (Говоруха-Отрок Ю. Н.), Мнение светского писателя о монашестве. — МВед, 1892, 12 нояб.; Гроссман Л. П., Семинарий по в. С., Верность прошлому. [Достоевский и иеромонах Парфений]. — «Иртыш», Семипалатинск, 1968, 18 мая; Туниманов В. А., Достоевский и Некрасов. — В кн.: Достоевский и его время, Л., 1971 (ук.); Белов С., Об одной книге из 6-ки Ф. М. Достоевского. — АБ, в. 2, М., 1975; Pletnev R., Dostojewskij und der Hiemopolarch Parfenij. — «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd 14, H. 1/2, 1937; ЛН, т. 13/14, с. 502—04, 592; т. 53/54, 62. + Некролог: «Церк.-обществ. вест.», 1879, 17 июня*. РБС; Брокгауз: ИДРДВ.

Архивы: РГИА, ф. 797, оп. 22, II отд., 2 ст., д. 23 (док-ты П. и его прошение в Синод); ф. 832, оп. 1, д. 24 [справка Н. М. Корнеевой]; ЦИАМ, ф. 709, оп. 1, д. 144 (сведения о монашестве П., в т. ч. о пребывании в Берлюковской пустыни в 1858); д. 137 (подробное донесение П. об исцелении ликуш митрополиту Филарету); ф. 203, оп. 746, д. 970 (сведения о монашестве П., в т. ч. об участии в строительстве Гуслицкого мон.); ф. 2393, оп. 1, д. 2591 (ненз. сведения об исправлении и доп. во 2-м изд. «Сказания...») [справка В. В. Александровой].

С. В. Шешунова.

ПАРФЕНИЙ [в миру Васильев-Чертков Павел Васильевич; 10(21).8.1782, Москва — 5(17).8.1853, Воронеж; похоронен на юж. стороне кафедрального Благовещенского собора], архиепископ; проповедник, церковно-общественный публицист. Из семьи дьякона. Воспитывался в доме А. Н. Нарышкиной (1730—1820). Окончив курс в Моск. Славяно-греко-латин. академии (1790 — янв. 1803), остался служить в ней: с янв. 1803 учитель низшего грамматич. кл., с дек. 1805 учитель поэзии, с сент. 1808 — ритори-

ки и высшего красноречия; с окт. 1810, после пострижения в монашество (по совету митрополита Моск. Платона, оказавшего на П. глубокое влияние, в т. ч. и знаменитыми проповедями; см. «Речь при гробе митрополита Платона» — в кн.: «Высокопреосвященный Парфений...») с именем Парфия, определен проповедником при сохранении прежних учительских должностей; с окт. 1811 префект (инспектор) и наставник философии [в письмах мин. нар. просвещения и духовных дел А. Н. Голицыну неоднократно отмечал, что филос. наставление благотворно только тогда, «когда основано на истинах Евангелия» (там же, с. 139)]. В общежитии отличался непосредственностью, живостью характера, говорил про себя, что в миру «совсем не был похож на монаха» (там же, с. 4).

Снискав доверие начальства глубокими познаниями и усердием, неустанно продвигался по иерархич. лестнице, принимая как должное частые переметы места служб; в дек. 1811 произведен в сан архимандрита; в 1818 избран д. чл. конференции при Моск. духовной акад. С 1819 настоятель Донского мон. и член Моск. синодальной конторы.

Проповеди П., нередко нося импровизацион. характер, оставались зачастую не записанными. Первое из изв. слов — «Слово в неделю первую Великого поста», содержащее призыв идти «узким» (аскетичным) и скорбным путем Христа, — произнесено еще в ранге светского учителя, предположительно, в 1806 (там же, с. 91—97). Будучи наставником и монастырским настоятелем, П., судя по прижизненным и посмертным публ., преим. обращался к слушателям с церк. поучениями (в к-рых призывал искать прежде всего не земное благоденствие, а царствие Божие). Исключения составляют приветств. слова в дни рождений и тезоименитств особ царской фамилии (имп. Александра I, имп. Марии Фё-

доровны, цесаревича Константина Павловича и др.). Проповеди П., какой бы темы они ни касались, отличаются обстоят. знанием Священного Писания, ясностью мысли, строгой структурой речи, энергией и простотой изложения. По свидетельству очевидцев, сопутствовавшая П. известность проповедника в большой степени основывалась и на силе непосредств., личного влияния на слушателя.

С 1821 епископ, а с 1833 архиепископ Владимирский и Суздальский. Долгие 30 лет архиеп. П. целиком посвящал епархию, распределяя заботы и внимание между духовенством (никому не оказывая предпочтения и протекции, старался соединить милость с правосудием, опекал общ. духовного звания) и паствой (отличался общительностью, склонностью к назидат. беседам, особенно о ратных подвигах и о Москве как духовной столице России, ее красе и смятении; любил певчих, сам будучи знатоком пения).

Фигура П. привлекала внимание М. П. Погодина — в сент. 1822 он расспрашивал о епископе возвратившуюся из Владимира Агр. И. Трубецкую (Б. Арсуков, I, 190). В 1838 с П. познакомился А. И. Герцен, определенный на жителство во Владимир; в «Былом и думах» он свидетельствовал (1853; опубл. 1857), что П. интересовался лит.-рой, «знал все новые русские книги, читал журналы», и запечатлел его колоритный характер («умный, суровый и грубый старик; распорядительный и своеобразный, он равно мог быть губернатором или генералом... управлял своей епархией, как управлял бы дивизией на Кавказе ... больше человек крутой, чем злой» — Герцен, VIII, 371—72), а также один из эпизодов его архипастырской деятельности: «допросив» Герцена обо всех имеющихся препятствиях к его браку с Н. А. Захарьиной и услышав неприятный рассказ, принял сторону молодых, помог им обвенчаться, послал свое благословение и вручил собственноручно нарезанный букет цветов (там же, с. 372—76). Слава об участливости П. надолго пережила его: в 1863 митрополит Московский Филарет (Дроздов), отзываясь о службе П. во Владимир. епархию, писал, что он «не сильно действовал, но привлекал к себе добродушием» («Письма Филарета... к высочайшим особам и разным др. лицам», ч. 2, Тверь, 1888, с. 165).

Превозмогая нездоровье (хворал с молодых лет), П. нередко совершал не только лит. церк. богослужения (см. описание пасхальной «архирейской литургии» в письмах Герцена 1838: «восторг» и поэтич. и религиозный — XXI, 347, 357—58), но и обряды освящения нм. светских начинаний (открытие богоугодных заведений, учреждений).

Порой напутств. речи П. касались сугубо адм. дел: «Слово пред присягою на беспристрастный выбор чиновников» (произнесено 17 дек.

1826 при собрании владимирского дворянства, посвящено значимости «клятвенных обетов»); «Слово на случай присяги новоизбранных чиновников» (22 дек. 1826; призывает творить «суд в правде», «любить милость», быть верным долгу, беспристрастным, нелицеприятным). Оба слова (отд. изд. под назв. «Слова на случай выборов по Владимир. губ. ...» — М., 1827) П. отправил М. М. Сперанскому.

В июле 1839 по поручению Синода архиепископ составил и вел церк. церемониал, сопровождавший перенесение праха кн. П. И. Багратиона из Владимира. губ. на Бородинское поле. Перед окончанием зауспокойной службы он произнес «Речь в напутствование тела кн. П. И. Багратиона, по высочайшему повелению назначенного к преданию земле на поле Бородинском» (полностью опубл.: «Приб. к „Владимир. губ. вед.“», 1839, № 28; см. также: «Высокопреосвященный Парфений...», с. 378—83). Энергичное, исполненное высокого одушевления словоместило и мысли о бессмертии души, и лаконичный анализ сложных условий Бородинской битвы, и понимание трагизма подвига Багратиона («Ты всегда учил твоих ратоборцев побеждать врагов», «но здесь ты учил умирать за Отечество»), и оценку огромного значения «искупительной жертвы» (там же, с. 381—82).

В 1850 назначен архиепископом Воронежским и Задонским (о прощальном слове перед паствой см.: «Владимир. губ. вед.», ч. неофиц., 1850, № 19, с. 95). Прибыл в Воронеж, обратившись к новой пастве с приветствием (28 мая 1850), в к-ром говорил о значении слова Божия, пред к-рым «меркнет» мудрость человеческая («Высокопреосвященный Парфений...», с. 405). В мае 1851 перенес апоплексич. удар, от к-рого окончательно не оправился, хотя продолжал управлять епархией. Скончался от холеры.

Изд.: Высокопреосвященный Парфений, бывший архиепископ Владимирский, впоследствии Воронежский. Его биография и не изд. до сел. проповеди. Владимир, 1882 (предисл., биографич. очерк (высереы) — «Владимир. епарх. вед.», ч. неофиц., 1881, № 11—12, 16—19) Вас. Орлова и ст. «Проповеди Парфения Чертоква» (его же?); значит. часть проповедей, опубликованных отд. изданиями при жизни П.): О троицности [Трактат]. — «Владимир. епарх. вед.», ч. неофиц., 1885, № 17 (перевод с рукописи П., написанной по-латински); Письма: к Серафиму Логовскому, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому (1821—42) — «Владимир. епарх. вед.», ч. неофиц., 1878, № 7, 8, 22; 1879, № 1, 2, 4, 5 (всего 58 писем); к Филарету Дроздову, митрополиту Московскому и Коломенскому. (1822—51) — там же, 1879, № 16, 23; 1880, № 3, 20; 1881, № 4 (всего 108); к Филарету Амфитеатрову, бывшему архиепископу Ярославскому... (1837—51) — там же, 1884, № 15, 21.

Лит.: Герцен (ук.); Тургенев. Письма, III, 182 (оценка герценовского «портрета» П.); «Приб. к „Владимир. губ. вед.“», 1839, № 18, с. 71—72; № 28, с. 111—17; 1841, № 38, с. 159—71; «Владимир. губ. вед.», ч. неофиц., 1850, № 19, с. 95—96; «Воронеж. губ. вед.», ч. неофиц., 1850, № 21, с. 167; № 34, с. 286; № 49, с. 406 (все — мат-лы об архиепископской деятельности П.); Смирнов С., История Моск. славяно-греко-лат. академии, М., 1855, с. 365—66; (Марьевский?), Восп. о преосвященнейшем Парфении, епископе Воронежском и Задонском. — «Воронеж. епарх. вед.».

1868, № 9—12; Письма разных лиц к преосв. Парфению Чертокву... — «Правосл. обозр.», 1872, № 7, с. 1—66 (1816—50); письма Ярославского архиепископа Симона Крылова, митрополитов Филарета Дроздова, Евгения Болховитинова, Серафима С.-Петербургского, епископа Владимира Тобольского, гр. А. А. Орлова-Чесменской; Гурьев В. О., Память о прошлом. — «Странник», 1879, № 11, с. 266—70; Пр. С. А. (Архангельский С.), К очерку жизни П. ... — «Владимир. епарх. вед.», ч. неофиц., 1881, № 19; Три письма Моск. митроп. Филарета к П. ... — ДЧ, 1883, ч. 3, с. 500—04 (1835—1836); Малицкий Н., История Владимир. духовной ссм., в. 2 — (1814—1869), М., 1902 (ук.). + Гениади; РБС; Брокгауз; Масанов И. Ф., Библ. Владимир. губ., т. 1, Владимир, 1905 (ук.).

Архивы: РНБ, ф. 608, оп. 1, № 2067 (письма А. Н. Голицыну, 1819—23); РГБ, ф. 316, оп. 65, № 6 («Мнение П. по двум пунктам, по высочайшему повелению предложенным Святейшему Синоду»); ф. 505, оп. 1, № 1 (письма Иакову (И. И. Вечеркову), 1833); ИРЛИ, ф. 507, оп. 1, № 37 (письмо К. Н. Тихонравову от 18 апр. 1851).

И. А. Зайцева.

ПАРШИН Василий Петрович [1805, Иркутск — 6(18).7.1853, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], очеркист, автор путевых записок. Из семьи казачьего урядника. По окончании Иркутской губ. г-зии поступил казаком в Иркутский городовой казачий полк (1823); вскоре прикомандирован к канцелярии Иркутского общего губ. управления для занятия письм. делами; в 1827 произведен в пятидесятники (к этому времени женат, отец годовалого сына); в 1832 уволен по болезни с исключением из казачьего звания. С апр. 1833 возобновил службу, но уже на пед. поприще: учитель в Якутском уездном уч-ще; с июня инспектор в Троицкосавской войсковой рус.-монг. школе и вскоре одновременно учитель рисования в Троицкосавском уездном уч-ще; с 1835 — в Нерчинском уездном уч-ще (с 1836 штатный смотритель; одновременно преподает рисование, черчение, историю и географию).

С годами учительства совпали первые увлечения лит. работой. В Троицкосавске вместе с штаб-лекарем местной таможи А. И. Орловым подготовил два рукоп. изд.: ж. «Кяхтинский лит. цветник» и сатирич. газ. «Кяхтинская стрекоза». Будучи на службе в Нерчинском уч-ще (средоточии культурной жизни города), дебютировал в печати двумя безыскусными, отмеченными теплым чувством стихами: «Цветок. (Бурятская песня)» — фольк. стилизация на тему о ядовитом цветке, к-рый герой бережет для себя в ожидании дня горестей и страданий (возможно, преломление мотивов пушкинского «Анчара»), и «Моя звездочка» — романтит. элегия об утрате светлых грант юности (СО, 1839, № 9/10; 1840, № 1/2). «Цветок» опубл. при посредничестве иркутского литератора Н. С. Щукина, перепечатан в хрестоматии Н. И. Греча «Чтения о рус. языке» (ч. 1, СПб., 1840). О стихах

дважды унижительно отозвался В. Г. Белинский (IV, 142, 179).

В нояб. 1840 в чине коллеж. секр. возвратился в Иркутское общее губ. управление, служил чиновником по особым поручениям, а с 1842 нач. отделения (в чине тит. сов.).

В 1-й пол. 40-х гг. в печати появились первые прозаич. соч. П.: «Монголы-буряты в Нерчинском округе Иркутской губернии» и «Нерчинские тунгусы» (ЖМВД, 1843, ч. 3, № 7/9, б. п.; 1844, ч. 5, кн. 1/2), тяготевшие к этногр. описаниям, но вместе с тем сближавшиеся «натуральностью» зарисовок повседневной жизни и участливой позиции автора с жанром «физиологич.» очерка. Наблюдательность и науч. добросовестность (обилие фактич. мат-ла, в т. ч. статистич. данных) в сочетании с непосредственностью восприятия и доброжелательностью к людям (в т. ч. другой национальности и др. веры) позволили П. воссоздать точную, живую картину жизни сиб. народов (религия, богослужение, жилище, занятия, семейный уклад, праздники, обряды, фольклор). В первый очерк включен прозаич. пер. бурят. нар. песни.

В 1844 в Москве вышла первая книга П. — «Поездка в Забайкальский край» (ч. 1—2; ц. р. 1842). В 1-й ч., опираясь на 5-летний опыт жизни в Забайкалье и нередких путешествий по краю («самую короткую поездку» воспринимал как «маленькое счастье» — с. 12), П. рассказывает о сиб. природе (особо об умиротворяющей и «ужасной» — в часы бури — красоте Байкала), о местных жителях, о городах в их своеобразии: Верхнеудинск — «хлыбающийся франтик из всех городов Иркутской губ.» (с. 40), Троицкосавск — «дышит довольством и торг. деятельностью» (с. 78), Нерчинск — «простота и единодушие» (с. 138; сам же автор признается, что, говоря о Нерчинске, всегда думает о ссылке — по привычке «соединять понятия с нек-рыми именами!...» — с. 102). Путевые записки П. не ориентированы на полный охват предмета, но отличаются непредвзятым и ненавязчивым комментарием умного, душевно одаренного рассказчика, владеющего незатейливым и близким к живой речи слогом. 2-я ч. книги (с подзаг. «История города Албазина...»), основанная на печатных источниках, устных преданиях и арх. док-тах, найденных автором в Нерчинске, посвящена завоеванию Сибири русскими в 17 в.

На выход «Поездка...» откликнулись три именитых ж-ла: «Б-ка для чтения» не нашла в ней ничего «любопытного или дельного» (1844, т. 65, с. 52—53); П. Н. Кудрявцев, напротив, увидел много интересных сведений и подробностей, при описании к-рых автор выказал здравое мнение и поверку собственным опытом (ОЗ, 1844, № 7, с. 23—27; б. п.); в «Современнике»

отметили, что книга читается с «удовольствием и пользой» (1844, т. 36, с. 93); в годовом обзоре Белинского 1844 «Поездка...» отнесена к числу соч., «особенно замечательных важностью содержания» (VIII, 486—87). Позже 2-ю, ист. часть книги высоко оценил Н. В. Сушков в ж. «Рус. вест.», сожалел при этом, что труд П. остался в безвестности, поскольку автор был «бедным, без связей, без покровителей» (1859, № 8, «Совр. летопись», с. 346).

С сент. 1845 П. вел напряженную работу в должности советника Иркутского губ. суда. Лишь спустя 4 года опубл. «Рассказы кяхтинского старожила» («Москв.», 1849, № 16—17) — очерк о взаимоотношениях русских с китайцами в Кяхте, тогдашнем центре рус.-кит. торговли.

В апр. 1849 уволился от службы, а в июле выехал с семьей в Москву, очевидно, ради образования сына и дочери («средние» из четырех детей П.: старший сын уже состоял на службе). Путешествие, осуществившее давнюю любимую мечту П. «поглядеть на Божий мир», «благодаряно преклониться» пред святынею Москвы, стало темой его второй книги: «Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное 1849 годом В. П.» (М., 1851; цитаты — с. 5).

Стремясь «составить описание почтового тракта», П. ограничился подробным, но строгим и сухим рассказом о дорогах, населенных пунктах, климате, ландшафте и пр. Отсутствие комментария (лишь о Москве написал, хотя и кратко, но живо и заинтересованно) и неполнота путевой информации (от недостаточной осведомленности автора) не позволили книге стать ни лит. путешествием, ни выверенным путеводителем. Автора упрекали в поверхностности («Совр.», 1851, № 7, с. 16—17), в однообразии, неумении распорядиться мат-лом, стилистик. погрешностях (ОЗ, 1851, № 9, с. 18—21); лишь в обстоят. рец. «Сына отечества» говорилось не только о фактич. неточностях и пропусках «Описания...», но и о лит. способностях П., оригинальности и свежести его мыслей (1852, № 1, с. 14—24).

Сохранился в рукописи также относящийся к 1851 сб-к П. «Всего по немному», включающий стихи (в т. ч. на сиб. темы — «Жемчуг», «Песнь юкагира»), притчи, басни, эпиграммы, сатирич. эссе («Совр. Аристид», «Похвала глупости»), рассказ «Любопытный разговор», содержащий дискуссию о состоянии совр. лит-ры (с элементами критики в адрес многочисл. сочинителей, в иронич. тонах описывающих жизнь бедствующих чиновников), «демонологич.» пов. «Три дня в аду, или Невероятное событие, случившееся с Якимом Минычем», в юмористич. духе изображающую пребывание живого человека в преисподней (в финале кошмарная история оказывается сном), и др. (ЦИАМ, ф. 31, оп. 4, д. 419).

Испытывая нужду (пенсии на гор. жизнь не хватало), в апр. 1851 П. определился штатным смотрителем 1-го моск. уездного уч-ща и занимал эту должность до конца жизни.

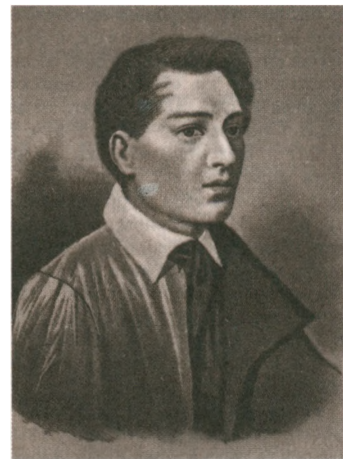
Старший сын, Н. В. Паршин (1826 — 31.12. 1878), — учитель истории и географии в Верхнеудинске,

автор краеведч. очерков и путевых записок о Сибири.

Лит.: Хамаганов М. П. Бурят. фольклористика, Улан-Удэ, 1962, с. 147—58; Петряев Е. Д. Вперед — огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья, Иркутск, 1968, с. 160—64; Постнов Ю. С. Рус. лит-ра Сибири первой пол. XIX в. Новосибир., 1970; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982, с. 292—309. + МНБер.: Геннадия: РБС: Петряев; РЛС, ч. 1; Боград. ОЗ(1); Лит. Сибирь. Критико-биобибл. словарь писателей Вост. Сибири, т. 1, Иркутск, 1986.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 7613, л. 1134—41 (ф. с. 1852 г.); РНБ, ф. 379, № 695 (письмо управляющему канцелярией моск. ген.-губернатора Ф. П. Корнилову от 23 янв. 1851 об устройстве на службу); РГБ, ф. 108, к. 2, № 56 (письмо М. А. Зегзинова к П. от 2 июля 1843, копия); ИРЛИ, 18.628.СХХП66 (письмо к А. В. Никитенко от 30 нояб. 1840). И. А. Зайцева.

ПАСЕК Вадим Васильевич [20.6 (2.7).1808, Тобольск — 25.10(6.11). 1842, Москва; похоронен в Симоновом мон.], краевед, историк, фольклорист-этнограф, издатель. Муж Т. П. Пасек. Из старого укр. дворян. рода. Отец — Вас. Вас. — был обвинен в составлении «подложного письма» от имени гос. деятеля кн.

П. М. Волконского и сослан в Сибирь, где провел св. 20 лет (претендовавший на родовое имение дядя воспользовался в целях доноса его шутивым письмом к одному родственнику — см.: Пасек, I, 370—373). Осенью 1808 семью выслали из Тобольска в село, но младенец был оставлен в семье тобольского друга отца — И. Х. Керна, где и воспитывался 10 лет; в 1818 мальчик вернулся в родную семью и наравне со взрослыми переживал все невзгоды ссылки. В июле 1822 получил аттестат об окончании Тобольской губ. г-зии. В 1824 отца простили и вся семья, имевшая 17 детей (П. был 8-м), переехала в Москву. В 1826 подготовленный отцом П. поступил на этико-полит. отделение филос. ф-та Моск. ун-та, где сблизился с А. И. Герценом и его кружком. Одновременно слушал лекции др. отделений, в т. ч. словесного и физико-матем.

Дружил с А. Н. Савичем, будущим астрономом. Интерес к «векам минувшим» и лит. занятиям сблизили его с молодым проф. М. П. Погодиным, опубликовавшим в своем «Моск. вест.» историко-этногр. «Замечания о Сибири», ставшие лит. дебютом П. (1830, № 17—20) и одним из лучших очерков в ранней русско-сиб. этнографии.

По окончании ун-та (кандидатом, 1830) самоотверженно работал в период эпидемии холеры (заведовал канцелярией и х-вом больницы, ухаживал за больными), за что пожалован в тит. сов. Бедствование и подвижничество москвичей, застигнутых холерой, описал в очерке «Три дня в Москве во время холеры» («Молва», 1831, № 27—29). В 1832 совершил первую поездку на Украину (включая Харьков; май — сер. окт.). В ноябре 1832 женился на двоюродной племяннице и друге детства Герцена — Т. П. Кучиной. Зимой 1833—34, живя в Твери (у родственников жены), общался с И. И. Лажечниковым (ставшим его «хорошим приятелем» еще до свадьбы — Пассек, I, 360), читал ему фрагменты будущей эссеистско-лирич. кн. «Путевые записки, Вадима» (М., 1834; язвот. отзыв О. И. Сенковского — БдЧ, т. 5, ч. 2, с. 24) и был «благословлен им на путь серьезного ист. труда» (Пассек, II, 25). В 1834 по приглашению гр. А. Н. Панина прибыл в Харьков, чтобы занять кафедру рус. истории в ун-те, но не был допущен к лекциям: обнаружилось прежние связи с членами кружка Герцена, арестованного в июле того же года. Оставшись без места, поселился с семьей в родовом имении на Харьковщине.

Название первой кн. П. не соответствует ее жанру: это не путевые очерки, а рассуждения о нар. характерах, заметки и размышления об ист. событиях, нар. быте и фольклоре, поэтич. раздумья о прошлом и будущем России и «Украины с Малороссией» (так П. именова, различая исторически, Харьковщину с Киевщиной).

Автор предстает здесь более религ. мыслителем (склоняющимся к христ. «пагенизму»), нежели историком и этнографом, и, подобно романтикам, стремится объединить историю с философией и поэзией. Ведущим устойчивым фактором органичности и самобытности ист. процесса он полагает нац. характер. У славян единой осн. чертой характера он видит созерцательное начало («перевес внутр. жизни над внешн.» и «тишина, спокойствия над деятельностью» — с. 42), к-рое в ист. общности русских проявляется в веротерпимости (и ср. с Западом), отсутствии «силовых философских партий», неумении организовать отпор насильникам. Ист. суждения П. ревизовали, по существу, декларируя взгляды на историю и характер рус. народа и предвосхищая ряд идей славянофилов (внутренней расположенности созерцательной слав. души к восприятию христианства). Сами «записки» вызвали резкое неприятие у будущих западников — Герцена (и его кружка; см.: XXI, 112) и В. Г. Белинского (иронич. рец. — «Молва», 1835, № 10).

Причисленный в 1836 к статистич. к-ту Мин-ва внутр. дел и считаясь командированным в Харьков. губ., подготовил «Историко-статистич. описание Харьков. губ.» (опубл. в сб.: Мат-лы для статистики Рос. империи, т. 1, СПб., 1839), а позже написал научно-популярный «Очерк Харьков. губ.» («Приб. к „Харьков. губ. вед.“», 1839, № 20, 21, 25—27, 29, 30). Изучение укр. фольклора, памятников прошлого и совр. быта укр. народа свело П. с молодым ученым Харьков. ун-та И. И. Срезневским, возглавлявшим кружок харьков. романтиков. В 1837—38 жил в Одессе и Крыму, собирая мат-лы по статистике Таврич. губ. (В Одессе в сент. 1837 познакомился с В. А. Жуковским, М. М. Сперанским, А. П. Ермоловым, К. И. Арсеньевым, находившимися в свите наследника. Сперанский и Ермолов приняли участие «в деле» «Очерков России» — см.: РС, 1893, № 9, с. 548.) Осенью 1839 вернулся в Москву; был избран действит. чл. ОИДР; сблизился с кружком «москвофилов» А. Ф. Вельтмана (В. И. Даль, М. Н. Загоскин, Ф. Н. Глинка, Ф. Л. Морозкин, К. И. Рабус и др.); позднее дружески общался с Н. М. Языковым и А. С. Хомяковым (Пассек, ук.). Печатался в ряде периодич. изд. (в т. ч.: ЖМВД, 1837; МН, 1837; ЖО, 1841; «Москв.», где опубл. ст. «Котляревский и его „Энеида“, издаваемая в Харькове» — 1841, № 4).

Изданные П. «Очерки России» (кн. 1, СПб., 1838; кн. 2—4, М., 1840; кн. 5, М., 1842) положили начало разностороннему изучению нар. быта, ист. памятников, фольклора, этнографии, экономики и природы России, всех ее народностей. Среди их авторов — Вельтман, Т. Пассек, Срезневский, этнограф и поэт А. Л. Метлинский. Согласно собств. предисловию, издатель преследовал и науч., и просветительские, и воспитат. цели: сосредоточить «знания, приобретенные более опытом ... нежели выведенные из умозрения», «завлечь» к наблюдению всего отечественного и «развить ... верным знанием горячее чувство любви к Отечеству и благоговение к его великой судьбе» (кн. 1, с. VI—VII). Самому П. принадлежал целый ряд значит. очерков: «Киево-Печерская обитель», «Праздник Купалье» (кн. 1), «Отрывки из путешествия по Крыму» (кн. 2, 4), «Малороссийские святки» (кн. 3), «Окрестности Переяславля» (кн. 4), «Простонародные средства лечения» (кн. 3, 4), «Веснянки» (кн. 5) и др. В сб. помещено немало литографий мастеров 20—40-х гг.; ок. трети литографий по рисункам П.

Репринты (БдЧ, 1838, т. 31; СО, 1838, № 10; (П. А. Плещин) — «Совр.», 1838, т. 12; Ф. (Б.) Буларин) — СП, 1838, 17 окт.; ЛГ,

1840, 23 марта, 3 июля, 2 нояб.; ОЗ, 1840, № 6; БдЧ, 1840, т. 42; ОЗ, 1842, № 4; ЖМНП, 1842, № 9, и др.) отметили свежесть, разнообразие, заимательность статей и очерков, умение автора воспроизводить эстетич. сторону обряда, указывая одновременно на познавательную неравноценность публикуемых мат-лов (склонность к романтич. популяризаторству).

Особое одобрение критики (за полноту сведений и легкость языка) заслужила вобравшая монастырские рукоп. мат-лы кн. П. «Историческое описание Моск. Симонова монастыря» («Приб. к „Моск. губ. вед.“», 1842, № 1—12; отд. изд. — М., 1843; рец.: «Совр.», 1843, т. 32; БдЧ, 1843, т. 59; ЛГ, 1843, 27 июня).

Не имея постоянного источника доходов, часто испытывая безденежье и долговую зависимость от Погодина, П. в нач. 1841 соглашается редактировать начинающееся издание неофиц. «Прибавления к „Моск. губ. вед.“», а с апреля еще и управлять делами Моск. статистич. к-та («все свои труды... принял без всякого вознаграждения» до конца года — см.: РГИА, л. 43 и об.). «Пожертвовав всем и бросив все», умело привлекая моск. ученых и литераторов (Вельмана, И. М. Снегирева, М. Н. Макарова, Н. Д. Горчакова, И. Г. Сеньянина, открытого им И. Е. Забелина), увеличивая объем «Прибавления», он успешно превращает его в серьезный науч.-просветит. еженедельник; в нач. 1842 «Прибавление» заслужило высочайшую оценку ОИДР.

Используя многочисл. собственные статьи из еженедельника, подготовил «Московскую справочную книжку на 1842» (М., 1842, ч. р. 4 апр. 1842; одобрит. рец.: «Москв.», 1842, № 11), содержащую ист. и статистич. обозрения столицы и губернии, описание древних памятников, путеводитель по совр. Москве, в частности адреса всевозможных учреждений, заведений (в т. ч. учебных, богоугодных и благотворительных), служб, магазинов («и где и какие монастыри по губернии, и сколько лошадей на станциях, и отчего завтра крестный ход»; из письма Погодину — РГБ, ф. 231/II, к. 23, № 77); карманного формата, с планами столицы (в т. ч. подробным планом Кремля) и картой губернии, книга явилась первым опытом систематич. ежегодного справочника о столице и Моск. губ.

П. записывал нар. песни (вошли в собрание нар. песен Н. В. Гоголя — ЛН, т. 79); вел обширную переписку (опубл. письма: к Срезневскому, 1837—39 — РС, 1893, № 9; Вельману и Т. Пассек — в кн.: Пассек; Погодину — в кн.: Барсуков, V, и др.). По духовному складу и нек-рым идеям П. явился предшественником славянофилов (хотя достаточных оснований сблизить его взгляды с целым учением «истинных славянофилов» — Хомякова, Киреевско-

го, К. Аксакова — нет; см.: Цимбаев). В его работах просматриваются историко-романтич. концепции; в истолковании главной проблемы — народности — первостепенным определителем для него стали религ. верования; при этом в правосл. церкви он особо выявляет те устои, к-рые служат лучшему выражению «славянской души» (см.: Азадовский, с. 412).

Умер от скоротечной чахотки. В его память друзья выпустили сб. «Литературный вечер» (М., 1844; рец.: П. А. Плетнёв) — «Совр.», 1844, т. 35), в к-ром участвовали люди разл. убеждений: С. П. Шевырёв, К. К. Павлова, Языков, Я. П. Полонский, Н. П. Огарёв, А. И. Подолинский, Глинка, Снегирёв, Н. М. Сатин, И. П. Бороздина.

Др. произв.: «Св. неделя в Москве 1841 г.» («Приб. к „Моск. губ. вед.“», 1841, № 17), «Малороссийская свадьба» («Лит. вечер», М., 1844; описание включает свадебный фольклор; доработано Ригельманом).

Лит.: Пассек (ук.): Барсуков (ук.): Снегирёв И. М., Дисаник, т. 1 — 1822—1852, М., 1904, с. 174, 175, 274, 305, 308, 310, 316, 326; Н. Р. Восп. о П. — «Приб. к „Моск. губ. вед.“», 1842, № 45; Белинский (ук.): Герцен (ук.): Замечат. уроженцы и деятели Харьков. губ. — «Харьков. сб.», в. 1, X, 1887; Пыпин А. Н., История рус. этнографии, т. 1, СПб., 1890, с. 329—40; Анненков П. В., Идеалисты тридцатых годов. — В кн.: П. В. Анненков и его друзья, [т. 1], СПб., 1892; Срезневский В. И. П. и его письма к И. И. Срезневскому (1837—1839). — РС, 1893, № 5, 9; Селиванов В. В., Предания и восп. — Соч., т. 1, Владимир, 1901, с. 126; Дубровский К., Рожденные в стране изгнания, П., 1916, с. 69—77; Азадовский М. К., История рус. фольклористики, т. 1, М., 1958, с. 407—13 (на с. 411 полный перечень фольклорно-этногр. статей «Очерков России»); Филимонов С. Б., Записка П. о программе издания «Очерков России» — «Археогр. ежегод. за 1968 г.», М., 1970; Цимбаев Н. И., Славянофильство, М., 1986 (ук.); Формозов А. А., Страницы истории рус. археологии, М., 1986, с. 52—53, 152; Новохатский К. Е., «...Прошедшее в настоящем...», В. В. Пассек. 1808—1842. — В кн.: Красевы Москвы, в. 1, М., 1991; Перкаль М. К. П. и его «Очерки России». — «Этногр. обозр.», 1994, № 6; ЛН, т. 4546, с. 712, 715—718; т. 61, 63, 79, 84. — Некрологи, 1842: МВед, 31 окт.; ОЗ, № 12; «Приб. к „Моск. губ. вед.“», № 44. Срезневский В. И., Список соч. П. — «Книговедение», 1894, № 4 (неполный); [Биогр. сведения, библи. соч. П. и лит-ры о нем; рец. на его работы]. — В кн.: Белинский В. Г., ПСС, т. 2, СПб., 1900, с. 522—24 (сост. С. А. Венгеров); РБС (В. Срезневский); Брокгауз; ИРДВ; Муратова (1, ук.); БСЭ; СИЭ; КЛЭ; Машин. архивы: Новохатский К. Е., Арх. мат-лы о жизни и творчестве П. — «Археогр. ежегод. за 1975 г.», М., 1976; ЦГИА Украины, ф. 1631 (Пассек); РГИА, ф. 1290, оп. 3, д. 134 (о службе по ведомству МВД. 1836—42 гг.); ф. 1343, оп. 27, д. 1011 (сведения об отце и его семье); ф. 772, оп. 1, д. 922; оп. 1, ч. 1, д. 1545 (в т. ч. о несогласии мин. просвещения С. С. Уварова с помещением в «Моск. справочной книге» «денника ... с объяснением исторических собственно моск. событий на всекое число месяцев») [справка С. И. Вареховой]; ЦИАМ, ф. 418, оп. 96, д. 3 (об окончании г-зии и поступлении в ун-т и его окончании); ф. 31, оп. 1, д. 13, 14; оп. 5, д. 88 (ценз. сведения).

Священные Афанасий (Гумеров), Н. П. Розин. ПАССЕК Татьяна Петровна [урожд. Кучина; 25.7(6.8).1810, с. Новосе-

лье Корчев, у. Твер. губ. — 24.3(5.4). 1889, Петербург; похоронена на Новодевичьем кладб.], мемуаристка, переводчица. Жена В. В. Пассека. Из дворян. семьи; по материнской линии двоюродная племянница А. И. Герцена, описанная им в «Записках одного молодого человека» и «Былом и думам» («корчевская кузина», «корчевская племянница», «Темира»). Училась в Москве во франц. пансионах Данкварт (1820—22) и Воше (1822—25), воскресные дни часто проводила у родственников — кн. М. А. Хованской и Яковлевых. В дальнейшем из-за вторичной женитьбы отца (мать умерла в 1822) по собств. желанию ок. семи лет (с перерывами) жила в доме И. А. Яковлева, где воспитывалась вместе с Герценом. Эти годы (особенно 1825 — 1-я пол. 1827) — период восторж.

дружбы и духовного общения с Герценом, оживленной переписки (не сохранилась: по своему позднему признанию, П. сожгла более 200 писем Герцена сразу после его ареста в 1834 — Пассек, II, с. 31; см. также: Герцен, XXI, 440).

Позже Герцен так оценивал роль П.: «... теплый элемент вошел с нею в мое кельинское отрочество, отогрев, а может, и сохранив едва разветривавшиеся чувства... Я научился быть внимательным, огорчаться от одного слова, заботиться о друге, любить; я научился говорить о чувствах» (VIII, 69).

В нояб. 1832, преодолев сопротивление родных, вышла замуж за близкого друга Герцена — Пассека, входившего в его кружок. Герцен, часто бывавший в их доме, писал Н. П. Огарёву в 1833: «Там отдыхаю я от бурных порывов своей фантазии... там не гроза, а небо чистое и голубое. Сколько я обязан этому семейству!» (XXI, 17). В 1833 перевела с франц. ром. А. Карра «Под липами», оставшийся в рукописи (ИРЛИ). В 1834—38 с мужем неоднократно меняла место жительства (Тверь, Харьковщина, Одесса, Крым). В 1835 дебютировала переводом рассказов Э. Фoa (сб. «Рахиль», М.), привлекая внимание В. Г. Белинского: он

«обликает руку мужскую, твердую и вообще так хорош, что не к чему и придраться» (I, 189). Под влиянием мужа П. увлеклась ист.-этногр. разысканиями, в издаваемых им «Очерках России» опубл. написанный под впечатлением поездки по Крыму очерк «Приезд в Бахчисарай. Уселения и обычаи татарок» и пересказ пове-рий разл. народов «Русалка» (оба — кн. 3, М., 1840; полжит. отзыв — ОЗ, 1840, № 6). Обозначившиеся в эти годы идейные расхождения Герцена и Пассека, а также способность П. увлечься всеневными заботами» (Герцен, II, 353) привели к их отчуждению (в кон. 1839 Герцен писал: «Ни он, ни она ни на шаг вперед, стоят спокойно провинченные к 1833 году» — XXII, 59).

По возвращении в Москву (осень 1839) Пассеки сближаются с кружком «москвофилов» А. Ф. Вельмана. Связи с представителями славянофильской среды П. поддерживала всю жизнь (в 1873 Огарёв писал П.: «Ты, кажется, славянофильствуешь, старый друг!» — ЛН, т. 39—40, с. 603).

После смерти мужа (раньше умерли малолетние сын и дочь) П. осталась без средств (см. запись Герцена: «... вдова, в крайности, с двумя детьми и с третьим неродившимся. Будущность ее ужасна, не представляется ни пристанища, ни куска хлеба» — II, 238). В марте 1843 у П. родилась дочь, умерла осенью того же года. П. опять бывает в доме Яковлевых, где встречается и с Герценом, но их друж. близость не восстанавливается. Получает поддержку от Вельмана, возглавившего издание сб-ка «Литературный вечер» (М., 1844), посв. памяти Пассека. Сильно нуждаясь, неоднократно обращается за помощью к М. П. Погодину (см. письма к нему — РГБ, ф. 231, к. 23, № 78), с к-рым ее муж сближился еще в студенч. годы. При посредничестве Вельмана для заработка П. издает адаптацию «Чтение для юношества» (М., 1846, 6. п.), включающую составленные ею самой сведения по истории, географии, этнографии, а также пер. заруб. авторов (М. Н. Лихонин в письме Погодину: «очень дельное» соч. — РГБ, ф. 231, к. 19, № 12, л. 11; «язык её чистый, правильный» — ОЗ, 1846, № 8, с. 123).

С успехом этой кн. было связано намерение П. издавать ж-л «Чтение для юношества» (с участием Т. Н. Грановского, Вельмана и др. яз. литераторов); несмотря на одобрение его программы в 1853 Моск. ценз. к-том (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 3080), дозволение императора на изд. ж-ла не последовало («... и без того довольно журналов» — там же, л. 35).

С конца 50-х гг. П. дружна с семьей М. Н. Каткова, давнего знакомого по дому Яковлевых (особенно близко сошлась с его свояченицей писательницей Н. П. Шаликовой). Порция полемич. страстность,

доходящую до крайности, тем не менее ценила в Каткове лит. дарование и критич. склад ума («Из дальних лет», т. 3, 1889, с. 341). С этого же времени начинается долголетнее знакомство П. с семейством художника-медальера Ф. П. Толстого, к-рому она посвятила в своих восп. отд. главу с обширными выдержками из его «Записок».

В сент. 1859 из-за родства с Герценом П. с трудом добилась для себя и сыновей разрешения на поездку за границу «с отобранием от нее обещания, что она не будет иметь свиданий и переписки с Герценом» (ГАРФ, ф. 109, оп. 1, СА, д. 129). По дороге заезжала в Прагу к чеш. филологу В. Ганке, передавала ему книги (см. письмо П. к О. А. Новиковой от 20 дек. 1859 — РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, № 576), вероятно, по поручению панславистов. За границей подвергалась слежке (см. письмо Марко Вовчок к Герцену в кн.: Листи Марка Вовчка, т. 1, Київ, 1984, с. 72). Осенью и зимой 1859—60 дом П. в Гейдельберге становится культурным центром рус. колонии (об этом см.: Сеченов И. М., Автобиограф. записки, М., 1907, с. 103—04).

Среди пост. посетителей — А. П. Бородин, С. В. Ешевский, Д. И. Менделеев, Толстые, Марко Вовчок, посвятившая П. пов. «Червоный король». По словам дочери Толстого, зокруг П. «всегда образовывалась теплая, родная атмосфера, вдалеке чьм-то широко русским» (Юнгс Е. Ф., Восп., М., [1914], с. 288).

Находясь в Дрездене (1859), П. через М. К. Рейхель возобновила переписку с Герценом (не сохр.), к-рую поддерживала до 1861 (Герцен пишет о ней Марко Вовчок 5 нояб. 1859: «она принадлежит к ... выносливому и тягучему кряжу» — XXIV, 304). На протяжении 2 лет, проведенных за границей, П. получала от Герцена газ. «Колокол»; летом 1861 встречалась с ним в Париже, затем в Лондоне («Я очарован ею на старости лет» — Герцен, XXVII, 37). Однако возобновившиеся семейно-родств. отношения осложнились разными воззрениями: П. не принимала радикализма Герцена (в частности, критически оценивала его позицию в «польском вопросе»: он «более вреда, нежели пользы приносит» — письмо А. В. Пассеку от 12 февр. 1862, ИРЛИ, ф. 52, оп. 6, № 94, л. 6, об. об.), а он, в свою очередь, по свидетельству Н. А. Тучковой-Огаревой, не одобрял ее религиозности и приверженности «монархич. правлению», в к-ром она находила «спасение для своей родины» (Восп., М., 1959, с. 177—78). Неудачным было посредничество П. между Герценом и Катковым (встречались в 1859 в Лондоне). Решительный отпор Герцена вызывали также неоднократные попытки П. сосватать своего старшего сына с его дочерью. Сама П. позже признавалась, что оба «внутренно не

изменились, но близки только в прошедшем» (Пассек, II, 358; в ряде некрологов утверждалось, что Герцен сохранил с ней дружбу до самой смерти, — напр.: «Неделя», 1889, № 14; ИВ, 1889, № 5). По возвращении в Москву (1861) с согласия Герцена П. взяла из яковлевского дома на хранение рукописи его ранних произв. (автобиограф. пов. «О себе», пов. «Сорока-воровка» и др.).

В нач. 1860-х гг. тяжело переживала разлад со старшим сыном Александром, оставшимся за границей из-за его романа с М. А. Маркович (см. подробнее в ст. Марко Вовчок; об этом также 8 писем П. к Н. Ф. Щербине, 1861 — ИРЛИ, Р. 1, оп. 22, № 5174). Смерть сына от скоротечной чахотки (1866) послужила толчком для начала работы над восп., в к-рых П. искала исцеления от «нестерпимой боли души» (Пассек, I, 228; см. также с. 76). В 1871 переехала в Петербург, где через И. М. Сеченова познакомилась с ред.-изд. «Рус. старины» М. И. Семевским, предложившим ей писать для этого ж-ла восп. о Герцене (см.: Семеновский, с. 132—33). Работая над ними, П. в 1872—73 вновь совершила загранич. поездки, встречалась с Огаревым и др. Восп. публиковались с перерывами и большими купюрами (обзор ценз. истории — ЛН, т. 63, с. 622—36) в «Рус. старине» в 1872—87 (отд. главы в ж. «Полярная звезда» — 1881, № 1—5), первоначально под назв. «Из ранних лет, из жизни дальней» и «Воспоминания Т. П. Пассек», а затем под назв. «Из дальних лет» (отд., значительно доп. изд. — т. 1—3, СПб., 1878—89).

Задуманные сначала как записки о своем прошлом, «для себя», восп. П. постепенно переросли в широко оснащенную фактами мемуарную книгу, далеко выходящую за рамки «автобиограф. тем», охватывающую период 1810—80-х гг. Оригинальность наблюдений, привлечение обширного документ. материала создают насыщенное конкретными деталями, достоверное описание лиц и событий, среди к-рых центр. место отведено Герцену. Это первое (и мн. годы единственное) легальное в рус. лит-ре мемуарное произв., посв. Герцену (П. в письме к Рейхель, кон. 1872: «Я открыла имени Александра первый свободный вход в Россию» — ЛН, т. 63, с. 624); уникальны свидетельства о его детстве и юности; в тексте П. приведены фрагменты утраченных рукописей писателя (пов. «О себе» и др.). П. широко использовала автобиограф. соч. Герцена (в т. ч. «Былое и думы», известные ей по лондонским изданиям). По ценз. соображениям П. прибегала к разл. приемам камуфляжа и маскировки подлинных текстов Герцена, часто приводила их в перифразе

(напр., свободно излагала отрывки из «Былого и дум»), ссылаясь на несуществующие источники, упоминала лица под вымышлен. именами (в дальнейшем подвергала подобной обработке материалы других авторов). При этом П. практически не искажала смысла первоисточников. Стремление представить Герцена прежде всего в семейно-бытовой сфере, как близкого ей человека определило примиряющую, в духе христ. всепрощения тональность повествования, намерение устранить все, что, по ее мнению, может бросить тень на него и его окружение.

Самостоятельное место в восп. П. занимает Огарев: описаны наиболее значительные факты его биографии, почерпнутые из мемуарных произв. Герцена, воспоминаний современников, переписки, а также из соств. автобиограф. соч. Огарева (в осн. из «Записок русского помещика», написанных им по настоянию П.). Особое внимание П. уделила Огареву-поэту: она впервые опублик. нек-рые его соч. (в т. ч. фрагменты поэмы «Матвей Радаев»), заимствовала стихотворные строки в качестве эпиграфов к отд. главам своих восп., перефразировала двустилие огаревского «Юмора» для заглавия своей книги и т. д.

П. ввела в лит. оборот ряд мемуарных произв., имеющих самостоят. значение. П. — вдохновитель создания, собиратель и публикатор восп. Рейхель, Т. А. Астраковой, Тучковой-Огаревой и др. (по замечанию последней, П. «не только трудилась, но умела заставить трудиться и других, в ней была подталкивающая сила, вызывающая энергию других» — ЛН, т. 63, с. 584).

Историко-культурный интерес представляют материалы о Т. Н. Грановском, Т. Г. Шевченко, архитекторе А. Л. Витберге, декабристе А. А. Тучкове, Ф. Толстом (фрагменты его несохранившегося дневника — ценного первоисточника по истории декабризма) и др.

Мемуары включают сведения о соств. жизни П. и ее обширных знакомствах (семействах Яковлевых, Пассеков, Голохвастовых, Мертваго, Мещерских и мн. др.). Эти эпизоды придают восп. П. глубоко личный характер. Книга П. — документ большого ист. значения, яркая, живая картина быта и нравов дореформен. дворянства; автор предстает как тонкий наблюдатель, обладающий лит. вкусом и непосредств. манерой изложения.

Мемуары П. вызвали неоднозначную реакцию. Д. Д. Голохвастов, брат П. Д. Голохвастова (родственников Герцена), располагавший сем. архивом, отметил ряд неточностей и ошибок, обвинил П. в клевете на сем. отношения [иронически озаглавив статью «Wahrheit und Dichtung» («Правда и вымысел»: ироническое переосмысление изв. книги воспоминаний И. В. Гёте —

РА, 1874, кн. 1: см. также: «Неск. замечаний по поводу восп. Т. П. Паскек» — РА, 1876, кн. 2]. Г. Е. Благосветлов оценил их отрицательно («Дело», 1879, № 4, б. п.), указав на увлечение сверх меры эпизодами личного характера, не имеющими обществ. значения («Есть ли о чем вспоминать нам?» — там же, 1880, № 2; подписи Г. В.). На объективность фактов сетовал К. М. Станюкович («Дело», 1881, № 3). Рецензент ж-ла «Отч. зап.», отметив связь восп. П. с мемуарами Герцена, назвал их «записками честного и умного человека» (Михайловский Н. К.? — 1879, № 3). Среди достоинств отмечались «живое перо», «образность» языка, запечатлевшие аромат 30—40-х гг. (РС, 1879, № 3, с. 585; др. рец.: там же, № 10; Михайловский? — ОЗ, 1880, № 1). На самобытность языка П. обратил внимание Ф. М. Достоевский (см.: К и й х о). Высоко оценил ее работу Огарёв: «...я нахожу, что ее записки пресловодны» (письмо А. А. Гершену от 18 февр. 6 г. — ЛН, т. 63, с. 638). Записки П. были сочувственно встречены и др. близкими Герцену людьми, в частности Астраховой: «Завидный и не талант — немногие так ясно и интеллигентно всякого сумеют передать то, что пережито и переувоспринято другими» (письмо к Тучковой-Огарёвой от 7 дек. 1886 — там же).

С 1882 П. работала над 3-м томом записок (вышел посмертно). После появления ром. Н. И. Утиной «Жизнь за жизнь» (ВЕ, 1885, № 4—6) о сем. драме Герцена считала своим долгом реабилитировать дорогие ей имена (об этом см. письма П. к Тучковой-Огарёвой — РГБ, ф. 69, к. 10, № 87, л. 10) и с этой целью впервые опубли. переписку Герцена и Огарёва 40—50-х гг. (РС, 1886, № 11—12; 1887, № 10; в наиб. полном виде — в отд. издании восп.). Не располагая собств. сведениями о последних годах жизни Герцена, П. составила его биографию в осн. по архивным материалам, хранившимся у детей Герцена и Тучковой-Огарёвой, с к-рой вела оживленную переписку (1885—89).

В 1880—82 — ред.-изд. еженед. ж-ла «Игрушечка», в 1882—87 — редактор издательств ж-ла был племянник П. — И. А. Пашков (1847—1889), дипломат и журналист). Взяв на воспитание малолетнего внука после смерти мл. сына Владимира (1880), жила исключительно доходами от лит. и издат. трудов. Печтала в «Игрушечке» свои мемуары, адаптированные для детей («Карповка» — 1880, № 12; «Бабушка Пасковья Андреевна» — № 45), переводы-переложки популярных иностр. авторов (напр., роман Ж. Верна «Пятнадцатилетний капитан» — 1880, № 13...48), научно-популярные статьи (их список за 1880—87 — ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 952); публиковала стихотворения Огарёва, отрывки из произведений Герцена (анонимно).

Примыкала к сотрудничеству в ж-ле Н. В. Соловьева-Несмелова, С. И. Лавренцеву (см. с. восп. «Т. П. Паскек в 1879—1889 гг.» — РС, 1890, № 2). А. Н. Пешкову-Толливерову, Н. П. Вагнера, Н. Н. Карзина, А. В. Круглова, С. Д. Дрозжина и др. Однако с педагогикой П. общалась совершенно не знакома и, притом, ей не верила» (Н. С. Лесков — ВИ, 1889, № 15, с. 266). Отсюда — прямолинейная дидактичность ж-ла, а также «примеры наивной морали», «адаптации вырванных и т. п. см.: Феофанов И., О книге для маленьких детей. — «Воспитание и обучение», 1888, № 4—5, стб. 175—92).

Образованность и обширные связи в сочетании с практич. складом ума и душевной широтой обусловили популярность П. в 80-е гг. в разных кругах. В петерб. лит. среде ее называли «литературной бабушкой». Окружение П. составляли бывший посол во Франции кн. Н. А. Орлов, Н. С. Лесков (о к-ром она писала Пешковой-Толливеровой: «Вот истинно христиан и человек во всем значении этого слова...» — ИРЛИ, ф. 52, оп. 6, № 5174, л. 1 об.), Д. В. Григорович, В. И. Прибыткова, В. А. Гатцук, Н. П. Гиляров-Платонов и др.; она общалась также с М. Е. Салтыковым-Щедриным, А. С. Суворинным, И. С. Тургеневым.

«Симпатии ее, — писал Лесков, — без всякого сомнения, лежали на стороне идей гуманных и добрых...». «Все бывало, — говорила она: и попятники, и истерелившиеся... Что делать... меня любят... Я дуриного ничего никому не говорю...». Она писала с удовольствием про своего «Сашу» (Герцена), к-рый, по словам, был «неисправный социалист», и дружила со славянофилами и с ортодоксами, а также не чуждалась знакомств с людьми знатными и богатыми, оказывавшими ей иногда поддержку, без к-рой ей нечем было бы жить...» (ст.-некролог «Литературная бабушка» — ВИ, 1889, № 15, с. 265—66).

В последние годы жизни увлеклась спиритизмом, поверила в «инные миры» и «сверхчуждственное»; вошла в круг А. Н. Аксакова, А. М. Бутлерова, Вагнера. Нередко устраивала у себя в тесном кругу спиритич. сеансы [см.: С. У (м а н е ц), Мозаика (Из старых зап. книжек) — ИВ, 1912, № 12]. В 1883—85 печтала небольшие рассказы в «еженед. загадочном ж-ле» «Ребус» («Странный случай из жизни Алексея Петровича Ермолова» — 1883, № 20; «Из мира видений» — 1884, № 17; «Пророческое видение», 1885, № 34). Рассматривая восп. как свой гл. труд, П. закончила работу над ними за неделю до смерти.

Изд.: Из дальних лет, 2-е изд., т. 1—3, СПб., 1905—06 (рец.: М. К. Лемке — «Книга», 1907, № 10; К. И. Чуковский — ЛПН, 1906, № 11); то же (сокращенная ред.), М.—Л., 1931 (под общ. ред. А. В. Луначарского, вступ. ст. И. Я. Савитунова); то же, т. 1—2, М., 1963 (вступ. ст., подг. текста и прим. А. Н. Дубовикова).

Лит.: Герцен; Лесков; Тургенев; Салтыков-Щедрин; Стасюлевич; Никитенко (все — ук.); Никитенко А. В., Записки и дневник (1826—1877), т. 1, СПб., 1893, с. 570; Круглов А. В., Пестрые страницы (Из лит. воспоминаний), — ИВ, 1895, № 8, с. 363—66; Уманец С., Отголоски 1870-х годов. — «Ребус», 1913, № 4—5; Лавренцев С. И., Свет негасимый... — РС, 1914, № 3; Пешкова-Толливерова А. Н., Светлой памяти П. — «Родник», 1914, № 4—5; Бардакова М., Памяти П. — РА, 1914, № 3; Дубовиков А. Н., Восп. П. «Из дальних лет» как источник для изучения биографии Герцена и Огарёва. — ЛН, т. 63, с. 365—646; Летописи жизни и творчества А. И. Герцена, т. 1—4, М., 1974—87 (ук.); Листи до Марка Вовчка, т. 1, Київ, 1979 (ук.); Лесков А. Н., Жизнь Николая Лескова, М., 1984 (ук.); Кийко Е. И., К творч. истории «Братьев Карамазовых», Лексикол. заметка: «пичать» или «пичкать»? — В кн.: Достоевский. Мат.-лит. и иссл., в. 6, Л., 1985, с. 262—63; Попова А. В., Письма читательниц к Ф. М. Достоевскому. — В кн.: Лит. отношения рус. писателей XIX — нач. XX в., М., 1995, с. 173—90; ЛН, т. 61—64, 96 (все —

ук.); Lokys D., Tat'jana Passek Materialien zu Alexander Herzens Jugendbiographie — wieviel dürfen diese noch als authentisch gelten?, [Berlin], 1960. — Некрологи, 1889: «Новости и бирж. газет», 27 марта; ИВ, 26 марта; ВБед, 28 марта и 2 апр.; «Игрушечка», № 4 (А. Н. Пешкова-Толливерова); № 5; РС, № 5, 7 (Н. А. Тучкова-Огарёва); ИВ, № 5; «Ребус», № 15; РС, 1890, № 2 (С. И. Лавренцев); «Ребус», № 1000, СПб., 1901; Библиография лит-ры об А. И. Герцене. 1917—1970, в. 1—2, Л., 1978; Голицын; Пономарев; Михалевич; РБС; Брокгауз; Языков; Южак; Мельер; Гранат; Женская энциклопедия, т. 2, М., 1915; КЛЗ; СИЗ; ИДРДВ; Боград.ОЗ (1, 2); Муратова (1, ук.); Смирнов-Сokolьский; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 430; ф. 265 («Рус. старина»; корректура восп. П., переписка к-та); ф. 155; РГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 2125; ф. 1674, оп. 1, д. 5 (отрывки из восп.); ф. 176, оп. 1, д. 410 (ст. «Иван Сусанин»); письма к разным лицам в составе Пражской коллекции (ф. 5770) и фондах Н. П. Огарёва, Н. С. Лескова, А. С. Суворина, Сретенских и мл. др. (см. Путеводитель); РГБ, ф. Г—О, XIII, 17 (отрывок из восп.); письма к разным лицам в фондах Г—О, А. Ф. Вельямна, Ф. М. Достоевского, М. Н. Каткова, М. П. Погодина (см. Путеводитель); РНБ, ф. 682, № 190 (11 писем 1878—88 гг. Н. Н. Селифорова, родственнику Паскеков, — частного характера и по поводу публ. восп.); ГИМ, ф. 344, д. 42 (письма к Е. Ф. Юнге); РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 428 (дело по изд. ж-ла «Игрушечка»); ф. 796, оп. 162, д. 420 б (положит. отзыв Учебного к-та Синода и решение допустить «Игрушечку» в 6-ки церк.-приход. школ, духовных уездных уч-щ и воскресных школ при духовных сем.); ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, № 88 (рукописи переводов для ценз. к-та).

М. А. Николаева, З. И. Розанова.

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович [29.1(10.2).1890, по копии метрики — 30.1.1890, Москва — 30.5.1960, Переделкино под Москвой; похоронен там же], поэт, прозаик, переводчик.

Отец П., Леонид Осипович Пастернак (1862—1945), — из с.-вост. содержания постолюбова двора в Одессе, художник, преподаватель Уч-ща живописи, ваяния и зодчества (1894—1921), с 1905 акад. живописи, чл.-учредитель «Об-ва 36-ти» (1901—02) и Союза рус. художников (1903—21). Автор восп. «Записки разных лет» (М., 1975) о Л. Н. Толстом, В. Д. Ползнове, Р. М. Рильке и др., иллюстратор произв. М. Ю. Лермонтова и Толстого, автор портретов и зарисовок Толстого, А. Н. Скрибина, С. В. Рахманинова, М. Горького, Э. Верхарна, А. Эйнтштейна, Рильке (см. о нем: Mallac G. de, A Russian impressionist L. O. Pasternak, «California Slavic Studies», v. 10, 1977). Мать, Розалия Исид. Кауфман (1867—1939), из семьи с.-в. инженер-самоучки в Одессе, пианистка. Концертировала в 1878—86 в России, Польше, Германии и Австрии, в 1907—11 — в Москве. В 1884—89 проф. Одес. фил.налы Петерб. консерватории (см. о ней: Bachmann O., Rosa Kaufmann. Eine biographische Skizze, nebst Rezensionen, Odessa, 1885). В 1921—38 родители П. жили в Германии, потом в Англии. Брат П., Ал-др (1893—1982), — архитектор, автор кн. «Воспоминания» (Мюнхен — [и др.], 1983); сестры Жозефина (1900—93), автор стихотв. «Неб» «Координаты» (Б., 1938; под псевд. Анна Ней), «Памяти Педро» (Париж, 1981), и Лидия (в замужестве Слейтер, 1902—89), биохимик, автор стихотв. сб-ков «Before sunrise» (L., 1971), «Вспышки магия» (Женева, 1974) и стихотв. переводов на англ. язык произв. П.

Дет. впечатления П. связаны с проф.-худож. атмосферой родительского дома, где повседневной работой и единств. источником материальной обеспеченности семьи были занятия иск-вом, где П. «с первых дней» видел знаменитых современников и привык относиться «как к живой норме» «к высокому и исключительному», к-рое у него «от рожде-

нья слилось с обиходом» (письмо М. А. Фроману от 17 июня 1927 — ВЛ, 1972, № 9, с. 163); «пример отца и его близость со старой Москвой и большими суровыми людьми вроде Льва Толстого с детства повелительны и непобедимо сложились... характер» П. (письмо А. С. Щербакову от 16 июля 1943 — в кн.: «Лит. фронт». История полит. цензуры 1932—1946 гг., М., 1994, с. 79; см. также: Писатели. Автобиографии и портреты совр. рус. прозаиков, М., 1926, с. 225—27). До 1902 все летние месяцы большая семья Пастернаков проводила в Одессе. В 1901 П. поступил во 2-й класс 5-й моск. г-зии (в 1-й класс годом ранее не прошел по процентной норме для иноверцев), окончил ее в 1908 с зол. медалью. Гимназистом нек-рое время увлекался ботаникой и рисованием. По словам брата, П. в детстве отличало стремление «обязательно... занимать первенствующее положение»; оказываясь «на вторых ролях», он «мгновенно впадал в неизъяснимый мрак подавленности» (Пастернак А., Восп., с. 180, 181). Во время летних каникул 6 авг. 1903, в день Преображения, в деревне под Малоярославцем П. упал с лошади, чудом избежав смерти и отделившись переломом ноги. Пожизненная хромота (к-рую П. пост. усилием воли делал незаметной для окружающих) освободила его от воинской повинности. Через десять лет в автобиогр. фрагменте «Сейчас я сидел у открытого окна...» (ВЛ, 1972, № 9) П. связал с этим падением пробуждение «вкуса творчества» и начало своей «композиторской деятельности». Провиденциальное значение, к-рое П. придавал этому событию, отразилось также через 50 лет, в 1953, в стих. «Август» («Юность», 1965, № 8).

С лета 1903 под впечатлением от знакомства со Скрябиным П. шесть лет занимался муз. композицией, под руководством Ю. Д. Энгеля и Р. М. Глиэра прошел консерваторский курс [две прелюдии (1906) и соната (1909) изданы в кн. «Раскат импровизаций...» (Л., 1991)]. От завершения муз. образования отказался в 1909 после встречи со своим «богом и кумиром» Скрябиным, несмотря на то, что он его «выслушал, поддержал, открыл, благословил» (Собр. соч., т. 4, М., 1991, с. 305). П. объяснял свой поступок отсутствием абсолютного слуха и тем, что музыка не дает ему всей полноты самовыражения — «суживает» (см. письмо от 6 февр. 1915 гимназич. другу А. Л. Штиху — «Россия/Russia», Турин, № 8, 1993, с. 222). В то же время он определял свое отречение от музыки как уступку «самоубийственным задаткам» молодости и «отнятия живейшей части своего существования» (письмо от 28 янв. 1917 К. Г. Локсу —

Собр. соч., т. 5, М., 1992, с. 99). Взгляды Скрябина на преобразующее влияние иск-ва в жизни общества стали для П. решающими. «Оборотной стороной скрябинского влияния», по его признанию, явилось нигилистич. отрицание в молодости ремесл. стороны иск-ва, но оно же определяло максимализм его самооценок и жажду совершенства.

С янв. по авг. 1906 П. жил с родителями в Германии (Берлин, о. Рюген). В круге его чтения этого периода — нем. романтики, Е. П. Якобсен и К. Гамсун, он увлечен поэзией младших символистов А. Белого и А. А. Блока, а с 1907 — Рильке.

Поступив в 1908 на юридич. ф-т Моск. ун-та, в 1909, по совету Скрябина, перевелся на филос. отделение

ист.-филос. ф-та. К числу спец. интересов П. относятся психология познания (семинар Г. Г. Шпета по Д. Юму), философия истории (Л. М. Лопатин, Н. В. Самсонов), Платон, Г. В. Лейбниц и нем. классич. философия. С мая по авг. 1912 занимался в Марбурге. ун-те, участвовал в семинарах Г. Когена, П. Наторпа и Н. Гартмана (см. реферат П. о взглядах Наторпа на предмет и метод психологии — «Slavica Hierosolymitana», v. 4, 1979), тема его канд. соч. по возвращении в Москву — «Теоретич. философия Г. Когена». Не приняв предложения Когена продолжить занятия философией в Германии, фактически отказавшись от науч. карьеры, т. к. из-за ограничений для евреев в России он не мог быть оставлен при ун-те. Весной 1913 закончил ун-т с дипломом 1-й степени, к-рым не воспользовался, оставив его в архиве ун-та.

Разрыв с философией способствовали как разочарование в академич. среде, так и тяжело пережитые неудачные объяснения летом 1912 с

Идой Д. Высоцкой, в к-рую он был влюблен уже неск. лет. Здесь сказало-сь также впечатление от свидания во Франкфурте с двоюродной сестрой Ольгой Мих. Фрейденберг (1890—1955), с к-рой его связывали воспоминания детства и возникшее в 1910 взаимное влечение и переписка; уже первые письма к Фрейденберг выражают существеннейшие худож.-филос. взгляды П., пронесенные им потом через всю жизнь (см.: Б. Пастернак. Переписка с О. Фрейденберг, Н.-Й.—Лондон, 1981; сост. и комм. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак; на т. л. ред. и комм. Э. Моссмана; Переписка П., М., 1990; вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подг. текстов и комм. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака). Написанные тогда стихотворения стали для П. преодолением колебаний и победой над суицидными тенденциями молодости. Марбургские темы и образы надолго вошли в творчество П., наиб. полно выразились в стих. 1916 «Марбург». Краткая поездка в Италию в нач. августа 1912 (Милан, Венеция, Флоренция, Пиза), знакомство с памятниками культуры показали ему неисчерпаемые возможности христ. традиции европ. иск-ва, укрепили П. в сознании правильности его выбора.

Первые лит. опыты П. относятся к зиме 1909—10. На правах музыканта П. вошел в лит.-худож. кружок «Сердарда», собиравшийся у поэта Ю. П. Анисимова. Сохранились черновые наброски стихов и прозы 1910—13 вперемежку с записями ун-тских занятий (в семейном архиве). Фрагменты статьи, посв. 100-летию самоубийства Г. Клейста, «Об аскетике в культуре» (1911) отразили автобиографич. аспекты первых литературных шагов П. [опубл. в книгах: «Труды по знаковым системам», Тарту, 1969, в. 4 («Уч. зап. ТГУ», в. 236); Памятники культуры. 1976, М., 1977].

Прочитанный П. 10 февр. 1913 в кружке по изучению символизма при изд-ве «Мусагет» доклад «Символизм и бессмертие», судя по сохранившимся тезисам (первые опубл. в кн.: Флейшман Л. Л., Статьи о П., Бремен, 1977) и авт. пересказу, представлял собой изложение основ творч. эстетики П., ориентированной на субъективность восприятия как бессмертную категорию человеческой души и составляющую «извечный круг действия и главное содержание иск-ва» (Собр. соч., т. 4, с. 320). Здесь исток представления П. о «безличной» субъективности, с к-рым связаны отмеченные позднейшими исследователями пассивность субъекта лирики П., отказ от авторского «я» [ст. «Randbemerkungen zur Prosa des Dichters Pasternak» Р. Якобсона — «Slavische Rund-

schau), 1935, v. 7, № 6; рус. пер. — в кн.: Якобсон Р., Работы по поэтике, М., 1987; см. также: Синявский А., Поэзия П. — В кн.: Пастернак Б., Стих. и поэмы, М.—Л., 1965 (БПбс, 2-е изд.), с. 20—21].

Образовавшееся при кружке Аниимова изд-во «Лирика» ознаменовало свое открытие выходом одноим. альманаха (апр. 1913), в к-ром восемь поэтов напечатали по пять стихотворений. Выбранные из множества написанных к тому времени стихи «Я в мысль глухую о себе», «Сумерки ... словно оруженосцы роз», «Февраль! Достать чернил и плакать», «Сегодня мы исполним грусть его», «Как бронзовой залой жаровню» — первая публикация П. Тремя последними П. неизменно открывал потом в своих сб-ках раздел «Начальная пора». В этих стихах П. сразу вводит в оборот существенные для всего творчества темы и образы: реальность и ее преобразование, сад как мир, город как участник действия и автор как пассивный наблюдатель. По словам Локса, «то был подлинный свой голос, еще не в полной силе, но уже в основной тональности» («Минувшее», в. 15, М.—СПб., 1994, с. 77).

Летом 1913 написаны стихи, к-рые составили первую кн. П. «Близнец в тучах» (М., 1914, вышла в дек. 1913), названную так, по позднейшему свидетельству автора, «из подражания космологич. мудростям, к-рыми отличались книжные заглавия символистов» (Собр. соч., т. 4, с. 326).

В основу был положен цикл «Близнец в тучах», на создание к-рого повлияло стих. Блока 1904 «Темно в комнатах и душно» (см.: Блокский сб., [в.] 2. Тарту, 1972, с. 448). П., говоря о «стремительности», «блуждающей пристальности», «беглости ... наблюдений» Блока, считал, что эта черта наложила «наибольший отпечаток» на него самого (Собр. соч., т. 4, с. 310).

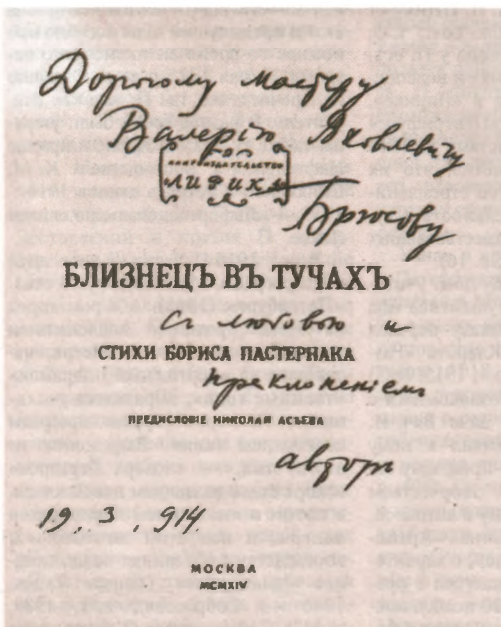
В предисл. к сб-ку Н. Н. Асеев, подчеркивая его антисимволистскую направленность, причислял П. к «подлинным лирикам новой рус. поэзии», «родоначальником» к-рых называл «единств. и незабвенного Ив. Коневского» (с. 6), видимо, не считая его символистом. Локс находил в стихах П. «новую форму символизма», в основе к-рой — «реальное восприятия и душевного мира» и, «помимо скрытого смысла», «собств. музыкальная стихия, осложнявшая этот смысл новой семантикой не логического, а музыкального характера» («Минувшее», в. 15, с. 106, 107). П. считал свое согласие на предисловие уступкой С. П. Боброву, в то время идеологу изд-ва «Лирика», и Асееву, с к-рым дружески сблизился в это время (Асеев вспоминал: П. «покорил меня всем: и внешностью, и стихами, и музыкой» — Асеев Н., Собр. соч., т. 1, М., 1963, с. 8; см. также его стих. «Терцины другу», 1913, написанные в ответ на стих. П. «Пиршества»). П. искал в 1913—14 собств. пути в иск-ве, стараясь усвоить опыт старших учителей-символистов, восхищаясь успехом И. Северянина и анализируя выступления кубофутуристов. «Ключевые слова» символистского словаря использованы П. для обозначения реальных, «осязаемых»

вещей. Городской пейзаж в стих. «Вокзал», «Венеция», «Зимняя ночь» возникает у П. из конкретных реалий и передает зрительное восприятие лирич. темы. Стихотворения книги объединяет импрессионистич. изображение ночного города в его сопоставлении со звездным небом. Через много лет в стих. «Город» (1940) П. выразил это впечатление: «Он звезды переобезьянил/ Вечерней выставкою благ/ И даже место неба занял/ В моих ребяческих мечтах». В «близнецном» цикле, объединенном мотивами смертного и бессмертного начал жизни (Кастор и Поллукс), П. реализовал теоретич. положения своего доклада «Символизм и бессмертие».

Первый отклик на сб-к П. (одновременно и на сб-к Боброва) появился в апр. 1914 в «Первом журнале рус. футуристов» (М., № 1—2) и был выдержан в оскорбит. тоне; рецензент, скрывшийся под псевд. Едуч («лирики», Бобров и др., а позднее и Б. К. Лившиц считали, что это — В. Г. Шершеневич), обвинил автора «книжки, полной тоски и переливания из пустого в порожнее», в подражании Шершеневичу и др. поэтам — от Блока до А. И. Одоевского (с. 140). Выступивший с рецензией в «Свободном журнале» под собств. именем Шершеневич признал у П. «несомненное искание новых путей, расширение поэтик. словаря и тем», но обрушился на его «недостатки» — «результат безвкусицы и внутренней неразберихи»: «невероятное смешение неологизмов и старинных слов», «соседство мифол. имен с новыми темами совр. города» (1914, № 11, с. 134). Необычностью словаря и синтаксиса П. возмущалась и М. С. Шагинян («Призов. край», РнД, 1914, 28 июля). В благодарств. отзыве «Столичной молвы» (1914, 19 мая; подпись О. Аз.) отмечались «определенность и острота переживания, импрессионистич. смелость и новизна образов». Но наиб. значимым для П. и его лит. репутации было мнение «метра» — В. Я. Брюсова, отметившего «самобытность» П. и то, что «футуристичность» его стихов — «не подчинение теории, а своеобразный склад души», «его странные и по-

Б. Пастернак, «Близнец в тучах». М., 1914. Титульный лист с дарственной надписью В. Я. Брюсову.

Б. Пастернак. Рис. Ю. П. Анненкова. 1921.

рой слепые образы не кажутся надуманными: поэт, в самом деле, чувствовал и видел так» [«Год рус. поэзии... Побуждения» — РМ, 1914, № 6, с. 17; то же — Брюсов (2), с. 443].

С осени 1913 П. жил отдельно от родителей. Позднее зиму 1913—14 считал очень плодотворной. В это время Бобров, Асеев и П., по инициативе Боброва, вышли из состава «Лирики», разослав 22 янв. 1914 письмо членам кружка от имени «Врем. экстраординарного к-та Центрифуги» с извещением об упразднении изд-ва. В ответ на оскорбит. зап. писку Анисимова П. вызвал его на дуэль, благодаря посредничеству Локса не состоявшуюся. Бобров объяснял разрыв «патриархальной» и идиллически-национальной ориентацией большинства в кружке, антропософ. «духотой» подражателей символистов, к-рым отколовшиеся противопоставляли большую открытость современности и новаторству в иск-ве. П. своим уходом хотел опровергнуть «позорную славу вечной тишины и смирения затравленной касты», ощутив оттенок антисемитизма в стилистич. придирках Анисимова и нек-рых его друзей (см. в письме Локсу от 27 янв. 1914 — «Минувшее», в. 13, М.—СПб., 1993, с. 182—183; см. также письмо Боброву от 27 апр. 1916 — Собр. соч., т. 5, с. 92).

В попытке самоопределения осенью 1913 Бобров, Асеев, П., еще не считавшие себя тогда футуристами, сближаются с эгофутуристами из ж. «Петербург. глашатай» (И. В. Игнатъев, В. Гнедов и др.). Отколовшись от «Лирики» группа весной 1914 создала изд-во «Центрифуга», к-рое озаменовало начало своей деятельности выходом в конце апреля альм. «Руконог» (М.), направленного против альянса двух футуристич. лагерей — «Гилея» (Д. Д. Бурлюк, В. В. Маяковский, В. В. Каменский) и «Мезонин поэзии» (Шершеневич, К. А. Большаков и др.) и их «Первого журнала рус. футуристов» (1914), содержавшего язвительные выпады против книжной продукции «Лирики» и обвинения ее авторов (в т. ч. «левых» — Боброва, Асеева и П.) в анахронизме и эпигонстве (см. выше). Посмертная публикация в «Руконоге» стих. Игнатъева и объявление его «первым рус. футуристом» призваны были принизить значение «самозванцев» из «Первого журнала рус. футуристов». Теоретич. подкреплением полемич. позиции «руконогов» стала программная ст. П. «Васерманова реакция». За внешней резкостью, в целом не характерной для П., в статье скрывался глубокий анализ двух типов метафорич. поэтики — по «сходству» (Шершеневич) и «по смежности», более глубокой, оправданной «душевным драматизмом». На основе этого противопос-

тавления автор различает и подлинную поэзию, «истинный» футуризм В. Хлебникова, Маяковского, отчасти Большакова, и «ложный» — «фабрикаты» Шершеневича, «жесты юридич. доступности стихотворчества», стихи к-рого определялись как потачка дурному вкусу потребителя (ср. с наблюдениями Р. Яacobсона в статье 1935 о преобладании в поэтике П. метонимич. построений над метафорическими). Среди образов «новаторской» поэзии были написанные специально для «Руконога» стих. П. «Цыгане», «Мельхиор» и «Об Иване Великом» с их сознат. установкой на эксперименты Хлебникова со слав. корнесловием.

Против «ходячей теории футуризма популярного образца» (по Ф. Т. Маринетти) П. позднее, в апр. 1916, выступил и в ст. «Черный бокал» («Второй сб. „Центрифуги“», М.), в к-рой использовал текст собств. статьи лета 1913 «Импрессионизм в лирике», впоследствии утраченной; П. давал свое объяснение футуризму, провозглашая его стихийной лирикой («...только с сердцем лирики начинает биться сердце футуриста, этого априориста лирики» — Собр. соч., т. 4, с. 357) и противопоставляя лирику истории, творимой героями.

Решительному повороту П. к футуризму способствовала встреча в нач. мая 1914 участников «Центрифуги» и «Первого журнала рус. футуристов», состоявшаяся по требованию последних и положившая начало знакомству П. с Маяковским и дважды описанная в его автобиогр. прозе (см. восп. Боброва в кн.: Мат-лы XXVII науч. студенч. конференции ТГУ, Тарту, 1972; публ. Л. С. Флейшмана; письмо А. Л. Штиху от 1 июля 1914 — Собр. соч., т. 5, с. 81). Эта встреча вызвала у П. острое ощущение «трагизма» и нелепости своего лит. дебюта в «Лирике». Впервые участники «Центрифуги» были названы футуристами в 1914 Брюсовым, к-рый отметил, что их футуризм «сочетается со стремлением связать свою деятельность с худож. творчеством предшествовавших поколений» (РМ, № 6, с. 16).

Лето 1914 П. провел дом. учителем в семье Ю. Балтрушайтиса под Алексином, по его заказу перевел стихотв. комедию Г. Клейста «Разбитый кувшин» («Совр.», 1915, № 5) для Камерного т-ра. Познакомился с жившим на соседней даче Вяч. И. Ивановым, к-рый проявил к нему живой интерес. П. по-прежнему захвачен личностью и творчеством Маяковского, отдаст ему в антивоен. подборку газ. «Новь» стих. «Артиллерист стоит у кормила», с характеристикой царя, вызвавшегося в преступную войну (1914, 20 нояб.), вместе с ним и Асеевым участвует в фу-

туристич. альманахах «Весеннее контрагентство муз» (М., 1915; стих. «В посаде, куда ни одна нога», «Весна, ты сырость рудника в висках», «Я клавишей стаю кормил с руки») и «Взл» (П., 1915; стих. «Как казначей последней из планет»). В поэзии Маяковского П. увидел живое воплощение «зрелищного» восприятия биографии поэта, «полагающего себя в мерила жизни и жизнью за это расплавляющегося» (Собр. соч., т. 4, с. 227—28), в смелости его метафоризма — возможности, к-рые подавлял в себе в угоду групповым вкусам «Лирики», где это воспринималось как «кривляние». Желая обрести «утраченный лад», П. решительно отказывался от участия в издат. инициативах Боброва, что чуть не привело к их разрыву. В новелле «Апеллесова черта», написанной зимой 1914—15 (опубл. под назв. «Il tratto di Apelle» — «Знамя труда», 1918, № 1—2), в образе поэта Релинквинни П. жестоко высмеивал свое недавнее прошлое.

Релинквинни — любимый герой ранней прозы П. и пещерном, к-рым П. подписывал не сохр. стихи. Брошенный лит. вызов, его герой оказывается одаурченным знаменитым поэтом Г. Гейне, к-рый перекует спор из лит-ры в реальность. Возвышенное отношение Релинквинни к женщине терпит поражение перед подлинностью чувства Гейне, из игры перерастающего в жизнь. Уподобление победительного Гейне Маяковскому опиралось на типичную иронию и горячую страстность их лирики. В образе восторженной Камиллы Арапис, героини новеллы, проступают черты сходства с сестрами Синяковыми.

Зимой 1914—15 в Москве П. познакомился с сестрами Синяковыми, у к-рых часто виделся с Маяковским, в июне 1915 ездил к ним на дачу в Красную Поляну (Харьков. губ.). Любовные стихи этого времени посв. молодой пианистке Н. М. Синяковой-Пичете. Почти все написанное за этот и предыдущий годы погбило при пожаре во время антимемского погрома 28 мая 1915 в доме Филиппа на Пречистенке, где П. жил как дом. учитель. В разное время были утрачены также сказка «О Карпе и принце Нафтагене» с посвящением К. М. Синяковой и тетрадь стихов 1914—1915 — «Лафортганская», по словам Локса.

В окт. 1915 П. ездил на неск. дней в Петроград к Маяковскому. В стих. «Петербург» (1915), в к-ром город на Неве предстает воплощением вдохновенного замысла Петра, надевшего на «чертежный подрамок» «таежные топи», выразилось восхищение П. перед рвущим преграды своеволием гения. Выражение из этого стих. — «поверх барьеров» вскоре стало названием новой книги, а потом и «названием периода или манеры, и под этим заголовком я впоследствии объединял вещи, позднее написанные» (запись 9 дек. 1946 — Собр. соч., т. 1, 1989, с. 642). Событием для П. было также

первое знакомство той осенью с поэзией А. А. Ахматовой.

В нач. янв. 1916 П. уехал на Урал работать контрощиком на химич. заводах З. Г. Резвой (Морозовой) во Всеволодо-Вильву (Перм. губ.). Впечатления П. от поездки в мае 1916 на Великокняжеский рудник отразились в цикле «Уральские стихи» (1919; «Красная новь», 1921, № 2; см. также интервью газ. «Visto», Roma, 1959, 6 giugno). В конце июня вернулся в Москву. За три месяца, проведенные частью в Москве, частью на даче у родителей в Молодах (авг. — окт. 1916), П. подготовил 2-ю книгу стихов — «Поверх барьеров» (М., дек. 1916; на т. л. — 1917). Среди предполагаемых названий книги были «Gradus ad Parnassum», «44 упражнения», «Раскованный голос» и др. В «Охранной грамоте» П. связывал поэтику книги со знакомством с поэзией Маяковского и сознательным отказом от романтизма символистов, воспринятого ими из нем. поэзии, в то время как сам П. находил опору в англ. поэтах (Дж. Китс и У. Шекспир, А. Ч. Суинберн), к-рых он переводил и о к-рых писал статьи. Много значили для него и франц. символисты — Ш. Бодлер, П. Верлен и Ж. Лафорг. Книге был предпослан эпиграф из Суинберна; с поклонением поэтам, чья «песня выше моей», непосредственно связано и первое стих. сб-ка. Увлечение Суинберном в 1916 дало перевод трагедии «Шателар», к-рый не сохранился. Не сохранились и ориг. произв. П. — новеллы «Карета герцогини» и «Чужая судьба», неотделанной осталась «История одной контрреакции».

Отказываясь от «геронического тона» и «стремления к эффектам» (Собр. соч., т. 4, с. 335), отличавших Маяковского, П. в новых стихах сумел передать высокий трагизм пережитых разочарований, что, в частности, сказалось в последнем стих. книге — «Марбург». В этом стих. отмечали пересечения с «Человеком» Маяковского, к-рый писался почти в то же время и к-рого П. еще не знал (см. об этом: Смирнов И., Достоевский и поэзия П. «Марбург». — В кн.: Dostoevskij und die Literatur, Köln—W., 1983), или с циклом «Философская грусть» в книге 1909 А. Белого «Урна» (тот же суицидальный мотив см.: Лавров А. В., А. Белый и П. — В кн.: Темы и вариации. Сб. ... к 50-летию Л. Фейшмана). Но в отличие от романтич. осуждения «зла посредственности» П. выбрал путь удивления и восхищения перед красотой мира. «Дифирамбизм» явственно определяет тональность таких вещей, как «Петербург», «Урал впервые», «Счастье». В стихах П. добивался «объективного тематизма и мгновенной, рисующей движение живопис-

ности» (надпись П. на кн. «Поверх барьеров», 1929; экз. А. Кручёных. Собр. Е. Левитина). Желание достичь этой цели новаторскими приемами, родственными совр. живописи, подчеркнутой яркостью, динамич. смещением или разложением формы впоследствии воспринималось П. как неоправданная претензия.

В респ. на книги, изданные «Центрифугой», Д. И. Выгодский определял «Поверх барьеров» как «более глубокую, более серьезную, более зрелую» по своим стихот. достоинствам книгу, чем «Оксана» Асеева, хотя и уступающую ей в «непосредственной поэтич. вдохновенности», и назвал П. «мастером причудливого, несоиздающего и потому останавливающего, пронзающего поэтич. эффект, образа» («Нов. жизнь», 1917, 21 мая). Активный участник «Центрифуги» И. А. Асёнов позднее определял «особенное положение» П. в группе отсутствием у него интереса к «преобразованиям метрики и разработке новых возможностей в этой области», характеризует его новаторство «широким применением глагольной метафоры и эрратических построений. Сильный лирич. темперамент расширяет указанный метод широкими группами образов, количество к-рых может иногда показаться... преувеличенным» («Худож. слово», кн. 1, М., 1920, с. 60).

После сдачи рукописи в типографию П. в нач. окт. 1916 уехал в Тихие Горы на Каме на химич. заводы Ушковых, где вел военно-учетный стол и был дом. учителем в семье директора Л. Я. Карпова. Из его работ этого времени остались неск. стихов (вошли в кн. «Темы и вариации»), отрывки из поэм «Город» («Лирень», М., 1920) и «Фантазия о ближнем» (в переработ. виде вошли в кн. «Поверх барьеров», 1929), а также рецензии на книги Асеева («Slavica Hierosolymitana», t. 1, 1977; публ. К. Барнса) и Маяковского («Лит. Россия», 1965, № 13; публ. Е. Б. Пастернака). Большая часть этих вещей была послана Боброву для неосуществленного «Третьего сб. „Центрифуги“». В тоне обеих рецензий сказалось ощущение близости поэтики Асеева и Маяковского самому П. Используя приемы формального анализа, П. показал широкий диапазон возможностей поэтич. дара Асеева, а на примере Маяковского П., отказавшись от просьбы Боброва осудить его «извозничий жаргон», изобразил картину становления совр. худож. дарования.

Узнав о произошедшей в феврале в Петербурге революции, П. тотчас приехал в Москву. Он описал поездку в санях на перекладных в «главе из повести» — «Безлюбье» («Воля труда», 1918, 26, 28 нояб.), где вывел образ революционера, для к-рого его мысли о революции «дороже жены и ребенка, дороже собственной жизни и дороже чужой» (Собр. соч., т. 4, с. 496). Осуществлением его «мечты о драме (классич. типа, но в совр. духе)» стали «драм. отрывки» из трагедии «Смерть Робеспьера», написанные в июне—июле 1917 и повс. последние неделима якобин. террора. Непосредств. откликом на рев. со-

бытия стал также «Диалог» («Знамя труда», 1918, 17/4 мая) — в жанре диалогов-трактатов Платона. В нем утопич. картина идеального будущего России соотнесена с идеями упреждения собственности по теории проповедников анархизма П. А. Кропоткина и Э. Малатесты.

Содержанием книги лирики «Сестра моя жизнь» (1917; М., 1922) стало пробудившееся чувство к Е. А. Виноград, двоюродной сестре его близкого друга А. Штиха. Они были знакомы с 1909, но после гибели на войне ее жениха (сына Л. Шестова) желание утешить ее переросло у П. во все поглотившую влюбленность. Первая рукопись стихов была сделана на заклеенных страницах кн. «Поверх барьеров» и подарена Елене Виноград в середине июня перед ее отъездом в Саратов. губ., куда он ездил к ней в гости. В стихах отразились их прогулки, всеобщий подъем и оживление общества рев. летом, митинги и собрания на площадях, повседневность вздыбленной гор. стихии, на глазах становившейся историей. Впечатления тех дней, «когда революция была тогдашним с неба на землю сошедшим богом, богом того лета», и двух поездок к Елене Виноград легли также в основание гл. «Прощанье со старым» в ром. «Доктор Живаго» (1955; Собр. соч., т. 3, 1990, с. 448. См.: Пастернак Е. В., Лето 1917 г. — «Звезда», 1990, № 2).

Эпиграф из Н. Ленау передавал замысел книги о рев. буре, в к-рую автор «вписывает черты своей любимой». В то лето П. «понял чудо становления книги» (см. запись его разговора с Н. Я. Мандельштам 1936 — ЛО, 1990, № 3, с. 97). П. видел в поэтич. сб-ке единое целое и стремился добиться этого расположением стих., последовательностью и развитием в них определенных тем. Для его стихов первостепенна роль биограф. моментов, крепко связанных своим возникновением с «фактом пережитого вдохновения», они уподоблялись, по его словам, «губке», пропитавшейся «всем, что вблизи ее находилось: приключениями ближайшими, событиями, местом, где я тогда жил, и местами, где бывал, погодой тех дней» (письмо родителям от 7 февр. 1917 — Пастернак Е. В., Б. Пастернак. Мат-лы..., с. 338; ср. с образом в стих. «Поэзия весной», 1916 — «Поэзия! Греческой губкой в присосках! Будь ты...»; этот же образ в ст. «Несколько положений», 1918 — «Совр.», 1922, № 1). Стихи сплетались в циклы или главы в соответствии с общим замыслом. Цельность и единство книги были достигнуты отбором, к-рому подверглись стихи 1917. Любовные стихи весны и начала лета составили осн. тональность, по к-рой выравнивалось единое настроение книги. Диссонирую-

щие с ним стихи разлада и боли были отсечены, часть их попала в кн. «Темы и вариации» (Б., 1923), одним из предполагаемых названий к-рой было «Оборотная сторона медали»; на этом же основании в дарств. надписи М. И. Цветаевой стихи этой книги П. назвал «высесками и опилками» (Пастернак Е. Б., Б. Пастернак. Мат-лы ..., с. 382). Заглавие «Сестра моя жизнь» повторяло форму обращения кантов Франциска Ассизского, проповедовавшего птицам и облакам.

Хотя «Сестра моя жизнь» была издана только в 1922, но отд. стихи ходили в списках, что отмечал Брюсов в своем отзыве: «Молодые поэты знали наизусть стихи П., еще нигде не появившиеся в печати, и ему подражали полнее, чем Маяковскому, потому что пытались схватить самую сущность его поэзии» (ПнР, 1922, № 7, с. 57). Цветаева в своей ст. «Световой ливень» («Эпопея», Б., 1922, № 3), к-рая, по ее словам, «не отзыв: попытка выхода, чтобы не захлебнуться [от восторга], сообщала, что до книги слышала стихи П. «изустно — от Эренбурга» (Цветаева М., Проза, Н.-Й., 1953, с. 370, 354). В рец. Асеева («Красная новь», 1922, № 3), О. Э. Мандельштама («Россия», 1923, № 6) П. предстает как извневременная фигура со своим ориг. поэтич. миром. В откликах на эту книгу был начат спор, сопровождавший П. почти всю жизнь: современен ли он, или устарел, несет ли его поэзия новые открытия, или это переписывание отживших поэтич. мотивов. «Современность живет в этой книге, как запах, как ритм, как неожиданный эпигам, как меткое определение, как построение», — писал Я. З. Черняк, отмечая в то же время ее коренную традиционность, к-рая «крепкой тканью соединяет лирич. стихи книги в твердый культурный факт. И прежде всего бьет этот факт по односторонности, по антикультурным настроениям футуризма» (ПнР, 1922, № 6, с. 303—04).

Творч. подъем, переживаемый П. летом — осенью 1917, сказался на пов. «Детство Люверс» (альм. «Наши дни», № 1, М., 1922), посвященной той же героине. Повесть была началом большого романа, продолжение к-рого потом было уничтожено. В основе этой прозы — тема становления девочки, процесс ее духовного роста окрашен обостренным чувством греховности, голос совести заставляет искать в себе причину гибели постороннего человека, случайно заметив к-рого и запомнив, она «авела его в жизнь семьи». Идея «третьего лица», «без имени или со случайным, не вызывающего ненависти и не вселяющего любви» (Собр. соч., т. 4, с. 86), стала центр. моментом освоения мира в этих главах, писавшихся осенью 1917 — во время, отмеченное широкой практикой насилия, называемого «рев. правосознанием». Резко неприязненный отклик на окт. переворот 1917 — стих. «Русская революция» (1917; опубл.: НМ, 1989, № 4) и гневный экспромт на убийство А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина — отразили перелом отношения П. к революции в свете неизменного для него неприятия насилия. Подобные настроения были причиной гл. конфликтов П. с временем, они сказались и в осн. идее ром. «Доктор Живаго».

Пов. «Детство Люверс» вызвала сочувств. отклики критики, ее ставили в один ряд с классич. произведениями о детстве, отмечая «в огромной волне любви, теплоты, прямолинейности и какой-то целомудренной откровенности эмоциональных восприятий автора» аналогию с «Детством» Л. Толстого (Кузмин М., Условности. Статьи об иск-ве, П., 1923, с. 160). Ю. Н. Тынянов писал о ценности увлеченного в повести «ощущения» новой вещи (в его кн.: Поэтика..., М., 1977, с. 161). Лосе обращал внимание на «особый способ рассказывания, движущегося описанием частностей и деталей», на то, что повесть — это «исповедь художника, погруженного в глубоко первобытную почти дословесную жизнь ощущения, первого испытания» («Красная новь», 1925, № 8, с. 287).

«Сестра моя жизнь», «Детство Люверс» и «Темы и вариации» выдвинули имя П. в первые ряды рус. лит-ры. «Дифирамбизм» отд. стихов сб. «Поверх барьеров» перерос в кн. «Сестра моя жизнь» в основополагающую для П. идею безусловного притяжения

Б. Пастернак. 1924.

мира. «Детская» восторженность сочеталась с интеллектуальным напряжением мысли, доверие к жизни — с возвышающей силой трагич. мироощущения, о значении к-рого П. писал в «Охранной грамоте». Природа для П. — не предмет пейзажных зарисовок, но другое название жизни и нравств. пример. Непроизвольность и мгновенность образа, в основе к-рых непосредств. впечатление, превращены П. в творч. принцип. Равно отменив ограниченность лексик. символистов, П. сознательно расширил свой словарь, вводя в поэтич. обиход просторечие и варваризмы. Ощущение свежести и легкости стиха П. достигается благодаря виртуозности ритмич. рисунка, детально разработанного и позволяющего обновить стихосложение, не выходя за рамки классич. размеров, но делая их неузнаваемыми благодаря новой семантике (см. об этом: Гаспаров М. Л., Семантика метра у раннего П. — В кн.: Пастернаковские чтения, в. 1 — «Быть знаменитым некрасиво...», М., 1992). Под «музыкай слова» П. понимал не напевность,

состоящую в «благозвучии гласных и согласных», но «соотношение значения речи и ее звучания» (Собр. соч., т. 4, с. 319). Формальные средства выразительности, по мнению П., должны служить поэту для передачи «действительно пережитого или свидетельской правды наблюдателя» (там же, с. 397), превращающей книгу в «кусочек горячей, дымящейся совести» (там же, с. 367). Можно сказать, что сам П. взамен физиологич. абсолютного слуха, отсутствие к-рого было поводом для его юношеского отказа от музыки, развил в себе духовный абсолютный слух — умение «не исказить голоса жизни, звучащего в нас» (там же, с. 367). К 1917—18 он предстает вполне сложившимся художником с цельным мировоззрением и собств. худож. методом.

Для переиздания стихов 1912—16 («Поверх барьеров», М.—Л., 1929) П. подверг их значит. редактуре, стремясь точнее «назвать» то состояние действительности, к-рое вызвало стихотворения к жизни, и «отобрать себя самого среди ... невольных приспособлений» к вкусам тогдашних лит. соседей (письмо к Е. В. Пастернаку от 26 июня 1928 — семейный архив). Необходимость переделок объяснялась также обществ. изменениями, отсутствием воспринимающей среды, когда совр. жизнь более не подкашивает художнику окончат. формы произв., выбор к-рой, теряя естественность, становится его нравств. долгом (письмо С. Д. Спаскому от 29 сент. 1930 — ВЛ, 1969, № 9; Собр. соч., т. 5, с. 310). Новый сб-к, по мысли П., должен был стать книгой столь же композиционно цельной, как «Сестра моя жизнь», приобрести единство настроения. Вещи, не достигавшие до общего уровня, или эмоционально усиливались, или вовсе исключались из нее.

В автобиогр. прозе П. постоянно возвращался к годам своей юности, времени выбора призвания и проф. становления. «Охранная грамота» («Звезда», 1929, № 8; «Красная новь», 1931, № 4—6; отд. изд. — Л., 1931) представляет собой, по словам П., очерк его воззрений на внутр. суть иск-ва, написанный в защиту лит-ры в период гонений на нее в кон. 20-х гг. Автобиография «Люди и положения» (1957; опубл.: НМ, 1967, № 1) писалась в качестве предисловия к несостоявшемуся итоговому стихотв. сб-ку, и автор ограничивался перечислением важнейших жизненных событий, к-рые формировали его как писателя и характеризовали его знакомства и лит. пристрастия.

В поэмах «Лейтенант Шмидт» и «Девятьсот пятый год» (см. одноим. сб. — М.—Л., 1927) отразились дет. впечатления П. от рев. событий 1905 и восхищение жертвенным подвигом

лейтенанта П. П. Шмидта. В романе в стихах «Спекторский» (М.—Л., 1931) и прозаической «Повести» (М., 1929, № 7) ясно ощущаются автобиограф. моменты крушения мирного уклада, пережитого в годы войны и революции. Разработка этих тем была продолжена в неоконч. «Записках Патрика» (1936; опубл. под др. назв.: М., 1980, № 6) и получила свое завершение в ром. «Доктор Живаго» (1946—55; в СССР опубл. впервые: М., 1988, № 1—4). В романе выражено противопоставление христ. понимания жизни идеологии языч. поклонения «оспою изрытым Калигулам» 20 в., «не подозревающим, как бездарен всякий поработи-

П. хотел дать в нем «исторический образ России» за последние полвека (письмо к О. М. Фрейденберг от 13 окт. 1946 — там же, с. 453) и считал роман своей единств. настоящей работой.

Материальные возможности для работы над романом давали П. его переводы трагедий Шекспира, «Фауста» Гёте, лирики Ш. Петёфи и груз. поэзии. Занятия переводом в 1910-х гг. служили ему школой мастерства, в 20-е гг. стали материальной поддержкой в периоды безденежья, потом — осн. средством существования. Переводы П. стали классич. образцом равноценного воссоздания иностр. поэзии на рус. языке.

В Сокольниках у Бриков. 1925. Слева направо сидят: Б. Пастернак, В. Шкловский, С. Третьяков, В. Маяковский; стоит: П. Незнамов, О. Брик.

тель» (Собр. соч., т. 3, с. 14). Поворот к православию не был религ. обращением, т. к. внутренне оно было с малых лет близко П., к-рый уже в 1910-е гг. считал его причиной своей самобытности (см. письмо к Ж. де Прауйяр от 2 мая 1959 — М., 1992, № 1). Сделать христианство атмосферой и смыслом романа стало худож. решением, отчаянно рискованным для того времени. П. давал повествованию необходимую личич. теплоту, согрел его «чудесной и победительной силой детской, покорной обстоятельствам и верной себе чистоты» (письмо к Г. С. Улановой от 13 дек. 1945 — Собр. соч., т. 5, с. 437). Герой романа Юрий Андреевич Живаго, лишний в социальном смысле человек, оказывается личич. и духовным оправданием своего времени и мерилом будущего. На стержень плотного, детально разработанного сюжета нанизаны продуманные и пережитые мысли и эпизоды. В романе отразились идеи и споры, занимавшие молодое поколение 10-х гг.

С 1945, после выхода «Избр. стихов и поэм» (М.), книги ориг. произв. П. при его жизни на родине не издавались. «Доктор Живаго» был опубл. за границей (на итал. яз.: Mil., 1957; на рус. яз.: Милан, 1958, 1959).

Публикация романа за рубежом и присуждение в 1958 Нобелевской пр. вызвали полит. скандал, инспирированный Отделом культуры ЦК КПСС, — П. исключили из Союза писателей СССР, в печати была организована травля писателя от имени лит. и сов. общественности, требовавшей его высылки из страны. П. вынужден был отказаться от премии и подписать «покаянное» письмо. Все эти обстоятельства ускорили его кончину (см. мат-лы в кн.: Дело П., Мюнхен, 1958; Le dossier de l'affaire Pasternak, P., 1994; выдержки — «Континент», 1995, № 83; [из архивов ЦК] — «Источник», 1993, № 4).

Изд.: Собр. соч., т. 1—[4], Анн Арбор, 1958—61 (под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова; вступ. ст. Ж. де Прауйяр и В. Вейдле); Собр. соч., т. 1—5, М., 1989—92 (вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и комм. В. М. Борисова, Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак и К. М. По-

ливанова); Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982 (вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост., подг. текста и подбор илл. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака; комм. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова); Стих. и поэмы, т. 1—2, Л., 1990 (БПБс, 3-е изд.; вступ. ст. В. Н. Альфонсова; сост., подг. текста и прим. В. С. Басевского и Е. Б. Пастернака); «Раскат импровизаций...», Л., 1991; Избранное, М., 1991 (сер.: Рус. писатели — лауреаты Нобелевской премии; вступ. очерк, сост. и прим. А. Н. Архангельского; ст. «Нобелевская пр. П.» Е. Б. Пастернака).

[Автобиография П.]. — В кн.: Писатели. Автобиографии и портреты совр. рус. прозаиков, М., 1926 (под ред. В. Г. Лидина).

Письма: М. Горькому — ЛН, т. 70; Изв. ОЛЯ, 1986, № 3; к груз. писателям — «Лит. Грузия», 1966, № 1—2; 1980, № 2; ВЛ, 1966, № 1; В. М. Саянову, М. А. Волошину, О. Д. Форш, Г. Э. Сорокину — Ежегодник РО ПД, [1977, 1979], Л., 1979—81; А. А. Ахматовой, Н. С. Тихонову и др. — ЛН, т. 93; Р. М. Рильке, Б. Пастернак, М. Цветаева. Письма 1926 г., М., 1990 (подг. текстов, сост., предисл., пер. комм. К. М. Азодовского, Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернака); письма из Марбурга — Памятники культуры, 1989, М., 1990 (публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова); К. А. Федину — «Волга», 1990, № 2; Из писем разных лет, М., 1990 (6-ка «Огонек»; публ. Е. Б. Пастернака); Переписка П., М., 1990 (вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подг. текстов и комм. Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернака); письма к Ж. де Прауйяр — М., 1992, № 1; Письма П. к жене З. Н. Нейгауз — Пастернак, М., 1993 (вступ. ст. С. Л. Прокофьевой; предисл., сост., подг. текстов и комм. К. М. Поливанова); к К. Локусу — «Минувшее», в. 13, М.—СПб., 1993; П. и С. Бобров. Письма четырех десятилетий. — Всп., в. 8, 1996 (публ. М. А. Рапповской); Существовавшая ткань сквозная. Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. Дополненная письмами к Е. Б. Пастернаку и его восп., М., 1998.

Биогр. мат-лы: Пастернак Е. Б., Б. Пастернак. Мат-лы для биографии, М., 1989; сго же, Б. Пастернак. Биография, М., 1997; Вильмонт Н., О. Б. Пастернаке. Восп. и мысли, М., 1989; Восп. о П., М., 1993 (сост., подг. текста и комм. Е. В. Пастернак, М. И. Фейнберг); П. и его семейное окружение. Офиц. док-ты. — «Лица. Биогр. альм.» [т.] 3, М.—СПб., 1993 (публ. Е. Г. Бодино и О. В. Кузовлевой); Mallac G. de, B. Pasternak. His life and art, Norman, 1981; Hingley R., Pasternak. A biography, N. Y., 1983; Barnes Ch., B. Pasternak. A literary biography, v. 1 — (1890—1928), Camb. — [a. o.], 1989; Pasternak Ev., B. Pasternak. The tragic years. (1930—1960), L., 1990.

Лит.: Ассесв Н., Письма о поэзии. («Сестра моя жизнь» П.). — «Красная новь», 1922, № 3; Брюсов В., Вчера, сегодня и завтра рус. поэзии. (1922 г.). — Брюсов (2), с. 593—95; Эренбург И., Б. Пастернак. — В его кн.: Портреты совр. поэтов, М., 1923; Парнок С. Я., П. и другие. — «Рус. совр.», 1924, № 1; Мандельштам О., О поэзии, Л., 1928, с. 46—51; Тынянов Ю., Промежуток. — В его кн.: Арханы и новаторы, Л., 1929; Шкловский В., Сюжет в стихах. (В. Маяковский и П.). — В кн.: Поэтика, сб., М., 1934; Бухарин Н. И., Поэзия, поэтика и задачи поэтич. творчества в СССР..., М., 1934, с. 53—56, 86—87; Сб. статей по творчеству П., Мюнхен, 1962; Лотман Ю. М., Стих. раннего П. и некр-ые вопросы структурного изучения текста. — «Труды по знаковым системам», № 4, Тарту, 1969; В. Pasternak. Essays, Stockholm, 1976 (статьи В. В. Тренина и Н. И. Харджиева, Е. В. Пастернака, А. К. Жолковского, Ю. И. Левина, F. Björling, N. A. Nilsson, P. A. Bodin); Флейшман Л., Статьи о П., Бремен, 1977; сго же, П. в двадцатые годы, Мюнхен, [1981]; сго же, П. в тридцатые годы, Иерусалим, 1984; сго же, Фрагменты «футуристич.» биографии П. — В кн.: Рус. лит-ра XX в. Иссл. амер. ученых, СПб., 1993; Пастернак Е. В., П. и Брюсов. К истории отношений. — «Россия/Russia», № 3, Torino, 1977; Фариньо Е., К проблеме кода лирики П. — «Russian Literature», Amst., 1978, в. 6, № 1; Юнгрен А., Juvenilia П. 6 фрагментов о Реликвициях, Стокгольм, 1984; Альфонсов В. Н., Поэзия П., Л., 1990; Смирнов И., Ритмико-синтаксич. строй рус.

поэзии, Мюнхен, 1990; Казакова С. Я., Творч. история объединения «Центрифуга». (Заметки о ранних поэтич. взаимосвязях П., Н. Асеева и С. Боброва). — «Russian Literature», 1990, в. 27, № 4; юбилейные номера ж-лов) — ИМ, 1990, № 2; «Звезда», 1990, № 2; ЛО, 1990, № 2, 5; «Дружба народов», 1990, № 2—3; Б. Пастернак. Норвичский симпозиум, 1991; Пастернаковские чтения, в. 1 — «Быть знаменитым некрасиво...», М., 1992 (статьи С. С. Аверинцева, К. М. Поливанова, Вяч. В. Иванова, М. Л. Гаспарова, В. Г. Смолницкого, М. А. Рашковской и др.); Басевский В. С., Б. Пастернак-лирик. Основы поэтич. системы, Смоленск, 1993; Темы и вариации. Об. ст. и мат-лов к 50-летию Л. Флейшмана, Станфорда, 1994 (Stanford Slavic Studies, v. 8; статьи Вяч. В. Иванова, А. В. Лаврова, Б. М. Гаспарова, Р. Д. Тименчика); Payne P. S. R., The three worlds of B. Pasternak, L., 1962; A. u. c. o. u. t. u. r. i. e. M., Pasternak par lui-même, P., 1963; Markov V., Russian futurism. A history, Berkeley — Los Angeles, 1968 (Index); Hughes O., The poetic world of B. Pasternak, Princeton — L., 1974; Gifford H., Pasternak. A critical study, Camb. — [a.o.], 1977; B. Pasternak. Colloque de Cerisy-la-Salle, P., 1979; B. Pasternak and his times, Berkeley, 1989; Fleishman L., B. Pasternak. The poet and his politics, Camb. (Mass.), 1990. + ЛЗ; КЛЗ; Краткая свр. энциклопедия, т. 6, Иерусалим, 1992; Писатели совр. эпохи (1); Troitsky N. A., B. L. Pasternak. A bibliography, N.Y., 1969; Рус. поэты, т. 18 — Б. Пастернак; Мир П. [Каталог выставки в Гос. музее изобразит. иск-в им. А. С. Пушкина], М., 1989 (сост. Е. С. Левитин).

Архивы: РГАЛИ, ф. 379; ИМЛИ, ф. 120; ГЛМ, ф. 143; семейный архив (Москва и Оксфорд).
Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернак.

ПАСТУХОВ Николай Иванович [1831, г. Гжатск Смоленской губ. — 28.7(10.8).1911, Москва], журналист, прозаик, издатель. Из бедной мещан. семьи. Систематич. образования не получил. В молодости служил в Смоленской и др. губерниях разьездным контролером по откупам (см. автобиогр. кн. «Похождения откупных странников», М., 1864). Приехав в Москву, нек-рое время работал на почтамте (развозил казенную корреспонденцию по присутств. местам); позднее показывал фокусы в балаганах. В нач. 60-х гг. открыл пивную лавочку на Арбатской пл. (см.: Данилов Ф., В Титы за Галилея. — «Рус. газ.», 1880, № 4). Описанию быта питейных заведений посвящены кн. «Стихотворения» (М., 1862) и комедия «Питейная контора» (М., [1862]). Адвокат Ф. Н. Плевако, поощаивший лавочку П., приобрел его к журналистике и представил ред. «Рус. ведомостей». С 1865, разорившись, П. активно стал сотрудничать в этой газете, а также в «Петерб. листке» (корреспонденции с Нижегород. ярмарки под псевд. Философ с Откоса — не учтен у Масанова).

В агентурной справке III ота. отмечалось в 1867, что П., «будучи испорченной нравственности ... и заносчивого характера, проводит праздную жизнь, шатаваясь постоянно в качестве газетного корреспондента по трактирам и др. публичным местам, собирает разные новости, распускает ложные слухи и сочиняет небывшие», из-за чего моск. обер-полицейстер просил моск. ген.-губернатора выслать П. из Москвы (ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 1, д. 2046, л. 27—28).

В сер. 1870-х гг. перешел в газ. «Совр. известия», где по 1880 печатал фельетоны, репортажи, уголовные рассказы [«Напророчили. Из уголовной хроники Москвы» —

1878, 10 ... 26 апр.; «Убийство в селе Мыгитцах» — 1880, 26 янв.; и др.]. В кон. 60-х—70-х гг. печатался также в газ. «Петерб. газ.», «Нар. голос», «Рус. газ.», ж. «Развлечение», «Будильник» (репортажи, фельетоны, рассказы о моск. жизни). Благодаря хорошему знанию быта и живописи письма П. приобрел славу «первого репортера Москвы». Особенно любил П. описывать нижегород. ярмарки и пожары. «Он даже выработал особый пожарный стиль, „перламы“ к-рого впоследствии пользовалась плеяда репортеров „пастуховской школы“», не исключая и В. А. Гиляровского (см.: Шетинин Б. А., Легендарный издатель. — ИВ, 1911, № 9). Свои лучшие бытовые очерки («Гулянье в Куское», «Очерки Рогожской»), юмористиче-

ские («Билет гамбургской лотереи», «Знакомство с писателем») и уголовные («Напророчили», «Убийство на мельнице») рассказы объединил в кн. «Очерки и рассказы „Старого знакомого“» (М., 1879). Выпустил также очерковую брошюру «Святые ночи в Москве с 1882 по 1886 г.» (М., 1895).

С 1881 до конца своей жизни П. — изд.-ред. «Моск. листка», рассчитанного на неискущенного читателя; в нем П. постоянно выступал с фельетонами, очерками, корреспонденциями. «Моск. листок» «сразу завоевал симпатии лакеев, горничных, кучеров, прачек, кухарок, лавочников, мелких ремесленников, купечества средней руки и т. п.» (Шетинин Б. А., Хозяин Москвы. — ИВ, 1917, № 5/6, с. 455; ср.: Мартынов П. К., Цвет нашей интеллигенции, СПб., 1893, с. 206), тем самым создав нового газетного читателя в среде гор. низов. П. пользовался поддержкой М. Н. Каткова (см. передовую в «Моск. вед.», 1884, 8 февр.) и К. П. Победоносцева (к-рому иногда посылал материалы на предварит. просмотр — см.: РА, 1917, № 1,

с. 95). Лит. репутация П. и его газеты была невысока («лучше без штанов... на визит пойти, чем у него работать» — Чехов, Письма, I, 70).

В 1882—85 в «Моск. листке» П. опубликовал ром. «Разбойник Чуркин. Нар. сказание» (отд. изд., ч. 1—5, М., 1883—84, 2-е изд., ч. 1—4, М., 1908). Объединив традиционный для фольклора и лубочной лит-ры сюжет о «благородном» разбойнике и репортерски точные описания недавних реальных событий (используя подлинное следств. дело грабителя В. Чуркина), автор «сделал из этого вполне заурядного преступника нар. героя» (К. Н. Смирнов — «Развлечение», 1884, № 47, с. 989). Притягательный для низового читателя образ гл. героя, с к-рым не могут справиться власти, подробное описание экстраординарных событий (грабежи, кровавые убийства и т. п.), простота стиля повествования обеспечили роману (а также газете) небывалую популярность, в т. ч. в рабочей среде (см.: Решетов С., К новой жизни, М.—Л., 1926, с. 8; Ушедшая Москва, М., 1964, с. 395; Лица. Биогр. альм., в. 4, М.—СПб., 1994, с. 335—38), поддерживавшуюся сериальностью и длительностью его публикации.

Нар. читатель воспринял Чуркина как бунтаря против фабрикантов, купцов, полиции и т. д., а роман использовался революционерами для пропаганды (см.: Моисеевко П. А., Воспоминания. 1873—1923, М., 1924, с. 57—58). «Разбойник Чуркин» породил многочисл. подражания (см.: Пругавин А. С., Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания, 2-е изд., СПб., 1895, с. 409—410) и пародии (см., напр.: «Вот она, наша матушка Москва!», М., 1883, с. 67—84; Надевишин знакомый, «Разбойник Чуркин». — «Новости дня», 1884, 10 нояб.: «Надевишин разбойник Чуркин» — «Рус. сатирич. листок», 1884, № 33) и даже попал в лубочную картинку (см.: Полвека для книги, М., 1916, с. 194—95).

Широкая популярность романа и его влияние на «нар. нравственность» вызвали озабоченность в лит. и офиц. кругах. Так, А. П. Чехов в «Осколках моск. жизни» (1885, 19 янв.) утверждал, что «... в Москве зачитываются пастуховским „Разбойником Чуркиным“ и идут в ... разбойники», осмелев на случай с детьми, бежавшими «в леса» и совершившими убийство, он писал о «тлетворном влиянии чтения (подобных) книг на детские умы» (Чехов, XVI, 143). И. С. Аксаков опубликовал в своей газ. «Русь» (1885, 9 февр.) подборку читательских отзывов (инспирированных и, возможно, написанных им самим — см.: Васюков, с. 6), в к-рых утверждалось, что роман развращающе влияет на рабочих. Через две недели Победоносцев в письме нач. Гл. управления по делам печати Е. М. Фомистову предлагал подумать «о средствах к ограничению распространения и публичной продажи таких изданий» (ЛН, т. 22/24, с. 514), а сие через полмесяца П. опубликование романа, финалом к-рого стала гибель Чуркина под упавшим деревом [средн. лиц, причастных к неожиданному завершению романа, называли Каткова (см.: Шелева, с. 521) и ген.-губернатора Москвы В. А. Долгорукого (см.: Васюков, с. 6)].

Популярность «Моск. листка» позволила П. быстро разбогатеть: в 1882 он приобрел собств. типографию (в конце жизни стал миллионером). Вокруг П. сложился своеобразный кружок из сотрудников «Моск. листка», в к-рый входили А. М. Гер-

сон, М. А. Козырев, И. К. Кондратьев, А. М. Пазухин, С. Ф. Рыскин и др. В 1888 получил звание потомств. почт. гражданина. Издавал также газ. «Нижегород. ярмарка» (1883), «Нижегород. почта» (1884—1903), ж. «Колокольчик» (1882), «Гусляр» (1889—90), «Заноза» (1891).

Колоритная фигура П. запечатлена мн. современниками. В ром. Н. Э. Гейнце «В тисне адвокатуры» (СПб., 1893) он изображен под фам. Петухова, получившего деньги на издание «Моск. листка» посредством шантажа; см. также пов. В. П. Буренина «Роман в Кисловодске», где П. послужил прототипом Салогова (Буренин В. П., Мертвая нога. — Роман в Кисловодске, СПб., 1886), и сатирич. рассказ в стихах И. С. Иванова «Старый знакомый» (М., 1881; подпись И. К-в). А. Р. Кутель вспоминал, что П. «много с сотрудниками не общался, как на ты, по-прежнему любил уплывать в трактире, за парой чая, или в бане, куда бесстыдно воял сотрудники, и всему предпочитал и всего более любил ... пожары» (Кутель А. Р., Лит. восп., П.—М., 1923, с. 100).

Сын П. Виктор Николаевич (1864—1902). — журналист, в 1885—1912 ред.-изд. газ. «Нижегород. почта». в 1889—90 редактировал издаваемый отцом илл. ж. «Гусляр».

Лит.: Чехов, XVI (ук.); Короленко (ук.); Михневич; б. п. Причины нападков и разных выхождений «Моск. листка» (...) — «Моск. газета», 1882, 5 окт.; Васюков С., «Скорпионы», М., 1901, с. 6, 45—53; Короленко В. Г., Моск. слов. памяти В. А. Гольцова. — В кн.: Памяти В. А. Гольцова, М., 1910, с. 115; Тригорин К. (Калиш М. П.), Пастухов. — «Моск. газета-копейка», 1911, 29 июля; Соколов А. А. Н. И. Пастухов (Из восп.). — «Моск. листок», илл. приб., 1911, № 31; Васильевский М. Н. Рус. Вильямсизм. — «Вост. лит.-ры», 1911, № 9; Соколова А. И., Встречи и знакомства. — ИВ, 1913, № 3, с. 850—63; Шевляков М. В., Оригиналы и чудачки. Н. И. Пастухов. — ИВ, 1913, № 11; Скороботов, с. 18, 42; Амфитеatroв А., Из лит. восп. — «Русь» (Б.), 1923, 13 авг.; 1922, 22 февр.; Кубиков И., Ром. «Разбойник Чуркин» и его читатель. — «Иск.-во», 1927, кн. 2—3; Белоусов (2); Кизветтер А. А. На рубеже двух столетий, Прага, 1929, с. 20—21; Коротаев А. В., Чехов и малая пресса 80-х гг. — Уч. зап. ЛПИИ, т. 24, 1939, с. 91—94; Козыбин Б. П., Рус. журналистика 70-х и 80-х гг. XIX в., М., 1948, с. 50—52; Гиляровский В. А., Москва газетная. — В его кн.: Избранное, т. 2, М., 1960; Балуев Б. П., Полит. реакция 80-х гг. XIX в. и рус. журналистика, М., 1971, с. 119—127; Есин Б. И., Рус. дореволюц. газета, 1702—1917 гг., М., 1971, с. 49—50; Крымов В. Л., Портреты необычных людей, Париж, 1971, с. 236—37; А. Дуров, в жизни и на арене, М., 1984, с. 59—61. — Некрологи, 1911: МЛ, 29 июля; МВед, 30 июля; «Утро России», 29 июля; «Рус. слово», 29 июля; РВед, 29 июля; «Моск. газ.», 1 авг.; «Сев. утро», 30 июля (М. Горемыка (М. Л. Леонов)). Смирнов-Сокольский; Масанов (нескоро указаны даты жизни).

Архивы: РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, д. 32 (рукописи статьи Ю. В. Соболева «Беннетт из Вагальского перулака»); РГИА, ф. 176, оп. 6, д. 534 (об изд. «Моск. листка»); ф. 133, оп. 39, д. 3650 (дело о получении почт. гражданства П.); ЦИАМ, ф. 31, оп. 3, д. 156 (об изд. «Моск. листка»); оп. 3, д. 2123, л. 80—81 (жалоба в цензуру на изд.-ред. ж. «Развлекание» Ф. Б. Миллера); ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 953 (письмо А. И. Арсеньеву, 1873). А. И. Петинbaum.

ПАТАРАКИ Сергей Александрович [26*.1(7.2).1860, Воронеж — янв. или февр. 1919, Петроград], писатель-юморист. Из дворян; сын офицера. В 1878 поступил на службу рядовым на правах вольноопределяющегося в запасной эскадрон 7-го гусарского Белорус. полка; через 3 месяца командирован в Елизаветград. кав. юнкерское уч-ще, по окон-

чании к-рого служил в чине корнета в 21-м драгун. Белорус. полку. После зачисления в 1882 в запас армейской кавалерии (с 1900 в отставке) жил в Петербурге.

Печататься начал в 1884 в газ. «Минута» — заметки из петерб. жизни (первая публ. — 21 июля, памяти писателя П. П. Сухонина). В 1885—1907 ближайший сотр. ж. «Стрекоза», его «столп» (Мартьянов П. К., Цвет нашей интеллигенции, 3-е изд., СПб., 1893, с. 206); с 1886 секр. редакции. Регулярно публиковал в «Стрекозе», ее альманахах и сб-ках бытовые юмористич. рассказы, сценки, анекдоты, стихи, эпиграммы, афоризмы, рассчитанные на массового читателя. Социальных проблем касался редко; наиболее острые рассказы «Первый дебют Ивана Ивановича» и «Прыжок в либералы» были запрещены цензурой за «крайне неприличное глумление над деятельностью высоких адм. лиц» (РГИА, ф. 777, оп. 3, д. 41, 1875 г., л. 262—263, 419—420). В кон. 80-х — 90-х гг. под разл. псевдонимами печатался и в других юмористич. ж.-лах: «Шут», «Заноза», «Осколки», «Будильник», «Весельчак» (и в его прил. «Веселые сб-ки»). В 1895 совм. с В. А. Мазуркевичем и М. В. Шевляковым выпустил кн. «Кровь растерзанного сердца. Тревожные песни трех первых рус. декадентов» (СПб., 1895), пародирующую два первых выпуска сб. «Рус. символисты» (сб. 1—2, М., 1894). В этой книге стихов, напечатанных красной краской (цветом крови «растерзанного сердца») и высмеивающих тех, «кто посвятил свою жизнь, чтобы воспевать лиловые звуки, железные страдания и бледно-розовые мечты» (с. 103), П. принадлежат циклы (подпись Сергей Терзаев): «Кружева» («...Все темно, нелепо, смрадно./ Невозможно, как кошмар/ Адски-жалобно, досадно./ Словно

цепи и утар!» — «Гале К...»), «Терзания», «Нервы», «Скрежет». П. — автор книги шуточных афоризмов (подпись Не-Конфуций) «Философия нового века в ориг. изречениях, афоризмах и парадоксах» (СПб., 1901) и юмористич. «пестрых» рассказов на темы адюльтера (подпись С. Карр) «В чадю любви» (СПб., 1890), «Жиронда, Золотой поцелуй, Нан и др. рассказы», «В царстве любви и неги», «Блуждающие поцелуи» (все — СПб., 1902), «Положение дачного мужа» (СПб., 1903), «Тайны кокетливых будуаров» (СПб., 1904), «Мемуары дамской подвизки» (СПб., 1912).

Обществ. значимость имели анти-бюрократич. сатирич. публикации П. периода Революции 1905—07. Он подверг критике существующий режим и высших гос. чиновников в 1-м номере собств. «политико-сатирич.» еженед. «Злой дух» (1906); 2-й номер ж.-ла был уничтожен в типографии, арестованы все оставшиеся экз. 1-го номера, а П. обвинен в полит. неблагонадежности и выслан из столицы (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 1473; ф. 777, оп. 6, д. 144). В дальнейшем он вновь вернулся к чисто развлекат. сюжетам (публикации в илл. ж. «Родина», «Семейная илл.», «Живописное обозр. всего мира», «Всемирная новь» и др.); после февр. 1917 печатался в ж. «Пугач».

Лит.: Наши юмористы за 100 лет... Обзор рус. юмористич. лит-ры и журналистики, СПб., 1904, с. 46; Валлс де-Барр Е. А., «Свобода» рус. печати, Самара, 1906, с. 54—55, 85; Рус. периодич. печать (1895 — окт. 1917), М., 1957, с. 110; Рус. лит-ра и журналистика (2). — Некролог: «Вост. лит.-ры», 1919, № 1—2, с. 12; Альм. и сб-ки (1, 2); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, № 86; ф. 377 (автобиографии); РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, № 3066 (стихотворения); ф. 1343, оп. 27, № 1068 (дело о дворянстве); РГИА, ф. 400, оп. 17, д. 12195* (п. с. 1882 г.). В. М. Лукин.

ПАШИНО Пётр Иванович [5(17).2.1836, г. Ирбит Перм. губ. — 3(15).9.1891, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], ориенталист, автор путешествий, мемуарист. Отец — почтмейстер, коллеж. секр., из рода прилуцких казаков (ум. 1838). П. учился в Соликамском приходском (1841), Чардын. уездном (1842) уч-щах, затем в Перм. г-зии, в 1845, после смерти матери, принят на казен. счет в 1-ую казан. г-зию.

Общая атмосфера в казан. г-зии, возглавляемой Н. А. Галкиным — участником морских экспедиций гр. Ф. П. Литке, наряду с углубленным преподаванием спец. дисциплин (истории и географии) уже в эти годы пробудили в П. азарт путешественника. Его незаурядные способности к языкам (кроме европ. владел мн. вост. языками) были отмечены тюроклогом И. Н. Березиным (восп. П.: БВед, 1881, 16 июня, с. 982), а успехи в вост. яз. поощрены публ. его пер. «Татарские сказания» («Казан. губ. вест.», 1851, 5 марта). Чрезвычайно общительный, П. был инициатором мн. дерзких выхождений, и только заступничеством В. И. Григорьевича, в то время преподававшего в казан. г-зии (и в дальнейшем описал П.), спасло его от исключения.

После окончания г-зии (1852) — казеннокоштный студент вост. отд.

ист.-филол. ф-та Казан. ун-та (позже П. упрекнул П. Д. Боборыкина в искажении студенч. быта в ром. «В путь-дорогу» — см. восп.: БВед, 1881, 16 июня), завершил курс на вост. ф-те Петерб. ун-та (1855—56). В 1856 как «выдающийся» студент был командирован в д. Болгары (Казан. губ.) для участия в археологич. раскопках, обнаружил много ценных монет, к-рые передал в нумизматич. кабинет Петерб. ун-та и Петерб. археологич. об-во (см.: «Изв. рус. археологич. об-ва», 1859, т. 1, стб. 41, 313). В 1859 защитил магистер. дис. В 1856—72 служил в Азиат. деп-те Мин-ва иностр. дел (с 1866 — надв. сов.; в 1872 — коллеж. сов.). В 1858—61 преподавал в Лесном ин-те (сравнит. статистика и обзор производ. сил России). Писал статьи о Востоке для «Энци. словаря рус. литераторов и ученых» (1861), помещал иссл. по экономике и этнографии стран и областей Востока в «Известиях РГО» (1867—77); с 1863 — чл.-корр. ВЭО, с 1870 — чл.-сотрудник РГО.

В 1857 сблизился с Н. В. Шелгуновым и М. Л. Михайловым, а через два года — с кругом писателей, примыкавших к «Рус. слову»; был восторженным и «внимат. слушателем» лит. диспутов, проводимых этим ж-лом (восп. П. — «Минута», 1882, 21 мая, с. 1). В 1858 начал занятия журналистикой, выпустив три номера «уличного» юмористич. листка «Путеха» (совм. с Б. И. Корзуном). В «Газете лесоводства и охоты» Шелгунова помещал (1858) корреспонденции об оренбург. казачестве (псевд. Ф. И. Конев). В это же время через гимназич. товарища познакомился с Н. А. Добролюбовым, к-рый привлек его к работе в ж-ле «Современник», где появилась первая заметная публ. П. — этногр. очерки «Волжские татары» (1860, № 6—7), написанные по впечатлениям от науч. поездки в Казан. губ. (1856).

В 1861—62 — младший секр. рус. посольства в Тегеране. О жизни в дипломатич. миссии, тесном общении с европ. дипломатич. колониями, своих успехах в языках П. рассказал позже в мемуарах «Из восп. секретаря посольства (О тегеранской жизни)» («Колосья», 1887, № 7/8). Остро ощущая несоответствие дипломатич. карьеры складу своего характера, он писал: «Судьба меня втолкнула в неподходящую сферу людей, у к-рых прежде всего в виду интрига, копанье ямы друг другу» (БВед, 1881, 8 июля, с. 1029). Пользуясь случаем, взял отпуск для изучения края, по возвращении в Петербург опубликовал цикл очерков «Письма о Персии» («Еженед. прибавл. к „Рус. инвалиду“», 1864, № 35 ... 45), заметки «За Эриванью» (СПбВед, 1864, 14—16 июня), «Встреча с Вамбери в

Персии» (там же, 9 авг.) и др. Разочарованный мизерными лит. гонорами, решил продолжить дипломатич. карьеру и вернуться в Персию (назначен старшим секр.), однако по ложному доносу о сочувствии народнич. группе «Земля и воля» поездка была отменена. В 1863—66 находился под полиц. надзором по обвинению в полит. неблагонадежности (ГАРФ, ф. 109, оп. 1, д. 235). В 1864 получил от Мин-ва внутр. дел (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, д. 192, с. 212) и Мин-ва нар. просвещения (там же, с. 18—19) отказы в выпуске в Петербурге изданий на татар. яз. — ж. «Файда» («Польза») и газ. «Чулпан» («Планета»).

В 1866 и 1869 — драгоман (переводчик) при ген.-губ. Туркестан. края. С осуждением относился к не-

лит-ре, что в сочетании с энциклопедич. образованностью и природным добродушием определило неоднородный круг общения: многолетние друж. отношения связывали его с литераторами Н. А. Демертом (соучеником по Казан. г-зину), Л. Н. Молзалева (университет. товарищем), бр. Курочкиными, особенно с Вас. С. Курочкиным (познакомился в 1865), Д. Д. Миннаевым; как ученый П. долгое время пользовался покровительством гр. Воронцова-Дашкова, воен. ген.-губ. Туркестан. края Д. И. Романовского, порицая при этом политику пр-ва в Ср. Азии и заработав тем самым в офиц. кругах репутацию «скорее упрямого ученого, нежели дипломата» (цит. по: Гневусева, с. 48). Неумение зачастую ориентироваться в лит.-журн. и обществ.-полит. ситуации вызывало иронич. отношение к нему и в лит. среде (Миннаев: «Вся пресса стала так безвкусна, // Что в ней есть место Пашино: // Все это было бы смешно, // Когда бы не было так грустно» (цит. по: Мартынов, с. 199)).

В 1872 П. сделал неудачную попытку издавать «Азиатский вестник», субсидируемый гр. Воронцова-Дашковым. Фактич. ред. ж-ла — Вас. С. Курочкин; среди сотрудников — А. П. Пятковский, В. В. Лесевич, Н. М. Ядринцев, Шелгунов. Журнал задумывался как «учено-лит.» изд.; помимо материалов по истории, этнографии, экономике Востока в нем планировался обширный лит.-беллетристич. раздел. Сразу после выхода первой книжки «Азиатского вестника», открывавшейся ст. Шелгунова «Что такое Азия?», ценз. к-том была отмечена «социал-демокр. направленность издания, предприняты меры к сужению его программы до специально востоковедной» (РГИА, ф. 777, оп. 2, д. 31). После ареста второго номера журнал был запрещен.

В 70—80-х гг. П., несмотря на частичную парализованность после перенесенного удара (1867; вышел в отставку без пенсии за невыслугой лет), продолжал путешествовать. В 1873—75 трижды бывал в Индии, в т. ч. в сев. областях, еще не известных европейцам.

Путешествия П. были нередко сопряжены с большим риском. Так, напр., только блестящее знание Корана и местных наречий спасло П. от смертной казни в Гилгите от рук религ. фанатиков (1873).

Впечатления от пребывания в Индии описал в цикле фельетонов «Шесть месяцев в коровьем царстве» — «Голос», 1874, 19 июня ... 11 сент.). В последующие годы путешествовал по Юж. Персии, Китаю, Японии, Америке, Египту и др. Свои наблюдения отразил в многочисл. очерках «Собачья жизнь в Константинополе» — «Правда», 1879, 12 авг. — 22 сент.; «Поперек Аме-

компетентности рос. чиновников, творящих в устрашение другим скорый суд «над правым и виноватым» («Из восп. драгомана» — «Колосья», 1884, № 7/8, с. 127). В 1866 как неблагонадежный был выслан из Ташкента под конвоем. Путевые наблюдения, сведения о природных богатствах, культуре и промышленности Туркестан. края обобщил в богат. илл. изд. «Туркестанский край в 1866 году» (СПб., 1868; с посвящением гр. И. И. Воронцова-Дашкову), охотно раскупавшемся и вскоре ставшем библиогр. редкостью. Появление этой книги во мн. соответствовало гос. программе культурно-эконом. освоения новых территорий. П. дал их первое подробное и добросовестное описание.

Критика назвала работу «дельным и очень любопытным соч.» (ВЕ, 1869, № 1, с. 425), «бойким рассказом, живо передаваемыми впечатлениями» (СО, 1869, 24 янв., с. 2; др. полужит. рещ. — «Голос», 1869, 19 февр.). Однако Н. С. Курочкин относился к ней скептически, сравнив ее с «бессодержат. песней» в «роскошных декорациях» (ОЗ, 1869, № 2, с. 339) со следами поспешности и непродуманности отбора фактов, излишним вниманием к второст. деталям.

При отсутствии четкой полит. позиции, П. симпатизировал демокр.

рики» — «Минута», 1882, 1—3 июня; «Мое свидание с Гарибальди» — там же, 19 июня; «Благовоспитанный Вун-Цзы» — «Семейные вечера», 1883, № 1; «Театральное дело в Японии» — «Театр. мирок», 1885, № 8—9; и мн. др.), написанных, по отзыву современника, «так ловко, что они читались с большим интересом» (Плещеев, с. 168).

В 1881 безуспешно хлопотал о передаче ему газ. «Кавказ» (ИРЛИ, ф. 184, письмо Л. Н. Молзалевскому, 5 авг. 1881). В 1880—82 опубли. лит. мемуары («Живые и мертвые» — БВед. 1881, 16 июня ... 28 июля; «Лит. воспоминания» — «Минута», 1882, 11 мая ... 26 мая), в к-рых рассказал о своих дет. и юнош. годах, начале лит. деятельности, а также обширных лит. знакомствах. Довольно сбивчивые и непоследовательные, восп. П. были скептически оценены современниками (см.: Михневич, с. 168), хотя и содержали богатый (правда, небеспорный) материал о мн. писателях.

В 1885 выпустил кн. «Вокруг света. По Индии» (СПб.) — 1-й т. предполагавшегося 4-томного издания, прекращенного за недостатком средств. По замыслу П., книга предназначалась «для легкого чтения» (с. VII), была построена на основе дневниковых записей с последоват. изложением маршрута путешествия, содержала описания природы, культурных обычаев и религ. нравов страны. С симпатией П. описывал миссионерскую политику англичан в Индии, противопоставляя ее действиям рос. «присяжных цивилизаторов» в Ср. Азии (с. 149). Значит. место занимали рассказы о многочисл. приключениях П., к-рые, по выражению одного из рецензентов, граничили с «фантазерством» (ВЕ, 1885, № 8, с. 883). Несмотря на увлекательность содержания, точность и яркость языка динамизм повествования местами нарушался лишними подробностями и повторами. Критика отметила оригинальность фактик. материала (ВЕ, 1885, № 8, с. 883), живость и доступность изложения («Новь», 1885, т. 5, № 17, с. 318).

Пробовал свои силы в массовой беллетристике — пов. «Участь баядерки Амрапути» («Театр. мирок», 1885, № 9—16), где в трогательно-романтич. тонах изображена антиколон. борьба в Индии. К концу 80-х гг. практически отошел от серьезной лит. и науч. деятельности. Не имея достаточных средств к существованию, начиная с 1882 ежегодно получал помощь от Лит. фонда (ИРЛИ, ф. 155, Ж-л к-та об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым). Получил увечья в уличном инциденте (1886); по ходатайству Лит. фонда в 1890 был помещен в гор. богадельню, где умер, забытый

всеми. В 1892 ж. «Природа и люди» посмертно опубли. очерки П. «По Японии» (№ 35—43).

Лит.: Мартынов П. К., Дела и люди века, т. 1, СПб., 1893, с. 202, 204—06, 208, 211, 213, 214, 225; Ясинский И. И., Мои лит. дебюты и редакция «Азиатского востика», — ИВ, 1891, № 12, с. 668—75; его же, Некрасов и молодежь 60-х гг. — «Книга и революция», 1921, № 2; его же, Роман моей жизни, М.—Л., 1926, с. 88—95; Плещеев А. А., Что вспоминалось, СПб., 1914, с. 166—68; Гневусева Е. И., Путешествия П. по Персии и Индии. — В кн.: Очерки по истории востоковедения, М., 1954; с.с. ж.с., Из истории востоковедной прессы в России. — «Сов. востоковедение», 1955, № 3; с.с. ж.с., Забытый путешественник, М., 1958; Назаров О., Забытый странник. — «Вокруг света», 1995, № 12, с. 26—29; ЛН, т. 51—52, ч. 2, с. 433 (письмо П. к Н. А. Некрасову, 1860). — Некрологи. 1891: ИВ, № 11; ВЛ, № 12; «Петербург. газ.», 6 сент.; «Неделя», 8 сент.; НВ, 5 и 6 сент.; «Новости», 5 сент.; Владимирова В., Ист. записка о 1-й казан. г-зии, Казань, 1867, прил., с. 28; Мат-лы для истории ф-та вост. языков, т. 1—2, СПб., 1905, с. 185, 224, 231, 248; Состав «Имп. рус. геогр. об-ва», СПб., 1876; РВед.Сб.: РБС: Брокгауз: Пискарев: Муратова (1. ук.); Масанов (не указан псевд. Мухбир-паша, атрибутир. Е. И. Гневусевой).

Архивы: ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 192 (л. ф. в составе собрания П. Я. Дашкова); ф. 357, оп. 2, № 283 (автобиография); № 2052 (письмо Н. А. Добролюбову, 1860 г.); № 24956 (письмо К. Н. Бестужеву-Рюмину, 1881 г.); РГБ, ф. 169, оп. 72, № 71 (письма Д. А. Милотину); ф. 86, оп. 7, № 6 (письмо В. И. Григоровичу); НП, оп. 15, № 43 (письмо Н. А. Попова); РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 488 (об издании «Азиатского востика»; п. с. 1870 г.); ф. 776, оп. 2, д. 8, 9, 10; оп. 5, д. 9 (ценз. мат-лы); АВПр, ф. 159, оп. 464, № 2583 (ф. с. 1863 г.); ф. 154, оп. 710/1, № 198 (л. д. 1863 г.); ЦГА Убсхистана, ф. И—1, оп. 20, д. 2882, л. 3, 5, 16, 18, 26, 29; ЦГА Татарстана, ф. 87, оп. 1, д. 5592, л. 1—21; ф. 977, ист.-филол. ф-т Казан. ун-та, д. 693, л. 14; Совет Казан. ун-та, д. 3669, л. 32—34. М. А. Николаева

ПЕКАРСКИЙ Пётр Петрович [19(31).5.1827, близ Уфы — 12(24).7.1872, г. Павловск Петерб. губ.; похоронен на Новодевичьем кладб. в Петербурге], историк литературы, библиограф. Родился в дворянской семье выходцев из Польши. Окончил Уфимскую г-зию и юридич. ф-т Казанского ун-та (1847) со степенью кандидата (ун-тскому периоду посв. его «Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере, профессоре Казан. ун-та». — В кн.: Братчина, ч. 1, СПб., 1859). В апр. 1848 поступил помощником столоначальника в Оренбург. губ. правление, в окт. того

же года переведен в Самар. удельную контору. В Самаре состоялось знакомство с Н. В. Шелгуновым, вместе с к-рым в 1851 П. переехал в Петербург, где служил в канцелярии Мин-ва финансов (до февр. 1862).

В 1853 познакомился с Н. Г. Чернышевским, к-рый оказал большое влияние на П., привлек его интерес к рус. истории и словесности 18 в. и ввел в круг «Современника», где П. стал пост. автором отдела «Словесность, науки и искусства». В 1855—62 опубликовал в ж-ле цикл статей, написанных преимущественно по мат-лам рукописного отдела имп. Публ. б-ки: «Русские мемуары XVIII в.» (1855, № 4, 5, 8), где П. проследил развитие лит. языка, «Поездка графа Матвеева в Париж в 1705 г.» (1856, № 6), «Мистерии и старинный театр в России» (1857, № 2, 3), «Актеры в России при Петре Великом» (1858, № 2), «Кондратович, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия» (1858, № 6). Напечатал также историко-бытовые очерки первой четв. 18 в. «Петербургская старина» (1860, № 6, 7, 10), ст. «Журналистика во Франции до первой революции» (1861, № 3, 5) и «Журналистика во Франции во времена консульства и империи» (1862, № 3). Науч. интересы П. нашли отражение и в его незавершенной драме «Русский дворянин при Петре Великом» (1862; черновик: РНБ) о судьбе провинциального дворянина, попавшего в Москву в разгар петровских преобразований. Одновременно П. печатался в «Отч. зап.» (с 1856), «Библиографич. зап.» (с 1858), «Воен. сб-ке» (1858), публикуя неизд. мат-лы о лит-ре 18 в. (о М. В. Ломоносове, В. К. Тредиаковском, А. Д. Кантемире, Н. Н. Поповском и др.). В 1861—62 П. написал ряд статей о рус. деятелях 18 в. для «Энциклопед. словаря, составленного рус. учеными и литераторами» (т. 1—5). Для всех этих публикаций характерны не только источниковедч. основательность, но и демократизм науч. установок: П. с одинаковым усердием изучал как вершинные явления отеч. словесности, так и массовую книжную продукцию безвестных авторов, избегая эстетич. критики. Об одной из статей той поры Чернышевский писал Н. А. Некрасову: «Не эффектно, порядочно, не больше» (Чернышевский, XIV, 340); позднее Чернышевский отдал должное трудам П., назвав его «умнейшим и учнейшим из всех тогдашних членов рус. отделения Академии наук» (там же, XV, 389). По свидетельству П. (см.: Машкова, с. 20), именно Чернышевский подсказал ему идею науч. описания книг, изданных при Петре I. В 1855 П. напечатал «План и образцы библиографич. обозрения

рус. книг петровского времени» («Изв. АН по ОРЯС», 1855, т. 4; полужит. отклик А. Ф. Бычкова — там же) и в течение нескольких лет усилению трудился над его воплощением, облекая 6-ки Петербурга, Москвы и частные коллекции. Созданное им описание книг и для современников, и для последующих поколений стало эталоном тщательности и точности. Введение к библиографии разрослось в самостоят. исследование истории просвещения при Петре I, составившее первый том труда «Наука и литература в России при Петре Великом» (т. 1—2, СПб., 1862; библиография вошла во 2-й т.). Обладавший поразительной работоспособностью, П. завершил свой труд в 1858, но выход книги был задержан цензурой, как светской, так и духовной, по требованию к-рой из рукописи была изъята целая глава «Полемика соч. начала XVIII в., повс. духовной лит-ре, в т. ч. старообрядч. сочинениям. Лишь в кон. 1861 работа П. была разрешена к печати (удостоена Демидовской пр.; рец.: И. И. Срезневский, Я. К. Грот — в кн.: Тридцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград..., СПб., 1861).

Выход книги вызвал широкий резонанс, обусловленный актуальностью переоценки в эпоху Великих реформ деятельности Петра I в истории России (рец. 1862: «Время», № 4; «Сеточ», № 6; «Северная почта», № 121, 192, 193; БЧ, № 4). Среди рец. выделялись ст. Д. И. Писарева «Бедная русская мысль» (РСЛ, 1862, № 4—5), в к-рой труд П., как посвященный «правдашнику» Петра I, был подвергнут уничтожающей критике, а сам автор признан неспособным к науч. обобщению («Книга г. Пекарского дает очень много фактов и очень мало выводов», «суха и бесплодна» — Писарев, П., 52, 53), хотя рецензент и признавал, что П. — «сотрудник „Современника“, уясняющий иногда отвлеченные живыми статьями на запросы времени» (там же, с. 56).

Увлеченный науч. работой и арх. разысканиями, П. постепенно отходил от активного участия в обществ. жизни. Еще в период работы над «Наукой и литературой...» он писал А. Н. Афанасьеву (1860): «Я почти совсем оставил не только знакомых, но и приятелей, и до меня едва доходит то, что совершается в XIX столетии» (см. в кн.: Помощь голодающим, М., 1892, с. 533). В марте 1862 П. переходил на службу в Гос. архив (1871 — д. стат. сов.). В 1863 избирается адъюнктом, в 1864 — экстраординарным, а в 1868 — ordinary академиком АН. Полностью связав себя с науч. и издательской деятельностью Академии, он ограничил свой круг общения почти исключительно коллегами (А. Ф. Бычков, Срезневский, Грот). С 1863 по поручению АН приступил к составлению ее истории по мат-лам академич. архива («История имп. Академии наук в Петербурге», т. 1—2, СПб., 1870—1873; доведена до 1767; впервые написаны науч. биографии Ломоносова и Тредиаковского). В 1862—72 публи-

ковал новые мат-лы по рус. истории 18 в., в т. ч. «Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740—1742 гг. Пер. рукописных депеш франц. посольства в Петербурге» (СПб., 1862), «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» (СПб., 1867); подготовил кн. «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» (СПб., 1866, совм. с Гротом) и «Бумаги имп. Екатерины II [1744—1771]» (т. 1—2, СПб., 1871—72). Выступал с многочисл. статьями по истории рус. образования и науки 18 в. Характер этих публикаций создал П. репутацию не историка, а собирателя («коллектора»), к-рый страшится делать выводы. В Академии П. занимал намеренно консервативную позицию, в полемике мог заявить, что «в науке не нужно никаких убеждений» (Никитенко, II, 540) или что он «к литературе и литераторам не питает ни малейшего сочувствия» (там же, с. 472). Вместе с тем Грот вспоминал, что «трудно найти человека, который бы с большею последовательностью держался своих убеждений и правил, и трудно встретиться с более честными и благородными убеждениями» (СПбВед, 1872, 1 авг., с. 1).

Усиленные занятия подорвали здоровье П., дважды у него были удары (1867 и 1868, лечился в Париже); по рекомендации врачей он жил в Павловске, где скоропостижно умер от холеры.

Изд.: Восп. П. о его службе в Гос. архиве. — «Летопись занятий пох. ист.-археологической комиссии за 1926 г.», в. 1 (34), Л., 1927 (публ. И. А. Бычкова).

Лит.: Чернышевский (ук.); Никитенко (ук.); Шелгунов и др. (ук.); Грот Я., Восп. о В. И. Дале и П., СПб., 1873, с. 55—59; Субботин Н., Восп. о некоторых писателях прошедшего столетия и их письма. — РВ, 1905, т. 298, № 7, с. 240—53; Пыпин А. Н., Мои заметки, М., 1910, с. 99—101; Машкова М. В., П. Пекарский (1827—1872), М., 1957 (портрет, библиография соч. и лит.); Берков П. Н., Введение в изучение рус. лит-ры XVIII в., Л., 1964, ч. 1, с. 101—105. — Некрологи, 1872: РС, № 12 (А. А. Кунин); ВЕ, № 9 (А. Н. Пыпин); «Яросл. губ. вед.», 10 авг. (В. Лествицкий); ВМ, № 207 (б. п.). Гегинади; Брокгауз; РБС; Южаков; КЛЗ; СДР; Муратова (1, ук.); Степанов. Стенник (ук.); ИДРДВ; Ист. кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель, СПб., 1993 (ук.); Масаюв.

Архивы: РНБ, ф. 568 (в т. ч. восп. 1867 «Учено-лит. Москва в кон. 1866 и нач. 1867 гг.»); ИРЛИ, № 16421—23 (мат-лы к словарю рус. писателей 18—19 вв. и к словарю послов, 1855—72); № 18880 (с. 1872 г.); № 18879 (записка П. о своих ученых трудах); № 16426 (ст. «В. Г. Белинский»).

С. И. Николаев.

ПЕРВУХИН Михаил Константинович [6(18).9.1870, Харьков* — 30.12.1928, Рим], беллетрист, журналист. Из дворян. Потомок художника Д. Г. Левицкого (1735—1822). Отец П. — Конст. Павл., тит. сов., пом. губ. землемера, служил в Губ. чертежной (Харьков. календарь на 1871 г., X., 1870, с. 527); мать — Мария Анд. (урожд. Дмитриева; ум. 1901); согласно семейной легенде, род матери происходил из Италини (письмо П. к

А. А. Золотарёву от 6 сент. 1915 — РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 115, л. 37).

По восп. П., его отец, «средний рус. интеллигент шестидесятых годов... извительно остроумный, немножко циничный, взыскчивый до потери сознания. И вот, имея уже большую семью... — сорвался: спился» (письмо П. к Золотарёву от 2 мая 1916 — там же, л. 43). Самым близким (по духу, судьбе, мировоззрению) человеком в семье П. считал брата — живописца-пейзажиста К. К. Первухина (1863—1915), чл. Т-ва передвижных худож. выставок (1899—1903), Союза рус. художников (с 1903), Рус. фотографич. об-ва в Москве (с 1910), участника лит. кружка «Среда» (см.: Скиталец. Повести и рассказы. Восп., М., 1960, с. 421; Белый, кн. 2, с. 403; Васнецов В. А., Страницы прошлого, Л., 1976, ук.).

Биографич. сведения о П. скудны и противоречивы. Окончил Харьков. реальное уч-ще (1890). В 1896 женился (известно лишь имя жены — Елиза. Григ.). До 1899 служил в управлении Курско-Севастопольской ж.д. По свидетельству автора некролога, П. в молодости отдал дань «обычному интеллигентскому мировоззрению... царское правительство считал врагом народа. Был исключен из университета (неизв. какого. — С. Г.); жил в изгнании» («Возрождение», Париж, 1929, 8 янв.; подпись А. В.). Заболел чахоткой («последнего градуса» и с 1899 поселился в Ялте («в компании с Куприным, с вечном пьяным поэтом Рославлевым и с чахоточным беллетристом Башкиным» — «Обломки», с. 3—4). Там же познакомился с А. П. Чеховым (о нем восп. П.: «Ялтинские силуэты» — «Одес. листок», 1904, 6 июля; «Чехов и Ялта» — РСЛ, 1904, 9 июля; «Из восп. о Чехове» — в кн.: Чехов в восп.), к-рый ругал П. за газетную поденщину: «Бессовестно писать разную дрянь, когда можете писать серьезные вещи» (письмо П. к Л. Н. Андрееву от 16 марта 1914 — РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 171, л. 4).

Первая публ. — «Восточные легенды» («Харьков. губ. вед.», 1895; не обнаружена; возможно, П. принадлежит опубл. в этой газ. рассказ

«Находка» — 1895, 12 нояб.; подпись М. К.). Печатался в газетах «Приазовский край» (1899—1906), «Крым. курьер» (1900—06; с 1901 — ред. газ.), «Рус. слово» (1903—13), в ж-лах «Природа и люди» (1904—18), «Вокруг света» (1905—10), «Совр. мир» (1906—08, 1910, 1913—16), «Рус. мысль» (1907—09, 1912—14), «Мир приключений» (1911—15), «Ист. вестник» (1915—17), в сб-ках приключенческих рассказов «На суше и на море» (1910—14) и др.

Первые книги беллетристики П., составленные из ранее напечатанных в газетах произв., вышли в Ялте: «У самого берега синего моря. Очерки и рассказы» (ч. 1—2, 1903—04; 2-е доп. изд. — 1906) — зарисовки крымского, в т. ч. курортного, быта (среди персонажей — много обреченных больных), остроумные, комич., иногда «страшные» истории, с убийствами, кражами, лит. переложение местных легенд; **«Обыкновенная история»**. Повестушка из ялтинской жизни» (1903) — мелодрама красивой женщины, завершившаяся ее самоубийством.

Трагич. события рус.-япон. войны 1904 (особенно падение Порт-Артура) повлияли на мировоззрение П., к-рый «почувствовал, что не правительство, а Россия понесла ущерб... и что от царя и до меня, мы все — русские, Россия» («Возрождение», 1929, 8 янв.). В 1906 по приказу ген. И. А. Думбазе, главноначальствующего Ялты, был выслан из Крыма в 24 часа (местные монархисты постановили «казнить смертью» П. как якобы вожака рев. движения за отказ напечатать в «Крым. курьере» письмо офицеров полка, к-рым командовал Думбазе). П. решил оставить Россию. Год жил в Берлине (корр. моск. газ. «Утро»); затем переехал в Венецию к брату, в 1907 — на о. Капри, где познакомился с М. Горьким [«У М. Горького на Капри» («Одес. новости», 1907, 11 авг.); в письме к Андрееву от 16 марта 1914 П. подчеркивал, что «не мог стать холопом Горького» — РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 171, л. 5] и членами рус. колонии — Золотарёвым, В. Л. Львовым-Рогачевским и др. С 1909 — в Риме: приняв предложение «Рус. слова», стал пост. корр. газеты. Жил с женой и дочерью «в чрезвычайной бедности» (М. А. Осоргин — ПН, Париж, 1929, 8 янв.). Печатался во мн. европ. газетах, в осн. итальянских. Продолжал сотрудничать в рус. газетах и журналах. Переводил на рус. яз. произведения Л. Пиранделло. Публ. его рассказа «Россия в Италии» (РМ, 1908, № 3) приобрела скандально-комич. характер: герой рассказа — форестьер — по замыслу автора, мошенник, преследуемый карабинерами, был переделан редакцией в «опаснейшего социалиста»; однако

«итальянцы, узнав из рассказа о возможности ареста и выдачи рус. социалиста, желают иметь доказательство сего факта» (из письма Горького к К. П. Пятницкому ок. 20 мая 1908 — Архив Горького, т. 4, с. 254).

Произв. П., вышедшие в России, редко удаивались откликов. Автор журн. обзор. «Рус. мысли» (1904, № 10; 1905, № 4; 1906, № 11; видимо, Ю. И. Айхенвальд) высоко оценил «живое и талантливое перо» П. в рассказах «Свисташкино счастье» (МБ, 1904, № 9; отд. изд. — СПб., 1912), «Полное право» («Обр.», 1905, № 2), «На даче» (СМ, 1906, № 1), хотя отметил как недостаток «изв. сгущенность красок» и эскизность. Все три вошли в сб-к рассказов «Догорающие лампы» (СПб., 1909). Львов-Рогачевский, обратив внимание на сумрачный, безотрадный тон произв. П. (похожий, с его т. з., на Чехова), заметил, что писателя «интересует судьба тех, кого сносит поток новой жизни, тех, кто догорает, чахнет и гаснет» (СМ, 1910, № 7, с. 143). А. В. Амфитеатров называл автора «мастером хорошего и честного письма», «художником чеховской школы», сумевшим передать «скорбь серенькой жизни», по темам и психологизму напоминающим К. С. Бараневича (Амфитеатров, с. 143—44). Однако художником чеховской школы П. не стал. Его дальнейшую лит. судьбу определили газетная выучка и склонность к мистификации [так, получив в ж. «Вокруг света» (видимо, ок. 1905) заказ на перевод и недостаточно владея в то время иностр. языками, он сочинил неск. текстов, подписав их своей фам. как переводчик (об этом «курьезе писательской карьеры» П. в некрологе Осоргина)]. Ему больше импонировали приключенч. и научно-фантастич. жанры: для детей старшего возраста — «Бой на воздушном океане. Рассказ воздухоплователя», «Последний полет Гей-Люссака» (оба — [М., 1911]); ориг. произв. (все остальное — его переводы) в сб-ках «На суше и на море» (кроме указанных Масановым П. принадлежат псевд.: Л. Томский, В. Украинцев, Л. Т.) — «Тайна», «Колыбель человечества», «Зеленая смерть», «Над краем лазурным» (все — М., 1912; иллюстрированы рисунками автора и фотографиями). В них — динамичность повествования, построенного в осн. на диалогах (П. изобегает пространных описаний), увлекательный сюжет, с обыгрыванием достижений совр. цивилизации (прыжки с парашютом, полеты на дирижабле, встреча водолазов с подводным чудовищем и т. п.), бойкий язык, стилизованный под иностранный (почти все персонажи с иностр. именами).

В мировую войну 1914—18 и рев-цию 1917 П. остро переживал свою причастность России, пытаясь осмыслить ее судьбу («... нам абсолютно нужен Константинополь, нужны проливы, нужна Галиция, нужна Прибалтика, ибо без них мы снова будем рабами») — письмо Золотарёву от апр. 1917, РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 115, л. 46). С 1917 П. — ред. рус. отдела рим. газ. «Эпоха», корр. газ. «Общее дело» (Париж) В. Л. Бурцева (с к-рым состоял в переписке), рижской газ. «Сегодня» и др. Работал в рус. 6-ке Л. Толстого в Риме. Издал на итал. яз. кн. «I bolsceviki» («Большевики»; Bologna, 1918; предисл. историка Е. Ф. Шмурло) — ряд разоблачит. портретов «вождей» Окт. рев-ции (Л. Д. Троцкий, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Горький), многих из к-рых П. знал лично (по Капри). В кн. «La sfinge bolscevica» («Большевистский сфинкс»; Bologna, 1918) — картина рев. насилия в России глазами беженцев (приведен также пер. на итал. яз. письма Андреева к П. с отзывом о кн. «Большевики»). Эта же тема затронута в его кн. «Обломки» (Берлин, 1922), содержащей и автобиогр. мотивы.

Осмысление рев. событий в России способствовало отходу П. от демокр. лагеря. Осоргин в некрологе подчеркивает, что в 20-е гг. «резко расхохлился» в полит. взглядах с П., к-рый, по его мнению, «совершенно не мог разобраться в явлениях рос. жизни, забыл многое, чему раньше старался служить пером» (П., в свою очередь, видел в произв. Осоргина «кокетливое чистоплюйство» — письмо Золотарёву от 21 окт. 1915, РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 115, л. 39 об.). На позицию П. в эти годы проливает свет его кн. «Мысли о фашизме» (Тяньцзинь, 1927), в к-рой он объявляет себя «первым по времени рус. фашистом» (с. 5), видя в фашизме (в его раннем итал. варианте) идеологию нац. возрождения, способную противостоять большевизму как в России, так и в Италии.

Наиб. известность получил его ист.-фантастич. ром. «Пугачев-победитель» (Берлин, 1924; предисл. С. Кречетова; положит. рец. 1924: «Время», Берлин, 1 сент.; М. Борсский — НВ, Белград, 16 авг.; А. Филиппова — «Рус. газ.», 9 нояб.), первая часть к-рого опирается на ист. реалии, вторая — гипотетическая: что произошло бы, если бы Пугачёв победил и воцарился в Москве. Роман навеян переживанием кровавых событий рев-ции и гражд. войны в России. По поводу романа из жизни богемы «Жемчужное ожерелье» (Рига, [1928]; рец.: «Лит-ра и жизнь», 1928, № 2—3, с. 24—25) Айхенвальд заметил, что, хотя его «содержание не бедно трагизмом... в шутовом больше веришь автору,

чем в серьезном», и уловил «намеки на реальных людей и реальные события — пожалуй, отзвуки каких-то сплетен» («Руль», Берлин, 1928, 10 окт.).

Незадолго до кончины П. писал Вас. И. Немировичу-Данченко: «... мы — я и жена (единственная дочь Елена к этому времени умерла. — С. Г.) — едим раз в день, да и то столько, что и воровья не накормишь. Изю дня в день, из года в год — живем надеждою на „ближкое“ падение большевиков. А они, каналы, почему-то не хотят „рухаться“» (письмо от 1 сент. 1928 — РГАЛИ, ф. 355, оп. 2, № 215, л. 1 об.).

Др. произв.: «Санта-Кьяра. (Из итал. акварелей)» («Жар-птица», 1921, № 4/5), «Достоевский в Италии» («Рус. книга», 1921, № 3), «Фьяметта» («Сполохи», 1922, № 6, 7), «Дьяволетто. Рассказы для детей» (Берлин, 1922).

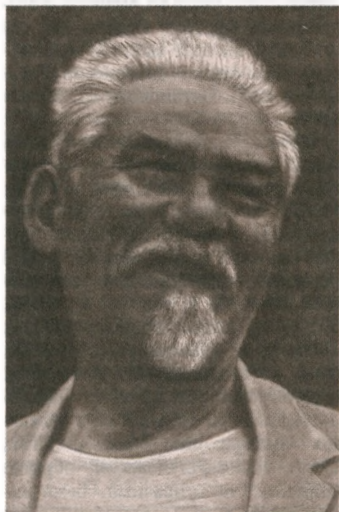
Изд.: Пугачев-победитель, Екатеринбург, 1994 (послел. И. Г. Халымбадж).

Лит.: Чехов. Письма (ук.): Амфитратов А., Заметки сердца. СПб., [1909]: «Природа и люди», 1910, № 32, с. 506 (бюрок. очерк о П.); Волконский А. М., Ист. правда и украинфильская пропаганда, Турин, 1920, с. 189; Гардонио С., П. — летописец рус. рева-шин для итальянцев и похода на Рим для русских. — Тезисы доклада на «Четвертых Банных чтении», М., 1996; Струвс Г., Рус. лит-ра в изгнании, 3-е изд., Париж—М., 1996 (ук.); ЛН, т. 68, 95 (ук.). — Некрологи, 1929: «Возрождение», 2 янв.; «Руль», Берлин, 4 янв.; Алексеев А. Д., Лит-ра рус. зарубежья. Книги 1917—1940. Мат-лы к библи., СПб., 1993; Грант; Фостер; ИДРДБ: Альм. и сб-ки (2); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, письма П.: ф. 11, оп. 1, № 171 (Л. Н. Андреев); ф. 163, оп. 1, № 189 (Б. Б. Глинскому); ф. 218, оп. 1, № 115, 146 (А. А. Золотареву); ф. 419, оп. 1, № 565 (В. В. Розанову); ф. 355, оп. 1, № 59, 215 (письма Вас. И. Немировича-Данченко к П.); ф. 1345, оп. 2, № 134 (очерки П. «Остров Капри» и «Рус. полковник неаполитан. генералиссимус»); ф. 2482, оп. 1, № 49 (газетная вырезка — «Одна из встреч с С. А. Толстой»); ф. 826 (л. ф. К. К. Перухина); ф. 459, оп. 3, № 366, л. 79—80 (газетная вырезка — «Чехов и Суворин»); РГБ, ф. 259, к. 18, № 54, 55 (письма П. к ф. И. Благову); ИРЛИ, ф. 377; письма П.: ф. 549, № 52 (М. М. Гаккебушу); ф. 123, оп. 2, № 256 (Н. В. Корсичко); № 315 (К. Р. Милло); оп. 1, № 659—76 (статья П. в машинописи); ГА Харьков, обл., ф. 40, оп. 105, л. 37, л. 206 об. (м. с. *) (справка Т. В. Чернявской).

С. М. Гучков.

ПЕРЕВЕРЗЕВ Валерьян Федорович [5(17).10.1882, г. Бобров Воронеж. губ. — 5.5.1968, Москва; похоронен на Пятницком кладб.,] литературовед, лит. критик. Отец — Фёд. Изв., письмоводитель Бобров. прог-зии, тит. сов. (с 1889); мать — Ел. Григ. (урожд. Сергеева). По окончании Бобров. прог-зии (1891—1902) П. поступил на естеств. ф-т Харьк. ун-та. Увлёкся марксизмом; в Сумах (куда переехала семья в 1902) стал чл. РСДРП (1903—06; в Орлов. орг-ции 1917—18), вел антиправительственную пропаганду среди новобранцев, гимназистов, рабочих. В 1905 исключен из ун-та. Живя в Полтаве на нелег. положении (под фам. Егоров), в 1907 арестован и заключен в тюрьму за хранение запре-

щенной лит-ры и вскоре отдан под особый надзор полиции. В 1908 выслан в Нарым. край. Находящийся в ссылке П. был привлечен к суду за рев. деятельность 1905 и приговорен Харьков. судебн. палатой в 1908 к 2 годам заключения, к-рое отбывал в тюрьме г. Лебедина Харьков. губ. (ГАРФ; см. также «Семейные и автобиограф. заметки» П. — РГБ, ф. 723, к. 19, № 7).

По выходе из тюрьмы (1910) отбывал оставшийся срок наказания в Сумах, в 1911 приехал в Москву, зарабатывал репетиторством. Печатал в ж. «Совр. мир» статьи и рецензии, посв. работам по рус. и заруб. лит-рам, переводам И. Г. Эренбурга из «средневекового декадента» Франсуа Вийона (1916, № 11), произв. Д. С. Мережковского (1915, № 4), рассказам В. Г. Лидина (1916, № 1) и др., отдавая предпочтение реалистич. лит-ре. Как лит. критик П. высоко оценивал только произв. с социально значимой проблематикой. В рец. на собр. соч. К. К. Павловой П. объявил ее творчество «поэзией чистой формы, поэзией от нечего делать» («Салонная поэтесса», 1915, № 12, с. 186), отметил, впрочем, стилистич. изобретательность, нешаблонность ритм и ритмич. разнообразие ее стихов. В ст. «Воздушный замок эстетики» (1914, № 6) П. утверждал, что символизм и футуризм — варианты одного течения в иск-ве, отличит. черта к-рого — «вражда к реализму» (с. 45). Оспаривая К. А. Эрберга, противопоставлявшего худож. творчество практической «жиздательной» деятельности и называвшего технич. успехи совр. цивилизации «стекляшками культуры», П. рассматривал иск-во с т. з. теории игры, подчеркивал его связь со всеми сторонами человек. деятельности. Сходные мысли П. — в рецензиях на кн. А. М. Евлахова «Реализм или ир-

реализм» (1915, № 3) и на 7-й сб. «Вопросов теории и психологии творчества» (1916, № 2). П. печатал также в ж. «Жен. дело» статьи по педагогике и жен. вопросу (1912—15).

Написанная в тюрьме кн. «Творчество Достоевского» (М., 1912; 3-е изд. — М.—Л., 1928) — опыт использования социально-генетич. (каузального) метода в лит-ведении. Опираясь на эстетич. теорию Г. В. Плеханова, П. трактовал худож. характер как социокультурную личность, строго ограниченную определенной средой; стиль считал проекцией породившего характер бытия. Так, стиль Достоевского П. выводит из психологии «упадочного мешанства». В предисл. к книге П. Н. Сакулин (назвавший П. «молодым критиком») отметил, что социологическое мерило, предложенное П., «недостаточно для того, чтобы понять Достоевского в его наиб. сложных созданиях» (с. XIV—XV). А. Г. Горнфельд считал, что П. дискредитировал социологич. метод «чуждым невниманием к человек. индивидуальностям» (РБ, 1912, № 11, с. 388). Однако конкретный анализ произв. Достоевского не сведен у П. к иллюстрации социологич. метода: рассмотрен христ. оптимизм писателя, дана типология характеров в широком диапазоне их проявлений — от безграничной покорности до безудержного своеволия (о преобладании в анализе худож. произв. у П. экзистенциального подхода над социологическим и о его родстве с «органической критикой» А. А. Григорьева см.: Раков, 1993).

В кн. «Творчество Гоголя» (М., 1914; 4-е изд. — Иваново-Вознесенск, 1928) социологизаторство сочетается с характеристикой худож. типов, а также нек-рых элементов формы. П. определил психол. мимикрию Чичикова и указал на использование в «Мертвых душах» «цветистого стиля» для юмористич. изображения. В формулировке исследоват. задачи — «обнаружить глубинную связь и взаимную обусловленность всех частей гоголевского творчества, его внутреннюю логику и органическую стройность» — содержатся признаки системного подхода к лит-ре, к-рые укоренились в науке позднее. Однако Горнфельд отмечал, что П. «так задавлен марксистским шаблоном, так старается вогнать органическую жизненность гоголевского творчества в схему материалистического толкования, что о чем бы то ни было органическом не может быть речи» («Рус. записки», 1914, ноябрь, № 1, с. 408).

В 1916—17 П. служил воен. фельдшером. Был избран пред. Орлов. Совета рабочих и солдат. депутатов, позднее — гор. голова Орла. Выступал с публиц. статьями на

страницах орлов. газет «Известия» и «Дело социал-демократа». Отмечая кризис совр. власти, полагал, что появление в России Учредит. собрания «будет великим торжеством революции» («Дело социал-демократа», 1917, 29 июля). В ст. «Сущность социализма» (там же, 3 авг.) утверждал, что «идея имущественного поравнения — совсем не социалистич. идея». Высоко оценивая Плеханова, воспитавшего целое поколение рус. социалистов, и именуя себя «плехановцем», П. одновременно говорит об его ошибках в оценке текущего момента (там же, 29 июля). В памфлете «Бесстыдники!» (там же, 25 авг.) П. выступает против тех, кто чернит рус. солдата, гибнущего на войне за отечество.

С 1918 П. — чл. Социалистич. (позднее — Коммунистич.) акад. С 1921 — проф. Моск. ун-та (с 1934 по 1938 — ИФЛИ); чл. ГАХН (с 1922); одновременно — проф. Ин-та красной профессуры (1928—30) и др. учебных и науч. заведений и орг-ций. В 1926 женился на Кл. Ал-др. Эстриной. Статьи и рецензии публиковал в ж. «Печать и революция». Чл. редколлегий ЛЭ. В 20-е гг. возглавлял литературоведческое направление, названное тогда же «переверзевской школой» (Г. Н. Поспелов, У. Р. Фохт и др.; программную ст. П. «Необходимые предпосылки марксистского литературоведения» см. в кн.: Литературоведение. Сб-к статей под ред. П., М., 1928). В ходе дискуссии 1929—1930 эта школа была подвергнута резкой критике и обвинена в ревизии марксизма (см.: «Печать и революция», 1930, № 4). Выступления П. по докладу Г. Лукача, посв. проблемам теории романа («Лит. критик», 1935, № 2, 3), расценивались Лукачем и М. А. Лифшицем как «буржуазно-меньшевистское» покушение на марксизм (там же).

В послереволюц. лит.-ведч. работах П. противопоставлял свой социологич. метод как культ.-ист. школе (с ее констатацией разл. «факторов» культурной жизни, влияющих на худож. творчество), так и формальной (сводившей специфику иск-ва слова к «системе приемов»). В ряде статей о творчестве И. А. Гончарова, преодолевая социологизаторство (им же декларируемое: «изображение эволюции бурж. психики в период капиталистич. ломки» — «У истоков рус. реализма», с. 665), П. утверждает, что для проникновения в структуру романов писателя надо пользоваться не данными обществензнания, а «средствами чисто лит. анализа» (с. 664). Интерпретируя образы-персонажи романов Гончарова, П. не ограничивает их ни классовыми рамками, ни принадлежностью лишь к одному типу в лит. галерее (напр.,

«лишний человек», романтик и др.). По мнению П., вариант «обломовщины», представленный в «Обыкновенной истории» Александром Адуевым, получил завершение в образе Марка Волохова («Обрыв»), к-рый является не пародией на нигилизм, а банкротом в своем «обломовском нигилизме», отрицающим лишь семью и патриархальщину, а не рабство и эксплуататорство. Со слов Н. И. Либана, П. определял осн. коллизию романов Гончарова как конфликт двух миров: мира «коттеджа» и мира «ковчега» (цит. по кн.: Из истории рус. культуры, т. 5, М., 1996, с. 592).

В работе «Поэмотворческий путь Пушкина» (1944—45; опубл. в кн.: У истоков рус. реализма) П. усматривает общность героев пушкин. поэм в индивидуализме, к-рый приводит к «трагедии обреченности». Характерен поворот П. к поиску связей, возникающих «из принадлежности поэты произведений личности одного и того же творца» («У истоков рус. реализма», с. 277). «Высшей тайной» композиционного мастерства Пушкина П. считал «прием многоголосого развертывания мотива» (с. 207).

П. придавал большое значение «малым именам» (А. Ф. Вельтман, В. Т. Нарезный) (см. его работу «У истоков рус. реального (во 2-м изд. — реалистич.) романа», М., 1937; 2-е изд. — М., 1965). Несмотря на прямолинейные социологич. выкладки (напр., сентиментализм объясняется «ростом денежного хозяйства»), здесь немало живых и ценных наблюдений. Так, в произв. Вельтмана усмотрены татогенные к ирреальному, «ассоциативный» синтаксис, «узурчатая, похожая на балагурство речь», предвосхищающие речевую форму романов Достоевского.

В 1938 П. был репрессирован. Отбывал заключение на Колыме и в Минусинске (здесь написана работа «Поэмотворческий путь Пушкина», в 1946 — заметки о философии Вл. С. Соловьева, проливающие свет на духовную эволюцию П.). В 1948 вернулся из лагерей в Александров, где написал кн. «Белинский и театр» (рукопись — РГБ). В том же году снова арестован; находился в тюрьме и ссылке в Красноярском крае (здесь написана кн. об А. С. Макаренке, рукопись — РГБ). В 1956 вернулся в Москву, реабилитирован.

В «Основах эйдологической поэтики» (дописана в 1968; опубл. в кн.: Гоголь, Достоевский. Исследования) — возвращение к принципу каузальности, трактовка образа как «одушевленного познания». По мысли П., слово становится художественным лишь в образе. Кн. «Лит-ра Древней Руси» (опубл.: М., 1971), по мнению критики, ставила целью «максимально приблизить» предмет

своего исследования к совр. читателю (Демин А., Близко ли далекое? — ВЛ, 1972, № 10, с. 207).

Изд.: Гоголь. Достоевский. Исследования, М., 1982 (вступ. ст. М. Поликова); У истоков рус. реализма, М., 1989 (вступ. ст. П. А. Николаева).

Лит.: Шуккин С., Две критики. Плеханов — Переверзев, М., 1930; Прозоров А., Переверзев и его ученик. — «На лит. посту», 1930, № 4; Михайлов А., К критике методологии П. — Там же, № 5—7; Динамов С., Итоги литературоведческой дискуссии и «партийные друзья П.» — Там же, № 7; Против меньшевизма в литературоведении. О теориях проф. П. и его школы. Сб-к статей, М., 1933; Поспелов Г. Н., Методологич. развитие сов. литературоведения. — В кн.: Сов. литературоведение за пятьдесят лет, М., 1967; Раков В., Из истории сов. литературоведения. Теория «социального генизиса» лит-ры, Иваново, 1981; его же, О П. — по-новому. — В кн.: Контекст. 1992, М., 1993; Таратута Е., Учитель. — «Лит. обзор», 1988, № 7, с. 92—93; Jackson R. L., The sociological method of V. F. Pervezzev. A rage for structure and determinism. — In: Literature and society in imperial Russia. 1800—1914, Stanford, 1978. — Некролог: ЛГ, 1968, 8 мая. ЛЭ: КЛЗ; Муратова (1, 2; ук.).

Архивы: РГБ, ф. 723; РГАЛИ, ф. 984, оп. 1, № 155 (л. д. 1932 г.); ГАРФ, ф. 102, 7 д-во, 1907 г., д. 6620; ф. 63, 1915 г., д. 31, т. 2 [справка З. И. Персудовой]. П. А. Николаев.

ПЕРЕВОДЧИКОВА Августа Васильевна [1838 — 18.4 (1.5).1908, Саратов], поэтесса. Биограф. сведения о П. скудны и не всегда достоверны. По свидетельству А. Н. Мошина, П. род. в Сибири в семье бедного чиновника (переселившегося позже в Поволжье), к-рый выучил ее грамоте и отдал в монастырь. О матери сведений нет, возможно, по причине драмы, оттолоски к-рой — в рассказе П. «Семейная история» («Саратов. дневник», 1893, 23 дек.): жена ушла от мужа, бросив дочь. Из монастыря П. вернулась домой, чтобы ухаживать за умирающим отцом. Оставшись сиротой, жила в Саратове в полусурьной комнате, зарабатывая шитьем рубашек, вязанием карпеток и т. п. Вскоре отправилась в деревню и 18 лет проработала сел. учительницей от земства. Заболела, вернулась в Саратов; став уже известным в городе литератором, жила в бедности.

В первой публ. — стих. «О жизнь, скажи, открыт твой мне тайны...» и «В сердце незаметно...» («Саратов. дневник», 1893, 9 мая) — переживание одиночества, боязнь бесцельного существования, надежда на то, что «туман тоски» рассеется. Стихи П. печатаются также в др. изд. («Толбосьские губ. вед.», 1893). Сб-ки стих. «Осенние мотивы» (Саратов, 1895, 1897), «Вечерние тени» (Саратов, 1897; рец.: «Саратов. дневник», 1897, 6 сент.), «Мечты и жизнь» (Саратов, 1898) дали основанию рецензенту назвать музу П. «печальной»: она поет «о разных „горестях земных“, о зле и болях всего о нужде» — «очень скучно, очень тоскливо, но зато правдиво» («Саратов. листок», 1897, 27 авг.). Моск. критик, не признавая у П. «крупного поэтич. дарования», отметил «доброе

чувство» и «деятельную любовь к ближнему» как приятное исключение среди «совр. претенциозной декадентской дребедени» (РВед, 1897, 8 сент). А. В. А. («мфитеатров?») с удовлетворением констатировал принадлежность П. к «поэтич. лагерю» Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, Ю. В. Жадовской (а не Ш. Бодлера и не П. Верлена!), хотя отметил, что стихи ее «бледноваты по форме» (НВ, 1898, 21 янв.). В его же рец. на «Стихотворения» (2-е изд., Саратов, 1901; 3-е изд., М., 1902, с предисл. Мошина; рец.: РМ, 1903, № 3; «Обр.», 1903, № 8) использовано то же критич. клише: с одобрением говорится о простоте, искренности, отсутствии поэтич. кокетства и эффектных поз, о «живых гражд. нотах», о прелестной наивности, от к-рой «веет задумчивостью старинного романа», о народности, за к-рую «можно простить многое», в т. ч. и шероховатость «спотыкливо-го» стиха («Россия», 1901, 9 окт.).

Стихи П. регулярно печатались не только в провинц. изд. («Саратов. дневник», красноярский «Енисей», 1904—05; новая кн. «Стихотворения», Саратов, 1905; рецензент «Сиб. края» назвал стихи П. «песнями отшельничества» — 1905, 6 июля), но появлялись и в столичных ж-лах («Новый век», 1901, № 8, 9, 11; «Нар. благо», 1902, № 36; «Ясный Сокол», 1908, № 3) и сб-ках («Нужды», М., 1896—97; рец.: РБ, 1896, № 8; «К заветной цели», М., 1904).

Рассказы П. публиковались в «Саратов. дневнике» в 1893 (напр., «Старый учитель» — 8 сент.; «Певница» — 26 сент.; «На родине» — 14 окт.). Прозаич. сб-к «Штрихи» (Саратов, 1898) вызвал упреки рецензента: автор взялся описывать жизнь «заурядных людей» и «слишком щедро» использует «таинственное значение смерти» (половина рассказов кончается смертью героев, в других — герои на краю могилы; МВед, 1898, 22 окт.). На фоне бытовых зарисовок выделяются персонажи, близкие П. по духу и по судьбе: бездомный сел. учитель-«просветитель», молодая труженица, взявшая на себя после смерти отца заботу о матери и о сестре.

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Избр. произв. рус. поэзии, 5-е изд., СПб., 1909 (сост. В. Д. Бонч-Бруевич).

Лит.: Петрова Л., Из лит. прошлого Саратова. Заметки о творчестве поэтессы П. — В кн.: Лит. Саратов. Альм., кн. 8, Саратов, 1947; Рус. писатели в Саратове. Поволжье, Саратов, 1964, с. 110—116 (ст. В. В. Шабанова); Шабанов И. А., «...Кольбель моих песен — страдания...» — «Лит. Россия», 1985, 22 нояб.; ЛН, т. 53—54, с. 566. + Некролог: «Саратов. вест.», 1908, 20 апр. Тарасенков; Каталог Б-ки Саратов. коммерч. собрания, Саратов, 1904, с. 31, 54; 1914, с. 63; Альм. и сб-ки (1).

Архивы: РГБ, ф. 683, к. 3, № 11, л. 23 (Н. П. Рогожин, «Мат-лы к биобибл. Словарию рус. писателей, вышедших из трудовой среды»);

РГАЛИ, ф. 1307, оп. 2, № 68 (письмо Ф. С. Шкулева). В. Н. Абросимова.

ПЕРЕВОЩИКОВ, Перевощиков, Василий Матвеевич [1(12).4.1785, г. Саранск Пензен. наместничества — 6(18).10.1851, Петербург; похоронен на Смоленском кладб.], автор трудов по эстетике и истории рус. лит-ры, переводчик. Происходил из неродовитых дворян Пензен. губ. Брат Д. М. Перевощикова (см. о нем ниже). Был женат на Е. М. Княжевич, сестре А. М., Д. М. и Н. М. Княжевичей; свидетельство Ю. К. Арнольда о том, что жена П. — «урожденная Воейкова» (Арнольд, с. 149), не соответствует действительности.

Первоначальное образование получил в Саранском нар. уч-ще. В 1801 поступил в Казан. г-зию, в 1805 казеннокоштным студентом в Казан. ун-т, где стал одним из основателей (1805) и активных участников Казан. об-ва любителей отеч. словесности. В 1805 выполнил перевод «Начальных оснований лит-ры» Ш. Баттё (не опубли.; см.: Биогр. словарь профессоров Казан. ун-та, ч. 1, с. 147), положивший начало его работе по популяризации зап.-европ. эстетики 18 в. В 1806 П. как «признанный получившим достаточную подготовку» (там же, с. 147) переводится ст. учителем философии и словесности в Пензен. г-зию. В 1808 на торжеств. акте г-зии произносит речь, понравившуюся попечителю Казан. ун-та С. Я. Румовскому, благодаря чему в 1809 без экзамена получает звание магистра словесных наук ун-та и место пом. инспектора студентов, к-рое занимает до 1814.

В 1809—10 П. печатается в ж. «Цветник», с издателями к-рого сближается, возможно, через Княжевичей. Его первой публикацией становится стих. «Песня» (1809, № 6), за к-рой следует еще несколько ориг. и переводных стих.: «Элегия» Э. Парни — «В печальной юности я жил одно мгновенье» (1810, № 5), «Утро» Ф. Шиллера и романс «Павел и Virginия» по мотивам ром. Ж. Бернардена де Сен-Пьера (1809, № 8, 10). Поэтич. опыты П. несут на себе следы добросовестного освоения стихотв. культуры старшего караминизма. В том же русле находится и единств. прозаич. худож. произв. П., помещенное в «Цветнике», — сентимент. пов. «Модест и София» (1810, № 5—6), где речь идет о крушении, к-рое терпит сентимент. герой в свете, о счастье и любви, вновь обретенных им в сел. уединении. Скорее всего, П. был также автором (или переводчиком) сказочной повести «Лебеди» («Цветник», 1810, № 8—9), подписанной В. П-вм.

В 1811 П. становится адъюнктом Казан. ун-та, в 1814 — экстраординарным, а в 1820 — ординарным

проф. истории, географии и статистики. Помимо преподавания истории и лит-ры П. вел также переводч. семинар со студентами: под его наблюдением осуществлялись переводы с франц., нем. и лат. языков. П. участвовал в подготовке ун-тских изданий, был под началом Г. Н. Городчаннинова редактором и цензором первой рус. провинц. газеты «Казан. известия» (1811—13); в № 33 газеты за 1811 поместил сатирич. фельетон «Разговор на бале» — о воспитании детей, единств. материал беллетристики. характера среди офиц. хроники. В 1814 на годовом акте ун-та произнес «Речь... [о пользе наук вообще и в особенности о пользе Казан. университета]» (Каз., 1814; ВЕ, 1814, № 18), где дана любопытная характеристика географич. положения и культурной ситуации Казани. С 1816 был членом ун-тского к-та по составлению «Ученых записок», заменил к-рых, однако, остался неусуществленным. В 1817—20 — чл. Правления ун-та и Училищного к-та, примыкал к «русской партии», ведущей борьбу с нем. профессорами (Загоскин, т. 2, ч. 2, с. 109 и др.). П. принадлежит одно из немногих ст. свидетельств о последних годах жизни В. А. Озерова, с к-рым он виделся в Казани в 1812 (РС, 1896, № 3, с. 544—45).

Сотрудничество П. с «Вест. Европы», начавшееся в 1814, обозначает новый этап его лит. деятельности, всецело связанный с ун-тским преподаванием. Помимо «Речи ...» здесь в 1814—16 публикуются его переводы идилий Ф. К. Броннера с нем. (ВЕ, 1814, № 5, 9; подписаны, в отличие от последующих публикаций, топонимом: село Покровское — так называлось владение П.). Ученик и последователь С. Геснера, Броннер в эти годы был профессором физики Казан. ун-та и приятелем П. Одновременно сначала в «Рос. музее» (1815, № 4—6), а затем в «Вест. Европы» (1816, № 12—13, 17/18) печатаются фрагменты написанной им теории словесности: «Опыт о средствах пленять воображение», «Опыт о возбуждении и утолении страстей» и «Опыт о убеждении разумом». По мнению П., сформулированные им во всех трех «Опытах ...» рекомендации в совокупности «дадут писателям силу всепоглощающую» (цит. по кн.: Рус. эстетич. трактаты..., с. 284). Считая «первым и главным предметом эстетики» вопрос, «что есть изящное вообще», и видя в ней «учение» о чувственном восприятии мира (там же, с. 262), П. в своих эстетич. взглядах опирался по преимуществу на труды теоретиков 18 в.: Баттё, А. Г. Баумгартена, И. Г. Зюльцера и др., критикуя как «материализм» франц. просветителей, «истребивший и нравств-

венность, и религию, и законы» (ВЕ, 1816, № 17/18, с. 22), так и новейших нем. философов, «со времен Канта, по введенному им непонятному образу писания, едва ли самих себя разумеющих» (там же, с. 22; см. также прим., с. 25). Примеры для теории словесности П. черпает как из античной и зап.-европ. лит-ры, так и из рус. писателей 18 в., прежде всего из М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина, однако охотнее всего цитирует Н. Буало.

Резиция Казан. ун-та М. Л. Магницким сложилась для П. благоприятно (Загоскин, т. 3, с. 299), он предлагал по закрытии ун-та использовать П. по его «собственному желанию» по Министерству духовных дел и нар. просвещения (там же, с. 306) и за «усердное содействие введению нового порядка» представлял его к поезде «в столицу, где он никогда не бывал» (там же, т. 4, с. 290). Вероятно, изменением ситуации в ун-те продиктована публичная лекция П. (29 февр. 1820) «О влиянии отношения наук и христ. религии», а также восторг, отзыв, данный им на соч. Горюхиной «Мнение христианина о праве естественном». Вместе с тем, как можно судить по мемуарам М. М. Попова, П. позднее, по-видимому, был не против представить себя жертвой гонений со стороны Магницкого: «В одном месте пришлось ему быть свидетелем неправды, делаемой людьми столь сильными, что их превосходить было невозможно — и он тотчас пересел в другой город. Там, в случае лести и покорности, ожидали его чины и ордена, но он спешил унести с собой гораздо лучшую вещь — свое доброе имя» (РС, 1896, № 3, с. 553). В биографии П. это показание может быть соотносено только с его переездом из Казани в Дерпт.

В Дерптском ун-те П. с осени 1820 получил место профессора рус. словесности, к-рое ранее занимал А. Ф. Воейков, в 1824 и 1827 — декан историко-филол. ф-та, в 1827 назначен дир. Профессорского ин-та, куда приезжали на подготовку к получению профессорского звания выпускники др. ун-тов Рос. империи.

Положение П. в этом, по преимуществу нем., ун-те было достаточно сложным. «Переселясь из Казани в Дерпт, — вспоминал он, — я слышал чуждый язык, видел иные обычаи и нравы, должен был обращаться с людьми незнакомыми и ко мне равнодушными» («Атеней», 1828, № 6, с. 155). Его лекции по рус. словесности не пользовались популярностью у студентов, большая часть к-рых не знала рус. языка, а остальные не могли принять его консервативных лит. взглядов. По словам одного из его нем. студентов Э. Андерса, П. защищал поэзию 18 в. от поклонников новейших романтиков, вейяни «со слезами на глазах» («Baltische Monatschrift», 1892, Bd 39, Heft 5, S. 286).

Свидетельства о П. его рус. студентов достаточно разнородны. Ученивший в Профессорском ин-те Н. И. Пирогов, имевший, впрочем, с П. личный конфликт, отзывался о нем, как о «типе сутого, безжизненного, скрытного ... бюрократе» (Пирогов, с. 336). С др. стороны, Ариоль называет П. «чрезвычайно образованным и основательным» лектором, к-рый умел «развивать в юных своих слушателях любовь к нашей литературе», и вспоминает, что гостеприимный дом П. был средоточием немногочисленной рус. колонии в Дерпте (Ариоль, с. 148—49). Гиперболически восторженную характеристику П. давал знавший его позднее М. Попов, находивший в

наружности, характере и поступках П. «что-то карамзинское»: «Он всегда правдив и, можно сказать, грациозен в своих поступках. Кротость и доброта видны в каждом его действии. В его благосклонности ко всем, в его признательности за знаки уважения к нему так много милого, что к нему невольно питаешь самое нежное чувство ... Искреннее желание общего блага и спокойствия — вот основание его мыслей. Это один из тех людей, которыми твердо и счастливо царство. Если он не святой человек, то — святой гражданин» (РС, 1896, № 3, с. 551, 552—53).

В числе немногих рус. учеников П. был Н. М. Языков, поначалу сблившийся с П., ценивший его «познания и верный ... вкус» (Языков, с. 77) и находивший общение с ним «чрезвычайно полезным» (там же, с. 35), хотя и сожалеющий, что тот «почитает Хераскова величайшим поэтом и прозаиком» и «принимает... за образец слога русской прозы Шишкова» (там же, с. 178, 35). П. высоко оценил дарование Языкова, к-рый писал брату, что П. «даже на лекциях не начинает говорить, пока да я не приду; даже в глаза говорит мне, что я имею истинный талант» (там же, с. 119).

П. пытался использовать свое влияние на Языкова, чтобы направить молодого поэта к полит. и религ. благонамеренности (он, в частности, осуждал А. С. Пушкина за недостаток «характера и постоянных правил нравственности», проявляющийся в сочинениях, — ВЕ, 1897, № 11, с. 163). Однако к концу своего пребывания в Дерпте Языков начинает тяготиться опоской П., чему способствует и резкое падение репутации П. в студенч. среде.

В 1827 столкновение П. со студентом, к-рого он называл грубияном, приводит к бойкоту лекций П., примерно в то же время происходит его ссора с Пироговым и др. студентами Профессорского ин-та, раздраженными его надзором. В результате в 1830 П. подал в отставку.

В Дерпте интересы П. смешиваются с эстетич. на историко-лит. проблемы (в 1825 будет избран чл. ОИДР при Моск. ун-те). В 1822 в «Вестнике Европы» появляется цикл статей П. под общим загл. «Материалы для истории рос. словесности». Цикл включает в себя очерки о Св. Димитрии Ростовском (Туптало) (№ 5), Ф. Прокоповиче (№ 9/10), А. Кантемире (№ 13/14), Ломоносове (№ 17—18). В очерках наряду с фактич. сведениями содержится попытка критич. оценки творчества этих писателей, причем отмечаются как их достоинства, так и недостатки, по мнению П., связанные с тем, что они жили «в таком веке, в котором вкус не имел еще надлежащего руководства и должен был бороться с языком необразованным, хотя и богатым» (ВЕ, 1822, № 18, с. 102). Свое повествование П. пытался оживить библиографич. подробностями.

Содержавшееся в ст. о Димитрии Ростовском утверждение о единстве философии и религии, по к-рому «венец сей философии есть вера христианская» (ВЕ, 1822, № 5, с. 24), вызвало цензурный скандал. Попечитель Моск. уч. округа А. П. Оболенский, указав, что статья «клонится к показанию единства между такими предметами, кои ни малейшей связи между собой не име-

ют», потребовал от ректора ун-та А. А. Прокоповича-Антонского «препоручить во внимание цензуры, чтоб она ... такого рода рассуждений, к унижению христианства клонящихся, не дозволяла печатать ни под каким видом» (РА, 1897, кн. 2, с. 120).

В 1822 П. издает в Дерпте (с посвящением вел. кн. Михаилу Павловичу) свою итоговую книгу «Опыты», куда вошли его речи, переводы из антич. авторов (прежде всего из Тацита), переводы идилий Броннера, слова «О темных и светлых видах при гробе» И. Г. Гердера и др., статьи по эстетике и житие князя Я. Ф. Долгорукова, ранее напечатанное в «Благонамеренном» (1819, № 2—4). В целом «Опыты» отчетливо ориентированы на пед. деятельность П. Характерно отсутствие здесь его ранних произв., публиковавшихся в «Цветнике». Критич. отзывы на «Опыты» были в целом благоприятны, хотя и не лишены замечаний («И. И. Давыдов» — ВЕ, 1822, № 20; «А. Е.» И(змайлов) — «Благ.», 1822, № 22; Анастасевич — СО, 1822, № 30). А. А. Бестужев (Марлинский) указал на архаичность «Опытов» и недостаточность «логики... в сей эстетике» (СО, 1822, № 36, с. 111). Ф. В. Булгарин в стихотв. переводах П. увидел более «усилия ученого человека, а не пинтические порывы» (СА, 1823, № 5, с. 402).

В дерптский период жизни П. также были опубл. «Слово о превосходстве самодержавного правления» (Дерпт, 1826; а также: «Славянин», 1827, № 17—18) — речь, прочитанная им на торжеств. акте в ун-те в день восшествия на престол имп. Николая I, а также жизнеописание ген. Б. Ф. Кнорринга, с к-рым он был знаком по Дерпту («Атеней», 1828, № 6; отд. изд. — М., 1828). Он поддерживал переписку с Воейковым (письма Воейкова к П. см.: РА, 1890, кн. 3), М. Т. Каченовским (см.: Языков, с. 43). Судя по свидетельству о тесном общении семьи П. с Мойсерами (Уткинский сб., [в.] 1, М., 1904, с. 273), П. должен был быть знаком с В. А. Жуковским.

После отставки П. поселяется в Петербурге. В 1833 он занимается сбором материалов для биографии Карамзина, для жизнеописания к-рого им были составлены вопросы, обращенные к людям, лично знавшим Карамзина. Препроводив их к И. Дмитриеву, П. А. Вяземский писал: «Некоторые из них... замечательны своею простосердечностью... Перевоищиков ум не очень острого и глубокомысленного, но литературные труды его не без достоинств» (РА, 1868, № 4/5, стб. 628—629). Гл. достоинство Вяземский и Дмитриев находили в том, что он «честный литератор». Замысел, однако, не был осуществлен.

Избрание П. в 1835 (по представлению А. С. Шишкова) в члены Рос. академии переключило его внимание на труды, предназначенные для Академии. В 1836 (СПб.) выходит очередная часть его «Материалов для истории рос. словесности» «О рус. летописях и летописателях по 1240 г.» (2-е, доп. изд. — В кн.: «Тр.

имп. Рос. Академии», 1841, ч. 4) (сочувств. отзыв М. П. Погодина, встретившегося с П. в кон. 1838, — в его кн.: Год в чужих краях, ч. 1, М., 1844, с. 25—26). В эти же годы П. подготавливает «Роспись книгам и рукописям имп. Рос. Академии» (СПб., 1840).

В 1841 П. переживает личную драму в связи с обвинением его сына в краже казенного перстня [оправдан по прошению П. на высочайшее имя; зафиксированная в «Рус. старине» (1879, № 1, с. 157—58) легенда о том, что прошение было обращено к Александру I и его составлял Карамзин, опровергается не только датировкой рукописи (РНБ, ф. 452, № 603), но и содержанием документа]. В 1840-е гг. П., возможно, по причине плохого здоровья отходит от лит. деятельности.

Др. произв.: «Приветствие... вел. кн. Михаилу Павловичу от Казан. университета» (СО, 1817, № 41), переводы с нем.: фрагмент из «Истории Швейцарского Союза» И. Мюллера (ВЕ, 1822, № 21), «Избранные притчи» Ф. А. Крумахера (М., 1835).

Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880), брат П., астроном, математик, акад. АН (с 1855). Проф. Моск. ун-та (1826—1851) и его ректор (1848—51) (восп. о преподават. деятельности см.: Колупанов Н. П., Из прошлого, [М.], 1894, с. 5—6; Сто один (А. Д. Галахов) — РВ, 1876, № 11, с. 188—91, 195). Учился в Казан. ун-те, где сблизился с Н. И. Лобачевским, С. Т. Аксаковым; с последним и позднее сохранял дружеские отношения (общался также с Т. Н. Грановским, семьей М. С. Щепкина, М. П. Погодиным). Автор тр. по астрономии, физике и математике, одним из первых начал издавать матем. уч. лит-ру, подготовил «Ручную матем. энциклопедию» (кн. 1—12, 14, М., 1826—38).

Дм. Матв. часто выступал в периодике: пост. сотрудник «Атеней» М. Г. Павлова, энциклопедически печатался в «Моск. телеграфе» (1820), «Моск. вестнике» (1828), «Москвитинине» (1842, 1848), «Отч. записках» (1834—1844), где опублик. статьи «О падающих звездах» (1839, № 8), «Звездное небо» (1840, № 10), о «физич. географии» и др. Переехав в Петербург (1857), стал сотрудничать в «Современнике» (1848—49, 1852—55), помимо научных статей помещал там «Поездки из Петербурга в Крым и обратно» (1853, № 1), переводы соч. франц. астронома и полкт. деятеля Д. Ф. Араго «История моей молодости» (1854, № 6), «Слово Мольеру...» (1855, № 10). Дослужился до 4-й ст. советника. См. о нем: РБС; Брокгауз; Сл. профессоров Моск. ун-та, ч. 2; Подсевый. Мат.-м., с. 261—62; Белинский (ук.); Белинский в восп. совр., М., 1977, с. 142, 282, 601; Чернышевский (ук.); Боград. ОЗ (1); Боград. «Совр.»; БСЭ.

Изд.: Опыт о средствах шитья воображение. — В кн.: Рус. эстетич. трактаты первой трети XIX в., т. 1, М., 1974; Модест и София. — В кн.: Рус. сентиментальная повесть, М., 1979 (без атрибуции П.); Франц. элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры, М., 1989, с. 456—57, 600.

Лит.: Некролог: ЖМНП, приб., 1852, т. 73, № 1; Плетнев П. А., Отчет имп. АН по ОРЯС за 1851. СПб., 1852, с. 347—49; Белинский (ук.); Пирогов Н. И., Соч., т. 1, СПб., 1887, с. 336—38; Чумиков А. А., Летопись забав и шалостей дерптских студентов. 1803—1862. — РС, 1890, № 2, с. 361; Воейков А. Ф., Из писем к П. — РА, 1890, кн. 3; Арнольд Ю. К., Восп., в. 1, М., 1892, с. 148—50; Попов М. М., Мелкие рассказы. — РС, 1896, № 3; Шенрок В. И., Н. М. Языков. Биопр. очерк. — ВЕ, 1897, № 11—12; Сухомятинов М. И., История Рос. Академии, в. 7—8, СПб., 1885—88 (ук.); Вя-

земский, IX, 145; Биопр. словарь проф. Казан. ун-та, ч. 1; Загоскин Н. П., История имп. Казан. ун-та за первые сто лет его существования. 1804—1904, т. 1—4, Каз., 1902—04 (ук.); Булич Н. Н., Из первых лет Казан. ун-та, 2-е изд., ч. 1, СПб., 1904 (ук.); Петухов Е. В., Имп. Юрьевский, бывший Дерптский, ун-т за сто лет его существования (1802—1902), т. 1, Юрьев, 1902 (ук.); Языков Н. М., Письма к родным... (1822—1829), СПб., 1913 (Языковский архив, в. 1; ук.); Камарский З. А., Филол. исл. рус. просвещения, М., 1971 (ук.); А. Т., Письмо В. С. Сопикова. — «Книга», сб. 32, М., 1976, с. 180—81; Лысов В. П., М. В. Ломоносов в рус. историографии 1750—1850-х гг., В., 1983, с. 78—81; Вацуру (2), с. 118. — Гениади: РБС; Брокгауз; Воронин И. Д., Лит. деятели и лит. места в Мордовии, Саранск, 1951, с. 105; Муратова (1, ук.); Масанов. Е. М. Буз, А. Л. Зорин.

ПЕ́РЕТЦ Григорий Григорьевич [11(23).11.1823 — 11(23).12.1883, Петербург (?); похоронен на Волковом кладб.,] поэт, критик, журналист. Из дворян. Сын Г. А. Перетца (тит. сов.) — члена «тайного противоправительств. об-ва» (с 1819 или 1820), арестованного в июне 1826 (подробнее см. о нем: Перетц В. Н.,

Перетц Л. Н., Декабрист Г. А. Перетц..., Л., 1926). Отец А. Г. Бородинской, дядя В. Н. Перетца (1870—1935; литературовед, академик, собиратель рукоп. книг; см. о нем: БСЭ, КЛЭ). Вся жизнь П. была связана с Петербургом, где он успешно окончил 2-ю г-зию (1832—40); обучение частично оплачивалось из капитала умершей матери, частично из казны) и поступил на 2-е отд. филос. ф-та ун-та. Однако в 1843 оставил учебу и около года служил при Комиссариатском деп. В числе первых публ. — стих. в «Маяке» («Коломб» — 1840, ч. 12; «Смерть», «Разочарованным» — 1842, ч. 6) и «Б-е для чтения» («На кладбище» — 1843, т. 60). В 1845 вышел его сб. «Стихотворения» (СПб., псевд. Петр Штавер; доброжелат. рец.: «Совр.», 1845, № 8). В. Г. Белинский в рец. (ОЗ, 1845, № 7) писал: «... очень хочется, чтобы автору было никак не больше 15-ти лет, потому что в таком случае мы имели бы удовольствие признать в

его стихотворениях нечто вроде таланта, чувства, и если не мысли, то стремления к мысли...» (IX, 170), «и если б мы не предполагали их автора очень молодым, не стоило бы труда и говорить о них» (IX, 172). Книга П., отмеченная чертами псевдоромантич. поэзии 40-х гг., дала критику повод для разговора о гражд. инфантильности в иск-ве. После 1846 П. стихов не печатал.

Получив право преподавания рус. яз. и лит-ры (после чтения пробных лекций, на основании свидетельства гл. начальника Воен.-уч. заведений), служил в Гл. инж. уч-ще (1849—53), Строит. уч-ще (с 1856; в 1860 произведен в навл. сов.), в 1861—63 — в Марининском ин-те, Школе гвард. подпрапорщиков и кав. юнкеров и Технологич. ин-те. Ученики П. называли его лекции «бесцветно-сентиментальными» (Кони, 352). Оставил пед. поприще. Был командирован для изучения вопроса о подделывании рус. ассигнаций в Лондон, где познакомился с А. И. Герценом. Тогда же П. стал нештатным агентом III отд.: по его телеграмме был арестован П. А. Ветошников, возвращавшийся в Россию с письмами Герцена (к-рый не заподозрил П.: «Он, кажется, очень хороший и образованный человек», — Герцен, XVII, 244), Н. П. Огарева, М. А. Бакунина и В. И. Кельсиева к деятелям рус. рев. подполья. Уже в 1863 П. стал одним из тех сотрудников, к-рым поручался наиб. сложная и длит. работа. Гр. П. А. Шувалов, отзываясь о П., писал: «очень способный и образованный ... состоит заграничным агентом по надзору за рус. эмиграцией и пишет интересные и очень полезные для нас донесения» (Кони, 353). Вступив в петерб. К-т грамотности (1863), сделался его подчеркнуто активным участником: вносил предложения об организации бесплатной школы для сел. учительниц, об увеличении статьи расхода на бесплатную рассылку книг, об издании избр. соч. А. С. Пушкина для народа. Однако именно на основании его докладных записок о деятельности К-та, способного «под прикрытием дела грамотности успешно вести и организовать обширный заговор» (ЛН, т. 67, с. 689), и Об-ва женского труда, возглавляемого П. Н. Ткачевым и П. Л. Лавровым, организации были запрещены. Сотрудничал в «Голосе» (в 1869—70 зав. внутр. отд.), «Правительств. вест.» (в 60-е гг.), состоял «в действит. службе ... по редакции „Сев. почты“» (1863—68), а также опублик. ряд лит. популяризаторских статей биопр. характера в ж. «Пантеон» («Гете, его жизнь и лит. деятельность» — 1848, № 1) и «Соч. Книжнина» — 1850, № 1) и «Лит. библиотека» («Карамзин и его лит. деятельность» — 1866, № 4). В 1869—

1872 П. — сверхштатный чиновник особых поручений Мин-ва внутр. дел (в 1869—70 командирован «для занятий по редакции „Правительств. вест.“»). С 1872 на гласной службе в III отд. С 1877 в отставке.

Источником источников (в частности, в «Словаре писателей» И. Ф. Масанова) стало полное совпадение имени, отчества и фамилии П. и Перетца Григория Григорьевича [1(13).2. 1876, Петербург — после июня 1919], историка, журналиста. Согласно автобиографии (ИРЛИ, ф. 377, № 2793, л. 1), его «отец — педагог, журналист, дед — декабрист». (Данные сведения дают возможность предположить, что П. и Перетц Г. Г. состояли в родстве.) Окончил г-зию Человеческого об-ва, Киев, восп. уч-ще и Военно-юридич. академию. С 1900 печатался (в т. ч. в «Варшавском восп. ж-ле», газ. «Русь», «Рус. слово», «Бирж. вед.», «Речь», «Раннее утро», а также в «Ежемесячном ж-ле», «Ниве», участвовал в «Воен. энциклопедии»). Отдельно изданы: «Военно-судебные уставы иностранных государств» (СПб., 1900), «Записки команданта пиндиды рус. революции» (П., 1917), «Очерки по истории Красной гвардии» (М., 1919) и др.

Лит.: Герцен (ук.); Занятия К-та грамотности, в. 8, СПб., 1863, с. 344—51; Протопопов Д. Д., История С.-Петерб. к-та грамотности (1861—95 г.), СПб., 1898, с. 28, 29, 305—06; Кони А. Ф., На жизненном пути, т. 2, М., 1916; Кийко Е. И., Белинский о «Бедных людях» Достоевского. — В кн.: Проблемы реализма рус. лит-ры XIX в., М.—Л., 1961, с. 356—58; Ореховский И. В., Самодеятельность против реформ, М., 1982 (ук.); ЛН, т. 41—42, с. 54, 56, 418, 467. — Венгеров: РБС; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377, № 646 (л. ф. Бородиной А. Г.) [справка Н. А. Прохоровой]; РГИА, ф. 1284, оп. 67, л. 17 (ф. с. 1869 г.); ГАРФ, ф. 109, 1 экз., 1826 г., д. 61, с. 175 (сведения об отце П.). М. Г. Алхазова.

ПЕРОВСКИЙ А. А., см. *Погорельский* Антоний.

ПЕРЦОВ Пётр Петрович [4(16).6. 1868, Казань — 19.5.1947, Москва], критик, публицист, искусствовед, поэт, мемуарист. Племянник Э. П. Перцова. Происходил из старинной дворян. семьи; отец, Пётр Петр., — зем. деятель, навл. сов. В 1887 П. окончил 2-ю казан. г-зию с сереб. медалью, в окт. 1892 — юридич. ф-т Казан. ун-та (с дипломом 1-й степени). Лит. деятельность начал в апр. 1890 корреспонденциями в столичных газ. «Неделя» и «Новости»; первое опублик. стих. — «Я иду по тропинке теневой» (Кн. «Неделя», 1890, № 9; подпись П. П-в; стихи П. печатались в этом ж-ле и в последующие годы: 1891, № 6; 1892, № 6; 1893, № 10, 11; 1895, № 2). В казан. газ. «Волж. вест.», «Казан. бирж. листок», «Казан. вести» помещал стихи, рассказы, критич. статьи (часть под псевд. Посторонний). В юности П. придерживался радикально-народнич. убеждений, пользовался поддержкой А. И. Иванчина-Писарева, фактич. редактора «Волж. вестника» с осени 1891, встретив в его лице «того „длейного“ человека, о к-ром мечтает (т. е. мечтал тогда) всякий не вовсе обывательских наклонностей юноша» («Лит. восп.», с. 10), через него в июне 1892 познакомился с Н. К. Михайловским.

Приехав вместе с Иванчиним-Писаревым в сент. 1892 в Петербург, П.

стал пост. сотр. «Рус. богатства»: опублик. в ж-ле 33 рецензии (1892, № 11, 12; подписи П. П.) и статью об А. П. Чехове «Изыяны творчества» (1893, № 1; первонач. загл. — «Беллетристическая nature morte»), в

к-рой вслед за Михайловским писал о фотографич. беспристрастии «беллетристич. аппарата» Чехова, случайности в выборе тем, равнодушие к обществ. проблемам, проявив, однако, внимание к собственно худож. значению его произв. Приоритет «эстетического» перед «общественным» для П. был отчасти обусловлен авторитетом «триады 40-х годов» — А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, бывшими для него образцом в его собств. поэтич. опытах.

Стихотворения П. печатались в «Казан. вестях» (1890, 23 дек.), «Волж. вест.» (1891, 1 янв.; 1892, 1 мая, 4 июня; 1893, 21 нояб.), «Наблюдатель» (1895, № 4, 7, 8, 10; 1896, № 7), «С.-Петерб. вед.» (1898, 1 нояб.), лит. прил. к «Торгово-пром. газ.» (1899, 12, 19 сент., 24 окт., 21 нояб.; 1900, 9, 30 янв., 6 февр.), «Нов. времени» (1899, 24 нояб., 19 дек.; 1900, 3 марта), альм. «Сев. цветы» на 1901 и на 1902, «Нов. пути» (1903, № 8), «Лукоморье» (1914, № 13), но отд. сб-ком изданы не были.

Довольно быстро П. разуверился в обществ. направленности и лит.-критич. установках «Рус. богатства», придя к убеждению, что «всамделишную критику» нужно писать, ориентируясь не на Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева, а на новейших зап.-европ. эссенстов; его новые статьи забрасываются редакцией (обстоятельства сотрудничества в «Рус. богатстве» подробно освещены в письмах П. к отцу 1892—93; см.: Петрова М. Г., Мемуарная версия при свете арх. док-тов (Чехов, Михайловский и др.). — ИзвОЛЯ, 1987, т. 46, № 2, с. 156—72]. «Весной 1893 г., разойдясь с ж-лом во взглядах на иск-во и начинавшееся движение модернизма, возвратился в Казань, где в местной печати проводил свою точку зрения» («Curriculum vitae П. П. Перцова» (1925). — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 235, л. 1);

в «Волж. вест.» П. «отвел себе душу за весь великий пост „Рус. богатства“ и настойчиво внулал казан. обывателю уважение к поэтич. творчеству и его независимости от злободневных потребностей» («Лит. восп.», с. 96). Статьи, опублик. в «Волж. вест.» в 1893—94, П. объединил в кн. «Письма о поэзии» (СПб., 1895). Анализируя понятия «идеализма» и «реализма», П. заключал, что «изо всех временных категорий — классицизма, романтизма, реализма, натурализма etc. остается жить только то, что относится к вечной категории — идеализма. Только воплощение вечного идеала и будут вечно волновать нас, вечно говорить с душою человека»; наиб. полно представляли начала «идеализма», по П., «люди 40-х годов», сумевшие гармонически сочетать эстетич. и обществ. тенденции, присоединить к «художнику» «гражданина» и «синтезировать их в понятии человека», — в отличие от односторонних «шестидесятников», утверждавших приоритет «гражданина» перед «художником». Обращаясь к совр. лит-ре, П. с удовлетворением отмечал пробужденные симпатии к идеалам 40-х гг.: «... за последнее время мутная волна тенденции начинает спадать» и «начинает все более и более выясняться роль поэзии как одного из изящных искусств» (с. 10, 31, 42).

Доказательству этого убеждения призвана была служить антология «Молодая поэзия. Сб. избранных стих. молодых рус. поэтов» (СПб., 1895), сост. и изданная П. вместе с двоюродным братом В. В. Першовым; во вступ. заметке оповещалось: «Чуждые всякой партийности и тенденциозности, издатели руководились в своем выборе единственно правилом Тургенева: „в деле поэзии важна только одна поэзия“» (с. 1). Стихотворения 42 поэтов 1880—1890-х гг. отбирались прежде всего по принципу отражения в них «вечных истин», чтобы дать обобщенное представление об «особой полосе рус. стихотворчества» — «между надсоновским моментом (1883—1887 гг.) и моментом ясного выявления символического течения (1895 г.)» («Рус. поэзия 30 лет назад. Из лит. восп.» — «Свиток», 1926, № 4, с. 252).

«Письма о поэзии» и «Молодая поэзия» вызвали иронически-насмешливый отклик Михайловского (РБ, 1895, № 6), назвавшего статью П. собранием пустостей и «полюной чашей взора» (2-я паг., с. 63), а в антологич. не увидевшего «никакой системы, никакой руководящей мысли» (с. 62). П. расценил это выступление как сведение «домашних счетов» за «измену» «Рус. богатству» («Лит. восп.», с. 94). Однако на кн. П. скептически отреагировали и др. критики: анонимный рецензент в ж. «Нов. слово», находивший, что «молодая поэзия страдает малосодержательностью и художесч., заключал по поводу «совр. стихотомии», к-рую пригласил П.: «... что г. Першов в рабство, то другим в пещаль» (1895, № 2, ноябрь, 2-я паг., с. 78, 77).

Б. Б. Глинский отнес книги П. к числу «главнейших памятников бунта восьмидесятников и их младших братьев против шестидесятников» (ИВ, 1896, № 6, с. 927). В многочисл. отзывах на «Молодую поэзию» преобладали разочарование от представленной панорамы новых поэтов, к-рые «только отразили... свое „безвременье“» (А. Б. (А. И. Богданович) — МБ, 1895, № 4, с. 255), а также возможных участниках сб-ка под загл. «Молодая quasi-поэзия» (Ап. К. (Коринфский) — «Труд», 1895, № 8, с. 477) и т. п.; др. рец.: Архангельский Н., Мотивы «молодой» поэзии. — «Саратов. дневник», 1895, 1 марта; (М. О. Меншиков) — «Неделя», 1895, № 15; А. М. Скабичевский — «Новости и бирж. газ.», 2-е изд., 1895, 13 апр.; Ш. (В. А. Шуф) — ПЛ, 1895, 14 апр.; Краснов Пл., Поэзия многолений. — Кн. «Неделя», 1895, № 8; (М. М. Гербановский) — «Набл.», 1895, № 9.

Эволюция взглядов П. способствовала его сближению с кругом рус. символистов. В окт. 1893 завязываются отношения с Д. С. Мережковским, переросшие в многолетнюю дружеств. связь. «Першов был наш „содетель“, — свидетельствует З. Н. Гиппиус. — Сам, как писатель, не очень яркий, но человек с большим вкусом и большим умом» (в кн.: Мережковский Д. С., 14 декабря. — Гиппиус-Мережковская З. Н., Дмитрий Мережковский, М., 1991, с. 350). В 1894 П. знакомится с В. Я. Брюсовым, их переписка сосредоточена исключительно на обмене мнениями о поэзии и разл. проблемах совр. лит. и обществ. жизни (см.: Письма В. Я. Брюсова к П. 1894—1896 гг. К истории раннего символизма, М., 1927; 175 писем Брюсова к П. и 186 писем П. к Брюсову — ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, № 15—27; РГБ, ф. 386, к. 98, № 4—13).

К 1896 относится знакомство П. с В. В. Розановым, их дружеские отношения и интенсивная переписка продолжались до смерти Розанова (267 писем П., 231 письмо Розанова — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 77—87, 176—186; 32 письма Розанова к П. — в кн.: Розанов В. В., Соч., М., 1990, с. 489—516; публ. А. Л. Налепина и Т. В. Померанской). По свидетельству П. (в письме к Д. Е. Максимова от 5 окт. 1930), Розанов считал письма к П. «„самыми интересными“ из своих писем» (РНБ, ф. 1136, № 34; восп. П. о Розанове — ГЛМ, ф. 327).

Во 2-й пол. 1890-х гг. П. занялся в Петербурге собств. издат. деятельностью; не преследуя коммерц. целей, он выпускал в свет книги близких ему авторов: «...я издаю книги, к-рые считаю хорошими и к-рые издать автор не может, а издатели-купцы не хотят» (письмо П. к отцу от нач. февр. 1897 — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 74).

В числе изданий П. — «Вечные спутники» (1897) Мережковского, четыре книги Розанова, положившие начало его широкой лит. известности: «Сумерки просвещения», «Религия и культура», «Лит. очерки» (все тр. — 1899), «Природа и история» (1900), а также «Стихотворения» (1900) Д. П. Шестакова, филолога-классика и друга П. по Казани, и «Посмертный сборник» (1901) В. Н. Соловьева, казан. прозаик

ка и журналиста (со вступ. биогр. очерком, написанным П.).

Стремление видеть в худож. творчестве отражение вечных тем бытия и осмыслить их преломление в мироощущении и эстетич. сознании писателя проявилось в составленном П. сб. «Филос. течения рус. поэзии. Избр. стих. и критич. статьи С. А. Андреевского, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольского, П. П. Перцова и Вл. С. Соловьева» (СПб., 1896, 1899); произв. 12 поэтов сопровождалось аналитич. очерками (статьи о Н. П. Огареве, А. К. Толстом, Поллонском, А. Н. Апухтине и А. А. Голенищеве-Кутузове написал П.).

В рядах «старой» критики оценки сб-ка колебались — от полного исприятия П. и Мережковского как «полубразованных, полуразвитых недоучек, путающихся в метафизич. добрых мистич. мрака» (А. М. Скабичевский — «Нов. слово», 1896, № 9, июнь, с. 197), до признания критич. дарования П., к-рый «может быть интересен и остроумен» и к-рый «обладает и тонким вкусом, и шумчивостью, необходимыми для критика» (А. Б. (А. И. Богданович) — МБ, 1896, № 7, с. 237). Наведенный неосновательный попытку П. осмыслить поэзию, «просто-напросто пересказывая... стихи...», и отрицательно отзывавшийся об его очерках Глинский отметил их соответствие «духу эстетич. критики 1840-х годов» (ИВ, 1896, № 6, с. 939).

С весны 1897 до лета 1898 П. жил за границей, преим. в Италии, где изучал иск-во Возрождения; вскоре стал фиксировать свои впечатления и размышления: «...сперва начал записывать, потом писать, а потом уж забыл и глядеть, а только знай себе пишу. В конце концов получается статья о Венеции и гл. обр. о венецианской живописи... — чуть не целая книга» [письмо к отцу от 24 окт. 1897 — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 75]. В нояб. 1897 была закончена кн. «Венеция» [впервые: НП, 1903, № 3 («Венеция. Путевые очерки»; подпись Владимир Ф.), № 8, 9 («Венецианская школа живописи»); отд. изд. — СПб., 1905; 2-е изд., пересмотр. и испр., под назв.: «Венеция и венецианская живопись», М., 1912], к-рую П. называл «любимой моей книжкой» (письмо А. В. Звенигородскому от 17/30 дек. 1925 — РГБ, ф. 218, к. 1071, № 39). «Пассивный созерцатель-художник» (Розанов В. В., Среди художников, СПб., 1914, с. 412; то же — М., 1994, с. 375), П. сочетал личные впечатления и эмоционально-аналитич. оценки памятников архитектуры и живописи с ист.-психол. экскурсами, в совокупности дававшими цельное представление о феномене венециан. культуры; к «Венеции» приложима характеристика, данная П. «Образам Италии» П. П. Муратова (ИВ, 1911, 27 марта); автор «сумел сохранить изысканность, оставаясь общепонятным, и быть беспристрастным, не поступаясь субъективностью вкусов».

Книга вызвала в печати в осн. высокую оценку; названа «яркой и сочной кистью» (Брешко-Брешковский Н., Город-сказка. — СПббед, 1906, 14 марта), «непритязательной, но изысканной самой своей непритязательностью,

форме беглых заметок» (И. Ф. Анненский — ЖМНП, 1906, ч. 5, № 9, 3-я паг., с. 91—92), «звучащая чувством Венеции» и дает «как бы формулы этого очарования» (б. п. — РБ, 1913, № 3, с. 373); отмечалось вероятное воздействие П. на искусствоведч. работ И. Тэна и Р. Мутера (Бр(ешковский) — Бр(ешковский) Н., Искусство и художники. — БВед, вч. в., 1906, 16 марта; А. В. Луначарский — «Обр.», 1906, № 4; др. рец.: В. В. Розанов — ИВ, илл. прил., 1905, 16 нояб.; Н. Т(амарин) (Н. Н. Окулов) — «Слово», лит. прил., 1906, № 4, 27 февр.; б. п. — РМ, 1906, № 3; (К. С. Кузьминский) — «Голос Москвы», илл. обзор., 1912, 30 мая; А. (Б.) Дерман — «Заветы», 1912, № 6.

Позднее П. написал в сходном жанре очерки об Испании и Флоренции, частично печатавшиеся в периодике, но отд. книгами не вышедшие [см.: «Очерки Испании» (1911—1915) — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 23; «Флоренция» (1914) — там же, № 24—25]. В переводе П. было издано «Путешествие по Италии» И. Тэна (т. 1—2, М., 1913—16). С 1894 П. совершил 11 поездок за границу, из них 5 раз в Италию.

С 1897 и до конца своих дней П. работал над фундаментальным филос. трудом «Основания космономии» (или «Основания диалогичности»), представлявшим собой «попытку установления точных законов мировой морфологии (аналогия, хотя не очень близкая, с построениями Вико, Гегеля, Конта, Шпенглера и рус. мыслителей, как Хомяков, Данилевский, К. Леонтьев и Влад. Соловьев)» («Curriculum vitae П.», л. 2 об.; рукопись книги — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 1—11). Пытаясь вывести универсальную формулу мироустройства и эволюции мировой культуры, П. противопоставлял европ. антропологизму начала «рус. космоизма»; в своих «диалогических» построениях он видел «эмбрион ... новой и самостоятельно рус. философии, завершение и подлинное раскрытие славянофильства» (письмо Д. Е. Максимова от 24 окт. 1930 — РНБ, ф. 1136, № 34). Неприятие нем. неокантианской философии П. обосновал в статье, содержащей критич. разбор классификации наук Г. Риккерта, — «Гносеологич. недоразумения» [«Вопросы философии и психологии», 1909, кн. 1(96)]. Славянофильские убеждения П., к кон. 1890-х гг. окончательно определившиеся и обусловившие его лит. и публиц. позицию, сказывались как в постоянно скептит. отношении к новейшим либерально-западнич. и радикально-демократ. направлениям обществ. мысли, так и в неприятии гос.-бюрократич. консерватизма и монархизма, в к-ром он видел вариант западного индивидуалистич. цезаризма, чуждого «соборному», «внутреннему, психическому единению» (письмо П. по поводу полемики С. Ф. Шарапова с кн. В. П. Мещерским — «Рус. труд», 1899, 2 окт.). Столь определенно заявленные идейные предпочтения сочетались у П. с широтой и недогма-

тичностью воззрений и критич. оценок, изболчивавших в нем писателя острого, пронзительного ума и тонкого вкуса, глубоко чувствующего и понимающего худож. творчество и способного осмысливать явления иск-ва в системе мирового культурного развития. В письме к А. С. Суворину от 25 февр. 1900 П. подчеркивал, что «для наших художественных симпатий, как для религиозной правды, „несть ни эллин, ни иудей, ни россиянин“» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3236).

В кон. 1890-х гг. П. сотрудничал в ж. «Вопросы философии и психологии», «Наблюдатель», «Рус. обзор», «Мир иск-ва», в газ. «Нов. время» и в «Торгово-пром. газ.». Критико-публиц. статьи 1898—1901, а также путевые очерки «Царьград и Афины», написанные по впечатлениям поездки в Константинополь и Грецию летом 1899, составили кн. П. «Первый сборник» (СПб., 1902). Статьи первого раздела сб-ка («Славянофильство») объединены идеей культурного всеславянского единства, обосновываемой в разл. аспектах: рус. марксизм трактуется как новейший «воздушный замок», свидетельствующий об «осуждении подражательных течений рус. мысли» («Психология рус. марксизма»), фигура А. И. Герцена (чрезвычайно высоко ценимого П.); в 1899 он пытался издать в России собр. его сочинений — как «психол. мост между рус. либерализмом и славянофильством» («А. И. Герцен»), толстовство — как «промежуточная форма» «между прошедшим рус. реализмом и наступающим рус. идеализмом», мыслимым как нац. движение («„Воскресение“ и толстовцы») (с. 36, 41, 75).

В отзывах отмечалось, что сб-к пропитан «бодрым оптимизмом и верой во все самобытно-русское» (К. Слютерберг) — НВ, илл. прил., 1903, 5 февр., с. 11), что «эскизы», его составившие, «гораздо содержательнее, не говоря уже об отечественности каждой мысли, нежели многие и многие книги» (б. п. — РВ, 1903, № 1, с. 371); однако признание того, что П. «критикует афористично, свободно, с бодрой властью», дополнялось сожалениями, что он «ни одной строкой не поможет читателю разобраться в том, где же пути для нашего нац. самосознания» (А. П. Налимов — «Лит. вест.», 1903, т. 6, кн. 5, с. 59).

С янв. 1903 П. — ред.-издатель петерб. ж. «Нов. путь» (название и форма ж-ла предложены им), к-рый возник как печатный орган Религ.-филос. собраний, посв. диалогу между представителями интеллигенции и церкви и попыткам нового осмысления христ. заветов (наряду с П., во главе ж-ла стояли Мережковский и Гиппиус). В программной ст. «Новый путь» П. противопоставлял задачи нового издания ранее обозначившимся идейным веяниям — «самодовлеющей эстетике» (декадентство), «умозрительному идеализму» и «отрицательной гражданственности» (марксизм).

«Мы стоим на почве нового религ. миропонимания. Мы поняли, что осмеянный отцами „мистицизм“ есть единств. путь к твердому и светлослоу пониманию мира, жизни, себя... Гоголь, Достоевский, Владимир Соловьев — вот наша родоуповная. Постепенное раскрытие и углубление новой религ. мысли в последовательности этих имен — вот основание наших надежд, залог нашего будущего» (НП, 1903, № 1, с. 5—6).

Предоставив значит. сумму для издания ж-ла и являясь офиц. редактором, П. мало участвовал в ред.-изд. процессе — отчасти потому, что, живя в Казани, появлялся в Петербурге наездами, отчасти по причине быстрого охлаждения к начатому делу из-за разуверения в его перспективах (что привело к обострению отношений с соредакторами). Убедившись в невозможности превратить «Нов. путь» «в действительно крупный литературный орган нового направления» (письмо Брюсову от 30 июля 1903 — РГБ, ф. 386, к. 98, № 11), П. в февр. 1904 решил отойти от ж-ла (в № 6 за 1904 ред.-изд. помимо П. значится Д. В. Философов, в № 7 ред. — Философов). П. старался приобщить к ж-лу яркие лит. силы; в частности, содействовал поэтич. дебюту в нем А. А. Блока (см. письма П. к Блоку — ЛН, т. 92, кн. 1, с. 458—65; публ. И. И. Аброскиной). После ухода П. из ж-ла отношения его с представителями «нового» иск-ва пошли на убыль, фактически разрываются связи с Мережковскими (П. не принимает их полит. радикализма в период Революции 1905—07 и в последующие годы).

В 1904—06 П. — ближайший сотр. петерб. газ. «Слово» (изд. его родственником Н. Н. Перцовым), вел там «Обзор печати», с янв. 1906 ред. лит. прил. «Понедельники газ. „Слово“», в к-ром участвовали Брюсов, Блок, Ф. Сологуб, И. Ф. Анненский и др. После перехода «Слова» осенью 1906 к др. издателю П. сотрудничества в газете не возобновлял. 12 нояб. 1906 он писал отцу: «...из тех газет, какие существуют, — в революционные и кадетские меня не примут, да я и не могу писать ничего для них подходящего, а в реакционные и сам не пойду, да опять-таки и для них не гожусь» (РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 76).

В 1906 П. женился на Мар. Пав. Перцовой, бывшей жене В. В. Перцова; по причине слабого здоровья ее и пасынка обосновался в Крыму; с осени 1910 поселился с семьей в Москве. После врем. отхода от активной лит. деятельности с сент. 1908 возобновил пост. сотрудничество в «Нов. времени».

Часть статей из «Нов. времени» на общ.-полит. темы П. объединил в сб. «Панрусизм или панславизм?» (М., 1913). Написанные в осн. в период боиснийского кризиса 1908 и стимулированного им в рус. обществе новославянофильского движения, статьи П. затрагивали проблему раз-

граничения понятий «русофильства» (идеологии старого славянофильства, по мысли П., исторически исчерпавшего себя) и «ново-славизма», вдохновляемого идеей общеслав. интеграции, при к-рой «общеслав. культура» должна осуществиться через «равнодействующую всех частных культур и психологий, впадающих в общее русло». Утопизму, «досадному прекраснотушью» и «дешевой удовлетворенности» старого славянофильства П. противопоставляет «ново-славизм» как «полит. реализм, трезвость зрелого возраста, заменяющую эстетич. грезы и пристрастия юности „практическим“ взглядом на вещи, „как они есть“»; в этой связи П. констатирует глобальную отсталость России (не только в экономич. жизни и полит. формах, но «самой нар. психологии, самой „души“, „лсихеи“ данного народа») и предлагает всем нашим «самобытникам», возводящим свою «старомодность» в норму жизни, «попросту съездить за границу ... для излечения психич. зрения» (с. 9, 25—26, 59). Считая насущно необходимым для России переместиться из 1-й пол. 19 в., где она продолжала пребывать, в 1-ю пол. 20 в., П. отказывается от ретроспективных идеалов родоначальников славянофильства, но разделяет их убежденность в том, что «слав. мир не только вариант западного, ... а некое новое „целое“ — самостоятельная планета, хотя и не горящая еще полным светом» (с. 48).

Книга вызвала ряд положит. откликов, в к-рых отмечались талант автора, оригинальность и убедительность его построений (Ф. (Е.) Корш — УР, 1913, 20 июля; А. — МВед, 1913, 4 янв.; Н. Энгельгардт — ИВ, 1913, № 3); в то же время филолог-славист А. Л. Погодин, придерживавшийся либерально-кадет. взглядов, утверждал, что сама жизнь устранила «слав. вопрос», что ныне «существует больше того, что разъединяет слав. народы, чем того, что их соединяет»; разделяя мысли П. об «ист. анахронизме» России в семье европ. народов и даже сопоставляя их с взглядами П. Я. Чаадаева, Погодин призывал П. сделать логически вытекающие из его построений выводы о том, что «панрусизм давно погребен, а панславизм, немилосердно без России, превратился из здоровой полит. идеи в прекрасную мечту поэта» (БВед, 1913, 21 авг.).

В 1908—17 П. постоянно печатается как публицист, лит. и худож. критик; по его подсчетам, в «Нов. времени» за этот период было опублик. 553 его статьи, в «Голосе Москвы» (1911—14) — 90 (РНБ, ф. 1136, № 58, л. 1 об.). Тематич. диапазон газетных выступлений П. широк: вопросы текущей политики, отклики на события повседневной жизни, путевые очерки (частично под рубрикой «Попутные заметки»), отд. образцы худож. прозы, юбилейные статьи о деятелях рус. и мировой культуры, рецензии, статьи о совр. лит-ре (частично под рубрикой «Лит. заметки»), фельетоны (в т. ч. полемико-иронич. заметки по поводу разл. выступлений в печати, составившие цикл «Лит. ракушки», к-рый П. по-

мешал в «Нов. времени» под псевд. Искатель жемчуга). В ист.-культурных экскурсах П. центром наиб. притяжения остается эпоха 1840-х гг., высоту умственного мира к-рой воплощает Герцен («Памяти А. И. Герцена... Западник-москвич» — «Голос Москвы», 1912, 25 марта), красоту — Т. Н. Грановский, «одно из самых красивых имен рус. истории и рус. духовной жизни», «едва ли не самая художественная внутренняя фигура — поэт не лит. творчества, а своей личности» («Рафаэль сороковых годов» — НВ, 1913, 9 марта); худож. вершины — Фет, Полонский, Майков: «трехгранный самоцвет», «самые лирич. поэты» рус. поэзии, «певцы интимной стороны человеческой жизни, чисто личных переживаний» («Памяти Я. П. Полонского» — НВ, 1913, 20 окт.). Убежденный в том, что будущее — за религ. течением в совр. рус. интеллигенции («Развал. Два течения» — НВ, 1909, 7 янв.), П., однако, скептически расценил начало деятельности Религ.-филос. об-ва («В Религиозно-философском» — НВ, 1908, 16 нояб.) и с годами все более резко выступал против Мережковского и его новейших ист.-культурных интерпретаций, приравниваемых к «прокрустову ложу нашей реальности» («Ампутация Тютчева» — НВ, 1914, 20 янв., подпись Терапевт; «Лже-Александр» — НВ, илл. прил., 1913, 18 мая; «Тайны г. Мережковского» — НВ, илл. прил., 1915, 7 марта).

Своими газетными статьями П. подтверждает мнение Розанова о нем как о «критике-конструкционисте», к-рого «более всего занимают конструкции всемирной истории» (МИ, 1900, № 19[10], с. 205—06). Любая ист. фигура осмысливается П. как проявление некоего общего культурно-типологич. феномена, как часть целого, имеющая определ. соответствия — по сходству или по контрасту — с другими его частями: творчество Г. Р. Державина с его «упоением природной жизнью» отражает «психологию раннего возраста народа, ... еще не исчерпавшего себя и своих сил и даже не создавшего их границ» («Столетний юбилей Державина» — «Приднепров. край», 1916, 8 июля); успех С. Я. Надсона, «поэта-отрока новой отроческой полосу рус. истории», — свидетельство духовно-психол. незрелости рус. демокр. интеллигенции 1880-х гг. («Надсон» — «Голос Москвы», 1912, 19 янв.). Н. Н. Страхов — «мудрый старик», вынесший «всю тяжесть созерцательного призвания», — осмысливается по аналогии с «юношей» Н. А. Добролюбовым, посвятившим себя «глободневной журнальной сутолоке», и в аспекте противостояния «тихого» творчества

«консерваторов» «шумной лит-ре „левого“ лагеря» («Н. Н. Страхов» — НВ, 1916, 25 янв.); напротив, Михайловский 1890-х гг., «с его слепой и нетерпимой радикальной цензурой», помещается в один ряд с его «правым» антиподом — таким же охранителем» К. П. Победоносцевым: «Они противоположны друг другу и в то же время как-то эстетически и необходимо дополняют друг друга ... Как личности, они ... сами пали жертвою возмечивших их традиций» («Наследник традиций» — НВ, 1914, 27 янв.). Выводы П. часто контрастировали с установившимися критич. мнениями: напр., распространенной идее о «конце Горького» П. противопоставил убежденность в položит. развитии его творчества («Горький продолжается» — НВ, 1909, 31 дек.), сам Горький как писатель усовершенствовался, «кончилась только мода на него, т. е. прошла та полоса обществ. психологии, с к-рой был связан бунтарско-бескультурный дух ранних его рассказов» («Рождение человека» — «Голос Москвы», 1912, 9 мая). Для статей П. предврем. десятилетия справедлива более поздняя оценка, данная ему М. В. Нестеровым: «Он, как критик, работает с мастерством большого художника» (письмо В. Г. Лидину, авг. 1942 — Нестеров М. В., Письма, Л., 1988, с. 446).

Рев. события 1917 вызвали у П. мрачные предчувствия: «... впереди, конечно, ужас ... для нас всех. Кончится, вероятно, страшной и общей катастрофой» (письмо жене от 17 мая 1917 — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 69). На долг. время он уехал в Костром. губ., бывая в Москве наездами; работал в Театр. отд. Наркомпроса и в Отд. охраны памятников иск-ва, в 1921—22 читал лекции в Костром. ун-те (история рус. живописи и курс о Гоголе) и в Костром. пед. техникуме (история рус. обществ. движений 18—19 вв.). К столетию И. С. Тургенева П. подготовил сб. «О Тургеневе. Рус. и иностр. критика» (М., 1918). Обозначив два направления в интерпретациях его творчества — одно, обращавшее осн. внимание на обществ.-полит. сторону, и другое, открывавшее «вечного» Тургенева — мистика и религиозного писателя, — П. отдавал предпочтение второму, как проникающему «в самую сердцевину писательского творчества» (с. 8). Переживая в 1920-е гг. тяжелую материальную нужду, П. выпустил неск. худож. путеводителей: «Щукинское собрание франц. живописи» (М., 1921; на обл. же: 1922), «Третьяковская галерея. Ист.-худож. обзор собрания» (М., 1922), «Подмосковные экскурсии. Трамвайные поездки» (М., 1924), «Усадебные экскурсии. Поездки по железным дорогам» (М.—

Л., 1925), «Худож. музеи Москвы» (М.—Л., 1925).

Выполняя свое прикладное назначение, эти книги имеют также ист.-культурную и искусствоведч. ценность; напр., очерк «Щукинское собрание ...» включает общую характеристику эволюции живописи от эпохи классицизма до А. Матисса и П. Пикассо, тонкий эстетич. анализ творчества крупнейших франц. мастеров с использованием характерных для П. «конструкций» — ист.-психол. и типологич. параллелей из лит-ры и живописи: Э. Мане — Г. Флобер, К. Писсарро — братья Гонкур, О. Ренуар — А. Доло; триада титанов Возрождения (Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль) и триада величайших новейших реформаторов живописи, отразивших символич. мировосприятие, — П. Сезанн, В. Ван Гог, П. Гоген. В 1921—24 П. подготовил для изд-ва М. и С. Сабашниковых «Историю рус. живописи» от эпохи Петра I до современности (в 2 тт., 36 печатных л.), оставшуюся незавершенной. «... Настоящие мои работы лежат в параллели...», — писал он Д. М. Максиму (24 окт. 1930), подразумевая и судьбу этого труда (РНБ, ф. 1136, № 34).

Очерком «Ранний Блок» (М., 1922; переизд. в сокр. — в кн.: Блок в восп., т. 1; Блок А., Стих. Поэмы. Восп. современников, М., 1989; вступ. ст., сост., прим. Т. Н. Бедняковой) началась деятельность П.-мемуариста (в письме А. В. Звенигородскому от 25 дек. 1927 П. признавался, что не любит эту книжку за «ложное расхваливание», — РГБ, ф. 218, к. 1071, № 39); позднейший мемуарный этюд П. о Блоке — «В синем воротнике» (опубл.: «Несва», 1980, № 11 — под назв. «Блок в синем воротнике» и в кн.: А. Блок и современность, М., 1981). Вслед за очерком «Рус. поэзия 30 лет назад. Из лит. восп.» («Свиток», № 4, М., 1926) П. в 1929—30 написал «Лит. восп. 1890—1902 гг.» (М.—Л., 1933) — ценный источник для ознакомления с лит. жизнью кон. 19 в., включающий яркие психол. портреты, а также документальные мат-лы из архива автора. Дальнейшую работу над мемуарами П. считал бесперспективной, поскольку объективная характеристика Религ.-филос. собрания и деятельности «Нов. пути» в сов. условиях была невозможна, а выступать в «обличительном» тоне и с «ругательными выпадами» против Мережковского он не мог: «... лягать его теперь найдутся и без меня копыта...» (письмо Максиму от 15 мая 1930 — РНБ, ф. 1136, № 34). Фрагменты продолжения воспоминаний сохранились в архиве П. (РГАЛИ), были опубл. отд. мемуарные очерки: «Брюсовские стих. „Младший“» («30 дней», 1939, № 10/11), «Брюсов в нач. века. Из восп.» («Знамя», 1940, № 3).

Многотетные размышления П. о личности и природе творчества классиков рус. лит-ры синтезированы в его «Лит. афоризмах», окончательно оформленных в 1920—30-е гг. (см. в кн.: Рос. архив, [т.] 1, М., 1991, публ. Т. В. Померанской; П. о Пушкине. Публ. М. Ю. Едештейна. — В кн.: Творчество писателя и лит. процесс. Язык лит-ры. Поэтика, Иваново,

1995). Результаты поездок в Туркестан (1927—30) отражены в путеводителях П. по Туркестану и Самарканду, к-рые остались неизданными. Рукопись итогового сб. «Стихотворения (1890—1936)» — см. РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 52.

Др. произв.: «Труд в произв. великих художников» (в кн.: Невский В. А., Худож.-изобразит. работа в клубе. Сб. мат-лов, М., 1924, с. 90—110), «Что я слышал о Пушкине» («30 дней», 1937, № 2), «Худож. музей Тат. АССР» («Иск-во», 1938, № 5), «Письмо из Владимира» (там же, 1939, № 2), «Кассий. Из восп. [Качалов]» («Декада моск. зрелищ», 1940, № 5).

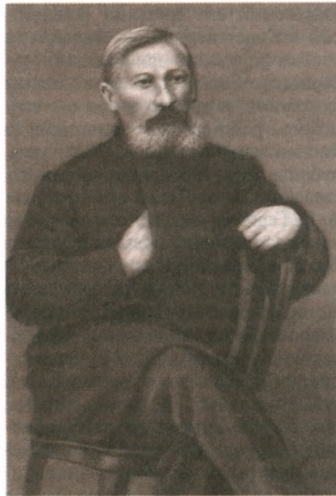
Лит.: Десять писем В. Брюсова к П. [1903—1910]. — Пир, 1926, № 7 (с предисл. Г. Лелевича и прим. П.); Максимов Д., «Новый путь». — В кн.: Евгеньев-Максимов В., Максимов Д., Из прошлого рус. журналистики. Л., [1930]; В. Брюсов и «Нов. путь», [15 писем Брюсова к П., 1901—1906]. — ЛН, т. 27/28 (публ. Д. Максимова); Андроников И., Рекомендация Перлову Петру Петровичу. — В его кн.: Избр. произв., т. 2, М., 1975, с. 327—32; Лавров А. В., Архив П. — Ежегодник РО ПД, 1973, Л., 1976; Кончин Е., Нет, не эпизод в биографии. — «В мире книг», 1980, № 4, с. 73—74; Кореская И. В., «Нов. путь», «Вопросы жизни». — В кн.: Лит. процесс и журналистика (2): [Письма В. В. Розанова к П. 1918]. — «Лит. учеба», 1990, № 1 (вступ. ст. Е. Ивановой, публ. и прим. Т. Померанской); Письма Д. С. Мережковского к П. — РЛ, 1991, № 2, 3 (вступ. заметка, публ. и прим. М. Ю. Кореневой); Письма З. Н. Гиппиус к П. — РЛ, 1991, № 4; 1992, № 1 (вступ. заметка, подг. текста и прим. М. М. Павловой); Эдельштейн М. Ю., Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» в трактовке П. — В кн.: Филол. штудии. Сб. научных тр., Иваново, 1995; ЛН, т. 15, с. 163...215; т. 27/28, с. 240...297, 359, 403, 512...578; т. 85; т. 92, кн. 1—5. — КЛЭ: Писатели совр. эпохи (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1796; ИМЛИ, ф. 122; ГА Костром. обл. Р.—1356 (перепiska с женой, ок. 900 писем; рукописи неизд. произв. и статей); ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1204—1508.

А. В. Лавров.

ПЕРЦОВ Эраст Петрович [29.11 (11.12).1804, Воронеж — 11/12 (23/24).7.1873, Петербург; похоронен на Митрофаньевском кладб.], поэт, драматург, публицист, автор научно-прикладных соч. Брат В. П. Перцова (см. о нем: РБС; Эдельштейн А. н. 1965), дядя П. П. Перцова. Из дворян Воронеж. губ.; мать — урожд. Веневитинова. Из Воронежская семья переехала в Смоленск, а в 1811 в Казань. По окончании Благородного пансиона при Моск. ун-те (1823) в марте 1824 поступил на службу в Канцелярию статс-секретаря. В 1830—31 служил в Деп. гос. имуществ; выйдя в отставку, получил чин коллеж. ас. (1832).

Дебютировал в печати переводом с франц. трех больших науч.-популярных статей: «Описание Сунгуима, в вост. части Тибета», «Чукчи» и «О китайском тапире» (все — «Сибирский вест.», 1824, ч. 2). Вскоре выступил с двумя «Письмами к издателю „Моск. телеграфа“» (МТ, 1825, № 3, 4), в к-рых уличал Ф. В.

Булгарина в плагиате у А. В. Шлегеля; как видно из писем П. к другу по пансиону и Казани Д. П. Ознобишину (см. в Изд.), эта критика носила принципиальный характер, и П. собиравшись продолжать лит. войну с Булгариным.

Вероятно, еще по пансионским связям П. был близок к кругу «Моск. вестника»: в 1828 В. П. Титов удивлялся тому, что М. П. Погодин не печатает «китайскую сказку» П., к-рую др. члены кружка находили «примечательной» (Барсуков, П., 191); она была опубл. в «Рус. зрителе» («Обнаруженная клевета. Китайская сказка»; 1828, № 3—4), где П. поместил также стих. «К родной звездочке», «К увядшему цветку» (№ 11—12), исполненные элегич. грусти по родным местам и возлюбленной. В 1830 издал «юмористич. шутку над взяточниками» «Искусство брать взятки. Рукопись, найденная в бумагах Тяхалкина, умершего титулярного советника» (СПб.; о ценз. затруднениях — Щербальский; не одобрит. рец.: ЛГ, 1830, № 35, б. п.), отмеченную ориентацией на традиции рус. дидактич. сатиры 18 века. П. А. Вяземский, достаточно прохладно оценивший «шутку», гораздо больше «соли, перца и веселости» находил в «шаловливых» стихах П., к-рыми восхищался и А. С. Пушкин, читавший их наизусть (Вяземский, Записные книжки, с. 170). Эти, по-видимому, в осн. фривольные, опыты П. сейчас почти не известны (один текст, записанный С. А. Неёловым в 1849 в свой альбом непристойных стихов, — РГБ, ф. 129, к. 20, № 1, л. 62; там же — «возражение» Неёлова).

Серьезно увлекаясь театром (прим. комедией), П. в 1820-е гг. определил свою позицию как «любителя истинного и народного вкуса» (письмо Ознобишину, 5 нояб. 1824;

см. публ. М. Васильева, с. 178), «на-родной драматич. поэзии» (МТ, 1825, № 3, отд. 2, с. 13), как противника комедийных школ А. А. Шаховского и А. И. Писарева. Фрагментарные теоретич. постулаты П. могут быть сближены с драматургией концепцией П. А. Катенина. Из опытов самого П. известны пьеса для домашней детской постановки 1826 (РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 46, лл. 23—31) и комедия «Андрей Бичев, или Смешны мне люди» (СПб., 1833; отрывки: «СО и СА», 1829, № 4, 23). В предисл. к последней (подпись Издатель) П. заявляет ориентацию на комедию характеров (точнее, нравов) в противовес франц. комедии интриги и положений; образцами названы англ. и исп. драматурги, особенно У. Шекспир.

Откровенно ориентируясь в комедии на «Горы уша» (стих, стилистика, построение монологов и отчасти сюжета), П. вместе с тем значительно снижает и частично трагифицирует сюжет и проблематику А. С. Грибоедова (в т. ч. в трактовке гл. героев), что было отмечено современниками (см.: Белинский, I, 133; Кюхельбекер, с. 292), но оценивалось ими по-разному. Возражая на юхлявые отзывы В. Т. Плесканна (СПб., 1833, № 272; ср. в его кн.: Руководство к познанию истории лит-ры. СПб., 1833, с. 350), К. А. Полсвой в обстоят. рец. (1833) оспорил теоретич. рассуждения П. и дал отриц. характеристику произв. (отметив, однако, ряд его «важных достоинств»): «... не комедия, а только усиление создать комедию без вдохновения, следуя правилу неосновательному, ложному» (рец. опубл. в запрещенном цензурой номере — МТ, 1833, № 20; текст см.: Полсвой Н. А., Полсвой К. А., с. 488).

С кон. 1820-х гг. П. познакомился и даже сблизился с Пушкиным, горячим поклонником к-рого был еще в нач. 1820-х гг. Весной 1832 он выступил посредником в переговорах Пушкина с Н. И. Тарасенко-Отрепьевым о совместном издании газ. «Дневник». В сент. 1833 Пушкин посетил дом П. в Казани, в 1834 они виделись в Петербурге. В 1844 П. поддал в пушкинскую опеку два проекта неосуществившихся изд. соч. Пушкина, демонстрирующих его хорошее знакомство с пушкинским лит. наследием (планировал поместить в изд. хрестоматию критич. работ о Пушкине). В 1832 в Казани состоялось знакомство П. с Е. А. Баратынским, к-рый в письме И. В. Киреевскому (18 янв. 1832) высоко оценил ум и талант П. (в более поздних письмах оценка была существенно скорректирована: «Может быть, он человек с умом и даже с хорошими душевными качествами, но как-то существо его не гармонируется с моим. Мне с ним неловко и не весело»; см.: Баратынский, с. 229—30 и 237—38). Для ж-ла Киреевского «Европеец» Баратынский переслал два стих. П.: «П(ушкину)» и «Элегия» (не были опубл. в связи с прекращением ж-ла).

В 1834 П. надолго уезжает в Казань (где в нояб. того же года женится на дочери генерала В. Н. Манд-

рыке, с к-рой позднее разошелся). Являясь «одним из двигателей казанской общественной жизни» 1830-х гг. (Н. Я. Агафонов; см.: Архангельский, с. 12), П. принимал деятельное участие в лит. кружке А. А. Фукс, возможно, сотрудничал в местном ж. «Заволжский муравей» (указания на это сотрудничество имеются в биогр. лит-ре; публ. не выявлены). В окт. 1834 из Казани в III отд. был послан донос на П., обвинявшегося в вольнодумстве («непозволительные и дерзкие выражения, разного рода пасквилы»), общении с ссыльными поляками и снабжении местных студентов запрещенной лит-рой [см.: КА, 1926, т. 3(16), с. 120—21]; после благоприятного отзыва начальства в февр. 1835 дело прекратили. Во 2-й пол. 30-х гг. у П. неоднократно останавливался М. С. Щепкин в свои приезды в Казань.

В это время, отойдя от лит-ры, П. начинает деятельно заниматься сельским хозяйством. Летом 1837 экспонирует «англ. многоплодный овес» на казанской выставке, дает пояснения посетившему ее вел. кн. Александру. В 1838 определен в Казан. пригласительную комиссию по приему гос. имуществ. В марте 1841 вновь уезжает в Петербург, где служит по Воен. мин-ву. В 1844 определяется на должность правителя канцелярии Деп. хозяйств. дел Гл. управления путей сообщения и публичных зданий (шутки П. над начальником управления П. А. Клейнмихелем сохранились в семейных преданиях; вообще, по свидетельству племянника П., в семье П. «пользовалась репутацией остролиста и юмориста. Повидимому, он любил изобретать шуточные истории, иногда не чуждые полит. оттенка» — Перцов П. П., РГАЛИ, л. 13); с 1846 в отставке (надр. сов.).

С 1842 П. — член Вольного экономич. об-ва; в 1847—54 редактирует «Ж-л общепольз. сведений», где помещает ряд статей и пер. по вопросам хозяйства и прикладной науки (ранее — обширная ст. «О сорных травах» — ОЗ, 1844, № 5). В 1849 издает «Общепольз. курсы механики» (СПб.; 2-е изд., СПб., 1847) — справочник общих понятий по физике, гидравлике, механике и инженерному делу (рецензентов не удовлетворили «теоретичность» мн. сведений и высокая цена книги: ОЗ, 1850, № 1; «Москв.», 1850, № 5). В 1848 избран членом Баварского Королевского об-ва эк. х-ва. В 1850—60-х гг. владеет пробочной фабрикой в Петербурге, что в итоге принесло ему убытки.

Стороня публичной лит. и обществ. деятельности, П. поддерживает в Петербурге отношения лишь с немногими литераторами (в т. ч. с В. А. Кокоревым), близкими к славянофильству (см. упоминание его имени в 1858 в характерном контексте — ГМ, 1914, № 2, с. 209). Подготовка и проведение реформы 1861 подвинули П. к написанию цикла разоблачит. очерков о полит. ситуации, деятельности министерств, крест. волнениях (на основе личных

наблюдений, а также мат-лов, поставленных его братьями Владимиром и Константином — чиновником особых поручений при казан. ген.-губернаторе); по не до конца ясным указаниям, в это же время он, возможно, работал над «замечками о России вообще» (см.: КА, указ. публ., с. 136). Нек-рые из собранных сведений П. сообщал в «Колокол» А. И. Герцена, с к-рым встречался во время заграничной поездки в 1858 (в беседе с Герценом П. высказывал желание завести собств. типографию в Петербурге). В 1861 на П. поступил донос в III отд., тогда же полиция перехватила адресованное ему описание крест. бунтов в с. Бездне Казан. губ. 29 авг. 1861 П. был арестован; при обыске изъяты тексты 4 обличит. очерков (в частности, со сведениями о реакции высших чиновников на подготовку и обнародование Положений об освобождении крестьян), стихи, исполненные «чрезмерно сильных и неприличных выражений» (там же, с. 119) в адрес Николая I и Александра II и содержащие призывы народа к «топору», а также номера «Колокола», записки Герцена и черновики писем П. к нему (отчасти П. полемизировал с программой, развивавшейся «Колоколом»). П. был выслан в Новгород, где прожил менее года, после чего вернулся в Петербург (версию о причинах мягкости приговора см.: Эйдельман, 1965). Последние годы его жизни прошли в сильной нужде, и в ночь с 11 на 12 июля 1873 П. покончил с собой, приняв яд.

Изд.: «Записки современника о 1861 г.» [публ. текстов, изданных у П. в 1861 г.] — КА, 1926, т. 3(16) (публ. и вступ. ст. А. Санина); стих. «Пушкин» — «Элегия» — В кн.: Европеец. Ж-л И. В. Киреевского. 1832, М., 1989 (ЛП); [Письма Д. П. Ознобину, 1824—25]. — «Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском гос. ун-те, т. XXXIV, в. 3—4, Каз., 1929, с. 176—80 (публ. М. Васильева).

Лит.: Пушкин; Герцен; Кюхельбекер; Пушкин в восп.; Шелгунов и др. (всё — ук.); Шебальский П. К., Ист. сведения о цензуре в России, СПб., 1862, с. 49; (Тарасенко-Отрешков Н. И.), Неосуществившаяся газета Пушкина. — ИВ, 1886, № 2, с. 388; Барсуков (ук.); Архангельский А. С., А. С. Пушкин в Казани, Каз., 1899, с. 11—12, 19—21; Бобров Е. А., А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х гг. — РС, 1904, № 7, с. 5—8; его же, А. С. Пушкин в Казани. — В кн.: Пушкин и его современники. Мат-лы и иссл., в. 3, СПб., 1905, с. 34—35, 39, 44, 47, 64; Пушкин. Письма, т. 3 (ук.); его же, Письма последних лет, Л., 1969 (ук.); Перцов П. П., Что я слышал о Пушкине. — «30 дней», 1937, № 2; Архив опеки Пушкина, М., 1939 (ук.); Язетский П. А., Записные книжки (1813—1848), М., 1963 (ЛП) (ук.); Эйдельман Н. Я., Случай ненадежен, но шедр (Поиски тайных корреспондентов Герцена). — «Наука и жизнь», 1965, № 1, 2; его же, Тайные корреспонденты «Полярной звезды», М., 1966 (ук.); его же, Анонимные корреспонденты «Колокола». — В кн.: Проблемы изучения Герцена, М., 1963 (ук.); Кунин В. В., Библиофиль пушкинской поры, М., 1979 (ук.); Славянский Ю. Л., Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал, Каз., 1980, с. 35—36, 102—05; Мещеряков В. П., А. С. Грибоедов. Лит. окружение и восприятие (XIX — нач. XX в.), Л., 1983 (ук.); Баратынский Е. А., Стих. Письма. Восп. современни-

ков, М., 1987, с. 229—31, 234, 237—38 (упоминания П. в письмах И. В. Киреевскому); Полесов Н. А., Полевой К. А., Лит. критика, Л., 1990 (ук.); ЛН, т. 41—42, с. 603—04; т. 63 (ук.). + РБС; ПНБк.; Черейский; Мяснов (в трех последних — с неверной датой рождения: 12 дек.).

Архивы: РГАИ, ф. 217, оп. 1, д. 1474 (ф. с. 1844 г.); ф. 772, оп. 1, д. 1562, д. 1962 (о «Ж-ле общепольз. сведений»); ф. 1343 (дело о дворянстве) [справка Н. М. Корневой]; РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 46 (Перцов П. П., «Об Э. П. Перцове»; ст. и мат-лы); № 292 (Перцова М. И., «Памятная книжка Перцовых»); ф. 2819, оп. 1, № 15, л. 91 и след. (Залкина Г. М., Биогр. мат-лы о П.); ГАРФ, ф. 109, оп. 1, д. 237; оп. 214, д. 138 (дело П. 1861 г.; изъятие у него мат-лы); ф. 4, оп. 2, д. 171; ф. 350, оп. 2, д. 6 (Биогр. сведения; дата рождения — 29 нояб.); РНБ, ф. 539, оп. 2, № 856 (2 письма В. Ф. Одоевскому). С. И. Павлов.

ПЕСКОВСКИЙ Матвей Леонтьевич [1843, Витебский у. Витебской губ. — 29.1(11.2).1903, ст. Удельная, близ Петербурга; похоронен на Волковом кладб.], публицист, журналист, беллетрист, педагог. Из семьи священника. Окончил Витебское духовное уч-ще (1859) и Полоцкую духовную сем. (1864). Ст. преподаватель в Дисненском приходском уч-ще (1864—65), письмоводитель и бухгалтер Вилен. дирекции нар. уч-щ (1865—66). По окончании естеств. отделения физ.-матем. ф-та Петерб. ун-та (1870) был отправлен в Вилен. уч. округ, но вскоре перебрался в Вятку, где стал одним из организаторов и преподавателей учительской сем. Вятского земства. В 1874 из-за притеснений семинарии властями П., «руководивший воспитанием своих слушателей в прогрессивно-демокр. направлении» (Халтурин И. [П.], Семейные восп. о Степане Халтурине — «Былое», 1921, № 16, с. 50), оставил ее и переехал в Петербург. В 1874—77 воспитатель малолетних арестантов Литов. замка.

Критикой злоупотреблений тюремной администрации П. начал журналистскую деятельность в газ. «Голос» (первая публ. — «Заявление», 1875, 8 окт.); его выступления привели к конфликту с дир. Тюремного к-та В. Н. Никитиным, вплоть до судебного разбирательства в 1877 (РНБ, ф. 73, № 815, 816, 817, 821, 822, 823, 825), закончившегося наложением денеж. взыскания на П. за «оглашение в печати заключений комиссии» (там же, № 826) в ст. «Темные стороны в деле тюремной филантропии» («Голос», 1877, № 54). П. — сотр. провинц. и зем. отделов «Голоса» до 1878. В 1876—78 факт.ч. соредактор (совм. с Г. К. Градовским) ж. «Рус. обозр.». Критич. обзоры П. обществ. и культурной жизни наталкивались на ценз. препятствия; из-за ст. «Задачи рус. интеллигенции» (РО, 1877, № 12/13), призывавшей интеллигенцию «идти в народ» и содержавшей, по мнению цензора, «мысль об излишней ... правительств. опеке над обществом»

(РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 58, л. 82—86), «Рус. обозр.» было приостановлено на 6 месяцев (см.: «Правительство вестн.», 1877, 21 апр.). С 1878 лит. секр. одного из крупнейших издателей — М. О. Вольфа, ред.

дет. худож. и учебно-воспитат. сочинений иностр. авторов; сотр. редакций подпленного многолетнего изд. «Живописная Россия», ж. «Новь», «Задуманное слово». Печатавшиеся в этих изд. очерки и рассказы П. частично вошли в книги для детей «Играйте и читайте!», «Прочитай — жизнь узнаешь» (обе — СПб., 1896).

Публицистика П. 80—90-х гг. в газ. «Молва», «Порядок», «Моск. телеграф», «С.-Петерб. ведн.», «Новости и бирж. газ.», «Недельная хроника „Восхода“», ж. «Вест. Европы», «Нов. слово» и др. изданиях «доказывала необходимость самого широкого нар. просвещения, зем. и обществ. самостоятельности, веротерпимости» (Градовский Г. (К.), Памяти П. — «Известия от Кассы взаимопомощи литераторов и ученых», 1903, № 3, с. 3). Пропагандист реформы нар. образования, П. рассматривал на страницах ж. «Наблюдатель» (1882) и «Рус. мысль» (1886—87) состояние и перспективы жен. образования, отстаивал необходимость высших жен. курсов («Образование женщин у нас и за границей» — РМ, 1886, № 7); в ж. «Рус. школа» (1890—91) исследовал вопросы проф. обучения; в книге статей «Обязательный минимум образования» (СПб., 1895) предложил программу реализации всеобщего нар. просвещения. Популяризируя достижения нац. пед. мысли, П. выпустил биогр. очерки: «К. Д. Ушинский» (СПб., 1893), «Барон Н. А. Корф, его жизнь и обществ. деятельность» (СПб., 1894), благожелательно встреченные критикой («искусная обрисовка нравств. личности

Ушинского» — «Рус. школа», 1893, № 11, с. 190; «полнота и достоверность фактов» — ЖМНП, 1895, № 9, с. 176). В публицист. иссл. «Роковое недоразумение. Еврейский вопрос, его мировая история и естеств. путь к разрешению» (ч. 1—2, СПб., 1891), рассматривая историю «рокового вопроса» и совр. правовое положение еврейства в Зап. Европе и России, утверждал необходимость распространения «полной гражд. равноправности» на евр. население (одобрит. рец.: РМ, 1891, № 12).

Выдвигая в нар. школе залог «прогресса начала для всего общества» и добиваясь наибольшей популярности для своих «зачуманных идей», П. иногда облачал «публицист. мысли в беллетристич. форму» (СВ, 1893, № 11, с. 43). Так, в пов. «В глуши» (СПб., 1893; сочувств. рец. В. П. Острогорского — МБ, 1893, № 11) он изобразил «идиллич. картину» устройства нар. школы, ее влияния на экономич. и бытовые условия крест. жизни (закрываются кабаки, исчезают отхожие промыслы, ростовщичество и т. д.), вызвав упрек ж. «Рус. богатство» в искажении «жизненной правды», указавшего также на «несомненную» худож. слабость (1893, № 11, с. 78). В связи с 40-летием реформы 1861 опублик. 1-ю кн. задуманной трилогии о положении крестьянства «от времен крепостничества до наших дней» (цит. по предисл.) — ром. «Мужик. До освобождения крестьян» (СПб., 1901), также отразивший приверженность П. идеям постепенной реформы.

По отзыву рецензента, роман не принадлежит к числу «чисто худож. произв.: это скорее ряд ист.-бытовых очерков», в к-рых «смыслы и резкие штрихи очерчены нравы крепостного времени» (Ив. (А.) Порошин — НМ, 1901, № 61, с. 80).

В 90-х гг. П. активно участвовал в создании проф. объединения литераторов; один из организаторов (1891) и пост. чл. правления Кассы взаимопомощи литераторов и ученых.

После смерти жены остался с пятью малолетними детьми (в 1895—99 неоднократно обращался в Лит. фонд за материальной помощью — см.: ИРЛИ, ф. 155, № 268); вторая жена П., Ек. Ив. Веретинникова, — родственница В. И. Ленина.

Скончался в доме призрения душевнобольных.

Др. произв.: «Барон Н. А. Корф в письмах к нему разных лиц» (СПб., 1895); биогр. очерк «А. В. Суворов, его жизнь и воен. деятельность» (СПб., 1899; похвалит. отзыв В. О. Михневича — «Новости и бирж. газ.», 1899, 26 февр.); ст. «Всемирная реформа в деле образования» («Нов. слово», 1896, № 7); восп. о годах учения в Зап. крае «На рубеже двух эпох» (РС, 1896, № 3—4).

Изд.: А. В. Суворов. — В кн.: Дашкова. Суворов. Воронцовы. Сперанский. Канкрин. Челябинск, 1995 (репринт очерков серии ЖЗЛ со справками об авторах).

Лит.: Михневич; Надсон С. Я. Лит. очерки (1883—1886). СПб., 1887, с. 150—63; Новоселов Вл. Провинция в столичной печати. — НМ, 1902, № 79, с. 103; Либрович С. Ф. На книжном посту, П. — М., 1916, с. 378—379, 463, 475; Петров В. А., Вятское зем. уч-ще для подготовки учителей. — «Уч. зап. Кир. росс. гос. пед. ин-та», 1958, № 12, с. 161; Петряев Е. Д. Лит. находки, Киров, 1966, с. 131; его же, Вятские книголюбцы, Киров, 1986, с. 213; Изосергина Н. П., Писатели в Вятке, Киров, 1979, с. 149—153. — Некрологи, 1903: ИВ, № 3; МБ, № 3; «Мирской толк», № 7; «Задуманное слово для ст. возраста», № 15; «Нива», № 7. П. Некр.; Памятный листок о профессорах и студентах С.-Петерб. ун-та за 1870 г., СПб., 1871; РВед. Сб.; Южаков; Гранат; Евр. энци.; Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 72, № 259 (36 писем Б. Б. Глинскому, 1896—1900); ф. 207, № 155 (10 писем О. К. Нотовичу, 1882—96); РНБ, ф. 874, № 62 (письма С. Н. Шубинскому, 1895); ф. 621, № 654 (5 писем А. Н. Пыпиному, 1881—1888).

В. М. Лукин

ПЕТЕРСОН Карл Александрович [11(23).9.1811 — 12(24).1.1890, Петербург; похоронен на Смоленском лютеран. кладб.], поэт, публицист, переводчик, автор произв. для детей. Сын коллеж. секр.; евангелиско-лютеранского вероисповедания. Семья, вероятно, имела скромный достаток (в 1848 П. хлопотал о скорейшем устройстве свадьбы своей сестры и вдовца-чиновника с шестью детьми). С 1831 П. служил в Деп. нар. просвещения, с окт. 1832 — в канцелярии К-та министров (с марта 1834 коллеж. рег.).

Лит. деятельность П. началась в 1834 с публикации неск. стих. в «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“» [«Сиротка» («Нигде мне приюта бескровному нет...») — 1834, 11 авг.; «Призрак. Сказка» — 1835, 12 янв.; «Мотылек» — 1835, 7 сент.], в «Сыне Отечества и Сев. архиве» («Поэт», посв. П. А. Корсакову, и «К демону» — 1834, № 48). В 1834 опублик. мелодрам. пов. «Адель» («СО и СА», № 43; отд. изд. в переработанном и расширенном виде — СПб., 1837) о любви, к-рая погибла (и герои повести тоже) из-за нелепой случайности.

С 1839 П. активно печатался в «Современнике» П. А. Плетнёва; первая публ. в ж-ле — стих. «Сонет» (1839, т. 13), посв. памяти А. С. Пушкина (включено в юбилейный сб. «Рус. поэты о Пушкине», М., 1899; сост. Б. Калаш). В статье об изв. современнике — итал. поэте-карбонарии С. Пеллико и в прозаич. переводе его стихотв. трагедии «Томас Морус» (1839, т. 14) П. подчеркнул необычайные христ. добродетели автора трагедии (воспроизводил похвальный отзыв Пушкина о «Монх темнищах» Пеллико), а также возвышенный характер, строгую честность ее героя — Т. Мора, каким представляется великого утописта история «всех веков и народов» (с. 66).

Вероятно, в янв. 1842 при посредничестве Я. К. Грота состоялось личное знакомство П. с Плетнёвым (Грот и Плетнев, I, 474—75, 479). Принимая П. дома, отзываясь о

нем как о «добром малом», к-рый «без всякого выкиновения в дело восхищается пустяками», а позднее замечает его «подозрительный характер» и «мнительность» (там же, I, 497; III, 166, 271). Плетнёв оказывал ему покровительство, хотя и не ценил поэтич. и беллетристич. произв. П. Он досадовал на «модный франц. тон и слог, на искусственность во всем и на отсутствие истины и жизни» в прочитанной ему повести П., к-рую так и не опубли. в журнале, несмотря на обещание (там же, I, 600). Однако Плетнёв помещает в «Совр.» его статьи: «Заметки на книгу Капфига „Лига, Реформация и Генрих IV“» (1842, т. 26), считая, что она «недурна. Только есть что-то мелкое в изложении и тоне» (Грот и Плетнев, I, 479), «Взгляд на Фронду» (1842, т. 27), «Замечания на Лока» (1842, т. 28), к недостаткам к-рой относит «сухость материн, смешной тон и упоминание я и господ» (Грот и Плетнев, I, 484), «Наполеон и сын его» (1843, т. 29).

В ст. «Генрих Гейне» (1843, т. 30) биогр. очерк сочетается с рассуждениями об оригинальной, «пленительной» поэзии Гейне, в к-рой слиты «сарказм и чувственность», однако Гейне, по П., «не гений: гений атеистом быть не может» (с. 12, 9, 21); примеры из его стихотворений даны в переводе П., б. ч. из «Книги песен»; последний раздел посвящен анализу поэмы, особенно «Флорентийским ночам» и «Салону» (где также имеются стихотв. переводы П.). В «Совр.» также помещен перевод П. с нем. яз. повести Е. Ф. Канкрина «Танцовщица» (1846, т. 42).

В 1840-е гг. П., вероятно по рекомендации Плетнёва, был частым автором ж-ла для детей «Звездочка», войдя в круг близких знакомых А. И. Ишимова. Там он опубли. переводы стих. Ф. Шиллера «Весна» (1845, № 6; для детей младшего возраста), «Дитя в колыбели», «Сон» (1847, № 5; для детей старшего возраста). Среди многих его стих. для детей одно — «Молитва» («Звездочка», 1843, № 9; впоследствии публ. под назв. «Сиротка») стало очень популярным; бесхитрое по форме, оно привлекало трогательным, вызвавшим у ребенка сострадание сюжетом («Вечер был: сверкали звезды/ На дворе мороз трещал/ Шел по улице малютка/ Посинел и весь дрожал»).

Назначение П. в 1849 пом. надзирателя студентов Моск. ун-та из кавк. воспитанников, по словам Плетнёва, было «благодарностью фортуны, к-рая так неожиданно бросилась к нему на шею» (Грот и Плетнев, III, 486), и началом служебной карьеры П. Летом 1850, перед отъездом в Москву, П. был у Плетнёва на даче, совершал загород-

ные экскурсии, ездил в Валаамский монастырь (был от него «в восхищении» — там же, III, 519). После публикации ряда произв. в моск. сб. «Раут»: стих. «Притворщице», «Незнакомка», «Голубые глаза» (кн. 2, 1852), главы из ром. «Любовь 15-летней девушки» (кн. 2), «Все из пустяков» (кн. 3, 1854), неск. переводов двустий Шиллера (кн. 3) под общим назв. «Отрывчатые мысли», лит. деятельность П. прекратилась. Его заметка 1863 в «Моск. вед.» «По поводу статьи „Роковой вопрос“ в журн. „Время“» (22 мая), гневно обвинявшая автора «Времени» (им был Н. Н. Страхов, выступивший под псевд. Русский) в предательстве русских интересов в рус.-польском конфликте и написанная как бы от имени всех «истинно Русских», послужила сигналом к закрытию журнала. Имя автора заметки ничего не говорило читателям, и М. Е. Салтыков-Щедрин писал в одной из своих полемич. статей о «стрижах»: «... г. Петерсон не литератор, а просто пронырливый человек» (ЛН, т. 11/12, с. 124; публ. В. Гиппиуса).

В дек. 1863 в чине д. стат. сов. уволен в отставку. С февр. 1865 по янв. 1887 числен (без содержания) к Мин-ву гос. имуществ. В 1870 на 6 месяцев командирован в Крым для управления Никитским ботанич. садом и Никитским уч-щем садоводства и виноделия. За 56 лет гос. службы от самого низкого, 14-го класса поднялся до 4-го класса, был награжден пятью орденами и двумя знаками отличия «За беспорочную службу». В аттестате 1864 и ф. с. 1880 возраст П. занижен на 3 года. П. был холост, мн. годы жил на Невском просп. (дом 84), «имений не имел» (ф. с. 1851 — РГИА), в 1882 писал прошения об увеличении пенсии.

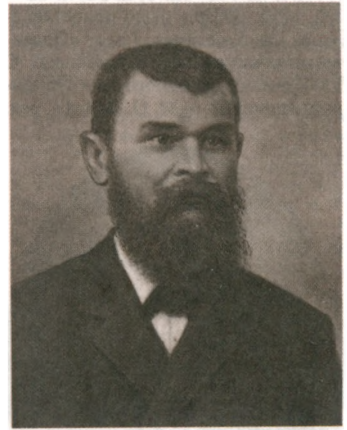
Изд.: в кн.: Рус. поэзия детям [в биогр. заметке стихи П. ошибочно приписаны его полному тезке (о нем см.: РБС); исправлено в изд. 1997].

Лит.: Грот и Плетнев (ук.); Нечасова. «Время», с. 307—08; Путилова Е., Загадка К. А. Петерсона, или Фантазматология, по Гоголю. — «Нева», 1995, № 9; ЛН, т. 22—24, с. 652 (Г. Гейне в царской цензуре. Сообщение А. Федорова). + Сообщение о смерти: НВ, 1890, 13 янв.; ПНскр., т. 3; Мезьер, с. 285; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1394 (ф. с. 1851 г.), ф. 381, оп. 8, д. 2900/1 (дело о приписании к Мин-ву гос. имуществ. 1865—87, и копия ф. с. 1882 г.) [справка Л. М. Сеселиной]; ИРЛИ, ф. 234, оп. 8, № 86 (письмо 1843 П. А. Плетнёву).

Л. Н. Гаврица, Е. О. Путилова.

ПЕТЕРСОН Николай Павлович [6(18).6.1844, д. Барановка Краснослободского у. Пензен. губ. — 4.3.1919, г. Звенигородка Киев. губ.], публицист. Из семьи коллеж. асессора. Отец изв. лингвиста М. Н. Петерсона (1885—1962). Учился в Пензен. дворян. ин-те, по окончании к-рого в 1861 поступил на ист.-филол. ф-т

Моск. ун-та. В том же году в связи со студенч. беспорядками оставил учебу. В 1862 по приглашению Л. Н. Толстого П. приезжает в Ясную Поляну, преподает в Головинской и Плехановской нар. школах, впервые выступает в печати со статьями о своем пед. опыте в ж. «Ясная Поляна» [1862, № 6, 10, подпись Н. П. П.; см. также «Из записок бывшего учителя» — в кн.: Междунар. толстовский альм. (сост. П. Сергеев), М., 1909]; общение П. с Толстым продолжалось и впоследствии (П. до нек-рой степени послужил прототипом образа ссыльного Владимира Симонсона в ром. «Воскресение»). В 1863 возвращается в Москву и вновь поступает в ун-т, уже на мед. ф-т. Однако внутр. неуспокоенность заставляет его снова искать свое призвание. Он слушает лекции на матем. ф-те, сближается с кружком ишутинцев. В 1864, вновь оставив ун-т, ради «пропаганды революционно-социалистических идей» (РГБ, ф. 657, к. 6, № 78) уезжает в г. Богородск, преподает арифметику и геометрию в уездном уч-ще, где знакомится с Н. Ф. Фёдоровым, под влиянием к-рого в его взглядах происходит коренной перелом: он оставляет рев. пропаганду. Преданный ученик и последователь Фёдорова, П. усердно помогает ему в работе над его сочинениями, стремится распространять его идеи. Дружеские связи с членами ишутинского кружка П. тем не менее сохранил; в 1866 был привлечен по делу Д. В. Каракозова и 4 мес. находился в заключении.

В 1867 П. получил место пом. библиотекера Чертковской б-ки, переписывал док-ты для издаваемого П. И. Бартеневым ж. «Рус. архив», держал корректуры журнальных статей, а также «Войны и мира» Толстого. В 1869 началась его служба секретарем съезда мировых судей сначала в Спасске, затем в Керенске (1870—91). В газ. «Справочный листок района Моршанско-Сызран.

ж. д.» появляются его статьи и заметки о работе мирового суда, на темы местного самоуправления: П., в частности, выступает за облегчение налогообложения крест. населения Керенского уя. (1876, 9, 12, 24 марта, 14 авг.; подписи К-нев, К-в).

В 70-е гг. П. много размышляет над изысками революционного, насильственного пути, утверждая необходимость внести в общество строительство религ. идеал. Ему особенно близок путь Ф. М. Достоевского, тоже прошедшего через «перерождение убеждений», его анализ природы нигилизма. В 1876 П. обращается к нему с письмом, копирует рукописи статьи, фрагмент к-рой Достоевский поместил в «Дневнике писателя» за 1876. П. критикует совр. «артели, ассоциации, кооперации, торговые и другие всякие товарищества», утверждая, что они основаны не столько «на врожденном человеку чувстве общительности», сколько на принципе эгоистической «выгоды», взаимного соперничества и «поголовного шпионства». Истинной основой обществ. устройства, по мысли П., должны стать христ. начала «взаимной любви», «всеобщего единения» (ИРЛИ, ф. 100, № 29806, ССХ16.9). Достоевский сочувственно отзывался об идеях П. («Все это молодо, свежо, теоретично, непрактично, но в принципе совершенно верно и написано не только искренно, но с страданием и болением»), в то же время отмечает и нек-рую «обословленность» автора рукописи, расценив ее как общую черту совр. ему поколения (ХХІІ, 81—83). В 1877 П. отправил Достоевскому письмо с развернутым изложением идей Фédорова [не сохр.; ответ Достоевского: ХХХ(1), 13—15; см. также др. письмо П. к Достоевскому — РГБ, ф. 657, к. 9, № 93].

В 1891 П. назначен судьей г. Мокшана, затем Воронежа (1894—98), в 1899 переведен в Ашхабад на должность члена ашхабад. окружного суда. Много внимания уделял краснестроению и муз. делу, активно участвовал в работе Воронеж. края, о местных музеях (их деятельность должна не ограничиваться лишь хранением «священных останков прошедшего», но расширяться до науч. исследования, образования, духовного и нравственного просвещения — «Ашхабад», 1899, 30 окт.; 1900, 25 июля; 1901, 29 сент.; подписи З. Н. П.) проявлялась характерная черта П.-публициста: всякий частный вопрос он стремился поставить метафизически, использовать с позиций федоровского идеала. В кон. 90-х гг. П. выступал за проведение в Туркестане науч. археологич. съезда, к-рый положил бы начало всестороннему иссл. этой местности, лежащей «на рубеже двух миров» — Ирана и Турана, пред лицом Памира, природный человеческий род» («Письма в редакцию» — «Ашхабад», 1899, 27 мая). В своих статьях неоднократно касался вопроса о назначении России в Азии: умиротворение и просвещение населяющих ее народностей. Первое заключало в себе не только замирение враждующих племен, но и проповедь ест. стихийным, разрушительным силам, грозящим человеку («регуляция природы»). Второе требовало воспитания в духе деятельной любви («Ашхабад», 1899, 27 мая; 1901, 30 дек.; и др.). В газ. «Ашхабад» П. опубли. ряд статей Фédорова, принял активное участие в полемике вокруг них («Письма в редакцию» — 1902, 2 янв., 14 февр., 3, 19 марта; «Еще о смысле и цели» — 1902, 21 апр.). Переехав в 1904 в Верный (назначен чл. окружного суда), выпускает в 1906 первый том «Философии общего дела» Фédорова, подготовленный П. совм. с В. А. Кожевниковым, знакомит с надами мыслителя просвещ. Дмитрий, епископа Туркестанского и Ташкентского, в покаях к-рого в 1907 проходят чтения и обсуждения работ Фédорова, освещает ход этих чтений в печати («Семиреченские обл. вед.», 9, 16, 19 янв.).

Теме образования, просвещения, нар. школ П. уделял особое внимание (см., напр., «К вопросу о лучшем устройстве нашей школы» — «Ашхабад», 1900, 1, 25 июля, подписи З.; «Новая школа» — «Туркестан. епарх. вед.», 1909, 1 марта). Выступал за создание школ при храмах, что позволило бы максимально христианизировать обучение. В 1909 открыл на окраине Верного при строящейся церкви Вседвения во храм Пресв. Богородицы школу, сам вел в ней занятия.

Особое место в публиц. деятельности П. занимала критика религ. учения Толстого — см., напр.: «Закаспийское обозр.» (1903, 23, 30 дек.), «Семиреченские обл. вед.» (1908, 8 янв.), «Туркестан. епарх. вед.» (1907, 15 апр., 1 мая; 1909, 15 марта, 1 дек.; 1910, 15 сент.). Проповедь непротивления, по его мысли, не способна умиротворить вражду и уничтожить зло; напротив, требование «не платить податей», не исполнять воинской повинности, не участвовать в судах и т. п. ведет к анархии, сильнее накаляет бушующие в обществе страсти. Толстовство, по словам П., — это «клевета на христианство», «играющая на руку революционерам» (цит. по: Толстой, LXXX, 93). Путь к искоренению зла, считает он, лежит не в отрицании существующих обществ. и гос. учреждений, а в нравств. и религ. переориентации их деятельности — на благое христ. дело. Особенной остроты полемика достигла в ряде брошюр П.: «Правда о великом писателе земли русской — гр. Л. Н. Толстом к 55-летию юбилею его лит. деятельности» (Новочеркасск, 1908); «Моя переписка с гр. Л. Н. Толстым» (в. 1, 2, Верный, 1909). Статьи П. о Толстом собраны в изд. «Н. Ф. Федоров и его кн. „Философия общего дела“ в противоположность учению Л. Н. Толстого „о непротивлении“ и другим идеям нашего времени» (Верный, 1912). Здесь же помещены статьи о Д. И. Писарева («потеря веру, он не знает дела, которое было бы действительно полезно всем», — с. 46) и о М. Горьком, где П. выступает с критикой пессимистич. мотивов в произв. писателя, к-рый «не только не указывает людям возможности иной, лучшей жизни, а разрушает у них всякую надежду...» (с. 144).

Одна из гл. тем публиц. выступления П. в 1900—10-е гг. — вопрос о роли христианства и церкви в мире. В статьях, опубли. в «Туркестан. епарх. вед.» (1906—10), он развивает представление об истории как о богочеловеческой «работе спасения», о

неразрывности личного духовного подвига и обществ. дела («царствие Божие внутри нас можно создать лишь тогда, когда мы будем созидать его и вне нас» — 1907, 15 июня). Много внимания уделял проблеме гос. и социального устройства России, подчеркивая религ. значение царской власти и личности самодержца — «водителю народа путями правды», писал о необходимости воплощения в обществ. жизни принципа братности (1910, 15 апр.).

В 1913 П. полемизирует с Е. Н. Трубецким по поводу его трактовки взаимоотношений Вл. С. Соловьева и Фédорова в работе «Мирозерцание В. Соловьева» («Вопросы философии и психологии», 1912, № 4), подчеркивая глубину воздействия федоровских идей на взгляды молодого философа и подробно останавливаясь на тех вехах их взаимоотношений, к-рые были неизвестны Трубецкому («Вопросы философии и психологии», 1913, № 3; переписка по этому поводу — РГБ, ф. 657, к. 6, № 18, 64). В 1915—16 выступает против С. А. Голованенко, автора серии статей об учении Фédорова в «Богослов. вест.» (переписка П. с П. А. Флоренским, ред. ж-ла, по этому поводу — РГБ, ф. 657, к. 6, № 20, 71), — в брошюре «О религиозном характере учения Н. Ф. Федорова» (М., 1915) и ст. «Христианство Н. Ф. Федорова, автора философии Общего Дела» («Богослов. вест.», 1916, № 1; здесь же — возражение Голованенко).

Своего рода итогом усилий П. по распространению федоровских идей стало его письмо к патриарху Тихону и Собору Рус. правосл. церкви в марте 1918 с просьбой рассмотреть составленную им заметку «Что такое православие?» («Если Собор согласится с определением православия, к-рое делается в заметке, этим будет положено начало проникновению христианства в жизнь... когда жить и быть христианином будет значить одно» (РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, № 1073).

В 1912 П. покидает Верный и переезжает в Зарайск Рязан. губ., где занимается ту же должность чл. окружного суда — вплоть до ликвидации старых судов после революции 1917. Вместе с Кожевниковым активно работает над подготовкой к печати 3-го тома «Философии общего дела» (том этот так и не был издан из-за кончины обоих редакторов).

Лит.: Достоевский (ук.); Толстой (ук.); «Вселенское дело», Рига, 1934, № 2, с. 179—81; Проскури В. Н., Верненский книжник. — «Простор», 1982, № 4; Верный, 1906 год — книга философа Федорова, Алмата, 1989 (сост. В. Н. Проскури); Семанова С. Г., Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в лит-ре. М., 1989, с. 100—32; с. 32, Н. Ф. Федоров. Творчество жизни. М., 1990; Переписка П. А. Флоренского и В. А. Кожевникова. — «Вопросы философии», 1991, № 6; Ласунский

О. Г., Лит. прогулка по Воронежу, Воронеж, 1993, с. 230—34; Акиншин А., Ласунский О., Рядом с Федоровым. — «Утро», 1994, 28 июля; Гачева А. Г., Жить и быть христианином: — «Библиография», 1995, № 2 (библиограф. работ.); Кочергина В. А., Проф. М. Н. Петерсон, М., 1996 (гл. 1 и прим.); Федоров Н. Ф., Собр. соч., т. 3, М., 1997; ЛН, т. 90 (ук.); Hagemister M., Nikolaj Fedorov, Studien zu Leben, Werk und Wirkung, München, 1989. + Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 657; РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, № 707 (письмо А. Л. Волынского), № 1018 (записка П. «Что такое православие?»), № 1019 (ст. П. «Вопрос о цели и смысле существования»); Архив РАН, ф. 696, оп. 1, разд. III; ЦИАМ, ф. 418, оп. 32, д. 504 (студ. д.) [справка В. В. Алксандаровой]. А. Г. Гачева.

ПЕТЕРСОН Ольга Михайловна [25.5(6.6).1856, Воронеж — 1919, Петроград*], переводчица, историк литературы, педагог. Дочь М. Ф. Петерсона (1827—89), стат. сов., дворянина Твер. губ., архитектора; двоюродная племянница А. Н. Бенуа. Окончила петерб. Коломен. г-зию (1873), затем Пед. курсы. В 1874—76 —

курсы, П. принимала на работу в свое уч. заведение выпускниц курсов. Активная участница издат. комитета об-ва, к-рый был организован для выпуска науч. и лит. трудов, в т. ч. книг и брошюр о женщинах, сыгравших заметную роль в истории, науке, иск-ве и т. д. Первым таким опытом явилась кн. П. «Семейство Бронте» (СПб., 1895), включившая пер.-пересказы романов сестер Бронте, а также пер. статей о творчестве писательницы и их семье.

В совершенстве владела англ., норв., франц. и др. европ. языками. Первая публ. — пер. статьи Р. Пейроля «Роза Боннер» («Вест. изящных иск-в», 1890, т. 8, в. 3, 6) о художнице-анималистке. Среди переводов и пересказов П., сделанных непосредственно с оригинала, — Лонгфелло Г., Евангелина «Родник», 1891, № 10; отд. изд. — «Разлученные, или Евангелина. Повесть о печальной невесте, искавшей своего жениха», М., 1900, 1912), Консианс Х., Слепая Роза. Матушка Иов (СПб., 1893), Бьёрнсон Б., Рассказы и повести (т. 1—2, СПб., 1894), Дефо Д., Робинзон Крузо (ч. 1—2, СПб., 1894), Лагерлёф С., Развенчанный король (СВ, 1895, № 2), Гарборг А., Усталые люди (СПб., 1897), Приключения Ренара-Лиса и его кума волка Изегрима. По франц. источникам... (СПб., 1898), Корнель П., Сид (2-е изд., СПб., 1899).

Своим главным лит. и науч. трудом П. считала кн. «Зап.-европ. эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов...» (т. 1—3, СПб., 1896—1900), созданную совм. с Е. В. Балобановой, знакомой П. еще со времен Бестужев. курсов. Адресуя книгу учащимся и учителям средних уч. заведений и всем интересующимся ср.-век. эпич. лит-рой, к-рая до сих пор мало известна читателю, авторы отказались от традиц. хрестоматийной подачи материала, дающей отрывки произведений, отдав предпочтение пер.-пересказу самых крупных и характерных явлений ср.-век. эпоса — романского, скандинавского и германского («удачный выбор песен и живое изложение» — РМ, 1898, № 4, с. 141; см. также: РМ, 1897, № 3; «непосредственное знакомство [составительниц. — Ред.] с подлинниками» — ЖМНП, 1898, № 6, с. 437; др. рец.: Д. К. Петров — СВ, 1898, № 2; (А. Г. Горнфельд) — РБ, 1898, № 3; 1900, № 11).

Составила сб. «Лонгфелло и его произведения» (СПб., 1911), в к-рый включила пер. И. А. Бунина, А. Н. Майкова, М. Л. Михайлова и собств. пер.-пересказ. Автор биогр. очерка «Сервантес, его жизнь и произведения» (СПб., 1901), «написанного легко», но перегруженного многочисл. отрывками из произв. писателя,

«отвлекающими от хода рассказа и иногда притянутыми насильно, без настоящей связи» (А. Г. Горнфельд — РБ, 1901, № 6, с. 98—99).

Др. произв.: «Из забытых преданий. Святочные рассказы» («Новост», 1892, 1 янв.), «Великие огни. Гренландское предание» (в сб.: «В добрый час», СПб., 1895; издан в пользу Об-ва вспоможения нуждающимся ученикам Коломен. г-зии), «Счастье рыбаков. Ирландская легенда» («Родник», 1895, № 1), «Скрипка. Рассказ» («Нов. слово», 1896, № 10), «Арне Гарборг и „Молодая Норвегия“» («Космополис», 1898, № 6, 7), «Песни моря. Рассказы и предания» (СПб., 1899), «Корнваллийские сказки» (СПб., 1907, бесплатное прил. к ж. «Родник»).

Лит.: «Ист. обзор», 1890, т. 1, 2-й отд., с. 62, 1893, т. 6, с. 14; «Записки Неофилол. об-ва», СПб., 1894, в. 3, № 1, с. 23; 1914, в. 7, с. 83; Памяти Н. В. Стасовой, СПб., 1896, с. 3 (факсимильное воспроизведение письма Стасовой к П., содержащего высокую оценку кн. «Семейство Бронте»); Стасов В. В., Н. В. Стасова. Восп. и очерки, СПб., 1899, с. 343, 445. Памятная книжка окончивших курс на С.-Петерб. Высших жен. курсах 1882—1889... [Сост. Н. А. Востеницкая], 4-е изд., СПб., 1903, с. 5; С.-Петербург. Высшие жен. курсы за 25 лет. 1878—1903. Очерки и мат-лы, СПб., 1903, с. 33, 52, 139, 144; «Дела и дни», 1920, кн. 1, с. 497*; ЛН, т. 33—34, т. 87 (библи.); + Брокгауз; Алим. и сб-ки (1).

Архивы: РГАЛИ, ф. 1624, оп. 1, д. 278 (автобиография); ИРЛИ, ф. 377, ф. 39, № 649; ф. 45, оп. 5, д. 605; ЦГИА СПб., ф. 113, оп. 10, л. 1; ф. 139, оп. 1, д. 10767, 18315, 18521; РГИА, ф. 1293, оп. 113, 1876 г., д. 1412; ф. 497, оп. 2, д. 21445; ф. 472, д. 23, 269, 280 (об учебе на Бестужев. курсах и пед. деятельности).

Т. Н. Гавриленко.

ПЕТИН Иван Александрович [1788 — 16.10.1813, под Лейпцигом; похоронен ок. д. Госса близ Лейпцига], поэт-дилетант. Из дворян Моск. губ. Отец, Ал-др Бор., ротмистр в отставке, рано скончался. Воспитывался матерью Ал-дрой Пав. В 1797 определен в Моск. ун-тский благородный пансион, где познакомился с Ал-дром И. Тургеневым, В. А. Жуковским, С. П. Жихаревым; пользовался особым вниманием инспектора пансиона А. А. Прокоповича-Антонского. Участник драм. представления во время торжеств. акта в пансионе 14 нояб. 1798. Избрав воен. карьеру, поступил в Пажеский корпус (записан в пажи 28 окт. 1801), откуда из камер-пажей выпущен поручиком в л.-гв. Егерский полк (нояб. 1806). Прикомандированный к милиционному (ополченч.) батальону, в сер. февр. 1807 вместе с войсками совершил поход в Германию навстречу франц. армии во время войны против Наполеона; в походе познакомился с К. Н. Батюшковым. После ранения, полученного в сражении под Фридрихландом (2 июня 1807), вместе с Батюшковым (пострадавшим 29 мая в сражении под Гейльсбергом) лечился в госпитале в Юрбурге (на Немане). С начала войны со Швейцарией (25 янв. 1808) — в действующей армии; вме-

классная надзирательница в Коломен. г-зии, в дальнейшем (до 1890) преподавала арифметику и рус. язык в младших классах. В 1878—82 училась на ист.-филол. отд. Высших жен. (Бестужев.) курсов, где занималась у Ал-дра Н. Веселовского и О. Ф. Миллера (высоко оценил доклад П. о Феодосии Печерском); одна из первых выпускниц курсов. С 1884 содержала в Петербурге частное жен. уч. заведение II разряда (преобразовано в 1910 в частную г-зию, просуществовавшую до 1917), в к-ром обучались дети разных сословий и вероисповеданий.

Занимаясь пед. деятельностью, П. публиковала обзоры и переводы статей по вопросам педагогики и преподавания иностр. языков в ж. «Пед. сб-к» (1890, № 12), «Жен. образование» (1891, № 2, 4, 8), «Образование» (1892, № 1, 7/8). Чл. Неофилол. об-ва (с 1887) и Ист. об-ва (с 1890) при Петерб. ун-те. Чл. Об-ва вспоможения окончившим Высшие жен.

сте с батальоном егерей 8 мая выступил в Финляндию. 30 окт. 1808 под Иденсалми был ранен вторично и отправлен в Петербург (об этих событиях Батюшков в 1810 написал стих. «К Петину»; см. также: Яковлев в П., Нечаянное ночное нападение при Иденсалми в Новой Финляндии. — «Благ», 1822, ч. 20, № 51—52, с. 459—67); по окончании войны с сер. 1809 долечивался в Москве, где в 1810 много времени проводил с Батюшковым. К нач. 1811 вновь в полку.

После вторжения Наполеона в Россию вместе с гвардией проделал поход к Вильне, затем к Смоленску, участвуя в его обороне. 26 авг. 1812 во время Бородин. сражения командовал атакой 3-й гренадер. и 9-й егерской рот; награжден орд. св. Анны 2-й степени с алмазами; был ранен вновь и отправлен во Владимир (в Шуйском у. находилось имение П. с. Кулеберово). Получив чин полковника и не совсем оправившись, вернулся в свой полк. В 1813 под Кульбергом командовал 1-м батальоном; 17 авг. участвовал в Кульмском сражении, за что был награжден орд. св. Георгия 4-й степени. Возглавляя атаку егерей в «битве народов» под Лейпцигом, был убит.

Во время пребывания в пансионе П. регулярно печатал в составлявшихся из соч. воспитанников сб-ках «Утренняя заря» (М., 1800, кн. 1; 1803, кн. 2; 1806, кн. 4), «И отдых в пользу...» (М., 1804) б. ч. басни (в сб. 1800 они сопровождаются пометой «сочинение 12-летнего стихотворца» — с. 59), а также прозаич. переводы с франц. («Нравоучительные мысли», «Арист, или Детское счастье», «Сетования. Идиллия»), стихотв. речь («Время дорого. К воспитанникам»). Стихи, носящие откровенно ученич. характер, были забыты; исключением явилась басня «Солнечные часы» [перепечатана в рец. «Моск. Меркурия» (1803, ч. 2, с. 184) на «Утреннюю зарю»], ничем не выдающаяся, но введенная В. А. Жуковским в «Собрание рус. стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских...» (ч. 3, М., 1811) и затем неоднократно перепечатанная в др. подобных сб-ках: «Собрание образцовых рус. сочинений и переводов в стихах» (ч. 3, СПб., 1815); «Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах. Тр. благородных воспитанников Университетского пансиона» (ч. 1, М., 1816); «Цветник избранных стихотворений в пользу и удовольствие юного возраста» (ч. 1, М., 1816); «Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе» (ч. 2, Х., 1823). Позднее П. скрывал свои юнош. лит. «грехи», хотя словесность не была им вовсе забыта.

П. связывала тесная дружба с Батюшковым, к-рый в нояб. 1815 писал в «Воспоминании о Петине»: «Одни пристрастия, одни наклонности, та же пылкость и та же беспечность, которые составляли мой характер в первом периоде молодости, пленяли меня в моем товариществе» (Батюшков, «Опыты...», с. 399). В лагере при Кульме они говорили о своих надеждах, о будущем совместном путешествии на Кавказ; в сближении,

И. А. Петин (?). Рис. К. Н. Батюшкова.

очевидно, сыграли роль и лит. интересы П.

Батюшков вспоминал, как однажды П., «краснея», пришел к нему со стихами, написанными в молодости и весьма слабыми, но «в них приметны были смысл, ясность в выражении и язык довольно правильный» (там же, с. 404). Жуковский в годы редактирования «Вест. Европы» пытался привлечь П. к сотрудничеству и переслал ему для перевода сб. нем. баснописца К. В. Рамлера. П. приступил к переводу, но затем отказался от продолжения работы — в дружеском иронич. письме Жуковскому от 14 окт. 1809 он уверял, что семь лет не занимался лит-рой и не в состоянии выполнить просьбу: «... никак не мог с ним сладить... все выходит фальшь... Вините в том шведов... Пегас... понес меня, но смотрю, совсем не по следам Рамлера. От Феба в чистую отставку я уволен! И больше с Музами знакомства не веду» (РА, 1875, кн. 3, с. 362—63; автограф: ИРЛИ, ф. 18, оп. 1, № 147).

П. питал интерес к воен. наукам: по словам Батюшкова, вел воен. дневник «и в мирное время не выпускал из рук военных книг, и я часто заставлял его за картою в глубоком размышлении... но часто, по излишней скромности своей, таил свои занятия и хотел казаться рассеянным» (Батюшков, «Опыты...», с. 403). В «Воен. журнале» П. А. Рахманова П. поместил переводы ст. «Об атаке крепостей» и «Об обороне крепостей» (1811, кн. 15) из «Фортификации» Беллявена и Леклерка с прим. о сложности перевода на рус. яз. воен. терминологии.

Батюшков рассказывал, как П. в госпитале Юрбургта преподавал ему и другим урок истинного патриотизма, анушич, что нельзя демонстрировать рыцарство перса пленным противником, пока собств. раненые солдаты сидят без хлеба и крыши над головой. В характере П. была та оп-

ределенность и профессиональная целеустремленность, к-рой не хватало Батюшкову: «гибкость ума, способного на многое; словесность требует воображения, наука — внимания и точности» (Батюшков, «Опыты...», с. 400), «ум зрелого человека и сердце чистейшего ребенка» (там же, с. 399). Инаяга письмом П., написанное накануне Бородин. битвы, Батюшков удивлялся «спокойствием душевным, которое являлось в каждой строке... Так должен писать истинно военный человек, созданный для сего звания природою и образованный размышлением» (там же, с. 404).

П. посвящена одна из лучших элегий Батюшкова «Тень друга» (ВЕ, 1816, № 17/18). После гибели П. он посетил его свежую могилу и готов был заказать рисунок памятника и составить эпитафию (заказать его в Лейпциге брался Тургенев); уже больной, в дни просветления он часто рисовал могилу П. под деревом и шпиль соседней церкви.

Лит.: Сушков Н. В., Моск. Ун-тский Благородный пансион..., М., 1858, с. 77—78; Батюшков: Батюшков К. Н., Опыты в стихах и прозе, М., 1977; История Л.-Гв. Егерского полка..., СПб., 1896 (ук.); Левшин Д. М., Пажеский Его Имп. Величества корпус. За сто лет. 1802—1902, СПб., 1902 (ук.); Дурылин С. Н., Рус. писатели в Отеч. войне 1812 г., М., 1943, с. 110—11. + РБС.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 27, № 1998 (Дело о гербе рода Петинных), 1798—1801 (с автографами П.); ЦИАМ, ф. 4, оп. 14, № 1503 (дело о дворянстве П.).

В. П. Степанов.

ПЕТНИКОВ Григорий Николаевич [25.1(6.2).1894, Петербург — 11.5.1971, Старый Крым], поэт, переводчик, издатель.

Отец, Ник. Осипович (Иосифович; 1857—1941), дворянин, род. в Харькове, окончил три класса Харьк. ж.-д. уч-ща и в 1881 Елизаветград. инж. уч-ще, служил в уланском полку (1879—86), уволен в отставку в 1897 в чине поручика, служил затем на Сев.-Донск. ж.-д. Мать, Эселина-Анна Львовна, урожд. Ратовская (? — 1941), полчка, дочь полкового врача из г. Ахтырки, братья ее матери, урожд. Красевской, — участники Польского восстания 1863—1864, погибли на каторге в Сибири. Мать окончила г-зию с зол. медалью, работала учительницей, счетоводом, инженером транспорта. П. ей «облаил любовью к труду, к музыке, к Пушкину, родному слову» (автобиограф. 1949 — л. д., отдел творч. кадров Междунар. сообщества писательских орг-ций России).

В 1905—13 учился в 3-й харьков. г-зии, увлекался естествознанием, из писателей ему «больше всего нравились Некрасов, Кольцов, мн. стихи Лермонтова, сказки Пушкина, „Капитанская дочка“, и особенно Лев Николаевич Толстой» (автобиограф. 1954 — РГАЛИ); учеником 3-го кл., 8 окт. 1907 отправил восторг. письмо Толстому (ГМТ, А-7 БАН); получил в ответ визитную карточку с автографом (хранил в дом. архиве), 8 окт. 1917, вопреки футуристич. выпадам против классиков и музеев, посетил вместе с В. Хлебниковым музей Толстого в Москве, так никогда не узнав, что среди экспонатов есть его письмо. В 5—6-м кл. выпускал рукоп. ж. «Народы и страны». В 5-м кл. сблизился с Б. П. Гордеевым (*Божидаром*), о к-ром писал: «стали мы неразлучными друзьями; под его, пожалуй, влиянием я стал еще больше любить и писать стихи, языками увлекаться, историей рус. языка, стихо-

сложением ... а он от меня — музыкой, сопровождавшей меня с ранних лет» (автобиогр. 1949 — отдел творч. кадров...). В последних классах г-зии не только писал стихи, но и переводил с нем. и франц. яз. (Э. Т. А. Гофман и др.).

Началом проф. лит. деятельности считал 1913, хотя намеревался включить в первый сб-к стихи с 1910. В 1912—13 познакомился в Харькове с поэтами, будущими футуристами — Н. Н. Асеевым и С. П. Бобровым, но ни в одну из футуристич. группировок не вошел. Через Боброва шли переговоры о предполагавшемся в 1913 в Москве издании перевода П. филосо. пов. Новалиса «Ученики в Саисе» (опубл. позднее: «Пути творчества», 1920, № 6—7; отд. оттиск). В 1913 вместе с Божидаром поступил на слав.-рус. отд. филол. ф-та Моск. ун-та, одновременно посещал лекции в Нар. ун-те им. А. Л. Шанявского, но из-за болезни вернулся в Харьков, где провел б. ч. уч. года.

Летом 1914 совм. с Божидаром и Асеевым организовал в Харькове изд-во «Лирень» (от «лира» и «ливень»), первоначально тяготевшее к «Центрифуге». После трагич. смерти Божидара (сент. 1914) прервал учебу в Москве, стал его душеприказчиком и издателем (впоследствии Хлебников писал: «Мы постигаем Божидара через отраженное колебание в сердцах, знавших его» — «Сев. изборонок», М.—[Х.], 1918, с. [32]). В том же году поступил на юридич. ф-т Харьк. ун-та (закончил в 1918). В 1919—22 учился на лит. отд. Акад. теоретич. знаний (б. Харьков. ун-т). Будучи фактически единственным руководителем «Лирни», к-рый просуществовал до 1922, выпустил ок. 20 книг (своих, Асеева, Божидара, Хлебникова, Т. В. Чурилина и др.; на всех книгах указано мнимое место издания — М. или П. вместо Х.).

Дебютировал в авг. 1914 переводом кн. Новалиса «Фрагменты» (в. П. изд. «Лирнем»). Был одним из первых переводчиков в России Новалиса. Обращение к переводам предшественников новой европ. лит-ры свидетельствует о ранней ориентации П. на поэтику европ. модернизма. Увлечение нем. романтизмом, к-рое разделяли с ним Асеев, Бобров, а впоследствии Хлебников, возникло под воздействием Вяч. И. Иванова и его переложений из Новалиса, опубл. в 1910 («Аполлон», № 7).

Нес-рые критики упрекали П. за крайний субъективизм, за то, что он отобрал только тридцатую часть всех фрагментов, предпочтя «прегационные натурфилос. потуги» афоризмам, бол-е «характерным для романтич. философии» (П. Юшкевич — СевЗ, 1915, № 2, с. 230—31), и поэтому «перевод ... не дает ясного понятия о творчестве Новалиса» (М. И. Сизов) — «Природа и люди», 1915, № 28, с. III; ср. с оценкой в «Изд. книж. магазинов Т-ва М. О. Вольф ...», 1914, № 10, стб. 179, б. п.); в др. отзывах, напротив, отмечено, что перевод «исчурен, хотя местами переводчик слишком ударяется в молеризм» (Н. Ш. — МВед, 1915, 19 апр.). Отмеченные рецензентом «Вест. теософии» круг тем в книге и близость нек-рых афоризмов к древнеиндус. речениям (М. Гарденная — 1915, № 7, с. 101—02), несомненно, отразили вкусовые критерии переводчика (см. также рец.: Ю. Веселовский — РВед, 1915, 18 февр.; А. И. — УР, 1915, 31 янв.; «Утро», 1915, 10 марта). Впоследствии П. неск. раз анонсировал издание 2-й кн. «Фрагментов» (1916, 1919) и книгу афоризмов Новалиса «Цветень» (не изданы). Минфологеме Новалиса, голубому цветку, был, очевидно, посвящен один из тезисов публич. совм. выступления (или беседы) П. и Хлебникова в апр. 1917 («Он устал, этот глупчик столетний, дадим же в его пыльную руку голубых цветков») (Хлебников, т. 5, с. 259).

В авг. 1915 П. впервые опубл. оригинальные стихи в совм. с Асеевым сб. «Леторей» (М.—[Х.]; обложка М. М. Синяковой; неологич. заглавие восходит, по сообщению П., к словам «лето/летний» и «реять»; сб-к подвергался врем. аресту из-за богоборч. стих. Асеева «Жалость»). В предисл.-декларации, написанном авторами совм. (подпись Лирень), повторялись нек-рые тезисы футуристич. группы «Гилея», провозглашался отказ от старых тем и «ходячего смысла», от новейшего «учения о форме слова и слога», утверждался приоритет арханч., «дикого», слова и «живого слова», к-рое «поражает чувство и ум»: «Поток звуков может образовать мысли, но они никогда не могут управлять им. Стих может быть размерен и созвучен, но размер и созвучие не могут быть признаками стиха. Дикое слово ведется нами из душевных дремлин». Первые стихи П. отличались принципиальной установкой на новации, эксперименты с «оснасткой слова», тяготением к слав. тематике, характерной для арханч. крыла символистов, но гл. обр. находились под воздействием поэтики Хлебникова.

А. А. Блок, к-рому Асеев послал «Леторей» с предложением сотрудничества, ответил, что сб-к его «оставил ... равнодушным» (письмо от 20 мая 1916 — ЛН, т. 92, кн. 4, с. 700, 701,

711). Бобров похвалил П. за «приятную для начинающего технику», но при этом отметил «обилие славизмов и нек-рую неаккуратность в выборе метров» («Пета», М., 1916, с. 38). Ср. др. отзыв в «Изд. книж. магазинов Т-ва М. О. Вольф ...» (1915, № 11, стб. 166), где в качестве образца «для любителей патологич. поэзии» цитировалось стих. П. «Ясеня» («Никогда не устанет рамо! Если я вясную яти баву...»); др. рец.: Дм. В(а-равнин) (Ф. Вермель) — «Моск. мастера», М., 1916.

Отказавшись от предложения Боброва о присоединении изд-ва «Лирень» к «Центрифуге» (в мае 1916 отношения между ними были прекращены из-за разногласий по поводу издания Бобровым теоретич. труда Божидара «Распевочное единство»), П. в 1915—17 расширил издат. деятельность «Лирни». Осенью 1916 вместе с Асеевым готовил изд. «вестника худож. речи и критико-библиографии» «Слововед» и сб. «Удья, удля, марсиане», к-рые не были осуществлены, хотя П. привлек к сотрудничеству в них моск. и петрогр. футуристов Хлебникова, А. Е. Кручёных, В. В. Маяковского, Р. Ивнева, М. В. Матюшина, П. Н. Филонова, а из «чужих» — П. А. Флоренского. П. печатался не только в «Лирне», но и в стилич. изданиях «Второй сб. Центрифуги», М., 1916, и др.).

Весной — летом 1916 П. сблизился с Хлебниковым (сначала по переписке, личное знакомство состоялось в августе) и стал его издателем. Хлебников неоднократно приезжал к П. в Харьков, вместе они затевали разл. проекты, составляли манифесты, воззвания. Тесная дружба, продолжавшаяся по июль 1920, во многом определила лит. судьбу не только П., но и Хлебникова, к-рый не раз писал о стихах П. В ст. «Ляля на тигре» (1916; «Сев. изборонок», 1918) Хлебников развивал ряд положений декларации, напечатанной в сб. «Леторей», цитировал раннее стих. П. «Папоротник», упомянул его переводы из Новалиса и работы «над исследованием корнев рус. языка» (ст. «Упевки языка» и «Прилоги рус. поэтич. речи» не изд.). Впоследствии Хлебников называл П. и Асеева «солетниками» (от «леторей»). Летом 1916 П. выпустил антивоен. манифест Хлебникова «Труба марсиан», деливший человечество на «изобретателей» и «приобретателей» и провозглашавший создание «государства времени». Под ним стояли имена единомышленников — П. и Асеева (они принимали участие в окончат. редакциях текста и разделяли идею соборности, исповедуемую Хлебниковым), художники Синяковой и Божидара (посмертно).

В. Я. Брюсов назвал манифест «грубым оригинальничаньем» (РВед, 1916, 6 июля), а Н. Н. Пунин считал его «манифестом кубизма» и «песней юности» («Хлебников — это ствол века, мы прорастаем на нем ветвями» — «Панорама иск-ва», в. 12, М., 1989, с. 187). Ср. об этом в позднем стих. П. «Россия 1914—1916» (1934), написанном под влиянием структуры хлебниковского «Зверинна»: «И даже в «днице города»

входит — / Наш / Маяковский, / И крик земного шара услышал / С „Трубой маршан“ Велимир».

П. стал одним из первых членов созданного Хлебниковым 29 февр. 1916 в Москве для решения судеб всего мира утопич. интернац. «Правительства Земного Шара» (др. назв. — «Правительство поэтов», «Общество Председателей Земного Шара», «Общество 317-ти»). Вместе с Хлебниковым разработал идею и план периодич. издания этого об-ва — «Временник», в к-ром публиковал преим. тексты Хлебникова. В кон. 1916 выпустил 1-й «Временник» и сб. Хлебникова «Ошибка смерти». На обложке 2-го «Временника», изд. весной 1917 и включающего только произв. Хлебникова, в т. ч. «Воззвание Председателей Земного Шара», условно указаны три автора — Хлебников, П. и В. В. Каменский. Одновременно от их имени Хлебников написал открытое письмо М. Горькому с вопросом, считает ли он Председателей «достойными членами правительства земного шара» («Russian Literature», Amst., 1970, № 9, p. 19).

В мае 1917 П. и Хлебников приехали из Харькова в Петроград, чтобы собрать подписи Председателей. Вошли в Блок левых Союза Деятелей Иск-в. 16 мая приняли участие в заседании Союза, 25 мая — в карнавальном шествии в поддержку «Займа Свободы», с машинами Предземшара вместе с присоединившимся к ним Маяковским читали свои антивоен. стихи; стихи П. и Хлебникова в тот же день были опублик. в ежедневной газ. «Во имя свободы» (см. свидетельство П. в кн.: Катанян В., Маяковский. Хроника жизни и деятельности, М., 1985, с. 131). Октябрь провели в Москве и Петрограде, где оказались свидетелями рев. событий.

Всплывания тех дней и эпизодич. акции (напр., предложение заменить Врем. правительство Советом Земного Шара) Хлебников описал через год в мемуарном очерке «Октябрь на Неве» («Красный воин», Астрахань, 1918, 6 повб.: впоследствии П. так назвал свою поэму). В 1967 П. сообщил доп. подробности: «Наше письмо Временному правительству обсуждалось вместе с теми, кто его подписывал. Писано в виде открытого письма (открытки) рукою Хлебникова... Где писалось это письмо? В Академии Художеств, в Петрограде, в предоктябрьские дни, в квартире 5, где я жил ту осень, в семье художника Льва Бруни... И звали мы в Зимний из этой квартиры... Второе же письмо в Зимний авторец Керенскому писалось в середине октября в вильсоновской студенч. столовке» (письмо А. Е. Парису от 18 апр.). Об издании 3-го «Временника», в к-ром был напечатан только список Предсдательств (19 человек), П. писал: «О „коротком листке“: это наша летучка Предземшара, „Временник 317-ти“, отпечатанная в одной из маленьких частных типографий в Петрограде. Залезли мы (в) эту типографию, где печатались маленькие афиши, визитные карточки, и на другой день она вылетела в свет...» (там же). В авг. 1918 П. писал Хлебникову (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, № 148), что готовит к изданию 5-й «Временник» и его драму «Тринадцать в воздухе» (не изд.).

После установления в Харькове сов. власти с дек. 1918 работал в Совете иск-в Наркомпроса, был пред.

Всеукр. Лит. к-та (до июля 1919), ред. «Лит.-худож. недели» (прил. к газ. «Изв. Раб.-Крест. пр-ва и Харьков. Совета раб. депутатов»), где печатал Хлебникова, А. К. Гастева, Маяковского, Р. Ивнева и О. Э. Мандельштама, а также соред., а затем ред. ж. «Пути творчества» (1919—1920, № 1—7), в к-ром печатались представители разл. лит. направлений. В первом «Воззвании всеукр. Литкома» («Лит.-худож. неделя», 1919, 2 марта), подписанном П. (вместе с Гастевым и Н. И. Левченко), призывал пролетариат «творить новое иск-во» и был, вероятно, одним из первых, кто использовал слово «авангард» применительно к левому иск-ву: вскоре он напечатал программное стих. «Песнь авангарда» (1917; там же, 1919, 21 марта). Неск. стих. П. было опублик. в хрестоматии футуристов «Сб-к нового иск-ва» (Х.), 1919, вышел в нач. 1920), где в обзорной ст. (б. п.) он был назван «бесстрастным искателем чистой словесной формы и ее магич. очарований» (с. 24).

В кон. марта 1919 переехал вместе с укр. пр-вом и Советом иск-в в Киев, 29 апр. принял участие вместе с Мандельштамом, И. Г. Эренбургом, Б. К. Лившицем, В. Н. Маккавейским и др. в «Вечере иск-в» (в б. т-ре Соловцова). В сб. «Рев. иск-во», выпущенном Литкомом к вечеру, напечатал ст. «О творчестве настоящего» и 4 стих., участвовал в сб. «Гермес» (К.), 1919. Вскоре пошел добровольцем в Красную Армию, был инструктором политотдела Крымской (14-й) армии, после тифа демобилизовался. Ср. характеристику П. этого времени, данную Асеевым: «То в год революций нет никого./ Вместе летевшего в быстри дней./ Кроме Григория Петникова./ Кого бы я встретил искренней» (стих. «Если меня для каждой встречи...» — сб. «Булань», М., 1920).

В эти годы в изд-ве «Лирень» вышли футуристич. книги П. «Быт побегов» (1918), «Поросль солнца» (1918; 2-е изд., 1922), «Книга Марин-Зажги-Снега» (1920), тематич. и стилистически близкие первому сб. «Леторей». Кручѳны, причислявший П. к школе заумной поэзии, «единственно самостоятельной в России», пригласил его в совм. сб.: Кручѳных А., Петников Г., Хлебников В., Заумники, М., 1922. В 1920 в Харькове вышел сб-к его стихов в переводе на укр. яз. — «Поэзия». Эти книги подвели итог раннему периоду творчества П., к-рого Д. И. Выгодский («Лит. современник», 1935, № 2, с. 221) считал одним из создателей «лирич. эмоц. струи» в футуризме.

Критик назвал «Книгу Марин-Зажги-Снега» «апохвоненной» («В ней есть поэтик. хмель... в ее страницах бьется буйная струя первобытной

опьяненности и влюбленности в жизнь») и даже отдал предпочтения П. перед Хлебниковым («Но то, что у последнего слишком теоретично, мертво и сухо, у П. становится живым, нутряным. Хлебникова можно принять, П. нельзя не принять, через него и Хлебников отчасти получает оправдание» (Выгодский — «Радута», Полтава, 1921, № 23, с. 101). О поэтик. родословии П. писал В. И. Нарбут: «Поэт „горит“ красноречием Байна, говорит его речью и живет в его времена». «Слово о полку Игореве» является его «Евангелием» и он, «как никто, ощущает трупшое» (неизд. статья о П., 1921 — архив С. В. Кудрявцева).

Лившиц в ст. «В цитадели рев. слова» отмечал «словотворч. размах» в поэзии П., «буйный расцвет самовитого слова, т. е. слова, осознающего себя как самовитое», у него «слово — растение, „поросль“, „любез“, писал, что это один из наиболее высоких путей длинной поэзии, нишу выражения невыразимого и что его книги исполнены „сноподобной свежестью и радостью жизни“ («Пути творчества», 1919, № 5, с. 71). Переключаясь и полемизирова с Лившицем, Хлебников в ст. «О совр. поэзии» писал о сб. «Быт побегов» и «Поросль солнца»: «Упорно и строго, с сильными нажимом воли тект свой „узорник ветровых событий“, над его „душой“, „тихой и четкой“, „ясной и прозрачной“ „парит“ „крыло сороп. разума“, и противопоставлял „ясный волевой холод его письма и строгое лезвие разума, управляющее словом“, „персидско-гафизскому упоению“ Асеева («Пути творчества», 1920, № 6/7, с. 71). В программной ст. «Наша основа», написанной спец. для «Пути творчества», но опублик. в сб. «Лирень» (М., 1920), Хлебников, развивая идею „любодуши“, о к-рой он ранее сообщил П., приводил примеры из его словотворч. опытов.

Высокую оценку творчества П. дал А. И. Белецкий в ст. «Торжество слова (О стихах П.)» («Худож. мысль», Х., 1922, № 9), написавший, что все три книги П. — «словно фрагменты из этой великой Библии природы», и что читая П., мы не спрашиваем себя о его мироощерпении, мы прежде всего ощущаем поэта — но разное этого мало?» (с. 10—11). Схожую оценку дал И. А. Оксѳов: «У П., прежде всего, свой собств. словарь, и в нем несогласия, порою очень значимые», «из природы он вырывает свои чудесные находки и плетет из них венки, порой нестерпимо яркие и душевные, но причудливые — всегда. И в этом своеобразии достигают иногда высокой предельной простоты» («Книга и революция», 1921, № 12, с. 18).

Сдержанный отзыв о ранних стихах П. принадлежит Б. Л. Пастернаку: «У него есть хорошие качества и на неск. миллиметров он — поэт. Он мог бы и должен был бы развиться... Я часто об этом с ним говорил...» (письмо Д. В. Петровскому от 1 мая 1921 — Пастернак Б. Л., Собр. соч., т. 5, М., 1992, с. 120). Рецензия предвзятую характеристику «Книги Марин-Зажги-Снега» дал Бобров в рец., подписанной псевд. В. Юрлов: «Без изломанный язык футуристич. патетики оказался просто невинным бормотанием, лишившим своего внутр. содержания» (Пир, 1921, № 2, с. 207). С Бобровым солидарен пролетар. поэт И. И. Салофьев, написавший в рец. на «Поросль солнца», что у П. «творчество большое, немощное и что „заумное творчество... м. б., будет когда-нибудь представлять интерес для археологов, но... безусловно вредно для лит-ры» («Грядущее», 1921, № 7/8, с. 107—108, подпись И. С.).

В 1925—31 П. жил в Ленинграде, работал в изд-ве «Academia» (здесь в 1928 вышел его пер. «Михаила Кальгааса» Г. Клейста), печатал стихи и переводы в ж. «Звезда», «Красная панорама», «Новый мир», «Огонек». Близко общался с представителями худож. авангарда — К. С. Малевичем, к-рый оформил «Книгу избр. стихотворений» П. (Х., 1930; портрет П. работы Д. И. Митрохина), Матюшиным, Филиновым, В. Е. Татлиным, Н. И. Альтманом и др. В 1925 ездил в Берлин собирать мат-лы для антологии рев. поэзии 20 в. «Мо-

лодая Германия» (Л., 1926), куда включил помимо своих переводы Мандельштама, Пастернака, Ф. Сологуба. Поэтич. сб-ки «Ночные молнии» (Л., 1928), «Молодость мира» (Х., 1934) знаменуют фактически новый этап в творчестве П., он отходит от алогизма и герметичности, характерных для ранних произв., стремится к ясности, простоте, к традиц. формам стиха, а его прежние темы (природа, пейзаж) в сочетании с социальными мотивами приобретают иное звучание, в них появляется новая для него производств. тематика. Вернувшись в 1931 в Харьков, П. занимался в осн. переводами: выпустил кн. «Запад и Восток» (К.—Х., 1935), куда вошли произведения европ., амер., африкан., кит., япон., корейских поэтов, издание сказок бр. Гримм (1937, полный свод 1949) и кн. для юношества «Мифы Эллады» (1941).

В 1937—58 жил в Малоярославце. В годы войны работал на Сев. Кавказе (в Нальчике), печатался в местных «Окнах ТАСС», выступал на радио, занимался лит.-ред. работой, потом был эвакуирован в Киргизию. После войны переводил сказки бр. Гримм, укр. и рус. нар. сказки. В 1958 переехал в Старый Крым. После перерыва почти в тридцать лет в Симферополе были изданы его новые поэтич. сб-ки «Заветная книга» (1961), «Открытые страницы» (1963), «Утренний свет» (1967), «Лирика» (1969), «Пусть трудятся стихи» (посм., 1972), в к-рые наряду с новыми вошли стихи из ранних сб-ков. Н. С. Тихонов писал в предисл. к сб. «Утренний свет»: «В этих стихах свой голос, своя поэтич. линия, свой особый путь» (с. 3). Стихи П. переводились на укр. (2 отд. изд. — 1920, 1934), польский (отд. изд.), чеш., нем. и япон. яз.

Изд.: Стихотворения, К., 1935; Избр. стихи, М., 1936; [Стихи]. — В кн.: Стифы века; [Переводы]. — В кн.: Новалис, Гейнрих фон Офтердинген. Фрагменты. Ученики в Самсе..., СПб., 1995; Мастера поэтич. перевода. XX в., СПб., 1997 (Нов. БП). [Письма]: Д. Д. Бурлюку, 1930 (1) — в сб.: Красная стрела, Н.-Я., 1932, с. 3; Д. И. Митрохину, 1932—66 (19) — в кн.: Книга о Митрохине, Л., 1986, с. 256—65, 471—72 (прим. И. Я. Васильевой).

Лит.: Перцов В. У истоков слова. — «Изв.», Х., 1921, 21 марта, прил. «Лит.-худож. неделя», № 3; Гусман Б., 100 поэтов. Лит. портреты, Тверь, 1923, с. 210—12; Хлебников В., Собр. прозв., т. 5, Л., 1933, с. 306—15 (письма к П.); Поступальский И., От «самовитого» слова к идейному творчеству. — «Худож. лит.-ра», 1935, № 1; Терапиано Ю., Г. Н. Петников. — РМ, 1961, 10 июня; Гельфанд-Бейн Г., Маяковский в Харькове, Х., 1963, с. 13, 18—20, 22, 43, 44, 58—59; Иванов Р., Слово о бессмертном комисаре. — «Радуга», 1965, № 6, с. 161—64; [Записи рассказа П. о знакомстве с Хлебниковым в письме А. Е. Парника Д. Д. Бурлюку от 8 мая 1964]. — «Color and Rhythme», Н. У., 1966, № 66, р. 122; Степанов Н., О Григории Петникове. — ЛГ, 1970, 21 авг.; Медовников С., Творч. путь П., К., 1972 (автоф. канц. дмс.); Харджиев Н., Новос о В. Хлебникове... — В кн.: День поэзии, 1975, М., 1975, с. 205—06; Пророческая душа. В. Хлебников в восп. современников. — ЛО,

1985, № 12, с. 98 (публ. А. Е. Парника); Вышеславский Л., Предсказание — 2. — В его кн.: Нанизать. Всп., М., 1989, с. 11—25; Арсис Л., Слово о полку Булатинском (пл. «Григорий Петников»). — В кн.: Хлебниковские чтения. Мат.-лы конференции ..., СПб., 1991; Очеретянский А., Янчех Д., Крэйа В., Забытый авангард, кн. 2, Н.-Я., СПб., 1993, с. 189—96; Андреева-Бальмонт Е. А., Востп., М., 1997 (ук.); Markov V., Russian futurism. A history, Los Angeles, 1968 (Index). + КЛЭ: Казах; Рус. сов. поэты Украины, К., 1987, с. 6—7; Рус. поэты, в. 19 (ошибка в месте рождения); Владислав И. В., Лит.-ра великого десятилетия (1917—1927), т. 1, М.—Л., 1928, с. 192.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; ф. 280, оп. 1, № 218 (2 письма А. П. Чапыгина, 1930—34?); ф. 494, оп. 2, № 952 (письмо В. И. Малышеву, 1969) [справка Л. Н. Ивановой]; ГЛМ, ф. 349, оп. 1, № 830, 550 (автобиограф. 1964; письма к Е. Ф. Никитиной); книги П. с его дарств. надписями — А. Е. Крученых (3; 1928—30); Д. И. Митрохину — (3; 1962—70); собр. С. В. Кудрявцева (61 письмо И. А. Поступальскому, 1929—70); 16 писем А. Е. Парнику, 1963—70; РГАЛИ, ф. 2554, оп. 1, № 57; оп. 2, № 568 (25 писем С. П. Боброву, 1913—16); ф. 613, оп. 7, д. 453 (автобиограф. 1954); ф. 998, оп. 1, № 2180 (3 письма В. Э. Мейерхольду, 1917—20); Ист.-краевед. музей г. Старый Крым, л. ф.: РГВИА, ф. 409, п. с. 363-923, п. с. 349-104, 1887 г.; ф. 400, оп. 17, д. 10064 (свед. о службе отца) [справка Н. Н. Свинойковой]; Гос. музей лит.-ры Украины, л. ф. А. Е. Парник.

ПЕТРАШЕВСКИЙ, Бутаевич-Петрашевский Михаил Васильевич [1(13).11.1821, Петербург — 7(19).12.1866, с. Бельское Енисейской губ.; похоронен на местном кладб.], публицист, социалист-утопист. Род. в дворян. семье, отец — доктор медицины и хирургин, стат. советник. Обучался в Цар-

женском платее и т. п.) не смог получить место преподавателя. П. увлекся трудами утопич. социалистов, особенно Ш. Фурье. Ф. Н. Львов, соратник П., подчеркивал: «Еще в начале 40-х годов П. познакомился с социальными учениями и по влечению страстей натуры своей сделался их усердным пропагатором» (ЛН, т. 63, с. 171). В 1845 заменил Вл. Н. Майкова в редактировании и составлении «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» — 2-й выпуск (СПб., 1846) почти полностью написан П. Его статьи в словаре «Натуральное состояние», «Новаторство», «Нормальное состояние», «Овеннизм», «Ораторство», «Ораторская речь», «Органическая эпоха», «Организация производств или произведения» и др. отличались резкой критикой тирании, требованиями изменить обществ. строй, создать социалистич. ассоциации и общую собственность на орудия производства. Выпуск был запрещен цензурой, но разошелся 400 экз. (1 экз. увез с собой в Лондон А. И. Герцен).

В 1845 П. организовал кружок (собрания проходили по пятницам), в к-ром изучались и пропагандировались социалистич. учения. П. выступал за судебную реформу (введение гласного суда), написал (1848) «Проект об освобождении крестьян» (с землей, безвозмездно). По его инициативе была создана коллективная б-ка запрещенных в России изданий по обществ.-полит., филос., естеств.-науч. вопросам. В своей деревне Новгород. губ. — с. Деморовка П. построил, по футуристскому образцу, большой фаланстер, общежитие, куда предполагал переселить крестьян из курных изб, но крестьяне переселением сожгли здание (сохранился фундамент со следами пожара).

В кружок в разное время входили М. Е. Салтыков-Шчедрин, Вл. Н. Майков, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, С. Ф. Дуров, А. И. Пальм, Ф. Г. Толль, Н. Я. Данилевский и др.: в 1848 объединилась группа Н. А. Спешнева, наиб. радикально настроенная, в ней принял участие Достоевский; в 1849 отпочковался лит. кружок Дурова — Пальма. На большинство писателей, участников кружка, социальные идеи П. оказали серьезное воздействие.

23 апр. 1849 посетители «пятниц» были арестованы и заключены в Петропавлов. крепость. Под следствием находилось 123 человека. Воен. суд приговорил П. к смертной казни, заменной бессрочной каторгой в Сибири, куда он и был отправлен в дек. 1849 прямо с Семёновскому плаца, где происходила гражд. казн. петрашевцев. П. работал на Шилкинском з-де Нерчин. округа (1850—54), Александров. з-де (1854—55). По царскому манифесту 1856 «освобожден» и перемещен поселением в Иркутск. В газ. «Иркутские губ. ведомости» (ред. — Спешнев) опубли. ст.

скольском лицее (1832—39). С 1840 служил переводчиком в Мин-ве иностр. дел, а также был вольнослушателем на юридич. ф-те Петерб. ун-та, окончил его в 1841 со званием кандидата. Отличался радикальными взглядами (в его записках «Мои афоризмы...», 1840—1841, предлагаются выборность всех офиц. должностей, resp. строй), непримиримостью к деспотизму и подлости, стремился к журналистской и пед. деятельности, жаждал воспитывать молодежь, но из-за своих «дерзких» взглядов и экстремич. поведения (экстравагантно одевался; однажды пришел в собор в

«Несколько мыслей о Сибири» (1857, № 9), призывавшую к распространению в Сибири разумных «общечеловеческих начал», и ст. «По поводу одного текущего дела» (1859, № 16), пропагандировавшую судебную реформу. По инициативе П. в Иркутске создается первая частная сиб. газета «Амур» (ред. М. В. Загоскин); П. ведет в ней раздел «Местное обозр.» (1860, № 1—4, 6—8), выступая за расширение обществ. движения, «гражданственности», за гласность адм. деятельности и печати.

Своими публикациями П. пытался настроить общество против администрации и ген.-губ. Н. Н. Муравьева-Амурского, опираясь при этом на Свод законов. За строптивость с 1860 П. постоянно переводят во все более отдаленные пункты поселений — Минусинск, с. Шушенское, Енисейск, Красноярск, с. Верхний Кибей, с. Бельское. За судьбой П. внимательно следил Герцен, опубли. в «Колоколе» первое прошение П. о пересмотре «дела» и приложения к нему (1859, 1 авг.—1 окт.), сведения о борьбе П. с администрацией Вост. Сибири (1860, 15 июня—1 окт.; 1861, 15 февр.—1 марта), некролог П. (1867, 1 апр.).

П. сознательно избрал героич. путь: в 1846 на вечере у квартиранта А. Т. Мадерского читал свое введение к «Дон Кихоту» (РГВИА, ф. 801, оп. 84/28, № 55, ч. 38, л. 41); на следствии же заявил: «... мысль моя — стать во главе разумного движения в народе русском — подобие попытки Икара» (Дело петрашевцев, т. 1, с. 29).

Изд. М.но афоризмы или обрывочные понятия много всем, много самим порожденные. — Записки общеполного. — В кн.: Дело петрашевцев, т. 1: О значении образования к отношениям благосостояния общественного. — Карманный словарь иностр. слов. [и др.]. — В кн.: Филос. и обществ.-полит. проза. петрашевцев, М., 1953 (имеется описание б-ки П.); Письма из ссылки. [1856—1864]. — В сб.: «Звенья», [а.] 2, М.—Л., 1933.

Биогр. мат-лы: Петрашевцы, М., 1907; Петрашевцы, т. 1—3, М., 1926—28 (под ред. П. Щеголева; предисл. Н. Рожкова); Дело петрашевцев, т. 1—3; Записка о деле петрашевцев. Рукописи Ф. Н. Львова с пометками М. В. Буташевича-Петрашевского. — ЛН, т. 63 (публ. В. Р. Лейкиной-Свириковой); Мещеряков А. П., Документ о пребывании М. В. Буташевича-Петрашевского в сиб. ссылке. — «Ист. архив», 1960, № 1; Дулов А. В., Новые док-ты к П., Там же, 1962, № 6; Прокофьев В., Петрашевский, М., 1962 (ЖЗЛ); есть краткая библи. и осн. даты жизни и деятельности; Коккин Л., Зову живых. Повесть о П., 2-е изд., М., 1981.

Лит.: Зотов В. Р., Петербург в сороковых годах. — ИВ, 1890, № 6, с. 536—37, 539—45; Смесский В. И., М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. 1, М., 1922; Малинин А. И., Берков П. Н., Мат-лы для истории «Карманного словаря иностр. слов» Н. Кирилова. — «Тр. Ин-та книги, документа, письма», т. 3, Л., 1934; Абрамов К. И., Пропанганд. б-ки петрашевцев. — «Уч. зап. Моск. библи. ин-та», 1959, в. 4; Малютин А. А., Встреча Михайлова с П. в Красноярске. — «Енисей», 1962, № 2; Бушник А. К., Петрашевский, Киев, 1962; Лейкина-Свирикова В. Р., Петрашевцы, М., 1965; Усаккина Т., Петрашевцы и лит.-обществ. движение сороковых гг. XIX в., Сара-

тов, 1965; Шелгунов и др.; Дулов А. В., Сиб. публицистика П. — «Тр. Иркутского гос. ун-та», т. 59, сер. ист., в. 2, 1970; Возный А. Ф., Полиц. сыск и кружок петрашевцев, К., 1976; его же, П. и царская тайная полиция, К., 1985; Малинин В. А., Петрашевцы. — в ст. кн.: История рус. утопич. социализма (от зарождения до 60-х гг. XIX в.), М., 1977; Герцен (ук.); Смирнов-Сокольский Н., Рассказы о кингах, 5-е изд., М., 1983, с. 237—44; (Богатов В. В.), Идеи утопич. социализма в трудах петрашевцев. — В кн.: История рус. утопич. социализма XIX в., М., 1985; Егоров Б. Ф., Петрашевцы, Л., 1988 (с ук. петерб. адресов петрашевцев); Галактионов А. А., «Организмизм» и социализм М. В. Буташевича-Петрашевского. — В кн.: Социальная революция. Вопросы теории, Л., 1989; Sliwowska W., Sprawa petraszewsczy, Warsz., 1964; Evans J. L., The Petraszewsky circle, 1845—1849, The Hague — [а. о.], 1974 (реп.: «Вопросы истории», 1975, № 11); «КЛГ» (ст. «Петрашевцы»); СИЗ; БСЗ; ФЭ; Муратова (ст.).

Архивы: РГВИА, ф. 801, оп. 84/28, № 55, ч. 5 (следств. дело о П.); ЦИАМ СПб., ф. 11, оп. 131, д. 758 а, оп. 1, д. 829; л. 9, 13 об.; ф. 14, оп. 1, д. 45, 90 (об учебе в лицее и ун-те); АРАН, ф. 489, оп. 1, № 113—117 (копии рукописей П.); ГАРФ, ф. 109, оп. 1849, № 214, ч. 4, д. III отд. о П.; РГИА, ф. 1343, оп. 2, д. 2111 (ф. с. отца П.), оп. 27, д. 2112 (дело о дворянстве Петрашевских); ИРЛИ, ф. 265 (архив РС), оп. 2, № 2005—2013 (письма П., офиц. прошения); Гос. архив Иркутской обл., ф. 24, К-1729, № 114/11 (прошение П.); Гос. архив Красноярского края, ф. 115, оп. 1, № 8 (протесты, протокол обыска). Б. Ф. Егоров.

ПЕТРОВ Василий Петрович [17(29).9.1823*, по др. сведениям — 1821**], Москва — 20.4(2.5).1864, Петербург; похоронен на кладб. Новодевичьего мон-я, переводчик, журналист, педагог. «Из мещанского звания ... обучался дома» (ЦИАМ). С 1841 студент филос. ф-та (ист.-филос. отд.) Моск. ун-та, где проучился, по-видимому, 4 курса. В 1846 переехал в Петербург; ок. года преподавал рус. язык в школе для солдатских детей. Лит. деятельность начал в 1847 изданием «Петербургского сб-ка для детей» (СПб.), в к-ром, среди сочинений др. авторов (ориг. и переводных), поместил свои произв. — популярное изложение биографии М. В. Ломоносова и пов. «Сирота» — нравочит. историю о благородном юноше, оплатившем добром благодетелям — приемным родителям. В. Г. Белинский в отрицат. рец. детально проанализировал сб-к, упомянув, в частности, повесть П., к-рая «была бы недурна, если б рассказана была лучшим языком» («Совр.», 1847, № 4, с. 122). В нач. 1850 П. получил диплом Петерб. ун-та; в 1852 (выдержав пробный экзамен при штабе Управления воен.-уч. заведения) утвержден преподавателем рус. языка и словесности; в мае того же года поступил репетитором в Павлов. кадет. корпус. В 1853 по его проекту в Театральном уч-ще (где с 1853 П. преподавал историю театра, драм. иск-ва и лит-ры, занимая также с 1854 и должность репетитора практич. занятий) была открыта кафедра теории и истории театра, к-рую П. возглавлял до конца жизни. Чл. Театрально-лит. к-та (с 1859), П. сотрудничал под псевд. Василько-Петров в

«Петербург. вед.» (1848—59), «Современнике» (1852), «Репертуаре и Пантеоне» (1851—56), «Иллюстрации» (1861—62), «Сев. почте» (1863) и мн. др. Большинство его публикаций — театральная хроника, заметки о текущей культурной жизни, еженед. фельетон (в «Рус. инвалиде» в 1859/61 под псевд. Некто; не учтен у Масанова). Пьесы, переведенные П., с успехом шли на сцене Александрин. т-ра: «Свадьба Викторины» Ж. Санд («Пантеон», 1852, № 4; пост. в 1852), «Бенвенуто Челлини» П. Мериса (рукоп. в СПб ГТБ и музее Малого т-ра; пост. в 1853), «Парижские нищие» Э. Л. А. Бризбарра и Э. Ню («Муз. и театральный вест.», 1857, № 44, 46—48; пост. в 1857) и др. В 1855 П. писал для М. И. Глинка либретто оперы «Двумужница» (не окончено; подробнее см.: «Мое знакомство с М. И. Глинкой». — В кн.: «Глинка в восп. совр.», М., 1955).

Др. произв. Пьеса «Супруги скоропоселки» (СПб., 1859).

Лит.: Нильский А. А., Записная хроника, СПб., 1897; ЛН, т. 63, с. 273, 276, 280; т. 67, с. 234, 243, 245, 246, 249. + Некрологи, 1864: «Голос», 24 апр.; «Илл. газ.», т. XIII, № 17, с. 272; «Рус. сцена», т. II, № 4, с. 202—203; Месшеслов на 1865, прил., с. 34. Геннадия: РСБ; Брокгауз; Венгеров; ИРДТ; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 236, 391, 438, 760 (письма разным лицам); СПб. ГТБ (волевым «Суворовцам»); ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, д. 243 (м. с.), ф. 418, оп. 172, д. 139 (копия м. с., студенч. дело) [справка Г. Ю. Борисовой]; РГИА, ф. 498, оп. 1, д. 1623 (ф. с. 1864 г.)** [справка В. А. Мартыновой]; РГВИА, ф. 319, оп. 1 доп., д. 33 (дело о службе). В. Н. Сажин.

ПЕТРОВ Григорий Спиридонович [25.1(6.2).1866*, г. Ямбург Петерб. губ. — 18.6.1925, Париж; кремирован по его воле на кладб. Пер-Лашез; прах похоронен в Сербии], публицист, проповедник. Из мещан. Отец — мелкий торговец, содержатель постоянного двора в Ямбурге; по словам М. Горького, П. — «сын кабатчика или буфетчика, и в детстве ничего, кроме матерщины, не слышал, ничего, кроме пьяных, не видел» (письмо А. П. Чехову от 5 мая 1899 — цит. по кн.: М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания, М.—Л., 1937, с. 27). В Нарвской г-зии, где П. проучился 4 года (1877—81; ко времени перехода в 5-й класс, после смерти отца, платить за учебу было нечем), под влиянием классного наставника П. «потянуло к прометейству», и он испытал первый лит. успех, написав лучшее сочинение (см.: «Мое лит. рождение» — в кн.: Фидлер, с. 20). В 14 лет П. «выпросился» в Петербург, где после окончания духовной сем. в 1886 (куда попал «совершенно случайно ... на казенный счет» — там же, с. 21) и духовной акад. (1887—1891) был рукоположен в священники. Студентом опубли. первую ст. «Фальсификация восковых свечей» («Церк. вестник», 1888, № 52; под-

пись Г. С. П.); впечатления семинарской и студенч. поры легли в основу пов. «Затейник» (ч. 1—3, СПб., 1904; рец. 1904: А. А. Измайлов — БВед, 3 сент.; В. Ф. Боцяновский — «Русь», 15 сент.). Через год стал законоучителем 5-й петерб. г-зии, с 1893 — законоучитель Михайловской арт. акад. и уч-ща (прослужил 10 лет), настоятель храма св. Александра Невского при акад.

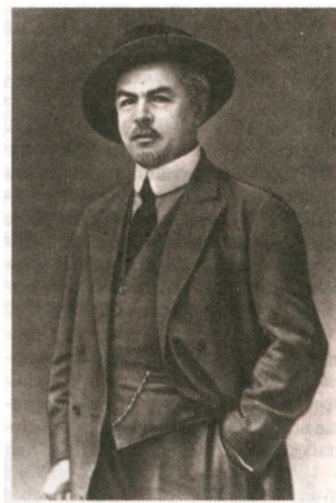
Проповеди и лекции П. (прочитал сотни лекций в уч. заведениях, в т. ч. в Александровском лицее и Пажеском корпусе) пользовались популярностью у либеральной интеллигенции, а также в рабочей аудитории, для к-рой он выступил в манеже при Мраморном дворце (см.: Пресоб-ражский, с. 3; см. также: Розанов В. В. Нар. чтения в Петербурге. — НВ, 1902, 27 марта). Проф. богословия Политтехнич. ин-та (1902—04). Одну из лекций «Вечный вопрос» («Вест. вост. духовенства», 1894, № 21; текст этой публ. был использован в его кн. «Евангелие как основа жизни»), по словам П., «разлисе» в устном отзыве К. П. Победоносцев, возмущенный, в частности, тем, что священник цитирует стихи Г. Гейне (см.: Фидлер, с. 24); по свидетельству В. В. Розанова, «своим подвигом, службой и первыми успехами» П. был обязан Победоносцеву и митр. Антонию (Вадковскому), к-рые его «хвалили, ласкали» (записи Розанова опубли. В. Г. Сукачев: «Лит. учебн.», 1989, № 2, с. 120). Вскоре П. стал модным проповедником, признанным и в придворных кругах: его пригласили воспитателем детей вел. князей Павла Александровича и Константина Константиновича. Говоря о процессе подготовки к публич. выступлениям, П. признавался: «Я зубрю наизусть мои заранее написанные речи, разыгрываю их вслух перед зеркалом, работаю над дикцией, мимикой и жестами совершенно так, как это делают добросовестные актеры...» (Скиталец, «Ушеслице» — РГАЛИ, ф. 484, оп. 2, № 48, л. 78).

Лит. известность П. принесла кн. «Евангелие как основа жизни» (СПб., 1898; 20-е изд. — 1906), выдержанная в духе протестантизма, близкая религ. проповедям Л. Н. Толстого. Горький (познакомился с П. в Н. Новгороде в 1899, встречался с ним на Капри в 1908), рекомендуя ее Чехову: «... в ней много души, ясной и глубоко верующей ... ее написал поп и так написал, как вообще попы не пишут» (цит. по кн.: М. Горький и А. Чехов, с. 27), вместе с тем находил, что П. «лучшее своей книжки неизмеримо» (Горький и, XXVIII, 84). Розанову импонировала в книге П. «кроткая и какая-то веселая любовь» («Религия — как свет и радость» — НВ, 1899, 14 апр.; то же в его кн.: Около церк. стен, М., 1995, с. 14). П. А. Козицкий назвал ее «экзальтированным призывом к нашей мятущейся интеллигенции обратиться к Евангелию» («О лит. проповеди свящ. Гр. Петрова», СПб., 1903, с. 5; критич. отклик см. также: Страхов Ф. А., Об отношении внешнего культа к религ. чувству, М., [1898]). Ортодоксальная критика увидела в книге «решительное отрицание христианства, построенное как бы на началах самого христианства», и «проповедь антихриста» (Сенатов В. Г., Христианин ли «священник» Г. Петров?, М., 1907, с. 11, 5).

С 1906 П. — под надзором полиции. Его жена Мар. Кап., слушательница Жен. мед. ин-та в Петербурге, получала шифров. письма от «Кати» (Н. К. Крулуской) из-за границы с марта 1902 для передачи представителям петерб. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (см.: Переписка В. И. Ленина и редакции газ. «Искра» с социал-демокр. орг-циями в России. 1900—1903 гг., т. 1—3, М., 1969—70; ук.).

Жил в осн. в Петербурге, в 1905—1906 в Москве (ходили слухи, что в его моск. квартире во время декабрьского восстания хранилось оружие; опровержение П. см.: РСЛ, 1907, 14 марта). Впервые посетил Париж во время Всемирной выставки 1900 и в дальнейшем часто бывал за границей (в Сербии — 1903, в Иерусалиме — 1905, и др.).

Проявлял интерес к философии; по свидетельству П., в последние месяцы жизни Вл. С. Соловьёва (1900) он часто встречался с ним, подолгу

беседовал («Приятная неожиданность» — РСЛ, 1901, 17 авг.). Участник Религ.-филос. собраний в Петербурге (1901—03), где резко выступил против доклада Д. С. Мережковского «Лев Толстой и рус. церковь», в к-ром утверждалось, что церковь не могла «не засвидетельствовать об отпадении Л. Толстого как мыслителя от христианства» («Новый путь», 1903, № 2, с. 73; см. также: Руманов, с. 15). Вокруг публич. выступлений и проповедей П. разгорелась полемика в церк. и светской печати (подробнее см.: Воронеж. В. К. Саблер поднял вопрос о лишении П. священнического сана, но благодаря заступничеству митр. Антония дело было приостановлено. Однако в 1903 он был отстранен от законоучительства и чтения лекций и уволен за штат).

С 1895 — сотрудник ж. «Вестник трезвости»; в 1900—01 — фактик. редактор и едва ли не единств. автор ж. «Друг трезвости»; статьи П. вошли в сб. «Долой пьянство!» (М.,

1901; 5-е изд. — 1904); той же тематикой сб.-к нравоучительных рассказов «Апостолы трезвости» (СПб., 1903; 9-е изд. — 1903) — переводы или переложения с иностр. яз. Издавал газ. «Правда Божия» (1906), задавая к-рой — «выяснять и отстаивать... нужды крестьянства, фабричных и заводских рабочих» (3 янв.). Передовицы и мн. др. мат-лы писал сам (с подписью и б. п.). В ст. «Два пути» (3 июня) рассматривал Гос. думу как «последнюю попытку друзей народа двинуть обновление России путем мирной эволюции. Если тут Дума встретит преграду — Россия будет брошена на путь революции». Газета, расцененная в церк. кругах как кошунство (ее либеральный пропагандистский характер был очевиден; к тому же непосредственно под заголовком П. иногда помещал рекламу, напр. «Настоящее средство для рощения волос»), вскоре прекратила существование.

С 1899 по 1917 П. — один из ведущих публицистов газ. «Рус. слово», в к-рой обычно по пятницам (и чаще) выступал со статьями и фельетонами на разл. темы лит. и обществ. жизни. Программа П. эклектична, ее составляющие, в сущности, противоречат друг другу: западничество (идеалом для него были американская демократия и система образования в нек-рых европ. странах) под флагом рус. патриотизма (В. Г. Короленко усматривал в его взглядах «неглубокое славянофильство» — РБ, 1901, № 9, с. 62), просветительство, хилизм, социалистич. идеи (по словам Толстого, П. — «революционер, и все, кто не согласен с ним, ничего не значат» — цит. по кн.: Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, М., 1928, с. 114) и богоискательство (к-рое считал свойством рус. народа). Под Царством Божиим он понимал «совершенный социальный строй, при к-ром бы человек жил счастливо, удовлетворяя все свои естественные потребности»; отсюда — стремление «разрушить старые мрачные оковы жизни, социальную неправду» (Ильигорский, с. 405—406). Широкий резонанс получила его ст. «Для чего нужна свобода?» (РСЛ, 1905, 25 окт.; перепечатывалась в разл. изд., распространялась отд. листками, к-рая воспринималась как антиправительств. прокламация; в правосл. печати П. был назван «ярким красноречивцем» (Спаский П. Н., Критич. заметка на прокламацию свящ. П., Старая Русса, 1907, с. 17—18; см. также: Беляев А., О народовластии, Х., [1906]). Мн. статьи П. включены в сб.-ки: «К свету!» (М., 1901; 4-е изд. — 1904; рец.: Розанов В. В., Писатели-целители. — В его кн.: Около церк. стен), «Зерна добра» (М., 1901; 5-е изд. — 1904), «Школа

и жизнь» (СПб., 1902; 11-е изд. — 1903), «Люди-братья» (СПб., 1903; рец.: А. Вергежский [А. В. Тырков], — «Сев. край», Я., 1903, 14 июня), «Лампа Аладина» (2-е изд. — СПб., 1905), «Церковь и общество» (СПб., 1906), «Камо грядеши?» (СПб., 1907), «Думы и впечатления» (СПб., 1907) и др.

В статьях о лит-ре и иск-ве П. рассматривал худож. произв. в традициях демокр. критики. Лит. характеристики порой остроумны, чаще схематичны и банальны — упрощенный пересказ «идейного содержания». Горький, к-рому посв. неск. статей, в т. ч. в сб-ке «Братья-писатели» (СПб., 1903; 7-е изд. — 1904), наиб. полно воплощал деятельный обществ. идеал П.: «На смену безволия и душевной усталости чеховских героев М. Горький принес смелость, гордость, безумство храбрых» (сб. «У пустого колодца», М., 1911, с. 137; положит. рец.: Н. Огнев [М. Г. Розанов] — «Речь», 1911, 6 июня; критич. отзыв: И. Л. [И. Д. Лукашевич?] — СМ, 1911, № 9). Толстой (относившийся к П. весьма сдержанно, несмотря на неоднократные попытки последнего к сближению, особенно в 1908) отличается, по его словам, «дряхлостью характера, духовной трусостью, боязнью жизни» («У Л. Н. Толстого» — РСЛ, 1908, 14 марта), хотя П. признавался Толстому, что «готов ехать рядом с ним на чем угодно, хотя бы на трубе паровоза» (цит. по: Преображенский, с. 7). У Л. Н. Андреева — «досадное соединение большого лит. таланта с философией гимназиста» («У пустого колодца», с. 140); в «Красном смехе» П. отмечал «вымученную надуманность» [«Лит. очерки. (Последние три сб-ка „Знания“)» — РСЛ, 1905, 17 марта]. Резко выступал против «санинской волны» в совр. лит-ре; считал ром. «Саннин» М. П. Арцыбашева «просто глупой книгой» (но когда писатель «не выдумывает», получается нечто «антисанинское» — «Арцыбашев против арцыбашевщины», РСЛ, 1908, 4 мая). В борьбе за идеализм (А. Л. Вольянский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Мережковский) видел плодотворное начало, но декадентов и символистов называл «не настоящими бойцами за идеализм» («Весы» — РСЛ, 1904, 11 февр.; подробный анализ ст. В. Я. Брюсова «Ключи тайны»). К. Д. Бальмонта за его оправдание О. Уайльда сравнивал с «содомскими яблоками» — «ярко-красочный, красивый, но бессвязный, неосновательный бред» («Гнилая душа» — там же, 12 февр.).

В 1907 партия кадетов включила П. в список выборщиков. Намекался баллотироваться во 2-ю Гос. думу, он видел свое назначение в том, чтобы «словом обуздать романовскую спору шалов» (письмо Розанову от 4 февр. 1907 — РГБ, ф. 249, к. М3874, № 5, л. 2). За «вредную

публиц. деятельность» указом Петерб. духовной консистории он был в нач. того же года сослан на 3 мес. в Иоанно-Богословский Черемнецкий мон. Лужского у. Петерб. губ. «на клиросное послушание» (РГИА, ф. 796, оп. 187, л. 6668, 1906—1908 гг., л. 57—60; см. также: Меньшиков М. О., Святос ремесло — НВ, 1907, 14 янв.). На Варшавском вокзале его провожала многочисл. толпа поклонников, в т. ч. Вас. И. Немирович-Данченко, А. А. Измайлов, С. К. Маковский, И. Д. Сытин. Находясь в монастыре, был избран в Думу, где ни разу не выступил (см. подробнее: Руманов). Свои религ. и полит. взгляды П. изложил в письме в епархиальное управление, но вопреки данной им подписке без разрешения церк. властей опубли. отд. брошюру «Письмо... митрополиту Антонию» (СПб., 1908; Б., 1908; детальный критич. анализ см.: П(етерсе)н Н. П., Письмо сваш. П. митр. Антонию, Верный, 1908; см. также: Буренин В., Критич. очерки. Разговор. — НВ, 1908, 1 февр.), в к-ром резко критиковал духовенство всех христ. исповеданий за папизм, обличал «изнаходящий самодержавный строй» (с. 20) и «победоносцевщину» как воплощение «практического атеизма» (с. 16; см. также памфлет П. «Страшный англичанин» (РСЛ, 1904, 2 нояб.; под назв. «Душеубой» вошла в «Сб-к избр. произв.»); написанная на испанском мат-ле, статья воспринималась как выпад против Победоносцева). За это письмо, содержащее «поношение правосл. церкви и «иерургание существующего гос. строя России», Синод лишил П. в 1908 священнического сана (см. Святис духовного сана со сваш. о. Гр. Петрова, М., 1908). Гражд. властями ему было оставлено звание потомств. поч. гражданина, но запрещены на 7 лет въезд в Москву и Петербург и жительство в них; он был лишен на 20 лет права поступления на гос. или обществ. службу, в т. ч. по выборам в Гос. думу (НВ, 1908, 15 янв.).

Лишение сана, в сущности, мало повлияло на публиц. деятельность П., к-рый продолжал сотрудничать в «Рус. слове» (не менее интенсивно, но под др. псевд., из прозрачных — В. Курбский). Разъезжал с лекциями по всей России, выступая не только в больших городах, но и в захолустьях Сибири (некр-ые опубли.: «Лит-ра и жизнь», Х., 1911; М., 1912; «Идейная пустота», М., 1912; «Конспект чтения на тему: Иск-во и жизнь», М., 1914). Выпустил неск. сб-ков статей, в т. ч.: «Наши пролежни» (М., 1913), «Сб-к избр. произв.» (СПб., 1911), кн. очерков «Страна болот (Финляндские впечатления)» (М., 1910, 1912), «Под чужим окном» (М., 1913). Характерно его выступление в защиту интеллигенции против авторов «Вех», к-рые, по словам П., «играют на руку темным силам реакции»; «если стегать, то ... всех; и всю запряхну, и самих седоков, а не одну пристязную, интеллигенцию» («Кнутом по пристязной» — «У пустого колодца», с. 105, 111). Печатался в ж. «Кругозор» (1913, № 2); изложения его статей и лекций появлялись в «Бюллетенях книжных и лит. новостей» (1910, № 3; 1911, № 9, 10, 17, 18) и «Бюллетенях лит-ры и жизни» (1911, № 3, 7).

При внешнем благополучии (купил в Италии «виллочку с виноградником на самом берегу моря» — письмо Сытину от 13 сент. 1908, РГБ, ф. 259, к. 19, № 20, л. 28, 28 об.; в 1909 строит себе «замок» в Коктебеле «в 3—4 комнаты» —

письмо Ф. И. Благову от 11 сент. 1909, там же, № 5) П. признается порой в мучительной тоске, предпочитая ссылку в монастырь и даже в Сибирь скуке жизни в Финляндии (письмо Благову от 3 февр. 1908 — там же, № 4).

С нач. 1-й мировой войны 1914—1918 П. — воен. корр. «Рус. слова» (ст. «Дьявольское семя» выпущена отд. брошюрой — Екатеринослав, 1915). В его урапатриотич. корреспонденциях Короленько видел «ворочиш пошлости», а об их авторе замечал: «Точно превратился в зеленого фендрика, только что выскочившего из кавалерийского училища» (письмо В. Н. Григорьеву от 16 февр. 1916 — Х, 530).

Февр. рев-цию 1917 П. оценил положительно; в смуте винил народ, к-рый, «получив свободу, оказался недостойн ее» («Самоеды» — РСЛ, 1917, 5 окт.). «Вырождение» рев-ции объяснял бахвальством тех, кто приписывал себе победу над «романовщиной», павшей потому, что «разедающий червец ... завелся внутри ее самой» («Иваны Непомнящие» — там же, 18 нояб.; см. также, видимо, последнюю корреспонденцию П. из Новочеркасска «Вольный Дон» — 26 нояб.). В предисл. к кн. «Костры» (Н. Новгород, [1918]), составленной из прежних его соч., П. назван «одним из талантливейших и известнейших лекторов настоящего времени» (с. 3). По ковш. свидетельству, П. был реабилитирован Свящ. Собором правосл. рос. Церкви в 1918 как лишенный сана за полит. преступления в прошлом [митр. Иоанн, с. 106; Регельсон, с. 71, 250; в арх. мат-лах Собора (ГАРФ, ф. 3431) соответствующего постановления не обнаружено]. Покинул Россию в 1920 (см.: Яблоновский С., Жизнь за Россию. — «Борьба за Россию», Париж, 1927, № 30, с. 5; «Изв. Петроград. Совета рабочих и красноарм. депутатов», 1920, 14 мая). Жил в Сербии; в качестве разъездного лектора при культурно-просветит. отд. Мин-ва нар. просвещения выступал на темы: рус. лит-ра, деятели славянства, произв. иск-ва и др. За культурно-просветит. деятельность был удостоен ордена св. Саввы. Печатался в болг. газ. «Эпоха».

Умер в париж. клинике после операции рака желудка.

Отдавший всю жизнь публицистике и лекторской работе, выступивший немало нравоучительных рассказов («Христос Воскресе! Сб-к рассказов для детей», М., 1901; 2-е изд. — 1903; рец.: Воронев Е. Н., Пасхальные бесцерковные писания сваш. П., СПб., 1903; «Дары Артабана», М., 1903, и др.), П. признавался, что, если бы ему пришлось выбирать между лит-рой и др. рода деятельно-

стью, он «предпочел бы быть автором американской декларации прав человека и гражданина... чем автором всех романов Тургенева, Толстого и Достоевского» (Фидлер, с. 26).

П. пользовался авторитетом среди единомышленников (прежде всего сотрудников «Рус. слова») и многочисл. поклонников, вместе с тем его личность и его соч. вызвали немало негативных отзывов. М. О. Меньшиков считал его «посредственным журналистом» («Предатели» — НВ, 1907, 24 мая), Короленко — «пустозвоном» (Х, 530), В. П. Буренин — «знаменитым филармом освободит. движения» (НВ, 1908, 1 февр.). Розанов, близко знавший П. и посвятивший неск. сочувств. статей его «делу» 1908, в дальнейшем резко изменил свое отношение и дал ему уничижающую характеристику: «Одна из самых отвратительных фигур, мною встреченных за жизнь... Такого честолюбия я ни в ком не видел» (цит. по: «Лит. учеба», 1989, № 2, с. 120). По-разному определяли и позицию П.-публициста: В. И. Ленин — «христ. демократ, весьма популярный демагог» (ХV, 16), З. Н. Гиппиус — «из позитивистов-нравственников, с честолюбием, жестких» (Гиппиус-Мережковский, Париж, 1951, с. 107).

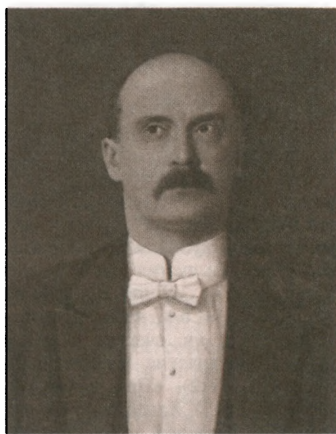
Изд.: Долой пьянство, К., 1991; ст. «Семья и школа» — в кн.: Куломзина С. С., Наша Церковь и наши дети, М., 1993, с. 124—29; Евангелие как основа жизни, М., 1994; ст. «Высшее творчество» — «Просветитель», 1995, № 2—3; М., 1997 (послесловие А. Н. Стрижева).

Лит.: Горький: Короленко; Ленин: Толстой; Чехов. Письма (все — ук.); Скроботов Н. А., Памятная книжка окончивших курс в С.-Петерб. духовной сем., СПб., 1896, с. 243; (Преображенский И. В.), Новый и традиционный духовные ораторы Оо. Григорий Петров и Иоанн Сергий (Кронштадтский), (Критич. этюд), СПб., 1902; Воронец Е., Итоги полемики по поводу проповедничества свящ. о. Г. Петрова и ист. справка, СПб., 1903; 3 д (ансв) ич М. В., Свящ. Г. С. Петров как проповедник и писатель. Критич. очерк, СПб., 1903; Беляев В., Мыслям свята Христова («Миссионерские» этюды свящ. П.), Витебск, 1904; Р(умаи)нов А. В., Свящ. Г. С. Петров, член Гос. Думы. Биография и история ссылки в монастырь, М., 1907; Высотский Н. Г., «Дело» свящ. о. Гр. Петрова, М., 1907; Филл А., Виновен ли свящ. Петров? Трагедия православного духовенства, М., 1907; Ильигорский И., Из восп. об отце Иоанне Кронштадтском и бывшем священнике Гр. Петрове. — «Тверские спр. ведомости», 1909, № 20, с. 405—07; Сивачев М. Г., «Прокрустово ложе» (Записки литературного Макара), М., 1911, с. 93—127, 175; Абрамович Н. Я., «Рус. слово», П., 1916, с. 17—20; Немирович-Данченко Вас. И., В царстве мертвых. — «Сегодня», Рига, 1925, 26 июля; его же, О Петрове, Сытине и «Рус. слово», — Там же, 16, 18 авг.; Кугель А. Р., Листья с дерева, Л., 1926, с. 166—67; Поссе В. А., Мой жизненный путь, М.—Л., 1929, с. 160—61; Зернов Н., Рус. религ. возрождение XX в., Париж, 1974 (ук.); Регельсон Л., Трагедия рус. Церкви, 1917—1945, Paris, 1977; Чукковский К. И., Дневник, 1901—29, М., 1991 (ук.); Акты Святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, М., 1994; Флоренский П. П., Соч., т. 1, М., 1994; Иоанн, митр., Стояние в вере. Очерки церк. смуты, СПб., 1995; Колеров М. А., Не мир, но меч.

Рус. религ.-филос. печат. от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909, СПб., 1996, с. 105, 163, 165, 168—70, 176—77 и др.; Взыскующие Града, М., 1997 (ук.); ЛН, т. 72, 83, 90, 95 (все — ук.); Некрологи, 1925: ПН, 21 июня, 27 июня (М. Беляев); «Дни» (Б.), 23 июня. Брокгауз (доп.); ИДРДВ: Муратова (2, ук.); Альб. и сб-ки (1, 2); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1132; Письма П.: РГАЛИ, ф. 355, оп. 1, № 61 (Вас. И. Немирович-Данченко); РГБ, ф. 259, к. 19, № 1—10 (Ф. И. Благову); № 17 (В. М. Дорошевичу), № 18 (В. А. Никольскому), № 20, 21 (И. Д. Сытину), № 22 (А. С. Пашкратову), ф. 218, к. 375, № 44 (Сытину); ф. 331, п. 55, № 24 (А. П. Чехову); ф. 157, п. 3, № 58 (Д. Н. Мамину-Сибиряку); ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 243 (А. А. Измайлову); ф. 123, оп. 2, № 126 (И. Я. Гинзбургу), № 395 (А. И. Свироскому); ф. 377 (автобюг), 1916 г.) [справка Н. А. Прозоровой]; РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 3527 б (ф. с. 1902 г.); ф. 776, оп. 8, д. 2148 (об издании газ. «Правда Божия»; оп. 9, д. 1458 (о наложении ареста на «Письмо митрополиту Антонию»); ф. 1569, оп. 1, д. 35 (мат-лы по делу П. 1907—08 гг.); ф. 1622, оп. 1, д. 364—67 (письма П. к С. Ю. Фитте, 1907 г.) [справка С. И. Вареховой]; ф. 878, оп. 2, д. 181 (восп. А. А. Татищева) [справка А. А. Бовкало]; ГАРФ, ф. 102, ОО, 1903 г., д. 20—23 б, 1905 г., д. 2270, 1908 г., д. 98, л. 4. С. М. Гучков.

ПЕТРОВ Дмитрий Константинович [13(25).8.1872, Петербург — 2.5.1925, Ленинград], историк литературы, медиевист, переводчик. Из дворян. В 1894 окончил ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та, оставлен Ал-др. Н. Веселовским при кафедре романской филологии и командирован во

Францию и Испанию, где работал под руководством крупнейших филологов-романистов Г. Париса, А. Морель-Фасию и М. Менендеса-и-Пелайо. Первая науч. работа — «Элегия Генриха Сеттимелло, О переменчивости фортуны и утешении философии» (пер. и введение) опубли. в 1895 («Зап. неофил. об-ва...», в. 3, № 2, СПб.). По возвращении из-за границы — приват-доцент (с 1899) и проф. (с 1908) Петерб. ун-та.

Последователь культурно-ист. школы, П. посвятил осн. работы 1900-х гг. классич. исп. драматургии и театру. Гл. внимание уделял сбору фактич. материала, изучению лит. и ист. источников, установлению лит. связей и реминисценций, публикации неизд. текстов. Работы П.

«Очерки бытового театра Лопе де Веги» («Зап. ист.-филол. ф-та С.-Петерб. ун-та», 1901, ч. 60), «Испанские авантюристы XVI—XVII столетий» (опубл. в кн.: «Сб. в честь В. И. Ламанского», СПб., 1905), «Заметки по истории старопанской комедии» (ч. 1—2, «Зап. ист.-филол. ф-та С.-Петерб. ун-та», 1907, ч. 82; 2-я ч. — публикация по мадридской рукописи-автографу неизд. текста Лопе де Веги «Lo que pasa en una tarde comedia deste año de 1617») заложили основу изучения классич. исп. театра в России. Популярностью в ун-те пользовался курс П. «Лекции по введению в романскую филологию» (литографир. изд., СПб., 1909). Педагог, эрудит и энтузиаст, он воспитал целую плеяду ученых-испанистов, филологов и переводчиков (А. А. Смирнов, В. А. Пяст, Д. И. Выгодский, Б. А. Кржевский, С. М. Боткин), неизменно высоко оценивавших его проф., пед. и личные качества. С кон. 1900-х гг. П. обращается к компаративистским исследованиям, прежде всего — к изучению рус.-исп. лит. связей: «Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. Очерки по истории политической поэзии XIX века» («Зап. ист.-филол. ф-та С.-Петерб. ун-та», 1909, ч. 94), «А. И. Герцен и Доносо Кортес» («Записки неофил. об-ва ...», в. 8, П., 1915), «Мысли А. Н. Островского о Лопе де Вега» (в кн.: Памяти А. Н. Островского. Сб. статей об Островском и неизд. труды его, П., 1923), а также к изучению итал. и провансальской лит-ры.

Получив еще в молодости основат. подготовку как арабист (у П. К. Кокочова и В. Р. Розена), П. посвящает ряд работ испано-араб. лит. и культурным связям, араб. источникам исп. лит-ры («Одна из испано-арабских проблем» — «Зап. коллегии востоковедов при Азиат. музее АН СССР», т. 2, [в. 1], Л., 1926), П. опубли. выдающийся памятник араб. лит-ры 11 в. — «Ожерелье голубки» Ибн Хазима («Abū-Muhammed-Alī-Ibn-Hazm-Al-Andalusī, Tak-ut-Al-Hamāma», publié par D. Pérol, St.-Petersbourg — Leiden, 1914) со своим введением, представлявшим собой самостоятельное, исключительно ценное исследование (см. Крачковский И. Ю., «Д. К. Петров — арабист» — «Зап. коллегии востоковедов при Азиат. музее АН СССР», т. 2, в. 1).

П. известен как переводчик исп. классики, гл. обр. драматургии («Жизнь есть сон» П. Кальдерона, СПб., 1898; с предисл. П. и др.). Его переводы, точные в филол. отношении и снабженные науч. комментарием, по своим лит. достоинствам уступают переводам К. Д. Бальмонта, к-рые П. ценил именно с лит. точки зрения, но критиковал за «вольность» (см.: «К. Д. Бальмонт и его переводы с испанского» — «Зап. неофил. об-ва ...», в. 7, СПб., 1914). Исправленный и переделанный П. пер. пьесы Лопе де Веги «Звезда Севильи», выполненный С. А. Юрьевым, не опубл. (СПб

ГТБ). П. посвятил отд. работы своему учителю Ал-дру Н. Веселовскому («А. Н. Веселовский и его историческая поэтика» — ЖМНП, 1907, № 4) и коллеге по ун-ту А. А. Шахматову («А. А. Шахматов как университетский деятель» — ИзвОРАС, 1920, т. 25, П., 1922).

П. выпустил (под инициалами «Д. К. П.») за свой счет тиражом 200 экз. сб. стихов «Элегии и песни (1889—1911)» (СПб., 1911), к-рый не поступал в продажу, а потому и не получил откликов в критике. Подобно многим ученым-филологам, П. был умелым версификатором, но адресовал свои опыты лишь ограниченному кругу друзей и близких, обилие посвящений к-рым придает книге «камерный» характер. Как стихотворец П. формировался в 1889—91 и на протяжении всей своей поэтич. деятельности оставался типичным «восьмидесятником»; в его стихах обнаруживается близость к поэзии А. А. Голенищева-Кутузова, С. А. Сафонова и Ф. А. Червинского. Стихи П. отличаются высоким уровнем стихотв. техники, но метрически однообразны, их образы малооригинальны, а тематика, гл. обр. элегическая, ограничена и традиционна. Наиболее удачны стихи П. о природе, в к-рых он продолжает традиции рус. пейзажной лирики: «Но во сне холодною, под покровом снега / Жаворонка будем слышать пенье мы, / Будем слышать, как в полях скрипит телега, / И весну увидим в холоде зимы!» (с. 72). Откликов на совр. события в стихах П. практически нет, он сам декларировал свою аполитичность и отрешенность от сиюминутных проблем и забот: «Не верил я богам, / Своєю жил мечтою, / Своей иду тропой / Навстречу новым, лучшим дням» (с. 104). Чуждый новейшим лит. исканиям, дилетант и эпигон (впрочем, и не претендовавший на звание поэта), П. тем не менее был внимательным читателем совр. поэзии и в нек-рой степени усвоил ее достижения: «Чужого счастья сон мне снился / Но я был счастлив этим сном!» (с. 124). В сб-ке много стих., написанных во время поездок в Европу, гл. обр. во Францию и Италию; стих. «Ода» (1898) обозначено как «подражание Лопе де Вега».

В 1918—22 П. был одним из основателей и членом правления петрогр. книгоиздат. кооператива (позднее превратился в изд-во «Петрополис»). Чл.-корр. Рос. АН (1922). Местонахождение осн. части архива П. неизвестно.

Др. произв.: «О трагедиях Кальдерона» (ЖМНП, 1901, № 1), «Из лит. истории романа Сервантеса „Trabaje de Persiles y Sigismunda“» (там же, 1903, № 10), «А. Мандзони и романтизм в Италии» (в кн.: «История

зап. лит-ры», под ред. Ф. Д. Батюшкова, т. 3, кн. 9, М., 1914), «Лопе де Вега и его сотрудники» (в кн.: «Очерки по истории европ. театра», П., 1923), «Забытая поэма о Фирдуси» («Доклады Рос. АН», сер. В, 1924, апрель—июнь), «Темные вопросы романтики. (По поводу новых книг)» (в кн.: «Яфетический сб.», в. 4, Л., 1926).

Лит.: Перетц В. П., Истрин В. М., Никольский Н. К., Записка об ученых трудах проф. П. — «Изв. Рос. АН», сер. VI, 1922, т. 16; Лозинский Г. Л., Петрополис. — «Временник Об-ва друзей рус. книги», [а.] 2, Париж, 1928; Испания в Петерб.-Ленингр. ун-те. (Библиограф.). — «Науч. бюллетень ЛГУ», 1947, № 14—15; Кржеский Б. А., Статьи о заруб. лит-ре, М.—Л., 1960 (ук.); Смирнов А. А., Из истории зап.-европ. лит-ры, М.—Л., 1965; Берков П. Н., История сов. библиофилии, М., 1971, с. 29, 40—42; то же, М., 1983 (ук.); Тимофеев А. Г., М. Кузмин и издательство «Петрополис» (новые мат-лы по истории «русского Берлина»). — РЛ, 1991, № 1, с. 190; Пяст, 1997. + Тарасенков (критиком не раскрыт); КЛЭ; СЛЭ.

Архивы: РГБ, ф. 218, к. 1262, № 14 (письма Ю. Н. Верховскому), № 18 (письмо Н. П. Кондакову); РНБ, ф. 585 (Платонов С. Ф.; письма П. к нему); АРАН, ф. 777 (Розен В. Р.; письма П. к нему); ф. 779 (Кокочов П. К.; письма П. к нему). Ю. И. Глебов.

ПЕТРОВ Иван Матвеевич [1803, Иркутск (?) — между апр. и нояб. 1838, Харьков (?)], поэт, прозаик. Из обер-офицер. детей. В кон. 1814 поступил в Иркутский уездный суд кописистом, в 1817 переведен в местное губ. правление. В 1818—23 служил в Томском губ. правлении в чине губ. регистратора (в 1818 коллеж. регистратор). Переехав в Красноярск, определился в Енисейскую казенную палату (1823—32): в 1824—26 пом. комиссионера по развозу соли, с 1826 ассессор (1828 тит. сов.).

Тяготы провинциальной жизни и мечта о лит. поприще заставили П. обратиться в 1825 к Д. И. Хвостову с просьбой о покровительстве и материальной поддержке («... охота к чтению возбудила во мне страсть к поэзии... Но чтоб иметь совершенный успех и быть полезным гражданином общества, должно быть в столице» — РС, 1892, № 6, с. 580), однако перебраться в столицу ему так и не удалось. Дебютировав в 1824 в ж. «Новости лит-ры» (№ 9—10) неск. стихотворениями («Знакомый гений», «К красавице», «Бард», «Младенец и бабочка», «К фантазии», «К листочку»), П. активно сотрудничал в столичной периодике: в ж. «Благонамеренный» (1825), «Сын отечества» (1827, 1829—30), «Славянин» (1828), «Галатея» (1829), «Телескоп» (1830—31), в газ. «Молва» (1833), «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“» (1831—32, 1835), в «Нев. альм. на 1826» (1825); печатался также в ж. «Заволжский муравей» (1833).

Во 2-й пол. 1820-х гг. входил в кружок красноярских литераторов, образовавшийся вокруг енисейского гражд. губернатора А. П. Степанова.

Выступил составителем «Енисейского альм. на 1828 г.» (Красноярск, 1828), подготовленного силами кружка к 200-летию города; среди участников альманаха — Степанов, А. И. Мартос, А. К. Кузмин, И. И. Варлаков (см.: некролог П. «Сибирский поэт Варлаков» — СО, 1830, № 21), С. С. Рассказов, И. М. Козлов (поэт, однокашник К. Ф. Рыльева по Кадет. корпусу) и др., а также художник Н. А. Степанов, позднее изв. карикатурист. Значит. часть издания составили произв. самого П.: прозаич. миниатюры, 14 стих., в т. ч. опублик. ранее. Рецензенты (МТ, 1828, № 3; ОЗ, 1828, т. 34; МВ, 1828, № 3 [М. П. Погодин?]; СО, 1828, № 5 [О. М. Сомов]), с энтузиазмом встретившие «Енисейский альм.» как знак распространения изящной словесности в рос. провинции, выделяли в числе лучших стих. П. «Волшебная арфа», «К фантазии», «Радуга», а также отмечали «правильность слога» его прозаич. соч. «Память сердца», «Юность». П. письменно благодарил М. П. Погодина за лестную оценку альманаха (РГБ, ф. 231/II, к. 47, № 78), прислал ему стих. «Вечернее волнованье» (МВ, 1828, № 13). Вдохновленный успехом, П. готовил вторую книжку «Енисейского альм.» (см. письмо Н. Степанову — ИРЛИ), однако издание не было осуществлено. В 1829 П. вместе с Н. Степановым, В. И. Соколовским и гарнизонным врачом И. Г. Красноярским составили об-во «Красноярская лит. беседа» (планировавшаяся чуть раньше «Беседа об Енисейском крае» не была разрешена Николаем I), имевшее строгий устав (опубл. в ст.: Богданова М., с. 246—47), «книгу занятий», ж-л постановлений.

Постоянно обращаясь в своих стихах к сиб. темам (история, природа, нар. поверья и т. д.), П. в их трактовке ориентируется на совр. поэтич. образцы: конкретные, живые впечатления очевидца б. ч. подменяются условно-романтич. образами и стилистич. клише [«К Енисею» — «Галатея», 1829, ч. 7, № 35; «Марьины цветы (сибирская баллада)» — ЛПРП, 1831, № 101; «Дума на скалах Енисея» — там же, 1832, 23 апр.; «Гадание тунгусов» — там же, 1832, 6 авг., и др.]. С романтич. традицией связаны и «восточные» мотивы в лирике П.: «Татарская песня» (СО, 1830, № 37; публ. снабжена авт. прим. этногр. характера о минусинских татарах), «подражания арабскому» «Красавице, поднесшей приятное вино» («Благ.», 1825, ч. 29, № 4), «Трудный портрет» («Заволжский муравей», 1833, № 3). Мн. стихотворения П. обнаруживают следы непосредств. влияния В. А. Жуковского (баллада «Усад» — «Енисейский альманах на 1828 г.»; «Не-

бо» — СО, 1830, № 25), А. С. Пушкина («Дева» — «Енисейский альманах на 1828 г.»; «Ночь» — ЛПРИ, 1831, № 21; «Картина из времен завоевания Сибири» — СО, 1827, № 3), К. Н. Батюшкова («Песнь радости» — «Славянин», 1828, ч. 5, № 6); П. развивает темы и мотивы изв. произв., заимствует фразеологич., синтаксич. и ритмич. конструкции (см. об этом: Богданова А. А., 1947, с. 118—21).

Почти все опубли. ранее поэтич. произв. П. вошли в сб. «Стихотворения» (М., 1833; положит. рец.: «Молва», 1833, 26 окт.), не имевший успеха. Проходившая рецензия «Моск. телеграфа» (1833, № 16), содержащая упреки автору в подражании изв. рус. поэтам, возможно, явилась причиной, навсегда отбратившей П. от стихотворства.

Имя П. было использовано при публ. в ЛПРИ (1831) отрывка из поэмы А. А. Бестужева (Марлинского) «Андрей, князь Переславский», что вызвало протест Бестужева (МТ, 1832, № 6). В своем ответе — «Г-ну Сочинителю повести „Андрей, князь Переславский“» (там же, № 10) — П. возлагал всю вину на А. Ф. Восейкова и уверял Бестужева, что принадлежит к числу его «сурьезнейших почитателей».

В 1832 П. переселяется в Харьков, получает место ассессора казенной палаты (с 1833 губ. казначей). Сближается с Г. Ф. Квиткой, И. И. Срезневским и В. В. Пассеком (см.: Из переписки И. И. Срезневского 1829—1839 гг., К., 1901, с. 33, 42, 45, 49—53; В. В. Пассек и его письма к И. И. Срезневскому. — РС, 1893, № 5, с. 382, № 9, с. 550). В кон. 1834 издает альм. «Утренняя звезда. Собр. статей в стихах и прозе» (кн. 1, М.; кн. 2, Х.), в к-рый вошли проза Срезневского, О. М. Сомова и др., стих. Я. И. Иноземцева и самого П. (кн. 1), а также стихи и проза И. П. Котляревского, Срезневского, Квитки на укр. яз. (кн. 2).

Под псевд. Пустынник Залопанский (Лопань — река в Харькове) печатает в «Телескопе» романт. повести «Золотой самородок» (1834, № 9), «Х(арьковский)ая быль» (1834, № 50), «Предсказательница» (1835, № 21—24), «Мефистофель» (1836, № 9), собранные в отд. изд.: «Повести Пустынника Залопанского, изданные Иваном Петровым» (Х., 1837). Отмеченные динамизмом драм. сюжетов, стремлением к психол. характеристикам персонажей повести П. страдают нек-рой перегруженностью ужасным и фантастическим, что отмечалось в развешенной рец. «Б-ки для чтения» (1837, т. 25).

Незадолго до смерти П. получил назначение на должность директора уч-щ Бессарабской обл. (Одес. уч. округ).

Др. произв.: «О казаках Енисейской губернии» («Заволжский мурвей», 1833, № 4).

Лит.: Богданова А. А., Сиб. поэты-романтики нач. XIX в. — Уч. зап. Новосибир. пед. ин-та, в. 4, сер. ист.-филол., Новосибир., 1947, с. 116—25; Гуревич А., Первый сиб. альманах. — «Енисей», кн. 8, Красноярск, 1951; Богданова М., К истории создания «Енисейского альм. на 1828 г.» и «Красноярской лит. беседы» 1829 г. — там же, кн. 21, 1958; Бестужев-Марлинский А., Полное собр. стихотворений, Л., 1961, с. 276—77; Постнов Ю. С., Рус. лит-ра Сибири первой пол. XIX в., Новосибир., 1970 (ук.); Жирмунский В. М., Байрон и Пушкин, Л., 1978, с. 295; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982 (ук.). + РБС: Богданова А. А., Сиб. тема в периодич. печати, альманахах и сб-ках XIX в. Уч.-библ. справочник, Новосибир., 1970; Лит. Сибирь. Критико-библ. словарь писателей Вост. Сибири, Иркутск, 1986; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 4, л. 449 (ф. с. 1837 г.); ИРЛИ, ф. 322, № 27 (тетрадь стихов П.); 4327.XXII.6. 104 (письмо Н. И. Гречу, 1830?); 4326.XXII.6.103, 4328.XXII.6.105 (письма Н. А. Степанову, 1829; стихотв. пародия Степанова на П.). А. В. Жуковский.

ПЕТРОВ Михаил Александрович (1822 или 1823* — после 1881), прозвизн. Из мещан Н. Новгорода. В 1849, став рядовым Казан. гарнизонного батальона, был переведен в Чистопольскую инвалидную команду, в 1851 произведен в писари и «прикомандирован для письма» (1852) к штабу 4-го округа корпуса внутр. стражи. После лит. дебюта, когда у П. появились могущественные покровители, в т. ч. воен. мин. В. И. Васильчиков, служил с 1859 в его канцелярии. Коллеж. рег. (1861). Исполнял должность пом. уездного исправника в Козьмодемьянске (1863—66), Казани (1868—69), Свяжске; затем зав. делопроизводством в уездном Свяжском присутствии по воинской повинности. Надв. сов. (1881).

Лит. деятельность П. продолжалась, по-видимому, всего полтора года: с февр. 1859 по июнь 1860 в «Б-ке для чтения» А. В. Дружининым были опубли. три небольших рассказа П.: «Саргина могила» (1859, № 2), «Выборы» (1859, № 9), «Богомолка» (1860, № 2), четвертый — «Наносная беда» в «Отеч. зап.» (1860, № 9; положит. рец.: Д. Саранчов — «Рассвет», 1860, № 10). Первое из этих произв. «сразу обратило на себя общее внимание... Г-н Петров черпает рассказы свои из крест. быта; к знанию дела примешивается у него теплая, неакрашленная любовь к этому сословию, а худож. такт, поражающий почти на каждой странице этих рассказов, делает из них одно из лучших достижений современной нашей беллетристики», — писал критик газ. «С.-Петербург. вед.», предвещая автору «блестящую будущность» (1860, 10 марта). Действительно, творчество П. обнаруживало свою близость к лучшим традициям и перспективным тенденциям совр. ему лит-ры (социальная устремленность очерков натуральной школы, лиризм И. С. Тургенева, психологизм Л. Н. Толстого). При нек-рой идеализации деревен.

быта П. одним из первых сумел заметить и описать процесс расслоения крестьянства, хотя сочетание лирич. начала и социальной темы (махинации сел. кулака в «Выборах») не стало вполне органичным.

Рассказы П. вызвали сочувств. интерес изв. литераторов. Прочитав «Саргину могилу», В. П. Боткин писал Тургеневу (6 апр. 1859), что был поражен талантом автора, к-рый с «такой правдою и прелестью» изобразил любовь крест. девушки, как никто до него. «Крайне любопытно знать тот духовный процесс, который пережит был этим Петровым, что он читал, как он дошел до настоящего...» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизд. переписка, М.—Л., 1930, с. 153). Ответ на этот вопрос — в письме Дружинина Боткину: «С Петровым я сошелся, невзирая на труд, представляемый его унтер-офицерским званием. Он человек тихий, хороший и необыкновенно умный. Читал он весьма мало, но дельно: Пушкина, Гоголя, из новых почти ничего, — я дал ему сочинения Островского и Писемского...» (Письма к А. В. Дружинину, М., 1948, с. 58). В письме Л. Н. Толстому от 28 сент. 1859, интересуясь, читал ли тот второй рассказ П., Дружинин добавлял: «Этот человек меня изумляет своей воздержностью и совершенным отсутствием рутины или подражательности» (там же, с. 308). Толстой был восхищен «Саргиной могилой» настолько, что проверил на ней худож. чутье своих братьев (письмо Дружинину от 16 апр. 1859); подарил П. свои книги «Детство и отрочество» и «Военные рассказы»; разделяя стремление своих друзей помочь П., просил графиню А. А. Толстую, чтобы та похлопотала через Б. А. Перовского о льготах для П. по службе. Вместе с тем по прочтении рассказа «Выборы», к-рый ему «положительно не понравился», Толстой писал Дружинину 9 окт. 1859: «... видна сила большая. Но его горе противоположное нашему и большее — совершенная бессознательность дарования. Он сам не знает, что в нем велико... Ежели бы он был помоложе — горе это было бы исправимо, а теперь, боюсь, он так и останется не „надежда“, а „сожаление“. Что бы он мог быть» (ЛХ, с. 308, и по ук.). Неожиданный успех, участие в судьбе П. знаменитых литераторов и могущество чиновника, по-видимому, произвели на него сложное впечатление, выбили из колеи. Уже в письме Толстому от 22 авг. 1859 Дружинин с тревогой сообщал, что у П. «голова закружилась, и на Пасхе он загулял» (Письма к А. В. Дружинину, с. 257). Вскоре имя П. было прочно забыто. Лишь в 1934 К. И. Чуковский попытался воскресить память о нем в очер-

ке «Неизвестный Петров» (см. в кн.: Люди и книги, М., 1960; см. также в его Собр. соч., т. 5, М., 1967).

Лит.: Памятная книжка Казан. губ., Каз., 1866, с. 66; 1868, с. 46; 1890, с. 131—32; Адрес-календарь Казан. губ., Каз., 1875, с. 92; 1881, с. 136; Список лицам служащим по всем ведомствам Казан. губ. Составлен ... А. П. Орловым, Каз., 1885, с. 28.

Архивы: РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 25064 (п. с. 1859 г.) [справка Н. Ю. Муравейниковой].
М. Г. Алхазова, Е. В. Войналович,
М. А. Кармазинская.

ПЕТРОВ Павел Ильич (сер. 1770-х — после 1825), переводчик, литератор. Биографические сведения скудны. Вероятно, в нач. 1790-х гг. учился в Моск. ун-те: к 1792 относятся прозаич. переводы, помещенные в моск. ж-ле В. С. Подшивалова «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (с пометой «с немецкого»: небольшая чувствит. пов. «Макандал негритинин» — ч. 5; краткий очерк «Землетрясение в Лиссабоне» — ч. 7). В дальнейшем печатался в петерб. ж-ле «Новые ежемес. соч.»: переводы с франц. яз. («восточная повесть» «Ардостан» — 1792, ч. 71), латыни (фрагмент «Истории Рима» Тита Ливия — «Речь Аннибала к П. Сципиону о мире» — 1793, ч. 88) и нем. яз. (мед. компиляция «О врачебном употреблении верховой езды» — 1795, ч. 103). Видимо, П. постоянно жил в Петербурге; в 1805 здесь вышла переведенная им комич. стихотв. повесть «Мраморная купель, или Наказанный пустосвят» К. М. Виланда; морализаторский пафос оригинала был сохранен и даже усилен в пер., выполненном тяжеловесным ямбич. стихом, изобилующим инверсиями и архаизмами. В «Журнале для пользы и удовольствия» П. опубликовал короткий прозаич. отрывок «О неудовольствии людей» (1805, № 7) с указанием «из соч. Клейста».

В 1810 перевел с нем. яз. сб-к назидат. историй «Зерцало добродетели, или Собрание благороднейших и превосходнейших деяний и душевных качеств, взятых из жизни великих, добродетельных и храбрых людей и из истории всех народов и времен», составленный неким Ф. М. и посвященный им д. тайному сов. А. И. Шнезе.

По семи разделам («Родительская любовь и попечение», «Детское почтение и послушание», «Непоколебимая приверженность к вере» и др.) сгруппированы разнообразные «анекдоты», мн. из к-рых представлены как реальные случаи из жизни: приведены даты и места происшествий, названы имена как ист. лиц (Эпминоид, Иосиф II, Густав III), так и безвестных крестьян, солдат, мещан, купцов. Не исключено, что истории из совр. рус. жизни были введены в текст переводчиком, к-рый, в свою очередь, мог черпать их непосредственно из газетной или журн. хроники. Оставшаяся нераспространенная часть тиража была в 1813 превращена в новое изд. (снято посвящение, напечатаны и вклеены новый титульный лист и четыре травюры), появившаяся под загл. к-рое четче определяло предполагаемую читат. аудиторию и акцентировало нравоучительность книги в целом: «Историческая библиотечка для детей ... служащая к образованию сердца и разума» (СПб.).

Свободное владение П. нем. и франц. языками, несомненно, сказалось на характере его сочинительства: в 1810 выходит пособие «Новые французские, русские и немецкие разговоры для начинающих учиться сим языкам» (СПб.; с пометой «новое и дополненное изд.»); в 1812 — bilingua «Езоповы басни для обучения юношества французскому языку...» (там же, ч. 1—2; 2-е изд. — М., 1824; 3-е изд. — СПб., 1830). Поместив в книге параллельные тексты на рус. и франц. языках, П. снабдил каждую басню «лексич. минимумом», в к-ром не только приводятся значения встречающихся в ней слов, но сами эти слова сделаны центрами словарных гнезд; в ряде случаев даны синонимич. лепочки, отд. фразеологизмы. Среди рус. эквивалентов, подобранных П., практически нет калек, фразовые конструкции свободны от галлицизмов, что обеспечило высокий лексикографич. уровень издания.

П. принимал участие в подготовке илл. трехязычного ж-ла «Волшебный фонарь, или Зрелище с.-петерб. расхожих продавцов, мастеров и других простонар. промышленников, изображенных верно кистию в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом соответственно каждому лицу и званию» (выходил в Петербурге в течение 1817 — 12 «ежемес. тетрадиями»; факсимильное воспроизведение — М., 1988, подг. Е. И. Осетровым).

Степень и характер участия не выяснены до конца. Поимно П. авторами рус. текста назывались Н. И. Греч, Ф. Н. Глинка (обоснование этой гипотезы см.: Алексеева Т. В., Художники школы Венецианова, М., 1982, с. 93—102; 40 помещенных в изд. офортов приписывались сначала А. Г. Венецианову, потом его ученику К. А. Зелинскому). В любом случае несомненно, однако, что именно П. осуществлял пер. диалогов на франц. яз. и редактирование их нем. варианта (в переводе Я. Лагана). Возникший не без влияния европ. альбомов и илл. альманахов, в к-рых воспроизводились «голоса» (выкрики, проф. жаргон) и костюмы уличных торговцев («Cris de Paris» Лепренса), «Волшебный фонарь» по точности, с к-рой был передан «язык улицы», оказался «журналом совершенно в новом роде» (редакторское предисл., с. 3). При переводе диалогов языковое своеобразие оригинала терялось, особенно в текстах, где действующими лицами были иностранцы.

В 1822, в чине надв. сов., П. состоял переводчиком при ВЗО; в 1825 занимал ту же должность и был коллеж. сов.

Лит.: Морозов А. В., Фигуры Гарднера по гравюрам «Волшебного фонаря», М., 1929; РБС; Геннадин; Брокгауз (с ошибкой в отчестве; см. также ст. «Волшебный фонарь»).

Е. Э. Ламина.

ПЕТРОВ Павел Яковлевич [25.6 (7.7).1814, Петербург — 7(19).9.1875, Москва, похоронен на Ваганьков. кладб.], переводчик, поэт; лингвист-востоковед. Из обер-офицерских детей (отец, Як. Осип., учительствовал во 2-м кадет. корпусе; выйдя в отставку в 1819, переехал в Москву). После смерти отца (1826) П. получал дом. образование в доме кн.

А. П. Оболенского, тогда калуж. гражд. губернатора (отношения подерживались и позднее). Знал новые европ. и овладел мн. вост. языками: персидским, санскритом, араб., тур. и др.; знал также еврейский, изучал китайский.

С 1828 студент словесного отд. Моск. ун-та (ученик А. В. Болдырева, проф. по кафедре вост. языков, преподававшего араб., персид. и сверх программы еврейский), окончил «с отличными успехами» (ЦИАМ) в 1832 кандидатом, вместе с В. С. Межевичем, М. Б. Чистяковым, Я. М. Неверовым, И. П. Клюшниковым.

В конце 1829 студент Н. Л. Григорьев, товарищ В. Г. Белинского по Пензен. гимназии, знакомит П. с будущим критиком. Существует мнение (Храбровицкий А. В., Белинский и роман итал. революционера — «Огонек», 1948, № 31, с. 24), что три друга совместно издали первый рус. перевод известного итал. романа У. Фосколо «Избранные письма Якова Ортиса» (М., 1831, переводчик не указан), о чем в письме родителям (5 янв. 1830) глухо упоминает Белинский (XI, 33). Белинский с большой симпатией относится к своему новому приятелю, с к-рым часто беседует о лит-ре (П., по его определению, «пишет прекрасные стихи» и упорно занимается языками — «неутомим, как Тредиаковский», наукам и др. «благородных предметах»: «Вот дружба, которую я могу по справедливости хвалиться!») (там же, с. 23).

Приятелиские отношения с Белинским, а после переезда П. в Петербург оживленная переписка продолжались до отъезда П. в 1838 за границу. Белинский время от времени публиковал стих. и переводы П. в «Телескопе», «Молве», «Моск. наблюдателе». Семья П. (мать и две сестры) принимали большое участие в судьбе Белинского после его исключения из ун-та (XI, 103). У Петровых Белинский встретил свою будущую жену М. В. Орлову (Белинский в восп., с. 564).

С осени 1833 Белинский и П. начинают посещать кружок Н. В. Станкевича (Аксаков в К. С., Восп. студентства. 1832—1835 гг. — В кн.: Рус. об-во 30-х гг. XIX в. ..., М., 1989, с. 317—18). Пребывание П. в кругу Станкевича — наиб. известный эпизод его биографии, часто упоминаемый в лит-ре. Моск. философствующих юношей порою раздражало его стремление к кабинетным лингвистич. штудиям, хотя в целом отношения оставались взаимно доброжелательными; уже из-за границы Станкевич писал Т. Н. Грановскому (1838): «Отъезди его, поклонись по восточному обычаю, принеси какие-нибудь дары и попроси если не любить, то, по крайней мере, иметь ко мне некоторую склонность. Он торжественно объявил однажды Белинскому, что уважает, но не любит меня» (Н. В. Станкевич. Переписка..., с. 472).

Между 1832 и 1834 жил то в Москве, то в Петербурге, занимаясь частными уроками, в 1833 состоял «в учебном персонале Погодинского пансиона» (Барсуков, IV, 179). В 1834 по ходатайству М. П. Погодина был включен в число воспитанников Профессорского ин-та в Дерпте, но за отсутствием там кафедры вост. языков оставлен для слушания лекций в Петербурге. До 1838 занимался изучением араб., перс. и тур. языков под руководством акад. Х. Д. Френа, О. И. Сенковского, Мирзы Джаффара. Самостоятельно изучал кит. язык и санскрит. В 1836 — первая науч. публикация: «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском Музее имп. С.-Петерб. Акад. наук» (ЖМНП, 1836, № 10). В дек. 1837 представил в Академию первый самостоят. науч. труд: перевод с санскрита отрывка «Похищение Ситы» (из «Рамаяны») с «пояснит. замечаниями и грамматич. разбором» (одобрит. оценка АН: ЖМНП, 1838, № 2, отд. III, с. 416). Страсть к языкам была у П. самостоятельной, своего рода «чистым искусством»: он стремился овладеть языком без малейшего прикладного интереса. Так, П. отказался от предложения Погодина занять место учителя в семье рос. посланника в Константинополе А. П. Бутенева на том основании, что там, имея возможность «усовершенствоваться» в неск. вост. языках, будет «принужден» отказываться от «главного и любимого» предмета — санскритского языка... «Что же касается до жалованья, то оно меня не прельщает» (Барсуков, IV, 251—52). В 1841 П. отказался вернуться в Москву по той причине, что там «всего только 11 мусульманских рукописей (они мною же были описаны)» (РГБ, ф. 231, Пог.ЛП, оп. 24, № 24, л. 5): «Обозрение араб., персид. и турецких рукописей...», находящихся в 6-ке имп. Моск. ун-та, было опубл. в ЖМНП в 1837 (№ 3). Занятия языками поглощали все время и силы П. (см., напр., письмо Погодину от 16 июня 1836: Барсуков, IV, 409).

1830-е гг. — период достаточно интенсивного участия П. в лит. жизни в качестве переводчика и автора орг. стихов (романтич. и медитативных): «Улыбка милой» («Галатея», 1830, № 4), «Тень Великого» (о Наполеоне; там же, 1830, № 35), «Чада солнца» («Молва», 1833, № 131) — филос. «мистерия», заставляющая вспомнить о П. Б. Шелли, «Пловец» («Молва», 1835, № 14).

Сам П. не относился к своим поэтич. опытам серьезно, уже в 1834 он писал Белинскому: «ради Бога не взирай ты печатать чего-нибудь хранящегося у тебя из моих стихотворений. Даже заклиная тебя старой дружбой... укрыв у Мещанина „Джинны“, а не то продолжишь на тебя — не хочу ничего печатать — нет — эта дурь уже прошла» (Белинский и его корреспонденты,

с. 226). Однако и в 40-е гг. он эпизодически пытался публиковать стихи под псевдонимами (РГБ, ф. 231, Пог.ЛП, оп. 24, № 24, л. 11 об.) (не выявлены).

Переводные публикации П. 1830-х гг. типологически разделяются на две группы. Первую составляют журнальные переводы из Дж. Милтона [«Отрывок из Потерянного Рая» (посвящено В. Г. Белинскому)] («Галатея», 1830, № 22), «Из третьей песни Потерянного Рая» («Молва», 1833, № 85)], В. Гюго — «Джинны» («Телескоп», 1835, № 1). Переводы П. с европ. языков отличаются тщательность стилистич. отделки, а также стремление к лингвистич. и версификационному эксперименту (ср. сведения о попытках перевести Дж. Байрона на персидский).

Так, для перевода из Гюго П. выбирает метрически исключительно сложное стих. из популярного в 1830-е гг. сб.-ка «Восточные мотивы», в к-ром последовательно чередуются 1-ст. амфибрахий, 2-ст. хорей, 2-ст. дактиль, 2-ст. амфибрахий, 3-ст. ямб, 4-ст. хорей, 4-ст. ямб, 5-ст. ямб и далее в обратном порядке убывания длины стиха.

Любопытным примером совмещения «европ.» и «восточных» интересов П. в области худож. перевода может служить стих. «Магадэва и баядера. Индийская легенда (Из Гёте)» — «Магадэва, царь созданный...» (МН, 1838, ч. 16, март—апр.); в том же году в «Моск. наблюдателе», выполненный, видимо, в порядке творч. соревнования, появился перевод того же стих. И. В. Гёте К. С. Аксакова («Магадэва и Баядера») (1838, ч. 17, кн. 5). Н. Г. Чернышевский, желая создать идеальный рус. текст своего любимого гетевского стих. «Бог и баядера», использовал варианты обоих переводчиков (см. в кн.: Жирмунский В. М., Гете в рус. лит-ре, Л., 1981, с. 287—88, с ошибоч. инициалами — результат смешения П. и И. М. Петрова).

Другую группу переводных публикаций образуют переводы с вост. языков (гл. образом с санскрита), по б. ч. они носят науч. характер, снабжены примечаниями и комментариями, нередко специально рассчитанными для использования в ун-тском преподавании языка. В этой области П. выступает в роли первооткрывателя: «Песнь Налы, кн. 1» («Телескоп», 1835, № 7) — первый рус. стихотв. перевод из «Махабхараты», выполненный непосредственно с санскритского оригинала. Далее последовало «Похищение Драупадии» (также из «Махабхараты», прозой — ОЗ, 1841, № 12) — на три года раньше первого из многочисл. переводов К. А. Коссовича (см. в доп. томе). В 1835 в «Молве» (№ 24/26) Белинский опубл. «Газель (из Хафиза)» — перевод П. «с персидского», извлеченный из петерб. письма П. от 22 авг. 1834 (Белинский и его корреспонденты, с. 237—38).

И здесь П. балансирует на грани версификационного эксперимента (адаптация газели к рус. стихосложению) и решения собственно худож. задачи. Перевод является первой попыткой ввести в русскую литературу арабско-персидскую форму газели» (Эберман В., Арабы и персы в рус. поэзии. — «Восток. Журнал лит-ры, науки и иск-ва», 1923, кн. 3, с. 113).

В 1838 П. направляется в поездку по Европе, где в течение двух лет работает с вост. рукописями в б-ках и музеях Берлина, Парижа, Лондона, знакомится с ведущими востоковедами Европы. Есть сведения, что П. «своими познаниями удивил даже знаменитого Ф. Боппа, который писал в Петербург, что Петрову... нечему учиться в Германии» [Барсуков, IV, 408; см. также публ. Погодина «Месяц в Париже» («Москв.», 1841, № 2, с. 451—52), в к-рой он рассказывает о встрече с П.].

По возвращении из Европы в 1841 П. должен был занять санскритскую кафедру в Акад. наук (академия в то время имела в своем составе учеб. кафедры), однако оказался не у дел: «кафедра моего предмета занята другим и... мне едва ли не приходится выбрать другое поприще» (РГБ, Пог.ЛП, ф. 231, оп. 24, № 24, л. 1). П. старается не падать духом, по крайней мере — не показывать собою отчаяния: «Как бы то ни было, но все-таки лучше быть на Руси... нежели в чужой земле — будем бороться с судьбой с последних сил» (там же, л. 5). 1840—41 — драматичное время для П.: «Ровно год не получаю от начальства ни копейки — живу Бог знает чем и как» (там же). В это время он публикует в недавно основанном «Москвитянине» переводы отрывков из «Махабхараты»: «Матсхо-пакьянам, или Сказание о рыбе»; «Сказание о Савитри» («Москв.», 1841, № 8, 12). Известны планы Погодина привлечь П. для сотрудничества в «Москвитянине» в качестве рецензента и критика.

Остаться в Петербурге П. не удалось, в окт. 1841 он определен в Казан. ун-т на одну из учреждавшихся востоковедных кафедр (РГИА, ф. 733, оп. 37, д. 87, 1851 г., л. 173—174; оп. 42, д. 289, л. 1, 1 об.).

О возможной подготовке служебной драмы П. упоминает Н. И. Веселовский: «По возвращении в Россию Петров должен был подвергнуться экзамену в Академии наук; но так как там экзаменовать его было некому... то [он] счел ниже своего достоинства разыгрывать комедию экзамена перед лицами, которые не могли быть судьями его познаний; но за то и не попал в Академию, а принужден был скитаться в страшной бедности» (Веселовский, с. 140).

Нежелание защитить магистерскую степень, явившаяся причиной многолетних карьерных злоключений П., объяснялась, скорее всего, его чрезмерной шепетильностью и педантизмом. Об этом свидетельствует рассказ ректора Казан. ун-та (видимо, Н. И. Лобачевского) Н. В. Бергу, приятелю П., к-рому тот помогал в подготовке кн. «Песни разных народов» (М., 1834). Ректор ун-та «не мог умолить» П. «способности „форму экзамена без всякого экзамена“; потребовав готовую бумагу для просмотра, П. „вместо просмотра изорвал ее в мелкие клочки» (Берг, с. 398—99).

С 1841 до 1852 П. — исправляющий должность адъюнкта по кафедре санскрит. языка, преподавал также историю Кашмирского царства, санскрит. словесность и санскрит. древности (некое время и англ. яз.) (в 1844—45 студентом вост. отд. филос. ф-та был Л. Н. Толстой — по разряду арабско-тур. словесности). В 1846 в Казани П. издал первую в России «Санскритскую антологию» (ч. 1), но не окончил труда (см. прим. В. В. Григорьева — в кн.: Веселовский, с. 140): «делиться своими сведениями в языках готов он был охотно с каждым..., но писать, печататься было для него мучением» (Григорьев В. В.), там же, с. 141).

Отсутствие повышений по службе в течение целого десятилетия не способствовало бодрости духа П.: ученый, «которого, по числу изученных им языков Азии и Европы, можно смело назвать русским Мешиофантом [изв. полиглот — Д. Б.], сделался совершенным мизантропом: ни с кем не знаясь, никому не доверяя» (там же).

К тому же он страдал от казан. климата и готов был на любые невыгодные условия перевода: «Я бы очень желал перейти в Москву, но на адъюнкскую кафедру санскритского, персидского или даже обоих языков вместе, кажется, нет надежды — и потому я бы довольствовался местом в библиотеке Московского университета... притом же в Москве я бы нашел, с кем поделиться наукою, а у нас и этого нет» (письмо С. П. Шевырёву 1850 г. — РНБ, ф. 850, № 436, л. 1 об.).

При содействии Шевырёва (тогда декана словесного ф-та) П. удалось перевестись в Моск. ун-т. Перевод П. в Москву означал воскрешение в ун-те кафедры вост. языков (вакантной с 1836, времени отставки Болдырева) в янв. 1852; П. был назначен на эту кафедру и. д. адъюнкта. (Вскоре после отъезда П. кафедра санскрит. словесности в Казан. ун-те была упразднена.)

В Москве служеб. обстоятельства П. складывались более удачно. В 1856 он был избран и. д. экстраординарного профессора, с 1864 до конца жизни — ординарный проф.; в 1863 возглавил кафедру сравнит. грамматики индоевроп. языков. В 1868 избран членом Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те (см.: «Моск. ун-тские известия», 1868, № 3, с. 355; 1870, № 1, с. 7). К 1869 — д. стат. сов. В моск. период П. переводил (с санскрита) ист. поэму 12 в. Кальханы «Раджа-тарангини» («Поток царей») («Моск. ун-тские изв.», 1865, № 1; 1872, № 1), публиковал лингвистич. тр. «О важнейших алфавитах вост. языков...» (в кн.: Мат-лы для истории письмен восточных..., М., [1855]), «О гл. наречиях сев. Индии» («Моск. ун-тские изв.», 1866/1867, № 12; 1869, № 5; 1870, № 5) и речь в торжеств. собр. ун-та

1862 «Об араб. языке и литературе» (М., 1862).

В первые годы преподавания П. его лекции посещались сравнительно большим числом студентов (в 1852 — 15, в 1853 — 18), однако несопоставимым со слушавшими осн. профильные курсы (напр., по рос. словесности в 1852 — 280; в 1853 — 121) (Отчет о состоянии и действиях Моск. ун-та за 1852—1853 акад. и 1853 гражд. гг., М., [без года], Прил. С). П. преподавал санскрит. и араб. яз., в 1858 по «личной просьбе» ему разрешено было заниматься с желающими персидским, арабским и еврейским (Веселовский, с. 18). Лекции П. были не обязательны для студентов, но слушали его и профессора (напр., П. М. Леонтьев).

П. подвижнически относился к своим профессорским обязанностям, порою производя на окружающих странное впечатление своею сосредоточенностью на проблемах науч. и учебных (восп. О. М. Бодянского — Сб. ОЛРС на 1891 г., М., с. 134). «Оригинал каких мало», человек необыкновенной «нравств. чистоты» (Берг, с. 394), «добрейшей души и огромных знаний», П. всю жизнь прожил «аскетом с девицами-сестрами на Плющихе» (Кирпичников, с. 758).

С течением времени П. все больше и больше замыкается в себе, ограничивает свои контакты с внешним миром. Обычным тоном его эпистолярного общения становятся жалобы на одиночество и тоску, «отвращение и к людям, и к науке. Климат, квартира, нелепые толки в обществе — все сговорилось против меня» (письмо Бергу от 4 февр. 1859 — ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1602).

В 1880 (по др. данным, в 1877 — ЦИАМ, ф. 418, оп. 46, д. 197) Моск. ун-ту, по завещанию П., была передана его б-ка, содержащая книги на нескольких десятках европ. и вост. языков.

Лит.: Фойгт К. (К.). Обзор. хода и успехов преподавания азиатских языков в Казан. ун-те за десятилетие с 1842 по 1852 г., Каз., 1852; Савельев П. С., Вост. лит-ры и рус. ориенталисты. — РВ, 1856, № 1; Берг Н. В., П. Я. Петров, профессор-ориенталист. — РС, 1876, № 10; Веселовский Н. И., Сведения об офици. преподавании вост. языков в России. СПб., 1879; Кирпичников А. И., Первый день в ун-те (Отрывки из восп.). — ИВ, 1897, № 6, с. 757—759; Барсуков (ук.); Мсерианц Л., Из истории ориенталистики в России. Мат-лы для биографии проф. П. — «Древности восточные. Тр. Вост. комиссии имп. Моск. археологич. об-ва», М., 1914, т. 4. Протоколы; сго же К. История санскритологии в России. (Негид. мат-лы к биографии Р. Ленца и проф. П.). — «Новый Восток. Ж-л рос. ассоциации востоковедения», 1922, кн. 1; Н. В. Станкевич. Переписка..., М., 1914 (ук.); Модзалевский Л. Б., Мат-лы для биографии Н. И. Лобачевского. М.—Л., 1948 (ук.); Поляков М. Я., Белинский в Москве. (1829—1839), М., 1948, с. 12—15; Белинский и его корреспонденты, М., 1948; Крачковский И. Ю., Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому. — В кн.: Очерки по истории рос. востоковедения, [сб. 1], М., 1953; Нечасова В. С., В. Г. Белинский. Ученые в ун-те и работа в «Телескопе» и «Молве», М., 1954; Шофман А. С., Санскритолог П. в Казан. ун-те. — «Уч. зап. Казан. ун-та», т. 117, кн. 9, в. 1, 1957; сго же, Рус. санскритолог П. — В кн.: Очерки по истории востоковедения, сб. 3, М., 1960; Стариков А. А., Вост. филология в Моск. ун-те. (А. В. Болдырев и П.). — Там же, Белинский в восп. современников, М., 1977 (ук.); Клейнман Г. А., Проф. Моск. ун-та П.

и его б-ка вост. книг. — В кн.: Из коллекций редких книг и рукописей Научной б-ки Моск. ун-та, М., 1981; Манин Ю., В кружке Станкевича, М., 1983, с. 109—112; ЛН, т. 53 (ук.). — Некрологи. 1875: МВед, 28 сент.; «Петербург. газ.», 23 сент.; «Голос», 28 сент.; «Иллюстриров. неделя», 12 окт.; «Гражданин», 1876, № 4; Отчет и речь, произнесенные в торжеств. собр. имп. Моск. ун-та 12 янв. 1876 г., М., 1876; Отчет о состоянии и действиях Моск. ун-та за 1853—1854 ... год, [6, м., 6, г.], с. 12; Отчет ... [за] 1871—1872 г., М., 1873, с. 17; Гонимый; РБС; Брокгауз; Биограф. словарь профессоров Казан. ун-та ...; Сл. профессоров Моск. ун-та; Летопись Моск. ун-та. 1755—1979, М., 1979 (ук.).

Архивы: НБ МГУ (л. ф.); ЦИАМ, ф. 418, оп. 102, д. 100 (студент. дело об «увольнении» 1832 г.), оп. 21, д. 18 (ф. с. 1852 г.), оп. 23, д. 507, оп. 27, д. 645, оп. 31, д. 3, оп. 33, д. 120, оп. 38, д. 560, оп. 44, д. 185 (служб. дела П. по Моск. ун-ту) [справка В. В. Александровой]; РГБ, ф. 231, Подл., оп. 24, № 25 (письма Погдину, 1860—68 гг.); ЦГА Татарстана, ф. 92, д. 5460, л. 19, 29; ф. 777, д. 5, юрия. ф-т, 1844 г., л. 30, 36; ф. 977, д. 12, 1851 г., л. 7—9 (сведения о под. деятельности П. в Казан. ун-те); РГИА, ф. 733, оп. 37, д. 87, 1851 г., л. 170—183 (офиц. переписка Мин. нар. просв. и Казан. учеб. округа в связи с перемещением П. в Моск. ун-т); ИРЛИ, ф. 340, оп. 2, № 47 (письмо И. П. Минасву 1872 г.).

Д. П. Бак.
ПЕТРОВ Пётр Николаевич [19.6 (1.7).1827, Петербург — 29.3(10.4).1891, там же; похоронен на Волково кладб.], историк-искусствовед, журналист, автор ист. романов. Род. в семье придворного служителя — «по главной кухне брандмейстера». В 1838—45 обучался в Доме воспитания бедных детей Человеколюбивого об-ва (закончил с отличием).

Некое время посещал рисовальные классы Акад. художеств (в приятельских отношениях с К. Д. Флавицим), однако из-за отсутствия средств не смог продолжать учебу и в июле 1846 определился в деп. Гос. казначейства (канц. служитель). Активно занимался самообразованием, изучая историю живописи и архитектуры. В 50-е гг. посещал вечера М. И. Семева, где в 1860 познакомился с А. Ф. Писемским, привлечшим его к сотрудничеству в «Б-ке для чтения» (дебют П. — ст. «Русский гравер Евграф Петрович Чумесов» — 1860, № 4) и ж. «Искусства» (заведовал в течение неск.

месяцев 1860 отд. начертательных искусств). В том же году поступил писцом в петерб. имп. Публич. б-ку (совр. РНБ), в этом качестве был рекомендован А. Н. Майкову, заведовавшему ред. изящных искусств «Энци. словаря...» А. А. Краевского и П. Л. Лаврова (СПб., 1861); обнаружив разносторонние познания П., Майков пригласил его участвовать в «Словаре...», в к-рый вошли более 300 ст. П. по истории, архитектуре, живописи, топографии Петербурга («Академия художеств», «Александр-Невская лава», «Митрополит Алексей», «Венецианов А. Г.», «Екатерина Великая», «Петр Великий» и др.). В 1865 по поручению ген.-губ. А. А. Суворова описывал древности одной из петерб. церквей, о результате докладывал Александру II; по предписанию Синода получил доступ для ист. иссл. во все церкви Петербурга, а также в крупнейшие архивы (Сената, Синода, Герольдии и т. д.). С 1866, оставаясь на службе в Публич. б-ке, служил одновременно чиновником Центр. статистич. к-та Мин-ва внутр. дел, с сер. 70-х гг. причислен к тому же мин-ву (1884 — тит. сов.).

Начиная с 1861 интенсивно занимался журналист. деятельностью: ред. (1862), сотрудник (1862—64) ж-ла «Иллюстрация», редактор илл. газ. «Воскресный досуг» (1865—70) и ж. «Фотографич. обозрение» (1865—69), активный сотрудник ж. «Всемир. труд» (1867), позднее — «Рос. библиографии» (1880), «Вестника изящных иск-в» (1883—90) и мн. др. Более тысячи статей П. опублик. в ж. «Всемир. илл.» (1869—1881) Г. Д. Гоппе (частично переизд. в сб. П. «Для немногих...», в. 1—3, СПб., 1871—75); в течение пяти лет (1873—78) являлся ред., единственным сост. и автором ежегодного «Всеобщего календаря» (СПб.) того же издателя, в к-ром помещал статистич. сведения, адресно-справочные данные и т. п. Печатались в газ. «Нива» и «Бирж. вед.» (ст. 1873—74 собраны в кн. «Листки на выдержку, из портфеля пишущего», СПб., 1875). В кон. 80-х гг. сотрудничал с ред. «Энци. словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Публикации в этих изд. (многочисл. статьи, рец., очерки, подборки док-тов, некрологи), а также выходявшие отдельно ист. иссл. — результаты каждодневной кропотливой работы в Публич. б-ке и архивах.

Значит. число статей П. (более сотни) посвящено рус. художникам, архитекторам, скульпторам 18—19 вв. (ранние публ. из альманаха «Сев. сияние» частично вошли в сб.: *Tutti frutti*. Биогр. художников. Заметки и смес. СПб., 1862). На основе мат-лов архива Академии художеств писал о И. К. Айвазовском, А. П. и К. П. Брюлловых, А. Г. Венецианове, Н. С. Пименове, Б. К. Растрелли, К. А. Тонсе, П. А. Федотове, Флавианом и др.; декларирова приверженность «исключительному изображению родной

обстановки», выступал с резкой критикой академич., оторванного от «старинного русского вкуса» искусства, чем вызывал упреки современников («Да могли ли мы быть тем, что мы есть, если бы не было предшественников», — возражал ему К. А. Ухтомский; см.: РА, 1907, № 4, с. 547). Итогом многолетних арх. разысканий П. явился «Сб. материалов для истории имп. С.-Петербургской Академии художеств за столет...» (ч. 1—3, СПб., 1864—66), не потерявший своего справочного значения до наст. времени.

Служба в статистич. к-те и деятельность в Комиссии для устройства празднования 200-летия со дня рождения Петра I (1871—72) стимулировали интерес П. к петровской эпохе: «юбилейный» обзорный очерк «Петр Великий, последний царь московский и первый император всероссийский» (СПб., 1872; рец.: СПбВед, 1872, 19 июля), посвященный в осн. внешнеполит. деятельности Петра и вызвавший намершивший отклик Н. К. Михайловского («... Петр является у г. Петрова каким-то безалаберно странствующим фейерверкером и пиротехником» — ОЗ, 1872, № 7, с. 140), а также труды по истории живописи, градостроительства, флота, придворной жизни первой четверти 18 в. — «Петербургское житье-бытье в старину» (ВТ, 1867, № 7—9, 12), «Из истории нашего флота. Штурманское дело» (СПб., 1864), «Цесаревна Анна Петровна. 1708—1728» («Заря», 1870, № 11), «Русские живописцы-пенсионеры Петра Великого» («Вест. изящных иск-в», 1883, т. 1, в. 1—2). В 1885 опублик. работу «История С.-Петербурга... [за 1703—1782]» (СПб.), к-рая содержала огромный малоизвестный материал по истории застройки города, торгово-промыш. деятельности, быта. Иссл. П. по рус. генеалогии были обобщены в «Истории родов русского дворянства» (т. 1—2, СПб., 1885), где, проследив происхождение 339 семей рус. знати, прежде всего Рюриковичей, он обосновывал туземное происхождение ряда дворянских фамилий, родовые права Романовых на престол; рецензенты (А. П. Барсуков — «Зап. АН», т. 54, СПб., 1887; Кобеко Ф. Д., О разработке генеалогич. данных в смысле пособия для рус. археологии..., СПб., 1887) отмечали компилятивный характер работы, нигилизм П. в отношении предшественников, отсутствие научно-справочного аппарата, упрекали автора в нескритич. использовании источников. Склонность П. к разысканию и накоплению малозв. фактов реализовалась в работе по составлению в 1879—88 для Рус. историч. об-ва «Азбучного указателя имен русских деятелей...» к «Рус. биогр. словарю» под ред. А. А. Половцева («Сб. Рус. ист. об-ва», т. 60, 62, СПб., 1887—88); указатель содержал более 50 тыс. персоналий («Каким этот труд — редактор и издатель знает сам хоро-

шо» — Семеvский, с. 158, запис. П.).

Тематич. разноплановость ист. публикаций П., их «перенасыщенность» фактич. данными сочеталась со слабым отбором значимого материала, противоречивостью (а часто и полным отсутствием) концептуального его осмысления, что было вызвано особенностями П.-исследователя: являясь, по отзывам современников, «живым ходячим архивом, подвижным энци. словарем», обладая «особенною памятью ... восприимчивостью», неистребимой фанатич. страстью к исследовательскому труду и неутомимостью, он тем не менее был почти лишен способности «сопоставлять ... данные, создавать из них стройное целое» (ВИ, 1891, № 1160, с. 267; Полсвой, с. 435). В результате уникальность и ценность привлекаемых сведений зачастую скрывались непрофессиональным комментарием, неаргументированностью и нелогичностью выводов [ср. пожелание Ф. И. Бусулава освободить составленный П. «Альбом русских народных сказок и былин» (СПб., 1875) от ком. и доп. составителя — «Учебно-воспитат. 6-ка», 1875, т. 1, с. 507; др. отклики. 1875: БВед, 28 апр.; СПбВед, 3 мая].

В 70-е гг. П. обратился к жанру ист. беллетристики. Написанный в соавторстве с В. П. Ключниковым «роман Екатерининского времени» «Семья вольнодумцев» («Нива», 1872, № 1—19; отд. изд. — СПб., 1872) — ряд зарисовок из жизни купеч. старообрядч. семьи, отмеченных недостаточным знанием особенностей быта и вероучения раскольников, а также искусственностью и неразработанностью сюжетных линий (отрицат. отклик: «Б. А. Павлович» — СПбВед, 1872, 2 июня, 1 сент.). В 1874 опублик. собств. версию неоконч. романа Н. В. Кукольника: «Юанн III, собиратель Земли Русской. Ист. роман, начатый Н. В. Кукольниковым, а со 2-й гл. II-й части продолженный и оконченный Петровым» (СПб.). Трагич. судьбе дворянина, ставшего пешкой в полит. игре «партий» при дворах Петра I и Екатерины I, посвящены ром. «Балакирев» (ВИ, 1880, № 573—624; отд. изд. — СПб., 1881) и «Белые и черные» (журн. вариант под назв. «Козыри не в руке» — ВИ, 1883, № 729—79; отд. изд. — СПб., 1889), драматич. перипетиям жизни А. Я. Волкова (адъютанта сподвижника Петра I кн. А. Д. Меншикова) — ром. «Два узла одной веревки» (Характеристика времён Петра I)» (СПб., 1878). Мрачные эпизоды правительств. террора, произвола земской администрации в царствование Ивана Грозного рисует П. в пов. «Царский суд» (СПб., 1877). В 80-е гг. работал над беллетризов. биографией Екатерины II (рукопись не была пропущена цензурой). В целом проза П., не отличавшаяся четкостью или захватывающей фабулой, перегруженная бытовыми, этногр., ист. деталями, архаичная по стилю, не поднималась над уровнем массовой беллетристики, продукция эпохи и осталась почти не замеченной критикой и читающей публикой.

Равнодушный к материальным благам, не признававший общепринятых норм поведения, П. жил на

границы нищеты и снискал себе репутацию «литературного пролетария», «чужака», графомана и даже совр. «Диогена» (одновременно современники отмечали его честность и доброту, всегдашнюю готовность к услуге; см.: Полевой, с. 437). Участник мн. периодич. изд., почетный вольный общник Акад. художеств (с 1864), деятельный сотрудник науч. об-ва (Рус. историч., Рус. археологич. — с 1855, Петерб. об-ва архитекторов — с 1871, РГО, Об-ва поощрения художников), П. почти не имел друзей и, всеми забытый, умер в Марининской больнице после скоротечной болезни. Оставшиеся по его смерти рукописи проданы частным лицам (в дальнейшем часть архива была передана В. В. Руммелю — РГИА, ф. 1491, оп. 1, д. 27).

Др. произв.: «Памятник тысячелетию государства Российского в Новгороде» (СПб., 1862), «Карл Штейбен, биограф. очерк» (СПб., 1862), «Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого. 1672—1872» (СПб., 1872; совм. с С. Н. Шубинским), «Русские бывшие деятели. Сб. портретов замечательных лиц прошлого времени, с краткими биограф. очерками» (т. 1—2, СПб., 1877—78); [перевод стих. И. В. Гёте «Магдэва и баядера»] — в кн.: Нем. поэты в биограф. и образцах (СПб., 1877).

Изд.: История родов рус. дворянства, кн. 1—2, М., 1991 (репринт. воспроизведение изд. 1886); Белые и черные. — В кн.: Петров П. Н. Белые и черные. — Тьянов Ю. М., Восковая персона. — Дружинин В. Н., Имением Ея Величества, М., 1994 (ред. и комм. Ч. М. Залиховой, К. Н. Нешименко); Балакис, — В кн.: Жданов Л. П. Петр и София. — Мордовцев Д. Л. Державный плотник. — Петров П. Н., Балакис, М., 1994 (ред. и комм. Л. К. Осиповой).

Лит.: Семевский; Полевой П. Н., Восток о П. — ИВ, 1891, № 5; Максимов А. П., Мат-лы к истории 25-летней деятельности С.-Петербург. об-ва архитекторов, СПб., 1895, с. 3, 5—7, 130, 139, 161; Семидесятилетие г-зии имп. Человеческого Об-ва, СПб., 1898, с. 274; П. Н. Петров. Из вост. М. В. Шеллякова. — ЖО, 1902, № 29, с. 35—38; Молсва Н. М., Иван Никитин, М., 1972, с. 46, 65—68 и др. + Некрологи, 1891: ВМ, № 1160; НВ, 30 марта; «Новости и бирж. газ.», 31 марта; «Нива», № 22 (П. В. Быков); ИВ, № 5; ЖО, № 15; Мезов; РБС; Брокгауз; Языков; ПНскр; БСЭ; ИДРДВ; Сотрудники Рос. нац. б-ки. — Биограф. словарь, т. 1. СПб., 1995; Масанов (не учтен посв.: -ров).

Архивы: РНБ, ф. 575 (описание фонда см.: Аппотированный указатель рукописных фондов ГПБ, в. 3, Л., 1983); ф. 120, оп. 1, № 1102 (письма А. Ф. Быкову, 1866—89); ф. 874, оп. 1, № 2, 6, 9 (письма С. Н. Шубинскому, 1875—1877); ф. 708, № 1300—01 (мат-лы к словарю художников); ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 608 (письмо Ал-дру Н. Веселовскому, 1888); ф. 273, оп. 1, № 465 (письма П. В. Быкову, 1880—87); ф. 548, № 201 (письмо В. Р. Зотову, 1872); № 12,942 (письма Я. П. Полонскому, 1887); № 16,681 (письмо А. Н. Майкова к П., 1868); РГАЛИ, ф. 311 (письма А. Н. Майкова к П., 1860); ф. 783 (письма И. Н. Крамского к П., 1877); РГИА, ф. 814, оп. 1, д. 147 (биограф. сведения); ф. 1290, оп. 3, д. 223 (о службе П.); ф. 777, оп. 2, д. 105 (ненз. сведения о ж-лах «Иллюстрация» и «Фотографич. обозрение», газ. «Воскресный досуг»); оп. 3, 1884 г., д. 91 (о ром. «Белые и черные») [справка М. Л. Сосенкиной]; ГАРФ, 1463, оп. 2, д. 1316 (черновики статей).

А. Н. Шаханов.

ПЕТРОВ-ВОДКИН Кузьма (Косма, Козьма) Сергеевич [24.10(5.11). 1878, г. Хвалынский Саратов. губ. — 15.2.1939, Ленинград, похоронен на Литератор. мостках Волкова кладб.], художник, теоретик иск-ва, драматург, прозаик. Отец — сапожник, мать — прислуга. После окончания гор. уч-ща в Хвалынске в 1893 — рабочий в судоремонт. мастерских. В 1893—95 занимался в классах живописи и рисования худ. Ф. Е. Бурова в Самаре, в 1895—97 — в Центр. уч-ще технич. рисования А. Л. Штигица в Петербурге. Закончил Моск. уч-ще живописи, ваяния и зодчества (1897—1905; педагоги Н. А. Касаткин, В. А. Серов). С детства имел пристрастие «к упражнению

К. С. Петров-Водкин. Автопортрет. 1901.

рифмою, а немного позже и к прозаическому выдумкам» [«Хлыновск...», 1982, с. 178; см. «Юношеский альбом П.-В.» (1892—94) — ГРМ, ф. 105, № 23, и «Тетрадь моих первых попыток в поэзии и плодах» — рукопись в РГАЛИ; здесь же его «Дневник» за 1893—96, «Зап. книжки» за 1894—1906, «Автобиография», 1928]. В 1895 в Самаре принес поэму, написанную под влиянием толстовского учения, М. Горькому, к-рый, по свидетельству П.-В., в ст. «Самарский соловей» в «Самар. газ.» (не обнаружена) дал отповедь автору, подействовавшую на него «отрезвляюще» («Письма. Статьи...», с. 328). С 1897 писал прозу.

Первое выявленное опубл. произв. П.-В. — мелодраматич. рассказ из мешанской жизни «Золотой день» (ж. «Театральная Россия. Театральная газета», 1905, № 2/3; подпись Кузьма Бронин). Рассказ понравился П. П. Гайдебурову, к-рый предложил П.-В. «написать пьесу для организуемого им ... театра» (см.: «Хлыновск...», с. 450). В марте 1906 пьеса П.-В. «Жертвенные (Художники)» (рукопись в РГАЛИ) «из быта живо-

писцев», утверждающая, по словам автора, «искусство во что бы то ни стало» («Хлыновск...», с. 437), в постановке Передвижного драм. т-ра шла в Петербурге, а затем в др. городах России.

По отзыву режиссера, «реалистически построенная, она озадачивала зрителей своеобразным языком и иск-выми др. особенностями форм» (Гайдебуров П. П., Лит. наследие. Вост. Стат. Режиссер. эскизы. Выступления, М., 1977, с. 178). Критики увидели в П.-В. одного из представителей молодой прозы, настойчиво ищущего новых форм, отмечали «многоголовое и нарочитое... Несмотря на все дефекты ... чувствуется сырой талант ... еще не ясная, но интересная мысль» (Л. Васильевский — «Речь», 1906, 28 марта), «страстное искание и жажду разрешения мучительных вопросов, назревших в рус. душе и в рус. мысли», «апофеоз индивидуализма»; «Молодой автор не выдерживает тона, распыляется в идеях, нагромождает эффекты (третий акт), но при всем этом в самобитном, хотя и очень не уравновешенном, даровании ему отказывать нельзя» (Т. И. 1906, № 14; подпись Н); «талантливый писатель, переборщивший в декадентстве» («Слово», 1906, 28 марта); «внутренняя сущность [героя] приносится в жертву филос. идее» (Вель — СПбВед, 1906, 30 марта).

С 1906 П.-В. — чл. Союза драм. и муз. писателей. Дважды отменялась постановка пьесы «Звенящий остров» (рукопись — РГАЛИ, ф. 2010, оп. 1, № 118) — драм. поэмы-«сказки» (с посвящением Е. Можаровой, невесте автора, рано умершей), принятой в 1906 в Передвижном т-ре и в 1908 на франц. яз. в Париж. т-ре (реж. Люсье По); не была она поставлена и после того, как в 1918 в переработанном виде П.-В. снова предлагал ее Гайдебурову и Н. Ф. Скарской (об этом см.: «Зап. Передвижного Общедоступного т-ра», 1918, в. 11, с. 19).

Др. пьесы: «В саду ночью» — стихотв. лирич. сказка о цветах; «Узколюбие (Один из дней художника Зыбца, впрочем мало отличающийся от прочих)» — о современности; «В маленьком городе» — действие происходит в «холодный 1892 г.» в одном из волшебных городков; «Башня Вавилона» — на библич. сюжет; «Вегед, король сумасшедших» и «Сказка жизни (на Земле)» — из времен средневековья; «Легенда пустыни. Три утра», «Айша и Хаман» — действие разворачивается на африкан. фоне; а также «Зверь», «Комедия жизни», «Сны жемчужины»; «Письма из Поит-Круа, или Когда люди отдыхают» (рукопись — РГАЛИ). Они написаны в 1901—09, это фантазии в символистском духе, отразившие мистич. и пессимистич. настроения П.-В., его эстетич. увлечения (в т. ч. творчеством М. Метерлинка и Л. Н. Андреева). О пьесе «Сны жемчужины», в к-рой «... раскрепощенная в мире женщина умирает... Герои-мужчины, художник и доктор, влюбленные в умершую ... тоскуют над ее гробом ... В четвертом акте сам Конст. Сергеевич должен был изобразить благородную смерть художника ... гибель, зарывшуюся трупным ядом, и доктор...», П.-В. впоследствии писал: «Это ... непревзойденная мною в дальнейшем галитимия...». «Стыдно мне не оттого, что я ее написал, а что я ее вручил для ознакомления Станиславскому» («Хлыновск...», с. 449, 448). Сохранились также рукописи повестей «Василий Сосонов», «Повесть о художнике Бронине», рассказов «Девушка в красной кофточке», «В вагонах», «В большом доме», «Четыре ночи», вост. (1899—1906) и др. (РГАЛИ).

П.-В. много путешествовал: в 1901 — в Германию, в окт. 1905 — в Италию (через Турцию, Грецию). В мае 1906 — нояб. 1908 жил в Париже. В Италии познакомился с Ф. Т. Маринетти, в Париже — с Метерлинком и Н. С. Гумилевым. В нояб.

1906 вступил в гражд. брак с Маргаритой Ивановой (в 1910 они обвенчались; см. ее восп.: Петрова-Водкина М., *Mon grand mariage*... — «Волга», 1971, № 9). С апр. по июнь 1907 путешествовал по Сев. Африке (Алжир, Тунис), летом — на Пиринеях. В нояб. 1908 возвратился в Россию, в Петербург. Его картины выставляются в Париже и Петербурге. В нояб. 1909 в ред. ж. «Аполлон» состоялась первая персональная выставка П.-В. в России.

В 1910 П.-В. опубли. ст. «По поводу письма проф. Репина» («Речь», 5 марта) — ответ на публикацию И. Е. Репина «Критикам иск-ва. Письмо в редакцию» (БВед. веч. в., 1910, 2 марта), назвавшего картины П.-В. «возмутительным безобразием... неуча», а его самого «рабьей душой», следующим за «нахальными недоучками Гогеном и Матиссом». В защиту П.-В. художника выступили А. Н. Бенуа («Речь», 1910, 5 марта) и Л. С. Бакст (БВед. веч. в., 1910, 6 марта), а итоги полемики, сделавшей его имя популярным, подвели в «Аполлоне» (1910, № 6) С. К. Маковский и А. А. Ростиславов.

В 1910 П.-В. напечатал путевой очерк «Поездка в Африку» («Нарассвете. Худ. сб.», кн. 1, Каз.), отвлеченный усложненностью стиля, стремлением запечатлеть экзотику африканских реалий, в к-ром проявилась заостренная наблюдательность художника. В 1910—17 преподавал в частной худож. школе Е. Н. Званцевой. С 1910 — чл. худож. объединения «Мир иск-ва». В кон. 1915 П.-В. издал книгу для детей — «Аойя. Приключения Андрюши и Кати в воздухе, под землей и на земле» (СПб.; на т. л. — 1914) о полете на воздушном шаре с описанием увиденных с высоты суши, гор и океана. Она широко анонсировалась в периодике (детских ж-лах; РМ, 1916, № 1, с. 21, и др.). Книга заинтересовала и публику и критику, «читается... не без интереса, написана литературно», «илл. автора... — это рисунки большого художника, смелые, сильные, выразительные» (З. Павлова-Сильванская — «Что и как читать детям», 1916, № 4, с. 123—25). В ней П.-В. попытался реализовать одновременно в худож. прозе и иллюстрациях свои идеи о сферич. перспективе и т. п., «пропустив» их через детское, непосредственное восприятие. Осн. принципы своего творч. метода художник развивал в ряде научно-теоретич. статей «Письма об иск-ве. Письмо первое» («Заветы», 1914, № 5); «На рубеже иск-ва» («Дело народа», 1917, 20, 28 мая, 4 июня), «О науке видеть» (там же, 1917, 28 июня), опубли. при содействии Иванова-Разумника в изданиях, выходивших под его редакцией. Будучи

близким к «скифской» группе Иванова-Разумника, П.-В. оформил оба выпуска альм. «Скифы» (СПб., 1917—18). Начиная с 1910-х гг. он тесно связан с лит.-худож. средой Петербурга и Москвы: знаком с А. А. Блоком, А. Белым, В. Я. Брюсовым, дружески общается с Андреевым, Е. И. Замятиным, С. Д. Мстиславским, М. М. Пришвиным, Ф. Сологубом, В. Я. Шишковым, А. Н. Толстым.

С дек. 1916 по июнь 1917 — ратник л.-гв. Измайлов. полка в Петрограде. В 1918—32 — проф. АХ. Здесь 10 янв. 1918 прочитал доклад «Наука видеть» (полностью в ред. 1920 — «Сов. искусствознание», в. 27) о разработанной им особой системе восприятия природы — своеобразном способе изменения пространства при передаче его на плоскости и использовании весьма оригинальной цветовой гаммы (теории сферич. перспективы, хроматич. трехцветия): «Движение не предмета в картине, а движение художника... Ощущение движения земли. Форма, цвет, свечения суть планетарные ощущения предметного мира» («Творчество», 1978, № 11, с. 5; публ. Л. Зингера). К пространств. теориям П.-В. проявляли интерес и писатели (см.: Блок. Зап. кн., с. 447—510); его термин «наука видеть» часто использовал в своих произв. А. Белый (см.: Восп. об А. Белом, М., 1995, с. 459, 561). В 1919 П.-В. — один из 12 членов учредителей Вольфилы (пред. совета был Белый, а тов. пред. — Иванов-Разумник), читал там «Науку видеть», в 1919—21 выступал также в Доме иск-в с докладами и в прениях. В февр. 1919 П.-В. подвергался кратковременному аресту вместе с Блоком, Замятиным, Ивановым-Разумником, Ремизовым и др. по фальсифицированному делу о заговоре левых эсеров.

В 1923 П.-В. опубли. в частном изд-ве «Аквилон» кн. «Самаркандия. Из путевого набросков 1921 г.» (П.), в к-рой текст и иллюстрации автора, органично дополняя друг друга, воссоздают яркий колорит Ср. Азии, необычность природных красок в соединении со своеобразием вост. архитектуры и этнографии. С авг. 1924 по июль 1925 жил в Париже, в кругу его общения кроме рус. и франц. художников И. Г. Эренбург. Избран членом Франц. астрономич. об-ва.

В кон. 1920-х гг. заболел туберкулезом и не мог больше заниматься живописью. С 1927 жил в Детском Селе (в здании Лицея). По соседству жили Шишков, Толстой, Иванов-Разумник, комп. Ю. А. Шапорин, на лит. «пятницах» у Шишкова П.-В. общался также с О. Д. Форш (о влиянии пространства метода П.-В. на ее творчество см. в кн.: Тамарченко

к О. А., О. Форш. Жизнь, личность, творчество, 2-е изд., Л., 1974, с. 271—91), К. А. Фединыным, И. С. Соколовым-Михайловым, Пришвиным. Советы писателей (особенно Толстого и Шишкова) способствовали его решению обратиться к автобиограф. прозе. В 1930 вышла 1-я ч. автобиограф. трил. «Хлыновск. Моя повесть». Рис. автора» (Л.; [4-е изд.] — М., 1991), рассказывающая о детстве (одобрит. рец. — М. Витгенсон — «Стройка», 1931, № 8/9), в 1932 — 2-я ч. «Пространство Эвклида. Моя повесть. Кн. 2-я. Рис. автора» (Л., 1932) о юности и молодости (со времени окончания уч-ща в Хлыновске и кончая пребыванием его в Италии), об обстоятельствах, сформировавших П.-В. как художника. В книге показаны жизнь и худож. атмосфера в России на рубеже 19—20 вв., созданы запоминающиеся лит. портреты мн. деятелей рус. иск-ва, прежде всего художников.

В критике отмечалось, что П.-В. «нашел себя как писатель в своих мемуарах», что это «очень свежая и живая книга, в к-рой все своеобразно и оригинально, начиная от материала и вплоть до лит. оформления» (И. Оксенев — «Лит. совр.», 1933, № 1, с. 167; его же положит. рец. — «Веч. Москва», 1933, 11 янв.), своеобразный «философский» роман — «роман превращения» и личного совершенствования... «богатейший запас мыслей об иск-ве, высказанных П.-В.» (Басеихес А., Книга о фаустовской культуре. — «Худож. лит-ра», 1933, № 8, с. 17, 19). Отрицат. отношение высказал М. Горький, обвинив автора не только в стилистич. погрешностях, но и в малораспространенности, хвастовстве, неубедительной выдумке («О прозе» — «Лит. учебн», 1933, № 1, с. 81).

Сохранились небольшие фрагменты 3-й книги автобиограф. трилогии и один из них — очерк «О „Мире искусства“» (Отрывки из воспоминаний) (впервые опубли. в его кн.: «Хлыновск...», 1982) о худож. жизни Москвы и Петербурга в 1908—10. В 20—30-е гг. П.-В. выступал с теоретич. статьями, докладами, лекциями о совр. иск-ве и лит-ре. С ноября 1930 — заслуж. деятель иск-в РСФСР, был первым пред. ЛОССХа. Ему принадлежат живопис. портреты А. А. Ахматовой, Белого, Толстого и др. деятелей лит-ры нач. 20 в.

Др. произв.: Лит.-теоретич. статьи: «Культурный вклад» («Сов. иск-во», 1933, 20 мая), «О Пушкине (анкета)» («Лит. совр.», 1935, № 9), «Смотреть своими глазами» («Лит. Ленинград», 1936, 29 окт.), «Пушкин и мы» («Лит. совр.», 1937, № 1), «Конец уютам» («Панорама иск-ва», в. 1, М., 1978; публ. В. Ракитина), «Жадность к жизни будоражит меня» («Сов. Россия», 1989, 20 янв.; публ. Е. Селизгаровой).

Изд.: Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия, Л., 1970; 2-е доп. изд., Л., 1982 (вступ. ст., погт. текста и прим. Ю. А. Русакова). Письма. Статьи. Выступления. Документы, М., 1991 (вступ. ст., сост. и комм. Е. Н. Селизгаровой); Наука видеть. — «Сов. искусствознание», в. 27, М., 1991 (публ., предисл. и комм. Р. М. Гутинной).

Лит.: Маковский С., Выставка П.-В. в ред. «Аполлона». — «Аполлон», 1909, № 3; его же, Силуэты рус. художников, Прага, 1922; Бениа А. Н., Худож. письма. Выставка П.-В. — «Речь», 1909, 19 нояб.; К. С. Петров-Водкин. Альбом, П., 1916 (изд. «Аполлона»); Андреев Л., Картина П.-В. («Мир иск-ва»). — «Рус. мысль», 1917, 23 февр.; Шагинян М., К. С. Петров-Водкин. — «Рус. иск-во», 1923, № 1; Галушкина А. С., К. С. Петров-Водкин, М., 1936; Блок. Зап. кн. (ук.); Костин В. И., К. С. Петров-Водкин, М., 1966; Мочалов Л., Неповторимость таланта, Л.—М., 1966; Адаксина Н., Петров-Водкин, М., 1970; Рукавов Ю. А., Петров-Водкин, Л., 1975; его же, Вступ. ст. — В альбоме: К. Петров-Водкин. Живопись. Графика. Театр-декорационное иск-во, Л., 1986; Форт О., О себе, П.-В. и Читателе. — ВЛ, 1978, № 6; Липатов В., Здесь был человек. — «Культура и жизнь», 1978, № 11; Пестунова А., Планета П.-В. — «Москва», 1978, № 11; Шилов К., Свет неугаемый. — «Волга», 1983, № 3; Парнис А. Е., Тименчик Р. Д., Программы «Бродячей собаке». — В кн.: Памятники культуры, 1983, Л., 1985, с. 174, 220; Петрова-Водкина Е., Прикосновение к душе. — «Волга», 1987, № 10—12; Белый И. П., Пришвин М., Диванчик. 1914—[1919], [кн. 1]—2, М., 1991—94 (ук.); Селизарова Е. Н., П.-В. в Петербурге—Петрограде—Ленинграде, СПб., 1993; Рукавова А. А., К. Петров-Водкин. — В сб. кн.: Символизм в рус. живописи, М., 1995; ЛН, т. 92, кн. 2—5 (ук.); т. 98, кн. 2, с. 477. + ИДРДВ: ИРДТ: ТЭ; КЛЭ; БСЭ; Казак.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2010; ГРМ, ф. 105, № 1—5 (письма к матери, А. П. Петровой-Водкиной), № 6—10 (письма к жене, М. Ф. Петровой-Водкиной); ИРЛИ, ф. 663, д. 1 (письма Л. А. Радищеву); НБ Архива АХ СССР, ф. 7, оп. 3, д. 298 (биограф. мат-лы П.-В.); Музей Моск. Худож. т-ра им. А. П. Чехова (письма к К. С. Станиславскому). О. А. Сайкин.

ПЕТРОВСКАЯ Нина Ивановна (в замужестве Соколова; март 1879* — 23.2.1928, Париж), прозаик, критик, переводчица. Первая жена С. Кречетова. В 1903—04 помогала ему в организации символист. изд-ва «Гриф». Их брак был официально расторгнут в авг. 1907. О своей долитературной жизни П. не любила вспоминать. В. Ф. Ходасевич указывал на ее происхождение из чиновничьей семьи. Много позднее П. признавалась Ю. И. Айхенвальду: «я по профессии еще зубной врач. Из ложного стыда потом это тщательно таила от всех... даже самой это хотелось забыть» (письмо от 29 июня 1927 — «Минувшее», в. 8, М., 1992, с. 133—34). С 1903 П. входит в круг моск. символистов, выступает с рассказами, статьями, рецензиями в ж. «Перевал», «Весы» (псевд. Н. Останин), «Золотое руно», газ. «Столичное утро», общается с К. Д. Бальмонтом, В. В. Гофманом, дружит с начинающими авторами из «Грифа» (А. А. Койранским, Ходасевичем, Е. Л. Янтарёвым, в первых альманахах «Грифа» ряд произв. посвящен П.).

Лит. дебют П. — рассказы «Осеня» и «Она» в «Альм. „Гриф“» (М., 1903), лирико-психол. этюды, написанные в форме мужского монолога (как и большинство рассказов П.). Эти и последующие прозаич. этюды П. «За гранью», «Последняя ночь», «Цветок Ивановой ночи» («Альм. „Гриф“», М., 1904), «Сны октябрьских ночей» («Альм. „Гриф“», М., 1905) — характерные

образчики «декадентской» прозаич. миниатюры, с детальной разработкой образно-метафорич. ряда и ослабленным сюжетом; в них варьируются темы любви и смерти, религиозно-экстатич. и демонич. мотивы, часто окрашенные в тона специфически модернист. урбанизма. Символистским эстетич. критериям П. верна и в своих критич. опытах, в рецензиях на книги писателей «бытовиков», эксплуатирующих «поношенные» беллетристич. шаблоны» («Весы», 1907, № 11, с. 59).

Осенью 1903 сблизилась с кружком «аргонавтов» и его лидером А. Белым, к-рый в восп. писал о П.: «Раздвоенная во всем, болящая, истерзанная несчастною жизнью, с отчетливым психопатизмом, она была — грустная, нежная, добрая, спо-

собная отдаваться словам... почти до безумия... жила исключительно словами других» (Белый, II, 305). Он надеялся, что их отношения с П. перерастут в мистич. союз, в «мистериальную» любовь, однако они оборачиваются в 1904 «романической» связью, а затем — по инициативе Белого, стремившегося вырваться из окружающей П. «атмосферы — опасности, гибели, рока» (там же, с. 307), — разрывом. В конце 1904 завязываются и отношения П. с В. Я. Брюсовым, к-рые переросли в многолетний любовный союз, полностью поглотивший ее внутр. мир (фрагменты из писем Брюсова к П. — ЛН, т. 85).

Образ П. — натуры страстной, мятущейся, внутренне противоречивой, но безраздельно верной своему чувству, — отразился в любовных стих. книги Брюсова «Stephanos» (1905) и явился прототипом Ренаты, героини его ром. «Огненный Ангел» (1907—08); за сюжетными линиями этого романа скрыты перипетии взаимоотношений П. Брюсова и Белого, сама П. позднее идентифицировала себя с Ренатой и в своей жизни стремилась к слиянию с Брюсовской героиней: «... во мне он нашел многое из того, что требовалось для романтич. облика Ренаты: отчаяние, мертвую тоску по фантастически прекрасному прошлому, готовность швырнуть свое обесцененное существование в какой угодно костер, вывернутые наизнанку, отравленные демонич. соблазнами религ. идеи и чаяния (аллегорические мажорны), оторванность от быта и людей, почти что неадекват к предметному миру, органич. ду-

шевную бездомность, жажду гибели и смерти...» («Минувшее», в. 8, с. 56).

Единств. книга П. — «Sanctus amor. Рассказы» (М., 1908) — составлена из произв. на тему любви; отдельные психол. коллизии рассказов П. имеют автобиограф. подтекст (аллюзии отношений с Брюсовым наиб. явственные в рассказе «Раб»). Любовь в трактовке П. — высшее, самое сильное и самое трагическое из человеческих переживаний, преобладающее в непримиримом конфликте с житейской повседневностью, это — «бездонная радость и вечное страдание», «огненный меч, взнесенный над нашей жизнью» (с. 62, 70). Рассказы написаны в единой стилистической тональности: выполненные в сдержанной манере, с минимальным изобразит. средств, лирико-импрессионистич. и психол. зарисовки, ориентированные на повествовательную традицию К. Гамсуна, к-рого П. считала «единственным учителем в области худож. прозы» («О творчестве Осипа Дымова» — «Перевал», 1907, № 4, с. 45), и С. Пшибышевского. Сб-к посвящен С. А. Ауслендеру, с к-рым П. сблизилась в 1907—08 (в его ром. «Последний спутник», 1913, П. послужила прототипом Юлии Михайловны Агатовой) и совершила весной 1908 совместное путешествие в Италию (с посещением М. Горького, описанным в очерке П. «Максим Горький на Капри. (Лит. силуэт)» — «Тифлис. листок», 1908, 15 мая).

Сб. «Sanctus amor» вызвал иронич. отклик Белого, к-рый увидел в персонажах П. «манекенов, ослепленных любовью» («Весы», 1908, № 3; Белый А. А., Арабески. Кн. статей, М., 1911, с. 347). Отрицательно отозвался о книге П. М. Пильский, указавший на зависимость рассказов П. от «лит. моделей» — Гамсуна и прозаиков-миниатюристов П. Альтенберга и О. Дымова («Будущая литература. I. Минючка в литературе» — «Свободные мысли», 1907, № 34). Др. критик, также признавая неоригинальность стиля, тем не менее отметил «одни общие колорит» рассказов и искренность автора, к-рый «умеет запечатлеть в себе тончайшие оттенки жизни, беспощадно многообразной, умеет отдавать душу переживаниям, чтобы раскрасить потом людям ее тихую соню» (Костаньян П., Н. Петровская и П. Пильский. — «Русь», 1908, 27 февр.). А. А. Тимофеев, напротив, указывал на «строгий, молитвенный, ясный стиль» и «красоту, истинную художественность» рассказов П. и даже считал возможным провести параллель с А. П. Чеховым: подобно ему, П. показывает пошлость и мертвенность жизни, обретающую свой смысл только через любовь — «пламенную стихию, которая, раз овладев человеком ... перерождает, пересоздает его» («Русь», 1908, 9 июня).

В последующие годы П. печаталась в ж. «Рус. мысль», «Нов. жизнь», газ. «Утро России», «Моск. газ.», «Русь». В рассказах П. по-прежнему развиваются мотивы призрачности бытия («Предутренние тени» — РМ, 1911, № 9), неприимности жизни и любви («На океане» — «Нов. жизнь», 1911, № 9, авг.; «Смерть Артура Линдау» — «Альм. „Гриф“», 1903—1913, М., 1914), загадочности и темноты человеческой души («На озере» — РМ,

1911, № 2; «Забвенные» — УР, 1913, 25 дек.). Издание второй книги рассказов П. — «Разбитое зеркало», анонсированное «Грифом» (1914), не состоялось. Драм. тональность, присущая рассказам П., отражала внутр. состояние автора. Угасание отношений с Брюсовым П. переживала трагически; ее жизнь постепенно превращалась в череду душевных срывов, скрашивавшихся алкоголем и наркотиками. В надежде на преодоление болезненного внутр. состояния П. с 1908 подолгу жила во Франции. В янв. 1911 выступала в Лит.-худож. кружке (одновременно с М. А. Волошиным), в начале ноября окончательно уехала из Москвы за границу в тяжелом нервном состоянии, после чего в Россию не возвращалась. После продолжит. лечения от алкоголизма и наркомании в Нерви долгое время жила в Риме, доходя «до очень глубоких степеней падения» (Ходасевич В., *Колембейт треножник*, с. 276), бывала также в Мюнхене, Варшаве, Париже; в 1912 пережила мучительную болезнь (туберкулез колена; ее отражение — в сюжете рассказа «Маленькая страна из жизни большого города» — УР, 1913, 19 дек.); постоянно испытывала материальную нужду. О своем пребывании за границей П. писала Горькому: «За 9 лет жизни без гроша в кармане я узнала там быт и людей и такие покаяния, которые никому и не снились в золотые дни символизма» («Минувшее», в. 8, с. 9). Заграничные впечатления и переживания П. отразились в ее рассказах, опубл. в «Утре России»: «Mademoiselle „без четверти десять“» (1913, 14 апр.), «В стране любви и смерти» (1914, 24 янв.), «Восемь человек» (1914, 6 апр.), «Шут» (1914, 8 июня), в к-рых сказывается стремление к более широкому и объективному отражению действительности, чем в прежних опытах. Лит. заработок П. складывался также из рецензий на новые книги, печатавшихся в «Утре России» (1911), и из переводов зап.-европ. авторов, к-рые Брюсов помещал в «Рус. мысли», однако с началом мировой войны связи П. с Россией оказались прерванными.

Осенью 1922 П. переехала в Берлин, где вновь вошла в круг рус. литераторов, стала пост. сотрудницей «сменовеховской» газ. «Накануне» и лит. прил. к ней, выходивших под ред. А. Н. Толстого (о пребывании П. в Берлине см. ее письма к О. И. Ресневич-Синьорелли — «Минувшее», в. 8). С нояб. 1922 до июня 1924, когда газета закрывалась, там регулярно печатались произв. П. — фельетоны, очерки, рассказы, рецензии, обзоры итал. лит.-ры, переводы итал. новелл. Наряду с очерками и рассказами из итал. жизни («В чистилище» — 1922, 27 окт.; «Ноч-

ка» — 1923, 2 дек.; «Рим» — лит. прил., 1922, 15, 22 окт.; «Италия» — лит. прил., 1922, 5 нояб., и др.) П. поместила в «Накануне» ряд разоблачительных памфлетов о приходе к власти итал. фашистов («Муссолини-диктатор» — 1922, 22 нояб.; «Муссолини и terra incognita» — 1922, 10 дек.; «Именины» — 1923, 18 мая; «Что думает старуха, когда ей не спится» — 1923, 5 сент.; «С помощью Муссолини» — 1923, 25 февр.).

Пост. внимание П. уделяла нонинкам рус. лит.-ры, ей принадлежат отклики на «Азлиту» А. Н. Толстого, «Цветные ветра» Вс. В. Иванова («одного из крупнейших ... писателей, порожденных рус. революцией» — лит. прил., 1923, 7 янв.), «Падение Даяра» А. Г. Малышкина («новый прекрасный романтизм неповторимых лет» — лит. прил., 1923, 11 марта), «Брагу» Н. С. Тихонова, «Сентиментальные путешествия» В. Б. Шкловского, собр. стихотворений С. А. Есенина и мн. др., а также статьи «Об Алексее Толстом. По поводу 15-летия лит. деятельности» (1922, 16 нояб.) и «Валерий Брюсов», приуроченная к 50-летию поэта («Накануне. Лит. неделя», 1923, 16 дек.). Выполненные тогда же переводы П. с итал. составили сб.: Пиранделло Л., Папини Дж., Бонтемплли М., Новеллы (М., 1926; с предисл. Вл. Лидина); в переводе П., обработанном А. Н. Толстым, были изданы «Приключения Пинокио» К. Коллоди (Б., 1924) — первоисточник «Золотого ключика».

В 1925 П. написала «Воспоминания» (опубл. в извлечениях Ю. А. Красовским: ЛН, т. 85; полностью — Э. Гарэтто: «Минувшее», в. 8) — свое последнее крупное произв., выразительно воссоздающее эпизоды из жизни моск. символистов и дающее новый, трезво-аналитич. взгляд на «декадентские» настроения и соблазны; в центре «Воспоминаний» — «настоящий» Брюсов, к-рому П. противопоставляет расхожим мнениям и кривотолкам о нем. Горький рекомендовал напечатать «Воспоминания» П. в ж. «Рус. современник» (в письме к А. Н. Тихонову от 9 авг. 1925 — в кн.: Горьковы чтения, 1953—1957, М., 1959, с. 51), но издание ж-ла было прекращено. Замыслы повести П. «Разбитое зеркало» (см. письмо П. к А. С. Яценко от 12 июля 1921 — в кн.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская Хьюз О., Рус. Берлин 1921—1923, Париж, 1983, с. 230) и книги об Италии, «бытовой, очень парадоксальной» (см. письмо П. к Ресневич-Синьорелли 1923 — «Минувшее», в. 8, с. 108), остались, по-видимому, неосуществленными.

После закрытия «Накануне» П. осталась без средств к существованию. Весной 1927 она вместе с младшей сестрой Надеждой, умственно неполноценной, переехала в Париж (см. ее письма к Ю. И. Айхенвальду 1927—1928 — «Минувшее», в. 8), где жила случайными заработками, «дошла до последнего опускания и до последнего ужаса» (письмо Ходасевича к Айхенвальду от 22 марта 1928 — РГАЛИ, ф. 1175, оп. 2, № 165). После смерти сестры (янв. 1928), месяц

спустя, П. покончила с собой, отравившись газом. В некрологе П. (написанном, видимо, Ходасевичем) говорилось: «... эта жизнь — одна из самых тяжелых драм в нашей эмиграции ... Вынужденная жить буквально подаянием, помощью отдельных писателей ... одинокая и забытая, — она не выдержала этой жизни, сложившейся для нее особо несчастно» («Дни», Париж, 1928, 25 февр.).

Др. произв.: «Из цикла „Песни любви“» (альм. «Кристалл», Х., 1908), «Жених» (УР, 1910, 1 июля), «Последняя ночь карнавала» (УР, 1911, 20 февр.).

Изд.: За гранью. — Последняя ночь. — Цесток Изабеллой ноци. — В кн.: Юлия, или Встречи под Новоденскими. Моск. романтик. повесть кон. XIX — нач. XX в., М., 1990 (вступ. ст., сост. и прим. В. Б. Муравьева); Бродяга. — В кн.: Рус. новелла нач. XX в., М., 1990 (с. 375 — прим. Е. Е. Дмитриевой и С. В. Запозжова).

Лит.: Погорелова (Рунт) Б. М., В. Брюсов и его окружение. — «Нов. журнал», Н.-Я., 1953, № 33; то же. — В кн.: Восп. о серебряном веке, М., 1993 (ук.); Ходасевич В. Ф., Конеч Ренаты. — В его кн.: Некрополи. Восп., Брюсов, [1939], М., 1991; то же. — В его кн.: Собр. соч. в 4 т., т. 4, М., 1997; Офросимов Ю., Джеттатура. — «Новое рус. слово», Н.-Я., 1954, 17 янв.; Рындина Л., Ушедшее. — «Мосты», 1961, № 8; то же. — В кн.: Восп. о серебряном веке, М., 1993; Берберова Н., Курсив мой. Автобиографии, Мюнхен, 1972; М., 1996 (ук.); Гуль Р., «Я унес Россию», т. 1 — «Россия в Германии», Н.-Я., 1984, с. 206—12 (и ук.); Бельи (ук.); Мирза-Авакиан М. Л., Образ П. в творч. судьбе В. Я. Брюсова. — В кн.: Брюсовские чтения. 1983 г., Ер., 1985; Петровский И. М., Книги нашего детства, М., 1986, с. 152—59; Волошин М., Лики творчества, Л., 1988, с. 624 (и ук.); Гречишкин С. С., Лавров А. В., Биограф. источники романа Брюсова «Опьяненный Ангел». — В кн.: Ново-Басманная, 19, М., 1990; Жизнь и смерть П. — «Минувшее», в. 8, М., 1992 (публ. Э. Гарэтто); Письма Андрея Белого к П. — Там же, в. 13, М., СПб., 1993 (публ. А. В. Лаврова); Из переписки П. — Там же, в. 14, М., СПб., 1993 (письма П. к В. Ф. Ходасевичу и Е. В. Галлоп) (публ. Р. Л. Штербакова и Е. А. Муравьевой); Локс К. Г., Повесть об одном десятилетии. (1907—1917). — Там же, в. 15, М., СПб., 1994 (публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова), с. 40—41 (и ук.); Grossman Joan Delancy, Valery Briusov and Nina Petrovskaja: clashing models of life in art. — In: «Creating life. The aesthetic culture of Russian Modernism», Stanford, 1994, p. 122—50; Garretto Elda, Intressi Berlinesi: dalla corrispondenza di Nina Petrovskaja con V. F. Chodasievic e M. Gor'kij. — «Europa orientalis», 1995, v. 14, № 2; ЛН, т. 85; т. 92, кн. 1—5; т. 95; т. 98, кн. 1—2 (все — ук.). — Некрологи, 1928: «Сегодня», Рига, № 37 (П. М. Пильский); там же, № 61 (Ю. И. Айхенвальд). Dictionary of Russian women writers.

Архивы: РГАЛИ, ф. 376; письма П.: А. Белому (РГБ, ф. 25, к. 21, № 17; к. 35, № 37), В. Я. Брюсову (РГАЛИ, ф. 56, оп. 1, № 95, л. 290 об.* — письмо нач. 1911; РГБ, ф. 386, карт. 98, № 19—22; ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, № 105), Е. Л. Янтареву (РГАЛИ, ф. 1714, оп. 3, № 3).

А. В. Лавров.

ПЕТРОВСКИЙ Алексей Сергеевич [15(27).12.1881, Москва — 14.9.1958, там же], переводчик. Сын С. А. Петровского. С детства был знаком с изв. литераторами, сотрудниками «Моск. вед.» (помещавшихся в том же здании, что и квартира его отца). В 1899 окончил моск. частную г-зию Ф. Креймана. В том же году поступил на отд. естеств. наук физико-матем. ф-та Моск. ун-та (специализи-

ровался по химии), к-рый окончил в 1903.

Интерес П. к лит., театр. и муз. жизни отчасти реализовался в его эпизодич. публикациях в «Моск. вед.» 1902: о дебюте А. В. Неждановой (8 окт.), о выступлениях Ф. И. Шаляпина и Л. В. Собинова (11 окт.) и др.

В ун-те познакомился с А. Белым (1899; вскоре стал одним из ближайших его друзей), В. В. Владимировым, А. С. Челищевым, объединенными общими лит.-филос. интересами и мистико-апокалипсич. настроениями. С 1901 — начало друж. отношений с Э. К. Метнером (познакомились в 90-е гг.), появившимся на формирование взглядов П. В 1903 становится «сопричастником» кружка «аргонавтов». Обладая способностью к не лишнему остроумию критико-аналитич. оценок и «нигилистич. иронией», П., уступавший Белому, Эллису и С. М. Соловьёву в творч. продуктивности («лишен всякой почвы, всякого творчества, активности и пламени» — письмо Эллиса Метнеру от 15 февр. 1912 — РГБ, ф. 167, к. 7, № 51, л. 3 об.), был в их среде своеобразным «ферментом» общения и «провоцировал» худож. деятельность. «Домашний мифистифицизм» П. во взаимоотношениях с Белым на ранней стадии был, видимо, внутренне необходим последнему в силу особенностей его индивидуальности. Следы преодоления Белым идейно-психол. противостояния П. отразились в гротескных персонажах «Симфонии (2-й, драматической)», «Рассказа № 2», позже в «Серебряном голубе». Белый поместил П. в лирико-иронич. контекст урбанистич. пейзажа: «Над цепью газовых огней/ Пурга уныло песнь вводит.../ К нам Алексей Сергенч входит./ Лукаво глядя из пенсне./ И улыбается закату» («Э. К. Метнеру», 1909). Как «зооморфный персонаж» П. выведен в «Эсхатологической мозаике» (1904) П. А. Флоренского

(ч. 1; неопубл.; сообщено Е. В. Ивановой).

В 1903 П. поступил в Моск. духовную акад. Влияние правосл. начала, усилившееся в его сознании (пример его сестры Елены, ставшей монахиней Серафимо-Дивеевского мон.; вместе с тем он неоднократно подчеркивал в письмах к Метнеру, что решение поступить в акад. в какой-то мере было вынужденным), обнаруживалось и у др. представителей «аргонавтического сообщества». При этом «православность» П. вполне уживалась с нищенством (даже Бог «не может спасти меня против моей свободной воли. Хочу бунтовать, хочу — нет. И если я подлинно бунтую, зная, против чего бунтую, то бунт мой будет принят, как принят бунт Денницы (сатаны)» — письмо к Метнеру от 2 марта 1903, РГБ, ф. 167, к. 16, № 26, л. 18); более того — мораль Ф. Ницше объявлялась наиб. близкой христ. морали. «Зарисовки» студench. быта и офиц. атмосферы духовной акад. в письмах П. кощунственно-ироничны. И дальнейшее его духовное развитие отмечено оппозицией «метафизич. подполья» «верхним этажам» сознания, что зафиксировано самооценкой: «Становится ясной моя незрелость и еще долгий, пыльный, знойный путь» (письмо Метнеру от 3 июня 1904 — РГБ, ф. 167, к. 16, № 27, л. 23 об.).

В 1903 он познакомил Белого и др. «аргонавтов» с епископом Антонием (Флоренсовым). На следующий год знакомится с В. П. Свенцицким, В. Ф. Эрном, А. А. Блоком, [П. одним из первых высоко оценил его стихи: «Какое богатство, сжатость, значительность. Рядом с Брюсовым Блок — крупнейший теперешний поэст. Стихи же А. Белого мне теперь до такой степени стали чужды, что (странно) больно слышать» (письмо Метнеру от 29 июля 1904 — РГБ, ф. 167, к. 16, № 27, л. 25 об. — 26); и позже П. считал Блока «носителем пророческой рус. темы» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 537)]. Совм. с Флоренским (тоже студентом акад.; письма П. к нему 1904—18 гг. — в семейном архиве Флоренских) перевел книгу нем. историка-правоведа Р. Зома «Церк. строй в первые века христианства» (М., 1906).

В 1906 П. тяжело заболел [«атрофия задерживающих центров (нечто весьма близкое к истерике...)» — письмо Метнеру от 24 окт. 1906, РГБ, ф. 167, к. 16, № 28, л. 18] и, взяв отпуск, уехал в Финляндию. С 1907 — сотрудник 6-ки Румянцевского музея. Параллельно с работой в 6-ке — чл. лит. к-та (наряду с Метнером, Эллисом, Белым, Н. П. Киселевым, Г. А. Рачинским) изд-ва «Мусагет» (1909—14), где занимался переводческой и редакторской деятельностью.

«Космическое любопытство» к теософии и оккультной практике способствовало сближению П. в годы учения в ун-те и в Моск. духовной акад. с П. Н. Батюшковым, М. А. Эртелем и их окружением, позднее — с А. Р. Минцловой («узор души его — мучительно сложен» — письмо Минцловой Белому от 17 нояб. 1909, РГБ, ф. 25, к. 19, № 17, л. 37); увлекаясь мистико-филос. тематикой, в 1910 он впервые посещает лекции Р. Штейнера, в дальнейшем лично встречается с ним, становится его последователем, участвует в строительстве Гетеанума — антропософ. центра в Дорнахе (Швейцария). Один из основателей и редактор первого антропософ. изд-ва в России — «Духовное знание» (1912—18), где помимо работ Штейнера вышли книги М. В. Сабашниковой «Святой Серафим» (М., 1913), А. Белого «Р. Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» (М., 1917). П. — один из учредителей Рус. антропософ. об-ва в Москве (1913).

Интерес к мистич. прозрениям изв. средневекового философа Я. Бёме, традиционно включаемого в круг идей розенкрейцеровского характера последователями Н. И. Новикова (часть архива к-рых находилась в 6-ке отца П., где были и соч. Бёме), побудил П. перевести его кн. «Аугуга, или Утренняя заря в восхождении» (М., 1914; предисл. (Н. П. Киселева) и стих. Новалиса «Яков Бёме» в пер. Вяч. Иванова; высокая оценка качества перевода: Н. А. Бердяев — «Путь», Париж, 1926, № 5, с. 631). Др. его переводы (из Бёме и Ф. В. Шеллинга), предназначавшиеся для изд-ва «Путь», не опубл.

После 1917 активно участвует в мероприятиях по спасению памятников иск-ва и старины, в реорганизации и комплектовании фондов ГБЛ. В 1924 арестован (неск. месяцев находился под следствием в ОГПУ); освобожден по ходатайству коллектива ГБЛ (подписанному 124 сотрудниками; Архив РГБ, оп. 22, д. 174, л. 78). Написал и перевел ряд работ по библиотечному делу. В 1931 снова арестован; более года отбывал наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала (см. письмо Белого к Г. Г. Шпету от 1 апр. 1933 — «Начала», 1992, № 1, с. 64; см. также письма Белого к П. 1931—32 — «Новый ж-л», № 122, Н.-Й., 1976). Вернувшись из заключения, перевел книгу П. Кристеллера «История европейской гравюры XV—XVII вв.» (М., 1939). В качестве редактора и комментатора подготовил ряд худож. произв., дневников и писем Л. Н. Толстого для Юбилейного ПСС. Совм. с К. Н. Бугаевой занимался изучением, систематизацией и описанием лит. наследия Белого (см.: ЛН, т. 27/28). В 1943—55 — сотрудник

ГБЛ. П. собрал богатейшую коллекцию зарубежной гравюры 15—20 вв., включая работы Рембрандта, А. Ван Дейка, А. Дюрера (см. кн.: Гравюры из коллекции П., М., 1980).

Лит.: Белый (ук.); Блок. Зап. кн.; Письма А. Блока к родным, т. 1—2, М.—Л., 1927—32 (ук.); Брюсов В. Я., Дневники. 1891—1910, М., 1927, с. 110; Ангилферов Н. П., Из дум о былом (Вост.), М., 1992, с. 375—77, 386, 388; Белый А., Восток о Блоке, М., 1995; его же, О Блоке, М., 1997; Сафьянова Н. А., С. Петровский. — «Сенс», 1995, 8 авг.; Лавров А. В., А. Белый в 1900-е гг., М., 1995; Бугасова К. Н., Дневники. — «Лица», в. 7, 1996; Взыскушине Града, М., 1997 (ук.); ЛН, т. 92 (ук.); Fedjuschin Victor B., Russlands Sehnsucht nach Spiritualität, Schaffhausen, 1988, S. 100. — Некролог: «Библиотечная жизнь», 1958, 3 окт.

Архивы: Письма П.: РГБ, ф. 167, к. 16, № 24, 26—28, к. 14, № 35 (Э. К. Метнеру); ф. 109, к. 32, № 98 (Вач. И. Иванюву); ф. 369, к. 317, № 3 (В. Д. Бонч-Бруевичу); ф. 25, к. 21, № 16 (А. Белому); ф. 636, к. 1, № 26 (письма П. и его жены Н. В. Болдыревой к Н. А. Григоровой); ф. 190, к. 71, № 17 (письма Е. С. Петровской в редакцию «Мусагаста»); к. 5, № 1, к. 6, № 1, к. 7, № 1, к. 8, № 1 (мат.-лы к изд. иср. Я. Беме); ф. 167, оп. 16, № 6—9 (письма Метнера к П.); Архив РГБ, оп. 22, д. 124 (л. д. П.); РГАЛИ, ф. 427, оп. 1, № 28—43 (письма П. к Г. А. Рачинскому); ЦИАМ, ф. 418, оп. 313, д. 531 (студенч. дело). *Людмила А. Ноникова.*

ПЕТРОВСКИЙ Сергей Александрович [1846, Москва — 23.6(7). 1917, ст. Быково Моск.-Казан. ж.д.; похоронен в Москве на кладб. Скорбящен. мон.], журналист, историк, публицист. Отец А. С. Петровского. Из дворян Нижегород. губ. Отец, Ал-др Ник., коллеж. секр., председатель уездного суда в Васильсурске. По окончании 2-го моск. кшлет. корпуса (1863) и Александров. воен. уч-ща (1863—64; в числе преподавателей — Е. М. Феокистов, Д. И. Иловайский, Н. С. Тихонравов, С. В. Ешевский, А. М. Иванов-Платонов, П. Д. Юркевич, С. М. Соловьев) П. направлен в чине подпоручика в 62-й пехотный Суздальский полк.

С юности П. был близок к кругам «мск. пнистов» и «христ. мистиков» — хранителей традиций розенкрейстерства и орденского масонства, что отразилось на характере всей последующей его деятельности. По завещанию (1864; текст хранится: РГБ, ф. 237, № 68.19) душеприказчик Д. И. Попова (тесно связанный с А. Ф. Лавинским) П. перешли крупные денежные средства и ценная коллекция масонских документов о деятельности мск. розенкрейстеров (Н. И. Новиков, С. И. Гамалея, И. Г. Шаарн и др.) и их последователей; среди исполнителей и свидетелей, подписавших завещание, — такие влиятельные масоны, как Ю. А. Долгорукий и В. С. Арсеньев. В 1917 коллекция была передана Румянцевскому музею (в наст. время: РГБ, ф. 237).

В 1865, отказавшись от воен. карьеры, вышел в отставку. Выдержав экзамен при 1-й моск. г-зии, в 1866 поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та (на 3-м курсе получил зол. медаль за соч. «О наместничестве»), к-рый окончил в 1870. Непродолжит. время служил столоначальником Архива Мин-ва юстиции, одновременно по поручению АН готовил к печати протоколы Сената за 1711—13. Как близкий ученик проф. И. Д. Беляева, П. после его кончины (см. написанный П. некролог — «Отчет моск. ун-та за 1873») был приглашен в ун-т

для чтения лекций по истории рус. законодательства (1873—78); защитив магистер. дис. «О Сенате в царствование Петра Великого» (М., 1875; Уваровская пр.), был командирован на год за границу для науч. занятий, в должности доцента стал зав. кафедрой рус. права. Выступая преемником славянофил. ист.-гос. концептуальных установок своего учителя (что привлекло к нему внимание П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова), П. дважды издал его «Лекции...» (1879, 1888). В ст. «Страница из нашего прошлого» (РВ, 1881, № 9) обстоятельно рассмотрена работа А. П. Барсукова «Род Шереметевых» (кн. 1, СПб., 1881).

С сер. 1877 П. по приглашению Каткова начал сотрудничать в «Моск. вед.», в 1882—87 — второй

ред., с авг. 1887 (с № 239) — ред., в 1888—96 — ред.-изд. газеты. Сдержанное и отчасти негативное отношение к назначению П. консервативных, в т. ч. придворных, кругов (Александр III: «... передать ему на год „Моск. вед.“, а потом увидим. Я слышал о нем не особенно благоприятные отзывы» — Феокистов, с. 420) потребовало от него напряженных усилий и продуманных дипломатич. шагов на этом посту. Опираясь на квалифициров. редакцию и собств. принципы структурирования газеты («поддержание на желат. высоте» отдела передовиц, на к-ром прежде гл. обр. было сосредоточено внимание Каткова, с «усилением интереса... к прочим отделам» — МВед, 1887, 21 нояб.), П. сумел расширить читат. аудиторию (в т. ч. за счет провинции; ввел рубрику «Письмо к издателю», в к-рой отвечал на вопросы «рядовых» читателей; см., напр.: 1896, 28 янв.), увеличить тираж, обновить состав штатных (существ. помощь в решении организационных проблем оказывал П.

до 1894 В. А. Грингмут, в дальнейшем сменивший его на должности издателя-редактора; Ю. Н. Говоруха-Отрок — ведущий лит. и театр. обозреватель; Л. А. Тихомиров — полит. обозреватель) и внештатных сотрудников (публик. выступления А. А. Фета, В. В. Розанова и др.). Активные авторы «Моск. вед.» — правительств. чиновники, в т. ч. К. П. Победоносцев, С. Ю. Витте, Феокистов (возглавлявший Гл. управление по делам печати, дружески опекал П., постоянно информируя об изменениях полит. конъюнктуры). Позиция П., в сущности, свелась к имитации «катковского курса», что способствовало ослаблению престижа газеты как консервативного органа. В «Моск. вед.» появлялись публикации с критикой правительств. решений, хотя в целом оценки и понимание рос. действительности и полит. обстановки внешне не выступали у П. в противоречие с пафосом «служения самодержавию» (РСл, 1896, 24 дек.) и правосл. культуре (до 1896 П. — староста храма преп. Сергия Радонежского). Примером таких выступлений газеты может служить критика сепаратистских устремлений «финляндской окраины» и вместе с тем политики, ведущей к ее насильственной русификации; так, по мнению министра внутр. дел И. Н. Дурново, в передовой статье (1890, 15 апр.) содержится «крайне дерзкий отзыв» о ген.-губ. края гр. Ф. Л. Гейдене (за эту статью «Моск. вед.» получили первое предостережение; см.: МВед, 1890, 28 апр.; резкие отклики кн. В. П. Мещерского на выступления «Моск. вед.» по финляндскому и еврейскому вопросам см.: «Гражданин», 1890, 30, 31 мая). «Строжайший выговор» газета получила за публ. перевода письма Л. Н. Толстого из «Daily telegraph» о голодающих крестьянах (1892, 22 янв.; по остроумному замечанию Победоносцева, П. «поступил хуже Толстого — объявил на рус. яз. прокламацию, к-рая осталась бы в англ. тексте» — РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, № 450, л. 233). Анонимная ст. «Москва 20 апреля» (МВед, 1888, 21 апр.), содержащая рискованные натуралистич. пассажи по поводу стих. К. М. Фофанова «Танство любви», способные возбудить у читателя реакцию, прямо противоположную провозглашенным в статье обличительным сентенциям, также вызвала неудовольствие Победоносцева, назвавшего П. «шалыным» (ЛН, т. 22—24, с. 533); ср. скандальный случай с критикой «Моск. церк. вед.» в «Моск. вед.» (1892, 12 сент.; см.: Тихомиров, с. 409).

Позиция П. часто оставалась в недоумении даже ближайших его сотрудников: «Не то он ничего не понимает, не то у него какие-нибудь особые планы, не имеющие отношения к хорошему состоянию газеты» (Тихомиров, с. 419;

негативная оценка личности П. также в «Дневнике Л. А. Тихомирова» — ГАРФ, ф. 634, оп. 1, д. 6; из «Моск. вед.» П. «должен быть изгнан и Грингмут должен быть сделан редактором их» (письмо К. Н. Леонтьева к Т. И. Филиппову от 3 сент. 1889 — ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, д. 2082, л. 6 об.). В памфлете С. Н. Трубецкого на «Моск. вед.» — «Правдивая история „Заравного Слова“» (1895) П. выведен под фам. Обезьянинича (чл. братства «Не умолюти никогда», получившего междоусобицу признание, его зубы украшали орден от Льва и Солища до бразильского жука).

Из выступлений разных лет в рус. и иностр. печати (прежде всего в «Моск. вед.» и док-тов П. составил сб-ки «Финляндская окраина России» (в. 1—3, М., 1891—97), в к-рых, в частности, помещены статьи Каткова и самого П. по данному вопросу. В сб. «Памяти ... Александра III» (М., 1894), изданном П., — свидетельства о болезни и кончине императора. Практика появления в «Моск. вед.» публикаций без подписи не позволяет в полной мере оценить публицист. вклад П.

Значит. место в жизни П. занимала предпринимательская и коммерческая деятельность — издание и продажа книг и журналов (после смерти Каткова изд-во «Моск. вед.» сохранило монополию на продажу разл. печатной продукции на станциях рос. жел. дорог). Проставившись с редакцией «Моск. вед.» (см.: РСЛ, 1896, 24 дек.), П. занимался и др. предпринимательской (чл. администрации Моск. вагоно-строит. завода), служебной (чиновник особых поручений при Мин-ве нар. просвещения), обществ. благотворит. (чл. Об-ва распространения полезных книг, попечитель нар. б-ки в Мытищах, устроитель публич. б-ки в Хабаровске, чл. кружка по борьбе с алкоголизмом среди школьников) и лит. деятельности.

В 1906 П. издал брошюру «Основы рус. гос. устройства» (М.), в к-рой, разделяя «органическую» концепцию гос-ва, назвал «несродную нашему духу конституцию» и др. реформы гос. управления 1905 «гос. переворотом», совершенным в результате «рев. насилия над рус. народом» (с. 19, 1).

Дважды был женат; от первого брака (с Софьей Ив.) — сын Алексей. Последние годы жизни провел в Быкове вместе с второй женой Ольгой Ив. (урожд. Новиковой); родственница художника А. П. Богомолова, корреспондентка И. Е. Репина) и детьми.

«Очерки по истории рус. масонства в XVIII в.» (Тула, 1890). «Дневник масона А. Д. Тойсера» (Тула, 1901) принадлежит однофамильцу П. Сер. Ал. — преподавателю Тульского спархального уч-ща (сообщено А. И. Серковым).

Лит.: Толстой (ук.); Чехов. Письма (ук.); Поливанов А. Н., 50-летие 2-го моск. ... кадет. корпуса..., М., 1899, с. 50, 36; Трубецкой С. Н., Собр. соч., т. 1, М., 1906, с. 413—30; Соловьев В. С., Письма, т. 2, СПб., 1909, с. 146—47, 150; т. 3, 1911, с. 196—208; К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1—2, М.—П., 1923; Тихомиров Л. А., Восп., М., 1927; Арсеньев Н. С., Дары и встречи жизненного пути, Франкфурт-на-Майне, 1974; 500 лет пюкиса в Европе, Амстердам, 1993, с. 30—33; Письма А. А. Фета к С. А. Петровскому и К. Н. Леонтьеву. — «Philologica», 1996, № 517 (публ., вступ. заметка и прим. В. Н. Абросимовой); ЛН, т. 22—24, с. 533, 551. — Некролог: МВед, 1917, 25 июня (там же статья памяти П.). Брокгауз.

Архивы: РГБ, ф. 224 (в т. ч. ст. П. «Общество и государство», его письма); РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, № 446—450 (копии и оригиналы

писем разных лиц, в т. ч. В. В. Розанова, Е. М. Феоктистова, С. Ю. Витте, В. А. Грингмута, К. П. Победоносцева, Амвросия, архиеп. Харьковского).

Любовь А. Новиков.

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ Н. Е., см. Каронин С.

ПЕЧЕРИН Владимир Сергеевич [15(27).6.1807, м. Дымер Киев. у. Киев. губ. — 29.4.1885, Дублин; похоронен на кладб. Гласневин], поэт, переводчик, мемуарист, мыслитель.

Предки П. были выходцами из Польши. Прадед, Фёдор Ив., начал служить при Петре I, при Елизавете пожалован обер-мундшенком (см.: Бобров, т. 4, с. 286—87); дядя, Фёдор Пантелеймонович, — автор «Записок» (опубл.: РС, 1891, № 12). Отец П., Сер. Пант. (1781—1866), — кадровый армейский офицер, дослужившийся до полковника, мать — Пел. Петр. (урожд. Симоновская, ум. в 1858).

В детстве П. много раз менял местожительство, переезжая вместе с полком отца (Кирия Бессараб. губ., Одесса, Липовец Киевской губ.).

Жизнь в провинции и отсутствие духовной общности с отцом рано сформировали в П. ощущение родины как «тюрмы» («Замогильные записки» — в кн.: Рус. об-во 30-х гг. XIX в. Мемуары современников, М., 1989, с. 161; далее цит. по этому изд.). Получил дом. образование у гувернера Вильгельма Кессмана, к-рый воспитывал ученика «по Эмлию» Ж. Ж. Руссо (там же, с. 152); от Кессмана, близкого к декабрист. кругам, П. перенял идеи вольности и христианского равенства. В 1822 поступил в Киевскую г-зию, к-рую оставил через год по собств. желанию, неудовлетворенный уровнем подготовки; в его мечтах об университете, где «непреренно должно быть, чтобы узнать что-нибудь совершенно» (письмо родителям, 30 авг. 1822 — РГБ, ф. 332, оп. 45, № 4, л. 1 об. — 2), уже в это время проявился максимализм, к-рый на всю жизнь остался доминантной чертой его характера. В 1825 переехал в Петербург, служил чиновником (подканцелярист Гос. контроля во Временной комиссии

для решения счетов и счетных дел прежнего времени). В 1829—31 — на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та, где изучает классич. филологию под руководством проф. Ф. Б. Грефе. Еще в студенч. годы, получив освобождение от части лекций, разобрал греч. рукопись сборника византийского канонич. права («Номоканон», или «Кормчая книга») для барона Г. А. Розенкампа, работавшего над «Обозрением Кормчей книги» (СПб., 1829, 1839). Окончив ун-т, занял место старшего учителя при Первой г-зии и суббиблиотекаря и лектора по кафедре лат. яз. ун-та.

На интеллигентное и поэтич. становление П. оказало влияние его участие в кружке ун-тских товарищей, к-рые собирались по пятницам на квартире А. В. Никитенко (Ф. В. Чижов, И. К. Гебгарт, М. П. Сорокин и др.) и, по убеждению самого П., не давали ему «погрязнуть в пошлости обыкновенной петербургской жизни» (цит. по: Гершензон, 1910, с. 28). П. — «обожатель Шиллера», живущий «в мире идеалов», — пользовался среди друзей репутацией человека, к-рый «в лит. отношении много значит» (см.: РС, 1900, № 2, с. 480).

В печати П. дебютировал переводами из Ф. Шиллера: «Желание лучшего мира» (СО, 1831, № 7, с. типограф. погрешностями; републ. — № 13), «Чужеземная дева», «Дифирамб» и «Певцы древнего мира» (там же, № 12, 15). Переводы из древнегреч. антологий (НА на 1832 г.; «Комета Белы. Альманах на 1832 г.», СПб., 1833; те же пер. в исправл. виде — «Совр.», 1838, т. 12) и ст. «Взгляд на трагедии Софокла Антигона и Аякса» (СО, 1831, т. 13) снижали ему благосклонность С. С. Уварова, знатока и любителя античности, в эту пору товарища мин. просвещения. В марте 1833 П. вместе с др. выпускниками ун-та направляется в Берлин для завершения образования и подготовки к профессорской деятельности.

Еще до отъезда, в февр.—марте 1833 П. создает цикл стихотв. «фантазий» (авт. определение) — род поэтич. эквивалента дневниковых записей: «Бал», «Продолжение бала» (беседа о русских романах), «Смольный монастырь», «Вы помните? — в тот вечер незабвенный...», «А! здравствуйте! здоровы ль? — слух идет...» и др. (самый пространственный вариант цикла — РГБ, ф. 218, к. 131, № 1, с. крайними датами 9 февр., Петербург — 8 апр., Берлин; самый краткий — в кн.: Поэты 1820—1830, II).

Лирич. стих. П. продолжает писать и за границей летом 1833 («Кто ты, милый гость нежданный?» и «Так, прекрасная Сабина...», посв. знаменитой певице Сабине Гейнефеттер; неизд.). Своеобразный сплав стих. «на случай» и стилизации древнегреч. оды — стих. «Было время — я пред вами...» (опубл.: Гершензон, 1910, с. 30—32), написанное в февр. 1833 к очередной годовщине

окончания ун-та, к-рую праздновали в кружке Никитенко. Этот же аудиторию адресованы «Две сцены из трагедии „Вольдемар“. Действие происходит в Италии, в XV столетии» (посланы в Петербург при письме от 21 дек. 1833) — смесь стихотв. монологов и прозаич. диалогов, в к-рых выразилось ощущение собственного избранничества («Сам Бог с младенчества меня избрал») и невозможности исполнить это высшее предназначение иначе, как обречь себя на смерть.

В том же письме П. послал пetersб. друзьям «для февр. праздника 1834 г.» соч. в стихах «Pot-rougti, или Чего хочешь, того просишь» (впервые опубл. А. И. Гершенем — «Полярная звезда», Лондон, 1861, кн. 6; перепечатано в сб. «Русская потаенная лит-ра XIX столетия», Лондон, 1861, под назв. «Торжество смерти»). В соответствии с признанием в письме к друзьям («с некоторого времени мною овладел демон драмы, и я все свои мысли стараюсь выражать в форме разговора» — цит. по: Гершензон, 1910, с. 58), «Pot-rougti» — ряд драматич. сцен в стихах (на выбор формы повлияло, очевидно, его юношеское увлечение Шиллером и Дж. Байроном). Личные переживания автора (любовная неудача, вызванная бедностью, желание «перестроить» мир) выражены здесь в полижанровой форме: в состав «Pot-rougti» входят стилизации рус. нар. песни и исп. романа, романтической баллады («Песня о графине Турни») и эсхатологическая, символическо-аллегорич. мистерия (жанр, весьма популярный в позднем романтизме нач. 1830-х гг.; ср. соч. А. В. Тимофеева, В. И. Соколовского и др.; впрочем, возможно, что мистерия Тимофеева «Последний день» не столько повлияла на П., сколько сама явилась плодом знакомства Тимофеева с «Pot-rougti» при наличии общего источника — «Пира во время чумы» А. С. Пушкина; см. комм. В. С. Киселева-Сергенина в кн.: Поэты 1820—1830, II, 734). Обобщенно-древний колорит второй части «Pot-rougti» («Театр») не отменяет присутствия в ней мотивов, актуальных для России: гибель грешного города в «последнем приливе моря» (ср. поверье о неминуемой гибели Петербурга от наводнения; показательно, что «Pot-rougti» пишется почти одновременно с «Медным всадником» Пушкина), восп. о декабристах («пять померкших звезд», погубленные тираном).

«Pot-rougti», по-видимому, послужила одним из источников поэмы С. Т. Верховского в ром. «Бесы» Ф. М. Достоевского (см.: Бобров, т. 4, с. 56—57; Поэты 1820—1830, II, с. 734—35). Судьбой «Pot-rougti» навеяны, очевидно, слова Хроникера в «Бесах» о списках поэмы, хранившихся «между двумя любителями и у одного студента» (см.: Достоевский, XII, 278); по сви-

детельству Н. П. Огарева, рукопись мистерии П. «не вышла из тесных пределов кружка и не отозвалась в публике» (предисл. к сб. «Рус. потаенная лит-ра» — Огарев, с. 491). Тем не менее молва о ней дошла до нач. 1850-х гг., когда Гершен при свидании с П. в Англии весной 1853 попросил у автора позволения ее напечатать; сохранились и списки (гершеневский список исходил не от П., к-рый заверил своего посетителя, что текстом поэмы не располагает и продиктовать его не может, — Гершен, XI, 395).

За границей особенное впечатление на П. произвели преподавание в Берлинском ун-те, к-рое «основано на идеях и насквозь проникнуто идеями» (цит. по: Гершензон, 1910, с. 46), и совершенное в авг.—окт. 1833 путешествие по Швейцарии (пешеходное) и Италии. Швейцарская его часть описана в очерке «Отрывки из путешествий доктора Фуссгэнгера» (МН, 1835, дек., кн. 1; подпись: П...); в семантике псевдонима (от нем. «пешеход») выразилась одна из гл. черт П. — его тяга к физич. и духовному «скитальчеству». Весной 1834 П. обратился к Уварову с просьбой позволить ему провести летние каникулы в Италии, т. к. он хочет «видеть Древность лицом к лицу» и быть в Риме для него так же необходимо, «как и дышать свежим воздухом» (письмо от 20 апр., цит. по: Штрайх, с. 94—95). Получив разрешение, провел в Италии почти всю вторую пол. 1834. Три стих., написанные в этот период («Ночь в Неаполе», «Римские вечера на Monte Pincio», «Солнце и поэт»), напечатаны под назв. «Фантазии пешехода доктора Фуссгэнгера» в составе «Отрывков из путешествия...» (МН, указ. публ.; перепечатаны в кн.: Гершензон, 1910, с. 109—111).

В Берлине П. наблюдает «повсеместную и вопиющую» ненависть к русским, к-рых считают «гуннами, грозящими Европе новым варварством» (Никитенко, I, 173). Сознание контраста между европ. репутацией России и казенными патристич. славословиями, как раз в это время отливавшимися в форму гос. идеологии (в нач. 1834 впервые оглашена знаменитая «триада» Уварова), выражается в стих. «Как сладостно — отчизну ненавидеть! И жадно ждть ее уничтоженья!» (послано в Петербург в письме от 5 июля 1834; впервые опубл.: Гершензон, 1910, с. 108; о восприятии стих. в рус. эмигрантской критике 20 в. см.: Justi, p. 10—11; ср.: Камю А., Творчество и свобода, М., 1990, с. 472).

В июне 1835 П. возвратился в Петербург и получил назначение преподавателем греч. словесности в Моск. ун-т, в ноябре выдержал испытание на доктора наук и начал готовить для публич. защиты дис. о греч. антологий (по-видимому, осталась незавершенной). Как преподаватель П. составил себе блестящую репутацию среди коллег и студентов, хотя читал

лекции только один семестр (январь—июнь 1836); нек-рое представление о его подходе к изучению древности и о риторич. мастерстве дает статья «Археология» («Энцикл. лексикон» А. А. Плюшара, т. 3, СПб., 1835, с. 251—55). Однако П. отказался от блестяще начинавшейся карьеры (успеху к-рой способствовало покровительство Уварова), в февр. 1836 он подал прошение об отпуске в Берлин под предлогом устройства личных дел и печатания диссертации и в июле навсегда покинул Россию.

На склоне лет П. оценивал это событие «с гордостью»: «мне не в чем раскаиваться, нечего жалеть ... я исполнил священный долг самосохранения, оставшись в России было бы равносильно самоубиению» (письмо Чижову, 12 нояб. 1873 — РГБ, ф. 332, к. 45, № 17, л. 41 об.). К решению остаться в Европе П. подтолкнуло отвращение, к-рое внушили ему «грубо-животная жизнь» рус. людей, «живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться...» («Замогильные записки», с. 172—73), и страх уподобиться им (символом такого приспособленчества в письмах и мемуарах П. выступает «стеганный халат», заимствованный из «Евгения Онегина» Пушкина). С др. стороны, на П., к-рый «всегда был под влиянием той или другой философской системы» (там же, с. 213) и стремился воплотить ее в жизнь, повлияло знакомство с новейшими идеями европ. христианского социализма, прежде всего с «Словами верующего» Ф. Р. де Ламенне (1834); не ограничившись чтением книг, он захотел лично встать в ряды последователей нового учения.

В 1837 по распоряжению мин. нар. просвещения П. был исключен из службы, в февр. за невозвращение на родину против него было возбуждено судебное преследование, прекращенное в 1838 за нерозыском обвиняемого.

В 1836—40 П. странствует по Европе (Базель — Лугано — Цюрих — Нанси — Мец — Льеж) и познает изнутри разнородности рев. идеологии, к-рая привлекала его внимание еще в первое пребывание за границей (итал. республиканизм в духе Мадзини, франц. коммунизм в духе Г. Бабёфа, сен-симонизм). П. ищет сообщество людей, вместе с к-рыми он мог бы бескорыстно служить человечеству по образу первых христиан. Знакомство с новейшей франц. лит-рой (в частности, с «Мемуарами Лютера» Ж. Мишле, 1837) привело П. к чтению Библии, а проповедь аббата-редемпториста (члена ордена Св. Искушения, осн. 1608), услышанная в авг. 1840, обратила к католич. религии. Позже он объяснял свое обращение желанием «забыть, отвергнуть» самого себя, «без-

условно-жертвенно предать себя другому» («Замогильные записки», с. 241), жить «вдалеке от сует и дрязг большого света» (указ. письмо Чижову, л. 42 об.), а также неприятием «ужасной бессовестности во всех отраслях русского быта» (письмо П. В. Долгорукову — «Совр. листок», 1863, № 12, 23 сент.). Собственно богословский аспект в отношениях православия к католицизму П., в отличие от почти одновременно принявшего католицизм И. С. Гагарина, считал, по-видимому, не перво-степенным.

19 июля 1840 в Льеже П. отрекся от православной веры и принял католичество, в окт. 1840 стал послушником редemptористского монастыря Сен-Трон (Бельгия), где 26 сент. 1841 принял пострижение. В 1841—1843 учился в редemptористской сем. в г. Виттен (Германия), в сент. 1843 в Льеже принял священнический сан, после чего возвратился в Виттен в качестве проф. церковного красноречия. В 1841—44 к П. трижды приезжал Чижов (см. его письма к Никитенко — РС, 1899, № 11, с. 367—68; 1904, № 9, с. 681; см. также дневники Чижова — РГБ, ф. 332, к. 1, № 4, л. 130 об., 134 об., 136 об. — 137 об.; к. 2, № 1, л. 259—62). В 1845—48 П. жил в качестве миссионера в Фалмуте (Юж. Англия), в 1848—54 — в юж. предместье Лондона Клапам. Проповеди П. частично опубл. в лондонском ж-ле «The catholic pulpit» (т. 1, 1849; отд. оттиски — РГАЛИ, ф. 372, оп. 1, № 5). В Клапаме весной 1853 П. посетил Герцен, к этому времени уже написавший первую ред. повести «Долг прежде всего» (1847—51, опубл.: ЛН, т. 61), судьба главного героя к-рой, переходящего в католичество из ненависти к рос. деспотизму, навеяна судьбой П. (окончат., более краткую ред. Герцен опубл. в Лондоне уже после их встречи — в 1854). Письма, к-рыми П. и Герцен обменялись в апр.—мае 1853, последний опубл. в «Былом и думах» (ч. 7, гл. 6; здесь же — выразительный портрет П.).

В 1845 по указанию Николая I Сенат определил сделать П. «вызов о возвращении в Россию», после чего возобновить суд над ним, в т. ч. «за вступление в католич. веру» (определение от 15 сент. и 7 нояб. 1847 — РГИА). На встрече с управляющим ген. консульством России в Лондоне П. отказался вернуться на родину, в присланном позже письме подтвердил отказ «от всех прав и преимуществ, присвоенных рус. подданным». 27 дек. 1847 Сенат вынес окончат. решение о лишении его всех прав состояния и об изгнании из отечества (там же).

В 1840—50-х гг. отношение П. к России целиком определяется его религ. убеждениями. В русских он ви-

дит «новых варваров», призванных «огнем и кровью возобновить болтлившую и меркантильную образованность, к-рая развратила Европу», а рус. императора «начинает любить» за то, что он, возможно, «обратит Россию в ленное владение Святого Престола», вследствие чего «революция побеждается навсегда» и во всем мире возобладает католичество (письма Гагарину от 21 марта и 16 июня 1850 — РС, 1911, № 1, с. 64—65). Парадоксальная надежда на Николая I, по-видимому, — плод известий о его посещении Рима в 1846 и контактах с папой (ср. отзыв порожденных этим визитом надежд с др., православной, стороны — в ст. Ф. И. Тютчева «Папство и римский вопрос», 1849).

В 1854—61 П. жил в Лимерике (Ирландия), в редemptористском монастыре. В дек. 1855 его обвинили в публич. сожжении протестантской Библии, но дублинский суд присяжных его оправдал (на самом деле прихожане, воодушевленные проповедями П., сжигали безразвратную массовую лит-ру). В Лимерике П. «пользуется как среди духовенства, так и среди мирян, репутацией наилучшего священника во всей Ирландии» (РГАЛИ, ф. 372, оп. 1, № 37, л. 25). Янв.—апр. 1859 он провел в Риме, к-рый произвел на него отталкивающее впечатление («арена честолюбий и подлых интриг» — «Замогильные записки», с. 294). В марте 1861 П. написал (но отправил лишь в авг.) письмо верховному генералу ордена редemptористов с просьбой о выходе из конгрегации для перехода в др., «созерцательный» орден, члены к-рого «погребены в забвении своего одиночества» (там же, с. 296). Возможно, на это решение повлияли среди прочего и жалобы генералу ордена на то, что П. слишком быстро отпускает грехи (за 8 часов выслушивал исповеди 140 человек) и выступает против мирской власти Папы Римского. Однако ни франц. картезианцы в мон. около Гренобля, ни ирл. трапписты в Маунт-Меллерей не оправдали надежд П.: первые уяснули его «прозрачно-наглый лицемерие», вторые, среди к-рых П. прожил около трех месяцев (вторая пол. 1861), разочаровали полным отсутствием умиств. деятельности, находящейся у них «на точке замерзания» (там же, с. 304, 307). В янв. 1862 П. просит позволения вернуться в орден редemptористов; не получив его, в февр. того же года становится капелланом при больнице Матер-Мизерикордия в Дублине, где и живет до смерти, совмещая исполнение церк. обязанностей с изучением языков (санскрита, араб., перс.) и занятиями физиологией, геологией и ботаникой. Библиотека П. (188 томов), включающая бога-

тое собрание книг на вост. языках, по завещанию владельца была после его смерти передана б-ке Моск. ун-та, где хранится и по сей день.

Во время европ. странствий и в первые годы миссионерской деятельности П. оставил лит. занятия. В авг. 1854 он начал писать (на франц. яз.) исповедальные «Записки безумца» («Mémoires d'un fou»), проникнутые сознанием собств. ничтожества и неудовлетворенностью окружающим миром, поргающимся в корысти; в 1870 «цензор В. Печерин» заклеил этот набросок резолюцией: «Поэзия — риторика — чепуха!» (РГБ, ф. 332, к. 45, № 2, л. 1—6 об.; «Записки...» частично прочт. по-франц. в кн.: Śliw o w s k a, s. 286—87).

Следующий этап в лит. творчестве П. начался в сер. 1860-х гг. в связи с возобновлением контактов с Россией. П. подписывается на «Колокол», в 1862 возобновляет переписку с Герценом, «с жадностью» читает присланный ему том «полит. и социальных статей» Герцена и Огарёва «За пять лет» (ч. 1—3, Лондон, 1860—61), жертвует деньги в «Общий фонд» на поддержку рус. эмигрантов (объявление об этом — «Колокол», 1863, 16 марта). Известия, приходящие из России, вселяют в него надежду на перемены, веру в ее ист. предназначение («Пора нам удивить Европу»). Однако предложение Огарёва «отречься от господства вашей церкви и проповедовать народу свободу совести», П. отверг, настаивая на том, что достиг жизненного идеала: «служить страждущему человечеству» в больнице, жить «в совершенном уединении и совершенной независимости пополам с наукою и делами христианской любви» (см.: ЛН, т. 62, с. 462—84).

Контакты с Россией и русскими пробудили П. «от богатерского сна», и он «на старости лет снова принимается писать стихи» (письмо Долгорукову, 25 нояб. 1864 — Новые мат-лы..., с. 52). Авг. 1864 помечено стих. «Пробуждение» («Снова слышу — голос милый...»), посв. «святым видениям» отечества (послано племяннику П. — С. Ф. Пояркову 13 окт. 1865). В газ. «День» появилось присланное П. стих. «Не погнб я средь крушения!» (1865, 2 сент.) — с предисл. И. С. Аксакова, в к-ром П. представлен как необходимый России человек «убеждения и подвига», по трагич. случайности не знающий «истины православия» (перепечатано в кн.: Б о б р о в, т. 4, с. 67—71; т. 1, с. 162—64; о последующей полемике о П. в «Совр. литке» — там же, т. 1, с. 164—68).

В 1860-е гг. имя П. и его идеи изредка упоминаются в рус. печати. М. Н. Катков, называя его настоящим христианином, хотя и католиком (МВед., 1863, 2 авг.), получил отповедь от М. П. Погодина, к-рый считал П. опаснее любого «предводителя шайки матежников»: П. «ни за

что на свете не пишу и священствовать в России, потому что он принадлежит к себе прозлым еще больше, чем к греческому языку» [в годы своего профессорства в Москве] (там же, 10 авг.). Позицию П. в споре с Гершензоном о роли материальной цивилизации, «запечатленной в «Былом и думам», сочувственно упоминал Достоевский в «Идиоте» и «Бесах» (см.: Достоевский, VIII, 312; X, 172, 393).

В 1865 П. по просьбе Пярякова начал писать автобиографию. Более последовательно он работал над воспоминаниями с 1869: отвечая на настояния Чицова, регулярно посылал в письмах к нему мемуарные фрагменты (свидетельствующие о неверности вывода, сделанного Чицовым во время их встречи в Виттене в 1844: у П. «почти не осталось воспоминаний о прошедшей жизни сердца» — см.: РС, 1904, № 9, с. 681). Работа над воспоминаниями продолжалась до 1875. П. хотел увидеть их напечатанными, однако Чицову удалось опубликовать только «Эпизод из петербургской жизни» (РА, 1870, № 7, стб. 1333—42), письмо к попечителю Моск. уч. округа гр. С. Г. Строганову (от 23 марта 1837 — там же, № 11, стб. 2129—38) и ст. о преимуществе реального образования перед классическим (там же, 1871, № 10, стб. 1740—43); все остальное из-за ценз. ограничений не увидело света (об истории попыток публикации восп. см. комм. С. Л. Чернова в кн.: Рус. общество, с. 384—89). Мемуары не получили окончат. авторского назв.; принятое в наиб. полном изд. (в кн.: Рус. общество) название «Замогильные записки (Aprologia pro vita mea)» (по назв. двух фрагментов) удачно отражает гл. побуждение автора — «оправдаться перед Россией», «протестовать, дать какой-нибудь знак жизни», опровергнуть утверждение Огарева, что он «погиб хуже всех смертей ... похоронил себя» (с. 235, 226), доказать, что «тут еще кое-что живет и шевелится и трепещет живой жизнью» (письмо Чицову, 10 янв. 1876 — РГБ, ф. 332, к. 45, № 20, л. 3). Работа над мемуарами заменяла П. «обмен мыслями» с соотечественниками, в к-ром он так нуждался, что в 1865 даже всерьез размышлял о переезде в Париж, где изобилуют приезжие из России (письмо к Долгорукову, 16 янв. 1865 — Новые мат.-лы..., с. 55). Назв. «Замогильные записки» polemично по отношению к одноименному автобиограф. произв. Ф. Р. Шатобриана: франц. писатель по своей воле лишил современников права прочесть его мемуары при его жизни, и они увидели свет лишь в 1848—50 (сразу после смерти Шатобриана); напротив, записки П. «замогильны» поневоле; тот факт, что его восп. «пишутся в истинно артистическом духе, т. е. совершенно бескорыстно, без малейшей надежды на возмездие в здешней жизни» (с. 168), вызывает у П. приступы отчаяния.

Восп. П. — не только ист. и биограф. свидетельство, но и самобытное лит. произведение, к-рое отличается невольным стерпением (деление на фрагменты, посылаемые в письмах другу), осознанная литературность и насыщенность реминисценциями (Пушкин, В. А. Жуковский, Ж. Ж. Руссо, Жорж Санд, О. де Бальзак и др.). Собственный характер П. строит в соответствии с лит. прототипами: «Решительно, участь жизни моей зависела от последней книжки, вышедшей из парижских тисков» (с. 232); среди этих прототипов особ. важную роль играет Дон Кихот, родству с к-рым П. посвятил также стих. 1868 «Ирония судьбы» (опубл.: Гершензон, 1910, с. 211—12). Замечательно владение рус. языком в человеке, к-рый 30 лет как покинул родину, был лишен контактов с соотечественниками и имел основания бояться, что «почти разучился русской грамоте» (письмо Долгорукову, 7 сент. 1863 — Новые мат.-лы..., с. 50).

В 1860—70-е гг. П. постоянно включает в сферу своих размышлений Россию.

Его письма к Чицову полны отсылок о рус. лит-ре: об И. С. Тургеневе («прочитавши „Дым“ Тургенева и сравнив с собственными воспоминаниями, я очень хорошо понимаю, какая трудная задача принадлежит правительству: как сдаться с этим молодым поколением?» — 18 июля 1869; РГБ, ф. 332, к. 45, № 11, л. 11), о «Войне и мире» (Л. Н. Толстой «мастер описывать военные действия, а домашние сцены у него, все эти Наташи и Дуниши очень пошлы и скучны» — 24 февр. 1873; там же, № 17, л. 13 об.) и др. П. учит рус. языку проф. Дублинского ун-та Р. Аткинсона, редактирует его пер. «Пикровой дамы» (там же, № 11, л. 12 об., 22).

Призвание России в этот период он видит в следовании «путем всемирного развития человечества», полемизирует со славянофилами, чье «идолопоклонничество рус. народу» вызывает у него протест. Весьма вольно развивая католич. традицию осуждения нац. религий, он утверждает, что «время церковей прошло» и «каждому человеку должна быть предоставлена полная воля верить то, что ему угодно, а государство должно полностью отказаться от всякого вмешательства в дела общества»; те же, кто заботится об обращении России в католицизм, не знают даже «мало-мальски историю и характер рус. народа» (там же, № 11, л. 7—7 об., 9 об.). Несмотря на внешнее совпадение нек-рых аргументов П. с тезисами западников и/или славянофилов, причисление его к одному из этих течений было бы ошибочным. Всегда искавший не только в теории, но и на практике ту идею, к-рой он мог бы посвятить себя целиком, П., однако, до конца дней сохранил способность высказывать из рамок любой идеологии (включая католич. религию, к-рой он отдал более 30 лет жизни) и сохранять интеллектуальную независи-

мость. По-видимому, это уникальное сочетание максимализма в следовании идее с неуловительностью какой бы то ни было идеологией и составляло суть характера П. как человека и мыслителя.

В мемуарах, тон к-рых ироничен по отношению ко всем действующим лицам, включая самого автора, П. отказывается от тех романтич. кулуаров, на к-рые нередко вставал в эпистолярной прозе 1830-х гг. Новой романтизацией образа П. отчасти способствовали исследователи его творчества, прежде всего автор первой монографии о нем М. О. Гершензон, сделавший особенно много для введения эпистолярного и мемуарного творчества П. в науч. оборот: он издал десять отрывков П., к-рые в 1875 были подготовлены Чицовым для публ. в «Вест. Европы» (Гершензон, 1915); он же, получив в нач. 1920-х гг. доступ к фонду Чицова в Румянцевском музее, подготовил к печати др. мемуарные фрагменты (опубл. уже после его смерти, в 1932, см. Изд.). Полностью до сих пор не изданы ни стихотв. наследия П., ни его обширный и содержательный эпистолярный 1860—70-х гг.

В 20 в. П. вызывает интерес прежде всего как мыслитель и творец (и в жизни, и в лит-ре) собственной биографии, личность к-рого выразилась вполне в признании, сделанном в письме к Чицову: «На голове моей нет ни одного седого волоса, а сердце-то ужасно как молодо! Того и гляди, что я затею какое-нибудь новое преобразование. Мне невозможно остановиться: я непременно должен идти вперед» (16 сент. 1865 — РГБ, ф. 332, к. 45, № 11, л. 1 об.).

Изд.: [Письмо П. В. Долгорукову от 7 сент. 1863 г.] — «Совр. листок», 1863, 23 сент. (перепечатано в кн.: Гершензон, 1910, с. 191—193); Замогильные записки, М., 1932 (сост. М. О. Гершензона, под ред. и со вступ. ст. Л. Б. Каменева); Замогильные записки (Aprologia pro vita mea). — В кн.: Рус. об-во 30-х гг. XIX в. Мемуары современников, М., 1989 (публ. и комм. С. Л. Чернова); Оправдание моей жизни. Памятные зап. — «Наше наследие», 1989, № 1—3 (публ. и комм. П. Горелова); [Пер.] — В кн.: Золотое перо. Нем., австр. и швейц. поэзия в рус. переводе, 1812—1970, М., 1974, с. 184—91; [Пер. из антологий]. — В кн.: Венок рус. кампан, СПб., 1993, с. 105—111; Из переписки П. с А. И. Гершензоном и Н. П. Огаревым. — ЛН, т. 62, с. 463—84; [Стих.] — В кн.: Поэты 1820—1830 (биограф. справка и прим. В. С. Киселева-Сергеевца); Новые мат.-лы к биографии П. Перепишет П. с кн. П. В. Долгорукина. — В кн.: Контекст — 1993, М., 1996, с. 29—74 (публ., вступ. ст. и прим. Е. Г. Местергази).

Лит.: Герцен, XI, 395 (глава «Былого и дум»); «Pater V. Peichevsky» (и по ук.); Никитенко (ук.); Достоевский (ук.); Попов Н., Предице суду проф. П. — «Юрич. вест.», 1880, № 5, с. 77—81; Буслаев Ф. И., Мои восп., М., 1897, с. 129; [письма Ф. В. Чичова к А. В. Никитенко] — РС, 1899, № 11, с. 367; 1904, № 9, с. 681; Бобров Е. А., Лит-ра и просвещение в России XIX в. Мат.-лы, иссл. и заметки, т. 1, с. 83—211, т. 4, с. 3—74, Каз., 1901—03 (первый очерк жизни и лит. деятельности; воспроизведены опубл. стихотв. наследия П.); Гершензон М. О., Жизнь П., М., 1910; его же, Автобиограф. П. — В кн.: Рус. прописки, т. 1, М., 1915; его же, История молодой России, 2-е изд., М.—П., 1923; Пирлинг П., П. в переписке с И. Гагариным. — РС, 1911, № 1, с. 59—67; Сиверс А. А., К биографии П. (арх. справка) — «Рус. ист. журнал», 1918, № 5, с. 197—204; Штрайх С. Я., П. за границей в 1833—1835 гг. — «Рус. прошлое», 1923, № 3, с. 87—98; Сахулин П. Н., Рус. лит-ра и социализм, 2-е изд., ч. 1, М., 1924, с. 92—106; Изюмов А. Ф., Духовное возвращение П. на родину по его неопубл. письмам. — «Путь», 1935, № 47—48; Сабуров А. А., Из биографии П. — ЛН, т. 41—42, с. 471—82; его же, В. С. Печерин, М., 1940 (дис., машинопись; хра-

нитс в Науч. б-ке им. Горького МГУ); Швабе Н. К., Архив Ф. В. Чижова. — «Зв. ОР ГЛ», т. 15, М., 1954, с. 57; Огарев Н. П., Предисл. [к сб. «Рус. потаенная лит-ра XIX столетия»]. — В его кн.: Избр. проза, т. 2, М., 1956, с. 491—492; Кулешов В. И., Судьба негнанного романа. — ВЛ, 1962, № 12, с. 235—36; Володин А. И., Начало социализма, мысли в России, М., 1966, с. 95—99; Пуляхридова Е. М., Лит. творчество П. и рус. гражданский романтизм. — В кн.: Лит. направления и стили, М., 1976, с. 201—11; Симонова И. А., П. и Ф. В. Чиков. — В кн.: Общественное движение в России XIX в., М., 1986, с. 56—82; Корнеев А., Печерин и П. — АБ, в. 22, 1987, с. 81—92; Горелов П., «История души человеческой...» — там же, в. 25, 1989, с. 98—110; Мильдон В. И., Из шпихуды в инкуда (К метабиографии П.). — В кн.: Лица. Биограф. альм., в. 4, М.—СПб., 1994, с. 355—72; Вагин Е., «Страж России» (Судьба П.). — В кн.: Антология Гюгюта, т. 1, СПб., 1994, с. 265—71; Ван Дамме И., Рус. бродяга в Льеже. В. Печерин. — В кн.: Страна Синей птицы. Русские в Бельгии, М., 1995, с. 174—93; Дмитриева Е. Е., Обращение в католичество в России в XIX в., — «Мировое древо», в. 4, М., 1996, с. 84—110; Шукин В. Г., Запад как пространство «романтич. побегов» (Замысловые записки П.). — В кн.: Из истории рус. культуры, т. 5, М., 1996.

A special report of the trial of the rev. Wladimir Pecherin (one of the redemptionist fathers), in the Court-house Green-street, Dublin, December 1855 on an indictment charging him with burning the Protestant Bible at Kingstown. Ed. by James Dayles, Dublin, 1856; Iziumow A. F., Der Briefwechsel V. S. Pecherin mit A. I. Herzen und N. P. Ogarew — «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», Bd. 9, № 4, 1933, S. 493—517; Iziumow A. F., Nowy rozdział biografii W. S. Peczczina — «Przegląd Historyczny», t. 33, 1936, S. 297—318; Schtelting A. von, Russland und Europa, Bern, 1948, s. 231 sq.; Frank V., Ein russischer Exilant im XIX Jahrhundert. Wladimir Pecherin. — In: Russland Studien. Gedächtnisschrift für Otto Hoetzsch, Stuttgart, 1957, S. 29—42; Scheibert P., Von Bakunin zu Lenin. Geschichte der russischen revolutionären ideologien 1840—1895, Bd. 1, Leiden, 1956, S. 21—35; Scheibert P., Über einige neue Briefe von Wl. Pecherin. 1867—1873 — «Jahrbücher für Geschichte Ost- u. Westeuropas», Bd. 8, h. 1, Münch., 1960, S. 70—78; Giusti W., L'irrequieto itinerario di padre Wladimir Pecherin, Trieste, 1964 (Istituto di filologia slava, 1964, № 6); Lipski A., Pecherin's quest for meaningfulness. — «Slavic Review», 1964, v. 23, № 2; Hare R., Pioneers of Russian Social Thought, t. 2, N. Y., 1964, S. 30—35; Śliwowska W., W kregu poprzedników Hercena, Wrocław, 1971, S. 257—300; Pierling P., Le Prince Gagarine et ses amis. 1814—1882, P., 1996, p. 141—155. Брокау; Янков; СИЗ; КЛЗ; ФЗ; БСЗ; Рус. писатели; Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 372; ф. 130, № 37 (выписки из летописи ордена redemptionistov); № 81 (арх. дело Моск. уни-т.); № 79 (дело о П. III ота.); ИРЛИ, ф. 384; РГБ, ф. 218 (в составе собр. ОР № 131); ф. 332, к. 45 (письма родителям и Ф. В. Чижову, 1820—70-е гг.); РГИА, ф. 1151, оп. 3, 1847 г., по уголовной части, л. 159 (о судебном преследовании П.) (справка Л. М. Сеселиной).

В. А. Мильчина.

ПЕШЕХОНОВ Алексей Васильевич [21.1(2.2).1867, с. Чукавино Старицкого у. Твер. губ. — 3.4.1933, Рига; похоронен в Ленинграде на Волковом кладб.], публицист, полит. и обществ. деятель. Из семьи священника. Рано лишившись отца, рос в многодетной семье, с детства зарабатывал вязанием чулок, сбором ягод и грибов, в 6 лет научился читать. Окончил Старицкое духовное уч-ще на казенный счет, 5 кл. Твер. духовной сем.; увлекся народничеством, в 1884 исключен из сем. за участие в подпольном студенч. ж-ле «Из-под гнета» без права поступления в уч. заведения. Давал частные уроки, слу-

жил в сел. школе, классным наставником в Варшав. реал. уч-ще, посещая лекции в Варшав. ун-те. В 1888 после обыска среди членов студенч. кружка П. был взят на воен. службу и направлен в укрепление Ходжал-Маха Дагестан. обл., перед увольнением в запас в 1891 служил в г. Темир-Хан-Шура (восп. «На действительной службе» — РБ, 1913, № 1—3). С 1891 занимался земской статистикой в Твер. (первая публ. в газ. «День»; не обнаружена), Ярослав. и Орлов. губ., в Калуге (1896—98), в Полтаве (был чл. кружка «толстовцев»). В 1894 арестован по делу «Нар. права» (содержался в предварит. заключении); находился под негласным надзором полиции. В 90-е гг. П. был принципиальным противником террора (Гранат, стб. 64).

Отстраненный от земской службы за протест против полит. доносчика, П. в 1899 переселился в Петербург, став пост. сотрудником отд. внутр. жизни «Рус. богатства»; с 1904 (до закрытия ж-ла в 1918) — чл. редакци. Занял видное место среди народнической интеллигенции (П. не без иронии вспоминал, что в 1904 «некоторые» прочили его на место Н. К. Михайловского — письмо М. Н. Слепцовой от 27 дек. 1912, РГАЛИ, ф. 462, оп. 1, № 199, л. 34). Бескомпромиссность П. (Михайловский назвал его «бычком бодливым и непорочным» — Слепцова, «Памяти П.», ИРЛИ, ф. 586, № 491, л. 4) часто приводила к расхождениям с В. Г. Короленко (Короленко, Х, 451). Ведущая тема П.-публициста — крест. вопрос (первая статья «К вопросу о роли „собираателей земли“ в рус. сельскохозяйственном производстве» — РБ, 1897, № 7). Он хотел «реальные интересы многомиллионной массы ... сделать центром и целью всей дальнейшей гос. жизни» (РБ, 1901, № 1, с. 177). В статьях разделил «Хроника внутр. жизни» (в 1899 б. п.; см.: РБ, 1905, № 3, с. 164) и «На очередные темы» П., призывавший к теоретич. обоснованию крест. хозяйства (1902, № 9—10), стремился дать целостный анализ экономич. жизни деревни. Предвидя долгое развитие России по сельскохозяйственному пути (1903, № 6, с. 133), П. считает аграрный вопрос самой сложной из социальных проблем. Земельная зависимость пореформенного крестьянина и малоземелье обусловили, по его мнению, непрерывный процесс разорения крест. хозяйств (критику взглядов П. см. в сб. «Очерки реалистич. мировоззрения», СПб., 1904, с. 345—46, 457—71, 477, 479—82, 520, 537). Стержень позиции П. — необходимость гос. собственности на землю; вместе с тем он признавал существующий общинный характер землепользования. П. не принимал

аграрную политику С. Ю. Витте и особенно П. А. Столыпина, в к-рой усматривал капиталистич., антинародную направленность, укрепляющую дворян. землевладение и приводящую к расслоению деревни («Старый и новый порядок владения наделенной землей», СПб., 1909; о согласии Л. Н. Толстого с позицией П. см.: Булгаков В. Ф., Л. Н. Толстой в последний год его жизни, М., 1989, с. 184). После манифеста 18 февр. 1905 П. возлагает надежды на привлечение крестьянства к законодательной деятельности.

Считая себя прежде всего литератором, П. вместе с тем активно участвует в обществ. и полит. деятельности. В 1900 вместе с П. Н. Милюковым составляет проект конституции (Милюков П. Н., Восп., М., 1991, с. 138; Слепцова, л. 7). В 1901 составил письмо-протест 44 писателей против разгона демонстрации на Казан. площади, выслан на два года (Псков, Финляндия). После событий 9 янв. 1905 был арестован в Петербурге вместе с М. Горьким и сослан в с. Торошино Псков. губ.; после манифеста 17 окт. вернулся в Петербург. В 1906 арестован за участие в Сев. крест. союзе, вскоре выпущен под залог по ходатайству трудовой фракции Гос. думы (газ. «Дума», 1906, № 5), впоследствии оправдан судом (речь адвоката О. О. Грузенберга см. в его кн.: Очерки и речи, Н.-Й., 1944, с. 18, 193—96). Революционер по убеждению и складу характера, П. поддерживал эсеров. партию с момента ее основания (1901), не будучи ее членом (входил в редакци. ж. «Рев. Россия» и «Сын отечества», был автором прокламаций). Участвовал в организации убийства В. К. Плеве в 1904 (очерк «Мои отношения с Азефом» — «На чужой стороне», в. 5, Б.—Прага, 1924). В 1903—06 входил в группу «интеллигенции» нелегального «Союза освобождения», сотрудничал в ж. «Освобождение». В результате расхождения с эсерами и кадетами (по В. И. Ленину, П. — «социал-кадет», XVI, 262) он в 1906 вместе с В. А. Мякотным, Н. Ф. Анненским и А. Б. Петришевым основал легальную партию нар. социалистов. Изложение целей партии в публицистике П. проникнуто стремлением к идеальным обществ. формам, для к-рых главное — интересы человец. личности, единство личности и народа (РБ, 1906, № 3, с. 107); народнический лозунг «земля и воля» интерпретируется им в формуле «воля — гражданину как личности, земля — народу как коллективности» (1908, № 4, с. 121); социализм — осуществление этого идеала и единственно возможный путь к слиянию бесправного либерализма с народом (1909, № 2, с. 148—49); гос-во должно освободи-

даться от нац. и религ. принципов (1908, № 11, с. 70). Осн. заряд полемики П. направил против социал-демократов, фактически исключавших крестьянство (в к-ром П. видел будущий с.-х. пролетариат — 1905, № 6, с. 165) из социалистич. этапа революции и подменявших народовластие диктатурой пролетариата. В противоречивых оценках, к-рые Ленин давал П. в разные годы и в зависимости от полит. момента, он называет его то сильным и честным политиком (XX, 210), то идеологом старой буржуазии (VIII, 85) и защитником самодержавия (XIII, 401); осудив открытый тип партии нар. социалистов, Ленин объявил нар. социализм «пустой фразой» (XXII, 306).

Период 1905—09 — самый плодотворный в публиц. деятельности П. Работая интенсивно (обычно до середины ночи, постоянно курия папиросы и подкрепляясь чаем), в своих статьях он касался разл. тем, освещая их с привлечением статистич. данных и личных впечатлений (все — РБ): смертная казнь (1906, № 10), влияние полит. сыска на обществ. жизнь (1910, № 1), права сектантов (1910, № 9), проблема северокавказ. народов (1911, № 7, 11), полит. ссылка (1912, № 7) и др. Осознавая свой лит. труд как исполнение долга интеллигенции, призванной вносить идеалы в нар. жизнь (1906, № 1, с. 124; 1908, № 9, с. 145), П. особо выделял в культурной повседневности лит-ру и философию (любил также кинематограф, драм. театр, из музыки — рус. нар. песни; А. Ф. Пешехонова, «Восп. о П.» — РНБ, ф. 581, № 71). Состояние интеллигенции после революции 1905 он определял как сумятицу и разброд (1908, № 9), выражавшиеся, в частности, в неразборчивом потреблении экстравагантной продукции: успех спектакля МХТ «Синяя птица» считал «раздутым» (пьеса М. Метерлинка — «неглубокая по смыслу и не очень богатая по фантазии»); осуждал пристрастие «молодой» лит-ры к половым извращениям («Крылья» М. А. Кузмина — «за пределами того, что считается лит-рой», «Времяпровождение», 1909, № 5, с. 113, 120). Герой «Санина» М. П. Арцыбашева, по мнению П., схож с Базаровым и «новыми людьми» Н. Г. Чернышевского, но узок в запросах; «санинство» — тип не только лит. героя, но и нового человека («„Санинцы“ и „Санин“» — 1908, № 5). Резкое осуждение идейной размытости периодич. изданий, в к-рых «художество прихотливо переплелось с порнографией» («Сумятица. В жизни. В лит-ре» — 1908, № 10, с. 73), вызывало ответную реакцию: по решению третейского суда (ИРЛП, ф. 163, оп. 1, № 263) П. вынужден был отказаться от полемич. выпадов

против газ. «Понедельник» (1908, № 11). В ст. «Волна пошлости» (1911, № 3) П. критиковал ценного им Л. Н. Андреева (заодно отмечая «приспособленчество» К. И. Чуковского и «богемность» А. И. Куприна) за выход из лит-ры «на улицу» и неумеренное самомнение (ответное письмо Андреева от 20 апр. 1911 — РГБ, ф. 225, к. 2, № 9; письмо П. — к. 1, № 36).

Со свойственной П. жесткостью человека дела, унаследованной от «шестидесятников», он вторгается в зыбкую сферу мировоззрения, полагая, что оно должно быть неизменным с молодости на всю жизнь (РБ, 1908, № 11, с. 56). Отвергая крайности монистич. метода марксизма, равно как и идеалистич. метафизику,

А. А. Блока, Н. М. Минского, З. Н. Гиппиус («один из наиболее видных публицистов, каких оказалось в состоянии выдвинуть рус. декадентство» — 1908, № 11, с. 54). Интерпретацию кризиса интеллигенции в сб. «Вехи» (М., 1909) П. встретил враждебно — прежде всего за ее антирев. настр. и религиозность («Новый поход против интеллигенции» — 1909, № 4). Богоискательство Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, Булгакова, Бердяева, богостроительства М. Горького и А. В. Луначарского (наряду с обсуждением полового и нац. вопросов) считал бессмысленными и отвлекающими общество (1909, № 5); бесперспективным называл путь Толстого, несмотря на общее «евангелие мира, братства и

А. В. Пешехонов (2-й слева) среди членов Комитета Лит. фонда. Слева направо: Ф. Д. Батюшков, Л. Ф. Пантелеев, Н. Д. Набоков. 1900-е гг.

П. утверждает ценность позитивизма, свободного от к.-л. умозрения и опирающегося на «действительность»: за ней — создание стройной системы представлений о мире (науч. знание вместо веры, ясная мысль вместо инстинктов, сознание своего долга вместо страха загробной кары — 1909, № 5, с. 126). В ст. «Проблемы совести и чести в учении новейших метафизиков» (1903, № 2; см. также в его сб. «К вопросу об интеллигенции», СПб., 1906) по поводу сб. «Проблемы идеализма» (М., 1902; под ред. П. И. Новгородцева) П. критикует метафизич. этику бывших марксистов С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева прежде всего за рассуждения, допускающие зло и недостаточно объясняющие природу нравств. долженствования, — свидетельство, по его мнению, обществ. индифферентизма авторов. Всеобщий отход от первоначальных убеждений и потеря цели — ключевая проблема кризиса интеллигенции: колебания П. Б. Струве в политике, отход от декадентства и противостояние ему

любви» («Гора и море» — 1910, № 11, с. 30).

Взгляды П. на интеллигенцию, ориентированные в осн. на Михайловского, воспринимались в определенной среде как архаизм и вызвали иронию («Слово», 1909, 5 июня). В ответ на критич. статью П. о Розанове («Бесстыжее светило, или Изобличенный двурушник» — РВед, 1910, 2 дек.) последний выступил с «Открытым письмом А. Пешехонову и вообще нашим „социал-сутенерам“» (НВ, 1910, 15 дек.) — о разрушительной роли революционеров, начиная с Чернышевского. В дальнейшем Розанов называл П. «последней значащей фигурой в с.-д.», «рыцарем бедным»: «В нем доброе — натура удивительно рожденная. Без мути в себе». Вместе с тем в своей иронич. табели о рангах он напроорочил П. место «столоняльника»: «...я бы поставил его во главе интендантства» (Розанов В. В., О себе и жизни своей, М., 1990, с. 52).

За антиправительственные высказывания в ряде брошюр П. отбывал

заключение в Двинской крепости Витебской губ. (1912—13; вместе с Мякотинным), занимаясь рецензированием рукописей для «Рус. богатства» (Ф. Д. Крюков в письме к Короленко от 24 янв. 1913 об условиях содержания в заключении: «дай Бог всякому» — РГБ, ф. 135, разд. 2, к. 27, № 55). Освобожден по манифесту к 300-летию Дома Романовых.

Во время войны 1914—18 П. помимо экономич. проблем заостряет внимание на растерянности и податливости интеллигенции, не определившейся по отношению к войне и принявшей введение цензуры, на необходимости скорейшего решения внутреннего вопроса об организации нар. масс (в 1914—15 вел рубрику «Вопросы тыла» в «Рус. богатстве» и «Рус. записках»; псевд. А. В. Иноходцев). В итоговой ст. «Отечество и человечество» («Рус. записки», 1916, № 1) он окончательно отвергает марксизм и интересы классовой борьбы в пользу нац.-гос. объединения (хотя нац. подход допускает только в единстве с интернациональным), уповая гл. обр. на «живую» человеческую личность» (общее место надронич. социальной программы).

После Февр. революции 1917 П. становится одной из значительных полит. фигур. В марте он назначен комиссаром Петроград. стороны (очерк «Первые недели» — «На чужой стороне», в. 1, Б., 1923; использован А. И. Солженицыным в эпопее «Красное колесо»); чл. ИК Петроград. совета раб. и солдат. депутатов, чл. Совета Гл. земельного к-та, с июня чл. ЦК блока партий — Трудовой и нар. социалистов; изд. газ. «Нар. слово». С мая по авг. — министр продовольствия Врем. пр-ва. Его речь на 1-м Съезде советов 5 июня («Известия», 1917, 7 июня; программа решения земельного вопроса изложена в его брошюре «О переходных мерах» [П., 1917]) вызвала разл. оценки среди большевистских лидеров: «одни прекрасные слова» (Ленин, XXXII, 317); «... если бы мне сказали, что министерство будет составлено из двенадцати Пешехоновых, я бы сказал, что это огромный шаг вперед» (Л. Д. Троцкий — цит. по брошюре П. «Почему я не эмигрировал?», с. 18). Из-за несогласия с повышением твердых цен на хлеб П. подал в отставку (мен. скептич. оценку П.-политика: Ленин, XXXIV, 149, 184 и др.; Милюков П. Н., Цит. соч., с. 503; Гиппиус З. Н., Живые лица. Стихи. Дневники, Тб., 1991, с. 328, 330, 331; Розанов В. В., Собр. соч. Милотное, М., 1994, с. 362, 392). В окт. того же года П. — товарищ пред. Врем. Совета Рос. респ. После окт. переворота выступил с осуждением большевизма («отнимите демократию — и от большевизма ничего не

останется»), Декрета о земле (к-рый «представляет полный простор анархич. методам решения аграрного вопроса» — РБ, 1917, № 11/12). Летом 1918 в Москве был арестован (освобожден по ходатайству Д. Бедного; см. очерк «Перед красным террором» — «На чужой стороне», в. 2, Б.—Прага, 1923).

В 1918 П. как представитель Союза возрождения России в Добровольческой армии уезжает на Юг, сотрудничает в ж.-лаж «Грозный день» и «Объединение», в газ. «Парус». После гибели сына на войне П. взял на воспитание сироту. С 1920 — в Харькове чл. коллегии и зав. с.-х. статистики ЦСУ Украины; рассчитанный П. на неурожайный 1921 продналог («Сравнительная тяжесть натуралогов 1921 г. для разл. групп крестьянства», Х., 1922) был признан Лениным низким, роль П. — «хуже всякого белогвардейца» (ЛП, 62). По распоряжению Ленина с соблюдением строжайшей секретности П. был отстранен от должности и переведен в Москву под надзор ВЧК с предписанием Л. Б. Каменеву: «чтобы не касался политики» (Ленин, LIV, 182). В 1922 П. прибыл в Москву для работы в Наркомземе, вскоре был арестован, затем выслан из России; до 1924 жил в Риге и Берлине.

Брошюра П. «Почему я не эмигрировал?» (Б., 1923) положила начало движению мирного возвращения («пешехоовщины»): вынужденный вновь стать из политика литератором, П. описывает свой личный опыт сосуществования с большевистским режимом, не принимая его, но призывая «претерпеть». Выступление П., по словам современника, произвело «впечатление разорвавшейся бомбы» (Гессен И. В., Годы изгнания. Жизненный отчет, Париж, 1979, с. 163). Вокруг личности П. разгорелась многолетняя полемика («Воля России», 1923, № 13; подробнее в кн.: Милюков П. Н., Эмиграция на перепутьи, Париж, 1926, с. 70—95). Однако оптимистич. вера П. в «дело рус. демократии» в дальнейшем переходит в резкую критику эмиграции (об отношениях с ней письмо Н. А. Рубакину от 5 февр. 1925 — РГБ, ф. 358, к. 262, № 60) и настойчивое подчеркивание культурных и хозяйственных успехов большевиков («Воля России», 1925, № 7—10; 1926, № 8/9; 1927, № 11/12—1).

С 1924 П. — в Праге, управляющий делами Ин-та изучения России. Настойчиво добивается от сов. властей разрешения вернуться на родину. После неск. отказов и насмешек большевист. газет («Правда», 1925, 15 дек.; «Париж. вестник», 1927, 12 февр.) получает в 1927 сов. гражданство. Работает зав. информацион-

но-экономич. отд. при сов. торгпредстве в Риге, экономич. консультантом по Прибалтике. С 1931 решался вопрос о переезде П. в Москву, о работе в Госплане. В 1932 ему был поставлен диагноз рака легких.

Др. произв.: «На очередные темы» (СПб., 1904), «Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях» (СПб., 1905), «Накануне», «Экономич. политика самодержавия», «Аграрная проблема в связи с крест. движением», «Сущность аграрной проблемы» (все — СПб., 1906), «В темную ночь» (СПб., 1909), «Право на землю» (П., 1917), «Как трудовая Н.-С. партия считает необходимым разрешить земельный вопрос» (Од., 1917), «Гибель и спасение России» (М., 1918; совм. с В. А. Мякотинным), «Совр. Россия в цифрах» (Прага, 1925).

Лит.: Горький (ук.); Чехов. Письма (ук.); Крюков Ф. Д., Мельком. — РБ, 1914, № 7—9; Мякотин В. А., Из недалекого прошлого. — «На чужой стороне», 1923, № 2, с. 181, 185, 197; 1924, № 5, с. 51—69, 254, 256, 262; № 6, с. 77; 1925, № 11, с. 211, 233; № 13, с. 197—98; Короленко В. Г., Дневник, т. 4, Полтава, 1928; Белоконовский И. П., В годы бегства. М., 1930; Грузенберг О. О., Вчерашний, [1938], с. 167, 189, 222—31; Терапиано Ю., Встречи. Н.-Й., 1953, с. 58; Айхенвальд Ю. А., Пешехонов — рыцарь бедный. — В его кн.: Дон Кихот на рус. почве, т. 2, Н.-У., 1984; Карсес Н. И., Пржитое и пержитое, Л., 1990 (ук.); Савинков Б. В., Восп. террориста, М., 1990; «Минувшее», в. 1, 11 (ук.); Ерофеев Н. Д., А. В. Пешехонов. — В кн.: Полит. история России в партиях и лицах, М., 1994; Образ будущего в соц.-экон. мысли кон. XIX — нач. XX вв., М., 1994 (ук.); Бслова Е. И., Гос. деятельность П. — В кн.: Личность и власть в истории России XIX—XX вв. Мат-лы науч. конференции, СПб., 1997; ЛН, т. 7—8, с. 372, 375, 383, 419, 422, 424, т. 68, 72, 80, 84, 87 (все — ук.). — Рус. эмиграция. Ж-лы и сб-ки на рус. яз. 1920—1980, Париж, 1985: РВед. Сб.: Венгеров. Источ.; Мезьер; БСЭ; Полит. деятели России. 1917. Бюогр. словари, М., 1993; ИДРДВ; Муратова (1; ук.); Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 581; ф. 211, № 862 (письма А. Г. Горькому); РГБ, ф. 225; ф. 251, к. № 33, 34 (письма В. А. Розенбергу); ф. 135, разд. 2, к. 31, № 52—58 (письма к В. Г. Короленко); ф. 218, № 383 (восп. Т. А. Богдановой); ГАРФ, ф. 4653; ф. 102, ОО, 1901 г., д. 927; ф. 124, оп. 3, 1894 г., д. 12; РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, № 426 (письма Горькому); ф. 280, оп. 1, № 231 (письма к Е. П. Летковой-Султановой); ф. 462, оп. 1, № 199 (письма к М. Н. Снегину); РГИА, ф. 777, оп. 11, 1908 г., д. 111; ф. 1280, оп. 1, д. 929, 930; ф. 1405, оп. 530, д. 612 (в делах о привлечении П. к ответственности за рев. деятельность неоднократно проходит как «потомственный почетный гражданин»).

М. В. Пашенко.

ПИКСАНОВ Николай Кирыкович [31.3(12.4).1878, с. Дергахи Новоузен. у. Самар. губ. — 10.2.1969, Ленинград; похоронен на Богослов. кладб.], филолог-русист, библиограф, историк обществ. мысли; преподаватель. Сын дьякона. Окончил Самар. духовное уч-ще, затем Самар. духовную семинарию, где проявил склонность к словесности и написал соч. «Комедия „Горе от ума“ и ее историко-лит. значение» (рукоп. — ИРЛИ, ф. 496). В 1898 поступил на ист.-филол. ф-т Юрьев. ун-та, где сосредоточенно занялся изучением биографии и творчества А. С. Гри-

бюедова, обращаясь — письменно и лично — за советами и отзывами к именитым литературоведам (С. А. Венгерову, В. И. Сантову, И. А. Шляпкину, с 1903 — Ал. Н. Веселовскому, с к-рым переписывался до сер 1918) и прибегая к арх. разысканиям в Петербурге и в рукоп. наследии преданного Грибоедова его добровольного лит. комиссионера Ф. В. Булгарина, к-рое хранилось в Карлово, близ Дербта (впоследствии ученый считал оценку личности и прозы Булгарина в сов. лит.-ведении несправедливо заниженной). Плодом арх. занятий стали: первое выступление П. в печати — публикация с автографов двух стих. друга Грибоедова — В. К. Кюхельбекера в ж-ле «Лит. вестник» (1902, № 2), а «из архива Булгарина» — три публ. в «Рус. старине» (1903, № 12, 1905, № 4, 12). Одновременно студент-филолог изучал историю рус. права на юридич. ф-те и уже в 1900 подготовил под руководством проф. М. А. Дьяконова ст. «К вопросу о Боярской думе» («по поводу нового изд.» «Боярской думы» В. О. Ключевского), опубликованную лишь в 1903 («Журнал мин-ва юстиции», № 3).

Подобно массе дерептских студентов, участвовал (месте с В. А. Досинским, впоследствии сов. лит.-ведом) в студенч. рев. движении (пред. нелег. с.-д. Союзного совета дерепт. объединенных земства и орг-ций, один из организаторов подпольного «Свободного слова» (см.: ЦГИА СПб., ф. 1415, оп. 521, д. 456, л. 71). В февр.—марте 1902 жандармское расследование установило, что П. является одним из деятелей Союзного совета, «... направлявших преступную деятельность прочих членов сообщества» (там же, л. 72—73; см. также: Травушкин Н. С., Рев. кружки молодежи и пропагандист. лит-ра в Юрьеве в нач. 1900-х г. (Из студенч. лет П.) — РЛ, 1968, № 1). После пятилетнего заключения в тюрьме к ссылке в Архангельскую губ. на 3 года, но по ходатайству ун-та наказание ограничилось выссылкой на родину, в Самару, под гласный надзор полиции.

К моменту ареста П. уже завершил две обстат. работы о Грибоедове: 1-ю часть биографии («Университ. годы») и библиографический указатель (как дополнение к аналогичному ука. 1889 под ред. Н. М. Лисовского). Обе работы четверокурсника-арестанта проф.

Дьяконова считал достойными, чтобы сложить их акад. А. Н. Пышину (см.: Эпизод из студенческой жизни П. ... — РЛ, 1978, № 2), а ука. опубликовали в 1903 в Юрьеве («Материалы для библиографического указателя произведений А. С. Грибоедова и литературы о нем»).

В 1903 П. восстановлен в ун-те, надзор полиции заменен надзором уч. начальства, а в окт. 1904 снят (ШТА СПб., ф. 733, оп. 152, д. 126, л. 11). В дек. 1904 получил диплом об окончании ун-та. Вернувшись в Самару, организовал полит. б-ку для молодежи и кружок по распространению полит. знаний (см. подписанное П. и А. Г. Елшиним воззвание «К самарскому обществу» — «Самар. курьер», 1905, 6 нояб.). В 1906 женился на В. А. Губаревич-Равобильской (внучке писательницы Л. Х. Симоновой-Хохряковой); после ее смерти в 1-й пол. 60-х гг. его помощницей и женой стала М. И. Колесникова.

В том же — 1906 — году П. переехал в Петербург и, по собств. словам, «с головой ушел в профессиональную ученость» (см.: Ответное слово — РЛ, 1963, № 3), развернув многотемную лит.-исследовательскую и преподавательскую деятельность. В первые же два года он печатается одновременно в разл. ж-лах и изданиях: в «посвящ. истории освобождит. движения» ж. «Былое» — рец. на «Историю рус. интеллигенции» Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1906, № 9) и еще 5 мат-лов; в демократич. и тяготевшем к марксистам «Совр. мире» — рец. на 3-е изд. «Этидов и характеристик» Ал. Веселовского (1907, № 7—8) и еще 4 мат-ла (в тот же год); в 1-м т. (1907) собр. соч. А. С. Пушкина (в сер. «Б-ка великих писателей»), куда его привлек гл. ред. издания Венгеров, — статьи (с обширной библиографией) «Пушкин и Оссаян», «Кн. Д. П. Горчаков», «Н. Ф. Кошанский» и др. Ведущей же темой лит. занятий остается (и, пожалуй, до 50-х гг.). Грибоедов — во всей полноте его биографии и творч. судьбы. В 1906 «Изв. ОРЯС» (№ 4) публикуют ст. П. «Грибоедов и А. А. Бестужев», в 1908 выходит 1-й том «Истории рус. лит-ры XIX в.» под ред. Овсяннико-Куликовского, в к-ром гл. о Грибоедове написана П. (наряду со ст. «Публицистика Александровской эпохи»), а в 1909 АН пригласила его для издания ПСС писателя.

В 1911 вышел 1-й т. академич. изд. Грибоедова с «Биографическим очерком» (отд. оттиск — СПб., 1912, 147 с.) П. и его прим. (частично — И. А. Шляпкина). Для «очерка» исследователь использовал письм. и печатные источники гораздо полнее, чем кто-либо, истолковав их в русле культурно-ист. школы.

С исчерпывающей — на то время — полнотой рассмотрел отношение Грибоедова к декабристам, особенно — к их планам полит. переворота (что было отмечено Овсяннико-Куликовским в его «Истории рус. интеллигенции» в изд. 1914 — Собр. соч., т. 7, СПб., с. 22), определил его по «общественным взглядам» как либерала, скептика и националиста (см.: «Биогр. очерк», с. XXXII — XXIV); охарактеризовал «склад души» Грибоедова с ее неустанным патриотизмом

(«обожал» Россию) и «глубокой религиозностью» в зрелые годы, «выпуклым отблеском озарявшей его суровые черты» (с. CXI—XIII).

29 ноября 1911 избран чл. ОЛРС (активнейший участник до закрытия в 1930). В нач. 1912 П. читает на заседании ОЛРС реферат «Душевная драма Грибоедова», где, восполняя «очерк», мотивирует поздний пессимизм писателя в первую очередь осознанием исчерпанности своего дара в одной комедии («поздние» его произв. — по мнению П. — не имеют никаких достоинств»). Реферат обсуждал Ал. Веселовский, П. Н. Сакулин, А. Е. Грузинский и др. (см. отчет — РВед, 15 янв., 1912); с авторскими доп. его опубликовал «Современник» (1912, № 11).

Столь же интенсивно по приезду в столицу П. подвизался на преподават. поприще: до 1909 — в Павлов. ин-те (ЦГИА СПб., ф. 7, оп. 2, д. 1244), в жен. г-зии Л. С. Таганцевой (где его ученицей была Е. Ю. Кузьмина-Караваева) и мужской г-зии Я. Г. Гуревича (с 1907), позже — в Демидов. жен. г-зии (1911), Психоневрологич. ин-те (1912—13); но наиб. плодотворно и продолжительно — на Высших жен. (Бестужев.) курсах (1908—17).

Выход 2-го т. грибоедовского ПСС (дек. 1913) предварила пиксанов. публикация рукоп. списка комедии, изготовленного А. А. Жандром еще в 1824 и признанного исследователем наиб. авторитетным из всех авторизов. списков, — «Грибоедов А. С. „Горе от ума“. Текст Жандровской рукописи» [М., 1912 (со ст. «Грибоедов и Жандр»); одобрит. отзывы В. Я. Брюсова (в письме П. от 25 сент. 1912) и в ж-ле «Заветы» (1913, № 1)]. Во 2-й т. помимо двух скрупулезно выверенных П. редакций высокой комедии вошли его обширные примечания, включавшие «Обзор литературы о Грибоедове» (в т. ч. иностранной), оценки комедии лит. критикой, ст. «Прототипы действующих лиц», сценич. история пьесы, и др. Том 3-й, содержавший письма писателя, небольшой раздел его «прозы», в т. ч. лит.-критич. записки, и обширные комм. П., вышел весной 1917. Вероятно, потрясавшие Россию военные и социально-полит. события не располагали к обстоятельному разбору академического 3-томника (серьезным можно назвать одобрит., но и полемич. отзыв Б. В. Варнеке (ИзвОРЯС, 1914, № 2; см. возражения П. — там же, 1915, № 1).

Со временем стало очевидно: по принципам текстологии и науч. комментирования подготовленное исследование ПСС стало образцом для последующих изд. такого типа. Изучив огромное кол-во существующих списков «Горя от ума», П. установил наиб. авторитетный, в конечном ито-

ге — канонич. текст комедии (окончательно — в серии «Лит. памятники» — М., 1969). Общетеоретич. значение работы П. над этим изд. — в ясно сформулиров. принципе соблюдения творч. воли автора как осн. текстологич. принципа.

В 1912 П., сдав магистерские экзамены, стал преподавателем Петерб. ун-та, не оставляя Бестужевских курсов, а в 1915 прибавил к ним еще преподавание в Имп. женском пед. ин-те (до 1917). Сочетание исследоват. и пед. деятельности позволило П. стать одним из создателей (вслед за А. С. *Архангельским*) научно-методич. лит.-ведч. жанра — семинария. После первых «опытов», изданных студентами П. литографически (1909 и 1910), вышло два изд. специально написанного для публикации семинария — кн. «Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и библиография» (СПб., 1912; 2-е изд., «совершенно перераб.» и доп. рубрикой «вопросы» — СПб., 1913; одобрит. рец.: А. А. Кизеветтер — РМ, 1913, № 2; «Заветы», 1913, № 1; «Совр. мир», 1914, № 3). На Бестужев. курсах особым успехом пользовались семинарии П. «Радищев», «Грибоедов и его время», «Тургенев и его время»; итогом работы семинария стал «Тургеневский сборник» (П., 1915) — статьи слушателей курсов.

Как историк рус. лит.-ры (преим. кон. 18—19 вв.) П. в сер. 10-х гг. продуктивно проявлял себя в периодике (чаще всего в рецензиях) и разл. словарях (обычно — в жанре «малой» биографии) и совместных тематич. сб-ках. По приглашению Брюсова (уже отошедшего от символизма) с ноября 1912 по окт. 1916 сотрудничал в либерально-кадетском ж-ле «Рус. мысль» (свыше 30 публ.). Во 2-й пол. 1912 — нач. 1913 напечатал ряд рец. в просоциалистич. ж-ле «Современник», куда его (вместе с Сакулиным и А. Г. *Фоминим*) пригласил Е. А. *Ляцкий* (негативно воспринявший декадентство и модернизм); соредактором ж-ла по беллетристике в то время являлся М. Горький. В 1914—17 П. не менее 5 рец. поместил в «Голосе минувшего», «ж-ле истории и истории лит.-ры», возглавляемом «нар. социалистами» В. И. Семевским и С. П. *Мельгуновым*; участвовал в ж-ле «Родной язык в школе» (1914 и 1916); в 1911—13 публиковался в газ. «Рус. вед.» (в т. ч. ст. «Горе от ума» в парадоксах рус. критики», 1913, 8 авг.); отд. мат-лы появлялись в ЖМНП и ИзвОЯС. Стал автором ряда статей в «Новом энциклопедическом словаре» (НЭС, выходил с 1911), в т. ч. «Алдеев М. В.», «Барсов Е. В.», «Беседа любителей русского слова», «Вольтер и вольтерство в России», «Гоголь Н. В.», «Крылов И. А.». Для обсто-

ят. труда «Масонство в его прошлом и настоящем» (т. 1—2, М., 1914—1915) написал беспристрастный социально-психол. портрет влиятельного «теоретика и устроителя рус. масонства» — «И. В. Лопухин». (В 1947, уже овладев — по собств. слову — «марксистским методом», подготовил ст. «Масонская литература» для академич. «Истории рус. лит.-ры», т. 4.)

Между двумя революциями П. выступил с публци. брошюрой «В народ! Рус. рев. народничество сорок лет назад» (П., 1917; под текстом авторская пометка: Коржач. 27 июня 1917).

Итожа свои раздумья от прочитанных воспоминаний и записок еще «здравствующих народников» (Е. К. Брешко-Брешковской, В. Н. Фигнер, Г. В. Плеханова, П. А. Кропоткина, Н. А. Морозова, Н. В. Чайковского), П. публицистически актуализирует для современников ряд уроков и идей, «выстраданных этими народолобами»: «великое значение деревни в гос. жизни» России (с. 3); «конституция, парламент, всеобщее избират. право, граждан. свободы, всякие демок. программы... только укрепляют бурж. строй» (с. 9), а трудовому люду необходима социальная революция; теперь (после Февр. революции и возникновения идеи об Учредительном собрании) от решения «земельного дела» и участи крестьянства зависит вся дальнейшая история «нашей родины — на многие десятилетия, даже сотни лет» (с. 3); ныне «на очередь» поставлена «необходимость тщательного изучения» крестьянства и «долгой, упорной культурно-просветительской работы» (с. 29).

В сент. 1917 П. (вместе с М. Фасмером, будущим этимологом, и В. М. *Жирмунским*) утвердили экстраординарным проф. Саратов. ун-та (ЦИА СПб., ф. 14, оп. 1, № 10619, л. 19). Незадолго до Октября он переехал в Саратов, где вскоре развернул широкую научно-просветит. и культурную деятельность. Наряду с профессорством в ун-те (см.: Саратовский ун-т. 1909—59, Саратов, 1960, с. 116—117), в апр. 1918 избран дир. Ин-та нар. образования, с успехом читал в нем лекции; основал Об-во лит.-ры и этнографии; организовал выпуск науч. работ по лит.-ре, образованию, этнографии.

В 1920 завершил исследоват. работу «Творческая история „Горя от ума“». Введение к ней, сократив и немного дополнив, опубликовал под назв. «Новый путь литературной науки» («Искусство», 1923, № 1; оттиск — М., 1923). Констатируя кризис «культурно-ист. метода» (будто забывшего, что «лит.-ра есть художество») и «естественное» нарастание в науке «формально-эстетич. проблем», П. предостерегает от абсолютизации «формально-ист. метода» и советует ввиду многогранности предмета исследования — «словесного художества» — сочетать различные методы и подходы — социально-генетич. (или социологический), «формально-эстетический», культурно-психологич. (удачно реализованный М. О. Гершензоном), анализ «психологии творчества» и др. В качестве

лит.-ведческого жанра, свободно объединяющего «в одном задании» многие приемы как старой, так и новой лит. науки», П. выдвигает жанр «творческой истории» крупных произведений. Теоретич. оформлением и практич. реализацией жанра явилась его названная работа о «Горе от ума», опублик. лишь в 1928 (М.—Л.; переизд. — М., 1971), ставшая, по отзыву Сакулина, «надежным образцом методики исследования» («Изв. АН. Отдел гуманитарных наук», 1930, № 3). Обедненность и суженность истолкования худож. лит.-ры «формалистами» — тема рец. П. 1927 «О сб-ке молодых литературоведов-формалистов» (ж. «На лит. посту», 1927, № 4), где вместе с тем отмечена их высокая «лит. выучка» в анализе стилистики худож. текстов.

С сент. 1921 проф. Моск. ун-та; вскоре избран чл. Гос. академии худож. наук и занял должность вице-президента и зав. отделом лит.-ры; в 1923 по приглашению Брюсова начал преподавать в Высшем лит.-худож. ин-те. Продолжая развивать — путем дифференцирования ряда тем из «Трех эпох...» в самостоят. работы и включения новых тем, проблем, в т. ч. выдвинутых «формалистами», — жанр семинария, выпускает кн. «Пушкинская студия» (2-е изд. — П., 1922), «Два века рус. литературы» (М., 1923; 2-е, перераб. изд. — М., 1924; в кн., в частности, впервые дана проблемная библиография по Ф. М. Достоевскому) и совершенно новый, «историко-краеведный семинар», «Областные культурные гнезда» (М., 1928), получивший высокую оценку известного фольклориста и краеведа М. К. Азадовского (обстоят. рец. — ж. «Северная Азия», 1930, кн. 1/2): кн. П. научно оправдывает необходимость и важность развернувшегося в провинции краеведч. движения, раскрывая особую роль и ценность провинц. лит.-ры и культуры (ср. также одобрит. рец. И. М. Гревса и Н. К. Гудзия — «Краеведение», 1928, № 6, и «Красная новь», 1928, № 4). Однако книга не успела стать настольной для провинц. краеведов: вскоре в большевист. прессе появились статьи «интернационалистов», усмотревших в краеведч. лит.-ре опасные тенденции увлеченности старинной и «патриотизмом», — и краеведч. движение подверглось разгрому (см. ст.: Первый перелом — «Знание — сила», 1988, № 11, с. 67—75). В 1931 П. избран чл.-к. АН СССР. В сов. период, продолжая издавать работы о Грибоедове и Тургеневе, он занимался также творч. наследием А. С. Пушкина, И. А. Гончарова, М. Горького, В. Г. Короленко и др. Он ввел в науч. обиход воспоминания современников писателя в качестве существенного историко-лит. источника. Вместе с

А. В. Луначарским редактировал сер. книг «Русские мировые классики» (1925—32). В 1928 на обсуждении плана издания классиков встречался с Горьким, поддерживавшим план, предложенный П. (позже писатель одобрил ст. П. «Горький и фольклор» — «Сов. этнография», 1932, №5/6). С 1932 жил в Ленинграде; проф. ЛГУ и чл. Ученого совета ИРЛИ. В 1942—44 проф. Среднеазиат. ун-та; в 1944—48 — Московского, а затем вновь Ленинградского ун-та.

При внешне благополучном академич. статусе жизнь П. в сов. время не была лишена драматизма и горьких переживаний: ему пришлось каяться в печати за тенденции «вульгарного социологизма». Проводник идеологии диктатора, орган ЦК ВКП(б) газ. «Правда» дважды (8 авг. 1936 и 30 дек. 1946) подвергла его резкому осуждению; он не раз поддавался идеологии конъюнктуры, вопреки собственным убеждениям и этике ученого-академика. О его скрытых переживаниях и «суде над самим собой» см.: Гришунин, 1991. В ИРЛИ хранится обширный массив переписки П. (в т. ч. письма П. И. Бартенева, С. А. Венгерова, П. Е. Щеголева, В. Я. Брюсова, А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича).

Др. произв.: «Из арх. мелочей. Столкновение Булгарина с матерью Грибоедова» (публикация; РС, 1905, № 12), «Несостоявшаяся газ. Пушкина „Дневник“ (1831—1832)» (в кн.: Пушкин и его современники. Мат-лы и иссл., т. 2, в. 5, СПб., 1907; отд. оттиск — СПб., 1907), «Памяти А. Н. Пыпина» (ИзвОЯС, 1910, № 3), «Беллетристика Надсона» (газ. «Солнце России», 1912, № 3), «Историко-лит. труды в 1913 г. (Обзор книжных новостей)» (б. м., 1914), «Хронология рус. лит-ры для учащихся. Синхронистич. таблицы...» (СПб., 1914; положит. рец.: ЖМНП, 1914, № 12; ИВ, 1915, № 4), «Грибоедов и Мольер. (Переоценка традиции)» (М., 1922), «Лиризм В. Г. Короленко» («Жизнь», 1922, № 2), «Рус. писатели в неизд. восп. В. Н. Григорьева» («Совр.», 1925, № 1), «Стилизация Блока» («Веч. Москва», 1926, 17 авг.), «Белый А.» (БСЭ, 1-е изд.; ср. отзыв Белого в его кн.: Начало века, М., 1990, с. 34, 570), «Дворянская реакция на декабризм» («Звенья», сб. 2, М., 1932), «О классиках. Сб. статей» (М., 1933), «Грибоедов. Иссл. и характеристики» [Л., 1934], «Из истории ранней рус. демократии. (Черты ее идейной, моральной и социальной настроенности)» («Вопросы рус. лит-ры», в. 2, Львов, 1967).

Лит.: Неприворот-Данченко В. И. [Отрывок из письма к П. (апр. 1936 г.)]. — В кн.: Контекст. 1984, М., 1986, с. 196—97; Берхов

П. Н., Проф. П. — «Вест. ЛГУ», 1948, № 3; Горюхский Б. П., Н. К. Пиксанов. — В кн.: Вопросы изучения рус. лит-ры XI—XX вв., М.—Л., 1958, с. 5—12; Барсуку А. И., Печатные семинарии по рус. лит-ре. (1904—1963). Изд.-бюбл. очерк, М., 1964, с. 21—26, 28—32, 44—50, 225, 228; Чернышевская Н. М. [выпуск Н. Г. Чернышевского], Встречи с П. — В сб.: Вопросы рус. лит-ры, в. 1, Львов, 1972; Н. К. Пиксанов, М., 1968 (АН СССР. Мат-лы к биобиблиогр. ученых СССР; Сер. лит-ры и яз., в. 8); Ревякин А. И., Краткий очерк п.-и., педа. и обществ. деятельности. — Там же; Григорьян К. Н., Путь ученого (к 90-летию П.). — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сб. статей к 90-летию П., Л., 1969; Гришунин А. Л., [Комментарии]. — В кн.: Пиксанов Н. К., Творческая история «Горя от ума», М., 1971; его же, Он между нами жил... (к 95-летию со дня рождения П.). — В сб.: Вопросы рус. лит-ры, Львов, в. 2, 1972; его же, Два Николая [Н. К. П. и Н. К. Гудзий]. — В сб.: Сожет и время. Коломна, 1991; С.-Петербург. Высшие жен. (Бестужевы) курсы, Л., 1973 (ук.); Фомичев С. А., Грибоедовское собрание П. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции, Л., 1977; Тышкин Г. А., П. — преподаватель Бестужев. курсов. — РЛ, 1978, № 4; Соколов Н. И., П. как историк рус. лит-ры. — В кн.: От Грибоедова до Горького. Из истории рус. лит-ры. Межвузовский сб., Л., 1979 (включает доп. библиографию работ П., не вошедших в кн. «Н. К. П.»), 1968; История рус. лит.-ведения, М., 1980 (ук.); Баскаков В. Н., Пушкинский Дом. (Ист. очерк), Л., 1980 (ук.); Тыняновский сб.-к. 3-и тыняновские чтения, Рига, 1988, с. 301 (отзыв В. М. Жирмунского); Аздаловский К. М., Егоров Б. Ф., О низкополилитизме и космополитизме: 1948—1949. — «Взгляд», 1989, № 6, с. 169, 175—76; Шечкова С. А., Н. К. П. — исследователь жизни и творчества Грибоедова: Методологич. аспект (автореф. канд. дис.), Х., 1991; ЛН, т. 4/6, с. 965, 997, 1023, т. 13/14, с. 542, 627, 652...667, 670, 704; т. 16/18, с. 36, 37, 631—32, 1058...1161; т. 47/48, с. 74...92; т. 53/54, 56, 57, 60 (кн. 1), 69 (кн. 2), 73 (кн. 2), 76, 82, 83, 85, 95; т. 98 (письма: одно П. к В. Я. Брюсову и 2 от него к П.). + РВед. Сб.: Журнал «Рус. лит-ра» за 1958—1973 гг. Указатель содержания, Л., 1975, с. 143—44 (сост. В. П. Степанов); Пушкинский Дом. Библиография трудов, Л., 1981 (сост. А. К. Михайлова); Муратова (1, 2, 3; ук.); ЛЭ; КЛЭ [в т. ч. ст. «Семинарий» (т. 9); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 496; ф. 377; ф. 163, оп. 2, № 392 и оп. 4, № 88 (письмо Лашкову); РГАЛИ, ф. 395 (Пыпиных), оп. 1, «Воспоминания и настроения» В. А. Ляпкой (Пыпиной); ИМЛИ, ф. 239; РНБ; ф. 582; ГАРФ, ф. 102, оп. 199, 1902 г., в. 174, ч. 27.

С. А. Ипатов, Н. П. Розин;
при участии А. Л. Гришунина.

ПИЛЬСКИЙ Пётр Моисеевич (Моисевич) [16(28).1.1879, Орёл* — 21.12.1941, Рига; похоронен на Покровском правосл. кладб.], лит. и театр. критик, прозаик. «Моя родина — г. Орел. Там офицер 144 Каширского полка Мосей Николаевич Пильский женился на дочери графа Девиера, Неониле Михайловне, и первенцем от этого брака родился я» (автобиогр. — ИРЛИ). Дед, Мих. Дм. Девиер, служил «в лейб-гвардии Конном полку» (родословные книги — РГИА, ф. 1343, оп. 46, № 1170, л. 26—27 и об.). В 10-летнем возрасте П. поступил по конкурсу в 4-й моск. кадет. корпус, затем был переведен в Александров. воен. уч-ще, откуда в 1894 вышел юнкером в 120-й пехотный Серпухов. полк (расквартированный в Минске). В 1895 произведен в офицеры, в 1897 (или 1898) вышел в отставку.

Воен. обучение оставил у П. тяжелые воспоминания. В юнкерском уч-ще, где, по его сло-

вам, «многие пили систематически и пили как раз наиболее способные, живые, порывистые и неглупые» (МБ, 1906, № 6, с. 38), П. привык к алкоголю, в конце жизни даже боролся с этим пристрастием; в пороках армии видел причины мн. негативных явлений обществ. жизни России (ст. «Во мраке касты» — РМ, 1905, № 11; шпик ст. «Армия и общество» — МБ, 1906, № 6—8, и др.).

Печататься «начал еще кадетом» (автобиогр. — ИРЛИ). Во время учебы в Москве участвовал в лит. кружке, собиравшемся в 1891—92 дома у В. Я. Брюсова. «Прекрасно знакомый с рус. критик. лит-рой», П., по восп. товарища по корпусу В. К. Станюковича, был «одним из самых ярких спорщиков» и «лит. беседа нередко превращалась в турнир между этими двумя бойцами (П. и Брюсовым)» (ЛН, т. 85, с. 727, 753; см. очерк П. «Валерий Брюсов» — «Мансарда», Рига, 1931, № 5—6).

Посещал также лекции ун-тского проф. Н. И. Стороженко, к-рый советовал П. отказаться от воен. службы и посвятить себя лит-ре. 19 апр. 1894 совершил поездку в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому (см.: «Моя беседа с Л. Н. Толстым» — «Каспий», 1903, 23 февр.; «У Толстого» — «Последние известия», 1923, 1 апр.). В том же году, приехав в Минск, к месту службы, стал сотрудничать в газ. «Минский листок», вел критич. и публицист. отделы. Первые значит. публикации П. — рец. «Сочинения А. М. Скабичевского» (1895, 19 мая) и ряд статей об А. П. Чехове (1895, 28 июля, 15, 26 сент., 20 окт.). Позже П. опубли. в сб. «Незлюбивые пародии» (М., 1908; сост. Л. М. Васильевский) в своей подборке две пародии — «Скабичевский. О жизни и литературе» и «А. Чехов. Дача с птичкой», столкнув в первой из них оба эти имени. Печатав библи. и критич. заметки также в киев. газ. «Жизнь и иск-во». В связи с запрещением «Минского листка» после евр. погромов и беспорядков 1897 на 8 месяцев П. приехал в Петербург, начал сотрудничать в «Бирж. вед.».

где познакомился с редактором отдела «ведомостей» И. И. Ясинским, печатавшим П. и в «своем» ж. «Ежемес. соч.»; вскоре вошел в лит. кружок Петербурга.

Началом своей журналистской деятельности П. считал 19 апр. 1901, связывая его с работой в «Курьере» (печатал библиотечные заметки). В этой моск. газете П. дебютировал и как беллетрист — рассказом «Что будет впереди» (1902, 3 янв.), к-рый, по словам П., «очень одобрил» Л. Н. Андреев (автобиограф. — ИРЛИ), опубликовавший в газете и рассказы «Золотые вилочки» (1902, 18 апр.) и «Власть смерти» (1903, 19, 21, 23 авг.) — о самоубийстве гимназиста, посв. Андрееву и написанный под его влиянием. Рассказы «Подруги», «У фабричной трубы» (МБ, 1902, № 10), «поэма в прозе» «Сумасшедший дом» («Ежемес. соч.», 1902, № 5), позже объединенные в сб. «Рассказы» (СПб., 1907; 2-е изд., 1910), внешне бытовые, содержали скрытый философский, даже символич. смысл, а отд. сюжеты (рассказ «Зарево») разворачивались в плане экспрессионистской картины, близкой нек-рым произв. Андреева. П. в предисл. назвал книгу «надгробным камнем на могиле беллетриста»; после ее выхода он всецело посвятил себя журналистике.

Отзывы на книгу были разноречивыми: П. «рассказывает... объективно до сухости и упрощает форму до того, что она совершенно не поддается пересказу. Оттого-то внутреннее построение его рассказов и производит такое сильное впечатление» (А. И. Куприн — СМ, 1907, № 10, с. 82—83); «как мило, просто, как ясно и благородно!» (Н. Рапп — «Перевал», 1907, № 11, с. 68); «вест холодно выдуманности и выдуманности» (И. Леонтьев — «Нов. книга», 1907, № 13, с. 22); «Да и о жизни ли эти рассказы? Эти маленьки довольно точные фотографии...?», «эти шлоды выстального незрелого вдохновения» (Н. И. Петровская — «Весы», 1907, № 9, с. 69—70).

В кон. 1902 П. уехал в Баку, где был сотрудником газ. «Каспий», а потом зав. редакцией газ. «Баку». В «Каспии» он поместил, кроме лит. очерков, циклы фельетонов «Петербург. письма» (1902, 29 окт., 21 нояб., и др.) и «Лит. впечатления» (1902, 25 окт., 8, 30 нояб., 14 дек., и др.). В кон. 1903 приехал сначала в Москву, а затем снова в Петербург, где возобновил бурную лит. деятельность, секретарствовал в газ. «Неделя» и ж. «Вест. знания». Перевез в столицу мать, жену, Анну Антонову, и сына, обращался в Лит. фонд за помощью (см. его прошение — ИРЛИ, ф. 155), часто переезжал (в письмах за 1904—05 упомянуты 5 адресов). В апр.—мае 1905 дважды подвергался аресту, сидел в одиночках. С 1906 сотрудничал в эсеровской газ. «Мысль». Против П. как автора брошюры «Охранный шпионаж» (СПб., 1906) о деятельности рос. «охранки», к-рую он обвинял в некомпетентности, запугивании и обмане ча-

стных лиц и общества в целом, в прямых провокациях (напр., в выдаче жандармскими агентами завербованного революционера его же товарищам), было «возбуждено судебное преследование» за «оскорбительную и резкую критику деятельности рус. Гос. полиции» (РГИА, ф. 1405, оп. 530, л. 431; ф. 777, оп. 7, л. 179 — письмо прокурору Петерб. судебной палаты и доклад члена Петерб. к-та по делам печати К. Н. Осипова). На брошюру был наложен арест, а тираж конфискован.

Выступая как театр. критик, П. провозгласил смерть «быта» в иск-ве [«Социал-романтизм». (С. Юшкевич)] — ТИИ, 1906, № 49; отклик: А. Р. Кутель — там же, 1906, № 50].

Наши критики. К. Чуковский, П. Пильский, М. Волошин. Шарж Ре-Ми. Журнал «Сатирикон», 1908, № 29.

После публикации критич. писем «Революция и беллетристы» («Мысль», 1906, 30 июня, «Свобода и жизнь», 1906, 8 окт., 5 нояб., 19 нояб., 3 дек. и пр.) П. приобрел репутацию задорного полемиста «по вопросу о революции и иск-ве», декларирующего необходимость новых худож. форм для наступающей «революции духа» (Неведомский М., Художество и жизнь. — СМ, 1906, № 3, дек., с. 35, 38). П. полемизировал не только с отд. критиками, но и с изданиями.

Так, в 1908 П. в газ. «Свободные мысли», где он был ведущим критиком, в ст. «Вчерашнее теша» (21 янв.) обвинил «Столичную почту» (се лит. обзор) в искивизмании ко мн. новым явлениям в совр. иск-ве — Брюсову, «мистич. анархизму», к примирению партийной полит. прессы с т. н. декадентством, появлению условного театра и т. д. Критик «Столичной почты» Ф. Маловер (В. В. Португалов) в ст. «Писатель пописывает» (8 февр.) и «Цветная критика» (24 февр.), возражая П., упрекал его в непоследовательности. П. в ст. «Мой ответ Ф. Маловеру» («Свободные мысли», 11 февр.) защищал свое право на эволюцию взглядов. Вскоре его имя в «Столичной почте» становится эталоном низкооортной кри-

тики (см. реплику Д. В. Философова «Весь это хуже Пильского!» — 1908, 27 февр.).

Фельетон П. «Кадриль слепых» («Свободные мысли», 1908, 21 апр.) был направлен против марксистского лит.-критич. сб. «Лит. распад» (1908), в к-ром участвовали А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменс и др. и где сам П. получил отриц. характеристики: фельетон в свою очередь вызвал резкие выпады против него В. В. Воробьева («О буржуазности марксистов» — «Одес. обзор», 1908, 10—11 мая).

Гл. направлением в новой поэзии П. считал «мистический анархизм» и различал в нем три ветви: декадентов (Брюсов, К. Д. Балмонт), романтиков-неохристиан (Д. С. Мережковский) и собственно мистич. анархистов (Вяч. И. Иванов, А. А. Блок) («Палка хромого» — «Свободные мысли», 1907, 13 авг.). Считал это явление «глубокопраздной выдумкой»: «за этим несуразным термином стоит пустое место, на к-ром можно построить и храм и шантан» («Столыбы» — ТИИ, 1907, № 47, с. 778). Однако сам П. посвятил этой теме много статей (в т. ч. рец. на кн. Л. Кульчицкого «Современный анархизм» — «Свобода и жизнь», 1906, 5 нояб.; «Художник-анархист. [Об А. Куприне]» — там же, 1906, 3 дек.; «Анархическая критика» — «Перевал», 1907, № 12), вызвав иронич. отклики: «А то придет какой-нибудь трактирный нищенщик (Петр Пильский) и докажет, что Куприн — анархист, и Кузмин — анархист, и он сам — анархист, и все хорошие люди — анархисты...» (Чуковский К., От Чехова до наших дней, СПб., 1908; с именем П. — в его Собр. соч., т. 6, М., 1969, с. 76). Впоследствии П. и сам иронизировал: «Разумеется, „Л. Андреев — мистический анархист“ такой же хороший вздор, как „Л. Андреев — социал-демократ“, он не мистический анархист и не социал-демократ, он просто Леонид Андреев» («Критич. статьи», с. 12). П. писал также предисл. к изданиям разных авторов, в т. ч. к книге Е. А. Соловьева «Очерки из истории рус. лит-ры 19 в.» (3-е изд., СПб., 1907).

1907—08 — наиб. активные и плодотворные годы работы П. в столице. Он — сотрудник ж-лов «Наука и жизнь», «Перевал», «Журнал для всех», «Весна», «Пробуждение», «Образование», «Осколки», «Солнце России», «Всемирная панорама», газ. «Бирж. вед.», нек-рое время возглавлял лит. отдел в «Новой Руси», печатался в провинц. газ. «Одес. новости», «Юж. мысль», «Волгарь». Автор статей и очерков о творчестве Куприна, И. А. Бунина, А. С. Родовцева, М. П. Арцыбашева, З. Н. Гиппиус, Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, М. А. Кузмина, Андреева, Н. С. Гумилева, рецензент мн. лит. дебютов. Читал лекции. Пытался организовать издание журнала, принимал активное участие в выпуске газ. «Эпоха» (1908, № 1—2; позже «Межа», 1908,

№ 1—3), куда привлёк Андреева, А. Т. Аверченко, А. Н. Бенуа, Блока, Куприна, А. М. Ремизова, Сашу Чёрного. Как критик участвовал во всех номерах этих газет. В этот период П. обрёл широкую популярность.

И. Севериан писал о читателях П.: «И жюри обыватель в Рыльске! Глаза, читая злой памфлет/Блистательные энтелы (роман в стихах «Розль Леандра», 1925), А. Бухов назвал П. «одним из самых ярких развратителей лит. лиц и морд» («Весна», 1908, № 10, с. 14), см. также пародию О. Л. Д'Ора («Свободные мысли», 1908, № 49), комич. реплику Саши Чёрного, страшась, что П. назовет его «дешёвой бездарностью» (стих. «Переутомление», 1908). П. называли «пламенным» и «тапталливым» [О. Димов — «Свобода и жизнь», 1906, 19 нояб. (2 дек.)], «модным и талантливым критиком», бичующим «фальшивое ценоустройство» [Блок К. V, 120, 723 (ст. «О реалистах», 1907)]. По словам Д. С. Святополка-Мирского, П. «в 1907 г. в петерб. газ. „Понедельник“ вместе с К. Чуковским обновил рус. критику „сопр.“ европ. приемами хлесткой занимательности» («Лит. учебн», 1934, № 5, с. 31).

Портрет П. этого времени отразился в мемуаристике: «... был очень неглуп, довольно знающ и не бездарен» (Чаплицкий); «изысканный молодой человек... В пенисе. Гладко выбритый подбородок. Чистенький костюмчик. Модный галстук... Франт» (Д'Ор); «молодой человек с закрученными мальскими усиками и пушком на подбородке... Яркий „богемист“ Петр Пильский был талантливый, своеобразный, экспансивный, но взбалтывающий критик-публицист. Он умел остро писать памфлетные речи и произносить тосты, точно имитируя всех ораторов того времени» (Ходотов Н. Н., Ближне-далекое, Л.—М., 1962, с. 174—175); «темпераментный и бойкий писатель, отлично владевший пером, но брестер, самохвал, забика, кабацкий драчун» (Чуковский К., Современники, М., 1963, с. 268).

Несмотря на критич. активность, П. почти постоянно нуждался, особенно после закрытия «Свободных мыслей» и «Эпохи» (см. его прошение от 20 янв. 1909 в Пост. комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам — ИРЛИ, ф. 540), а также в связи с арестом в дек. 1907 и судебным преследованием за ст. «Кладбище» («Утро», 1908, 7 июля) о революционере, к-рый согласился стать палачом, признанную в соответствии с регламентирующим указом С.-Петерб. к-та по делам печати «написанной с несомненной целью возбудить в читателей вражду к правительству» (сообщение графа Головина петерб. градоначальнику — РГИА, ф. 776, оп. 9, № 858, л. 7).

В 1909 П. выпустил сб. «Проблема пола, половые авторы и половой герой» (СПб.). Несмотря на эпатажность названия, П. рассматривал проблему в подчеркнуто лит. ключе («... я очень любил, люблю и всячески защищаю и хвалю талант, а значит и темы М. Кузмина»), выводя за пределы лит-ры произв., «цель к-рых подействовать не на мозг, не на душу и сердце, а на...» (с. 35). По своему пристрастию к необычным и даже скандальным сюжетам П. и позже интересовался произв. этой тематики [см. его рец. «Сидорова коза...» на книгу А. Мар «Женщина на кресте» (ЖЖ, 1916, № 24, подпись Л. Фор-

тунатов) и пр.], но оценивал их исключительно по эстетич. критериям.

Основу его сб. «Критические статьи» (т. 1, СПб., 1910; т. 2, как и подготовленный в это же время сб. статей «Армия и общество», не издан) составили «ряд живых и метких лит. характеристик — критич. этюдов» (Шмелев) об Андрееве, Брюсове, Н. М. Минском, Ф. Сологубе и др., ранее напечатанных в газетах, и программная ст. «О критике». В ней П. дал краткий ист. очерк рус. критики, определил задачи совр. критика — не учить читателей, почему произв. иск-ва прекрасно, а передать его худож. обаяние, «уметь... перевоплотиться, как и сам художник, пройти с ним весь трудный путь творч. процесса... и восприняв... суметь передать, внушить и объяснить» (с. 153). П. считал, что новая критика будет «импрессионистической» и что самые интересные ее образцы принадлежат художникам, пишущим об иск-ве А. Белому, Вяч. Иванову, Мережковскому, Гиппиусу, позже он высоко оценил «критика-эстетика, мечтательного лирика, влюбленного прихожанина лит. храма» Ю. И. Айхенвальда («Затуманившийся мир», с. 116).

Восторженно отзывался о книге Л. П. Гроссмана: «парадоксы г. П... нисколько и неизбежно вытекают из бурно-пламенной лавы его писаний. Это цвет и хмель его мышления... Его стиль изумительно богат, блестящ, ослепителен... книга П. представляет собой горячую, субъективную, интимную импровизацию ума...» («Одес. новости», 1910, 19 янв.).

В 1910 П. отправился в «добровольное самоизгнание из Петербурга» (см. его письмо Ф. Д. Батюшкову, 1913, ИРЛИ) на Юг: в Одессу и Киев, помещал статьи, фельетоны, рассказы, очерки, театр. рецензии в киев. изданиях, харьков. газ. «Утро». В Одессе он впервые пытался организовать студию молодых поэтов (куда вошли Э. Г. Багрицкий и В. П. Катаев), ездил с лекциями. Наиб. активно сотрудничал в «Одес. новостях» в 1910—12, но посылал туда статьи и позднее. В 1914 конферировал в Одессе вечер футуристов с участием В. В. Каменского и В. В. Маяковского.

Д. Бурлюк демонстрировал на этом вечере футуристич. портрет П. (воспроизведен в «Одес. новостях», 1914, 18 янв., там же шарж на него М. Линского). Позже П. вспоминал в очерке «Маяковский»: «... когда Бурлюк вынес доску, на к-рой были нарисованы разноцветные треугольники, — лиловые, черные, желтые и малиновые, — и объявил: „Портрет Пильского“ — публика разразилась неудержным хохотом» («Затуманившийся мир», с. 204). «Одес. новости» зачислили его в футуристы (Незн., На футуристах... — 1914, 17 янв.). П. откликнулся письмом «Футурист ли я?» (там же, 1914, 25 янв.), в к-ром продекларировал свою испарительность («Я — не футурист... говорить о футуристах и даже за футуризм не обязывает ни звать, ни быть футуристом!») и одновременно — поддержку «дерзкого новаторства», «искания» как такового; победа футуристов, по мнению П., предсказывается «принципом нового иск-ва, их духовной близостью, их сродством с новой динамикой нового города, новой нашей

звзлетной жизнью, новой механической культурой». Интересно его суждение о Маяковском: «... у него нет ничего от футуризма — ни заумного языка, ни нового лексикона, ни даже непонятности. Он умело талантлив и умеренно асен» (Петровский, Нещ... — ЖЖ, 1916, № 44, с. 8).

Считая позицию лит. критика необходимо беспристрастной, П. не входил ни в какие лит. группировки, никогда не связывал своего имени с каким-то определенным журналом или еженедельником, печатаясь подчас в изд. разл. эстетич. ориентации. При его статьях были нередки примечания, подобные тому, к-рым Д'Ор сопровождал пародию на П. (см. выше): «Редакция уведомляет читателей, что совершенно не согласна с высказываниями автора». Но П. безусловно представлял либеральный лагерь: часто язвительно высказывался о сотрудниках «Нового времени» В. П. Буренине [«Буренин» — «Свободные мысли», 1907, 1 окт., с. 2; «Книга никого не роднящая, никого не дразнящая, никого не раззащящая... (Драматич. карикатуры В. Буренина)» — «Одес. новости», 1917, 8 февр.; «Там не „стило литературы“» — там же, 1917, 24 февр., и др.] и М. О. Меньшикове («...от его писаний, бесцветных и мстительных, всегда мне становилось жутко» — «Меньшиков» — в кн: «Критич. статьи», с. 277). Позже писал: «Было время, когда воевать и бороться с Меньшиковым, и с Бурениным... имело смысл» («Одес. новости», 1917, 8 февр.), и хотя П. ценил В. В. Розанова «с его тонкими лит. догадками» («Мистик в должности околоточного» — «Свободные мысли», 1907, 23 июля), негативную оценку вызывали у него антисемитские пассажи этих авторов (в эмиграции П. посвятил одну из статей «Протоколам сионских мудрецов» — «Доказанный подлог» — «Сегодня», Рига, 1938, 10 марта).

Др. объектом неизменно критич. нападков П. была «будуарная литература»: произв. Петровской, к-рую он назвал «мимочкой в литературе» («Будуарная литература» — «Свободные мысли», 1907, 31 дек.), А. А. Вербицкой («А. А. Вербицкая» — «Сегодня», 1928, 21 янв.) и др. Однако к такой лит-ре он причислял не всю женскую прозу: так, вполне сочувственное вступил. слово написал к книге Ф. Гуревич «Девичье. Рассказы» [Од., 1912].

В 1914 П., призванный в армию, служил в артиллерии (в чине капитана), на фронте был дважды ранен. На войне погиб его брат Павел, поэт и журналист (см. письмо П. к Ясинскому от 15 марта 1916 — РНБ, ф. 907, № 656). Только через год П. смог вернуться к лит. деятельности: работал в ред. «Журнала журналов», помещал статьи в «Солнце России» (1916—18), «Аргусе» (1916), «Рус.

воле» (1915—17), продолжил публикации в «Театре и иск-ве» (1908—1917) и др. В нек-рых его выступлениях критика заметила обычно несвойственное П. «брюзжание» (см.: Феникс (И. М. Василевский), Вздоху ко минушем. «Владычество пустяка». П. Аргус. VI — ЖЖ, 1916, № 32). В отзывах П. на лит. и театр. события было много точных и образных характеристик.

Ощущая критику главным своим призванием, «считая ее самым радостным творчеством» и понимая ее «как постижение одной души другой, как высочайшее и прекрасное искусство» (автобиогр. — ИРЛИ), — П. ставил своей задачей довести ее «до поэтической формулы» («Критич. статьи», с. 167).

Характерен полусутольный отзыв Б. Флинта: «Если дать ему волю, заговорит и запишет всю Россию... Может писать о чем угодно, но всегда страстно и блестяще», «Злой в полемике — в остальном рыцарь» (Незнакомец — ЖЖ, 1916, № 12, с. 8—9). При этом тон его статей был, как правило, в осн. благожелательным. Недаром один из раскритикованных П. авторов обратился к нему за лит. советом (см. письмо А. Н. Мошнина от 22 авг. 1907 — РНБ, ф. 211, № 1397).

После Февр. революции 1917 в мае—июле П. — редактор (с Куприным) петрогр. газ. «Свободная Россия». В 1917 (до окт.) выпустил в Петрограде сатирич. эссе, над к-рым работал еще с 1913, — «Господин Петроград» (два изд. — Типография т-ва «Печатное слово» и изд-ва ЖЖ), в нем П., описывая превращение гоголевского франта-Петербурга в пошлого «мещанина», обыграл мн. канонич. метафоры столицы (в т. ч. Ф. М. Достоевского — о городе, исчезающем, словно туман). В это время вышли также небольшой сб-к рассказов «Подруги» (П.) и расширенное вдвое соч. «Охранный шпионат» (под назв. «Охрана и провокация»; П.). П. осуществил мечту о собств. ж-ле и в мае (или июне) — «в дни именин глупости и бесчестия» (из подзаголовка) — начал издавать ж. «Эшафот», «орган памфлетов», в к-ром печатались Аверченко, А. В. Амфитеатров, А. С. Бухов, А. С. Грин, Вас. И. Немирович-Данченко, художник Ре-Ми (Н. В. Ремизов), Тэффи. После 3-го номера (вероятно, в окт.) ж-л был закрыт, т. к. к тому времени П. уже был «непримиримым врагом планетарного опыта марксистов» (С а в в и ч). С окт. 1917 сотрудничал в газ. «Вольность» Амфитеатрова, в 1918 — в газ. «Вечерний час» (фельетон «Кухарка» — «Новый вечерний час», 30 июля, и др.).

В нач. 1918 П. основал в Петрограде Первую Всерос. школу журнализма (трехмесячную), в к-рой помимо него лекции читали Ф. Ф. Зелинский, С. А. Венгеров, А. Л. Волынский, Ф. Сологуб, Блок, Куприн, Амфитеатров, В. М. Дорошевич.

Об этом см. его письмо П. П. Гнедичу от 17 янв. 1918 с предложением прочитать лекции о театре и театр. критике и описанием структуры школы («В ней 2 курса — параллельных. 1-й — исторический, основной: история лит-ры, экономика и финансы, внешняя политика и история, пресса, газета, техника, этнография и т. д. 2-я серия лекций как бы эпизодическая...» — ИРЛИ, ф. 73, оп. 1, № 369 а), а также: Блок. Зап. кн., с. 385, 394, 398, 403, 405, 409—10, 584; «Молва» [1918, 10 июня]; восп. П. «Лит. края» («Последние изв.», Ревель, 1923, 12, 19 февр.).

В 1918 П. в газ. «Петрогр. эхо» (под ред. И. М. Василевского) после ряда острых фельетонов («Реакция» — 15 марта, «Жаль графа Мирбаха!» — 16 апр., «Вы... Ваше!» — 7 апр. и пр.) напечатал ст. «Смирительную рубашку!» (9 мая), в к-рой призывал остановить «безумие» новой власти «алкоголиков» и «дегенератов». П. был заключен в воен. тюрьму — ему приписывалась «цель вызвать в массах недоверие к Сов. власти и враждебное к ней отношение» (Архив ФСБ СПб. Пост. по делу..., № 5030), дело в «законченном следствием виде» было передано в Рев. трибунал. 28 мая 1918 П. выпустили из тюрьмы с подпиской о невыезде (документ Рев. трибунала — ЦГИА СПб., ф. 2411, оп. 1, № 20), однако он спешно выехал на Юг. Историю своего бегства обрисовал в рассказе «Приговоренные (Горькие воспоминания)» («Последние изв.», 1922, 4 дек.): «От большевиков я бежал раз. Из Петербурга. Потом второй раз. Из Киева. Теперь меня судьба застала в Херсоне...». В авг. 1920, совершив трудную и рискованную переправу через Днестр, добрался до Кишинёва, сотрудничал вместе с Л. М. Добронравовым и П. П. Потёмкиным в местных газетах («Наше слово» и др.). Из Бессарабии уже с рум. паспортом в 1921 переехал в Эстонию, где его вторая жена, актриса Е. С. Кузнецова, вошла в состав местной труппы. В Кишинёве и Ревеле читал лекцию «Ленин и Троцкий» (см. сообщение — «Рус. книга», Б., 1921, № 1, с. 28; А. М-ов — «Последние изв.», 1922, 13 окт.), опубли. очерки «Ленин» (там же, 18—20 окт.), «Троцкий» (там же, 28, 29, 31 окт.).

Публикуясь одновременно в газетах «Последние известия» (Ревель) и «Сегодня» (Рига), П. прожил в столице Эстонии до 1926, когда порвал с «Последними известиями» (см. его письмо — «Сегодня», 1926, 6 мая) и переехал в Ригу, став пост. сотрудником газ. «Сегодня» и опубли. в ней более 2000 рецензий, откликов, регулярных лит. обзоров, в т. ч. — обзоров очередных номеров парижского ж. «Совр. записки» (см.: А б з о в), т. о. успешно восполнив отсутствие в эмигрантских изданиях регулярного отдела с квалифициров. библи. освещением новинок рус. лит-ры. По популярности в эмигрантской среде «Сегодня» шла непосредственно за

парижскими «Последними новостями». В 1928 пытался вести (вместе с В. Гадалиным) ж. «Лит-ра и жизнь» (вышло два номера), состоящий из кратких рецензий и аннотаций.

В Риге П. организовал курсы журналистики, к-рые вел один (в отличие от петроград. школы). В первую очередь он «выбивал» из начинающих журналистов тягу к газетным штампам и «красотам» (Е. Пильская — «Новое рус. слово», 1961, 24 дек.).

В 1927 П. под псевд. П. Хрушов выпустил ром. «Тайна и кровь» (Рига, с предисл. Куприна; 2-е изд. — 1930; тогда же переведен на неск. языков, вышел во Франции и в Англии). В нем острый сюжет о борьбе антибольшевистских сил с всевластным ЧК — ГПУ, о попытке противодействовать злу, прикидываясь его служителем, развернут в форме детектива. Тема переметчивости, предательства, доносительства, провокации вызвала у П. интерес еще с дореф. времен (см.: «Три охранника» — «Сегодня», 1929, 6 окт.). На протяжении 20 лет он неоднократно писал в статьях о провокаторах, женщинах и ЧК, чекистах-литераторах, лит. доносах, тайнах контрразведки, чекистах за границей и т. п.

Результатом приверженности театру, к-рый П. знал и с внешней, и с закулисной стороны, явилась кн. «Роман с театром» (Рига, 1929; рец.: А. А. Плещеев — «Сегодня», 1929, 20 дек.). В нее вошли эссеистские главы «Кулисы» и «Театральная тайна», портреты людей, к-рых П. знал лично, — артистов Т. П. Карсавиной, Н. В. Плевицкой, М. Н. Дальского, А. И. Сумбатова-Южина, В. Н. Давыдова, П. Н. Орленева, А. Н. Вертинского, театр. критиков А. Р. Кутеля, Ю. Д. Беляева, Волынского. В 1929 возобновилось издание еженед. «Театр и жизнь» (до 1931 вышло 5 номеров), в к-ром П. публиковал рецензии, мемуары, эссе (особенно интересен очерк «Русские театры» — 1929, № 3 — о судьбе рус. трупп за рубежом).

П. принадлежит предисл. к кн. «Гримасы кисти и пера. Сб. рус. юмористов, писателей и художников» (Рига, 1928), в к-рый вошла и его юмористич. автобиография. В 1920-х гг. написал неск. вступ. статей к книгам рус. авторов, живших как за рубежом (Куприн, Н. Н. Брешко-Брешковский и др.), так и в России (П. С. Романов, М. М. Зощенко, М. А. Булгаков и др.), к-рые выходили в рижском изд-ве «Лит-ра» К. Расиня.

Память об уходящем десятилетии П. постарался запечатлеть в кн. «Затуманившийся мир» (Рига, 1929), составленной из статей о Ф. Сологубе, Брюсове (ст. «Одинокий»), Розанове, С. С. Юшкевиче, Потёмкине,

И. В. Одоевцевой, Аверченко, Тэффи, Айхенвальде, Ясинском, а также о сов. писателях — И. Э. Бабеле, Зощенко, К. А. Федине, Б. А. Лавренёве, М. Е. Кольцове, Романове, В. М. Инбер и др. Тяга к худож. зарисовкам проявлялась в яркой стилистике его критич. статей — броских афористич. характеристиках, развернутых метафорах и сравнениях: «Когда читаешь книги Зощенко, кажется, будто сидишь среди тихих людей за пузатым самоварчиком» (с. 182), Одоевцева «любит полусвет большие пожаров» (с. 36), Ленин-публицист «скучен до тоски, однообразен, как замерзшая пустыня» (ст. «Извратители духа» — с. 246), книга М. И. Цветаевой «После России» — «горячая, бунтующая, нервная... Это откровение в темпе, раскрытие души в ритме» («Сегодня», 1928, 25 авг.); о Н. М. Минском: «По своему темпераменту он был задирой, в своих писаниях — капризником и упрямцем» (там же, 1937, 12 июля). Среди насыщенных мемуарными вкраплениями очерков (все опубл. — «Сегодня»): «Дорошевич» (1922, 2 марта), «Беззаботные годы» (1925, 14 дек.), «Первый рус. „Понедельник“» (1925, 7 дек.), «Спустя десять лет» (1926, 21 мая), «Шалашин» (1930, 20 апр.), «О Куприне», «Куприн в России» (1937, 6, 28—30 июня).

В рещ. на «Замучившийся мир» М. Алданов писал: «Особенности его (П.) таланта, необыкновенная память, сохранявшая все, от малейших черт наружности давно ушедших людей до шуток, сказанных много лет тому назад, делают его книгу чрезвычайно интересной» (СЗ, 1930, № 42, с. 540; др. рещ.: В. Свистлов — «Сегодня», 1929, 28 апр.; М. А. Осоргин — ПН, 1930, 16 янв.). По словам В. Калашова, «критика П. не только беллетристична. Она еще и театральна... он стремится быть творцом: его критич. очерки часто превращаются в представления... Ему мало разобрать писателя или театрального деятеля, ему надо показать его как действующее лицо» («Числа», 1931, № 5, с. 267—269).

Постоянно общаясь в той или иной форме с жившими в эмиграции И. С. Шмелёвым, Ф. А. Степуном, Бальмонтом, Осоргиным, Б. К. Зайцевым, Аверченко и др., П. не мог не думать и о судьбе лит-ры в России, остро переживая раздвоенность рус. лит-ры на эмигрантскую и советскую, в программной ст. «Совесть, честь, предание» («Сегодня», 1931, 10 мая) писал о «сумерках рус. лит-ры», пытающейся устоять от «напряжения азиатского коммунизма и наваждения психол. европеизма».

Жанровый диапазон П., писателя и критика, был чрезвычайно широк. С его активностью как журналиста связано и обилие псевдонимов: Роланд, П. Т. Роний, Лентяй, П. Шуйский, Петрополитанус, Петр Пустынный, ТРБ, Книголюб, Евлампий Кондаков, Стило и др. Легкомыслие, эпикурейство П., о к-рых вспоминали мн. мемуаристы, возможно, были обманчивыми или поверхностными.

Необычайная работоспособность, эрудиция, устойчивость лит. пристрастий, отменное лит. чутье и преданность иск-ву, полит. чистоплотность были отличит. чертами П. как лит. критика и публициста. В восп. А. И. Дейча П. — обязательный человек, хотя его «своеобразное бретежество порой становилось грубоватым»; «он писал остроумно и увлекательно, блестяще владел стилем, им всегда руководила четкая мысль» (Дейч А., День нынешний и день минувший, 2-е изд., М., 1985, с. 295). П. является прототипом критика Караваева в романе «Корабли Старого Города» И. Сабуровой (Мюнхен, 1963; сокр. вариант — «Даугава», 1992, № 5—6).

После того как в июле 1940 в Латвию вошли сов. войска, у П., перебежавшего в мае инсульт, были изъяты архив и громадный эпистолярный (очевидно, так и погибший), что ухудшило его состояние. Пролетав год в параличе, П. скончался уже после прихода в Ригу нем. войск. Его вдове, выехавшей в кон. 40-х гг. через Германию в Америку, не удалось сохранить ничего из лит. архива П.

Изд.: Статьи: Валерий Брюсов. — «Даугава», 1993, № 5; Первое декабря. — Валерий Брюсов в Ревеле — Рус. дом — общий кров. — Рецензия о публике. — Все четыре в кн.: Балтийский архив. Рус. культура в Прибалтике, т. 1, Т., [1996].

Лит.: Новополлин Г. С., Порнографич. элемент в рус. лит-ре, СПб., 1909, с. 102; Orion, Брыгаи. Л. Много «П». — «Новый путь», Рига, 1922, 16 окт.; Ольховский, К. Предстоящая лекция П. — «Последнее изв.», 1922, 8 окт.; Старый журналист [Д'Ор О. Л.], Лит. путь дореволюцион. журналиста, М.—Л., 1930, с. 74—76; Чапыгин А., По тропам и дорогам, М.—Л., 1931, с. 102, 126—130; Амфитеатров А., Рыцарь худож. критики. — «Сегодня», 1931, № 108; Куприн А., П. Пильский. — там же; Куприн; Шмелёв И., П. Пильский. К 30-летию лит. деятельности. — «Россия и Славянство», Париж, 1931, 25 апр.; Калашев В., Пильский. К тридцатилетию лит. деятельности. — «Числа», 1931, № 5; Греков П., На свалке. — «Красная газ.», вч. в., 1933, 5 мая; Катаев В., Встреча. — В кн.: Эдуард Багрицкий. Альманах, М., 1936, с. 177—81 (текст частично вошел в кн.: Катаев В., Альманах мой венки, М., 1981); Камышников Л., Дон Жуан лит. фразы. — «Новое рус. слово», 1940, 10 мая; Слоном М., П. Пильский. (К 15-летию со дня смерти). — Там же, 1956, 12 дек.; Саввич Н., Критик-художник. К 70-летию со дня рождения П. — «Грани», 1947, № 3; Воронский В. В., Лит.-критич. статьи, М., 1956 (укр. н. с. 445); Аренский К., П. М. Пильский. К тридцатилетию со дня смерти. — «Рус. жизнь», 1972, 14 марта; Флейшман Л., Хьюз Р., Раскваша-Хьюз О., Рус. Берлин. 1921—1923. По мат-лам архива Б. И. Николаевского в Гугеровском ин-те, Париж, 1983, с. 105; Поляк Г., «Многоголосый мир» П. — «Время и мы», 1987, № 94, с. 206; Белый (II, III); Абызов Ю., Пильский. Опыт столичной и провинц. биографии. — «Даугава», 1993, № 5; то же. — В кн.: Балтийский архив. Рус. культура в Прибалтике, т. 1, Т., [1996]; его же. Осколки разбитого прошлого. — «Даугава», 1995, № 3; Андреев Л., С. О. С. Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Ст. и интервью (1919). Восп. современников (1918—1919), М.—СПб., 1994 (ред. и вступ. ст. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана; ук.); Исмагулова Т., «Фельетонист, безавиный из столиц». (П. в России и в эмиграции). — В кн.: Рус. интеллигенция на ист. переломе. Первая треть XX в. Тезисы докладов и сообщений науч. конференции. Санкт-

Петербург, 19—20 марта 1996 г., СПб., 1996; с. 6 ж. с. П.-критик и его «школа журнализма». — В кн.: История журналистики рус. зарубежья XIX—XX вв. Тезисы науч. конференции..., СПб., 1997; с. 6 ж. Журналист и власть (П. Пильский). — В кн.: Личность и власть в истории России XIX—XX вв., Мат-лы науч. конференции, СПб., 1997; А м ф и т е а т р о в -К а д а ш е в В л., Странный из дневника. — «Минувшее», в. 20, М.—СПб., 1996 (публ. С. В. Шумихина; ук.); Мейерс А., П. в Эстонии. 1922—1927. — В кн.: Балтийский архив. Рус. культура в Прибалтике, т. 1, Т., [1996]; то же. — В кн.: Рус. филология. Сб. науч. работ молодых филологов, Тарту, 1996; Чуковский К. И., Дневник. 1901—1929, М., 1997 (ук.); ЛН, т. 85; т. 92, кн. 2—4; т. 98, кн. 1—2. — Некролог: «Новое рус. слово», 1942, 5 мая (А. Седых). ЛЭ; Писатели рус. зарубежья, ч. 2, с. 185—90 (ст. А. М. Шахматкина; есть ошибки); Рус. зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энци. биогр. словарь, М., 1997 (ст. В. Н. Чукалова); Вильданова Р. И., Кудрявцев В. Б., Лаппо-Данилевский К. Ю., Краткий биогр. словарь рус. зарубежья. — в кн.: Струве Г., Рус. лит-ра в эмиграции, 3-е изд., М., 1997, прил.; Александр. воен. уч-ще, М., 1901; Муратова (1, 2); Булгаков В. Ф., Словарь рус. писателей, Н.-И., 1993; Фостер; Абызов; Алексеев; А. Блок. Переписка. Аннотир. каталог, в. 1—2, М., 1975—79; Масанов (не указаны псевд.): Старожил. Журналист, Скелетик, Е. Давыр. Петр Петров, Петр Пет-рь, Пион).

Архивы: Письма: РГАЛИ, ф. 181, № 39 (О. Дымов); ф. 189, № 12 (Н. Г. Шебелев); ф. 32 (А. Т. Аверченко); ф. М. Осоргина; ф. 355, оп. 2, д. 337 (В. Митрофанов-Данченко); РНБ, ф. 118, № 679; ф. 211, № 1395; ф. 124, № 3334—3336; РГБ, ф. 386, 98, 33 (В. Я. Борову); ф. 249, № 3876, № 36 (В. В. Розанову); ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 246 (А. А. Измайлову); ф. 352, оп. 2, № 528 (И. И. Ясинскому); ф. 736, № 57; ф. 377 (автобиограф., 1913 г.); РГИА, ф. 776, оп. 9, № 858; Ист. архив Латвии, ф. 3283, оп. 1.

Ю. И. Абызов, Т. Д. Исмагулова.

ПИМЕНОВА Эмилия Кирилловна [урожд. Петриченко; 6(18).8.1854*, о. Ашур-Аде, Астрабад, залив Касп. моря — 4.3.1935, Ленинград; похоронена на Литератор. мостках Волкова кладб.], автор публ. обзоров, науч.-популярных книг для юношества, мемуаров; прозаик, переводчица.

Отец, Кир. Никиф. Петриченко (1822—95), потомок гетмана Наливайко, мор. офицер (позже контр-адмирал); печатался в ж. «Морской сб-ке» (с. М. Масанов). Мать, Мария Ив. (? — 1885), урожд. Грабовская, из польск. аристократ. рода, выступала со статьями и переводами в газ. «Петербург. листок» и др. периодич. изданиях (см.: РБС; Голицын; Языков). С пяти лет П. вместе с семьей сопровождала отца в плаваниях. В 9—10-летнем возрасте, проживая в родовом поместье матери на границе Киев. и Волын. губ., испытала сильное польско-католич. влияние; по своему позднему признанию, пережила «большую ломку» из-за насильств. возвращения по воле отца в православ. веру — см. восп. «Дни минувшие», 1929, с. 21).

Получила хорошее дом. образование, затем училась в Киев. ин-те благородных девиц (1864—66), посещала занятия в Петерб. консерватории (1867). С 1868 вместе с семьей жила на о. Ашур-Аде, где познакомилась с будущим всемирно изв. путешественником Г. Стэнли; в 1869 как переводчица сопровождала его в экспедиции по Прикасп. краю.

Позже перевела и переработала его автобиографию («Жизнь Стэнли», СПб., 1912; 2-е изд., П., 1920), составила кн. «Сокрушивший скал. Жизнь и путешествия Г. Стэнли по его воспоминаниям» (М.—Л., 1928; 2-е изд., М.—Л., 1929).

В 1873 под влиянием знакомых из круга демократически настроенной офицерской молодежи решила продолжить образование; чтобы иметь возможность перебраться в Петербург, вступила в фиктивный брак (последствием — действительный) с мор. инженером-механиком И. Г. Пименовым. В 1873—78 училась на жен. акушерских курсах при Николаевском воен. госпитале (Рос. мед. список, изд. Мед. деп-том Мин-ва внутр. дел на 1883 г., СПб., 1883, с. 647). Затем вела врачебную практику среди рабочих и мелких служащих в посаде Колпино близ Петербурга, где ее муж служил на заводе. В 1885 познакомилась с Л. Н. Левицкой, а через нее с Н. К. Михайловским, ставшим для П. не только идейным наставником, но и глубокой личной привязанностью. Вскоре рассталась с мужем, сохранив с ним добрые отношения, переселилась с четырьмя детьми в Петербург (в 1888 родила пятого ребенка; в письме к Михайловскому, б. д.: «Вы отец моего ребенка, к-рый мне дороже жизни» — РГАЛИ, ф. 462, оп. 1, № 290). Для заработка составляла рефераты в газ. «Врач». Поиски лит. работы привели П. в газ.-журн. «Гражданин», где она вела (1885—91) обзоры иностр. жизни (в т. ч. лит.-ры). Написанные в духе массовой беллетристики мелодраматич. пов. «Пучина» («Колосья», 1885, № 9), «В стране Льва и Солнца. Из жизни русских в Персии» («Звезда», 1886, № 3) и «Марта» («Колосья», 1887, № 10) прошли незамеченными.

В нач. 90-х гг. при посредничестве Михайловского П. сблизилась с В. В. Лесевичем, Н. Ф. Анненским, Д. Н. Маминым-Сибиряком, Г. И. Успенским и др. литераторами; устраивала у себя лит. вечера, на к-рых присутствовали мн. члены кружка «Рус. богатства» (см.: Елпатьевский С. Я., Воспоминания. За 50 лет, Л., 1929, с. 266); в этом ж-ле опубликов. своих обзоров («Наполеон и женщины» — 1894, № 2; и др.). По восп. современницы, П. была «беззаветно... предана» Михайловскому (Тыркова-Вильямс А., На путях к свободе, 2-е изд., Л., 1990, с. 31); позже болезненно пережила его охлаждение (см. письмо Н. А. Рубакину, ок. 1906—07, — РГБ, ф. 358, к. 263, № 6, л. 1).

Печаталась также в газ. «Новости» (1891—1900). В 1891—1908, подружившись с издательницей А. А. Давыдовой, наиб. интенсивно («из книжки в книжку» — «Дни минувшие», с. 162) сотрудничала в ж-лах «Мир божий» и «Совр. мир».

Осн. жанры П. — очерки и обзоры, как правило, компилятивного характера. В духе этико-социологич. школы Михайловского писала о массовой психологии [«Как действуют

психич. влияния» — МБ, 1893, № 1; «Гипнотизм в истории» — там же, № 8; «Биологич. параллели (Ж. Массара и Э. Вандервельде)» — «Обр.», 1896, № 7—8]. В борьбе за жен. эмансипацию видела одно из частных проявлений «борьбы за индивидуальность» («Женское движение в Европе и Америке» — МБ, 1892, № 9; «Деятельность женщин в Соединенных Штатах Америки» — МБ, 1895, № 2; и др.). В свете воззрений Михайловского рассматривала и вопросы воспитания; приветствовала амер. систему развития в ребенке чувства личной ответственности, «индивидуальной созидат. энергии» («Американская жизнь и воспитание» (По книге Поля де Рузье). — «Обр.», 1901, № 2,

с. 62). Не избежала влияния идей «легального марксизма», что сказалось в освещении жизни рабочих («Немецкий рабочий и его жизнь по его лит. произведениям» — «Обр.», 1904, № 5) и люмпенства («Бродяги разных стран» — МБ, 1901, № 7). Будучи сторонницей тред-юнионизма («Джон Бернс, вождь рабочей партии в Англии», СПб., 1908), П. подверглась критике со стороны большевиков (Ленин, XVI, 435, 437).

В целом П. придерживалась демокр. взглядов и считала своей гл. задачей пропаганду обществ.-полит. и естеств.-науч. знаний. С кон. 90-х гг. печаталась в ж-ле «Образование» и ж-ле для детей «Всходы»; в 1899—1903 — ред. «Юного читателя», издававшегося Давыдовой (в ж-ле участвовали З. Н. Журавская, Е. А. Колтоновская, М. В. Ватсон, Мамин-Сибиряк, И. А. Бунин и др.). Писала популярные очерки о героях освободит. движений («Георг Вашингтон и война за независимость» — «Юный читатель», 1900, № 2; отд. изд. — СПб., 1903), путешественниках и геогр. открытиях («Голодовка у Сев.

полюса. История одной полярной экспедиции», СПб., 1896; 4-е изд. — М., 1922; «Полярный Робинзон. Приключения капитана Микельсена во льдах Гренландии», СПб., 1914; 4-е изд. — Л., 1928), обществ.-полит. и культурной жизни заруб. стран («За океаном. (Природа и люди Америки)», СПб., 1901; «На заветном пути. Путешествие по Тибету Генри Ландора», ч. 1—2, СПб., 1899; на т. л. — 1901; «Австралия и ее обитатели», СПб., 1903; «Страна тысячи островов (Очерки Японии)», СПб., 1902).

Рецензенты называли П. «очень хорошим составителем», отмечали «живое изложение», в к-ром «не упущено ничего существенного» («Воспитание и обучение», 1903, № 10, стб. 400; др. отзывы: «Нар. лит.-ра. Сб. отзывов библиотеч. комиссии Киев. об-ва грамотности о книгах для нар. чтения», в. 1, К., 1903; «Курьер», 1904, 2 февр.).

Издала дет. адаптации науч. трудов А. Брема, Н. П. Вагнера и др. («Мир животных в очерках и картинах», ч. 1—3, СПб., 1896—97; последнее изд. — П., 1924; «Море и его обитатели», СПб., 1898; 3-е изд. — М., 1923), довольно добротные, но в то же время не имевшие к.-л. «особенных достоинств», выделяющих их из ряда подобных изданий (цит. по: Флеров, с. 265). Составила ряд биогр. очерков, страдавших схематичностью образов (напр., «Франциск Ассизский. Его жизнь и обществ. деятельность», СПб., 1896).

В 1900—10-е гг. болезненно пережила потерю «старых», наиб. близких друзей (см. письмо А. Г. Горнфельду, 5 нояб. 1912 — РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, № 429, л. 4). Чувством ист. обреченности проникнут ром. «Былое. Из эпохи безвременья» («Грѣза», 1907, № 8—11) о драм. судьбе ученого и литератора. Его гл. герой, в молодости участник народнич. движения, а теперь либерал, осознав себя человеком, предавшим собств. убеждения, кончает жизнь самоубийством. Среди персонажей — большевик («узколобый теоретик ... новый божок нашей молодежи» — № 10, с. 151).

Осн. сферой лит. деятельности П. стали худож. переводы для изд-в «Шиповник», «Польза» и др.: произв. Дж. Конрада, Дж. Лондона, Г. Уэллса, М. Твена, Б. Келлермана и др. (мн. из них неоднократно переиздавались). П. одной из первых познакомила рос. читателя с произв. Дж. Голсуорси («Братство» — РБ, 1910, № 1—7; «В мире собственников» («Собственник») — РМ, 1910, № 1—5; «Фарисей» («Остров фарисеев») — РМ, 1916, № 1—5; «Патриций» — СМ, 1912, № 6—9).

Февр. революцию приветствовала, став сторонницей Учредит. собрания и конституц. демократии. В популярных брошюрах разъясняла широкому кругу читателей формы полит. борь-

бы. В 20-е гг. сотрудничала в ж-ле «Книга и революция» (1921—22); печатала переводы в изд-вах «Петроград», «Всемир. лит-ра», «Прибой», «Мысль», «Красная газ.». Чл. Союза писателей. Оpubл. восп. «Дни минувшие» (Л.—М., 1929), охватывающие период 1860—1904.

П. подробно описала этапы своей жизни, в т. ч. начало лит. деятельности, знакомство с лит. средой, историю становления ж. «Мир божий» и его превращение в орган «легального марксизма», подчеркнув «дружеские отношения» между «Миром божьим» и «Рус. боготством», но умолчала об острой полемике между ними во 2-й пол. 90-х гг. Создала живые портреты Михайловского, В. Г. Короленко, А. И. Богдановича, Н. Ф. Анненского, В. П. Острогорского и др. литераторов, с к-рыми была близко знакома или встречалась. Язык восп., по словам автора предисл. М. Неведацкого, отличается «хорошей простотой, к-рая сделала столь популярной среди широкой читающей массы бесконечную серию популяризатор и книг (П.) „для юношества“» (с. 10).

Изд.: Франциск Ассизский. — В кн.: Будда Шакьямуни. — Конфуций Мухаммад. — Франциск Ассизский, Челябинск, 1995.

Лит.: Ариян П. Н., Э. К. Писменова. — В кн.: Первый жен. календарь на 1905 г., П., 1905; Мылкина И. В., «Мир божий» — ж-л для юношества. — В кн.: Из истории рус. журналистики кон. 19 — нач. 20 вв., М., 1973; Бахтин В., «И связь времён перестороним...» — В кн.: АБ, в. 19, М., 1985; Ефремова Н. П., Э. Писменова. — «Вопросы истории», 1990, № 11; Russia Through Women's Eyes: Autobiographies from Tsarist Russia, L., 1996, S. 311—334. + «Мир божий. Содержанье за десятилетие, 1892—1901», СПб., 1901; Флёров А., Указатель книг для дет. чтения, М., 1905; Соболев М., Справочная книжка по чтению для детей всех возрастов, 2-е изд., СПб., 1907; Старцев И. И., Дет. лит-ра, Библиография, 1918—1931, М., 1933; Корольков А. Е., Что читать детям? Сб. рецензий на лучшие дет. книги и ж-лы, М., 1908; Писатели Ленинграда. Биобиогр. справочник, Л., 1982; Брокгауз; Мезьер; Муратова (1, 2; ук.); Адам и сб-ки (2, 4); Масанов (ошибочная дата рождения).

Архивы: РНБ, ф. 103, № 115 (автобиография 1928 г.); ф. 118, № 71 (словарь П. Б. Быкова); ф. 211, № 863 (5 писем А. Г. Горнфельду, 1909—1913 гг. и б.д.); ИРЛИ, ф. 377, ф. 402, оп. 2, № 424 (4 письма к М. В. Ватсон, 1909—1913); ф. 661, № 858 (24 письма к М. К. Лемке, 1903—1908); РГБ, ф. 81, к. 14, № 376 (анкета 1920 г.); РГАЛИ, ф. 1018, оп. 1, № 178 (автобиография, б.д.); ф. 95, оп. 1, № 717 (письмо А. Л. Волынского, 20-е гг.); РГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 467, ч. 4, л. 743—748* (п. с. отца; сведения о П.); д. 822, ч. 2, л. 338—47; ф. 417, оп. 4, д. 4013, 4054 (сведения о П. и муже П.); ГАРФ, 3 д-во, 1894 г., д. 794; ф. 102, ОО, 1912 г., д. 20, ч. 87, л. А; ф. 63, 1900 г., д. 672, л. 171об.; 1912 г., д. 18, т. 1 (агентурные сведения о П.).

М. А. Николаева.

ПИОТРОВСКИЙ Игнатий Антoнoвич [30.6 или 31.7 (12.7 или 12.8)*. 1842, Могилёв — 18(30).3.1862, Петербург], критик, публицист. Из дворян, очевидно, польского происхождения (семья — католич. вероисповедания). Отец П. служил в Могилёв. казенной палате. После его ранней смерти П. был отдан в Гатчинский Николаевский сиротский ин-т (1853), учился в т. ч. у К. Д. Ушинского (рус. словесность, юридич. дисциплины); окончил ин-т в 1859. Возможно, затем вольнослушателем посещал Петерб. ун-т. За участие в студенч. демонстрации перед ун-том 12 окт. 1861 арестован (в списках задержанных числился как «посторон-

нее лицо» — ЦГИА СПб., ф. 14), два месяца провел в тюрьме.

В печати дебютировал в 1860: ст. «Проявления общественной деятельности» («Рус. пед. вест.», 1860, № 7; др. публ. — № 8—9) и «Сладкие сны и грезы над словами „великих мыслителей“» («Светоч», 1860, № 9, 10). В нач. 1861 сблизился с ред. «Современника», познакомился с Н. Г. Чернышевским, затем — с Н. А. Добролюбовым. В апр.—сент. 1861 стал одним из гл. сотрудников ж-ла, опубликовал цикл ст. «Погоня за лучшим. Критич. очерки» (№ 4—6, 8) и др. В это же время выступил со ст. антиклерикальной направленности «Одна из каст» (БдЧ, 1861, № 6). Однако после выхода из заключения не смог возобновить сотрудничество с «Современником», т. к. Чернышевский, неудовлетворенный отсутствием у П. широкого кругозора и познаний, рекомендовал ему отложить на время творчество для углубленного самообразования. П. не внял совету, уверенный, что популяризатор и пропагандист радикальных идей не нуждается в учебе и серьезных знаниях, и, после отклонения «Современником» неск. новых рец., стал печататься в др. изд.: «Сев. пчеле», «Рус. инвалиде» («Лит. летопись», 1862, 12 янв.), «Иллюстрации» (некролог «Н. А. Добролюбов», 1862, 18 янв.).

Статьи П. (20 публ. в течение полугода лет), почти не отмеченные эволюцией взглядов и стиля, отразили идеи, типичные для публицистики «шестидесятников». Считая себя учеником Чернышевского и Добролюбова, П. пропагандировал необходимость скорейших коренных изменений обществ.-полит. строя для торжества идеалов равенства. Не отрицая нар. восстания, к-рое является «естеств. потребностью», реакцией на притеснения («Совр.», 1861, № 8, отл. 2, с. 241), П. в полит. программе уповал скорее не на нар. массы, а на мыслящее меньшинство (см. рец. на роман В. Крестовского (Н. Д. Хвощинской) «В ожидании лучшего» — СП, 1861, 9 окт.), предвосхищая т. о. идеи Д. И. Писарева. С позиций вульгарного материализма подвергал критику религию и церковь — в ст. «Одна из каст», а также в рец. «Книги для образования народа» (СП, 1861, 15 нояб.), вызвавшей обвинения в «кошунстве» ((В. И. Аскоченский?) — «Дом. беседа», 1861, в. 49, 9 дек.; см. также отклик моск. митрополита Филарета — «Душеполезное чтение», 1862, янв., с. 8). Живопис. лит-ру П. рассматривал как материал для социально-полит. выводов критики, считал недостатком произв. изображение «неанализированного» чувства: «Поэзия до тех пор поэзия, пока она верна сознательной действительности, а следовательно

не разнится во взгляде с науч. выводами» («Совр.», 1861, № 8, отл. 2, с. 256). Ценил в лит-ре полит. радикализм и «фотографирование» жизни, выделяя с этой т. з. очерки Н. В. Успенского (РИ, 1862, 12 янв., с. 30). Нек-рые конкретные суждения П. в ст. «Одна из каст» — об образах Ольги («Обломов» И. А. Гончарова) и Инсарова («Накануне» И. С. Тургенева), к-рым он противопоставлял Елену Стахову («Накануне»), — отчасти переключаются с высказанными ранее годами оценками Писарева. Отрицая приоритет морали над знаниями, П. оказывается (в ст. «Права жизни», рукоп. — ИРЛИ) предтечей С. Г. Нечаева: «нравственность» должна меняться согласно требованиям «разума»; главное — не причины и события, а результаты действий; восхваляется практичный человек, пренебрегающий окружением и напористо идущий к цели. В целом взгляды П. предвещали радикализм публицистов следующего, после вождей «Современника», поколения.

Вернувшись из заключения, П. наделал долги у Н. А. Некрасова и др. знакомых и в нач. 1862 стал всюду получать отказы в субсидиях. Окончательно запутавшись в долгах, страдая от безденежья (см. письмо от 16—17 марта Некрасова, отклонившего очередную просьбу П. о ссуде, — Некрасов, X, 467), П. отправил Чернышевскому письмо-завещание (со списком своих статей и просьбой издать сб-к его работ «За полтора года») и покончил с собой (в возрасте 19 лет). Чернышевский, зная о его связях с рев. кружками (в бумагах П. сохранилась почти полная коллекция рев. прокламаций нач. 1860-х гг. — ИРЛИ), заметил, что если покойный «не дорожил своей жизнью, то мог бы сделать из нее более разумное употребление, чем пустить себе пулю» (со слов Н. И. Утина, см.: Пантелеев, с. 296). По свидетельству А. Я. Панаевой, Некрасов уплатил долги П. и похоронил его за свой счет (см.: Панаева, ук.).

Изд.: [Письмо Н. Г. Чернышевскому, 8 нояб. 1861] — КиС, 1928, № 7; то же — в кн.: Чернышевский. Лит. наследие, [т.] III, М.—Л., 1930; [3 письма ему же, 1861—1862] — в кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи..., [т.] 4, Саратов, 1965 (публ. и комм. Б. Ф. Егорова, С. А. Рейсера).

Лит.: Чернышевский; Некрасов; Герцен; Добролюбов; Панаева; Чернышевский в восп. (всё — ук.); Николадзе Н. Я., Восп. о шестидесяти годах. — КиС, 1927, № 4, с. 46—49; Егоров Б. Ф., П. — ученик Чернышевского и Добролюбова. — В кн.: Н. А. Добролюбов. Ст. и мат-лы, Горький, 1965 («Уч. зап. Горьков. гос. ун-та», в. 71; с библиотеч. П.; отмечены псевд.: П-ский; И. А. П-ский; ***); Коган Л. А., Из истории рус. просвещения (П. и Н. Г. Чернышевский). — В кн.: Философия и история культуры, М., 1985; Елизаветина Г. Г., Н. А. Добролюбов и критич.-демократы М. Михайлов, Н. Огарев, П. — В кн.: Н. А. Добролюбов (рус. лит. критика, М., 1988; ЛН, т. 53—54 (ук.); т. 62, с. 125 (коллективная фотография студента Петерб. ун-та в

Кронштадт. казарм. кон. нояб. 1861). * Некрологи, 1862: «Книж. вост.», 31 марта; «Дом. беседа», в. 13, 31 марта (В. И. Аскоменский); «Колокол», л. 133, 15 мая (А. И. Гершен).

Архивы: ИРЛИ, ф. 8; ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 25, л. 19; ф. 751, оп. 1, л. 712, л. 2* (биограф. сведения; в дате рождения — описка копия: 31 июня); РГИА, ф. 772, оп. 1, № 5807, 5875 (цел. мат-лы); РНБ, ф. 124, № 3340; ф. 4378, № 1 (Лит. фонд). Б. Ф. Егоров.

ПИРГОВ Николай Иванович [13(25).11.1810, Москва — 23.11 (5.12).1881, с. Вишня Винницкого у. Подольской губ.; тело П. похоронено там же; ныне музей-усадьба П., в черте Винницы, Украина], врач, педагог, обществ. деятель; публицист, мемуарист. Из обер-офицерских детей, сын казначея Моск. военно-прови-

антского депо; был тринадцатым ребенком в семье. Первонач. образование получил дома, в 1822—24 учился в частном пансионе В. С. Кражева (оставил учебу из-за ухудшившегося материального положения отца). В пансионе в осн. сформировались его лит. вкусы: с увлечением читал Г. Р. Державина, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева, И. И. Хемницера, В. А. Жуковского и др., «Письма рус. путешественника» и «Историю...» Н. М. Карамзина. По его собственному свидетельству, «слово с ранних лет оказывало на меня... сильное влияние; я уверен даже, что сохранившимся во мне до сих пор впечатлениям я гораздо более обязан слову, чем чувству» («Дневник старого врача», цит. по изд.: Избр. пед. соч., с. 462—63). В 14-летнем возрасте поступил на мед. отд. Моск. ун-та (в прошении указал, что ему 16 лет, — ЦИАМ, ф. 418, оп. 121, л. 416, дело о принятии П.). По окончании (1828, со званием лекаря) избрал специальность хирурга, зачислен в числе нескольких лучших студентов на казенный счет в Профессорский ин-т при Дерптском ун-те. Занимался под руководством проф. теоретич. и практич. хирургии И. Ф. Мойера, в доме

к-рого познакомился с Жуковским; в числе соучеников по Дерпту — В. И. Даль, поддерживавший друж. отношения с П. на протяжении всей жизни. В 1832—35 П. находился в командировке по ун-там Германии. С 1836 проф. Дерптского ун-та. В 1841 вступил в должность проф. Медико-хирургич. акад. в Петербурге. Один из основателей, директор (с 1846) Ин-та практич. анатомии при Академии. Подготовленный П. атлас «Топографическая анатомия» (т. 1—4, 1851—54) принес ему признание в мировой науке.

В февр. 1847 впервые в России произвел операцию под эфирным наркозом. В июле избран чл.-к. АН по биол. отд. В июне—дек. находился на Кавказе, где впервые в мировой практике оперировал с применением наркоза в военно-полевых условиях. В 30—50-е гг. издал ряд трудов, в к-рых разработал основы хирургии как науч. мед. дисциплины. Обобщив свой опыт работы на театре военных действий, П. сделался основоположником военно-полевой хирургии (гл. мед. труд — «Начало общей военно-полевой хирургии...», Дрезден, 1865—66).

В 1850, после смерти первой жены, Е. Д. Березиной, от к-рой П. имел двух сыновей, женился на А. А. Бистром. В нояб. 1854 — дек. 1855 П. во главе Кресто-Воздвиженской общины сестер милосердия участвовал в обороне Севастополя, что принесло ему всероссийскую известность. В Крыму П. не только производил операции, но и занимался общими вопросами организации мед. помощи, протестовал против несоблюдения воен. командованием санитарно-гигиенич. норм содержания действующей армии и раненых солдат. Адресованные жене письма П., изд. под назв. «Севастопольские письма...» (СПб., 1899; 2-е изд. — СПб., 1907), представляют собой своего рода дневник, в к-ром описываются армейский быт и нравы, упаднические настроения защитников Севастополя («Все пребывали в трепете и страхе, о защите никто и не думал», с. 13). В письмах содержатся раздумья о религии, нравственности, человеческом призвании и долге. Подробно рассказывая о казнях, кражах и чиновничьем произволе на всех уровнях, о равнодушии командования к судьбе солдат, П. приходит к мысли о том, что любые науч. достижения бессильны перед аморализмом и безверием, охватившими, по его мнению, значит. часть рус. общества. Это заставило П. по возвращении из Крыма обратиться к нравственно-этич. проблемам, без решения к-рых дальнейший науч. труд казался ему бессмысленным.

В апр. 1856 П. подал заявление об уходе из Академии. В том же году

была напечатана его публиц. ст. «Вопросы жизни» («Морской сб.», № 7; перепечатана — ЖМНП, 1856, № 9; о позднейшей ред. «Вопросов жизни» см.: Штрайх, 1910, с. 85—88). В статье П. указывал на то, что гл. причиной обществ. неблагополучия является разлад между «направлением воспитания» и «направлением общества». По его мнению, большинство педагогов и родителей не уделяет внимания формированию «внутреннего человека», т. е. системы убеждений личности, ее характера и воли. В результате многие из людей отрываются от идеалов своей юности и бесцельно плывут по течению жизни, не способствуя ее совершенствованию. Путь созидания общества на нравств. началах П. видел в коренном пересмотре целей семьи и школы. Он заявил о необходимости создать систему гуманного («общечеловеческого») образования, к-рая могла бы воспитывать сильных духом и энергичных людей, способных противостоять «инерции масс». Выступая против ранней специализации образования, П. считал необходимым построить его на изучении дисциплин классич. курса: древних и новых языков и математики. Позднее, во время разрывавшихся по 2-й пол. 60-х гг. споров вокруг гимназич. образования, мнение П. использовалось как аргумент в защиту «классицизма». Однако сам П. не предложил конкретной воспитат. программы, подчеркивая, что пытаясь представить лишь общее направление нравств. преобразования общества.

«Вопросы жизни» вызвали широчайший отклик: о статье «всюду шумно и восторженно говорили: в гимназиях, приходских училищах, в клубе и в семейных собраниях», она стала «вечным колом» для поднятия самого важного вопроса о воспитании. Все заговорили про воспитание, про одно только воспитание...» (Филонов, с. 223). Успех был обусловлен как актуальностью темы для публицистики этого времени, пытавшейся осмыслить духовные причины неудач крымской кампании, так и высоким науч. и гражд. авторитетом П. В отклике Н. Г. Чернышевского («Совр.», 1856, № 7) отмечалось: «Если он — слава наших специалистов — говорит, что специализм обманчив, вреден и для общества и для самого обреченного на специализм, когда нас основан на общем образовании — кто у нас может сказать: „Я лучший судья в этом деле, нежели г. Пиргов?“» (III, 688—89). Н. А. Добролюбов особо подчеркивал лит. достоинства статьи, к-рая поразила всех «ясностью взгляда, и благородным направлением мысли автора, и пламенной живой диалектикой, и художественным представлением затронутого вопроса» («Совр.», 1857, т. 63, с. 43). По единодушному мнению современников, «Вопросы жизни» положили начало развитию в России пед. публицистики (Филонов, с. 225).

Вскоре после выхода «Вопросов жизни» мин. нар. просв. А. С. Норов предложил П. занять пост попечителя Одесского уч. округа. Стремясь реализовать на практике свои этико-воспитат. идеи (рождавшиеся в т. ч. в размышлениях о воспитании собственных сыновей), П. осенью 1856 принял предложение. В июле 1858 переведен на должность попечителя

Киев. уч. округа. Параллельно занимался частной мед. практикой, в т. ч. оказывал помощь обращавшимся к нему гимназистам и студентам.

Во вверенных ему уч. округах П. предпринял ряд преобразований в организации школьного дела: расширил административные права пед. советов гимназий, вменил им в обязанность анализировать опыт учителей и обсуждать новейшие методики преподавания, ввел конкурсную систему замещения должностей преподавателей гимназий, создал пед. курсы при Ришельевском лицее в Одессе и ун-те Св. Владимира в Киеве, был инициатором кардинального изменения программ этих уч. заведений. П. добился передачи газ. «Одес. вест.» (ред. А. Богдановский и А. Георгиевский) в ведение профессоров Ришельевского лицея. Регулярно публиковал в газ. свои лит.-пед. статьи (1858: «Одесская Талмуд-Тора» — 6 марта; «Быть и казаться» — 29 марта; «Нужно ли сечь детей, и сечь в присутствии других детей» — 15 апр.; и др.), не-рые циркуляры и распоряжения по уч. округу, а также заметки преподавателей округа, что способствовало превращению «Одес. вест.» в своеобразное пед. издание. В Киеве роль подобного органа играли при П. «Циркуляры по управлению Киевским уч. округом», ставшие благодаря статьям П., по отзывам современников, одним из лучших публицистических изданий в России. В 1859 при содействии П. студентами и преподавателями Киев. ун-та была открыта первая в России воскресная школа.

Деятельность П. на посту попечителя получила противоречивые оценки. Большинство молодых преподавателей и учащихся отмечали его уважительное отношение к каждому ученику, доступность, неформальную манеру поведения, отличавшую П. от его предшественников на этой должности (см.: Бобровский, Добров). Однако не-рые педагоги старшего возраста относились к проводимым П. преобразованиям скептически, полагая, что основная часть учительства идейно не подготовлена к ним (Богатинов Н. Д., Восп. — РА, 1899, № 8). Пед. стиль и политика П. были подвергнуты резкой критике со стороны киевского ген.-губернатора кн. И. И. Васильчикова. Достигший огромной популярности среди студентов и гимназистов, П. по мнению губернатора, «совершенно распустил» эти уч. заведения. Особые нарекания Васильчикова вызвала паш. политика П., к-рый часто брал под свое покровительство польских учащихся, жаловавшихся на притеснения со стороны рус. учителей (см.: Острогорский А. Н., П. и его пед. завств. СПб., 1914). Противоположность т. з. на паш. политику П. высказана в восп. В. Г. Асенко, в к-рых П. представлен как противник «польской партии», опирающийся в борьбе с ней в т. ч. на «украинофильские» настроения киевского студенчества (ИВ, 1881, № 4).

В период работы в должности попечителя уч. округа П. развил до целиной филос.-пед. системы идеи, изложенные в «Вопросах жизни». В ряде статей («Школа и жизнь...» — «Морской сб.», 1860, № 1, и др.), вошедших в кн. «Собрание лит. статей Н. И. Пирогова» (Од., 1858) и «Собрание лит.-пед. статей Н. И. Пирогова, вошедших в управление его

Киевским учебным округом» (К., 1861), он проводит мысль о том, что единств. разумным основанием обществ. устройства является «гегемония школы над жизнью»: «и отцы, и общество, и государство должны стремиться восстановить смысл и права школы, проистекающие из самой жизни. Должно восстановить прямое назначение школы... — быть руководителем жизни на пути к будущему» (Избр. пед. соч., с. 202). Выход сб-ков П. вновь способствовал оживлению в публицистике нач. 60-х гг. пед. темы. П. «дал действительный толчок нашему педагогическому прогрессу... Сумма гуманных воспитательных убеждений поднялась в обществе очень заметно» ((А. Е. Разин?) — «Время», 1862, № 4, отд. 2, с. 15; ср. др. отзывы: Н. А. Добролюбов — «Совр.», 1859, № 2; К. Д. Ушинский — ЖМНП, 1862, № 3).

В 1859 при участии П. специально созданной комиссией были разработаны «Правила о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского уч. округа» (опубл.: «Журнал для воспитания», 1859, № 11). С помощью этого своеобразного кодекса П. стремился «развить в учениках чувство законности», а также ограничить произвол учителей, имевший место в ряде гимназий. Меры, направленные прежде всего на воспитание самих педагогов, должны были, по мысли П., стать начальной ступенью глобальной преобразования школы.

«Правила...», допускаящие в исключит. случаях наказание розгами, против к-рого П. ранее выступал в печати, вызвали резкие отклики Добролюбова («Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» — «Совр.», 1860, № 1; «От дождя да в воду» — там же, 1861, № 8). Критик обвинял П. в измене своим собственным гуманным взглядам, подчеркивая при этом, что отныне сторонники телесных наказаний получили авторитетную поддержку. П. ответил Добролюбову публикацией «Отчет о следствиях введения „Правил о проступках и наказаниях“» («Ж-л для воспитания», 1861, № 4), где приводилась статистика, показывавшая, что случаи наказания розгой становились все более редкими. В защиту П. выступили мн. педагоги, отмечавшие, что П. стремился сохранить верность своему гл. принципу — коллегиальности управления округом и всемерного развития пед. инициативы. Поэтому и в данном случае, даже рискуя собствен. репутацией, он не считал возможным настаивать на своей точке зрения и высказал пренебрежение к мнению большинства чл. комиссии.

В марте 1861 вследствие разногласий с Васильчиковым П. подал в отставку. В 1862—66 находился в Гейдельберге в качестве руководителя стажировавшихся там молодых рус. ученых (в их числе — А. А. Потебня, В. И. Герье, Ал-др Н. Веселовский, Н. С. Таганцев, И. И. Мечников и мн. др.). В окт. 1862 ездил в Италию для оказания врачебной помощи раненому Дж. Гарибальди. По возвращении в Россию жил гл. обр. в с. Вишня, где организовал поликлинику и больницу для местного населения. В 1870 совершил поездку на

театр франко-прусской войны. В сент. 1877 — марте 1878 находился в районе боевых действий против турецкой армии, изучал вопросы организации госпиталей.

С 1879 до самой смерти работал над своим итогов. произв. — «Вопросы жизни. Дневник старого врача...» (СПб., 1885; впервые опубл. под назв. «Вопросы жизни. Посмертные записки П.» — РС, 1884, № 9—12; 1885, № 1—6; 1887, № 1; переизд.: Соч., т. 1, СПб., 1887). Биограф. повествование (доведено до сер. 1842), достаточно подробный рассказ о рус. и мн. зап.-европ. учебных и науч.-мед. учреждениях, размышления (вызванные гибелью Александра II) о реформах 1860-х гг. и их последствиях для рус. государственности перемежаются в «Дневнике...» суждениями об абсолютном разуме, свободе и необходимости, воле, нравственности. П. выступает как ученый-аналитик, интерпретирующий в общем виде свои науч. идеи, и в то же время как христианин, к-рый рассматривает веру как наиб. надежный путь к постижению истины: «Способность познавать, основанная на сомнении, не допускает веры; но вера не стесняется знанием и идет своим путем. Идеал, служащий основанием веры... не допускает и тени сомнения, становится выше всякого знания и помимо его стремится к достижению истины» (отд. изд., с. 169). Подробно останавливаясь на детских и юношеских впечатлениях, П. рассказывает о них в контексте общей духовной эволюции: от отрицания догматич. христианства до постижения Евангелия как религ. нравств. идеала.

Последние 24 листа рукописи П. дописывал карандашом, т. к. почти лишился сил вследствие ракового заболевания. 22 окт. 1881 он отметил в «Дневнике»: «Ой, скорее, скорее! Худо, худо. Так, пожалуй, не успею и половину петербургской жизни описать...» (отд. изд., с. 454).

После смерти П. по решению жены и с согласия Церкви его тело было набальзамировано петерб. доктором Д. И. Выводцевым; в янв. 1882 саркофаг с останками П. был установлен в специально построенном склепе. Восстановленное в 1945 и постоянно реставрируемое, тело П. сохраняется и поныне.

Изд.: Собр. соч., т. 1—8, М., 1957—62; Соч., т. 1—2, СПб., 1887; то же, 2-е изд., СПб., 1900; Соч., т. 1—2, К., 1910; то же, 2-е изд., т. 1—2, К., 1914—16; Письма к невесте, П., 1915 (вступ. ст. и прим. С. Я. Штрайха); Письма к сыну (1871—1879) — в кн.: Сб. ОЯС, 1917, т. 95, № 4 (предисл. и прим. С. Я. Штрайха); Севастопольские письма и восп., М., 1950 (ред. и комм. С. Я. Штрайха); Избр. пед. соч., М., 1985 (вступ. ст. А. Н. Алексюка, Г. Г. Савенко).

Лит.: Чернышевский; Добролюбов; Гершен; Достоевский (все — ук.); Филонов А. А., Воспитание, ж-л для родителей и учителей..., ЖМНП, 1862, № 3, с. 223—225; Добров Л., Восп. о П. — РС, 1885, № 6; Ост-

рогорский В. П., Семенов Д. Д., Рус. пед. д-л., М., 1887; Бобровский С., Из вост. п. — «Вестник воспитания», 1900, № 4; Чернышев В. И., Пед. деятельность П., СПб., 1911; Афонский А. П., Н. И. Пирогов, его жизнь и пед. проповедь, М., 1911; Казанский М. В., Н. И. Пирогов. Его жизнь и деятельность, Каз., 1912; Штрайх С. Я., «Вопросы жизни» П. — «Рус. школа», 1910, № 7—8; его же, Н. И. Пирогов, М., 1949; Порудоминский В. И., Пирогов, 2-е изд., М., 1969 (ЖЗЛ); Гесселевич А. М., Летопись жизни П. (1810—1881), М., 1976; Кульчицкий К. И., Кланца П. А., Собчук Г. С., П. в усадьбе Вишня, К., 1981; Брежнев А. П., Пирогов, М., 1990 (ЖЗЛ); П. — ученый, человек, гражданин, М., 1992; Василевская В. Я., П. и вопросы жизни. — В кн.: Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни, 2-е изд., М., 1997. + Змеев, Язков; Брокгауз; БСЭ; ИДРДВ; Гесселевич А. М., Научное, лит. и эпистолярное наследие П. (Библи. ук.), М., 1956; Муратова (1. ук.).

Архивы: Музей-усадьба П. (Винница); РНБ, ф. 583; Военно-медиц. музей (Петербург), ф. 21. А. О. Толстухина.

ПИСАРЕВ Александр Александрович [16(27).8.1780, по др. сведениям, 1781 или 1782, Петербург (?) — 23.6(5.7).1848, Москва; похоронен на кладб. Симонова мон.], прозаик, поэт, критик. Двоюродный дед Д. И. Писарева. Первонач. образование получил в доме отца, Ал-дра Ив. Писарева, бывшего в друж. сношениях

со мн. европ. учеными и во время заграничных путешествий дважды посетившего Вольтера. В 1797, по окончании 1-го кадет. корпуса (по всей видимости, во время учебы в корпусе числился в Преображен. полку, в 1795 сержант; см.: Степанова, с. 229), выпущен в армию подпоручиком; в 1799 переведен тем же чином в Семенов. полк.

В звании капитана участвовал в походах 1807 в Пруссию против франц. войск; полковник (1807), участник Бородин. сражения. В 1813 ген.-майор, полковой командир Киев. гренадер. полка и бригадный нач. Киев. и Моск. гренадер. полков, участвовал в походах по Пруссии, Саксонии, Австрии, Богемии, берегам Рейна, в сражениях при Люцене, Герсдорфе, Донау, Теплице и Лейпциге. Бригадный командир Таврич. и С.-Петербург. гренадер. полков (1814); по взятии Парижа награжден орд. св. Георгия 3-й степени (вручен лично

Александром I); в компании с К. Н. Батюшковым совершил путешествие в замок Сире, где жил Вольтер (Батюшков, II, 61). Бригадный командир Таврич. и Екатеринослав. гренадер. полков (1815); был в походах от Риги за Неман, на Рейне, вторично в Париже. В 1817—1823 командовал 2-й гренадер. бригадой, расквартированной в Калуге; в 1823 по прошению уволен от службы с мундиром.

Современники ценили П. как неустрашимого и самоотверж. воина, хладнокровного и знающего военачальника (Батюшков, III, 234, 242; Глинка Ф. Н., Письма рус. офицера, М., 1990, с. 169); по слову самого П., вся его жизнь «была военным формуляром» (РС, 1881, № 12, с. 883—84). При этом П. неустанно интересовался историей, лит-рой и изящными иск-вами, поддерживал знакомство с широчайшим кругом литераторов, собрал обширную б-ку. По завершении кампании 1812—1814 стал тяготиться военной службой, ходатайствовал о переводе в статскую и хлопотал (через Д. И. Хвостова, Г. Р. Державина, А. С. Шишкова) о месте, имеющем отношение к сфере иск-в или воспитания: вице-президента АХ, директора 2-го кадет. корпуса (письма к Хвостову от дек. 1814 и февр. 1815 — ИРЛИ, ф. 322, № 63, л. 194—194 об., 26—27 об.).

Первые публ. появились в 1802 в ж. «Новости русской литературы»; в дальнейшем печатались в разных периодич. изданиях, в т. ч. близких к ВОЛСНХ: «Журнал для пользы и удовольствия», «Журнал российской словесности», «Лицей», «Драматический вестник». В «Сев. вестнике» И. И. Мартынова, проводившем линию офиц. либерализма, в 1804 поместил стихи («Стихи на известного виртуоза Френцеля» — № 1; «Милостыня игроку» — № 5), рецензии (в т. ч. на соч. П. Ю. Львова «Храм славы российских героев...» — № 2) и печатал пространное соч. «Предметы для художников, избранные из Российской истории, Славянского Баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе» (№ 10—12), оконченное в 1805 (№ 1; отд. изд. — СПб., 1807, ч. 10—12; рец.: РВ, 1809, № 3, с. 473—88). Соч. оформилось как справочник для воспитанников АХ.

В предисл. П. говорит о сходстве и различиях словесности и изобразит. искусств и плодотворности обращения живописи к сюжетам и образам рус. лит-ры. В осн. части перечислены возможные сюжеты и даже композиции картин, почерпнутые из трагедий А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, Н. П. Николаева, эпич. поэм М. В. Ломоносова («Петр Великий»), М. М. Хераскова («Россиада», «Владимир»), од Ломоносова, В. П. Петрова, В. Б. Капниста, Е. И. Кострова и др. авторов, повести Н. М. Карамзина («Марфа Посадница», а также из «древних отрывков по части словесности»: «Слова о полку Игореве» (примечательно, что П. советует обратиться к

пространным комментариям и прозачч. пер. памятника, выполненным А. С. Шишковым в 1805), сб-ка Кирилл Данилова и рус. нар. песен (усматривая в последних «чистосердечие, искренности послан»). П. замечал, что «живописцу найдут в них идилии, эпиграфы, элегии для спесей кисти»; ч. 2, с. 132). Труд П. обнаруживает близкое знакомство автора с зап.-европ. эстетик. сочинениями (Д. Дидро, А. Р. Менге, И. И. Винкельманн, Г. Э. Лессинг, И. Г. Зульвер, Ж. Б. Дюбо, граф де Кейлюс); и в замысле, и в исполнении сказались личные впечатления, полученные в музеях и картинных галереях во время европ. походов [намерение выбрать из рус. истории предметы для картин высказывал еще в 1802 Карамзин (ВЕ, № 24), в ч. 2 «Предметов для художников» П. подвергает его статью критич. разбору (с. 255—68)].

В 1808 П. выпустил второе пособие для воспитанников АХ — «Начертание художества или правила в живописи, скульптуре, гравировании и архитектуре...» (СПб.).

В подобранных и перевед. П. отрывках из франц. «Энциклопедии» и эстетич. трактатов сообщались нач. сведения по истории и теории изящных искусств, мыслась библиография европ. соч.; книга снабжена хрестоматией: отрывками из соч. Леонардо да Винчи, Менпе, Лессинга, Э. М. Фальконе и др.; составитель предложил калки франц. технич. терминов, не имевших эквивалента в рус. яз. (в т. ч. «светлотен» — «clair-obscur», «очерчения» — «contours», «обрисы» — «esquisses»).

За «Предметы...» и «Начертание...» П. был в 1810 выбран почетным членом АХ. Состоял также чл. Рос. акад. (с 1809; избран по предложению Державина; приветств. речь: Сухомлинов в М. И., История Рос. акад., в. 7, СПб., 1885; там же опыт биограф. статьи П. об И. Ф. Копиевиче), ВОЛСНХ (д. чл. с 1804 — принят «без представления приемной пьесы», в 1806 избран членом цензором об-ва, в 1823 переименован в поч. чл. — см.: НБ СПб ГУ), «Беседы любителей русского слова» (по 4-му разряду; до 1812 — неперменным секр. об-ва), ВОЛРС (1820 — поч. чл.), ОЛРС (пред. в 1829—30; отзыв о его управлении делами об-ва: Дмитриев, с. 172), Петерб. медико-филантропич. об-ва (1806—11), Моск. об-ва сел. хозяйства (с 1824), Моск. об-ва испытателей природы (в 1825 избран председателем).

Третье соч. П. компилятивно-учебного характера — «Общие правила театра, выбранные из полного собр. соч. Вольтера и расположенные по порядку драматических правил» (СПб., 1809) — подборка фрагментов о драм. иск-ве и актер. ремесле. В сдержанной рецензии («Цветник»; 1809, № 6, с. 363—71) отмечены многочисл. недостатки книги; Батюшков в письме Н. И. Гнедичу назвал ее «вздором» (Батюшков, III, 57).

Параллельно лит-ре П. занимался разысканиями в области воен. истории; один из их результатов — «Подробное известие о Лейб-Гвардии Семеновском полку» (СПб., 1811) — первая отд. полковая история (перезд.: Полтава, 1911). В русл. тех же интересос составлена своеобразная антология, пользовавшаяся

широкой известностью «Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 г. и последующим...» (ч. 1—2, М., 1817; высокая оценка труда: Соц В., Опыт б-ки для военных людей, СПб., 1826, с. 7, 337—38).

К подробному описанию воен. действий грен. корпус в 1812—1814 присоединены сведения по истории гв. полков, перечень рус. и иностр. книг (ок. 300) о кампании 1812, а также реестр карт, воен. планов, театр. и муз. произв., памятников и медалей.

Подготовит. мат-лы к «Военным письмам» (и одновременно непосредств. реакция на события воен. лет) — стихи и заметки П., появившиеся в периодике (мн. вошли в книгу: «Любовь к отечеству», «Польской на прибытие императорской гвардии в город Вильну» (РВ, 1812, № 8), «Стихи на подвиги двух смоленских помещиков Энгельгардта и Щубина...» (РВ, 1813, № 12; СО, 1813, № 40), «Стихи на совершенное истребление неприятельских войск в пределах России» (РВ, 1814, № 1), «Подвиги русских grenадеров. Письмо Н. Н. о сражении под Лейпцигом» (СО, 1814, № 11), «Стихи... по получении повеления выступить в поход grenадерам 16 марта 1815 г.» (СО, 1815, № 16), «Письмо из Парижа 1 августа 1815 г.» (СО, 1815, № 37).

Увлечение П. отеч. историей отразилось в многочисл. публикациях по археологии, нумизматике, эпиграфике, появившихся в «Трудах ОИДР» (чл. об-ва с 1808, в 1824—30 — его пред.), — «Историческая выписка о дворцах княжеских в Киев...» (1824, ч. 2, кн. 2), «Киевские древние памятники» (1830, ч. 2), «О древностях Новороссийского края» (1830, ч. 5, кн. 1) и «Сыне отечества» — «Собор св. Апостола Андрея Первозванного (В селе Грузин)» (1816, № 11), «Замечание о надписях», 1817, № 36). Вопросы истории Смоленского края обсуждались в переписке с Н. А. Муравьевым, на экскурсах в историю построены краткие описания Твери и Ростова («Ист. статистич. и географич. журнал...», 1823, ч. 2, кн. 2, с. 145—49; 1827, ч. 1, кн. 3, с. 215—32).

В пору командования 2-й grenадер. дивизией П. организовал в своем калужском доме регулярные собрания офицеров, не чуждых словесности, — своего рода филиал «Беседы» или ОЛРС. Стараниями П. в Калуге, как и ранее в местах дислокации подведомственных ему частей — Смоленске, Дорогобуже, Вязьме (см. его письмо в ВОЛРС, 1821 — ИРЛИ, ф. 58, № 5, л. 211; справка Н. И. Хохловой), была открыта книжная лавка. Результат деятельности сообщества (председательствовал сам П.) — сб. «Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и в прозе военных литераторов» (ч. 1—2, М., 1825; отрывок перепечатан в кн.: Бурцев А. Е., Обстоятельное библиографическое описание редких и замечательных книг..., т. 3, СПб., 1901, с. 86—88; нек-рые мат-лы по истории об-ва см.: РНБ, ф. 76, № 209).

Восприимчивый современниками как неудачный («собрание совершенно

бесталанных произведений» — Дмитриев, с. 172), сб-к, с т. з. П., важен прежде всего как наглядное доказательство того, что досуг офицеров может быть занят не только карточной игрой, дуэлями и пьянством; характерен эпиграф к сб-ку: «Владыч. мечом в бою, а лирой среди друзей» (рассуждения П. о пользе подобного рода обществ см.: «Военные письма...», ч. 1, с. 477—86). В 1-й ч. помещены три стих. самого П. («Аглая», «Феона», «Апамис»), в к-рых предпринята попытка доказать существование связи между содержанием и стихотв. размером: по мнению автора, для «нежного» содержания наиболее уместен ямб, для «шутливого» — хорей, а для «печального» — дактиль.

С 1825 по 1830 П. — попечитель Моск. уч. округа и ун-та; возбудил недовольство профессоров введением элементов воен. дисциплины: «мундирный попечитель» — Барсуков, П. 156; жалобы не имели никакого воздействия, т. к. П. пользовался расположением мин. нар. просвещения Шишкова. Дома П. на Волхонке у Каменного моста и в подмосковном имении Люблино в сер. 1820-х гг. стали местом встреч ряда моск. литераторов: здесь собирались И. И. Дмитриев, М. Н. Загоскин, Ф. Ф. Кокошкин, М. Т. Каченовский, В. Л. Пушкин, П. И. Шаликов, С. Д. Нечаев, М. А. Дмитриев, И. М. Снегирев и др. (РЛ, 1975, № 4, с. 99). В 1830 уволен от должности попечителя с пожалованием в тайные сов. и назначен сенатором. В 1840 переименован в ген.-лейтенанта и назначен воен. губ. Варшавы (до 1845). В 1847 в числе др. сенаторов, редко посещавших заседания Сената, уволен с мундиром и полным пенсионом (РС, 1905, № 11, с. 379—81); переехал на жительство в Москву.

Значит. число соч. П. (среди них как хрестоматии-компиляции, так и оперы, комедии, подготовл. «Собрание мелких сочинений в стихах и прозе»; история 21 grenадер. полка), видимо, осталось в рукописях и впоследствии было утрачено (в архивах не обнаружены); упоминания о них см.: «Военные письма...», ч. 1, с. IX—XVI (предисл., написанное С. И. Селивановским и П. Субботиным, издателями книги), ч. 2, с. [465]; Сухомлинов, с. 61—62; Батюшков, П. 404—05, 624—26.

Др. произв.: «Военные хоры, петье в день праздника лейб-гв. Семёновского полка...» (муз. Дерфельда, СПб., 1809), «Описание нек-рых картин эрмитажной галереи» (СПб., 1811), «Описание знамени вел. кн. Владимира...» (1817; Новгород. сб., в. 2, Новгород, 1865, отд. 2, с. 129—136), «Речь о пользе отеч. археологии...» (М., 1827), «Описание древ-

них медалей Ольвии или Ольвиополя...» (пер. с франц.; М., 1828).

Изд.: Поэты-радищевцы. 1979, с. 377—84; Лит. критика 1800—1820-х гг., М., 1980, с. 48—55 [указание Л. Г. Фризмана на то, что П. в 1825 выступал против Грбоседова (с. 299), относится к А. И. Писареву]; Стихи, писанные к Н. Н. Раевскому... — В кн.: Вольтер в России, М., 1995, с. 363.

Письма: И. И. Дибичу (1825). — РС, 1881, № 12, с. 883—84; А. Х. Востокову (1823—1824). — Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке, СПб., 1873, с. 59—60, 130; Н. Д. Иванчину-Писареву. — Старина и новизна, кн. 10, М., 1905, с. 502—04; А. С. Пушкину (1830). — Пушкин. Письма, т. 2, с. 124.

Лит.: Аскаков, П. с. 302; Кюхельбекер (ук.); Белинский (ук.); Мяслов С., Ист. обозрение действий и трудов Имп. Моск. об-ва сел. хозяйств..., М., 1846, с. 266, прил., с. 50; Иванчин-Писарев Н. Д., Восп. об А. А. Писареве. — МБед, 1849, 18 янв.; Имп. Моск. ун-т в восп. М. П. Третьякова. — РС, 1892, № 9, 10; Колопанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 2, М., 1889; Станкевич Н. В., Стихотворения. Трагедия. Проза, М., 1890, с. 68—71; Максимов А. Г., Описание рус. периодич. изд. XIX в. Ж-лы И. И. Мартьянова «Сев. вест.» 1804—1805 гг. и «Личей» 1806 г., СПб., 1904; Заболов Н. В., История рус. библиографии XIX в., М., 1955, с. 273; Десницкий В. А., Из истории лит. обществ нач. XIX в., в. 1 — Ж-лы «Беседы любителей рус. слова». — В его кн.: Избр. ст. по рус. лит-ре XVIII—XIX вв., М.—Л., 1958; Гиллельсон М. И., Кольцов в письмах П. А. Вяземского и А. А. Писарева. — Уч. зап. Горьков. ун-та, в. 57, 1962, с. 302—03; Базанов (ук.); Альтшуллер М., Предлеч. славянофильства в рус. лит-ре (Об-во «Беседы любителей русского слова»), Анн-Арбор, 1984 (ук.); Нарышкин Н. А., Худож. критика пушкинской поры, Л., 1987, с. 7—8; Автографы современников А. С. Пушкина, М., 1988, с. 141—43 (дарственные надписи П.); Моск. ун-т в восп. современников. (1755—1917), М., 1989 (ук.); «Армазы» (ук.); Степанова Е. Ю., К истории села Знаменского, места рождения Д. И. Писарева. — В кн.: Д. И. Писарев: Исс. и мат-лы, в. 1, М., 1995; Горшман А. [А. А. Писарев]. — «Рос. архив», 1996, т. 7 (спраочная заметка); Некролог: Отчет ОРЯС за 1848 — ЖМНП, 1849, ч. 61, с. 49—50; Брокгауз: Сп. ОЛРС; МНЭР; Смирн. энци.; Клейменова; Смирнов-Сокольский; ИДРДВ; Муратов; Масанов.

Архивы: Архивы деятелей библиографии, 1993, № 4, с. 142 (сост. В. И. Гильчикский); РГБ, ф. 226; ИРЛИ, ф. 320, № 1937 (ф. с. 1830 г.); ф. 322, № 19, 23, 26, 32, 35—38, 42, 54—55, 61—80 (переписка с Д. И. Хвостовым, 1813—34; в составе конволют); ф. 339, № 1, л. 230—31 (стихотв. послание Д. И. Языкову, 1803); № 9292 (4) (письмо В. И. Штейнгейлу, 1816); ф. 361, № 30 (письма И. М. Снегиреву, 1824—1834); ф. 590, № 126 (письмо Н. И. Греку, 1827); Р. I, оп. 9, № 95 (записка А. А. Жуковскому, 1844) [справка Н. А. Хохловой]; РНБ, ф. 542, № 1040 (письмо А. Н. Оленину, 1826); РГИА, ф. 549, оп. 1, № 300 (ф. с. 1846 г.); ф. 733, оп. 29, № 159 (о назначении пред. ОЛРС); ф. 1005, оп. 1, № 129 (письма С. Д. Нечаеву); РГИАЛИ, ф. 10, оп. 2, № 1 (письмо С. Т. Аксакову, 1828); ф. 141, оп. 1, № 363 (деловые письма Ф. Н. Глинке, 1815 и 1820); ф. 1345, оп. 1, № 425 (письма ему же, 1818, 1821); ф. 191, оп. 2, № 787 (стих. «К товарищу»); ф. 195, оп. 1, № 2547 (деловые письма П. А. Вяземскому, 1836, 1838); НБ СПб. гу. ф. ВОЛСНХ, л. 55, № 1, л. 78 и 152 [справка Т. В. Мисениквич]; ГАРФ, ф. 109, оп. 221, л. 15, л. 235; РГБИА, ф. 395, оп. 39, св. 1507, № 446 (ф. с. 1846 г.) [справка Н. Н. Синицовой].

А. В. Жуковский, Е. Э. Ламина.

ПИСАРЕВ Александр Иванович [14(26).7.1803, с. Знаменское Елецкого у. Орлов. губ. — 15(27).3.1828, Москва; похоронен в Покров. монастыре], драматург, поэт. Сын небогатого помещика Орлов. губ. (дослужившегося до ротмистра — ЦИАМ). Дядя Д. И. Писарева, родственник

А. А. Писарева. В 1817 поступил в Моск. ун-тский благородный пансион, к-рый окончил в 1821 с отличием (2-й в выпуске, с чином коллеж. секр.). Рано проявил интерес к лит-ре, еще в пансионе пробует себя в разных родах и жанрах: перевод в стихах «Сцена из Метромании» (ВЕ, 1819, № 23/24 — лит. дебют П.), элегий — оригинальные (в т. ч. «Возвращение» — «Снова прелестный ангел свиданья/ Тихо крылами нас осенил») и подражания Ш. И. Мильвуа («Феникс» и др.), опубликов. в пансионском альм. «Каллиопа» (1820, ч. 4), критич. отклики (отрицат., на поэму «Освобожденная Москва» А. А. Волкова — ВЕ, 1820, № 11, 12), рассуждения («О нравственных качествах поэта», М., 1821). «Любимец» дир. Благородного пансиона А. А. Прокоповича-Антонского (Полевой. Мат-лы, с. 157), П. и соучениками воспринимался как многообещающий талант: по восп. С. Т. Аксакова, «вся пансионская молодежь признавала его превосходство...» (Аксаков, с. 49); о влиянии П. на С. П. Шевырѳа, к-рый был годом моложе, говорили сам Шевырѳ (Сл. профессоров Моск. ун-та, с. 604) и М. П. Погодин (см. его «Восп. о С. П. Шевырѳе», СПб., 1869, с. 5). Своим «товарищем» называл П. юноша В. Ф. Одоевский (РА, 1864, кн. 2, стб. 809), хотя к пансионским годам относятся их первое лит. столкновение (см. набросок Одоевского «Ответ на критику А. И. Писарева соч. Одоевского „Отрывок из пророчества Варуха“ и „Послание к Филону“» — РНБ, ф. 539, оп. 2, № 74). Позднее П. — участник издаваемого Одоевским и В. К. Кюхельбекером альм. «Мнемозина» (М., 1824, ч. 3: баллада «Выкуп Оссиана» на сюжет Мильвуа — Левин Ю. Д., Оссиан в рус. лит-ре, Л., 1980, с. 107; опубли. также: Тр. ОЛРС, 1824, ч. 28, кн. 1), а годом ранее — альм. С. Е. Раича «Новые Аониды на 1823 г.» (М., 1823); в 1825 примыкал к его кружку (Раич С. Е., Автобиография. — «Рус. библиофил», 1913, № 8, с. 28), говорил об уважении к Раичу «как автору и человеку» (СО, 1825, № 17, с. 85). По окончании пансиона подает прошение о принятии его в Моск. ун-т вольнослушателем (посещал лит. лекции — неизв.), становится действит. членом ОЛРС при Моск. ун-те (чл.-сотр. с 1820; с 1821 чл.-сотр. ВОЛРС), активно печатается, преим. как поэт, в «Трудах» ОЛРС и «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского.

Первые лит. опыты П. во многом носят ученич. характер. В изв. смысле под воздействием арханч. воззрений на иск-во, свойственных Обществу любителей рос. словесности, он совмещал дидактич. традиц. жанры — речи, сатиры и пр. (дифирамб

«Бессмертные души» (М., 1820), «Мудрец Альпийских гор», пер. из Ж. Ф. Лагарпа («Соч. в прозе и стихах», 1823, ч. 3, кн. 8), «К богатому соседу», «Различие. Басня» (там же, 1822, ч. 1, кн. 2), «К молодому любителю словесности» (ВЕ, 1821, № 7/8)] с попытками усвоить новые веяния в поэзии: цикл элегий в духе Парни—Батюшкова (Тр. ОЛРС, 1822, ч. 18), очевидные подражания В. А. Жуковскому, особенно в балладе «Мальвина и Танкред» («Соч. в прозе и стихах», 1822, ч. 2, кн. 5), написанной строфой «Золовой арфы», в элегиях с темой минувшей юности и энтузиастич. дружбы («К товарищу», там же, 1823, ч. 3, кн. 8). Более удачным оказался жанр ист. элегии, где одич. строфы сочетались с эгегическими: стих. «Бедриное озеро» (посв. Ф. Ф. Кокошкину), «Берега Дона» (с реминисценциями из «Вечера» Жуковского — там же, 1822, ч. 2, кн. 5). П. был даже причислен Н. А. Цертелевым к поэтам «новой школы словесности» и подвергся критике вместе с Жуковским, П. А. Плетневым и др. («Благ», 1823, № 6). Тогда же обращался и к переводу высокой трагедии: опубли. два отрывка из «Федры» Ж. Расина (ВЕ, 1822, № 3; «Соч. в прозе и стихах», 1822, ч. 2, кн. 5).

Несмотря на несамостоятельность стих. П., он всегда считал себя поэтом, «лириком»; друзья поддерживали его в этом мнении. В нач. 1820-х гг. П. вошел в «лит.-театральную партию» — круг моск. драматургов, театр. деятелей и критиков: С. Аксаков, Кокошкин, М. А. Дмитриев (см. послание «К М. А. Дмитриеву» — там же), А. А. Шаховской, М. Н. Загоскин, Н. Ф. Павлов. Человек раздражительного, по восп. современников, ума и самолюбия, П. «уживался в кружке драматич. писателей», был «так сказать „баловнем“ этого кружка, где любили талант, его пылкое сердце и ради них прощали... его резкие выходки...» (М. Лонгинов — БЗ, 1859, № 2, с. 609; см. также: Аксаков, с. 64). Познакомившись с Аксаковым зимой 1820—1821, П. стал его близким другом, Кокошкин устроил его на незначит. должность в контору Моск. театра (репертуарная часть). П. страстно увлекался театром, «бывал всякое утро на репетициях и всякий вечер за кулисами, совершенно погрузился в этот обольстительный для страстей Пандемониум» (Дмитриев М. А. — НЛО, 1992, № 1) и в результате лирическому роду предпочел драматический.

Известность П. получил как один из лучших водевилистов, утвердивший (вместе с Н. И. Хмельницким) этот жанр на рус. сцене. За пять лет (1824—28) им написано 23 водевиля и комедии (издано ок. 12), ставив-

шихся сначала в Москве — моск. Малый театр и в Петербурге — Александринский театр. Водевиль П. — это почти исключительно переложки франц. пьес, «переложенных» на рус. нравы и воспринимавшихся как русские. Наиб. успех имели водевили и оперы-водевили (с куплетами, танцами и хорами) «Хлопотун, или Дело мастера боится» (пост. 1824; М., 1825; 1886), «Поездка в Кронштадт» (пост. и изд.: М., 1824), «Учитель и ученик, или В чужом пиру похмелье», «Наследница» (обе — пост. и изд.: М., 1824), «Забавы каллифа, или Шутки на один сутки» (пост. и изд.: М., 1825), «Три десятилетия, или Новое двухдневное приключение» (пост. 1825, Большой т-р; отрывок в кн.: Стихотв. комедия...). Юмор, острокомедийные ситуации и, особенно, удачно схваченные характеры (почти объемные и, несмотря на комизм, вызывающие неподдельное сочувствие зрителей — «Хлопотун», «Наследница»), легкость («бойкость») и чистота слога — отличит. свойства пьес П. В. Г. Белинский, у к-рого водевильный жанр всегда был на подозрении, скажет о водевилях П. в 1842: «Все наши теперешние водевилисты, вместе взятые, не стоят одного Писарева» (VI, 371).

Представление об эстетич. принципах молодого драматурга дает речь («О драматич. поэзии») (при участии в ОЛРС: «Соч. в прозе и стихах», 1823, ч. 3, кн. 7); П. декларирует верность нормативным принципам, критикует совр. нем. драматургию, выступает против смешения жанров: драматургию характеров предпочитает драматургии интриги.

П. нередко затрагивал (прежде всего в куплетах) обществ. пороки: погоню за чинами, власть «капитала», боязнь общего мнения, взяточничество, подкуп судей. Успеху водевилей много способствовали известные актеры — М. С. Щепкин (роль Репейкина в «Хлопотуне» — одна из лучших в его водевильном репертуаре), В. И. Рязанцев, А. М. Сабуров, Н. В. Репина, М. Д. Львова-Синицкая — и музыка А. Н. Верстовского, А. А. Алябьева и Ф. Е. Шольца. П. сделался любимцем моск. публики (Аксаков, с. 56). Известность его в значит. степени поддерживалась водевильными куплетами, изобиловшими злободневными намеками (скандал вызвал явный намек на Н. А. Полевого в комедии «Три десятилетия...»: «Всем мил цветок оранжевый! И всем наскутил полевой» — РА, 1869, № 12, стб. 2094; о реакции публики см.: Полевой. Мат-лы, с. 186—87), рукописными эпиграммами, «злыми» и колкими, на людей лит.-театрального мира (см.: Рус. эпиграмма), а также экспромтами: «Скропал Арапов водевиля/ Одоевский скропал музыку/ Man kann nicht immer, was man will/ И пьеса хлопнула без крику!» (там же).

Куплеты из своих водевилей и фрагменты из пьес П. опубли. в издании им вместе с Верстовским «Драматич. альбом... на 1826 г.» (М., 1826, кн. 1—2; там же поместили «Разговор одного из издателей альбому с будущим читателем о нем»; Собр. водевилей куплетов из нек-рых пьес П. — см. также: Пономарев).

Право на место в «серьезной» лит-ре в 1-й пол. 20-х гг. П.-драматург получил своей переделкой (единственной с англ.) «Школы злословия» Р. Б. Шеридана — комедией в стихах «Лукавин» (пост. и изд.: М., 1823; отрывки — ВЕ, 1823, № 17; отклики: ВЕ, 1823, № 21, с. 67; «Лит. листки», 1824, № 2, с. 69; Аксаков, с. 56, Жуковский и В. А., Эстетика и критика, М., 1985, с. 313, 316).

П. воспользовался переводом И. М. Муравьева-Апостола (1794). В «Лукавине» он существенно отступил от текста Шеридана: «выпустил лучшие сцены» (письмо А. А. Бестужева П. А. Вяземскому от 28 янв. 1824. — В кн.: Бестужев-Марлинский А. А., Соч., т. 2, М., 1981, с. 474), все, связанное с компанией леди Синирвелл; единств. отрицат. героем стал Лукавин-Сэрфес. Остроумные пародосы, к-рыми изобилует текст Шеридана, П. не передал, и, видимо, намеренно: он следовал принципу, сформулированному позднее в «Прологе комедии „Христофор Колумб“»: «пусть лицо смеит, а не слова сплет».

Вместе с М. Дмитриевым П. участвовал на стороне «классиков» почти во всех лит. спорах сер. 1820-х, выступая со своими эпиграммами, водевильными куплетами (и реже — статьями) против Вяземского, А. С. Грибоедова (соответственно, Мишурского и Грибуся) и Н. Полевого, пост. адресата выпадов П.; рукописные эпиграммы на последнего, известные в разных редакциях (Рус. эпиграмма; Пономарев, с. 350 — 351; Катенин П. А., Размышления и разборы, М., 1981, с. 259), отличались особенной грубостью. Печатная полемика носила более сдержанный характер.

П. составил спец. брошюру, свод взаимных обвинений П. и Н. Полевого: «Анти-Телеграф, или Отражения несправедливых нападений г-на Полевого» (М., 1826), не отражающую внутр. мотивов испития друг друга (отклик: МТ, 1826, № 6; подробности — Лонгинов М. Н., О полемике Н. А. Полевого с П. — «Совр.», 1856, № 7). Полевой, в частности, считал, что П. напрасно тратит свой талант на водевил; П., сам понимавший это, воспринимал слова Полевого болезненно.

В статьях, направл. против Вяземского, автора предисл. к «Бахчисарайскому фонтану» А. С. Пушкина («Еще разговор между двумя читателями „Вестника Европы“» — ВЕ, 1824, № 8; «Нечто о словах» — ВЕ, 1824, № 12), П. упрекал его, с одной стороны, в нарушении правил логики и грамматики (требуя ясности слога в критике), с другой — в особом рода партийности, принадлежности к «кругу знаменитых друзей», определяющей стиль лит. поведения (там же, с. 283, 290) (о реакции Вяземского см.: ОА, III, 38—39; РА, 1874, кн. 2, стб. 0541—43; РС, 1904, № 1, с. 120—22). Упреки Грибоедову — в неправомерности языка и построения (отсутствие «связи») «Горя от ума»,

высказанные в полемич., в защиту М. Дмитриева, ответах О. М. Сомову и «неизвестному Y. Y.» (В. Одоевскому), опубли. в «Вест. Европы» (1825, № 10, 23/24) за подписью Пилад Белугин. Своего рода ответом на защитулюбомудрами Грибоедова явился комич. персонаж по имени Шеллинг (педаант-учитель) в водевиле «Учитель и ученик».

Склонность П. к лит. «дракам» была совершенно исключительной. Любивший его С. Аксаков писал о нем: «Раздражительность, желчность ослепляли его, и в число его литературных врагов попали такие люди, которые заслуживали полного уважения по своим талантам» (Аксаков, с. 64). По мнению современников, лит. выпады П. носили личный характер.

Сатирич. выходы П. часто были направлены не только против его явных противников, но и против учителей, приятелей, редакторов журналов, где он печатался (см., напр., грубый выпад против А. Ф. Мерзлякова-«Лядкова»: «Второе послание к молодому любителю словесности» (ВЕ, 1822, № 7). [Исключением в этом отношении было «Похвальное слово В. В. Капнисту» (читано на заседании ОЛРС 27 февр. 1828; опубли. дважды: «Соч. в прозе и стихах», 1828, кн. 19, и «Атенский», 1828, ч. 2, № 5) — дифирамб лит. и человек. «полювину» драматурга, по мнению П., недооцененного и в иск-ром отношении опередившего даже «Недоросля» Д. И. Фонвигина.]

В целом же лит. позиция П. м. б. определена как «промежуточная» и эклектичная: спектр задеваемых им имен очень широк; в неизд. при жизни сатире (1825) «Певец на биваках у подошвы Парнаса» (БЗ, 1859, № 20; сопроводит. ст. и прим. Лонгинова) ее адресатами помимо упомянутых литераторов были как «классики», так и «новаторы», в особенности их эпигоны, среди них М. Т. Каченовский, А. Е. Измайлов, В. Л. Пушкин, М. Н. Макаров, П. И. Шаликов, а также А. Ф. Воейков и Н. И. Греч.

Ок. 1827 в творч. сознании П. происходил перемены. Он претендует на роль в лит-ре, большую, чем роль водевилиста. Роль присяжного критика «Вест. Европы» перестает удовлетворять его, и вместе с М. Дмитриевым он планирует соств. издание (об этом в письме Н. Павлова к В. Одоевскому от 2 сент. 1827 — РС, 1904, № 4, с. 194, и в письме П. 1827 к Погодину: РГБ, ПоплП, к. 46, № 45). П. возобновляет старое знакомство с Шевырëвым и Погодиным, публикуется в «Моск. вест.» (1827, № 5: куплеты из водевиля «Странствующие лекаря...» и эпиграмматич. цикл «Журналы», в к-ром он выделяет «Моск. вест.» как избежавший «общей порчи»). Сближается с любомудрами и во взглядах на лит-ру, что видно из его эстетич. манифеста «Парадоксы» (МВ, 1827, № 6, подпись **; атрибутируется по вышеуказ. письму Погодину 1827; содержательно в отд. моментах совпадает

со ст. «О драм. поэзии»); отходя от предустановл. эстетич. догм, П. утверждает, что «все может быть предметом ... искусства» (с. 166) и что «поэзия будет мертва без помощи истории, как физика без математики» (с. 166).

Как им. его современники, П. ожидает нового — синтетич. — жанра в лит-ре и, приписывая особое значение драме, ожидает нового «драматич.» слова именно от рус. лит-ры. «Мы, русские, последние пришли на поприще словесности. Не нам ли определено заменить эпопею, теперь невозможную, драмою, соединяющую в себе все роды словесности и все искусства?» (там же, с. 168). П. дает оригинальное определение романтич. драмы: ее гл. отличие от классической не в соблюдении или «нарушении» единств. места и времени, но «в лицах второстепенных»: романтич. драма, подчиняя их «общему ходу пьесы», а не гл. лицу, «не отнимает у них самобытности» (там же).

В 1826—28 П. пытается обновить жанр комедии, расширяя круг ее тем. По поводу водевиля П. «Три десятилетия» С. Аксаков писал о «характере новейшего водевиля, распространившего пределы свои в область важного, трогательного и ужасного» (Аксаков, с. 556); «Странствующим лекарям...» (пост. 1827) Аксаков дал парадоксальное определение: «водевиль... серьезного содержания» (там же, с. 91). В прозаич. пьесе «Пятнадцать лет в Париже, или Не все друзья одинаковы» (переделка с франц. мелодрамы М. Теолона) (пост. и изд.: М., 1828) 1-й акт был обозначен как комедия, 2-й — как водевиль, 3-й — как драма; в авт. примечании сказано: «теперь ... почти невозможно писать характерную комедию; поэтому нынешние комики должны ограничиться комедиею нравов; а как нынче в обществе гораздо более пороков и ненависти, нежели слабостей и смешных сторон, то драма и становится настоящею комедиею нашего времени» (с. 149).

«Драмой, соединяющей в себе все роды словесности», должна была стать незаконч. «историч. комедия» «Христофор Колумб» (1-й акт опубли.: МВ, 1829, № 1). В прологе комедии «Несколько сцен в кондитерской лавке» (опубл. в «Драм. альбоме...») — о вреде «чужеземных» влияний в рус. языке — П. определяет жанр своего произв. как «всеобщий род», образцы к-рого находит «в гишпанских авторах, в Шекспире и у немцев», и в «Аристофане» Шаховского. О плане этой комедии умирающий в 25-летнем возрасте от чахотки П. рассказывал Погодину и Шевырëву (запись в дневнике Погодина 2 февр. 1828: «вечеру ездил с Шевырëвым к умирающему Писареву и с состраданием слушал прекрасный план его „Колумба“. Ну, если он не приведет его в исполнение и не оставит по себе этого следа? Шевырëв должен выступить еще раз и быть, чего не дай Бог, его душеприказчиком») (Барсуков, II, 222—223). С. Аксаков в некрологе П. пи-

сал, повторяя, в сущности, самооценку П.: «все заставляло ожидать от него комедий аристофановских...» (Аксаков, с. 405) (см. также: Кухельбекер В. К., *Дневник*, Л., 1929, с. 89).

Др. прозв.: водевили и комедии: «Волшебный нос, или Талисманы и финики» (М., 1825), «Дядя напрокат» (пост.: М., 1827; СПб., 1828), «Пять лет в два часа, или Как дороги утки!» (пост. и изд.: М., 1828), «Средство выдавать дочерей замуж» (пост. и изд.: М., 1828; рец.: МВ, 1828, № 15).

Переводы (с франц.): «Пиришество героев победителей», с посв. Н. И. Гнедичу (из баллады «Торжества победителей Ф. Шиллера») («Соч. в прозе и стихах», 1822, кн. 2); романы В. Скотта «Квентин Дорвард, или Шотландец при дворе Людовика XI» (М., 1827) и «Песверль Пик» (ч. 1: ч. 2—5 перевел С. Т. Аксаков) (М., 1830); «Похвалы слою картам. Подарок на 1825 год» (М., 1825); экспромт М. А. Л. — РС, 1880, № 7, с. 592; Гербель.

Изд.: «Хлюптуга» — Рус. водевил. М.—Л., 1959 (вступ. ст. В. В. Успенского, с. 21—24); Рус. водевил. М., 1970; «Лукашки», «Посадка в Кронштадт», «Несколько сцен...» — Стихотв. комедия кон. XVIII — нач. XIX вв., М.—Л., 1964 (БПбс; биогр. справка В. А. Бочкарева); «Наследница», «Несколько сцен...», куплеты; Стихотв. комедия. Комич. опера. Водевил кон. XVIII — нач. XIX в., т. 1—2, Л., 1990 (БПбс; подготовлено А. А. Гозенпудом); Эпиграммы и сатира, М.—Л., 1931, т. 1: Рус. эпиграммы.

Лит.: Аксаков, III (ук.); Пушкин; Пушкин. Переписка, т. 1: ОА, т. 3, ч. 2; Вяземский, VII (исс. — ук.); Головин В. И., Вост. о Ф. Ф. Кокошкине — «Пантеон», 1843, № 1, с. 106—111; Дмитриев М. А., Стих., ч. 1, М., 1865, с. 230—31; Дмитриев (ук.); его же, Главы из восп. моей жизни, ЛО, 1992, № 1, с. 208—12, 221—225 (прим. О. А. Проскурины); Полевая В. А., Мат.-лы (ук.); Белинский (ук.); Барсуков (ук.); Кухельбекер (ук.); Пономарев С., А. И. Писарев, — «Ежемесячное новое время», 1879, т. 1 (ссть библ.); Коллманов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 1, с. 493—94; кн. 2, с. 300—302, М., 1889—92; Резанов В. И., Из разсказаний о соч. В. А. Жуковского, в 2. П., 1916 (ук.); Лонгинов М. Н., Соч., т. 1, М., 1915 (ук.); Маулюдов В. А., Заметки о двух стих., — «Уч. зап. ЛПИИ им. А. И. Герцена», 1948, т. 67; Медведев М., Два новых стих. А. С. Грибоедова, — ВЛ, 1958, № 1; Базанов (ук.); Янковский М., [Вступ. ст.], — Стихотв. комедия кон. XVIII — нач. XIX вв., М.—Л., 1964; Гринь Т. С., М. С. Шелкин. Летопись жизни и творчества, М., 1966, с. 119; Машинский С. [И.], С. Т. Аксаков..., М., 1973 (ук.); История рус. драматургии, XVII — первая пол. XIX в., Л., 1982 (ук.); Сербул М. Н., Рус. водевил 1810—1820-х гг., Томск, 1989 (авторф. дис.); Кемпф О., А. И. Pisarev als Dramatiker, Glessen, 1980; ЛН, т. 47/48, с. 233, 239—40; т. 60, кн. 1 (ук.); ✦ Некрологи: МВ, 1828, № 6 (Аксаков); ДЖ, 1828, № 8 (б.п.); Сушков Н. В., Моск. учебный Благородный Пансион, М., 1858, с. 82; Добродюбов И. В., Яхонтов С. Д., Библиогр. словарь писателей, ученых... (пресм.) Рязан. губ., Рязань, 1910; СЛ. ОЛРС; Геннади; Брокгауз; ТЭ; КЛЭ; ИРДТ, т. 2, 3; Муратова (1, ук.); Машинский (не учт. критиконимы: А. А., А. Б. В. — ВЕ, 1824).

Архивы: СПб ГТБ (рукописи тес); РНБ, ф. 197, оп. 1, № 51 (письма Н. И. Гнедичу, 1821 и 1822); ф. 291, № 129 (два письма М. Н. Загоскину, 1822 и б.д.); РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 311 (автографы стихов); ЦИАМ, ф. 418, оп. 118, д. 172 (о принятии П. волеуслушатель Моск. ун-та, 1821 г.) [справка В. В. Александровича]; ЦГТМ, ф. 53, № 297 (письмо А. Н. Верстовскому 1820 г., с. вост. о детстве); № 136 (шутливое письмо ему же П., М. А. Дмитриева и П. Н. Арапова, 1825 г.); № 465 (план трагедии «Оскар и Алия», 1822 г.) [справка И. П. Гамулы].

Г. В. Зыкова.

ПИСАРЕВ Дмитрий Иванович [2(14).10.1840, с. Знаменское Елецкого у. Орлов. губ. — 4(16).7.1868, Дуббельн, близ Риги; похоронен в Петербурге на Волковом кладб.], критик, публицист.

Отец, Ив. Ив. (1815—92), — штабс-капитан Новорос. драгун. полка, вышедший в отставку одновре-

менно с женитьбой, из небогатой помещицкой семьи с давними культурными традициями; мать, Варв. Дм., урожд. Данилова (1816—80), — дочь полковника в отставке, из елецких помещиков, получила неплохое дом. образование, отличалась широким кругом интересов и восприимчивостью к новым идеям. Двоюродный дед П. по отцу — А. А. Писарев; дядя — А. И. Писарев; троюродная сестра П. — М. А. Маркович (см. Марков *Воевод*), двоюродная сестра — Р. А. Коренева (в замужестве *Гарднер*). В доме П. царил атмосфера постоянного учения, культа знаний, поощрялись лит. творчество и чтение.

Воспитанием П. занималась страстно его любившая мать, к-рая последовательно и целеустремленно формировала из ребенка необыкновенного человека, обладателя исключит. способностей.

За интеллектуальное развитие сына она принялась начиная с годовалого возраста — с использованием новейших пед. руководств и воспитат. методик, специально выписываемых из-за границы (так, она облекла детский столик разноцветными картинками с изображением домашних животных и птиц и т. о. добилась того, что ее годовалый сын, не умея еще говорить, звукоподражаниями различал их). Опережающее развитие наблюдалось в разных областях. Трех лет П. знал уже азбуку, четырех — читал по-русски и по-французски, свободно говорил на франц. яз., поражая гостей, приезжавших в имение Писаревых. Начав изучать в восьмилетнем возрасте нем. яз., П. в десять лет уже легко и с большим интересом читал «Историю тридцатилетней войны» Ф. Шиллера. Рано пробудились творч. наклонности П.: с семи лет он пытался сочинять романы, в восемь написал сказку «Ромалион»; в десятилетнем возрасте начал вести дневник на франц. яз.

Несмотря на незаурядные способности и поразительные успехи в за-

нятиях гуманитарными предметами, формирование личности П. шло противоречиво, подчас драматично. Потребность в творч. самовыражении вступала в непримиримое противоречие с его «подневольным», постоянно контролируемым положением недоросля, «вечного дитяти». Атмосфера мелочной опеки и семейного деспотизма — грубого и догматического со стороны отца, тонкого и любвеобильного, но и гораздо более систематического и назойливого, — со стороны матери — приводила к соединению в характере и поведении П. усидчивости, исполнительности, беспрекословного послушания, доходящего до слепой зависимости от мнений и оценок старших, и познавательной активности, творч. самостоятельности. Постоянная необходимость отдавать матери подробный отчет о всех своих поступках и проступках, достижениях и неудачах, интересах и привязанностях развивала в П. склонность к самоанализу. Его предельная искренность и правдивость доходили до самообнажения, впечатлительности и ранимости провоцировали подтрунивание и иронич. снисходительность старших (домашнее прозвище П. — «хрустальная коробочка»). Вместе с тем нарастало ощущение душевной неустовренности, непонятости, толкавшее П. к одиночеству, уединению, изощренной рефлексии. В юном П. формировались скрытность мыслей и переживаний, обостренное чувство собств. индивидуальности, свободы, личного достоинства, исподволь подготавливался будущий конфликт с окружающим миром, в т. ч. с собств. семьей. Склонности П.-подростка раздвигались между серьезными занятиями («одна из первых молитв, составленная и преподанная» В. Писаревой детям, «состояла в том, что они должны были просить у Господа „донятие к наукам“» — Гарднер, с. 1008) и худож. фантазиями, мечтательностью, игрой, разделяемыми с Р. Кореновой, его кузиной и ровесницей, братская и дружеская привязанность к к-рой впоследствии переросла у П. в страстную любовь.

В 1851—56 П. обучался в 3-й петерб. г-зии, известной высоким уровнем преподавания (словесник В. Я. Стоюнин, учитель нем. яз. Э. П. Буш); окончил г-зию с серебр. медалей. Ни лит., ни вообще проф. интересы П. в это время еще никак не проявились. Предпочтительным его занятием было чтение приключенч. романов (Ф. Купера, А. Дюма), заслонявших романы Ч. Дикенса. Критич. статьи в ж-лах ассоциировались с «кодексом гиероглифических надписей»; представления о рус. лит-ре оставались самыми поверхностными, на уровне имен (Пи-

сарев, II, 135). В целом г-зия заложила основы разносторонней образованности, но существ. ее пороками, по мнению П., были бессистемность образования, оторванность его от жизни, раскритикованная П. в автобиогр. очерках «Наша университетская наука» (РСЛ, 1863, № 7, 8) и в ст. «Школа и жизнь» (Соч., ч. 5, 1866).

В становлении юношеского мирозерцания П. важную роль сыграла причастность к т. н. «Обществу мыслящих людей» — кружку, к к-рому он примкнул в старших классах г-зии и с к-рым окончательно порвал лишь в 1859. «Общество», произанное по-детски наивным ригоризмом, выдвигало на первый план религ.-филос. вопросы (в духе «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя), его члены проповедовали добровольный отказ от всех «радостей жизни» (танцы, курение, пустые разговоры и т. п.), упреждения в самоотречении, аскетизме (выполот до обета девственности на всю жизнь), взаимную исповедь в прегрешениях и коллективное увещание и нравств. суд над каждым из «братьев». П. воспринимал все эти принципы и обыкн. со свойственной ему в то время серьезностью, глубиной и даже экзальтацией (см.: Скабичевский, 1928, с. 95, 107—111).

В 1856—61 П. — студент Петерб. ун-та, учился на ист.-филос. ф-те, выбор к-рого объяснял (не без полемич. заострений) ненавистью к математике и наивностью своих представлений о др. факультетах (II, 136). Его поступление в университет не повлекло за собой поначалу внешних изменений. По восп. однокурсников, он оставался «совершенным ребенком и ... тем же прилежным гимназистом» (Скабичевский, 1869, с. 46); «гораздо более нас подготовленный к университетскому курсу, гораздо более ... образованный — тяготился, однако ж, невыносимо и видимо тою ролью, которую ему постоянно приходилось разыгрывать перед всеми» (Полевой, с. 1). Сам П. определил это противоречие своей личности формулой «способность к развитию и совершенная неразвитость» (II, 137).

В «Нашей университетской науке», рассказывая об атмосфере ун-та и своих наставниках (И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, М. М. Стасюлевич, Н. И. Костомаров, М. И. Касторский, Н. Д. Астафьев), выведенных под условными именами, П. рисует гротескную, почти карикатурную картину выморочной, оторванной от реальности псевдонауч. и псевдоуч. деятельности, генерализируя и типизируя свои наблюдения в публицист. и сатирич. целях. Воздействие преподавателей на формирование своего мировоззрения П. оценивает как довольно сильное, но почти исключительно отрицательное, по принципу отталкивания, преодоления, а в каких-то случаях и «восстановления» (против «палеонтологических диковинок» и ложных, мнимых авторитетов). Именно из ун-та, по оценке П., вынесено им «ядовитое зерно скептицизма» (II, 141), к-рое, будучи посеяно в девственную почву его по-

детски неокрепшего сознания, породило взрыв огромной разрушит. силы, перепределило последовавший умств. переворот.

Первой проблемой, остро вставшей перед П. в ун-те, явился вопрос о специализации. Кружок студентов-филологов, в к-рый он входил на первых курсах (Н. А. Трескин, ставший близким другом П., Л. Н. Майков, А. М. Скабичевский, П. Н. Полевой, В. В. Макушев), в осн. уже определился в проф. интересах и занятиях. Трудности и сомнения в выборе «ученой карьеры» или хотя бы конкретной области приложения сил очень тревожили и угнетали П. Единств. относительно удачным собственн. науч. опытом П. стала трудоемкая и кропотливая работа по изу-

Писарев-гимназист.

чению наследия нем. философа и филолога В. Гумбольдта, в то время в России практически неизвестного (во мн. заслоненного славой и авторитетом его брата — естествоиспытателя и путешественника А. Гумбольдта), а также его биографов и комментаторов (Х. Штейнтала, Р. Гайма, Г. Шлезера), к-рую П. осуществлял под руководством Сухомлинова: ст. «Вильгельм Гумбольдт» («Сб., издаваемый студентами имп. Петерб. ун-та», в. 2, СПб., 1860; похвальный отзыв А. В. Никитенко — там же, с. 8).

Сам П. оценивал работу исключительно негативно, как зря потраченное время и силы; на самом деле влияние идей Гумбольдта на формирование П. далеко превосходит воздействие всех др. теорий, распространившихся в ун-те (ср. имена, к-рые П. упоминает с определ. пиететом, — С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Ф. И. Бусласва, Срезневского, Т. Н. Грановского, Б. Н. Чичерина — II, 137), и сопоставимо лишь с последующим влиянием на него рус. радикальных демократов, с одной стороны, и зап.-европ. естествоиспытателей (Ч. Дарвин, Л. Бюхнер, Я. Молюшотт, К. Фохт), с другой. Среди филос.-антропологич. идей Гумбольдта, горячо воспринятых П. и ставших его жизненным убеждением: положение о главенствующем значении человек. личности; представление о личности как вопло-

щении всей человек. природы, только избравшей частный путь развития; обоснование свободы как сущностного качества человека; идея ист. прогресса, общечеловеч. гуманистич. развития и особой роли в нем цивилизации и культуры; просветит. точка зрения на нерасторжимое единство науки и жизни; последовательная критика этатизма, гос.-бюрократич. регламентирования человек. жизни. Во мн. именн. «мир Гумбольдта» стал первым образователем духовного «мира Писарева» (см.: Володин, 1993, с. 206).

Др. значит. событием в ун-тской жизни П. стал журналистский дебют в «Рассвете», ж-ле «наук, искусств и литературы для взрослых девиц», к-рый начал выпускать с 1859 В. А. Кремпин. 18-летний студент П. был приглашен вести библиотеч. отдел (возможно, по рекомендации Стоюнина, близкого знакомого издателя и одного из авторов нового ж-ла). В течение года П. публиковал рец. на худож. и документ., ист. и пед., духовные и естеств.-науч. соч. (общим объемом ок. 25 авт. л.), получив хорошую школу не только рецензирования, но и науч. популяризации (в частности, из области предметов, рецензенту практически незнакомых, — физики, химии, физиологии — или знакомых чисто отвлеченно, как, напр., «женский вопрос»). Здесь же в 1859 П. дебютировал как лит. критик: ст. «„Обломов“. Ром. И. А. Гончарова» (№ 10), «„Дворянское гнездо“. Ром. И. С. Тургенева» (№ 11) и «„Три смерти“. Рассказ гр. Л. Н. Толстого...» (№ 12). Образцы критики, на к-рые ориентировался П. в этих, еще во мн. незрелых статьях, — ранний В. Г. Белинский, А. А. Григорьев. Делая акцент на нравств.-воспитат. значении лит.-ры, П. стремится к обществ. значимым обобщениям. Характеры, сюжеты, проблемы, воссозданные в худож. произв., уже используются им гл. обр. как повод для рассуждений на волнующие лично его темы — человек. природы и разумной деятельности, семейного счастья и общественно полезного труда, личной свободы и равенства, жизненного опыта и мечты. Так, в образе Ольги Ильинской («Обломов») П. увидел «живой протест против зависимости женщины. Протест этот, конечно, не составлял главной цели автора ... но чем естественнее возник ... чем менее он был подготовлен, тем более в нем художественной истины, тем сильнее подействует он на общественное сознание» (I, 16). Возможность самовыражения, свободного размышления на любые темы особенно увлекала П., а многообразие и «разношерстность» рецензируемого мат-ла поневоле расширяли его умств. кругозор: «библиография моя насильно вытаскила меня из закупоренной кельи на свежий воздух» (II, 177).

Журналист. деятельность П. вызвала в студенч. филос. кружке критич., а подчас и насмешливое отно-

шение («пустословие», «пагубный дилетантизм», «суета», уводящие от науки. — II, 178). К осени 1859 товарищи заметили желание П. изменить соблюдаемому ими «строгую нейтральность» по отношению к студ. объединению радикальной направленности (см.: Полевой, с. 1). Особенно занимал П. вопрос о жен. эмансипации, «мысль о каком-то новом идеале современной русской женщины...». Вчерашних друзей П. раздражали его «замечательная способность к быстрому созиданию теорий» и стремление «многое объяснять на основании своих, только что созданных, теорий» (там же). В свою очередь, П. возмущал становившийся все более настойчивым «товарищеский деспотизм». Назревал острый конфликт П. со студ. окружением; он охладел к ун-тским занятиям и почти перестал их посещать. Окончат. расхождение с кружком Трескина ускорил дошедший до П. отзыв И. А. Гончарова о его статье: «изо всех, разбиравших характер Ольги, один только Писарев угадал то, что автор хотел в нем выразить» (там же, с. 1—2). П. окончательно уверился в правильности своего выбора и призвании журналиста и критика.

Летом и осенью 1859 П. пережил мировоззренч. кризис, закончившийся психич. расстройством. Разочарования в «ун-тской науке», семейных авторитетах усугубились драматич. развитием безответной любви П. к Кореневой (именно в это время полюбившей Е. Н. Гарднера, за к-рого впоследствии она вышла замуж). Углубляющийся скептицизм П. по отношению к большинству общепринятых представлений завершился утратой веры сразу во все прежние идеалы, катастрофич. «обвалом», в основе к-рого лежало крушение религ. воззрений — от сомнений в церковной обрядности до отрицания бытия Бога и личного бессмертия («я ... совсем отвергнул вечность собственной личности, и потому жизнь, как я себе ее вообразил, показалась мне сухою, бесцветною, холодною» — из письма матери, цит. по: Соловьев, 1894, с. 60—61). Повергнутый в состояние отчаяния и ужаса, П. лишь постепенно приходит к новому пониманию гл. позитивной ценности своего (и вообще человеческого) существования, к-рую определяет как «шарство мысли», саморазвивающейся независимо от воли отдельного человека. Знания, научно доказанные истины П. признает не только безусловно объективными, но и первичным элементом мироздания, доходя до убеждения, что даже др.-греч. идея судьбы — «не что иное, как неизменная сила законов природы» (II, 181).

Однако автономно развивающаяся мысль пришла в конфликт с личностью П.; им овладели мания преследования и безотчетный страх. «Скептицизм мой вышел из границ и начал отрицать существование дня и ночи» (II, 182). С диагнозом «разжижение мозга», болезн. неизлечимой, П. был помещен в частную психиатрич. больницу д-ра Штейна, где дважды пытался покончить с собой. Четырехмесячное пребывание в психолечебнице завершилось бегством П. в дом Трескиных, откуда он был препровожден в родительское имение (с. Грунец Новосильского у. Тульской губ.), где провел весну и лето 1860 на отдыхе и лечении. Чуть оправившись от душевного расстройства, он принялся за лит. работу.

Разброс занятий свидетельствовал о не завершившемся еще процессе мировоззренч. ломки: П. переводил XI песнь «Месснады» Ф. Г. Клопшток (опыт религ. эпоса на евангельский сюжет), поэму Г. Гейне «Атта Троль» (опубл.: РСЛ, 1860, № 12), биографию Шиллера; одновременно писал в виде своеобразного лирико-публиц. дневника «критич. этюд» «Мысли по поводу сочинений Марко Вовчака» (опубл. в 1913), предназначавшийся для ж-ла «Рассвет». Статья эта, огромная по объему (6 авт. л.) и не представляющая собою развития авт. мысли, отразила переходный характер его исканий: увлечение Гумбольдтом и И. В. Гёте, Гомером и Гесиодом, пестит перед «чистой» поэзией А. С. Пушкина, А. Н. Майкова, А. А. Фета дополняется интересом к новейшим произв. И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Гончарова, А. И. Герцена и даже Н. В. Успенского и М. Е. Салтыкова-Щедрина; обличение рабства и деспотизма сочетается с полемич. выпадами против «красных прогрессистов» с «немытыми руками», «длинными и всклокоченными волосами», готовых всю Россию «перекроить на свой лад» (ПСС. Доп. в., СПб., 1913, стб. 104).

Появление П. после каникул в ун-те осенью 1860 его прежние друзья восприняли с удивлением и настороженностью. Развиваемые им теории казались чуждыми и вызывающими, что было отнесено за счет «болезненного расстройства» (ср. восприятие его окружением «софизма» П. «все, что естественно, то и нравственно» — Полевой, с. 2). Его обязательство написать за 2—3 мес. канд. дис. на тему, предложенную Стасюлевицем («Аполлоний Тианский и его время»), было признано «неисполнимой мечтой», «неуместной бравадой» и подтверждало в глазах однокурсников болезнь П. К всеобщему удивлению, П. не только завершил дис. (общим объемом в 15 печат. л.) в срок, но и получил серебр. медаль. Летом 1861 П. публикует дис. (по-видимому, с минимальными изменениями; оригинал не сохр.) в «Рус. слове»: «Аполлоний Тианский. Агония древнего римского общества, в его полит., нравств. и религ. состоянии» (№ 6—8). Налечатанная ранее ст. «Идеализм Платона» (там же, № 4), вероятно, также является незначительно переработанной главой дис. (см.: Плоткин, 1945, с. 158—59).

Сотрудничество П. с «Рус. словом» началось после его знакомства в 1860 с Г. Е. Благосветловым (в янв. 1861 П. вел также переговоры об участии в моск. ж-ле «Рус. речь», однако, представив себя «поклонником чистого искусства», получил отказ Е. Тур). Публикация дис., написанной на академич. тему, в «Рус. слове», уже заявившем о себе как левом и достаточно радикальном издании, свидетельствовала о том, что к кон. 1860 выработанные ист. и полит. воззрения П. отличались изв. стройностью и демократизмом. Описание римского об-ва открывало широкие возможности для параллелей и ассоциаций с окружающей действительностью (рабство, деспотизм, несправие, падение нравов, состояние массовой психологии, формирование гражд. личности и т. п.). Т. о., история становилась мат-лом для публицист. комментариев и иносказаний (при наблюдении всех фактич. деталей ист. реальности). Вместе с тем (в отличие от Н. Г. Чернышевского, также обратившегося к ист. мат-лу в публицист. целях — ст. «О причинах падения Рима», 1861) П. стремился к выявлению ист. закономерностей, сближаясь в методол. отношении более с Белинским и Герценом, нежели с современниками — Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Подобная установка импонировала Благосветлову, близко общавшемуся с Герценом и отмежевывавшемуся от своего однокашника по саратовской семинарии Чернышевского.

Деятельность в «Рус. слове» под руководством Благосветлова сыграла определяющую роль в радикализации идейных воззрений П., в выработке и доведении до логич. конца его осн. критико-публиц. принципов — полемич. резкости тона, максимализма в оценках, утилитарного подхода к иск-ву (по сравнению с к-рым критич. метод не только Белинского, но и Добролюбова мог показаться чисто эстетическим), последовательной оппозиционности по отношению к любым проявлениям офици. идеологии, использования чужеродного или идеологически нейтрального мат-ла для полит. иносказаний. Идеи, в совокупности составлявшие направление «Рус. слова», настойчиво проводившиеся в т. ч. в статьях П. (социально-ист. и культурного прогресса, гражд. свобод в об-ве, эмансипации личности, общественно-практич. направленности наук, иск-в, просвещение), в значит. степени также шли от Благосветлова. Его роль в становлении П.-критика и публициста подчеркнута в открытом письме Н. А. Некрасову, написанном П. от имени своей матери и за ее подписью: «В январе [1861] сын мой был еще эстетиком ... а в ноябре уже „Современник“ предлагал ему работу; дурно

или хорошо то превращение, которое в нем свершилось ... но факт состоит в том, что этим превращением он исключительно обязан г. Благовестову» («Совр.», 1865, № 3, с. 219); верность «всех показаний этого письма» П. подтвердил в ст. 1865 г. «Посмотрим!» (III, 453).

Почувствовав в молодом литераторе задатки острого полемиста, Благовестов неторопливо, но целеустремленно стал направлять П. в русло публицистики. П. рецензирует кн. очерков А. П. Голицынского «Уличные типы», затем книги для нар. образования (РСЛ, 1861, № 2, 3). Рец., составляющие своего рода диалог, позднее получили назв. «Несоразмерные претензии» и «Народные книжки» (Соч., ч. 9, 1868); более резкие по тону, более непосредственные обращенные к социальной проблематике, в целом они, однако, соотносимы с библиографическими в ж. «Рассвет». Но уже следующая работа «Схоластика XIX века» (РСЛ, 1861, № 5, 9) — настоящий полит. и филос. манифест левого радикализма — сразу сделала П. скандально известным.

Публ. «Схоластики...», состоящей из двух самостоят. статей цикла, перемешалась организованной Благовестовым дискуссией (полемик. ответ П. Л. Лаврова «Мои критики» (№ 6, 8); заметка самого Благовестова «Литературный плач о пропавшем рос. философии» (№ 7; отклик на ст. Н. Н. Страхова с критикой П., опубликованную в ж. «Время», 1861, кн. 6); с помощью дискуссионной заметки редактор недвусмысленным образом «вел» своего подопечного, комментируя его статью, подкапывая новые «ходы» для ее продолжения, формулируя осн. идею «Схоластики...» — протест против «всякой тирании мышления» и «всякого ученого чванства» (РСЛ, 1861, № 7, отд. 2, с. 51).

В первой ст. «Схоластики...» намечен исходный принцип радикализма, как он стал утверждаться в философии и публицистике, в идеологии и политике, проводимой рус. шестидесятниками, — неприятие и мистификация. Путем логич. размышлений и демонстрацией наглядных примеров борьбы в обществе («борьбы между старыми понятиями и молодыми стремлениями», к-рые выступают как несовместимые диаметрально-противоположные начала) П. приходит к отрицанию любых компромиссов, «золотой середины», «нейтралитета» и т. п.: «Попробуйте встать посередине между негром и плантатором, между самодуром-отцом и дочерью, которую насильно выдают замуж, между мистицизмом и рационализмом. Примирения нет, и держать нейтралитет значит стоять совершенно в стороне и не принимать никакого участия в обсуждаемом вопросе. Нейтралитет, который старается держать люди рассудительные, есть в сущности оптический обман...» (I, 103, 104). Как «промежуточность», а следовательно беспринципность П. воспринимает попытки построения

умозрительных филос. теорий, исходящих из «размышления» и «системы», а не из «непосредственного чувства» (с этих позиций подвергаются критике, в частности, филос. статьи Лаврова — I, 125—31). По мнению П., обсуждение любого острого мировоззренч. или социального вопроса ведет не только к жесткому размежеванию старого и нового, но и к выяснению отношений между бескомпромиссными борцами и теми, кто вольно или невольно склоняется к компромиссам, т. е. между последовательным и непоследовательным радикализмом. Необходимо, по П., поколебать веру в мнимую нерушимость и святость существующего порядка, корнящегося в прошлом, и одновременно — подвергнуть сомнению непогрешимость и безусловность общепринятых авторитетов. Так у П. рождается идея «ультиматума» — обоснование необходимости тотальной критики того или иного предмета спора как средства выяснения истинности живущих в обществе ценностей, мнений, эталонов и т. д.: «Если авторитет ложный, тогда сомнение разобьет его, и прекрасно сделает; если же он необходим или полезен, тогда сомнение повертит его в руках, осмотрит со всех сторон и поставит на место. Словом, вот ultimatum нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (I, 135). «Ультиматум» стал девизом рус. «нигилизма» (крайней формы выражения левого радикализма) и произвел (даже на фоне наиб. радикальных идей «Современника») ошеломляющее впечатление на рус. общество. мнение 1860-х гг.

Охранительная журналистика, ощутив близость «Схоластики...» к «Полюмич. красота» Чернышевского и публикациям «Свиста» Добролюбова, немедленно причислила П. к компании «свиствунов» [термин, отсылающий к назв. добролюбовского сатирич. «журнала в журнале»; впервые употреблен М. Н. Катковым (РВ, 1861, № 1), сравнившим ерничество публицистов «Современника» с хулиганством мальчишек, нападающих из засады на перепутанных прохожих]. Катков писал о П.: «Юный свиствен полагает все призвание людей прогресса в том только, чтоб бить направо и налево, не разбирая, что хорошо, что дурно... Какие порицания сильнее постыдного смысла этой похвальбы? Считать себя дубиной, которая бьет направо и налево, не зная что и за что, не значит ли ставить себя ниже всякого обидного слова?» (РВ, 1861, № 10, с. 107).

Вместе с тем показательной была реакция на «ультиматум» и из «левого» лагеря. Лавров с сожалением назвал спор с П. «междоусобной войной», к-рая может обрадовать только «общих противников» (РСЛ, 1861, № 8, отд. 2, с. 108). В дальнейшем принцип «бить направо и налево» остался в арсенале П. как своего рода методол. установка. Среди его оппонентов «справа» оказывались, наряду с консерваторами (В. И. Асоченский, М. П. Погодин, П. Д. Юрьев), Катков и публицисты «Рус. вест.», и умеренные почвенники, и либералы-западники (А. Григорьев, Страхов, Е. Н. Эдельсон, Н. В. Альбертини, К. Н. Бестужев-Рюмин, С. С. Дудышкин и др.), и представители академич. науки (Буслаев, Срез-

невский). В то же время П. уравнивал свою позицию выпадами «налево»: сначала это Лавров и (по частным ист. проблемам) Чернышевский, затем (по частным эстетич. вопросам) — Добролюбов; наконец, пост. объектом все более резкой критики (уже по всему спектру спорных вопросов) стали ведущие публицисты «Современника» М. А. Антонович и Салтыков-Щедрин. По существу, в провозглашении этого лозунга, ожесточенном неприятии любого компромисса уже содержалось зерно будущего идейного размежевания в демок. лагере, к-рое Ф. М. Достоевский назвал «расколом в нигилистах».

Логикой бескомпромиссной борьбы нового со старым продиктована вся публич. деятельность П., бурно разворачивавшаяся в «Рус. слове». Так, большая ист. ст. «Меттерних» (1861, № 11) посв. не столько осмыслению деятельности австр. политика-консерватора, сколько критике «меттерниховских полумер», ответов типа «и да и нет или ни да, ни нет» (формулировка из ст. «Схоластика...» — I, 105). Ст. «Московские мыслители» (1862, № 1—2) направлена против Каткова и публицистов «Рус. вест.», «Русский Дон-Кихот» (1862, № 2) — против славянофильства и его идеологов (в лице И. В. Киреевского), «Бедная русская мысль» (1862, № 4—5) одновременно против западников, славянофилов и предмета их споров — петровских реформ, а также против академич. ист. науки (критика работ П. П. Пекарского).

В двух последних статьях (публ. к-рых привела к временному запрещению ж-ла летом 1862) и петровские преобразования, и учение славянофилов предстают как в равной степени ложные программы — утопич., оторванные от рус. жизни, своего рода худ. ж. проекты преобразования действительности. Петровские реформы в восприятии П. — это «фокус», проделываемые по голой доктрине «великого человека», движимого честолюбием, болным воображением, а подчас и сумасбродством (II, 66, 83—85). В стремлении «одним декретом» навязать просвещение, исправить общество, нравы и т. п. Петр I схож с др. знаменитыми реформаторами: «они все ... вели связанные людей к какой-нибудь мечтательной цели ... играли людьми, как пашками ... ни один из них не уважал человеческой личности...»; при этом фоном их титанич. деятельности всегда были «слепой фанатизм» и «безгласность целого народа» (II, 63, 78, 81).

Параллельно циклу публич. статей (как это будет постоянно происходить в журналистской деятельности П.) он выстраивает цикл собственно лит.-критич. статей (также с явным преобладанием публич. начала): «Стоячая вода» (РСЛ, 1861, № 10, о пов. А. Ф. Писемского «Тюфяк»), «Писемский, Тургенев и Гончаров. Женские типы» (там же, № 11—12). В них П. не выходит за пределы установок «реальной критики» Добролюбова. Лит. типы трактуются П. как объективно описанные социальные типы, представляющие систему отношений в рус. обществе, жизни; вместо лит. сюжетов анализируются жизн. коллизии. Из трех писателей-современников «выше» и «глубже» других оказывается Писемский, названный «черноземной силой»; значение Тургенева ис-

черпывается «отрицательным и совершенно трезвым воззрением»; в творчестве Гончарова П. усматривает «только тщательное копирование мелких подробностей и микроскопически тонкий анализ» и не находит «ни глубокой мысли, ни искреннего чувства, ни прямодушных отношений к действительности» (I, 230). Лит. особенности произв. при этом никак не учитываются и не осмысливаются.

Вершинным достижением П. в этот период стала статья «Базаров» (РСЛ, 1862, № 3) — один из первых откликов на публ. в «Рус. вест.» романа Тургенева «Отцы и дети». Несмотря на явное предубеждение П. и к Тургеневу, и к ж-лу Каткова, критик увидел в романе значение времени: в центре внимания — конфликт поколений (не только возрастной, но и социальный, и культурный), свидетельствующий о глубоком «разладе», проникшем во все «клеточки» рос. об-ва — от «частной семейной жизни» до «идей и стремлений»; гл. герой — «представитель нашего молодого поколения», «сильный по уму и по характеру», гл. проблема романа, как ее понимает П., — «почему наши старики не сходятся с нами», почему они «то сердятся, то недоумевают, то тихо грустят по поводу наших поступков и рассуждений» (II, 7—8). На сей раз публицистичность критики П., сознательно размывающего грань между искусством и жизнью, лит. персонажем и реальными или потенциальными его прототипами, в целом не искажая логики соотношения социальных и эстетич. оценок в лит.-критич. анализе, позволяет создать зримый эффект читательского присутствия в интерпретируемой худож. реальности. Когда П. ставит гл. героя ром. Тургенева в один ряд с др. персонажами рус. лит-ры — Онегиным, Печориным, Рудиным, Бельтовым, Штольцем, Инсаровым, — его меньше всего занимает худож. сторона дела. Все лит. характеры в писаревском разборе — знаки определ. социальных и психол. типов, а выводы и обобщения критика, следующие из их сравнения, касаются общих тенденций смены поколений в России: «Словом, у Печориных есть воля без знания, у Рудиных — знание без воли; у Базаровых есть и знание и воля, мысль и дело сливаются в одно твердое целое» (II, 21). Образ Базарова, несмотря на демонстративную попытку критика казаться объективным («Хоть мне Базаров ни сват, ни брат, хоть я, может быть, и не сочувствую ему...» — II, 9), трактуется почти автобиографически. Когда критик, подводя итоги публци. анализу жизн. позиции и идеологии, кredo тургеневского героя, пишет: «Базаров некого любить, потому что вокруг него все мелко, плоско и

дрябло, а сам он свеж, умен и крепок», «для него нет ни деятельности, ни счастья», это «богатырь, которому негде повернуться, нечем дышать, некуда девать исполинской силы...» (II, 49) — П. имеет в виду себя и таких же, как он сам, «нигилистов», на самом же деле — людей будущего. В пристрастную интерпретацию Базарова критик привносит много личного, выстраданного — от несчастливой любви до интереса к естествознанию и идейного радикализма. Вместе с тем обобщения, к которым тяготеет П., выходят далеко за рамки исповеди молодого поколения, — критик поднимается до ист. прогноза закономерностей обществ. развития, а публицист — до программной манифеста демокр. лагеря: «Если базаровщина — болезнь, то она болезнь нашего времени, и ее приходится выстрадать, несмотря ни на какие паллиативы и ампутации. Относитесь к базаровщине как угодно — это ваше дело; а остановить — не остановите...» (II, 11).

Возникает в «Рус. слове» и третий параллельный цикл статей — науч.-популярный, представленный работами «Физиологические эскизы Молешота» (1861, № 7), «Процесс жизни. Физиологические письма Карла Фохта» (1861, № 9) и «Физиологические картины (по Бюхнеру)» (1862, № 2). С восторженностью и одержимостью неопита П. очень точно перелагает соч. нем. физиологов, представителей вульгарного материализма. Однако и здесь публци. цели у П. преобладают (в частности, поэтому его очень мало смущали примитивизм и вульгарность проповедуемых идей и теорий, а также собоств. ошибки и заблуждения, подмечаемые его оппонентами, естествовниками по образованию — Н. И. Соловьевым, Страховым). Развивая идеи, высказанные в «Схоластике...», П. использует конкретный «физиологич.» материал как наглядную иллюстрацию тезиса о несостоятельности идеализма (а вместе с ним и всей отвлеченной, неэмпирич. науки и философии) и безусловности материализма, обосновываемого бесчисленными опытами данными естествознания и практич. здравым смыслом человека, руководствующегося чувственным восприятием. Косв. подтверждением того, что «физиологические» статьи и «Схоластика...» воспринимались как одно целое, служит запись Никитенко о появлении в «Рус. слове» «нового пророка в модном направлении — Писарева с его статьей „Схоластика XIX века и процессы жизни“» (Никитенко, II, 227).

С помощью нарочито грубых и эффектных примеров, лобовых сопоставлений, прямолинейных интерпретаций и выводов П. стремится «спус-

тить» своих читателей из сферы гипотез «на твердую почву положительных фактов», «разбить оковы человеческой мысли», излечить своих читателей от заразы «узоклобого мистицизма» (Соч., ч. 6, 1866, с. 25—27). Естествознание служит «делу разрушения» арханч. мирозерцания, переполненного преклонением перед мнимыми кумирами и ложными авторитетами, первобытными и средневековыми предрассудками, суевериями; дело «созидания» — впереди: это «соединение» наук естественных и «гуманных» (на базе, разумеется, естествознания), к-рое приведет к овладению человеком мышлением (через разложение на составные части понятий «психич. жизнь», «психол. явление»), позволит в недалеком будущем «химии и истории» идти «рука об руку», даст возможность научно управлять образом жизни и обществ. процессами народов (там же, с. 13, 50—51).

Гл. интерес в статьях по естествознанию представляют эстетич. аспекты. П. высмеивает как предрассудки поэтич. образы («каменного» или «ледяного» сердца, «сердечной боли» или «сердечной любви»), закрепляющие в обществ. сознании ложные, мистифицированные представления о природе (там же, с. 11—12, 67). Он как будто наслаждается антиэстетизмом: прозанич. описанием физиологических процессов, самим названием таких непозитич. предметов, как испражнения, моча, кишки, кости черепа, процессы гниения и т. п. Сердце для естествоиспытателя — это «полый мускул» или «бессознательно действующий насос», а вовсе не источник нравств. переживаний и интимных чувств; мысль — «раздражение в мозговых нервах», и ничто, кроме этого; смерть — разложение органич. тканей (там же, с. 8, 13, 65—67). Все это рассчитано на эпатаж поэтич. натур — своего рода антиэстетич. «терапия», способ материалистич. и атеистич. воспитания читателя. В естеств.-науч. статьях П. отрабатывает не только позитивистскую методологию анализа обществ.-ист. явлений, к-рая получит у него развитие позднее, но и прославившие его идеи «эстетич. нигилизма», будущую концепцию «разрушения эстетики».

П.-публициста интересует не столько физиология организма человека, сколько «физиология общества»: вопросы происхождения общества, иллюзий, соотношения действительности с пустой мечтой и мечтой, активно направленной на преобразование жизни (в ст. «Промехи незрелой мысли», 1864, П. назвал эту проблему «разладом между мечтой и действительностью» — III, 149). Все чаще цензура замечает в его «естественнонауч. статьях» опасный крен —

атеистический, социально-критический. Высшей точки в применении своего приема П. достигает в очерке «Пчелы» (1862; опубл. — Соч., ч. 9, 1868), где сжатое изложение, а местами простой перевод с нем. очерка К. Фохта «Государство пчел» превращается в аллегорич. изображение человеческого об-ва с его нормами, телеологией: «спокойствие и коллективное благоденствие улья» достигается в результате неравенства, разделения на группы, классы и присвоения им предел. социальных ролей. Одновременно очерк может быть прочитан как острый полит. памфлет на монархич. устройство России, требующее для нормального функционирования гос-ва «водворения мрака», делящее об-во на трутней и рабочих, а главное — отводящее «почетное место» королеве, несмотря на меньшую степень ее «умственного развития» по сравнению с рабочими пчелами (II, 104—05). Полит. инсказание доведено здесь до чрезвычайной виртуозности.

Интенсивная публици. деятельность П. прервалась в самом его творч. расцвете. 2 июля 1862 он был арестован по доносу типографшика Горбановского и препровожден в Петропавловскую крепость. Основанием для ареста послужила написанная П. статья-прокламация («О брошюре Шедо-Ферротти»), впервые опубл. с ценз. искажениями и сокращениями М. К. Лемке — «Былое», 1906, № 2), к-рая предназначалась для нелегального распространения через подпольную («карманную») типографию, организованную его студентом товарищем П. Д. Баллодом. Предлогом для создания прокламации послужила провокац. брошюра Шедо-Ферротти (псевд. барона Ф. И. Фиркса, агента царского правительства в Бельгии) «Письмо А. И. Герцена к рус. послу в Лондоне...» (Б., 1861, на франц. и рус. яз.), вызвавшая возмущенную реакцию в леворадикальных кругах рос. об-ва оскорбительными намеками на Герцена и его деятельность. Прокламация П. выдержана в агрессивном, доходившем до экстремизма тоне: «Тюрьмы набиты честными юношами, любящими народ и идею, Петербург поставлен на военное положение, правительство намерено действовать с нами как с неприемлемыми врагами. Оно не ошибается. Примирения нет... Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» (II, 126).

На допросе (после полуторамесячного отказа давать показания) П. объяснял написание статьи «раздражением», вызванным закрытием вос-

кресных школ, читален, Шахматного клуба, приостановлением ж-лов «Современник» и «Рус. слово». Упомянул П. и о мотивах личного характера: «Я сделал это из мальчишеского ухарства; кроме того, я страдал тогда оттого, что любимая мною женщина вышла замуж за другого» [цит. по: Лемке (3), с. 575].

Замужество Кореновой в апр. 1862 повлекло за собой резкое объяснение, вызов ее избрания на дуэль, взаимные оскорбления, публичный скандал на вокзале. Начавшиеся в мае пожары в Петербурге, в к-рых правительство обвинило поляков и «инициалов», подлило еще больше настроений в молодежно-студенч. среде: в столицах стала распространяться прокламация П. Г. Занчевского «Молодая Россия» с призывом к рев. кровопролитию. Соединение объективных и субъективных факторов предопределило настроения, к-рые двигали П., — ожесточение, воинственность, нетерпимость.

Почти 2 года П. находился в тюрьме (в отд. каземате Екатерининской куртины) в качестве подсудимого. 25 мая 1864 состоялось сенатское определение, по к-рому он был признан виновным «в составлении возмутительной статьи ... преисполненной дерзких и оскорбительных выражений и против правительства, и против самого Государя Императора...». Особо отмечались «первоначальное упорное заpiresательство его в преступлении, а потом неискренность и в самом сознании» [Лемке (3), с. 589]. С учетом амнистии от 17 апр. 1864, сокращавшей срок наказания на треть, П. был приговорен к заключению в крепости на 2 года и 8 мес. Всего же в Петропавловской крепости он провел 4 года, 4 месяца и 18 дней.

В июне 1863 по ходатайству матери П. петерб. военный ген.-губ. кн. А. А. Суворов, изв. своим либерализмом, разрешил П. «продолжить лит. занятия» и с авг. 1863 (после годового перерыва) возобновились публикации П. в «Рус. слово». Каждая рукопись проходила просмотр в комендатуре крепости, в Управлении петерб. ген.-губернатора, в Сенате, а уже затем — обычную ценз. процедуру. Возможность лит. работы П. постоянно была на грани срыва. Первоначально (в 1863) управляющий III отд. ген. А. Л. Потапов предлагал перевести заключенного в Алексеевский рavelин, дабы прекратить «выпуск его статей» и «неуместные свидания» (гл. обр. с матерью, переселившейся в Петербург и нередко обеспечивавшей связь П. с журналом и друзьями). Затем, в нояб. 1864, после объявления приговора Сената, комендант Петропавловской крепости ген. А. Ф. Сорокин ходатайствовал о переводе П. в Шлиссельбургскую крепость (также с пресечением лит. деятельности). В конце дек. 1865, под влиянием предостережения, к-рое было сделано «Рус. слову» за статьи П. о Чернышевском («Новый тип» — 1865, № 10) и О. Конте

(«Исторические идеи Огюста Конта» — 1865, № 9—11; окончание ст. под назв. «Времена метафизической аргументации» — 1866, № 1), у него были отобраны все книги и бумага; для возобновления лит. работы понадобилось новое вмешательство Суворова. В письме на его имя П. называл лит. занятия средством преодоления «опасных заблуждений» и жаловался на психологич. последствия запретов, чреватых для него нервным расстройством (см.: П. в Петропавловской крепости. — ЛН, т. 25—26, с. 664—65). Однако после выстрела Д. В. Каракозова (4 апр. 1866) всякая лит. работа в крепости была запрещена. Тем временем за 2 с половиной года заключения П. напечатал в «Рус. слово» 24 статьи, среди к-рых его лучшие работы — по лит-ре и эстетике, истории, педагогике, естествознанию, осн. и наиб. впечатляющая часть его наследия.

Лит.-критич. деятельность П. периода тюремного заключения отмечена неуклонным усилением радикализма, перенесенного, однако, во внеполитич. области, гл. обр., в сферы педагогики и эстетики (первая давала возможность обсуждать вопросы формирования свободной личности, способной противостоять социальному и идеологич. насилию об-ва; вторая открывала перед радикальным критиком перспективы преодоления негативных воздействий офици. культуры, носящей репрессивный характер и подавляющей творч. свободу мыслящих личностей). Пед. и эстетич. концепции П. несли и прозрачное иносказание более широкого плана, легко угадываемое читателями, уже привыкшими со времен Чернышевского и Добролюбова читать критику «между строк», и практически неуязвимое для цензуры, творящейся при столкновении со смысловой многозначностью. По традиции, основанной еще поздним Белинским, П. прибегает к публицист.-методологич. «отступлениям», содержащим «ключ» к системе прокламируемых идей. Лит.-эстетич. проблематике посвящены ст. «Цветы невинного юмора» (РСЛ, 1864, № 2) и «Мотивы русской драмы» (РСЛ, 1864, № 3). Первая, с пристрастием анализирующая сатирич. творчество Салтыкова-Шедрина («Сатиры в прозе» и «Невинные рассказы»), продиктована прежде всего задачами полемики с «Современником», включавшей на этом этапе не только хлесткие обвинения по программным вопросам, но и личные выпады сотрудников двух демокр. ж-лов. П. парадоксальным образом превращает сатиру Шедрина, как слишком умеренную и осторожную, в «невинные видоизменения чистого искусства» — смех ради смеха, досужее зубоскальство, эксплуатирующее «до-

верие публики вообще и молодежи в особенности» (II, 334, 351) и разрывающее читателя. Отделяя Щедрина от традиций социальной сатиры Диккенса, У. Теккерея, Г. Гейне, Гоголя, П. сравнивает его «юмористическое добродушие» (II, 348) то с «маленькой» лирикой Фета, то с антиингилистич. ром. Писемского. Мнимая благонамеренность Щедрина представляется соединением «русского Аристофана» с «современным Джавиним» (глаголющим истину царям с обоюруживающей улыбкой), т. е. как предосудительная попытка стать в наиб. острых вопросах «на чисто эстетическую точку зрения» (II, 355). С аналогич. позиций в ст. «Мотивы русской драмы» рассматриваются драматургич. произведения Островского и их критич. прочтение Добролюбовым. П. полемически утрирует проблематику и худож. детали пьесы Островского «Гроза» и особенно восстает против признания Катерины Кабановой «лучом света в темном царстве»; типу Катерины он противопоставляет деятельные характеры Базарова и героев «Что делать?» Чернышевского (Лопухова и Веры Павловны). По мнению П., ошибки Добролюбова в оценке образа Катерины объясняются преобладанием эстетич. точки зрения, ведущей к невольной идеализации и поэтизации лит. явлений.

Отставая с позиций апологии естеств.-науч. знания объективизм в лит. критике, П. в духе добролюбовского императива диктует методологич. принципы «реальной критики»: должно «объяснять явления, а не воспевать их... анализировать, а не лицедействовать» (II, 373—74). Здесь же возникает концепция критич. релятивизма, допускающего почти произвол в интерпретациях и оценках как лит. текстов, так и самой реальности. Т. к. «живое явление» не может быть в принципе адекватно выражено через «личные вкусы» и «полит. симпатии» разл. людей, «надо взять сырые факты во всей их сырости, и чем они сырее... тем больше шансов уловить и понять живое явление, а не бесцветную фразу» (II, 372). Стремление во что бы то ни стало преодолеть оценочность (нравств., эстетическую), заменив ее утилитарно-практич. требованиями... — один из характерных тезисов П., порожденный его наивным позитивизмом. Эстетика для П. — синоним фантазии, а фантазия — «сон наяву» (II, 388), т. е. источник всех заблуждений и ошибок в познании.

Борьба с эстетством и эстетикой становится гл. темой писаревской критики в 1864—65 гг. Именно на этом фоне формулируется его концепция «реализма», далеко отходящая от своих истоков в качестве разновидности «реальной критики»; в допол-

нение к ней П. предпринимает «разрушение эстетики», и его популярность как теоретика и духовного вождя рус. «нигилизма» достигает своего пика. Программой для П. стала работа «Реальность» (ценз. назв. «Нерешенный вопрос», к-рому автор, по свидетельству его изд. Ф. Ф. Павленкова, считал себя непричастным, см.: III, 515; опубли. с многочисл. ценз. искажениями — РСл, 1864, № 9—11). Эссе, совмещающее в себе черты лит. критики, публицистики, филос. трактата, полит. и эстетич. манифеста, касается практически всех аспектов нового демокр. мировоззрения, получившего отныне название «реализм». Однако в центре этой ценностно-смысловой системы находится именно эстетика (при всей видимости демонстративного антиэстетизма П.). Выбор ключевого термина как понятия лит.-эстетич., а не философского (слово реализм в то время воспринималось как синоним материализма) показателен: линия водораздела между реализмом и идеализмом пролегает в эстетич. сфере, реалистам в концепции П. противостоят «эстетики».

В лит.-критич. отношении «Реальности» являются продолжением и развитием ст. «Базаров», преследуют в т. ч. полемич. цели (резкая оценка ст. Антоновича «Асмодей нашего времени», трактующей ром. Тургенева как антиингилистич. произв.). Нравств.-психол. проблематика, характеры, сюжет тургеневского романа в «Реалистах» выступают как иллюстрации коллизий мировоззренческих (ср., напр., трактовку неразделенного чувства Базарова к Одинцовой — III, 48—49). П. исходит из представления о культуре как об антагонистически расколотом целом и интерпретирует проблему эстетики как осн. вопрос жизни. На одном полюсе — «неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях», на др. — представляющиеся на этом фоне безнравств. и пошлыми, низкими и мелкими эстетич. вопросы, интерес к к-рым означает, что «колоссальный талант отвергается от интересов живой действительности и уходит в область „беспечального созерцания...“» (II, 105, 107).

Называя эстетику своим «кошмаром», П. обосновывает мотивы исключительного к ней внимания (в отриц. смысле): «...реализм должен радикально истребить эстетику, которая в настоящее время отравляет и обесмысливает все отрасли нашей научной деятельности, начиная от высших сфер научного труда и кончая самыми обыкновенными отношениями между мужчиной и женщиной... Эстетика есть самый прочный элемент умственного застоя и самый надежный враг разумного прогресса» (III, 58). Доводы до логики. конца, практически до абсурда кантовское определение эстетики как «суждения вкуса», П. нарочито выставляет разнообразие человек. вкусов — эстетич. и внеэстетич. (в одном ряду — водка, музыка и сложенные пирожки, живопись, кулинарное искусство и бильярд), удовлетворение к-рых предстает у П. бесполезным и рутинным времяпрепровождением. По той же

логике «бесцельной забавой праздной фантазии» оказывается интерес к ист. прошлому (худож. или научный), в то время как лит.-ра и наука должны «служить живому делу действительной, современной жизни» (III, 114). «Размытой» т. о. эстетике и противопоставляется реализм, а красоте — польза.

По сути, речь у П. идет о выработке норм и принципов альтернативной эстетики, во всем контрапунктирующей официальной. Сам писаревский антиэстетизм глубоко эстетичен: только в безупречно эстетич. контексте, в отталкивании от норм и принципов традиц. эстетики он и может утвердиться. С «Реалистов» берет свое начало тенденция непримиримого и демонстративного отрицания П. эстетич. и худож. авторитетов — Пушкина и И. В. Гёте, Л. Бетховена и В. А. Моцарта, Рафаэля и Рембрандта, Вальтера Скотта, Купера и Дюма (последние эстетизировали историю). Отвергаются и непосредств. предшественники: лидер «нигилизма» представляет, что каждое следующее ист. поколение настолько далеко отходит от взглядов предыдущего, что между ними уже практически нет точек соприкосновения (ср. рассуждения о неизбежном непонимании «Печорины» Белинского, Белинским Добролюбова, а последним — самого П.: III, 35). Эстетич. вопросы, по П., отделяют друг от друга даже представители одного идейного лагеря.

Эстетико-идеологич. кампания, развернутая П. (и его ближайшим сподвижником по «Рус. слову» В. А. Зайцевым), получила дальнейшее развитие в резко полемич. статьях П. «Пушкин и Белинский» («Евгений Онегин» — РСл, 1865, № 4; «Лирика Пушкина» — там же, № 6), посвященным полемике с т. з. теории «реализма» (и «Пушкин сделалось знаменем неисправимых романтиков и литературных филистеров», его развенчание докажет об-ву, что «старые литературные кумиры разваливаются от своей ветхости при первом прикосновении серьезной критики» — III, 363—64). К ним примыкает ст. «Разрушение эстетики» (РСл, 1865, № 5) — отклик на переизд. 1865 дис. Чернышевского «Эстетич. отношения искусства к действительности».

Критич. анализ, используемый П., достигает в этих статьях крайних в стилистич. отношении и концептуально отточенных форм: излюбленный зрлым П. иронич. нарратив, предельно оголтелый характеры и ситуации, идею и сюжет лит. произведения; саркастич. комментарий к поведению и репликам персонажей; воображаемый диалог то с автором произв. (напр., Пушкиным), то с читателем; подчеркнуто совр. контекст лит.-критич. высказываний и разборов и намеренно игнорируемый ист.-лит. контекст (кичающийся своим антиинтеримизмом критик нарочно заостряет «сдвиг» между контекстом создания и контекстом прочтения, подавая пример читателям в сознательной актуализации осылаемых поэтич. текстов) — все это делает антипушкинские статьи П. в своем роде непревзойденными шедеврами жанра (ср. характеристику их как «богопротивно-блестящих», трактовку как акта ингилистич. богоборчества со «свет-

ской святостью» Пушкина — Панченко А. М., Церковная реформа и культура петровской эпохи. — В кн.: XVIII в., сб. 17, СПб., 1991, с. 13). Среди проф. читателей П., ценивших антипушкинские статьи, — А. И. Гершен, Страхов, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, В. Б. Шкловский, Р. О. Якобсон, Б. М. Эйхенбаум и др., отдавшие должное полемич. таланту «страшилкина (инглизма)».

Творчество Пушкина, статьи Белинского и даже дис. Чернышевского (при всем апологетич. к ней отношении критика) используются П. лишь в качестве «сырого материала» для экспериментальной модели «антиэстетики». Предельно заостряя и по-своему интерпретируя положения Чернышевского, он стремится преодолеть грань между иск-вом и действительностью и доказать противостоимость эстетики как науки, пытающейся определить именно эту грань [попутно, иронически относя к разл. видам искусства аллею в парке, резное кресло, фарфоровый чайник, дамскую причешку и др. (III, 424), он предвосхищает открытие на рубеже 19—20 вв. материальной эстетики, дизайнера и т. п.]. Наслаждаясь парадоксальными кунштюками своей предельно раскрепощенной мысли, П. придает своим эстетич. эскападам характер интеллектуального розыгрыша, остроумной метафоры, точно спланированной провокации, рассчитанных на соответствующий адресат.

Идейной кульминацией критич. деятельности П. в заключении стала статья, изв. впоследствии под назв. «Мыслящий пролетариат» (первые — РСЛ, 1865, № 10, под назв. «Новый тип»), посв. роману Чернышевского «Что делать?».

Вскоре после публ. «Что делать?» (1863) П. пишет ст. «Мысли о русских романах», к-рую Сенат посчитал неудобной для печати (см.: Лемке (3), с. 576). Два года спустя в «Рус. словес.», выходящем без предварит. цензуры, была помещена, по-видимому, эта же статья, значит, сокращенная (сохранились фрагменты, см. вхождение в журн. и книж. варианты, хотя степень переработки статьи неизвестна). Публ. вызвала ценз. преследования (первое предупреждение — 20 дек. 1865); в ценз. отзыве Гончарова статья названа «поразительным образом крайнего злоупотребления ума и дарования», «буйно-младенческим лепетом» (см.: Евгеньев-Максимов, 1919). В «Соч.» П. (ч. 4, 1867) статьи о ром. Чернышевского вошли под назв. «Мыслящий пролетариат», ранее принадлежавшим др. статье, посв. повестям Потапова «Мещанское счастье» и «Молоотов» (РСЛ, 1865, № 1) и названной при публикации в «Соч.» (ч. 3, 1866) «Роман кисейной девушки».

Публикуя новую статью о «мыслящем пролетариате», П. корректировал первонач. замысел: разбор «Что делать?» тематически и идейно продолжал не столько статью о Потаповом, сколько статьи «базаровского цикла» («Базаров», «Реалисты»). Базаров, Лопухов, Кирсанов, наконец, Рахметов и есть «новый тип», «новые люди», подлинники представители «образованной массы», занятой «умственной работой»; они не собственники, а труженики (потому — «пролетариат»), но тру-

дятся они своим умом, интеллектом (потому это пролетариат «мыслящий»).

«Что делать?» представляется П. произведением мысли по преимуществу, причем мысли, преобразующей жизнь; роман ведет читателя «от отдельных явлений к высшим теоретическим комбинациям», недоступным для «рутинеров» (IV, 9). Относя Чернышевского и самого себя к умств. направлению, «в котором заключается наша действительность», П. противопоставляет этой малочисл. группе молодых людей «всех, кого кормит и греет рутинная, кого роман «приводит в неопытную ярость» — в эстетич., нравств. и едва ли не в уголовном отношении (IV, 7—8). Наивный рационализм П. приводит его (вслед за Чернышевским) к выводу, что «цельность природы, гармония между умом и чувством и постоянное присутствие духа» новых людей способны переделывать обстоятельства, преодолевать препятствия и находить выход «из самых серьезных затруднений» там, где «ветхие люди ... приходят в безвыходное отчаяние» (IV, 30—31). Сам роман «Что делать?» П. признает уникальным явлением искусства: «г. Чернышевский, разрушитель эстетики, оказался единственным нашим беллетристом, художественное произведение которого имело непосредственное влияние на наше общество, правда на небольшую часть его, но зато на лучшую» (IV, 26). Т. о. П. демонстрировал читателям, что «разрушение эстетики» официальной в то же самое время является созиданием новой, альтернативной эстетики, непосредственно воздействующей на жизнь и преобразующей ее в соответствии с высшими идеалами социальной теории.

В целом период тюремного творчества П. во всех отношениях уникален. Из своей жизни — бедной в бытийном отношении — он черпал материал для бесконечного лирико-публич. монолога, разветвлявшегося на разл., потенциально безграничные в своем многообразии темы. Однако весь жизн. опыт П. — исключительно книжный и рассудочный; его пост. апелляции к жизни и реализму — отчаянные порывы к действительности, практически совершенно ему неизвестной, романтич. тоска по реальной жизни, по разным причинам оказывавшейся недоступной автору, а потому каждый раз представившей в идеализированном виде. Апология действительности, естественности и здравого смысла у П. — это прежде всего протест против любой несвободы (включая социальную изоляцию автора и духовную — общества), а проповедь «реализма», ведущаяся из тюремного каземата, — это в большей степени мечта о долж-

ном, нежели отчет о настоящем, реальность, преломленная через призму абсолютизированной теории.

Будучи по складу лит. и обществ. темперамента революционером (прежде всего в культуре) и радикалом, активно к-рого стимулирует «сопротивлением материала», П. достигал полного раскрытия творч. потенциала в условиях напряженной и опасной игры с судьбой. Наиб. ненавистные состояния жизни для П. (как можно судить, в частности, по назв. его статей) — «стоячая вода», «усыпление», самодовольное спокойствие. Все творчество зрелого П., ориентированное на подчеркнуто молодежную (молодую по возрасту и убеждениям) аудиторию, принципиально конституируется в противостоянии культуре официальной, нормативной (устоявшимся представлениям П. и др. радикалы противопоставляли собств. эпатажирующие «антинормы», жесткость к-рых для мн. современников, напр. для А. Григорьева, служила ярким свидетельством «деспотизма» их теории, ее «лит.-террористической» направленности).

После манифеста от 28 окт. 1865 (в связи с бракосочетанием цесаревича — будущего имп. Александра III), к-рый сокращал срок пребывания в заключении по вынесенным приговорам на одну треть, П. 18 нояб. 1866 был освобожден из крепости под поручительство матери и без права отлучаться из Петербурга; за ним было установлено «длительное наблюдение».

Оказавшись на свободе, П. переживает творч. спад и новый душевный кризис (с признаками возвращения прежнего психич. расстройства) и как будто нарочно предпринимает все от него зависящее, чтобы осложнить свою и без того несчастливую жизнь. Начав сотрудничать в новом ж-ле Благовестлова «Дело» (опубл. в т. ч. ст. «Образованная толпа» — 1867, № 3, 4), он внезапно порывает с издателем (кон. мая 1867) из-за пустякового повода (упоминание без согласия Маркович имени Марко Вовчок в числе сотрудников ж-ла и отказ Благовестлова принести публич. извинения, см.: Благовестлов Г. Е., Соч., СПб., 1882, с. IV). Поведение П. во мн. было вызвано тем, что его личную жизнь оглашала новая драм. неразделенная любовь — к Маркович, вернувшейся в кон. 1866 в Россию после 6-летнего пребывания за границей. Судя по сохранившейся переписке и мемуарам современников (напр., В. М. Лазаревского), Маркович постоянно иронизировала над болезненной страстью своего «родственника» (так называл себя и подписывался в письмах к ней П.), усугубляя терзавшее его состояние непонятости, ненужности

(см.: Плоткин, 1945, с. 112—13). Летом 1867 П. приглашен Некрасовым сотрудничать с редакцией «Отеч. зап.» и, несмотря на определенное внутр. сопротивление подобному сближению, был вынужден согласиться (к этому времени П. жил преим. переводами, в т. ч. совместными с Маркович). В «Отеч. зап.» в 1868 появились его последние значит. статьи — «Старое барство» (№ 2; отклик на «Войну и мир» Толстого) и «Французский крестьянин в 1789 году» (№ 6; о ром. Эркмана-Шатриана «История крестьянина 1789 г.») (обе — б. п.).

Поздний период творчества П. ознаменован явной растерянностью и напряженным поиском (так и оставшимся незавершенным) новых тем, лит. сюжетов, творческих имен. Статьи этого времени в значит. степени лишены той энергии и полемич. остроты, к-рые были неизменной составляющей успеха П. у читающей публики. Очевидно, что П. пытался выработать новую лит.-критич. стратегию, расширить контекст своего анализа. Он обращается к истории зап.-европ. философии и обществ. мысли («Популяризаторы отрицательных доктрин» — в кн.: Луч, т. 1, СПб., 1866; незавершенная ст. «Дидро и его время»), к зарубеж. лит-ре. В ст. «Генрих Гейне» (Соч., ч. 4, 1867) он попытался исторически осмыслить эстетич. проблематику лит-ры. По П., развитие «чистого искусства» связано с эпохами «политического зстоя и отупения»; «умственной неподвижности»; напротив, периоды полит. и экономич. обновления отмечены «живым содержанием», «процессом мышления, направленным на ближайшие и важнейшие интересы и вопросы жизни» (IV, 214). Пробуждение общества в умств. и полит. отношении, по мнению П., начинается с «очищения его эстетич. понятий», поскольку только с этой стороны оно оказывается «доступным для вразумлений». «Титаны воображения», стремящиеся обновить общество, должны сами сделаться «на всю жизнь эстетиками для того, чтобы положить конец неограниченному господству эстетики» (IV, 215). Таковы Г. Э. Лессинг и Белинский, таков Гейне; однако двое первых последовательны и целеустремленны, а Гейне противоречив и страдает «политическим дилетантизмом», к-рый «отравил» всю его лит. деятельность (IV, 215, 231). Обращение к творчеству любимого с юношеских лет поэта стало для П. своеобразным опытом самоанализа.

Подобную функцию выполнял для П. и критич. разбор ром. Достоевского «Преступление и наказание», предпринятый в ст. «Борьба за жизнь» («Дело», 1867, № 5, под назв. «Будничные стороны жизни»;

2-я часть ст. опубли. посмертно — 1868, № 8, под назв. «Борьба за существование»). Не предпринимая попыток проникновения в филос.-худож. замысел Достоевского, П. сосредоточился на выявлении процесса, сделавшего Раскольникова «безответным рабом своей проклятой мечты» (IV, 343). «Проклятые мечты», ведущие отд. личностей и человечество в целом по пути «страшных кровопролитий», — свидетельство недостатка «спокойного научного анализа», слабой проповеди «научной истины» и результат тех общих условий («невсезнания, умственной неподвижности, робкой безгласности и диких предрассудков массы» — IV, 346, 349), к-рые выдвигают на место «благотелей и установителей человечества» уголовных преступников и бандитов. «Общее дело человечества» подвигается вперед «несмотря на кровопролития, а никак не вследствие кровопролитий» (IV, 346—47). Т. о., П. подвел окончат. итог своей рев.-полит. деятельности, признал, что какие бы то ни было личные «дарования» не могут «ускорить, или поворотить назад, или свернуть в сторону естественное течение исторических событий» и что попытки «борьбы с целым обществом» «трудны, безнадежны» и должны кончиться «полным поражением» (IV, 350, 364). Осудив индивидуальный и массовый террор как преступление или сумасшествие, П. обнаружил в себе потенциал гуманизма и ист. оптимизма, несовместимый с экстремистскими идеями. Последние работы П. во мн. свидетельствуют об изменении строя и направленности его мысли.

Зимой 1868 П. тщетно добивался у властей разрешения на выезд за границу на лечение; получил позволение выехать в Дуббельн на морские купания, куда и отправился летом вместе с Маркович и ее сыном. 4 июля во время купания в Рижском заливе, в полном одиночестве, без свидетелей П. утонул (Благосветлов в письме Н. В. Шелгунову от 10 июля 1868 утверждал, что П. «утопился в душевно-расстроенном состоянии», не приводя, впрочем, никаких доказательств своей гипотезы, см.: Шелгунов в Н. В., Восп., П., 1923, с. 177). 29 июля состоялись похороны П., вызвавшие огромное стечение народа; были произнесены 4 краткие речи (Павленков, Благосветлов, П. А. Гайдебуров и Д. К. Гирс; все выступавшие подверглись полит. преследованиям, Павленков, Гирс и сестра П. Вера были по распоряжению III отд. задержаны и высланы под надзор полиции). Некрасов написал на смерть П. стихотворение, обращенное к Маркович: «Не рыдай так безумно над ним! Хорошо умереть молодым...».

Ранняя трагич. гибель П. сохранила его в памяти современников вечно молодым воплощением эстетич. ерничества, эпатажа. В сущности П. был вождем молодежного движения протеста в рус. культуре. Именно отсюда — демонстративная защита П. исключительно «новых идей» (в философии, естествознании, педагогике, истории, эстетике), поддержка «новых людей» в жизни и «новых типов» в лит-ре, крайности отстаиваемых положений, последовательный радикализм (в 20 в. подобным нигилистич. настроем отмечена зап. молодежная «контркультура» 50—60-х гг., отчасти корреспондирующая с рус. «нигилизмом» 60-х гг. 19 в.). Отсюда же и специфич. «реализм» П., построенный на поэтизации «разлада с действительностью», сутобо романтич. представлении о преобразующей роли социальной мечты — по П., плодотворно разрушительной. Наиб. пронизательные его оппоненты (Григорьев, Страхов и др.) видели гл. заслугу П. в той смелости, с к-рой его мысль доходит и в утверждениях, и в отрицаниях до логич. конца в любом вопросе.

Творчество П. явилось высшей точкой в развитии рус. лит. и филос. радикализма 1860-х гг.; после смерти П. тенденции радикализма либо шли на спад, становясь более умеренными и расплывчатыми (Шелгунов, Н. К. Михайловский и др.), либо выходили за пределы культуры в область социальной политики, организационно-практич. экстремизма (Зайцев, П. Н. Ткачев, С. Г. Нечаев и др.). Лит. талант, яркая творч. индивидуальность, романтич. устремленность в будущее обеспечили П. на протяжении более чем полувека после его гибели репутацию «властителя умов» в рус. освободит. движении, прежде всего среди революционно и радикально настроенной молодежи.

Изл.: Соч., ч. 1—10, СПб., 1866—69; ПСС, т. 1—6, СПб., 1894—1907 (биогр. ст. Е. Соловьева); ПСС. Доп. а. 3-е изд., СПб., 1913; Избр. соч., т. 1—2, М., 1934—35 (вступ. ст. В. Я. Кирпотина); Избр. филос. и обществ.-полит. статьи, М., 1949 (предисл. В. С. Крюжкова); Соч., т. 1—4, М., 1955—56 (вступ. ст. Ю. С. Сорокина); Избр. произв., Л., 1968 (вступ. ст. и прим. Ю. С. Сорокина); Лит. критика, т. 1—3, Л., 1981 (вступ. ст. Ю. С. Сорокина); П. об атеизме, религии и церкви, М., 1984 (вступ. ст. Э. И. Розенберга); Избр. пед. соч., М., 1984 (вступ. ст. В. Большаковой); Надо мечтать! [Сб. ст.], М., 1987 (вступ. ст. И. В. Кондакова); Ист. эскизы. Избр. ст., М., 1989 (предисл. и комм. А. И. Володина); «Наемки природы». — РЛ, 1959, № 2 (публ. Э. Розенберга); Незна. список стих. П. «Ода на памятник нип. Николая». — Там же (публ. Б. Смирненского); Неопубл. заметки П. «О житии игумена Даниила». — «Труды Новосиб. пед. ин-та», в. 3, Новосиб., 1962; Две статьи П. — в кн.: Кузнецов Ф. Ф., Круг П., М., 1990.

Письма: Письма покойного П., написанные им из-под ареста к разным лицам. — РО, 1893, № 1—3, 6, 8, 10, 12 (письмо Р. А. Коренской, 6 писем Г. Е. Благосветлову; публ. В. Г. Штарка); РА, 1897, № 2; РС, 1900, № 10; КА, 1924, т. 5; КА, 1928, т. 38; Из неопубл. переписки П.; в П. в Петропавловской крепости. — ЛН, т. 25/26

(переписка с Р. А. Кореньевой, 1858 г.); Шестидесятые годы: Мат-лы по истории лит. и обществ. движения, М.—Л., 1940 (письма родителям, товарищам по уму-Т. М. А. Маркович).

Биогр. мат-лы: С Невского берега. — «Дело», 1868, № 8; Польский П. Н., Восп. о П. (1857—1861 гг.). — СПбВед, 1878, 17, 18 июля; Кутейников Н., Неск. слов. в память П. — «Неселя», 1868, № 33; Скабичевский А. М., Д. И. Писарева. — ОЗ, 1869, № 1—3; его же, Соч., т. 2, СПб., 1895; его же, Лит. восп., М.—Л., 1928; Шелгунов Н. В., Два слова о П. — «Неселя», 1875, № 28; его же, Восп., М.—Пг., 1923; Шелгунов и др. (ук.): Шелгунова А. П., Из далекого прошлого. Переписка Н. В. Шелгунова с женой, СПб., 1901; Гарднер Р. А., В. Д. Писарева. — РС, 1880, № 12; Соколов В., Восп. старого студента — РС, 1888, № 12; Барро М., Забытое. Первые прозв. П., СПб., 1893; Лемке М. К., Дело П. (по неопубл. источ.). — «Былое», 1906, № 1—2; Лемке (З.); Фирсов Н. Н., В редакцию ж-ла «Рус. слово» (Из восп. шестидесятника). — ИВ, 1914, № 5—6; Баллод П. Д., Заметка о деле П. — «Каторга и ссылка», 1924, № 10; Ковалев И., П. и царская цензура. — КА, 1940, № 6; Данилов А. Д., Неск. отрывочных восп. о П. — ЛА, т. 3, М.—Л., 1951; Лобач-Жуенчик Б. Б., Знаменское, где родился П. ... — ВЛ, 1963, № 4; Степанова Е. Ю., Новые мат-лы к науч. биографии П. — РЛ, 1991, № 4.

Лит.: Герцен; Салтыков-Щедрин; Достоевский (все — ук.); Лемке (1); Шелгунов Н. В., Бессилье мысли и сила жизни: «Дело», 1870, № 5; его же, Соч. П. — В его кн.: Лит. критика, Л., 1974; Протопопов М. А.), Лит. злоба дня. — ОЗ, 1877, № 1; его же, Писарева. — РБ, 1895, № 1; Тихомиров Л., Неразрешенные вопросы. — «Дело», 1881, № 1; Де-Пуле М., Нигилизм как патология. явления в рус. жизни. — РВ, 1881, № 11; Соловьев Е. А., П. его жизнь и лит. деятельность, 3-е изд., П., 1899; его же, Д. И. Писарев, Берлин—П., 1922; Эрн Ф., Взгляды П. на воспитание и образование. — «Вестник восп.», 1896, № 1; Волынский А. Л., Рус. критики. Лит. очерки, СПб., 1896; Иванов И. И., его сподвижники и враги. — МБ, 1899, № 1—3; его же, История рус. критики, ч. 3—4, СПб., 1900; (Засулич В.), Д. И. Писарев — «Науч. обозр.», 1900, № 3, 4, 6, 7; его же, П. и Н. А. Добролюбов. — В его кн.: Сб. ст., т. 2, СПб., 1907; его же, Статьи о рус. лит.-ре., 1906; Водовозов Н. В., П. как экономист. — В его кн.: Экономич. этюды, 2-е изд., СПб., 1907; Л-ский Е., Нигилистич. педагогика. — «Рус. школа», 1908, № 5—8; Евгеньев-Максимов В. Е., П. и охранители. — ГМ, 1919, № 1—4; его же, Гончаров в его отношении к нигилизму. — «Книга и революция», 1921, № 1; Казанович Е. П., Д. И. Писарев (1840—1856), П., 1922 (в т. ч. публ. дневника П.); его же, Некрасов в т. ч. «Печать и революция», 1925, № 1; его же, П. после крепости и его ст. «Длидо и его время». — «Звезда», т. 6, М.—Л., 1936; Переверзев В. Ф., Нигилизм П. в социологич. освещении. — «Красная новь», 1926, № 6; его же, Эстетич. взгляды П. — «Печать и революция», 1926, № 7; его же, Теоретич. предпосылки писаревской критики. — «Вестник Коммунистич. акад.», 1929, № 31 (1); Кирилов В. Я., Д. И. Писарев. — В кн.: Очерки по истории рус. критики, т. 2, М.—Л., 1931; его же, Радикальный разношерст Писарева, М., 1934; Козьмин Б. П., Мат-лы для биографии П. — «Записки Отд. рукописей ГБЛ», в. 9, М., 1940; его же, «Раскол в нигилистах» (Эпизод из истории рус. обществ. мысли 60-х гг.). — В его кн.: Из истории реф. мысли в России. Избр. труды, М., 1961; его же, П. и социализм: Полит. направленность очерка Щедрина «Калашники». — В его кн.: Лит.-ра и история, 2-е изд., М., 1982; Честунова Н., Что разрушал «нигилизм» П. — «Лит. критик», 1938, № 8; Кружков В. Д., Д. И. Писарева. Филос. и социально-полит. взгляды, М., 1942; Бельчиков Н. Ф., П. и его эстетич. взгляды. — ИзвОЛЯ, 1941, № 1; Мешеряков Н. Л., Эволюция мировоззрения П. — Там же; Плоткин Л. А., П. и лит.-обществ. движение шестидесятых гг., Л.—М., 1945; его же, П. Жизнь и деятельность, М.—Л., 1962; Шишкина А. Н., П. и вопросы реф. романтики. — «Звезда», 1948, № 2; его же, Писарева. — В кн.: История рус. лит.-ры, т. 8, ч. 1, М.—Л., 1956; Шварцман А. Л., П. и рус. естествознание,

М., 1955; Гуральник У. А., Писарев. — В кн.: История рус. критики, т. 2, М.—Л., 1958; его же, Наследие П. сегодня. — «Лит.-ра в школе», 1968, № 3; его же, Рус. лит. критика 50—60-х гг. и наука о лит.-ре. — В кн.: Академич. школы в рус. лит.-ведении, М., 1975 (ук.); Канлер А. И., Эстет. взгляды П. М., 1962; Станис Л. Я., Осн. черты мировоззрения П., М., 1963; Демидова Н. В., П. и нигилизм 60-х гг. — «Вестник ЛГУ», 1965, № 5, в. 1; его же, Писарева, М., 1969; Кузнецов Ф. Ф., Ж. «Рус. слово», М., 1965; его же, Круг П., М., 1990; Варустин Л. Э., Ж-л «Рус. слово», 1859—1866, Л., 1966; Маслин А. Н., П. в борьбе за материализм и социальный прогресс, М., 1968; Цыбенков В. А., Мировоззрение П., М., 1969; Володин А. И., Раскольников и Каракозов (К творч. истории статьи П. «Борьба за жизнь»). — НМ, 1969, № 11; его же, Бедная рус. мысль. — «Свободная мысль», 1992, № 5; его же, В. Гумбольдт и П. — В кн.: Россия и Германия. Опыт филос. диалога, М., 1993; Симкин Я. Р., Жизнь П.: Личность и публицистика, Р.И.Д. 1969; Рейфман П. С., «Совр.» и «Рус. слово» перед «расколом в нигилистах». — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, в. 251, Тарту, 1970; Новиков А. И., Нигилизм и нигилисты: Опыт критич. характеристики, Л., 1972; Конкин С. С., Пушкин в критике П. — РЛ, 1972, № 4; его же, Эстетич. и лит.-критич. взгляды П., Саранск, 1973; Ильин В. В., П. и Пушкин, Смоленск, 1972; Пантин И. К., Д. И. Писарева, Осмысление уроков первой реф. ситуации. — В его кн.: Социалистич. мысль в России: переход от утопии к науке, М., 1973; Туниманов В. А., Принципы реальной критики (Эволюция П. в 1860-е гг.). — ВЛ, 1975, № 6; Уткина Н. Ф., Позитивизм, антропология, материализм и наука в России (вторая пол. XIX в.), М., 1975 (глава о П.); Коротков Ю. Н., Писарева, М., 1976 (ЖЗЛ); Розенберг Э. И., Писарев и «Отщепенцы» Н. Соколова (по поводу статьи П. «Как дряхлеют догматы»). — РЛ, 1976, № 3; Петраченко В. М., Филос. взгляды П. в освещении зап.-герм. историографии. — В кн.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР, в. 3, М., 1977; Лебедев А. А., Мыслящий пролетариат П., М., 1977; его же, Красота и ярость мира: Очерки становления рус. материалистич. эстетики, М., 1989; Виноградов И. И., Испытание Писаревым. — В его кн.: По живому следу: Духовные искания рус. классики, М., 1987; Беленкова Л. П., П. как историк философской и обществ. мысли, М., 1983; Никоненко В. С., Материализм Чернышевского, Добролюбова, П., Л., 1983; Гошевский В. О., Проблема личности в филос. наследии П., Л., 1983; Прозоров В. В., Д. И. Писарева, М., 1984; Кондаков И. В., Покушение на литературу (О борьбе лит. критики с литературой в рус. культуре). — ВЛ, 1992, в. 2; его же, Герцен и П. (К типологии мышления и творчества). — В кн.: Отец философия: опыт, проблемы, ориентиры иссл., в. 9, А. Герцен, М., 1993; его же, «Популяризатор отрицательных доктрин». («Феномен П.» и эстетика рус. радикализма). — ВЛ, 1995, в. 5; Лурье С. А., Литератур Писарева. Роман, Л., 1987; Исkra Л. М., П. и его роль в истории рус. обществ.-полит. мысли, Воронеж, 1988; Мысляков В. А., Писарева: романтизм реализма. — РЛ, 1990, № 4; Беряев Н. А., Истоки и смысл рус. коммунизма, М., 1990; его же, Рус. идея. — В кн.: О России и рус. филос. культуре, М., 1990 (ук.); Лосский Н. О., Характер русского народа. — В его кн.: Условия абсолютного добра, М., 1991, с. 338—50; Зеньковский В. В., История рус. философии, т. 1, ч. 2, Л., 1991, с. 143—47; Егоров Б. Ф., Борьба эстетич. идей в России 1860-х годов, Л., 1991 (гл. «Рус. слово» и «Д. И. Писарева»); его же, Очерки по истории рус. культуры XIX в. — В кн.: Из истории рус. культуры, т. 5 (XIX в.), М., 1996 (ук.); Отец философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования, в. 8, Д. Писарева, М., 1992; Елизаветина Г. Г., Писарева-Критик. Начало пути, М., 1992; Д. И. Писарева: Иссл. и мат-лы, в. 1, Мир П., М., 1995; Тирген П., К проблеме нигилизма в ром. И. С. Тургенева «Отцы и дети». — В кн.: Кентавр перед Сфинксом. Герман-рос. диалог, М., 1995; Парамонов Б. М., Голая королева: рус. нигилизм как культурный проект. — В его кн.: Концы стиля, СПб.—М., 1997.

Coquart A., Dimitri Pissarev (1810—1868) et l'idéologie du nihilisme russe, P., 1946 (Biblio-

thèque de l'institut français de Leningrad, continué par la Bibliothèque russe de l'institut d'Etudes slaves, t. XXI); Barghoorn F., D. I. Pissarev: A Representative of Russian Nihilism. — The Review of Politics, II, april, 1948; Barghoorn F., Nihilism, utopia and realism in the thought of Pissarev. — Russian thought and politics / Ed. by H. Meleau, Cambridge (Mass.), 1957; Bochen-ski, I., Der Sozialistische dialektische Materialismus, Bern—München, 1960; Frich E., Russisch Kritiker (Belinski, Dobrolubov, Pissarev). — In: Frich E., Zum Verstandis des Geistigen, Heidelberg—Darmstadt, 1963; Hingley R., Pissarev. — В кн.: Hingley R., Russian Writers and society, 1825—1904, L., 1967; Hingley R., Nihilists: Russian Radicals and Revolutionaries in the reign of Alexander II, N.Y., 1969; Walicki A., A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism, Oxf., 1980; Gleason A., Young Russia: The Genesis of Russian Radicalism in 1860-s, N. Y., L., 1980; Coppleston F., Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyayev, Notre Dame, 1986; Moser Ch., Esthetics as a Nightmare, Russian Literary Theory 1855—1870, Princeton, 1989; Olaszek B., Dymitr Pissarew. Wokół problemów pozytywizmu w Rosii, Lodz., 1997. — Некрологи, 1868: «Неселя», № 32; ОЗ, № 8; «Колокол», 15 сент. (А. И. Герцен); (неопубл. некролог Ф. Ф. Павленкова, предназначавшийся для ж-ла «Дело»). — РЛ, 1959, № 2 (публ. Ф. Ф. Кузнецова). РБС: Брокгауз; Гранат; ЛРЗ; КЛЭ; БСЭ; СИЭ; ФЭ; Писарев писатели (1996). Бухштаб Б. Я., Д. И. Писарева. Указатель осн. лит.-ры, Л., 1940; Григорьян К. Н., Рукоспис П. в собрании Ин-та лит.-ры (Пушкинского Дома) АН СССР. Науч. описание, М.—Л., 1941 (под ред. Л. Б. Модзалевского); Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 415; РГБ, ф. 178; ИРЛИ, № 9560 (ст. «Мысли о Марко Вовчок»); Р. I, оп. 22, № 39 (письма П.).

И. В. Кондаков.

ПИСЕМСКИЙ Алексей Феофилактович [10(22).3.1820, по др. сведениям — 11(23).3.1821, с. Раменье Чухлом. у. Костром. губ. — 21.1(2.2).1881, Москва; похоронен на кладб. Новодевичьего мон.], прозаик, драматург. Из старинного дворян. рода.

Один из предков — думный дворянин Фёда. Иван Писемский выполнял личные поручения Адама Грозного, в числе к-рых — поездка в Лондон по устройству брачных дел царя, другой — «пошёл в монастырь и удостоился быть причисленным к лику святых, в сонме к-рых до сих пор именуются Макарием Писемским, и мощи его почтуют в Макарьевском на реке Ужме монастыре» (Автобюог. — ПСС, т. 1, 1895, с. ССХVII—XVIII; об истинности последнего указания — мощи преподобного Макария Писемского покоились в Преображенской церкви недалеко от г. Буя Костром. губ., — озадачившего биографов П. (ИВ, 1889, № 11, с. 282—83), см.: С. М. Зегур. К биогр. П. — РНБ, ф. 874, № 46, л. 12 и об.; сама же фам., по-видимому, связана с названием костром. реки Писымы — РА, 1875, кн. I, с. 454; «Совр. изв.», 1881, 10 нояб., с. 4; Татищев, с. 78). Многим из позднейших Писемских тоже сопутствовали известность и богатство, но «ближайший» генеалогич. вств. «была совершенно захудалая: дед не знал грамоты, «ходил в лапках и сам пахал землёю» (Автобюог. — ПСС, т. 1, 1895, с. ССХVIII—XIX).

Отец, Феофилакт Гаврилович (1781 — ок. 1843), начал воен. служб. солдатом и только по прошествии мн. лет получил чин майора. Выйдя в отставку (подполковником) после женитбы на Авдотье Ал. Шиповой (1787 — после 1850) — двоюродной сестре Ю. Н. Бартенева, поселился в приданной усадьбе Раменье. Здесь, а также в Ветлуге, где он был неск. лет городничим, и прошли — до 10-летнего возраста — дет. годы П., единств. в семье ребенка (девять дру-

гих умерли в младенчестве) — «божка» для родителей и двух незамужних теток Шиповых (там же, с. ССХХI).

Черты родителей — исподкупно-честного, примудушно-независимого, гневливо-грубовагого служки-отца и «нервной, мечтательной, тонкоюй» матери (там же, с. ССХХ) — П. запечатлел в автобиограф. заметках и ряде прозаич., рассказе «Батяка», драме «Ветеран и новобранец», ром. «Люди сороковых годов». Не получившие достаточного воспитания, стесненные материально, накрепко связанные с нап. почвой, родители не стремились походить на «европейцев»: домашний уклад отличался простотой отношений, житейским здравомыслием, близостью к традиц. формам быта и культуры рус. глубинки, что отразилось и в характере П.

Первонач. образование получил дома под руководством весьма посредств. педагогов. Благоприятное влияние на развитие П. оказал Вс. Н. Бартенев — двоюродный брат матери, отставной флот. офицер и книгочел. В 1834 П. поступил во 2-й кл. Костром. г-зии (окончил в 1840). Уже тогда сказались два увлечения, прошедшие через всю жизнь, — худож. лит-ра и театр. Сначала это было безудержное чтение рус. и переводных романов, посещение райка, потом — сочинительство и устройство дом. театра с пробой сил в качестве актера. В последних классах П. — «прекрасный стилист», по аттестации учителя словесности, написал не дошедшие до нас подражат. повести «Черкешенка» и «Чугунное кольцо» (там же, с. ССХХIII). В 1840 П. зачислен на 2-е матем. отд. филос. ф-та Моск. ун-та («Желание мое было поступить на словесный ф-т, но, не зная греческого, не мог его исполнить...», Автобиограф. — Собр. соч., т. 9, 1959, с. 603). Пребывание в ун-те имело для П. положит. значение, к-рое определялось, помимо неизбежной косвенной причастности к «атмосфере» идейных исканий студенчества (ср. позднее высказывание о П.: «в нем всегда чувствовался моск. студент 40-х гг.» — Боборыкин, I, 202), широкой возможностью образоват., развит себя, общаясь с профессорами не только «своего», но и «чужих» ф-тов.

Он possesses лекции С. П. Шевырѣва, успешно пишет по его заданиям сочинения, в частности «Смерть Огюста», в к-ром «почтенный наставник» отменил «большую ловкость в приемах рассказа» (Автобиограф. — Собр. соч., т. 9, 1959, с. 604). В студенч. годы расширяется и одновременно упорядочивается круг чтения П.: «...познакомился с Шекспиром, Шиллером, Гёте, Корнелием, Раскином, Жан-Жаком Руссо, Вольтером, Виктором Гюго, Жорж Зандом, сознательно оценил рус. литературу...» (Автобиограф. — ПСС, т. I, 1895, с. ССХХIII). Будучи «жарким поклонником Гоголя и статей Белинского...» (Алмазов, с. 454), П. в то же время не отвергал эстетич. идеи антагонистов «натуральной школы». Здесь сказались присущая натуре П. антиортодоксия, к-рую он стремился возвести в принцип личностно-творч. независимости от школ, партий, течений и к-рая определила «непоследовательность» его лит.-обществ. поведения (одновременно симпатии к сторонникам «лужицкого» и «гоголевского» направлений, участие в ж-лах разл. ориентации).

Закончив ун-т «действием студента» (1844), П. возвращается домой.

Непрочное материальное положение семьи, усугубл. смертью отца, тяжелая болезнь матери, отсутствие места и связей вызывают у сверхчувствит. от природы П. «меланхолию и ипохондрию», к-рые впоследствии разовьются в тяжелый недуг. В янв. 1845 определяется канцелярским чиновником в Костром. палату гос. имуществ, а в окт. того же года переводится по «аттестатам» о службе П.). Однако казенная служба пока не по времени: «бес авторства» (Автобиограф. — Избр. произв., с. 23) владеет П., и уже в 1846 он заканчивает ром. о жен. эмансипации. «Боярышня» (первонач. назв. «Виновата ли она?», использов. впоследствии им для др. произведения). Ободренный ус-

пехом романа в «моск. кружках», гл. обр. у участников «Москвитинина», с к-рыми П., включая и будущих членов «молодой редакции» (в т. ч. А. Н. Островского, сыгравшего большую роль в его лит. судьбе), был лично знаком, он решает посвятить себя исключительно лит. занятиям. 8 февр. 1847 оставляет службу и уезжает на родину. Однако вскоре уверенность П. в писат. призвании была поколеблена. Посланный в «Отеч. записки» роман не был пропущен цензурой (о возможных причинах см.: Венгеров, 1884, с. 62—63; Кирпичников, с. 339—40; опублик. в БдЧ, 1858, т. 147), в пору уже упрочившейся лит. славы П., а первое выступление П. в печати — сильно сокращенный при публ. рассказ «Нина (Эпизод из дневника моего приятеля)» (СО, 1848, № 7), в к-ром изложена «обыкновенная история» скорого превращения романтически-идеальной девы в заурядную бытовую личину, — прошло незамеченным. 6 окт. 1848 П. возвращается на службу (чиновник особых поручений при костром. воен. губернаторе). В этом качестве был назначен секр. совещат. к-та по делам о раскольниках (о

его деятельности на этом посту и обшем терпимом отношении к расколу, несмотря на должностные акции по преследованию старообрядцев, см.: Виноградов, 1916). 11 окт. П. женится на Ек. Павл. Свинойной (1829—91), дочери П. Свинойной, двоюродной сестре А. Н. Майкова. «Всегда спокойная, с прекрасным тоном, с полным отсутствием какой-нибудь рисовки или жеманства», она бережно опекала мужа, снисходя к его сердечным и гастрономич. «порывам» (Анненков, 488; Боборыкин, I, 205), помогая ему в лит. работе (ею было переписано большинство трудночитаемых черновых рукописей П.). П. с неизм. уважением отзывался о своей жене (прототип рассудит. и благонаправленной Евпраксии в ром. «Взбаламученное море»). После небольшого перерыва в службе из-за болезни (1849) 4 июля 1850 назначен исправляющим должность ассессора Костром. губ. правления. Осенью того же года П. опублик. пов. «Тюфяк» («Москв.», № 19—21; отд. изд. — М., 1850) при посредничестве Островского, считавшего это соч. «истинно художеств. произведением» («Москв.», 1851, № 7, с. 375).

«По-гоголевски» формулировал идейный замысел повести сам П. — раскрыть «в обыденной и весьма обыкновенной жизни» буднично-простые, но глубокие драмы «обыкновенных людей» (Письма, с. 27). Подобную «обыкновенную» драму (онроматичная женитба, крах юнош. надежд, канитуляция перед «потравающей тинной мелочей») переживает гл. герой, в к-ром, по мнению Алмазова (сопоставляемому с т. з. Островского и др. рецензентов — см.: «Совр.», 1851, № 2, с. 65—66; БдЧ, 1851, т. 107, с. 1—13), автор представил характерные «недостатки своего поколения — крайнюю мечтательность и крайнее непрактичное отношение к «действит. жизни» (РА, 1875, кн. I, с. 457). Типология, связь между «Тюфяком» Бешметовым и «байбаком» Обломовым отметил позднее Д. И. Писарев (I, 168—69). Следуя принципам «натуральной школы», П. вместе с тем иногда оппонировал им, что с полемич. подъемом констатировал круг «Москвитинина», в частности А. А. Григорьев: «Повести 40-х гг. постоянно стояли за жертв грубой действительности»; П., отнесшийся к «Тюфякам» «как следует, комически», безжалостно проанализировал их пороки («Москв.», 1853, № 1, с. 29; см. также: «Светоч», 1861, кн. 4, с. 18); ср. отзыв А. В. Дружинина, укорявшего П. за то, что он «с своим самостоят. талантом» шел «чужой дорогой», открыто «шпеславясь» подражанием Гоголю (БдЧ, 1854, т. 123, с. 48).

В «Тюфяке» четко обозначились характерные особенности творч. манеры П. 1840—50-х гг.: фотографически точное, нарочито бесстрастное воспроизведение действительности; показ сущностного, социально и психологически значимого через «быт»; подчеркнутая заземленность в обрисовке лиц и явлений, в т. ч. «положительных».

Успех «Тюфяка» вызвал у П. прилив творч. сил. В короткий срок он создает повести «Сергей Петрович Хозаров» и Мари Ступицына. Брак по страсти» («Москв.», 1851, № 4—7), «М-г Батманов» (там же, 1852, № 17, 18; первонач. назв. «Москвич в Гарольдовом плаще»); ром. «Бога-

тый жених» («Совр.», 1851, № 10—12; 1852, № 1—5); рассказы и очерки «Комик» («Москв.», 1851, № 21), «Питершик» (там же, 1852, № 23), «Леший» («Совр.», 1853, № 11); комедии «Ипохондрик» («Москв.», 1852, № 1; Михайлов. т-р, 21 сент. 1855), «Раздел» («Совр.», 1853, № 1; Александрин. т-р, 6 февр. 1874). П. с откровенностью, окрашенной в тона простонар. перемешничества, рисует по преим. «прозу» повседневной жизни провинц. чиновников и дворян. Много пошлого, мелочного открывает он в поведении, мыслях и чувствах своих героев, внешне благопристойных, а иногда и претендующих на утонченность («Умный скептик Писемский всю жизнь издевался над дворянином», — отметит М. Горький в «Истории рус. лит-ры», М., 1939, с. 253). В изображаемых П. «семейных драмах» (ранее назв. «Тюфяка») и бытовых конфликтах («Ничего общественного я не касался...» — Письма, с. 27) ошутима социальная основа: «Вглядитесь в личности, действующие в повести Писемского, — вы увидите, что, осуждая их, вы собственно осуждаете их общество...» (Писарев, I, 172). Без остатка растворенный в образной системе, авторский умysel во мн. связан с развенчанием человека поэты и фразы — «мелкой натуры» (Собр. соч., т. 2, М., 1959, с. 3), драпирующейся «плащом» необычных личности.

Созвучная времени депоэтизация «наследников» и подражатели «лишних людей» накалывают прихода «нового человека» — различия была сочувственно воспринята демократич. критикой. Вместе с автором «Рудина» П. дал об-ву такой важный «урок», «после к-рого отразился целое поколение» (Писарев, I, 230). П. не таяет пересоздавать «живой» материал или морализировать, делать какие-либо «красочные выводы» (Анненков, с. 480). Он анатомически исследует нутро мещанина, преследуя цель сугубо натуралистич. не направляемого течениями воссоздания его характерных черт. После того как не только В. Г. Белинский (VI, 428—29; X, 310, 11), но и умеренный В. П. Боткин (см.: П. В. Анненков и его друзья, т. 1, СПб., 1892, с. 521) было провозглашено особое значение идеи, мысли в худож. творчестве новейшего времени, такая установка П. (неизменно отстаиваемая им теоретически, но далеко не всегда осуществленная практически) могла вызвать нарекания (ром. «Брак по страсти» — «хорошо — но только уж слишком объективен...» — Тургенев. Письма, II, 24) и даже истолковываться как органич. проявление индифферентности, «трезвости», граничащей с «цинизмом» и «беспринципностью» (Венгеров, 1884, с. 66; Сказки в-ск и й, с. 39—41). Однако сторонящееся открытой идеи, не знающее субъективной рефлексии, как бы пассивное в своей непосредственности повествование П. тем самым достигает «значит. эпич. ниггереса», порождая «полнейшую иллюзию» (Кирпичников, с. 341) самораскрывающейся реальности.

В нач. 1853 (М.) вышел трехтомник «Повестей и рассказов» П.; его имя начинает фигурировать в одном ряду с И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым и др. Отпуск 1853 (с 9 июня по 8 окт.) П. провел в Петербурге, где ближе сошелся с «Современником» (начало было положено зна-

комством с И. И. Панаевым и публикацией «Богатого жениха»), возобновил связь с «Отеч. записками».

Столица проявила к П. живой интерес, обуслов., в частности, резкой оригинальностью самой личности писателя («а к о в и н к а» — Анненков), производившего разительное впечатление привычною ко всему испричесанно-провинциальному (манеры, речь), демонстративным желанием перечить «модам» мнениям, острому, не лишнему «цинич. оттенку» юмором. В об-лике П. причудливо соединились духовность художника-творца и житейски-бытовая халатность, «неряшливость» (ЛН, т. 73, кн. 2, с. 147) барина-эпикрейца; глубокий природный ум, универсальная образованность и нисологич. «нервистость» (Салтыков-Шчарин). Доминирующим было, однако, влечение к простоте, естественности и к свободному разумению вещей. Явившись в столицу, П. «ни на волос не изменил обычной своей физиономии, не прикрасил себя ... не признался морально... перед незнакомыми лицами...» (Анненков, с. 484—86, 514).

«Бессмысленное славянофильство» (Письма, с. 62) наиб. ортодоксальных участников «Москвитянина» все менее устраивает П., и он прекращает сотрудничество в этом журнале. По возвращении в Кострому П., произведенному в тит. сов. (сент. 1853), предложено стать «редактором неофиц. части Губ. Ведомостей» (Письма, с. 59). Вскоре его служебные дела осложнились из-за «дрязг» между вице-губернатором и членами губ. правления. В марте 1854, отклонив предложение о переводе в Херсон. губ. правление, П. вышел в отставку и поселился в усадьбе Раменье. Руководствуясь соображениями лучшего устройства лит. карьеры, П. в дек. 1854 переезжает с семьей в Петербург, а в февр. 1855 определяется без оклада на службу в Деп. уделов.

Включившись в лит. жизнь столицы, П. публикует рассказ «Фанфарон (Один из наших снобов...)» («Совр.», 1854, № 8), «драматический случай» «Ветеран и новобранец» (ОЗ, 1854, № 9; Александрин. т-р, 17 дек. 1854), рассказ «Плотничья артель» (там же, 1855, № 9), статью «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти» (там же, № 10), пов. «Виновата ли она?» («Совр.», 1855, № 2). В ст. о Гоголе провозглашает гл. эстетич. заповедь худож. правду, несовместимую, по его понятиям, с тенденциозностью, с «поучениями» и достигаемую непредвзятым объективно-образным воспроизведением жизни. Некоторые суждения П., абсолютизирувавшие инстинктивно-художнич. начало в творчестве, сближали его (что нельзя называть случайным) с теоретиками «чистого искусства». Ранее, в письме к А. Н. Майкову от 12 марта 1854, П. мечтает о тех «блаженных временах», «когда критика в иск-ве будет видеть иск-во, имеющее в самом себе цель» (Письма, с. 63—64). В 1857 П. предпочтет сотрудничество с Дружининым, демонстративно покинувшим «Современник» и задумавшим противопоставить «щедринскому» на-

правлению «эстетическое». Наконец, в 1877 в письме-«исповеди» к Ф. И. Буслаеву П. решительно выступит против тенденциозности («дидактики») в лит-ре. С др. стороны, эстетич. программа П. выбирает в себя элементы скептич. отношения к теории и практике «чистого искусства»: «В искусстве мы видим один из способов обнаруживать истину и, если угодно, доказывать ее, проводить, распространять...» (Собр. соч., т. 9, 1959, с. 562; см. также письмо Тургеневу — ЛН, т. 73, кн. 2, с. 133, 162). Показательна и следующая характеристика собств. творчества: «Сначала я обличал глупость, предрассудочность, невежество, смеялся над детским романтизмом и пустозвонными фразами, боролся против крепостного права, преследовал чиновничью злоупотребления, обрисовал цветки нашего нигилизма... и в конце концов принялся за сильнее, может быть, врага человеческого, за Ваала и за поклонение Золотому тельцу...» (Письма, с. 391—392).

«Плотничья артель» и два «народных» рассказа — «Питершик» и «Леший» составили цикл «Очерки из крестьянского быта» (отд. изд. — СПб., 1856), поддержавший обостренный интерес рус. лит-ры в предреформ. десятилетие к теме «мужика». «...Отчего ты не займешься мужиком?», — спрашивает П. в это время Островского (Письма, с. 106). Не только в «лучших людях» из дворян. интеллигенции, но и в простонар. крест. массе П., как и автор «Записок охотника», ищет коренные свойства нац. характера, оставаясь, в отличие от Тургенева, свободным от заведомо заступнического воззрения на мужика. Еще заметнее «наблюдательский» реализм П. разнится от того, как рисуют мужика подражатели Д. В. Григоровича с их избыточной дидактикой, «поучительной сентиментальностью» (А. В. Дружинин — БдЧ, 1857, т. 141, с. 12—14, 28). Обездоленность крепостного крестьянства подсказывала сатирич. (в отношении верхов) и страдал. (в отношении низов) направленность нар. рассказов, но П. сторонится «подсказки»: его «питершик» — не безвольный страдалец «горемыка», а внутренне независимая личность, участвующая в устройстве своей судьбы и вызывающая представление не столько о господском «человеке», сколько о русском человеке «вообще» (Собр. соч., т. 2, 1959, с. 243). П. не выступает с прямым обличением крепостничества, словосного разделения людей (к-рое и им самим, и его героями воспринимается как данность не оправдываемая, впрочем, и не защищаемая). Генезис изображаемых коллизий возводится в первую очередь не к миро-, а

к «душеустройству», к нравств. организации отд. человека.

«Очерки...» послужили предметом острого идейного столкновения. Полемицируя с С. С. Дудинским (ОЗ, 1856, № 12, с. 71—77) и особенно Дружининым (БдЧ, 1857, т. 141, с. 1—36), к-рые объявляли П. (наряду с Островским и Л. Н. Толстым) «антагонистом» критики «гоголев. периода», одним из новейших представителей «школы чистого и извистимого творчества» (БдЧ, с. 7), Н. Г. Чернышевский особо подчеркнул близость автора к гоголевскому направлению. Стремясь нейтрализовать дружининский вывод о «примирительном», «отрадном» колорите «Очерков...», он с сознательным заострением формулировал: «... Никто из рус. беллетристов не изображал простонар. быта красками более темными, нежели г. Писемский...» («Совр.», 1857, № 4, с. 47). Правда, «чувство», т. е. оценка, выражается у него «не личн. отступлением, а смыслом целого произведения», экстрессии он предпочитает спокойный «эпический тон». Но в случае с П. (отличающимся, по мнению критика, известной уязвимостью мировоззрения, отсутствием передового идеала — «рациональной теории») это «скорее составляет достоинство, нежели недостаток» (там же, с. 48—50). Больший скепсис-ом отличалось отношение к П., в т. ч. и как к автору «Очерков...», Н. А. Добролюбов, намеренно — вопреки принципам «реальной» критики — отделившегося от вымысла объективного смысла произв. П. и сосредоточивающегося исключительно на его идейной ограниченности (подробнее см.: Мысляков, Саратов, 1971, с. 103—113).

В янв.—сент. 1856 П. участвует от Морского мин-ва (куда был командирован на год) в лит.-этнографич. экспедиции «в Астрахан. губ. и к прочим берегам Каспийского моря» (Письма, с. 612). П. написал, как и было условлено, серию очерков (не ставших его творч. удачей) для «Морского сб-ка»: «Прием черно-морцев в Астрахани» (1856, т. XXII, № 6), «Путевые очерки» (1857, т. XXVII, № 2), «Морские поездки» (1857, т. XXVIII, № 4). Ряд очерков опубли. «Б-ка для чтения»: «Астраханские армяне» (1858, т. 151), «Татары» (1858, т. 152) и «Калмыки» (1860, т. 158). Во время посещения Тюк-Караганского п-ова П. виделся с ссыльным Т. Г. Шевченко, об улучшении участи к-рого просил в письме к жене вице-президента АХ гр. А. И. Толстой (Письма, с. 98—99).

В апр. 1857 П. вышел в отставку и всецело занялся лит. делами. С окт. 1857 по нояб. 1860 вместе с Дружининым, а затем по янв. 1863 единолично редактирует «Б-ку для чтения», в целом поддерживая линию на «противовесие» (Тургенев) радикализму «Современника», хотя и без крайностей дружининской доктрины; в объявлении об издании на 1861 декларирует центрист. направление (СПбВед, 1860, 13 нояб.). П.-редактор шире открывает журнал «живой борьбе из-за живых предметов» (там же), печатая острые публицистич. статьи Е. Ф. Зарина, Д. Ф. Щеглова, Н. Н. Воскобойникова, П. Д. Боборыкина. В авг.—дек. 1860 ведет также лит. и библиогр. отдел ж-ла «Искусства» (заявление о прекращении «всякого участия» в нем с 1861 — СПбВед, 1860, 23 дек.). В это время

П. переживает период наивысшей популярности: публикуются роман «Боярщина», пов. «Старческий грех. (Совершенно романтическое приключение)» (БдЧ, 1861, т. 163; о замысле — см.: Письма, с. 131; доб. желат. отзывы: «Светоч», 1861, кн. 3; РР, 1861, 16 марта, с. 335; «Век», 1861, № 15, с. 530—33) о трагич. разладе природных нравств. инстинктов человека и практич. «морали» об-ва, а также самые изв. произв. П. — роман «Тысяча душ» (ОЗ, 1858, № 1—6; отд. изд. — СПб., 1858) и удостоенная в 1860 Уваровской пр. (вместе с «Грозой» Островской) драма «Горькая судьбина» (БдЧ, 1859, т. 158; отд. изд. — СПб., 1860; Александрин. т-р, 18 окт. 1863).

А. Ф. Писемский. Кон. 1850-х гг.

«Тысяча душ» — центральное произв. П.; оно связует этапы его творчества, в определ. мере удерживая «объективность» предшествующего и одновременно предвещая «субъективность» последующего. Глубину содержания романа определил концептуально осмысл. признак времени — «убыль сердца», вытеснение «идеализма» практицизмом.

Новая эпоха с ее третирующим «непрактичного» идеализма «сороковых годов» побудила П. пристальнее и шире взглянуть на «романтизм» в жизни и на «поэзию» в иск-ве. В кон. 1856 он особо отмечает поэтически «благоухающую», «прекрасную» подкладку тургенев. повествований, высказывая тут же неудовлетворенность чистым реализмом в собств. произв.: перелистывая «Очерки из крест. быта», готов был плюнуть самому себе в лицо, так мне все показалось сухо и прозрачно. Говорит, правды много! Да черт ли в этой правде, когда ее слы, как немалую кашу» (ЛН, т. 73, кн. 2, с. 148; ср. у Тургенева — по др. поводу: «Но один реализм губителен — правда как ни сильна, не художеств. — Тургенев. Письма, V, 159). П. готов ретировать за возвышенно-романтич. начало (применительно уже не к «художеству», а к самой жизненной практике, считая, что «вступить» за него «в наше время — дело нужное и честное...» (ЛН, т. 73, кн. 2, с. 141).

«Тысяча душ» — «страшный удар» (говоря языком Белинского, антиромантич. выступлением к-рого

в 1847 П. сочувствовал) по практичности и положительности в защиту «глубокого романтизма». Есть в романе, кстати, и прямое «слово за романтизм», произносимое одним из героев: «бесплодно прожить ваше поколение, потому что оно окончательно утратило романтизм ... Я с ужасом смотрю на совр. молодежь ... что же, наконец, составляет для них смак в жизни? Деньги и разврат!» (Собр. соч., т. 3, 1959, с. 283). В процессе работы концепция романа обогащалась, захватывая дополнит. сферы (разночинство с его, по позднейшему определению Н. К. Михайловского, «возмущенной честью»; «непризнанные» реформаторы с их культом цели и самовластием — «по мысли все идет шире и шире», ЛН, т. 73, кн. 2, с. 142), но в основе своей осталась именно той, к-рую П. изложил в письме А. Н. Майкову относительно «практической» тенденции «века» (Письма, с. 77—78). Гл. герой романа, жертвующий лучшими человеч. качествами ради богатства и карьеры, олицетворяет эту тенденцию, а точнее, ее подготовку, чем и отличается от благонаправленных гончаровских прагматиков. П. по преим. занимает сопряженный с практицизмом процесс раздвоения человека, утраты им нравств. культуры, моральных устоев. Демонстрация об-ва, забывшего думать о «мировых идеях», «любви», «славе», поставившего на место животворных этич. идеалов губительного «идола» — комфорт (Собр. соч., т. 3, 1959, с. 135—36), переживается П. как исполненное трагизма историч. повестие. Симпатизируя тем, кто наперекор утилитарист. стихии продолжает исповедовать «непрактичные» принципы чести, П. стремится воплотить нравств. норму в «положит.» жен. образе. Коллизией «поэтич.» героини и «прозач.» героя определяется вся идейная композиция романа, подводящая к общему выводу: как бы ни были важны для об-ва деловитость и энергичность, прогресс не должен и не может основываться на регрессе личности.

За иск-рым исключением критика воспринял роман как значит. лит. явление (Е. Н. Эдельсон — РЛ, 1859, № 1; М. Ф. Де-Пуле — РусБ, 1859, № 2). У Аппенкова осн. интерес вызвал «замечат.» тип «поддельного гос. человека», пытающегося встать в ряды распорядителей жизни, но не имеющего на то основания по «бедности и моральному ничтожеству своей натуры» («Атеней», 1859, № 2, с. 242—66). Н. Д. Ахшарумов, констатируя не побеждаемую самобытность дарования П. его связь с «реальной школой», отметил как следствие этого наличие в ром. прямой «тенденции», сказывающейся в одностороннем (акцент на «вине» об-ва) решении вопроса о взаимоотношении личности и среды (Вестн. Лит. сб. на 1859 г., СПб., 1859, с. 334, 337, 340). Резко отозвался Добролюбов: «обществе. сторона» романа «насылила пригнана к заранее сочиненной идее» (VI, 98). Писарев, напротив, поставил ром. «положительно выше всех произведений нашей новейшей лит-ры» (I, 230). Среди писат. мнений, как правило сочувственных (А. Н. Плещеев: «Сколько правды... Здесь

характеры есть» — в сб.: Ф. М. Достоевский. Мат-лы и иссл., Л., 1935, с. 441), подчеркнутым скепсом выделяется суждение (о первых 2 частях) Ф. М. Достоевского: «эпопея... посредственность» (Достоевский, XXVIII, кн. I, с. 312).

Драма (иногда определявшаяся П. и как «трагедия») «Горькая судьбина» напрямую связана с «Очерками из крест. быта» (о жизненно-реальной стороне произв. — см.: Милонов И. В., «Две чухломские драмы, основа „Горькой судьбины“» — РС, 1889, т. 64). Центр персонажа пьесы — оброчный мужик, «питерщик», поставленный в экстраординарную ситуацию: его жена, обвиненная «по бедности» без собств. согласия («почесть что связанная»), вступила в связь с баринном — добрым, слабохарактерным человеком — не по «приказанию», а по любви. Беду героя заметно осложняет крепостная подневольность, о к-рой постоянно напоминают если не сам помещик, то его приближенные. По первонач. плану герой, в приступе гнева убивший «прижитого» женой ребенка, укрывался в лесу, становился разбойничьим атаманом и убивал бурмистра. Однако по совету актера А. Е. Мартынова (см.: Анненков, 506) и в соответствии с логикой характера мужика-христианина, могущего оступиться, но не способного отпасть от «божьей» правды, П. изменил финал: герой приходит с повинной, раскаиваясь и желая всем простить. Стремление предстать перед судом совести, искупить свой грех страданиями — признак той самой нравств. идеальности, к-рую так убежденно защищал П. в «Тысяче душ».

«Обаяние жизненности» и «безусловную истинность изображения» (И. Ф. Анненский) подчеркивали мн. изв. критики, театр. деятели, писатели, в т. ч. Гончаров: «Смысл и натуры пропасть: сцены между бабами, разговоры мужиков — все это так живо и верно, что лучше у него из этого быта ничего не было» (VIII, 322; о положит. роли Гончарова в ценз. судьбе пьесы см.: Никитенко, II, 100, 577); И. Тютчев (перифразировавший слова Аристофана Византийского): «Не знаешь, художник ли подражал здесь природе или природа художнику» (РА, 1875, кн. I, с. 457). Вместе с тем многочисл. отзывы о драме отличаются большим разногласием (ср.: «механич. списывание с натуры» — Салтыков-Шедрин, V, 187—98, и «поразительно верное воспроизведение жизни» — М. Л. Михайлов — РСн, 1860, № 2, с. 5). П. А. Плетнев («Отчет о четвертом присуждении награды гр. Уварова», СПб., 1860, с. 36—38), А. А. Майков оценили попытку П., не акцентировав «любимые» — «политические или сословные» обстоятельства, — поставить на первое место вопрос «человеческий» (столкновение «личного произвола с нравств. законом»), заключенный «в форму совр. обществ. отношений» (СПбВед, 1860, 23 марта; ср. с упреками К. С. Аксакова (РусБ, 1860, № 1, с. 133—34) и А. С. Хомякова в «равнодушии к героям и к самому нравству. вопросу» («Отчет...», СПб., 1860, с. 52)). Замена «дружески обществ. правн. нравств. отношений» (С. С. Дудышкин — ОЗ, 1860, № 1, с. 55—57) вызвала особо резкую реакцию «Соввр.», к-рый откатил пьесу в «высоком и общем значении», а лл. герою — в правде представлять «характеристич. нар. тип», «сильную натуру» (Добролюбов, VI, 335—36). Для Г. А. Кушелева-Безродко драма П. о нравств. вреде «крепостного права как в среде самих крестьян, так и в среде

помещиков» (РСн, 1860, № 11, с. 3) стала предметом ожидавшихся крест. реформы. П. Е. Басистов, уделивший внимание психологич. стороне коллизии («противодействие» чувства долга), также сделал итоговый акцент на «неудобствах ... крепостного состояния» («Современность и экономич. листок», 1860, № 1, 29 янв., с. 19—20). Из критиков последующего времени общества. смысл «Горькой судьбины» — при всей ее нравственно-психологич. направленности — выявляли И. И. Иванов (МБ, 1896, № 11, с. 138—45) и — особенно тщательно — Анненский, считавший, что П. «написал чисто социальную драму и в то же время без всякой тенденции» (Избр. произв., Л., 1988, с. 432 и др.).

Писат. известность П. дополнялась славой замечат. чтеца. «Это было не чтение, а высокая сценич. игра; каждое лицо выходило как живое, с своим тоном, с своим жестом, с своей индивидуальностью. Художеств. наслаждение было полное...» (Горбунов И. Ф., Из моего дневника.

А. Ф. Писемский.
Карикатура А. И. Лебедева. 1860-е гг.

1855 год. — НВ, 1881, 8 февр., с. 3; ср. Анненков, с. 489). П. обладал незаурядными актер. способностями; охотно играл гоголевских и собств. персонажей (Подколесина «лучше истолковал... чем сам Щепкин» — Алмазов, с. 455) в любит. спектаклях (о нек-рых из них см.: МВед, 1863, 31 июля, с. 3; Письма, с. 659—660). П. пользовался также репутацией оригинального (начиная с костюм. говорка — Боборыкин, I, 200), занимат. собеседника, неистощимого рассказчика «уморительных» историй о личных встречах с разными людьми: «Подобных анекдотов были у него целые корабы, и в каждом из них... комич. тип. Многие из этих типов были им обработаны позднее и попали в его сочинения» (Анненков, с. 489).

Нецеремонно-прямой — с привычным дразнящей нарочитости — в своем пристрастии идти «против течений» (самооценочная формула Н. С. Лескова), П. мог чувствительно

задевать не только «консерваторов», но и «прогрессистов», что первоначально воспринималось последними как парадоксы «знаменитости». «... До нач. 60-х годов Писемский считался, несомненно, либеральным беллетристом, с заветами Гоголя, изобразителем всех темных сторон „николаевщины“» (Боборыкин, I, 198), однако к нач. 60-х гг. возможность размолвки с радикальной оппозицией переросла в неизбежность. Ревнитель здравого смысла и нап. чувства как «коренных и любимых понятий народа» (Собр. соч., т. 5, 1959, с. 470), П. не смог уверовать в инициированные, с его т. з., «чужой» (т. е. западноевроп.) мыслью преобразовательско-«гражданские» теории «новых людей». Многое не принимая в тогдашней России, искренне желая ее обновления, П. скептически относился и к самим обновителям, не отказываясь, впрочем, заявить участие в трагич. судьбе нек-рых из них (подпись 15 сент. 1861 под коллективным письмом-протестом против ареста М. Л. Михайлова). В фельетонах (1861) от лица «стат. сов. Салатушки» П. язвительно прошелся по верхоглядным, нахватавшимся «с ветру» мнениям радикальной молодежи, по моде на воскресные школы, эмансипированности жен сановников, «начальническому» общительству М. Е. Салтыкова-Щедрина; в довольно грубой форме коснулся моральных качеств и интимной жизни «свободолюбившего» И. И. Панаева и его «друга» Н. А. Некрасова (БдЧ, т. 164). Под др. сатирич. маской — «старая фельетонная клыча Никита Безрылов» — П. в дек. напечатал новый фельетон на те же «сюжеты» (БдЧ, 1861, т. 168). Стилизованные под гаерский, «пошлый» тон расхожего, «истасканного» фельетониста «безрыловские» заметки, касавшиеся весьма почитаемых современниками вещей, отдававшие при этом нек-рой двусмысленностью (осмеивались то ли вульгаризация передовых начинаний, то ли сами начинания; к тому же маска Никиты Безрылова выглядела менее объективированной, нежели таковая Салатушки), на этот раз вызвали резкие протесты.

Обозреватель «Св. чтецы» назвал фельетон «безобразным», исповедным «благанатом тупицы», «тупой враждой к нек-рым утешит. явлениям рус. жизни» (СП, 1862, 24 янв., с. 89—90). Г. З. Елисеев в «Искре» (1862, № 5) адресовал свои инвективы («бесцеремонная наглость», «гнусный смех», «тупоумное невежество») не «безрыловской» маске, а самому П., к-рый не оправдал «надежд» передовых людей: «талант, употребляющий свои силы на разрушение (обществ. дела), достоин полного презрения» (с. 71). П. объявлялся обскурантом наподобие В. И. Аскоченского. (Ответ П. от имени своего и Никиты Безрылова см. — БдЧ, 1862, т. 169.) Заявление «Рус. мира» (1862, 10 февр.; см. также: 1862, 17 марта) об участии рада филет. изданий в подготовке «лит. протеста» против «Искры» решительно дезавуировало «Соввр.», руководство к-рого одобрило ст. «Искры» («Рус.

мира», 1862, 17 февр.: «Искра», 1862, 16 февр.) и выразило, т. о., безоговорочное осуждение П. В состоянии полемич. возбуждения П. позволил себе оставить резкую фразу в «Пестрые заметки» Бобрыкина (см. Бобрыкин, I, 278) о «не совсем благородной натуре» «Искры» (БаЧ, 1862, т. 169, с. 146—47). В. С. Курочкин и Н. А. Степанов направили П. ультимативное письмо (от 17 марта 1862; текст см.: ИВ, 1862, № 5, с. 322), фактически содержавшее вызов на дуэль, отклоненный П.: «В нашем журнале ... лично про меня напечатано было столько ругательств, что я считаю себя вправе отвечать вам в моем журнале, насколько уж не церемонюсь... предоставляю вам бедаться со мною судебным порядком» (там же).

«Безрыболовская» история потрясла П., к-рый не смог освободиться от душевной смуты до конца дней, что заметно сказалось на мн. его произв., предопределив их пафлетные интонации. Отрицательно повлиял инцидент и на здоровье П.: врожденная мнительность начала принимать болезненные формы, ставившие источником непереносимой тревоги по поводу воображаемых несчастий или собств. близкой кончины («А Писемский что при мне умирает! (Раз сорок!)... Какие страдания!... Отдохнуть с чувством над ним я читал... а он диктовал завещание» — Алмазов Б. Н., Соч., т. 2, М., 1892, с. 320; один из случаев такого «умирания» позже запечатлел Лесков — VI, 641—43).

В 1862 П. несколько месяцев провёл за границей (Дрезден, Лондон, Париж; П. выезжал за границу также в 1874 и 1875). В надежде на моральную поддержку в своей тяжбе с демократами-«желчевиками» добился (июнь 1862) свидания с А. И. Герценом, к-рый, однако, оценивая полемич. выступления П. как «дурные вещи в самом гадком смысле и направлении», имел с ним «сильно неприятные объяснения» (Герцен, т. XXVII, кн. I, 235, 241). В памфлете «Ввоз нечистот в Лондон» («Колокол», 1863, 15 дек.) он, представив этот визит как заведомо искаженный, публично осудил общественно-лит. позицию П., опублик. к этому времени ром. «Взбаламученное море» (РВ, 1863, № 3—8; отд. изд. — т. 1—3, М., 1863).

Задуманный как широкое эпич. повествование о совр. истории страны («захватывает всю почти нашу матушку Русь» — Письма, с. 151) роман трансформировался в «картину нравов нашего времени», в к-рой если и «не отразилась вся Россия, то зато тщательно собрана вся ее ложь» (ПСС, т. 10, 1895, с. 288). Проблемно-тематич. основа произв. — глубокий кризис рус. об-ва сер. века, вызванный, по мнению П., фальшью в жизн. укладе «отцов», в т. ч. и либеральным «фанфаронством» дворян. интеллигенции. Особый скепсис П., испытывавшего серьезные сомнения в эффективности крест. реформы (он был «совершенно свободен от розовых надежд ... на освобождение» — Анненков, с. 497) с ее по преим. «фискальными», а не нравств. ориентирами, порождался осознанием реальных трудностей перехода правовой крепостной «души» в личность. Желание демократов-«детей» тотчас радикально перестроить весь существующий порядок изображается как нечто несерьезное, граница-

щее с небезвредной игрой. Претендуя на роль целителей об-ва, они, в понимании П., лишь усугубляют тяжесть ситуации своими ложными, «шарлатанскими» методами, их идеология наносна, практика беспочвенна. Не отделяя существенное от второстепенного, П. характеризует все движение радикалов-шестидесятников как игнорирующее естеств. ход вещей и «нашу главную нар. силу — здравый смысл» (ПСС, т. 10, 1895, с. 288), как «псевдо-революцию» (Письма, с. 164). Шаржированное изображение «детей», выпады против «властителей дум» — Герцена, Н. П. Огарёва, Чернышевского («лондонские» сцены, образ Проскриптического) сближают «Взбаламученное море» с т. н. антиинглистич. романом «Некуда» Лескова, «Марево» В. П. Ключникова и др.).

Откровенная тенденциозность («я надеюсь дать революц. направление... шельчок» — Письма, с. 160) определила преим. отрицат. отношение к «фельетонному» («Голос», 1863, 29 нояб.) роману: предвзятость, «смелоту взгляда», «безудельность» констатируют «День» (1864, 1, 8, 15 авг.), «Сын отечества» (1863, 19, 20 нояб.), «Одес. вест.» (1865, 8 июля), одновременно пеня автору за недооценку «людей 40-х годов» (ОЗ, 1863, № 12; «Жорж», 1863, 24 авг., 14 сент.). С «ложной установкой» дать «именно объяснение, а не беспристрастное воспроизведение или уяснение» эпохи и деятелей 60-х гг. связал все «ошибки» произв. соратник П. по журналу Эзельсон (БаЧ, 1863, т. 168). В итоге, по его мнению, роман потерял «нсоотразимость» правды и приобрел весьма «условное значение памфлета», легко уязвимою в своей публицистичности, заведомой «односторонности» (там же, с. 13, 19). Эту уязвимость сполна использовала реал-демократич. журналистика, подвергнув «обличит.» позицию «взбаламуч. романиста» с его «жалкими шутками» вместо подлинных «инглистов» (В. А. Зайцев — РСЛ, 1863, № 10, с. 39, 42) беспощадному осуждению (Елисеев — «Искра», 1863, № 40; Салтыков-Щедрин — «Совр.», 1863, № 12, 1864, № 3; Писарев — РСЛ, 1864, № 2, 1865, № 6, 9). М. А. Антонович, заявив об отсутствии всякой «художественности» («Совр.», 1864, № 4, с. 216), возвел «тенденциозность» романа к «безрыболовской» местности, антиинглистич. природу этой тенденциозности — к тургеневским «Отцам и детям», общий идеологич. импульс — к излияниям М. Н. Каткова. Автор «не понимает будущего» — в этом основная причина его кризиса (Писарев — РСЛ, 1865, № 3, с. 10—11). Тургеневский круг, проявлявший значит. интерес к роману («отличная вещь!», «чрезвычайно нравится» — о начале романа — Тургенев, Письма, V, 135, 137; см. также с. 159, 587), находил ряд упреков автору неправомерными (П. В. Анненков — СПбВед, 1863, 9 нояб.).

Незادолго до публикации романа измученный полемикой П. решил поврать с опустылевшим Петербургом, отказаться от «Б-ки для чтения» и даже от участия в делах Лит. фонда, одним из учредителей к-рого являлся. 31 янв. 1863 он выехал в Москву (остановился по прибытии в Гагаринском пер., затем проживал на Новой Басманной ул. и в Нащокинском пер. у Сивцева Вражка, а с сер. 1865 и до кон. дней — в собств. доме № 7 близ Поварской ул. в Борисоглебском пер.). Возглавил беллетристич. отд. «Рус. вестника» по приглашению Каткова, альянс с к-рым (не имевший, однако, прочных основа-

ний и распавшийся «к обоюдному удовольствию» уже летом 1864 — Письма, с. 203 и 170) окончательно уронил П. в глазах демокр. читателя. Отражая мнение последнего, Н. А. Белоголовый в письме к брату (кон. 1868 — нач. 1869) не колеблясь относит П. к числу «скандальных» писателей (РГБ, ф. 22, к. 3, № 139, л. 7).

Первонач. замысел цикла «Русские лгуны» (ОЗ, 1865, № 1, 2, 4), включавший 8 «серий» (в т. ч. «тонкие эстетик», «катковисты», «народолюб», «герценисты»), был ограничен — по-видимому, из-за некрого отхода от прежних полемич. настроений — разработкой лишь «простейших», политически менее злободневных типов «лгунов» — «невинных вралей», «сентименталов», «марлинистов» (примечательн и отказ П. от начатых в 1864 тенденционных очерков о «свищах» — см.: «Из начала новых очерков: „Свищи“» — Лит. архив, в. 6, М.—Л., 1961, с. 19—21). Одновременно П. усиленно работал над драматич. произв.: «Былые соколы» (ВТ, 1868, № 9; Харьк. Большой т-р, 1876, 28 сент.; Общедоступный частный т-р в Москве, 1876, 29 сент.; рец.: МВед, 1876, 19 окт., см. также — РВед, 1876, 21 окт.; иная т. з. на эту «капитальную» пьесу — с учетом первонач. ред. — «Театр. газ.», 1876, 3 окт.; НВ, 1876, 9 и 30 окт.), «Самодуряц» (первонач. назв. — «Екатерининские орлы»; ВТ, 1867, № 2; отд. изд. — СПб., 1868; Малый т-р, 1866, 17 янв.), «Поручик Гладков» (ВТ, 1867, № 3), «Милославские и Нарышкины» (опубл. — Соч., т. 20, 1886). Написанные на ист. сюжеты (кроме «Бойцов и выжидателей» и «Птенцов последнего слета», обе опубл. — Соч., т. 20, 1886) драмы П. подводили к выводу о том, что мн. «тени прошлого» (деспотизм, помешичий и чиновничий произвол, фаворитизм и интриганство) продолжают существовать, несмотря на реформы. Злободневность пьес (обусловившая трудную ценз. судьбу мн. из них) особенно остро воспринималась на фоне усиления реакции, к-рое вызывало у П. внутри. протест: «такая гадость стала, что гораздо хуже прежнего» (Письма, с. 179). Элементы схематичности в построении образов и развитии действия, избыточность и прямолинейность обращений к печатным источникам — ист. монографиям и статьям (напр., в «Поручике Гладкове») — стали причиной неудачи П. на Уваров. конкурсах (1866, 1868), а также поводом для язвит. пародии Ивана Маслова [П. А. Ефремова] «Старец Пафнутий» («Искра», 1867, № 16).

Ром. «о постепенном развитии» «обыкновенного» человека (Письма, с. 42), сформиров. «замечат. десяти-

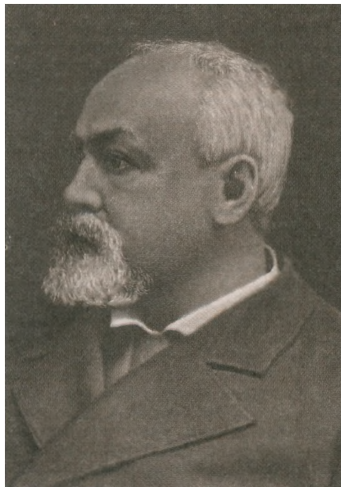
летием», — «Люди сороковых годов» («Заря», 1869, № 1—9; отд. изд. — СПб., 1869), продолжая спор с шестидесятиниками, вместе с тем свидетельствует о «смягчении» прежнего «антинигилистич.» пафоса, а также стремлении подладиться («попеться» — Письма, с. 234) под неославянофил. направление «Зари» (отклики в целом неодобрительные: «бессилие» перед задачей, заявленной «широковещат. заглавием», — Н. В. Шелгунов, «Дело», 1869, № 9, с. 9; отступничество «от своего идеала гуманности» — М. К. Цебрикова, ОЗ, 1870, № 2, с. 228; «беллетристич. вздор» — СПбВед, 1869, 2 мая; см. также 18 окт.). Небесспорный в плане идейно-худож. значимости, роман представляет несомненный автобиографич. интерес, являясь дополнит., а то и единств. источником сведений о фактах жизни П. (в особенности духовной), что засвидетельствовано писателем (см. отсылки к соответствующим страницам ром. «Люди сороковых годов» в автобиографии П. — ПСС, т. 1, 1895, с. ССXXII, ССXXIV; см. также признание в письме к В. Дерели от 14 окт. 1878 — Письма, с. 391).

В понимании идеалов, к-рые «живут в русском народе» (Письма, с. 234), П., делая акцент на здравомумии и влечении к бессословности, «хоровому» государству (Собр. соч., т. 5, 1959, с. 469—70), продолжает расходиться с «мужичьими демократами», однако самый тон его полемики к нач. 1870-х гг. заметно приглушается. По-прежнему видя в революционерах силу искусственную, без глубоких почвенных корней, а потому и обреченную на неудачу, писатель склонен теперь отдавать должное честности их помыслов. Образ Елены Жиглиной из ром. «В водовороте» («Беседа», 1871, № 1—6; отд. изд. — М., 1872), явно «возвращающий» читателя к «нигилистам» «Взбаламученного моря» (Елена Базелейн), разработан П. (сохраняющим принципиальную оппозицию к вероучению «новых людей») без заведомого обличительства, без карикатуры. Увлекающиеся утопич. формами жизнеустройства, превеличивающие преобразование. возможности совр. им об-ва, «нигилисты», однако, правомерно, с его т. з., ставят вопрос о пороках и изъянах старого миропорядка.

Если «С.-Петерб. вед.» отмахнулись от романа как от очердной «нескладницы» (1871, 24 июля, см. также 6 марта), то «Рус. мир» расценил его как несомненный шаг вперед против «Людей сороковых годов» (1871, 18 сент.), а «Голос» поставил в один ряд с «лучшими» произв. П. «прежнего времени» (1871, 30 июля). Высоко оценили роман Толстой (LXI, 273) и Лесков, к-рый писал П.: «Помимо мастерства, Вы никогда не достигали такой силы в работе. Это все из матерой бронзы, этому всему века не будет» (X, 300; см. также с. 320). Поклонник «ученики» (там же, с. 341—42) и одновременно оппонент учителя-скептика, сознательно проти-

вопоставивший его не-героям череду «православных» (там же, VI, 641—43), Лесков питал к П. «неизменное расположение», отдавая должное «громадности ума, знанию России, сочности таланта» (Лесков А. Жизнь Николая Лескова..., т. 1, М., 1984, с. 357; зарисовку, передающую живой колорит писат. и личност. личности П., см.: Лесков, VII, 432—33).

В 1865 П. едет в Петербург хлопотать по лит. и служебным делам (20 окт. того же года причисляется к Мин-ву внутр. дел, с апр. 1866 — и. д. советника Моск. губ. правления, с дек. 1868 — старший советник; в 1869—72 неоднократно исправлял должность моск. вице-губернатора; 17 июня 1872 окончательно вышел в отставку в скромном чине надв. сов.). Небольшое наследство от родной тетки вместе с казенным жалованьем и неплохим лит. заработком упрочило материальное положение семьи

А. Ф. Писемский. Кон. 1870-х гг.

(Письма, с. 210). Писемские, быт к-рых был близок укладу барского дома средней руки, жили в 70-е гг. довольно гостеприимно: их навещали Островский, Алмазов, С. А. Усов, М. Н. Лопатин, Вл. С. Соловьев и др., а по средам составлялось немалочисл. лит.-артистич. об-во. (П. был близко знаком со мн. изв. актерами: П. М. Садовским, П. А. Стрепетовой и др.; с сер. 60-х гг. он — активный участник Артистич. кружка, а с 1879 — почетный член его.)

Ведущей темой творчества П. в последнее десятилетие жизни стало пришествие буржуа-«чумазого». В пьесах «Подкопы» («Хищники») («Гражданин», 1873, № 7—10; отд. изд. — СПб., 1873; ценз. запрет на пост. — до 1905), «Вал» (РВ, 1873, № 4; отд. изд. — М., 1873; Александрин. т-р, 1873, 12 окт.), «Просвещенное время» (РВ, 1875, № 1; Малый т-р, 1875, 30 янв.), «Финансовый гений» (ГазГ, 1876, № 3—4; отд. изд. — М., 1876; СПб., 1876; Малый т-р, 1876, 30 янв.), в ром.

«Мещане» («Пчела», 1877, № 18—49; отд. изд. — СПб., 1878) П. выводит целую галерею новых «героев времени» — дельцов, одержимых исключительно денежными интересами. Рассматривая проблему, П. преим. (в отличие от Салтыкова-Щедрина) делает акцент на этич. аспекте — личной нравств. ущербности «чумазого», ни во что не ставящего моральные ценности, «бессмертные идеи». Отсюда и морализат. доминанта позитивной программы — призыв к нравств. очищению, возрождению духа «рыцарства» и прямо связанный с ней тип положит. героя (в ром. «Мещане», лучшим произв. П. на эту тему) — чуждого меркантильности, утонченно-возвыш., но бездеят. «б а р и н а»-идеалиста (см. Письма, с. 347).

Герой-«рыцарь» вызвал скептит. отношение «Отеч. зап.» (Н. К. Михайловский — 1878, № 5, 151—52). В целом сочувств. были отклики «Рус. мира» (1877, 14 авг.), «Совр. известий» (1877, 18 марта) и «Нов. времени»: «Картина... пестрая, яркая, набросанная грубой и даже нерешливой кистью, но тем не менее все-таки картина, дышавшая жизнью, натурой и талантом» (В. П. Буренин — НВ, 1878, 24 марта). Положит. оценили «Мещан» Анненков (в письме П. от 9 июня 1878 — «Новь», 1888, № 20, с. 205) и Тургенев, назвавший П. несомненным «мастером», хотя и несколько «усталым» (Тургенев. Письма, XII, 316). Пьесы же с их памфлетно-публицистич. заострениями были встречены прохладно (Анненков, 488—89; М. К. Цебрикова — «Неделя», 1873, № 41—42; П. Д. Боборыкин — «Слово», 1878, № 9—10, с. 120—24; (В. В. Чуйко) — «Голос», 1875, 6 февр.; ср. положит. отзывы А. В. Никитенко и Гончарова — Письма, с. 700—02, 724—26).

В последнем ром. «Масоны» («Огонек», 1880, № 1—6, 8—43; отд. изд. — т. 1—2, СПб., 1880—81; отзывы, 1881: «в романе ни эпохи, ни масонства, ни характеров», ОЗ, № 1, с. 79; более доброжелат. оценки: ВЕ, № 2, с. 881—91; РВ, № 1, с. 438—465; «Русь», 7 февр.) П., охваченный сомнениями в способности «нынешнего племени» обеспечить социальный прогресс, снова — только уже на ист. мат-ле (идеализируемой им эпохи 1830-х гг.) — произносит взволнов. слово в пользу высших нравств. ценностей человец. жизни. Роман, отразивший идейную умеренность автора, заключал в себе вместе с тем и сильные, социально значимые мотивы, созвучные активным этич. исканиям рус. лит-ры 1870—1880-х гг. Ряд образов произв. подтверждал репутацию П. как мастера «лит. рисунка», обнаруживал «все признаки большого и далеко не угасшего таланта» (Анненков, с. 512). Одновременно «Масоны» в качестве финального творч. аккорда весьма ощутимо обозначили связь программно-демонстративного — особенно в ранних произв. — скептицизма П. с заветами рус. идеализма.

19 янв. 1875 ОЛРС чествовало П. в связи с 25-летием его лит. деятельности (см. за 1875: «Голос», 23 янв.; СПбВед, 23 янв.; РА, кн. I, с. 453—

467, речь Алмазова). Отвечая на приветствия (среди поздравивших П. — Гончаров, Тургенев, Достоевский, А. Майков, Я. П. Полонский, Н. И. Костомаров, О. Ф. Миллер, В. В. Самойлов, П. А. Каратыгин, М. Г. Савина и др. — ИРЛИ, ф. 232, № 39, л. 18—32; см. также: Письма, с. 717—18), юбилар подчеркнул: «Сознавая всю слабость и недостаточность моих трудов, я считаю себя вправе сказать только то, что я никогда в них не становился ни под чье чужое знамя... писал то, что думал и чувствовал... во всех трудах моих было желание сказать стране моей ... может быть несколько и суровую, но все-таки правду про нее самое...» (МВед, 1875, 21 янв.). Чествование лишь на короткое время приободрило П.: угнетали предубежденное, как и прежде, отношение критики, прогрессировавший недуг (ипохондрия), усугублявшийся возраставшей слабостью к вину. «Истомился», «устал», жаловался П.: «ведь я, шутка сказать, уже восемьсот лиц вывел в своих романах и повестях, и все дрянная каку!» (В. Г. Авсеенко — МВед, 1881, 26 янв.). После необъяснимого (предположения А. Майкова см.: Письма, с. 581—86) самоубийства в Петербурге сына Николая (1852—1874), многообещавшего выпускника Моск. ун-та, П. охватило чувство полнейшей безысходности: «... я действительно устал писать, а еще более того жить» (Письма, с. 385). С помощью близких П. удавалось на время преодолевать душевную депрессию, продолжать лит. занятия: осенью 1880 работает над начатой в сер. 1876 драмой «Старые счета» (неоконч.; фрагменты были прочитаны Н. И. Стороженко на заседании ОЛРС, посв. памяти Достоевского и П. 31 янв. 1882, — «Совр. известия», 1882, 2 февр.; под назв. «Семейный омут» опубли. в кн.: Соч., 1886, т. 20); одновременно пишет 3-ю редакцию рассказа (незаверш.) «Зенаида Семеновна Грудина» (наброски см.: Письма, с. 559—569). Летом 1880 принял участие в пушкинских торжествах; 7 июня в ОЛРС произнес речь о А. С. Пушкине как ист. романисте (текст не сохранился; см. о ней: Письма, с. 803—04; Ф. Б. Улгачев), Венюк на память Пушкину, СПб., 1880, с. 52). «Неожиданное и невыносимое горе» — душевная болезнь в 1880 сына Павла (1850—1910), одаренного ученого-юриста, доцента Моск. ун-та, окончательно «сломило» П. Один из очередных приступов ипохондрии свел его в могилу. Похороны П. были немногочисленными («Рус. курьер», 1881, 25 янв.; описание могилы — РВед, 1895, 26 сент., с. 3).

«... Историч. великорус. мужик, прошедший через ун-т, усвоивший себе общечеловеч. цивилизацию и

сохранивший многое, что отличало его до этого посвящения в европ. науку» (Анненков, с. 486) — здесь ключ к феномену П. В числе «многого» — недоверчиво-скептит. пригляд бывалых простолюдинов, здравый смысл выучеников реальной практики, нац. инстинкт (не доктрина!) человека почвы, «русака» (Письма, с. 80). Отмеченные мыслечувствования получили в творчестве П. значение программных установок, символов веры, определив характерные идейные («неповторство ни вправо, ни влево», БдЧ, 1862, т. 169, с. 111) и эстетич. приоритеты, обусловившие в свою очередь своеобразие содержания и формы его произв. У П. мало места иллюзиям и вере на слово, у него верховенствует — вызывая неизменное желание копнуть поглубже, добраться до потайных, изнаночных сторон всего, что претендует на исключительность, — грубовато-земная «правда-матка». Доведенным до «крайнейшей последовательности» в своей «непосредственности», «чистым» — без «идеализма» Тургенева и «сентиментального натурализма» Достоевского — «отрицательным» реализмом называл эту установку Ап. Григорьев («Светоч», 1861, кн. 4, с. 8—22). Негативизм, не покрывавший, впрочем, всех творч. стремлений П. (от ранних произв. до «Масонов» не прекращен поиск положит. начал рус. действительности), отразил, в частности, представления П. об аномалиях совр. жизни, несовершенстве человека, обнажил его внутр. тоску по идеалу. Видимая «безыдеальность» созданий П. заметно сближает его манеру с натурализмом (что отмечал еще Салтыков-Щедрин — В, 184—185, 196—97). Не препятствует этому сближению и декларирование принципа «объективной», «непосредственной» рисовки, а также особый эмпиризм художеств. мысли, ее теоретико-философская «неискусшенность». Произв. П. не знают идеологич. насыщенности, свойственной ром. Достоевского или Толстого. Проблемы бытия предстают у П. первоначально «обмирщенными», неэкстрагированными из вещно-материальной конкретности. За некими исключениями, он не «замечает» освещенных лит. традицией обобщений-символов, не прибегает к реминисценциям и «цитатам» знакомых образов и мотивов. Круг т. н. лит. источников его соч. заметно сужен; доминирует реальность в ее самостоятельном, свободном — без оглядки на старые и новые догматы цивилизации — разумении. В системе изобразительных средств преобладают «формы жизни»; художеств. условность не выходит за пределы жизнеподобия, допуская гиперболизацию, карикатурность, но избегая гро-

тесковой деформации, фантастики. «Натуралистич.» реалист П. здесь необыкновенно последователен.

Выбранный в качестве универсального мировоззренч. принципа, «здравый смысл» не мог стать достаточной идейно-филос. почвой творчества П. Это обстоятельство более других помешало П. занять в лит-ре место, соответствующее масштабу его таланта (ср.: Ап. Григорьев — «Москв.», 1853, № 1, с. 27). За всем тем искусство реализма обязано П. одной из своих интереснейших страниц, с предельной достоверностью запечатлевшей рус. действительную, до- и пореформ. десятилетия. Неоспоримы языковое мастерство писателя, приемы и формы его колоритной словописи. «Профессором лит. рисунка» называл П. Тургенев (Письма, III, 109). «Это большой, большой талант», убежденно говорил о нем А. П. Чехов (Чехов, Письма, V, 204).

Изд.: Соч., т. 1—4, СПб., 1861—67; Комедии, драмы и трагедии, к. 1—2, М., 1874; Соч., т. 1—20, СПб.—М., 1883—86; Полн. собр. соч., 2-е изд., т. 1—24, СПб.—М., 1895—96 (вступ. ст. В. Зелинского); Полн. собр. соч., изд. 3-е, т. 1—8, СПб., 1910—11; Избр. произв., Л.—М., 1932 (вступ. ст. П. Н. Беркова и М. К. Клемана; библи. ук. произв. П.); Соч., т. 1—3, М., 1956; Письма, М., 1959 (вступ. ст. М. П. Еремина); Собр. соч., т. 1—9, М., 1959 (вступ. ст. М. П. Еремина); Собр. соч., т. 1—5, М., 1982—84 (вступ. ст. К. И. Тюнькина).

Письма, М.—Л., 1936 (подгот. текста и комм. М. К. Клемана и А. П. Могиланского); М.—Л., 1936; Письма к Н. С. Лескову и П. А. Стрепетовой — «Уч. зап. Азерб. пед. ин-та рус. яз. и лит-ры», 1957, в. 2, с. 84—85; Письма (47) к И. С. Тургеневу — ЛН, т. 73, кн. 2, 1964, с. 125—94 (предисл. и публ. Ива Мийне; вступ. ст. К. И. Тюнькина).

Биогр. мат-лы: [Автобиография] — РХЛ, 1859, № 14, с. 43—44; то же в кн.: Писемский А. Ф., Избр. произв., Л.—М., 1932, с. 23—24; «Новь», 1889, № 5, с. 2—8; то же в кн.: Писемский А. Ф., Полн. собр. соч., СПб.—М., 1895, т. 1 (частично в кн.: Избр. произв., с. 24—26); Писемский А. Ф., Собр. соч., т. 9, М., 1959; Алмазов Б. Н., П. и его двадцатипятилетняя лит. деятельность. — РА, 1875, кн. 1, с. 453—67; Курнатов Н., (К биогр. П.) — «Совр. изв.», 1881, 10 нояб.; Сибирийский казак (Черепанов С. И.), (К биогр. П.) — Там же, с. 4; Н. — 29, Три новых утраты. — «Страна», 1881, 29 янв.; Анисимов П. В., Художник и простой человек. Из восп. о П. — ВЕ, 1882, № 4; Венгеров С. А., А. Ф. Писемский, СПб., 1884; Мартынов П., Три встречи. — ИВ, 1885, № 11; Максимов С. В., Лит. экспедиция (По арх. документам). — РМ, 1890, № 2; Скабичевский А. М., А. Ф. Писемский, его жизнь и лит. деятельность, СПб., 1894 (ЖЗЛ); К. А. А. Ф. Писемский (Из дневника лит. знакомств). — РО, 1894, № 6; Вейнберг П. И., Лит. спектакли (Из моих восп.). — ЕНТ, 1893—94, Прил., кн. 3, СПб., [1895], с. 96—108; Русаков В. (Либрович С. Ф.), Граф А. К. Толстой и П. (Из лит. восп.). — Изв. книж. магазина т-ва М. О. Вольф, СПб., 1900, № 12; Боборыкин П. Д., За полсека. — МГ, 1908, № 4, 11; Виноградов Н., Мелочи для биографии П. и А. А. Потехина. — ИзвОЯС, 1908, т. XIII, кн. 3; его же, А. Ф. Писемский (Мат-лы для его биографии и выяснения процесса творчества). — Там же, 1916, т. XXI, кн. 2; Татищев Ю. В., Татищевы и Писемский. — В кн.: Сб-к статей, посв. Л. М. Савелову, М., 1915; Могиланский А. Н., Новые документы о П. — «Ленингр. правда», 1946, 6 апр. (дата рожд. П. — 11 марта 1821); его же, Писемский. Жизнь и творчество, Л., 1991 (дата рожд. П. —

10 марта 1821): Чичерин А. П. и старая Кострома. — В кн.: Костромской альманах, Кострома, 1946, с. 192—202; Касторский В. П. и Костромский край. — В кн.: Кострома. Лит. сб., № 8, Кострома, 1956, с. 233—41; Панасова, с. 162—64; Артамонов М. Д. Об одной ошибке краеведов (к биографии П.). — РЛ, 1973, № 2; Плеханов С., Писемский, М., 1986 (ЖЗЛ); Григорьевич, с. 122—23, 138—139; Кони А. Ф., Восп. о писателях, М., 1989, с. 180—86; Манькова Л., Жизнь и восп. А. Бренко. — В альм.: Лазурь, в. 1, М., 1989.

Лит.: Боборыкин П. Д., Островский и его сверстники. — «Слово», 1878, № 9/10; Иванов И. И., Писемский — МБ, 1896, № 7—12; отд. изд. — СПб., 1898; Кирпичников А. И., Достоевский и П. (Опыт сравнит. характеристики). — В его кн.: Очерки по истории нов. рус. лит-ры, т. I, М., 1903; Лобов Л., Славянофильство и его лит. предвещения. Писемский. — «Славянские изв.», 1905, № 7, с. 567—575; Чеховин В. Е., А. Ф. Писемский. — В кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. III, М., 1909, с. 232—52; Измайлов А. А., А. Ф. Писемский. — ЛПН, 1909, № 11, стр. 439—72; Миллер О. Р., Рус. писатели после Гоголя, изд. 6-е, т. II, М., 1915, с. 33—76; Енин Ф. А., А. Ф. Писемский, М., 1945; Мартынов И. А., Писемский. — В кн.: История рус. лит-ры, т. VIII, ч. 1, М.—Л., 1956, с. 462—83; Козымин Б. П., П. и Герцен (К истории их взаимоотношений). — В кн.: Звенья, в. VIII, М., 1950; то же в его кн.: Лит-ра и история, М., 1969; Ермин М. П., А. Ф. Писемский, М., 1956; Лакшин В., Спор о П.-драматурге. — «Театр», 1959, № 4; Гин М. К., Собр. соч. П. — ВЛ, 1960, № 10; Оганян Н. С., К вопросу оценки творчества П. рус. лит. критикой. — «Науч. труды Ерван. ун-та», 1960, т. 70, серия филол. наук, в. 7, ч. 1; Урбан А. А., Из наблюдений над становлением реализма в творчестве П. — «Уч. зап. ЛПИИ», 1961, т. 219; его же, Материалы к изучению жизни и творчества П. — Там же, 1963, т. 245; Карташова И. В., Худож. своеобразия романов П. «Тысяча душ». — «Уч. зап. Казан. ун-та», 1963, т. 123, кн. 8; Грузинская Н. Н., Об изучении мировоззрения и методов П. в сов. лит.-ведении. — «Уч. зап. Томского ун-та», 1964, № 48; Лотман Л. М., П. — романист. — В кн.: История рус. романа, т. 2, М.—Л., 1964; Могиланский А. П., Целз. истории пьесы П. «Жищники». — РЛ, 1965, № 2; Листратова А. В., О лит.-обществ. позиции П. 60-х гг. — «Уч. зап. Иванов. пед. ин-та», 1967, т. 38; Пустовойт П. Г., П. в истории рус. романа, М., 1969 (сб. библи.); его же, Биография изучения творчества П. — РЛ, 1976, № 4; Винникова И. А., «Дым», Тургенев и П. (Еще раз о «действительности арабеска»). — Тургеневский сб., в. 6, 1969; Рошаль А. А., П. и революц. демократия, Баку, 1971; Мисляков В. А., Салтыков-Щедрин о П. — РЛ, 1971, № 4; его же, П. и рев.-демократич. критика. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, посл. и мат-лы, в. 6, Саратов, 1971; его же, П. о Гоголе. — РЛ, 1992, № 4; его же, Белинский в творч. самоопределении П. — РЛ, 1994, № 4; Малкин В. А., О лит. судьбе П. — В кн.: Вопросы лит-ры и фольклора, Воронеж, 1973; его же, П. и М. Е. Салтыков-Щедрин. — ФН, 1980, № 1; Развитие реализма в рус. лит-ре, т. 2, кн. I, М., 1973, с. 90—124; Конкин С. С., Творчество П. в критике Писарева. — В кн.: Из истории рус. и зарубежной лит-ры, Саранск, 1976; Владова З. И., А. Ф. Писемский. — В кн.: Рус. лит-ра и фольклор (первая пол. XIX в.), Л., 1976; Самочаева О. Я., Поэтика «Очерков из крестьянского быта» П., его жанровые искания. — В кн.: Жанр и композиция лит. произведения, в. 3, Калининград, 1976; Акимова В. А., Обществ.-лит. позиция П. в годы редактирования «Б-ки для чтения». — В кн.: Творч. индивидуальность и взаимосвязи литератур, Душанбе, 1977; ес же, П. и славянофилы (На мат-лы в лит. процесс, в. VI, Душанбе, 1979; Шустов А. Н., Чернышевский и П. в 1861—1862 гг. (К истории конфликта). — В кн.: Освободит. движение в России, в. 9, Саратов, 1979; Мумжисва Л. В., Полит. злободневность историч. трагедии П. «Поручик Гладков». — ФН, 1982, № 1; Манькова Л. В., Тематика и антибурж. пафос драматургии П. 1870-х гг. — ФН, 1983, № 6; ес же, Борьба рус. общественности с царской цензурой за драматургию П. (По арх.

мат-лам). — РЛ, 1986, № 2; Зельдович М. Г., Первая ст. А. Дружинина о П. — РЛ, 1987, № 2; Аннинский Л. А., Три еретики, М., 1988; Орлова С. В., Автобиограф. и типическое в образе центр. героя романов П. 1860-х гг. — В кн.: Документальное и худож. в лит. произведении, Иваново, 1994; ЛН, т. 79, с. 573—88.

Schmidt J., Turgenjew und Pismeski. — В его кн.: Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit, Bd IV (Charakterbilder aus der Zeitgenössischen Literatur), Lpz., 1875, S. 238—71 (пер.: Елена) Б(ларамберг) (Апрелева Е. И.) — ГазГ, 1875, № 42—44, 25 окт.—8 нояб.); Mrštik V., A. F. Pismeski, Praha, 1908; Backvis C., Un témoin négligé d'une grande époque: le romancier Pismeski. — Revue des études slaves, t. 32, P., 1955, p. 42—55; Brown D., Pismeski: the aesthetics of scepticism, The Hague, 1963; Moser C. A., Pismeski, A Provincial Realist, Camb., (Mass.), 1969 (сб. биогр. произв. П.; лит-ры о нем и пер. его соч. на иностр. яз.); Jenkins M., A Study of A. F. Pismeski and his Fate in Russian Literature, Ph.D. thesis, University of London, 1976; Woodhouse J., A. F. Pismeski: the making of a Russian novelist. — В кн.: Forum for Modern Language Studies, v. 20, № 1, L., 1984, p. 49—69; ес же, A Realist in a Changing Reality: A. F. Pismeski and Vzbalamuchennoye more. — В кн.: The Slavonic and East European Review, v. 64, № 4, L., 1986, p. 489—505; Scundala J., Proza powieściowca Aleksego Pismieskiego, Wrocław etc., 1988; — Некрологи, 1881: BE, № 3 [А. Н. Пынин]; ИВ, № 3; РМ, № 3; «Худож. журнал», № 2; МБВ, 26 янв. (В. Г. Ассенков); РБел, 1 февр. (П. Д. Боборыкин); «Отголоски», № 3; ПЗ, № 1; «Нива», № 9; НВ, 24 янв.; «Рус. курьер», 24 янв. (Ф. Нефедов); МТ, 24 янв.; «Каз. губ. вед.», 4 февр.; «Совр. известия», 24 янв.; ГазГ, 31 янв.; Брокгауз; Языков; Граунт; Южаковы; КЛЭ; ИДРБ; Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 507; РНБ, ф. 584; РГАЛИ, ф. 375; ИРЛИ, ф. 232, 273, оп. 2, № 238, 239 (автоб. портр. П.), ф. 274, оп. 1, № 281 (письма М. И. Семевского), оп. 3, № 178 (письма С. В. Максимова); № 183 (письма Я. П. Полонского); Р. III, оп. 1, № 1606 (рукописи), № 1610 (копии писем к разным лицам 1874—83), оп. 2, № 1059 (письмо Вл. С. Соловьева); № 3156 (письма Б. Н. Алмазова); РГИА, ф. 515, ф. 1284 (служеб. деятельность); ф. 776, 777 (целз. мат-лы).

В. А. Мисляков.

ПЛАКСИН Василий Тимофеевич [7(18).4.1795, Спасский у. Рязан. губ. — 6(18).2.1869; Петербург; похоронен на Смоленском кладб.], критик, литератор, автор учебников по теории и истории лит-ры; педагог. Сын сел. священника; вырос в доме деда, тоже священника. По окончании Рязан. дух. семинарии (1816, по сведениям РГИА — 1814) в 1817 по предложению ее ректора поступил казеннокоштным студентом в Гл. пед. ин-т (с 1819 Петерб. ут-т). В авг. 1822 в числе 30 студентов исключен Д. П. Руничем (в связи с делом профессоров) за «неблагонадежность к учительскому званию» (см.: Назарова, с. 141), что, однако, не помешало ему в сент. 1823 поступить канцеляристом в Деп. нар. просвещения; будучи «прошен» вместе с другими исключенными, в 1826 получил «права кандидата с утверждением в 10 класс» (Семевский, с. 762), что позволило ему стать педагогом. Вероятно в нач. 1827 женился на С. К. Герци; имел 3 сыновей (офицеров) и 4 дочерей.

Более 40 лет П. преподавал рус. словесность (первым введя в курс ее историю — см. там же) и рус. яз. в петерб. уч. заведениях, частных и государственных (обычно совмещая

работу в неск. учреждениях): Мор. кадет. корпус (по приглашению И. Ф. Крузенштерна) — авг. 1827—1836 и 1849—54, Арт. уч-ще — 1828—47, 2-й кадет. корпус — 1829—32, Технологич. ин-т — 1829—38, Академия Художеств — 1832—34 (см.: Назарова, с. 141), Школа гв. подпрапорщиков и кав. юнкеров — 1834—38 и 1855—60, Инженерное уч-ще — 1837—64, Уч-ще торгового мореплавания — 1846—49 и любимое уч-ще П. 1-й кадет. корпус (с 1863 — 1-я военная г-зия) — март 1835—66 (29 выпуск-ков). 27 февр. 1866 вышел в отставку в чине стар. советника.

С 1829 имя П. появляется в периодике; первоначально, вероятно, под уч.-компилятивными ст. «Вступление в историю России» и «Обозрение племен славянских и финских, вошедших в состав России» в ж-ле Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина «Детский собеседник» (1829, № 1/2 и 3/4; подготовл. и помеч. 1828 г. — см.: Лисовский Н. М., Рус. период. печать..., П., 1915). Одна из первых публикаций — проблемно-критич. ст. «Взгляд на состояние русской словесности в последнем периоде» (Лекции из истории литературы) (СО и СА, 1829, № 33, 34, 35) — посвящена романтизму как «новому лит. течению» и его значимости в истории рус. лит-ры.

Не претендуя на «глубокую ученость» и непреклонность выводов (только «взгляды»), критик-дубогат, признавая наусущность борьбы «классиков» и «романтиков», сжато излагает (с безмысл. полемикой) разл. определения эстетич. доминанты романтизма, оценивая их [опираясь на «простое размышление и на природу предмета» (№ 33, с. 411), но используя при том теоретич. суждения из «Опыта науки изящного» А. И. Галлица (1825)] и суммирует наиб. значимые для совр. рус. лит-ры: «испытать века, народности, личности» и ностроивное «от нас влияние известного периода» (т. е. ист. момента) (№ 34, с. 20); «дух таинственности» и стремление (обычно скрытое) к «религиозно-чуждесному» (№ 33, с. 404); «национальные оттенки» (№ 34, с. 20); обращение к темам и образам баснословных сказаний и Отеч. мифологии (образцы — «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина и «Красный Карбункул» В. А. Жуковского); обнажение в «обыкновенном» «тайного и сокровенного» и открытие в «отвратит. действиях» и «низких предметах» мотивов и чувств «необыкновенных, резких, по к-рым они сливаются с высокими», неожиданно пробуждая «чувство изящного, идею доблестную» (там же). Однако предпримесное (по разуму, «как к цели») стремление художника к романтизму — смешно и бесплодно, «ибо здесь предполагается свобода, совершенная свобода векового, народного и личного духа» (там же, с. 28).

Отмечая успехи романтизма, призванного выразить «нашу народность» (первоначально — в поэзии Жуковского, затем — Пушкина и Е. А. Баратынского), П. не отказывая в ряде непреходящих ценностей и его недавнему сопернику — «новойшему классицизму», представленному, по П., жанрами оды и басни (достигли «немислимого совершенства»), сатиры и комедии (в т. ч. «Горе от ума»), трагедиями В. А. Озерова и особенно — поэзией К. Н. Батюш-

кова. [Впрочем, само понятие «классицизма» (или «классического») у П. неоднозначно: то лишь др.-греч. классика и подражавшая ей рим. словесность, то и ориентированная на их поэтику, жанры и образы новоевроп. лит-ра («ново-классическая»), то и следовавшая антич. классике и европ. «классицизму» (а заодно — и европ. «идиллизму») рус. словесность — от М. В. Ломоносова до Н. М. Карамзина включительно (ср. аналогичное применение понятий В. Г. Белинским в 1840: «Пушкин, Жуковский... романтики»; «Крылов, Карамзин... — классики» — IV, 549).]

Статья вызвала двойств. отклик в дневнике В. К. Кюхельбекера: «довольно занимательны различные определения романтизма» (Кюхельбекер выписал их суммарно); «статья не без достоинств: в ней есть мысли новые, справедливые, резкие, но... много диковинок»; «системы целого вовсе нет, но есть мысли, и мысли искупают многое» (Кюхельбекер, 294, 711). Отсутствие цельности, строгой «определительности» в толкованиях и применениях понятия «романтизма», очевидно, осознавал и сам П. (их, кстати, не достигли и сильные теоретич. умы — Н. И. Надеждин, и позже — Белинский). В последующих критич. статьях 30-х гг. — рец. «Замечания на соч. А. С. Пушкина „Борис Годунов“» (СО и СА, 1831, № 24—28), проблемной ст. «О народности в изящных искусствах и преимущественно в словесности» (СО и СА, 1835, № 1, 2), обзоре «Взгляд на последние успехи рус. словесности 1833 и 1834» [в изданной совм. с Галичем кн.: Летопись факультетов, СПб., 1835; ст. полемична по отношению к осн. тезису «Лит. мечтаний» Белинского — «у нас нет литературы» (ср. его ответ: Белинский, II, 196)] — П. избегает понятий «романтизм» и «романтический» как определений высокого достоинства произведений совр. рус. лит-ры, употребляя нередко вместо них (как их синонимы) понятия «народность» и «народная поэзия».

По П., каждый «народ имеет свою личность, особенность, и только сознанием их может жить в качестве нравств. существа. И степень сознания собственной самобытности народа свидетельствует о степени нравственной его деятельности» (СО и СА, 1835, № 2, с. 104). Постичь же самобытность народа, его сердце, душу и дух позволяет в наиб. полноте искусство (ведь «разум — космополит» — там же, 1835, № 1, с. 21) и в первую очередь — «изящная словесность», способная представить все грани бытия от «грубой сущности» до «метафизических и ист. истин» (там же, 1835, № 2, с. 115;

1831, № 24, с. 223). Первыми рус. «нар. поэтами в полном смысле этого выражения могут называться только И. А. Крылов и А. С. Пушкин»; «все их предшественники, классики и романтики, писали для немногих, для высших... сословий» (там же, 1831, № 24, с. 223).

Понятие романтизм П. сохранил лишь в учебной кн. «Руководство к познанию истории литературы» (СПб., 1833) и «Руководство к изучению истории рус. литературы» (СПб., 1846). Но знаменательное название во 2-й кн. последнего периода в истории рус. лит-ры, начинающегося с Крылова, Жуковского и Пушкина, — «Период пятый. Романтическая литература или возвращение к народности» [«возвращение» — ибо она усматривается в словесности 1-го, языческого (дохристианского), и 2-го (до сер. 17 в., когда «христ. простота» сочеталась с «естественной нар. сметливостью») периодов (с. 245 и 27)].

Ранее «Руководство...» заслужило «снисходительную амнистию» язвительно-строгого в те годы критика и проф. Н. И. Надеждина — как первый, минуя «адрес-календарь» Н. И. Греча (его «Опыт»), с учебной последовательностью развернутый курс рус. словесности, хотя и с серьезными ошибками, но и с достоинствами, написанный к тому же «независимо и откровенно мыслящим автором» («Молва», 1833, № 154, 156). Историк и филолог С. В. Руссов, особо заветый уменским Карамзиным как писателем («подражатель Ж. Ж. Руссо») и историка, издал брошюру с 32 критич., подчас весьма колкими, замечаниями «Кадетские вопросы, или Разбор книги под назв. „Руководство...“» (СПб., 1834). К. А. Полевой, сдержанно оценив вступит. теоретич. часть работы и большие характеристики других лит-р (свр., нид., греч., рим. и новейшей), отменил достоинства в «познании рус. лит-ры» от Ломоносова до 20-х гг. 19 в.: верное видение «главных действователей» лит-ры, прекрасные суждения о Ломоносове, Державине, Карамзине — «бескорыстные», «с благодарной откровенностью», изумляющей «сметливостью», что позволяет книге в целом быть «хорошою» (МТ, 1834, № 2, с. 319—26).

Во 2-й работе (имевшей подзаг. «второе изд., оконченное и во мн. частях совсем переделанное») новейшей лит-ре («5-му периоду», включая 1-й т. «Мертвых душ» Н. В. Гоголя) посвящена почти половина текста (218 с. вместо прежних 12).

Молодой Вал. Н. Майков, антиславянофил в оценке допетровской культуры и поборник совр. «натуральной литературы», осудил труд преподавателя словесности (в ст. «Руководство к изучению...», составил В. Плаксин) — ОЗ, 1846, № 6): не выявил, как обещал в предисл., влияния на историю лит-ры «рус. гражданственности и нравов» и «общечеловеч. значения» рус. лит-ры в кругу лит-р др. народов (Майков, 1891, с. 370); лит-ра от Жуковского до «натуральной школы» «сжата в один период», названный в книге «романтическим», тогда как Пушкин, Лермонтов, Гоголь — представители разных «эпох рус. цивилизации»; нет «единого эстетич. взгляда» на «изящную словесность как таковую» (с. 371); это «не история рус. лит-ры, а собр. статей, более или менее относящихся к предмету» (с. 379).

Строгость оценки Майкова чрезмерна. «Руководство...» не индивидуальный ученый труд, а «учебное» по-

сobie, предназначенное для средних и негуманитарных высших уч-щ; в отборе имен и произведений, ориентированном на юношеский возраст, проявлены вкус и устойчивая иерархия нравств. и худож. ценностей (почти все, за малым исключением, стали в рус. школе 19 в. хрестоматийными) при известной идейно-эстетич. широте (ср.: Ф. И. Буслав в 1844 отклонял изучение новейших произв. в школе и средоточием гимназич. курса рус. лит-ры полагал лишь «Историю» Карамзина и прозу Пушкина); и наконец, в характеристиках творчества и анализах произв. у П. нередки и новизна, и оправданные обобщения.

К примеру: Крылов «генеральным инстинктом прямо отвергнул общий всековой предрассудок против народности и нар. яз.» в лит-ре (с. 337—338) и «соединил высшую степенность народности с мировой общностью» (с. 333); в «Капитанской дочке» Пушкина образцовое воплощение «общих законов изысканного» и вместе с тем — своеобразия пушкинского гения: «необъяснимый такт простоты, соединенный с приличием и даже благородством», «естественное знание Руси, к-рое он почерпал не из книг, а из сердца, из жизни» (с. 375); Гоголь: «его произведение обнаруживает... пренебрежение к прежним знаниям, опытом и образами, он читает только книгу природы, изучает только мир действительный», «красоты его созданий всегда новы, свежи, поразительны... он, как будто забыв историю, подобно древним, начинает новый мир искусства, вызывая его из небытия» (с. 420). Белинский, не раз походя осуждавший плаксинские «курсы» и «руководства», к собственному удивлению, признал суждение П. о Гоголе «самым замечательным и близким к истине» из всех мнений об этом писателе (1848; Х, 292).

Ист. подход П. к лит. произв. и фольклору далекого прошлого, наметившийся в раннем «Руководстве» (т. е. до выхода родоначальных в ист. направлении рус. лит.-ведч. мыслей работ М. А. Максимовича и С. П. Шеварева), явственно обозначился во 2-й книге в восприятии им древней и допетровской рус. словесности [усмотрение высокой поэзии в лирич. и эпич. фольклоре, поэтич. достоинств летописей, воинских сказаний, дидактич. словесности — светской (послания, поучения) и духовной (проповеди, «слова», духовные стихи)]. Объективно такой подход противостоял внятельному мнению Белинского — будто «Слово о полку Игореве», летописи, нар. песни и «схоластические духовные красноречия» не имеют отношения к нашей лит-ре (заявлено в «Лит. мечтаниях» в 1834; ср. также суждение Майкова о летописях и духовной лит-ре в рец. 1846 на учебник В. И. Асоченского).

Историзмом отмечена и колкая рец. П. на «Очерк истории рус. поэзии» (1847) А. П. Милокова (ФВ, 1847, т. 23, с. 1—9). Гл. упрек: автор, «русский европеец», полагает, что славян одарили поэзией (как и «силой духа» и удалостью) скандинавы, но с принятием «греко-византийских идей» в 10 в. (т. е. христианства) эти начала стали запускаться; и будто старинные нар. песни и сказки перестали быть источником новейшей поэзии, а высокой похвалы в рус. лит-ре 18—19 вв. заслуживают лишь произведения с сатирич. или отрицат. зарядом (и потому М. Ю. Лермонтов выше Пушкина, Г. Р. Державин «старее» Д. И. Фонвизина, а Гоголь выше и современнее всех).

Параллельно «руководствам» по истории лит-ры и с тем же адресом («то, что нужно, полезно и доступно ученику, при объяснении умного наставника» — см. «Учебный курс...», с. VII) П., учтя опыт рецензирования «Общей риторики» Н. Ф. Кощанского (достоинство соч. ученого «с известностью и славою» лишь в «изяществе многих примеров» — СО и

СА, 1830, № 6, 7 и № 8, с. 121) и «Теории красноречия для всех родов прозаич. соч.» Галича (одобрительно: СПБ., 1830, 20 нояб.), а главное — практику разл. «метод» собств. преподавания в разных уч-щах, написал учебные курсы по теории лит-ры. Вначале — только о прозе (или, по синонимич. привычному выражению тех лет, о разных видах «красноречия» в широком смысле: ист. и биограф. повествование, воспоминания, дневники, путевые очерки, нравств. описания, ораторские речи, в т. ч. проповеди; романы, повести и анекдоты причислялись одновременно и к прозе и к «поэзии», или «изыщной словесности»). «Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим соч.» (СПб., 1832; 2-е, доп. в примерах, изд. — СПб., 1835); ч. 1 — предварит. понятия: о человеке, его познават. силах, о законах смысла и речи, об «изыщном вообще и в речи»; ч. 2 — «общая риторика»; ч. 3 — «частная риторика».

К. Полевой, отметив существенные недостатки 1-го изд. — сбивчивое разграничение прозы, поэзии и стихотворства, так что проза отказана в поэзии, увлеченность «мало-полезными изысканиями общей риторики» за счет скупого изложения совр. видов прозы, — заключил все же рекомендацией его «всем преподавателям и любителям словесности», признав «курс» одним из лучших по своей части» (МТ, 1832, № 11, с. 347—54). «Сев. пчела» в анонимной доброт. рец. на аналогич. работу И. И. Давыдова («Чтения о словесности», 1838) мимоходом назвала книгу П. «скудельной», лишенной «системы» и филос. «определительности» понятий (1838, 24 нояб.; см. «Апикритику» П.: СО, 1838, № 12, отд. 6).

Лермонтов, в 1828—30 бравший на дому уроки у моск. «проф. красноречия» А. Ф. Мерзлякова, в 1834 слушал лекции П. в Школе юнкеров, очевидно, со вниманием: сохранился его конспект мн. лекций, совпадающий с курсом 1832, а по правилам, рекомендуемым в нем для «описательной» прозы, поэт написал соч. «Панорама Москвы» (см.: Лерм. энц.). Спустя без малого 100 лет акад. В. В. Виноградов включил в анализ риторики 1-й трети 19 в. «курс» П. [как «отчетливый» образец тогдашней теории прозы (в т. ч. в ее сопоставлении с «поэтикой»), адекватно (подчас осознанно) отразивший и кризис «риторики», и переходное состояние самой прозы и ее стилистики (от книжного «красноречия» к «натуральной» речи) (см.: Виноградов, с. 110—12, 115)].

Через 10 лет, исправив «во многих местах» и дополнив «совсем новыми статьями», П. выпускает свой курс прозы 1832 в качестве «книги первой» «Учебного курса словесности...» (СПб., 1843; негативная рец. С. А. Бурчак: «Маяк», 1844, т. 13, гл. 4); его «книгой второй» стало новое «учебное» пособие, излагавшее «общую теорию изыщного», его разл. виды (эстетич. категории), их присутствие в природе и иск-ве, характе-

ристику видов иск-ва и подробную картину разделения поэзии на роды, виды и жанры с «присовокуплением» образцовых текстов. По существу, «вторая книга» явилась поэтикой, хотя она вышла (СПб., 1844) под тем же названием и с тем же подзаголовком, что и первая.

Вал. Майков — мимоходом в 1847 — назвал «Учебный курс» (вместе с 3-м изд. «Учебной книги» Греча и «Руководства к изучению рус. словесности» П. Е. Георгиевского) «срединным», или «междуумочным»: «по духу» схоластический (сродни «чисто-схоластич.» риторике и поэтике Кошанского), но сдается быть «современником настоящего движения идей» (очевидного) «философского изложения» курсов «теории словесности» у современников П. — И. И. Давыдова и М. Б. Чистякова (Майков, с. 460—64). Рецензент «Журнала мин-ва нар. просвещения» А. Г. Филинов в обзоре «учебников по теории прозаич. соч.» (1860, № 4, с. 41—48) весьма одобрил в «курсах прозы» П. подбор, меткость и безбоязненность суждений, в т. ч. о крупных писателях; но в самой теории — в составе и «выполнении форм» общей и частной риторики не усмотрел продвижения «вперед» в сравнении с работой Мерзлякова 1809 (4-е изд. — 1828).

В 1836—46 П. поглощен преподаванием словесности (постоянно — не менее 3 гос. заведений) и основат. переработкой и расширением своих уч. курсов; продолжает внимательно следить за совр. лит. процессом, что продуктивно сказалось и в классных занятиях, и в освещении лит-ры последних 25 лет в «Руководстве» 1846, и в критич. выступлениях 2-й пол. 40-х гг. Причем, в статьях, предназначенных для «взрослой» периодики, П. судил о рус. лит-ре свободнее и острее, особенно об отражении «нравственно-отрицательного».

В уч. книге, признавая «смысл, сильный талант» Лермонтова (еще в 1834 он, прочитав в Школе юнкеров рукопись поэмы «Хаджи Абракс» тогда совершенно неизв. поэта, воскликнул: «Приветствую будущего поэта России!» — Лермонтов в восп., с. 146), П.-учитель вострожен «безыдейным направлением» (безусловно зависящим от «безыдейного времени») лермонтов. «Думы»: «Поэт в этом ужасно верно изображен: создал пустоту своего поколения, он скорбит о нем, и между тем является по его следам». Выражением «безыдейного» явления становится «Герой нашего времени» — «простой, но верный список с самой дурной натуры, к-рая не стоит иск-ва» («Руководство...», 1846, с. 397—398). В журнальной же обст.: рец. «О сочинениях Лермонтова» («Сев. обозр.», 1848, № 3), сохраняя приоритетным в лермонтов. лирике выражение страстей запечатленного в «Думе» поколения — с «огнем в крови» и необоримым «холодом тайным» в душе, с его эгоизмом и вместе с тем «таящего какою-то нравств. силу и очарованием», — П.-критик называет «лучшим произв.» Лермонтова ром. «Герой нашего времени»: в нем преобладают не самоудовольствие «страсти» самого автора (как в лирике), а «творческое воображение», создавшее «представителей действительного мира, с их двойственной натурой, с их грубой простотой и светской испорченностью... с рабской покорностью предрассудкам и простого неведения [Максим Максимыч] и светской образованности [Печорин]» (с. 127—29, 141, 143).

Более объемная с меньшими укороками — в сравнении с «Руководством» 1846 — дана характеристика П. в поздних критич. статьях П. и творчеству Гоголя. Там: у «великого художника» «идеалы [образы, «действительностей»]... слишком естественны и просты до наготы» (с. 420); или «Ревизор» — «пустая трата сильного

таланта» на изображение «глупобесовестного мира» (с. 431). Позже: Обзорно-биограф. ст. «О сочинениях Н. В. Гоголя» (написана вскоре после смерти писателя, с пометой: 25 июля 1852) — обширная и во многом панегирическая (не опубликована; рукопись: РГБ, ф. 231/III); ряд ее суждений повторен в ст. «Голос за прошедшее» (напис. для «Сб-ка лит. статей, посв. рус. писателям памяти А. Ф. Смирдина», СПб., 1858): в «дивных изданиях» — «Тарасе Бульбе», «Старосветских помещиках», «Шинели» — Гоголь, действуя как «первобытные гении» (как бы в нач. истории и вне традиции), явил себя в «характерах» своих созданий «современно-самостоят. рус. писателем в такой степени, к-рой не достигли даже Пушкин, Грибоедов, Крылов» (с. 302); в «Ревизоре» же и «Мертвых душах» он чрезмерно увлекся «негодованием против нравств. заразы нашего об-ва», забыв «поверить» «верные копии» «частных уродливостей» «законами человек. природы и ист. судеб народа» (с. 302—03).

Подавая «голос за прошедшее», П. одним из первых в рус. критике и публицистике защищает несомненные и высокие достижения в лит-ре, иск-ве, образовании и гуманитарной науке 1830-х гг. — эпохи, к-рую, по его слову, уже «ок. 15 лет» преследуют литераторы, верящие в прогресс во всю ширину» (с. 294). «Прогрессисты» игнорируют, если не презирают прошлое. Примечательно, однако, что Лермонтов бросал «жестокости, хотя во многом справедливые упреки своим годам», но его творчество и личность, столь любимые «нашим об-вом», порождены той же эпохой 30-х гг. (с. 305, 326). Негодование журн. «прогрессистов» — от недостатка ист. знаний, «философии в науке» и от излишнего предпочтения практического учения» (с. 326—327). Тому же способствует совр. «иступленное» подражание Западу: «Теперь же с тех пор, как в лит-ру нашу введено слово „цивилизация“, подражание всему иностранному сделалось как бы освещенным и надобно иметь очень много смелости тому, кто захочет осуждать подражание; его во имя „цивилизации“ и „двуличности“ назовут... и старовером, и отсталым азиатизмом, врагом просвещения» (с. 327). Не будучи собственн. славянофилом и принимая науч. знание от любого народа, ибо «наука космополитична», он настаивает: «узнать, надо помнить, что всякий народ имеет свой природный характер, свою особенность, народность», утрата к-рой губительна (с. 328—29).

Начиная с 1840 П. пробует себя в качестве худож. критика. Опубликовал четыре обзора выставок Академии Художеств: 1840 («Маяк», 1840, ч. 2), 1853 («Посильный взгляд на выставку имп. Акад. Художеств» — «Москв.», 1853, № 1, 5), 1855 (там же, 1855, № 3) и 1860 («Семейный круг», 1860, № 46); пятый обзор (о выставке 1852), посв. К. П. Брюллову, остался неопубл. (см.: РГБ, № 21); о его же картине «Последний день Помпеи» написал отд. статью (опубл.: Рамазанов, с. 225—30). В рус. живописи 18—19 вв. ценит реалистичность, гением же рус. живописи 1-й пол. 19 в. почитал Брюллова. С 1845 работал над кн. «Опыт истории изыщных искусств» (не оконч.; отрывки см.: ЖМНП, ч. 43, отд. II; ч. 45, отд. II).

В 1860 П. печатался как критик и публицист в ж-ле «Семейный круг» А. М. Станюковича. «Мысли и заметки по поводу статьи об изобличительной литературе» (№ 14) — развернутый и подчас полемичный отклик на ст. С. Т. Славутинского «Об изобличительной лит-ре» (1859). Признавая обществ. пользу т. н. обличительной лит-ры, П., как и автор статьи, сетует, что «обличит. писатели» проходят мимо «исторического происхождения наших нравств. и гражд. язв» (впрочем в этом грешен, по мнению П., и сам Славутинский). Ист. корнями многих язв совр. рус. народа П. называет «татаршину» (как «восточно-азиатскую»), так и «западно-европейскую», к-рая со временем породила и свою «доморощенную татаршину» (с. 17). Совр. фактором, поощряющим злодеяния, остается слабость общественного мнения, неравная обязательность его «привоговоров» для бедных и богатых; но гл. причиной всевозможных беззаконий и произвола П. полагает всесловное отсутствие у русских «чувства законности» (с. 19): соотечественники уклоняются прибегать под защиту закона — «так сказать „земной религии“, к-рая составляет священную, ничем не нарушаемую связь между народом и правительством» (с. 20).

О П. сохранилось немало восторженных восп. его учеников (см.: Бооль, Рамазанов [скульптор и историк иск-ва]. Бывший его учеником историк М. И. Семевский писал: П. «горячо любил науку, еще горячее привязан... был к своим юным питомцам: приветливый, ласковый, всегда ровный в обращении — он в годы, когда царило в военно-уч. заведениях капральство, — был прежде всего гуманен в отношении к молодежи и ревностно заботился о поддержании в ней любви к науке» (Семевский, с. 763—64).

В кон. жизни пишет обширные мемуары, погибшие по вине слуги во время болезни П. (там же); посмертно опубликован отрывок под назв. «Имп. Николай Павлович» (РС, 1880, № 11), где рассказывается о либеральных «жестях» императора: публичной насмешке над Д. П. Руничем, иронии в адрес М. Л. Магницкого и отмене цензурного запрета на продажу свыше 100 иностр. книг.

Др. произв. Рец.: [На кн. «Руководство... к познанию... истории народов» П. Вознесенского] (СП, 1831, 5 окт.), «Разбор речи, открытой г. Строевым [по случаю коронавания царя Василия Шуйского]» (СП, 1832, 5—9 нояб.), [На пьесе Э. П. Перцова «Андрей Бичев, или Смешные мне люди»] (СП, 1833, 29 нояб.; хвалебная); [О «Картине человека» А. И. Галича] (СП, 1834, 17 марта), [На ром. Н. Полевого «Аббадонна»]

(СО и СА, 1835, № 7), «Заметки о специальном образовании» («Семейный круг», 1860, № 2); статьи, в т. ч. «Батюшкова К. Н.» (в словаре А. А. Плюшара).

Изд.: [Рец. и отзывы о Лермонтове и Пушкине]. — В книгах: Рус. критич. лит-ра о произв. Лермонтова, ч. 1—2, М., 1897; Рус. критич. лит-ра о произв. Пушкина, 3-е изд., М., 1907, ч. 1—3 (обе составлены В. А. Зелинским).

Лит.: Кюхельбекер; Лермонтов в восп.: Белинский; Добролюбов (все — ук.); Майков В. Н., Руководство к изучению истории рус. лит-ры... [1846]. — В его кн.: Критич. опыты, СПб., 1891; Веселого Ф., Очерк истории Мор. кадет. корпуса..., СПб., 1852, с. 193—194; Барсуков, XIV, 154; XVIII, 426 (письмо М. П. Погодину от 11 янв. 1860); Рамазанов Н., Мат-лы для истории художеств в России, кн. 1, М., 1863, с. 4, 225—30; Потто В., Ист. очерк Николаев. кав. уч-ща..., [СПб., 1873], с. 192, 283, прилож. лит. А., с. 15; Семеновский М. И., [Биогр. очерк П.], — РС, 1880, № 11, с. 761—64; Билядерлин А. А., Лермонтов. музей в С.-Петербурге в ..., — РС, 1890, № 2; Крылов Н. А., Кадеты сороковых годов (Личные восп.), — ИВ, 1901, № 9; Бооль В. Г., Фон. Восп. педагога. — РС, 1904, № 7, с. 217; Возникновение рус. науки о лит-ре, М., 1975 (статья Ю. В. Манна, особенно — с. 291—93); Назарова Л. Н., Лермонтов в Школе юнкеров. — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Иссл. и мат-лы, Л., 1979, с. 134—45 (наиб. полная биография П.); Курилов А. С., Теория романтизма в рус. критике 2-й пол. 20-х — нач. 30-х гг. — В кн.: История рус. романтизма в рус. лит-ре, [в 2 т.], М., 1979, с. 236—241, 243, 250 (развернутая характеристика ст. П. «Взгляд на состояние рус. словесности...»); Виноградов В. В., О языке худож. прозы, М., 1980, с. 110—12, 115; Сидяков Л. С., «Пиковая дама» и «Черная женщина» Н. И. Греча. — В сб.: Болдинские чтения, Горький, 1985; Успенский Б. А., Избр. труды, т. 2, М., 1994 (ук.). + Некрологи, 1869: Илл. глз., № 8; СПбВед., № 8, 9 (постор.); 12 февр.: «Голос», 8 февр.; РИ, 11 февр.; Гениальн.; Мельер, II, 3; Брокгауз; РСБ; Добролюбов И. В., Яхонтов С. Д., Библ. словарь писателей, ученых и художников уроженцев (присл.) Рязан. губ., Рязань, 1910 (репринт — Рязань, 1995); ИДРДВ: Лерм. энц., с. 190, 365, 417; Булахов М. Г., «Слово о полку Игореве» в лит-ре, иск-ве, науке, Минск, 1989; Чересский, Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 231/III, к. 9, № 19—22 (рукописи неопубл. статей); П., к. 24, № 48 (письма М. П. Погодину); ИРЛИ, 18639.СХХIII.6 (письма к А. В. Никитенко); РГИА, ф. 733, оп. 20, л. 276, л. 41—42 (о деле П. в протоколах проверки Д. П. Рунича); ф. 1349, оп. 3, д. 1723 (ф. с. П.); РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 193 (п. с. на 1840 г.), д. 6260 (п. с. на 1864 г.); РНБ (портрет П.). См. также арх. источ. в ст. Л. Н. Назаровой. Н. П. Розин, при участии М. А. Котамина.

ПЛАТОН Иван Степанович [15(27). 4.1870, Ростов-на-Дону (?) — 11.10.1935, Москва], театр. режиссер, драматург, переводчик. Внук малоазиат. грека, участника восстания А. И. Ипсиланти, к-рый после 1825 осел в России, женился на русской и преподавал в Таганрог. г-зии. Отец П. занимался постройкой и арендой водяных мельниц в области Войска Донского. С 1880 П. учился в прогимназии станицы Каменской, затем в Новочеркасской г-зии. В 1886, после смерти матери, П. с отцом переехал в Москву, перевелся в 1-ю моск. г-зию, к-рую окончил ок. 1890. Еще на гимназич. скамье интересовался театром и пробовал себя в лит-ре: сочинял стихи, рассказы, сотрудничал в газетах, где писал по вопросам театра (ранние публ. не выявлены). В 1891—92 учился на драматич. курсах

при театр. школе Малого т-ра (причем, для поступления туда П., с рождения считавшийся турецким подданным, должен был принять рос. гражданство). По окончании школы стал по конкурсу актером Малого т-ра (прослужил в нем до конца жизни, сменив несколько должностей; подробнее см.: ТЭ, т. 4), затем там же сделался режиссером и поставил множество пьес текущего репертуара; но постановки его были слабы, и К. С. Станиславский оценивал их как «пример режиссерской безграмотности» (Виноградская И., Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Летопись, т. 2, М., 1971, с. 422). В 1905—12 преподавал (проф.) в драм. уч-ще Моск. филармонич. об-ва. Чл. к-та (с 1910) и казначей ОРДП.

Дорев. драматургич. наследие П. состояло из комедии («Лечебница для влюбленных», совм. с И. Н. Худолеевым, М., 1904) и четырех мелодрам из быта купечества, интеллигенции, гор. низов («Напасть», М., 1902; Малый т-р, 1902, Новый т-р, М., 1903—04; «Люди», СПб., 1902, М., 1910; «Рабы», СПб., 1904; Малый т-р, 1904—05; «Сказка Мариулы», М., 1906; Малый т-р, 1905). Наиб. удачная пьеса «Люди», своеобразно решавшая тему жен. эмансипации, динамичная по сюжету, с довольно убедительными персонажами, с успехом прошла в 1902 в т-ре Корша и долго потом держалась в провинц. репертуаре. Переводч. деятельность П. была подчинена репертуарным нуждам Малого т-ра: «Безумный день, или Женитьба Фигаро» П. Бомарше (М., 1909, совм. с Худолеевым), «Стакан воды» Э. Скриба (М., 1916, совм. с Н. О. Рутильской) и др.

После Октября П. написал еще несколько пьес: «Наследие времен» (М., 1926), «Араччеевщина» (М., 1926; Малый т-р с В. Н. Пашенной в роли Минкиной), «1917 год» (совм. с Н. Н. Сухановым; М.—Л., 1928) и два небольших мемуара: «Памяти А. И. Южина» («Красная Нива»,

1927, № 40) и «Восп. о Ермоловой» (там же, 1928, № 14).

Был одним из организаторов филлиала Малого т-ра в Земетчине (в 1936 колхозному т-ру присвоено имя П.), где завещал похоронить себя (подробнее см.: Валерин С., И. С. Платон. — «Колхозный т-р», 1935, № 23).

Лит.: Актеры и режиссеры. Театральная Россия, М., 1928; Пашенная В. Н., Иск-во актрисы, М., 1954 (ук.); Прозоровский Л., Из прошлых лет, М., 1958. + Некролог: «Веч. Москва», 1935, 13 окт.; ИДРДВ; ИРДТ; Масанов.

Архивы: ГИТМ, ф. 209, ф. 514, № 142 (некролог на смерть П.) и др. (справка И. П. Гамулы); РГАЛИ, ф. 970, оп. 4, № 216 и ф. 2579, оп. 1, № 963 (автобиографии 1926), и по ук.: РГБ, ф. 369, к. 20, № 20 (Бонч-Бруевич В. А., Памяти товарища Платона). В. М. Бокора.

ПЛЕТНЁВ Алексей Петрович [21.2*(5.3).1854, Петербург — после 1916], прозаик, очеркист, публицист. Сын П. А. Плетнёва. Биограф. сведения фрагментарны. Получил дом. образование и окончил курс Тульской губ. г-зии (ЦГИА СПб.). Воспитывался в лит. и ун-тской атмосфере. В 9 лет, по причине болезни отца, был

увезен в Париж, посещал вместе с братом Александром франц. пансионы, занимался спортом, верховой ездой; скоро превратился в «полу-франц. мальчика» [«Воспоминания» (Од., 1910, с. 4); там же кратко восп. об отце, встречах в России и за границей с И. А. Гончаровым, И. С. Тургеневым, Ф. И. Тютчевым (см. также: Собр. соч., т. 3, 1913), Н. И. Тургеневым, вел. княгиней Марией Николаевной, бывшей ученицей отца и восприемницей П.]. Впервые вернулся в Петербург, видимо, в 1869 или 1870; в 1875—78 учился на юридич. ф-те Петерб. ун-та, не окончил («уволен» по болезни в 1879). Вскоре снова уехал в Париж и до 1910 не оставлял его надолго, друзья называли его «гражданином Парижа» («Восп.», с. 16). П. много путешествовал по Европе (Англия, Швейцария, Германия, Италия, Испания), вел «бродячую» жизнь, не отождествля

вляя себя с к.-л. «кастой или классом», изучал «низшие обществ. слои», пытался «искать у народов разных стран смысл их полит. жизни» («Жизнь и мечты», с. 36). Не помышляя о карьере литератора, печататься начал поздно, в 1884: был иностр. корреспондентом в Париже, в 1880—90-е гг. публиковался в газ. «Новое время», «С.-Петерб. ведомости», «Мировые отголоски», «Гласность», «Петербург. жизнь», «Россия», ж-лах «Наблюдатель», «Огонек» (в кн.: «На чужбине...», с. II), «Ист. вестник», «Всемирный вестник», «Европ. жизнь и Россия», «Родина» (1909, № 8—20), газ. «Рус. вед.», «Одес. листок» (1911—12) и др. По свидетельству Г. М. Пилипенко, знакомого и биографа П., в его произв. изображалась «та самая среда, где когда-то писал и вращался сам автор» (Собр. соч., т. 3, с. VIII).

В 1890-е П. издает пов. «Новые люди» (СПб., 1897; в др. изд. — «Честные люди»; с одобрением отмечена в рец.: «Всемирный вест.», 1903, № 8) — о неудовлетворенных столич. жизнью интеллигентах, уехавших в «провинц. захолустье», чтобы оживить его умств. и обществ. интересами (открытие библиотеки, учительство) и самим освободиться «от фальши и лжи»; здесь же выведен образ вернувшегося из-за границы нравственно переродившегося князя, ради «умищения страдания немущих» (с. 28) вложившего свое состояние в развитие фабрики. Др. пов. «Бездомовье. Пов. и рассказы» (СПб., 1896) построена на контрасте двух типов (друзей), бедного студента из Москвы Кремнёва и сына крупного петерб. администратора Невина (идеологически значимое для П. противопоставление Москвы и Петербурга неоднократно встречается и в др. его соч.): первый видит свой патристич. долг в том, чтобы засеять «нивы бесплодные» (занимаясь культ. и воспитат. работой) для «новых поколений», второй, сомневающийся «космополит», еще готов обрести свой «дом» на родине, но как бы сам уклад рос. жизни (сюжетно — семейства Арнаутова, богатого петерб. домовладельца) вновь выталкивает его за границу. К повестям из рус. жизни примыкает и «Исповедь террориста. Пов. из времен Александра II» (СПб., 1906; написана в 1880-е гг., по ценз. соображениям П. предполагал издать ее в Лондоне, что не осуществилось из-за пропажи рукописи; др. названия: «Исповедь нигилиста», «Исповедь революционера»). П. с явным сочувствием рисует тип «революционера-идеалиста», убежденно помогающей террористам его сестры и их единомышленников-евреев: борьба с правительством велась ими ради «высокого всечеловеч.

идеала», где нет нац. и классовых «застенок» (с. 21).

Если последние две пов. включали картины англ. жизни, то пов. «Миллионщик. Космополитич. нравы» (опубл. вместе с рассказами под псевд. Алексей Руссов, СПб., 1893; первонач. на франц. яз.) рассказывает о парижской — многолетнем пребывании в Париже рус. купца (выдающего себя за князя) и его франц. окружении. Изображение нищеты и роскоши, нравов париж. полусвета, продажности и морального разложения (доходящих у гл. героев до патологии, художественно не мотивированной) делает повествование занимательным, убедительным в частностях и эпизодах, а в целом эффектно-мелодраматическим.

В 1901 П. издает избранное «На чужбине и дома» (СПб.; включает повести, «картинки» париж. жизни, статьи, рассказы), в предисл. к к-рому формулирует свою позицию публициста (отрицат. рец.: Н. К. Михайловский — РБ, 1902, № 1; б. п. — РМ, 1902, № 1; положит.: Ник. М-в — «Всемирный вест.», 1903, № 8; А. Г. — НВ, илл. прил., 1901, 14 нояб.).

Человек либер. убеждений, прогрессист и социал-утопист (как это явствует из его очерков и рассказов, написанных б. ч. в 1880—90-е гг. и позднее перепечатываемых в «петерб.» сб-ках, различного рода статей и заметок), разделяющий, в той или иной степени, взгляды Р. Оуэна, Ж. Ж. Руссо, Ш. Фурье, У. Ю. Гладстона, П. верил в общечеловеч. «солидарность», всеобщий мир, соревнование между нациями на «почве труда и промышл. прогресса» («Восп.», с. 18), в возможность нового мироустройства, новых отношений между людьми (мечтал о «новых горизонтах для идеала добра и справедливости» — «На чужбине...», с. 244, 371; см. также очерк «Максим Горький», с. 5). Он приветствовал разрушение порочных основ совр. общества: в России это прежде всего «омертвелый формализм» и административный бюрократизм — язва «петерб. периода» рус. истории, отсутствие гражд. свобод, культ. отсталость, невежество, нищета, в Европе — социальное расслоение, пауперизм, «стихийный эгоизм», власть капитала, «золотого тельца» (см., в частности, ст. «Преступность денег» — в кн.: «Упитанные и отъезжающие», «Два полюса» — Собр. соч., т. 3). П. не был чужд и нек-рых черт идеологии анархизма (об интересах и изв. близости к анархистам свидетельствуют «Восп.», с. 37—38; рассказ «Компаньон» — в кн.: «Париж. уголки»; ссылки на П. Ж. Прудона и проч.). В культурно-ист. плане осн. «приметой» нового времени П. считал «упразднение идеалов»,

нравств. апатию, неоднократно писал об обществ. вреде утраты нравственности, выразившейся, в частности, в «понижении» лит-ры и воспитания (см. также ст. из кн. «На чужбине...» — «Лжентеллигенция», «Жизнь и идеализм», «О „реализме“ в литературе», посв. Э. Золя, и др.).

В предисл. к кн. «На чужбине...» и ст. «Наш космополитизм» (там же) пл. пороком безверия и «умств. шатания» в России П. назвал «дряблый, беспочвенный космополитизм» (связав его с «рус. полит. болезнью нигилизма») и отсутствие «ясного нац. самосознания» (с. II, 253). П. объявляет себя «демофилом» и «националистом», уважающим «права всякой отд. народности» (с. IV), рассматривая национализм как 1-ю ступень любви к человечеству (та же интерпретация понятия в ст. «Что такое национализм?» — сб. «Жизнь и мечты»; см. также: ИВ, 1915, № 4, с. 72—73), космополитизм же считает специфически рус. чертой: «у нас» он заключается «не только в любви ко всему иностранному», но и «в пренебрежении и даже в ненависти ко всему родному» (с. 251), в отличие от европейцев, стремящихся в общежитии к нац. «выделенности» и обособленности (отчасти эти же идеи развивает в письме Михайловскому 1902 г. — ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 533).

В ст. «За кружкой пива» П., рассуждая об экон. основании борьбы классов во Франции, усиление борьбы двух начал — коллективизма и капитализма, указывает на обусловленность рев. ситуации совр. состоянием цивилизации. В худож. творчестве свойств. П. «классовый» подход получил органич. применение в создании очерков в кн. «Упитанные и отъевшиеся» (СПб., 1905): «Живой идол», «Пани Генералова», «Клоп Иванович» и др. — о развращающей власти денег и губительности для человека праздности (резко негативная рец.: С. Вл. — ЖО, 1905, № 12).

Отд. пласт творчества П. — очерки и рассказы из париж. жизни (кн. «Типы и картинки париж. жизни», 1902; «Париж. уголки. Из зап. книжки корреспондента», 1903, сокращ. изд.: 1905; «Париж. босьяки», 1905; «Встречи и характеристики», 1906; вкл. заметки о В. Гюго, Л. Бетховене, Гладстоне, А. И. Герцене и др.; все изд. в Петербурге и частично совпадают по содержанию); отклики носили разноречивый характер: «бойкость языка», «пестрота содержания» и отсутствие нового угла зрения на предмет («В. В. Савинков» — РБ, 1902, № 5, с. 104); напротив, его «своеобразие и новое освещение» отметил рецензент ж. «Всемирный вест.» (И. В. П. — 1904, № 1, с. 180; см. также полуиронич. отклик: Ю-н

(Вентцель) — НВ, илл. прил., 1904, 11 авг.). В этих сб-ках, как и в повестях «Миллионщик», «Клуб эротоманов» (где Париж — осн. место действия), Париж для П. не только «умств. центр человечества» («Париж. уголки», 1903, с. 8), город «кутежа и разгула», но «город труда, город прогресса и город поэзии» («Типы и картинки...», с. II), «благословенное место... таланта и свободы» (там же, с. 112). Жизнь улицы, париж. толпы с «демокр. смешением сословий» и свободой общения, поэзия париж. бульваров, Латинского квартала, экзотич. типы чудиков («Гражданин будущего», «Философ», «В парламенте», «Эстеты и декаденты Люксембургского сада» — «совр. перипатетики париж. мостовой» — там же, с. 111) и обычные парижане (очерки «Натурщица», «Кабак ночных гуляк», «На бульварах», «Кафе де-ля-Пэ», «На ярмарке» — «Типы и картинки...», частично опубл. в кн. «На чужбине») — все это предстает со страниц книг П., несмотря на скрупулезно отмечаемые им социальные изъезы и контрасты, в образе притягательного космополитич. города, со своим особенным ритмом и нац. «отпечатком». Сравнит. нац. характеристикам (русских, французских, англичан, немцев), разбросанным в «Париж.» и др. книжках П., посв. очерк «Русский парижанин» и «Путевые впечатления» (от Петербурга до Парижа) («Париж. уголки», 1903).

В 1902 П. собирался открыть гостиницу-приют для русских в Париже («Рус. дом» в Париже...», СПб., 1902). К 20-летию своего «литераторства» выпустил сб. «Жизнь и мечты» — очерки, путевые заметки, критика и публицистика (СПб., 1905), своего рода краткое избранное, в к-рый вошел очерк совр. франц. прессы обличит. характера «Газеты и публика». Оставшийся, по собств. признанию, «по завещанию матери... фактически без средств существования» (из письма М. М. Стасюлевичу 1904 г. — ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 1126), П. испытывает материальные затруднения, регулярно (в 1902—08) обращается в Комиссию для пособия нуждающимся литераторам и в Лит. фонд (там же, ф. 540, № 45/902, ф. 155 — справка Т. В. Мисникевич).

В 1900-е гг. П. печатается в моск., петерб. и одес. изданиях (не выявлены), в 1905 в Петербурге с воодушевлением встречает «великий день» — объявление Манifestа 17 окт., в эти дни выпускает 4 номера газ. «За Правду», по собств. определению, «разумно-прогрессивного направления» (Собр. соч., т. 3, с. 187—188). Полит. публицистику 1905—06 П. включил в 3-й том Собр. соч.: «Рус. идея», «Смысл выборов», «По вопросу о печати», «Окраины и бюрократия», «Формализм» и др. В связи с рус. рев-цией 1905—07 П. писал о несравнимости ее результатов с результатами Вел. франц. рев-ции, потому что «наша революция не считалась ни с историей, ни с экономич. фактами рус. действительности и работала не столько для русского

народа, сколько для отдаленного счастья всего человечества» («Восп.», с. 43).

Из рассказов П. выделяются «Вечная любовь» (в кн. «Миллионщик»), «Серафита» (Собр. соч., т. 1, 1910) и «Tedium vitae» («Всем. вест.», 1904, № 2) — об идеальной любви, вере в загробную жизнь и о таинств. явлениях человец. психики. Последняя, крупная для П., прозаич. вещь — пов. «Клуб эротоманов» (СПб., 1909; фрагменты — «Европ. жизнь и Россия», 1908, № 5—8) — увлекательно и психологически правдоподобно описывает судьбу двух неустroенных рус. дворян с драм. эпилогом (оба проигравшись в казино в Монте-Карло; любопытное описание типов игроков: с. 155—158), их жизнь в Петербурге и Париже, устройство аристократич. клуба междунар. проституции, куда приятели попадают, спасая молодую французенку, очередную жертву торговцев живым товаром. В другой, «высокой», лирико-публиц. тональности, написана короткая пов. «После грозы» (ИВ, 1915, № 3—4) — о совр. великих рос. жизни.

В 1910—13 выходит «Собр. соч.» П. ([Од.], т. 1—3; в т. 3 — ст. Пилипенко), замеченное так или иначе критикой: одобрит. рец. (соч. П., с их «правдивостью» и «безыскусственной простотой», — «настоящий кинематограф заграничной жизни»: М-о — ИВ, 1912, № 2, с. 355; сдержанная, того же автора, на выход 3-го тома — там же, 1914, № 1) и отрицат. отклики: В. Мордовцевой — ж. «Вечные воды» (кн. 4/5, П., 1916: «отсутствие рос. глубины», «аффектацию» рецензент связывает с нивелирующим «либер. языком европ. цивилизации», с. 224—25), В. Краинихфельда (СМ, 1913, № 7).

На протяжении всей жизни, хотя и не часто, П. выступал как критик-публицист, с краткими критич. очерками — «Эмиль Золя» (СПб., 1903), где говорит об ответственности «натурализма» и теории наследственности в его произв., «Максим Горький» (СПб., 1902), «Горький и босьяки» (Собр. соч., т. 3): П. приветствует «свежесть и непосредственность» мировоззрения писателя, «певца босьяков» и «сильных людей» (а не «культурных нытиков»), видит в гл. герое его ром. «Фома Гордеев» «род купеч. Гамлета, ищущего суть жизни и ничем не удовлетворенного» («Максим Горький», с. 5). П. говорит об открытой Горьким «бездне рус. социальной подпочвы»: босьяки и бродяги впервые получили в его соч. «санкцию историч. действительности» (т. 3, с. 48). Др. заметки посв. творчеству Л. Н. Андреева («сказки для взрослых людей» — там же, с. 56), А. П. Чехова («Обескрыленный писатель»), П. Д. Боборыкина, Руссо (все — Собр. соч., т. 3). В по-

лемич. очерке «Лев Толстой» (Од., 1912) П. ставит целью разрушить гипноз Толстого, доказать обществ. вред его теории непротравления зла, т. к. она «упраздняет идею о законности борьбы со злом» (с. 9; см. также ст. «Насилие добра» — сб. «Жизнь и мечты»). П. признает в Л. Н. Толстом «искателя истины», но не «учителя жизни» (с. 15).

Др. произв.: брошюры «Принципы будущего социального строя» (СПб., 1907), «Что такое анархизм» (по франц. источникам) (СПб., 1907).

Изд.: Три встречи с Гончаровым. — В кн.: Гончаров в восп. современников, Л., 1969.

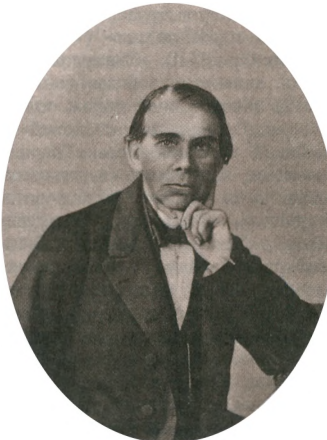
Лит.: Пилипенко Г. (М.), А. П. Плетнев. — «Мыслитель», 1906, № 14; его же, Писатель-европеец. (Критич. очерк). — «Дворян. рус. вост.», 1912, № 4, 5/6; его же, А. П. Плетнев (Критич. очерк). Од., 1912; Толстой, ЛХ, с. 423—24; ЛН, т. 97, кн. 1, с. 555, 561. — Венгеров. Сл.; ИДРДВ: Масанов (не учт. посвд. А. П. П-в; Алексей Руссов).

Архивы: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 18619* (биограф. сведения, в т. ч. об учебе в ун-те) [справка А. Г. Румянцев]; деловые письма: ИРЛИ, ф. 72, № 263 (Б. Б. Глинскому, 1907—14 гг.), ф. 115, оп. 3, № 249 (А. А. Измайлову, 1916 г.); РНБ, ф. 124, № 3374 (письмо А. П. Пятковскому, 1900 г. — ст. «Напожком и свирен»), ф. 874, оп. 1, № 106, 110, 114 (письма С. Н. Шубинскому, 1906—08 гг.) [справка Т. В. Мисинкевич]. Л. Макарова.

ПЛЕТНЁВ Пётр Александрович [1(12).9.1791, с. Теблеша Бежецкого у. Твер. губ. — 29.12.1865 (10.1.1866), Париж; похоронен на Тихвинском кладб. Александро-Нев. лавры в Петербурге], критик, поэт; журналист, издатель; педагог. Отец А. П. Плетнёва. Сын сел. священника, умершего в младенч. годы П. (см. элегию «К моей родине», 1820); до 9 лет жил в Теблешах, систематич. домашнего воспитания не получил. В 1800 зачислен на казенный кошт в Твер. духовную сем. (где с 1795 учился брат Иван). Семинарии обязан серьезными познаниями в области древней словесности (позволившими ему в 1832 одному из первых разрабатывать курс истории рус. словесности с древних времен). В 1810 в связи с набором, объявленным для воспитанников старших классов семинарий, П., принадлежа к обучающимся, кроме лат. словесности, употребит. иностр. языкам и вместе отличающимся добрым поведением, природными талантами и склонностью к наукам» (РГИА, ф. 733, оп. 20, № 84, л. 8), оставляет сем. (не пройдя богослов. класса) и становится студентом Пед. ин-та (с 1816 — Главный пед. ин-т) в Петербурге.

Господствовавшая в ин-те система зубрежки рождала неприязнь к занятиям, и свои успехи в учебе П. объяснял удачливостью (Грот и Плетнев, I, 529—30). Вместе с тем ин-т давал главное, в чем он тогда нуждался: «И новый образ жизни, и новые занятия, и новые связи» (Плетнев, I, с. 3); по рекоменда-

ции дир. ин-та Е. А. Энгельгардта, студент дает частные уроки. Судя по офиц. документам и признаниям самого П., его успехи в учебе оценивались неодинаково товарищами («почитали меня отлично-хорошим уче-

ником» — Грот и Плетнев, I, 529—30) и наставниками: в ведомостях ни разу не удостоен высшего балла, но аттестовался как ученик «нехорошего понятия», приобретший «хорошие» знания по рос. словесности, грамматике, эстетике и «очень хорошие» в математике, физике, истории, франц. языке. Позднее П. скажет: «В институте я ничего основательно не узнал» (ЦГИА СПб., ф. 13, оп. 1, д. 1455, л. 7). Пора настоящего ученичества наступила для него после ин-та, особенно когда он погружился в атмосферу лит. кружков, салонов и обществ 1820-х гг.

Сразу по окончании ин-та П. 23 мая 1814 определен учителем словесности в Екатеринин. ин-т, где прослужил до апр. 1830. Пед. деятельность принесла удовлетворение: «В короткое время я ... постигнул способ преподавать занимательно и успешно» (Грот и Плетнев, I, 529). Молодого педагога оценили по достоинству: в нояб. 1814 назначен учителем словесности в женском Патриотич. ин-те (первые 3 года без жалованья; в 1829—39 — только инспектор классов), а в янв. 1815 привлечен к преподаванию в Павлов. кадетский корпус (до сент. 1832). Со временем П. зарекомендовал себя мыслящим педагогом; уже в ст. 1819 «О средствах усовершенствования русской словесности как науки» («Благ.», 1819, ч. 8, с. 28—40) осознает необходимость уч. пособия по лит-ре, к-рое учитывало бы достижения совр. отеч. словесности, и предлагает ввести «характеристики классических писателей». В неопubl. статья: «О подготовке учителей в России», «О методике преподавания» (ИРЛИ, ф. 234, оп. 1, № 70,

159) размышляет о характере преподавания, о личности наставника, «родительских свойствах души, ума и сердца». Современники вспоминают о большом успехе его лекций (РС, 1881, № 5, с. 157) и сравнивают П. преподавателя с др. именитыми ун-тскими профессорами: «если П. уступал [И. И.] Давыдову и особенно [Н. И.] Надеждину в широте филос. образования, то стоял выше их по своим лит. вкусам и симпатиям» («Под знаменем науки», М., 1902, с. 562).

В лит. кругах Петербурга П. появился в сер. 1810-х гг. Одним из первых шагов к лит. миру стало сближение с одинокашником И. С. Георгиевским, знакомым еще по Твер. духовной сем. Утверждение в кругу «арзамасцев» происходило неспроста; в февр.—марте 1816 возможно состоялось личное знакомство с В. Л. Пушкиным; в 1820 — официально представлен В. А. Жуковскому; в февр. 1821 знакомится с П. А. Вяземским. П., однако, не сумел добиться одинаковой доверенности литераторов и поначалу на него смотрели как на удачливого выскочку.

Даже значительно позже, когда авторитет П.-критика достаточно упрочился, в письме А. И. Тургенева Вяземскому от 21 апр. 1839 звучит по-луиронич. удивление: «Вообрази себе, что Плетнев, учитель языка и литературы и корреспондент, пишет письмо ко мне хотя с чувством о старых наших отношениях, к-рое меня тронуло, но с грамотностью замосворецкой дамы. И он — наследник журнала Пушкина и биограф его!» — ОА, IV, 71). Да и сам П. недоуменно вспоминал в 40-е гг.: «Мне самому странно, какою судьбою я, чуждый всем вам, брошен был в ваш круг, и незаметный для вас, я про себя складывал ступени жизни своей из событий, вам принадлежащих» (Плетнев, III, 565).

Отношения с В. К. Кюхельбекером и А. А. Дельвигом складывались легко и быстро, чему способствовало их раннее общение как членов ВОЛСНХ, а затем и ВОЛРС, и то, что Дельвиг был обязан П. знакомству с будущей своей женой, его воспитанницей по пансиону Е. Д. Шретер. Дружеские симпатии Пушкина к П. возникали постепенно (знакомство состоялось, по-видимому, в кон. 1816 в доме родителей поэта), и до 1820 их отношения остаются сдержанными. Сближение с известными поэтами открывает ему доступ на вечера Н. М. Карамзина, лит. «субботы» Жуковского. С 1818 П. сам устраивает вечера по субботам, на к-рых можно было встретить лит. «цвет» столицы, в т. ч. ставших близкими его приятелями Дельвига, Кюхельбекера, Ф. Н. Глинка, Е. А. Баратынского, часто наезжавшего из Фин-

ляндии. «Плетневские» собрания отличались сугубой лит. направленностью: «обсуживались все лит. новости недели, читались и разбирались собственные только что написанные стихотворения, и т. о. совершалось взаимное лит. образование собеседников» (В. П. Гаевский — «Совр.», 1853, № 5, с. 54).

Начиная с 1818 интенсивные занятия П. совмещает с продуктивной лит. деятельностью. Он начинал как воспитанник каразинской школы, о чем свидетельствовали стилистика, фразеология, идейная установка его первой критич. статьи «Известие об авторе», явившейся как предисл. к посмертно изданному им (совм. с Кюхельбекером) роману Георгиевского «Евгения, или Письма к другу» (СПб., 1818; ч. р. 9 авг. 1817; согласно записи Бартенева, Пушкин назвал предисл. «прелестным» — см.: Бартенев П. И., О Пушкине, М., 1992, с. 222). П. воспринял каразинскую веру в нравств. совершенствование человека, силу разума, в лит. прогресс, и усвоил навсегда каразинское правило критич. оценки: «более хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно» (Карамзин Н. М., Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1964, с. 230). Но к исходу 10-х гг. П. испытал воздействие романтизма и романт. критики, его система лит.-критич. воззрений впитала элементы просветительства, сентиментализма и романтизма.

В том же 1818 П. впервые выступил как поэт (стих. «К Гонористам» — СО, № 48). В ранних стихах, и не только явно автобиографических («Загородная роща», «К моей родине» — СО, 1818, № 50; 1820, № 3), выразилась его внутр., нравств. связь с отчим домом и родным краем — воспевание честной бедности («Похвала учительской жизни» — «Соревнователь», 1820, № 9) и «совести» — верного друга, «утешителя» в «пучине бед», «целителя» в страданиях души («Совесть», 1820; по Кюхельбекеру, удачное подражание «слогу философии. од Державина»). Идеальные устремления и добродетельные чувства соответствовали духу элегич. медитации с ее устойчивыми мотивами скорби об утраченном прошлом, чистоте и естественности неискушенной юности и с ее заданной композиц. моделью: исповедальные размышления-воспоминания героя на фоне суетного пейзажа. В элегиях «Гробница Державина» (1819) и «Миних» (1821) ист. медитации настраиваются на традиц. кладбищенские мотивы в духе Жуковского, появляются гражд. мотивы, предвещающие думы К. Ф. Рылеева. Наряду с ведущим для П. жанровым началом элегической медитации он сочинял баллады, мадригалы, по-

спания, в сер. 20-х гг. — антологич. стихи.

Как поэт особым авторитетом среди литераторов не пользовался. Пушкин в письме к бр. Льву (от 4 сент. 1822) бросил упрек: «П. приличнее проза, нежели стихи ... слог его бледен, как мертвец»; но вскоре весьма одобрил его послание «К А. С. Пушкину» (написано: сент. — 1-я пол. окт. 1822; опубл. «Соревнователь», 1824, кн. 2), а позже в письме к А. А. Бестужеву от 22 февр. 1824 написал: «Плетнева „Родина“ [ПЗ на 1824] хороша» (Пушкин, XIII, 46, 53, 88). Кюхельбекер, вначале почитавший П. «слишком близким подражателем Батюшкова и Жуковского», в февр. 1820 нашел явные приметы «поэтич. таланта» в стих. П. «К моей родине» и «Победа» (1820) (Кюхельбекер, 438).

В 1818 П. принят в члены ВОЛСНХ. С 20 окт. 1819 становится (по инициативе Ф. Н. Глинки) одним из деятельнейших членов ВОЛРС — «ученой республики»; сторонник демокр. крыла Об-ва П. успешно продвигается к должности редактора ее органа — ж-ла «Соревнователь просвещения и благотворения» (Труды ВОЛРС); в дек. 1819 вместе с Дельвигом избран в состав ценз. комитета, в 1820 исполнял обязанности цензора библиографии, а с нач. 1821 — цензора поэзии и фактически ред. «Соревнователя» (официально с 23 марта 1822). Вице-президентом Об-ва в 1821 избран Н. И. Гнедич, а П. совм. с Дельвигом взял на себя осн. часть труда по цензуре произведений сочленов и ввиду частого отсутствия председателя Глинки (1819—25) выполнял его обязанности в собраниях. Его трудам «соревнователи» обязаны продуманным планом издания журнала, четко налаженной системой организационных мероприятий.

В инциденте, вызванном речью В. Н. Каразина «Об ученых об-вах и периодич. сочинениях в России», в к-рой издатели ж-лов обвинялись в проповеди «инсургентов», «вольных областей» и «их конституций», П. наряду с Кюхельбекером, Дельвигом, Н. И. Гречем, А. А. Никитиным и др. признал оправдат. рассуждение Каразина (15 марта 1820) «весьма оскорбительным для Общества» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 26, л. 70). Происходит сближение П. с кругом Глинки, Гнедича, Дельвига; его активность как политически умеренного члена развивалась в русле просветительских требований. Одновременно с кон. 1822 в Об-ве крепнут позиции «левой» партии Греча, Бестужева, Рылеева, претендующих на руководящее положение.

Решающую роль в конфронтации сил сыграл Греч. Видимой причиной к размышлению послужила статья П. об алым. Рылеева и Бестужева

«Полярная звезда» («Соревнователь», 1823, № 1; анонимно). В целом положит. отклик вызвал, однако, бурную полемику на чрезвычайном заседании 29 янв. 1823. Присутствовали в осн. сторонники партии Греча — Рылеева — Бестужева. Греч в большой речи представил статью П. как «самовольную» и оскорбительную для издателей «Полярной звезды», что привело к временному отстранению от дел П., Глинки и назначению на ключевые посты Греча, О. М. Сомова, Рылеева, А. О. Кориниовича. Гнедич и Дельгач самоустранились. Перемена декораций прежде всего усугубляла Греча: как издатель журнала «Сын отечества» он был заинтересован в ослаблении влияния «Соревнователя» — конкурирующего издания. Об «удаче» Греча свидетельствует отчет секр. Об-ва Никитина за 1823: «Общество, отказавшись уже от славы помещать в „Соревнователе“ отборные произведения, должно было довольствоваться весьма посредственными» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 5, л. 3). Пошатнувшиеся дела Об-ва — сокращение числа подписчиков и нерегулярность издания ж-ла — побудили его членов ходатайствовать об обновлении активного сотрудничества П. в 1824.

Плодом участия П. в ВОЛРС явилась идейно однородный цикл критич. статей и рец. (к нему примыкали его пер. из книги Ж. де Сталь «О Германии»: «О главных эпохах немецкой словесности» и «Лессинг и Винкельман» — «Соревнователь», 1820, ч. 11). В образах совр. поэзии — в т. ч. идиллии Гнедича «Рыбаки», сатире М. В. Милонова, в пер. Жуковского «Шильонский узник» Дж. Байрона — критик усматривал приметы народности и гражд. звучание (все три рец. 1822).

В идиллии Гнедича «народное» видел в использовании «местного» мат-ла — рус. простонар. быта и рус. фольклора (при соблюдении ограничений в изображении «низкого» — истина не должна оскорблять вкуса). Выделяя в поэзии Милонова «сатиру», «пылкое негодование» на «разврат века», П. называет его поэтом «музыкальных дарований»: «он самыми резкими чертами изображает пороки» (Плетнев, I, 13, 15, 22). Традиционные, односторонне-эмоц. «стилистические» суждения о стихах П. «опираются» на конкретные особенности поэтич. речи и нередко соотносит индивидуальную поэтику с ведущими эстетич. тенденциями времени.

Гл. заслуга П.-критика: он первым в самом нач. 20-х гг. (еще за 14 лет до В. Г. Белинского) ввел характеристики поэтов по внутр. существу их поэзии, прибегая при этом и к общ., историко-типологич. определениям и сопоставлениям.

В «Заметке о соч. Жуковского и Батюшкова» (опубл. в уч. кн. «Опыт краткой истории рус. лит-ры» Греча, 1822) вначале выявляется общее достижение «сих утвердителей новейшего языка поэзии» русской — «чистота» (отсутствие усеченных слов, неправильных ударений, смеси славянизмов с «рус. наречием»), «свобода» (расстановка слов «в периоде» в согласии с «естественным словосочетанием», что «очищает дорожку течению мыслей», придает поэтич. речи «легкость» и «гармонию» («плотнота звуков, смотря по общности мысли», т. е. точного соответствия между поэтич. содержанием и поэтич. выражением). (Названные П. «совершенства» в целом предвзвешивают пушкинское понятие «школа гармоничности точности».) Переход к индивидуально-типологич. своеобразию поэтов, П. называет Жуковского основателем романт. школы в России (непреходящим по глубине сердечных чувств, смелости воображения и мечтательности, «свежести» картин природы), а Батюшкова — представителем «новейшей классич. школы» («воображение», выдержавшее «искусство обдуманности», красота «пластическая», а не «воображаемая», «он задумывается, а не воображает», «слог его необычайно мелодичен») (цит. по кн.: «Статьи», 1988, с. 24—28).

Образцом емкой духовно-эстетич. характеристики у раннего П. явилась заметка «Элегия Батюшкова „Умиравший Тассе“» (в «Журнале изящных искусств на 1823», где он сотрудничал); в ней отмечены и культурно-ист. «подтекст» ряда ключевых слов элегии, и сочетание в ней «героического» и «трогательного», и «моральная истина» о всевласти судьбы, воспринимаемой, однако, с христ. надеждой на «небесное» возрождение, и заветная идея Батюшкова-поэта о единстве жизни и поэзии. Так же сквозь призму одного стих. («Муза», 1821) критик увидел и ряд устойчивых особенностей пушкинской поэтики («необыкновенную прелесть простоты и естественности» вымысла, «живость, разнообразие и легкость» «хода» лирич. сюжета) и способность Пушкина создавать всецеловеческое произведение — «совершенство таланта, ничем не привязанного к к.-н. одному месту на земле, но свободного и всем общего» («Антологические стихотворения: „Муза“ и „К уединенной красавице“» — «Соревнователь», 1822, № 7; цит.: Плетнев, I, 60). О нелицеприятности оценок П. свидетельствовал критич. разбор «Кавказского пленника» Пушкина, содержащий упрек в неубедительности любовной коллизии (одобрен на заседании ВОЛРС 11 сент. 1822). По более позднему определению Вяземского, П. рано обнаружил «изысканий и верный вкус, с к-рым любил справляться и советоваться Баратынский и сам Пушкин» (Вяземский, Памяти П., с. 154). К 1825 П. уже получил известность как один из лучших столичных критиков, хотя его разборы и рец. почти всегда оставались лишь «добрыми критиками» (по дружески-укорит. слову Пушкина — XIII, 154).

В нач. 20-х гг. П. примыкает к пушкинскому «союзу поэтов» (Дельвиг, Кюхельбекер, Баратынский; сам Пушкин — в ссылке). В его лирике на первый план выходят послания с традиц. культом дружбы, личных симпатий («К Дельвигу», «К Баратынскому», написаны в 1820 и 1822); слияние «высоким истинам», поэзия утверждаются как абсолютные жизненные ценности, предназначение поэта декларируется как высшее («К Музе», 1822). Жанр послания позволил П. обрести свою нишу в «союзе поэтов», почувствовать себя равным высоким друзьям («К Вяземскому», написано в 1822, «К Ф. Н. Глинке», 1821, «К Н. И. Гнедичу», «К Воейкову» — оба 1822). «Личностный комплекс» плетневских посланий, включавший тяготение к исповедальности, слиянию с миром поэзии и мечты, в известной мере наложили отпечаток на образ П. — адресата пушкинского посвя-

щения к «Евгению Онегину» («Не мысля гордый свет забавить»), где образ-формула «прекрасная душа» (восходящая к понятию нем. сентиментализма «schöne Seele») выражала и склад его души, и этико-эстетич. программу его лирики (см.: Вацу-ро (2), с. 34, 173).

Не лишенный имитаторской способности (его стих. «К рукописи Баратынского»), 1821, долго приписывалось самому Баратынскому П. в том же году написал послания «Батюшков из Рима» (1821, анонимно) и «Жуковский из Берлина» (1822), выдержанные в элегич. манере поэтов. Авторство первого мн. современники приписали самому Батюшкову, пребывавшему в Италии; но болезненная реакция настигаемого душевным недугом поэта («Я отныне писать ничего не буду» — I, 290—91), увидевшего в послании открытое признание угасания его таланта, вызвало их неудовольствие: похвальный шутка П. была воспринята как умышленно недоброжелат. мистификация. Гнедич пытался заочно объяснить и оправдать поступок П. Пушкин же отреагировал (в письме к брату) на огорчит. инцидент резко: «„Батюшков из Рима“ не имеет человеческого смысла...» (XIII, 46), добавив далеко не лестное суждение о поэзии П. Брат показал письмо П.; желание прямодушно оправдаться в глазах Пушкина подвигло его написать элегич. послание «К А. С. Пушкину», полученное адресатом не позже окт. 1822.

В центре предельно исповедальной элегии — образ бескорыстного труженика на поэтич. поприще, отягощенного чередой «забот унылых», среди «суровых нужд, желаний безнадежных». За традиц. метафорами — «тополь одинокий», «бури грозных дней» — трудная юность разночинца, одиночество в мире, где он «теплотой отравной не согрет». Устойчивое уже для совр. лит-ры противопоставление рубища и хижиницы злату мира проникнуто у П. такой теплотой, что Пушкин не мог не признать искренности тона элегии и достоинства чувства: «Если первый стих твоего послания написан также от души, как и все прочее, то я не раскаиваюсь в минутной моей несправедливости — она доставила неожиданное украшение словесности» (письмо к П. от нояб.—дек. 1822).

С 1824 П. — ближайший сотрудник Дельвига по альм. «Северные цветы». 1-я книга альм. (на 1825; вышла во 2-й пол. дек. 1824) открылась его обзорной статьёй «Письмо к графине С. И. С(аллюгуб) о русских поэтах». Статья проникнута патриотич. стремлением открыть образованной публике, увлекавшейся преим. франц. поэзией (особенно А. Ламартином), несомненные достоинства совр. рус. поэзии — Жуковского, Батюшкова, Баратынского («соединяет истину чувств с удивит. точностью мыслей» — с. 192), Пушкина (его «три поэмы... доставили бы ему славу не только во Франции, но и в Англии» — с. 178), И. А. Крылова, а также Вяземского, Глинки, Гнедича, Д. В. Давыдова, Н. М. Языкова, Кюхельбекера, Рыльева [в альманашной публикации сознательно был опущен отзыв о Дельвиге], — позволившие обозревателю назвать ее началом «золотого века» (с. 174) рус. словесности (цит. по кн.: Плетнев, I).

Отрицат. мнение о статье было высказано А. А. Бестужевым («акафист Баратынскому и прочим» — письмо Вяземскому от 12 янв. 1825), но наиб. резко — в рец. на альм. в «Сыне отечества» (№ 2, с. 200—08; № 3, с. 320; вероятно авторство Греча и Булгарина — см. об этом в кн.: Пушкин в прижизненной критике, с. 423—24). Однако сю остались недовольны и

Пушкин с Баратынским: за апологию уходящей элегич. школы, навязчивое сопоставление с кумиром унылых элэгиков Ламартином, акцентирование элегич. мотивов в их собственном творчестве, превелич. хвалу элегикам А. А. Крылова и В. И. Туманского, преждевременное возмущение «золотого века» рус. поэзии и «разнообразия» нашей словесности; словом, в суждениях критики они усматривали следы доромантич. «караманзской» эстетики (см.: Вацу-ро-1, с. 42—43). Критич. разбор статьи, сделанный по настоянию автора, Пушкин дал в письме П. (кон. янв. — нач. февр. 1825); оно не сохранилось, но сумма резов Пушкина хорошо просматривается в столь же прямодушно покаянно-оправдат. письме критика от 7 февр. 1825. Смирная с осн. пунктами осуждения, П. все-таки не отказывает совр. рус. поэзии в высоких достоинствах и «разнообразии» «истинных поэтов» (попутно называя «всехочесными» Г. Р. Державина, И. Крылова и Пушкина).

Той же мыслью — по достоинству совр. рус. лит-ра не уступает совр. европейской — проникнута и собств. рецензия П. на 1-й выпуск «Сев. цветов» («Соревнователь», 1825, № 1, с. 85—111), составленная из характеристик бесспорных образов поэзии и прозы альманаха. Обс. «добрые критики» (обзор и рец.) П., несмотря на отрывочность характеристик и отсутствие общезстетич. идеи-ориентира («жкая ералаш!» — реплика Пушкина об обзоре в письме Вяземскому от 25 янв. 1825), способствовали (наряду с его же рец. 1827 «О стихотворениях Баратынского», защищавшей поэта от упреков в безразличности, — СЦ на 1828, СПб., 1827) объединению лит. сил вокруг «Сев. цветов» не менее, чем его участие в редакционно-издательских делах по альманахам.

Еще в 1821 П. предпринял 2-й книжно-издательский опыт: по просьбе Тургенева выпустил в свет сочинения В. Л. Пушкина. Удачное начало укрепило его авторитет в кругу петерб. литераторов в качестве «энтузиаста истинных талантов» (как сам он себя называл). В 1823 он взял на себя хлопотные обязанности по 3-му изд. «Стихотворений» Жуковского (вышло в трех томах к нач. марта 1824). Издание удалось: Пушкин пожелал издать «не хуже» собств. стихотворения — при участии того же П. В 1824 Пушкин поручает ему издание 1-й гл. «Евгения Онегина» и включает его в число судей романа: «Созови мой Ареопаг, ты, Жуковский, Гнедич и Дельвиг — от вас ожидаю суда и с покорностью приму его решение» (письмо к П.: кон. окт. 1824). В 1825 поэт уполномочил П. издать его стихи, расположив их и исправив смысловые искажения по собств. усмотрению. В янв. 1826 издание вышло в свет («Стихотворения Александра Пушкина», СПб.), и П. хлопочет о публикации глав романа (Пушкин решает опубликовать отдельно 4-ю и 5-ю гл. с посвящением П.; 1828). Переписка П. с опальным поэтом уже к 1824 отнюдь не сводилась только к материально-

деловым издат. интересам и была исполнена духовного и лит.-эстетич. взаимопонимания. В 1826 за Пушкиным устанавливается полит. надзор (по делу декабристов), а вместе с ним, с 6 мая, учреждено секретное наблюдение за П.

Очевидно, что П., как и др. участники дельвиговского кружка (хотя и в меньшей степени), сочувствовал декабристским воякам эпохи: обличению дворян, отягчающих и без того «несчастную долю» «земледельцев» (послание «К Вяземскому», 1822, опубл. 1885), осуждению произвола властей, официоза и засилья цензуры («И дар убит невежеством и силой» — не пропущенная цензурой строка в послании «К Пушкину»), хотя идеологии декабризма он остался чужд (что не мешало ему ценить стихи Рылеева, Кюхельбекера, Ф. Глинки и соглашаться с их анонимной публикацией в дельвиговских изданиях после востанния 1825).

Самые заветные и сокровенные интимные чувства и мысли П. поверал своей лирике. Вероятно, в 1824 его настигло тяжкое сердечное испытание — разлука с женщиной близкой ему и «сердцем, и душою», но внезапно покинувшей «гением порока», явившимся в «образе дружества» («Разлука», написано в 1824, опубл. 1825). Сердечная боль отзывалась «унылыми» мотивами в стих. 1824—25: прощание «и с весной и с красотой», несбыточность желаний и надежд («Измена»), «думы черныя» («К товарищам»), «двух немощи» и сомнения, измена собственной душе по прихоту страстей («К И. И. Козлову»); завершает их почти романтич. отчаянием в стих. «Объяснение» (написано до окт. 1825): «Я мрачен, дик, людей бегу! ...Боясь друзей возненавидеть! ...Мне страшно думать: это люди» (последний стих не раз цитировался в переписке Пушкина и его родных).

Этих же настроениями окрашено «Послание к Жуковскому» (1824, опубл.: «Соревнователь», 1825, № 1). Высоко чтя поэзию Жуковского и защищая ее от критич. нападков, П. не преминул, однако, высказать сомнения в благоговейности поэтик, умолчания о реальном торжествующем зле.

Согласно архиву (РГИА, ф. 519, оп. 9, 1826 г., л. 607, л. 3—4) к концу июля 1826 П. был женат. Грот же относит женитьбу П. на С. А. Равской (1795—1839) к концу 20-х гг. (они имели дочь Ольгу, май 1830 — окт. 1851).

В нач. 2-й пол. 20-х гг. П. написал ряд кратких «антологич. элгий»: наряду с «Садовником» (и в русле того же патриархально-горацианского умонастроения) — «Рассудок и страсть», «Море», «Ночь» (все — СЦ на 1827) и «Безвестность» (СЦ на 1828, 1827). Они исполнены умиротворенной и чистой мечтательности; интонационно-синтаксич. строй, особенно размеренный рус. александрийский стих — отделаны строго и в унисон осн. мотивам элгий. миниатюр. Ими по существу закончился творч. путь П.-поэта (после опубл. два переводных отрывка из «Ромео и Юлии» Шекспира — без подписи и ориг. «Отрывок»).

Во 2-й пол. 20-х гг. расширились пед. занятия П.: с 1826 (по рекомендации Жуковского) преподавал язык и словесность вел. кн. Елене Павловне, с янв. 1828 — вел. княжнам Марии Николаевне, Ольге Николаевне и наследнику — будущему имп. Александру II (с ним занятия продолжались до 1837); с мая 1825 до февр. 1828 — в Пажеском корпусе; с мая 1830 до 1832 — в Школе гв.

подпрапорщиков и кав. юнкеров. (Уже в 1826 получил 2-й орден за пед. деятельность.)

В тот же период, оставаясь в ядре дельвиговского кружка, П. продолжал интенсивно сотрудничать в издании «Северных цветов», в т. ч. подбирал мат.-лы, вел переписку с авторами, корректуру, переговоры с цензурой (с нач. 1827 свои редакционные хлопоты делил с Сомовым). Участвовал также в изд. «Лит. газеты» Дельвига (янв. 1830 — июнь 1831).

В 1830 Жуковский препоручил заботам П. молодого малороса — Николая Гоголя (уже признавшего авторитет критика анонимным преподнесением ему в 1829 книжки «Ганс Гюхельгартен»). П. посодействовал его учительской карьере, но, главное, с воодушевлением подвел начинающего писателя под «благословение» Пушкина (их личная встреча состоялась у П. 20 мая 1831; см. также письмо П. к Пушкину от 22 февр. 1831). Введение в пушкинский круг привело к решит. повороту в творч. судьбе Гоголя.

В 1831 П. постигло горе: неожиданная кончина Дельвига и вскоре скоростипная смерть от холеры П. С. Молчанова, второй его привязанности (статс-секр., его покровитель при дворе). П. «ко всему охладел» (из письма к Пушкину от 19 июля 1831) и погрузился в уныние и апатию настолько, что почти не участвовал в издании последнего вып. «Сев. цветов», посвященного памяти Дельвига (Баратынский тщетно уговаривал его: «Примись опять за перо, мой милый Плетнев»: «выразить чувство ... значит овладеть им. Вот почему самые мрачные поэты могут сохранить бодрость духа» — см.: Летопись жизни..., 1998, с. 264).

В «Некрологии» другу (ЛГ, 1831, 16 янв.), написанной намеренно сдержанно и беспристрастно, он выделил три достоинства творчества и деятельности Дельвига: «музыка величественной простоты» в поэзии, «полнота и ясность» критич. суждений о «разных отраслях словесности», «аристократизм» ума и сердца в об-ве, сложившемся вокруг него как издателя «Сев. цветов» и «Лит. газеты». Пушкин, не раз перечитав «некрологию», одобрил ее.

Со смертью Дельвига «союз поэтов», бывший ядром дельвиговского кружка, распался; отделяется Баратынский (хотя с самим П. он до конца жизни сохраняет прежние дружеские отношения и переписку). В июне закрылась «Лит. газ.», в дек. вышли последние «Сев. цветы» (на 1832 г.). В лит. деятельности П. наступил спад, отчасти обусловленный и его новой, ответственной пед. деятельностью: в сент. 1832 по приглашению С. С. Уварова он занимает кафедру рус. словесности Петерб. ун-та и Гл. пед. ин-та в звании ординарного профессора. 31 авг. 1833 на торжественном открытии уч. года произнес речь «О народности в лит-ре» (публикация речи открывала пер-

вый программный номер «Журнала Мин-ва нар. просвещения», созданного в 1834 под эгидой Уварова).

П. соотносит и связал «идею народности» с понятием «нации»: «нацию» помимо языка определяет некое самобытное единство душевных «стихий», особенностей «народного духа» и «нравств. сил» народа, складывающихся и проявляющихся в ходе его истории; именно они являются «конечной причиной всех учреждений, всех подвигов, всех памятников, существования ... нации» (с. 6). Устремленность к нац. истокам наиболее естеств. путь художника к достижению «истины» в иск-ве; так П. стремится сомкнуть «идею народности» с понятием правды в иск-ве (попутно осуждая «проповедников космополитизма», готовых «весь род человеческий облечь в свою бесцветную одежду» — с. 17). В России народность в лит-ре «возродили» Державин и Д. И. Фонвизин (чему способствовала Екатерина II, ее «верование в историю России» и «воззвание русского духа на все попрisha гражданственности нашей» — с. 24), а закрепили ее «преимущество» в лит-ре — Карамзин-историк и Крылов (с. 24, 29).

Утрата друга еще теснее сблизила Пушкина и П. В 1835—36 П. ревностно сотрудничает в пушкинском «Современнике»: заведует редакцией, корректурой, пишет статьи — так, в первом же номере ж-ла публикует программную ст. «Императрица Мария» (1836).

Гибель Пушкина глубоко сокрушала П.; он был одним из немногих, кого пожелал поэт видеть перед смертью (в 1838 П. написал: «Я был для него всем, и родственником, и другом, и издателем, и кассиром» — Пушкин и его современники..., в. 13, СПб., 1910, с. 636). В 1837 вместе с Жуковским, Вяземским, В. Ф. Одоевским и А. А. Краевским выпускает в пользу семьи 4 тома «Современника» (более походившие на сб-ки поэзии и прозы). Безвозмездно участвует в посмертном издании «Соч. А. С. Пушкина» (т. 1—8, 1838, т. 9—11, 1841), терпя подчас необоснов. упреки и грубый тон Опеки. Отчитываясь за каждый свой шаг, отстаивая право издавать в «Современнике» неопубл. произв. Пушкина, ссылаясь на Жуковского, но не получая его поддержки, что обижало П. Написанный им для собр. соч. очерк о творчестве и личности Пушкина Опека отклонила как не соответствующий жанру биографии. Опубликованный позже в «Современнике» под назв. «Александр Сергеевич Пушкин» (1838, т. 10), он был замечен Белинским: «Статью эту можно назвать взглядом на жизнь нашего поэта» (П, 407).

В 1838 П., следуя примеру и заветной цели Пушкина, взял на себя бремя издателя-редактора «Современника» как журнала, полагааясь на участие в нем литераторов из ближайшего окружения Пушкина 30-х гг. и вкладчиков «Совр.» 1836 и 1837.

Временное огорчение не ослабило крепниущих в 30-е годы отношений между П. и Жуковским — во 2-й пол. десятилетия они приобрели характер идейно-эстетич. близости, явно запечатленный в их ставшей с сер. 30-х гг. систематич. переписке. Усилиями П., Вяземского и Гоголя Жуковский воспринимался как духовный глава «последушкинского» кружка («У тебя на Руси, — писал Вяземский 21 ноября 1842 — есть апостольство и ты должен проповедовать Евангелие правды и Карамзина за себя и за Пушкина»).

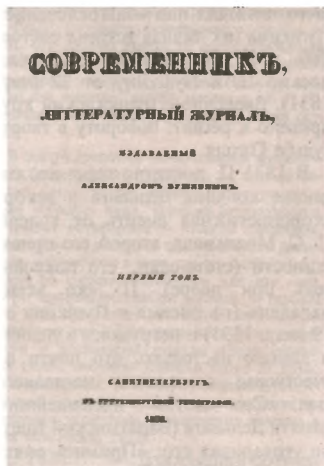
«Современник» сохранил прежних вездущих вкладчиков: Жуковского (стихотв. сказки: «Тюльпанное дерево», «Кот в сапогах», «Сказка об Иване-царевиче и сером волке»; стихи, переводы, статьи), В. Одоевского («Городок без имени», «Психологические заметки»), Тургенева («Хроника русского»), Баратынского (св. 10 стих.), Вяземского, Гоголя (2-й ред. пов. «Портрет», ст. «Об „Одиссее“, переводной Жуковский»). Тютчева (14 стих.); однако деятельного участия в судьбе ж-ла ближайшим друзьям Пушкина не приняли. Сам П. напечатал ок. 50 статей и библиограф. заметок, в т. ч. направленных против «торговой словесности» (тогдашней «мысловой литературы»), к к-рой относил и переводные романы «новой франц. школы», постоянно указывая на их «безвкусицу» («Совр.», т. 44, с. 246—247); опублик. не менее 50 мат-лов (стихотв. и прозаич.) из наследия Пушкина. Из поэтов «пушкинской поры» в ж-ле участвовали также Ф. Глинка, Н. Языков, из поэтов, заявивших о себе в ее последнее пятилетие, — М. Д. Деларю (преим. переводы), Л. А. Якубович, А. В. Кольцов (6 стих.), П. П. Ершов, Е. П. Ростопчина (ок. 40 стих.), 10 дек. 1840 П. написал Я. К. Гроту, «она... первый поэт теперь на Руси»; из вошедших в лит-ру вслед за ними «Совр.» опублик. стихи Э. И. Губера, К. М. Айбулата, И. П. Матлева (свыше 10 стих.), Н. Я. Прокоповича, В. Г. Бенедиктова, Е. П. Гребенки, ранний М. Е. Салтыкова-Щедрина (8 стих.), И. С. Тургенева, И. С. Аксакова (1846, т. 4) и Н. В. Берга (преим. переводы с сербского), малоизвестной поэтессы Е. Н. Шаховой, а также «введенных» в лит-ру непосредственно П. — Е. Л. Мильгеева и Д. И. Контева. В 1837—38 в «Совр.» появились «Бородино» (т. 6) и «Тамбовская казначейша» (т. 11) М. Ю. Лермонтова.

Проза «Совр.» (включая не только «изыскую словесность», но и ист. статьи, нравств. очерки, воспоминания) представлена помимо названных давних вкладчиков именами А. И. Измиллова, П. А. Кулиша, Ф. Ф. Корфа, И. В. Неведомского (историка), О. П. Шишкиной, В. И. Дале (скупно и до 1842). Но вездущим беллетристом стал Г. Ф. Квитка (преим. своими серьезно-«чувствительными» — в традиции сентиментализма — пов. и романами, весьма ценными П., — см. письмо Вяземскому от 28 дек. 1838); побуждаемый П., он написал также два памфлета «Знание гости» (1840) и «Мемуары Евстратия Макушина» (1841), колко задевавшие альянс Греча — Булгарина, Н. А. Полевого, а также статьи Белинского в «Отч. зап.»).

Критика «Совр.» написана по преим. самим пл. редактором. Старшим именитым лит. друзьям и близким — Жуковскому, Вяземскому, Гоголю — принадлежат лишь отд. выступления. Не лишены критич. актуальности мн. историко-лит. статьи Я. К. Грота, второго, после П., лица в «Совр.» — и как плодотворного автора и как непосредственного соучастника в составлении программ и редактуре очередных номеров. Лично их знакомство состоялось при посещении Гро-

том (по приглашению хозяйки) «плетневской среды» 2 марта 1838 для обсуждения сделанного гостем пер. «Мазепы» Байрона. Перевод вышел в т. 1 за 1838, и вскоре Грот стал постоянным сотрудником, а затем другом П. на всю жизнь, несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте (в февр. 1841 они заочно выпили «для потопления ненавистного „вы“ и перешли на „ты“»). Вместе с Измилловой, дружески преданной П., они составили редакционный «триумvirат», опи. на лит. единомыслии и нравств. единодушии и так определявший критич. «лицо» ж-ла: «Суждение „Совр.“ беспристрастно, положительно и столько умеренно, сколько требует того первая в общечеловеч. обязанность — благоприличия» (т. 9, с. 330). (О составе ж-ла см.: [Грот Я. К.], Ук. содержания «Совр.» за десятилетие с 1836 по 1845 г., СПб., 1846.)

Благодаря Гроту «Совр.» явился посредником между рус. и скандинавской культурами, опубликовал немало переводов лит. памятников и произв. швед. и фин. авторов, а также работ о них (в т. ч. П.: «Финляндия»).

«Современник» (СПб., 1836). Обложка.

дия в рус. поэзии, 1842, и «Эпоскоп Франсен, шведский поэт», 1845). Ориентируясь на сканд. лит-ру (особенно Фредерику Бремер и Х. К. Андерсена), «Совр.» вырабатывает своеобразную концепцию «Севера» как альтернативу «схватке» западников и славянофилов: в сканд. цивилизации достоинства европ. просвещенности сочетаются с неоспоренностью и патриархальной нравственностью.

Обстоятельства, требовавшие пост. присутствия П. на посту издателя, выдвинули его не только как связующий центр для литераторов старшего поколения (наряду с Жуковским, активно переписывается с Вяземским, Гоголем, для к-рого становится, как прежде для Пушкина, и другом, и издателем, и кассиром), но и как наставника и покровителя для молодых литераторов (к чему его подвигала и проф. деятельность).

В 1838 он принял участие в судьбе сб. поэта-самородка Мильгеева, публикуя на страницах «Совр.» его автобиографию, стихи и помогающую материалю. П. стал крестным отцом «Конька-горбунка» 19-летнего студента П. П. Ершова:

авел сказку в студенч. аудиторию, а автора — в круг Пушкина, Жуковского (в 40-е гг. между ними сохранилась переписка, Ершов переслал из Сибири для «Современника» два неопубл. стих. Пушкина, посв. И. И. Пущину и от него же полученные; П. оговорительно отозвался о рукописи «Сибирских вечеров» Ершова и выхлопотал для него должность адъюнкт-профессора в ун-те, чем Ершов не смог воспользоваться). П. открыл для лит-ры писательницу Н. С. Казановскую, заочное знакомство с к-рой началось в 1846, а в 1850 он рекомендовал ее Жуковскому как «чуждое существо», автора «интересных, оригинальных и со всею увлекательностью написанных» рассказов (Плетнев, III, 622). Сборник Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» (1843) П. увидел как создание поэта многообещающего, наделенного «мыслящим воображением». (Позднее признавал лит. лидерство Некрасова, считал возможным говорить о существовании школы «некрасовцев», но не принимал его обществ.-демокр. позиции.)

«Совр.» почти все время сознательно чурался открытой идейно-обществ. полемики и борьбы «лит. партий». Но к «скрытой» полемике он прибегал не раз: так, статья П. о пер. Жуковского «Нале и Дамаянти» явилась косвенным ответом на упрек Белинского в несоответствии общественным вопросам «безличностного» пафоса Жуковского; его мемуарный очерк о Пушкине противостоял некрологич. ст. «Пушкин» Н. Полевого; в его же рецензиях на первые стих. Тургенева, А. Н. Майкова, А. Н. Плещеева улавливается стремление оградить поэтов от влияния Белинского, направив их в «пушкинское» русло.

Отстраненность от прямой полемики вокруг кардинальной для 40-х гг. рус. культуры проблемы — «западничество и славянофильство» вызывала недовольство даже у сочувствующих П. славянофилов: И. В. Киреевский называл направление «Совр.» «исключительно литературным» (Киреевский, с. 199) и, по словам самого обиженного П., уверял, что ж-л «закупорил себя в устарелой форме эстетич. изящества» (РНБ, ф. 850, № 441, письмо С. П. Шеврёву от 4 апр. 1846). Второй упрек П. толкует суженно: как увлеченность внешними, формальными изысками, и в оправдание (хотя и не по адресу) в том же письме пишет: «Я в самых коротких моих заметках всех выражал идею, что литература и жизнь — одно и то же, что изящество без отношения к фактам — пустозвон» (там же).

Вторым «недостатком», охлаждавшим интерес к ж-лу широкой публики, стало исчезновение в нем, с нач. 1840-х гг., русской прозы: настало время прозаизации рус. словесности и распространения в ней принципов «натуральной школы», а «Совр.» воспринимал ее довольно критично. Гоголь, вначале приветствовавший «скромное и чистое направление» «Совр.» («рыночная толпа не должна знать к [нему] дороги» — см. письмо к П. от 17 марта 1842), сочувствовавший его внеконфликтной позиции, со временем опасался его недееспособ-

собности; а в 1846 он вынес строгий приговор: «Современник» вышел плохим журналом, несмотря на прекрасную цель» (Гоголь Н. В., Письма, т. 3, СПб., 1901, с. 267).

В 1840-е гг. П. способствовал изданию «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя. Его ст. «Чичиков или „Мертвые души“ Гоголя» («Совр.», 1842, т. 27), ставшая событием в лит. жизни, написана по просьбе автора: «Я дорожу вашим мнением. У вас много внутреннего, глубоко эстетического чувства, хотя вы не брызжете внешним, блестящим фейерверком» (Гоголь, ук. соч., т. 2, с. 231—32). Белинский признал статью П. «единственно хорошей статьей из всех написанных по поводу поэмы Гоголя» (VI, 410). Определяющая установка статьи: «Мертвые души» — вершинное «создание ума высшего и необыкновенно оригинального» и нуждается не в защите, а в понимании (Плетнев, I, 480).

Гоголь идет по пути непроторенному и сам создает эстетич. традиции; он «вводит в эстетич. сферу такие обстоятельства, из к-рых обыкновенный писатель не извлек бы ничего, кроме натянутых острот и скучных шуточек»; он видит даже в нелепых героях высокое и трагическое, у него «ничто не смешно, потому что в жизни и действиях каждого есть истина, убеждающая читателя». Недостатком ром. П. считает отсутствие в нем «серьезного общественного интереса»; «но сто мы еще не встречаем и в нашей жизни» (там же, с. 487).

Во 2-й пол. жизни П. создал лучшее в своем лит. наследии — «биографии»: Пушкина (1838), Баратынского («Е. А. Баратынский» — «Совр.», 1844, т. 35), Крылова («Жизнь и соч. И. А. Крылова» — в кн.: Крылов И. А., ПСС, т. 1, СПб., 1847) и Жуковского («О жизни и соч. В. А. Жуковского» — «Живописный сб.», 1853, т. 3), выполненные в жанре лит.-мемуарного портрета или очерка. «Биографии» вочую «оправдали» предсказание П. в давней элгии, обращенной к Пушкину: «Их счастьем я счастлив был равно! В моей тоске я видел их унылых! Мне в славе их участие дано! Я буду жить бессмертием мне милых» («К А. С. Пушкину»).

Общей основой и решающим «документальным» источником «портретов-очерков» явилось личное знакомство автора с их «героями». Оно влекло за собой другую особенность — «анекдоты» или «предания» из жизни писателя. П. успешно избежал подмены повествования «распространенным» формулярным списком. Пушкинская идея об «анекдотах» отложилась в сознании П. рядом с другим советом поэта: писать «жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасным, светлым, чистым разумом и надеждами» (Плетнев, III, 363).

В очерке о Пушкине П. источником новизны стали письма поэта к П. Публикуемые впервые, скупно и бережно, они вводили в повествование

сложные и простые вместе коллизии внут. мира поэта. В портрете Баратынского минимум личного начала — встреч, писем. Он представлен психологом-аналитиком: «Он весь предан развитию страсти, изучению человека во глубине его сердца и воли» (Плетнев, I, 560). В портрете Крылова изобилует «анекдоты», что особо способствует рельефности и полноте портретирования рус. баснописца на широком фоне лит.-общества. жизни. Критик убежден в «всесовершенности» баснописца. «На него никогда не пройдет мода, потому что успех его от нас никогда и не зависел» (Плетнев, II, 111). Парадоксы личности и творчества Крылова наложили отпечаток на стиль, манеру, характер заключений самого «портрета» (по оценке Белинского, «умная, мастеровская написанная работа» — X, 270). Портрет Жуковского отличает элгич. интонация. Поэтич. стиль, присмыслы ретроспекции, цитаты из писем создают ощущение связи времен почти 5 десятилетий. П. рисует мастера и в процессе творчества, и стонически несущего бремя земных невзгод, повелевающего своей большой плотью. Повествование пронизано атмосферой «высокого»; судьба поэта и судьба России едины — такова исходная посылка П. при характеристике и переводов Жуковского и его патриотич. стихов («Эпоха была беспримерная — и певец явился достойным ее» — Плетнев, III, 767).

Более чем сдержанно относился П. к М. Ю. Лермонтову и А. И. По-

П. А. Плетнев. Рис. Бориспольца. 1840-е гг.

лежаеву; он не сочувствовал подчеркнутой дисгармоничности их поэтик. миров. В переписке с Гротом скептически отзывался о Лермонтове, но как критик, историк лит-ры признавал «независимость таланта» и «верность чувств» поэта. Называя Лермонтова идейным преемником Пушкина («прекрасно постигнул все то, что ... завещал великий его предшественник» — «Совр.», 1843, т. 29, с. 121), считал, однако, что Лермонтов не внес в литературу «нового характера и собственного направления». Среди последних выступлений П. в критике «Отзыв о драмах „Горькая судьбина“ и „Гроза“» («Ответ о четвертом присуждении наград графа Уварова», СПб., 1860, с. 30—41). Высоко оценивая драмы (отмечая даже их «привилегированность» в рус. лит-ре 2-й пол. XIX в.), он как председатель П. отд. АН (с марта 1859) исходатайствовал присуждение пьесам А. Ф. Писемского и А. Н. Островского академич. премии.

Последние пять лет жизни из-за болезни провел во Франции, вместе со второй женой (после десятилетнего вдовства П. в 1849 обвенчался с княжной А. В. Шетининой; у них родились два сына), где и скончался. «Заслуги, оказанные им отечественной литературе, не кидаются в глаза с первого раза. Но они отыщутся и по достоинству оценятся при позднейшей разработке и приведении в порядок и ясность действий и явлений современной ему эпохи», — так писал Вяземский («Утро. Лит. и пол. лит. сб.», М., 1866, с. 154).

За 5 дней до смерти по просьбе М. М. Стасюлевича П. написал письмо для первого номера «Вест. Европы» (1866) о высокой культурно-ист. миссии Карамзина, его плодотворных усилиях примирить различные культурные и общественные рус. течения, сохраняя при этом их способность к обновлению и развитию. Письмо стало лит. завещанием самого П.

Др. произв.: «Хронологический список рус. сочинителей и библиографических о их произведениях» (Посobie по истории словесности для наследника) (СПб., 1835; перепеч.: «Сб. Имп. рус. ист. об-ва», т. 30), «Шекспир» («Совр.», 1839, т. 13), «Опыт истории рус. лит-ры» проф. Никитенко» (там же, 1845, т. 38), «Граф Е. Ф. Канкрин» (там же, 1846, т. 42; включает сведения о нем как писателе), «К читателям „Современника“» (там же, 1846, т. 44), «Памяти С. С. Уварова, президента АН» (МВед, 1856, 28 февр., 1, 5, 6, 8 марта).

Изд.: Соч. и переписка, т. 1—3, СПб., 1885 (т. 3 включает поэзию и переписку с Пушкиным, Вяземским и Жуковскими); [Стих.]. — В кн.: Поэты 1820—1830; Изв. послания А. Н. Майкова и П. — РЛ, 1984, № 2 (публ. Е. П. Горбенко); Статьи. Стихотворения. Письма, М., 1988 (вступ. ст. А. А. Шеласовой; К моей родине. Собр. стих., Тверь, 1992 (вступ. ст. С. Белеховой и М. В. Строганова); Стихотворения (сост., ред. текстов и прим. С. П. Белеховой и М. В. Строганова), Тверь, 1998 [полн. комментиров. собр.]; О новых стих. В. А. Жуковского. — «Филология», Краснодар, 1993, № 1 (публ. Е. П. Горбенко); [Рец. и отзывы о Пушкине]. — В кн.: Пушкин в прижизненной критике 1820—1827, СПб., 1996 (ук.).

Письма: Переписка Я. К. Грота с П., т. 1—3, СПб., 1896 (ук.); Муратова (1); Письма к В. А. Жуковскому — Ежегодник РО ПД, 1980, Л., 1984 (публ. Е. П. Горбенко); Горбенко Е. П., Из переписки П. (1821—1864). — Памятники культуры. 1986, Л., 1987; Переписка Н. В. Гоголя, т. 1, М., 1988 (заметка и комм. о переписке с П. — М. Н. Виროлайнен; ук.). См. также раздел Изд.

Биогр. мат.-лы: Тургенев И. С., Лит. вестер у П. [1869]. — Тургенев, XI; Грот Я. К., [Восп. о П.]. — РА, 1869, кн. 3 (ссть отзыв о П. Тургенева; ср. также ее сдержанную оценку Гротом в кн.: Сб. ОРЯС, 1885, т. 36, № 2, с. 14); М., Восп. из дальних лет. — РС, 1881, № 5; Вяземский П. А., Памяти П. — Вяземский, VII; Устрялов Ф. Н., Восп. о С.-Петербурге. ун-те в 1852—1856 гг. — ИВ, 1884, № 6; Скабичевский А. М., Плетнев. Биогр. очерк. — ВЕ, 1885, № 11; его же, Катедра-характерист тридцатых годов. (Переписка Грота с П.). — РМ, 1897, № 7; Колмаков Н. М., Очерки и восп. [1835—1840]. — РС, 1891, № 5;

Майков Л. Н., Памяти П. — Сб. ОРЯС, 1892, т. 54, № 2; Петров П. В., О связях учителя П. с литератором Пушкиным. — РС, 1899, № 6; Плетнев Ал. [сын П.]. — Вост. о П., СПб., 1907, с. 3—14.

Лит.: Пушкин; Пушкин. Перепишка; Пушкин. Письма (в т. ч. биогр. заметки о П. — [т. 4], с. 446—47); Кюхельбекер; Тургенев А. И., Хроника русского..., М.—Л., 1964; Барсуков; Белинский; Никитенко; Аксаков И. С., Письма к родным, 1844—1849, М., 1988; [кн. 2], 1849—1856, М., 1994 (все — ук.); Давыдов И. И., Записка о лит. трудах..., академик П. — Изв. ОРЯС, 1853, т. 2; Кулиш П., Записки о жизни Н. В. Гоголя..., т. 1—2, СПб., 1856; Данилевский Г. П., Основания, СПб., 1856; Чернышевский (ук.); Вяземский П. А., Памяти П. — «Утро. Лит. и полит. сб.», М., 1866 (то же в его кн.: Эстетика и лит. критика, М., 1984); Лонгинов М., П. А. Плетнев. — «Совр. летопись», 1866, № 2; Короновский И., Воспоминание о П. — там же, 1866, № 6; Летописец Димитрий (Языков Д. Д.), Жизнь и труды П. в рус. лит.-ре. — БЗ, 1892, № 7; его же, П. А. Плетнев, М., 1896; Пономарев С. И., П. и Н. С. Соханская. — В кн.: Соханская (Кохановская) Н. С., Автобиография, М., 1896; Глинский Б. Б., Загробный ж-л Пушкина. — ИВ, 1897, № 1; Платонова Н., Перепишка Я. К. Грота с П. — ЖМНП, 1897, № 9; Грот Я. К., Труды, т. 3, СПб., 1901; Письма Н. В. Гоголя, т. 1—4, СПб., 1901; Беслошанкин Д., Как лит. критик, [СПб., 1903]; Каминский В. А., П. и его отношения к Жуковскому и Пушкину. — РС, 1904, № 9; его же, П. как критик и публицист. — РС, 1906, № 11; его же, Гоголь и П. — Изв. ОРЯС, 1912, т. 17, № 2; Грот Я. К., Плетнев. — РС, 1905; В. Н., Жизнь и лит. деятельность П. — РС, 1908, № 6—8 (библ. 76 номеров); Круковский А. В., П. как критик. — ФЗ, 1916, в. 1.

Розанов И. Н., Плетнев. — В его кн.: Пушкинская плеяда, М., 1923; Айзеншток I. Я., Г. Ф. Кайта и П. О. Плетнев. — «За сто лет», Х.—К., 1930, кн. 5; Архив Опеки Пушкина, М., 1939 (Летописи ГИМ, кн. 5); Левковский Я. Л., К истории статьи Пушкина «Альманаши». — Пушкин. Иссл., т. 1, М.—Л., 1956; Базанов (ук.); Гиллельсон М. И., П. А. Вяземский..., Л., 1969; Азбукин В. Н., Лит.-критич. взгляды П. — В кн.: Романтизм в худож. лит.-ре, Каз., 1972; Возникновение рус. науки о лит.-ре, М., 1975 (ук.); Ваууро (I; ук.); Горохова Р. М., Пушкин и элита К. Н. Батюшкова «Умирающий Тасс». — Пушкин. Временник, 1976, Л., 1979; Горбенко Е. П., П. и А. С. Пушкин. — В кн.: Эстетик. взгляды писателя и худож. творчество, Краснодар, 1981; ее же, П. как исследователь др.-рус. лит.-ры. — РЛ, 1982, № 4; ее же, П. — лит. деятель пушкин. эпохи. (20—40-е гг. XIX в.), Л., 1983 (авторф. каш. дис.); Ваууро В. Э., А. С. Пушкин и П. — Пушкин. Перепишка, т. 2; Шубин В. Ф., Вечера П. в Ректорском флигеле. — В кн.: Очерки по истории Ленинград. ун-та, т. 5, Л., 1984; Горбенко Е. П., Профессора словесности. — Там же; Проскурина В. Ю., Эстетич. позиция П. — издателя «Современника». (1838—1846). — ВМУ, 1984, № 6; ее же, П. — лит. критик. — ФН, 1985, № 5; ее же, Лит. позиция ж. «Современник» (1838—1846 гг.). М., 1985 (авторф. канд. дис.); Афанасьев В. В., Жуковский, М., 1986, с. 223, 295, 387; Яворская Л. К., Поэма А. С. Пушкина «Кавказский пленник» в оценке П. — В кн.: Рус. поэзия XVIII—XIX вв., Куйбышев, 1986; Ваууро В. Э., «Опыт прямоудушия». — ЛО, 1987, № 2; Ваууро (2), с. 171—76 (и ук.); Смирнова-Россет А. О., Дневник. Вост. М., 1989 (ук.); Песков А. М., Боратынский, М., 1990 (ук.); Кибальник С. А., Рус. антологич. поэзия I-й трети XIX в., Л., 1990 (ук.); Горбенко Е. П., П. — лит. деятель пушкинской эпохи, Краснодар, 1992; ее же, В. А. Жуковский и П. (О нед. деятельности и историко-лит. концепции творчества). — «Филология», Красноярск, 1993, № 1; Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского, М., 1998 (сост. А. М. Песков; ук.); ЛН, т. 16/18, с. 21, 156—188, 203—247—50—298, 350—378, 517—595, 608—652, 711—795, 810—111, 840—43—899, 916—974, 1023—1088, 1132—1163; т. 49/50, с. 98, 154—190, 354—56—378, 440—41; т. 56, 57, 58, 59; т. 60, 76, 86, 87; т. 97 (Ф. И. Тютчев). — Брокгауз; РБС; Сл. ОЛРС; ИДРДВ;

КЛЗ; Черейский; Лерм. энци.; Рус. писатели, т. 2 (ст. В. Ю. Проскурина); Муратова (1; 3 — № 2952—2960, о ж-ле «Современник»); Маса-нов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 234 (10 описей: автографы стихов, статей; офиц. документы; письма П. к Пушкину, Жуковскому, Вяземскому, Глинчу, М. Д. Деларю, М. А. Дмитриеву, Д. Н. Блудову, К. Д. Кавелину, М. Н. Лонгинову и др.; письма к П.; мат-лы к биографии; статьи и мат-лы Я. К. Грота о П.); ф. 58, № 47, 49, 97—99 (о лит. деятельности П. в ВОЛРС); № 48, 49, 50, 56 (об участии П. в организац. работх ВОЛРС и в издании «Современника»); РНБ [письма П. к Г. П. Данилевскому (9, 1851—63), К. А. Коссовичу (5, 1847—48), В. Ф. Одоевскому (11, 1838—61), С. П. Шевыреву (56, 1837—1863) и др.; письма к П. Жуковского (11, 1848—52), П. А. Кулиша (38, 1846—61); биогр. мат-лы о П.: С. Д. Полторацкого, П. П. Пескарского — см. шифры в справочнике: ГПБ, ук.]; РГБ. [Письма П. к М. П. Погодину (1828—1861) и от Погодина (1851 и 1859—1865); к В. Н. Каразину (1838), А. П. Елагину (1840), И. Е. Бешкову (1844); от Игнатия Брянчанинова (1847); к С. Д. Полторацкому (1849); рядом библ. заметка о П.); А. С. Норову (1850); А. П. Зонтай (1852); Н. С. Тихонравову (1855); В. И. Григорьеву (1860); А. О. Смирновой-Россет (1861) и др.]; НБ СПб ГУ, д. 54; д. 161, № 1—3, 6; д. 205 и 212 (сведения о деятельности П. в ВОЛРС с 25 сент. 1819); РГАЛИ. [Письма П. к и ему: П. А. Вяземскому (1822—1864); И. И. Сретенскому (1830—1863); А. И. Тургеневу (1838—1843); В. И. Далю (1838); С. А. Соболевскому (1838—1862); Ф. Н. и А. П. Глинкам (1839—1854); С. Т. Аксакову (1846, 1855); И. С. Аксакову (1846); К. С. Аксакову (1860), и др.; от С. Т. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. А. Вяземского, и др.: РГИА, ф. 759, оп. 19, д. 4126 (ф. с. 1840 г.); ф. 733, оп. 279, 242 (ф. с. 1861 г.); ф. 772, оп. 1, д. 1011 (о разрешении продолжать изд. ж-ла «Современник»); ф. 1661, оп. 1, д. 1370 (3 письма К. С. Сербиновичу 1846 о задержке цензурой 2 писем Гоголя из его рукописи «Выбранные места из переписки с друзьями»); ф. 1604, оп. 1, д. 514 (письмо И. Д. Демьянову от 21 июня 1864; называет именитых рус. деятелей, посетивших его в Сен-Жермен; одобряет деятельность М. Н. Каткова) (справка В. Лупановой); ГАРФ, ф. 109 (офиц. документа), ПФА РАН, ф. 9, оп. 1, д. 10; ф. 2, оп. 1 — 1856, д. 4 (о содействии мн. ученым в работе над филол. и ист. исследованиями и словарями). Е. П. Горбенко, Н. П. Розин.

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович [осн. псевд. Бельтов; 29.11 (11.12).1856, с. Гудаловка Липецкого у. Тамбов. губ. — 30.5.1918, Питкере-яви под Териоками (Финляндия); похоронен в Петрограде на Волковом кладб.], лит. критик, философ, публицист, деятель рос. и междунар. рабочего и социалистич. движения. Род. в семье потомств., но небогатых дворян, приверженных к воен. службе.

Отец, Вал. Петр., штабс-капитан в отставке (подробнее см.: Плеханова — «Диалоги», № 14, с. 92). Мать, Мария Фед. Бельская, внач. чата писемница В. Г. Белинского, выпускница Ин-та благородных девиц, до замужества служившая гувернанткой, обучала детей (в семье их было пятнадцать; подробнее см.: Березинский А. С., Новое о семье, в к-рой рос П. — «Вопросы истории», 1993, № 4) франц. и рус. языкам, музыке, математике.

С 1863 П. — ученик Михайловской воен. г-зии в Воронеже, к-рую окончил с отличием (1878); впоследствии имя П. из-за его «подрывного» деятельности было стерто с мраморной доски и вычеркнуто из списка лучших учеников). На духовное развитие П. значит. влияние оказал преподаватель словесности Н. Ф. Буна-

ков, познакомивший его со взглядами рев.-демократов.

В гимназии. годы П. прочитал ром. «Что делать?», о к-ром отзывался как о произв., одарившем его «нравств. силой и верой в лучшее будущее» («Н. Г. Чернышевский» — «Социал-демократ», Лондон, 1890, № 1; Соч., т. 5, с. 114). В это время в осн. сложились лит. пристрастия П.: Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, Ф. М. Достоевский, к-рого П. ценил за демократизм. Вместе с тем его огорчало, что идеи писателя, у к-рого каждый «униженный» обязательно «хоть немного сумасшедший» (Аксельрод Л., 1922, с. 17), легко могут быть использованы в реакл. целях.

В 1873 П. поступил во 2-е Константинов. арт. юнкерское уч-ще в Петербурге, к-рое оставил через 3 мес., «по состоянию здоровья», решив избрать гражд. специальность. С 1874 — студент петерб. Горного ин-та (где познакомился с В. М. Гаршиным), вошел в кружок бунтарей-бакунистов, руководимый историком экономич. учений И. Ф. Фесенко; изучил «Капитал» К. Маркса, подружился с С. Л. Перовской, С. М. Степняком-Кравчинским, Л. Г. Дейчем, П. Б. Аксельродом, начал вести рев. пропаганду среди рабочих (в числе слушателей — С. Н. Халтурин и П. А. Моисеев). На его полит. формирование значит. влияние оказали кн. «Государственность и анархия» М. А. Бакунина, «Ист. письма» П. Л. Лаврова, что во многом определило всю дальнейшую трактовку П. марксизма: от бакунистской интерпретации истории в духе экономич. материализма он так и не избавился до конца дней. За успехи в учебе удостоен Екатеринбургской стипендии, но в кон. 1876 вошел в народнич. орг-цию «Земля и воля» и после выступления 6 дек. 1876 на полит. демонстрации у Казан. собора был вынужден оставить ин-т, перейти на нелег. положение и покинуть Россию; в 1-й пол. 1877 жил в Берлине и Париже, где познакомился с Лавровым (подробнее об их отношениях см.: Письма П. к П. Л. Лаврову — «Дела

Уже в работе «К вопросу о развитии монистич. взгляда на историю» он писал: «Психология приспосабливается к экономии. Но это приспособление есть сложный процесс, и, чтобы понять весь его ход, чтобы наглядно представить себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз понадобятся талант художника» (Избр. филос. произв., т. 1, с. 684). В «Очерках по истории материализма» П. приписывал наметил «слово», через к-рые должно проходить материалистич. исследование идеологии, в т. ч. и иск-ва (т. н. «пятичленная формула»): производит. силы; производств. отношения; социально-полит. строй, выросший на экономич. основе; психика обществ. человека, определяемая экономикой и соответствующими ей обществ. формами; религия, философия, лит-ра, иск-во, отражающие свойства этой психики (там же, т. 2, с. 171).

В создании своей философии иск-ва П., по его признанию, опираясь на позитивист. теории И. Тэна, Ф. Брюнетьера, Г. Гетнера, Л. Пти де Жюльвиля, Г. Лансона и др., чьи верные, но, на его взгляд, слишком отвлеченные воззрения он старался конкретизировать, переводя их предположения об экономич. обусловленности духовной деятельности в несомненные доказательства. Но П. предложил при раскрытии особенностей развития иск-ва учитывать не только производит. силы, определяющие обществ. психологию и ист. среду как некий самостоят. фактор, а также некий внутр. закон, имевший своим источником нек-рые положения гегелевской теории иск-ва. Согласно этому закону, названному А. А. Богдановым «теорией полемических крайностей» («Из рукописи „Десятилетие отлучения от марксизма“» — «Ист. архив», 1994, № 4, с. 6), развитие идеологии идет или в русле предшеств. традиции, или выступает с ней в противоречие.

Этот момент как особенно важный в ист.-лит. концепции П., свидетельствующий о признании им относит. самостоятельности идеологии, выдвинул И. Боричевский («По поводу „Истории рус. обществ. мысли“ П.» — СМ, 1917, № 2—3), подчеркивший, что т. о. наносится удар по учению о «предустановленной гармонии» между экономик. базисом и «надстройкой», сторонником к-рого выступил Богданов, В. М. Фрич и В. М. Шуляков, прямолинейно выводявшие все разновидности идеологии из экономич. основы. И. Аксельрод в ст. «Г. Плеханов об иск-ве» («Возрождение», 1909, № 9—12; 1910, № 1) также указала на значение обруженного П. «в человеческой психике стремления к противоречию» (цит. по: Аксельрод И., Лит.-критич. очерки. Минск, 1923, с. 9), к-рое обуславливает относит. независимость худож. творчества от обществ. коллизий, или, как выражался сам П., возможность существования «лит. преданий» («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 2-е изд., СПб., 1905, с. 172), не затронутых классово-полит. борьбой. Даже К. И. Чуковский, неспиримый оппонент П., вынужден был признать, что критик удачно корректирует жесткую схему зависимости иск-ва от производит. сил предположением, что в иск-ве может возникать «подражание из противоречия» («Вестн», 1906, № 2, с. 49).

«Отцом» народничества как обществ. движения и народничества как лит. явления П. считал А. И. Герцена. В его худож. творчестве он увидел соединение двух ведущих тенденций рус. лит-ры: «сатирической» (А. Д. Кантемир, Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Гоголь, Остров-

ский, Салтыков-Щедрин) и «идеальной» (А. Н. Радищев, декабристы, Пушкин, Лермонтов, Чернышевский, Некрасов), для каждой из к-рых характерно критич. отношение к рус. действительности, что явилось, по убеждению П., отличит. чертой рус. лит-ры в целом. В ст. «А. И. Герцен и крепостное право» (СМ, 1911, № 11, 12), «Филос. взгляды А. И. Герцена» (там же, 1912, № 3, 4), «Герцен-эмигрант» (в кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. 3, М., 1909), «О книге В. Я. Богучарского „А. И. Герцен“» (СМ, 1912, № 6), «Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце» («Будущее», Париж, 1912, 21 апр.), предметом к-рых стала «драма» мыслителя, П. настойчиво проводил мысль о чуждости герценовскому духовному складу любых религ. конст.рукций. На фоне в значит. степени одностороннего освещения наследия Герцена в марксист. критике работы П. о нем (как, впрочем, и о др. деятелях рев.-демокр. движения в России) выделяются своим более широким филос. взглядом. П. доказывал возможность разностороннего подхода к деятелям 40-х и 60-х гг. даже в условиях острейшей политической борьбы.

В статьях, посв. Толстому («Толстой и природа», 1908, впервые опубли.: «Звезда», 1924, № 4; «Симптоматич. ошибка» — «Товарищ», 1907, 22 сент.; «Заметки публициста „Отсюда и досюда“» — «Звезда», 1910, 16 дек.; «Смещение представлений» — «Мысль», 1910, № 1, дек.; 1911, № 2, янв.; «Карл Маркс и Лев Толстой» — «Социал-демократ», 1911, 13 янв.; «Еще о Толстом» — «Звезда», 1911, 26 февр., 5, 12, 19 марта; «Толстой и Герцен» — лекция 1912, впервые опубли.: Лит. наследие П., сб. 6, 1938), П. развил положение о возможности противоречий между теоретич. взглядами писателя и его худож. творчеством. Признав величие Толстого как художника, «воспользовавшегося своим огромным худож. талантом», чтобы обнажить «неудовлетворительность нынешнего обществ. строя», П. — поскольку писатель осудил «наше освобождит. движение» — сделал вывод о «крайней ограниченности» его «обществ. взглядов» (Иск-во и лит-ра, с. 662, 663, 646, 647). Но если Толстой-художник для П. крупнее Толстого-мыслителя, то случай с Г. Ибсеном иной: мыслитель в нем пересилил художника («Генрик Ибсен», впервые изд. отд. брошюрой в составе 8 глав — СПб., 1906; 9-я гл. написана в 1908 и изд. на нем. яз., полностью на рус. яз.: Лит. наследие П., 1931, т. 1). В произв. Толстого торжествует реализм, «живая жизнь», непонимание же Ибсеном ист. задач своего времени и в то же время желание проповедовать заста-

вили его прибегать к символизму, навязывать героям «туманные», «отвлеченные», «бессодержательные» идеи (Иск-во и лит-ра, с. 771, 772).

П. убежден, что скептич. идеализм Ибсена — результат природной склонности писателя к отрицанию, но она многократно усиливалась экономич. отсталостью Норвегии, к-рая порождала только мелкобурж. психологию и мелкобурж. индивидуалистич. протест. Это утверждение вызвало бурную реакцию. В числе оппонентов П. — А. М. Редько (РБ, 1906, № 11), П. М. Пильский («Критич. статьи», т. 1, СПб., 1910, с. 226), В. Ф. Эрн («Век», 1907, № 11). В числе поклонников этой работы — Н. Я. Абрамович, сделавший ряд возражений, но в итоге назвавший ее «умной и уместной в идейном смысле» (СМ, 1906, № 11, с. 83), И. Аксельрод и А. М. Коллонтай (сс письмо см.: Дом Плеханова, ф. 1093, оп. 3, В. 220.8.57).

Ст. «Франц. драм. лит-ра и франц. живопись XVIII века с т. з. социологии» (ж. «Правда», 1905, № 9/10) П. рассматривал как одну из наиб. развернутых своих попыток применения материалистич. метода к истории лит-ры и иск-ва. Она дает представление о последоват. проведении П. классового взгляда на эволюцию худож. содержания и формы в зависимости от смены полит. строя. Классовая борьба во франц. об-ве определила, по его убеждению, замену трагедии, господствовавшей во времена Людовика XIV, «слезливой» комедией П. К. Нивеля де Ла Шоссе и П. Бомарше, отразившей потребность бурж. зрителя видеть гл. героем «идеализированного... человека среднего сословия», к-рую вновь сменила трагедия, но выражающая уже гражд. и героич. устремления буржуазии, обратившейся за поддержкой к республиканским героям Плутарха» (Иск-во и лит-ра, с. 174). В статье содержались высказывания, к-рые позволили последующим поколениям лит.-ведов трактовать нек-рые эстетич. положения П. как уступку кантианству (см.: Лебедев А. А., К вопросу об «уступках» Плеханова Канту в эстетике. — «Вопросы философии», 1970, № 9).

Более, чем кто-либо из критиков-марксистов, П. придавал значение худож. таланту, интуиции, считая, что даже для выработки критич. суждения необходимо обладать чутым художника. В то же время П. был убежден, что и с малым талантом можно создавать великие произв., если направить его «на настоящую дорогу» (Иск-во и лит-ра, с. 621), т. е. научить художника мыслить в духе марксизма. П. признавал и наличие публицистич. элемента в критич. высказывании, но утверждал, что публицистичность является имманентным свойством критики, определяемым включенностью критика в спектр обществ. интересов. Однако слишком «горячая» публицистичность в духе Д. И. Писарева вызывала его осуждение. П. воспринимал его критику как морализаторски-просветительскую, т. е. такую, к-рая не указывает на

«средства борьбы» с обществ. недотатками, а лишь осуждает их: критика этого рода воспринимается как «смешной архаизм» (Эстетика и социология иск-ва, т. 2, с. 403, 404, 405). В ст. «Белинский и разумная действительность» («Нов. слово», 1897, № 10, 11), «Лит. взгляды В. Г. Белинского» (там же, № 1, 2), «Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848)» (в кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. 2, М., 1909), «О Белинском» (СМ, 1910, № 5—6), «Виссарион Белинский и Валерий Майков» (СМ, 1911, № 5—6), «О книге С. Ашевского „Белинский в оценке его современников“» (там же), «Эстетич. теория Чернышевского» (1-я пол. статьи — «Нов. слово», 1897, № 3, дек.; полностью — в сб. П. «За 20 лет», СПб., 1905), «Лит. взгляды Н. Г. Чернышевского» (СПб., 1909), «Добролюбов и Островский» («Студия», 1911, № 5—8) П. призвал молодых критиков равняться на рев.-демокр. наследие, хотя нередко и в нем отмечал черты просветительства и утопизма. По поводу работ П. о Чернышевском В. Е. Чешихин-Ветринский высказал мысль, что если филос. и социально-полит. взгляды революционера-демократа могут быть истолкованы и иначе, то «вне спора» находится предпринятый П. анализ его эстетич. и лит. теории (КО, 1909, № 8).

Специфика понимания П. критики нового типа — научной, объективной (марксистской) — была раскрыта им в отзыве («Нов. слово», 1897, № 7, апр.) на кн. А. Л. Волынского «Рус. критики». П. писал о необходимости соединения в лице критика литератора и практич. деятеля, т. е. политическо ангажированного участника классовых битв. П. считает обязательным для критика в оценке поэтич. идей, в раскрытии творч. процесса опираться на историзм, рассматривать в первую очередь зарождение и угасание худож. явлений, памятуя о том, что в иск-ве отражаются потребности и вкусы разл. классов, определяемые в конечном счете экономич. фундаментом. Но П. призывает не играть лишь на одной «экономич. струне» (выражение Н. К. Михайловского), а интересоваться индивидуальным преломлением обществ. идей в творчестве конкретного писателя. Однако призывая обращаться к частностям, сам он свободнее чувствовал себя в анализе целых лит. школ и эпох. П. как критика интересует не индивидуальная психология социальных типов, а психология целых обществ. классов. В предложенной П. критич. методологии отсутствовало требование оценки худож. достоинств и недостоинств произв.: истинно научная объективная критика «не дает иск-ву никаких предписаний... у нее нет

пристрастий ... она объективна, как физика» (Эстетика и социология иск-ва, т. 2, с. 400). Дело критика не «плакать», не «смеяться», а «понимать» (Иск-во и лит-ра, с. 208).

Вместе с тем П. призывает, например, И. Аксельрод в ее статье о Г. Зудермане построжее «наказывать» писателя за его изображение «социал-демократов как пугливых шантажистов» (письмо от 24 июля 1907 — Дом Плеханова, ф. 1097, оп. 3, А.93.12), говорил, что критик в конечном счете может и «осуждать», и «советовать» (Эстетика и социология иск-ва, т. 2, с. 405), демонстрируя т. о. свою классовую позицию.

Излагая принципы своей лит.-критич. методологии, П. поначалу не затрагивал вопроса о необходимости анализа формы худож. произведения. Позже — в предисл. к 3-му изд. сб. «За 20 лет» (СПб., 1908) П. скорректирует нек-рые положения. Наряду с оценкой эстетич. достоинств разбираемого произв. он также будет настаивать на важности единства формы и содержания, что станет для него критерием совершенства худож. произведения. В идеальном случае форма должна максимально соответствовать идее, но П. допускал и возможность «отставания» формы: «в старые лит. мехи» может вливаться «совершенно новое рев. содержание» (Иск-во и лит-ра, с. 175). И все же для П. превыше всего содержат. компонент иск-ва, причем именно его социальный аспект. И хотя П. указывал, что задача иск-ва — изображать все то, «что интересует и волнует обществ. человека», его «многообразные переживания» (там же, с. 198, 261), даже любовная тематика казалась ему увядшей от осн. цели (так, он считал, что история взаимоотношений с Гретхен ослабила идейную мощь гетеевского «Фауста», — см.: Аксельрод Л., 1922, с. 18). «Обезыдевание» иск-ва ведет художника к творч. гибели.

Однако эта сформулированная П. аксиома не помешала ему диалектически подойти к проблеме «иск-во для иск-ва» и доказать, что существуют ист. периоды, когда отказ от обществ. задач творчества помогает художнику сохранить в неприкосновенности свой внутр. мир, избавляет его от подчинения диктату власти предрассудков, что и произошло с Пушкиным, отвернувшимся от «толпы», объявившим поэта «царем» и призвавшим его к полнейшему одиночеству. П. совершенно определенно выразил свое отношение к полит. и гос. давлению на иск-во: «Музы художников ... стали бы, сделавшись гос. музами, обнаруживать самые очевидные признаки упадка...» (Лит-ра и эстетика, т. 1, с. 149). П. выдвинул свою версию появления теории «иск-ва для иск-ва»: она возникает как следствие безнадёжного разлада творч. личности с обществ. средой, утилитарный же взгляд на иск-во является результатом «взаим-

ного сочувствия между значит. частью об-ва и людьми, более или менее деятельно интересующимися худож. творчеством» (там же, с. 144).

Размышления П. о влиянии идейного содержания на худож. форму содержатся в статье о драме К. Гамсуна «У врат царства» «Сын доктора Стокмана», помещенной в сб. «От обороны к нападению» (М., 1910), оцененном в кругах, близких П., как книга, «ясность» и «глубина» к-рой недоступны «совр. читателю из интеллигенции, настроенному на мистич. лад» (Ортодокс [Л. Аксельрод] — СМ, 1910, № 10, с. 145).

В статье П. проводит мысль о том, что реакционная (с т. з. марксизма) идея, положенная в основу замысла, неизбежно приведет художника к творч. неудаче: «...антипролет. тенденции совр. „геронических“ мешан сильно вредят интересам иск-ва». Бурж. об-во переживает фазу развития, когда сочувствие освободит. движению сменилось развенчанием идей рабочего класса, что провоцирует появление в иск-ве «инишесанских типов», считающих себя непримиримыми врагами мешанства, а на деле насквозь пропитавшихся его духом: поэтому, на взгляд П., вопреки желанию автора его герой выйдет не трагически, а трагикомически. П. был убежден, что «капитализм налагает свою грязную руку на лит-ру и науку» (Филос.-лит. наследие, т. 1, с. 38), что омертвление господств. класса, потеря им рев. идеалов находит прямое отражение в творчестве. Поэтому для П. неоромантизм (модернизм) явился «продуктом старчества высших классов», проявлением индивидуалистич. сознания. Опираясь на «закон противоречия», он утверждал, что в бурж. иск-ве возникает потребность в «идеализации варварской целостности характера» (письмо к И. Аксельрод от 1 сент. 1906 — там же, т. 3, с. 244), обусловливаемая именно природной дряхлостью неоромантизма.

П. был приверженцем реализма, но подлинно эстетически состоятельными для него могли быть только произв., пронизанные пролет. идеологией. Создание пролет. лит-ры казалось ему делом грядущего, но прогноз черт будущего иск-ва содержался уже в его обращении «Два слова читателям-рабочим» (1885), к-рое должно было стать предисл. к неопубл. сб-ку «Песни труда» (впервые опубли.: «Летописи марксизма», 1928, № 5). Иск-во должно улавливать динамику роста, уметь раскрывать явление в процессе его становления, обладать ист. сознательностью, умением видеть действительность в рев. перспективе, несокрушимой верой в социализм. Вывод звучал категорично и определенно: «... рабочий класс даст поэзии самое высокое содержание, потому что только рабочий класс может быть представителем идеи труда и разума» (там же, с. 44). При этом П. был очень строг к «качеству» пролет. идеологии. Любое отступление от ортодокс. марксизма он категорически отвергал.

Осн. объяснением идейных и худож. просчетов служило то, что писатель недостаточно понимает и неполноценно усваивает марксист. теорию. Поэтому и «Мать» М. Горького в письме к И. Аксельрод (от 24 июля 1907) он не расценил как произв. пролет. лит-ры: в романе «не хватает» (Дом Плеханова, ф. 1097, оп. 3, А.93.12). Согласно П., Горький взял на себя роль проповедника социализма, и она ему явно не удалась.

Последний тезис связан с убежденностью П. в неполноте мирозрения, багажа людей творч. профессий и в интуитивной природе творч. процесса: «... Даже гениальные художники нередко совершенно беспомощны в области теории... Гоголь, Достоевский, Толстой, эти гиганты в области худож. творчества, обнаруживают лет. слабости каждый раз, когда берется за тот или другой отвлеченный вопрос» (Иск-во и лит-ра, с. 389—90). Но если художник не рассуждает, а изображает, то ему обеспечена творч. победа. П. ценил мастерство воспроизведения социальной психологии Горьким в «Жизни Матвеев Кожмыкина» (там же, с. 756—757). В пьесе «Враги» (ст. «К психологии рабочего движения» — СМ, 1907, № 5) П. отметил точность изображения новых черт пролет. психологии, глубокое раскрытие основ пролет. нравственности (отказ от героизации своих поступков, принесение себя в жертву другим, более достойным без излишней патетики и т. п.), показ того, как классовая борьба определяет собою внутр. мир действующих лиц. (Спустя пять лет с интерпретацией П. вступил в спор критик-рабочий Ф. Калинин, сказав, что «идея рабочей солидарности», к-рая так восхитила П., на самом деле есть проявление «фанатич. мистицизма» и «солидарности ... сектант. типа» и не имеет ничего общего с нравств. ориентацией совр. рабочих — НЖВ, 1912, № 9, стб. 101.) Однако поскольку позиция опирающегося на опыт нем. социал-демократии П. в годы первой рус. революции была слишком «академичной», нацеленной на постепенное осуществление рев. перемен (он считал пролет. переворот преждевременным, т. к. он не подкреплен соответствующим уровнем культурного, идеологического и социального развития рабочего класса), постольку в «Врагах» П. обнаружил непубличное усвоение Горьким взглядов Маркса, излишнюю преданность большевикам, сторонникам «страстной» и «героичной» тактики в революции.

Неприятие «интеллигентского», романтич. оптимизма «Врагов» во многом было обусловлено вообще недоверчивым отношением П. к романтикам и романтизму, что с очевидностью проявилось в его противопоставлении О. Бальзака и В. Гюго: человек. страсти берутся Гюго «в самом абстрактном виде и действуют в выдуманной, искусственной ... утопической обстановке»; реалист Бальзак, напротив, изображал «страсти в том виде, какой ему давало с о-временное ему буржуазное об-во», «со вниманием естествоиспытателя следил за тем, как они растут и развиваются в данной обществ. среде» (Лит. наследие П., сб. 6, с. 344).

П. в глазах своих полит. противников выглядел ортодоксальным марксистом, обвиняющим всякого, кто не согласен с ним, в невежестве и ренегатстве (Богданов А., Из рукописи «Десятилетие отлучения от марксизма». — «Ист. архив», 1994, № 4, с. 5). На механистичность мышления П. указывал Чковский, назвавший П. «марксметром», т. е. «машинной для измерения марксистских идей» («Весы», 1906, № 2, с. 46). В. Я. Брюсов ставил П. в упрек игнорирование новейших открытий в теории познания («Бельтов. За 20 лет» — «Весы», 1905, № 11). Но именно с ортодоксальностью П. его сторонники связывали «цельность», «свежесть», «жизненность» (Л. М. Клейнборт — «Обр.», 1905,

№ 10, отд. 2, с. 20, 22) его филос. и лит.-критич. построений.

П. вел непримиримую борьбу с теми, в ком усматривал ревизионистов и вульгаризаторов марксист. теории. К последним он отнес Шулятикова, расценив его кн. «Оправдание капитализма в зап.-европ. философии» как предельное упрощение ист. материализма (СМ, 1909, № 5). Выведение автором идеологич. систем из господствующей на данный момент структуры производства П. расценил как «злейшую насмешку над учением Маркса» (Предисловие к 5-му изд. кн. «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». — «Обществ. мысль: исследования и публикации», в. 4, М., 1993; публ. и прим. Т. И. Филимоновой), «пасквиль на человеческую мысль» (Соч., т. 17, с. 10). П. критиковал «трусливый идеализм» махистов и эмпириокритиков. Особенно непримирим был П. к субъективист. гносеологии Богданова (цикл статей «Materialismus militans». Ответ г. Богданову. Письмо первое — «Голос социал-демократа», 1908, № 6—7; Письмо второе — там же, № 8—9; Письмо третье — в кн.: «От обороны к нападению»). Этому же посв. его рец. 1909—11 на книги неокантианцев Л. Робинсона, Р. Гольцапфеля, В. Виндельбанда, Р. Рихтера, Л. Бурдо, Г. Риккертса. Цикл «О так называемых религ. исканиях в России» (статьи: «О религии»; «Еще о религии»; «Евангелие от декадэнса» — СМ, 1909, № 9, 10, 12) был направлен против идеологов богостроительства (Горького и А. В. Луначарского) и богоскательства («веховцев») и примыкал к вышеназв. работам. В этих статьях возрождение интереса к религ. вопросам объяснялось активизацией контррев. сил в стране, обострением классовых противоречий, разочарованием интеллигенции в близком осуществлении социалистич. идеалов. В целом религ. искания современности истолковывались П. как реакция испуганного мещанина на совершающиеся события. Критику возрождающегося интереса к религ. обоснованию нравств. и социальных отношений содержат отзывы П. (1907—11) на книги М. Гюйо, А. Паннекука, О. Пфлейдерера, Ф. Лютгенау. Иманентный субъективизм Иванова-Разумника получил негативную оценку в отзывах П. на его книги «О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов» (СМ, 1909, № 3) и «Историю рус. обществ. мысли» (отзыв на нее П. красноречиво озаглавил «Идеология мещанина нашего времени» — СМ, 1908, № 6, 7). Подобная характеристика вызвала резкое несогласие автора, выступавшего с отповедью критикам-марксистам (Иванов-Разумник Р.,

Марксист. критика. — В его кн.: Лит-ра и общественность, СПб., 1911).

В 1910-е гг. П. занимают поиски объективных критериев красоты. Еще по поводу статьи «Симптоматич. ошибка» З. Н. Гиппиус, разделяя с П. пафос критики нравств. позиции Толстого, указала на недооценку П. существования абсолютной истины («Из дневника журналиста. Толстой и П.» — РМ, 1908, № 2), что якобы позволило П. «снять» вопрос о прогрессе в иск-ве и отвергнуть «вечные» критерии прекрасного. Обсуждение этой проблемы стало центр. темой в парижском реферате П. «Иск-во и обществ. жизнь» (1912; одноим. статья — 1913), в к-ром он, борясь против идеалистич. представлений о независимости иск-ва от обществ. деятельности (в данном случае его оппонентом был Луначарский, к-рого он воспринимал как субъективного идеалиста), отверг самую возможность сравнения эстетич. ценностей одного ист. периода, а также эстетич. принципов отд. эпох, считая, что «художники самых противоположных направлений одинаково правы на свой особый лад». «Все зависит от обстоятельств времени и места» (Иск-во и лит-ра, с. 297, 296).

Последним лит.-критич. выступлением П. стала ст. «О том, что есть в романе „То, чего не было?“» (СМ, 1913, № 2), посв. роману Б. В. Савинкова, напис. в жанре «открытого письма». П. попытался в равной мере распределить свое внимание между социальными и эстетич. компонентами произв., с разных т. з. анализируя проблему героя романа, к-рый вынужден, по его выражению, решать гамлетовские вопросы. П. ответил автору упреки в подражании, назвав его произв. «крупным событием в нашей лит-ре» (Лит-ра и эстетика, т. 2, с. 449), ценным своей психол. правдой, постановкой вопросов о соотношении стихийности и сознательности в обществ. жизни, о роли личности в ист. процессе, о силе обстоятельств.

Последние годы жизни П. работал над заказанной ему изд-вом «Мир» в 1909 «Историей рус. обществ. мысли» (иссл. доведено до 2-й пол. 18 в., т. 1—3, СПб.—М., 1914—17). В работе наш. и обществ. самосознание и идеологич. содержание ист. процесса анализировались П. с привлечением лит. мат-ла (произв. Кантемира, А. П. Сумарокова, М. В. Ломоносова, Фонвизина). Лит.-критич. концепция П. во многом определялась его ист. взглядами, согласно к-рым Россия на ранних этапах развития сложилась как страна полувост. деспотизма со стабильным режимом и абсолютным подчинением населения гос-ву, но духовное ее развитие все-

гда зависело от Запада, особенно в период пришествия капитализма, определившего европеизацию общества — экономич. строя. Вследствие этого лит-ра 18 в., занявшись освоением культурного наследия Зап. Европы, представляет собой малооригинальное, но уже в 19 в. возникает самобытное нац. иск-во.

Рецензенты расценили труд П. как «событие для рус. ист. науки» (А. Кудрявцев — «Летопись», 1916, № 11, с. 310), подготовит. этап на пути исследования «свободной, независимой от экономич. основ «необходимости» человек. мышления и творчества» (И. Боричевский — СМ, 1917, № 2/3, с. 214), но отметили перевес общих рассуждений над анализом конкретных фактов (А. Кизеветтер — ГМ, 1916, № 1).

В 1912—14 П. занял центрист. позицию внутри с.-д. партии, являвшуюся продолжением его тактики, начатой еще на II съезде РСДРП (1903), когда он, поддержав Ленина, выразил в то же время беспокойство по поводу возможности превращения партии в сектант. орг-цию. Тогда с большевиками его объединили культ социалистич. революции, отращивание к реформизму, принятие яковинских методов борьбы, а с меньшевиками — критика волюнтаризма, признание объективных факторов ист. процесса, готовность к союзам и блокам с др. полит. силами. Это же послужило основой того, что сначала (с 1900) П. сотрудничал в общерус. с.-д. газ. «Искра», опубли. в ней более 50 статей, а затем, когда (с 1903) она стала меньшевистской, отказался (1905) от участия в ней. Теперь он осуждает большевиков (вождизм, сектантство, прямолинейность) и меньшевиков (аморфность программы, амбициозность лидеров) и обязует их поддерживать то течение в РСДРП, к-рое будет наиб. полно соответствовать потребностям рабочего движения. Выступая за единство партии, П. утверждал, что разногласия между партийными фракциями не столь велики. На этих принципах им было создано Заграничное Орг. Бюро, а в 1914 — газ. «Единство», в к-рой печатались меньшевистско-оборонцы, «межрайонцы» и представители др. группировок. Разногласия с большевиками усилились после Февр. революции, когда П. в ст. «О тезисах Ленина» («Единство», 1917, 9 апр.), выразив согласие с их оценкой как «бредовых» репортером в той же газете 5 апр., сказал о неподготовленности России к социалистич. революции. П. не дал согласия войти в состав Врем. правительства. В дальнейшем он отверг программу конфискации помещичьей земли по большевист. сценарию, создания республики Советов (предпочел парламентскую республику) и в итоге, обвинив партию Ленина в анархизме и бланкизме, не принял Окт. революцию, хотя и отклонил предложения Савинкова бороться с сов. властью.

Несмотря на существовавшие разногласия, сов. правительство 3 нояб. 1917 приняло «Декрет о неприкосновенности гражданина П. и его имущества» с целью замаять скандал, возникший после того, как большевист. власти устроили у П. обыск в первые дни после переворота.

Вскоре после возвращения в марте на родину у П. обострился туберкулез (болел с 1887). В дек. 1917 жена перевезла П. в санаторий в Финляндии, но его состояние ухудшалось. Однако П. держался мужественно и даже утешал окружающих, говоря, что смерть для материалиста, по словам П. Б. Шелли, это возвращение в природу. Гроб с телом П. был выставлен для прощания в Вольном экономич. об-ве. Выпущена однодневная газ. «Памяти Плеханова» (9 июня 1918).

Изучению деятельности П. способствовала безвозмездная передача женой и дочерями его архива и библиотеки, до этого находившихся за границей, в дар сов. гос-ву. В 1928 был открыт Дом Плеханова — филиал РНБ, к-рым до 1939 заведовала Р. М. Плеханова, под ее руководством были изданы 8 сб-ков «Лит. наследия П.» (1934—40).

Изд.: Соч., т. 1—24, М.—П.—[Л.], 1923—1927; Искусство, М., 1922 (вступ. статьи Л. Аксельрод-Ортодокс и В. Фриче); Плехановская хрестоматия, [К.], 1925; Лит. наследие П., сб. 1—8, М., 1934—1940; Иск-во и лит-ра, М., 1948 (вступ. ст. М. Розенталя); Избр. филос. произв., т. 1—5, М., 1956—58; Лит-ра и эстетика, т. 1—2, М., 1958 (вступ. ст. Б. И. Бурсова); Филос.-лит. наследие, т. 1—3, М., 1973—74; Эстетика и социология иск-ва, т. 1—2, М., 1978 (вступ. ст. М. А. Лифшица).

Лит.: Дейч Л. Г., Г. В. Плеханов. Мат-лы для биографии, в. 1, М., 1922; с-го же, О лит. наследии П. и В. Засулич [в связи с разбором архива П. в Париже]. — «Пролет. революция», 1923, № 1; Аксельрод Л., Об отношении П. к иск-ву. По личным восп. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6; Антесман О. В., Г. В. Плеханов. Из личных восп., Л., 1924; П. — лит. критик. Новые мат-лы, Л., 1933 (ред. и предисл. И. Ипполита); Вольфсон С. Я., Плеханов, Минск, 1924; Ваганян В. А., Г. В. Плеханов, М., 1924; Группа «Освобождение труда», сб. 1—6, М.—Л., [1923]—28; Лещнев А. П. как теоретик иск-ва. — «Печать и революция», 1925, № 3; с-го же, П. и совр. критика. — «Красная новь», 1925, № 5; Делевич Г. П. и задачи марксист. критики. — В его кн.: О принципах марксист. лит. критики, Л., 1925; Розенталя М. М., Вопросы эстетики П. М., 1939; Асмус В., Вопросы эстетики в работах П. — «Под знаменем марксизма», 1943, № 6; Бурсов Б. И., П. и Белинский. — ЛН, т. 55; с-го же, Плеханов. — В кн.: История рус. критики, т. 2, М.—Л., 1956; Трофимов П. С., Эстетич. взгляды П. М., 1955; Зисс А., Эстетич. взгляды П. — «Иск-во», 1956, № 8; Сидоров М. И., П. и вопросы истории рус. ре-демократич. мысли XIX в., М., 1957; Акулов В. Л., О нек-рых спорных вопросах эстетики П. — В кн.: Нек-рые вопр. философии. Межвузовский филос. сб., № 3, Кишинев, 1963; Луначарский А. В., П. как лит. критик. — Собр. соч., т. 8, М., 1967; Ленин В. И., ПСС (см.: Справочный том, ч. 1, с. 471—74); К. Маркс, Ф. Энгельс и рев. Россия, М., 1967; Николаев П. А., Эстетика и лит. теории П. М., 1968; с-го же, Возникновение марксист. лит.-ведения в России, М., 1970; с-го же, Утверждение материалистич. принципов познания лит.-ры. Г. В. Плеханов. — В кн.: Рус. наука о лит-ре в кон. XIX — нач. XX в., М., 1982; Плеханова Р. М., Из восп. «Моя жизнь». — «Вопр. истории», 1970, № 11—12; Восп. Р. М. Плехановой о жизни П. в Париже. (1880—1891 гг.). — «Новая и новейшая история», 1981, № 6; (публ. И. Н. Курбатовой); Антонова Л. А., Козлова Н. А., Социально-психологич.

анализ иск-ва в работах П. — В сб.: Нек-рые проблемы социологии культуры, Саратов, 1972; Горбанев Н. А., П. в лит. борьбе нач. XX в., Махачкала, 1972; с-го же, Из истории рус. марксист. критики: П. и лит. борьба 80—90-х гг., Махачкала, 1981; с-го же, Лев Толстой — художник и мыслитель в лит. критике XIX—XX вв., Махачкала, 1983; Чагин Б. А., Курбатова И. Н., Плеханов, М., 1973; Астахов В. Г., Лит.-эстетич. взгляды П. в сов. критике. (20-е и нач. 30-х гг.), Душанбе, 1973; Эльмашев А. П., От П. к Луначарскому. — В его кн.: Единство цели, многообразие поисков в лит-ре социалистич. реализма, Л., 1973; Новчук М., Курбатова И., Плеханов, М., 1977 (ЖЗЛ); Куницын Г., Во всем он был Плехановым. [О П.-критике]. — «Лит. учеба», 1980, № 1; Раковская Н. М., Л. Н. Толстой в оценке рус. и арм. дорева. критики. (К проблеме типологии изучения лит.-критич. наследия П., С. Г. Шауляна, С. С. Спандаряна). — В кн.: Проблемы типологии лит. процесса, Пермь, 1981; Лифшиц М., Г. В. Плеханов, М., 1983; Осипов В. Д., Поленинский. Повесть о П., 2-е изд., М., 1983; Курбатова И. Н., Мат-лы Дома Плеханова как источник для изучения истории марксист.-ленинской философии. — В кн.: Диалектика объективного и субъективного в ист. процессе и социальном познании, Л., 1986; Книжное дело в России во второй пол. XIX — нач. XX в., в. 2, Л., 1986, с. 23—29; Шашков Н. И., Этнич. воззрения П., Кишинев, 1987; Соколов Л. С., Г. В. Плеханов. — В его кн.: Вожди?.. Лидеры?.. Личности!, Кишинев, 1989; Диспров В., Потери. П. и эстетика 30-х гг. — ЛО, 1989, № 4; Березанский А. С., Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму, М., 1990; Дрыгала Я., Эстетич. идеал рев. эпохи в работах П. и А. В. Луначарского дорева. периода. — В кн.: Культура и процессы демократизации, в. 1, М., 1990; Кабилов Р. С., Нек-рые осн. вопросы эстетики П., Тб., 1990; Плеханова Р. М., Год на родине. — «Диалог», 1991, № 8—15; Коротаев Ф. С., Г. В. Плеханов. Человек и политик, Пермь, 1992; Иванова А. А., Пухляков В. К., Марксизм в России. — В их кн.: Пути рус. филос. самосознания, М., 1993; А. А. Богданов о П. и В. И. Ленине. Из рукописи «Десятилетие отлучения от марксизма». — «Ист. архив», 1994, № 4; Ветюшко А. Н., Ветюшко Л. И., П. — бунтарь, марксист, революционер. — В кн.: История Отечества в портретах полит. и гос. деятелей, в. 2, Брянск, 1994; Лобин В. П., П. и становление рос. социал.-демократии в иссл. сов. и заруб. общественств. — В кн.: Социальная демократия в России. Ист. аспекты, М., 1994; Бейрон С. Г., П., утопизм и рос. революция. — «Отеч. история», 1995, № 5; Тютюкин С. В., Г. В. Плеханов. Судьба рус. марксизма, М., 1997; Baron S. H., Plekhanov. The father of Russian Marxism, Stanford, 1963; Morawski S., Arte e società nel pensiero di Plekhanov, «Critica marxista», Roma, 1970, № 4; Wilczyński W., Kształtowanie się rosyjskiej marksistowskiej krytyki literackiej (1885—1917), Wrocław—[i.], 1981; Атанасов А., Сравнительная эстетика. Основным вопросам на эстетика в труде на Георги Плеханов. Тодор Павлов, Георги Лукач и Мисей Каган, София, 1988. + СИЭ; КЛЭ; ФЭ; Рус. писатели: Каталог 6-ки П., в. 1—4, Л., 1965; Муратова (2); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1127; РЦХИДНИ, ф. 264; РНБ (Дом Плеханова).

М. В. Михайлова.

ПЛЕЩЕЕВ Александр Алексеевич [7(19).10.1858*, Петербург — 5.12.1944, Париж; похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа], меуварист, журналист, беллетрист. Сын А. Н. Плещеева (издавал его соч. и мат-лы архива). Получил домашнее образование. Детство провел в Москве; учился в г-зии Л. И. Поливанова; переехав в Петербург, учился в 1-й г-зии; курса не окончил, увлекшись театром. В 1870-е гг. играл на провинци. сценах (т-р Канцанцевой в Ростове-на-Дону, т-р в Ковно и др.), в моск. Пушкин. т-ре; в 1879 дебюти-

ровал в моск. Малом т-ре в роли Платона Зыбкина («Правда хорошо, а счастье лучше»); в 1883 в петерб. частном т-ре играл Хлестакова, в Александрии. — Белугина («Женитьба Белугина»), Зыбкина. Рецензенты отмечали его чрезмерную застенчивость (П. Штеллер — «Иск-во», 1883, № 40, с. 481; благодат. отзывы: «Голос», 1879, 18 сент.; П. Д. Боборыкин — РВед, 1879, 11 сент.; подпись П. Б.). Исполнял обязанности канцелярского служащего I разряда в Горном деп. (1891—96). Д. чл. Попечительного совета приюта принца П. Г. Ольденбургского (с 1899).

В 1907—09 П. — дир. рус. драм. труппы, гастролировавшей в Варшаве (об ее успехе см.: ТиИ, 1907, № 19, с. 310; БВед, 1909, 23 апр.; интервью с П. «Может ли существовать в Варшаве рус. театр?» — «Раннее утро», 1908, 19 апр.). С 1912 помощник дир. театр. школы Лит.-худож. об-ва (школы А. С. Суворина — «Обозрение т-ров», 1907, 28 июля). Помогал А. А. Бахрушину в создании музея как коллекционер и посредник (см. письма к Бахрушину 1892—1929 — ЦГТМ, ф. 1, оп. 1, № 2463—2578, 4501).

Занявшись журналистикой, П. в кон. 70-х гг. отказался от карьеры артиста, но работал как театр. критик, драматург; активно участвовал в закулисной жизни. В 1903 познакомился с актрисой Е. Н. Рошиной-Инсаровой, впоследствии его гражд. женой (ее письма к П. — РГИА, ф. 1102, оп. 3, № 138^б—138^ж).

С 1876 П. печатался во многих периодич. изд. («Стрекоза», «Шут», «Будильник»), пробуя силы в разных жанрах — от юмористики в стихах и прозе до романсов. Пост. сотрудник «Петербург. листка» (1883; вел еже-

дневный юмористич. фельетон под псевд. Муха; выпустил кн. «Петербург. сказки Мухи», СПб., 1883). Как театр. критик сотрудничал в «Бирж. вед.» (1888—1906), «Нов. времени» (1899—1916), «России» (1899—1902), «Петербург. газ.» (1903—10). Издавал и редактировал газ.: «Невод» (1906—07), «Минута» (1908; «газета архивная, архигородская, архиразухабистая, архибульварная, на француз. лад» — Кугель, с. 55—56), «Что нового» (1909) и др.; соред. П. Ф. Левдика в «Бирж. изв.» (1908—09). Член Союза театр. критиков.

П. откликался на спектакли, писал об актерском мастерстве, о закулисной быте (о взаимоотношениях актеров с антрепренерами и критикой, о жизни актера в провинции); однако избегал высказываться о значительных явлениях совр. драматургии. Отмечалось, что в своих театр. рец. П. был «по рукам и по ногам связан ... дружественной паутиной» (Измайлов, с. 12). В издаваемых им еженедельниках «Театр. мирок» (1884—1886) и «Петербург. дневник театра» (1903—05) систематически высмеивался модернизм (см. статьи о новой живописи — «Петербург. дневник театра», 1905, № 8; подпись Не художник; о «патологич.» сюжетах и героях «новой драмы» — «Ампула близкого будущего» — там же, 1903, пробный номер и др.). Нападая на «новую драму», П. обличал ее эпигоны и отрицал причастность к ней А. П. Чехова; утверждал, что А. Белый «насиленно навязывает» Чехову «символизм, о к-ром он едва ли подзревал» (там же, 1904, № 9, с. 4). Театр. еженедельники П., видимо, «в пику» модернистам, изобилуют мат-лами о Чехове; П. подчеркивает свою дружескую близость с ним («А. П. Чехов о песках, драматургах, артистах и пр. Неизд. мнения и мысли (из писем к П.)» — там же, 1904, № 28, 29; 1905, № 7, 9, 10, 11; восп. о встречах с Чеховым — там же, 1904, № 1, 28; 1905, № 15, 16; «Петербург. газ.», 1910, 17 янв., с. 3; перепечатано в кн. П. «Что вспоминалось», «Мое время», а также в кн. «Чеховские мелодии», М., 1990). Однако при жизни Чехова П. на его пьесы не откликался.

П. написал более 30 одноактных пьес — водевилей, сценков, монологов («Для театра», СПб., 1892; «Сборник пьес», СПб., 1897; «Театр», т. 1—2, М., 1913), ставившихся в Александрии т-ре, в «Кривом зеркале» и др. По мнению критиков, пьесы П. — талантливые и неприятельные «жанровые картинки» (см. отзыв А. Р. Кугеля об «Ужине»: ТиИ, 1897, № 49, с. 905), где в журнальной манере изображается быт, по преимуществу богемный (песю «В своей роли» В. М. Дорошевич в неодобрительном отзыве назвал

«очень модной» — Собр. соч., т. 8, М., 1907, с. 169); отмечалось отсутствие у П. традиционной интриги (отзыв о «Неврастениках»: НВ, 1902, 27 июня).

Драматургии П. во многом близки его очерки (сб. «В дороге и дома», СПб., 1892, — о Европе и Юж. России с т. з. туриста-театрала; «Без ужасов». Рассказы, Рига, 1928; предисл. П. Пильского), — в осн. из театр. и лит. быта (очерки «Балетоманы», «Газетчики», «Школа репортеров» и др.); о прозе П. благожелательно отзывался А. И. Куприн (бывший с ним в приятельских отношениях; письма Куприна к П. — ЦГТМ, ф. 210, № 257—59), отметив черты, сближающие ее с прозой молодого Чехова: остроумие, скупость в описаниях, отсутствие прямых авт. оценок (Куприн А. И., О П. и его книгах. — В кн. П. «Мое время», Париж, 1939, с. 7—12).

По словам современника, П. «был истый тип старого, породистого литератора-театрала и, пожалуй, это было в нем интереснее в собственном смысле писательства» (Измайлов, с. 12). Дир. петерб. Лит.-артистич. клуба, «джентльмен», энтузиаст, сибарит, щедрый до комизма, П. был одной из заметных фигур театр.-лит. об-ва (см.: Кугель, с. 132; см. также: ИВ, 1912, № 1, с. 339—43).

Наиб. интересен П. как мемуарист. Вспоминая о людях театра, П. делился своими впечатлениями, оценивая их творчество как профессионал [см. портреты М. Г. Савиной, В. Ф. Комиссаржевской, Н. Х. Рыбакова, В. В. Самойлова, А. А. Нильского, К. А. Варламова, И. И. Монахова, В. П. Далматова, Н. Ф. Сазонова, В. Н. Давыдова (его письма к П. — в кн.: Театр. наследство. Сообщения. Публикации, М., 1956), М. И. Писарева, Е. Н. Жулевой и др. в кн. «Что вспоминалось» (СПб., 1914; рец.: БВед, 1914, 14 марта); отрывки из восп. первоначально печатались: ИВ, 1901, № 10; «Петербург. дневник театра», 1904, № 9—30; 1905, № 3—4; «Б-ка театра и иск-ва», 1906, № 3—12; «Рампа и жизнь», 1908, № 2; СиУ, 1913, № 38—39, 42; см. также «Что вспоминалось за 50 лет. Театр. восп.», Париж, 1931]. В собственно лит. жизни П. занимала прежде всего ее бытовая сторона (см., напр., о петерб. ресторане «Малый Ярославль», где в 1870-е—80-е гг. сходились И. Ф. Горбунов, Д. В. Григорович, М. Н. Пыляев и др.; о жизни Григоровича за границей, о К. А. Скальковском как чиновнике; письма Скальковского к П. — ЦГТМ, ф. 210, № 402—404) и др. В 1919 П. выехал за границу, не позднее 1924 обосновался в Париже (о ностальгии. настроениях П. и неприятии сов. власти в это время его письма Вл. И. Немировичу-Данчен-

ко — РГАЛИ, ф. 355, оп. 2, № 216; в 1926 Немирович-Данченко звал П. в Россию — ГЦТМ, ф. 210, № 293); поддерживал связь с Москвой, посылая туда восп., мат-лы об отце и лит. жизни 19 в. В мемуарах, законченных в эмиграции («Под сению кулис...», Париж, 1936; «Мое время»), П. вспоминает разрушенный революцией быт в его подробностях, пишет об Анне Павловой, С. А. Андреевском, Т. П. Карсавиной, М. М. Фокине, В. Н. Кашперове, Н. А. Некрасове, З. Н. Некрасовой, Боборыкине, С. Я. Надсоне, С. В. Максимове и др., об улицах Петербурга и Москвы, извозчиках, ресторанах (в т. ч. «театральном» Балашова в Москве на Петровке), о Павловске, гуляниях на островах в Петербурге, о балаганах (отд. главы первоначально опубли.: «Огонек», 1906, № 4; СиУ, 1914, № 19, 20; 1915, № 38, 39, 44; «Наша старина», 1917, № 1).

В эмиграции резко изменилось отношение П. к новым явлениям в иск-ве (см., напр., о совр. балете: «вы топчесь за ясным, не считаясь с его возрастом» — «Сергей Лифарь. От старого к новому», Париж, 1938, с. 18).

П. — автор первой кн. по истории рус. балета «Наш балет (1673—1899)» (СПб., 1896, 1899); по мнению Скальковского, это «не столько история, сколько хроника балета, особенно подробная за 15 последних лет» (в его кн.: В театр. мире, СПб., 1899, с. 12); рецензент «Моск. вест.» упрекал П. за ошибки, «легкий фельетонный тон „маленькой прессы“ и слишком подробное описание послесценических ужасов» (1896, 18 февр.).

В последние 10 лет жизни П. страдал тяжелой болезнью глаз. «Старик А. А. Плещеев, 85 лет, почти слепой, ходит с белой палкой, рассказывает о Некрасове и Достоевском, к-рые его когда-то по головке гладили ... Однажды ему подали милостыню» (Берберова Н., Курсив мой, М., 1996, с. 482).

Др. произв.: «За кулисами и в публике» (СПб., 1885; сб. фельетонов), «М. И. Петипа (1847—1907)» (СПб., 1907; впервые опубли.: ИВ, 1907, май), «29 рассказов» (СПб., 1912), «Сановник», сб-к рассказов (2-е изд., П., 1916).

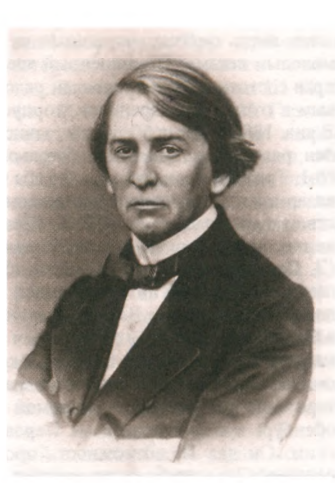
Изд.: Соч., т. 1—3, СПб., 1912—14.

Лит.: Чехов (ук.): Афанасьев, т. 2, с. 336—39; Имайлов А. А., А. А. Плещеев. — «Вост. лит.-ры», 1919, № 9; Кугель А. Р., Лит. восп., П., 1923; Бахрушин Ю., Восп., М.—П., 1994 (ук.). + Брокгауз; КЛЭ; Масанов.

Архивы: ГЦТМ, ф. 210 (в частности, письма С. А. Андреевского, В. П. Далматова, С. П. Дагилева, М. Н. Пилиева, В. В. Розанова, М. Г. Савиной, П. Б. Струве, А. С. Суворина, М. М. Фокина); ф. 76, № 35—51 (письма А. Ф. Горюхиному); РГАЛИ, ф. 339, оп. 1, № 197 (письма О. К. Нотовичу); РГБ, ф. 331, к. 55, № 43 (письма А. П. Чехову); РГИА, ф. 1343, оп. 27, л. 3459, л. 24 и об. (м. с.)^{*}.

Г. В. Зыкова, при участии Л. Е. Ляпиной.

ПЛЕЩЕЕВ Алексей Николаевич [8(20).12.* по др. сведениям — 22.11 (4.12).1825, Кострома — 26.9.1893, Париж; похоронен в Москве на Новодевичьем кладб.], поэт, переводчик, прозаик, драматург. Отец А. А. Плещеева. В старинном дворян. роду П. — неск. литераторов, в т. ч. изв. в

кон. 18 в. писатель С. И. Плещеев. Отец — Ник. Сер., служил чиновником по особым поручениям при арханг., вологод. и олонек. ген.-губернаторе; с 1826 — на должностях губ. лесничего в Н. Новгороде, где прошло раннее детство П. Мать — Ел. Ал-др. (урожд. Горскина), из ко-стром. дворян. Дала сыну хорошее дом. образование (знал три иностр. языка). После смерти отца (1832) П. вместе с матерью (к-рую нежно любил) поселился в родовом имении в Княгинин. у. Нижегород. губ. Возможно, вследствие этой ранней утраты П. рос нервным и впечатлительным. В 1839, добившись пенсии, мать переезжает с сыном в Петербург и отдает его (1840) в Школу гвард. подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, учеба в к-рой вызвала в П. «самую искреннюю антипатию» к воен. службе. Уволившись «по болезни» (1842), он поступает на ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та по разряду восточных яз. (1843). Заметное влияние оказали на него лекции проф. В. С. Порошина, поклонника Ш. Фурье (ср. письмо П. к А. П. Чехову от 12 сент. 1889: «мы воспитывались и развивались на франц. культуре, на идеях 48 года» — ЛН, т. 68, с. 348). К 1843—44 относятся первые стих. П. Складываются его лит. интересы, круг знакомств (покровительствующий начинающему поэту ректор ун-та П. А. Плетнёв, А. А. Краевский, А. Н. и В. Н. Майковы, в доме к-рых П. встречался с Ф. М. Достоевским, И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, М. Е. Салтыковым-Шчеприним и др.). Большую роль в становлении личности П. сыграла студенч. среда, бекетовский кружок (см. Бекетов А. Н.). Царившее в нем критич. отношение ко мн. явлениям обществ. жизни усилило и скепсис П. по отношению к учебе: мн. предметами он занимался «без всякой любви» (письмо к Плетнёву от 8 июня 1845 — ЛА, в. 6, с. 211). Это, а так-

же материальные затруднения и глазная болезнь привели его к решению уйти из ун-та (лето 1845).

В 1844 П. познакомился с М. В. Петрашевским, с 1845 стал посещать его «пятницы», особенно тяготел к «дуровскому» кружку, в к-ром преобладали лит. интересы (Достоевский, С. Ф. Дуров, А. И. Палым и др.). На следствии П. показал, что, «будучи характера впечатлительного ... не раз подчинялся влиянию к.-л. прочитанной ... книги или к.-л. разговора...» (Дело петрашевцев, т. III, М.—Л., 1951, с. 304). Изв. откровенность этого признания подтверждается и восп. П. П. Семёнова-Тян-Шанского: «... туманно было ... направление этого идеалиста в душе, человека доброго и мягкого характера. Он сочувствовал всему, что казалось ему гуманным и высоким, но определенных тенденций у него не было, а примкнул он к кружку потому, что видел в нем более идеалистические, чем практические стремления» («Петрашевцы в восп. современников», [т. I], М.—Л., 1926, с. 52). Зимой 1848/49 он вместе с Н. А. Мордвиновым и А. П. Милюковым переводит памфлет «Слово верующего» франц. христ. социалиста Ф. Р. де Ламенне, интерес к к-рому выдает христ. окраску его социалистич. взглядов.

В марте 1849 П. едет в Москву; пересылает текст письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, прочитанный Достоевским на одном из заседаний кружка и занявший ключевое место в последующем обвинении. В эту пору уважит. отношение к западникам (Т. Н. Грановскому и др.) соседствует у П. с резкими отзывами о славянофилах (см. письмо к Дурову от 26 марта 1849 — «Филос. и обществ.-полит. произв. петрашевцев», [М.], 1953, с. 722—23), что естественно при общей западнич. ориентации кружка Петрашевского. (Спустя десять лет, под влиянием моск. атмосферы, П. увидит «в славянофилах больше жизни, энергии и любви, чем в западниках» — письмо к Е. И. Барановскому от 22 дек. 1859 — «Шестидесятые годы», с. 454.)

Начиная с 1844, когда в «Совр.» (№ 2) появилась (за подписью «А. П-въ») первая подборка стих.: цикл «Ночные думы» и «Песня странника. Из Рюккерта», П. регулярно печатается в «Репертуаре и Пантеоне», «Иллюстрации» и др. изд. Ранняя лирика тяготеет к жанрам послания, элегии и акцентирует в основном «общие» романтич. мотивы (особенно сильно влияние М. Ю. Лермонтова) — ранней смерти («Страдал он в жизни много, много...», (1846); угловые скобки здесь и далее означают, что произв. написано не позже данной даты), разлуки («Прости», (1846)), бегства

с возлюбленной «от народа подальше» («Челнок», (1844)) и т. д. В стих. «Дездемоне (Винардо Гарсин)», (1843—44), «Старик за фортепьяно», (1844) и др. ошутим романтич. культ музыки. Обращение П. к социальной теме («В ужасной паготе еще не представляли/ Мне бедствия тогда страны моей родной./ И муки братьев дух еще не волновали/ Но ныне он прозрел, и чужд ему покой!» — «Назов друзей», (1845)) повлекло отход в 1845—46 от Плетнёва [по мнению к-рого, П. находился под сильным воздействием «доктрины Краевского», т. е. статей Белинского (лично знакомы с 1847), опубли. в «Отеч. записках»] и его политический нейтральный «Совр.». Из стих. такого рода (написанных, как правило, в форме ораторских обращений к своему поколению) особую известность получило «Вперед! Без страха и сомненья...», (1846), ставшее гимном неск. поколений демократич. молодежи. Лирика П. этих лет несет отпечаток идей петрашевцев с их верой в грядущее равенство и братство, а также «гуманического космополитизма» В. Майкова: «Навеки в мире воцарится/ Священной истины закон» («Поэту», (1846)). Надежды на будущее могут быть связаны у П. с вмешательством высшей силы («Новый год», 1848). «Распятие на кресте божественный плетей» («Назов друзей») — образ, тоже связанный с христ. стороной исканий ранних рус. утопистов, в рус. традиции восходящий к Белинскому и ставший «общим местом» демокр. сознания. Большая часть стих. этих лет вошла в первый сб. П. — «Стихотворения. 1845—1846» (СПб., 1846).

Сочетание в нем гражд. и любовной лирики осознано П. как принципиальная позиция (эпиграф к кн.: «Нотом sum, et nihil humani a me alienum puto» — «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо»). Широка «сфера сочувствия» была, с одной стороны, отмечена одобрением [Д. П. (Протопопов) — ЛГ, 1847, 13 февр.], а с другой — вызвала упреки в отсутствии у П. «определенного направления» («Финский вест.», 1846, т. XII). В. Майков назвал П. «боспорно первым нашим поэтом в наст. время» (ср.: «Помните ли вы время, когда П. был нашим первым поэтом?» — Н. Н. Страхов — Достоевскому, 1870) и отметил, что он «сильно сочувствует вопросам своего времени, страдает всеми недугами своего века...» (ОЗ, 1846, № 10, с. 39, 40). В противовес Майкову, Белинский (к этому времени изменивший свое отношение к «рефлексивной» поэзии и критически относившийся к утопизму) причислил П. (не называя имени, но указав именно на его кн.) к «маленьким талантам», усмотрев в его стихах только «чуждую мысли раздразненность» («Совр.», 1847, № 1, с. 31—32).

В апр. 1849 П. был арестован в Москве и доставлен в Петропавлов. крепость. 22 дек. 1849 вместе с др. петрашевцами, приговоренный к расстрелу, мужественно ожидал казни на Семеновском плацу (свидетельство самого П. см. в кн.: Ф. М. Достоевский в забытых и неизв. восп. современников, СПб., 1993, с. 41). В последний момент приговор

П. был заменен 4-летней каторгой, а затем вновь смягчен «во внимание к молодым летам»: П., лишенный всех прав состояния, был отправлен рядовым в отдельный Оренбург. корпус. В янв. 1850 прибыл в Уральск, зачислен рядовым в линейный батальон № 1. Тяжелая поднадзорная служба и казарм. жизнь скрашивались знакомством с др. ссыльными — Т. Г. Шевченко, польскими революционерами (З. Сераковский и др.), а также общением с местной интеллигенцией в доме подполковника В. Д. Данделия в Оренбурге, куда П. был переведен в марте 1852. Положение П. несколько смягчилось благодаря хлопотам матери, еще по Петербургу знакомой с оренбург. губернатором В. А. Перовским. Он дал П. возможность продвигнуться по службе путем участия в июле 1853 в штурме кокандской кре-

А. Н. Плещеев в ссылке.
Рис. неизв. художника. Гос. лит. музей.

пости Ак-Мечеть (после взятия — форт Перовский). За «отличие в деле» в дек. 1853 П. произведен в унтер-офицеры (но офицерское звание получил лишь в 1856). Имея чин прапорщика, П. смог оставить воен. службу и определиться (в чине коллеж. рег.) в Оренбург. погранич. комиссию (1857—58). К этому времени относится знакомство и тесное общение с врачом И. В. Павловым, А. М. Жемчужниковым, встреча с М. Л. Михайловым, благодаря к-рому П. устанавливает контакты со стол. журналами.

Стихи П. периода ссылки, подкрепл. личным жизн. опытом, во мн. перекликаются с поэзией 40-х гг., но уже лишены нередко ощущавшейся в них условной лит. поэты. Сочетанием традиц. образности и поэтич. искренности отмечены и любовные стихи, посв. Еликонице Ал-др. Рулевой, дочери местного чиновника, ставшей в окт. 1857 женой П. («Когда твой кроткий, ясный взор...», «Тобой лишь ясны дни мои...», оба — 1857). Эти и др. стих., с 1856 публиковавшиеся в «Рус. вестнике» и с 1858 — в «Совр.», вошли в сб. «Стихотворения» (СПб., 1858; сдержанный отзыв Н. А. Добролюбова —

«Совр.», 1858, № 10, с. 194; добротел. рец. А. Тихменева — «Атеней», 1858, № 51), изд. в отсутств. П.

В апр. 1857 П., сохранявшему и в армии «учтивость ... чисто боярскую» (Из восп. Н. А. Виноградова — РГАЛИ, ф. 378, оп. 1, № 36, л. 3) и вообще являвшему собой «одно из аристократич. имен лит-ры» (Розанов В. В., О писательстве и писателях, М., 1995, с. 477), было возвращено звание потомств. дворянина. Выхлопотав отпуск, П. в мае 1858 выезжает в Петербург. Знакомится с Н. А. Некрасовым, Н. Г. Чернышевским, высоко отзывавшимся о П.-поэте (см.: Чернышевский, XIV, 64, 70—71), Добролюбовым, с к-рым до самой его смерти будет вести переписку (ему посв. стих. П. «Ты жаждал правды, жаждал света...», 1881). С апр. 1859 — в Оренбурге, служит в губ. канцелярии. В авг. 1859, получив разрешение, поселяется в Москве (с сохранением секр. надзора до переезда в Петербург в 1872; в 1863 в связи с провокацией В. Д. Костомарова привлекался к следствию по делу Чернышевского) и полностью отдается лит. деятельности: печатается, в частности, в «Рус. вестнике», «Времени», «Совр.».

Одно из стих., опубли. в этом ж-ле, — «Еще одна — и тяжкая утрата...» ошибочно атрибутировалось П. (см. Энцикл.); автограф стих., хранящийся в РГАЛИ (ф. 167, оп. 3, № 21, л. 11), свидетельствует об авторстве А. В. Дружинина (сообщено Б. Ф. Егоровым).

В 1860 П. становится пайщиком и чл. ред. «Моск. вест.», заботясь о том, чтобы газета имела «цвет, направление», привлекает к сотрудничеству лучшие имена. В 60-е гг. в его доме на лит. и муз. вечерах бывали Некрасов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. Ф. Писемский, Н. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, актеры Малого т-ра. П. не принадлежал к к.-л. лит.-обществ. партии (по определению Добролюбова, «стоит на распутье двух дорог»; см. также его пародию на выражавшее «либеральную тенденцию» стих. П. «Трудись, бедные, вы, отдых не зная...», Добролюбов, VII, 523). Оставаясь в нек-рой степени «человеком 2-й пол. 40-х гг.» (письмо П. к Чехову от 12 сент. 1889 — ЛН, т. 68, с. 348) и симпатизируя всему, что считал гуманным и передовым, П. вместе с тем ощущал потребность в определении собств. позиции: «Нужно сказать новое слово, а где оно?» (из письма Достоевскому в 1862. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Мат-лы и исследования, Л., 1935, с. 458).

В 1861 выходит сб. «Стихотворения» (СПб.), в 1863 — «Новые стихотворения» (СПб.). Выделив удачные, искренние стихи, В. В. Крестовский вместе с тем отмечает, что в поэзии П. нет «особенной яркости и особенного разнообразия» и что он

«пишет головой, где следовало бы говорить сердцу» (РСл, 1861, № 3, с. 73, 76). Во многом сходную оценку дали М. М. Достоевский («Время», 1861, № 3) и В. Р. Зотов (рец. на сб. 1863 — БлЧ, 1864, № 2, б. п.), попытавшийся также сформулировать общую характеристику поколения П. В рец. Салтыкова-Щедрина на эту книгу талант П. — «гуманитарного лирика», назван «скромным, но честным и искренним»: «он сумел возвыситься над миром мотыльковым и перенес свою лиру в мир человеческих интересов» («Совр.», 1864, № 1, с. 82). Резко отрицают анонимная рец. на сб. 1863 в «Отч. зап.» (1864, № 5) откровенно предвзятая и имеет, по предположению самого П., полит. подоплеку (см.: Пустильник, 1888, с. 100). П., вслед Некрасову (у к-рого подчас заимствует нек-рые сюжетные ситуации — ср. «Я у матушки выросла в холе...» (1860) и «Тройку» Некрасова), обращается к жанру гор. зарисовки («На улице», (1860)), стих.-новеллы с сильно выраженным «бытовым» началом («Она и он», (1862)), оживляя в поэзии традицию «натуральной школы», что, по мнению Михайлова, было малоудачно: «элегич. стихи его не перестраиваются на сатирич. лад» («Совр.», 1861, № 3, с. 94). Наиб. интересны у П. в этот период собственные лирич., пейзажно-филос. стих.: «Облака», цикл «Летние песни» (написанный, впрочем, не без влияния А. А. Фета). П. ценил в лирике Некрасова изображение нар. жизни, к-рое «исполнено у него такой любви, что мнение нек-рых, будто бы он хорошо только тогда, когда негодует, оказывается совершенно несостоятельным» (МВед, 1861, 17 янв.). Притягивала П. и сама личность поэта: «Некрасова я люблю. В нем есть стороны, влекущие к нему невольно; за них прощаешь ему многое» (письмо А. М. Жемчужникову от 25 июля 1875 — РМ, 1913, № 7, с. 128). Влияние Некрасова (крестьян. тематика, «ролевая» лирика) ощущается и в стихах П. для детей — сб-ки «Подснежник» (М., 1878; рец.: «Новые книги», 1878, № 5) и «Дедушкины песни» (М., 1891). В 1861 П. издал совм. с Ф. Н. Бергом сб.-хрестоматию «Детская книжка» (СПб.; положит. рец. В. В. Крестовского — РСл, 1861, № 6), в 1873 совм. с Н. А. Александровым сб. «На праздник» (СПб.; в числе авторов — сам П., Я. П. Полонский, Некрасов и др.; рец. — «Сияние», 1873, № 7, с. 112). Критика отметила «регулирующую тенденцию», опирающуюся «на почву общих понятий о зле и добре» (ОЗ, 1878, № 5, с. 98). Нек-рые из дет. стих. П. (напр., «Старик») получили хрестоматийную известность.

Поэтик, мастерство П. в наиб. степени проявилось в его переводах,

к-рыми он занимался на протяжении всего творч. пути. Круг переводимых авторов, преим. романт. типа (в т. ч. Дж. Байрон, Г. Гейне, Ш. Петёфи, Т. Мур, В. Гюго, М. Гартман; всего более 30), обусловил широту творч. диапазона переводчика, обязал к поиску разнообразных поэтич. средств, адекватных оригиналу (напр., «Сельские песни» польск. поэта С. Витвицкого, в т. ч. широко изв. стих. «Травка зеленеет...»; подробнее см.: РЛ, 1976, № 4, с. 194). В лучших переводах стих П. обретает выразительность, не всегда свойственную его ориг. лирике («Повсюду ненавистный запах масла.../ Вот лампа замигала... и шипя/ С отчаяньем — последняя — угасла/ Тот бедный пламень был — душа моя». — «Спектакль окончен...» Гейне). Очевидно, переводч. работа была ближе П. по самому складу его дарования, не предполагавшего значит. собств. поэтич. открытий, но чутко улавливавшего ценное в чужом творчестве. По замечанию М. Достоевского, «П. в переводах еще более поэт, чем в оригиналах» («Время», 1861, № 3, с. 160). Ю. И. Айхенвальд считал, что у переводимых поэтов П. «черпал... те звуки и темы, на к-рые ему не доставало собств. мощи и творчества» (Айхенвальд Ю., Силуэты рус. писателей, М., 1994, с. 279). Среди крупных поэтик. переводов П. — драматич. баллада Гейне «Вильям Ратклиф» («Совр.», 1859, № 11, с. посв. Чернышевскому; отд. изд. — СПб., 1869), отрывок из трагедии Байрона «Сарданапал» (ОЗ, 1875, № 7). Мелодичность ориг. стих. и переводов П. не раз привлекала внимание композиторов (Чайковский, М. П. Мусоргский, С. В. Рахманинов и др.).

Как прозаик П. дебютировал (на время отойдя от поэзии) в 1847 рассказом «Енотовая шуба» (ОЗ, № 10, посв. «Ф. М. Достоевскому»). Следом появляются рассказы «Папироска» («Совр.», 1848, № 1), «Протекция» (СПбВед, 1848, 3, 5, 6, 9—13 марта), пов. «Шалость» (ОЗ, 1848, № 11), «Дружеские советы» (ОЗ, 1849, № 3), в к-рых П. выступает в русле натуральной школы, сатирически или иронически (с «сострадательной насмешкой» — Добролюбов) изображая героев разных слоев петерб. населения: от «лишних» людей до представителей «солидной жизни» (по определению М. Достоевского; его отзыв о прозе П. см.: «Пантеон», 1848, № 5). Социальная и психологич. типология героев становится более отчетливой в кон. 50-х гг., на к-рые пришелся пик творчества П.-прозаика (таково, напр., изображение «артистич.» и «практич.» типов в пов. «Наследство» — РВ, 1857, № 16, и «Призвание» — «Светоч», 1860, кн. 1—2). В

числе лучших — пов. «Отец и дочь» (РВ, 1857, № 19), где тема протеста «маленького человека» воплощена в динамич. трагич. сюжете (по-видимому, именно эту пов. читает не могущая «удержаться от слез» мать героини чеховского рассказа «Невеста» — см.: Чехов, Х, 207), а также пов. с автобиогр. мотивами «Пашинцев» (РВ, 1859, № 21—23), особо ценящая П., и «Две карьеры» («Совр.», 1859, № 12), в к-рых он обращается к образу «героя времени» — молодого интеллигента. Если Пашинцев терпит моральный крах, то герой второй пов., напротив, сохраняет достоинство и благородство. Оба героя умирают, погубл. средой (сходная ситуация — в рассказах «Благодеяние», 1859, «Потеря», 1863).

Добролюбов, откликнувшийся на сб. «Повести и рассказы» (из произв. 40—50-х гг., ч. 1—2, М., 1860), видит в героях-мечтателях П. «наивность и несумелость», отсутствие «сознательности и определенности стремлений»; у нек-рых из них он замечает, однако, «при всей видимой апатии и неразвитости... смутное сознание неудовлетворенности своего положения» (Добролюбов, VI, 202, 208). А. П. Миллов отметил «волеизъявление» и сюжетное однообразие произв. писателя, что не мешает им «быть оригинальными и интересными» («Светоч», 1860, кн. 3, с. 71, 72).

В целом проза П., как правило, ориентирована на лит. образцы: он использует лерм., гоголевские и др. сюжетные ситуации (ср., напр., повсв. П. пов. «Белые ночи» Достоевского и сюжет пов. П. «Дружеские советы»), мотивы. Герои постоянно и много читают; лит. пристрастия должны, по замыслу П., прояснять характер персонажей, однако этот худож. прием используется им несколько прямолинейно. Встречаются и необязательные сюжетные линии. Сам П. признавался: «Все мои повести вообще — вещи неважные...» (письмо Добролюбову от 25 февр. 1860 — РМ, 1913, № 1, с. 145). В 1880 П. издал 2-й сб. своей прозы — «Житейское» (СПб.; положит. отзыв — РВ, 1880, № 6), куда вошли произв. кон. 50-х — 60-х гг.

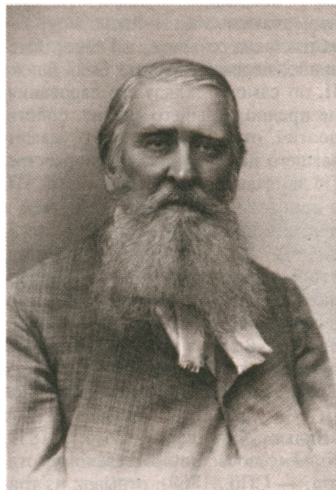
П. был близок к театр. среде, тесно общался с А. Н. Островским, мн. актерами, участвовал в разл. театр.-обществ. начинаниях (старшина Артистич. кружка, пред. Об-ва сценич. деятелей и проч.), был хорошим чтецом (см.: Из восп. Анны Бренко. — В альм.: Лазурь, в. 1, М., 1989, с. 163—64), немало писал для театра. Известны 13 ориг. пьес П., преим. сатирич. комедии; в т. ч.: «Услуга», «Нет худа без добра» (обе — БлЧ, 1860, № 7/8), «Счастливая чета» («Совр.», 1862, № 3), «Командирша» («Время», 1862, № 10), «Братья» («Рус. сцена», 1864, № 2). Пьесы П., как правило, невелики по объему, просты и занимательны по сюжету. Они ставились в Малом, Александрин. и др. театрах.

В 1864 умирает жена П. На руках поэта, тяжело перенесшего эту потерю (см. цикл стих. «Памяти Е. А. Плещеевой», 1865), осталось трое детей: Александр (А. А. Плещеев), Елена и Николай. Пережив в нач. 60-х гг. свой жизненный и творч. пик, он вступил теперь в длившуюся четверть века полосу «мытарств литераторского необеспеченного существования» (Боборыкин, т. 1, с. 402). Материальные затруднения вынуждают П. определиться на тяготившую его службу в Гос. контроль и заниматься ею до 1875 (подробнее см.: ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, № 115, ф.с. 1893 г.); по служебной лестнице дошел до чина тай. сов. (1872). Со 2-й пол. 60-х гг. у П. новая семья — Эк. Мих. Данилова (урожд. Успенская) и дочь (в ф.с. и завещании именуется воспитанницей) Любовь (р. 1869).

На рубеже 1871—72 П. переезжает в Петербург, где с 1872 становится секретарем ред. «Отеч. записок», а после смерти Некрасова — зав. стихотв. отделом; редакция ж-ла находилась в квартире П. на Спасской ул. П. публикует в ж-ле собств. сокращ. переводы романов Э. Золя «Брюхо [так в пер.] Парижа» (1873, № 7—8; в предисл. он высказал ряд соображений о лит-ре франц. натурализма, в к-рой ценил «широкий захват»), Стендаля «Красное и черное» (1874, № 3—6), бр. Гонкуров «Молодая буржуазия» (1876, № 11—12) и др. и одновременно компилятивные работы по зап.-европ. истории и социологии («Вот работа, за к-рую я бы взялся с любовью: изложение социальных систем» — РМ, 1913, № 1, с. 145), напр. «Жизнь и переписка Прудона» (1873, № 11; вызвала ценз. затруднения), «Несколько портретов 18 века» (1880, № 4—5) и др. К соч. такого рода относятся и «Жизнь Диккенса» (СПб., 1891). В 1874 П., еще в молодости пробовавший себя в публицистич. жанре (фельетоны в «Рус. инвалиде», 1846—48), вел в «Отеч. зап.» рубрику «Совр. заметки». С 1874 по рекомендации Некрасова сотрудничал в «Бирж. вед.», где помимо рец. публиковал «Летучие заметки из обществ. жизни». В эти же годы П. «переделал» ок. 30 комедий заруб. драматургов, в т.ч. Э. М. Лабиша, Пальерона. После закрытия в 1884 «Отеч. зап.» П. — зав. лит. отделом «Сев. вест.», в создании к-рого принял участие. В 70—80-е гг. П., загруженный лит. поденщиной, к лирике обращается относительно редко. Итог своего творч. пути подвел сб.-ками «Стихотворения» (1846—86) (М., 1887; отклики 1887: СВ, № 1, РМ, № 2, ВЕ, № 3) и «Песни старого друга» (М., 1891; выдержал 5 изд.).

В 80-е гг., отмеченные общим интересом к «людям 40-х годов», П. на-

ходится в центре лит. жизни, поддерживает молодых писателей — В. М. Гаршина, С. Я. Надсона (письма ему 1882—85 см.: «Невский альманах», в. 2, П., 1917), А. Н. Апухтина, И. З. Сурикова и др., общается с Д. С. Мережковским (см. его эссе «Памяти А. Н. Плещеева» — в сб.: А. Н. Плещеев, 1911), З. Н. Гиппиус (см. гл. «Благоухание седины» в ее восп. «Живые лица», т. 2, Тб., 1991). Одним из первых оценил талант А. П. Чехова, с к-рым познакомился с 1887 и вел насыщенную лит. переписку; опубликовал в «Сев. вест.» «Степь» (см.: Памятные книжные даты. 1988, М., 1988, с. 101—102), «Скучную историю» и др. его произв. Хотя отноше-

А. Н. Плещеев. 1880-е гг.

ния П. с «совр. молодежью» вызвали разноречивые мнения (В. А. Тихонов: «...ухаживает и ... подлаживается. Чуть кто поизвестнее становится, он уж тут как тут...», ИРЛИ, ф. 567, № 3, л. 29), черты его личности привлекали окружающих: «Это был мягкий, скромный, почти всегда грустно настроенный и, я бы сказал, запуганный жизнью человек, если бы не то присущее ему изящество, с к-рым он нес бремя жизни» (Н. К. Михайловский — РБ, 1893, № 10, с. 140). 60-летие П. (осень 1885) и 40-летие его лит. деятельности были торжественно отмечены (15 янв. 1886) лит. общественностью (подробнее см. за 1886: ЖО, т. 4; «Нива», № 17; «Новь», т. XII, № 23; РВед, № 14).

В 1890 в результате разногласий внутри ред. П. уходит из «Сев. вест.» и остается без твердых доходов. Смерть богатого родственника в 1890 делает его обладателем крупного состояния. П. участвует в ряде благотворит. акций. С 1890 несколько раз выезжал для лечения за границу (первое путешествие по Европе — Италия, Франция, Германия,

Англия — состоялось в мае—июне 1862; дорожная записная книжка — РГАЛИ, ф. 378, оп. 1, № 8). Умер от апоплексич. удара в Париже, откуда намеревался ехать в Ниццу. Смерть П. вызвала ряд поэтич. откликов (К. М. Фофанов, К. Д. Бальмонт, К. Хетагуров и др.).

Др. произв. П. в сб.: «Свидание» («Время», 1861, № 11), «Попутчик» («Эпоха», 1864, № 9), «Жилец», М., [1885].

Изд.: Сборник театр. пьес для домашних и любительских спектаклей, т. 1—3, СПб., 1876—1880; Стихотворения (1846—1891), СПб., 1894 (вступ. ст. П. И. Вейнберга); Повести и рассказы, т. 1—2, СПб., 1896—97 (вступ. ст. П. В. Быкова; есть библи.); Стихотворения, 4-е доп. изд., СПб., 1905 (вступ. ст. П. В. Быкова; есть библи.); Стихотворения, [М.—Л.], 1937 (БПмс; вступ. ст. Г. Сорокина); Стихотворения, [Л.], 1948 (БПбс; вступ. ст. А. В. Федорова); Стихотворения, Л., 1950 (БПмс); Стихотворения, Л., 1957 (БПмс); Поэты-петрашевцы; Избранное, М., 1960 (вступ. ст. Н. М. Гайденкова и В. И. Коровина); Полн. собр. стихотворений, М.—Л., 1964 (БПбс; вступ. ст. М. Я. Полякова); Стихотворения, М., 1975 (вступ. ст. Л. С. Пустильник); Житийские сцены, М., 1986 (вступ. ст. Н. Г. Кузина); Стихотворения. Проза, М., 1988; Папироска. — В сб.: Живые картины, М., 1988; Стихотворения. Проза, М., 1991.

Письма: Плещеев, т. 2; Нендз. стихи и письма к Л. З. Дандельс. — МГ, 1908, № 7, № 10; Письма П. к Е. И. Барановскому. — В сб.: Шестидесятые годы, М.—Л., 1940 (публ. М. А. Панченко); Письма П. к разным лицам. — ЛА, в. 6, М.—Л., 1961 (есть библи. опубл. писем П.); «Такие души я любил давно...» — Письма П. [к М. И. Ларионовой]. — «Лит. Россия», 1984, 13 янв. (публ. М. Филина); Переписка А. П. Чехова, т. 1, М., 1984; Переписка Н. А. Некрасова, т. 2, М., 1987.

Лит.: Белинский; Герцен; Некрасов; Тургенев; Добролюбов; Чернышевский; Достоевский; Островский; Салтыков-Щедрин; Толстой; Чехов (все — ук.); Достоевский в восп. (ук.); Гербель; А. Н. Плещеев. — «Театр. мирок», 1892, № 5; Плещеев А. А. Что вспоминалось, Соч., т. 3, СПб., 1914; то же, отд. изд. — Париж, 1931; Скабичевский А., Характеристика П. как поэта. — «Новости и бирж. газ.», 1893, 30 сент., 7 окт.; Гольцес В., П. как поэт и прозаик. — В сб.: Привет!, СПб., 1898; Заболотский П. А., Поэт гуманности и светлых идеалов, Варшава, 1904; Сахулин П. Н., А. Н. Плещеев. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 3, М., 1909; А. Н. Плещеев. Его жизнь и соч. Сб. ист.-лит. статей, М., 1911 (сост. В. И. Покровский); Покровский К., Стихотворения П. для дет. возраста, М., 1911; Круглов А. В., А. Н. Плещеев. Биография и характеристика, [М.], 1914; Семейский М. И., Петрашевцы С. Н. Дуров, А. И. Палым, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев. — ГМ, 1915, № 11—12; Комарович В. Л., Юность Достоевского. — «Былое», 1924, № 23; Скафтымов А., Чернышевский и П. — В сб.: Н. Г. Чернышевский, Саратов, 1926; Феоктистов; Петрашевцы (ук.); Жуковская Ек., Записки, Л., 1930, с. 123—139; Быков П. В., Силуэты далекого прошлого, М.—Л., 1930, с. 133—43; Бикмухаметов Е. М., Гражд. лирика П. 40-х гг. XIX века. — Уч. зап. Казан. гос. пед. ин-та, в. 12, 1958; Гранина Н. С., Театр.-критич. деятельность П. — Вестник МГУ, сер. VII, 1960, № 4; Анов Н. И., Ак-Мечеть. Ист. ром., А.-А., 1965; Шуров И. А., Лирика П. — В сб.: Писатель и жизнь, в. 3, М., 1966; его же, А. Н. Плещеев. Жизнь и творчество, Я., 1977; Пустильник Л. С., Автор статьи «Темное царство» (Забывший отзыв о Добролюбов). — ВЛ, 1961, № 11; его же, Атрибуция анонимных и псевдонимных критич. статей и рецензий П. — ФН, 1962, № 2; его же, Жизнь и творчество П. М., 1981, 2-е изд. М., 1988; Поляков М., Встречи с неизвестным [П. и Белинский]. — «Наука и жизнь», 1961, № 8; его же, Поэзия тюрьмы и ссылки. — В его кн.: Цена пророчества и бунта, М., 1975; Гордон Я. И., Гейне в России (1830—

1860-е гг.), Душанбе, 1973, с. 117—27; Очерки истории рус. театр. критики, [кн. 2], Л., 1976, с. 196—207; Масальская Г. И., Творч. искания писателей натуральной школы и проза П. — В сб.: Проблемы реализма, в. III, Вологда, 1976; с. ж. Гоголевские традиции комического в лит-ре натуральной школы (сатира П.). — В кн.: Вопросы рус. лит-ры, в. 2(40), Львов, 1982; Никитина Ф. Г., Петрашвили и Ламенс. — В сб.: Достоевский. Иссл. и мат-лы, т. 3, Л., 1978; Головкин Н. В., Рус. критика в борьбе за реализм (А. Н. Плещеев, М. Л. Михайлов), Минск, 1980; Лаврищева Т. И., Романы и дет. песни П. И. Чайковского на стихи П. — В сб.: П. И. Чайковский и рус. лит-ра, Ижевск, 1980 (ук.); Прийма Ф. Я., П. и Христо Ботев. — В сб.: Классич. наследие и современность, Л., 1981; Эльзон М. Д., Об авторе одного стих. в некрасовском «Современнике». — В сб.: Н. А. Некрасов и его время, в. 7, Калининград, 1983; Первые рус. социалисты, Л., 1984 (ук.); Рус. писатели в Москве, М., 1987, с. 529—539; Егоров Б. Ф., Петрашвили, Л., 1988 (ук.); Кузин Н., Плещеев, М., 1988 (ЖЗЛ); Головкин В. М., Поэтика рус. повести, Саратов, 1992, с. 127—47; с. ж. Рус. реализм. повесть. Герменевтика и типология жанра, М.—Ставрополь, 1995 (ук.); ЛН, т. 51—52, 68, кн. 1. + Некролог, 1893; НВ, 27 сент.; СПбВед, 27 сент.; РБ, № 10, с. 139—41 (Н. К. Михайловский); МБ, № 11 (В. Острогорский); ИВ, 1893, № 11; «Курьер Лвовский», № 286 (И. Франко); Быков П. В., Библиографический каталог, СПб., 1898; Михневич: Жихов; Брокгауз; Гранат; Березин; Вольф (ук.); Каталог ОРДП; Полный алфавитный список драматич. соч. на рус. языке..., СПб., 1888 (ук.); ЛЭ; КЛЭ; Лерм. энцип.; Рус. писател., 1990; ИДРБВ; ИДРП; Иванов; Смирнов-Сокольский; Боград. «Совр.»; Боград. ОЗ (1, 2); Мельер; Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 378; ИРЛИ, Р. III; РГБ, ф. 178, ГЛМ, ф. 145; РНБ, ф. 1029, № 76, 79, 94, ф. 621, № 668, ф. 608, оп. 1, № 2527 и др. (писма разным лицам), ф. 438 (Литфонд), ф. 236, № 174, ф. 118, № 1270 и др. (автографы стих. П.), ф. 118, № 59, л. 247—361 (библиограф. публикации П.); РГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 3446, л. 114 (копия м.с.), д. 3459, л. 22—52 и д. 3466, л. 104 об. (дело о дворянстве П.), д. 3459, л. 27—31 (копия ф.с. 1891 г.) [справка Л. М. Сосекиной].

ПЛОХОВО Александр Иванович [7(19).11.1811, Вологда — не ранее кон. мая 1867], беллетрист. Родился в семье бедного помещика Грязовещкого у. Вологод. губ. Карьера отца складывалась неспроста; в нач. 1797 — гв. прапорщик; в 1808 гв. подпоручик; в дальнейшем он часто менял места службы: с 1810 — частный пристав вологод. полиции; в 1814 избран заседателем в Вологод. палату гражд. суда (уволен в 1815), в 1820—26 служил в Ковенской таможне (с 1822 — тит. сов.), а с 1828 «по болезни» находился в отставке; умер в 1835, так и не сумев обеспечить жену и дочь. Долгие годы обе зарабатывали на жизнь «трудами рук своих», не раз обращались с прошениями о помощи, указывая на «крайнюю бедность» (см.: РГИА, д. 1247, л. 35—36 об.). В поисках новых возможностей заработка П. обратилась к лит. труду, ставшему едва ли не единств. «средством к поддержанию себя и престарелой матери» (письмо П. А. Вяземскому — РГАЛИ, № 656).

Первая публикация П. — пов. «Местъ женщины» (М., 1845; криптоним: Ал... Пл...; авторство установлено в кн.: Анонимные и псевдонимные произв., в. 2, Л., 1977, с. 168)

прошла незамеченной; первого крит. отклика удостоился ее перевод ист. повести польской писательницы И. Оспиповской «София, последняя из князев Служских» (М., 1845; отзв.: БдЧ, 1846, т. 76, с. 12—13). Три орг. произв. «Любовь самый лучший доктор», «Людмила. Отрывок из жизни девушки», «Чубук. Повесть 1846 г. (Истинное событие 18... г.)» и один пер. с польского «Мщение. Повесть времен минувших» составили книгу П. «Импровизации из рассказов моих знакомых» (М., 1847, ц. р. 2 февр. 1846; посв. надв. сов. Платону Вас. Голубову). Наивно-реалистич. изображения социальных противоречий (герои историй — пьяницы, бесприданницы, бедные сироты) бледны на фоне романтич. коллизий и чудесных перерождений героев. Наметившийся в книге мотив религ. благочестия в дальнейшем станет пафосом всей — лит. и обществ. — деятельности П. По выходе сб-ка автор обратилась к Авдотье Глишке с просьбой организовать на него подписку на одном из лит. вечеров в доме Глинок.

В 1848 вышел «Сумский, или Нечто вроде были» (М.; ц. р. получено еще 23 авг. 1845) — «маленький роман, до крайности романтический, с вулканическими страстями, гвардейскими офицерами, нежными графинями, перехваченными письмами, слезною славою и штурмом Варшавы. Героиня его — чудо красоты и нежности, герои — образцы ума и храбрости, язык и правописание самого хорошего тону, то есть, совершенно не русские» (БдЧ, 1848, т. 89, с. 3). Продолжая иронизировать, рецензент укоряет автора в пристрастии к словам «электричество», «магнетизм», «гальванизм» при передаче чувств и в совершенно произвольной пунктуации (см. также отрицат. отзв.: ЛГ, 1848, № 29).

Синхронизм с моск. романтике отзывался два других петерб. органа — «Сын отечества» («...есть вкус, есть воображение, есть талант, но жалко, что сочинительница вовсе не владеет слогами... Расстановка слов у нее самая неправильная, знаки препинания поставлены или для красы, или по слепому случаю, очевидно, что сочинительница, вероятно, молодая» — 1848, № 8, с. 62—63) и «Сев. пчела» («Повесть не то чтобы была плохотная: она написана правильным рус. языком и может быть прочитана без удовольствия. Мы жалеем только, что автор не вынул во внутреннюю жизнь своих героев и поэтому предоставил читателю интересоваться ими не более, как и ежедневными случаями, разыгрывающимися перед окном на улице» — 1848, 6 июля).

Все главы повести предваряются стихотв. эпиграфами, позволяющими представить круг поэтич. чтения П.

Испытывая неудачи в публикации других беллетристич. соч. (рассказы, повести и даже драма «Шаталка, или Сын юнтаруса» — см. ЦИАМ, д. 17, 18), П. обращается к иному виду словесности. В 1849 она предпринимает «душевно полезный труд» — выборочный пер. книги религ. легена юнорус. духовного писателя 17 в., ректора Киево-Могилянского коллегиума и архимандрита Иоанника Готтского «Новое небо с новыми звездами, или Повествование о чуде-

сах Богородицы, почерпнутое из достоверных преданий и древних летописей...», приговорував к нему «сказания о чудотворных иконах Богоматери Тихвинския, Владимирския Олдинитри и прочих, также о положении ризы Богородицы во Влаерской церкви» (опубл.: М., 1850, 3-е изд., 1854). 2-я религиозно-просветительская компиляция П. — «Пять шетков из сада духовного, или Сведения о подвигах святых мужей: царя и пророка Давида, св. митрополита Петра, св. великомученика Георгия, св. Нила Столобенского и святителя Димитрия Ростовского и всея России чудотворца» (СПб., 1859). По словам П., обр. книги выдержали по три издания (см.: РНБ, № 12). Ближе к религ. беллетристике три коротких «Поучительных предсмертных случаев у христиан других исповеданий» («Странник», 1860, № 4) и очерк «Судьба» («Сев. пчелочка», 1859; с подзаголовком «Быль девятнадцатого столетия»).

Еще в 1854 она сама доставила на имя М. П. Погодина рукописи «путевых записок одной дамы» (в контуры «Москвитянина»), а затем — «Молитвы к Божьей матери в стихах» (на дом); в том же году она в письме к Погодину справлялась об их участии, одновременно предлагая «услуги в сотрудничестве» в журнале (см.: РГБ, № 67, л. 1, 2). Адресат, очевидно, не воспользовался ее предложением (что не помешало П. в 1862 и 1864 обращаться к Погодину как деятелю общественного благотворения — см.: РГБ).

В 1856 П. обращается к др. разновидности популяризационной компиляции — выпускает кн. «Падшие защитники Севастополя: Корнилов, Истомин и Нахимов...» (М.), представляющую собой переработку известий о Крымской войне, опубликованных в периодике («Моск. вед.», «Рус. инвалид», «Совр.», «Вед. моск. гор. полиции» и др.), с включением офиц. документов (высочайших рескриптов, приказов адмирала, извлечений из записок врача). Такой тип «массового» издания бытовал на книжном рынке уже с сер. 1820-х гг. (см. Н. В. Данилевский, И. Г. Гурьянов). Выручка от издания была назначена в пользу вдов и сирот, потерявших кормильцев в Севастополе. Со 2-й пол. 50-х гг. П. подключается к широкой общественно-благотворит. деятельности: согласно ее письму-прошению 1867 на имя кн. П. А. Вяземского, она состоит членом Кавк. к-та, Об-ва вспоможения беднейшим церквам России, «более 10 лет» служит «по Дамскому благотворит. об-ву», в прошлом собирала деньги «в пользу Алтайской миссии» (см.: РГИА, д. 1532, л. 28—29), а в письме к Погодину (1864) она называет себя «уполномоченной сотрудницей Рус. дамского варшавского к-та для распространения рус. школ в Зап.-рус. крае» (см.: РГБ, ф. 231, № 67).

Последняя опубл. работа П. — «Памятник в Бозе почившему государю наследнику цесаревичу и вел. кн. Николаю Александровичу» (СПб., 1865) — продолжает традицию лит. изданий, посвященных уходу из жизни членов имп. фамилии: она состоит из двух частей, первая из к-рых — описание жизни и смерти цесаревича, основанное на офиц. сообщениях, а вторая —

подборка стих., написанных разными авторами по поводу его смерти. (Издание, как обычно, выпущено с высочайшего позволения, предназначенное для самой разнообразной читательской аудитории и преподнесено всем членам имп. фамилии.) Книгу П. завершал ее собственный «Экспропт, сочиненный по прочтении высочайшего манифеста о кончине ... государя наследника цесаревича» ... «Дядя Марин» (выходил отд. изд., М., 1865). Часть выручки от издания автор передала в пользу рус. школ Царства Польского. (100 экз. приобретено и разослано в уч. заведения по повелению Государыни — см.: РГИА, ф. 759, л. 31 и 35).

Сведения о том, как сложилась жизнь П. с кон. 60-х гг., не сохранилось. Очевидно, тут же, как обычно, она не была, все время жила с болезненной матерью: в 1836 — в г. Лодейное Поле Олонешкой губ., в 1846 — в г. Ардатов Нижегород. губ. (см.: РГИА, ф. 1343, л. 4), в кон. 40-х и вероятно в 50-е гг. — в Москве, в 60-е — в Петербурге.

Лит.: Голицын; Мезьер.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 27, д. 3550 (о дворянстве рода Плохово, ф. с. отца 1821 г.); ф. 19, оп. 2, д. 1247 (аттестат о службе отца; прошения матери и П. о вспомоществовании); ф. 759, оп. 22, д. 1532 (прошение П. от 29 мая 1867 на имя П. А. Вяземского о приобретении женских книг — см. кн. «Памятник...») (справка В. И. Вареховой); РГАН, ф. 195, оп. 1, № 656 (письмо П. А. Вяземскому, апр. 1867); РГБ, ф. 231, оп. 2, к. 24, № 67 (пять писем к М. П. Погодину); ф. 156, к. 5, № 95 (письмо к А. М. Потемкину — петерб. губ. предводителю дворянства, гл. совета Имп. человеколюбивого общ-ва — по делам благотворительности); РНБ, ф. 438, № 12, л. 123; № 17, л. 852, 1052; № 18, л. 102—103; ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 16—18 (ценз. сведения).

О. Б. Лето, Т. Ф. Неумова;
при участии А. И. Реймбаума.

ПНИН Иван Петрович [1773 — 17(29).9.1805, Петербург], поэт, публицист, идеолог рус. Просвещения. Внебрачный сын фельдмаршала и изв. дипломата кн. Ник. Вас. Репнина (фам. П. — от усеченной фам. отца); родился, вероятно, за границей; мать, по-видимому, была иностранкой; по отцу брат изв. польск. полит. деятеля кн. Адама Ежи Чарторыского. Воспитывался как дворянин в доме отца, затем в Благородном пансионе при Моск. ун-те (1782—87) и в Артиллерийско-инж. кадет. корпусе (1787—89). Выпущен подпоручиком в полевую артиллерию, участвовал в рус.-швед. войне 1788—90, командовал отд. плавучей батареей. По окончании воен. действий до 1796 служил в Риге, затем в западных губерниях России и Польше. Известно о дружеских отношениях П. в эти годы с И. Н. Инзовым (соученик по пансиону, впоследствии ген.-лейтенант; его письмо к П. — ЧОИДР, 1906, кн. 4, с. 19) и с др. людьми из окружения Репнина. В нач. 1797 П. вышел в отставку и поселился в Петербурге на квартире А. Ф. Бестужева (начальник канцелярии при през. Акад. художеств А. С. Строганове), отца А. А. и Н. А. Бестужевых, с к-рым, вероятно, познакомился во время швед. кампании. В 1798 П. и А. Ф. Бестужев начали издание

«С.-Петерб. журнала». Журнал (про существовавший всего год) негласно субсидировался вел. кн. Александром Павловичем. Его программа была связана с политико-просветительными замыслами кружка «молодых друзей» будущего императора (гр. П. А. Строганов, гр. Н. Н. Новосильцев, Чарторыйский — гос. деятели, члены Негласного к-та 1801—03), по заказу к-рых переводились и печатались в журнале новейшие политико-экономич. сочинения (Дж. Стюарт, А. П. Кондорсе, П. Верри, П. Гольбах). П. был действующим редактором издания.

Среди периодики павловского царствования журнал выделялся публикациями отрывков из сочинений европ. просветителей, помимо Гольбаха и Верри — А. Л. Тома и К. Ф. Вольнея (последний находился под ценз. запретом в России). Большинство статей и переводов печаталось анонимно. Предполагается, что значит. часть стих. без подписи принадлежит П. Кроме того, ему приписываются четыре лит.-критич. статьи за подписью «Читатель», помеченные как корреспонденции из Торжка (атрибутировались также А. Н. Радищеву). В 1-м «письме» особый интерес представляют рассуждения о цензуре («С.-Петерб. журнал», № 9).

Лит. знакомства П. складываются прежде всего среди сотрудников «С.-Петерб. журнала». Среди них библиограф В. С. Сопиков, в лавке к-рого велась подписка на журнал (ему П. адресовал «Послание к В. С. С. на новый год», СПб., 1805), А. Е. Измайлов, И. И. Мартынов (Мартынов И., Записки. — «Заря», 1871, № 6, с. 96) и участники его журнала «Муза» (1796): Н. И. Анненский, Е. А. Колычев (ум. 1800; П. посвятил ему «Надгробие»).

7 мая 1801 (сразу после восшествия на престол Александра I) П. был зачислен на должность письмоводителя Гос. Совета (в чине коллеж. асессора). К 1802 относится его знакомство с А. Н. Радищевым, у к-рого он бывал в доме (см. его стих. «Послание к Брежнинскому. На смерть Радищева», 1802; опубл. 1858); близок он также с В. Н. Карзинным и А. В. Казадаевым, деятелями нового царствования. В янв. 1803 П. получает место в 1-й экспедиции Департамента нар. просвещения, где были сосредоточены дела по цензуре. Он получил доступ в дом М. Н. Муравьева (см. о нем в ст. Н. М. Муравьева), где имел возможность познакомиться с писателями старшего поколения. Круг его непосредственных знакомых — молодые литераторы-сослуживцы Д. И. Языков, Н. А. Радищев (сын), К. Н. Батюшков, Н. И. Гнедич, также Н. П. Брусилов и А. Н. Варенцов, вокруг журналов которых («Журнал рос. словесности» и

«Журнал для пользы и удовольствия») группируются участники «Вольного общества словесности, наук и художеств». В ноябре 1802 по предложению В. В. Понугаева П. был принят в число его действит. членов. Литературный и моральный авторитет П. в этом кругу был столь высок, что, хотя он почти не посещал заседаний, 15 июля 1805 Общество избрало его своим президентом. Членов Общества, несомненно, привлекало филос. и гражд. содержание его творчества. После смерти П. они дважды, напр., перепечатали проникнутую (как и др. произв. П.) пафосом служения отечеству, «общей пользе» «Оду на правосудие» («Журнал для пользы и удовольствия», 1805, № 6; «Журнал рос. словесности», 1805, № 10) — как «славнейший памятник, оставленный Пниним» (там же, с. 62; отд. изд. при жизни П. — СПб., [1805]). В ней развивались нек-рые идеи «Опыта о просвещении...»: правосудие обеспечивает не только «царство законов» и «равные права граждан», но и поддерживает «обществ. добродетели»: правду, добро и справедливость. Брусилов называл П. «поэтом истины» и подчеркивал его умение жить в соответствии со своими идеалами: «Будучи весьма небогат, он любил помогать несчастным... Всякую скорбь угнетенного людьми или судьбою человека брал он близко к сердцу своему и не шадил ни трудов, ни покоя, ни изживания для облегчения судьбы несчастных» (цит. по кн. П.: Соч., с. 234—36).

В мае 1801 скончался Репнин (обладатель огромного состояния), не упомянув П. в своем завещании и разрушив его надежды на обеспеченное будущее. Глубоко личный вопрос о правах незаконнорожденных П. поднял в соч. «Вопль невинности, отвергаемой законами» (там же), к-рое поднес Александру I (24 нояб. 1802). Пафос П. направлен против разврата дворянства, в защиту добрых нравов и семейных устоев. П. призывал императора ввести законы, поощряющие добродетель (П. ссылается на пример Древнего Рима); общие идеи такого законодательства — упрощение процедуры усыновления, принудительное установление отцовства с правом на наследство, право незаконнорожденных приписываться к любому сословию. Соч. было удостоено высочайшего благоволения, но ничего не изменило в судьбе П. и не было рекомендовано к изданию (сохранилось в черновой, парадной подносной и беловой редакциях). Судя по приписке к последней, П. собирался позднее напечатать «Вопль...».

Наиб. важное из публиц. соч. П. «Опыт о просвещении относительно к России» (СПб.) вышло в свет в

сер. 1804 и в значит. степени посвящено положению крепостных крестьян («земледельцев»), к к-рым П. относится с живым сочувствием. Путь к смягчению обществ. противоречий он видит в совершенствовании законодательства под эгидой просвещенной власти, к-рой он советовал избегать управлять «невежественным народом» «страхом и жестокими законами» (см. также басню П. «Верховая лошадь» — «Любитель словесности», 1806, № 6), как это было в эпоху петровских реформ: Петр Великий не терпел «ограничений и постепенности» ... «пожелал вдруг образовать Россию во всем ее просторстве» (Соч., с. 122). П. подвергает резкой критике франц. конституцию 1793; проповедует равенство всех перед законом и социальную справедливость, П. объявлял провозглашенные франц. «законодателями» «вольности», «равенство» и «права» человека метафизическими и ложными понятиями, разрушающими словесную иерархию как основу гос-ва и миропорядка: «дух безначалия» перемешал «все гражданственные состояния», вооружил «развращенное тунеядство противу добродетели, леность противу трудолюбия, своеволие противу порядка» (там же, с. 127).

Истинное просвещение состоит в том, чтобы власть и «нижнего разряда люди» свято исполняли свои обязанности, руководствуясь «мудрым законодательством», цель к-рого — сохранение личной безопасности граждан и «священных прав собственности», «основании» правосудия и «дули общности» (там же, с. 129 и др.). [Возможно, П. было известно рукоп. «Рассуждение о несправедлив. гос. законах» Д. И. Фонвизина (1780-е гг.): в «С.-Петербург. журнале» (№ 7, 9—10) впервые появились автобиография Фонвизина «Чистосердечное признание...» и письма его к гр. Н. И. Панину.]

Однако свою аргументацию он сопровождает ссылками на «Наказ» Екатерины II, закон о вольных хлебопашцах (1803), установление о крепостных в Лифляндии, англ. законодательство, труды И. Н. Болтина и др. общеизвестные источники. Прагматич. предложения П. касаются предоставления крепостным права на движимую собственность и необходимость заведения сословных училищ, где будет внедряться в умы идея общесословной, гос. пользы.

Оба публич. сочинения П. не дают оснований, как это утверждалось в ряде нек-рых работ, считать его прямым преемником и последователем Радищева.

Исполненный надежд на либеральные реформы, П. представил «Опыт...» Александру I, распорядившемуся напечатать новый тираж книги на счет Кабинета с.и.в. Пятнадцатого ноября 1804 П. через П. А. Строганова передал исправл. экземпляр в цензуру, но ценз. комитет признал книгу вредной и даже постановил конфисковать в лавках ее нераспространенные экземпляры. Несмотря на согласие П. изъять из книги сомнительные места и его «прошения» на имя Строганова, перенесение не состоялось (отзыв цензора и жалобу П. см. в книгах: Сухомилов М. И., Иссл. и ст. по рус. лит-ре и просвещению, т. I, СПб., 1889, с. 430—34; Беседы в

ОЛРС, в. 3, М., 1871, с. 8—9); см. также остроумный диалог П. «Сочинитель и Цензор» (опубл. посмертно: «Журнал рос. словесности», 1805, № 12).

Комплекс умеренных просветит. идей присутствует и в поэтич. творчестве П. Среди его произв. есть стихи. легкого жанра (эпиграммы, дружеские и шуточные стихи, басни — иногда, с социально-обличит. подтекстом), но явное тяготение П. испытывал к филос. размышлениям, облекавшимся в одич. формы: помимо «Оды на правосудие» получили известность ода «Бог» (1804; опубл. посмертно в «Журнале для пользы и удовольствия», 1805, № 12) — о непостижимости божеств. воли, с инвективами человеческому роду «за реки крови» и повсеместные «злодействия» («О человеки! Вы виною/ Терпимых между вами бед!») и обширное одич. стих. «Человек» («Журнал рос. словесности», 1805, № 1), прославляющее зидительную мощь человека («Ты на земли, что в небе Бог!»), его разум, проникающий в тайны природы, цивилизаторскую миссию, труд, нравств. силу и способность к искусствам (при том, что картины человек. пороков здесь, как и в большинстве произв. П., занимают значит. место).

Лит. время (начиная с 1878 — «Древняя и новая Россия», 1878, т. 3, с. 23; ст. Н. В. Рыткова) стих. считали полемическим («Какой ум слабый, умиженный! Тебе дать имя червя смел?» по отношению к оде «Бог» Г. Р. Державина (1784) (см. также в кн.: Поэты-радищевцы. 1935, с. 774 — прим. В. Орлова; Загадов) — точка зрения, оспариваемая М. Г. Альтшуллером, предложившим гипотезу, что полемич. адрес стих. П. — «Ода на гордость» П. П. Сумарокова (1789), в свою очередь оспоренную Ю. М. Лотманом. По мнению последнего, «Человек» не имеет конкр. адресата (образ «человек-червь» — обычный лит. мотив в 18 в.): П. в своем стих. излагает осн. положения «этики материалистов», противопоставляя ее традиц. церк. взгляду на человека, источник к-рого восходит к Библии (Псалтирь, 21-й псалом царя Давида, седьмой стих. — см.: Лотман, с. 166—67).

Предметом поэтич. медитаций П. были также фундамент. свойства и страсти человек. натуры, к-рые он пытался исследовать, исповедуя излюбленную просветит. оппозицию «истина — заблуждение»: «Слава» (1804), «Надежда» (1805), «Зависть» (1805). По своей лит.-эстетич. ориентации П. не был ни карамзинистом, ни сторонником А. С. Шишкова. Подобно членам ВОЛСНХ, он, скорее всего, надеялся на возможность простого синтеза старой традиции с новейшими лит. веяниями (см., напр., «Плеч над гробом друга моего сердца», 1805; предположительно посв. памяти жены).

В последние годы жизни П. был полон планов и намерений выйти на широкую лит. арену. Он собирался (в 1804) издать сб. стих. «Моя лира», писал драму «Велизарий» (закончил I действие; не сохр.), с 1806 хотел издавать журнал «Народный вестник». Н. Ф. Остолопов упоминает неоконч. соч. П. «О возбуждении

патриотизма». В июле 1805 П. подал прошение об отставке в связи с ухудшением здоровья и через месяц получил ее с награждением пенсией и чином коллеж. советника, но уже не сумел этим воспользоваться, скончавшись от скоротечной чахотки.

Согласно описанию Н. И. Греча, П. был «невысок ростом, худощав, притом очень жив в движениях своих, любезен и учтив в обращении со всеми, остроумен и добродушен. Все знавшие его были к нему искренно привязаны» (СП, 1857, 10 июня, с. 587). По-видимому, личными качествами П. («В беседах дружеских любезен./ Друзей в родных он обращении» — написал о нем Батюшков в стих. «На смерть И. П. Пнина»; ср. Брусилов в некрологе: «Нашед приятелей, он не терял их никогда; знал тайну привлекать к себе сердца людей и умел в самом дружеском обращении соединять любовь с уважением» — цит. по кн. П.: Соч., с. 235) во многом объясняются широкие мероприятия членов Вольного общества, посвящая его памяти. 23 сент. и 7 окт. состоялись заседания Общества, на к-рых с речами выступали Брусилов («О Пнине и его соч.»), перепеч. в «Соч.» П. и кн. «Лит. критика 1800—1820-х гг.», М., 1980), Попугаев, Языков, Ф. И. Ленкевич (ИРЛИ, ф. 461, оп. 1, № 18, № 65—68); стих., ему посвященные, прочли А. Е. Измайлов, Остолопов, Н. А. Радищев, А. А. Писарев, Батюшков, С. Н. Глинка, Варенцов [отчет и большая часть выступлений были опубл. в «Журнале рос. словесности» (1805, № 10), «Сев. вестнике» (1805, № 9), «Журнале для пользы и удовольствия» (1805, № 10)]. Общество также организовало подписку на надгробие П. по модели Т. И. Теребинина (др. модель, предложенная И. И. Гальбергом, была отвергнута), однако замысел не был осуществлен. Бумаги П. были утрачены сразу же после его смерти.

Сын П., П. И. Пнин, окончил Акад. художеств; умер в Италии (1837).

Др. произв. Переводы: с франц. — А. Л. Тома, ода «Время» («С.-Петерб. журнал», 1798, № 1), с нем. — А. Галлер, ода «Солнце неподвижно между планетами» (там же, 1798, № 2).

Изд.: Соч., М., 1934 (Классики рев. мысли домарксистского периода, в. 3; вступ. ст. и ред. И. К. Луцкола, подг. текста, комм. и биогр. очерк В. Н. Орлова; вкл. стих., посв. памяти П. и библ. его тр.); Поэты-радищевцы. 1935; Поэты-радищевцы. 1979; Рус. басня XVIII и XIX в., Л., 1949 (БПБ); Рус. басня; Рус. просветители, т. I, М., 1966; Стихотв. скалка; Рус. эпиграмма; Вольная рус. поэзия XVIII—XIX вв., т. I, Л., 1988 (БПБ, 3-е изд.).

Лит.: Греч (ук.); его же, Опыт краткой истории рус. лит-ры, СПб., 1822, с. 329—30; Белинский (ук.); Петухов (Е. П. и его «Вопль невинности»). — ИВ. 1889, № 7; Давенков Н., И. П. Пнин. Опыт его биографии и обзор лит. деятельности, Нежин, 1912; Лон-

гинов М. Н., Соч., т. 1, М., 1915, с. 52—54, 189, 576; Якушкин В., Крест, вопрос в рус. лит-ре XVIII и XIX в. — РВед, 1897, 15 марта; Кнестеттер А. А., Из истории рус. либерализма (И. П. Пнин). — В его кн.: Ист. очерки, М., 1912; Филиппов А. П. и его непрочитанный центурий «Опыт о просвещении...» — «Изв. по рус. яз. и словесности. АН СССР», 1929, т. 2, кн. 2; Поляков А. С., Пушкин и П. — В кн.: Пушкин и его современники, в. 17/18, СПб., 1913; Орлов В. Н., Радищев и рус. лит-ра, М., 1949; то же, 2-е изд., Л., 1952; его же, Рус. просветители 1790—1800-х гг., 2-е изд., М., 1953; Берков П. Н., История рус. журналистики XVIII в., М.—Л., 1952 (ук.); Макогоненко Г. П., Радищев и его время, М., 1956 (ук.); Деркачев И. З., Был ли П. радищевым? — «Вопросы философии», 1958, № 8; Лотман Ю. М., А. С. Кайсаров и лит.-обществ. борьба его времени, в. 63, 1958, с. 116—119 (Уч. зап. ТГУ); его же, С кем же полемизировал П. в оде «Человек»? — РЛ, 1964, № 2; (Радищев Н. А., Радищев П. А.), Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, М.—Л., 1959 (ук.); Осетров Е., Новые вариации на старую тему. — В его кн.: Познание России, М., 1962, с. 201—06; Альтшуллер М. Г., С кем полемизировал П. в оде «Человек». — РЛ, 1963, № 1; Запавдов В. А., Деркачев И. П. — РЛ, 1965, № 1; Писатели-декабристы в восп. совр., т. 1—2, М., 1980 (ук.); Линд В. Г., Друзья мои — книги, М., 1976, с. 103—07; Осоргин М. А., Заметки старого кингодеа, М., 1989, с. 111—13; Зайцева А. А., Забытый конволют. — В кн.: Книжные сокровища, Л., 1990, с. 163—68; ЛН, т. 9/10, с. 514—18; 60, кн. 2 (ук.). + Евгений Болховитинов: Геннадий РБС; Брокгауз: СИЭ; ФЭ; КЛЭ; БСЭ; Степанов. Стенник (ук.); Смирнов-Сокольский Н. П., Моя б-ка, т. 1, М., 1969; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 733, оп. 86, л. 59, л. 65 (Формуляр 1805); РНБ, ф. 325, № 71 (2 письма А. В. Казадеву); ф. 588, № 285 (В. Н. Каразину); ф. 550, оп. 1, № 3790; ф. 775, оп. 6, № 4072; ф. 885, № 34 (текст «Вопль невинности...»). В. П. Степанов.

ПОБЕДОНОСЦЕВ Константин Петрович [21.5(2.6).1827, Москва — 10(23).3.1907, Петербург; похоронен близ церкви Свято-Владимирской жен. церк.-учительской школы], гос. деятель, правовед, публицист, переводчик. Брат С. П. Победоносцева (в статье о нем см. также об их сестре Варваре).

Отец П. — Пётр Вас. (1771—1843), из семьи священника, экстраординарный проф. рус. словесности Моск. ун-та (1826—35), чл. ОЛРС с 1811, автор ряда соч.: «Плоды меланхолии, питательные для чувствительного сердца» (ч. 1—2, М., 1796), «Восп. о П. А. Плавильникове» («Новый Пантеон отеч. и иностр. словесности», 1819, № 4), «Направление ума и сердца к истине и добродетели» (ч. 1—3, М., 1830—31), статей (в «Трудах ОЛРС»), дневника о «моск. разорении» 1812 (РА, 1895, кн. 1, № 2), переводчик; ред. ж-лов «Новости рус. лит-ры» (1804—05), «Мирера» и др. (подробнее о нем см.: Сл. профессоров Моск. ун-та; РБС; Брокгауз).

О дет. годах в благочестивой семье — отрывочные восп. в его кн. «Праздники Господни» (СПб., 1893; рец.: И. Фудель — РО, 1893, № 5; 8-е изд. — М., 1995; послесловие прот. В. Асмуса) — опыте религ. лирики. Получив под руководством отца хорошее дом. воспитание, в 1839 поступил в Уч-ще правоведения; с интересом читал Н. И. Гнедича, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, К. Ф. Рылеева («Отрывки из школьного дневника. 1842—1845. Для немногих», СПб., 1885). По окончании Уч-ща в 1846 (с чином титул. сов.) занимал разл. должности в моск. де-

партаментов Сената (от помощника секретаря до обер-прокурора 8-го деп. — с 1863). В 1848 «с жадностью» читал франц. либеральную прессу и соч. Л. Блана, Ж. Прудона, Ш. Фурье, А. де Ламартинна («Моск. воспоминания. В. П. Зубков», М., 1904, с. 11). Сблизился с В. Ф. Одоевским (см. некролог «Князь В. Ф. Одоевский» — МВед, 1869, 6 марта; «Еще на память о князе В. Ф. Одоевском» — там же, 19 марта; см. также в сб. «В память о князе В. Ф. Одоевском», М., 1869).

Одновременно со службой П. был проф. Моск. ун-та (1859—65). А. Ф. Кони вспоминал его «прекрасный курс» «Гражданское судопроизводство» (изд. — М., 1863) — «ясный, сжатый, точный и поучительный»; из лекций П. слушатели выносили «ясное понимание задач и приемов истинного правосудия» (Кони А. Ф., Собр. соч., т. 7, М., 1969, с. 99—100; см.: его же, Триумвиры. — Там же, т. 2, М., 1966). На «Курсе гражданского права» (ч. 1—3, СПб., 1868—1880; 5-е изд. — 1896) выросло неск. поколений юристов.

Б. В. Никольский, оговорившись, что «теоретич. сторона курса не встретила похвал и одобрений от представителей нашей юридич. науки», тем не менее утверждал, что «практич. характер книги сделал ее одним из тех устоев, к-рым держится наша цивилистика» (Никольский, с. 16). К «Курсу» примыкает фундамент. работа П. — «Судебное руководство. Сб-к правил, положений и примеров...» (СПб., 1872).

В кон. 50-х гг. П. выступил с развернутым обоснованием судебной реформы: «О реформах в гражданском судопроизводстве» (РВ, 1859, № 12—14). П. был автором памфлета «Граф В. Н. Панин. Министр юстиции» (опубл. в «Голосах из России» А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, кн. 7, Л., 1859; репринт — М., 1976; обоснование авторства П. см.: там же, кн. 10, в. 4, М., 1975, с. 234—35; предположительно, П. был одним из авторов «Колокола» — там же, с. 240), направл. против личности министра и всей дореформ. судебной

системы. П. исследовал также историю крепостного права в России (см. в его кн.: Ист. исследования и статьи, СПб., 1876). Первоначально П. воспринимал реформы Александра II восторженно (отклик на отмену крепостного права в письме к С. П. Энгельгардт от 9 марта 1861: «Нет больше людей, к-рые считались бы собственностью себе подобных. Нет бесправных! Мы еще не можем понять, что это значит...» — цит. по: Зайончковский, с. 55). В 1861—63 участвовал в составлении судебных уставов. С 1861 преподавал законоведение цесаревичу Николаю Александровичу и сопровождал его в путешествии по России, описанном П. в «Письмах о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» (М., 1864; совм. с И. К. Бабстом).

Отрывки из «Писем...» помещались в хрестоматии «как лучшие образцы рус. прозы и отеч. стилистики» (Глинский, с. 252). Никольский считал, что «Письма...» напоминают «классических авторов»: «Самые, по-видимому, несказанные подробности и эпизоды знаменательного путешествия приобретают какую-то особую яркость, выпуклость и значение от того сжатого, точного и оживленного слога, к-рым описаны» (Никольский, с. 12).

После смерти Николая Александровича в 1865 П. давал уроки новому наследнику — вел. кн. Александру Александровичу (будущему имп. Александру III) и нек-рым другим детям Александра II, а в дальнейшем и будущему Николаю II. В 1863 получает чин д. стат. сов. Назначенный чл. консультации при Мин-ве юстиции (1865), окончательно переезжает в Петербург.

В 1866 П. женился на Ек. Ал-др. Энгельгардт, к-рая была моложе его на 22 года и в к-рую он был тайно влюблен 10 лет. Вопреки множеству слухов, изображавших П. старым мужем, обманываемым молодой женой (см. об этом: Шесслер), Ек. Ал-др. была верной помощницей и единомышленницей супруга, и их брак можно было бы назвать счастливым, если бы не бездетность (супруги взяли в семью младшего брата и сестру Ек. Ал-дровны).

В 1868 П. становится сенатором. С 1872 — чл. Гос. совета с присутствием в департаментах гражд. и духовных дел.

Летом 1873 сблизился с Ф. М. Достоевским, статьями и полит. обзорами помогал ему в изд. «Гражданина»; подказал образ Зосими в «Братьях Карамазовых»; дружба продолжалась до смерти Достоевского (Гроссман Л., Достоевский и правительственные круги 70-х гг. — ЛН, т. 15).

В письме к А. Г. Достоевской П. вспоминал: «...в последние годы часто приходил ко мне по субботам вечером на беседу — и как теперь помню, как бывало, одушевлялся и бега по комнате, расскатылся он главы Карамазовых, к-рых писал тогда» (ЛН, т. 15, с. 89). Достоевский относил П. к числу тех, «к-рым верю, ум и убеждения к-рых я глубоко уважаю», а его деятельность называл «драгоценною» (XXX, кн. 1, с. 209, 204). К кн. П. «Ист. исследования и статьи» Достоевский обращался при подготовке «Дневника писателя на 1876 г.» (XXIV, 131). Свою речь об А. С. Пушкине Достоевский характеризовал в письме к П. как написанную «в

самом крайнем духе монахов (наших то есть, осмыслил так выразиться) убежденный» (XXX, кн. 1, с. 156). П. высоко ценил творчество и общность деятельности Достоевского: «Это был человек единственной. Влияние его на молодых людей было велико и благотворительно. В нем были крепки основы веры, народности и любви к отечеству. Он имел в себе огонь, от которого многие загорались телом и светом» (письмо П. к М. Н. Каткову от 29 янв. 1881 — РГБ, ф. 120, к. 19, л. 56; см. также: Письма П. к Александру III, т. 1, М., 1925, с. 310). Худож. выражение близких себе идей П. видел в «Преступлении и наказании» («Письма...», т. 2, М., 1926, с. 132), «Дневник писателя», «Братьях Карамазовых» (см. «Письма к Достоевскому» — ЛН, т. 15). После смерти Достоевского П. содействовал назначению А. Г. Достоевской пенсии, был опекуном их детей.

П. — горячий поклонник поэзии Ф. И. Тютчева, состоял в доверит. переписке с его дочерьми — А. Ф. Аксаковой и особенно с Е. Ф. Тютчевой. Др. любимым поэт П. — А. А. Фет: «У него звучала совсем особая струна, отзывавшаяся в молодых и свежих душах, — такой струны ни у кого из поэтов не слышал и теперь» (из письма А. Н. Майкову — ЛН, т. 22—24, с. 542). В свою очередь, Фету льстило расположение П. (см.: Фет А. А., Стихотворения. Проза, Письма, М., 1988, с. 399). П. высоко ценил также поэзию А. Н. Майкова и Я. П. Полонского и находился с ними в друж. отношениях. Неприязнь у П. вызывала «юродивая муза „гражданских мотивов“, прогнанная анафемой Фета с Олимпа и блуждающая ныне между нас в растерзанном виде» (ЛН, т. 22—24, с. 543). У П. был подлинный культ поэзии Пушкина. Вместе с женой он составил небольшой том «Северные цветы. Выбор из стихотворений А. С. Пушкина» (СПб., 1888), не предназначенный для продажи, посланный Александру III, а также Д. А. Толстому и ближайшим друзьям. Полонский откликнулся на этот сборник восторженным стих. «К П. Победоносцеву» («При бледных признаках рассвета...»). Положительные отклики П. вызывали «В лесах» П. И. Мельникова-Печерского и «На краю света» Н. С. Лескова («Письма П. к Александру III», т. 1, с. 18, 44; о сложных отношениях между Лесковым и П. см.: «Путь», 1994, № 5; публ. статьи Лескова и предисл. О. Е. Майоровой).

С 1865 (и до конца жизни) П. — постоянный сотрудник «Рус. архива» П. И. Бартенева, вел в нем рубрику «Книжные заграничные вести (отзывы о России)», поместил (б. п.) более 150 отзывов и рецензий.

Наряду с П. А. Вяземским, С. Д. Шереметьевым, Н. П. Барсуковым, М. Н. Лонгиновым П. входил в своего рода «редакционный совет» издания, оказывавший значит. влияние на Бартенева при составлении отд. номеров (см.: Зайцев А. Д., П. И. Бартенев, М., 1989, с. 150 и ук.). В некрологе Бартенев напишет о П.: «Это был миссисверстник, единомышленник, постоянный сотрудник, заступник, благодетель „Рус. Архива“» (РА, 1907, № 4, с. 635).

П. сочувствовал борьбе слав. народов против тур. ига, был чл. Слав.

благотворит. к-та. Перевел с англ. и издал со своим предисл. кн. У. Гладстона «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» (СПб., 1876), с чешского — кн. «Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжелой неволе у турок, с австрийским посольством 1591 года (описанное им самим)» (СПб., 1877).

П. скоро разочаровался в реформатор. курсе Александра II. Уже в 1862 он записывает в дневнике, что почти все министры — «люди оторванные от земли, не имеющие корней в быте общества» (цит. по: Эвенчик, с. 118). Вероятно, катализатор его антилиберальной эволюции (как и для многих др. рус. интеллигентов) стало польское восстание 1863. В 1873 в качестве чл. Гос. совета выступил против воен. реформы Д. А. Милютина. Критич. выпадами против «болтунов, и трусов, и лакеев, к-рые состоят — увы! — ближайшими ныне советниками» («Письма П. к Александру III», т. 1, с. 194), изобилуют письма П. 70—80-х гг. В 1880 П. (по рекомендации М. Т. Лорис-Меликова) становится обер-прокурором Синода и вскоре — чл. К-та министров; вступает в резкую конфронтацию с министрами-реформаторами (Лорис-Меликовым, Милютиным, А. А. Абазов).

Крайне негативной становится оценка П. личности Александра II, усиливается ощущение собственного идейного одиночества: «Нас тянет это роковое царствование — тянет роковым падением в какую-то бездну. Прости, Боже, этому человеку — он не ведал, что творит, и теперь еще менее ведал. Теперь ничего и не отличить в нем, кроме Сарданпалапа» (из письма Е. Ф. Тютчевой от 2 янв. 1881 — РГБ, ф. 230, к. 4410, № 1, л. 1, 2). Гл. опасность П. видел в намечавшейся конституции: «...лучше уж революция русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и водворить порядок в земле; последняя есть ад для всего организма, разлагающий его постоянною ложью, к-рой русская душа не принимает» («Письма П. к Александру III», т. 1, с. 249). Общ. враги сближают П. с Катковым, к-рому он в своих письмах дает важную информацию о состоянии дел в верхах, обобщает его, иногда инсценирует, защищает от недругов при дворе (письма П. к Каткову — РГБ, ф. 120, к. 19, л. 49—70 об.). Эту линию в отношении Каткова П. продолжил и во время правления Александра III (несмотря на многочисл. разногласия П. с этим влнл. публицистом — см.: Феоктистов, с. 221—22).

После убийства Александра II (1 марта 1881) П. уже вечером того же дня умолял Александра III уволить «фокусника» Лорис-Меликова, а в последующие дни постоянно убеждал императора «покончить разом... все разговоры о свободе печати, о своеобразии сходов, о представительном собрании» («Письма П. к Александру III», т. 1, с. 317). 8 марта на заседании Гос. совета выступил с речью, содержащей решит. осуждение реформатор. курса правительства и возможности введения конституции (опубл.: «Былое», 1906, № 1; отд. изд.: Речь П. о конституции, Астрахань, 1907; см. также: П. и его корреспонденты, т. 1, полутом 1—2,

М.—П., 1923; рец.: А. А. Кизевтер — «На чужой стороне», 1924, № 4). П. составил «Высочайший манифест» от 29 апр. 1881 (МВед, 1881, 30 апр.), утверждавший неизблемость самодержавия и, по сути, демонстрировавший разрыв с политикой Александра II. Этот документ вызвал демонстративную отставку министров-либералов. В 1882 П. способствовал роспуску т. н. Священной Дружины, созданной представителями знатных аристократич. фамилий (И. И. Воронцов-Дашков, П. П. Шувалов и др.) для защиты монархии, но в то же время лелеявшей конституционные проекты (см.: Письма П. к Александру III, т. 1, с. 392—96; Корнилов, с. 404). В том же году П. употребил все свое влияние, чтобы похоронить проект мин. внутр. дел Н. П. Игнатьева о созыве Зем. собора (см.: Феоктистов, с. 204—09), подлинным автором к-рого был П. Д. Голохвастов, поддерживаемый И. С. Аксаковым.

П. многое родило со славянофилами, но в их желании воскресить гос. формы 16—17 вв. он видел вредную утопию. Глубоко уважая и часто поддерживая деятельность Аксакова, П. осуждал его как «бессмысленного мечтателя»: «...сам он кто же, как не либерал по тому же западному типу, к-рого только в своем либерализме не узнает, потому что одел его по своей фантазии в рус. платье» (РГБ, ф. 230, к. 4410, № 1, л. 133). Аксаков же видел в позиции П. проявление «путиности» («П. и его корреспонденты», с. 276). Но это не нарушало дружеских отношений между ними. П. посвящал Аксакову проникновенный некролог (см. кн. П. «Вечная память»; см. также письма Аксакова к П.: РА, 1907, кн. 3).

С 1883 П. — д. тайный сов.; с 1894 — стат.-секр. Репутация П. как своего рода «тайного властителя» России относительно верна лишь для первых лет правления Александра III. Гос. программу П., к-рую он пытался осуществить, можно назвать «программой нравств. перевоспитания об-ва» (см. подробнее: Полуннов, 1991). П. не верил в возможность улучшения об-ва посредством переделки его гос. институтов, считая, что только исправлением чело-веч. нравов можно добиться к.-н. положит. изменений в жизни страны.

Отсюда репутация П. как гос. деятеля без позитивной программы, умеющего лишь ядовито критиковать программы других. Отсюда же его скепсис. отношение к большинству т. н. «кооп-реформ» Александра III. Уже с кон. 80-х гг. П. теряет влияние на Александра III, разочарованного его тотальным критицизмом (см.: Зайцев А. Д., с. 59—60; Соловьев, 1973, с. 104—05).

Гл. средство для осуществления своей программы П. видел в возрастании влияния на об-во православ. церкви. В годы его оберкураторства церк. жизнь действительно оживилась: Синод получил право решать нек-рые вопросы без ведома царя; после 200-летнего перерыва возобновились соборы епископов; с 1881 по 1894 каждый год открывалось 250 новых храмов, причем их архитектурный стиль приближался к допетровскому; реставрировались и восстанавливались древние храмы, активизировалась миссионер. и просветит. деятельность. Личными стараниями П. было организованно общенародное празднование 1000-летия со дня кончины св. Мефодия (1885), 900-летия Крещения Руси (1888), 500-летия со дня кончины преп. Сергия Радонежского

(1892). П. покровительствовал религ. живописи В. М. Васнецова и М. В. Нестерова. Но осн. делом П. стало воссоздание системы церк. школ для народа. В его представлении «школе прямое место при церкви и в тесной связи с церковью. Она должна быть проникнута церковностью в лучшем, духовном смысле этого слова» («Ученые и учителя. Пед. заметки», 4-е изд., М., 1902, с. 29). П. считал, что «народная школа должна быть не только школой арифметики и грамматики, но прежде всего школой добрых нравов и христ. жизни» («Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцеву по ведомству Правосл. исповедания за 1902 г.», СПб., 1905, с. 27). За образцы П. взял школу С. А. Рачинского в Татеве. Если в 1881 в России существовало 4440 церк. школ для народа, то в 1902 их насчитывалось 43696 (Глинский, с. 266; см. также: Обзор деятельности ведомств правосл. исповедания за время царствования имп. Александра III, СПб., 1901; Преображенский И., Отец. церковь по статистич. данным с 1840—41 по 1890—91 гг., СПб., 1897). Однако первоначально встречная почти всеобщим одобрением в церк. среде, деятельность П. на посту обер-прокурора вызвала затем разочарование как иерархов, так и правосл. мыслящей интеллигенции. Причиной явилась боязнь П. самостоятельности Церкви, его нежелание ослабить над ней гос. опеку; идеи самоуправления Церкви П. отождествлял со стремлением к парламентаризму: «Идеалисты наши пропагандируют ... соборное управление церковью посредством иерархии и священников. Это было бы то же самое, что ныне выборы, земские и крестьянские, из коих мечтают составить представительное собрание для России» (РГБ, ф. 230, к. 4410, № 1, л. 75—75 об.). До конца жизни П. оставался принципиальным противником восстановления патриаршества (см. его аргументацию в полемике с С. Ю. Витте в кн.: А. Р. Ист. переписка о судьбах правосл. Церкви, М., 1912), с недоверием относился к св. Иоанну Кронштадтскому (см.: О. Иоанн Кронштадтский и П. 1883. — Река времен, кн. 2, М., 1995; публ. и предисл. А. Ю. Полунова), противодействовал начинаниям митр. Антония (Храповицкого), пытался воспрепятствовать канонизации св. Серафима Саровского. П., будучи «теократом в государстве», оставался «бюрократом в Церкви» (Бердяев, с. 205).

П. пристально следил за культурной жизнью страны, лично знакомился практически со всеми книгами и периодич. изданиями, выходившими в России (Феокистов, с. 221), и бдительно пресекал проповедь либеральных идей. В 1883—85 при его непосредственном участии прекратили существование 9 периодич. изданий (среди них «Отеч. записки» М. Е. Салтыкова-Щедрина). Драматично складывались отношения П. с Л. Н. Толстым. В 1881 П. отказался передать письмо Толстого Александру III с просьбой о помиловании народовольцев-«первомартовцев». Резко отрицательно встретил П. нравственно-религ. проповедь Толстого, видя в нем ереснарха, главу опасной секты («Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода ... за 1887 г.», СПб., 1889, с. 80—81). По инициативе П. были запрещены нек-рые религ.-этич. и отд. лит. произведения Толстого. Особенное возмущение П. вызвала «Власть тьмы» («Письма П. Александру III», т. 2, с. 251—54). В то же время П. не без восхищения воспринял «Крейцерову сонату» («Произведение могучее. И когда я спрашиваю себя, следует ли запретить его во имя нравственности, я не в силах ответить да»), увидев правду

«в этом негодовании, с к-рым автор относится к обществу и его быту, указывающему разврат в браке» («Письма П. к Е. М. Феокистову». — ЛН, т. 22—24, с. 540). Борьба с толстовством привела к «Определению Св. Синода от 20—22 февр. 1901» («Церк. вед.», 1901, 24 февр.), в к-ром говорилось, что «церковь не считает его [Толстого] своим членом» (ответ Толстого см.: XXXIV; Толстой дал резкую характеристику П. в письме к имп. Николаю II от 6 февр. 1900: LXXXII). П. способствовал запрету нек-рых филос.-богослов. трудов Вл. С. Соловьёва и его публич. лекций. Соловьёв же называл П. «лжецерковником» (Соловьёв В. С., Письма, т. 4, П., 1923, с. 30). Вместе с тем от «Трех разговоров» Соловьёва П., по словам С. М. Соловьёва, «был в восторге» (цит. по: Лосев А. Ф., Владимир Соловьёв и его время, М., 1990, с. 472; там же см. об отношении П. и Соловьёва, с. 472—76). П. высоко ценил англ. культуру, в частности его благосклонностью пользовался Т. Карлейль, чьи сочинения, по мнению П., «проникнуты нравств. началом — до суровости!» (ЛН, т. 22—24, с. 531). П. возмущало, что в рус. пер. издан «Капитал» К. Маркса — «одна из самых захватывающих книг» (там же). П. покровительствовал рус. музыкальному иск-ву, способствуя оказанию помощи (в т. ч. и материальной) таким композиторами, как Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, М. А. Балакирев, А. Г. Рубинштейн (см.: Письма П. к Александру III, т. 1, с. 173, 342; «П. и его корреспонденты», с. 557—58).

Квинтэссенцией религ.-филос. и обществ.-полит. воззрений П. стал составл. им «Моск. сб-к» (М., 1896; 5-е доп. изд., 1901; изд. в 1897—98 на франц., англ., нем. яз.; рец.: Б. Никольский — НВ, 1896, 8, 12 июня; Л. Тихомиров — РО, 1896, № 10; совр. републикацию 1-го изд. см. в кн.: К. П. Победоносцев. Pro et contra. Антология, СПб., 1996). В «Моск. сб-к» вошли гл. обр. вольные переводы произв. Г. Мэна, Г. Спенсера, Карлейля, Гладстона, Р. У. Эмерсона и др. (в 5-е изд. была включена ст. С. А. Рачинского «Древние классич. языки в школе»). Вольными переводами из книги М. Нордау «Ложь предсоциалистической культуры» (первое изд. на нем. яз. — 1883, полный рус. пер. — 1907) являются и самые изв. статьи «Моск. сб-ка» — «Великая ложь нашего времени» и «Печать» (впервые на это обратил внимание Соловьёв; см.: Соловьёв В. С., Письма, т. 4, с. 226; вероятно, П. не указал имя автора из-за одиозности подобного «союзника» — социалиста, антихристианина — для главы ведомства правосл. исповедания). При внешней

эклектичности, «Моск. сб-к» — цельная книга, объединенная общей идеей и тональностью.

Суть антропологии П. — глубочайшее недоверие к несовершенной, испорченной человек. природе («всякий человек разведен в себе — хочет чего не делает и делает чего не хочет», 5-е изд., с. 212). Несовершенный человек не может построить совершенного об-ва, отсюда — принципиальное отвержение П. любых радикальных изменений социального бытия. Только гос. формы, проникнутые религ. началом, способны удержать человечество от гибельного хаоса. Социальный радикализм, по П., произрастает из самообожествления человеческого «я», утратившего способность «покоряться законам жизни» (с. 112). Гл. враг П. — «общие начала», умозрительные конструкции безбожного разума. По его мнению, даже предрассудки опасно разрушать — под их грубой оболочкой часто таятся зерна истины. Огромное значение для П. поэтому имеет «натуральная, земная сила инерции... Ею, как судно балластом, держится человечество в судьбах своей истории» (с. 85). П. считает либерально-демок. обществ. и гос. формы производными от «общих начал» и подвергает резкой критике систему отделения церкви от гос-ва, суд присяжных, парламентаризм, идею «правового государства», «свободную» прессу и др. ценности зап. демократии. П. предчувствует трагич. последствия секуляризации об-ва: «Печальное будет время ... когда водворится проповедуемый ныне новый культ "человечества. Личность человеческая немого будет в нем значить; снимутся и те, какие существуют теперь, нравственные претруды насилия и самовластия. Во имя доктрины, для достижения воображаемых целей ... будут приносятся в жертву самые священные интересы личной свободы, без всякого зазрения совести: о совести, впрочем, и поминать не будет при воззрениях, отрицающих самую идею совести» (с. 205—06). Либеральной цивилизации П. противопоставляет идеалы религ.-патриархальной нар. жизни и религиозно освещенного гос-ва, несущего в себе «идею правды».

В консервативных кругах «Моск. сб-к» был встречен в осн. восторженно: «Эта книга — рев. манифест в области культуры ... Рус. ум вооружается в ней по всей западной границе» (Никольский, с. 22; резко отрицат. отзыв в дневнике А. А. Киреева — РГБ, ф. 126, № 12, л. 74). Язычительно отозвался о книге Вл. Соловьёв: к лучшей ее части он относил переводы, в двух других частях видел «длинные странички, извлеченные из старых рус. славянофилов» и «личное размышление автора, к-рые дышат „буддизмом“ старых маленьких лодочек, у к-рых вера слабая, а печень большая и к-рые жалуются не умолкая» (Соловьёв В. С., Письма, с. 226). Негативно оценил «Моск. сб-к» В. В. Розанов, назвавший его «грешной книгой», полной «скептицизма и протескающей из него печали», отмечая при этом, что «Сборник» этот «преlestен по языку, краткости статей и по важному их содержанию. Это как бы листки записной книжки, но без небрежности изложения: все статьи одушевлены и чистосердечны именно как странички дневника. Невозможно читать эту книгу и несколько не заражаться ею» (Розанов В. В., Скептический ум. — В его кн.: Окколо церковных стен, М., 1995, с. 136—37, 135). Отношение П. к Розанову было еще более негативно: «Розанов — „проповедник и поклонник собачьего брака“; „у Розанова не все дома“ (цит. по: Преображенский, с. 61).

Особым жанром публицистики П. были некролог-биографич. статьи (кроме указанных выше — «Н. В. Качалов», «Н. И. Ильминский», «Прощание народа с царем своим» и др.), собранные в кн. «Вечная память» (М., 1896; 2-е изд., М., 1899; рец.: «Набл.», 1896, № 5). В нек-рых из них он достигает портретной выразительности, но в целом прав Никольский, что «характеристика людей — задача, совершенно не соответствующая особенностям лит. дарований автора. Он не умеет чувство-

вать и схватывать индивидуальностей людских, тех частностей и особенностей, к-рые создают человека» (Никольский, с. 20).

П. — автор стих. «Вечная память» (посвящается памяти Н. В. Шеншина) (РусБ, 1859, т. 5, кн. 17), «В пыли и брении земном...» (РО, 1897, № 2). Среди переводов П. — «О подражании Христу» Фомы Кемпийского (СПб., 1869; 9-е изд., СПб., 1904; с латин.) и 9-я кн. «Исповеди» Августина («Победа, победившая мир», М., 1895; 10-е изд., М., 1905). П. составил компилятивную кн. для юношества «История правосл. церкви до начала разделения церквей» (СПб., 1891; 8-е изд., СПб., 1903). Никольский отмечал, что манера письма П. «всесело заимствована им у наших духовных писателей» (Никольский, с. 10, 11).

П. подготовил для имп. Николая II текст его речи 17 янв. 1895 перед представителями земств о «бессмысленности» конституционных «мечтаний», однако решающей роли в его царствовании не играл. Все более усиливается пессимизм П. в оценке будущего России: «Пишете Вы так, как будто власть у нас в руках. Ныне и власть женская, и головы перевернулись!» [из письма Никону (Рождественскому) от 12 марта 1899 — РГБ, ф. 765, к. 11, № 16, л. 15]. А. А. Киреев в окт. 1900 заносит в свой дневник фразу П.: «идем на всех парах к конституции и ничего, никакого противовеса, какой-либо мысли, какого-либо культурного принципа нету!» (РГБ, ф. 126, № 13, л. 51 об.). В 1901 на П. совершает 2-е неудачное покушение (1-е было в 1893) некто Н. К. Лаговский (статистик самар. зем. управы), считавший его за «главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе» («Письма П. к Александру III», т. 2, с. 335). В 1903 П. был осн. инициатором закрытия Религ.-филос. собраний в Петербурге; при встрече по этому поводу с Д. С. Мережковским он произнес знаменитый, «пронзительный» (Флоровский, с. 413) афоризм: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» (Мережковский Д. С., 14 декабря, Гиппиус З. Н., Дмитрий Мережковский, М., 1991, с. 372). После издания манифеста 17 окт. 1905 П. по требованию Витте был уволен от должности обер-прокурора Синода, но до конца своих дней оставался членом Гос. совета и участвовал в обсуждении проектов гос. преобразований в различных особых совещаниях 1906. Последней лит. работой П. стал перевод Нового Завета на рус. язык (СПб., 1906; см. републикацию Соборных посланий — «Лит. учеба», 1991, кн. 6), завершен-

ный им незадолго до смерти, наступившей от воспаления легких.

Личность и деятельность П. нашли отражение (порой карикатурное) в худож. лит.-ре. Толстой использовал не-кие черты внешности и характера П. при создании образов Каренина (ром. «Анна Каренина») и, возможно, Топорова (ром. «Воскресение»). П. посвящены сатирич. стих. Соловьёва «Кумир Небукаднечара» и эпиграмма «На разных поприщах прославился ты много...». Он явился одним из прототипов сенатора Аблеухова в ром. А. Белого «Петербург». А. А. Блок метафорически изобразил П. в поэме «Возмездие» («... над Россией простер свиные крыла...»).

Либеральная и демокр. общественность была единодушна в оценке П.: «великий инквизитор», Торквемада (см.: Тургенев. Письма, XII, кн. 2, с. 329), «злой гений России» (Либрович С. Ф., На книжном посту, П.—М., 1916, с. 319), «олицетворение мертвенного бюрократизма» (Бенуа А. Н., Мои восп., т. 2, М., 1980, с. 196). По мнению С. А. Венгеров, П. «создал целую стройную теорию застоя» (Венгеров С., Очерки по истории рус. лит.-ры, 2-е изд., СПб., 1907, с. 122). Вместе с тем и эта пресса отмечала личное бескорыстие, честность П., к-рый охранял «как черный рыцарь, вход в замок, где томилась в заключении весна русской свободы», но «надо быть справедливым — охранял не из корыстных побуждений, не ради выгоды и власти, а только исключительно по непоколебимому убеждению в своей правоте... И в этом и был секрет его силы, его огромного авторитета» (цит. по: Преображенский, с. 10). Неоднозначно воспринимал П. и в консерват. лагере, многие представители к-рого обвиняли его в нерешительности, голом критицизме, отсутствии положит. программы. Типична и в то же время наиб. выразительна характеристика П., данная К. Н. Леонтьевым: «Человек он очень полезный; но как? Он как мороз; препятствует дальнейшему гниению; но расти при нем ничего не будет. Он не только не творец, но даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор в самом тесном смысле слова; мороз, я говорю, стужа; безвоздушная гробница; старая, девинная» девушка и больше ничего!!» («Памяти К. Н. Леонтьева», СПб., 1911, с. 124). Для Розанова П. был «Гамлет по устройению и Дон-Кихот по историческим задачам»; П. «нервно ненавидел общество и общественность, и в этом отношении произносил слова удивительной дерзости, но уже по их температуре и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства,

заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу, он был наш!.. Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улицы...» (Розанов В., Из восп. и мыслей о П.).

Др. произв.: «Записка о гражд. судопроизводстве» [СПб., 1861], «О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства» [СПб., 1864], «Доброе слово воспитанникам духовных семинарий и академий по поводу нынешних страшных событий» (СПб., 1881), «О работах комиссии для изыскания главнейших оснований лучшей постановки жен. образования в России» [СПб., 1885], «Ответ на письмо пасторов И. И. Мецгера, И. С. Бехтольда и Э. Фрауэнфельдера [СПб., 1887], «Речи и тосты... сказанные на обеде, данном городом в день юбилейного торжества 900-летия Крещения Руси» (К., 1888), «Ле Пле» (М., 1893), «Выписки из полного собрания законов» [СПб., 1895], «Адреса разным лицам» [Пенза, 1896], «Ист. записка о Холмской Руси и г. Холме, о судьбах Унии в Холмском крае и совр. положении в нем Униатского вопроса» [СПб., 1897], «Организация обществ. призрения в России» [СПб., 1898], «Воспитание характера в школе» (СПб., 1900), «Ответ рус. человека Крапоткину» (МВед, 1901, 15—16 окт., б. п.).

Изд.: Великая ложь нашего времени, М., 1993; Соч., СПб., 1996.

Письма: Е. Ф. Тютчевой (фрагменты) — РА, 1907, № 5; 38 писем... к высокопр. Макарию, архиеп. Томскому, Томск, 1910; Переписка с преем. Никанором, еп. Уфимским — РА, 1915, № 5—11; преем. Илариону, архиеп. Полтавскому, М., 1916; к гр. Н. Г. Игнатьеву — «Былое», 1924, № 27—28; Николаю II (1898—1905) — Религии мира, М., 1983 (публ. и предисл. М. Н. Курова); П. в письмах к друзьям — ВЛ, 1989, № 4 (публ. О. Е. Майоровой); сестрам А. Ф. и Е. Ф. Тютчевым — НМ, 1984, № 3 (публ. и комм. О. Е. Майоровой); П. в 1991 г. (письма Е. Ф. Тютчевой) — в кн.: Река времени, кн. 1, М., 1995 (публ. А. Ю. Полунова).

Лит.: Письма Н. И. Ильминского [к П.], Каз., 1885; Никольский Б. В., Лит. деятельность П., СПб., 1896; Я (язык) Д., П. и его учено-лит. деятельность — МВед, 1896, 14 июня; Амфитратов А., Анчиков Е., Победоносцев, СПб., 1907; Меньшиков М. О. Письма к близким. Две России. Упадок церкви. Сухое сердце. — НВ, 1907, 21 янв.; Глинский Б. П. (Мат-лы для биографии). — ИВ, 1907, № 4; Розанов В., Из восп. и мыслей о П. — НВ, 1907, 26 марта; его же, Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевском, М., 1996, с. 516—30; Слонимский О. О великой лжи нашего времени, СПб., 1908; Бердяев Н., Нигилизм на религ. почве. — В его кн.: Духовный кризис интеллигенции, СПб., 1910; Преображенский И. В., П., его личность и деятельность в представлении современников его кончины, СПб., 1912 (обзор некрологов); Мещерский В. П., Мои восп., ч. 3, СПб., 1912, с. 333—39; Козмин Н. М., Тургенев и П. в 1881 г. — В кн.: Сб-я Пушкинского Дома на 1923 г., П., 1922; Витте С. Ю., Восп., т. 1—3, М., 1960 (ук.); Эвенчик С. Л., П. и дворянско-крепостнич. линия самодержавия в пореформ. России. — «Чч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», № 309, М., 1969; Зайончковский П. А., Рос. самодержавие в конце XIX ст., М., 1970 (ук.); Соловьев Ю. Б., Самодержавие и авторство в кон. XIX в., Л., 1973 (ук.); его же, Начало царствования Нико-

лая П и роль П. в определении полит. курса самодержавия. — «Археотраф. ежегодник за 1972 г.», М., 1974; Твардовская В. А., Идеология пореформенного самодержавия, М., 1978; сс же, Достоевский в обществ. жизни России, М., 1990 (ук.); Сухотина-Толстая Т. Л., Дневник, М., 1979, с. 403—407; Флоровский Г., Пути рус. богословия, 4-е изд., Париж, 1988 (ук.); Зубов А. Б., Политико-правовые воззрения П. и их интерпретация зарубеж. исследователями рус. мысли. — В кн.: Рус. полит. мысль 2-й пол. XIX в., М., 1989; Ланшиков А., Предотвратить ли думою грядущее? — «Москва», 1991, № 5; Полунов А. Ю., К. П. Победоносцев в нач. 1880-х гг.: программа нравств. перевоспитания общ-ва. — В кн.: Россия и реформы, 1861—1881, М., 1991; сс же, Под властью обер-прокурора..., М., 1996; Швельев А. С., Тайный властитель России, Смоленск, 1991; Корнилов А. А., Курс истории России XIX в., М., 1993, с. 391—394, 403—405; Никитина В. А., Издания П. и его духовно-просветительская деятельность. — В кн.: Книга в России. Из истории духовного просвещения, СПб., 1993; Рабкина Н. А., К. П. Победоносцев. — «Вопросы истории», 1995, № 2; Сергеев С. М., К. П. Победоносцев. — В кн.: Великие гос. деятели России, М., 1996; К. П. Победоносцев. Pro et contra. Антология, СПб., 1996; Вугрес Р. F., Pobedonostsev. His life and thought, Bloomington—L., 1968; Simon G., Konstantin Petrovitch Pobedonostsev und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod, Göttingen, 1969; Стоянов Ц., Гениет и неговият наставник, София, 1978. + Брокгауз; Гранат: СИЭ; БСЭ; Масаилов.

Архивы: РГБ, ф. 230 (особенно важны письма П. к Е. Ф. Тютчевой и Амвросию (Ключареву)), ф. 126, М8479 (письма к О. А. Новиковой); РГИА, ф. 1574, ф. 1162, оп. 6, д. 423 (ф.с. 1907); РНБ, ф. 587, ф. 631 (письма к С. А. Рачинскому); РГАЛИ, ф. 46 (письма к П. И. Бартеневу); ГАРФ, путевод.

С. М. Сергеев, А. А. Гумеров.

ПОБЕДОНОСЦЕВ Сергей Петрович [псевд. Нейтральный; 8(20).11.1816, Москва — 1850, там же (?)], прозаик, переводчик. Брат К. П. Победоносцева. По окончании 1-го моск. кадет. корпуса (1835) определен в Саперный батальон в Царство Польское. В Варшаве изучил польский яз. и занялся переводами, к-рые помещал в местной периодике (не выявлены), в т. ч. опубликовал на польском неск. глав из романа И. И. Лажечникова «Басурман» (Лажечников, бравший уроки риторики у отца П., состоял в дружеских отношениях со всей семьей). В 1842 вышел в отставку и вскоре определился чиновником особых поручений к казанскому ген.-губернатору С. П. Шипову, знакомому П. по Варшаве. В 1843 переехал в Петербург, причислившись к Мин-ву гос. имуществ с чинном коллеж. секретаря. В 1843—45 (?) по делам службы проживал в Новгороде. Одновременно П. сотрудничал в 1840-е гг. в ж-лах «Отеч. записки», «Москвитянин», «Ба-ка для чтения» (по свидетельству брата, помещал там без подписи переводы и статьи — Победоносцев, с. 574), «Репертуар русского и Пантеон иностр. театров», «Рус. вестник».

Как прозаик П. дебютировал отрывком из «Большой повести» «Отчаянный Вертер» (не изв.) «Мамзель Бабетт и ее альбом» (БдЧ, 1842, т. 10), «представляющим собой нечто целое — род юмористического очерка, игриво написанного» (Белин-

ский, VI, 542). Повести П. «Из „Записок неизвестного“» (ОЗ, 1843, № 12), «Няня. (Из записок неизвестной)» (там же, 1845, № 11), «Походная барышня» (там же, 1846, № 11), написанные в русле «натуральной школы», тяготеют к сатирич. изображению провинциальных нравов (в осн. женских), однако по исполнению весьма заунывны (в них «рассказ ... не довольно сжат и быстр» — Белинский, IX, 397). Пов. «Милочка» (ОЗ, 1845, № 6), в концентрированном виде содержащая атрибуты «повести о чиновнике», представляет собой монтаж физиологич. очерков с подробным анализом характеров и обстоятельств.

В переводах и статьях П. нашел выражение его интерес к польской культуре (см., напр., «Польский театр. Ст. 1. Исторический взгляд на театр в Польше со времени его основания» — «Пантеон», 1843, кн. 10), рассматриваемой им как часть общественной славянской. Вскоре после возвращения из Польши П. безуспешно пытается при содействии Лажечникова организовать отдел «польской и вообще славянской литературы» в «Отеч. записках» (см.: РО, 1895, № 4, с. 883—84), предлагает М. П. Погодину в каждой книжке «Москвитянина» помещать «известия о новостях славянских литератур, особенно польской» (РГБ). В ст. «Казимир Владислав Войццкий» (РВ, 1842, № 5, 6), посв. «Сказкам или старинным поверьям народа польского и Руси», собранным Войццким, утверждает необходимость собирания и изучения старинных преданий, сказок, песен, пословиц — «всего, что может характеризовать дух народа, отдаленного... веками» (с. 117), связывает надежды с деятельностью рус. фольклористов М. А. Максимовича и И. П. Сахарова. Среди переводов П. преобладают фольк. тексты и сочинения, основанные на нар. поверьях и ист. мат-лах: «Старинные поверья ... собранные Войццким. Твардовский. Чума. Изуроченный пан» («Москв.», 1842, № 1), «Твардовский. Повесть, взятая из нар. преданий, И. И. Крашевского» («Пантеон», 1847, кн. 1—2), «Колишизна и степи», повесть М. Грабовского («Москв.», 1842, № 4), «Карпатские горы, драма ... И. Корженевского» («Пантеон», 1846, кн. 1).

Находясь в Новгороде, П. по просьбе Погодина занимался изучением древних рукописей. «Большим любителем и знатоком» к-рых он считался. П. сам имел значительное собрание русских древностей, неск-рые из них пополнили «Древнехранилище» Погодина (Барсуков, VII, 258, VIII, 166).

Скандальную известность П. принесла ст. в «Москвитянине» «Николай Коперник. (Голос за правду)» (1843, № 9), вызванная желанием «защитить ... общую всему могучему

славянскому племени драгоценную собственность» (с. 122). Присоединяясь к биографам Коперника (А. Крыжановский, И. Рихтер), доказывающим польское происхождение астронома, П. аргументирует его правоту «корнесловием» его фамилии (Коперник — покорник); отталкиваясь от предложенной этимологии, делает ориг. попытку связать науч. открытия Коперника с «религиозной покорой», к-рая «дала ему средства и силы ... постигнуть... тайну мировращения» (с. 111). Курьезная ошибка П., утверждавшего, что Коперник шел по следам Галилея, Кеплера и Ньютона, случившаяся, по его словам, «единственно от ... рассеянности» (Барсуков, VII, 80), дала повод А. И. Гершену («Москвитянин о Копернике». — ОЗ, 1843, № 12) смеяться над «филолого-мистическим изысканием» «Москвитянина» и упрекать его «ультраславянский голос» в «совершенном незнании предмета» (Герцен, II, 103—07).

В 1847—48 П. совершил заграничную поездку (Германия, Франция), впечатления от к-рой нашли отражение в «Путевых записках русского по Европе в 1847-м году» (ОЗ, 1848, № 5). Подробные описания достопримечательностей в «Путевых записках...» местами окрашены патристически-ностальгич. настроениями (ср., напр., размышления при посещении рус. церкви в Париже: «у нас есть свой прекрасный язык и хотя молодая, но свежая и полная сил литература!» — с. 56). В Париже П. познакомился с А. С. Хомяковым (с. 17), в Германии встречался с В. Г. Белинским (см.: Белинский, XII, 362, 365).

Сестра П., Варвара Петровна Победоносцева [17(29).10.1810, Москва — не ранее 1880], — переводчица. Окончила моск. уч-ще ордена св. Екатерины (1828). В 1830-е гг. печатала в «Дамском ж-ле» свои переводы («Верность дружбы и нежность любви» — 1830, № 8; «Ветурия, мать Корнолана, к Валерии» — 1830, № 32; «Женщины» — 1833, № 16; «Краснощекие Гортенши» — 1833, № 18; «Еще несколько восточных анекдотов» — 1833, № 20, 22), выполненные в «чувствительной» манере, характерной для общей направленности журнала (о В. П. Победоносцевой см.: РБС; Голицын).

Др. произв.: ст. «Записки Пасека» («Москв.», 1842, № 2); переводы — ст. Т. Готье «Оперная крыса» («Пантеон», 1843, кн. 3), отрывок из соч. А. Дюма «Пожар Москвы» («Москв.», 1843, № 7), прозаич. пер. поэмы А. Мальевского «Мария» (РВ, 1844, № 10—11).

Изд.: Повести, СПб., 1856 (под псевд.); «Милочка». — В кн.: Живые картины. Повести и рассказы писателей «натуральной школы», М., 1988 (сост. А. Л. Осповат, В. А. Туниманов).

Лит.: Белинский; Герцен; Барсуков (всё — ук.); Победоносцев К. П., Один из псевд. в рус. журналистике. — БЗ, 1892, № 8; Письма И. И. Лажечникова к С. П. и К. П. Победоносцевым. — РО, 1895, № 4 (публ. К. П. Победоносцева); Кулешов В. И., Натуральная школа в рус. лит-ре XIX в., М., 1982 (ук.); Туниманов В. А., «Милочка» П. и «Слабое сердце» Ф. М. Достоевского. — В сб.: Достоевский.

Мат-лы и исследования, т. 8, Л., 1988. + РБС; Брокгауз; Масанов; Польская худож. лит-ра л рус. и сов. печати. Библ. ук., т. 1—2, М., 1982—1986.

Архивы: РГБ, ф. 231/Л, к. 24, № 73 (12 писем к М. П. Погодину, 1841—49).

О. В. Голубева.

ПОГОДИН Михаил Петрович [11(23).11.1800, Москва — 8(20).12.1875, там же; похоронен в Новодевичьем мон.], прозаик, драматург, публицист, издатель; историк. Отец, Пётр Моис., — крепостной, управляющий моск. домами П. И. Салтыкова, отпущенный на волю в 1806. Первоначальное образование П. по-

лучил дома, выучившись грамоте у дом. писаря (П. вспоминал, что восьми—девяти лет читал все переводные романы и плакал над «Марьиной рошей» В. А. Жуковского), и на пансионе в доме типографщика А. Г. Решетникова (1811—12).

Оккупацию Москвы французами во время Отеч. войны семья пережила во Владимире и Суздале, лишившись б. ч. имущества; именно с патриотич. атмосферой 1812 П. связывал начало своего интереса к рус. истории, подогреваемого историко-патриотич. публикациями «Рус. вестника» С. Н. Глинки (в подражание им он сочинил надписи к портретам рус. героев); эти впечатления дополнили позднее ист. отрывки, повести Н. М. Карамзина и первые тома его «Истории государства Российского», развившие в П. ист. чувство.

С февр. 1814 — в Моск. губ. г-зии (см.: «Школьные воспоминания. 1814—1820 гг.» — ВЕ, 1868, № 8), где познакомился с Ираклием Карповым [в будущем один из первых переводчиков В. Скотта; переводя «Кенильворта» (М., 1823), пользовался советами П.]. Окончив г-зию первым студентом, поступил на словесное отд. Моск. ун-та (1818), где наибольшее влияние на него оказали проф. Р. Ф. Тимковский, И. А. Гейм и особенно А. Ф. Мерзляков, определивший его ранние лит. воззрения (разбор оды И. И. Дмитриева с одобрит. пометой Мерзлякова — РГБ, ф. 231/Л, к. 27, № 9; частично опубли. — Барсуков, I, 41—44) и оставшийся неотменным автори-

тетом для П. вплоть до нач. 1830-х гг. Вместе с ун-тским товарищем А. М. Кубаревым (впоследствии адъюнкт кафедры рим. словесности Моск. ун-та) П. увлекается классич. писателями, а также ист. трудами А. Л. Шлёцера, под влиянием к-рого прекращает Карамзина в некритич. отношении к источникам; вместе с тем П. тщательно штудировал новые тома карамзинской «Истории...», пишет на них «Замечания» (РГБ, указ. фонд, № 4, с пометой: «начато в 1818», бумага — 1819 и 1822 гг.).

С июня 1819 П. — домашний учитель в семье кн. И. Д. Трубецкого (о нем и др. членах семьи см.: Черейский); связь с этим домом и в особенности летнее пребывание в подмосковном имении Трубецких с Знаменском (Подольский у.) с 1819 по 1827 составило важную эпоху его жизни, а очаровавшая П. аристократич. атмосфера дома и сближение со здешней молодежью отразились на характере ранних лит. опытов: перевод франц. светской комедии (там же, к. 29, № 11), ром. «Елеозар...» Флорана (1820), составление рукоп. знаменского журнала «Не для всех» (1822). Здесь же летом 1820 по совету знаменской молодежи и, видимо, под влиянием Ж. Ж. Руссо П. начал дневник под назв. «Моя жизнь», восемь книг к-рого, охватывающие 1820—1875 гг., являются одним из самых значит. в рус. культуре памятников этого жанра, отразившим интеллектуальную жизнь, перипетии лит. и идеол. борьбы и коллизии личн. взаимоотношений изв. деятелей эпохи (РГБ, ф. 231/Л, к. 30—37; далее — «Дневник», с указанием картона и листа). В то же время, в роли «русского учителя», П. проповедует у Трубецких против франц. языка и франц. учителей; этот патриотич. пафос определил характер его первых печатных выступлений: рец. «Нек-рые замечания на таблицы Рос. истории Филистри...» (ВЕ, 1822, № 11/12) и более известных писем «К Лужицкому старцу» (ВЕ, 1823, № 5, 6, 11) (позднее П. даже осуждал с близкими друзьями идею создания тайного об-ва для противодействия находящимся в России иностранцам — «Дневник», к. 30, л. 18, 19 об.).

Выделяясь в ун-те старательностью и ревностью к наукам (сын крепостного, П. всегда видел в ун-тской карьере также и возможность социального самоутверждения), П. еще студентом начал работу над компилятивным изданием од Горация («Оды Горашевы, с объяснит. примечаниями Мичерлиха, Бакстера, Депре, Тимковского и Давыдова», М., 1823) и переводом «Краткого начертания древней географии» П. Ф. Нича (М., 1823, 1825; рец.: МТ, 1825, № 13; от-

вет П. — там же, 1825, № 18). Окончив ун-т в 1821 кандидатом [за «Опыт рассуждения о пользе, источниках и нынешнем состоянии статистики» (РГБ, ф. 231/Л, к. 21, № 42а) удостоен зол. медали], преподает географию в Моск. ун-тском благородном пансионе.

Гердеровский взгляд на географию как «первую главу» всемирной истории определяет ракурс занятий ю П. и убеждение в ее особом воспитат. значении (см. «Вступление к популярному учебнику географии» и др. наброски — там же, № 43—45; пер. из И. Г. Гердера «О приятности, пользе и необходимости географии» — ВЕ, 1825, № 9; ст. «Мысли, как писать историю географии» — МВ, 1827, № 5). С надеждой на коммерч. успех П. перевел соч. К. Риттера «Карты Европы...» (М., 1828; отрывки — в «Вест. Европы», «Сыне отечества», «Моск. вестнике» в 1826—27; в рец. «Моск. телеграфа» отмечено, что «перевод негладок, тяжел, но верен» — 1828, № 18, с. 219).

«Серьезное» направление П. и его ун-тского круга отразилось в намерениях переводить лучшие книги «со всех языков» и организовать «общество переводчиков» (идея обогащения, посредством переводов, рус. науки и лит-ры, впрочем, неизменно сопутствовала мысли о приработке от их издания). Любимой мыслью П. уже в это время становится «просвещение», понимаемое, однако, в духе нем. и франц. раннеромантич. мысли, т. е. с акцентом на его «духовной» перспективе и «национальном» характере [огромное впечатление на него произвели книга Ж. де Сталь «О Германии» и «Гений христианства» Ф. Р. Шатобриана, полный пер. к-рого он предпринял в 1821 («Дух христианской религии» — РГБ, ф. 231/Л, к. 29, № 2; опубли. лишь отрывок — МВ, 1828, № 5)]. Не удивительно поэтому, что энтузиазм к наукам соседствует у П. с сомнениями в их пользе, интересом к мистич. лит-ре (И. Г. Юнг-Штиллинг, К. Эккартсгаузен) и даже намерением стать масоном (под влиянием ун-тского товарища Н. А. Загряжского). С др. стороны, представление о «просвещении», сопряженном с христ. «духом благолюбия» (ср. запись 1826: «Дух благолюбия явился в конце прошедшего столетия. Между французами в Руссо, между американцами в Франклине, между немцами в Гердере и между русскими в Карамзине» — Барсуков, II, 17), предопределило убеждение в особом значении истории для «нравств. просвещения».

В том же ключе эволюционируют и лит. воззрения П. (восхищение Ф. Шиллером и И. В. Гёте, критич. отношение к франц. лит-ре 17—18 вв., понятию «вкус» и прозе К. Н.

Батюшкова). Интерес к нем. лит-ре стимулировало и сближение с ун-тским соучеником Ф. И. Тютчевым (ЛН, т. 97, кн. 2, с. 7—29): в 1820—22 П. обсуждает с ним полит. и лит. события, в частности поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», в оценке к-рой, как позднее «Кавказского пленника» и «Шильонского узника» Дж. Байрона, расходится со своим кумиром Мерзляковым (*Автобиография*), с. 235—36). Почти восторженное отношение к пушкинской поэме проявляется в первой критич. ст. П. «О „Кавказском пленнике“» (ВЕ, 1823, № 1; «вместе с юным, крепким, пылким воображением видно искусство и зрелый плод труда», с. 35), несмотря на архаич. приемы нормативной школьной критики. Эволюция лит. вкусов отразилась и в собств. лит. опытах П.: замысел героич. оперы «Гаральд» (РГБ, ф. 231/1, к. 26, № 24), переводы Гёте, Шиллера (трагедия «Смерть Валленштейна» — там же, к. 29, № 6; вероятно, П. принадлежат и опубликов. за подписью N. N. отрывки — МВ, 1828, № 19—22), Гердера, трагедии Ц. Вернера (тетр. 1822 г. «Мои грехи» — ф. 231/1, к. 29, № 4—6, 9—10; «Суждение г-жи Сталь о Вернеровой трагедии „Двадцать четвертое февраля“ и отрывок из оной» — ВЕ, 1823, № 23/24).

Дружба с Тютчевым способствовала сближению с его лит. наставником С. Е. Раичем, пригласившим П. в дек. 1823 в свое лит. об-во.

Принят по представлению перевода из Титта Ливия «Софонисба» (опубл.: МВ, 1828, № 21—22) в февр. 1823 (см.: Аронсон М., Рейсер С., Лит. кружки и салоны, Л., 1929, с. 123—28, 265—71); П. читает в об-ве в 1823—1825 «Рассуждение о начале Рос. гос-ва» («Не что против мнения Н. М. Карамзина...» — МВ, 1828, № 4), перевод пов. «Рене» Шатобриана (МВ, 1827, № 17—18) и отрывок из «Истории Италии» Н. Макнелли (РГБ, ф. 231/1, к. 12, № 3), переложенные гекзаметром, в подражание Жуковскому, отрывки из Овидия «Нюмба» (ТБ-лескоп, 1831, № 3), «Меркурий и Битт» (МВ, 1829, ч. 1) и др. соч. Составляет совм. с А. Ф. Томашевским устав об-ва Раича, принимает активное участие в обсуждении планов предполагаемого ж-ла и избирается его цензором.

Здесь же знакомится с моск. лит. молодежью и, в частности, — С. П. Шевыревым, В. Ф. Одоевским, В. П. Титовым, к-рый вводит его в круг философско-эстетич. интересов «любомудров». При этом, с одной стороны, П. тяготеет к «шеллингианскому» крылу об-ва, воспринимая, впрочем, идеи нем. философа преим. в их приложении к эстетике и теории истории у К. Ф. Бахмана и Ф. Аста (в 1823 по совету И. И. Давыдова переводит «Введение в историю» Аста, а позднее — отрывки его курса филологии: МВ, 1827, № 14, 21; 1829, ч. 3; 1830, ч. 6) и оставаясь чуждым натурфилософии Ф. В. Шеллинга (видимо, поэтому П. не звали на собрания «любомудров» в доме Веневитиновых, ср. запись П.: «Досадно,

что не принимаюсь к Веневитиновым. Смотрят на меня как на неспособного к мудрствованию» — «Дневник», к. 31, л. 128 об.). С др. стороны, проникается эстетич. идеями Раича: изучает с его помощью итал. яз., штудировать Т. Тассо, а в 1825 вступает (в соавт. с Томашевским) в полемику с О. М. Сомовым, защищая опыты перевода Тассо Ранчем и отстаивая приоритет «идеи» в произв. перед нормативными требованиями к «форме» (СО, 1825, № 12, 16, 22; подписи В. атрибутирована по: «Дневник», к. 31, л. 114, 123—124) (подробнее о кружке и об-ве Раича, о месте в нем П. — см.: Рогов).

Избранный в 1824 корреспондентом ОЛРС при Моск. ун-те, П. представил перевод из древних и ст. «Об употреблении наречий „уже“ и „еще“» («Соч. в прозе и стихах», 1826, ч. 6, кн. 16), отражавшую одно из многочисл. направлений его «ученых» интересов, а в речи по случаю избрания в действит. члены заявил о намерении заняться преим. рус. грамматикой (там же, 1828, ч. 7, кн. 21, с. 205, 222, 231—34).

Однако в центре этих интересов — ист. занятия. В марте 1825 П. защищает магистер. дисс. «О происхождении Руси» (М.; рец.: МТ, 1825, № 20; СП, 1825, 21 июля; см. также: М. П. Погодин. Первые его шаги на ученом поприще — РА, 1900, кн. 3, с. 476—78), тема к-рой выросла из замечаний на «Историю...» Карамзина. Вслед за Шлёцером П. доказывает норманское происхождение варяжских князей, основателей рус. гос-ва и становится на неск. десятилетий гл. поборником

«норманнской теории» в рус. ист. науке.

С этих позиций включился в полемику вокруг «Истории...» Карамзина, оспаривая как неск-рые ее положения, так и взгляды критика Карамзина — И. Лелевеля (ВЕ, 1824, № 4—7, 9—11). Параллельно печатает переводы тех совр. исследований, с к-рыми полемизировал в дис. (И. Э. Тунмана — ВЕ, 1823, № 23/24; И. Ф. Г. Эверса — «Предварит. критич. испл. ... для рос. истории», кн. 1—2, М., 1825, отрывки печатались в «Отч. зап.» и «Св. архив»; И. Е. Неймана — «О жилищах древнейших русских», М., 1826). Эти пер. и ориг. статьи («Несколько слов о договорах Олегом и Игорем с греками» — МТ, 1825, № 20; «Нечто о роде вел. кн. Ольги» — ОЗ, 1826, № 71; то же — «Тр. и летописи ОИДР», 1828, ч. 4) приносят П. неск-рую известность: в 1824 гос. канцлер гр. Н. П. Румянцева поручил ему перевод соч. И. Добровского «Кирилл и Мефодий» (М., 1825; впрочем, сверявший пер. А. Х. Востоков счит. что П. «слаб в нем. языке», и внес правку (Барсуков, I, 266).

По предложению М. Т. Каченовского (не разделявшего осн. идей П.) избран соревнователем (февр. 1824), в нач. 1825 — действит. членом ОИДР. Через И. Дмитриева П. представил диссертацию Карамзину («Автобиография», с. 240), а в кон. 1825 в Петербурге лично ему представил («Мое представление историографу» — РА, [кн. 3], 1866, стб. 1766—70).

Лит. занятия этого времени отражают увлечение драматургией Шиллера и шеллингианскими идеями (замысел эпич. поэмы «Моисей», в к-рой хотел «обнять» всю систему Шеллинга). Наконец, летом 1825 в Знаменском П. пишет ряд повестей. «Русая коса» («СЦ на 1827 г.»; подп. 3-ий [Знаменский]) и «Сокольничий сад» (МВ, 1829, ч. 2; подп. 3.) отражали реальные обстоятельства и переживания, связанные с развивавшимся чувством П. к княжне Александре Ив. Трубецкой и увлечением Елизаветой Вас. Вагнер (1809—44), компаньонкой в доме Трубецких (с 1833 — жена П.). В отличие от созданного тогда же опыта «светской пов.» «Как аукнется, так и откликнется» («Урания»), их автобиограф. герой, в облике к-рого доминируют черты юноши-«любомудра», останавливает выбор на девушке среднего сословия. Демокр. идеология П. проявилась и в замысле пов. «Барская спесь» («Вы часто спрашиваете ... почему я ... оказываю всегда предпочтение среднему состоянию мимо сиятельной пышности магнатов» — РГБ, ф. 231/1, к. 26, п. 12), и в пов. «Нищий» («Урания») — рассказе отставного солдата о своей невесте, обесчещенной помещиком. Эти опыты П. мыслит как дополнение к ист. занятиям, а их эмоционально-моралистич. интонация связана с традицией карамзинской прозы (ср.: «Не пойду ли я по одной дорожке с Карамзиным в литературе» — «Дневник», к. 31, л. 122 об.).

В кон. 1825 (после отъезда Раича и прекращения собраний об-ва) П. составил собств. лит. альб. «Урания.

Карман. книжка на 1826 г.» (М., [1825]; ц. р. 26 нояб., вышел в нач. янв. 1826), призванный стать «моск. ответом» на «Полярную звезду» А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева (ср. также первонач. назв. альм. «Моск. Комета» и отзыв Н. А. Полевого: МТ, 1826, № 8, с. 357—59). П. удалось привлечь к сотрудничеству Мерзлякова, Тютчева, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, доставившего ему также стих Пушкина (Пушкин. Переписка, I, 233—34, 239—40), однако основу альм. составили участники об-ва Рача и моск. «любомудры»; т. о., здесь впервые был представлен круг лит. имен и эстетич. устремлений, к-рый характеризует моск. лит-ру 1820—30-х гг. Успех альм. (одобрит. реш. — СП, 1826, 16 янв.) и организаторский энтузиазм выдвинули П. на первые роли среди моск. лит. молодежи.

К этому же времени относится и переросшее вскоре в дружбу сближение с Д. В. Веневитиновым. Разделяя общее увлечение Гёте, летом 1826 они «по уговору» параллельно переводят его драмы: Веневитинов — «Эгмонта», а П. — «Гёца фон Берхлингена».

Перевод П. вышел отд. изд. в 1828 с посвящением Веневитинову (М., 1 д. — «Рус. зритель», 1828, № 1—2; рец. Шевырёва, в осн. изыскующая лит. значение драмы, — МВ, 1828, № 21—22). Рецензент «Моск. телеграфа» (1828, № 24, б. п.), отметив, что перевод «тяжел», не одобрил также «русцизм о в», заменивших «с р м а н и т м ы, составляющие национальность граждан Гёте и Шиллера» (с. 498); эту «перелицовку» саркастически поминал позже В. Г. Белинский, говоря о незрелом периоде рус. романтизма (Белинский, VI, 63, 519); в разгромной реп. «Сына отечества» указывались многочисленные ошибки пер. (1829, № 1—2, 4).

Кроме того, П. и Веневитинов задумывают продолжение «Урании» и новый альм. «Гермес» — собрание переводов из антич. и совр. историки (Барсуков, II, 38—40); обсуждают план «гётевского» ром. Веневитинова «Владимир Паренский» [см. написанное, видимо, П. предисловие ко 2-й ч. «Соч.» Веневитинова (М., 1831) — в кн.: Веневитинов Д. В. Стих. Проза, М., 1980, с. 496—497, 513, 534]. В то же время сам П. возлагал надежды на «ист. роман» в духе В. Скотта, указав в «Письме о рус. романах» на «романич.» предмety в рус. истории [«Сев. лира на 1827 г.», М., 1827; отзыв Вяземского: МТ, 1827, № 3; см. совр. науч. изд. «Сев. лира на 1827 г.», М., 1984 (ЛП), с. 133—40, 229]. Особую роль в их дружбе играет Александр Трубецкая, для к-рой Веневитинов, по просьбе П., пишет «Письма к гр. NN о философии» и к-рую П. мысленно «уступает» другу (Барсуков, II, 36—40). Эта коллизия отозвалась в пов. П. «Адель» (МВ, 1830, № 17/20; замысел — лето 1826): в образе гл. героя — возлюбленного Адели, П., соединив свои и веневитиновские черты, дал обобщенный портрет ро-

мантич. энтузиаста-«любомудра», а смелое использование страниц реального «Дневника», посв. Трубецкой, и трагич. развязка, подсказанная ее болезнью и скоростной смертью Веневитинова в 1827, придали ей «вертеровскую» бурную исповедальность (см.: Виролайнс М., Молодой Погодин. — В изд.: Повести. Драма). Юношеский энтузиазм, культивированный чтением Шиллера, разнонаправленность науч. интересов, соответствовавшая отчасти шеллингианским идеям науч. синтеза, формируют романтич. черты личности молодого П., соседствовавшие, впрочем, с недовольством и скуповатостью, грубостью манер и внешности, определявших для современников облик П. в более поздние годы (ср., напр., запись А. В. Никитенко 1852: П. «нисколько не переменился: то же простое лицо, те же тяжелые, медвежьи приемы и грубоватое обращение» — Никитенко, I, 352).

Наконец, через Веневитинова П. знакомится 11 сент. 1826 с Пушкиным, отношение к к-рому при значит. интересе отнюдь не апологетично (ср. запись «Вздор!» о «Бахчисарайском фонтане» и характеристику: «Пушкин — поэт чувства. Шиллер — мысли»: Цявловский, 1914, с. 70, 77). Однако появление Пушкина в Москве и чтение в 1826 «Бориса Годунова» вызвали решит. энтузиазм, а его высказывания в пользу общего ж-ла стали окончат. поводом учреждения Д. Веневитиновым, П., Шевырёвым, Титовым, Н. М. Рожалиным и др. «Моск. вестника» (издавался в Москве в 1827—1830), редактором к-рого «назначен» П. («Из восп. о Пушкине» — РА, 1865, [кн. 1]; «Восп. о С. П. Шевыреве» — ЖМНП, 1869, № 2). Явившийся компромиссом между мечтами «любомудров» о «серьезном» философско-ист. издании и желанием Пушкина иметь «свой» журнал, этот альянс, скептически воспринятый его лит. окружением, должен был обеспечить подписчиков, а самому Пушкину стабильный доход: ему причитались 10 тыс. руб. с 1200 подписчиков (ЛН, т. 16/18, с. 680—700).

Сильный стихотв. раздел, заполнявшийся в 1827—29 произв. Пушкина, Н. М. Языкова, Ф. Н. Глинки, Д. В. Давыдова и поэтов «моск. круга» (Д. Веневитинов, А. С. Хомяков, Шевырёв, Д. П. Обнобишин), а также принципиальности для «любомудров» отказ от «текущей» критики в пользу «теории эстетики» и «серьезных» статей, определили лицо журнала, а по мнению современников, — и его успех у публики («Моск. вест.» был лишен современности и теперь его можно читать как хорошую книгу ... но журналом ... он никогда не был» — Белинский, I, 89). «Философичность» «Моск. вест.» вызвала недовольство Пушкина (Пушкин в восп., II, 23; Пушкин, XIII, 320) и неодобрение петерб. литераторов (ср. отзыв П. А. Плетнёва: «Моск. вест.» ... «липит действительность. Кажется, однако ж мисс, что он круто все хочет повернуть. Ему хочется вдруг развить у нас и германские наклонности Востока. Это как-то мутит во-

ду...» — Плетнев, III, 389). Перевод в Петербург Пушкина и др. основателей «Моск. вест.» делает П. уже к сеп. 1827 фактически единоличным издателем, однако недовольство его редакторством, усугубившееся коммерч. неуспехом и небрежностью П. в финансовых делах, стали причиной ультимативного требования сотрудников о «соредакторстве» Шевырёва; кроме того, в отношениях «москвичей» с Пушкиным обнажились и расхождения лит. порядка: сдержанно-неодобрит. отношение к 4 и 5 гл. «Евгения Онегина», несогласие в оценке Баратынского, обострение отношений с изд. «Сев. цветов» А. А. Дельвигом (Пушкин. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966, с. 213—17; Ваууро (1). ук.). К 1829 окончательно распадается круг читателей журнала (в 1829 он выходил в виде тематич. сб-ков, а в 1830 — с сильным опозданием), все большую роль в нем играет новый лит. круг П., связанный с домом С. Т. Аксакова (М. Н. Загоскин, М. А. Дмитриев, А. А. Шаховской), а публ. ист. статей Н. С. Арцыбашева (1828, № 19—24), наполненных критик. выпадами в адрес «Истории...» Карамзина, вызвала возмущение «карамзинистов»: Вяземского (МТ, 1828, № 19; Вяземский, II, 82—84), И. Дмитриева, В. В. Измайлова («СП на 1829 г.», СПб., 1828), мин. внутр. дел Д. Н. Булдова, фактически заблокировавшего решений (при его же содействии) перевод П. в агенты Рос. акад.

Несмотря на формальный «неуспех», «Моск. вест.» явился выражением круга идей, складывавшегося в 1820-е среди молодого поколения моск. литераторов, — своеобразного «моск. романтизма», воспринявшего парадигму нем. романтич. лит. теории и философии. Роль ист. материалов определялась шеллингианским пониманием истории как науки «самопознания» человечества и романтич. интересом к нац. истории: программный характер имели «Ист. афоризмы и вопросы» П. (1827, № 2, 23), отразившие его шеллингианские увлечения и стремление к философии «теории истории».

Заметное место в прозаич. разделе «Моск. вест.» наряду с пер. из Шатобриана, Гёте, Э. Т. А. Гофмана, Л. Тика занимают ориг. пов. П. (ср. совет Пушкина наполнить ж-л рус. повестями — Пушкин, XIII, 341). Жанровые каноны занимат. пов. разрабатывались в «святочной» пов. из купеч. быта «Суженый» (1828, № 1—2) и пов. «Преступница» (1830, № 1), где бродячий сюжет о случайном убийстве девушкой поклонника помещен в декорации быта древнего Новгорода (анализ стилистич. эклектики пов. см.: Виноградов В. В., Сюжет и стиль, М., 1963, с. 105—14). Несомненной жанровой новацией были очерки «Убийца. Анекдот» (1827, № 20) и «Возмездие» (1827, № 24), вошедшие затем, наряду с более поздними («Психол. явление» — альм. «Денница на 1830 г.»; одобрит. упоминание: МТ, 1830, № 1, с. 85; «Неенство», «Любовь», «Искушение»), в цикл «Психол. явления» (в изд.: Повести, 1832) — основанные на реальных случаях зарисовки на тему «феноменологии преступления» и загадочности моральной природы человека [это направление интересов П.-прозаика отразилось и в предзнав. для невышедшего альм. «Альциона на

1834 г.» пов. «Новый Эдип» (РГБ, ф. 231/1, к. 26, № 26), любопытном опыте перенесения антич. сюжета на совр. рус. почву]. Начало нравоописат. пов. «Невеста на ярмарке» (МВ, 1827, № 8—9) получило одобрение Пушкина, по совету к-рого (Пушкин в восп., II, 24) П. пишет ее продолжение (МВ, 1828, № 19—22). Программный характер имела «Черная немочь» (подзаг. «Пов. из прежнего времени» — МВ, 1829, ч. 2; отд. изд.: М., 1829) — рассказ о трагич. судьбе стремящегося к знаниям и «высшим истинам» юноши из купеч. семьи, доведенного до самоубийства непониманием и противодействием родных, один из первых опытов изображения подобного конфликта и среды (одобрена Пушкиными и в кругу «Моск. вест.» — см.: Пушкин в восп., II, 26; в недоброжелат. рец. Кс. А. Полевой, указав на «несообразность» философич. устремлений и мыслей героя, выучившегося на «медные деньги», упрекал П. в страсти к грубой стороне быта «простого народа» и отказывал ему в таланте «романиста» (МТ, 1829, № 15, с. 320—22, 327; то же — в кн.: Полевой Н. А., Полевой Кс. А., Лит. критика. Статьи и рец., Л., 1990). Подобные оценки П.-прозаика воспроизводились неоднократно (ср., напр., слова рецензента «Сына отечества» о выходящих «за рамки приличия» «площадных выражениях» в пов. «Невеста на ярмарке» — 1829, № 1, с. 32); в более поздних отзывах Белинский, признавая «теплоту чувств» и значит. роль П. в становлении «народного» направления, подчеркивал его талант «в Теньеровском роде» (повторяя уничижит. определение «Моск. телеграфа» — МТ, 1830, № 1, с. 85), т. е. как «нравоописателя низших слоев нашей общественности», но упрекал в неумении придать своей худож. мысли законченность (Белинский, I, 94—95, 276—78 и др.). Вместе с тем приемы изображения разноточной среды, как и автобиограф. тема ученого-разночинца (ср. также замысел П. писать «простонач. язык» — «Жизнь и чудные похождения М. В. Ломоносова», отрывок — РГБ, ф. 231/1, к. 28, п. 16), оказали несомненное влияние на формирование канонов «бытовой повести» (см. в кн.: Рус. повесть XIX в., с. 210—14).

К кон. 1820 — нач. 1830-х гг. относится б. ч. беллетристич. наследия П.: колоритный очерк моск. торговых рядов «Фомин понедельник» (лит. и муз. альм. «Радуга на 1830 г.», М. [1829]), написанная по просьбе Н. И. Надеждина для первых номеров его ж-ла занимат. «разбойничья» пов. «Васильев вечер» («Телескоп», 1831, № 2—4). Интерес к «малорос.» колориту отразился в пов. «Петрусь. Малорос. анекдот» (альм. «Сиротка

на 1831 г.», М.; с посв. И. П. Котляревскому) и пересказе пов. Г. Ф. Квитки «Харьковская Ганнуся» («Телескоп», 1832, № 2—4); близкая «любомудрам» тема научного прозрения, непонятного современниками, — в пов. «Галлеева (Галлеева) комета» (альм. «Комета Белы на 1833 г.», СПб.). Проблема обществ. статуса науки обсуждается и в продолжавшей «Письма...» Веневитинова ст. «Нечто о науке (Отрывок из письма к графине N.)» («СЦ на 1832 г.», СПб.; науч. перизд. — М., 1980, с. 128—33; отзывы — «Телескоп», 1832, № 2; СП, 1832, 23 янв.). Наконец, пов. «Счастье в несчастии», поводом к к-рой послужило письмо Жуковского А. П. Елагиной о смерти А. А. Воейковой (жены А. Ф. Воейкова), раскрывала важнейший, по мнению П., феномен христ. мироощущения, определенный в ее заглавии (с посвящением А. П. Елагиной) — «Телескоп», 1832, № 7; в 1837 объединена с пов. «Невеста на ярмарке» — «Невеста на ярмарке». Повести, ч. 1—2, М., 1837). Большинство пов. и нек-рые новые (ист. анекдот «Дьячок-колдун» и др.) вошли в изд. «Повести» (ч. 1—3, М., 1832; рец. — МТ, 1832, № 9; «Телескоп», 1832, № 17), ими фактически исчерпывается беллетристич. наследие П., разочарованного безразличием критики [в 1840-е гг. он обдумывал ром. из совр. рус. жизни (Барсуков, IX, 167, 386; «Дневник», к. 33, л. 50—51 и др.), а в 1849 «дописал» начатую с Е. И. и А. Ф. Вельтманами пов. «Дочь матроса» для альм. «На Новый год», М., 1850, б. п.]. Между тем появившиеся почти одновременно с «Вечерами...» Н. В. Гоголя и «Повестями Белкина» Пушкина «Повести» стали еще одной попыткой разрешения проблемы «национальной» повести, представив, в частности, ранние опыты изображения быта разночинных слоев в рус. лит.-ре.

Тяготясь «Моск. вестником», П., успевший в 1828 издать № 1—6 «Рус. зрителя» вместо заболевшего К. Ф. Калайдовича (во время холеры 1830 П. издавал также «Ведомость о состоянии Москвы» при газ. «Моск. ведомости»), планирует начать новый ж-л с Надеждиным, сближение с к-рым отразило лит. расхождение П. с Пушкиным и его кругом: он критически воспринял пушкинскую «Полтаву», неприязненно относился к «Лит. газете» Дельвига и петерб. «лит. аристократии» (РА, 1882, кн. 3, с. 6, 125, 129, 134), уклонялся от прямого участия в борьбе с Ф. В. Булгариным (Пушкин в восп., II, 28; подробнее см. в кн.: Пушкин. Письма последних лет, с. 447—48). Несмотря на различия лит. позиций и отход Пушкина от «Моск. вест.»,

1829—1831 — период наибольшего сближения Пушкина и П., почвой к-рого стало созвучие ист. интересов и взглядов, в частности, восходящее к А. Г. Л. Герену представление об отсутствии феодальной системы и «свободных городов» как отличит. черте рус. истории; именно с этой т. з. они полемизируют с «Историей рус. народа» Полевого, прямо переносившего схемы франц. романтич. историографии на рус. почву (МВ, 1830, № 2, 21—24). Кроме того, критика методич. принципы Карамзина-историка, П. остается последователем его осн. ист. схемы, разделяя с Пушкиным острый интерес к намеченным Карамзиным драм. моментам становления рус. самодержавия, определившим судьбу рус. гос-ва и просвещения, и к «нравств. смыслу» ист. коллизий. В янв. 1829 П. читает Пушкину ст. об Иоанне Грозном, объясняющую действия царя не только «нравств. перерождением», но и необходимостью твердого единовластия (МВ, 1829, ч. 3; первый вариант читан в об-ве Ранца; позже П. отчасти изменил свой взгляд, отрицая полит. «заслуги» царя, — «Иоанн Грозный», БдЧ, 1834, т. 2, с. 113, 138—39).

Схожая проблематика — в центре стихотв. трагедии (в 5 д.) «Марфа, Посадница Новгородская» (М., 1831; замысел — 1825; отрывки — МВ, 1830, № 17—20; «Телескоп», 1831, № 1), в к-рой, следуя формуле Карамзина («Иоанн (III) был достоин сокрушить утлую вольность Новгородскую...»), П. дал полемич. по отношению к декабристской героизации Новгорода картину драм. столкновения логики истории и «частных» стремлений. Форма «народной» ист. трагедии (опиравшаяся на опыт «Бориса Годунова» и ист. драм Гёте и Шиллера), а также установка на достоверность ист. колорита и «драматизацию» истории (ср. запись П. 1825: «Историю всю можно представить в трагедиях» — «Дневник», к. 31, л. 117) вызвали горячее сочувствие Пушкина («Какая верность историческая! Как утадана дипломатика русского вольного города! ... трагик не ниже своего предмета» — Пушкин, XI, [О нар. драме и драме «Марфа Посадница»], 182—83), к-рый ставил нар. сцены П. выше собственных, отмечая, впрочем, недостаточное «развитие характеров» и «неправильности» языка (см.: Пушкин, XIV, 128—29; Пушкин в восп., II, 29—30).

Под впечатлением этой оценки и острых споров с Пушкиным о вине Бориса Годунова в смерти царевича Дмитрия (демокр. настроения П. предопределили его восхищение Годуновым как царем-«выдвиженцем», см. «Об участии Годунова в убийстве Царевича Дмитрия» — МВ, 1829,

ч. 3; полемич. пометы Пушкина на его ст. — Пушкин, XII, 243—56). П. приступает к драм. трилогии о Смутном времени (первая мысль — в 1825 под влиянием трагедии Шиллера «Дмитрий»); «История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове» (окончена весной 1833, опубли. М., 1868), «История в лицах о Димитрии Самозванце» (М., 1835; с посвящением Пушкину); в 1834 П. обдумывал также трагедию «Царь Василий Шуйский» (Барсуков, IV, 199). Жанр «ист. хроник» — «истории в лицах» — стал результатом колебания между ист. исследованием и трагедией («Молва», 1832, № 67, с. 267—68), призван был в шеллингианском духе объединить «науку» и «поэзию» и давал П. возможность в драм. форме представить свою ист. концепцию: аргументацию невиновности Бориса, сочувств. толкование его политики, объяснение причин возвышения и падения Самозванца, а также отрицат. роли «боярства» (изложена в ст. «Нечто об Огупе», МВ, 1829, ч. 3; «Период самозванцев» — БдЧ, 1835, т. 10). Однако никакого лит. успеха эти опыты не имели.

Др., общий с Пушкиным, предмет интереса — эпоха Петра I: в 1829 П. опубли. следственное дело царевича Алексея (МВ, 1829, ч. 5; позднее также издал соч. И. К. Кирилова «Цветущее состояние Всерос. гос-ва... при Петре Великом», кн. 1—2, М., 1831; об истории издания см.: Пушкин. Письма, III, 318—19); мат-лы дела и легли в основу написанной в нач. 1831 стихотв. трагедии «Петр I» (в 5 д.; отд. изд. с посв. Пушкину и автокомм. — М., 1873), в к-рой дан идеализиров. образ монарха, противостоящего рус. псевдоаристократии. В 1833 Пушкин просил Николая I о привлечении П. к работе над историей Петра, но это сотрудничество не состоялось (Барсуков, III, 159—61; Пушкин. Переписка, II, 394—97).

Судьба ист. драматургии П. не сложилась. Выход «Марфы» был задержан по рекомендации А. Х. Бенкендорфа в связи с полит. обстоятельствами (РА, 1873, [кн. 2], стб. 02299—02300); осенью 1831 П. хлопотал о разрешении «Марфы» и «Петра I» в Петербурге, где читал «Петра I» (олюбленного в Москве в доме Аксаковых) в салоне В. Ф. Одоевского и графини А. Г. Лавалье, а также Пушкину и Жуковскому, по совету к-рых сократил его. Несмотря на содействие Блудова и др., трагедия была запрещена Николаем I, считавшим невозможным выводить Петра на сцену (эта мотивировка появилась П. к публ. отд. сцен: «Отрывок из драм. поэмы» — альм. «Новоселье», [ч. 1], СПб., 1833; «Сцены из жизни Петра Великого» — МН, 1835, окт., кн. 2; отзыв — «Телескоп», 1833, № 5); после многократных отказов впервые опубли. частями в сб. «Утро» на 1859 и 1868 гг.

Поступившая в кон. 1831 в продажу «Марфа» не вызвала сочувствия. Рецензент «Сына отечества» не признал драм. талант П., критиковал героизацию Марфы и «площадный» язык (1832, № 20; ответ С. Аксакова — «Молва», 1832, № 49; также см.: «Молва», 1832, № 41, с. 162—63). В сочувств. рец. «Телескопа» (1832, № 1) и «Молвы» (1832, № 19) отмечалось, что

наряду с «Борисом Годуновым» «Марфа» открывает эру «драматизирования нар. истории» и при многих ошибках «богата красотами первоклассными»; упреки в «искусственности» содержались и в рец. О. И. Сенковского на «Историю в лицах о Димитрии Самозванце» (БдЧ, 1835, т. 11; там же критик упоминан о своем отказе печатать пьесу; не хотел ее печатать и изд. «Моск. наблюдателя» В. П. Андреев — «Дневник», к. 32, л. 69). Заключит. сцены драмы о Годунове П., несомненно подчеркивая связь своих ист. драм с именем Пушкина, опубли. в «посмертном» 5-м томе «Совр.» за 1837 (1-е действие впервые — «Москва», 1842, № 6).

В нач. 1830-х гг. П. сотрудничает в изд. Надеждина «Молва» и «Телескоп», помещая здесь помимо повестей и очерков разные заметки («Молва», 1831, № 20; 1832, № 41, 49; 1834, № 25, 27, 36, 40 и др.), ист. рец. («Телескоп», 1831, № 5; 1833, № 13) и т. д., а также ст. на актуальную польск. тему: «Ист. размышления об отношении Польши к России (По поводу разных статей о том же предмете, помещаемых в иностр. журналах)» («Телескоп», 1831, № 7) и разбор «Истории Гос-ва Польского» Г. С. Брандтке (там же, 1831, № 9), заслужившие одобрение Бенкендорфа. По мысли П., исполненная смуты и «безначалия» история Польши доказывает необходимость рус. господства (этой гл. идее оставался привержен и позже, см.: «Польский вопрос. Собр. рассуждений, записок и замечаний. 1831—1867», М., 1867), однако вывод о важности изучения и популяризации польской истории, языка и лит-ры делал его позицию неоднозначной (по свидетельству И. М. Снегирева, П. в ун-те «почитали Лелевелем» — Барсуков, III, 164—65); в позиции П. отразились, видимо, как разговоры с Пушкиным, горячо одобрявшим статью, так и общение с А. Мишчевичем и Ф. Малевским, с к-рыми он знаком еще с 1827 (об отношении П. к Лелевелю — Попков Б. С., Польск. ученый и революционер И. Лелевель, М., 1974, ука.).

Однако гл. своим делом П. считает собственно историю. С 1825 читает всеобщую историю «для первоначальных студентов» в Моск. ун-те, с 1828 — адъюнкт кафедр всеобщей истории; с 1833 — ординарный проф. (в 1836 избран в д. чл. Рос. акад., с 1841 — акад. Петерб. АН).

Преподавание всеобщей истории заставляет П. обратиться к трудам европ. историков, к-рых он популяризирует для рус. аудитории. Читая в первые годы по Шлэцеру, П. параллельно переводит его «Введение во всеобщую историю для детей» (ч. 1—2, М., 1829—30; 2-е изд., М., 1837; см. также: ВЕ, 1825, № 19; МВ, 1829, ч. 6). Позднее гл. источниками для него становятся Герен (см. изд. в 1835—36 «Лекции проф. Погодина по Герену...», ч. 1—2, М.; отрывок «О Зороастре», не пропущенный цензором, — ЖМНП, 1835, № 4), О. Тьерри, Ф. Гизо и др. совр.

историки, к-рых под его руководством переводят студенты. Философия истории Гердера (см. набросок «О Гердере», 1832, — РГБ, ф. 231/1, к. 21, п. 47), шеллингианские идеи и франц. романтич. историография формируют теоретич. воззрения П. (на рубеже 1820—1830-х гг. мечтает даже заняться исключительно «теорией истории»); заключенная в истории картина «мира нравственного», продолжающего «мир физический», и подчиненная сходным законам (П. широко использует аналогии и термины точных и естеств. наук), несет в себе черты божеств. замысла, а разл. ист. эпохи и нации представляя собой отд. ступени его осуществления. В драм. столкновении этих «законов» и «частных» стремлений, благодаря к-рому история есть также «курс психологии в лицах», П. видит «главное таинство истории», подобное таинству соединения души с телом.

Наиболее полно эти теоретич. идеи были изложены П. в отд. изд. «Ист. афоризмов» (М., 1836; с шифров. посвящением митрополиту Иннокентию; нем. пер. преподавателя Моск. ун-та И. Х. Э. Геринга, Лpz., 1836), объединившем опыты П. в этом жанре с сер. 1820-х гг. и включавшем также статью «О всеобщей истории. Лекция при вступлении в должность ординарного проф.» (ЖМНП, 1834, № 1; по восп. П., лекция «очень нравилась Пушкину» — «Автобиография», с. 245; ее франц. пер. Э. П. Мещерского опубли.: «Journal général de l'instruction publique», 1834, vol. 4, 6, 28 nov.). Вопреки надеждам П., книга вызвала лишь сдержанные или критич. отзывы: издеват. рец. в «Б-ке для чтения» (1836, т. 15; ответ Андреева — МН, 1836, кн. 1, апр.); нелестная, но сочувств. рец. в «Совр.» (1836, т. 1) принадлежала Гоголю, скрывшему от П. свое авторство. Вместе с тем «Ист. афоризмы» остаются примечат. памятником эклектич. освоения романтич. историософии, а отд. черты ист. философии и стилистика П. (прежде всего уподобление нравств. метафизики истории явлениям физич. мира) оказали определ. влияние на ист. рассуждения Л. Н. Толстого в «Войне и мире» (Эйхенбаум Б., Лев Толстой, кн. 2 — 60-е гг., Л.—М., 1931, с. 326—41). Взгляды на европ. цивилизацию (почерпнутые из той же романтич. историографии) подвергаются у П. определенной коррекции в контексте формирующихся представлений о роли России и славянства в ней. Так, Гизо П. упрекает в недооценке роли христианства и «слав. мира» («Очерк Европ. истории в Средние века. По Гизо» — ЖМНП, 1834, № 4), а рассматривая Реформацию как первонач. толчок к «наш. просвещению», видит в эпохе Пет-

ра I ее рус. аналог, в различии же конфессий усматривает лишь разницу нац. взглядов на христианство: неоконч. соч. «О Реформации» (РГБ, ф. 231/1, п. 11, № 36—38) и ст. «Ист. афоризмы» (БДЧ, 1834, т. 1), вызвавшая недовольство духовной цензуры. В 1837—38 П. готовил еще две кн. «Ист. афоризмов», частично опубликов. в «Москвитянине» (1844, № 5).

Представление об особом характере рос. истории в сравнении с европейской сформулировано в лекции, прочитанной при тов. мин. нар. просвещения С. С. Уварове и получившей его полное одобрение («Взгляд на Рос. историю» — Уч. записки имп. Моск. ун-та, 1833, ч. 1, № 1). Принятие православия, развивающего «особую сторону веры», и добровольное «призвание варягов», положивших, в отличие от завоевания на Западе, начало рос. государственности, предопределили специфику характера отношения верховной власти к нации и ее роль во всех сферах жизни, в частности нац. просвещения. Причем, в духе романтич. философии истории осознание этих коренных черт П. считает залогом «самобытного» развития и обществ. спокойствия. Эта ист.-полит. концепция отразилась в ун-тском курсе рос. истории (П. начал читать ее в 1829, посвятив первую лекцию Карамзину; в 1836 получил кафедру рос. истории; курс 1832—33 сохранился в конспекте Белинского: ГИМ, ф. 440, № 1059; краткая характеристика: Петров, с. 32—34), а также в «Слове об ученом сословии» («Молва», 1834, № 27) и «чертеже» рос. истории («Отрывок из Рос. истории» — ЖМНП, 1834, № 12; «Очерк рос. истории» — МН, 1835, март, кн. 1).

Созданный на основе «чертежа» учебник «Начертание Рус. истории. Для училищ» (М., 1835), встречавший неодобрительно и вызвавший полемику о «периодах» рос. истории (рец. Белинского — «Молва», 1835, № 36; в защиту П. выступил Н. Савельев — МН, 1836, нояб., кн. 2), не был принят мин-вом, так же как и 2-е, исправл. изд. (М., 1837), и «Краткое начертание Рус. истории» (М., 1838; сочужств. рец. — «Совр.», 1838, т. 12).

Вектор ист. занятий П. определялся принципиальной полемикой со «скептической» школой (давний науч. антагонизм с главой «скептиков» Каченовским усугублялся личной неприязнью): отставная достоверность Несторовой летописи, П. выступает не только последователем Шенкера, но и защитником др.-рус. просвещения в целом, выдвигая также существ. для науки предположения об истинности Нестора. Статьи П. на эту тему [БлЧ, 1834, т. 6; 1835, т. 8, 9; возражение «скептика» С. М. Строева (посл. Сергей Скремнико) — СО, 1834, № 49—50; 1835, № 3, 11; также — ЖМНП, 1835, № 7] позднее вошли в иссл. «Нестор, историческо-критич. рассуждение...» (М., 1839, с. посв. П. И. Шафарик; нем. пер. — СПб., 1844). П. представил его в качестве дис. (по одобрит. заключению акад. Ф. И. Крута удостоено Демидов. премии — Деятели присуждение учрежденных Демидовым наград..., СПб., 1840; рец. Н. Савельева — ОЗ, 1839, № 4).

В качестве секретаря ОИДР (избран 12 дек. 1836) П. издает «Рус. ист. сборник» (1837—42),

где наряду с полемич. статьями против «скептиков» (1838, кн. 3) публикует иссл. о местничестве, в к-ром «выразился характер русский под печатно Востока» (1839, кн. 3—4), а кроме того — «Псковскую летопись» (М., 1837; рец.: БлЧ, 1837, т. 24). Наконец, уже частным образом П. издал 20 кн. «Всесоборный ист. библиотечки» — собрание переводов ист. сочинений, надеясь совместить просветит. и коммерц. цели (П. мечтал открыть книжную лавку, сравнивая себя с Н. И. Новиковым).

Актуальный обществ. и идейный подтекст ист. работ П. способствует его известности, однако конкретные соч. каждый раз вызывают противоречивые и критич. отзывы, направленные, в частности, на слог П. (см., напр., мнение А. И. Тургенева 1840: «в его новом взгляде есть что-то дельное, но наш Michelet [Ж. Мишель, франц. историк, — Ред.] пишет хуже французского: не позволено о России писать почти не по-русски...» — Тургенев А., Полит. проза, М., 1989, с. 226).

Ист. занятия отдают П. от лит.-журнальной деятельности, однако в 1835 он активно участвует в учреждении ж. «Моск. набл.», где помещает ист. статьи и рецензии; несмотря на выступления ж-ла в защиту П., обнаруживаются серьезные расхождения с ред. (по поводу стих. Пушкина «На выздоровление Лукулла», высокой оценки его «Истории Пугачевского бунта»; апологетич. рец. П. на нее не была напечатана в «Моск. набл.» (РА, 1865, [кн. 1], стб. 103; там же опубли. «Неск. слов об Истории Пугачевского бунта»). Избранный 12 дек. 1834 секретарем ОЛРС, П. намеревался дать об-ву новый характер, однако отказ Пушкина и Гоголя от участия подорвал этот план (Пушкин. Письма последних лет, с. 32, 217—18).

Несмотря на охлаждение, Пушкин пригласил П. в «Совр.» (задумывая в 1832 газ. «Дневник», он также видел в П. осн. моск. сотрудничества), напечатав, однако, из всего присланного лишь «Прогулку по Москве» (1836, т. 3, подпись Пешеход; о ценз. сокращениях и реплике Пушкина на ст. — см.: РЛ, 1969, № 2, с. 130), уклонившись от публикации ст. «Об ист. повстрини» (ЛН, т. 16/18, с. 722; т. 58, с. 130).

Частные уроки и издат. предприятия (не приносявшие, впрочем, значит. дохода) позволили П. в 1829 купить дом (вскоре проданный), а в 1831, сделав значит. долги, — дер. Серково под Москвой. В 1836 П. приобрел дом на Девичьем поле, в к-ром жил до кон. дней и к-рый стал неперенным атрибутом моск. лит. и ученой жизни. В нач. 1830-х гг. П. осуществил свою мечту о частном пансионе для подготовки в ун-т, ставшем осн. источником его доходов (в связи с зачислением в 1834 преподавателям держать пансионеры даже намеревались оставить ун-т).

Важная составляющая ист.-полит. концепции П. — представление об общеслав. корнях рос. истории и культуры, предопределившее сочувствие идеям «слав. возрождения» и формирование панславистских взглядов. Еще в 1826 П. совм. с Шевырковым перевел «Грамматику языка славян по древнему наречию...» И. Добровского [СПб., 1833—34; изд. Деп-том нар. просвещения, предисл. П. исключено цензурой: см. «Мои восп. I. Перевод слав. грам-

матики Добровского в 1826» («Москв.», 1856, № 4; «Русский», 1867, № 9/10, с. 133); РГБ, ф. 231/1, п. 21, № 50], считая этот труд «прозрением» общеслав. коренного наречия (убежденность в его существовании П. сохранял и впоследствии), а позднее помещал в «Моск. вестнике» «слав. известия» и принял горячее участие в трудах Ю. И. Венелина (однако выступил против «словенской» школы, считавшей «варягов» славянами: см. полемику с М. А. Максимовичем, дружеские отношения с к-рым П. сохранял на протяжении всей жизни, и Ф. Л. Морозкиным — «Москв.», 1841, № 3, 5 и др.). Совершив в 1835 поездку по Германии, побывав в Праге и Вене, П. представил Уварову «Отчет» (6 ч. опубли. — ЖМНП, 1835, № 9; 1836, № 1, 7, 9), в к-ром сообщал новости науч. жизни Германии (в т. ч. о посещении Шеллинга и новом религ. направлении его философии) и рассказывал о встречах с деятелями «слав. возрождения» — В. Ганкой, Шафариком, В. Караджичем и др., возрастающее сочувствие к ним усиливается впечатлениями полит. угнетения слав. образования в Австрии. Слав. тема становится значит. частью лит.-обществ. деятельности П.

П. издал «Слав. древности» Шафарика, переведенные под его руководством О. М. Бодянского (т. 1—2, М., 1837—48; предисл. П. выгов. запрещено цензурой), собирав средства в пользу слав. ученых, содействовал приехавшему в Россию Л. Гаю (1840), перевел соч. Я. Коллара «О лит. взаимоотношениях между племенами и наречиями славянскими» (ОЗ, 1840, № 1—2).

Наконец, в «Отчете» Уварову о новом заграничном путешествии (1839; командированный для посещения Копенгаген. об-ва Сев. антиквариев, объехал всю Европу) впервые сформулирована панславистская доктрина П. Дав очерк положения славян в Австрии, П. наметил программу слав. культурно-языкового «сближения», дополнил ее полит. предположениями — о необходимости изменения политики в отношении Австрии и объединения славян под скипетром России (частично опубли. РусБ, 1859, кн. 13; полностью — Соч., т. 4). Выписка из «Отчета» (не включаящая, впрочем, полит. рассуждений) получила одобрение Николая I, а сам П. — орден Станислава 2-й ст. и 2 тыс. рублей (РА, 1871, кн. 3, стб. 2079—2103), не удовлетворившие его: он мечтал о непосредств. полит. влиянии своих ист. концепций. С этими надеждами, подогревавшимися близостью к Уварову, связана и активность П. во время пребывания в Москве (1838) на следника вел. кн. Александра Николаевича (будущего имп. Александра II), для к-рого написана ст. «О Москве» (МВед, 1837, 21 авг.), а также (после посещения им лекции П.), зап. «Об осн. эпохах в рос. истории»

(опубл.: «Письмо к Государю Цесаревичу, вел. кн. Александру Николаевичу», 1838 — Соч., т. 4); излагая в ней излюбл. мысли о специфич. роли самодержавия в рус. гос. устройстве («одушевленная машина»), П. подчеркивал слав. основу рус. «народности» и предсказывал грядущую «слав.» эпоху мировой истории (попечитель Моск. уч. округа С. Г. Строганов не переслал записки — «Русский», 1867, № 17/18, с. 257—263; Соч., т. 4, с. 14). В 1841 Уваров предложил П. место нач. своей канцелярии, однако его претензии на особую роль при министре стали причиной вежливого, но твердого отказа. «Второе донесение ... о путешествии 1842 г., преим. в отношении к словеням» (частично — РусБ, 1859, кн. 13), содержащее вывод о враждебности нем. земель к России, непрочности Австрии и целесообразности союза с Францией, т. е. направленное против офиц. внешней политики, еще менее соответствовало полит. конъюнктуре и «оставлено в мин-ве без последствий».

После путешествия 1839 П. окончательно решил изд. «Москвитянина» (задуманного еще в 1836 в связи с охлаждением к «Моск. наблюдателю»), получив «благословение» Жуковского и одобрение Гоголя, а официальное дозволение — благодаря поддержке Уварова. Название и концепция ж-ла отражали «москвофильские» взгляды П.: воплощая в своей судьбе особенно полно providenci. характер своей рус. истории («обилие чудесного»), Москва, даже утратив полит. значение, остается центром рус.-слав. просвещения, к к-рому должна вернуться Россия по окончании «петерб. периода» (ст. «Москва» — «Москв.» 1841, № 5; под назв. «Приращение Москвы» вошла в сб-к П. «Историко-критич. отрывки», 1846). Выражением «моск.» взгляда на совр. пути рус. просвещения (противостоящего духу петерб. журналистики) явился приоритетный интерес к «слав. миру» (отдел «Слав. известия»), к рус. провинции, сохранившей элементы «органичного» рус. образования (для провинц. корреспондентов, в частности П. И. Савитова и П. И. Мельникова, П. разработал «памятку» о предметах для ж-ла), а также к мат-лам по рус. истории и лит-ре (их обилие придавало ж-лу учено-публиц. характер, делая его прообразом историко-культ. изданий кон. 19 в.).

Особая позиция П. заявлена в открывавшей ж-л программной ст. «Петр Великий» (1841, № 1; с подтекстовой пометой: 11 сент. 1838), написанной в ответ на первые моск. славянофильские дискуссии: считая реформы Петра необоходимыми ист. этапом, П. видел их всемирное значение в попытке соединить два типа

просвещения, привив греко-правосл. «духовному образованию», носительницей к-рого была Др. Русь, элементы римско-католич. культуры (опубликована после поправок и одобрения Уварова).

В русле этих идей лежали программные ст. Шевырѣва, гл. соратника П., курировавшего отп. критики [«дагерротипическим» принципом «натур. школы» он противопоставлял двусудную «органическую» формулу «иск-во и жизнь» (см. о ней: «Москва», 1841, № 2, с. 513—14), основывая на ней славянофильскую интерпретацию творчества Гоголя, М. Ю. Лермонтова и совр. лит. ситуации], и статьи отдела «Христ. философия» (обычно выдержанные в духе позднего Шеллинга, Ф. Баадера и К. А. Эшенмайера), отражавшие надежды П. и Шевырѣва на то, что истинной, религ. философией суждено состоять в России. Установка на «самобытность» характера и для раздела прозы, где постоянно печатались В. И. Даль и А. Ф. Вельтман, а также Загоскин, Кнютка. Стихотв. раздел, во многом определявший лит. лицо ж-ла, объединял как поэтов круга «Моск. вестника» (Языков, Хомяков, М. А. Дмитриев, А. и Ф. Глинки), так и новое моск. поэтич. поколение, чья лит. карьера преим. связана с «Москв.» (Ф. Б. Миллер, Н. В. Берг, К. К. Павлова); публикации в «Москв.» вводят в лит. жизнь Я. П. Полонского, А. А. Григорьевца и А. А. Фета.

Стремление П. сделать «Москв.» органом самобытного «рус. просвещения», дистанцируясь в то же время от славянофильской доктрины, сказалося в попытках привлечь в журнал Т. Н. Грановского и Е. Ф. Корша (1842). Однако против его воли Шевырѣв (оставивший наряду с А. Е. Студитским фактин. ред. в отсутствие П.) втянул ж-л в полемику с «Отеч. зап.». Кроме того, ценз. давление («недоброжелателями» ж-ла выступают Биспендорф и Строганов), материальные издержки, обилие занятий и в особенности отчуждение моск. славянофильского круга вызывают у П., несмотря на первонач. успех, в 1843—44 разочарование и желание передать «Москв.» в казну или кому-либо из своего окружения.

Лит. творчество П. в 1-й пол. 40-х гг. ограничивается популярным в 1830—40-е гг. жанром «путешествия». В «Москв.» (1841, № 9, 11; 1842, № 8; 1843, № 11) он помещает заметки о своей поездке по сев.-вост. губ., где сохранились черты коренной рус. «образованности» (к ним примыкает запись тверских наблюдений — ЛПРИ, 1838, № 35); одновременно увлеченно работает над описанием своего путешествия 1839, стремясь дать целостный взгляд «москвитянина» на совр. Европу, сохранив в то же время фактуру дневника, изобилующего *domestica facta* (домашними делами) и частными впечатлениями, — «Год в чужих краях. (1839). Дорожный дневник» (ч. 1—4, М., 1844; отрывки — ОЗ, 1840, № 7; «Москв.», 1841, № 1—3, 5; 1842, № 2, 4, 7; «Молодик на 1843 г.», ч. 1, Х., 1843).

Жанровая манера книги вызвала сочувствие «Совр.» Плетнёва: «совершенно новый род лит-ры, не только нашей, но и вообще европейской» (1844, т. 36, с. 220) — и нападки «Отч. записок» [Белинского (1842, № 3; 1843, № 1), А. Д. Галахова (1844, № 9), А. И. Герцена (памфлет «Путевые записки Г. Вёдриана» — 1843, № 11), а также В. Н. Майкова, отнесшего «материю» П. к худшей в жанре «путешествий» — «эгоистической»: «вместо описания страны ... рассказы о событ. приключениях в пути... интерес только для друзей и родных» (1847; см.: Майков В. Н., Лит. критика, Л., 1985, с. 198)]. Ср. также отзывы: Н. А. Некрасова (ЛГ, 1843, 24 окт.), Н. Полевого (БаЧ, 1844, т. 65).

В 1844, после отхода Шевырѣва от журнала, П. вынужден привлечь малоизвестных сотрудников (Н. К. Калайдовича, Н. И. Стояновского, М. В. Поленова), а ряд несчастий, обрушившихся на него (тяжелый перелом ноги и смерть жены), побудил П. окончательно решить вопрос о неофиц. передаче издания И. В. Киреевскому, оставив за собою лишь ист. раздел. Редакторство Киреевского (№ 1—3 за 1845) ознаменовалось воодушевлением лит. общности и оживлением ж-ла, заведшими П. К тому же опубл. в № 1 за 1845 ст. П. «Параллель Рус. истории с историей Зап. Европ. государств, относительно начала», наиб. полно излагавшая погодинскую ист. концепцию и имевшая, по его мнению, «государственное значение» как объяснение основ рус. общественного и гос. устройства (ее цельность и важность, несмотря на архаичность отдельных положений, отметил даже Герцен — ОЗ, 1845, № 3), стала поводом печатной полемики со славянофилами: в теории «привизания варягов» П. В. Киреевский увидел недооценку самобытных «родовых» начал слав. общности (в т. ч. общинного землевладения); отвечая, П. охарактеризовал его мысли как «родную Славянскую утопию» («Письмо» Киреевского и ответ П. см.: «Москв.», 1845, № 3).

Полемика с моск. славянофилами и сдержанная оценка ими ст. «За Рус. Старину» («Москв.», 1845, № 3), к-рой П. предназначал роль манифеста в борьбе с «западничеством» (см.: восп. П. «К вопросу о славянофилах» — «Гражданин», 1873, № 12 и 13, с. 415), приводят к взаимному охлаждению и решит. отстранению славянофилов от «Москв.» по возвращении ж-ла к П. Результатом «раскола» явился славянофильский «Московский лит. и ученый сборник на 1846», выход к-рого (май 1846) П. воспринял с горечью, однако написал сочувственную рец. («Москв.», 1846, № 5) и принял участие в «Московском ... сб-ке на 1847 г.», опубликовав отрывок из заграничных писем «Прага» (о сб-ках см. ст. В. А. Панова).

Личные потрясения, отчуждение славянофилов и, наконец, разрыв с ун-том (вследствие конфликтов с ун-тским начальством, в 1844 подав в отставку, надеясь, что она не будет принята; ушел в отставку в чине стат. сов.; в февр. 1845 по тем же мотивам покинул пост секретаря ОИДР) стали причиной тяжелого душевного настроя, отразившегося в лирич. памфлете «К юношам» («Москв.», 1846, № 2): традиц. для П. тема учено-энтузиаста, не встречающего понимания современников, приобретает автобиогр. конкретность и трагич. интонацию. Публиц. «посла-

ние», явившееся ответом на многочисл. претензии как друзей, так и врагов, а также язвित. нападки «Отеч. зап.» [особенно резок фельетон их постоянного автора Некрасова (опубликован в альм. «Первое апреля», СПб., 1846), печатно обвинявший П. в склонности к сомнит. финансовым оборотам] превращают характер и репутацию П. в обществен.-лит. проблему (ср. также благожелат. отклик на «послание» Н. А. Мельгунова — «Об искусстве жить. Посвящается Юноше» — ОЗ, 1846, № 4). Своеобразной кульминацией печатной дискуссии о лит. личности П. стал пассаж из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя (кн. вышла в нач. янв. 1847). В главе IV — «О том, что такое слово» — лит. неудачи и не вызывающий сочувствия общественно-лит. облик П. объясняются его «неряшливым» обращением со словом, отражающим душевную растрепанность и необработанность мыслей. «Тридцать лет рботал и хлопотал, как муравей, этот человек, торопясь ... передать поскорей в руки всем все, что находил на пользу просвещения и образования русско... И ни один человек не сказал ему спасибо; ни одного признательного юноши я не встретил... Заговорит ли он о патриотизме, он заговорит о нем так, что патриотизм его кажется подкупной... Его искренний, непритворный гнев противу всякого направления, вредного России выразится у него так, как бы он подавал донос на каких-то некоторых, ему одному известных людей. Словом, на всяком шагу он сам свой клеветник» (ср. также надпись Гоголя на экземпляре «Выбранных мест», подаренном П.: «неопрятному и растрепанному душой П.» (VIII, 230—232, 789). Мотив поспешного и небрежного обращения со словом варьировала также известная реплика Жуковского об отсутствии у П. лит. «такта» (см.: Барсуков, VIII, 251).

Взаимное сочувствие, возникшее между Гоголем и П. при знакомстве летом 1832 (П. усердно хлопотал по делам Гоголя и пытался устроить 2-е изд. «Вечеров...» в Москве — Гоголь, X, 237; «Дневник» — РГБ, к. 32, л. 86 об.), окрасило весь первый период их отношений и основывалось преим. на общем эгиптизме к ист. занятиям (переписка 1832—36; некие ист. мнения П. отразились в ст. Гоголя «Миллер, Шлецер и Гердер»; вместе с тем П. не отказывался от пробы написать рец. на «Арабские»). В 1835 П. посредничает в отношениях Гоголя с ред. «Моск. наблюдателя», а познакомявшись с его драм. опытами, становится первым пропагандистом его комич. таланта, связывая с ним надежды на «восстановление» рус. театра («Письмо из Петербурга» — МН, 1835, март, кн. 2; в мае 1835 он устраивает у себя автор. чтение «Женитбы», а в 1836 совм. с М. С. Щепкиным и С. Аксаковым — Моск. премьеру «Ревизора»). Однако уже в рец. Гоголя на «Ист. афоризмы» высказано неодобрительное мнение о П. (Гоголь, VIII, 564—69; текст в «Совр.» значительно смягчен — см. там же, с. 191—94).

После смерти Пушкина П. в письме Гоголю определяет его новое положение («ты у нас остался») и призывает вернуться в Россию (ЛН, т. 58, с. 793—96; Гоголь, XI, 91—92), а

в 1838, взволнованный слухами о его тяжелом материальном положении, посылает ему собранные его Моск. друзьями деньги. Во время путешествия 1839 П. тесно и дружески общался с Гоголем, а затем «привез» его в Москву, несколько афишируя свой патронаж и заботу (см.: «Год в чужих краях»: «Отрывок из зап. „О жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 г.“» — РА, 1865, № 7, стб. 887—95); зимы 1839—40 и 1840—41 Гоголь жил у П., однако отношения их именно в этот время крайне обострились, в частности, П. оскорбляло равнодушие Гоголя к «Москв.» [где, впрочем, опубликованы его рец. на альм. «Утренняя заря» и очерк «Рим» (1842, № 1, 3), а также — без его ведома — мат.-лы ко 2-му изд. «Ревизора» (1841, № 4—6), предоставленные Гоголем в счет денежного долга]. Возможно, печат на их отношения наложила и сдерж. реакция П. на «Мертвые души» (см.: Аксаков, III, 207; Гоголь, Переписка, т. 1, с. 417—18); очень болезненно Гоголь отреагировал на самовольную публ. его портрета в «Москв.» (1843, № 11). Попытки объяснений в письмах 1843—47 не приводят к примирению: П. не принял их тона порицания и увещания, выставив встречные моральные упреки. После выхода «Выбранных мест...», оправдываясь перед Шевыревым и С. Аксаковым, резко осудившим пассаж о П., Гоголь обещал написать для 2-го изд. ст. «О достоинстве соч. и лит. трудов П.» (замысел не осуществился), а в кон. 40-х гг. он вновь останавливается в Москве у П., однако в их отношениях нет былой теплоты. В некрологе Гоголя («Москв.», 1852, № 5) П. подчеркнул «особенности», непостижимость его натуры, признавая тем не только исключительность лит. заслуг писателя, но и обществ. значение той драмы мирового учительства, к-рая отразилась и в их взаимоотношениях.

Жизненные и лит. неудачи укрепляют П. в мысли посвятить себя исключительно написанию полной рус. истории, для к-рой он в течение ряда лет «кишет тоном». Др. стимулом к тому стала работа над «Историческим похвальным словом Карамзину...» для торжеств. открытия памятника ему в Симбирске [описание торжества — «Москв.», 1845, № 9; «Ист. ... слово» опубли.: М., 1845, и «Москв.», 1846, № 1 (не пропущенное в Москве, прошло петерб. цензуру благодаря Уварову); публ. мат.-лов к биогр. Карамзина — «Москв.», 1846, № 3, 4, 7]. Написанное в исполнение обещания, данного И. И. Дмитриеву, «Ист. ... слово» получило одобрение как бывших «карамзинистов», так и «славянофилов», Гоголя (см.: «Выбранные места...», глава XIII «Карамзин»: все здесь, напротив обычного у П. «топорного неряшества слога», «стройно, обдуманно... Все места из Карамзина прибраны так умно, что Карамзин... становится как живой перед глазами читателей») и даже «западников» [Герцен, XXII, 253—54; он же высоко оценил и погодин. некролог А. И. Тургеневу (опубликован: МВед, 1845, 11 дек.)]. Однако, по замечанию Шевырева, на образ историка, уединенного труженика, чуждого «светских» отношений, П. спроецировал свои обстоятельства и душевное настроение (Барсуков, VIII, с. 205—24). В отрывках из др.-рус. истории, к-рые П. впервые читал на лит. вечере 4 мая 1847, пригласив представителей разл. ученых и вел. кругов Москвы («Святослав», «Вел. княгиня Ольга», «Ярополк. Владимир» — «Москв.», 1847, ч. 2, 3;

1848, № 2, и др.; «Князь Андрей Юрьевич Боголюбский» — ЖМНП, 1849, № 9—10; оттиск — [СПб., 1849]; отд. изд. — М., 1850; рец.: А. Н. Афанасьев — «Совр.», 1850, № 10), П. пытался совместить критич. изыскания с традициями ист. повествования в духе Карамзина — эта трудно разрешимая задача (ср. отзыв Уварова: «нельзя быть вместе и Нибуром, и Шиллером» — Барсуков, X, 135) являлась одновременно и гл. ориентиром, и камнем преткновения П.-историографа.

Оставив ун-т (1844), П. издает сочинения, подводящие итог его «подготовительных» ист. работ: сб. концептуальных статей 1828—45-х гг. «Историко-критич. отрывки» (М., 1846; кн. 2-ю составят аналогичные статьи, напис. в 1847—63, — М., 1867) и 3 тома «Исследований, замечаний и лекций о рус. истории» (М., 1846; изд. ОИДР), в к-рых, стремясь представить связь др.-рус. истории с общеславянской, объединил изыскания об источниках и «норманском периоде» рус. истории с пересказом исследования Шафарика о славянах.

С рец. К. Д. Кавелина на них (ОЗ, 1847, № 1) началась печатная полемика между П. и новым поколением историков — его бывших учеников, расхождения с к-рыми обозначились раньше (см. отзыв П. о дис. Кавелина — «Москв.», 1844, № 3, и «ответный» памфлет «Приношение М. П. Погодину» — ЛГ, 1844, 13 апр.). Ответ П. и подробный разбор сочинений Кавелина, С. М. Соловьева и др. спровоцировали ожесточ. полемику («Москв.», 1847, ч. 1—3; «Совр.», 1847, № 8; МВед, 1847, 17...26 июля): новое поколение рассматривало древнюю рус. историю как закономерное развитие семейно-родовых отношений в гос. и общественные и последующее формирование «начала личности»; для П. ее содержанием оставался провиденциальный процесс «формации гос-ва» — «зерно» и ключ ко всей нац. истории, а их требованию «прагматической» истории он противопоставлял тезис о роли «чуждого». Принципиальные расхождения предопределили позднейшие выступления П. против трудов Соловьева и его «Истории России», а с противной стороны — отношение к работам П. как безнадежно устаревшим (см.: С. М. Соловьев. Персональный укл. лит.-ры., М., 1984).

В 1850-е гг. П. выпустил очередные тома «Исследований...», посвященные «удельному периоду» (т. 4, 1850, т. 6, 1855, т. 7, 1856, т. 5, 1857; все — М.; отрывки печатались в ЖМНП, «Москв.» и др.), в к-ром видит специфич. явление, несходное с феодализмом, и «приготовленное» великокняжеского правления (рец.: А. Н. Афанасьев — «Совр.», 1850, № 12; С. Соловьев — ОЗ, 1851, № 3; И. Д. Беляев — РусБ, 1858, [ч.] с И. Е. Забелиным — «Атеней», 1858, № 22, 26).

Сущ. частью многообразной деятельности П. являлось его «Древлехранилище» — уникальное собр. древних книг и рукописей (включало также предметы др.-церк. утвари, монеты, лубочные картины, украшения). По его мат.-лам П. подготовил просветительско-коммерч. издания, представляющие образцы др.-рус. почерков, снимки с автографов знаменитых лиц и членов имп. фамилии: «Исторический рус. альбом на 1837» (М., 1837; рец. — ЖМНП, 1837, № 2), «Образцы славяно-рус. древлеписания» (тетр. 1—2, М., 1840—41; рец.: (П. Н. Кудрявцев) — ОЗ, 1840, № 11; (А. Д. Галахов) — 1841, № 7), «Русский ист. альбом. 1853» (М., 1853); в 1844 П. поднес собр. автографов царской семьи Николаю I, получил 4 тыс. руб. серебром. Как публикатор П. вводит в оборот соч. историка И. Т. Посошкова («Москва», 1842, № 3 (в извлечении); отд. изд. — «Соч. крестьянина Ивана Посошкова», ч. 1, М., 1842 «Предисл. к исследованию о жизни Посошкова» (Погодина); ч. 2, М., 1863], продолжение «Истории...» В. Н. Татищева («Москва», 1843, № 6—7) и др. источники. В «Москв.» печатает хронику своих приобретений, расширяя представление об источниках рус. истории и письменности и привлекая к ним обществ. внимание. В кон. 1840-х гг. «Древлехранилище» становится Моск. достопримечательностью, посещаемой видными путешественниками, сановниками и членами имп. фамилии (МВед, 1849, 5 февр.); после неудачных попыток получить пособие на его содержание и на постройку каменного здания П. начал переговоры о его продаже, и по распоряжению Николая I «Древлехранилище» (рукописи, книги, гравюры и лубки) приобретено в 1852 за 150 тыс. руб. серебром с расчеркой на 10 лет для Имп. публ. б-ки.

Многочисл. занятия П. и всеобщее охлаждение к «Москв.» приводят ж.-л к упадку, а в 1846, во время очередной поездки П. за границу, практически почти к полной остановке (последние номера вышли лишь к маю 1847, число подписчиков сократилось до 150; в 1847 выходил в виде 4 «учено-лит. сборников» под номинальной ред. Студитского). Очередная попытка (после неудачных переговоров с В. В. Григорьевым, Ю. Ф. Самариным, К. С. Аксаковым) возродить ж.-л в 1848, заручившись поддержкой Шевырѣва и ряда ун-тских профессоров, имела небольшой успех. Недовольный и редакторством Вельтмана (1849 — нач. 1850), П. решил привлечь Е. П. Ростоичину и А. Н. Островского, чьи лит. опыты вызвали у него ощущение оживления лит. ситуации и побудили даже издать «На Новый год. Альб. в подарок читателям „Москв.“» (М., 1850), где П. намеревался опубликовать «Банкрута» Островского и где наряду с собств. ст. «К ученому», варьировавшей темы послания «К юношам», поместил отрывки из «Псковитянки» Л. А. Мей, произв. Ростоичиной, Вельтмана, Шевырѣва.

Новый лит. круг «Москв.» складывается на вечерах Ростоичиной, ставшей в 1849—50 одним из ведущих авторов ж.-ла, а также на лит. чтениях у самого П. в 1849—51 (чтение «Банкрута» 3 дек. 1849 в присутствии Гоголя и мн. гостей стало началом широкой лит. известности Островского). С 1850 к редакции ж.-ла привлечены Мей и Островский (с кон. 1850 он вел с П. переговоры о полном переходе «Москв.» под его

редакторство; см.: Коган Л. Р., Летопись жизни и творчества А. Н. Островского, М., 1953, с. 39—46); к ним присоединились С. П. Колошин, Б. Н. Алмазов, Т. И. Филиппов и А. А. Григорьев (принимавший горячее участие в его судьбе, П. вел переговоры о его сотрудничестве с 1846), составив т. н. «молодую редакцию» «Москвитянина».

В этом альянсе помимо практич. интереса обеих сторон отразились демократические лит. и культ. установки П. (еще в пов. 1825 «Нищий» он писал о своей «любимой ... привычке шататься в народе, присматриваться к лицам и образам ... прислушиваться к речам ... и поговоркам»), проявившиеся и в его расхождении с славянофилами, в интересе к этногр. мат.-лам и бытовому очерку из жизни разночинных слоев (см., в частности, очерки И. Т. Кокорева, сотрудника «Москв.» с 1846), а также в стремлении привлечь в ж.-л писателей круга «Отеч. зап.» — Д. В. Григоревича, И. С. Тургенева (их лит. выступления 40-х гг. соответствуют представлениям П. о самобытной рус. прозе), в публикации рассказа П. И. Мельникова-Печерского «Красильниковы», варьировавшего ситуацию «Черной немоции».

Несмотря на постоянные конфликты «молодой редакции» с П., происходившие от неупорядоченности внутриред. и денежных отношений (по выражению Григорьева, ж.-л «падал от адской скупости» П. — Григорьев. Восп., с. 309), энтузиазм членов «молодой редакции», публикация пьес Островского, прозв. А. Ф. Писемского, Полонского и лит. критика делают «Москв.» одним из центров лит. жизни нач. 50-х гг. Тогда же П. удалось привлечь новых сотрудников и в ученые разделы (М. М. Стасюлевича, Ф. И. Буслаева, А. Ф. Гильфердинга), а с др. стороны — постоянно публиковать мемуары своих «старших» сотрудников — А. С. Стурдзы, С. Аксакова, М. Дмитриева, «Дневник студента» С. П. Жихарева, явившиеся не только важными ист. мат.-лами, но и существ. литературным явлением эпохи.

Во время начавшегося распада «молодой ред. П. привлек П. П. Сумарокова (1855), а после вел переговоры с А. И. Кошелевым (1856), знакомым ему еще по об-ву Рачца; однако наладить выход ж.-ла не удалось (последние номера 1856 вышли в окт. 1857). Отзыва Григорьева за границу расстроил проект совместного с ним изд. «Москв.»; планы возобновления ж.-ла муссируются в их переписке, а в 1860 П. официально оформил передачу ж.-ла Григорьеву, однако его редактору воспротивилась цензура (А. А. Григорьев. Мат.-лы для биогр. П., 1917; ЛН, т. 86, с. 367—80). Попытку продолжить сотрудничество периода «молодого» «Москв.» стало издание «Утро. Лит. сборник» (совм. с Алмазовым; М., 1859), в к-ром приняли участие Е. Н. Эдельсон, Колошин и др.

В лет. 1853 П. вернулся из заграничного путешествия, обновившего

полит. впечатления 1840-х гг., твердо убежденным в необходимости войны с Турцией. Письмо А. Д. Блудовой от 7 дек. 1853, излагавшее его взгляд на совр. полит. ситуацию и имевшее успех в петерб. об-ве, положило начало т. н. «историко-полит. письмам и запискам» времен Крымской войны (позже составили 4-й т. Соч. П. под назв. «Историко-полит. письма и записки в продолжении Крымской войны 1853—1856» — М., 1874) и активной публ. деятельности. Особая популярность второго письма «Взгляд на рус. политику в нынешнем столетии» (апр. 1854), резко критиковавшего легитимист. принцип рус. внешней политики, определялась тем, что в нем (наряду с полит. статьями Тютчева, оказавшими на П. определенное влияние) отчетливо сформулирован тезис о противоположности интересов Европы и России как представительницы восточного русско-слав. мира.

Успех побудил П. вновь искать способов непосредств. полит. влияния, предлагая себя на службу, пытаясь официально представить письма императору и добиться разрешения на издание полит. газ. или ж.-ла, а в серии писем весны—лета 1854, развивая мысль о неизбежности столкновения с Австрией и Европой в целом, развернуть свою панславист. доктрину: освободив слав. племена и образовав слав. конфедерацию под покровительством России и со столицей в Константинополе (мысль о нем есть «средоточие», сокровенный смысл рус. истории), Россия выполнит свою миссию, осуществив от имени Вост. церкви то, чего не достиг Запад крестовыми походами (см.: «Настоящая война с т. з. Европейской истории», написано в июне 1854). Начало воен. столкновения с Европой вызывает патриотич. воодушевление П. (ст. о бомбардировке Соловецкого мон. — МВед, 1854, 14 авг.; перепеч.: «Москв.», 1854, № 15, и др. изд.); однако неудачи рус. армии и неоднократ. отзывы Николая I о письмах (Барсуков, XIII, 117—18) меняют их тон и тематику: в письме «О влиянии внешней политики на внутреннюю» (окт. 1854) он резко критикует «охранительное» направление текущего царствования, к-рое, не учитывая особенностей нац. истории и нац. характера и препятствуя рус. самобытному просвещению, лишь усиливает бюрократич. «язвы»; единственным же лекарством от них П. провозглашает «гласность» (см.: Соч., т. IV, с. 267).

Надежды П. на непосредств. полит. роль оживило восшествие на престол в февр. 1855 Александра II; он намеревается просить аудиенции и пишет новую серию статей, в т. ч. записку о гласности «Царское время» (17 апр. 1855; опубл.: «Рус-

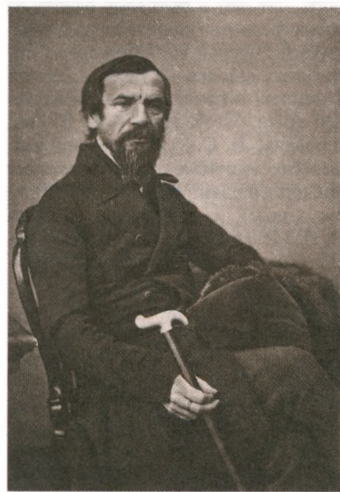
ский», 1868, л. 12), описание посещения Москвы Государем (МВед, 1855, 10 сент.; с 30-х гг. подобные описания являлись для него поводом выражения своего москвофильского патриотизма). Однако позиция П. вскоре вновь приходит в противоречие с офиц. внешней политикой; терпят неудачу неоднократные попытки публикации полит. писем в 1856—58. Опубл. по совету Тютчева за границей «Письма и статьи о политике России в отношении слав. народов и Зап. Европы» (ч. 1—3, Париж—[и др.], 1860—1861), письма в газ. «Le Nord» (1857, 11 авг., то же — МВед, 1857, 21 мая; 2-е — 17 ноя.; оба письма см. также: Соч., т. 5, М., 1876) и полит. ст. в «Рус. беседе» (1859, ч. 3, 4) и «Рус. газете» (1859, 15 июля) вызывают резкое недовольство властей, а ст. «Прошедший год в рус. истории» стала причиной закрытия газ. «Парус» («Парус», 1859, 10 янв.). Погодинское же письмо к мин. нар. просвещения о запрещении «Паруса» опубликовал герценовский «Колокол» (1859, 15 июня). [О противоречивом отношении П. к эмигрант. периоду Герцена, к-рого он призывал в 1865 и 1867 гг. «покаяться» и вернуться в Россию (на что тот ответил теплым письмом от 13 авг. 1867), см. его ст. «А. И. Герцен» («Заря», 1870, № 2), «превосходный», по определению Ф. М. Достоевского (XXI, 8); статья-некролог включала перепечатку его «Дорожных записок 1865 г.» о непредвиденной встрече и беседах с Герценом в Швейцарии (опубликовано: «Русский», 1867, 10 апр.).]

Общественно-публиц. деятельность П. кон. 1850—1860-х гг. чрезвычайно интенсивна: помимо организации торжеств, обходов Крымской войны (совм. с В. А. Кокоревым, с к-рым близкался) (см.: «Москв.», 1856, № 1) и другим обществ. и культ. деятел. (в частности, по случаю юбилея Шенкина — «Москв.», 1855, № 21/22; см. также: Соч., т. 3 — «Речи, произнесенные П. в торжества и прочих собраниях. 1830—1872», М., 1872) П. подает многочисл. «записки» по разл. вопросам гос. и обществ. жизни, в т. ч. о цензуре, о железных дорогах, о должности инспектора студентов. Особое значение придавал письму к Титову, ставшему воспитателем вел. князя Николая Александровича; однако его публ. в «Рус. заграничном сборнике» (ч. 1, тетр. 3, Париж — и др.), 1858, вызвала резкую реакцию при дворе и способствовала удалению Титова от места.

Новый всплеск публиц. активности связан с полит. событиями нач. 60-х гг.: освобождением крестьян (энтузиастич. отношение П. проявилось в книжке «Красное яичко для крестьян от М. Погодина» (СПб., 1861, цр. 21 апр.), благожелательно разъяснявшей намерения правительства; она включала две короткие статьи: «Судия о решении крестьянского вопроса» (ранее опубл.: СП. 1861, 28 февр.), «5-е марта в Москве» (дезь обнаружения манифеста) и растроганно-благодарную, написанную нар. языком «Граммотку» (первонач. публ.: СПбВед, 6, 21 апр.), призывавшую к «всесоюзному» единству в момент ист. до мирного сдвига в социальном укладе России; Герцен обронил о книжке: «детский бред» (XV, 136), Н. Г. Чернышевский отозвался иронически (VII, 710). Достоевский признал ее «неудавшейся» для «народного чтения» (XIX, 21)], польскими волнениями 1861—63 (запре-

шненное цензурой «Послание полякам» и др. статьи — см.: МВед, 1863, 17, 24 июля, 20 авг.), а также с деятельностью П. в качестве гласного Моск. гор. думы (ст. и речи о разных предметах гор. хозяйства, напр. «речь о газовом освещении»; частично собраны в сб.: «Утро», М., 1866). Характеризуя свою публиц. деятельность только за 1861, П. писал Шевыреву 4 мая, 1861: «Всего читать ты не мог, потому что оно рассыпано по всем изданиям ... Дон-Кихотство мое кажется мне самому подчас смешным; но грешно, кажется, и молчать» (РА, 1883, кн. 1, с. 119).

Хотя все попытки П. вступить в службу с 40-х гг. терпят неудачу, верный романтич. идеалам 30-х гг., он стремится сформулировать русскую национальную гос. идеологию в духе собств. историко-полит. теорий; его архаичная позиция предопределила, с одной стороны, восприятие П. мн. западниками как официозного публициста (ср. замеча-

М. П. Погодин. Конец 1850-х гг.

ние Герцена от 15 июня 1861: «Правительство [Александра II] ... поддерживаемое штыками и статьями П.» — XV, 107), а с др., напротив, — постоянные ценз. сложности и недовольство им в правительственных кругах.

Не встретили сочувствия и итоговые ист. соч. П.: «Норманнский период рус. истории» (М., 1859; рец.: К. Н. Бестужев-Рюмин — ОЗ, 1859, № 12; Н. А. Добролюбов — «Совр.», 1860, № 1), «Древняя рус. история до монгольского ига» (т. 1—2, М., 1871; см. также: «Обозрение древней рус. истории до татар» — «Заря», 1871, № 1; рец.: Бестужев-Рюмин — ЖМНП, 1872, № 5; П. Н. Полевой — СПбВед, 1872, 31 марта; И. Беляев — РВ, 1873, № 4). Научный темперамент П. преим. направлен на уточнение и отстаивание своих ист. концепций перед лицом новой, скептически-враждебной к нему эпохи в историографии (см.: «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?» —

РусБ, 1858, т. 4; «Царь Иван Васильевич Грозный» — в кн.: Архив ист. и практич. сведений, относящихся до России [за 1859], кн. 5, СПб., 1860).

Принципиальное значение для П.-историка имели: защита «норманнской теории» происхождения Руси [полемика со «жмудской» теорией Н. И. Костомарова закончилась публичным диспутом в 1860: РСл, № 4—5; СП, 24 марта; МВед, 24 марта; РусБ, [т. 1]; «Совр.», № 3, 5; см. также: «Геденов и его система о происхождении Варягов и Руси» («Зап. АН», прил., 1864, т. 6, № 2) и «Борьба не на живот, а на смерть с новыми ист. ересями» (М., 1874)]; полемика с «украинофилами» о др.-рус. яз., к-рый П. считал ближайшим к церк.-славянскому, а т. о. — и к «коренному» слав. наречию (обширная полемика с И. И. Срезневским и Максимовичем в «Рус. беседе», «Москв.» и др. изданиях 1856—57); и особенно — отстаивание своей «срединной» позиции в отношении Петра I («Петр Первый и национальное, органическое развитие» — РВ, 1863, № 7; см. также: РВ, 1875, № 4).

Вновь обращаясь к следств. делу царевича, П. хотел разрешить противоречия, перед к-рыми, по его мнению, остановился в работе над Петром Пушкин, и считал казнь царевича «искупит. жертвой», проложившей грань между старой и новой Россией: «Суд над царевичем Алексеем Петровичем» (РусБ, 1860, [т. 1]; статья имела большой резонанс: первонач. читана в ОЛРС 2 февр. 1860, в марте публичное чтение в Петербурге в зале Пассажа — см.: РСл, 1860, № 4, и др.) и в экстраординарном заседании АН. Итоги занятий первым периодом царствования Петра I П. подводит в основанном на источниках (в частности, открытом им «Дневнике П. Гордона») сочинении «Семнадцать первых лет в жизни Имп. Петра Великого» (М., 1875; положит. рец.: Е. Белов — «Древняя и Новая Россия», 1875, № 10, с. 185—92; ZZ — МВед, 1875, 22 июля).

Важной для П. остается слав. тема: он участвует в составлении с Хомяковым и Самариным «сборного послания к сербам» (Хомяков, I, 377—408), в организации празднования 1000-летия слав. письменности (см. «окружное послание» «К славянам» — газ. «Наше время», 1862, 6 мая), а также в работе слав. комитетов (Никитин С. А., Слав. комитеты в России в 1858—1876 гг., М., 1960, ук.).

В 1859 П. активно содействует возрождению ОЛРС, а после смерти Хомякова становится председателем общ-ва (1860—1866), стремясь совместить в его занятиях историко-лит. и обществ.-полит. направленность. Однако наиб. значительной предстает его мемуарно-публикаторская деятельность — публикации биогр. материалов и восп. о Пушкине, Гоголе, Шевыреве, Одоевском и мн. других лит. друзьях (печатались в «Москв.», «Рус. архиве» и др. ж-лах). Естественно продолжали мемуарные выступления сочинения, посв. деятелям александровской эпохи: «А. П. Ермолов: Мат-лы для его биографии» (М., 1863) и «Н. М. Карамзин, по его соч., письмам и отзывам современников. Мат-лы для биографии»

(ч. 1—2, М., 1866; первонач. — в периодике: «День», 1865, № 29; ВЕ, 1866, т. 2, и др.; рец. — ОЗ, 1867, март, кн. 1) — фундаментальный труд, канонизировавший образ Карамзина как первого рус. национального историографа. Построенные как монтаж ист. документов, работы о Ермолове и Карамзине представляли новый жанр ист. биографии и вместе с тем отражали позицию П., живого представителя прошлой эпохи, активно отстаивавшего ее дух и мировоззренческую основу перед лицом новой. Все это предопределило, в частности, значит. интерес Л. Н. Толстого к ист. мат-лам и соч. П. в период работы над «Войной и миром». В свою очередь П., несмотря на мн. критич. замечания, восторженно отзывался о романе, находя в нем верное изображение того самобытного рус. духа, к-рый «встречается deus ex machina в Рус. истории» (см.: «Из „Петерб. заметок“ П.» — ЛН, т. 97, кн. 2, с. 28, публ. А. Л. Осповата; Толстой, LXI, 55, 195—196, 207—08; ХХХIII, 148; Эйхенбаум Б. М., Л. Толстой. Кн. вторая..., Л.—М., 1931, с. 248—50, 326—41, 347—49; Гусев Н. Н., Л. Н. Толстой. Мат-лы к биографии..., М., 1956, с. 829).

Характерное для П. тех лет соединение мемуарно-публикаторских выступлений и полемической со совр. обществ. жизни публицистики определило облик издаваемой им «полит. и литературной» газ. «Русский» (в 1867 — еженедельно, в 1868 — ежедневно), состоявшей почти исключительно из его авторских мат-лов и не имевшей (как и прежние его периодич. издания) читательского успеха (в 1867 газ. одобрял Достоевский [см. ЛН, т. 86, с. 406], а в 1872—73 печатал аналогичные статьи П. в своем «Гражданине», в частности ст. «К характеристике Белинского...», (1873, № 9), к-рую считал «превосходною вещью» (ХХIX, кн. 1, 261)).

В 1873 П. издает задуманную еще в кон. 30-х гг. «Простую речь о мудреных вещах» (М.), посв. интересующим его с юности таинственным явлениям обыденной жизни («явлениям мира невидимого»: собрание свидетельств такого рода составляет осн. часть книги, а восходящий к интеллектуальной атмосфере романт. эпохи (интерес к магнетизму, ясновидению, предсказаниям и т. п.) ее пафос актуализирован полемикой с совр. рационализмом «наших философов, нигилистов и прогрессистов» (с. 47; полемич. разделы опубл. первонач. в газ. «Русский» — 1868, № 68—73).

Сочувственные реплики Достоевского (в письме П. от 26 февр. 1873: «много такой вспышки при чтении гранок „Речи“»; см. также косвенные отклики в черновиках «Дневника писателя» — ХХV, 261—65, 461) соседствовали со сдержанно-укорит. рец. Н. Н. Страхова, ва-

рировавшей давние упрёки сочинениям П. («нечеткость и неясность в понятиях», пренебрежение к «системе и иск-ву и форме» изложения — «Гражданин», 1873, 22 окт.). Учитывая критику Страхова, а также письма, отзывы нек-рых ученых, читавших «Речь» в гранках, П. во 2-м изд. (М., 1874) переконполювал мат-лы, выделил три раздела: «нравственно-духовные афоризмы», собственно — «случаи» философам для объяснения и полемик. публицистика. В 1875 выпустил «Сб-ж, служащий дополнением к „Простой речи о мудреных вещах“» (М.), включивший разнородные статьи и заметки (в т. ч. целую работу «О преподавании детям Евангельской истории», заметки о картинах Н. Н. Ге); тогда же вышло 3-е изд. «Речи» (М.).

В неумолимой и необычайно обширной деятельности П., многочисл. лит. и издат. предприятиях, как правило вызывавших противоречивую реакцию критики и даже друзей, проявилось причудливое сочетание романтич. колорита его «энтузиастической» личности, представления о «предварительном» характере совр. эпохи рус. просвещения и неизбывное стремление повысить свой социальный статус, определявшие жизненную стратегию П. еще с ун-тской скамьи. Вместе с тем исключит. широта круга интересов, деятельности и знакомств превращают его в одну из центральных фигур рус. лит. и обществ. жизни сер. 19 в., а его архив — в своеобразную энциклопедию эпохи. На мат-лы уникального архива опирается фундамент. труд Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (кн. 1—22), охватывающий 1820—60-е гг. и включающий многочисл. свидетельства и письма (часто во фрагментах) как самого П., так и его современников.

Др. произв.: «Восп. о Хомякове» (РусБ, 1860, ч. 2), «К. С. Аксаков. Некролог» (там же), «Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия (Борисова)» (М., 1867), «Нигилистам» (там же, № 68), «Эмансипация женщины» (там же, № 101), «Иерусалим, из дорожных записок» («Русский», 1868, № 3/4, 5/6, 7/8, 12, 14, 15, 18).

Изд.: Соч., т. 1—3, 1872, т. 4, 1874, т. 5, 1876 (все — М.; каждый под собств. названием); Повести. Драма, М., 1984 (сост., вступ. ст. и прим. М. Н. Виролайн); Точка в дневнике и восп. П. — ЛН, т. 97, кн. 2 (вступ. ст., публ. и комм. Л. Н. Кузиной); Ист. афоризмы [не полностью]. — В сб.: Тайны истории. П., Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский о пользе ист. знаний, М., 1994; О «Кавказском пленнике». — В кн.: Пушкин в прижизненной критике 1820—1827, СПб., 1996 (ук.); Восп. об А. М. Бухареве (Архимандрит Феодор) [1874] — в антологии: Архимандрит Феодор... Pro et contra, СПб., 1997 (ук.; сост. Б. Ф. Егоров).

Письма А. И. Герцену — «Заря», 1870, № 2; М. А. Максимовичу — в кн-гах: Юбилей Максимовича, К., 1871, и Сб. ОРЯС, 1882, т. 31, № 2; А. Х. Востокову — Сб. ОРЯС, 1873, т. 5, в. 2; С. П. Шевыреву — РА, 1882, № 5—6, 1883, № 1; РЛ, 1962, № 1 (в ст. о В. Г. Белинском); О. М. Бодянскому — ЧОИДР, 1884, кн. 3 М., 1885; Иннокентию Борису — в кн.: Письма разных лиц... архиепископу Иннокентию Борису, М., 1889; Митрополиту Иннокентию — «Зап. одес. ОИДР», 1889, т. 15; П. А. Плетнев — Грот и Плетнев (ук.); В. А. Жуковскому — РА, 1899, № 10; П. А. Вяземскому — в кн.: Письма П. С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к кн. П. А. Вяземскому 1825—74 гг., СПб., 1901 (предисл. и прим. Н. П. Барсукова);

М. Н. Загоскину — РС, 1902, № 8; В. Ф. Одоевскому — РС, 1904, № 3; М. С. Шелкину — РС, 1913, № 11; А. Н. Островскому — в кн.: Неизд. письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова и др. Из архива Островского, М.—Л., 1932; С. Т. Аксакову — в кн.: Аксаковские чтения, в. 1, Абрамцево, 1988. Переписка П. с А. С. Пушкиным — в кн.: Пушкин. Переписка (ук.); с Н. В. Гоголем — в кн.: Переписка Н. В. Гоголя, т. 1, М., 1988; с В. И. Далем — альм. «Лица», т. 2, М.—СПб., 1993. Письма к П. А. А. Григорьеву — в кн.: А. Григорьев. Мат-лы для биографии, П., 1917; «Уч. зап. гос. Тартус. ун-та» 1973, в. 306; 1975, в. 358; Н. В. Гоголь — Гоголь, X—XIV; А. Н. Островского — Островский, XIV; А. С. Пушкина — Пушкин. Письма, [т. 4], Письма последних лет (ук.); Н. И. Надеждина — ЗапБГЛ, в. 39, М., 1978, см. также: Муратова (1); о «Письмах к П. из слав. земель. 1835—61», в. 1—3, М., 1879—80; о письмах П. в изд. Н. П. Барсукова; о письмах к П. в изд.: ЛН, т. 16/18, комм. М. Я. Цвильовского).

Биогр. мат-лы: Автобиография. — Сп. профессор М. Моск. ун-та; Барсуков; Пушкин; Пушкин. Письма, [т. 4]; Пушкин в восп., т. 2; Полеской. Мат-лы: Гоголь; Белинский; Герцен; Некрасов; Тургенев; Островский; Некрасов; Анненков; Толстой; Добролюбов; Достоевский; Моск. ун-т в восп. (все — ук.); М. С. Шелкин. Жизнь и творчество, т. 1—2, М., 1984 (ук.); Аксаков И. С., Письма к родным. 1844—1849, М., 1988; его же, Письма к родным. 1849—1856, М., 1994 (обе — ук.); Писемский А. Ф., Письма, М.—Л., 1936 (ук.); Соловьев С. М., Избр. труды. Записки, М., 1883 (ук.); Крапивина С., Знакомство мое с П. — «Пчела», 1876, № 1; Бодянский О. М. В памяти П. — ЧОИДР, 1877, кн. 3; Смирнов М. П., Воспоминание о П. — ИВ, 1885, № 5; Бусулаев Ф. И., как профессор. — В его кн.: Мои досуги, ч. 2, М., 1886; его же, Мои восп., М., 1897, с. 127—29, 242, 336—67; Арсеньев И., Слово живое о неживых. — ИВ, 1887, № 3; Галахов А. Д., Погодин. — ИВ, 1889, № 8; его же, Сороковые годы. — ИВ, 1892, № 2; Берг Н. В., Посмертные зап. — РС, 1891, № 2, с. 235, 243—44, 252—54, 270—76; Погодин Д. М., Из восп. — ИВ, 1892, № 4; РВ., 1895, № 10, с. 163—89 (В. В. Розанов о личности П.; вошло в его кн.: «Религия и культура»); Бартев П. И., Неск. слов в воспоминание о П. — РА, 1900, кн. 3; Потехин А. А., Восп. о П. — Сб. ОРЯС, 1901, № 6; Чавс Н. А., Восп. о П. — ИВ, 1901, № 1; Языков Д. Д., М. П. Погодин, М., 1901; Егоров А. Е. (Конспаров), Страницы из прошлого, т. 1, Од., 1913; Линиченко И. А., Погодин. — В его кн.: Речи и поминки, Од., 1914; Цвильовский М. А., Пушкин по док-там погодинского архива. — В кн.: Пушкин и его современники, в. 19/20, П., 1914; а. 23/24, П., 1916.

Лит.: Григорьев. Критика; Григорьев. Эстетика (обе — ук.); Пыпин А. Н., Характеристика лит. мнений от 20-х до 50-х гг. СПб., 1873, гл. 4—5; Пономарев С. П. в его отношении к Киеву. — «Кислянин», 1876, 20—27 янв.; Попов Н. А., Доп. к биогр. П. — «Моск. ун-тские изв.», 1871, № 9; его же, П. как слав. публицист. — «Родное племя. Сб. в пользу славян Балканского полуострова...», кн. 2, М., 1877; Козлович М. О. История рус. самосознания по ист. памятникам и научным соч., М., 1884; Иониников В. С., Опыт рус. историографии, т. 1 (кн. 1—2) — 2 (кн. 1—2), К., 1891—1908; Милуков П. Н., Гл. течения рус. ист. мысли, т. 1, М., 1898, с. 368; Ашевский С. [Столяров М. Н.], Полит. письма П. — «Обр.», 1900, № 12; Кирпичников А. И., П. и Н. В. Гоголь (1832—1852 гг.). — РС, 1901, № 1; Ключевский В. О., М. П. Погодин. — В его кн.: Неопубл. произв., М., 1983 (то же: Соч. в 9 томах, т. 7, М., 1989, с. 280—97); Кондаков Н. П., П. как археолог — Сб. ОРЯС, 1901, т. 71, № 4; Корсаков Д. А., О. И. Сенковский и П. как журналисты, Каз., 1902; Лялев М. И., П. как профессор и историк. — В кн.: Сб. Ист.-филол. об-ва при ин-те кн. Безбородко, т. 4, Нежин, 1903, т. 4; Крымский А. Е., Филология и Погодинская гипотеза, К., 1904; Кузмин С. К., Россия и рус. народ в характеристике П., СПб., 1908; Тишинская Е. П., и Зубричкова. — «Записки Научного товариства им. Шевченка», Львів, 1912, кн. 4; Казанович Е. П.,

К истории спущений Гоголя с П. (Новые мат-лы). — Временник ПД, 1914, П., [1915]; Плеханов Г. В., П. и борьба классов. — Соч., т. 23, М.—Л., 1926; Францев В. А., П. и Фр. Палацкий, Прага, 1928; Варнеке Б. В., П. и Островский — Сб. ОЯС, т. 101, № 3; Флоровский (ук.); Рубинштейн Н. Л., Рус. историография, М., 1941; Тойбин И. М., Пушкин и П. — Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та, 1956, в. 5; его же, Пушкин и философско-ист. мысль в России на рубеже 1820 и 1830 гг., В., 1980; Серман И. З., Пушкин и рус. ист. драма 1830-х гг. — Пушкин. Иссл., т. 6, Л., 1969, с. 125—29, 132—34, 148; Рус. пол. XIX в., История и проблематика жанра, Л., 1973 (ук.); Михельсон В. А., «Путешествие» в рус. лит-ре, Р.ИД., 1974, с. 69—74; Возникновение рус. науки о лит-ре, М., 1975 (ук.); Терещенко В. К., П. в обществ.-идейной борьбе 30—50-х гг. XIX столетия, М., 1975 (автор. канд. дис.); сс же, П. и споры западников и славянофилов в 1840-х гг. — В кн.: Проблемы истории СССР, сб. 5, М., 1976; Колесник И. И., П. об «Истории России» С. М. Соловьева. — В кн.: Нек-рые проблемы отеч. историографии и источниковедения. Сб. науч. трудов [2], Днепропетровск, 1976; Лакшин В. Я., А. Н. Островский, М., 1976, с. 128—41, 164—79, 426—45; Осовцов С. М., П. — рецензент Пушкина. — РЛ, 1976, № 2; Цамутали А. Н., Борьба течений в рус. историографии во 2-й пол. XIX в., Л., 1977 (ук.); Проценко Е. Г., Рус. критика 40—50-х гг. XIX в. о жанре путешествия. — В сб.: Поэтика жанра, Орджоникидзе, 1980, с. 145—146; Капитанова Л. А., Жанровое своеобразие пов. П. «Черная немочь». — В сб.: Проблемы жанров в рус. лит-ре, М., 1980; сс же, Жанр повести в творчестве П. (20—30-е гг. XIX в.), М., 1981 (автор. канд. дис.); Вацура (1); Вацура В. Э., Ист. трагедия и романт. драма 1830-х гг. — В кн.: История рус. драматургии XVII — 1-й пол. XIX в., Л., 1982; Эйделсман Н. Я., Пушкин и его друзья под тайным надзором. — ВЛ, 1985, № 2; Осповат А. Л., П. о Лермонтове в 1838. — В кн.: Лермонтовский сб., Л., 1985; Розанова С., Толстой и пушкинская Россия. — ВЛ, 1986, № 1; Ломо-

ва Е. А., Ирония в рус. повествоват. прозе 20—40-х гг. XIX в. (На мат-ле повестей Одоевского, Павлова, Сомова и П.). — В сб.: Жанрово-стилевые искания и лит. процесс, А.-А., 1988; Досталь М. Ю., Славистика в ун-тских курсах П. — «Слав. филология», Л., 1988, в. 6; Козлов В. П., «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников, М., 1989 (ук.); Пронштейн А. П., Источниковедение в России, Р.ИД., 1988; Тарасов Б. Н., Чаадаев, М., 1990, с. 64, 351, 397, 422—23 и др.; Цимбас Н. И., С. М. Соловьев, М., 1990 (ЖЗЛ), с. 63, 68, 97—102, 136, 142—44, 150—153, 164—68 и др.; Анненкова Е. И., Н. В. Гоголь и Погодин. Эволюция творч. отношений. — В кн.: Н. В. Гоголь. Проблемы творчества, СПб., 1992; Умбрашко К. Б., Дневник П. как источник для реконструкции его биографии, Новосибир., 1992; его же, М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист, М., 1995 (автор. докт. дис.); Петров Ф. А., Погодин и создание кафедры рос. истории в Моск. ун-те, М., 1995; Рогов К. Ю., К истории «моск. романтизма»: Кружок и гос-во С. Е. Рача. — «Лотмановский сб.», 2, М., 1997; ЛН, т. 55, 56, 58, 59, 60 (кн. 1), 62 (кн. 2), 67, 73, 79, 83, 88, 97.

Библ.: Бартенев П., Ук. статей и мат-лов по истории, словесности, статистике и этнографии России, помещенных в «Моск.» за 1841—1853 гг. — «Временник ОИДР», 1855, кн. 21; (Погодин М.), Хронологич. список соч. и пер. П., составл. по желанию ОЛРС (Посв. моим лит. врагам и одному нелитературному). — газ. «Русский», 1868, № 12; его же, Книги, изданные П. — там же, № 14; Пятидесятилетие гражд. и ученой службы П. (1821—1871), М., 1872; Дворецкая Н. А., Каталог собр. автографов П., Л., 1960; История ист. науки в СССР. Докт. таб. периода. Библ., М., 1965; Понкова Н. А., «Моск. Вестник». Журнал, изд. П. 1827—1830. Ук. содержания, Саратов, 1991; Рукоп. книги, собранные П., в. 1—2, Л.—СПб., 1988—92; Иванова Кл., Български, сръбски и молдовлахийски кирилски ръкописи в сбирката на П., София, 1981; Каталог биб-ки П., М., 1993 (сост. И. И. Ковригина и др.). — Некрологи: РВ, 1875, № 12;

ВЕ, 1876, № 1 (М. Стасюлевич); «Древняя и Нов. Россия», 1876, № 2 (К. Бестужев-Рюмин); «Правосл. обозр.», 1876, № 2 (И. Аксаков); РБС (Д. Корсаков); Сл. ОЛРС; Геннади; Межов; Гранат (М. Н. Покровский); СИЭ; Черейский; Рус. писатели (В. Н. Некрасов); Боград. «Совр.», Боград, ОЗ (1; 2); ИДРДВ; Лерм. энц.; Клейменова; Смирнов-Сокольский; Муратова (1; 3).

Архивы: Козьменко И. В., Архив П. — ЗапБЛ, в. 11, 1950, с. 39—54; РГБ, ф. 231; РГАЛИ, ф. 373; РНБ, ф. 588; РГИА, ф. 1108; ИРЛИ, ф. 26 [в т. ч. автобиограф. 1848 г.; переписка с женой (1835—43 гг.); письмо Николаю I; письма С. П. Шевырева (134; 1829—1863 гг.); 2 письма Ф. Гизо]; там же письма П.: ф. 18 (П. И. Бартенев; 1840—55, б. д.); ф. 90 (В. И. Даль; 1842—54, б. д.); ф. 93 (П. Я. Дашков; 1839—60, б. д.); ф. 158 (Лонгиновы; 1859—1871, б. г.); ф. 205 (А. В. Никитенко; 1835—55; творч. мат-лы о П.); ф. 234 (П. А. Плещеев; 1841—62); ф. 244 (А. С. Пушкин; письма П. и к П., статьи — 1827—36 гг.); ф. 265 (ж. «Рус. старина»; лекции, статьи, письмо П. и др.); ф. 274 (М. И. Семевский; 1860—72); ф. 293 (М. М. Стасюлевич; [1866]—1873); ф. 357 (В. И. Яковлев; 1867—74, б. д.); ф. 652 (Н. В. Гоголь; письма П. и к П., 1841—67, б. д.); ф. 677 (Е. А. Бобров; письма б. д., автографы); [там же во мн. фондах, разрядах (I, II, III) и документах, хранящихся под инвентарными номерами, имеются письма П. к И. С. Аксакову, П. В. Анненкову, Г. Н. Геннади, М. Н. Каткову, А. А. Красковскому, М. Н. Лонгинову, А. Н. Майкову, А. С. Норову, А. Ф. Писемскому, К. С. Сербиновичу, И. М. Снегиреву, Н. Г. Устрялову, Н. Ф. Щербине и письма к П.: А. Н. Верстовского, Н. А. Добролюбова, А. Н. Майкова и мн. других]; СПбФИРИ РАН, ф. 107; ГИМ, ф. 280 (см. также: ГИМ. Путеводитель по фондам личного происхождения. Отдел письменных источников, М., 1967, ук.); НБ Каз. ГУ; ГАРФ, СА, оп. 1, д. 93, 1141, 1632, 1804, 1808, 1883, 1944, 2030, а также ряд дел в оп. 2 и 3 (везде выписки из писем 2-й пол. 20-х—60-х гг. Погодина и к Погодину).

К. Ю. Позов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ И УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В РОССИИ XIX — НАЧ. XX ВВ.

Адекватное понимание биографий, а нередко и творчества русских писателей 19 — нач. 20 вв. требует, как в этом уже неоднократно убеждались читатели настоящего издания, учета многочисл. реалий тогдашней жизни. Среди различного рода особенностей гос. и обществ. устройства дореволюционной России далеко не последнее место (а для литературной деятельности, быть может, и одно из первых) занимает система образования и учебных заведений. Вопросы социального статуса русских писателей, определявшиеся наличием у них свидетельств об окончании тех или иных учебных заведений, уже затрагивались в приложении ко 2-му тому данного Словаря (см., напр., разделы Гражданская служба, с. 598—99, Военная служба, с. 595—97 — наст. изд., т. 2, М., 1992; Приложения). В данной статье рассматриваются вопросы структуры, содержания обра-

зования в различных типах (гос., обществ., частных) учебных заведений Рос. империи 19 — нач. 20 вв., круг учебных дисциплин — как общеобразовательных, так и специальных — и объем знаний, получаемых в этих учебных заведениях, а также в какой-то мере системы воспитания. При этом необходимо учесть, что домашнее образование, равно как и самообразование, в рассматриваемый период зависели от господствующей системы образования и в значит. мере определялись требованиями к выпускникам казенных или частных учебных заведений. Нетрудно заметить, что эти вопросы имеют самое непосредственное отношение к формированию и пониманию внутреннего мира писателя, его кругозора, этических и идейных основ его творчества, а также отраженному в его сочинениях жизненному материалу.

СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце 18 в. в России в дворянской среде преобладало домашнее воспитание, причем если у аристократич. верхушки оно предполагало порою довольно высокий уровень знаний, хотя и не всегда систематических, а также зачастую дополнялось заграничным образованием, то у основной дворянской массы нередко ограничивалось элементарной грамотностью, в лучшем случае при знании иностранных языков (гл. обр. французского). Систематич. образование дворянам давали только кадетские корпуса (Сухопутный шляхетный и Морской) и Пажеский корпус. Отдельные случаи отправления в «чужие края» молодых дворян не меняли дела. У купечества, мещанства и тем более у крестьян образование сверх элементарной грамотности, получаемой дома, у мастериц и у церковного дьячка, как правило, отсутствовало. Единств. сословием, для которого образование носило обязательный характер, было духовенство, дети которого получали воспитание в духовных семинариях, а высшее образование — в духовных академиях. Светское образование считалось необходимой принадлежностью только «ученого сословия». При этом, однако же, начиная с Екатерины II существовала система учебных заведений на основе принятого в 1786 Устава народных училищ. По этому Уставу в губернских городах учреждались всесословные главные народные училища, а в уездных — малые училища. Первые играли роль средних учебных заведений, вторые — начальных и служили предварит. ступенью для подготовки к первым. Высшее образование давал основанный в 1755 Московский университет, но системной связи среднего образования (в основном предполагавшегося самодостаточным) с высшим не было. Образование в Пажеском и кадетских корпусах — закрытых учебно-воспитательных заведениях, равно как и в женском Смольном институте, совмещало среднее и высшее. Большинство народных

училищ, как главных, так и малых, числилось только на бумаге.

Существовали также сословно-профессиональные учебные заведения, например горнозаводские школы, предназначенные для подготовки специалистов в узкой области.

Начало более упорядоченной образоват. системе было положено созданием Министерства народного просвещения (учреждено наряду с другими министерствами в 1802) и учебных округов (на которые делилась вся Рос. империя) вместе с основанием университетов Казанского и Харьковского в 1804, позднее — Санкт-Петербургского (Петербургского; здесь и далее Санкт- в официальных названиях многих учреждений опускается, как и в предыдущих томах Словаря), по мысли законодателя — методич. и административных центров. В 1803 приняты *Предварительные правила народного просвещения*, а в 1804 — *Университетский устав и Устав учебных заведений, подведомых университетам и попечителям округов*. Отныне низшее образование базировалось на системе *приходских и уездных училищ*, учреждаемых вместо прежних малых народных (здесь и далее выделенные курсивом или разрядкой учебные заведения рассматриваются ниже в соответствующих разделах). Смотритель уездного училища являлся в то же время начальником приходских училищ данного уезда. В каждой губернии взамен главных народных училищ создавались *губернские училища* или *гимназии* (последнее название на практике возобладало), причем директор гимназии становился одновременно и директором народных училищ всей губернии. Система общегражданских всесословных учебных заведений предусматривала начальные учебные заведения как подготовительную ступень к средним, а средние — к высшим (целью гимназий Устав определял подготовку к слушанию университетских курсов). Наряду с этими учебными заведениями

ми существовал ряд специальных, сословно ограниченных заведений, являвшихся часто средними или совмещавшими в себе тип среднего и высшего учебного заведения (благородные пансионы, лицей).

Изданный в 1828 новый Устав изменил положение гимназий, приходских и уездных училищ, а также и частных учебных заведений. Этот Устав усилил сословное начало в образовании. Каждое из перечисленных заведений оказывалось замкнутым и самодостаточным. Продолжительность гимназич. курса увеличивалась до 7 лет, включая курс начального образования, так что для поступления в гимназию отныне не требовалось окончания уездного училища, окончание же последнего не давало права поступления в гимназию. Одновременно при гимназиях открывались *благородные пансионы* для детей дворян, а во многих губерниях — *дворянские институты* с сокращенным гимназич. курсом (продолжительность обучения 5 лет).

С 1835 университеты были устранены от управления гимназиями, а гимназии от управления уездными училищами.

Наряду с казенными учебными заведениями продолжали действовать различные частные и общественные (пансионы и др.), но они были подчинены правительственному контролю. Во всех типах учебных заведений студенты делились на *свокоштных*, обучавшихся на свой счет, и *казеннокоштных* (бедные дворяне, разночинцы, учившиеся на казенные деньги). Учащиеся и студенты имели и др. источники финансирования: научные сообщества, премиальные фонды, субсидии дворянских собраний (в губерниях), местные поощрительные фонды, а также пожертвования и стипендии частных лиц.

В 30—40-е гг. 19 в. получили также распространение различные сословные учебные заведения — как низшие, так и средние. Это *училища для детей канцелярских служащих*, училища Удельного ведомства, *горнозаводские училища* и т. п., дававшие начальное или среднее (среднее специальное) образование детям лиц определенных сословий и рода службы, с расчетом на продолжение ими занятий своих родителей.

После административной и школьной реформ нач. 19 в. шел процесс формирования высших учебных заведений, главной задачей которого была подготовка чиновников для гос. службы. Начиная с 1831 в России стали открываться *институты* и близкие к ним по типу учебные заведения: Технологический институт, Институт гражданских инженеров, Институт инженеров путей сообщений и т. д. (к 1851 в России было св. 3200 студентов; профессоров и преподавателей — ок. 600). В то же время в связи с военизацией некоторых отраслей гражданского управления ряд высших технич. учебных заведений, например Горный институт (Горный кадетский корпус), имел военизированное устройство.

По Уставу 1871 окончательно было введено разделение средних учебных заведений на *классические гимназии* и *реальные училища*. При этом право на поступление в университеты давали только классическая гимназия и духовная семинария, реальное же училище оставляло своим выпускникам лишь возможность поступления в институты и др. специальные высшие учебные заведения.

Такое жесткое разделение среднего образования на классич. и реальное, закрывающее для выпускников реальных училищ путь в университеты, было предметом длительной и весьма бурной полемики в обществе. Реальное образование вообще, а естественные науки в частности стали лозунгом демократии, публицистики, воспринимавшей классич. образование с «мертвыми языками» как символ реакции и консерватизма. Противопоставление это не было, однако, связано с природой той или иной системы образования. Более того, на За-

паде, на пример которого ссылались сторонники классич. образования, указывавшие, что оно наиболее эффективно во всем мире, как раз классич. образование было очагом свободомыслия, а реальное, ориентированное на узко профессиональную подготовку, — спос

обом деидеологизации образования и насаждения конформизма. Если же говорить о собственно содержании этих двух систем (на уровне состава предметов и программ), то главными их отличиями были преподавание и роль древних языков, а также степень подготовки в области естественных и отчасти точных наук.

Программа советской средней школы 1930—60-х гг.

больше всего соответствовала программе именно реальных училищ, уступая последней в количестве и качестве изучения новых иностранных языков.

В результате земской реформы 1864 земствам было предоставлено право открывать различные учебные заведения, в т. ч. *сельские училища*, причем земства ведали этими училищами преим. в хозяйственном отношении, а программы преподавания и методич. руководство принадлежало Министерству народного просвещения (соответственно, учебным округам, директорам народных училищ). Положения 1864 и 1872 закрепили систему сельских (земских) и министерских) и городских начальных училищ (с предназначенными для подготовки педагогич. кадров учительскими институтами и семинариями).

Действовавшие наряду с земскими и министерскими *церковно-приходские школы* первоначально владели довольно жалкое существование. Но с начала 1880-х гг. Духовное ведомство стало претендовать на ведущее положение в сфере начального народного образования. С 1883 из сметы Министерства народного просвещения в Святейший Синод были перечислены средства на поддержку школ, а законами 1884 и 1891 руководство церковно-приходскими школами и *школами грамоты* было предоставлено Синоду.

Система начального и среднего образования для отдельных регионов и конфессий предусматривала специальные типы учебных заведений: училища в губерниях Киевской, Волынской и Подольской, училища в северо-западных губерниях, училища в прибалтийских губерниях, училища Кавказского округа, училища, преобразованные из церковно-приходских школ иностранных исповеданий, еврейские училища и др.

Характерными чертами этой системы было разделение типов и подчиненности учебных заведений по ведомствам и наличие своего рода туловых вариантов. Так, окончание начальных училищ не давало права на поступление в соответствующие классы средних учебных заведений. На последнее обстоятельство неоднократно указывали как деятели народного образования, так и земства. Отчасти такое положение устранялось учреждением в 1912 *высших начальных училищ*, дававших более углубленную подготовку сравнительно с городскими училищами и предоставлявших своим выпускникам право на поступление в соответствующие классы гимназий и реальных училищ.

Средние и начальные общеобразовательные учебные заведения были в пореформенное время всеобщими, но существовали ограничения по национально-вероисповедному принципу (пресловутая «процентная норма» для евреев с 1887).

Система в высших и средних учебных заведениях включала университеты, а также специальные высшие учебные заведения (институты, высшие училища). Ряд привилегированных учебных заведений (Училище правоведения, лицей), как правило закрытых и полузакрытых, для детей дворян, совмещал в себе среднее и высшее образование. Прием в каждое конкретное высшее учебное заведение зависел от наличия среднего образования того или ино-

го типа; имелись также ограничения по национально-вероисповедному признаку.

В целом кроме гимназий и реальных училищ право на поступление в высшие учебные заведения давали: *частные гимназии и реальные училища с дополнит. классом, пользующиеся правами правительственных гимназий и реальных училищ; коммерческие училища Министерства финансов и Ведомства учреждений императрицы Марии; средние промышленные училища (а также Комиссаровское училище) — по соответствующим специальностям; кадетские и Морской корпуса; духовные семинарии — исключая возможность поступления в университеты (кроме Томского); училища при церквях иностранных исповеданий в Петербурге и Москве — для окончивших курс гимназического и реального отделений с дополнит. классом; Нижегородский (дворянский) институт императора Александра II; Гатчинский сиротский институт императора Николая I; гимназич. классы Лицея цесаревича Николая (Катковской лицей в Москве); Коллегия Павла Галагана в Киеве; гимназич. классы Лазаревского института восточных языков; Московская практическая академия коммерческих наук; Лодзинское высшее ремесленное училище; Техническое училище Морского ведомства в Кронштадте; Военно-топографическое училище; Михайловское и Константиновское артиллерийские училища; Николаевское инженерное училище; Павловское и Александровское военные училища; Николаевское кавалерийское училище, а также Пажеский с.и.в. корпус.*

В земледельческих училищах некоторые из успешно окончивших курс с особыми свидетельствами получали право на поступление в высшие специальные учебные заведения Ведомств земледелия и гос. имуществ.

Отдельными замкнутыми и самодостаточными системами образования были женские учебные заведения, военно-учебные заведения и учебные заведения Духовного ведомства. Появившиеся в последнюю треть 19 в. и особенно активно развивавшиеся в нач. 20 в. высшие женские учебные заведения первоначально существовали на правах частных и не давали никаких особых прав. Впоследствии они стали давать выпускникам некоторые права, преим. на занятие педагогич. должностей в женских учебных заведениях.

В 60—70-х гг. 19 в. начали формироваться неправительственные высшие учебные заведения, возникшие по инициативе интеллигенции и финансовой помощи буржуазии; выпускники таких учебных заведений не получали права на чин и сословные привилегии. По инициативе Русского музыкального общества были открыты *консерватории* в Петербурге (1862) и Москве (1866). С 70-х гг. по инициативе и на средства общественности стали открываться *высшие женские курсы*. В Петербурге по инициативе профессоров Петербургского университета открыт *Археологический институт*. Система неправительственных высших учебных заведений университетского типа включала (помимо высших женских курсов, частных университетов и др.) *женские медицинские институты, педагогические, археологические, коммерческие*. В 1917 в неправительственных высших учебных заведениях обучалось свыше 70 тыс. студентов.

Частные учебные заведения подлежали правительственному надзору и делились на обладающие правами соответствующих казенных учебных заведений и не обладающие такими правами. Чаще всего они были ориентированы на определенные типы казенных учебных заведений (гимназии, реальные училища и т. д.).

Если в 18 — нач. 19 вв. домашнее образование играло ведущую роль, в дальнейшем его роль стала заметно снижаться. Одновременно содержание домашнего образования вынужденно стало ориентироваться на программы казенных учебных заведений. Будучи принадлежностью богатого дворянства (и лишь от-

части первостатейного купечества), домашнее воспитание, как правило, не поднималось выше среднего, так что поступление в высшие учебные заведения порождало необходимость сдачи экзаменов в объеме, соответствующем средним учебным заведениям, а получение необходимых для военной или гражданской службы прав выпускников средних учебных заведений диктовало необходимость сдачи экзаменов по программе этих учебных заведений на правах экстерна. К тому же, начиная с 1830-х гг. права на занятия домашним обучением стали жестко регламентироваться. Поэтому к середине 19 в. домашнее обучение стало либо способом подготовки к поступлению в средние учебные заведения, либо выступало как дополнение к обучению в них (гувернеры, репетиторы). Долгие сохранило свое значение домашнее воспитание для женщин, но массовое открытие женских средних и начальных учебных заведений во 2-й пол. 19 в. резко уменьшило его значение.

И, наконец, получение образования за границей в течение 19 в. также заметно потеряло свое былое значение. К концу 19 в. основными группами обучающихся за границей были женщины (до сер. 70-х гг.), для которых высшее образование в России было сначала недоступным, а затем ограниченным по профессиям (напр., они долго не могли получать высшего юридич. образования; право на получение университетского медицинского и физико-математич. образования было дано в 1915 — Казанскому и Саратовскому университетам, в значит. степени — революционно настроенная молодежь, нередко устремлявшаяся в швейцарские, а также германские учебные заведения не столько за образованием, сколько за участием в политич. деятельности, и в особенности евреи, права которых в области как среднего, так и высшего образования в России были резко ограничены т. наз. процентной нормой и для которых получение в заграничных учебных заведениях ученой степени доктора философии (или доктора медицины) означало возможность права жительства вне черты оседлости.

Что касается проблемы «конвертируемости» заграничного образования в России и русского за границей, то в России она решалась таким образом, что для получения прав и преимуществ, связанных с высшим образованием, обладатели ученых степеней зарубежных университетов должны были сдавать испытания на рос. дипломы об окончании университета или другого высшего учебного заведения, после чего заграничный диплом заменял выпускное свидетельство соответствующего факультета об окончании полного курса этого факультета; действительность рос. дипломов за рубежом и, главное, признание качества рос. образования определялись по-разному в различных странах. Сравнение уровня подготовки возможно только применительно к конкретным дисциплинам и в конкретное время. В целом можно сказать, что рос. высшее образование начиная со 2-й пол. 19 в. по большинству точных и гуманитарных, а также по некоторым естественным наукам не уступало европейскому.

Языком преподавания на территории Рос. империи был гл. обр. русский, а в Царстве Польском до поражения восстания 1863—1864 — польский. Начиная с 1869 — преобразования Варшавского университета — русский язык окончательно стал языком высшего образования в России и Польше. Исключение составлял только Дерптский университет, в котором преподавание до 1893 велось на немецком языке. В средней школе русский язык был принят повсеместно, за исключением училищ при церквях инославных исповеданий, колонистских, а также средних учебных заведений остзейских губерний и Царства Польского, где во 2-й пол. 19 в. также произошла русификация. В начальной школе языки народов России (наряду с русским) преподавались в Поволжье (Казанский учебный округ, с 1870), Закавказье и Средней Азии. Этим языкам обучали также в специальных учебных заведениях — для подготовки преподавателей начальной школы: инородческие учительские семинарии, в т. ч. знаменитая Симбирская чувашская школа, основанная известным чувашским просветителем И. Я. Яковлевым, церковно-учительские школы. В основе педагогич. процесса в этих учебных заведениях лежала т. наз. система Н. И. Ильминского.

Если в начале 19 в. количество людей, обучающихся в рос. высших учебных заведениях не превышало нескольких сотен человек, то к 1917, по подсчетам А. Е. Иванова, в России имелось 124 высших учебных заведения, в которых обучалось (на 1913) более 120 тысяч студентов. За 1898—1917 полный курс обучения в высших учебных заведениях России прошло ок. 160 тыс. человек.

Управление высшими учебными заведениями было многоведомственным: 65 гос. и 59 неправительственных, все они находились на правах местных учрежде-

ний в ведении 10 министерств, Синода, Ведомства учреждений императрицы Марии; в ведении Министерства народного просвещения — 67 вузов, Министерства торговли и промышленности — 13, Министерства земледелия — 11, Министерства внутренних дел — 11. Министерства самостоятельно проводили свою «академическую политику», руководство вузами осуществлялось на основе уставов. Для гос. вузов уставы издавались в виде законодат. актов, для неправительственных — в виде ведомственных распоряжений.

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДАНИЯ

УНИВЕРСИТЕТЫ

Первый русский *Московский университет* (1755; самый крупный: к 1831 св. 800 студентов; в 1914 ок. 10 тыс.) управлялся кураторами и коллегией профессоров, подчинявшихся Сенату. Первоначально состоял из трех факультетов: философского, юридического и медицинского; на философском факультете изучали кроме философии также красноречие, историю, физику. С нач. 19 в. стали открываться новые университеты: *Харьковский*, *Казанский* (оба в 1804), *Петербургский* (с 1819, основан на базе *Главного педагогического института*; по мнению ряда историков, ведет начало от Академического университета, Петербург, 1722—66); к ним присоединились *Дерптский* (основан в 1632; вновь открыт в 1802; с 1893 — *Юрьевский*; с 1919 — *Тартуский*) и *Виленский* (основан в 1579, реорганизован в 1803 из Гл. виленской школы, 1797, закрыт в 1832; в 1919—39 существовал как один из университетов Польши, позднее Вильнюсский). В дальнейшем были открыты *Университет св. Владимира в Киеве* (1834) или Киевский университет св. Владимира, *Новороссийский университет* в Одессе (1865; преобразован из *Ришельевского лицея*), а затем *Томский* (1880), *Саратовский* (1909) и, наконец, *Ростовский университет* (основан в 1915 на базе эвакуированного в Ростов-на-Дону Варшавского университета). В 1916 основан *Пермский университет* как отделение Петроградского. В 1817 по указу Александра I был открыт *Варшавский университет* (до 1830 назывался Александровским), готовивший польские национальные кадры учителей, врачей, католич. священников; с ликвидацией самостоятельности учреждений Царства Польского включен в систему русских университетов в 1867, вновь открыт в 1869. В 1809 к рос. университетам был причислен Абоский (г. Або, или Турку) университет, основанный в 1640 в Финляндии; в 1828 переведен в Гельсингфорс (Хельсинки) и получил название Александровского, или Гельсингфорского. До 1918 сохранял свою автономию.

Университеты обладали, в зависимости от общей ситуации в стране, большей или меньшей автономией; при них находились цензурные комитеты (до реформы цензуры в 1826), включавшие своих представителей; университеты сохраняли право цензуры своих изданий. Финансировались за счет казны и частных пожертвований.

В 60-е гг. усилился приток разночинцев (впрочем и в нач. 19 в. они составляли значительный процент учащихся). В 1901 в рос. университетах было ок. 17 тыс. студентов (дворян — 50,3%, духовенства — 10,3%, др. сословий — ок. 40%) и 832 вольнослушателя; в 1916 — ок. 39 тыс. студентов, ок. 1900 профессоров и преподавателей: по данным СИЭ, т. 14, с. 817—818.

В российских университетах (в отличие от европейских) с самого начала не было факультетов богословия. Исключение составлял Дерптский университет, но там богословие преподавалось лютеранское и факультет го-

товил гл. обр. священнослужителей для лютеранской церкви в России.

Студенты, окончившие университеты и защитившие дипломную работу, получали звание кандидатов, не защитившие — действительных студентов.

По Уставу 1804 (давшего автономию университетам) вводился трехлетний курс обучения. Университеты делились на отделения.

Медицинские отделения (факультеты) были во всех российских университетах, кроме Петербургского. Поскольку изучаемые там предметы, характер и цель обучения более или менее очевидны, здесь и в дальнейшем медицинские структуры в составе университетов специально не рассматриваются.

I. На отделении словесных наук изучались красноречие, стихотворство, русский язык, греч. язык и словесность Др. Греции, латинский язык и римская словесность, всемирная история, история, география и статистика Рос. государства, восточные языки, теория изящных искусств и археология. II. На отделении физических и математических наук изучали теоретич. и опытную физику, чистую и прикладную математику, астрономию, химию, ботанику, минералогию и сельское домоводство, технологию и науки, относящиеся к торговле и фабрикам, а в Харьковском университете также военные науки. III. На отделении нравственных и политических наук изучались богословие, философия (умозрительная и практическая), право — естественное, политич. и народное, а также гражданское и уголовное судопроизводство в России, дипломатика и полит. экономия. В 20-е гг. преподавание философии было сведено к минимуму, а преподавание богословия усилено.

Университетский Устав 1835 (подчинивший университеты попечителям учебных округов) вводил четырехлетний курс обучения, для медиков — пятилетний. По этому уставу университеты делились на философский и юридический факультеты.

Философский факультет состоял из двух отделений: на первом изучались философия, греч. словесность и древности, латинская словесность и древности, рос. словесность и история литературы, история и литература славянских наречий, восточная словесность и языки, всеобщая история, рос. история, а также полит. экономия и статистика; на втором — чистая и прикладная математика, астрономия, физика и физич. география, химия, минералогия и геогнозия, ботаника, зоология, технология, сельское хозяйство, лесоводство, архитектура.

В *Дерптском университете философский факультет по Уставу 1803 делился на физико-математический, филологическо-исторический и технологическо-экономический классы, а по Уставу 1820 философское отделение состояло из 4 классов: наук философских и математических, естественных наук, филолого-исторических наук и технологическо-экономи-*

ческий (с кафедрами экономики, технологии и гражданской архитектуры).

На юридическом факультете изучались энциклопедия права, основные рос. законы, римское право, гражданское право, законы благоустройства и благочиния, законы о гос. повинностях и финансах, полицейское и уголовное право, начала «общенародного правоведения».

В 1828—39 при Дерптском университете был открыт Профессорский институт — для подготовки профессоров в другие университеты.

С 1843 в Петербургском университете, а затем также в Казанском и Харьковском для приготовления «людей, способных к службе хозяйственной и административной», был учрежден камеральный (административно-управленческий) разряд юридического факультета, на котором изучались гос. право европейских держав, гос. учреждения Рос. империи, законы о благоустройстве и благочинии, полит. экономия и статистика, естественная история, технология, агрономия, архитектура, а в виде дополнительных предметов также русские гражданские и уголовные законы, всеобщая и отечественная история и один из новых языков.

С 1860 в Петербургском университете камеральный разряд был преобразован в административное отделение, упраздненное в 1863. В Казанском университете с 1865 вместо камерального разряда учрежден разряд гос. наук, просуществовавший до 1878. На юридическом факультете Дерптского университета существовали специализации правоведение и дипломатия. Прием на дипломатич. отделение прекратился только с 1889. С 1819 в этом университете существовала специализация камералистов, или экономистов.

По *Университетскому уставу 1863* (восстановившему автономию университетов) также предусматривался четырехлетний учебный курс, пятилетний — для медиков. Устав вводил 3 основных факультета:

Историко-филологический:

преподавались философия, логика, психология, история философии, греч. язык, словесность и история Др. Греции, латинский язык и рим. история, сравнительная грамматика, русский язык и словесность, история всеобщей литературы, славянские языки и литература, всеобщая история, русская история, церковная история.

Физико-математический:

включал кафедры математики, механики, астрономии, физики, химии, минералогии, географии, геознозии и палеонтологий, ботаники, зоологии, технич. химии, астрономич. химии.

Юридический:

преподавание энциклопедии права, истории иностранного (древнего и нового) и русского законодательства, римского права, государственного, гражданского и уголовного права, полицейского права, финансового права, международного права, церковного права и полит. экономии.

На всех факультетах преподавался Закон Божий. В Петербургском университете Устав 1863 вводил также восточный факультет.

Университетский устав 1884 (вновь упразднивший университетскую автономию; действовал до февраля 1917) сохранил прежнюю продолжительность учебного курса и прежнее деление на факультеты.

Для историко-филологических факультетов предусматривались кафедры философии, классич. филологии, сравнительного языковедения, русского языка и литературы, славянской филологии, истории западноевропейских литератур, географии и этногра-

фии, всеобщей истории, русской истории, церковной истории и истории искусств;

Для физико-математических факультетов — чистой механики, механики, теоретич. и практич. астрономии и геодезии, физики, физич. географии, химии, минералогии и геологии, ботаники, зоологии, сравнительной анатомии и физиологии, технологии и технич. химии, агрономии;

Для юридических факультетов — римского права, гражданского права и судопроизводства, торгового права и судопроизводства, гос. права, международного права, полицейского права, финансового права, церковного права, полит. экономии и статистики, энциклопедии права и истории философии права.

Университетский устав 1906 не внес существенных изменений в состав факультетов и распределение кафедр. Можно отметить, что к нач. 20 в. состав кафедр и характер преподаваемых дисциплин приближался к современному при всем отличии распределения факультетов.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Прообразом привилегированных закрытых учебных заведений для дворян был *Благородный пансион при Московском университете* (другое общепринятое название — *Московский университетский благородный пансион*), открытый в 1779. Хотя он давал подготовку ниже университетской, но в конце 18 — нач. 19 вв. учеба в университете считалась делом недворянским, так что долгое время образование большинства пансионеров ограничивалось только пансионом, после чего они успешно поступали на службу. Но требования университетского образования по знаменитому Указу 1809 (об экзаменах на чин), ставившему карьеру дворянина в зависимость от университетского диплома, а затем и изменения в общественном сознании привели к тому, что пансион стал лишь подготовительной ступенью к университету. В 1830 пансион был закрыт (преобразован в дворянскую гимназию, с 1833 — Дворянский институт). Другое элитарное учебное заведение, просуществовавшее лишь несколько лет, — *Школа сенатских юнкеров*: основана в 1797, состояла из 3 классов, первые 2 — подготовительные.

В них преподавались русский язык (грамматика и чистописание), немецкий язык, катехизис, «изъяснение должностей человека и гражданина» (нечто вроде современного обществоведения), арифметика, геометрия, тригонометрия, история, география, логика и рисование, а в 3-м юридич. классе преподавались правописание и немецкий язык.

Царскосельский лицей (с 1844 *Александровский лицей*, в память Александра I), основан в 1810, открыт в 1811 — для подготовки высших гос. чиновников, и вплоть до 1917 одно из самых элитарных (закрытых) учебных заведений в России. До 1836 состоял из 2 курсов с обучением в каждом по 3 года (принимались мальчики 10—12 лет). Количество курсов (классов) менялось со временем, но 6-летний срок обучения сохранялся. С 1814 по 1829 при лицее существовал также *Благородный пансион*, созданный для подготовки к поступлению в лицей, но поскольку его выпускники имели право поступления на гос. службу, играл роль самостоятельного учебного заведения. Первоначально курс Царскосельского лицея включал русский, французский, немецкий и латинский языки и словесность на всех этих языках, нравственную философию, логику, математику (арифметику, алгебру до кубич. уравнений, геометрию, тригонометрию), физику (вплоть до электричества), историю рос. и всеобщую, географию, а также изящные искусства. Этот курс приравнялся к университетскому.

К кон. 19 в. в лицее преподавались Закон Божий, русский, французский, немецкий, английский и латинский языки, логика, история (рос. и всеобщая), география, математика, физика и космография, а на старших

курсе — также русская словесность, история западной литературы, история Церкви, энциклопедия права, история русского права, церковное, гос., гражданское, уголовное, полицейское, финансовое и международное право, статистика, полит. экономия, гос. устройство восточных держав и история философии.

Таким образом, из заведения, дававшего абстрактно-гуманитарное образование, лицей эволюционировал в сторону высшего юридич. учебного заведения с усиленной языковой и общепедагогич. подготовкой.

Ришельевский лицей в Одессе открылся в 1805 на базе частного пансиона (до 1847 именовался *Благородный воспитательный институт*). Он состоял из начального училища и собственно лицея и двух дополнительных училищ: *правоведения и полит. экономии и коммерч. наук*, а также *педагогического института*. В начальном училище было 3 класса, в собственно лицее — 4 класса гимназич. и 4 лицейских с философским и юридич. отделениями. С 1837 лицей был отделен от гимназий, состоял из физико-математич. и юридич. отделений, а также института восточных языков (до 1854). С 1842 в лицее было также камеральное отделение. В 1865 лицей преобразован в Новороссийский университет.

Кременецкий (Волинский) лицей, с 1805 по 1819 — классическая (Волинская) гимназия в г. Кременце для детей польской шляхты. Состоял из низшего и высшего отделений с курсом обучения, соответственно, 4 и 3 года. В лицее преподавались русский, польский, латинский, немецкий и французский языки, математика, география, учение о нравственности, словесные и юридич. науки. В 1831 закрыт в связи с Польским восстанием 1830—31.

Лицей кн. Безбородко в Нежине (другое название — *Нежинский лицей*), основан в 1820 (до 1832 — *Гимназия высших наук кн. Безбородко*) первоначально давал 9-летний курс образования.

Включалось преподавание Закона Божьего, русского, немецкого, французского и древних языков, математики, истории, географии, словесности российской и древней, философии, права (естественного и народного), государственного хозяйства, финансовой науки, технологии с химией, естественной истории, римского права, русского гражданского и уголовного права и допроизводства.

С 1832 преобразован в физико-математич. лицей, состоявший только из 3 высших классов, а с 1840 — в юридич., с 3-летним курсом обучения и преподаванием прежде всего практич. юридич. предметов (без теории права), а также истории, статистики, русской словесности и теории поэзии. С 1875 лицей был преобразован в *Историко-филологический институт в Нежине* (с 1920 — Педагогический институт, с 1939 — им. Н. В. Гоголя).

Демидовский юридический лицей в Ярославле (Демидовский лицей, высшее учебное заведение; учрежден в 1805 (на пожертвования П. Г. Демидова) как *Ярославское Демидовское высших наук училище* (до 1833), для лиц всех свободных состояний. В нем преподавали философию, др.-греч. и рим. словесность, рос. красноречие, право (естественное и народное), математику, естественную историю, химию, финансовую науку, новые языки; с 1819 открылась также кафедра богословия и введено преподавание истории Русской Церкви. С 1810—11 Демидовское училище получило права университетов (при училище существовал дворянский пансион), в 1833 преобразовано в *Демидовский лицей* с 3-летним курсом обучения, причем главными предметами считались юридич. и камеральные науки (среди неглавных — русская и латинская словесность, философия, естественная история, рос. и всеобщая история, новые языки). С 1832 в лицее было введено обучение фронтовой службе. С 1845 к числу предметов прибавились сельское хозяйство, лесоводство, земледелие, бухгалтерия. Направление образования было в основном камеральным, с большим количеством предметов и неглубоким их изучением. В 1870 лицей был преобразован в Демидовский юридический лицей с 4-летним курсом

обучения, соответствующим юридич. факультетам университетов. С 1885 в него стали приниматься лишь выпускники гимназий (ранее принимались также воспитанники семинарий); закрыт в 1918.

Катковский лицей (с 1893 *Императорский Лицей в память цесаревича Николая*, сына Александра II) основан в 1868 в Москве М. Н. Катковым и др. Состоял из восьми гимназич. классов, дававших общее среднее образование (с большей, чем в гимназиях, подготовкой в области древних языков и естественной истории, и с дополнительными вечерними занятиями по новым языкам), и трех лицейских, где проходили университетский курс (по всем факультетам, кроме медицинского): историко-филологич. и физико-математич. факультеты (до 1899), затем только юридический. Закрыт в феврале 1917.

Императорское Училище правоведения учреждено в 1835 в Петербурге как закрытое элитарное учебное заведение, дававшее высшее юридич. образование (св. 2000 выпускников). Обучение в нем продолжалось сначала 6, а затем 7 лет (4 класса общих и 3 специальных). С 1847 существовали также приготовительные (с 1876 — 3-летние) классы.

Первоначально общий курс включал Закон Божий и церковную историю, русский и славянские языки, латинский, немецкий и французский языки (греч. и английский преподавались факультативно), историю, географию, математику, естественную историю и физику, логику и психологию, а специальный курс — энциклопедию права, римское право, гос., гражданское и уголовное право, судебную медицину, судопроизводство, местные законы, законы финансовые и полицейские с предварительным изложением полит. экономии, сравнительное законоведение и юридич. практику.

С 1856 общеобразовательные предметы в Училище были в основном приведены в соответствие с курсом классических гимназий (без греч. языка, но с естествоведением), в старших классах по-прежнему преподавались специальные юридич. предметы (включая полит. экономию, историю вероисповеданий и историю философии в связи с философией права). Курс обучения длился 10 лет (3 года в приготовительном классе, 4 в общеобразовательном и 3 в специальном). Закрыто в 1917, после Октябрьской революции.

(См. также разделы Военно-учебные заведения и Женское образование.)

ИНСТИТУТЫ И ВЫСШИЕ УЧИЛИЩА

Основным высшим педагогическим учебным заведением долгие годы был *Главный педагогический институт*, открытый в 1816 в Петербурге (на базе реорганизованного *Петербургского педагогического института*, 1804—16); преобразован в 1819 в Петербургский университет, с 1828 возобновлен как *Главный институт*. Готовил преподавателей для гимназий, высших, частных учебных заведений. Институт состоял из 3 курсов: предварительного, окончательного и педагогики (педагогич. практика), причем первый продолжался 2 года, второй — 3, а третий — 1 год. В институт принимались преим. выпускники духовных семинарий.

На предварительном курсе изучались логика и метафизика, высшая математика, математич. и всеобщая география, физика, «обозрение» всеобщей истории, древняя география, мифология, риторика, грамматика и словесность русского, древних, немецкого и французского языков, искусства, гражданского архитектура, рисование и черчение.

Окончательный курс состоял из 3 отделений: наук философических и юридических (с изучением философии, права, в т. ч. гос., гражданского, рос. и римского, и полит. экономии; юридич. отделение было до 1847), наук математич. и физических (с изучением высшей и прикладной математики, физики, химии, технологии, естественной истории, зоологии, ботаники и минералогии) и наук историчес-

ких и словесных (с изучением *всеобщей и рос. истории, всеобщей и рос. статистики, русской, латинской, греч., немецкой и французской словесности*).

На всех отделениях изучался также Закон Божий. Обучение искусствам на окончательном курсе велось факультативно. С 1833 для учителей, направляемых в западные губернии, было введено также преподавание польского языка. В 1817 при институте был открыт Благородный пансион (до 1830). В 1838—47 при нем существовал «второй разряд» института — для подготовки учителей уездных и приходских училищ (аналогичное отделение было и в 1817—22). В 1858 институт был упразднен. Для подготовки педагогов в 1860 были учреждены педагогические курсы при университетах.

Среди *высших гуманитарных* учебных заведений (кроме уже упомянутых выше) выделяется старейшее из них — *Лазаревский институт восточных языков* в Москве. Учрежденное в 1815 *Армянское Лазаревых училище* [на средства богатой армянской семьи — предпринимателей и меценатов Лазаревых (Лазарян)] первоначально имело 5-, а затем 8-летний срок обучения. С 1837 институт получил права правительственных заведений. Первоначально в нем преобладали общеобразовательные предметы для армян (хотя обучались и русские ученики), с частичным преподаванием на армянском языке, затем усилилось преподавание восточных языков и др. специальных предметов, ориентированных на подготовку к гос. службе на Кавказе и дипломатической — в странах Востока. С 1841 в институте было учреждено духовное отделение для подготовки священнослужителей армяно-григоринской церкви, позднее введено преподавание также коммерч. наук.

С 1850 при институте существовало *малолетнее отделение*. С 1871 введено разделение на гимназич. и специальные классы. Гимназич. классы давали образование в объеме классич. гимназии с добавлением армянского языка (только для армян), а специальные классы — специальную подготовку в области арабского, персидского, турецкого, армянского и грузинского языков (последние 2 были обязательными только для кавказских стипендиатов, готовящихся к службе на Кавказе), истории Востока и русской словесности. Курс в специальных классах длился 3 года. С 1892 был добавлен курс юридич. наук (проходилась в университете); 3-й класс для изучающих эти науки был продлен до 2 лет.

Историко-филологический институт основан в 1867 в Петербурге, с 4-летним курсом обучения, готовил преподавателей гимназий по соответствующим предметам, прежде всего по классич. языкам. Для подготовки преподавателей классич. языков с 1873 по 1888 действовала также Лейпцигская русская филологическая семинария при Лейпцигском университете.

Во Владивостоке в 1889 открыт *Восточный институт* (первое высшее учебное заведение на Дальнем Востоке), с 4-годичным сроком обучения, имевший китайско-монгольско-маньчжурское, китайско-японское и китайско-корейское отделения. В 1910 в Петербурге была основана (императорским Обществом востоковедения) также *Практическая восточная академия*.

Петербургский (основан в 1877) и *Московский* (в 1907) археологические институты с 2- и, соответственно, 3-годичным курсом обучения предназначались для профессиональной подготовки в области археологии, археографии и архивного дела лиц с высшим образованием. Московский археологический институт состоял из археологич. и археографич. отделений.

Художественное, художественно-прикладное и музыкальное образование в России традиционно слабо связывалось с общим.

Основанная в 1757 *Академия художеств* давала высшую подготовку в области живописи, ваяния и архитектуры, но общее образование ее студенты получали либо до поступления в академию, либо в специальном *малолетнем отделении* (1764—1802), позднее — *Воспитательном училище* (1802—43).

Воспитанников первого обучали русскому и иностранному языкам, арифметике, геометрии, географии и истории (сокращенно), основам физики и естественной истории, второго — Закону Божию, русскому, немецкому и французскому языкам, истории, мифологии, географии, арифметике, геометрии, анатомии, эстетике, теории и истории искусств, истории нравов, обрядов и быта древних народов. Другой общеобразовательной подготовки выпускник Академии художеств мог не иметь. Впоследствии (с 1859) курс Академии предусматривал подготовку по таким общеобразовательным предметам, как Закон Божий, священная история, история изящных искусств, эстетика, археология, всеобщая и рос. история, русский язык и словесность, а для архитекторов также физика, математика, прикладная химия и строительное законодательство, все в сокращенном, сравнительно со средней школой, виде и применительно к строительству.

Московское училище живописи, ваяния и зодчества; история основания восходит к 1832, созданию любителями искусства художественного кружка — натурального класса в 1832—43. Художественный класс в 1843 преобразован в Училище живописи и ваяния; отделение архитекторов появилось в 1866 (после присоединения Дворцового архитектурного училища). Вместе с состоявшим при нем *Училищем художеств* давало среднее общее образование и высшее специальное. Общеобразовательное отделение состояло из 4 классов, курс художественного отделения продолжался 3 (для зодчих — 4) года.

Императорское Строгановское центральное художественно-промышленное училище в Москве основано графом С. Г. Строгановым в 1825 как частная Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам. Здесь принимались дети с 10 лет, срок обучения 6 лет. В 1843 получило статус гос. учебного заведения. Как и *Центральное училище технического рисования барона Штиглица*, основанное в 1876 в Петербурге (открыто в 1879) на средства мецената, барона А. Л. Штиглица, было по сути дела средним специальным учебным заведением; оба училища положили основание специальному художественному образованию в России. В училище Штиглица принимались лица обоего пола с образованием не ниже городского училища, в Строгановском имелось 8 общеобразовательных классов, в которых можно было получить законченное среднее образование.

Петербургская (1862) и *Московская* (1866) *консерватории* основаны А. Г. и Н. Г. Рубинштейнами; принимали лиц со средним образованием и давали высшую профессиональную подготовку.

Петербургское театральное училище, получившее свое название в 20-е гг. 19 в. (создано на основе Театральной школы, 1779, в свою очередь восходящей к Танцевальной школе, 1738), и *Московское театральное училище* (официально учреждено в 1809, преобразовано в 1806 из Театральной школы при Московском воспитательном доме, 1773) давали своим воспитанникам общеобразовательную подготовку лишь ненамного выше начальной. В 1888 на основе обоих училищ открыты драматич. курсы.

Политехнические институты стали появляться в России сравнительно поздно. Самый старый — *Рижский* (1862), затем *Киевский* (1898) и *Петербургский* (1899), потом *Донской* (в Новочеркасске, 1907). Политехнич. институты состояли из отделений: механического (Петербургский, Киевский, Рижский, Донской и Варшавский институты), инженерно-строительного (Петербургский, Киевский, Варшавский) или просто строительного (Рижский), металлургического (Петербургский), электромеханического (Петербургский), химического (Киевский, Рижский, Варшавский), горного (Донской, Варшавский), кораблестроительно-

го (Петербургский), сельскохозяйственного (Киевский; в Донском политехническом институте, состоявшем из факультетов, был инженерно-мелиоративный факультет), экономического (Петербургский; в Рижском политехническом институте — коммерческого отделения), а также инженерного (в том же институте; на отделении изучались машиностроение и электротехнич. науки). Продолжительность обучения колебалась от 4 до 5 лет (на коммерч. отделении в Рижском политехническом институте — 3 с половиной года).

Технологические институты появились в России раньше. *Петербургский практический технологический институт* (*Технологический институт императора Николая I*) основан в 1827 (но высшим учебным заведением стал лишь в 1862), *Харьковский технологический институт* — в 1885, *Томский* — в 1896. Петербургский и Харьковский имели два отделения — механическое и химическое, в Томском были также инженерно-строительное и горное. Срок обучения — 5 лет.

Горные высшие учебные заведения были самыми ранними. *Горный институт* (императрицы *Екатерины II*) основан в 1773 в Петербурге как *Горное училище*, с 1804 именовался *Горным кадетским корпусом*, с 1833 — *Институтом Корпуса горных инженеров*, а с 1866 — *Горным институтом*, т. е. первоначально функционировал как среднее специальное учебное заведение, с 1804 по 1866 — военизированное и лишь затем стал высшим гражданским учебным заведением.

Екатеринославский горный институт (до 1912 — *Екатеринославское высшее горное училище*) основан в 1899. Оба горных института делились на разряды — горный и заводской. Продолжительность обучения — 4 года. В 1914 к ним добавился *Уральский горный институт* (в Екатеринбурге).

Институт инженеров путей сообщения императора Александра I основан в 1809 в Петербурге (до 1864 назывался *Институтом Корпуса инженеров путей сообщения*). Продолжительность обучения в нем составляла 5 лет.

Институт гражданских инженеров императора Николая I основан в 1832 в Петербурге на базе *Архитектурного училища* и до 1882 именовался *Строительным училищем*. Он состоял из архитектурного, инженерного и инженерно-санитарного отделений. Обучение продолжалось 5 лет.

Инженеров-строителей готовило также *императорское Московское инженерное училище Ведомства путей сообщения*, но в нем срок обучения составлял всего 3 года и по типу оно приближалось скорее к современному техникуму.

Императорское Московское техническое училище (*Высшее техническое училище*), основанное в 1830 как ремесленное училище, получило новое наименование и статус высшего учебного заведения в 1868. Оно состояло из механического и химического отделений с продолжительностью обучения 5 лет.

Электротехнический институт императора Александра III был создан в 1891 в Петербурге на базе основанного в 1886 технического училища Почтово-телеграфного ведомства; состоял из электромеханического и электрохимического отделений со сроком обучения 5 лет.

Императорский Петербургский Лесной институт — одно из первых высших учебных заведений в России, основан в 1803.

Среди **высших сельскохозяйственных** учебных заведений самыми старыми были *Новоалександрьевский институт сельского хозяйства и лесоводства*, основанный в 1816 в Марьмонте (близ Варшавы) как агро-

номич. институт (с 1840 — *Институт сельского хозяйства*) и переведенный в 1863 в Новую Александрию (в 1914 эвакуирован в Харьков), и *Горы-Горейский земледельческий институт*, основанный в 1840 как земледельческая школа, высший разряд которой в 1848 был преобразован в *Земледельческий институт*; в 1864 институт был переведен в Петербург, а на базе низшего разряда создано Горейское земледельческое училище.

Московский сельскохозяйственный институт учрежден в 1865 (в с. Петровском-Разумовском близ Москвы) как *Петровская земледельческая и лесная академия* (с 1890 по 1894 именовался *Петровской сельскохозяйственной академией*). Первоначально для поступления в академию в Петровском-Разумовском не требовалось никаких аттестатов, образование в ней не давало никаких особых прав и могло продолжаться любой срок по усмотрению самого студента. Впоследствии институт стал более упорядоченным учебным заведением и состоял из сельскохозяйственного и сельскохозяйственно-инженерного отделений.

В 1911 к этим учебным заведениям добавился *Вологодский институт молочного хозяйства*, в 1913 — *Воронежский сельскохозяйственный институт* и *Саратовские высшие сельскохозяйственные курсы*. Срок обучения в сельскохозяйственных высших учебных заведениях составлял, как правило, 4 года.

Специалистов межевой службы готовил *Константиновский межевой институт* в Москве, основан в 1779 как Константиновская землемерная школа (в честь великого князя Константина Павловича) при Межевой канцелярии; с 1819 училище, с 1835 Межевой институт, сначала среднее закрытое учебное заведение, с 1845 — высшее.

Ветеринарные институты были в Харькове (с 1875; с 1851 по 1875 — Харьковское ветеринарное училище), Казани (с 1873), Дерпте (с 1873; с 1849 до 1873 — ветеринарное училище) и Варшаве (с 1889; с 1840 до 1889 — ветеринарная школа). Срок обучения в них также составлял 4 года.

Из медицинских учебных заведений старейшее — основанная в 1798 (как и московская — на базе медико-хирургического училища) *Медико-хирургическая академия* в Петербурге. В 1881 перешла в военное ведомство и получила наименование *Военно-медицинской академии*. В 1800 учреждена также *Московская медико-хирургическая академия*; в 1804 закрыта, восстановлена в 1808 как отделение Петербургской медико-хирургической академии, с 1837 вновь обрела статус «отдельной академии»; упразднена в 1844. Обе академии готовили лекарей гл. обр. для армии и флота.

Медицинское образование давали также медицинские факультеты университетов. Продолжительность медицинского образования составляла, как правило, 5 лет.

В 1907 в Петербурге был основан *Психоневрологический институт*, действовавший на правах частного учебного заведения; готовил преподавателей, юристов и врачей и состоял, соответственно, из педагогического, юридического и медицинского факультетов со сроками обучения 5, для медиков 6 лет.

Специальное высшее экономическое образование в России долгое время было сосредоточено на ряде ч. факультетах университетов. В нач. 20 в. оно могло быть получено также на экономическом отделении Петербургского Политехнического института.

В 1903 основан *Московский коммерческий институт*, состоявший из экономического (с циклами основным, коммерческо-финансовым, педагогическим, фабричной инспекции и местного хозяйства) и ком-

мерческо-технического отделений (с циклами фабричной инспекции, лабораторным, торгового агентства и педагогическим). В институт принимались лица со средним образованием в качестве как действительных слушателей, так и вольнослушателей. Курс обучения продолжался 4 года. Институт, основанный Московским обществом распространения коммерч. образования, пользовался большой популярностью среди предпринимателей. Впоследствии к нему присоединился также *Коммерческий институт* в Киеве с ком-

мерческим и экономическим отделениями и подотделами железнодорожным, страхового и оценочного дела и податного дела.

Статистические курсы Министерства внутренних дел давали в течение 2 лет специальную подготовку лицам со средним (гимназич. или реальным) образованием и формально также были отнесены к высшим учебным заведениям. (См. также в разделе Военно-учебные заведения.)

СРЕДНИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

ГИМНАЗИИ

К началу 19 в. в России при развитой высшей школе отсутствовала упорядоченная система среднего образования. Существовавшие в ряде губерний главные народные училища не обеспечивали законченного среднего образования в рамках стабильного состава предметов.

В гимназиях по Уставу 1804 было 4 класса (общий курс среднего образования с уездным училищем составлял 6 лет). В них преподавались чистая и прикладная математика и опытная физика, история, география и статистика (общая и государства Российского), философия и «изысканные науки» (начальные основания), полит. экономия (начальные основания), естественная история, технология и коммерч. науки, латинский, французский и немецкий языки, рисование, а факультативно — танцы, музыка и гимнастика.

Принимались в гимназии окончившие курс в уездных училищах. Бросается в глаза чрезвычайное разнообразие преподаваемых предметов.

С 1819 вводились чтение Священного Писания (взамен книги «О должностях»), греч. язык «по возможности», дополнительный курс географии и истории (включая мифологию и древности), логика и риторика; преподавались также латинский, немецкий и французский языки, статистика общая и частная Рос. государства, чистая математика и механика, курс опытной физики и естественной истории и — если позволяли доходы гимназии — рисование, музыка, танцы и гимнастика. До 1824 в ряде гимназий преподавались также естественное право и полит. науки. С 1824 было увеличено количество часов на преподавание латинского, греч. и русского языков.

По Уставу 1828 курс гимназии увеличивался до 7 классов (ранее вместе с уездными училищами он составлял 6 лет). Учебный курс сокращался. Гимназии в университетских городах сохраняли преподавание греч. языка, в других он мог не преподаваться.

Предметами преподавания в реформированных гимназиях были: Закон Божий, русский язык и словесность, латинский, немецкий и французский языки, математика, география и статистика, история, физика, чистописание, черчение и рисование. В курс словесности входили логика, риторика, грамматика и синтаксис, прология, извлечения из лучших писателей, упражнения в переводах и легких сочинениях, пиитика с кратким разбором образов, краткая история рос. словесности. Курс математики включал алгебру, геометрию (для гимназий без греч. языка также прямоугольную тригонометрию), начала начертательной геометрии, математич. анализ (до конических сечений). Изучение истории предусматривало «обозрение всеобщей истории», древнюю, средневековую и новую и, соответственно, рос. историю.

Вводимые Уставом 1828 Благородные пансионы, с 1833 получившие название *Дворянских институтов* (закрытые мужские средние учебные заведения, готовившие к поступлению в университет), имели срок обучения на год меньше, чем гимназии, при той же про-

грамме и правах. Такие институты имелись в Петербурге, Москве, Вильне, Нижнем Новгороде, Пензе и Тифлисе.

С 1836 в ряде гимназий стали вводиться начиная с 4-го класса *реальные классы (курсы)*. Эти курсы предусматривали преподавание естественной истории, химии, технологии, товароведения, бухгалтерии и счетоводства, коммерч. законовещения и механики. Такие классы (курсы) были в 3-й московской гимназии, в Туле, Курске и Вильне, а также при уездных училищах в Риге и Керчи.

В 1837 в сибирских гимназиях, затем в пансионах Псковской, Новгородской, Пензенской и Нижегородской гимназий, а также в Кишиневской, Оренбургской, Уфимской, Виленской, Минской, Смоленской, Воронежской и Симбирской гимназиях был введен в качестве дополнительного предмета курс за ко н о в е д е н и я, включавший общие понятия о праве, историю русского законодательства, основные законы Рос. империи, учреждения, законы о состояниях, гражданские и уголовные законы. С 1848 стало практиковаться разделение гимназий на латинское и юридич. отделения, причем первое предназначалось для подготовки к университету, а второе — для подготовки к службе.

В 1844 из гимназич. курса была исключена статистика, в 1846 — начертательная и аналитич. геометрия, в 1847 — логика.

С 1852 существовало 3 типа гимназий: 1-й — с преподаванием латинского языка (только для готовящихся в университет) и русского законовещения (для готовящихся поступить на гос. службу), 2-й — с одним законовещением и без древних языков, 3-й — с двумя древними языками и без законовещения.

Устав 1864 вводил 3 типа гимназий: с 2 древними языками, с 1 древним языком и реальную (без древних языков). Наряду с полными гимназиями в ряде уездных городов учреждались про г и м н а з и и, состоящие из младших гимназич. классов.

В гимназиях первых двух типов преподавались Закон Божий, русский язык с церковно-славянским, рус. словесность, история, география, латинский, греч., французский и немецкий языки (в гимназиях с двумя древними языками преподавался или немецкий или французский, на выбор, с одним — оба новых языка, также и в реальных гимназиях при расширенной программе), математика, естественная история, физика и космография, чистописание, рисование и черчение.

В реальных гимназиях было расширено, сравнительно с классическими, преподавание естественной истории и к последней присовокуплены химия, физика, рисование и черчение и — в очень небольшой степени — русская словесность и история.

Реальные гимназии не давали права на поступление в университет, а в высшие технич. учебные заведения не гарантировали, если это не предусматривалось уставами последних.

Устав 1871 окончательно разделил среднюю школу на два типа учебных заведений: г и м н а з и и,

или классич. гимназии, дававшие классич. образование (с изучением древних языков и словесности) и реальные училища (подробнее см. в разделе Состояние образования в Российской империи).

Гимназии по Уставу 1871 имели 7-й, а с 1875 — 8-классный курс (в 1871—75 7-й класс имел 2-летний срок обучения), включавший Закон Божий, русский и церковно-славянский языки (включая и русскую словесность), краткие основания логики, греч. и латинский языки, математику с физикой, географию с кратким естествознанием, историю, французский или немецкий язык, чистописание. С 1898 вводились отдельные курсы математики и физики, отдельный курс естественной истории, обязательное преподавание двух новых языков (немецкого и французского); к чистописанию прибавилось рисование. Соответственно несколько уменьшался курс древних языков.

При гимназиях существовали также подготовительные классы. Для приема в 1-й класс гимназии требовалось умение читать, пересказывать прочитанное, написать диктант, прочитать наизусть стихотворение, читать по-церковно-славянски, знать молитвы и важнейшие события из Священной истории (Ветхого и Нового Завета), знать начала арифметики и уметь пользоваться счетами.

Преподавание русского языка в гимназиях включало изучение основных литературных жанров, основ стихосложения и истории русской литературы (до Н. В. Гоголя). История, как российская, так и всеобщая, проходила до конца 19 в. География изучалась физическая, политическая и экономическая. Изучение алгебры доходило до бинама Ньютона, геометрии — включало стереометрию; тригонометрия также входила в гимназич. курс математики. В 20 в. гимназич. курс включал философскую пропедевтику — изучение логики и психологии — и основы законовещения.

С последней трети 19 в. начали открываться частные гимназии и реальные училища; наиболее известными среди них были гимназия Л. И. Поливанова (Поливановская, основана в 1868), женская гимназия С. Н. Фишер (обе в Москве), гимназия Я. Г. Гуревича и Тенишевское реальное училище (основано В. Н. Тенишевым в 1896) в Петербурге.

РЕАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩА

Первоначально курс реальных училищ, преобразованных из реальных гимназий, состоял из 6 классов, с 1888—90-х гг. он стал включать 7-й, дополнительный; с этого времени реальные училища реорганизованы в полные средние школы. С 5-го класса реальные училища могли иметь 2 отделения: основное и коммерческое.

В реальных училищах преподавались Закон Божий, русский язык и словесность, немецкий и французский языки, география, история, математика, технич. черчение, физика, природоведение (неживая природа, основные животные и растения), естествознание (ботаника и зоология), химия, минералогия, анатомия и физиология, коммерч. экономия и коммерч. вычисления, в т. ч. теория полит. экономии, векселей, банков, бухгалтерия, коммерч. география и законоведение, а в качестве обязательного предмета — гигиена.

Преподавание словесности включало историю русской литературы до А. Н. Островского, а также произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. А. Не-

красова, А. К. Толстого, А. Н. Майкова. История, как и в гимназиях, изучалась до конца 19 в. Курс математики включал кроме алгебры, геометрии и тригонометрии основы аналитич. геометрии, основы анализа бесконечно малых, интеграл, неопределенный интеграл и дифференциал.

В целом курс реальных училищ приближался по типу к существовавшему до недавнего времени курсу советской средней школы, отличаясь от последнего большей языковой подготовкой и более продвинутым изучением математики.

Коммерческие училища

Учрежденные в 1896 в качестве средних специальных учебных заведений, коммерч. училища на практике стали прежде всего средними общеобразовательными и учебными заведениями, отличающимися от гимназий и реальных училищ большей свободой преподавания и более либеральными условиями приема.

Коммерч. училища состояли из 7 классов, но по ходатайству попечительских советов и учредителей могли открываться дополнительные классы, т. е. полный курс учения доходил до 8 лет. (См. также ниже в подразделе Другие профессиональные училища и школы.) В 1914 в коммерч. училищах был введен нормальный восьмилетний курс.

В этих училищах изучались Закон Божий, русский, немецкий, французский и другие (в т. ч. древние) языки, математика, космография, история, география, естествознание, физика, коммерч. арифметика, бухгалтерия, коммерч. корреспонденция, полит. экономия, законоведение, товароведение с технологией, экономич. география, рисование, черчение, лепка, каллиграфия.

Курс русского языка включал изучение истории русской литературы (Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. В. Кольцов, Ф. И. Тютчев, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Майков, А. А. Фет, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, А. А. Григорьев), немецкого языка — Г. Э. Лессинга, Ф. Шиллера, И. В. Гёте, Г. Гейне, романтиков и современной немецкой литературы, французского — чтение произведений 19 в. и авторов новейшей французской литературы, «представляющих» страну.

Курс математики включал алгебру (до бинама Ньютона и функций), геометрию, тригонометрию, аналитич. геометрию, элементарную теорию вероятностей, географии — страноведение, физич. географию и антропогеографию, истории — русскую историю до царствования Александра III и всеобщую до кон. 19 в., естествознания — начальное природоведение, ботанику, зоологию, анатомию и физиологию, физики — до рентгеновских лучей и явлений радиоактивности, химии — неорганич. и органическую (до белковых веществ) химию.

Училища при церквях иностранных исповеданий

Эти учебные заведения, важнейшими из которых были Главное немецкое училище св. Петра, училище св. Анны, училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, училище при реформатских церквях, мужское училище при римско-католич. церкви св. Екатерины в Петербурге, мужское училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла, реальное училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила, реальное училище при Реформатской церкви в Москве, давали учебный курс и имели права казенных гимназий и реальных училищ, причем в составе реальных училищ при этих церквях были также коммерч. отделения.

Учительские институты

В 1872 с целью приготовления учителей для городских училищ были учреждены *учительские институты*. Это были закрытые учебные заведения (в виде исключения допускались и приходящие ученики). Курс обучения в них продолжался 3 года (3 класса). Комплект каждого института составлял 75 человек: 60 казеннокоштных и 15 стипендиатов различных ведомств, городских обществ и своекоштных. Учительские институты были в Петербурге, Москве, Харькове, Казани, Вильне, Тамбове, Томске, Тифлисе, Глухове, Феодосии. Принимались в эти институты молодые люди не моложе 16 лет, сдавшие экзамены по Закону Божьему, рус. языку, арифметике, истории и географии России, а также без экзаменов, по окончании гимназий и других средних заведений.

Преподавались Закон Божий, педагогика, рус. язык и церковно-славянское чтение, арифметика и начальная алгебра, геометрия, история российской и всеобщая, география, естественная история, физика, черчение и рисование, чистописание, пение и гимнастика, а в Петербургском, Глуховском и Вилеском (христианском) институтах — также ручной труд. Воспитанники старшего класса проходили педагогику, практику в городских училищах.

В Житомире и Вильне существовали *еврейские учительские институты* (преобразованы в 1873 из *раввинских училищ*) с преподаванием основных предметов на рус. языке, а на еврейском — еврейского языка, Библии, еврейского Закона и Священной истории. Эти учебные заведения были рассадником рус. образованности среди евреев и положили начало формированию русско-еврейской интеллигенции.

Учительские семинарии

Для подготовки учителей народных училищ были созданы *учительские семинарии* — профессиональные учебные заведения открытого типа с трехлетним курсом обучения (при некоторых действовали также подготовительные классы); содержались за счет казны, земства и частных лиц. В эти семинарии принимались молодые люди не моложе 16 лет православного исповедания (в Новочеркасскую — также калмыки-ламансты, в семинарии Одесского учебного округа — всех христианских исповеданий, в некоторые, напр. в Валкскую (Прибалтика) — также лютеране), выдержавшие испытания по курсу начальных народных училищ.

Преподавались Закон Божий, рус. язык, церковно-славянский язык, чистописание, арифметика, геометрия, российская и всеобщая история, география, естествознание, рисование, основы педагогики, гимнастика, пение; проводились также практич. занятия по педагогике в школах.

При учительских семинариях открывались также дополнительные курсы для учителей начальной школы (на современном языке — курсы повышения квалификации). На правах учительских семинарий действовали также *иноподчиненные учительские школы*: татарские (в Казани и в Симферополе), чувашская в Симбирске, киргизская (т. е. казахская) в Оренбурге, иноподчиненная

в Бирске (Башкирия). В этих школах преподавались рус. язык, арифметика с краткими основами геометрии, география, в некоторых — история, а также родной язык.

Средние технические училища

Средние технич. училища, открываемые за счет казны, земств, сословий, общественных организаций и частных лиц, делились на механические, химические, строительные, сельскохозяйственные технические (в т. ч. Комиссаровское, открыто в 1865, с 1886 — с 7-классным курсом обучения) и горнозаводские. Курс обучения в них продолжался 4 года, принимались лица всех сословий и вероисповеданий, окончившие 5 классов реального училища или другого среднего учебного заведения (с дополнительными испытаниями), а также проработавшие не менее 2 лет в соответствующей отрасли промышленности и выдержавшие экзамены. В сельскохозяйственные технич. училища принимались выпускники учительских семинарий и прослужившие не менее 2 лет учителя сельских школ. При некоторых средних технич. училищах существовали подготовительные классы для подготовки к поступлению в младший специальный класс выпускников городских училищ. Выпускники средних технич. училищ получали звание техника.

В училищах преподавались Закон Божий, математика, физика, химия, механика, коммерч. география, счетоводство и коммерч. корреспонденция, узаконения, черчение, рисование, а также специальные предметы с практич. занятиями.

Другие профессиональные училища и школы

Для подготовки специалистов среднего и низшего звена различных ведомств, земские и городские учреждения, общественные организации и частные лица открывали (особенно активно с кон. 19 в.) *железнодорожные, мореходные, речные, промышленные, ремесленные* (в т. ч. так называемые комиссаровские училища и школы), *сельскохозяйственные, лесные и др. училища и школы, как средние, так и низшие. Они давали начальное или незаконченное среднее и среднее или начальное профессиональное образование. Срок обучения составлял, как правило, от 2 до 4 лет. Существовали также коммерч. (возникшие до принятия Устава коммерч. училищ Министерства финансов) и торговые училища и школы, в т. ч. упоминавшаяся выше Московская практическая академия коммерческих наук (среднее специальное учебное заведение), Александровское коммерческое училище (открыто в 1885, содержалось Московским биржевым обществом), Московское мещанское училище (готовившее торговых служащих и очень популярное среди работодателей) и др.*

НАЧАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Уездные и приходские училища

По Уставу 1804, самой нижней ступенью образования должны были быть *приходские училища*, в которых преподавались элементарная грамотность и начатки арифметики. По Уставу 1828 приходские училища должны были давать самые первоначальные сведения: Закон Божий по краткому катехизису, чтение церковной и гражданской печати, чистописание, 4 действия арифметики.

Следующей ступенью становились учреждаемые в каждом уездном городе *уездные училища*, предна-

значенные для образования купеческих и мещанских детей.

В них преподавались Закон Божий, «должности человека и гражданина», русская грамматика (там, где был в употреблении другой язык, наряду с русской преподавалась и грамматика «местного» языка), чистописание, правописание, правила слога, всеобщая география и начальные правила математич. географии, география России, история всеобщая и российская, арифметики, начальные правила геометрии, начала физики и естественной истории, начальные правила технологии

(применяясь к местному положению и промышленности), рисование.

Уездные училища состояли из 2 классов (курс каждого по 1 году), в них принимались окончившие приходские училища или самостоятельно овладевшие грамотой и начатками арифметики. Уездные училища по Уставу того же 1828 должны были состоять уже из 3 классов, со сроком обучения по 1 году в каждом.

В них преподавались Закон Божий и Священная и церковная история, рус. язык, включая грамматику, арифметика, геометрия (до стереометрии включительно), но без доказательств, география, история России и всеобщая, «но сокращенно», чистописание, черчение и рисование. С разрешения правительства (однако без казенных пособий), на средства частных лиц и общества могли вводиться также дополнительные курсы: общие познания об отечественном законодании, порядке и формах производства дел; основания коммерч. наук и бухгалтерия; основания механики, технологии, рисование и т. п.

В 1828 был принят и Устав сельских училищ в уездных имениях.

Ученикам в этих училищах преподавались чтение книг церковной и гражданской печати и рукописей, Закон Божий по краткому катехизису и священная история, чистописание, 4 действия арифметики с употреблением счетов. Узаконенного срока обучения в сельских училищах Удельного ведомства не было, но обучение могло продолжаться до 3 и более лет. В Красном Селе (близ Петербурга) и под Москвой учреждались (1828) 2 главных уездных училища, с младшим классом (изучались чтение, письмо, священная история и 4 действия арифметики) и с высшим (срок обучения 2 года); преподавались пространный катехизис и Священная история, чистописание, краткая рос. грамматика, по преим. практич. — с упражнениями в сочинении легких деловых бумаг, арифметика. Закрыты в 1836.

Училища для детей канцелярских служителей

В 1828 были учреждены училища для детей канцелярских служителей, закрытые учебные заведения, предназначенные оказывать помощь недостаточным служащим в воспитании детей и для образования детей, способных к канцелярским должностям и вообще к гражданской службе.

В них преподавались чтение и чистописание, Закон Божий, рос. грамматика с практич. упражнениями, история всеобщая и российская, география всеобщая и российская с основаниями математики, географии, арифметика, начальная алгебра, бухгалтерия и основания геометрии, по возможности, начала тригонометрии и геодезии, формы делопроизводства и судебного порядка с практич. упражнениями в них.

Объем обучения и предметы во многом совпадали с курсом уездных училищ. Полный курс училищ для детей канцелярских служителей продолжался 6 лет (3 класса по 2 года). Для воспитанников с отличными успехами дополнительно вводились также немецкий и латинский языки. В Петербурге, Москве, Харькове и Казани для наиболее способных выпускников учреждались специальные отделения при гимназиях, где они проходили гимназич. курс и последние 2 года слушали в университете лекции по правоведению, после чего лучшие из них зачислялись в Главный педагогический институт, а остальные определялись на службу.

Начальные народные училища

Принятое в 1864 Положение о начальных народных училищах вводило приходские училища (см. выше) в городах, посадах и селах, содержащиеся за счет местного общества, городского или сельского, частично за счет казны и пожертвований частных лиц, народные училища, учреждаемые частными лицами, министерствами и ведомствами (бывшие сельские училища), а также церковно-приходские училища, открываемые духовенством. По мере распространения земской реформы все больше и больше сельских училищ открывалось и содержалось за счет земств. Министерство народного просвещения открывало образцовые

сельские училища (т. н. министерские). Последние были одно- и двухклассные со сроком обучения, соответственно 3 и 5 лет.

Во всех народных училищах по Уставу 1864 преподавались Закон Божий (краткий катехизис и Священная история), чтение (церковное и гражданское) и письмо, 4 действия арифметики, где возможно — церковное пение. В министерских и некоторых земских училищах программа преподавания была несколько более расширенной. В частности, в министерских училищах с трехгодичным сроком обучения преподавались грамматика рус. языка, составление несложных описаний и писем, чистописание, по пению — нотная грамота, пение по нотам уже разученных сочинений, мажорная гамма, а также пение молитв, народных и военных песен и песен «патриотич. и бытового характера».

Церковно-приходские школы

Начальные народные училища, подчиненные с 1883/84 Синоду и руководимые приходским духовенством, делились на школы грамоты (или школы грамотности) и церковно-приходские школы, двухлетние и двухклассные с четырехлетним курсом.

В школах грамоты — срок обучения 1 год — изучались Закон Божий, церковное пение (с голоса), чтение церковно-славянских и рус. книг, письмо и начатки арифметики (счет). В церковно-приходских школах к этому добавлялись церковное пение по нотам, рус. грамматика и синтаксис (с написанием диктантов), чистописание, 4 действия арифметики, счет и меры, а также (для двухклассных училищ, начиная с 3-го года обучения) начальные сведения по рус. истории (до Александра II). Т. о., выпускники церковно-приходских школ (а в начале 20 в. они составляли большинство среди выпускников начальных сельских училищ) получали меньшее, сравнительно как с министерскими, так и земскими училищами, общее образование, но приобретали довольно прочные навыки хорового пения (нередко по нотам) и зачастую хороший почерк.

Городские училища

По Положению 1872 взамен уездных училищ в городах учреждались правительством, земствами и городскими думами, а также отдельными сословиями и общественными организациями городские училища с 6-летним сроком обучения. Они бывали одно-, двух-, трех-, четырех- и даже пяти- и шестиклассные (в одноклассных — 3 отделения по 2 года, в двухклассных — 1-й класс 4 года, 2-й — 2 года, в трехклассных — каждый класс по 2 года, в четырехклассных — 1-й и 2-й классы по 2 года, 3-й и 4-й по 1 году и т. д.). Сроки пребывания в каждом классе могли, в зависимости от успехов, сокращаться.

В число обязательных предметов городских училищ входили Закон Божий, чтение и письмо, рус. язык и церковно-славянское чтение, арифметика, практич. геометрия, география и история России (с необходимыми сведениями по всемирной географии и истории), сведения из естественной истории и физики, черчение и рисование, пение, гимнастика. В старших классах могли вводиться дополнительные предметы.

Преобразование уездных училищ в городские по Положению 1872 растянулось на 20 лет.

Высшие начальные училища

Учрежденные в 1912 высшие начальные училища имели своей целью дать законченное начальное образование, но поскольку выпускники 3-го и 4-го классов этих училищ имели право поступления, соответственно, в 4-й и 5-й классы средних учебных заведений, получаемое в них образование может быть отнесено к незаконченному среднему. В высшие начальные училища принимали окончивших не менее 1 класса начальных учи-

лишь Министерства народного просвещения. Курс высших начальных училищ продолжался 4 года.

В предметы обучения входили Закон Божий, рус. язык и словесность, арифметика, алгебра (до уравнений 1-й степени), геометрия (до стереометрии), черчение, география, история, естествоведение (неживая природа, ботаника, зоология, анатомия и физиология), физика (до магнетизма и электричества), рисование, чистописание, пение и рукоделие.

В высших начальных училищах учреждались также дополнительные курсы или классы: педагогич., почтово-телеграфные, строительные, электротехнич., сельскохозяйственные, ремесленные и т. п. При этих училищах действовали курсы для взрослых (вечерние и воскресные), т. н. воскресные школы. С 1916 в высших начальных училищах были введены новые, расширенные программы, до этого преподавание в них велось по программам городских училищ.

Одним из наиболее известных общественных учебных заведений был *Университет им. А. Л. Шаняв-*

ского в Москве, городской народный университет (начало основания 1905, открыт в 1908), учрежден на средства генерал-майора в отставке, золотопромышленника А. Л. Шанявского (находился в ведении Московской городской думы); имел два отделения — научно-популярное (4-годовалое, дававшее знания в объеме среднего учебного заведения) и академическое, со сроком обучения 3 года (по программе университета). Окончание университета не давало никаких прав.

Другой тип общественных учебных заведений — общеобразоват. *воскресные школы* для взрослого населения и работающих детей (нередко и для детей рабочих). Начали открываться предпринимателями в 1-й пол. 19 в., интенсивное развитие как средство борьбы с неграмотностью получили с конца 1850-х — нач. 1860-х гг. (к 1862 — 300 воскресных школ).

ДУХОВНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Система духовных учебных заведений — одна из старейших в России. Первые *духовные семинарии* (возникшие в 1-й четверти 18 в.) были учреждены в соответствии с духовным регламентом. Наряду с чисто богословской подготовкой они давали общее образование, прежде всего в области древних языков (греч., латинский, еврейский), логики, красноречия. С кон. 18 в. высшую ступень духовного образования обеспечивали *духовные академии*: *Киевская* (старейшая, ее история восходит к 1615), в 1631—1701 — Киевско-Могилянская коллегия, с 1701 академия; *Московская* — восходит к Славяно-греко-латинской (в 1701—75 — Славяно-латинская) академии (1775); преобразована в духовную в 1814 (переведена в Троице-Сергиеву лавру); *Петербургская* (с 1809), восходит к Славяно-греко-латинской семинарии (1726—97), в 1797—1809 называлась Александровско-Невской академией; *Казанская*, преобразована в 1797 из Казанской духовной семинарии (основанной в 1723), закрыта в 1818 и вновь восстановлена в 1842.

С 1809 духовные семинарии — по одной на епархию — становятся средними духовными учебными заведениями, а для приготвления к ним в уездах учреждаются *уездные духовные училища*. Курс обучения в духовных семинариях продолжался 6 лет (3 двухгодичных класса) и включал светские предметы в объеме гимназич. образования с добавлением логики, психологии, естественной истории, сельского хозяйства и медицины (не считая чисто духовных предметов). Хотя большое разнообразие разнородных предметов — точные, естественные, гуманитарные и практич. науки — исключало глубину их изучения, а знание выпускниками семи-

нарий новых языков (французского и особенно немецкого) намного отставало от древних и было в основном пассивным, семинарское образование (при поступлении выпускников семинарии в университеты) вполне успешно конкурировало с гимназическим. С 1867 семинарии преобразованы в 6-классные (каждый класс годичный), вместо преподавания медицины и сельского хозяйства введено преподавание педагогики.

Духовные академии были разделены на факультеты: богословский, церковно-исторический и церковно-практический. В 1884 это деление было отменено. Кроме чисто богословских кафедр в духовных академиях существовали 3 кафедры философии (логики, психологии и метафизики и истории философии; именно выпускники духовных учебных заведений, семинаристы, оказывались наиб. философски подготовленными), 2 кафедры всеобщей гражданской истории, кафедры рус. истории, теории словесности и истории иностранной литературы, рус. и церковно-славянского языков, греч., латинского, еврейского, немецкого, французского и английского языков. В Казанской академии преподавались также татарский, арабский, монгольский и калмыцкий языки. Изучаемые в духовных семинариях светские предметы по-прежнему соответствовали полному курсу классич. гимназий с прибавлением психологии и начального курса истории философии. В некоторых семинариях преподавались также медицина и сельское хозяйство.

Формально с 1869 духовные семинарии и академии были всесословными учебными заведениями, но на практике в них преобладали дети духовенства.

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Одним из старейших типов учебных заведений в России были *кадетские корпуса*. Самые ранние из них — *Сухопутный шляхетный корпус*, основан в 1732 в Петербурге как Корпус кадет (с 1752 императорский Сухопутный кадетский корпус), с 1800 — *1-й петербургский кадетский корпус*; *Инженерный шляхетный корпус*, основан в Москве в 1712 как Инженерная школа (в 1719 переведена в Петербург, в 1762 — Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус), с 1800 — *2-й петербургский кадетский корпус*; *Московский (1-й) кадетский корпус* (с 1778). Офицеров для флота готовил *Морской шляхетный кадетский корпус*, основан в 1752 в Петербурге (в 1762—1867 и 1906—1916 — *Морской корпус*, в 1867—91 и 1915—18 — *Морское училище*). К кон. 19 в. в России имелся 21, к 1917 — 29 кадетских корпусов; среди них: *Павловский*, преобразован в 1829 из императорского Военно-сирот-

ского дома (основанного в 1798, преим. для солдатских детей), в 1863 на его основе создано Павловское 1-е военное училище (с 1894 — Павловское военное училище), *Константиновский*, основан в 1855 на базе Дворянского полка (1808; с 1807 Волонтерский корпус), *Николаевский* (1882, на базе Николаевского кавалерийского училища, созданного в 1864), *Александровский* (1882, на базе 3-й петербургской гимназии; создана в 1873), кадетские корпуса (все — в Петербурге). В Царском Селе был *Александровский кадетский корпус* (1829) для подготовки сирот и детей военных к поступлению в столичные кадетские корпуса. Упразднены в 1918.

Кадетские корпуса изначально были привилегированными, преим. для детей дворян и офицеров, закрытыми учебно-воспитательными заведениями, дававшими как общее, так и специальное военное образование.

К кон. 19 в. они делились на 5 возрастов, каждый по 3 года, с преподаванием математики, физики и механики, астрономии, естественной истории, права, гос. экономики, истории, географии, красноречия, русского, славянских и иностранных языков, логики, а также «художеств» (живописи, ваяния, музыки и т. д.) и, конечно, военных наук. Впоследствии курс учения в кадетских корпусах составлял 9, а с 1836 — 8 лет и включал Закон Божий, русский (с церковно-славянской), французский и немецкий языки, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, аналитич. геометрию, физику, механику, химию, естественную историю, историю российской и всеобщую, географию, законоведение, статистику и военные науки. С 1852 было усилено преподавание специальных военных предметов, а также математики, черчения, архитектуры и военной истории.

Пажеский корпус — самое аристократич. учебно-воспитательное заведение в России — основан в 1779 в Петербурге, а статус учебного заведения окончательно получил в 1802. В нем воспитывались дети дворян гл. обр. первых трех классов по Табели о рангах (см. наст. изд.; т. 1, М., 1989, Приложения), выпускал преим. офицеров гвардии.

Состоял первоначально из 3 пажеских и 1 камер-пажеского (старшего) класса, с обучением французскому, немецкому и латинскому (с 1785) языкам, алгебре, геометрии, физике, фортификации, истории, географии, геральдике. С 1802 предметами преподавания стали Закон Божий, русский, французский, немецкий языки, «образование в слог», в т. ч. деловом (на русском, французском и немецком языках), история, география, история международных отношений, арифметика, алгебра, геометрия, в т. ч. высшая, тригонометрия, физика, механика, рисование, ситуация, артиллерия, фортификация.

Школа гвардейских подпоручиков и кавалерийских юнкеров основана в Петербурге (в 1823—26 Школа гвардейских подпоручиков), предназначалась для обучения дворян, не получивших военного образования. С 1859 — *Николаевское училище гвардейских юнкеров*, с 1864 — *Николаевское кавалерийское училище*. Срок обучения 2 года.

В 1862 кадетские корпуса были преобразованы в *военные гимназии*, курс обучения в которых составлял 6, а с 1870 — 7 лет и соответствовал в основном курсу реальных гимназий (реальных училищ). Выпускники военных гимназий поступали в учрежденные тогда же *военные училища* с 2-, а в артиллерийских и инженерных училищах — с 3-летним курсом обучения. В военных училищах в основном преподавались военные дисциплины, но предполагалась также дополнительная подготовка по ряду общеобразовательных предметов. Т. о., военные гимназии давали общее среднее образование и начальную военную подготовку, а военные училища — среднее специальное военное образование. Соответствующие изменения были проведены в 1865 и в Пажеском корпусе, сохранившем при этом свое прежнее наименование (2 старших класса были приравнены по программам к военным училищам, а младшие — к военным гимназиям); с кон. 19 в. обучалось 330 воспитанников. Упразднен в 1918.

С 1882 военные гимназии были вновь преобразованы в кадетские корпуса в основном с теми же сроками и программами обучения, с 1889 в программу было введено законоведение.

Новая программа предусматривала преподавание в кадетских корпусах русского языка и словесности

(включая теорию словесности и чтение классич. литературы), французского и немецкого языков (обеспечивавшее «необходимое понимание» легкой прозы и «некоторые навыки» передачи на иностранном языке прочитанного на этом языке), математики (алгебры, геометрии, тригонометрии, начал аналитич. геометрии), физики, космографии, начальных понятий химии, начальных сведений по естественной истории, всеобщей и рос. истории, законоведения (основных понятий о нравственности, праве и общежитии), чистописания и рисования.

В военных училищах из общеобразовательных предметов были русский язык и словесность (включая историю литературы до Гоголя), практич. занятия по немецкому и французскому языкам (в основном переводы текстов военного содержания), механика, химия.

Т. о., хотя формально кадетские корпуса были приравнены к средним учебным заведениям, только курс военных училищ обеспечивал полное общее среднее образование.

С 1864 стали открываться *юнкерские училища*, первоначально с 2-, а затем с 3-летним курсом обучения. В них принимались лица с незаконченным средним и законченным начальным образованием.

Курс общеобразовательных предметов в этих училищах включал Закон Божий, русский язык (повторение грамматики, чтение образцовых произведений литературы, практич. упражнения), математику (элементарную геометрию, начала алгебры, включая уравнения 2-й степени), элементарные сведения из физики, географии и истории России. Общеобразовательный курс юнкерских училищ, готовивших значит. часть рос. офицерства, соответствовал начальному образованию (напр., в городских училищах), несколько превосходя его в математике. Лишь появившиеся впоследствии училища с 3-летним курсом, в которые принимали после 6 классов гимназий или реальных училищ, обеспечивали своим выпускникам более обширное образование.

ВЫСШИЕ ВОЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Николаевская академия Генерального штаба (императорская Военная академия), основана в 1832 в Петербурге, *Николаевская инженерная академия* (создана в 1855 в Петербурге на базе Николаевского инженерного училища), *Михайловская артиллерийская академия*, создана в 1855 в Петербурге (на базе офицерских классов Михайловского артиллерийского училища, основанного в 1820; до 1863 входила, как и Инженерная академия, в состав *Военной академии*), *Александровская военно-юридическая академия* (1867) давали высшее военное образование.

В 1827 в составе Морского корпуса создан *Офицерский класс*, который приравнивался к высшим учебным заведениям (с 1862 — Академич. курс морских наук, с 1877 — *Николаевская морская академия*).

Училище (Школа) колонновожатых в Москве, основано в 1815 Н. Н. Муравьевым как частное учебное заведение (Муравьевское училище; выросло из основанного им же в 1810 Общества математиков) для подготовки офицеров Генерального штаба, в 1817 стало государственным учебным заведением; закрыто в 1823.

ЖЕНСКИЕ ИНСТИТУТЫ (ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ) И ПАНСИОНЫ

Первыми женскими учебными заведениями в России стали т. н. институты благородных девиц, закрытые привилегированные учебно-воспитательные заведения. В 1764 в Петербурге открылось *Воспитательное общество благородных девиц* (Смольный институт), старейший среди институтов благородных девиц (с 1797 управление ими находилось в основном в Ведомстве учреждений императрицы Марии), в 1798 *Петербургское училище ордена св. Екатерины* (Екатерининский институт), с 1844 причислен к I разряду женских институтов, в 1813 — *Патриотический институт* (учрежденный Женским патриотич. обществом) — наиболее аристократич. женские институты. Менее аристократич. и привилегированными были *Петербургский Мариинский институт* (1797, до 1800 — Сиротское училище), *Елизаветинский институт* (1808), *Павловский институт* (1829), *Петербургский Николаевский институт* (1837), *Петербургский Александровский институт* (1865; создан на базе Мещанского отделения Смольного института), *Ксенинский** институт (1895; открыт в память бракосочетания великой княжны Ксении (дочери Александра III) с великим князем Александром Михайловичем 25 июля 1894), для полусирот из детей дворян с 10-летним курсом обучения (7 общих и 3 профессиональных класса).

В Москве также имелись институты благородных девиц (одноименные с петербургскими): *Екатерининский институт* — *Московское училище ордена св. Екатерины*, основано в 1802; в 1804 добавилось мещанское отделение, в 1842 преобразовано в *Мещанское училище* (на базе последнего в 1891 создан *Александровский институт*), *Елизаветинский институт*, основанный в 1825, в т. ч. для обучения дочерей военных, чиновников, духовенства, купцов, *Московский Николаевский сиротский институт*, основан в 1837 — для обучения сирот потомственных дворян, офицеров, чиновников. Постепенно такие институты были созданы почти во всех губерниях. Упразднены после 1917.

В наиболее аристократич. институты принимались только дочери потомственных дворян и чинов первых четырех классов, в другие — всех обер-офицеров и классов чиновников, а в качестве своеобразных — и дочери духовенства и купечества. За казенный счет, а также за счет различных стипендий (императора, членов императорской фамилии, различных ведомств и дворянских обществ) воспитывались сироты, полусироты и дети недостаточных и заслуженных родителей, а часть воспитанниц — за плату.

Первоначально срок воспитания в Смольном институте составлял 12 лет, но потом он был сокращен. В начале 19 в. в большинстве институтов он составлял 6 лет, к концу века основной курс — 7 лет. Принимались девочки с 6, позднее 8—10 лет. С 1803 в институтах стал вводиться класс п е п и н ь е р. Пепиньерки готовились к роли будущих воспитательниц и выполняли обязанности помощниц педагогов. В кон. 19 в. пепиньерские курсы были преобразованы в педагогич. классы, со сроком обучения 2 года. При Ксенинском институте с 1901 действовали также профессиональные курсы, дававшие квалификацию ученых канторщиц, рисовальщиц и мастериц по женским рукоделиям. Но основной целью образования в институтах благородных девиц была подготовка будущих жен и матерей, в них уделя-

лось большое внимание навыкам домашнего хозяйства (кройка и шитье, приготовление пищи и т. д.). Преподавание русского языка и словесности включало историю отечественной литературы до Тургенева, Гончарова и Островского, французского языка (в женских институтах это был один из важнейших предметов), предполагало знакомство с П. Корнелем, Ж. Расином и Мольером, немецкого — с Г. Э. Лессингом, Ф. Шиллером и И. В. Гёте.

Математика изучалась в объеме арифметики, геометрии (включая стереометрию), алгебры (до уравнений 2-й степени и логарифмов). История включала сведения о всемирной и рос. истории до кон. 19 в., география — о физич. географии, основных странах, физич., полит., этнография и экономическая география России. Среди других предметов были естествоведение — начальные сведения по естественной истории, химии и геологии, краткая ботаника, зоология и краткая анатомия и физиология, а также физика и космография (курсы физики до электричества).

Т. о., женские институты давали воспитанницам облегченный курс средней школы, усиленный педагогикой и специфически женскими предметами (домашнее хозяйство).

Частные женские пансионы поначалу были чрезвычайно многообразны как по предметам и программам обучения, так и по внутреннему устройству, составу воспитанниц и т. д. Но начиная с 30-х гг. 19 в. усиливается правительственный надзор за частными учебными заведениями, их устройство и программы ориентируются на казенные (Мариинского ведомства — императрицы Марии) женские институты.

Женские гимназии

С 1862 стали открываться *женские гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии* — открытые средние учебные заведения с 7-летним курсом обучения.

В них изучались Закон Божий, русский язык и словесность, французский и немецкий языки, история, география, математика, естествоведение и физика, педагогика, рукоделие, гимнастика, чистописание, рисование и пение. Курс математики, как и других точных и естественных наук, был облегчен сравнительно с мужскими гимназиями, зато преподавались педагогика и рукоделие.

В том же году начали открываться и *женские гимназии Министерства народного просвещения*.

7 классов и дополнительный 8-й, педагогический, давали права преподавания. В этих гимназиях был несколько расширен курс математики, естественной истории и физики, также преподавались педагогика, факультативно изучались древние языки. В процессе развития женских министерских гимназий их программы постепенно сближались с программами мужских средних учебных заведений.

В пореформенное время на базе частных пансионов стали создаваться *частные женские гимназии* как с правами, так и без прав казенных гимназий.

Мариинские женские училища

Для низших слоев городского населения с 1882 стали создаваться женские училища Ведомства учреждений императрицы Марии, приближавшиеся к начальным учебным заведениям. Курс в них продолжался 4 года, изучались Закон Божий, русский язык, арифметика, география и история России, естествоведение, чистописание, пение, рукоделие. При них создавались также профессиональные женские училища с 3-летним курсом обучения.

Училища для девиц духовного звания

Для дочерей православного духовенства, а также — за плату — и для девиц других сословий существовали *епархиальные женские училища*, с 6 классами обучения. Их устройство регулировалось Уставом 1868.

В число предметов входили Закон Божий, русский язык и словесность (включая ознакомление с церковно-славянским языком), арифме-

* Многие высшие, военные и женские учебные заведения получали названия по имени рос. императоров или членов императорской фамилии; пояснения даются в случаях, не очевидных для современного читателя.

тика и общие основания геометрии, география (всесообщая и России), история, общие необходимые сведения из физики, педагогика, чистописанье, церковное пение, рукоделие, а факультативно — новые языки, музыка, рисование. История преподавалась епархиалькам по Д. И. Иловайскому (рекомендовалось также чтение Н. М. Карамзина и С. М. Соловьёва), словесность — в пределах хрестоматии А. Д. Галахова.

В Царском Селе, Ярославле, Казани, Иркутске и губерниях Западного края существовали также *мариинские училища для девиц духовного звания*, с программой обучения, приближающейся к епархиальным училищам.

Высшие женские учебные заведения

К кон. 19 в. все казенные и частные женские учебные заведения давали лишь среднее, и то облегченное, сравнительно с мужским, образование. С 1870-х гг. стали открываться (на правах частных учебных заведений) *высшие женские курсы*: в 1872 курсы В. И. Герье в Москве, в 1876 — *высшие женские курсы в Казани*, в 1878 — *высшие женские курсы в Киеве* и, наконец, в том же году — *Бестужевские курсы в Петербурге* (официальное название — Петербургские высшие женские курсы). Они ориентировались на университетские программы и постепенно включали отделения, соответствующие основным университетским факультетам (кроме медицинского) со сроком обучения 4 года. В нач. 20 в. некоторые из них (Бестужевские, Герье) получили права правительственных учебных заведений. Выпускницы получали права преподавательниц женских учебных заведений. В 1897 в Петербурге основан *Женский медицинский институт* с 5-летним сроком обучения и полным курсом медицинского образования, в 1910 — *Харьковский женский медицинский институт*; в 1903 — *Женский педагогический институт* (бывший в Ведомстве учреждений императрицы Марии) со сроком обучения в 4,5 года, с двумя отделениями: словесно-историческим и физико-математическим. В 1906 в Петербурге открылись *Женские политехнические курсы*, преобразованные в 1915 в *Женский политехнический институт*.

Существовали также на правах частных учебных заведений возникавшие с нач. 20 века *Высшие Стебутовские сельскохозяйственные курсы* в Петербурге, *Высшие женские Голицынские сельскохозяйственные курсы* в Москве, *Московские высшие женские медицинские курсы приват-доцента императорского Московского университета П. Г. Статкевича и доктора А. Б. Изачика*, *Юридические высшие женские курсы Е. И. Песковской*, *Женские архитектурные курсы Е. Ф. Багаевой*, *Высшие курсы воспитательниц и руководительниц физического образования* (3 последние — в Петербурге) и др.

Среднее специальное медицинское образование женщины получали в различных *фельдшерских училищах, училищах лекарьских помощниц и повивальных институтах* (императорский Клинический повивально-гинекологический институт, Повивальные институты при императорских Петербургском и Московском родовспомогательных заведениях и др.), а также на *подготовительных курсах сестер милосердия* и в *фельдшерских школах*.

Лит.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. 1—17, СПб., 1864—1904; Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения, 1803—1864, СПб., 1867; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения, т. 1—7, 14—16, СПб., 1866—1907; Сборник материалов для истории просвещения в Рос-

сии, извлеченных из архива Министерства народного просвещения, т. 1—4, СПб., 1893—1902; Рождественский С. В., Историч. обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802—1902, СПб., 1902; Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. Справочная книга, составленная по официальным сведениям за ... [1883/84, 1890/91, 1895, 1898, 1905, 1907—1909, 1911—1916] год, СПб., 1883—1916; Спутник школы. Календарь для русской учащейся молодежи на ... [1884/85—1916/17] учебный год, СПб.—Пг.—М., 1885—1917; Воротинцев Н. Н. Полный сборник правил приема и программ высших, средних и низших общеобразовательных, специальных и профессиональных учебных заведений России, мужских и женских, правительственных и частных, Пг., 1915.

Вессель Н., Учебный курс гимназий, СПб., 1866; Лаурсон А. М., Программы и правила об испытаниях для мужских гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения, СПб., 1913; Примерные программы предметов в начальных народных училищах Министерства народного просвещения, СПб., 1912; Средние и низшие технич. и ремесленные учебные заведения, СПб., 1889; Программы для высших начальных училищ ведомства Министерства народного просвещения, Пг., 1916; Устав женских учебных заведений ведомства учреждений императрицы Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г., с дополнениями, СПб., 1884; Основные положения, нормальная табель и учебные планы женских институтов и гимназий ведомства учреждений императрицы Марии, СПб., 1905; Программы для церковно-приходских школ, Пг., 1916; Маврицкий В., Правила и программы реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения, изд. 17-е (значительно измененное и дополненное), М., 1910; Фальборк Г., Чарнолуцкий В., Инородческие и иноверч. училища: Систематич. свод законов и распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских и еврейских, СПб., 1903; Константинов Н. А., Струминский В. Я., Очерки по истории начального образования в России, М., 1949; Веселов А. Н., Среднее профессионально-технич. образование в дореволюционной России: Очерки по истории, М., 1959; Кузьмин Н. Н., Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России, Челябинск, 1971; Ганелин Ш. И., Классич. гимназии. Реальные училища. — В кн.: Очерки истории школы и педагогич. мысли народов СССР. Вторая половина XIX в., М., 1976; Днепров Э. Д., Соотношение различных типов начальных школ — там же; Иванов Н. Е., Высшая школа в России в кон. XIX — нач. XX вв., М., 1991; его же, Высшая школа Рос. империи нач. XX в. — «Вестник Рос. Академии наук», 1997, т. 67, № 3; Иванов А. Е., Ученые степени в Рос. империи. XVIII в. — 1917 г., М., 1994. + Брокгауз (статьи): Университеты, Гимназии, Академии ..., Консерватории, Художественно-промышленное образование, Начальное народное образование, Народные училища, Женское образование, Учительские институты, семинарии и школы, Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны, Духовно-учебные заведения, Ветеринарные институты и школы и т. п.; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. М., 1992; Отечественная история, т. 1, М., 1994, т. 2, М., 1996; Москва, М., 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

Состояние образования в Российской империи, с. 673

Высшие учебные заведения, с. 676

Университеты

Привилегированные учебные заведения (Благородный пансион при Московском университете, Лицей, Училище правоведения и др.)

Институты и высшие училища, в т. ч. художественные

Средние учебные заведения, с. 681

Гимназии

Реальные училища

Коммерческие училища

Училища при церквях иностранных исповеданий

Профессиональные учебные заведения, с. 683

Учительские институты, учительские семинарии, средние технические училища и др.

Начальные учебные заведения, с. 683

Уездные и приходские училища, церковно-приходские школы, городские и др.

Духовные учебные заведения, с. 685

Военно-учебные заведения, с. 685

Женское образование, с. 687

(Институты благородных девиц, пансионы, гимназии, училища и др.)

Д. И. Раскин.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ РОССИИ В 1917

Продолжение

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность	Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Университеты			Пед. ин-т им. П. Г. Шелл-путина в Москве		
Варшавский	1816—31, 1869; в 1915 эвакуирован в Ростов-на-Дону; с 1917 Ростовдонский	Мин-во нар. просвещения	Жен. пед. ин-т в Петрограде	1903	Ведомство учреждений имп. Марии
Казанский	1804	—	Учебное заведение изобразительного искусства		
Киевский	1834	—	Высшее худ. уч-ще живописи, скульптуры, архитектуры Академии художеств в Петрограде	1764	Мин-во Имп. двора
Московский	1755	—	Военные и военно-морские учебные заведения		
Новороссийский (в Одессе)	1865	—	Академия Генштаба в Петрограде	1832	Воен. мин-во
Петроградский (до 1914 Петербургский)	1819	—	Арт. академия в Петрограде	1855	—
Пермский	1916	—	Инж. академия в Петрограде	1855	—
Саратовский	1909	—	Интендантская академия в Петрограде	1900; до 1911 Интендантский курс	—
Томский	1878; открыт в 1888	—	Воен.-юрд. академия в Петрограде	1867	—
Харьковский	1805	—	Мор. академия в Петрограде	1877	Мор. мин-во
Юрьевский	1632; вновь открыт в 1802 под назв. Дерптский, с 1893 Юрьевский	—	Мор. уч-ще в Петрограде	1701; до 1906 Мор. кад. корпус, в 1906—1916 Мор. корпус	—
Специальные юридические высшие учебные заведения			Мор. инж. уч-ще в Крошштадте	1894	—
Александровский лицей в Петрограде	1811	Ведомство учреждений имп. Марии	Духовные высшие учебные заведения		
Лицей наследника Николая (Катковский) в Москве	1869	Мин-во нар. просвещения	Казанская духовная академия	1797	Святейший Синод
Уч-ще правоведения в Петрограде	1835	Мин-во юстиции	Киевская духовная академия	1701	—
Демидовский юрид. лицей в Ярославле	1805	Мин-во нар. просвещения	Моск. духовная академия	1775	—
Востоковедческие высшие учебные заведения			Петрогр. духовная академия	1797	—
Учебное отделение восточных языков при Азиат. деп-те Мин-ва иностр. дел в Петрограде	1818	Мин-во иностр. дел	Высшие жен. богословско-пед. курсы в Москве	1914	—
Восточный ин-т во Владивостоке	1899	Мин-во нар. просв.	Римско-католич. духовная академия в Петрограде	1842	Мин-во внутр. дел
Лазаревский ин-т вост. языков в Москве	1815	—	Энциклопедическая духовная академия	1874	—
Специальные медицинские высшие учебные заведения			Инженерно-промышленные учебные заведения		
Воен.-мед. академия в Петрограде	1798; до 1881 Мед.-хирургич.	Воен. мин-во	Моск. высшее техн. уч-ще	1830	Мин-во нар. просвещения
Жен. мед. ин-т в Петрограде	1897	Мин-во нар. просвещения	Петрогр. техн. ин-т	1828	—
Педагогические высшие учебные заведения			Харьковский техн. ин-т	1885	—
Петрогр. ист.-филол. ин-т	1867	—	Томский техн. ин-т	1896; открыт в 1900	—
Нежинский ист.-филол. ин-т	1820	—	Варшавский политех. ин-т	1898; в 1915 переведен в Ниж. Новгород, с 1917 Нижегородский	Мин-во торговли и пром-сти

Примечание. Данная таблица, подготовленная для энциклопедии «Отечественная история» (т. 1, М., 1994, с. 492—96) А. Е. Ивановым, не является «конспектом» Приложения, а имеет самостоятельное значение — по состоянию рос. образования на 1917 год. Расхождения в датах с текстом Приложения объясняются разницей в годах основания и фактич. открытия некоторых учебных заведений.

Ред.

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Донской политехн. ин-т в Новочеркасске	1907	—
Киевский политехн. ин-т	1898	—
Петрогр. политехн. ин-т	1898; открыт в 1902	—
Рижский политехн. ин-т	1862	Мин-во нар. просвещения
Ин-т инженеров путей сообщения в Петрограде	1810	Мин-во путей сообщения
Ин-т инженеров путей сообщения в Москве	1896; до 1913 Инж. уч-ще	—
Петрогр. горный ин-т	1773	Мин-во пром-сти и торговли
Екатеринославский горный ин-т	1899; до 1912 Высшее горное уч-ще	—
Электротехн. ин-т в Петрограде	1868	Мин-во внутр. дел
Ин-т гражд. инженеров в Петрограде	1842	—

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Сельскохозяйственные высшие учебные заведения		
Моск. с.-х. ин-т	1865; до 1894 Петровская земледельч. и лесная академия	Мин-во земледелия
Ин-т с.-х. и лесоводства в Новой Александрии (Люблинская губ.)	1862	—
Лесной ин-т в Петрограде	1803	—
Воронежский с.-х. ин-т	1913	—
Высшие муж. курсы по виноделию при Никитском уч-ще сад-ва и виноделия в Ялте	1888	—
Константиновский межевой ин-т в Москве	1779	Мин-во юстиции
Варшавский ветеринарный ин-т	1840; в 1915 эвакуирован в Новочеркасс, в 1916 Донской	Мин-во нар. просвещения
Казанский ветеринарный ин-т	1874	—
Харьковский ветеринарный ин-т	1850	—
Юрьевский ветеринарный ин-т	1848; до 1893 Дерптский	—

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ РОССИИ В 1917

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
1. Учебные заведения с университетской программой преподавания		
а) Женские курсы		
Варшавские высшие жен. курсы	1909; в 1915 эвакуированы в Ростов-на-Дону, в 1917 переименованы. Обществ.	Мин-во нар. просвещения
Екатеринославские высшие жен. курсы	1916. Обществ.	—
Казанские высшие жен. курсы	1872; в 1886 приостановлены; в 1906 возобновлены. Обществ.	—
Киевские высшие жен. курсы	1872; в 1886 приостановлены; в 1906 возобновлены. Обществ.	—
Киевские общеобразоват. вечерние жен. курсы А. В. Жихулиной	1905. Частные	—
Моск. высшие жен. курсы (Герье)	1872; в 1886 приостановлены; в 1900 возобновлены. Обществ.	—
Моск. высшие жен. ист.-филол. и юрид. курсы В. А. Полторацкой	1906; до 1907 Высшие жен. частные юрид. курсы кн. Голицыной и Полторацкой. Частные	—
Одесские высшие жен. курсы	1909. Обществ.	—
Петрогр. высшие жен. курсы (Бестужевские)	1878; в 1886 приостановлены; в 1889 возобновлены. Обществ.	—
Петрогр. высшие жен. ист.-лит. и юрид. курсы Н. П. Раева (Вольный жен. ун-т)	1906. Частные	—
Петрогр. высшие жен. курсы при Биологич. лаборатории проф. П. Ф. Лесгафта, учрежденные Дмитриевым	1905. Курсы по биологич., мед. и социальным наукам при Лаборатории проф. П. Ф. Лесгафта; в 1907 закрыты, в 1910 возобновлены как Высшие курсы. Частные	—
Петрогр. жен. естеств.-науч. курсы М. А. Лохвицкой-Скалон	1905. Частные	—
Сибирские высшие жен. курсы в Томске	1910. Обществ.	—
Тифлиские высшие жен. курсы (не имели статуса высшего уч. заведения)	1909. Обществ.	—
Харьковские высшие жен. курсы Об-ва взаимопомощи трудящихся женщин	1907. Обществ.	—

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
б) Женские медицинские учебные заведения		
Киевский жен. мед. ин-т	1916; преобразован из мед. ф-та Киевских высших жен. курсов, созданного в 1907, с 1908 — самостоят. уч. заведение	Мин-во нар. просвещения
Моск. жен. мед. ин-т проф. П. Г. Статкевича и А. Б. Изачека	1909. Частный	—
Одесские высшие жен. мед. курсы	1909; открыты в 1910. Обществ.	—
Жен. гор. мед. ин-т в Ростове-на-Дону	1916. Обществ.	—
Саратовские высшие жен. курсы Саратовского сан. об-ва	1915. Обществ.	—
Харьковский жен. мед. ин-т	1909; открыт в 1910. Обществ.	—
в) Для мужчин и женщин		
Моск. частный юрид. ин-т	1915. Частный	—
Петрогр. частный ун-т при Психоневрологич. ин-те	1907; до 1916 Психоневрологический ин-т	—
Юрьевские университетские курсы естеств. и мед. наук, учрежденные проф. М. И. Ростовцевым	1908. Частные	—
Новороссийский (в Одессе) междунар. ин-т	1914. Частный	—
Петрогр. высшие геогр. курсы при Докучаевском почвенном к-те	1916. Обществ.	Мин-во земледелия
Моск. гор. ун-т им. А. Л. Шанявского	1908. Обществ.	Мин-во нар. просвещения
Нижегородский гор. нар. ун-т	1916. Обществ.	—
Томский нар. ун-т им. П. И. Макушина	1915. Обществ.	—
Петрогр. археол. ин-т	1877. Обществ.	—
Моск. археол. ин-т	1907. Обществ.	—
Педагогические учебные заведения		
Петрогр. академия пед. наук Лиги образования	1907. Обществ.	Мин-во нар. просвещения
Петрогр. пед. курсы Об-ва эксперимент. педагогики	1910. Обществ.	—
Петрогр. пед. курсы Фребелевского об-ва для действия первонач. воспитанию	1872; в 1907 преобразованы в высшие женские. Обществ.	—
Киевский жен. Фребелевский ин-т Киевского Фребелевского об-ва	1907. Обществ., жен.	—

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Моск. пед. курсы при Об-ве воспитательниц им. Д. И. Тихомирова	1872. Обществ.	—»—
Учебные заведения изобразительного и музыкального искусства		
Моск. уч.-ще живописи, ваяния и зодчества	1843. Обществ.	Мин-во внутр. дел
Моск. худ. об-ва	—»—	—»—
Киевская консерватория	1912. Обществ.	—»—
Рус. муз. об-ва	—»—	—»—
Моск. консерватория	1866. Обществ.	—»—
Одесская консерватория	1913. Обществ.	—»—
Петрогр. консерватория	1862. Обществ.	—»—
Саратовская консерватория	1912. Обществ.	—»—
Муз.-драм. уч.-ще Моск. филармонич. об-ва	1878. Обществ.	—»—
Петрогр. ин-т истории иск-в	1912. Обществ.	Мин-во нар. просвещения
Учебные заведения народнохозяйственного профиля		
а) Коммерческие		
Киевский коммерч. ин-т	1906. Обществ.	Мин-во торговли и пром-сти
Моск. коммерч. ин-т Об-ва распространения коммерч. знаний	1906. Обществ.	—»—
Высшие коммерч. курсы М. В. Побединского в Петрограде	1906; с 1917 Торг.-пром. ин-т. Частный	—»—
Петрогр. коммерч. ин-т	1906; Высшие коммерч. курсы при Об-ве содействия высшему коммерч. образованию; в 1910—17 Ин-т высших коммерч. знаний (вечерний). Обществ.	Мин-во торговли и пром-сти

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Харьковский коммерч. ин-т Купеческого об-ва	1912; до 1916 Высшие коммерч. курсы. Обществ.	—»—
Практич. вост. академия Об-ва востоковедения в Петрограде	1910. Обществ., муж.	—»—
б) Сельскохозяйственные		
Моск. высшие жен. с.-х. курсы С. К. Голицыной	1908. Частные	Мин-во земледелия
Новочеркасские высшие жен. с.-х. курсы Донского с.-х. об-ва	1916, на основе Новочеркасских высших жен. курсов. Обществ.	—»—
Петрогр. жен. с.-х. курсы Об-ва содействия жен. с.-х. образованию (Стебутовские)	1904. Обществ.	—»—
Петрогр. с.-х. курсы Саратовские высшие с.-х. курсы Саратовского с.-х. об-ва	1906. Частные 1913. Обществ.	—»— —»—
в) Инженерно-промышленные		
Петрогр. жен. политехн. ин-т	1906. Жен. политехн. курсы; в 1915 переименованы в ин-т. Обществ.	Мин-во нар. просвещения
Курсы высших archit. знаний Е. Ф. Багаевой и Л. П. Молас в Петрограде	1906. Частные, жен.	Мин-во торговли и пром-сти
Моск. жен. политехн. ин-т	1916. Частный	Мин-во нар. просвещения
Екатеринославский политехн. ин-т, учрежденный А. А. Прессом и Л. Г. Рабиновичем	1916. Для мужчин и женщин евр. национальности	—»—

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

авг. — август, августовский
авт. — авторский
автобиогр. — автобиографический, автобиография
автореф. — автореферат
адм. — административный
акад. — академик, академия
альм. — альма-матер
АН — Академия наук
антич. — античный
апр. — апрель, апрельский
арт. — артиллерийский; артист
арх. — архивный
археогр. — археографический
АХ — Академия художеств
Б. — Большой
б. — бывший
б. г. — без указания года
б. д. — без указания даты
б. м. — без указания места
б. п. — без подписи
БПбс(мс) — Библиотека поэта, большая серия (малая серия)
б. ч. — большая часть, большей частью
библ. — библиографический, библиография; библиейский
биогр. — биографический
бирж. — биржевой
б-ка — библиотека
Бл. Восток — Ближний Восток
бр. — братья
букв. — буквально, буквальный
бурж. — буржуазный
в. — век; выпуск
в осн. — в основном
в т. ч. — в том числе
вв. — века
всд. — ведомости
всл. кн. — великий князь
вест. — вестник
веч. — вечерний
визант. — византийский
вкл. — включительно, включая
внеш. — внешний
внутр. — внутренний
воен. — военный
восп. — воспитанная
вост. — восточный
всерос. — всероссийский
вступ. — вступительный
г. — год; город
ГА — Государственный архив
газ. — газета
гв. — гвардии, гвардейский
гг. — годы; города
ген. — генерал, генеральный
геогр. — географический
г-зия — гимназия
гл. — главный; глава
гл. обр. — главным образом
ГМ — Государственный музей
гор. — городской
гос. — государственный
гос-во — государство
гр. — граф, графиня
гражд. — гражданский
губ. — губерния, губернский
д. — деревня; действие; дело
Д. Восток — Дальний Восток
д. стат. сов. — действительный статистический советник
д. тайный сов. — действительный тайный советник
д. чл. — действительный член
д-во — делопроизводство
дсж. — дежурный
дек. — декабрь, декабрьский
демокр. — демократический
деп. — департамент; депутат
дст. — детский
дипл. — дипломат, дипломатический
дир. — директор

дис. — диссертация
доб. — добавление
докт. — докторский
док-ты — документы
дом. — домашний
доп. — дополнение, дополнительный, дополненный
ДП — Департамент полиции
д-р — доктор
Др. — Дренин
др. — другой
др.- — древне...
драм. — драматический
с. н. в. — его императорское величество
европ. — европейский
сжгод. — ежегодный, ежегодник
сжедн. — ежедневный
сжмес. — ежемесячный
сжнед. — еженедельный, еженедельник
спарх. — спархизальный
ж. — журнал
ж. д. — железная дорога
ж.-д. — железнодорожный
жен. — женский
журн. — журнальный
зав. — заведующий
загл. — заглавие
зам. — заместитель
зап. — запянутый; записки
зап.-европ. — западноевропейский
заруб. — зарубежный
зем. — земский
зол. — золотой
изв. — известный; известия
изд. — издание, издатель, изданный и т. п.
изд-во — издательство
илл. — иллюстрация, иллюстрированный
им. — имени
имп. — император, императрица, императорский
инж. — инженер, инженерный
ин-т — институт
иск-во — искусство
искл. — исключительно, исключая
истпр. — исправленный
иссл. — исследование
ист. — исторический
источ. — источники
к. — картон
кав. — кавалерийский
кавказ. — кавказский
канд. — кандидат, кандидатский
канц. — канцелярский
кл. — класс
к.-л. — какой-либо
кладб. — кладбище
клас. — классический
кн. — книга; князь, княгиня
к.-н. — какой-нибудь
коллж. ас. — коллежский ассесор
коллж. рег. — коллежский регистратор
коллж. секр. — коллежский секретарь
коллж. сов. — коллежский советник
комм. — комментарий
комп. — композитор
кон. — конец
консерват. — консервативный
корр. — корреспондент
крест. — крестьянский
к-рый — который
к-т — комитет
л. — лист
л. д. — личное дело
л.-гв. — лейб-гвардия, лейб-гвардейский
ленингр. — ленинградский
либр. — либретто

лингв. — лингвистический
лит. — литературный
Лит. — литература (в библиографии)
лит-вед. — литературовед
лит-ведение — литературоведение
лит.-ведч. — литературоведческий
лит-ра — литература
М. — Малый
м. — местечко
м. б. — может быть
м. с. — метрическое свидетельство
матем. — математический
мат-лы — материалы
мед. — медицинский
междунар. — международный
мин. — министр
мин-во — министерство
мифол. — мифологический
млн. — миллион
мн. — многие
мон. — монастырь
мор. — морской
моск. — московский
муз. — музыкальный, музыка
Н. — Нижний
н. ст. — новый стиль
н. э. — наша эра
надл. сов. — надворный советник
наз. — называемый, называется
назв. — название
наиб. — наиболее, наибольший
напр. — например
нар. — народный
наст. — настоящий
науч. — научный
нац. — национальный
нач. — начало, начальник, начальственный
НБ — Научная библиотека
не сохр. — не сохранился
неизв. — неизвестен, неизвестно, неизвестный
некр-ый — некоторый
неск. — несколько
н.-и. — научно-исследовательский
Нов. — Новый
нояб. — ноябрь, ноябрьский
о. — остров
об. — оборот
об-во — общество
обл. — область, областной
обозр. — обозрение
о-ва — острова
одноим. — одноименный
ок. — около
окт. — октябрь, октябрьский
Окт. революция, Октябрь — Октябрьская революция 1917
ОО — особый отдел
оп. — опись
опубл. — опубликовал, опубликован, опубликованный
орг-ция — организация
орд. — орден
ориг. — оригинал, оригинальный
осн. — основан, основанный; основный
отд. — отдельный, отделение, отдел
отсч. — отечественный
офф. — официальный
п. с. — послужной список
паг. — пагинация
парт. — партийный
пед. — педагогический
пер. — перевод
первонач. — первоначальный, первоначально
перен. — перенесенный
петерб. — петербургский
петрогр. — петроградский
пех. — пехотный
пов. — повесть

п-ов — полуостров
подг. — подготовка
подзаг. — подзаголовок
пол. — половина
полит. — политический
полици. — полицейский
полк. — полковник
полн. — полностью, полный
пом. — помощник
пос. — поселок
посв. — посвящен, посвященный
послел. — послеловие
посм. — посмертно
пост. — постановка; постановление; постоянный
поч. — почетный
пр. — премия; прочее
правосл. — православный
пред. — председатель
предисл. — предисловие
преним. — преимущественно
препод. — преподаватель
приб. — приращение
прибл. — приблизительно
прил. — приложение
прим. — примечание
прогресс. — прогрессивный
произв. — произведение
пролет. — пролетарский
пром. — промышленный
просветит. — просветительский
проф. — профессор; профессиональный
псевд. — псевдоним
психол. — психологический
ПСС — Полное собрание сочинений
ПССиП — Полное собрание сочинений и писем
публ. — публикация
публиц. — публицистический
Р. — разряд
р. род. — родился
разг. — разговорный
разл. — различный
рев. — революционный
ред. — редактор, редакция, редакционный
реж. — режиссер, режиссерский
религ. — религиозный
респ. — республиканский
респ. — рецензия
рис. — рисунок
Р-н — район
РО — Рукописный отдел
ром. — роман
рос. — российский
рукоп. — рукописный, рукопись
Р. — село; страница
СА — секретный архив
сб., сб-к — сборник
св. — святы; святой, священный
с.-д. — социал-демократ, социал-демократический
св. — северный
сскр. — секретарь
сел. — сельский, селение
сем. — семинария
сент. — сентябрь, сентябрьский
сер. — середина; серия
серебр. — серебряный
сиб. — сибирский
слав. — славянский
след. — следующий
см. — смотри
соавт. — соавтор, соавторство
собр. — собрание
собств. — собственное
сов. — советский
совм. — совместно
совр. — современный
сокр. — сокращенный, сокращено, сокращение

сост. — составитель, составленный,
составление
сотр. — сотрудник
соч. — сочинение
С.-Петерб. — Санкт-Петербургский
спец. — специальный
ср. — сравни; средний
ср.-век. — средневековый
ст. — станция; статья
стб. — столбец
стих. — стихотворение
стихов. — стихотворные
стр-во — строительство
т. — том
т. е. — то есть
т. з. — точка зрения
т. к. — так как
т. л. — титульный лист
т. н. — так называемый
т. о. — таким образом

тт. — тома
тайный сов. — тайный советник
т-во — товарищество
терр. — территориальный, террито-
рия
тетр. — тетрадь
тит. сов. — титулярный советник
торг. — торговый
т-р — театр (при названии)
Тр. — труды
тыс. — тысяча, тысячелетие
у. — уезд
ук. — указатель
ул. — улица
ум. — умер
ун-т — университет
ун-тский — университетский
урожд. — урожденный (-ая)
усл. — условно, условный
утр. — утренний

уч. — учебный
Уч. зап. — Ученые записки
уч-ще — училище
ф. — фонд
ф. с. — формулярный список
факс. — факсимильный
фам. — фамилия
февр. — февраль, февральский
феод. — феодальный
филол. — филологический
филол. — философский
фольк. — фольклорный
ф-т — факультет
хоз. — хозяйственный
христ. — христианский
худ. — художник
худож. — художественный
ц. р. — цензурное разрешение
ЦГА — Центральный государствен-
ный архив

ценз. — цензурный
центр. — центральный
церк. — церковный
цит. — цитируется
ЦНБ — Центральная научная биб-
лиотека
ч. — часть
чств. — четверть
чл. — член
чл.-к. — член-корреспондент
экз. — экземпляр
эксп. — экспедиция (в описании ар-
хива)
эмоц. — эмоциональный
энц. — энциклопедия, энциклопе-
дический
этногр. — этнографический
юж. — южный
яз. — язык
январ. — январь, январский

Примечания:

1. В словаре применяются сокращения слов, обозначающих государственную, языковую или национальную принадлежность (напр., герм. — германский, лат. — латинский, рус. — русский).
2. В прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний и суффиксов: «ский», «анный», «енный», «онный», «еский», «нальный», «ельный» и др. (напр., «казан.», «иностр.», «письм.», «традиц.», «критич.», «провинц.», «значит.», «этногр.»).

Сокращения названий городов

А.-А. — Алма-Ата
Б. — Берлин
В. — Воронеж
Г. — Горький
Д. — Дрездт
Ер. — Ереван
Ж. — Женева
К. — Киев
Каз. — Казань
Л. — Ленинград
М. — Москва
Н. Новгород — Нижний Новгород
Н.-Й. — Нью-Йорк
Новосиб. — Новосибирск
Од. — Одесса
П. — Петербург, Петроград
(1914—24), Санкт-Петербург
Р. н/Д. — Ростов-на-Дону
СПб. — Санкт-Петербург
Т. — Таллин
Таш. — Ташкент
Тб. — Тбилиси
Х. — Харьков
Я. — Ярославль
Амст. — Amsterdam
Антв. — Antwerpen
В. — Berlin
Самб. — Cambridge
Chi. — Chicago
Dread. — Dresden
Edin. — Edinburgh
Fr./M. — Frankfurt am Main
Gen. — Genève
Hamb. — Hamburg
Hdlb. — Heidelberg
Hels. — Helsinki, Helsingfors
L. — London
Lpz. — Leipzig
Mil. — Milano
Munch. — München
N. Y. — New York
Oxf. — Oxford
P. — Paris
S. — Sofia
Stockh. — Stockholm
Stuttg. — Stuttgart
W. — Wien
Warsz. — Warszawa
Wach. — Washington
Z. — Zürich

Сокращения личных имен (и отчества)

Абр. — Абрам
Ал. — Алесксей
Ал-др — Александрович(на)
Ал-др(а) — Александр(а)
Амвр. — Амвросий
Анаст. — Анастасий, Анастасия
Анат. — Анатолий
Анд. — Андрей
Ант. — Антон(ина)
Ап. — Аполлон
Арк. — Аркадий

Арх. — Архип
Аф. — Афанасий
Богд. — Богдан
Бор. — Борис
Вад. — Вадим
Вал. — Валентин(а)
Валер. — Валерий, Валерия
Варв. — Варвара
Вас. — Василий, Василиса
Ваш. — Вашлава
Вик. — Викентий
Викт. — Виктор, Виктория
Вит. — Виталий
Вл. — Владимир
Влад. — Владислав
Вс. — Всеволод
Вяч. — Вячеслав
Гал. — Галактион, Галина
Ген. — Геннадий
Георг. — Георгий
Герг. — Герасим
Григ. — Григорий
Дав. — Давид
Дан. — Даниил
Дем. — Деметрий
Дм. — Дмитрий
Евг. — Евгений, Евгения
Ева. — Евадоким, Евадокия
Евст. — Евстигней
Евстаф. — Евстафий
Ег. — Егор
Ек. — Екатерина
Ел. — Елена
Елиз. — Елизавета, Елизар
Ем. — Емельян
Ерм. — Ермолай
Еф. — Ефим
Ефр. — Ефрем, Ефросинья
Зах. — Захар
Зин. — Зинаида
Ив. — Иван
Иг. — Игорь
Игн. — Игнатий
Ил. — Илья
Илл. — Ильярмон
Иин. — Иннокентий
Иос. — Иосиф
Ипп. — Ипполит
Ир. — Ирина
Исид. — Исидор
Кап. — Капитолина, Капитон
Кири. — Кирилл
Кл. — Клавдий, Клавдия
Клим. — Климент(ий)
Конд. — Кондрат(ий)
Конст. — Константин
Кс. — Ксения, Ксенофонт
Куз. — Кузьма
Лавр. — Лаврентий
Лаз. — Лазарь
Лар. — Лариса
Леон. — Леонид
Леонт. — Леонтий
Лид. — Лидия
Люб. — Любовь
Люд. — Людмила
Мак. — Макарий

Макс. — Максим
Марг. — Маргарита
Матв. — Матвей
Митр. — Митрофан
Мих. — Михаил
Моис. — Моисей
Мст. — Мстислав
Над. — Надежда
Наз. — Назар
Нат. — Натан, Наталья
Ник. — Николай
Никан. — Никанор
Никиф. — Никифор
Окс. — Оксана
Ост. — Остап
Пав. — Павел
Пант. — Пантелеймон
Пах. — Пахом
Пел. — Пелагея
Петр. — Петрович(на)
Пол. — Поликарп, Поллина
Порф. — Порфирий
Пот. — Потап
Пракс. — Праксесия
Прох. — Прохор
Род. — Родион
Ром. — Роман
Рост. — Ростислав
Сав. — Савелий
Сам. — Самуил
Свет. — Светлана
Свят. — Святослав
Сев. — Ссвастыян
Сем. — Семен
Сер. — Сергей
Сераф. — Серафим(а)
Сид. — Сидор
Сол. — Соломон
Софр. — Софрон(ий)
Спир. — Спиридон
Стан. — Станислав
Степ. — Степан(ида)
Там. — Тамара
Тар. — Тарас
Тат. — Татьяна
Тер. — Терентий
Тим. — Тимофей
Тих. — Тихон
Триф. — Трифон
Троф. — Трофим
Фед. — Федор
Фел. — Феликс
Фер. — Фералонт
Фил. — Филипп
Филим. — Филимон
Хар. — Харитон
Христоф. — Христофор
Эд. — Эдуард
Эл. — Элеонора
Эм. — Эмилия
Эйм. — Эймалуил
Эсф. — Эсфирь
Юл. — Юлий, Юлия
Юр. — Юрий
Як. — Яков
Яр. — Ярослав

АББРЕВИАТУРЫ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВ

АВПр	—	Архив внешней политики России (М.)	ОРЯС	—	Отделение русского языка и словесности Петербургской Академии наук (с 1841)
АРАН	—	Архив Российской Академии наук (до дек. 1991 — Архив АН; М.)	ПД	—	Пушкинский Дом (с 1930 официально — Институт русской литературы — ИРЛИ) (СПб.)
АРАН СПб	—	Архив Российской Академии наук; СПб.	РАН	—	Российская академия наук
БРАН	—	Библиотека Российской Академии наук (М.)	РАПП	—	Российская ассоциация пролетарских писателей (1925—32)
ВМП	—	Всероссийский музей А. С. Пушкина (СПб.)	РГА ВМФ	—	Российский государственный архив Военно-морского флота (СПб.) (до 1992 — Центральный...)
ВОЛРС	—	Вольное общество любителей российской словесности (1816—25, П.)	РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов (М.) (до 1992 — Центральный...)
ВОЛСНХ	—	Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (1801—25, П.)	РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства (М.) (до 1992 — Центральный...)
ВЭО	—	Вольное экономическое общество (1765—1919, СПб.—П.)	РГБ	—	Российская государственная библиотека (до февр. 1992 — см.: ГБЛ)
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации (М.)	РГБИ	—	Российская государственная библиотека по искусству (М.)
ГАХН	—	Государственная академия художественных наук (1921—30, М.)	РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив (М.) (до 1992 — Центральный...)
ГБЛ	—	Государственная библиотека им. В. И. Ленина (с февр. 1992 — РГБ)	РГИА	—	Российский государственный исторический архив (СПб.) (до 1992 — Центральный...)
ГИМ	—	Государственный исторический музей (М.)	РГО	—	Русское географическое общество (1845—)
ГЛИМ	—	Государственный литературный музей (М.)	РИИИ	—	Российский институт истории искусствознания (прежде — ЛИГТИ)
ГММ	—	Государственный музей В. В. Маяковского (М.)	РНБ	—	Российская национальная библиотека (СПб.) (до 1992 — ГПБ)
ГМТ	—	Государственный музей Л. Н. Толстого (М.)	РЦХИДНИ	—	Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (М.)
ГПБ	—	Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (с марта 1992 — РНБ)	СПб ГПУ	—	Санкт-Петербургский государственный педагогический университет (до 1991 — ЛГПИ)
ГРМ	—	Государственный Русский музей (СПб.)	СПб ГТБ	—	Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (прежде — ЛГТБ)
ЦММК	—	Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки (М.)	СПб ГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет
ЦТМ	—	Государственный центральный музей им. А. А. Бахрушина (М.)	СПбФ ИРИ РАН	—	Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
ИМЛИ	—	Институт мировой литературы (М.)	ТТУ	—	Тартуский государственный университет
ИРЛИ	—	Институт русской литературы (Пушкинский Дом — ПД) (Л.—СПб.)	ЦА ФСБ	—	Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЛГАЛИ	—	см. ЦГАЛИ СПб	ЦГА ВМФ	—	см. РГА ВМФ
ЛГПИ	—	Ленинградский государственный педагогический институт (с 1991 СПб ГПУ)	ЦГАДА	—	см. РГАДА
ЛГТБ	—	Ленинградская государственная театральная библиотека (см. СПб ГТБ)	ЦГАЛИ	—	см. РГАЛИ
ЛГТМ	—	Ленинградский государственный театральный музей (см. РИИИ)	ЦГАЛИ СПб	—	Центральный государственный архив литературы и искусства в Санкт-Петербурге (до 1991 — ЛГАЛИ)
ЛГУ	—	см. СПб ГУ	ЦГАОР	—	см. ГАРФ
МГУ	—	Московский государственный университет	ЦГВИА	—	см. РГВИА
МПГУ	—	Московский педагогический государственный университет (до 1990 — МГПИ)	ЦГИА	—	см. РГИА
МХТ	—	Московский художественный театр	ЦГИА СПб	—	Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга
ОИДР	—	Московское общество истории древностей Российских при Московском университете (1804—1918)	ЦГИАМ	—	Центральный государственный исторический архив г. Москвы (с 1993 — ЦИАМ)
ОЛДП	—	Общество любителей духовного просвещения (1863—1917) (М.)	ЦИАМ	—	Центральный исторический архив г. Москвы (до 1993 — ЦГИАМ)
ОЛРС	—	Общество любителей российской словесности при Московском университете (1811—1930)			
ОРДП	—	Общество русских драматических писателей и оперных композиторов (1874—1904, М.)			

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИКИ

АБ	— «Альманах библиофила», в. 1—28—, 1973—93, М.	ИБ	— «Исторический вестник», ж., 1880—1917, П.
БВ	— «Богословский вестник», ж., 1892—1918, Сергиев Посад.	ИзвОЛЯ	— «Известия АН. Отделение литературы и языка» (с 1996 «Известия РАН. Сер. литературы и языка»), ж., 1940—, М.
БВед	— «Биржевые ведомости», газ., 1) 1861—79, П.; 2) 1880—1917, П.	ИзвОРЯС	— «Известия Отделения русского языка и словесности» Академии наук, ж., 1896—1927, П.—Л.
БлЧ	— «Библиотека для чтения», ж., 1834—65, П.	ИзвРАН	— продолжение изд. ИзвОЛЯ с измененным назв. (с 1996).
БЗ	— «Библиографические записки», ж., 1) 1838—59, 1861, М.; 2) 1892, М.	«Илл.»	— «Иллюстрация», 1) ж., 1845—49, П.; 2) ж., 1858—63, П.; 3) периодич. изд., 1899—1900, П.
«Благ.»	— «Благонамеренный», ж., 1818—26, П.	КА	— «Красный архив», ж., 1922—41, М.
БТ	— «Богословские труды», сб., в. 1—31—, 1960—92—, М.	Карманная книжка	— «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности», альм., 1829—32, П.
ВВ	— «Всемирный вестник», ж., 1903—08, П.	КВ	— «Книжный вестник», ж., 1) 1860—67, П.; 2) 1884—1918, П.
ВЕ	— «Вестник Европы», ж., 1) 1802—30, М.; 2) 1866—1918, П.	КиС	— «Каторга и ссылка», ж., 1921—35, М.
ВестРХД	— «Вестник русского христианского движения» («Вестник русского студенческого христианского движения»), ж., 1925—1997— (с перерывами; сплошная нумерация с 1953, включая кн. 1938—39 и 1950—52), Париж	Кн. «Недели»	— «Книжки „Недели“», ж., приложение к газ. «Неделя», 1885—1901, П.
ВИ	— «Всемирная иллюстрация», ж., 1) 1869—1898, П.; 2) 1912—16, П.	КО	— «Книжное обозрение», газ.-сж.-сб., 1966—, М.
ВИЛ	— «Вестник иностранной литературы», ж., 1891—1908, 1910—16, П.	КС	— «Киеская старина», ж., 1882—1906, К.
ВЛ	— «Вопросы литературы», ж., 1957—, М.	ЛА	— «Литературный архив», сб. Пушкинского Дома, 1938—61, М.—Л.
ВЛит	— «Вестник литературный, политический, научный и художественный», газ., 1884—1895, М.	ЛГ	— «Литературная газета», 1) 1830—31, П.; 2) 1840—49, П.; 3) 1929—, М.
ВМУ	— «Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология», ж., 1960—	Летописи	— «Государственный литературный музей. Летописи», 1936—48, М.
Всп	— «Встречи с прошлым», сб. Центр государственного архива лит-ры и иск-ва, в. 1—8—, 1970—96—, М.	ЛН	— «Литературное наследство», сб., т. 1—101—, 1931—97—, М.
ВТ	— «Всемирный труд», ж., 1867—72, П.	ЛО	— «Литературное обозрение», ж., 1973—, М.
ГазГ	— «Газета А. Гатцука», 1875—90, М.	ЛПГ	— «Лит. приложение к „Гражданину“», газ.-ж., 1883—95, П.
ГМ	— «Голос минувшего», ж., 1913—23, М.	ЛПН	— «Ежемесячные литературные приложения к ж. „Нива“», ж., 1894—1916, П.
ДБ	— «Домашняя беседа», газ.—ж., 1858—77, П.	ЛПРИ	— «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», газ., 1831—39, П.
ДЖ	— «Дамский журнал», 1) 1806, М.; 2) 1823—1833, М.	МБ	— «Мир божий», ж., 1892—1906, П.
ДЧ	— «Душенполезное чтение», ж., 1860—1917, М.	МВ	— «Московский вестник», 1) ж., 1809; 2) ж., 1827—30; 3) газ., 1859—61.
ДЮ	— «Друг юношества» (с 1813: «... и всяких лет»), ж., 1807—15, М.	МВед	— «Московские ведомости», газ. 1756—1917.
Ежегодник РО ПД	— «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома», 1971—97—, Л.—СПб.	МГ	— «Минувшие годы», ж., 1908, П.
ЕЖЛ	— «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (с № 10 1914 — «Ежемесячный журнал»), 1914—17, П.	МИ	— «Мир искусства», ж., 1899—1904, П.
ЕИТ	— «Ежегодник имп. театров», 1890—1915, П.	МЛ	— «Московский листок», газ., 1881—1918.
ЖдВ	— «Журнал для всех», 1) 1896—1906, П.; 2) 1928—30, М.	МН	— «Московский наблюдатель», ж., 1835—39.
ЖенО	— «Женское образование», ж., 1876—89, 1890—91, П.	«Москв.»	— «Москвитинин», ж., 1841—56, М.
ЖЖ	— «Журнал журналов», 1) 1905—06, П.; 2) 1915—17, П.	МТ	— «Московский телеграф», ж., 1825—34.
ЖМВД	— «Журнал Министерства внутренних дел», 1829—61, П.	НА	— «Новский альманах», 1825—33, 1846—47, П.
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения», 1834—1917, П.	«Набл.»	— «Наблюдатель», ж., 1882—1904, П.
ЖО	— «Живописное обозрение», ж., 1) 1835—1844, М.; 2) 1868, П.; 3) 1872—1905, П.	НВ	— «Новое время», газ., 1868—1917, П.
ЗапГБЛ	— «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», сб., в. 1—49, 1938—90, М.	НЖдВ	— «Новый журнал для всех», 1908—16, П.
ЗапРГБ	— продолжение предыдущего изд. с измененным назв.: «... Российской государственной библиотеки», в. 50—, 1995—	НЗ	— «Новский зритель», ж., 1820—21, П.
«Знание»	— «Знание» (Сборники товарищества «Знание»), 1904—13, П.	НЛ	— «Новости литературы», газ., с. 1824 ж., 1822—26, П.
ЗР	— «Золотое руно», ж., 1906—09, М.	НЛО	— «Новое литературное обозрение», в. 1—32—, ж., 1992—98—, М.
		НМ	— «Новый мир», ж., 1) 1899—1905, П.; 2) 1925—, М.
		НН	— «Наше наследие», ж., 1988—, М.
		НП	— «Новый путь», ж., 1903—04, П.
		«Обр.»	— «Образование», ж., 1892—1909, П.
		ОЗ	— «Отечественные записки», ж., 1) 1820—1830, П.; 2) 1839—84, П.

«Пантеон»	— «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840—41; «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров», 1842; «Репертуар русского и Пантеон иностранных театров», 1843; «Репертуар и Пантеон», 1844—46; «Репертуар и Пантеон театров», 1847; «Пантеон и Репертуар русской сцены», 1848, 1850—51; «Пантеон. Журнал литературно-художественный», 1852—56, журналы, П.	СевЗ	— «Северные записки», ж., 1913—17, П.
ПЗ	— «Полярная звезда», 1) альм., 1823—25, П.; 2) альм., 1855—68, Лондон, Женева (факс. изд., в. 1—8, 1966—68, в. 9 — ук., 1968, М.); 3) ж., 1881—82, П.	СЗ	— «Современные записки», ж., 1920—40, Париж.
ПнР	— «Печать и революция», ж., 1921—30, М.	СибЖ	— «Сибирская жизнь», газ., 1894—1918, Томск.
ПЛ	— «Петербургский листок», газ., 1864—1917.	СибС	— «Сибирский сборник», научно-литературное периодич. издание, 1886—88, П.; 1888—1904, Иркутск.
ПЛит	— «Пантеон литературы», ж., 1888—95, П.	СНУ	— «Столица и усадьба», ж., 1913—17, П.
ПН	— «Последние новости», газ., 1920—40, Париж.	СП	— «Современная летопись», газ., 1861—71, М.
РА	— «Русский архив», ж., 1863—1917, М.	СМ	— «Современный мир», ж., 1906—18, П.
РБ	— «Русское богатство», ж., 1876, М., 1876—1918, П.	СО	— «Сын отечества», 1) ж., 1812—52 (перерыв 1844—46), П.; 2) ж., 1856—61, продолжение — газ., 1862—1905 (перерыв 1900—03), П.
РВ	— «Русский вестник», ж., 1) 1808—24, М.; 2) 1841—44, П.; 3) 1856—1906, М.	«Собеседник»	— «Собеседник любителей русского слова», ж., июнь, 1783 — сент. 1784, П.
РВед	— «Русские ведомости», газ., 1863—1918, М.	«Совр.»	— «Современник», ж., 1) 1836—46, П.; 2) 1847—66, П.; 3) 1911—15, П.
РИ	— «Русский инвалид», газ., 1813—1917, П.	«Соревнователь»	— «Соревнователь просвещения и благотворения. (Труды Вольного общества любителей российской словесности)», 1818—25, П.
РЛ	— «Русская литература», ж., 1958—, Л., с сент. 1991 — П.	СП	— «Северная пчела», газ., 1825—64, П.
РМ	— «Русская мысль», ж., 1880—1918, М. (в 1920—30-х гг. — София, Прага, Париж, Белград)	СП6Вед	— «Санкт-Петербургские ведомости», газ. 1718—1917.
РО	— «Русское обозрение», ж., 1890—98, 1901, 1903, М.	СП6Вест	— «Санкт-Петербургский вестник», ж. 1) 1778—81; 2) 1812; 3) 1831.
РР	— «Русская речь», 1) газ., с № 39 «Русская речь и Московский вестник», 1861—62, М.; 2) ж., 1879—82, П.; 3) ж., 1967—, М.	СП6Ж	— «Санкт-Петербургский журнал», 1) 1798; 2) 1804—09.
РС	— «Русская старина», ж., 1870—1918, П.	«СП6Меркурий»	— «Санкт-Петербургский Меркурий», ж., 1793.
РСл	— «Русское слово», 1) ж., 1859—66, П.; 2) газ., 1895—1917, М.	СЦ	— «Северные цветы», альм. 1) 1825—31, П.; 2) 1901—05, 1911, М.
РусБ	— «Русская беседа», ж., 1856—60, М.	Тид	— «Труды и дни», ж., 1912—14, 1916, М.
РФВ	— «Русский филологический вестник», ж., 1879—1914, Варшава; 1915—16, М.; 1917, П.; 1918, Каз.	ТиИ	— «Театр и искусство», ж., 1897—1918, П.
РХЛ	— «Русский художественный листок», ж., 1851—62, П.	УЗ	— «Утренняя заря», 1) сб., 1880, 1803, 1805—08, М.; 2) альм., 1839—43, П.
СА	— «Северный архив», ж., 1822—28, П.	УР	— «Утро России», газ., 1907, 1909—18, М.
«Сат.»	— «Сатирикон», ж., 1910—14, П.	ФВ	— «Финский вестник», ж., 1845—47, П.
СБ.ОРЯС	— 1) Сборник статей, читанных в Отделении рус. языка и словесности Императорской АН, т. 1—7 (1867—73), П.; 2) Сборник Отделения рус. языка и словесности АН, т. 8—101 (1872—1928), П.	ФЗ	— «Филологические записки», ж., 1860, 1862, 1864—1917, В.
СВ	— «Северный вестник», 1) ж., 1804—05, П.; 2) газ., 1877—78, П.; 3) ж., 1885—98, П.	ФН	— «Филологические науки», ж., 1958—, М.
		ФО	— «Филологическое обозрение», ж., 1891—1903, М.
		ХГ	— «Художественная газета», 1836—41, М.
		ЧОИДР	— «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1845—48, 1858—1918, М.
		«Чтение»	— «Чтение в Беседе любителей русского слова», ж., 1811—16, П.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

Абызов	— Абызов Ю., Русское печатное слово в Латвии. 1917—1944 годы. Библиографический справочник, ч. 1—4, Стэнфорд, 1990—91 (Stanford Slavic Studies, v. 3, р. 1—4).	Анненков	— Анненков П. В., Литературные воспоминания. Вступ. ст. В. И. Кулешова. Комм. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой, 2-е изд., М., 1989 (ук. имен и названий).
Аксаков	— Аксаков С. Т., Собрание сочинений. Вступ. ст., подг. текста и прим. С. Машинского, т. 1—4, М., 1955—56 (в т. 3 ук. имен).	Арапов	— Летопись русского театра. Сост. Пимен Арапов, СПб., 1861.
Алексеев	— Алексеев А. Д., Литература русского зарубежья. Книги 1917—1940. Материалы к библиографии. Отв. ред. К. Д. Муртова, СПб., 1993 (ук. имен писателей, выступавших под псевд.; список периодич. изданий и сб-ков).	«Арзамас»	— «Арзамас». Сборник. Под ред. В. Э. Вацура и А. Л. Основата. Сост., подг. текста и комм. В. Э. Вацура, А. А. Ильина-Томича, Л. Н. Киселевой и др. Вступ. ст. В. Э. Вацура, кн. 1—2, М., 1994 (ук. имен).
Альм. и сб-ки (1)	— Литературно-художественные альманахи и сборники, т. 1. 1900—1911 годы. Библиографический указатель. Сост. О. Д. Голубева, М., 1957.	Архив Горького	— Архив А. М. Горького, т. 1—14, М., 1939—76 (в ряде томов ук. имен и названий).
Альм. и сб-ки (2)	— Литературно-художественные альманахи и сборники, т. 2. 1912—1917 годы. Библио-	Архив Тургеневых	— Архив братьев Тургеневых, в. 1—6, СПб., 1911—21.

- Афанасьев — Афанасьев Н. И., Современники. Альбом биографий, т. 1—2, СПб., 1909—10.
- Базанов — Базанов В. Г., Ученая республика. [Вольное общество любителей российской словесности], М.—Л., 1964 (ук. имен).
- Барсуков — Барсуков Н. П., Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1—22, СПб., 1888—1910 (ук. имен в кн. 22 сост. В. В. Майков).
- Батюшков — Батюшков К. Н., Сочинения. Вступ. ст. Л. Н. Майкова, прим. Майкова и В. И. Сантова, т. 1—3, СПб., 1885—87 (в т. 2 и 3 ук. имен).
- Белинский — Белинский В. Г., Полное собрание сочинений, т. 1—13, М.—Л., 1953—59 (изд. ИРЛИ; в т. 13 указатели, в т. ч. ук. имен).
- Белоусов (1) — Белоусов И. А., Литературная среда. Воспоминания. 1880—1928, М., 1928 (ук. имен).
- Белоусов (2) — Белоусов И. А., Литературная Москва. Воспоминания. 1880—1928, М., 1929 (ук. имен).
- Белый — Белый А., На рубеже двух столетий. Воспоминания, [кн. 1]: Начало века. Воспоминания, [кн. 2]: Между двух революций. Воспоминания, [кн. 3], М., 1989—90 (вступ. ст., подг. текста и комм. А. В. Лаврова; в кн. 3 ук. имен).
- Березин — Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета И. Н. Березиным, отд. 1—4, т. 1—16, СПб., 1873—79.
- Биогр. словарь профессоров Каз. ун-та — Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета. За сто лет. (1804—1904). Под ред. Н. П. Загоскина, ч. 1—2, Каз., 1904.
- Биогр. словарь профессоров СПб. ун-та — Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894, т. 1—2, СПб., 1896—98.
- Б-ка Смирдина — Роспись российских книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина, ч. 1—4, СПб., 1828; прибавления 1—4, СПб., 1829—56.
- Блок — Блок А. А., Собрание сочинений. Вступ. ст., подг. текста и прим. В. Орлова, т. 1—8, М.—Л., 1960—63 (в т. 8 ук. имен и названий).
- Блок в восп. — Александр Блок в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост., подг. текста и комм. В. Орлова, т. 1—2, М., 1980 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Блок. Зап. кн. — Блок А. А., Записные книжки. 1901—1920. Под общ. ред. В. Н. Орлова и др. Сост., подг. текста, предисл. и прим. В. Орлова, М., 1965.
- Боборыкин — Боборыкин П. Д., Воспоминания. Вступ. ст. и прим. Э. Вилеской и Л. Ройтберг, т. 1—2, М., 1963 (в т. 2 ук. имен).
- Боград. ОЗ(1) — Боград В. Э., Журнал «Отечественные записки», 1839—1848. Указатель содержания, М., 1985.
- Боград. ОЗ(2) — Боград В. Э., Журнал «Отечественные записки», 1868—1884. Указатель содержания, М., 1971.
- Боград. «Совр.» — Боград В. Э., Журнал «Современник», 1847—1866. Указатель содержания, М.—Л., 1959.
- Брокгауз — Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона, т. 1—41А, кн. 1—82, СПб., 1890—1904 (доп. т. 1—2, кн. 1—4, 1905—07).
- Брюсов (1) — Брюсов В. Я., Дневники. 1891—1910. Подг. текста И. М. Брюсовой, прим. Н. С. Ашукина, М., 1927.
- Брюсов (2) — Брюсов В. Я., Среди стихов. 1894—1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев. Вступ. ст. и комм. Н. А. Богомолова, М., 1990.
- БСДЕНТ — Биографический словарь деятелей естествознания и техники, т. 1—2, М., 1958—59.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия, 3-е изд., т. 1—30, М., 1970—78 (ук. имен в спец. т., М., 1981).
- Вацуро (1) — Вацуро В. Э., «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина, М., 1978 (ук. имен).
- Вацуро (2) — Вацуро В. Э., Лирика пушкинской поры. «Элегическая школа», СПб., 1994 (ук.).
- Венгеров. Источ. — Венгеров С. А., Источники словари русских писателей, т. 1—4, СПб.—П., 1900—17 (доведено до сл. «Некрасов»).
- Венгеров. Лит-ра 20 в. — Русская литература XX века. (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова, т. 1—3, в. 1—8, М., 1914—18 (издание не закончено).
- Венгеров. Сл. — Венгеров С. А., Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней), т. 1—6, СПб., 1889—1904 (издание не закончено; в т. 6 ук. имен).
- Венгеров. Список — Венгеров С. А., Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней), 2-е изд. Предварительный список, т. 1—2, в. 1—5, П., 1915—18.
- Вигель — Вигель Ф. Ф., Записки. Ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха, т. 1—2, М., 1928 (ук. имен).
- Вишневский — Вишневский В. Е., Художественные фильмы дореволюционной России, М., 1945 (ук. имен).
- Владиславлев — Владиславлев И. В., Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX—XX столетий, 4-е изд., М.—Л., 1924.
- Вольф — Вольф А. И., Хроника петербургских театров (с конца 1826 до начала 1881 года), ч. 1—3, СПб., 1877—84.
- Восстание декабристов — Восстание декабристов. Документы. Под ред. и с предисл. М. В. Нечкиной, т. 1—18, М.—Л., 1925—86 — (в т. 15 указатели, в т. ч. ук. имен).
- ВЭ — Военная энциклопедия. Под ред. В. Ф. Новицкого, А. В. фон Шварца, К. И. Величко и др., т. 1—18, СПб., 1911—15 (доведено до слова «Порт-Артур»).
- Вяземский — Вяземский П. А., Полное собрание сочинений, т. 1—12, СПб., 1878—96 (в т. 8 и 9 ук. имен, в т. 12 ук. стихотворений).
- Геннади — Геннади Г. Н., Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях (до буквы Р включительно — те, кто умер до 1874), т. 1—3, Б.—М., 1876—1908 (т. 4 остался в рукописи — ГПБ, ф. 178, № 13).
- Гербель — Гербель Н. В., Русские поэты в биографиях и образцах, 3-е изд., СПб., 1888.
- Герцен — Герцен А. И., Собрание сочинений, т. 1—30, М., 1954—65 (изд. ИМЛИ; справочный том — М., 1966).
- Герцен в восп. — Герцен в воспоминаниях современников. Сост., вступ. ст. и комм. В. А. Путинцева, М., 1956 (ук. имен).
- Гинзбург — Гинзбург С. С., Книματοграфия дореволюционной России, М., 1963 (ук. имен).
- Гоголь — Гоголь Н. В., Полное собрание сочинений, т. 1—14, М.—Л., 1937—52 (изд. ИРЛИ; в т. 9 ук. произв. и писем, в т. 10—14 ук. имен к переписке).
- Гоголь в восп. — Гоголь в воспоминаниях современников. Ред. текста, предисл. и комм. С. Машинского, М., 1952 (ук. имен).
- Голицын — Голицын Н. Н., Биографический словарь русских писателей, СПб., 1889.
- Гончаров — Гончаров И. А., Собрание сочинений. Вступ. ст. С. М. Петрова, т. 1—8, М., 1952—55 (в т. 8 ук. имен).
- Горький — Горький М., Собрание сочинений, т. 1—30, М., 1949—56 (изд. ИМЛИ; есть прим.; в т. 30 ук. имен, произв. и писем).

- Горький. ПСС — Горький М., Полное собрание сочинений. Художественные произведения, т. 1—25, М., 1968—76 (изд. ИМЛИ).
- Гофман — Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Критические очерки. Стихотворения и автографы. Под ред. М. Гофмана, СПб.—М., 1909.
- Гранат — Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Бр. А. и И. Гранат и К°», 7-е изд., переработанное, т. 1—55, 57, 58, 1 доп. т., М., 1910—48 (в т. 11 «Биобиблиогр. ук. новейшей рус. беллетристики. 1861—1911»; в т. 40 «Автобиографии рев. деятелей рус. социалистич. движения 70—80-х гг.»; репринтное изд. приложений к т. 40 и 41 под назв. «Деятели СССР и революционного движения России», М., 1989).
- Греч — Греч Н. И., Записки о моей жизни. Текст по рукописи под ред. и с комм. Р. В. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.—Л., 1930 (ук. имен).
- Грибоедов в восп. — А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост. и подг. текста П. С. Краснова и С. А. Фомичева, М., 1980 (ук. имен).
- Григорович — Григорович Д. В., Литературные воспоминания. Приложения. Из «Воспоминаний» В. А. Панаева. Вступ. ст. Г. Г. Елизаветиной. Сост., подг. текста и комм. Елизаветиной и И. Б. Павловой, М., 1987 (ук. имен и назв.).
- Григорьев. Восп. — Григорьев А. А., Воспоминания. Изд. подготовил Б. Ф. Егоров, М., 1988 (ук. имен и периодич. изд.).
- Григорьев. Критика — Григорьев А. А., Литературная критика. Сост., вступ. ст. и прим. Б. Ф. Егорова, М., 1967 (ук. имен).
- Григорьев. Театр. критика — Григорьев А. А., Театральная критика. Вступ. ст. А. Я. Альтшуллера и Б. Ф. Егорова. Сост. и прим. Т. Б. Забозлаевой, Л. С. Даниловой, Н. В. Кудряшовой, М., 1985 (ук. имен и произв.).
- Григорьев. Эстетика — Григорьев А. А., Эстетика и критика. Об. ст. Вступ. ст., сост. и прим. А. И. Журавлевой, М., 1980 (ук. имен).
- Грот и Плетнев — Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Под ред. К. Я. Грота, т. 1—3, СПб., 1896 (в т. 3 ук. имен).
- Гумилев — Гумилев Н. С., Письма о русской поэзии. Сост., вступ. ст. Г. М. Фриденцера. Подг. текста и комм. Р. Д. Тименчика, М., 1990 (ук. имен); Гумилев Н., Сочинения в трех томах, т. 3 — Письма о русской поэзии. Подг. текста, прим. Р. Д. Тименчика, М., 1991.
- Гусман — Гусман Б. Е., Сто поэтов. Литературные портреты. С приложением библиографического указателя русской поэзии за последнее десятилетие, Тверь, 1923.
- Движение декабристов — Движение декабристов. Аннотированный указатель к документам фондов и коллекций ЦГИА СССР. Сост. А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова, М., 1981.
- Движение декабристов. 1977—1992 — Движение декабристов. Указатель литературы. 1977—1992. Сост. Н. П. Дробышева и др. Науч. ред. С. В. Мироненко, М., 1994.
- Движение декабристов. ЦГВИА — Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. Сост. Л. П. Петровский, в. 1—3, М., 1975.
- Декабристы — Декабристы. Биографический справочник. Изд. подготовлено С. В. Мироненко. Под ред. М. В. Нечкиной, М., 1988 (ук. имен и губерний).
- Декабристы в восп. — Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Вступ. ст. Н. Б. Мушковой и Я. Л. Левакович. Сост. и прим. Р. В. Иезуитовой и др. Под общей ред. С. И. Машиного, т. 1—2, М., 1980 (в т. 2 ук. имен).
- Дело петрашевцев — Дело петрашевцев. Под ред. С. Н. Валка, т. 1—3, М.—Л., 1937—51 (в т. 3 ук. имен).
- Державин — Державин Г. Р., Сочинения, с объяснительными прим. и предисл. Я. К. Грота, т. 1—9, СПб., 1864—83.
- Дилакторский (1) — Дилакторский П. А., Вологжане-писатели. (Материалы для словаря уроженцев Вологодской губернии), Вологда, 1900.
- Дилакторский (2) — Дилакторский П. А., Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 по 1904 год, Вологда, 1921.
- Дмитриев — Дмитриев М. А., Мелочи из запаса моей памяти, 2-е изд., М., 1869 (ук.).
- Добролюбов — Добролюбов Н. А., Собрание сочинений, т. 1—9, М.—Л., 1961—64 (в т. 9 указатели имен, писем по адресатам; произв., не вошедших в наст. собр. соч.).
- Добролюбов в восп. — Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. Сост., подг. текста и комм. С. А. Рейсера. Вступ. ст. Г. Г. Елизаветиной, 2-е изд., М., 1986 (ук. имен и назв.).
- Добрынь — Биографии русских писателей среднего и нового периода. С алфавитным указателем произведений писателей. Сост. А. П. Добрынь, СПб., 1900.
- Достоевский — Достоевский Ф. М., Полное собрание сочинений, т. 1—30, Л., 1972—90 (в т. 30, кн. 2 сводные указатели произв., имен, периодич. изд. и анонимных произв., адресатов писем и деловых бумаг, адресатов несохранившихся и найденных писем).
- Достоевский в восп. — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост. и комм. К. Тонькина, т. 1—2, М., 1900.
- Достоевский. Письма — Достоевский Ф. М., Письма. 1832—1881. Под ред. и с прим. А. С. Долинина, т. 1—4, М.—Л., 1928—59.
- ДРДР — Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. От предшественников декабристов до падения царизма, т. 1—3, 5, М., 1927—34.
- Евгений Болховитинов — Евгений (митрополит) (Болховитинов), Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Предисл. М. Погодина, т. 1—2, М., 1845.
- Евр. энц. — Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем, т. 1—16, СПб., 1908—14 (в т. 16 ук. имен).
- Жихарев — Жихарев С. П., Записки современника. (Воспоминания старого театрала). Ред., статьи и комм. Б. М. Эйхенбаума, М.—Л., 1955 (ЛП; ук. имен и пьес); то же. Вступ. ст. М. А. Гордина, комм. Л. Н. Киселевой, т. 1—2, Л., 1989 (в т. 2 ук. имен и пьес).
- Змеев — Змеев Л. Ф., Русские врачи-писатели, в. 1—3, СПб., 1886—89 (в алфавите фамилий).
- Иванов — Русская поэзия в отечественной музыке. Справочник. Сост. Г. К. Иванов, в. 1—2, М., 1966—69.
- ИДРДВ — История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Под рук. П. А. Зайончковского, т. 1—5 (ч. 1—2), М., 1976—89.
- ИРДТ — История русского драматического театра, т. 1—7, М., 1978—87 (библ. в прим., репертуарная сводка, ук. имен).
- Казак — Казак В., Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 г. Пер. с нем., Лондон, 1988 (ук. имен).
- Каталог ОРДП — Каталог пьес членов Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. 1874—1914, М., 1914 (список членов общества и их псевдонимов) (доп. выпуски за 1915—1930).
- КЕЭ — Краткая еврейская энциклопедия, т. 1—7, Иерусалим, 1976—96—.
- Киреевский — Киреевский И. В., Критика и эстетика. Сост., вступ. ст. и прим. Ю. В. Манна, М., 1979 (ук. имен).

- Клейменова — Клейменова Р. Н., Систематическая роспись изданий Общества любителей российской словесности, М., 1981.
- КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия, т. 1—8, доп. т. 9, М., 1962—78 (в т. 9 ук. имен).
- Книговедение — Книговедение. Энциклопедический словарь, М., 1982.
- Колупанов — Колупанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1 (кн. 1—2)—2, М., 1889—1892.
- Короленко — Короленко В. Г., Собрание сочинений, т. 1—10, М., 1953—56 (в т. 10 ук. имен и названий).
- Короленко в восп. — В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. Предисл. и прим. Т. Г. Морозовой, М., 1962 (ук. имен и названий).
- Куприн — Куприн А. И., О литературе. Вступ. ст. Ф. И. Кулешова, Минск, 1969 (ук. имен).
- Кюхельбекер — Кюхельбекер В. К., Путешествие. Дневник. Статьи. Изд. подготовили Н. В. Королева, В. Д. Рак, Л., 1979 (ук. имен).
- Ламбины — Русская историческая библиография. Год 1—10, [1855—1864]. Сост. Б. П. и П. П. Ламбины, СПб., 1861—84.
- Лемке (1) — Лемке М. К., Очерки освободительного движения «шестидесятых годов», СПб., 1908.
- Лемке (2) — Лемке М. К., Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., 2-е изд., СПб., 1909.
- Лемке (3) — Лемке М. К., Политические процессы в России 1860-х гг., 2-е изд., М.—П., 1923.
- Лермонтов в восп. — М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Сост., подг. текста и комм. М. И. Гиллельсона, О. В. Миллер, М., 1989 (ук. имен).
- Лерм. энц. — Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов, зам. гл. ред. В. Э. Вацуро и В. В. Жданов, М., 1981.
- Лесков — Лесков Н. С., Собрание сочинений. Сост. и общ. ред. В. Ю. Троицкого, т. 1—12, М., 1989 (в т. 12 ук. произв.).
- Лесман — Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикация. Вступ. ст. Н. Г. Князевой, М., 1989 (ук. имен; ук. адресатов дарств. надписей).
- Лит. процесс и журналистика (1) — Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1900—1904. Социал-демократические и общедемократические издания, М., 1981 (ук. имен и произв.).
- Лит. процесс и журналистика (2) — Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. Буржуазно-либеральные и модернистские издания, М., 1982 (ук. имен и произв.).
- Лит. салоны — Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. Ред., вступ. ст. и прим. Н. Л. Бродского, М.—Л., 1930.
- Лит. Сибирь — Литературная Сибирь. Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири. Сост. В. П. Трушкин, В. Г. Волкова, [ч. 1—2], Иркутск, 1986—88 (ук. имен и алфавитный ук. содержания).
- ЛЭ — Литературная энциклопедия, т. 1—9, 11. Отв. ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарский, М., 1929—39; т. 10, Мюнхен, 1991.
- ЛЭ рус. зарубежья — Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940, [т. 1] — Писатели русского зарубежья. Гл. ред. А. Н. Николюкин. Библи. ред. О. В. Этова, М., 1997 (1-е изд.: Писатели русского зарубежья. 1918—1940. Справочник. Гл. ред. А. Н. Николюкин. Библи. ред. О. В. Этова, ч. 1—3, М., 1993—95).
- Масанов — Масанов И. Ф., Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 1—4, М., 1956—60.
- Мацуев — Мацуев Н. И., Русские советские писатели. Материалы для биографического словаря. 1917—1967, М., 1981.
- Межов — Русская историческая библиография за 1865—1876 годы включительно. Сост. В. И. Межов, т. 1—8, СПб., 1882—90 (в т. 7—8 ук. имен).
- Мезьер — Мезьер А. В., Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой, ч. 1—2, СПб., 1899—1902.
- Миллюков — Миллюков А. П., Литературные встречи и знакомства, СПб., 1890.
- Михайловский — Михайловский Н. К., Полное собрание сочинений, т. 1—8, 10, СПб., 1906—14.
- Михайловский. Статьи — Михайловский Н. К., Статьи о русской литературе XIX — нач. XX века. Сост., вступ. ст., комм. В. Аверина, Л., 1989 (ук. имен).
- Михневич — Михневич В. О., Наши знакомые. Фельетонный словарь современников, СПб., 1884.
- МНскр. — Московский некрополь. Сост. В. И. Сантов и Б. Л. Модзалевский, т. 1—3, М., 1907—08 (ук. в предисловии).
- Мордовченко — Мордовченко Н. И., Русская критика 1-й четверти XIX века, М.—Л., 1959 (ук.).
- Моск. ун-т в восп. — Московский университет в воспоминаниях современников. (1755—1917). Сост. и вступ. ст. Ю. Н. Емельянова. Под ред. Л. М. Исасовой, М., 1989 (ук. имен).
- Муратова (1) — История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой, М.—Л., 1962.
- Муратова (2) — История русской литературы конца XIX — начала XX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой, М.—Л., 1963.
- Муратова (3) — История русской литературы XIX — начала XX века. Библиографический указатель. (1960—1988). Общая часть. Под ред. К. Д. Муратовой, СПб., 1993 (предметн. ук., алфавит имен и наименований период. изд., кружков и обществ).
- МЭ — Музыкальная энциклопедия, т. 1—6, М., 1973—82.
- Надеждин — Надеждин Н. И., Литературная критика. Эстетика. Вступ. ст., сост. и комм. Ю. Манна, М., 1972.
- Некрасов — Некрасов Н. А., Полное собрание сочинений и писем. Под общей ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, А. М. Еголина, К. И. Чуковского, т. 1—12, М., 1948—52 (в т. 12 ук. имен и произв.); его же. Полное собрание сочинений и писем. В 15-ти тт., Л.—СПб., 1981—98—; Художественные произведения, т. 1—10, 1981—85 (в т. 10 ук. произв.); Критика. Публицистика. Письма, т. 11—13 (кн. 2)—, 1989—98—.
- Некрасов в восп. — Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. Вступ. ст. Г. В. Краснова. Подг. текста и прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова, М., 1971 (ук. имен и периодич. изд.).
- Нечасва. «Время» — Нечасва В. С., Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863, М., 1972.
- Нечасва. «Эпоха» — Нечасва В. С., Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865, М., 1975 (хронологич. роспись журналов «Время» и «Эпоха», а также ук. имен к обеим книгам Нечасовой).
- Никитенко — Никитенко А. В., Дневник. Подг. текста, вступ. ст. и прим. И. Я. Айзенштока, т. 1—3, [М.], 1955—56 (в т. 3 аннотир. ук. имен).
- НЭС — Новый энциклопедический словарь. Издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [в 48 тт.], т. 1—29, СПб., 1911—16 (доведен до сл. «Отто»).

- ОА — Остафьевский архив кн. Вяземских. Издание гр. С. Д. Шереметьева, т. 1—5, СПб., 1899—1913; т. 1—4. Под ред. и с прим. В. И. Сантова; т. 5, в. 1—2. Под ред. и с прим. П. Н. Шеффера [прим. и ук. в т. 1, дополнительных томах — Примечания и т. 5 (в. 1—2)].
- Огарев в восп. — Н. П. Огарев в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост. С. С. Конкина, комм. С. С. Конкина и Л. С. Конкиной, М., 1989 (ук. имен).
- ОМС — Общий морской список, ч. 1—13, СПб., 1885—1907 (ук. имен).
- Островский — Островский А. Н., Полное собрание сочинений, т. 1—16, М., 1949—53 (ук. имен в тт. 12—16).
- Островский в восп. — А. Н. Островский в воспоминаниях современников. Подг. текста, вступ. ст. и прим. А. И. Ревякина, М., 1966 (ук. имен).
- Павловский — Павловский И. Ф., Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII в., Полтава, 1912.
- Памятники культуры — Памятники культуры. Письменность. Искусство. Археология. Новые открытия. Ежегодник. [М.—Л.], 1975—97 — (за 1974—1995; в кн. 1989 г. — ук. статей за 1974—88 гг.).
- Панасв — Панасв И. И., Литературные воспоминания. Ред., вступ. ст. и прим. И. Ямпольского, М., 1988 (ук. имен и периодич. изд.).
- Панасва — Панасва (Головачева) А. Я., Воспоминания. Вступ. ст. К. Чуковского, прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова, М., 1986 (ук. имен и периодич. изд.).
- Пантелеев — Пантелеев Л. Ф., Воспоминания. Вступ. ст., подг. текста и прим. С. А. Рейсера, М., 1958 (ук. имен).
- Пассек — Пассек Т. П., Из дальних лет. Воспоминания. Вступ. ст., подг. текста и прим. А. Н. Дубовикова, т. 1—2, М., 1963 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Перцов — Перцов П., Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. Предисл. Б. Ф. Поршнева, М.—Л., 1933 (ук. имен и ук. произв., журналов, газет).
- Песни и романсы — Песни и романсы русских поэтов. Вступ. ст., подг. текста и прим. В. Е. Гусева, М.—Л., 1965 (БПбс, 2-е изд.; ук. имен).
- Песни рус. поэтов — Песни русских поэтов. Вступ. ст., сост., подг. текста, биогр. справки В. Е. Гусева, т. 1—2, Л., 1988 (БПбс, 3-е изд.).
- Петрашевы — Петрашевы. Сборник материалов, т. 1—3, М.—Л., 1926—28 (ук. имен).
- Петровская (1) — Петровская И. Ф., Театр и зритель провинциальной России. Вторая половина XIX в., Л., 1979 (ук. имен и пьес).
- Петровская (2) — Петровская И. Ф., Театр и зритель российских столиц. 1895—1917, Л., 1990 (ук. имен и пьес).
- Петряев — Краеведы и литераторы Забайкалья. Библиографический указатель. Дореволюционный период. Сост. Е. Д. Петряев, 2-е изд., испр. и доп., Чита, 1981.
- Писарев — Писарев Д. И., Сочинения. Под ред. Ю. С. Сорокина, т. 1—4, М., 1955—56 (в т. 4 ук. имен и произв.).
- Писатели земли Ивановской — Писатели земли Ивановской. Библиографический справочник. Сост. З. Н. Корчагина, Я., 1988.
- Писатели Ленинграда — Писатели Ленинграда. Библиографический справочник. 1934—1981. Авторы-составители В. Бахтин и А. Лурье, Л., 1982.
- Писатели Орл. края — Писатели Орловского края. Библиографический словарь. Под общ. ред. К. Д. Муратовой, Г. М. Шевелевой, Орел, 1981.
- Писатели совр. эпохи (1) — Писатели современной эпохи. Библиографический словарь русских писателей XX века. Под ред. Б. П. Козьмина, т. 1, М., 1928; 2-е изд., М., 1992 [в томах 1—3 словаря «Русские писатели» сокращение — Козьмин].
- Писатели совр. эпохи (2) — Писатели современной эпохи. Библиографический словарь. Книга подготовлена к изданию Н. А. Богомоловым, т. 2, М., 1995 (ук. имен).
- Писатели чеховской поры — Писатели чеховской поры. Избранные произведения писателей 80—90-х годов. Вступ. ст., сост. и комм. С. В. Бучкина, т. 1—2, М., 1982.
- Плетнев — Плетнев П. А., Сочинения и переписка. Подг. и предисл. Я. Грота, т. 1—3, СПб., 1885.
- ПНкр. — Петербургский некрополь. Сост. В. И. Сантов, т. 1—4, СПб., 1912—13.
- Полевой. Мат-лы — Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Ред., вступ. ст. и комм. В. Орлова, Л., 1934 (ук.).
- Пономарев — Пономарев С. И., Наши писательницы, СПб., 1891 (Сб. ОРЯС, т. 52, № 7).
- Поэты «Искры» — Поэты «Искры». Вступ. ст. и прим. И. Ямпольского, т. 1—2, Л., 1987 (БПбс, 3-е изд.; в т. 2 ук. имен и периодич. изд.).
- Поэты-петрашевы — Поэты-петрашевы. Подг. текста, биогр. справки и прим. В. Л. Комаровича. Вступ. ст. В. В. Жданова, Л., 1957 (БПбс, 2-е изд.).
- Поэты-радищевы. 1935 — Поэты-радищевы. Ред. и комм. В. Орлова, М., 1935 (БПбс).
- Поэты-радищевы. 1979 — Поэты-радищевы. Вступ. ст., биогр. справки и подг. текста П. А. Орлова, Л., 1979 (БПбс, 2-е изд.).
- Поэты рев. народничества — Поэты революционного народничества. Подг. текста, предисл. и прим. А. Бихтера, Л., 1967.
- Поэты-сатирики — Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века. Вступ. ст., подг. текста, биогр. справки и прим. Г. В. Ермаковой-Битнер, Л., 1959 (БПбс, 2-е изд.).
- Поэты «Сатирикона» — Поэты «Сатирикона». Вступ. ст., биогр. справки, подг. текста и прим. Л. А. Евстигнеевой, М.—Л., 1966 (БПбс, 2-е изд.).
- Поэты 1790—1810 — Поэты 1790—1810-х годов. Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана, Л., 1971 (БПбс, 2-е изд.).
- Поэты 1820—1830 — Поэты 1820—1830-х годов: т. 1 (вступ. ст. Л. Я. Гинзбург, биогр. справки и прим. В. Э. Вауруро); т. 2 (биогр. справки и прим. В. С. Киселева-Сергенина), Л., 1972 (БПбс, 2-е изд.).
- Поэты 1840—1850 — Поэты 1840—1850-х годов. Сост., подг. текста, биогр. справки и прим. Э. М. Шнейдермана. Вступ. ст. и общ. ред. Б. Я. Бухштаба, Л., 1972 (БПбс, 2-е изд.).
- Поэты-демократы 1870—1880 — Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Вступ. ст. Б. Л. Бессонова. Биогр. справки, подг. текста и прим. В. Г. Базанова и др., Л., 1968 (БПбс, 2-е изд.).
- Поэты 1880—1890 — Поэты 1880—1890-х годов. Вступ. ст. и общ. ред. Г. А. Балого. Сост., подг. текста, биогр. справки и прим. Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой, Л., 1972 (БПбс, 2-е изд.).
- Пушкин — Пушкин А. С., Полное собрание сочинений, т. 1—16, М.—Л., 1937—49; Справочный том, М.—Л., 1959.
- Пушкин. Временник — Временник Пушкинской комиссии, в. 1—27—, М.—Л.—СПб., 1963—96— (ук. имен и произв. в томах).
- Пушкин. Иссл. — Пушкин. Исследования и материалы, т. 1—15 —, М.—Л.—СПб., 1956—95— (ук. имен и произв. в томах).
- Пушкин. Переписка — Пушкин А. С., Переписка. Вступ. ст. И. Б. Мушковой. Сост. и комм. В. Э. Вауруро и др., т. 1—2, М., 1982 (в т. 2 ук. имен).
- Пушкин. Письма — Пушкин А. С., Письма, т. 1—3, М.—Л., 1926—35; т. 1—2. Под ред. Б. Л. Модзалевского; т. 3. Под ред. Л. Б. Модзалевского; т. 4] — Письма последние лет 1834—1837. Под ред. и с предисл. Н. В. Измайлова, Л., 1969 (ук. имен и произв.); репринтное изд. — т. 1—3, М., 1989—90.

- Пушкин в восп. — Пушкин в воспоминаниях современников. Вступ. ст. В. Э. Вацуро. Сост. и прим. В. Э. Вацуро и др., т. 1—2, М., 1985 (в т. 2 ук. имен).
- Пяст — Пяст В. А., Встречи, М., 1929; то же. Сост., вступ. ст., подг. текста и комм. Р. Тименчика, М., 1997 (ук. имен).
- РБС — Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением председателя императорского русского исторического общества А. А. Половцева, т. 1—25, П.—М., 1896—1918 (не закончен, пропущены буквы В, Е, М, У, часть Г, Н, О, Т).
- РВед. Сб. — Русские ведомости 1863—1913. Сб. статей, М., 1913 (словарь авторов).
- РЗНекр. — Чернопатов В. И., Русский некрополь за границей, в. 1—3, М., 1908—13.
- РЛС — Русская литература Сибири. XVII в. — 1970 г. Библиографический указатель, ч. 1—2, Новосиб., 1976—77.
- РНекр. — (Андерсон В. М.), на т. л. — Николай Михайлович, вел. кн., Русский некрополь в чужих краях, в. 1 — Париж и его окрестности. Вступ. ст. В. М. Андерсона, П., 1915.
- РПНекр. — Шереметевский В. В., Русский провинциальный некрополь, т. 1, М., 1914.
- Руммель, Голубцов — Руммель В. В., Голубцов В. В., Рословский сборник русских дворянских фамилий, т. 1—2, СПб., 1886—87.
- Рус. басня — Русская басня XVIII—XIX веков. Вступ. ст. Н. Л. Степанова. Сост., биогр. справки и прим. В. П. Степанова и Н. Л. Степанова, Л., 1977 (БПбс, 2-е изд.).
- Рус. лит-ра (1) — Русская литература конца XIX — начала XX века. Десяностые годы, М., 1968 (ук. имен и произв.).
- Рус. лит-ра (2) — Русская литература конца XIX — начала XX века. 1901—1907, М., 1971 (ук. имен, произв. и альманахов).
- Рус. лит-ра (3) — Русская литература конца XIX — начала XX века. 1908—1917, М., 1972 (ук. имен, произв. и альманахов).
- Рус. лит-ра и журналистика (1) — Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Большевицские и общедемократические издания, М., 1984 (ук. имен и произв.).
- Рус. лит-ра и журналистика (2) — Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания, М., 1984 (ук. имен и произв.).
- Рус. об-во 30-х гг. XIX в. — Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. Мемуары современников. Под ред. И. А. Федосова. Вступ. ст. Н. И. Цимбаева, М., 1989.
- Рус. пародия — Русская стихотворная пародия. (XVIII—начало XX в.). Вступ. ст. и прим. А. А. Морозова, Л., 1960 (БПбс, 2-е изд.).
- Рус. писатели — Русские писатели. Биобиблиографический словарь. Под ред. П. А. Николаева, т. 1—2, М., 1990; новое изд. — т. 1—2, М., 1996.
- Рус. писатели 18 в. — Словарь русских писателей XVIII в., в. 1. А—И, Л., 1988 (изд. ИРЛИ).
- Рус. поэзия детям — Русская поэзия детям. Вступ. ст., сост., подг. текста, биогр. справки и прим. Е. О. Путиловой, Л., 1989 (БПбс, 3-е изд.); испр. и доп. изд. — т. 1—2, СПб., 1997 (Новая БП).
- Рус. поэты — Русские советские писатели. Поэты. Биобиблиографический указатель, т. 1—20, М.—СПб., 1977—97. (с 16-го т. под назв. Рус. писатели. Поэты).
- Рус. прозаики — Русские советские писатели. Прозаики. Биобиблиографический указатель, т. 1—3, Л., 1959—64; т. 4—6, М., 1966—69; т. 7 (доп.), ч. 1—2, М., 1971—72.
- Рус. фольклор — Русский фольклор. Библиографический указатель. 1800—1855. Сост. Т. Г. Иванова, СПб., 1996; то же, 1881—1900, Л., 1990; то же, 1901—1916. Сост. М. Я. Мельц, Л., 1981; то же, 1917—1944, Л., 1966; то же, 1945—1959, Л., 1961; то же, 1960—1965, Л., 1967; то же, 1966—1975, ч. 1—2, Л., 1984—85; то же, 1976—1980. Сост. Т. Г. Иванова, Л., 1987; то же, 1981—1985, СПб., 1993 (изд. ИРЛИ) [в томах 1—3 словаря «Русские писатели» сокращение — Мельц].
- Рус. эмиграция — Рус. эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920—1980. Сводный указатель статей. Под ред. Т. Л. Гладковой, Т. А. Осоргинной, Париж, 1988 (L'émigration Russe. Revues et recueils. 1920—1980. Index Général des articles, P., 1988).
- Рус. энциклопедия — Русская энциклопедия. Под ред. С. А. Андрианова (и др.), т. 1—11, СПб., 1911—15 (доведена до сл. «Максентий»).
- Рус. эпиграмма — Русская эпиграмма. XVIII — нач. XX в. Вступ. ст. М. И. Гиллельсона. Сост. М. И. Гиллельсон, К. А. Кумпан, Л., 1988 (БПбс, 3-е изд.); см. также — Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX века, Л., 1975.
- Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е., Собрание сочинений и писем, т. 1—20, М., 1965—1977 (изд. ИРЛИ; ук. имен и периодич. изд. в томах).
- Салтыков-Щедрин в восп. — М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост. и комм. С. А. Махашина, 2-е изд., т. 1—2, М., 1975 (в т. 2 ук. имен и произв.).
- СДР — Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь, М., 1979.
- Семевский — Семевский М. И., Знакомые. Альбом, СПб., 1888 (автобиографические заметки, алфавит фамилий в содержании).
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия, т. 1—16, М., 1961—76.
- СКРНЗП — Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания, 2-е изд., ч. 1—3, М., 1981—82.
- Скроботов — Скроботов Н. А., «Петербургский листок» за тридцать пять лет, 1864—1899, СПб., 1914.
- Сл. ОЛРС — Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911, М., 1911.
- Сл. профессоров Моск. ун-та — Биографический словарь профессоров Московского университета, ч. 1—2, М., 1855.
- Смирнова-Россет — Смирнова-Россет А. О., Дневник. Воспоминания. Изд. подготовила С. В. Житомирская, М., 1989 (ЛП; ук. имен).
- Смирнов-Сокольский — Смирнов-Сокольский Н. П., Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX веков, М., 1965 (ук. имен и альманахов).
- Снегирев — Снегирев И., Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. 1 — От А до Г, М., 1838.
- Соколов — Соколов С. Д., Саратовцы писатели и ученые. Материалы для биобиблиографического словаря, в. 1. А—К, Саратов, 1913; то же, К — Павел. — В кн.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 30—33, Саратов, 1913—16.
- Сопиков — Сопиков В. С., Опыт российской библиографии. Ред., прим., дополнения и указатель В. Н. Рогожина, ч. 1—5, СПб., 1904—06; Указатель, СПб., 1908.
- СП. Автобиографии — Советские писатели. Автобиографии, т. 1—5, М., 1959—88.
- ССЭ — Сибирская советская энциклопедия, т. 1—3, Новосиб. — М., 1929—32 (А—Н), т. 4, Н.-Я., [1992] (О—С).

- Старчевский — Справочный энциклопедический словарь. Под ред. А. В. Старчевского, т. 1—12, СПб., 1847—55.
- Стасюлевич — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. и с предисл. М. К. Лемке, т. 1—3, СПб., 1911—13 (ук. имен и названий в каждом томе).
- Степанов. Стенник — История русской литературы XVIII в. Библиографический указатель. Составили В. П. Степанов и Ю. В. Стенник. Под ред. П. Н. Беркова, Л., 1968.
- Стихотв. сатира — Стихотворная сатира первой русской революции. (1905—1907). Вступ. ст. А. А. Никова. Сост., подг. текстов и прим. Н. Б. Банк, Н. Г. Захаренко и Э. М. Шнейдермана, Л., 1985 (БПбс, 3-е изд.; ук. имен; кн. подг. на основе одним. изд. БПбс — Л., 1969).
- Стихотв. сказка (новелла) — Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века. Вступ. ст. и сост. А. Н. Соколова. Подг. текста и прим. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова, Л., 1969 (БПбс, 2-е изд.).
- Сто писателей — Сто русских писателей. Портреты, биографические данные, образцы произведений. Сост. В. А. Никольский, СПб., 1904.
- Строфы века — Евтушенко Е., Строфы века. [1900—2000]. Антология русской поэзии. Науч. редактор Е. Витковский. Послесл. Л. Алексеевой, Минск — М., 1995 (ук. имен).
- Тарасенков — Тарасенков А. Н., Русские поэты XX века. 1900—1955. Библиография, М., 1966.
- Тартаковский — Тартаковский А. Г., 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения, М., 1980.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы, АН СССР [РАН], Институт русской литературы (Пушкинский Дом), т. 1—50, Л.—СПб., 1934—96.
- Толль — Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Справочный энциклопедический лексикон. Сост. под ред. Ф. Толля при сотрудничестве В. Волленса, т. 1—3, СПб., 1863—64; Приложенис, СПб., 1866; Дополнение, в. 1—2, СПб., 1875—1877.
- Толстой — Толстой Л. Н., Полное собрание сочинений. (Юбилейное издание), т. 1—90, М.—Л., 1928—58 (Указатели, М., 1964).
- Толстой в восп. — Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Ред. С. А. Макашина. Вступ. ст. К. Н. Ломунова, сост., подг. текста и комм. Г. В. Краснова и И. М. Фортунатова, т. 1—2, М., 1978 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Толстой. Переписка — Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Сост., вступ. ст. и прим. С. А. Розановой, 2-е изд., т. 1—2, М., 1978 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Трубицын — Трубицын Н. И., О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века, СПб., 1912 (Записки ист.-филол. ф-та СПб. ун-та, ч. 110; ук. имен авторов).
- Тургенев — Тургенев И. С., Полное собрание сочинений и писем. В 30 тт. Под ред. М. К. Алексеева и др., 2-е изд., М., 1978—95; Сочинения, т. 1—12, 1978—86 (в т. 12 ук. имен и произв.).
- Тургенев. Письма — Письма. В 18 тт., т. 1—10, М., 1982—95 (ук. имен, названий и адресатов писем в томах). В составе предыдущего издания.
- Тургенев в восп. — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Вступ. ст. С. М. Петрова. Сост. и подг. текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянда, т. 1—2, М., 1983 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Тургенев в восп. Письма — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Вступ. ст. и комм. В. Г. Фридлянда. — Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей. Сост., вступ. ст. и комм. Н. П. Генераловой, М., 1988 (ук. имен).
- Тынянов — Тынянов Ю. Н., Пушкин и его современники. Вступ. ст. В. В. Виноградова, М., 1969 (ук.).
- ТЭ — Театральная энциклопедия, т. 1—5 и доп. т., М., 1961—67 (ук.).
- УРЕ — Украинська радянська енциклопедія, т. 1—17, Київ, 1959—65; новое изд. — т. 1—12, Київ, 1977—85; в рус. пер. — т. 1—12, К., 1978—85.
- Успенский — Успенский Г. И., Полное собрание сочинений, т. 1—14, М.—Л., 1940—54 (в т. 13 и 14 ук. адресатов писем).
- Феокистов — Феокистов Е. М., За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Воспоминания. Ред. и прим. Ю. Г. Оксман. Вступ. статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксман, [2-е изд.], М., 1991 (ук. имен).
- Фидлер — Фидлер Ф. Ф., Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей, М., 1911.
- Филарет — Филарет (Гумилевский), епископ Черниговский, Обзор русской духовной литературы, 3-е изд., кн. 1—2, СПб., 1884.
- Флоровский — Георгий Флоровский, прот., Пути русского богословия. Предисл. И. Мейендорфа, Париж, 1981 (1-е изд., Париж, 1937; прим., ссылки, ук. имен); то же, К., 1991; то же, Вильнюс, 1991 (два последние — репринты).
- Фостер — Библиография русской зарубежной литературы 1918—1968. Сост. Л. А. Фостер, т. 1—2, Бостон, 1970.
- ФЭ — Философская энциклопедия, т. 1—5, М., 1960—70 (в т. 5 предметный и именной ук.).
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь, М., 1983 (ук. имен).
- Ходасевич — Ходасевич В. Ф., Собрание сочинений. Под ред. В. П. Кочетова. Сост., подг. текста и комм. И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова и др. Вступ. ст. С. Г. Бочарова, т. 1—4, М., 1996—97 (в т. 4 ук. имен).
- Хомяков — Хомяков А. С., Полное собрание сочинений, т. 1—8, М., 1900—06.
- Ченцов — Восстание декабристов. Библиография. Сост. Н. М. Ченцов. Ред. Н. К. Пиксанов, М.—Л., 1929.
- Черейский — Черейский Л. А., Пушкин и его окружение. Словарь-справочник. Под ред. В. Э. Вацура, 2-е изд., Л., 1988.
- Чернышевский — Чернышевский Н. Г., Полное собрание сочинений, т. 1—16, М., 1939—53 (в т. 16 ук. имен).
- Чернышевский в восп. — Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Вступ. ст. и прим. А. А. Демченко, М., 1982 (ук. имен).
- Чехов — Чехов А. П., Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Под ред. Н. Ф. Бельчикова и др., М., 1974—83; Сочинения, т. 1—18, 1974—82 (в т. 18 ук. имен, назв., произв., псевд. Чехова); доп. тираж — М., 1983—88.
- Чехов. Письма — Письма, т. 1—12, спец. том указателей произв., псевдонимов, имен, писем по адресатам, М., 1974—83. В составе предыдущего издания.
- Чехов в восп. — А. П. Чехов в воспоминаниях современников. Подг. текста и прим. Н. И. Гитович и И. В. Федорова. Предисл. А. К. Котова, М., 1960 (ук. имен и названий).
- Чуковский — Чуковский К. И., Собрание сочинений, т. 1—6, М., 1965—69 (в т. 4—6 ук. имен; в т. 6 ук. произв.).
- Шелгунов и др. — Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л., Воспоминания, т. 1—2, М., 1967 (в т. 2 ук. имен и журналов).
- Шмаков — Шмаков А. А., Уральский словарь писателей, Челябинск, 1978.
- Шмаковы — Шмаков А. А., Шмакова Т. А., Урал литературный. Краткий биобиблиографический словарь, Челябинск, 1988 (ук. имен и периодич. изд.).

Штаксшнсейдер	—	Штаксшнсейдер Е. А., Дисаник и записки. (1854—1886). Ред., ст. и комм. И. Н. Розанова, М.—Л., 1934 (ук. имен).	Южаков	—	Большая энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Милокова, т. 1—22, Лейпциг—Вена—СПб., 1900—09.
Эймонтова (1)	—	Движение декабристов. Библиографический указатель. 1928—1959. Под общ. ред. М. В. Нечкиной. Сост. Р. Г. Эймонтова при участии А. А. Соленниковой, М., 1960.	Языков	—	Языков Д. Д., Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, в. 1—13, СПб.—М., 1885—1916; 2-е испр. изд., в. 1—2, М., 1903—16; с-го же, Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц», в. 14 (Русские писатели и писательницы, умершие в 1894 г.). Публ. Г. Ю. Дрезгуновой. — В кн.: Российский архив, [в.] 1, М., 1991.
Эймонтова (2)	—	Движение декабристов. Указатель литературы. 1960—1976. Ред.-сост. Р. Г. Эймонтова. Сост. В. С. Барашкова [и др.], М., 1983.	Dictionary of Russian women writers	—	Dictionary of Russian women writers. Ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosenthal, M. Zirin, Westport (Conn.) — L., 1994 (Contributions to the study of world literature, № 53).
Энци. «Слова...»	—	Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Отв. ред. О. В. Творогов, т. 1—5, СПб., 1995 (изд. ИРЛИ; в т. 5 ук. имен и др.).			

УТОЧНЕНИЯ И ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Столбец	Строка	Напечатано	Следует читать
т. 1				
133	средний	10-я сверху	1941, Париж (?)	7.11.1948, Париж
149	левый	28-я снизу	1890—1924	1890—1926
233	правый	12—13-я снизу	на кладб. Воскресенского Новодевичьего мон.	на Смоленском кладб.
239	левый	27-я сверху	1929	15.3.1929, Ленинград; похоронен на Литерат. мостках Волкова кладб.
270	левый	21-я снизу	3.6.1973	1.5.1973
315	левый	7-я снизу	25.10 (6.11.)1846	не позднее 25.10 (6.11.)1845*
315	правый	23-я снизу	ф. 646	ф. 646*
вкл. 320—21		портрет	Ф. М. Достоевский. 1848	М. М. Достоевский. 1847
323	правый	7-я сверху	Витте	Витта
368	правый	7-я сверху	Впервые напечатал стихи в сб.	В числе наб. ранних публ. — стих. «Цветы» (ЖдВ, 1898, № 7, с. 790). Печатался в сб. 25.1.1985
449	правый	27-я снизу	январ. 1985	«Тёмные силы» (там же, 1907, № 1—38)
471	левый	24-я снизу	«Тайные силы» (там же, 1907, прил.)	
т. 2				
63	правый	18—19-я снизу	1922, Петербург (?)	29.11.1922, Петроград; похоронен на кладб. Александр-Невской лавры
120	средний	33-я снизу	1802	1806 (описанный в статье одним. сб. 1802 принадлежит неустановл. автору)
160	левый	8-я сверху	Дорошевич	Дорошкевич
187	правый	8-я снизу	Волковым	Смоленском
209	левый	26-я снизу	Парголов. кладб.	Северном кладб.
342	средний	24-я снизу	22.10 (4.11)	17(30).10
520	левый	36—37-я сверху	не позднее июля	23.3 (4.4)*
520	левый	38-я сверху	10 (22).1870	10 (22).1.1870
520	правый	37-я снизу	Ф. Л. Федорова].	Ф. Л. Федорова]; ГА Владимир. обл., ф. 556, оп. 107, д. 69* (справка Г. Д. Овчинникова)
т. 3				
24	левый	21—22-я сверху	Петроград ?	Петроград; похоронен на Литерат. мостках Волкова кладб.
94	правый	24-я сверху	Предестнова	Прелестнова
106	левый	28—29-я сверху	после окт. 1941*	21.12.1941, Фергана*
106	правый	1-я снизу	округа.*	округа; расстрелян.
107	левый	23—24-я сверху	№ 21/4—П—203* [справка В. П. Сороченко];	№ 21/4—П—203 [справка В. П. Сороченко]; ЦА ФСБ* [справка А. И. Шишкина];
114	правый	18—21-я сверху	были будущий знаменитый рус. физик Э. Х. Ленц и нем. писатель и естествоиспытатель А. Шамиссо	был нем. писатель и естествоиспытатель А. Шамиссо
115	левый	17—18-я сверху	Первое описание этого плавания вышло	Первое описание этого плавания (в нем участвовал Э. Х. Ленц) вышло
136	правый	19-я снизу	после 1813	8 (20).3.1814, Петербург (?); похоронен на Волковом кладб.
172	средний	27-я сверху	Кукиш пошлякам:	Кукиш прошлякам:
191	левый	10-я сверху	1840—	1840, Владимир—
191	средний	5-я снизу	оп. 20, д. 175 (дело о службе).	оп. 20, д. 175 (дело о службе); ГА Владимир. обл., ф. 556, оп. 107, д. 253 (м. с.) [справка Г. Д. Овчинникова].
193	правый	27—28-я сверху	Г. Ф. Пантелеев	Л. Ф. Пантелеев
219	правый	17-я снизу	25.4 (7.6)	25.4 (7.5)
225	правый	36—37-я сверху	[К. с. Гроссгейнрихом;	[Е. П. Буриашевой с Гроссгейнрихом;
277	левый	28-я снизу	т. 1—2	т. 1—8
277	левый	26-я снизу	ПСС, т. 1—2	ПСС, т. 1—12
290	левый	34-я сверху	Д. М(аслен)ко	Д. М(асляненко)
302	средний	5-я сверху	12 (?).9.1934, Ленинград	до 10.9.1934, Ленинград, похоронена на Волковом кладб.
302	правый	11-я снизу	Некролог:	Некрологи, 1934: «Ленинградская правда», 10 сент.;
326	средний	5-я сверху	ЦГИАМ	ЦГИА
350	левый	3-я снизу	7.1	5. 4
359	левый	9-я снизу	Лондон	Брайтон, Англия

Страница	Столбец	Строка	Напечатано	Следует читать
398	правый	5—6-я снизу	похоронен на Литератор. мостках Волкова кладб.	похоронен на Мревском кладб. в Луге
424	правый	9-я снизу	на Волковом кладб.	на Смоленском кладб.
429	левый	16-я сверху	ПНекр. (с ошибочными датами рожд. и смерти); ИДРДВ.	ПНекр.; ИДРДВ.
472	правый	47-я сверху	Л. Н. Черниговский	Д. Н. Черниговский
543	средний	1-я снизу	В. Г. Розальон-Сошальского	А. Г. Розальон-Сошальского
543	правый	28-я снизу	После смерти Нахимова он [В. Г. Маслович]	После смерти Нахимова Д. С. Борзенков (Эти сведения относятся к ст. А. Н. Нахимова).
587	левый	2-я снизу	1915—16	1915—18

При уточнении сведений о захоронениях писателей учтены материалы А. Б. Кустова.

Редакционно-издательский совет НВП ФИАНИТ

В. Ф. ЕЛАГИН (председатель), А. М. АЛЕКСЕЕВ, А. Г. МАЛЕНКОВ, В. Н. ХАДЕЕВ.

Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. / Гл. ред.
Р 89 П. А. Николаев. — М.: Большая Российская энциклопедия. —
(Русские писатели 11—20 вв.).
Т. 4: М.—П.—1999. — 704 с.: ил.
ISBN 5-85270-256-0 **82.0(P)**

Лицензия № 010144 от 14.01.97. Налоговая льгота—общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2: 953000. Сдано в набор 10.09.97. Подписано в печать 30.03.98. Формат издания 70х108¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем издания 64,44 усл. печ. л.; 131,74 усл. кр.-отт.; 148,1 уч.-изд. л. Тираж 50000 экз. (1-й завод 1-10000 экз.). Заказ № 338. С 8

Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». 109544, Москва, Покровский бульвар, 8

Научно-внедренческое предприятие ФИАНИТ. 103051, Москва, ул. Петровка, д. 20, кв. 18

Отпечатано в ГУП ИПК «Ульяновский Дом печати». 432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14